

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ ХСІІ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ ХСІІ

1903

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ФРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1903

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

АПРѢЛЬ, 1903

СОДЕРЖАНІЕ.

АПРѢЛЬ, 1903 г.

	стр.
I. Военные мужики. (Романъ). XXV—XXXII. (Продолженіе). Графа Е. А. Саліаса	5
II. Изъ семейной хроники. II. Тетушка. Н. П. Перельгина	36
III. Шестимѣсячное царствованіе Петра III. Историко-біографическій очеркъ. III—VI. (Окончаніе). В. А. Тимирязева	47
IV. Типы и характеры Кавказскаго Черноморскаго побережья. I. Петро Кисель. С. П. Васюкова	80
V. Воспоминанія объ Н. А. Гончаровѣ. Гавр. Н. Потапина	99
VI. Изъ записокъ еврея. V—VI. (Окончаніе). А. Г.	126
VII. Царедворецъ-ученый. II. (Окончаніе). В. П. Штейна	155
иллюстрація: Графъ Александръ Александровичъ Кейзерлингъ.	
VIII. Изъ записокъ петербургскаго полицмейстера Ф. Ф. Дубисса-Крачака . Гл. XI—XII. (Окончаніе)	185
IX. Общества петрезвосты на Руси. Т. А. Мартемьянова	201
X. Къ характеристикѣ просвященнаго Николая. В. С. М.	214
XI. Къ біографіи А. В. Сухово-Кобылина. Сообщилъ баронъ Н. В. Дризенъ	219
XII. Дамаскъ. С. Кондурушкина	223
иллюстраціи: 1) Общій видъ Дамаска. — 2) Внутренность дома въ Дамаскѣ. — 3) Внутренность дома въ Дамаскѣ. — 4) Древняя стѣна въ Дамаскѣ. — 5) Мечеть аль-Амуи. — 6) Остатокъ древняго портала передъ входомъ въ мечеть аль-Амуи. — 7) Запретная комната въ мечети аль-Амуи. — 8) Дамаская женщина. — 9) Уличный музыкантъ. — 10) Слѣпой импровизаторъ. — 11) Общественный садъ въ Дамаскѣ. — 12) Священная палатка, сопровождающая паломниковъ въ Мекку. — 13) Русскій консулъ въ Дамаскѣ А. П. Вльевъ. — 14) Митрополитъ Мелетій. — 15) Православная патриархія въ Дамаскѣ.	
XIII. Императоръ Николай I и Польша въ 1830 году. (Воспоминанія подполковника Ѳаддея Вылежинскаго). Новые матеріалы для исторіи польскаго возстанія 1830—1831 гг. Гл. I. Предисловіе и переводъ съ французской рукописи К. А. Военскаго	280
XIV. Иностранцы о Россіи. В. Ш.	307
XV. Критика и бібліографія	318
1) Археографическій сборникъ документовъ, относящихся въ исторіи Сѣверо-Западной Руси, издаваемый при управленіи Виленскаго учебнаго округа. Томъ XIII. Вильна. 1902. В. Грибовскаго . — 2) Ближайшія задачи изученія древне-русской книжности. Сообщение П. Никольскаго. Памятники древней письменности и искусства. CXLVII. Спб. 1902. А. И. Яцимирскаго . — 3) Д. И. Абрамовичъ. Изслѣдованіе о Кіево-Печерскомъ патерикѣ, какъ историко-литературномъ памятникѣ. Спб. 1902. м. — 4) Б. К. Рѣдинъ. Исторія искусства и русскія художественныя древности. Изданіе журнала «Мирный Трудъ». Харьковъ. 1902. А. Я. — 5) Р. Мутеръ. Исторія живописи въ XIX вѣкѣ. Переводъ З. Венгеровой. Три тома. Изданіе товарищества «Знаніе». Спб. 1900—1902. А. И. Яцимирскаго . — 6) Рихардъ Мутеръ. Исторія живописи. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. К. Бальмонта, Томы I—II. Изданіе товарищества «Знаніе». Спб. 1902. А. И. Яцимирскаго . — 7) П. А. Некрасовъ. Философія и логика науки о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности. (Пересмотръ основаній социальнѣй физики Кетлѣвъ Москва. 1902. В. Грибовскаго . — 8) А. А. Титовъ. Синодики XVII вѣка Переславскаго Никитскаго монастыря. Псковъ. 1903. А. К.	

См. слѣд. стр.

9) Женщины-убийцы. Антропологическое исследование врача П. П. Тарновской. Спб. 1902. А. Фаресова.—10) Причины невмѣненія въ военно-уголовномъ правѣ. Составилъ князь С. А. Друцкой. Варшава. 1902. Ф. л—а.—11) Памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго. — Е. В. Пѣтухова. Юрьевъ, 1903. д. з.—12) Профессоръ Н. Ф. Сумцовъ. В. А. Жуковский и Н. В. Гоголь. Харьковъ. 1902. Сергѣя фонъ-Штейна.—13) Генеральный штабъ. Краткій историческій очеркъ его возникновенія и развитія. Часть I. Генеральный штабъ до Наполеона I. Составилъ генеральнаго штаба генераль-майоръ П. А. Гейсланъ, заслуженный профессоръ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Спб. 1903. ив. Захарьина.—14) Иосифъ Голечекъ. Боснія и Герцеговина за время оккупации. Переводъ съ чешскаго А. Вознесенскаго. Москва. 1902. и. Лосскаго.—15) Къ столѣтію комитета министровъ (1802—1902). Наша желѣзнодорожная политика по документамъ архива комитета министровъ. Историческій очеркъ. Томы: III и IV. Томъ III составленъ начальникомъ отдѣленія канцеляріи комитета министровъ Н. А. Кислинскимъ, подъ главною редакціею статьи-секретаря Куломзина. Томъ IV. Составленъ начальниками отдѣленій канцеляріи министровъ княземъ П. В. Чегодаевымъ, княземъ Татарскимъ (главы I—III) и Н. А. Кислинскимъ (главы IV и V), подъ главною редакціею статьи-секретаря Куломзина. Спб. 1903. в. п—на.—16) Рыбье слово. А. А. Измайлова (Смоленскаго). Повѣсти и рассказы. Изданіе П. П. Сойкина. Спб. 1903. и. н. з.—17) Владимирское православное братство св. бл. князя Александра Невскаго. Отчетъ о дѣятельности братства за 1900—1901 г. Вязьники. 1902.—18) Профессоръ П. Ф. Сумцовъ. Очеркъ народнаго быта. Харьковъ. 1903. Сергѣя фонъ-Штейна.—19) И. Ф. Павловскій. Полтава въ началѣ XIX вѣка. Очерки по архивнымъ даннымъ. Выпускъ I. Кіевъ. 1902. и. Ф.—20) Месропъ Теръ-Мовсесянъ. История перевода Библии на армянскій языкъ. Z.—21) Литературное дѣло. Сборникъ Спб. 1902. и. н. з.

XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи 356

1) Эпоха Возрожденія.—2) Лунза Лавальеръ.—3) Герцогиня Портсмутъ и Карлъ II.—4) Герцогъ Шуазель въ изгнаніи.—5) Норвегія въ 1830 году.—6) Записки генерала Вейсенгоффа.—7) Жюльета Друэ.—8) Столѣтній юбилей Кинэ.—9) Смерть Ригера, Гастона Шариса и Эрнеста Лемуве.

XVII. Смѣсь 383

1) Памятникъ Пушкину.—2) Въ память 200-лѣтія русской періодической печати.—3) Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III.—4) Общество любителей древней письменности.—5) Археологическая коммисія.—6) Общество археологій, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.—7) Церковно-археологическій отдѣлъ.—8) Ярославская ученая архивная коммисія.—9) Музей Отечественной войны.—10) Преподаваніе древне-русской словесности.—11) Пушкинское лицейское общество.—12) Академическое изданіе Пушкина.—13) Академическое изданіе сочиненій Екатерины II.—14) Географическое общество.

XVIII. Некрологи 401

1) Арсеній, епископъ.—2) Бобринскіи, гр. А. А.—3) Васильевъ, С. Я.—4) Виллевалде.—5) Воронинъ, М. С.—6) Державинъ, фонъ, В. Н.—7) Ковалевскій, П. Д.—8) Раде, Г. И.—9) Де-Росси, Е. Ф.—10) Свѣчинъ, А. М.—11) Сухово-Кобылинъ, А. В.—12) Тимирязевъ, Д. А.—13) Тыртовъ, Н. П.—14) Эльфбергеръ, Ф. А.

XIX. Замѣтки и поправки 413

1) Былъ ли ростовскій митрополитъ Фларъгъ Романовъ заключенъ въ башнѣ костела бернардиновъ въ Варшавѣ въ 1611—1619 г.г. Г. А. Воробьева.—2) По поводу одного портрета. Баронъ Н. Врангеля.

XX. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ императора Петра III.—2) Двѣ любви (Via crucis). Романъ изъ исторіи второго крестоваго похода. Моріона Кровфорда Переводъ съ англійскаго. Часть первая. Гл. X—XII. (Продолженіе).

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ III.

ДОЗ. ЦЕНЗ. 26 МАРТА 1903 Г. СПБ.

ВОЕННЫЕ МУЖИКИ ¹⁾.

Романъ.

XXV.

ВЕРНУВШИСЬ домой, Марѳа была какъ-то злобно радостна. Она самодовольно вспоминала, «какъ средь бѣла дня къ милому бѣгала». Ей казалось, что этотъ поступокъ все-таки мѣсть старому... Однако до вечера она волновалась, но уже совершенно по другой причинѣ. Это былъ уже не страхъ мужа. Во-первыхъ, она знала, что теперь до дня исповѣди и причастія, назначенныхъ мужемъ, ничего случиться не можетъ, а, во-вторыхъ, какъ бы рѣшила простой вопросъ: не даваться, бороться.

«Убить-то не такъ легко!—думалось ей.—Полѣзеть съ топоромъ—можно и увернуться и сдѣлаться, а силы во мнѣ въ десять разовъ больше, чѣмъ въ немъ... А начнетъ буйствовать, швыряться—убѣгу изъ дома, спрячусь, а куда буду прятаться, можетъ, что новенькое и приключится»...

Волненіе, овладѣвшее женщиной, зависѣло отъ совершенно иной причины. Она спрашивала себя, придетъ ли Русаковъ, или нѣтъ. Въ томъ, что онъ даже приблизитъ, какъ сумасшедшій отъ радости, она не сомнѣвалась, но боялась, что фельдшеръ спяна забудетъ передать ея приглашеніе. Марѳа рѣшила, что если Русаковъ не

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСІ, стр. 849.

придетъ, то на утро, рано, она пойдетъ сама разыскивать его, придумавъ какой нибудь поводъ.

Едва только стемнѣло, женщина вышла въ огородъ. Петровъ видѣлъ ее, но такъ какъ жена всякое лѣто почти ежедневно проводила вечера въ огородѣ и въ полѣ, то ему ничего и на умъ не могло прийти.

Пройдя между грядами и выйдя къ кустарникамъ, Марѳа стала озирается... Или она нѣсколько запоздала выйти, или облака на небѣ слишкомъ были густы, но здѣсь, среди кустовъ, изъ которыхъ иные были довольно высоки, оказалось настолько темно, что видѣть что либо было трудно.

«Пожалуй, и онъ меня не разглядитъ?»—подумалось ей.

Но едва она успѣла подумать это и сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ невольно вздрогнула, такъ какъ около нея, шагахъ въ трехъ, выросла темная фигура.

— Кто это?!—невольно вскрикнула она.

— А кого звала, тотъ самый!—проговорилъ Русаковъ подходя.

— А-а, ты? Ну, спасибо тебѣ...

Вѣроятно, голосъ женщины прозвучалъ какъ нибудь особенно... Какое чувство сказалось въ этихъ словахъ,—она сама не знала, но замѣтила. Но очевидно что либо необычное сказалось и прозвучало сильно, такъ какъ Русаковъ, сразу приблизясь вплотную къ женщинѣ, успѣлъ, прежде чѣмъ она очнулась, обнять ее и два раза поцѣловать въ лицо.

— Что ты? Очумѣлъ?—выговорила Марѳа.

Но было бы лучше, если бы женщина промолчала, потому что въ этихъ словахъ не только не сказалось ничего непріязненнаго, но сказалась ясно какая-то огромная перемяна въ смыслѣ безсилія или примиренія съ нимъ.

— Надумалась?!—проговорилъ тихо Русаковъ.—Ну, слава Богу! Долго я чаялъ, ждалъ и пересталъ. А вотъ оно... Моя молитва за Богомъ не пропала. Вѣдь я и молился, и злобился, и на всѣхъ на неповинныхъ лѣзъ зря, и на себя руки наложить хотѣлъ. Но больше Господу Богу слезно молился. Вотъ оно и вышло!

И Русаковъ снова потянулся и снова поцѣловалъ ее.

— Полно ты! Съ ума спятилъ! Представилось невѣдомо что сдуру. У меня до тебя дѣло есть.

— Ну, что ужъ, и за это спасибо! Самое лучшее... Дѣль-то у насъ можетъ быть съ тобой только одно... Другого никакого нѣтъ! Стало, надумалась...

— Ну, пойдѣмъ туда... только подальше!—выговорила Марѳа.— Дойдемъ до бугра, гдѣ большія ели. Онъ туда не пойдетъ...

— Кто?

— Кто! Вѣстимо, мой хозяинъ! Онъ вотъ уже который день въ такомъ видѣ ходитъ, что все можетъ быть. И сюда за мной претъ и накроетъ. Идемъ скорѣй! Мнѣ долго отлучаться нельзя.

Они двинулись быстрой походкой и через минуту были среди густых елей, довольно далеко от огорода. Марѳа сѣла на землю, Русаковъ опустился тоже вплотную около нея и обвилъ ее рукой.

— Полно. Не люблю я этого! А то уйду... Садись, какъ слѣдуетъ, и слушай!

— Экая вѣдь! Зачѣмъ же ты пришла?

Марѳа отодвинулась сама и выговорила:

— Слушай, да въ оба! Дѣла такія, что конецъ свѣту жди...

— Это ты про холеру, что ли?

— Какая тебѣ тамъ холера!—отвѣтила Марѳа слегка раздражительно.—Чортъ съ ней! Отъ холеры помирать я не боюсь. На міру и смерть красна. А вотъ запросто вдругъ умереть, не отъ холеры, а отъ топора—этого не хотѣлось.

— Что ты?! Спятила?!—вскрикнулъ Русаковъ.

— Нѣтъ, въ своемъ разумѣ. Ты слушай въ оба. Да тотчасъ же, скорѣй, не откладая, придумай, что. Всѣ свои мысли разворачивай, а спасайся и меня спасай.

— Что ты городишь!

— Молчи! Слушай! Помнишь ты, сидѣли мы въ прошлый праздникъ, калякали, вонъ тамъ. А ты сдуру мнѣ все безъ конца тыкалъ въ глаза про то, что приключилось промежъ у насъ единожды... А тамъ меня вдругъ сталъ кликать Ѳерапонтъ Ильичъ, и я ушла, обѣщавшись опять прійти.

— Ну, ну?!

— Ты тогда, въ первый-то разъ, заладилъ: было да было! Хоть теперь и нѣтъ промежъ насъ ничего, а все же да было... Помнишь свою пѣсенку?

— Ну, да!

— А я-то что тогда отвѣчала?

— Не помню!

— Я отвѣчала тебѣ, что? Говорила ли я, что ты врешь, что никогда ничего не бывало промежъ насъ?

— Не помню!

— Вспомни, дурень! Нешто я тебѣ говорила, что ты все врешь? Я сознавалась, что и вправду было. Только сказывала, что якобы зря. А все жъ таки я сознавалась.

— Такъ, вѣрно! Вспомнилъ... Ну?..

— Ну, вотъ! А за нами-то въ тотъ часъ за кустомъ стоялъ да слушалъ человѣкъ.

— Кто?!

— А онъ самый!

— Кто—онъ?

— Дурень! Ѳерапонтъ Ильичъ. Самъ! Стоялъ да все слышалъ!

— Что ты!..—ахнулъ Русаковъ.

— Да, все знаетъ! И такъ оно у него внутри застряло, что онъ съ тѣхъ поръ мнѣ ни единого словечка не молвилъ. А дня три тому назадъ и брякнулъ: первое, что Русаковъ — твой любовникъ, самъ я де это слышалъ. А второе, что я этого спустить не могу и его ловкимъ и хитрымъ, нашимъ военнымъ фортелемъ ухожу, и если не укукошу совсѣмъ, то обрацу въ мякину. Подстрою, говоритъ, такое все хитроумное, что станетъ виноватъ Русаковъ. А я доложу Дасаеву и его науськаю. А онъ такъ настрокаетъ баталіоннаго. И прикажетъ майоръ Яцковскій дать Русакову сотенокъ пять, шесть хорошихъ розогъ. А ужъ считать-то буду я! И отвѣчаю тебѣ за двѣ тысячи. Ну, вотъ, коли онъ отъ этого порціона, какъ сказывается у насъ, живъ паче чаянія останется, такъ все же ему во всю жизнь не до любвишки будетъ. На всю жизнь тряпкой будетъ. А вѣрнѣе, что и подохнетъ подъ розгами, потому что на моей памяти отъ моей и одной тысячи мало кто живъ оставался.

— Что ты!.. Что ты!.. Что ты!..— три раза съ разстановкой повторилъ Русаковъ, совершенно ошеломленный.

И послѣ минутнаго молчанія онъ выговорилъ:

— Такъ!.. такъ!.. И имъ не въ первой... Эного Лихачова, что ли, либо Лихонина, нашего бывшаго капральнаго. Видный такой былъ, веселый... Его, сказывали, Журавскій засѣкъ по тѣмъ же самымъ причинамъ. Такъ, такъ! Это у нихъ въ заводѣ! Лихачовъ тотъ, либо Лихонинъ, тоже что-то такое настряпалъ совсѣмъ не по службѣ, а, сказывали, они вмѣстѣ съ Журавскимъ кружились около одной и той же купчихи. Вотъ Журавскій-то остался и при ней состоитъ, а тотъ-то, бѣдняга, на томъ свѣтѣ. Ему тоже, кажись, чуть не тысячу влѣпили. Такъ!..

Марѳа ничего не отвѣтила и умышленно молчала. Она какъ бы выжидала дѣйствія всего того, что объяснила, и давала Русакову время обдумать все, рѣшиться и объясниться. Молчаніе длилось довольно долго, и Русаковъ заговорилъ тихо:

— Не изъ такихъ я! Нѣтъ, не изъ такихъ! Спасибо тебѣ, что упредила! Стало быть, оно совсѣмъ не то. А я-то, дуракъ, думалъ, ты меня позвала... Гнѣвъ на милость положила, надумалась... А оно вонъ что! Спасибо и на этомъ! Могла бы по злобѣ ко мнѣ промолчать да еще обрадоваться. Есть, молъ, одинъ свидѣтель, который бахвалится, хвастая тѣмъ, что ненарокомъ приключилось, будто навожденіе. Тебѣ бы желать надо меня, свидѣтеля, на тотъ свѣтъ сбыть. А ты вотъ добрая. Жалко стало, предупреждаешь... Спасибо тебѣ, Марѳа Митревна! Вѣкъ буду помнить это. Любилъ я тебя шибко, но на обыкновенный ладъ... Извѣстно какой... Понимаешь?.. А теперь я тебя еще пуще люблю и иначе какъ-то... какъ благодѣтельница. Еще пуще я тебя люблю, а приставать больше къ тебѣ не стану.

— Что-жъ тебѣ теперь дѣлать?—выговорила Марѳа.—Уходить тебѣ надо скорѣй, какъ ты хотѣлъ, — и скорѣй, а то не нынѣ—завтра онъ тебя подведетъ и запереть. Тебѣ можно спастись, а вотъ я пропала.

— Какъ пропала?

— Вѣстимо! Ты какъ полагаешь, онъ мнѣ-то простилъ, что ли? Тебя онъ порѣшилъ подъ розгами мертвымъ оставить, а меня пообщцаль, послѣ того обожда мало, просто ухлопать топоромъ.

— Что ты?!... — воскликнулъ Русаковъ настолько громко, что Марѳа вздрогнула и вымолвила:

— Чего орешь, сумасшедшій! Поди, на все поле раздалось!

— Что ты?! Какъ, и тебѣ грозитъ? Да, что же онъ? Остервенился, стало? Нѣтъ, тогда надо иначе все повернуть... Не стану я одинъ спастись. Не брошу я тебя ни за что. Ни въ жисть! Хоть помирать!— снова вскрикнулъ Русаковъ не громко, но съ чувствомъ.

Казалось, даже голосъ его слегка охрипъ отъ прилива чувства.

— Ничего тутъ подѣлать нельзя!—тихо и грустно выговорила Марѳа.—Онъ—мужъ! Днемъ при народѣ не станетъ, да и знаетъ, что я сильнѣе иного мужика и его однимъ махомъ кубаремъ заверчу. Ночью, тайкомъ, сонную хватить. Проснешься на томъ свѣтѣ. Я вѣдь вотъ ужъ три ночи не сплю. Да, вотъ тебѣ Христосъ Богъ!

И Марѳа перекрестилась, такъ какъ теперь дѣйствительно говорила правду.

— Ты уходи скорѣй, а мнѣ, видно, такова судьба!

— И никогда! Ни за что! Пускай меня запереть, а этого я не допущу!..

— Какой же мнѣ толкъ-то будетъ?

— А... ну, такъ... Вотъ что... Такъ! Вѣдь ужъ знаешь какъ! Вѣдь сказывалъ ужъ разъ. Вотъ, видно, сама судьба велитъ! Помнишь ты, что я тебѣ сказывалъ во второй-то разъ? Спасибо, второго-то раза Ферапонтъ Ильичъ не поделушалъ, а то бы ужъ теперь и ты, и я были бы готовы, на томъ свѣтѣ. Вотъ что, Марѳуша, видно, судьба... Быть тебѣ вдовой! А тамъ ужъ изъ благодарности твоя будетъ воля отблагодарствовать меня или нѣтъ... Сказалъ—приставать не стану, Богъ съ тобой! Никакихъ уговоровъ я ставить теперь не стану, какъ ты сама захочешь. А что вдовой тебѣ быть. Теперь ужъ поневолѣ надо и за себя, да и за тебя вмѣстѣ. Всю ночь буду думать и завтра буду думать, авось, что надумаю! А если не надумаю, то засяду вотъ здѣсь, около вѣшнаго огорода, и какъ сунется онъ,—ты выслать можешь его,—то я его топоромъ на мѣстѣ и положу. Съ нимъ барахтаться не придется. Онъ хоть и великъ торчитъ, а пруть, разъ хватить по башкѣ—и готово. Ну, такъ вотъ, стало быть, аминь и упокой ему.

Что молчишь? Вѣдь теперь нельзя, какъ въ прошлый разъ, скрывать, что однѣ глупости да злодѣйство. Теперь ужъ это значить самой спастись да себя оборонять. Что же молчишь?

— Какъ знаешь!.. — глухо отозвалась Марѳа. — Если обидно тебѣ меня бросать на лютую смерть, такъ, вѣстимо, спасай! Я только за это должна буду тебя вѣкъ свой помнить и благодарить.

— И на все пойдешь со мной опосля? — тревожно выговорилъ Русаковъ.

— Эка ты! Чуденъ, глупый! Твоя буду—собственная.

И Марѳа незамѣтно шелохнулась въ его сторону. Русаковъ бросился къ ней, обнялъ и сталъ пылко цѣловать.

— Сто человекъ за тебя похѣрю, не то что одного ледащаго хрыча,—проговорилъ онъ страстно.—Приказывай! На все за тебя пойду.

— На все не надо...—усмѣхнулась Марѳа.—Одно надо!

Вернувшись домой, Марѳа встрѣтила во дворѣ фельдфебеля и среди темноты почти не узнала его: настолько онъ сгорбился, стоя у крыльца.

— Гдѣ шаталась?—крикнулъ онъ презрительно.

— Гуляла съ любовниками!—отвѣтила женщина рѣзко.

Петровъ вздохнулъ тяжело и глухо произнесъ:

— А если сейчасъ зарублю! За издѣвательство!

Марѳа дернула плечомъ и крикнула громко:

— Егорьевна! А, Егорьевна!..

— Ча-а-во?—отозвалась старуха изъ дому.

— Подай сюда топоръ. Хозяину нужно. Живо!

— Ахъ, ты... ахъ, ты, проклятая...—прошепталь Петровъ, почти задыхаясь и подымая кулаки.

— Я же услужить хотѣла, да я же виновата, — ужъ злобно смѣясь, проговорила женщина.

— Эй, гдѣ вы?..—раздался голосъ Егорьевны въ темнотѣ.—Эй, звать топоръ-го!..

Петровъ двинулся и быстрыми шагами скрылся въ калиткѣ огорода. Марѳа взяла топоръ изъ рукъ старухи, подошла къ колодцу и бросила его туда. Всплескъ воды огласилъ дворъ.

XXVI.

— Что сѣнокость-то?—все чаще поговаривали рускиницы.

— Чего командиры-то дрыхнуть? Видно, имъ наплевать. Самито сѣна не ѣдят!

— Пора бы уже и отбыть. Дѣло не шуточное. Не прогалинка лѣсная!

При учрежденіи военныхъ поселеній всѣ три полка — австрійскій, прусскій и аракеевскій — были щедро надѣлены землей. Ея

было больше, чѣмъ нужно, зато и работы было сверхъ силъ. И солдаты, и военные поселяне работали, какъ на барщинѣ у грознаго помѣщика, хотя каждый работалъ на свой полкъ и якобы на самого себя, но работалъ изъ-подъ палки.

Помимо всякихъ угодій у военныхъ поселянъ были отличные заливные луга и такой сѣнокосъ, какого въ лѣсныхъ губерніяхъ бываетъ мало. Но эти луга были, конечно, на далекомъ разстояніи, за пятнадцать, двадцать верстъ отъ военныхъ слободъ. Разъ въ годъ каждый полкъ побатальонно и поротно, по очереди, отправлялись на сѣнокосъ.

Послѣ приказанія, черезъ двое сутокъ всѣ военные поселяне, каждая рота, должны были быть наготовѣ выѣзжать на свой покосъ, забравъ полевые орудія и кое-какую домашнюю провизію на цѣлую недѣлю и болѣе. Разумѣется, главной пищей служили хлѣбъ и овощи изъ своихъ огородовъ. Поселяне побогаче запасались, конечно, крупой и квасомъ.

За этотъ годъ, благодаря погодѣ, съ сѣнокосомъ нѣсколько запоздали и ожидали, чтобы трава поправилась, но вотъ пора пришла, запаздывать было нельзя.

Наконецъ однажды внезапно всѣ четыре ротныхъ командира— Дасаевъ, Журавскій, Зальцеръ и Костыревъ, были вызваны къ батальонному командиру Яцковскому. Майоръ передалъ имъ приказаніе, полученное отъ высшаго начальства, чтобы въ виду предстоящаго батальону сѣнокоса на дальнемъ разстояніи отъ поселеній было строжайше выполнено распоряженіе, касавшееся нововведенія, совершенно простого и разумнаго.

Въ виду распространившейся по Новгородской губерніи холеры, въ предупрежденіе заболѣванія рабочихъ, которымъ на работѣ пришлось бы питаться сырой пищей, спать на сырой землѣ, приходилось принять мѣры предосторожности. Каждая рота должна была выѣхать на работу, взявъ все нужное въ ротномъ цейхгаузѣ и отнюдь ничего не брать отъ себя. Все нужное, начиная съ котелковъ и кончая крупой, должно было быть выдано изъ цейхгауза, при чемъ слѣдовало строго воспретить брать съ собою сырые овощи и квасъ.

Что касается до питья, то указывалось предупредить всѣхъ, что воду пить изъ рѣчки и прудковъ будетъ запрещено, а для питья будетъ особливая вода въ бочкахъ, очищенная или обезвреженная докторомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ каждымъ обозомъ обязательно долженъ быть командированъ ротный фельдшеръ съ самыми необходимыми лѣкарствами.

Ротный докторъ долженъ былъ чрезъ два дня въ третій являться на покосъ и осматривать людей и въ случаѣ, если окажутся захворавшіе, немедленно везти ихъ домой, а болѣе серьезно захворавшихъ прямо въ лазаретъ.

Однимъ словомъ, всѣ нужныя мѣры, чтобы на покосъ въ каждой ротѣ или въ каждомъ мѣстѣ не заглянула страшная гостыя—холера, были приняты.

Ротные командиры съ, удовольствіемъ выслушавъ приказъ отъ Яцковскаго, обѣщали буквальное исполненіе его. Выѣздъ на сѣнокосъ былъ объявленъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ объявленъ и новый и строжайшій приказъ о пововеденіи.

Дасаевъ, тотчасъ призвавъ своего любимца, фельдфебеля, объяснилъ все ему первому и, сдѣлавъ свои указанія, спросилъ:

— Небось, рады будутъ все это время на казенныхъ харчахъ сидѣть?

— Вѣстимо, — отвѣтилъ Петровъ, — ваше благородіе! Какъ же не радоваться? Иной бывало прежде за все время только хлѣбушка да рѣдъки пожуетъ. А вы изволите говорить, что и каши будетъ вдоволь, ѣшь, сколько влѣзетъ.

Вѣсть о выѣздѣ на казенныхъ харчахъ быстро обѣжала всю слободу, и, конечно, поселяне возликовали. И если былъ недовольный, то это былъ самъ Ѳерапонтъ Ильичъ. Ему приходилось по новому распоряженію начальства ѣхать тоже на сѣнокосъ, чего прежде не бывало.

Нужно было быть налицо и фельдфебелямъ и капральнымъ ради наблюденія за рабочими и, главнымъ образомъ, за тѣмъ, что они будутъ дѣлать, отдыхая. Однимъ словомъ, приходилось наблюдать за вздоромъ, за ихъ пищей, или за тѣмъ, чтобы они не напивались изъ лужаекъ, не только прудковъ, а пили бы воду изъ бочекъ, въ которыя, какъ сказалъ капитанъ, докторъ Шпицъ будетъ добавлять какія-то лѣкарственные вещества, дѣлающія воду совершенно безопасной для здоровья.

Недоволенъ Петровъ былъ потому, что нравственное состояніе его было самое ужасное. Онъ окончательно изнемогалъ отъ той нравственной борьбы, которая совершалась въ немъ. Онъ какъ бы потерялъ разумъ. Въ немъ нескончаемо спорили два человѣка. Одинъ требовалъ во что бы то ни стало умертвить срамную жену, другой не хотѣлъ собственную душу губить смертоубійствомъ.

Во всякомъ случаѣ сидѣть дома, волноваться, бродить по комнатамъ, по двору, по огороду и по полю, было не въ примѣръ легче, нежели отправляться верстъ за десять и болѣе—наблюдать за рабочими. А главное приходилось оставить дома жену одной-однихонькой.

Что еще она выдумаетъ за это время? Пожалуй, послѣ всего приключившагося между ними она можетъ собраться и убѣжать, безъ вѣсти пропасть. Хотя и мудреное это дѣло, но въ виду его угрозы совершенно возможное.

И фельдфебель рѣшилъ притвориться хворымъ и просить у Дасаева разрѣшенія оставаться дома.

За эти дни Марѳа отъ крайняго волненія, вмѣсто того, чтобы сидѣть больше дома и не раздражать чѣмъ либо мужа, напротивъ вела себя почти неосторожно, вызываяще.

«Бѣсъ въ меня сѣлъ!»—объясняла она сама себѣ свое поведеніе.

И два раза подсылала она кантониста къ Монахову со словами: «Митриха приказала напомнить, что нынѣ ввечеру вамъ песокъ привезутъ!» Это значило по уговору, что какъ стемнѣетъ, она будетъ на берегу Волхова сидѣть на пескѣ и ждать его съ лодкой.

И два раза они видѣлись и катались. Монаховъ упрашивалъ женщину раньше вернуться домой. Она наоборотъ будто старалась запоздать. Ворочаясь въ домъ, она будто желала, чтобы «старый чортъ» придрался, сталъ браниться, даже бросился бы на нее съ ножомъ. «Можетъ, всему бы и конецъ! Безъ этого Русакова, поганого!—думалось ей.—Вѣдь я обороняться бы стала! Да. Но ножъ изъ рукъ не вырвешь. Порѣжешься. Ну, другой схвачу.... Кто кого... А потомъ скажу, виновата, испугалась, оборонялась... Онъ меня, а я его... А Егорьевна свидѣтельница!»

И всякій вечеръ женщина бывала крайне возбуждена. Поутру она успокоивалась.

Ферапонтъ Ильичъ окончательно пересталъ съ ней заговаривать и только разъ вымолвилъ, будто насмѣхаясь:

— Поскорѣ бы воскресенье....

— Улита ѣдетъ!—рѣзко огрызнулась Марѳа. Онъ промолчалъ.

XXVII.

Русаковъ не дремалъ, а ломалъ себѣ голову, чтобы надумать что либо и хитрое и выполнимое, да вдобавокъ скорѣе, сейчасъ же, не откладывая... И наконецъ обстоятельства пришли къ нему на помощь.

Въ то самое время, когда былъ данъ приказъ всей ротѣ собираться на сѣнокосъ, Русаковъ сидѣлъ близъ квартиры Ёздокова на ротномъ дворѣ, такъ какъ, не захвативъ дома фельдшера, дожидался возвращенія его домой.

Русаковъ имѣлъ совершенно необычный видъ. Онъ былъ нѣсколько блѣденъ, глаза его какъ-то странно бѣгали, перебѣгая съ одного предмета на другой. Изрѣдка онъ глубоко вздыхалъ, изрѣдка, раздумывая, сопровождалъ свое думанье рѣзкими жестами, какъ бы мысленно разсуждалъ или спорилъ съ кѣмъ нибудь. Иногда онъ точно дергался на мѣстѣ всѣмъ туловищемъ. Очевидно стало бы тотчасъ для посторонняго глаза, что съ молодымъ малымъ что-то приключается непростое.

Когда раздались на крыльцѣ шаги, и въ дверяхъ появилась быстро идущая фигура фельдшера, Русаковъ не поднялся, а какъ-то вскочилъ съ мѣста.

— Чего ты?! — удивился Ъздоковъ.—Опять зазывать пьянствовать? Нѣтъ, братъ, спасибо! Тотъ разъ чуть было подѣ арестъ не попалъ. А Карлъ Карлычъ пообѣщаль, что коли увидить въ другой разъ въ пьяномъ видѣ, то прямо турманомъ вылеку на всѣ четыре стороны, гдѣ вѣтеръ дуетъ, а то на мѣсяца два въ строй ружейнымъ артикуломъ заниматься послѣ кровопусканій да бинтованій, баночекъ да скляницъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ пьянствовать? Я по дѣлу... Съ просьбой! — заявилъ Русаковъ.—Сдѣлай мнѣ одолженьице...

— Какое?

— А вотъ ты самъ сейчасъ сказалъ, что твое дѣло хлопотать со скляночками.—Вотъ ты мнѣ этихъ самыхъ пузыречковъ пустыхъ и баночекъ одолжи съ десяточекъ... Небось, у васъ этого добра много?

— Зачѣмъ тебѣ?

— Да ужъ по правдѣ тебѣ скажу, есть у меня кума, коя знахарствуетъ, и стало быть...

— Нѣтъ, погоди! Что же тутъ толковать? Я набѣгался, едва на ногахъ стою, пойдемъ, присядемъ!

Хозяинъ и гость вошли въ просторную горницу, не похожую, конечно, на комнаты въ солдатскихъ связяхъ, такъ какъ въ ней была всякая мелочь зажиточнаго человѣка, городского мѣщанина. Былъ и довольно большой кюль съ образами, было и мягкое кресло, были и два красивыхъ вышитыхъ полотенца, висѣвшихъ на веревочкѣ въ углу, да и для умыванья былъ не простой бакунъ солдатскій, а лаханка и рукомойникъ, бѣлые какъ снѣгъ; стоялъ наконецъ и большой комодъ подѣ орѣхъ, гдѣ было немало добра—бѣлья и платяя.

Ъздоковъ, получавшій сравнительно большое жалованье, а равно и немало негласныхъ подачекъ отъ своихъ паціентовъ, былъ человекомъ экономнымъ, откладывавшимъ всякій грошъ и способнымъ покутить только на чужой счетъ. За всю свою недолгую жизнь, практику и фельдшерское занятіе Ъздоковъ успѣлъ скопить себѣ маленькій капиталецъ въ три тысячи рублей, о которомъ зналъ онъ одинъ. И ему оставалось исполнить заданный себѣ урокъ—накопить еще двѣ тысячи. Когда будетъ пять, онъ женится на Настасьѣ Погорѣловой, на своей дорогой Настенькѣ, которая, несмотря на свое пригожество, молодость, веселый нравъ, золотое сердце, соглашалась быть его женой, несмотря на его неказистый видъ, и соглашалась ждать, когда накопятся еще слѣдующія двѣ тысячи.

— Ну, толкуй теперь!—сказалъ Ъздоковъ, садясь и вытягивая ноги.—Что, бишь, тебѣ такое? Насчетъ знахарки, говоришь?

— Да, Степанъ Степановичъ! Вотъ одолженьице сдѣлай! Есть у меня кума, знахарствуетъ, и нужда у ней бываетъ, понятное

дѣло, въ разныхъ пузыречкахъ. А гдѣ ихъ достанешь? Поѣзжай за этимъ дѣломъ въ Руссу... Вотъ она третьяго днесъ и взмолилась: ради Создателя раздобудь я ей хоть десяточекъ всякихъ такихъ пузыречковъ для лѣкарствій. А у тебя, поди, этого добра много. Сдѣлай милость, въ ножки поклонюсь. И въ другой разъ, случится, можно тебѣ будетъ, я тебя опять угощу на славу.

— Что же, это можно! Чего другого, а этого, понятное дѣло, у меня много. И не битыхъ дамъ, а новенькихъ, ну, дюжину, что ли? Да чего, собственно: пузырьковъ ли, или баночекъ, или корбочекъ?

— Нѣтъ, коробочки-то зачѣмъ же, а вотъ этихъ всѣхъ стекляшекъ. Пожалуйста... какихъ хочешь!

— Изволь, сейчасъ достану! Забирай и уходи, а то мнѣ не время! У меня, братъ, дѣла по горло. Ты слышалъ ли, что начальство выдумало насчетъ поѣзда на сѣнокосъ?

— А что?—выговорилъ Русаковъ притворно-наивнымъ голосомъ, какъ если бы онъ даже и не понималъ вопроса фельдшера.

— Да вѣдь на покосъ-то и я ѣхать долженъ и съ собой, изволишь видѣть, какъ въ походѣ или на войнѣ, цѣлую аптечку взять. Вотъ мнѣ и надо ее снарядить. Не забыть бы чего? Приказано, прямо говорю, какъ на войну, все забирать. Спрашивалъ: что же, и бинтовъ надо захватить? И бинтовъ, говорятъ, захвати! Подумаешь, тамъ сраженіе какое будетъ съ французами.

— Да вѣдь это на тотъ случай, сказываютъ,—отвѣчалъ Русаковъ,—что въ округѣ-то холера ходитъ. Захвораетъ кто на покосѣ, ты можешь и помочь.

— Оно, вѣстимо, такъ!

— А вотъ насчетъ воды этой самой, Степанъ Степановичъ, сдѣлай милость, поясни! Слыхалъ я, да не пойму... Сказываютъ, пить воду-то изъ рѣчки не разрѣшаютъ?

— Ни въ жисть! Ни за что! Строжайшій запретъ!—выговорилъ Ъздоковъ, поднимая палецъ вверхъ.—Какъ кого увидятъ, что пьеть это воду простую, такъ его тутъ же и пороть будутъ.

— Что ты?!

— Ей-Богу!

— Какъ же такъ—пороть за питье воды?

— А вотъ, стало быть, такъ!

— Да за что же?

— А за то, что не пей! Въ водѣ, стало быть, всякое бываетъ, самъ знаешь. Былъ такой, братецъ, случай въ столицѣ: пила баба воду изъ ручья, а тамъ ее рвать начало, да знаешь какъ? Лягушатами!..

— Вона!

— Вѣрно, тебѣ говорю. Напилась простой воды, и ничего въ водѣ не видѣла, а были то, стало быть, эти самые зародыши. И

вотъ къ вечеру уже у нея расходились въ нутрѣ-то лягушки, и за́чало ее рвать. Вотъ такъ-то и насчетъ холеры. Можешь выпить чтонибудь въ водѣ такое, что сейчасъ и захвораешь.

— Такъ нешто холера можетъ развестись въ нутрѣ?—выговорилъ Русаковъ.

— Понятно, можетъ!

— Какъ же такъ, Степанъ Степановичъ, напьешься воды, а будто съ ней и пролотилъ холеру?

— Такъ! Ничего вы въ этомъ, народъ темный, не смыслите, а мы вотъ, ученые, знаемъ. Ну, вотъ, стало быть, и будетъ на каждую партію бочка, а въ бочкѣ хорошая здѣшняя ключевая вода, да, кромѣ того, для каждой бочки Карлъ Карлычъ составилъ этакое снадобье. По махонькому количеству разныхъ лѣкарствъ сболтаемъ вмѣстѣ и въ каждую бочку и пустимъ, А отъ этого вода будетъ совсѣмъ полезная. У кого и началось что въ животѣ, то сейчасъ отъ этой воды пройдетъ.

— Вона какъ! — воскликнулъ Русаковъ, смѣясь, и лицо его вдругъ настолько оживилось, настолько повеселѣло, что, казалось, заявленіе Бздокова дѣлаетъ ему самое огромное удовольствіе.— Ахъ, ты какая штука!—воскликнулъ онъ снова.

И лицо его прямо радовалось, чуть не сіяло счастьемъ.

— Чего жъ это ты? — замѣтилъ восторгъ Русакова и фельдшеръ.—Чему радуешься?

— Я не радуюсь!—спохватился Русаковъ и съ болѣе серьезнымъ видомъ прибавилъ:—такъ вотъ одолжи!

Бздоковъ поднялся, ушелъ въ другую комнату и тотчасъ же вернулся, притащивъ около полуторы дюжины всякихъ баночекъ, склянокъ и пузырьковъ.

— Ну, вотъ тебѣ! Только помни да и твоей кумѣ скажи, что они у меня не мытые! Въ нихъ всякая всячина была. Иные пузырьки прямо воняютъ. Въ иные, коли налить воды и выпить, то сейчасъ и готовъ, на томъ свѣтѣ! Понялъ ли ты это?

— Понялъ!

— Такъ ты скажи ей: все это положить въ воду, а воду-то самую прокипятить, изъ нихъ все и повылѣзетъ. А затѣмъ опять въ другой водѣ горячей вымыть. Вообще все надо здорово вы-полоскать. А начнетъ она лѣчить своими снадобьями, не вымывши хорошенько всего этого, то прямо, скажи ей, отправить на тотъ свѣтъ немало народу. А коли и не отправить, такъ ужъ во всякомъ случаѣ всѣ ея хворые начнутъ хворать еще пуще. Понялъ ты? Хорошо понялъ?

— Понялъ, понялъ!—отозвался Русаковъ, весело забирая въ платокъ все добытое.

XXVIII.

Рускину предстояло опустѣть совершенно изъ-за сѣнокоса. Только старики и мальчики оставались дома.

Во всѣхъ дворахъ начались сборы, оживленные и даже веселые. Понравилось обывателямъ ѣхать работать на казенныхъ харчахъ. Однако, въ тотъ же день уже ходилъ слухъ въ видѣ вопроса: что же это за вода будетъ? Особливая, казенная, которую будутъ наливать изъ той же рѣчки, но чего-то въ нее напускать, ради ея якобы безопасности для нутра.

— Чудить начальство! Что выдумываетъ!—говорилось повсюду съ усмѣшкой.

Въ этотъ же день въ сумерки кантонистъ лѣтъ четырнадцати долго, часа два подъ рядъ, вертѣлся около двора фельдфебеля: проходилъ мимо, отходилъ, садился, поглядывая на ворота дома, и опять проходилъ. На него, разумѣется, никто не обратилъ вниманія.

Наконецъ, кантонистъ, на видъ шустрый, со смекалкой, судя по вострымъ чернымъ глазамъ, какъ будто не выдержавъ отъ напрасныхъ ожиданій, вошелъ во дворъ фельдфебеля и, завидя старуху Егорьевну, которая полоскала бѣлье у колодца, подбѣжалъ и спросилъ:

— Марѳа Митревна гдѣ?

— Знамо, въ горницѣ.

— А Ѳерапонтъ Ильичъ?

— Хозяинъ давно вышелъ со двора.

— Ахъ, ты, Господи, кабы знать-то это! — воскликнулъ кантонистъ.

И онъ тотчасъ же вошелъ въ домъ, окликнулъ хозяйку, и на ея вопросъ: «кто тамъ? чего?»—вошелъ и объявилъ:

— Марѳа Митревна, давно ужъ я тутъ на улицѣ караулю, думалъ, ты выйдешь... Я къ тебѣ отъ Павла Иваныча... Просить тебя безпремѣнно!

— Отъ какого Павла Иваныча?—удивилась Марѳа.

— Ну, стало быть, отъ унтера Русакова.

— Такъ бы и сказывалъ! Я и забыла, что его Павломъ Иванычемъ звать... Что ему?—прибавила Марѳа и насторожилась.

— Просить тебя, какъ смеркнется, выйти за огородъ, одно словечко тебѣ сказать.

— Ну, ладно! Скажи, безпремѣнно буду. А коли запоздаю почему, чтобы ждалъ... И долго бы ждалъ, потому что, скажи, въ концѣ концовъ хоть и поздно, а все-таки выйду.

— Ладно.

И шустрый кантонистъ въ нѣсколько прыжковъ былъ уже на улицѣ и припустился бѣгомъ, чтобы расправить ноги отъ долгаго сидѣнія насторожѣ.

Послѣ ухода кантониста Марѳа, катавшая бѣлье, бросила работу, сѣла и задумалась... Она видимо волновалась. По уговору Русаковъ долженъ былъ явиться на свиданіе только въ томъ случаѣ, если онъ уже что либо надумалъ и рѣшилъ важное, окончательное.

Стало быть, черезъ часа два она узнаетъ, чѣмъ должно разрѣшиться ея тяжелое положеніе. А исходъ изъ этого положенія долженъ былъ быть собственно ужасный. Не простой, обыденный, а противозаконный, преступный, грѣшный!.. Русаковъ скажетъ свое, а ей нужно будетъ дать свое согласіе... Легко ли будетъ дать его? Что же дѣлать? Обороняться надо... Своя рубашка къ тѣлу ближе. Старый мужъ былъ мучителемъ за десять лѣтъ какъ бы помимо своей воли. Теперь же онъ по собственной волѣ и собственному разсужденію желаетъ стать ея палачемъ, и ей надо спастись... А средство спасенія только одно...

И хорошо еще, что есть на свѣтѣ человѣкъ, который беретъ за все. Ухлопать ей самой своего стараго мужа во снѣ топоромъ по головѣ, во-первыхъ, не такъ легко, какъ сдается, а, во-вторыхъ, приведетъ въ острогъ и въ каторгу. Трудно будетъ свалить дѣло на кого либо. Да она и не сумѣетъ. Убить сумѣетъ, а лгать и притворяться ни за что не сумѣетъ.

Соглашаться или не соглашаться на то, что предложитъ Русаковъ, не могло быть вопросомъ. Скажи мужъ сегодня, что онъ прощаетъ ее, всякій злой умыселъ, всякое грѣховное намѣреніе бросилъ, то, конечно, она на такое страшное дѣло не пойдетъ. Но онъ молчитъ и ждетъ, чтобы она причастилась Св. Тайнъ. Шутка?! День этотъ, чтобы исповѣдаться и причаститься, не за горами. Что же это? Вѣдь этакого, пожалуй, никогда на свѣтѣ бывало? Случается, кто кого ухлопаетъ въ ссорѣ, въ дракѣ, спяна или ненарокомъ, но чтобы этакъ одинъ другому пояснялъ: говѣй силкомъ, чтобы потомъ представиться Господу Богу чрезъ убіеніе, вѣдь этакъ только лютыхъ преступниковъ наказываютъ! Въ Новгородѣ, тому нѣсколько лѣтъ, человѣку отрубили голову на площади, а кто сказываетъ, и руки, и ноги отсѣкли, при всемъ честномъ народѣ. Да вѣдь то былъ душегубъ, злодѣй, загубившій съ дюжину человѣкъ. А она? Какая она злодѣйка? Что она сдѣлала?

За десять лѣтъ она только разъ поступила незаконно, и то будто съ дурмана, будто спяна, будто отъ какого-то наважденія самого дьявола, и тотчасъ же очнулась... Сама долго, чуть не съ мѣсяцъ въ себя прійти не могла и сама себя не вѣрила, думала, что все ей привидѣлось, какъ во снѣ...

А затѣмъ въ другой разъ, теперь... Правда, она виновата... Тутъ наважденія нѣтъ. Теперь она поступила не сдуру и не спяна,

и не только не раскаивается, но сдается, что если еще сто разовъ надо будетъ рѣшиться на то же, то и сто разовъ пойдетъ она на все, очертя голову. Даже болѣе того... Умирать люто, изъ-за Монахова, какъ будто какъ-то и легче. Онъ стоить того, чтобы изъ-за него пропасть. Но, вѣстимо, лучше остаться живой, да еще вдобавокъ свободной вдовой.

А Русаковъ? Его требованія, когда они окажутся согласниками въ страшномъ дѣлѣ? Если ему не повиноваться или даже повиноваться, да узнаетъ онъ что либо про Монахова,—онъ непременно со злобы выдастъ себя, оговорить и ее... И будетъ она тоже въ острогѣ и тоже на каторгѣ.

Да!.. Но прежде освободиться отъ стараго, а тамъ послѣ видно будетъ. Монаховъ говоритъ, что его по службѣ могутъ перевести Богъ вѣсть въ какую даль, на другой конецъ Россійскаго государства. Ну, вотъ и она за нимъ уйдетъ. Русаковъ за всю свою жизнь никогда ея не разыщетъ тамъ, гдѣ она будетъ.

И Марѳа вдругъ поднялась съ своего мѣста бодро, гордо, отчасти будто весело.

— Не дамся я!.. — вслухъ произнесла она. — Нѣтъ, не дамся! Мнѣ и трехъ десятковъ еще нѣтъ. Еще надо на свѣтѣ пожить и пожить, какъ люди живутъ, а не такъ, какъ я жила по сію пору... хуже всякой собаки. Нечего раздумывать... На все пойду! Что Русаковъ ни скажетъ, на все пойду!.. И сейчасъ же!.. Нечего канителить!.. Не подымай ты, старый, на меня рукъ, и я бы попрежнему тянула съ тобой эту каторжную жизнь, имѣя на сторонѣ, чего Господь не далъ дома, во двору своемъ. А ты грозишься, яму копаешь! Такъ самъ въ нее, старый, ложись.

XXIX.

И страстное нетерпѣніе овладѣло женщиной—скорѣе видѣться съ Русаковымъ.

Солнце только что скрылось на горизонтѣ, когда Марѳа вышла изъ дома и пришла въ поле. Она вышла ранѣе, чѣмъ слѣдовало только потому, что мужъ еще не возвращался домой, а она боялась, что, вернувшись, онъ почему либо задержитъ ее.

«Лучше пораньше, чѣмъ совсѣмъ запоздать!»—рѣшила она.

Но, какъ всегда, едва только вышла она изъ-за околицы своего огорода, какъ изъ тѣхъ же кустовъ выглянулъ и Русаковъ. Онъ подбѣжалъ къ ней, быстро съ налету обхватилъ и началъ цѣловать. Марѳа стояла смирно и наконецъ выговорила:

— Буде! Буде! Нализался довольно!

— Эка ты вотъ какая! — отвѣтилъ онъ укоризненно:—сама-то никогда не поцѣлуешь, не чмокнешь. Какъ можно! Дороги они тебѣ,

твои поцѣлуи! Подумаешь, сама ихъ покупаешь за сто рублей пару. Что же не хочешь подарить хоть одинъ?

Марѳа потянулась, два раза поцѣловала его въ щеку и усмѣхнулась невольно... Ей пришло на умъ, что разное приходится на свѣтѣ цѣловаться. Ей вспомнилось, «какъ» еще недавно цѣловала она... Чтò тѣ поцѣлуи, чтò эти,—совсѣмъ не одно и то же. Русакова она чмокнула почти такъ же, какъ приходилось чмокать своего мужа.

Русаковъ будто замѣтилъ и почувствовалъ это, потому что выговорилъ:

— Ну, и цѣлуешь же ты! Точно съ попомъ въ церкви христосуешься!

— Полно ты!—возразила Марѳа.— До этого ли теперь? Ты съ чѣмъ пришелъ-то? Небось, не съ такимъ дѣломъ, чтобы цѣлованіе было на умѣ?

— Да, оно правда! Иди-кась, вотъ потолкуемъ! Дѣло идетъ къ концу, и я не виноватъ. Я, къ примѣру сказать, ничего не придумалъ, а само начальство придумало, какъ тебѣ отъ Ферапонта Ильича избавиться.

— Что ты путаешь?!. Начальство въ этакое дѣло вмѣшается?!

— Ладно, пойдемъ-ка въ вѣрное мѣстечко, сядемъ, я тебѣ все расскажу!

И когда черезъ нѣсколько шаговъ они скрылись снова среди деревьевъ и сѣли, Русаковъ заговорилъ съ крайнимъ оживленіемъ въ голосѣ и во взглядѣ.

— Да, Марѳуша, начальство само придумало. Инако посудить нельзя. Я думалъ, думалъ, даже голова разваливаться стала, только и могъ придумать, что вышлешь ты своего хрыча въ огородъ ввечеру, а я его топоромъ... Другого ничего надумать было нельзя. И все-то я говорилъ: ну, будетъ она высылать, а онъ не пойдетъ, что же тогда? Вѣдь не сидѣть же мнѣ караулить его день и ночь, цѣлую недѣлю? А тутъ вотъ все повернулось кверху ногами. Все дѣло теперь обстоитъ такъ, что даже страшно. Все обойдется на наше счастье, только, Марѳушенька, съ такимъ шумомъ, съ такимъ то-есть, говорю, страшнымъ шумомъ, что ты себѣ и изобразить не сумѣешь. Не я и не ты ухлопаемъ Ферапонта, а другіе. Но только знай и помни, хорошенечко пойми, что все дѣло будетъ, такъ сказать, въ твоихъ рукахъ. Сдѣлаешь ты толково, что я тебѣ скажу—хорошо, не сумѣешь—совсѣмъ будетъ плохо. А сдѣлать-то совсѣмъ немудрено, махонькій ребенокъ сдѣлаетъ.

— Да что же такое?—спросила Марѳа, совершенно озадаченная.

— А вотъ видишь ты это?

Русаковъ развязалъ узелокъ, и Марѳа, удивленно раскрывъ глаза, переводила ихъ съ кучки склянокъ и баночекъ на лицо Русакова, а съ него опять на странный товаръ.

— Что же это?!—воскликнула она.

— Какъ тебѣ сказать? Хотѣлось бы мнѣ очень ничего тебѣ не говорить и не пояснять...

— Почему же? Какъ такъ?

— А, вишь, почему. Ты баба-молodiца совѣтливая, прямодушная. Заставить тебя лукавить, врать, всякую неправду расписывать, по моему разумѣнiю, совсѣмъ нельзя. Не сумѣешь ты! И возьмешься, и будешь стараться, а не сумѣешь! Правду ли я говорю?

— Да... Что же, оно точно! Когда случалось обманывать кого, ужъ очень я ежилась, завсегда всякiй сказывалъ: «и все-то ты врешь!». А я въ отвѣтъ: «прости! и то сказать — соврала». Не умѣю...

— Ну, вотъ, стало быть, ты и поймешь. Ты умная! Я тебѣ ничего не поясню. А когда будутъ тебя пытаться, что ты такое сдѣлала, то ты будешь отвѣчать: знать—не знаю, вѣдать—не вѣдаю. И будешь ты правду отвѣчать, стало быть, никакого лукавства не будетъ. И по твоему, по одному голосу всякiй уразумѣетъ, что ты правду сказываешь, а ты будешь только сказывать: «знать — не знаю! Оерапонтъ Ильичъ приказалъ». Поняла ли?

— Поняла! Это точно легче будетъ. Но все-таки малую толику поясни!—замѣтила Марѳа.—Какъ же ничего-то?..

— Ну, такъ вотъ, бери ты эти самые пузыречки, припрядь ихъ идѣ нибудь на огородѣ и сиди ты дома ушки на макушкѣ, прислушивайся, примѣчай, что творится на улицѣ. Коли слышишь ты шумъ, гвалтъ, народъ бѣжить да кричить, то сейчасъ бѣги въ огородъ, хватай все это, выбѣгай за околицу и начинай копать яму. Стало быть, лопату запаси загодя и припрядь тоже на огородѣ. И вотъ на улицѣ, слышишь ты, шумятъ, а ты знай свое дѣлай: копай ямку! А это все, стало быть, на землѣ лежитъ около ямочки...

— Зачѣмъ?.. Что ты?—изумилась женщина.

— Ну, вотъ и не разсуждай и не спрашивай ничего. Я тебѣ не скажу.

— Такъ какъ же? Чудно что-то! Надо же знать, что дальше?

— Нѣтъ, Марѳушенька, не надо! Совсѣмъ не надо! Надо, чтобы все, что приключится, было для тебя внезапно, какъ бы съ неба стряслось. Вотъ тогда-то ты и будешь права. Что ни скажешь, все будетъ правдой. Ошалѣешь! А это-то самое и нужно. А расскажу я тебѣ все, начнешь ты, какъ сказываешь сама, ежиться да стараться врать, ничего и не будетъ. Поняла ли ты?

Марѳа подумала и послѣ нѣсколькихъ мгновений отвѣтила:

— Понять поняла, да только одно, что копать яму, а больше не вѣдь ничего не поняла...

— Больше ничего и не нужно!

— Да что же такое будетъ? Какой шумъ?

— И этого ничего тебѣ не скажу! А ты лучше вотъ что: запомни хорошенько все, что я сказываю. Чуть въ чемъ ошибка будетъ, то вѣдь дѣло-то все пропадетъ. И ты же изъ-за этого тоже пропадешь. А все дѣло—пустяки! Сказать ли тебѣ сызнова?

— Что сызнова?

— А вотъ все то, что тебѣ надо сдѣлать.

— Да я и такъ поняла!—нерѣшительно произнесла Марѳа.

— Ну, а я повторю! Вотъ тебѣ вся эта дрянь, спрячь ты ее въ огородѣ, да такъ, чтобы мужъ не нашелъ, а вмѣстѣ съ этимъ припрядь лопату. Кромѣ того, загодя намѣть себѣ мѣстечко, гдѣ песокъ порыхлѣе, чтобы копать было легче. И какъ слышишь ты, на улицѣ народъ шумить, бѣжить, да не со всѣхъ дворовъ, а бѣжить во-свояси съ сѣнокоса, такъ въ ту же минуту выбѣгай, хватай это и начинай свое дѣло — рыть. Только помни одно: замѣшкайся и не зарывай въ землю всего, а проклажайся. Хотя цѣлыхъ полчаса, скажемъ, проклажайся, до той самой минуты, пока цѣлая орава на тебя не прибѣжитъ народу, а я-то впереди. Поняла ли ты?

— Ну, ну?!—нетерпѣливо воскликнула Марѳа.

— Вотъ орава-то къ тебѣ... Что ты тутъ дѣлаешь? — заорутъ. А ты въ отвѣтъ: не знаю! А тебѣ говорятъ: какъ не знаешь? Это что такое у тебя? А ты въ отвѣтъ: мужъ велѣлъ, дескать, поскорѣючи все это въ землю зарыть и сравнять, такъ чтобы не видать было.

— Вона что!—выговорила Марѳа, какъ бы начиная соображать что-то.

— Вижу, ты смекаешь!

— Да, можетъ, и смекаю...

— Ну, а больше старайся и не думать ни о чемъ! Боюсь я, что коли ты спозаранку все поймешь, то вратъ-то тебѣ будетъ мудренѣе.

— Погоди! Стало быть, мнѣ ждать, что будетъ какое бунтованіе, и прибѣгутъ всѣ къ намъ во дворъ, а меня захватить, что и эти Шпицевы лѣкарства хороню.

— Ну, да!

— И что это по указу Оерапонта Ильича?

— Ну, да, да!

— Зачѣмъ же оно нужно?

— Нужно! Нужно!

— А что же послѣ этого будетъ?

— А вотъ допросъ и учинять тебѣ. А ты знай себѣ одно въ отвѣтъ: «Оерапонтъ Ильичъ приказалъ!» А больше, молъ, ничего не знаю.

— Ну, и что же?

— Ну, вотъ тогда, Марѳушенька, я тебя и поздравлю вдовушкой!

— Чего?! Что?!—воскликнула Марѳа.

— Да такъ, голубушка моя! Пузыречки-то эти останутся не схороненными, а его-то схоронять! Ямочку-то мы ему копать будемъ. Такъ выходить.

Наступило молчаніе. Марѳа глубоко задумалась, потомъ провела рукой нѣсколько разъ по лбу, взглянула снова въ лицо Русакову и проговорила:

— Кажись, все поняла...

— Что я сказывалъ?

— Нѣтъ, не то, что сказывалъ, а все, что должно быть. И это ты намутишь?

— Я-то я, да не я одинъ, Марѳушенька! Говорю тебѣ, само начальство все такъ подладило, что мнѣ и дѣлать нечего. Оно кашу заварило, а расхлебывать-то будетъ твой Ѳерапонтъ Ильичъ. А потомъ, кто жъ его знаетъ, можетъ, и кого еще другого прихватятъ. Не одинъ онъ пропадетъ! Да оно и лучше! Погибни онъ одинъ, тебя могутъ въ подзоръ взять. Молодая жена у стараго мужа, не она ли чего подстроила? А вотъ какъ съ Ѳерапонтомъ-то твоимъ еще двухъ-трехъ прихватятъ, тутъ ужъ ты у нихъ на умѣ не будешь.

— Да что же это, скажи, будетъ? Вѣдь это выходить въ родѣ бунта? Вѣдь онъ фельдфебель!

— Бунтованія никакого не будетъ, Марѳуша, а по злобѣ наскочать на него. И авось, Богъ дастъ, удастся мнѣ кого подтолкнуть на нехорошее дѣло. Вѣстимо, не я буду при всемъ народѣ его рубить! Я буду въ сторонѣ.

— Ну, а не выгорить дѣло?

Русаковъ подумалъ и, наконецъ, вздохнулъ и отвѣтилъ медленно:

— Думалъ я много... По-моему, выгорить. Если же такая бѣда, что ничего не устроится, ну, тогда что же... Обождемъ денекъ. Вышлешь стараго въ огородъ, а я ужъ на себя грѣхъ возьму.

— А попадешься? Начнутъ судить, пытатъ...—произнесла Марѳа глухимъ голосомъ.

— Тебѣ-то что же?

— И меня съ пытки оговоришь... что я все знала.

— Полно ты... Знаешь, что лжешь. Я вѣдь, тебя любя, на злодѣйство иду. За тебя душу покладаю. Такъ какъ же мнѣ тебя-то самое загубливать? Замучать на смерть, и все-таки промолчу. Ты, знать, не любливала?..

«Не любливала? Я-то?!»—произнесла Марѳа мысленно.

XXX.

Наступилъ ясный іюльскій день, Ильинская пятница, любимая на Руси.

Рано утромъ при восходѣ солнца два длинныхъ обоза двигались по двумъ дорогамъ, сходявшимся вмѣстѣ. Среди поля, верстахъ въ трехъ отъ Рускина оба обоза соединились. На всѣхъ подводахъ сидѣли солдаты и военные поселяне, и тутъ же лежало все необходимое для покоса.

Въ концѣ обоза двигалось нѣсколько подводъ съ провизіей, на этотъ разъ казенной, выданной изъ цейхгауза, а въ самомъ хвостѣ обоза изъ Рускина ѣхалъ въ кибиткѣ фельдшеръ Ёздоковъ со своей провизіей, т.-е. съ походной аптекой.

Оба обоза, соединившись, двинулись далѣе, при чемъ Рускинскій проѣхалъ впередъ, и Ёздоковъ уже очутился въ срединѣ поѣзда. Проѣхавъ около версты, весь поѣздъ сталъ, такъ какъ передніе остановили лошадей, сошли со своихъ телѣгъ въ кучу и о чемъ-то разсуждали. Изъ средины обоза стали кричать, спрашивать:

— Чего вы?

— Трогай!

— Чего стали, черти?!

Но кучка, стоявшая впереди кружкомъ, не отвѣчала, не двигалась, не садилась и продолжала толковать. Понемногу многіе соскочили тоже со своихъ телѣгъ и пошли впередъ узнать, что случилось.

Вскорѣ около пятидесяти переднихъ телѣгъ уже были пусты, и все ради любопытства сошлось впереди. Нѣкоторые изъ кучки вернулись назадъ къ оставшимся на телѣгахъ, но тихой походкой, смущенные.

— Что тамъ?—спрашивали тѣ, что оставались на мѣстахъ.— Чего время теряютъ тутъ? Трогать надо!

— Чего среди поля стоять зря! Крикни!

И одинъ какой-то маленькій невзрачный поселянинъ выговорилъ въ отвѣтъ:

— Не спѣши... Успѣешь подохнуть!..

— Какъ подохнуть?

— Да такъ! Вонъ поди-кась, послушай, что приключилось... Помилуй, Господи! Руки и ноги трясутся...

И онъ перекрестился три раза.

Слова и крестъ, которымъ широко осѣнилъ себя невзрачный мужиченка, будто магически подѣйствовали на ближайшихъ. Человѣкъ двадцать, сразу быстро соскочивъ со своихъ подводъ, почти бѣгомъ бросились впередъ, гдѣ уже толпился народъ съ сотни

подводъ. Но они уже не тихо переговаривались, а шумѣли, орали спорили и галдѣли, другъ друга перебывая.

Разобраться было невозможно, но суть дѣла была ясна... Стряслась бѣда! Бдутъ они на покось, а назавтра всѣ, сколько ихъ тутъ ни на есть, будутъ мертвыми.

— Помолчи малость! Дай сказать!—кричалъ одинъ.

— Что вы орете? Путаете? Дайте, говорятъ вамъ, толкомъ пояснить!—раздался голосъ высокаго рябого солдата.

Около него вплотную стоялъ Русаковъ, котораго трудно бы было признать, настолько лицо его было бѣло и сурово. Такъ какъ, несмотря на окрикъ рябого, толпа продолжала гудѣть, толпясь, какъ стадо барановъ, головами упершись къ центру. Русаковъ взялъ рябого за руку и толкнулъ его къ передней телѣгѣ.

— Конца не будетъ!..—глухо произнесъ онъ.—Влѣзай на телѣгу, видишь и слышишь будетъ! Да и ори! Авось замолчатъ и слушать начнутъ.

Черезъ мгновеніе рябой былъ уже на телѣгѣ и крикнулъ на всю толпу:

— Замолчи, черти! Народъ окаянный! Путаете.. Совсѣмъ не то! Слушайте вотъ!

И на этотъ разъ, потому ли, что окрикъ былъ сильный, или потому, что рябой, стоя на телѣгѣ, сталъ выше всѣхъ и видимый отовсюду, толпа сразу стихла.

— Слушай же!—заговорилъ, почти крича, рябой.—Николи такого указа изъ столицы не бывало! Царь-батюшка этакого приказать не могъ. А все это враги наши.

— Кто такіе?.. Кто?—раздались голоса.

— Кто? Сто разъ сказано! И поляки, и нѣмцы! И вотъ тутъ поблизости живущіе шпіоны. А начальство наше, теперь чаще съ ними заодно. Вы сказываєте—то коровушки были, а то люди. А вамъ, чертямъ, на это говорятъ, что имъ-то оно все то же. Сначала, стало быть, лишили насъ скота, дѣтишекъ молочка, а теперь, вишь, холеру придумали. А никакой холеры, вѣстимо, нѣтъ. А просто отравляютъ православныхъ, они, идолы, зельемъ опаиваютъ. Ну, понятно, этакое завсегда бывало, что на свѣтѣ есть такія пошла, отъ которыхъ народъ помираетъ. И вотъ теперь выдумку злодѣйскую и приладили. Бдемъ вотъ это мы на покось, а съ собой своего ничего не смѣтъ брать, все, вишь, тутъ казенное, все, видишь ли, хорошее. А вотъ какъ мы этого хорошаго поѣдимъ нонѣ ввечеру, али бы завтра, да попьемъ водички изъ бочки, Карломъ Карлычемъ нацѣженной, то сейчасъ же всѣ, кто тутъ ни есть, всѣ и поколѣемъ. А ужъ тамъ примутся за нашихъ женъ и ребятишекъ. А черезъ денька три-четыре ни души не будетъ. Всѣ душеньки на томъ свѣтѣ будутъ, а тѣла-то заруютъ въ томъ же лѣсу, гдѣ коровъ зарывали. А нѣмцы либо поляки въ нашихъ дворахъ и расположатся на житье.

Гуль, почти ревъ прошелъ въ кучѣ, толпившейся кругомъ. Поднялся снова говоръ и снова стоялъ гуломъ, въ которомъ разобраться было невозможно. Видно и слышно было только одно, что все озлобилось. Голоса звучали грознѣе.

— Гдѣ самый ядъ, коимъ насъ опоятъ, сказываєте вы? — крикнулъ Русаковъ, молчавшій до тѣхъ поръ.—Дураки вы пѣтые! Понятно, гдѣ! Вонъ, тутъ у Ъздокова!... Разспросите его, скажете!

— Какъ можно?.. Не скажете! — раздался голосъ.

— Захотимъ—скажете!—раздался другой.

— Небось, заговорить, какъ ухватить его за воротъ да встряхнуть!

— Чего разспрашивать! Сами въ кибиткѣ найдемъ.

— Дураки! У него зельевъ много съ собой, а который ядъ — онъ одинъ знаетъ!

— Ну, вотъ и мы узнаемъ!

— Вѣстимо, заставимъ показать!

— Идемъ, братцы, къ нему!

— Идемъ! Идемъ!

И толпа уже почти бѣгомъ направилась къ кибиткѣ фельдшера, окружила ее, воля:

— Эй, ты! Ядъ подавай!

— Чортовъ сынъ!

— Хитерь, братъ, ты!

— Налаживаль, да не выгорѣло!

— Показывай, гдѣ у тебя ядъ! Ядъ подавай!

И толпа вплотную стала у кибитки Ъздокова со всѣхъ сторонъ. Передніе уже протягивали руки и хватали его. Среди гула Ъздоковъ, нѣсколько оробѣвшій, вскрикнулъ громче:

— Что вы, голубчики! Какой ядъ? Очумѣли вы, что ли! Аптечка есть.

— Аптечка? А вотъ мы тебѣ покажемъ нашу аптечку на шинѣ.

— Тащи его вонъ!

— Чего смотрите? Хватай его!

— Вытаскивай!.. Ну!..

— Тащи сундучекъ-то сюда!

— Ставь на дорогу!

И нѣсколько рукъ въ одну минуту вытащили изъ кибитки фельдшера, а за нимъ вытащили и два небольшихъ сундучка.

— Отпирай, чортовъ сынъ!

— Показывай!

Ъздоковъ что-то бормоталъ въ отвѣтъ.

— Чего тутъ распирать? Сами откроемъ.

— На вотъ топоръ!

— Запусти!

— Ломай!

И тотчас затрещали оба сундучка, крышки отпали и отворились.

— Показывай, гдѣ ядъ!
 — Да, нѣтъ же его! Нѣтъ!..—воскликнулъ Ъздоковъ.—Родные мои, какой ядъ? Лѣкарства всякія на вашу пользу...
 — На нашу пользу?.. Ахъ, ты дьяволъ!
 — Хочешь ты показать, аль нѣтъ?
 — Доставайте, братцы.
 — Выкладывай все на дорогу!
 — Показывай... который ядъ!
 — А нутко тукманкой помоги ему разыскать!
 — Да, помѣчь надо! — вскрикнулъ Горшковъ и, будто сказавъ это самому себѣ, онъ два раза смаху ударилъ Ъздокова въ шею. Отъ перваго удара фельдшеръ пошатнулся, отъ второго — откинулся на землю.

— Что вы, помилосердуйте! — завопилъ онъ.
 — Вынимай!
 — Показывай его! — кричали въ одинъ голосъ сто голосовъ со всѣхъ сторонъ.
 — Что? Кого? — взмолился фельдшеръ.
 — Ядъ показывай! Ядъ!
 — До смерти исколотимъ!

Между тѣмъ нѣсколько человѣкъ уже рылись въ обѣихъ сундучкахъ. Горшковъ, оказавшійся въ числѣ прочихъ, досталъ пузырекъ съ мутной жидкостью, который былъ побольше другихъ.

— Должно быть, этотъ и есть вотъ! — крикнулъ онъ, поднимая склянку надъ головами.

— А, можетъ, и всѣ-то они для отравленія? — крикнулъ Русаковъ.

— А вотъ что, братцы, — раздался голосъ рябого, — это вѣдь дѣло немудреное! Вали его. Вливай ему въ ротъ! Коли безвредно, такъ ничего не будетъ. Вотъ и увидимъ.

— Ладно! Хватай! Вали!
 — Славно! Ай да рябой!
 — Умница! Здорово!

Нѣсколько человѣкъ двинулись, повалили навзничъ фельдшера на дорогѣ и насѣли на него. Рябой, выхвативъ большую склянку изъ рукъ Горшкова, нагнулся надъ Ъздоковымъ.

— Разъвай ротъ! — крикнулъ онъ.—А, не хочешь!.. Братцы, ухвати кто его за горло. Сейчасъ ротъ разинеть.

И чрезъ мгновеніе склянка выливалась въ открытый ротъ лежащаго навзничъ Ъздокова. Два раза поперхнулся онъ, посинѣлъ, рванулся и на мгновеніе вырвался изъ рукъ державшихъ.

— Братцы, что вы? Губите зря! Нешто можно! Это отъ болѣзни. По малости можно. А какъ же этакъ... Въ самомъ дѣлѣ помрешь.

— А! заговорилъ про смерть проклятый!
 — Эй, ребята, доставай-ка еще!
 — Вонъ это что... Синенькое!..
 — Давай синенькое!
 — Клади его опять. Расправь...
 — Эй, ты, гляди-ка, сине-то какъ! Поди, это ядъ и есть!..
 — Не капли это, братцы... Отъ наружныхъ...—заговорилъ было Ёздоковъ, но нѣсколько человѣкъ снова повалили его на спину и держали.

— Вливай въ глотку синенькую! Посмотримъ!
 Ёздоковъ, увидя синій пузырекъ около самаго лица, началъ отчаянно вырываться.

— Братцы, сразу уморите! Отравите...
 — А, вонъ оно что... Отравите!..
 — Такъ!—вскрикнулъ весело Горшковъ.—Стало быть, синенькѣй-го онъ и есть! А коли намъ его готовили, такъ въ него ребята весь и вливать!

Обезумѣвшій Ёздоковъ, собравъ послѣднія силы, началъ страшно барахтаться, такъ что человѣкъ пять не могли его сдержать. Появилось еще нѣсколько рукъ, и наконецъ, распластанный на землѣ фельдшеръ не двигался. Жидкость изъ синяго пузырька была точно также вся вылита ему въ ротъ.

Фельдшеръ тотчасъ посинѣлъ лицомъ. Его перестали держать, но онъ не поднялся, не вскочилъ, но страшно хрипѣлъ и бился на землѣ, судорожно дергалъ руками и ногами.

— Вотъ ядъ онъ и есть! Вотъ такъ-то нынче ввечеру насъ бы всѣхъ и угостили!—вскрикнулъ Русаковъ.—Что же? Неправду развѣ сказывалъ онъ?—указалъ онъ на рябого.—Вотъ какой бѣды Господь сподобилъ избавиться!..

— А вѣдь онъ никакъ помираетъ?
 — Вѣстимо, помретъ!
 — А въ отвѣтъ нешто не пойдешь?
 — Что же это вы натворили?
 — Ахъ, Господи, вотъ бѣда-то!
 — Что теперь будетъ?
 — Никакъ вѣдь подохъ?
 — Стихъ!
 — Готовъ!
 — Что же теперь дѣлать?
 — Всѣхъ до смерти задерутъ!
 — И въ Сибирь угонятъ, а не то, что задерутъ.
 — Смертоубивство!
 — А насъ-то хотѣли уходить,—нешто не смертоубивство?
 — Онъ-то одинъ, а насъ-то сколько?
 — Мы ни на кого не умышлялись. На насъ умышлялись.

— Что же теперь дѣлать, братцы?

Наступило сразу полное, почти гробовое молчаніе, такъ какъ на этотъ вопросъ, много разъ раздававшійся, никто отвѣта не находилъ.

— Бѣда! Погибать намъ теперь такъ ли, сякъ ли!—раздался чей-то грустный и тихій голосъ, но слышный, благодаря гробовому молчанію.—И тамъ бы насъ уходили... А теперь иначе изведутъ... Запорятъ!

— А по-моему,—вдругъ заговорилъ не громко, но сурово и озлобленно Русаковъ,—по-моему, семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ! Вѣдь не Ёздоковъ припасъ яду съ собой! Онъ, почитай, и не виновать... Зря его уходили. Виновато начальство! Я вотъ знаю, что у фельдфебеля Петрова цѣлый чуланчикъ этакого снадобья. А онъ его никогда никому не показывалъ. По приказанію ротнаго командира оно у него было укрыто. И самъ Ёздоковъ, можетъ, объ этомъ ничего не зналъ. Вотъ теперь кабы мы, къ примѣру, нагрязнули къ Петрову, такъ мы бы у него въ чуланчикъ-то побольше нашли скляночекъ, чѣмъ у Ёздокова въ сундучкахъ.

— А чего-жъ нѣтъ-то? Идемъ.

— Вали! Сейчасъ, ребята. Чего ждать?

— Куда?

— Какъ куда? Вѣстимо, къ дому, и прямо къ Петрову. Коли ядъ у него, то разсудимъ и его тоже! А тамъ что еще—видно будетъ.

— Можно и Пузана разспросить, какъ онъ хотѣлъ всѣхъ насъ отправить на тотъ свѣтъ.

— Вѣстимо. А станетъ сваливать онъ на приказанія майора, и къ тому двинемъ. И того разспросимъ.

— Что ужъ тутъ толковать! Начали — кончай!

— А какъ же сѣнокосъ-то?—раздался чей-то голосъ.

— Ахъ, ты, дура, дурафья! Нешто теперь до сѣнокоса?

— Вали, ребята! Начали — кончай.

— Поворачивай подводы-то!

— Домой! Во-свояси!

— Каки тебѣ подводы, дурень?

— Бѣгомъ-отъ скорѣй будетъ!—крикнулъ Русаковъ. — Пуцай, кто останется, и вернетъ обозъ. А мы, братцы, рысью, скорѣй обоза-то прибѣжимъ!

И толпа болѣе сотни человѣкъ рванулась съ мѣста и пустилась почти бѣгомъ по дорогѣ, какъ если бы бѣжала съ поля отъ какой либо опасности.

— Всѣмъ злодѣямъ — опросъ! Начали — кончай!

XXXI.

Въ то же самое время въ Рускинѣ, въ домѣ фельдфебеля, сидѣлъ священникъ, отецъ Василій.

Помимо большихъ праздниковъ, въ которые онъ являлся съ крестомъ, старикъ лишь изрѣдка, раза два, три въ году, заходилъ къ фельдфебелю, преимущественно во дни именинъ хозяина или его жены.

На этотъ разъ священникъ пришелъ по особому дѣлу. Наканунѣ онъ случайно встрѣтился на улицѣ съ Мареей. На вопросъ его, почему женщина собралась вдругъ среди лѣта, пропустивъ Петровъ постъ, исповѣдоваться и пріобщаться, Марееа смутилась, поникла головой и, не зная, что отвѣчать, развела руками.

— Что такое?—удивился отецъ Василій.

Марееа рѣшилась и въ двухъ словахъ объяснила ему, что мужъ, подозрѣвающій ее въ невѣрности, прямо обѣщался ее убить, а передъ этимъ хотеть, чтобы она приготовилась къ смерти.

— Господи, страсти какія!—воскликнулъ священникъ. — Какъ же ты меня не предупредила? Завтра же приду къ вамъ и усовѣщу обезумѣвшаго старика.

И на утро отецъ Василій явился къ фельдфебелю. Ѳерапонтъ Ильичъ, конечно, принимая священника, тотчасъ догадался, въ чемъ дѣло.

— Небось, жена забѣжала къ тебѣ, отецъ Василій, потому и пришелъ?

— Нѣтъ, Ѳерапонтъ Ильичъ, хозяйка твоя не забѣгала ко мнѣ, а самъ я ее встрѣтилъ и заставилъ во всемъ сознаться. А вотъ нынѣ я къ тебѣ пришелъ. Присядемъ-ка да побесѣдуемъ по душѣ!

Священникъ сѣлъ въ уголъ. Петровъ окликнулъ жену и приказалъ подавать самоваръ, а затѣмъ, притворивъ дверь въ сосѣднюю горницу, сѣлъ около священника и вымолвилъ:

— Созналась, говоришь, во всемъ? Стало быть, сказала, что и натворила, и съ кѣмъ? Что же, какъ посудишь, хорошо она поступила?

— Въ этакое, Ѳерапонтъ Ильичъ, она не сознавалась! Она сказывала только, что ты ее въ подозрѣніе взялъ.

— Такъ, такъ! Выдумщикъ я, стало быть? Ничего нѣтъ, а мнѣ въ голову глупость втемяшилась? Ловко! И пакостить умѣеть, и лгать умѣеть! Женушка первый сортъ!...

— погоди, Ѳерапонтъ Ильичъ!—возразилъ священникъ.—Первое дѣло, какія у тебя улики? Что ты знаешь?

— Да что же я, сумасшедшій, что ли? Что меня бѣленой, что ли, окормили?—воскликнулъ Петровъ.—Коли я своими глазами видѣлъ и своими ушами слышалъ, накрылъ ее самъ, такъ какъ же мнѣ этакое говорить, что улики нѣтъ!

— Какимъ способомъ? Сказывай, а я разсужу!

— Изволь, отецъ Василій! Разсуживай!

И фельдфебель разсказаль подробно все, начавъ съ майорши, которая его вызвала и первая надоумила, и кончая поѣздкой въ Руссу и тѣмъ, что онъ видѣль на окраинѣ города.

— Все ли?—спросилъ священникъ.

— Все, батюшка! Чего же тебѣ еще нужно?

— Шли, говоришь, вмѣстѣ изъ домика какого-то? Ладно! Но что же это доказываетъ? Нешто не могли они ненарокомъ повстрѣчаться да вмѣстѣ въ городъ пойти?

— Полно, полно, отецъ Василій! Нехорошо!—замахаль рукой Петровъ. — Не подобаешь тебѣ! Священнослужитель и человѣкъ старый, а вотъ душой кривишь! Вѣдь самъ вѣришь въ то же, во что и я увѣровалъ, а говоришь противное, якобы никакихъ уликъ нѣтъ. Это тебѣ грѣхъ!

Отецъ Василій невольно опустилъ глаза, такъ какъ фельдфебель оказывался совершенно правъ, и пробормоталь нѣсколько будто стыдливо:

— Что же сейчасъ дурное все... Сейчасъ и обвинять... Желательно не думать худого про другихъ, думать доброе. Тебѣ, мужу,—улика, а постороннему человѣку сдается инако. Можетъ, и такъ все приключилось, простымъ случаемъ.

— Простой случай, про который даже командирша баталіонная и та знаетъ! Стало быть, мало ли кто знаетъ въ округу! Одинъ я не зналъ! Хорошъ простой случай!

— Ну, ладно! Будемъ сказывать, что у тебя и улики есть, но все-таки поясни, что же ты желаешь? Какія у тебя намѣренія? Зачѣмъ собираешь ты ее ко мнѣ на исповѣдь и причастіе? Покаяться, что ли?

— Вѣстимо, пускай покается! Эпитимію на нее наложи строжайшую.

— Строжайшая эпитимія, Оерапонть Ильичъ, есть недопущеніе долговременное къ причастію Святыхъ Таинъ. А поклоны земные ежедневно, хотя бы по сто и по двѣсти—это что же? Такъ, пустое! А ты первое, что желаешь, какъ сказывалъ тотъ разъ, чтобы она безпремѣнно поскорѣй и исповѣдовалась да и приобщалась. Какъ же тогда? Какую же эпитимію выдумать?

И священникъ, смолкнувъ, вопросительно смотрѣль на фельдфебеля, который въ свой чередъ тоже угрюмо молчалъ.

— Ну, скажи что нибудь? Говори ужъ правду! Нѣтъ ли у тебя чего на умѣ такого, что и сказать страшно?

— Есть...—глухо выговорилъ Петровъ.

— Есть? Ну, вотъ это самое и сказывай!

— Убить хотѣль...

— Чего?!... Что?!...

— Знаю, убить! Что же другое?

— Да ты въ своемъ разумѣ?!...

Петровъ молчалъ.

— Бываетъ такой грѣхъ на свѣтѣ!—тихо заговорилъ священникъ.—Смертоубійства случаются. Да какія? Ненарокомъ или распалится человѣкъ, себя не знаетъ и не помнитъ. Вотъ и убійство! А чтобы этакъ-то, собираться убивать, это ужъ помилуй Богъ! Я объ этакомъ что-то и не слыхивалъ. Ужъ не говоря о наказаніи лютомъ, къ которому тебя присудятъ судьи земные,—это, что же, пустое, — а на судъ Божій какъ итти, ты объ этомъ не подумалъ?

— Сто разъ думалъ, тысячу разъ думалъ?!... — вскрикнулъ фельдфебель.

— А коли думалъ, такъ что же, у тебя, стало быть, разумъ потемнѣлъ? Ты самъ не свой. Обожди, отойди... Просвѣтится у тебя разумъ, ты самъ увидишь все. Я тебя давно знаю и знаю вотъ, что убей ты Марю, то когда увидишь ты ее бездыханную, то самъ на себя руки наложитъ. Тебѣ легче станеть съ собой покончить, чѣмъ оставаться на свѣтѣ убійцей жены. Это не такъ-то просто, какъ сдается, и только лютые люди могутъ жить на свѣтѣ, зная за собой смертоубійство. Да и то многіе и многіе, не стерпѣвъ, кто черезъ полгода, а кто и черезъ пять лѣтъ, кончаютъ тѣмъ, что идутъ о себѣ сами объявлять. Какъ накажутъ ихъ, имъ какъ будто легче.

— Нѣтъ, я бы скрывать не сталъ! — выговорилъ Петровъ.—Я бы при честномъ народѣ съ ней покончилъ, чтобы меня сейчасъ же и забрали.

XXXII.

Наступило долгое молчаніе, послѣ котораго священникъ сталъ собираться уходить.

— Посиди малость,—сказалъ Петровъ.

Отецъ Василій снова сѣлъ и помолчавъ заговорилъ:

— Ладно, я исповѣдаю и причащу Марю Митревну, а затѣмъ въ тотъ же день приду и къ вамъ въ гости. При мнѣ ты ее, безгрѣшную, и убивай.

— Безгрѣшную?!...—выговорилъ Петровъ.

— Да,казывается такъ. Вѣруется! Она, стало быть, исповѣдуются, я ей, какъ священнослужитель, передъ алтаремъ Божьимъ отпущу грѣхъ ея. Стало, въ тотъ день она, покающаяся, и будетъ, какъ люди сказываютъ, безгрѣшной.

— Такъ что же мнѣ, отецъ Василій, дожидаться, чтобы она опять въ Руссу съѣздила и милаго дружка повидала, и уже послѣ того ее рѣзать?

Увидя въ лицѣ фельдфебеля особенно злобное выраженіе, отецъ Василій положилъ ему руку на голову и выговорилъ:

— Полно, полно, Өерапонть Ильичъ! Великое есть на свѣтѣ, сладчайшее что ли человѣческое дѣйствіе, коего ты, видно, не пробоваешь. Попробуй,—самъ себя почувешь другимъ человѣкомъ.

— Что же такое?

— Прощеніе, Өерапонть Ильичъ! Попробуй, прости. Отъ всего сердца прости! И вотъ увидишь, какъ тебѣ хорошо будетъ. И ей скажи, что прощаешь и николи ни единымъ словомъ не помянешь и не попрекнешь. И вотъ посмотри, что она скажетъ. Отвѣчаю тебѣ, что никогда она впередъ на такое не пойдетъ, и тогда вы будете совсѣмъ въ расчетѣ. Ты ей отпустишь ея грѣхъ, а она тебѣ отпустить твой грѣхъ.

— Мой?! Какой мой?!—поднялъ удивленные глаза Петровъ.

— Твой-то? Большой, Өерапонть Ильичъ! Неужто же ты никогда о немъ не думалъ? Неужто ты полагаешь, что ты не виновать передъ Марсией Митревной? Хорошо ли было тебѣ, старому, силкомъ брать дѣвчонку? Сколько тебѣ было годовъ, когда ты женился? А ей-то, говорятъ, шестнадцати не было!

— Я не силкомъ бралъ, отецъ Василій! Начальство всѣмъ тогда указало жениться. Я повиновался.

— И начальство вышнее, стало быть, тебѣ указало съ шестью десятками на плечахъ безпремѣнно выискать пятнадцатилѣтнюю дѣвчонку?

— Нѣтъ, этого не указало, а стало быть...

Петровъ запнулся и прибавилъ:

— Стало быть, такъ вышло!

— Нѣтъ, не вышло, а ты такъ подвелъ самъ! И первые-то ея самые лучшіе молодые годы ты и заѣлъ. Какъ ты полагаешь, легко ей было эти десять-то лѣтъ съ тобой прожить? Не заглядывалась она на себѣ равныхъ годами? И какъ по-твоему: незаконно это было? Богопротивно было? Нѣтъ, родной, такъ естество требовало! А оно такое Господь Богъ создалъ. Мы противъ естества и Господа Бога часто идемъ, и Онъ насъ за это наказываетъ. Ты вотъ согрѣшилъ, поступилъ неправедно, заѣлъ чужую жизнь. Вотъ обстоятельства такъ всѣ и подошли, что тебѣ отмщеніе вышло. Но Марса твоя тебѣ отплатила, а Господь Богъ велѣлъ, чтобы такъ было. Мзда эта не человѣчья, а вышняя. Крестъ тебѣ посланъ, и ты его носи! Неси такъ же, какъ твоя Марса его несла десять лѣтъ. Только ея-то крестъ, Өерапонть Ильичъ, много тяжеле твоего. У тебя скверное чувство говоритъ. Завидки простые... Да, зависть, себялюбіе... Будь она твоя дочь, а не жена,—а по своимъ годамъ-то она и впрямь тебѣ въ дочери годится,—такъ ты бы такъ не злобствовалъ, не собирался бы убивать. А это озлобленіе въ тебѣ себялюбивое. Обожди, подумай, Богу молись, можетъ, Господь про-

свѣтитъ тебѣ разумъ, и увидишь ты все это дѣло такъ же, какъ я его вижу. Попросишь у жены прощенія за то, что вѣкъ ея заѣлъ, и ее простишь. А она общаетъ тебѣ впредь вѣрность, и заживете вы мирно. Оба были виноватые и оба будете прощенные. Ну, что скажешь?

— Изволь, отложу на время,—глухо отозвался Петровъ.

По мѣрѣ того, что хозяинъ и священникъ говорили, изрѣдка оживляясь, они, начавъ бесѣдовать почти шепотомъ, говорили уже очень громко. Марѳа, бывшая въ сосѣдней комнатѣ, уже давно стояла около двери и, приложивъ ухо къ замочной скважинѣ, прислушивалась и слышала весь разговоръ довольно отчетливо.

Не столько слова или отвѣты мужа священнику, сколько его голосъ, доказали женщинѣ, что въ старикѣ совершался крутой поворотъ. По его голосу Марѳа знала, что если въ немъ, дѣйствительно было рѣшенное намѣреніе ее умертвить, то теперь, а, можетъ быть, еще и до прихода евященника намѣреніе это оставлено, что у него не хватитъ никогда силы на преступленіе.

Послѣ увѣщанія священника простить и согласія мужа обождать, отложить, оба они замолчали. Марѳа отошла отъ двери и выговорила тихо себѣ самой:

— Да, должно быть, ничего не будетъ! Успокоилъ и усовѣстилъ его отецъ Василій. Да... но мнѣ-то что же дѣлать? Могу ли я, получивъ его прощеніе, воспретить себѣ все, чтобы былъ всему конецъ. Нѣтъ, этого нельзя! Не теперь, такъ послѣ убьютъ! Не могу я... И умереть-то изъ-за Давыдушки не страшно!.. Стоитъ онъ того, чтобы изъ-за него душу погубить... Зажить по-старому безъ всякаго такого, не видѣть его никогда, не могу я!.. Не могу, хоть сто разъ зарѣзывай.

Марѳа сѣла и задумалась, но черезъ нѣсколько мгновеній подняла голову, встрепенулась, вскочила съ мѣста. Почти прыгнувъ на средину комнаты, она остановилась сразу, будто застынувъ отъ перепуга...

Издали въ открытое окно доносился гулъ будто сотни голосовъ. Конечно, она тотчасъ поняла, въ чемъ дѣло. Она схватила себя за голову и воскликнула почти громко:

— Что же теперь? Коли дѣлать, то сію минуту!.. А вѣдь это то же, то же самое... Онъ меня хотѣлъ да бросилъ, а теперь я его подъ такое же смертельное подвожу...

И она стояла среди комнаты, не двигаясь... Гулъ приближался. Очевидно, толпа, уже войдя въ улицу Рускина, быстро приближалась.

— Не смогу я...—прошептала Марѳа.

Но затѣмъ она двинулась, вышла въ наружную дверь кухни и остановилась на мгновеніе на крыльцѣ.

— Да, теперь всему рѣшеніе. Или живи съ нимъ еще много лѣтъ, или сейчасъ же, съ Давыдушкой... Охъ, грѣхъ!.. Прости, Господи, прости!..

И Марѳа, бросившись съ крыльца, перебѣжала дворъ и скрылась въ калиткѣ огорода.

Между тѣмъ, священникъ и фельдфебель тоже давно услышали дальній гулъ голосовъ и, ни слова не говоря, глядѣли другъ на друга вопросительно. Фельдфебель будто догадался первый, быстро поднялся съ мѣста, вышелъ на переднее крыльце и направился къ калиткѣ. Въ ту самую минуту, когда Марѳа выбѣжала въ огородъ, онъ, выйдя за калитку, увидѣлъ на краю улицы бѣгущую толпу.

Зоркимъ и опытнымъ глазомъ старый фельдфебель сразу увидѣлъ или смекнулъ, въ чемъ дѣло. Слухи о сосѣднихъ бунтахъ не разъ доходили въ Рускино, и онъ самъ невольно ожидалъ того же и въ Рускинѣ.

— Да, вѣстимо, вотъ оно!—выкрикнулъ онъ вслухъ, хотѣлъ было вернуться домой, предупредить священника, но, сдѣлавъ шага три, повернулъ назадъ, снова выбѣжалъ за калитку и бросился къ ротному двору.

Старикъ шелъ быстро и все ускорялъ шагъ, но затѣмъ услыша новый взрывъ гула голосовъ, какъ будто веселый или дико радостный, онъ уже побѣжалъ.

Этотъ дикій взрывъ голосившей толпы окончательно убѣдилъ его, что онъ не ошибается.

— Что будетъ? Создатель!—воскликнулъ онъ вслухъ на бѣгу.— Пропалъ мой ротный. И не отстоишь его.

Въ ту же минуту со двора дома, мимо котораго бѣжалъ Петровъ, вышелъ докторъ Шпицъ и, удивленный, выговорилъ:

— Что такое? Старый фельдфебель, и этакъ?..

— Бунтъ, бунтъ! Карлъ Карловичъ. Уходи, спасайся! Изувѣчать!—черезъ силу выкрикнулъ старикъ, задыхаясь на бѣгу.

Шпицъ вытаращилъ глаза, но, тотчасъ завидя въ концѣ улицы темную кучу тоже бѣгущаго народа, повернулся и съ мѣста пустился опретью. Черезъ нѣсколько мгновеній онъ былъ уже за сажень десять впереди фельдфебеля.

Графъ Е. А. Салиасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ ¹⁾.

II.

Тетушка.

ВЪ СВОЕМЪ разсказѣ «Бабушка» я не упомянулъ, что у меня, кромѣ нея, была богатая тетья, Антонина Ивановна, жившая въ Москвѣ, которая почему-то не любила меня, а всю свою привязанность отдала моему младшему брату. Послѣ смерти тетушки братъ мой описалъ ея жизнь и свое пребываніе у нея. Эти записки онъ прислалъ мнѣ; онѣ очень типичны, а потому я, съ его согласія, представляю ихъ вниманію читателя.

Вотъ его записки.

Моя тетья, Антонина Ивановна, была одной изъ самыхъ элегантныхъ дамъ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія.

Молодая вдова, лѣтъ двадцати семи, красавица собой, съ прекрасными изящными манерами, блондинка, съ черными жгучими глазами и гордою осанкой, она производила фуроръ на собраніяхъ и балахъ и имѣла массу поклонниковъ изъ среды молодыхъ людей лучшихъ дворянскихъ фамилій, но она никому не отдавала предпочтенія, хотя и позволяла всѣмъ ухаживать за собой. Не только молодежь, но и старики были отъ нея безъ ума. Даже самъ суровый и всегда угрюмый московскій генераль-губернаторъ, графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, не могъ оставаться равнодушнымъ къ ней и, какъ воскъ отъ огня, таялъ передъ «богиней», какъ онъ

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСІ, стр. 881.

называлъ ее, и въ разговорѣ съ этою богиней, упиваясь ея красотою, расточалъ ей банальные комплименты, а она, смѣясь, равнодушно принимала ихъ, какъ должную ей дань. Обладая большимъ богатствомъ, она выписывала свои наряды прямо изъ Парижа и была законодательницею моды; всѣ молодыя дамы завидовали ей, а она, какъ дѣйствительно древняя богиня, гордо и презрительно смотрѣла на всѣхъ. Въ раболѣпствѣ и заискиваніи ея улыбки такъ же не было недостатка, такъ какъ она не расточала ея особенно щедро.

Антонина Ивановна жила въ собственномъ, хорошенькомъ особнякѣ на Арбатѣ. Комнатъ въ немъ было до пятнадцати. Обширная пріемная, большой залъ въ два свѣта съ хорами для музыкантовъ, нѣсколько гостиныхъ, будуаръ, спальня, уборная, ванная, большая столовая, бібліотека, дѣвичьи и другія комнаты,— всѣ онѣ были убраны и меблированы роскошно и со вкусомъ, со множествомъ рѣдкихъ картинъ, бронзы, фарфора и разныхъ бездѣлушекъ, разбѣянныхъ тутъ и тамъ. Прислуги у нея было человѣкъ до сорока, помѣщавшихся въ отдѣльномъ флигелѣ на дворѣ. Лакеи и горничныя были превосходно вымуштрованы, и всѣ приказанія ея исполнялись моментально и съ образцовой точностью. Салоны ея посѣщались не одними великосвѣтскими людьми, но и писателями, художниками, и артистами, въ числѣ которыхъ бывали: Гоголь, Загоскинъ, Скоти, Рабусъ, Щепкинъ и другіе. Я жилъ у тети и часто видалъ ихъ; мнѣ было тогда десять лѣтъ. Особенно сильное впечатлѣніе производили на меня: Тургеневъ—своей колоссальной фигурой и Гоголь—своимъ длиннымъ носомъ и не то печальнымъ, не то сосредоточеннымъ лицомъ. Онъ рѣдко оживлялся, а большей частью сидѣлъ молча, въ сторонкѣ отъ другихъ. Тетя относилась къ нему съ большимъ уваженіемъ. Но страннѣе всѣхъ было видѣть здѣсь Щепкина, съ его неуклюжей, низкорослой, полной фигурой и малороссійскимъ выговоромъ. А между тѣмъ своими веселыми юмористическими разсказами и анекдотами онъ притягивалъ къ себѣ все общество. Онъ обладалъ неподражаемымъ юморомъ, и когда что нибудь разсказывалъ, то всѣ отъ души и долго смѣялись. Раза два читалъ и Гоголь отрывки изъ своихъ сочиненій; онъ читалъ превосходно и любилъ, чтобы его слушали со средоточеннымъ вниманіемъ, а потому, я помню, онъ во второй разъ не докончилъ своего чтенія, такъ какъ замѣтилъ, что двое изъ слушавшихъ начали перешептываться между собою. Гоголь, ни слова не сказавъ, всталъ, сложилъ свою рукопись, раскланялся съ тетей и, несмотря на ея просьбы, разсерженный, уѣхалъ домой.

Иногда устраивались и музыкальные вечера, на которыхъ пѣли модные тогда романсы, играли на рояли, скрипкѣ и віолончели, и все болѣе или менѣе знаменитые артисты.

Я сирота бѣдныхъ родителей, у меня былъ только братъ, старше меня, жившій въ Кіевѣ у бабушки. Тетя воспитывала меня, какъ

родного сына. Къ моимъ услугамъ было все: двѣ отдѣльныя комнаты, прислуга, гувернеръ, французъ m-г Бертэ, и воспитатель, нѣмецъ Грюнау. М-г Бертэ — молодой, живой, веселый, пользовался моею не ограниченной любовью: онъ позволялъ мнѣ все, я при немъ шалилъ и нисколько не стѣснялся, онъ требовалъ отъ меня только одного—хорошо говорить по-французски, и слѣдилъ за чистотою моего выговора. Старикъ Грюнау, напротивъ, былъ сухой, черствый педантъ, любившій во всемъ аккуратность, исполнительность и порядокъ, и за каждую шалость или дурно произнесенную нѣмецкую фразу, за малѣйшее невниманіе къ его словамъ онъ строго взыскивалъ съ меня и даже нерѣдко наказывалъ, оставляя меня безъ послѣдняго блюда или лишая прогулки, и я его не любилъ и боялся. Они обязаны были проводить время со мною черезъ день, и дни, проводимые съ m-г Бертэ, были счастливыми для меня днями. Мы устраивали съ нимъ различныя игры и развлечения, на которыя онъ былъ большой мастеръ и выдумщикъ; время у насъ проходило быстро и незамѣтно. Тетя рѣшила не отдавать меня въ гимназію, а приготовить прямо въ университетъ, и потому ко мнѣ ходило нѣсколько человѣкъ учителей. Изъ нихъ особенной моею любовью пользовался учитель русскаго языка, Иванъ Ермолаевичъ Соснецкій, человѣкъ еще молодой, но очень полный и красивый. Онъ прекрасно зналъ свой предметъ, но еще лучше передавалъ его. Его объясненія были такъ просты и понятны, что я, не лишенный нѣкоторыхъ способностей, легко усваивалъ ихъ себѣ. Зато учитель латинскаго языка, не помню его фамиліи, былъ пренепрятный человѣкъ: онъ выставялъ мнѣ дурныя отмѣтки не за то, что я плохо отвѣчалъ урокъ, а за то, что я во время урока кашлялъ или сморкался, чего онъ терпѣть не могъ.

Лѣто мы проводили въ подмосковномъ имѣніи тети, гдѣ былъ прекрасный домъ и большой прелестный садъ, съ прудомъ, аллеями, фонтанами, бесѣдками, статуями и различными затѣями, со множествомъ клумбъ, усаженныхъ чудными цвѣтами. Главный садовникъ былъ нѣмецъ, хорошо знавшій и любившій свое дѣло.

Вотъ тутъ-то намъ съ m-г Бертэ было полное раздолье. Мы катались верхомъ или на лодкѣ, бѣгали взапуски, гонялись за бабочками, изъ которыхъ потомъ составляли коллекціи, собирали травы и разныя растенія для гербарія, играли въ мячъ, въ серсо и другія игры на воздухѣ, однимъ словомъ, чудно проводили время. Съ нѣмцемъ же, наоборотъ, все шло чинно, степенно, размѣренно. Единственное развлеченіе, которое онъ позволялъ мнѣ, — это уженье рыбы, да и то было очень скучное, такъ какъ производилось среди мертвой тишины и неподвижности, и я не любилъ его. Онъ одѣвался плохо и былъ очень скупъ, его единственной мечтой было скопить побольше денегъ и уѣхать въ свой Vaterland, который онъ ставилъ превыше всего, называя Россію варварской

страной, полной невѣжества и отсталости. Между тѣмъ, легкомысленный м-г Бертэ проводилъ веселую, беззаботную жизнь, тратя на наряды и удовольствія все, что получалъ, не думая и не заботясь о будущемъ. Онъ не имѣлъ фанатической привязанности къ своему отечеству и говорилъ, что жить вездѣ хорошо, гдѣ весело. Онъ развивалъ во мнѣ либерализмъ и крайнюю свободу мыслей, а Грюнау, осуждая его направленіе, старался привить мнѣ повиновение и неуклонное исполненіе моихъ прямыхъ обязанностей, не анализируя и не разсуждая. Такимъ образомъ я росъ и развивался между двухъ крайностей: съ одной стороны, я горѣлъ на огнѣ, а съ другой—замерзалъ во льду. Но все, повидимому, приноситъ свою пользу: благодаря м-г Бертэ, я не сдѣлался крѣпостникомъ и ретроградомъ, а, благодаря Грюнау, изъ меня не образовался нигилистъ, и я сумѣлъ найти середину. Вліяніе каждаго изъ нихъ произвело на меня хорошее дѣйствіе и дало болѣе правильный взглядъ на жизнь.

Такими же несомвѣстимыми крайностями отличалась и тетя. Насколько она была мила, любезна и добра въ обществѣ, настолько ужасна и жестока для своихъ крѣпостныхъ. Всѣ ея боялись, всѣ передъ ней трепетали. За малѣйшую провинность она наказывала немилосердно. И все это она дѣлала спокойно и хладнокровно, никогда не возвышая голоса, не выказывая и тѣни гнѣва на лицѣ. Странно, какъ въ такомъ прекрасномъ тѣлѣ могли уживаться два противоположныя качества, какъ добро и зло? Что она была добра—это не подлежало никакому сомнѣнію: она участвовала во многихъ благотворительныхъ обществахъ и всегда искренно приходила на помощь несчастнымъ и обездоленнымъ, и въ то же время саморучно хлестала туфель по щекамъ своихъ горничныхъ и порола на конюшнѣ своихъ лакеевъ.

Жизнь ея проходила приблизительно такъ.

Просыпалась она обыкновенно въ десять часовъ и пила кофе въ постели, затѣмъ брала ванну и переходила въ уборную, гдѣ уже ожидала ее камеристка съ своей помощницей для чесанія ея волосъ и затѣмъ одѣванія, что продолжалось до двѣнадцати часовъ. Въ двѣнадцать, свѣжая, нарядная и слегка напудренная, выходила она къ завтраку въ столовую, гдѣ я съ м-г Бертэ и Грюнау уже дожидались ея. Ласково поздоровавшись съ нами, она разспрашивала меня, какъ я провелъ утро и какъ занимался. Послѣ завтрака она уходила къ себѣ. Въ два часа начинался у нея пріемъ, или она уѣзжала съ визитами. Ѣздила она всегда въ каретѣ четверней, цугомъ, съ форрейторомъ и двумя ливрейными лакеями на запяткахъ. Въ шесть часовъ обѣдъ, къ которому обыкновенно приглашались нѣкоторые изъ ея знакомыхъ. А послѣ обѣда она уѣзжала или въ театръ, или куда нибудь на вечеръ или на балъ. Раза три или четыре въ зиму она устраивала у себя

балы, на которыхъ присутствовало губернское общество, веселившееся до утра.

Лѣто мало вносило измѣненій въ образъ ея жизни, она проводила ее въ имѣннн такъ же весело, какъ и въ Москвѣ. Ѣздила къ сосѣдямъ или сосѣди къ ней, устраивала пикники, кавалькады или прогулки по парку, игры и танцы на воздухѣ.

Такъ проходила жизнь изъ года въ годъ, такъ прошло шесть лѣтъ. Я поступилъ въ университетъ и простился съ м-г Бертэ и Грюнау; послѣдннй уѣхалъ въ свой Vaterland, а м-г Бертэ, по рекомендаціи тети, поступилъ къ какому-то графу. Я въ шестнадцать лѣтъ повелъ самостоятельную жизнь. Лекціи, профессора, товарищи—все было для меня ново, все меня прельщало, но я, благодаря Грюнау, не увлекся и не сбился съ пути. Товарищи посѣщали меня, но то были трезвые, хорошіе малые, и тетя не запрещала мнѣ принимать ихъ.

Въ концѣ этого года съ моей тетей случилось нѣчто совершенно неожиданное—она влюбилась. И влюбилась въ человѣка ничтожнаго, недостойнаго ея.

На одномъ вечерѣ ей представили молодого авантюриста, неизвѣстнаго происхожденія, называвшаго себя маркизомъ Альбертомъ. Онъ имѣлъ красивую наружность: высокій, стройный, съ черными глазами и черными усами à la Napoléon. Онъ обворожилъ ее своимъ прекраснымъ парижскимъ выговоромъ, веселой болтовнею, смѣлостью и ѣхальной дерзостью. Получивъ сначала позволеніе посѣщать въ извѣстное время ея салонъ, онъ въ короткое время незамѣтно сдѣлался ежедневнымъ ея гостемъ. На вечерахъ и въ театрѣ она постоянно бывала съ нимъ. Всѣ обратили на это вниманіе, и лучшіе люди отшатнулись отъ нея, но тетя не смутилась этимъ и продолжала принимать его интимно. На лѣто она пригласила его къ себѣ въ имѣніе. Этого только и хотѣлось маркизу Альберту. Тутъ сближеніе ихъ пошло быстрѣе, стѣсняться было некого: всегда неразлучны, одни, природа, прогулки при лунѣ, катанье верхомъ или на лодкѣ и... остальное понятно. Но онъ этимъ не удовольствовался, онъ желалъ большаго и мало-по-малу совершенно подчинилъ ее себѣ и сдѣлался настоящимъ властелиномъ. Куда дѣвались ея гордость, ея самостоятельность? Она обратилась въ его рабу и готова была исполнять всѣ его капризы, лишь бы только увидѣть улыбку на его лицѣ.

Первое время они стѣснялись меня, и когда я, входя, заставалъ ихъ близко сидящими другъ около друга, они тотчасъ раздвигались, а потомъ перестали стѣсняться. Но я съ своей стороны старался какъ можно рѣже бывать съ ними, тѣмъ болѣе, что мы съ маркизомъ питали другъ къ другу взаимную антипатію, и я большею частью проводилъ время внѣ дома, иногда по нѣсколькимъ днямъ не види ихъ, такъ какъ по сосѣдству у меня было много

пріятелей. Тетя какъ будто и не замѣчала этого, а въ душѣ она, вѣроятно, была благодарна мнѣ за мою деликатность. Всѣ сосѣди перестали ѣздить къ тетѣ, прислуга втихомолку перешептывалась и смѣялась надъ ними. Маркиза никто не любилъ. Онъ былъ человекъ своенравный, вспыльчивый и злой. Удивительно, какъ тетя могла переносить всѣ его капризы! Но она просто благоговѣла передъ нимъ. Сколько разъ онъ пьяный принимался шумѣть, кричать и издѣваться надъ ней, и она лаской старалась успокоить его. А когда онъ засыпалъ, она долго плакала и не могла заснуть. Утромъ онъ просилъ у нея прощенья, и все шло попрежнему. Люди говорили, что онъ околдовалъ ее, приворожилъ къ себѣ какимъ нибудь заморскимъ зельемъ. А какъ часто онъ измѣнялъ ей, о томъ она ничего не знала, да никто и не осмѣлился бы сказать ей изъ боязни быть заперотымъ на смерть. Ко мнѣ онъ относился свысока, но я не обращалъ на это вниманія и не вступалъ съ нимъ ни въ какіе споры и пререканія, а всегда вѣжливо и холодно обходился съ нимъ. Я помнилъ одно, что всѣмъ я обязанъ своей тетѣ и не имѣю никакого права судить ее, но мнѣ было искренно жаль ее. Если-бъ я былъ ея братомъ, то непременно вызвалъ бы его на дуэль и уничтожилъ. Но въ моемъ положеніи я не могъ спасти ее отъ гибели, къ которой она медленно, но вѣрно шла. Такъ слабое животное, очарованное взглядомъ змѣи, само стремится къ ней на свою погибель. Нашлась одна смѣлая, благородная личность изъ ближайшихъ сосѣдокъ, съ которой тетя прежде была особенно дружна, Анна Петровна Арцыбашева, которая захотѣла открыть ей глаза и вывести на свѣжую воду ея маркиза.

Однажды она съ этою цѣлью пріѣхала къ тетѣ, и случилось такъ, что маркиза въ это время не было дома, онъ ушелъ на охоту, а я сидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ съ той гостиной, гдѣ тетя приняла Арцыбашеву. Тетя очень обрадовалась ея пріѣзду и приняла ее съ распростертыми объятіями, она давно не видалась съ нею. Сначала онѣ заговорили о постороннемъ, а потомъ Анна Петровна прямо перешла къ дѣлу.

— Послушай, та chère,— сказала она,— когда ты бросишь своего маркиза?

— Annette, какой странный вопросъ!—возразила тетя.

— Ничего нѣтъ страннаго въ этомъ вопросѣ,—въ свою очередь возразила Арцыбашева,— онъ такъ естественъ. Ваша связь продолжается слишкомъ долго, пора ее прекратить. Послушай, что говорятъ всѣ сосѣди, какъ они смѣются надъ тобой. Мнѣ такъ жаль, такъ жаль тебя, что я, наконецъ, рѣшилась пріѣхать и просить тебя прекратить эту связь. Онъ дурной человекъ, онъ не достоинъ тебя...

— Напротивъ, я не достойна его,—прервала тетя.

— Ха-ха-ха! ха-ха-ха!—расхохоталась Анна Петровна,— пожалуйста, не смѣши меня, та снѣге: ты извѣстная старинная дворянка, а онъ неизвѣстный авантюристъ, проходимецъ, шарлатанъ, задавшійся дѣлюю обобрать тебя, а ты говоришь, что недостойна его. Ты или шутишь, или не въ своемъ умѣ. Иначе я не могу понять твоихъ словъ.

— Напрасно! — медленно отвѣтила тетя,—я говорю совершенно серьезно и передъ тобой не стану скрыватьсь. Я люблю его безумно, страстно! Я готова отдать ему не только все, что имѣю, но и самую жизнь свою...

Тутъ голосъ тети оборвался, и она заплакала.

— Успокойся, Тоня, успокойся, не плачь, поговоримъ, какъ слѣдуетъ... разсудимъ...—уговаривала Анна Петровна плакавшую тетю.—Ты знаешь, какъ я люблю тебя, какъ желаю тебѣ добра, счастья...

— Ахъ! мое счастье заключается въ немъ одномъ, — нервно перебила тетя.—Жить съ нимъ и умереть съ нимъ—другого счастья я не желаю!

— Господь съ тобой! Да что ты находишь въ немъ хорошаго?..

— Да если въ немъ и ничего нѣтъ хорошаго, я все-таки люблю его и не могу безъ него жить.

— Ну, въ такомъ случаѣ, нечего съ тобой больше и говорить: ты прямо сумасшедшая!—твердо заявила Арцыбашева, а черезъ минуту спросила:—ну, а если бъ ты узнала, что онъ тебѣ измѣняетъ, ты все-таки не перестала бы его любить?

— Нѣтъ, онъ никогда мнѣ не измѣнитъ, — быстро возразила тетя,—и я никогда не перестану его любить. Я не повѣрю никакой клеветѣ на него. Онъ далъ мнѣ клятву, и я вѣрю ему.

— Нѣтъ, ты сумасшедшая, ей-Богу, сумасшедшая!

Анна Петровна даже всплеснула руками.

— Ты неизлѣчима,—добавила она черезъ минуту.

— Это правда,—отвѣтила тетя,—моя любовь умереть вмѣстѣ со мной. И ты не старайся ее вырвать.

Пріятелиницы холодно простились.

Разговоръ съ Анной Петровной не произвелъ никакого вліянія на тетю: такъ сильно овладѣла ею страсть; она даже и не пробовала бороться съ нею.

Осенью маркизъ уговорилъ тетю поѣхать за границу. Она согласилась. Да и что оставалось ей дѣлать? Знакомства прекратились, всѣ ея чуждались. Прощаясь со мной, она горько плакала. Я остался одинъ.

Прошло два года. Я былъ уже на послѣднемъ курсѣ. За это время я получилъ отъ тети не болѣе двухъ, трехъ писемъ, въ которыхъ она ни слова не писала о себѣ и о своей жизни за границей, а только заботливо спрашивала о моей, интересуясь

моими занятіями. Но, должно быть, жизнь ея была не завидна, потому что она въ этомъ году прислала управляющему приказъ собрать оброкъ съ ея крестьянъ и продать лѣсъ въ ея большомъ имѣніи на Волгѣ. Носились слухи, что она обвинчалась съ маркизомъ. Еще черезъ три года управляющій снова получилъ отъ нея приказъ продать ея Волжское имѣніе. Я уже окончилъ курсъ и имѣлъ хорошее казенное мѣсто, такъ что могъ жить самоотчужденно. Прошло еще три года, тетя прислала мнѣ дарственную на ея домъ на Арбатѣ со всѣмъ находящимся въ немъ имуществомъ, а подмосковную велѣла продать и деньги выслать ей. Не имѣя возможности содержать такой большой домъ, я продалъ его и купилъ себѣ маленькій. Я жилъ счастливо, вполне обеспеченный. Потомъ я женился. Время проходило незамѣтно. Съ отъѣзда тети прошло двѣнадцать лѣтъ. У меня было двое дѣтей. О тетѣ въ послѣдніе два года не было ни слуху, ни духу, и я ничего не зналъ о ней.

Однажды вечеромъ сидѣлъ я съ своей семьей за чаемъ, вдругъ мнѣ докладываютъ, что пріѣхала какая-то немолодая дама и спрашиваетъ меня. Я вышелъ и увидалъ скромно одѣтую совершенно сѣдую старуху,—то была моя, когда-то элегантная красавица, тетя, Антонина Ивановна. Въ первую минуту я не узналъ ея. Она бросилась ко мнѣ на грудь и зарыдала. Тутъ вошла моя жена. Я познакомилъ ихъ. Мы отвели тетѣ отдѣльную комнату и приняли всѣ мѣры для ея спокойствія. Она осталась у насъ. Мы заботились о ней, какъ о родной матери. Моя жена относилась къ ней нѣжно и почтительно. Ни одного вопроса мы не сдѣлали ей о ея прошломъ, жалѣя ея и щадя ея самолюбіе. Она это замѣчала и была очень благодарна намъ. Впослѣдствіи она сама рассказала мнѣ о своей жизни за границей. Повѣсть эта очень грустная и можетъ служить назиданіемъ для многихъ, увлекающихся безумной страстью. Вотъ что рассказала мнѣ тетя, я передаю это своими словами.

Пріѣхавъ въ Парижъ и занявъ дорогой отель, они зажили хорошо и весело. Завелись знакомые, начались пріѣзды, и они стали удивлять всѣхъ своими роскошными обѣдами и вечерами. Вскорѣ они обвинчались, и года два маркизъ велъ себя прилично. Потомъ, понемногу онъ сталъ уклоняться отъ семейной жизни, заводя на сторонѣ легкія связи, но тетя, когда ей передавали объ этомъ, не вѣрила, любя его безумно. Съ каждымъ годомъ онъ все больше и больше охладѣвалъ къ ней, велъ праздную и распутную жизнь и совершенно пересталъ церемониться съ тетей. Однажды онъ дошелъ до такого нахальства, что привелъ къ ней свою любовницу, какую-то шансонетную пѣвицу и заставилъ тетю принять ее. Произошла возмутительная сцена, послѣ которой тетя захворала и долго пролежала больная между жизнью и смертью. Онъ раскаялся

и снова обратился къ ней. Она, разумѣется, простила его, и все пошло попрежнему до новаго подобнаго случая. Затѣмъ скандалъ и снова примиреніе. Что дальше—то хуже. Сколько разъ тетя грозила ему, что бросить его, но онъ этому не вѣрилъ, зная ея сильную любовь къ нему. И дѣло ограничивалось только тѣмъ, что они уѣзжали на нѣкоторое время изъ Парижа и путешествовали по Италіи и Швейцаріи. Путешествіе немного отрезвляло его. Чудная природа этихъ странъ, собраніе рѣдкихъ искусствъ и древніе памятники, встрѣчающіеся на каждомъ шагу — все занимало его и отвлекало отъ безпутной жизни. Но, вернувшись въ Парижъ, онъ снова принимался за свою прежнюю жизнь со скандалами и раскаяніями. Такъ шло время изъ года въ годъ. Тетя совсѣмъ потеряла вѣру въ его исправленіе, она страдала и мучилась, но все не переставала его любить. Удивительно устроено сердце человеческое! Сколько въ немъ неразгаданнаго и непонятнаго! Какой психологъ пойметъ и объяснитъ его? Оно такъ же непонятно, какъ древняя магія, написанная на неизвѣстномъ языкѣ. Эта когда-то такая гордая и безупречная женщина, такъ высоко стоявшая въ обществѣ и презрительно смотрѣвшая на всѣхъ, окружавшихъ ее, теперь унижалась передъ ничтожною личностію, отдавъ ему и сердце, и душу и все, чѣмъ она такъ дорожила, и позволяла ему нагло издѣваться надъ собой и топтать въ грязь ея беззавѣтную любовь, самолюбіе и женскую стыдливость. Она переродилась до неузнаваемости. Она на колѣняхъ просила его бросить грязную жизнь, она умоляла, цѣловала его руки; а онъ, холодно усмѣхаясь, съ каменнымъ равнодушіемъ выслушивалъ ея страстныя горячія мольбы, барабанивъ по столу пальцами и насвистывая въ то же время какую нибудь шансонетную пѣсенку. А потомъ вставалъ и уѣзжалъ къ своимъ любовницамъ. Сколько слезъ пролила бѣдная тетя, сколько мукъ и терзаній перенесла она! А все любила! Страшная нравственная драма совершалась въ то время въ ея душѣ, таинственная, скрытая отъ всѣхъ! И тѣмъ болѣе ужасная, что тетя не могла никому открыть ее, выплакать свое мучительное подавляющее горе на груди близкаго и любящаго ее существа и черезъ то получить себѣ утѣшеніе! Только одинъ Богъ зналъ, что она переживала! Но ей готовилось еще большее испытаніе...

Однажды, въ ея отсутствіе онъ утащилъ у нея десять тысячъ рублей и уѣхалъ куда-то. Прошло три мѣсяца, и тетя не имѣла о немъ никакого извѣстія. Она предалась отчаянію, думая, что онъ погибъ или безжалостно бросилъ ее. Она вездѣ справлялась о немъ и нигдѣ не могла найти и слѣдовъ его. Но въ одинъ печальный день онъ неожиданно явился передъ ней. И въ какомъ видѣ! Оборванный, съ опухшимъ и избитымъ лицомъ, упалъ передъ ней на колѣни и сталъ просить прощенія, признавшись, что онъ попалъ въ дурное общество, гдѣ его обыграли и избили, заподозрѣвъ въ

шуллерствѣ. И тетя простила его! И снова началась хорошая жизнь. Тетя такъ радовалась, думая, что этотъ урокъ послужитъ къ его исправленію, и не жалѣла о деньгахъ, которыя онъ прокутилъ. Но, къ сожалѣнію, это продолжалось не особенно долго: онъ мало-помалу снова вернулся къ своей прежней жизни,—горбатаго, видно, исправить одна могила. Въ это время они жили въ Соренто, на берегу моря, въ хорошенькой виллѣ.

Разъ онъ вернулся домой сильно пьяный, и на упреки тети, что онъ обманываетъ ее, не держитъ своихъ обѣщаній вести себя прилично, онъ началъ шумѣть, а потомъ бросился къ ней и принялся ее бить. Глубоко оскорбленная, несчастная женщина въ безумномъ порывѣ, не сознавая, что дѣлаетъ, выбѣжала изъ дома и бросилась въ море. Но на ея счастье случившіяся тутъ рыбаки тотчасъ вытащили ее и привели въ чувство. Долго послѣ того хворала тетя, здоровье ея совершенно разстроилось, сердце ея было разбито, душа угнетена. Но она не переставала любить. Онъ немного исправился, хотя и продолжалъ пить. По переѣздѣ въ Парижъ, онъ все больше и больше сталъ проигрывать, а тетя платить. Состояніе ея совсѣмъ разстроилось. Тутъ она продала свое послѣднее подмосковное имѣніе. Но при такой жизни вырученныхъ денегъ, хотя и довольно значительныхъ, не могло надолго хватить. Впереди грознымъ призракомъ вставала нужда, со всѣми ея ужасающими послѣдствіями. Тетя приходила въ отчаяніе, не зная, что она будетъ дѣлать потомъ. Но вскорѣ все разрѣшилось такъ, какъ она не ожидала. Онъ былъ уличенъ въ шуллерствѣ и подлогѣ и, наканунѣ ареста, застрѣлился... Отчаяніе тети было безмѣрно, она сама не понимала, какъ пережила это. Съ полгода она прожила еще въ Парижѣ, каждый день навѣщая его могилу и убирая ее цвѣтами. Она состарилась, поѣдѣла и потеряла все свое состояніе.

— Такъ горячо я его любила,—закончила тетя свой грустный рассказъ,—и эта любовь погубила меня!

Теперь она имѣла видъ шестидесятилѣтней старухи, тогда какъ ей не было и пятидесяти. Она стала такая тихая, кроткая, безпомощная, ко всему равнодушная и безучастная. Цѣлые дни она просиживала въ своей комнатѣ, не выходя изъ нея и никого не принимая; на столикѣ передъ нею стоялъ его портретъ. Ее тяготило даже присутствіе кого либо изъ насъ.

Никогда я не слыхалъ отъ нея ни одного укоризненного слова ея тирану-мужу. И, бывалъ, скажешь ей:

— Ахъ, тетя, какой онъ нехорошій и злой былъ!

Она всегда возразитъ:

— Нѣтъ, пожалуйста, не говори такъ, мой милый: онъ былъ добрый, хорошій человекъ, но, къ несчастію, всегда попадалъ въ дурное общество и его, какъ слабохарактернаго, портили и заста-

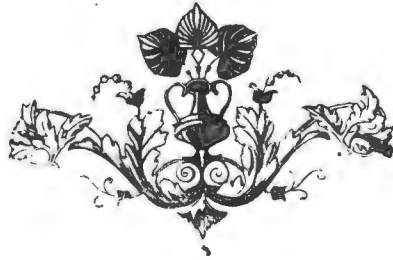
вляли дѣлать то, чего бы онъ никогда не сдѣлалъ, если бы былъ окруженъ хорошими людьми.

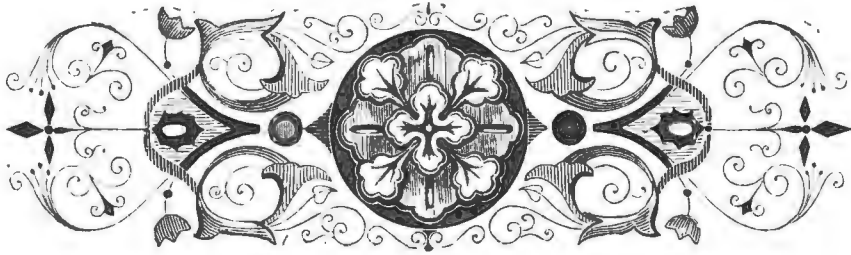
До такой степени любовь къ нему ослѣпила ее.

Прожила она у насъ недолго. Черезъ полгода ея не стало. Передъ смертью она завѣщала положить съ нею его портретъ.

Бѣдная, несчастная тетя! Что можно сказать въ твою защиту? Любовь погубила!

Н. И. Перельгинъ.

ШЕСТИМЪСЯЧНОЕ ЦАРСТВОВАНИЕ ПЕТРА III ¹⁾.

Историко-біографическій очеркъ.

III.

НЕОЖИДАННОЕ измѣненіе русской политики и миръ съ Пруссіей взволновали всѣ европейскіе кабинеты. Болѣе всего подѣйствовала эта перемѣна на Австрію, которая вдругъ потеряла своего главнаго союзника въ борьбѣ съ заклятымъ врагомъ. Официально сообщилъ объ этомъ австрійскому правительству русскій посланникъ, князь Голицынъ. По его словамъ, русскій императоръ не нуждался болѣе въ австрійскихъ субсидіяхъ и жертвовалъ свои завоеванія въ пользу мира. Сначала австрійскіе министры, Кауницъ и Коллоредо, старались затянуть дѣло и все отлагали, предлагаемый Россіей, мирный конгрессъ. Петръ III, находясь совершенно подъ вліяніемъ Пруссіи, написалъ подъ диктовку графа Гольца заявленіе, въ которомъ диктаторскій тонъ перваго сообщенія замѣнился угрозой. Онъ уже прямо объявлялъ, что если Австрія не помирится съ Пруссіей, то онъ будетъ принужденъ со своими военными силами присоединиться къ прусскому королю, какъ къ единственному средству возстановить миръ въ интересахъ человѣчества.

Дѣйствительно, Петръ III приказалъ русской арміи подъ начальствомъ Чернышева, вмѣстѣ съ пруссаками, нанести Австріи

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСІ, стр. 891.

окончательный ударъ. Не удивительно, что при такой рѣзкой перемѣнѣ фронта въ политикѣ Россіи австрійскій посланникъ счелъ нужнымъ спрятать въ карманъ свою гордость и первымъ поѣхать къ принцу Георгу Гольштинскому. Въстѣ съ тѣмъ онъ просилъ свое правительство отозвать его изъ Петербурга и совѣтовалъ, что при такихъ новыхъ обстоятельствахъ Австріи приличнѣе имѣть въ Россіи резидента третьяго ранга, преимущественно военнаго, такъ какъ это будетъ соответствовать настроенію императора, вполне сочувствовавшаго военнымъ.

Но если австрійскій посланникъ былъ вынужденъ обстоятельствами умѣрить свой тонъ, то французскій нимало не понизилъ своего высокомерія. Министерство вполне его поддержало; на требованіе русскаго императора заключить съ Пруссіей миръ, оно отвѣчало строго и саркастически отъ имени Людовика XV.

— Всего важнѣе, — гордо сказалъ Шуазель русскому посланнику въ Парижѣ, графу Чернышеву, — сохранить торжественное обязательство, принятое въ отношеніи союзниковъ.

Король былъ такъ разгнѣванъ перемѣной политики императора, что публично отвергивался отъ Чернышева и какъ бы не замѣчалъ его присутствія. Естественно, французское правительство не согласилось, чтобы его посланникъ посѣтилъ первый принца Гольштинскаго, и Шуазель увѣдомилъ Чернышева, что Бретель будетъ отозванъ изъ Петербурга, а на его мѣсто назначатъ третьестепеннаго резидента.

Въ виду такого рѣшительнаго шага французскаго правительства Чернышеву было приказано потребовать паспортъ, и первымъ плодомъ политики Петра III было открытое расторгненіе дружественныхъ сношеній съ Франціей.

Само собой разумѣется, что сношенія Россіи съ Англіей должны были отличаться самымъ дружественнымъ характеромъ. Но императоръ своей безтактностью едва не нарушилъ и дружбы съ Англіей: онъ показалъ Гольцу секретную депешу князя Голицына, русскаго посла въ Лондонѣ, который сообщалъ тайныя намѣренія англійскаго министра Бьюта относительно Пруссіи. Въ то время Англіи уже надоѣло выдавать субсидіи Фридриху и поддерживать его воинственныя дѣйствія противъ Австріи, а потому она явно склонялась къ миру. Разумѣется, Фридрихъ, узнавъ отъ Петра III объ ея намѣреніяхъ прекратить наступательный союзъ съ нимъ, пришелъ въ ярость и едва не порвалъ сношеній съ англійскимъ министерствомъ.

Однако, англійское правительство не выразило своего открытаго негодованія на странное поведеніе Петра III, такъ какъ ему была полезна перемѣна въ его политикѣ. Что же касается Россіи, то въ это время изъ Лондона уѣхалъ Голицынъ, назначенный еще Елисаветой вице-канцлеромъ, и Петръ на его мѣсто послалъ Воронцова, племянника канцлера. Въ инструкціяхъ новому посланнику

было предписано: возстановить дружественныя отношенія между Англіей и Пруссіей и побудить первую изъ этихъ державъ присоединиться къ прусско-русской лигѣ и, во что бы то ни стало, посягнуть раздоръ между Англіей и Даніей.

Данія болѣе всѣхъ европейскихъ государствъ испугалась восшествія на престолъ Петра III, который, какъ герцогъ Гольштинскій, наслѣдовалъ всѣ права на сѣверный Шлезвигъ, уступленный Даніей трактатами 1720, 1732 и 1734 годовъ, подъ гарантіей Англіи, Франціи, Австріи и Швеціи. Она немедленно приняла мѣры къ вооруженію своей арміи и крѣпостей. Естественно, что все вниманіе императора обратилось на эту державу, и онъ сказалъ Гольцу: «я знаю навѣрно, что датчане меня атакуютъ». Послѣдній старался увѣрить Петра III, что Данія никогда не рѣшится навлечь на себя вражду такого страшнаго врага, какъ Россія, и императору гораздо достойнѣе мирнымъ путемъ, а не силою оружія, добиться того, что Данія, по всей вѣроятности, отдастъ добровольно. «Я полагаю,— прибавилъ Гольцъ,— что извѣстія о враждебныхъ намѣреніяхъ датскаго двора выдуманы непріязненными державами для запутыванія политическихъ дѣлъ изъ боязни соглашенія между Россіей и Пруссіей». 11-го марта, баронъ Корфъ, русскій посланникъ въ Копенгагенѣ, получилъ рескриптъ отъ императора, выразившій его негодованіе на датскія вооруженія, которыя побуждаютъ его официально спросить у короля датскаго: желаетъ ли онъ удовлетворить его законныя требованія относительно Шлезвига, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ приметъ рѣшительныя мѣры для возстановленія своихъ правъ. Датское правительство отвѣчало, что оно готово жить миролюбиво со всѣми своими сосѣдями, и предложило созвать конференцію въ Гамбургѣ или Любекѣ для окончанія недоразумѣній съ Россіей. Между тѣмъ Кейтъ и Гольцъ дѣятельно старались побудить Петра на миролюбивое разрѣшеніе дѣла, такъ какъ обѣимъ державамъ была невыгодна, при существующихъ обстоятельствахъ, новая европейская война.

16-го апрѣля, Петръ неожиданно спросилъ Кейта, что будетъ дѣлать Англія, если вспыхнетъ война между Россіей и Даніей. Англійскій посланникъ воспользовался случаемъ, съ цѣлью убѣдить его, что для русскаго императора потеря нѣсколькихъ гольштинскихъ деревень ничего не значила предъ славой всесвѣтнаго примирителя. Того же взгляда держался Гольцъ, и императоръ сначала, казалось, имъ уступилъ. Онъ увѣдомилъ Корфа, что согласенъ на мирную конференцію въ Берлинѣ, и выбралъ посредникомъ прусскаго короля, а своими уполномоченными: барона Корфа и главнаго изъ своихъ гольштинскихъ совѣтниковъ, Сальдерна. На время всѣ стороны, какъ будто, успокоились.

Швеція, сосѣдка Даніи, была очень озабочена подготовлявшейся войной между Россіей и Даніей, тѣмъ болѣе, что Петръ прямо

требовалъ отъ нея участія въ этой войнѣ. Недавнія военныя дѣйствія противъ Пруссіи совершенно истощили эту страну и, воспользовавшись случаемъ примиренія Россіи съ Пруссіей, она также успѣшила заключить мирное соглашеніе съ Фридрихомъ. Поэтому ей нельзя было думать о новой войнѣ, и ея министръ, Экеблаттъ, откровенно увѣдомилъ объ этомъ русскаго посланника.

Слабѣйшій изъ всѣхъ союзниковъ европейской лиги, король польскій, курфюрстъ саксонскій, былъ обезпеченъ болѣе всѣхъ державъ переменъ въ русской политикѣ и союзомъ ея съ Пруссіей. Дѣйствительно, одной изъ первыхъ мыслей Петра по восшествіи на престолъ было сверженіе принца Карла Саксонскаго съ курляндскаго престола и назначеніе на его мѣсто дяди своего, Георга Гольштинскаго. Узнавъ объ этомъ намѣреніи императора, Польша тѣмъ болѣе перепугалась, что Курляндія была ея номинальнымъ вассаломъ. Представитель Россіи въ Курляндіи, Симолинъ, получилъ приказаніе прямо выставить кандидатуру принца Георга; такимъ образомъ, въ Курляндіи враждовали три партіи: принца Карла Саксонскаго, стараго герцога Бирона, только что вернувшася изъ ссылки, и принца Георга.

Наконецъ, и на отдаленной Турціи отразился русско-прусскій союзъ. Сначала Фридрихъ надѣялся, что ему удастся убѣдить турокъ принять его сторону, и онъ поручилъ своему посланнику при Портѣ, Рексину, израсходовать до милліона талеровъ для пріобрѣтенія на свою сторону оттоманскаго правительства. Кромѣ того, были посланы цѣлые транспорты подарковъ для самыхъ вліятельныхъ пашей. Чтобы оказать въ этомъ отношеніи содѣйствіе Фридриху, Петръ приказалъ Воронцову написать Обрѣзкову, русскому послу въ Константинополѣ, что Турція можетъ воспользоваться настоящими обстоятельствами для нападенія на Австрію, не боясь вмѣшательства царя. Этотъ скандальный документъ явно противорѣчилъ старинному союзному трактату между Россіей и Австріей противъ Турціи. Однако, несмотря на всѣ старанія Фридриха, прусско-турецкій союзъ не удался. Обрѣзковъ, тайно держась старинной русской политики, увѣрилъ Порту, что Пруссія хочетъ воспользоваться Турціей только для собственной пользы. «Мои надежды на дѣйствія турокъ въ Венгріи.—писалъ Фридрихъ 11-го іюня Гольцу,—совершенно разсѣялись».

Такимъ образомъ Петръ III своей новой иностранной политикой въ самое короткое время взволновалъ всю Европу и вмѣсто предполагаемаго общаго примиренія возбудилъ столкновеніе между прежними сторонниками Россіи, раболѣпно подчинивъ ее прежнимъ врагамъ. Мало того, новая политика была непатріотична и противорѣчила всѣмъ цѣлямъ предыдущихъ государей. Даже русскіе савонники иностраннаго происхожденія, какъ, на примѣръ, Остерманъ, Минихъ и Биронъ, никогда не дозволяли иностраннымъ посламъ

вмѣшиваться въ русскія дѣла, а теперь молодой пруссакъ, баронъ Гольцъ, неограниченно управлялъ русской политикой. «Такого позора не бывало со временъ татарскихъ баскаковъ,—говоритъ историкъ Соловьевъ,—но и тогда было легче, ибо рабство невольное не такъ позорно, какъ добровольное».

Конечно, хотя во главѣ иностранныхъ дѣлъ стояли русскіе, канцлеръ Воронцовъ и вице-канцлеръ Голицынъ, но они по слабости характера не протестовали противъ этого позорнаго для страны направленія политики. Въ сущности, Воронцовъ былъ честный человѣкъ, но неспособный къ государственнымъ дѣламъ, особенно въ послѣднее время, благодаря своему болѣзненному положенію. Къ тому же его личныя дѣла были въ ужасномъ беспорядкѣ. такъ какъ жена его страшно мотала, а самъ канцлеръ любилъ собирать рѣдкости, поэтому онъ былъ принужденъ выпросить у Петра дозволеніе занять въ казнѣ 300.000 рублей, вслѣдствіе чего невольно подчинился всѣмъ его капризамъ. Однако, онъ все-таки, насколько могъ, противился вліянію пруссаковъ и противодействовалъ непатріотичнымъ мѣрамъ императора. Такую же маловажную и жалкую роль игралъ и его товарищъ, вице-канцлеръ, князь Голицынъ, только что возвратившійся изъ Лондона.

При Елисаветѣ большое вліяніе на иностранную политику имѣлъ ея фаворитъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, считавшійся правою рукою канцлера, но съ воцареніемъ Петра онъ совершенно ступенчался и не игралъ никакой роли, не желая подчиняться пруссакамъ. Точно также Гольцъ и его сподвижники отстранили отъ дипломатическихъ дѣлъ Волкова, который сначала былъ любимцемъ императора и старался всячески поддержать русское патріотическое направленіе въ политикѣ. Поэтому не удивительно, что пруссаки не терпѣли его и Шувалова, какъ опасныхъ для себя людей.

«Первый и самый опасный человѣкъ здѣсь,—писалъ Шверинъ, правая рука Гольца,—Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Этотъ господинъ не умѣетъ притворяться и скрывать недостойные и позорные замыслы, питаемые имъ въ сердцѣ. Второй изъ этихъ вредныхъ людей—генераль Мельгуновъ, любимецъ императора. Онъ, пожалуй, былъ бы опаснѣе перваго, еслибъ обладалъ такимъ же умомъ. Они двое, и еще Волковъ, самые главные враги наши и императора. Они ждуть только удобнаго случая, чтобъ лишить его престола. Я пространно говорилъ съ нимъ объ этомъ и даже называлъ ихъ по имени, но императоръ отвѣчалъ, что знаетъ о неблагонадежности этихъ лицъ, но далъ имъ столько занятій, что у нихъ нѣтъ досуга думать о заговорахъ, а потому онъ безопасенъ съ этой стороны. Очень прискорбно, что онъ не удалитъ этихъ негодяевъ, потому что могъ бы тогда сидѣть на престолѣ совершенно спокойно. Но, какъ нарочно, императоръ готовъ дать имъ благопріят-

ный случай своимъ предполагаемымъ отъѣздомъ въ армію, назначенную противъ Даніи».

Дѣйствительно, съ каждымъ днемъ отношенія къ Даніи все болѣе и болѣе обострялись. Петръ III въ этомъ случаѣ даже не внималъ своему кумиру—Фридриху. Его ненависть къ Даніи и желаніе увеличить родную ему Гольштинію достигли такихъ размѣровъ, что его не могли удержать ни Фридрихъ, ни Кейтъ, ни даже гольштинецъ Сальдернъ. Сначала онъ, повидимому, соглашался на то, чтобы Данія возвратила только городъ Шлезвигъ, а самъ готовъ былъ отказаться отъ правъ на епископство Любское; но мало-помалу его требованія стали увеличиваться, и онъ уже хотѣлъ овладѣть южнымъ Шлезвигомъ съ Плоэнскими и Сегебергскими владѣніями.

Несмотря на то, что Петръ согласился на мирные переговоры въ Берлинѣ и посредничество Фридриха, онъ выражалъ нетерпѣливое неудовольствіе противъ постоянныхъ отсрочекъ со стороны Даніи, которая видѣла въ этомъ единственное для себя спасеніе. Всѣ государства, обязавшіяся по трактатамъ помочь ей въ борьбѣ за сѣверный Шлезвигъ, теперь отворачивались отъ нея. Шведскій канцлеръ, графъ Экеблаттъ, ссылаясь на истощеніе своей страны; французское правительство выставяло свое финансовое разстройство; Англія отказывалась содѣйствовать Даніи въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, Австрія же не только приносила Данію въ жертву Петру III, но даже предлагала ему субсидію для этой войны. Что же касается Пруссіи, то она всячески подбивала Петра противъ Даніи, доказывая справедливость его требованій и предлагая содѣйствіе прусскихъ войскъ. Но, изъ личныхъ интересовъ и желанія прежде эксплуатировать русскія войска въ свою пользу противъ Австріи, Фридрихъ II только на словахъ поддерживалъ русско-датскую распрю. Поэтому онъ старательно уговаривалъ Петра отсрочить военныя дѣйствія противъ Даніи и, въ сущности, былъ очень радъ датскимъ отлагательствамъ мирныхъ переговоровъ. Между прочимъ Фридрихъ выставялъ необходимость для Петра короноваться прежде похода. «Признаюсь,—писалъ онъ ему,—мнѣ очень бы хотѣлось, чтобы ваше величество уже короновались, потому что эта церемонія производитъ сильное впечатлѣніе на народъ. Я вамъ скажу откровенно, что не довѣряю вашимъ русскимъ. Всякій другой народъ благословлялъ бы небо, имѣя государя съ такими прекрасными и почтенными качествами, какъ у вашего величества; но эти русскіе могутъ не чувствовать своего счастья и, изъ проклятой продажности нѣкоторыхъ изъ нихъ, составить заговоръ въ пользу принцевъ Брауншвейгскихъ». Далѣе въ этомъ же письмѣ онъ совѣтовалъ Петру, если онъ непремѣнно покинетъ Россію до коронаціи, взять съ собою всѣхъ подозрительныхъ людей, въ томъ числѣ всѣхъ иностранныхъ пословъ, и запереть

ихъ въ Висмарѣ или Ростокѣ, оставивъ столицу на попеченіе «своихъ вѣрныхъ гольштинцевъ и ливонцевъ».

На это письмо Фридриха Петръ отвѣчалъ: «Ваше величество считаете необходимымъ для меня короноваться до моего похода ради народа. Но я долженъ вамъ сказать, что не вижу возможности короноваться теперь, когда война почти начата, такъ какъ не успѣю сдѣлать по обычаю великолѣпной коронаціи. Что же касается до Ивана, то я держу его подъ крѣпкой стражей. Если бы русскіе хотѣли сдѣлать мнѣ зло, то могли бы это давно учинить, видя, что я не принимаю никакихъ предосторожностей, предавая себя защитѣ Божіей и ходя пѣшкомъ по улицамъ, что Гольцъ можетъ засвидѣтельствовать. Могу васъ увѣрить, когда умѣешь обходиться съ ними, то можно быть спокойнымъ насчетъ русскихъ. Къ тому же, что бы сказали эти самые русскіе, если бъ я сидѣлъ дома въ то самое время, когда идетъ война въ моей родной землѣ. Они всегда желали одного—быть подъ властью государя, а не женщины. Двадцать разъ я самъ слышалъ отъ солдатъ моего полка: «Дай Богъ вамъ скорѣе быть нашимъ государемъ, чтобы намъ больше не быть подъ властью женщины». Но что всего важнѣе, я никогда не простилъ бы себѣ этой подлой трусости и умеръ бы отъ тоски, когда, будучи первымъ принцемъ своего дома, я остался бы въ бездѣйствіи во время войны за возвращеніе несправедливо отнятаго у моихъ предковъ. Если бы я это сдѣлалъ, ваше величество потеряли бы ко мнѣ всякое уваженіе».

Упоминаемый Петромъ въ этомъ письмѣ Иванъ былъ несчастный узникъ, бывшій императоръ Іоаннъ VI. По предостереженію Фридриха или по личной своей добротѣ Петръ рѣшился его навѣстить. Это свиданіе, по свѣдѣніямъ Кейта и Мерси-Аржанто, происходило въ Шлиссельбургской крѣпости, гдѣ въ то время содержался узникъ, а, по словамъ Соловьева, его привозили въ Петербургъ по приказанію Петра. Вѣроятіе послѣдняго варіанта доказывается сохранившимся тайнымъ указомъ императора шлиссельбургскому коменданту Бередникову, чтобы онъ «выпустилъ арестанта съ командою изъ крѣпости по предъявленіи приказа княземъ Голицынымъ». Гдѣ бы это свиданіе ни состоялось, но не подлежитъ сомнѣнію, что императоръ видѣлся съ узникомъ въ присутствіи Нарышкина, Мельгунова, Волкова и Корфа. Нѣсколько лакеевъ слѣдовали за ними съ подарками—съ часами, съ табакерками, шелковыми халатами и т. п.

По вѣншиности бывшій императоръ отличался высокимъ ростомъ, широкими плечами, длинной косматой бородой и казался на взглядъ гораздо старше своего двадцати-двулѣтняго возраста. Одѣтъ онъ былъ очень просто и грязно. Наконецъ, онъ едва сознавалъ свое происхожденіе и былъ полудіотомъ. Онъ жаловался на грубое обращеніе съ нимъ властей, за исключеніемъ Корфа. Услыша это,

императоръ изъ благодарности крѣпко пожалъ руку Корфу. За тѣмъ узникъ просилъ побольше воздуха въ своемъ помѣщеніи и принялъ отъ императора единственный изъ подарковъ—шелковый халатъ, который онъ обѣщалъ носить по праздникамъ. Разставаясь съ нимъ, Петръ приказалъ шлиссельбургскому коменданту выстроить для Ивана Антоновича новый домъ въ предѣлахъ крѣпости, чтобы онъ могъ пользоваться большей свободой и воздухомъ.

Упомянувъ объ этомъ свиданіи императора съ державнымъ узникомъ, Кейтъ говоритъ: «императоръ видѣлъ Ивана и нашелъ его физически совершенно развитымъ, но съ разстроенными умственными способностями. Рѣчь его была безсвязна и дика. Онъ говорилъ, между прочимъ, что онъ не тотъ, за кого его принимаютъ, и что государь Іоаннъ давно уже взятъ на небо, но онъ хочетъ сохранить притязанія особы, имя которой онъ носитъ».

Между тѣмъ датчане знали очень хорошо, какой будетъ исходъ переговоровъ, какъ бы долго имъ ни удалось ихъ продлить. Конечно, датскій флотъ былъ лучше русскаго, и ихъ четырнадцать линейныхъ кораблей и восемь фрегатовъ, подъ начальствомъ адмирала Фонтеней, были достаточны для блокированія русскихъ кораблей. Къ тому же они могли препятствовать подвозу необходимыхъ припасовъ для русской арміи короткимъ путемъ въ сѣверную Германію.

Что же касается сухопутной арміи Россіи, то она была, если не многочисленнѣе датской, то, во всякомъ случаѣ, превышала своихъ новыхъ враговъ превосходствомъ, такъ какъ состояла изъ ветерановъ, сражавшихся съ успѣхомъ уже пять лѣтъ противъ величайшаго полководца того времени. Русскіе стояли теперь около Кольберга въ прусской Помераніи. Но не задолго предъ тѣмъ, по заключенному трактату, Фридрихъ II обязался отдать имъ эту крѣпость, какъ базисъ военныхъ дѣйствій противъ Даніи. Въ началѣ іюля здѣсь было собрано до 40.000 войска, подъ начальствомъ графа Румянцова, который незадолго предъ тѣмъ былъ въ Петербургѣ и получилъ отъ императора приказаніе считать войну съ Даніей не только неизбѣжной, но какъ бы уже начатой. Поэтому ему предписано было утвердиться въ Мекленбургѣ, прежде чѣмъ датчане войдутъ туда.

Однако, обстоятельства сложились иначе, и датчане первые вошли въ Мекленбургъ. Дѣло было въ томъ, что они, крайне нуждаясь въ деньгахъ, обратились съ просьбой о займѣ къ муниципалитету города Гамбурга, но гамбургцы отказали имъ, боясь мести русскихъ. Датскому правительству были такъ нужны деньги, что оно двинуло отрядъ войска въ Гамбургъ, съ цѣлью поддержать требованія займа въ миллионъ талеровъ. Гамбургцы были принуждены согласиться на это тѣмъ болѣе, что условія займа представлялись выгодными. Это событіе привело Петра въ страшное негодованіе.

Онъ немедленно послалъ приказъ Румянцеву вступить въ Мекленбургъ чрезъ шведскую Померанію. Однако, датчане, предвидя это, рѣшились предупредить русскихъ. Датская армія въ 27.000 человекъ, подъ начальствомъ французскаго генерала Сень-Жермена, перешла чрезъ Траву 9-го іюля и вступила въ Мекленбургъ. Замѣчательно, что Сальдернъ посовѣтовалъ имъ этотъ наступательный шагъ, предпочитая, чтобы война началась на чужой территоріи, а не въ Гольштиніи. Такимъ образомъ, датчане укрѣпились на югѣ отъ Висмара въ очень выгодной позиціи и ждали русскихъ, которые приближались къ нимъ форсированнымъ маршемъ.

IV.

Несмотря на доброту Петра и благія его намѣренія, къ концу его шестимѣсячнаго царствованія все, что онъ дѣлалъ, обращалось во вредъ ему самому и государству. Онъ совершенно измѣнился и сталъ непохожимъ на прежняго Петра. Саксонскій посланникъ Брюль полагалъ, что начало его умственной и нравственной перемѣны совпало съ эпохой переѣзда императора въ новый, великолѣпный Зимній дворецъ. Въ первые четыре мѣсяца 1762 года, цѣлыя толпы рабочихъ безостановочно трудились надъ его окончаніемъ, и Петръ перебрался въ него со всѣмъ своимъ дворомъ въ Страстную субботу 15-го апрѣля. На другой день въ Пасху происходилъ торжественный пріемъ въ новомъ дворцѣ всѣхъ высшихъ сановниковъ, собравшихся, чтобы поздравить императора съ новосельемъ. Хвастаясь блескомъ и великолѣпіемъ новаго жилища, онъ не забывалъ показывать и свою новую библіотеку, доказывавшую ясно, что онъ не былъ такимъ неучемъ, какимъ многіе старались его представить. Четыре огромныя комнаты Зимняго дворца были предназначены для этой библіотеки. Для ежегоднаго ея ремонта и пополненія онъ назначилъ 7.000 рублей и самъ указывалъ по каталогамъ, какія надо покупать книги. Выборъ состоялъ преимущественно изъ путешествій и военныхъ сочиненій. Замѣчательно, что по ненависти съ дѣтства къ латинскому языку онъ не допускалъ въ библіотеку ни одной латинской книги.

Всѣхъ русскихъ и даже иностранцевъ поражало отсутствіе духовенства на торжествахъ открытія новаго дворца. Были отмѣнены всѣ религіозныя процессіи, и въ народѣ стали открыто говорить, что императоръ сдѣлался протестантомъ. Онъ никогда не постился, никогда не причащался, рѣдко посѣщалъ церковь и явно доказывалъ свое пренебреженіе къ православной вѣрѣ, постоянно издѣваясь и оскорбляя священниковъ. Онъ объявилъ первенствующему въ синодѣ, новгородскому архіерею, Дмитрію Сѣчену, что намѣренъ завести во дворцѣ протестантскую часовню для своихъ нѣмецкихъ слугъ. Архіерей отвѣчалъ на это, что русское духовен-

ство никогда не потерпять утвержденія среди него протестантства. Тогда Петръ вышелъ изъ терѣбнїя, назвалъ почтеннаго старца «дуракомъ», объявилъ, что религія, исповѣдуемая королемъ прусскимъ, должна быть хороша для русскихъ, и удалилъ его изъ Петербурга. Однако, архіерей былъ вскорѣ возвращенъ изъ боязни народнаго неудовольствїя. Дѣйствительно, черное и бѣлое духовенство было сильно раздражено противъ Петра. Кейтъ въ своихъ депешахъ упоминаетъ нѣсколько разъ о живѣйшемъ неудовольствїи духовенства противъ императора, а Болотовъ въ своихъ запискахъ говоритъ: «распоряженія Петра возбуждали сильный ропотъ и негодованіе въ его подданныхъ и болѣе всего то, что онъ вознамѣрился было совершенно перемѣнить религію нашу, которой оказывалъ особенное презрѣніе».

Если духовенство питало неудовольствіе противъ императора и его предпрїятій, то еще болѣе озлобилось противъ него войско. Въ сущности онъ любилъ армію и заботился о поднятіи въ ней дисциплины, но дѣлалъ это безтактно и съ явнымъ униженіемъ всего русскаго предъ прусскимъ. Такъ, напримѣръ, уничтоживъ елисаветинскую лейбъ-кампанію, имѣвшую дурное вліяніе на гвардію, онъ заслужилъ бы только общую благодарность, потому что преображенцы были такъ избалованы Елисаветой, что становились общей угрозой въ родѣ янычаръ. Но Петръ тотчасъ замѣнилъ ихъ гольштинскимъ кирасирскимъ полкомъ и угрожалъ раскассировать гвардію въ армію. Естественно, что оказываемое нѣмцамъ преимущество возбудило сильнѣйшее неудовольствіе русскихъ.

Первенствующее значеніе въ войскѣ получилъ иностранный принцъ, дядя императора, Георгъ Гольштинскій, который былъ произведенъ въ фельдмаршалы съ жалованіемъ въ сто тысячъ рублей. Мало того, своимъ жестокимъ, неуживчивымъ характеромъ этотъ нѣмецъ еще болѣе увеличилъ ненависть къ себѣ всей русской арміи. Даже Гольцъ потомъ сознавался Фридриху II, что принцъ Георгъ много содѣйствовалъ ненависти русскихъ къ нѣмцамъ и значительно ускорилъ паденіе государя.

«Негодованіе во многихъ производилъ Петръ,—писалъ Болотовъ,— и число недовольныхъ собою увеличивалъ своей приверженностью и любовью къ королю прусскому. Онъ носилъ его портретъ на перстиѣ постоянно, и другой, большой, повѣшенъ былъ у него подлѣ кровати. Онъ приказалъ сдѣлать себѣ мундиръ такимъ покроемъ, какъ у пруссаковъ, и не только самъ всегда сталъ носить оный, но восхотѣлъ и всю гвардію одѣть такимъ же образомъ. Сверхъ того носилъ всегда орденъ прусскаго короля, давая ему преимущество предъ росейскими. Всѣмъ тѣмъ не удовлетворяясь, онъ перемѣнилъ мундиры во всѣхъ полкахъ и вмѣсто прежнихъ одноцвѣтныхъ — зеленыхъ — подѣлалъ различные узкіе и такимъ покроемъ, какимъ шьются у пруссаковъ. Наконецъ ввелъ во всемъ

настрожайшую военную дисциплину, принуждая ежедневно экзерцироваться, какая бы ни была погода».

Постоянно нося мундиръ прусскаго гвардейскаго полковника, Петръ всему придавалъ прусскій видъ и, отличаясь умѣніемъ учить прусской выправкѣ, по цѣлымъ часамъ мучилъ офицеровъ и солдатъ подобными «экзерциціями»; при этомъ онъ не жалѣлъ даже стариковъ-генераловъ. Гетманъ, графъ Кириллъ Разумовскій, никогда не знавшій военной выправки, теперь принужденъ былъ учиться маршировать по прусскому образцу, служа предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ императора. Генераль-прокуроръ, князь Трубецкой, произведенный въ фельдмаршалы, представлялъ одинаково самую смѣшную фигуру на плацъ-парадѣ.

«Однажды я видѣлъ,—разсказываетъ Болотовъ,—какъ шелъ по улицѣ detachmentъ гвардіи, разряженный, напудренный и одѣтый въ новый мундиръ. Но ничто меня такъ не поразило, какъ идущій предъ первымъ взводомъ низенькій, толстенкій старичекъ съ своимъ эспантономъ, въ мундирѣ, унизанномъ золотыми нашивками, со звѣздой на груди и едва примѣтной голубой лентой подъ кафтаномъ.—Это что за человекъ?—спросилъ я.—Какъ, развѣ вы его не знаете?—сказалъ мой товарищъ, князь Урусовъ:—это князь, Никита Юрьевичъ Трубецкой.—Какъ же это такъ?—замѣтилъ я:—онъ былъ генераль-прокуроромъ, и я считалъ его дряхлымъ и такъ болѣзнию ногъ отягченнымъ старикомъ, что онъ и во дворецъ и въ сенатъ по нѣскольку недѣль не ѣздилъ, да и дома до него не было доступа.—О!—отвѣчалъ князь.—это было во время оно, а нынѣ, рече Господи, времена перемѣнились, нынѣ у насъ большыя и небольшыя и старички самыя поднимаютъ ножки на ряду съ молодыми такъ же хорошоховько топчуть и мѣсятъ грязь, какъ солдаты».

Всюду появляясь въ орденѣ Чернаго Орла, даннаго ему прусскимъ королемъ, Петръ никогда не упускалъ случая всячески восхвалять своего кумира и унижать всѣхъ предъ нимъ, особенно русскихъ и австрійцевъ. Онъ постоянно говорилъ съ восторгомъ обо всѣхъ пруссакахъ, а относительно короля выражался, что воля Фридриха была все равно, что воля Божія, и что онъ готовъ сражаться съ самимъ адомъ, ради своего кумира.

Пристрастившись къ гольштинцамъ и пруссакамъ, императоръ перенялъ ихъ грубыя казарменныя привычки и почти не выпускалъ изъ своего рта трубку. Такъ какъ онъ прежде никогда не курилъ, то эта перемѣна очень удивляла его стараго наставника Штелина, но Петръ сказалъ ему: «Чему ты удивляешься, глупая голова, развѣ ты видѣлъ когда нибудь настоящаго браваго офицера, который бы не курилъ?».

Какъ всегда, онъ и въ этомъ отношеніи переходилъ всякую мѣру, и за трубкой, конечно, слѣдовали въ изобиліи пиво и вино.

Всюду, даже во дворцѣ, куреніе и пьянство были обычнымъ явленіемъ. Самъ Петръ пилъ не особенно много и обыкновенно англійскій эль или бургундское вино съ водою. Хотя Екатерина и многіе современники описывали его пьяницей, но это несправедливо, и онъ только казался пьянымъ, оттого, что находился постоянно въ нервномъ раздраженіи, а тѣмъ болѣе во время товарищескихъ оргій. При томъ его вѣчное раздраженіе происходило оттого, что онъ чрезвычайно мало спалъ по ночамъ,—не болѣе трехъ часовъ. Что же касается этихъ оргій, то онѣ обыкновенно происходили въ Ораніенбаумѣ, а въ Зимнемъ дворцѣ и Петергофѣ онъ велъ себя вѣскольکو приличнѣе. Итальянскіе оперные пѣвцы и пѣвицы и гольштинскіе офицеры являлись его любимыми собесѣдниками.

«Сердце наше обливалось кровью при видѣ такого поведенія императора»,—говоритъ въ своихъ запискахъ Болотовъ; графъ Мерси-Аржанто писалъ Маріи-Терезіи: «благодаря Петру, русскій дворъ сталъ походить на уличную толпу». Но Петръ ни на что не обращалъ вниманія и подѣтски веселился, кричалъ, шумѣлъ и гримасничалъ предъ иностранными посланниками. Даже дамы не знали отъ него пощады. Онъ перемѣнилъ старый русскій поклонъ на французскія присѣданія, и его чрезвычайно забавляло комическое положеніе при этомъ нѣкоторыхъ старухъ. «Я была очень смѣшлива,—говоритъ одна знатная современница, госпожа Загряжская,—и государь бывало нарочно смѣшилъ меня разными гримасами. Онъ не похожъ былъ на государя».

Съ еще большимъ негодованіемъ рассказываетъ Болотовъ объ оргіяхъ Петра III съ его гольштинцами, какъ у себя, такъ и въ гостяхъ. «Въ одинъ мигъ комната наполнялась густѣйшимъ дымомъ, а государю то и любо было, и онъ, ходючи по комнатѣ, только шутилъ, ходилъ и хохоталъ. Но сіе куда бы ужъ не шло, если бы не было ничего дальнѣйшаго и для всѣхъ россиянъ постыднѣйшаго, но то-то и была бѣда наша: не успѣютъ бывало сѣсть за столъ, какъ загремятъ рюмки и бокалы и столъ прилежно, что, вставши изъ-за стола, сдѣлаются иногда, какъ маленькіе ребятишки, и начнутъ кричать, хохотать, бить въ ладоши, говорить нескладницы и несообразности сущія, а однажды, какъ теперь вижу, дошли до того, что, вышедши съ балкона прямо въ садъ, и ну играть всѣ тутъ на усыпанной пескомъ площадкѣ, какъ играютъ маленькія ребятишки, ну всѣ прыгать на одной ножкѣ, а другіе съ согнутымъ колѣнкомъ толкать своихъ товарищей, по сему судите, каково же намъ было смотрѣть на зрѣлище сіе изъ оконъ и видѣть симъ образомъ первѣйшихъ въ государствѣ людей, украшенныхъ орденами и звѣздами, вдругъ прыгающихъ, толкущихся и другъ друга на земь валяющихъ».

Эти грубыя, неприличныя забавы Петра и вообще всѣ его дѣйствія, возбуждавшія неудовольствіе русскихъ, были слѣдствіемъ

не дурныхъ и не предосудительныхъ, а тѣмъ болѣе преступныхъ побужденій, но отъ неудовлетворительнаго первоначальнаго воспитанія въ Гольштиніи и столь же неудачнаго образованія въ Россіи подъ руководствомъ Елисаветы. Поэтому онъ отличался главнымъ образомъ безтактностью, неблагоразуміемъ, недостаткомъ здраваго смысла и отсутствіемъ всякаго сознанія собственнаго достоинства. Такимъ образомъ стушевались хорошія качества Петра III, преимущественно доброта и добронамѣренность, благодаря которымъ ни одного человѣка не было казнено въ его царствованіе, и до двѣнадцати тысячъ человѣкъ, по словамъ иностранцевъ, было возвращено изъ ссылки. Хотя онъ иногда, въ порывѣ негодованія, приговаривалъ къ смертной казни своихъ приближенныхъ, но всегда ихъ миловалъ по прошествіи гнѣвной вспышки.

Каковы бы, однако, ни были причины поведенія Петра III, все болѣе и болѣе измѣнявшагося къ худшему въ послѣднее время его кратковременнаго царствованія, но «общее недовольство, по словамъ Болотова, становилось уже не застѣнчивымъ шепотомъ, но смѣлымъ, громкимъ ропотомъ».

Положеніе императрицы Екатерины во время царствованія Петра было самое критическое и изолированное. Всѣ иностранные послы совершенно игнорировали ее. «Съ императрицей Петръ почти никогда не совѣтуется,—писалъ Кейтъ,—и тѣ, которые хорошо знаютъ русскій дворъ, не обращаются къ ней ни съ малѣйшею просьбой, такъ какъ это ни къ чему не ведетъ». Сначала Екатерина много плакала о своей безпомощности и, заглушивъ свою оскорбленную гордость, старалась возбудить къ себѣ доброе расположеніе мужа, удовлетворяя его капризы, напримѣръ, просиживая до двухъ часовъ утра на его пирушкахъ. Конечно, Петръ былъ доволенъ ея снисхожденіемъ къ его фантазіямъ и, по словамъ Мерси-Аржанто, «послѣ подобныхъ продѣлокъ посылалъ благодарить ее. Если бы Екатерина имѣла достаточно мужества, чтобы продолжать эту домашнюю политику, по всей вѣроятности, она прибрала бы его къ рукамъ».

Но это было сверхъ ея силъ. По природѣ властная, нетерпѣливая, гордая и вспыльчивая, Екатерина не могла долго сдерживать себя и кончила тѣмъ, что говорила Петру одно изъ своихъ обычныхъ острыхъ словечекъ. На постоянныя нелѣпости императора она отвѣчала остроумными сарказмами. Вскорѣ отношенія между мужемъ и женою снова обострились, и они перестали скрывать свою взаимную ненависть. Впрочемъ, несмотря на увѣренія самой Екатерины и ея приверженцевъ, что Петръ обращался съ нею неприлично и даже жестоко, это не имѣетъ никакого основанія. Даже Мерси-Аржанто, не терпѣвшій императора, сознается, что онъ обыкновенно обращался съ женою почтительно и съ достоинствомъ, даже съ любезностью. Конечно, онъ позволялъ себѣ

иногда гнѣвные вспышки, когда Екатерина выводила его изъ терпѣнія своими презрительными и гордыми выходками. Но эти вспышки были очень рѣдки. Къ тому же онъ сознавался, что былъ «порядочной тупицей» въ сравненіи съ Екатериной.

Что касается денежныхъ дѣлъ, то императоръ былъ очень щедръ и заплатилъ всѣ ея долги, сдѣланные въ бытность ея великой княгиней, при чемъ не взглянулъ даже на счета. Въ день ея рожденія, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, онъ подарилъ ей помѣстье стоимостью въ сто тысячъ рублей и возобновилъ ея обстановку самымъ роскошнымъ образомъ. Кромѣ матеріальной стороны ея жизни, онъ обращалъ вниманіе и на поддержаніе приличій. Такъ онъ настаивалъ, чтобы она ежедневно приходила къ нему въ кабинетъ на часъ времени.

Если нельзя утверждать, что Петръ былъ образцовымъ мужемъ, то его отношенія къ графинѣ Елисаветѣ Воронцовой были скорѣе смѣхоподобны, чѣмъ предосудительны, и если кто нибудь страдалъ отъ этой «liaison», то, конечно, самъ императоръ. Никто съ малѣйшимъ вкусомъ не выбралъ бы такой некрасивой женщины, какой была графиня Воронцова. Французскій посланникъ Бретель описываетъ самымъ рѣзкимъ образомъ ея манеры и наружность, а Болотовъ говоритъ, что при видѣ ея широкаго, одутловатаго и испещреннаго рябинами лица, а также толстой, неповоротливой, уродливой фигуры, просто становилось тошно. Она, повидимому, была очень живой и подвижной личностью, что чрезвычайно нравилось Петру. Воронцова искренно его любила и не отличалась корыстолюбіемъ, такъ что имѣла отъ него лишь нѣсколько брилліантовъ, маленькое помѣстье и небольшой городской домъ, который у нея впоследствии отняли. Несмотря на сердечную доброту, она отличалась вспыльчивымъ характеромъ и часто оскорбляла императора самыми грубыми и неприличными словами, что онъ терпѣливо переносилъ. Съ самаго начала своего царствованія Петръ назначилъ ее камеръ-фрейлиной, и когда переѣхалъ въ Зимній дворецъ, то «die Fräulein», какъ всѣ ее называли, была помѣщена въ апартаментахъ прямо подъ покоемъ императора, тогда какъ Екатерина жила въ угловой части дворца, выходящей на Неву и Адмиралтейство. Екатерина нисколько не оскорбилась этимъ обстоятельствомъ, и обѣ женщины, по словамъ Болотова, часто ходили вмѣстѣ кланяться своему общему повелителю.

Въ сущности только одинъ разъ Петръ III жестоко оскорбилъ свою жену публично. За обѣдомъ 21-го февраля, въ день своего рожденія, онъ предложилъ тостъ за здоровье императорской семьи. Его приняли съ общимъ шумнымъ восторгомъ. Но тотчасъ послѣ этого императоръ послалъ Гудовича, стоявшаго подлѣ него, спросить у Екатерины, зачѣмъ она не встала во время тоста. Она отвѣчала, что императорская семья состоитъ только изъ трехъ членовъ:

ея мужа, сына и ея самой, а потому она не считала нужнымъ вставать. Гудовичъ вернулся и передалъ императору ея отвѣтъ, послѣ чего Петръ опять послалъ его съ объясненіемъ, что она—дура, такъ какъ императорская семья состояла еще изъ двухъ его дядей: принца Георга Гольштинскаго и принца Гольштейнъ-Бекскаго. Чтобы всѣ слышали его выговоръ, онъ громко крикнулъ на весь столъ: «дура». Екатерина заплакала отъ такого оскорбленія, но въ ту же минуту оправилась и приказала камергеру, графу Строганову, стоявшему позади ея стула, рассказать что нибудь смѣшное, чтобы скрыть ея волненіе. По словамъ Екатерины, въ дневникѣ Храповицкаго, этотъ эпизодъ имѣлъ почти трагическое послѣдствіе. Въ тотъ же вечеръ императоръ приказалъ князю Барятинскому арестовать Екатерину. Тотъ испугался подобнаго порученія, отправился къ принцу Гольштинскому и рассказалъ ему обо всемъ. Принцъ бросился къ Петру и уговорилъ его отмѣнить приказаніе.

Дѣйствительно или нѣтъ, что Екатерина подверглась угрозѣ ареста, но во всякомъ случаѣ она съ этого дня увидѣла себя въ крайне критическомъ положеніи и начала склоняться въ пользу заговора съ цѣлью лишить ея мужа престола. Каждое неблаговидное для Петра обстоятельство она обращала въ свою пользу. И въ то время, когда Петръ все болѣе и болѣе отвращалъ отъ себя подданныхъ, Екатерина съ удивительнымъ тактомъ, благоразуміемъ и находчивостью снискивала уваженіе и любовь всего народа. Она вела себя вполне корректно, и когда Петръ публично издѣвался надъ русской церковью, Екатерина строго исполняла всѣ православные праздники, посты и обряды. Въмѣсто того, какъ Петръ презиралъ всѣхъ русскихъ и предпочиталъ общество гольштинцевъ, Екатерина любезно обращалась съ русской знатью и доказывала всѣми своими поступками привязанность къ русскому народу и пламенный патриотизмъ. «Императрица,—писалъ Бретель,—ведетъ себя съ удивительнымъ мужествомъ; ее всѣ любятъ и уважаютъ, тогда какъ императора ненавидятъ и презираютъ. Зная ея смѣлость, нельзя не подозревать, что рано или поздно она рѣшится на отчаянный шагъ».

Хотя прусскіе агенты предупреждали Фридриха, что самые опасные враги Петра Иванъ Шуваловъ, Мельгуновъ и Волковъ, но заговорщиками были совсѣмъ иныя лица. Такъ Фридрихъ писалъ въ послѣдствіи: «Лица, на которыхъ смотрѣли, какъ на заговорщиковъ, всего менѣе были виноваты въ заговорѣ, а настоящіе виновники работали молча и тщательно скрывались отъ публики».

Прежде всѣхъ Екатерина обратилась съ просьбой помочь ей въ дѣлѣ возмущенія противъ императора къ графу Панину, наставнику великаго князя Павла. Хотя онъ ненавидѣлъ Петра, но у него былъ свой планъ дѣйствія. Онъ намѣревался лишить престола императора, но сдѣлать его преемникомъ малолѣтняго Павла, подъ регентствомъ Екатерины. Однако, увидѣвъ, что императрица

старалась лично за себя и хотѣла быть самостоятельной государыней, а не регентшей, онъ отказался отъ своего намѣренія и былъ, безъ сомнѣнія, главнымъ ея совѣтникомъ наканунѣ политическаго кризиса. Впрочемъ, по своему осторожному характеру, онъ держался официально въ сторонѣ и только послѣ совершения переворота выступилъ впередъ, занявъ первенствующую роль въ государствѣ.

Точно также другія высокопоставленныя лица, даже изъ близкихъ сторонниковъ Петра, заявили согласіе дѣйствовать за нее, когда наступитъ минута торжества. Въ числѣ ихъ были: фельдцейхмейстеръ Вильбуа, князь Михаилъ Волконскій, Глѣбовъ, начальникъ полиціи, баронъ Корфъ, и гетманъ, графъ Разумовскій.

Но всѣ эти вельможи не могли оказать дѣйствительной помощи Екатеринѣ при возмущеніи противъ Петра ненавидящей его гвардіи. Въ этомъ отношеніи главными помощниками Екатерины были ея фаворитъ Григорій Орловъ съ своими четырьмя братьями и княгиня Дашкова.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что первую роль въ заговорѣ игралъ Григорій Орловъ, молодой, красивый гвардейскій офицеръ. Онъ былъ очень популяренъ въ офицерскихъ кружкахъ и чрезвычайно энергично дѣйствовалъ въ пользу Екатерины среди военной молодежи, и набралъ значительное количество заговорщиковъ.

Роль, которую играла въ государственномъ переворотѣ княгиня Екатерина Романовна Дашкова, рожденная Воронцова и младшая сестра фаворитки Петра, составляетъ спорный вопросъ. Иностранцы преувеличили ея значеніе, и Кейтъ писалъ, «что она играла главную роль въ заговорѣ отъ самаго начала до конца». Напротивъ, Екатерина увѣряла, что она лишь суетилась и горячилась, а въ сущности ничѣмъ не содѣйствовала заговору. Какъ то, такъ и другое преувеличено въ высшей степени, и двадцатилѣтняя энергичная, восторженная и дѣятельная молодая женщина, если не такъ много сдѣлала для Екатерины, какъ предполагала сама Дашкова, то все-таки принесла большую пользу императрицѣ. Дашкова искренно ее любила и съ восторгомъ ей служила. Содѣйствіемъ мужа своего, гвардейскаго офицера, она приобрѣла многихъ пособниковъ, въ томъ числѣ Пассека, Вредихина, двухъ братьевъ Рославлевыхъ, Ласунскаго и др.

Дашкова была такъ предана Екатеринѣ, что не хотѣла слушать предостереженія Петра, который говорилъ ей: «вспомните, что гораздо лучше имѣть дѣло съ людьми грубыми, но честными, какъ ваша сестра и я, чѣмъ съ лицами, которыя высасываютъ сокъ апельсина и потомъ бросаютъ корку». Обстоятельства вполнѣ подтвердили его слова, и Екатерина, воспользовавшись услугами Дашковой, вскорѣ удалила ее отъ двора.

По словамъ императрицы, всего въ гвардіи было ея сторонниковъ сорокъ офицеровъ и до десяти тысячъ рядовыхъ. Между за-

говорщиками слѣдуетъ упомянуть о пьемонтскомъ авантюристѣ Одарѣ, котораго Дашкова рекомендовала императрицѣ. Передъ самымъ переворотомъ Екатерина посылала его къ французскому посланнику Бретелю для займа денегъ, но онъ не успѣлъ въ своемъ предпріятіи и долженъ былъ занять для нея сто тысячъ рублей у англійскаго купца Фельтена. Впрочемъ, Одаръ былъ не очень прозорливымъ заговорщикомъ и за два дня до революціи говорилъ, что планы императрицы, по всей вѣроятности, не удадутся.

V.

Презирая всѣ слухи объ опасности, грозившей его престолу, Петръ III спокойно готовился къ датскому походу. Согласно совѣту Фридриха II взять съ собою иностранныхъ пословъ и всѣхъ главныхъ русскихъ государственныхъ людей, онъ принялъ необходимыхъ къ тому мѣры. 6-го іюня, всѣ иностранные посланники были увѣдомлены, что императоръ выѣзжаетъ изъ Петербурга, съ цѣлью встать во главѣ своей арміи, находившейся въ Германіи, и желаетъ, чтобы его сопровождали послы. Кейтъ тотчасъ собрался въ путь, а Мерси на другой день заявилъ о своемъ отъѣздѣ въ Вѣну. Что же касается Бретеля, то онъ уѣхалъ въ Парижъ.

По совѣту того же Фридриха, близъ столицы былъ сформированъ, подъ начальствомъ принца Георга Гольштинскаго, постоянный лагерь, для угрозы лицамъ, недовольнымъ правительствомъ. Во время отсутствія Петра, герцогу было предоставлено находиться во главѣ всѣхъ государственныхъ дѣлъ, какъ внутреннихъ, такъ и военныхъ. «Я не сомнѣваюсь въ преданности его высочества,— писалъ Фридрихъ,—но я не считаю его ни достаточно способнымъ, чтобы управлять столь важнымъ кораблемъ, ни достаточно смѣлымъ для принятія необходимыхъ мѣръ въ случаѣ крайнихъ обстоятельствъ». Да и самъ Петръ былъ невысокаго мнѣнія о своемъ родственникѣ и даже откровенно говорилъ ему объ этомъ. По означенной причинѣ при принцѣ Георгѣ былъ назначенъ совѣтъ изъ десяти лицъ, въ томъ числѣ фельдмаршаловъ: Трубецкого и Миниха.

Почти одновременно съ иностранными послами была предувѣдомлена свита императора объ его немедленномъ отъѣздѣ за границу на эскадрѣ, которая была совершенно готова въ Кронштадтѣ. На прощаніе съ Петербургомъ были назначены три празднества въ честь прусскаго мира, съ торжественнымъ банкетомъ во дворцѣ, таковымъ же ужиномъ и блестящей иллюминаціей.

На другой день, по окончаніи празднествъ, Петръ отправился въ Ораніенбаумъ, чтобы руководить отправкой на войну восьми тысячъ гольштинскихъ солдатъ. Военныя приготовленія шли съ лихорадочной поспѣшностью; десять кораблей уже вышли изъ Ревеля, а двѣнадцать фрегатовъ готовились оставить Кронштадтъ;

Преображенскому полку было предписано выступить изъ Петербурга немедленно, а семеновцы и измайловцы должны были слѣдовать за нимъ.

Въ виду этихъ обстоятельствъ Екатерина и заговорщики рѣшили дѣйствовать, какъ можно скорѣе; но, чтобы уничтожить всѣ подозрѣнія, императрица уѣхала въ Петергофъ.

Однако неожиданное обстоятельство побудило ее и ея сторонниковъ начать свои дѣйствія ранѣе. 26-го іюня, одинъ изъ гвардейскихъ солдатъ, принадлежавшихъ къ ихъ партіи, съ ужасомъ объявилъ капитану Пассеку, что заговоръ открытъ, а императрица арестована. Пассекъ ему не повѣрилъ и засмѣялся, услыша подобную небывлицу. Тогда солдатъ отправился къ своему прямому начальнику, майору Воейкову, не участвовавшему въ заговорѣ, и объявилъ ему о случившемся. Тотъ немедленно арестовалъ какъ его, такъ и капитана Пассека, о происшествіи же донесъ императору.

Въ это время Петръ III, не предчувствуя бѣды и далекій отъ подозрѣній, веселился въ Ораніенбаумѣ, окруженный не только своей свитой, но и ближайшими къ нему государственными лицами, въ томъ числѣ Воронцовымъ и Голицынымъ. Празднества слѣдовали за празднествами, и между прочимъ на придворной сценѣ была поставлена опера; императору пришлось играть послѣдній разъ въ оркестрѣ.

Среди этихъ увеселеній, Петръ получилъ донесеніе Воейкова объ арестѣ Пассека, но не обратилъ на это никакого вниманія. Еще ранѣе полковникъ, баронъ Будбергъ, увѣдомилъ его, что въ Петербургѣ составляется заговоръ, въ которомъ и его приглашаютъ участвовать. Императоръ отнесся къ этому извѣстію скептически и поднялъ на смѣхъ подобную идею, не допуская мысли, чтобы русскій народъ предпочелъ мужскому правленію царствованіе женщины. Наконецъ, одинъ изъ его друзей передалъ ему докладъ о различныхъ подозрительныхъ событіяхъ въ Петербургѣ, но въ этотъ моментъ Петръ игралъ на скрипкѣ и съ нетерпѣніемъ приказалъ положить бумагу на столъ. Впослѣдствіи онъ совершенно забылъ объ ея существованіи. Въ тотъ самый день, когда арестовали Пассека, Петръ давалъ во дворцѣ банкетъ, а послѣ него—маскарадъ въ японскомъ залѣ. Екатерина нарочно пріѣхала изъ Петербурга, чтобы присутствовать на немъ. Въ этотъ вечеръ Петръ былъ чрезвычайно веселъ, а на другое утро отправился вмѣстѣ съ императрицей въ Гостилицы, лѣтнюю резиденцію Алексѣя Разумовскаго. Послѣдній устроилъ имъ торжественный пріемъ; это было послѣднее публичное появленіе императора съ императрицей.

Между тѣмъ, арестъ Пассека произвелъ въ Петербургѣ сильное волненіе среди заговорщиковъ. Ихъ главари: Панинъ, Кириллъ Разумовскій, князь Волконскій, княгиня Дашкова и братья Орловы

порѣшили, что необходимо тотчасъ же дѣйствовать и послать Алексѣя Орлова за Екатериной въ Петергофъ, а остальнымъ братьямъ поручить приготовленія къ возстанію гвардіи. Но Панинъ совѣтовалъ не торопиться, и даже Орловы были одинаковаго съ нимъ мнѣнія. Дашкова увѣряетъ въ своихъ запискахъ, что вечеромъ къ ней прибѣжалъ Ѳедоръ Орловъ и спросилъ: «не рано ли брату ѣхать къ императрицѣ? Полезно ли беспокоить ее преждевременнымъ призывомъ въ Петербургъ?» При этихъ словахъ Дашкова вышла изъ себя: «вы потеряли самое дорогое время, — закричала она, — что тутъ думать о безпокойствѣ императрицы. Лучше привезти ее въ Петербургъ въ обморокъ, чѣмъ подвергать заточенію въ монастырѣ или возведенію на эшафотъ вмѣстѣ со всѣми нами».

Справедливъ или нѣтъ этотъ рассказъ, но только Алексѣй Орловъ отправился съ Бибиковымъ ночью въ Петергофъ. 28-го іюня, въ шесть часовъ утра, Орловъ явился въ Монплеизръ и потребовалъ немедленнаго свиданія съ Екатериной. Ее разбудили, и она велѣла позвать его въ спальню. «Пора вставать, государыня, — сказалъ онъ совершенно спокойнымъ голосомъ: — все готово для вашего провозглашенія». — «Какъ? что?» — спросила Екатерина, присѣвъ на постели. — «Пассекъ арестованъ», — отвѣчалъ Орловъ. Екатерина болѣе не спрашивала, а наскоро одѣлась. Затѣмъ съ горничной и любимымъ лакеемъ Шкуринымъ сѣла въ карету, въ которой пріѣхалъ Орловъ. Самъ же онъ, вскочивъ на козлы, ударилъ по лошадамъ, а Бибиковъ поскакалъ верхомъ у дверцы кареты.

Въ пяти верстахъ отъ Петербурга ихъ встрѣтили Григорій Орловъ и князь Барятинскій, которые предложили императрицѣ свой экипажъ, такъ какъ ея лошади выбились изъ силъ. Фаворитъ сѣлъ рядомъ съ императрицей, и они поѣхали прямо въ казармы Измайловскаго полка.

Поровнявшись съ ними, Орловъ выскочилъ изъ экипажа и побѣжалъ впередъ во дворъ, а карета слѣдовала за нимъ. Тотчасъ забили тревогу; солдаты выбѣжали изъ казармы и быстро окружили императрицу, вышедшую изъ кареты. Екатерина объяснила имъ, въ какой она была опасности, и добавила, что не одна она, а даже вся Россія и святая церковь. Солдаты и офицеры, окружившіе толпою Екатерину, привѣтствовали ее громкими криками и, потребовавъ своего священника, отца Алексѣя, заставили его привести ихъ къ присягѣ. Въ то же время прибылъ ихъ полковникъ, графъ Кириллъ Разумовскій, и, преклонивъ колѣно предъ императрицей, почтительно поцѣловалъ у нея руку. Тогда измайловцы посадили ее въ карету и отправились вмѣстѣ съ нею въ Семеновскія казармы. Во главѣ ихъ шли священникъ съ крестомъ и Разумовскій съ обнаженной шпагой.

Семеновцы уже заранѣе были подготовлены и встрѣтили на полпути съ радостными слезами торжественное шествіе. Соединившись съ своими товарищами, они послѣдовали за императрицей въ Казанскій соборъ, куда прибыли въ девять часовъ. Архіепископъ Дмитрій торжественно встрѣтилъ императрицу и отслужилъ благодарственный молебенъ, провозгласивъ Екатерину самодержавной государыней, а сына ея, Павла,—наслѣдникомъ престола. Громкія ликованія радостной толпы и звонъ колоколовъ привѣтствовали новую государыню; соборное духовенство съ крестами встало во главѣ шествія, которое направилось въ новый Зимній дворецъ, сопровождаемое несмѣтной толпой и двумя гвардейскими полками.

Между тѣмъ Екатерина послала въ Лѣтній дворецъ за цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ, котораго она оставила, изъ предосторожности, въ Петербургѣ, во время своего пребыванія въ Петергофѣ.

Только впоследствии Петръ понялъ, какъ Екатерина благоразумно сдѣлала, поступивъ подобнымъ образомъ, и «крѣпко подсадоваль, что его высочество остался въ Петербургѣ». Протестантскій пасторъ, Бюшингъ, видѣлъ изъ своего дома, какъ утромъ 28-го іюня Панинъ проскакалъ съ цесаревичемъ по Невскому въ плохой коляскѣ, запряженной парой лошадей. Павелъ Петровичъ былъ въ ночномъ костюмѣ, такъ какъ его перенесли второпяхъ изъ постели прямо въ экипажъ. Этотъ рассказъ Бюшинга подтверждаетъ и почтенный историкъ Шильдеръ. Но другой биографъ Павла, Шумигорскій, рассказываетъ, что Павла Петровича разбудили ночью и подъ охраною отряда войскъ перевезли изъ Лѣтняго дворца въ Зимній. Всю ночь онъ провелъ въ одной постели съ Панинымъ, и испугъ мальчика былъ такъ великъ, что у него появились болѣзненные припадки. На другой день его повезли въ Казанскій соборъ, гдѣ уже была императрица. Который изъ вариантовъ этого событія справедливѣе, трудно сказать; но достоверно, что, когда Екатерина достигла Зимняго дворца, то Павелъ былъ уже тамъ, и Екатерина, схвативъ его на руки, вышла на балконъ, встрѣченная восторженными криками войска и народа.

Въ это время къ измайловцамъ и семеновцамъ присоединились и другіе полки. Нѣкоторые преображенскіе офицеры сначала выказали равнодушіе къ совершившемуся событію и даже старались удержать солдатъ отъ возстанія, но послѣдніе были въ такомъ азартѣ, что бѣгомъ направились къ Зимнему дворцу и увлекли съ собою офицеровъ. Увидѣвъ императрицу на балконѣ, они громко воскликнули: «Матушка, прости насъ, что пришли послѣдними, офицеры насъ задержали; но вотъ мы привели изъ нихъ четырехъ, чтобы показать наше усердіе. Мы хотимъ того же, чего и наши братья хотятъ». Императрица отнеслась къ нимъ очень милостиво и приказала привести ихъ къ присягѣ.

Четвертый полкъ, присягнувшій Екатеринѣ, былъ Конногвардейскій, выразившій необыкновенный энтузіазмъ. Екатерина вспомнила, что этотъ полкъ ненавидѣлъ своего начальника, принца Георга Гольштинскаго, и послала сказать принцу, чтобы онъ не выходилъ изъ дома. Однако, это предостереженіе опоздало: нѣкоторые конногвардейцы, бѣжавшіе изъ своей казармы во дворецъ, уже побывали мимоходомъ и у принца. При видѣ толпы, онъ спросилъ у сидѣвшаго въ его кабинетѣ петербургскаго генералъ-губернатора: «Was ist das?». На этотъ вопросъ губернаторъ отвѣчалъ: «Ich weiss nicht». Затѣмъ солдаты ворвались въ домъ принца, нанесли ему оскорбленіе и разграбили его квартиру.

Во дворцѣ Екатерину привѣтствовали, какъ государыню, сенатъ и синодъ, которыхъ, вѣроятно, подготовилъ Панинъ. Тепловъ, конфиденціальный агентъ Кирилла Рауумовскаго, написалъ «на слѣхъ» манифестъ о вступленіи на престолъ императрицы. Этотъ краткій документъ заключалъ въ себѣ слѣдующее: «Всѣмъ прямымъ сынамъ отечества Россійскаго явно оказалось, какая опасность всему Россійскому государству начиналась самимъ дѣломъ, а именно: законъ нашъ православный греческій первѣе всего восчувствовалъ свое потрясеніе и истребленіе своихъ преданій церковныхъ, такъ что церковь наша греческая крайне уже подвержена оставалась послѣдней своей опасности перемѣною древняго въ Россіи православія и принятіемъ иновѣрнаго закона. Второе, слава Россійская, возведенная на высокую степень своимъ побѣдоноснымъ оружіемъ, чрезъ многое свое кровопролитіе, заключеніемъ новаго мира съ самымъ ея злодѣемъ отдана уже дѣйствительно въ совершенное поработеніе, а между тѣмъ внутренніе порядки, составляющіе цѣлость всего нашего отечества, совсѣмъ испровержены. Того ради, убѣждены будучи всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ таковою опасностью, принуждены были, принявъ Бога и Его правосудіе себѣ въ помощь, а особливо видѣвъ къ тому желаніе всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ явное и нелицемѣрное, вступила на престолъ нашъ Всероссійскій и самодержавный, въ чемъ и всѣ наши вѣрноподданные присягу намъ торжественно учинили».

Подписавъ манифестъ, Екатерина вышла изъ дворца къ гвардейцамъ, уже стоявшимъ на площади въ количествѣ четырнадцати тысячъ, и обошла пѣшкомъ ихъ ряды. Громкіе крики «ура» привѣтствовали ее; городъ же спокойно безмолвствовалъ, и только по улицамъ, окружавшимъ дворецъ, проѣзжали пикеты конной гвардіи. Въ нѣсколько часовъ мирно совершился государственный переворотъ безъ малѣйшаго кровопролитія и даже съ очень немногими случаями насилія.

Такъ какъ еще оставалось сдѣлать многія распоряженія, то Екатерина для этой цѣли удалилась въ старый Зимній дворецъ съ сенатомъ и Тепловымъ, который исполнялъ должность секре-

таря. Прежде всего въ Кронштадтѣ былъ отправленъ адмиралъ Талызинъ къ командиру флота, вице-адмиралу Полянскому. Ему сообщалось, чтобы онъ привелъ всѣхъ къ присягѣ, въ виду восшествія на престолъ Екатерины, но воздержался бы отъ дальнѣйшихъ дѣйствій до новаго распоряженія. вмѣстѣ съ тѣмъ былъ отправленъ курьеръ въ армію, находившуюся въ Кенигсбергѣ, съ приказаніемъ къ генералу Панину, брату Никиты Ивановича, принять начальство отъ Румянцева, бывшаго въ то время главнокомандующимъ. Его подозрѣвали въ преданности Петру III и немедленно вызвали въ Россію. Другой курьеръ поскакалъ къ генералу Чернышеву, командовавшему отдѣльнымъ корпусомъ, съ повелѣніемъ тотчасъ возвратиться съ войсками въ Россію.

Всѣ эти распоряженія были хороши, но власть императрицы не была еще твердо установлена, пока Петръ III находился на свободѣ въ Ораніенбаумѣ и могъ принять военныя мѣры для сохраненія за собой престола. Поэтому Екатерина написала собственноручно указъ сенату, что выходитъ съ своимъ войскомъ изъ Петербурга «для утвержденія и обнадеживанія престола, а ему предоставляетъ, какъ верховному правительству, охрану отечества, народа и сына своего». Графы Скавронскій, Шереметевъ, генералъ Корфъ, подполковникъ Ушаковъ были назначены командовать войсками, находившимися въ Петербургѣ, и всѣмъ имъ, а также дѣйствительному статскому совѣтнику Неплюеву «жить во дворцѣ при моемъ снѣгѣ». При этомъ сенатъ обязанъ былъ засѣдать безпрерывно день и ночь, донся императрицѣ возможно чаще о положеніи дѣлъ. Засѣданія происходили въ старомъ Зимнемъ дворцѣ, и тамъ же помѣщенъ былъ цесаревичъ Павелъ Петровичъ въ комнатѣ, сосѣдней съ залой, въ которой находились сенаторы. Что касается Панина, то ему предписано покинуть ночью своего воспитанника и присоединиться къ императрицѣ въ Красномъ Кабачкѣ.

Пока все это происходило въ Петербургѣ, Петръ III, утромъ 28-го іюня, какъ всегда, дѣлалъ ученіе своимъ гольштинцамъ въ Ораніенбаумѣ. Послѣ завтрака, онъ приказалъ приготовить шесть большихъ экипажей къ отъѣзду въ Петергофъ со всѣмъ своимъ дворомъ для официального визита императрицѣ наканунѣ своихъ именинъ. Съ нимъ были: канцлеръ Воронцовъ и братъ его Романъ, фельдмаршалъ Минихъ, графъ Александръ Шуваловъ, князь Никита Трубецкой, вице-канцлеръ, князь Голицынъ, прусскій посланникъ Гольцъ, трое Нарышкиныхъ, Мельгуновъ, Измайловъ, генералъ-адъютанты: князь Иванъ Голицынъ и Гудовичъ, Волковъ, Олсуфьевъ, старый наставникъ императора Штелинь и нѣкоторые другіе. Изъ дамъ здѣсь находились: графиня Елизавета Воронцова, графиня Анна Воронцова (жена канцлера) съ дочерью, графиней Строгановой, графиня Разумовская (жена гетмана), княгиня Трубецкая, графиня Шувалова, дочь принца Гольштейнъ-Бэкъ, гра-

финя Брюсъ, Нарышкины и проч. Все это многочисленное и веселое общество отправилось въ путь, весело смѣясь и болтая—такъ какъ императоръ не любилъ церемоннаго обращенія—не предчувствуя, что ихъ ожидаетъ разочарованіе. Достигнувъ Петергофа, они остановились предъ Монплезиромъ. Но, къ всеобщему удивленію, императрицы тамъ не оказалось. При этомъ открытіи Петръ III вполношился, побѣждалъ впереди всѣхъ и, по словамъ самой Екатерины, «искалъ ее всюду, даже подъ кроватью и допрашивалъ всѣхъ оставшихся слугъ». Затѣмъ, возвратившись къ остальному обществу, онъ сталъ, какъ безумный, бѣгать взадъ и впередъ по аллеямъ, громко крича: «Я говорилъ вамъ, что она способна на все!» Около получаса царило общее смятеніе, и никто не зналъ, что дѣлать.

Наконецъ, вице-канцлеръ Воронцовъ предложилъ отправиться въ Петербургъ и собрать тамъ обо всемъ свѣдѣнія. Съ нимъ поѣхали князь Никита Трубецкой и графъ Александръ Шуваловъ, съ цѣлью перейти на сторону Екатерины, если имѣлъ успѣхъ петербургскій переворотъ, о которомъ уже начали доходить слухи въ Петергофъ.

Не успѣли еще эти вельможи отправиться въ путь, какъ получили окончательныя свѣдѣнія о происшедшемъ въ Петербургѣ. Эти извѣстія привезъ поручикъ Бернгорстъ, ѣздившій въ Петербургъ морскимъ путемъ за фейерверкомъ, предназначеннымъ для слѣдующаго дня. Всякое сомнѣніе теперь совершенно исчезло, и все стало ясно. Петръ собралъ совѣтъ изъ ближайшихъ къ нему лицъ, на которомъ было рѣшено прекратить всякія сношенія съ Петербургомъ, послать полковника Неелова въ Кронштадтъ, а Измайлова и Костомарова отправить въ Петербургъ за Ингерманландскимъ и Астраханскимъ полками, которые, повидимому, остались вѣрными императору. Кромѣ того, былъ отправленъ въ Ораніенбаумъ приказъ, чтобы гольштинскіе полки, стоявшіе тамъ, прибыли въ Петергофъ.

Ожидая такимъ образомъ военныхъ дѣйствій, Петръ III независимо отъ этого потребовалъ изъ Ораніенбаумскаго дворца преобразенскій мундиръ и русскіе ордена, такъ какъ на немъ былъ прусскій мундиръ и лента Чернаго Орла. Пока исполнялись эти приказанія, онъ поручилъ Волкову написать нѣсколько указовъ и манифестовъ, которые переписывались полудюжиной писцевъ. Но мѣръ того, какъ эти документы были готовы, императоръ подписывалъ ихъ въ саду, и они отправлялись съ гусарскими солдатами въ Петербургъ. Однако ни одинъ изъ нихъ не достигъ назначенія, такъ какъ развѣдчики Екатерины перехватывали ихъ на дорогѣ.

Между тѣмъ, на императора сыпались со всѣхъ сторонъ самыя разнорѣчивыя совѣты: старикъ Минихъ предлагалъ Петру ѣхать

въ Петербургъ съ небольшимъ числомъ вельможъ и, показавшись гвардіи, а также народу, уговорить ихъ остаться вѣрными первой присягѣ, тѣмъ болѣе, что онъ пообѣщалъ бы имъ всевозможныя реформы. Напротивъ Гудовичъ и Мельгуновъ считали этотъ планъ слишкомъ смѣлымъ и опаснымъ для государя. Онъ согласился съ мнѣніемъ послѣднихъ и громко воскликнулъ: «Я не могу отправиться въ Петербургъ, я не довѣряю императрицѣ, она можетъ позволить солдатамъ меня оскорбить». Наконецъ, прусскій посланникъ Гольцъ совѣтовалъ императору поспѣшить въ Нарву, гдѣ находилась часть арміи, предназначенной для отправки въ Данію. Петру понравился этотъ планъ, и онъ послалъ приказъ начальнику почтъ немедленно доставить въ Петергофъ пятьдесятъ лучшихъ почтовыхъ лошадей. Однако нашлись совѣтчики, находившіе всего надежнѣе для Петра III удалиться въ Гольштинію и тамъ признать къ себѣ армію Румянцева.

Во всякомъ случаѣ было рѣшено, что генераль Девьеръ и князь Барятинскій отправятся въ Кронштадтъ, съ цѣлью измѣнить приказаніе, данное Неелову, и утвердить тамъ власть государя. Они явились къ мѣсту своего назначенія въ шесть часовъ вечера. Въ Кронштадтѣ еще ничего не было извѣстно о событіяхъ въ Петербургѣ, но въ семь часовъ пріѣхалъ секретарь адмирала Талызина, Кадниковъ, съ запечатаннымъ конвертомъ къ коменданту Нуммерсу. Въ немъ заключалось приказаніе никого не впускать и не выпускать изъ Кронштадта. Нуммерсъ скрылъ отъ Девьера полученный приказъ, но сказалъ ему о прибытіи секретаря, котораго Девьеръ и Барятинскій подробно допросили, что происходило въ Петербургѣ. Кадниковъ упорно молчалъ подъ предлогомъ, что ничего не знаетъ. Тогда Девьеръ послалъ Барятинскаго въ Петергофъ къ Петру съ донесеніемъ, что Кронштадтъ находится во власти императора.

Однако, въ девять часовъ прибылъ въ Кронштадтъ адмиралъ Талызинъ, и нашелъ, по словамъ Екатерины, на пристани генерала Девьера и двѣ тысячи солдатъ. Послѣдній спросилъ его, зачѣмъ онъ пріѣхалъ. Онъ отвѣчалъ: «Я пріѣхалъ ускорить отплытіе флота».—«А что говорятъ и дѣлаютъ въ городѣ?»—продолжалъ Девьеръ.—«Ничего»,—отвѣчалъ онъ.—«Куда вы теперь направляетесь?»—произнесъ Девьеръ.—«Я собираюсь отдохнуть»,—отвѣчалъ Талызинъ,—я умираю отъ жары». Тотъ его пропустилъ. Онъ вошелъ въ одинъ домъ, вышелъ изъ него чрезъ заднюю дверь, пошелъ къ коменданту Нуммерсу и сказалъ ему: «послушай, въ городѣ совершенно другія вѣсти, чѣмъ здѣсь: всѣ принесли присягу въ вѣрности императрицѣ, и я совѣтую тебѣ сдѣлать то же. У меня здѣсь четыре тысячи матросовъ, а у тебя лишь двѣ тысячи чело-вѣкъ. Вотъ мой сказъ: рѣшайся». Тотъ отвѣчалъ, что поступитъ такъ, какъ ему будетъ угодно. «Такъ вотъ»,—отвѣчалъ Талызинъ:—

ступай и обезоружь генерала Девьера». Онъ пошелъ, отозвалъ его въ сторону, взялъ у него шпагу и всѣ принесли присягу въ вѣрности. Такимъ образомъ Кронштадтъ очутился въ рукахъ императрицы.

Между тѣмъ князь Барятинскій донесъ Петру, что въ Кронштадтѣ все благополучно. Онъ одинъ изъ всѣхъ посланныхъ приближенныхъ лицъ вернулся къ нему. Положеніе дѣлъ становилось все хуже; его свита значительно уменьшилась, благодаря все большимъ и большимъ отщепенцамъ. Оставшіеся приверженцы попрежнему ходили взадъ и впередъ по аллеямъ парка, или спали на скамейкахъ. Самъ Петръ также шагаль по аллеѣ, вдоль канала, въ сильномъ волненіи. Гольштинскія войска, прибывшія изъ Ораніенбаума, стояли въ Звѣринцѣ, но не служили большой помощью императору, такъ какъ у нихъ было очень мало зарядовъ. Извѣстіе, присланное Девьеромъ, обрадовало его, и онъ рѣшился тотчасъ же отправиться въ Кронштадтъ, на который теперь была его единственная надежда. «Всѣ присутствовавшіе, даже дамы,—писаль прусскій посланникъ Гольцъ,—отправились вмѣстѣ съ императоромъ на приготовленныхъ галерѣ и яхтѣ. Я хотѣлъ тогда уѣхать въ Петербургъ, но императоръ не совѣтоваль мнѣ этого дѣлать, а считаль безопаснѣе для меня отправиться съ нимъ. Я согласился ни его предложеніе, и мы отправились съ нимъ».

Садясь въ свою галеру, императоръ приказаль гольштинскимъ офицерамъ отвести солдатъ обратно въ Ораніенбаумъ и оставаться тамъ спокойно. Погода была прекрасная, а вѣтеръ благопріятный, поэтому въ часъ ночи императоръ съ своей свитой вступилъ на Кронштадтскій рейдъ. Петръ, Минихъ и два или три царедворца соскочили въ лодку и направились къ крѣпости, но мичманъ, Михаилъ Кожуховъ, бывшій дежурный на бастіонѣ, крикнулъ имъ, чтобы они удалились, угрожая въ противномъ случаѣ стрѣлять въ нихъ. Императоръ, полагая, что Кожуховъ исполняль только данное имъ Девьеру приказаніе о невпускѣ кого бы то ни было въ Кронштадтъ, вскочилъ въ лодкѣ и открыль свою грудь, на которой красовалась Андреевская лента. «Развѣ ты меня не знаешь?—воскликнулъ Петръ:—я твой государь».—«У насъ нѣтъ болѣе государя,—отвѣчалъ мичманъ,—да здравствуетъ Екатерина II! Она наша императрица и приказала никого не впускать въ Кронштадтъ. Еще шагъ—и мы будемъ стрѣлять». Гудовичъ, подстрекаемый Минихомъ, сказалъ на ухо Петру, что не должно обращать вниманіе на эту угрозу, а выскочить на берегъ, такъ какъ чрезъ минуту крѣпость и флотъ признають его власть. Однако Петръ страшно перепугался и, возвратясь на галеру, упаль въ обморокъ.

Галера быстро направила въ Ораніенбаумъ, и когда Петръ очнулся, то Минихъ представилъ ему новый планъ. Онъ совѣтоваль плыть прямо въ Ревель, сѣсть тамъ на военный корабль и

отправиться въ Померанію. «Вы примете начальство надъ войскомъ,—прибавилъ онъ,—поведете его въ Россію, и я ручаюсь вашему величеству, что въ шесть недѣль Петербургъ и Россія будутъ у вашихъ ногъ». Этотъ совѣтъ показался всей свитѣ слишкомъ смѣлымъ, и онъ не былъ принятъ. Къ тому же по другимъ свѣдѣніямъ старый воинъ ничего подобнаго не совѣтовалъ, такъ какъ хорошо понималъ, что все потеряно.

Прибывъ въ Ораніенбаумъ, Петръ выказалъ, какъ всегда, свое добродушіе. Онъ просилъ Гольца уѣхать обратно въ Петербургъ, такъ какъ не могъ болѣе ему покровительствовать. Онъ также отправилъ въ городъ въ своихъ экипажахъ придворныхъ дамъ, кромѣ Елизаветы Воронцовой, которая предпочла остаться съ нимъ. Потомъ онъ приказалъ распустить прислугу, въ которой онъ болѣе не нуждался. Отдавъ эти распоряженія, Петръ снова упалъ въ обморокъ, въ той самой голубой атласной комнатѣ, которую нѣкогда вышивала для него Екатерина II, — теперь его заклятый врагъ.

VI.

Пока Петръ III 28-го іюня столь безцѣльно и бесполезно тратилъ время, шагая взадъ и впередъ по аллеямъ Петергофа и катаясь въ Кронштадтъ, Екатерина энергично и дѣятельно принимала мѣры для своего воцаренія. Когда уже все было совершено, то вечеромъ она рѣшилась докончить государственный переворотъ личнымъ походомъ въ Петергофъ, гдѣ, по полученнымъ ею свѣдѣніямъ, находился Петръ. Прежде выступленія въ походъ къ ней явились въ Зимній дворецъ Воронцовъ, Трубецкой и Александръ Шуваловъ, немедленно присягнувшіе новой императрицѣ.

Въ десять часовъ Екатерина въ мундирѣ Преображенскаго полка выѣхала изъ Петербурга во главѣ войска. Ея длинные красивые волосы были распущены и развѣвались изъ-подъ военной треугольной шляпы, украшенной дубовой вѣтвью. Подлѣ нея ѣхали гетманъ Разумовскій и княгиня Дашкова, также въ преображенскомъ мундирѣ. За ними слѣдовали князь Волконскій и генералъ фельдцейхмейстеръ Вильбуа, оба исполнявшіе должности начальниковъ штаба. При этомъ было замѣчательно, что всѣ гвардейскіе офицеры и солдаты сбросили съ себя новые прусскіе мундиры, введенные Петромъ III, и надѣли старые, петровскіе.

Пройдя около десяти верстъ отъ города, войско остановилось у Краснаго Кабачка. «Солдаты разлеглись на большой дорогѣ,—рассказываетъ Екатерина,—офицеры и множество горожанъ, слѣдовавшихъ изъ любопытства, все, что могло вмѣститься на постояломъ дворѣ,—всѣ вошли въ него. Никогда еще день не былъ болѣе богатъ приключеніями. У каждаго было свое, и всѣ хотѣли рассказать. Были необыкновенно веселы, и никто не чувствовалъ ни ма-

лѣйшихъ сомнѣній. Можно было бы думать, что все уже кончено хотя въ дѣйствительности никто не могъ предвидѣть конца, которымъ завершится эта великая катастрофа. Не знали даже, гдѣ находился Петръ III. Слѣдовало предполагать, что онъ бросился въ Кронштадтъ, но никто не думалъ объ этомъ. Однако Екатерина не была спокойна, какъ это казалось. Она смѣялась и шутила, говорила съ тѣми и другими чрезъ всю комнату, а когда у нея подмѣчали мгновенія разсѣянности, сваливали вину за это на утомленіе отъ пережитаго дня. Захотѣли уложить ее спать, она было бросилась на кровать, но, не будучи въ состояніи закрыть глазъ, лежала неподвижно, чтобы не разбудить княгини Дашковой, лежавшей подлѣ нея. Случайно повернувъ голову, она увидѣла, что у княгини ея большіе голубые глаза были раскрыты и устремлены на нее, что заставило ихъ обѣихъ громко расхохотаться отъ того, что онѣ обѣ считали одна другую заснувшей и взаимно оберегали сонъ одна другой».

Между тѣмъ въ Красный Кабачекъ прибылъ Панинъ съ донесеніемъ о благополучномъ состояніи дѣлъ въ Петербургѣ и о спокойномъ снѣ великаго князя Павла Петровича. Услыша шумъ въ сосѣдней комнатѣ отъ пріѣзда Панина, Екатерина и Дашкова встали и присоединились къ остальнымъ. Послѣ продолжительнаго разговора Панинъ написалъ сенату по приказанію Екатерины: «Ея императорское величество благополучно маршъ свой продолжаетъ, которую я со всѣми полками засталъ у Краснаго Кабачка на роздыхѣ. Впрочемъ, ревность неописанную, нимало не умаляющуюся къ намѣренію предпринятому во всѣхъ полкахъ вижу, о чемъ и удостоверяю».

Въ пятомъ часу Екатерина снова пустилась въ путь, и въ Сергіевской пустынѣ была вторая небольшая остановка. Здѣсь встрѣтилъ государыню вице-канцлеръ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ съ письмомъ отъ Петра III, который, очнувшись отъ обморока, ночью написалъ своей женѣ письмо на французскомъ языкѣ. Въ этомъ письмѣ онъ предлагалъ ей раздѣлить съ нимъ престолъ. Впрочемъ, по собственнымъ словамъ Екатерины въ манифестѣ къ сенату отъ шестого іюля, онъ соглашался на отреченіе отъ престола и просилъ отпустить его въ Гольштинію. Что же касается до отвѣта Голицыну, то она не удостоила отвѣтить ни слова на это письмо и только сухо замѣтила, что теперь «уже поздно, и польза государства требовала другихъ мѣръ. Тридцать шесть часовъ тому назадъ это условіе могло быть принято, но теперь оно предлагало государынѣ половину того, что ей принадлежало цѣлостью». Понимая, въ какомъ положеніи находились дѣла, вице-канцлеръ позаботился только о себѣ и принялъ присягу на открытомъ воздухѣ, послѣ чего рассказалъ государынѣ о неудачной Кронштадтской экспедиціи.

Черезъ нѣсколько времени прибылъ отъ Петра III новый посланный, генераль-майоръ Измайловъ. На этотъ разъ Петръ просилъ Екатерину отпустить его въ Гольштинію съ Гудовичемъ и Воронцовою. Достигнувъ императрицы, Измайловъ бросился къ ея ногамъ и сказалъ: «Признаете ли вы меня честнымъ человѣкомъ?» Она отвѣчала: «да».—«Тогда,—возразилъ онъ,—считайте меня вашимъ. Если вы довѣритесь мнѣ, я хочу предохранить мое отечество отъ большого пролитія крови. Я даю вамъ слово, если вы отошлете меня, то я одинъ доставлю вамъ государя сюда». Императрица на это согласилась, и Измайловъ поскакалъ обратно.

По своемъ возвращеніи въ Ораніенбаумъ, Измайловъ нашелъ уже написанный Тепловымъ и присланный сюда актъ отреченія Петра, слѣдующаго содержания: «Въ краткое время правительства моего самодержавнаго Россійскимъ государствомъ самымъ дѣломъ узналъ я тягость и бремя, силамъ моимъ несогласное, чтобы мнѣ не токмо самодержавно, но и какимъ бы то ни было образомъ правительство владѣтъ Россійскимъ государствомъ, почему и восчувствовалъ я внутреннюю онаго перемѣну, наклоняющуюся къ паденію его цѣлости и къ пріобрѣтенію себѣ вѣчнаго чрезъ то безславія: того ради, помысливъ я самъ въ себѣ безпристрастно и непринужденно, чрезъ сіе объявляю не только всему Россійскому государству, но и цѣлому свѣту торжественно, что я отъ правительства Россійскимъ государствомъ на весь вѣкъ мой отрицаюся, не желая ни самодержавнымъ, ниже онымъ какимъ либо образомъ правительства на всю жизнь мою въ Россійскомъ государствѣ владѣть, ниже онаго когда либо или чрезъ какую либо помощь себѣ нскать, въ чемъ клятву мою чистосердечную предъ Богомъ и всецѣлымъ свѣтомъ приношу нелицемѣрно. Все сіе отрицаніе написалъ и подписалъ моею собственною рукою».

Измайловъ взялъ этотъ документъ и понесъ его къ императору въ сопровожденіи Голицына и Орлова, которые оставались въ пріемной. Петръ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ у маленькаго овальнаго стола, на которомъ стоялъ портретъ его тетки, императрицы Елисаветы. «Вы видите, что не такъ трудно вести переговоры съ императрицей,—сказалъ Измайловъ, входя въ комнату:—она желаетъ обойтись съ вами по-дружески; если вы согласитесь отречься отъ императорской короны, то вы можете безпрепятственно удалиться въ Гольштинію». Однако какъ ни былъ перепуганъ Петръ, онъ все-таки съ минуту колебался, чтобы подписать столь постыдную для него бумагу, и только согласился, когда Измайловъ вышелъ изъ терпѣнія и сталъ угрожать ему арестомъ. Вырвавъ такимъ образомъ отреченіе у Петра, Измайловъ послалъ эту бумагу въ Петергофъ къ императрицѣ съ княземъ Голицынымъ и Алексѣемъ Орловымъ.

29-го іюня, въ день именинъ злополучнаго Петра III, въ одиннадцать часовъ утра, Екатерина, окруженная своей гвардіей, вѣхала въ Петергофъ. Вслѣдъ затѣмъ на Дворцовой площади произошелъ парадъ при громкихъ крикахъ ура и пушечной пальбѣ. Государыня попрежнему была въ преображенскомъ мундирѣ и верхомахъ. Когда все было кончено, она удалилась во дворецъ и тамъ получила отреченіе Петра. Оно не вполнѣ ее удовлетворило, и въ своемъ манифестѣ отъ шестого іюля она писала сенату. «Оба письма, которыя писалъ мнѣ Петръ изъ Ораніенбаума до своего отреченія, были наполнены ласкательствами, но они присланы были за нѣсколько часовъ послѣ того, что онъ повелѣніе давалъ насъ убить о чемъ намъ тѣ самые заподлинно донесли съ истиннымъ удостовереніемъ, кому сіе злодѣйство противу живота нашего препоручено было дѣломъ самимъ исполнить».

Къ часу привезли въ Петергофъ бывшаго императора въ старинной, грязной, пыльной каретѣ. Петръ сидѣлъ въ ней съ Елисаветой Воронцовой и Гудовичемъ. Ихъ сопровождали Алексѣй Орловъ и Измайловъ. Прибывъ въ Петергофъ, Петръ III, молча, вышелъ изъ экипажа простился съ Гудовичемъ и Воронцовой и былъ тотчасъ же арестованъ. Отдавъ свою шпагу и голубую ленту дежурному офицеру, онъ поднялся по лѣстницѣ и былъ проведенъ въ тотъ флигель дворца, гдѣ онъ жилъ, будучи великимъ княземъ.

Къ нему былъ посланъ Екатериной графъ Панинъ, находившійся при ней съ самаго утра. Ему было приказано узнать отъ «бывшаго императора», гдѣ онъ изберетъ себѣ резиденцію, въ ожиданіи пока будутъ для него отдѣланы «приличные апартаменты» въ Шлиссельбургской крѣпости. Панинъ былъ глубоко тронутъ несчастнымъ положеніемъ «бывшаго императора» и, нѣсколько лѣтъ спустя, говорилъ одному изъ своихъ пріятелей, «что считалъ величайшимъ несчастіемъ своей жизни видѣть императора въ такое время». Петръ выбралъ для своего временнаго пребыванія Ропшу, небольшую резиденцію, принадлежавшую ему, когда онъ былъ великимъ княземъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ снова просилъ, чтобы дозволили Елисаветѣ Воронцовой поѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Ропшу. Это была его единственная просьба, такъ какъ свѣдѣнія, что онъ просилъ свиданія съ Екатериной, — несправедливы. Но его единственная просьба была отвергнута.

Въ пять часовъ бывшаго императора повезли въ большой каретѣ, шестеркой, съ опущенными сторонами и окруженнаго солдатами. Объ этой поѣздкѣ въ Ропшу несчастнаго заключеннаго Петра III императрица рассказываетъ: «Для сопровожденія его назначены были Алексѣй Орловъ, князь Барятинскій и три другіе офицера. Они выбрали сто человекъ изъ различныхъ гвардейскихъ полковъ. Данныя имъ приказанія гласили сдѣлать жизнь этому государю столь пріятной, насколько они могли, и доставлять ему для его за-

бавы все, что онъ ни пожелаетъ. Его личность до такой степени представлялась малоопасной, что предпологалось впоследствии перевести его изъ Ропши въ Шлиссельбургъ, а чрезъ нѣкоторое время, смотря по обстоятельствамъ, отправить его вмѣстѣ съ его фаворитами въ Гольштинію».

Солдаты, не видѣвшіе Екатерины нѣсколько часовъ во время приготовленій къ отправкѣ Петра въ Ропшу, были встревожены и боялись, чтобы не случилось съ ней чего недобраго. Пронесся слухъ, что князь Трубецкой примиряетъ супруговъ, и изъ опасенія обмана и гибели не только ея, но и всей гвардіи, раздался общій недовольный говоръ. Тогда Екатерина отослала князя Трубецкого въ Петербургъ, а сама вышла къ войску, которое, увидѣвъ ее, немедленно успокоилось при крикахъ радости. Вечеромъ государыня, несмотря на усталость и на то, что два дня почти ничего не ѣла, отправилась съ войскомъ въ Петербургъ. На полдорогѣ она отдыхала около трехъ часовъ и 30-го іюня 1762 года, въ 10 часовъ утра, вѣхала въ Петербургъ во главѣ своей арміи. Ее встрѣтили весь дворъ и безчисленные толпы народа; радостнымъ ликоваціямъ и громкимъ кликамъ не было конца. Съ неописаннымъ триумфомъ она прибыла къ Лѣтнему дворцу, гдѣ ее ожидали великій князь Павелъ Петровичъ и многочисленные вельможи. Въ докладѣ сената, который она получила по дорогѣ въ девять часовъ, говорилось: «Цесаревичъ изъ Зимняго въ Лѣтній домъ благополучно прибыть соизволили, и обѣдня началась, а по окончаніи оной весь сенатъ и синодъ для начатія молебна имѣютъ ожидать высочайшаго вашего императорскаго величества прибытія».

Великій князь вышелъ на дворцовый дворъ встрѣтить свою мать. Екатерина, увидѣвъ сына, соскочила съ лошади и расцѣловала его.

Войдя въ церковь, она выслушала молебенъ и отправилась въ Зимній дворецъ среди шумнаго, неумолкавшаго народнаго восторга, продолжавшагося на улицѣ цѣлый день.

Наконецъ, прошелъ этотъ памятный день, и императрица рано легла спать и уснула отъ усталости. Но въ два часа капитанъ Пассекъ разбудилъ ее, прося встать, такъ какъ измайловцы хотѣли ее видѣть, опасаясь, чтобы ктонибудь не похитилъ ея. Императрица встала и вышла къ нимъ. Едва увидѣвъ ее, солдаты принялись радостно кричать, но Екатерина серьезнымъ тономъ совѣтовала имъ итти спать, давъ ей возможность также отдохнуть. Главнымъ же образомъ она приказала имъ вѣрить своимъ офицерамъ. Они обѣщали и удалились, дѣлая упреки другъ другу за то, что ее разбудили.

Между тѣмъ весь знатный, военный и чиновный Петербургъ провелъ эту ночь въ безконечномъ весельѣ. «N'est-ce pas une grande affaire, et bien conduite?» — говорилъ Тепловъ съ гор-

достію и самодовольствомъ исторіографу Миллеру въ присутствіи Шлёцера.

Напротивъ, уныло и мрачно прошла эта ночь въ Ропшѣ, куда съ вечера привезли «бывшаго императора», какъ теперь его называла Екатерина. Ему отвели главную спальную въ каменномъ зданіи Ропшинскаго дворца. Въ то время, когда Петръ былъ великимъ княземъ, онъ любилъ это мѣстопробываніе, хотя и рѣдко въ немъ жилъ, но въ свое царствованіе онъ никогда туда не пріѣзжалъ. Комната, въ которой его помѣстили, была довольно большихъ размѣровъ, и въ одномъ изъ угловъ, въ альковѣ, стояла кровать. На окнахъ были спущены зеленыя занавѣски, такъ что солдаты, проходя мимо, ничего не видѣли. Вся комната была предоставлена исключительно Петру, но у дверей стоялъ часовой, и солдаты постоянно ходили вокругъ дома, не позволяя ему выходить въ паркъ или даже подышать воздухомъ на террасѣ.

На слѣдующее утро Петръ жаловался дежурному офицеру, что дурно провелъ ночь, такъ какъ не можетъ иначе спать, какъ на своей любимой ораніенбаумской постели. За нею тотчасъ послали, и она была доставлена въ Ропшу. Такъ какъ этотъ день былъ воскресный, и Петръ ощущалъ страшную скуку, то онъ просилъ послать за скрипкою, пуделемъ, нѣмецкимъ докторомъ Людерсомъ, оберъ-камердинеромъ Тюнлеромъ и слугою арапомъ, Нардисомъ. Узнавъ о желаніяхъ «бывшаго императора», Екатерина поручила генералу Суворову послать требуемыя Петромъ вещи и отправить въ Ропшу не только вышеназванныхъ лицъ, но также гольштинскаго подполковника Кила, къ которому онъ былъ очень привязанъ. Однако, на этотъ разъ, несмотря на приказъ Екатерины, желанія Петра не были исполнены, потому ли что ни люди, ни вещи не нашлись, или Екатерина перемѣнила свое мнѣніе, хотя въ письмѣ къ графу Понятовскому она увѣряетъ, что «послала три вещи: собаку, скрипку и арапа».

Въ первое время Алексѣй Орловъ очень любезно обращался съ своимъ узникомъ и для его забавы игралъ съ Петромъ въ карты. Но, по рассказамъ Шумахера, секретаря датскаго посольства, Орловъ не могъ итти далѣе данныхъ ему инструкцій, и когда Петръ просилъ выпустить его на воздухъ, то первый растворялъ дверь и, указывая ему на часового, молча пожималъ плечами. Къ вечеру Петръ сталъ жаловаться на сильную головную боль, и ему дали лѣкарство, которое прислалъ его докторъ Людерсъ. Ему стало легче, но на второй день у него открылись геморроидальныя колики, и Людерсъ пріѣхалъ изъ Петербурга. 4-го іюля «бывшему императору», очевидно, стало хуже, такъ какъ пригласили изъ Петергофа доктора Паульсона. Вскорѣ послѣ этого оба доктора заявили, что больному лучше.

Въ теченіе этихъ дней Екатерина продолжала праздновать свое восшествіе на престоль. Она щедро наградила видныхъ участниковъ совершившихся событій. Такъ, между прочимъ, двухъ ярославскихъ купцовъ, Ѳедора и Григорія Волковыхъ, основателей русскаго театра, она произвела въ дворяне и пожаловала имъ семьсотъ душъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она вернула изъ опалы непомилованныхъ Петромъ III Бестужева-Рюмина и князя Якова Шаховскаго, сосланныхъ Елисаветой. Что же касается самой Екатерины, то она не подвергла наказанію ни одного изъ приверженцевъ «бывшаго императора». Только Гудовичъ, Волковъ и Мельгуновъ были посажены подъ временный арестъ, а послѣ были временно удалены. Также кратковременному аресту и недолгому удаленію въ отцовскую подмосковную была подвергнута графиня Елизавета Романовна Воронцова. Послѣ коронаціи она жила въ Москвѣ, вышла замужъ за бригадира Полянскаго и современемъ переѣхала въ Петербургъ. Даже Минихъ, вѣрнѣйшій изъ сторонниковъ Петра III, не только не подвергся никакой опалѣ, но ему была даже довѣрена главная дирекція надъ Ладожскимъ каналомъ.

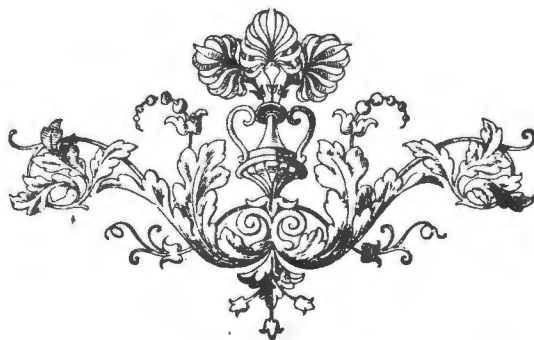
Кромѣ означенныхъ мѣръ, Екатерина въ эти дни занималась государственными дѣлами и нѣсколько разъ посѣщала сенатъ. Вернувшись изъ сенатскаго засѣданія 6-го іюля, она получила изъ Рошши неожиданное извѣстіе о смерти «бывшаго императора». На другой день Екатерина издала манифестъ, въ которомъ говорилось слѣдующее: «Въ седьмой день, послѣ принятія нашего престола Всероссийскаго, получили мы извѣстіе, что бывшій императоръ Петръ III, обыкновеннымъ прежде часто случавшимся ему припадкамъ геморроидическимъ впалъ въ прежестокую колику. Чего ради, не презирая долгу нашего христіанскаго и заповѣди святой, которою мы одолжены къ соблюденію жизни ближняго своего, тотчасъ повелѣли отправить къ нему все, что потребно было къ предупрежденію слѣдствъ изъ того приключенія, опасныхъ въ здравіи его, и къ скорому вспоможенію врачеваніемъ. Но, къ крайнему нашему прискорбію и смущенію сердца, вчерашняго дня получили мы другое, что онъ волею Всевышняго Бога скончался».

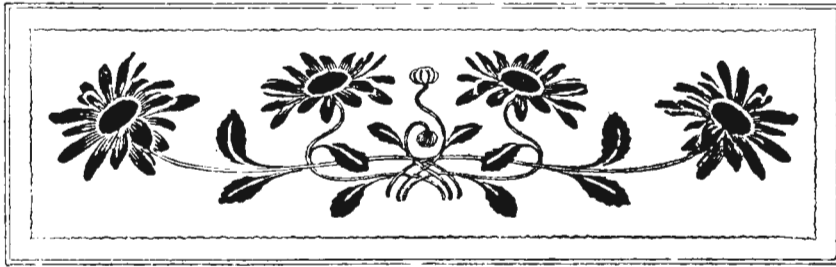
Вечеромъ, въ памятный день 6-го іюля, Екатерина обѣдала, какъ всегда, съ своими придворными и весело провела вечеръ. Относительно похоронъ «бывшаго императора» она приказала, по совѣту Панина, выставить тѣло въ покояхъ Невскаго монастыря, служившихъ ранѣе для той же цѣли при похоронахъ правительницы Анны Леопольдовны, а затѣмъ предать землѣ въ Благовѣщенской церкви того же монастыря. Сначала Екатерина хотѣла присутствовать при печальной церемоніи, но сенатъ, по предложенію Панина, просилъ ее отложить свое намѣреніе ради ея здоровья. Ея такъ понрави-

лось это ходатайство, что она на него согласилась. Похороны совершились безъ всякаго торжества.

«Свергнуть императоръ, умеръ Пётръ III и въ землю зарытъ!» говоритъ послѣдній историографъ Екатерины. Сама же Екатерина II оканчиваетъ свое письмо къ графу Понятовскому замѣчательно мѣткими словами, какъ бы взятыми изъ Гамлета: «Il y a d'étranges situations dans ce bas monde».

В. А. Тимирязевъ.

ТИПЫ И ХАРАКТЕРЫ КАВКАЗСКАГО ЧЕРНОМОРСКАГО ПОБЕРЕЖЬЯ.

I.

Петро Кисель.

ОГДА я прїѣхалъ въ первый разъ въ довольно людное мѣстечко Черноморскаго побережья, былъ тихій августовскій вечеръ. Пароходъ «Отважный», небольшой плоскодонный катеръ, подошелъ къ узкой и длинной пристани, на которой толпилось много народа. Нужно было взять вещи и найти себѣ прїютъ.

На пристани раздавался смѣхъ и говоръ. На темномъ небѣ ярко сверкали звѣзды, по берегу бухты неясными очертаніями рисовались ближнія постройки, дальше и выше свѣтились огни въ жилищахъ.

Море было покойное, воздухъ мягкій. Миромъ и тихой повзѣіей повѣяло на меня въ этомъ уголкѣ, котораго я не зналъ, но мнѣ было хорошо, словно я прїѣхалъ на берегъ желанный. Пассажиры выходили, выносили свой багажъ. Появились съ пристани люди, которые помогли.

— Кто бы пособилъ мнѣ?!.. обратился я наудачу.

— Можно!—отвѣчалъ бодрый, веселый голосъ.—Которыя ваши вещи?

— А ты кто?

— Петръ Кисель!

— Кисель... Отлично! Вотъ мой чемоданъ, а подушку я самъ возьму.

— Идите за мной...

Я пошелъ за высокой фигурой на берегъ, гдѣ происходила порядочная толчея усаживающихся въ экипажи приѣзжихъ.

— Сюда!.. сюда!.. выкрикивалъ изъ полутьмы громкій голосъ, по направленію котораго я пришелъ къ бѣлой лошади, запряженной въ обыкновенныя дроги, на которыхъ лежалъ мой багажъ.

— Куда везти?—спросилъ, усаживаясь, дрогаль.

— Нѣтъ ли какой гостиницы, постоялаго двора?

— Есть гостиница,—отвѣчалъ онъ.—Повезу васъ къ нѣмцу.

— Найдутся ли свободныя комнаты?

— Найдемъ!—увѣренно отвѣчалъ Петръ.

Комната въ гостиницѣ, не важной, но форменной, съ номерами и какими-то правилами, нашлась, но я былъ въ поту и пыли, и мнѣ передъ сномъ захотѣлось выкупаться.

— Можно и выкупаться! я свезу,—сказалъ Петръ и засмѣялся.

Я посмотрѣлъ на него въ освѣщенной комнатѣ. Передо мной стоялъ высокій, худой, но сильный человекъ, лѣтъ тридцати пяти, съ кнутомъ въ рукѣ, въ бѣлой осетинской шляпѣ, въ ситцевой рубахѣ, кажется, розоваго цвѣта и синихъ штанахъ. Въ его сѣрыхъ глазахъ свѣтился умъ и добродушное лукавство. Онъ съ любопытствомъ посматривалъ на меня.

— Подожди, я открою чемоданъ и достану бѣлье.

— Доставайте,—я подожду.

Дрогаль сѣлъ на стулъ и снялъ свою оригинальную шляпу. Темнорусые волосы прядью опустились на открытый, невысокій лобъ. Безъ шляпы Петръ казался еще добродушнѣе.

Мы поѣхали къ ближней купальнѣ, но хозяинъ запирался.

— Позвольте, я въ одну минуту,—просилъ я грека.

— Нельзя. По правилу въ восемь часовъ... довольно...

— Да я приѣзжій, только одинъ разъ окунуться...

— Безъ правилъ невозможно... шепелявилъ грекъ.

— Пустите,—просилъ дрогаль,—пустите вымыться приѣзжаго человека.

Грекъ разсердился и началъ кричать и картавить. Я передразилъ хозяина купальни. Петръ захохоталъ на всю бухту.

— Поѣдемъ,—сказалъ онъ,—выкупаетесь на бережечкѣ.

Мы поѣхали, и я отлично выкупался, а грекъ продолжалъ громко ворчать. Петръ не переставалъ смѣяться. Смѣхъ его былъ заразителенъ, это смѣхъ здороваго человека, у котораго на душѣ покойно и легко. Мнѣ понравился Петръ.

— Не знаешь ли,—обратился я къ нему,—гдѣ бы нанять мнѣ помѣсячно комнату, чтобы съ зеленью, съ садикомъ?

— Найдемъ! утромъ приѣду за вами, поѣдемъ и найдемъ.

«истор. вѣстн.», апрѣль, 1908 г., т. хсн.

6

Такъ и вышло. Утромъ, посмотрѣвъ одно, другое помѣщеніе, Петръ подумалъ и сказалъ: «знаю теперь, что вамъ нужно»... Хлестнулъ сѣраго и подвезъ меня къ небольшой хатѣ крестьянки-вдовы, гдѣ я прожилъ въ простотѣ и безъ обиды.

Утро. Ослѣпительно блещетъ солнце на ярко синемъ небѣ. Легкій юго-западный вѣтеръ свѣжитъ и гонитъ изумрудную волну на каменистый берегъ. Мокрые, мелкіе камешки шуршатъ и двигаются отъ волны и за волной.

Вездѣ купаются. Въ одномъ мѣстѣ бухты мужчины, дальше женщины, нѣкоторыя изъ нихъ въ костюмахъ и много дѣтей. Голыя тѣла лоснятся и сверкаютъ на солнцѣ. Бѣлая пѣна водъ оригинальна при яркомъ освѣщеніи,—кругомъ движеніе, и плескъ, и брызги, и шумъ, и говоръ. Какъ живо, какъ радостно на берегу!

Изъ бухты выходитъ фелюга. Въ открытомъ морѣ движется шкуна, распустивъ, какъ крылья, свои паруса. Какой чудный воздухъ! Контуры горъ и ближнія высоты ярко выдѣляются,—и мысъ и маякъ. Живописная картина!

Яркая, словно праздничная природа бодритъ, живитъ и тѣло и душу, а сердце бьется такъ ровно въ груди. Не гармонируютъ только съ окружающей прелестью высокія трубы цементнаго завода на другомъ берегу бухты и темные клубы дыма, особенно грязно выдѣляющіеся на чистомъ, безоблачномъ небѣ.

На пристани шумъ и говоръ. Подхожу ближе. Кучка людей: извозчики, греки, рабочіе, и между ними Петръ и агентъ таможеннаго вѣдомства.

— Не совѣстно людей обижать!—громко кричалъ Петръ.

— Не твое дѣло,—отвѣчалъ таможенный:—съ тобой я не уговаривался..

— А я тебѣ говорю, не станемъ за такія деньги работать!..

Очевидно это «тебѣ» взорвало агента, который закричалъ: «не желаю съ тобой говорить, мерзавецъ!»

— Самъ ты—мерзавецъ!—кричалъ Петръ, и его высокая фигура вся трепетала отъ негодованія.

Я свернулъ въ сторону, думая, что дѣло для Петра кончится неблагополучно. Его громкій голосъ покрывалъ другіе голоса, и я продолжалъ слышать: «я при землѣ всегда останусь, а ты куда пойдешь со службы, куца собака!» и еще что-то въ такомъ же родѣ. «Однако горячій—этотъ Кисель!»—думалъ я, продолжая итти по берегу, до самаго открытаго моря.

Какой чудный, безграничный видъ! и даль, и мощь, и суровая красота морской бездны. Подъ высокой скалой бьются волны, непрерывно, вѣчно, сѣдые и грозныя въ бурю, и ласковыя, игривыя въ тихую погоду. Причудливой линіей поворачиваетъ къ югу мор-

ской берегъ!.. видны скалы, мысъ, за нимъ выступаетъ другой, мрачно вытягиваясь въ море. Пустынные берега! Около меня зданіе маяка съ его огромнымъ стекляннымъ глазомъ, крохотная хата сторожа, полоска вспаханной земли—и все это на кручѣ, на открытомъ высокомъ берегу. Воображаю, когда буря и вѣтеръ и ураганъ. Зато рельефно рисуется отсюда станица. Ея бѣленькія хаты съ тощей зеленью кажутся такими яркими, уютными, составляя другъ съ другомъ положительно живописную группу, пересѣкаемую правильными улицами, которыя тянутся въ горы, въ лѣсъ.

Вѣтеръ стихалъ, и бухта блестяла еще ярче, становилось жарко, и я рѣшилъ пойти на бульваръ, гдѣ была тѣнь и сравнительная прохлада. Приближаясь къ бульвару, я къ своему удивленію увидалъ Петра-Киселя, мирно бесѣдующаго съ агентомъ таможеннаго вѣдомства. «Да, это—онъ, его смѣхъ, здоровый и раскатистый».

— Петръ! Что такое было у васъ вчера на пристани?.. серьезный разговоръ?!

Мы ѣхали въ окрестности мѣстечка осматривать виноградники.

— Разговоръ!—захоталъ Петръ.—Ругались.... и даже крѣпко... а вы—разговоръ!

— Да, я слышалъ—и, признаться, думалъ, что тебѣ достанется... все-таки онъ чиновникъ.

— Не я началъ ругаться. Онъ первый!.. Ну, а я не спущу... нѣтъ! оскорбить себя не позволю.

— Что же такое у васъ вышло?

— Видите,—обернулся ко мнѣ дрогаль,—этотъ чиновникъ, Паницкій его звать, промышляетъ всѣмъ... строить дачи, торгуетъ лѣсомъ, всякимъ дѣломъ занимается, ловкій господинъ! Вотъ ему привезли лѣсъ, и подрядилъ онъ этотъ лѣсъ, доски, вывезти на берегъ съ пристани и договорился съ товарищами раньше, до прихода судна. Задешево условились, потому перевезти недалеко, а онъ... и Петръ отъ души, но здорово опять ругнулъ Паницкаго.

— Ну, полно ругаться!

— Съ судна, значить, возить! По-нашему это выходитъ разгрузка и вывозка. Видали, гдѣ доски-то, откуда надо ихъ взять—съ самаго днища. Сколько времени да труда на разгрузку надобно! Понимаете? А онъ хотѣлъ все это даромъ!.. Я ему говорю: не стыдно ли вамъ пользоваться даровымъ трудомъ? Вѣдь, вы не маленькій, понимаете... А онъ: не твое дѣло... Какъ не мое дѣло?.. Я тоже дрогаль—живу своимъ промысломъ, и пошло, пошло... Братцы, говорю, отдай задатокъ, пещь съ нимъ: не будемъ убирать товара!

с*

Тогда онъ притихъ, будто соглашался. Только со мной не хотѣлъ разговаривать, — тоже вспыльчивый человѣкъ!

— А какъ же, Петръ, послѣ этого вы мирно съ нимъ разговаривали? Этого я не понимаю...

Петръ весело засмѣялся.

— Не понимаете? Что жъ тутъ удивительнаго! Поругались и довольно. Мнѣ что?... Я зла не помню, какое мнѣ до него дѣло. Онъ мнѣ не другъ, не товарищъ, а баринъ, чиновникъ... Поступилъ несправедливо, я указалъ, обругался — я обругалъ его тоже... ну, и квиты... Сердиться мнѣ нечего, да и не стоитъ!

— Кто же первый заговорилъ изъ васъ?

— Онъ спросилъ, возять ли парни лѣсъ. Сказалъ — возять... Отчего за два съ полтиной не возить?! Онъ хотѣлъ за рубль двадцать, да не вышло!..

И Петръ снова захохоталъ.

— Веселый ты человѣкъ, Петръ.

— Чего мнѣ печалиться? Силы есть, работа есть... «Сѣрый», — и онъ любовно взглянулъ на лошадь, — конь у меня умный... хата, жинка, сынишка Тасечка... все въ порядкѣ: и земля, и садъ, и огородъ!..

— Хорошо живешь?

— Живу добре. Приходите въ праздникъ въ гости — сами увидите.

— Спасибо, приду.

— Люди мы простые, — продолжалъ Петръ, — хорошему и образованному человѣку рады.

— Спасибо... Отчего ты самъ не возишь доски?

— У меня свое дѣло... Сегодня вотъ съ вами, а завтра песокъ буду возить генералышѣ... Работа въ лѣтнее время всегда найдется... Работа отъ насъ не уйдетъ: не я, такъ другой... Это все равно... Мы работаемъ артельно...

— Вотъ что...

— А какъ же!.. работаю я или не работаю, заработокъ денной весь дѣлимъ поровну, цѣны у насъ установлены: лѣтнія — однѣ, зимнія — другія, дешевле. Ярлыкъ каждый беретъ въ правленіи, безъ ярлыка въ станицѣ работать другіе не могутъ. Нашихъ цѣнъ не собьешь... нѣтъ! — и Петръ лукаво улыбался.

— Кто же устроилъ артель? Навѣрно ты, Петръ?

— Предложеніе мое было, надо правду говорить. Спервоначалу не всѣ согласились, а нѣкоторые... попробовали, а потомъ, какъ и другіе увидели, что сообща работать выгоднѣй и спокойнѣй, тогда и постановили...

— Безъ всякаго устава и правилъ?

— Какой уставъ! Поговорили крѣпко, согласіе полное вышло, и вотъ три года работаемъ и находимъ, что вмѣстѣ лучше, чѣмъ

въ одиночку. Теперь, когда мы нужны, насъ ищутъ, за нами ходятъ. А то прежде сами перебивали другъ у друга, неспокойно было, каждый думалъ, какъ бы домой безъ «грошей» не прѣхать. Сердятся на насъ кушцы и торговцы. Что жъ, мы по совѣсти, по таксѣ, и себя не обижаемъ...

Виноградное дѣло и винодѣліе, если не процвѣтало въ описываемой мною мѣстности, то во всякомъ случаѣ было болѣе или менѣе организовано и въ будущемъ обѣщало развитую промышленность.

Вина выходили прекрасныя. Правда, количествомъ урожая винограды не отличался, но качествомъ — да. Послѣднему способствовали: сухой воздухъ, постоянное солнце и известковая почва.

Вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства обработка земли подъ виноградники представляла большія трудности.

Мы ѣхали по плохой дорогѣ, подвигаясь медленно къ винограднымъ участкамъ. «Сѣрый» мѣстами съ трудомъ вытаскивалъ въ гору дроги, которыя колыхались по ямамъ и колдобинамъ, какъ фелюга на морѣ. Растительность кругомъ была жалкая, низкорослая, дубы корявые и колючка, колючка безъ конца. Засохшая, желтаго цвѣта трава и сѣрые камни представляли печальное зрѣлище, но море и небо сіяли лучезарными и дивными красками.

Поднялись въ гору.

— Плантажъ бьютъ! — показалъ Петръ.

Я увидѣлъ груды камней, мѣстами сложенныхъ правильными рядами, а кое-гдѣ кучами. Поле, сплошь, покрытое известнякомъ, ослѣпительно блестяло на солнцѣ. Поистинѣ это было каменное поле!

Съ загорѣлыми, бронзовыми лицами, въ рваныхъ рубахахъ, около самой дороги работали люди. Впрочемъ Петръ сказалъ точнѣе: не работали, а «били». Ломъ и кирка — вотъ орудія обработки земли подъ виноградъ. «Бить плантажъ» — значитъ поднять каменную землю на аршинъ съ четвертью, выбрать дикарь, а трескунъ и известнякъ оставить на поверхности. Работа трудная и тяжкая подъ жгучими лучами южнаго солнца, работа весь долгій день. «Бить плантажъ» — тяжело, чѣмъ копать обыкновенную землю, труднѣй страднаго покоса, труднѣй работы въ лѣсу.

— Богъ помощь! — говорилъ бодрымъ голосомъ дрогаль, когда мы проѣзжали близъ работавшихъ, которые медленно выпрямляли спины и медленно отвѣчали на привѣтъ. Измученныя, разнообразныя лица, большею частію средняго возраста, среди которыхъ были и пожилыя, были несомнѣнно русскія. Но какіе работники!

— Что это русскіе, пришлые? — спросилъ я спутника.

— Это... — Петръ обернулся, почему-то посмотрѣвъ на работавшихъ снова, и съ какою-то гордостью отвѣчалъ: — это бурлаки. Хорошій народъ! Посмотрите кругомъ — это все ихъ работа.

Мы были на горѣ, откуда открывался широкой горизонтъ на бухту, на открытое море и на культивированную землю. Среди группъ низкорослыхъ перелѣсковъ, между кое-гдѣ, то на горѣ, то близъ берега, возвышавшимися каменными съ красными крышами постройками жилищъ и винодѣленъ, стлались скатами къ берегамъ бухты и моря виноградники. Они составляли правильные четырехугольники или квадраты, и ихъ прямыя линии и оригинальная культура такъ рѣзко отдѣлялись отъ пожелтѣвшихъ полей и каменистаго грунта. Виноградники, съ равными по высотѣ кольями, вокругъ которыхъ вились и ниспадали виноградныя лозы, издали представлялись и оригинальными и красивыми. Верховые, горные виноградники производили одно впечатлѣніе, низовые, къ морю, другое: послѣдніе казались гуще и зеленѣе.

Миновавъ небольшой дубовый лѣсокъ, проѣхавъ нѣсколько времени голымъ, безъ растительности, полемъ, мы начали спускаться къ морю, по берегу котораго тянулась, чуть-чуть колеблясь, бѣлая кайма морского прибоя. Вдали, почти на горизонтѣ дымилъ пароходъ, а ближе неподвижно бѣлѣлъ рыбацкій парусъ фелюги. Ярко, величественно и знойно!..

— Скоро ли, Петръ?.. жарко!..

— Близенько!.. Вонъ, за лѣскомъ, красная крыша... Видите?..

Я повернулся на дрогахъ, но увидѣлъ не красную крышу, на которую указывалъ Петръ, но плотную даму въ широкой шляпѣ, короткой красной юбкѣ и большихъ мужскихъ сапогахъ.

Она шла къ намъ навстрѣчу, щурясь отъ солнца и очевидно соображая: кто мы и почему очутились въ ея владѣніяхъ?..

— «Шмелиха»... — сообщилъ Петръ. — Она самая...

Я слѣзъ съ дрогъ и пошелъ навстрѣчу извѣстной винодѣлкѣ.

Мы познакомились. «Шмелиха» по прозванію, по-настоящему Варвара Михайловна Шмелева, пригласила меня осмотрѣть свою винодѣльную и виноградарство.

— Трудно было мнѣ, женщинѣ, на первыхъ порахъ, когда здѣсь ни дорогъ, ни общества никакого не было... — рассказывала Варвара Михайловна, предварительно извинившись за свой «рабочій» костюмъ. — Страшно, знаете, жутко было... мѣсто глухое, а народъ, народъ!.. Вы понятія не имѣете о здѣшнемъ народѣ...

— Я слышалъ... бурлаки работаютъ, даже видѣлъ, проѣзжая...

— Знаю, это плантажируютъ участокъ Степановой, тоже подъ моимъ наблюденіемъ... Ахъ, о чемъ мы говорили?.. Да, бурлаки...

что за народъ?.. Отъявленные пьяницы, съ которыми трудно имѣть дѣло... ужъ я мучилась, мучилась... Сколько лѣтъ, подумайте!.. Всякій бы мужчина на моемъ мѣстѣ задумался и бросилъ бы. Трудно, очень трудно здѣсь хозяйничать!.. Вотъ мы и пришли. Я думаю, зайдѣмъ сначала въ винодѣльню... Я покажу, въ какомъ порядкѣ и чистотѣ у меня содержится...

— Какъ вамъ угодно, куда хотите...

Конечно, я не стану описывать хозяйства Шмелевой, прибавлю только, что хозяйство велось аккуратно и съ толкомъ. Винодѣльня представляла прочное, солидное зданіе, особенно по сравненію съ жильемъ помѣщеніемъ самой хозяйки, — небольшой хаты, безъ удобствъ и опрятности.

Лѣтъ сорока, а, пожалуй, и съ хвостикомъ, Варвара Михайловна казалась плотной, здоровой женщиной. Неправильныя черты лица, небольшой, толстый носъ, широкія скулы не придавали фізіономіи ея характера интеллигентности, но скорѣе добродушія, если бы не глаза «Шмелихи» — маленькіе, хитрые и лукавые.

Послѣ хозяйственнаго обзора мы мирно сидѣли за чаемъ на небольшомъ балкончикѣ въ виду открытаго моря. Разговоръ вертѣлся на общихъ фразахъ, какъ это бываетъ при первомъ знакомствѣ: немножко литературы, немножко искусства, гдѣ были, гдѣ жили, не встрѣчали ли такого или такой?..

— Варвара Михайловна... барыня! — раздался хриплый голосъ, и растрепанная фигура мужчины, босого, въ пиджакѣ, безъ шапки, выступила изъ-за угла, намѣреваясь приблизиться къ нашему столу. «Шмелиха» быстро встала и, подойдя къ человѣку, толкнула его за уголь.

— Кварту дай, барыня... будь доброй!.. — хрипѣлъ человѣкъ.

— Я говорила, чтобы ко мнѣ не смѣли обращаться!.. Гдѣ Григорій?.. Пойди къ нему... Какъ ты смѣешь лѣзть, когда я занята!..

— Нѣтъ Григорья!.. Въ станицу уѣхалъ... Распорядись сама!..

— Убирайся, убирайся, я тебѣ говорю!.. и не смѣй!..

Голоса затихли.

Скоро вернулась хозяйка, покраснѣвшая и взволнованная.

— Видѣли?!... не угодно ли? Который день пьянствуетъ и на работу не идетъ!.. Дерзость какая — лѣзть сюда и требовать... слышали, какъ онъ требовалъ вина?!. Что я могу сдѣлать съ пьянымъ человѣкомъ?!. И вотъ такъ всегда!

Хозяйка опять начала жаловаться на рабочихъ, бурлаковъ.

— Странно, — отвѣчалъ я: — вотъ вы жалуетесь, мучитесь съ рабочими, а мнѣ говорили и указывали на васъ, что именно вы добились нормальныхъ отношеній, что бурлаки вамъ вѣрятъ, охотно идутъ къ вамъ работать... Право, такъ я слышалъ...

— Да, идутъ... потому что пьяницы и думаютъ, что у меня можно напиться и производить скандалы... Ахъ, не говорите!..

Такъ трудно, такъ трудно, что хочу бросить, продать все и уѣхать отсюда.

Изъ-за угла снова выглянула растрепанная фигура, и хриплый голосъ промычалъ: «барыня!»

«Шмелиха» встала, фигура спряталась, и я поспѣшилъ проститься.

Когда мы тронулись обратно, и «Сѣрый» зашагалъ ровнымъ ходомъ по дорогѣ, Петръ обернулся ко мнѣ и спросилъ: ну, что?! какова «Шмелиха»?!

— Не хвалить твоихъ бурлаковъ,—отвѣчалъ я.

Петръ очень оживился.

— Не хвалить?! бурлаковъ не хвалить?! а кто, какъ не бурлаки ей всѣ виноградники построили?.. кто старался?.. кто работалъ? За честь и за совѣсть...

— Что ты говоришь, Петръ!..—замѣтилъ я:—работали не даромъ, получили за трудъ деньги.

— Деньги?—горячился Петръ.—Ничего вы не знаете!.. Много ли денегъ получали они со Шмелихи?! Да, развѣ съ такой бабы получишь?.. Надо самому быть шмелемъ или осой, чтобы съ нея высосать...

Я засмѣялся остроумію Петра. Онъ, конечно, не замедлилъ послѣдовать моему примѣру, но черезъ минуту серьезно и не горячася продолжалъ:

— Если бы деньги по расчету наличными платили, тогда хорошо, тогда и говорить нечего... Видали вы бурлаковъ? Въ чемъ одѣты? Что кушаютъ?.. а пьютъ много!.. Вѣрно, что пьютъ, а почему? Потому горе одно да прижимка... вотъ!.. Бурлакъ рѣдко когда деньги на руки получить!.. тогда слава Богу, тогда купить себѣ что ни на есть, одежину какую, домой пошлеть... Нѣтъ, у Шмелихи не разойдешься на счетъ денегъ!.. У ней, у самой нѣтъ, никогда нѣтъ денегъ. Спросите!..

— Зачѣмъ я буду спрашивать?..

— Нѣтъ, я такъ, къ слову говорю... Чѣмъ она платитъ за работу?.. виномъ и больше ничего!..

— Постой, Петръ, виномъ сытъ не будешь...

— Понимаю, понимаю... — прибавилъ дрогаль. — Артель когда станетъ на работу, то получаетъ на харчи не деньги, а книжку въ лавку, гдѣ могутъ они, бурлаки, харчъ брать... Вотъ какъ дѣлается!.. Харчуются и работаютъ, а если денегъ попросятъ: нѣтъ денегъ!.. Вина, если захотятъ, — вина сколько угодно, пожалуйста, получайте... а денегъ подожди!.. Видѣли, какая работа? за сажень плантажа рабочій долженъ получить пятьдесятъ копеекъ—значитъ, артель за десятину шесть сотъ рублей. Деньги для артели хорошія, добрыя деньги... и если бы получка была настоящая,—тогда пили бы меньше!.. А у Шмелихи въ прошломъ году за десятину план-

тажа ни одного гроша не получили—все виномъ забрали!.. Ловко она умѣетъ виномъ промышлять и по хорошимъ цѣнамъ... Бурлакъ не торгуется: сначала выпьетъ дешеваго, а потомъ требуетъ самаго лучшаго!..

— Артелями бурлаки работаютъ?

— Артелями... артели у нихъ крѣпкія, дружныя...

Въ это время мы проѣзжали мимо плантажа. Бурлаки, кончивъ работу, собрались въ кружокъ и, усѣвшись на камняхъ, о чемъ-то бесѣдовали. Петръ перекинулся съ ними нѣсколькими фразами, и мы поѣхали дальше.

Вечерѣло. Солнце зашло за горы, и наступили тихія сумерки. Мы молчали. Легкій вѣтерокъ съ моря навѣвалъ грустныя думы. Дороги перестали качаться по колдобинамъ, и мы теперь ѣхали по ровной дорогѣ. Темнѣло быстро. Петръ сначала тихо, а потомъ громче запѣлъ:

«Земля трепещетъ подь эиромъ,
Катится громъ изъ края въ край,
То Божій гласъ...
Мнѣ нужно сердце чище злата
И воля крѣпкая въ трудахъ,
Мнѣ нуженъ братъ, любящій брата,
Нужна мнѣ правда на землѣ!»

Эти слова, странный, молитвенный мотивъ пѣсни удивительно гармонировали съ окружающимъ: и съ моремъ, и бухтой, и дальними вершинами. Мало того, эта пѣсня: «земля трепещетъ подь эиромъ», — заставляла трепетать наши души. Я слушалъ жадно, Петръ пѣлъ съ увлеченіемъ. И мнѣ казалось, что тамъ, далеко, далеко въ безграничномъ морѣ носятся такіе же печальные тихіе звуки, и не только земля, но и

«Море трепещетъ подь эиромъ»...

Петръ кончилъ, и мы молча доѣхали до мѣста. Прощаясь, онъ сказалъ: «чего людямъ нужно?.. что они враждуютъ, дѣлать... Свѣтъ Божій великъ,—для всѣхъ хватитъ!».

Голосъ Петра былъ мягкій, растроганный...

Петръ въ сущности былъ добрый и даже деликатный человекъ. Не правда ли, странно, Петръ, этотъ ругатель, рѣзкій и задорный? Но грубые приемы бываютъ часто обманчивы, какъ и внѣшность, особенно у простыхъ людей, тяжелымъ трудомъ зарабатывающихъ хлѣбъ.

Послѣ я замѣтилъ, что рѣзкость Петра была напускная, эта рѣзкая рѣшительность, по его мнѣнію, охраняла его самостоятельность, волю, которыми онъ дорожилъ больше всего на свѣтѣ. Среди

гордаго моря, угрюмыхъ, почти неприступныхъ горъ, подъ вліаніемъ свободной, могучей природы типъ русскаго поселенца выражался главнымъ образомъ въ его свободной личности и правахъ.

У новаго поселенца здѣсь не было прошлаго, прошлаго горькаго, которое осталось тамъ, въ Россіи, у него было будущее, и потому онъ гордился и работалъ въ настоящемъ.

Новая страна создавала новыхъ людей, притягивая изъ Россіи молодую, энергичную силу пореформеннаго поколѣнія.

Петръ пришелъ на побережье изъ Черниговской губерніи, пришелъ молодымъ, сильнымъ, пришелъ съ твердымъ намѣреніемъ создать въ новомъ мѣстѣ уютъ и счастье.

Онъ женился, у него былъ ребенокъ, хозяйство, были друзья. Петръ любилъ людей, но не всѣхъ; онъ раздѣлялъ ихъ на два лагеря: однихъ, которые жили по-христіански, трудясь и помогая другъ другу, другихъ, которые обманывали первыхъ и ими пользовались.

Между первыми и вторыми, по его мнѣнію, ведется постоянная война: неработники, «господа», хотятъ подчинить работниковъ, которые имъ не поддаются, всячески стараясь устроиться лучше, самостоятельнѣе... Въ этомъ и заключается жизнь... стремиться къ лучшему и зависѣть отъ себя, своихъ силъ и способностей.

— Очень люблю я знакомиться, особенно съ людьми интеллигентными,—сказалъ Петръ.

— А ты хорошо понимаешь, что значитъ интеллигентный?

— Не знаю, вѣрно ли?.. Интеллигентный, мнѣ кажется, образованный человѣкъ, который старается о пользѣ для другихъ... чтобы имъ лучше жилось!.. Какъ бы это сказать?..

— Совершенно вѣрно... нечего больше прибавлять...

— Ну, вотъ!..—радостно проговорилъ Петръ, которому было не очень легко выразить словами отвлеченное понятіе.

Что было въ Петрѣ?

Простота, искренность, совершенно практическое пониманіе жизни и стремленіе стать выше, лучше, знать больше.

— Вотъ,—говорилъ онъ, указывая на мѣстную интеллигенцію:— умные, образованные люди, а къ намъ не придутъ, не подѣлятся съ нами своимъ умомъ, знаніемъ... отчего это?

— У нихъ свои дѣла... такъ живутъ... привыкли!..

— Нѣтъ!.. — грустно говорилъ Петръ... Не добрые они, я къ нимъ всей душой, — они нѣтъ... Егоровъ бывало: Петръ!.. сдѣлай то, устрой другое... Развѣ я когда отказывался, всегда думалъ, что свой человѣкъ... а какъ случайность вышла, до денегъ коснулось, тогда не годится Петръ...

— Какая случайность?

— Поѣхали мы съ нимъ вещи съ катера принимать для постройки... разные были... стекла тоже... Ну, выгружали... больше

я на хребтѣ своемъ перетаскалъ... для хорошаго человѣка старался... Ну, взялъ я ящикъ... тяжелый, чую, не по силамъ или неловко взялъ, должно быть, и говорю: Егоръ Ивановичъ, придержи со мной немного!.. А онъ не помогъ—ящикъ-то вырвался, и стекла разбились... Что дѣлать... досадно... Слышу, онъ кричитъ, ругается... Какъ ты смѣлъ разбить?! скотина!.. Совсѣмъ въ лицѣ перемѣнился!.. Понялъ я и говорю: виноваты мы оба, просилъ придержать. Куда тебѣ!.. и слушать не хотить!..

— Въ самомъ дѣлѣ неприятно...—замѣтилъ я Петру... У тебя бы разбили...

— Ну, что жъ!.. разбили!.. Не сталъ бы я обижать человѣка... Оскорблять не сталъ бы... Вижу, что стекла дороже меня, и говорю: отдамъ тебѣ деньги... не ругайся!.. А онъ пуще... Тогда и я не стерпѣлъ!.. Кто ты такой, скажи мнѣ, пожалуйста, баринъ или человѣкъ?.. Если ты нашъ, то не обижай меня, а если баринъ, то скажи, мы съ тобой, какъ съ бариномъ, поступать станемъ... Тогда моя вина, не долженъ былъ просить у тебя помощи... Зналъ бы, какъ стекло сбережъ!

— Что же, съ тѣхъ поръ поссорились?..

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Петръ,—сомнѣваемся другъ въ другѣ...

— Сомнѣваетесь... Такъ во всякомъ можно сомнѣваться...

— Ну, нѣтъ... Хорошій человѣкъ этого не сдѣлаетъ, такимъ не обнаружится... Вотъ докторъ Романъ Семеновичъ...

— Ну, то другое дѣло...

— Объ этомъ я и говорю,—добавилъ Петръ.

Чутокъ, необыкновенно чутокъ русскій народъ...

Душевные качества и искреннюю простоту онъ цѣнитъ высоко, гораздо выше развитога ума и культуры. Потребность христіанскаго общенія составляетъ въ народѣ живую внутреннюю силу, которая несомнѣнный результатъ общинно-мірскаго строя, съ одной стороны, и вліянія Евангелія, съ другой. Чистый, возвышенный до недосягаемости образъ Христа близокъ русскому народу. Христосъ терпѣлъ, страдая... Какъ это понятно до ясности тому, у кого терпѣніе вошло въ привычку, и который, сохранивъ непосредственность, смотритъ на жизнь широко, именно широко—связывая себя со всѣми явленіями природы, подчиняясь ея условіямъ и законамъ.

Петръ былъ непосредственный до смѣшнаго человѣкъ. Впечатлѣніямъ онъ поддавался всей своей натурой, чувство у него всегда доминировало.

Возвращаясь довольно поздно съ дальней прогулки, верстахъ въ трехъ отъ мѣстечка мы встрѣтили верховыхъ. Было темно. Одинъ изъ нихъ крикнулъ намъ:

— Не видали ли по дорогѣ дѣтей, дѣвочку и мальчика?

По голосу я узналъ Петра.

— Это ты, Петръ?—удивился я.—Что это значитъ? Какихъ дѣтей?

— Оказія случилась... Пропали у доктора дѣти... Марья Ивановна, прямо, обезумѣла!.. Мы ѣдемъ искать...

— Куда же?..

— Не знаемъ... Поѣдемъ вездѣ, по дорогамъ, станицамъ... Будемъ спрашивать... Надо найти!..

Всадники хлестнули лошадей и скрылись за поворотомъ шоссе. Я пошелъ къ доктору узнать, въ чемъ дѣло. Надо прибавить, что докторъ былъ замѣчательный человѣкъ, популярный и любимый крестьянами,—однимъ словомъ, «свой» человѣкъ.

Жену его, мать исчезнувшихъ дѣтей, мы застали въ ужасномъ волненіи. Съ самаго утра двое дѣтей: дѣвочка лѣтъ семи и мальчикъ годовъ четырехъ, ушли и пропали.

Все мѣстечко было обыскано... Немудрено, что матери представлялось, что они утонули, заблудились въ лѣсу, и мало ли что...

— Мы встрѣтили Петра и Ефима... Они поѣхали искать,—сказалъ я между прочимъ, думая, что она объ этомъ знаетъ и даже просила ихъ помочь ей.

— Они поѣхали?! — обрадовалась женщина.—Какіе славные... спасибо имъ...

— А вы не знали?

— Нѣтъ, я не видала никого... Право, не знаю, что дѣлать... Который часъ?

Была полночь. Въ самомъ дѣлѣ, куда могли дѣваться маленькія дѣти? Утромъ я узналъ, что бѣглецы нашлись. Они вдвоемъ отправились въ далекую станицу, немного заблудились и наткнулись на Петра съ Ефимомъ.

Петръ возилъ песокъ для постройки, когда узналъ, что ищутъ дѣтей доктора. Не долго думая, онъ бросилъ работу, распрягъ «Сѣраго», сѣлъ верхомъ и поѣхалъ къ Ефиму. Посовѣтовавшись между собою, они отправились на поиски.

Все это просто и умно.

Ефимъ—пріятель Петра, къ которому послѣдній чувствовалъ несомнѣнную привязанность.

— Когда въ садочкѣ у Петра созрѣли первые персики... и онъ выбралъ самые лучшіе, кому, угадайте, понесъ эти персики?.. рассказывали мнѣ.—Кому?.. конечно, Ефиму... Помню, я встрѣтилъ тогда Петра съ персиками и спросилъ: на базаръ продавать несешь?.. Что ты, говорить, какъ можно!.. а самъ радостно смѣется.

На краю мѣстечка, ближе къ горамъ находилась бѣлая хата Петра, окруженная «добрымъ» баштаномъ и небольшимъ «садочкомъ».

Воскресенье. Чудный день клонился къ вечеру. Въ прозрачномъ воздухѣ ясно выдѣлялись предметы,—не только каждое де-

рево, но каждая вѣтвь выступала, какъ причудливая сѣтка, своими листьями и многочисленными вѣточками. Краски были гуще, колоритнѣе: зелень лѣсныхъ вершинъ граничила съ совершенно синимъ небомъ, которое темнѣло, принимая бархатный оттѣнокъ тамъ, гдѣ выступали темные силуэты другихъ дальнихъ горъ.

У Петра были гости. Когда я вошелъ въ хату, жена его, небольшого роста блондинка, съ довольно интеллигентнымъ лицомъ, поставила на столъ объемистый самоваръ.

Съ сильно загорѣлымъ лицомъ еще молодой крѣпкій мужчина и молодая женщина сидѣли за столомъ. Голубые глаза перваго сверкали, благодаря темному цвѣту кожи. Молодая женщина имѣла скромный и застѣнчивый видъ. Петръ былъ веселъ и оживленъ особенно. Маленькій Тась, его сынъ, вертѣлся между столомъ и колѣнками гостей.

Атмосфера полнаго благодушія наполняла небольшую, но чистую и прибранную комнату; кухня была въ другой половинѣ.

— Добро пожаловать!..—говорилъ хозяинъ, усаживая меня къ столу... Наливай, жинка, чаю!.. За угощеніе извините!.. вина мы не пьемъ... закуска неважная...

— Съ удовольствіемъ выпью чаю...

— Чаю сколько угодно!.. — смѣялся Петръ.— А мы думали, что вы не придете... Спасибо вамъ!

Я попросилъ открыть окно, около котораго меня помѣстили.

— Такая прекрасная погода!.. сказалъ я.

Петръ, отворяя окно, сдвинулъ въ уголъ книги и письменныя принадлежности; на клочкѣ бумаги по клѣткамъ большими неровными буквами было написано: «братъ мой, пишу тебѣ правдивыя слова»...

— Что это учится писать сынъ твой?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Петръ.— Тасечкѣ еще рано... Это я самъ маракую... Читать ладно умѣю, а писаніе плохо... руки дурныя!..

И Петръ протянулъ свои сильныя, рабочія руки въ мозоляхъ.

— Возьмешь перо,—продолжалъ онъ,—и не чувствуешь его въ рукахъ—равно нѣтъ ничего... легко дюже... потяжеле надо купить... Трудное дѣло, когда смолоду не приучили... Тасечка, сынокъ, хорошо будешь писать?..

Мальчикъ вмѣсто отвѣта быстро полѣзъ къ перу и чернильницѣ.

— Оставь, оставь, дѣтка!..—мягко отстранилъ его Петръ.

Петръ, видимо, былъ нѣжный отецъ и добрый семьянинъ.

Хозяйка поставила на столъ хлѣбъ, яйца, вареники и пошла на баштанъ за «кавунами».

Говорили о мѣстныхъ дѣлахъ, о нашихъ съ Петромъ поѣздкахъ, вспоминали бурлаковъ, «Шмелиху», и Петръ сказалъ, показывая на молодого человѣка;

— Вотъ спросите у Константина. Онъ самъ бурлачилъ, можетъ разказать!.. Разказывай, Константинъ, а мы послушаемъ... Вотъ и Ефимъ кстати...

Вошедшій, лѣтъ 35-ти, шатенъ, съ небольшой бородкой, съ сѣрыми глазами поселянинъ Ефимъ, мірской человѣкъ, производилъ впечатлѣніе скромности и сдержанности.

Бываютъ такіа натуры, нѣжныя, будто робкія, не то самолюбивыя, не то сдержанныя, которыя кажутся поверхностными и нерѣшительными.

Въ крестьянскомъ мірѣ, по моимъ наблюденіямъ, такіа натуры внутренняго, глубокаго содержанія. Я слышалъ много объ Ефимѣ, и онъ мнѣ понравился.

— Пожалуйста, Константинъ, разкажите,—просилъ я.

Константинъ видимо стѣснялся, съ чего начать.

— Какъ собирается бурлацкая артель? кто они собственно?— побуждалъ я.

— Почти всѣ крестьяне,—началъ разказчикъ,—только изъ разныхъ губерній, русскіе, хохлы... больше впрочемъ изъ дальнихъ губерній. Обыкновенно такъ бываетъ: уйдетъ мужикъ на заработки, да и не вернется домой... Заболтается, какъ говорятъ... Зайдетъ далеко, деньги прогуляеть... тогда какъ ему итти до дома?.. нельзя безъ заработка... Ну, и останется до будущаго года... Зимой всегда работа есть на побережѣ, стройка, огорожа, въ лѣсу, по шоссе... мало ли работы. Другой и не прошьетъ денегъ, а такъ останется... Деньги пошлетъ, а пачпортъ выпишетъ, а уйти домой не охота... Третій тоже...

— Почему жъ домой не охота?

— Потому артель больно хорошая... Бурлацкая артель самая дружная и вольная... Воля въ работѣ много значить!.. Артель много мѣсть переѣздить... артель беретъ за разные работы... въ артели и каменщики и плотники — все найдется... артель и домъ выстроить и мостъ оборудуетъ... въ артели такіе бываютъ мастера, что любо-дорого смотрѣть на ихъ работу!.. Другіе подсобляютъ... Во всякомъ дѣлѣ много черной работы...

— Что жъ товарищескія отношенія?.. Заработокъ поровну что ли дѣлите?

— Все общее въ артели, — продолжалъ Константинъ:— работа, харчъ, получка... Конечно, деньги дѣлятъ!.. Тому домой послать надо семьѣ, пачпортъ выправить... Ну, бери, посылай... Запрета нѣтъ... а прочія деньги... и Константинъ засмѣялся.

— Прочія,—добавилъ Петръ,—прочія прогуляютъ...

— Вѣрно, а послѣ опять за работу, какъ будто денегъ и не бывало!..

— Разкажи, Константинъ, по порядку,—попросилъ Петръ,—какъ эта гульба начинается...

— Вотъ работали мы въ Сочи. . хорошая была артель, ровная, дружная. Кончили подрядъ... получка порядочная вышла... рублей по 80-ти на брата... Надо было отдохнуть, справить дѣла... письма написать, деньги послать... Который если не выпилъ вина, не успѣлъ еще начать гулянья... и деньги послалъ, и костюмъ новый оборудовалъ, и табуку хорошаго купилъ... все какъ слѣдуетъ... И не узнаешь бурлака, грязнаго да рванаго... прямо господинъ, какъ одѣнется да почистится... Другіе жъ рваными, какъ были, такъ и остались, да еще смѣются: «ишь, Григорій, надолго ли въ господа поступилъ?.. какую амуницію загнулъ, скажите, пожалуйста!»... Ну, и загуляли, закрутили всѣ, вся артель, и одѣтые по-новому и въ лохмотьяхъ, и пошло... да еще какъ... Цѣлое трактирное заведеніе откупили, фазтоны наняли... Пьютъ, ѣдятъ... больше пьютъ, конечно... Выйдутъ да сядутъ въ фазтоны и кругомъ трактира по улицамъ катаются, а потомъ опять пить да гулять... Не то, чтобы по порядку, да потихонечку, а гуляютъ всюю, спѣшатъ, точно деньги, кровныя, заработанныя, мѣшаютъ имъ, скорѣй надо съ ними покончить... Не уважаютъ бурлаки денегъ, не хорошо относятся къ тѣмъ, кто бережетъ или старается сохранить деньги... Нѣтъ, если ты въ артели,—не жалѣй денегъ... Что деньги?! Артель дѣло важное, а деньги тьфу!.. Артель деньги всегда заработаетъ... И вотъ, когда прогуляетъ артель деньги,—тогда, тогда идутъ въ ходъ новые костюмы... чтобы опохмелиться!.. А потомъ опять, рваные да драные, опять за работу!..

— Честные, хорошіе люди бурлаки,—замѣтилъ Ефимъ,—и какіе работники, прямо удивительно!..

— Да, бурлаки чужого не возьмутъ.. Сами дадутъ.. Накормятъ, напоятъ!..—говорилъ Петръ..—Въ Новороссійскѣ артель бурлацкая откупила на цѣлый день харчевню, за все уплатила, и пожалуйста, сколько угодно, ѣшьте на бурлацкій счетъ..

— Извозчиковъ тоже всѣхъ наймутъ, сядутъ, а которые пустые останутся, шапки положить, да и катаются... Извозчики всѣ заняты, и господа пѣшкомъ ходятъ... Рады бурлаки, хохочутъ!..—добавилъ Константинъ.

— Удивительные работники,—повторилъ Ефимъ.—Я знаю такой случай: недалеко отъ нашей станицы малая артель на виноградникѣ плантажъ работала.. Получила расчетъ.. одному нужно было непременно послать въ деревню деньги.. Въ станицу пошли всѣ вмѣстѣ.. Бурлакъ отдѣлился, на почту, чтобы письмо и деньги послать.. Но на бѣду почта заперта была, подождать гдѣ же? Пошелъ къ товарищамъ въ трактиръ, да тамъ и остался и всѣ гроши оставилъ... не послалъ!. Что жъ вы думаете? мнѣ—самъ хозяинъ рассказывалъ, да и я это дѣло хорошо знаю.. Этотъ бурлакъ сталъ послѣ такъ работать, что трудно повѣрить.. Спалъ онъ часа два-три въ сутки и рубилъ, рубилъ каменную землю

до тѣхъ поръ, пока не заработалъ и не послалъ домой деньги!. Бурлакъ столько сработалъ, что двоимъ, да, пожалуй, и троемъ работникамъ подъ силу!.

— Да имъ и деньги и работа не почемъ,—продолжалъ Константинъ.—Когда у бурлака деньги—всегда дасть, не пожалѣть!.. а то и попросту разбросаетъ. Намѣняетъ на мелочь да пригоршнями швыряетъ въ народъ... а то другой бурлакъ... взялъ эта онъ бечевку, нацѣпилъ на нее деньги и порядочно, да этакимъ манеромъ въ трактиръ ихъ на веревочкѣ и доставилъ... Много штукъ всякихъ выказываютъ бурлаки и поспорятся, подерутся, когда пьяные...

— Бурлаковъ нельзя смѣшивать съ босяками,—говорилъ Ефимъ,—это разный народъ.. Бурлаки земледѣльцы-крестьяне, а тѣ городской народъ, къ тяжелой работѣ неспособный, малосильный.. Берутъ иногда и такого въ свою артель бурлаки, да больше изъ жалости, не по товариществу...

— А что уходятъ которые въ свою сторону?—поинтересовался я.

— Какъ же!.. многіе уходятъ... семьи у нихъ дома, какое ни есть хозяйство... Поживутъ вольной жизнью, да и по дворамъ. Иной годъ, два, болѣе побурлачатъ и домой.. Найдется что дома рассказать.. Ишь у насъ какъ хорошо.. И море и горы!.. Красота! — прибавилъ Ефимъ, смотря въ окно.

Дѣйствительно, красота, красота силы и суроваго могущества, красота вольная, безпредѣльная.

Меня такъ и потянуло изъ хаты на волю. Я сталъ прощаться, хозяинъ и гости рѣшили меня провожать.

Внимательно всматриваясь въ условія жизни на побережѣ, условія новыя, чуждыя для русскаго, большею частію, степного переселенца, я немало удивлялся, какъ быстро развивался этотъ русскій элементъ, несмотря на массу препятствій и препонъ. Русскіе, тѣмъ не менѣе, внесли въ новую страну лучшіе элементы: душевность, терпѣніе и надежду на свободное развитіе сельскохозяйственной жизни. Они не принесли съ собой знаній. Но откуда имъ было ихъ взять? На родинѣ они оставили нужду и темноту. А здѣсь, кромѣ суровой, хотя и богатой природы, что здѣсь ихъ окружало? Старая, вредная привычка покровительствовать иностранцамъ выразилась въ новомъ краю съ особенной силой. Мѣстные администраторы воспылали горячею любовью къ полякамъ и французскимъ евреямъ, которые спекулировали всю, скупая участки и устраивая заводы. Русскаго переселенца держали въ черномъ тѣлѣ, подъ усиленной опекой, не давая ему рѣшительно никакихъ указаній, сбивая его съ толка и смотря свысока на «глупаго мужика». Правда, спекуляторамъ и аферистамъ нужны были работники, а не свободные земледѣльцы.

— Если бы не бурлаки,—говорилъ мнѣ Петръ,—не было бы ни виноградинокъ, ни красивыхъ дачъ...

— Да, поработали бурлаки, должно помнить ихъ побережье,— прибавилъ Ефимъ.

Дѣйствительно, бурлаки нужны были для побережья, и на ихъ нелегальное положеніе смотрѣли сквозь пальцы. Безправныхъ и безпаспортныхъ эксплуатировать было легче. Обстоятельства поставили переселенцевъ во враждебное отношеніе къ спекуляторамъ, которые пришли сюда не внести культуру, но пришли для наживы, для денегъ, нужныхъ имъ, чтобы лучше устроиться «тамъ», откуда они ушли.

Крестьяне-переселенцы разорвали съ прошлымъ и пришли на побережье навсегда, а культурные люди пріѣхали временно, чтобы дешево купить, дорого продать и уѣхать.

Отлично понимали это Петръ, Ефимъ и другіе.

— Зачѣмъ все это?—говорилъ Ефимъ.—Зачѣмъ обманъ, постоянный обманъ? Если мы и темные люди, все-таки понимаемъ, кто намъ другъ и кто нѣтъ... Если намъ будетъ хорошо, то что же? Всего хлѣба не съѣдимъ, всего вина не выпьемъ.

— У нихъ дешевыя деньги, не горбомъ, какъ у насъ, заработанныя,—рѣзко прибавилъ Петръ.

Петръ, когда говорилъ о своихъ правахъ, весь горѣлъ и негодовалъ, Ефимъ, напротивъ, еще больше задумывался.

Ефимъ уходилъ, и мы съ Петромъ подолгу бесѣдовали подъ вечеръ.

— Вотъ, Петръ, артель ты по своей части устроилъ, а надо бы похлопотать объ артельныхъ виноградникахъ.. Выгодное дѣло можетъ выйти! Да и табакъ вмѣстѣ, обществомъ... Тогда цѣну передъ скупщиками выдержать можно...

— Придетъ время, заведемъ,—весело отвѣчала Петръ...—Узнаемъ хорошенько дѣло.. тогда... Должны до всего своимъ умомъ... Что жъ, дойдемъ, погодите!.. Вотъ я научился за садомъ ходить, садить и выхаживать фруктовыхъ деревья... Отличное дѣло!..

Мы умолкли. Я смотрѣлъ на засыпавшую бухту, на огни на пристани и думалъ: «до всего своимъ умомъ!.. вѣдь это трудно, чортовски трудно!»

— Дойдемъ, не безпокойтесь, дойдемъ!—увѣренно повторялъ Петръ.—Теперь что!—живемъ «добре», а когда пришли изъ Россіи, бѣдовали... Ни земли, ни работы—ничего не было!.. Насъ трое братьевъ Киселей пришло сюда... приписаться надо было къ обществу, землю получить... Ни грошей, ни животаны, ничего у насъ не было... никто не помогаль.. А вотъ, видите...

— Хорошо, Петръ, здѣсь?—спрашивалъ я.—Лучше, чѣмъ дома, тамъ, въ Черниговской губерніи?

— Какъ сказать?! Отчего бы не жить и тамъ, да тѣснота, земли выпажаны, скотину кормить нечѣмъ.. слезы однѣ!..

— А здѣсь хорошо?..

— Живемъ.. придетъ время, лучше жить будемъ... Безъ труда нельзя! Кто работаетъ да умѣетъ въ этихъ мѣстахъ съ землею обходиться, тотъ не пожалѣетъ, что оставилъ Россію.. Знаемъ мы только мало.. и не у кого поучиться!.. Правда, и здѣсь есть люди, да мало.. и сами дюже заняты... Тасечку, сына, къ нимъ въ ученье отдамъ... Скоро подростетъ!—и тонъ Петра при воспоминаніи о сынѣ звучалъ нѣжнымъ чувствомъ.

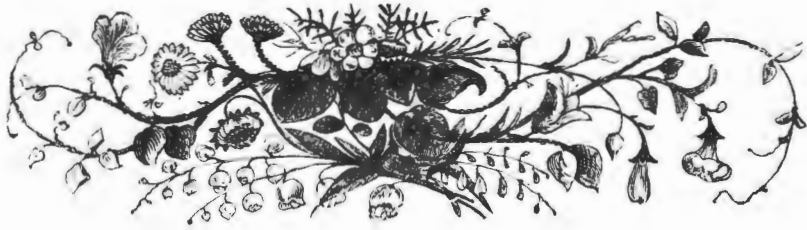
Слушая, я продолжалъ думать: «какая красота непосредственнаго чувства и вѣры, вѣры широкой, глубокой въ свои силы, въ свое право на жизнь, счастье и свободу!»

Если развернутся силы такого народа, если разѣется окружающая его тьма, и спадутъ ненужныя путы, и онъ встанетъ на свои крѣпкія ноги и вздохнетъ вольно своей широкой грудью, развѣ тогда радость не наполнитъ наши сердца?

С. И. Васюковъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ И. А. ГОНЧАРОВЪ.

ИВАНЪ Александровичъ Гончаровъ происходилъ изъ стариннаго рода симбирскихъ купцовъ. Видный домъ отца Гончарова, каменный, двухъэтажный, стоялъ на Большой улицѣ; обстановка его была барская: большой залъ съ люстрой, нарядная гостиная съ портретомъ хозяина и неизбѣжная диванная; на дворѣ окнами кабинетъ хозяина, спальня хозяйки и большая, свѣтлая комната для дѣтей. Иванъ Александровичъ говоритъ, что дворъ отца былъ загроможденъ постройками, да иначе и быть не могло: въ немъ жили двѣ большія дворни—хозяина и постояльца, бѣгали цесарки, павлины и т. п. Старый слуга Гончарова мнѣ говорилъ, что у каждого двороваго была еще своя потѣха: кто держалъ голубей, кто собакъ, кто заводилъ вѣрона или ястреба—«значить, всякій по своему вкусу; а благородныя птички, канареечки али соловушки, ну, тѣ ужъ тамъ висѣли, въ барскихъ комнатахъ, потѣшали господъ». Вотъ въ какой благодати родился и жилъ Иванъ Александровичъ въ первые годы младенчества. Послѣ пожара 1864 года домъ этотъ былъ проданъ и поступилъ во владѣніе нѣмца, измѣнившаго совершенно характеръ и архитектуру стариннаго зданія.

Отецъ Гончарова, Александръ Ильичъ, пользовался почетомъ въ городѣ: его много разъ выбирали городскимъ головой. На портретѣ старикъ Гончаровъ изображенъ виднымъ мужчиной, средняго роста, бѣлокурый, съ голубовато-сѣрыми глазами и пріятной

улыбкой; лицо умное, серьезное; на шеѣ медали. Мать Гончарова, Авдотья Матвѣевна, умная и солидная женщина, обратила на себя вниманіе императора Александра Павловича, танцовавшего съ нею на купеческомъ балу. Объ этомъ счастливомъ времени старушка всегда съ восторгомъ разсказывала дѣтямъ и внукамъ и подъ веселый часъ, отпирая сундуки, показывала намъ наряды стараго времени. Семейство Александра Ильича состояло изъ двухъ сыновей и двухъ дочерей; Иванъ Александровичъ былъ старшимъ сыномъ; младшій братъ его Николай, впоследствии учитель русскаго языка и словесности въ гимназіи, былъ гуманнымъ человекомъ. Сестры Гончарова—Александра, вышедшая потомъ замужъ за ардатовскаго помѣщика Кирмалова, и Анна, ставшая женой оригинала-доктора Музалевскаго. Нельзя не упомянуть о преданныхъ слугахъ дома Гончаровыхъ, о Никитѣ и Софѣѣ.

Иванъ Александровичъ поразительно вѣрно описалъ ихъ въ романѣ «Обыкновенная исторія», подъ именемъ слуги Адуева, Евсея, и ключницы Аграфены.

Иванъ Александровичъ родился, какъ извѣстно, въ 1812 году и жилъ 79 лѣтъ. Онъ рано лишился отца: ему было тогда три года. Но эту тяжелую потерю вполне замѣнилъ Гончарову «крестный отецъ» всѣхъ четырехъ дѣтей, Николай Николаевичъ Трегубовъ, отставной морякъ.

Николай Николаевичъ, постоялецъ въ домѣ Гончарова, другъ старика, былъ принятъ въ семьѣ, какъ родной. Холостякъ, онъ любилъ дѣтей, которыя въ свою очередь были привязаны къ нему искренно. По смерти Александра Ильича, Трегубовъ изъ флигеля перешелъ въ домъ; дѣти стали ближе, привыкли еще больше, и мало-по-малу связи между крестнымъ и дѣтворой крѣпчали и приняла опредѣленную форму отношеній. Онъ былъ хорошимъ совѣтникомъ вдовы и руководителемъ дѣтей. Биографъ Гончарова о Трегубовѣ говоритъ, что онъ былъ передовой челооѣкъ того времени, масонъ, другъ Лабзина и Порошина, въ дружеской перепискѣ съ декабристами; умный, образованный, живой, онъ заслужилъ общую любовь и уваженіе въ городѣ, и вокругъ него собиралось лучшее общество въ Симбирскѣ. Гончаровъ къ этому добавляетъ, что «Якубовъ (такъ онъ называетъ Трегубова въ своихъ запискахъ) былъ вполне просвѣщенный человекъ: образованіе его не ограничивалось однимъ морскимъ корпусомъ, онъ всю жизнь читалъ и пополнялъ его по всѣмъ отраслямъ знаній». «Мать наша,—продолжаетъ Иванъ Александровичъ,—въ благодарность за то, что «крестный» взялъ на себя заботу о нашемъ воспитаніи, взяла на себя заботы о его житьѣ-бытьѣ, хозяйствѣ, и мы жили общимъ домомъ». Эта духовная связь моряка съ семьей Гончарова кончилась тѣмъ, что Николай Николаевичъ, въ знакъ благодарности, что его, холостяка и стараго бобыля, пріютили въ

семьѣ и дали насладиться семейной радостью,—всѣ свои богатя имѣнія роздалъ Гончаровой и ея дѣтямъ. Я теперь не помню, что получила отъ него сама Авдотья Матвѣвна, но мнѣ положительно извѣстно, что богатя ардатовскія имѣнія: Хухорево, Цыганово, Обуховка, Майданы, были подарены Александрѣ Александровнѣ Кирмаловой, а Чертановка съ приселками Аннѣ Александровнѣ Музалевской. Сыновьямъ онъ имѣнія не далъ, а выразился о нихъ своеобразно: «я далъ имъ въ приданое образованіе и позабочусь объ ихъ карьерѣ,—остальное пусть добываютъ сами».

Затѣмъ Гончаровъ рисуетъ семейную картину, какъ Авдотья Матвѣвна и Николай Николаевичъ обращаются съ дѣтьми и какое нравственное и умственное вліяніе имѣли на нихъ. Считаю не лишнимъ привести здѣсь эти слова, тѣмъ болѣе, что они написаны очень мило и трогательно.

«Мать наша,—пишетъ Иванъ Александровичъ,—любила насъ не той сентиментальной, животной любовью, которая горячими ласками, баловствомъ, потворствомъ, угодливостію дѣтскимъ капризамъ портитъ дѣтей. Она умно любила, неослабно слѣдила за каждымъ нашимъ шагомъ и со строгой справедливостію раздѣляла свою материнскую любовь на всѣхъ четырехъ. Она была взыскательна и не пропускала безъ наказанія или замѣчанія ни одной шалости, особенно, если видѣла, что въ шалости кроется будущій порокъ,—тогда она была неумолима. Зато Петръ Андреевичъ Якубовъ, замѣняющій намъ отца, былъ отецъ-баловникъ. Бывало, нашалишь, какъ слѣдуетъ: влѣзешь на крышу, на дерево, убѣжишь съ уличными мальчишками въ сосѣдній садъ или съ братомъ заберешься на колокольню, — ну, конечно, ищутъ, она узнаетъ, шлетъ человѣка привести виноватаго. Вотъ тутъ-то и спасаешься въ благодѣтельный флигель къ крестному. А онъ ужъ знаетъ, въ чемъ дѣло. Является человѣкъ или горничная; зоветъ: «Иванъ Александровичъ, пожалуйста къ маменькѣ». «Пошелъ вонъ!»—лаконически командуетъ морякъ. Посланный уходитъ доложить барынѣ, что его прогнали. А гнѣвъ барыни между тѣмъ утихалъ, и бѣда обыкновенно заканчивается легкимъ выговоромъ или замѣчаніемъ вмѣсто дранья ушей, стоянія на колѣняхъ, что было въ то время самымъ распространеннымъ педагогическимъ способомъ смирать и обращать дѣтей на путь истинный».

Въ заключеніе Гончаровъ пишетъ о крестномъ отцѣ, что онъ былъ человѣкъ «вспыльчивый», но тутъ же добавляетъ, что добрый крестный никогда не исполнялъ тѣхъ угрозъ, которыя вырывались у него въ минуты гнѣва; а по всѣмъ замѣткамъ о матери тоже ясно видно, что Авдотья Матвѣвна, при всей строгости, была женщина мягкая и добродушная. Только ко мнѣ, человѣку постороннему, добродушная Авдотья Матвѣвна была неумолимо строга, и вотъ почему: у дочери ея, Кирмаловой, было двое дѣтей; Александра

Александровна пригласила меня давать уроки. Такъ какъ занятія въ гимназiи продолжались тогда до 6 часовъ вечера, то мнѣ, какъ гимназисту, приходилось давать уроки вечеромъ, отъ 6 до 8. На бѣду мою у Кирмаловой была милая гувернантка, которая тянула меня къ себѣ, какъ магнитъ,—такъ и хочется, бывало, гимназисту съ гувернанткой поболтать! Вотъ мы засядемъ послѣ урока въ гостиной болтать, да въ болтовнѣ и забудемъ, который часъ. А старуха строго считала часы, и какъ только ея старые часы прохрипятъ десять, она тутъ же вызываетъ свою наперсницу Марину и отдаетъ строгое приказаніе: «поди, гаси у нихъ свѣчи въ гостиной и скажи: пора спать». Марина въ точности исполняла приказаніе барыни: молча являлась въ гостиную, гасила передъ нами свѣчи и торжественно объявляла: «барыня приказала вамъ сказать—пора спать». И мы, несчастные, не кончивши порванного разговора, расходились спать.

Николай Николаевичъ напротивъ былъ снисходительнѣе ко мнѣ. Бывало, подойдетъ и скажетъ ласково: «А вы, молодой человекъ, послѣ урока зайдите-ка ко мнѣ: мы побесѣдуемъ, если вамъ не скучно съ старикомъ». И Боже мой! какія это были умныя и увлекательныя бесѣды для меня, неопытнаго и малознающаго гимназиста. Заведетъ бывало рѣчь объ астрономiи, но тутъ же прибавитъ: «впрочемъ это отчасти вамъ извѣстно,—преподаютъ въ гимназiи. А вотъ наше морское дѣло, конечно, неизвѣстно. Не легко оно, голубчикъ!—старикъ тяжело вздохнетъ:—на кораблѣ, какъ въ тюрьмѣ, вѣчно одинъ! Слова вымолвить не съ кѣмъ! А тутъ еще эти проклятые штормы, несносный штиль, экваторіальное солнце жарить тебя, какъ въ огнѣ, а ты стоишь, ни съ мѣста!... Зато, какъ поборешься со штормомъ да выйдешь побѣдителемъ,—ахъ, какой восторгъ! Вы, ходя по землѣ, представить себѣ не можете, что такое штормъ на морѣ, особенно въ Индѣйскомъ океанѣ! Какъ начнетъ качать, да дѣлыя недѣли!... и ѣду, и сонъ, все забудешь,—и старикъ задумывался.—Да! нашъ морской непріятель страшнѣе вашего сухопутнаго: тамъ онъ далекъ, есть надежда спастись, а на морѣ и надежды нѣтъ никакой! Мой непріятель, морской день и ночь, со мной—вотъ тутъ, за бортомъ: мгновеніе—и нѣтъ тебя!»... И, несмотря на преклонныя лѣта, милый старикъ говорилъ все это сильно, вдохновенно,—любуеться, бывало, глядя на него, такъ и видишь, что это была его настоящая, морская жизнь. Былъ ли Николай Николаевичъ вспылчивъ?—не могу сказать: я этого не испыталъ, но ругаться, какъ морякъ, умѣлъ мастерски, особенно, какъ начнетъ, бывало, распекать прислугу. Но самые задушевные и трогательные рассказы его были о «ребятахъ»,—такъ онъ звалъ гончаровскихъ дѣтей.

«У кумушки моей,—говорилъ онъ,—была четверка дѣтей; мы раздѣлили ихъ поровну: ей парочку дѣвчатъ, мнѣ пару ребятъ. Съ

пелёнъ и принялъ ихъ на себя и самъ училъ грамотѣ съ аза. Коля и Ваня были умныя дѣтки, съ головой. Только Коля былъ какой-то сонный: не поймешь, бывало, что съ нимъ такое?—вѣчно разсѣянъ; слушаетъ — не слышитъ; скажешь что — не пойметъ; рассказывать начнетъ—перевретъ,—такъ и махнешь рукой. Одно въ немъ было удивительно: огромная память. Сколько стихотвореній онъ зналъ въ дѣтствѣ, и, представьте, всѣ отлично декламировалъ! А Ваня мой не такой,—этотъ не заснетъ, нѣтъ! Этотъ былъ мальчикъ живой, огонь. Бывало, какъ начнешь рассказывать чтонибудь изъ моихъ скитаній по бѣлу свѣту, такъ онъ, кажется, въ глаза готовъ выпрыгнуть, такъ внимательно все слушаетъ, да еще надѣдаетъ: «крестный, скажи еще». Такъ, бывало, и пройдетъ весь день съ нимъ въ болговнѣ. Лѣтъ шести, вѣрно, я выучилъ его грамотѣ, а ужъ и не радъ, какъ онъ началъ читать! Вообразите, милый Гаврила Никитичъ, такой-то клопикъ заползетъ ко мнѣ въ библиотечку и торчитъ тамъ до тѣхъ поръ, пока насильно его вытащатъ ѣсть или пить. Бывало, пойдешь полюбопытствовать, не заснулъ ли тамъ мой сыночекъ — куда-съ!... Заглянешь въ книжку къ нему?—точитъ какое нибудь путешествіе!... и тутъ же начнетъ лепетать: живо расскажетъ, что ему особенно понравилось. Больше всего любилъ онъ морскія путешествія; объ нихъ онъ всегда азартно мнѣ рассказывалъ. Бывало, восторженный, бѣжитъ съ Волги и кричитъ съ улицы: «крестный! я море видѣлъ. Ахъ, какая тамъ большая, свѣтлая вода прыгаетъ на солнцѣ! Какіе большіе корабли съ парусами!»—«Какое море твоя Волга! Ты теперь понять еще не можешь, какое большое бываетъ море»,—отвѣтишь ему. Такъ что вы думаете? онъ цѣлый день послѣ того покою мнѣ не дастъ: скажи да скажи, какой длины море бываетъ! А что я скажу ему, положимъ, о Великомъ океанѣ, когда человѣчекъ еще понятія не имѣетъ, что такое аршинъ или вершокъ? А какъ скажешь ему, бывало, на ребячьи восторги его: «ахъ, Ваня, Ваня, если бъ ты сдѣлалъ со временемъ хоть одну морскую кампанію, то-то порадовалъ бы меня, старика!» — такъ онъ ничего мнѣ на это не отвѣтитъ,—задумается глубоко и молчитъ... Охъ, что-то онъ теперь подѣлываетъ въ своемъ казенномъ Питерѣ?—долго отъ него нѣтъ вѣстей! Въ чернилахъ, я думаю, купается вмѣсто моря?»... Старикъ надъ этимъ вопросомъ задумается надолго, и послѣ того отъ него не услышишь ужъ ничего.

Лѣтъ восьми-девяти дѣти Гончаровой начали ходить учиться въ частныя пансіоны въ городѣ. Симбирскъ, какъ дворянскій городъ, былъ полонъ тогда всякими частными пансіонами, даже иностранными: то Фурнэ, то Дуври, то Пиге, то Мейсель,—были даже привилегированные учителя танцевъ, какъ, на примѣръ, французъ Монсаръ и полуфранцузъ Фе. Но умному крестному вѣрно не совѣмъ нравились эти пансіоны. Ругается, бывало, выходитъ изъ

себя. «Невѣжи! чортъ ихъ знаетъ, чему они учили нашихъ ребятъ?.. Спросишь самое обыкновенное, дѣтское, и на это одинъ отвѣтъ: «намъ объ этомъ не говорили»,—что же они тамъ преподавали?... А вы меня извините, молодой человѣкъ: я старикъ любопытный, раза два подслушалъ, какъ вы преподаете моимъ внукамъ. Правда, у васъ еще нѣтъ ни методы, ни опытности, а все-таки идетъ сносно... А тамъ, бывало!»... и махнеть рукой. Вотъ почему Николай Николаевичъ посовѣтовалъ матери Гончарова отдать сына за Волгу, въ имѣніе графа Головкина, въ село Архангельское, гдѣ былъ особенно оригинальный пансіонъ, подъ фирмою: «для мѣстныхъ дворянъ». Пансіонъ этотъ содержалъ мѣстный попъ и жена его, французенка или нѣмка. Но къ чести попа я долженъ прибавить, что почтенный протоіерей, Ѳедоръ Антоновичъ Троицкій, былъ весьма замѣчательный человѣкъ; онъ кончилъ курсъ въ академіи и присватался къ мѣстной гувернанткѣ Лицманъ; та приняла православие и превратилась въ попадью, а онъ послѣ посвященія получилъ мѣсто попа въ родное село Архангельское и, точно въ знакъ благодарности, принялъ отъ жены фамилію Лицманъ, часто такъ подписывался въ официальныхъ бумагахъ, и я зналъ двухъ сыновей его, которые въ гимназіи носили фамилію Лицманы. Въ домѣ Гончаровыхъ я часто видалъ протоіерея Троицкаго уже старикомъ, но и тогда онъ былъ красавецъ и щеголь, одѣвался въ бархатъ, имѣлъ пріятный голосъ, живо, увлекательно говорилъ, а отъ братіи своей поповъ отличался особенно изящными манерами и умѣлъ держать себя корректно. Въ домѣ Гончаровыхъ протоіерей Троицкій былъ такая почетная личность, что его встрѣчали, какъ архіерея. Въ этомъ оригинальномъ пансіонѣ Иванъ Александровичъ выучился французскому и нѣмецкому языку, а главное, нашель у «батюшки» библиотеку и принялся опять читать усердно. Въ библиотекѣ батюшки было все: «Путешествіе Кука» и «Сатиры» Нахимова, Палласъ и «Саксонскій разбойникъ», Ломоносовъ и «Бова королевичъ», Державинъ и «Ерусланъ Лазаревичъ», Фонвизинъ, Тассо и дѣтскіе рассказы Беркена, Карамзинъ и «Мрачныя подземелья» Ратклифъ, исторія Ролленя и «Ключъ къ таинствамъ древней магіи» Эккартгаузена, по которому можно было даже вызывать чертей,—и все это было читано восьми-девятилѣтнимъ Гончаровымъ. Можете себѣ представить, какую путаницу все это образовало въ головкѣ талантливаго мальчика!

Къ счастью, это чтеніе продолжалось недолго: десятилѣтняго Гончарова крестный отецъ отвезъ въ Москву и отдалъ въ «дѣльное» заведеніе, какъ сказано въ запискахъ. Это «дѣльное» заведеніе—Московское коммерческое училище, куда и поступили оба брата Гончаровы, въ младшее отдѣленіе. Николай кончилъ курсъ въ коммерческомъ, и по всѣмъ свѣдѣніямъ его ясно было видно, что это было дѣйствительно «дѣльное» заведеніе того времени;

кончилъ ли курсъ въ коммерческомъ училищѣ Иванъ Александровичъ и долго ли тамъ учился, это неизвѣстно, да и вообще о всѣхъ юношескихъ годахъ писателя почти ничего неизвѣстно. Братъ иногда говорилъ со мной объ этомъ времени. Отъ него я узналъ, что Иванъ Александровичъ лѣтъ десять, до поступленія въ университетъ, больше жилъ въ Москвѣ, — «тамъ ему лучше нравилось, чѣмъ дома, — прибавлялъ онъ грустно, — крестный же его баловалъ: бывало, отпустить погостить къ своимъ роднымъ или знакомымъ, а онъ такъ загостится въ своей Москвѣ, что совсѣмъ насъ забудетъ, и маменька не можетъ его выписать. Вѣтреный былъ! Онъ и мнѣ писалъ по-ребячьи, — помню его насмѣшливую фразу: «ну, чѣмъ ты киснешь тамъ, дома, Коля — прїѣзжай сюда, въ Москвѣ весело!» А я, признаюсь вамъ, сколько ни посѣщалъ Москвы, никогда мнѣ она такъ не нравилась, какъ нашъ милый Симбирскъ. Но братъ мой, несмотря на суету, и въ Москвѣ находилъ время много читать. Бывало, цѣлый каталогъ пришлетъ показать, что онъ тамъ прочиталъ: дѣти мы были, пустынькое любили. И теперь въ Москвѣ много Евстигнеевыхъ да Манухиныхъ съ московской литературой, а тогда ихъ было еще больше. Забавно иногда братъ описывалъ новыхъ знакомыхъ; проказничалъ немало, а впрочемъ не кутилъ. Особенно восхищался онъ тогда французской литературой, — французскій языкъ онъ зналъ такъ же хорошо, какъ я нѣмецкій. Тогда только что входили въ моду французскіе писатели Сю и Дюма, въ восторгъ приходилъ отъ нихъ! А какъ первый разъ прочиталъ «Mystère de Paris», такъ даже цитаты мнѣ прислалъ изъ романа и восклицательныхъ знаковъ наставилъ бездну. Французскую литературу онъ тогда до страсти любилъ; писалъ, что переводитъ какой-то романъ Сю, теперь не помню; лѣтъ черезъ пять послѣ того отрывокъ изъ этого романа я встрѣтилъ въ печати, былъ напечатанъ въ «Телескопѣ».

Что касается міровоззрѣнія и взгляда на жизнь, то положительно можно сказать, что Гончаровъ въ юности былъ такой же восторженный мечтатель, какъ всѣ мы, юноши тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, да иначе и быть не могло. Время было такое, эпоха самаго крайняго романтизма въ Европѣ и въ нашей молодежи. Самъ трезвый Вѣлинскій, говорятъ, по прїѣздѣ въ Москву, сначала писалъ самыя восторженныя статьи. Громадное вліяніе Карамзина, Жуковского, Пушкина, который былъ тогда въ зенитѣ славы, — все это, конечно, сильно дѣйствовало на нашу молодежь, а тутъ еще направленіе философіи, идеалы Шиллера, обожаніе сумасброда Гофмана, и доходили мы до того, что зачитывались и восторгались Марлинскимъ. И Гончаровъ, конечно, какъ всѣ мы, юноши того времени, восторженно читалъ Марлинскаго или выписывалъ себѣ лучшія мѣста, какъ я: «Багряныя облака, точно огненные думы, толпятся вокругъ чела твоего, неприступный утесъ

св. Елены... Экваторъ опирается на твои рамены, сизыя волны океана, какъ столбѣтя, расшибаются о твои стопы, и сердце твое— гробъ Наполеона, заклеянный таинственнымъ іероглифомъ рока!» Вотъ чѣмъ восторгались мы въ то время.

Въ 1830 году, Гончаровъ хотѣлъ поступить въ университетъ, но по случаю холеры университетъ былъ закрытъ, и потому пришлось поступить позже. Курсъ университета продолжался тогда три года, и Гончаровъ кончилъ его блистательно. Какой-то странный критикъ опровергаетъ успѣхи Гончарова и говоритъ положительно, что при такомъ составѣ профессоровъ филологическаго факультета, какой былъ тогда въ Московскомъ университетѣ, Гончаровъ ничего не вынесъ изъ университетскаго курса. Но это совершенно не правда! Гончаровъ слушалъ извѣстныхъ профессоровъ: Сябгирева, Шевырева, историка Погодина, словесника Давыдова, — неужели эти знаменитости того времени не могли ничего дѣльнаго передать Гончарову? Напротивъ, самъ Гончаровъ о нихъ отзывался иначе. Вотъ что по окончаніи курса онъ пишетъ товарищу-другу: «хотя университетскій курсъ теперь для меня конченъ, но вліяніе университета не кончится никогда. Потерявъ изъ виду васъ, товарищи-словесники, я не забываю указаній нашихъ профессоровъ. И теперь на службѣ изучаю иностранныя литературы именно по тому методу и по тѣмъ указаніямъ, которыя передали намъ наши любимые профессора».

Нечего добавлять, что эти три года студенческой жизни были для Ивана Александровича самыя счастливыя! Братъ его мнѣ говорилъ, что «изъ университета онъ часто писалъ самыя веселыя и занимательныя письма, которыя, къ сожалѣнію, затерялись».

Одно только студенческое письмо Ивана Александровича какимъ-то чудомъ не затерялось у брата, и онъ хранилъ его, какъ сокровище. Оно было написано на трехъ почтовыхъ листахъ, мелкимъ, бисернымъ почеркомъ; по содержанію это была передача разнообразныхъ впечатлѣній студента. То онъ воздаетъ должное поклоненіе профессору и удивительной лекціи его и тутъ же прибавляетъ, что въ Кремлевскомъ саду встрѣтилъ незнакомку, съ которой неожиданно познакомился коротко; то рассказываетъ серьезную бесѣду съ товарищами о философіи, поэзій, логикѣ, и тутъ же сообщаетъ о самомъ пустомъ случаѣ съ нимъ на улицѣ.

По окончаніи курса, Гончаровъ приѣхалъ на родину. Двѣнадцать лѣтъ онъ не видалъ родного городка, и можете себѣ представить, говорить его біографъ, какое безотрадное впечатлѣніе произвела на молодого Гончарова сонная жизнь Симбирска послѣ кипучей и животрепетной жизни столицы?.. Несмотря на то, что Гончаровъ любилъ родной городъ и особенно домъ матери и въ письмахъ брату писалъ: «завидую, что ты теперь дома, а я между холодными чужими», несмотря на все это, Гончаровъ написалъ са-

мую жалкую картину нашей провинціальной жизни: «Сонъ Обломова». Однако, несмотря на эту жалкую картину провинціальной жизни, Гончаровъ все-таки съ годъ прожилъ у матери и, повидимому, намѣревался остаться въ Симбирскѣ, потому что поступилъ на службу въ канцелярію губернатора, но въ концѣ года не выдержалъ и съ тѣмъ же губернаторомъ уѣхалъ въ Петербургъ: «дѣлать карьеру», — говоритъ критикъ, т.-е. опредѣлился на службу и погрузился въ чиновный петербургскій омутъ на пять лѣтъ. Въ эти годы онъ такъ вѣлся въ службу, что даже рѣдко писалъ къ своимъ. По рассказамъ брата, Иванъ Александровичъ былъ принятъ въ домѣ Майкова, старика-художника, тамъ онъ училъ дѣтей (Аполлона, будущаго поэта), тамъ онъ занимался живописью и впервые пробовалъ свой литературный талантъ. Другъ дома, молодой Солоницынъ, затѣялъ издавать домашній, писанный «Журналъ» и въ сотрудники пригласилъ Ивана Александровича. Гончаровъ въ журналѣ Солоницына написалъ два первые разсказа. Эти пять лѣтъ чиновничьей жизни само собой отразились на молодомъ человѣкѣ, которому этотъ міръ раскрывалъ тѣ отрицательныя стороны, которыя цѣликомъ вошли въ его первый романъ «Обыкновенная исторія», гдѣ фигура типичнаго чиновника-дѣльца, дяди Адуева, художественна и правдива, какъ сама жизнь.

Чрезвычайно интересно, какъ Иванъ Александровичъ объясняетъ, почему первый романъ его названъ «Обыкновенная исторія». «Адуевъ кончилъ тѣмъ, какъ кончали многіе тогда: послушался практической—чиновной—мудрости дяди, принялся усердно работать по службѣ, и хотя пописывалъ въ журналахъ, но ужъ не стихи; словомъ, проживши эпоху юношескихъ волненій, онъ, какъ большинство въ Петербургѣ, достигъ положительныхъ чиновныхъ благъ, то-есть: занялъ по службѣ прочное положеніе, получилъ видное мѣсто, выгодно женился, словомъ ловко обдѣлалъ свои дѣла». Вотъ въ чемъ заключается «Обыкновенная исторія». Извѣстно, что первый романъ Гончарова имѣлъ большой успѣхъ, какъ въ обществѣ, такъ и литературныхъ кружкахъ.

Послѣ такого счастливаго успѣха Гончаровъ пишетъ брату: «ѣду въ Симбирскъ повидаться съ маменькой». А добрѣйшій Николай Александровичъ всѣмъ рассказываетъ: «братъ мой, новый литераторъ, ѣдетъ сюда», — и Симбирскъ проснулся отъ своей обломовщины. Всѣ начинаютъ читать «Обыкновенную исторію»; всѣ спрашиваютъ: «а вы читали? ахъ, какъ хорошо!» А тутъ еще гдѣ-то въ газетахъ нашли первую критику романа, и такъ расхваленъ Гончаровъ! Добрѣйшій Николай Александровичъ, по разсѣянности, три раза меня спрашивалъ: «а вы читали моего брата?—хотите, я книжку вамъ дамъ, — онъ мнѣ прислалъ. Ахъ, читали ужъ, пріятно слышать! Какъ по-вашему?» — Но я не отвѣтилъ ни-

чего. Въ то время въ душѣ я ненавидѣлъ злодѣя, стараго Адуева! А въ городѣ любопытство росло; только и слышно: «ѣдетъ», «скоро прїѣдетъ», «ждутъ на-дняхъ». Помню, какъ новый учитель словесности Грумъ-Гржимайло опрометью вбѣжалъ къ намъ въ VII классъ и торопливо спросилъ: «Потанинъ здѣсь?.. А, вотъ... я слышалъ, вы даете уроки въ домѣ Гончарова, пожалуйста, не забудьте тотчасъ извѣстить меня, когда прїѣдетъ нашъ новый литераторъ. Я знакомъ съ Иваномъ Александровичемъ еще по Петербургу»,—и убѣжалъ. А слово «литераторъ» даже пугало меня, гимназиста. Слово это во времена императора Николая имѣло весьма важное и высокое значеніе, не то, что теперь. Въ исторіи литературы почти всѣ біографіи литераторовъ того времени начинались такъ: «А. А.: литераторъ Россійской имперіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ, родился въ Москвѣ, служилъ въ высшихъ должностяхъ въ Петербургѣ; творенія его и т. д.»—такъ, по крайней мѣрѣ, я прочиталъ и заучилъ въ біографіяхъ Булгарина и Греча. Напечатана даже была толстая книга «Сто русскихъ литераторовъ», съ превосходными портретами Зотовыхъ, Свиныныхъ, гравированными въ Англии, на стали. Поневолѣ страшила меня встрѣча съ такимъ важнымъ лицомъ, какъ литераторъ. Все кругомъ только и говорило о немъ. Даже товарищи начинали завидовать и подшучивать надо мной: «А ты, братъ, какъ увидишь его, сейчасъ бѣги, скажи, какой такой литераторъ. Бѣленькій, сѣренькій или черненькій онъ?»—«Зеленый съ отливомъ!»—бухнулъ изъ угла нашъ дубовый насмѣшникъ Дидимъ. Всѣ захохотали. Кто-то въ другомъ углу вздохнулъ и началъ плачевно: «А счастливецъ, братцы, этотъ Потанинъ: онъ первый увидитъ нашего симбирскаго литератора, а мы послѣ... еще чортъ знаетъ когда!».

Наконецъ, сбылось ожиданіе Симбирска: «прїѣхалъ!»—кто? не спрашивай, всѣ знаютъ! Первые дни по прїѣздѣ писателя въ семьѣ Гончаровыхъ были проведены празднично. Въ эти праздничные дни не было даже уроковъ, и я съ недѣлю къ Гончаровымъ не ходилъ. Наконецъ, насталъ и мой страшный день: представленіе гимназиста литератору. А я ужъ пронюхалъ, что Иванъ Александровичъ «отчаянный питерскій франтъ» и такой «щеголь», какихъ свѣтъ не производилъ. Такъ отозвалась о немъ сама горничная Гончаровыхъ, Маша, а кому же вѣрить, какъ не горничнымъ: онѣ подробнѣе всѣхъ разсматриваютъ наряды молодыхъ господъ. «Господи!—думалъ я въ отчаяніи:—какъ это я несчастный, съ заплатанными сапогами, продранными локтями, оторванной пуговкой и смятымъ стоячимъ воротникомъ, покажусь такому щеголю, какого свѣтъ не производилъ?»¹⁾ и мнѣ въ эту минуту было не только стыдно самого себя, а даже совѣстно,—не знаю отъ чего.

¹⁾ Авторъ воспоминаній, будучи гимназистомъ, содержалъ себя исключительно уроками, за которые тогда платили крайне мало, напримѣръ, богатые купцы за урокъ давали 10 коп. ассигнаціями, что составляло 8 коп. серебромъ.

— Пойдемте, я вамъ брата покажу?—явилась веселая Александра Александровна въ классную и повела меня въ гостиную литератору показать.

Къ счастью моему, въ гостиной не было ничего страшнаго: Иванъ Александровичъ бесѣдовалъ съ гувернанткой, Варварой Лукинишной, и, должно быть, очень весело, потому что гувернантка хохотала чуть не до истерики. Передо мной предсталъ обыкновенный мужчина средняго роста, полный, блѣдный, съ бѣлыми руками, какъ фарфоръ; коротко стриженные волосы, голубовато-сѣрые глаза, какъ на портретѣ отца, но улыбка не отцовская, насмѣшливая. Одѣтъ онъ былъ безукоризненно: визитка, сѣрая брюки съ лампасами и прунелевыя ботинки съ лакированнымъ носкомъ, одноглазка на резиновомъ шнуркѣ и короткая цѣпь у часовъ, гдѣ мотались замысловатые брелоки того времени: ножичекъ, вилочка, окорокъ, бутылка и т. п. Петербургскіе франты того времени не носили длинныхъ цѣпей на шеѣ. Гончаровъ былъ подвиженъ, быстръ въ разговорѣ, поигрывалъ одноглазкой, цѣпочкой или разводилъ руками.

— Братъ, вотъ тотъ учитель, о которомъ я съ тобой говорила, господинъ Потанинъ.

— А, пріятно слышать!..—отозвался онъ небрежно и осмотрѣлъ меня съ головы до ногъ, впрочемъ подалъ руку и пригласилъ:— присядьте, побесѣдуемъ.

Я, какъ Акакій Акакіевичъ, присѣлъ на кончикъ стула. А литераторъ задумался, точно соображалъ, о чемъ ему побесѣдовать съ гимназистомъ. Онъ съ того и началъ:

— Такъ учительствуете, господинъ, какъ васъ по имени?

— Да, учу и учусь, Иванъ Александровичъ.

— Это похвально-сь.

Въ это время за матерью вбѣжали два мои ученика.

— Ну, а какъ вотъ эти сорванцы, мои племяши, зовутъ васъ въ классѣ: педагогъ или педагогъ?

— Не такъ и не этакъ, Иванъ Александровичъ. Они просто зовутъ меня «учитель». А если бъ вздумалось имъ, по незначію, искалѣчить слово «педагогъ», такъ моя обязанность, какъ учителя, поправить, и я, конечно, поправлю.

— Такъ-сь, резонно.

Онъ взглянулъ на гувернантку, та улынулась, а я покраснѣлъ.

— Однако, вы, господинъ учитель, извините, что я экзаменую васъ, какъ ученика: это потому, что мнѣ хочется знать, что у васъ тутъ дѣлается. Вы, кажется, въ послѣднемъ классѣ?

— Да, въ седьмомъ.

— А много ли изъ васъ кончитъ курсъ?

— Всѣ, я думаю, тринадцать,

— Ой, какое несчастное число, 13! Изъ тринадцати, пожалуй, кого нибудь оставятъ?—онъ пытливо взглянулъ на меня.

— Можетъ быть!—отвѣтилъ я недовольный. Мнѣ ужасно не нравилась его улыбка.

— А скажите, пожалуйста, отчего такой маленькій выпускъ? Развѣ въ гимназій вашей мало народу?

— Учениковъ, хотите вы сказать, 175. На-дняхъ я писалъ общій списокъ къ ревизіи попечителя Пушкина...

— О-о-о! Пушкинъ! вы сказали. Вѣдь вашъ казанскій Пушкинъ совсѣмъ не похожъ на нашего петербургскаго? Говорятъ, онъ гроза вашихъ гимназій? Я думаю, вы, ухъ! какъ боитесь Пушкина?

— Ну, братъ Ваня, ты не думай такъ плохо о нашей гимназій! Изъ симбирской гимназій въ университетъ принимаютъ безъ экзамена, такая гимназій во всемъ округѣ одна!

— Вотъ какъ! Это для меня новость, я не зналъ. А скажите, пожалуйста, какъ у васъ словесность идетъ: что читаете, пишете, со-чи-ня-ете?..

— Читаемъ больше Карамзина; я люблю Жуковскаго (Иванъ Александровичъ поморщился), Пушкина, конечно; я недавно Аксакова читалъ, теперь Гоголя...

— Да, да! этихъ стоитъ читать—громкія имена! А какъ, Николая, твои ученики подписываютъ что нибудь?.. и порядочное выходитъ?..

— И очень порядочное, другъ: въ прошломъ году Николай Хотовъ написалъ такіе стихи, напечатаны были по распоряженію попечителя, а лѣтъ пять назадъ Дмитріевъ написалъ сказку «Конецъ-горбунокъ» — тоже напечатана; очень порядочная сказка. И господинъ Потанинъ тоже подписываетъ кое-что,—Николай Александровичъ улыбнулся,—на прошлой недѣлѣ онъ читалъ мнѣ стихотвореніе «Осень», очень хорошо написано.

— Осень, осень!—вздыхнулъ тяжело Иванъ Александровичъ.—И въ ваши лѣта «Осень»,—писали бы «Весну»!

— Не пишется, Иванъ Александровичъ! Моя весна—не красна!—отвѣтилъ я горько.

Онъ на это ничего не сказалъ; взглянулъ только на меня ласково и задумался, а на лицѣ его выразились жалость и тоска. Въ эту минуту я готовъ былъ броситься и расцѣловать Горчарова, ибо въ это мгновеніе мнѣ видѣлось ясно, что этому великому человѣку извѣстенъ не одинъ видимый міру смѣхъ, а иногда и незримыя міру слезы. Вдругъ онъ точно встрепенулся, крѣпко сжалъ мнѣ руку и выговорилъ твердо: «Пишите, пишите, молодой человекъ! Это хорошо». Я обомлѣлъ отъ восторга и не помню, что отвѣтилъ ему.

— Ну, а ты что, Николай,—обратился онъ къ брату,—пишешь что нибудь или попрежнему почитываешь твое «Слово о полку»?.. Отчего не почитывать? Оно хорошо написано. Ахъ, я и забылъ: вѣдь оно, кажется, тебѣ и посвящено Минаевымъ?

— Да, мнѣ,—отвѣтилъ скромно «добрѣйшій».

— А какъ твои «Изслѣдованія славянскихъ нарѣчій», о которыхъ ты такъ хвалебно писалъ? Какъ, бишь, это тамъ сказано: «тятя, дядя, тетя, титя, дитя, батя?»—все это по-твоему отъ одного слова «тятя» родилось?

— Ну, объ этомъ, другъ Ваня, намъ нечего съ тобой много болтать. Твоя литература—беллетристика: тебѣ, милый, не понять, какъ важны изслѣдованія профессора Григоровича: они, можетъ быть, со временемъ объединяютъ всю нашу великую славянскую семью въ Европѣ!

— А ты ужъ, кажется, сердиться начинаешь на мою шутку?—спросилъ Иванъ Александровичъ съ удивленіемъ.

— Нѣтъ, милый, я никогда не сержусь ни на кого! У каждого свое мнѣніе, вотъ и я высказалъ тебѣ свое.

— Ну, прости, Коля. Я согласенъ съ тобой.

Иванъ Александровичъ обнялъ брата, и оба задумались. Я простился и ушелъ.

Въ другой разъ я видѣлъ Гончарова другимъ человѣкомъ, въ третій—третьимъ, уже совсѣмъ непохожимъ на перваго и втораго, и чѣмъ больше въ него всматривался, тѣмъ больше казался онъ мнѣ непонятнымъ и неуловимымъ: онъ по-петербургски могъ въ одно и то же время смѣяться и плакать, шутить и важно говорить. Все это, конечно, отъ того, что такъ счастливо сложилась его жизнь. Въ дѣтствѣ онъ былъ одаренъ всѣми благами: тутъ любовь матери, ласки сестеръ, воркованіе няни, раболѣпіе прислуги, заботы крестнаго. Захочетъ ребенокъ шалить—на него смотрятъ съ удовольствіемъ и любовью; захочетъ блажить—на него смотрятъ снисходительно; захочетъ играть—передъ нимъ выдержанныя аристократическія дѣти; захочетъ что нибудь видѣть, знать—передъ нимъ лучшее примѣрное общество; захочетъ учиться—и тутъ судьба шлетъ ему такого педагога, какого иному не придется слышать и въ заведеніяхъ. Мальчикъ подростъ, и тутъ заботливый крестный отецъ находитъ для него такое дѣльное заведеніе, гдѣ онъ дѣльно готовится вступить въ университетъ. Идетъ молодой человѣкъ въ университетъ, и у него заботы нѣтъ: обугъ, щегольски одѣтъ и еще при деньгахъ на всѣ прихоти; онъ, я думаю, и не слышалъ о томъ, какъ наши сосѣдніе казанскіе студенты-бѣдняки воду качали въ Батуриныхъ баняхъ, чтобы добыть себѣ кусокъ насущнаго хлѣба. А богатый и просвѣщенный Трегубовъ и въ университетѣ ему сильно помогъ: онъ былъ въ перепискѣ и коротко знакомъ съ профессорами,—отчего же было и профессорамъ не обратить особеннаго вниманія на Гончарова, тѣмъ больше, что Гончаровъ былъ не тупица? Иванъ Александровичъ описывалъ брату и знакомство его съ профессорами, которые съ радушіемъ принимали молодого человѣка въ свои дома, а это въ николаевское время

было весьма важно. Задумалъ молодой человѣкъ служить въ Петербургѣ, и тутъ ему не пришлось хлопотать и мѣста искать: оно давно было готово для него. Родной братъ Трегубова былъ въ Петербургѣ важное лицо, а кому изъ насъ неизвѣстно, что такое важное лицо въ Петербургѣ, и что оно можетъ творить? Захочетъ путешествовать Гончаровъ, и самъ министръ предлагаетъ ему исполнить его страстное желаніе: «сдѣлать морскую кампанію», какъ выразился когда-то его крестный отецъ. Задумалъ Гончаровъ карьеру сдѣлать, и карьера сдѣлана; захотѣлъ онъ чиновъ, и за особыя заслуги дали ему генерала; захотѣлъ онъ высшихъ почестей, и судьба ведетъ его ко двору, и тамъ онъ видный человѣкъ. Императоръ Александръ III, въ бытность въ Симбирскѣ, посѣтилъ гимназію, и когда директоръ представилъ ему учителей, онъ обратилъ милостивое вниманіе на фамилію Гончарова и ласково спросилъ:

— Я коротко знакомъ съ нашимъ петербургскимъ Иваномъ Александровичемъ, а вы, господинъ Гончаровъ, какъ ему приходится: родственникъ или однофамилецъ?

— Родной братъ, ваше величество!—отвѣтилъ Николай Александровичъ, по обычаю, робко и застѣнчиво.

— Ахъ, приятно слышать! Позвольте съ вами познакомиться?— и императоръ милостиво подалъ руку нашему провинціальному Гончарову.

Наконецъ—послѣднее: захотѣлъ Гончаровъ славы, и слава трубить о немъ отъ Петербурга до Камчатки. Чего еще? Біографы точно въ похвалу ставятъ Гончарову, что онъ всю жизнь «былъ спокоенъ и ничѣмъ не волновался», да о чемъ же было еще беспокоиться и волноваться, когда судьба сама дала ему все, безъ борьбы! Вотъ почему, когда я увидалъ Гончарова въ тридцать пять лѣтъ, совершенно зрѣлымъ мужемъ, онъ показался мнѣ точно счастливо-балованное дитя. Безпечный и беззаботный, онъ и въ эти лѣта игралъ въ жизнь.

Теперь мы взглянемъ на Гончарова, каковъ онъ былъ въ домашнемъ быту, у матери. Это было самое счастливое время для Гончарова; онъ жилъ здѣсь, если можно такъ выразиться, самую живую жизнь, какою только можетъ жить человѣкъ на землѣ. Тутъ было все: и радость перваго литературнаго успѣха, и плѣнительныя воспоминанія дѣтства, и сіяющее лицо матери, и ласки, восторги, подарки, тому же счастливому любимцу, и воркованіе слѣпой няни, которая теперь готова молиться на своего Ванюшу, и раболѣпіе старика-слуги, который, какъ мальчишка, бѣгаетъ, суетится, бросается во всѣ углы, лишь бы угодить Ивану Александровичу. А тутъ еще такой почетъ общества, приглашеніе губернатора быть безъ чиновъ, человѣкомъ своимъ, и, наконецъ, гордость купцовъ: «каковъ нашъ Гончаровъ! вонъ куда залетаютъ

изъ нашихъ!» Да, окруженный семьей, осыпанный ласками, оживленный всѣмъ окружающимъ, онъ здѣсь вполне чувствовалъ, что онъ именно то солнце, которое все собой озаряетъ и радуетъ всѣхъ. Зато надобно было видѣть, какъ Иванъ Александровичъ въ это время былъ живъ и игривъ. Боже мой! Какъ умилительно прилаживался къ рукѣ матери, точно къ иконѣ, и въ порывѣ такъ страстно обниметъ старуху, что та задыхается въ объятіяхъ сына, на лету ловить, цѣлуетъ брата, сестеръ, племянниковъ, племянницъ, да что и говорить о кровныхъ родныхъ,—онъ въ настоящее время всѣмъ былъ близкій родной. Придетъ какойнибудь мѣщанинъ Набоковъ, семьюродный внукъ дѣдушкѣ Ивана Александровича, скажетъ простодушно: «на тебя пришелъ поглядѣть, Иванъ Александровичъ! Какой-такой ты есть на свѣтѣ?» и этого онъ привѣтитъ, приласкаетъ, поцѣлуетъ, усадитъ въ кресло; часъ толкуетъ съ нимъ объ его огородѣ; спроситъ: «Есть ли садикъ? Здѣсь у всѣхъ садики»; узнаетъ, есть ли семья, дѣтки и, если бѣденъ, такъ денегъ дастъ. Даже съ прислугой онъ обращался, точно съ братьями и сестрами; комично кланяется всѣмъ и смѣшитъ. Обниметъ стараго слугу Никиту и спроситъ:

— А помнишь, старина, какой я былъ маленькій? Веселое было тогда время! Помнишь, какъ важно приходилъ ты къ крестному во флигель звать меня къ маменькѣ? Даже страшно было, когда ты выговаривалъ: «Иванъ Александровичъ, пожалуйста»...—и вдругъ въ тебя выстрѣлъ: «пошелъ вонъ!» Огорчался, я думаю, ты этимъ, голубчикъ?

— Да что!—Никита махнулъ рукой.—Все маменька ваша изволили тогда безпокоиться понапрасну! «Поди, веди его!» А зачѣмъ вести? По-моему, Богъ создалъ дитю для того, чтобъ онъ игралъ и забавлялся, а они запрещають, ну, развѣ это возможно? Хоша бы колокольня тогда? Ну, что?.. По-моему: пусть барченокъ полюбуется нашимъ городкомъ—оттуда все видно! А они свое: «расшибется!» Я тогда не вытерпѣлъ, сказалъ: эхъ, матушка-барыня, Богъ-то не въ одной церкви живетъ, Онъ и на колокольнѣ нашего барченокъ спасетъ!—такъ куда! Осерчала даже на мои разумныя слова, изволили закричать: «пошелъ вонъ, не разсуждай!». Вотъ и только.

Иванъ Александровичъ не вытерпѣлъ, засмѣялся.

— А ты хорошо, Никитушка, разсказываешь, поѣдемъ со мною въ Питеръ!..

— Охъ, Питеръ, Питеръ! Нѣту, батюшка-баринъ! Я, старикъ, здѣсь привыкъ, въ Питерѣ, чай, больно скучно будетъ мнѣ?..

— Что ты, голубчикъ! Въ Питерѣ скучно? да тамъ сроду никто не скучалъ, всѣ весело живутъ: Петербургъ на веселомъ мѣстѣ стоитъ!

— А коли такъ, я, пожалуй, и въ Питеръ поѣду. Для вашей милости, батюшка-баринъ, я теперича не токмо что въ Питеръ— въ адъ готовъ сходить!

— Спасибо, другъ!

Иванъ Александровичъ Никиту поцѣловалъ и болтуна въ Петербургъ взялъ. Софьюшка сама напросилась въ Петербургъ: «и меня ужъ возьмите, Иванъ Александрычъ, пожалуйста. Я большое любопытствіе имѣю поглядѣть: какой такой есть на свѣтѣ Петербургъ? Ей-Богу, страшно хочется, баринъ!»

Съ Софьюшкой и Мариной баринъ забавлялся иначе: то сонныхъ свяжетъ за ноги сахарной бичевкой, то накинеть на себя бѣлую простыню и явится передъ ними въ темномъ мѣстѣ. Старыя дѣвы крестятся, визжатъ со страху, а онъ хохочетъ. Трогательны были его бесѣды со слѣпой няней. Мнѣ кажется, иногда онъ словъ не находилъ, какъ бы нѣжиѣе ее назвать. «Голубка моя возлюбленная! Помнишь, какія волшебныя сказки ворковала ты мнѣ?».. и онъ поцѣлуетъ голубку и погладитъ по головѣ. «Хочешь, я золотомъ засыплю тебя за нихъ?» Старушка обидится и шепчетъ съ укоромъ: «эхъ, Вана, Ваня неразумный! На что мнѣ твои деньги въ могилу: мнѣ всего на свѣтѣ дороже твоя любовь!».. и разрыдается до истерики. Даже съ дворовой мелюзгой онъ находилъ удовольствіе играть. Подхватитъ съ полу какуюнибудь четырехлѣтнюю Машутку - соплюшку, усадитъ на колѣни, дастъ играть часы, кошелекъ, насыплетъ передъ ней кучу конфетъ, поставитъ банку варенья и начинаетъ угощать. Машутка ѣстъ до того, что начинаетъ пыхтѣть и наконецъ объявляетъ рѣшительно: «будетъ, баринъ, больше не хочу». — «Еще хоть ложечку! да кланяйтесь, Гаврила Никитичъ, хоть вы, — у меня нѣтъ жены». Машутка отворачивается отъ варенья.—«Ну, ну, Маша, утѣшь меня, понатужься еще»...—«Мама! что баринъ пристаётъ!»— реветъ наконецъ гостя. Баринъ бросаетъ ложку, вскидываетъ Машутку на плечо, садитъ на шею и мчится по всѣмъ комнатамъ. Машутка вмѣсто слезъ начинаетъ хохотать, а баринъ очень доволенъ, что утѣшилъ Машутку. Въ это время онъ казался мнѣ самымъ нѣжнымъ отцомъ, да вѣрно тоже онъ чувствовалъ и въ себѣ. Но самыя веселыя игры его были съ племянниками и племянницами. Съ тѣми разыграется, такъ готовъ хоть въ козны; развозится, такъ готовъ кувыркаться и такія веселыя и забавныя строить имъ рожи, что дѣти визжатъ, хохочутъ до-упаду; смѣльчаки бросаются на шею, садятся верхомъ и ѣдутъ на литераторѣ. Съ дѣвочками онъ обращался нѣжно: подманитъ лакомствомъ, расскажетъ имъ забавныя побасенки, поиграетъ въ куклы и споетъ какуюнибудь пѣсню. Особенно онъ любилъ извѣстную тогда пѣсню московскихъ цыганъ и пѣлъ мастерски.—«Пляши, дядя!»— пищитъ мелюзга, и дядя пускается въ плясъ, по-цыгански, такъ

же ловко мастерски, какъ настоящій цыганъ; по всѣмъ комнатамъ раздается визгъ Ивана Александровича: «ай, жги, говори!»

Иногда на него находило другое настроеніе: онъ, какъ испанецъ, съ гитарой въ рукахъ, становился передъ гувернанткой въ позу гидальго и начиналъ: «Ты, душа-ль моя, красна дѣвица! Ты, звѣзда-ль моя ненаглядная! полюби меня, добра-молодца». На словѣ «звѣзда», конечно, самая высокая нота, а пѣніе его въ это время было такъ плѣнительно, голосъ такъ очарователенъ, что романсъ этотъ я до сихъ поръ не забылъ, а въ глазахъ Барвары Лукинишны сверкали тогда такіе огоньки, которыхъ я сроду не видалъ. Особенно трогательны и задушевы были бесѣды Ивана Александровича съ матерью, когда онъ напоминалъ ей свое рѣзвое, шаловливое дѣтство. Сидитъ грустный, задумчивый и вдругъ начнетъ весело:

— А помнишь, мама, какъ я выпрыгнулъ изъ-подъ куста и выстрѣлилъ въ тебя хлопушкой?

— Охъ, сорванецъ! Ты ужъ лучше не напоминай мнѣ твоихъ проказы! Я, Ваня, такъ тогда испугалась, что плакала отъ истерики.

— Ну, прости, мама! я теперь за тебя поплачу, хочешь?..

— Ну, ну, полно дурить и рожу строить,—вишь, точно настоящій актеръ.

Андотья Матвѣевна матерински смѣется, глядя на милаго актера, который мастерски по-актерски плачетъ.

— А помнишь, мама, какъ ты стащила меня за ухо съ дерева, точно птицу за хохолъ?

— Ну, какая тамъ птица съ ушами! Просто нужно было тебя наказать! Помнишь, я думаю, какой ты былъ тогда маленькій клопикъ, едва по землѣ ползалъ, и вдругъ увидала тебя на деревѣ,—у меня сердце замерло отъ страху!

— Да не вытерпѣлъ, мама! Ты теперь представить не можешь, какъ тогда хотѣлось мнѣ залѣзть!

— А? хотѣлось? — такъ вотъ тебѣ за хотѣнье и досталось на калачи! Не хоти, когда не велятъ!

— Теперь разумѣю, а тогда!..

— А тогда глупъ былъ, вотъ я тебя и учила.

— Да вѣдь голову надо было учить, не уши?

— Ну, ты теперь объ этомъ не разсуждай: уши и волосенки на головѣ растутъ: за что зацѣпила, за то и учила.

— Великій вы педагогъ, мама: по-вашему, значитъ, съ котораго конца ни начни науку, все равно?

— Конечно, все равно: былъ бы только въ наукѣ смыслъ и толкъ. А за большія твои проказы нужно было тогда хоть разокъ попробовать тебя—посѣчь. Вотъ ты бѣ и зналъ тогда, что такое мать!

— Посѣчь? Вѣдь это, я думаю, больно, мама? Посѣките тещеръ, я попробую?..—Иванъ Александровичъ начинаетъ разстегивать жилетъ.

— Совѣмъ сумасшедшій! да ты оглянись, кто тутъ сидитъ?..

— Ахъ, Варвара Лукинишна! простите великодушно; ей-Богу, не замѣтилъ, что вы здѣсь!

— Такъ это и примите за вѣжливость моего петербургскаго сына, Варвара Лукинишна,—заклѣчила мать.—Однако будетъ болтать, пойдемте, господа, чай пить.

— А помнишь, мама, какъ хитро я подкрадывался къ сахару? Боже мой! какой онъ тогда былъ сладкій! Ахъ, прелесть!

— За то мнѣ, сыночекъ, было горько! Не знала, какъ отучить тебя отъ этой скверной привычки. Ты не только горстями его таскалъ—полные карманы набивалъ, а это тебѣ было вредно.

— Да вѣдь не умеръ я тогда отъ сахару?

— Оттого и не умеръ, что я стала наконецъ коробку запереть отъ тебя на замокъ.

— Скупая ты была тогда, мама: родному сыну сахару не давала!.. Это безбожно наконецъ!

Иванъ Александровичъ устроилъ такую печальную мину, что мы всѣ невольно улыбнулись.

Иногда сама мать любила вспомнить проказы своего безцѣннаго Ванн.

— Представьте себѣ, господа, разъ этотъ сорванецъ пришелъ съ чердака съ такой размазанной сажей рожей, что я не узнала его; да еще крадется, мошенникъ, въ дѣвничью, чтобъ тамъ умыли его секретно, а я цапъ его въ коридорѣ—поймала.

Авдотья Матвѣевна нѣжно погладила сына по головѣ и поцѣловала.

— Эхъ, мама, мама! Ты теперь представить не можешь, какое забирало меня тогда любопытство! Мнѣ непременно хотѣлось узнать: видно ли въ трубу небо?—вотъ я и засунулъ туда голову: видно, мама!

— Да, да! и мнѣ тогда было видно, какимъ ты пришелъ чучелой.

Гончаровъ въ такой живой жизни прожилъ у матери долго, и общество дворянъ и купцовъ осаждало его день и ночь, точно они хотѣли видѣть невиданнаго страуса или бѣлаго слона.

— Что это такое!—говорилъ литераторъ тоскливо:—они не даютъ мнѣ съ Машуткой играть. Уѣдѣте, мама, лучше въ нашъ садъ подъ гору, тамъ и будемъ жить, какъ въ скиту; туда не всѣ доберутся. А здѣсь, ты, Никитушка, сдѣлай вотъ что: запирай съ утра парадную дверь на крючекъ и безъ дозволенія и доклада мнѣ отвѣчай имъ въ щелочку: «дома нѣтъ». Кого нужно мнѣ, я скажу.

Проводы Гончарова были торжественны, какъ самаго почетнаго и знатнаго лица въ городѣ. Много колясокъ и каретъ, конечно, и съ дамами, провожали его до Кандарати, гдѣ онъ оставилъ загадочный стишокъ: «Ахъ, Кандарать, Кандарать, хорошо здѣсь ночевать!» и что-то шепнулъ другу по секрету; тогъ отвѣтилъ серьезно: «счастливецъ ты во всемъ и ночью, и днемъ». Трогательны были проводы матери съ сыномъ любимцемъ. Послѣ напутственнаго молебна старушка чуть не упала въ обморокъ, обнимая безцѣннаго Ваню,—точно она предчувствовала, что разстанется съ нимъ надолго, надолго... Въ послѣдній разъ онъ былъ на родинѣ въ то время, какъ серьезно задумалъ писать свой послѣдній романъ «Обрывъ». Лѣто онъ жилъ съ шуриномъ Музалевскимъ, на дачѣ, въ имѣннн помѣщика Киндякова, въ деревнѣ Винновкѣ, или Киндяковкѣ. Тамъ же онъ нашелъ для главной героини романа Вѣры—обрывъ.

Одинъ только человекъ въ Симбирскѣ, Дмитрій Ивановичъ Минаевъ (отецъ нашего сатирика Дмитрія Дмитриевича), не сходился съ Гончаровымъ въ убѣжденіяхъ относительно нашей литературы, но это, конечно, потому что Дмитрій Ивановичъ «нѣсть отъ міра сего»: у него былъ свой особенный взглядъ на литературу. Поэзію, напримѣръ, онъ боготворилъ и поклонялся ей, какъ римлянинъ богу своему Аполлону. Она была вторая религія Дмитрія Ивановича и по понятіямъ его должна была проповѣдывать міру только одно святое, великое и прекрасное. Писателей, которыхъ онъ признавалъ «истинными талантами», онъ называлъ «гражданскими апостолами» и «пророками» и этимъ вмѣнялъ въ обязанность писать только добро, истину и духовное просвѣщеніе. Съ такимъ суровымъ взглядомъ на писателей натуральной школы, онъ ненавидѣлъ даже несчастнаго Гоголя, называлъ его «скверный пачколя»: «Онъ пишетъ одну только грязь! Что это такое! — кричалъ онъ въ азартѣ:—его Плюшкинъ! Его заплатата тамъ, гдѣ-то ниже спины?.. Помилуйте! вѣдь это скверно выговорить, наконецъ, а онъ, мерзавецъ, печатаетъ это на всю святую Русь! И это по вашему чистая литература!» Понятно, что такой суровый литературный аскетъ не могъ сойтись съ Гончаровымъ. И Дмитрій Ивановичъ Гончарова не провожалъ.

Я поступилъ на службу, уѣхалъ изъ Симбирска, но связи съ милымъ домомъ Гончаровыхъ не прерывалъ. Жаль только, что, посѣщая брата, я объ Иванѣ Александровичѣ ничего не могъ узнать. Отъ брата постоянно я сласалъ одинъ отвѣтъ: «пишемъ отъ него нѣтъ. Въ Петербургѣ служить, рѣдко пишетъ: вѣрно потому, что некогда ему». Только въ 1853 году я узналъ нѣчто о Гончаровѣ. Я посѣтилъ Трегубова и тутъ же замѣтилъ, что старикъ въ самомъ веселомъ настроеніи духа. Какъ только завидѣлъ меня, живо поднялся съ кресель, побѣжалъ навстрѣчу и восторженно заговорилъ:

— Плаваешь! Иванъ мой плаваешь въ восточныхъ моряхъ! Понимаете мою радость?..

— И его, и вашу понимаю, Николай Николаевичъ. Онъ еще въ дѣтствѣ о морскомъ путешествіи вздыхалъ.

— А вы и это помните? — прибавилъ онъ съ умиленіемъ. — Ахъ, какой вы славный! Садитесь, смотрите: вотъ онъ! Изъ Японіи прислалъ мнѣ подарокъ.

Я взглянулъ на портретъ Ивана Александровича и не узналъ, — онъ лѣтъ на десять помолодѣлъ! Морская жизнь и свобода сильно повліяли, какъ на физическое его здоровье, такъ и на расположе- ніе духа. Передо мною сидѣлъ свѣжій и бодрый мужчина съ веселой думою на лицѣ. Онъ отростилъ усы, дипломатическія бакенбарды котлетами, и устроилъ прямой проборъ волосъ по срединѣ головы. Правая рука его покоилась на какомъ-то морскомъ инстру- ментѣ.

— Старуха наша уѣхала въ Ардатовъ. — говорилъ Трегубовъ, — къ дочери, погостить, а я тутъ отъ скуки день и ночь смотрю на него... А вы читали Ваню моего въ «Морскомъ Сборникѣ»?

— И въ «Русскомъ Вѣстникѣ» читалъ! Кто теперь не читаетъ прекрасныхъ писемъ Гончарова?

Лицо старика сіяло отъ такой похвалы. Но письма Гончарова въ самомъ дѣлѣ заслуживали похвалу.

Въ пятидесятихъ годахъ въ Европѣ было общее влеченіе путеше- ствовать: бродили студенты по Германіи съ чемоданами на плечахъ; бродили путешественники съ желѣзными крючьями въ горахъ; бродили художники въ болотахъ и лѣсахъ, отыскивая кар- тину; бродили музыканты въ селахъ и деревняхъ, выслушивая родной напѣвъ. Критикъ говорить, что это была новая художе- ственная страсть писать виды, ландшафты, бытовые картины, очерки, впечатлѣнія, и у насъ въ это время появились «Письма» Боткина объ Испаніи, «Письма» Ковалевскаго изъ Италіи, но все это было ничто въ сравненіи съ письмами Гончарова, гдѣ такъ мастерски, живо, пластично изображены картины тропической при- роды, африканскіе и индѣйскіе порты, пестрая жизнь Востока, сло- вомъ все, что для насъ было тогда такъ ново, какъ волшебный міръ сказки. Письма эти были такъ живы и увлекательны, что ихъ читали всѣ нарасхватъ, а когда въ цѣломъ было напечатано путешествіе Гончарова, подъ заглавіемъ «Фрегатъ Паллада», такъ «Палладу» раскупили чуть не въ мѣсяцъ, и черезъ годъ потребо- валось второе изданіе.

Но Богъ знаетъ, что такое былъ Гончаровъ. Ему точно на роду было написано служить, служить до самозабвенія, по-адуевски, служить, совершенно забывая, что писателю, какъ и философу мыслителю, нужна свобода, а не канцелярскій рабскій трудъ. А Гончаровы оба брата были влюблены въ службу, какъ въ краса-

вицу. И доходило у нихъ до того, что младшій братъ въ послѣднюю минуту жизни едва выговорилъ шепотомъ: «не забудьте сказать, чтобъ меня въ мундирѣ положили въ гробъ: я съ мундиромъ въ отставку!». Такъ же мучилъ себя службой и Иванъ Александровичъ! Несмотря на такой громадный успѣхъ въ литературѣ, о которомъ я сейчасъ сказалъ, онъ не только напрашивается на государственную службу, а еще выдумывалъ для себя такую, которая бы мучила его. Въ столь блистательное для него время я, къ удивленію моему, встрѣчаю этого великаго писателя въ убогой должности столоначальника въ министерствѣ финансовъ. Ноетъ, жалуется человѣкъ, что ему «ужасно противны цифирки». Впрочемъ, не прошло года, отъ цифирокъ онъ ушелъ, но тутъ же взвалилъ на себя службу еще тяжелѣе — обязанность цензора. Здѣсь онъ окончательно изнемогъ и пишетъ сестрѣ: «Не знаю, что дѣлать? Работы страсть много: читаю день и ночь, и больше такую нелѣпость, что самъ не понимаю, что читаю!» И все-таки продолжаетъ, читаетъ, служитъ, и дослужился наконецъ до того, что окончательно заболѣлъ. Точно въ утѣшеніе пишетъ опять сестрѣ: «усидчивая работа и губительный петербургскій климатъ такъ меня доканали, душа Саша, что хочу, наконецъ, попроситься въ отпускъ», — и тутъ, замѣтите, только «въ отпускъ», а не въ отставку. Вотъ усердіе!

Этотъ четырехмѣсячный отпускъ Гончарова за границу, какъ для насъ, такъ и для всей Россіи, имѣлъ весьма важное значеніе. Гончаровъ, совершенно истомленный ненужной службой, только въ эти четыре мѣсяца на водахъ и нашелъ время кончить свой превосходный романъ «Обломовъ». Не будь этого счастливаго отпуска, это сокровище романъ, — который за недосугомъ 15 лѣтъ валялся въ портфель автора, — такъ, можетъ быть, и остался бы тамъ до смерти Гончарова, и намъ не пришлось бы насладиться имъ.

Потомъ я видѣлся съ Гончаровымъ въ тотъ годъ, какъ печаталъ въ «Современникѣ» мой романъ. Иванъ Александровичъ во многомъ измѣнился: въ казенной службѣ онъ былъ гладко обритъ и сильно озабоченъ своимъ столоначальничествомъ, и теперь носилъ густѣйшія бакенбарды прусскаго короля и складывалъ на груди руки, какъ Наполеонъ; въ духовномъ отношеніи сильно недоволенъ и утомленъ.

— А! новый симбирскій писатель! Пріятно видѣть, — онъ искренно пожалъ мнѣ руку. — Читалъ, читалъ ваше «Старое»; у васъ удивительная наблюдательность надъ ребенкомъ.

— Въ семьѣ живу, Иванъ Александровичъ, кругомъ дѣти, какъ ихъ не наблюдать?

— Семья, семья!.. — онъ вздохнулъ тяжело. — Впрочемъ слышали? и я завелся семьей? — онъ насмѣшливо улыбнулся.

— Ну, этого не вижу и не слышу. Помните, какъ въ Симбирскѣ возились и кувыркались, визжали и хохотали ваши племяши, а здѣсь у васъ что-то пусто и мертво?

— Ну, мои дѣти столичныя, приличныя, они не мѣшаютъ мнѣ. Видите, вонъ какіе вороха лежатъ, и всю эту дребедень нужно самому зорко прочитать!—едва выговорилъ онъ съ сокрушеніемъ.

— Что это такое?—спросилъ я съ удивленіемъ.

— Корректуры проклятыя! Не слышали развѣ: я теперь главный редакторъ «Сѣверной Почты»?—официальная газета—построже нужно!—прибавилъ онъ точно въ похвалу себѣ.

Я ничего не сказалъ, видѣлъ только сильно озабоченное редакторское лицо. А Иванъ Александровичъ съ нытьемъ началъ мнѣ жаловаться, какое ужасное время теперь, и какъ трудно настоящимъ редакторомъ быть.

— Вѣрите ли, ни одной трезвой идеи нельзя провести, такъ и залаютъ на тебя со всѣхъ сторонъ! Чортъ знаетъ, что такое теперь? Какой-то разбойничій хаосъ въ литературѣ.

Я въ это время былъ новичекъ въ Петербургѣ, вовсе еще не чувялъ никакого литературнаго хаоса, а потому и на это молчалъ. Видѣлъ только, что Иванъ Александровичъ сильно озабоченъ и еще съ перваго слова намекнулъ, что у него «работы много», а потому я поспѣшилъ проститься и ушелъ.

— Не забывайте, посѣщайте меня! почаще!—крикнулъ онъ въ догонку.

Но мнѣ не пришлось часто видѣться съ Гончаровымъ. Въ Петербургѣ такъ всѣ заняты дѣломъ, что люди самые близкіе видятся иногда только разъ въ годъ. Къ тому же еще уроки въ корпусѣ, писаніе «Исторіи литературы» для того же корпуса, горячее дѣло по роману, новое знакомство съ Петербургомъ и нужными людьми, да, сверхъ того, говоря откровенно, и наши лагеря «Современника», «Слова» и «Дѣла» такъ далеко отстояли тогда отъ Гончарова, что мнѣ не пришлось видѣться съ нимъ годъ или два. Слышалъ только мелькомъ, что его официальная «Сѣверная Почта» недалеко ускакала съ сѣвера на югъ: вѣрно, сотрудники ея, какъ и самъ редакторъ, сильно устали. «Почту» скоро закрыли.

Года черезъ два и я окончательно понялъ тотъ «литературный хаосъ», о которомъ Гончаровъ говорилъ; понялъ тоску патриота Гончарова, и мнѣ сердечно захотѣлось повидаться съ нимъ. Но это печальное свиданіе не дало ничего утѣшительнаго! Гончаровъ же началъ болѣть старостью, жаловался, что плохо видитъ его правый глазъ; въ разговорѣ былъ томительно вялъ. Только и было утѣшительнаго, что мы вспомнили наши счастливые сороковые года; вызвали Никитушку поболтать о счастливой жизни Ивана Александровича въ миломъ Симбирскѣ, о бѣснованіи его племяшей, посмѣялись надъ старыми разсужденіями Никитушки... О матери

онъ почти ничего не могъ сказать,—прибавилъ только со вздохомъ: «я давно къ ней не писалъ», — и затѣмъ мы возвратились опять къ злѣбѣ нашихъ дней.

— Нѣтъ, вѣрно все придется бросить!—крикнулъ онъ отчаянно и махнулъ рукой.

Я чуть не со слезами простился съ нимъ.

Безсильный, усталый и недовольный Гончаровъ дѣйствительно бросилъ все, и службу, и сношенія съ обществомъ, и принялся дописывать свой послѣдній романъ «Обрывъ», который за недосугомъ и службой писался клочками 20 лѣтъ! Критикъ говоритъ, что этотъ романъ былъ любимое дѣтище Гончарова. Но съ дѣтищемъ его въ литературѣ случилось то же, что бываетъ съ любимцами дѣтьми въ жизни: любимцы дѣти не всегда бываютъ хороши. Романъ Гончарова публика встрѣтила холодно, а въ нѣкоторыхъ кружкахъ даже враждебно.

Остается досказать еще мое послѣднее свиданіе и полу-свиданіе съ Гончаровымъ. Разъ я шелъ по Моховой въ глазную лѣчебницу, къ главному врачу Магавли; навстрѣчу попадается Викторъ, племянникъ Гончарова, мой ученикъ; онъ бросился мнѣ на шею среди улицы, и посыпались вопросы: какъ тамъ наши въ Симбирскѣ? вы зачѣмъ здѣсь, въ Петербургѣ? Я пояснилъ, и онъ пояснилъ, что Магавли принимаетъ въ извѣстные дни,—сегодня нѣтъ приема..

— Пойдемте лучше ко мнѣ: я здѣсь живу недалеко, въ квартирѣ дяди.

— Очень пріятно слышать! Значить: племянника и дядю увижу?

— Къ сожалѣнію, дяди не увидите, онъ лѣтомъ бродить за границей?

— Очень жаль! Такъ пойдемъ, я квартиру понюхаю, не пахнетъ ли новымъ, хорошимъ романомъ.

— Какой чортъ романъ!—племянникъ отчаянно махнулъ рукой.— Вы представить себѣ не можете, какая развалина дядя, постарѣлъ, одряхлѣлъ и глазъ ужъ прищурилъ. Правда, по старой привычкѣ онъ пишетъ кое-что, въ родѣ тургеневскихъ «Сениліѣ»,—да что!.. Критика такъ его жаритъ, не приведи Господи!

Квартира Гончарова отчасти была знакома мнѣ прежде, но въ ней прибавилось много новаго. Новый письменный столъ на толстыхъ медвѣжьихъ ногахъ и свѣжая медвѣжья шкура подъ столомъ; вольтеровское кресло, обитое зеленымъ бархатомъ; на столѣ богатая чернильница съ крышкой, ручки перьевъ слоновья, золотыя, эмалевыя и бисерныя—подарки барынь, и прелестный, акварельный портретъ Варвары Лукинишны, прежней, красивой, молодой, въ бархатной рамкѣ. На правой стѣнѣ большой портретъ красивой женщины, писанный масляными красками, въ богатой золотой

рамѣ—племянникъ пояснилъ, что портретъ этотъ подаренъ старикомъ Майковымъ за дѣтей, которыхъ училъ Гончаровъ; на лѣвой стѣнѣ прекрасныя гравюры: типографія Гуттенберга, наша старая славянская печатня и друкарня, а на задней—много этажерокъ, загроможденныхъ японскими вазами, китайскимъ фарфоромъ, уродливыми китайскими куклами, шкатулками и ящичками слоновой кости, изящной филигранной работы—все это изъ путешествія по Востоку. Вторая комната гостиная; тамъ роскошная мебель, обитая малиновымъ бархатомъ, превосходнаго рисунка гардины, на столѣ плюшевая скатерть, богатая лампа и два роскошныхъ альбома: одинъ съ фотографическими карточками знакомыхъ, другой—умолчу съ чѣмъ. Надъ диваномъ висѣлъ портретъ современнаго Гончарова, но это былъ жалкій портретъ! Совершенно ветхій старикъ съ бѣлой бородой, страшно блѣдный, худой, съ темными кругами вокругъ глазъ,—онъ посаженъ въ профиль и правой рукой закрываетъ свой больной глазъ.—«Не много же осталось отъ прежняго Гончарова»,—подумалъ я съ горечью и пошелъ смотрѣть рѣдкости Востока.

— Любуется?—спросилъ Викторъ.

— И стоитъ, голубчикъ! Я кое-что прежде видалъ, но такихъ сокровищъ нигдѣ не встрѣчалъ! У самого Ковалевскаго нѣтъ того, что у дяди твоего.

Но въ то же мгновеніе, въ группѣ самыхъ дорогихъ вазъ, я увидалъ такую старую, измятую жестяную коробку, что чуть не крикнулъ отъ удивленія: это что такое? какъ сюда попала?

— Это, батюшка, Гаврила Никитичъ, самая драгоценная вещь въ кабинетѣ моего дяди: онъ готовъ отдать за нее всѣ эти черепки, которые видите тутъ!

— Не понимаю!

— Это та самая коробка, изъ которой онъ у матери сахаръ воровалъ.

— Что-жъ онъ теперь объ ней думаетъ?

— Вспоминаетъ, какъ намъ, «ребятамъ», весело было тогда жить.

— А что, попрежнему насыпана сахаромъ?

— Нѣтъ, по-новому: дядя хочетъ насыпать червонцевъ и подарить...

— Кому?

— Не знаемъ, кому, не сказываетъ—секретъ...

— Я думаю—вамъ?

Викторъ захохоталъ.

— А Володя здѣсь?

— Братъ на-дняхъ ѣдетъ въ Нижній: новаго слѣдователя изображать.

— А ты на службѣ?

— Въ сенатѣ, «спервоначальникъ, кажинный день шмыгаю туда по тертуварамъ», какъ говорила нянька моя. Да, кажется, и я скоро отсюда провалюсь.

— Нѣтъ, голубчикъ! Ты останься съ дядей; ты нуженъ ему...

Долго я смотрѣлъ на его портретъ: тамъ не одна критика его жарить, а онъ тоскуетъ о чемъ-то, и тоскуетъ душевно, тяжело: это видно по лицу.

— А что бабушка?

— Авдотья Матвѣевна давно въ могилѣ лежитъ: годъ только жила послѣ своего Николая Николаевича, оба преставились на Пасху; говорятъ, «счастливыцы», кто умираетъ на Пасху, въ рай пойдутъ! А что больше всего удивило насъ: вообразите, Трегубовъ передъ смертью говѣлъ! Всю страстную недѣлю лакеи таскали его, безногаго, къ Вознесенью, къ заутренѣ, къ обѣднѣ, вечернѣ, и главное непремѣнно къ заутренѣ!

— Ну, это не совѣмъ удивительно: и Вольтеръ передъ смертью просилъ духовника! У каждаго, другъ, свой вкусъ. Прощай!

Въ 1891 году судьба опять забросила меня въ Петербургъ. Было лѣто: помню 27-е юля. Лѣтомъ Петербургъ томительно скученъ, и мнѣ особенно хотѣлось видѣть Гончарова. Въ адресномъ столѣ узналъ, гдѣ онъ живетъ; племянники его исчезли изъ Петербурга. Звонилъ, звонилъ у дверей—терпѣніе потерялъ. Наконецъ, открылась щелочка, выглянула какая-то нѣмка и, точно на исповѣди, шепотомъ спросила, что мнѣ нужно.

— Дома Иванъ Александровичъ?

— Да, да!..

— Такъ позвольте войти, я объясню.

Она пошире отворила щелочку, ввела меня въ темную лакейскую, и опять тотъ же вопросъ:

— Что нужно?

— Мнѣ хотѣлось бы видѣть Ивана Александровича?

— Онъ боленъ.

— Очень жаль! А мнѣ необходимо повидаться съ нимъ. Доложите: Потанинъ изъ Симбирска.

При словѣ «Симбирскъ» нѣмка что-то встревожилась, и опять тотъ же отвѣтъ.

— Никакъ нельзя! Онъ очень боленъ, докторъ запретилъ его беспокоить!

— Да я не буду долго его беспокоить: передамъ только поклонны отъ родныхъ и спрошу о племянникахъ, гдѣ они. Помилуйте: братъ и сестры осердятся на меня, если я скажу имъ, что былъ въ Петербургѣ и не видалъ брата.

При словахъ: «братъ, сестры, родня», у нѣмки изобразился даже страхъ на лицѣ... А я уже мелькомъ слышалъ, что Гончаровъ, минувъ родныхъ, весь свой капиталъ, 40.000 рублей, передалъ въ чу-

жя руки... Тутъ же мелькнуло въ головѣ: не эта ли коробочка, въ которую онъ положилъ свои деньги?.. О, эта каналья по-нѣмецки ихъ сбережетъ! Это по рожѣ видно! Я взглянулъ на нее вопросительно.

— Ахъ, мейнъ Готтъ! Я жъ вамъ кавару: Иванъ Александровичъ ужасни полентъ: каспатинъ докторъ сапретилъ съ нимъ каварить!

— Да я, наконецъ, не буду съ нимъ говорить, позвольте только на него взглянуть!..

Я подаль визитную карточку и сказалъ рѣшительно: «какъ хотите—доложите, а я, не выдавши его, не уйду!»

Нѣмка отчаянно махнула рукой и пошла наконецъ доложить. Долго я стоялъ въ прихожей, а отвѣтъ получилъ все-таки шельмовскій:

— Больной спить.

— Такъ я черезъ часъ зайду... и нѣмка сердито захлопнула за мной дверь.

Черезъ часъ меня приняли. «Пожалуйте!»—пригласила нѣмка печально и провела въ комнату, которая была гостиной. Но, Боже мой! какая убогая была теперь эта гостиная! Старая мебель въ бѣлыхъ чехлахъ, старая скатерть на столѣ и коротенькія нѣмецкія занавѣски на окнахъ, и больше ничего. Я заглянулъ въ кабинетъ, и тамъ та же пустота: одинъ письменный столъ безъ чернильницы, безъ перьевъ и безъ портрета Варвары Лукинишны; нѣтъ даже этажерокъ съ сокровищами Востока—все куда-то исчезло! Одинъ портретъ дряхлаго Гончарова съ бѣлой бородой; онъ такъ же смотрѣлъ на меня тоскливо и попрежнему закрывалъ двумя пальцами свой правый, вытекшій глазъ. Господи! какъ здѣсь стало пусто, точно послѣ покойника! Мнѣ даже стало страшно въ мертвой тишинѣ... Въ это мгновеніе послышался шорохъ туфель; я обернулся и увидалъ мощи Гончарова.

Нѣмка-барыня и нѣмка-служанка вели его подъ руки; отъ изнеможенія онъ упалъ въ кресло. Передо мной былъ страшный Гончаровъ! Бѣлый, бумазейный халатъ, подпоясанный бѣлой тесемкой; лицо—мертвецъ, волосы вылѣзли, зрячій глазъ выцвѣлъ, щеки ввалились, ротъ отъ изнеможенія открытъ; особенно страшна была багровая яма, изъ которой вытекъ больной глазъ; изъ ямы этой, точно изъ черепа, смотрѣла на меня черная тьма.

— Что вамъ отъ меня нужно?—едва шопотомъ выговорилъ больной и послѣ моего вопроса о племянникахъ отчаянно махнулъ рукой.—Пятнадцать лѣтъ, какъ я не знаю, гдѣ мои племянники! Ко мнѣ не придетъ никто!

Глубокая тоска и скорбь послышались въ его голосѣ. Я заговорилъ какое-то утѣшеніе, но въ то же время чувствовалъ, что этого покойника теперь не утѣшить ужъ ничѣмъ. Мнѣ было страшно и больно на него смотрѣть.

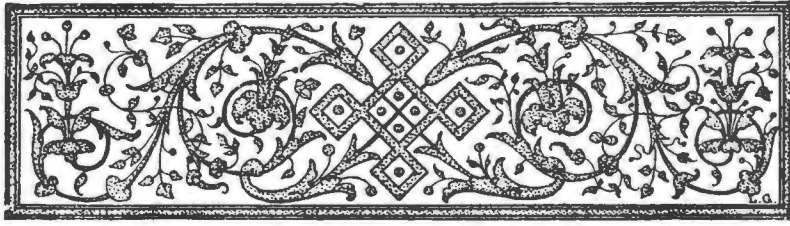
— Простите меня, дорогой Иванъ Александровичъ, что я такъ настойчиво требовалъ настоящаго свиданія. Позвольте проститься съ вами,—и я поцѣловалъ его руку.

Онъ пошевелился въ креслахъ, точно хотѣлъ встать и проводить меня, но отъ утомленія закрылъ здоровый глазъ и задремалъ. «Точно мертвый»,—скользнуло въ головѣ. Я неслышно вышелъ изъ гостиной и едва нашелъ дверь на улицу изъ этого мертваго дома.

Неужели Гончаровъ оставленъ всѣми и забытъ? Кто же послѣ того не забыть? А въ эту безумную минуту мнѣ даже въявь мерещились сиротскія похороны поэта Минаева, и такъ ясно слышалась погребальная пѣснь: «кая житейская слава на землѣ непреложна!»

Гавріиль Никит. Потанинъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЕВРЕЯ ¹⁾.

V.

Смѣна царствованій. — Новыя скитанія. — Ковно. — Дальніе родственники. — У «хасидсвъ». — «Цадики». — Гиршъ Несвижскій. — Частныя ассигнаціи. — Ловленіе въ женихи. — Наказаніе плетьюми. — Писаніе стиховъ. — Городъ Мерездъ. — «Эпикурейцы». — Красавица. — Возвращеніе въ Вильно.

ВКОНЧАЛСЯ императоръ Николай I, котораго евреи крѣпко недолубивали; воцарился императоръ Александръ II, на котораго евреи возлагали большія надежды; кончилась Крымская война, евреи нѣсколько отдохнули отъ непрерывной воинской повинности и зажили своей обычной суетою. Мнѣ стукнуло 16 лѣтъ.

Женить меня было еще рано, а дома между тѣмъ прибавилось еще нѣсколько новыхъ членовъ семьи; я былъ лишнимъ ротомъ. И вотъ отецъ рѣшилъ, чтобы я снова отправился куда нибудь на чужіе хлѣба.

Выборъ палъ на Ковно, гдѣ у насъ были дальніе родственники. Отецъ снабдилъ меня «слезными» письмами къ нимъ, и я отправился. Желѣзной дороги тогда еще не было, и какъ я пріѣхалъ въ Ковно — не могу припомнить.

Городъ мнѣ очень понравился своими прямыми улицами и чистотою, которою въ особенности щеголяла такъ называемая часть «Новыя мѣста». Здѣсь всѣ дома были каменные новѣйшей архитектуры, здѣсь жилъ губернаторъ и другія губернскія власти, и здѣсь

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСІ, стр. 977.

же сосредоточились еврейскіе богачи новѣйшей формаціи, о которыхъ я имѣлъ самое смутное понятіе.

Прежде всего надо было позаботиться о насущномъ хлѣбѣ. Отдавъ «родственникамъ» письма отца, я получилъ отъ нихъ согласіе на кормленіе меня по одному дню въ недѣлю. Одинъ изъ моихъ благодѣтелей былъ «хасидомъ», и, благодаря его протекціи, я получилъ пристанище въ хасидскомъ молитвенномъ домѣ.

Но о сектѣ «хасидовъ» слѣдуетъ рассказать.

Слово «хасидъ» обозначаетъ на древне-еврейскомъ языкѣ—благочестивый, скромный, аскетъ; но почему это названіе приняла отпавшая отъ кореннаго еврейства, въ XVII вѣкѣ, маленькая секта евреевъ, не объяснено до сихъ поръ. Секта «хасидовъ», собственно говоря, ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ остальныхъ евреевъ въ основныхъ началахъ религіи. Какъ тѣ, такъ и другіе строго придерживаются предписаній Моисея, Талмуда и позднѣйшихъ еврейскихъ авторитетовъ. Вся разница только въ томъ, что «хасиды» болѣе невѣжественны, болѣе фанатичны, болѣе склонны къ мистицизму и непременно вѣрятъ въ святость какого нибудь «цадика» (праведника), какого нибудь потомка прославившагося въ началѣ XVII вѣка среди евреевъ якобы чудотворца Израиля, «бааль-шемъ-товъ» (обладателя чудотворной силой).

Эти «цадики», о которыхъ рѣчь ниже, ужасно эксплуатировали и до сихъ поръ эксплуатируютъ темную массу хасидовъ, поддерживая рознь между ними и остальными евреями.

А такъ какъ первоначальный основатель хасидизма сдѣлалъ нѣкоторыя, весьма незначительныя, впрочемъ, измѣненія въ молитвенномъ ритуалѣ и въ самомъ текстѣ молитвъ, то хасиды перестали молиться совмѣстно съ другими евреями и строили свои спеціальныя молитвенныя дома.

Такъ вотъ въ одинъ изъ этихъ домовъ попалъ я впервые, и здѣсь-то я долженъ былъ найти пристанище и пропитаніе.

Но, живя въ этомъ гнѣздѣ хасидизма, я не нашелъ въ немъ тѣхъ ужасовъ, которые рассказывали о хасидахъ ихъ противники («миснагимъ»). Здѣсь я убѣдился, что хасиды, какъ и коренные евреи, ни на волосъ не отступали отъ основныхъ предписаній еврейской религіи, молились, постились, плодились, множились, посвящая все мысли Богу и служенію ему. Существенная разница заключалась только въ двухъ пунктахъ.

Въ то время, какъ нехасиды жили вѣчно въ страхѣ Божіемъ, вѣчно удрученные, вѣря, что грозный Богъ Израиля врагъ всякаго веселья и подъема духа, почему и отказывались отъ всякой радости бытія,—хасиды, напротивъ, все совершали радостно, съ пѣніемъ, прыгая и танцуя въ экстазѣ, вѣря со словъ своихъ «цади-ковъ», что Богъ Израиля и въ весельи, въ танцахъ и даже въ попойкахъ, которыя они себѣ позволяли при всякомъ удобномъ

случаѣ. Отсюда непримиримая рознь между нехасидами и хасидами. Первые, какъ аскеты, не могли не смотрѣть съ презрѣніемъ и даже ненавистью на послѣднихъ, считая ихъ чуть ли не одержимыми бѣсомъ, а хасиды, въ свою очередь, презирали и жалѣли своихъ «противниковъ» за то, что они сами обрекаютъ себя на ненужное Богу страданіе и горе, на уныніе и скуку.

Второй главный пунктъ розни состоитъ въ томъ, что хасиды искренно вѣрили въ святость и чудодѣйствіе своихъ цадииковъ, потомковъ вышеупомянутаго Израиля, бааль-шемъ-товъ и другихъ самозванныхъ чудотворцевъ, а нехасиды не допускали, послѣ пророковъ и составителей талмуда, никакихъ проявленій смертными, хотя бы учеными и праведниками, чудесъ, а цадииковъ презирали за невѣжество въ толкованіи талмуда и за веселый, подчасъ роскошный образъ жизни.

Такъ, про нѣкоторыхъ цадииковъ рассказывали, что они жили въ дворцахъ, имѣли свои оркестры музыки и лейбъ-гвардію изъ евреевъ, своихъ «казаковъ» изъ евреевъ же, вооруженныхъ пиками и сопровождавшихъ цадииковъ верхомъ во всѣ ихъ поѣздки. Вся эта роскошь, всѣ эти пиры, разумѣется, оплачивались добровольными приношеніями поклонниковъ цадика, которые пріѣзжали къ нему со всѣхъ концовъ Польши и Волыни, повѣряли ему свое жизненное горе, спрашивали совѣта и утѣшенія и уѣзжали отъ него успокоенные и бодрые для жизненной борьбы, въ полной вѣрѣ, что цадикъ помолится за нихъ и выпроситъ у Бога всякихъ для нихъ земныхъ и небесныхъ благъ.

Аудіенціи у цадииковъ не всякому доступны. Цадиики имѣютъ своихъ габаевъ (аргусовъ), которые за каждую аудіенцію вымогаютъ отдѣльную плату, и, смотря по размѣру послѣдней, бываетъ продолжительность аудіенціи. Бѣдные же люди, которые не въ состояніи дать что нибудь, вовсе не удостоиваются лицезрѣнія цадика.

Впрочемъ, надо сказать, что и среди цадииковъ были исключенія, хотя весьма рѣдкія. Такъ, секта хасидовъ, въ молитвенномъ домѣ которыхъ я пріютился, считала своимъ цадиикомъ знаменитаго въ то время либавскаго раввина, пользовавшагося благочестивой репутаціею и среди нехасидовъ. По словамъ служки модельни, неоднократно посѣщавшаго либавскаго цадика, послѣдній отличался скромной жизнью, святостью и простотою обращенія. И хотя и къ нему не было свободного доступа, безъ приношеній, которыя взимали габаи передъ аудіенціею, но они были весьма скромныя и безъ особыхъ вымогательствъ.

Но и этотъ цадикъ, котораго хасиды, въ отличіе отъ другихъ, называли просто рабби (учитель), поддерживалъ вѣру въ себя, какъ въ чудотворца, и всѣмъ многочисленнымъ его поклонникамъ, являвшимся къ нему изъ Польши и Западнаго края, онъ обѣщалъ

исполненіе желаній: выздоровленіе отъ недуговъ, плодородіе бездѣтнымъ, полученіе выгоднаго подряда, хорошую партію, просвѣтленіе ума и т. д.

Объщанія, разумѣется, рѣдко исполнялись, но адепты цадика непоколебимо вѣрили въ его святость и всемогущество,—и стоило только, чтобы одно изъ пожеланій цадика случайно осуществилось, какъ вѣсть объ этомъ «чудѣ» распространялась среди всѣхъ его поклонниковъ, увеличивая его славу.

Хотя вѣра въ цадииковъ многихъ утѣшаетъ и укрѣпляетъ въ борьбѣ за существованіе, но въ общемъ она составляетъ истинную язву среди хасидовъ, поддерживая суевѣріе и сѣя рознь между евреями. Въ особенности вредны тѣ цадики, сильно размножившіеся въ Галиціи и въ нашемъ Юго-Западномъ краѣ, которые ради своихъ прихотей и разгульной жизни, ради обогащенія своихъ родныхъ и присныхъ, дерутъ съ живыхъ и мертвыхъ, распространяютъ мракъ и преслѣдуютъ всякій проблескъ просвѣщенія среди евреевъ.

Затхлая атмосфера маленькой хасидской молельни, въ которой я не имѣлъ никакой возможности читать «запрещенныя» книжки, мнѣ скоро опротивѣла, и я задумалъ переселиться въ болѣе оживленный центръ еврейской жизни. Такимъ центромъ считался въ Ковнѣ молитвенный домъ богача Гирша Несвижскаго, прихожане котораго были болѣе или менѣе состоятельные и просвѣщенные, въ европейскомъ смыслѣ, евреи. Благодаря протекціи одного изъ моихъ дальнихъ родственниковъ, мнѣ удалось переселиться въ этотъ молитвенный домъ. Здѣсь я вскорѣ пріобрѣлъ товарищей, которые тайно снабжали меня разными «книжечками», которымъ я посвящалъ все свободное отъ занятія талмудомъ время. Въ особенности увлекался я тогда еврейской поэзіей, которой заражался и я. Я сталъ писать стихи на разныя темы, подражалъ многимъ признаннымъ еврейскимъ поэтамъ, и вскорѣ серьезно мнилъ и себя таковымъ. Товарищи одобряли мои рифмованныя строчки и ужасно льстили мнѣ. Этихъ стихотвореній накопилось у меня вполслѣдствіи нѣсколько тетрадей, и я уже сталъ мечтать объ изданіи ихъ отдѣльной книжкой. Но черезъ нѣсколько лѣтъ, уразумѣвъ истинныхъ еврейскихъ поэтовъ, познакомившись съ художественными перлами нѣмецкой и русской поэзіи, я созналъ всю слабость моей музыки и, безъ сожалѣнія, сжегъ всѣ ея плоды. Только коротенькое мое стихотвореніе было напечатано, въ 1861 году, въ еврейскомъ журналѣ-газетѣ «Гакормель», которое, какъ мнѣ говорили, удостоилось даже перевода на нѣмецкій языкъ.

Замѣчу кстати, что многіе еврейскіе поэты довели свое искусство писать стихи на древне-еврейскомъ языкѣ до необыкновенной степени совершенства. Несмотря на то, что библейскій языкъ давно мертвый, чуждъ всякимъ новѣйшимъ понятіямъ и къ тому же

имѣть въ своемъ распоряженіи весьма ограниченное число словъ, еврейскіе поэты ухитряются писать на немъ философскіе, лирическіе, эротическіе, повѣствовательные и сатирическіе стихи, которые у многихъ отличаются необыкновенной силой, красотой и мѣткостью. Нѣкоторые поэты до того владѣютъ этимъ языкомъ, что позволяютъ себѣ—и не въ ущербъ красотѣ—разные фокусы на немъ. Такъ, не говоря объ обязательности для всѣхъ стиховъ одиннадцати слоговъ въ строчкѣ и отсутствія словъ, начинающихся двумя согласными буквами, многіе стихи бывають въ то же время акростихани и, кромѣ того, сумма буквъ (извѣстно, что въ еврейскомъ алфавитѣ каждая буква имѣетъ свое численное значеніе) каждой строчки соотвѣтствуетъ суммѣ года по еврейскому лѣточисленію, въ которомъ стихотвореніе написано.

Изъ всѣхъ прихожанъ молитвеннаго дома Несвижскаго самымъ оригинальнымъ былъ самъ хозяинъ его. Высокій, здоровый, свѣжій старикъ лѣтъ 60, очень богатый, имѣвшій въ Ковнѣ нѣсколько каменныхъ, домовъ и солидную торговлю хлѣбомъ, Гиршъ Несвижскій часто ночевалъ въ своей моельнѣ, спалъ одѣтый на голой скамейкѣ съ той лишь цѣлю, чтобы въ теченіе ночи проводить нѣсколько часовъ за механическимъ чтеніемъ нѣкоторыхъ религіозныхъ книгъ, Я говорю—механическимъ, потому что Несвижскій былъ «амъ г'оорецъ», то-есть человѣкъ земли, не образованный, ничего не смыслящій въ библии и талмудѣ, но съ грѣхомъ пополамъ понимавшій «Мидрашъ», религіозные сборники, въ которыхъ помѣщены многія легенды изъ еврейской исторіи, разныя басни и анекдоты и фантастическія сказки о будущей жизни. Несвижскій благоговѣнно перелистывалъ эти сборники, хотя мало въ нихъ понималъ, считая, какъ и всѣ религіозные евреи, что самый процессъ чтенія религіозныхъ книгъ угоденъ Богу и спасителенъ для души.

Несвижскій былъ далеко не аскетомъ. Его румяное лицо и цвѣтущій организмъ свидѣтельствовали, что дома онъ позволялъ себѣ много лишняго, но въ своемъ молитвенномъ домѣ онъ подвергалъ себя всѣхъ лишеніямъ, которыя испытывали мы, лишенные собственнаго крова бахуры. Единственную роскошь, которую позволялъ себѣ этотъ богатый старикъ въ своей собственной моельнѣ, это то, что онъ оспаривалъ у меня скамейку у печки, которая считалась моею привилегіею, и которую я долженъ былъ уступать ему въ ночныя его посѣщенія.

Несвижскій пользовался неограниченнымъ кредитомъ среди ковенскихъ евреевъ, и его собственныя кредитки принимались евреями, какъ государственныя деньги. Кредитки эти писались на обыкновенныхъ клочкахъ бумаги и снабжены были только подписью Несвижскаго и его именной печатью, имѣя цѣнность отъ 5 коп. до 5 рублей. Касса Несвижскаго аккуратно выплачивала по нимъ на-

личные деньги безъ всякой задержки. Впрочемъ, подобныя ассигнаціи выпускали и другіе еврейскіе богачи и не только въ Ковнѣ, но и во всѣхъ городахъ Сѣверо-Западнаго края, населенныхъ евреями, такъ что одно время настоящіе кредитные билеты совсѣмъ почти исчезли изъ обращенія. Но, какъ и слѣдовало ожидать, появилось множество фальшивыхъ частныхъ ассигнацій, многіе доморощенные банкиры, выпустивъ массу ассигнацій, прекратили платежи; еврейская голытба взволновалась; дѣло дошло до высшей власти, и импровизованныя кредитки, ко благу бѣднаго Израиля, были запрещены навсегда.

Между моими благодѣтелями, кормившими меня по дню въ недѣлю, былъ одинъ содержатель шинка, попросту — кабака. Я инстинктивно чувствовалъ отвращеніе къ кабаку. Среди моихъ многочисленныхъ родственниковъ въ Вильнѣ не было ни одного кабатчика, и я считалъ этотъ способъ существованія позорнымъ. Не нравилось мнѣ поэтому и семейство моего благодѣтеля, да и вся обстановка была очень удручающая: вѣчная сутолока, да и пища мнѣ отпускалась и скудная, и невкусная. Я давно хотѣлъ отказаться отъ этого «дня», но голодъ не тетка, и даровому коню въ зубы не смотрять.

И вдругъ, къ моему удивленію, я сталъ замѣчать, что за мною начинаютъ ухаживать. Хозяйка заведенія присаживалась къ столу, на которомъ мнѣ, обыкновенно, подавали кушанье, да и самое кушанье значительно улучшилось. Хозяйка разспрашивала о моихъ родителяхъ, объ общественномъ ихъ положеніи, о родственникахъ. Я никакъ не могъ догадаться, откуда эта перемѣна. Но ларчикъ просто открылся. Оказалось, что меня ловятъ въ женихи въ хозяйской дочкѣ, дѣвушкѣ лѣтъ 15—16, толкавшейся постоянно у стойки съ напитками и закуской, на которую я раньше никакого вниманія не обращалъ, хотя успѣлъ замѣтить, что она очень непривлекательной наружности и грязно одѣвается. Узнавъ о моей аристократической роднѣ, мои благодѣтели не прочь были выдать за меня свою неказистую дочку. Хотя мнѣ тогда не было и полныхъ 16 лѣтъ, тѣмъ не менѣе я вошелъ въ матримоніальные переговоры, но повелъ ихъ такъ дипломатично, что кабатчики сейчасъ отстали. И, во-первыхъ, требовалъ приданаго 400 рублей (выше я самъ себя не цѣнилъ); во-вторыхъ, подарковъ на сто рублей и, въ-третьихъ, четыре года приличнаго содержанія, на всемъ готовомъ, въ домѣ будущаго тестя.

— Какъ ты о себѣ много думаешь! — злобно замѣтила кабатчица и прекратила переговоры.

Послѣ этого, понятно, мнѣ пришлось отказаться отъ продовольствія кабатчиковъ.

Впрочемъ, вскорѣ я совсѣмъ покинулъ Ковно и переѣхалъ въ маленькій заштатный городъ Мерець на Нѣманѣ. Рѣшительно не

припомню причинъ, побудившихъ меня переимѣнить жизнь въ оживленномъ городѣ Ковнѣ и выбрать такую глушь, какъ Мерець. Но прежде чѣмъ скажу о жизни въ этомъ послѣднемъ городѣ, хочу описать обрядъ публичнаго наказанія плетями одного преступника, при которомъ присутствовалъ и я, и которое оставило во мнѣ неизгладимое впечатлѣнiе на всю жизнь...

Проходя ежедневно черезъ конную площадь, я замѣтилъ, что на ней строятъ эшафотъ—это значило, что готовилось публичное наказанiе преступника. Эшафотъ строился нѣсколько дней, наконецъ, онъ былъ готовъ, и я узналъ, что церемонiя назначена на слѣдующiй день въ 8 часовъ утра. Когда я явился на площадь въ 7 часовъ, вся она была уже запружена густыми массами народа и множествомъ роскошныхъ колясокъ, въ которыхъ сидѣли элегантныя панны. Вся высшая аристократiя Ковна состоитъ изъ поляковъ. Ровно въ 8 часовъ показалась процессiя. Впереди жандармы на статныхъ коняхъ, за ними конвойный офицеръ, барабанщикъ, бившiй всю дорогу мелкую дробь, конвой челоуѣкъ въ 20—25 окружалъ позорную колесницу, на которой, затылкомъ къ лошадамъ, сидѣлъ привязанный къ колесницѣ молодой преступникъ, лѣтъ 23, здоровый, высокiй и очень красивый. На груди у него висѣла черная доска съ надписью о совершенномъ имъ преступленiи. Но я этой надписи не могъ прочесть, и такъ и не узналъ, за что предстояло наказанiе. Непосредственно за позорной колесницей шли два субъекта въ арестантскихъ халатахъ. Это былъ палачъ и добровольный его помощникъ изъ арестантовъ. У эшафота кортежъ остановился; офицеръ что-то скомандовалъ; преступника отвязали и повели на эшафотъ. Вслѣдъ за нимъ на эшафотъ поднялся стряпчiй,—тогда еще прокуроровъ въ Ковнѣ не было,—распечаталъ длинный и узкiй ящичекъ, въ которомъ хранилась трехвостая плеть, развернулъ ее и внимательно осмотрѣлъ. Когда стряпчiй сошелъ съ эшафота, офицеръ скомандовалъ: на краулъ! а стряпчiй громко прочелъ приговоръ суда, изъ котораго я понялъ только то, что преступникъ присужденъ къ 60 ударамъ плетями. По прочтенiи приговора, палачъ привязалъ преступника къ позорному столбу и оставилъ его въ этомъ положенiи нѣсколько минутъ (по закону—10 минутъ), а самъ приспособилъ скамейку, на которую кладутъ наказуемаго. Затѣмъ палачъ развязалъ преступника, снялъ съ него халатъ и, подведя къ доскѣ, сталъ его раздѣвать. Положивъ его на откосную скамейку, палачъ, съ помощью арестант-любителя, крѣпко привязалъ преступника, по рукамъ и ногамъ, ремнями къ приспособленнымъ для того мѣстамъ, обнажилъ его съ пояса до ногъ и развернулъ плеть, ожидая команду.

Когда стряпчiй крикнулъ: начинай! палачъ высоко надъ собой взмахнулъ плетью и отпустилъ первый ударъ. Послышался душу раздирающiй крикъ... Палачъ, считая удары, продолжалъ свое дѣло;

крики наказуемаго оглашали всю площадь... Но вдругъ на 20-мъ ударѣ палачъ остановился и подзвалъ помощника. Дѣло заключалось въ томъ, что преступникъ, какъ я говорилъ, былъ очень высокаго роста. Привязанный къ скамейкѣ по рукамъ и ногамъ, онъ имѣлъ возможность двигаться всѣмъ тѣломъ, такъ что послѣ каждаго удара наказуемый отъ страшной боли до того колыхался въ обѣ стороны, что чуть ли не перевернулся животомъ вверхъ. Не развязывая ему рукъ, палачъ съ помощникомъ вытянули у него ноги, перехватили станъ также ремнями, крѣпче прикрѣпили нижнія конечности, и снова началась страшная экзекуція, при заглушающихъ барабанную дробь крикахъ преступника.

Я больше не могъ смотрѣть на это зрѣлище и отвернулся въ сторону. Я хотѣлъ совсѣмъ удалиться, но, окруженный со всѣхъ сторонъ сплошною массою народа, долженъ былъ оставаться до конца, и тутъ только я замѣтилъ, какъ изящныя и элегантныя панни стояли въ своихъ коляскахъ, чтобы лучше видѣть истязаніе человѣка... Мнѣ и тогда казалось возмутительнымъ и непонятнымъ, какъ эти нѣжныя панни, которыя, вѣроятно, въ обморокъ падали отъ случайнаго ущемленія лапки любимой собачки, которыя, конечно, никогда не позволили ни одному постороннему мужчинѣ снять въ ихъ присутствіи сюртукъ, здѣсь публично смотрѣли съ видимымъ удовольствіемъ на обнаженнаго преступника, спину котораго палачъ превращалъ въ кровавый бифштексъ?..

Когда палачъ кончилъ свое заплечное дѣло, онъ развязалъ преступника, снялъ со скамейки, кое-какъ привелъ его туалетъ въ порядокъ, отвелъ его тутъ же на эшафотъ нѣсколько въ сторону, поставилъ на колѣни и приступилъ къ обряду клейменія. Онъ заключался въ томъ, что по лицу преступника палачъ ударилъ какой-то острой печатью съ вырѣзными буквами, которыя впивались въ кожу, при чемъ отъ удара показалась кровь; кровавые слѣды буквъ замазывались какимъ-то составомъ, котораго, будто, никогда нельзя было смыть, почему клейменіе оставалось на всю жизнь... Послѣ этого преступника свели съ эшафота, уложили спиной вверхъ въ тутъ же стоявшую телѣгу и увезли въ тюремную больницу. Тѣмъ «торжество» правосудія и кончилось.

Хорошо, что церемоніаль публичнаго приведенія судебного приговора надъ уголовными преступниками да и самое тѣлесное наказаніе плетью нынѣ отмѣнены. Но думали же тогда наши законовѣды и юристы, что подобный церемоніаль нуженъ для чего-то, что публичное наказаніе когонибудь устрашаетъ и удерживаетъ отъ преступленій. Судя по себѣ, я увѣренъ, что вся эта церемонія служила только даровымъ «зрѣлищемъ» для праздной толпы, возбуждающимъ только кровавые инстинкты. Я былъ увѣренъ, что если бы вдругъ, передъ самымъ наказаніемъ, послѣдовало распоряженіе надлежащаго начальства объ отмѣнѣ его, то толпа оста-

лась бы недовольной, разочарованной. Даже эlegantныя панни, смотрѣвшія на наказаніе съ высоты своихъ колясокъ, не согласились бы на отмѣну «спектакля», если бы ихъ просили объ этомъ, и если бы это отъ нихъ зависѣло... Иначе, онѣ не поднялись бы такъ рано съ своихъ постелей, не спѣшили бы занимать лучшія мѣста у эшафота, не старались бы лучше все видѣть, какъ обнажаютъ мужика и полосуютъ его голую спину...

Да, были времена!

Жизнь моя въ гор. Мерецѣ ничѣмъ не отличалась отъ жизни въ Ковнѣ и другихъ городахъ: постоянное пребываніе въ стѣнахъ молитвеннаго дома, питанье у разныхъ обывателей по одному дню въ недѣлю, занятіе талмудомъ днемъ, сонъ на голыхъ доскахъ ночью и отсутствіе всякаго контроля надъ собою.

Внутренняя жизнь еврейскихъ муравейниковъ, въ которыхъ я вращался, не была мнѣ извѣстна. Чѣмъ живетъ эта несчастная масса евреевъ, какъ и гдѣ добываетъ себѣ пропитаніе, откуда берется у нѣкоторыхъ изъ нихъ достатокъ и богатство,— все это осталось для меня темнымъ и не особенно интересовало меня, но я видѣлъ, что всѣ они вѣчно работаютъ, вѣчно суетятся, что въ извѣстный день въ недѣлю въ городишко съѣзжаются на базаръ множество мужиковъ; евреи ихъ окружаютъ, о чемъ-то галдятъ, цѣлый день съ ними возятся; мужики пьютъ, у шинковъ—вавилонское столпотвореніе, орутъ, дерутся, а къ вечеру всѣ разѣзжаются, и въ мѣстечкѣ водворяется тишь и гладь.

Случайно я узналъ, что въ мѣстечкѣ есть молодой поэтъ-эпикурецъ, и я постарался познакомиться съ нимъ, хотя сношенія съ эпикурейцемъ считались предосудительными, въ особенности для бѣднаго бахура, питающагося на счетъ религіозныхъ благодѣтелей. Надо сказать, что эпикурейцемъ (аникойресъ) считался у евреевъ не послѣдователь философіи Эпикура, а всякій отступникъ отъ строгаго режима талмуда. Если кто одѣвался нѣсколько по-европейски, подрѣзывалъ себѣ немного пейсы и бороду, носилъ крахмальное бѣлье и чищенные сапоги, не такъ истово молился, какъ другіе, читалъ нѣмецкія книжки, посѣщалъ иногда театръ или концертъ, тотъ считался у ортодоксальныхъ евреевъ вѣроотступникомъ, эпикурейцемъ. Жизнь такого эпикурейца становилась подчасъ невыносимой. Благочестивые евреи его сторонились, избѣгали всякихъ сношеній, а подчасъ творили ему всякія гадости: не пускали въ молитвенные дома, не хоронили съ подобающими почестями, отдавали въ солдаты внѣ очереди и т. д.

Но мой эпикурецъ-поэтъ изъ Мереца, благодаря тому, что былъ женатъ на дочери мѣстнаго богача, имѣвшаго на своей сторонѣ всѣ мѣстныя христіанскія власти, никого не боялся, гордо носилъ свою голову, свободно писалъ стихи и открыто читалъ всякія запрещенныя книжки.

Но quod licet Jovi, non licet bovi. Одно знакомство съ эпикурейцемъ бросало уже на меня тѣнь, чтеніе же запрещенныхъ книжекъ, которыми онъ снабжалъ меня, и писаніе стиховъ по разнымъ случаямъ сильно подорвали мою репутацію; на меня стали смотрѣть косо, и благодѣтели неохотно кормили меня. Служка (шамешъ) молитвеннаго дома, грубый и фанатическій старичекъ, зорко слѣдилъ за мною, вырывать изъ рукъ запрещенныя кнвжки и пригрозилъ, что если я не буду ревностно заниматься талмудомъ и не брошу пакостныхъ книжекъ, то меня выгонять изъ молитвеннаго дома и лишать «дней».

Пришлось подчиниться, обманывать бдительность моего цербера и читать книжки за городомъ, въ полѣ, на Нѣманѣ.

Въ Мерецѣ я опять чуть не сдѣлался женихомъ. Въ городѣ жили два брата, изъ которыхъ одинъ всю жизнь проводилъ въ молитвенномъ домѣ за талмудомъ, оставляя свой домъ и многочисленное семейство на попеченіи жены, ведшей какую-то торговлю, а другой братъ, слышій богатымъ человѣкомъ, постоянно жилъ въ Пруссіи, гдѣ имѣлъ торговыя дѣла, и рѣдко приѣзжалъ къ своему семейству. Я имѣлъ «день» у перваго брата, почему часто встрѣчался съ старшей его дочерью, дѣвушкой лѣтъ 18-ти, очень некрасивой, но бойкой и живой. Я догадывался, что мой благодѣтель не прочь выдать за меня свою дочь. Занимаясь вмѣстѣ со мною въ молитвенномъ домѣ, онъ дѣлалъ мнѣ неоднократно прозрачныя намеки въ этомъ смыслѣ. Я не говорилъ ни да, ни нѣтъ, находя вообще, что мнѣ еще слишкомъ рано думать о женитьбѣ.

Но разъ я встрѣтилъ въ домѣ моего благодѣтеля молодую дѣвушку лѣтъ 17-ти, которая поразила меня своей необыкновенной красотой и граціею. Оказалось, что это была дочь другого брата-коммерсанта. Сравнивъ двухъ кузинъ, я бросилъ всякую мысль жениться когда нибудь на дочери моего патрона и сразу сдѣлался поклонникомъ красавицы. Хотя я не имѣлъ ни малѣйшей надежды и претензіи понравиться послѣдней, никогда слова съ ней не промолвилъ и не смѣлъ даже мечтать о возможности жениться на ней, я ежедневно проходилъ мимо дома ея отца, съ замираніемъ сердца слѣдилъ, не откроется ли окошечко въ ея комнаткѣ, которая мнѣ представлялась настоящимъ райскимъ гнѣздышкомъ, не покажется ли хоть локончикъ ея чудныхъ волосъ, не сверкнетъ ли небесный лучъ изъ ея очаровательныхъ глазъ, не блеснетъ ли улыбка на ея восхитительномъ личикѣ? Я думалъ, что во всемъ мірѣ нѣтъ ничего очаровательнѣе, въ сущности, скромнаго домика ея отца, окруженнаго маленькимъ палисадникомъ, въ которомъ цвѣли яркіе цвѣты, и былъ убѣжденъ, что будущій мужъ этой граціозной феи будетъ счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ.

А моя красавица, повидимому, и не подозрѣвала, что у нея такой невзрачный, пламенный поклонникъ, и ея невинный сонъ

скромной, простой еврейской дѣвушки ничѣмъ не былъ встревоженъ.

Вскорѣ я вернулся въ Вильно, и тѣмъ кончились первые проблески моего поклоненія женской красотѣ и граціи.

VI.

Еврейскія газеты. — Виленскій палаць. — Сваты. — Смотривы. — Экзамень. — Я женихъ. — Объясненіе съ дядей-богачемъ. — Праздникъ «пуримъ». — Пиръ у невесты. — Свадьба. — Жизнь въ домѣ тестя. — Рукописная газета. — Пребываніе въ Вильнѣ императора Александра II. — Стремленіе къ просвѣщенію. — Задуманное бѣгство. — Рожденіе дочери. — Кража своихъ собственныхъ денегъ. — Бѣгство. — Окольный путь. — Поэтъ И. В. Вольфъ. — Погоня. — Путешествіе. — Пивскъ.

Наступилъ 1860-ей годъ. Въ то время, какъ извѣстно, всемірнымъ героемъ былъ Гарибальди, боровшійся за освобожденіе и объединеніе Италіи. Виленскіе просвѣщенные евреи чрезвычайно интересовались событіями дня и лихорадочно слѣдили за политикой. Казалось бы, что виленскимъ евреямъ Италія, Гарибальди, Пій IX, Викторъ-Эммануилъ, Бисмаркъ и прочіе рѣшители судебъ Европы? Но они, по своей подвижной натурѣ, всемъ интересовались, въ особенности похожденіями Гарибальди, обсуждали его планы, радовались его успѣхамъ и горевали о его неудачахъ.

Всему этому способствовали появившіяся еженедѣльные газеты на древне-еврейскомъ языкѣ: «Га'магидъ», издававшаяся въ Пруссіи и имѣвшая большое распространеніе въ Россіи, и «Га'кормель», возникшая въ Вильнѣ подъ редакцію извѣстнаго ученаго еврея С. I. Фина.

Прусская газета «Га'магидъ», выходящая безъ цензуры, не имѣла опредѣленнаго направленія. Она имѣла два отдѣла: политическій и литературный. Первый отличался возможной полнотою; въ немъ, кромѣ европейской политики, помѣщалась масса свѣдѣній изъ жизни евреевъ на всемъ земномъ шарѣ; второй отдѣлъ былъ преимущественно посвященъ вопросамъ экзегетики, разъясненію темныхъ мѣстъ библии и талмуда, хотя въ немъ помѣщались также стихотворенія, практическія свѣдѣнія и статьи по естественнымъ наукамъ. «Га'магидъ» старался угождать всемъ еврейскимъ партиямъ, что называется—и нашимъ и вашимъ. Стоя за европейское просвѣщеніе евреевъ, онъ въ то же время не допускалъ ни малѣйшей реформы еврейской религіи и клеймилъ отступниковъ отъ буквы талмуда. Это двойственное направленіе, или, лучше сказать, отсутствіе всякаго опредѣленнаго направленія, создало прусской газетѣ громадныя успѣхи въ Россіи, гдѣ она была значительно больше распространена, чѣмъ въ Пруссіи.

Виленская же газета «Га'кормель» имѣла рѣшительно прогрессивное направленіе. Давая все то, что давала прусская газета,

«Га'кормель» держался строго своего направленія, не вилялъ въ разныя стороны, не заискивалъ въ читателѣ и проповѣдовалъ постепенныя реформы въ еврействѣ и еврейской жизни. Такая серьезная и честная газета, понятно, не могла быть распространена въ то время.

Такъ какъ ни отецъ и никто изъ моихъ родныхъ не выписывали никакой газеты, то я имѣлъ возможность знакомиться съ событіями дня лишь урывками и случайно; но я ловилъ всякій листъ газеты, какъ драгоценность какую нибудь, читалъ съ начала до конца съ величайшимъ вниманіемъ и все мечталъ тиснуть въ какую нибудь газету статейку, или хотя бы корреспонденцію, что считалъ высшимъ удовлетвореніемъ авторскаго самолюбія, но долго мнѣ это не удавалось.

Вскорѣ послѣ моего возвращенія въ Вильно назначено было публичное наказаніе плетью двухъ тяжкихъ преступниковъ, но я на это кровавое «зрѣлище» не пошелъ. Упомянулъ же я о немъ, чтобы сказать о виленскомъ палачѣ, «талъенъ» (вѣшатель), какъ его почему-то называли виленскіе евреи. Этотъ палачъ, высокаго роста, съ добродушнымъ, открытымъ лицомъ и добрыми, какъ мнѣ казалось, глазами, еженедѣльно, по пятницамъ, обходилъ, въ сопровожденіи лишь одного стражника, всѣ еврейскія лавки и лавочки, собирая «добровольную» дань. И удивительно, несмотря на то, что никто изъ евреевъ, за мое время, по крайней мѣрѣ, не подвергался тѣлесному наказанію черезъ палача, а о публичной смертной казни и не слыхать было до польскаго возстанія,—евреи ужасно боялись добродушнаго monsieur de Wilno, и никто почти не отказывалъ ему въ подаяніи. Хотя подачки, въ большинствѣ случаевъ, не превышали гроша, или даже полушки, но палачъ, надо думать, всегда возвращался въ тюрьму съ немалой жатвой, несмотря на то, что дордогой онъ со стражникомъ удостоивалъ своимъ вниманіемъ попутныя питейныя заведенія, платя за водку и закуску наличными деньгами. Кто наложилъ тогда на виленскихъ евреевъ эту своеобразную контрибуцію, и почему послѣдніе безропотно ей подчинялись, такъ и осталось для меня необъяснимымъ.

Въ 1860 году, мнѣ пошелъ восемнадцатый годъ. Родители мои серьезно стали думать о партіи для меня. Разныя «сваты» (шадхонъ) начали посѣщать нашу скромную обитель, предлагая всевозможныхъ, соответствующихъ моему общественному и матеріальному положенію, невѣстъ. Но все какъ-то не клеилось: то требованія со стороны родителей невѣсть были неисполнимы, то мои родители находили разныя изъяны. Наконецъ, остановились на слѣдующемъ предложеніи.

Въ Вильнѣ жилъ нѣкій мелкій торговецъ маслами, Тонхумъ, который былъ извѣстенъ подъ названіемъ «Тонхумъ-Путерникъ» то-есть, масленикъ. Самъ по себѣ этотъ Тонхумъ ничѣмъ не

отличался, онъ былъ даже малограмотный, что считается у евреевъ постыднымъ даже, но онъ выигралъ много въ общественномъ мнѣннн тѣмъ, что выдалъ первую свою дочь за извѣстнаго въ Вильнѣ ученаго талмудиста (илуй), нѣкоего Ланга. И вотъ у этого Тонхума оказалась вторая дочь, ведшая его небольшую торговлю, и эта дочь, на 2 или 3 года старше меня, волею «сватовъ» предназначалась мнѣ въ жены. Послѣ долгихъ переговоровъ съ обѣихъ сторонъ, родители наши, разумѣется, не справляясь съ мнѣннємъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, выработали слѣдующія условія: Тонхумъ обязался дать за своей дочерью 300 рублей наличными деньгами, содержать у себя молодыхъ послѣ свадьбы въ теченіе трехъ лѣтъ и послать мнѣ нѣкоторые подарки, въ томъ числѣ шубу; мой же отецъ долженъ былъ положить для меня у вѣрнаго человѣка 100 рублей денегъ и прилично меня экипировать.

Надо было устроить смотрины. Это было уже нѣкоторымъ прогрессомъ, уступкой времени, потому что раньше до вѣнчанія никакихъ смотринъ не полагалось. Я никогда не видѣлъ будущей моей невѣсты; послѣдняя, понятно, не знала меня. Сговорились повидаться намъ у замужней сестры невѣсты. Въ условленный день и часъ я отправился туда съ матушкой. Такъ какъ дѣло происходило зимою, а у меня шубы не было, то пришлось выпросить таковую для приличія на нѣсколько часовъ у одного изъ своихъ родственниковъ.

И вотъ въ чужой шубѣ явился я въ чужой домъ, чтобы посмотрѣть на совершенно чуждую мнѣ дѣвушку, которая должна была стать моей женою. Она уже ждала насъ. Моя future была маленькаго роста, далеко не красивая, но и не безобразная, робкая, скромная, совершенно безцвѣтная, довольно, однако, симпатичная. Не проронивъ ни единаго слова, не поклонившись даже другъ другу, мы слегка, какъ бы украдкой, осмотрѣли другъ друга. Матушка сказала нѣсколько словъ хозяйкѣ дома, а молодая дѣвушка, чтобы не стоять истуканомъ, перекладывала на кровати подушки съ мѣста на мѣсто, хотя въ этомъ не было никакой надобности.

Смотрины продолжались минуты три, четыре. Послѣ этого я съ матушкой удалился, опять-таки не сказавъ молодой дѣвушкѣ ни слова.

— Ну, какъ тебѣ нравится? — сочла нужнымъ спросить меня мать, хотя никогда не справлялась съ моими взглядами и вкусами.

— Не особенно... — отвѣтилъ я робко.

— Почему же?

— Нельзя сказать, чтобы блистала особенной красотой и умомъ.

— Но если всѣмъ жениться на красавицахъ, то куда же дѣнутся некрасивыя дѣвушки? — уже недовольнымъ тономъ проговорила мать.

— Все-таки, почему я долженъ жениться на такой дѣвушкѣ?— дерзнулъ я протестовать дальше.

Но матушка такъ грозно посмотрѣла на меня, что я предпочелъ замолчать.

Черезъ нѣсколько дней родители наши порѣшили между собою нашу судьбу окончательно, и я долженъ былъ подчиниться.

Но мнѣ предстояло еще пройти черезъ экзаменъ моихъ познаний въ талмудѣ. Экзаминаторомъ былъ назначенъ братъ будущаго моего тестя, нѣкій Мордухай—пекаръ, который печеніемъ хлѣба вовсе не занимался,—этимъ дѣломъ у него завѣдывала жена,—но порядочно зная тонкости талмуда.

И вотъ однажды, въ молитвенный домъ, гдѣ я проводилъ всѣ дни, явился сказанный «пекаръ», досталъ фолиантъ талмуда, подошелъ ко мнѣ и безъ всякихъ предисловій сталъ предлагать разные хитроумные вопросы. На нѣкоторые изъ нихъ я не нашелся отвѣтить, тѣмъ не менѣе рабби Мордухай заявилъ, что я достаточно свѣдущъ въ талмудѣ, вѣроятно, потому, что я быстро схватилъ его собственныя мудрствованія. Тѣмъ экзаменъ и кончился.

Вскорѣ послѣ этого состоялось наше обрученіе (тнويمъ), на которое было приглашено съ обѣихъ сторонъ много гостей. Послѣ подписанія свадебнаго контракта меня съ невѣстой стали поздравлять, но при этомъ мы сидѣли въ разныхъ комнатахъ, во весь вечеръ мы слова не сказали другъ другу, и даже толкомъ не повидались.

Свадьба была назначена черезъ два мѣсяца. Все это время прошло въ усиленныхъ хлопотахъ для моихъ бѣдныхъ родителей. Имъ надо было достать откуда бы то ни было 100 рублей на приданое для меня и столько же на экипированіе меня. Такъ какъ своихъ средствъ у нихъ не было, то пришлось прибѣгнуть къ помощи дяди-богача и его дѣтей. Только на это, впрочемъ, мои родители и могли разсчитывать, стоворившись съ Тонхумомъ—масленникомъ... Послѣ долгихъ мытарствъ почти вся необходимая сумма была собрана у родственниковъ отца. Не хватало только рублей 20 на непредвидѣнные расходы. Всѣ источники были уже исчерпаны; мать заложила даже свои драгоценности, состоявшія изъ двухъ нитокъ стараго жемчуга, подъ которыя ей выдали 35 рублей; отецъ занялъ (безъ надежды уплатить), сколько возможно было, у своихъ настоящихъ и бывшихъ учениковъ. Но все же не хватало.

И вотъ, по настоянію отца, я долженъ былъ отправиться лично къ грозному дядѣ, выклянчить какую нибудь прибавку. Долго я готовился къ этой аудіенціи, но все не хватало рѣшимости. Предстоящая встрѣча рисовалась мнѣ страшной, поэтому я ее откладывалъ со дня на день. Наконецъ, я рѣшился. Добрая тетя была подготовлена и обѣщала поддержать меня, если встрѣтится необходимость, но «самъ» не былъ предупрежденъ о моемъ визитѣ. Изъ

кабинета дяди вела стеклянная дверь въ прихожую, и я могъ видѣть, какъ онъ, по обыкновенію, сидитъ у окна въ креслѣ за фоліантомъ талмуда. Я, весь дрожа, подошелъ къ этимъ дверямъ, но не могъ ихъ отворить. Бывшая тутъ старая кухарка дяди, посвященная въ предпріятіе, толкнула меня въ святилище дяди.

Послѣдній, увидѣвъ меня первый разъ въ жизни въ своихъ хоромахъ, мигомъ вскочилъ съ кресель, поднялся во весь свой ростъ и, какъ разъяренный звѣрь, бросился мнѣ навстрѣчу и грозно спросилъ:

— Что тебѣ?

Со страха я ничего не могъ объяснить. Дядя сталъ гнѣвно бѣгать по кабинету, гнѣвно посматривая на меня.

— Скажешь, наконецъ, зачѣмъ пожаловалъ?—прокричалъ онъ.

Путаясь и блѣднѣя, я кое-какъ объяснилъ ему, что вотъ на дняхъ должна состояться моя свадьба, а у отца многого еще не хватаетъ.

— Но мы всѣ ему вѣдь дали уже по складчинѣ, чего же ему еще?

— И все-таки отецъ не можетъ свести концы съ концами.

— А мы-то при чемъ? Мы сдѣлали все, что могли.

Я отъ внутренней обиды и черствости дяди заплакалъ.

— Ну, чего плачешь, противно видѣть...—озлился еще больше дядя.

— Не женился бы такъ рано, — прибавилъ онъ.

Я не выдержалъ наконецъ и почти дерзко высказалъ ему, что вовсе не желаю жениться, и что партія мнѣ не по сердцу, но меня не спрашиваютъ и женятъ. Не помню уже, какъ пришлось къ слову, но я тутъ же бросилъ дядѣ упрекъ, что онъ обходится съ моимъ отцомъ не по-братски, а всегда почти со злобой.

— Нельзя любить человѣка, который вѣчно сидитъ у тебя на шеѣ,—окрысился дядя и еще болѣе яростно сталъ бѣгать по комнатѣ. Я серьезно опасался, что онъ меня прибьетъ и выгонитъ вонъ. Я еще пуще заплакалъ.

— Скажи «ему», что ему дадутъ еще 15 рублей,—проговорилъ онъ болѣе мягко.—Ну, уходи и больше не приходи,—прибавилъ онъ.

Я не заставилъ себя ждать вторичнаго приказанія и выбѣжалъ изъ кабинета дяди, едва успѣвъ поблагодарить его за новое благодѣяніе.

Видя, какъ я блѣденъ и взволнованъ, тетя встрѣтила меня ласково и привѣтливо и, узнавъ о благопріятномъ результатѣ аудіенціи, пожелала мнѣ счастья въ новой жизни.

Дома я ничего не рассказалъ отцу о моемъ разговорѣ съ дядей и о встрѣчѣ, а передалъ только о результатѣ, которымъ онъ остался доволенъ.

Между тѣмъ день, назначенный для свадьбы, приближался. Осталось всего двѣ недѣли. Съ самаго обрученія я съ невѣстой и

не видался. Только разъ, живя съ ней на одной улицѣ, мы случайно встрѣтились лицомъ къ лицу. Я остановилъ ее и спросилъ, какъ поживаетъ; она что-то робко пробормотала и, покраснѣвъ до ушей, поспѣшила удалиться, не подавъ мнѣ даже руки.

Быль праздникъ пуримъ, въ воспоминаніе объ избавленіи евреевъ, слишкомъ 2.000 лѣтъ тому назадъ, отъ поголовнаго избіенія въ персидскихъ владѣніяхъ, по совѣту великаго визиря Персіи, Гамана (см. библейскую книгу «Эсѣиръ»). День этотъ, несмотря на позднѣйшія бѣдствія подъ владычествомъ Рима, на средневѣковыя гоненія, на испанскую инквизицію, на избіеніе массамаи въ Польшѣ и Малороссіи и на крайне незавидное ихъ нынѣшнее положеніе во всей Европѣ, празднуется евреями до сего времени шумно и весело. Это единственный день, когда евреи позволяютъ себѣ поѣсть хорошо и даже напиться пьяными. Бѣдныхъ принято одаривать въ этотъ день и деньгами, и пищей, и вещами.

Кстати, не могу умолчать о прокравшейся въ послѣднее время въ нѣкоторыя наши газеты легендѣ, будто въ праздникъ пуримъ евреи нанимаютъ христіанъ для исправленія обязанностей живого Гамана, которыхъ истязаютъ и чуть ли не избиваютъ до полусмерти. Ничего подобнаго нѣтъ и не бывало. Я жилъ въ самыхъ мрачныхъ центрахъ еврейства и никогда ни о чемъ подобномъ не слыхалъ, даже 50 лѣтъ тому назадъ, когда ни одинъ лучъ просвѣщенія не проникъ въ темную еврейскую жизнь, и когда наша русская жизнь не была еще такъ регламентирована, и всякія преступленія легко сходили съ рукъ.

Поводомъ къ этой злостной, пущенной въ печать, легендѣ послужилъ, вѣроятно, глупѣйшій, сохранившійся до сихъ поръ, обычай—топтать ногами и колотить въ колотушки при упоминаніи имени Гамана, при чтеніи, въ праздникъ пуримъ, въ молитвенныхъ домахъ и синагогахъ, священной книги Эсѣири. Если посторонній человѣкъ, не посвященный въ этотъ дурацкій обычай, случайно попалъ бы въ пуримъ на чтеніе названной книги въ синагогахъ и услышалъ бы этотъ дикій ревъ, этотъ шумъ отъ верченія колотушекъ, то онъ въ правѣ былъ бы подумать, что очутился въ сумасшедшемъ домѣ, или въ сборищѣ неистовыхъ фанатиковъ, способныхъ на всякое изувѣрство. Очень можетъ быть, что какой нибудь ревнивый не по разуму корреспондентъ случайно былъ свидѣтелемъ этого дурачества у евреевъ,—и у него разыгралась фантазія и дошла даже до ритуальнаго убійства...

Между тѣмъ евреи такъ невинно тѣшатъ себя проклятіемъ имени Гамана, такъ дѣтски глумятся надъ его памятью, что ихъ поступки могутъ возбудить только смѣхъ и жалость, но ничуть не гнѣвъ и обращеніе къ правительству и общественному мнѣнію о защитѣ христіанъ отъ избіенія ихъ евреями въ праздникъ пуримъ.

Возвращаюсь къ своему разсказу.

Такъ вотъ, въ праздникъ «пуримъ», мой будущій тестъ Тонхумъ, приславъ мнѣ обѣщанные подарки, пригласилъ меня и моихъ родителей къ себѣ на пиръ. Мы явились. Насъ торжественно встрѣтили и посадили за столъ на самое почетное мѣсто. Столъ былъ накрытъ въ серединѣ комнаты и поразилъ насъ, бѣдняковъ, обилемъ стоявшихъ на немъ яствъ: тутъ были всевозможныя рыбы подъ сладкими и кислыми соусами, и разныя жареныя птицы, и сладкіе торты и пирожки, и разныя водки, и наливки. У отца моего, который любилъ поѣсть, глаза разгорѣлись при видѣ такой роскоши. И только теперъ, за этимъ столомъ, при полномъ освѣщеніи, я впервые рассмотрѣлъ, какъ слѣдуетъ, свою невѣсту, сидѣвшую противъ меня, нѣсколько наискосокъ. Въ этотъ вечеръ моя «будущая» даже понравилась, впрочемъ, лишь настолько, насколько вообще молодая скромная дѣвушка можетъ понравиться невинному восемнадцатилѣтнему мальчику, никогда не знавшему женщину... Подкупило меня еще и то, что невѣста моя была чисто одѣта, не робѣла, не жеманилась, была естественна. Мы часто встрѣчались глазами, но все же ни слова не проговорили другъ съ другомъ. Къ тому же я былъ занятъ диспутомъ съ ученымъ братомъ Тонхума, также приглашеннымъ на пиръ и сидѣвшимъ рядомъ со мною. Онъ все зондировалъ мои познанія въ талмудѣ, слегка экзаменуя меня. Я былъ въ ударѣ и бойко отвѣчалъ ему на вопросы, самъ задавалъ ученые вопросы, и какъ невѣста, такъ, въ особенности, Тонхумъ смотрѣли на меня съ гордостью, хотя ровно ничего не понимали въ нашемъ диспутѣ. Отецъ занятъ былъ ѣдою и никакого вниманія на насъ не обращалъ, а женщины тараторили между собою о своихъ маленькихъ дѣлишкахъ.

Пиръ, т.-е. ѣда и питье, кончился довольно поздно. На прощанье мы съ невѣстой обмѣнялись только взглядомъ, руки другъ другу не подали, и даже слово: прощайте, или до свиданія,—не было произнесено. Я такъ и не видѣлъ ея больше до самой свадьбы.

Свадьба моя отпраздновалась не пышно, но и не бѣдно, было приглашено множество гостей. Украшеніемъ свадьбы былъ дядя—богачъ, удостоившій своимъ присутствіемъ весь свадебный церемоніаль. Но онъ своимъ величіемъ только стѣснялъ приглашенныхъ гостей, которые были очень рады, когда онъ, послѣ церемоніи подношенія молодымъ подарковъ, удалился со свадебнаго пира. Обычай этотъ состоитъ въ томъ, что всѣ приглашенные, во время свадебнаго пира, при пѣніи и шумѣ, дарятъ, кто что можетъ, жениху за его ученую рѣчь. Вѣроятно, когда-то женихи говорили ученая рѣчи за свадебнымъ столомъ и за это получали подарки; но въ мое время такихъ рѣчей уже не говорилось, да и не всѣ «женихи» могли сказать что нибудь путное, но обычай остался. Такимъ образомъ, получилъ ничтожныя подарки и я, не произнеши ни единого слова во весь вечеръ.

Впрочемъ, я какъ-то особенно равнодушно отнесся къ великому событію. Равнодушно оставилъ я отчій домъ, чтобы отправиться къ вѣнцу (хупе—балдахинъ), безучастно, подъ хупе, послѣ молитвъ и благословеній, надѣлъ кольцо на палецъ невѣсты и произнесъ формулу вѣнчанія («ты мнѣ посвящена этимъ кольцомъ по закону Моисея и Израиля»), обошелъ, при пѣніи и молитвахъ, вокругъ жены 7 разъ, послѣ чего мы съ женою направились все пѣшкомъ къ дому ея отца, гдѣ я долженъ былъ прожить три года. Не трогала меня шумная встрѣча у тестя съ пѣніемъ и музыкой, не восторгался я «золотымъ бульономъ» (куринымъ), которымъ угощали меня сейчасъ послѣ вѣнчанія, и который я долженъ былъ ѣсть съ женой изъ одной тарелки, хотя, по еврейскому обычаю, я въ этотъ день постился и ничего не ѣлъ съ самаго утра. Наконецъ, мало веселилъ меня свадебный пиръ, на которомъ гости, повидимому, очень веселились. Была музыка, двѣ скрипки и контрабасъ, пѣлъ съ помощникомъ самъ лужинскій канторъ, молодыя дамы и дѣвицы танцевали польки и кадрили—мужчины не танцевали. Среди шума и гама, въ страшной тѣсотѣ, былъ сервированъ свадебный столъ. Всѣ ѣли и пили много, пѣли и дурачились, но безъ особеннаго веселья. Я все время сидѣлъ рядомъ съ женой и никакого участія въ общемъ весельѣ не принималъ. Послѣ ужина жена куда-то исчезла. Вскорѣ образовался какой-то особенный танецъ изъ однихъ мужчинъ, которые подхватили и меня и затѣмъ, подъ мотоннымъ напѣвомъ: «берите, берите его», незамѣтно втокнули меня въ отдѣльную комнату, гдѣ было приготовлено брачное ложе...

Семейная моя жизнь въ домѣ тестя потянулась, хотя и сытая, но крайне однообразная. Жена съ ранняго утра уходила въ лавку своего отца, въ которой она завѣдывала всѣмъ, рѣдко приходила къ завтраку, къ обѣду являлась на полчаса и возвращалась домой около 12 часовъ вечера. Я же цѣлые дни долженъ былъ проводить въ молитвенномъ домѣ и заниматься талмудомъ. Тесть мой все мечталъ, что изъ меня выйдетъ такъ же ученый раввинъ, какъ его другой зять, Лангъ, но я не завидовалъ славы моего свояка, о раввинствѣ не мечталъ, а все почти свое свободное время посвящалъ «запрещеннымъ книжкамъ», которыя въ Вильнѣ не трудно было достать.

Съ женой я ничего рѣшительно не имѣлъ общаго, хотя мы жили съ ней довольно любовно и согласно. У нея, кромѣ лавки своего отца, не было никакихъ умственныхъ интересовъ, она не имѣла ни малѣйшаго понятія объ окружающемъ мірѣ. Она умѣла читать и писать только по-еврейски, т.-е. на жаргонѣ, и будучи крайне набожной, читала только—и то лишь по субботамъ и праздникамъ—религіозныя книги, на половину ихъ понимая. Въ высшей степени честная натура, скромная, добрая, любящая, она достойна

была всякаго уваженія, но мнѣ въ 18 лѣтъ этого было недостаточно. Неудивительно, что я сталъ тяготиться сытой жизнью у тестя чуть ли не сейчасъ же послѣ медоваго мѣсяца...

Большимъ развлеченіемъ служило мнѣ участіе въ рукописной газетѣ, которую задумалъ издавать еженедѣльно кружокъ еврейскихъ молодыхъ людей, любителей просвѣщенія, которые пригласили и меня сотрудничать въ ней. Впрочемъ, наше изданіе скорѣе слѣдуетъ назвать литературнымъ сборникомъ, чѣмъ газетой, потому что въ ней не было ни политики, ни «злобы дня». Содержаніе ея ограничивалось мелкими стихотвореніями, рассказами, переводами съ иностранныхъ языковъ, философскими разсужденіями о матеріяхъ важныхъ, сатирами, анекдотами и шарадами. Всѣ мы писали подъ псевдонимами, но хорошо знали другъ друга. Каждый изъ сотрудниковъ обязанъ былъ переписать одинъ экземпляръ журнала для себя и одинъ для посторонняго подписчика. Я работалъ въ сборникѣ-газетѣ усердно, и вскорѣ мои товарищи признали во мнѣ великое еврейское свѣтило, готовое озарить весь міръ. Но я инстинктивно чувствовалъ, что я круглый невѣжда въ смыслѣ европейскаго просвѣщенія и потому стремился къ приобрѣтенію знанія хотя бы элементарныхъ предметовъ въ объемѣ гимназическаго курса.

Большимъ событіемъ въ виленской жизни, въ 1861 году, было пребываніе въ Вильнѣ, проѣздомъ въ Варшаву, императора Александра II. Событіе это радостно волновало все населеніе города. Евреи были столь же воодушевлены — если даже не больше — радостью видѣть своего царя, какъ и другіе слои виленскаго общества. Они строили свои триумфальныя арки, украшали ихъ гирляндами и цвѣтами, выставляли на балконахъ свои оркестры музыки и на всемъ царскомъ пути до дворца, рядомъ съ привѣтствіями на русскомъ языкѣ, развѣвались флаги съ надписью на древне-еврейскомъ языкѣ. Наши руссификаторы въ настоящее время врядъ ли допустили бы подобную ересь.

Судя по себѣ, могу съ полной увѣренностью сказать, что евреи отъ полноты сердца, съ искреннимъ восторгомъ, встрѣтили любимаго государя, съ опасностью для жизни тѣснились и бѣгали за его коляской и восторженной грудью кричали «ура». Но замѣчательнѣе всего было то, что какъ лошади, запряженныя въ коляскѣ царя, такъ и кучеръ, были еврейскіе.

Извѣстный въ Вильнѣ еврей-лошадникъ, имѣвшій нѣсколько прекрасныхъ выѣздовъ, выпросилъ у надлежащихъ властей, какъ особую милость, предоставить себя и своихъ лошадей въ распоряженіе царя, безъ всякаго вознагражденія, и ему это было разрѣшено. Конечно, государь и не подозрѣвалъ, что должность кучера исполняетъ у него еврей, — но надо было видѣть гордость и счастье этого послѣдняго, при исполненіи имъ своей обязанности! Энергія, восторгъ, блаженство такъ и сверкали въ его черныхъ,

какъ уголь, глазахъ. Въ позднѣйшее царствованіе, понятно, никому въ голову не пришло бы допустить еврея въ такую физическую близость къ русскому царю.

Да, радостные это были дни для Вильны. Такого подъема духа, такого чувства единенія со всѣми окружающими, евреи больше не переживали. Помню, какъ глубоко счастливъ былъ лично я, когда получилъ привѣтливый отвѣтъ государя на мой личный поклонъ. Дѣло вышло такъ. Въ присутствіи государя назначены были маневры, которымъ предшествовалъ большой смотръ собравшимся въ Вильнѣ войскамъ. Смотръ назначенъ былъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города. Туда высыпало чуть ли не все населеніе Вильны. Желая также присутствовать на этомъ необыкновенномъ зрѣлищѣ и не имѣя денегъ на извозчика, я отправился на мѣсто смотра пѣшкомъ довольно рано. Когда я очутился за городомъ, меня настигъ царскій кортежъ. Я остановился. Какъ только царская коляска, запряженная четверкой чудныхъ сѣрыхъ, управляемыхъ упомянутымъ евреемъ, поровнялась со мною, я, понятно, снялъ шапку и низко поклонился государю. Императоръ, сидѣвшій рядомъ съ генераль-губернаторомъ Назимовымъ, посмотрѣлъ на меня съ нѣкоторымъ любопытствомъ, обворожительно улыбнулся и отвѣтилъ на мой поклонъ приложеніемъ руки къ каскѣ. Все это продолжалось одно лишь мгновеніе, но я былъ на вершинѣ блаженства: видѣть такъ близко царя, получить его улыбку и привѣтъ—это было что-то неземное для меня...

Это событіе такъ взволновало и воодушевило меня, что, вернувшись съ парада, я въ тотъ же день написалъ на древне-еврейскомъ языкѣ большое стихотвореніе-оду въ честь царя, въ которомъ въ самыхъ высокопарныхъ выраженіяхъ сравнивалъ Александра II съ солнцемъ, проливающимъ свой свѣтъ и на моря, и на гигантскія горы, и на лѣса, и на маленькаго червячка, въ которомъ я подразумѣвалъ себя. Тутъ же я выразилъ убѣжденіе, что царь-ангелъ будетъ милостивъ и къ обожающимъ его вѣрноподаннымъ евреямъ, и что для нихъ настанутъ свѣтлые дни.

Императоръ Александръ II былъ тогда крайне доступенъ и привѣтливъ со всѣми. Куда бы онъ ни пріѣзжалъ, его коляску сопровождала несмѣтная толпа христіанъ и евреевъ, изъ которыхъ многіе лично подавали ему прошенія, и никто ихъ не гналъ и не преслѣдовалъ. Государь принялъ во дворцѣ депутаціи отъ всѣхъ сословій, въ томъ числѣ и еврейскую, въ которой участвовалъ и мой дядя-богачъ, и для которой у него нашлись высокомиловидныя слова, всѣхъ очаровавшія. Несмотря на то, что въ городскомъ театрѣ играла только польская труппа, государь посѣщалъ этотъ маленькій, незначительный театръ и, говорили, былъ въ восторгѣ отъ игры одной молодой артистки обворожительной кра-

соты, которая вскорѣ умерла отъ скоротечной чахотки, оплакиваемая всѣмъ польскимъ населеніемъ города.

Провожала Вильна своего государя такъ же сердечно и восторженно, какъ и встрѣчала. Отъ Вильны до Варшавы желѣзная дорога еще не была окончена, и государь уѣхалъ туда на лошадахъ. Проводы были очень торжественные. Передъ дворцомъ выстроены были всѣ воспитанники виленскихъ учебныхъ заведеній съ учебнымъ начальствомъ во главѣ. Прежде чѣмъ сѣсть въ коляску, государь милостиво простился съ молодежью, которая провожала его съ умиленнымъ восторгомъ. Во всемъ этомъ участвовали виленскіе евреи, которые считали Александра II своимъ царемъ, видя въ немъ священнѣйшую особу, помазанника Божія, за котораго готовы были отдать свою жизнь...

Все это утверждаю, какъ очевидецъ, и теперь, судя по своимъ собственнымъ чувствамъ и побужденіямъ. Могу прибавить еще, что, живя среди самыхъ фанатическихъ евреевъ, считавшихъ обще-европейское образованіе величайшей ересью, преслѣдовавшихъ жестоко всѣхъ своихъ соплеменниковъ за малѣйшее отступленіе отъ еврейскихъ обычаевъ и жившихъ съ великой надеждой на возвращеніе въ Палестину и устройство тамъ, по обѣщанію пророковъ, новаго еврейскаго царства,—я никогда не слыхалъ изъ еврейскихъ устъ какой нибудь хулы, либо порицація русскому царю. Евреи, конечно, не могли быть довольны суровымъ режимомъ императора Николая I, отразившимся на нихъ особенно жестоко,—но какъ только послѣ мрачной, до крымской войны, эпохи выглянуло привѣтливое солнце, въ лицѣ Александра II, евреи также ожили, искренно за него молились въ своихъ синагогахъ и глубоко скорбѣли и возмущались противъ покушеній, вполнѣдствіи, на жизнь глубоко любимаго своего царя...

Но возвращаюсь къ своимъ личнымъ дѣлишкамъ.

Живя на готовыхъ хлѣбахъ у своего тестя, я завелъ обширную переписку съ моимъ старшимъ братомъ—все на древне-еврейскомъ языкѣ. Надо сказать, что этотъ мой братъ, Савелій, кончившій блестяще курсъ ученія въ виленскомъ раввинскомъ училищѣ, получилъ мѣсто учителя еврейскаго училища въ Одессѣ, куда и уѣхалъ. Но это поприще дѣятельности его не удовлетворяло. Онъ вскорѣ бросилъ учительство, переѣхалъ въ Кіевъ, сдалъ экзаменъ изъ латинскаго языка и поступилъ въ университетъ на медицинскій факультетъ. Въ то время, когда я женился, братъ уже былъ на третьемъ курсѣ.

Такъ вотъ братъ въ письмахъ своихъ заронилъ мысль о томъ, что мнѣ слѣдуетъ подумать о другой жизни, что перспектива жить на шеѣ у тестя и затѣмъ сдѣлаться меламедомъ—не блестящая, что съ моими способностями я могу въ два-три года приготовиться къ университету, и что онъ готовъ всячески помочь мнѣ въ

этомъ. Мысль эта крайне меня прельщала, и я сталъ обдумывать, какъ ее осуществить. Ни женѣ, ни родителямъ я не смѣлъ и заикнуться о совѣтѣ брата: они считали бы его нарушеніемъ всѣхъ божескихъ и человѣческихъ законовъ и всѣми силами старались бы помѣшать осуществленію его. Тестъ мой уже косился на меня и за то, что я иногда осмѣливался читать въ его присутствіи маленькія еврейскія книжки, хотя онъ и не зналъ содержанія ихъ. Что касается университета и студентовъ, о которыхъ онъ и малѣйшаго понятія не имѣлъ, то онъ считалъ ихъ разсадниками безбожія и прямыми отступниками отъ Иеговы и его святой торы. Мнѣ не съ кѣмъ было совѣтоваться. Положеніе мое затруднялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что на 19-мъ году мнѣ вскорѣ предстояло сдѣлаться отцомъ семейства...

Тѣмъ не менѣе я мысленно уже рѣшилъ, что послѣдую совѣту брата. Жизнь въ домѣ тестя, несмотря на сильную любовь ко мнѣ жены, сдѣлалась для меня нестерпимой. Тайная моя переписка съ братомъ привела къ рѣшенію, что весною я долженъ бѣжать отъ жены и пріѣхать въ Кіевъ, гдѣ братъ нашелъ уже для меня убѣжище въ домѣ извѣстнаго въ Кіевѣ еврейскаго дѣятеля, К., который согласился дать мнѣ столъ и квартиру взаимнѣ уроковъ древне-еврейскаго языка одному изъ его сыновей.

Главнымъ препятствіемъ къ осуществленію нашего плана было отсутствіе у меня денегъ на дорогу и паспорта. Приданое мое въ суммѣ 400 рублей лежало на храненіи у одного изъ еврейскихъ полубанкировъ, полукommerсантовъ, отъ котораго безъ разрѣшенія родителей ничего нельзя было получить. Что касается паспорта, то его съ роду у меня не было. Я даже не былъ приписанъ ни къ какому обществу, и всѣ свои скитанія по городамъ Сѣверо-Западнаго края совершалъ безъ всякаго вида, котораго никто никогда и не требовалъ отъ меня.

Теперь, рѣшившись на бѣгство изъ Вильны, мнѣ необходимо было достать и деньги, и паспортъ. Послѣдній, впрочемъ, мнѣ удалось получить, но только на имя моего второго брата, Айзика, жившаго, какъ я уже говорилъ, въ Сморгони. Онъ былъ приписанъ къ маленькому еврейскому обществу, офиціально существовавшему гдѣ-то въ пяти-шести верстахъ отъ города Вильны. А такъ какъ и этотъ братъ никогда паспорта себѣ не требовалъ и женился, и проживалъ въ Сморгони безъ всякаго вида, то я этимъ воспользовался и выхлопоталъ себѣ паспортъ изъ сказаннаго общества на имя моего брата, что мнѣ обошлось всего въ нѣсколько рублей.

Имѣя уже въ рукахъ паспортъ,—то, что онъ былъ не на мое имя, меня нисколько не смущало,—я усиленно сталъ хлопотать о деньгахъ. Я желалъ получить изъ своего приданаго только тѣ 100 рублей, которые внесъ мой отецъ. Послѣ долгихъ мытарствъ мнѣ это наконецъ удалось. Мой «банкиръ» выдалъ мнѣ сто рублей

только съ разрѣшенія моего отца, но безъ вѣдома жены и тестя. Я ихъ хранилъ, какъ зѣницу ока, но недолго могъ хранить тайну; жена какъ-то узнала о хранящемся у меня капиталѣ, полученномъ отъ нашего банкира. Не помню уже, какъ я ей объяснилъ свой поступокъ, но о настоящей цѣли она, понятно, и не подозрѣвала.

Но вотъ однажды жена приходитъ изъ лавки и просить у меня на нѣкоторое время завѣтные сто рублей для своего отца.

— Не дамъ!—вырвалось у меня.

— Почему же дашь?—удивленно спросила жена.

— Такъ, не дамъ, и все тутъ.

— Да на что они тебѣ? Ты, стало быть, не вѣришь моему отцу?

— Я ему вѣрю, но деньги мнѣ самому нужны.

— Тебѣ столько денегъ нужно? Но на что же? Вѣдь живешь на всемъ готовомъ и никакихъ расходовъ не имѣешь.

— У меня есть комбинація, — началъ я врать, блѣднѣя и краснѣя.

— Какая?

— Послѣ узнаешь.

— Нѣтъ, скажи сейчасъ.

— Не хочу сказать—и все тутъ.

— Нѣтъ у тебя никакой комбинаціи. Дай деньги. Моему отцу можешь повѣрить сто рублей.

Я ей сдѣлалъ оскорбительный знакъ. Она страшно измѣнилась въ лицѣ и заплакала. За все время нашего сожителства мы ни разу не ссорились. Хотя у насъ не было никакихъ общихъ умственныхъ интересовъ, однако мы жили очень мирно и согласно. Я не могъ видѣть ея слезъ, досталъ изъ комода деньги, бросилъ ихъ на столъ и выбѣжалъ изъ комнаты, не сказавъ женѣ ни слова, я былъ внѣ себя отъ отчаянія. Планъ, который былъ такъ близокъ къ осуществленію, рухнулъ отъ глупѣйшей случайности. Я не зналъ, на что рѣшиться.

Между тѣмъ съ женой я помирился въ тотъ же день; мнѣ ее ужасно жаль было. Она была въ ожиданіи родовъ, и надо было ее щадить. Такъ прошло нѣсколько дней. Вдругъ я почувствовалъ себя нехорошо, у меня появился сильный жаръ, и я слегъ. Оказалось, что у меня корь. Все лицо покрылось струпьями — и на нѣкоторое время я совершенно ослѣпъ. Жена самоотверженно ходила за мною; но тутъ подоспѣли ея роды. Въ домѣ поднялась тревога; я лежалъ безпомощный; жена металась въ страшныхъ мукахъ; единственная прислуга въ домѣ выбилась изъ силъ. Но тутъ подоспѣла акушерка, явилась на помощь и моя мать, и неизбежное шло своимъ обычнымъ порядкомъ. Послѣ мучительной ночи, послѣ раздирающихъ душу криковъ, все вдругъ затихло. Помню, точно сквозь сонъ, что мать моя подошла ко мнѣ, нагнулась къ самому моему уху и поздравила меня съ рожденіемъ дочери. Я не

выразилъ никакой радости по поводу этого событія, но былъ не-сказанно счастливъ, что кончились муки страдалицы, что наступила тишина.

Жена поправилась раньше меня, а когда наступило и мое выздоровленіе, я узналъ, что нашу дѣвочку отдали кормилицѣ, въ трехъ верстахъ отъ города, и, такимъ образомъ, я даже въ глаза не видѣлъ своего перваго ребенка.

Послѣ своего выздоровленія я бросилъ было совсѣмъ мысль о бѣгствѣ, мнѣ было очень жаль и жену, и ребенка, и я началъ было думать о возможности устроить другую жизнь въ Вильнѣ же. Но вскорѣ разумъ сталъ брать верхъ надъ чувствомъ. Убѣдившись, что въ родномъ городѣ, окруженный давившей меня сферой фанатизма, ничего путнаго не добьюсь, въ особенности же безъ средствъ и поддержки, я, воодушевленный письмами брата, снова и окончательно рѣшился бѣжать.

Но гдѣ взять деньги, хотя бы на дорогу? Желѣзной дороги изъ Вильны до Кіева еще тогда не было, и добраться до него было очень нелегко. Мои сто рублей все еще лежали въ оборотѣ у тещи, отъ котораго, не возбуждая подозрѣнія, я ихъ требовать не могъ. Мой «банкиръ», безъ разрѣшенія тещи и жены, больше денегъ не далъ бы мнѣ; нѣкоторые мои знакомые, посвященные въ мой планъ и одобрявшіе его, матеріальной поддержки не могли мнѣ оказать. Что дѣлать?

И вотъ я рѣшился на самый рискованный шагъ. У моей тещи, женщины простой и почти невмѣняемой, не игравшей никакой роли въ домѣ, было нѣсколько нитокъ порядочнаго жемчуга, котораго она никогда почти не на дѣвала, но которымъ иногда, по субботахъ и праздникамъ, украшалась моя жена, отправляясь на молитву. Жемчугъ стоилъ около 200 рублей, и подъ залогъ его легко было достать сто рублей. Онъ всегда лежалъ въ незапертомъ комодѣ, и я во всякое время могъ добыть его.

Узнавъ предварительно, что подъ жемчугъ мнѣ дѣйствительно выдадутъ сто рублей, я назначилъ себѣ день бѣгства. Не помню, по какимъ соображеніямъ я выбралъ воскресный день. Гораздо удобнѣе было бы, казалось, уѣхать въ послѣдніе дни недѣли, т.-е. до субботы, когда ни жена, ни теща жемчуга не надѣвали. Между тѣмъ я имѣлъ дерзость заложить его въ четвергъ, почему весь субботній день, наканунѣ моего бѣгства, я былъ въ страшной тревогѣ, не обнаружится ли отсутствіе жемчуга. Я блѣднѣлъ и дрожалъ каждый разъ, когда жена или теща ходили за чѣмъ нибудь въ комодъ: вотъ-вотъ спохватятся жемчуга, и все погибло. Но прошла суббота, жемчугъ не понадобился, и я успокоился.

Сдѣлавъ всѣ приготовленія къ бѣгству, я наканунѣ субботы отпраивлся пѣшкомъ за городъ, отыскалъ женщину, у которой находилась моя дѣвочка. Ей было тогда около двухъ мѣсяцевъ, и я

впервые ее увидѣлъ. При видѣ ея улыбки, во мнѣ пробудилось нѣчто въ родѣ родительскаго чувства и угрызенія совѣсти, но въ мои 19 лѣтъ все это легко улетучилось.

Утромъ въ день моего бѣгства я, по обыкновенію, отправился въ мелитвенный домъ на утреннюю молитву, забравъ съ собою «уфиликъ» (кожаныя коробочки, въ которыхъ хранятся писанные на пергаментѣ нѣкоторые стихи Пятикнижія), надѣваемый въ будніе дни на лобъ и на лѣвую руку, думая, что мнѣ придется молиться по еврейскому обряду. «Талесъ» же (тонкая шаль изъ чистой шерсти, къ четыремъ концамъ которой придѣланы цицисъ, шерстяные же узлы, имѣющіе символическое значеніе) я оставилъ въ молитвенномъ домѣ, потому что онъ не такъ обязателенъ при совершеніи молитвы.

Вернувшись домой, я, какъ и всегда, позавтракалъ съ женой, которая сейчасъ же отправилась въ отцовскую лавку, не подозрѣвая, разумѣется, что мы долго не увидимся... Не помню теперь, что я перечувствовалъ въ эту минуту. Но, должно быть, я неособенно волновался, или же сумѣлъ скрыть свое волненіе, если жена не замѣтила ничего выходящаго изъ ряда ни на моемъ лицѣ, ни въ моихъ движеніяхъ.

По уходѣ жены я спокойно забралъ съ собою деньги и паспортъ, надѣлъ осеннее пальто на лѣтнюю пару, хотя было очень жарко на дворѣ, спокойно вышелъ изъ дома и отправился пѣшкомъ на вокзалъ желѣзной дороги, предварительно оставивъ письмо на имя отца, въ которомъ откровенно сообщилъ ему, что уѣзжаю въ Кіевъ, что рѣшился учиться и поступить въ университетъ, что заложилъ жемчугъ, принадлежащій тецѣ, за сто рублей; который во всякое время можно выкупить, и что не совѣтую никому гнаться за мною, потому что мое рѣшеніе безповоротно.

Боясь, однако, что за мною погонятся, и что попадутъ на мой слѣдъ, я рѣшился поѣхать въ Кіевъ окольными путями: на Ковно, Сувалки, Гродно и Пинскъ, а оттуда водою, по Припети и Днѣпру, въ Кіевъ. Желѣзная дорога была только до Ковна. Прибывъ на вокзалъ, я оглядывался во всѣ стороны, опасаясь встрѣтиться съ кѣмъ нибудь изъ знакомыхъ. Въ каждомъ жандармѣ я подозрѣвалъ преслѣдователя, а потому не рѣшался подойти къ касѣ взять билетъ. Къ счастью, явился мой другъ, посвященный въ мою тайну, который взялъ для меня билетъ. Я вѣско́ро попрощался съ нимъ, сѣлъ въ вагонъ и съ сердечнымъ трепетомъ сталъ ждать третьяго звонка, который, какъ казалось мнѣ, нарочно медлилъ съ цѣлью дать возможность задержать меня. Но вотъ, наконецъ, ожидаемый звонокъ раздался, кондукторъ далъ свистокъ, поѣздъ тронулся, и я свободно вздохнулъ.

Мнѣ трудно передать то чувство, которое завладѣло мною по отъѣздѣ изъ Вильны. Кончилась цѣлая полоса жизни, и началась

новая, совершенно мнѣ неизвѣстная. Мнѣ было и радостно, что бѣгство удалось, и жутко передъ грознымъ будущимъ, и грустно, что пришлось бросить семейный очагъ и причинить горе и страданіе близкимъ людямъ, и страшно, что меня могутъ остановить. Но я былъ слишкомъ молодъ, и сознаніе, что я вырвался изъ мрака къ свѣту, окрыляло меня и успокоило.

Черезъ два съ чѣмъ-то часа я уже былъ въ Ковнѣ. Зная, гдѣ проживаютъ балагуле (евреи, занимавшіеся перевозомъ пассажировъ изъ города въ городъ на своихъ лошадахъ и въ своихъ экипажахъ), я прежде всего отыскалъ такового и сговорился съ нимъ о поѣздкѣ въ Сувалки. Но онъ могъ собрать всѣхъ пассажировъ и выѣхать лишь вечеромъ. Пришлось ждать около семи часовъ. Не зная, что съ собою дѣлать, я вздумалъ посѣтить одного моего полузнакомаго молодого еврейскаго поэта, Исеръ-Бера, Вольфа котораго я зналъ еще во время моего скитальчества въ Ковнѣ и въ котораго былъ буквально влюбленъ.

Плѣнилъ онъ меня, во-первыхъ, своей необыкновенной миловидностью и изяществомъ; во-вторыхъ, безукоризненнымъ европейскимъ платьемъ—его родители были очень состоятельные люди—и, въ-третьихъ, крайне симпатичнымъ поэтическимъ талантомъ. Еще будучи юношей лѣтъ 15—16, онъ помѣщалъ свои стихотворенія на древне-еврейскомъ языкѣ въ газетѣ «Гомагидъ» (см. выше), которыя приводили меня въ восторгъ. Впослѣдствіи имя молодого поэта сдѣлалось знаменитымъ среди евреевъ. Понятно, что, кропя самъ стихи, но не удостоившись видѣть ни одного изъ нихъ въ печати, я смотрѣлъ съ благоговѣніемъ и завистью на Вольфа, какъ на счастливѣйшаго избранника музъ. Такъ какъ отецъ его былъ прихожаниномъ молитвеннаго дома Гирша Несвижскаго, то мнѣ часто приходилось встрѣчать такъ юнаго поэта и послѣ долгихъ стараній удалось представиться ему и показать свои стихи. Вольфъ, какъ настоящій поэтъ, былъ очень деликатенъ со мною, поощрялъ меня на литературномъ поприщѣ вообще, снабжалъ меня книжками, но не особенно сблизился со мною, на что я и претензіи не имѣлъ.

Но вотъ теперь, въ качествѣ женатаго человѣка и искателя просвѣщенія, одѣтый довольно чисто и прилично, я рѣшился посѣтить Вольфа въ домѣ его родителей, на что я раньше не дерзалъ. Молодой поэтъ былъ дома. Онъ принялъ меня весьма любезно, но сдержанно, выслушалъ внимательно мою исповѣдь, похвалилъ за стремленіе къ общеевропейскому образованію, но не одобрялъ ни моего бѣгства, ни обмана, къ которому я прибѣгнулъ, и высказалъ глубокое сожалѣніе къ судьбѣ моей бѣдной жены и ребенка... Я ушелъ отъ него сконфуженный, но успокоенный отчасти обѣщаніемъ Вольфа вести со мною литературную переписку. Когда, впослѣдствіи, живя уже въ Кіевѣ, я получилъ отъ него

отвѣтъ на мое письмо, то былъ истинно счастливъ, безконечное число разъ перечитывалъ его посланіе ко мнѣ и до сихъ поръ храню его два письма (ихъ только всего и было), хотя черезъ четыре года я встрѣтился съ Вольфомъ, при другой совершенно обстановкѣ, и наши дороги въ жизни круто разошлись.

Вечеромъ того дня, послѣ обычныхъ безконечныхъ препятствій и проволочекъ, нашъ «балагуле» составилъ свой «поѣздъ», и мы тронулись въ путь.

Не помню ни своихъ попутчиковъ,—а ихъ было человѣкъ восемь,—ни какихъ либо дорожныхъ впечатлѣній. Несмотря на то, что стояла чудная весна, что по дорогѣ встрѣчались, вѣроятно, восхитительныя мѣстности, я не испытывалъ никакого восторга отъ окружающей природы. Между тѣмъ, впоследствии, я сдѣлался весьма чуткимъ къ красотамъ природы и восторгался ими, какъ поэтъ. Видно, что сама природа чаруетъ человѣка только послѣ культурнаго его воспитанія. Безъ культуры самыя могучія чары природы не оставляютъ никакого слѣда въ человеческой душѣ. Поэтому ни коренные жители деревни, ни малокультурные горожане, ни въ особенности темные и забытые евреи не понимаютъ чаръ природы и не восхищаются ея красотой.

Впрочемъ, быть можетъ, что моя тогдашняя тупость впечатлѣнія была вызвана постояннымъ угнетеннымъ состояніемъ духа, угрызениемъ совѣсти и неизвѣстнымъ будущимъ. До красотъ ли природы мнѣ было тогда?!

Въ Сувалки мы прибыли черезъ два дня. Здѣсь, не отдыхая, я взялъ мѣсто у другого балагуле до Гродна, куда мы пріѣхали черезъ три дня. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы доѣхать изъ Вильны до Гродна по желѣзной дорогѣ въ 4 часа, я пробылъ въ пути пять сутокъ... Въ Гроднѣ пришлось остановиться на два дня, потому что въ пятницу, наканунѣ субботы, ни одинъ балагуле не соглашается предпринимать далекій путь.

Гродно, какъ одинъ изъ главныхъ центровъ сѣверо-западнаго еврейства, поражалъ меня своей бѣдностью, скученностью и жалкой своей торговлею. Вильно, какъ извѣстно, также не отличается ни богатствомъ своего населенія, ни красотой домовъ, ни гигиеническими условіями. Но, какъ родной мой городъ, онъ не казался мнѣ никогда такимъ нищенскимъ. Подкупаетъ Вильно еще тѣмъ, что это—столица Литвы, что здѣсь пребываетъ генералъ-губернаторъ, что здѣсь узелъ желѣзныхъ дорогъ,—не говоря уже о чудныхъ, неподобныхъ окрестностяхъ.

Ничего этого нѣтъ въ жалкомъ Гроднѣ. Я никакъ не могъ постигнуть, чѣмъ питается его сорокатысячное населеніе, какъ существуетъ и какъ ухитряется еще имѣть множество благотворительныхъ учрежденій.

Проскучавъ весь субботній день въ ахсанье (постоялый дворъ), такъ какъ въ Гроднѣ нѣтъ никакихъ достопримѣчательностей, ко-

торья стоило бы осмотрѣть, я вечеромъ того же дня двинулся въ дальнѣйшій путь, въ Пинскъ. Балагуле, т.-е. цѣлаго «поѣзда», отъ Гродна до Пинска не составлялось, а потому мнѣ пришлось нанять «одиначку», крытую рогожей телѣжку, запряженную въ одну лошаденку, разумѣется, у еврея же, взявшагося доставить меня до Пинска въ теченіе 6 дней. Какъ ни тоскливо и неудобно было подобное путешествіе, но другого выбора не было.

Прелесть его сказалась въ слѣдующую же ночь. Когда мы проѣзжали черезъ громаднѣйшій, густой лѣсъ, насъ настигла страшная гроза. Въ нѣсколько минутъ по узкой, проселочной дорогѣ образовался глубокой ручей; ослѣпительныя молніи и раскаты грома чередовались непрерывно; дождь лилъ цѣлыми потоками. Несчастливая лошаденка остановилась, понутивъ голову; столь же несчастный возница, промокши до костей, забрался ко мнѣ въ бричку, которая, впрочемъ, плохо защищала отъ ливня. Такія минуты, при такой обстановкѣ, ночью, среди темнаго лѣса, я переживалъ впервые, — и мнѣ казалось, что самъ карающій и грозный Богъ Израиля преслѣдуетъ меня лично за побѣгъ отъ жены и за намѣреніе оскверниться европейскимъ просвѣщеніемъ...

На шабашъ, т.-е. въ пятницу въ полдень, мы наконецъ прибыли въ Пинскъ. Какимъ грязнымъ и убогимъ казался мнѣ тогда этотъ уѣздный городъ! На улицахъ кишѣло, какъ въ муравейникѣ. Кромѣ евреевъ, казалось, никого въ городѣ не было. Всѣ въ длинныхъ, рваныхъ, засаленныхъ балахонахъ, съ длинными, болтающимися пейсами, въ какихъ-то особенныхъ еврейскаго покроя картузахъ. Лица у всѣхъ измученныя, испуганныя, отталкивающія; ни на комъ не видно и тѣни улыбки; всѣ куда-то свѣшать, бѣгутъ; еврейскій жаргонъ нараспѣвъ рѣжетъ уши. Въ особенности раздражаетъ визгъ евреекъ-торговокъ, старыхъ, грязныхъ, въ лохмотьяхъ, но въ парикахъ и чепцахъ. Все это возбуждаетъ отвращеніе, и въ то же время вызываетъ невольную жалость къ этой нищей массѣ, цѣпляющейся за жизнь, работающей и рыскающей съ утра до ночи, чтобы насытить свои голодные желудки и покрыть свою голытьбу. И въ который уже разъ возникалъ у меня вопросъ: чѣмъ же живетъ эта многомилліонная толпа, какъ сводитъ концы съ концами, какія у нея цѣли и стремленія? Но неопытный умъ, не имѣя никакого понятія о жизни народовъ, о государственномъ строѣ, о политической экономіи, не находилъ отвѣта на эти вопросы.

Въ Пинскѣ у меня былъ дальній родственникъ. Узнаю, гдѣ онъ живетъ, и отправляюсь съ нему. Родственникъ, сравнительно, довольно зажиточный человекъ, но, какъ и всѣ евреи въ Пинскѣ, страшный фанатикъ, встрѣчаетъ меня съ удивленіемъ, узнавъ, что я ѣду въ Кіевъ. Но я выдумалъ фантастическій предлогъ поѣздки, которому онъ повѣрилъ, и я получаю приглашеніе «на субботу». Я принимаю приглашеніе съ благодарностью, прошу со-

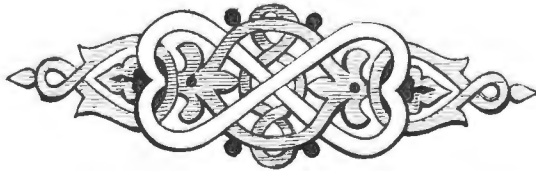
дѣйствія моего родственника къ дальнѣйшему путешествію, которое мнѣ и обѣщаютъ. Провожу у родственника весь субботній день въ молитвахъ, ѣдѣ и бесѣдѣ о божественныхъ предметахъ. Между прочимъ, этотъ родственникъ доказывалъ мнѣ величіе еврейской религіи вообще и невыблемость субботняго дня въ особенности тѣмъ, что, какъ христіане, такъ и магометане, эти двѣ всемірныя религіи, выросшія на почвѣ еврейства, празднуютъ день отдыха въ ближайшіе отъ субботы дни: первые—въ воскресенье, а вторые—въ пятницу.

— Вотъ не хотѣли основатели этихъ религій праздновать день отдыха одновременно съ евреями, однако не посмѣли отступить далеко отъ субботы!—побѣдоносно говорилъ мой родственникъ:— не посмѣли назначить, вмѣсто субботы, среду либо четвергъ, а вотъ все вертѣлись около субботы...

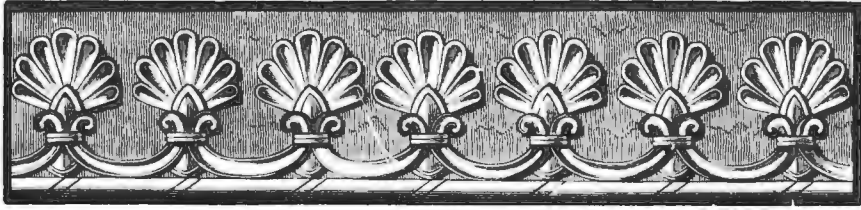
Я, глубоковѣрующій еще тогда еврей, не имѣвшій никакого понятія ни о христіанствѣ, ни о магометанствѣ, съ благоговѣніемъ слушалъ моего ученаго родственника и еще больше проникся вѣрою въ святость субботы,—но, увы! не надолго...

Не помню никакихъ подробностей о путешествіи моемъ на пароходѣ изъ Пинска до Кіева, хотя мнѣ впервые пришлось ѣхать на пароходѣ. Смутно только помню, что мы нѣсколько дней плыли по Припети, миновали Пинскія болота, вошли въ Днѣпръ, не представляющій вполнѣ до Кіева никакихъ живописныхъ мѣстностей, и потому не оставившій въ моей памяти никакихъ впечатлѣній.

А. Г.

ЦАРЕДВОРЕЦЪ-УЧЕНЫЙ ¹⁾.

II.

ОКИНУВЪ государственную службу, графъ А. А. Кейзерлингъ проводитъ закатъ жизни и старость частнымъ человѣкомъ, хотя числится на службѣ и сохраняетъ придворное званіе гофмейстера.

Несмотря на отсутствіе внѣшнихъ побужденій къ дѣятельности, старческая эпоха жизни Кейзерлинга представляетъ немалый интересъ по чуткости, съ которой онъ относится какъ къ впечатлѣніямъ, почерпаемымъ изъ путешествій, встрѣчъ и общенія съ симпатичными людьми, такъ и къ политическимъ и общественнымъ событіямъ, разыгрывавшимся въ 70-хъ и 80-хъ годахъ; съ другой стороны постояннымъ обновленіемъ для него являются чтеніе и непрестанная литературная любознательность.

Въ сентябрѣ 1872 г. гр. Кейзерлингъ съ семьєю уѣзжаетъ за границу для завершенія образованія младшей дочери Маріи и, проѣздомъ чрезъ Берлинъ, въ послѣдній разъ проводитъ нѣсколько дней въ обществѣ великой княгини Елены Павловны. Зимой 1871—1872 г. она перенесла рожистое воспаленіе головы; послѣдствіемъ этого явился страшный упадокъ силъ; профессоръ Эйхвальдъ надѣялся, что пребываніе на югѣ возстановитъ здоровье высокой больной, и дѣйствительно, по началу, во Флоренціи, гдѣ великая княгиня поселилась, къ ней вернулась прежняя бодрость. По обыкновенію около нея образовался кружокъ выдающихся людей, и

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСІ, стр. 936

среди нихъ Елена Павловна особенно отличала поэта Алеардо Алеарди. Вскорѣ, однако же, наступила еще пущая слабость, и осенью 1873 года, когда съ великою княгинею свидѣлся графъ Кейзерлингъ, она не скрывала, что ее тянетъ въ Петербургъ желаніе умереть дома,—такъ въ послѣдствіи и случилось.

Уже 26-го января 1873 г. баронесса Эдита фонъ-Раденъ сообщила графу печальную вѣсть о кончинѣ его высокой покровительницы и кумы.

«Изъ-за границы ее невообразимо гнало какое-то влеченіе домой,—пишетъ г-жа фонъ-Раденъ.—Ни убѣжденія, ни совѣты не могли удержать ее отъ возвращенія въ Петербургъ; съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ускоряла она путешествіе, и съ трудомъ уговорили ее нѣсколько дней отдохнуть въ Берлинѣ. Только въ Петербургѣ почувствовала себя великая княгиня наконецъ успокоенною и удовлетворенною. Первые десять дней она чувствовала значительный приливъ свѣжести и бодрости, въ день своего рожденія принимала посѣтителей, но 1-го января уже не могла выѣхать въ Зимній дворецъ и принимала царскую семью у себя, хотя не домогала. 4-го (16-го) января въ день рожденія внучки она въ послѣдній разъ выѣзжала на прогулку, кушала одна, а вечеромъ приняла врача съ докладомъ по дѣламъ медицинскаго института ея имени—очень продолжительный докладъ выслушала она внимательно, но потомъ жаловалась, что слишкомъ понадѣялась на свои силы и переутомилась. Ночью у нея начались рвоты, на другой день она уже не могла подняться съ постели, а вмѣстѣ съ тѣмъ усилились затрудненія пищеваренія... 7-го января великая княгиня чувствовала себя лучше, но 8-го сказался внезапный упадокъ сердечной дѣятельности—ослабленіе жизненныхъ силъ заставило ожидать наихудшей развязки. Въ полубезсознательномъ состояніи, повидимому, безболѣзненно, провела великая княгиня всю ночь, а затѣмъ наступилъ параличъ мозга, и 9-го января въ 2 часа 10 минутъ ночи Елена Павловна испустила послѣдній вздохъ»...

«Незабвенно и превыше всего дорого мнѣ то,—прибавляетъ баронесса фонъ-Раденъ,—что въ послѣднюю ночь великая княгиня окинула меня яснымъ осмысленнымъ взглядомъ, вытянула изъ-подъ одеяла руку и подала ее мнѣ. Я поняла, что она со мною прощается, и по сей часъ ощущаю пожатіе любимой, умирающей руки. Въ первые 24 часа послѣ кончины лицо усопшей поражало неземною красотою—побѣдоносною добротою и миромъ вѣяло отъ ея чела. Если жизнь ея очертить коротко, то воистину можно сказать: «она искала свѣта»...

Кончина Елены Павловны сильно потрясла Кейзерлингъ: «въ этой чудной женщинѣ,—пишетъ онъ,—я теряю неизмѣнную покровительницу и свѣточъ, который озарялъ и оживлялъ мою жизнь. Моя дочь Елена вѣсѣмъ сердцемъ къ ней привязана и обязана ей

выработкою твердости характера. А какъ скажется кончина великой княгини на общественныхъ дѣлахъ!»

Кейзерлингъ сохранилъ и далѣе дружественныя связи съ Михайловскимъ дворцомъ и особенно сблизился съ супругомъ великой княжны Екатерины Михайловны, принцемъ Георгомъ Мекленбургъ-Штрелицкимъ, довѣріемъ котораго пользовался, и присутствовалъ даже при послѣдней его болѣзни и кончинѣ въ 1876 г.¹⁾

Возвращаясь назадъ къ заграничному путешествію Кейзерлинга, отмѣтимъ, что съ октября 1872 г. онъ болѣе чѣмъ на полгода поселился въ Веймарѣ: «я нашелъ здѣсь прекраснаго преподавателя музыки для дочери... Виды здѣсь чудные, погода прекрасная, театръ поразительно хорошъ. Здѣшнее общество я видѣлъ вчера впервые у нашего повѣреннаго въ дѣлахъ, графа Толля, познакомился, между прочимъ, со вдовствующею баронессою Мейендорфъ, урожденною Горчаковою, — изъ нашихъ земляковъ живетъ здѣсь баронъ Корфъ (изъ Прескулена). По художественной части тутъ немало интереснаго, въ художественной школѣ не прекращается интересная выставка картинъ, предназначенныхъ на продажу. Когда здѣсь пребываетъ дворъ, и тамъ проявляется бойкое оживленіе. Словомъ сказать, я пораженъ тѣмъ, что даетъ этотъ городокъ, населеніе котораго не превышаетъ и 15 тысячъ душъ. Здѣсь мнѣ представился прекрасный случай отпечатать мою работу о папоротникахъ. Это довольно бесплодно, но какъ пчела, ни на что не смотря, должна выдѣлывать медъ, такъ и я не могу существовать безъ научной производительности — это лежитъ у меня въ инстинктѣ».

Несмотря на сближеніе съ великогерцогскимъ семействомъ, сдѣлавшее графиню З. Е. Кейзерлингъ и обѣихъ ея дочерей постоянными и интимными гостями во дворцѣ, самъ графъ въ восхищеніи Веймаромъ далеко не пересаливаетъ: «Жители мелкихъ государствъ, — замѣчаетъ онъ, — мало доступны разумнѣю широкихъ обще-человѣческихъ вопросовъ. Такія государства въ лучшемъ случаѣ, имѣя подходящую столицу, становятся прибѣжищемъ для искусства, а обладаніе университетомъ дѣлаетъ ихъ разсадникомъ науки, но во всемъ прочемъ они служатъ филистерству».

Исканіе болѣе живыхъ интересовъ побуждаетъ Кейзерлинга предпринимать изъ Веймара раззѣзды: «Нѣмецкіе университеты, составляя пристанище чистѣйшихъ и отвлеченнѣйшихъ научныхъ стремленій, напоминаютъ нѣсколько теплицу; постоянное пребываніе въ ней для растенія, вполне развившагося, мало подходитъ, но на короткое время попасть туда пріятно и полезно»... «я уже побывалъ въ Лейпцигѣ и насладился общеніемъ съ вѣчно бодрымъ и упругимъ Рошеромъ (политико-экономомъ); впрочемъ на остроумнѣйшимъ человекомъ въ Лейпцигѣ оказался физиологъ Людвигъ. Въ скорости

¹⁾ II, 15, 16, 17 и 104 стр.

я проѣду въ Іену, хотя тамошній университетъ лишился лучшаго своего украшенія съ переходомъ Куно-Фишера (историка философа) въ Гейдельбергъ»...

Вызванный въ Берлинъ шутивнымъ приглашеніемъ Бисмарка, Кейзерлингъ провелъ въ январѣ 1873 г. два дня со своимъ другомъ и писалъ проф. Штрюмпелю: «...Два дня, которые я могъ прогостить въ Берлинѣ, наши обѣды затягивались чуть ли не по четыре часа, и великій человѣкъ въ оживленной бесѣдѣ изливалъ такое богатство мыслей по поводу настоящаго, прошлаго и житейской мудрости, какое ординарная голова не стала бы и растрачивать въ ничего не значащихъ разговорахъ. Я вамъ скажу, какъ этотъ человѣкъ здравствуетъ и выглядитъ, отъ него Германія многого еще можетъ ожидать, чего другой ей не дастъ. Правда, вслѣдствіе обильнаго и постояннаго притока мыслей нервы его уже теперь требуютъ пощады, и Бисмаркъ не позволяетъ себѣ курить сигаръ, но послѣ обѣда покойно попыхиваетъ и выкуриваетъ три, четыре трубки и то же продѣлываетъ на сонъ грядущій, между 10—12 часами вечера»¹⁾.

По возвращеніи на родину въ 1873 г. гр. Кейзерлингъ назначается по выборамъ на должность ландрата. «Я опять сдѣлался ландратомъ,—пишетъ онъ.—Мнѣ думается, каждый изъ насъ долженъ служить родинѣ, доколѣ не достигъ лѣтъ, освобождающихъ вообще человѣка отъ общественной дѣятельности. Впрочемъ должность ландрата преспокойная, пожалуй, даже болѣе незамутимая, чѣмъ пасторство». Такъ какъ по должности ландрата Кейзерлингъ долженъ былъ отбывать временныя судебныя сессіи въ Ревелѣ, то онъ часто наѣзжаетъ туда и участвуетъ въ обсужденіи преобразованія судебной части въ Прибалтійскомъ краѣ; въ 1875 г. онъ пишетъ: «...На сей разъ, какъ говорятъ, наши засѣданія и впрямь послѣднія. Въ 1876 г. все уже должно быть закончено, и цѣлая куча жрецовъ Ѡемиды станутъ кормиться отъ должностей мировыхъ судей, съ окладами отъ 1.500 до 3.000 рублей».

Въ то же время возвращеніе Кейзерлинга къ хозяйственной дѣятельности приводитъ его къ избранію въ предсѣдатели Эстляндскаго общества сельскихъ хозяевъ. «Des révenants» (пришельцы съ того свѣта) вообще вещь негодная, но разъ налицо не имѣется болѣе подходящаго радѣтеля и воротилы, пусть ужъ лучше старая универсальная сѣялка замѣщаетъ это мѣсто, хотя, я боюсь, въ закромахъ сѣялки запасъ зеренъ близится къ концу».

Вообще въ теперешней дѣятельности Кейзерлингъ выступаетъ далеко не такъ рѣшительно и энергично, какъ прежде: «...Пока я работалъ для науки,—пишетъ онъ,—предо мною всегда былъ цѣлый разрядъ человѣчества, для приумноженія знанія котораго я

¹⁾ II, стр. 4—6, 18, 19, 22.

могъ вносить и дѣйствительно вкладывать свою ленту..., въ области же политики балтіецъ въ дрянномъ положеніи: я, напримѣръ, лично долженъ былъ порвать съ обрусителями, а это лишило меня въ низшихъ сферахъ довѣрія, которое достается тому, чье слово пользуется вѣсомъ на верху... Мои добросовѣстные старанія о неприкрашенной правдѣ вызываютъ только обиды. Хотя подъ часть то здоровое, что я задумываю, и получаетъ осуществленіе, для людей рутины я все-таки остаюсь человѣкомъ неудобнымъ. Въ результатѣ—на печальномъ порогѣ старости я въ силу вѣшнихъ обстоятельствъ оказываюсь болѣе одинокимъ, чѣмъ можно было бы этого ожидать въ моемъ положеніи и при моихъ занятіяхъ...¹⁾.

Къ общественнымъ, такъ сказать, невзгодамъ у Кейзерлинга присоединяются домашнія.

«У меня въ семьѣ не благополучно,—писалъ онъ барону Искюлю, по возвращеніи въ Райкюль, отъ 28-го іюля 1873 г.—Моя дочурка, мой нѣжный цвѣточекъ Мари, страдаетъ сложною непрекращающеюся лихорадкою. Мы этимъ подавлены. Больная, впрочемъ, жаждетъ развлечения и любить, когда наѣзжаютъ гости. Поэтому я изъ дома не отлучаюсь и радъ былъ бы видѣть васъ у насъ».

«Сложный ли это воспалительный процессъ,—жалуется онъ доктору фонъ-Зейдлицу,—или необычайный видъ бугорчатки, я не знаю, но результатъ для меня одинаковъ: въ одно время съ прилетомъ соловьевъ, которыхъ въ Райкюль прежде не водилось, родилась наша Мари 1-го мая, но я сомнѣваюсь, доведется ли ей въ эту весну услышать новыхъ соловьевъ».

Дѣйствительно въ положеніи больной 20-го января 1874 года наступило ухудшеніе, а 23-го января она скончалась.

Въ этомъ же году 29-го сентября старшая дочь Кейзерлинга Елена Александровна вышла замужъ за сосѣдняго помѣщика барона фонъ-Таубе, и графъ А. А. Кейзерлингъ теперь почувствовалъ себя нѣсколько осиротѣлымъ. Отношенія его къ сыну, правда, носили дружественный характеръ, но научные интересы у нихъ были разные, и вся дѣятельность графа Льва Александровича сложилась на иной нѣсколько ладъ, чѣмъ у отца, такъ какъ онъ жилъ въ Лифляндіи, гдѣ обзавелся семьею и хозяйничалъ въ выдѣленныхъ ему лѣсныхъ материнскихъ имѣніяхъ Кюнно и Керкау; поэтому между отцомъ и сыномъ едва ли существовала такая тѣсная органическая связь, какая обнаруживается изъ переписки стараго графа къ старшей дочери²⁾.

¹⁾ П, стр. 43, 83, 97, 388.

²⁾ Графъ Левъ Александровичъ Кейзерлингъ родился въ 1849 году, и послѣ ряда неудачныхъ опытовъ съ домашними наставниками воспитаніе его было ввѣрено другу семьи, д-ру Эренбушу, въ Ревелѣ, такъ какъ слабогрудый мальчикъ, страдавшій часто головными болями, требовалъ постояннаго, внимательнаго

Графъ А. А. Кейзерлингъ отнынѣ проживаетъ вдвоемъ со старою женою то въ опустѣломъ Райкюллѣ, то въ Ревелѣ.

«. . . Мы съ Зинаидою освоились съ тихою, уединенною жизнью этого городка. Обѣдаемъ мы съ женою вдвоемъ, потомъ читаемъ

ухода, и болѣзненность его вызывала немало тревоженій и опасеній въ родителяхъ.

По окончаніи гимназіи въ Биркенруэ, графъ Лео поступилъ въ 1868 году въ Дерптскій университетъ, гдѣ особенно сблизился съ Теодоромъ Шиманномъ, будущимъ профессоромъ исторіи Берлинскаго университета, и самъ специализировалъ свои занятія на исторіи преимущественно Россіи и Византіи; при этомъ графъ А. А. Кейзерлингъ руководилъ сына въ изученіи греческаго языка и философіи, а въ теченіе лѣтнихъ вакацій приохачивалъ къ сельскому хозяйству и, какъ будущаго помѣщика, ознакомилъ сына въ подробности съ сельско-хозяйственною бухгалтеріею. Въ 1871 году графъ Левъ Александровичъ Кейзерлингъ былъ удостоенъ отъ Дерптскаго университета золотой медали за изслѣдованіе по исторіи культуры Россіи въ царствованіе Іоанна Грознаго, и перешелъ въ С.-Петербургскій университетъ. Вращаясь въ кружкѣ Канкринныхъ, Ламбертовъ, Суворовыхъ, молодой Кейзерлингъ вскорѣ сталъ тяготиться праздною суетою свѣтской жизни и свелъ свое знакомство съ учеными кружками, особенно сблизившись съ византинистомъ Дестунисомъ. По окончаніи университетскаго образованія молодой Кейзерлингъ въ Берлинѣ занимался у Моммсена въ его извѣстной семинаріи и въ Геттингенѣ. «Я съ моимъ сыномъ оказался въ положеніи курицы, выведенной утенка,— писалъ графъ А. А. Кейзерлингъ Зейдлицу,—на мой взглядъ исторія всегда представлялась зыбкимъ элементомъ, и я не понимаю, какъ можно всю жизнь посвящать плаванію безъ руля и безъ вѣтриль. Тамъ, гдѣ у меня изъ-подъ ногъ уходитъ почва повторяемости наблюденій и непреложности законовъ, управляющихъ явленіями, я испытываю такое сознаніе, будто вращаюсь среди идеальныхъ романтическихъ приключеній и случайностей. Наоборотъ иные умы устроены такъ, что тяготеютъ всемъ, носящимъ характеръ неизмѣнной закономерности, и потребностью для нихъ являются впечатлѣнія болѣе подвижныя. Очевидно сынъ отъ меня родственныхъ дарованій не унаслѣдовалъ, но къ нему преемственно отъ болѣе раннихъ предковъ перешли таланты, мнѣ чуждые» (I, сер. 600—601).

Перенесенныя тяжелыя болѣзни (воспаленіе легкихъ, плевроитъ и пр.) и обострившіяся головныя боли заставили, однако же, Льва А. Кейзерлинга отказаться отъ дальнѣйшей ученой карьеры.

Получивъ въ 1875 г. въ управленіе лифляндскія имѣнія Кѣнно и Керкау, Л. А. посвятилъ себя преимущественно лѣсному хозяйству, съ помощью отца, изучилъ спеціальную по этому предмету литературу и, поправивъ свое здоровье, сдѣлался страстнымъ и ловкимъ охотникомъ. Онъ несъ по выборамъ въ Перновскомъ округѣ службу «Ordnungsrichter»'а и «Kreisdeputiertir»'а, въ 1879 году женился на Іоганнѣ фонъ-Грюневальдтѣ, образцово устроилъ лѣсную часть въ своихъ имѣніяхъ, отстроилъ заново господскую усадьбу, завелъ лѣсопильную мельницу и своею распорядительностью и умѣlostью нерѣдко вызывалъ восторженные отзывы отца; съ такимъ же уваженіемъ относился старій графъ и къ судебной дѣятельности сына, особенно въ эпоху преобразования балтійскихъ судовъ.

По смерти графа А. А. Кейзерлинга, сынъ его собирался написать подробную біографію отца, но преждевременная смерть помѣшала ему исполнить это намѣреніе. Рамки для этой работы, рассчитанной на использование дневниковъ и переписки графа, намѣчены въ напечатанномъ Львомъ Кейзерлингомъ въ 1894 году трудѣ: «Aus den Tagebuchblättern des Grafen Alexander Keyserling, herausgegeben von seiner Tochter Freifrau H. von Taube. Mit einer Lebensskizze verfasst von Gr. Leo v. Keyserling (Stuttgart, Cotta's Verlag)».

газеты, дремлемъ немножко, затѣмъ до чая я занимаюсь литературною работою ¹⁾; иногда же Зинаида читаетъ мнѣ вслухъ «Revue des deux mondes» или раскладываетъ пасьянсъ мнѣ въ назиданіе. Въ 10 часовъ она уходитъ спать, а я отправляюсь въ клубъ и

Графъ Александръ Александровичъ Кейзерлингъ.

за кружкою пива засиживаюсь иногда до полуночи, болтая со старикомъ Фокомъ» (предсѣдателемъ Oberlandgericht'a...).

Прежнія служебныя разочарованія, утрата дочери и обрусительныя вѣянія, съ которыми въ 1870-хъ годахъ пришлось считаться

¹⁾ Кейзерлингъ намекаетъ здѣсь на «Gedächtnissrede auf Karl Ernst von Baer», напечатанную впоследствии въ «Revaler Beobachter» за 1892 годъ, и на теологическую «истор. вѣстн.», апрѣль, 1903 г., т. xop.

балтамъ, налагаютъ меланхолическую складку на разсужденія и дѣйствія Кейзерлинга.

«По 62-му году,—пишетъ онъ Бэру,—я утратилъ вкусъ къ путешествіямъ, и требуются необычайныя обстоятельства, чтобы сдвинуть меня съ мѣста, къ которому я приросъ всѣми корнями... Не то, чтобы я для путешествій физически одряхлѣлъ, но удовольствія въ нихъ не нахожу. Слишкомъ живеть во мнѣ сознаніе, что въ мірѣ искать болѣе ничего»¹⁾).

«Необычайныя обстоятельства», однако же, заставляютъ графа изрѣдка выползать изъ своей раковины.

По поводу случайно разысканныхъ и пересланныхъ въ Петербургъ къ государынѣ писемъ посланника фонъ-Бенкендорфа²⁾, Кейзерлингъ чрезъ баронессу фонъ-Раденъ былъ подъ рукою спрошенъ, пріятно ли ему будетъ получить отъ императрицы Маріи Александровны приглашеніе пріѣхать въ Петербургъ.

«... Я безъ колебаній просилъ баронессу по возможности отклонить это приглашеніе, хотя, разумѣется, всегда готовъ служить высочайшей волѣ... По достиженіи 60-ти-лѣтняго возраста не слѣдуетъ совсѣмъ сходить со сцены, но лучше пребывать вѣрнымъ тому положенію, въ какомъ находишься, не ища перемѣнъ».

Тѣмъ не менѣе вслѣдствіе вторично выраженного императрицею желанія Кейзерлингъ въ маѣ 1876 г. ѣдетъ въ С.-Петербургъ и по старой памяти поселяется въ Михайловскомъ дворцѣ. «11-го мая герцогъ Георгъ переслалъ мнѣ записку государыни, въ которой она наказываетъ, чтобы я немедленно къ ней явился не въ мундирѣ... Императрица сдѣлала нѣсколько шаговъ мнѣ навстрѣчу, изволила сѣсть и указала мнѣ на стулъ рядомъ. Государыня коснулась сначала тягостныхъ потерь, мною недавно понесенныхъ³⁾; затѣмъ разговоръ, по случаю телеграммы, полученной отъ государя изъ Эмса, перескочилъ на погоду, виды на урожай, на процвѣтаніе Ревеля, замкнутый національный характеръ эстовъ, хотя подъ черствою оболочкою этой порою скрывается самоотверженная преданность, какъ, на примѣръ, у лейбъ-медика императора Карреля. Такимъ образомъ въ обыденнѣйшихъ разговорахъ прошло около часу, и ни въ чемъ не могъ я угадать истинныхъ намѣреній, затѣмъ собственно меня призвали. Я нашель, что государыня вы-

---

гическое свое сочиненіе, появившееся въ 1876 году анонимно: «Bibelstellen über die Zukunft der Verstorbenen mit Bemerkungen u. Rückblicken» (Leipzig, Metzger's Verlag). Т. II, стр. 107, 115.

¹⁾ II, стр. 85, 46, 55, 74, 85, 106.

²⁾ Письма эти, заключающія любопытныя подробности о царской семьѣ, представляли большой историческій интересъ, но съ теченіемъ времени попали на чердакъ господскаго дома въ имѣніи Кехтель и были прислугою О. фонъ-Лиліенфельда, въ числѣ прочаго хлама, обращены на оберточную бумагу (II, стр. 86).

³⁾ Смерти дочери въ 1874 г., а затѣмъ старшей сестры Луизы и брата Эдуарда въ 1876 г.

глядитъ бодрѣе прежняго, хотя покашливаетъ и всю зиму провела, не выходя изъ дворца. «Я надѣюсь часто васъ видѣть»,— съ этими милостивыми словами былъ я наконецъ отпущенъ».

Позднѣ Кейзерлингъ прибавляетъ: «Императрица вызывала меня въ Петербургъ съ чисто платоническими намѣреніями; иные этому не повѣряютъ, а между тѣмъ такъ оно было. Я долженъ былъ ободриться, пригрѣтый лучами высочайшаго благоволенія».

«У меня нашлось время,—продолжаетъ Кейзерлингъ,—посѣтить моихъ старинныхъ друзей въ академіи (Брандта, Кокшарова, Шмидта и др.); я осмотрѣлъ сильно разросшіяся коллекціи Зоологическаго музея и Ботаническаго сада».

Пребываніемъ въ столицѣ графъ воспользовался, чтобъ ориентироваться въ злободневныхъ заботахъ русскаго общества.

«...Въ общемъ,—признается Кейзерлингъ подъ 21 мая 1876 г.,—преобразование судебной части оказалось удачнымъ; то же можно сказать объ общей воинской повинности, въ смыслѣ воздѣйствія ея на гражданственность; каково ея значеніе для военнаго дѣла, покажетъ лишь будущее»¹⁾.

Хотя Кейзерлингъ упорно прячется опять въ свою скорлупу, однако онъ неустанно слѣдитъ за событіями, которыя, быстро чередуясь во второй половинѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ, поражали и смущали современниковъ своею неожиданностью и важностью.

«Министерскій кризисъ во Франціи,—пишетъ онъ отъ 12-го декабря 1876 года,—разыгрался благополучно, но показалъ, что строй Франціи поколебать не трудно. У насъ дѣло обстоитъ иначе: никакихъ, конечно, потрясеній не явится оттого, проведетъ ли Рейтернъ утвержденіе таможенныхъ пошлинъ въ золотой валютѣ чрезъ государственный совѣтъ или чрезъ комитетъ министровъ. По слухамъ, Рейтернъ потерпѣлъ изрядныя нравственныя контузии или подвергнется имъ отъ представителей государственной науки. Я, впрочемъ, не вижу, какое нравоученіе почерпнетъ отсюда міръ, и насколько онъ ото всего этого поумнѣетъ. Единственно Бисмаркъ оцѣниваетъ современниковъ по достоинству и дѣлаетъ ихъ счастливыми чрезъ парламентскія свои рѣчи, которыя на повѣрку обличаютъ лишь ограниченность восторженныхъ его сторонниковъ».

Зачинавшіяся на Балканскомъ полуостровѣ тревожныя событія приводятъ графа въ недоумѣніе.

«Что вы скажете, — спрашиваетъ онъ Иксюля 23-го августа 1876 года,—о нелѣпомъ возбужденіи, разгорающемся въ Россіи по поводу сербскихъ дѣлъ? Россія въ средніе вѣка не принимала участія въ крестовыхъ походахъ и, пожалуй, теперь рокомъ обречена на верстатъ прежнее, увлекаясь возвышенными бреднями».

¹⁾ II, стр. 86, 102, 103, 104.

«Я бы съ восточнымъ вопросомъ распорядился иначе — натравилъ бы на Турцію славянъ вмѣстѣ съ Сербіей и Румыніею, а Россія могла бы ограничиться давленіемъ и угрозами съ Кавказа; въ этомъ случаѣ Пруссія дала бы поддержку Румыніи, а Австрія послужила бы прикрытіемъ для прочихъ славянъ».

Къ открывшейся затѣмъ восточной войнѣ гр. Кейзерлингъ отнесся отрицательно. «Старикъ Зейдлицъ, — пишетъ онъ 30-го мая 1877 г., — участвовалъ въ турецкой войнѣ 1829 г. въ качествѣ старшаго военнаго врача; онъ издаетъ теперь извлеченія изъ своихъ дневниковъ и присылаетъ мнѣ отдѣльные ихъ листы по мѣрѣ печатанія. О тогдашней военной администраціи Зейдлицъ отзывается съ горечью... Между прочимъ я у Зейдлица читаю:

«Въ заключеніе мнѣ хотѣлось бы подчеркнуть нижеслѣдующее, какъ предостереженіе для нынѣшняго времени: разъ армія проникнетъ въ предѣлы древней Дакии, на нее обрушатся злыя, чумныя лихорадки и поносы, которые въ госпиталяхъ скашиваютъ въ десять разъ болѣе количество людей, чѣмъ враги на боевыхъ поляхъ». Этими-то вѣрнымъ союзникамъ османовъ наши храбрецы теперь кидаются прямо въ пасть. Если мы не вселимъ въ Турцію и Западную Европу спасительнаго страха и скоро не добьемся почетнаго мира, то здорово поплатимся за панславистскую политику: продолжительное пребываніе арміи на Дунаѣ заставитъ военныя дѣйствія перенести на мѣсяцы, наиболѣе опасные для здоровья войскъ»...

«Я на будущеезираю мрачно, — пишетъ онъ отъ 18-го ноября 1877 г., — и не вѣрю въ близость мира. Освобожденіе славянъ вообще химера: чтобы достигнуть свободы, требуется подготовка, а болгары, сербы и румыны воспользоваться независимостью не сумѣютъ, ибо откуда имъ этому научиться... Равнымъ образомъ и султанъ кажется мнѣ слишкомъ безсильнымъ, чтобы навязать поданнымъ такой миръ, который бы насъ сколько нибудь вознаградилъ и обезопасилъ».

...«Официальная Россія, — читаемъ мы подъ 21-мъ іюля 1878 г., — въ Journal de Pétersbourg проявляетъ миролюбіе къ Англіи, и я готовъ отнестись къ ней также. Я воистину радуюсь, что Англія взялась за упрямое и хорошаго куска Турціи (Египта). Какіе мы свѣточы культуры! Раздѣляйтесь сначала дома съ бумажнымъ рублемъ, облагородьте азіатовъ! — хочется мнѣ крикнуть москвичамъ. Панслависты уже получили знаменательный урокъ, но, вѣроятно, еще не достаточный»...

«Высвобожденіе Россіи изъ-подъ гнета бумажныхъ денегъ мнѣ рисуется задачею для русскаго государственнаго человѣка несравненно болѣе великою и благодарною, чѣмъ освобожденіе болгаръ отъ турецкаго ига; сомнительно, впрочемъ, осуществленіе какой изъ этихъ двухъ задачъ дальше отстоитъ отъ человѣчества?»

«И не могу не задумываться надъ тѣмъ,—пишетъ Кейзерлингъ 9-го августа 1877 г.,—какими причинами будущій историкъ станетъ обосновывать странный фактъ, что Россія затѣяла борьбу съ востокомъ, когда возрожденіе страны настоятельно требовало долгихъ лѣтъ спокойнаго развитія. Ни болгарскіе ужасы, ни шальные нигилисты, ни панславистскіе мечтатели не составляютъ для этого достаточнаго основанія»¹⁾.

Впечатлѣнія военныхъ событій и сложныхъ ихъ послѣдствій для Кейзерлинга отступаютъ на задній планъ, когда до него начинаютъ доходить тревожныя вѣсти о здоровьѣ императрицы.

«Эдита фонъ-Раденъ сообщаетъ мнѣ печальныя новости,—записываетъ онъ подъ 13-мъ декабря 1879 года.—У государыни возвратный припадокъ плеврита, кровохарканіе, изверженіе куска разложившихся легкихъ и, въ довершеніе къ прочему, болѣзнь почекъ. Надежды на выздоровленіе никакой... Эдита основательно замѣчаетъ: «императрица представляетъ благороднѣйшій элементъ чистой женственности, счастливо объединившей супружеское достоинство съ истинно царственною непреклонностью и необычайною воспримчивостью ко всему идеальному».

«Царица,—пишетъ онъ 27-го мая 1880 года,—умерла 22-го мая 1880 года послѣ продолжительной болѣзни. При всѣхъ обстоятельствахъ относилась она ко мнѣ, какъ къ искренно ей преданному другу, и я храню благоговѣйное о ней воспоминаніе. Въ годы молодости она старалась создать государю истинно семейную жизнь, чуждаясь пышности, и, думается мнѣ, въ поставленной себѣ цѣли она въ ту пору преуспѣвала. Потомъ я ее видѣлъ счастливою матерью семейства, окруженною кучею взрослыхъ сыновей и въ обществѣ радостной дочери, герцогини Эдинбургской... До самой кончины оставалась она носительницею нѣжной женственности и достоинства, отдаляла отъ себя все пошлое и не искала властвованія».

...«Какъ далеко шло ея вліяніе, я издалика судить не берусь, но полагаю, что къ императрицѣ можно отнести то же, что Канкринъ съ неменьшимъ основаніемъ говаривалъ о себѣ: «Что я устранялъ, о томъ никогда никто не узнаетъ, а между тѣмъ это и есть моя главная заслуга»²⁾.

¹⁾ II, стр. 112, 107, 104, 142, 151—152, 160—161, 145.

²⁾ По поводу милостивыхъ словъ, обращенныхъ къ Кейзерлингу великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ при посѣщеніи Ревеля въ 1886 году (его высочество назвалъ графа, знакомаго ему еще съ дѣтства, «ancien ami»), Кейзерлингъ записываетъ: «Да, я старый другъ, и меня радуетъ, что за такого меня признаютъ, хотя и избѣгаю показываться при дворѣ, такъ какъ съ кончиною великой княгини Елены Павловны, а затѣмъ государыни, міръ этотъ сдѣлался для меня чуждымъ, словно для мертвеца, который бы явился къ намъ непріятнымъ гостемъ» (II, стр. 456).

Между тѣмъ время наступало пѣстрое, и новости чередовались съ головокружительною быстротою.

«Дрентельнъ назначается на мѣсто Тотлебена, который смѣняетъ Альбединскаго; послѣдній же замѣнить графа Коцебу, такъ какъ онъ удаляется на покой,—пишетъ Кейзерлингъ 26-го мая 1880 года.—Все это особенное значеніе получить, если одновременно кіевское генераль-губернаторство сольется съ варшавскимъ, а московское расширится. Вся имперія, повидимому, разбивается на обширныя области. Пожалуй, и Прибалтійскія губерніи объединятся въ обширное генераль-губернаторство, съ присоединеніемъ къ нему Эстляндіи — мнѣ въ воздухѣ чуются перемѣны, которыя глубоко врѣзуются въ провинціальный строй»¹⁾.

Перемѣны дѣйствительно пришли, крутыя и глубокия, но вызваны онѣ были комплексомъ событій, которыя въ 1880 году ни Кейзерлингу, да и никому не мерещились, несмотря на политическіе беспорядки, покушенія и пр. — въ 1881 году свершилось царевубійство, и неожиданно наступило новое царствованіе.

Точка зрѣнія графа А. А. Кейзерлинга на событіе 1-го марта и причины, его вызвавшія, на дѣятельность Александра III и реформы, затронувшія пресловутыя балтійскія вольности, несомнѣнно односторонняя, но вѣдь Кейзерлингъ, балтіецъ, приверженный къ исторически выработавшимся особенностямъ аристократически-помѣстныхъ привилегій, иначе, какъ пристрастно, и относиться не можетъ къ умаленію этихъ привилегій. Несмотря на это, однако же его разсужденія любопытны, потому что въ Кейзерлингѣ сказывается человѣкъ безспорно большого и широкаго ума, который искренно старается обобщить и синтетически обосновать явленія, вызывающія его на размышленія.

«Подобной кончины,—пишетъ Кейзерлингъ 3-го мая 1881 г.,—нашъ милостивый и благожелательный государь, конечно, не заслуживалъ, а тѣ, которые ему ее приуготовили, не только подлежатъ истребленію, но слѣдовало бы заручиться гарантіями, что подобное болѣе не повторится. Но гдѣ взять эти ручательства? Сегодня мнѣ вспомнился пылкій де-Местръ и его сочиненіе о Россіи²⁾, гдѣ крѣпостное состояніе возводится въ краеугольную основу русской государственности, которая будто бы съ его отмѣною и сама рушится. Неужели же тотъ, кто осуществилъ великій актъ человѣколюбія (освобожденіемъ крестьянства), и впрямь за это долженъ былъ поплатиться? Неужели на самомъ дѣлѣ въ парадоксахъ де-Местра заключается большая проницательность, чѣмъ принято думать?»

«Я внимательно прочелъ обвинительный актъ противъ царевубійца, чтобы выяснить причинную связь между ихъ воззрѣніями

¹⁾ II, стр. 206, 217, 218.

²⁾ Lettres de St.-Petersbourg.

и поступками. Затѣвается убійство не изъ-за личныхъ недостатковъ, а какъ средство избавить рабочій людъ якобы отъ бѣдственности. Здѣсь фанатическое безуміе коренится въ нечестивомъ стремленіи облагодѣтельствовать народъ насильственно. Я именно этотъ духовный недугъ назвалъ бы недугомъ благодѣтельствованія (*maladie bienfaisance*), который прибавился къ давнишнимъ недугамъ терзаній и исканій (*maladies chercheuse et tourmenteuse*); въ настоящее время онъ-то и является ядовитѣйшею заразою, охватывающею цѣлыя сословія. Я признаю, что въ эпоху преобразованій въ Россіи этотъ же недугъ служилъ руководящимъ началомъ (*directive*) всему; поэтому съ теченіемъ времени долженъ былъ онъ и обостриться. Не свободенъ отъ этого недуга ни Бисмаркъ, ни Гладстонъ. Въ превознесеніи добродѣтелей бѣдности чудится невѣсть какое благородство въ ущербъ благоденствію буржуазіи. Отсюда же идетъ слѣпое преклоненіе предъ пролетаріатомъ и праздная мечта, будто пролетаріатъ можно освободить отъ зла, которое присуще его природѣ. Недугъ этотъ не только не останавливается предъ терроромъ, но его-то и жаждетъ, такъ какъ черезъ терроръ мнитъ приобрѣсти для себя почетъ и довѣріе.

«Я вообще къ социаль-демократическимъ фантазіямъ отношусь, какъ грекъ, вскормленный философіею, относился къ нарождавшемуся христіанству: когда не понимаешь того, что кажется бреднями, ихъ не боишься. Впрочемъ, пока такія бредни не совмѣщаются съ насиліями и властью, не особенно онѣ и страшны».

«Съ другой стороны, недостаточное смотрѣніе со стороны государства за промышленными «учредительствами» и консорціумами въ значительной степени плодитъ социаль-демократическія безчинства. По крайней мѣрѣ, это—пунктъ, который, по справедливости, можетъ вызывать нареканія. Государство обязано охранять подданныхъ не отъ однихъ мелкихъ воришекъ и уличныхъ грабителей, но и отъ хищниковъ *en gros*, а между тѣмъ послѣднимъ предоставляются еще привилегіи, вовлекающія мелкій людъ въ сообразны и потери».

«Я далеко не стою на сторонѣ государственныхъ и каедральныхъ социалистовъ... но проповѣди Макса Вирта о взаимномъ страхованіи нахожу заслуживающими вниманія. Конечно, не дѣло государства устраивать пеструю и всепроникающую систему страхованій. Но мнѣ кажется желательнымъ призвать къ жизни страховые союзы въ области всѣхъ промысловъ, а государству удерживать за собою право контроля надъ ними. Это дѣло серьезное и, несомнѣнно, сказалось бы благотворно въ области аграрныхъ отношеній».

По иному, однако же, пути направилось разрѣшеніе экономическихъ вопросовъ въ Россіи.

«Эманципация была проведена такъ, что потрясла правовыя представленія въ основѣ: скрѣпить престолъ съ народомъ при помощи аграрныхъ реформъ было существенною ошибкою предшествующаго царствованія и дало потачку коммунизму и нигилизму. Образовательныя заведенія, которыя снабжали знаніемъ дешевле издержекъ производства и воспитывали стипендіатовъ (значить, съ большими приплатами), имѣли создать для государства подходящихъ слугъ, но въ дѣйствительности создавали притязательныхъ невѣждъ, а тѣ сочли себя призванными преобразить міръ, лишь бы добиться положенія, которое бы отвѣчало ихъ заслугамъ».

«Я, старый человекъ, хочу вѣрить тому, что народится молодая сила и додумается, какъ обезопасить общество отъ мальчишекъ, обращающихъ успѣхи, добытые химіею въ изготовленіи взрывчатыхъ веществъ, на коверканіе народныхъ судебъ... Пожалуй, только воля, просвѣщенная терроризирующая воля сможетъ смести это зло».

По поводу пресловутаго Барановскаго проекта Кейзерлингъ резонно замѣчаетъ: «на мой взглядъ курьезнымъ представляется петербургскую городскую полицію обставлять представительнымъ началомъ. Сколько извѣстно, съ такого конца никогда и нигдѣ не подходили къ организаціи представительнаго начала, и этимъ путемъ его не достигнешь».

Въ видѣ правоученія Кейзерлингъ кстати кидаетъ нижеслѣдующій анекдотъ: «Меттернихъ рассказываетъ, что «Левъ Янины», Али-паша, обращался къ нему и просилъ, дознавшись о невѣдомой ему штукѣ, именуемой «конституціею», которая будто даетъ подданнымъ благоденствіе, поскорѣ выслать ему «дѣлателя конституцій» (*un faiseur de constitution*); Меттернихъ отвѣчалъ, что такого мастера у него подъ рукою не имѣется, а Али-пашѣ, который самъ сознается въ своемъ невѣжествѣ, онъ, Меттернихъ, можетъ сказать одно: лучшею конституціею для его пашалыка будетъ вернуться къ повиновенію султану»¹⁾.

Не менѣе характерно другое замѣчаніе графа Кейзерлинга, не лишенное ѣдкости: «Примѣра такого безчеловѣчнаго заговора съ жестокою вопіющею къ небесамъ развязкою и такого упорства фанатиковъ, нагло похвалявшихся преступнымъ замысломъ и по совершеніи его, едва ли гдѣ найдешь. Разительнѣе же всего не упорство ненависти въ фанатикахъ, а... слабый откликъ и ничтожное воздѣйствіе злодѣянія на русское общество... Я совершенно ошибался, воображая, что послѣ событія 1-го марта въ русскомъ народѣ сознательно пробудится реакція»²⁾.

¹⁾ II, стр. 239—240, 248—249, 157, 171, 245—246, 244, 449, 240, 244, 246.

²⁾ II, стр. 286.

Кейзерлингъ въ этомъ отношеніи былъ болѣе здравомыслящъ и искренно привѣтствовалъ консервативныя начинанія новаго царствованія. «Измѣненія въ составѣ лицъ, окружающихъ престолъ, происходятъ все полнѣе, и съ естественнымъ напряженіемъ ожидаются измѣненія въ общемъ направленіи государственныхъ мѣропріятій. Государственная машина несомнѣнно замедлитъ ходъ, а это въ сущности необходимо послѣ того, какъ отъ предшествовавшей ломки на спѣхъ подъ часъ даже духъ захватывало».

«Для насъ, балтовъ, эти перемѣны имѣютъ то значеніе, что дѣла будутъ вестись болѣе умѣреннымъ темпомъ. Не проявляя, конечно, болѣе склонности принимать въ соображеніе наши историческія особенности, новое министерство, однако, будетъ менѣе безпокойно и чревато проектами насчетъ преобразованій въ нашемъ краѣ»¹⁾.

Дѣйствительность, однако же, показала другое, и добрая четверть II тома переписки графа А. А. Кейзерлинга посвящена описанію перипетій: быть или не быть балтійскимъ вольностямъ, и нападкамъ на обрусителей. Кейзерлингъ не щадитъ порицаній ни Н. А. Манассеину за сенаторскую его ревизію, ни эстляндскому губернатору кн. Шаховскому, поднявшему на окраинѣ высоко русское знамя. Вдаваться въ подробный пересказ остзейскихъ тревоженій, теперь поросшихъ быльемъ, мы не станемъ и ограничимся приведеніемъ соображеній графа Кейзерлинга насчетъ того положенія, какое Балтійской окраинѣ предстоитъ занять въ отношеніи дальнѣйшаго единенія съ Русскимъ царствомъ.

17 января 1876 г. умеръ Багратионъ (послѣдній Остзейскій генералъ-губернаторъ). «Въ пользу уничтоженія генералъ-губернаторства,—писалъ гр. Кейзерлингъ Иксюлю 5 февраля 1876 г.,—съ успѣхомъ можно привести тотъ доводъ, что незачѣмъ производить значительныхъ расходовъ на представителя власти, который въ обществѣ дискредитированъ и безсиленъ устанавливать тѣсное общеніе съ управляемою областью... Какъ слышно, государь 23-го января приказалъ представить соображенія объ упраздненіи прибалтійскаго генералъ-губернаторства».

...«27-го января Майделю (эстляндскому губернскому предводителю дворянства) по совѣщаніи со своими курляндскимъ и лифляндскимъ коллегами удалось излиться предъ государемъ наслѣдникомъ, и ему всемилостивѣйше разрѣшено заявить въ Остзейскомъ комитетѣ о желательныхъ въ порядкѣ мѣстнаго управленія измѣненіяхъ (на случай упраздненія генералъ-губернаторства). По этой ли причинѣ или по другому поводу, но Майделю съ курляндскимъ и лифляндскимъ предводителями приказано 3 февраля представиться государю... Что произойдетъ, неизвѣстно, но я полагаю, его величество подтвердитъ разрѣшеніе нашимъ представителямъ заявить,

¹⁾ II, стр. 264, 247, 295.

куда слѣдуетъ, желанія и предположенія, вызываемыя предстоящимъ преобразованиемъ... Переходя къ отдѣльнымъ возможнымъ по этому предмету мнѣнїямъ, я начну съ изложенія собственнаго—я не хочу его скрывать, хотя оно не имѣетъ вѣса и, пожалуй, даже противорѣчитъ другимъ. Въ виду того, что я не освѣдомленъ относительно направленія, какое приметъ настоящій вопросъ, я отношусь къ нему безстрастно. Несомнѣнно, въ извѣстныя времена генераль-губернаторы оказывали краю большія услуги, но въ другія времена они же причиняли ему и немалый вредъ ¹⁾. Въ сущности теперь вопросъ сводится къ тому, встали ли наши земляки и внутреннія установленія края на такую высоту культурности, гдѣ органъ власти, нѣсколько произвольной, какимъ являлись генераль-губернаторы, становится уже излишнимъ. Я хочу надѣяться, что мы достаточно для этого созрѣли, и не премину это проповѣдывать. Лифляндцы же полагали, будто чрезъ упраздненіе генераль-губернаторства сломится остріе балтства и дружное единеніе трехъ губерній. Подъ первымъ впечатлѣніемъ поговаривали даже о снаряженіи депутаціи, ходатайствахъ и прочихъ шумихахъ... я впрочемъ постарался успокоить эту суету... Поскольку въ нашихъ губернскихъ установленіяхъ сказывается внутреннее родство и единеніе, оно естественно будетъ принято въ соображеніе при разработкѣ законодательныхъ мѣръ, которыя всегда обсуждаются и принимаются въ столицѣ; что же касается административнаго единенія, то отдѣльныя власти иногда дѣйствовали бокъ о бокъ, а порою даже противодѣйствовали другъ другу. Поэтому я утверждаю: лучше покойно выжидать, заранѣе не воя и не ликуя» ²⁾.

Въ послѣдующее царствованіе вопросы мѣстнаго балтійскаго самоуправленія обострились—вмѣшательство губернаторовъ въ распорядительныя дѣйствія сословныхъ и корпоративныхъ учреждений, введеніе русскаго языка въ дѣлопроизводство, замѣна выборнаго самосуда короннымъ, дѣйствующимъ по судебнымъ уставамъ Александра II, судоговореніе на русскомъ языкѣ,—все это шло въ разрѣзъ съ исконными традиціями балтовъ и вызывало толкованія и поясненія со стороны гр. Кейзерлинга, тѣмъ болѣе обстоятельныя, что онъ въ сущности невысоко ставилъ умственный кругозоръ своихъ соратниковъ ³⁾...

¹⁾ Единственнымъ идеаломъ генераль-губернатора и *persona gratissima* у остзейцевъ слылъ всегда князь Суворовъ, и гр. Кейзерлингъ его превозноситъ, пожалуй, превыше заслугъ (ср. т. II, стр. 96 и 285).

²⁾ Т. II, стр. 285, 94—96.

³⁾ «Сообщенное вамъ барономъ Ф.,—пишетъ онъ Иксекюлю,—доказываетъ, что между нами немало людей, которые только то знаютъ о нашемъ провинціальномъ строѣ, что за послѣдніе годы затрогивалось въ клубной бесѣдѣ. Несомнѣнно, читать они научились, но, попробовавъ этого занятія, убѣдились, что умѣе не сдѣлаются, и отложили книгу въ сторону. Если у насъ не водятся Гоголевскіе

«Чтобы постигнуть правовой строй Эстляндіи, проповѣдуетъ графъ Кейзерлингъ своимъ корреспондентамъ, надо представить себѣ союзъ независимыхъ землевладѣльцевъ, коимъ усвоились право и обязанность собирать въ видѣ поземельной подати средства на покрытіе расходовъ по устройству мѣстнаго управленія, судной части, церкви и школъ. Сборы устанавливались рѣшеніями большинства и осторожно расходовались, благодаря безвозмездному общественному служенію членовъ корпораціи. Въ теченіе семи столѣтій подѣ державою епископовъ, нѣмецкаго ордена, датчанъ, шведовъ, а съ 1711 г. Россіи отправлялась такъ общественная служба» (II, стр. 545).

«Обезпеченность жизни и собственности была велика, мѣстныя нужды въ военное и мирное время преимущественно удовлетворялись за счетъ мѣстныхъ источниковъ, но благосостояніе поземельныхъ собственниковъ и края возрастало»... (II, стр. 545).

...«На мой взглядъ, чѣмъ болѣе въ государствѣ обезпечиваются поземельные собственники, тѣмъ болѣе для послѣднихъ возникаетъ комплексъ правъ и обязанностей, ибо земельный собственникъ имѣетъ всѣ основанія пещись объ общественной безопасности и государственныхъ установленіяхъ; съ другой стороны, поземельное владѣніе является источникомъ патриотизма, и отъ землевладѣльцевъ можно рассчитывать на безвозмездное служеніе въ пользу общины въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ это дѣлалъ бы движимый капиталъ» (II, стр. 134).

Такимъ образомъ «помѣстные владѣльцы, которыхъ обычай заставлялъ путемъ пожертвованія денегъ и времени служить обществу, вырабатывались въ патриотовъ и почитали себя въ правѣ ожидать и желать отъ собратьевъ такого же самопожертвованія. Этотъ духъ общественности теперь исчезаетъ, какъ и навыкъ къ общественной службѣ, не имѣющей ничего общаго съ отправленіемъ службы казенной» (II, стр. 568—569).

Съ 1803 г. «русскіе министры пытались неоднократно натисками разрушить распорядокъ, въ силу котораго мы въ Прибалтійскомъ краѣ, покрывая всѣ расходы и отправляя за нашъ счетъ всѣ обязанности, вытекающія изъ поземельнаго владѣнія, распоряжались зато самостоятельно поземельными сборами» (II, стр. 151—152).

«Не потому теперь балты должны примириться съ правительственными мѣропріятіями на счетъ введенія русскаго языка и пр., чтобъ они извѣрились въ цѣнность и превосходство германской культуры, но потому, что къ этому ихъ понуждаетъ исторія. Въ

лакен, которые читали потому только, что имъ нравился процессъ чтенія, но не потому, чтобъ ихъ интересовало содержаніе читаемаго, то, конечно, у насъ не рѣдки близкіе родственники Гоголевскимъ лакеямъ».

нашемъ краѣ немало проливалось крови вплоть до 1710 года. Подъ шведскимъ владычествомъ Эстляндія состояла съ 1562 г., и въ теченіе 148 лѣтъ, въ первыя двадцать лѣтъ до заключенія между Россіею и Польшею мира въ Запольѣ, къ которому присоединилось перемиріе со шведами (отъ 1583 по 1590 г.), страна въ конецъ была разграблена военными шайками. Затѣмъ снова возгорѣлась борьба съ Россіею, между королями польскимъ и шведскимъ, который въ 1600 г. обложилъ Эстляндію; польскія войска, чума, голодъ теперь вновь опустошили край. Только Густавъ-Адольфъ добился мира съ Русью въ 1617 г. по Столбовскому договору. Съ заключеніемъ мира въ Оливѣ, въ 1660 г., былъ положенъ конецъ эрѣ войнъ и для шведовъ, но долго ли протянулся этотъ миръ?— До 1700 г., когда началась великая сѣверная война. Да и какой это былъ миръ: вѣдь войнѣ предшествовали одиннадцать лѣтъ грабительства при Карлѣ XI!

«И вотъ съ тѣхъ поръ, кзкъ Эстляндія очутилась подъ русскимъ скипетромъ, т.-е. цѣлыхъ 180 лѣтъ, мы ни разу уже не видали на родной землѣ иноземныхъ враговъ!.. Такимъ образомъ исторія поучаетъ, что Эстляндія должна неукоснительно держаться за Россію, находя единственно подъ ея покровомъ умиротвореніе... Географическія соображенія поучаютъ тому же: Эстляндія въ частности неразрывно соединена съ Ингерманландіею; пока Швеція была могущественна, она могла удерживать въ своихъ рукахъ эти двѣ провинціи и Финляндію, съ тѣхъ же поръ, какъ Швеція превратилась въ бѣдную второстепенную державу, объ этомъ и рѣчи быть не можетъ»... (II, стр. 569—570).

«Доколѣ Россія останется великою державою, она не поступится Ригю, а доколѣ Германія будетъ руководствоваться здоровою политикою, не подумаетъ и она добиваться присоединенія Риги и Остзейскихъ провинцій: Рига не можетъ служить базою для военныхъ операцій на манеръ Метца или Страсбурга, не имѣя позади себя германскаго населенія; въ качествѣ же ничтожнаго государства, втиснутаго клиномъ между Германію и Россіею, судьба Балтійскихъ провинцій была бы самая бѣдственная.

«Съ тѣхъ поръ, какъ Германія достигла величія и, грозная на сушѣ, ищетъ первенства въ Сѣверномъ и Восточномъ моряхъ, крайніе изъ балтовъ увлекаются всякими фантазмагоріями, но мнѣ бредни объ отторженіи Прибалтійскаго края отъ Россіи въ силу прежняго историческаго опыта, географическихъ и политическихъ условій представляются сущою бессмыслицею... Въ перепискѣ Мотлея я читаю: «между прочимъ онъ (т.-е. Бисмаркъ) въ 1872 году отозвался, что Германія захватомъ чужихъ владѣній свершила бы величайшую глупость, и, предложи ей Россія прибалтійскія провинціи даже въ подарокъ, она бы ихъ не приняла». Для многихъ нашихъ господчиковъ это заявленіе покажется чѣмъ-то новымъ, но ужъ, конечно, не для меня» (II, стр. 570, 581).

Итакъ, «доколѣ будетъ существовать Россійская имперія съ государемъ во главѣ, обезпечивается намъ существованіе и дальнѣйшее развитіе на исконной основѣ» (II, стр. 546).

«Держась цѣпко за Россію, мы, однако, должны слѣдовать извѣстнымъ руководящимъ началамъ: въ области экономической мы должны создавать изъ земли, торговли, промышленности и государственной службы возможно большіе доходы; въ области юридической, опираясь на букву закона, мы должны бороться за право неутомимо и настойчиво; въ области политической мы должны идти рука объ руку съ русскою интеллигенціею (стр. 570).

«Правда, печать временами возрождаетъ національные предрасудки, но постепенно она должна будетъ воспринять общечеловѣческой международной характеръ, — тогда она поможетъ человѣчеству отдѣлаться отъ предрасудковъ племенной ненависти» (стр. 229).

«Не сочувственны по началу отзывы Кейзерлинга и о судебной реформѣ въ Прибалтійскомъ краѣ.

«Съ того времени, какъ официальная переписка въ области управленія и суда обязательно введена на русскомъ языкѣ, — пишетъ онъ отъ 14-го декабря 1889 г., — для отдѣльныхъ лицъ и всего края канцелярскіе расходы значительно возросли изъ-за необходимости изготовлять и оплачивать русскіе переводы съ документовъ. Съ другой стороны уже въ настоящее время на устройство судебныхъ мѣстъ и содержаніе судебного персонала производится изъ государственнаго казначейства отпускъ значительныхъ суммъ, и въ скорости сдѣлается непонятнымъ, какимъ образомъ правосудіе доселѣ могло отправляться на экономическихъ началахъ» (II, стр. 568).

Впрочемъ добросовѣстность никогда не покидаетъ графа Кейзерлинга: онъ подчеркиваетъ, что при введеніи судебной реформы младшіе судебные чиновники, назначенные изъ разныхъ мѣстъ имперіи, выбирались тщательно и составили нѣчто отборное (élite). «Многихъ, — прибавляетъ онъ, — приводитъ въ отчаяніе незнаніе мѣстныхъ языковъ и дороговизна здѣшней жизни по сравненію съ мѣстностями, изъ которыхъ они прибыли... Въ Эстляндіи изъ многочисленныхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ и чиновниковъ, которые помогали мѣсть мировыхъ судей, никто не опредѣленъ; въ почетные же мировые судьи поназначали многихъ...; въ Курляндіи, по почину губернатора Сипягина, многіе изъ мѣстныхъ дворянъ получили назначенія по судебной части» (II, стр. 567—568).

Въ числѣ прочихъ, Левъ Кейзерлингъ выступилъ въ Лифляндіи мировымъ судьей; опираясь на опытъ сына, старый графъ долженъ былъ прійти къ заключенію, «не будь принудительнаго употребленія русскаго языка, преобразование суда было бы вовсе не дурно» (II, стр. 573).

Русскій языкъ, однако же, переваривать было трудно, и графъ Кейзерлингъ по этому поводу находить, что «напрасно приурочивается

къ балтійскимъ отношеніямъ примѣръ воздѣйствія Пруссіи на Познань. Въ восточной Пруссіи судьи въ теченіе ряда поколѣній изучали нѣмецкое право и черпали знанія изъ нѣмецкой спеціальной литературы. Наоборотъ въ провинціяхъ остзейскихъ правосудіе отправлялось на нѣмецкомъ языкѣ, да и правовая наука въ Россіи представлена настолько слабо, что русскіе въ своемъ даже обиходѣ прибѣгаютъ къ нѣмецкимъ пособіямъ».

«Я отнюдь не оправдываю постановки дѣла въ Познани—право должно быть единою и исключительною цѣлью судоговоренія, поэтому и языкъ, наиболѣе въ странѣ употребительный, слѣдуетъ примѣнять на судѣ. Практикуемая въ швейцарскихъ судахъ свобода обращенія къ любому изъ трехъ языковъ вполне правильна» (II, стр. 102).

Вообще же краеугольною основою для дальнѣйшаго процвѣтанія балтійскаго крупнаго землевладѣнія попрежнему остается сельское хозяйство, но, хотя, въ качествѣ «патріархальныхъ господъ и *bons princes*», отдѣльныя единицы и могутъ себя чувствовать не дурно, строй этотъ въ видѣ общаго правила теперь устарѣлъ (II, стр. 339).

«Наши сельскіе хозяева, къ сожалѣнію, слишкомъ легкомысленно полагаютъ, будто любому молодцу отъ природы отмежеваны способности сельскаго хозяина. Банкиры, купцы, фабриканты путемъ тщательнаго подготовительнаго искуса готовятъ сыновей къ спеціальной своей дѣятельности... Ужъ, конечно, не учебныя заведенія дадутъ сельскохозяйственную подготовку; требуются годы послушничества и пробъ ощущенія, прежде чѣмъ злая неудача выработаютъ надлежащее умѣніе хозяйничать надъ землею... А между тѣмъ надъ этимъ мало задумываются, какъ и надъ тѣмъ, что умные даже люди порою обдѣлены разсудительностью, которая научаетъ придерживаться глупыя деньги и пріобрѣтать ихъ пристойнымъ образомъ» (II, стр. 381).

Въ довершеніе ко всему прочему вопросъ «націонализма» для Балтійскаго края является роковымъ.

«Помнитея мнѣ,—скорбитъ Кейзерлингъ,—съ какимъ отсутствіемъ прозорливости переписывался я съ Головинымъ о нарождавшемся народничествѣ. Вѣдь Наполеонъ III вызвалъ къ жизни, въ качествѣ шестой великой державы, національное начало. Это—порожденіе затуманеннаго его мозга, и пройдетъ, пожалуй, рядъ поколѣній, прежде чѣмъ начало это надлежащимъ образомъ переварится и переработается (II, стр. 348).

«Аграрныя покушенія на убійства (бар. Нолькена, Мейендорфа и Нольде), обращенія въ православіе эстовъ и леттовъ, наряду съ безмолвіемъ сенаторской ревизіи о нашихъ исконныхъ привилегіяхъ, являются знаменательными моментами возникающаго строя, но противовѣса имъ я не сумѣю указать» (II, стр. 347).

Развитіе эстовъ и леттовъ въ саомытнюю націю Кейзерлингъ отрицаетъ: не внося ничего цѣльнаго и прочнаго въ сокровищницу человѣчества, они обречены на вымираніе. «Когда же я себя спрашиваю, какой народъ въ нашемъ краѣ возьметъ верхъ надъ прочими, я не могу вѣрить, чтобы преобладаніе осталось за нѣмцами. Но какимъ образомъ можемъ мы себѣ обезпечить возможно долгое существованіе?... Достигнуть этого можно, но лишь неукоснительною бюрократическою законностью. Мы всѣ до единаго должны сдѣлаться законниками и знатоками тонкостей отдѣльныхъ постановленій» (II, стр. 338).

«Мнѣ кажется, что подобно тому, какъ сельскій хозяинъ при проливнѣ пріостанавливается съ работами, такъ и балтійскій политикъ долженъ теперь притаиться... Удовлетворяются добросовѣстнымъ выполненіемъ существующихъ законовъ и текущихъ дѣлъ, не лѣзтъ правительству на глаза съ откровеніями нашей государственной мудрости, которымъ плохо вѣрятъ, а на непосредственные запросы въ послѣднюю минуту отвѣчать почтительно, но уклончиво,—вотъ что составитъ для насъ спасительнѣйшій способъ благополучно перебраться чрезъ настоящій кризисъ» (II, стр. 347).

Осторожное выжиданіе и примиреніе противъ воли съ требованіями русскаго «націонализма», гдѣ ихъ нельзя миновать или обойти,—такое завѣтъ Кейзерлинга его землякамъ¹⁾.

Этими мудрыми наставленіями онъ какъ бы исчерпалъ свою общественную дѣятельность и въ послѣдніе годы жизни почти отошелъ отъ общественныхъ дѣлъ.

Въ 1885 году на графа А. А. Кейзерлинга обрушились два крупныхъ горя—11-го февраля скончалась его жена Зинаида Егоровна, послѣ долготѣннихъ страданій отъ рака,—болѣзни, повидному, наслѣдственной въ семьѣ Канкриныхъ.

Женщина добраго сердца, графиня З. Е. Кейзерлингъ никогда не выступала на передній планъ и довольно туманно вырисовывается даже изъ переписки съ своимъ дѣятельнымъ, энергичнымъ мужемъ. Идеальная нѣмецкая «Hausfrau», она вся цѣликомъ уходила въ семью и дѣтей, а самоотверженная ея любовь характерно

¹⁾ Сдержанность и уступчивость графа Кейзерлинга, пожалуй, была нѣсколько вынуждена, ибо въ силу придворнаго званія и личныхъ отношеній къ высочайшимъ особамъ онъ счелъ бы за нарушеніе лояльности, выступая рѣзкимъ противникомъ правительственныхъ вѣяній.

На это какъ бы намекаетъ запись въ дневникѣ Кейзерлинга подъ 30-мъ іюня 1886 года: «Могутъ, конечно, представиться случаи, изъ-за которыхъ желательно и въ послѣдующихъ поколѣніяхъ имѣть зацѣпки и связи съ кругами, приближенными къ престолу. Но самимъ имъ не слѣдъ добиваться почетныхъ званій, ибо разъ сдѣлаешься царедворцемъ, надо распроститься съ независимую жизнью и дѣятельностью. Не дѣлайтесь царедворцами—такое отъ меня завѣтъ моимъ потомкамъ» (II, стр. 468).

выразилась предъ смертію въ стараніяхъ скрывать даже тяжкія свои физическія страданія, лишь бы не тревожить домашнихъ.

Кончина жены произвела на графа глубокое и тягостное впечатлѣніе.

«Страшно больно разстаться съ женою, послѣ того какъ 41 годъ мы принадлежали другъ другу и вмѣстѣ дѣлили всѣ радости и горести, заботы и начинанія. Я думалъ первымъ уйти изъ міра, но, пожалуй, даже лучше, что случилось иначе. Остатокъ жизни я думаю провести въ уединеніи среди мелкихъ хозяйственныхъ дѣлъ и, думается мнѣ, пойду кончинѣ навстрѣчу съ полною готовностію» (II, стр. 409).

... «Та бездна, которая предо мною отверзлась со смертію мамы,— пишетъ онъ дочери 25-го февраля 1885 г.,—никогда не заполнится... Я невольно возвращаюсь къ вопросу о будущности, ожидающей насъ послѣ смерти, и вспоминаю сказанное мною: «Несчастье, испытываемое благородною душою, оказываетъ на окружающихъ вліяніе болѣе могущественное, чѣмъ самое ея счастье... Для того, чтобы участвовать въ чужихъ житейскихъ радостяхъ и наслажденіяхъ, нужна только способность и жажда къ наслажденію; истинная же любовь по мѣрѣ страданій возрастаетъ и среди ихъ развиваетъ свою мощь; любовь не ищетъ, конечно, страданія, но, проходя чрезъ ихъ горнило, невольно подчиняетъ сердца своей власти. Такъ и мама среди постигшихъ ее страданій возвысила насъ своею любовью»... (II, стр. 411—412).

... «Мѣра моихъ лѣтъ переполнилась— я обреченъ на одиночество даже за столомъ! Единственная свѣтлая надежда, какая у меня еще остается, это умереть поскорѣе»... (II, стр. 414).

Не успѣло улечься острое горе, причиненное Кейзерлингу смертію жены, какъ ему пришлось оплакивать новую утрату — Эдиты фонъ-Раденъ, съ которою графа связывала многолѣтняя дружба.

Помимо разносторонняго образованія, баронесса фонъ-Раденъ обладала живымъ воображеніемъ, богатымъ юморомъ, чуднымъ звучнымъ голосомъ, а, прекрасно понимая красоты поэзіи и мастерски передавая ея оттѣнки, дивно декламировала. Эти таланты и свѣтскій тактъ обезпечили Эдитѣ фонъ-Раденъ исключительное положеніе при дворѣ Елены Павловны, а по кончинѣ послѣдней она сдѣлалась приближенною фрейлиною государыни цесаревны Маріи Феодоровны.

«Нашъ благородный другъ Эдита,—отмѣчаетъ Кейзерлингъ въ своемъ дневникѣ въ октябрѣ 1885 года,—скончалась 9-го октября отъ рака. Послѣ первой операціи она имѣла нѣсколько мѣсяцевъ передышки; лѣтомъ отправилась для лѣченія въ Рагадцъ, а мѣсяць тому назадъ вернулась въ Петербургъ умирать. Дальнѣйшія операціи оказались безцѣльными: болѣзнь разбрасывалась все дальше. Предсмертныя мученія ея, повидимому, были ужасны, но перено-

сила она ихъ съ ангельскимъ терпѣніемъ и не пожелала даже прибѣгнуть къ болеутоляющимъ средствамъ, чтобы смерть встрѣтить съ непотемненнымъ разсудкомъ... Чудная возвышенная натура была Эдита, и при томъ богато одаренная и пылкая» (II, стр. 433).

Смерть баронессы фонъ-Раденъ для графа Кейзерлинга являлась тѣмъ болѣе невознаградиomoю потерей, что съ ея смертью онъ утрачивалъ послѣднее звено, связывавшее его съ придворными сферами и интересами.

Эти событія, быстро послѣдовавшія одно за другимъ, внесли мрачную окраску въ осиротѣлое существованіе графа А. А. Кейзерлинга.

Все чаще и постояннѣе слышимъ въ его письмахъ скорбныя нотки.

«Теперь пора усиленной дѣятельности въ саду и на поляхъ, по временамъ пробую и я туда отправиться, но, видно, пришла старость: когда идетъ дождь или становится холодно, я предпочитаю оставаться у письменнаго стола за чтеніемъ или писаніемъ» (II, стр. 333).

«Когда жизнь сильно склоняется къ закату, начинаешь сознавать, какою милостью является смерть, но, къ сожалѣнію, съ годами предъ смертью же смѣлость убываетъ столько, какъ предъ путешествіями и верховою ѣздой. Это обыкновенно выдаютъ за нервничаніе, но, если признаться, чувство это скорѣе родственно трусливому малодушію» (II, 376).

«Ближайшее поколѣніе не можетъ любить ни прошлаго, которое намъ было дорого, ни согрѣваться тѣмъ ничтожнымъ остаткомъ надеждъ, которыя намъ еще улыбаются. Казалось бы, идеи служатъ вышшею связью, объединяющею предковъ и ихъ потомковъ, а между тѣмъ какъ плохо понимаютъ другъ друга разныя поколѣнія. Взять хотя бы то великое, что выдается надъ современною посредственностью — идеалы и цѣли Бисмарка, развѣ они не составляютъ только досадной помѣхи для взрослага новаго поколѣнія¹⁾?

«... Чѣмъ дальше, тѣмъ меньше становимся мы, старики, понятны для болѣе юныхъ головъ, а потому лучше нашему брату сидѣть дома за безмятежнымъ изученіемъ книгъ» (II, 346).

¹⁾ Кейзерлингъ поясняетъ эту же мысль дальше: «Рѣчь Бисмарка по поводу продленія чрезвычайныхъ мѣръ противъ социалистовъ наводитъ на печальныя размышленія. Горькій трагизмъ его положенія психологически разителенъ: онъ чувствуетъ свое одиночество, онъ не имѣетъ единомышленниковъ, которые бы его вполне понимали, и на сознательное слѣдованіе которыхъ за собою онъ могъ бы рассчитывать. Великій основатель единства и могущества Германіи осыпанъ почестями, богатствами, но что копошится въ тайникахъ его сердца? Не гордое сознаніе, не покойная увѣренность въ полномъ успѣхѣ своего подвига, не наслажденіе имъ въ мирномъ покоѣ! За убійцу Блинда вступилась цѣлая партія, а когда дѣло дошло до голосованія, канцлеръ остался одинъ при особомъ мнѣніи. Это одно нанесло ему такую рану, которая хотя и затянулась, но навсегда осталась болѣзненною» (II, 379).

Въ послѣдніе годы жизни интересы графа Кейзерлинга сосредоточиваются на наблюденіи со стороны за пробужденіемъ въ вну-чатахъ первыхъ проблесковъ умственной жизни, но дѣятельно вмѣшиваться въ ихъ воспитаніе онъ не считаетъ себя вправѣ ¹⁾. Съ другой же стороны до самой кончины не утрачиваетъ Кейзерлингъ любознательности, или «метафизическаго и антиметафизическаго голода», по его выраженію.

Вдумчивый и наблюдательный отъ природы, графъ А. А. Кейзерлингъ и при чтеніи, и при непосредственномъ изученіи вещей не слѣпшитъ дѣлать выводовъ и только путемъ основательной умственной работы устанавливаетъ ту или иную точку зрѣнія на данный предметъ. Его литературныя оцѣнки, разсыпанныя преимущественно въ перепискѣ съ дочерью, нерѣдко расходятся съ установившимися мнѣніями. Невѣроятно, какую массу разнообразныхъ книгъ, отъ философіи и богословія до романовъ включительно, перечитывалъ онъ даже въ ту пору, когда дѣловыя занятія, казалось, отнимали все его время. Правда, ложился графъ обыкновенно спать не ранѣе 2-хъ часовъ ночи, а въ 8 ч. утра сидѣлъ уже за письменнымъ столомъ.

На литературныхъ оцѣнкахъ Кейзерлинга, какъ онѣ ни интересны, мы останавливаться не будемъ, но не лишнее привести нѣсколько его отзывовъ объ отечественныхъ литературныхъ явленіяхъ. Графъ Кейзерлингъ съ русскимъ языкомъ освоился въ началѣ 40-хъ годовъ и настолько овладѣлъ имъ, что при представленіи императору Николаю Павловичу, по случаю пожалованія въ придворное званіе, могъ уже вести съ государемъ бесѣду по-русски ²⁾.

Частыя поѣздки въ Петербургъ и разнообразныя связи съ русскими людьми вводятъ графа Кейзерлинга въ кругъ русскихъ литературныхъ интересовъ. Особенно, повидимому, ему былъ симпатиченъ И. С. Тургеневъ.

«Благодарю васъ,—пишетъ онъ Искюлю,—за статью «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» о бессмысленныхъ выходкахъ русской печати противъ Тургенева. Никогда онъ предъ великими міра не извивался, не былъ и трусливымъ зазнавшимся писакою. Всегда оставался онъ вольнымъ человѣкомъ, а съ этого слѣдуетъ начинать всякому, кто хочетъ потрудиться на пользу свободы ближняго» (II, стр. 178).

«Вчера,—пишетъ онъ подъ 16-мъ апрѣля 1884 г.,—пробѣжалъ я «Вешнія воды» Тургенева. Великій бытовой художникъ, онъ не подражаетъ въ передачѣ мѣстныхъ (бытовыхъ) чертъ и красокъ, но рисуемые имъ типы всѣ безъ исключенія отвратительны и могутъ оправдать человѣконенавистничество. Если ничего иного въ человѣческомъ обществѣ не существуетъ, такъ оно, по-настоящему, и бытія не заслуживаетъ» (II, 376).

¹⁾ II, стр. 416—417, 428.

²⁾ I, стр. 245.

«Сегодня я прочелъ тургеневскую повѣсть «Фаустъ». Психологическая тема разработана съ тонкимъ мастерствомъ, но и здѣсь героиня оканчивается внезапною и раннею смертью, словно русская женщина, чтобы жить въ поэтическомъ творествѣ, должна сходить со сцены рано» (II, 377).

«Вообще Тургеневскія повѣсти представляютъ выдающееся явленіе. «Первая любовь» заканчивается оговоркой, что это только и могло случиться въ Россіи. У автора какъ бы проглядываетъ мрачное убѣжденіе въ томъ, что русская жизнь, благодаря продолжительному неустройству, окончательно исковеркана. Тургеневъ воспроизводитъ огрубѣлую духовную жизнь своего народа, вовсе не претендуя на указаніе способовъ къ врачеванію недуга» (II, 378).

«Не можете ли вы, — писалъ онъ Искюлю, — сообщить мнѣ личныхъ вашихъ воспоминаній о Тургеневѣ? Значеніе, пріобрѣтаемое русскими писателями непосредственно вслѣдъ за ихъ смертью, представляетъ нѣчто своеобразное. Пусть они только художники, какъ Тургеневъ или Пушкинъ, но по смерти прославляются, какъ борцы за свободу. Правда, извѣстныя тенденціи всѣ они болѣе или менѣе преслѣдовали и являлись провозвѣстниками народнаго духа. Шиллеръ и Гете, однако же, національный германскій духъ стремились поднять на высъ истинно прекраснаго, а языкъ служилъ имъ средствомъ воспитывать идеалы общечеловѣческіе; великіе же русскіе писатели нисходятъ со своими свѣтильниками къ народу и реалистически истолковываютъ ему тѣневую сторону отечественной жизни... Но будетъ ли чрезъ какой нибудь десятокъ лѣтъ Тургеневъ въ глазахъ своихъ соотечественниковъ имѣть хотя бы то значеніе, какое, напримѣръ, Вальтеръ-Скоттъ сохранилъ у современныхъ англичанъ?» (II, 356).

«...Съ величайшимъ интересомъ прочелъ я автобіографическія замѣтки, оставленныя Пироговымъ и напечатанныя въ «Русской Старинѣ»... Онѣ любопытны по психологическому портрету, который, при чтеніи, складывается о писателѣ. Въ метафизическихъ отвлеченныхъ его построеніяхъ многое нелѣпо и безпорядочно, какъ и слѣдовало ожидать отъ человѣка, никогда метафизику не изучавшаго путемъ. Многие, однако же, поразительно совпадаютъ съ послѣдними выводами новѣйшихъ послѣдователей Канта»¹⁾.

Изъ внѣшнихъ событій послѣдней поры жизни Кейзерлинга намъ остается теперь указать лишь два: 27-го декабря 1887 г. императорская академія, давно уже числившая графа своимъ почетнымъ членомъ, а равно геологическій комитетъ министерства государственныхъ имуществъ, Дерптскій, Харьковскій и Варшавскій университеты, Эстляндское общество естествоиспытателей, университетъ Фридриха-Вильгельма и эстляндское дворянство чрезъ сна-

¹⁾ II, 439, стр. 442.

ряженных по этому случаю депутаціи или присланные адреса привѣтствовали гр. А. А. Кейзерлинга съ 50-ти-лѣтнимъ юбилеемъ ученой его дѣятельности ¹⁾.

Въ 1890 г. Кейзерлингъ предпринимаетъ послѣднюю поѣздку за границу специально съ цѣлью посѣтить Бисмарка.

По смерти жены (въ 1885 г.), несмотря на сердечныя соболѣзнованія князя-канцлера и радушныя приглашенія пріѣхать къ нему погостить, графъ отъ этого уклонился. «Хотя въ Бисмаркѣ мнѣ и остается неизмѣнный другъ молодости, слишкомъ велико сдѣлалось между нами разстояніе, слишкомъ теперь онъ ужъ возвысился», поясняетъ Кейзерлингъ свой отказъ отъ тогдашней поѣздки. Позднѣе послѣ неожиданнаго паденія канцлера и у Кейзерлинга пробѣгала мысль повидаться съ «поверженнымъ кумиромъ», и самъ Бисмаркъ чрезъ баронессу Пиларъ передавалъ своему другу настойчивое желаніе видѣть его въ Фридрихсруэ. «Бисмаркъ въ печали,—пишетъ Кейзерлингъ,—его отставка была подготовлена для него непримѣтно. Паденіе онъ переноситъ съ достоинствомъ, но видитъ въ немъ, какъ бы погребленіе заживо. Повидаться въ послѣдній разъ предъ смертью является у него такимъ же сильнымъ желаніемъ, какъ у меня, хотя, въ сущности, это—только проявленіе нецѣлесообразныхъ движеній, которыя Дарвинъ объясняетъ избыткомъ нервной силы» ²⁾.

22-го мая 1900 г. Кейзерлингъ былъ уже въ Фридрихсруэ и провелъ тамъ безвыѣздно конецъ мая и іюнь: «Много пережито, но мало записано», отмѣчаетъ Кейзерлингъ этотъ эпизодъ въ своемъ дневникѣ.

Въ замкѣ опальнаго царствовало большое оживленіе, многочисленныя посѣтители быстро смѣняли другъ друга; гостилъ тогда у Бисмарка и художникъ Ленбахъ, который, между прочимъ, зарисовалъ портретъ графа Кейзерлинга, а впоследствии его окончательно выписалъ (снимокъ съ этого портрета помѣщенъ при настоящей статьѣ). Несмотря на частыя приемы депутацій, поклонниковъ и иныхъ докучныхъ посѣтителей, Бисмаркъ умѣло распоряжался съ временемъ и вечера неизмѣнно проводилъ въ замкнутомъ домашнемъ кружкѣ, къ которому принадлежалъ, конечно, и его университетскій однокашникъ; тутъ-то и на совмѣстныхъ прогулкахъ между друзьями происходили продолжительныя откровенныя бесѣды, вкратцѣ очерченныя Кейзерлингомъ на стр. 587—599 во II томѣ его переписки.

«Князь вблизи прекрасно видитъ и при дневномъ свѣтѣ пользуется глазами, нисколько ихъ еще не утомляя; при прогулкахъ, по близорукости, онъ теперь обыкновенно прибѣгаетъ къ очкамъ. Слухъ у него сохранился острый; за исключеніемъ двухъ поломан-

¹⁾ II, стр. 508, 518.

²⁾ II, стр. 414, 586.

ныхъ, всѣ зубы у него еще цѣлы. Зато походка у Бисмарка нѣсколько затруднена; на верховую лошадь онъ взбирается не иначе, какъ со скамейки, а перекинуть ногу чрезъ сѣдло ему помогаетъ конюхъ. Въ 11 часовъ вечера онъ обязательно укладывается въ постель, и считалось за чрезвычайное излишество, когда онъ, болтая со мною, засиживался до полуночи».

...«Что можетъ Бисмаркъ высказывать посѣщающимъ его депутациямъ и развѣдчикамъ? Ничего не говоряція общія мѣста? Успокоиться на пережевываніи пустяковъ Бисмаркъ никогда не могъ. Поэтому душу онъ отводитъ на томъ, что въ настоящее время его и окружающихъ наиболѣе интересуешь, и чего изъ газетъ, разумѣется, не узнаешь—о причинахъ его паденія, о его мнѣніяхъ на счетъ политическихъ союзовъ и злободневныхъ вопросовъ; другого матеріала для собесѣдованія Бисмаркъ не имѣеть. Изліянія происходятъ «къ случаю», никогда не преслѣдуютъ опредѣленныхъ цѣлей и характера преднамѣренности не носятъ»...

«Что бы ни говорили, Бисмаркъ и къ себѣ можетъ примѣнить то, что вкладывалось въ уста Вильгельму I: «Si je me considère, je suis bien petit, mais quand je me compare, que je suis grand!» (Когда я вглядываюсь внутрь себя, можетъ, я и ничтоженъ, но въ сравненію съ другими я великъ).... То, что въ извѣстную минуту наиболѣе являлось подходящимъ для Германіи, онъ сознавалъ инстинктомъ, хотя бы это—отвлеченно говоря—на всѣ времена и не годилось, а потому уму мыслителя-теоретика ничего бы не говорило. Борьба противъ Рима, перескакиваніе отъ свободы торговли къ покровительству отечественной промышленности, вступленіе въ сдѣлки съ социаль-демократами и въ то же время подавленіе ихъ—развѣ все это могущественно не способствовало объединенію государственной жизни Германіи, хотя ни одно изъ начинаній этихъ не оставалось свободнымъ отъ односторонности и ошибокъ»...

...«Въ Бисмаркѣ и по сей часъ таится жажда борьбы, и его раздражаетъ, когда близкіе начинаютъ убѣждать его, что послѣ великихъ подъятыхъ трудовъ долженъ же онъ дать себѣ наконецъ заслуженный отдыхъ».

Обновленіе впечатлѣній и возбуждающая бодрость, какія графъ Кейзерлингъ вынесъ изъ поѣздки въ Фридрихсруэ, по возвращеніи въ Райкюль, скоро смѣнилась новыми заботами.

«Въ моей жизни,—писалъ онъ профессору Штрюмпелю отъ 30-го августа 1890 года,—предвидится еще большее одиночество, и какъ болѣзненно я это ни ощущаю, покориться этому я долженъ. Въ 8 верстахъ отъ меня жила моя дочь съ мужемъ и тремя дѣтьми—старшимъ одиннадцатилѣтнимъ, богато одареннымъ отъ природы сыномъ и двумя младшими дочерьми—въ обширномъ родовомъ помѣстьѣ бароновъ фонъ-Таубе, Іервакантъ. Мой зять, человекъ серьезный и почтенный, уже нѣсколько лѣтъ съ горечью взиралъ

на наступившія измѣненія въ отношеніяхъ помѣстныхъ владѣльцевъ къ мѣстному управленію и населенію... Теперь зять продаетъ имѣніе, какъ ни тяжело ему ради себя и сына отчуждать наслѣдіе предковъ и отказываться отъ традиціоннаго положенія въ нашей округѣ... Въ денежномъ отношеніи продажа не безвыгодна и вполнѣ оправдывается надеждами на лучшее воспитаніе сына за границею»...

«За всѣмъ тѣмъ подобный «исходъ» столь же трагиченъ, какъ смерть: личныя связи и отношенія, устанавливавшіяся рядомъ поколѣній, порвутся, и, разумѣется, ни Таубе, ни дочь моя не могутъ надѣяться найти этой утратѣ возмѣщеніе въ дальнѣйшемъ своемъ существованіи...

«Я же чрезъ это утрачиваю единственное общеніе съ сосѣдями, которое всегда любовно поддерживалъ. Мое отдаленіе отъ людей одинаковаго со мною уровня образованія и теперь значительно, а если мой вѣкъ продлится, то затворничество мое еще болѣе возрастетъ»... ¹⁾).

Въ концѣ концовъ рѣшено было, что семья Таубе, по продажѣ имѣнія, на лѣто 1891 года переселится въ Райкюль, а осенью предполагалось, вмѣсто выселенія за границу, временно основаться въ Ревелѣ, гдѣ оказались подходящія условія для дальнѣйшаго воспитанія сына Таубе, Оттона.

Въ началѣ мая въ Райкюль къ Кейзерлингу уже переѣхали внукъ и младшая внучка, а Елена Александровна съ мужемъ, готовясь къ окончательному выѣзду изъ Іерваканта, отправились по дѣламъ въ Ревель, такъ какъ баронъ собирался въ заграничное путешествіе, а Еленѣ Александровнѣ нужно было посоветоваться съ ревельскими докторами о здоровьѣ старшей дочери ²⁾).

Между тѣмъ 29-го апрѣля, по неосторожности, графъ Кейзерлингъ простудился, но значенія этому не придавъ, да и никогда особенно не берегъ своего вообще крѣпкаго здоровья ³⁾).

Сначала графъ предположилъ, что у него только крапивница, но обнаружилось странное воспаленіе глазъ, показалась подозрительная сыпь; Кейзерлингъ лишь изъ трогательной заботливости о здоровьѣ внучатъ, желая убѣдиться, не носитъ ли его сыпь прилипчиваго характера, послалъ за мѣстнымъ врачомъ, но тотъ ничего серьезнаго и опаснаго не усмотрѣлъ ⁴⁾). Самъ же Кейзерлингъ вообще мало вѣрилъ въ значеніе практической медицины, что и высказывалъ неоднократно.

...«Если представляется подходящий случай, — пишетъ онъ, — отчего не посоветоваться съ врачомъ, до нѣкоторой степени ради

¹⁾ II, стр. 599, 604.

²⁾ II, стр. 646, 647.

³⁾ II, стр. 646, 647.

⁴⁾ II, стр. 649, 647.

приличія. Вообще же, думается мнѣ, извѣстное смиреніе несравненно болѣе обезпечиваетъ безмятежность. Молодость охотно предается мнимымъ и тщетнымъ надеждамъ, въ старости же такія мечтанія только томятъ безпокойствомъ. Поэтому станемъ безропотно корогать день за днемъ, цѣпляясь за ту капельку истины, которую намъ дано познать. Вѣдь Пастёръ и Кохъ такъ и смотрятъ на свои опыты надъ холерою: они преслѣдуютъ пользу для совокупности человѣчества, но безсильны излѣчивать отдѣльные случаи. Единичная личность должна забывать самое себя, успокаиваясь на томъ, что человѣчество непрестанно преуспѣваетъ въ мощи, знаніи и благожелательности!»...¹⁾

Съ большимъ присутствіемъ духа и объективнымъ безстрастіемъ наблюдаетъ графъ Кейзерлингъ на себѣ развитіе патологическихъ явленій, значеніе которыхъ ему, какъ натуралисту, было вполне понятно: сыпь быстро переходитъ въ черныя чешуйчатыя пятна и, вѣроятно, въ старческое разложеніе крови.

Хворая недѣлю, графъ нѣсколько разъ пишетъ къ дочери въ Ревель, упоминая о недомоганіи, какъ о пустякахъ, хотя гувернеру внука, Леберту, подъ конецъ признается: «Ну, теперь я, кажется, быстро скачусь подъ горку»²⁾.

Не укладываясь даже въ постель, онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, проводитъ время съ внучатами, шутитъ съ ними, читаетъ «Жизнь животныхъ» Брэма, показываетъ портреты русскихъ естествоиспытателей и рассказываетъ дѣтямъ о доисторическомъ перемѣщеніи морей и обнаженіи части материка, прежде покрытой водами. Также невозмутимо держитъ онъ себя съ Лебертомъ, слушаетъ его фортепианную игру, бесѣдуетъ съ нимъ о Бетховенѣ и музыкѣ, о Куно-Фишерѣ и Кантѣ и о философской системѣ послѣдняго³⁾, а 8-го мая 1891 года, ввечеру, безъ страданій, засыпаетъ въ креслѣ вѣчнымъ сномъ.

Это безстрастное и безроптное примиреніе со смертію можетъ быть и не удивительно въ маститомъ натуралистѣ, дожившемъ до 75-ти лѣтъ, но, несомнѣнно, графъ обнаруживаетъ большую душевную стойкость, когда передъ сознаваемою кончиною воздерживается отъ призыва близкихъ: онъ не усматриваетъ для дочери надобности прерывать цѣли ея пребыванія въ Ревелѣ, а, пожалуй, не прочь былъ старикъ устранить раздирательныя сцены послѣднихъ прощаній и тѣ тягостныя впечатлѣнія, какія изъ нихъ получились бы для внучатъ; сынъ же его графъ Левъ Александровичъ съ семьєю предпринялъ куда-то изъ Лифляндіи поѣздку, и не къ чему было тревожить его спѣшнымъ призывомъ въ Райкюль,

¹⁾ II, стр. 387.

²⁾ II, стр. 653.

³⁾ II, стр. 650, 651.

и вотъ, наканунѣ смерти, послѣ мучительныхъ судорогъ, лишившихъ его въ предшествующую ночь сна ¹⁾, графъ-отецъ стоически дѣлаеть въ своемъ дневникѣ любопытную запись:

«...Qui te soignera à ton tour? (кто позаботится о тебѣ, когда придетъ твой чередъ?) — не разъ спрашивала меня жена, умирая. Ну, вотъ теперъ пришелъ на это и отвѣтъ. У собственныхъ дѣтей подчасъ слишкомъ много своихъ дѣлъ и заботъ. И хотя въ Еленѣ Таубе я имѣю сердце вѣрное, преданное и любовно относящееся къ отцу..., тѣмъ не менѣ лежащія на ней по отношенію къ мужу и дѣтямъ обязанности, въ силу необходимости, отдаляютъ ее отъ отца...» ²⁾. Можно, конечно, во многихъ взглядахъ съ графомъ Кейзерлингомъ и не соглашаться, но въ наше время шатанія мысли, вниманіе съ особенною оградю останавливается на личности стойкой и убѣжденной, которая въ самыхъ разнообразныхъ и подчасъ щекотливыхъ положеніяхъ умѣла примирять лояльное служеніе обществу съ этическимъ и политическимъ долгомъ и искренностью убѣжденій, никогда и ни на югу не поступааясь самоуваженіемъ.

В. И. Штейнъ.

¹⁾ II, стр. 652.

²⁾ II, стр. 649, 650.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПЕТЕРБУРГСКАГО ПОЛИЦЕЙМЕЙСТЕРА
Θ. Ф. ДУБИССА-КРАЧАГА ¹⁾.

—
XI.

ВЪ 1870-ХЪ ГОДАХЪ, Треповъ усиленно заботился объ улучшеніи мостовыхъ въ Петербургѣ. Когда онъ былъ назначенъ оберъ-полицеймейстеромъ, въ 1866 году, въ Петербургѣ только часть Невскаго проспекта имѣла торцовую мостовую; всѣ же остальные улицы были выстланы булыжникомъ и довольно крупнымъ, безъ всякаго подстила, такъ что весной при таяніи почвы булыжникъ мѣстами осѣдалъ въ почву, иной выпирало на поверхность, и получалась такая мостовая, по которой ѣздить было невозможно.

Были такія улицы, какъ у меня въ участкѣ Малая Итальянская, по которой весной образовывались какъ бы зазоры, то-есть такія топкія мѣста, что вязли и лошади и экипажи, и полотно улицы разъѣзжалось до невозможности; во избѣжаніе всѣхъ этихъ невзгодъ съ началомъ весны по Итальянской улицѣ на болѣе опасныхъ мѣстахъ выставлялись бочки, жерди и инья приспособленія для предупрежденія проѣзжихъ, такъ что вся улица была загромождаема предохранительными знаками, и проѣхать по ней можно было не безъ затрудненія. Для устраненія столь невѣроятнаго для столицы состоянія путей, Треповъ задумалъ, въ виду топкости петербургскаго грунта, мостить улицы булыжникомъ въ два слоя: въ ниж-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСІ стр. 914.

ній класть булыжникъ крупный, для устойчивости мостовой, а верхъ мостовой выстилать булыжникомъ мелкимъ, удобнымъ и для ѣзды и при таяніи почвы не образующимъ глубокихъ выбоинъ въ мостовой.

Дѣло перестилки мостовыхъ указаннымъ способомъ лежало на градоначальствѣ, и Треповъ командировалъ для того состоявшихъ при немъ техниковъ, которые соглашались домовладѣльцевъ къ переустройству мостовой; ими, то-есть техниками, нанимался подрядчикъ, и улицы мостились; все это дѣлалось техниками при содѣйствіи приставовъ, но сами пристава безъ такихъ поводырей, не надѣясь на свое вліяніе, не пробовали приводить домовладѣльцевъ къ соглашенію, а улицъ—въ желанный видъ, и опять приходится сказать, что Треповъ во многомъ былъ одинокъ въ своихъ стремленіяхъ по созданію благоустройства въ столицѣ и среди созданнаго имъ штата.

Заботясь о благоустройствѣ своего участка и въ особенности о невозможной по топкости грунта Малой Итальянской улицѣ, я рѣшился составить подписку между домовладѣльцами этой улицы о согласіи ихъ перемостить мостовую двойнымъ способомъ и подписку представить на усмотрѣніе градоначальника. Вскорѣ было получено мною предписаніе о томъ, что мощеніе Малой Итальянской улицы генераломъ поручено старшему технику, полковнику Мровинскому, за ту же цѣну, по какой подрядчики мостятъ другія улицы. Сказано—сдѣлано: новый подрядчикъ не замедлил пролить свою энергію; работа закипѣла, такъ что черезъ мѣсяцъ мостовыя начали вырисовываться у нѣкоторыхъ домовъ, а черезъ четыре мѣсяца, къ осени 1876 года, и вся улица приняла благообразный видъ.

Впослѣдствіи по той же улицѣ до 1878 года были сломаны всѣ деревянные дома и вмѣсто нихъ построены каменные, при чемъ уничтожился имѣвшій въ свое время печальную извѣстность питейный домъ подъ названіемъ «Пѣтушки», дававшій притонъ ворами и мошенникамъ, сбывавшимъ тамъ свою добычу. Такимъ образомъ Малая Итальянская улица получила теперешній благовидный образъ; этимъ въ то время Треповъ остался очень доволенъ, какъ я слышалъ со стороны. Выражать свое удовольствіе подчиненнымъ Треповъ не любилъ, и его одобреніе понималось такъ: если онъ не вызываетъ къ себѣ пристава для объясненій, а при встрѣчахъ обходитъ молча и не грозитъ, значитъ онъ доволенъ, и ничего больше не требовалось. Мудрый и прекрасный пріемъ.

Затѣмъ, приведя одну улицу въ порядокъ, я вымостилъ и другія улицы въ участкѣ, такъ что не осталось ни одной со старымъ способомъ мощенія; вездѣ были сдѣланы удобные тротуары, такъ что по всему участку можно было пройти безъ калошъ къ

большому моему удобству и удовольствію, такъ какъ я никогда не носилъ калошъ.

Въ 1875 году, т.-е. на третій годъ моего приставства, въ квартиру ко мнѣ пришла жена домовладѣльца, генераль-майора Чебышева, и высказала, что она явилась по порученію мужа, слыша обо мнѣ хорошіе отзывы; пришла посоветоваться о своихъ дѣлахъ по дому. Разумѣется, совѣтъ былъ данъ, и между прочимъ случай этотъ, какъ и предшествовавшіе, и при томъ съ интеллигентною частью населенія участка, далъ мнѣ нѣкоторое основаніе заключить, что дѣятельность моя толкуется въ хорошую сторону, и это заключеніе доставляло мнѣ немало удовольствія и удовлетворенія, побуждая къ болѣе строгому отношенію къ себѣ, дабы не опочить на лаврахъ и не вознестись превыше заслугъ своихъ.

Въ то же время стали появляться ко мнѣ бѣдные люди, прося о помощи и всегда въ исключительныхъ положеніяхъ: сначала я дѣлился своими средствами, а былъ такой случай, что я прибѣгнулъ къ помощи г-жи Чебышевой, и вотъ какъ это произошло.

Въ 1876 году, лѣтомъ, пришелъ ко мнѣ молодой человекъ восточнаго типа, весьма благообразный, и просилъ о принятіи его на службу околоточнымъ надзирателемъ, въ крайнемъ же случаѣ городовымъ. Проситель по происхожденію былъ грузинъ, по фамиліи Лакербай. На вопросъ, гдѣ онъ учился, Лакербай отвѣтилъ, что онъ окончилъ курсъ въ духовной семинаріи.

— И въ городовые! — воскликнулъ я. — Для чего же вы учились въ семинаріи?

— Чтобы быть священникомъ или профессоромъ.

— Почему же не стремитесь быть ни тѣмъ, ни другимъ?

— Къ священству нѣтъ призванія, а для профессорства нужно быть въ академіи, у меня же нѣтъ средствъ.

Тутъ я вспомнилъ о Чебышевой и рѣшилъ попробовать счастья: написалъ письмо и послалъ съ нимъ Лакербая, а черезъ короткое время онъ возвратился радостный (грузины очень восторженны и любятъ цѣловаться), окрыленный и бросился цѣловать меня, говоря, что г-жа Чебышева согласилась давать ему на столъ и квартиру ежемѣсячно до окончанія имъ курса въ академіи. Кстати у меня въ участкѣ жилъ бывший тогда министръ народнаго просвѣщенія, графъ Д. А. Толстой, и черезъ его секретаря, Петрова, я ускорилъ поступленіе Лакербая въ академію, прискалъ ему квартиру со столомъ за возможно дешевую плату, и, своевременно окончивъ курсъ, бывший кандидатъ въ городовые назначенъ былъ преподавателемъ въ каменецъ-подольскую духовную семинарію.

Заблудилась однажды какая-то дѣвочка, и ее доставили въ участокъ; по установленному порядку, ее нужно было отправить въ комитетъ нищихъ, такъ какъ она рѣшительно не могла ничего объяснить о мѣстѣ жительства своемъ, ни о родителяхъ или род-

ственникахъ; но такая мѣра мнѣ казалась только отпиской, какъ говорится, и я рѣшилъ попробовать иной путь къ устройству бѣднаго ребенка: помѣстилъ ее временно у знакомыхъ и объявилъ въ «Новомъ Времени» о потерявшейся дѣвочкѣ; если же родители не найдутся, то предлагалъ, не желаетъ ли кто взять на воспитаніе неизвѣстную сироту.

Немного времени спустя, явилась ко мнѣ дама и, назвавшись землевладѣлицей Островскаго уѣзда Псковской губерніи, Изъединовой, представила документы о своей самоличности; увидѣвъ дѣвочку, она согласилась взять ее къ себѣ въ деревню на воспитаніе, такъ какъ своихъ дѣтей не имѣла. Такимъ образомъ дѣвочка пристроилась, и года три г-жа Изъединова переписывалась со мною, сообщая о пріемышѣ своемъ, высказывала довольство ею и ея успѣхами, а потомъ переписка окончилась.

Много было разныхъ случаевъ, когда при желаніи помочь нуждающимся я не могъ собственными средствами сдѣлать этого и обращался къ своимъ обывателямъ; всегда получалъ полное, иногда свыше ожиданія, удовлетвореніе, и этимъ отношеніемъ ко мнѣ добрыхъ жителей 2-го участка Литейной части слѣдуетъ объяснить тотъ успѣхъ сбора пожертвованій на сербскихъ добровольцевъ, который привелъ въ удивленіе градоначальника Зурова.

И сколько можетъ сдѣлать добраго старающійся о томъ приставъ петербургской полиціи, да, полагаю, и всякій!

Помню, зимой входитъ въ мой кабинетъ молодой человѣкъ, одѣтый въ лѣтнее пальто, несмотря на то, что было 15° мороза, и спрашиваетъ, нѣтъ ли отвѣта отъ градоначальника на поданное имъ прошеніе.

— А о чемъ вы прошеніе писали?—спросилъ я.

— О пособіи.

— А кто вы такой?

— Я кандидатъ правъ Харьковскаго университета.

— Боже мой,—воскликнулъ я,—и въ такомъ легкомъ одѣяніи и о пособіи просите! Отчего же вы не ищите должности?

— Нигдѣ не дають, знакомыхъ я не имѣю, происхожу изъ крестьянъ, и вотъ три года, какъ не могу нигдѣ пристроиться.

Само собою разумѣется, что бѣдный кандидатъ ушелъ отъ меня обласканный, такъ какъ я не могъ примириться съ тою мыслью, что человѣкъ, окончившій высшее образованіе, обреченъ на голоданіе, въ то время какъ я, не имѣющій, къ сожалѣнію своему, такихъ прерогативъ, — и сытъ, и одѣтъ, и въ теплѣ живу, и еще властью пользуюсь. Судьба!

Между моими обывателями находились и мои антагонисты; выдающихся объявилось двое: нѣкто оставной майоръ Шауманъ, впоследствии разыгрывавшій въ городской думѣ, въ качествѣ гласнаго, роль петербургскаго Катона, а второй-отставной статскій со-

вѣтникъ, не у дѣлѣ, домовладѣлецъ по Знаменской улицѣ, Петровъ.

Съ Шауmanoмъ пришлось познакомиться при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

По М. Итальянской ул. домъ № 6 принадлежалъ примѣрнѣйшему домовладѣльцу, д. с. с. Меньшикову; изъ него никогда не поступало жалобы отъ квартирантовъ, и домъ содержался въ примѣрномъ порядкѣ, но умеръ Меньшиковъ, домъ пошелъ въ продажу, и купилъ его г. Шауманъ. Въ одинъ хорошій лѣтній день 1879 года сидѣлъ я въ своемъ кабинетѣ и занимался дѣлами, какъ вошла ко мнѣ дама, назвалась женой коллежскаго совѣтника Козиной и бойко объяснила, что она явилась представительницей отъ квартирантовъ дома Шаумана, притѣсняющаго жильцовъ до послѣдней крайности и наконецъ запретившаго пользоваться водопроводомъ, вслѣдствіе чего дворникъ заперъ краны, а всѣ квартиры обязаны брать воду изъ чана во дворѣ. Причиной такого своевольства Шаумана было его желаніе отдѣлаться отъ прежнихъ квартирантовъ, передѣлать всѣ квартиры по своему вкусу и повысить цѣны на квартиры; но такъ какъ квартиры были сняты отъ прежняго домовладѣльца по книжкамъ на годичный срокъ по цѣнѣ довольно сходной, то жильцы не пожелали исполнять требованій Шаумана объ очисткѣ квартиръ для ремонта. Въ виду самозащиты квартирантовъ и послѣдовало распоряженіе Шаумана лишить жильцовъ воды. Г-жа Козина просила меня унять г. Шаумана.

Руководствуясь указаніями, преподанными Треповымъ для такихъ случаевъ, я обѣщалъ парламентаршѣ немедленное возстановленіе правъ обиженныхъ въ домѣ самоуправнаго майора и слѣдомъ за ней отправился въ домъ. Войдя во дворъ дома, я засталъ тамъ много разныхъ рабочихъ: маляровъ, плотниковъ, штукатуровъ и иного народа, свидѣтельствовавшаго своимъ пребываніемъ о капитальной реставраціи дома, а вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтилъ, что изъ оконъ всѣхъ квартиръ, подобно египетскимъ пирамидамъ, сотни глазъ квартирантовъ смотрѣли на мои дѣйствія, ожидая побѣды надъ ненавистнымъ имъ Шауmanoмъ. Сознавъ такое свое положеніе, я задался мыслью провести все дѣло наилегальнѣйше и открыто для всѣхъ, вслѣдствіе чего, не заходя въ какое либо помѣщеніе, позвалъ дворника и громкимъ голосомъ отдалъ ему приказаніе немедленно открыть воду, но дворникъ, пожилой человекъ, по виду похожій на начетчика и тончайшаго ябедника, умѣло подобранный домовладѣльцемъ, съ большой развязностью возразилъ мнѣ, что онъ не можетъ исполнить моего приказанія, ибо при этомъ ослушается приказанія домовладѣльца, его господина.

Видя такую оппозицію, я прибѣгнулъ къ способу, весьма часто дѣйствительному, и именно громко крикнулъ, повторивъ мое приказаніе. Мой расчетъ оправдался: дворникъ открылъ воду, а я, тор-

жествуя побѣду, опять же не заходя ни въ одну изъ квартиръ въ домѣ, возвратился домой.

На третій день послѣ описаннаго, тоже среди дня, прибѣжалъ ко мнѣ околоточный надзиратель Боровскій съ извѣстіемъ, что полицеймейстеръ 1 отдѣленія, полковникъ Савельевъ, по приказанію градоначальника Зурова, прибылъ въ домъ Шаумана производить тамъ о чемъ-то дознание и велѣлъ пригласить меня.

Появленіе полицеймейстера другого отдѣленія для дознанія помимо мѣстнаго (мой участокъ былъ во 2-мъ отдѣленіи)—это было что-то новое и должно быть вызвано чѣмъ либо необычайнымъ, а потому извѣстіе встревожило меня. Придя въ домъ Шаумана, я засталъ Савельева и какого-то мужчину въ статскомъ платьѣ въ домовой конторѣ; статскій молча ходилъ по комнатѣ, напомнивъ мнѣ звѣря, заключеннаго въ клѣтку Зоологическаго сада, но кто былъ тотъ мужъ—я не зналъ. Савельевъ же, очень милый человѣкъ, встрѣтилъ меня словами: «вогъ, батюшка, тутъ на васъ доносъ, будто вы поколотили дворника г-на Шаумана, и, по произведенному дознанію, доносъ подтвердился».

Коротко и ясно, подумалъ я, а представитель зоологическаго сада все ходилъ и видимо сдерживалъ свой гнѣвъ, наконецъ не сдержался и послѣ словъ Савельева воскликнулъ: «да это чортъ знаетъ что такое!»

Видя во всемъ этомъ представленіи какую-то сложную махинацію, такъ какъ дворника я не билъ, я спросилъ Савельева о способѣ произведеннаго имъ дознанія, и онъ отвѣтилъ, что опрашивалъ во дворѣ дома всѣхъ мастеровыхъ, огуломъ, и они подтвердили, что я побилъ дворника.

Тогда я предложилъ Савельеву опросить каждого рабочаго порознь и въ моемъ присутствіи, на что тотъ и согласился; но метавшійся по комнатѣ человѣкъ запротестовалъ, и тогда я спросилъ Савельева: «кто этотъ протестантъ? Имѣеть ли право въ данномъ случаѣ выражать свое мнѣніе?» и лишь тогда узналъ, что предомною былъ самъ Шауманъ.

Прочитавъ, вмѣсто ненаходчиваго Савельева, наставленіе нахалу о его роли при дознаніи и о законности моихъ требованій, я настоялъ на своемъ требованіи, и были позваны мастеровые поодиночкѣ.

На вопросъ Савельева первый вошедшій рабочій отвѣтилъ, что онъ не видѣлъ, какъ приставъ билъ дворника, а меня вовсе не знаетъ.

— А какъ же вы всѣ говорили,—продолжалъ Савельевъ, указывая на меня:—что вотъ этотъ приставъ въ вашемъ присутствіи побилъ дворника?

— Что всѣ говорили, то и я говорилъ,—отвѣтилъ мастеровой,—а только я не видѣлъ.

Оставили его въ конторѣ, позвали другого, третьяго, такъ всѣхъ, и всѣ они отвѣчали то же, что и первый.

Послѣ опроса нѣсколькихъ человѣкъ въ дверяхъ показался околоточный Боровскій и знакомъ далъ мнѣ знать, что желаетъ говорить со мною. Я вышелъ изъ конторы и узналъ отъ Боровскаго, что содержатель шляпной мастерской въ дбмѣ Шаумана, нѣкто Кузнецовъ, рассказалъ Боровскому, какъ онъ, Кузнецовъ, видѣлъ вчера, какъ дворникъ Шаумана принесъ во дворъ ведро водки, поилъ мастеровыхъ и уговаривалъ ихъ, чтобы они показали, когда будутъ ихъ спрашивать, что приставъ билъ его, дворника, и мастеравые обѣщали показать, о чемъ ихъ просили.

Получивъ такой козырь, я, обрадованный такимъ отношеніемъ ко мнѣ обывателей участка, возвратился въ контору и молчаливо находился при опросѣ болѣе 30 человѣкъ мастеровыхъ, когда же опросъ былъ конченъ, и ни одинъ не подтвердилъ показанія, даннаго огуломъ, предвидя эффе́ктъ, полное уничтоженіе Шаумана и торжество правды, я попросилъ Савельева спросить еще свидѣтеля Кузнецова, какъ живущаго въ домѣ, видѣвшаго мой приходъ по случаю жалобы жильцовъ и имѣющаго возможность что либо сказать по данному дѣлу.

Вошелъ Кузнецовъ и на вопросъ Савельева отрапортовалъ о всей картинѣ угощенія мастеровыхъ водкой и сослался на многихъ видѣвшихъ это угощеніе.

Впечатлѣніе получилось надлежащее: Шауманъ незамѣтно ступшевался, а Савельевъ окончательно сконфузился, и послѣ ухода рабочихъ я не могъ не высказать ему всю несообразность произведеннаго имъ безъ меня дознанія и тѣ послѣдствія, какія могли бы прозойти для меня, если бы Савельевъ сдѣлалъ свой докладъ Зурову. Савельевъ извинялся предо мною, высказывалъ свое неудовольствіе по поводу порученія ему дознанія въ отдѣленіи другого полицеймейстера и порицалъ эту манеру градоначальника, практиковавшуюся имъ въ тѣхъ видахъ, что мѣстный полицеймейстеръ, находясь въ хорошихъ отношеніяхъ съ своими приставами, покроетъ ихъ.

Какъ отнеся Зуровъ и къ докладу Савельева и къ извѣту Шаумана,—я не знаю; будучи обѣленнымъ, я не интересовался этимъ, относительно же Шаумана съ своей стороны принялъ слѣдующую мѣру.

Разсчитывая, что Шауманъ, въ ожиданіи съ моей стороны мести, разставитъ цѣлый рядъ сѣтей для уловленія въ нихъ меня и въ особенности моихъ подчиненныхъ, мною былъ отданъ околоточному Боровскому строжайшій приказъ: безъ моего вѣдома, зачѣмъ бы то ни было, не входить въ домъ Шаумана, а обо всемъ касающемся дома предварительно докладывать мнѣ.

Мѣра эта подѣйствовала сверхъ моихъ ожиданій: черезъ мѣсяцъ пришелъ ко мнѣ знакомый мнѣ до того присяжный повѣренный Бакиновскій и объяснивъ, что онъ состоитъ повѣреннымъ у Шаумана, просилъ ради знакомства со мною положить гнѣвъ на милость и позволить Шауману прійти ко мнѣ для заключенія мировой. Отвѣтъ мой былъ такой: «никакого примиренія съ Шауманомъ я не желаю уже потому, что и не думалъ ссориться съ нимъ, но поступокъ его такъ неблагоприятенъ, что неловко имѣть какія либо отношенія съ творцомъ махинаціи, могшей погубить мою служебную репутацію, и что я не питаю ни малѣйшаго довѣрія къ Шауману».

Сколько Бакиновскій ни добивался измѣненія моего рѣшенія, достигнуть этого не могъ, и переговоры его ни къ чему не привели, а Шауманъ, узнавшій обо всемъ, при первой встрѣчѣ со мною на улицѣ поклонился; я отвѣтилъ ему тѣмъ же привѣтствіемъ, но заговорить не рѣшился. Такъ продолжалъ я встрѣчаться съ Шауманомъ, не измѣняя наложеннаго мною остракизма на домъ его, а когда поступокъ Шаумана сдѣлался извѣстнымъ между домовладѣльцами моего участка, всѣ выразили мнѣ полное одобреніе.

Съ Петровымъ, другимъ моимъ недругомъ, произошло слѣдующее.

Петровъ этотъ былъ принципіальнымъ до фанатизма ненавистникомъ полиціи вообще и моимъ и въ такой мѣрѣ, что если бы онъ, допустимъ, нуждался въ деньгахъ до зарѣза, и принесли бы ему нужную сумму безъ отдачи даже, но сказали бы, что эти деньги прислалъ приставъ,—онъ отвергъ бы ихъ, несмотря на крайность.

Однажды вызвалъ меня къ себѣ Зуровъ (послѣ исторіи съ Шауманомъ) и спросилъ: «что за человекъ Петровъ?» Я объяснилъ Зурову такъ же, какъ и здѣсь; въ отвѣтъ на это объясненіе Зуровъ сказалъ: «Знаете, что этотъ Петровъ написалъ на васъ четыре жалобы — наслѣднику цесаревичу, министру внутреннихъ дѣлъ, городскому головѣ и мнѣ; всѣ эти жалобы сошлись у меня и трактуютъ о томъ, что вы изъ уваженія правленію общества конно-желѣзныхъ дорогъ позволяете рабочимъ правленія перебрасывать снѣгъ съ рельсовъ на часть улицы, прилегающей къ дому Петрова, и такимъ образомъ Петрову приходится вывозить снѣгъ, подлежащій къ вывозкѣ средствами правленія общества?»

— Сами изволите видѣть,—отвѣтилъ я,—насколько въ этомъ оговорѣ можетъ быть правды; въ дѣйствительности же я не только не стараюсь угодить правленію общества, но веду съ нимъ постоянную борьбу изъ-за очистки пути, на что имѣю доказательства; составъ же правленія мнѣ вовсе не извѣстенъ.

— Вотъ что вы сдѣлайте,—заклучилъ Зуровъ:—постарайтесь обнаружить въ домѣ Петрова непрописанныхъ жильцовъ и представьте мнѣ протоколъ, а я оштрафую его. (Тогда было предо-

ставлено право градоначальнику штрафовать домовладѣльцевъ своею властью).

— Но этого сдѣлать нельзя, ваше пр-ство,—отвѣтилъ я:—Петровъ живетъ въ особнякѣ, и жильцовъ у него нѣтъ; да пусть онъ останется безъ возмездія, совѣсть лучше заговоритъ.

— Хорошо,—сказалъ Зуровъ, и тѣмъ дѣло окончилось.

Былъ еще случай, который привожу для показанія, какимъ подозрѣнїямъ приходится подвергаться полицейскимъ чинамъ.

Поселился у меня въ участкѣ, въ мебелированныхъ комнатахъ, въ домѣ на углу Невскаго и Литейнаго проспектовъ, прїѣхавшій изъ провинці присяжный повѣренный, не помню фамиліи, и вскорѣ сошелъ съ ума.

По заявленію хозяйки мебелированныхъ комнатъ, рехнувшійся юристъ былъ отправленъ въ домъ умалишенныхъ, а имущество его, состоявшее изъ незначительныхъ вещей, было описано мѣстнымъ околоточнымъ и сдано хозяйкѣ на храненіе; небольшія же деньги были оставлены при больномъ на случай необходимыхъ расходовъ.

Черезъ нѣсколько времени сумасшествіе прошло, и жилецъ возвратился въ свою комнату; имущество его было провѣрено имъ по описи, все оказалось налицо, и онъ вступилъ во владѣніе имъ, а при совершеніи этой процедуры мѣстный околоточный надзиратель вручилъ присяжному повѣренному присланные ему изъ провинці 3 р. съ копейками, и, казалось, тѣмъ дѣло и должно бы кончиться, но не окончилось оно.

Спустя недѣлю или болѣе, получилъ я телеграмму отъ генералъ-майора Козлова (дѣло было при Треповѣ), приглашавшаго меня къ себѣ немедленно и со входящимъ моимъ журналомъ. Встревоженный, забравъ съ собою журналъ, я поспѣшилъ на вызовъ, и Козловъ, встрѣтивъ меня съ испытующимъ взглядомъ, крайне подозрительно, предложилъ мнѣ вопросъ:

— Живетъ ли у васъ въ участкѣ такой-то присяжный повѣренный?

— Живетъ,—былъ отвѣтъ.

— Поступали ли на его имя какія либо деньги?

— Поступали,—и, открывъ журналъ, я показалъ статью, въ которой были записаны упомянутые 3 рубля.

Козловъ саркастически улыбулся и замѣтилъ, что не о 3-хъ рубляхъ рѣчь идетъ, а о тысячахъ:

— Ему было прислано изъ провинціи 5.000 рублей, и деньги эти ему не выданы.—заклучилъ добродушный Александръ Александровичъ.

— Значитъ, онъ еще находится въ умопомѣшательствѣ или вновь съ ума сошелъ,—сказалъ я Козлову съ отгѣнкомъ негодованія.

— Кто съ ума сошелъ?—спросилъ Козловъ.

— Да тотъ, о комъ вы изволите спрашивать меня; онъ, мѣсяцъ съ небольшимъ тому назадъ, былъ отправленъ въ сумасшедшій домъ, недавно изъ него вышелъ; ему были вручены 3 рубля, полученные на его имя изъ провинціи во время болѣзни; ему, должно быть, померещилось, что не 3 рубля, а 5 тысячъ должны были ему прислать; вотъ и причина его полоумной жалобы.

Тогда Козловъ подалъ мнѣ просьбу присяжнаго повѣреннаго, сказавъ:

— Вотъ что онъ пишетъ.

Просьба была адресована наслѣднику цесаревичу (удивительное и замѣчательное явленіе, что въ то время — въ 1877 г., было въ модѣ писаніе просьбъ и жалобъ на имя цесаревича), и въ ней говорилось, что полиція всегда, вездѣ и повсюду занимается обираниемъ гражданъ, и вотъ это обирание совершилъ де и приставъ 2-го участка Литейной части, вручивъ мнѣ 3 рубля, а 4997 рублей оставилъ у себя, и потому,—писалось большимъ человѣкомъ,—взгляните окомъ милосердія, смирите того пристава и прикажите ему доставить мнѣ деньги, оставленные имъ въ свою пользу.

Приказавъ мнѣ написать объясненіе на жалобу и прислать ему, Козловъ, вполнѣ убѣдившійся моими доводами, поручилъ мнѣ вызвать въ участокъ жалобщика и объяснить ему ошибочность обвиненія, что я и сдѣлалъ, возвратившись домой.

Оказалось, что нѣтъ дыма безъ огня, а въ болѣзненномъ умѣ являются и болѣзненные представленія. Вызванный мною присяжный повѣренный началъ со мною разговоръ сурово и недоувѣрчиво-враждебно, но послѣ нѣкотораго знакомства съ моими воззрѣніями, какъ и подобаетъ тронутому уму, просвѣтлѣлъ, впалъ въ откровенный дружескій тонъ и такъ объяснилъ основаніе своей жалобы.

— Мнѣ,—говорилъ онъ,—дѣйствительно слѣдуетъ больше 3-хъ рублей, и я могъ думать, что получу остальные внослѣдствіи, или разъясненіе о причинѣ невысылки мнѣ денегъ, но, идучи послѣ моей болѣзни по Невскому проспекту, я увидѣлъ, какъ на парѣ сѣрыхъ, поръ синими сѣтками, ѣхалъ полицейскій приставъ съ дочкой, и мнѣ пришла мысль: откуда у пристава деньги на такую роскошь? Очевидно грабить. Вотъ и мои денежки, вѣроятно, сидятъ у пристава!

Разсказчикъ кончилъ тѣмъ, что извинился предо мною, созналъ, что нельзя всѣхъ одной мѣркой мѣрить, и съ тѣхъ поръ сдѣлался крайне внимателенъ со мною при встрѣчахъ.

XII.

Должность пристава въ Петербургѣ требуетъ отъ человѣка, кромѣ всѣхъ иныхъ качествъ, о которыхъ я уже говорилъ, еще особенной сдержанности; при отсутствіи же этой необходимой черты придется ежедневно нарываться на разныя неприятности, влекущія въ концѣ концовъ къ оставленію службы. Много нужно имѣть силы душевной, чтобы превозмочь подчасъ справедливо возмущающееся чувство достоинства, и вся эта ломка своего характера въ конецъ разстраиваетъ нервы, разрушаетъ здоровье, и полицейскій чиновникъ, долго прослужившій въ Петербургѣ на отвѣтственныхъ должностяхъ, если и уцѣлѣетъ, то едва ли будетъ пригоденъ для какой либо иной дѣятельности. Даже жизнь спокойная, безъ заботъ и тревоженій, не будетъ доставлять удовольствія, потому что потеряно равновѣсіе въ душевномъ мірѣ.

Прослуживъ въ петербургской полиціи 24 года и большею частью въ должностяхъ пристава и полицеймейстера, подъ конецъ я началъ часто страдать желудочной болѣзью и въ такой рѣзкой формѣ, что по мѣсяцамъ долженъ былъ находиться въ кровати; доктора мало приносили мнѣ облегченія, и только въ видѣ утѣшенія одинъ изъ нихъ объяснилъ мнѣ, что я страдаю атоніей кишекъ, но, какъ избавиться отъ этой атоніи, ни одинъ средствъ не указалъ, а профессоръ Чудновскій, узнавъ, что, какъ средство избавиться отъ страданій, я придумалъ подать въ отставку, одобриительно, даже радостно сказалъ:

— И отлично сдѣлаете, вѣдь должность ваша ужасная, сколько разъ вы не во время кушали, сколько разъ приходилось вамъ удерживаться даже и отъ своевременнаго исполненія естественныхъ отправленій, а все это ядъ для здоровья! Но этотъ ядъ всасывается въ организмъ понемногу, незамѣтно, при всякомъ удобномъ случаѣ, а случаевъ этихъ легіонъ.

Въ 1876 году, въ одинъ день, къ концу утреннихъ занятій въ участкѣ, т.-е. послѣ 2-хъ часовъ дня, когда въ управленіи находились только помощникъ мой, письмоводитель и еще какой-то посѣтитель, запасный прапорщикъ, нѣчто въ родѣ ходатая по дѣламъ, явился неизвѣстный, до того времени бывшій товарищъ прокурора, воспитанникъ училища правовѣдѣнія, сынъ генераль-лейтенанта Ш., и сдѣлалъ слѣдующее заявленіе.

Въ одномъ изъ трактировъ по Невскому проспекту въ предѣлахъ 1-го участка Московской части, *via-à-vis* съ моимъ участкомъ, причинили Ш. какую-то обиду, и онъ, желая засвидѣтельствовать эту обиду, вышелъ на улицу, чтобы позвать городского, но городского 1-го участка Московской части не нашелъ, а замѣтилъ городского моего участка и потребовалъ къ себѣ въ трактиръ. Го-

родовой, выслушавъ заявленіе Ш., отправился съ нимъ, но по дорогѣ встрѣтилъ мѣстнаго городского и передалъ ему все, что слышалъ отъ обиженнаго, самъ же намѣревался удалиться на свой постъ, какъ Ш. его не пустилъ и потребовалъ, чтобы онъ шелъ въ трактиръ, на что городской не соглашался въ виду наличности мѣстнаго блюстителя порядка. Завязался споръ, и, какъ финалъ, было появленіе въ участкѣ и Ш. и городского моего участка — Птицына. Ш. жаловался на неисполненіе городовымъ своихъ обязанностей и требовалъ наказанія для него, я же, находя, что городской поступилъ образцово-правильно, сказалъ недовольному Ш., что не нахожу повода къ жалобѣ и могу только одобрить дѣйствія своего городского. Ш., бывшій въ значительномъ подпитіи, вступилъ со мною въ споръ, доказывалъ, что онъ, какъ бывшій товарищъ прокурора, лучше знаетъ законы, чѣмъ я, и проч.; на все это я отвѣтилъ, что не имѣю времени для бесполезныхъ споровъ, и что онъ въ правѣ жаловаться на меня, теперь же просилъ его оставить участокъ.

Тогда эксъ-юристъ предпринялъ обычные пьяные аллюры: началъ говорить колкости, потомъ дерзости и вынудилъ меня поставить ему такую дилемму: или оставить участокъ, или быть отправленнымъ въ Литейную часть для вытрезвленія. Ш. какъ бы ожидалъ такого обостренія и, бахвалясь, предложилъ мнѣ исполнить свою угрозу, а участка онъ не оставитъ. Слышавъ о привычкѣ Ш. наносить личное оскорбленіе при столкновеніяхъ съ полиціею, я все время держалъ себя насторожѣ, а когда вслѣдствіе его упорства я отдалъ приказаніе тому же городовому Птицыну позвать извозчика и отправить его въ часть, заперъ двери, раздѣлявшія меня отъ Ш., — то онъ, раздосадованный тѣмъ, что отнять у него случай къ нанесенію мнѣ оскорбленія, уже за дверями началъ поносить меня всяческими ругательствами: называлъ меня подлецомъ, говорилъ, что я пачкаю Владимирскій крестъ, который ношу, словомъ безчинствовалъ всласть, пока, невзирая на сопротивление и брань и крики, все же былъ усаженъ на извозчика и отправленъ по назначенію.

Бывшій случайнымъ свидѣтелемъ дѣйствительно возмутительной сцены запасный прапорщикъ съ чрезвычайнымъ участіемъ обратился ко мнѣ, требуя составленія протокола для наказанія виновнаго въ оскорбленіи меня, вызывался быть свидѣтелемъ, даже секундантомъ, словомъ готовъ былъ на все, въ виду страшной, безъ причины нанесенной мнѣ обиды.

Эта готовность прапорщика и напускное сочувствіе претили мнѣ; не трудно было читать въ немъ иныя чувства, а именно: удовольствіе отъ скандала, предстоящій судъ, и затѣмъ я — якобы въ кабалѣ у него, такъ какъ одинъ онъ — посторонній свидѣтель, другіе все подчиненные мнѣ: можно имъ повѣрить, можно и не повѣрить... Сообразивъ все это, я поблагодарилъ прапорщика за усердіе и

обѣщалъ воспользоваться имъ, если то понадобится, но отъ составленія протокола къ великому удивленію и разочарованію любителя скандаловъ уклонился.

На другой день, по обыкновенію въ 9 ч. утра, когда я открылъ дверь изъ своего кабинета въ управленіе участка, первымъ попался мнѣ на глаза привезенный изъ части Ш. «Пожалуйте ко мнѣ», сказалъ я ему, и онъ послѣдовалъ за мною въ кабинетъ. «Помните, что вчера вы наговорили мнѣ?»—былъ вопросъ. Ш. какъ стоялъ предо мною, такъ и упалъ на колѣни, со словами: «простите, г. приставъ». Я поднялъ его, и такъ какъ меня озадачило произнесенное имъ на канунѣ по моему адресу слово «подлецъ», то я и спросилъ его: «Скажите, вы слышали что нибудь порочащее меня, если рѣшились произнести такое слово? Я васъ прошу, укажите мнѣ основаніе къ такой кличкѣ». Ш. отвѣтилъ, что онъ, кромѣ хорошаго, ничего обо мнѣ не знаетъ и относить случившееся къ тому состоянію, въ которомъ онъ находился; въ пьяномъ де видѣ онъ не помнитъ, что говорить и что дѣлаетъ.

Ш. весьма благообразной наружности, лѣтъ 35, произвелъ на меня удручающее впечатлѣніе, и вспомнилась мнѣ пословица: «лежакаго не бьютъ»; онъ повторилъ свою просьбу о прощеніи, и я отвѣтилъ ему въ томъ родѣ, что разъ онъ не знаетъ порочащихъ меня фактовъ, жалѣеть о случившемся и просить прощенія, то я охотно соглашаюсь оставить случившееся въ забвеніи, и просилъ его удалиться.

Ш. видимо былъ доволенъ финаломъ и поблагодаривъ ушелъ, но не повѣрилъ моему слову и вечеромъ пришелъ въ участокъ съ какимъ-то своимъ родственникомъ, не помню съ кѣмъ именно, но родственникъ назвалъ извѣстную и чиновную фамилію, спросилъ, правда ли все то, что онъ слышалъ отъ Ш.—«Именно что?»—«Что вы его простили?»—«Правда». Родственникъ очень благодарилъ меня, какъ и Ш., чѣмъ дѣло и кончилось.

Какъ трудно подобрать служащихъ въ полиціи, не только понимающихъ дѣло и способныхъ къ толковымъ самостоятельнымъ дѣйствіямъ, но умѣющихъ только исполнять отдаваемые приказанія, наконецъ желающихъ дѣлать то, за что взялись,—этому могу привести слѣдующій примѣръ.

Въ 1875 году, императоръ Александръ II проводилъ осень до ноября въ Крыму, и вотъ когда еще возвращенія въ Петербургъ не послѣдовало, однажды, въ 1-мъ часу ночи, лакей доложилъ, что меня желаетъ видѣть по экстренному дѣлу хозяинъ бывшей Знаменской гостиницы, Бузаратовъ.

Позванный мною Бузаратовъ рассказалъ, что въ концѣ 12-го часа ночи предъ заборомъ торговли у буфета гостиницы какой-то статскій молодой человекъ, выпивая водку, ни къ кому не обращаясь, громко сказалъ: «а вѣдь въ Крыму въ государя стрѣляли!»

Бывшіе у буфета посѣтителѣ ничего не отвѣтили и разошлись, но находившійся тамъ неизвѣстный полицейскій чиновникъ взялъ статскаго и куда-то увелъ его съ собою; Бузаратовъ думалъ, что полиціантъ поведетъ вѣстника въ мой участокъ, какъ бы то и слѣдовало, что сдѣлалъ бы и Бузаратовъ, не случись на мѣстѣ полицейскаго чиновника, вмѣшавшагося въ дѣло, но служащіе въ гостиницѣ сказали, что чиновникъ съ неизвѣстнымъ сѣли на извозчика и направились къ Невской лаврѣ, почему Бузаратовъ считалъ своимъ долгомъ оповѣстить меня обо всемъ случившемся, дабы случай помимо меня не дошелъ до градоначальника.

Поблагодаривъ сердечнаго человѣка за участіе, я одѣлся и полагая, что задержаннаго въ гостиницѣ повезли къ градоначальнику, отправился туда, спросилъ въ секретномъ отдѣленіи и у докладчика Трепова, но ни въ отдѣленіи, ни у докладчика ничего не было извѣстно о случаѣ; въ отдѣленіи же меня просвѣтили, что на Николаевскомъ вокзалѣ стоитъ отъ полиціи неизвѣстный мнѣ дотолѣ чиновникъ Х. (я очень мало зналъ полицейскихъ чиновниковъ, изъ района своего участка отлучался только по службѣ, а потому и городъ зналъ мало, какъ бы не столичный житель), и что нужно обратиться къ нему за справкой, не онъ ли задержалъ человѣка.

Опять пришлось путешествовать съ Морской на Николаевскій вокзалъ за справкой о квартирѣ Х., и только въ 4-мъ часу ночи я обрѣлъ сего мужа въ квартирѣ его по Знаменской улицѣ. Долго пришлось мнѣ ждать у дверей, пока по моему неоднократному звонку меня впустили, а потомъ ждать въ квартирѣ, пока не предсталъ предо мною въ халатѣ едва проснувшійся полицейскій блюститель порядковъ на Николаевскомъ вокзалѣ и сотворявшій безпорядки въ другихъ мѣстахъ, вѣрнѣе: «не зная брода, любитель лавить въ воду».

Признаюсь, меня обозлила вся эта процедура: изъ-за глупости какого-то неизвѣстнаго мнѣ чиновника я бродилъ всю ночь, да еще привелось видѣть виновника всей этой путаницы въ наихладнокровнѣйшемъ состояніи.

— Вы арестовали человѣка въ гостиницѣ Бузаратова?—спросилъ я.—«Арестоваль». —«Куда вы дѣвали его?»—«Отвезъ въ Александро-Невскую часть». Какая наивность, чтобы не сказать болѣе: призналъ арестъ необходимымъ, учинилъ его внѣ правъ своихъ и правилъ и, не сказавъ никому ни слова, отправился на квартиру предаваться отдыху. Когда я оглядѣлся въ комнатѣ, въ которой находился, глазамъ моимъ представилось не меньше 4 дѣтскихъ кроватей, въ каждой изъ нихъ было по ребенку; ясно было міросозерцаніе обладателя этой колоніи; прежде всего свое спокойствіе, ведущее къ умноженію кроватей, потомъ уже прочее.

Убѣжалъ я отъ этого полицейскаго Манилова, буркнувъ ему что-то о бессмысленности его поведенія, и отправился къ аресто-

ванному въ Невскую часть. Жертва глупости и собственной и Х. была чутче своего тюремщика: когда меня ввели въ такъ называемый секретный номеръ, я увидѣлъ сидящаго на кровати молодого человѣка, который сейчасъ же спросилъ меня: «скажите, что со мною будетъ? За что меня заперли сюда?»—«Зачѣмъ вы болтаете о томъ, чего не знаете?»—спросилъ я узника, а онъ отвѣтилъ, что разсказалъ въ гостиницѣ новость, слышанную имъ, и полагалъ, что въ этомъ нѣтъ ничего преступнаго; въ концѣ концовъ просилъ простить его оплошность и выпустить на свободу, такъ какъ онъ человѣкъ небезызвѣстный, имѣетъ родителей и т. д.

Записавъ все сказанное оплошнымъ болтуномъ, я долженъ былъ отправиться къ себѣ на домъ, составить докладъ и потомъ опять ѣхать къ градоначальнику, въ томъ предположеніи, что онъ, не довольствуясь письменнымъ докладомъ, пожелаетъ устныхъ объясненій, но послѣдняго не понадобилось, и такимъ образомъ, выѣхавъ изъ дома въ 1-мъ часу ночи, я возвратился домой къ 8-ми часамъ утра, благодаря удивительному хладнокровію полицейскаго чиновника.

Хотя арестованный болтунъ и не зналъ о дѣйствительности сообщенной имъ новости, но говорили въ то время, что въ Крыму было нѣчто подобное; въ Петербургѣ же обстояло все благополучно, благодаря главнымъ образомъ счастью, а потомъ прозорливости Трепова, вызывавшейся, быть можетъ, безпредѣльною преданностью и любовью его къ незабвенному монарху. Еще будучи помощникомъ пристава 3 уч. Московской части и дежуря однажды у Семеновскаго моста по Гороховой, вечеромъ, во время возвращенія государя изъ Большого театра въ Царское Село, гдѣ онъ проводилъ позднюю осень, помню, мнѣ пришлось наблюдать возбужденность Трепова при проѣздахъ государя. Дежуря въ театрахъ во время бытности въ нихъ государя, преимущественно въ Большомъ или Маріинскомъ, Треповъ передъ выходомъ государя изъ театра садился на свою классическую пару (бѣлый съ воронимъ и при зычномъ кучерѣ) и стоя несся впереди царской одиночки (по большей части), пронизывая встрѣчныхъ своимъ зоркимъ и пронизательнымъ взглядомъ; онъ все видѣлъ, и ничто не ускользало отъ его вниманія. Какъ теперь вижу несущуюся пару на отлетѣ и на ней небольшую фигуру Трепова; завидя меня у моста, онъ ни разу не проѣхалъ, чтобы не предупредить о слѣдованіи за нимъ государя: «сзади на одной», крикнетъ онъ, вѣрнѣе, не крикнетъ, а шепнетъ, но такъ, что это предупрежденіе можно было принять и за крикъ и за шопоть, и какъ бы ни назвать то тревожное волненіе, оно, исходя изъ взволнованнаго сердца, возбуждало такое же волненіе; эти два слова выражали всю заботливость, всю горячность, проявлявшуюся у Трепова при охраненіи монарха.

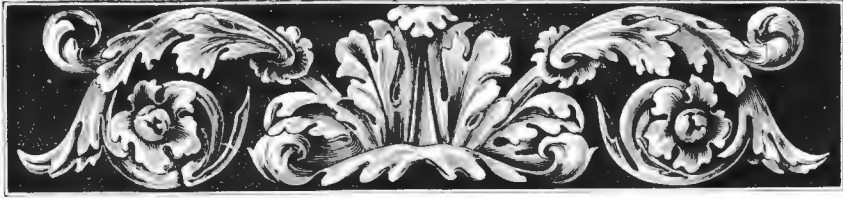
Въ первый разъ я не могъ разобрать словъ Трепова и уже, когда завидѣлъ одиночныя сани государя, уразумѣлъ переданное мнѣ указаніе, и помню, съ какимъ всегда отраднымъ чувствомъ я возвращался домой послѣ благополучнаго проѣзда государя, а затѣмъ и возвращенія съ Царскосельскаго вокзала Трепова. Я проникался сознаниемъ, что и я пригоденъ для дѣла; мнѣ казалось, что Треповъ, передавая мнѣ: «сзади на одной», этимъ какъ бы говорилъ мнѣ: «вижу, братъ, вижу, что ты дѣлаешь, для чего стоишь». И такое сознание своей полезности окрыляло меня и придавало энергіи, среди трудной, охъ! трудной, полицейской обстановки.

Та же заботливость Трепова проявлялась и въ другихъ случаяхъ, когда требовалась внимательность полицейскихъ чиновъ. Треповъ, при всей его казавшейся суровости, былъ добрѣйшей души человѣкъ; онъ никогда не оставлялъ безъ службы человѣка достойнаго, но неспособнаго въ полиціи; такимъ онъ прискивалъ другой родъ службы, иногда болѣе выгодный, но безъ куска хлѣба по міру не пускалъ честныхъ людей, у себя же неспособныхъ не терпѣлъ. Въ одномъ нарядѣ въ присутствіи государя за то, что черезъ площадь, на которой происходилъ военный парадъ, прошелъ человѣкъ, чего приказано было не дозволять, были уволены два помощника пристава, виновные въ недосморѣ за порученнымъ имъ дѣломъ, но оба были пристроены на мѣста.

И счастье благопріятствовало Трепову: назначенный на должность с.-петербургскаго оберъ-полицеймейстера, послѣ покушенія Каракозова, онъ сумѣлъ внушить всѣмъ и каждому, что повсюду установленъ строжайшій надзоръ, и что безнаказанно нельзя не только совершить преступленіе, но и подготовляться къ оному. Попутно съ этимъ, какъ умный практикъ, Треповъ, насколько хватало у него возможности, слѣдилъ, чтобы полиція во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ со всѣми и каждымъ была обходительна и справедлива; само собою разумѣется, что силъ у одного человѣка недостаточно, чтобы всѣ такія требованія привились моментально столь обширному составу служащихъ, но одна увѣренность общества въ томъ, что всякое безчинство полиціи, доведенное до свѣдѣнія Трепова, потерпитъ сугубое наказаніе, одна эта увѣренность поселила расположеніе благомыслящихъ людей къ новому начальнику столицы, а въ людяхъ злой воли появилась опасливость за дурныя дѣянія, и они пріутихли въ боязни.

Ө. Ф. Дубисса-Крачакъ.

ОБЩЕСТВА НЕТРЕЗВОСТИ НА РУСИ.

В ПОСЛѢДНЕЕ время у насъ усердно насаждаются, да и раньше иногда, особенно въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка, усиленно пропагандировались для борьбы съ пьянствомъ такъ называемыя общества трезвости. На Руси, однако, издавна водились, да и теперь, кажется, еще существуютъ и совершенно противоположныя этимъ «трезвенникамъ» общества, члены которыхъ, въ качествѣ «богомольцевъ» Вакха, обязывались посвящать свои досуги хорошей выпивкѣ; «честное обхожденіе съ крѣпкими напитками», вообще служеніе веселому Бахусу, а порой — и утѣшительницѣ Кипридѣ, было главною цѣлью этихъ эпикурейскихъ обществъ. И такія «братства» не представляютъ собою даже большой рѣдкости, хотя, разумѣется, они и не столь многочисленны, какъ ихъ «антиподы» — трезвенники. Намъ по печатнымъ источникамъ за время съ конца XVII до сороковыхъ годовъ XIX столѣтія ¹⁾ извѣстна цѣлая полудюжина этихъ бахусовскихъ братствъ — пять великорусскихъ и одно малорусское; вотъ ихъ хронологическій перечень:

1) Всепьянѣйшій соборъ, 2) Столовая ложки, 3) Галера, 4) Общество кавалеровъ пробки, 5) Зеленая лампа, 6) Общество моче-мордія.

Этимъ, однако, далеко не исчерпывается дѣйствительное число подобныхъ обществъ за указанный нами періодъ времени. Намъ

¹⁾ Позднѣе тоже возникали подобныя общества. Одно изъ нихъ — «Табакерка», говорятъ, еще и теперь подвизается въ нашей столицѣ, другое — «Общество немыхъ кобелей», прекратилось лишь вѣскольکو лѣтъ тому назадъ. Но ихъ исторія не выяснена еще въ печати.

думается, что еще немало бахусолюбивыхъ братствъ, особенно провинціальныхъ, и доселѣ находятся, такъ сказать, подъ спудомъ, ждутъ еще своего историка. И въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, если хорошенько вникнуть въ условія «бытія» интересующихъ насъ обществъ. За исключеніемъ перваго собора, всѣ они, хотя и не преслѣдовали никакихъ опасныхъ цѣлей, — считались, тѣмъ не менѣе, тайными, негласными; иными, впрочемъ, едва ли они и могли быть, такъ какъ очень сомнительно, чтобы правительство рѣшилось санкціонировать столь странныя учрежденія. Такимъ образомъ, нашимъ обществамъ поневолѣ приходилось дѣйствовать лишь въ тѣсныхъ дружескихъ кружкахъ, всячески избѣгая гласности, угрожавшей ихъ существованію. Въ публику вѣсти о нихъ, поэтому, проникали, да и могли проникать только случайно, напримѣръ, вслѣдствіе нескромности кого либо изъ членовъ или гостей; слѣдовательно, обществамъ, которыхъ почему либо подобная случайность не коснулась, легко было совершенно ускользнуть отъ посторонней любознательности, и они ускользали, конечно.

Цѣль настоящей статьи—дать краткій историческій очеркъ тѣхъ отечественныхъ бахусолюбивыхъ обществъ, которыя уже разоблачены печатью; къ этому мы и переходимъ теперь.

Здѣсь, прежде всего, нѣсколько замѣчаній общаго характера.

Братства, о которыхъ мы говоримъ, всѣ возникали и совершали свой «жизненный кругъ» въ высшихъ слояхъ русскаго общества, нерѣдко даже въ литературныхъ; внизу, въ народной массѣ, ихъ совсѣмъ не было, что, впрочемъ, и понятно: народъ не обладалъ достаточной для такой затѣи долей матеріальной и духовной свободы.

Въ территоріальномъ отношеніи братства наши тоже почти всѣ аристократы—и по рожденію, и по мѣстопробыванію. Такъ, «все-пьянѣйшему собору» суждено было увидѣть свѣтъ въ Москвѣ, когда городъ этотъ былъ еще царскою резиденціею; съ перемѣною затѣмъ столицы онъ, какъ тѣсно связанный съ дворомъ, тоже переносится на берега Невы, гдѣ и находится до самой кончины своей. Остальныя, кромѣ «мочемордія», общества также были столичныя—петербургскія; общество же мочемордія было единственнымъ провинціальнымъ, малорусскимъ.

Хронологически и генеалогически первенство среди нашихъ обществъ принадлежитъ собору, этому дѣтищу фантазіи Петра Великаго. Будучи старѣйшимъ по времени своего существованія (1697—1725 г.г.), онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ правѣ гордиться и титуломъ родоначальника отечественныхъ нетрезвыхъ братствъ, такъ какъ изъ послѣднихъ каждое въ чемъ нибудь да подражало ему, какъ бы подчеркивая этимъ свое духовное родство съ нимъ; правда, подражаніе это не заходило слишкомъ далеко, многое изъ того, что разрѣшалось собору его державнымъ основателемъ, простымъ

смертнымъ нельзя было позволять себѣ,—все же безъ него не обходилось ни одно позднѣйшее общество.

Что послужило прототипомъ для самого собора, — не беремся рѣшить окончательно. На этотъ счетъ возможны пока лишь догадки, болѣе или менѣе правдоподобныя, и только.

Въ зародышѣ внѣшняя соборная идея—разгулъ, чтобы въ веселомъ обществѣ «Ивашки Хмельницкаго» стряхнуть съ себя на время бремя заботъ, наблюдается въ Москвѣ еще на зарѣ ея политическаго расцвѣта—въ XVI вѣкѣ. Отчасти реализація этой идеи совершается уже при отцѣ Грознаго—великомъ князѣ Василии III. По волѣ этого государя, близъ Москвы построена была слобода (по другимъ источникамъ — домъ) Наливки, самымъ именемъ которой характерно опредѣляется предназначенная ей строителемъ роль. И дѣйствительно она служила мѣстомъ кутежей, гдѣ великокняжескіе слуги «наливались» пивомъ и медомъ, запретными тогда для рядовыхъ москвичей. Это, слѣдовательно, былъ своего рода привилегированный бахусовскій клубъ временъ Василия III-го.

При Грозномъ «соборная идея» обнаруживается еще опредѣленнѣе въ опричинѣ. Пресловутые «кромѣшники», съ которыми нашъ «гнѣвъ вѣнчаннй» то предавался аскетическимъ подвигамъ, то боролся съ крामолою—выводилъ измѣну на Руси,—среди этихъ разнообразныхъ трудовъ умудрялись также служить и Бахусу. Отецъ русскихъ кабаковъ, открытый въ Москвѣ около 1555 г., замѣнялъ для нихъ старинныя Наливки; опричникамъ дарована была привилегія справлять свои оргіи въ этомъ кабакѣ. Съ шумнымъ соборомъ опричину не это, однако, наиболѣе связывало идейно. Главную причину этой связи надо искать въ другомъ мѣстѣ при дворѣ. Соборный духъ гораздо ярче сказывался въ придворныхъ пирахъ Грознаго, гдѣ царственный игуменъ опричниковъ, съ этой «братіей», подобно соборянамъ, не только совершалъ усердныя возліянія въ честь «Бахуса-горькаго пьяницы», но и не прочь былъ «маскарадно» покощунствовать, поглумиться надъ тѣмъ, что составляло предметъ особаго уваженія современниковъ ¹⁾. То же повторялось позже и у соборянъ, только въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ: и кощунство, и кутежи тамъ были покрупнѣе, поразмашистѣе, маскарадъ же позамысловатѣе.

Несмотря, однако, на это, мы склонны думать, что «всеобщій соборъ» все-таки больше заморскаго-англійскаго, чѣмъ русскаго происхожденія. На старинномъ русскомъ фундаментѣ

¹⁾ Грозный, при живости своего темперамента, далеко не всегда сдерживался въ шуткахъ. Обычныя въ такихъ случаяхъ приличія, напротивъ, нерѣдко нарушались имъ. Такова, напримѣръ, его шутка надъ монахами любимаго имъ Кирилло-Бѣловскаго монастыря, которымъ царь пожаловалъ оригинальную золотую «братину» съ изображеніемъ... нагихъ женщинъ,—даръ для отшельниковъ болѣе чѣмъ двусмысленный.

Петръ воздвигъ новое зданіе западной архитектуры—шумный соборъ, образецъ же взялъ готовый изъ Англии, гдѣ въ то время мода на аналогичныя эксцентрическія клубы была въ полномъ разгарѣ.

Туманный Альбіонъ тогда, при послѣднихъ Стюартахъ, прямо, можно сказать, изобиловалъ клубами, между которыми клубы обжоръ и пьяницъ были самыми популярными. Клубы эти, подъ невиннымъ предлогомъ служенія Бахусу и Мамонѣ, нерѣдко преслѣдовали чисто политическія цѣли, вели борьбу противъ запоздалаго абсолютизма Стюартовъ и фанатическаго религіознаго натиска изъ Рима, стремившагося возстановить въ Англіи господство папскаго престола, ослабленное тамъ реформаціоннымъ движеніемъ; этимъ въ особенности прославился «Kit-Cab Club», возникшій нѣсколько раньше петровскаго собора.

Очень возможно, что Петръ столь веселое и, вмѣстѣ, утилитарное англійское «растеніе» пересадилъ на русскую почву, гдѣ оно и дало свой всходъ подъ именемъ «всепутѣйшаго собора»¹⁾.

На этомъ оканчиваются наши общія замѣчанія. Теперь очередь за частной исторіей нашихъ обществъ.

Полный титулъ петровскаго братства былъ таковъ: «шумный, всепутѣйшій, всепьянѣйшій соборъ». Установить точно время основанія собора мы не имѣемъ возможности. Достоверно, однако, что соборъ существовалъ уже въ концѣ XVII столѣтія. Это засвидѣтельствовано дошедшею до насъ перепискою соборьянъ—первая по времени «братская грамота», посланіе князь-папы Зотова соборному «геру-протодьякону», т.-е. царю, датирована 23 февраля 1697 г.

Своимъ «бытіемъ» и развитіемъ наша «нетрезвая коллегія» всецѣло обязана царю Петру. Это несомнѣнно созданіе петровскаго юмора, взлелѣянное заботами царя. Съ молодыхъ лѣтъ и до конца своихъ дней царь, въ минуты досуга, работалъ надъ соборнымъ уставомъ, добавлялъ и совершенствовалъ его, обнаруживая здѣсь свой недюжинный даръ юмориста²⁾. И не одинъ уставъ,—инструк-

¹⁾ На счетъ цѣли собора въ нашей литературѣ преобладаетъ мнѣніе, что, кромѣ шутовства, чаще всего кощунственнаго, тутъ больше ничего въ виду не имѣлось. Въ нашей печати былъ, однако, высказанъ г. Носовичемъ («Русск. Стар.», XII, 1874 г.) совершенно иной взглядъ. Носовичу не вѣрится, чтобы такой умный государь, какъ Петръ, допустилъ себя до грубыхъ насмѣшекъ только ради кощунства. Онъ склоненъ думать, что подъ соборной «маской» таилась политика, шутовство же служило здѣсь лишь средствомъ отвлечь отъ собора политическое вниманіе иностранцевъ; въ перепискѣ соборьянъ нашъ авторъ пытается найти слѣды политики—изложеніе событій великой сѣверной войны. Догадка эта, по нашему, не лишена основательности: мысль Носовича соответствуетъ и утилитарному уму Петра, и англійскому характеру собора. Но это все-таки не подрываетъ въ корнѣ господствующаго взгляда: кощунство, несомнѣнно, было одною изъ основныхъ чертъ соборныхъ «дѣяній».

²⁾ Петръ вообще былъ склоненъ къ юмору. Въ перепискѣ онъ любилъ шутить. Ему же, кажется, слѣдуетъ приписать и географическую шутку—составленіе большой карты Азіатской Россіи. Карта эта—почти сплошная юмористика въ

ці, забавные чины избранія и посвященія, даже самая переписка соборянъ—носятъ слѣды царскаго юмора, сочинялись или самимъ царемъ или при его участіи. Сборникъ соборныхъ документовъ—цѣлая юмористическая литература, представляющая по формѣ бойкую пародію на старинныя русскія грамоты—свѣтскія и духовныя.

И ненапрасно трудился надъ этимъ царственный юмористъ. Соборъ не бездѣйствовалъ, онъ добросовѣстно несъ «свою службу». Надо ли было отпраздновать торжество побѣды, чье либо тезоименитство, или святки, или желанный миръ—соборъ уже на дѣлѣ, шумно веселится и забавляется; нужно ли разсѣять въ черныя минуты царскія заботы, стряхнуть тяжелыя думы и освѣжиться, или «осмѣять» недолголюбимую царемъ старину, враждебную его реформаторской дѣятельности,—«всепьянѣйшій» опять къ услугамъ царя и его птенцовъ, тѣшить царя и потѣшается надъ тѣмъ, что царю немило.

Въ соборяне принимались лица обоого пола. Всѣ они носили различные титулы, преимущественно духовные; такъ среди нихъ были князь-папа ¹⁾, глава собора, кокуйскій патріархъ—второй соборный сановникъ; за ними шли: владыки, архиереи, попы, князь-игуменьи, архіигуменьи и т. д. Съ этой стороны соборъ представлялъ пародію на восточное и западное духовенство. Свѣтскій титулъ изъ соборянъ имѣлъ князь Ромодановскій, называвшійся вселенскимъ князь-кесаремъ. Вербовались члены собора изъ придворной знати, изъ царскихъ птенцовъ; въ списокъ ихъ за 1723 г. мы встрѣчаемъ, напимѣръ, Шереметева, князей Щербатова, Лобанова, Оболенскаго, княгиню Голицыну и др.

Приемъ въ соборъ обставленъ былъ шутовскими церемоніями, не свободными отъ кощунства. Церемонія эта состояла изъ двухъ обрядовъ—чина избранія и чина поставленія, которые были тщательно разработаны самимъ царемъ.

Отсылая интересующихся подробностями ихъ и вообще соборныхъ правилъ къ статьѣ М. И. Семева: «Петръ Великій, какъ юмористъ», напечатанной въ его книгѣ «Слово и дѣло» и служащей и намъ здѣсь важнѣйшимъ пособіемъ, мы остановимся только на **характернѣйшихъ**, на нашъ взглядъ, частяхъ чина поставленія.

духъ царственнаго юмориста. Врядъ ли найдутся въ учебникахъ рѣки съ таими названиями, какъ здѣсь. Страны на ней помѣнялись мѣстами: вверху море Индѣйское и Песчаное, внизу сѣверъ и Ледовитое море, «Азіанъ», къ западу Камчатка и царство Гилянское на берегу рѣки Амуре, съ курьезною надписью: «до сего мѣста Александръ Македонскій доходилъ, ружье спряталъ, колоколъ оставилъ». По преданію, по этой картѣ Петръ экзаменовалъ, ради смѣха, не твердо знающихъ географію.

¹⁾ Изъ шутовскихъ князь-папъ известны Н. М. Зотовъ, царскій воспитатель, и Бутурлинъ; на домѣ послѣдняго въ Петербургѣ былъ выстроенъ куполь, украшенный изображеніемъ Бахуса, какъ это и подобаетъ жилищу старѣйшины бахусовскихъ жрецовъ.

Кандидаты при поставленіи давали торжественные обѣты, составлявшіе отвѣтную рѣчь на вопросъ: «Какъ содержиши законъ Бахусовъ?» Обѣтникомъ прежде всего удостовѣрялось, что формуляръ его совершенно безупреченъ. Ставленникъ отлично знаетъ свое дѣло—умѣеть превосходно служить Бахусу: пьетъ онъ столь усердно, что, случается, даже пищу мимо своего рта проноситъ— не можетъ доставить туда «отъ дрожанія десницы и отъ предстоящей въ очесахъ мглы». Далѣе возвѣщалось о твердости его въ этомъ, о непоколебимой преданности культу Бахуса, что «иначе мудрствующіе» кандидатомъ «отмечаются», какъ «чуждые». Достохвальную свою науку ставленникъ выражалъ полную готовность преподать и другимъ, «врученному стаду», торжественно общаясь «такъ всегда учить» свою «паству».

При поставленіи полагалось также пѣніе «пѣсни Бахусовой». По 8 пункту чина, это дѣлалось жрецами, когда ставленникъ «клекнувъ» (упавъ на колѣни) ляжетъ персями, руками и главою на подлежащую делву (бочку). Текстъ пѣсни, начинавшейся словами: «О честнѣйшій отче Бахусе», заключалъ въ себѣ «соборное» моленіе, чтобъ любящее веселье божество поддержало новичка, помогло ему стать своимъ достойнымъ послѣдователемъ («умножи сугубо и настави смоги во еже теци во слѣдъ тебѣ. И не тоцію теци сему, но и во власти сущихъ вести тамо же, да вси послѣдуютъ стопамъ твоимъ»). Затѣмъ «всеславнѣйшая Венусъ» тоже приглашалась не оставить ставленника своимъ попеченіемъ, не отказать ему въ покровительствѣ («множа умножи отъ своего къ сему заднему, аминь»).

«Рукоположеніе» совершалось первымъ архижрецомъ, при чемъ читалось слѣдующее шуточное произведеніе Петра, неоднократно исправлявшееся самимъ авторомъ: «Рукополагаю азъ пьяный сего нетрезваго: во имя всѣхъ кабаковъ, во имя всѣхъ табаковъ, во имя всѣхъ водокъ, во имя всѣхъ винъ, во имя всѣхъ каразиновъ, во имя всѣхъ брагъ, во имя всѣхъ бочекъ, во имя всѣхъ ендовъ, во имя всѣхъ ковшей, во имя всѣхъ плошекъ, во имя всѣхъ чарокъ, во имя всѣхъ стакановъ; такожъ во имя вкупѣ собранныхъ канарейки, синицы, жаворонка, снѣгирия, соловья, чайки, сойки, грача, лебедя, ворона, сокола, кречета, орла великаго, корабля и кита, носящихъ ихъ» ¹⁾.

Потомъ на ставленника возлагалась шапка съ возгласомъ: «Вѣнецъ мглы Бахусовой возлагаю на главу твою. Да не познаешь десницы твоей, ниже шуйцы твоей въ пьянствѣ твоемъ».

¹⁾ По словамъ М. И. Семевскаго, именами упоминаемыхъ здѣсь пернатыхъ назывались разнокалиберные сосуды, назначенные для питья соборянъ; вѣроятно, они имѣли и соответственныя ихъ названіямъ формы. Орелъ великій былъ, кажется, самый большой соборный сосудъ, а корабль и китъ были подносы.

Послѣ этого пѣли: «аксіосъ»—достоинъ.

На торжествахъ соборянъ въ изобилии осушались и мелкіе сосуды—снѣгири, чайки и проч., и гигантъ «орелъ великій». Власть соборнаго главы — князь-папы, здѣсь была почти безграничною, соборяне обязаны были повиноваться ей безпрекословно, особенно въ дѣлѣ выпивки. Верховный соборный сановникъ, случалось, злоупотреблялъ своимъ правомъ—«опаивалъ» гостей. На папу Зотова жаловались за это даже самому царю; князь Долгоруковъ, напримеръ, обвинялъ «всепутѣйшаго» въ томъ, что онъ «опоилъ» его брата. Можно было опасаться, что упившійся «глава» вообще будетъ вести себя «нестерпимо», обижать свою паству. Вѣроятно, въ предвидѣніи этой бѣды Петръ установилъ одно важное ограниченіе власти князь-папы. Отъ послѣдняго, при избраніи, отбиралась подписка, которою предоставлялось младшему іерархическому чину—протодьякону, «во время шумства» всепутѣйшаго унимать его; для этого скромный протодьяконъ могъ дѣйствовать не только «словесно», но даже и «ручно». Такимъ образомъ, «геръ-протодьяконъ», вопреки іерархическимъ обычаямъ, облакался властью надъ высшимъ своимъ начальникомъ; но на это нельзя было обижаться, такъ какъ протодьяконскій постъ обыкновенно сохранялъ за собою самъ основатель собора—царь Петръ.

Соборныя засѣданія бывали не очень часты. Занятый въ обыкновенные дни другими дѣлами, соборъ только въ праздники, да въ особенно торжественныхъ случаяхъ являлся во всемъ своемъ блескѣ, въ полномъ величіи. Наиболѣе знаменито изъ дѣяній собора—участіе его на свадьбѣ царскаго шута Шанскаго въ 1702 г.; событіе это было увѣковѣчено даже на особой гравюрѣ, на которой соборяне изображены въ своихъ шутовскихъ облаченіяхъ. Принималъ также соборъ участіе и въ не менѣ шутовской свадьбѣ своего престарѣлаго князь-папы Зотова, переименованнаго для такого случая (съ цѣлью уронить патріаршіи санъ на Руси) въ кокуйскіе патріархи. Не пренебрегалъ «всепьянѣйшій» и маскарадами, и здѣсь мы иногда встрѣчаемъ его; на одномъ изъ нихъ, въ 1723 г., онъ участвовалъ подъ затѣйливымъ именемъ «Неусыпаемой обители».

Со смертію Петра дѣятельность собора окончательно прекратилась. Затѣмъ объ аналогичныхъ обществахъ довольно долго не слышно было на Руси.

Только въ послѣдней четверти XVIII столѣтія они наконецъ снова начинаютъ у насъ возникать, хотя уже въ болѣе скромной обстановкѣ.

Изъ извѣстныхъ намъ первый, по времени, такой преемникъ собора появляется на не совсѣмъ, казалось бы, подходящей для этого почвѣ—у степенныхъ и важныхъ массоновъ: то были массонскія «столовыя ложи».

Тайны этихъ оригинальныхъ ложъ скоро сдѣлались гласными, благодаря любопытной книгѣ «Массонъ безъ маски», изданной въ С.-Петербургѣ еще въ 1784 году. Хотя сочиненіе это измѣнительное—оно принадлежитъ перу отрешающагося отъ ордена массона, но автора едва ли можно заподозрѣть въ пристрастіи: такъ все правдоподобно у него изображается.

Засѣданія столовыхъ ложъ, по свидѣтельству нашего автора, были профанаціей истиннаго массонства, пиршествами подъ покровомъ массонскихъ формъ. Различные предметы этихъ пиршествъ носили иносказательныя названія, напоминающія отчасти соборную номенклатуру; такъ, стаканъ именовался пушкой, бутылка—боченкомъ, вино—краснымъ порохомъ, вода же—бѣлымъ порохомъ. На пирахъ каждый фреръ (братъ) имѣлъ передъ собой боченокъ красного пороха и самъ заряжалъ свою пушку.

Ужины столовыхъ ложъ славились обиліемъ яствъ и питій. «Кромѣ трезвости», по ироническому замѣчанію нашего обличителя, ни въ чемъ тутъ не ощущалось недостатка, всего было вдоволь; свобода ѣсть и говорить допускалась такая же, какъ и у профановъ, разница была только въ томъ, что здѣсь обязательно читался массонскій катихизисъ.

Нашъ анонимный авторъ такъ описываетъ одно изъ этихъ пиршественныхъ засѣданій.

Венерабль, справившись у сюрвельяна (надзирателя), у всѣхъ ли фреровъ заряжены пушки, сказалъ: «Фреры мои, во здравіе князя NN, великаго метера (мастера) всѣхъ ложъ англійскихъ... правую руку къ пушкѣ... подвинь пушку... прикладывайся... пали... хорошо пали... разомъ, фреры».

«Выпаливши», т. е. выпивъ, каждый фреръ, по приказанію мастера, «поставилъ твердо свою пушку на столъ, и всѣ вдругъ трижды-по-трижды ударили въ ладоши и, сжавши середніе персты съ большими, кричали такъ крѣпко горломъ, сколько можно кричать пьянымъ: «гузе... гузе... гузе».

«Потомъ заряжали пушки за здравіе всего государева дома, за «венерабловъ» всѣхъ ложъ, за нашего венерабля, за фреровъ, посѣтившихъ ложу, за фрера новопосвященнаго и за всѣхъ массоновъ».

Всѣ эти заряды считались главными, генеральными. Однако, этимъ далеко не ограничивались поводы къ выпивкѣ. По этой части допускалась большая снисходительность. При отсутствіи другихъ мотивовъ, не возбранялось пить даже «за свои собственныя выгоды», лишь бы только пилось.

Съ правовѣрно-массонской точки зрѣнія это веселое времяпровожденіе представлялось, конечно, грѣховнымъ, приличнымъ лишь профанамъ, непосвященнымъ. Но массоны не могли устоять противъ такого искушенія, и ихъ обличитель недаромъ, кажется, пред-

сказывалъ, что они не разстанутся съ этимъ грѣхомъ, «навсегда удержать сей порокъ профанскій».

Почти одновременно (въ концѣ XVIII в.) съ столовыми ложами существовало и другое подобное братство—дружеское разгульное общество «Галера». О немъ говорится въ запискахъ князя П. А. Вяземскаго. Въ числѣ членовъ «Галеры» состояли, между прочимъ, стихотворцы: В. Л. Пушкинъ, авторъ «Опаснаго сосѣда», онъ же и запѣвало общества, и Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ.

Въ «Галерѣ» распѣвали пѣсенки. Первый куплетъ одной изъ нихъ, пропѣтой Василиемъ Львовичемъ въ послѣдній день масленицы, сохранился въ бумагахъ кн. Вяземскаго; онъ гласитъ:

Плыви, Галера, веселися,
Къ Ліону ¹⁾ въ маскарадъ пустися,
Одинъ остался вечеръ намъ!
Тамъ ждуть насъ фрау-баронесса,
И сумасшедшая повѣса,
И Лиза Карловна ужъ тамъ.

Персонажи этого отрывка — лица невѣдомыя, но, повидимому, близкія «Галерѣ»,— иначе трудно объяснить интересъ къ нимъ галернаго запѣвалы.

Больше о «Галерѣ» намъ ничего не удалось узнать.

За «Галерою» хронологически слѣдуетъ «Общество кавалеровъ пробки», возникшее въ началѣ XIX вѣка. Виновникомъ рождения этого общества считается извѣстный въ свое время неистощимый весельчакъ, братъ десятой музы-поэтессы Буниной, Иванъ Петровичъ Бунинъ; ему же въ значительной степени обязанъ также своимъ «бытіемъ» и кронштадтскій клубъ, благодарно чествовавшій раньше, а, можетъ быть, и теперь еще чествующій въ клубную годовщину память его.

«Кавалерамъ», по статуту, присвоенъ былъ знакъ-пробка, которую каждый членъ общества долженъ былъ носить въ петлицѣ сюртука; отсюда и названіе общества.

Свѣдѣнія о «пробочникахъ» мы нашли въ бойкихъ запискахъ штабъ-офицера Стогова.

Стоговъ такъ описываетъ одно изъ петергофскихъ засѣданій «кавалеровъ», на которое ему посчастливилось попасть гостемъ: «за обѣдомъ сѣли между дамами мужчины, пѣли хоромъ пѣсню, кажется, сочиненную Бунинымъ (основателемъ общества):

«Поклонись сосѣдъ сосѣду,
Сосѣдъ любитъ пить вино;
Обойми сосѣдъ сосѣда,

¹⁾ Маскарады у Ліона на Невскомъ были тогда весьма популярны; они посѣщались знаменитымъ довеласомъ-вельможей того времени Безбородкомъ.

«истор. вѣстн.», апрѣль, 1908 г., т. хон.

Сосѣдъ любить пить вино;
 Поцѣлуй сосѣдъ сосѣда,
 Сосѣдъ любить пить вино».

Послѣ cadaго пѣнія исполнялось точно по уставу: сосѣдичлены продѣлывали все, что пѣлось, т.-е. кланялись, обнимались, цѣловались и т. д.

Указаніе здѣсь на пѣсню «пробочниковъ», если только справедливо приведенное выше предположеніе объ авторѣ ея, даетъ намъ возможность пополнить нѣсколько краткое сообщеніе Стогова о кавалерахъ. Дѣло въ томъ, что цитируемые Стоговымъ куплеты составляютъ припѣвъ нѣкогда очень популярной застольной пѣсни, которую, въ виду этого, мы находимъ нелишнимъ привести цѣликомъ, тѣмъ болѣе, что она небезынтересна и сама по себѣ, какъ образецъ весьма небогатой русской застольной поэзіи. Полный текстъ ея, по записи князя П. А. Вяземскаго, таковъ:

Веселый шумъ, пѣнье и смѣхи,
 Обмѣвъ бутылокъ и рѣчей:
 Такъ празднуетъ свои потѣхи
 Семья пирующихъ друзей.
 Все искрится: вино и шутки!
 Глаза горять, свѣтлѣетъ лобъ
 И зачастую въ промежутки
 За пробкой пробка хлопъ да хлопъ!

ХОРЪ.

Подобно древне Ганимеду
 Возьмемся дружно за одно,
 И наливай сосѣдъ сосѣду:
 Сосѣдъ любить пить вино ¹⁾.
 Денись! тебѣ почетъ съ поклономъ,
 Первоприсутствующій нашъ!
 Командуй нашимъ эскадрономъ
 И батареей крупныхъ чашъ.
 Правъ и бесѣдой и попойкой.
 Въ бояхъ набѣздникъ на враговъ,
 Ты партизанъ не меньше бойкой
 Въ горячей стычкѣ острыхъ словъ.

ХОРЪ.

А вотъ и нашъ американецъ!
 Въ день славный подъ Бородинымъ
 Ты храбро несъ солдатскій ранецъ
 И щеголялъ штыкомъ своимъ.

¹⁾ Варианты: поцѣлуй сосѣдъ сосѣда, обоими сосѣдъ сосѣда и т. д.

На память дня того Георгій
Украсилъ боевую грудь.
Средь нашихъ мирныхъ братскихъ оргій
Вторымъ ты по Денисѣ будь.

ХОРЪ.

Ключа Кастальскаго питомецъ
И классикъ съ головы до ногъ,
Плохой ты Вакху богомолецъ
И нашу вѣру пренебрегъ.
По части рюмокъ и стакановъ
Хоть между нами ты профанъ,
Но у тебя есть свой Буяновъ:
Онъ за тебя напьется пьянъ.

ХОРЪ.

Законамъ древнихъ музъ подвластный,
Тибулла нѣжный ученикъ!
Ты юга нѣгой сладострастной
Смягчилъ нашъ сѣверный языкъ.
Приди—и чокнемся съ тобою,
Бокалъ съ бокаломъ, стихъ съ стихомъ,
Какъ ужъ давно душа съ душою
Мы побраталися родствомъ.

ХОРЪ.

Нашъ дружба всѣхъ усыновила,
Мы всѣ свои, мы всѣ родня.
Лучи мы одного свѣтила,
Мы искры одного огня.
А дни летятъ и безъ возврата.
Какъ знать? быть можетъ, близокъ часъ,
Когда того ль, другого ль брата
Не досчитаемся средь насъ.

ХОРЪ.

Пока подобно Ганимеду
Возьмемся дружно за одно:
Что жъ? наливай сосѣдъ сосѣду:
Сосѣдъ любить пить вино.

Въ персонажахъ, къ которымъ дѣлаются обращенія въ нашей пѣснѣ, легко узнать партизана-поэта Дениса Давыдова, американца—Толстого («въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся ажутомъ»), галернаго запѣвалу В. Л. Пушкина, въ нѣжномъ же ученикѣ Тибулла—поэта Батюшкова; лица эти, очевидно, были дѣятельными членами бунинскаго кружка «пробочниковъ».

Современнымъ обществу «пробочниковъ» было и четвертое бахусовское братство—«Зеленая лампа». Этотъ «пріютъ любви и вольныхъ музъ», гдѣ подвизались «веселые остряки», въ особенности замѣчательнѣе тѣмъ, что въ немъ принималъ горячее участіе нашъ великій поэтъ А. С. Пушкинъ, бывшій даже душою этого общества. Изъ пушкинской же переписки мы почерпаемъ и свѣдѣнія о «лампиствахъ». Въ опубликованной корреспонденціи поэта о нашемъ «пріютѣ» впервые упоминается 27-го октября 1819 г., въ посланіи къ Мансурову. «Зеленая лампа»,—писалъ здѣсь А. С.,—нагорѣла, кажется, гаснетъ, а жаль—масло есть (т.-е. шампанское нашего друга). Угасаніе общества, его предсмертная агонія, повидимому, протянулась еще года два. Такъ можно думать, судя по посланію поэта къ другому «ламписту»—Я. Н. Толстому (кромя самого Пушкина, Мансурова и Толстого, изъ «лампиствовавшихъ» извѣстны еще: Всеволожскій и писатель князь Шаховской), отъ 26-го сентября 1822 г., отправленному Пушкинымъ съ юга—изъ своего «скупнаго изгнанья». Въ этомъ посланіи находятся любопытные стихи, проливающіе, между прочимъ, нѣкоторый свѣтъ и на отношеніе поэта къ «Зеленой лампѣ», и на внутренній бытъ общества, и которые мы, ради такого ихъ интереса, рѣшаемся воспроизвести здѣсь дословно. Вотъ эти стихи:

Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдѣній и пировъ?
Кипишь ли ты, золотая чаша,
Въ рукахъ веселыхъ остряковъ?
Все тѣ же ль вы, друзья веселья,
Друзья Киприды и стиховъ?
Часы любви, часы похмелья,
Попрежнему ль летать на зовъ
Свободы, дѣни и бездѣлья?
Въ изгнаньѣ скучномъ каждый часъ,
Горя завистливымъ желаньемъ,
Я къ вамъ лечу воспоминаньемъ,
Воображаю, вижу васъ.
Вотъ онъ, пріютъ гостепріимный,
Пріютъ любви и вольныхъ музъ,
Гдѣ съ ними клятвою взаимной
Сверѣпили вѣчный мы союзъ,
Гдѣ дружбы знали мы блаженство,
Гдѣ въ колпакѣ за круглый столъ
Садилось милое равенство,
Гдѣ своенравный произволъ
Мѣнял бутылки, разговоры,
Разказы, пѣсни шалуна,
И разгорались наши споры
Отъ искръ, и шутокъ, и вина.
Я слышу, вѣрные поэты,
Вашъ очарованный языкъ...
Налейте жъ мнѣ вина кометы,
Желаю мнѣ здравія, калмыкъ.

Слуга-калмыкъ, о которомъ говоритъ здѣсь Пушкинъ, составлялъ необходимую принадлежность бесѣдъ лампистовъ; на его обязанности лежало желать здоровья каждому, провинившемуся пошлымъ словомъ, на что и намекаетъ поэтъ въ заключительныхъ строкахъ.

Малорусское общество мочемордія появляется лѣтъ 20 спустя послѣ «Зеленой лампы» (въ 40-хъ годахъ XIX в.) на родинѣ Гоголя, въ Полтавской губерніи. Своимъ именемъ оно, надо полагать, обязано поэту Т. Г. Шевченку, которому приписывается обогащеніе хмельного лексикона новымъ крылатымъ словомъ—«мочить морду». Членами общества были поклонники «Хмельницкаго» изъ полтавскихъ помѣщиковъ-украинцевъ. Въ печати о «мочемордахъ» оповѣстилъ Чужбинскій въ статьѣ, напечатанной въ «Русскомъ Словѣ» за 1861 г. (V, I). У «мочемордъ» уже не было «милаго равенства» лампистовъ—здѣсь оно замѣнялось сложной іерархіей. По уставу общества, члены его, смотря по заслугамъ, дѣлились на четыре степени съ соответственными титулами. Лучшіе титуловались «высокопьянѣйшество»; мочеморды второй степени—«пьянѣйшество»; третью степень величали «высокомочемордіе», а послѣднюю—просто «мочемордіе». Титуловка эта напоминаетъ намъ петровскій соборъ, съ его всепьянѣйшими князь-папами и т. п. сановниками; украинскіе мочеморды, очевидно, были хорошо знакомы съ организаціей «шумнаго собора».

Кромѣ титуловъ, для поощренія мочемордъ, существовали еще награды въ родѣ орденовъ; ихъ насчитывалось три: низшая—символай въ петлицу, вторая—бокаль на шею, а третья, высшая и почетнѣйшая, большой штофъ чрезъ плечо.

Вообще мочеморды, видимо, были настроены бюрократически—увлекались правилами. Даже вопросъ о напиткахъ не былъ оставленъ ими безъ регламентаціи—и рѣшенъ такъ. Въ принципѣ, такъ сказать, всѣ горячіе напитки были признаны достойными питья, ни одинъ не былъ обиженъ. Чистымъ мочемордамъ, однакожь, воспрещалось пить, наравнѣ съ обыкновенными пьяницами, простую водку: это считалось непристойнымъ. Для поддержанія чести общества они непремѣнно должны были пить какую нибудь настойку, напитокъ, такъ сказать, привилегированный. Во главѣ общества стоялъ старшина—тоже нѣкоторое подобіе соборнаго князь-папы. Одно время высокій постъ этотъ занималъ нѣкто В. А. З—ій, почтенный, заслуженный мочеморда; онъ титуловался—высокопьянѣйшествомъ, украшенъ былъ орденомъ «большого штофа» чрезъ плечо, словомъ—пользовался высшими почестями въ обществѣ.

Т. А. Мартемьяновъ.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКЪ ПРЕОСВЯЩЕННАГО НИКОЛАЯ.

ОТЯ НАШЪ губернской городъ Т—овъ и принадлежалъ искони къ разряду тѣхъ Богомъ хранимыхъ мѣстностей, скача отъ которыхъ хоть 30 лѣтъ, никуда не доскачешь, и по обидному для самолюбія его обывателей выраженію поэта:

Т—овъ на картѣ генеральной
Кружкомъ означенъ не всегда,

однако и въ немъ, кромѣ «Казначейшъ», время отъ времени появлялись свѣтлыя личности, плодотворная дѣятельность которыхъ вполнѣ заслуживаетъ быть занесенной на скрижали истории.

Вотъ про одного изъ такихъ доблестныхъ мужей свѣта и правды я и хочу повести теперь рѣчь, предупреждая читателя, что все нижеописанное всецѣло принадлежитъ къ области факта и истины и вполнѣ чуждо какого бы то ни было элемента фантазіи, или вымысла. Оговорившись такимъ образомъ, приступаю къ разсказу...

Вскорѣ послѣ окончанія Крымской кампаніи въ Т—скую епархію былъ назначенъ преосвященный Николай, доселѣ никому въ городѣ неизвѣстный, но, по доходившимъ частнымъ слухамъ, человѣкъ въ высшей степени строгій и суровый. Конечно, подобные слухи не могли дѣйствовать успокоительнымъ образомъ на мѣстное духовенство, крайнѣ распущенное прежнимъ владыкою, человѣкомъ добрымъ и къ тому же болѣзненнымъ; въ особенности чувствовали себя не вполнѣ ладно консисторскіе чиновники, возведшіе любо-

стяжаніе и лихоимство чуть ли не въ основной принципъ, которыми они руководствовались при рѣшеніи всякаго дѣла, а потому въ волненіи и не безъ трепета сердечнаго ожидали прибытія вновь назначеннаго владыки.

Наконецъ онъ пріѣхалъ. Это былъ низенькаго роста старичекъ, молчаливый, спокойный и съ самымъ добродушнымъ выраженіемъ лица. Первое время по пріѣздѣ своемъ въ Т—въ онъ сталъ приглядываться, не обнаруживая, повидимому, ни малѣйшаго желанія что либо измѣнять и реформировать. Консисторія успокоилась, рѣшивъ, что всѣ опасенія ея были напрасны и преждевременны.

Однажды, владыка, спустившись изъ своей квартиры въ низъ дома, гдѣ помѣщалась также консисторія, приказалъ собрать всѣхъ чиновниковъ въ общую залу и въ ожиданіи остановился у открытаго окна, выходящаго на улицу. Перепуганные чиновники входили въ залу въ полномъ невѣдѣніи причины такого распоряженія, смутно сознавая, однако, по пословицѣ: «на ворѣ и шапка горитъ», что, вѣрно, не для выслушиванія ласковаго слова они были вызваны in cogrore предъ грозныя очи суроваго преосвященнаго.

Владыка, между тѣмъ, продолжалъ стоять у окна, въ задумчивости устремивъ глаза на улицу и повернувшись спиной къ собравшимся и перепуганнымъ чиновникамъ консисторіи, не замѣчая ихъ, словно забывъ объ отданномъ имъ приказаніи. Никто не смѣлъ напомнить ему объ этомъ, и торжественное, зловѣщее молчаніе царило въ комнатѣ; уставившись глазами на синюю рясу владыки, неподвижно стояли призванные на судъ съ блѣдными лицами, стараясь сдержать дыханіе и усиленное біеніе своихъ подчинеиныхъ сердець.

Старческій дребезжащій голосъ, раздавшійся внезапно съ улицы, заставилъ ихъ всѣхъ вздрогнуть.

— По-да-а-ай-те Христа ради! — нараспѣвъ тянулъ какой-то нищій, останавливаясь передъ раскрытымъ окномъ, у котораго стоялъ владыка.

— Иди, братецъ, иди! Ты ошибаешься: здѣсь не такое мѣсто, гдѣ подають, здѣсь сами берутъ! Иди съ Богомъ! — тихо, но отчетливо проговорилъ архіерей и обернулся къ чиновникамъ, замѣршимъ на мѣстѣ отъ изумленія и неожиданности.

Слова эти послужили тезисомъ для послѣдовавшей рѣчи владыки, которую я не стану приводить здѣсь, скажу только одно, что, полчаса спустя, консисторскіе чиновники, какъ ошпаренные, разбрелись по своимъ мѣстамъ и долго не могли собраться съ мыслями и приступить къ своимъ обыденнымъ занятіямъ.

Исторія эта, понятно, мигомъ разнеслась по городу и немало времени служила темой разговоровъ и жаркихъ дебатовъ: одни принимали сторону владыки, другіе обвиняли его въ излишней рѣз-

кости, не соответствующей, якобы, монашескому сану преосвященнаго. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Б—ковъ, тогдашній т—скій губернаторъ, человѣкъ весьма остроумный, но рѣзкій и вольнодумецъ. «Вольнодумство» его, какъ опредѣляло его общественное мнѣніе, впрочемъ, ограничивалось исключительно тѣмъ, что онъ считалъ себя атеистомъ, а потому и вынужденнымъ находится въ контрахъ съ мѣстными архіереями и вообще духовенствомъ. Разумѣется, онъ не преминулъ воспользоваться этой исторіей для изощренія своего остроумія и на всѣ возможные лады направлялъ его по адресу владыки Николая.

Остроты губернатора, циркулировавшія по городу, не могли, конечно, не дойти до преосвященнаго, но онъ дѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ о нихъ, и отмалчивался, что нѣкоторые изъ его почитателей приписывали смиренію духа своего пастыря, но на самомъ дѣлѣ, какъ мы это увидимъ ниже, владыка только ждалъ случая, чтобъ уколоть губернатора и доказать ему воочію, что не на одну только консисторію можно было въ то время бросить упрекъ въ любостыжаніи и мздоимствѣ.

И случай этотъ дѣйствительно не замедлилъ представиться.

Является къ владыкѣ ключарь и докладываетъ ему, что изъ полиціи приходилъ частный приставъ съ требованіемъ замостить всю площадь передъ монастыремъ, мотивируя свое требованіе тѣмъ, что ожидается, якобы, въ непродолжительномъ времени пріѣздъ важнаго лица изъ столицы, и что неловко де будетъ, если оно увидитъ при посѣщеніи монастыря цѣлое море грязи.

Преосвященный помолчалъ немного.

— А дорого будетъ стоить это моцненіе?—спросилъ онъ наконецъ ключаря.

— Да не дешево, ваше преосвященство,—отвѣчалъ ему тотъ:— не одну тысячу, пожалуй, выбросить придется!

— Гм... дорогонько! Да и денегъ у насъ, братецъ, теперь такихъ нѣтъ... Нельзя ли какъ нибудь попросить, чтобы отложили, что ли, на время?

Отвѣсивши, по монашескому уставу, глубокой поклонъ, ключарь удалился, но черезъ нѣсколько дней снова доложилъ владыкѣ, что частный приставъ и слышать ничего не хочетъ, твердо настаивая на исполненіи своего требованія. Преосвященный задумался.

— Какъ же намъ, братецъ, быть? Вѣдь денегъ, говоришь ты, у насъ въ настоящее время немного, да и тѣ на другія потребности нужны будутъ,—проговорилъ онъ, уставивъ на ключаря свои проницательные глаза, въ которыхъ просвѣчивала иронія.

— Осмѣливаюсь доложить вашему преосвященству,—почтительно проговорилъ тотъ вполголоса, таинственно наклоняясь къ архіерею:— есть одно средство избавиться отъ такого расхода, только

для этого нужно будетъ прибѣгнуть къ другому... Если рублей сто или двѣсти не пожалѣете,—дѣло уладить можно...

— Что ты, что ты!—словно испугавшись, проговорилъ владыка, осѣняя себя свѣшнымъ крестнымъ знаменіемъ: — зачѣмъ обижать человѣка! Можетъ, онъ и не изъ этого старается!

— Какъ угодно будетъ вашему преосвященству; обижать не зачѣмъ, а переговорить съ приставомъ можно; будьте покойны: не впервые такія дѣла обдѣлывать съ полиціей приходится.

— Ну, дѣлай, какъ знаешь, дѣлай! — торопливо проговорилъ владыка, отпуская ключаря и покачивая головой:—какой грѣхъ, какой грѣхъ, прости меня Господи и помилуй!—и старческіе пальцы быстро забѣгали по гранатовымъ четкамъ.

И дѣйствительно, два дня спустя, частный приставъ прекратилъ свои приставанія и объявилъ, что получено новое извѣстіе объ отсрочкѣ пріѣзда ожидаемой изъ столицы особы.

Прошло нѣкоторое время, великій постъ миновалъ, и наступилъ Свѣтлый праздникъ. По издавна заведенному обычаю, всѣ губернскія власти обыкновенно послѣ заутрени отправлялись разговляться къ архіерею. Какъ ни былъ Б—ковъ въ контрахъ съ владыкою, однако не счелъ возможнымъ нарушать традиціонный порядокъ и отправился послѣ богослуженія къ архіерею. За столомъ разговоръ вертѣлся вокругъ тогдашней злобы дня—пріѣзда въ Петербургъ англійскаго адмирала лорда Немира, и кто-то изъ присутствующихъ замѣтилъ, что храбрый адмиралъ самъ сознался, что до своего пріѣзда въ Петербургъ воображалъ Кронштадтъ вполне неприступной крѣпостью, почему и не рискнулъ атаковать ее во время недавней кампаніи.

— Въ этомъ перетъ Божій видѣть нужно, — нравоучительно проговорилъ владыка, — Господь Богъ вселилъ страхъ въ душу Напира и не попустилъ взятія крѣпости.

— Вы, ваше преосвященство, невѣрно произносите,—замѣтилъ губернаторъ Б—ковъ, не упускавшій случая чѣмъ либо кольнуть владыку:—надо говорить Нефиръ, а не Нафиръ.

— Отчего же это, ваше превосходительство, — возразилъ ему тотъ:—вѣдь пишется Нафиръ, а не Нефиръ; я самъ вотъ въ газетахъ читалъ...

— Совершенно вѣрно, ваше преосвященство,—проговорилъ губернаторъ, съ иронической улыбкой, обводя глазами присутствующихъ:—фамилія эта пишется-то черезъ *n*, а выговаривать надо *s*; такова уже особенность англійскаго языка.

— Странный языкъ, — спокойно проговорилъ владыка, играя четками, — точно *n* и *s* все едино, а по-моему въ этихъ буквахъ разница большая! Вотъ по-русски такъ ужъ никакъ нельзя замѣнить одну букву другой; пожалуй, тогда и слова самаго не уразумѣешь. Къ примѣру, хотя бы такъ сказать: частный приставъ;

ну, всякій и знаетъ, что эти слова обозначаютъ, а поди, попробуй-ка перемѣнить одну букву на другую да сказать вмѣсто частный—честный приставъ, такъ вѣдь это ужъ совсѣмъ что-то непонятное выйдетъ!

Всѣ присутствующіе громко расхохотались, а Б—овъ, несмотря на свое остроуміе и находчивость, долженъ былъ проглотить поднесенную ему пилюлю.

Разумѣется, благодаря этой исторіи, проступокъ пристава не остался въ тайнѣ и для губернатора; однако мѣста своего приставъ черезъ этотъ случай не лишился и продолжалъ функционировать въ Т—бовѣ попрежнему. Время ужъ такое было: тогда взятка въ фальшь человѣку не ставилась и была, такъ сказать, неотъемлемой принадлежностью служилаго люда нѣкоторыхъ вѣдомствъ.

В. С. М.

КЪ БЮГРАФІИ А. В. СУХОВО-КОБЫЛИНА.

ИЗВѢСТНО, какихъ волненій стоила покойному Сухово-Кобылину драматическая трилогія «Свадьба Кречинскаго», самая удачная изъ его пьесъ, которая принесла автору много славы и очень мало матеріальныхъ выгодъ. Въ прежнее время въ дирекціи императорскихъ театровъ практиковалось странное правило, что пьесы, поставленныя въ бенефисъ какого либо артиста, поступали въ собственность дирекціи и ею не оплачивались. Общему закону подчинилась и «Свадьба». Впрочемъ, это было время, когда молодому писателю грезилась только слава, а о презрѣнномъ металлѣ не было и помину. Времена измѣнились; когда Сухово-Кобылину понадѣбались деньги, онъ вспомнилъ своего Кречинскаго, безсмѣнно увлекавшаго публику, благодаря удивительной игрѣ Садовскаго и Шумскаго въ Москвѣ, а въ Петербургѣ—Мартынова и Самойлова. Такъ какъ обыкновеннымъ путемъ денегъ нельзя было добиться, онъ подалъ официальную жалобу министру императорскаго двора, въ которой между прочимъ указывалъ, что со времени постановки «Свадьбы Кречинскаго» она дала дирекціи императорскихъ театровъ ни больше ни меньше, какъ 20 съ лишкомъ тысячъ. Несмотря на столь убѣдительный, повидимому, доводъ, юрисконсультъ министерства сослался на вышеприведенный законъ, и Сухово-Кобылину отказали. Тогда онъ прибѣгнувъ къ единственному въ такихъ случаяхъ исходу: обратился въ канцелярію прошеній, на высочайшее имя приносимыхъ, и счастье ему улыбнулось. Въ Возѣ почившій императоръ Александръ II повелѣлъ ему выдать

единовременно 5 тысячъ рублей: это все, чѣмъ попользовался авторъ отъ знаменитой своей комедіи. Съ другими произведеніями онъ былъ еще менѣе счастливъ. «Дѣло», поставленное первый разъ въ 1882 году, имѣло такъ называемый *succès d'estime* и очень рѣдко появляется на сценахъ; что касается послѣдняго произведенія трилогіи (комедіи-буффъ «Смерть Тарелкина»), то, если не ошибаюсь, Сухово-Кобылинъ возился съ нею всю жизнь, передѣлывалъ безъ конца и только на закатѣ дней успѣлъ поставить на сценѣ Литературно-Художественнаго общества, въ значительно урѣзанномъ видѣ и подъ другимъ заглавіемъ («Расплюевскіе веселые дни»). Собственно въ хлопотахъ о постановкѣ этой комедіи онъ и написалъ свое письмо, которое составляетъ цѣль настоящей замѣтки ¹⁾. Одно время у него блеснула надежда, что «Смерть Тарелкина» пойдетъ тамъ же, гдѣ первоначально шли его «Свадьба Кречинскаго» и «Дѣло», то-есть въ императорскихъ театрахъ. Комедіей заинтересовалось одно лицо, имѣвшее вліяніе, какъ въ цензурномъ комитетѣ, такъ и въ театральныхъ сферахъ; ему-то Сухово-Кобылинъ и адресовалъ свое посланіе:

«Многоуважаемый N. N.

«Хоть и случилось мнѣ быть этимъ лѣтомъ недалеко отъ Петербурга, въ моемъ ярославскомъ имѣніи, но достигнуть вашихъ широтъ не пришлось. Причина тому высочайшій императивъ: хлѣбная уборка; и я все время, при восхитительной погодѣ, царилъ среди моихъ лѣсовъ и полей, и съ правомъ скажу, среди созданной мною мѣстности. Благодаря этому созданію и фиксированной въ тѣни моихъ лѣсовъ влагѣ, урожай оказался (какъ исключеніе) хорошимъ, но толку мало. Надо мною стряслась такая масса неотразимыхъ тратъ, затратъ, утратъ, растратъ, потравъ, захвата луговъ, хищенія лѣсовъ, разноса инвентаря, что результатъ цѣлаго года — нуль, и потому смертный приговоръ сельской промышленности. Эти траты и утраты французы мѣтко называютъ «le soulage», то-есть тѣ мелочи расхода, которыя при своей ежедневности и многочисленности къ концу года составляютъ отрицательный капиталъ, а къ концу жизни — разореніе. Былъ у меня старый слуга, управлявшій моимъ сахарнымъ заводомъ, Петръ Ивановичъ Зубаревъ, человѣкъ смысленый, бывалый, знавшій весь окрестный міръ; и когда мнѣ случалось его спросить, отъ чего такой-то помѣщикъ, человѣкъ хорошій и скромный, разорился, то онъ обыкновенно съ равнодушіемъ непререкаемой убѣжденности говорилъ: «растацили-съ»... и если у меня, то-есть того

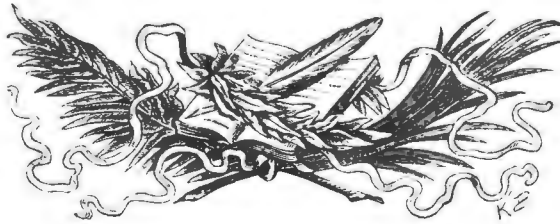
¹⁾ Письмо было мнѣ сообщено нынѣ покойной Н. А. Рембелинской, другомъ дѣтства дочери А. В. Сухово-Кобылина, графини де-Фальтанъ.

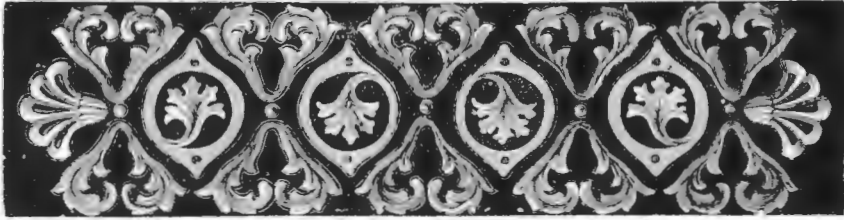
я, которое семидесяти пяти лѣтъ отъ роду еще свѣжо стоитъ среди своей земли, само убираетъ свой хлѣбъ и лично сторожитъ свое достояніе, сельско-хозяйственная операція сходитъ на нуль, то на что сходитъ она у другихъ, кто безуменъ, живетъ далеко отъ своей земли и свое достояніе ввѣряетъ людямъ, которымъ паршивой собаки ввѣрить нельзя? Утверждаю — разореніе. Оно и есть, явилось, пришло, абсолютно пришло, какъ смерть; и мы, помѣщики, можемъ съ основаніемъ сказать нашему хозяйственному и благосердному царю: Ave, Caesar, morituri te salutant. Конечно, я свой день кончилъ и ложусь спать; но сердце мое не ложится спать; оно бьется и стонетъ, глядя на мою милую, полную энергіи и жизни дочь. Что съ ней будетъ? Страшно сказать, и я благодарю Бога, что у нея нѣтъ дѣтей, и что старый мой родъ въ ней, можетъ быть, изомретъ. Мы, помѣщики, старая оболочка духа, та оболочка, которую онъ, духъ, нынѣ, по словамъ Гегеля, съ себя скидаетъ и въ новую облекается. Гдѣ и какъ? Этого Гегель не сказалъ, и предоставилъ рѣшить исторіи человѣчества. Это ея секретъ. Во всякомъ случаѣ вѣрно то, что облечется онъ ни на Волгѣ, ни на Дону, ниже на берегахъ моей Пластицы. Смутно, странно и страшно все это здѣсь у насъ смотреть; и я ежечасно вспоминаю новгородскую республику подъ командой бабы Марѳы, гдѣ большинство спускало меньшинство въ Волховъ; словомъ, тотъ славянскій, политическій урядъ, который нынѣ въ какомъ-то свиномъ углу практикуетъ рабъ и болгаринъ Стамбуловъ. Кстати о дѣтяхъ и потомкахъ. Управленіе печатью извѣстило меня о жестокосердомъ veto министра внутреннихъ дѣлъ относительно моей пьесы «Расплюевскіе веселые дни». Какая волокита: прожить 75 лѣтъ на свѣтѣ и не успѣть провести трехъ пьесъ на сцену! Какой ужасъ: надѣтъ пожизненный намордникъ на человѣка, которому дана способность говорить! И за что? За то, что его сатира на порокъ произведетъ не смѣхъ, а содроганіе, когда смѣхъ надъ порокомъ есть низшая потенція, а содроганіе высшая потенція нравственности. Какая нѣжность полиціи; какой чиновничій сентиментализмъ, или лучше: какое варварство въ желтыхъ перчаткахъ, замѣтете, противъ пьесъ параллельно со всѣми доселевыми правительственными реформами! Не имѣю ли я право въ концѣ моей жизни и въ глуши такой ночи закричать, какъ цезарь Августъ: «Варъ, Варъ, отдай мнѣ мои годы, молодость и невозвратно-погибшую силу»? Кто можетъ утверждать, что я, намордника не суцу, не написалъ бы пять, шесть и десять пьесъ и доставилъ бы себѣ честь, дирекціи—деньги, родинѣ развлеченіе, а можетъ быть — урокъ? Вѣдь «Дѣло», пролежавшее съ намордникомъ въ объятіяхъ цензуры 20 лѣтъ, не произвело ни шума, ни революціи, именно потому, что оно не революціонно: ибо рисуетъ, какъ порокъ, то, что правительство въ своихъ реформахъ устраняетъ, какъ злоупотребленіе. Скажите мнѣ, старику: что тутъ

дѣлать? Скажите: могу ли я рассчитывать на содѣйствіе высшаго театральнаго вѣдомства, ну, хоть лишь въ смыслѣ грубаго расчета поставить на сцену новую пьесу со сборами, въ моментъ, когда сценическая литература представляетъ собою голую, бесплодную степь. «Если да», то я или дочь могла бы ѣхать въ Петербургъ, чтобы оное мое погибшее чадо, хотя и въ урѣзанномъ видѣ, какъ бульдога—безъ хвоста и ушей, протащить на свѣтъ и жизнь сцены. Или, если уже все пропало, то напишите мнѣ коротко и ясно: «La mort sans phrases», какъ нѣкогда по поводу другой бойни сказалъ аббатъ Сіэзъ.

«Вамъ преданный А. Сухово-Кобылинъ».

Сообщилъ баронъ Н. В. Дризень.

ДАМАСКЪ.

I.

Выгода мѣстоположенія.—«Вѣчный городъ».—Повзвѣ исторической дали.—падение восточной культуры.

ОДЪ ТРИДЦАТЫМИ градусами сѣверной широты, но на высотѣ 2.500 футовъ надъ уровнемъ моря, въ равнинѣ, защищенной съ сѣвера довольно высокимъ хребтомъ Антиливана, орошаемый многоводною для Сиріи рѣкой Барадой¹⁾, Дамаскъ лежитъ въ мѣстности дѣйствительно благодатной. Есть много легендъ объ основаніи этого города. Его имя приурочивается то къ Симу, сыну Ноя (по-сирійски—Шимъ, или Шамъ, а современное названіе Дамаска — Шамъ), то къ имени слуги Александра Македонскаго, «Димашку». Но, очевидно, что такой чудный уголокъ земли сдѣлался мѣстомъ людскаго обитанія съ того самаго времени, когда въ Сиріи появились люди. Подъ теплымъ солнцемъ южнаго неба, въ тѣни кипарисовъ, лимоновъ и гранатъ, жить хочется не только цивилизованному человѣку, но и дикарю.

Почти всѣ приморскіе портовые города Сиріи потеряли чистоту своего восточнаго облика. Европейцы внесли въ нихъ свою разнообразную внѣшность и положили свой отпечатокъ на дома, магазины, сады, однимъ словомъ на все, что прежде всего бросается въ глаза, и по чему составляется первое впечатлѣніе. Правда, европейцевъ въ Сиріи очень немного, однако имъ начинаютъ здѣсь

¹⁾ Древняя—Хризороасъ—золотая. Барада значитъ холодная.

уже подражать, а это главное. Но чѣмъ дальше отъ морскихъ береговъ, тѣмъ чище возстаетъ передъ вами Востокъ. Дамаскъ болѣе другихъ городовъ Сиріи сохранилъ мѣстную культуру и менѣе другихъ городовъ имѣетъ склонность переодѣться въ модное европейское платье.

Римъ называется «вѣчнымъ городомъ». Но противъ Дамаска Римъ—сущій младенецъ. Раньше, чѣмъ родился Римъ, Дамаскъ былъ въ зенитѣ своей славы и гремѣлъ по всему Востоку, какъ центръ сирійской культуры, могущества Арама. При Бангададахъ (русскій переводъ Библии—«Венададь») Дамаскъ уже былъ большимъ городомъ и имѣлъ большіе дворцы, о чемъ свидѣтельствуетъ пророчество Іереміи: «И зажгу огонь въ стѣнахъ Дамаска и пожретъ дворцы Бангадада» (пр. Іереміи XL гл., 24 ст.). А Бангадады сирійскіе были современниками дѣленія царства Еврейскаго на Иудейское и Израильское!

Со словомъ «Дамаскъ» въ воображеніи европейца неволью возникаютъ какіе-то поэтическіе образы, полузабытые, неясные, какъ воспоминанія дѣтства. Тутъ и сказки «тысячи и одной ночи», и историческіе рассказы, а главное далекая невѣдомая жизнь, южная природа и воистину безконечная древность этого знаменитаго города. На протяженіи цѣлыхъ тысячелѣтій исторія крупными чертами набросала здѣсь столько великихъ лицъ и событій, создала столь особенную жизнь, что не знаешь, какимъ языкомъ нужно все это рассказывать. Здѣсь пролиты цѣлыя рѣки человѣческой крови, здѣсь столкнулась злоба и вражда, кажется, всѣхъ народовъ міра, и несмотря на все это, поэтическое обаяніе ближняго Востока громадно. Чуждъ онъ намъ, европейцамъ, а между тѣмъ какъ много мы отъ него получили! Можно сказать, мы воспитаны его молокомъ. Не говоря уже о религіи, даже сама наука научилась лепетать дѣтскія рѣчи и ходить здѣсь на Востокъ. Есть что-то поэтически-прекрасное въ его долгой и разнообразной исторіи. Извѣстно, что Бокль всю свою жизнь стремился взглянуть на Дамаскъ—этотъ «цвѣтокъ Востока». Кого не манилъ своими таинственными красотами далекій и невѣдомый Востокъ! Недаромъ чуткая душа Пушкина и Лермонтова звучала сильнѣе, касаясь восточной жизни. Самый могучій поэтическій образъ твореній Лермонтова веколыхнулся въ его душѣ подъ вліяніемъ мусульманскаго Востока (вѣдь Кавказъ—Востокъ въ миниатюрѣ!). И дѣйствительно все здѣсь страшно интересно и безконечно прекрасно. Кажется, каждый камень хочетъ подняться съ неподвижныхъ горъ и рассказать свою длинную, кровавую исторію. Здѣсь даже деревья, запечатлѣнные важностью событій, не хотятъ умирать и живутъ цѣлыми тысячелѣтїями, вспоминая дни расцвѣта Финикіи, славнаго Соломона и римское владычество.

Общій видъ Дамаска.

И вся эта длинная исторія Востока, отложившаяся въ каждой мелочи матеріальной и духовной жизни народа, скоро перейдетъ на бумагу. А въ природѣ она исчезнетъ, какъ пропѣтая пѣсня, какъ звукъ человѣческаго страданія въ пустынѣ. Все здѣсь гибнетъ и смѣняется новымъ, европейскимъ. Скорѣе нужно изучать этотъ волшебный край, иначе будетъ поздно. Востокъ умираетъ. Виѣстѣ съ нимъ умираетъ и старый Дамаскъ. Но по неизбѣжному закону исторіи онъ возстаетъ для новой жизни.

Цѣль нашей статьи—познакомить съ современнымъ состояніемъ Дамаска и будущимъ его значеніемъ въ торговомъ и промышленномъ отношеніи.

II.

Общій видъ Дамаска.—Сукъ-Тауиль.—Сукъ-аль-Хамидіе.—Собаки.—Устройство домовъ.—Внутреннее убранство ихъ.—«Новый стиль» въ Европѣ и восточный стиль.—Кресло султана.—Старая дамаская стѣна.—Мечеть аль-Амуи (Омайядовъ).—Древній порталъ.—Таинственная комната.—Могила Салаху-д-динъ'а Айюби.—Императоръ Вильгельмъ II и Востокъ.

На Востокѣ столкнулось и отложилось столько эпохъ и культуръ, онѣ такъ нелѣпо перемѣшались другъ съ другомъ, что ни одна изъ нихъ не хочетъ признавать другую. Въ особенности замѣтно это въ новѣйшихъ постройкахъ. Дамаскъ представляетъ изъ себя сѣровато-желтую кучу домовъ, нагроможденныхъ другъ надъ другомъ въ совершенномъ беспорядкѣ. Вездѣ склоны, откосы, острые и тупые углы, никакого порядка и плана. По этому хаосу, точно громадные змѣи, расползаются во всѣ стороны круглыя крыши базаровъ. Только темные, островерхіе кипарисы стоятъ надъ домами прямо, точно хотятъ дать глазу возможность отдохнуть отъ общей архитектурной сумятицы на своемъ стройномъ и прямомъ станѣ. Дома принимаютъ самыя прихотливыя позы, становятся другъ къ другу то задомъ, то бокомъ, то лицомъ къ лицу. Востокъ стѣснять себя не любитъ и, гдѣ можно, старается избѣгать какого бы то ни было порядка, за исключеніемъ порядка старшинства въ собраніяхъ. За этимъ здѣсь слѣдятъ весьма строго не только въ домѣ вельможи, но и самага бѣднаго мужика въ глухой деревнѣ.

Эту кучу домовъ во всѣхъ направленіяхъ прорѣзываютъ узкіе, кривые, полутемные проходы, въ которые съ крышъ выбрасываютъ всякій соръ и выливаютъ нечистоты. Но и въ этихъ узкихъ ущельяхъ горячее южное солнце милостиво согрѣваетъ и сушитъ все, несмотря на то, что верхнія комнаты обыкновенно съ двухъ сторонъ выдвигаются надъ нижними, почти сходятся наверху, оставляя пролетъ не болѣе аршина. Только базары раздвигаются немного пошире, но при многочисленности дамасской толпы и они кажутся совершенно узкими.

Въ Дамаскъ есть два главныхъ базара. Одинъ изъ нихъ сохранилъ всѣ черты древняго Востока, другой же принарядился по европейскому образцу. Первый Сукъ-Тауиль (длинный базаръ), другой Сукъ-аль-Хамидіе (базаръ Хамидіе).

Входя въ первый разъ подъ широкіе своды Длиннаго базара, трудно понять, что творится вокругъ. Все движется, кричитъ, говоритъ, машетъ руками. Слышится ревъ муловъ и ословъ, крики погонщиковъ и продавцовъ всякой съѣдобной дряни, сидящихъ на землѣ вмѣстѣ со своими подносами, окрики кучеровъ, щелканье бича, лай собакъ и задорная сирійская брань. Подъ этимъ круглымъ сводомъ движется, волнуясь, цѣлый потокъ головъ въ фескахъ и изарахъ¹⁾, перемѣшанныхъ съ ослиными ушами и головами верблюдовъ. Кажется, даже пѣшеходу трудно двинуться впередъ, не только двумѣстной коляскѣ, запряженной парой лошадей. Но нѣтъ. Къ удивленію коляска двигается быстро, арбажи²⁾ лѣниво выкрикиваетъ неизмѣнное «дагаракъ!»—твоя спина,—пощелкиваетъ бичемъ, и толпа раздвигается передъ самыми мордами лошадей, задѣвая за нихъ даже озабоченно жестикулирующими руками. Мальчишки согнувшись убѣгаютъ изъ-подъ самыхъ лошадиныхъ ногъ и, обѣжавъ коляску, прицѣпляются сзади, вызывая неудовольствіе арбажи. Собаки, свернувшись клубками, лѣниво встаютъ съ дороги и отходятъ въ сторону ровно настолько, чтобы колесо коляски не раздробило голову. Даже ослики съ мѣшками на спинахъ сворачиваютъ съ дороги и, торопливо семеня ножками, подбираютъ свои зады, спасаясь отъ ненавистнаго мукарія (погонщика), идущаго сзади и подгоняющаго лѣнивцевъ острымъ деревяннымъ гвоздемъ.

А по бокамъ базара въ его стѣнахъ расположены маленькія клѣтушки-лавочки. Тутъ торговля, тутъ же и производство. Въ клѣтушкахъ, зарывшись въ свои товары, сидятъ торговцы въ полосатыхъ кунбазахъ³⁾, плотно обхватывающихъ закруглившіеся, ожирѣвшіе члены, сидятъ въ неподвижныхъ позахъ. Многие спятъ, открывая глаза только на окрикъ покупателя. Не вставая съ мѣста, каждый торговецъ лѣниво достаетъ почти всѣ свои товары. Воздухъ удушливый, пропитанный одуряющими испареніями и ѣдкой пылью. Походка всѣхъ этихъ тысячъ людей какая-то развинченая, утомленная. Все говорить о лѣни и снѣ.

Совершенно другое впечатлѣніе производитъ аристократическій Сукъ-аль-Хамидіе. Тамъ уже европейскіе магазины, зеркальныя стекла, за которыми видны европейскіе товары. Все тамъ выгля-

¹⁾ Изаръ—головное женское покрывало.

²⁾ Кучерь.

³⁾ Кунбавъ—верхняя легкая одежда въ видѣ длинной рубашки съ разрѣзомъ напередѣ.

дить чище, богаче. Многие потеряло свои восточныя черты и подернулось лакомъ европейской виѣшности. Даже осликъ конфузится тамъ своими длинными ушами, а верблюдъ и мулъ—тѣ туда и совсѣмъ не заглядываютъ. Тамъ и публика чище: турецкій чиновникъ, группа богатыхъ мусульманокъ подъ изарами, чернокожій евнухъ и только изрѣдка виднѣется сирійскій фалляхъ¹⁾ съ разинутымъ отъ удивленія ртомъ. Магазины съ шелковыми и шерстяными матеріями постоянно набиты женщинами, главнымъ образомъ мусульманками, которыя только здѣсь и могутъ украдкой взглянуть на запрещенный имъ Кораномъ плодъ.

Весьма свободными обитателями многочисленныхъ дамасскихъ базаровъ являются собаки. Собаки—это низшее сословіе Турецкой имперіи. Оно обладаетъ довольно высокимъ чувствомъ гражданственности и, на зависть турецкимъ двуногимъ подданнымъ, самоуправленіемъ. Да и Турція признаетъ за нимъ извѣстныя права. Константинополь, говорятъ, отказалъ французамъ, изъявившимъ желаніе на свой счетъ истребить всѣхъ его собакъ. Поговаривали также уменьшить, если не истребить совершенно, собакъ въ Дамаскѣ къ пріѣзду императора Вильгельма II (1898 г.). Но и это не состоялось. Собакъ попрежнему ужасно много. Во всякомъ переулкѣ, даже самомъ глухомъ, можно встрѣтить нѣсколько собачьихъ семействъ. Въ грязи, въ мусорѣ валяются маленькіе щенки и жадно теребятъ грязное вымя матери. Мусульмане считаютъ благимъ дѣломъ кормить этихъ животныхъ, хотя и признаютъ нечистыми: истинный правовѣрный послѣ прикосновенія собаки долженъ совершать омовеніе.

Собаки здѣсь не въ рабствѣ—нѣтъ. Онѣ совершенно свободны, живутъ вполне самостоятельно и только для собственной выгоды привыкаютъ иногда къ извѣстному хозяину, оказывая ему коекакіе знаки вниманія. Вообще же ведутъ себя независимо и, какъ я уже сказалъ, обладаютъ извѣстнымъ самоуправленіемъ. Городъ раздѣленъ у нихъ на части и улицы. Собаки каждой улицы наследуютъ этотъ участокъ отъ своихъ родителей и не смѣютъ переходить въ другой безъ риска собственной шкурой. Обитатели cadaго участка отлично знаютъ другъ друга, и каждый пришлецъ считается врагомъ. Горе той собакѣ, которая безъ всякой предосторожности перейдетъ границу!.. Я никогда не наблюдалъ въ Россіи за собаками такой злобной выдержки, такой поразительной безпощадности къ своимъ собратьямъ, какъ здѣсь въ Дамаскѣ. Обостренная борьба за жизнь развила въ нихъ ужасную суровость. Вотъ на улицѣ безпечно спитъ собака, растянувши свои лапы, хвостъ и откинувъ назадъ голову. Сзади тихо подкрадывается шершавый и грязный ея врагъ. Онъ злобно уставилъ на спящую свои маленькіе глаза, не рычитъ, не тьякаетъ, не ску-

¹⁾ Фалляхъ—мужикъ.

Внутренность дома въ Дамаскѣ.

лить, но безшумно подвигается къ своей жертвѣ и, выбравъ самое удобное мѣсто, разомъ вонзаетъ въ него свои бѣлые зубы. Ударъ бываетъ такъ вѣренъ, что побѣжденный не думаетъ защищаться и только жалостно молить о пощадѣ. Есть между собаками аристократы и плебеи. Аристократы живутъ по базарамъ,—они толстые, жирные. Плебеи тощи и шершавы,—они живутъ по глухимъ закоулкамъ.

Всѣ дома въ Дамаскѣ обыкновенно о двухъ этажахъ. Несмотря на тѣсноту, выше строить никто не рѣшается. Очевидно, дѣлается это изъ боязни большихъ разрушеній при землетрясеніи. Кромѣ того, современный Востокъ сталъ плохимъ архитекторомъ. Нижний этажъ строится изъ темнаго тесанаго камня, а второй изъ дерева и глины. Верхній этажъ сначала сколачивается изъ палокъ и щепокъ; потомъ промежутки закладываются глиняными кирпичиками, всѣ неровности замазываются глиной, — и зданіе готово. Верхній этажъ служитъ главнымъ образомъ для зимняго, дождливаго и сырого времени, а нижній — для жаркаго лѣта. Съ наружной стороны дома содержатся весьма неряшливо. Всѣ заботы объ убранствѣ переносятся внутрь, во дворъ и окружающія его помѣщенія.

Всѣ комнаты открываются внутрь двора, вымощеннаго кирпичемъ или мраморомъ, засаженнаго лимонами, кипарисами и помегранцами. Посрединѣ двора — бассейнъ съ постоянно-обмѣнивающейся водой, которая пробѣгаетъ во всѣ углы дома, все очищаетъ и стекаетъ по нечистотнымъ трубкамъ въ общія магистралы.

Внутреннее убранство домовъ имѣетъ болѣе порядка, чѣмъ ихъ архитектура. Полы устланы циновками или коврами; по стѣнамъ диваны, покрытые простынями съ подушками; въ стѣнахъ особыя ниши, задернутыя занавѣсками, — все это можно встрѣтить въ каждомъ домѣ. Столы и стулья — признакъ особой культуры домовладѣльца. На стѣнахъ или комодѣ часто бываетъ много фотографій, но ни одной картины и очень рѣдко олеографіи царей Европы. Художественное изображеніе предметовъ до сихъ поръ не развито на Востокѣ. У православныхъ, даже иногда у мусульманъ, можно часто встрѣтить портреты нашего императора и императрицы.

Есть дома, внутреннее убранство которыхъ поражаетъ своимъ вкусомъ и выдержкой восточнаго стилия. У насъ въ Россіи (да и во всей Европѣ) гонятся за новыми формами, ловятъ вымученныя линіи живого тѣла, главнымъ образомъ женскаго. Это такъ называемый «новый стиль», въ которомъ все, кажется, бьетъ на чувственность, на развитіе той стороны природы современнаго человѣка, которую уже пора бы начать сдерживать систематическимъ воспитаніемъ. Иначе здоровая русская нація скоро ослабѣетъ въ истеріи чрезмѣрно развитой похотливости и переутомленія. Не угодно ли искателямъ новыхъ формъ обратиться къ нашему близкому, но неизвѣстному Востоку. Неужели эта комната въ

Внутренность дома въ Дамаскъ.

въ которой такъ согласно соединились всѣ мелкія формы и краски, не успокоиваетъ глаза и не отрѣшаетъ нашъ духъ отъ уличной суетоки? Все здѣсь говоритъ о долгой, многолѣтней работѣ человѣческаго гениа. Каждая мелочь здѣсь дополняетъ одна другую, и вся комната, какъ стройная музыка, покоитъ человѣческій духъ согласіемъ линій и формъ. А какъ прекрасно сочеталась въ другомъ домѣ зелень деревьевъ съ изящной орнаментикой стѣнъ и глубокой ниши! Не имѣя почти никакого сходства съ живыми предметами, орнаментъ тѣмъ не менѣе сохранилъ всю красоту формъ живой природы, все разнообразіе ея очертаній... Право, не мѣшало бы европейскимъ искателямъ новыхъ формъ окружающей обстановки, художества и архитектуры поучиться у Востока. Правда, убранство этихъ комнатъ очень мелко рисункомъ: тутъ чувствуется много лишняго труда и свободнаго времени, котораго у дѣловаго европейца можетъ и не быть. Но развѣ здѣсь нечему поучиться? Наконецъ, возьмите всѣ старинныя памятники Сиріи, Палестины и Малой Азіи — развалины Пальмиры, Гелиополиса (Ба'альбекъ), Баниаса (Кесарея Филиппова), Эфеса и др. Развѣ тутъ мало предметовъ для подражанія? Развѣ эти колонны, барельефы и всевозможныя украшенія не могутъ дать цѣлый сонмъ причудливыхъ формъ величавой старины, развѣ въ нихъ нѣтъ здоровой мысли и чувства, развѣ нѣтъ красоты? Недавно мутасафрифъ (губернаторъ) Ливана вздумалъ подарить султану кресло. Откуда взять форму и рисунокъ? Въ Дамаскѣ есть старинный ханъ ¹⁾ съ красивой входной дверью. Эта-то дверь и послужила образцомъ для мастеровъ. Кресло было сработано изъ дерева знаменитыхъ ливанскихъ кедровъ, изъ которыхъ Соломонъ строилъ храмъ Богу Всевышнему. Работа получилась прекрасная. Султанъ былъ весьма благодаренъ за такой прелестный подарокъ.

Учиться, учиться нужно у умирающаго Востока! О, онъ богатъ, и мы можемъ открыть у него неожиданно громадное наслѣдство. Въ «свободномъ» нашемъ художествѣ столько же традицій и предразсудковъ, какъ въ привычкахъ самой пустой свѣтской барыни. Всѣ ѣдутъ учиться формамъ и краскамъ въ Западную Европу, но ни у кого не достаетъ смѣлости проѣхать на ближній Востокъ и научиться многому тому, что не попадало на кисть ни одного художника.

Есть нѣсколько остатковъ величавой сѣдой старины и въ самомъ Дамаскѣ. Такова полуразрушенная древняя стѣна, окружающая нѣкогда городъ и заставившая арабовъ-завоевателей простоять подъ нимъ цѣлыхъ семьдесятъ дней. Въ общемъ длина всей стѣны около 5 верстъ, высота аршинъ 15 и болѣе. Нижняя ея

---

¹⁾ Постоялый дворъ, гостиница. Упоминаемый ханъ называется «Ханъ Асадъ'а—паши».

часть сложена изъ очень большихъ камней, достигающихъ иногда до 5 аршинъ длиною, весьма древней отески. Верхняя часть состоитъ изъ камней болѣе мелкихъ—это позднѣйшая надстройка. Старый Дамаскъ сосредоточивался въ стѣнахъ на правомъ берегу Барады. На западѣ стѣны смыкались у небольшого укрѣпленія, которое теперь служить складомъ боевыхъ припасовъ. Въ настоящее, сравнительно мирное, время Дамаскъ выбрался изъ каменной ограды и раздался во всѣ стороны. Съ сѣвера за Барадой теперь громадная часть города, населенная преимущественно мусульманами: Еще сѣвернѣе къ городу примыкаетъ деревня Сальхія. Съ юга—длинный базаръ -- Миданъ, по которому бѣжалъ изъ Дамаска ап. Павелъ. Старая стѣна теперь затерялась въ массѣ построекъ и только изрѣдка обнажаетъ свои почернѣвшія громадные ребра.

Другимъ, болѣе позднѣйшимъ, памятникомъ уже мусульманской эпохи является мечеть аль-Амуи (Омайядовъ—одной изъ царствовавшихъ мусульманскихъ династій первыхъ вѣковъ гижры). Постройка этой мечети, или, вѣрнѣе, перестройка христіанскаго храма въ мечеть, начата въ 89 году гижры. Мусульмане воспользовались христіанскимъ храмомъ, расширили его и внутри на весьма почетномъ мѣстѣ оставили христіанскую святыню—небольшую часовню, въ которой, по преданію, хранится голова Іоанна Крестителя. Передъ входомъ въ мечеть съ западной стороны находится роскошный триумфальный порталъ—остатокъ древняго языческаго храма. Онъ состоялъ изъ двухъ большихъ красивыхъ коринтскихъ колоннъ, теперь почернѣвшихъ и полуразрушенныхъ отъ времени, на которыхъ покоился украшенный барельефами архитравъ. Теперь отъ стараго сооруженія осталась только часть, которая грозитъ паденіемъ. Какъ величавый призракъ старины, стоитъ этотъ потемнѣвшій остатокъ среди безвкусно налѣпленныхъ современныхъ построекъ, среди волнующейся внизу народной толпы... Въ 1893 году мечеть сгорѣла. Теперь она почти подновлена совершенно. Старый стиль зданія возстановленъ вполне, и мечеть попрежнему поражаетъ взоръ зрителя легкостью своего потолка и величавымъ спокойствіемъ безконечной колоннады. Вся мечеть имѣетъ въ длину 130 метровъ, въ ширину до 40. Съ сѣвера къ ней во всю ея длину примыкаетъ широкій, вымощенный гладкимъ камнемъ, дворъ. Отсюда съ четырехъ высокихъ минаретовъ всегда раздаются первые звуки призывной молитвы.

Внутренность мечети устлана коврами. Съ потолка свѣшивается множество люстръ. По стѣнамъ навалены цѣлыя кучи старинныхъ списковъ Корана самыхъ разнообразныхъ величинъ, весьма интересныхъ для историческаго изслѣдованія. Около этихъ кучъ всегда можно увидѣть много мусульманъ, которые, сидя на коврахъ и покачиваясь безмысленно изъ стороны въ сторону, вслухъ, нараспѣвъ, торопливо, точно перегоня другъ друга, читаютъ Коранъ

по древнимъ рукописямъ. Полагается, что чтеніе Корана въ мечети и по рукописямъ назидательнѣе чтенія на дому по печатнымъ книгамъ. Качаться сзади напередъ при чтеніи Корана считается обязательнымъ,—это должно знаменовать ѣзду на верблюдѣ въ Мекку и наводить на возвышенныя и благочестивыя мысли. Качаніе, дѣйствительно, приводитъ въ состояніе извѣстнаго отупѣнія, когда все окружающее какъ будто отдалается отъ человѣка, и все его существо углубляется куда-то внутрь въ созерцаніе тайнъ божественной благодати, навѣянной чтеніемъ.

Въ западной части двора мечети находится одна комната, поставленная на колонны. На дверяхъ этой комнаты было написано по-арабски проклятiе тому, кто ее отопретъ. Преданіе гласило, что отпирать эту комнату — страшный грѣхъ, что въ ней содержатся старинныя, священныя книги т. п. Императоръ Вильгельмъ II, узнавъ о существованіи этой комнаты, обратился къ султану съ собственноручнымъ письмомъ, прося разрѣшенія открыть ее и ознакомиться съ содержаніемъ находящихся въ ней книгъ. Султанъ разрѣшилъ. Крѣпко призадумались мусульманскіе, дамаскiе шейхи, но нарушить волю султана не посмѣли. Дамаскiй генераль-губернаторъ, Наумъ-паша, открылъ эту комнату и нашелъ въ ней много списковъ священныхъ книгъ мусульманскихъ и христіанскихъ на еврейскомъ, сиріанскомъ, греческомъ и арабскомъ языкахъ. Часть этой цѣнной добычи была отправлена въ Берлинъ для переписки.

Къ востоку, недалеко отъ мечети аль-Амуи, находится могила знаменитаго завоевателя Дамаска, Салаху-д-динъ-а-Айюби, родоначальника извѣстной династiи Айюбитовъ. При осмотрѣ Дамаска императоръ Вильгельмъ почтилъ могилу своимъ посѣщеніемъ и хотѣлъ возложить на гробницу вѣнокъ съ изображеніемъ креста и надписью. Мусульмане не позволили положить вѣнокъ на гробницу, но устроили для этого въ сосѣдней стѣнѣ нишу, гдѣ за желѣзной рѣшеткой находится царскiй даръ.

Вообще императоръ Вильгельмъ II оказываетъ полумѣсяцу большія симпатiи. Правда, его политическая любовь къ Турціи очень смахиваетъ на любовь молодого наслѣдника къ старой, богатой бабушкѣ, но въ области научной его интересы, конечно, безкорыстны. Вѣнценосецъ оказывается столь же дальновиднымъ политикомъ, какъ и весьма разностороннимъ и любознательнымъ членомъ. Его личному почину обязаны многія нѣмецкія экспедиціи для изслѣдованія старины Востока. Часто онъ самъ лично проситъ у султана позволеніе на производство тѣхъ или иныхъ изслѣдованій, раскопокъ въ предѣлахъ Турціи. Въ Дамаскѣ нѣсколько лѣтъ жилъ спеціальнiй нѣмецкiй ученый, занимавшійся въ старинной дамаскской библиотекѣ изслѣдованіемъ различныхъ списковъ Библии и Евангелія. Нѣмцы забираютъ Востокъ съ двухъ сторонъ — съ матеріальной и духовной.

Древняя стѣна въ Дамаскъ.

III.

Распределение жителей по вѣроисповѣданіямъ. — Почему въ городѣ считается жителей меньше, чѣмъ есть. — Смѣшанность типа. — Дамасскія женщины. — Католички. — Честность мусульманъ. — Характеръ сирійца-христіанина. — Условія подчиненія Дамаска мусульманамъ. — Какъ они проводились въ жизнь и какъ отразились на христіанахъ. — Разрѣшеніе хоронить мертвыхъ (историческій документъ). — Фанатизмъ дамасскихъ мусульманъ. — Евреи. — Русскіе евреи. — Значеніе ислама для Турецкой имперіи. — Критяне. — Черкесы. — Черкесскія поселенія въ Заіорданіи. — Куда нужно стремиться Россіи.

Населеніе Дамаска простирается въ настоящее время, вѣроятно, до трехсотъ тысячъ человѣкъ и даже болѣе. По официальнымъ же даннымъ здѣсь числится только 154.000 человѣкъ. Это количество распадается по вѣроисповѣданіямъ на слѣдующія группы:

Магометанъ-суннитовъ	99.000.
Православныхъ сирійцевъ	20.000.
Армяно-грегоріанъ	— 900.
» протестантовъ	— 300.
Латинянь	— 600.
Маронитовъ	3.470.
Греко-уніатовъ.	15.000.
Сиро-уніатовъ	10.800.
Евреевъ	4.090.

Всего . . . . . 154.000 ¹⁾.

Но, какъ извѣстно, турецкіе подданные скрываютъ отъ правительства треть и даже половину мужского населенія: христіане—чтобы не платить лишняго налога аскаріе, т.е. солдатчины, мусульмане—чтобы не всѣмъ нести тяжелую солдатскую повинность, избавиться отъ нѣкоторыхъ подушныхъ налоговъ, вообще—попадатся чиновникамъ на глаза въ возможно меньшемъ количествѣ. Со времени установленія постоянного войска Турція опредѣлила брать ежегодно по одному солдату съ каждаго 180 человѣкъ не-мусульманъ въ возрастѣ отъ 20 до 40 лѣтъ. Желаящимъ предоставлялось право выкупа за пять тысячъ піастровъ (около 400 рублей). Но каждыя 180 христіанъ начали вносить ежегодно сумму выкупа за солдата, и вмѣсто воинской повинности по всей имперіи для христіанъ установился налогъ. Понятно, что скрывать передъ правительствомъ извѣстную часть населенія для всѣхъ очень выгодно. При разсмотрѣннй таблицы дамасскаго населенія

¹⁾ В. Кюине, перев. В. Н. Хитрово. Вып. III. Сирійскій вилайетъ. Изд. И. П. П. общ.

Мечеть Аль-Амуи.

въ особенности бросается въ глаза цифра евреевъ въ Дамаскъ. Въ 3-хъ начальныхъ еврейскихъ школахъ находится болѣе тысячи учащихся мальчиковъ и дѣвочекъ. Если положить, что учащіеся составляютъ 10⁰/₁₀₀ населенія, то въ Дамаскъ должно быть 10.000 евреевъ. Въ дѣйствительности же ихъ больше. А официально ихъ числится только 4.000 человекъ. И такъ уменьшены всѣ остальные группы населенія.

Каждое вѣроисповѣданіе живетъ въ извѣстной части города, именуемой «кварталомъ», по-арабски «хара», хотя въ беспорядочныхъ группахъ построекъ нельзя равобратъ не только какихъ либо кварталовъ, но и опредѣленныхъ улицъ.

Типъ дамасскаго населенія крайне смѣшанный. Арабская кровь чувствуется только въ мусульманскихъ частяхъ города. Арабы-завоеватели до послѣдняго времени держались особнякомъ и относились къ христіанамъ презрительно. Правда, черезъ христіанскихъ женщинъ они передавали часть своей крови сирійцамъ, но у себя сохранили арабскую кровь почти въ полной чистотѣ. Въ мусульманскую арабскую среду проникали элементы сирійскаго племени только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда христіанинъ переходилъ въ мусульманство или христіанка становилась законной женой почитателя пророка. Но въ средѣ христіанъ вы можете встрѣтить типъ и саксонца, и кельта, и славянина, и истаго современнаго германца, и грека, одѣтаго въ кунбазъ и феску. Понятно, сирійское солнце накладываетъ на всѣхъ свою печать, сглаживаетъ рѣзкія особенности кровныхъ различій, но всѣ они мелькаютъ ясно въ сирійской толпѣ. Греко-римское владычество, походы крестоносцевъ и татарскія нашествія внесли въ народонаселеніе Сиріи столько чуждыхъ ему элементовъ, что совершенно задавили отличительныя черты сирійскаго племени.

Женщины дамасскія довольно красивы. У нихъ продолговатое, нервное лицо, неизбѣжно набѣленное, большіе, полузакрытые вѣками, черные глаза. Всѣ преимущественно брюнетки. Блондинокъ очень мало. Блондинки съ голубыми глазами считаются красавицами по преимуществу. За нихъ дается большой выкупъ; онѣ разбираются въ жены самыми богатыми дамаскинцами. Въ покроѣ платья, въ манерахъ, дамаскинки стараются подражать европейкамъ, но иногда весьма безцеремонно забираютъ подъ мышку шлейфъ своего платья. Многія носятъ шляпки, но большинство при выходѣ на улицу надѣваетъ изаръ—двойная юбка, одна часть которой закидывается на голову, красиво драпируя бюстъ широкими мягкими складками. Христіанки лица своего не закрываютъ. Дамаскинки щеголяютъ знаніемъ французскаго языка. И здѣсь модница Франція соблазнила женщинъ своей красивой внѣшностью и звучнымъ языкомъ.

По отзыву многихъ путешественниковъ, изъ христіанокъ католички много красивѣе православныхъ и протестантокъ. Это можно объяснить только красотой католической церковной обстановки, изяществомъ статуй и картинъ. Извѣстно, что окружающая обстановка оказываетъ большое воспитательное вліяніе: въ красивой обстановкѣ женщина становится опрятнѣе, чище содержитъ дѣтей, что, несомнѣнно, прямымъ физическимъ путемъ способствуетъ усовершенствованію тѣла. А, можетъ быть, кромѣ того, имѣютъ при этомъ значеніе и многіе душевные процессы.

Главную массу дамаскаго населенія составляютъ, какъ видно изъ таблицы, мусульмане. Мусульмане дамаскіе привѣтливы, вѣжливы, скромны и честны. Мнѣ рѣдко приходилось слышать, чтобы мусульманинъ нарушилъ данное слово. Мусульманинъ все еще дикъ и правдивъ, какъ тысячу лѣтъ тому назадъ. До послѣдняго времени мусульмане не знали ни записей ни письменныхъ условій. Недовѣрчивый европеецъ принесъ съ собою всѣ эти новшества въ мирное царство правдиваго Востока.

Но того же нельзя сказать о христіанахъ. Въ характерѣ послѣднихъ развились всѣ признаки рабскаго состоянія: ложь, притворство, трусость, а при ней мелочная, злобная, затаенная мстительность. Всѣ эти качества, не смягченныя ни христіанской религіей, сведенной на степень игрушки въ рукахъ досужливаго миссіонера-европейца, ни образованіемъ, дѣлаютъ характеръ христіанина-сирійца очень непривлекательнымъ. Сохранивъ нѣкоторыя черты величавой, честной старины, христіанинъ производитъ впечатлѣніе шута, нарядившагося въ платье вельможи.

И понятно. Рабство тяготѣетъ надъ христіанской Сиріей не столѣтіе, не два, а цѣлыхъ одиннадцать вѣковъ (завоеваніе Дамаска въ 79 году гижры, то-есть въ началѣ VIII вѣка по Р. Х.). Это завоеваніе выразилось полнымъ униженіемъ подчиненныхъ христіанъ. Условія подчиненія были написаны жителями Сиріи (Дамаскъ и окружные города) и отправлены халифу Омару-бну-ль-хаттабъ'у. Нѣкоторыя изъ этихъ условій были мной уже сообщены русской публикѣ въ статьѣ «Желѣзная дорога къ священному городу мусульманскаго міра» въ «Русскомъ Богатствѣ» за іюль 1901 года. Но я позволю себѣ здѣсь привести ихъ цѣликомъ.

«Во имя Бога милующаго, милосерднаго. Это письмо Омаръ'у, сыну Хаттабъ'а, князю вѣрующихъ христіанъ такихъ-то и такихъ-то городовъ»,—такъ начиналось письмо покоренныхъ къ Омаръ'у.

«Обязуемся: 1) не строить въ городѣ и окрестностяхъ ни монастырей, ни церкви, ни домашней церкви, ни кельи монаха (пустытника); не возвращать того, что находится во владѣніи мусульманъ, и не запрещать мусульманамъ останавливаться въ нашихъ церквахъ ни днемъ, ни ночью. Мы расширимъ двери для прохожихъ и нищихъ.

«2) Принимать мусульманъ-прохожихъ три ночи и давать имъ ѣсть.

«3) Не прятать соглядатаевъ ни въ домахъ ни въ церквахъ.

«4) Не устраивать заговоровъ противъ мусульманъ.

«5) Не обучать своихъ дѣтей Корану и не творить козней противъ мусульманъ.

«6) Не запрещать никому изъ нашихъ родственниковъ переходить въ мусульманство, если онъ того захочетъ.

«7) Почитать мусульманъ, — вставать передъ тѣмъ изъ нихъ, кто придетъ въ наше собраніе и сядетъ.

«8) Не подражать мусульманамъ ни въ чемъ: ни въ платьѣ, ни въ фескѣ, ни въ кидарѣ, ни въ туфляхъ, ни въ проторѣ на головѣ.

«9) Не говорить на языкѣ арабовъ.

«10) Не называться ихъ именами.

«11) Не садиться на хорошія (лошадинныя) сѣдла.

«12) Не носить мечей и вообще не брать никакого оружія.

«13) Не писать на кольцахъ по-арабски.

«14) Не продавать спиртныхъ напитковъ.

«15) Стричь на головѣ спереди волосы; одѣваться по нашей модѣ, гдѣ бы мы ни были. По срединѣ туловища опоясываться.

«16) Не ставить крестовъ надъ церквами и (даже) не показывать ихъ. Не писать ничего на дорогахъ мусульманъ и на базарахъ.

«17) Не звонить громко въ колокола (но тихонько можно).

«18) Не пѣть громко надъ покойниками.

«19) Не стараться возвратить изъ рабства тѣхъ, которые находятся у мусульманъ.

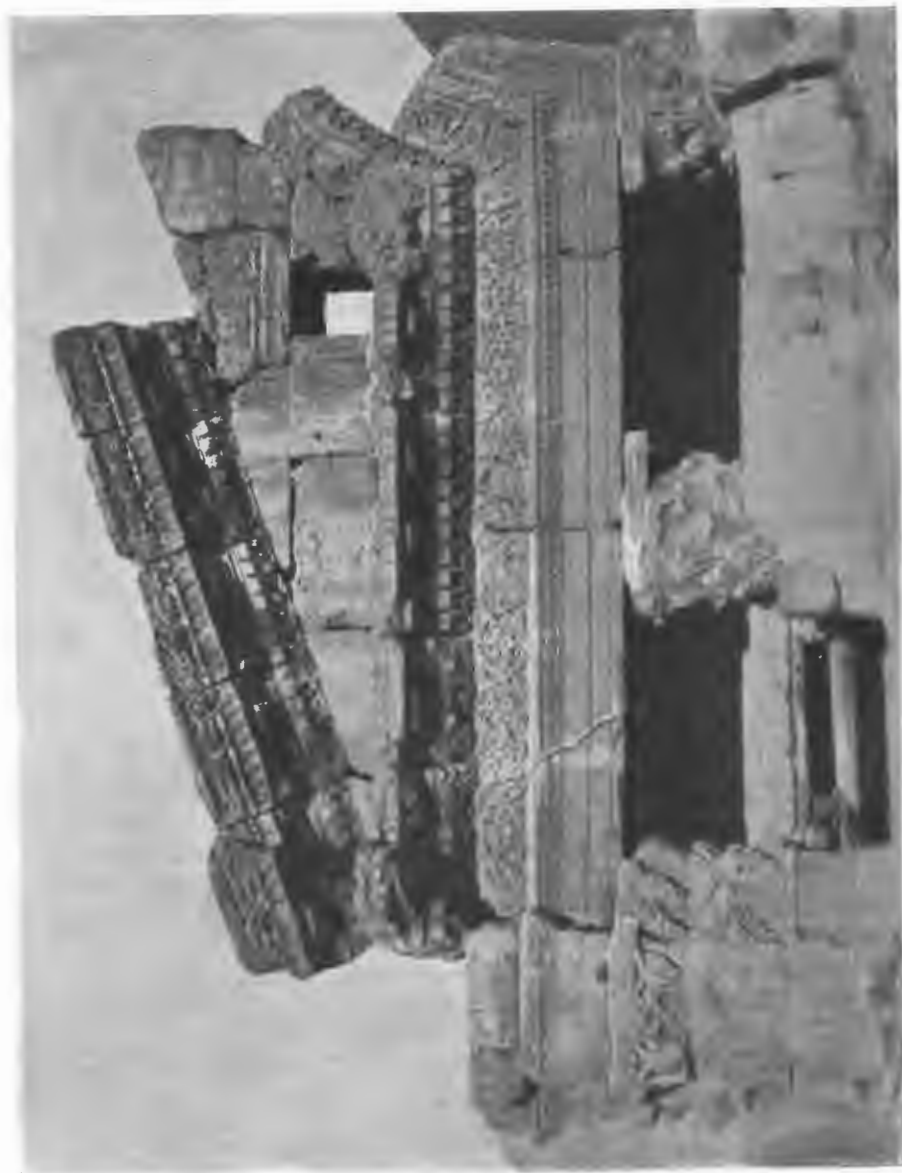
«20) Не подглядывать за ними (мусульманами) въ ихъ жилищахъ».

Кромѣ того, Омаръ добавилъ:

«Не дѣлать вреда никому изъ мусульманъ, садиться на сѣдла бокомъ (то-есть садиться не такъ, какъ мусульмане), затягивать туго пояса».

Эти условія проводились въ жизнь до послѣдняго времени, а въ нѣкоторыхъ дикихъ мѣстахъ держатся и теперь. Лѣтъ тридцать тому назадъ и въ Дамаскѣ было такъ. Однажды мусульмане стащили съ лошади даже европейца (кажется, англичанина), избили его за то, что онъ осмѣлился сѣсть верхомъ на благородное животное, на которомъ достоинъ ѣхать только правовѣрный. А издѣвательства надъ мѣстными христіанами были безграничны.

Но въ этихъ условіяхъ подчиненія не помѣчено самое главное — сознаніе постоянной приниженности и безправія передъ закономъ. Христіанамъ осталось только два орудія для охраненія своихъ интересовъ: ложь и лесть, чѣмъ они и воспользовались и пользуются въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, что кореннымъ образомъ

Остатокъ древняго портала передъ входомъ въ мечеть аль-Амуи.

стерло въ ихъ характерѣ черты древняго благородства и даже обыкновеннаго человѣческаго достоинства.

Рядомъ съ этимъ въ характерѣ христіанина-сирійца развилось страшное самохвальство. Рабу всегда хочется разыграть роль господина. Навѣрное нигдѣ нельзя наблюдать такихъ быстрыхъ превращеній въ сношеніяхъ съ людьми отъ напускнаго, чисто царскаго величія—съ низшими до рабскаго ползанія въ пыли и грязи—съ высшими. Такое превращеніе мнѣ приходилось наблюдать на одномъ и томъ же сирійцѣ въ теченіе одной минуты.

Насколько задавлены были христіане въ Сиріи до самаго послѣдняго времени, можно видѣть изъ одного маленькаго, но очень характернаго документа. Еще не такъ давно христіане должны были просить у мусульманъ разрѣшеніе на похороны своихъ мертвецовъ. И вотъ какого рода давались эти разрѣшенія.

«На основаніи честнаго закона митрополиту сиріанъ-безбожниковъ въ Діарбекирѣ.

«О противный видомъ и вѣрованіемъ! Такъ какъ безбожникъ Якубъ (Іаковъ) проклятый издохъ и погибъ, то для погребенія внутри земли его противнаго тѣла старшина его мѣстности просилъ позволенія и заплатилъ за него дань.

«Хотя земля и не принимаетъ его противнаго тѣла, однако отъ честнаго закона дано разрѣшеніе на погребеніе его внутри вашего поганнаго кладбища по вашимъ ложнымъ обрядамъ, чтобы не испортился отъ него воздухъ. Дано сіе разрѣшеніе, чтобы не было препятствія со стороны кого либо.

«25 жаммадъ ауаль 1205 года»¹⁾.

Дамасскіе мусульмане еще такъ недавно отличались особеннымъ фанатизмомъ. Дамаскъ считался центромъ мусульманской учености, основой ислама. Но какъ быстро мѣняются событія! Паденіе прежняго дикаго ислама съ его характерной исключительностью и высокоуміемъ теперь уже несомнѣнно. Смотрите, онъ исчезаетъ, какъ туманъ, со всѣхъ улицъ, базаровъ, мечетей и религіозныхъ собораній. Лучи свѣта уже пробиваются въ темное царство ислама. Но онъ все еще могучъ. И кто знаетъ, какую цѣной продастъ онъ просвѣщенію свое дикое, но стройное міросозерцаніе?..

Дамасскіе евреи живутъ особой группой, занимая довольно обширную площадь на югѣ города. Часть еврейскаго квартала раньше, несомнѣнно, принадлежала мусульманамъ, ибо среди еврейскихъ домовъ есть нѣсколько полуразрушенныхъ мечетей арабской архитектуры. Пришли евреи въ Дамаскъ, очевидно, еще во времена ветхозавѣтныя. Впослѣдствіи число ихъ постоянно пополнялось новыми пришельцами изъ всѣхъ странъ.

¹⁾ То-есть по мусульманскому счисленію. Въ настоящее время у мусульманъ 1320-й годъ.

Дамасскіе евреи лѣнны. Они совершенно опустились, даже равнодушны къ наживѣ, по крайней мѣрѣ, во многомъ уступаютъ своимъ европейскимъ собратьямъ. Занимаются они здѣсь, какъ и вездѣ, ремеслами и торговлей, но живутъ какъ-то тихо и мирно. Ихъ здѣсь не преслѣдуютъ такимъ презрѣніемъ, какъ въ Европѣ, потому нѣтъ въ нихъ обычной озлобленности, а, можетъ быть, поэтому отсутствуетъ и энергія. Они вносятъ въ жизнь города свою обычную грязь, лапсердаки, пейсы, а ихъ женщины развратъ. Дамасскіе евреи выродки. Они некрасивы, болѣзненны и слабы.

У еврея на Востокѣ, по крайней мѣрѣ, въ Дамаскѣ, есть своя особая кличка, очень характерная. Всѣмъ извѣстно, что у насъ въ Россіи всякій татаринъ именуется «княземъ». Очевидно, это одно изъ пережитковъ татарскаго ига, когда каждый татаринъ на Руси былъ дѣйствительно княземъ если не по рожденію, то по своей власти. Такимъ же образомъ всемірно-историческая роль еврейства присвоила еврею кличку «учитель». Если идетъ нѣсколько чловѣкъ, изъ которыхъ одинъ еврей, и кто нибудь крикнетъ: «О учитель!»—еврей оборачивается на зовъ такъ же, какъ русскій татаринъ на слово «князь».

Много проживаетъ въ Дамаскѣ и русскихъ евреевъ. Они остаются здѣсь десятками лѣтъ, воинской повинности въ Россіи не несутъ, но передъ оттоманскимъ правительствомъ считаются русскими подданными, а потому и пользуются обычными льготами европейцевъ, то-есть не платятъ налоговъ, не подлежатъ наказанію по турецкимъ законамъ и обезпечены на случай произвола турецкаго правительства. За послѣднее время, кажется, наше консульство въ Дамаскѣ обратило вниманіе на эту ненормальность и возбудило вопросъ о проживающихъ въ Дамаскѣ евреяхъ, пользующихся покровительствомъ русскаго имени на слишкомъ льготныхъ условіяхъ.

Кромѣ этихъ постоянныхъ и давнишнихъ жителей Дамаска, есть въ немъ и другіе, присутствіе которыхъ—весьма характерный фактъ въ жизни имперіи полумѣсяца. Я говорю о кригянахъ и черкесахъ.

Мнѣ уже не разъ приходилось говорить на тему о значеніи ислама для Турецкой имперіи. Несомнѣнно, религія остается въ Турціи главной связующей силой. Она склеиваетъ, хотя и непрочно, несоединимыя части государственнаго организма; она, только она, придаетъ ему нѣкоторую цѣлость, и она же до нѣкоторой степени оказываетъ свое притягательное вліяніе на мусульманъ всего міра. Чуть гдѣ условія жизни для мусульманъ ухудшаются,—они поднимаются и движутся въ предѣлы Турецкой имперіи, вѣруя, что тамъ всякому мусульманину живется хорошо и привольно. Такъ было съ Критомъ. Лишь только королевичъ Георгій реализовалъ на островѣ европейскій протекторатъ, масса мусульманъ не захотѣла оставаться «подъ властью безбожника». Врядъ ли мусуль-

манъ на Критъ ктонибудь притѣснялъ. Нѣтъ, потерявъ первенствующее положеніе, они сами почувствовали себя обиженными и стѣсненными. Многіе покинули Критъ и потянулись въ разныя части Турціи. Часть ихъ попала въ Дамаскъ, гдѣ и поселилась въ построенной для нихъ правительствомъ деревнѣ по склону горъ Сальхійе. Дома казарменнаго типа стоятъ стройными рядами, составляя рѣзкую противоположность беспорядочнымъ строеніямъ Востока. Живутъ поселенцы бѣдно, и многіе уже давно раскаиваются въ своемъ фанатичномъ религіозномъ порывѣ. Не такъ давно въ Турціи введенъ даже особый гербовый сборъ въ пользу всѣхъ мусульманъ-переселенцевъ, которымъ правительство помогаетъ и деньгами и натурой. Вотъ почему мусульмане всѣхъ странъ такъ легко расстаются со своимъ мѣстожителемъ и ищутъ счастья въ предѣлахъ Турціи.

То же почти можно сказать и о нашихъ русскихъ церкесахъ. Появляются они въ Дамаскъ ежегодно въ началѣ мусульманскаго Рамазанъ'а¹⁾. Такъ, на примѣръ, было въ прошломъ году. Въ Дамаскъ прибыла большая партія черкесовъ человѣкъ сотъ до пяти. На улицахъ между красными фесками замелькали черныя шапки; въ морѣ кунбазовъ и разноцвѣтныхъ абаи²⁾ зачернѣлись крытыя бараны шубы со сборками; изрѣдка слышится и русская рѣчь. Въ чужой сторонѣ даже воронѣ русской радъ. Былъ я въ одномъ богатомъ магазинѣ Сукъ-аль-Хамидіе. Думаю, дай, поговорю съ «русскимъ» человѣкомъ, послушаю, какъ здѣсь будетъ говорить про Россію сбѣжавшій изъ Кавказа въ надеждѣ на богатую жизнь въ Турціи вѣрный почитатель пророка. Хозяинъ магазина безцеремонно затащилъ съ базара цѣлую кучу черкесовъ. Впереди стоялъ здоровенный парень въ папахѣ набекрень.

— Говоришь по-турецки?—спросилъ его хозяинъ магазина.

— Екъ!

— Говоришь по-арабски?

— Екъ!

— Говоришь по-русски?

Черкесъ оглянулся на своихъ спутниковъ и съ неудовольствіемъ проговорилъ на ломаномъ русскомъ языкѣ, но довольно твердо.

— Зачѣмъ ему знать?..

— Ты говоришь по-русски?—спросилъ я его на русскомъ языкѣ.

Черкесъ испуганно вскинулъ на меня глазами, замялся и устался въ землю.

— Не говорю...

— Какъ же ты жилъ Россіи и не говоришь по-русски? Странно!

¹⁾ 9-й мѣсяцъ мусульманскаго года.

²⁾ Широкая верхняя одежда.

Запретная комната въ мечети аль-Амун.

— Не умѣю,—угрюмо проговорилъ черкесь и поползъ къ выходу. За нимъ потянулись и всѣ остальные.

Хозяинъ магазина счелъ меня огорченнымъ, а себя сконфуженнымъ такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла. Онъ полагалъ, что для меня—поговорить по-русски такъ же необходимо и пріятно, какъ для него—выкурить кальянъ и выпить чашку кофе послѣ

обѣда. Онъ хотѣлъ непременно доставить мнѣ удовольствіе русскаго разговора и послалъ притащить «вѣжливаго» черкеса, который, по его увѣренію, живетъ здѣсь давно и много любитъ Россію. И дѣйствительно скоро пришелъ небольшого роста молодой парень, который охотно толковалъ о дѣлахъ своего пламени.

— Вотъ они уѣзжаютъ изъ Кавказа и продаютъ своихъ барановъ. А между тѣмъ сами и есть настоящіе бараны. Не хотимъ, говорятъ, служить на военной службѣ. Россія, говорятъ, хочетъ обратить насъ въ христіанство! А здѣсь развѣ ихъ помилюють, не возьмутъ въ солдаты? Еще наговорили имъ дураки, что въ Турціи жить хорошо, и земли много, вотъ и идутъ сюда. Каждый годъ, говорятъ, выѣзжаетъ изъ Кавказа сорокъ семействъ съ разрѣшенія русскаго правительства. Есть и безъ паспортовъ. Пріѣхали вотъ сюда, расселили ихъ по мечетямъ; губернаторъ даетъ имъ хлѣба; ихъ старики хлопчуть о землѣ, смотрятъ—нигдѣ не нравится. Они думаютъ,—здѣсь такая же земля, какъ на Кавказѣ... Да многіе уже понимаютъ, что нехорошо сдѣлали,—возвращаются обратно. А тамъ земли русское правительство не даетъ... Если и отсюда не уѣдутъ,—все равно бѣдствуютъ. Случается, женъ, дочерей продаютъ здѣшнимъ богачамъ за 20—30 лиръ (150—225 р.). Последнее имущество продаютъ. А они думали: какъ пріѣдутъ, такъ ихъ или на лучшую землю посадятъ или всѣхъ офицерами сдѣлаютъ. А тутъ разсадили ихъ по мечетямъ, и живутъ они стадами, дожидаются султанской милости. Да и то хорошо еще съ ними обращаются; хлѣбъ и помѣщенія даютъ. По-моему, и того бы давать не слѣдовало.

— А сами вы какъ попали сюда?—спросилъ я моего собесѣдника.

— Меня привезъ сюда маленькимъ мой отецъ. Такъ съ тѣхъ поръ я и остался здѣсь. А помню до сихъ поръ и наше село, и горы вокругъ... Тянетъ меня туда, уѣду какъ нибудь...

Выселеніе черкесовъ съ Кавказа на югъ, главнымъ образомъ въ Сирію, происходило и въ пятидесятихъ и шестидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія. Правительство турецкое отправляетъ ихъ главнымъ образомъ въ дикое Заіорданье, въ Хауранъ, гдѣ непокорные бедуины-кочевники и друзья никакъ не хотятъ повиноваться оттоманской власти. Я очень подозреваю, что картины райской жизни въ Сиріи и ужасъ обращенія Россіей мусульманъ Кавказа въ православіе рисуютъ горцамъ турецкіе агенты. Въ черкесахъ-переселенцахъ турецкое правительство создаетъ для своей власти опорные пункты, въ которыхъ легко будетъ укрѣпиться на случай сопротивленія друзовъ и бедуиновъ. Кромѣ того, черкесы оказываются весьма хорошими работниками-земледѣльцами. Въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ селеніи Мадаба ¹⁾ (древняя

¹⁾ Къ востоку отъ Мертваго моря.

Дамасская женщина.

Медева) поселилось нѣсколько десятковъ черкесскихъ семействъ. Окрестности оживились быстро садами и виноградниками. Пустыня ожила. Есть нѣсколько черкесскихъ селеній и въ Хауранѣ,—вездѣ черкесы осѣдаютъ довольно прочно и оказываются хорошими работниками. Зато какъ сильно развиваются въ нихъ религіозныя предубѣжденія и ненависть къ русскимъ. Одинъ русскій путеше-

ственникъ рассказывалъ мнѣ, какъ онъ, странствуя по Заіорданью, попалъ въ черкесское селеніе. Нѣсколько дней онъ выдавалъ себя за француза, разговаривая со своимъ товарищемъ по-французски. Двѣ-три случайно брошенныхъ русскихъ фразы выдали секретъ. Черкесы набросились на нихъ на улицѣ. Шейхъ села, какъ лицо ответственное передъ правительствомъ, едва отбилъ путешественниковъ отъ озлобленной черни. Въ эту же ночь онъ посовѣтовалъ имъ выбраться изъ поселенія, ибо не ручался за безопасность.

Вотъ какіе элементы приходится всасывать русской націи въ предѣлахъ своей имперіи! И такихъ элементовъ еще много, очень много. Намъ самой исторіей суждено владѣть пустопорожними землями, усвоивать полудикія орды, главнымъ образомъ, неповоротливыхъ сѣверянъ или вотъ такихъ фанатичныхъ южанъ, какъковы горцы. И мы еще не сыты дикарями и пустынными землями; мы захватываемъ ихъ съ наслажденіемъ, а Европа только изъ приличія поднимаетъ изъ-за такихъ захватовъ шумъ, чтобы подъ этотъ шумокъ оторвать намѣченные, гораздо болѣе лакомые куски. Такъ было съ Манчжуріей... Ну, зачѣмъ еще Манчжурія? Неужели мало у насъ пустынь и дикарей въ Сибири? Ужъ чего, кажется, нагляднѣе, что и съ такими лакомыми кусками, какъ Кавказъ, мы не можемъ справиться самостоятельно: у насъ тамъ наживаютъ капиталы различныя Ротшильды, а мы только восхищаемся богатствами нашей страны. Грустно и больно. Не на сѣверъ намъ нужно стремиться, не въ туманы полярныхъ круговъ, а на югъ, на югъ, къ голубымъ волнамъ Средиземнаго моря и Индійскаго океана. Если бы наша имперія повернулась и стала не на длинѣ параллельныхъ круговъ, а по меридіану,—мы оказались бы владѣльцами полміра. А теперь, какъ и двѣсти-триста лѣтъ тому назадъ, мы—варвары, владѣльцы варваровъ, поѣдающихъ салныя свѣчи. По пустынямъ нашихъ владѣній замираютъ боязливо слабые голоса нашей культуры. Одинъ русскій учитель исторіи наивно доказывалъ, что для Россіи гораздо лучше разрабатывать свои богатства понемногу: «Потомству больше останется! И гуманно и бережливо. А что теперь Англія найдетъ на своемъ островѣ новаго? Все уже раскопано, все испорчено. Вотъ она по міру и шляется»... Философія стараго русскаго помѣщика. Поневолѣ приходится быть «гуманнымъ», когда не хватаетъ ни физическихъ ни духовныхъ силъ для устроенія и объединенія обширнаго отечества.

IV.

Уличная жизнь.—Утро.—Кофейни.—Музыканты.—Перехожіе рассказчики.—Импровизаторъ.—Поводильщики медвѣдей.—Вечеръ.—Сады для гуляній.—Арабскій театръ.—Рамазанъ.—Церемонія отправленія каравана въ Мекку.—Заразный уголь.—Почему прошлымъ лѣтомъ въ Европѣ и Азін была холера.

Вся жизнь Дамаска сосредоточивается на его многочисленныхъ базарахъ, въ его садахъ, кофейняхъ, однимъ словомъ на улицѣ, но не дома. Дома сидятъ только жены, старики да малыя дѣти. Нигдѣ, кажется, даже въ Константинополь, на улицахъ не бываетъ такой густой толпы, какъ въ Дамаскѣ, въ особенно оживленныхъ его мѣстахъ.

Просыпается Дамаскъ очень рано, съ восходомъ солнца. Утромъ онъ имѣетъ озабоченно-хлопотливый видъ. Торговцы, главнымъ образомъ мусульмане, въ мѣховыхъ халатахъ, съ бѣлыми и зелеными чалмами на головахъ, позѣвывая, направляются къ своимъ лавкамъ. Поднимаются вверхъ желѣзныя занавѣски-двери, и разноцвѣтные товары выглядываютъ въ полусумракъ крытыхъ базаровъ. Хлѣбопеки въ громадныхъ тазакъ лопатами мѣсятъ тѣсто; мясники рѣжутъ барановъ, куръ; сапожники стучатъ уже молотками; женщины-мусульманки, одѣтыя въ бѣдные, черные или полосатые изары, озабоченно куда-то бѣгутъ, боязливо сторонясь отъ экипажей. Вотъ осликъ везетъ громадный, въ кубическую сажень, возъ сухой конопли на топливо: если бы не длинныя уши, торчащія изъ-за бѣлыхъ стеблей, можно было бы подумать, что эта куча двигается сама собой. Вотъ гигантъ-верблюдь, кажущійся особенно большимъ подъ крышей базара, везетъ на себѣ длинное бревно, задній конецъ котораго дѣлаетъ страшные размахы сверху внизъ и справа налево, какъ бы выбирая, кого бы раздробить однимъ ударомъ. Собаки выстроились рядами передъ лавками съ съѣстными припасами и ожидаютъ подачи. Забрэнчали саблями военные; завыли нищіе. Дамаскъ началъ свою обычную жизнь.

Безчисленныя дамасскія кофейни весь день набиты народомъ. Праздная толпа сидитъ здѣсь на прорванныхъ диванахъ, пьетъ кофе, играетъ въ кости, куритъ кальяны и слушаетъ игру уличнаго музыканта, играющаго на дудкѣ, въ родѣ волынки. Гнусливо льется непрерывная мелодія; догоняя, вторитъ ей беззастѣнчивая арабская пѣсня, сопровождаемая пляской и подходящими жестами пѣвца. Публика снисходительно улыбается. Часто въ кофейни заглядываютъ перехожіе рассказчики, которыхъ въ Дамаскѣ нѣсколько. Они ходятъ изъ одной кофейни въ другую и рассказываютъ слушателямъ о событіяхъ далекаго прошлаго, украшая факты своимъ живымъ воображеніемъ. Рассказчики эти—всѣ

чистокровные поэты. Юморъ ихъ неистощимъ. Ихъ наблюдательность гениальна. Даже лѣнливый, полусонный житель Востока смѣется ихъ мѣткимъ остроумъ. Это самые вѣрные носители народной старины и міросозерцанія. Это импровизаторы-поэты.

Обширный арабскій языкъ даетъ вообще большой просторъ для импровизаціи. Подъ звуки ударнаго инструмента или однообразный стонъ струны арабы очень любятъ складывать стройные стихи и распѣвать ихъ передъ публикой. Посмотрите на этого слѣпца, который держитъ въ рукахъ свой незатѣйливый инструментъ, весь ушелъ въ созерцаніе своего настроенія и готовъ звучными стихами рассказать людямъ то, что онъ пережилъ и почувствовалъ на свѣтѣ.

По домамъ же, на утѣху томящихся тамъ женъ и дочерей, и по улицамъ ходятъ съ медвѣдями египетскіе арабы и цыганы. За гроши они продѣлываютъ различные фокусы передъ любопытными зрителями.

Подъ вечеръ дамасская толпа отправляется въ сады, расположенные по окраинамъ города по рѣкѣ Барадѣ и ея развѣтвленіямъ. Востокъ не любитъ двигаться безъ особенной нужды. И въ садахъ публика разсаживается, какъ и въ кофейняхъ, на стульяхъ и диванахъ, которые по первому требованію торопливо приносятся садовой прислугой. За сидѣнье полагается особая плата. Обыкновенно, всѣ разсаживаются кружками по знакомству или родству. Неизбѣжно требуется какое либо угощеніе, смотря по времени года: зеленые или соленые огурцы, яблоки, персики, груши, засахаренный горохъ, водка и кальянь. Около каждаго дивана втыкается въ землю желѣзный пруть съ фонаремъ. Появляются нищія и собаки. Такимъ образомъ публика наслаждается молча часовъ до 10 ночи. Иногда, впрочемъ, въ садахъ появляются пѣвицы, главнымъ образомъ еврейки и турчанки, которыя улаждаютъ публику дикими арабскими пѣснями, подъ аккомпанементъ различныхъ инструментовъ. Поютъ эти пѣвицы, тоже сидя: никакого движенія, жеста. Только толпа стонетъ и мычитъ въ особенно пріятныхъ для нея мѣстахъ пѣсни.

Христіане сидятъ въ садахъ смѣшанной толпой, мужчины и женщины вмѣстѣ. Въ мусульманскихъ же садахъ бываютъ только мужчины. Присутствіе женщины, хотя бы и подъ вуалемъ, считается неприличнымъ, не только въ публичномъ саду, даже въ мечети, гдѣ въ положенное время молятся только одни мужчины.

Начинаетъ проникать на Востокъ и комедійное искусство. Въ Дамаскѣ имѣется даже маленькій сарай, служащій помѣщеніемъ для театра. Тамъ даются спектакли: пѣніе небольшихъ шансонетокъ подъ арабскую музыку съ танцами; комедіи на арабскомъ и турецкомъ языкѣ. Есть въ Дамаскѣ и любители, которые къ праздникамъ разучиваютъ какую либо пьесу и разыгрываютъ ее по при-

Уличный музыкантъ.

глашенію въ любомъ домѣ. Я видѣлъ одинъ такой любительскій спектакль. Разучили артисты одну трагедію изъ французской жизни, но, очевидно, сильно обарабленную. Содержаніе ея передавать неинтересно, достаточно только сказать, что въ ней былъ, конечно, король, убійства, воскрешенія, похищенія и т. п. трагическія положенія. Дѣйствіе тянулось до тѣхъ поръ, пока добрая половина дѣйствующихъ лицъ не умерла отъ любви и всякихъ мученій. Все время, по ходу пьесы, артисты такъ много употребляли водки, что, глядя на нихъ, можно было спьяниться. Такую пьяную трагедію артисты избираютъ потому, что вино хозяина дома—ихъ единственная награда за труды. Поэтому въ дѣлѣ вышивки игра уступаетъ мѣсто самой чистой дѣйствительности. Къ концу трагедіи всѣ артисты были пьяны. Но король, которому по ходу дѣйствія говорить почти совсѣмъ не полагалось, въ своемъ величій былъ пьянъ съ самаго начала спектакля. А такъ какъ другого короля достать было негдѣ, то артисты ввели въ трагедію часть отсебятины: для пущей торжественности они водили короля подъ руки и придерживали на его пьяной головѣ бумажную корону.

Во время мусульманскаго Рамазана всѣ улицы Дамаска, начиная съ полдня, положительно набиты народомъ. Вкушая только ночью, правовѣрные стараются спать днемъ какъ можно дольше, чтобы хотя сномъ заглушить требованіе своего желудка, не желающаго сообразоваться съ наставленіями Корана. Послѣ полудня, однако, всѣ просыпаются и выходятъ на улицы развлечься. Всѣ присутственныя мѣста пустуютъ. Правильное теченіе жизни нарушается. Мусульмане въ это время въ особенности раздражительны и злы. Возбуждаемые фанатичными проповѣдниками и голодомъ, въ теченіе Рамазана они смотрятъ на христіанъ озлобленнѣе, и столкновенія, даже кровавыя, въ это время не такъ удивительны.

На пятый день послѣ Рамазана въ Дамаскѣ ежегодно происходитъ торжественное отправленіе паломническаго каравана въ Мекку. Сюда стекаются паломники со всѣхъ странъ свѣта, чтобы вмѣстѣ подъ охраной турецкихъ солдатъ двинуться по пустынной дорогѣ. Утромъ въ этотъ день Дамаскъ пустѣетъ, и только южный отрогъ города, Миданъ, принимаетъ торжественный видъ. Тамъ всѣ улицы запружены народомъ, всѣ дома унизаны людьми, украшены разноцвѣтнымъ платьемъ нарядныхъ мусульманъ. Дамаскъ не въ примѣръ другимъ городамъ часто бываетъ наряденъ. Каждую недѣлю у него трехдневный праздникъ: пятница—у мусульманъ, суббота—у евреевъ, воскресенье—у христіанъ. Но въ дни мусульманскаго Байрама онъ бываетъ въ особенности торжественно оживленъ. Даже его многочисленныя кладбища убираются пучками зелени и кажутся сплошною кустарною зарослью. Нѣтъ ничего печальнѣе смерти, украшенной жизнью.

Слѣпой импровизаторъ.

Колокольня-палатка выходитъ изъ сараія ¹⁾ только часовъ въ девять утра. Процессія торжественно идетъ за городъ, гдѣ въ опредѣленномъ мѣстѣ ее ожидаютъ власти и толпа народа. Палатка эта по установившемуся издревле обычаю предназначается для одного изъ потомковъ Магомета, котораго правительство содержитъ

¹⁾ Присутственное мѣсто.

на жалованьѣ, и безъ котораго путешествіе къ святому городу было бы недѣйствительнымъ. Абдуррахманъ-паша, начальникъ паломническаго движенія, принимаетъ отъ губернатора власть, народъ прикладывается къ священнымъ, расшитымъ золотомъ стѣнкамъ палатки, для дороги натягиваютъ дешевую зеленую матерію, и небольшой караванъ тянется въ сборный пунктъ отправления—Музерибъ (городокъ южной оконечности французской желѣзной дороги Дамаскъ-Хауранъ). И только оттуда черезъ нѣкоторое время караванъ въ полномъ сборѣ трогается въ Мекку. При караванѣ по обыкновенію идутъ солдаты и пушки для защиты отъ бедуиновъ, а Абдуррахманъ-паша везетъ съ собой еще и подарки, которые защищаютъ отъ произвола дикихъ наѣзтниковъ гораздо надежнѣе солдатъ и пушекъ.

Провались въ одинъ прекрасный день Медина и Мекка, — я увѣренъ, чума и холера стращали бы Европу въ десять разъ меньше, приходили бы въ нее въ десять разъ рѣже, чѣмъ въ настоящее время. Мекка является для Европы главнымъ рассадникомъ эпидемическихъ болѣзней. Обезсилѣвъ и опаршивѣвъ за дорогу, дикія толпы фанатичныхъ мусульманъ сходятся въ священномъ городѣ. Паломники приносятъ туда съ собою грязь и нечистоты со всей земли, приносятъ всѣ существующія на землѣ болѣзни и, задыхаясь подъ огненными лучами аравійскаго солнца, заражаютъ другъ друга и умираютъ, какъ мухи, на грязныхъ улицахъ Мекки. Пролитая кровь сотенъ тысячъ жертвенныхъ животныхъ еще болѣе облегчаетъ развитіе заразныхъ болѣзней. Можетъ быть, за послѣдніе годы Европу потому такъ и беспокоятъ чума и холера, что праздникъ Большого Байрама приходится на лѣтніе, самые жаркіе мѣсяцы ¹⁾, когда люди болѣе утомляются, и болѣзни развиваются быстрѣе. Въ 1902 году, весной, въ Меккѣ была страшная холерная эпидемія. Когда мусульмане разошлись изъ Мекки, то холера начала появляться то здѣсь, то тамъ, въ Европѣ и Азіи. Вѣдь, по благочестивому убѣжденію мусульманъ, въ святомъ городѣ не можетъ быть заразныхъ болѣзней, поэтому для паломниковъ карантинъ почти не существуетъ. А паломники разносятъ заразу по всему свѣту. Черезъ нашу кавказскую границу ежегодно проходятъ безъ паспортовъ тысячи мусульманъ. Такъ же спокойно они и возвращаются въ Россію. Только изрѣдка ихъ ловить въ Багдадѣ русскій консулъ, да и то, что съ ними онъ будетъ дѣлать? Не провожать же ему ихъ до русской границы! Передвиженіе паломниковъ, а съ ними и заразныхъ

---

¹⁾ Извѣстно, что мусульманскій лунный годъ короче нашего солнечнаго дней на 11, поэтому, сравнительно съ нашимъ счетомъ дней и мѣсяцевъ, мусульманскіе праздники передвигаются назадъ: если Байрамъ въ настоящемъ году былъ 7 марта, то въ слѣдующемъ году онъ будетъ уже 24 февралю.

болѣзней, совершается почти безпрепятственно. Европа за послѣдніе годы обязала Турцію устроить для своихъ паломниковъ въ Мекку карантинъ на случай эпидемій. Турція обнадежила всѣхъ, но гдѣ же ей справиться съ фанатизмомъ дикой мусульманской толпы? Мусульмане считаютъ карантинъ сопротивленіемъ волѣ Божіей. Карантинны дѣлаются спустя рукава. При свободѣ передвиженія мусульманскихъ паломниковъ всѣ санитарныя комиссиі и карантинны для пароходовъ будутъ носить рѣшетомъ воду.

V.

Климатъ.—Влажность.—Канализація.—Сады.—Дамасскій климатъ здоровъ.—Прокказа.—Библейскій рассказъ о Нееманѣ.—Докторъ Хайдаръ и его рукопись.—Исцѣляетъ ли дамасскій климатъ проказу?—Заразительна ли проказу?—Примѣры.—Наслѣдственность проказы.

Дамаскъ отличается здоровымъ, мягкимъ климатомъ, богатствомъ зелени и воды. Въ Дамаскъ нѣтъ особенно рѣзкихъ различій между днемъ и ночью, между лѣтомъ и зимой. Во все жаркое время года въ тѣни бываетъ не болѣе $+32^{\circ}$ R, и зимой ртуть рѣдко опускается ниже 0. Колебанія въ предѣлѣ 32° R въ теченіе цѣлаго года покажутся намъ весьма малыми сравнительно со многими мѣстностями Россіи, гдѣ размахи температуры достигаютъ 60° R и больше ($+30^{\circ}$ и -30° R). Обиліе водъ придаетъ воздуху нѣкоторую влажность, зимой даже сырость—единственное неудобство дамасскаго климата, тѣмъ болѣе, что Востокъ вообще весьма небреженъ въ постройкахъ для жилья. Зимой дамаскинецъ сидитъ около манчала, забирается въ фуфайку, въ которой, впрочемъ, предпочитаетъ ходить даже лѣтомъ, а на базарахъ грѣется зажженнымъ пучкомъ сухой конопли или чашкою горячаго кофе. Если же иногда выпадаетъ снѣгъ, то почти вся жизнь въ Дамаскъ прекращается. На снѣгу сиріецъ застываетъ, точно муха.

Мягкая зима и жаркое лѣто сдѣлали сирійца довольно небрежнымъ въ обуви и одеждѣ. И лѣтомъ, и зимой одинаково можно видѣть дамаскинца босикомъ, въ кумбазѣ и фескѣ, и только зябкая голова его закутана зимой какими либо тряпками. Въ школу половина дѣтей приходитъ только въ однихъ кубкабахъ¹⁾ на босую ногу и въ самомъ легкомъ платьѣ. А кругомъ веюду течетъ вода, наполняя безчисленные бассейны домовъ и базаровъ.

Понятно, что въ такой обстановкѣ въ Дамаскъ развиваются всевозможныя простудныя заболѣванія, главнымъ образомъ ревматическаго характера. Это зимой. Лѣтомъ же дамаскинецъ, пьющій сырую воду, страдаетъ разнообразными болѣзнями желудка и ки-

¹⁾ Кубкабы—деревянные башмаки.

шекъ, ибо вода Барады расходится по Дамаску совершенно безъ всякихъ очищеній, а рѣка при своемъ теченіи, несомнѣнно, засоряется.

Заговоривъ о дамаской водѣ, нельзя не упомянуть о канализациі Дамаска. Это почти единственное практически-полезное наслѣдіе римской эпохи. Прекрасные строители, римляне устроили въ Дамаскѣ систему водопроводныхъ и оросительныхъ каналовъ, при чемъ вода распределяется по городу и садамъ съ большимъ искусствомъ—равномѣрно и безъ всякихъ машинъ. Эта канализациія Дамаска держится и до настоящаго времени. Турки, подновляя ее, не рѣшаются измѣнить ни одной старинной артеріи, чтобы не испортить сооруженія. Всѣ инженеры-европейцы удивляются тому искусству, съ какимъ вода рѣки Барады распределяется по всему Дамаску и его предмѣстьямъ, поя людей, очищая и унося немедленно нечистоты каждаго дома изъ города съ 300-тысячнымъ населеніемъ. На восточной сторонѣ города можно только видѣть нѣсколько мутныхъ волнъ, которыя уносятъ грязь въ великолѣпныя дамаскіе сады, доставляя почвѣ много въ высшей степени плодороднаго ила.

А сады Дамаска дѣйствительно весьма обширны и богаты. Въ мягкомъ дамаскомъ климатѣ созрѣваютъ абрикосы, лимоны, гранаты, померанцы, миндаль, орѣхи и проч. Вокругъ Дамаска, подъ садами и виноградниками занято по приблизительному подсчету до 70 тысячъ десятинъ прекрасной земли, орошенной до послѣдняго камешка. Къ востоку отъ Дамаска нужно ѣхать, по крайней мѣрѣ, шесть часовъ, чтобы выбраться на просторъ сирійской пустыни, окруженной голубоватыми прозрачными горами. Весною это сплошное зеленое море садовъ почти совершенно бѣлѣетъ отъ множества цвѣта на плодовыхъ деревьяхъ. И всюду розы, розы безъ конца! Цѣлые вороха розовыхъ лепестковъ наваливаются на оликовъ и увозятся въ городъ для выдѣлки розоваго масла. Все въ садахъ смотритъ такъ молодо, зелено, такъ блеститъ и сверкаетъ на солнцѣ, что нѣтъ силъ оторваться взоромъ отъ красоты южной природы, отъ упоительнаго дыханія южной весны.

«Да напоить Господь Дамаскъ изъ облака, полнаго водой! Такой красоты нѣтъ нигдѣ во всемъ мірѣ. Его земля, какъ небо, во всемъ великолѣпнѣ. Его цвѣты, какъ звѣзды въ ихъ блескѣ. Когда зефиры дамаскихъ садовъ ласкаютъ человѣка, оковы печалей спадаютъ съ него. Глаза не устаютъ любоваться имъ. Хочется вѣчно дышать воздухомъ, пропитаннымъ запахомъ его цвѣтовъ. Изъ его деревьевъ можетъ составиться вѣчный рай. Изъ цвѣтовъ дикаго мака—цѣлый адъ огня безъ пламени»...

Такъ пишутъ о Дамаскѣ арабскіе поэты. Дамаскъ—цвѣтокъ Востока! Въ устахъ здѣшняго жителя эти горячія слова болѣе

Общественный садъ въ Дамаскъ.

чѣмъ понятны. Изъ раскаленной пустыни, изъ горъ прѣзжаетъ онъ, бѣдный сиріецъ, въ Дамаскъ, цѣлую половину дня идетъ по извилистымъ дорогамъ между садами и наконецъ вступаетъ въ самый городъ. И тутъ его взоръ поражаютъ большіе дома, тонкіе высокіе минареты, громадныя мечети. И долго, долго потомъ въ бѣдной каменной лачужкѣ сыну пустыни снится великолѣпный городъ и его безконечныя сады.

Но самый городъ, какъ уже было сказано, весьма скученъ и грязенъ, и только благодѣтельное южное солнце ежедневно очищаетъ его своими горячими лучами и предупреждаетъ развитіе всякихъ болѣзней.

А въ этомъ отношеніи Дамаскъ едва ли не самый безопасный городъ во всей Сиріи и Палестинѣ. Несмотря на страшную обычную скученность населенія, грязь и сырость, здѣсь даже лихорадки весьма слабы. Эпидемическія болѣзни тоже рѣдки. Даже на проказу дамасскій климатъ и вода имѣютъ какое-то особенное вліяніе.

Эта страшная болѣзнь еще въ древности пугала Востокъ своимъ ужаснымъ видомъ и неизлѣчимостью. Мѣстное населеніе, какъ извѣстно, настолько боялось ея, что прокаженныхъ выгоняли за черту города, обязывали носить колокольчики и звономъ давать знать всякому проходящему о своемъ присутствіи. Прокаженнымъ бросали подаваніе только издали, боясь прикоснуться, ибо все считали проказу болѣзвью въ высшей степени заразительной.

Однако и по свидѣтельству Библии не во всехъ мѣстахъ Сиріи и Палестины одинаково боялись проказы. Въ Дамаскъ она, очевидно, была совсѣмъ не страшна, начиная съ самыхъ древнихъ временъ. Въ этомъ отношеніи весьма характеренъ библейскій рассказъ о Нееманѣ, полководцѣ царя сирійскаго, который мы позволимъ себѣ привести здѣсь.

«Нееманъ, военачальникъ царя сирійскаго, былъ великій человекъ у господина своего и уважаемый, потому что черезъ него далъ Господь побѣду сиріянамъ. И человекъ сей былъ отличный воинъ, но прокаженный. Сиріане однажды пошли отрядами и взяли въ плѣнъ изъ земли Израильской маленькую дѣвочку, и она служила женѣ Неемановой. И сказала она госпожѣ своей: «О, если бы господинъ мой побывалъ у пророка, который въ Самаріи, то онъ снялъ бы съ него проказу его!» И пошелъ Нееманъ, и передалъ это господину своему, говоря: «Такъ и такъ говорить дѣвочка, которая изъ земли Израильской» (IV кн. Царствъ, 1 — 4 ст.). «Нееманъ поѣхалъ съ письмомъ сирійскаго царя къ царю израильскому. Послѣдній испугался, думая, что царь сирійскій ищетъ предлога для войны съ нимъ. Но вотъ пророкъ Елисей послалъ сказать царю: «Для чего ты разодралъ одежды свои? Пусть онъ (т.-е. Нееманъ) придетъ ко мнѣ и узнаетъ, что есть пророкъ во Израилѣ». И прибылъ Нееманъ на коняхъ своихъ и на колесницѣ своей, и

Священная палатка, сопровождающая паломников в Мекку.

остановился у входа въ домъ Елисеѣвъ. И выслалъ къ нему Елисеѣй слугу сказать: «пойди, омойся семь разъ въ Иорданѣ, и обновится тѣло твое у тебя, и будешь чистъ». И разгнѣвался Нееманъ. и пошелъ, и сказалъ: вотъ я думалъ, что онъ выйдетъ, станетъ и призоветъ имя Господа, Бога своего, и возложитъ руку свою на то мѣсто и сниметъ проказу. Развѣ Авана и Фарфаръ, рѣки Дамаска, не лучше всѣхъ водъ израильскихъ? Развѣ я не могъ бы омыться въ нихъ и очиститься?» И оборотился и удалился въ гнѣвъ» (тамъ же, ст. 8—12).

Очевидно, что прокаженный Нееманъ жилъ со здоровой женой, имѣлъ въ домѣ здоровую служанку, которая не боялась заразы.

Этотъ историческій разсказъ важенъ для насъ, какъ пояснительная параллель для изслѣдованія вопроса о проказѣ въ Дамаскѣ въ настоящее время.

Въ Дамаскѣ существуетъ всеобщее убѣжденіе, что климатъ города и его вода оказываютъ на прокаженныхъ цѣлебное дѣйствіе. Вспомнимъ восклицаніе того же Неемана: «Развѣ Авана и Фарфаръ, рѣки дамасскія, не лучше всѣхъ водъ израильскихъ?» Увѣренность эта коренится въ томъ удивительномъ и несомнѣнномъ явленіи, что никто изъ жителей Дамаска не болѣетъ проказой, исключая тѣхъ, которые жили подолгу въ какой либо другой мѣстности. Поэтому въ Дамаскѣ съѣзжаются прокаженные изъ разныхъ мѣстъ Сиріи и Палестины съ надеждой на исцѣленіе. Прокаженные главнымъ образомъ туберкулезные. Вѣлая, или анестетическая, проказа наблюдается здѣсь крайне рѣдко. Для прокаженныхъ въ городѣ существуютъ двѣ лѣчебницы (одна для мусульманъ, другая для христіанъ), весьма бѣдно и грязно обставленныя. Больные проводятъ тамъ остатокъ своей жизни и умираютъ. Прокаженные въ Дамаскѣ не пугаютъ такъ здоровыхъ людей своимъ присутствіемъ, какъ въ другихъ мѣстностяхъ Востока. Они часто входятъ съ ними въ нѣкоторыя, чисто внѣшнія сношенія, смѣшиваются въ толпѣ, а одинъ дамасскій докторъ увѣрялъ меня, что видѣлъ прокаженнаго даже въ банѣ вмѣстѣ съ другими людьми. Я самъ, путешествуя по селамъ и деревнямъ вокругъ Дамаска, видѣлъ неоднократно туберкулезныхъ прокаженныхъ, живущихъ совершенно свободно въ своихъ семьяхъ и исполняющихъ по мѣрѣ силъ всевозможныя работы, и никто ихъ не чуждается, не только родные, даже всѣ односельчане.

Самъ собою навязывается теперь вопросъ: справедливо ли вообще убѣжденіе въ цѣлебности дамаскаго климата и воды, и заразителна ли проказа?

Въ Дамаскѣ есть одинъ докторъ, мусульманинъ, получившій образованіе сначала въ Бейрутѣ въ медицинскои школѣ (высш. уч. зав.), а потомъ прожившій около двухъ лѣтъ въ Парижѣ при одной изъ клиникъ въ качествѣ практиканта. Теперь онъ живетъ

и работаетъ въ Дамаскъ. Еще молодой, но весьма дѣятельный и умный, докторъ Хайдаръ занимался специально вопросомъ о проказы въ Дамаскъ, посѣщалъ нѣсколько мѣсяцевъ двѣ его убогихъ лѣчебницы и, какъ результатъ своихъ наблюденій, написалъ на французскомъ языкѣ статью, рукопись которой онъ и предоставилъ мнѣ любезно для прочтенія. Несомнѣнно, въ своемъ сочиненіи прежде всего онъ остановился на той всеобщей увѣренности въ цѣлебности дамаскаго климата и воды, о которой я уже упоминалъ. По его словамъ оказалось, что всѣ больные, которыхъ онъ осматривалъ, объявляли ему, что по прїѣздѣ сюда они замѣчали нѣкоторое улучшеніе, но за этимъ улучшеніемъ, послѣ болѣе или менѣе продолжительной остановки, болѣзнь начинала снова свой ходъ. Эту остановку въ ходѣ болѣзни докторъ Хайдаръ объясняетъ перемѣной климата и особой нравственной бодростью — увѣренностью больныхъ въ возможности выздоровленія. Но болѣзнь эта, по его категорическому замѣчанію, совершенно неизлѣчима. Хотя онъ полагаетъ, что дамаскій климатъ дѣйствительно можетъ умѣрить ходъ болѣзни.

Въ отвѣтъ на второй вопросъ—о заразительности проказы, онъ приходитъ къ весьма интереснымъ выводамъ и о свойствахъ проказы вообще, посему я считаю нужнымъ привести здѣсь точный переводъ соответствующаго мѣста его рукописи.

«Всѣ факты, собранные мною касательно заразительности (т.-е. проказы), доказали мнѣ, что эта болѣзнь незаразительна, но что она мѣстная (endémique). Я убѣдился, что нельзя сдѣлаться прокаженнымъ, ни посѣщая прокаженныхъ, ни даже живя съ ними въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ; но можно сдѣлаться прокаженнымъ, живя въ той странѣ, которой эта болѣзнь свойственна (точно: гдѣ эта болѣзнь находится въ состояніи мѣстномъ), или проведя тамъ хотя бы только нѣкоторое болѣе или менѣе долгое время. Я могу еще сказать съ увѣренностью, что проказа есть болѣзнь, не переносимая отъ индивидуума къ индивидууму, но только изъ почвы къ индивидууму. Въ Сиріи она существуетъ только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, откуда въ сосѣднія (непроказныя) мѣстности переходитъ крайне рѣдко. Можетъ статься, что микробы этой болѣзни не могутъ жить, кромѣ какъ только въ опредѣленныхъ климатическихъ условіяхъ, которыхъ мы еще не знаемъ. Самый поразительный тому примѣръ мы видимъ въ Дамаскъ: несмотря на присутствіе лѣчебницъ, несмотря на отсутствіе въ нихъ какихъ бы то ни было гигиеническихъ предосторожностей, никто и никогда не наблюдалъ ни одного случая, чтобы хотя одинъ дамаскинецъ заболѣлъ проказой»...

Очевидно, болѣзнь теперь, какъ и въ древности, въ Дамаскъ незаразительна даже изъ почвы и воды. По крайней мѣрѣ, мы можемъ сказать это относительно мѣстнаго населенія. Но, можетъ

быть, для насъ, европейцевъ, эта болѣзнь остается заразительной? Думаю, что этотъ вопросъ не совсѣмъ безполезенъ.

Далѣе въ своей книгѣ г. Хайдаръ приводитъ массу поразительныхъ примѣровъ, доказывающихъ весьма убѣдительно, что болѣзнь эта незаразительна. Такъ онъ рассказываетъ, что одна прокаженная, жившая въ дамасской лѣчебницѣ, воспитывала внучку-сироту. Чтобы утѣшить плачущаго ребенка, она часто давала ей сосать свои груди, при чемъ гной изъ нарывовъ попадалъ въ ротъ ребенку, который его глоталъ. Теперь этотъ ребенокъ — взрослая женщина, замужемъ, сама здорова и имѣетъ здоровыхъ дѣтей. Другой не менѣе поразительный примѣръ: одинъ дамаскинецъ женился на дѣвушкѣ, которая впоследствии оказалась прокаженной. И никто, — ни мужъ, ни ея дѣти, ни вторая жена мужа, которую онъ взялъ по смерти первой больной, — не заболѣли этой страшной болѣзнию. А теперь въ Дамаскѣ цѣлая бѣдная, но здоровая семья живетъ при лѣчебницѣ, постоянно соприкасается съ прокаженными, даже ѣсть и спать вмѣстѣ съ ними, и никто изъ ея членовъ въ теченіе сорока лѣтъ не сдѣлался прокаженнымъ.

Второй изъ приведенныхъ здѣсь примѣровъ невольно наталкиваетъ насъ на вопросъ о наследственности проказы. Въ рукописи г. Хайдара есть нѣсколько соображеній и на эту тему, но крайне неопредѣленныхъ. Одно онъ говоритъ съ увѣренностью, что наследственность проказы виѣ сомнѣнія. Онъ приводитъ нѣсколько примѣровъ проявленія этой болѣзни въ потомствѣ и приходитъ къ выводу, что наследственность въ этой болѣзни непрямая и непостоянная. Часто болѣзнь переходитъ черезъ нѣсколько здоровыхъ поколѣній, чтобы проявиться на одномъ наиболѣе несчастномъ изъ всѣхъ потомковъ. Такъ, у больного отца или матери бываютъ здоровыя дѣти, при чемъ случается, что изъ всѣхъ родныхъ братьевъ и сестеръ только одинъ унаследуетъ отъ родителей страшную болѣзнь.

Далѣе, онъ приводитъ нѣсколько описаній больныхъ съ краткимъ обзоромъ хода болѣзни. Но мы на этомъ останавливаться уже не можемъ.

VI.

Легенда объ основаніи Дамаска. — Недавнее прошлое. — Упадокъ дамасской промышленности. — Французская желѣзная дорога. — Нѣмецкіе товары. — Ихъ значеніе. — Центръ культуры. — Будущее Дамаска.

Ни въ древнее, ни въ новое время Дамаскъ никогда не былъ земледѣльческимъ центромъ. Онъ всегда былъ городомъ торговли и обрабатывающей промышленности, если не принимать во вниманіе его обширнаго садоводства. Есть въ Сиріи одна легенда объ основаніи Дамаска, — легенда, очевидно, происхожденія недавняго, но очень характерная, которую мы и приведемъ здѣсь.

Русскій консулъ въ Дамаскъ А. П. Бѣляевъ.

Завладѣвъ всѣмъ міромъ, Александръ Македонскій хотѣлъ завладѣть и царствомъ демоновъ. Однако его туда не пустили. Тогда онъ выстроилъ стѣну, раздѣлившую два міра—людей и дьяволовъ. На обратномъ пути къ западу онъ поднялся на холмъ Думаръ (около современнаго Дамаска) и увидѣлъ то мѣсто, гдѣ теперь стоитъ Дамаскъ. Рѣка Барада была вся въ зелени и заросла кипарисами. Александру мѣсто понравилось. Онъ сошелъ съ холма и велѣлъ вырыть въ долинѣ яму и снова ее завалить. Земля не наполнила ямы. «Здѣсь жителямъ не будетъ хватать своего хлѣба», сказалъ онъ и пошелъ въ Хауранъ. Тамъ онъ тоже приказалъ вырыть яму и завалить ее той же землей. Земля наполнила яму, и еще осталось. Тогда онъ сказалъ своему слугѣ Димашку: «Пойди на первое мѣсто, сруби кипарисы, построй городъ и назови его своимъ именемъ. А это мѣсто будетъ для него моремъ, полнымъ хлѣба».

И дѣйствительно Дамаскъ питается почти исключительно хауранскимъ хлѣбомъ, который раньше привозился на верблюдахъ, а теперь по французской желѣзной дорогѣ. Дамаскъ, вмѣстѣ съ предмѣстьями (Миданъ и Сальхіе), ежедневно сѣдаетъ до 10 тысячъ пудовъ хлѣба; слѣдовательно въ годъ ему нужно до 3¹/₂ миллионъ пудовъ пшеничнаго зерна. Муддъ¹⁾ хауранской пшеницы стоитъ въ Дамаскѣ отъ 90 к. до 1 р. 50 к. Все зерно перемалывается на водяныхъ дамасскихъ мельницахъ.

Итакъ, главное богатство Дамаска—обрабатывающая промышленность и торговля. Выдѣлка шелковыхъ тканей, приготовленіе мебели съ инкрустаціей, выдѣлка кожъ, пшеничнаго крахмала и т. д.

Еще не такъ давно Дамаскъ былъ крупнымъ торговымъ центромъ всего Ближняго Востока съ Индіей и Египтомъ. Громадные караваны верблюдовъ стягивались въ Дамаскъ со всѣхъ сторонъ: его многочисленные (до 250) ханы²⁾ были постоянно наполнены товарами и вьючными животными. Городъ ежедневно оживлялся стеченіемъ мусульманъ-паломниковъ, сѣзжающихъ сюда со всѣхъ концовъ свѣта. Это давало ему возможность расширять свои рынки. Но съ прорытіемъ Суэзскаго канала Дамаскъ остался, точно ракъ на мели. Онъ сталъ за штатомъ, вдали отъ моря, и его собственная промышленность сразу опустила руки. Изъ 5.250 ручныхъ станковъ (по статистикѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія) для обработки шелка и хлопка теперь осталось меньше 3-хъ тысячъ. Выдѣлку мѣстныхъ кожъ давить наплывъ иностраннхъ, отчасти русскихъ кожъ. О дамасской стали осталось только поэтическое воспоминаніе. Наплывъ пилигримовъ уменьшился. Право-

¹⁾ Муддъ—мѣра сычучихъ тѣлъ, по вѣсу около пуда пшеницы.

²⁾ Ханъ — постоянный дворъ, гдѣ купцы складываютъ свои товары и даже торгуютъ.

вѣрные стали гораздо дороже цѣнить свою жизнь, и опасной пустынной дорогѣ предпочитаютъ ѣзду на пароходѣ. Дамаскъ замолкъ, принизился, обѣднѣлъ. Гордый производствомъ своихъ кра-

Митрополитъ Мелетій.

сивыхъ матерій и всякой домашней обстановки, онъ самъ принужденъ теперь рядиться вещами европейскаго производства.

Съ 1894 года между Бейрутомъ и Дамаскомъ начала работать французская желѣзная дорога общества Батиньольскаго (Société

des Batignolles). Французы перебросили полотно черезъ Ливанъ на высотѣ 1470 метровъ отъ уровня моря. Но теперь они уже раскаиваются, что не просверлили массу Ливана, ибо надежды на промежуточное движеніе не оправдались, и путь безъ пользы сдѣланъ въ полтора раза длиннѣе и труднѣе. Дорога трамвайнаго типа, однако и трамвай сыгралъ большую роль въ жизни Дамаска. Европа отлично доить сирійскую корову и кормить ее остатками ея же молока. Въ Европу потекли сырыя произведенія Сиріи, а изъ Европы, главнымъ образомъ изъ Германіи, нахлынули уже предметы фабричнаго производства, часто въ видѣ поддѣлки подъ восточные образцы. Добродѣтельный Михель при посредствѣ своихъ постоянныхъ проживающихъ въ Дамаскѣ агентовъ прекрасно сбываетъ по дешевымъ цѣнамъ всѣ отбросы фабричнаго производства Германіи, весь «бракъ», какъ говорятъ торговцы. Вы можете найти въ Дамаскѣ предметы довольно прихотливыхъ европейскихъ потребностей, но не найдете ни одной порядочной, дѣйствительно изящной, прочной вещи. Все привозится сюда въ расчетѣ на неразвитой, нетребовательный вкусъ объевропеившагося дикаря-сирійца въ весьма грубомъ, полуобработанномъ видѣ. Вы не найдете въ Дамаскѣ даже ни одного болѣе или менѣе изящнаго и доброкачественнаго карманнаго ножичка. Продается здѣсь весь этотъ хламъ очень дешево, ибо ввозная пошлина въ Турціи ничтожная, всего лишь 8⁰/₁₀ объявленной стоимости товара. Почти не имѣя собственной промышленности, Турція не нуждается и въ охранительный для нея пошлинѣ.

Всѣ эти обломки и оборы европейскаго производства, однако, сыграли свою роль,—они почти совершенно задавили мѣстное кустарное производство; яркимъ выраженіемъ этого служатъ недавнія стачки ткачей, которыхъ въ Дамаскѣ насчитывается до 20.000 человекъ. Если въ Европѣ стачки рабочихъ имѣютъ смыслъ борьбы рабочихъ съ хозяиномъ, заработной платы съ прибылью на капиталъ, то здѣсь онѣ выражаютъ собою, по крайней мѣрѣ, въ данномъ случаѣ, стѣснительное состояніе не только рабочаго, но и хозяина. Понижая плату на свои ручныя издѣлія, дамасскіе хозяева производства дошли до послѣдней степени истощенія и совершенно не могутъ повысить заработной платы ткачей, хотя бы того и пожелали. Многіе совершенно бросаютъ ткацкое дѣло, ибо не только цѣны, но и самый спросъ на прекрасныя дамасскія ткани уменьшился. Въ настоящее время вывозъ Дамаска равняется приблизительно 11, а ввозъ 18 милліонамъ франковъ. Преобладаніе ввоза надъ вывозомъ ясно свидѣтельствуетъ объ упадкѣ мѣстной промышленности.

Однако, несмотря на стѣсненія въ производствѣ, Дамаскъ и въ настоящее время по официальному турецкому подсчету ежегодно выдѣлываетъ до 4 милліоновъ аршинъ шелковыхъ, шерстяныхъ и бумажныхъ матерій на сумму до 8 милліоновъ франковъ.

Недолго уже то время, когда безжалостная Европа задавить дряхлую цивилизацію Востока. Двѣ желѣзныхъ полоски и зубчатое колесо произведутъ въ здѣшней жизни страшное превращеніе.

Что же ожидаетъ Дамаскъ въ скоромъ будущемъ? Прежняго значенія ему не возвратитъ, но, несомнѣнно, онъ скоро снова возрастетъ. Значеніе Багдадской желѣзной дороги, конечно, велико, но нельзя сказать, чтобы она прокладывала раціональный путь изъ центра европейской культуры скорого будущаго. И понятно— почему.

Прослѣдивъ даже въ самыхъ общихъ чертахъ событія послѣдняго столѣтія, нельзя не замѣтить, что европейской культурѣ надѣло сидѣть подъ сѣверными широтами, и центръ ея тяжести, по крайней мѣрѣ, въ торговлѣ, безспорно, передвинулся къ югу. Рано или поздно, я въ этомъ увѣренъ, кольцо европейской культуры снова, какъ и въ древности, плотно обхватитъ Средиземное море: по его берегамъ закипитъ торговая и промышленная жизнь, и сѣверъ Африки зацвѣтетъ, какъ и югъ Европы. Египетъ уже проснулся отъ тысячелѣтняго сна: подъ англійской «оккупацией» страна почти преобразилась. И всѣ другія провинціи по сѣверному берегу Африки являются лакомыми кусками, на которые точатъ зубы многія государства Европы. Съ юга Африки на сѣверъ также движется европейская культура, и, можетъ быть, въ настоящемъ же столѣтіи сѣверъ и югъ Африки сойдутся на срединѣ материка. Западъ же Азіи проснется, конечно, скорѣе Африки. Онъ уже просыпается.

Перемѣнивъ свой центръ, установивъ его въ голубыхъ волнахъ Средиземнаго моря, торговля намѣтитъ себѣ и другіе, болѣе прямые пути. Багдадская дорога, конечно, будетъ нужна, но она не сдѣлается торговой магистралью будущаго. Зачѣмъ съ юга Европы или сѣвера Африки ѣхать на Босфоръ? Сирійское побережье приобрѣтетъ свое древнее значеніе пріемнаго мѣста товаровъ, какое оно имѣло при финнікіянахъ, а впоследствии при римлянахъ. Ясное дѣло, при этихъ условіяхъ возрастетъ значеніе всѣхъ сирійскихъ путей, возрастетъ значеніе и Дамаска. Мнѣ даже кажется, что весьма скоро будетъ проведена другая «Багдадская желѣзная дорога» отъ Бейрута черезъ Дамаскъ на Багдадъ, какъ болѣе прямое сообщеніе Средиземнаго моря съ Персидскимъ заливомъ. Тогда Дамаскъ явится центромъ торговаго движенія въ двухъ направленіяхъ: по параллельному кругу и по меридіану. Теперь, какъ извѣстно, турки начали постройку Меккской желѣзной дороги отъ Музерива (южной оконечности французской желѣзной дороги) до Мекки. Съ 1894 года отъ Бейрута до Дамаска и отъ Дамаска до Музерива ходятъ поѣзда по извѣстной намъ французской дорогѣ. А лѣтомъ 1902 года французская анонимная компанія (Société anonyme de chemin de fer Raïakh — Houms — Hamah et prolonge-

ment) открыла движеніе по новой ширококолейной линіи по Целесиріи: Раякъ—Хумсъ (Эмесъ)—Хама (Епифанія), съ намѣреніемъ продолжить этотъ путь на Халебъ, очевидно, до Багдадской линіи. Такимъ образомъ Дамаскъ можетъ оказаться въ центрѣ перекрещивающихся важныхъ желѣзныхъ дорогъ и приобрѣтитъ прежнее значеніе мѣноваго торговаго пункта. А его природныя условія и положеніе въ центрѣ хотя и небольшой страны весьма способствуютъ развитію фабричной и заводской промышленности. Сирія представляетъ собою край пока еще совершенно неразработанный. Въ ея горахъ много различныхъ минераловъ и металловъ. Обильныя залежи лигнита разрабатываются даже лѣнивымъ и невѣжественнымъ турецкимъ правительствомъ. Объ Аравіи и говорить нечего. Это весьма богатый, теперь совершенно почти опустѣвшій уголь, который съ проведеніемъ туда желѣзной дороги скоро можетъ оживиться... Всѣ сырыя произведенія Сиріи и отчасти Аравіи потекутъ въ Дамаскъ, который будетъ ихъ обрабатывать уже не первобытнымъ способомъ, а хорошими машинами, не руками, а силою пара. Да и въ самомъ Дамаскѣ безконечныя сады его могутъ дать довольно много сырыхъ продуктовъ. Теперь фрукты изъ этихъ садовъ или потребляются на мѣстѣ, или перерабатываются въ невозможно плохое вино, грязную пастилу и пр. Но что можно сдѣлать изъ нихъ при другой постановкѣ дѣла! Такихъ вкусныхъ вареній, какія даютъ дамасскіе абрикосы, трудно встрѣтить гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ земного шара. А изъ его винограда можетъ быть приготовлено вино, не уступающее лучшимъ винамъ Франціи. Все ждетъ здѣсь рукъ, усилій, знаній.

VII.

Захватъ греками Антиохійской патриархіи.—Основаніе русскаго консульства въ Дамаскѣ.—Русскій консулъ А. П. Бѣляевъ.—Избраніе на патриаршій престолъ сирійца Мелетія.—Права мѣстныхъ христіанъ.—Какой вредъ оказываютъ греки православной церкви.—Мелетій, патриархъ антиохійскій.—Патриархія и соборъ.—Императорское Православное Палестинское общество.—Дамасская русская школа.—Мусульманская мужская гимназія и ея программа.—Обученіе мусульманокъ.

Съ именемъ Дамаска въ настоящее время связывается весьма интересный вопросъ объ одной изъ вселенскихъ патриархій — Антиохійской.

О притязаніяхъ грековъ на заглавную роль въ четырехъ восточныхъ вселенскихъ патриархіяхъ я уже имѣлъ возможность говорить въ статьѣ «Греки въ Сиріи и Палестинѣ» въ журналѣ «Русское Богатство» за сентябрь 1900 года. Тамъ я изложилъ исторію развитія Святогробскаго братства, его національную исключительность и идеалы. Тамъ же я достаточно выяснилъ, какъ мало

Православная патриархия въ Дамаскъ.

добра и какъ много зла сдѣлали чуждой имъ по языку и крови православной паствѣ въ Сиріи греческіе архипастыри. Чуждые нуждамъ этой паствы, они пришли въ Сирію, Палестину и Египеть, какъ на доходныя земли, и заботились только о своихъ личныхъ, чисто матеріальныхъ выгодахъ... Здѣсь мы этого вопроса касаться въ подробностяхъ не можемъ, ибо онъ вывелъ бы насъ изъ рамокъ нашей темы. Мы коснемся его лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ онъ имѣлъ значеніе для Антиохійской патріархіи, центромъ которой является Дамаскъ.

Меня поражаетъ грекъ своею способностью принимать самое дѣятельное, какъ бы неоспоримо принадлежащее ему по праву участіе въ религіозныхъ дѣлахъ всего православнаго міра, гдѣ бы они ни происходили. Вмѣшательство это имѣетъ всегда своею цѣлью деньги и власть. Греки въ религіозныхъ дѣлахъ, кажется, во много разъ способнѣе еврея въ дѣлахъ коммерческихъ. Нѣтъ торговли—еврей ее выдумаетъ, но и грекъ не затруднится выдумать даже святыню, если бы ея и не было (см. примѣры въ той же статьѣ моей въ «Русскомъ Богатствѣ»).

Пользуясь слабостью и бѣдностью мѣстнаго православнаго населенія, они захватили въ свою исключительную власть Іерусалимъ. Но подъ бокомъ была другая патріархія—Антиохійская, куда они также закинули удочку. Въ 1724 году, патріархомъ въ Дамаскѣ сдѣлался грекъ, по имени Сильвестръ. Съ тѣхъ поръ въ Антиохіи упрочились греки. Патріархи антиохійскіе старались даже всѣ митрополіи занять греками, чтобы и здѣсь стать такой же прочной ногой, какъ въ Іерусалимѣ.

Скоро греки почувствовали себя полными хозяевами всей восточной церкви. Турецкія власти закупились золотомъ, а Россія по вѣковымъ традиціямъ продолжала смотрѣть на дѣла глазами грековъ, забывая о томъ, что на Востокѣ много и не-грековъ, что другихъ народовъ даже гораздо больше грековъ. Греки получали изъ Россіи ежегодно громадныя, постоянныя субсидіи и случайныя пожертвованія и укрѣплялись все болѣе и болѣе. Русскаго консульства, которое могло бы знать о положеніи дѣлъ и давать правительству точныя свѣдѣнія, въ Дамаскѣ не было. Бейрутское же генеральное консульство стояло нѣсколько вдали отъ этого вопроса, хотя и его рѣдкія донесенія своему правительству звучали рѣзкой правдой среди постоянной лжи, которой греки усыпляли Россію. Покойный государь императоръ Александръ III, говорятъ, неоднократно высказывалъ свое недоумѣніе, почему греческіе антиохійскіе патріархи, получая громадныя суммы денегъ, все еще жалуются на бѣдность и просятъ помощи на устройство школъ и другія нужды паствы, а консульство доноситъ, что греки никакихъ школъ не устраиваютъ и паствѣ ничѣмъ не помогаютъ. Наконецъ рѣшено было учредить въ Дамаскѣ русское консульство.

Русское консульство въ Дамаскъ было основано въ 1893 году, и первымъ русскимъ консуломъ здѣсь былъ назначенъ Алексѣй Петровичъ Бѣляевъ, который продолжаетъ состоять въ этой должности и до настоящаго времени. Человѣкъ живой, интересующійся многими явленіями окружающей жизни, за десять лѣтъ своего пребыванія въ Дамаскъ онъ успѣлъ сдѣлать весьма много для сближенія официальныхъ русскихъ сферъ съ животрепещущимъ вопросомъ о положеніи православія въ Сиріи и сыгралъ весьма видную роль въ дѣлѣ избранія патріарха-сирійца, а не грека, какъ это велось въ Антиохіи въ теченіе почти двухъ столѣтій. Не имѣя рѣшающаго въ этомъ вопросѣ значенія, А. П. Бѣляевъ тѣмъ не менѣе оказалъ на его ходъ громадное вліяніе своими совѣтами и нравственной поддержкой членамъ Антиохійскаго синода. Исторія избранія патріарха Мелетія и борьбы національныхъ идей между греками и сирійцами такъ интересна и продолжительна, что могла бы составить предметъ особой, весьма обширной статьи. Не имѣя здѣсь для сего мѣста, мы, однако, изложимъ ей вкратцѣ.

Послѣдній греческій патріархъ въ Дамаскъ, Спиридоній, бывшій епископъ Виолеема, былъ человѣкомъ, недостойнымъ столь великаго сана. Патріархомъ Антиохіи онъ сдѣлался только при помощи подкупа паствы въ видѣ выдачи денегъ наличными и обязательствами на большія суммы въ будущемъ. Сдѣлавшись патріархомъ, онъ имѣлъ единственную цѣль — собрать всякими средствами то, что истратилъ при покупкѣ престола. Своимъ поведеніемъ онъ вооружилъ противъ себя не только народъ и епископовъ-сирійцевъ, но даже греческихъ епископовъ Антиохіи, своихъ единоплеменниковъ. Тогда синодъ рѣшилъ избрать новаго патріарха. Случай помогъ дѣлу. Раздраженная толпа дамаскинцевъ однажды едва было не убила Спиридонія, и онъ принужденъ былъ удалиться изъ Дамаска. Всѣ епископы собрались въ Дамаскъ и рѣшили избрать новаго патріарха непременно изъ своей среды, не допуская никого изъ епископовъ другихъ патріархій. Намѣстникомъ патріарха временно былъ утвержденъ мѣстнымъ правительствомъ одинъ изъ греческихъ епископовъ Антиохіи, Германъ.

На послѣднемъ собраніи во время подачи голосовъ трое греческихъ епископовъ замѣтили, что никто изъ нихъ выбранъ патріархомъ не будетъ. Посему, не окончивъ засѣданія, они удалились, круто измѣнивъ свои прежнія мысли: теперь они начали требовать допущенія въ кандидаты епископовъ другихъ патріархій, какъ это велось раньше. Дѣло избранія патріарха затянулось. Всѣ епископы Антиохійской патріархіи продолжали жить въ Дамаскъ; дѣла церкви остановились. Списокъ антиохійскихъ епископовъ, посланный по обычаю на разсмотрѣніе султана, изъ Константинополя не возвращался. Наконецъ, послѣ долгаго мучитель-

наго ожиданія синодъ рѣшился дѣйствовать, и на престолъ Антиохіи былъ выбранъ сиріецъ Мелетій, бывший епископъ Лаодикии.

До сихъ поръ ни одинъ изъ греческихъ вселенскихъ патріарховъ (константинопольскій, іерусалимскій, александрійскій) не призналъ блаженнѣйшаго Мелетія своимъ братомъ, законнымъ патріархомъ антиохійскимъ. Греки до сихъ поръ продолжаютъ считать избраніе патріарха Мелетія незаконнымъ именно на томъ основаніи, что при этомъ былъ нарушенъ 175-ти-лѣтній обычай—допускать при избраніи патріарха для Антиохіи кандидатовъ и изъ другихъ патріархій ¹⁾. О какомъ либо другомъ существенномъ нарушеніи уставовъ іерархическихъ отношеній православной церкви при избраніи патріарха Мелетія, конечно, и рѣчи быть не можетъ. И російскій святѣйшій синодъ давно уже призналъ блаженнѣйшаго Мелетія своимъ братомъ. Православная Сирія ободрилась, воспрянула духомъ. Она почувствовала около себя близость сѣвернаго колосса, почувствовала, что въ случаѣ крайности она можетъ всегда рассчитывать на его нравственную и даже матеріальную поддержку. И было бы печально, если бы она въ этомъ когда либо обманулась. Слабая, угнетенная исламомъ православная церковь ближняго Востока такъ нуждается въ настоящее время въ поддержкѣ Россіи, пока не поднимется на ноги и не начнетъ сама бороться противъ хищныхъ волковъ своихъ...

Въ Россіи люди, вообще мало знакомые съ положеніемъ дѣлъ на ближнемъ Востокѣ, разсуждая съ чисто теоретической точки зрѣнія, находятъ избраніе патріарха Мелетія несвоевременнымъ, ошибочнымъ, а нѣкоторые почему-то неканоничнымъ. Говорятъ, что въ мѣстной партіи слишкомъ раздуто вожакими національное самолюбіе, что дѣла церкви нельзя мѣшать съ дѣлами общественной неурядицы, что въ церкви нѣтъ «ни эллина, ни іудея и т. д., но во всѣхъ Христосъ»... Говорятъ много, но безъ толку.

Оставимъ вопросъ о каноничности избранія, ибо ясно, что это произошло согласно со всѣми канонами церкви. Разберемъ другіе вопросы. Греки напѣли всѣмъ въ уши, что только они, ученые мужи греческіе, удержали восточныя церкви отъ ошибокъ и заблужденій, что не будь ихъ,—невѣжественное населеніе исказило бы христіанское вѣроученіе и привело бы церковь восточную къ расколу... Все, что сдѣлано въ этомъ отношеніи греками хорошаго, поставится имъ въ заслугу. Но думаемъ, что если въ теченіе полуторы тысячи лѣтъ Сирія и Палестина хранили въ чистотѣ христіанское ученіе безъ грековъ, то могутъ сохранить его и еще многія столѣтія... Мы же знаемъ отлично, о чемъ главнымъ обра-

¹⁾ Греки закрываютъ глаза на то, что въ Іерусалимѣ Святогробское братство при избраніи патріарха тоже не допускаетъ постороннихъ кандидатовъ и не только сирійцевъ, даже своихъ единоплеменниковъ—грековъ.

зомъ заботились здѣсь греки, и неужели мы обвинимъ мѣстное населеніе за то, что ему надоѣли подлость и продажность греческаго духовенства, совершенно не заботящагося о мѣстныхъ нуждахъ, если ему надоѣли и споры, и раздоры и наконецъ свое собственное невѣжество, въ которомъ его обвиняли греки, спокойно сидя на патриаршихъ престолахъ и митрополичьихъ кафедрахъ? Что значитъ сохранять чистоту христіанскаго вѣроученія? Неужели это значитъ—какъ можно меньше знакомить съ нимъ паству, какъ то дѣлали греки? Вѣдь Христосъ проповѣдывалъ свое ученіе людямъ, и въ человѣческихъ сердцахъ Онъ хотѣлъ найти для него истинную хранительницу, а не въ книгахъ, написанныхъ на греческомъ языкѣ. Неужели не естественно желаніе народа имѣть родного архипастыря, говорящаго однимъ съ нимъ языкомъ, знающаго всѣ его нужды, достоинства и недостатки?

Тамъ издали изъ Россіи можно строить свои разсужденія на основаніи тѣхъ или иныхъ предположеній, ложно дошедшихъ слуховъ и мнѣній. Но здѣсь на мѣстѣ ошибиться можетъ только слѣпой и глухой. И только оттуда изъ далекой Россіи можно со спокойной совѣстью приводить по этому вопросу текстъ изъ св. писанія о томъ, что въ церкви нѣтъ ни эллина, ни іудея... Но вѣдь всѣ усилія грековъ направлены къ тому, чтобы въ церкви былъ одинъ только эллинъ, эллинъ и больше никто, ибо эллина хочется денегъ и высшихъ должностей, эллина хочется развратничать и жить праздно. Если чужеземная свѣтская власть всегда ведетъ страну къ упадку, если ею всегда тяготится населеніе и возстаетъ противъ нея, то почему же для турецкихъ христіанъ-арабовъ хороша чужеземная духовная власть? Вѣдь русская церковь въ XVII и XVIII вѣкѣ была также въ весьма затруднительныхъ обстоятельствахъ, но все-таки мы обошлись же въ концѣ концовъ безъ грековъ, несмотря на то, что послѣднимъ очень хотѣлось стать и у насъ твердой ногой. Мы обязаны грекамъ хоть тѣмъ, что приняли отъ нихъ христіанскую вѣру, а вѣдь Востокъ самъ далъ имъ ее, и Христосъ говорилъ, и первыя книги Новаго Завѣта появились несомнѣнно на сирохалдейскомъ нарѣчій сѣверной Палестины, смѣшавшей въ себѣ культуру Израиля и Арама.

Я никакъ не могу понять нашихъ русскихъ защитниковъ греческаго главенства на Востокѣ. Уже помимо того, что греческія притязанія не имѣютъ подъ собою ровно никакихъ разумныхъ основаній, нужно всегда помнить, что греки—наши враги, что, кромѣ того, они—враги «мира всего міра». Болгарская схизма доказала это наглядно. Болгарамъ захотѣлось имѣть родныхъ архипастырей. Греки этому воспротивились, ибо вмѣстѣ съ Болгаріей они теряли весьма доходную страну. Болгары настояли на своемъ, а греки за это наложили на нихъ схизму. Развѣ законно сѣять въ церкви такой раздоръ?! А вѣдь начатки этого раздора, церков-

наго отчужденія въ теченіемъ времени могутъ увеличиться и обостриться. Теперь греки находятъ пока очень выгоднымъ считать Россію одной съ ними церкви. Но стоитъ только Россіи въ погонѣ за справедливостію въ дѣлахъ ближняго Востока ударить ихъ хорошенько по самолюбію и карману, какъ произойдетъ вполне возможное раздѣленіе православной церкви на двѣ части... Греки найдутъ въ русской церкви множество «отступленій отъ истиннаго пути», ибо сдѣлать это при желаніи весьма нетрудно. Вѣдь угрожаютъ же греки Антиохійской патріархіи схизмой и до сихъ поръ еще не признаютъ блаженнѣйшаго Мелетія своимъ братомъ, патріархомъ Антиохіи!

Хотя блаженнѣйшій Мелетій и удрученъ этой братской распрей, тѣмъ не менѣе съ первыхъ же дней послѣ утвержденія его султаномъ въ санѣ патріарха онъ принялся за дѣла. Обѣхавъ нѣкоторыя части своей обширной паствы, онъ поселился въ Дамаскѣ и живетъ постоянно въ помѣщеніи православной патріархіи. Православная патріархія находится почти въ срединѣ Дамаска, въ довольно обширномъ домѣ, обстроеномъ пока довольно бѣдно. Тутъ же находится и соборъ во имя Богородицы. Во время возстанія друзовъ¹⁾ въ 1860-хъ годахъ прошлаго столѣтія соборъ этотъ былъ разрушенъ и возобновленъ въ прежнемъ видѣ. Онъ имѣетъ форму продолговатаго зданія съ красною черепичною крышею. Небольшая колокольня его съ маленькимъ колоколомъ стоитъ отдѣльно. Внутри соборъ представляетъ собою громадный залъ съ двумя рядами колоннъ по срединѣ и весьма напоминаетъ мечеть аль-Амуи, только гораздо меньше и ниже ея. По стѣнамъ его устроены стулья для сидѣнія.

Большую часть службы восточные христіане проводятъ сидя, вставая только въ извѣстныхъ торжественныхъ моментахъ. Полъ собора выстланъ мраморомъ. Иконостасъ тоже мраморный. На верху обширныя помѣщенія для женщинъ. Если и у насъ въ Россіи въ селахъ женщины все еще продолжаютъ стоять отдѣльною толпой въ задней части храма, то на Востокѣ женщины всегда отдѣляются отъ мужчинъ рѣшеткой. Поэтому, когда дѣвочки и учительницы русской школы въ Дамаскѣ въ первое время послѣ ея открытія начали становиться внизу, а не вверху за рѣшеткой, то населеніе было весьма обезкуражено такой вольностію. Теперь это вошло въ привычку и никому не кажется страннымъ. Но возвратимся снова къ Антиохійской патріархіи.

Антиохійская патріархія возродилась къ новой жизни. Она очистилась отъ грековъ совершенно. Въ первый же день послѣ утвержденія блаженнѣйшаго Мелетія въ санѣ греческіе митрополиты

¹⁾ Специально сирійская секта. Племя, исповѣдующее эту вѣру, очевидно чисто-арабское, пришло въ Сирію изъ Египта въ XII столѣтіи. Въ настоящее время друзы сосредоточились въ Хауранѣ, на Ливанѣ и около городовъ Рашайи и Хасбайи.

покинули патриархію, а на другой день и Дамаскъ. Греки потеряли Антиохійскую патриархію и получили первый, самый чувствительный ударъ своимъ стремленіямъ. Ихъ могущество на Востокѣ пошатнулось, и горевать, кажется, не о чемъ. Справедливость требуетъ, чтобы ихъ власть была ограничена предѣломъ греческаго племени, г.-е. исключительно Константинопольской патриархіей.

Съ первыхъ же шаговъ блаженнѣйшему Мелетію пришлось искать людей для опустѣвшихъ митрополичьихъ кафедръ. Паства, избалованная подкупамъ бывшихъ греческихъ патриарховъ, вольничала и требовала при всѣхъ затрудненіяхъ денегъ, которыхъ бѣдному Мелетію взять было негдѣ. Понятно, онъ не могъ оправдать всѣ непомѣрные и прихотливыя ожиданія паствы. Истинный монахъ по жизни, человекъ не отъ міра сего, онъ съ принятіемъ сана патриарха въ смутное переходное время возложилъ на себя слишкомъ тяжелое бремя. Однако мягкость его характера, служа иногда во вредъ престижу патриаршей власти, во многихъ случаяхъ способствовала благополучному разрѣшенію многихъ затруднительныхъ положеній въ его отношеніяхъ къ неспокойной паствѣ. Работы еще много. Вся работа впереди. Съ упраздненіемъ греческаго вліянія, понятно, достигнута только возможность дѣйствовать на благо своего народа.

Несмотря на всѣ затрудненія, несмотря на враждебныя отношенія остальныхъ вселенскихъ патриарховъ, несмотря на бѣдность, блаженнѣйшій Мелетій за три года своего управленія сдѣлалъ для паствы уже довольно много. Прежде всего онъ озаботился основать духовную семинарію, чтобы поднять уровень образованія сельскаго духовенства. Онъ произвелъ нѣкоторыя перемѣны въ дѣленіи патриархіи на епархіи и замѣстилъ почти всѣ пустовавшія кафедры. Въ дѣлѣ же народнаго образованія онъ оперся на сильную руку Русскаго Императорскаго Православнаго Палестинскаго общества.

Нужно сказать, что лѣтъ семь тому назадъ на помощь мѣстному духовенству въ дѣлѣ устройства народнаго образованія въ Сирію пришло Императорское Православное Палестинское Общество. Основанное въ 1882 году по идеѣ и плану В. Н. Хитрово, окрѣпшее подъ его энергичнымъ и умѣлымъ руководствомъ, общество это за 20 лѣтъ своей дѣятельности раскинуло цѣлую сеть школъ сначала въ Палестинѣ, а потомъ въ Сиріи. Здѣсь школьное дѣло развернулось въ особенности хорошо; школы весьма многолюдны и благоустроены. За какія нибудь семь лѣтъ своей дѣятельности общество успѣло открыть въ Сиріи пятьдесятъ семь школъ, въ которыхъ обучается 9506 человекъ обоюгаго пола (по отчету за январь 1902 года), слѣдовательно на каждую школу въ среднемъ приходится 167 человекъ. И этими школами удовлетворена всего лишь половина мѣстныхъ нуждъ въ начальномъ образованіи.

Одной изъ лучшихъ школъ общества въ Сиріи является дамаская женская школа. Въ ней обучается до 300 дѣвочекъ и до 100 маленькихъ мальчиковъ. За ходомъ дѣла наблюдаетъ начальница и еще три русскихъ учительницы. Онѣ же преподають русский языкъ. Кромѣ нихъ, въ школѣ находится десять арабскихъ учительницъ, большинство которыхъ—еще молодыя дѣвушки, получившія образованіе въ той же школѣ или въ женской учительской семинаріи общества въ Беджалѣ (около Іерусалима). Преподаются обычные предметы двухклассной школы, т.-е. родной арабскій языкъ, Законъ Божій, ариѳметика, письмо, рукодѣліе, а въ старшихъ классахъ и географія. Преподаются еще, какъ было сказано, русский языкъ (обязательно) и французскій (по желанію). Школа идетъ очень стройно. Порядокъ всюду образцовый.

Кромѣ этой школы, въ южномъ отрогѣ Дамаска, Миданѣ, есть еще двѣ школы общества, мужская и женская. Однако, кромѣ этихъ трехъ школъ, православныя дѣти Дамаска обучаются еще въ мужской школѣ, содержимой патріархомъ на свои собственныя средства. Турецкое правительство, конечно, не будетъ основывать школы исключительно для христіанъ. А въ мусульманскія школы, понятно, не пошлетъ своихъ дѣтей учиться ни одинъ христіанинъ. Послать туда — это значить сдѣлать изъ нихъ мусульманъ, ибо все преподаваніе въ мусульманскихъ школахъ заключается главнымъ образомъ въ изученіи Корана.

Но и на школы для мусульманъ турецкое правительство очень скупно. Все начальное образованіе въ Дамаскѣ предоставлено частному почину, и только гимназія открыта здѣсь на правительственныя средства¹⁾. Условія жизни и ея программа не лишены нѣкотораго интереса, а потому мы считаемъ нужнымъ дать здѣсь и о ней нѣкоторыя свѣдѣнія.

Помѣщается она въ большомъ двухъэтажномъ наемномъ домѣ. Въ нижнемъ этажѣ классы, столовая, пріемная, залъ для экзаменовъ и служебныя помѣщенія. Все это, при обычной восточной архитектурѣ, разбросано съ четырехъ сторонъ вокругъ большого, высланнаго мраморомъ и усаженнаго лимонами и померанцами двора. Вверху спальни. При школѣ мечеть, гдѣ ученики совершаютъ ежедневныя молитвы по правиламъ Корана пять разъ въ день.

Учениковъ 350 человекъ, изъ которыхъ 90 живутъ въ школѣ и 260 приходящихъ. Изъ 90 пансіонеровъ—25 бесплатныхъ, а 65 платятъ по 10 турецкихъ золотыхъ (около 90 рублей) ежегодно. Приходящіе обучаются бесплатно. Большая часть учениковъ турки, за ними слѣдуютъ арабы и персы. Занятія продолжаются 10 мѣ-

¹⁾ Кажется, въ Турціи имѣется на каждый вилайетъ, то-есть губернію, по одному среднему учебному заведенію, которое мы назовемъ гимназіей.

сяцевъ въ году. Июль и августъ — вакаціи. Экзамены производятся ежегодно. Въ прошломъ году окончили курсъ только три человека (?).

Служебный персоналъ—14 человекъ: директоръ, еще довольно молодой армянинъ, помощникъ директора (православный грекъ) и 12 учителей (арабы, турки, греки, армяне). По образованію они далеко не одинаковы. Нѣкоторые—народъ невѣжественный.

Въ школѣ 7 классовъ, и курсъ обученія семилѣтній. Но, очевидно, рѣдко кто проходитъ безъ задовъ: въ послѣднемъ классѣ я видѣлъ очень взрослыхъ молодыхъ людей, напомнившихъ мнѣ вымершую русскую «камчатку».

Обстановка школы очень бѣдная. Начиная съ классной мебели и кончая истрепанными таблицами для предметныхъ уроковъ, все смотреть грязно и бѣдно... Но интереснѣе всего въ турецкой гимназіи программа.

Прежде всего при ея разсмотрѣніи бросается въ глаза столь непривычное для насъ отсутствіе мертвыхъ языковъ. Тѣмъ не менѣе преподается 4 языка. Турецкій, какъ главный (на немъ ведется преподаваніе всѣхъ предметовъ курса); систематически онъ изучается только въ 3-хъ младшихъ классахъ: 6, 4 и 3 урока въ недѣлю. Арабскій языкъ съ 1-го до 6-го класса, 2, 2, 2, 2, 2 и 1 урокъ въ недѣлю, какъ вспомогательное средство для изученія турецкаго. Съ той же цѣлью проходитъ и персидскій языкъ со 2-го до 5-го класса, по 2, 2, 2 и 1 урокъ въ недѣлю. Кромѣ того, проходитъ французскій языкъ, на который, начиная съ 3-го класса, посвящается 3, 3, 4, 4, 4 урока въ недѣлю—самое большее количество часовъ сравнительно со всѣми остальными предметами. Это объясняется тѣмъ, что французскій языкъ въ Турціи важенъ, не только какъ орудіе дипломатической жизни, но, при разноплеменности ея состава и наплывѣ европейцевъ за послѣднее время, и какъ языкъ практической жизни, торговли, литературы, моды и всякихъ внутреннихъ и вѣшнихъ сношеній.

Зная, что родной языкъ—основа образованія, турецкая гимназія изучаетъ только тѣ языки, которые могутъ способствовать усвоенію его и которые къ тому же могутъ быть далеко не безполезными въ практической жизни. Французу нужно изучать латинскій языкъ; турку въ такой же мѣрѣ необходимо изучать арабскій и персидскій языки. Такимъ образомъ вопросъ о языкахъ, какъ общеобразовательномъ предметѣ средней школы, турецкая гимназія, по крайней мѣрѣ въ программѣ, разрѣшила гораздо лучше русской, въ которой такъ много изучается чуждыхъ намъ языковъ и такъ мало обращается вниманія на нашъ славянскій языкъ.

Есть еще нѣсколько предметовъ въ программѣ турецкой гимназіи, которые существенно отличаютъ ее отъ русской, это—преподаваніе гигиены (3-й и 4-й классы по 1 часу въ недѣлю), поли-

тической экономіи (6-й и 7-й классы по 1 часу въ недѣлю), права (въ 6 классѣ 1 часъ въ недѣлю), химіи (6-й и 7-мъ классы по 1 уроку въ недѣлю), официальной корреспонденціи (съ 4-го по 7-й классъ по 1 уроку въ недѣлю) и счетоводства (въ 5 классѣ 1 урокъ въ недѣлю). Въ особенности симпатичнымъ кажется мнѣ преподаваніе гигиены, права, официальной корреспонденціи и счетоводства. При этомъ я не хочу сказать, что преподаваніе химіи и политической экономіи имѣетъ меньшее значеніе въ курсѣ средней школы,—я убѣдился только, что эти послѣдніе предметы проходятся въ турецкой гимназіи очень плохо. Недостатокъ порядочныхъ учителей и пособій по этимъ предметамъ не позволяетъ сдѣлать изъ нихъ дѣйствительное орудіе законченнаго средняго развитія и образованія. Но всѣ остальные упомянутые нами предметы можно и при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ изучить настолько, что свѣдѣнія эти всегда и во всю жизнь могутъ быть человѣку полезными. Даже нетерпимая ко всякаго рода гласности Турецкая имперія и та признала необходимость права, какъ предмета преподаванія въ средней школѣ. Въ Англии въ среднихъ школахъ устраиваются даже диспуты учениковъ по вопросамъ современныхъ судебныхъ процессовъ. У насъ же въ Россіи полноправный гражданинъ и часто даже очень ученый человѣкъ не знаетъ своихъ правъ и обязанностей, и всякаго рода суды, адвокаты, присутственныя мѣста наводятъ на него страхъ и трепетъ. Знать законы движенія звѣздъ и планетъ и быть совершеннымъ невѣждой въ знаніи законовъ общественной жизни у насъ въ Россіи еще кажется совершенно естественнымъ.

Большое вниманіе въ турецкой гимназіи удѣляется Закону Божию (во всѣхъ семи классахъ 17 уроковъ въ недѣлю), морали (въ 5-ти первыхъ классахъ 5 уроковъ въ недѣлю). Литература проходитъ, къ сожалѣнію, только турецкая (6-й и 7-й классъ по 1 часу въ недѣлю). Остальные предметы совпадаютъ съ предметами курса нашей гимназіи. Только логика да космографія отсутствуютъ.

Такимъ образомъ турецкая гимназія, по крайней мѣрѣ въ программѣ, стоитъ выше русской: курсъ ея жизненнѣе, цѣлесообразнѣе. Турецкая гимназія, конечно, не можетъ похвалиться тѣмъ, что программа ея дѣйствительно исполняется. При бѣдности Турціи, проглядывающей съ поразительною ясностью на всемъ «казенномъ», трудно ожидать хорошей постановки дѣла даже въ тѣхъ немногихъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя въ настоящее время находятся налицо. При взглядѣ на турецкую гимназію сразу возникаетъ вопросъ о бюджетѣ. Турція, присужденная вмѣстѣ со всѣми другими европейскими государствами бряцать оружіемъ, при своей бѣдности, очевидно, можетъ отпускать на образованіе многимъ меньше Россіи. Изъ ничего не выйдетъ ничего. Самыя доб-

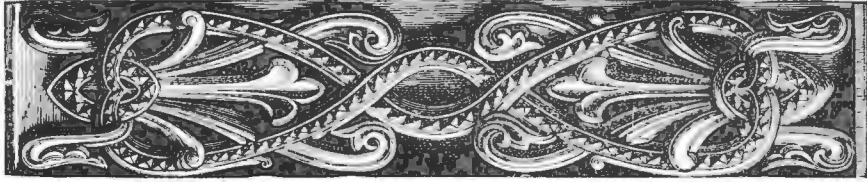
рыя начинанія, рассчитанныя на средства, безъ средствъ окончатся неудачей...

Для мусульманскихъ дѣвочекъ въ Дамаскъ, кромѣ низшихъ при мечетяхъ, есть еще двѣ среднихъ школы, при чемъ одна изъ нихъ основана на средства англійскаго библейскаго общества и находится въ рукахъ начальницы-англичанки. Очевидно, идеи женской свободы начинаютъ проростать даже въ каменистой Сиріи. Рушатся худшія черты мусульманства, а изъ нихъ—порабощеніе женщины. Понятно, обученіе мусульманскихъ дѣвочекъ ограничено почти исключительно Кораномъ и рукодѣліемъ, происходитъ въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, но на первое время и этого очень много. Будемъ надѣяться, что для Востока настало время обновить все худшее, что выработали въ немъ война, исламъ и рабство, сбросить съ себя тяжесть цѣпей мусульманства и выйти на дорогу умственнаго и общественнаго прогресса. А намъ нужно перенять отъ него все хорошее, что сохранилъ онъ въ своей тысячелѣтней исключительности.

С. Кондурушкинъ.

Дамаскъ, 1902 г.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I И ПОЛЬША ВЪ 1830 ГОДУ.

(Воспоминанія подполковника Ѳаддея Вылежинскаго).

ПОМЪЩАЕМЫЯ здѣсь воспоминанія флигель-адъютанта императора Николая I, подполковника польскихъ войскъ, Ѳаддея Вылежинскаго, впервые появляются въ русской печати и представляютъ драгоценнѣйшій матеріалъ для исторіи событій 1830—1831 г.г. и особенно для характеристики личности и политическихъ взглядовъ императора Николая Павловича и наиболѣе близкихъ къ нему дѣятелей этой эпохи: графовъ Дибича, Бенкендорфа и Чернышева. Владѣлецъ богатѣйшаго въ Варшавѣ собранія, извѣстнаго подъ именемъ «Biblioteka Ordynacyi Krasin-skich», графъ Адамъ Красинскій, любезно предоставилъ въ наше распоряженіе хранившуюся въ его архивѣ и до сихъ поръ неизданную¹⁾ рукопись на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Seize jours de ma vie ou relation de mon voyage à Pétersbourg pendant la révolution de Pologne de 1830—1831. Par Thaddé Wyleziński», принадлежавшую прадѣду его, извѣстному генералу, графу Викентію Красинскому²⁾, и подаренную ему самимъ Вылежинскимъ³⁾.

Авторъ воспоминаній, Ѳаддей Вылежинскій (род. 1794, † 1844), подполковникъ гвардейскаго Конно-Егерскаго полка, принадлежалъ къ числу польскихъ офицеровъ, начавшихъ свое боевое поприще подъ

¹⁾ Польскій переводъ этой рукописи впервые появился въ двухъ послѣднихъ книжкахъ польскаго историческаго журнала «Biblioteka Warszawska».

²⁾ Графъ Викентій Красинскій, извѣстный сподвижникъ наполеоновскихъ войнъ, командиръ польскихъ шевалежеровъ, впоследствии генералъ-отъ-кавалеріи и членъ государственнаго совѣта. † въ 1858 г.

³⁾ Оригиналъ этихъ воспоминаній написанъ подъ диктовку автора, лишившагося въ одномъ изъ сраженій правой руки.

знаменами Наполеона, въ войскахъ бывшаго герцогства Варшавскаго. Участвуя въ главнѣйшихъ сраженіяхъ 1813 и 1814 г.г. (Люценъ, Бауценъ, Лейпцигъ, Ганау, Бріенъ, Феръ-Шампенуазъ и Ватерлоо), онъ отличался отвагою и мужествомъ, потерялъ въ бою правую руку и въ 1814 году награжденъ Наполеономъ орденомъ Почетнаго Легіона. Когда послѣ уничтоженія герцогства Варшавскаго и провозглашенія царства Польскаго приступлено было къ новой организаціи польской арміи, Вылежинскій, въ числѣ многихъ офицеровъ, служившихъ въ войскахъ Наполеона, вернулся въ отечество и вступилъ въ гвардейскій Конно-Егерскій полкъ, въ которомъ съ 1817 года состоялъ въ чинѣ подполковника. Въ рядахъ этого полка застала его революція, и польскіе конно-егеря, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ польскихъ полковъ, въ первые дни возстанія находились при цесаревичѣ Константинѣ, сопровождали его до Мокотовскаго бивака и только 3-го декабря, послѣ письменнаго приказанія великаго князя, вернулись въ Варшаву. Избранный вскорѣ диктаторомъ, генераль Хлопицкій назначилъ Вылежинскаго своимъ адъютантомъ и въ концѣ декабря 1830 года возложилъ на него щекотливую и крайне отвѣтственную миссію—отправиться въ Петербургъ съ депешами на имя князя Любецкаго, незадолго передъ тѣмъ прибывшаго въ Петербургъ со всеподданнѣйшею просьбою о восстановленіи въ царствѣ Польскомъ конституціи 1815 года. Въ Петербургѣ Вылежинскій долженъ былъ оповѣстить князя Любецкаго, а въ случаѣ возможности и самого императора Николая, о послѣднихъ событіяхъ въ Варшавѣ.

21-го декабря 1830 года, Вылежинскій выѣхалъ изъ Варшавы и, направляясь черезъ Пултускъ, Ломжу, Ковну, Митаву и Ригу, на седьмой день прибылъ въ Петербургъ, гдѣ немедленно явился къ только-что назначенному главнокомандующимъ дѣйствующей противъ Польши арміи, фельдмаршалу Дибичу, наканунѣ его отъѣзда въ армію. Продолжительный разговоръ Вылежинскаго съ графомъ Дибичемъ, подробно переданный въ этихъ воспоминаніяхъ, въ яркихъ чертахъ рисуетъ намъ личность этого замѣчательнаго человѣка, его отношенія къ цесаревичу Константину и его взгляды на поляковъ, на польскую армію и на главнѣйшихъ польскихъ дѣятелей этой эпохи. Послѣ отъѣзда графа Дибича въ армію, Вылежинскій хотѣлъ вернуться назадъ въ Варшаву. Положеніе его, однако, было весьма двусмысленно. Въ Петербургѣ въ немъ едва ли могли видѣть простаго парламентаря, и, пріѣхавъ въ Россію, онъ чувствовалъ себя, если не военноплѣннымъ, то во всякомъ случаѣ ограниченнымъ въ свободѣ своихъ дѣйствій. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ приглашенъ къ всеильному въ то время графу А. Х. Бенкендорфу, съ которымъ онъ также имѣлъ разговоръ, не лишенный историческаго значенія, и наконецъ, черезъ тогдашняго военнаго министра А. И. Чернышева, Вылежинскому было передано отъ имени императора Николая, уже освѣдомленнаго о дѣли его

командировки, категорическое требованіе высказать прямо и откровенно, желаетъ ли онъ пребыть вѣрнымъ своему долгу и остаться, подобно многимъ другимъ полякамъ, въ Петербургѣ въ ожиданіи приказаній государя, или же, считая себя связаннымъ съ революціоннымъ правительствомъ, вернуться въ Варшаву.

Представленное по этому поводу, на имя графа Чернышева, и доложенное въ тотъ же день императору Николаю Павловичу письменное объясненіе Вылежинскаго произвело на государя-рыцаря, всегда уважавшаго прямоту и мужество, настолько благоприятное впечатлѣніе, что онъ не только уважилъ просьбу польскаго офицера о разрѣшеніи ему вернуться въ Варшаву, но даже сдѣлалъ его своимъ флигель-адъютантомъ и, что дороже всего, собственноручною запискою на его имя высказалъ ему въ самыхъ лестныхъ для него выраженіяхъ свое уваженіе, какъ подданному и человѣку. (*Je trouve dans m-r Wyleżyński les sentiments d'un homme d'honneur, d'un brave et loyal militaire et d'un bon polonais*).

Въ 9^{1/2} часовъ вечера 30 декабря 1830 года, Вылежинскій удостоился и личной аудіенціи императора, который бесѣдовалъ съ нимъ болѣе двухъ часовъ. Разговоръ этотъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ полной обаянія личности императора Николая, записанъ авторомъ въ ту же ночь. Здѣсь мы встрѣчаемся съ рѣдкимъ въ исторіи сопоставленіемъ личностей: съ одной стороны русскій государь, только что пославшій армию для усмиренія мятежной Польши, глубоко оскорбленный неуваженіемъ мятежниковъ къ его брату, едва не погибшему въ волнахъ революціи, съ другой—офицеръ революціонной страны, отдавшійся на великодушіе царя, мирно бесѣдуютъ о судьбахъ государствъ и народовъ. Это одна изъ тѣхъ минутъ, когда чувствуется, что людей осянуетъ великій геній исторіи, и сами люди становятся на недостижимую высоту благородныхъ чувствъ, великодушія и правдивости... Въ этой бесѣдѣ императоръ Николай является передъ нами во весь ростъ, во всемъ величіи своей воистину рыцарской природы и, недоступный въ эту минуту для человѣческихъ слабостей, ординарнымъ взоромъ окидываетъ Русское государство и его окраины и съ откровенностью, свойственною только крупнымъ натурамъ, говоритъ о польской революціи, о самой Польшѣ и ея народѣ, о польскомъ войскѣ, о цесаревичѣ Константинѣ, высказываетъ свои взгляды на задачи правителя, на революцію вообще и даже на событіе 14-го декабря! Читая эти строки, записанныя Вылежинскимъ съ почти стенографическою точностью, невольно хочется воскликнуть: «да, это императоръ Николай, это его рѣчь, это живой, величественный образъ русскаго монарха, преисполненнаго сознаниемъ «высокаго жребія», выпавшаго на долю русскаго народа, Русскаго государства, сознаниемъ великой отвѣтственности, которая, въ эту годину наступающаго бѣдствія, лежитъ на немъ, Помазанникъ Божиимъ,

призванномъ пещись «о людяхъ своихъ». Словомъ — здѣсь вся личность императора Николая, каковымъ онъ былъ въ дѣйствительности, и каковымъ мы знаемъ его изъ разсказовъ, близко стоявшихъ къ нему современниковъ.

Таково содержаніе «Воспоминаній Вылежинскаго», значеніе которыхъ для характеристики императора Николая I и для исторіи польской смуты 1830—1831 годовъ несомнѣнно должно получить особенную важность для будущихъ бытописателей этой эпохи. Въ заключеніе укажемъ, что настоящую статью намъ удалось дополнить нѣсколькими документами изъ архива покойнаго Н. К. Шиллера, подтверждающими полную точность и правдивость фактовъ, сообщаемыхъ въ рукописи Вылежинскаго, и дающими нѣкоторыя указанія на дальнѣйшую судьбу автора записокъ по возвращеніи его въ Варшаву и по окончаніи революціи 1830 года. Человѣкъ широко образованный, воспитанникъ знаменитаго въ свое время Виленскаго университета, Вылежинскій извѣстенъ и военно-литературными своими трудами, печатавшимися въ 1841 и 1842 годахъ въ журналѣ «Biblioteka Warszawska». Изъ наиболѣе извѣстныхъ его статей, напечатанныхъ за это время, укажемъ на двѣ: 1) Лейпцигское сраженіе 1813 года и 2) Военныя операціи послѣ Лейпцигской битвы. Сраженіе при Ганану и конецъ осенней кампаніи 1813 года въ Германіи¹⁾.

К. Военскій.

Мартъ. 1903 г.

I.

Провозглашеніе революціи 1830 г. — Генералъ Хлопицкій. — Моя командировка въ Петербургъ. — Инструкція диктатора. — Отъ Варшавы до русской границы. — Ковно. — Князь Лопухинъ. — Меня считаютъ парламентаромъ. — Генералъ Паленъ I-й. — Отъ Шавель до Петербурга въ саняхъ. — Мои спутники. — Приѣздъ въ Петербургъ. — Фельдмаршалъ Дибичъ. Его портретъ. — Продолжительная съ нимъ бесѣда.

Польское возстаніе, начавшееся въ Варшавѣ въ ночь съ 29-го на 30-е ноября 1830 г., разыгралось окончательно 3-го декабря, когда прибыли польскія войска, находившіяся съ самаго начала съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, и когда цесаревичъ выступилъ съ русскою гвардіею изъ бивака близъ Мокотова и направился къ границамъ царства, черезъ Пулаву. 5-го декабря генералъ Хлопицкій провозгласилъ себя диктаторомъ, а 20-го того же мѣсяца было первое засѣданіе сейма, на которомъ соединенныя

¹⁾ См. Rembowski: Źródła do historyi pułku Polskiego Lekkokonnego gwardyi Napoleona I. Biblioteka Ordynacyi Krasieńskich. Muzeum Konstantego Swidzińskiego. Warszawa. 1899.

палаты провозгласили польскую революцію національною и назначили диктаторомъ генерала Хлопицкаго. Дней за десять до этихъ событій въ Петербургъ отправленъ былъ для переговоровъ князь Любецкій, котораго сопровождалъ графъ Янъ Езерскій. Такъ какъ миссія ихъ не имѣла еще строго официальнаго характера, то необходимо было увѣдомить ихъ о дѣйствіяхъ сейма и оформить ихъ положеніе приказомъ диктатора, избраннаго уже представителями націи. Для этой цѣли надо было отправить кого нибудь къ князю Любецкому, и выборъ палъ на меня, какъ на лицо, исполнявшее въ это время обязанности адъютанта при диктаторѣ.

Я не знаю, почему именно выборъ палъ на меня, но мнѣ кажется, что диктаторъ, желая отправить въ Петербургъ лицо, которое бы могло сообщить все, что происходитъ въ Варшавѣ и вообще въ царствѣ, не хотѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ подвергать это лицо разнымъ случайностямъ. Думаю поэтому, что онъ рѣшилъ командировать въ эту поѣздку такого офицера, который не только не принималъ участія въ началѣ революціоннаго движенія, но напротивъ того находился вмѣстѣ съ войсками, бывшими въ первые моменты при великомъ князѣ, и такимъ образомъ дѣйствія его могли считаться вполне лояльными. Я именно принадлежалъ къ числу такихъ, такъ какъ въ первый день возстанія я вмѣстѣ съ генераломъ Красинскимъ и гвардейскимъ Конно-Егерскимъ полкомъ находился въ числѣ войскъ, подвергавшихся выстрѣламъ со стороны народа и солдатъ, начавшихъ революцію. Въ Варшаву я вернулся обратно 3-го декабря, согласно письменному разрѣшенію, выданному цесаревичемъ Константиномъ польскимъ войскамъ, находившимся при немъ ¹⁾. Кромѣ того, я хорошо зналъ Петербургъ и былъ лично извѣстенъ императору Николаю. Еще пять мѣсяцевъ тому назадъ я пробылъ шесть недѣль въ Петербургѣ вмѣстѣ съ генераломъ Красинскимъ и, какъ по своему чину, такъ и благодаря моимъ ранамъ, я пользовался извѣстнымъ вниманіемъ въ военныхъ кругахъ, среди которыхъ мнѣ приходилось вращаться.

Что касается меня лично, то командировка эта не особенно мнѣ улыбалась, такъ какъ, не говоря уже о трудностяхъ, сопряженныхъ съ такимъ продолжительнымъ путешествіемъ въ столь суровое время года, несомнѣнно, что первый польскій офицеръ, явившійся въ Петербургъ послѣ революціи и долженствовавшій представиться императору, не только не могъ рассчитывать на хорошій приемъ, но

¹⁾ Слѣдующія польскія войска состояли при цесаревичѣ до 3-го декабря 1830 года: 1) гвардейскій Конно-Егерскій полкъ въ полномъ составѣ, 2) гвардейскіе гренадеры, исключая 3 роты второго батальона, 3) сводный карабинерный батальонъ перваго и третьяго егерскихъ полковъ, 4) первая рота 6 линейнаго полка, 5) эскадронъ юнкерскаго кавалерійскаго училища и 6) четыре орудія артиллерійской школы. Общая численность этихъ войскъ доходила до 4 тысячъ человекъ.

имѣлъ полное основаніе опасаться за свою свободу и ожидать всевозможныхъ непріятностей.

Двадцать перваго декабря 1830 года я съ утра отправился къ диктатору, который жилъ въ это время въ домѣ Микульскаго, на углу Бѣлянской улицы. Въ полдень я завтракалъ у него съ его штабомъ. Разговоръ шелъ о событіяхъ дня и полковникъ Вонсовичъ, довѣренное лицо диктатора, сказалъ мнѣ, что кого-то уже командировали въ Петербургъ для сообщенія о постановленіи сейма. Сдѣлавъ нѣсколько поѣздокъ по городу, я вернулся домой въ пятомъ часу съ намѣреніемъ не выходить изъ квартиры, такъ какъ былъ сильно утомленъ и чувствовалъ себя нѣсколько нездоровымъ. Между тѣмъ мой человѣкъ сообщилъ мнѣ, что три адъютанта приходили ко мнѣ отъ имени диктатора, который требовалъ меня къ себѣ. Я подозрѣвалъ, что мнѣ хотятъ дать какую нибудь командировку, но былъ увѣренъ, что меня пошлютъ въ одинъ изъ уѣздовъ царства. Я тотчасъ отправился къ диктатору и въ приемной, переполненной, какъ всегда, множествомъ офицеровъ, я узналъ, что генераль ожидаетъ меня съ нетерпѣніемъ. Войдя въ комнату, я увидѣлъ въ ней нѣсколько человѣкъ, съ которыми диктаторъ бесѣдовалъ, и одинъ изъ нихъ, генераль Шверинъ (лицо, также близкое къ диктатору), подошелъ ко мнѣ и сказалъ вполголоса:

- Вы знаете, васъ отправляютъ?
- Далеко?
- Да, довольно...

Вспомнивъ изъ разговора съ Вонсовичемъ, что въ Петербургъ уже отправили кого-то, я съ радостью заключилъ, что меня командировать за границу. Но вскорѣ мнѣ пришлось разочароваться, ибо диктаторъ повернулся ко мнѣ и сказалъ:

- Есть у васъ хорошая шуба?
- Есть, генераль.
- Очень хорошо... вамъ немедленно придется отправиться въ Петербургъ.

Извѣстіе это поразило меня: мнѣ тотчасъ представились всѣ непріятности, сопряженныя съ этимъ путешествіемъ, но я, не задумываясь, отвѣтилъ диктатору:

- Я готовъ. Будутъ ли мнѣ даны бумаги?
- Да, вы получите депеши на имя князя Любецкаго.
- Но пропустятъ ли меня черезъ границу?
- Объ этомъ вамъ надо постараться.
- Такъ какъ мнѣ, быть можетъ, придется бесѣдовать въ Петербургѣ съ императоромъ, то я просилъ бы ваше превосходительство дать мнѣ на этотъ случай соотвѣтствующія инструкціи.

— Прошу васъ зайти ко мнѣ черезъ два часа, и тогда я подробно переговорю съ вами объ этомъ; а пока постарайтесь за-

пастись всё́мъ необходимымъ и приготовиться къ отъѣзду сегодня же вечеромъ.

Обернувшись затѣмъ къ президенту банка, графу Ельскому, который находился тутъ же, диктаторъ сказалъ:

— Прошу васъ приготовить необходимую сумму для поѣздки полковника.

Озабоченный и удрученный этимъ неожиданнымъ порученіемъ, я быстро приготовилъ все къ отъѣзду, получилъ изъ банка 250 червонцевъ, простился съ друзьями, заказалъ почтовыхъ лошадей и къ восьми часамъ вечера явился къ Диктатору, уже готовый къ отъѣзду.

Генералъ Хлопицкій былъ одинъ въ своемъ кабинетѣ, когда я вошелъ къ нему. Онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Вы поѣдете черезъ Ковно, такъ какъ это кратчайшій путь, и притомъ вы не должны встрѣтиться съ великимъ княземъ Константиномъ. Въ Ковнѣ вы увидите генерала Безобразова, начальника первой гусарской дивизіи; вы скажете ему, что отправлены съ депешами въ Петербургъ, и спросите у него паспортъ для дальнѣйшаго путешествія. Если онъ откажетъ вамъ въ выдачѣ этого паспорта, вы напомните ему, что десять дней тому назадъ флигель-адъютантъ императора Николая, полковникъ Гауке, былъ отправленъ изъ Петербурга въ царство и получилъ разрѣшеніе отъ польскихъ властей прибыть въ Варшаву; что въ виду этого вы полагаете справедливымъ получить подобное же разрѣшеніе для проѣзда въ Петербургъ, и будете настаивать на вашей просьбѣ. Если же вамъ все-таки будетъ отказано, то вы вручите ваши депеши генералу Безобразову, взявъ съ него расписку и попросите его отправить эти бумаги немедленно, съ эстафетой. Во всякомъ случаѣ вамъ слѣдуетъ употребить всѣ усилія и постараться лично прибыть въ Петербургъ. Если бы генералъ захотѣлъ предварительно отправить васъ къ великому князю Константину¹⁾, вы отвѣтите ему, что поѣздка эта заставитъ васъ сдѣлать большой крюкъ, а такъ какъ порученіе ваше экстренное и срочное, то вамъ никакъ нельзя на это согласиться. Въ остальномъ полагаюсь на вашу опытность и на вашъ тактъ, кои укажутъ вамъ, какъ лучше поступить при данныхъ обстоятельствахъ».

Выслушавъ эти инструкціи, я спросилъ диктатора, какъ слѣдуетъ мнѣ говорить на случай, если бы императоръ пожелалъ меня видѣть.

«Если вы увидите императора Николая, вы будете говорить съ его величествомъ съ тѣми чувствами, которыя вы обязаны имѣть по отношенію къ вашему государю: вы будете отвѣчать на всѣ его вопросы съ полной искренностью и правдивостью. Вы сами,

¹⁾ Великій князь въ это время находился близъ Брестъ-Литовска, и князь Любецкій направился по этому пути.

конечно, видите здѣшнее положеніе вещей и укажете императору на все, что у насъ здѣсь происходитъ, безъ всякой утайки, какъ подобаешь говорить съ монархомъ. Если онъ захочетъ узнать подробности о польской арміи, вы доложите его величеству, что третьи батальоны пѣхотныхъ полковъ уже сформированы; что четвертые батальоны формируются, а равно пятые и шестые эскадроны кавалерійскихъ полковъ; что изготовлено сорокъ новыхъ орудій, и формируются батальоны подвижной гвардіи, а также новые кавалерійскіе полки въ провинціяхъ,—однимъ словомъ вы опишите его величеству все, что вы здѣсь видѣли. Наконецъ, для болѣе полнаго уясненія вашей роли и усвоенія моихъ желаній, вамъ необходимо отправиться къ моему секретарю Крысинскому: онъ покажетъ вамъ копію моего письма къ императору, которое я отправилъ черезъ князя Любецкаго».

Я отправился къ Александру Крысинскому, который жилъ тутъ же; онъ показалъ мнѣ это письмо, ставшее впоследствии историческимъ. Изъ него я заключилъ, что генераль Хлопицкій желаетъ мирнаго разрѣшенія вопроса, и что онъ вѣритъ въ возможность возстановленія и сохраненія порядка, если государь захочетъ войти въ положеніе поляковъ, внять ихъ жалобамъ и завѣрить ихъ, что отнынѣ конституція будетъ строго сохранена; при этомъ диктаторъ указывалъ, что въ виду существующаго положенія вещей единственнымъ исходомъ избѣгнуть большихъ бѣдствій было бы великодушное прощеніе императора. Во всемъ этомъ письмѣ слышалась рѣчь благороднаго человѣка, высказывающаго передъ императоромъ свои взгляды съ искренностью стараго солдата, который желаетъ видѣть въ немъ своего монарха, указавъ при этомъ, что принятіе имъ диктатуры вызвано исключительнымъ желаніемъ прекратить безпорядки, ибо онъ лично никогда не желалъ революціи. Изъ всего сказаннаго я понялъ роль, предписанную мнѣ диктаторомъ, и увидѣлъ, что онъ далеко не желалъ войны, былъ увѣренъ, что не дойдетъ до этой крайности, и что естественно онъ не рассчитывалъ на благопріятный исходъ борьбы съ могущественною Россіей.

Когда я вернулся къ диктатору, онъ вручилъ мнѣ депеши для князя Любецкаго, которыя онъ только что подписалъ въ моемъ присутствіи. Меня снабдили также открытымъ листомъ для полученія содѣйствія отъ мѣстныхъ властей въ царствѣ, а генераль Мрожинскій, начальникъ штаба диктатора, велѣлъ выдать мнѣ паспортъ для проѣзда черезъ границу и предьявленія его русскимъ властямъ.

Въ заключеніе диктаторъ сказалъ мнѣ слѣдующее: «Вы скажете въ Петербургъ всю правду о томъ, что здѣсь происходитъ. Вы сразу поймете, что думаютъ о насъ, что собираются дѣлать, какія военныя приготовленія дѣлаются въ Россіи, какія войска

направляются противъ Польши и т. д. Наблюдайте за всёми и старайтесь ничего не упускать изъ виду, впрочемъ я вполне рассчитываю на ваше усердіе. Будьте же внимательны и возвращайтесь скорѣе. Вы скажете также, что я отправилъ въ Брестъ, къ цесаревичу, всёхъ русскихъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ, захваченныхъ въ плѣнъ въ Варшавѣ. Что же касается генераловъ и офицеровъ, находящихся здѣсь, то я не могу ихъ вернуть въ Россію, пока не узнаю, что намѣрены дѣлать съ польскими сенаторами и офицерами, пребывающими въ Россіи. Во всякомъ случаѣ вы можете сказать, что всё русскіе здѣсь находятся въ безопасности, и что я забочусь о нихъ. Прощайте, желаю вамъ счастливаго пути и скораго возвращенія».

Послѣ этихъ лаконическихъ и краткихъ инструкцій онъ пожалъ мнѣ руку и вышелъ изъ кабинета. Перейдя въ сосѣднюю гостиную, я передъ отъѣздомъ былъ приглашенъ выпить чаю съ генераломъ Шенбекомъ и нѣкоторыми офицерами изъ штаба диктатора. Генераль Шенбекъ говорилъ со мною довольно долго, прося передать въ Петербургъ, на случай, если я увижу императора, что онъ, Шенбекъ, никогда не желалъ революціи, и что если онъ, въ числѣ первыхъ, отправился со своимъ полкомъ въ Варшаву, то это лишь въ виду того, что ему невозможно было поступить иначе, ибо въ противномъ случаѣ его разстрѣляли бы его собственные солдаты, воспламененные революціоннымъ духомъ и возбужденные вожаками возстанія.

Полковникъ Вонсовичъ доказывалъ мнѣ, что мы всё находимся подъ вліяніемъ революціонной партіи, успѣхи которой идутъ чрезвычайно быстро. Уже можно было замѣтить, что наиболѣе выдающіяся лица главнаго штаба и арміи увлечены общимъ потокомъ помимо своей воли.

Проговоривъ еще нѣкоторое время, я наконецъ разстался съ присутствующими, заѣхалъ проститься съ отцомъ и ровно въ одиннадцать часовъ вечера 21 декабря 1830 года вѣзжалъ на Пражскій мостъ въ почтовой бричкѣ и, въ сопровожденіи моего слуги, летѣлъ по дорогѣ въ Петербургъ.

Дорога отъ Варшавы до Ковны была довольно пріятна, такъ какъ ѣхать пришлось по хорошему шоссе; погода не была особенно холодная, и было довольно сухо. Ночью я проѣхалъ Пултускъ, гдѣ расположенъ былъ гвардейскій Конно-Егерскій полкъ, а на другое утро прибылъ въ Остроленку, гдѣ увидѣлъ множество крестьянъ, вооруженныхъ косами и пиками; ихъ собрали въ этомъ мѣстѣ, чтобы организовать роты и баталіоны, и понемногу обучали строю. Въ Ломжѣ было то же самое, какъ и въ большинствѣ другихъ мелкихъ городовъ. Всюду по дорогѣ видны были войска, приготовлявшіяся къ походу; во всёхъ кузницахъ оттачивали косы и ковали наконечники для пикъ. Почти во всёхъ мѣстеч-

кахъ и деревняхъ на возвышенныхъ мѣстахъ водружены были высокіе шесты, обернутые въ солому, на вершинѣ которыхъ стояли бочки съ дегтемъ; шесты эти охранялись днемъ и ночью небольшими отрядами крестьянъ, которые должны были зажигать ихъ при видѣ непріятели и этимъ дать сигналъ къ открытію военныхъ дѣйствій. Все это, вмѣстѣ взятое, придавало всей мѣстности видъ страны, въ которой происходитъ возстаніе.

Около десяти часовъ утра 23-го декабря я прибылъ въ Маріамполь, гдѣ встрѣтилъ отставного полковника Осиповскаго, которому поручена была организація военнаго набора въ Августовскомъ палатинатѣ; здѣсь же увидѣлъ я майора Пушета (извѣстнаго впоследствіи партизана, который вскорѣ умеръ отъ усталости и лишеній во время этой войны) и другихъ. Въ Маріамполѣ была сосредоточена организація кавалеріи, и на площади я увидѣлъ болѣе тысячи лошадей, маленькихъ, но крѣпкихъ. Тутъ же шло обмундированіе людей и вооруженіе ихъ, при чемъ почти всѣ имѣли пики, а многіе вооружены были также саблями. Я засталъ всѣхъ офицеровъ въ ратушѣ за завтракомъ и спросилъ ихъ, возможна ли переправа черезъ Нѣманъ. Сначала большинство отнеслись ко мнѣ съ недоувѣріемъ и съ подозрѣніемъ смотрѣли на меня, но когда узнали, что я адъютантъ диктатора, отправленный съ бумагами въ Петербургъ, то мнѣ немедленно и весьма охотно сообщили всѣ необходимыя справки, а полковникъ Осиповскій предложилъ мнѣ даже отправиться на ближайшій постъ, гдѣ собраны были еще шестьсотъ лошадей. Прибывъ туда, я увидѣлъ эту новую революціонную кавалерію, которую организовалъ капитанъ Шоонъ, впоследствіи взятый въ плѣнъ и повѣшенный русскими войсками, находившимися подъ начальствомъ генерала Фрикена.

Вечеромъ я прибылъ въ мѣстечко Алексоту, пограничный пунктъ на польско-русской границѣ, близъ Нѣмана, какъ разъ напротивъ Ковны. Начальникъ польской таможи въ Алексотѣ сказалъ мнѣ, что съ противоположнымъ берегомъ нѣтъ сообщенія, такъ какъ вода слишкомъ высока, и переправа ночью можетъ быть чрезвычайно опасна, почему онъ и совѣтовалъ мнѣ переночевать до слѣдующаго дня и въ это время справиться на русской таможнѣ о дальнѣйшемъ пропускѣ; онъ сообщилъ мнѣ при этомъ, что полковникъ Гауке поступилъ точно также, но прибавилъ, что, вѣроятно, меня не пропустятъ черезъ границу, такъ какъ въ русскихъ таможахъ полученъ былъ объ этомъ приказъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду данныхъ мнѣ инструкцій, я рѣшилъ попробовать перейти на русскую территорію, не предупреждая властей, и внезапно представиться командующему въ Ковнѣ генералу. Въ виду этого я сѣлъ въ лодку и переправился вмѣстѣ съ своимъ челоувѣкомъ и съ почтальономъ, которому приказалъ трубить въ ро-

жокъ при приближеніи къ русскому бѣрегу. Вечеромъ, въ семь съ половиной часовъ, когда уже было совершенно темно, я высадился въ Ковнѣ 23-го декабря 1830 года.

Здѣсь меня встрѣтилъ мѣстный полицеймейстеръ съ нѣсколькими солдатами, державшими въ рукахъ фонари и пришедшими на звукъ трубы. Полицеймейстеръ спросилъ меня, кто я и зачѣмъ пріѣхалъ, и, получивъ отвѣтъ, что я полковникъ польскихъ войскъ, отправленный съ бумагами изъ Варшавы въ Петербургъ, и желаю видѣть генерала Безобразова,—согласился проводить меня къ генералу. Тѣмъ временемъ множество таможенныхъ стражниковъ окружили моего слугу, взяли мои вещи и направились къ зданію таможни. Прибывъ къ генералу Безобразову, я отрекомендовался ему и изложилъ ему цѣль моего пріѣзда. Генералъ былъ добродушный, симпатичный старикъ, который сообщилъ мнѣ, что сегодня прибылъ изъ Петербурга князь Лопухинъ, которому онъ уже сдалъ командованіе первою гусарскою дивизіей, и что въ виду этого мнѣ слѣдуетъ обратиться къ нему. Князь Лопухинъ, къ которому я тотчасъ отправился, былъ красивый мужчина, богатый и чрезвычайно изящный человѣкъ и принялъ меня съ откровенною вѣжливостію. Я сообщилъ ему цѣль моей поѣздки и просилъ его снабдить меня паспортомъ. На это князь отвѣтилъ мнѣ, что онъ только что пріѣхалъ, и что онъ не знаетъ, имѣетъ ли право пропустить меня дальше, но просилъ меня обождать немного, пригласивъ выпить съ нимъ чаю, во время котораго между нами завязался разговоръ.

Онъ говорилъ, что рѣшительно не понимаетъ причины польской революціи, такъ какъ, насколько ему извѣстно, Польша была счастлива и богата; что онъ чувствуетъ большую симпатію къ Польшѣ; что онъ былъ пять разъ влюбленъ въ полекъ и т. д. и т. д. На это я отвѣтилъ ему, что дѣйствительно теперешняя революція сначала была вызвана въ Польшѣ кучкою молодежи, горячими головами, но что въ настоящее время къ нимъ присоединилась вся нація, что сеймъ объявилъ революцію національною, что генералъ Хлопицкій, провозглашенный диктаторомъ, уже водворилъ порядокъ, и т. д. Я сказалъ ему также, что матеріально Польша несомнѣнно благоденствовала, но что съ нравственной и съ политической стороны было много причинъ къ недовольству, и что мы надѣемся на императора Николая, который, вѣроятно, захочетъ войти въ наше положеніе.

Бесѣда наша продолжалась въ этомъ духѣ, и во время разговора къ князю Лопухину являлись нѣсколько лицъ съ докладами, послѣ чего онъ сказалъ мнѣ:

— Собственно говоря, я не долженъ былъ пускать васъ на нашу территорію, ибо таковъ общій порядокъ; но я буду смотрѣть на васъ, какъ на парламентаря, дамъ вамъ конвой и отправлю васъ

къ командиру перваго армейскаго корпуса, генералу Палену, коего авангардомъ я только командую ¹⁾). Вы встрѣтите генерала по эту сторону, близъ Митавы, такъ какъ онъ уже находится на маршѣ. У вашего человѣка нашли пистолеты, и вы извините меня, что я, по обычаю, велѣлъ отобрать ихъ и передать солдату вашего конвоя. Въ вашемъ чемоданѣ также нашли довольно большой свертокъ, адресованный на имя г. Туркула, въ Петербургъ...

На это я отвѣчалъ князю, что это были газеты, полученныя мною отъ молодого графа Замойскаго для передачи г. Туркулу, и что я за этотъ свертокъ не отвѣчаю. Послѣ этого князь просилъ меня показать ему депеши, посылаемыя на имя князя Любецкаго, и когда я вручилъ ему ихъ, онъ взялъ ихъ вмѣстѣ съ другими бумагами, положилъ въ большой конвертъ и запечаталъ печатью. Тогда я замѣтилъ ему, что отвѣчаю за эти бумаги, и просилъ бы дать мнѣ въ нихъ расписку. Но князь успокоилъ меня, сказавъ, что гусарскій офицеръ, который будетъ меня сопровождать, доставитъ ихъ въ сохранности, и что вообще таковы обычаи при отправленіи парламентеровъ. Въ это же время въ комнату вошелъ офицеръ въ формѣ Клястицкаго гусарскаго полка, которому князь вручилъ бумаги, далъ наставленіе и любезно распростился со мною. Въ десять часовъ вечера я выѣхалъ изъ Ковны, сидя въ маленькихъ открытыхъ саняхъ, вмѣстѣ съ офицеромъ, а въ слѣдующихъ саняхъ ѣхалъ мой слуга съ гусаромъ, который былъ при оружіи и съ заряженнымъ карабиномъ въ рукахъ.

Мой спутникъ, гусарскій офицеръ, оказался бравымъ нѣмцемъ, съ которымъ я бесѣдовалъ на его языкѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что вся первая гусарская дивизія уже собрана близъ Ковны и находится въ полной боевой готовности. Погода была прескверная, дулъ сильный вѣтеръ, и послѣ первой же станціи мы едва не потонули, переѣзжая по слабому льду въ нашихъ маленькихъ саняхъ. На другой день, въ два часа по полудни, мы прибыли въ городъ Шавли въ Самогитіи, гдѣ встрѣтили генерала Палена 1-го, который прибылъ сюда съ четвертымъ полкомъ пѣхоты 1-го армейскаго корпуса, находившагося уже на маршѣ. Мы остановились на почтовой станціи въ небольшомъ скверномъ домишкѣ, на краю города, гдѣ мой спутникъ, гусарскій офицеръ, меня оставилъ, взявъ съ меня обѣщаніе не говорить ни съ кѣмъ и поручивъ своему солдату слѣдить за мной. Вернувшись, онъ сообщилъ мнѣ, что былъ у генерала Палена, передалъ ему мои депеши, и что въ скоромъ времени генералъ пришлетъ когонибудь сюда для объявленія своихъ приказаній. Въ это время, у дверей почтовой станціи

---

¹⁾ Послѣ войны я встрѣтился съ княземъ Лопухинимъ, и онъ сказалъ мнѣ, что получилъ выговоръ отъ генерала Палена за то, что пропустилъ меня, но равъ что я былъ уже въ странѣ, онъ рѣшилъ пропустить меня дальше.

я увидѣлъ дорожную коляску (берлинъ) съ гербами Замоискихъ и узналъ, что это былъ графъ Замоискій, президентъ польскаго сената, который, прибывъ полчаса послѣ меня, проѣхалъ въ Петербургъ, но я его уже не видѣлъ. Желая убить время, я занялся бесѣдою съ моимъ спутникомъ, офицеромъ, на разныя темы а также о послѣдней революціи, происшедшей въ Варшавѣ. Между тѣмъ въ тщетномъ ожиданіи прошло уже болѣе шести часовъ и, увидѣвъ, что отъ генерала Палена посланнаго все нѣтъ, я потерялъ терпѣніе и сталъ требовать, чтобы мнѣ категорически объявили, пропустятъ ли меня дальше или нѣтъ; въ противномъ же случаѣ я прошу выдать мнѣ расписку въ принятіи отъ меня депешъ и отправить меня обратно; если же желаютъ, чтобы я ѣхалъ дальше, то я не могу ожидать такъ долго, ибо бумаги, которыя я везу,—спѣшныя. Въ виду этого я хотѣлъ написать письмо къ начальнику штаба генерала Палена, но офицеръ сказалъ мнѣ, что это запрещено. Наконецъ мнѣ удалось убѣдить его отправиться еще разъ къ начальнику корпуса и передать ему все то, что я только что сказалъ ему. Когда онъ уѣхалъ, я предался печальнымъ размышленіямъ, будучи увѣренъ, что, судя по всему, меня захотятъ задержать въ плѣну. Послѣ цѣлаго часа томительнаго ожиданія вернулся наконецъ офицеръ и сообщилъ мнѣ, что онъ все въ точности передалъ генералу, и что меня тотчасъ отправятъ въ Петербургъ въ сопровожденіи одного офицера и унтеръ-офицера пѣхотнаго полка. Въ заключеніе онъ сказалъ мнѣ, что генералъ Паленъ подробно разспрашивалъ его, на какомъ языкѣ я съ нимъ говорилъ, и бесѣдовалъ ли я съ нимъ о событіяхъ въ Варшавѣ; на что онъ отвѣтилъ генералу, что я говорю по-нѣмецки, но что о революціи у насъ не было съ нимъ никакихъ разговоровъ (что не было совсѣмъ вѣрно), что въ общемъ я былъ чрезвычайно вѣжливъ и мало разговорчивъ. При этомъ онъ посоветовалъ мнѣ дружески поменьше разговаривать съ пѣхотнымъ офицеромъ и вообще быть осторожнѣе, такъ какъ этому молодому человѣку предписано, повидимому, доносить обо всемъ по начальству. Я искренно поблагодарилъ моего добраго спутника и спросилъ его, не знаетъ ли онъ, что думаютъ дѣлать со мною. Онъ сказалъ мнѣ на это, что теперь меня отправятъ къ главнокомандующему дѣйствующей арміей, фельдмаршалу Дибичу, который находится еще въ Петербургѣ, но потомъ... онъ пожалъ плечами, подалъ мнѣ руку и простился.

Итакъ я ѣду въ Петербургъ... Будь, что будетъ... но вернусь ли я оттуда? Мы плохо поужинали, послѣ чего я купилъ пару полшубковъ, чтобы покрыть ноги себѣ и моему слугѣ, ибо до Петербурга оставалось еще сто двадцать миль, и мы все подвигались на сѣверъ. Черезъ нѣсколько времени прибылъ наконецъ пѣхотный офицеръ, котораго мой бывшій спутникъ, гусарскій офицеръ, познакомилъ со мною и просилъ позаботиться обо мнѣ въ время пути.

Въ полночь мы сѣли въ сани и размѣстились слѣдующимъ образомъ: въ первыхъ саняхъ сидѣлъ я съ офицеромъ, а напротивъ, на передкѣ, сидѣлъ унтеръ-офицеръ, вооруженный моими же пистолетами, а въ другихъ сидѣлъ мой человѣкъ съ денщикомъ офицера. Мой новый спутникъ, подпоручикъ четвертаго полка пѣхоты, по фамилиі Васильевъ, былъ еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, только что окончившимъ кадетскій корпусъ въ Петербургѣ, и съ которымъ я также говорилъ по-нѣмецки. Что касается унтеръ-офицера, то это былъ высокаго роста, красивый молодой человѣкъ, родомъ курляндецъ, сынъ протестантскаго пастора, по имени Шульцъ. Прогонныя деньги я передалъ офицеру, чтобы не платить на каждой станціи, и только во время остановокъ я пользовался случаемъ, чтобы вздремнуть немного. Расходы по продовольствію я взялъ на себя, и кажется, что мои спутники были мной довольны.

Шесть мѣсяцевъ тому назадъ я ѣхалъ по тому же пути вмѣстѣ съ генераломъ графомъ Викентіемъ Красинскимъ, состоявшимъ въ свитѣ императора. Погода стояла великолѣпная, во время пути намъ оказывали всевозможныя почести, а въ Петербургѣ насъ ожидали празднества и балы: знаменитый праздникъ въ Петергофѣ и большіе маневры гвардіи, на которые былъ приглашенъ и шведскій принцъ Оскаръ... И вотъ теперь мнѣ снова пришлось ѣхать по тому же пути, но уже въ скверную, холодную погоду, въ маленькихъ открытыхъ саняхъ, одинокому, въ сопровожденіи военного конвоя и на каждой станціи на меня смотрѣли, какъ на преступника, боясь говорить со мною и издали посматривая на меня съ подозрѣніемъ... А въ Петербургѣ? что ожидаетъ меня здѣсь?—невольно задавалъ я себѣ вопросъ. Я уже представлялъ себѣ строгое и суровое лицо императора Николая, его упреки по отношенію къ польскому народу, а тамъ, быть можетъ, меня ожидаетъ крѣпость, и мнѣ уже не придется вернуться этой дорогою, не придется увидѣть родины и друзей,—словомъ, меня охватили самыя мрачныя и тревожныя мысли. Тѣмъ не менѣе надо было примириться съ судьбою и съ чистой совѣстью и надеждою на милость Божественнаго Провидѣнія ожидать рѣшенія своей судьбы.

Въ Самогити зданія почтовыхъ станцій чрезвычайно скверны, и путешественнику трудно найти въ нихъ самое необходимое, но, начиная отъ Митавы (Курляндія) и до самаго Петербурга, несмотря на то, что страна довольно бѣдная и негостепріимная, почтовые станціи очень хороши и представляютъ собою большіе дома, въ которыхъ можно найти все необходимое для продовольствія путешественниковъ. Объясняется это тѣмъ, что по этому пути лежитъ большой почтовый трактъ, идущій изъ Петербурга за границу. Миновавъ Шавли, гдѣ мы встрѣтились съ адъютантомъ фельдмаршала, ѣхавшимъ въ дѣйствующую армію, мы вечеромъ, близъ Риги,

переѣхали Двину по льду. Около Дерпта мы увидѣли гренадерскую бригаду вмѣстѣ съ артиллеріей, направлявшуюся къ польской границѣ, и невольно, при видѣ этихъ войскъ, шедшихъ противъ моей родины, у меня болѣзненно сжалось сердце. Во все время этого довольно утомительнаго пути насъ преслѣдоваль сильный, рѣзкій вѣтеръ, и холодный снѣгъ билъ намъ въ лицо; особенно же сильно это чувствовалось близъ озера Пейпуса.

Наконецъ двадцать восьмого декабря 1830 года, въ восемь часовъ вечера, на седьмой день послѣ выѣзда изъ Варшавы, я прибылъ въ Петербургъ. Мнѣ удалось убѣдить моего спутника, что, прежде чѣмъ явиться къ фельдмаршалу, необходимо привести въ порядокъ нашъ дорожный туалетъ, и мы прямо проѣхали въ гостиницу Демуть, находившуюся невдалекѣ отъ дома, гдѣ жилъ фельдмаршалъ Дибичъ ¹⁾. Оправившись послѣ пути и одѣвшись въ мундиры, мы поѣхали къ фельдмаршалу и велѣли доложить о себѣ. Сначала былъ приглашенъ сопровождавшій меня офицеръ, который вручилъ фельдмаршалу бумаги. Впослѣдствіи офицеръ рассказываль мнѣ, что фельдмаршалъ спрашиваль его: кто я такой, на какомъ языкѣ я говорилъ съ нимъ, не рассказываль ли я ему о польской революціи, и велъ ли я себя спокойно во время пути.

Прождавъ нѣсколько минутъ въ приемной, я былъ приглашенъ въ кабинетъ фельдмаршала, у котораго въ это время находился генераль отъ инфантеріи графъ Толстой. Я нѣсколько разъ издали видѣлъ фельдмаршала, но никогда не говорилъ съ нимъ. Это былъ человекъ низенькаго роста, очень толстый и некрасивый, не безъ извѣстнаго комизма во всей фигурѣ, очень подвижной, живой, быстрый въ разговорѣ, постоянно двигавшійся на стулѣ и, повидимому, очень самолюбивый; но въ душѣ это былъ человекъ добрый, прекрасно знавшій политическое положеніе Европы и особенно Польши и ненавидѣвшій отъ души великаго князя Константина. На столѣ у него лежалъ раскрытый альманахъ польской арміи, въ которомъ онъ, вѣроятно, отыскиваль мое имя. Онъ всталъ, сдѣлаль мнѣ легкій поклонъ, попросилъ меня сѣсть, предложилъ чаю и сказалъ:

— Давно ли вы покинули Варшаву?

— Сегодня седьмой день со времени моего отъѣзда. Я былъ посланъ генераломъ Хлопицкимъ съ депешами на имя князя Любецкаго, которыя у меня отняли на границѣ, и я надѣюсь, что ихъ передали вашему высокопревосходительству?

— Какъ же, онѣ у меня здѣсь.

— Мнѣ остается только просить ваше высокопревосходительство разрѣшить доставить ихъ по назначенію. Что касается дру-

¹⁾ Домъ Шепелева, близъ Зимняго дворца.

гихъ бумагъ, то я получилъ ихъ отъ молодого графа Замойскаго, который просилъ меня передать ихъ г. Туркулу ¹⁾.

— Это только газеты ²⁾. Скажите, пожалуйста, были ли получены въ царствѣ, до вашего отъѣзда изъ Варшавы, манифесты государя императора къ польскому народу и къ польской арміи?

— Нѣтъ, ваше высокопревосходительство, тамъ еще ничего не знали, и единственныя извѣстія, полученныя изъ Петербурга, послѣ революціи, привезены были полковникомъ Гауке.

Тогда фельдмаршалъ началъ считать дни съ генераломъ Толстымъ и сказалъ мнѣ:

— Совершенно вѣрно, они не могли еще прибыть въ Варшану. Итакъ, у васъ началась революція?

— Къ сожалѣнію, это такъ.

— Если не ошибаюсь, вы были адъютантомъ графа Красинскаго?

— Точно такъ. Я состоялъ при немъ до самаго его возвращенія въ Варшаву и находился вмѣстѣ съ польскими войсками, бывшими при великомъ князѣ Константинѣ въ первый моментъ революціонныхъ беспорядковъ, состоя при гвардейскомъ Конно-Егерскомъ полку. Я вернулся въ Варшаву съ этими войсками послѣ того, какъ великій князь далъ намъ на это разрѣшеніе. (Я сразу же желалъ дать понять, что генералъ Хлопицкій былъ настолько тактиченъ, что не послалъ въ Петербургъ одного изъ тѣхъ офицеровъ, которые начали революцію).

— Такимъ образомъ вы находились въ той части войскъ, которыя остались вѣрны своему долгу съ самаго начала: это меня очень радуетъ. Въ настоящее время вы, кажется, состоите при генералѣ Хлопицкомъ?

— Точно такъ.

— Значить, онъ диктаторъ? Надолго ли? Ну, а каковы послѣднія новости?

— Генералъ Хлопицкій сначала провозгласилъ себя диктаторомъ, и надо сказать, что это было ко благу націи, такъ какъ онъ возстановилъ въ странѣ порядокъ и спокойствіе. Наканунѣ моего отъѣзда собрался сеймъ, который провозгласилъ революцію національною и утвердилъ генерала Хлопицкаго въ званіи диктатора волею представителей и народа. Депеши, которыя я привезъ, сообщаютъ объ этихъ важныхъ событіяхъ.

¹⁾ Туркуль, Игнатій Леонтьевичъ, тогдашній министръ статсъ-секретарь царства Польскаго. Впослѣдствіи дѣйств. тайн. совѣтн. и членъ Госуд. Совѣта, † 1856 г.

²⁾ Впослѣдствіи я узналъ, что въ эту ночь польскія газеты, привезенныя мною, были переведены на русскій языкъ для императора, и несомнѣнно, что изъ содержанія этихъ газетъ, въ которыхъ подробно описаны были всѣ событія, императоръ могъ узнать о томъ, что происходитъ въ Варшавѣ.

— Да, вы правы, извѣстія эти чрезвычайно важны. Не можете ли вы сказать мнѣ, былъ ли выбранъ диктаторъ единогласно?

— Да, за исключеніемъ одного голоса, принадлежавшаго калишскому нунцію Моравскому.

— Неужели не нашлось на сеймѣ ни одного человѣка, который произнесъ бы имя императора и имѣлъ мужество напомнить о своемъ государѣ?

— Ни одинъ голосъ не высказался *противъ* императора.

— Да, но не было также и голоса *за* него.

— Ни за, ни противъ... объ этомъ вовсе не было рѣчи... говорю это совершенно откровенно.

— Это странно. Имѣетъ ли генералъ Хлопицкій неограниченныя полномочія?

— Онъ облеченъ самой широкой диктаторской властью; тѣмъ не менѣе имѣется особая депутація отъ сената и нунціевъ, которая наблюдаетъ за нимъ и хотя и не вмѣшивается въ его дѣйствія, но въ крайнемъ случаѣ имѣетъ право смѣнить его.

— Это не хорошо, не хорошо. Но изъ кого же состоятъ члены этой депутаціи?

Я назвалъ ему нѣсколько именъ, прибавивъ, что въ денешахъ, присланныхъ на имя князя Любецкаго, всѣ члены этой депутаціи, вѣроятно перечислены, и что князь Любецкій и графъ Езерскій знаютъ ихъ лучше меня.

— Чарторыйскій, Радзивиллъ, Малаховскій, Езерскій и другіе названные вами члены этой депутаціи—все это порядочные люди; но что въ число этихъ членовъ попалъ упомянутый вами Моравскій, который высказался противъ диктатуры,—это уже не хорошо. Водворенъ ли окончательно порядокъ?

— Я думаю, что порядокъ окончательно возстановленъ, и что этому способствовалъ генералъ Хлопицкій цѣлымъ рядомъ энергичныхъ мѣръ. Такъ, онъ приказалъ разстрѣлять одного сапера, который поднялъ руку на своего капитана; посадилъ подъ арестъ поручика Высоцкаго (одного изъ выдающихся героевъ революціи), который прибылъ въ Варшаву, не испросивъ на то разрѣшенія, и вообще подобными мѣрами справедливой строгости диктатору удалось возстановить порядокъ. Онъ справедливъ, имѣетъ сильную волю, пользуется довѣріемъ народа, онъ закрылъ нѣсколько клубовъ, и въ этомъ отношеніи страна обязана ему многимъ, такъ какъ онъ спасъ ее отъ анархіи и беспорядковъ, неразрывныхъ со всякимъ зарождающимся революціоннымъ движеніемъ.

Во время этой рѣчи фельдмаршалъ одобрительно кивалъ головою, повторяя про себя: «Очень хорошо, очень хорошо» (особенно послѣ того, какъ я сообщилъ ему объ арестованіи Высоцкаго). Затѣмъ онъ спросилъ меня:

— А что сдѣлали съ русскими, которые остались въ Варшавѣ?

— Генераль Хлопицкій приказаль отправить всѣхъ русскихъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ въ Брестъ-Литовскъ.

— Это очень хорошо. Я немедленно же доложу объ этомъ государю императору.

— Что касается генераловъ и офицеровъ, оставленныхъ въ Варшавѣ, то генераль Хлопицкій озаботился о ихъ участи, но онъ не можетъ вернуть ихъ до тѣхъ поръ, пока не узнаетъ о судьбѣ польскихъ сенаторовъ и офицеровъ, находящихся въ Россіи.

— А кто эти сенаторы?

— Князя Яблоновскій и Любомирскій и графы Ынинскій и Тышкевичъ.

— Ихъ и не предполагаютъ арестовать. А что дѣлается въ вашей арміи?

— Ее реорганизовываютъ, чтобы довести до двойного комплекта: всѣ отставные военные возвратились на службу, и, кромѣ того, въ провинціяхъ формируютъ съ чрезвычайной быстротою восемьдесятъ батальоновъ пѣхоты и столько же эскадроновъ кавалеріи.

— На мѣстѣ генерала Хлопицкаго я привелъ бы все въ порядокъ, сталъ бы во главѣ революціи, какъ онъ это и сдѣлалъ, а затѣмъ я возвратилъ бы страну ея законному государю. Вотъ какъ бы я поступилъ, ибо я человѣкъ откровенный и прямой и признаю лишь вѣрность присягѣ и военныя добродѣтели.

На это я ничего не отвѣтилъ, а фельдмаршалъ продолжалъ:

— А воспитанники военной академіи все также ли бушуютъ?

— Напротивъ, они болѣе всего способствовали возстановленію порядка, и я нахожу ихъ очень благоразумными.

— Да, да, генераль Езерскій сказалъ мнѣ то же самое. А гдѣ находится графъ Викентій Красинскій?

— Не могу сказать вашему высокопревосходительству, такъ какъ я не видѣлъ его со времени его возвращенія въ Варшаву, но мнѣ кажется, что онъ находится въ Пруссіи.

— А генераль Курнатовскій?

— Онъ въ отставкѣ и спокойно проживаетъ въ Варшавѣ.

— Это почтенные люди. А теперь прощайте. Я отправляюсь къ государю, чтобы доложить ему о вашемъ приѣздѣ. Прошу васъ ожидать меня у дежурнаго офицера, который живетъ тутъ же.

Фельдмаршалъ дѣйствительно немедленно же поѣхалъ къ государю, но мнѣ пришлось ожидать болѣе двухъ часовъ у полковника Салтыкова. Я немного поужиналъ, а мой спутникъ, офицеръ Васильевъ, заснулъ въ креслѣ. Было уже около полуночи, когда фельдмаршалъ вернулся отъ государя, увѣдомивъ полковника Салтыкова о томъ, что я буду ночевать у него. Когда же я заявилъ, что мой слуга остался съ вещами въ гостиницѣ, то фельдмаршалъ велѣлъ передать мнѣ, что я могу поѣхать домой, но не долженъ выходить

изъ комнаты и что конвой останется при мнѣ до новыхъ приказаній. Я успѣшилъ вернуться въ гостинницу, довольный тѣмъ, что первое свиданіе прошло довольно хорошо, и что мнѣ, наконецъ, можно будетъ выспаться вволю послѣ утомительной бессонницы въ теченіе шести ночей.

На другое утро, 29-го декабря 1830 года, ко мнѣ явился одинъ изъ адъютантовъ фельдмаршала, капитанъ Львовъ, который передалъ мнѣ отъ имени генерала Дибича слѣдующее порученіе. Такъ какъ я при началѣ революціи находился въ Варшавѣ съ войсками великаго князя Константина, то мнѣ предложено изложить письменно все то, что произошло въ это время, со всѣми подробностями, а равно сообщить и все, что касается до польской арміи. Для изложенія этихъ свѣдѣній фельдмаршалъ далъ мнѣ день времени съ тѣмъ, чтобы къ вечеру я представилъ ему мою работу. Я тотчасъ принялся за дѣло и изложилъ всѣ подробности, относящіяся до первыхъ четырехъ дней революціи, описавъ съ полной правдивостью все то, что было мнѣ извѣстно и особенно все, относящееся до дѣйствій войскъ, находившихся съ цесаревичемъ въ ночь 29-го ноября въ Варшавѣ и затѣмъ на бивакъ близъ Мокотова; при этомъ я описалъ также наше возвращеніе въ Варшаву и закончилъ указаніемъ на то, что порядокъ возстановленъ съ тѣхъ поръ, какъ генералъ Хлопицкій провозгласилъ себя диктаторомъ; я указалъ также на военныя приготовленія, производившіяся въ войскахъ, на увеличеніе почти вдвое старыхъ полковъ призывомъ отпущенныхъ и на дѣятельное формированіе новыхъ полковъ и многочисленной подвижной гвардіи, учреждаемой въ провинціяхъ. Цѣлый день я никого не видѣлъ, занятъ былъ моей работой и въ восемь часовъ вечера отвезъ ее къ фельдмаршалу.

Болѣе часу пришлось мнѣ ожидать въ приѣмной, гдѣ многіе офицеры и генералы бесѣдовали со мной чрезвычайно любезно, но выражали при этомъ негодованіе по случаю происшедшей революціи; негодовали на юнкерское училище, на академиковъ и въ особенности на профессора Лелевеля¹⁾, но при этомъ выражали полное сочувствіе и уваженіе къ гвардейскому Конно-Егерскому полку (польской гвардіи), который велъ себя столь благородно и съ такимъ мужествомъ.

На все это мнѣ пришлось отвѣчать отрывочными фразами, сохраняя достоинство польскаго офицера; иногда же я не отвѣчалъ вовсе, не желая входить съ ними въ пререканія. Въ концѣ концовъ я взялъ нѣмецкую газету, лежавшую на столѣ, и прочелъ въ ней

¹⁾ Последнее вполнѣ естественно, если принять во вниманіе, что Лелевель, не смотря на свое званіе профессора, принадлежалъ къ числу тѣхъ крайнихъ руководителей возстанія, которые настаивали на необходимости умертвить Цесаревича Константина.
Прим. перев.

напечатанный манифестъ императора къ полякамъ, котораго я еще не зналъ. Наконецъ меня пригласили къ фельдмаршалу, который былъ въ кабинетѣ. Онъ началъ съ извиненія, что заставилъ меня прождать такъ долго, прибавивъ, что у него только что была его сестра, которую онъ очень любилъ, и которая прѣѣхала проститься съ нимъ передъ его отъѣздомъ въ армію. Затѣмъ онъ попросилъ меня сѣсть, самъ сѣлъ противъ меня, и между нами произошелъ слѣдующій разговоръ, который я постараюсь передать въ точности.

— Я говорилъ о васъ императору,—началъ фельдмаршалъ,—и его величество съ удовольствіемъ узналъ, что вы не принимали участія въ первые моменты революціи. Я—человѣкъ прямой, служу въ военной службѣ съ молодыхъ лѣтъ и буду говорить съ вами съ откровенностью солдата. Императоръ Александръ далъ Польшѣ конституцію,—обстоятельство, которое не одобрялось русскими, ибо спрашивается, почему же одна страна должна быть управляема лучше и иначе, чѣмъ другія, находящіяся подъ властью одного и того же государя, а вдобавокъ еще страна покоренная. Я такъ же, какъ русскій человѣкъ, былъ противъ этого—говорю вамъ это прямо. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ императоръ Александръ (добродѣтельныйшій человѣкъ въ мірѣ) непремѣнно желалъ этого,—Россия ничего не сказала, пожелавъ всевозможныхъ благъ Польшѣ и дарованнымъ ей учрежденіямъ. Такимъ образомъ вы получили конституцію. Правда, она не всегда строго соблюдалась, но это не была вина царствующаго императора, который былъ въ нѣсколько неловкомъ положеніи по отношенію къ своему старшему брату, и послѣдній—я это хорошо знаю—является одной изъ важнѣйшихъ причинъ вашего неудовольствія. Во всякомъ случаѣ это не можетъ служить оправданіемъ революціи, ибо, несмотря на все это, въ Польшѣ все-таки было больше хорошаго, чѣмъ дурного. Депеши, которыя вы привезли для князя Любецкаго, были распечатаны императоромъ; при этомъ я долженъ вамъ сказать, государь очень недоволенъ княземъ. Кто такой князь Любецкій? Это—человѣкъ, который служилъ въ русскихъ войскахъ, который совершалъ съ ними походы, это—русскій, котораго императоръ сдѣлалъ министромъ Польши. И вотъ въ настоящее время этотъ же князь Любецкій хочетъ разыгрывать роль посланника! За это государь и принялъ его, какъ слѣдовало! Если въ Польшѣ дѣло шло нехорошо, это вина Любецкаго, потому что онъ былъ министромъ императора, и, какъ таковой, онъ долженъ былъ быть лучшимъ хранителемъ конституціи, заботиться о счастіи народа, предупреждать зло, исправлять все дурное и въ крайнемъ случаѣ написать императору, доложивъ ему о томъ, что происходитъ; онъ долженъ былъ указать, что онъ не въ силахъ противодействовать злу, что виною тому великій князь и т. д. Вотъ что долженъ былъ сдѣлать князь Любецкій, и чего онъ не сдѣлалъ, и поэтому, если дѣло не шло такъ, какъ оно должно было идти въ Польшѣ, какъ того же-

лалъ императоръ, то въ этомъ вина Любецкаго; а теперь онъ прибылъ сюда съ какою-то миссіей отъ имени возмущившейся страны... Повторю еще разъ, что у васъ были причины къ недовольству, но во всякомъ случаѣ онѣ не могутъ служить оправданіемъ революціи, подвергающей страну столькимъ бѣдствіямъ. Въ настоящее время, когда уже произошла революція, сеймъ долженъ былъ вести себя совершенно иначе. Ему слѣдовало бы собраться, какъ онъ это и сдѣлалъ, но не поддаваясь вліянію крикуновъ, чистосердечно написать императору: «Государь, несмотря на то, что законъ запрещаетъ намъ собираться, безъ разрѣшенія монарха, тѣмъ не менѣе, будучи вынуждены обстоятельствами, мы собрались для совѣщанія о правительствѣ, которое въ данный моментъ надо учредить; мы назначили диктаторомъ генерала Хлопицкаго; но въ настоящее время, когда порядокъ и тишина уже восстановлены, мы спѣшимъ увѣдомить объ этомъ ваше величество, нашего законнаго монарха, умоляя васъ, государь, войти въ печальное положеніе страны, даровать намъ великодушное прощеніе и утвердить неприкосновенность нашихъ законовъ и нашей конституціи». Вотъ какъ слѣдовало бы поступить. А между тѣмъ, что дѣлаетъ сеймъ? Онъ объявляетъ революцію національную, выражаетъ благодарность ея зачинщикамъ, не произноситъ даже имени императора и какъ будто бы желаетъ войны. Ну, что же? Что можете вы ожидать отъ войны? Какъ можете вы думать, что исходъ этой борьбы будетъ вамъ благопріятенъ?.. Допустивъ даже, что вы вступите въ Литву, возьмете Вильну, разобьете наконецъ первыя наши войска,—вспомните только, что Наполеонъ вступилъ въ Россію съ четырехсотъ-тысячною арміею, состоявшей изъ лучшихъ войскъ, и что изъ этого произошло? Притомъ же не думаю, чтобы вамъ легко было разбить наши первыя войска: надѣюсь, что меня хорошо знаютъ въ Польшѣ, знаютъ въ Германіи, знаютъ даже и въ Турціи. Ваша армія немногочисленна...

Здѣсь я замѣтилъ фельдмаршалу, что польская армія увеличилась, что всѣ старые офицеры и солдаты возвращаются на службу, что вся молодежь вооружилась и воодушевлена самымъ воинственнымъ духомъ, что наконецъ вооружается весь народъ...

— Допустимъ все это,—продолжалъ фельдмаршалъ,—но я не принимаю въ расчетъ вашихъ новобранцевъ, плохо обученныхъ мужиковъ, вооруженныхъ косами, ибо противъ нихъ я не буду употреблять ни пѣхоты, ни кавалеріи, но одну только картечь... Для этого у меня достаточно пушекъ. Я буду считать только регулярныя польскія войска. У васъ было двадцать шесть батальоновъ пѣхоты, допустимъ, что у васъ теперь пятьдесятъ два батальона; а у меня въ первой линіи семьдесятъ два батальона и столько же во второй, и того—сто сорокъ четыре батальона. Если бы этого не хватило, мы потребуемъ новыя войска: на это средствъ у насъ достаточно,—а вѣдь я еще не считаю гвардіи, которая также дви-

гается и составит резервный корпусъ. У меня сто сорокъ эскадроновъ регулярной кавалеріи, не считая казаковъ, и четыреста полевыхъ орудій. Вотъ вамъ цифры, которыя говорятъ сами за себя. Первый армейскій корпусъ и литовскій корпусъ, который, по имѣющимъ свѣдѣніямъ, воодушевленъ лучшимъ духомъ, уже находятся на границѣ; второй корпусъ и гренадерскій, а также два корпуса кавалеріи, уже находятся въ пути, и я самъ сегодня ночью отправляюсь въ армію.

Фельдмаршалъ упомянулъ о настроеніи литовскаго корпуса, потому что зналъ, что въ Варшавѣ поговаривали о его переходѣ на сторону Польши. Затѣмъ онъ продолжалъ:

— Я скажу вамъ откровенно то, что думаю о вашей арміи, ибо я человѣкъ прямой и съ пятнадцатилѣтняго возраста состою на военной службѣ. Войска ваши хороши, хорошо обучены, храбры, но нашъ русскій солдатъ болѣе приученъ къ лишеніямъ, къ дурной пищѣ, къ тяжелымъ переходамъ и ко всѣмъ неудобствамъ, сопряженнымъ съ войною, а слѣдовательно наши солдаты болѣе закалены, болѣе способны къ войнѣ. Во время послѣдней турецкой кампаніи мнѣ очень хотѣлось имѣть подъ своей командой польскія войска, и я увѣренъ, что я былъ бы ими очень доволенъ, какъ я былъ доволенъ офицерами польскаго генеральнаго штаба, прекрасно служившими во время этой войны. Это создало бы совершенно другое направленіе мыслей въ вашей арміи и, быть можетъ, послужило бы даже препятствіемъ къ осуществленію революціи. Но великій князь Константинъ не хотѣлъ этого дозволить... Скажу вамъ также, что я былъ особенно хорошаго мнѣнія о польскомъ войскѣ не столько по отношенію къ солдатамъ и молодымъ офицерамъ, какъ по отношенію къ старымъ вашимъ военачальникамъ и старшимъ офицерамъ, совершившимъ походы съ Наполеономъ, которыхъ я всегда высоко цѣнилъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ я убѣдился, что эти же старые офицеры не сумѣли поддержать порядка и дисциплины въ своихъ войскахъ, что они позволили увлечь себя молодымъ подпоручикамъ и унтеръ-офицерамъ, что вліяніе ихъ не воздѣйствовало на подчиненныхъ, съ тѣхъ поръ, признаюсь вамъ, я совершенно измѣнилъ о нихъ свое мнѣніе. Затѣмъ, что имѣется у васъ для веденія войны? У васъ нѣтъ ни пороховыхъ заводовъ, ни складовъ, ни пушечно-литейныхъ заводовъ, ни оружейныхъ мастерскихъ, ни всего того, что необходимо для веденія и поддержанія войны. Я лично привыкъ командовать арміями, имѣлъ ихъ немало подъ своимъ начальствомъ и, могу сказать безъ хвастовства, командовалъ ими съ честью, чему доказательствомъ могутъ служить мои походы. Мнѣ кажется, что въ Польшѣ это хорошо знаютъ... У васъ теперь генералъ Хлопицкій, прекрасный бригадный генералъ, съ честью совершившій походъ въ Испанію и въ другія мѣста, въ низшихъ чинахъ; но ему никогда не приходилось командовать цѣлой

арміей, а поэтому нельзя сказать съ увѣренностью, что изъ него выйдетъ хорошій главнокомандующій. Я очень мало знаю генерала Хлопицкаго, но мнѣ кажется, что онъ хладнокровенъ и очень расчетливъ; я же напротивъ того человѣкъ горячій и пылкій, такъ что наши обоюдныя качества несомнѣнно отразятся на будущихъ военныхъ операціяхъ. Я много говорилъ съ покойнымъ государемъ о Польшѣ. Императоръ Александръ, любившій меня, какъ родного сына, называлъ меня своимъ ученикомъ, а я обожалъ его, какъ благодѣтеля и отца. Я хорошо зналъ взгляды этого монарха и могу васъ увѣрить, что онъ искренно желалъ добра полякамъ. Императоръ Николай еще молодъ, но—это государь дѣятельный, съ твердыми, опредѣленными взглядами, государь, желающій блага подвластныхъ ему народовъ, а по характеру своему обладающій доблестью древнихъ рыцарей; тѣмъ не менѣе характеръ его твердъ и непреклоненъ, и было бы ошибочно думать, что онъ пойдетъ на какія либо уступки. Несмотря на это, онъ искренно желаетъ, чтобы все уладилось къ лучшему, безъ пролитія крови. Скажите, читали вы послѣдній манифестъ государя, и что вы о немъ думаете.

Я сказалъ фельдмаршалу, что только что прочелъ его въ одной изъ газетъ въ его пріемной, но что я просмотрѣлъ его мелькомъ, и для болѣе точнаго уясненія всего сказаннаго въ этомъ манифестѣ необходимо прочесть его съ особеннымъ вниманіемъ. Во всякомъ случаѣ изъ бѣглаго его просмотра я уже убѣдился, что одно изъ первыхъ условий, высказанныхъ въ этомъ манифестѣ, едва ли можетъ быть выполнимо.

— Какое именно?

— Я говорю о томъ пунктѣ, въ которомъ польской арміи предлагается немедленно отправиться и сосредоточиться въ окрестностяхъ Плоцка. Вѣдь этимъ движеніемъ Варшава была бы совершенно открыта, а при томъ настроеніи умовъ, въ которомъ находится польская армія, никто на это не согласится.

— Неужели генералъ Хлопицкій не имѣетъ настолько вліянія на армію, чтобы приказать исполнить это движеніе?

— Позволю себѣ замѣтить вашему высокопревосходительству, что прежде всего я не увѣренъ, пожелаетъ ли самъ генералъ Хлопицкій исполнить это распоряженіе; но если бы даже онъ отдалъ подобный приказъ, то можно поручиться, что ни одинъ изъ полковъ его бы не исполнилъ.

— Конечно, этого распоряженія не надо понимать въ буквальномъ смыслѣ. Если бы генералъ Хлопицкій пожелалъ окончить все безъ войны, онъ могъ бы написать намъ, что для выполнения арміей этого движенія необходимо время, что нельзя еще совершенно открыть дорогу на Брестъ, что необходимы войска для охраненія самой Варшавы и т. п. И думаю, что дѣло могло бы уладиться. Вы понимаете, что я говорю съ вами совершенно откровенно, какъ старый солдатъ.

Эту фразу фельдмаршалъ, въ теченіе своего продолжительнаго разговора, повторялъ нѣсколько разъ и особенно на нее упиралъ.

Я отвѣчалъ:

— Такъ какъ ваше высокопревосходительство дѣлаете мнѣ честь говорить со мной съ такой искренностью и добротою, я прошу васъ въ свою очередь дозволить мнѣ предложить нѣсколько вопросовъ, при чемъ прежде всего считаю долгомъ обратить вниманіе, что на меня не возложено никакой миссіи, что я не имѣю никакихъ полномочій, что я прибылъ сюда въ качествѣ простого курьера, отправленнаго съ депешами, и что, такимъ образомъ, вопросы, которые я позволю себѣ предложить, исходятъ только отъ меня лично; что я предлагаю ихъ, лишь какъ частное лицо, какъ человѣкъ, ободренный милостивымъ вниманіемъ вашего высокопревосходительства.

— Очень, хорошо, я васъ слушаю.

— Если предположить, — сказалъ я, — что поляки приняли бы условія, поставленныя въ высочайшемъ манифестѣ, то есть ли основаніе думать, что великій князь Константинъ вернется снова въ Польшу и будетъ занимать прежнее свое положеніе?

— Нѣтъ, по крайней мѣрѣ, онъ самъ этого не желаетъ.

— Въ такомъ случаѣ предполагается ли назначить въ Польшу кого нибудь для управленія страной отъ имени Россіи?

— Конечно... и я думаю, что выборъ палъ на меня... но вы будете мною довольны: я хорошо буду управлять вами и ручаюсь вамъ, что конституція будетъ строго сохранена, въ этомъ вамъ порукою моя личность. Впрочемъ слѣшу оговориться: что касается вопроса о свободѣ печати, то этой свободы вы не получите, предупреждаю васъ напередъ, ибо это представило бы слишкомъ много осложненій и послужило бы лишь къ возбужденію умовъ.

— Предполагаетъ ли его величество дать полную амнистію?

— Да, государь проститъ всѣхъ и не будетъ никого преслѣдовать, исключая впрочемъ пяти или шести человѣкъ, уличенныхъ въ качествѣ главныхъ виновниковъ и подстрекателей революціи, но, повторяю, *не болѣе пяти — шести человѣкъ*, которыхъ придется повѣсить, такъ какъ иначе невозможно поступить въ силу законовъ, существующихъ у всѣхъ націй и строго карающихъ заговорщиковъ и главныхъ зачинщиковъ мятежа.

— Не предполагается ли сдѣлать какихъ либо измѣненій въ польской конституціи?

— Думаю, что ограничатся самыми незначительными измѣненіями.

— Вступятъ ли русскія войска въ Польшу, и останутся ли они тамъ?

— Несомнѣнно. Развѣ возможно поступить иначе? Ваша армія — мятежное войско, вы сами согласитесь съ этимъ, и государь, конечно, не можетъ предоставить охраненіе принадлежащей ему и

вдобавокъ еще пограничной территоріи войскамъ, на которыя нельзя положиться. Поэтому необходимо, чтобы русскія войска находились въ Польшѣ и охраняли страну и самую армію—это ясно, какъ день.

— Позвольте мнѣ почтительно замѣтить вашему высокопревосходительству, что при наличности вышеприведенныхъ условій принятіе польскою націею высочайшаго манифеста совершенно невозможно. Я знаю, насколько сильно возбужденіе умовъ въ Варшавѣ и во всемъ царствѣ, и увѣренъ, что на этихъ условіяхъ поляки принуждены будутъ отвергнуть всякую возможность къ соглашенію.

— Съ своей стороны могу васъ также увѣрить, что государь императоръ не пойдетъ ни на какія уступки.

— Если это такъ, то, къ сожалѣнію, я предвижу войну и скорбью помышляю о множествѣ пролитой крови и о безчисленныхъ жертвахъ этой войны.

— Я не думаю: съ обѣихъ сторонъ погибнетъ не болѣе десяти тысячъ человѣкъ—вотъ и все. Вообще на войнѣ не погибаетъ такъ много народу, какъ это обыкновенно думаютъ.

Произнося эти слова, фельдмаршалъ не могъ предвидѣть, что въ этой войнѣ погибнетъ болѣе шестидесяти тысячъ однихъ русскихъ, выбывшихъ изъ строя отъ ранъ и отъ болѣзней, и что онъ самъ будетъ находиться въ числѣ этихъ жертвъ.

Между тѣмъ фельдмаршалъ продолжалъ:

— Но, кромѣ гибели людей, есть еще другой бичъ, который можетъ постигнуть вашу несчастную страну и который является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ и спутникомъ всякой войны: полное разореніе страны, сожженные селенія, уничтоженіе посѣвовъ, грабежи и множество другихъ бѣдствій. Я—человѣкъ, который умѣетъ поддерживать въ арміи порядокъ (а съ этой стороны меня хорошо знаютъ), и я строго караю малѣйшее нарушеніе дисциплины. Я несомнѣнно отдамъ самыя строгія приказанія, дабы войска не причиняли никакого вреда жителямъ; я буду разстрѣливать и вѣшать всякаго, кто будетъ противиться моимъ приказаніямъ, кто будетъ предаваться грабежу,—въ этомъ я ручаюсь вамъ моимъ словомъ. Но, несмотря на все это, вы поймете сами, что мнѣ невозможно будетъ усмотрѣть за всѣмъ, и подобные безпорядки, которыхъ я не въ силахъ буду предупредить, всегда могутъ имѣть мѣсто; и это тѣмъ болѣе, что во время войны между войсками несомнѣнно разгорится національная вражда. Итакъ, вотъ что васъ ожидаетъ, вотъ чѣмъ вы будете обязаны вашей революціи! Французская революція и революція въ Бельгій несомнѣнно вызвали возстаніе въ Варшавѣ, какъ слѣдствіе этой системы республиканизаціи всего міра, системы, объявившей войну всѣмъ монархамъ, во главѣ которой стоитъ Лафайетъ, и которая повліяла и на васъ.

— Будущее этой войны находится въ рукахъ Божьихъ, въ настоящее же время Польша дѣятельно готовится и собираетъ

средства для отраженія силъ, которыя будутъ направлены противъ нея. Я, во всякомъ случаѣ, предвижу большія несчастія для моей родины, но тѣмъ не менѣе надо сознаться, что, благодаря нашей революціи, спасена Бельгія и, быть можетъ, даже сама Франція, которая безъ этого была бы вовлечена въ войну съ Россіей.

— Что касается Франціи,—возразилъ фельдмаршалъ,— то мы всегда будемъ воевать съ нею, но вмѣсто того, чтобы встрѣтиться съ французами на Рейнѣ, мы столкнемся съ ними на Эльбѣ или на Одерѣ, благодаря вашей революціи; но это только послѣ того, какъ мы перешагнемъ черезъ вашу несчастную страну.

— Итакъ, слѣдовательно, нѣтъ никакихъ средствъ избѣгнуть войны между Польшей и Россіей?

— Едва ли на это можно надѣяться, разъ вы увѣряете, что условія высочайшаго манифеста не будутъ приняты, ибо императоръ не измѣнитъ своихъ взглядовъ въ главнѣйшихъ чертахъ. Когда вы вернетесь въ Варшаву, вы передадите генералу Хлопицкому все то, что я сказалъ вамъ. Если онъ думаетъ, что еще возможно разрѣшить вопросъ другимъ способомъ, что необходимо еще нѣкоторое время для успокоенія страстей, въ особенности же, если онъ воодушевленъ искреннимъ желаніемъ не подвергать свою родину случайностямъ войны съ Россіей, войны съ его собственнымъ государемъ,—въ такомъ случаѣ пусть онъ прямо напишетъ императору собственноручное письмо, за своею печатью, и если въ этомъ письмѣ онъ захочетъ передать государю такія вещи, о которыхъ никто не долженъ знать,—онъ можетъ вполне положиться на его величество, ибо въ этомъ отношеніи императоръ Николай—человѣкъ настолько деликатный, настолько рыцарь, что онъ не скажетъ объ этомъ даже мнѣ, своему фельдмаршалу. Генералъ Хлопицкій можетъ также послать свое письмо черезъ меня, и я немедленно же доставлю его государю; но пусть онъ торопится, ибо въ эту же ночь я отъѣзжаю къ арміи.

— Куда надо будетъ отправить депеши, на случай, если бы таковыя были адресованы на имя вашего высокопревосходительства?

— Посылайте ихъ въ Вѣлостокъ, гдѣ находится моя главная квартира.

— Но если ваше высокопревосходительство такъ скоро начнете кампанію, то едва ли будетъ достаточно времени на полученіе отвѣта изъ Петербурга...

— Въ такомъ случаѣ генералъ Хлопицкій можетъ написать мнѣ и сообщить, что онъ желаетъ ожидать отвѣта отъ государя императора и я могъ бы еще остановить на время вступленіе моихъ войскъ въ Польшу. Но если онъ будетъ писать, то пусть онъ пишетъ мнѣ не въ качествѣ диктатора и главы правительства, но просто въ качествѣ генерала Хлопицкаго, въ качествѣ поддан-

наго государя императора, ибо въ противномъ случаѣ я не отвѣчу ему на его письмо и возвращу его ему обратно..

Въ теченіе всей этой бесѣды фельдмаршалу два раза докладывали о графѣ Толстомъ, но генераль Дибичъ просилъ его обождать; наконецъ самъ Толстой пріотворилъ дверь съ намѣреніемъ войти въ комнату. Тогда фельдмаршалъ сказалъ мнѣ:

— Впрочемъ мы уже достаточно поговорили съ вами; черезъ два часа я ѣду въ армію; вы еще останетесь здѣсь и получите приказанія отъ графа Чернышева или генерала Бенкендорфа. Я очень радъ, что увидѣлъ васъ и познакомился съ вами. Прощайте!

Отъ фельдмаршала я ушелъ послѣ полуночи. Я постарался передать всѣ подробности этой бесѣды, все то, что генераль Дибичъ говорилъ мнѣ съ свойственнымъ ему увлеченіемъ, быстро и съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ. Я высказалъ фельдмаршалу то, что долженъ былъ сказать, и вынесъ убѣжденіе, что война сдѣлалась неизбежной. Довольный съ одной стороны перспективой пожинать новые лавры, Дибичъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ человекъ настолько честный, что не могъ желать гибели Польши и даже войны съ Польшей; но зато война съ Франціей ему очень улыбалась, а также мысль объ управленіи Польскимъ королевствомъ.

Но другому, болѣе счастливому полководцу суждено было судьбою закончить эту борьбу и получить тѣ почести и ту славу, которыхъ ожидалъ фельдмаршалъ Дибичъ.

К. А. Воинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

РИ ВЛІЯНІИ, какимъ пользуется Россія въ европейскомъ концертѣ при рѣшеніи міровыхъ судебъ, вполне понятно пробужденіе литературнаго интереса ко всему русскому. Европейская печать отводитъ все большій просторъ изученію быта, исторіи и литературы нашего отечества, хотя, при этомъ, проявляется нерѣдко предвзятость взглядовъ, пристрастное желаніе сгущать краски и усматривать въ русскомъ глазу не одинъ обидный сучекъ. Съ другой стороны, порою по недостаточному знакомству съ языкомъ и истиннымъ духомъ Россіи, заграничныя сочиненія, принадлежащія къ категоріи *Rossica*, изобилуютъ досадными и забавными ошибками, невѣрными оцѣнками людей и событій и непониманіемъ дѣйствительныхъ обстоятельствъ русской жизни.

Ближайшими иллюстраціями поставленныхъ выше положеній являются нижеслѣдующія два сочиненія:

1) Ernst von der Brüggen. *Das heutige Russland, Kulturstudien.* Leipzig. Veits Verlag. 1902.

Авторъ, сколько можно догадываться изъ панегириковъ и меланхолическихъ соболѣзнованій *pro domo sua*, — балтіецъ, а слѣдовательно, какъ полурусскій человекъ, могъ бы сколько нибудь правильно охарактеризовать опыты, какіе Русская имперія производитъ для того, «чтобы въ финансовомъ и хозяйственномъ отношеніи примкнуть къ движенію европейской цивилизаціи», — по крайней мѣрѣ, такую задачу якобы ставитъ себѣ авторъ (стр. II). Въ 17 главкахъ, умѣщающихся на 276 стр., напечатанныхъ разгонистымъ шрифтомъ, г. фонъ-дерь-Брюггенъ мнитъ очертить территориальное развитіе, международную и колониальную политику нашего отечества

со времени Александра II и понынѣ, «внутреннія борьбы партій», финансы и промышленность, положеніе дворянства, средняго сословія, крестьянства, бюрократіи и проч.

Съ одной стороны, книга фонъ-деръ-Брюггена разсчитана на импонированіе читателю какъ будто вѣскими фактами—она пестрѣетъ статистическими данными, извлеченіями изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ министра финансовъ, многочисленными ссылками на разнообразныя русскіе источники до цитированія русскихъ газетъ включительно, но это только фейерверкъ, пускаемый авторомъ для прикрытія легковѣсныхъ по содержательности оцѣнокъ, имъ дѣлаемыхъ. Экономико-политическія разсужденія, напримѣръ, о дворянствѣ строятся почти исключительно на беллетристическихъ, хотя и почтенныхъ разсказахъ—«Оскудѣніи» Атавы (стр. 82—93), духовенство и чиновничество описывается по сочиненіямъ Лѣскова и Щедрина, съ приобщеніемъ выдержекъ, понадерганныхъ изъ газетъ и журналовъ. Невозможность опорочить безспорные факты заставляетъ г. фонъ-деръ-Брюггена признать, что финансовыя напряженія, вызванныя въ Россіи такими громадными производительными экономическими предпріятіями, какъ освобожденіе крестьянъ, сооруженіе общей сѣти желѣзныхъ дорогъ и урегулированіе монетной единицы, правда, счастливо преодолены, благодаря талантливымъ мѣрамъ министровъ Бунге, Вышнеградскаго и Витте, и Европа, по справедливости, относится съ довѣріемъ къ непоколебимости русскаго государственнаго кредита (стр. 50), но, тѣмъ не менѣе, фонъ-деръ-Брюггенъ совершенно произвольно выставляетъ сомнѣнія насчетъ прочности дальнѣйшаго экономическаго роста и процвѣтанія Россіи (стр. 52). Все зло, которое г. фонъ-деръ-Брюггенъ и часто имъ цитируемый фонъ-Оттингенъ и др. силятся раскрыть предъ Европою, происходитъ якобы отъ развитія русской національной идеи, — твердыни балтства будто бы едва ли не помимо воли государя были ниспровергнуты стараніями Катковыхъ, Черкасскихъ, Игнатьевыхъ, Побѣдоносцевыхъ и т. д. (стр. 14—15); Брюггенъ не находитъ достаточно рѣзкихъ укоризнъ по адресу «русскихъ квасныхъ патріотовъ», обличавшихъ непорядки Балтійской и Финляндской нашихъ окраинъ (стр. 190—191).

Большую смутностью отличается у Брюггена и оцѣнка вообще русскихъ политическихъ стремленій: оказывается, что русскій народъ еще со времени Петра не сочувствуетъ завоевательнымъ планамъ (стр. 4). Величаться Россіи предъ Англію (*gegen England grossthuu*), по мнѣнію Брюггена, является не болѣе какъ сумасбродствомъ (*Schvindelpolitik*) (стр. 212). Ссылаясь на экономиста Фр. Листа, г. фонъ-деръ-Брюггенъ рекомендуетъ Россіи отказаться отъ политическаго вліянія на европейскія дѣла (стр. 6). Русско-китайскую желѣзную дорогу онъ совѣтуетъ продать Китаю, такъ какъ установленіе тѣсныхъ сношеній съ Серединымъ царствомъ создастъ

для Россіи въ Восточной Азіи школу для развитія всяческихъ пороковъ (стр. 210). Великій Сибирскій путь, поучаетъ фонъ-деръ-Брюгенъ, совершенно безцѣленъ, расходовъ не окупить, послужить на пользу только европейцамъ, но не намъ, русскимъ, ибо мы де не обладаемъ ни энергіею, ни прилежаніемъ для успѣшнаго колонизаторства (стр. 206—208); впрочемъ, по странному противорѣчію, единственнымъ медвѣжьимъ угломъ, куда г. фонъ-деръ-Брюгенъ милостиво позволяетъ Россіи направить свои политическія и цивилизаторскія усилія, — оказываются сѣверный Афганистанъ и сѣверная Персія, благо эти страны сосѣднія съ внутреннимъ Каспійскимъ моремъ, Европѣ не доступнымъ (стр. 213).

Въ другой области столь же несуразнымъ является трудъ Диллона.

2) E. J. Dillon. Maxim Gorky, his life and writings. London. 1902. Совершенно произвольно выхватывая отдѣльные эпизоды изъ разсказовъ Горькаго, англійскій авторъ объединяетъ ихъ съ его автобіографическою замѣткою и рисуетъ несомнѣнно талантливаго русскаго писателя какимъ-то народнымъ трибуномъ, излюбленнымъ челоѣкомъ всей Россіи, откровенія котораго являются, будто бы, неисчерпаемою сокровищницею, изъ которой почерпаютъ драгоценнѣйшій матеріалъ всѣ русскія политическія партіи, отъ марксистовъ до охранителей включительно.

Подобныхъ недомысловъ о Россіи, ея политическихъ и литературныхъ вѣяніяхъ, не оберешься. Поэтому русскій обозрѣватель иностранныхъ книгъ о Россіи съ особеннымъ удовлетвореніемъ отмѣчаетъ сочиненія, написанныя съ безпристрастіемъ и знаніемъ дѣла. Къ числу ихъ, несомнѣнно, принадлежитъ трудъ подполковника Спальдинга о Суворовѣ.

3. Lieut. Col. Spalding. Military biographies — Suvoroff. London. Charpmann and Hall. 1902.

На ряду съ изученіемъ Кастера, Рюльера, Жомини, Антинга и Гаммера, англійскій авторъ строитъ свою работу, главнымъ образомъ, на русскихъ авторитетныхъ сочиненіяхъ и обнаруживаетъ по этой части подробное знакомство съ Пушкинымъ, Петрушевскимъ, гр. Милютинымъ, Рыбкинымъ и пр. Благодаря этому, для русскаго читателя, книга Спальдинга не даетъ ничего существеннаго, что не было бы ранѣе извѣстно любителямъ русской исторіи, но несомнѣнно можетъ способствовать болѣе правильному разумнѣю самобытной личности великаго русскаго полководца; для Запада это не бесполезно, такъ какъ о жестокости и беспощадной суровости героя Рымника и Праги европейскія невѣжество и злоба создали не одну легенду, нашедшую откликъ даже въ Байроновскомъ Донъ-Жуанѣ, гдѣ Суворову придаются далеко не лестные эпитеты: «hero, buffon, half demon and half dirt». Хотя Спальдингъ и озаглавливаетъ біографію Суворова «военною», онъ счаст-

ливо избѣгаетъ утомительныхъ и детальныхъ подробностей военной техники, умѣло и доступно для штатскаго разумѣнія рисуетъ эпопею своего героя въ рядѣ картинъ, оживляемыхъ анекдотическими подробностями, а самыя значеніе и цѣль описываемыхъ войнъ и походовъ обосновываются привлеченіемъ подходящаго обще-историческаго матеріала.

Такой же характеръ использованія русскихъ матеріаловъ носить трудъ анонимаго автора, озаглавленный:

4. *Le gouverneur d'un prince. Frederic César de Laharpe et Alexandre I de Russie, d'après les manuscrits inédits de F. C. Laharpe et les sources russes les plus récentes.* Lausanne, G. Bridel et Co. 1902.

Роль Лагарпа при російскомъ дворѣ и вліяніе его на воспитаніе Александра I неоднократно затрогивались въ русской литературѣ А. Н. Пыпинымъ, М. И. Сухомлиновымъ, Н. К. Шильдеромъ и др. Анонимный авторъ новой монографіи о Лагарпѣ существенно интересное, въ ней заключающееся, почерпаетъ изъ вторыхъ рукъ по архивнымъ матеріаламъ семьи Монодъ, доступъ къ которымъ нашелъ покойный академикъ М. И. Сухомлиновъ. Что касается личнаго вклада въ литературу предмета, сдѣланнаго анонимнымъ авторомъ, то онъ ограничивается позаимствованіями изъ лекцій по римской исторіи, вошедшихъ въ составъ «черновыхъ замѣтокъ о преподаваніи разныхъ наукъ русскимъ великимъ князьямъ»; эти рукописи отъ Лагарпа перешли въ кантональную лозанскую бібліотеку. Лекціи по римской исторіи только пополняютъ извѣстные уже факты о воспитательныхъ экспериментахъ Лагарпа надъ высочайшими его питомцами. Лагарпъ, какъ извѣстно, по рекомендаціи Гримма, совершивъ съ младшимъ братомъ фаворита Ланскаго путешествіе по Италіи (1782—1783 гг.), въ 1783 г. былъ приставленъ къ малолѣтнимъ великимъ князьямъ Александру и Константину для болтовни по-французски. По представленіи въ 1784 г. чрезъ Салтыкова записки о дальнѣйшемъ воспитаніи великихъ князей, написанной въ духѣ тогдашнихъ корифеевъ педагогической науки Локка и Руссо, Екатерина II избрала Лагарпа въ руководители воспитанія своихъ внуковъ (съ 1785 по 1796 г.). Если принять во вниманіе, что темы по римской исторіи, трактовавшія объ античныхъ добродѣтеляхъ римлянъ и излишествахъ, въ какія вовлекалъ необузданный произволъ Нероновъ, Калигулъ и т. д., относятся къ 1785, 1786 и послѣдующимъ годамъ, т.-е. преподносились не въ мѣру усерднымъ педагогомъ его питомцамъ Александру въ возрастѣ 8-ми лѣтъ и Константину въ возрастѣ 6-ти лѣтъ, то нельзя не удивиться преждевременности подобныхъ педагогическихъ затѣй. Французскій біографъ Лагарпа, впрочемъ, и не отрицаетъ этого, — онъ самъ указываетъ на то, что если воспитательные методы Лагарпа превозносились

превыше мѣры его наивными соотечественниками (пасторомъ Бриделемъ и членами Гельветическаго общества), то далеко не находили одобренія у русскихъ людей, которые могли себѣ составить независимое и сообразное съ дѣйствительностью о нихъ сужденіе. Критика этихъ методовъ, между прочимъ, нашла себѣ образное выраженіе въ Крыловской баснѣ «Воспитаніе льва»: орелъ (Лагарпъ), принявшись за обученіе львенка (Александра), на свой ладъ изощряетъ познанія будущаго царя звѣрей, и тотъ вскорѣ оказывается въ состояніи счесть птичьи нужды все хотъ до иголки, но не имѣетъ понятія о насущныхъ потребностяхъ четвероногихъ. Зато онъ обѣщаетъ родителю:

«Когда жь намѣрень ты правленье мнѣ вручить,
То я тотчасъ начну звѣрей учить.
Вить гнѣзда».

Баснописецъ выводитъ отсюда нравоученіе:

«...важнѣйшая наука для царей—
Знать свойство своего народа
И выгоды земли своей».

Французскій біографъ Лагарпа вполне соглашается съ тѣмъ, что воспитательныя начинанія отразились бы на императорѣ Александрѣ I несравненно болѣе плодотворными результатами, позабывая швейцарскій его менторъ примѣнить къ дѣлу болѣе практическія начала ради ознакомленія царственныхъ питомцевъ съ дѣйствительными нуждами ихъ народа вмѣсто щеголянія высокопарными фразами объ античныхъ римскихъ добродѣтеляхъ и порочности римскихъ цезарей, бывшими, впрочемъ, въ XVIII в. въ общемъ обиходѣ.

Въ дальнѣйшихъ главахъ на основаніи русскихъ главнымъ образомъ источниковъ (Воронцовскаго архива, Сборника императорскаго историческаго общества и пр.) рисуется платоническій характеръ отношеній императора Александра I къ бывшему его воспитателю: Лагарпу оказываются видныя знаки вниманія, пишутся въ либеральномъ духѣ интимныя письма; но, насколько Александръ былъ искрененъ въ преклоненіи предъ своимъ наставникомъ, о томъ свидѣтельствуетъ характерный фактъ: объемистыя письма съ политическими откровеніями, которыя Лагарпъ, по вызову самого Александра, направлялъ въ пресловутый секретный комитетъ общественнаго блага, состоявшій изъ графа Строганова, Новосильцева, князя Адама Чарторижскаго и графа Кочубея, даже и не распечатывались вовсе.

Къ книгѣ анонимаго біографа, составленной съ обычнымъ французскимъ блескомъ и чувствомъ мѣры, приложены записка Лагарпа о воспитаніи великихъ князей, инструкціи по этому же

предмету, данныя Екатериною Н. И. Салтыкову, характеристика Лагарпа, сдѣланная Н. Тургеневымъ и пр.

Профессоръ Гейдельбергскаго университета д-ръ Артуръ Клейншмидтъ, авторъ почтеннаго труда по русской исторіи¹⁾ и многочисленныхъ статей по русской же исторіи, поддерживая постоянныя съ Россіею связи, прогостилъ весну 1902 г. въ Москвѣ у графа А. В. Олсуфьева и въ безпритязательной формѣ изложилъ замѣтки о своихъ московскихъ впечатлѣніяхъ въ изящно иллюстрированной книжечкѣ, озаглавленной:

5. Moskauer Skizzen. Berlin. J. Räder's Verlag. 1903.

Издавна извѣстный августѣйшему московскому генералъ-губернатору и его супругѣ великой княгинѣ Елисаветѣ Феодоровнѣ, которой и посвященъ настоящій трудъ, пр. Клейншмидтъ вращался въ избраннѣйшемъ московскомъ великосвѣтскомъ кружкѣ, но умѣло использовалъ время пребыванія въ Москвѣ, посѣщенной имъ и ранѣе, для обзорнѣя достопримѣчательностей «Татарскаго Рима», какъ Бѣлокаменную окрестила еще г-жа де-Сталь.

Путешественникъ восхищается Третьяковскою галлереею и находитъ, что тогда какъ въ иныхъ нѣмецкихъ галлереехъ преобладаетъ жалкая и бездарная мазня, собранная русскимъ купцомъ-меценатомъ коллекція, представляя огромный историческій интересъ, состоитъ сплошь изъ произведеній, дѣлающихъ честь русскому художественному творчеству (стр. 7—9).

Довольно подробно описываетъ пр. Клейншмидтъ Измайловскій инвалидный домъ, Оружейную палату и московскія церковныя святыни. «Въ такомъ историческомъ городѣ, какъ Москва, безъ преувеличенія можно сказать, всякій камень въ ней говорить. Все здѣсь — исторія или сдѣлалось историческимъ. Мы стоимъ здѣсь на почвѣ исключительныхъ фактовъ, ничто здѣсь не произвольно, но обосновано нравами и воззрѣніями древней Руси» (стр. 48).

Посѣщеніе Румянцевскаго музея даетъ путешественнику поводъ къ восторженной характеристикѣ графа Николая Петровича Румянцева и его непреходящихъ заслугъ предъ русскою наукою. Тутъ же вкратцѣ очерчивается какъ богатство Румянцевскаго музея, такъ и его библіотеки, а равно присоединенныя къ этому учрежденію этнографическій музей и галереи Прянишникова и Солдатенкова.

Не забыты Клейншмидтомъ ни историческій музей, ни палаты бояръ Романовыхъ, ни архивы дворцовый и министерства иностранныхъ дѣлъ (главный).

¹⁾ Drei Jahrhunderte Russischer Geschichte. Überblick der Russischen Geschichte seit der Thronbesteigung der Romanow bis heute (1598 — 1898). Berlin. 1898. Joh. Räder's Verlag.

Въ заключеніе пребыванія въ Москвѣ Клейншмидтъ, по приглашенію фрейлины М. А. Васильчиковой, посѣтилъ подмосковное ея имѣніе Кораллово, гдѣ отцомъ настоящей владѣлицы, бывшимъ директоромъ императорскаго эрмитажа, гофмейстеромъ А. А. Васильчиковымъ, собрана интересная картинная галлерія и не менѣе цѣнная бібліотека. Пр. Клейншмидтъ не упустилъ кстати посѣтить по сосѣдству Саввинъ-Сторожевскій и Ново-Іерусалимскій монастыри.

Замѣтки пр. Клейншмидта составлены съ знаніемъ дѣла, счастливо избѣгають сухости «Путеводителя» и читаются не безъ удовольствія.

Нѣмцы—издавна великіе охотники до систематическихъ обзорѣній, сопоставленій и пр. Э. Шредеръ, специализировавшійся на подобныхъ трудахъ и издавшій ранѣе двѣ книги: «Kaiser Friedrich im eigenen Wort» и «Im Dienste des Vaterlands—Fürst Bismarck in seinen Aussprüchen» (1890—1897), на-дняхъ выпустилъ.

6. Ein Tagebuch Kaiser Wilhelms II. Breslau. Schottländer's Verl. 1903.

Книга эта, разумѣется, не является подлиннымъ дневникомъ германскаго императора, но, составленная по гоффурьерскимъ журналамъ и инымъ официальнымъ свѣдѣніямъ, представляетъ поденныя записи объ общественной дѣятельности германскаго императора со вступленія его на престолъ, 15 іюня 1888 г. по іюнь 1902 года, а съ тѣмъ вмѣстѣ воспроизводитъ подлинныя его рѣчи, произносившіяся по примѣчательнымъ случаямъ.

Россіи въ сборникѣ Шредера отведено немало мѣста частью по поводу посѣщеній императоромъ германскимъ Петергофа и Красносельскихъ маневровъ, частью же по случаю свиданій съ нимъ нашего государя за границею (стр. 9, 37, 65, 129, 187—188, 255, 279, 280 и 326). Несмотря на сухой и официальный тонъ книги, она не лишена интереса, потому что документально и вкратцѣ оживаетъ въ памяти читателя подвижность и чуткость германскаго императора ко всѣмъ политическимъ и общественнымъ злободневнымъ вопросамъ, тогда какъ страницы, посвященныя взаимнымъ личнымъ свиданіямъ германскаго и нашего государей, отражаютъ новѣйшія политическія вѣянія.

Исконныя подозрительность и недовѣріе, питаемая къ Россіи со стороны Европы, нашли себѣ очень любопытное выраженіе въ появившейся на-дняхъ книгѣ:

7. Alexandre Ular. Un empire Russo-Chinois. Paris. Ed. Juven. 1903.

Г. Юларъ утверждаетъ, что тогда какъ большинство европейскихъ народовъ, охваченное импералистскою лихорадкою расширенія своихъ предѣловъ и власти въ цѣляхъ экономическихъ и военныхъ, пускаются въ экстравагантѣйшія приключенія, единственно

Россія преслѣдуетъ на Востокѣ истинно великія цивилизаторскія и дальновидныя политическія цѣли (стр. 7). Русское движеніе на Востокъ происходитъ съ удивительною непрерывностью и терпѣливою послѣдовательностью, внѣ зависимости отъ смѣнъ правительственныхъ агентовъ и сановниковъ—*sub specie aeternitatis* (стр. 22—23). Территориальная обширность сѣверной имперіи, требующая установленія большей интенсивности жизни, ускоренія обращенія и умноженія жизненныхъ элементовъ, понуждаетъ Россію создать для себя непоколебимую экономическую базу, а ее всего цѣлесообразнѣе искать въ дѣятельномъ и трудолюбивомъ населеніи Китая (стр. 39). Съ точки зрѣнія такой дальновидной политики Юларъ и разсматриваетъ развитіе международныхъ отношеній и все большее сближеніе между Россіею и Китаемъ, а вѣнецъ блистательнаго осуществленія русскихъ замысловъ усматриваетъ въ добрыхъ услугахъ, которыя Россіею были кстати оказаны Китаю при замиреніи съ Японіею въ 1894 году, а затѣмъ и въ войнѣ съ европейскою коалиціею въ 1901 году; онѣ обезпечили Россіи дальнѣйшій успѣхъ сокровенныхъ ея притязаній на захватъ всей сѣверной части Китая.

Мы оставимъ въ сторонѣ вопросъ о подложности или дѣйствительности дипломатическихъ документовъ, якобы случайно открытых Юларомъ въ Монголіи еще въ 1900 году, но самому же Юлару кажущихся до романтичности неправоподобными, такъ какъ они указываютъ на существованіе будто бы запутанныхъ и скрываемыхъ соглашеній, совершившихся при Лихунгъ-Чангѣ между китайскимъ правительствомъ и Россійскою имперіею и между послѣднею и вассальными Китаю восточнымъ Туркестаномъ, Тибетомъ и буддійскимъ духовенствомъ; по голословнымъ утвержденіямъ Юлара это соглашеніе прочно обезпечиваетъ присоединеніе къ Россіи Монголіи, Манчжуріи, Дзюнгариі, Восточнаго Туркестана и Тибета.

Въ разсужденіяхъ многорѣчиваго Юлара важна другая сторона русско-китайскихъ отношеній, которая и безъ таинственныхъ соглашеній и договоровъ должна была обосновать успѣхъ русской политики на Востокѣ въ противоположность безплоднымъ попыткамъ европейскихъ и внѣевропейскихъ морскихъ державъ импонируютъ Китаю военными подвигами. Россія въ Монголіи и Манчжуріи ограничивалась охраною интересовъ китайскаго же правительства и безъ всякой жестокости только въ необходимыхъ границахъ подавляла мятежъ хунгузскихъ и пришлыхъ съ юга шаекъ, дѣйствіями же своей администраціи, величественностью желѣзно-дорожныхъ сооруженій и плодотворною дѣятельностью русско-китайскаго банка убѣдительно обнаруживала покойное и мирное превосходство своей гражданственности въ то время, какъ европейскія союзныя войска добивались лишь военныхъ лавровъ, совершенно забывая,

что милитаризмъ и военныя вообще авантюры органически ненавистны китайцамъ и вызываютъ въ нихъ только презрѣніе къ «убійцамъ по профессіи», которые по религіознымъ ихъ воззрѣніямъ превратятся въ загробной жизни въ дикихъ звѣрей (стр. 296). По оккупаци Пекина, производившіяся русскимъ начальствомъ раздачи нуждающемуся китайскому населенію теплой одежды и рису (до 20 тысячъ порцій ежедневно) были столь же дальновиднымъ шагомъ (стр. 278), какъ созданіе въ районѣ манчжурской желѣзной дороги дѣятельной экономической жизни при помощи русскихъ насельниковъ казаковъ и установленіе правильной фискальной организациіи чрезъ агентства русско-китайскаго банка и состоящія при нихъ казначейства—эти именно факторы въ глазахъ мирныхъ китайцевъ составляютъ прочныя проявленія государственности и антитезу скоропреходящихъ случайностей военныхъ набѣговъ и завоеваній (стр. 299).

Когда западные европейцы преподносятъ китайцамъ цвѣты своей пресловутой цивилизациіи: капитализмъ, милитаризмъ, узкій націонализмъ, религіозную нетерпимость и лицемѣріе, и выдаютъ ихъ за то состояніе высшей гражданственности, къ которому и китайцы должны де пріобщиться, послѣдніе недовѣрчиво и лукаво посматриваютъ на искусителей и морщатъ мордочки въ улыбку, словно хотятъ сказать: «Ладно, толкуйте себѣ, если вамъ охота время терять! Несмотря на всѣ ваши усовершенствованныя полевые орудія, военно-телефонныя сообщенія и полевые желѣзныя дороги, вы—только дикіе звѣри и насъ не проведете» (стр. 339).

И дѣйствительно, вся европейская исторія съ ея неожиданными и коренными переворотами посрамляется медленнымъ вѣковымъ поступательнымъ развитіемъ мирной трудовой жизни многомилліоннаго китайскаго населенія, которое девизъ европейскаго прогресса «огнемъ и мечемъ» издревле сумѣло замѣнить завѣтомъ: «преуспѣвай чрезъ плодотворный трудъ». А вѣдь такіе же идеалы осуществляетъ и Россія въ своемъ мощномъ движеніи на Востокъ; поэтому Юлару мерещится новая, непредвидѣнная, неотвратимая и стихійная опасность, угрожающая морскимъ европейскимъ и внѣ-европейскимъ державамъ — опасность уже не желтая, но русско-китайская, гдѣ русскій царь и русская государственность явятся направляющимъ мудрымъ факторомъ самобытнаго прогресса, а Китай станетъ отправлять роль производительнаго и питающаго этотъ мощный дуалистическій государственный организмъ экономическаго начала. Почему знать, какая крупица сокрытой отъ современниковъ провиденціальной истины таится въ этихъ грозныхъ для Западной Европы прорицаніяхъ Юлара? Во всякомъ же случаѣ тревога эта типично знаменуетъ обаяніе безмятежной русской государственной мощи.

7. Bausteine zur preussischen Geschichte, herausgegeben von Dr. Max Blumenthal, königlicher Bibliothekar in Berlin. Schulze, Maximilian. Um Danzig 1813—1814.—Archivstudie. Berlin. M. Costenoble's Verlag. 1903.

На основаніи архивнаго матеріала, почерпнутаго изъ архива прусскаго генеральнаго штаба и прусскихъ секретныхъ архивовъ государственнаго и военнаго министерства, авторъ пытается охарактеризовать дѣятельность герцога Александра Виртембергскаго при осадѣ Данцига и показываетъ, насколько въ ту пору Данцигъ и вся Восточная Пруссія легко и окончательно могли перейти въ русскія руки.

Трудъ Шульце только намѣчаетъ драму, какая разыгралась въ 1813 г. подъ стѣнами Данцига между Фридрихомъ-Вильгельмомъ III и графомъ фонъ-Дона, командовавшимъ прусскою ополченскою дивизіею, съ одной стороны, и герцогомъ Александромъ, съ другой, но не заключаетъ связнаго, подробнаго и всесторонняго описанія событій, сюда относящихся; г. Шульце вѣдь не имѣлъ непосредственнаго доступа къ архивамъ ни герцога Виртембергскаго, ни частному графа фонъ-Дока, и могъ воспользоваться лишь сохранившимися въ прусскихъ архивахъ сообщеніями герцога и графа фонъ-Дона.

Если бы русская армія, на которую согласно Таурогенской конвенціи было возложено преслѣдованіе отступавшихъ внутрь восточной Пруссіи ослабѣвшихъ и деморализированныхъ французскихъ отрядовъ Мюрата, Бертье и Макдональда, дѣйствовала болѣе рѣшительно и быстро и, отгѣснивъ французовъ отъ Данцига, сама бы заняла эту крѣпость, весьма вѣроятно, Данцигъ былъ бы окончательно потерянъ для Пруссіи, несмотря на признаніе на него правъ за Пруссіею по Рейхенбахской конвенціи 27-го іюня 1813 года. На это же намекаетъ и инструкція князя Голенищева-Кутузова Витгенштейну отъ 7-го февраля 1813 года; согласно ей, между прочимъ, на прусскій отрядъ фонъ-Йорка возлагалось преслѣдовать французовъ за предѣлы Вислы, отнюдь не допуская его участія въ блокадѣ Данцига.

27-го апрѣля 1813 года, герцогъ Александръ Виртембергскій, откомандированный отъ главной квартиры Александра I, принялъ начальство надъ русскими войсками, обложившими Данцигъ. Тяготы и лишенія, понесенныя русскими войсками при осадѣ, въ значительной степени объясняютъ непоколебимую увѣренность, которую герцогъ открыто и неоднократно высказывалъ насчетъ неизбѣжности объединенія дальнѣйшихъ судебъ Данцига съ удѣломъ, тогда же предрѣшеннымъ для великаго герцогства Варшавскаго,—высказывалось это рѣшительно, и Шульце склоненъ думать, что герцогъ въ этомъ отношеніи имѣлъ совершенно опредѣлительныя инструкціи отъ русскаго императора (стр. 15).

Давъ общую характеристику личности герцога и его разнообразныхъ заслугъ предъ Россіею, Шульце переходитъ къ описанію его дѣйствій подъ Данцигомъ и подробно останавливается на недоразумѣніяхъ и столкновеніяхъ его съ прусскими властями; онъ съ большою обидчивостью подчеркиваетъ препятствія, какія ставились герцогомъ для допущенія участія въ осадѣ прусской ополченской дивизіи (стр. 115), хотя таковое главнымъ образомъ требовалось лишь пруссакамъ, чтобы впослѣдствіи настаивать на неотъемлемости своихъ правъ на то, что въ сущности завоевывалось русскою грудью и штыкомъ.

Со словъ майора фонъ-Гаке приводитъ Шульце и характерный отвѣтъ герцога прусскому королю на депеши послѣдняго, прибывшія въ ночь съ 30-го на 31-е декабря 1813 года и заключавшія предложеніе передать Данцигъ прусскимъ войскамъ. Герцогъ отвѣчалъ категорическимъ отказомъ и назначеніемъ, вмѣсто навязываемыхъ ему фонъ-Массенбаха и графа фонъ-Дона, на должность военнаго губернатора Данцига генералъ-лейтенанта князя Волконскаго, а въ коменданты генералъ-майора Рахманова. Къ великому негодованію прусскихъ патріотовъ русскій флагъ продолжалъ развѣваться надъ Гданскою крѣпостью цѣлыхъ два мѣсяца, пока пруссакамъ не удалось убѣдить Александра I поступиться этимъ приобрѣтеніемъ, добытымъ цѣною русской крови, какъ Торнъ и Дрезденъ.

В. Ш.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Археографическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи Сѣверно-Западной Руси, издаваемый при управленіи Виленскаго учебнаго округа. Томъ XIII. Вильна. 1902.

ТРИДЦАТЫЙ томъ «Археографическаго сборника» представляетъ собою продолженіе изданнаго въ 1900 г. двѣнадцатаго тома, такъ какъ въ немъ точно также помѣщены документы, почти исключительно касающіеся бѣлаго и чернаго униатскаго духовенства. Документы эти слѣдующіе: 1) Объясненіе правъ и конституцій базилианскаго ордена; 2) Сообщение (informacya) объ основаніи Полоцкой іезуитской коллегіи и ея недвижимыхъ имуществахъ; 3) Опроверженіе (Refutacya) положеній названнаго сообщения; 4) Акты судебныхъ конвенторскихъ разбирательствъ по Брестской епископіи подъ предѣтельствомъ офиціала и предѣдателя Гродненской консисторіи базилианскаго аббата фонъ-Зегирдь-Корна съ 1794 по 1798 годъ и 5) Протоколы генеральныхъ визитацій или осмотра церквей Цыринскаго деканата (нынѣшней Минской губ.), произведенный въ 1798 году.

Первый документъ содержитъ въ себѣ интересныя данныя о введеніи въ уставъ базилианскаго ордена помимо трехъ обѣтовъ (цѣломудрія, послушанія и нестяжательности) еще четвертаго: неомогательства высшихъ церковныхъ іерархическихъ должностей. Вопросъ объ этомъ неомогательствѣ явился очень жгучимъ въ средѣ базилианъ. Несмотря на неоднократныя подтвержденія особой обязательности 4-го обѣта, слабости человѣческой природы униатскаго ордена давали себя знать. Дѣло доходило до жалобъ, протестацій, даже анафематство-

ванія, вслѣдствіе чего папѣ нерѣдко приходилось отправлять своихъ уполномоченныхъ для умиротворенія уніатской церкви.

Два слѣдующихъ документа Информация и Рефутація, тѣсно связаны между собою, взаимно объясняя и пополняя другъ друга. Дѣло въ томъ, что Стефанъ Баторій, завоевавъ въ 1579 году Полоцкое воеводство, далъ, по словамъ Информации, обѣщаніе каждому бывшему собственнику въ завоеванной области предоставить то, что составляло его удѣлъ. Костель поэтому долженъ былъ получить свою часть наравнѣ съ другими владѣльцами, т.-е. всѣ имѣнія, которыми когда либо были надѣлены православные монастыри и церкви въ Полоцкомъ воеводствѣ. Учреждая въ это время для іезуитовъ Полоцкую коллегію, Стефанъ Баторій приказалъ произвести опись всему недвижимому имуществу православныхъ церквей въ Полоцкомъ воеводствѣ и все это передать въ полное распоряженіе іезуита Петра Скарги, считавшагося ректоромъ коллегіи.

Іезуиты тотчасъ же постарались всѣми способами оформить и закрѣпить королевскую милость. Получивъ королевскія грамоты, католическіе монахи приложили всѣ силы къ тому, чтобы заручиться также согласіемъ на этотъ подарокъ польской шляхты и сеймовъ. Но, стараясь закрѣпить за собой имущество православной церкви, полоцкіе іезуиты забыли, что рядомъ съ ними разрастается другой орденъ—базиліанскій, который, являясь отторженной частью привославленной церкви, имѣлъ гораздо большія права на оставшееся наслѣдство, нежели пришлые іезуиты. Къ тому же базиліане въ началѣ XVIII вѣка уже пользовались большимъ значеніемъ въ Римѣ и у польскихъ вельможъ и у самого короля. Это обстоятельство и дало поводъ базиліанамъ оспаривать іезуитскую «Информацию» въ своей Рефутаціи.

Что же касается судебныхъ актовъ и документовъ визитацій уніатскихъ приходоу, то въ нихъ наглядно изображается нравственная и матеріальная сторона жизни бѣлаго духовенства уніатовъ. Судебные акты рисуютъ крайне мрачныя картины. Священники уніатскіе ссорились другъ съ другомъ, дрались, бранились въ церкви и передъ алтаремъ играли въ карты, пьянствовали, блудничали, нарушали каноническія требованія, вымогательствовали и проч. Весь ихъ образъ жизни свидѣтельствовалъ о крайнемъ невѣжествѣ и нравственной распущенности. Визиты свидѣтельствовали о томъ, что уніатскія церкви гнили, разрушались, что священники не были въ состояніи отъ себя чѣмъ нибудь прийти на помощь злу.

Какъ справедливо говоритъ г. Крачковскій въ предисловіи къ изданнымъ актамъ, католическое вліяніе на уніатовъ именно клонилось къ тому, чтобы по возможности унизить, уронить уніатскую церковь и духовенство въ глазахъ населенія и толкнуть его въ латинство. Уніатскій священникъ жилъ на «фундушѣ» пана, обыкновенно католика. Съ того же земельного «фундуша» крайне скуднаго существовалъ и храмъ. По этой причинѣ священникъ еле перебивался, кромѣ того, постоянно будучи подъ страхомъ, что «фундаторъ» или его наслѣдники могутъ отнять землю и оставить весь приходъ не причемъ. Оттого случалось, что уніатскія церкви помѣщались въ простыхъ сараяхъ, покрытыхъ соломою, безъ потолка и пола, безъ всякой ограды, въ то время какъ рядомъ католики справляли свое богослуженіе въ чистыхъ, прекрасно выстроенныхъ и благолѣпныхъ храмахъ.

За издавіє уніатскихъ документовъ и за прекрасное предисловіе къ ихъ тринадцатому тому приходится сказать г. попечителю Виленскаго учебнаго округа В. А. Попову и г. Крачковскому большое спасибо. Ихъ трудами собирается богатѣйшій матеріалъ, который послужитъ данными для цѣнныхъ изслѣдованій и обобщеній.

В. Гривовскій.

Ближайшія задачи изученія древне-русской книжности. Сообщение Н. Никольскаго. Памятники древней письменности и искусства. CXLVII. Спб. 1902.

Русская литература занимает почетное мѣсто среди литературъ другихъ европейскихъ народовъ. У насъ нѣтъ недостатка въ именахъ: Кантемиръ и Татищевъ уже начинаютъ собою тотъ блестящій списокъ писателей, который завершается Тургеневымъ и Островскимъ. Кроме того, исторію русской литературы можно начинать съ X вѣка. Всего черезъ четыре года она имѣетъ право на тысячелѣтній юбилей, потому что первый договоръ Олега съ греками былъ заключенъ въ 907 году, текстъ его намъ сохранила первоначальная лѣтопись, а университетскіе курсы русской литературы вводятъ этотъ памятникъ, какъ древнѣйшій памятникъ литературы. Историкъ литературы не нуждается въ новомъ матеріалѣ, онъ и безъ того заваленъ сотней большихъ и малыхъ именъ, тысячами памятниковъ разнаго значенія, и долженъ только распредѣлять всѣ данныя по періодамъ. Раскройте любую популярную «Исторію русской литературы», любой учебникъ по этому предмету — и вы убѣдитесь, что литературная работа на Руси никогда не прекращалась, что каждая эпоха имѣетъ талантливыхъ и ярко выраженныхъ представителей.

Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Имѣетъ ли право на исторію литературы та масса памятниковъ письменности, и письменности по преимуществу церковной, которые составляютъ въ сущности совершенно обособленный міръ отъ той, по крайней мѣрѣ, литературы, какую принято считать изящной, способной къ эстетическому воздѣйствію на читателя и т. д.? Такой приблизительно вопросъ задаетъ проф. Н. К. Никольскій въ началѣ разбираемаго нами труда, и, отвѣчая на него, онъ говоритъ: «Церковная письменность дореформенной эпохи не была связана нераздѣльно съ послѣпетровской изящной словесностью ни по задачамъ, ни по содержанию, ни по формѣ, ни по литературному стилю, ни по своей, такъ сказать, природѣ,—и потому должна имѣть въ общей исторіи русской письменности свой отдѣльный кругъ самостоятельныхъ задачъ разработки. Разсматривая дореформенную церковную письменность, какъ необходимый историческій прецедентъ позднѣйшей словесности, и включая первую въ длинную пропедевтическую главу послѣдней, — теряютъ изъ виду составъ и значеніе того матеріала, который въ настоящее время мы имѣемъ для изысканій въ области допетровской письменности духовной и свѣтской» (стр. 3). Въ самомъ дѣлѣ, большинство памятниковъ нашей старой письменности, фигурирующихъ въ ученыхъ и популярныхъ «Исторіяхъ литературы», могутъ дать свѣдѣнія о церковно-учительномъ дѣлѣ, матеріалъ для исторіи богослужебныхъ книгъ и проповѣдничества, для сужденія о мѣстномъ просвѣщеніи и со-

ставъ библиотекъ, какъ его выразителей, и т. д.; но къ литературѣ изящной ихъ причислять нельзя. Кропотливыя разысканія г. Никольскаго въ области старой письменности привели изслѣдователя къ тому выводу, что для составления научной исторіи древне-русской литературы не наступило еще время, такъ какъ научное право на существованіе принадлежитъ пока «церковно-историческому изученію духовно-учительной книжности въ ея происхожденіи, составѣ и генеалогіи отдѣльныхъ списковъ и произведеній» (стр. 32).

Какъ ни печально выдѣлять изъ привычнаго уже намъ состава старой литературы цѣлый рядъ именъ, произведеній и культурно-литературныхъ теченій, — тѣмъ не менѣе въ концѣ концовъ придется согласиться съ авторомъ «Ближайшихъ задачъ» и выдѣлить изъ исторіи литературы большую ея половину. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно относить къ одной и той же литературѣ все, что написано на извѣстномъ языкѣ? Художественное произведеніе, въ родѣ «Слова о полку Игоревѣ», ничего общаго не имѣетъ съ разными юридическими актами въ родѣ договоровъ, жалованныхъ грамотъ, указовъ, платежныхъ, заемныхъ кабалъ, духовныхъ, раздѣльныхъ, межевыхъ, купчихъ и другихъ дѣловыхъ документовъ. А высоко поэтичныя «Слова» Кирилла Туровскаго, намъ кажется, такъ же слишкомъ далеки отъ миней, октоиховъ, часослововъ, стихирарей, тріодей, уставовъ, ирмологіевъ и остальныхъ книгъ церковной библиотеки. Примѣнять одинъ и тотъ же методъ къ памятникамъ изящной литературы и старой церковно-богослужбной книжности — въ этомъ заключается безусловно огромная, непростительная ошибка.

Впрочемъ, эта мысль въ сущности далеко не нова.

Еще Гердеръ, въ исходѣ XVIII вѣка, говорилъ, что памятники римскаго законодательства, столь важныя для исторіи культуры, должны быть исключены изъ исторіи литературы. Онъ указывалъ на то, что границей между исторіей культуры и литературы, критеріумомъ для разграниченія одной области отъ другой, должна быть «художественность и литературная талантливость авторовъ, способность проникать въ сущность жизни и воспроизводить свои наблюденія въ живыхъ образахъ, эстетическихъ формахъ». Формула Гердера была принята и примѣнялась очень многими. Въ то же время эту критическую теорію удивительнымъ образомъ удалось примирить съ методами историческимъ, психологическимъ и сравнительнымъ, между прочимъ, такому знатоку западно-европейской и русской литературы, какъ проф. Н. И. Стороженко. Въ своихъ вступительныхъ лекціяхъ онъ училъ, что произведеніе истинной литературы становится «откровеніемъ человѣческой души, а созданныя художникомъ образы перерастаютъ національныя и мѣстныя рамки и становятся вѣчными идеалами человѣческаго духа. На эту общечеловѣческую сторону должно быть обращено особое вниманіе критика, потому что универсальность идей и методовъ есть первое условіе прочности литературнаго произведенія». Если эту формулу мы примѣнимъ къ исторіи русской литературы, то вполне убѣдимся, что стройное на видъ зданіе ея, созданное С. Шевыревымъ еще въ половинѣ 40-хъ годовъ, должно разрушиться, какъ непрочное. Сфера созерцанія историка литературы должна быть значительно сужена, и, по всей вѣроятности

въ общемъ придется согласиться съ тѣми рамками, которыя отводитъ ей Н. К. Никольскій. Нужно будетъ выдѣлить изъ литературы все то, чему мѣсто скорѣе въ исторіи письменности, точнѣе, письменности церковной.

А. И. Яцимирскій.

Д. И. Абрамовичъ. Изслѣдованіе о Кіево-Печерскомъ патерикѣ, какъ историко-литературномъ памятникѣ. Спб. 1902.

За послѣднее время для всякаго общеобразованнаго читателя становится все замѣтнѣе и замѣтнѣе, что въ нашей историко-литературной наукѣ творится что-то неладное. Въ то время какъ въ сосѣднихъ областяхъ историческаго знанія изслѣдователи стараются сблизить свои спеціальныя изслѣдованія съ жизнью, оживить ихъ и одухотворить общей философскою мыслью, у историковъ литературы, или, вѣрнѣе, письменности, рѣзко проявляется совершенно другое стремленіе. На нашихъ глазахъ научная исторія отъ изложенія внѣшнихъ событій повернула къ выясненію общихъ законовъ существованія человѣческихъ обществъ и, вступивъ въ союзъ съ разными сосѣдними науками, старается осмыслить добытый запасъ фактовъ, извлечь изъ него общіе принципы. Синтезъ—это, конечно, естественный результатъ поступательнаго хода науки, и нѣтъ ничего удивительнаго, что исторія, въ прежнемъ смыслѣ слова, переходитъ теперь въ социологію и философію исторіи. Совершенно обратное происходитъ теперь въ трудахъ историко-литературнаго характера. Намъ кажется, что всякій, кто слѣдилъ за то и дѣло появляющимися изслѣдованіями, диссертациями и т. п. научеными трудами, долженъ будетъ согласиться, что историко-литературная наука въ своихъ задачахъ и запросахъ не только не расширяется, но наоборотъ суживается, требуя отъ своихъ служителей не глубокихъ знаній и таланта, а прилежанія и усидчивости. Въмѣсто исторіи литературы, т. е. историческаго изображенія идей прошлой умственной жизни страны, мы въ большинствѣ трудовъ имѣемъ теперь просто наипросто библиографію, т. е. изслѣдованіе и описаніе рукописей и старопечатныхъ книгъ.

Подъ перомъ такихъ могикановъ нашей науки, какъ Буслаевъ и Тихомировъ, литературныя изслѣдованія получали не только огромное научное, но и общественное значеніе. Это были яркія картины прошлой духовной жизни народа, которыя захватывали широтой вложенной въ нихъ мысли, глубиной и разносторонностью эрудиціи, наконецъ блескомъ изложенія. И записной ученый и общеобразованный человѣкъ, интересующійся прошлыми судьбами своего народа, прочтутъ эти труды съ одинаковымъ интересомъ. Казалось бы, что этимъ изслѣдователямъ и подражать. Но отъ общаго ли измелечванія научной мысли, пугливо прячущейся за изложеніе мелочныхъ фактовъ, или отъ узости и скудости нашего общаго образованія, или наконецъ отъ отсутствія дѣйствительно талантливыхъ изслѣдователей, которые умѣли бы разобраться въ мелкихъ историческихъ фактахъ и выбрать изъ нихъ лишь дѣйствительно важныя и цѣнныя, но эти образцы оказались теперь не по плечу. Современныя пухлыя изслѣдованія, весь результатъ которыхъ съ успѣхомъ и, пожалуй, интересомъ можно было бы изложить на трехъ, четырехъ страницахъ, почти сплошь

состоять изъ отовсюду надерганныхъ цитатъ и умонотрачительнаго количества выносокъ и подстрочныхъ примѣчаній, подлежащихъ свидѣтельству объ учености автора. Никакими соображеніями не докажешь такимъ «ученымъ», что это просто неумѣнье справиться съ своимъ матеріаломъ, дурная манера писать. Вамъ сейчасъ съ снисходительной улыбкой возразятъ, что манера Булаева и Тихонравова устарѣла, какъ будто теперешніе компиляторскіе приемы знаменуютъ прогрессъ науки и имѣютъ какую нибудь будущность!

На такія грустныя мысли навело насъ чтеніе только что появившагося труда г. Абрамовича, который авторъ совершенно неправильно называетъ изслѣдованіемъ. Вѣрнѣе было бы сказать, что это просто описаніе рукописей Патерика и его старыхъ печатныхъ изданій, перечисленіемъ и сличеніемъ которыхъ занята добрая половина книги. Другая половина наполнена разными свѣдѣніями и между прочимъ біографическими данными о лѣтописцѣ Несторѣ. Понимая, что по недостатку историческихъ свѣдѣній здѣсь приходится рѣшать своего рода неопредѣленное уравненіе съ неполнымъ числомъ данныхъ, авторъ притягиваетъ сюда даже иконописное изображеніе преподобнаго Нестора, закрывая глаза на то, что это изображеніе символическое и никакого значенія для него, какъ историка литературы, имѣть не можетъ. Заключительная глава посвящена выводамъ. По мнѣнію г. Абрамовича, при изложеніи древней русской исторіи Патерикомъ никакъ нельзя пренебрегать, ибо онъ даетъ цѣнныя историческія указанія. Для того, чтобы опредѣлить удѣльный вѣсъ этихъ указаній, приведемъ нѣсколько выводовъ автора. Оказывается, напримѣръ, что въ началѣ русской исторіи «каменные церкви строились у насъ иностранцами, приходившими изъ Константинополя. А коль скоро мастера были греки, то и архитектурныя основы были тоже греческія». «При церквахъ устраивались притворы». «Надъ алтарной преградой возвышался иконостасъ: деисусъ и помѣстныя иконы». «Во главѣ русскаго общества, какъ представитель правительственной власти, стоитъ князь: въ его рукахъ сосредоточивается военное дѣло». «Пищею служилъ хлѣбъ». «Какъ украшенія, употреблялись шейныя гривны». «Бѣдили на лошадяхъ: верхомъ и въ повозкахъ» и т. д. и т. д., все въ томъ же родѣ. Судите сами, какимъ новыми свѣдѣніями обогатила русскую науку работа г. Абрамовича, которую онъ смѣло называетъ изслѣдованіемъ! Впрочемъ, въ этомъ виноватъ не столько самъ авторъ, сколько императорская академія наукъ, которая не только не указала г. Абрамовичу истинную цѣну его труда, но и напечатала его сначала на страницахъ «Извѣстій 2-го отдѣленія», а затѣмъ въ видѣ отдѣльной книжки съ заглавіемъ «изслѣдованіе».

Мы отлично понимаемъ, что для правильнаго рѣшенія капитальныхъ историко-литературныхъ вопросовъ нужны предварительныя изслѣдованія многихъ болѣе мелкихъ эпизодовъ. Но, во-первыхъ, нужны именно изслѣдованія, а не перечни рукописныхъ сборниковъ, которые въ исторію литературы, собственно говоря, и входить не должны; а, во-вторыхъ, какой смыслъ братья за такіе памятники или изучать ихъ съ такой точки зрѣнія, что конечный результатъ всей кропотливой работы способенъ повергнуть читателя въ полное недоумѣніе?

М.

Е. К. Рѣдинъ. Исторія искусства и русскія художественныя древности. Изданіе журнала «Мирный Трудъ». Харьковъ. 1902.

Брошюра профессора Рѣдина не претендуетъ на ученость. Написанная толково и популярно, она представляетъ читателю итоги тѣхъ новѣйшихъ разысканій русскихъ ученыхъ въ области археологій Южной Россіи, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ исторіи искусствъ. Авторъ сожалеетъ, что древнерусское искусство у насъ такъ еще мало разработано, что археологическія изученія еще не вышли изъ стадіи «любительства», чѣмъ и объясняется, между прочимъ, отсутствіе строгаго метода во многихъ изслѣдованіяхъ по археологій и искусству. Въ то же время всякое искусство, являясь результатомъ самодѣтельности цѣлаго народа въ теченіе многихъ вѣковъ, а также многочисленныхъ культурныхъ вліяній, лучше всего характеризуетъ фізіономію извѣстной націи. У насъ есть хорошая работа по древнему искусству въ предѣлахъ Россіи. Это—пятитомныя «Русскія древности» графа Толстого и Кондакова. На основаніи этого капитальнаго труда г. Рѣдинъ рисуетъ наиболѣе характерныя черты греческой культуры, которая существовала задолго до Рождества Христова въ черноморскихъ колоніяхъ и, несмотря на высокохудожественныя достоинства своихъ памятниковъ, умѣла какъ-то примѣняться къ потребностямъ и вкусамъ мѣстнаго варварскаго населенія. Затѣмъ въ книжкѣ г. Рѣдина находимъ общія свѣдѣнія о древностяхъ скиескихъ и временъ переселенія народовъ, экскурсъ объ античномъ вліяніи на искусство Ассиріи и Персіи и отраженіи послѣдняго на предметахъ художественной промышленности изъ сѣверной Біармін и Кавказа, наконецъ небольшой очеркъ о византійскихъ началахъ въ древне-русскихъ художественныхъ произведеніяхъ и первыхъ попыткахъ безвѣстныхъ русскихъ мастеровъ XI и XII вѣковъ вводить въ коши свой самобытный элементъ и т. д. Брошюра профессора Рѣдина заслуживаетъ полнаго вниманія. Археологія нуждается въ популяризаціи, и ея результаты должны сдѣлаться достояніемъ широкой публики. Давно пора, на примѣръ, разрушить пущенное въ оборотъ еще въ 40-хъ годахъ невѣрное мнѣніе, будто византійское искусство представляло собой лишь недвижимый и мертвенный складъ, особую анти-художественную манеру, состоящую въ преувеличенной длиннотѣ пропорціи, традиціонныхъ формахъ и т. д., что авторъ и отмѣтилъ (стр. 11).

А. Я.

Р. Мутеръ. Исторія живописи въ XIX вѣкѣ. Переводъ З. Венгеровой. Три тома. Изданіе товарищества «Знаніе». Спб. 1900—1902.

Есть книги, о которыхъ нельзя сказать двухъ-трехъ словъ, которыя не поддаются характеристикѣ даже послѣ самаго внимательнаго чтенія. Такова, на примѣръ, «Исторія живописи въ XIX вѣкѣ» Рихарда Мутера. О ней можно написать другую такую же объемистую книгу, съ авторомъ можно спорить по поводу каждаго отдѣльнаго очерка, многія положенія нетрудно даже опровергнуть, но въ краткой рецензіи весь Мутеръ останется для читателя чѣмъ-то недоговореннымъ, загадочнымъ, неуловимымъ. Дѣло объясняется тѣмъ, что предшествовавшіе историки искусства распредѣляли матеріалъ или въ хронологиче-

скомъ порядкѣ или же по роду живописи, точнѣе, по жанру, по сюжетамъ картинъ. При этомъ условіи нетрудно было на пространствѣ нѣсколькихъ томовъ пересказывать біографіи отдѣльныхъ художниковъ, описывать содержаніе картинъ, объяснять художественныя явленія, какъ результатъ взаимодействія среды, культуры, извѣстной націи, эпохи и т. д. Но всё эти труды мало чѣмъ отличались отъ зауряднаго біографическаго словаря художниковъ или же отъ казеннаго каталога-путеводителя любой галлерей.

Мутеръ даетъ намъ первую прагматическую исторію живописи Европы, притомъ за такой огромный промежутокъ времени, когда успѣло смѣнить другъ друга нѣсколько яркихъ и цѣльныхъ направленій, когда художники считались уже сотнями, а картины ихъ тысячами. Вотъ почему трудно поддается характеристикѣ творчество даже наиболѣе мощныхъ и ярко очерченныхъ мастеровъ. О Мутерѣ можно сказать только одно: всё симпатія нѣмецкаго историка на сторонѣ того «свободнаго и чистаго» искусства, которое не признаетъ никакихъ утилитарныхъ цѣлей; онъ преклоняется предъ тѣми художниками, которые не дѣлали свое искусство служителемъ нравственности, а просто и наивно «живописали» внѣшнюю природу, ея вѣчныя красоты воплощали въ образахъ, линияхъ, пятнахъ. Мутеръ выпускаетъ массу именъ, на которыхъ иногда подолгу останавливались его предшественники, и дѣлаетъ это потому, что «перечисленіе всѣхъ художниковъ, которые въ теченіе XIX вѣка зарабатывали хлѣбъ живописью, не есть еще исторія современной живописи, такъ же какъ обработка литературнаго календаря не есть еще исторія литературы» (стр. V). Эволюція художественныхъ направленій въ живописи XIX вѣка сводится къ слѣдующему. Первыми искателями «новыхъ» путей были англійскіе художники: они сдѣлались «новаторами» въ томъ самомъ искусствѣ XVIII вѣка, которое умирало въ произведеніяхъ «консерваторовъ» нѣмцевъ и французовъ. Когда Шафтсбюри впервые доказывалъ, что «всякая красота есть правда, а правда—самая великая сила въ мірѣ, потому что она владычествуетъ даже надъ міромъ воображенія», и что художникъ долженъ стремиться къ «тончайшему воспроизведенію природы»,—только тогда могли появиться Гогартъ, Рейнольдсъ и Гэнсборо. «Великій» Франческо Гойя положилъ основаніе новому искусству на континентѣ. За нимъ слѣдуетъ уже классическая реакція въ Германіи и Франціи, нѣмецкій и французскій романтизмъ съ его псевдо-идеализмомъ и послѣдними эпитонами этого движенія. Соціалистическія тенденціи въ живописи проявляются рано; имъ предшествуетъ юмористическій жанръ, созданный Мюнхеномъ. Пейзажъ съ сопровождавшимъ его возрожденіемъ колорита долженъ считаться родоначальникомъ всей новой живописи. Поэтому барбизонской школой Мутеръ начинаетъ исторію «сегодняшней» живописи, представленной въ твореніяхъ Монэ, Моро, Пювись-де-Шаваня, Карьера, Бенара, Ропса, Бёклина, Штукка и Клингера. Такова общая схема трехтомной «Исторія живописи въ XIX вѣкѣ».

Написана книга необыкновенно талантливо, блестяще и живо. Переводъ сдѣланъ очень хорошо и воскрешаетъ своеобразную и остроумную рѣчь оригинала. Издана книга изящно, и рисунки не оставляютъ желать ничего лучшаго.

А. И. Яценевскій.

Рихардъ Мутеръ. Исторія живописи. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. К. Бальмонта. Томы I—II. Изданіе товарищества «Знаніе». Спб. 1902.

Изъ современныхъ художественныхъ критиковъ Мутеръ считается безспорно лучшимъ знатокомъ теории и исторіи искусства стараго и новаго времени, и наиболѣе талантливымъ истолкователемъ самыхъ разнообразныхъ направленій въ живописи. Его нѣмецкія изслѣдованія по исторіи живописи Возрожденія и всего XIX вѣка давно ожидали русскаго перевода. Теперь они стали доступны и русскимъ читателямъ, благодаря великолѣпному переводу Бальмонта и недорогому изящному изданію. Къ числу достоинствъ русскаго изданія слѣдуетъ отнести также хорошо исполненные снимки съ картинъ, которыхъ совсѣмъ не было въ нѣмецкомъ.

Сужденія Мутера о задачахъ «истиннаго и вѣчнаго» искусства отличаются глубиной, выводы — содержательностью и, прежде всего, оригинальностью. Онъ не признаетъ «живописи» внѣ живописи. Поэтому онъ почти отрицаетъ все византійское искусство, а вмѣстѣ съ нимъ и наше русское и старинное западное, предшествовавшее эпохѣ итальянскаго Возрожденія. Онъ глубоко убѣжденъ, напримѣръ, что христіанство съ его неземными идеалами служило лишь препятствіемъ для развитія искусства внѣ сферы церкви и ея вліяній. Съ ловкостью опытнаго полемиста онъ доказываетъ, что и все катакомбное искусство съ его веселыми декоративными приѣмами скорѣе должно быть отнесено къ античному искусству, чѣмъ къ христіанскому (стр. 3); византійскія мозаиковыя фрески, сдѣланныя «изъ камня», Мутеру представляются чѣмъ-то необыкновенно холоднымъ, чуждымъ живописныхъ красотъ и теплаго согрѣвающего чувства. «Каменное, холодное, леденящее сердце у этихъ небожителей, — описываетъ Мутеръ впечатлѣніе, полученное имъ отъ первыхъ мозаикъ Византіи. — Всезнающимъ пронизывающимъ окомъ глядитъ на всѣхъ неприступное божество, подобно вездѣбущей, мстящей Немезидѣ или Горгонѣ, все превращающее въ камень...» (стр. 4). И миниатюры въ старыхъ рукописяхъ осуждаются Мутеромъ, какъ произведенія нехудожественныя, несвободныя; онѣ кажутся ему кропотливыми упражненіями благочестивыхъ монаховъ «въ каллиграфіи» (стр. 5).

Живопись, если понимать ее во всей широтѣ этого термина, могла возродиться только въ XII вѣкѣ, послѣ проповѣди популярнаго героя поэтическихъ сказаній о добромъ и гуманномъ Францискѣ изъ Ассизи. Для возрожденія искусства понадобилась великая любовь къ людямъ и ко всему живущему. Она перекинулась живительнымъ мостомъ черезъ пронасть, «до тѣхъ поръ зиявшую между Богомъ и человѣкомъ». За Францискомъ начинается проповѣдь нѣмецкихъ мистиковъ, которая превратила «догматическаго Христа въ Христа индивидуальнаго», сдѣлала близкой всѣмъ вѣрующимъ земную жизнь Спасителя. Только тогда возможно стало появленіе предвозвѣстника всего Возрожденія — живописца Джотто съ его эпическимъ стилемъ фресокъ треченто. Онъ положилъ начало переворота въ пониманіи чисто-живописныхъ красотъ, и только теперь эта красота образа дѣлается единственною цѣлью въ глазахъ лучшихъ мастеровъ всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ.

Таковы взгляды нѣмецкаго историка на задачи искусства вообще, живописи въ частности. Онъ передаетъ трогательные эпизоды изъ жизни Мانتенни, Гуго-ванъ-дерь-Гуса, Боттичелли, Перудживо, Леонардо-да-Винчи, Корреджіо, Тициана, Микель-Анджело и другихъ симпатичныхъ ему художниковъ. Онъ объясняетъ ихъ произведенія такими біографическими фактами интимнаго характера, о которыхъ не смѣли думать прежніе критики. Онъ изгоняетъ изъ храма славы всѣхъ «мудрствовавшихъ» мастеровъ, и отдаетъ предпочтеніе тѣмъ художникамъ образа, которые воплощали въ своихъ картинахъ одну вѣчную красоту безъ всякихъ «служебныхъ и тенденціозныхъ идей». Во второмъ томѣ своей «Исторіи живописи» Мутеръ подолгу останавливается на лучшихъ представителяхъ Возрожденія во Фландріи, Испаніи, Германіи и Голландіи.

Для характеристики способа изслѣдованія у Мутера мы приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ очерка, посвященнаго Рембрандту, для прежнихъ изслѣдователей творчества этого «мастера свѣтотѣни» Рембрандтъ оставался человѣкомъ загадочнымъ, лицомъ неуловимымъ, художникомъ необъяснимымъ, однимъ словомъ, «гамлетовской натурой». Все это, какъ думаетъ Мутеръ, происходитъ отъ того, что германскій художникъ первый противопоставилъ какую-то «смутность чувствъ» ясности и соразмѣрности того «эллинскаго» духа, который такъ простъ и понятенъ у представителей итальянскаго Возрожденія. «Онъ относится къ мастерамъ Возрожденія, какъ Оссіанъ къ Гомеру,—говоритъ Мутеръ,—стоитъ рядомъ съ олимпійцами, какъ нибелунгъ, какъ герой изъ страны тумановъ» (стр. 221). Неуравновѣшенный, страстный, мечтательный, Рембрандтъ всю жизнь какъ будто искалъ самого себя и далъ въ своихъ картинахъ нѣсколько «документовъ изъ своей душевной жизни»; они предоставляютъ пытливому критику возможность уловить кое-какія черты изъ «недосказанной» біографіи художника. Когда Рембрандтъ, неуклюжій юноша, сынъ лейденскаго мельника, полюбилъ изящную и знатную Саксію ванъ-Уиленбургъ,—онъ пишетъ дерзкаго князя преисподней, похищающаго Прозерпину. «Свадьба Самсона» возникла подъ вліяніемъ его личнаго счастья, самого его, «Самсона, разрушившаго храмъ филистимлянъ». «Благовѣстіе пастухамъ» создано тогда, когда его жена почувствовала себя матерью. А смерть перваго ребенка ведетъ за собой «Авраама, приносящаго въ жертву Исаака». Многочисленные «Сусанны»—это протоколы любви къ женщинамъ самого художника. Рожденіемъ сына у Рембрандта объясняется «Встрѣча Маріи съ Елисаветой». Когда умерла Саксія, то одинокій вдовецъ искалъ забвенія въ пустыняхъ Голландіи, и къ этому времени относятся его мощные и дикіе пейзажи. Въ «Воскрешеніи Лазаря» онъ какъ бы хочетъ разгадать тайны изъ міра тѣней; его мысль здѣсь сосредоточена на покойной женьѣ...

Вполнѣ понятно, что только при такомъ способѣ критики, сопоставляя жизненный матеріалъ изъ біографіи художника съ созданными имъ картинами, можно было до нѣкоторой степени объяснить сложную натуру загадочнаго Самсона германской живописи. И въ этомъ отношеніи, намъ кажется, Мутеръ не знаетъ соперниковъ.

А. И. Яцимарскій.

П. А. Некрасовъ. Философія и логика науки о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности. (Пересмотръ основаній соціальной физики Кетле). Москва. 1902.

Книгу г. Некрасова можно назвать борьбой за идею свободной воли и при томъ не только личности единичной, но и коллективной—общества. Подвергая пересмотру положенія «Соціальной физики» Кетле, г. Некрасовъ выражаетъ то мнѣніе, что бельгійскій астрономъ-статистикъ слишкомъ увлекся условіями изученія астрономическихъ явленій и потому при приложеніи статистическаго метода къ фактамъ общественности впалъ въ грубыя ошибки. Г. Некрасовъ самъ признаетъ не только правильнымъ, но даже необходимымъ, вести статистическія работы въ области общественныхъ явленій. По мнѣнію почтеннаго автора, этимъ путемъ дѣйствительно можно прійти къ открытію общественныхъ законовъ, но онъ споритъ съ той независимостью общественныхъ феноменовъ отъ человѣческой воли, о которой говорилъ Кетле, и которая—въ рукахъ послѣдователей бельгійскаго статистика. Г. Некрасовъ возстаетъ противъ крайностей позитивизма и стоитъ за идеальный реализмъ. Онъ требуетъ въ жизни присутствія идеализма, который въ наукѣ былъ бы провѣренъ опытомъ и наблюденіемъ конкретной дѣятельности.

Г. Некрасовъ утверждаетъ, что Кетле, увлекшись своею астрономическою схемой, началъ подгонять подъ эту узкую форму широкую дѣятельность. Причины или силы, которыя дѣйствуютъ во всякомъ массовомъ процессѣ, искусственно подраздѣляются имъ на такія группы, которыя очень подходятъ къ условіямъ, имѣющимъ мѣсто при случайныхъ погрѣшностяхъ результатовъ тщательнаго измѣренія какой либо астрономической величины. Значеніе многихъ важныхъ силъ у Кетле обезцѣнивается, такъ силы моральныя и интеллектуальныя онъ относитъ къ причинамъ случайнымъ, которыя въ итогѣ ступшевываются, тогда какъ силы фізіологическія и физическія, какъ дѣйствующія постоянно, получаютъ слишкомъ высокую оцѣнку въ смыслѣ своего вліянія на массовый процессъ. Поэтому по теоріи Кетле, чѣмъ больше сдѣлано наблюденій, тѣмъ болѣе устранена ошибка, получающаяся отъ случайныхъ причинъ. Отмѣчая эти ошибки, въ которыхъ явленіямъ общественности приписывается какой-то неумолимый фатальный характеръ, г. Некрасовъ параллельно указываетъ и на тѣ ошибки, которыя были допущены многими дѣятелями, слѣпо поклонявшимися усвоенной доктринѣ.

Конечно, подобное міропониманіе въ его крайностяхъ должно было бы изгнать всякую инициативу, всякую свободу человѣческой дѣятельности. Между тѣмъ мы, познавая законы природы, вмѣстѣ съ тѣмъ научаемся пользоваться ими или приспособляться къ нимъ. Поэтому и познаніе закономерности общественныхъ явленій только сильнѣе вооружаетъ насъ въ смыслѣ возможности заранѣе принимать въ соображеніе благопріятныя и неблагопріятныя условія нашей творческой дѣятельности. А такая способность наша—разбираться въ различныхъ фактахъ, изъ нѣсколькихъ побужденій склоняться въ сторону одного, направлять свою дѣятельность къ опредѣленной цѣли называется волей. Вопросъ въ отношеніи свойствъ этой воли заключается только въ томъ, сво-

боднали она, т. е. заключает ли она въ себѣ элементъ самоцѣльности, или въ свою очередь сознаваемая нами свобода относительна и въ мотивахъ своихъ зависима отъ воздѣйствія постороннихъ причинъ. Вопросъ этотъ тревожилъ человѣчество издавна, но теперь, повидимому, разрѣшеніе его можетъ быть только одно: свобода выбора мотивовъ нашей дѣятельности обусловлена особенностью того, что называется нашимъ «я». А это «я» въ свою очередь несомнѣнно явленіе человѣческой психики, въ совокупности своей представляющей то, что мы именуемъ личностью. Такимъ образомъ «я»—это психическая среда. Внѣшнія причины воздѣйствуютъ на личность, но она реагируетъ, и это реактивное мы называемъ нашей свободой.

До извѣстной степени, но не вполне, раздѣляетъ такой взглядъ и г. Некрасовъ. Почтенный ученый говоритъ: «признаніемъ свободной воли законъ причинности или законъ достаточныхъ оснований не только не отрицается, а даже утверждается. При этомъ свободная воля обнимаетъ заключенныя въ душѣ личныя самодовлѣющія разумныя причины, не зависящія (въ нѣкоторой сферѣ дѣйствія) отъ прочихъ силъ или причинъ, съ которыми она сочетается, какъ особое крупное слагаемое. Благодаря этой силѣ, само посвящее ее лицо, а не прочія силы, бываетъ болѣе или менѣе повинно въ тѣхъ или другихъ результатахъ его дѣятельности». Если признать психику человѣческую самостоятельной принадлежностью личности, то она и явится такимъ крупнымъ слагаемымъ. Но есть ли въ этой психикѣ внутреннее ни отъ чего извнѣ не зависящее содержаніе, это другой вопросъ. Г. Некрасовъ въ послѣднемъ случаѣ является идеалистомъ, и въ этомъ смыслѣ, вѣроятно, встрѣтитъ много возраженій. Не останавливаясь на свободѣ воли индивидуума, уважаемый авторъ желаетъ видѣть проявленія этой воли и у массъ, у общества. Въ этомъ отношеніи онъ близко подходитъ къ той психологической теоріи общества, которая въ настоящее время выдвинута западно-европейскими учеными на смѣну недавно царствовавшей—органической.

Г. Некрасовъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что при изслѣдованіи явленій общественности мы имѣемъ дѣло въ отношеніи сложности вопроса съ массовымъ процессомъ высшаго порядка, нежели процессъ біологическій. Не даромъ уже Спенсеръ назвалъ общественную среду надорганической. Несомнѣнно, что особенность общественности есть явленіе коллективной психики, въ настоящее время талантливо разрабатываемой Тардомъ. Но опять таки выставляемая г. Некрасовымъ основа общественной психики—нравственный законъ, какъ фактъ самоцѣльный, можетъ вызвать рядъ возраженій. Происхождение идей наиболѣе отвлеченныхъ имѣетъ въ исходной точкѣ все тотъ же грубый чувственный опытъ въ дальнѣйшемъ сплетеніи идей вторичнаго, третичнаго порядка, дающій то, что мы склонны признавать категорическимъ императивомъ. По этой причинѣ идеализмъ всегда долженъ имѣть корни въ реальности. Такъ смотритъ на дѣятельность творческаго воображенія Рибо, такъ объясняетъ возникновеніе многихъ общественныхъ идей Штаммлеръ.

Въ заключеніе можно сказать, что книга г. Некрасова является знаменіемъ времени. Новѣйшіе социологи ищутъ ключа загадки явленій общественности въ

коллективной психикѣ: туда же направилъ свое изслѣдованіе, исходящее изъ математическихъ данныхъ, и уважаемый авторъ, не историкъ и не социологъ по специальности. Слѣдовательно, всѣ дороги въ изученіи общества начинаютъ направляться къ одному центру.

В. Грибовскій.

А. А. Титовъ. Синодики XVII вѣка Переславскаго Никитскаго монастыря. Москва. 1903.

Въ описаніи Никитскаго Переславскаго монастыря, напечатанномъ въ июльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1886 годъ, указывалось на замѣчательные синодики XVII вѣка, принадлежащіе этой обители. Теперь эти синодики напечатаны и представляютъ довольно цѣнный историческій матеріалъ. Никитскій монастырь пользовался особыми милостями Ивана Грознаго, который не только построилъ соборный храмъ, но и самъ съ царицей Маріей (Темрюковой) и митрополитомъ Аѳанасіемъ былъ на освященіи 14-го мая 1564 года. Жертвы царя Грознаго были большія. Имъ внесено много вкладовъ на поминовеніе опальныхъ людей; не отставали отъ царя бояре и другіе духовные и мірскіе люди. Въ монастырѣ для записи этихъ вкладовъ была особая вкладная и кормовая книга, но она, очевидно, во время бывшаго въ монастырѣ пожара сгорѣла. Уцѣлѣли только три синодика, изъ которыхъ одинъ бывшимъ настоятелемъ этого монастыря, архимандритомъ Исидоромъ, прославившимся въ одно время на Кавказѣ своими миссіонерскими подвигами, былъ пожертвованъ въ Владимирскую архивную комиссію. Но и уцѣлѣвшіе синодики представляютъ большую цѣнность. Въ одномъ изъ нихъ переименованы съ фамиліями тѣ опальные люди, которыхъ «отдѣлывалъ» Малюта Скуратовъ и его сподвижники. Записи эти таковы: «Въ Голубинѣ углу Малюта Скуратовъ съ товарищами 39 человекъ Михаила Григорьева, Леонтія Кафтырева и т. д. Въ Матвѣещѣ отдѣлано 84 человекъ, да у трехъ человекъ по рукъ отсѣчено (слѣдуютъ имена). Въ Ивановскомъ-Большомъ отдѣлано 17 человекъ да у 14 человекъ по рукъ отсѣчено» и т. д. и т. д.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что имена и фамиліи имѣютъ большую разность противъ напечатаннаго Устряловымъ синодика Грознаго въ Сказаніяхъ Курбскаго, а равно Нижегородскаго, Покровскаго и Вологодскаго Прилуцкаго синодиковъ. Въ никитскихъ синодикахъ, между прочимъ, записаны: родъ сздальскаго архіепископа Арсенія († 1625 г.), вкладчикъ Никитской обители; архіепископъ Арсеній Галасунскій, элассонскій грекъ, бывший прежде архіерей московскаго Архангельскаго собора. Онъ на новогреческомъ языкѣ описалъ свое путешествіе и пребываніе въ Россіи.

Роды Якова Чеботова, меньшого Чеботова и Ивана Чулкова, прозвищемъ Чеботъ, родоначальника фамиліи Чеботовыхъ. Родословная Чеботовыхъ мало изслѣдована, и свѣдѣнія о родѣ Чулковыхъ-Чеботовыхъ оканчиваются Ивановомъ Яковлевичемъ († 1566 г.), бывшимъ на свадьбѣ царя Грознаго и топившимъ мыльню въ 1547 году и пожалованнымъ въ 1559 году въ бояре. Въ числѣ этой фамиліи былъ еще Иванъ Ивановичъ Чеботовъ, во иноцѣхъ Юва, по которомъ въ 1570 году 31-го января въ Кирилло-Вѣлосерскій монастырь

Грозный далъ вкладъ 200 рублей, но, чей онъ былъ сынъ,—пока не изслѣдовано. Повидимому, это былъ тотъ Чеботовъ, которому вмѣстѣ съ Салтыковымъ и другими дьяками царь въ 1564 году велѣлъ итти изъ Александровской слободы въ Москву пѣшкомъ, раздѣвши ихъ до-нага. Иванъ Ивановичъ Чеботовъ погребенъ въ Ростовскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ. На могилѣ его сохранилась плита съ надписью: «Лѣта 70... мѣсяца генв... по па... Кир... оп. преставился рабъ Божій старецъ Иона Чеботовъ».

Родъ архіепископа ростовскаго Никандра, любимца царя Грознаго. Онъ былъ хиротонисанъ 17-го марта 1549 года. Въ 1552 году крестилъ въ лаврѣ сына Грознаго Дмитрія; былъ свидѣтелемъ всѣхъ злодѣяній царя и участвовалъ въ его неимпотѣвахъ. Онъ ѣздилъ вмѣстѣ съ прочими свидѣтелями въ Александровскую слободу, когда Іоаннъ отрекся отъ царства; участвовалъ въ Стоглавомъ соборѣ и въ избраніи митрополита Филиппа. Онъ выпросилъ у Іоанна жалованную грамоту на многія села, деревни и угодыя для содержанія себя и ростовскаго архіерейскаго дома. Никандръ построилъ около Ростова, за озеромъ, загородный домъ, гдѣ любилъ весело проводить время съ друзьями. Съ нимъ сдѣлался параличъ, и онъ, по словамъ лѣтописи, лишился употребленія ноги и руки. Скончался онъ въ Москвѣ скоропостижно, «среди торжества съ друзьями своими», такъ оканчиваетъ лѣтописецъ біографію ростовскаго архіепископа Никандра.

Родъ ярославскаго князя Ѳеодора Аленкина. Тутъ записано имя сына Андрея, по прозвищу «Жеря». Въ 1570 году Грозный велѣлъ его казнить, но посланные нашли его уже убитымъ на полѣ сраженія. Іоаннъ, пишетъ Карамзинъ, «нимало тѣмъ не умиленный, совершилъ лютую месть надъ дѣтьми сего храбраго князя: уморилъ ихъ въ заточеніи». Со смертію ихъ пресѣкъся и родъ ярославскихъ князей Аленкиныхъ.

Родъ ростовскаго кн. Даніила Щенятева, боярина и воеводы Великаго Новгорода († 1515 г.). Здѣсь подъ именемъ кн. инока Пимена занесено имя внука его, боярина кн. Петра Михайловича, такъ жестоко замученнаго Грознымъ въ 1586 году. По сказанію Курбскаго, смерть князя Петра была ужасна. Недаромъ Грозный неоднократно посылалъ по душѣ его значительные вклады въ разные монастыри. Какой былъ вкладъ въ Никитскій монастырь, намъ неизвѣстно; но въ уцѣлѣвшей вкладной книгѣ Ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря эти дачи записаны четыре раза. Посылая первоначально 200 рублей, Грозный «за ту его дачу по старцѣ Пименѣ Щенятевѣ на его преставленіе августа въ 5-й день да на его память іюня въ 29-й день заказалъ панихиду пѣти и обѣдню служить соборомъ и братію кормити. Кормъ большой». Въ слѣдующіе три раза царь прислалъ еще деньгами 1.100 рублей и вещами на 200 рублей, а вся царская жертва по иноку Пименѣ заключалась въ 1.500 руб. Въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь по князю Петру Михайловичу Щенятеву, во иноцѣхъ Пименѣ, Грознымъ было послано денегъ 500 рублей.

Въ заключеніе обратимъ вниманіе, что въ числѣ опальныхъ, о душахъ которыхъ Грозный повелѣлъ чинить поминовеніе, упоминаются татаринъ Янъ-Туганъ-Бахметъ и татарка Анна Катуна; впрочемъ, въ третьемъ синодикѣ этихъ именъ уже нѣтъ.

Всѣ эти три синодика отчасти пополняютъ и Строевскій списокъ настоятелей Никитскаго монастыря. Въ числѣ архимандритовъ Никитскаго монастыря въ XVIII вѣкѣ находился Юсифъ (1714 — 1724 гг.), который былъ потомъ, въ 1725 году, епископомъ воронежскимъ. Онъ обвинялся въ убійствѣ драгуна Недосѣкина, и дѣло было прекращено только за его смертью. Архимандритъ Антоній (1724—1727 г.г.) участвовалъ въ коронаціи Петра II-го.

Андрей Перхуровъ (1729 — 1730 г.г.), одинъ изъ свидѣтелей по дѣлу о взяткахъ ростовскаго архіепископа Георгія Дашкова. Своими поступками онъ довелъ монастырскихъ крестьянъ до возмущенія, учинялъ имъ многія обиды и разоренія; потомъ скрылся изъ монастыря, но былъ пойманъ и привезенъ въ Москву. За эти дѣла и многія монастырскія обиды и расхищеніе имущества онъ былъ отрѣшенъ и сосланъ въ Чудовъ монастырь.

Архимандритъ Іона (1733 — 1736 г.г.) былъ взятъ въ 1735 году и содержался въ тайной розыскныхъ дѣлъ конторѣ.

Архимандритъ Нифонтъ Червинскій (1753 — 1758 г.г.) дошелъ до того, что на него не только жаловались крестьяне за незаконные поборы, но и монахи за разныя безчинія. Онъ долго содержался въ Горицкомъ монастырѣ. Послѣ онъ хотя и былъ освобожденъ, но съ тѣмъ, чтобы для умоленія Бога о своихъ согрѣшеніяхъ во всю четырехдесятициу служить преждеосвященныя обѣдни.

Архимандритъ Авраамій, одинъ изъ близкихъ къ знаменитому нижегородскому архіепископу Питириму, у котораго былъ протодіакономъ. Оставивъ настоятельство, онъ принялъ схиму съ именемъ Арсенія и жилъ въ томъ же Никитскомъ монастырѣ. Архимандритъ Сильвестръ Страгородскій, внослѣдствіи епископъ переславскій, а затѣмъ крутицкій, духовный писатель, упоминаемый въ словарѣ Евгенія.

Вообще три синодика Никитскаго монастыря полны историческими именами, и занесенные на вѣчное поминовеніе Годуновы, Воротынскіе, Вутурлины, Щенятевы, Лобановы, Кафтыревы, Голенины, Мстиславскіе, Сицкіе, Шуйскіе, Собакины, Шереметевы, Троекуровы, Бѣльскіе, Волконскіе, Морозовы и др. — были большею частію современниками царя Грознаго и свидѣтелями его славы и деспотизма. Кромѣ этихъ именъ, въ синодикахъ пестрѣютъ имена славянскія и русскія прозвища XVI—XVII вѣковъ: Нечай, Семейка, Рудаць, Поздей, Субота, Третьякъ, Истома, Шестаць, Звѣрь, Постникъ, Нежданъ и т. д.

Къ синодикамъ приложенъ указатель личныхъ именъ, что даетъ возможность безъ затрудненія пользоваться книгой при ученыхъ генеалогическихъ изслѣдованіяхъ.

А. К.

Женщины-убійцы. Антропологическое изслѣдованіе врача П. Н. Тарновской. Спб. 1902.

Ученый трудъ г-жи Тарновской по уголовной антропологіи представляетъ и въ историческомъ отношеніи большой интересъ. Было время, когда на преступника смотрѣли, какъ на одержимаго злой волей, противъ котораго позволительны самыя жестокія карательныя мѣры. Но въ концѣ XIX столѣтія врачи и психіатры провозгласили новое ученіе о необходимости смотрѣть на пре-

ступника, какъ на больного или наследственно вырождающагося человѣка вслѣдствіе алкоголизма, сифилиса, туберкулеза, рахита, душевныхъ страданій и т. д. Съ тѣхъ поръ наука о преступномъ человѣкѣ требуетъ отъ юристовъ вниманія болѣе къ личности преступника, чѣмъ къ содѣянному имъ преступленію. Результаты показали, что судьи неоднократно приговаривали къ смертной казни лицъ душевнобольныхъ или прямо помѣшанныхъ. Создалась новая отрасль біологіи, подъ именемъ криминальной антропологіи, въ лицѣ дѣлаго ряда ученыхъ: Эскироля, Мореля, Шарко, Крафта-Эбинга, Ломброзо, Х. Эллиза, Маньяна на Западѣ и у насъ — въ лицѣ Ковалевскаго, Мержеевскаго, Чижана, Чечотта, Дриля, Тарновской и т. д. Ученныя изслѣдованія поименованныхъ лицъ установили то, что самый упорный преступный типъ создается на почвѣ атавизма, съ инстинктивнымъ предрасположеніемъ къ правонарушеніямъ при неблагоприятныхъ условіяхъ жизни, рядомъ съ другими группами преступниковъ, уже менѣе опасными и иногда прямо случайными. Къ разряду выдающихся изслѣдованій въ области уголовной антропологіи безспорно относится и новый трудъ г-жи Тарновской о преступныхъ женщинахъ, исполненный не только научнаго достоинства, но и глубокихъ практическихъ соображеній для обоснованія научнаго правосудія надъ человѣкомъ.

Раздѣляя въ общемъ воззрѣніи итальянской школы антропологовъ на природно-преступный типъ человѣка, вслѣдствіе наследственнаго вырожденія и приближенія его къ примитивной организаціи, г-жа Тарновская, все-таки, на основаніи только однихъ физическихъ и нравственныхъ отклоненій, не находитъ возможнымъ считать человѣка преступникомъ. Но она безусловно признаетъ его болѣе предрасположеннымъ къ совершенію преступленія, чѣмъ нормальный человѣкъ, при однихъ и тѣхъ же неблагоприятно сложившихся условіяхъ жизни. Подобно тому, какъ лимфатизмъ еще не составляетъ бугорчатки, а лишь предрасполагаетъ къ ней при неблагоприятной жизненной обстановкѣ, такъ и физическіе и нравственные признаки вырождающагося человѣка (съ наследственнымъ алкоголизмомъ, душевнымъ разстройствомъ и т. д.) выдѣляютъ его въ особую группу неуравновѣшенныхъ людей, болѣе склонныхъ къ правонарушеніямъ, чѣмъ здоровые люди. Производя надъ «женщинами-убійцами» антропометрическія измѣренія, функціональное изслѣдованіе ихъ органовъ чувствъ и собирая свѣдѣнія объ ихъ прошломъ, г-жа Тарновская нашла среди нихъ множество дегенератокъ, убившихъ, напримѣръ, своихъ мужей вслѣдствіе отсутствія у нихъ потребности къ супружеской жизни и невозможности избавиться отъ мужа легально, а также убійцъ, вслѣдствіе притупленности нравственнаго чувства или, напротивъ, вслѣдствіе повышеннаго импульса съ ослабленной волей и т. д. По ознакомленію по книгѣ г-жи Тарновской съ «женщинами-убійцами», закрадывается глубокое сомнѣніе насчетъ справедливости уголовныхъ каръ, примененныхъ ко всѣмъ имъ одинаково и заранѣе опредѣленно, вслѣдствіе однихъ и тѣхъ же внѣшнихъ признаковъ совершеннаго ими преступленія, безъ изученія мотивовъ къ преступленію и самой личности убійцъ. Между тѣмъ, наблюденія надъ ними врача Тарновской обнаружили между ними случайныхъ и привычныхъ правонарушителей, которыхъ вмѣстѣ не слѣдовало бы судить по однимъ и тѣмъ же статьямъ закона съ

одной и той же отвѣтственностью за одно и то же преступленіе... Между преступниками обнаружены лица съ яркими признаками атавизма; другія—съ патологическими измѣненіями и нравственными дефектами, а третьи—вполнѣ импульсивныя натуры или страдающія маніями, эпилепсіей, истеріей, слабоуміемъ, первичнымъ помѣшательствомъ и т. д. Различныя группы преступниковъ, совершившихъ по вѣшнимъ признакамъ одно и то же преступленіе, по мнѣнію г-жи Тарновской, нуждаются въ индивидуализированіи ихъ проступковъ, съ выясненіемъ мотивовъ и клиническими наблюденіями надъ ними до суда. Ничего нѣтъ утопичнаго въ ея стремленіи обратитъ тюрьмы въ больницы, съ лѣченіемъ осужденныхъ лицъ не на сроки, а до исправленія ихъ соответственной діетой, гимнастикой, банями съ массажемъ, изученіемъ ремеселъ, грамотности и ознакомленіемъ ихъ съ освѣжающими впечатлѣніями вѣшней жизни за стѣнами тюрьмы и черезъ литературу съ возвышенными мыслями благородныхъ людей... Опытъ многихъ штатовъ Сѣверной Америки далъ въ этомъ направленіи блестящіе результаты съ исправленіемъ преступниковъ врачебными и педагогическими мѣрами. Множество патологическихъ измѣненій и приобрѣтенныхъ болѣзней, ослабившихъ организациі людей и создавшихъ среди нихъ паразитарный типъ, —подавались воздѣйствію врачей, начиная съ оживленія кожи и кровообращенія и кончая зарожденіемъ въ душѣ дегенератовъ «горчичнаго зерна» благородныхъ и возвышенныхъ чувствъ. Они выпускались въ послѣдствіи на волю, въ соответственную подготовленную для нихъ обстановку, и, конечно, были менѣе опасными субъектами для общества, чѣмъ тѣ же преступники на старомъ континентѣ при современной карательной дѣятельности его государствъ.

А. Фаресовъ.

Причины невмѣненія въ военно-уголовномъ правѣ. Составилъ князь С. А. Друцкой. Варшава. 1902.

Книга князя Друцкого представляетъ собою попытку въ разрѣшеніи наиболѣе спорныхъ вопросовъ военнаго права, каковыми являются конструкція и юридическая природа приказа начальника, необходимой обороны, крайней необходимости и т. п. Не вдаваясь здѣсь въ оцѣнку этой попытки съ точки зрѣнія догматической, замѣтимъ, однако, что основныя положенія автора: дисциплина, войско, воинское преступленіе, понятіе военнаго права, —плодъ случайной мысли, оторванной отъ дѣйствительной жизни и историческаго прошлаго, а потому—крайне отвлеченной, безжизненной и невѣрной. По его понятію, войско есть единеніе вооруженныхъ людей, опредѣляемое въ своей организациі юридическимъ закономъ и управляемое въ своей дѣятельности волею верховнаго вождя; дисциплина есть воинское воспитаніе, воинское преступленіе—дѣяніе, какъ результатъ самодѣятельности (?), «изъ числа мотивовъ которой сознательно исключена или упущена воля вождя» и т. д. Эти данныя въ значительной степени характеризуютъ исходные пункты работы. Что касается метода обработки, то авторъ не брезгаетъ ничѣмъ: такъ, желая доказать, что дисциплина есть воспитаніе, князь Друцкой идетъ филологическимъ путемъ и отыскиваетъ «опору» въ грамматическомъ значеніи слова, при чемъ утвер-

ждаетъ, что *discere* значить учить, хотя, не будучи филологомъ, изъ словаря можно было бы узнать, что *discere* значить учиться, что весьма важно въ схоластическихъ блужданіяхъ автора, къ тому же, очевидно, не классика.

Историческая часть книги поражаетъ полнымъ отсутствіемъ критическаго анализа у автора, что, однако, не мѣшаетъ ему съ голыми руками оспаривать данныя, полученныя изслѣдователями и не опороженныя въ своей цѣнности. Князь Друцкой, по возможности, въ каждой главѣ приводитъ свѣдѣнія изъ исторіи военнаго права, при чемъ добросовѣстно считаетъ, въ качествѣ исторіи, два, три законодательныхъ памятника, изъ которыхъ на первое мѣсто ставится воинскій артикулъ Петра Великаго. Авторъ, занимаясь спеціальнымъ, узкимъ вопросомъ, совершенно игнорировалъ значеніе этого памятника въ дѣйствительномъ его осуществленіи на практикѣ; ему кажется, что мертвыя положенія артикула всегда пользовались безспорнымъ вліяніемъ, хотя на самомъ дѣлѣ въ теченіе полуторавѣковаго своего существованія артикулъ жилъ и дѣйствовалъ на бумагѣ, и единственнымъ регуляторомъ правоотношеній былъ обычай да усмотрѣніе начальника. Съ такимъ же раболѣпствомъ авторъ подходит и къ другимъ памятникамъ: уложенію Шереметева, артикулу Меншикова, уставу Вейде и друг., и совершенно забываетъ о судебной практикѣ и о томъ, что буква закона была всегда строже его примѣненія. Правовыя формы насильственно не могутъ быть введены въ народную жизнь, и этимъ-то объясняется столѣтняя борьба закона съ правосознаніемъ русской арміи. Воинскій артикулъ и сродные ему кодексы—достояніе Запада, достояніе идеи устрашенія, чуждой русской жизни въ видѣ тѣхъ карательныхъ средствъ, которыми пестрѣлъ законъ: соборное уложеніе устанавливало битье батогами, «дабы другимъ неповадно было», воинскій артикулъ возвысилъ репрессію до ужасовъ четвертованія, колесованія, до ужасовъ средневѣковой западной юстиціи и, какъ анахронизмъ чужого быта, потерпѣлъ неудачу въ жизни, въ его примѣненіи.

Авторъ съ легкимъ сердцемъ оперируетъ надъ положеніями кодексовъ и пытается уловить въ нихъ такія юридическія тонкости, которыя не снялись даже на зарѣ XVIII столѣтія. Въ результатѣ авторъ приходитъ къ необыкновеннымъ открытіямъ; напримѣръ, «подчиненный обязанъ не повиноваться, если приказаніе... не полезно государству», и таковой принципъ будто бы могъ жить въ Петровскую эпоху. Подобныхъ заявленій, крайне противорѣчащихъ всей исторіи нашего права, въ книгѣ князя Друцкого немало. Напримѣръ, говоря объ осуществленіи дисциплинарной власти начальниковъ, авторъ утверждаетъ, что «фактически эта власть существовала уже тысячелѣтія», и при этомъ приводитъ слова одного изъ ученыхъ (Клемава) относительно выдѣленія постановленій, опредѣляющихъ эту власть, къ эпохѣ XV столѣтія. Согласиться съ княземъ Друцкимъ невозможно уже потому, что постоянныя арміи явились лишь со времени Карла VII, слѣдовательно дисциплинарная власть въ арміи не старѣе самой арміи, т.-е. 5-6 вѣковъ; что же касается нашихъ вооруженныхъ силъ, то необходимо имѣть въ виду, что въ первые же моменты ихъ существованія мы встрѣчаемся съ оригинальнымъ явленіемъ: военачальникъ, получая въ управленіе войсковую часть, вмѣстѣ съ тѣмъ облачается и военно-судебною властью. Расправа возникаетъ, такимъ образомъ, какъ одинъ

изъ элементовъ военной управы. Въ полкахъ Московской Руси появляются головы, полковники и воеводы, административная власть которыхъ исключаетъ внимательство всякой другой власти, но лишь въ предѣлахъ воинскихъ нарушеній. Отсюда видно, что осуществленіе карательной власти въ арміи происходило на почвѣ административной, и лишь съ усиленіемъ тяжести наказанія въ эпоху Петра Великаго эта власть дробится между военными судами и военнымъ начальствомъ. Такимъ образомъ, власть административная предполагала дисциплинарныя функціи начальствующаго, а усиленіе репрессіи повлекло раздвоеніе карательной власти на дисциплинарную и судебную. Князю Друцкому «нельзя сдѣлать сколько нибудь точнаго заключенія по данному вопросу» (стр. 133), а потому, назвавъ постановленія «Устава разныхъ дѣлъ» неопредѣленными, ему остается заявить, что «дисциплинарная власть начальниковъ получила опредѣленіе въ законъ» лишь въ 1859 году. Признаться, такое заявленіе въ трудѣ съ претензіей на научность представляется по меньшей мѣрѣ страннымъ. И кто рѣшится утверждать, что съ 1601 по 1859 годъ дисциплинарная власть въ арміи не подвергалась регламентаціи. А наказы стрѣleckимъ головамъ въ теченіе XVII столѣтія, а царскія резолюціи на челобитныя стрѣльцовъ по поводу злоупотребленія начальниками дисциплинарной властью—развѣ все это не составляетъ неисчерпаемый родникъ для вслѣдованія?! Наконецъ, со времени воцаренія Петра Великаго въ теченіе всего XVIII и XIX столѣтій мы встрѣчаемъ безчисленное множество отдѣльныхъ законоположеній, инструкцій, приказовъ о предѣлахъ дисциплинарной власти: назову для примѣра «Инструкцію пѣхотнаго полка полковнику 1764 года», «Инструкцію ротнымъ командирамъ 1774 года», уставъ о строевой службѣ 1755 года, приказы Потемкина, Воронцова, уставы пѣхотной и кавалерійской службы императора Павла 1796 года, рекрутскій уставъ 1831 года, положеніе объ управленіи Донскимъ войскомъ 1833 года и рядъ другихъ, гдѣ авторъ могъ бы найти самыя подробныя указанія о предметѣ его изложенія.

Таковъ методъ автора, крайне оригинальный, но оставляющій безотрадное впечатлѣніе. Мы привели здѣсь тѣ недостатки книги, которые бросаются въ глаза при первомъ взглядѣ; другихъ заявленій, не менѣе обстоятельно обоснованныхъ, читатель можетъ найти въ достаточномъ количествѣ. Въ заключеніе мы не можемъ обойти молчаніемъ крайне страннаго обобщенія, съ которымъ читатель встрѣчается на 2-ой страницѣ: «явились законы,—говоритъ авторъ,—оказались лица, не желавшія подчинить свои интересы и волю интересамъ и волѣ государства», откуда можно заключить, что законъ есть нѣчто оторванное отъ дѣйствительной жизни, что-то придуманное, появляющееся ранѣе того, нежели частныя интересы стали вредить интересамъ пѣлаго. Мы, съ своей стороны, полагаемъ, что роль закона—закрѣпить жизненныя отношенія, сдѣлать ихъ правовыми, почему законъ и можетъ регламентировать только созданное жизнью.

Цѣна книги (2 р. 50 коп.) не сулитъ ей, по счастью, распространенія.

Ф. Л.—ъ.

Памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского. — Е. В. Пѣтухова.
Юрьевъ. 1903.

Книжка (101 стр.) проф. Пѣтухова займетъ, бесспорно, одно изъ видныхъ мѣстъ въ юбилейной литературѣ, появившейся по случаю 50-ти-лѣтней годовщины смерти двухъ великихъ писателей (1852 — 1902). Содержание книжки составляютъ два очерка: 1) Гоголь и Жуковский, и 2) В. А. Жуковский въ Дерптѣ (1815—1817); въ видѣ особаго приложенія къ послѣднему очерку напечатано нѣсколько писемъ и записокъ Жуковского и М. А. Протасовой къ дерптскому профессору К. Моргенштерну (сохранились среди рукописей библиотеки Юрьевского университета).

Мысль прослѣдить взаимныя отношенія и обоюдное вліяніе Гоголя и Жуковского нужно назвать удачною. Дружественныя отношенія этихъ писателей продолжались около 22-хъ лѣтъ, на протяжении всей литературной жизни Гоголя. Уже одна эта продолжительность говоритъ о значеніи этихъ отношеній въ жизни обоихъ писателей.

Гоголь въ своихъ письмахъ не разъ обращается къ Жуковскому въ такихъ выраженіяхъ: «мой истинный наставникъ и учитель», «близкій душѣ человѣкъ», «благодѣтель». Послѣдній эпитетъ намъ особенно понятенъ. Въ своей литературной карьерѣ Гоголь обязанъ Жуковскому очень многимъ; Жуковский же очень часто помогалъ Гоголю и въ матеріальномъ отношеніи, о чемъ Гоголь нерѣдко проситъ его и въ своихъ письмахъ. Вполнѣ понятенъ для насъ и другой эпитетъ, «близкій душѣ человѣкъ». Для «нервнаго и самолюбиваго», часто падавшаго духомъ Гоголя, всегда нравственно бодрый и «благодарный» Жуковский былъ «одною изъ самыхъ устойчивыхъ опоръ его нравственнаго существованія» (стр. 1). При громадномъ различіи, въ душѣ обоихъ писателей звучали и родственныя струны; это относится не только къ ихъ общей преданности литературѣ; религиозный мистицизмъ, а отчасти и возвышенный романтизмъ и юморъ, — эти черты также общи для душевнаго склада обоихъ писателей, хотя онѣ получили въ душѣ того и другого очень различное направленіе и окраску.

Но былъ ли Жуковский «учителемъ» Гоголя? оказалъ ли онъ какое либо вліяніе на поэтическое творчество послѣдняго? На эти вопросы пока приходится отвѣчать отрицательно. Есть основанія думать, что Жуковский даже и не понималъ вполнѣ главной основы таланта и творчества Гоголя, этого гениальнаго изобразителя человѣческой пошлости, и не придавалъ этой заслугѣ Гоголя серьезнаго значенія. Нѣкоторое вліяніе Жуковского нужно предполагать для послѣднихъ, уже нехудожественныхъ произведеній Гоголя. По мнѣнію профессора Пѣтухова, Жуковский, въ этомъ случаѣ, «лицетворялъ собою сдерживающее начало и старался удержать Гоголя отъ слишкомъ крайнихъ выводовъ и парадоксовъ» (стр. 25). Если и согласится съ такимъ мнѣніемъ, то это «сдерживающее начало» нужно признать очень слабымъ. О «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями» Жуковский отзывался: «эта книга произведетъ всеобщее сильное и благотворное дѣйствіе»; онъ высказывается только противъ послѣдственности изданія и противъ многихъ «пятенъ литератур-

ныхъ и типографскихъ». Отзывъ слишкомъ сочувственный, даже и по сравненію съ собственнымъ мнѣніемъ Гоголя о своей книгѣ («я размахнулся изъ моеи книгѣ такимъ Хлестаковымъ» и т. д. въ письмѣ Гоголя отъ 6-го марта 1847 г.). Эпитетъ «учитель» нужно признать простымъ комплиментомъ Гоголя; шутка Гоголя (въ письмѣ отъ 22-го декабря 1847 года), что Гоголь и Жуковский — «оба писателя правильно писали, хотя и не похожи другъ на друга», ближе къ истинѣ. Эти выводы можно сдѣлать на канвѣ тѣхъ разсужденій и тѣхъ фактическихъ данныхъ, какія обстоятельно собраны и изложены авторомъ, главнымъ образомъ, на основаніи переписки Гоголя и Жуковского.

Второй очеркъ г. Пѣтухова: «В. А. Жуковский въ Дерптѣ», уже извѣстенъ русской читающей публикѣ; онъ появился впервые въ печати еще въ 1897 году. Настоящее, второе изданіе въ нѣсколькихъ мѣстахъ переработано. Въ приложенныхъ къ нему письмахъ и запискахъ Жуковского и Протасовой ничего важнаго въ историко-литературномъ отношеніи не заключается. Въ одномъ изъ писемъ Жуковский сознается въ недостаточности своихъ «эстетическихъ познаній» (стр. 95). Самый очеркъ касается очень существенныхъ фактовъ въ жизни поэта-романтика: въ Дерптѣ разыгрался печальный конецъ сердечной драмы Жуковского, — его несчастной любви къ М. А. Протасовой. Д. З.

**Профессоръ Н. Ѡ. Сумцовъ. В. А. Жуковский и Н. В. Гоголь.
Харьковъ. 1902.**

Истекшее 12-го апрѣля 1902 года пятидесятилѣтіе со дня кончины Жуковского оживило небогатую о немъ литературу. Появились изслѣдованія, статьи и замѣтки, добросовѣстно характеризующія творческую дѣятельность поэта и опредѣляющія его мѣсто въ исторіи русской словесности. Но, сравнивая юбилей Жуковского съ пушкинскими днями 1899 года, мы замѣчаемъ существенное различіе. Столѣтіе рожденія творца «Евгенія Овѣгина» подвело итоги многому, о немъ и по поводу него сказанному, возсоздало въ яркихъ краскахъ не только литературную жизнь Пушкина, но и его гениально одаренную, порывистую натуру. Биографы Жуковского, и прежде обращавшіе малое вниманіе на психологію поэта, нынѣ прошли ее почти полнымъ молчаніемъ, если не считать ссылки на пресловутое «прекраснодушіе». А между тѣмъ при анализѣ отзывчивой доброты, которою отличался Жуковский, не лишнее замѣтить, что писатель-филантропъ, заражавшій своимъ гуманнымъ меценатствомъ окружающихъ, — вспомнимъ князя Вяземскаго, князя Одоевскаго, Плетнева, — былъ убѣжденнымъ сторонникомъ смертной казни (см. статью его «() смертной казни» 1849 года) и, на ряду съ вдохновеніями, находилъ время для придворной политикѣ и служебныхъ расчетовъ (см. его переписку), чѣмъ неоднократно вызывалъ насмѣшки друзей (см. эпиграммы Пушкина на Жуковского). Освѣтивъ эту суетную черту личности Жуковского, мы получили бы правдиво-жизненный образъ, чуждый той тенденціозной односторонности, которая проникаетъ современныя характеристики Жуковского.

Книга профессора Сумцова, къ сожалѣнію, не является отраднымъ изъ нихъ исключеніемъ. Отличаясь присущею почтенному ученому эрудиціей, она останавливается, главнымъ образомъ, на филантропическомъ значеніи Жуковскаго¹⁾; достаточно бросить бѣглый взглядъ на ея оглавленіе, чтобы убѣдиться, какъ широко понялъ авторъ свою задачу. Не упущено, кажется, ни одного лица, соприкасавашагося тѣмъ или инымъ способомъ съ Жуковскимъ и ожидавшаго отъ него моральной или матеріальной поддержки. Но увлеченіе «сердечнымъ богатствомъ» Жуковскаго приводитъ уважаемаго профессора къ очеь крайнему заключенію, когда онъ утверждаетъ, что «Жуковскій—талантливый поэтъ, писатель-публицистъ, педагогъ—представляетъ лишь извѣстную вариацию Жуковскаго-филантропа. Всѣ главныя его заслуги прямо или косвенно вышли изъ его добраго сердца» (стр. 4). Съ подобнымъ мнѣніемъ, въ виду рѣзкой его исключительности, при всемъ нашемъ желаніи, мы не можемъ согласиться.

Въ этюдѣ о Шевченкѣ упущена изъ виду повѣсть его «Художникъ», написанная на русскомъ языкѣ, имѣющая чисто автобіографическій характеръ и любопытная подробностями о Брюловѣ, Жуковскомъ и современномъ имъ артистическомъ мірѣ,—въ статьѣ же о Баратынскомъ встрѣчаются неясности, ибо авторъ, говоря о заступничествѣ Жуковскаго за опальнаго поэта, не останавливается на поступкѣ, повлекшемъ за собою его исключеніе изъ Нажескаго корпуса. Замѣтка о Кольцовѣ ограничивается отдѣльнымъ случаемъ участія Жуковскаго въ судьбѣ воронежскаго поэта-мѣщанина и не даетъ подробной исторіи ихъ литературнаго знакомства. Останавливаясь на Герценѣ, профессоръ Сумцовъ ссылается на бездарную и шаблонную статью К. И. Арабажина, вовсе не имѣющую значенія первоисточника, тогда какъ о хлопотахъ Жуковскаго за будущаго редактора «Колокола» говорится почти во всѣхъ мемуарахъ лицъ, близко къ нему стоявшихъ въ ту пору. Къ числу недостатковъ книги слѣдуетъ отнести чрезмѣрное довѣріе ея автора къ весьма сомнительному свидѣтельству А. О. Смирновой, которое выражается въ постоянныхъ цитатахъ изъ ея «Записокъ», и малую содержательность нѣкоторыхъ ея очерковъ. Чтобы не быть голословными, укажемъ на замѣтку: «В. А. Жуковскій и М. А. Максимовичъ», въ которой совершенно отсутствуетъ фактический матеріалъ.

Отъ ученаго сочиненія (очерки профессора Сумцова печатались первоначально въ «Сборникѣ историко-филологическаго общества при императорскомъ Харьковскомъ университетѣ») мы ожидали болѣе тщательности и менѣе досадныхъ корректурныхъ промаховъ. Подъ 1814 годомъ мы не знаемъ у Пушкина «Воспоминаній о Царскомъ Селѣ»; извѣстны «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ», впервые прочитанныя юнымъ поэтомъ на лицейскомъ актѣ въ присутствіи Державина. Въ автографѣ, сдѣланномъ Жуковскимъ и подаренномъ имъ Пушкину послѣ чтенія «Руслана и Людмилы»—«Ученику побѣдителю отъ побѣжденнаго учителя», опущено самое важное слово «побѣдителю». Письмо Г. Ө. Квитки къ П. А. Плетневу относится къ 1839 г., а не къ 1830 году, какъ напечатано. Переставлены инициалы Пв. Кон. Айвазовскаго—К. И. Айва-

¹⁾ Гоголю во всей книгѣ посвящено лишь 30 страницъ.

зовскій. Есть и другія погрѣшности мевѣ значительныя; на нихъ мы останавливаться не будемъ.

Несмотря на указанную односторонность взгляда и частичные недостатки книги, очерки профессора Сумцова, какъ единственное въ своемъ родѣ и потому необходимое пособіе для характеристики литературныхъ отношеній Жуковскаго, заслуживаютъ серьезнаго вниманія и, безъ сомнѣнія, займутъ видное мѣсто въ библиотекѣ всякаго историка русской литературы.

Сергѣй фонъ-Штейнъ.

Генеральный штабъ. Краткій историческій очеркъ его возникновенія и развитія. Часть I. Генеральный штабъ до Наполеона I. Составилъ генеральнаго штаба генералъ-майоръ П. А. Гейсманъ, заслуженный профессоръ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Спб. 1903.

Эта серьезная книга, представляющая собою капитальный, цѣнный трудъ, составлена авторомъ извѣстнаго сочиненія «Курсъ исторіи военнаго искусства въ средніе и новыя вѣка», пользующагося въ военной литературѣ большою и вполне заслуженною извѣстностью. Авторъ обѣихъ книгъ—заслуженный профессоръ академіи генеральнаго штаба П. А. Гейсманъ,—и уже одно имя почтеннаго ученаго достаточно ручается за обстоятельное изложеніе того предмета, которому посвященъ его новый трудъ, читающійся легко и съ интересомъ даже и не специалистами дѣла.

Въ самомъ началѣ книги почтенный авторъ, объясняя причины, побудившія его приступить къ составленію своего труда, говоритъ: «Если каждый полкъ, каждая отдѣльная часть въ благоустроенной арміи старается составить свою «исторію», то и генеральный штабъ долженъ располагать соответственнымъ историческимъ очеркомъ»... Но «ограничиться составленіемъ историческаго очерка возникновенія и развитія одного лишь нашего генеральнаго штаба мы не считаемъ возможнымъ, ибо въ такомъ случаѣ пришлось бы отказаться отъ цѣльности изслѣдованія. Въ виду этого соображенія мы ставимъ себѣ цѣлью изслѣдовать возникновеніе и развитіе этого рода службы во всемъ культурно-историческомъ мірѣ вообще, начиная съ древнихъ вѣковъ». Свой громадный трудъ профессоръ раздѣляетъ на три части: а) генеральный штабъ до Наполеона I; б) генеральный штабъ при Наполеонѣ I и в) генеральный штабъ послѣ Наполеона I.

Книга П. А. Гейсмана является, въ сущности, настоятельно необходимою, такъ какъ оказывается, что въ русской военной литературѣ почти не имѣется исторіи нашего генеральнаго штаба, если не считать вышедшаго въ свѣтъ, полвѣка назадъ, «Очерка исторіи генеральнаго штаба въ Западной Европѣ и въ Россіи», составленнаго кн. Н. С. Голицынымъ, книги, составляющей библиографическую рѣдкость и едва ли могущей быть полезной кому либо въ настоящее время по своей устарѣлости и неполнотѣ. Сочиненіе же Н. П. Глиноецкаго обнимаетъ собою лишь исторію академіи генеральнаго штаба; вто-

рое же сочиненіе г. Глиноецкаго: «Исторія русскаго генеральнаго штаба», лишь дополняет собою работу кн. Голицына и имѣетъ значительные пробѣлы.

Насколько серьезень и обширенъ трудъ, предпринятый П. А. Гейсманомъ, можно судить уже по законченной 1-ой его части. Вотъ, напримѣръ, какой обзоръ общей военной литературы по военному искусству, только до Наполеона I, дѣлаетъ авторъ въ выпущенной имъ книгѣ. Онъ, прежде всего, называетъ и дѣлаетъ тщательную оцѣнку сочиненій «отца исторіи», Геродота, и его «повѣствованія» о греко-персидскихъ войнахъ, представляющія одинъ изъ лучшихъ источниковъ для изученія военнаго быта и военнаго искусства у грековъ и другихъ народовъ того времени (484—408 до Р. Х.). Далѣе идутъ: авторъ «Исторіи Пелопонезской войны» Фукидидъ; затѣмъ, Ксенофонтъ — нравоописатель быта греческихъ воиновъ и составитель исторіи о состояніи военнаго дѣла у персовъ; Кай-Юлій Цезарь—авторъ знаменитыхъ «Комментаріевъ о гальской войнѣ», Титъ Ливій съ его замѣчательною «Римскою исторіей», Корнелій Непотъ съ его «Жизнеописаніями знаменитыхъ полководцевъ», Тацитъ Корнелій съ его «Лѣтописями», представляющими драгоцѣнные матеріалы въ дѣлѣ изученія развитія военнаго искусства у римлянъ и германцевъ; Плутархъ и его «Жизнеописанія» знаменитыхъ мужей Греціи и Рима,—и множество другихъ, позднѣйшихъ военныхъ писателей, каковы, напримѣръ, шведскій король Густавъ-Адольфъ II съ его письмами и мемуарами, Тюреннъ, Вобанъ, принцъ Евгений Савойскій, Морицъ Саксонскій, прусскій король Фридрихъ Великій, принцъ Де-Линъ, Жуберъ, Дюмурье и множество другихъ и, наконецъ, императоръ Наполеонъ I (его мемуары)... Прочестъ всѣ эти источники—трудъ нелегкій; но изучить ихъ—трудъ тяжелый, многолѣтній, который одинъ, самъ по себѣ, составляетъ немаловажную заслугу почтеннаго профессора.

Не менѣе обширенъ и «Обзоръ специальной военной литературы, имѣющей предметомъ генеральный штабъ и его службу въ особенности», сдѣланный П. А. Гейсманомъ въ первой же части своего труда. Какая масса сочиненій имѣется по этому предмету, но только—увы!—русскихъ именъ встрѣчается тутъ не много...

Этихъ «Обзоровъ» авторъ и заканчиваетъ «Предисловіе» къ своему труду и приступаетъ затѣмъ къ выполнению его «первой части»—даетъ обстоятельное и пространное изложеніе такъ называемыхъ имъ «вспомогательныхъ органовъ», которые служили высшимъ начальникамъ: а) въ древніе и средніе вѣка, б) въ Западной Европѣ въ новые вѣка и в) въ Восточной Европѣ въ новые же вѣка. Подъ именемъ «вспомогательныхъ органовъ высшихъ начальниковъ» авторъ подразумѣваетъ «чины, исполнявшіе обязанности нынѣшнихъ офицеровъ генеральнаго штаба». Въ послѣднемъ отдѣлѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія чрезвычайно интересная 13-я глава — «Паденіе иноземцевъ съ воцареніемъ императрицы Елисаветы Петровны; стремленіе къ восстановленію петровскихъ порядковъ и подчиненіе русской политики и стратегіи—политикѣ и стратегіи австрійской». Позволимъ себѣ сдѣлать хотя одну—коротенькую—выписку изъ этой главы: «Продолжаніе, — говоритъ авторъ, — господство иноземцевъ, заботившихся только

о своих интересахъ и относившихся крайне безцеремонно и пренебрежительно къ русскимъ, вызвало всеобщее неудовольствіе, выразительницею котораго явилась гвардія, участвовавшая во всѣхъ дворцовыхъ переворотахъ того времени. Было бы несправедливо, однако, сравнивать ее съ какиминибудь преторіанцами и янычарами, производившими подобные перевороты по своекорыстнымъ побужденіямъ. Гвардія заключала въ себѣ лучшихъ русскихъ людей того времени, которымъ дороги были интересы Россіи, и которые желали только, чтобы престолъ принадлежалъ законному государю. Неудивительно, поэтому, что когда, ночью 25-го ноября 1741 г. года, цесаревна Елисавета Петровна явилась въ казармы Преображенскаго полка и, обратившись къ гренадерской ротѣ этого полка, сказала: «Ребята! вы знаете, чья я дочь; ступайте за мною!» то всѣ преображенцы, офицеры и солдаты, закричали въ отвѣтъ: «Матушка! мы готовы, мы ихъ всѣхъ перебьемъ». Убивать цесаревна никого не позволила, но безъ труда арестовала правительницу съ сыномъ и всѣми близкими къ ней лицами и вступила на престолъ Петра Великаго. Возцареніе ея было принято всею Россіею съ восторгомъ. Неопредѣленное и неустойчивое положеніе дѣлъ прекратилось. Нравственная атмосфера очистилась. Явилась возможность приступить къ упорядоченію всѣхъ государственныхъ и въ частности военныхъ дѣлъ, послѣ чего только возможно было дальнѣйшее движеніе впередъ, прервавшееся со смертью Петра I». Не правда ли, какой сжатый слогъ, какая ясность изложенія, въ нѣсколькихъ строкахъ, событія особой исторической важности!...

Заканчивается 1-я часть труда профессора П. А. Гейсмана особымъ отдѣломъ, носящимъ заглавіе «Рѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ, относящихся къ сферѣ дѣятельности генеральнаго штаба до выступленія на военно-историческое поприще Наполеона I». Очень сожалѣемъ, что размѣры журнальной рецензіи не позволяютъ намъ болѣе пространныхъ выписокъ изъ этой интересной книги. Слѣдуетъ пожелать, чтобы капитальный и талантливо составленный трудъ, предпринятый уважаемымъ профессоромъ, былъ доведенъ до желаемого конца. Тогда русскій генеральный штабъ будетъ имѣть не «краткій историческій очеркъ», какъ скромно назвалъ авторъ свой трудъ, а серьезную и полную исторію своего возникновенія и развитія. **Ив. Захарьинъ.**

**Иосифъ Голечекъ. Боснія и Герцеговина за время оккупации.
Переводъ съ чешскаго А. Вознесенскаго. Москва. 1902.**

Книга Голечка на русскаго читателя производитъ тяжелое впечатлѣніе, благодари рѣдкой яркости и образности изображаемой ею картины полнаго нравственнаго, умственнаго и матеріальнаго порабоженія несчастнаго сербскаго народа просвѣщенными австрійскими культуртрегерами. Авторъ, видимо, хорошо знакомъ съ сербскимъ языкомъ, любитъ сербскій народъ и самъ страдаетъ его муками. Книга начинается описаніемъ путешествія автора по Босніи и Герцеговинѣ. Австрійское правительство такъ боится, чтобы какія либо вредныя вліянія не помѣшали его «цивилизаторскому» дѣлу, что слѣдитъ съ по-

разительнымъ рвеніемъ, достойнымъ лучшаго назначенія, за каждымъ путешественникомъ, являющимся въ Боснію и Герцеговину не по дѣламъ службы. Его заставляютъ немедленно по прибытіи въ гостиницу записывать свое имя и званіе въ особую книгу, которая тотчасъ же отправляется къ мѣстному полицейскому органу «предстойнику», и послѣдній, разъ только найдетъ путешественника подозрительнымъ, т.-е. могущимъ вынести соръ изъ избы, посылаетъ о немъ извѣщенія въ окрестные города по телеграфу, а за самимъ путешественникомъ учиняется неослабный полицейскій надзоръ: онъ не можетъ выйти на улицу, чтобы слѣдомъ за нимъ не шло нѣсколько лицъ, не теряющихъ его изъ вида. Чтобы лишить путешественника возможности знакомиться съ мѣстнымъ населеніемъ, правительство ловко задуманной системой закрытія гостиницъ (хановъ), содержимыхъ сербами, и покровительства гостиницамъ, открываемыхъ нѣмцами, достигло того, что число первыхъ низведено до минимума. Самое имя «сербъ» подвергается въ обѣихъ оккупированныхъ земляхъ сильнѣйшему гоненію. Сербскаго языка, по мнѣнію органовъ правительства и его приспѣшниковъ въ видѣ пришлаго нѣмецкаго и хорватскаго элементовъ, не существуетъ. Кириллица также подвергнута остракизму. И, что хуже всего, наиболѣе враждуютъ съ кириллицей хорваты, составляющіе значительную часть чиновничества и играющіе въ руку нѣмцамъ, не сознавая того, что правительство пользуется ими, только какъ орудіями для лишенія сербскаго народа сознанія его національности и болѣе легкаго онѣмченія.

Значительная часть книги посвящена описанію экономическаго состоянія Босніи и Герцеговины. Авторъ послѣдовательно доказываетъ неоспоримыми статистическими данными, что населеніе обѣихъ провинцій подъ вліяніемъ оккупации сильно обѣднѣло. Правда, съ внѣшней стороны кажется, что оккупация привела провинціи въ блестящее состояніе: провела желѣзныя и шоссеиныя дороги, учредила школы, урегулировала поземельныя отношенія, завела и распространила усовершенствованныя земледѣльческія орудія, улучшила породы скота и т. п. Но какъ подѣйствовали всѣ эти новшества на благосостояніе народа, и каковы способы ихъ проведенія въ жизнь, видно хотя бы изъ слѣдующаго: «Земское управленіе, — говоритъ Голчекъ на стр. 126-ой, — надѣлило ихъ (т.-е. мѣстныхъ жителей) самими лучшими плугами... съ тѣмъ, чтобы удивить этотъ забытый Богомъ народъ... Награжденные поблагодарили, спрятали эти подарки на чердаки и въ сараи и продолжали работать примитивными орудіями, какими работали ихъ предки». На первый взглядъ это кажется тушостью. Въ дѣйствительности же, какъ утверждаетъ авторъ, почва въ провинціяхъ такъ камениста и слой плодородной земли настолько тонокъ, что усовершенствованными плугами работать нѣтъ никакой возможности. Между тѣмъ плуги даются хотя и въ разсрочку, но за высокую плату, — и крестьянинъ, не получая отъ нихъ никакой пользы, залѣзаетъ въ долгъ. Мало того, если начальство замѣтитъ, что онъ не пользуется плугомъ, его подвергаютъ штрафу за «дикость и невѣжество». Школы, главнымъ образомъ сельско-хозяйственныя, служатъ для того, чтобы готовить отщепенцевъ отъ родного народа и удобныхъ проводниковъ нѣмецкаго вліянія. Крестьянскаго мальчика содержатъ въ школѣ, какъ барчука, снабжаютъ знаніями, цени-

годными для бѣдной и суровой природы Герцеговины, а онъ, возвратившись въ родную бѣдную «кучу» (хижину), естественно начинаетъ чувствовать презрѣнiе къ своимъ и тянуться къ чужому — нѣмецкому. Подати и повинности страшно велики и совершенно непропорціональны средствамъ плательщиковъ. Крестьяне—въ сущности арендаторы помѣщичьей земли. Они платятъ помѣщику $\frac{1}{3}$ сбора хлѣба, $\frac{1}{2}$ сбора сѣна и $\frac{1}{4}$ сбора овощей, а государству $\frac{1}{10}$ урожая, при чемъ платежи взыскиваются не натурой, а деньгами. Но, кромѣ десятины, государство взыскиваетъ еще слѣдующiе поборы (см. стр. 145 книги): 4% со стоимости земли (землярина); 4% дань съ домовъ (кучарина); 4%-я дань съ наемныхъ комнатъ (наймовина); 3%-я дань съ дохода (догодарина); дань съ крупнаго скота (воларина) 50 крейц. съ шт.; дань съ овецъ (овчарина) по 10 крейц. съ шт.; дань съ козъ (козарина) по 25 крейц., если число козъ не превышаетъ 50 (если же превышаетъ, то по 50 крейц. съ каждой козы); дань съ свиней (свинярина) 30 крейц. съ шт.; дань съ права продажи пива, сообразно съ наемной платой, составляетъ $8\frac{3}{4}\%$ — $12\frac{1}{2}\%$ — 20% платимой суммы съ найма помещенiя для пивницы; 4%-я дань съ права пользования лѣсомъ, валежникомъ и подстильникомъ, рыбною ловлею и другими бывшими помѣщичьими выгодами; дань съ пчель (пчеларина) 10 крейц. съ улья. Наиболѣе прибыльные изъ мѣстныхъ промысловъ обращены въ правительственные регалии. Такъ, въ отношенiи табака крестьянинъ не имѣетъ права сбора впредъ до осмотра и одѣнки его чиновниками на корню. Весь собранный табакъ представляется по начальству, и на рукахъ у крестьянина должно остаться для домашняго употребленiя не больше 21 килограмма подѣ угрозой штрафа. За остальное онъ получаетъ деньги въ весьма незначительномъ количествѣ, едва оплачивающемъ издержки производства.

Очень интересна глава VIII книги Голечка, характеризующая страхъ, испытываемый Австрiей передъ маленькой Черногорiей. Всѣ горы по границѣ застроены укрѣпленiями, и никто, кромѣ военныхъ, не можетъ ихъ осматривать. Но изъ словъ одного австрiйскаго подполковника, случайно встрѣченнаго Голечкомъ, видно, что всѣ эти укрѣпленiя, убивши массу денегъ, нигде не годятся для борьбы съ черногорцами: въ лѣтнiя жары ни одно войско не въ состоянiи пробыть долго среди раскаленныхъ скалъ, въ остальное же время года въ горахъ господствуютъ туманы, подѣ прикрытiемъ которыхъ ничего нѣтъ легче для непрiятеля, какъ миновать незамѣченнымъ укрѣпленiя и спуститься въ долину, а тогда укрѣпленiя уже не нужны.

Вообще книга Голечка подна самаго глубокаго интереса для всякаго русскаго, сознающаго свою кровную связь съ балканскими славянами. Къ сожалѣнiю, переводъ ея на русскiй языкъ прямо таки невозможенъ. Почему-то нѣкоторые переводчики воображаютъ, что правильнымъ русскимъ языкомъ можно переводить только съ языковъ германо-романскихъ, а при переводахъ съ языковъ славянскихъ нужно какъ можно больше коверкать русскую рѣчь и вводить въ нее массу неупотребительныхъ словъ и выраженiй. Это выходитъ, по ихъ мнѣнiю, болѣе «по-славянски». Въ переводѣ книги Голечка мы на каждомъ шагѣ встрѣчаемъ такiя слова, какъ «удалость» (вмѣсто — удаль), «надмевать» (вмѣсто — дѣлать надменнымъ), «благобыть» (вмѣсто — благо-

состояніе), «готель» (вмѣсто—гостинница), «солдатеска» (вмѣсто—солдатка), «особитость» и т. п., такія фразы, какъ: «...человѣкъ, не имѣющій достаточной квалификаціи, но желающій хотя бы поториться туда, гдѣ...», «... народъ, осужденный на вѣчную инферіорити»... Подобный переводъ чрезвычайно затрудняетъ чтеніе книги. Къ этому надобно прибавить огромное количество опечатокъ, изъ которыхъ перечень «наиболѣе вредныхъ», по выраженію переводчика, занимаетъ въ книгѣ двѣ страницы печати. Добавимъ отъ себя, что незамѣченныхъ, но не менѣе вредныхъ, можно набрать еще на нѣсколько страницъ. Кромѣ того, переводчикъ, видимо, не знакомъ съ новѣйшей исторіей Россіи: на стр. 136-й русскаго перевода мы узнаемъ, что въ эпоху реформъ императора Александра II были учреждены въ Россіи для урегулированія отношеній между крестьянами и помѣщиками «сѣзды мировыхъ судей». Что чехъ Голечекъ могъ смѣшать мировыхъ посредниковъ съ мировыми судьями, или же просто не сумѣлъ выразить на чешскомъ языкѣ слова «посредникъ», въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Но какимъ образомъ переводчикъ, если даже и желалъ точно сохранить текстъ автора, не снабдилъ этого мѣста хотя бы подстрочнымъ примѣчаніемъ для русскихъ читателей, совершенно непонятно. И что любопытнѣе всего, слово «мировой» напечатано не одинъ, а нѣсколько разъ черезъ і десятиричное, о чемъ при перечисленіи «вредныхъ» опечатокъ ничего не упомянуто; надо думать, что орфографія этого слова извѣстна переводчику не болѣе, чѣмъ самый институтъ мировыхъ посредниковъ.

К. Лосскій.

Къ столѣтію комитета министровъ (1802—1902). Наша желѣзнодорожная политика по документамъ архива комитета министровъ. Историческій очеркъ. Томы III и IV. Томъ III составленъ начальникомъ отдѣленія канцеляріи комитета министровъ Н. А. Кислинскимъ, подъ главною редакціею статсъ-секретаря Куломзина. Томъ IV составленъ начальниками отдѣленій канцеляріи министровъ княземъ П. В. Чегодаевымъ, княземъ Татарскимъ (главы I—III) и Н. А. Кислинскимъ (главы IV и V), подъ главною редакціею статсъ-секретаря Куломзина.

Спб. 1903.

По выходѣ первыхъ двухъ томовъ этого прекраснаго и интереснѣйшаго изданія юбилейнаго характера, составленныхъ также г. Кислинскимъ, мы дали о нихъ коротенькій отчетъ, вскользь подчеркнувъ все, что можно найти въ нихъ интереснаго и оригинальнаго въ историческомъ смыслѣ. Теперь, когда передъ нами лежитъ вся работа законченной и, притомъ, именно въ этихъ двухъ томахъ, законченныхъ свѣдѣніями особенно интересными, такъ какъ они касаются дѣятельности комитета министровъ въ желѣзнодорожной политикѣ за время царствованія императора Александра III и нынѣ благополучно царствующаго государя императора, мы можемъ съ еще большимъ правомъ повторить однажды уже сказанное, что это обширное, подробное и авторитетное историческое изслѣдованіе желѣзнодорожнаго вопроса въ его цѣлокупности состав-

влено превосходно и изобилует массою самых интересных и притомъ безусловно достовѣрныхъ свѣдѣній, бросающихъ на все наше желѣзнодорожное дѣло, за послѣдній періодъ его существованія, свѣтъ неподкупной и нелюбопытной исторической достовѣрности. Будущему историку нашей эпохи, преимущественно желѣзнодорожной, эта классическая работа дастъ богатѣйшій матеріалъ для выводовъ, какъ специальныхъ, такъ и общихъ, касающихся вообще характера и направленій нашихъ правящихъ идей въ періодъ конца XIX вѣка.

Мы надѣемся имѣть возможность, въ особой статьѣ, если не исчерпать, то хотя бы затронуть тѣ богатства фактическаго матеріала, какія собраны въ этомъ юбилейномъ изданіи, по важнѣйшему культурно-техническому вопросу, по постройкѣ и эксплуатациіи желѣзныхъ дорогъ въ наше время. Здѣсь же вкратцѣ позволимъ себѣ подчеркнуть слѣдующее.

Какъ извѣстно, практика нашего частнаго строительства, благодаря гарантіи правительства, привела наше финансовое вѣдомство едва ли не къ банкротству. Не будетъ слишкомъ большою рѣзкостью сказать, что эта практика являлась прямымъ и безказаннымъ грабительствомъ государства и его кореннаго достоянія, и притомъ не общихъ, а частныхъ доходовъ ради.

Высокій царственной простотой своей, въ Божѣ почивающій императоръ Александръ III, понимавшій великое значеніе этихъ путей сообщенія въ насущнѣйшихъ интересахъ государства и потому являвшійся инициаторомъ такого громаднаго и дорого стоящаго пути, какъ Сибирскій,—не могъ выносить ничего нечестнаго и неяснаго въ денежномъ хозяйствѣ государства и однимъ изъ первыхъ актовъ своего царствованія поставилъ вопросъ: о переходѣ желѣзныхъ дорогъ, уже работавшихъ, въ вѣдѣніе казны, а также о постройкѣ въ дальнѣйшемъ желѣзныхъ дорогъ только казеннымъ хозяйствомъ.

Разъясненіемъ способовъ перехода частнаго желѣзнодорожнаго хозяйства въ руки казны, а также дальнѣйшей ихъ постройки средствами казенными, и заняты вышедшіе два послѣдніе тома исторической монографіи г.г. Кислинскаго и князя Чегодаева-Татарскаго. Нѣтъ цифръ болѣе интересныхъ, болѣе живыхъ, какъ тѣ, которыя здѣсь приводятся, въ то же время нѣтъ повѣсти печальнѣе на свѣтѣ, какъ повѣсть о дальнѣйшей политикѣ нашихъ желѣзныхъ дорогъ.

Понять это легко и просто потому, что, несмотря на суровыя резолюціи государей, какъ на отчетахъ контроля, такъ и на донесеніяхъ комитета, а также на докладахъ министровъ финансовъ и путей сообщеній, въ концѣ концовъ, мы опять пришли къ тому, съ чего начали, и сегодня еще жители столицы могутъ видѣть постройку прекраснаго вокзала Виндаво-Рыбинско-Московско-Кіевской дороги на мѣстѣ бывшаго Царскосельскаго, средствами гарантированнаго въ своихъ бенефисахъ частнаго строительно-желѣзнодорожнаго общества, независимо отъ того, что его линіи перекрещиваютъ всю Россію, первая съ востока на западъ двумя параллельными направленіями, начинающимися одно отъ Волги у Рыбинска до порта у Риги, другая у Москвы, и идущая къ Виндавѣ къ тому же морю, а вторая поперекъ первыхъ двухъ, длинная тысячеверстная линія, идущая отъ Петербурга къ Витебску и далѣе къ Дитвиру и затѣмъ останавливающаяся у Кіева, на крайнемъ западѣ имперіи.

Нельзя сказать, чтобы это была плохая, сомнительная дорожка. Чего лучше! Волга, затѣмъ два лучшихъ порта на Балтикѣ, одинъ не надолго замерзающій у Риги, а другой почти совсѣмъ не замерзающій у Виндавы, и въ концѣ концовъ Петербургъ, Новгородъ Великій, Витебскъ и Кіевъ съ прорѣзомъ земель исковскихъ и бѣлорусскихъ, на которыхъ вѣтъ конкурирующихъ направленій. Все взятое вмѣстѣ и порознь сулитъ хорошія бенефиціи эксплоататорамъ этихъ направленій, заручившимся хорошенькой гарантіей, въ теченіе первыхъ 6-ти лѣтъ безъ возврата, а затѣмъ еще въ теченіе 5-ти лѣтъ съ возвратомъ казнѣ, конечно, какъ это было и ранѣе при выкупѣ дороги по страшно повышенной цѣнѣ сравнительно съ ея дѣйствительной и нормальной стоимостью. Словомъ, путемъ большихъ жертвъ казна взяла изъ частныхъ рукъ болѣе чѣмъ 40-тысячную сѣтъ желѣзныхъ дорогъ въ свои руки, а затѣмъ, какъ-то не вполне будто бы сознательно, стала отдавать постройку новыхъ важныхъ въ военномъ и торговомъ отношеніяхъ линій въ руки гарантированныхъ строителей частнаго характера. И Виндаво-Рыбинско-Московская дорога не одна. Въ настоящее время такихъ линій много, хотя очень немногія изъ нихъ пользуются гарантіей правительства на капиталъ, страшно раздутый всѣмъ, чѣмъ угодно, но только не самой постройкой такихъ частныхъ (будто бы) линій. Здѣсь мы только указываемъ на общій характеръ сообщеній, которыя всякій желающій найдетъ въ лежащихъ передъ нами двухъ послѣднихъ томахъ подробнаго и авторитетнѣйшаго изслѣдованія этого важнаго дѣла. Къ выясненію же вопроса о способахъ дальнѣйшей эксплоатаціи и постройки желѣзныхъ дорогъ мы думаемъ еще вернуться, при чемъ остановимся болѣе детально на тѣхъ интереснѣйшихъ свѣдѣніяхъ, какія заключаются въ рецензируемомъ документальномъ сочиненіи. Но, чтобы не слишкомъ заинтриговать читателя, мы сейчасъ же скажемъ, что вовсе не являемся принципиальнымъ противникомъ частнаго строительства, а тѣмъ болѣе частной эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ, такъ какъ не ошибались тѣ государственные люди эпохи Александра II, которые воочію видѣли, во что обошлось Россіи неимѣніе хорошихъ путей сообщеній въ эпоху Крымской кампаніи, и потому слишкомъ широко, слишкомъ очертя голову, бросившіеся въ омутъ частнаго желѣзнодорожнаго строительства на иностранные капиталы, да еще гарантированные доходами нашего государственнаго казначейства. Вѣдь то же сдѣлали и другія государства Европы. Въ Бозѣ почивающій императоръ Александръ III вполне вѣрно оцѣнилъ невыгоду такого порядка вещей и старался мѣрами рѣзкими положить этому грабительству надлежащія предѣлы. И это удалось ему въ степени достаточной. Но вся бѣда частнаго строительства лежала въ гарантіи, а не въ чемъ иномъ. Напротивъ, все, кромѣ гарантіи, въ частныхъ рукахъ концессионеровъ, работающихъ подъ надзоромъ правительственныхъ агентовъ, было не только не хуже, но и лучше безконтрольнаго на самомъ дѣлѣ казеннаго хозяйства. Повидимому, эта сторона дѣла не осталась незамѣченной нашими министрами, и въ результатѣ получились тѣ компромиссы, между однимъ порядкомъ и другимъ, въ которыхъ, какъ и во всѣхъ компромиссахъ вообще, исчезаетъ руководящая принципиальная логика, и получается что-то и въ ту и въ другую сторону половинчатое и двусмысленное. Въ этихъ условіяхъ, можетъ быть, не худо было бы

испытать систему аренды на сроки болѣе или менѣе длинныя. Тутъ сохранялись бы, или могли бы сохраниться, выгоды какъ частной инициативы, способной рисковать, такъ и казеннаго наблюденія, въ общихъ государственныхъ интересахъ, хорошо, прочно и разумно поставленнаго.

Въ нѣкоторомъ родѣ гарантія условная и временная, данная виндавскому обществу, довольно близко подходитъ къ понятіямъ объ арендѣ и въ этомъ смыслѣ не можетъ быть чрезмѣрно нарекаемой. Уже одно то, что гарантія дана на 6-ть лѣтъ, показываетъ, что уроки прошлаго были приняты во вниманіе, и опытъ не остался вполнѣ безплоднымъ. Но вѣдь и маленькая каменная болѣзнь много хуже большого деревяннаго дома?! Съ этой, покуда аферистической, точки зрѣнія всего лучше было бы смотрѣть на вопросъ о частной эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, какого бы то ни было промышленно-стратегическаго значенія. Вообще человѣчество станетъ разумнымъ только тогда, когда безстрашно будетъ вѣрить опыту и слушать разума вещей, безъ чего всякія самыя прискорбныя ошибки неизбежны. Классически правильная резолюція императора Николая I на просьбѣ инженера Герстнера о гарантірованіи линіи желѣзной дороги отъ Петербурга въ Москву: «пусть Герстнеръ покажетъ мнѣ свои капиталы, тогда я дамъ на нихъ свою гарантію», — лучше многословныхъ разсужденій доказываетъ, что пониманіе вреда гарантій существовало въ полной силѣ раньше, чѣмъ было приступлено къ сооруженію даже такой линіи, какъ Николаевская. Очевидно, не въ недостатокъ пониманія суть. Такъ въ чемъ же? На этотъ вопросъ, само собой приходящій на умъ при ознакомленіи съ этимъ дѣломъ, мы и постараемся отвѣтить въ другомъ мѣстѣ.

В. П—въ.

Рыбье слово. А. А. Измайлова (Смоленскаго). Повѣсти и разсказы. Изданіе П. П. Сойкина. Спб. 1903.

Разсказы г. Измайлова читаются легко и съ интересомъ. Они написаны хорошимъ, литературнымъ языкомъ. Главное же ихъ достоинство заключается въ томъ, что всѣ они, повидимому, не выдуманы, а какъ бы сфотографированы съ дѣйствительной жизни; несомнѣнно, авторъ обладаетъ большою наблюдательностью и хорошо изучилъ тотъ міръ, гдѣ живутъ герои его повѣстей. Вотъ, напримѣръ, «живописецъ» могильныхъ досокъ и надписей Аѳанасій Клычковъ—герой разсказа «Рыбье слово». Передъ читателемъ проходитъ совсѣмъ живой челоѣкъ, со всѣми его будничными «злобами дня», съ недостатками и слабостями въ видѣ «запоя», съ этой вѣчной, лихорадочной погоней за хлѣбомъ насущнымъ. Званіе и достатокъ своихъ заказчиковъ Клычковъ опредѣляетъ сразу, съ одного взгляда: если онъ «благородный», то предлагалъ ему «доску попрочнѣе и посерьезнѣе — круглую, четырехугольную или продолговатую; фонъ—какой угодно... подъ березку, напримѣръ: какъ на свиткѣ берестовомъ будетъ написано: сверху и снизу словно бы загнувши, по серединѣ розовый фонъ—и подъ бересту раздѣлано... Тутъ, стало быть, имя напишемъ и фамилію, а тутъ—стихъ можно пустить... Вызу уборочку и фуфлону, если пожелаете?»...

Заказчиками Клычкова были, по преимуществу, «мелкій купецъ, мѣщанинъ, небогатый ремесленникъ и ихъ вдовы—тотъ народъ, который рано выходитъ въ жизнь, рано женится, ютится въ дымныхъ квартирахъ, не привыкъ переплачивать копейки и не считаетъ потерю достоинства разыскиваніе по задворкамъ нужнаго человѣка. Живописецъ выходилъ къ нимъ въ своемъ обычномъ костюмѣ—распоясанной ситцевой брузѣ, въ опоркахъ на босу ногу, вздохмаченный и три дня не мывшійся, и вводилъ гостя въ студию. Маленькая его коморка была увѣшана подносами, картинками изъ журналовъ, готовыми и только еще замалеванными досками. Пахло скипидаромъ, варенымъ масломъ и лакомъ. У единственнаго окна, въ которое падалъ свѣтъ, стоялъ подпильный табуретъ, служившій сидѣльемъ»... «Самостоятельный заказчикъ», богатый, рѣдко заглядывалъ къ этому горе-живописцу: таковые шли къ монументальныхъ дѣлъ мастерамъ и скульпторамъ. «Для покойниковъ разныхъ возрастовъ у Клычкова были приготовлены различные шаблоны. Надъ младенцемъ умѣстенъ тихій и нѣжный мотивъ, безъ отгѣнка отчаянія. «Тихе листья, не шумите,—мово сына не будите». Точно, и въ самомъ дѣлѣ, тихо и чуть слышно лепечуть листья березы въ безвѣтренной глуши, въ молчаніи лѣтнихъ сумерекъ... Надъ могилой друга прилично высказать философскую мысль о житейской суетѣ: «Друзья! пойдемъ съ душой унылой послѣдній праху долгъ отдать; поплачемъ надъ его могилой: намъ тоже надо умирать»... Умершую дѣвицу «авторъ» сравнивалъ «съ пальмой горделивой»... Эпитафін надъ отцами семействъ украшали почившихъ всѣми возможными семейными добродѣтелями»...

Иногда этого маленькаго человѣчка обижаютъ большіе люди, стараясь «урвать», не доплатить. Онъ все теритъ кротко, молча и незлобиво. Но когда на него находилъ запой, онъ былъ безжалостенъ и, если встрѣчалъ своего обидчика лицомъ къ лицу, выкрикивалъ сму, «какъ изъ граммофона», горькія и оскорбительныя для него истины. Иногда, впрочемъ, онъ мстилъ болѣе ядовито и остроумно. Разъ, напримѣръ, богатый купецъ Матвѣй Васильевичъ Дулинъ, владѣлецъ трехъ рыбныхъ лавокъ въ ихъ кладбищенскомъ околоткѣ, заказалъ Клычкову подновить вывѣски къ своимъ лавкамъ; тотъ исполнилъ заказъ «на совѣсть», а купецъ все-таки его обсчиталъ и не доплатилъ. Тогда живописецъ пригрозилъ купцу:—Не спокаяться бы вамъ, купецъ!..

«Дулинъ размѣялся:—Не въ судъ ли пойдешь? Приходите, господа приказчики, аблакаты послушать. Али, можетъ, ты рыбье слово знаешь?

«Приказчики хохотали. Анасій былъ оскорбленъ и возмущенъ:—Можетъ, и знаю... Не пришлось бы спокаяться!»...

И вотъ, черезъ два дня послѣ рѣшительнаго объясненія съ Дулинымъ, «на окошкѣ мастерской Клычкова появилось его новое произведеніе—тщательно выписанная доска, на которой разноцвѣтными буквами было изображено: «На семь мѣстъ покоится бревенный прахъ купца второй гильдіи Матвѣя Васильевича Дулина, скончавшагося сего 10 апрѣля 18.. года, не испытавъ супружескаго счастья»...

Мы сдѣлали коротенькій пересказъ лишь одного разсказа г. Измайлова. Въ книгѣ такихъ разсказовъ одиннадцать, и всѣ они болѣе или менѣе инте-

ресны; рассказ же «Вампиръ», взятый изъ литературнаго міра и изображающій «будничныя заботы» мелкихъ литературныхъ труженниковъ, репортеровъ, отстаивающихъ свои отчеты и счета строкъ, прямо списанъ съ натуры. Незвѣстно, почему прелестный, коротенькій—всего въ три съ половиною страницы—эпическій рассказъ «Сонъ въ лѣтнюю ночь», написанный языкомъ былинъ да еще рифмованными и довольно гладкими стихами, авторъ соединилъ въ прозу... Очень жаль: стихотвореніе это, хотя и напоминаетъ отчасти—по вѣшной формѣ—«Потока-Богатыря» А. Толстого, но по своему содержанію и по сюжету—совершенно оригинально и очень поэтично.

Книга А. А. Измайлова издана хорошо, и цѣна ей—1 рубль—недорогая.

И. Н. З.

Владимирское православное братство св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго. Отчетъ о дѣятельности братства за 1900—1901 г. Вязники. 1902.

Въ отчетѣ Владимирскаго братства, начавшаго 23-й годъ своего существованія, главное вниманіе отдано школамъ и борьбѣ съ расколомъ. Въ 1900—1901 г. церковно-приходскихъ школъ во Владимирской епархіи было 494, а школъ грамоты—165. Въ нихъ обучалось 27.188 дѣтей обоого пола. Кромѣ того, на попеченіи братства находятся двѣ школы иконописанія (128 учен.), одна школа пчеловодства и курсы церковнаго пѣнія и чтенія (11 учениковъ).

Такъ какъ Владимирская губернія представляетъ одно изъ главныхъ мѣстъ упорнаго старообрядчества, ведущаго свое происхожденіе со временъ патріарха Никона и Никиты Пустосвята, то здѣшнее состояніе раскола въ настоящее время до нѣкоторой степени характеризуетъ положеніе его во всей Россіи; а потому мы болѣе внимательно остановимся на отчетѣ о борьбѣ съ раскольниками владимирскихъ миссіонеровъ.

По официальнымъ свѣдѣніямъ во Владимирской епархіи насчитывается до 37.000 раскольниковъ обоого пола. Въ дѣйствительности раскольниковъ болѣе, чѣмъ ихъ значится въ представляемыхъ приходскими священниками спискахъ. Кромѣ того, надо считать не меньше 1600 душъ обоого пола сектантовъ (молоканъ, штундистовъ и немного хлыстовъ).

Здѣшніе раскольники раздѣляются на слѣдующіе толки и согласія: спасовцевъ или нѣтовцевъ (по большому и малому началу) — до 19.000, австрійцевъ—болѣе 8.000, поморцевъ—до 5.500, едосѣвцевъ—до 2.000, бѣгуновъ—до 900, филипповцевъ—до 100, бѣглоповцевъ—50 и бѣлоризцевъ—около 50 душъ обоого пола.

Но не столько силенъ расколъ Владимирской губерніи своею численностью, сколько своею закоренѣлостью, вѣковою устойчивостью и неослабною пропагандою выдающихся расколуучителей. Особенно проявили здѣсь свою проповѣдническую дѣятельность, во-первыхъ, уроженцы Владимирской губерніи—Арсевій Швецовъ, раскольникій архіерей, Николай Першинъ и Иванъ Зыковъ; во-вторыхъ, пріѣзжія знаменитости—Кл. Аѳ. Перетрухинъ, Ив. Гр. Усовъ, А. С.

Старковъ, извѣстный слѣпецъ А. А. Коноваловъ и др. Составитель отчета замѣчаетъ, что въ каждый свой прїѣздъ сюда эти расколоучители столько успѣваютъ въ своей проповѣднической дѣятельности противъ православной церкви, что, послѣ ихъ отъѣзда, со стороны православныхъ дѣятелей требуется масса труда и усилій, чтобы хоть нѣсколько парализовать причиненный ими вредъ, хоть отчасти покоренить посѣянные ими клеветы. Такъ сильна и успѣшна теперь проповѣдь вѣроученія раскольниковъ! Но она еще болѣе усугубляется подпольною раскольническою литературою, напечатанною гектографическимъ способомъ или брошюрами, изданными въ Черновицахъ. Появился у раскольниковъ даже свой журналъ: «Слово правды». Съ развитіемъ грамотности неудержимо развивается и критика вѣроученія. Теперь уже мало интересуются измѣненіями въ обрядахъ, а больше говорятъ о греко-болгарской распрѣ, о недостаткахъ въ современномъ управленіи русской церкви, о личности патріарха Никона по XII-му тому исторіи русской церкви митрополита Макарія и т. п.

Вообще можно сказать, расколъ послѣ двухвѣковой борьбы сталъ теперь на твердыя ноги; чтобы расшатать его нашимъ миссіонерамъ, потребуется немало значительныхъ усилій.

Впрочемъ, есть слабое мѣсто въ расколѣ, чрезъ которое, какъ чрезъ брешь въ стѣнахъ крѣпости, православные миссіонеры врываются въ самыя нѣдра раскола и ежегодно отторгаютъ отъ него сотни и тысячи душъ христіанъ. Брешь, или, лучше сказать, множество трещинъ, это — дѣленіе раскольниковъ на толки и согласія, ихъ религиозные споры и борьба партій. Многочисленные спасовцы враждуютъ изъ-за большого и малаго начала. Противоокужники ведутъ борьбу противъ окужнической австрійщины, поморцы — противъ пріемлющихъ священство. Ни одна секта, ни одинъ толкъ или согласіе не уживается мирно съ другимъ. Когда религиозный диспутъ происходитъ между православнымъ миссіонеромъ и раскольниковъ - начетникомъ, то очень часто онъ проходитъ безъ благопріятныхъ результатовъ; но публичное собесѣдованіе представителей двухъ разныхъ толковъ всегда въ раскольникахъ пробуждаетъ сильную критику на свое вѣроученіе, которая въ концѣ концовъ побуждаетъ ихъ обратиться къ православной церкви. Подобныя бесѣды, по отзыву одного изъ мѣстныхъ священниковъ, заслуживаютъ большаго вниманія, чѣмъ бесѣды православныхъ съ раскольниками. Въ публичныхъ диспутахъ выступаетъ на первомъ планѣ не исканіе истины, а желаніе побѣдить, унижить противника, при чемъ разгораются страсти, и вмѣсто кротости и смиренія христіане проявляютъ гордость и самолюбіе. Поэтому гораздо большаго значенія достигаютъ частныя бесѣды ревнителей православія съ раскольниками. Къ сожалѣнію, послѣдніе не очень охотно вступаютъ въ частныя собесѣдованія съ профессиональными миссіонерами, считая ихъ за чиновниковъ, получающихъ жалованье. Такимъ образомъ добровольные неофіціальныя сѣятели благочестія (чаще всего народные учителя, грамотные крестьяне, книгоноши) въ случайной бесѣдѣ легче проникаютъ въ душу раскольника и сектанта, чѣмъ миссіонеры.

Составитель отчета оптимистически вѣритъ, что рано или поздно, а неизбежно наступитъ время, когда «средостѣніе», отдѣляющее нынѣ раскольниковъ отъ православныхъ, уничтожится (стр. 37).

Но нельзя не видѣть и того, что расколъ становится все болѣе и болѣе на твердую почву. Теперь, напримѣръ, у австрійцевъ, имѣется свое многочисленное священство, съ успѣхомъ выдержавшее сильную борьбу съ представителями православной церкви; у беспоповцевъ же имѣются опытные руководители, и ученіе свое они регламентировали въ широко распространяющихся многочисленныхъ спискахъ. Отсюда понятно ихъ удивительное упорство: «Вы что ни говорите намъ, батюшка,—такъ отвѣтилъ одинъ расколникъ миссіонеру,—а мы своей вѣры не перемѣнимъ; хотя ангелъ съ неба явись намъ, да скажи: «вы де вѣруете неправильно»,—мы и ему не повѣримъ». Н. Н.

Профессоръ Н. Ѳ. Сумцовъ. Очерки народнаго быта. Харьковъ. 1903.

По порученію предварительнаго комитета XII археологическаго съѣзда, проф. Сумцовъ совершилъ въ іюль и августѣ 1901 года экскурсію по Ахтырскому и Лебединскому уѣздамъ Харьковской губерніи, собирая матеріалы для этнографической выставки. Результатомъ этой поѣздки оказались: съ одной стороны, экспонировавшіяся минувшею осенью, цѣнные этнографическія коллекціи, съ другой же — рядъ живыхъ этюдовъ, навѣянныхъ близкимъ знакомствомъ съ народной средой и непосредственнымъ общеніемъ съ населеніемъ живописнаго края, сохраняющимъ еще многія хорошія національныя черты (стр. 57).

«Очерки народнаго быта», сначала печатавшіеся въ «Южномъ Краѣ» и «Сборникѣ историко-филологическаго общества», нынѣ же составившіе отдѣльную книжку, заслуживаютъ серьезнаго вниманія всѣхъ, интересующихся южно-русской этнографіей.

Профессоръ Сумцовъ дѣлитъ собранный имъ матеріалъ на двѣ части: въ первой—онъ сообщаетъ читателямъ свои путевыя впечатлѣнія, подробно останавливаясь на остаткахъ «старинны глубокой», — курганахъ, встрѣчающихся на проложенномъ еще татарами шляхѣ Сагайдакѣ, характеризуя бытъ города Ахтырки и описывая особенности жизни слоб. Котельвы, Боромли и Люджи. Этюды эти, составляя меньшую часть книги и отличаясь добросовѣтною подробностью изложенія, обличаютъ въ авторѣ наблюдательнаго изслѣдователя, но по цѣнности значительно уступаютъ второй половинѣ «Очерковъ», гдѣ проф. Сумцовъ касается общихъ вопросовъ жизни и быта ахтырскихъ крестьянъ. Говоря объ ихъ промыслахъ, авторъ даетъ намъ любопытныя свѣдѣнія о положеніи набоченаго и гончарнаго мастерства, при чемъ особеннаго вниманія заслуживаютъ страницы, посвященные «школѣ гончаровъ», основанной Ѳед. Ром. Падалкою въ селеніи Межричѣ, и Петропавловской ярмаркѣ въ Боромлѣ, но особенно важны данныя о сельскомъ врачеваніи. Знахарство продолжаетъ процвѣтать въ сельской средѣ, и проф. Сумцовъ приводитъ свои наблюденія надъ лѣченіемъ зубной боли и покусовъ бѣшеными животными, сообщая интересныя его послѣдствія. Популярность знахарей въ Харьковской губерніи, несмотря на близость крупнаго центра, все еще широка, хотя такого страха, какой возбуждали знахари въ старое время, какимъ они окружены и нынѣ во

многих великорусскихъ селахъ, по свидѣтельству проф. Сумцова, среди малороссовъ не замѣтно. Постепенно село освобождается отъ колдовства и знахарства. Народная школа и военная служба, поднимая умственный уровень населенія, вносятъ начала сомнѣнія и критики, подрывая старое традиціонное мистическое воззрѣніе. У знахарей, кромѣ того, появились неприятели для нихъ сосѣди — земскій врачъ и фельдшеръ (стр. 51). Земская медицина, отобравъ видную долю ихъ врачебной практики, пускаетъ въ народѣ глубокіе корни. Населеніе привыкаетъ къ врачамъ, начинаетъ относиться къ нимъ съ довѣріемъ и ищетъ у нихъ помощи. Но еще крѣпко держится архаическая точка зрѣнія на лѣченіе, какъ на своего рода колдовство, та мысль, что врачъ долженъ сразу вылѣчить, и данное имъ лѣкарство должно представлять быстро дѣйствующее средство. Систематическаго продолжительнаго лѣченія крестьяне не понимаютъ и не признаютъ; при долгомъ лѣченіи они плохо выполняютъ совѣты врача (ст. 53).

Въ очеркѣ, затрогивающемъ ущербъ народнаго быта и морали, проф. Сумцовъ указываетъ на паденіе чумачества, пчеловодства и хозарства, вносявшихъ въ жизнь нравственную выдержку, выносливость и привязанность къ порядку, видитъ въ немъ одну изъ ближайшихъ причинъ ослабленія моральной дисциплины, старинные устои которой подъ разнообразными вліяніями потеряли прочность, а новые еще не выяснились или крайне случайны. Самымъ могучимъ новымъ факторомъ обѣщаетъ быть образованіе вообще, а женское въ частности; но оно теперь еле просачивается въ сельской буржуазіи и почти не замѣтно въ смыслѣ развитія педагогической морали (стр. 27). Правда, кое-какую опору представляетъ земство, но и эта опора очень скромная, въ чемъ легко убѣдиться при разсмотрѣніи земской сметы денежныхъ и натуральныхъ повинностей на 1898 годъ, приводимой проф. Сумцовымъ. Выдѣливъ на медицину 31 тыс. рублей и на школы 23 тыс. рублей, земство ассигнуетъ «на общія мѣры по распространенію образованія среди населенія», всего лишь 109 рублей (стр. 31). Не многого можно добиться на такія, больше чѣмъ скромныя средства.

Не претендуя на полноту и всесторонность ученаго изслѣдованія, «Очерки народнаго быта» проф. Сумцова, являясь полезнымъ вкладомъ въ этнографическое описаніе Малороссіи, написаны живымъ, легкимъ и образнымъ языкомъ, отчего прочтутся съ удовольствіемъ не только учеными специалистами, но и обширнымъ кругомъ такъ называемой «большой публики».

Сергѣй фонъ-Штейнъ.

И. Ф. Павловскій. Полтава въ началѣ XIX вѣка. Очерки по архивнымъ даннымъ. Выпускъ I. Кіевъ. 1902.

Настоящій выпускъ охватываетъ собою эпоху князя А. Б. Куракина въ качествѣ генераль-губернатора города Полтавы (за 1802—1808 г.г.), которая въ прошломъ году справляла свой столѣтній юбилей, какъ губернский городъ. Характерною особенностью труда, отличающею его отъ предшественниковъ, цѣнныхъ работъ Бодянскаго, Бугневича и др., является изобразеніе прошлаго

Полтавы исключительно по даннымъ, заимствованнымъ изъ архивовъ полтавскаго губернскаго правленія, городской думы, приказа общественнаго призрѣнія, губернскаго земства и др. Это обстоятельство значительно повліяло на содержаніе книги, которая выясняетъ, по преимуществу, дѣятельность князя Куракина на почвѣ преобразования Полтавы изъ «скромнаго полкового городка» въ губернской городъ, нежели дѣйствительный ростъ этого города. Многія подробности, быть можетъ, характерныя для обрисовки самого генералъ-губернатора, какъ чловѣка и начальника, нашли себѣ мѣсто вовсе не по заслугамъ, какъ, напримѣръ, безгласность и несамостоятельность лицъ городского управленія, стоимость бумаги (стр. 35) и т. п.

Въ текстѣ помѣщено много весьма интересныхъ рисунковъ, съ технической стороны мало удовлетворительныхъ. Можно утверждать, что трудъ г. Павловскаго является интереснымъ дополненіемъ къ предшествующимъ работамъ по исторіи Полтавы и будетъ прочитанъ съ удовольствіемъ, особенно мѣстными жителями и дѣятелями.

Н. Ф.

Мееропъ Теръ-Мовсеянъ. Исторія перевода Библии на армянскій языкъ. Спб. 1903.

Переводъ книгъ св. писанія былъ однимъ изъ крупнѣйшихъ культурныхъ моментовъ въ жизни армянскаго народа. Съ этого перевода фактически начинается литературная дѣятельность армянъ, при чемъ ихъ письменность съ самаго начала принимаетъ церковно-богословскій характеръ, а выдающіеся армянскіе писатели почти всѣ являются воспитанными на Библии духовными лицами.

Въ виду такого культурнаго значенія для армянъ библейскихъ книгъ, изслѣдованіе того или другого вопроса, касающагося текста армянскаго перевода священнаго писанія, является немаловажнымъ вкладомъ въ науку.

Работа о. М. Теръ-Мовсеяна—члена братіи эчміадзинскаго монастыря—имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, изученіе относящагося къ армянскому тексту Библии рукописнаго матеріала. Давно занимаясь описаніемъ армянскихъ рукописей эчміадзинской библіотеки, авторъ убѣдился, «что непосредственнымъ изученіемъ этого матеріала (мы) можемъ установить первоначальный армянскій канонъ священнаго писанія и его постепенное нарожденіе, опредѣлить время дополненій въ текстѣ, уяснить, какимъ образомъ и когда армянская вульгара получила свой настоящій видъ... Этотъ матеріалъ даетъ намъ возможность съ достаточной опредѣленностью уяснить характеръ и значеніе работы отдѣльных періодовъ надъ самымъ текстомъ и не приписывать всей работы перевода только переводчикамъ пятаго вѣка» (Предисловіе, стр. IV—V).

Отдѣльно отмѣтимъ, что авторъ обратилъ надлежащее вниманіе также и на списки канона священнаго писанія и апокрифы, имѣющіеся въ спискахъ Библии на ряду съ книгами священнаго писанія.

Z.

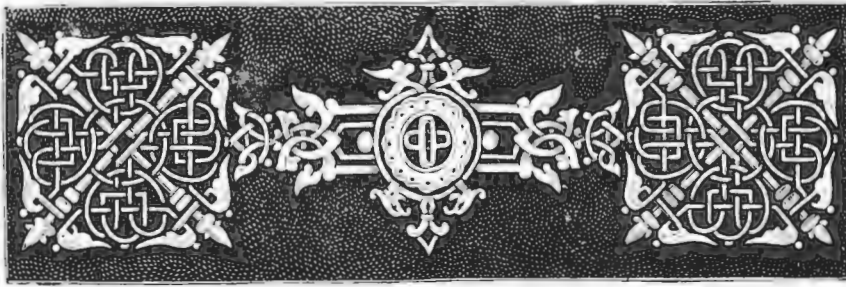
Литературное дѣло. Сборникъ. Спб. 1902.

Группа литераторовъ, связанная, повидимому, между собою общностью воззрѣній и взглядовъ на различные политико-экономическіе и социальные вопросы, возникшіе за послѣднее время въ русскомъ обществѣ, издала недавно «сборникъ» своихъ произведеній, напоминающій альманахи былыхъ временъ. Альманахи двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ имѣли свое *raison d'être*, такъ какъ количество журналовъ было въ то тяжелое время крайне ограничено, и люди извѣстнаго кружка или партіи, не находя для себя подходящаго печатнаго органа, прибѣгали поневолѣ къ этимъ «сборникамъ». Та же, кажется, причина вызвала и появленіе настоящей книги, вышедшей съ рассказами, очерками и стихотвореніями слѣдующихъ авторовъ: Евг. Чирикова, Скитальца, Евг. Тарле, А. Вербова, В. Богучарскаго, В. Вересаева, С. Булгакова, А. Лукьянова, В. Дмитріевой, Н. Бердяева, Вас. Брусянина, Г. Галиной, Ив. Новикова, Ив. Странника, Вл. Муринова и Ев. Аничкова.

Въ «сборникѣ» есть нѣсколько интересныхъ статей. Недуренъ рассказъ г-жи Дмитріевой «Вошки», бытовые картины г. Чирикова «На дворѣ и во флигелѣ» и статья г. Богучарскаго «Декабристъ-литераторъ», написанная отчасти по матеріаламъ, появившимся въ журналѣ «Древняя и Новая Россія» въ 1877 году, редактировавшемся С. Н. Шубинскимъ. Съ большимъ интересомъ читается также и статья г. З. К. «Максимъ Горькій въ иностранной критикѣ», хотя интересъ этотъ нѣсколько отрицательнаго свойства: авторъ статьи знакомитъ насъ съ тѣми нелестными мнѣніями о Россіи и ея современной литературѣ, которыя составляютъ въ иностранной литературѣ, благодаря произведеніямъ М. Горькаго. Вотъ, напримѣръ, нѣсколько отдѣльныхъ мыслей по этому предмету, высказанныхъ извѣстнымъ французскимъ критикомъ М. де-Вогюе: онъ находитъ, что вѣчно повторяющійся типъ въ произведеніяхъ названнаго писателя есть собственно «демократизированный идеалъ прежняго аристократическаго романтизма; это — Манфредъ и Ролла въ лохмотьяхъ, Онѣгинъ и Печоринъ, смѣнливпіе плащъ Чайльдъ-Гарольда на красную рубашку мужика. Скука, тоска, разочарованіе въ жизни гонитъ этихъ людей съ мѣста на мѣсто, побуждаетъ ихъ ко всѣмъ тѣмъ «жизненнымъ тратамъ», гдѣ забвеніе покушается цѣною риска, толкаетъ ихъ къ разнаго рода безумствамъ, а чаще всего къ кабаку». Находя рассказъ М. Горькаго «Мальва» *chef d'oeuvre* ономъ, М. де-Вогюе считаетъ все-таки, что «въ общемъ рассказы этого автора производятъ неопредѣленное впечатлѣніе удручающей тоски; тяжелый кошмаръ давитъ душу и, продолжаясь, становится невыносимымъ». Судя по произведеніямъ Горькаго, можно подумать, что «вся Россія не что иное, какъ большой кабакъ въ темной ямѣ, пропахнувшій потомъ, саломъ и керосиномъ, гдѣ появляются оборванные бродяги, которые стонутъ, проклинаютъ, выплевываютъ другъ другу въ лицо свои истины и утопаютъ въ океанѣ водки»...

Еще рѣзче и опредѣленнѣе охарактеризовалъ «поэзію» М. Горькаго въ октябрьской книгѣ «Revue des Revues» нѣкто г. Savitch, въ своей статьѣ «Le poète des vagabonds et des voleurs — Maxime Gorki». Уже по одному заглавію статьи можно судить, какое тяжелое и, въ сущности, ложное пониманіе о Россіи составляетъ за границей, благодаря «пѣвцу въ станѣ русскихъ... босяковъ»...

И. Н. З.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ПОХА Возрожденія. На-дняхъ вышелъ наконецъ первый томъ обширной монографіи¹⁾ новой исторіи, которую задумалъ лордъ Актонъ, самый выдающійся профессоръ Кэмбриджскаго университета. Въ виду его смерти эту задачу приходится исполнить его товарищамъ, такъ какъ онъ и самъ хотѣлъ придать коллективную форму своему труду. Общую редакцію лордъ Актонъ завѣщаль тремъ историкамъ: ректору Питергаугской коллегіи, Джорджу Протеро, и Станлею Литсу, которые въ своемъ предисловіи говорятъ, что ихъ цѣль заключается въ томъ, чтобы «издать для пользы общихъ читателей результатъ трудовъ XIX столѣтія относительно новой исторіи». Новая исторія, по словамъ самого лорда Актона, обнимаетъ ту часть всеобщей исторіи, которая начинается четыреста лѣтъ тому назадъ, именно великую эпоху Возрожденія знаній въ XV столѣтіи, и умъ человѣческій снимаетъ съ себя оковы, такъ долго его тяготившія. Конечно, коллективная форма труда, при которой различные авторы трактуютъ о различныхъ предметахъ, мѣшаетъ авторамъ высказывать общіе взгляды и во многомъ отношеніи уничтожаетъ единство труда. Но зато специалисты, изслѣдующіе свой любимый предметъ основательно, подробно и всесторонне, представляютъ обзоръ избранной ими эпохи. Такъ Э. Пэнъ, говоря о «Вѣкѣ открытій», нѣсколько расходится въ нѣкоторыхъ своихъ мнѣніяхъ съ А. Бари, Г. Ли, и Э. Армстронгомъ, авторами главъ, посвященныхъ «Католической Европѣ», «Наканунѣ реформации» и «Савонаролѣ». Но цѣнность ихъ самостоятельныхъ

¹⁾ The Cambridge Modern History. Vol. I. The Renaissance. Cambridge. 1903.

монографіи отъ этого нисколько не проигрываетъ, п если бы одинъ авторъ взялся за столь громадную работу, то единство было бы достигнуто за счетъ значенія отдѣльныхъ изслѣдованій. Естественно, что, когда вопросъ касается эпохи Возрожденія, то самое главное мѣсто выпадаетъ Италіи. Кромѣ уже означенныхъ статей объ Италіи, можно еще указать на прекрасныя мастерскіе очерки М. Бурда «Макиавелли и его ученіе» и Д. Гарнета «Римъ и свѣтская власть». Такъ какъ въ Испаніи никогда не было велико вліяніе эпохи Возрожденія, то, Б. Кларку которому выпало на долю трактовать объ испанскихъ событіяхъ того времени, встрѣчаются значительныя затрудненія, но онъ исполняетъ свою задачу съ точностью и блескомъ. Упомянемъ еще, что статья сэра Ричарда Джебба «Классическое Возрожденіе» представляетъ мастерское изслѣдованіе о развитіи классическаго знанія. При этомъ его трудъ отличается глубокими познаніями и литературной отдѣлкой.

— Луиза Лавальеръ. Новая книга Лэра, только что вышедшая въ Парижѣ, воскрешаетъ нѣсколько стертое временемъ воспоминаніе о поэтической любви къ Людовику XIV несчастной Лавальеръ ¹⁾. Благодаря слишкомъ подробному анализу документовъ, поэтическая окраска этой любовной связи между королемъ и Лавальеръ нѣсколько блѣднѣетъ такъ же, какъ и героическая рѣшимость послѣдней скрыться въ монастырѣ принимаетъ болѣе прозаическій оттѣнокъ. Людовику было двадцать три года, когда онъ познакомился съ Лавальеръ. Онъ былъ сильнымъ, здоровымъ, своевольнымъ юношей, не очень развитымъ умственно и мало знакомымъ съ житейскимъ опытомъ. Какъ, у большинства молодыхъ людей въ такомъ возрастѣ, его сердце неопредѣленно томилось, жаждало чего-то. Самъ онъ производилъ на женщинъ сильное впечатлѣніе, въ особенности, благодаря его исключительному положенію короля. Учтивый, величественный, благосклонный, взвѣшивавшій каждое слово и мало говорившій, онъ уже тогда обладалъ качествами, которыми не привлекалъ къ себѣ въ такой степени ни одинъ изъ французскихъ королей. Лавальеръ въ это время исполнилось семнадцать лѣтъ. Она не отличалась красотой и скорѣе была дурнушкой, вслѣдствіе своей чрезмѣрной худобы, дурныхъ зубовъ и хромоты. Но эти отрицательныя качества красоты искупались ея миловидностью и граціей, нѣжнымъ взглядомъ, полнымъ безграничнаго очарованія, восхитительнымъ и проникающимъ въ душу тембромъ голоса. Бѣлокурая, съ тонкой, даже слишкомъ худощавой тальей, она казалась изящной. Но главное привлекала короля ея молодость и невинность. Сердце у нея было золотое, притомъ она отличалась чистосердечіемъ, веселостью и скромностью. Для нея, мало знакомой съ придворной жизнью и только что произведенной во фрейлины, король представлялся чуть ли не богомъ. Сближеніе ихъ произошло при довольно обидныхъ для Лавальеръ обстоятельствахъ. Людовикъ XIV въ это время кокетничалъ съ своей невѣсткой Генріетой, веселой хохотуньей. Чтобы прикрыть свои отношенія и частыя свиданія, они рѣшили ввести въ заблужденіе окружающихъ, заставивъ ихъ думать, что король ухаживаетъ за одной изъ придворныхъ дамъ принцессы. Все это происходило вскорѣ послѣ его брака

¹⁾ Louise de La Valliere et la jeunesse de Louis XIV, par L. Lair. Paris. 1903.

съ Маріей-Терезой. На несчастіе Лавальеръ выборъ палъ на нее. Но этой фальшивой комедіи суждено было реализироваться. Такая роль взволновала Лавальеръ, она стала нервнѣе, и охватившая ее нѣжность опьянила короля. Эта перемѣна въ королѣ произошла въ теченіе двухъ недѣль. Наивная, невинная молодая дѣвушка совершенно поддалась повелительному эгоисту, не признававшему ничьей воли, кромѣ своей, и котораго ничто не могло удержать отъ удовлетворенія его капризной страсти. Людовикъ не думалъ болѣе ни о чемъ— ни о своемъ долгѣ, ни о королевѣ, которой предстояло дать ему перваго ребенка, ни о дурномъ примѣрѣ для подданныхъ, ни о скандалѣ, неминуемо вызываемомъ его поступкомъ. Наконецъ, въ Фонтенбло произошелъ окончательный результатъ этой страсти. Какой-то дворянинъ Сентъ-Эвъянь, цинично смѣясь, предложилъ королю ключъ отъ своей «конуры», находившейся подъ крышей дома, въ которомъ онъ жилъ, а самъ удалился. Побѣда короля была легкая, такъ какъ Лавальеръ недолго сопротивлялась. Любовь къ королю все глубже пускала корни въ душѣ Лавальеръ, и ею совершенно овладѣла безнадежная страсть женщины, которая разъ навсегда отдаетъ свое сердце. Съ своей стороны король отвѣчалъ на ея любовь, но по-своему; его властный эгоизмъ вполне выразился въ ихъ отношеніяхъ. Ревнивый до того, что не выносилъ со стороны Лавальеръ ни улыбки, ни одного слова, обращенныхъ къ другимъ, онъ самъ легкомысленно измѣнялъ ей. Лавальеръ съ каждымъ днемъ все болѣе страдала, совершенно подавленная его волей и все сильнѣе отдавалась своей страсти. Это господство Людовика надъ нею окончилось тѣмъ, что онъ сталъ понемногу охладѣвать, отдаваясь государственнымъ дѣламъ и празднествамъ. Долго эта связь оставалась въ тайнѣ. Застѣнчивая Лавальеръ продолжала считаться фрейлиной и не получала отъ короля никакихъ подарковъ. Цѣлыхъ два года Марія-Тереза даже не подозрѣвала объ этой связи, и только благодаря мести прежней любовницы Людовика XIV, г-жи Суассонъ, она узнала истину. Обыкновенно разсказывали историки, что послѣ того, какъ королева узнала о связи короля съ Лавальеръ, послѣдняя почувствовала безпокойство и вмѣстѣ съ тѣмъ угрызенія совѣсти. Совершенно иначе взглянулъ на это Лэръ; онъ говоритъ, что если въ началѣ въ ней проявились угрызенія совѣсти, то впоследствии ихъ не было; доказательствомъ вѣрности его мнѣнія онъ представляетъ то обстоятельство, что она продолжала эту связь тринадцать лѣтъ. Такимъ образомъ прежній ореолъ, которымъ была окружена Лавальеръ, нѣсколько разсѣивается. Когда у нея родился первый ребенокъ, то король помѣстилъ ее въ маленькомъ домѣ возлѣ Пале-Рояля, гдѣ теперь помѣщается лѣстница Контрольной Палаты. Онъ устроилъ ей обстановку, выплачивалъ пенсію и поручилъ кому-то о ней заботиться. Туда являлись молодые придворные играть въ карты и сражались на зеленомъ полѣ, какъ въ игорномъ домѣ. Дворъ обо всемъ зналъ. Ни одна честная женщина не желала ее видѣть. Съ этого момента интрига принимаетъ скверный характеръ, и Лавальеръ дѣлается «простой содержанкой». Видя нѣмое порицаніе окружающихъ, своевольный и гордый Людовикъ пошелъ наперекоръ и сталъ водить гулять Лавальеръ въ Версальскіе сады на глазахъ всѣхъ. Его мать, Анна Австрійская, сдѣлала ему сцену, послѣ которой онъ не хотѣлъ съ нею разговаривать. Онъ изгналъ всѣхъ, кто осуждалъ его поведеніе, и

такъ какъ религія являлась живымъ укоромъ, то Людовикъ пересталъ исповѣдываться. При дворѣ всѣ возненавидѣли Лавальеръ и называли не иначе, какъ «une fille». Несчастливая женщина продолжала оставаться «скромной и безобидной». Затѣмъ послѣдовалъ обыкновенный въ такихъ случаяхъ финаль—король покинулъ ее. Лефевръ Ормессонъ описываетъ Лавальеръ въ эту эпоху «исхудалой, съ провалившимися щеками, съ дурными зубами, такимъ же ртомъ и съ утолщеннымъ кончикомъ носа». Бѣдняжка завяла, и король отлетѣлъ отъ нея, какъ мотылекъ улетаетъ съ иссохшаго цвѣтка. Теперь король созрѣлъ, и уже не поэтическая нѣжность привлекала его взоръ, а чувственная страстная красота: мѣсто Лавальеръ заняла Монтеспанъ. Для Лавальеръ наступила эпоха безконечныхъ страданій и оскорбленій. Ея положеніе ширмы, послужившее поводомъ къ сближенію съ королемъ, было финаломъ ея свѣтской жизни, такъ какъ теперь она прикрывала отношенія Людовика съ Монтеспанъ. Послѣдняя была двадцати-цятилѣтняя красавица, замужняя и даже мать двоихъ дѣтей. Чтобы скрыть свою страсть къ ней отъ окружавшихъ, онъ задавалъ празднества и балы, бросая на нихъ бѣшенныя деньги. Нѣкоторое время отъ Лавальеръ скрывали эту страсть короля, который любя, своихъ четырехъ дѣтей, рожденныхъ отъ нея, публично узаконилъ дочь. Лавальеръ же онъ сдѣлалъ герцогиней и продолжалъ ее посѣщать, но былъ холоденъ и видимо скучалъ съ ней. Затѣмъ послѣдовали процессъ объ отравѣ, черная месса, посѣщенія отравительницы Вуазенъ и прочія позорныя ухищренія Монтеспанъ съ цѣлью притвориться королю и отдѣлаться отъ соперницы. Но онъ не допустилъ ни ареста ни казни. Ничто ни охладило страсти Людовика къ Монтеспанъ, и она добилась своей цѣли. Тогда на сцену явился ея мужъ, на годъ моложе ея, такой же порывистый и рѣшившійся упорно защищать свои права, крича направо и налево о страсти короля и устраивая ему скандалы. Людовикъ боялся его до того, что выѣзжалъ въ коляскѣ, окруженной всадниками, будто бы изъ боязни что его похититъ «сумасшедшій», какъ онъ приказалъ представить ревниваго мужа публикѣ, чтобы скрыть свою страсть къ Монтеспанъ. Но въ концѣ концовъ Лавальеръ узнала обо всемъ и вмѣсто того, чтобы изъ гордости порвать связь съ королемъ, она покорилась, проливая горькія слезы и глотая обиду; даже на свѣтъ явился сынъ отъ короля, графъ Вермандуа, которому охладѣвшій Людовикъ едва далъ званіе и положеніе. Король дошелъ въ своей эгоистической низости и безсердечности до того, что поселилъ Монтеспанъ рядомъ съ Лавальеръ, ради скрытія своихъ отношеній отъ мужа и окружающихъ. Какъ бы посѣщая прежнюю фаворитку, онъ проходилъ изъ ея спальни прямо къ Монтеспанъ. Онъ бралъ въ путешествіе Лавальеръ опять для того, чтобы прикрыть связь съ новой фавориткой. Онъ повсюду показывались вмѣстѣ, и король шутя называлъ ихъ «эти дамы». Это позорное положеніе Лавальеръ переносила, ни разу не подумавъ прекратить униженіе. Наконецъ король дошелъ до послѣдней степени жестокости, желая дѣтей Монтеспанъ выдавать за дѣтей Лавальеръ. Подобное поруганіе надъ ея любовью было наконецъ не подъ силу Лавальеръ, и она возмутилась. Положеніе было не выносимо: грубая Монтеспанъ все болѣе и болѣе выражала къ ней презрѣніе и ненависть. Не было такою униженія, какого не перенесла бы Лавальеръ. Желая во что

бы то ни стало отдѣлаться отъ присутствія соперницы, Монтеспанъ однажды бросила ей свою собачку, сказавъ: «Возьмите, это довольно хорошо для васъ». Король, уже не любившій Лавальеръ, сталъ теперь ее ненавидѣть. Потерявъ терпѣнiе, Лавальеръ въ порывѣ горести воскликнула: «Не знаютъ, насколько эти люди заставляютъ меня страдать!». Послѣ столькихъ тринадцатилѣтнихъ страданій для Лавальеръ, безъ семьи и не имѣвшей возможности выйти замужъ, оставался только монастырь. Такимъ образомъ причина, заставившая Лавальеръ отказаться отъ свѣтской жизни и удалиться въ монастырь, была не поэтическая, чѣмъ до сихъ поръ полагали историки. Сдѣлавшись монахиней, она дѣйствительно вела жизнь святой.

— Герцогиня Портсмуть и Карлъ II. Два французскіе историка Ж. Лемуанъ и А. Лихтенберже совместно написали интересную статью о вліяніи Луизы де-Керуалль, фаворитки англійскаго короля Карла II, на союзъ Англии съ Франціей¹⁾. Первая половина царствованія Людовика XIV была триумфомъ въ отношеніяхъ съ Англійей. Всѣ обстоятельства сложились въ пользу союза Карла II съ французскимъ королемъ. Радужный пріемъ, оказанный Франціей изгнанной династии Стюартовъ, дружба, завязавшаяся между ними при французскомъ дворѣ, симпатія къ католицизму и абсолютизму, которые совершенно естественно долженъ былъ исповѣдывать монархъ, возстановившій на англійскомъ тронѣ свою династію, благодаря реакціи противъ анархическихъ и пуританскихъ излишествъ,—все сближало ихъ. Представитель безусловно католической монархіи, Людовикъ XIV былъ вполне надежная опора для Карла II. Бракъ Карла II съ католичкой Екатериной Браганской былъ первымъ успѣхомъ французской политики въ Англии, которая съ тѣхъ поръ, какъ Португалія избавилась отъ Испаніи, держала ихъ въ зависимости. Оба монарха старались сгладить между собою затрудненія, и Людовикъ XIV, въ угоду Англии, нашелъ средство увернуться отъ содѣйствія Нидерландамъ въ войнѣ съ первой—несмотря на то, что былъ ихъ союзникомъ—и устроилъ миръ въ Бреда. Но когда все, повидимому, благопріятствовало союзу между Франціей и Англійей, вдругъ перемѣнились обстоятельства. Внезапная загадочная смерть Генріеты, дочери Карла I-го и жены Филиппа Орлеанскаго, брата Людовика XIV, много способствовавшей этому союзу, нарушила трактатъ, только что подписанный обоими государствами. Благодаря развратной жизни, наклонности къ абсолютизму и пренебреженію протестантствомъ, Карлъ II лишился любви народа. Все, что было католическое и французское, стало ненавистно англичанамъ, и министръ Тэмплъ прямо сказалъ Карлу II: «король Англии, чтобы считаться великимъ, долженъ быть человѣкомъ своего народа». Карлу II предстояла трудная задача: какимъ образомъ, возобновивъ этотъ союзъ, вернуть въ то же время симпатію подданныхъ. Все-таки между критической датой отъ 1670 г. до его смерти въ 1685 г. если не сама Англія, то Карлъ II былъ интимнымъ и вѣрнымъ союзникомъ Франціи, вторилъ ей во всемъ, хотя не активно, а пассивно. И удивительно, что эта политика не производила въ парламентѣ окон-

¹⁾ Louise de Kéroualle, duchesse de Portsmouth, par Jean Lemoine et André Lichtenberger. «Revue des deux mondes». 1—15 Mars 1903.

чательнаго переворота, и Англія не возмущалась противъ своего монарха, а даже въ послѣдніе годы жизни короля подданные любили его болѣе, чѣмъ когда либо. Секретъ скрывался не въ англійскихъ министрахъ, не въ дипломатіи Людовика XIV, хотя отчасти онъ былъ въ этомъ замѣшанъ, а въ властной рукѣ бретонки, Луизы Керуалль, герцогини Портсмутъ. Въ самые критическіе моменты она держала въ своихъ рукахъ нити, съ которыми были связаны судьбы обоихъ государствъ и двухъ религій—католической и протестантской. Ея появленіе въ Англіи произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ юнѣ 1670 г. въ Англію пріѣхала Генріета Англійская въ сопровожденіи Луизы Керуалль, молодой дѣвушки «съ дѣтскимъ личикомъ», которое привлекло вниманіе Карла II. Луиза Керуалль принадлежала къ старинной дворянской семьѣ Бретани, и ничто въ началѣ ея жизни не предсказывало, что ей выпадетъ на долю такая блестящая и бурная карьера. Ея отецъ, графъ Керуалль, служилъ тѣлохранителемъ кардинала Ришелье и участвовалъ въ осадѣ Эра и Баноме. Это была эпоха, когда бретонское дворянство держалось въ отдаленіи отъ двора, и въ 1645 г. графъ Керуалль женился на Маріи Плоѣ, дочери маркиза Тимѣръ, отличавшейся набожностью. Они жили въ скромномъ имѣніи около Бреста. Въ 1649 г. у нихъ родилась дочь Луиза, а потомъ еще сынъ и дочь. Воспитывалась Луиза въ монастырѣ урсулинокъ, затѣмъ, согласно «Секретной хроникѣ герцогини Портсмутъ», родители, недовольные ея слишкомъ вольнымъ нравомъ, отправили молодую дѣвушку въ Парижъ, къ теткѣ. Оттуда она сбѣжала въ Канди съ герцогомъ де-Вофоръ и возвратилась послѣ его смерти съ однимъ или двумя любовниками. Но авторы статьи не очень доверяютъ скандальной хроникѣ того времени и говорятъ, что приключеніе ея брата Себастьяна, послѣдовавшаго въ Канди за герцогомъ Вофоромъ, надоумило сочинить эту исторію съ Луизой. Дальнѣйшее ея существованіе совсѣмъ «эксстравагантно». Въ 1669 г., по словамъ одного изъ хроникеровъ, г-жа Керуалль впервые попала ко двору, гдѣ ее видѣли всѣ принцы, герцоги, перы и маршалы Франціи и проч. Она состояла при герцогинѣ фрейлиной съ содержаніемъ въ 150 ливровъ. Неизвѣстно, какъ она устроила себѣ это положеніе, но съ этого момента начинается ея карьера. О положеніи фрейлины королевы и ея невѣстки уже много рассказывали, въ особенности г-жа Лафайетъ, исторіографъ удовольствій королевы. Смерть Мазарини положила начало «настоящаго безумія интригъ и удовольствій, смерть же королевы матери сняла послѣднюю узду». Начиная съ самой Генріеты, скомпрометированной нѣкимъ графомъ Гипшъ, и кончая послѣдней изъ фрейлинь, всѣ предавались разнузданнымъ удовольствіямъ. Изъ шести дочерей Анны Австрійской, матери Людовика XIV, только одна—самая некрасивая—была нѣсколько добродѣтельнѣе. Говорили, что въ Версалѣ самая трудная должность была придворныхъ фрейлинь, и дѣйствительно интриги г-жъ Монталэ и Артиньяи, похождения г-жи Герти, соблазненной герцогомъ Ватри и умершей жертвой преждевременныхъ родовъ, вполне оправдываютъ эти слухи. Не одна изъ молодыхъ дѣвушекъ мечтала въ то время сдѣлаться Лавальеръ, и, по словамъ современниковъ, родители Луизы Керуалль были не прочь видѣть свою дочь въ положеніи любовницы короля. Сенъ-Симонъ формально обвиняетъ ихъ. «Они предназначили ее, — говоритъ онъ, —

въ любовницы королю, и только конкуренція Лавальеръ уничтожала ихъ надежды». Однако авторы опровергаютъ его, говоря, что Луизѣ Керуальль было 12 лѣтъ, когда взшла звѣзда Лавальеръ, а ея прїѣздъ въ Парижъ былъ 8 лѣтъ спустя. Намѣренія же родителей, которые, живя въ провинціи, не знали подробно придворныхъ нравовъ того времени, были самыя невинныя—видѣть свою дочь возлѣ королевы и принцессы. Повидимому, Луиза Керуальль вела себя при дворѣ скромно, хотя впоследствии одна англійская свѣтская дама, маркиза Ворчестеръ, упрекала ее на рыночномъ жаргонѣ за интригу съ графомъ Со. Но ни одна изъ скандальныхъ хроникъ того времени не подтверждаетъ этого слуха. Существуетъ только одинъ документъ той эпохи, относящійся къ 1669 г., относительно приѣма герцога и герцогини Орлеанскихъ. Онъ состоитъ изъ стихотворенія венеціанскаго посланника Морозини, въ которомъ онъ восхваляетъ новую фрейлину, г-жу Керуальль, танцовавшую въ придворномъ балетѣ. Но и въ немъ ничего нѣтъ предосудительнаго. Была ли причиной набожность или другіе честолюбивые замыслы, но г-жа Керуальль не оставила слѣдovъ въ веселящемся придворномъ обществѣ. По словамъ г-жи Севиньи, судьба молодой бретонки была предугадава заранѣе, почему она попала въ число двухсотъ придворныхъ, сопровождавшихъ принцессу Генриету въ Англію. Такимъ образомъ, предназначенная Сенъ-Симономъ въ любовницы Людовику XIV, а г-жею Севиньи—Карлу II-му, г-жа Керуальль отпиралась въ Англію, по мнѣнію первой, съ предвзятымъ намѣреніемъ основаться тамъ, хотя ея возвращеніе во Францію служить доказательствомъ ложности предположенія. Цѣлью путешествія было намѣреніе Людовика XIV, посредствомъ ловкой Генриеты, любимой своимъ братомъ Карломъ II, окончательно связать Англію съ Франціей. Съ трудомъ уговоривъ мужа, ревновавшаго ее къ герцогу Букингамскому и къ ея политической роли, Генриета должна была дать обѣщаніе, что исполнитъ миссію въ опредѣленное количество дней, не поѣдетъ дальше Дувра и не допуститъ въ Дувръ герцога Букингама. Между дѣломъ и переговорами о союзѣ и войнѣ противъ Голландіи король устроилъ празднества въ честь Генриеты, во время которыхъ онъ увидѣлъ г-жу Керуальль. Одержавъ полный успѣхъ своей миссіи, герцогиня Орлеанская возвратилась въ Англію. Провожая ее на корабль, король никакъ не могъ расстаться, и, быть можетъ, его привлекала не привязанность брата, а зародившаяся любовь къ г-жѣ Керуальль. Но недолго наслаждалась успѣхомъ своей побѣды прекрасная дипломатка, и французскій дворъ былъ неожиданно пораженъ ея внезапной смертью, которую приписывали отравленію. Переполохъ при обоихъ дворахъ былъ страшный. Въ особенности волновались въ Англіи, и только докторскія свидѣтельства нѣсколько успокоили волненіе и подозрѣнія Карла II, а также гнѣвъ народа. Это обстоятельство будто вызвало намѣреніе послать г-жу Керуальль вмѣсто Генриеты, въ качествѣ ея замѣстительницы. Однако авторы статьи увѣряютъ, что Франція не имѣла подобнаго намѣренія. Первый вспомнилъ о ней лордъ Букингамъ. Онъ отпирался въ качествѣ чрезвычайнаго уполномоченнаго къ Людовику XIV, чтобы благодарить отъ имени Карла II за присланное посольство, которому было поручено выразить Англіи соболѣзнованіе. Букингамъ, недавно еще возбуждавшій англійскій народъ противъ Франціи, сразу сообразилъ, что

его прямая выгода устроить французскій союзъ, и принялся составлять трактатъ, аналогичный съ тѣмъ, о существованіи котораго онъ не зналъ. Для успѣха же своей политики онъ рѣшилъ вмѣшательство г-жу Керуалль, имѣя въ виду пылкое сердце короля, и чрезъ нее дѣйствовать на Карла II. Это было не трудно устроить, такъ какъ, оставшись одна безъ покровительства Генриеты и лишенная средствъ, г-жа Керуалль не сопротивлялась, и отправилась съ нимъ въ Лондонъ. Безъ сомнѣнія, тотчасъ же распространились слухи, что лордъ Букингамъ привезъ французженку-любовницу. Однако эти слухи были невѣрны; во-первыхъ, въ это время онъ былъ въ полной власти графини Шрусбери, и не въ его характерѣ было преждевременно компрометировать свои надежды. Онъ ухаживалъ за любовницами короля, только когда онъ совершенно пользовался фаворомъ. Хорошо освѣдомленные люди говорили, что «вмѣстѣ съ Букингамомъ выѣхали Станлей, кавалеръ Граммонъ и хорошенькая молодая женщина, г-жа Кервель, бывшая фрейлина герцогини Орлеанской,—которая, какъ говорятъ, займетъ то же положеніе при англійской королевѣ». Въ сентябрѣ 1670 г. король выслалъ навстрѣчу ей яхту, и вскорѣ она сдѣлалась фрейлиной королевы, и придворные замѣтили, съ какой заботливостью принималъ ее король. Было слишкомъ очевидно, что достаточно одного слова со стороны г-жи Керуалль, и король тотчасъ предложилъ бы ей мѣсто въ гаремѣ красавицъ, которыя всегда окружали его. Но г-жа Керуалль, несмотря на свой молодой возрастъ,—ей былъ въ то время 21 годъ,—оказалась не обычной интриганкой, а прекрасно сознававшей, какое положеніе она можетъ занять, если возьмется за дѣло умно. Король былъ человѣкъ образованный, здравомыслящій и обладалъ живымъ принципальнымъ умомъ. Онъ любилъ свой народъ, и когда надо, находилъ въ себѣ энергію, но главнымъ принципомъ его жизни были удовольствія и покой. Онъ ненавидѣлъ добродѣтельныхъ женщинъ и всегда проводилъ время съ противоположными. Его вниманіе останавливалось безъ разбора социальныхъ положеній. Отъ Нелли Гвинъ, когда-то торговавшей апельсинами, и г-жи Дэвисъ, такого же происхожденія, онъ переходилъ къ фрейлинѣ королевы, г-жѣ Уэльсъ. Но гораздо дольше сумѣла его удержать г-жа Мидльтонъ. Официальными и даже политическими его любовницами были г-жа Стюартъ и лэди Каствлмэнъ. Первая отличалась очаровательностью и глупостью; вторая—красавица, властная, деспотическая и вспыльчивая. Ревность этихъ двухъ дамъ долго занимала дворъ. Но всѣ эти фаворитки преспокойно измѣняли Карлу II; Клевеландъ—съ Букингамомъ, потомъ съ Черчилемъ; Стюартъ—съ Ричмондомъ, Мидльтонъ—съ Ренела; что же касается до Нелли Гвинъ и Дэвисъ, то онѣ измѣняли королю со всѣми. Разумѣется, впечатлѣніе, произведенное на г-жу Керуалль англійскимъ дворомъ, было иное, чѣмъ при вступленіи въ свою должность фрейлины во Франціи. Въ Лондонѣ она встрѣтила совѣтника, своего же земляка, Сентъ-Эврмона, уже не молодого человѣка, занимавшаго почтенное положеніе, который уговорилъ ее сдѣлаться любовницей короля. Но помимо совѣтовъ Сентъ-Эврмона ея сердце искало любви. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ ея пріѣзда въ Англію, она получила уже званіе «*beauté fameuse*». Въ то же время французскій посланникъ Кольберъ-де-Круасси, до сихъ поръ не обращавшій вниманія на

ея прїѣздъ, писалъ Людовику XIV: «Я думаю, что не дурно было бы немного позаботиться объ этой дамѣ». И прибавляетъ, что король съ очевиднымъ предпочтеніемъ относится къ ней. Ему наскучили англійскія красавицы, и красота Луизы Керуаль была дѣтская наивная. Она обладала гибкой тальей и была прекрасно сложена. Цвѣтъ ея кожи былъ бѣлый, лицо овальной формы, а губы тонкаго очертанія, нѣсколько чувственнаго. Но главное очарованіе состояло въ ея нѣжной невинности и въ чемъ-то трогательномъ, что покоряло болѣе красоты пожившія сердца. Эти послѣднія качества болѣе всего привлекли короля, а Луиза мастерски умѣла придавать имъ болѣе чувствительности и обладала даромъ возбуждаетъ къ себѣ страсть, не питая ея лично, но притворяясь, что готова отдаться. Много мѣсяцевъ прошло въ этой игрѣ со страстью короля, прежде чѣмъ она сдалась. Съ ея стороны это не было однимъ кокетствомъ, и въ любовной игрѣ не послѣднее мѣсто занималъ вѣрный расчетъ, такъ какъ ей намекнули, что ея жертва будетъ полезна для дѣла Франціи. Въ эту связь король вкладывалъ нѣчто большее, чѣмъ капризъ влюбленнаго монарха. Въ личности Луизы оживало воспоминаніе о любимой сестрѣ, языкъ единственной страны, на покровительство которой онъ могъ надѣяться, но главная притягательная сила была въ ея строгомъ нравственномъ и религіозномъ воспитаніи, которое еще съ большей силой проснулось въ ней въ моментъ, когда она хотѣла измѣнить наставленіямъ, полученнымъ въ дѣтствѣ. Очевидно, Людовикъ XIV не игралъ въ этой интригѣ пассивной роли, если не въ началѣ ея, то впоследствии. Спустя годъ послѣ своего прїѣзда, она еще сопротивлялась. Хотя король помѣстилъ ее въ Вайтъ-Голь, гдѣ она принимала его ежедневно, и посѣщенія длились по нѣскольку часовъ, но исполнѣ ловкая кокетка не доводила игры до конца. Стратегія Луизы вывела изъ терпѣнія Кольбера-де-Круасси, и совместно съ Арлингтономъ они рѣшили, что дѣло тянется слишкомъ долго, и необходимо ее поторошить. Арлингтонъ согласился съ нимъ, что королю лучше имѣть связь съ личностью, подобной Луизѣ Керуаль, которая не принесетъ вреда, чѣмъ съ акрисами и различными мелкими созданіями, противъ которыхъ ни одинъ честный человѣкъ не можетъ принять мѣръ. Арлингтонъ предупредилъ своего соучастника въ этой интригѣ, чтобы онъ посоветовалъ Луизѣ, какъ можно больше привлечь къ себѣ короля, доставляя ему только пріятное и удовольствія. Кольберъ-де-Круасси пообщалъ г-жѣ Арлингтонъ убѣдить Луизу сдаться на желанія короля, такъ какъ, по его мнѣнію, ей не было другаго выбора, какъ король или монастырь во Франціи. Но онъ выражалъ увѣренность въ ея согласіи и не сомнѣвался, что если она сдѣлала такой уснѣхъ, завоевавъ расположеніе короля, то съ единственной цѣлью оказать услуги Людовику XIV. Послѣдній издала слѣдилъ за этимъ разговоромъ и передалъ черезъ Лувуа, что съ удовольствіемъ увидитъ молодую дѣвушку въ окончательной милости у своего союзника, Наконецъ въ октябрѣ 1671 г. наступила рѣшительная минута для Луизы Керуаль въ Юстонекомъ роскошномъ домѣ Арлингтоновъ. Французскій посланникъ самъ проводилъ молодую дѣвушку туда, и король выѣхалъ къ ней навстрѣчу. Съ этой минуты Карль II все страстно привязывался къ Луизѣ и выражалъ это въ тысячѣ

мелочахъ. Онъ прїѣзжалъ въ Юстонъ чрезъ два дня и нѣсколько разъ тамъ ночевалъ. Вокругъ новой фаворитки собрались всѣ сообщники, и посланникъ съ лэди Сундерландъ рѣшили, что если Луиза сумѣетъ взять въ руки короля, то ея счастье будетъ продолжительно. Никогда, по словамъ Арлингтона, король не боготворилъ въ такой степени ни одной фаворитки, какъ Луизу. Онъ сталъ выѣзжать на скачки вмѣстѣ съ нею и оказывалъ ей тамъ самую внимательную заботливость. Извѣстїе о новой фавориткѣ облетѣло всю Англію и возбудило негодованіе; цѣлый потокъ оскорбленій хлынулъ на «Madame Serwei», — какъ называли ее англичане, — иностранку, отважившуюся вытѣснить мѣстныхъ фаворитокъ. Pamфлеты слѣдовали за памфлетами, соперничая въ скабрёзныхъ подробностяхъ ея паденія. Между прочимъ въ одномъ изъ нихъ рассказывали, что г-жа Арлингтонъ и лэди Сундерландъ нарядили Луизу въ подвѣнечное платье, и въ домѣ Арлингтоновъ былъ устроенъ свадебный обрядъ, сопровождаемый самыми грубыми обычаями стараго времени. Авторы полагаютъ, что, можетъ быть, эта пародія на официальный бракъ была разыграна съ цѣлью усыпить стыдливость молодой дѣвушки. Другой памфлетистъ увѣрялъ, что Карлъ II женился на фавориткѣ «согласно обряду англиканской церкви, и прибавлялъ, что нѣкоторымъ образомъ это дозвоительно королямъ». Если вѣрить послѣдней сплетнѣ, то смыслъ словъ, сказанныхъ Луизой нѣсколько мѣсяцевъ спустя, становятся яснымъ. Она дала понять, когда узнала о частомъ нездоровьѣ королевы, что можетъ быть ея преемницей, какъ будто она имѣла на короля тайное право. Такая смѣлая выходка привела въ негодованіе Кольбера де-Круаси. Трудно сказать положительно, былъ ли Людовикъ XIV зачинщикомъ этой интриги, но только послѣ совершившагося паденія Луизы онъ прислалъ г-жѣ Арлингтонъ жемчужное ожерелье въ 60.000 ливровъ, въ знакъ благодарности за деликатную роль, которую она играла въ этомъ дѣлѣ; фаворитку онъ тоже поздравилъ. «Я очень обрадовалъ ее, — писалъ Круасси къ Лувуа 7-го ноября 1671 г., — увѣривъ, что государь будетъ очень радъ, если она сохранитъ благосклонность короля». Луизѣ предстояла нелегкая роль удержать развратнаго короля, окруженнаго настоящимъ гаремомъ. Цѣлыхъ два года она тратила свою энергію и умъ, чтобы добиться цѣли и доказать, что она не простая игрушка. Ея вліяніе на политику слишкомъ преувеличено, хотя и того, что она сдѣлала, было достаточно. Объявленіе войны Голландіи, приписываемое ея вліянію, было въ сущности равнѣ рѣшено между двумя монархами. Правда, она оказала услугу, тайно переведя Карла II въ католическую вѣру, и во все время своего фавора проводила французско-католическую политику. Вмѣстѣ съ тѣмъ она знала мѣру своимъ стараніямъ, чтобы не слишкомъ возбуждать національное движеніе. Относительно послѣдняго она была права, что подтверждаетъ и Круасси въ письмѣ къ Людовику XIV: «Нечего болѣе надѣяться, что король объявитъ себя католикомъ; его всѣ тогда покинутъ». Ея дипломатическіе успѣхи вызвали зависть Круасси, который такъ старательно спѣшилъ устроить ея судьбу; теперь она была его соперницей. Несмотря на строго нравственное воспитаніе, полученное съ дѣтства, она не забывала практической стороны жизни. Принявъ положеніе фаворитки, она рѣшила добиться отъ короля болѣе высокаго официального положенія, и если Кастильмэнъ, ли-

пенная теперь значенія, была сдѣлана герцогиней Клевеландъ, то она не могла удовольствоваться меньшимъ. Въ концѣ 1672 г. она поручила французскому посланнику выхлопотать для нея у короля разрѣшенія натурализироваться въ Англии, съ цѣлью пріобрѣсти права владѣть тамъ землями, которыя она считывала получить отъ Карла II. Несмотря на нежеланіе посланника устроить это дѣло и на проволочку съ его стороны, она все-таки добилась разрѣшенія и 15 февраля получила официальную бумагу, дававшую ей право принимать подарки Карла II, не теряя своихъ правъ во Франціи. 25 юля 1673 г. король сдѣлалъ ее герцогиней Портсмуть, баронессой Петерсфилдъ и графиней Фарнгамъ. Вскорѣ послѣ того она получила еще въ подарокъ землю, принадлежавшую мужу одной изъ гаремныхъ красавицъ короля. Съ своей стороны Людовикъ произвелъ ее въ графини Обиньи. По словамъ англичанъ, ея современниковъ, она была алчная женщина и думала только о своемъ интересѣ, эксплуатируя и обманывая короля. Чтобы удержать Карла II, ей приходилось измышлять всевозможныя разнообразныя развлечения—ѣздить съ нимъ верхомъ, посѣщать загородныя замки и проводить время въ оргіяхъ. Такого рода жизнь привела въ плачевное положеніе здоровье Луизы, и въ 1674 г. она отдалилась отъ короля на нѣсколько недѣль. Въ апрѣлѣ 1676 г. она не благополучно родила и лежала больна нѣсколько недѣль, послѣ чего очень медленно поправлялась. Когда она стала уже выходить, то всѣ замѣтили ея страшную худобу. Въ слѣдующемъ году ей стало лучше, и посланникъ обрадовался, но въ концѣ 1677 г. она опять серьезно заболѣла и оставалась въ постели шесть недѣль. Но фавориткѣ хворать долго нельзя, и, едва она могла держаться на ногахъ, какъ опять принялась отстаивать свое положеніе. Превжнія фаворитки и новыя конкурентки, старавшіяся обратить на себя вниманіе короля, завистливо и ревниво посматривали на нее. Одна только королева относилась къ ней съ симпатіей. Герцогиня Клевеландъ была насторожѣ, связанная съ королемъ четырьмя дѣтьми. Ея сынъ былъ сдѣланъ герцогомъ Графтономъ, въ то время, какъ сына Луизы король пожаловалъ титуломъ герцога Ричмонда. Отъѣздъ Клевеландъ во Францію сдѣлалъ ее менѣе опасной, но, спустя нѣсколько времени, она опять возвратилась. Эта фаворитка скоро впала въ немилость, благодаря перехваченной любовной перепискѣ съ Шатильономъ. Большой помѣхой для герцогини Портсмуть была актриса Нелли Гвинъ, прежняя торговка апельсинами, развлекавшая короля тривіальными выходками; ихъ кутежи доходили до пьянства. Она получала 40.000 въ годъ и 5.000 на сына, спала на серебряной постели, и въ ея спальнѣ былъ устроенъ зеркальный полъ. Народъ ее любилъ, и, однажды, принявъ ее за герцогиню Портсмуть, толпа съ угрозою окружила ея экипажъ. Тогда она высунула голову въ дверь экипажа и закричала: «Вы ошибаетесь, я протестантская любовница короля». При встрѣчѣ съ Луизой она дѣлала ей гримасы, нападала на нее и хвасталась своими преимуществами. Но всѣхъ опаснѣе была Гортензія Мазарини, и враги Луизы торжествовали, когда въ 1675 г. она явилась въ Лондонъ въ мужскомъ костюмѣ, въ сопровожденіи двухъ женщинъ и пяти мужчинъ. Сентъ-Эвремонтъ съ перваго же дня сдѣлался ея cavalier servant. Арлингтонъ же старался, чтобы она не только возбудила чувственность короля, но и увлекла его сердце. Всѣ спѣшили устраивать въ ея честь праздне-

ства; герцогъ Юржскій принималъ ее у себя, а герцогиня цѣлыми днями удерживала ее у своей постели. Герцогиня Портсмуть впала въ отчаяніе и заливалась горькими слезами. Согласно дипломатическимъ документамъ, Гортензія Мазарини, хотя была красивѣе Луизы, но зато уступала ей въ политической находчивости и умѣнии крѣпко держаться въ трудномъ положеніи первой фаворитки короля. Какъ ни былъ влюбленъ въ Мазарини Карлъ II, но, принявъ во вниманіе обремененные долги финансы, онъ возложилъ на мужа финансовыя заботы о ней. Благодаря этому, онъ не измѣнилъ матеріальнаго положенія Луизы и выказывалъ ей официально вниманіе и привязанность, тѣмъ болѣе, что Гортензія ему безпрестанно измѣняла то съ Сенъ-Реалемъ, то съ княземъ Монако. Впослѣдствіи Карлъ II вернулъ ей пенсію, отнятую вслѣдствіе ея любовныхъ похожденій, но въ то же время оцѣнилъ ее по заслугамъ. Луиза не могла съ снокойнымъ сердцемъ переносить унижительнаго положенія, хотя ей приходилось, если не выбрать для Карла новыхъ фаворитокъ, какъ это дѣлала Помпадуръ, то все-таки жить совмѣстно съ ними. Карлъ II, несмотря на свою привязанность къ Луизѣ, любилъ собирать всѣхъ фаворитокъ вмѣстѣ на ужинъ и тѣхъ, которыя ненавидѣли другъ друга, запиралъ вдвоемъ. Такъ однажды Луиза и Гортензія подверглись подобной участи и когда вышли изъ-подъ замка, то держались за руку, подпрыгивая и танцуя. Дружба двухъ соперницъ считалась столь важнымъ событіемъ, что объ этомъ донесли Лувуа. Такимъ образомъ Луиза вышла побѣдительницей изъ этого соперничества и сохранила положеніе первой фаворитки. Не такъ легко было ей побѣдить народное мнѣніе. Народъ не могъ простить, что положеніе фаворитки короля заняла иностранка, да еще католичка. Ее упрекали за то, что она стоила королю дороже всѣхъ любовницъ, и для увеличенія дохода будто бы не стѣснялась обманывать короля и получать подарки отъ другихъ лицъ. Чтобы укрѣпить свое положеніе, она вызвала въ Лондонъ сестру Генриету, которой выхлопотала пенсію въ 600 фунтовъ стерлинговъ. Въ концѣ года она вышла замужъ за молодого, но грубаго и скунаго графа Пемброка, и королевская касса выдавала ей еще безумныя деньги на туалеты. Не довольствуясь этимъ, Луиза выписала еще своихъ родителей. Это окончательно еще болѣе возбудило гнѣвъ народа, и ей не было другого имени, какъ «Spruce of France» (шпіонъ Франціи). Секретный трактатъ 1681 года о субсидіяхъ, выдаваемыхъ французскимъ королемъ Карлу II и дававшихъ ему возможность жить безъ парламента, былъ скорѣе торжествомъ личной политики герцогини, чѣмъ триумфомъ Франціи. Съ перваго момента своей власти она стремилась устроить интимный союзъ, которымъ руководила бы сама, но успѣла въ этомъ только въ 1679 году. Разрѣшая Луизѣ перемѣнить подданство, Людовикъ XIV хотѣлъ не только угодить Карлу II, но и вознаграждать ее. Новый французскій посланникъ, назначенный вмѣсто Круасси, еще тѣснѣе сблизился съ нею. Несмотря на соперничество Мазарини, ея вліяніе все болѣе увеличивалось, и ей приписывали всѣ мѣры, неблагопріятныя для англичанъ. Миръ съ Голландіей, устраненіе возможнаго вмѣшательства Англии и послѣдовательныя уступки Испаніи, Австріи и Бранденбургу были торжествомъ Людовика XIV, обязаннаго этимъ триумфомъ арміи и своимъ дипломатамъ, среди которыхъ первое мѣсто принадлежало «маленькой бретонкѣ», которая дала

Франціи прибрѣтъ Фландрію и Франшъ-Контэ. Это былъ моментъ, когда герцогиня Портсмуть могла считать себя застрахованной противъ всевозможныхъ превратностей судьбы, и заговоръ Гортензіи Мазарини, г-жи Гайдъ и герцогини Йоркской оказался безсильнымъ. Въ это время король ничего отъ нея не скрывалъ, первый министръ обращался къ ней съ различными мѣрами, которыхъ онъ лично не рѣшался предлагать королю, а придворные, съ Сундерландомъ во главѣ, боготворили ее. Но въ этотъ самый моментъ ей угрожала громадная опасность, вызванная негодованіемъ народа противъ короля, раздраженнаго французской политикой. Всѣ обстоятельства возбуждали ненависть къ католикамъ. Гнѣвъ и ужасъ народа вышли изъ предѣловъ, когда нашлись письма Кольмана къ исповѣднику Людовика XIV Лашезу, и убійство сэра Эдмундсбэри Годфрея, судьи, допрашивавшаго извѣстнаго заговорщика Оатиса, придадо правдоподобность признанію преступника. Пять католическихъ лордовъ были заключены въ тюрьму; кромѣ того, были арестованы двѣ тысячи лицъ. Милиція вооружилась, и былъ изданъ билль объ исключеніи католиковъ изъ обѣихъ палатъ. Кольманъ сложилъ голову на плахѣ. Всѣмъ католикамъ угрожала опасность, а главное герцогинѣ Портсмуть, которую давно ненавидѣли. Члены палаты общинъ произносили противъ нея гнѣвныя рѣчи; памфлетисты называли ее душою заговора и обвиняли въ косвенномъ участіи въ убійствѣ Годфрея и въ укрывательствѣ его трупa. Опасность увеличивалась; она сознавала, что придется сдаться, и начала отсылать своихъ слугъ во Францію, приготовляясь и сама къ отъѣзду. Видя опасность, Карль II сталъ уступать, чувствуя, что иначе онъ потеряетъ корону. Онъ заставилъ королеву выразить желаніе оставить герцогиню Портсмуть, какъ первую изъ придворныхъ дамъ католичекъ, но въ то же время отослалъ герцога Йоркскаго изъ Англіи. Затѣмъ примкнулъ къ оппозиціи, покинулъ на произволъ Кольмана, оправдался отъ симпатіи къ католикамъ, подло измѣнилъ лорду Страффорду, отдавъ его, какъ жертву, народной злобѣ. Насколько во всемъ этомъ была виновата герцогиня Портсмуть, — неизвѣстно, но, по словамъ нѣкоторыхъ англійскихъ историковъ, она присутствовала на процессѣ Страффорда и дарила улыбки своимъ преслѣдователямъ. Она чувствовала необходимость успокоить общественное мнѣніе, возбужденное противъ нея, дать залогъ парламенту, чтобы кризисъ, произведенный этой непримиримой политикой, не унесъ ея въ своемъ потокѣ. Несмотря на минутную побѣду оппозиціи, герцогиня Портсмуть и ея союзникъ Сундерландъ еще разъ попробовали сблизить Францію съ Англіей. Разсчитывая, что Карль II, получивъ отъ Людовика XIV субсидію въ 4 милліона ливровъ въ годъ, можетъ удалить своихъ министровъ, они поручили Барилльону вести переговоры. Въ случаѣ успѣха фаворитка получила бы 5.000 пистолей, а Сундерландъ 10.000. Но Людовикъ XIV, недовольный антикатолическимъ преслѣдованіемъ, созывомъ парламента и уступкою Карла II оппозиціи, сталъ торговаться, упрекая его въ измѣнѣ, и предложилъ вмѣсто 4 милліоновъ 500.000 ливровъ. Эта политика Людовика сбила ее съ толку, и видя, что онъ иногда переходитъ на сторону ея злѣйшихъ враговъ, она почувствовала необходимость создать себѣ другую опору, чтобы не остаться одной въ случаѣ, если Франція ее покинетъ. Но

все-таки она не перестала отстаивать союзъ съ Франціей, и протестантская партія требуетъ ея удаленія вмѣстѣ съ Сундерландомъ за отсрочку парламента въ концѣ года. Жена Сундерланда, ея прежняя пріятельница, сдѣлавшаяся любовницей Генри Сиднея, выразила мнѣніе, что ея мужъ способенъ измѣнить Англіи за нѣсколько ливровъ стерлинговъ. Нелли Гвинъ сдѣлалась представительницей національной партіи и стала принимать графа Монмута, побочнаго сына Карла II. Многіе удивлялись, почему гнѣвъ противъ герцогини Портсмутъ недостаточно сильно выражался. Дѣло въ томъ, что она повела тройную интригу. Не расходясь съ Франціей, герцогомъ Йоркскимъ, она вошла въ сношенія еще съ двумя партіями, между которыми раздѣлялась временно торжествующая англійская оппозиція—съ герцогомъ Монмутомъ и принцемъ Оранскимъ. Такъ какъ трактатъ съ Людовикомъ XIV еще все не былъ заключенъ, а принцъ Оранскій—ускользнулъ, то она сблизилась съ Монмутомъ и даже продолжала тайныя сношенія съ герцогомъ Йоркскимъ. По всей вѣроятности, каждый изъ нихъ измѣнялъ другому, чтобы спасти свою шкуру. Даже въ самое трудное въ денежномъ отношеніи время, въ 1680 г., Карлъ II находилъ возможность увеличивать ея доходы. Въ слѣдующемъ году ея сынъ былъ сдѣланъ оберъ-штальмейстеромъ, а въ 1682 г. она, подъ предлогомъ необходимости пить бурбонскія воды, отправилась во Францію, гдѣ Людовикъ сдѣлалъ ей пышный пріемъ. Навстрѣчу ей были высланы четыре королевскіе экипажи и 60 лошадей. Черезъ пять мѣсяцевъ она возвратилась въ Лондонъ совершенно довольная, что осуществилась ея мечта имѣть лично съ Людовикомъ XIV дѣло. Теперь сама лично она вела съ нимъ переписку. Однако, перенося измѣны Карла II она сама не могла удержаться отъ увлеченія Филиппомъ Вандомомъ, великимъ пріоромъ Франціи, который былъ моложе ея на 6 лѣтъ. Узнавъ объ этомъ, король, не имѣвшій достаточно энергіи, чтобы сердиться на виновную, отправилъ Сундерланда къ Вандому, съ цѣлью запретить ему являться къ ней. Тотъ повинился въ теченіе четырехъ дней, но на пятый опять отправился къ фавориткѣ. Тогда король обратился къ Барильону, и тотъ отъ его имени приказалъ Вандому удалиться изъ Англіи. Упрямый Вандомъ отказался исполнить приказъ, пока не услышитъ его изъ устъ самого короля. Но, получивъ лично отъ короля приказъ, онъ все-таки остался. Тогда Карлъ II потерялъ терпѣніе и выслалъ его. Но этотъ случай не умалилъ ея въ глазахъ Карла II, и когда голландскій посланникъ пошутилъ надъ ея фамильярностью съ Барильономъ, она пожаловалась королю. Королева по примѣру мужа тоже ее защищала. Она сдѣлалась настоящимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Карла II, и когда въ 1684 г. она заболѣла, то въ дѣлахъ произошелъ полный беспорядокъ. Во все время ея болѣзни король не выходилъ изъ ея комнаты. Людовикъ XIV заботливо сиравлился объ ея здоровьи и, чтобы обезпечить сыну герцогини послѣ ея смерти владѣніе имуществомъ во Франціи, Людовикъ XIV натурализовалъ французомъ молодого герцога Ричмонда. 11-го февраля 1685 г. король по обыкновенію проводилъ время въ обществѣ герцогини Портсмутъ, г-жи Клевландъ и Гортензін Мазарини. Въ то время, какъ французскій артистъ пѣлъ любовный романсъ, онъ шутилъ съ фаворитками. Но на другой день внезапно съ нимъ сдѣлался ударъ. Сначала у его постели находилась

герцогиня Портсмутъ, оказывавшая, по словамъ современника, «всѣ услуги, которыми, женщина выражаетъ свое нѣжное горе любимому мужу въ его послѣднія минуты». Три дня являлись доктора и англиканскіе пасторы. Но, въ самую трудную минуту, вмѣсто того, чтобы предаваться горю, она отозвала французскаго посланника и объявила ему, что англійскій король въ глубинѣ своего сердца католикъ. Барильонъ посовѣтовался съ королевой и герцогомъ Йоркскимъ, которые рѣшили провести тайно къ королю монаха Гульстона, переодѣтаго слугою. Онъ исповѣдывалъ и пріобщилъ короля. Такимъ образомъ она доставила ему случай примириться съ совѣстью въ послѣднюю минуту. Зато и онъ отблагодарилъ ее, вспомнивъ свою главную фаворитку въ послѣднюю минуту. «Я всегда ее любилъ,—сказалъ онъ Бурнету,—и умираю, любя ее». При этомъ онъ два раза благославилъ маленькаго Ричмонда и умолялъ въ страстныхъ выраженіяхъ позаботиться о ней и ея сынѣ. Въ пятницу 16-го февраля 1685 г. король умеръ, и съ той минуты прекратилась историческая роль герцогини Портсмутъ. Послѣ смерти брата новый король Іаковъ II клялся ей въ дружбѣ и обѣщалъ ей покровительство, но вскорѣ забылъ о своемъ обѣщаніи, и Людовикъ XIV болѣе помнилъ ея услуги—написалъ ей очень любезное письмо и заступился за нее предъ Іаковомъ II, который въ виду этой могущественной защиты перемѣнилъ свое поведение и окружилъ ее многочисленными доказательствами своего уваженія. Но герцогиня Портсмутъ въ августѣ мѣсяцѣ уѣхала во Францію. Ея состояніе, по словамъ историковъ, было значительное: она имѣла 130.000 франковъ дохода со своихъ владѣній, кромѣ помѣстьевъ во Франціи, значительное движимое имущество, большое количество брилліантовъ и другихъ драгоценностей, наконецъ 250.000 франковъ, врученныхъ ей тотчасъ послѣ смерти короля. Въ августѣ 1685 г. она прибыла въ Парижъ, прежде всего озаботилась перевести сына въ католическую вѣру въ присутствіи короля. Службу совершалъ Босюэ и произнесъ по этому случаю одну изъ краснорѣчивѣйшихъ своихъ проповѣдей. Послѣ этого торжества герцогиня мирно жила еще пятьдесятъ лѣтъ и умерла въ 1734 г. на 86 г. «Никогда ни одна женщина, — писалъ Вольтеръ, — не сохранила такъ своей красоты; я видѣлъ ее 70 лѣтъ, и эти годы не оставили слѣдовъ на ея благородномъ и пріятномъ лицѣ».

— Герцогъ Шуазель въ изгнаніи. До сихъ поръ еще не были извѣстны подробности о жизни герцога Шуазеля въ его замкѣ Шантелу послѣ изгнанія, благодаря интригамъ Дюбарри. Теперь этотъ пробѣлъ пополнилъ Гастонъ Могра, напечатавъ свою книгу ¹⁾: «Опала герцога и герцогини Шуазель, жизнь въ Шантелу». Вообще жизнь вельможъ того времени можно раздѣлить на три эпохи: пріемы и празднества; долги и крушеніе; наконецъ нищета и смерть гдѣ нибудь на чердакѣ. Герцогъ Шуазель не миновалъ этой чаши. Настоящій вельможа того времени, остроумный и любезный, онъ принялъ безропотно внезапную отставку изъ министровъ и свое изгнаніе въ Шантелу. Прибывъ туда съ женою среди зимы, они были въ очень тяжеломъ положеніи. За-

¹⁾ La disgrâce du duc et de la duchesse de Choiseul, la vie à Gbanteloup, par G. Maugras. 1903.

мокъ, еще не достроенный, представлялъ мало гостепріимный уголокъ. Громадныя комнаты едва могли быть достаточно нагрѣты, притомъ печи дымили, окна плохо закрывались, а сквозь щели дверей дулъ вѣтеръ. Но Шуазель на все смотрѣлъ улыбаясь. Мало-по-малу замокъ принялъ блестящій видъ; комнаты, какъ хозяевъ, такъ и гостей, были роскошно убраны, и жизнь развѣнчаннаго министра потекла спокойно. Отъ государственныхъ дѣлъ онъ перешелъ къ хлѣбопашеству и скотоводству, но занимался хозяйствомъ, какъ большинство людей его класса, т.-е. широко платилъ и никогда не считалъ. У него обрабатывалось 1.200 десятинъ земли, но все это дѣлалось не съ цѣлью увеличенія дохода, а ради удовольствія любоваться картиной сельской жизни. Обширный скотный дворъ вмѣщалъ шестьдесятъ швейцарскихъ коровъ, которыхъ пасли пастухи, набранныя изъ жителей Унтервальденскихъ горъ. Живописно одѣтые въ свои одежды, съ пастушечьими рогами, съ ихъ своеобразнымъ пѣніемъ и языкомъ, они служили дополненіемъ сельской декораціи. Громадное количество барановъ, шерсть которыхъ шла въ продажу, и пятьдесятъ свиней дополняли пейзажъ. Зданія были пышно устроены съ изящными украшеніями изъ мрамора. Но это хозяйство служило Шуазелю лишь препровожденіемъ времени, стоившимъ громаднхъ затратъ. Еще недавно заваленный дѣлами, теперь онъ не зналъ, куда ему дѣвать время, и отъ игры на флейтѣ переходилъ къ вышиванію по канвѣ и чтенію волшебныхъ сказокъ, въ то время, какъ его жена играла на клавиринахъ. Эта однообразная жизнь нарушалась присутствіемъ друзей, аббата Бартеlemi, директора коллекціи медалей въ королевской библиотекѣ, и прочихъ приглашенныхъ, являвшихся туда въ безчисленномъ количествѣ. Каждому предоставлялась полная свобода въ продолженіе дня, но въ шесть часовъ всѣ собирались къ обѣду, послѣ котораго составлялись партіи въ трикъ-тракъ и вистъ, длившіеся до полночи. Въ 12 часовъ ночи прѣзжала почта. Каждый читалъ свои письма, затѣмъ сообщались другъ другу новости и занимались вслухъ чтеніемъ, послѣ чего садились играть въ банкъ. Въ 2 часа ночи расходились спать. Впослѣдствіи Шуазель выстроилъ на берегу Луары заѣйливаго стіля пагоду, на стѣнахъ которой онъ велѣлъ записывать имена друзей, посѣщавшихъ его въ оналѣ. Двѣсти различныхъ именъ цвѣта аристократіи, украшавшихъ стѣны этой пагоды, свидѣтельствуютъ, что Шуазель не былъ забытъ. Обладавшій всѣми качествами, дававшими право на аристократизмъ, Шуазель принималъ съ такимъ радушіемъ, что невольно заставлялъ любить себя, какъ видно изъ пикантныхъ писемъ Бартеlemi, которыми воспользовался Могра для своего труда, равно и письмами герцогини Шуазель. Сама герцогиня, когда-то привлекавшая къ себѣ симпатіи, и въ изгнаніи оставалась все тою же остроумной, любезной женщиной, отличавшейся чистотою жизни, хотя нѣсколько сухой, благодаря философскому скептицизму. Празднества не переводились въ Шантелу. Лѣтніе мѣсяцы 1770—1774 г.г. были вѣчнымъ праздникомъ, въ который входили комедіи, обѣды, охоты, сельскія празднества и ночныя феерическія представленія на водѣ съ музыкою, иллюминированной флотиліей и т. д. До поздняго часа приглашенные блуждали по лужайкамъ. Иногда эти удовольствія замѣнялись различными играми: билліардомъ, домино, въ фортунокъ, рѣнами и экспромптами и т. д. Но всему бываетъ ко-

нець и какъ-бы ни было велико состояніе бывшаго министра, однако, не принося доходовъ и при громадныхъ расходахъ, оно быстро растаяло. Для Шуазеля наступилъ второй періодъ — долговъ. Прибывъ въ Шантелу, онъ владѣлъ 800.000 ливровъ дохода; въ замкѣ жило пятьдесятъ четыре слуги и триста пятьдесятъ въ службахъ. При имѣніи состоялъ чуть не цѣлый штатъ чиновниковъ: шталмейстеръ, архитекторъ, управляющій, начальникъ охоты и секретарь. Годъ спустя послѣ его изгнанія, Людовикъ отнялъ отъ него званіе главнаго начальника швейцарцевъ, которое Шуазель сохранилъ послѣ изгнанія; это лишило его сразу ста тысячи ливровъ. Извѣстіе взволновало всѣхъ въ Шантелу; управляющій объявилъ ему, что не только расходы поглотили всѣ доходы, но еще пришлось сдѣлать долги. Герцогъ и его жена встревожились, отказали пятой части слугъ и начали продавать картины и бриллианты. Герцогиня добилась раздѣленія имѣній, но было не возможно измѣнить сразу жизнь, и расходы не уменьшались. Наконецъ, въ 1774 г. умеръ Людовикъ XV, и Шуазелю разрѣшили вернуться въ Парижъ. Одинъ моментъ блеснула надежда, что могущество возвратится къ прежнему министру, но это была лишь мечта. Людовикъ XVI, питавшій къ нему необъяснимую антипатію, не намѣревался приблизить его къ себѣ. Въстѣ съ тѣмъ, попасть въ Парижъ, ему, какъ герцогу Шуазелю, приходилось тянуться за другими вельможами. Въ то время, какъ въ своемъ прекрасномъ домѣ, находившемся въ улицѣ Ришелье, Шуазель задавалъ банкеты, его долгъ возросъ до 3-хъ милліоновъ. Ничего другого не оставалось, какъ продать прекрасный домъ, тѣмъ болѣе, что надежда на восстановление карьеры исчезла, и жизнь въ Парижѣ была безцѣльна, а Шантелу могъ имъ служить приличнымъ убѣжищемъ. Но и Шантелу готовилась та же участь, что парижскому дому. По счастью Шуазель не дожился до печальнаго окончанія, такъ какъ умеръ отъ воспаления легкихъ въ 1785 г. шести десяти шести лѣтъ отъ роду. Зато несчастная герцогиня Шуазель не избѣжала горькой доли третьяго акта жизненной комедіи. Отказывая себѣ во всемъ, она отважно рѣшилась уплатить долги изъ 200.000 ливровъ дохода, изъ котораго болѣе 160.000 были пожизненнымъ. Она отдала домъ и замки и, ничуть не питая религиозныхъ чувствъ, поступила въ монастырь. Тамъ она жила въ полномъ уединеніи съ единственной служанкой и собакой, никого не принимая и отдавъ все имущество кредиторамъ. Страдая нравственно, она должна была еще перенести трудную операцію, которая не удалась. Всѣми забытая, кромѣ стараго, вѣрнаго Бартелеми, она печально расплачивалась за веселье и удовольствія молодости. Шантелу купилъ герцогъ Пентьевръ за четыре милліона, отъ которыхъ не осталось ничего на долю герцогини, такъ какъ кредиторы разобъ ли всю сумму. Наступила революція, и герцогиня лишилась пожизненнаго дохода. Личности, которымъ она вручила цѣнности скрылись. Это былъ послѣдній ударъ. Во время революціи монахини разсѣялись, и несчастная женщина начала кочевать съ квартиры на квартиру, каждый разъ опускаясь ступенью ниже въ своемъ социальномъ положеніи. Одинъ только другъ, Буайе де Фонколомбъ, не забылъ еще о герцогинѣ и писалъ къ ней; эта переписка очень интересна. Прежніе друзья разсѣялись и многіе кончили жизнь на эшафотѣ. Дошла очередь и до нея; ее арестовали, какъ подозрительную, и заключили въ

тюрьму, гдѣ она встрѣтила свою невѣстку, г-жу Грамонъ, которую вскорѣ казнили. На ея несчастіе она избѣгла плахи, но ее ожидала едва не худшая доля. Оставшись совершенно безъ денегъ и лишившись послѣднихъ друзей.—Бартеlemi и Фонколомба. Она отыскала какой-то скверный грязный чердакъ, послужившій ей убѣжищемъ. Занимая мелкія суммы у какого то крестьянина и забирая въ долгъ у поставщиковъ, она влачила унижительное, несчастное существованіе, хотя ни разу не измѣняла своей скептической философіи и не прибѣгала къ религіи. Наконецъ наступило для нея освобожденіе отъ гнетущей жизни, и 3-го декабря 1801 г. она тихо скончалась.

— Норвегія въ 1830 году. Въ послѣдней февральскомъ номерѣ ¹⁾ «Revue Bleu» г-жа Ремюза сообщаетъ подробности о Норвегіи 1830 года и влияния Франціи на интеллектуальное развитіе норвежцовъ. Когда Данія въ 1814 г. уступила Швеціи по трактату, заключенному въ Килѣ, Норвегію, то послѣдняя безусловно отказалась его признать и потребовала независимости. Несмотря на то, что другая партія норвежцевъ, во главѣ которой находился графъ Вельдъ-Ярлсбергъ, благосклонно относилась къ Швеціи, въ Эйдсвальдѣ собралось учредительное собраніе и составило 17-го мая конституцію, провозгласивъ королемъ Христіана-Фридриха, двоюроднаго брата датскаго короля. Швеціи оставалось одно—овладѣть Норвегіей силой. Съ этой цѣлью было послано шведское войско подъ начальствомъ Бернадотта, избраннаго наслѣдникомъ шведскаго престола. Норвегія, слабо вооруженная, должна была сдаться послѣ двухнедѣльной пародіи на войну. 14-го августа, конвенція, заключенная въ Моссѣ, положила конецъ военнымъ дѣйствіямъ. Христіанъ-Фридрихъ отказался отъ короны, и Швеція послала своихъ уполномоченныхъ въ Христіанію для переговоровъ о трактатѣ. Требования Швеціи были столь неблагоприятны для норвежцевъ, что присланные уполномоченные встрѣтили тамъ далеко не радушный приемъ. Они съ трудомъ могли добиться помѣщенія за невозможно высокую плату. Однако другая партія, предчувствуя новую эру и пробужденіе національной жизни послѣ четырехвѣковаго оцѣпенѣнія подъ владычествомъ Даніи, съ энтузіазмомъ встрѣтила ихъ. Послѣ долгихъ переговоровъ заключенъ былъ трактатъ о соединеніи двухъ королевствъ, при чемъ Норвегія все-таки не поступилась своими правами, избравъ королемъ Норвегіи Карла XIII, подъ условіемъ признанія конституціи 1814 года. Послѣднимъ эпизодомъ этой войны Бернадоттъ воспользовался, чтобы возвысить свою популярность въ Норвегіи. Въ это время Фредрикстенской крѣпостью командовалъ старый норвежскій генералъ Омэ, калѣка, но храбрый воинъ. Когда Бернадоттъ потребовалъ, чтобы онъ присягнулъ шведскому королю, то старикъ отвѣтилъ посланному: «Ступайте и скажите наслѣдному принцу, что у насъ въ Норвегіи есть свой король». Нѣсколько дней спустя, ему сообщили объ отреченіи Христіана-Фридриха и о приказаніи капитулировать. На это онъ отвѣтилъ: «Мой король мнѣ приказываетъ покинуть мое мѣсто, пусть будетъ такъ, я повинуюсь». И ночью старикъ исчезъ изъ крѣпости, не желая переносить позорной сдачи. Но на валу

¹⁾ Bernadotte et la Norvège en 1830, par m-me R. Remusat. «Revue Bleu», 21 Fevrier 1903.

его кто-то схватилъ въ темнотѣ и обнявъ, прошепталъ ему на ухо: «Командантъ, вы честный человекъ!» Это былъ наследный принцъ. Интеллектуальное вліяніе Бернадотта на норвежцевъ было благотворно: они встряхнулись отъ долгой спячки, подчиняясь Даніи матеріально и умственно. Вельгавенъ, авторъ «Заря Норвегіи», говоритъ, что его страна походила въ то время на «старого норвежскаго льва, послушнаго, какъ маленькая собачка, которая въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ ѣла свое мѣсиво, помахивая хвостикомъ». Данія навязывала ей свои нравы, обычаи и литературу. Своего у Норвегіи ничего не было: ни историковъ, ни ученыхъ, ни драматурговъ, ни поэтовъ, ни романистовъ, и даже не существовало грамматики. Все же литературное наследіе состояло въ сагахъ и народныхъ пѣсняхъ. Въ продолженіе пятнадцати лѣтъ молодая демократическая Норвегія предавалась мечтамъ о славѣ. Высшая буржуазія были чужда этому вдохновенію; чиновники, профессора, богатые купцы оставались еще подъ игомъ Даніи и Германіи. Революція во Франціи 1830 г. подала сигналъ къ національному движенію въ Норвегіи. Бернадоттъ, сдѣлавшійся шведскимъ королемъ, испугавшись впечатлѣній, произведеннаго на норвежцевъ событіями во Франціи, запретилъ имъ справлять день 17-го мая, напоминавшій ему краткое царствованіе Христіана-Фридриха. Губернатору Христіаніи пришла несчастная мысль разгонять прогуливавшуюся толпу съ помощью кавалеріи. Это еще болѣе возбудило норвежцевъ противъ Бернадотта. Теперь героями являлись «свободные крестьяне Норвегіи», которые никогда не знали рабства, и даже нѣкоторые изъ нихъ происходили отъ королей. Когда въ XVII и XVIII вѣкахъ дворянство и духовенство безропотно подчинялось датскому игу, ихъ отцы выказали свой независимый умъ, встрѣтивъ посланныхъ изъ Копенгагена судей и пасторовъ ударами дубинъ. «Норвегія для норвежцевъ! — воскликнули патріоты: — не надо намъ болѣе иноземныхъ товаровъ — нѣмецкихъ, англійскихъ или датскихъ». Демократическій листокъ «Гражданинъ» предлагалъ норвежцамъ подражать простотѣ нравовъ крестьянъ, женщинамъ совѣтовалъ носить платья исключительно изъ норвежской ткани, а семействамъ пить только норвежское пиво и покупать мѣстные продукты. Пасторъ Вергеландъ, который въ дѣтствѣ былъ свинопасомъ, напечаталъ жестокий памфлетъ: «Преступленіе Даніи противъ Норвегіи», и яростно возставалъ за наплывъ датской литературы и отсутствіе норвежской. Студенты расиѣвали гимнъ на мотивъ марсельезы со словами: «Что отъ насъ хочетъ эта иноземная шайка? Развѣ вы, свободомыслящіе норвежцы, снова поддадитесь рабству? Веритесь за перо! Наточите умственные мечи!» Подъ иноземной шайкой подразумевали иностранныхъ писателей и актеровъ, которые въ театрахъ и салонахъ вводили германо-датскія литературныя традиціи. Манифестаціи противъ самодержавной Даніи, «земли гнилья и рабства», сдѣлались угрожающими. 17-го мая 1831 г. въ деревню Эйдсвальдъ, гдѣ была провозглашена норвежская конституція, прибыла цѣлая толпа студентовъ и крестьянъ, расиѣвавшихъ подъ акомпанементъ кларнета и барабановъ національный гимнъ и «Парижанку» Казимира Делавиня, переведенную на норвежскій языкъ молодымъ поэтомъ Генрихомъ Вергеландомъ. Его отецъ, пасторъ Николай Вергеландъ, былъ поэтъ и перевелъ съ французскаго языка Виктора Гюго «Les

Burgraves». Самъ же молодой поэтъ былъ основателемъ норвежской литературы и вдохновителемъ народной массы. «Воодушевленный июльской революціей, онъ писалъ: «свобода—дѣло неба». Въ 1831 г. ему удалось побывать во Франціи. Хотя онъ выдавалъ себя за республиканца въ монархической странѣ, но это не мѣшало ему преклоняться предъ Бернадоттомъ. Свободная Франція его совершенно очаровала, и когда онъ увидѣлъ впервые трехцвѣтное знамя то воскликнулъ: «Да здравствуетъ французская армія!» При этомъ онъ былъ въ такой степени воодушевленъ, что задремавшіе пассажиры мигомъ проснулись и заволновались: женщины начали махать платками, мужчины шляпами, всѣ восклицали: «да здравствуетъ трехцвѣтное знамя!» Тотъ энтузіазмъ давалъ ему могущественную власть дѣйствовать на толпу. Возвратившись въ Норвегію изъ страны, «гдѣ идеалъ счастья людей—свобода», онъ заявилъ, что презираетъ поэтовъ, строящихъ воздушные замки. «Намъ надо,—говорилъ онъ,—поэтовъ, которые не взбираются на небеса, чтобы плевать на землю, а понимаютъ эпоху, въ которой живутъ, освѣщаютъ ее и сопровождаютъ ее въ ея шествіи по дорогѣ прогресса. Во всѣ времена истинные поэты, начиная съ еврейскихъ пророковъ до Казимира Делавиня, были воспитателями королей и шли впереди арміи». Въ то время онъ защищалъ французскій романтизмъ противъ Вельгавена, партизана классической эстетики и страстнаго противника новыхъ формулъ; между ними завязались литературные дебаты, раздѣлившіе норвежскихъ студентовъ на два лагеря. Вергеландъ показывался публично въ красной бархатной шапочкѣ, и на него всѣ указывали пальцами, говоря: «Видно, что онъ побывалъ въ Парижѣ!» Но это не доказывало, что онъ былъ ярымъ яacobинцемъ. Онъ взялъ на себя задачу руководить «Гражданиномъ», и своими многочисленными популярными брошюрами умственно развивалъ народъ. Но, если исключить изъ списка его два стихотворенія, посвященные Сесеу и Руже де-Лилонъ, онъ окажется самымъ наивно ребяческимъ революціонеромъ. Естественно, что демократическія доктрины поэта безпокоили Бернадотта, но Вергеландъ, считавшій короля деспотомъ, спустя нѣкоторое время, написалъ на французскомъ языкѣ: «Я не обладаю на свѣтѣ ничѣмъ, какъ только моею душой и жизнью, но и онѣ не мои, а принадлежать моему королю, истинному другу моея родины». Бернадоттъ сдѣлалъ его насторомъ самаго бѣднаго прихода. Радость его была тѣмъ болѣе велика, что онъ давно задумалъ жениться на любимой дѣвушкѣ, но не имѣлъ опредѣленныхъ средствъ. Однако счастье его было непродолжительно, и эту честь Бернадоттъ вскорѣ отнялъ назадъ за то что ночью, въ толпѣ подгулявшихъ студентовъ; производившихъ шумъ подъ окнами дворца, узнали Вергеланда. Впрочемъ, принявъ его у себя, Бернадоттъ обѣщалъ ему свое покровительство съ условіемъ, что въ будущемъ онъ будетъ благоразумнѣе. На это поэтъ отвѣтилъ: «Самая крупная ошибка съ моей стороны не имѣть мозга, который думалъ бы, а обладать сердцемъ, которое чувствуетъ». — «Надо,—возразилъ Бернадоттъ улыбаясь,—чтобы разумъ руководилъ сердцемъ». — «Не всегда, государь!» — «Вы правы, безъ страсти нѣтъ великихъ дѣлъ». Вергеландъ горячо предался умственному развитію крестьянъ и рабочихъ и добился устройства народныхъ библиотекъ. Успіями демократической прессы, которую руководилъ онъ самъ, выборы 1833 г. привели въ

стуртингъ 44 крестьянина вмѣсто 21, выбранныхъ въ 1827 году. По совѣту шведской реакціонной аристократіи, Бернадоттъ хотѣлъ распустиить національное собраніе. Эта мѣра была мотивирована отказомъ представителей признавать за королемъ право безусловнаго veto, и она вызвала значительное политическое движеніе въ Норвегіи. Стуртингъ и норвежскіе министры, за исключеніемъ одного, протестовали противъ этого произвола. Вергеландъ помѣстилъ въ «Гражданинѣ» суровую критику на поведеніе короля. Между прочимъ онъ напечаталъ цѣлую серію памфлетовъ, предназначенныхъ держать народъ въ извѣстности обо всѣхъ современныхъ событіяхъ. Когда улеглось волненіе, Бернадоттъ выказалъ къ нему великодушіе, предложивъ ежегодную пенсію. Вергеландъ принялъ ее подъ условіемъ, что ему оставить право попрежнему заниматься просвѣщеніемъ народа. Эта пенсія дала возможность осуществить его намѣреніе жениться. Однако она надѣлала немало шума, и многіе открыто говорили, что онъ продалъ Бернадотту свое перо. Лучшіе его друзья отшатнулись отъ него, и онъ съ отчаянія покинулъ Христианію и поселился въ окрестностяхъ, устроившись въ хорошенькомъ домѣ. Тамъ онъ сдѣлался кумиромъ бѣдняковъ и помогалъ всѣмъ, кто у него просилъ. Онъ часто говорилъ: «То, что я ѣмъ, дѣлается горькимъ, когда я подумаю о нищетѣ другихъ». Онъ умеръ тридцати семи лѣтъ отъ роду отъ грудной болѣзни, осложнившейся вслѣдствіе заботъ. Его поэтическія произведенія, въ которыя входитъ странная философская поэма, состоятъ изъ трагедій—подражаніе Гюго—фарсовъ въ прозѣ, сатирическихъ комедій и легкой поэзіи.

— Записки генерала Вейссенгоффа. Въ «Варшавской Библіотекѣ» за прошлый годъ и въ первыхъ книгахъ ея за 1903 годъ помѣщены любопытныя «Записки генерала Вейссенгоффа» ¹⁾. Авторъ мемуаровъ, участникъ кампаній 1792, 1794, 1809 и 1812 гг., началъ военную службу 16-ти-лѣтнимъ юношею, въ чинѣ подпоручика, въ 8-мъ пѣхотномъ полку извѣстнаго Карла Радзивилла. Кампаніи, въ которыхъ онъ участвовалъ, описаны имъ болѣе или менѣе подробно. 1812-й годъ засталъ Вейссенгоффа въ должности начальника штаба дивизіи генерала Заіонческа. Кампанію 1812 г. Вейссенгоффъ описываетъ очень обстоятельно, и немало интересныхъ подробностей можно найти въ его описаніи. Въ 1813 г. авторъ воспоминаній былъ уже бригаднымъ генераломъ, дрался подъ Дрезденомъ, а послѣ лейпцигской битвы принужденъ былъ, вмѣстѣ съ всѣмъ гарнизономъ Дрездена, которымъ командовалъ маршалъ Сенъ-Сиръ, капитулировать. Боевая карьера Вейссенгоффа кончилась. Въ кампаніи 1831 года онъ, хотя и пережилъ ее, участія не принималъ. Последняя часть записокъ генерала Вейссенгоффа, относящаяся къ «эпохѣ мира»—1815—1830 гг., всегда останется весьма важною для исторіи. Генералъ Вейссенгоффъ, какъ старшій бригадный генералъ, получилъ должность начальника уланской дивизіи. Великій князь Константинъ Павловичъ вначалѣ старался ввести въ организацію польскаго войска «свои порядки», все передѣлать по своему. Но «онъ встрѣтилъ отпоръ, пишетъ авторъ, въ истинномъ знаніи своего дѣла нашими офицерами, а равнымъ образомъ и въ ясности нашихъ

¹⁾ «Pamiętnik generała Weissenhoffa» (Biblioteka Warszawska 1902 и 1903).

военныхъ уставовъ, которые мы заимствовали у французовъ». «Намъ не пріятно было,—продолжаетъ Вейсенгофъ,—подчиняться этимъ требованіямъ великаго князя, но должны были подчиняться». Мало-по-малу Константинъ забывалъ свои требованія и «отъ своего имени началъ отдавать намъ распоряженія, которыя составляли нашу собственность». Во всякомъ случаѣ авторъ отдаетъ справедливость великому князю Константину Павловичу въ дѣлѣ устройства польскаго войска и утверждаетъ, что «великій князь дѣйствительно привелъ войско въ величайшій порядокъ». Описывая окружающіхъ великаго князя лицъ, Вейсенгофъ останавливается на личности генерала Рожнецкаго. Это былъ шпионъ и взяточникъ, въ дѣйствіяхъ своихъ не останавливавшійся ни передъ какими средствами. Всюду онъ наводилъ паническій страхъ. Его пріятель Фридендеръ разѣзжалъ по всему краю съ письмами генерала, вымогая гдѣ угрозами, а гдѣ обѣщаніями, деньги въ займы безъ отдачи, разумѣется. Великій князь зналъ объ этомъ, и отъ него часто доставалось Рожнецкому. Когда императоръ Александръ I пріѣхалъ въ Варшаву въ 1817 году, Вейсенгофъ былъ командированъ въ Брестъ, встрѣчать государя. «Все были поражены,—пишетъ Вейсенгофъ,—благородною осанкою, кротостію, ласковыми словами монарха. Его намѣренія (intencje) въ отношеніи насъ были благія и искреннія, но осуществленіе ихъ встрѣтило оппозицію во всей Россіи и въ великомъ князѣ Константинѣ». Александръ Павловичъ предполагалъ ночевать въ Мендзыжечѣ. Здѣсь его принималъ генералъ, князь Адамъ Чарторыйскій. Князь былъ въ мундирѣ австрійскаго фельдмаршала. Взглянувъ на него, императоръ обратился къ Вейсенгоффу и приказалъ велѣть тотчасъ же запрягать лошадей. Не только не остался ночевать, но даже не пріѣхалъ, выплль, стоя, чаю и сейчасъ же простился къ княземъ, удивленный и недовольный тѣмъ, что первый польскій магнатъ и патриотъ принялъ своего государя, какъ чиновникъ чужой страны. А князь Адамъ оправдывался тѣмъ, что у него нѣтъ своего (krajowego) мундира!. Въ 1824 г. позднею осенью императоръ Александръ снова пріѣхалъ въ Варшаву. Все войско было собрано подъ столицею русской Польши. Константинъ Павловичъ задумалъ воспользоваться пребываніемъ царя и предложить польскимъ генераламъ: сохраняя свои національные цвѣта въ одеждѣ, измѣнить шитье на мундирахъ по русскому образцу. Созванъ былъ весь генералитетъ, и генералъ Курута объявилъ желаніе великаго князя. Единогласно отвѣтили отказомъ. Рожнецкому и Раутенштрауху, которые играли роль посредниковъ въ этомъ дѣлѣ Константинъ Павловичъ задать «за неумѣлый образъ дѣйствій» порядочный нагоняй. Какъ упомянуто выше, авторъ воспоминаній не участвовалъ въ ноябрьской революціи 1830 года, несмотря на то, что былъ выбранъ главнокомандующимъ на мѣсто Хлопицкаго. Вейсенгофъ отказался отъ этой должности. Тѣмъ не менѣе, онъ описалъ возстаніе 1830—1831 гг., но это описаніе вышло довольно блѣднымъ. Интересно развѣ лишь взгляды генерала Вейсенгоффа на революцію 29—30-го ноября 1830 г. и на личность генерала Хлопицкаго. На революцію онъ смотрѣлъ трезво, предвидя печальныя послѣдствія, какія она должна навлечь на край. Относительно Хлопицкаго Вейсенгофъ высказываетъ мнѣніе, что генералъ Хлопицкій, ограничиваясь обороною, сразу погубилъ все дѣло, на выигрышъ котораго и безъ того было невозможно разчитывать.

— Жюльета Друэ. Во второй февральской книжкѣ «Revue de Paris» помѣщенъ любопытный биографическій очеркъ Жюльете Друэ, которая въ продолженіе пятидесяти лѣтъ была самымъ интимнымъ другомъ Виктора Гюго¹⁾. Авторъ этой статьи, Леонъ Сешэ, собравшій всевозможные письма и документы объ этомъ литературномъ романѣ, приходитъ къ тому заключенію, что никто не знаетъ и, вѣроятно, никогда не будетъ знать, насколько интимна была ихъ идиллическая дружба. Еще въ маѣ 1836 г. поэтъ, въ сопровожденіи юной Жюльеты Друэ, посѣтилъ ея родной городъ Фужеръ, и въ письмахъ къ своей женѣ и друзьямъ описывалъ этотъ красивый провинціальный городокъ. Уже тогда она играла важную роль въ жизни поэта и была необыкновенной красавицей. Въ юности она воспитывалась въ монастырѣ и часто разсказывала Виктору Гюго подробности монастырской жизни, которыя вошли цѣликомъ въ «Les misérables». Когда они познакомились, то она была актрисой и въ нѣсколькихъ его пьесахъ играла маловажныя роли. Хотя она была еще очень молода, но уже успѣла «согрѣшить», какъ говорятъ французы. «Викторъ Гюго рѣшилъ ее возвысить въ общественномъ мнѣніи. Въ теченіе многихъ лѣтъ они писали другъ другу буквально каждый день, и эта драгоценная переписка хранится у племянника Жюльеты Друэ, который, говорятъ, намѣренъ пожертвовать ее французской Національной Библіотекѣ. Викторъ Гюго забѣгалъ къ Жюльетѣ каждое утро и каждый вечеръ. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ помѣщены въ статьѣ Леона Сешэ и отличаются прелестнымъ литературнымъ стилемъ. Когда съ теченіемъ времени Викторъ Гюго съ женою и дѣтьми отправился въ изгнаніе, то и Жюльета Друэ поѣхала за ними. Но всей вѣроятности, г-жа Гюго въ это время узнала объ ихъ отношеніяхъ, которыя уже продолжались двадцать лѣтъ. Она тѣмъ болѣе покорила своей судьбѣ, что сама когда-то была неравнодушна къ Сенъ-Беву и сдѣлалась его другомъ. Послѣ смерти жены Виктора Гюго въ 1868 г. всѣ были увѣрены, что онъ женится на Жюльетѣ Друэ, но всеобщія ожиданія не осуществились. Когда уже умерли дочери Гюго, она переѣхала къ нему въ качествѣ хозяйки. Ихъ романъ продолжался до ея послѣднихъ дней, и незадолго до ея смерти Викторъ Гюго писалъ въ ея альбомѣ: «Каждую ночь, прежде чѣмъ лечь спать, я прошу Бога, чтобы вы жили такъ же долго, какъ я. Дай Богъ, чтобы мы умерли въ одинъ день и навѣки соединились на небѣ». Но желаніе это не исполнилось: г-жа Друэ умерла отъ сердечной болѣзни въ 1883 году. За нѣсколько дней передъ тѣмъ Викторъ Гюго написалъ въ томъ же альбомѣ, въ годовщину пятидесятилѣтія ихъ нѣжной дружбы: «слово любовь—великое слово. Богъ далъ его міру, и міръ обратно возвратилъ его Богу. Я люблю тебя, мой обожаемый ангель; начнемъ же пятидесятилѣтіе нашего союза съ этихъ божественныхъ словъ, я люблю тебя».

Столѣтній юбилей Кинэ. 17-го февраля нынѣшняго года исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія Эдгара Кинэ, знаменитаго ученаго, мыслителя, историка, соціальнаго писателя и республиканскаго общественнаго дѣятеля. Весь либеральный Парижъ праздновалъ этотъ юбилей съ большимъ торжествомъ на Монмартрскомъ кладбищѣ, гдѣ покоится его прахъ, въ ожиданіи

¹⁾ Juliette Drouet, par Sèché. Revue de Paris», 15 Fevrier 1903.

перенесенія въ Пантеонъ въ іюль мѣсяцѣ. Потомъ торжество продолжалось въ Сорбоннѣ, и въ присутствіи Лубэ было произнесено нѣсколько торжественныхъ рѣчей министромъ народнаго просвѣщенія, Шомье, румынскимъ посланникомъ Гика, который напомнилъ слушателямъ о заслугахъ Кинэ, какъ защитника національныхъ правъ Румыніи, и другихъ. Въ концѣ церемоніи членъ парламента и профессоръ факультета словесности, Фердинандъ Бюиссонъ, прочелъ блестящій, по длинноватый очеркъ политической дѣятельности юбиляра. Все торжество окончилось чтеніемъ нѣкоторыхъ произведеній, Кинэ, которое исполнили актеры французской комедіи. Конечно, всѣ французскіе журналы и газеты откликнулись на этотъ юбилей болѣе или менѣе обстоятельными статьями, и самыя интересныя очерки жизни, идей и произведеній Кинэ помѣщены въ первомъ мартовскомъ номерѣ «Revue Universelle» П. Стэгомъ и Аври Кастэ. Занмствуемъ изъ нихъ главнѣйшія подробности біографіи и характеристики знаменитаго писателя. Родившись 17-го февраля 1803 года, Эдгаръ Кинэ, былъ сыномъ военнаго комиссара временъ республики и имперіи. Его мать, протестантка, дала сыну первоначальное нравственное и умственное воспитаніе. Сначала онъ получилъ классическое образованіе въ Лионскомъ лицей, и отецъ хотѣлъ его приготовить въ политехническую школу, но юноша, подъ предлогомъ, что не хотѣлъ служить Бурбонамъ, занялся исторіей, литературой и философій. Поступивъ на юридическій факультетъ Парижскаго университета, онъ продолжалъ изучать свои любимыя предметы и въ двадцать лѣтъ напечаталъ первое свое произведеніе «Les tablettes du juif errant». Около этого времени онъ узналъ, что Гердеръ издалъ свою философію, и рѣшился перевести ее на французскій языкъ, для чего изучилъ нѣмецкій языкъ. Переводъ вышелъ отличный, и въ двадцать два года Кинэ прославился, какъ замѣчательный мыслитель и философъ. Кузенъ предсказалъ, что онъ будетъ знаменитымъ писателемъ. У Кузена онъ познакомился съ другомъ всей своей жизни, Мишлэ. Въ теченіе послѣдующихъ шести лѣтъ Кинэ путешествовалъ по Англии и Германіи, гдѣ прожилъ два года, изучая философію и нѣсколько туманный религіозный символизмъ древности. Затѣмъ онъ принялъ участіе въ ученой комиссіи, посланной французскою академіей въ Грецію для изученія древностей, и, возвратившись во Францію, принялъ участіе въ демократическомъ и либеральномъ движеніи, ознаменовавшемъ учрежденіе іюльской монархіи. Въ этомъ направленіи онъ написалъ нѣсколько брошюръ и статей въ «Revue des deux mondes» и другихъ журналахъ. Въ 1832 г. онъ предпринялъ научное путешествіе въ Италію, а чрезъ годъ снова отправился въ Германію и поселился въ Гейдельбергъ, гдѣ провелъ пять лѣтъ и женился на молодой нѣмкѣ, Минѣ Морэ. Въ это время онъ издалъ нѣсколько поэмъ, между прочимъ «Наполеонъ», и рядъ историческихъ, критическихъ и религіозныхъ сочиненій. Возвратясь во Францію, онъ выдержалъ экзаменъ на доктора словесности и получилъ въ Лионѣ кафедру по античной цивилизаціи, а въ 1841 г. былъ назначенъ профессоромъ южныхъ языковъ во Французской коллегіи. Теперь началась самая блестящая эпоха профессуры Кинэ вмѣстѣ съ его друзьями Мишлэ и Мицкевичемъ. Втроемъ они ополчились противъ клерикаловъ, и Кинэ читалъ лекціи объ іезуитахъ. Въ виду ходатайства парижскаго архіепископа, мини-

стерство прекратило их лекціи, но чрезъ годъ снова ихъ открыло. Кинэ нисколько не сдался и прочелъ курсъ объ ультрамонтанствѣ и о христіанствѣ во время французской республики. Это еще болѣе вооружило клерикаловъ, и они добились въ 1846 г. окончательнаго воспрещенія его лекцій. Въ свободное время онъ предпринялъ путешествіе въ Испанію и написалъ «Исторію инквизиціи», «Мои вакаціи въ Испаніи», затѣмъ «Исторію итальянскихъ революцій». Въ то же время онъ напечаталъ свои лекціи объ іезуитахъ. Въ 1848 г. Кинэ принялъ участіе въ революціи и съ торжествомъ вновь открылъ свой курсъ во Французской коллегіи. При этомъ онъ началъ свою первую лекцію словами: «Именемъ республики занимаю свою кафедру; монархія меня прогнала съ нея, а народъ снова возвратилъ на нее». вмѣстѣ съ тѣмъ его выбрали депутатомъ въ Національное собраніе, гдѣ онъ съ самаго начала былъ яркимъ противникомъ Наполеона. Изгнанный изъ Франціи послѣ 2-го декабря 1851 г., Кинэ удалился въ Брюссель, гдѣ жилъ самымъ нищенскимъ образомъ на 80 сантимовъ въ день. Въ этомъ же году онъ потерялъ жену, но въ слѣдующемъ году женился на дочери румынскаго поэта, Герміонѣ Асакѣ, которая сдѣлалась эгеріей и помощницей его послѣдующей жизни. Кромѣ любви и преданности, она принесла своему мужу и порядочное состояніе. Ведя спокойную и тихую жизнь, онъ предавался своимъ историческимъ, философскимъ и антиклерикальнымъ трудамъ. Несмотря на изданную впоследствии Наполеономъ III амнистію, онъ не вернулся во Францію, а переселился въ Швейцарію въ Монтре, гдѣ прожилъ до 4-го сентября 1870 г. Третья республика вернула его въ Парижъ, и онъ вступилъ въ парламентъ, гдѣ занялъ мѣсто на крайней лѣвой скамьѣ, возлѣ Луи Блана. Въ Парижѣ Кинэ продолжалъ писать различныя политическія брошюры и замѣчательную книгу «*Esprit nouveau*». Изъ числа же изданныхъ имъ въ изгнаніи сочиненій всего замѣчательнѣе: «Философія исторіи Франціи», «Исторія моихъ идей», «Исторія кампаніи 1815 г.», «Письма изъ изгнанія», «Мерлэнъ очарователь», «Революціи» и «Римскій вопросъ». Въ послѣднее время своей жизни онъ страдалъ отъ бронхита, который схватилъ во время осады Парижа, и умеръ 27-го марта 1875 г. Вдова Кинэ издала полное собраніе его сочиненій въ тридцати томахъ; всѣхъ же его сочиненій болѣе сорока, и они отличаются одинаково ученымъ, философскимъ и поэтическимъ настроеніемъ. Главной чертой всѣхъ его произведеній—чрезвычайное воображеніе, лирическій мистицизмъ и ненависть къ клерикализму.

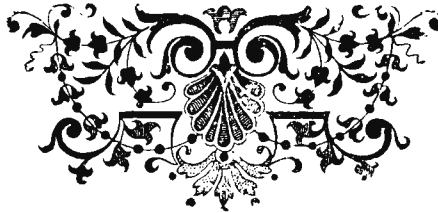
— Смерть Ригера, Гастона Париса и Эрнеста Легувэ. Послѣдній изъ замѣчательныхъ дѣятелей возрожденной Чехіи, Франтишекъ Владиславъ Ригеръ, скончался 18-го февраля въ Прагѣ на восемьдесятъ пятomъ году отъ роду. Онъ родился въ 1818 году въ Сенели (сѣверная Чехія) и получилъ высшее образованіе въ Пражскомъ университетѣ. Ему выпало на долю счастье участвовать въ первыхъ шагахъ самосознанія чешскаго народа въ XIX вѣкѣ. Не было ни одного патріотическаго публичнаго собранія или общественнаго бала, на которомъ Ригеръ не игралъ бы выдающейся роли. Особенную услугу чехамъ Ригеръ оказалъ распространеніемъ школъ, патріотическихъ сочиненій, а также славянской энциклопедіи. Въ революцію 1848 года онъ былъ чешскимъ делегатомъ въ Вѣнѣ и написалъ императорскій рескриптъ, который далъ Чехіи

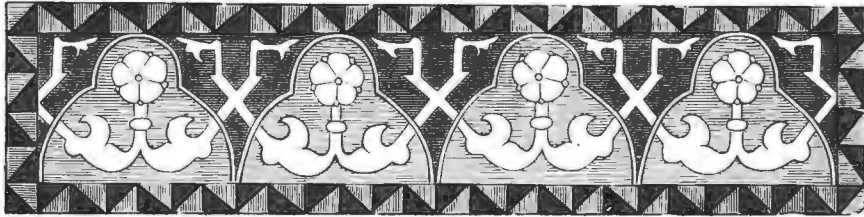
конституцію, равенство языковъ, права чешской короны и созваніе учредительнаго собранія. Но скорѣ пражское возстаніе и усмиреніе его княземъ Виндишгредомъ помѣшали созвать это собраніе. Послѣ этого наступила тягостная реакція, и Ригеръ былъ обязанъ проживать много лѣтъ за границей. Только въ 1854 году онъ снова сталъ играть дѣятельную политическую роль и говорить за права чеховъ въ вѣнской палатѣ. Но разочарованный нетерпимостью нѣмецкаго большинства, онъ удалился въ Чехію и посвятилъ себя развитію чешскаго театра и окончанію чешской энциклопедіи. Въ послѣдующіе годы онъ протестовалъ противъ униженнаго положенія Чехіи въ Габсбургской монархіи, напечаталъ знаменитую декларацію правъ Чехіи и въ 1863 году разошелся съ юнгами представителями своей партіи, которые упрекали его въ излишней умѣренности политики и составили новую партію младочеховъ подъ главенствомъ Грегера. Въ 1867 году онъ ѣздилъ съ своимъ зятемъ Палацкимъ на этнографическую выставку въ Москву, и хотя русскіе встрѣтили его съ большимъ триумфомъ, но очень охладѣли къ нему, когда онъ вздумалъ мирить Россію съ Польшей. Возвратившись въ Чехію, онъ предался культурной дѣятельности, и только въ 1885 году снова вступилъ въ парламентъ, но окончательно рассорился съ младочехами, которые оказались въ большинствѣ. Мало-по-малу горько разочарованный, престарѣлый Ригеръ сталъ дружить съ вѣнскими парламентаристами, что окончательно уничтожило его популярность. Въ 1891 году онъ не былъ избранъ въ депутаты чешскаго сейма и съ тѣхъ поръ долженъ былъ вести частную жизнь. Движеніе, созданное имъ въ Чехіи, окончательно ускользнуло изъ его рукъ.

На-дняхъ французская наука понесла чувствительную потерю въ лицѣ величайшаго французскаго филолога и лингвиста, Гастона Париса. Онъ родился въ 1839 году въ Авенѣ, въ департаментѣ Марны, и отецъ его Палэнъ Парисъ, такой же ученый филологъ, какъ и онъ, съ юныхъ лѣтъ приучилъ его къ текстамъ старинной французской литературы. Воспитанный въ коллегіи Ролена, въ нѣмецкихъ университетахъ геттингенскомъ и бонскомъ, а потомъ въ Шартрской высшей школѣ и наконецъ въ Парижскомъ университетѣ, онъ очень рано получилъ кафедру французской коллегіи, которую прежде занималъ его отецъ. Затѣмъ онъ былъ удостоенъ званія безсмертнаго, т.-е. члена французской академіи, и занялъ кресло Пастера. Наконецъ въ послѣднее время онъ былъ назначенъ администраторомъ Французской коллегіи. Изъ его трудовъ всего замѣтнѣе «Histoire poétique de Charlemagne», «Manuel d'ancien français», «Les plus anciens monuments de la langue française», «Contes orientaux dans la littérature française du moyen age». Кромѣ того, онъ основалъ журналы «Revue critique» и «Revue historique», а также помѣщалъ ученые и блестящія статьи въ «Temps» и «Journal des Debats». Гастонъ Парисъ находился въ самомъ зенитѣ своей славы и могъ бы принести еще много услугъ французской наукѣ, когда онъ умеръ отъ диабета 4-го марта, на шестьдесятъ второмъ году своей трудовой дѣятельной жизни.

Ровно чрезъ десять дней послѣл кончины убого уважаемаго академика скончался другой безсмертный, но уже совершенно иного рода. Если Эрнеста Легувэ всѣ уважали, то не за его ученость или таланты, а за добродушную

старость. За нѣсколько дней до его смерти праздновали девяносто шести лѣтнюю годовщину дня рожденія маститаго старца. Онъ былъ такъ веселъ и бодръ что всѣ его гости обѣщали себѣ возвратиться на его столѣтній юбилей. Смерть застала его совершенно неожиданно во снѣ, и на другое утро внуки и правнуки нашли его мертвымъ. Эрнестъ Легувэ родился въ 1807 году и былъ сыномъ извѣстнаго въ свое время поэта. Двадцати лѣтъ онъ написалъ поэмуну «Открытіе книгопечатанія», которую академія удостоила преміи. Потомъ онъ писалъ романы, которые уже совершенно забыты. Зато нѣкоторыя изъ его драматическихъ произведеній, какъ напримѣръ «Адриена Лекувреръ», «Битва женщинъ» и «Разказы королевы Наварской» сохранились до сихъ поръ въ репертуарѣ, хотя они не отличаются ничѣмъ замѣчательнымъ, кромѣ сценичности. Въ 1856 году онъ написалъ «Медею» для Рашели, но знаменитой актрисѣ ея роль почему-то не понравилась и на репетиціи она заявила о своемъ нежеланіи играть. Дѣло дошло до суда и Рашель присудили играть Медею или заплатить автору нѣсколько тысячъ франковъ. Рашель заплатила штрафъ, и Медея никогда не была представлена. Кромѣ драматическихъ произведеній, Легувэ написалъ нѣсколько сочиненій въ защиту женщинъ и небольшихъ трактатовъ объ искусствѣ чтенія, въ которомъ онъ былъ мастеромъ. Избранный въ академію, онъ часто читалъ литературныя лекціи, даже въ послѣднее время имѣвшія большой успѣхъ.

С М Ъ С Ъ.

ПАМЯТНИКЪ ПУШКИНУ. Отъ высочайше учрежденной комиссіи по постройкѣ памятника А. С. Пушкину въ С.-Петербургѣ. Къ 1-му января 1902 г. въ состоящей при императорской академіи наукъ высочайше учрежденной комиссіи по постройкѣ памятника А. С. Пушкину въ С.-Петербургѣ имѣлось пожертвованій наличными деньгами 719 рублей 5 коп. и процентными бумагами 33.800 рублей, а затѣмъ приливъ пожертвованій, за исключеніемъ рѣдкихъ единичныхъ поступленій, ослабѣлъ. Въ виду этого, въ концѣ 1901 года, августѣйшій предѣдатель комиссіи, его императорское высочество великій князь Константинъ Константиновичъ, входилъ съ отзывомъ къ министру императорскаго двора о предоставленіи въ распоряженіе комиссіи на одинъ спектакль императорскихъ театровъ: Маринскаго въ С.-Петербургѣ и Большого въ Москвѣ. Маринскій театръ во всѣ свободные отъ репертуарныхъ спектаклей дни былъ уже занятъ различными благотворительными учрежденіями. Большой же театръ въ Москвѣ былъ предоставленъ комиссіи на 2-е февраля 1902 года, днемъ. Организацию спектакля, изъ произведеній Пушкина, любезно принялъ на себя профессоръ Московскаго университета А. Н. Веселовскій, образовавшій въ Москвѣ, при дружномъ участіи артистовъ и администраціи императорскихъ театровъ, особое совѣщаніе, на которомъ была выработана программа спектакля. Спектакль этотъ увеличилъ фондъ комиссіи на 2.584 рубля 71 коп. Въ виду такого блестящаго матеріальнаго успѣха спектакля августѣйшій предѣдатель изволилъ признать необходимымъ приказать организовать вновь устройство спектаклей изъ произведеній нашего поэта въ теченіе настоящаго театральнаго сезона въ городскихъ театрахъ Харькова, Одессы и Кіева и въ правительственномъ театрѣ Варшавы. Во исполненіе воли его императорскаго высочества, управляющій дѣлами комиссіи, непрѣмный секретарь академіи наукъ, генералъ-лейтенантъ Дубровинъ обратился съ письмами къ

городскимъ головамъ городовъ: Харькова—А. К. Погорѣлкѣ, Кіева—В. Н. Проценкѣ и Одессы—П. А. Зеленому, а также къ помощнику варшавскаго генералъ-губернатора генералу-отъ-инфантеріи А. К. Пузыревскому съ просьбой представить въ распоряженіе комиссіи театры въ вышеозначенныхъ городахъ и принять устройство спектаклей на свое попеченіе. Для необходимыхъ переговоровъ по устройству предложенныхъ спектаклей, для подробной разработки вопроса и для приглашенія отъ имени комиссіи лицъ, участіе которыхъ въ устройствѣ спектаклей было бы признано полезнымъ, были командированы въ вышеупомянутые города чиновникъ особыхъ порученій при императорской академіи наукъ В. А. Рышковъ. Результатомъ этихъ переговоровъ явилась организація спектаклей въ названныхъ городахъ, при чемъ въ Одессѣ, по порученію городского головы, спектакль организовалъ предѣдатель комиссіи по завѣдыванію театромъ П. А. Крыжановскій, при участіи г-жъ Лубковской и Дюковой. Спектакль этотъ принесъ чистаго дохода 550 рублей. Кроме того, въ Варшавѣ предѣдатель русскаго собранія Ш. С. Крашенинниковъ организовалъ литературно-музыкальный вечеръ, который далъ 745 р. 78 к. Организацию спектаклей въ гор. Харьковѣ принялъ на себя профессоръ мѣстнаго университета и предѣдатель училищной комиссіи Н. Ф. Сумцовъ, въ Кіевѣ—городской голова В. Н. Проценко и въ Варшавѣ—А. К. Пузыревскій. Спектакли эти будутъ устроены въ ближайшемъ будущемъ. Что же касается спектаклей въ императорскихъ театрахъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, то комиссія предполагаетъ постановку ихъ въ будущемъ театральномъ сезонѣ. Въ настоящее время въ комиссіи имѣется наличными деньгами 390 рублей 31 копейка и процентными бумагами 39.800 рублей.

Въ память 200-лѣтія русской періодической печати. 26-го января въ актовомъ залѣ Московскаго университета подъ предѣдательствомъ профессора А. Н. Веселовскаго состоялось публичное засѣданіе общества любителей російской словесности въ память 200-лѣтія русской періодической печати. Дѣйствительный членъ общества В. В. Каллашъ произнесъ рѣчь: «Основные моменты развитія русской періодической печати XVIII вѣка». Отмѣтивъ, что исполнившееся 2-го января 200-лѣтіе нашей періодической печати прошло почти вездѣ незамѣтно, безцвѣтно, вызвавъ лишь въ немногихъ мѣстахъ частныя собранія въ память событія, лекторъ задался вопросомъ, почету фактъ общественнаго значенія былъ встрѣченъ холодно. Повидимому, это объясняется отсутствіемъ въ наше время поводовъ къ праздничнымъ, юбилейнымъ настроеніямъ, въ особенности къ торжествамъ по случаю прошлаго и настоящаго нашей печати. Лучше приглядѣться внимательнѣе къ прошлому и поискать въ немъ уроковъ для будущаго. Изложивъ затѣмъ исторію возникновенія первыхъ русскихъ «Вѣдомостей», которыя съ половины 1711 года печатались то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ, и прекратились въ 1727 г., уступивъ мѣсто академическимъ «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ», начавшимъ выходить въ 1728 г., а затѣмъ и университетскимъ Московскимъ, основаніе которымъ было положено только въ 1756 году, референтъ отмѣтилъ, что первая русская газета давала только факты безъ всякихъ выводовъ и опредѣленной системы. Это собственно наши темерешнія «телеграфическія», «внутреннія» и «внѣ-

пнія» извѣстія. Долго газета держалась только силою царскаго указа, а не общественныхъ потребностей, и играла собственно ту же роль, что и прежніе куравты. Но уже въ новиковскія времена «Московскія Вѣдомости» дѣлаются газетой въ нашемъ смыслѣ слова, съ публицистикою, беллетристикою, стихами, библиографическими извѣстіями о вновь вышедшихъ книгахъ, — хорошо обставленными отдѣлами внутреннихъ и вѣшнихъ извѣстій. Но газетное редакторство Новикова было кратковременнымъ, газета перешла въ другія руки, потеряла свой прежній характеръ, выцвѣла. Академическія «С.-Петербургскія Вѣдомости» все время влчили жалкое существованіе и наполнялись случайнымъ матеріаломъ. Такъ шло дѣло до пресловутой «Сѣверной Пчелы», которая ввела въ нашу литературу и общественность совѣтъ особые нравы... Первый журналъ, вѣрнѣе, нѣкоторый намекъ на него, появляется у насъ въ 1728 г. Адъюнктъ академіи Миллеръ задумалъ при «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» издавать особыя приложенія: «Мѣсячныя историческія, генеалогическія и географическія примѣчанія въ вѣдомостяхъ» (издавались до 1742 года включительно). Онѣ должны были имѣть, по идеѣ редактора, широкое образовательное значеніе, но на самомъ дѣлѣ состояли изъ ряда случайныхъ матеріаловъ. Къ тому же 1728 г. относится возникновеніе и нашего перваго спеціальнаго журнала: «Краткое описаніе комментарьевъ академіи наукъ», въ которомъ излагались труды академикова. Къ 1755 г. относится изданіе перваго научно-литературнаго журнала въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Знаменательное совпаденіе съ основаніемъ перваго университета! Это — «Ежемѣсячныя Сочиненія» къ пользѣ и увеселенію служащихъ, редактированныя Миллеромъ въ 1755—1764 гг. (съ 1786 по 1796 г. выходили новыя Ежемѣсячныя Сочиненія, подъ другой редакціей, — Разумовскій, Озерецковскій и Протасовъ). Въ свое время они пользовались значительною популярностію и положили прочное начало нашей журналистикѣ, при всей наивности нѣкоторыхъ приѣмовъ веденія журнальнаго дѣла. По тому времени цифра подписчиковъ (до 700) была прямо громадна, въ особенности если принять во вниманіе, что въ тѣ времена за каждымъ подписчикомъ стоялъ большой кругъ читателей. По свидѣтельству митрополита Евгенія, «вся Россія съ жадностію и удовольствіемъ читала сей первый русскій ежемѣсячникъ, въ которомъ много помѣщено иностранныхъ переводовъ, а большая половина русскихъ любопытныхъ статей историческихъ, географическихъ, коммерческихъ, ученыхъ и другихъ». Журналъ не хотѣлъ связывать себя точно опредѣленной программой: онъ намѣренно широко раздвигалъ свои рамки, избѣгая только всего темнаго, непонятнаго, личнаго. Критика и полемика допускались, но должны были носить принципиальный характеръ. Редакторъ общался бороться противъ всякихъ личностей въ сатиры — вопросъ, который немного позднѣе сдѣлался поводомъ оживленнаго спора между «Всякою Всячиною», «Трутнемъ» и другими журналами 1769 г. 15 лѣтъ спустя, сатира стала уже опредѣляющимъ моментомъ нашего журнальнаго дѣла. Если отбросить наивность терминологіи и мотивировки въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ», то у насъ останется программа лучшихъ современныхъ періодическихъ изданій. Любопытно, что подобное изданіе имѣлъ въ виду еще Ломоносовъ въ 1754 году. Миллеръ предназначилъ свой журналъ для средняго читателя, при-

мѣншившись очень умно и тактично къ его потребностямъ и интересамъ. Развивая интересъ къ чтенію у общества и группируя около себя переводчиковъ и писателей изъ молодежи, Миллеръ далъ сильный толчекъ развитію журнальнаго дѣла въ Россіи. Главная «Трудолюбивая Пчела» Сумарокова была только дѣтскимъ лепетомъ сравнительно съ этимъ журналомъ. Культурное движеніе елисаветинской эпохи съ своимъ условнымъ, безпредметнымъ идеализмомъ составляетъ естественный переходъ отъ безыдейнаго реализма петровскаго времени къ первымъ попыткамъ сблизить реальность съ идеей и ввести въ литературу обсужденіе жизненныхъ вопросовъ въ вѣкъ Екатерины II. Движеніе все еще совершалось въ непосредственной близости къ двору и правительству, но уже вышло изъ тѣснаго круга правительственныхъ лицъ. Главный матеріалъ для этого культурнаго движенія дала подрастающая молодежь новооткрытыхъ высшихъ учебныхъ заведеній: сперва академическаго университета, потомъ сухопутнаго шляхетнаго корпуса и, наконецъ, Московскаго университета. Затѣмъ Ю. А. Веселовскій прочиталъ статью профессора А. И. Кириичникова (за болѣзнью не могшаго быть въ засѣданіи): «Жуковскій, какъ редакторъ «Вѣстника Европы»». 101 годъ тому назадъ въ Москвѣ появился «Вѣстникъ Европы», основанный Н. М. Карамзинымъ и бывший родоначальникомъ русской журнальной прессы, такъ какъ въ немъ первымъ обозначился тотъ типъ, который присущъ нашимъ литературно-политическимъ журналамъ. Первый номеръ журнала вышелъ 4-го января 1802 года. Въ публикѣ журналъ имѣлъ успѣхъ, и первая книжка вышла вторымъ изданіемъ въ томъ же году. Но черезъ два года Карамзинъ, получивъ званіе исторіографа, оставилъ «Вѣстникъ Европы», который переходитъ къ М. Т. Каченовскому, а затѣмъ къ В. А. Жуковскому. Жуковскій былъ сотрудникомъ журнала почти съ самаго его основанія, и 19-ти лѣтъ онъ помѣстилъ въ немъ свой переводъ «Сельское кладбище». Лѣтомъ 1803 года Жуковскій переѣхалъ на дачу къ Карамзину, и начинается его болѣе близкое участіе въ журналѣ. Въ январѣ 1808 года вышелъ первый номеръ «Вѣстника Европы» съ подписью Жуковскаго, какъ редактора; онъ открывался статьей Жуковскаго, подъ названіемъ «Письмо изъ деревни», въ которомъ излагаются взгляды на задачи журнала. Въ Россіи, по мнѣнію редактора, при сильной охотѣ читать и такомъ нестрогомъ выборѣ чтенія хорошій журналъ могъ бы имѣть самыя благотѣльные дѣйствія; къ услугамъ журналиста богатства литературы чужестранной и собственной, искусства и науки; единственное условіе — разборчивость. Политика въ такой землѣ, гдѣ общее мнѣніе покорно дѣятельной власти правительства, не можетъ имѣть особой привлекательности для умовъ беззаботныхъ и миролюбивыхъ. Критику Жуковскій считалъ также преждевременной, такъ какъ не находилъ для нея ниши. Въ 1809 году Жуковскій заявляетъ, что въ его журналѣ извѣстія о политическихъ событіяхъ будутъ замѣнены другими извѣстіями, — объ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ. «Я отиѣлъ панихиду, — говорилъ онъ, — всей политикѣ». Наиболее энергичными сотрудниками Жуковскаго были поэтъ и переводчикъ Мерзляковъ, В. Л. Пушкинъ, А. И. Тургеневъ, князь Вяземскій и другіе. Съ конца 1809 года и по 1811 годъ журналъ выходитъ уже подъ редакціей Жуковскаго и Каченовскаго (съ 1810 года экстраординарнаго профессора

Московского университета). Съ 1811 до 1814 года—уже одного Каченовскаго. Книжки «Вѣстника Европы» временъ Жуковскаго читались Гоголемъ и имѣли вліяніе на развитіе его творчества, о чемъ можно судить по тому, что переводный рассказъ «Портретъ», помѣщенный въ одной изъ книжекъ «Вѣстника Европы», послужилъ поводомъ для Гоголя къ его произведенію «Портретъ». Послѣ перерыва засѣданія предѣдатель общества профессоръ А. Н. Веселовскій произнесъ рѣчь подъ заглавіемъ: «Отъ Полевого до Писарева». Зачаточный, патріотическій, полезно-увеселительный типъ журнала, какимъ являлся «Вѣстникъ Европы» временъ Жуковскаго, не могъ продержаться долго; уже съ 1823 года появляются книжки альманаха «Полярная Звѣзда» Бестужева и Рылѣева, представляющіе типъ журнала, ближе подходящаго къ современному. Событія 14-го декабря 1825 года прекратили этотъ альманахъ, но въ Москвѣ явился его продолжателемъ «Телеграфъ» Полевого, котораго Чернышевскій называетъ однимъ изъ вождей умственнаго движенія въ Россіи. Въ «Московскомъ Телеграфѣ» (1825—1834 года) мы видимъ журналъ, издающійся не для «полезнаго и увеселительнаго чтенія», а направляющій умственное движеніе своего времени. Полевой первый ввелъ критику, какъ неотъемлемую часть журнала и направилъ ее противъ старыхъ взглядовъ и пріемовъ въ литературѣ и искусствѣ; онъ былъ первый русскій журналистъ, публицистъ, отзывавшійся быстро на всѣ запросы и нужды времени. Далѣе референтъ указалъ на журналы «Московскій Вѣстникъ» и «Европеецъ», на появленіе въ «Вѣстникѣ Европы» статей профессора Надеждина, который основываетъ затѣмъ и свой журналъ «Телескопъ» съ газетой «Молвой, въ которой Бѣлинскій помѣстилъ свои «Литературныя мечтанія». Въ то время, какъ Москва создавала цѣлыя органы печати и литературныя направленія, Петербургъ оставался съ своею особою литературой, сосредоточивавшеюся около лишенныхъ дарованій Булгарина и Сеньковского, въ видѣ «Сѣверной Пчелы», «Сына Отечества», «Библиотеки для Чтенія». Идеальная сторона литературы развивалась въ Москвѣ, а въ петербургской журналистикѣ процвѣталъ опиортюнизмъ, умѣнье подлаживаться къ времени и получать вдохновеніе изъ канцелярій. Но вотъ въ 1836 году въ Петербургѣ А. С. Пушкинъ основываетъ новый журналъ «Современникъ», а затѣмъ появляются «Отечественныя Записки», въ которыхъ сотрудничаетъ Бѣлинскій. Бѣлинскій становится не только руководителемъ эстетическаго вкуса, но и нарождавшагося общественнаго мнѣнія. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» принимаетъ также участіе Герценъ, помѣстившій подъ псевдонимомъ «Искандеръ» цѣлый рядъ публицистическихъ статей, наводящихъ на рядъ живыхъ общественныхъ вопросовъ. Въ это же время имъ задуманъ романъ «Кто виноватъ». Въ 1846 году появляются рассказы Григоровича, и въ журналѣ намѣчается благоговѣнное народолюбіе. Старый «Современникъ» переходитъ въ руки Панаева и Некрасова, съ которыми сотрудничаетъ Бѣлинскій. Когда Бѣлинскій ушелъ изъ «Отечественныхъ Записокъ», тамъ появляется Валеріанъ Майковъ, начавшій прямо съ того, до чего Бѣлинскій дошелъ послѣ долгой борьбы, — съ постановки общественно-литературныхъ вопросовъ на почву социальную. Къ сожалѣнію, преждевременная смерть молодого критика прервала его дѣятельность. Въ то же время эко-

номисть Вл. Милютинъ является усерднымъ поклонникомъ экономическихъ ученій на Западѣ. Въ первой книжкѣ «Современника» 1848 года помѣщены отрывки изъ «Записокъ охотника» Тургенова, рядъ стихотвореній изъ деревенской жизни—все это было возможно, такъ какъ въ правительствѣ поднять былъ вопросъ объ улучшеніи быта крестьянъ, но февральскія событія 1848 года положили конецъ этому теченію въ русской литературѣ до 1855 года. Въ этотъ періодъ общественныхъ вопросовъ какъ будто бы и не бывало, и они отражаются нѣсколько только въ беллетристикѣ, въ произведеніяхъ Л. Толстого, Тургенева. Художественность литературныхъ произведеній за это время не понизилась, но не было непосредственнаго служенія общественной жизни. Но вотъ миновала Крымская война, и въ литературѣ появляется оживленіе. Въ «Современникѣ» въ 1855—1856 годахъ Чернышевскій печатаетъ «Очерки гоголевскаго періода русской литературы», задачи которыхъ обновить завѣты Бѣлинскаго, но послѣдній не называется по имени, и только въ 6-й статьѣ его имя упоминается: литературная критика, однако, не была удѣломъ Чернышевскаго, который съ появленіемъ новаго критика Добролюбова сосредоточиваетъ свое вниманіе на экономическихъ вопросахъ. Въ Москвѣ въ это время, съ прекращеніемъ «Москвитянина», зарождается «Русская Бесѣда» съ приложеніемъ къ ней «Сельское Благоустройство», возникаетъ англоманскій «Русскій Вѣстникъ», гдѣ участвуютъ Щедринъ, Тургеневъ и ставится много насущныхъ общественныхъ вопросовъ. Въ Петербургѣ въ журналъ «Русское Слово» появляются статьи Писарева. Если періодъ нашихъ реформъ называютъ замѣчательнымъ 10-лѣтіемъ, то нельзя не назвать этотъ литературный періодъ, отъ Полевого до Писарева, замѣчательнымъ 40-лѣтіемъ. Почетный членъ общества П. А. Боборыкинъ произнесъ рѣчь: «Журнальная и газетная пресса за послѣднюю четверть вѣка по личнымъ воспоминаніямъ». Ораторъ коснулся, однако, періода въ 40 лѣтъ, совпадающаго съ его литературной дѣятельностью. Въ этомъ періодѣ онъ отмѣчаетъ двѣ параллели: съ одной стороны Москва и Петербургъ, съ другой—журналъ и газета. Въ Москвѣ возникъ либеральный журналъ «Русскій Вѣстникъ», изъ Москвы же пошла инициатива либеральнаго направленія и въ газетномъ мірѣ. Превжній редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» В. О. Коршъ становится редакторомъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Проведя параллель между петербургской и московской журналистикой, указавъ на цензурныя условія въ 60-хъ годахъ, ораторъ отмѣтилъ, что газета начинаетъ широко развиваться въ нашемъ обществѣ съ 70-хъ годовъ, а особенно 80-хъ, и стала какъ бы отодвигать на задній планъ журналъ. Правда, во многихъ органахъ ежедневной печати уровень общественныхъ и нравственныхъ требованій и убѣжденій не высокъ и далеко ниже, чѣмъ въ журналахъ; но все-таки наши газеты сравнительно съ заграничными стоятъ въ нравственномъ отношеніи много выше: онѣ не отличаются такой продажностью и надкостью къ рекламѣ, какъ газеты въ государствахъ Западной Европы, гдѣ за каждый отзывъ о вышедшей книгѣ ея авторъ или издатель долженъ платить. Одинъ изъ главныхъ недостатковъ нашей періодической прессы ораторъ видитъ въ ея разобщенности, и въ заключеніе выражаетъ пожеланіе, чтобы писатели объединились въ формѣ союза.

Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. 2-го февраля, въ 2 часа дня, состоялось годовое общее собраніе подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева. Изъ представителей великосвѣтскаго общества, сановниковъ и ученыхъ присутствовали: графиня Е. П. Шереметева, А. П. Сипягина, свѣтлѣйшая княгиня Грузинская, министръ внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ А. С. Стишпнскій, начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати Н. А. Звѣревъ, генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ, Н. П. Барсуковъ, А. В. Кривошеинъ, И. П. Хрущовъ и мн. др. Открывъ засѣданіе, графъ С. Д. Шереметевъ сказалъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ о тяжелой уtratѣ, понесенной обществомъ въ лицѣ членовъ учредителей и членовъ совѣта Д. С. Сипягина и С. А. Рачинскаго, дѣйствительныхъ членовъ К. П. Яновскаго, адмирала П. Н. Назимова и др., память которыхъ присутствовавшіе почтили вставаніемъ. Затѣмъ предсѣдатель прочелъ отчетъ о дѣятельности общества за истекшій годъ, при чемъ выяснился неуклонный ростъ общества, его дѣятельности по распространенію библіотекъ и развитію работы отдѣловъ. Изъ крупныхъ явленій въ этой области слѣдуетъ отмѣтить возникновеніе новаго отдѣла въ Кіевѣ, тщательную разработку программы Тифлискаго отдѣла и значительное оживленіе отдѣла въ Вильнѣ. Въ память Д. С. Сипягина совѣтъ постановилъ соорудить икону въ часовнѣ села Каусова Московскои губерніи. Въ отчетномъ году въ члены совѣта были избраны управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія Г. Э. Зенгеръ и князь Д. П. Голицынъ. Послѣ утвержденія общимъ собраніемъ отчета о дѣятельности и движеніи денежныхъ суммъ общества, предсѣдатель издательскаго отдѣленія П. П. Хрущовъ сдѣлалъ небольшое сообщеніе о послѣднихъ выпускахъ изданій общества, среди которыхъ отличается выдающимися историческимъ и бытовымъ интересомъ послѣдняя книга «Старины и Новизны». На первомъ мѣстѣ красуется замѣчательное по глубинѣ и ясности мысли письмо въ Возѣ почившаго императора Александра III къ К. П. Побѣдоносцеву, затѣмъ весьма цѣнные матеріалы (письма, замѣтки и др.), касающіеся Пушкина, Дельвига и др.; почерпнутые изъ огромнаго Остафьевскаго архива; статьи графа С. Д. Шереметева, Н. П. и А. П. Барсуковыхъ, А. Ф. Риттиха, замѣчательное патриотическое стихотвореніе М. Раевскаго и т. д. По избраніи ревизіонной комиссіи (прошлагодній составъ) графъ С. Д. Шереметевъ объявилъ засѣданіе закрытымъ.

Общество любителей древней письменности. 31-го января, подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева, состоялось общее собраніе. Предсѣдатель открылъ засѣданіе заявленіемъ о томъ, что почетный членъ общества Д. Θ. Кобеко, вслѣдствіе усложненія его служебныхъ обязанностей, вышелъ изъ состава членовъ комитета общества. вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдатель отъ имени комитета принесъ Д. Θ. Кобеко глубокую благодарность за его многолѣтнюю дѣятельность на пользу общества. Затѣмъ графъ С. Д. Шереметевъ ознакомилъ собраніе съ духовнымъ завѣщаніемъ князя Ивана Ивановича Шуйскаго. Памятникъ этотъ, найденный графомъ въ его домашнемъ архивѣ, представляетъ интересъ въ бытовомъ отношеніи и, кромѣ того, заключаетъ въ себѣ

много данныхъ, имѣющихъ цѣнное значеніе для характеристики видныхъ дѣятелей царствованія Михаила Ѳеодоровича Романова. Второе сообщеніе въ этомъ засѣданіи прочелъ Н. К. Никольскій, который обратилъ вниманіе собранія на памятники древне-русской письменности, входящіе въ составъ Толковаго Изборника XV — XVI в. московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ этомъ сводѣ библейскихъ толкованій и другихъ вопросто-отвѣтовъ, сдѣланшемся извѣстнымъ еще въ 50-хъ годахъ Н. В. Калачову, референтъ нашелъ нѣсколько неизданныхъ текстовъ, относящихся къ исторіи нашей книжности XI—XIII столѣтій, какъ-то: толковую редакцію слова о законѣ и благодати, толкъ митрополита Климента, сочиненія «отца ума глаголемаго Памфила», отрывки изъ толковыхъ псалмовъ какого-то паломника и цѣлый рядъ анонимныхъ и неизвѣстныхъ до сихъ поръ сочиненій, соприкасающихся по содержанію съ предисловіемъ чистаго покаянія и отчасти съ толкованіями митрополита Климента. Третье сообщеніе: «Къ вопросу о происхожденіи Слова о полку Игоревѣ», было прочитано С. А. Адриановымъ. По вопросу о томъ, гдѣ и кѣмъ написано «Слово», въ научной литературѣ высказаны самыя разнообразныя предположенія. Изъ нихъ наиболѣе устойчиво держатся два мнѣнія: одно, отстаивающее черниговское, другое—кѣевское происхожденіе «Слова». Авторъ реферата думаетъ, что «Слово» написано, можетъ быть, въ Кіевѣ, но человѣкомъ, выросшимъ на почвѣ черниговскихъ традицій. Мысль эта, какъ оговорился референтъ, имѣетъ предпосылку, что въ Приднѣпровской Руси жили рядомъ двѣ традиціи: одна — кѣевская, другая—черниговская, что между правымъ и лѣвымъ берегами Днѣпра была какая-то разница; и референтъ сдѣлалъ попытку обосновать эту мысль историческими данными. Въ дальнѣйшей части реферата С. А. Адриановъ отмѣтилъ, что при его точкѣ зрѣнія на «Слово» объясняются многія изъ его особенностей. Развивая эту мысль, докладчикъ остановился между прочимъ на характеристикѣ отношенія пѣвца къ упоминаемымъ имъ князьямъ, на аргументаціи того, почему пѣвецъ «Слова» хорошо знакомъ съ полоцкими преданіями и современнымъ положеніемъ Полоцкой земли (докладчикъ указалъ на рядъ лѣтописныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о живыхъ сношеніяхъ Чернигова съ Полоцкомъ въ XII вѣкѣ), и на объясненіи того, почему въ «Словѣ» такъ силенъ языческій элементъ (съ середины XII вѣка главная опора (Ольговичей — земля вятичей, которые, вѣроятно, не въ маломъ числѣ попадали въ дружину черниговскихъ князей, а вятичи были еще язычниками въ началѣ XII вѣка). Рефератъ С. А. Адрианова вызвалъ замѣчанія И. П. Хрущева, который высказалъ, что находитъ рефератъ очень интереснымъ, но думаетъ, что референтъ преувеличиваетъ значеніе вопроса, черниговцемъ или кѣвляниномъ написано «Слово». Въ члены комитета общества избранъ Н. К. Никольскій.

Археологическая коммисія. 10-го февраля, подъ предсѣдательствомъ графа А. А. Бобринскаго происходило засѣданіе императорской археологической коммисіи, посвященное главнымъ образомъ вопросу о реставраціи древнихъ Смоленскихъ крѣпостныхъ стѣнъ, для осмотра которыхъ въ январѣ текущаго года командированъ былъ П. П. Покрышкинъ. Изъ представленнаго имъ отчета видно, что, за исключеніемъ сравнительно небольшихъ починен-

ныхъ частей и 12 башенъ, стѣна найдена въ состояніи крайняго разрушенія. На пространствѣ болѣе двухъ верстъ отваливаются слои облицовки; верхнія, вѣнчающія стѣну, части погибли почти вездѣ, внутренній рядъ зубцовъ также давно обрушился. Кokoшники, украшавшіе наружные зубцы, почти всѣ упали. Важнѣйшими причинами такого разрушенія являются: неудаленная со стѣнъ растительность, отсутствіе какихъ либо покрытій на протяженіи двухъ верстъ, уничтоженная амбразура, непочиненныя трещины и т. п. Въ общемъ стѣны производятъ крайне печальное и далеко не художественное впечатлѣніе. Между тѣмъ работы по приведенію стѣны въ безопасное состояніе идутъ законнымъ порядкомъ; ежегодно на ремонтъ издерживается до 4.000 рублей согласно смѣтѣ академика Маевского, исчислившаго всѣ работы въ 140.000 рублей, въ данное время всего истрачено уже до 60.000 рублей. П. П. Покрышкинъ предлагалъ цементно-бетонныя покрытія замѣнить черепичными на бетонѣ; сдѣлать реставрацію зубцовъ и арокъ, если не по всей стѣнѣ, то по меньшей мѣрѣ на башняхъ и на самыхъ видныхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, при главномъ входѣ въ городъ у Двѣйровскихъ воротъ. Чтобы обезопасить стѣны отъ разрушенія, предлагалось для уширенія проходовъ устроить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ особыя арки. Комиссія постановила: 1) разрѣшить проломы у Никольской улицы и у Московскихъ воротъ, сдѣлавъ ихъ въ видѣ арокъ, и 2) рекомендовать городу составить планъ необходимыхъ проломовъ, во избѣжаніе случайныхъ разрушеній. Далѣе разсмотрѣны были ходатайства о реставраціяхъ и ремонтахъ: московской Успенской церкви въ Кожевникахъ; Романо-Борисоглѣбской городской церкви, гдѣ предполагается реставрировать до 20 старинныхъ иконъ; новгородской околгородной Ковалевской церкви и тоже новгородской Спасо-Передецкой церкви, въ Георгіевской церкви, въ Старой Ладогѣ, Пречистенской Знаменской церкви въ Москвѣ и др. Наконецъ комиссія разрѣшила ремонтъ Трокскаго замка въ Вильнѣ.

Общество археологій, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Въ засѣданіи 25-го февраля 1903 года, дѣйствительный членъ общества, профессоръ Н. Θ. Катановъ, сдѣлалъ сообщеніе, начинающее собою серію докладовъ подъ названіемъ «Сказанія иностранцевъ о Казани». На первый разъ г. Катановъ охарактеризовалъ мемуары нѣкоего Томаса, иностранца, бывшаго въ первой половинѣ XIX вѣка профессоромъ всеобщей исторіи въ Казанскомъ университетѣ. Въ документахъ университетскаго архива Томасъ называется Иваномъ Григорьевичемъ, между тѣмъ какъ на изданной имъ книгѣ «Souvenirs de Russie» (Epinal, 1844) стоитъ имя Prosper Thomas. Глава этихъ «Воспоминаній», посвященная Казани, была передана референтомъ въ рускомъ переводѣ; кромѣ общихъ, довольно обстоятельныхъ свѣдѣній о самомъ городѣ и его жителяхъ, въ запискахъ Томаса (или Тома?) есть любопытныя данныя объ усмиреніи русской администраціей беспорядковъ, возникшихъ въ 1842 году среди инородческаго населенія Казанскаго края, въ то самое время, когда авторъ «Воспоминаній» навсегда покидалъ Казань. Второе сообщеніе было сдѣлано г. Р. П. Даулеемъ и носило заглавіе «Святки у крещеныхъ татаръ Мамадышскаго и Лавшевскаго уѣздовъ Казанской губерніи». Референтъ подробно охарактеризовалъ рождествен-

скія увеселенія молодежи въ крещено-татарскихъ деревняхъ названныхъ мѣстностей, увеселенія, не имѣющія въ себѣ ничего спеціально или исключительно свойственнаго тому или другому народу; тѣмъ не менѣе, данное здѣсь описаніе можетъ послужить небезынтереснымъ матеріаломъ для изслѣдователей обрусѣнія нашихъ инородцевъ. Въ томъ же засѣданіи состоялись выборы въ почетные члены общества профессоровъ Казанскаго университета А. А. Штукенберга и Д. А. Корсакова, при чемъ о трудахъ перваго изъ названныхъ лицъ представилъ записку г. Катановъ.

Церковно-археологическій отдѣлъ. 22-го января, въ маломъ залѣ епархіальнаго дома состоялось первое въ 1903 году засѣданіе церковно-археологическаго отдѣла въ Москвѣ, въ присутствіи преосвященнаго архіепископа Нафанаила, дѣйствительныхъ членовъ отдѣла, представителей столичнаго духовенства и свѣтской публики. Вниманію присутствовавшихъ на собраніи лицъ были предложены два реферата: 1) дѣйствительнаго члена, священника І. В. Никанорова: «О главнѣйшихъ событіяхъ изъ исторіи московской Николаевской въ Воробинѣ церкви и о нѣкоторыхъ древнихъ священныхъ предметахъ, въ ней находящихся»; 2) секретаря отдѣла Л. П. Денисова: «Объ иконахъ-портретахъ въ православной церкви и объ изображеніяхъ старца Серафима Саровскаго». Авторъ послѣдняго сообщенія, обосновавшись на 82-мъ правилѣ VI вселенскаго собора и толкованіи его въ Номоканонѣ Фотія, подробно раскрылъ мысль о существованіи въ древней христіанской церкви иконъ-портретовъ наряду съ выработанными вѣковой мыслью христіанскихъ поколѣній іераргическими изображеніями святыхъ на иконахъ. Затѣмъ референтъ перешелъ къ исторіи отечественной церкви, гдѣ указалъ нѣсколько примѣровъ, подтверждающихъ существованіе иконъ-портретовъ русскихъ святыхъ. Выяснивъ важное значеніе иконъ-портретовъ для вѣрующихъ, почерпнувшихъ силы къ духовнымъ подвигамъ при молитвенномъ взглядѣ на точное, вѣрное физической и духовной природѣ, изображеніе святого подвижника, референтъ сообщилъ историко-описательныя свѣдѣнія о четырехъ прижизненныхъ портретахъ отца Серафима Саровскаго и о двухъ его изображеніяхъ, наиболѣе характерныхъ для дивнаго Саровскаго подвижника (идущаго въ ближнюю пустыню, согбеннаго, въ кожаной подумантій и представленнаго во весь ростъ, въ бѣломъ балахонѣ, съ перстами, сложенными въ именованное благословеніе). Сообщеніе г. Денисова о четвертомъ портретѣ отца Серафима является новинкой. Оно почерпнуто изъ журналовъ засѣданій Тверскаго епархіальнаго историко-археологическаго комитета. Портретъ этотъ находится въ селѣ Панихидинѣ, Старицкаго уѣзда, у мѣстнаго священника. Наиболѣе отвѣчающимъ цѣли иконнаго изображенія референтъ признаетъ второй прижизненный портретъ отца Серафима, писанный лѣтъ за пять до его кончины художникомъ Серебряковымъ и нынѣ находящійся въ Саровской пустыни, въ игуменскихъ келіяхъ. Мы сочли не лишнимъ передать вкратцѣ содержаніе интереснаго доклада г. Денисова, въ виду ожидаемаго всею Россіей прославленія Саровскаго подвижника.

Ирславская ученая архивная комиссія. І. 22-го января, происходило засѣданіе комиссіи. Сдѣланъ былъ запросъ правленію г. Городцевымъ относительно того, гдѣ находятся въ настоящее время денежные суммы, собранныя

на памятникъ Волкову, и сколько таковыхъ имѣется. Изъ сообщенія казначея комиссіи выяснилось, что у комиссіи волковскихъ капиталовъ имѣется только около 2.430 р., а председатель комиссіи сообщилъ объ имѣющихся 5.430 р., хранящихся въ канцеляріи губернатора. Г. Работновъ, бывший казначей комиссіи, находилъ, что такая система храненія капитала, собраннаго по подпискѣ, высочайше разрѣшенной въ 1900 г., въ принципѣ неправильна: указанные капиталы должны храниться въ кассѣ комиссіи, а не въ канцеляріи губернатора. Всероссийская подписка разрѣшена была комиссіи, и въ ея исключительномъ завѣдываніи должны находиться все капиталы на памятникъ Волкову. Г. Работновъ добавилъ, что въ 1901 году онъ принужденъ былъ отказаться отъ обязанностей казначея комиссіи именно потому, что денежные суммы, получаемыя по подпискѣ на памятникъ Волкову, стали поступать въ завѣдываніе бывшего неперемѣннаго попечителя комиссіи, бывшего ярославскаго губернатора Штюмера, а не казначея комиссіи. Во время обсужденія этого вопроса неперемѣнный попечитель комиссіи, теперешній ярославскій губернаторъ Роговичъ, заявилъ, что имѣющіяся въ канцеляріи губернатора волковскія суммы могутъ быть во всякое время переданы казначею комиссіи. При дальнѣйшихъ преніяхъ выяснилось, что волковская комиссія, избранная въ 1900 году архивной комиссіей для устройства празднованія юбилея Волкова, послѣ двухъ засѣданій прекратила свою дѣятельность, такъ какъ бывший неперемѣнный попечитель архивной комиссіи перенесъ завѣдываніе празднествомъ въ свою канцелярію. Кн. Дм. И. Шаховскій предложилъ возстановить вновь волковскую комиссію, которая бы обсудила, что дѣлать съ собранными деньгами на памятникъ Волкова, и которая могла бы намѣтить планъ научнаго изученія тѣхъ общественныхъ условій, въ которыхъ жилъ и дѣйствовалъ основатель русскаго театра, тѣмъ болѣе, что въ распоряженіи архивной комиссіи имѣются матеріалы, относящіеся къ той эпохѣ. Постановлено избрать такую комиссію, въ составъ которой вошло 11 членовъ. 4 февраля состоялось засѣданіе имѣющее непосредственную связь съ засѣданіемъ 22-го января, когда была избрана ревизіонная комиссія для провѣрки суммъ, поступившихъ на сооруженіе памятника Ѳ. Г. Волкову, и возобновлена дѣятельность волковской подкомиссіи, прекратившей свои труды за нѣсколько мѣсяцевъ до юбилея творца русскаго театра. Неперемѣнный попечитель архивной комиссіи ярославскій губернаторъ А. П. Роговичъ сдѣлалъ цѣлый рядъ разъясненій, опредѣляющихъ настоящія задачи комиссіи, порядовъ веденія дѣлъ, избраніе новыхъ членовъ и т. п. По установившемуся обычаю, члены архивной комиссіи избирались общимъ собраніемъ по предложенію присутствовавшихъ въ засѣданіи; между тѣмъ, на основаніи § 3-го положенія объ архивныхъ комиссіяхъ, это право принадлежитъ директору археологическаго института въ Петербургѣ (по соглашенію съ мѣстнымъ губернаторомъ); вслѣдствіи этого выборы 22-го января признаны недействительными. Но, чтобы быть послѣдовательнымъ, слѣдуетъ признать недействительнымъ весь составъ комиссіи, пополнявшейся въ теченіе дѣсятилѣтія въ порядкѣ избранія. Точно также прямою задачею губернской архивной комиссіи должно быть изслѣдованіе, собраніе и храненіе памятниковъ старины, сооруженіе же памятни-

ковъ мѣстнымъ дѣателямъ не входитъ въ ея задача, а потому и сооруженіе памятника Волкову—не ея дѣло; комиссія предоставлено лишь собираніе средствъ на этотъ предметъ, а кто будетъ ставить памятникъ, это—дѣло будущаго. Вслѣдствіе этого и вопросъ о ревизіи всѣхъ суммъ поступившихъ на увѣковѣченіе памяти Волкова, является плодомъ глубокаго недоразумѣнія: суммы, поступившія въ канцелярію губернатора при посредствѣ бывшаго непремѣннаго попечителя В. В. Штюрмера, обревизованію комиссія не подлежатъ. Такимъ образомъ и дѣятельность волковской подкомиссія должна быть направлена исключительно на собираніе и изслѣдованіе матеріаловъ, относящихся къ эпохѣ созданія перваго театра въ Ярославль; подкомиссія можетъ собираться только въ помѣщеніи губернской архивной комиссія и каждый разъ съ разрѣшенія непремѣннаго попечителя, каковымъ по дѣйствующему положенію является начальникъ губерніи; приглашеніе лицъ, желающихъ принять участіе въ трудахъ комиссія, допускаемо быть не можетъ. Этимъ разъясненіемъ дѣятельность архивной комиссія направляется въ ея дѣйствительное русло, но оно не разсѣиваетъ тѣхъ мотивовъ, которыми руководились члены комиссія, просившіе полнаго обревизованія суммъ, поступившихъ на сооруженіе памятника Волкову въ Ярославль; между прочимъ указывалось, что притокъ пожертвованій на этотъ предметъ почти прекратился, и потому желательно было бы его возобновить.

Музей Отечественной войны. На станціи Бородино, Московско-Брестской ж. д., открытъ историческій музей въ память Отечественной войны 1812 года. Музей основанъ по инициативѣ начальника службы движенія дороги г. Чаплина, при ближайшемъ содѣйствіи его помощника А. М. Клокачева и общества ревнителей военныхъ знаній. Средства на устройство и оборудованіе музея были частью отпущены управленіемъ дороги, частью собраны между служащими. Музей помѣщается въ лѣвой части станціоннаго зданія и занимаетъ довольно обширный свѣтлый залъ. Линія Московско-Брестской жел.-дор. отъ рѣки Березины до Москвы, какъ замѣчаетъ «Русск. Слово», почти не расходится съ трактами старой и новой смоленскихъ дорогъ, по которымъ происходило въ 1812 году движеніе русской и непріятельской армій, и потому многіе историческіе пункты лежатъ въ предѣлахъ желѣзной дороги, а самая станція Бородино находится на мѣстѣ расположенія московскаго ополченія, принимавшаго участіе въ Бородинскомъ сраженіи. Стѣны помѣщенія музея убраны портретами императора Александра I и его сподвижниковъ, а также гравюрами, изображающими различныя боевыя моменты: бой при Бородинѣ, сраженія: подъ Малымъ Ярославцемъ, подъ Духовиной, переправу черезъ рѣку Березину и другія. Помѣщеніе оборудовано прекрасной стильной мебелью. На пожертвованія частныхъ лицъ сооруженъ художественный работы крестъ, состоящій изъ пяти иконъ; по стѣнамъ помѣщенія развѣшаны необходимыя пояснительныя карты и планы Бородинскаго сраженія, составленныя трудами общества ревнителей военныхъ знаній. Въ особыхъ витринахъ размѣщены нѣкоторыя біографіи, книги, брошюры и историческіе предметы, найденныя въ разныхъ мѣстахъ на поляхъ сраженій: ядра, пули, картечины, части вооруженія, монеты и проч. Кромѣ того, управленіемъ дороги пзданъ изящный фотографіи-

чекій альбомъ, имѣющій до 100 видовъ Бородинскаго поля сраженія. Это въ своемъ родѣ единственное въ настоящее время изданіе, обнимающее съемку всѣхъ замѣчательныхъ пунктовъ Бородинской битвы.

Преподаваніе древне-русской словесности. 13-го февраля въ присутствіи помощника попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа В. А. Латышева и окружного инспектора А. Д. Мохначева въ помѣщеніи первой классической гимназій происходило совѣщаніе преподавателей русскаго языка и словесности средне-учебныхъ заведеній петербургскаго округа. Совѣщаніе было посвящено обсужденію программы курса древне-русской литературы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, выработанной академикомъ А. И. Соболевскимъ. На этотъ разъ предстояло высказаться собственно по программѣ народной литературы, которой отводится мѣсто въ IV и V классахъ гимназій. Академикъ А. И. Соболевскій предлагалъ знакомить съ этой литературой, съ лирическими и историческими пѣснями, начиная съ перваго класса, и находить, что вообще образцы этой литературы необходимо проходить согласно толкованіямъ новѣйшихъ научно-литературныхъ пособій. Вообще же академикъ А. И. Соболевскій стоитъ за расширеніе курса древне-русской литературы въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, хотя бы для внѣкласснаго прохожденія. Съ подобнымъ мнѣніемъ соглашались не всѣ участники совѣщанія: нѣкоторые педагоги находили, что древне-русская литература и безъ того отнимаетъ немало времени у ученика въ ущербъ новѣйшей литературѣ. П. В. Смирновскій указывалъ даже, что въ IV и V классѣ, гдѣ проходитъ древне-русская литература, ученики отвыкаютъ отъ правильной русскаго рѣчи, которой ихъ учили съ перваго класса. Указывалось также и на то, что измѣненіе курса повлечетъ вообще неопредѣленность и расплывчатость программы. В. А. Латышевъ высказался вообще о внѣклассномъ преподаваніи. По его мнѣнію, оно должно развить интересъ къ самостоятельному изученію того или другаго предмета и вообще приучить ученика самостоятельно работать и сознательно относиться къ жизни. При внѣклассныхъ занятіяхъ ученикъ особенно восьмого класса можетъ уже избрать себѣ извѣстный предметъ, можетъ до нѣкоторой степени специализироваться, что, напримѣръ, въ настоящее время замѣчается въ женскихъ гимназійхъ. Тамъ воспитанницы развиваются особенно въ выпускномъ классѣ, гдѣ онѣ могутъ выбрать себѣ тотъ или иной интересующій ихъ предметъ. Этимъ же путемъ можно будетъ установить хотя бы нѣкоторую связь съ высшей школой и показать наконецъ, что наука одна какъ въ среднихъ, такъ и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Помимо воскресныхъ занятій, къ которымъ возможно привлечь даже нѣкоторыхъ профессоровъ, слѣдуетъ обратить вниманіе и на канікулярное время, которое теперь пропадаетъ у учениковъ даромъ.

Пушкинское лицейское общество. 29-го января, въ квартирѣ министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ происходило засѣданіе членовъ Пушкинскаго лицейскаго общества. Засѣданіе открыто подъ предѣлительствомъ директора Императорской Публичной бібліотеки, Д. Θ. Кобеко. Послѣ обычнаго отчета о личномъ составѣ общества (260 членовъ), состояніи наличныхъ суммъ (6.000 рублей), инвентаря бібліотеки и музея Пушкинскаго об-

щества (около 4.000 книгъ и предметовъ) секретарь общества П. Е. Рейнботъ ознакомилъ присутствовавшихъ съ наиболѣе интересными пріобрѣтеніями, сдѣланными обществомъ за истекшій годъ. Не останавливаясь на цѣломъ рядѣ книгъ, брошюръ, иллюстрированныхъ изданій и т. п. предметахъ, частью пріобрѣтенныхъ, частью принесенныхъ въ даръ библиотекѣ и музею, мы укажемъ на слѣдующія важнѣйшія пріобрѣтенія. 1) Даръ бывшаго лиценста XXXIV курса А. А. Ильина музею Пушкинскаго общества — сборникъ рукописей изъ семейной библиотeki, находящейся въ родовомъ его имѣніи Новоладожскаго уѣзда С.-Петербургской губерніи. Секретарь общества ознакомилъ присутствовавшихъ съ одной рукописью, а именно: съ современнымъ Пушкину рукописнымъ экземпляромъ первыхъ шести главъ «Евгенія Онѣгина» съ весьма интересными, до настоящаго времени не появлявшимися въ печати вариантами этой поэмы. Варианты эти совершенно неизвѣстны въ литературѣ (въ послѣднемъ, вышедшемъ на-дняхъ изданіи Пушкина подъ редакціей П. А. Ефремова они не указаны). Особенно интересны варианты II главы, изъ которой, какъ примѣръ разночтеній, укажемъ послѣднія строфы:

Въ печатныхъ изданіяхъ:	Въ рукописи:
Стр. 5... Онъ фармазонъ, онъ пьетъ одно стаканомъ красное вино и т. д.	Онъ либераль, онъ пьетъ одно и т. д.
Стр. 6... Владимиръ Ленскій. Съ ду- шою прямо Геттингенской.	...Владимиръ Ленскій. Съ душою бурша Геттингенской.
Стр. 10... Онъ пѣлъ разлуку и пе- чаль И нѣчто и туману даль. извѣстная фраза:	Онъ пѣлъ разлуку и печаль И небо и туману даль.
Стр. 31... Привычка свыше намъ дана.	Привычка небомъ намъ дана.
Стр. 32... Открыла тайну, какъ су- пругомъ Единовластно управ- лять.	Открыла, какъ своимъ супру- гомъ Самодержавно управ- лять.

и т. д.

Въ строфѣ 35-ой («Два раза въ годъ они говѣли» и т. д.) во всѣхъ изда- ніяхъ Пушкина, не исключая и Анненковскаго, эти семь строкъ были пропу- щены или обозначались пунктиромъ и впервые только появились въ изданіи Анскаго (1882 г.). Эти семь строкъ полностью находятся въ настоящей руко- писи. Нѣкоторые разночтенія по рукописи вполне сходны съ автографами Пушкина, находящимися въ Румянцевскомъ музеѣ (какъ черновыми, такъ и набѣло переписанными самимъ Пушкинымъ для князя Вяземскаго). Въ числѣ рукописей упомянутого собранія А. А. Ильина, между прочимъ, имѣется извѣст- ное стихотвореніе Пушкина, написанное по случаю лицейской годовщины 19-го октября 1827 г. («Богъ въ помощь вамъ, друзья...»), варианты кото- раго не сходятся ни съ однимъ изъ печатныхъ изданій этого стихотворенія, но зато совершенно тождественны съ редакціей этого стихотворенія, сообщеннаго директоромъ лицея Энгельгардтомъ (слышавшимъ изъ устъ самого Пушкина и записавшимъ его на память) въ писемѣ къ своему питомцу, лиценсту 1-го курса Пуцину (декабристу). 2) Автографъ Кюхельбекера (непзданное стихо-

твореніе подъ заглавіемъ «Байронъ») поднесенъ въ даръ Пушкинскому лицейскому обществу библиофиломъ С. Н. Крейтономъ. Автографъ тѣмъ болѣе цѣнный, что въ немъ есть строфа, посвященная Пушкину. 3) Фотографическій снимокъ съ портрета Пушкина, до настоящаго времени неизвѣстнаго библиографамъ и собирателямъ. Оригиналъ этого портрета находится въ Варшавѣ и принадлежитъ родственникамъ одного изъ воспитанниковъ лицея, доставившимъ этотъ снимокъ для Пушкинскаго музея. Комитетъ Пушкинскаго общества занялся разрѣшеніемъ вопроса о происхожденіи портрета, такъ какъ по имѣющимся свѣдѣніямъ «онъ лично подаренъ предкамъ владѣльца самимъ Пушкинымъ». 4) Изъ пріобрѣтенныхъ для бібліотеки Пушкинскаго общества изданій докладчикъ указалъ на экземпляръ «Собранія образцовыхъ русскихъ сочиненій въ стихахъ» 1815 года, въ которомъ въ числѣ произведеній образцовыхъ писателей напечатаны нѣкоторыя стихотворенія Пушкина, въ то время еще лиценста. Книга эта, кстати сказать, до настоящаго времени не указана въ сборникѣ «Puschkiniana», составленномъ покойномъ библиографомъ В. И. Межовымъ въ 1886 году. Въ собраніи рассмотрѣнъ былъ также представленный комитетомъ автографъ Пушкина — «Кавказскій плѣнникъ», подробно описанный В. Θ. Бодяновскимъ въ «Сборникѣ», посвященномъ памяти Л. Н. Майкова. Въ виду высказаннаго на предыдущихъ общихъ собраніяхъ желанія собирать свѣдѣнія о рукописяхъ и вещахъ Пушкина, находящихся у частныхъ лицъ, П. Е. Рейнбольтъ сдѣлалъ сообщеніе о видѣнныхъ имъ автографахъ поэта у В. Е. Якушкина (Москва), Александра Андреевича Катенина и другихъ лицъ, при чемъ прочелъ не появившееся до сихъ поръ въ печати подлинное письмо Пушкина къ П. А. Катенину. Членъ общества А. Н. Яхонтовъ прочелъ интересный рефератъ подъ заглавіемъ «Матеріалы для біографіи барона Автона Антоновича Дельвига», въ которомъ на основаніи документовъ архива императорскаго Александровскаго лицея представилъ цѣлый рядъ любопытныхъ эпизодовъ изъ школьной жизни этого «первенца лицея» и ближайшаго товарища и друга Пушкина, — эпизодовъ, характеризующихъ бытъ и нравы лицея въ первые годы его существованія. Засѣданіе окончилось выборомъ двухъ членовъ комитета взамятъ выбывшихъ. Въ настоящее время комитетъ Пушкинскаго общества занятъ подготовительными работами по дополненію и пошолненію сборника «Puschkiniana», изданнаго въ 1886 году, по порученію императорскаго Александровскаго лицея, подъ редакціей покойнаго библиографа В. И. Межова. Библиографическіе матеріалы за послѣднее время собираются главнымъ образомъ воспитанниками 1-го класса императорскаго Александровскаго лицея, работающими подъ руководствомъ комиссіи (избранной комитетомъ Пушкинскаго общества), состоящей изъ секретаря общества П. Е. Рейнбота, С. М. Аснаша и А. Н. Яхонтова. Двое послѣднихъ, будучи еще воспитанниками лицея, составили въ 1899 году «Описаніе Пушкинскаго музея и бібліотеки», отпечатанное въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, съ многочисленными снимками и рисунками.

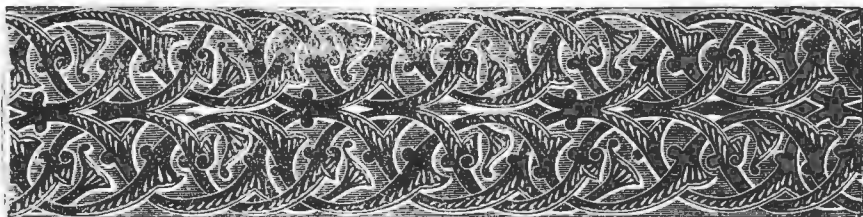
Академическое изданіе Пушкина. Изданіе полнаго собранія сочиненій А. С. Пушкина, предпринятое отдѣленіемъ русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ, поручено послѣ смерти Л. Н. Майкова особой ко-

мисіи, состоящей подъ предѣдательствомъ академика Веселовскаго, изъ членовъ академиковъ: Пыпина, Шахматова, Корша и Соболевскаго, а также изъ приглашенныхъ членовъ, знатоковъ литературы Пушкинскаго періода и обладателей многихъ важныхъ матеріаловъ: П. Я. Дашкова, П. А. Ефремова, Д. Θ. Кобеко, А. О. Онѣгина (въ Парижѣ), В. П. Саитова и В. Е. Якушкина. Главнѣйшія работы по изданію лежатъ главнымъ образомъ на В. Е. Якушкинѣ и В. П. Саитовѣ, наиболѣе потрудившихся надъ біографіей и произведеніями писателя. Работы перваго въ минувшемъ году заключались въ приготовленія къ печати текста стихотвореній и примѣчаній къ нимъ для второго тома и вообще въ возстановленіи, по автографамъ поэта и печатнымъ изданіямъ, текста стихотвореній и прозы. Затѣмъ В. Е. Якушкинымъ окончательно приготовленъ къ изданію текстъ стихотвореній съ 1818 по 1823 гг. и написаны примѣчанія къ нимъ, а также въ значительной степени обработаны по рукописямъ повѣсти Пушкина. Весною текущаго года онъ надѣется приступить къ печатанію II тома собранія сочиненій поэта. Распредѣленіе матеріала по томамъ выработано окончательно въ слѣдующемъ видѣ: второй томъ будетъ содержать стихотворенія 1818 — 1823 гг., третій — стихотворенія 1824—1827 гг., четвертый—стихотворенія 1823—1830 гг., пятый будетъ занятъ «Евгеніемъ Онѣгинымъ», шестой—стихотвореніями 1831—1836 гг., седьмой — повѣстями, восьмой и девятый — журнальными и критическими статьями, записками и проч., десятый—историческими сочиненіями и, наконецъ, томы одиннадцатый и двѣнадцатый посвящаются перепискѣ Пушкина. Редакторъ переписки В. П. Саитовъ занимался въ минувшемъ году приготовленіемъ къ печати текста писемъ Пушкина и уже собралъ и частью свѣрилъ по подлинникамъ всѣ письма поэта, какія оказалось возможнымъ разыскать въ правительственныхъ хранилищахъ, архивахъ и у частныхъ лицъ. Имъ собраны также нѣкоторые матеріалы для примѣчаній къ этимъ письмамъ.

Академическое изданіе сочиненій Екатерины II. Изданіе «Сочиненій императрицы Екатерины II», предпринятое императорскою академіей наукъ по ея отдѣленію русскаго языка и словесности, производится подъ непосредственнымъ руководствомъ академика А. Н. Пыпина. Въ настоящее время заканчивается печатаніемъ пятый томъ и приготовленъ къ печати шестой, въ которые входятъ журнальныя статьи императрицы, ея педагогическія сочиненія, нравоучительныя сказки и разнаго рода замѣтки, имѣвшія дидактическое назначеніе, а также нѣкоторыя другія неизданныя сочиненія и замѣтки. Приготовленъ также къ печати одиннадцатый томъ, въ который должна войти подробная опись бумагъ, большею частью автографовъ, послужившихъ основаніемъ для «Записокъ касательно Россійской исторіи»; въ этомъ же томѣ будетъ помѣщено продолженіе «Записокъ», надъ которымъ императрица работала въ послѣдніе годы жизни и которое осталось тогда неизданнымъ. Наконецъ, заканчивается печатаніемъ двѣнадцатый томъ «Сочиненій», въ которомъ заключаются автографическія записки императрицы Екатерины II, до сихъ поръ не вполне извѣстныя и частью въ испорченныхъ текстахъ. «Записки» представляютъ главнѣйшій литературный трудъ императрицы, въ высокой степени важный, какъ историческій матеріалъ.

Географическое общество. I. 29-го января состоялось годовое собраніе общества. Засѣданіе открылось заявленіемъ предсѣдательствующаго П. П. Семенова о новой монаршей милости, дарованной обществу въ 1902 году. Государю императору благоугодно было утвердить мнѣніе государственнаго совѣта о томъ, чтобы неприкосновенный фондъ общества, проценты съ котораго шли на затрату по выдачѣ медалей, съ прибавленіемъ 100.000 рублей изъ государственнаго казначейства, былъ употребленъ на постройку необходимаго для общества отдѣльнаго собственнаго помѣщенія; сумма же, равная процентамъ съ неприкосновеннаго фонда, впредь выдавалась бы ежегодно обществу изъ казны. Затѣмъ секретаремъ общества А. В. Григорьевымъ былъ прочитанъ отчетъ за 1902 годъ, первая часть котораго была посвящена памяти: Мушкетова, Ламанскаго, Пѣвцова, Назимова, Пгнатова и др.; потомъ охарактеризована научная дѣятельность общества, направленная главнымъ образомъ на географическое изученіе Россіи. Всѣхъ членовъ общества къ 1-му января 1903 года состояло 1.219, изъ нихъ августѣйшихъ особъ 17, почетныхъ: 18 отечественныхъ и 3 иностранныхъ. Капиталъ общества равняется 130 тыс. рублей. Послѣ прочтенія отчета предсѣдателемъ были объявлены присужденныя за научные труды и заслуги медали слѣдующимъ лицамъ: Константиновская медаль присуждена начальнику тибетской экспедиціи дѣйств. чл. П. К. Козлову. Медаль имени гр. Ф. П. Литке (оставшаяся въ 1901 году свободной, такъ что въ нынѣшнемъ году явилась возможность выдать двѣ такихъ медали): одна — Н. М. Книповичу за совокупность его работъ на сѣверѣ Европейской Россіи, а другая — Н. А. Соколову за совокупность его геолого-географическихъ работъ. Золотая медаль имени П. П. Семенова — А. Н. Казнакову (помощнику начальника тибетской экспедиціи П. К. Козлова). Въ виду того, что большая золотая медаль отдѣленія этнографіи оставалась неприсужденной въ 1901 году, рѣшено было въ этомъ году присудить двѣ медали: одну — профессору В. А. Жуковскому за сочиненіе «Образцы персидскаго народнаго творчества», другую — члену-сотруднику В. Н. Перетцу за труды въ области русской этнографіи. Большая серебряная медаль имени Н. М. Пржевальскаго — М. В. Чернцову за его работы въ области гидрографіи. Большая серебряная медаль имени П. П. Семенова — дѣйствительному чл. Л. П. Бородавскому за составленную имъ карту Манчжуріи и другія работы по географіи Азіи. Малыя золотыя медали присуждены: отъ совѣта — бывшему директору музея читинскаго отдѣленія пріамурскаго отдѣла императорскаго географическаго общества А. К. Кузнецову за труды на пользу этого учрежденія; по опредѣленію отдѣленія географіи физической и математической — участнику тибетской экспедиціи В. Ф. Ладыгину и дѣйствительному члену туркестанскаго отдѣла Л. С. Бергу — за изслѣдованіе Аральскаго озера. Малыя серебряныя медали: отъ совѣта — гг. Газданову и А. В. Любичскому; по представленію отдѣленія географіи математической и физической: И. Вл. Пашебнову, П. С. Михно, М. И. Молессону и крестьянамъ Архангельской губерніи А. и В. Сумароковымъ, оказавшимъ существенное содѣйствіе экспедиціи С. А. Бутурлина; по представленію отдѣленія этнографіи — А. Н. Чеснокову, В. Н. Османчику и В. М. Яневичу. Бронзовая медаль — М. М. Мѣдакову. Засѣданіе окончилось заявленіемъ предсѣдателя о желаніи А. В. Гри-

горьева сложить съ себя секретарскія обязанности, которыя онъ несъ въ теченіе 20 лѣтъ. Общее собраніе отнеслось къ такому рѣшенію А. В. Григорьева съ глубокимъ сожалѣніемъ и постановило единогласно избрать его за выдающіяся заслуги передъ обществомъ въ почетные члены и члены совѣта. II. 4-го февраля въ засѣданіи по отдѣленію географіи математической и физической Б. М. Житковъ сдѣлалъ сообщеніе: «Путешествіе въ Канинскую тундру лѣтомъ 1902 года». Канинскій полуостровъ представляетъ собою крайне любопытный и мало извѣстный уголокъ Европейской Россіи. Докладчикъ изслѣдовалъ тщательно пространство между Мезенской и Чижскими губами и нанесъ его на карту, при чемъ оказалось, что существовавшія до сихъ поръ карты этого края явились извращенными. Изображаемаго на картахъ пролива, соединяющаго Мезенскую и Чижскую губу, совершенно не существуетъ, хотя можно пройти въ влодкѣ изъ одной въ другую посредствомъ системы рѣкъ, болотъ для озеръ. Сдѣлавъ небольшое описаніе географіи и ботаники края, докладчикъ остановился главнымъ образомъ на его промысловомъ положеніи. Важнѣйшими промыслами на Канинскомъ полуостровѣ являются рыболовный и на морского звѣря; послѣдній состоитъ изъ ловли гренландскаго тюленя и бѣлуги. Гренландскій тюлень, по свидѣтельству мѣстныхъ промышленниковъ, даже мечетъ на льдахъ Чижской губы. Бѣлугу, идущую большими стадами, можно добывать въ огромномъ количествѣ, къ несчастію обстановочныя условія ея добычи крайне плохи; обыкновенно не хватаетъ бочекъ для помѣщенія бѣлужьяго сала, приходится часто зарывать его въ землю или нагружать безъ всякой укупорки въ плѣхонкія суденышки, при чемъ утеривается иногда болѣе 30 проц. матеріала. Рыба по своимъ сортамъ очень разнообразна: обильно ловится камбала, сигъ, треска, палтусъ, сельдь, семга; послѣдняя, благодаря хорошимъ цѣнамъ—отъ 8 до 16 р. очень выгодна для улова; но наиболѣе доходнымъ промысломъ является ловля наваги, уловъ которой въ среднемъ доходитъ до 30.000 пудовъ (цѣна до 3 р. 50 к. пудъ), такъ что заработокъ отдѣльныхъ ловцовъ наваги за три мѣсяца достигаетъ 600 р. Главную массу населенія Канинскаго полуострова составляютъ самоѣды, но въ устьяхъ Мезени и по рѣкѣ Мггѣ есть и русское населеніе: предки этихъ поселенцевъ переселились сюда около 200 лѣтъ назадъ и заняли самоѣдскія земли, сами самоѣды противъ этого ничего не имѣютъ, но положеніе самихъ переселенцевъ благодаря, этому, является крайне неопредѣленнымъ, такъ какъ они остаются безъ надѣловъ. Затруднительность такого положенія стала усложняться за послѣднее время тѣмъ, что мѣстное управленіе государственныхъ имуществъ стало отдавать луговые угодья Канинскаго полуострова въ аренду съ торговъ отдѣльнымъ лицамъ, руководствуясь тѣмъ, что самоѣдамъ принадлежитъ Канинская тундра не въ территоріальномъ ея опредѣленіи, а въ почвенномъ. Такому взгляду противорѣчить, какъ указываетъ докладчикъ, существующій, но мало кому извѣстный самоѣдскій уставъ 1835 года. Въ настоящее время поднять впрочемъ вопросъ о надѣленіи русскихъ канинскихъ поселенцевъ землей. Въ этомъ же засѣданіи предсѣдатель отдѣленія Ѡ. Н. Чернышевъ сообщилъ, что по ходатайству отдѣленія совѣтомъ географическаго общества открыта подписка на капиталъ для учрежденія медали имени покойнаго И. В. Мушкетова.

НЕКРОЛОГИ.

АРСЕНІЙ. 16-го февраля скончался въ Новгородѣ епископъ Кирилловскій, викарій Новгородской епархіи и настоятель новгородскаго Хутынскаго монастыря, преосвященный Арсеній. Почившій, въ мѣръ Антонъ Ильичъ Ивищенко, сынъ священника, родился въ 1821 г. въ Херсонской губ. Высшее образованіе онъ получилъ въ Кіевской духовной академіи, которую окончилъ въ 1853 году со степенью магистра богословія. Тотчасъ же, по окончаніи курса, покойный былъ постриженъ въ монашество и, по рукоположеніи въ санъ іеромонаха, былъ назначенъ инспекторомъ одесскаго духовнаго училища (7-го октября 1853 г.); затѣмъ состоялъ преподавателемъ въ духовныхъ семинаріяхъ — сначала въ волынской (съ 1854 г.), а потомъ воронежской (съ 1859 г.). Въ 1863 г. почившій былъ назначенъ инспекторомъ воронежской семинаріи и возведенъ былъ въ санъ игумена. Черезъ пять лѣтъ, въ 1868 г.) онъ былъ опредѣленъ ректоромъ полоцкой духовной семинаріи, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита; на этой должности почившій оставался до 1872 г., когда былъ назначенъ членомъ сиб. духовнаго цензурнаго комитета; въ 1886 году былъ назначенъ настоятелемъ московскаго ставропигіальнаго Законоисправскаго монастыря, въ 1889 г. — членомъ московской синодальной канторы. 4-го мая 1893 года послѣдовало высочайшее повелѣніе о бытіи архимандриту Арсенію епископомъ каширскимъ, викаріемъ Тульской епархіи, и 30-го мая того же года онъ былъ рукоположенъ во епископа, а 18-го декабря 1893 г. былъ назначенъ епископомъ кирилловскимъ и вмѣстѣ настоятелемъ Хутынскаго монастыря. Почившій владыка принадлежалъ къ числу духовныхъ писателей и оставилъ многотомные печатные труды. Капитальнымъ трудомъ епископа Арсенія слѣдуетъ признать его сочиненіе «Лѣтопись церковныхъ событій отъ первыхъ временъ христіанства до нашего времени». (Некрологи его: «Новости»,

«Истор. вѣстн.», апрѣль, 1903 г., т. хсп.

26

1903 г., № 50; «Биржевыя Вѣдомости», 1903 г., № 90; «Новое Время», 1903 г., № 9686).

† **Бобринской, гр., А. А.** 24-го февраля скончался оберъ-гофмейстеръ высочайшаго двора, членъ государственнаго совѣта, графъ Александръ Алексѣевичъ Бобринской. Покойный происходилъ изъ дворянскаго рода, ведущаго начало отъ Алексѣя Григорьевича Бобринскаго, возведеннаго въ графское Россійской имперіи достоинство императоромъ Павломъ I; родился 17 мая 1823 г., въ С.-Петербургѣ; высшее образованіе получилъ въ императорскомъ С.-Петербуржскомъ университетѣ по юридическому факультету и, окончивъ курсъ со степенью кандидата правъ, въ 1846 году поступилъ на службу въ петербургское губернское правленіе, гдѣ въ 1849 году былъ старшимъ секретаремъ. Въ слѣдующемъ году графъ А. А. былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры и назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, а въ 1853 году—вице-директоромъ хозяйственнаго департамента того же министерства. Во время крымской кампаніи покойный поступилъ въ государственное подвижное ополченіе штабъ-капитаномъ и командиромъ 4-й роты 2-й дружины; въ 1859 году назначенъ церемоній-мейстеромъ высочайшаго двора, въ 1861 году—с.-петербургскимъ губернаторомъ съ пожалованіемъ въ званіе камергера. Въ 1870 году А. А. высочайше пожалованъ въ шталмейстеры, въ 1890 году—въ оберъ-гофмейстеры, а въ 1896 году назначенъ членомъ государственнаго совѣта. Съ 1869 по 1872 годъ А. А. состоялъ петербургскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Покойный графъ составилъ и издалъ въ 1890 году весьма цѣнную справочную книгу: «Дворянскіе роды, внесенные въ общій гербовникъ Всероссійской имперіи (томъ I—до конца XVI столѣтія, томъ II—отъ начала XVII столѣтія до 1885 года), въ которой содержатся краткія замѣтки о всѣхъ родахъ, внесенныхъ въ гербовникъ, при чемъ роды эти расположены въ хронологическомъ порядкѣ, т.-е. по мѣрѣ того, какъ они появлялись въ исторіи. Кромѣ того, въ 1881 году онъ издалъ, подъ инициалами «Гр. А. Б.», собранныя имъ «Студентскія пѣсни 1825—1855 годовъ». (Некрологъ его: «Правительственный Вѣстникъ», 1903 г. № 45).

† **Васильевъ, С. М.** 8-го марта, скончался послѣ тяжелой болѣзни ординарный профессоръ императорскаго Юрьевскаго университета, докторъ медицины Степанъ Михайловичъ Васильевъ. Покойный пользовался извѣстностью знатока внутреннихъ болѣзней. Въ этой области онъ произвелъ цѣлый рядъ интересныхъ наблюденій и изслѣдованій. С. М.—сынъ дьякона—родился въ 1854 году и подготовлялся къ духовной дѣятельности, но по окончаніи курса въ довской духовной семинаріи поступилъ въ медико-хирургическую академію, въ которой кончилъ курсъ со степенью лѣкаря въ 1879 году. По окончаніи курса былъ оставленъ при клиникѣ С. П. Боткина и свою первую работу «Случай смѣщенной селезенки» напечаталъ въ «Архивѣ Боткина». Затѣмъ былъ военнымъ врачомъ, въ 1883 году причислился къ медицинскому департаменту и въ 1884 году получилъ степень доктора медицины послѣ защиты диссертации «О лихорадкѣ». Въ концѣ 80-хъ годовъ дѣятельность его была сосредоточена на Кавказѣ. Профессоромъ Юрьевскаго университета былъ съ 1892 года

и занимал кафедру по внутренним болѣзнямъ и патологii. Въ 1889 году онъ предпринялъ изданiе еженедѣльной газеты «Медицина» и, издавая ее въ теченiе 12 лѣтъ, напечаталъ въ ней множество своихъ небольшихъ медицинскыхъ и полемическихъ статей. Какъ врачъ, покойный не довольствовался современнымъ состоянiемъ медицины и постоянно искалъ наилучшiя средства противъ разнообразныхъ болѣзней. Въ 80-хъ годахъ онъ специально изучалъ молочное лѣченiе и старался выяснитъ значенiе его для прогноза въ болѣзняхъ сердца и почекъ, затѣмъ обратилъ особое вниманiе на лѣченiе фруктами, подробно изслѣдовавъ наши виноградныя станци, какъ лѣчебныя пункты отъ нервныхъ болѣзней, и лѣченiе земляники. Умеръ онъ на 50-мъ году отъ роду. (Некрологъ его: «Новое Время», 1903 г., № 9704).

† **Виллевалде.** 11-го марта, скончался въ Дрезденѣ профессоръ батальной живописи, членъ академическаго совѣта и заслуженный профессоръ академii, Богданъ Павловичъ Виллевалде. Б. П. родился въ Павловскѣ 31-го декабря 1818 года. Съ дѣтства пристрастившись къ рисованiю, онъ много работалъ сначала подъ руководствомъ иностранца художника Юнгтета, а потомъ, поступивъ въ 1838 году въ академiю художествъ, подъ руководствомъ такихъ мастеровъ кисти, какъ К. П. Брюлловъ и А. И. Зауервейдъ. Въ академii онъ быстро пошелъ впередъ и получалъ академическiя отличiя съ завидной быстротой; такъ, въ 1838 году онъ получилъ малую серебряную медаль, въ 1839 году—большую, въ 1841 году—малую золотую и въ 1842 году—большую медаль за картину «Битва при Фершампенуазѣ», что давало ему званiе класснаго художника и право заграничной казенной командировки. Тотчасъ по полученiи большой золотой медали онъ отправился въ путешествiе; но за границей онъ пробылъ всего до 1844 года, потому что его вызвали заканчивать работы, заказанныя государемъ скончавшемуся тогда А. И. Зауервейду. Б. П., кромѣ того, былъ назначенъ на должность учителя рисованiя къ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ. Въ 1845 году ему присудили званiе академика, а въ 1848 году—званiе профессора, безъ исполненiя программы, за картины «Сраженiе при Глагибюмѣ» и за «Сраженiе при Парижѣ», съ назначенiемъ академическимъ профессоромъ. Б. П. побывалъ въ Венгерской кампанii 1849 года, на Дунай въ 1854 году, подъ Севастополемъ въ 1855 г., на Кавказѣ въ 1860 г., въ Малой Азii, въ послѣдней турецкой кампанii; всюду неутомимо работая надъ собиранiемъ матеріаловъ къ иллюстраци важнѣйшихъ моментовъ той или другой кампанii. Немаловажно значенiе картинъ Б. П. изъ эпохи отечественной войны 1812 года, при чемъ работы эти исполнялись художникомъ въ большинствѣ случаевъ по рассказамъ очевидцевъ и по свѣжѣ сохранившимся тогда историческимъ свидѣтельствамъ.

Въ исторii русской живописи имени Б. П. будетъ отведено несомнѣнно важное мѣсто, какъ одному изъ создателей русской школы батальной живописи. Изъ произведенiй Б. П. наибольшей извѣстностью пользуются слѣдующiя картины: «20-й корпусъ прусской армii при Гравелоттѣ», «На берегахъ Дуная въ 1877 году», «Государь Николай Павловичъ съ наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ въ мастерской художника въ 1854 году», тоже въ мастерской художника въ 1850 году, «Императоръ Александръ I въ Дрезденѣ на

террасъ Брюля», «Вашкиры во Франціи», «Сдача Шамиля» и т. д. Работы художника отличались всегда превосходнымъ рисункомъ, жизненностью и правдивостью изображаемаго имъ. Какъ человекъ, Б. П. оставилъ самую свѣтлую память во всѣхъ знавшихъ его. (Некрологъ его: «Виржевыя Вѣдомости», 1903 г., № 131).

† **Воронинъ, М. С.** 20-го февраля скончался одинъ изъ выдающихся русскихъ ботаниковъ, ординарный академикъ императорской академіи наукъ, докторъ ботаники, дѣйствительный статскій совѣтникъ Михаилъ Степановичъ Воронинъ. Научныя заслуги покойнаго весьма значительны. Его многочисленныя ученныя работы касаются преимущественно класса грибовъ (микологіи) и низшихъ организмовъ, стоящихъ на границѣ животнаго и растительнаго міра. Онъ открылъ, подробно изучилъ и описалъ множество весьма важныхъ не только въ ботаническомъ, но и въ обще-біологическомъ смыслѣ низшихъ организмовъ. Между прочимъ, ему принадлежитъ честь открытія бактерій, живущихъ въ клубенькахъ многихъ бобовыхъ растений и способствующихъ увеличенію въ растенияхъ азота прямо изъ воздуха. Точно также имъ открыты и изучены болѣзни подсолнечника, капустныхъ растений и др. Свои сочиненія М. С. издавалъ преимущественно на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, но почти всегда также и на русскомъ. Всѣ его работы снабжены превосходными рисунками, перепечатку которыхъ можно встрѣтить не только въ русскихъ, болѣе или менѣе обширныхъ руководствахъ по ботаникѣ, но и въ иностранныхъ. М. С. родился въ Петербургѣ 21-го іюля 1838 года. Получивъ основательное домашнее образованіе, онъ поступилъ шестнадцати лѣтъ въ С.-Петербургскій университетъ, гдѣ усердно занялся преимущественно ботаникой, подъ руководствомъ профессора Ценковскаго. По окончаніи курса кандидатомъ, покойный отправился въ 1858 году за границу и работалъ въ Гейдельбергѣ у проф. Голле и въ Фрейбергѣ у проф. де-Бари. Весну и лѣто 1860 г. онъ посвятилъ изученію морскихъ водорослей, подъ руководствомъ французскаго ботаника-альголога Тюре, въ м. Антибъ, на берегу Генуэзскаго залива. Послѣдняя работа послужила ему для магистерской диссертациі: «Исслѣдованія надъ морскими водорослями *Acetabularia* и *Espera*», которую онъ защитилъ въ 1861 году въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Степень доктора ботаники М. С. получилъ въ 1874 году отъ Новороссійскаго университета—*honoris causa*. Въ 1884 году императорская академія наукъ избрала его своимъ членомъ-корреспондентомъ. Принуждаемый, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, къ частымъ отлучкамъ и даже къ продолжительному пребыванію за границей, М. С. не могъ посвятить себя профессорской дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, въ 1869—1870 гг. онъ читалъ въ качествѣ приватъ-доцента лекціи по микологіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ, а въ 1873—1878 гг.—по микологіи и морфологіи клѣтки на женскихъ медицинскихъ курсахъ. Ординарнымъ академикомъ М. С. состоялъ съ 1898 года.

Послѣдней работой М. С. было изученіе остатковъ растительной пищи въ желудкѣ мамонта, найденнаго въ Якутской области. (Некрологъ его: «Правительственный Вѣстникъ», 1903 г., № 42; «Новости», 1903 г., № 52).

† **Дервизъ, фонъ, В. Н.** 25-го февраля, скончалась въ Ниццѣ извѣстная благотворительница Вѣра Николаевна фонъ-Дервизъ. Еще въ 1885 г. ею былъ отведенъ на Васильевскомъ островѣ огромный домъ для дешевыхъ квартиръ, которыми преимущественно пользовались вдовы, имѣющія дѣтей школьнаго возраста. Часть квартиръ отводилась безплатно бѣднѣйшимъ женщинамъ, получавшимъ, кромѣ того, полное содержаніе. Въ слѣдующемъ году открыта общедоступная столовая въ специально для этой цѣли построенномъ зданіи по 12-й линіи. Въ 1888 г. В. Н. учредила пріютъ для 20 малолѣтнихъ дѣвочекъ-сиротъ изъ дворянъ, отсюда дѣти переводились частью въ московскій пансіонъ В. Н. фонъ-Дервизъ. Этотъ пансіонъ теперь разросся въ цѣлую 7-классную гимназію съ интернатомъ, помѣщающуюся въ собственномъ роскошномъ зданіи. Въ прошломъ году эта гимназія со всей обстановкой была пожертвована В. Н. министерству народнаго просвѣщенія. Въ 1894 г. въ Стрѣльнѣ В. Н. устроила школьную дачу для 75 бѣднѣйшихъ ученицъ петербургскихъ гимназій. Въ 1898 г. по 12-й линіи Васильевского острова былъ построенъ ею домъ, въ которомъ помѣщались: залъ для народныхъ чтеній, безплатная народная читальня и 10 музыкальныхъ комнатъ съ роялями для безплатнаго пользованія учащихся. Въ своемъ имѣніи В. Н. устроила школу, больницу и богадѣльню для престарѣлыхъ крестьянъ. Кромѣ того, покойная была видной участницей во многихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, обществахъ Краснаго Креста, Императорскомъ Православномъ Палестинскомъ, попеченія о больныхъ и бѣдныхъ дѣтяхъ и мн. др. (Некрологъ ея: «Новое Время», 1903 г., № 9697).

† **Ковалевскій, П. О.** 19-го февраля, скончался профессоръ живописи высшего художественнаго училища императорской академіи художеств Павелъ Осиповичъ Ковалевскій—одинъ изъ немногихъ талантливыхъ представителей русской батальной живописи. П. О. родился въ 1843 году въ Казани, гдѣ отецъ его, извѣстный ориенталистъ Осипъ Михайловичъ Ковалевскій, былъ профессоромъ и ректоромъ университета. Почувствовавъ еще въ молодости призваніе къ живописи, покойный, не окончивъ курса въ казанской гимназій, пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ 1863 году вольноприходящимъ ученикомъ въ императорскую академію художествъ. Здѣсь съ первыхъ же шаговъ онъ обнаружилъ выдающееся дарованіе и, получивъ за рисунокъ серебряную медаль, перешелъ въ профессорскій классъ батальной живописи, которымъ руководилъ извѣстный художникъ баталистъ Б. П. Виллевалде. Въ послѣдующіе годы П. О. получилъ за свои ученическія работы еще три серебряныхъ медали, а въ 1869 г.—малую золотую за картину «Преслѣдованіе турецкихъ фуражировъ линейными казаками», послѣ чего отправился съ художественною цѣлью на Кавказъ. Плодами этой поѣздки явился цѣлый альбомъ художественно исполненныхъ видовъ, приобретенный великимъ княземъ Владимиромъ Александровичемъ. Въ 1871 году покойный былъ награжденъ за картину «Первый день сраженія подъ Лейпцигомъ въ 1813 году» большою золотою медалью, а черезъ два года посланъ за границу. Побывавъ въ Мюнхенѣ и Вѣнѣ, гдѣ получилъ на всемірной выставкѣ медаль за картину, написанную въ 4 дня, онъ отправился въ Римъ. Тамъ онъ усердно работалъ надъ извѣстною картиной «Раскопки въ окрестностяхъ Рима», находящуюся нынѣ въ музеѣ императ

Александра III и доставившую молодому художнику званіе академика и золотыя медали на выставках—парижской всемірной 1878 г. и берлинской академической 1886 года. Командированный въ 1877 г. на театр военных дѣйствій въ Европейскую Турцію, гдѣ онъ состоялъ при великомъ князѣ Владимирѣ Александровичѣ, П. О. вернулся въ Петербургъ съ богатымъ запасомъ рисунковъ и этюдовъ, послужившихъ матеріаломъ для слѣдующихъ картинъ, доставившихъ покойному громкое имя въ области батальной живописи. Въ 1881 году онъ получилъ званіе профессора; съ 1898 года занималъ должность профессора въ высшемъ художественномъ училищѣ. Среди многочисленныхъ художественныхъ произведеній покойнаго, большинство которыхъ отличаются прекраснымъ рисункомъ, оживленностью и правдивостью изображенныхъ движеній, выдающимися являются слѣдующія: «Штабъ 12-го корпуса въ Болгаріи», «12-е октября 1877 года» (обѣ пріобрѣтены императоромъ Александромъ III), «Подъ Телишемъ», «На Прутѣ», «Подъ Карагачемъ», «Казаки убиваютъ своихъ убитыхъ», «Привалъ цѣхотнаго полка въ Болгаріи», «На станціи» (въ собраніи Терещенко въ Кіевѣ), «Охота», «Нападеніе разбойниковъ на проселочной дорогѣ» (обѣ въ музеѣ академіи художествъ), «Тревога» (у наслѣдниковъ Д. Вогкина въ Москвѣ), «Тройка въ грязи» (у графа Бенингсена). Начиная съ 1868 года, картины П. О., почти ежегодно появлявшіяся на весеннихъ академическихъ выставкахъ, всегда привлекали вниманіе любителей искусства и были по достоинству высоко цѣнимы художественною критикой. (Некрологи его: «Новости», 1903 г., № 52; «Правительственный Вѣстникъ», 1903 г., № 44).

† Радде, Г. И. 3-го марта, скончался въ Тифлисѣ директоръ Кавказскаго музея и Тифлисской публичной бібліотеки, изслѣдователь Кавказа, Густавъ Ивановичъ Радде. Г. И. родился въ Данцигѣ 15-го ноября 1831 г., а въ Россію прибылъ въ 1852 г. и года два жилъ въ Крыму у извѣстнаго ботаника Стевена. 3-го марта 1855 г. Г. И. поступилъ на государственную службу по императорскому русскому географическому обществу въ качествѣ натуралиста для изслѣдованія въ физическомъ отношеніи Восточной Сибири. Во время пребыванія въ Иркутскѣ въ 1859 г. Г. И. принялъ русское подданство, а въ Сибири пробылъ до 1-го марта 1860 г. Г. И. во время пребыванія въ Восточной Сибири оказалъ услуги не только по изслѣдованію Сибири, но и при возвращеніи Россіей Амурскихъ владѣній. Его дѣятельность была до такой степени плодотворна, что графъ Муравьевъ-Амурскій представилъ Г. И. къ ордену и основалъ въ его честь станицу Раддовку. Въ 1860-мъ году назначенъ сверхштатнымъ консерваторомъ зоологическаго музея академіи наукъ и въ этой должности сопровождалъ профессора Бранда для раскопокъ мамонта близъ Николаева, а въ 1862 г. профессора Бера для изслѣдованія причинъ обмелѣнія Азовскаго моря. Въ 1863 г. Г. И. былъ назначенъ помощникомъ директора Тифлисской обсерваторіи и переселился на Кавказъ. Черезъ два года послѣ пріѣзда онъ получилъ новое назначеніе: директоромъ новоучрежденнаго по распоряженію великаго князя Михаила Николаевича Кавказскаго музея. Въ 1868 г. Г. И. былъ назначенъ директоромъ Тифлисской публичной бібліотеки. Достигнувъ осуществленія завѣтной цѣли, Г. И. всю остальную жизнь посвя-

тилѣ развитію и обогащенію любимаго музея, въ связи съ непрерывнымъ изученіемъ въ научномъ отношеніи Кавказа, который Г. П. объѣздилъ почти весь во время своихъ ежегодныхъ путешествій. Приобрѣтенныя Г. П. знанія по кавказовѣдѣнію послужили основаніемъ къ неоднократному приглашенію его на различные съѣзды и выставки, по отдѣламъ Кавказскаго края. Равнымъ образомъ неоднократно Г. П. получалъ приглашенія сопровождать высочайшихъ особъ въ ихъ путешествіяхъ—именно великаго князя Константина Константиновича въ плаваніи по Каспійскому морю и великаго князя Николая Михайловича въ Сванетію. Въ 1900 г. Г. П. сопровождалъ великихъ князей Александра Михайловича и Сергія Михайловича, отправлявшихся на яхтѣ «Тамара» въ тропическую Азію. Плодомъ этой поѣздки была масса различныхъ богатыхъ коллекцій, хранящихся нынѣ въ Кавказскомъ музеѣ, и книга «23.000 миль на яхтѣ Тамара». Въ 1895 г. Г. П. сопровождалъ цесаревича Георгія въ Тунисъ и въ Алжирь. Въ 1886 г. былъ назначенъ начальникомъ экспедиціи, изучавшей Закаспійскій край и Сѣверный Хорасанъ, и результатами этой экспедиціи явился «Предварительный отчетъ объ экспедиціи въ Закаспійскій край и Сѣверный Хорасанъ» и «Научные результаты закаспійской экспедиціи». Кромѣ упомянутыхъ книгъ, Г. П. написалъ еще слѣдующія: «Путешествіе по Юго-Восточной Сибири», «Орнитологическая фауна Кавказа», «Талышъ и его жители» и т. д. Въ послѣднее время Г. П. предпринялъ цѣнное иллюстрированное изданіе коллекцій Кавказскаго музея; въ настоящее время вышло 5 томовъ. Г. П. состоялъ членомъ цѣлаго ряда обществъ и имѣлъ орденъ до Станислава первой степени. Г. П. можетъ быть названъ первымъ всестороннимъ изслѣдователемъ Кавказа, а необычайно мягкій и пріятливый характеръ надолго сохранится въ памяти всѣхъ его знавшихъ. (Некрологи его: «Тифлискій Листокъ», 1903 г., № 52; «Кавказъ», 1903 г., № 59).

† **де-Росси, Е. Ф.** 2-го марта, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни скончался сенаторъ, присутствовавшій въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ сената, тайный совѣтникъ Евгенийъ Ѳеодоровичъ де-Росси. Покойный родился въ 1841 г., образованіе получилъ въ Харьковскомъ университетѣ, въ которомъ окончилъ курсъ кандидатомъ правъ. Службу началъ въ харьковской палатѣ уголовного суда, но векоръ причислился къ министерству юстиціи съ откомандированіемъ въ харьковскую судебную палату для участія въ разрѣшеніи дѣлъ на правахъ члена суда. Съ 1867 года началась его прокурорская дѣятельность. Онъ былъ сперва товарищемъ прокурора, затѣмъ прокуроромъ харьковскаго окружнаго суда, товарищемъ прокурора с.-петербургской и харьковской судебныхъ палатъ. Въ 1876 г. назначенъ товарищемъ оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента правительствующаго сената. Въ началѣ 1880-хъ годовъ принималъ участіе въ сенаторской ревизіи А. А. Половцова въ Кіевской и Черниговской губерніяхъ и въ особой высшей комиссіи по пересмотру всѣхъ дѣйствующихъ въ имперіи законовъ о евреяхъ и по составленію проекта измѣненій этихъ законовъ. Съ 1885 по 1895 годъ былъ старшимъ председателемъ харьковской судебной палаты, затѣмъ назначенъ сенаторомъ и участвовалъ въ качествѣ свѣдущаго криминалиста въ разсмотрѣніи разнообразныхъ дѣлъ уголовного кассационнаго департамента сената. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 г., № 9697; «Биржевыя Вѣдомости», 1903 г., № 112).

† **Свѣчинъ, А. М.** 6-го марта, въ Москвѣ скончался генералъ-лейтенантъ въ отставкѣ Андрей Михайловичъ Свѣчинъ, положившій немало труда и заботъ на устройство нашихъ дальнихъ окраинъ. А. М. родился 21-го ноября 1839 г. и по окончаніи курса во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ произведенъ въ прапорщики артиллеріи. Въ 1863 г. участвовалъ въ усмиреніи польскаго мятежа. Затѣмъ, послѣдовательно окончивъ курсъ академій: артиллерійской и генеральнаго штаба, въ чинѣ подполковника участвовалъ въ русско-турецкой войнѣ, за которую получилъ орденъ св. Владимира 4 степени съ мечами, 1878 г. назначенъ начальникомъ штаба 34-ой пѣхотной дивизіи. Произведенный 1886 г. въ генералъ-майоры съ назначеніемъ помощникомъ начальника окружнаго штаба приамурскаго военного округа, А. М. много иструдился надъ устройствомъ этого вновь формировавшагося штаба. Весь планъ мобилизаціи и устройства военныхъ обозовъ нашей дальней окраины — все прошло черезъ его руки. При оцѣнкѣ быстро и отчетливаго перехода русскихъ войскъ къ боевой готовности въ послѣднюю Китайскую войну имя покойнаго не должно быть забыто. Для устройства поселковъ и урегулированія платимыхъ инородцами податей А. М. часто получалъ командировки во все концы нашей обширной дальней окраины, при чемъ приходилось совершать по двѣ—три тысячи верстъ на собакахъ. Въ 1891 г. назначенъ начальникомъ штаба 13-го армейскаго корпуса, а въ слѣдующемъ году начальникомъ 1-й Закаспійской стрѣлковой бригады. Здѣсь А. М. былъ дѣятельнымъ помощникомъ генерала Куропаткина по устройству Закаспійской области: въ продолженіе 1½ года исправлялъ обязанности начальника области и командующаго войсками. Особенно много хлопотъ выпало на долю покойнаго по управленію Закаспійской желѣзной дорогой. Въ распоряженіяхъ же своихъ по военно-народному управленію и въ сношеніяхъ съ Бухарой и Персіей онъ обнаружилъ истинное пониманіе задачъ русской политики въ Азіи. Въ 1900 году А. М. вышелъ въ отставку и послѣдніе годы своей жизни провелъ въ Москвѣ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1903 г., № 9707).

† **Сухово-Кобылинъ, А. В.** 11-го марта, въ Болѣе, во Франціи, скончался на 84-мъ году отъ роду Александръ Васильевичъ Сухово-Кобылинъ, авторъ комедіи «Свадьба Кречинскаго», которая уже 50 лѣтъ не сходитъ съ репертуара русскихъ театровъ. Покойный происходилъ изъ богатой дворянской фамиліи; въ сороковыхъ годахъ онъ учился въ Московскомъ университетѣ, усиленно занимаясь философійю, которая не переставала интересоваться его до самаго послѣдняго времени; А. В. былъ всегда горячимъ поклонникомъ гегеліанства. Домъ его отца посѣщали профессора Московскаго университета: Погодинъ, Надеждинъ, Морошкинъ и др., дававшіе уроки его сестрѣ, вносилъ въ извѣстную писательницѣ Евгеніи Туръ (гр. Салиасъ). По окончаніи образованія А. В. путешествовалъ по Европѣ и въ Парижѣ познакомился съ г-жей Диманшъ, и съ нею возвратился въ Москву. Диманшъ скверно обращалась съ людьми А. В., и преслѣдуемый ею казачекъ, выведенный однажды изъ терпѣнія, бросилъ въ нее шандаломъ и на мѣстѣ уложилъ французенку. Изъ этого обстоятельства московская стоустая молва сложила сылетню, что убійца — самъ, А. В., который запустилъ подвѣвчикомъ въ свою возлюбленную, явившуюся

къ нему на квартиру, чтобы поймать его при свиданіи съ одною великосвѣтскою дамою, которую онъ привезъ къ себѣ изъ маскарада.

Дореформенныя судебныя и полицейскія власти, которыя вели это дѣло, пыткой вынудили у крѣпостныхъ сознание въ мнимомъ совершеніи преступленія, и А. В. былъ заключенъ въ тюрьму, изъ которой могъ освободиться, благодаря лишь своимъ огромнымъ связямъ и въ особенности денежнымъ «дачамъ» представителямъ юстиціи. Находясь въ тюрьмѣ, А. В., чтобы разсѣяться отъ угнетавшихъ его мрачныхъ мыслей, разработалъ въ комедію распространенный въ то время въ Москвѣ анекдотъ о свѣтскомъ шуллерѣ, заложившемъ ростовщику поддѣльный солитеръ. Въ 1856 г. «Свадьба Кречинскаго» была поставлена въ бенефисъ Шумскаго и, благодаря яркимъ, выпуклымъ фигурамъ ея героевъ, сразу завоевала прочныя симпатіи публики.

Многія выраженія изъ этой пьесы, напримѣръ: «была игра», «сорвалось», «онъ настоящій магъ, волшебникъ», вошли въ обиходную рѣчь, какъ пословицы. Свои судебныя злоключенія А. В. изобразилъ въ двухъ другихъ пьесахъ: «Дѣло» и «Смерть Тарелкина», которыя значительно уступаютъ въ драматической яркости «Свадьбѣ Кречинскаго».

Въ предисловіи къ драмѣ «Дѣло» авторъ объясняетъ, что его пьеса «не есть, какъ нѣкогда говорилось, плодъ досуга, ниже, какъ вынѣ дѣлается, подѣлка литературнаго ремесла, а есть въ полной дѣйствительности сущее и изъ самой реальнѣйшей жизни съ кровью вырванное дѣло». Когда «Дѣло» было исчерпано, изсякъ и источникъ драматическаго творчества А. В. Онъ отплатилъ «крапивному сѣмени» въ «Дѣлѣ», которое было долго подъ цензурнымъ запретомъ, а «Смерть Тарелкина» была разрѣшена къ постановкѣ только въ 1899 году подъ заглавіемъ «Расплюевскіе веселые дни» и имѣла нѣкоторый успѣхъ.

А. В. переводилъ Гегеля, но его рукописи сгорѣли въ деревянномъ домѣ.

Въ 1902 г. А. В. избранъ почетнымъ академикомъ. (Некрологи его: «Новое Время» 1903 г., № 9705; «Новости», 1903 г., № 7; «Заря», 1903 г., № 13).

† **Тимирязевъ, Д. А.** 2-го марта, скончался членъ совѣта министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ, управлявшій отдѣломъ сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики, тайный совѣтникъ Дмитрій Аркадьевичъ Тимирязевъ. Покойный пользовался извѣстностью опытнаго и знающаго статистика. Родился онъ въ 1837 г. По окончаніи курса въ Кіевскомъ университетѣ началъ службу въ министерствѣ финансовъ. Обративъ на себя вниманіе своей замѣчательной энергіей и распорядительностью, былъ назначаемъ въ распорядительные комитеты разнообразныхъ международныхъ выставокъ для устройства русскихъ отдѣловъ. Въ 1863 г. жилъ съ этою цѣлью въ Лондонѣ, въ 1867 г. въ Парижѣ, въ 1872 г. вновь въ Лондонѣ, гдѣ устраивались тогда всемірныя выставки. Путешествія и совмѣстная работа со многими выдающимися въ промышленномъ мірѣ дѣятелями обогатили его многими цѣнными практическими знаніями. При устройствѣ всемірной мануфактурной выставки въ Петербургѣ въ 1870 г. на его долю выпала большая работа. Въ это время онъ посвятилъ себя статистическимъ изслѣдованіямъ и въ 1873 г. составилъ «Атласъ фабрично-заводской промышленности въ Россіи», затѣмъ

въ 1876 г. издалъ «Обзоръ развитія главныхъ отраслей промышленности и торговли въ Россіи за двадцатилѣтіе съ 1855 по 1875 г.». Одновременно привлекался къ участию въ организациі международнаго статистическаго конгресса въ Петербургѣ и русскихъ отдѣловъ на Филадельфійской всемірной, Брюссельской гигиенической и Парижской всемірной выставкахъ, а также былъ секретаремъ для веденія дѣлъ комитета музея прикладныхъ знаній. Назначенный чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ финансовъ, онъ заведывалъ финансовой статистикой, редактировалъ «Указатель правительственныхъ распоряженій» и «Ежегодникъ министерства финансовъ» и вошелъ въ качествѣ члена въ составъ статистическаго совѣта при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Съ 1878 г. Д. А. принималъ дѣятельное участіе въ качествѣ члена-дѣлопроизводителя въ комиссіи для замѣны подушныхъ сборовъ другими налогами, затѣмъ былъ представителемъ министерства финансовъ въ комиссіи по обсужденію мѣръ, необходимыхъ для обезпеченія народнаго продовольствія, участвовалъ въ совѣщаніяхъ по тарифнымъ вопросамъ и въ другихъ комиссіяхъ, разрабатывавшихъ разнообразныя вопросы. Въ это время подъ его редакціей вышелъ «Историко-статистическій обзоръ промышленности въ Россіи». Въ 1884 г. на него было возложено отвѣтственное порученіе вести переговоры по торговымъ дѣламъ съ Турціей, Сербіей и Румыніей, и онъ удачно выполнилъ эту миссію. Въ 1888 г. былъ назначенъ членомъ совѣта торговли и мануфактуръ, въ 1890 г. — членомъ совѣта министра финансовъ. Его участіе въ разнообразныхъ совѣщаніяхъ сдѣлалось болѣе вліятельнымъ. При разработкѣ различныхъ промышленныхъ и тарифныхъ вопросовъ Д. А. являлся убѣжденнымъ сторонникомъ поддержки и развитія національныхъ производствъ и интересовъ, въ финансовыхъ вопросахъ отстаивалъ биметаллизмъ. Когда въ 1894 г. было преобразовано министерство государственныхъ имуществъ въ министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ, покойный перешелъ во вновь преобразованное министерство, будучи назначенъ членомъ совѣта министра и управляющимъ отдѣломъ сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики. Съ этого времени дѣятельность его всецѣло была посвящена интересамъ сельско-хозяйственной промышленности и развитію кустарныхъ промысловъ. Онъ принималъ живое и видное участіе въ сельско-хозяйственномъ и статистическомъ совѣтахъ и въ кустарномъ комитетѣ. Умеръ онъ 66-ти лѣтъ, оставивъ по себѣ хорошую память. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 г., № 9697; «Новости», 1903 г., № 63).

† **Тыртовъ, П. П.** 4-го марта, скончался одинъ изъ выдающихся адмираловъ русскаго флота, управляющій морскимъ министерствомъ, почетный членъ конференціи Николаевской морской академіи, почетный членъ императорской академіи наукъ, генералъ-адъютантъ, адмиралъ Павелъ Петровичъ Тыртовъ. Покойный происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода. Отличительною особенностью фамиліи Тыртовыхъ являлась любовь къ флоту и преданность морскому дѣлу. Въ спискахъ нашего флота, съ самаго его основанія, постоянно встрѣчается фамилія Тыртовыхъ, и еще въ 1702 году одинъ изъ нихъ, полковникъ Тыртовъ, командуя низовымъ полкомъ въ 1.000 чел., посаженныхъ на 30 донскихъ лодокъ, атаковалъ 27-го августа на Ладожскомъ

озерѣ, близъ Кексгольма, парусную эскадру шведскаго вице-адмирала Нумерса, состоящую изъ восьми вооруженныхъ судовъ, и заставилъ ее уйти въ Выборгъ, оставивъ воды озера навсегда во власти русскихъ. П. П. родился 3-го іюля 1836 г. въ Тверской губ., образованіе получилъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ въ 1854 году мичманомъ и вскорѣ получилъ назначеніе на корабль «Вилагопъ», стоявшій на кронштадтскомъ рейдѣ для защиты крѣпости отъ нападенія соединеннаго англо-французскаго флота. По окончаніи Крымской кампаніи покойный поступилъ въ Николаевскую морскую академію, по окончаніи курса которой произведенъ въ лейтенанты. П. П. всю жизнь посвятилъ морю и считался выдающимся знатокомъ двухъ эпохъ деревяннаго паруснаго и парового желѣзнаго флота. За время своей полувѣковой службы П. П. около сорока лѣтъ провелъ на палубахъ военныхъ кораблей. Начиная съ 1858 и по 1886 г. П. П. послѣдовательно командовалъ судами: винтовою лодкою «Стерлядь», лодкою «Чайка», клиперомъ «Алмазъ», двухбашенною лодкою «Смерть», корветомъ «Аскольдъ», на которомъ совершилъ пятилѣтнее кругосвѣтное плаваніе, батареей «Не тронь меня», броненоснымъ фрегатомъ «Князь Пожарскій», фрегатомъ «Владимиръ Мономахъ». Въ 1886 г. П. П. назначенъ былъ исправляющимъ должность помощника начальника главнаго морскаго штаба и въ томъ же году произведенъ въ контръ-адмиралы. Въ 1887 г. командовалъ во время кампаніи шхернымъ отрядомъ практической эскадры, въ кампанію 1889 г. состоялъ младшимъ флагманомъ практической эскадры.

Въ 1891 году покойный назначенъ былъ начальникомъ эскадры въ Тихомъ океанѣ, а въ 1892 году назначенъ исправляющимъ должность старшаго флагмана съ оставленіемъ начальникомъ эскадры и въ томъ же году произведенъ въ вице-адмиралы; здѣсь съ эскадрой онъ плавалъ у береговъ Японіи и Китая и выказалъ много энергіи при началѣ нашего водворенія на восточныхъ окраинахъ. По возвращеніи изъ послѣдняго плаванія въ Тихомъ океанѣ П. П. въ 1893 году назначенъ начальникомъ главнаго управленія кораблестроенія и предсѣдателемъ комитета Добровольнаго флота.

Такая разносторонняя дѣятельность выработала изъ П. П. способнаго администратора и виднаго государственнаго дѣятеля, умѣло разрѣшавшаго многочисленные вопросы, касавшіеся морскаго дѣла, и онъ былъ призванъ на постъ управляющаго морскимъ министерствомъ 13-го іюля 1896 г. П. П. своею самоотверженною преданностью требованіямъ долга служилъ лучшимъ примѣромъ для всѣхъ ему подчиненныхъ. Съ одинаковыми энергіею и усердіемъ онъ несъ административныя обязанности по морскому вѣдомству, занимая должности помощника начальника главнаго морскаго штаба, начальника главнаго управленія кораблестроенія и снабженія и предсѣдателя комитета Добровольнаго флота. Призванный высочайшею волею на должность управляющаго морскимъ министерствомъ, П. П. съ неослабывающею энергіею являлся ближайшимъ помощникомъ его императорскаго высочества великаго князя генераль-адмирала по исполненію предначертанной программы развитія нашихъ военно-морскихъ силъ. Благодаря его неуныннымъ заботамъ, въ послѣдніе годы спущено на воду значительное количество военныхъ судовъ, особенно

разрослись тихоокеанская и черноморская эскадра. П. П. явился горячим и убежденным сторонником кораблестроения на отечественных верфях из русских материалов. Русский флот, увеличившись количественно, в то же время улучшился при нем и по своим внутренним достоинствам. Из числа новых узаконений по морскому ведомству, опубликованных за время управления покойным морским министерством, важнѣйшими являются слѣдующія: утверждение штатов морского министерства и портовых управлений; образование учебно-артиллерійскаго и учебно-миннаго отрядовъ балтійскаго флота; предоставленіе особыхъ преимуществъ государственной службы по морскому ведомству въ отдаленныхъ мѣстностяхъ имперіи; образование учебнаго отряда черноморскаго флота. (Некрологи его: «Кронштадтскій Вѣстникъ», 1903 г., № 27; «Котлинъ», 1903 г., № 52; «Правительственный Вѣстникъ» 1903 г., № 51; «Русскій Инвалидъ», 1903 г., № 51; «Новое Время», 1903 г., № 9698; «Новости» 1903 г., № 63).

† **Эльсбергъ, Ѳ. А.** 10-го марта скончался на 77-мъ году герой севастопольской обороны, контръ-адмиралъ Александръ Ѳомичъ Эльсбергъ. Покойный А. Ѳ. первоначальное образование получилъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, по окончаніи котораго въ 1843 г. началъ службу въ балтійскомъ флотѣ. Когда въ 1854 г. возгорѣлась севастопольская война, А. Ѳ. сначала участвовалъ въ защитѣ восточныхъ береговъ Чернаго моря, а затѣмъ и самого Севастополя. Послѣ потопленія нашего флота А. Ѳ. принимаетъ на себя командование Титовой батареей и 6-мъ бастиономъ, оставаясь въ рядахъ дѣйствующей арміи до самаго окончанія военныхъ дѣйствій. Въ воздаяніе отличной храбрости и мужества, оказанныхъ во время бомбардированія Севастополя англо-французскимъ соединеннымъ флотомъ и войсками, А. Ѳ. былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени и золотой пшлагой съ надписью «за храбрость». Черезъ три года послѣ севастопольской кампаніи А. Ѳ. получилъ назначеніе на должность начальника Аяйскаго порта и завѣдывающаго котиковымъ промысломъ. Оставаясь на дальнемъ востокѣ до 1867 г., покойный продолжительное время командовалъ китобойными судами. По возвращеніи обратно въ Россію А. Ѳ. командовалъ въ балтійскомъ флотѣ клиперомъ «Алмазъ», а съ 1869 г. совсѣмъ оставилъ государственную службу, перешелъ въ коммерческій флотъ и главнымъ образомъ направилъ свою дѣятельность на развитіе пароходства по Волгѣ и Каспійскому морю. Онъ, между прочимъ, явился инициаторомъ соединенія пароходныхъ обществъ «Кавказъ» и «Меркурій». Во вновь учрежденномъ имъ обществѣ онъ занялъ должность управляющаго дѣлами и во время ахаль-текинской кампаніи много содѣйствовалъ М. Д. Скобелеву и завѣдывающему передвиженіемъ войскъ Головину, находясь все время при перевозкѣ войскъ изъ Красноводска въ Михайловскій заливъ. За свою распорядительность и оказанныя услуги А. Ѳ. удостоился получить высочайшее благоволеніе. (Некрологи его: «Виржевыя Вѣдомости», 1903 г., № 127; «Новое Время», 1903 г., № 9706).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Былъ ли ростовскій митрополитъ Филаретъ Романовъ заключенъ въ башнѣ костела бернардиновъ въ Варшавѣ въ 1611—1619 г.г.?

Въ февральской книгѣ «Историческаго Вѣстника» за 1903 годъ, между прочимъ, помѣщена въ отдѣлѣ «Смѣсь» замѣтка, подъ заглавіемъ: «Варшавскіе памятники». Замѣтка эта заинтересовала насъ, какъ своимъ содержаніемъ, такъ и тономъ, обличающимъ ея происхожденіе. Едва ли ошибемся, если скажемъ, что она пошла сюда изъ какой нибудь газеты, мнящей себя «націоналистическою». Въ замѣткѣ этой, между прочимъ, сказано: «На Краковскомъ предмѣстьѣ находится бернардинскій костелъ св. Анны, въ колокольной башнѣ котораго долгое время томился патриархъ (?) Филаретъ Никитичъ ¹⁾, родоначальникъ нашего благополучно царствующаго дома Романовыхъ, во время его десятилѣтняго (?) плѣна въ Польшѣ» ²⁾. Далѣе авторъ замѣтки повѣствуетъ, что «въ увѣковѣченіе этого событія и его мѣста», будто бы, «въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія (XIX-го?) среди русскихъ варшавянъ возникла мысль соорудить здѣсь (гдѣ?) православную часовню», и что, по его соображеніямъ, «эта часовня явилась бы поистинѣ русскимъ уголкомъ (?) на Краковскомъ предмѣстьѣ, главной варшавской улицѣ, заставленной тенденціозными польскими памятниками и повстанскими статуями» (!).

Итакъ, авторъ приведенной замѣтки полагаетъ, что ростовскій митрополитъ Филаретъ, въ мѣрѣ бояринъ Феодоръ Никитичъ Романовъ-Юрьевъ, отецъ царя Михаила Феодоровича, отправленный въ сентябрѣ 1610 года московскою боярскою думою во главѣ «великаго посольства» подѣ Смоленскъ къ польскому королю, Сигизмунду III, просить сына его, Владислава, на московскій престолъ и послѣ задержанный въ Польшѣ, долгое время томился въ колокольной башнѣ бернардинскаго костела св. Анны на Краковскомъ предмѣстьѣ въ Варшавѣ...

Послушаемъ историковъ.

По низложеніи съ престола царя Василія, правительственная власть перешла въ руки верховной думы, состоявшей изъ семи бояръ. Надлежало рѣшить кому быть царемъ. Верховная дума предлагала пригласить на царство Владислава, сына польскаго короля Сигизмунда. Согласились присягнуть Владиславу съ условіемъ, чтобы онъ принялъ православіе, женился на русской и правилъ съ властію, ограниченою боярами и высшимъ духовенствомъ. Чтобы покончить дѣло, отправили къ Сигизмунду послами ростовскаго митрополита Филарета и князя Василія Голицына. Польскіе паны требовали отъ русскихъ пословъ

¹⁾ Филаретъ не былъ тогда еще патриархомъ.

²⁾ Неправда. Филаретъ пробылъ въ плѣну всего 8 лѣтъ, 1½ мѣсяца и 2 дня (Макарій, «Ист. русск. церкви», XI, 1882, 2).

сдачи Смоленска. Сигизмундъ желалъ самъ быть царемъ. Послы никакъ не хотѣли на то согласиться. Сигизмундъ объявилъ ихъ плѣнниками и отправилъ въ Польшу, куда же отвезли и бывшаго царя Василія съ братьями.

Вотъ что говорятъ въ общихъ чертахъ объ этомъ событіи наши лучшіе историки, начиная отъ автора «Исторіи государства Россійскаго» и кончая авторомъ статьи о патриархѣ Филаретѣ въ «Русскомъ біографическомъ словарѣ», издаваемомъ императорскимъ русскимъ историческимъ обществомъ.

Переходя къ частностямъ, къ вопросу: гдѣ именно въ Польшѣ содержались плѣнные русскіе послы?—большинство историковъ мѣстомъ поселенія ихъ называетъ Маріенбургскій замокъ (Malborg) въ нынѣшней восточной Пруссіи. Сюда относятся: Соловьевъ¹⁾, преосвященный Макарій²⁾, профессоръ Знаменскій³⁾, С. П—въ⁴⁾, С. Либровичъ⁵⁾. То же утверждаютъ и иностранные ученые, посвятившіе себя изученію русской исторіи—А. Рамбо⁶⁾ и Адамъ Даровскій. Последний на основаніи русскихъ и польскихъ источниковъ написалъ специальную монографію о Филаретѣ, какъ о маріенбургскомъ плѣнникѣ («Malborski jeniec»⁷⁾).

Нѣкоторые изъ ученыхъ говорятъ о пребываніи членовъ «великаго московскаго посольства», въ томъ числѣ и Филарета, въ Варшавѣ. С. М. Соловьевъ⁸⁾, Н. И. Костомаровъ⁹⁾, П. П. Хрущовъ¹⁰⁾ и А. Даровскій¹¹⁾ положительно утверждаютъ, что митрополитъ Филаретъ жилъ въ Варшавѣ, въ домѣ литовскаго канцлера Льва Сапѣги. Но, спрашивается, когда именно: до отсылки въ Маріенбургъ, или послѣ освобожденія оттуда?

Если допустить, что великое московское посольство, вмѣстѣ со своимъ бывшимъ царемъ, послужило украшеніемъ триумфа Сигизмунда при въѣздѣ его въ Варшаву 29-го октября 1611 года, съ чѣмъ, однако, не хотеть согласиться Карамзинъ¹²⁾, то возможно предположить, что знатные плѣнники провели

¹⁾ «Учеб. кн. рус. ист.» М. 1867. 164.

²⁾ «Ист. русск. церкви», X, 290.

³⁾ «Руск. русск. церкви. ист.». Каз. 1876. 215.

⁴⁾ Русск. біогр. слов., б. Ф. Спб. 1901. 98.

⁵⁾ «Царь въ плѣну». Спб. 1901. 69.

⁶⁾ «Живописн. ист. др. и нов. Россіи» (по русск. изд. Сытина), 274.

⁷⁾ «Szkice historyczne. Serja III. Petersb. 1897. 121—181.

⁸⁾ «Ист. Россіи», IX, М. 1875. 48.

«Русск. ист.», I, 755.

¹⁰⁾ «Ксенія Ивановна Романова» («Др. и Нов. Россія», 1876, т. III, 337).

¹¹⁾ «Szkice hist.» III, 145.

¹²⁾ «Ист. гос. Росс.», изд. Эйнерлинга. Спб. 1843. XII, 184. Замѣчательно, что и въ описаніи торжественнаго представленія царя Василія и князей Дм. и Ин. Шуйскихъ на варшавскомъ сеймѣ 29-го октября 1611 г. (рукоп. музея кн. Чарторыскихъ въ Краковѣ, изд. проф. Д. Цвѣтаевымъ въ книгѣ «Царь Василій Шуйскій и мѣсто погребенія его въ Польшѣ», II, Варш., 1901) ни слова не говорится ни о Филаретѣ, ни о Голыцынѣ. Если они были, то авторъ описанія едва ли бы замолчалъ этотъ фактъ... Не видно великихъ пословъ и на известной картинѣ Долабеллы, изображающей представленіе московскихъ плѣнниковъ королю на сеймѣ 29-го октября 1611 года.

нѣсколько времени въ Варшавѣ, въ домѣ Льва Сапѣги, до высылки въ Мариенбургъ. По освобожденіи изъ Мариенбургскаго замка, Филаретъ не могъ быть въ Варшавѣ, такъ какъ онъ изъ замка прямо отправился въ Гродно, а оттуда на рубежъ ¹⁾. Трудно только понять вышеприведенное извѣстіе Соловьева, Костомарова, Хруцова и Даровскаго, будто московскій посолъ Желябужскій видѣлся съ Филаретомъ въ домѣ канцлера Л. Сапѣги. Какимъ образомъ это могло случиться? Теодоръ Григорьевичъ Желябужскій ѣздилъ въ Варшаву въ началѣ 1615 года, т.-е. тогда, когда, казалось бы, Филаретъ съ товарищами долженъ былъ «сидѣть» въ Мариенбургѣ... Какъ бы тамъ ни было, историки, допускающіе временное пребываніе Филарета въ Варшавѣ, говорятъ о житіи его именно въ домѣ литовскаго канцлера Льва Сапѣги, гдѣ, разумѣется, о томленіи митрополита не могло быть и рѣчи. Но никто изъ нихъ ни слова не говоритъ о томъ, что Филаретъ «томился» (я при томъ «долгое время») въ колокольной башнѣ бернардинскаго костела св. Анны. Только у одного г. Даровскаго есть подстрочное примѣчаніе слѣдующаго содержанія: «По преданію, Филаретъ во время неоднократнаго (kilkatronego) (?) пребыванія въ Варшавѣ, содержался въ башнѣ при костелѣ св. Анны». «Держать въ башнѣ»,—поясняетъ дальше авторъ,—«значило: держать въ заключеніи, въ неволѣ». «По этой причинѣ»,—сознается г. Даровскій,—«возможно непониманіе преданія (możliwem jest niezrozumienie tradycyi) ²⁾».

Опасенія г. Даровскаго оправдались.

Преданіе, не имѣющее подъ собою твердаго историческаго основанія, нашло для себя поклонниковъ въ средѣ людей увлекающихся, которые съ радостію набросились на него, вмѣсто того, чтобы постараться его провѣрить ³⁾.

Если извѣстный принципъ русской народной мудрости, рекомендующей семь разъ отмѣрить—одинъ разъ отрѣзать, долженъ имѣть широкое примѣненіе въ нашей практической жизни, то тѣмъ болѣе его слѣдуетъ примѣнять тамъ, гдѣ религія ищетъ для себя опоры въ исторіи. И чѣмъ выше побужденія, которыми она руководствуется, тѣмъ осмотрительнѣе она должна быть въ своихъ дѣйствіяхъ.

Г. А. Воробьевъ.

¹⁾ Darowski, «Szkice histor.», III, 153.

²⁾ «Szkice histor.», III, 153.

³⁾ Если бы, напримѣръ, они обратились къ исторіи бернардинскаго костела, то узнали бы, что костелъ св. Анны за 450 лѣтъ своего существованія перестраивался нѣсколько разъ капитально, что примыкающая къ нему башня о которой идетъ рѣчь, была уже перестроена архитекторомъ P. Aigner въ 1818 г. что на томъ мѣстѣ, гдѣ она стоитъ теперь, до 1817 г. стояли Краковскіе ворота (Stara brama Krakowska), что впереди ихъ, на нынѣшней Замковой площади, тамъ, гдѣ теперь начинается улица Новый Свѣздъ, стоялъ съ XVII в. небольшой костелъ бернардинскъ, съ пятирусною колокольною, разобранный около 1844 г., наконецъ, что тотъ видъ, который имѣетъ башня-колокольня у св. Анны въ настоящее время, ей приданъ при послѣдней реставраціи въ 1890 году.

II.

По поводу одного портрета.

Въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» была помѣщена поправка Ип. Ал—скаго, утверждающаго, что портретъ, помѣщенный въ составленномъ мною каталогѣ «Выставки 150 лѣтъ русской портретной живописи» и значащійся подъ № 33, изображаетъ не графиню Апраксину, какъ это предполагалось, а Елену Александровну Нарышкину.

Въ настоящее время мною окончательно выяснено, что изображенное на портретѣ лицо не представляетъ Апраксину, а изображаетъ графиню Марію Андреевну Румянцову.

Графиня Румянцова (род. 4-го апрѣля 1698 г.) была дочь знаменитаго Андрея Артамоновича Матвѣева и супруги его, Анны Степановны, урожденной Анчиковой. Будучи около 1718 г. насильно выдана замужъ за Александра Ивановича Румянцова (впослѣдствіи генераль-аншефа, графа и Андреевскаго кавалера), она въ царствованіе Елисаветы, между 1743 и 1746 г.г. была пожалована статсъ-дамскимъ портретомъ. Въ 1775 г., іюня 10, по случаю мира съ Турціей и за заслуги знаменитаго сына своего Задунайскаго, награждена орденомъ св. Екатерины. Въ 1776 г., іюля 10-го, сдѣлана оберъ-гофмейстериной. Умерла въ 1788 г. въ глубокой старости. По словамъ Сегюра, она часто говорила про себя, что къ ней идетъ французская поговорка: «*vieille comme les gues*», такъ какъ была старѣе улицъ Петербурга. Предположеніе о томъ, что данный портретъ изображаетъ графиню Румянцову, окончательно подтверждается тѣмъ, что въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ находится старинная копія съ вышеупомянутаго портрета, также считающаяся тамъ за изображение М. А. Румянцовой.

Мнѣніе же г. Ип. Ал—скаго относительно того, что портретъ, носимый съ правой стороны, отличительный признакъ гофмейстеринъ, не можетъ относиться къ графинѣ Румянцовой (писанной въ 1764 г.), такъ какъ обычай ношенія исключительно гофмейстеринами «портрета» сирава введенъ впервые лишь въ царствованіе Павла графиней Анной Алексѣевной Матюшкиной (1722—1804), награжденной имъ 12-го ноября 1796 года.

Въ заключеніе прибавлю, что портретъ, помѣщенный въ моемъ каталогѣ, пожертвованъ собственникомъ его, графомъ Дмитріемъ Ивановичемъ Толстымъ, въ Русскій музей императора Александра III, гдѣ нынѣ и находится.

Баронъ Н. Врангель.

скому обычаю. Смертельные удары приходились то въ лицо, то въ горло, и сколько разъ грудь была пронизана, несмотря на кольчугу и стеганныя безрукавки. Но удары Жильберта, какъ молнія, наносились гибкой кистью, позади которой находилась нормандская рука, а надъ нею спокойное блѣдное лицо съ тонкими губами, все болѣе и болѣе сжимавшимися, по мѣрѣ того, какъ ударялся его мечъ, каждый разъ разбивавшій одну жизнь. Италиянецъ уничтожалъ людей ловко и быстро, но, повидимому, это было ему противно. Нормандецъ убивалъ, какъ блестящій ангель-истребитель, орудіе быстрого, молчаливаго гнѣва Бога на человѣческой родъ.

Удары слѣдовали за ударами съ бряцаніемъ стали, атака за атакой, стрѣлы извивались до тѣхъ поръ, пока мертвые падали грудями, а лошадиныя подковы превратили траву, вымоченную въ крови, въ зеленую и красную пѣну до тѣхъ поръ, пока вооруженныя руки протягивались поднятыми и медленно падали, не находя болѣе, кому нанести ударъ. Тогда остріе меча Буона дель-Монте отдохнуло на его ногѣ среди семи рядовъ тѣсно сплоченныхъ кольчугъ и тонкихъ струекъ крови, тихо стекавшей съ длиннаго потускнѣвшаго клинка меча.

— Сударь,—сказалъ любезно Буонъ дель-Монте:—у васъ чудесное и тонкое лезвее, хотя вы не наносите ударовъ по-нашему. Я вашъ должникъ за безопасность моей лѣвой стороны. Не ранены ли вы, сударь?

— Совѣмъ нѣтъ, — отвѣтилъ Жильбертъ, смѣясь и вытирая свое широкое лезвее о гриву лошади.

Тогда Буонъ дель-Монте посмотрѣлъ снова на него, улыбнулся и сказалъ:

— Вы получили красивое украшеніе.

И онъ принялся смѣяться, бросивъ взглядъ на шляпу Жильберта.

— Украшеніе?—спросилъ онъ.

Жильбертъ поднесъ къ шляпѣ руку и вскрикнулъ, почувствовавъ стальное остріе.

Стрѣла пронзила верхушку его красной суконной шляпы и осталась тамъ, какъ длинная женская шпилька. Онъ подумалъ, что если бы она попала на два пальца ниже, то онъ походилъ бы теперь на человѣка, убитаго Альрикомъ въ лѣсу. Онъ вытащилъ ее изъ крѣпкаго сукна и отбросилъ далеко. Но маленькій Альрикъ, предоставившій проводнику позаботиться о мулахъ, участвовавшій въ атакѣ пѣшимъ, поднялъ ее, сдѣлалъ на ней помѣтку ножикомъ и бережно убралъ въ свой колчанъ, переполненный стрѣлами, поднятыми на травѣ. Дунстанъ, который тоже присоединился къ сражавшимся, искалъ среди мертвыхъ тѣлъ хорошаго меча, такъ какъ его собственный сломался.

— Флоренція ваша должница, — сказалъ, часъ спустя, Буонъ дель-Монте въ то время, какъ они возвращались послѣ битвы. — Безъ вашего предупрежденія многіе изъ насъ лежали бы мертвыми въ этомъ лѣсу. Возьмите, пожалуйста, часть добычи, какую желаете. И если вы захотите остаться съ нами, архіепископъ сдѣлаетъ васъ рыцаремъ, такъ какъ сегодня вы заслужили рыцарство.

Но Жильбертъ улыбнулся и поникъ головою съ серьезнымъ видомъ.

— Благодаря Бога, — сказалъ онъ, — я ни въ чемъ не нуждаюсь. Очень вамъ благодаренъ за ваше любезное гостепріимство, но я не могу остаться съ вами, такъ какъ я пустился въ путь по приказанію дамы. Что же касается долга Флоренціи, сударь, то она широко его заплатила, позволивъ мнѣ познакомиться съ вами.

— И снискать мою дружбу, сударь, — добавилъ Буонъ дель-Монте, не уступая въ любезностяхъ рыцарскому юношѣ.

Они переломили вмѣстѣ хлѣбъ, выпили вина и разстались. Буонъ дель-Монте далъ Дунстану маленькій мѣшочекъ съ золотомъ и Альрику съ погонщиками муловъ горсть серебра; затѣмъ Жильбертъ удалился съ своими слугами, и всѣ были очень довольны.

Однако, когда онъ остался вечеромъ одинъ, то имъ овладѣла тоска, и все, что онъ сдѣлалъ днемъ, его ужаснуло. Онъ скосилъ чужія существованія, какъ скосили бы траву, и не способенъ былъ объяснить, почему онъ убивалъ, не зная ни людей, которые сражались, ни причины ихъ ссоры. Онъ атакował, потому что видѣлъ людей атакующихъ, онъ наносилъ удары изъ любви къ сраженію и убивалъ потому, что въ его природѣ было желаніе убивать. Но теперь, когда кровь была пролита, и солнце, взойдя при жизни, закатывалось въ присутствіи смерти, Жильбертъ Вардъ сожалѣлъ о происшедшемъ, и его храбрая атака производила на него впечатлѣніе бессмысленной сѣчи, за которую онъ долженъ нести покаяніе, а не получить рыцарство.

— Я стою не болѣе, чѣмъ дикое животное, — сказалъ онъ Дунстану, рассказывая, что испытываетъ. — Пойди, постарайся найти священника и попроси, чтобы онъ помолился за тѣхъ, кого я сегодня убилъ.

Съ минуту онъ сидѣлъ, подперевъ рукою лобъ, у обѣденнаго стола.

— Я отправлюсь туда, — отвѣтилъ Дунстанъ, — но все-таки забавно видѣть льва, плачущаго по телятахъ, которыхъ онъ самъ убилъ.

— Левъ убиваетъ, чтобы имѣть возможность кормиться, — возразилъ Жильбертъ, — и люди, сражавшіеся сегодня, дрались за какое нибудь дѣло, я же наносилъ удары ради удовольствія убивать, которое въ нашей крови, и я этого стыжусь. Попроси патера помолиться также и за меня.

XI.

Французскій дворъ находился въ Везлеѣ, а также король и королева; великіе вассалы королевства были подъ владычествомъ короля, а вассалы Пуату, Аквитаніи и Гвѣны находились въ свитѣ королевы. Пышность ея свиты превышала и даже умаляла свиту короля. Бернаръ Клервосскій былъ также тамъ, чтобы проповѣдывать крестовый походъ. Вспоминая голосъ Петра Отшельника и восклицанія давно умершихъ въ Палестинѣ крестоносцевъ, старики кричали: «Богъ этого желаетъ! Богъ этого желаетъ!»

Такъ какъ церковь св. Маріи Магдалины была слишкомъ маленькой, чтобы заключить въ себѣ множество людей, то толпа собралась за городомъ въ обширной зеленѣвшей мѣстности.

Тамъ были устроены возвышенные подмостки для короля, королевы и знатныхъ вельможъ; остальные рыцари и триста дамъ Элеоноры находились среди народа на зеленой лужайкѣ.

Солнце закатилось позади холмовъ, и хотя палящій июльскій жаръ немного спалъ, но воздухъ оставался теплымъ, и дыханіе тысячи людей было слышно среди тишины. Жильбертъ пріѣхалъ какъ разъ во время; онъ предоставилъ слугамъ найти помѣщеніе и теперь торопился все видѣть и слышать, но главное отыскать личико Беатрисы среди трехсотъ придворныхъ дамъ.

Королева была тамъ въ платьѣ пурпуроваго цвѣта съ золотомъ и съ короной на своихъ рыжихъ волосахъ. Король въ голубой съ золотомъ одеждѣ, какъ всегда, суровый и блѣдный, былъ возлѣ нея. Когда Жильбертъ тщетно разсмотрѣлъ триста молодыхъ, прекрасныхъ лицъ, его глаза остановились на самой красивой женщинѣ въ свѣтѣ. Онъ увидѣлъ ее еще прекраснѣе, чѣмъ она сохранилась въ его памяти, и въ немъ заговорила гордость, что королева назвалась его другомъ.

Затѣмъ вдругъ онъ замѣтилъ какое-то волненіе среди рыцарей, стоявшихъ позади трона. Они раздвинулись, чтобы пропустить проповѣдника. Онъ шелъ одинъ съ спокойными глазами, кивая головой направо и налево рыцарямъ въ знакъ благодарности и быстро проходя мимо ихъ, какъ бѣлая тѣнь. Такъ мысль проходитъ чрезъ матерію, и спиритуальное существо проникаетъ чрезъ земное.

Но когда Бернаръ очутился на подмосткахъ, нарушенное спокойствіе обратилось въ мертвое молчаніе, и глаза всей массы приковались къ нему. Въ продолженіе минуты всѣ задержали дыханіе, какъ будто ангелъ спустился съ неба, принося на своихъ губахъ слово Бога, а въ своемъ взорѣ—вѣчный свѣтъ.

Но вотъ заговорилъ тихій голосъ и безъ всякихъ усилій заставилъ себя услышать такъ же ясно и отчетливо, какъ бы онъ гово-

рилъ съ каждымъ человѣкомъ отдѣльно. Онъ отстаивалъ дѣло креста и несчастныхъ защищавшихъ святыхъ мѣста на востокѣ, съ ослабѣвавшими все болѣе и болѣе силами, но все еще неукротимо и отчаянно.

— Есть ли между вами человѣкъ,—говорилъ онъ,—который, любя свою мать и принявъ ея послѣдній вздохъ и благословеніе, похоронилъ бы ее въ святомъ мѣстѣ, чтобы она мирно покоилась, и который не страдалъ бы, пока въ его венахъ течетъ хоть капля крови, отъ того, что ея могила осквернена и унижена его врагами? Есть ли между вами человѣкъ, который отказался бы сражаться ради спасенія отъ оскорбленій останковъ своего умершаго отца? Не хвастаетесь ли вы ежедневно, что пожертвуете жизнью въ ссорѣ за доброе имя вашихъ дамъ, какъ бы вы это сдѣлали ради доброй репутаціи вашихъ дочерей и вѣрности вашихъ женъ? Теперь скажите мнѣ, не мать ли вамъ Божія церковь, а ея храмы не самыя ли святыхъ мѣста? Вы хвастались, что готовы умереть за честь, однако Христосъ отдалъ жизнь за насъ, не за нашу честь, но за наше безчестіе, за наши грѣхи. Онъ испустилъ духъ за насъ во время своихъ святыхъ страстей; Онъ былъ положенъ во гробъ, какъ человѣкъ, и это мѣсто священо, ибо какъ Небесный Отецъ былъ тамъ положенъ, послѣ того какъ его Божественная Кровь ступала наши беззаконія, послѣ того какъ Его бичеваніе насъ исцѣлило; послѣ того какъ Онъ далъ намъ жизнь, чтобы мы могли жить; послѣ того какъ мы могли выносить рабство этой смертной плоти, чтобы мы могли воскреснуть въ безсмертіи души чрезъ Него, съ Нимъ и въ Немъ. Земля, напитавшаяся этой кровью, будетъ ли такая же, какъ другая земля? Мѣсто, слышавшее семь словъ агоніи, будетъ ли, какъ другія мѣста? Могила, гдѣ Господь упокоилъ Свою распятую человѣческую плоть, должно ли быть предано забвенію и оскорбленіямъ? Или мы настолько безгрѣшны, что даже намъ не нужны воспоминанія о жертвѣ, и такъ чисты, что не нуждаемся въ очищеніи? Я хочу, чтобы мы очистились. Свѣтъ дурень, часъ запоздалый, судья совѣмъ близко, и однако мы ничего не дѣлаемъ для нашего спасенія, хотя Иисусъ Христосъ отдалъ свою жизнь для нашего спасенія. Онъ не требуетъ отъ насъ, чтобы мы были распяты, какъ Онъ ради насъ. Онъ только требуетъ, чтобы мы взяли свой крестъ и шли за Нимъ; какъ Онъ взялъ его самъ и несъ до Голгофы.

Такъ началъ говорить Бернаръ сперва тихо, какъ будто желалъ пробудить чью нибудь душу отъ глубокаго сна, чтобъ предупредить объ опасности, но боясь быть рѣзкимъ. Мало-по-малу, среди этой задыхающейся тишины, тихій голосъ сталъ тверже, какъ первая отдаленная, звучная труба, вибрирующая истиной на зарѣ въ день сраженія. И въ то время, какъ звукъ возвышался, слова становились сильнѣе и живѣе отъ энтузіазма, который воодушевлялъ болѣе, чѣмъ сами слова.

— Помѣстите крестъ у себя въ сердцѣ,—продолжалъ онъ,— какъ вы его носите на груди. Носите его съ собою въ длинные дни похода и во время ночного бодрствованія; преклонитесь предъ нимъ внутренно и просите, чтобы вы могли добиться милости нести его до конца. Такимъ образомъ ваши шаги достигнутъ неба, и ваша дорога будетъ крестовой дорогой до тѣхъ поръ, пока вы не дойдете до святого мѣста. Но если случится, что Богъ потребуетъ у васъ крови, то счастливы будутъ тѣ, отдавшіе безъ принужденія свою жизнь и умершіе ради креста нашего Господа Иисуса Христа. Они будутъ помѣщены на мѣстѣ, которое дѣйствительно святое, предъ престоломъ Бога. Однако берегитесь вотъ чего: я не хотѣлъ бы, чтобы вы должны были итти на сраженіе, ради Гроба Господня, какъ это дѣлали нѣкоторые изъ нашихъ отцовъ, хвалясь, что дѣлаютъ ради Бога, между тѣмъ какъ въ своемъ сердцѣ каждый думалъ болѣе о своей душѣ, чѣмъ о славѣ Иисуса Христа. Они рассчитывали все—усталость, раны, капли крови, увѣренные, что будутъ вознаграждены на небѣ, какъ будто они одолжили Богу монету, и получаютъ отъ него уплату. Иисусъ не далъ свою жизнь по расчету, не размѣривалъ по каплямъ свою кровь; онъ не считалъ страданій, его Страсти не были зачтены въ книгу; но онъ далъ все добровольно, изъ любви къ человѣчеству. Если вы возьмете крестъ, вооружитесь и будете сражаться за него, если вы отправляетесь въ Палестину, чтобы помочь вашимъ братьямъ въ ихъ жестокой нуждѣ, не идете для себя самихъ,—не страдайте за себя самихъ, не сражайтесь за себя самихъ. Какъ Богъ больше человѣка, такъ и слава его выше личной славы и достойнѣе, чѣмъ пожертвованіе вашей жизнью. Не думайте заслужить награды, но прославьте имя Господа Иисуса Христа въ святомъ мѣстѣ, гдѣ Онъ умеръ за васъ.

Онъ остановился на секунду, затѣмъ продолжалъ:

— Не идите туда, какъ бы искупляя свои прежніе грѣхи въ надеждѣ на прощеніе, какъ купецъ, принесшій товаръ, ожидая наживы. Не наносите удары, ни какъ рабы, сражающіеся изъ страха быть наказанными розгами, ни какъ люди, боящіеся вѣчнаго огня и адскихъ мученій. Возьмите крестъ, чтобы вселить его въ сердцѣ людей, а сѣмена Древа Жизни, чтобы посадить ихъ среди огорченныхъ націй!

Онъ опять смолкъ, но, переведя дыханіе, снова заговорилъ:

— Ваши короли, помазанники Христовы, пусть руководятъ небесной арміей! Ваши рыцари, присягнувшіе чести, пусть вынутъ свои сильные и чистые мечи въ честь Бога! Мужчины и юноши, носящіе оружіе изъ вѣрности, будьте солдатами Христа и вѣрными слугами креста! Стойте прежде всего за честь, прежде за Францію и прежде всего за Всевышняго Бога!..

Руки проповѣдника поднялись надъ его головою, когда онъ окончилъ послѣднія слова. Онъ поднялъ простой бѣлый деревянный

крестъ, и молчаніе витало еще съ минуту. Но когда толпа поняла, что онъ окончилъ говорить, она глубоко вздохнула, и въ воздухѣ раздались крики:

— Кресты!... Дайте намъ кресты!

Поднялся король, а за нимъ королева, затѣмъ онъ приблизился къ Бернару и, опутивъ глаза и сложивъ руки на груди, преклонилъ предъ нимъ колѣно. Великій аббатъ взялъ куски пурпуроваго сукна отъ пажа, который ихъ держалъ въ корзинѣ, и прикололъ къ лѣвому плечу короля, затѣмъ поднялъ свою правую руку, чтобъ его благословить. Толпа снова смолкла и смотрѣла; многие находили, что король въ своей парадной мантии и коронѣ походилъ на епископа въ митрѣ, такъ какъ у него было лицо, какъ у священника.

Онъ поднялся и сдѣлалъ шагъ назадъ; тотчасъ же королева заняла его мѣсто, сіяющая, и на ея волосахъ отражался вечерній свѣтъ.

— Я тоже хочу итти въ Палестину,—сказала она спокойнымъ и повелительнымъ голосомъ:—дайте мнѣ крестъ.

Она встала на колѣни, сложила руки, какъ бы для молитвы, и ея глаза блестѣли, когда она подняла ихъ на Бернара. Послѣдній съ минуту колебался, затѣмъ взялъ крестъ и положилъ его на мантию улыбувшейся Элеоноры.

Раздалось восклицаніе рыцарей и толпы:

— Да здравствуетъ королева!... королева, несущая крестъ!

Быстро всѣ вынули свои мечи изъ ноженъ, и большія кисти рукъ, поднятыя вверхъ, образовали лѣса крестовъ въ свѣтломъ воздухѣ; триста дамъ королевы столпились вокругъ нея.

— Мы не покинемъ васъ,—кричали онѣ:—мы тоже возьмемъ кресты!

И онѣ столпились вокругъ Бернара, какъ стая горлицъ. Нѣжныя бѣлыя руки протягивались за крестами, еще за крестами, тогда какъ онъ раздавалъ ихъ, сколько могъ. Народъ и рыцари начали тоже отрывать куски отъ своей одежды и дѣлали изъ нихъ кресты. Одинъ вельможа вырѣзалъ изъ своей бѣлой тонкой суконной мантии полосы, чтобы сдѣлать кресты для своихъ вассаловъ и слугъ. Другой снялъ съ плеча Бернара его бѣлую мантию и, заостреннымъ лезвеемъ вырѣзавъ множество маленькихъ крестовъ, роздалъ ихъ толпѣ, которая получивъ стала цѣловать ихъ, какъ святыню.

Жильбертъ прочистилъ себѣ путь среди многочисленной толпы до подмостковъ, гдѣ находилась королева. Онъ тихонько коснулся ея мантии, и она опустила внизъ глаза. Жильбертъ видѣлъ, какъ она перемѣнилась въ лицѣ, поблѣднѣла и сдѣлалась нѣжнѣе, когда его узнала. Находясь слишкомъ низко отъ нея, чтобы взять ея руку, онъ поднялъ дорожную вышивку ея мантии и поцѣловалъ ее.

Она улыбнулась, но сдѣлала ему знакъ не начинать разговора среди этого хаоса. Затѣмъ, снова опустивъ глаза, она замѣтила, что у него еще не было креста. Взявъ крестъ одной изъ придворныхъ дамъ и очень низко склонившись, попробовала приколоть его къ плечу Жильберта.

— Благодарю васъ, ваше величество; — сказалъ онъ, очень тронутый ея вниманіемъ, и прибавилъ тихимъ голосомъ:—здѣсь Беатриса?

Но, къ его великому удивленію, лицо королевы потемнѣло, а глаза вдругъ сдѣлались суровы. Она почти выронила крестъ, поспѣшно подымаясь, и болѣе не поворачивала къ нему глазъ.

ХІІ.

Уже наступили лѣтнія сумерки, когда Бернаръ возвращался съ мѣста проповѣди въ обитель св. Маріи Магдалины, гдѣ онъ долженъ былъ ночевать. Король и королева шли возлѣ него. Ихъ лошади слѣдовали за ними съ конюхами, одѣтыми въ королевскіе бѣлыя съ золотомъ ливреи. Длинное шествіе рыцарей, вельможъ, священниковъ и мірянъ, горожанъ и поселянъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей пестрой толпой поднималось въ селеніе. Дорогою король разговаривалъ съ святымъ челоувкомъ, перемѣшивая и подчеркивая свои поучительныя слова изобильными, если не всегда точными, цитатами изъ св. писанія. По другую сторону Бернара шла Элеонора съ блѣднымъ лицомъ, высоко поднявъ голову и слегка нахмуривъ брови. Ея жгучіе глаза были гнѣвно устремлены въ пространство на блестящее видѣніе, вызванное ея думами.

Она прибѣгла къ единственному и самому вѣрному средству привлечь Жильберта во Францію. Она заранѣе предвидѣла его пріѣздъ и предугадала, что его первый вопросъ будетъ о Беатрисѣ. Но она даже не воображала того, что ей пришлось испытать, когда, стоя внизу, около подмостокъ, онъ отвѣтилъ на ея взоръ, полный пламени, котораго она не могла затушить, и желанія, недоступнаго удовлетворенію. Его поспѣшность отдаться другой женщинѣ казалась ей отказомъ отъ нея самой, а такой отказъ былъ стыдомъ для женщины. Ни одна любящая женщина не допустила бы его, пока существуетъ ея любовь. Это было оскорбленіемъ, какого ни одна сильная женщина не проститъ, даже если бы загасла ея любовь.

Но ни король, ни аббатъ не обращали на нее вниманія во все время пути, разговаривая на латинскомъ языкѣ, смѣшанномъ съ нормано-французскимъ. Монахъ скорѣе маленькаго роста, тонкій, одухотворенный въ своей плоти, воплощеніе мысли, слова и вѣры, былъ какъ бы учителемъ; король тяжелый, мясистый, блѣдный,

послушный—былъ ученикомъ и доказывалъ своимъ слѣпымъ подчиненіемъ существованіе божественной силы Бернара. Возлѣ нихъ королева представляла независимость молодости съ сильной кровью, богатая румянцемъ, опасавшаяся сожалѣнія болѣе, чѣмъ угрызений, легкомысленно жестокая и до жестокости легкомысленная, однако способная быть великодушной и храброй.

Колоколь св. Маріи ударилъ три раза, потомъ четыре, пять, потомъ одинъ, въ общемъ тринадцать, что означало окончаніе дня. Солнце закатилось уже болѣе получаса, и сумерки кончили загашать послѣдній красноватый свѣтъ на западѣ. Бернаръ остановился съ обнаженной головою на дорогѣ и, сложивъ руки, началъ читать Angelus. Король по привычкѣ поднялъ руку, чтобы снять шляпу, и дотронулся до золотой короны. Тогда легкой румянецъ смущенія покрылъ его блѣдныя щеки, и онъ пробормоталъ ему отвѣтствіе, какъ установлено въ богослуженіи, сложивъ руки и опутивъ глаза. Королева тоже остановилась и произнесла тѣ же слова, но ни ея поза, ни голова, ни выраженіе глазъ не измѣнились, и она не отняла отъ своего пояса руки, чтобы соединить съ другою въ молитву. Воздухъ былъ спокойный и теплый, наполненный тихимъ и музыкальнымъ шепотомъ голосовъ множества псалмопѣвцевъ, поющихъ монотонную молитву, и на его трепетавшихъ крыльяхъ, время отъ времени жужжалъ майскій жукъ, передвѣтая съ одного поля на другое надъ преклонившимися головами.

Произнеся молитву, всѣ опять тронулись въ путь, который велъ мимо первыхъ домовъ селенія, мимо кузницы, устроенной на открытомъ воздухѣ, съ ея сѣнью изъ переплетшихся каштановыхъ вѣтвей, гдѣ укрывались отъ солнца лошади. Кузнецъ не ходилъ слушать проповѣдь, потому что Альрикъ, саксонскій конюхъ, привелъ къ нему подковать лошадь Жильберта въ тотъ самый моментъ, когда онъ отпралялся. Альрикъ заставилъ кузнеца остаться ради этой работы, угрожая ему колдовствомъ, которому онъ будто бы научился у итальянцевъ. Теперь кузнецъ стоялъ на порогѣ своей двери, чтобы посмотрѣть на длинную процессію. Это былъ смуглый человѣкъ съ налитыми кровью глазами и волосатыми руками. Его рубашка была растегнута на груди почти до пояса. Сначала онъ оставался неподвиженъ, устремивъ глаза на Бернара, лицо котораго казалось въ темнотѣ сіяющимъ; тогда его что-то тронуло, чего онъ не могъ понять, и, приблизившись въ своемъ кожаномъ передникѣ и въ почернѣвшей курткѣ, онъ преклонилъ предъ аббатомъ колѣно.

— Дайте и мнѣ крестъ,—воскликнулъ онъ.

— Я дамъ тебѣ благословеніе, сынъ мой,—отвѣтилъ Бернаръ, поднимая руку, чтобы благословить волосатаго человѣка:—кресты всѣ розданы, ты будешь имѣть его завтра.

Но въ то время, какъ кузнецъ поднялъ голову къ вдохновенному лицу Бернара, въ его глазахъ тоже показался свѣтъ, и внезапно имъ овладѣла мощная рѣшимость.

— Нѣтъ, отецъ мой,—отвѣтилъ онъ,—я хочу имѣть его сегодня и свой собственный.

Онъ бѣгомъ бросился къ кузницѣ и возвратился, держа въ рукѣ желѣзную полосу, накаленную добѣла.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!—воскликнулъ онъ звонкимъ голосомъ.

Сказавъ эти слова, онъ приложилъ раскаленное добѣла желѣзо къ своей груди и сдѣлалъ на ней крестъ. Маленькая полоска тонкаго бѣлаго дыма слѣдовала за шипящимъ желѣзомъ вдоль обнаженной кожи. Онъ отбросилъ желѣзную полосу на порогъ своей двери и присоединился къ толпѣ съ странной улыбкой на грубомъ лицѣ и съ небеснымъ свѣтомъ въ покраснѣвшихъ отъ огня глазахъ. Раздался похвальный и восторженный возгласъ большинства, но Бернаръ поднялъ голову съ суровымъ видомъ и продолжалъ путь, такъ какъ не любилъ никакихъ безумствъ, даже ради добраго дѣла.

Впрочемъ, въ то время, какъ говорилъ проповѣдь, онъ уже предчувствовалъ, что совершатся фанатическіе поступки, и имъ овладѣла печаль, такъ какъ онъ зналъ, что истинная вѣра есть избытокъ настоящей мудрости, и она не можетъ сливаться ни съ какимъ безуміемъ.

Когда Бернаръ остался одинъ вечеромъ, то у него на сердцѣ было очень тяжело, и онъ долго сидѣлъ предъ своимъ дубовымъ столомъ при свѣтѣ бронзоваго свѣтильника въ три рожка. Онъ помѣстился въ главной комнатѣ обителѣ съ крестообразнымъ сводомъ и раздѣленной на двѣ низкими круглыми арками, поддерживаемыми тонкими двойными колоннами съ капителями, украшенными фантастической скульптурой. Самая меньшая часть комнаты, по другую сторону арки, образовывала альковъ, который вполнѣ закрывался плотнымъ занавѣсомъ; болѣе просторная часть комнаты была вымощена. Въ одномъ изъ угловъ находилось низкое деревянное возвышеніе, на которомъ стояли тяжелый дубоваго дерева столъ, а позади него рѣзная скамья, придѣланная къ стѣнѣ. На столѣ возлѣ свѣтильника лежалъ пюпитръ, а надъ скамьей, была устроена большая полка, на которой находилось множество предметовъ: нѣсколько бутылокъ чернилъ, горшечекъ съ клеемъ для склеиванья листовъ пергамента и двѣ или три голубыя и бѣлыя кружки. Наполовину высохшій букетъ дрока висѣлъ на гвоздѣ, такъ же, какъ и соломенная шляпа съ широкими полями и почернѣвшія четки. По другую сторону стола, близъ окна, стоялъ маленькій сосудъ съ святой водою и кропиломъ. На стѣнахъ было развѣшано бѣлье съ гербовыми лиліями, грубо вышитыми

маленькими крестиками темно-краснымъ шелкомъ. Сводъ комнаты былъ гладкій бѣлый, а полъ покрытъ соломой. Скамьи, почернѣвшія отъ времени, украшали амбразуры оконъ.

Аббатъ началъ писать письмо, но перо лежало возлѣ неоконченной страницы; онъ облокотился на пергаментъ, а его рука защищала глаза отъ слишкомъ сильнаго освѣщенія. Съ его лица исчезъ весь блескъ; теперь оно было блѣдно, почти землянаго цвѣта, въ то время какъ его поза выражала изнеможеніе и усталость. Онъ сдѣлалъ, чего отъ него требовали: зажегъ минутную страсть, и было достаточно одного часа, чтобы видѣть, насколько она не подчинялась его волѣ... Онъ вспомнилъ, какъ Петръ Отшельникъ довелъ громадный авангардъ перваго крестоваго похода до быстраго и несчастнаго истребленія, прежде чѣмъ были организованы главныя силы. Онъ довольно посмотрѣлся въ этотъ день, чтобы чувствовать, насколько носится въ воздухѣ угроза такого же несчастія, и отвѣтственность за это навѣрно падетъ на него. Онъ не сожалѣлъ, что проповѣдывалъ такія идеи, но горевалъ, что согласился проповѣдывать ихъ такимъ людямъ и въ такой моментъ. Онъ началъ излагать объ этомъ и еще о многомъ другомъ въ письмѣ къ папѣ Евгенію, но, прежде чѣмъ написалъ съ дюжину строкъ, перо выпало изъ его рукъ, и онъ принялся размышлять о своемъ безсиліи удержать морской приливъ, который началъ выходить изъ береговъ.

Внезапно послышались легкіе шаги во внѣшнемъ залѣ, позади занавѣса, но Бернаръ, поглощенный своими размышленіями, не слышалъ шума. Украшенная кольцами рука раздвинула густыя складки занавѣса, и самые прекрасные глаза въ свѣтѣ бросили любопытный взоръ на задумавшагося монаха.

— Вы одинъ?—раздался голосъ королевы.

Не ожидая отвѣта, она вошла въ комнату и остановилась возлѣ возвышенія, положивъ руку на столъ съ жестомъ, на половину дружескимъ, на половину молящимъ, какъ будто она продолжала опасаться, что обезпокоила его. Монахъ отнял свои прозрачные пальцы отъ глазъ и поднялъ ихъ на Элеонору, едва узнавъ ее и не объясняя себѣ, зачѣмъ она пришла. Темнокоричневый плащъ закрывалъ платье королевы, и только виднѣлся край рукава ея алаго платья, прикрывавшаго лежавшую на столѣ руку. Ея красновато золотистые волоса падали тяжелою волною и освѣщались пламенемъ свѣтильника. Ея глаза, упорно устремленные на Бернара съ вопросительнымъ выраженіемъ, походили на глаза стараго герцога Вильгельма, котораго аббатъ изъ Клерво довольно давно довелъ до исповѣди и покаянія, и онъ отправился отъ брачнаго алтаря своей внучки прямо въ уединенный скитъ на одинокую смерть въ горахъ Испаніи. Это были глаза, отражавшіе неустрашимую смѣлость, а также нѣжность съ добротою, но послѣднее свойство скрывалось

за живой жгучей любовью къ жизни, окружавшей королеву особенной атмосферою.

— Вы не говорите мнѣ «добро пожаловать»,— сказала она аббату, смотря ему прямо въ лицо.— Неужели вы такъ углублены въ ваше занятіе, что не можете поговорить со мною? Уже давно мы не бесѣдовали съ вами.

Бернаръ приложилъ руку къ глазамъ, какъ бы откидывая съ глазъ завѣсу.

— Я къ услугамъ вашего величества,—отвѣчалъ онъ мягко.

Произнеся эти слова, онъ всталъ.

— Я ничего не прошу для меня,—возразила она, ставя ногу на возвышеніе и приближаясь къ нему,—но я ходатайствую у васъ кое о чемъ для другихъ.

Бернаръ колебался, затѣмъ, опустивъ глаза, отвѣтилъ:

— Золота и серебра у меня нѣтъ, но что имѣю, то имъ отдамъ.

— У меня есть золото и серебро, земли и корона,—отвѣтила королева съ странной улыбкой, на половину легкомысленной, на половину серьезной,—но мнѣ не хватаетъ вѣры. У моего народа есть мечи и доспѣхи; онъ взялъ крестъ, чтобы прійти на помощь своимъ братьямъ Святой земли, но у него нѣтъ предводителя.

— А король, вашъ супругъ?—спросилъ суровымъ тономъ Бернаръ.

Элеонора принялась смѣяться нѣсколько жестокимъ и презрительнымъ смѣхомъ, какъ смѣются надъ дурно понятымъ приказаніемъ, какъ смѣется человѣкъ, потребовавшій у своего слуги мечъ и получившій вмѣсто него перо.

— Король!--воскликнула она улыбаясь:—король! Неужели вы, обладающій достаточно большимъ умомъ, столь бѣдны здравымъ смысломъ, что предполагаете его способнымъ предводительствовать людьми и побѣдить? Король—не предводитель воиновъ. Онъ вашъ аколитъ... Ахъ! я предпочитаю видѣть его раскачивающимъ кадильницей, слѣдуя за ритмомъ вашихъ молитвъ, и распростертымъ своимъ плоскимъ лицомъ на ступеняхъ алтара, освященныхъ вашими шагами!

Королева смѣялась, такъ какъ была въ такомъ настроеніи, когда не уважаютъ ни Бога, ни святыхъ, ни человѣка. Бернаръ сначала принялъ суровый видъ, но затѣмъ казался уязвленнымъ; наконецъ его взоръ наполнился состраданіемъ. Онъ указалъ Элеонорѣ на сидѣнье у окна, около стола, а самъ сѣлъ на своей рѣзной скамьѣ. Элеонора, занявъ мѣсто, положила локти на столъ, соединила свои красивыя руки и подперла ими щеку, раздумывая, о чемъ она будетъ говорить. Идя къ аббату, она не имѣла никакого опредѣленнаго плана, но всегда любила разговаривать съ нимъ, когда онъ былъ свободенъ, и забавлялась выражавшимся на его лицѣ неожиданнымъ удивленіемъ, котораго онъ не умѣлъ скрывать,

когда ея смѣлыя слова оскорбляли его деликатную впечатлительность.

Это чрезвычайно сильное побужденіе къ юному и ребяческому равнодушію относительно послѣдствій составляло корень ея характера.

— Вы дурно судите о вашемъ мужѣ,—сказалъ аббатъ, нервно и разсѣянно постукивая по столу концами своихъ бѣлыхъ пальцевъ.—Тѣ, кто не имѣетъ другого правила, какъ только собственную волю, слишкомъ поспѣшны въ приговорѣ надъ тѣми, которые предаются волѣ Божіей.

— Если вы считаете короля орудіемъ Божественнаго Провидѣнія,—отвѣтила Элеонора со злой усмѣшкой,—то нечего и говорить. Провидѣніе, на примѣръ, было разгнѣвано на жителей Витри и выбрало короля Франціи выразителемъ своего гнѣва. Король, какъ всегда повинующійся, поджегъ церковь, истребилъ множество священниковъ и около двухсотъ невинныхъ, молившихся тамъ. Это превосходно! Провидѣніе успокоилось...

— Замолчите, государыня! — воскликнулъ Бернаръ, подымая свою худую руку умоляющимъ жестомъ.—Это была работа дьявола.

— Вы сказали мнѣ, что я осуждаю кого-то, кто исполняетъ волю неба?—спросила она.

— Отправляясь въ крестовый походъ, онъ исполняетъ волю неба.

— Тогда мой мужъ работаетъ для двухъ сторонъ: сегодня онъ служитъ Богу, а завтра онъ будетъ служить дьяволу,—замѣтила Элеонора, поднявъ свои тонко очерченныя брови.—Развѣ насъ не учитъ притча, что бываетъ съ людьми, которые служатъ двумъ господамъ?

— Она примѣнима къ тѣмъ, которые пробуютъ служить имъ въ одно время,—отвѣтилъ аббатъ, перенося презрительный взглядъ королевы съ смѣлымъ спокойствіемъ человѣка, увѣреннаго въ своемъ могуществѣ.—Вы знаете такъ же хорошо, какъ и я, что король далъ клятву вести крестовый походъ, какъ покаяніе за то, что онъ сдѣлалъ въ Витри.

— Тогда это торгъ, въ родѣ того, противъ котораго вы проповѣдывали сегодня,—сказала она.

Королева еще улыбнулась, но менѣе презрительно, такъ какъ считала свои аргументы столь же сильными, какъ и Бернара.

— Очень легко сражаться на словахъ,—сказалъ Бернаръ,—другое дѣло разсуждать, и совершенно иное дѣло убѣдить своихъ слушателей.

— Я не желаю въ чемъ бы то ни было васъ убѣждать,—отвѣтила Элеонора съ короткимъ смѣхомъ:—я предпочитаю, чтобы меня убѣдили.

Она посмотрѣла на него съ минуту, затѣмъ повернула голову. все еще смѣясь съ видомъ недовольства и скуки.

— Такъ вы безъ всякаго убѣжденія только что взяли изъ моихъ рукъ крестъ?—спросилъ печальнымъ тономъ Бернаръ.

— Я это сдѣлала въ надеждѣ добиться убѣжденія,—отвѣтила Элеонора.

Бернаръ понялъ. Предъ нимъ предстала проблема, величайшая изъ всѣхъ, которую язычество легко и ясно разрѣшило, но съ которой боролось христіанство безуспѣшно въ тѣсныхъ границахъ и лицомъ къ лицу съ постоянной большой опасностью. Эта задача—обращеніе къ смиренію великихъ, высокихъ и живыхъ натуръ, честныхъ и увѣренныхъ въ себѣ.

Легко убѣдить калѣкъ, что миръ находится въ добродѣтели; больные и слабые скоро убѣждаются, что вселенная—соблазнительная иллюзія сатаны, въ которой нѣтъ доли для чистыхъ и совершенныхъ душею; но иное дѣло—трудное и великое—убѣдить сильнаго человѣка, что онъ грѣшитъ именно вслѣдствіе своей силы, и доказать женщинѣ, что страсть ничто въ сравненіи съ небомъ. Легкое прикосновеніе любящей руки затемняетъ величіе Божіе въ человѣческомъ сердцѣ.

Бернаръ видѣлъ предъ собою олицетвореніе силы, молодости и красоты той, отъ которой должна была произойти цѣлая линія королевей, и которая блестѣла всѣми качествами, добродѣтелями и недостатками дѣтей, родившихся отъ нея: Ричарда Львиное Сердце, эгоистичнаго, безжалостнаго Іоанна, корыстолюбиваго Эдуарда II и широко справедливаго и мудраго Генриха III. Доброта одного, деспотизмъ другого, страсти всѣхъ въ лицѣ одного—все это протекало въ крови молодой, сильной королевской расы.

— Вы не желаете убѣждать другихъ, но быть убѣжденной, — сказалъ Бернаръ,—однако не въ вашей природѣ склоняться предъ чужимъ убѣжденіемъ. Чего вы желаете отъ меня? Я могу проповѣдывать тѣмъ, кто хочетъ меня слушать, а не тѣмъ, кто приходитъ наблюдать меня и улыбаться на то, что я скажу, какъ будто я комедіантъ ярмарочнаго балагана. Зачѣмъ вы пришли сегодня сюда? Могу ли я дать вамъ вѣру, помазавъ бальзамомъ ваши ослѣпшіе глаза? Могу ли я дать вамъ поясъ цѣломудрія для сохраненія добродѣтели, которой у васъ нѣтъ? Могу ли я обѣщать Богу ваше раскаяніе, когда вы улыбаетесь вашему будущему любовнику? Зачѣмъ вы пришли ко мнѣ?

— Если бы я предполагала, что у васъ есть досугъ и мѣсто въ церкви только для совершенныхъ христіанъ, то не пришла бы къ вамъ.

Она откинулась на скамью возлѣ окна и сложила руки. Тонкая матерія ея плаща сложилась въ прямые, строгія складки, представлявшія живой контрастъ съ сіявшей красотой ея лица. Шелковистыя, прекрасно изогнутыя брови придавали ея глубокому взгляду жестокость, а губы были тверды, какъ выточенный коралль,

Бернаръ снова посмотрѣлъ на нее долго и внимательно. Онъ понялъ, что все, перечувствованное ею въ этотъ день, причинило ей тайное разочарованіе, и она пришла къ нему скорѣе, чтобы испытать умственное волненіе, чѣмъ добиваться какого либо утѣшенія. Для него, отягченнаго возвышенными идеями, внушенными его миссіей, было что-то непріятное въ суетности этой женщины, или, вѣрнѣе, въ ея цинизмѣ. Для него крестъ означалъ страсти Христа, пролитіе крови Христа — искупленіе человѣческаго рода. Для нея это былъ знакъ, украшеніе, предлогъ для пышнаго путешествія къ святымъ мѣстамъ съ прекрасными дамами, которыя изнѣженно проживали бы въ шелковыхъ палаткахъ и носили бы великолѣпные наряды согласно капризной модѣ. Контрастъ былъ слишкомъ силенъ и слишкомъ тягостенъ. Элеонора и ея придворныя дамы съ ихъ капризами и фантазіями были бы безусловно не на мѣстѣ въ арміи среди мужчинъ, преданныхъ вѣрѣ и сражающихся ради возвышеннаго принципа, ради побѣды одной расы надъ другой и ради всего, что религія сдѣлала святымъ въ самыхъ святыхъ мѣстахъ.

Это было слишкомъ. Глубоко разочарованный и опечаленный Бернаръ понурилъ голову и нѣсколько приподнялъ руки, какъ бы желая покончить борьбу; потомъ онъ уронилъ ихъ на колѣни съ видомъ покореннаго.

Увидя кажущееся отчаяніе Бернара, Элеонора ощутила порочное чувство побѣды, то чувство, которое возмѣщаетъ школьникъ за ихъ невообразимыя усилія досадить своему учителю, когда наконецъ имъ удавалось его оскорбить. Въ сущности это былъ пустякъ, ребяческое желаніе раздражить и раздражить монаха, такъ какъ прежде всего она была молода и весела, а окружавшіе обяывали ее снова приняться за веселье.

— Не слѣдуетъ относиться серіозно ко всему, что я говорю, — замѣтила она внезапно со смѣхомъ, оскорбившимъ нервы монаха.

Онъ отвернулся, какъ будто ему было непріятно видѣть лицо Элеоноры.

— Вышучивайте жизнь, — сказалъ онъ: — если хотите, вышучивайте смерть, если вы достаточно храбры, но, по крайней мѣрѣ, будьте серіозны въ этомъ великомъ дѣлѣ. Если вы рѣшились слѣдовать за королемъ съ вашими дамами, тогда отправляйтесь съ намѣреніемъ дѣлать добро, перевязывать раны сражающихся, ухаживать за больными, подкрѣплять слабыхъ и подстрекать трусовъ вашимъ присутствіемъ.

— А почему же не сражаться? — спросила королева, и въ ея глазахъ вспыхнуло пламя новаго волненія. — Развѣ вы думаете, что я не могу вынести тяжести кольчуги или ѣздить верхомъ, управлять мечомъ, какъ многіе двадцатилѣтніе оруженосцы, которые бросаются сражаться въ самую жаркую схватку? Если я и мои

придворныя дамы можемъ переносить усталость такъ же хорошо, какъ самый слабый мужчина въ арміи короля, рисковать нашей жизнью такъ же храбро и даже, можетъ быть, отбивать атаку и наступать ради освобожденія Гроба Господня,—развѣ наши души не извлекутъ ничего добраго, потому что мы женщины?

Пока она говорила, ея локоть лежалъ на столѣ, а маленькая сильная ручка энергично жестикулировала, прикасаясь къ рукаву монаха. Военственная кровь стараго герцога текла въ жилахъ королевы, и ея голосъ раздавался, какъ труба сраженія.

Бернаръ поднялъ голову и сказалъ:

— Если бы вы были всегда тѣмъ, какая вы въ данный моментъ, и если бы въ вашей свитѣ была тысяча такихъ женщинъ,—королю не требовалась бы другая армія, такъ какъ одна вы могли бы встрѣтиться лицомъ къ лицу съ сельджуками.

— Такъ вы думаете, — отвѣтила королева, — что если бы мнѣ пришлось встрѣтиться съ ними, то моя храбрость растаяла бы въ слезахъ, по-женски, подобно льду отъ горячаго пара.

Она улыбнулась на этотъ разъ нѣжно, такъ какъ была довольна словами монаха.

— Вамъ нечего бояться, — продолжала она, прежде чѣмъ онъ успѣлъ отвѣтить,—мы будемъ вести себя не хуже мужчинъ, и есть пожилые мужчины, которые струсятъ скорѣе насъ. Но если бы съ нами былъ предводитель воиновъ, то я не боялась бы. Они сражались бы за короля и проливали бы кровь за Элеонору Гвиенскую, но перенесли бы десять смертей по приказанію...

Она остановилась и устремила глаза на Бернара.

— По чѣму?—спросилъ онъ, ничего не подозревая.

— Бернара изъ Клерво.

Послѣдовало короткое молчаніе. Затѣмъ яснымъ голосомъ, раздавшимся издали, какъ бы во снѣ, аббатъ повторилъ свое собственное имя:

— Бернаръ изъ Клерво... предводитель воиновъ?.. солдатъ?.. генералъ?..

Онъ остановился, какъ бы совѣтуясь съ собою.

— Государыня, — сказалъ онъ наконецъ, — я ни генералъ, ни солдатъ. Я монахъ и духовный человѣкъ, какъ Петръ Отшельникъ, но совсѣмъ не такой, какимъ онъ былъ въ подобномъ дѣлѣ... Я знаю границу моихъ силъ. Я могу воодушевить людей, сражаться за великое дѣло, но я не могу вести ихъ на смерть и гибель, какъ это дѣлалъ Петръ. Есть особые люди на подобную роль, воспитанные, чтобы управлять мечемъ, я же умѣю управлять перомъ...

— Я не требую,—возразила королева,—чтобы вы руководили отчаянной атакой, ни чтобы вы оставались сидѣть въ вашей палаткѣ, изучая планъ истребленія укрѣпленныхъ городовъ. Вы мо-

жете быть иначе нашимъ предводителемъ, такъ какъ тотъ, который руководить душами, приказываетъ тѣлу и живетъ въ сердцахъ. Вотъ почему я умоляю васъ идти съ нами и помочь намъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ мечъ стоитъ менѣе, чѣмъ сто словъ, тогда какъ есть люди, простое слово которыхъ заставляетъ всѣхъ, какъ одного, вынуть сразу сто мечей.

— Нѣтъ, государыня, — отвѣтилъ аббатъ, и его тонкія губы сжимались послѣ каждого слова съ выраженіемъ непоколебимой рѣшимости, — я не пойду съ вами. Прежде всего я не способенъ быть предводителемъ арміи, а затѣмъ потому, что я могу лучше употребить остатокъ моей жизни здѣсь, чѣмъ слѣдуя за вами въ лагеряхъ. Наконецъ, я хотѣлъ бы, чтобы эта славная война велась медленно, серьезно, а не лихорадочно, съ безумнымъ фанатизмомъ, ни тѣмъ болѣе легко, какъ удовольствіе и забава, еще менѣе съ эгоизмомъ и въ надеждѣ на выигрышъ. Мои слова ни глубоки, ни учены, ни подобраны, я говорю, какъ мысли являются въ моей головѣ. Но, благодаря небу, то, что я говорю, побуждаетъ людей дѣйствовать скорѣе, чѣмъ они думали бы. Однако, не хорошо, чтобы они были очень взволнованы и возбуждены въ продолженіе долгой войны, изъ опасенія, чтобы ихъ пылъ не погасъ, какъ искра, и силы ихъ не упали сразу. Вамъ нужны не проповѣдникъ, а полководецъ, не слова, а дѣйствія. Вы отправляетесь, чтобы создать матеріалъ для исторіи, а не выслушивать проповѣди.

— Тѣмъ не менѣе, — сказала королева, — вамъ слѣдуетъ отправиться съ нами, такъ какъ, въ случаѣ, храбрость, которую вы вызвали, ослабѣетъ въ массѣ крестоносцевъ, наши дѣйствія будутъ слабы, безъ энергіи. Надо, чтобы вы отправились съ нами.

— Я не могу, — отвѣтилъ Бернаръ,

— Вы не можете? — спросила Элеонора. — Я повторяю вамъ, что это необходимо.

— Нѣтъ, государыня, нѣтъ.

Долго они оставались въ молчаніи лицомъ къ лицу: королева самонадѣянная, дрожащая, рѣшившаяся заставить его подчиниться своей волѣ; Бернаръ не менѣе упорный въ своемъ рѣшеніи, со всѣмъ пыломъ убѣжденія, какое онъ вносилъ во всѣ вопросы сужденія или политики.

— Въ случаѣ несогласія кто насъ примиритъ? — снова заговорила королева. — Если люди потеряютъ вѣру въ дѣло, которое они хотятъ отстаивать, и сдѣлаются алчными до дурныхъ дѣлъ, могущихъ встрѣтиться на пути, кто ихъ исправитъ?

Аббатъ понурилъ голову съ печальнымъ видомъ и избѣгалъ встрѣчаться глазами съ королевой, такъ какъ чувствовалъ, что она права.

— Когда армія потеряла вѣру, — сказалъ онъ, — она уже побѣждена. Когда Атлантъ склонился, чтобы поднять золотыя яблоки, то онъ погибъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІИ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

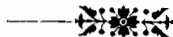
Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергія Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

МАЙ, 1903

СОДЕРЖАНИЕ.

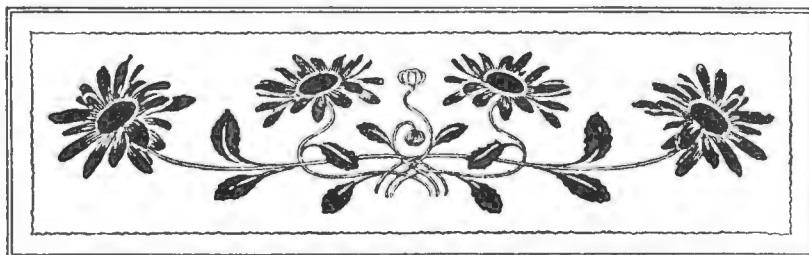
МАЙ, 1903 г.

	стр.
I. Военные мужики. (Романъ). XXXIII—XLI. (Продолженіе). Графа Е. А. Салиаса	419
II. Изъ жизни Петра Великаго. Первые годы сближенія Петра I съ Екатериной Алексѣвной 1702—1709 гг. Н. А. Вязозерской	451
III. Петръ Великій и франко-русскій союзъ В. И. Штейна	494
IV. Раскольниковыя легенды о Петрѣ Великомъ. «Сказаніе о царѣ Петрѣ истинномъ и царѣ Петрѣ ложномъ». П. П. Васнина	513
V. Румынскіе рассказы и легенды о Петрѣ Великомъ. А. И. Яцимирскаго	549
Иллюстрація: Изображеніе Петра Великаго на одной изъ фресокъ Кашинскаго монастыря въ Румыніи.	
VI. Петровскія реликвиі въ Поволжьѣ П. Л. Юдина	561
Иллюстрація: Картузь и трость Петра Великаго.	
VII. Одинъ изъ итенцовъ Петра Великаго. В. В. Еропкиной	565
Иллюстраціи: 1) Петръ Михайловичъ Еропкинъ.—2) Проектъ храма, составленный П. М. Еропкинымъ.—3) Гостиный дворъ въ Петербургѣ, построенный по проекту П. М. Еропкина.	
VIII. Двухсотлѣтіе С.-Петербурга (1703—1903). I—X. Н. А. Энгельгардта	576
Иллюстраціи: 1) Видъ Нотебурга при шведскомъ владѣнствѣ.—2) Первоначальный видъ Нотебурга.—3) Взятіе Нотебурга.—4) Кроншлотъ.—5) Троицкій соборъ.—6) Подворье Стефана Яворскаго.—7) Подворье Теофана Прокоповича.—8) Типы домовъ въ Петербургѣ въ началѣ XVIII столѣтія.—9) Видъ набережной въ Петербургѣ въ началѣ XVIII вѣка.—10) Видъ набережной въ Петербургѣ въ началѣ XVIII вѣка.—11) Лѣтній садъ въ Петербургѣ въ началѣ XVIII вѣка.—12) Адмиралтейство въ Петербургѣ въ началѣ XVIII вѣка.—13) Домъ князя Меншикова на Васильевскомъ островѣ.—14) Александро-Невская лавра.—15) Зимній дворецъ.—16) Петръ и Екатерина, катающіеся въ шнявъ по Невѣ.	
IX. Петербургъ въ началѣ XIX вѣка. Г. Т. Сѣверцева (Полилова)	618
X. Проектъ купца Щегорина о защитѣ Петербурга отъ наводненія. (1825 года). М. Соколовскаго	641
XI. Императоръ Николай I и Польша въ 1830 году. (Воспоминанія подполковника Ѳаддея Вылежинскаго). Новые матеріалы для исторіи польскаго возстанія 1830—1831 г.г. Гл. II. (Окончаніе). Переводъ съ французской рукописи. К. А. Военскаго	645
XII. Михаилъ Васильевичъ Духовской. (Опытъ характеристики). Князя В. А. Щетинина	677
Иллюстрація: Михаилъ Васильевичъ Духовской.	
XIII. Критика и библиографія	691
1) И. А. Шляпкинъ. Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина (съ портретомъ и 7 факсимиле). Спб. 1903. п. щ.—2) Сочиненія А. С. Пушкина. Редакція П. А. Ефремова. Томъ IV, V, VI. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1903. п. щ.—3) А. С. Пушкинъ. Труды и дни. Хронологическія данныя, собранныя Николаемъ Лернеромъ. Книгоиздательство «Скоріонъ». М. 1903. Письма Пушкина и къ Пушкину. Новые матеріалы, собранныя книгоиздательствомъ «Скоріонъ». Редакція и примѣчанія В. Брюсова. М. 1903. п. щ.—4) Матеріалы для академическаго изданія сочиненій А. С. Пушкина. Спб. 1902. п. щ.—5) Русскій биографическій словарь. Кнаппе-Кюхельбекеръ. Спб. 1903. п. щ.—6) А. К. Бороздинъ. Литературныя характеристики. Деятельный вѣкъ, т. I. Изд. М. В. Пирожкова. Спб. 1903. п. щ.—7) Труды Я. К. Грота. Томъ V. Деятельность литературная, педагогическая и общественная. Спб. 1903. щ.—8) Старина и Новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Книга 6-я. Спб. 1903. п. щ.—9) Ю. Д. Головинна. На Памирахъ. Записки русской путешественницы. Съ портретомъ, посвященіемъ, географической картой, метеорологическимъ графикомъ, 64-мя цинкографіями въ текстѣ и двумя приложеніями. Москва. 1902. Бориса Тагьева.—10) M. Ostrogorsky. «La democratie et l'organisation des parties politiques». Paris. 1902. S.—11) Очеркъ района большихъ маневровъ подъ Курскомъ. Печатано по распоряженію начальника главнаго штаба. Спб. 1902. ии.—12) Я. И. Лудмөръ. Княжескія, графскія и баронскія фамиліи Прибалтійскихъ губерній. Матеріалы для родословій. Выпускъ I: Графы Анренъ-Эльпигъ—бароны фонъ-деръ-Брюгенъ. Митава. 1902. А. Мальмгрена.—13) В. Райтъ. Краткій очеркъ исторіи сирийской литературы. Переводъ съ англійскаго К. А. Тураевой. Подъ редакціей и съ дополненіями проф. П. К. Кововцова. Съ приложеніемъ обзора коллекцій ивріейскыхъ рукописей Британскаго му-	

См. слѣд. стр.

- зел и специальной карты. Спб. 1902. м. — 14) Н. И. Березинъ. Пѣшкомъ къ Карельскимъ водонадьямъ. Природа и люди Олонецкаго края. Спб. 1903. Сергѣя фонъ-Штейна.— 15) Дигорскія сказанія по записямъ дигорцевъ Собяева, Гарданова и Туккаева съ переводомъ и примѣчаніями Всев. Миллера. М. 1902. (Труды по востоковѣдѣнію, изд. Лазаревскимъ институтомъ восточныхъ языковъ, вып. IX). А. Хаханова.— 16) Общеобразовательная бібліотека. Подъ редакціей Н. А. Рубавина. Выпускъ X. Баронъ Александръ фонъ-Зибольдъ. Эпоха великихъ реформъ въ Японіи. Съ французскаго перевода Фернанда Дагена и Соломона Майера перевела и дополнила А. Мезіеръ. Спб. 1902. К. Лосского.— 17) М. А. Стельмашенко. Политическая дѣятельность Петра Скарги. Историческое изслѣдованіе. Кіевъ. 1902. Н. Фальцова.— 18) Н. И. Ашмаринъ. Волгары и чуваша. Казань. 1902. Ник.— 19) Ф. Шнитъ. Мозаики и Фрески Кахріэ-джаміи. Софія. 1902. Э.— 20) И. К. Канадѣвъ. Очерки закавказской жизни. Томъ I. Спб. 1902. А. Хаханова.— 21) Monografie w zakresie dziejów nowożytnych. Tom I. «Rzady tamczasowe w Królestwie Polskiem», przez Józefa Bojańskińskiego. Tom I. «Między Iena a Tytza», przez Macieja Loreta. (Warszawa). I. X.— 22) Переводы съ древнихъ языковъ, собранные и исполненные иконописцемъ и реставраторомъ В. П. Гурьяновымъ. Текстъ А. Н. Успенскаго. М. 1902. А. Я.— 23) Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1903-й годъ. Книга 2-я (205-я), изд. подъ завѣд. Е. В. Барсова. М. 1903. п. щ.— 24) Политическая исторія XIX вѣка. Исторія вѣвшихъ сношеній европейскіхъ державъ съ 1814 по 1818 г. проф. А. Дебидуръ, переводъ студента императорск. Сиб. университета подъ редакц. прив.-доц. Ал. Пилленка. Т. I. Священный союзъ. Спб. 1903. и. я. Г.— 25) Встрѣчи и воспоминанія. Изъ литературнаго и военнаго міра. И. Н. Захарьина (Якунина). Изданіе М. В. Пирожкова. Спб. 1903. Б.— 26) Выглицъ. Романъ изъ пограничной жизни. Ф. Ф. Тютчева. Изданіе П. П. Сойкина. Спб. 1903. и. н. З.— 27) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей императорскаго Юрьевскаго, бывшаго Дерптскаго университета за сто лѣтъ его существованія (1802—1902). Томъ I. Подъ ред. проф. Левицкаго. Юрьевъ. 1902. щ.— 28) Польское возстаніе 1863 года. Историческій очеркъ съ портретами. А. А. Сидорова. Изданіе Н. Карбасникова. Спб. 1903. и. н. З.— 28) Глѣбъ Успенскій. Полное собраніе сочиненій въ 12 томахъ. Съ портретами, автографомъ и статьею Н. К. Михайловскаго. Изд. В. К. Фукса. Кіевъ. 1903. п. щ.— 29) А. И. Фаресовъ. Въ одиночномъ заключеніи. 2-е изданіе. Спб. 1903. ив. Порфшина.— 30) Дѣяствія Нижегородской губернской ученой архивной комиссіи. Сборникъ статей, сообщеній, описей и документовъ. Томъ V. Нижній Новгородъ. 1903. А. И. Ядмирснаго.— 31) Л. Ф. Пантелѣвъ. Изъ раннихъ воспоминаній. Спб. 1903. м. с. Сн—внча.— 32) С. Н. Врандовскій, Одинъ изъ «нестрыхъ» XVII столѣтіи. Историко-литературное изслѣдованіе. Записки Императорской академіи наукъ по истор.-филологич. отдѣленію. Т. V. Спб. 1903. А. И. Ядмирснаго.— 33) В. В. Стасовъ. Миниатюры нѣкоторыхъ рукописей византійскихъ, болгарскихъ, русскихъ, джагатайскихъ и персидскихъ. Спб. 1902. м. о. Сн—внча.
- XIV. Заграничныя историческія новости и мелочи 737
- 1) Археологическія раскопки въ Фивахъ.— 2) Изабелла Баварская.— 3) Петръ Великій въ Англіи.— 4) Новое изданіе мемуаровъ Казановы.— 5) Лондонъ въ XVIII вѣкѣ.— 6) Вольтеръ и масоны.— 7) Лафатеръ и Гете.— 8) Мемуары полковника Жюли о 1812 годѣ.— 9) Писма французской посланницы въ Лондонѣ.
- XV. Смѣсь 763
- 1) Юбилей графа Е. А. Саліаса.— 2) Пушкинскій конкурсъ.— 3) Общество любителей Россійской словесности.— 4) Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія.— 5) Русское историческое общество.— 6) Императорское общество любителей древней письменности.— 7) Высочайшее посѣщеніе императорской археологической комиссіи.— 8) Московское археологическое общество.— 9) Археологическій институтъ.— 10) Христіанскія древности въ музеѣ императора Александра III.— 11) Общество археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ.— 12) Костромская архивная комиссія.— 13) 400-лѣтіе памяти преподобнаго Тихона Луховскаго.— 14) Охраненіе памятниковъ древности.— 15) Географическое общество.— 16) Общество любителей естествознанія.— 17) Азіатскій комитетъ.
- XVI. Некрологи 784
- 1) Адамовъ, М. Д.— 2) Барсовъ, Н. И.— 3) Бекленовъ, Н. А.— 4) Духовской, М. В.— 5) Кулибинъ, Н. А.— 6) Ламанская, А. К.— 7) Ленцъ, Р. Э.— 8) Манасина, М. М.— 9) Марковъ, Е. Л.— 10) Порфирьевъ, П. Ф.— 11) Седеггольмъ, К. Э.— 12) Чайковскій, М. П.— 13) Щербина, Г. С.— 14) Якимовичъ, А. А.— 15) Яновичъ-Чайнскій, С. М.— 16) Янчевецкій, Г. А.
- XVII. Замѣтки и поправки 799
- Къ статьѣ «Изъ Манчжурскихъ воспоминаній». В. М.
- XVIII. Объявленія.
- ПРИЛОЖЕНІЯ:** 1) Портретъ Петра Великаго.— 2) Двѣ любви (Via crucis). Романъ изъ исторіи второго крестоваго похода. Моріона Кровфорда Переводъ съ англійскаго. Часть первая. Гл. XII. Часть вторая. Гл. I. (Продолженіе).

ВОЕННЫЕ МУЖИКИ ¹⁾.

Р о м а н ъ.

XXXIII.

БУШУЮЩАЯ и гудящая толпа хлынула прямо къ связи фельдфебеля. Рябой, безмысленно исполнявшій, самъ того не зная, должность коновода, кричалъ уже охрипшимъ голосомъ и какъ бы командовалъ:

— Окружи весь дворъ! Поглядывай! Не то улизнетъ отравитель!

Въ нѣсколько мгновений всѣ комнаты дома переполнились народомъ, но большая часть, не имѣя возможности пролѣзть черезъ крыльцо, осталась на дворѣ. Первый человекъ, попавшійся ватагѣ на глаза, былъ взятый врасплохъ священникъ.

— Гдѣ фельдфебель?

— Ты что тутъ дѣлаешь?

— Подай отравителя!—закричали на него со всѣхъ сторонъ.

Двое схватили священника за рукавъ рясы и начали тормозить. Отецъ Василій, сильно перепуганный, блѣдный, сразу сообразившій, что творится, почти онѣмѣлъ отъ испуга.

— Гдѣ Петровъ?

— Гдѣ фельдфебель?

— Гдѣ отравитель?—орали кругомъ него.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСII, стр. 5.

— Иди! Показывай!—крикнулъ рябой и толкнулъ священника въ спину.

— Стой, лѣшій!—заорали въ разъ человѣкъ пять.—Вишь распалился!

— Его за что? Онъ—батюшка, не командиръ!

— Нешто можно! Отца Василя не трожь.

— Ребята, на огородъ!—закричалъ Русаковъ, выступая впередъ.—Скорѣй на огородъ! А то Петровъ въ поле махнетъ—и конецъ. Удереть—не разыщешь!

— На огородъ! Лови!

— Вали!—рявкнула толпа.

Черезъ минуту человѣкъ съ полсотни, ворвавшись въ огородъ фельдфебеля и шагая по грядамъ, давя и ломая все, что попадалось подъ ноги, стремительной волной вылились въ поле.

— Вонъ Митриха! Ее хватай!—крикнулъ кто-то.

— Въ ней кой прахъ!—отозвался голосъ.

Черезъ минуту Марѳа, стоявшая за плетнемъ огорода, была окружена. Она стояла надъ небольшой, вырытой заступомъ ямкой, а на землѣ валялась кучка разныхъ склянокъ и баночекъ. Несмотря на появленіе толпы, Марѳа не двинулась, даже не глядѣла, а стояла, опутивъ глаза, но съ сильно измѣнившимся лицомъ.

— Что ты тутъ дѣлаешь?—первый подскочилъ Русаковъ.— Это что?

— Ребята, голубчики! То же, что у Ёздокова! Аптека!—ахнулъ рябой.

— Что, я вамъ сказывалъ?!—заоралъ Русаковъ.—Говори, что ты тутъ творишь?—крикнулъ онъ, дергая Марѳу за руку.—Знаю! Такъ! Хозяинъ приказалъ хоронить улики-то. Глядите, братцы! Это онъ ее послалъ зарыть поскорѣй, чтобы концы въ воду спрятать.

— Говори ты! Да-ну, говори, что ли!—подскочилъ Горшковъ и сильно толкнулъ женщину.

Марѳа будто очнулась отъ толчка и выговорила сурово:

— Смотри ты! Я тоже не ледащая какал. Тресну, такъ кубаремъ покатишься!..

Но голосъ женщины сильно дрожалъ.

— Стой, лѣшій!—крикнулъ Русаковъ.—За что же бабу-то бить? Она при чемъ тутъ? Говори ты!—обернулся онъ къ Марѳѣ.—Хозяинъ приказалъ все это въ землю зарыть?

Марѳа молчала.

— Будешь ты говорить? Вѣдь улики-то на лицо! Говори—не говори, все равно понятно. Сказывай: хозяинъ приказалъ тебѣ все схоронить?

Марѳа замотала головой. У нея не хватало силъ на клевету въ особенности послѣ того разговора, который она только что слышала между мужемъ и священникомъ.

Русаковъ, нѣсколько озадаченный, приблизясь къ ней вплотную, шепнулъ:

— Дура, говори скорѣй! Ошалѣла, что ли? За себя не бойся. Я не дамъ тебя въ обиду! Сказывай скорѣй!

И онъ вскрикнулъ громче:

— Говори же, шалая баба! Одно слово только скажи: хозяинъ велѣлъ закапывать?

— Не скажу... ничего не скажу!..—мотнула головой Марѳа.

— Ахъ, ты дура, дура!—вскрикнулъ Русаковъ.—Да, пожалуй, не сказывай! Ребята, видать все и такъ... Фельдфебель, слышавъ шумъ, ее послалъ закапывать всякій ядъ, а самъ удралъ. Да, небось, разыщемъ!

— Отецъ Василій сказывалъ, что онъ на ротный дворъ убѣгъ,—заявилъ кто-то.

— На ротный! Живо!

— Вали на ротный дворъ!—загудѣли голоса. Толпа двинулась съ огорода обратно. Русаковъ задержался на минуту около Марѳы.

— Что ты съ перепуга ошалѣла, что ли, не отвѣчаешь уговоренное?—спросилъ онъ.

— Не могу...—отозвалась Марѳа.—Дѣлай, какъ знаешь, все одно будетъ, а я на себя поклепа взять не могу.

— Жалко что ль стало стараго чорта?

— Не жалко, а грѣха боюсь!

— Охъ, вы, бабы!.. Да ништо! Онъ все одно отъ насъ не уйдетъ.

Русаковъ бросился догонять двинувшуюся толпу и, обгоняя всѣхъ на ходу, былъ уже снова впереди около рябого.

Толпа какъ бы съ новымъ приливомъ злобы шагала шибче и кричала сильнѣе:

— Цѣлую аптеку завелъ, проклятый!

— Почитай, столько же, сколько у Ёздокова въ сундучкѣ было!

— Погоди же, отравитель окаянный!

Вскорѣ толпа уже заливала со всѣхъ сторонъ ротный дворъ.

— Гдѣ Петровъ?

— Гдѣ капитанъ?

— Подавай фельдфебеля!

— Вали въ домъ! Сами разыщемъ!

— Нѣтъ! Что? Зачѣмъ? Вызывай кто ротнаго къ намъ, сюда!

— Пускай выйдетъ! Тащи его!

— Пускай онъ намъ фельдфебеля съ головой выдастъ!

— Зачѣмъ? Сами возьмемъ!!

Между тѣмъ капитанъ Дасаевъ, предупрежденный прибѣжавшимъ Петровымъ, что и въ Русковѣ начинается бунтъ, страшно струсилъ, растерялся и не могъ ничего сказать. Онъ безъ смысла болталъ языкомъ.

— Ваше благородіе,—увѣщеваль его Петровъ,—не пужайтесь! Хуже! Вѣрьте слову, хуже! Выходите. Бойко крикните на нихъ, мерзавцевъ! Ваше благородіе,—приставаль Петровъ, самъ сильно смущенный и дрожащій.— Не губите себя и меня, всѣхъ насъ, выходите и гнѣвно, сразу, прикрикните. А упустите одну минуту, да увидятъ они, что вы оробѣли... тогда конецъ! Вѣрьте, видалъ я этакое, знаю, какъ тутъ быть...

Дасаевъ, задыхающійся и отъ полноты, и отъ испуга, отвѣчалъ только: «да» и «нѣтъ», прибавляя нѣсколько словъ, не имѣвшихъ прямого смысла: жена... печка... португя... лошадей... лодка...

Между тѣмъ Петровъ бросился къ шкапу капитана, быстро досталь мундиръ, на которомъ были эполеты и ордена, такъ какъ Дасаевъ собирался въ этотъ же день ѣхать въ штабъ въ полной формѣ. Петровъ сталъ одѣвать капитана.

— Надо! Надо! Безпремѣнно. Скорѣй! Во всемъ парадѣ! Вѣрно сказываю.

Капитанъ что-то хотѣлъ спросить и, застегнувъ мундиръ, озирался на всю комнату.

— Не надо! Ничего больше не надо! Довольно и мундира! — заявиль Петровъ.

Въ это время гулъ голосовъ на улицѣ уже достигнулъ до комнаты, а черезъ минуту толпа уже залила ротный дворъ.

— Подавай фельдфебеля!

— Фельдфебеля! Отравителя! — услыхаль Петровъ и еще болѣе оторопѣлъ и смутился.

Слово «отравитель» озадачило его, а черезъ мгновеніе перепугало. Истинный смыслъ всего происходящаго сталъ понятенъ старому служакѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ему стало ясно его собственное опасное положеніе.

Онъ все-таки надѣялся до этой минуты, что буря эта разразится около него, главнымъ образомъ, надъ начальствомъ, а что самъ онъ болѣе или менѣе останется въ сторонѣ. Оказывалось, что цѣль буяновъ — не командиръ, а онъ — фельдфебель, вдругъ оказавшійся отравителемъ.

Наоборотъ, капитанъ, услыхавшій тѣ же крики, будто мгновенно тоже сообразиль что-то и приободрился. Онъ двинулся, чтобы выйти на крыльцо. Петровъ въ ту же минуту кинулся въ противоположныя двери и быстро поднялся по лѣстницѣ, которая вела въ ротную церковь. Въ головѣ его мелькнула мысль, что лучшее мѣсто спасенія — церковь, куда народу не придетъ на умъ итти его искать.

«Лишь бы выгадать время до ночи, а тамъ видно будетъ?»...— думалось ему.

XXXIV.

Толстякъ Дасаевъ, всячески стараясь пріободрить себя, шагнулъ изъ комнаты, но едва только онъ вышелъ на крыльцо, сіяя въ лучахъ солнца золотомъ воротника, эполетъ и орденами, какъ передніе уже полѣзли по ступенькамъ ближе къ нему.

— Вы что?!..—крикнулъ Дасаевъ хрипливо, какимъ-то поддѣльнымъ или нелѣпно-строгимъ голосомъ.

У него былъ видъ будто отчасти пьянаго человѣка. Только опьянѣлые, съ трудомъ державшіеся на ногахъ, такъ сердятся и грозятся.

— Белены объѣлись? Какъ вы смѣете?! Что случилось?!..

И, произнося эти слова громче, онъ испуганными глазами оглядывалъ толпу.

— Нѣтъ, не белены объѣлись! Да и яду вашего, Господу благодареніе, не попробовали! — бойко отвѣтилъ рябой.

— Нельзя православныхъ отравлять! — крикнули голоса изъ-за спины рябого. — Холера, вишь! Мы эту холеру, ваше благородіе, сейчасъ всю вылили Ъздокову въ глотку, и онъ ужъ подохъ.

— Приказалъ долго жить, да не всѣмъ!

— Фельдфебеля подавайте, ваше благородіе!

— Петрова, пузанъ, подавай! — крикнулъ одинъ въ заднихъ рядахъ.

— Какъ вы отважились мнѣ!..— началъ Дасаевъ.

— Ваше благородіе! — перебилъ его рябой, поднимаясь ступенькой выше, — давайте намъ Петрова на расправу! У него цѣлая ядовая аптека была припасена, отравная.

— Аптека! аптека! — закричалъ Дасаевъ, тяжело переводя дыханіе отъ смущенія и какъ-то захлебываясь. — Аптека! Белены объѣлись! Смирно!..

И, какъ-то смѣшно подобравъ свой большой животъ, Дасаевъ пригнулся и крикнулъ на всю улицу:

— Смирно! Въ кандалы закую!..

— Ой, испужалъ какъ! — весело вскрикнулъ кто-то въ толпѣ и звонко расхохотался.

— Индо поджилки затряслись у всѣхъ, — подхватилъ другой.

— Смилуйся! Не губи! Тебѣ, гляди, родить скоро...

— У него тамъ, ребята, въ пузѣ-то, поди, двойни.

Хохотъ и веселый гулъ пошелъ по всей толпѣ.

— А еще въ кандалы! Ему про Маланью, а онъ про оладьи!..

— Гляди, братцы! Пузо-то, пузо-то трясется у него! Сейчасъ родить.

— Петрова подавай пузанъ! Гдѣ спряталъ? Показывай, лѣшій!

И нѣсколько человѣкъ поневолѣ полѣзли на крыльцо къ Дасаеву, тѣснимые задними рядами. Они не поднялись по ступенькамъ, а будто были подсажены сзади. Но вдругъ толпа перестала гудѣть и хохотать и сразу замерла такъ, что наступила мгновенно мертвая тишина. Только нѣсколько голосовъ тихо ахнули...

Кто-то изъ толпы, влѣзшій на крыльцо выше всѣхъ, вплотную къ капитану, со всего маху ударилъ его въ лицо, а когда онъ запатался, та же рука вцѣпилась ему въ эполету, сорвала ее и перебросила черезъ себя въ толпу, а черезъ секунду сорвала и другую.

— Вотъ ихъ какъ надо! — крикнулъ ударившій, оборачиваясь къ толпѣ.

Это былъ Русаковъ.

Моментъ изумленія и испуга сразу смѣнился взрывомъ какъ бы безпричинно зародившейся злобы. Сразу человѣкъ пять бросились на капитана. И удары кулаковъ уже посыпались со всѣхъ сторонъ.

Благодаря тѣснотѣ, удары попадали рядомъ, били другъ друга куда попало, и здоровый тумакъ сбилъ съ ногъ Русакова. Онъ вскрикнулъ и кувырнулся около капитана. Подшибъ ли онъ толстяка, упавъ около него, или Дасаевъ получилъ новый здоровый ударъ въ лицо, но тотчасъ тоже повалился грузно около Русакова. Кто-то изъ толпы, тоже или подшибленный или получившій ударъ, предназначавшійся капитану, покатился на нихъ обоихъ.

— Стой! Черти! Ошалѣли! Что вы дѣлаете? Стой! — орали одни.

— Бей его! Бей! — ревѣли другіе.

— Буде, разбойники! Не трожь! Небось! Луци! Бей! Своихъ уродуете! — кричали со всѣхъ сторонъ.

Но черезъ упавшихъ троихъ человѣкъ, барахтавшихся на полу крыльца безъ возможности подняться, уже запагали десятки человѣкъ, врываясь въ ротный домъ.

— Фельдфебеля! Отравителя! Ищи, ребята! — кричали пролѣзшіе, тѣсно заливая всѣ комнаты квартиры ротнаго командира.

Вскорѣ на улицѣ оставалось сравнительно уже мало народа. Зато весь ротный домъ и весь дворъ были сплошь полны людьми. Помогъ ли кто Дасаеву подняться на ноги, или просто толпа взяла его и какъ бы внесла въ первую комнату и ткнувъ бросила случайно на диванъ. Лицо его было избито въ кровь, мундиръ совершенно изорванъ, а крыльцо и полъ усеяны орденами и пуговицами, вырванными съ кусками сукна.

На верху дома подъ каланчей уже гулко ревѣла толпа, но не злобно, а радостно. Человѣкъ двадцать, разломавъ запертыя снутри двери церкви, ворвались, обшарили повсюду и, найдя фельдфебеля подъ престоломъ, радостно ликуя, вытащили его. Удары посыпались на старика.

— Стой! Что вы очумѣли, что ли?—кричали нѣкоторые.—Храмъ Божій нельзя сквернить!

— Братцы, во дворъ его... Хватай за ноги.

— На улицу!

— На дворъ тащи! Въ храмъ—грѣхъ!—орали со всѣхъ сторонъ.

И обезумѣвшаго старика десятки рукъ не повели и не потащили, а поволокли, какъ мѣшокъ, по ступенямъ лѣстницы и выволокли во дворъ.

— Отравителя накрыли!—кричали повсюду.

— Давай его!

— Бей его!

Когда фельдфебель былъ вытащенъ во дворъ и выпущенъ изъ рукъ, то протянулся на землѣ, какъ мертвое тѣло.

— Добивай его!—кричалъ Русаковъ, придерживая себя рукой за щеку, раненую и окровавленную.

Онъ самъ не зналъ, ушибся ли обо чтонибудь, упавъ на крыльцѣ, или кто расшибъ ему лицо.

— Ребята!—ораль рябой,—нѣтъ ли лѣкарствія? Достать бы, попотчевать Петрова такъ же, какъ Тздокова.

— Обида! Гдѣ бы яду достать?—вторили другіе.

— Чего яду? Кулаковъ мало, что ли? А то палками!—кричали третьи.

— Не трожь, не надо!—скомандовалъ появившійся Горшковъ, отстраняя налѣзавшихъ къ лежащему Петрову.—Не трожь больше! Помретъ—допрашивать некого будетъ.

— А чего его допрашивать?—заораль Русаковъ.

— Молчи! Не смыслишь. Допросъ нуженъ будетъ. А тамъ, послѣ, накажемъ по артикулу. Сами присудимъ и сквозъ строй пропустимъ.

— Чорта ли допросъ? На смерть его!—крикнулъ Русаковъ.

— Не смѣй. Не дамъ. Допросъ будемъ ему чинить обо всѣхъ злодѣйствахъ его!—кричалъ Горшковъ.

И оба полѣзли другъ на друга, готовые перейти въ драку изъ-за дѣлежа добычи—старика, лежавшаго въ обморокѣ.

— Что теперь? Куда теперь? Что теперь дѣлать?—раздавалось между тѣмъ со всѣхъ сторонъ.

— Въ батальонный дворъ! Въ штабъ!

— Къ майору бы теперь! Къ главному отравителю!—орали со всѣхъ сторонъ.

XXXV.

Между тѣмъ Марса стояла истуканомъ надъ вырытой ямкой и кучкой разбросанныхъ пузырьковъ. Оставшись на огородѣ одна, послѣ того, какъ толпа отхлынула, бросившись къ ротному двору, она была не только смущена, но и сильно перепугана. Умная жен-

щина поняла, что произошло или началось нѣчто совершенно иное, чѣмъ то, что она предполагала, даже иное, чѣмъ то, о чемъ говорилъ Русаковъ.

Она тотчасъ же бросилась въ домъ, думая, если не съ ужасомъ, то съ ѣдкимъ чувствомъ стыда и раскаянія, что найдетъ въ комнатахъ избитаго до смерти мужа.

Домъ оказался пустъ. Обѣжавъ комнаты, она вышла снова во дворъ и уже собиралась выйти на улицу, когда увидѣла, что дверь сарая чуть-чуть пріотворяется.

«Спрятался!»—подумалось ей.

Въ ту же минуту въ дверь высунулась голова Егорьевны. Женщина вышла, озираясь кругомъ, а затѣмъ обернулась къ сараю и махнула рукой, какъ бы зовя. Марѳа перебѣжала дворъ, и въ ту же минуту къ ней навстрѣчу въ дверь вышелъ отецъ Василій.

— Ферапонтъ Ильичъ?—воскликнула она.

— Нѣтъ, его нѣтъ!—отвѣчалъ священникъ. — Я тутъ одинъ спрятался.

— Гдѣ же онъ?

— Онъ, какъ увидѣлъ ихъ издали, побѣжалъ къ ротному предупредить. Ахъ, Марѳа Митревна, что творится-то! Что теперь будетъ? Вѣдь бунтъ!

— Батюшка, твое дѣло теперь не прятаться и не молчать! — горячо воскликнула Марѳа.—Тебѣ, какъ духовному отцу, надо вступить. Они на ротный дворъ побѣжали, пойди и ты!

— Что ты, Богъ съ тобой! Я и на улицу-то боюсь выйти, не знаю, какъ до дому добраться.

Марѳа повернулась, ни слова не говоря, и, быстро выйдя на улицу, двинулась къ ротному двору. Она тотчасъ же увидѣла, что густая толпа, все Рускино—и мужчины и женщины, даже ребята—сплошной черной стѣной окружали ротное зданіе съ каланчей. При этомъ гулъ голосовъ былъ такъ силенъ, какъ если бы вся эта толпа спорила и бранилась между собой.

Едва она очутилась въ толпѣ, какъ со всѣхъ сторонъ ей стали кричать:

— Митриха, твоего хозяина до смерти доколодили.

— Сказываютъ, ужъ померъ!

— Ври больше, живъ. Побили малость!

— Ванька сказывалъ—скончался!

— Врете вы! Сейчасъ видѣлъ его, сидитъ на дворѣ. Побить здорово, а живехонекъ.

— Что же это такое?!—воскликнула Марѳа нѣсколько разъ, обращаясь то къ тому, то къ другому.

— Что? Отравитель! Отравлять собрался. Вотъ теперь и отвѣчай!

Марѳа двинулась черезъ толпу, чтобы пробраться на ротный дворъ. Кто-то схватилъ ее за руку.

— Не ходи ты, глупая. Ты вѣдь тоже фельдфебелиха. Народъ разгорѣлся, и тебя, хоть ты и баба, замертво положить. Уходи лучше домой!

— Да, вѣстимо, уходи домой!

— Ступай! Ступай!—раздались голоса со всѣхъ сторонъ.

— Миѣ Оерапонта Ильича повидать!— вымолвила Марѳа и въ то же время какъ бы прислушалась сама къ себѣ или спрашивала себя, какое чувство заставляетъ ее желать скорѣй увидѣть мужа: жалость къ нему или иное что.

Она не желала въ это мгновеніе его погибели, однако въ ней было жгучее желаніе скорѣй узнать то или другое: живъ мужъ или нѣтъ?

«Если живъ, то и Богъ съ нимъ! Ничего не хочу. Совѣмъ ничего! Пусть такъ будетъ»,—подумала она и затѣмъ невольно выговорила вслухъ, громко:

— Ничего не хочу! Ей-Богу, ничего!

— Ну, то-то вотъ и хорошее дѣло!—отвѣтила какая-то баба.— И ступай домой! Не лѣзь сюда!

— Вѣрно!—прибавилъ кто-то.— Сиди дома, не лѣзь! Не ровень часть!.. Вѣдь ты тоже начальственная.

Въ эту минуту изъ воротъ ротнаго двора вышелъ быстро Горшковъ и крикнулъ:

— Братцы, помогай! Чего вы баранами устались? Помогай ловить отравителей! Разсыпайся!

— Кого?! Что?! — отозвались отовсюду.

— Начальство ловить! Всѣхъ надо переловить и всѣхъ на ротный тащить, а то разбѣгутся, донесутъ, бѣда намъ тогда!

Марѳа бросилась къ Горшкову и почти вскрикнула:

— А мой Оерапонтъ Ильичъ?!...

— Ухайдакали здорово! Не признаешь... Всего въ кровь истолкли.

— Живъ?! — вскрикнула Марѳа.

— Живѣхонекъ! Живучъ старый! Другой бы, пожалуй, ужъ и подохъ.

— Отпустите вы его домой!

— Нельзя! Нельзя!

— Сдѣлай милость, отпусти! Что онъ вамъ сдѣлалъ?

— Что сдѣлалъ?... Отравитель онъ! Ты жъ сама пузырьки-то зарывала!

— Все обманъ это! Скоморошество! Сама я эти пузырьки раздобыла!—закричала Марѳа внѣ себя.— Каюсь я. Слышишь! Всѣмъ скажу. И того, кто эту канитель выдумалъ, покажу. Отпустите Оерапонта Ильича!

— Я то что-жъ тутъ? Нешто я командиръ какой? — отвѣтилъ Горшковъ.— Его не пустять, да и нельзя! Всѣхъ указано теперь ловить и на ротный запирать.

Цѣлая кучка народа десятка въ два человѣкъ ринулась изъ воротъ ротнаго двора и въ одно мгновеніе оттиснула Марѳу отъ Горшкова, чуть не поваливъ ее съ ногъ.

— Разсыпья, братцы! Лови! Помогай! Хватай! — кричало нѣсколько голосовъ.

И всѣ, выскочившіе со двора, рассыпались по слободѣ. Къ нимъ прижнуло много народа изъ стоявшихъ на улицѣ. Въ то же время чей-то голосъ, громкій, повелительный, крикнулъ:

— Эй, вы... ворота на запоръ!

Нѣсколько человѣкъ стали запирать ворота.

Марѳа шагнула впередъ и крикнула:

— Пустите меня! Хочу моего хозяина видѣть!

— Ты кто такая?!—вскрикнулъ выросшій передъ ней худощавый и рябой солдатъ-поселянинъ.

— Оерапонта Ильича хочу видѣть!

— Ахъ, Митриха!—воскликнулъ рябой.—Тебя бы тоже слѣдъ попотчевать! Ты вѣдь тоже командирша! И всѣмъ вѣдомо, что старымъ чортомъ командовала. Уходи лучше!

Но, такъ какъ Марѳа ступила снова впередъ, стараясь протиснуться въ запираемыя ворота, рябой схватилъ ее за плечи, хотѣлъ повернуть и оттолкнуть, но сильная женщина не уступала. Рябой ткнулъ ее въ грудь. Марѳа зашаталась, чуть не упала навзничь, но бросилась снова.

Рябой замахнулся, чтобы ударить ее кулакомъ по головѣ, но обмахнулся и попалъ по плечу. Марѳа невольно и почти безсознательно отвѣтила тѣмъ же. Но случилось то же, что десять лѣтъ назадъ съ ухаживателемъ офицеромъ...

Рябой закувыркался, изображая турмана, отлетѣлъ аршина на три въ бокъ въ толпу и, поваливъ собой бабу и мальчугана, распластался на землѣ.

Но въ ту же секунду захлопнулись передъ женщиной и ворота. Рябой вскочилъ и, злобно взвизгивая, бросился на Марѳу, но получилъ новый ударъ и снова повалился навзничь.

— Ребята, не давайте въ обиду!—закричалъ рябой.

Но кругомъ сразу раздался громкій, раскатистый хохотъ. Всѣ ближайшіе, видѣвшіе, какъ кувырчался рябой, не просто хохотали, а восторженно гоготали.

— Ай да Митриха! Вотъ тѣ и баба!

— Вотъ такъ справляется!

— Не даромъ стопудовая!

— Ее бы теперича, братцы,—крикнулъ кто-то,—въ командиры выбрать заместо Дасаева. Тогда бы она...

Новый гулкій хохотъ покрылъ голосъ.

— Стой! Держи его! Не бей! За что? Полно!—закричали въ разъ нѣсколько человѣкъ, кидаясь со всѣхъ сторонъ на рябого и

хватая его. Онъ, снова поднявшись, обшелъ Марѳу украдкой и подкрадывался къ ней сзади, чтобы изо всей силы ударить ее въ голову гдѣ-то найденнымъ полѣномъ.

Схваченный со всѣхъ сторонъ, рябой злобно пустилъ полѣно въ Марѳу, но промахнулся и попалъ въ голову какой-то старухи. Эта, какъ снопъ, не крикнувъ, повалилась на землю.

— Держи его! Ошалѣлъ дьяволъ. Вздуй его!—закричали кругомъ, и удары кулаками посыпались на рябого.

XXXVI.

Между тѣмъ Марѳа, очнувшись отъ неожиданной стычки съ рябымъ солдатомъ и видя запертыя снутри ворота, задумалась уже о другомъ и стала соображать. И тотчасъ она мысленно воскликнула:

— «Да... Его надо предупредить... Его! Не до хозяина теперь»...

Марѳа вспомнила крики и распоряженіе буняновъ — ловить все начальство. А вѣдь «онъ» — тоже начальство, офицеръ.

И женщина съ мѣста бѣгомъ пустилась вдоль улицы на квартиру Монахова, ни единой минуты не помышляя о томъ, что если ее въ такое время увидятъ на квартирѣ офицера, то будетъ всячески худо. Повернувъ за уголъ, она сразу остановилась и окаменѣла...

— Господи помилуй!—вскрикнула она.

Кучка людей, человекъ съ десятокъ, двигалась къ ней навстрѣчу... Впереди всѣхъ шелъ Монаховъ, безъ форменной фуражки и въ разстегнутомъ мундирѣ, а двое поселянъ держали его за руки. Гурьба приближалась, крича и перебраниваясь.

— А я сказываю, тамъ видно будетъ! Они знаютъ!—повелительно кричалъ солдатъ.—А намъ нечего распоряжаться.

— Важность какая—въ шею накласть!—раздался голосъ.

— Да, не слѣдъ, не слѣдъ!—крикнулъ первый.

— Задатокъ дать!

— На ротномъ дворѣ видно будетъ. А покуда веди и не трожь!

Кучка поравнялась съ Марѳой. Монаховъ, увидя ее, глянулъ и опустил глаза. Красивое лицо его было блѣдно, какъ полотно, но въ лицѣ этомъ, казалось, было больше какого-то стыда, нежели боязни.

И, дѣйствительно, Монаховъ, — не даромъ кавказскій уроженецъ,—не испугался, когда его схватили на квартирѣ и отважно пошелъ, отлично понимая, что происходитъ и чего ждать. И только одно чувство злобнаго стыда, что его ведутъ, какъ пойманнаго ворюшку или мальчугана, и что онъ ничего не можетъ сдѣлать противъ десятка людей, сказывалось сильнѣе всего.

Марѳа двинулась вслѣдъ за всѣми. Монаховъ точно почувствовалъ это, потому что, пройдя нѣсколько шаговъ, обернулся, будто

для того, чтобы увѣриться, что она идетъ. Марѣй показалось что-то особенное въ его взглядѣ, и она подумала:

«Что же онъ? Зачѣмъ злится?... Ничего не подѣлаешь. Хуже»...

И она прибавила мысленно черезъ мгновение:

«Сама затѣяла съ окаяннымъ Русаковымъ. Вотъ и радуйся! Рыла яму старому, а сама ложись. Избили стараго до полусмерти, а теперь сейчасъ изобьютъ также и его... Ахъ, проклятый Русаковъ! Дьяволь-искуситель!.. Что теперь дѣлать?»...

Она вспомнила, что ее все-таки опять не пустятъ на ротный дворъ, и рѣшила немедленно бѣжать въ домъ Костырева узнать, что тамъ творится.

«Капитана любить... Можетъ быть, не тронуть. А я скажу ему про Монахова»...

И снова побѣжала женщина изо всѣхъ силъ, и снова, будто по какому волшебству, случилось буквально то же. Едва она приблизилась къ дому, который занималъ капитанъ Костыревъ, какъ изъ воротъ появилась тоже гурьба, тоже человекъ въ десять, и точно такъ же вела, держа за руки, самого капитана.

— Ничего, ничего, не бойсь! Не тронуть! Ты добрый. Не бойсь!— слышались голоса.

— А все-таки надо. Полагается! Запереть надо. Всѣхъ васъ запрутъ! А ты не бойсь! Ты въ отравителяхъ, можетъ, и не былъ. Не бойсь.

— Сказываю, не боюсь!—отозвался Костыревъ.—Дѣлайте, что хотите! Хоть убивайте! Всѣ мои грѣхи мнѣ Господь Богъ простить, коли я мученикомъ окажусь. А мнѣ васъ жаль... Вы-то что творите? Гибельное!

— Не твое дѣло! Знаемъ безъ тебя!

— Ты помалкивай лучше!

Марѣя пропустила народъ и вбѣжала въ домъ. Она нашла Анну Ивановну лежащей на диванѣ, а передъ ней ея старуху кухарку и мальчугана кантониста. Анна Ивановна плакала, стонала и причитала:

— Господи батюшка! Злодѣи... Господи, помилуй!

Марѣя стала тоже около нея, молча, оторопѣлая, уже совершенно смущенная. Послѣдняя надежда ея исчезла... надежда на капитана... Если и его, любимаго всѣми, тоже схватили, то чего же ждать для другихъ, для него, ея Давыдушки. Чувствуя, что у нея какъ бы подкашиваются ноги, она опустилась на диванъ около капитанши.

— Что дѣлать? Посовѣтуй, голубушка!—взмолилась Анна Ивановна, поднимаясь и обнимая Марѣю.

Эта не отвѣтила и закрыла лицо руками. Плакать она не могла, не знала слезъ съ дѣтства.

— Дошлите кого узнать!.. Дошлите туда!..—выговорила она наконецъ тихо.

— Правда твоя!—воскликнула капитанша, вставая.

И она тотчасъ распорядилась.

Умный подростокъ кантонистъ тотчасъ же отправился на ротный дворъ разузнать и разнюхать: «что баринъ капитанъ, и что тамъ творится?»

Костырева снова сѣла и снова обняла Марѳу.

Обѣ женщины вдругъ оказались въ одномъ и томъ же положеніи, у обѣихъ явилась неожиданно одинаковая мучительная тревога за судьбу близкаго человѣка.

Марѳа могла опасаться сильнѣе, тогда какъ добрая Анна Ивановна знала, что ее всѣ особенно любятъ въ поселеньяхъ, не только въ своей ротѣ, но и въ другихъ ротахъ, а равно любятъ и ея мужа, такъ какъ онъ всегда умѣло обходился со всѣми.

Черезъ полчаса посланный на ротный дворъ кантонистъ вернулся съ вѣстью, что покуда все слава Богу; оказалось, что самый отчаянный изъ всѣхъ бунтарей, Горшковъ, почему-то смѣло заступился за Костырева. И кантонистъ толково передалъ, «какъ было дѣло».

Когда къ капитану пристали со всѣхъ сторонъ, чтобы онъ сознавался въ намѣреніи отравлять народъ, Горшковъ сталъ усовѣщивать налѣзавшихъ и закричалъ:

— Какъ де не грѣхъ вамъ заставлятъ капитана нашего насильно дѣлать подложное показаніе! Развѣ онъ могъ, какъ другіе прочіе, взять на себя такой де грѣхъ, чтобы отравлять свою роту?

Нѣкоторые собрались капитана тотчасъ же «раскладывать» подъ розги, но Горшковъ опять заступился. Всѣ зачали орать:

— Лучше кайся, ваше благородіе! Знаешь, вѣдь каково досталось пузану и Петрову?

— Чего жъ каяться ему, коли не виноваты!—крикнулъ Горшковъ.

Анна Ивановна послѣ этого разсказа успокоилась лишь отчасти и продолжала ожидать, что съ минуты на минуту услышитъ объ истязаніи мужа. Она узнала тоже отъ кантониста, что «начальственныхъ» никого нѣтъ, не видать. Сначала командовалъ, горлана шибче всѣхъ, одинъ, но тотчасъ проявился новый командиръ, съ которымъ всѣ соглашались, затѣмъ его замѣстилъ третій, который «здорово былъ выпимши» и на всѣхъ кричалъ: «не смѣй мнѣ перечить!»

Марѳа, посидѣвъ немного, не вытерпѣла и рѣшила итти снова въ толпу буяновъ, чтобы самой узнать что нибудь. Оказалось, что Горшковъ, будто сдѣлавъ свое дѣло, уже ушелъ и увелъ за собою главныхъ зачинщиковъ. Всѣ кутили въ кабакъ и были уже на-веселѣ, за счетъ Горшкова, который гдѣ-то раздобылъ денегъ, угощался и угощалъ другихъ. Русаковъ совсѣмъ будто провалился сквозь землю, и его не было нигдѣ.

Всѣ тѣ, на которыхъ Марѳа надѣялась и могла наиболѣе рассчитывать, на ихъ помощь ради дружбы съ мужемъ,—всѣ отсутствовали. Они оказывались не на сторонѣ бунтовщиковъ, а смиренно сидѣли по своимъ дворамъ, стараясь быть въ сторонѣ и не причастными къ лихому дѣлу.

Побродивъ по улицѣ безъ толку и безъ цѣли, женщина вернулась домой усталая, измученная, истомленная... День этотъ, даже нѣсколько часовъ только, казался ей годомъ.

Много переиспытала она за послѣдніе дни, но сегодняшній сломилъ ее окончательно. Всѣ дни, въ борьбѣ съ мужемъ, какъ говорится, не на животъ, а на смерть, она тревожно ждала лишь одного... Ждала, что вдругъ окажется въ новомъ для себя и трудномъ положеніи. Она предчувствовала, что, избавившись коварно отъ стараго мужа, хоть и грозящаго убійствомъ, она все-таки будетъ раскаиваться.

Мысль же, что произойдетъ нѣчто такое сугубоважное и страшное, какъ цѣлый бунтъ, и что вмѣстѣ со старымъ мужемъ пострадаетъ точно также и дорогой ей Давыдъ Ираклѣвичъ, конечно, не могла ей ни на мгновенье прійти на умъ. Со словъ Русакова она думала, что явится толпа лишь къ нимъ, исколотитъ Петрова, а онъ отъ расправы, благодаря своимъ годамъ, похвораетъ и умретъ. И она утѣшала себя мыслью, что вѣдь онъ тоже собирается убить ее.

А произошло уже совершенно иное! Командиръ избить такъ же, какъ и ея мужъ, а сегодня или завтра можетъ быть также до полусмерти избить и Монаховъ. А кто зачинщикъ? Конечно, Русаковъ, а вмѣстѣ съ нимъ и она... Стало быть, Монаховъ будетъ убитъ или во всякомъ случаѣ изуродованъ, благодаря ей же.

Марѳа сѣла въ углу у стола, и Егорьевна подала ей обѣдать, но женщина не только ни къ чему не притронулась, но даже и не видѣла накрытаго стола. Она сидѣла, опершись головой на локти, и думала все объ одномъ и томъ же...

Передъ глазами ея стояло только одно: кучка людей, кричащая, бѣгущая и ведущая, держа за руки, Монахова.

Такъ просидѣла она, почти не двигаясь, вплоть до сумерекъ. На улицѣ послѣ гула, бѣготни, криковъ, стало тише, потомъ совсѣмъ стихло. Буяны были уже по дворамъ. Только вдаль слышались пѣсни и, повидимому, пьяныхъ.

Егорьевна нѣсколько разъ приставала къ хозяйкѣ со словами: — Покушай!

Но Марѳа не обращала на нее никакого вниманія. Она сидѣла и мысленно повторяла въ сотый разъ.

— «Не рой другому ямы!»

XXXVII.

Когда смерклось совѣмъ, и Марѳа сидѣла уже въ темной комнатѣ, не собираясь зажечь свѣчу и совершенно забывъ, что предъ ней нетронутый и давно остывшій ужинъ, на крыльцѣ раздались шаги. Марѳа прислушалась, поднявъ голову, готовая сбѣжать съ рукъ незваного гостя. По шагамъ она узнала, конечно, тотчасъ же, что это не старикъ мужъ.

Дверь приотворилась, и на порогѣ появился Русаковъ.

Марѳа порывомъ съ мѣста будто рванулась и бросилась къ нему навстрѣчу. Русаковъ понялъ ея движеніе по-своему и, улыбаясь, обнялъ ее. Марѳа оттолкнула его, но такъ сильно, что если бы онъ не ткнулся объ стѣну, то, конечно, свалился бы съ ногъ.

— Что ты? Бѣшеная!—вскрикнулъ онъ.

— Хорошо натворили?! Хорошо начудили?! Радуетесь?!—закричала женщина.

— А что же, чѣмъ плохо?—отчасти сердито отозвался Русаковъ.

Марѳа повернулась къ нему спиной, отошла и снова сѣла на свое мѣсто. Русаковъ двинулся за ней, сѣлъ около нея и, приглядываясь къ ея лицу, выговорилъ:

— Марѳуша, вѣдь и понять ничего нельзя... Чего же ты это? Все идетъ, какъ по маслу, все, что желалось. А ты бѣсишься... Вѣдь и понять нельзя!

— Понять нельзя? Что вы творите?!

— Да вѣдь я уже тебѣ сказывалъ! Ты сама соглашалась, что твоего Ферапонта Ильича до смерти укокошатъ. А онъ еще живъ, и, поди, его надо еще много толочь, чтобы въ труху обратить.

— А Дасаева? А Костырева? А другихъ прочихъ?!—вскрикнула Марѳа.

— Дасаева избили, а Костырева только разъ кто-то толконулъ, и всѣ заступились. Онъ—добрый. Съ нимъ, должно, ничего не будетъ.

Разумѣется, въ женщинѣ огнемъ горѣло желаніе и нетерпѣніе узнать про судьбу Монахова, но она не знала, какъ сдѣлать это, и не рѣшалась спросить прямо, не рѣшалась назвать его. Она чувствовала, что по ея голосу и по ея глазамъ Русаковъ сразу замѣтитъ что нибудь и догадается. И тогда, конечно, бѣда. Въ такіе дни Русаковъ могъ многое. Жизнь начальника, офицера, могла зависѣть отъ злобы и мести этого простого солдата.

— Что вы творите?!—заговорила снова Марѳа.—Перехватили всѣхъ! Сказывала Егорьевна, что всѣхъ офицеровъ перехватили. Сказывала она, что и этого... хлѣбнаго смотрителя... какъ его звать... черноброваго?

— Монаховъ!

— Ну-да, Монахова! Егорьевна видѣла, что и его взяли... И его съ прочими?

— Такъ что же? Все начальство указано переловить и запретъ на ротномъ дворѣ.

— Зачѣмъ?

— Для расправы.

— Что же вы съ ними дѣлать будете?

— Да не знаю, какъ ребята! Завтра приведутъ сюда и майора. Онъ ужъ тамъ у себя, сказываютъ, здорово былъ побить и запретъ.

— Что же вы, спрашиваю я тебя, дѣлать хотите со всеѣмъ начальствомъ?

— Да не знаю, Марѳуша! Нешто я командиръ какой? Допросъ будутъ имъ чинить, гдѣ у нихъ ядъ, и какъ они отравлять хотѣли.

— Да вѣдь это же все выдумка твоя, да и моя тоже съ тобой? Какіе же они отравители?

— Да это, знамо дѣло, все прибаутки. Мы-то съ тобой знаемъ— почему, а народъ глупъ! Все, какъ есть, повѣрили, рыскаютъ, ядъ ищутъ, допрашиваютъ... Твоего хозяина не одного изъ-за этого чуть не до смерти избили. Всеѣхъ до единого спрашивали, гдѣ у кого ядъ.

— Это ты, треклятый, надумалъ свое скоморошество съ пузырьками! Знала бы я, не пошла бы я на это! Ни въ жисть не пошла бы!—рѣзко выговорила Марѳа и даже стукнула кулакомъ по столу.

— Да чего ты бѣсишься, скажи на милость? Вѣдь, ей-Богу же, я не пойму! Вѣдь такой уговоръ у насъ былъ. А теперь все, какъ по писанному. А ты бѣсишься! И думали мы, что твоего Ѳерапоня Ильича ухлопаютъ въ тотъ же часъ всеѣмъ до смерти, а онъ живъ,—чего же ты беленишься? Поясни, по крайней мѣрѣ!

— Не могу я на этакое итти—вотъ и все!

— Вотъ и видно—баба дура, сама не знаетъ, чего хочетъ: то одно подай ей, то другое.

Русаконъ всталъ съ мѣста и началъ ходить по комнатамъ.

— Ты съ ними, твое дѣло теперь, коли накуролесили, такъ опять по-хорошему все наладить. Съ другого конца!

— Какъ это такъ—съ другого конца?

— Да такъ! Выпустить скорѣй всеѣхъ, да съ повинной бѣжать въ Новгородъ, что ли.

— Легко это сказать! И ужъ во всеѣхъ случаяхъ не мнѣ это дѣлать. Ты знаешь ли, что мое дѣло хуже всеѣхъ обстоитъ. Кому что, а мнѣ прямо бѣда. Я самый главный виноватый потрафился.

— Почему это?

— А потому, что меня нелегкая дернула, дьяволъ искусилъ да толкнулъ... Вѣдь я первый вышелъ зачинщикъ, настряпалъ, чего

и самъ не чаялъ. Вѣдь я, Мароуша, первый кинулся на ротнаго, избилъ его и сорвалъ съ него и эполеты, и ордена. И ужъ послѣ меня другіе его начали колотить. Кто же самый главный-то начальникъ бунта, какъ по-твоему? А ты болтаешь—съ повинной! Да если всѣхъ и простятъ, то меня прицѣпятъ. Нѣтъ, ужъ я не пойду каяться! Моя пѣсенка спѣта! Меня никакой чортъ не проститъ! Я даже теперь и самъ не знаю, что дѣлать. Какъ бы все это дѣло ни перепуталось, ни распуталось, а я все жъ таки у всѣхъ на глазахъ, у сотни человѣкъ, коли не больше, первый капитана исколотилъ. И онъ это самъ знаетъ, да и много человѣкъ знаютъ. Мнѣ одно—бѣжать! Знамо дѣло, съ тобой.

— Со мной?!—выговорила Марѳа, поднявъ голову. И она глянула на Русакова такими глазами, что молодой малый остановился сразу среди комнаты и какъ бы остолбенѣлъ.

Такая злоба и такая ненависть сказались въ лицѣ женщины, что онъ былъ пораженъ.

— Вона какъ!..—тихо и глухо произнесъ онъ.—Спасибо! По лицу видать, какъ ты меня сердечно уважаешь... прямо души во мнѣ не чаешь! Чего же это, Марѳуша? За стараго мужа, отъ котораго хотѣла избавиться по уговору, на меня же теперь... Ненавидишь за то самое, чего сама просила у меня! Не зналъ я, что ты шалая. Не будь всего этого вашего съ мужемъ препирательства, никакого бы бунта не было. Можетъ, и случилось бы что попозже, да я-то въ участники не попалъ бы, а теперь я начальникъ всего. Изъ-за тебя себя погубилъ! Только въ бѣгахъ, въ укрывательствѣ и спасеніе мнѣ, а ты въ благодарность вонъ какъ поглядываешь!

И Русаковъ, взявши себя руками за голову, выговорилъ:

— Охъ, бабы, бабы!.. Свяжись съ вами,—пропалъ человѣкъ.

Наступило молчаніе, послѣ котораго Марѳа выговорила:

— Изволь, я готова отъ живого мужа съ тобой въ бѣга! Понялъ ты? Пусть онъ остается здоровъ и невредимъ здѣсь. Тебѣ надо себя упасать. А какъ я виновата, тебя на все науськала, почитай, то я за тобой убѣгу. Понялъ ли?

— Понялъ!..—удивляясь, но съ недовѣріемъ въ голосѣ отозвался Русаковъ.

— Но не такъ, проста, зря!—продолжала Марѳа твердо, рѣзко и съ отгѣнкомъ озлобленія.—Ты говоришь, что ты въ начальники бунта попалъ, командуешь. Ну, такъ вотъ скомандуй, какъ тамъ знаешь, а чтобы завтра всѣхъ заключенныхъ, побитыхъ и не побитыхъ, всѣхъ выпустили, а тамъ шли бы съ повинной въ Новгородъ. Главное мнѣ, чтобы выпустили всѣхъ на свободу и не били никого. А тамъ ужъ ихъ дѣло, бѣжать ли, каяться, или сидѣть и ждать себѣ суда. А мнѣ первое одно: пускай сейчасъ всѣхъ выпустятъ. И моего Өерапонта Ильича, и Костырева, и всѣхъ прочихъ

до одинаго человѣка, даже энтого хлѣбнаго зрителя. Чтобы всѣ были по своимъ квартирамъ и безъ вредительства. Какъ все успокоится, такъ ты можешь спастись въ бѣга. И я за тобой!

— Такъ! Такъ!—выговорилъ Русаковъ.—Я, стало быть, устрой такъ все, чтобы меня скрутили и вели въ Новгородъ, а потомъ, когда ужъ я буду въ острогъ, то собираться съ тобой въ бѣга. Какъ ихъ выпускаютъ, такъ они всѣ вѣдь почтутъ вѣрнѣе разбѣжаться кто куда. А то прямо въ столицу, къ самому царю.

— Зачѣмъ?.. Можно...—начала Марѳа и не знала, что сказать.

— Ахъ, полно! полно!—вскрикнулъ Русаковъ.

Русаковъ закрылъ лицо руками и, сгорбившись на лавкѣ, глубоко задумался.

— Ну, что же?—спросила наконецъ Марѳа.

— Что?—отозвался онъ, какъ спросонья.

— Не желаешь моему совѣту слѣдовать?

— Совѣту?.. Полно брехать! Это не совѣты, а пустобрешество! Зря языкомъ болтаешь. Если бы я и хотѣлъ, то не могу. Первымъ дѣломъ, ужъ коли пошло на правду, я бы теперь что хочешь далъ, чтобы пузанъ скорѣй подохъ. Онъ, вѣдь, живая улика на лицо. Его одного я только и боюсь. Все, что я дѣлалъ да оралъ, все это пустое! Всѣ воевали и всѣ орали! Только одно у меня такое, чего нѣтъ на спинѣ у прочихъ... Сибирное!.. Расправа съ Дасаевымъ... Я бы долженъ теперь одно думать, какъ бы его совѣмъ похѣрить, чтобы онъ въ свидѣтеляхъ не былъ, чтобы натомъ свѣтѣ очутился поскорѣй. А ты, вишь, совѣтъ подаешь выпустить его скорѣе. Шалая ты! Начали дѣло, ужъ коли пошло на правду, мы съ тобой! Я былъ первымъ смутителемъ, я про ядъ слухъ пустилъ, я же Бздокова чуть не самолично ухлопалъ, предложивши вливать въ него его же аптеку. Ты тоже съ пузырьками на огородѣ холеру изображала. И все это было за тѣмъ, чтобы твой Терапонтъ Ильичъ очутился на томъ свѣтѣ, а намъ съ тобой быть свободными и въ церковь итти, коли ты пожелаешь. А теперь что тебѣ нужно? Выворотъ всего дѣла... Тебѣ оставаться благодушествовать съ твоимъ старымъ хрычомъ, а мнѣ итти въ острогъ, а потомъ сквозь строй, а тамъ въ Сибирь. Да, полагаю, что и въ Сибирь-то не попадешь... Мнѣ меньше двухъ тысячъ не положить, а я знаю, и черезъ одну тысячу не пройду.

— А если этотъ пузанъ Дасаевъ, послѣ того, что вы его всѣ истерзали, забылъ, кто его первый ударилъ?

Русаковъ всталъ, злобно махнулъ рукой и, схвативъ свою шапку, пошелъ изъ комнаты.

— Такъ знай!—крикнула Марѳа.—Я и безъ тебя обойдусь. Но тогда, помни, ничего у насъ впредь не будетъ! Всѣ свои обѣщанія и слова я назадъ беру.

Русаковъ отмахнулся рукой съ шапкой и вышелъ.

XXXVIII.

Буря и волны моря людского то же, что буря на морскомъ просторѣ. Капли морскія не знаютъ, куда и зачѣмъ идетъ и что бьетъ и хлещетъ волна, да и сама волна не знаетъ, куда и зачѣмъ гонить ее вихрь, да и онъ самъ знаетъ ли, что дѣлаетъ?

Такая же буря началась въ Рускинѣ и сосѣднихъ военныхъ поселеніяхъ. Невѣдомый и невидимый вихрь развелъ волну, а она будто дружно, будто ровно пошла безсмысленно, зря, не со своей, а съ навязанной вихремъ злобой рыть берега.

Въ тотъ же вечеръ вѣстуны-охотники изъ Рускина уже рассыпались по сосѣднимъ военнымъ поселеніямъ и всюду передали:

— Начальство отравляетъ народъ. Въ Рускинѣ уже отравлено семь или восемь семей! Зато ротный лежитъ избитый. Фельдшера уже нѣтъ на свѣтѣ, а трупъ все еще валяется въ полѣ.

И повсюду началось то же самое... На утро въ штабѣ собравшаяся толпа окружила домъ майора Яцковскаго. Онъ былъ точно также избитъ, но при этомъ и все платье на немъ было такъ изорвано, что онъ остался на землѣ почти нагой. Анна Болеславовна со своей горничной Зинаидой бѣжали изъ дому за цѣлый часъ до появленія бунтовщиковъ и, пробѣжавъ версты три пѣшкомъ, наняли телѣгу и уѣхали въ Руссу.

Двое ротныхъ командировъ—Журавскій и Зальцеръ, а съ ними и много офицеровъ, тайкомъ бѣжали, но въ Рускинѣ въ это утро были перехвачены почти всѣ. Помимо арестованныхъ, капитана Костырева и подпоручика Монахова, лишь слегка побитыхъ, такъ какъ первый пылъ безсмысленнаго озлобленія стихъ, были схвачены тоже и заперты на ротномъ дворѣ еще два офицера, два каптенармуса и даже школьный учитель. Но главный врагъ, особенно ненавистный всѣмъ, въ руки не давался. Доктора Шпица долго разыскивали, но не могли найти нигдѣ.

Съ ранняго утра народъ толпился на улицѣ, оралъ, бранился, спорилъ и гудѣлъ однотонно, какъ гудитъ и море у береговъ.

— Что дѣлать? Что дальше?—являлось вопросомъ.

— Зачали — кончай! — раздавалось часто, а что кончай, какъ кончай, этого никто не объяснялъ.

Рябой, стушевавшійся на нѣкоторое время, снова оказался коноводомъ, а за нимъ вплотную снова торчалъ Русаковъ. И рябой самъ не зналъ, что приказываетъ, говоритъ, требуетъ, спрашиваетъ и отвѣчаетъ вмѣсто Русакова, будто лишившагося своего собственнаго голоса.

— Пороть фельдфебеля! Онъ—первый отравитель!—постоянно настойчиво требовалъ рябой.—Запороть его до смерти въ примѣръ, чтобы другимъ не повадно было!

— Пороть! Вѣстимо, на смерть запороть! — отзывались нѣкоторые голоса, но никто не принимался за дѣло.

— Онъ и такъ подохнетъ!

— Онъ и такъ еле живъ!

— Сказываютъ, померъ! — отзывались голоса.

Около полудня Русаковъ снова явился на короткое время во дворъ фельдфебеля, чтобы повидать Марѳу. Онъ былъ окончательно пораженъ, такъ какъ нашелъ женщину страшно блѣдной, будто хворающей. На всѣ его разспросы она сначала не отвѣчала ничего, повторяла только:

— Такъ нельзя... Нельзя! Не хочу я... Не хочу! Не хочу бунта! Злодѣи вы! Изувѣры вы!

И наконецъ Марѳа объявила Русакову, что не станетъ сидѣть у себя во дворѣ, какъ прочія бабы, а пойдетъ тоже распоряжаться и совѣтовать, что надо дѣлать, а чего не надо.

— Коли не хотите ихъ выпустить, то надо иное, — сказала она, будто угрожая.

— Что же иди, — отвѣтилъ Русаковъ. — Ты у насъ считаешься умнѣющей. Усовѣщивать только не суйся. Побьютъ. А то высѣкутъ, — разсмѣялся онъ озлобленно. Русаковъ сталъ разспрашивать, почему Марѳа за день страшно измѣнилась въ лицѣ, настолько, что ее узнать почти трудно, но суровая женщина ничего не отвѣтила и не объяснила. А дѣло было просто. Она узнала, что ходилъ слухъ и все укрѣплялся, что все начальство собираются пороть на смерть.

Наступалъ полдень, и Рускино уже волновалось легче. Все чаще раздавались голоса:

— Господи батюшка, чего натворили! Все начальство избили. Пузанъ плоховать, можетъ, помретъ. Этакого пузатаго нешто можно было толочь, какъ въ ступѣ? Баталіонный живучъ, какъ кошка, отошелъ отъ всего, но вѣдь битье-то битьемъ осталось! Что-то будетъ теперь? Чего ждать?

И бурное настроеніе постепенно переходило въ болѣе тихое, смущенное и боязливое. Одинъ человѣкъ остался попрежнему озлобленнымъ, не стихнувшимъ и подстрекающимъ. Это былъ Горшковъ, пропившій всѣ деньги, невѣдомо гдѣ добытыя. Однако, въ сумерки у Горшкова снова оказались въ рукахъ большія деньги, и онъ снова пригласилъ пріятелей въ кабакъ.

На болѣе тихое, степенное настроеніе рускинцевъ немало повлияла «Митриха». Она суровая, почти грозная, приходила два раза къ ротному двору и уговаривала самыхъ отчаянныхъ выпустить скорѣе на свободу всѣхъ заарестованныхъ — и избитыхъ, и невредимыхъ, начиная съ ея мужа и ротнаго командира и кончая всѣми. Она убѣждала, что капитанъ Костыревъ былъ всегда добръ и справедливъ ко всѣмъ, а Монаховъ никогда никого пальцемъ не тро-

нуль, всякія поблажки дѣлалъ насчетъ хлѣба, а ихъ безвинно заперли и грозятъ сѣчь невѣдомо за что. И что если этакое сдѣлаютъ, то она первая выдастъ начальству всѣхъ тѣхъ, кто на это пойдетъ.

— Всѣхъ перемѣчу... И будетъ судъ—всѣхъ назову!—кричала Марѳа.

Это поведеніе женщины сильно озлобляло и удивляло Русакова. Онъ ничего не понималъ. Не понималъ и того, что Марѳа, прійдя во второй разъ, просила отпустить мужа домой, чтобы она, могла ходить за нимъ, такъ какъ иначе онъ помретъ. И Русаковъ былъ готовъ начать «съ другого конца». Но его смущала и останавливала мысль, что собственно онъ первый бросился на ротнаго командира. Какъ это приключилось, онъ не помнилъ и объяснить себѣ не могъ. Туманъ какой-то напелъ на него...

Будь это Петровъ, было бы понятно. А какъ подвернулся самъ ротный командиръ, и зачѣмъ онъ сдѣлалъ то, что сдѣлалъ, Русаковъ считалъ прямо дьявольскимъ наважденіемъ.

«Но этого назадъ не вернешь,—думалось ему.—Тогда какъ же быть? Что дѣлать? Теперь? Есть одно спасеніе, да, поди-ка, сдѣлай это? Сумѣй-ка науськать на это всѣхъ? Толкать рябого—ни къ чему не поведетъ, не послушаютъ. Пугнуть всѣхъ ихъ, что ли, чѣмъ нибудь? Да чѣмъ? Какъ?»

И всю слѣдующую ночь, если бунтующее Рускино все-таки спало крѣпко, то два человѣка не сомкнули глазъ—Марѳа и Русаковъ.

XXXIX.

Марѳа даже не ложилась въ постель. Она рѣшилась дѣйствовать, видя, что ничѣмъ, никакими доводами не можетъ убѣдить Русакова начать дѣло «съ другого конца». Вечеромъ она послала Егорьевну звать къ себѣ Баранова, а сама пошла къ старику Миняю. Надо было спѣшить и за ночь найти нѣсколько согласниковъ, чтобы начать дѣйствовать. Отъ Миняя она прошла къ священнику и убѣдила его не держаться въ сторонѣ.

Разумѣется, она нашла въ старикахъ полную готовность противодѣйствовать бунту. Миняй взялся за ночь кое-кого повидать изъ своихъ, между прочимъ, дѣльнаго и имѣвшаго нѣкоторое вліяніе на всѣхъ, бывшаго аудиторскаго писаря Морозова.

Вернувшись домой и найдя у себя Баранова, Марѳа безъ труда убѣдила молодого человѣка, влюбленнаго въ нее, дѣйствовать по ея указанію, повидать разныхъ своихъ пріятелей, которыхъ у него было много, такъ какъ онъ часто любилъ угощать, и подговорить ихъ. Барановъ охотно согласился хлопотать.

Намѣреніе Марѳы заключалось въ томъ, чтобы скорѣй всёю невиновнымъ броситься къ высшему начальству въ Новгородъ, хотя бы къ губернатору, и выгородить себя изъ отвѣта за то, что буяны натворили, но, конечно, передъ тѣмъ выпустить на свободу заарестованное начальство.

Вернувшись домой, Марѳа, конечно, не могла лечь въ постель и продремала на скамьѣ всю ночь. У нея изъ головы не выходило, что какъ только станетъ разсвѣтать, можетъ, ни съ того ни съ сего, начаться снова дикая сумятица, и случайно одною изъ первыхъ жертвъ можетъ быть Монаховъ. А что именно учинять надъ нимъ самоуправцы,—она могла предвидѣть по тому, что уже знала въ подробностяхъ о положеніи мужа и капитана Дасаева.

Со словъ видѣвшаго ихъ на ротномъ дворѣ Баранова оба были избиты до неузнаваемости. Ферапонтъ Ильичъ, по выраженію Баранова, смотрѣлъ «по-человѣчьи», но «отходящимъ», а у капитана глаза совсѣмъ «закатились», онъ и не смотритъ и не дышитъ, только животъ «высоко ходитъ».

На разсвѣтѣ Марѳа выглянула на улицу. Народъ началъ подниматься на ноги, и все, что поднималось, шло къ ротному двору. И снова все Рускино было на улицѣ, запружая со всѣхъ сторонъ зданіе съ высокой каланчей.

Отецъ Василій съ причтомъ явился и хотѣлъ приступить къ служенію обѣдни. Старикъ разсчитывалъ, что все-таки храмъ наполнится, и онъ въ концѣ литургіи, сказавъ слово увѣщанія своей паствѣ, прибавитъ количество согласниковъ Митрихи.

Но едва только въ толпѣ узнали о предполагавшейся обѣднѣ, какъ нѣсколько человѣкъ молодежи, новыхъ, почти не участвовавшихъ въ предыдущихъ расправахъ, бросились въ церковь, схватили священника, который собирался было облачаться, и, вытащивъ старика, перевели въ ротный домъ и заперли съ другими.

— Не время теперь Богу молиться,—орали буяны.—Теперь васъ всѣхъ разсуживать надо. А тамъ ужъ послѣ помолимся и помянемъ—кого за здравіе, а кого—за упокой.

Марѳа пришла одна изъ первыхъ. Около нея, не отходя ни на шагъ, стоялъ рябой, ея согласникъ съ утра. Одновременно человѣкъ до двадцати, подговоренныхъ Барановымъ и Миняемъ, сошлись и держались отдѣльной кучкой, громко переговариваясь о томъ, что надо возбранить всякія новыя безобразія. Черезъ нѣсколько времени съ ротнаго двора появился Горшковъ и крикнулъ:

— Ребята, бѣги кто во дворъ къ Степанову, спроси веревку подлиннѣе. У него много.

И затѣмъ стало извѣстно въ толпѣ, что всѣ арестованные будутъ привязаны на веревку, чтобы гнать ихъ всѣхъ въ штабъ, куда должны сойтись всѣ другія роты со своимъ начальствомъ, такъ какъ въ другихъ поселеніяхъ произошло уже почти то же самое, что и въ Рускинѣ.

— Въ штабѣ будетъ настоящая расправа!—говорили въ толпѣ.

— Что вы безобразничаете? Страхъ въ васъ нѣтъ!—выступила Марѳа.—Да и ты, отчаянный!—крикнула она на Горшкова:—ты и себя, и другихъ многихъ загубишь! Что вышнее начальство скажетъ вамъ? похвалить васъ за все это?

— Молчи, дура баба! Не путайся!—отозвался Горшковъ смѣясь.— Мы тебѣ не Оерапонты дались, чтобы командовать! Будешь мужеское дѣло дѣлать, свой бабій носъ совать куда не слѣдъ, то съ тобой и расправятся ужъ, не какъ съ бабой. Исполосуютъ не хуже твоего стараго хрыча!

— Что же? Вѣстимо, великъ отвѣтъ беремъ на себя,—сказалъ старикъ Миняй.

— Правду она сказываетъ!—раздалось нѣсколько голосовъ изъ кучки согласниковъ.—Насъ, непричастныхъ, загубляетъ.

— Вѣстимо, правду!—выступилъ впередъ Барановъ.—Вы—изувѣры, разбойники! Не дадимъ мы вамъ бунтовать и безобразничать, чтобы потомъ съ вами же въ отвѣтъ попастьъ. За что намъ, неповиннымъ, изъ-за васъ страдать? Ребята!—крикнулъ онъ, обращаясь ко всей толпѣ:—не давай этимъ отчаяннымъ бѣды бѣдовыя творить. Вѣдъ мы всѣ въ отвѣтъ пойдемъ. Переловимъ ихъ да запремъ! Ихъ всего-то, отчаянныхъ, съ десятокъ человѣкъ, а насъ-то во сколько!

— Оно вѣрно! Точно!—заговорило нѣсколько голосовъ. Но всѣ эти голоса раздались въ той же малолюдной гурьбѣ, собранной стараніемъ Миняя и Баранова.

— Вѣстимо, бѣда! Всѣ въ отвѣтъ будемъ!—вскрикнулъ рябой, подступая ближе къ Горшкову.—Слѣдъ васъ, всѣхъ зачинщиковъ, перехватать и запретъ!

— Да чего лясы точить!—крикнулъ Барановъ.—Хватай вотъ его перваго! Переловить ихъ, перепоротъ да запретъ, а самимъ скорѣй въ Новгородъ. Вотъ мы цѣлы и будемъ.

И Барановъ бросился и схватилъ Горшкова за руку. Горшковъ вырвался, бросился въ ворота ротнаго двора и крикнулъ:

— Ребята, сюда! Своихъ бунтователей усмирять иди! Насъ хотятъ пороть на смерть.

Человѣкъ съ двадцать хлынуло съ ротнаго двора на улицу, крича отчасти испуганно.

— Гдѣ?

— Что?

— Какой?

— Который?

— Вотъ они!—показалъ Горшковъ на кучку, стоящую со стороны Марѳы.—Давай ихъ поучимъ! Начинай съ этого!

И онъ показалъ на Баранова. Нѣсколько человѣкъ бросились на него и съ маху повалили на землю.

— Давай палокъ!

— Раздѣвай его!

И черезъ нѣсколько мгновеній Баранова, котораго держали четверо, растянувъ на землѣ, начали нещадно бить.

Небольшая кучка съ Миняемъ во главѣ быстро разсыпалась. Марѳа стояла недвижно, глядѣла на расправу, слышала отчаянные вопли Баранова и думала:

«Ничего поддѣлать нельзя... Конецъ!»...

Въ ту же минуту раздался отчаянный крикъ старухи Барановой, предупрежденной кѣмъ-то и прибѣжавшей на истязанія сына. Старуха стала кидаться на мучителей и умолять отпустить сына за деньги и угощеніе.

— Стойте, голубчики! Оставьте бѣднягу. Задарю. Онъ съ вами пойдетъ!— кричала она.— Слышь, Ванюша? Пойдешь ты съ ними? Не будешь супротивничать?

— Не буду! Не буду!— кричалъ Барановъ, барахтаясь въ рукахъ державшихъ его.

Спина его была уже вся въ крови.

— Вотъ Господь Богъ!— вопила старуха.— Я вамъ столько вина поставлю, сколько въ душу влѣзетъ. Отпустите! Не губите моего Ванюшу! Отпустите!

— Бросай! Буде съ него!— крикнулъ Горшковъ.— Намъ только примѣръ нуженъ былъ.

И, обернувшись на толпу, онъ крикнулъ:

— Эй, братцы! Кто еще желаетъ супротивъ насъ итти. Объявись! Палокъ, вишь, много заготовлено про запасъ.

И онъ расхохотался.

— Что же?— воскликнулъ онъ снова,— охотниковъ-то нѣтъ больше? Жалко! Мы бы еще примѣрика два-три примѣрили. Ну, а ты что?— обернулся онъ къ Марѳѣ.— Торчишь все тутъ? Уходи лучше! Послѣдній разъ тебѣ сказываю. А то вотъ сейчасъ разложимъ и въ мякину обратимъ! Не поглядимъ, что у тебя бабье дебелое тѣло, исполосуемъ первый сортъ! Сгинь ты отсюда, дурашная баба!

Марѳа стояла, не двинувшись, не глядя на Горшкова и какъ бы не обращая на него никакого вниманія. Она рѣшила, разумѣется, ни на шагъ не отходить отъ ротнаго двора, покуда не узнаетъ, зачѣмъ нужна веревка, и какая судьба грозитъ заключеннымъ, а, стало быть, и «ему».

Но когда большая веревка была принесена, оказалось, что Дасаевъ, Петровъ и одинъ офицеръ, взятый и избитый наканунѣ, не стоятъ даже на ногахъ.

Покуда у ротнаго двора разсуждали, какъ быть, вдругъ появился верховой солдатъ и объявилъ, что батальоннаго командира майора Яцковскаго съ двумя офицерами уже везутъ въ Рускино, такъ какъ здѣсь въ міру больше согласья, а тамъ идетъ неразбериха, и много народу «противничаетъ».

XI.

На слѣдующій день утромъ Рускино особенно оживилось, а главное отличалось многолюдствомъ. Наканунѣ распространившійся съ быстротой молнія слухъ, что батальонный командиръ привезенъ въ Рускино, заставилъ многихъ изъ ротъ, бунтовавшихъ въ другихъ поселеніяхъ, собраться въ Рускино, которое кто-то шутилъ называлъ новымъ «нашинскимъ штабомъ».

Пришедшіе съ вечера размѣстились у пріятелей и знакомыхъ по разнымъ дворамъ. Одни мирно выпалились, другіе всю ночь пьянствовали, но часовъ съ семи уже улицы были полны. Всѣ поселяне—и свои, и гости—были въ сборѣ ради самаго главнаго дѣла, «разслѣдованія объ отравителяхъ и объ ядѣ».

Было рѣшено наканунѣ,—къмъ и какъ невѣдомо,—что будетъ снятъ допросъ со всего захваченнаго начальства, начиная съ батальоннаго командира и кончая каптенармусами и фельдшерами.

А затѣмъ будетъ написано прошеніе на имя государя императора о томъ, какъ начальство вознамѣрилось всѣ военныя поселенія извести «подъ видимостью холеры».

Среди двора ротнаго дома былъ поставленъ большой столъ и стулья, гдѣ должно было помѣститься новое начальство—избранные заправители-судьи, человѣкъ до восьми. Въ числѣ прочихъ были Русаковъ, Горшковъ, одумавшійся рябой и силкомъ приведенный старикъ Миняй, умолявшій тщетно оставить его въ сторонѣ.

Долго шумѣла, галдѣла и перебранивалась толпа, наполнившая ротный дворъ. Шла полная неразбериха. Всѣ были согласны только въ одномъ, что надо тотчасъ начать чинить допросъ.

— А лучше бы просто засѣчь ихъ всѣхъ! Запорь, ребята, чего допрашивать! Запорь и отпиши въ Питеръ!— раздавались голоса.

Судьи наконецъ усѣлись, и было приказано выводить на допросъ майора Яцковскаго первымъ, но вдругъ оказалось затрудненіе.

— Стой, братцы!—закричалъ рябой буквально тѣ слова, которыя шепнулъ ему Русаковъ.—Коли допросъ чинить, то вѣдь надо записать, что злодѣи покажутъ. Садись сюда, кто грамотнѣе. Пиши!

— Вѣстимо, вѣрно! Записывать надо!

— Эй, иди сюда, кто грамотнѣе. Садись!—загудѣли голоса кругомъ по всему двору.

Но никто не выходилъ изъ толпы.

Горшковъ, оглѣдѣвъ всѣхъ ближайшихъ, которые стояли сплошной толпой, обратился къ Русакову:

— Дрянъ дѣло! Вѣдь изъ эфтихъ ни одного грамотея нѣтъ. Вотъ такъ притча! Что дѣлать?

— Морозова сажай! Дурни! Онъ грамотей! — крикнулъ кто-то почти отъ воротъ.

И въ одну секунду голосовъ съ полсотни уже ревѣло:

— Морозова!.. Безпремѣнно Морозова!.. Онъ на всю округу первый грамотей!

— А гдѣ онъ?—крикнулъ Горшковъ.—Здѣсь онъ, иль нѣту?

И послѣ нѣсколькихъ мгновеній молчанія отовсюду раздались голоса:

— Нѣту!

— Можетъ, на улицѣ стоитъ?—спросилъ Горшковъ.

Человѣка два вышли въ ворота и стали кликать Морозова. Но оказалось, что его и тамъ не было.

— Разыскать Морозова. Да живо! А покуда все-таки выводите майора!

Человѣкъ съ десятокъ охотниковъ вызвались тотчасъ же обѣжать всѣ дворы Рускина и привести Морозова, хоть приволочъ связаннаго, если не пойдетъ охотой.

Въ то же самое время два дюжихъ парня вывели съ крыльца ротнаго дома майора.

Яцковскій былъ безъ шапки, босой, и на немъ были надѣты солдатскій кафтанъ и пестрядиновыя мужицкія панталоны. Приведенный полунагимъ, такъ какъ все его платье было на немъ изорвано и растащено, майоръ былъ снова одѣтъ на ротномъ дворѣ невѣдомо кѣмъ и невѣдомо въ чье платье. Онъ двигался черезъ силу и, подведенный къ самому столу, не могъ стоять на ногахъ и пошатывался.

— Сажай его! Что дѣлать! Не ради чести! А пушай съ нами сидить, коли на ногахъ не держится!—громко распорядился рябой.

Кто-то подставилъ стулъ и простымъ толчкомъ усадилъ Яцковскаго. Старикъ тихо простоналъ и сѣлъ, сгорбившись.

— Ну, зачинай допросъ!—сказалъ Горшковъ, оглядываясь на всѣхъ.

— Обожди Морозова!—сказалъ кто-то.

— Чего ждать? Покуда выспросимъ! А записать недолго,—тихо возразилъ Русаковъ.

И сразу со всѣхъ сторонъ изъ стоящей кругомъ толпы раздавались голоса и посыпались вопросы, сливавшіеся вмѣстѣ въ одинъ гулъ.

— Сказывай, гдѣ у тебя ядъ?

— Зачѣмъ ты хотѣлъ всѣхъ отравить?

— Сказывай, съ поляками аль съ нѣмцами связался?

— Кайся, что яду у тебя припасено видимо-невидимо.

— Сказывай, за сколько продался ты нѣмцу?

Майоръ, тупо озираясь кругомъ, молчалъ, такъ какъ всѣ эти вопросы слились въ одинъ гулъ, и онъ даже не разобралъ ни одного изъ нихъ.

— Стой, ребята, такъ нельзя! Надо одному кому. Ты, дѣдушка Миняй, старшой. Ты и допрашивай!

— Что вы! Что вы! — замахалъ руками старикъ и всталъ, собираясь уходить.—Гдѣ мнѣ! Сказываю вамъ, не охота мнѣ во все вашеское соваться! Отпустите меня домой! Богомъ прошу!

— Врешь! Врешь! Сиди!—раздалось отовсюду.

— Вишь, какой ловкій, старый хрычъ! Въ сторонѣ желаетъ быть! Сажай его! А то привязать.

— Врешь, старая собака! Сиди! Допрашивай!

— Допрашивай! Допрашивай!

— Голубчики, отцы родные, что я буду спрашивать? Я же самъ ничего не знаю!—взмолился Миняй.

— Мы тебѣ будемъ говорить, а ты допрашивай!—сказалъ рябой.—Спроси первое, гдѣ у него запасной ядъ спрятанъ?

— Родимые мои,—упирался Миняй.—Увольте! Опрашивайте сами.

— А!.. Ты этакъ! Ребята, давай, его вешаемъ!

— Клади! Раскладывай! Розги давай!—крикнуло нѣсколько голосовъ.

— Что вы? Помилосердуйте!—взмолился старикъ.—Мнѣ восьмой десятокъ идетъ.

Двое человекъ потащили его изъ-за стола, а два дюжихъ парня, стоявшихъ около крыльца съ пучками розогъ, подошли, глупо ухмыляясь.

— Помилосердуйте!—кричалъ Миняй, слабо барахтаясь съ двумя, ухватившими его за воротъ и за руки.

Въ ту же минуту грянулъ и повторился съ десятокъ разъ одинъ радостный крикъ:

— Ведутъ!.. Морозова ведутъ!

Миняя высвободили, и кто-то ткнулъ ему въ шею. Старикъ покатился на землю, вскочилъ и кинулся въ толпу, а затѣмъ тотчасъ же побѣжалъ вонъ со двора, крестясь и вклипывая отъ радости. Въ воротахъ ему встрѣтился Морозовъ, котораго точно такъ же вели за руки и за воротъ трое поселянъ.

— Веди сюда!—раздались голоса.—Теперь дѣло наладится! Сажай его! На главное мѣсто сажай! Онъ не нашъ братъ. Онъ писемный водителъ. Грамотей питерскій.

— Прятался мошенникъ! Въ подвалѣ нашли,—заявили проводники смѣясь.—Подъ рогожами зарылся, анаема.

— Вишь, ты какой! — крикнулъ Горшковъ строго.—Тутъ дѣла важнѣе нѣтъ, а ты въ подвалахъ прятаться! Садись, допрашивай эту чучелу и записывай, что онъ покажетъ.

— Ребята, увольте!—заговорилъ Морозовъ.—Я не могу...

— Это почему?

— Не могу... Должность моя запрещаетъ. Вы законовъ не знаете, а я всѣ законы знаю. Не могу я... Не полагается!..

— Что не полагается, чортово рыло? Какъ не полагается?— заорали отовсюду.

— Ребята, поймите: майоръ все-таки главное наше и мое начальство. Какъ же я ему буду допросъ чинить? Я за это подъ судъ пойду!

— Онъ больше не начальство! Вишь какой онъ. Даже солдатъ вырядили! Допрашивай!

— Увольте, братцы, совѣтъ не могу... Законы не дозволяютъ сего!—упирался Морозовъ.

— Будешь ты допрашивать или не будешь?—крикнулъ рябой внѣ себя, какъ если бы сразу обозлился отъ личной неудачи.

— Сказываю я вамъ, ребята, должность моя такая. Законы мнѣ...

— Законы? Ладно! — холодно произнесъ Горшковъ.—Ребята, клади его! Вотъ мы ему сейчасъ законы пропишемъ! Посмотримъ, какіе важнѣе будутъ.

Нѣсколько человекъ наскочили на Морозова со всѣхъ сторонъ, схватили его и повалили на землю. Черезъ минуту начался дикій гулъ и рѣзкій свистъ розогъ.

— Отпустите! Будьте милостивы!—кричалъ Морозовъ.—Моя должность...

Но гулъ все болѣе свирѣпѣющей толпы заглушалъ его слова. Показавшаяся кровь будто подѣйствовала на всю толпу, будто обозлила ее. Морозовъ стоналъ, просилъ пощады, но повторялъ:

— Законы не дозволяютъ...

— Поворачивай его. Пиши по животу. Восчувствуетъ скорѣй!—скомандовалъ кто-то.

Морозова повернули, положили на спину и начали снова съ двухъ сторонъ нещадно хлестать.

— Помилосердитесь! Буду. Буду все... Пустите... завопилъ истязуемый...

XII.

Когда письмоводителя выпустили и посадили за столъ, онъ не сразу пришелъ вполнѣ въ себя.

— Ну, допрашивай!—крикнули въ разъ человекъ десять.

— Что я буду спрашивать?

— Не ломайся! Самъ знаешь! Спрашивай о всѣхъ его противозаконныхъ дѣйствіяхъ. Зачѣмъ отравлять хотѣлъ? Гдѣ у него ядовыя запасы, и съ кѣмъ онъ стакнулся? И сколько ему поляки или нѣмцы денегъ дали? Да чего тебя учить? Допрашивай самъ.

Морозовъ обратился къ Яцковскому и сталъ повторять тѣ же вопросы. Яцковскій молчалъ, но наконецъ вымолвилъ слабымъ голосомъ:

— Не знаю, чего вы хотите? Ничего я, ребята, худого вамъ не сдѣлалъ, яду никакого нѣту нигдѣ. Не губите меня! Я—старикъ, помру отъ вашихъ побоевъ.

— Не хочеть сказывать?! — закричалъ Горшковъ. — Клади его, ребята, распластывай!..

Тотчасъ же майоръ былъ стащенъ со стула, разложенъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ сейчасъ лежалъ Морозовъ, и начался тотъ же свистъ...

Яцковскій простоналъ нѣсколько разъ, но вскорѣ стихъ, лишившись сознанія...

— Стой, ребята!—заявилъ Морозовъ робко.—Такъ нельзя... Ухай-дакаете его, нельзя будетъ ему и допросъ учинить.

— Вѣрно!

— Они этакъ-то все будутъ упираться, и всехъ заперешь до смерти. Нельзя этакъ!..

— Да вотъ что!—воскликнулъ рябой, толкованнйй передъ тѣмъ вполголоса съ Русаковымъ.—Пуцдай Морозовъ пишетъ самъ показаніе. А они пусть только подписываютъ. Этакъ-то будетъ дѣло ладнѣе.

— Ладно! Ладно! Вѣрно! Молодца, рябая рожа!

— Пиши, Морозовъ,—сказалъ Русаковъ,—а онъ и все прочіе пускай только подпишутся.

Морозову сунули вынесенныя изъ ротнаго дома бумагу, чернила, перья и перочинный ножикъ. Десятокъ человекъ, обступивъ столъ, кричали:

— Пиши! Живо! Строчи, писный водитель. Води, води перстами-то, крапивное сѣмя.

— Да онъ не подпишетъ!—сказалъ Морозовъ.

— Врешь, подпишетъ! Не то замертво останется.

— Да писать-то что же?

— А пиши вотъ что! — вышелъ къ столу какой-то маленькій русый солдатикъ, лѣтъ сорока, съ маленькими глазками и чрезвычайно лукавымъ выраженіемъ лица.

— Ты откуда взялся?!—удивляясь вскрикнулъ Русаковъ.

— Я не вашенскій! Я издамече... Да не въ томъ дѣло. Я вотъ вамъ въ помощь быть хочу. Майоръ ничего не скажетъ, а я вамъ за него скажу, а онъ пускай только подпишетъ.

Яцковского растормошили, привели въ сознаніе и поднявъ перенесли на стулъ, такъ какъ онъ не держался на ногахъ.

Майоръ сѣлъ, опрокинувшись на спинку стула и свѣсивъ голову на бокъ.

— Онъ не станеть, поди, подписывать?—сказалъ кто-то.

— Врешь, станеть.

— Эй, ты, говори!—крикнулъ Горшковъ.—Подпишешь ты свое показаніе и всяческое покаяніе.

— Подпишу все... что хотите... что вамъ нужно... — проговорилъ черезъ силу Яцковскій, мутными глазами оглядывая всехъ.

— Ну, такъ пиши!—обратился русый солдатъ къ Морозову.— Я де, баталіонный командиръ майоръ Яцковскій, главный начальникъ поселеннаго баталіона короля Прусскаго полка, и потому надлежнымъ образомъ показываю, что, бывши въ противномъ уговорѣ со всякими польскими панами во истребленіе всего російскаго православнаго христіанскаго воинства, и крестьянства, и другого народа, и російскаго царя государя отравленіемъ ядомъ подъ видимости этой самой нашего заведенія холеры...

— Что ты врешь! Какого заведенія?—крикнулъ кто-то.

— Ну, стало быть, обзываемый нами обманно холерой самый этотъ ядъ!—продолжалъ русый.

— Ну, это точно! Пиши, Морозовъ!

— А также каюсь сердечно,—продолжалъ русый,—что я всѣмъ ротнымъ командирамъ указъ сей далъ, а они со мной согласниками произошли съ большою ихнею охотностью, чтобы окормить и опить людей ядомъ, получивши каждый свое вознагражденіе отъ польскихъ пановъ, а онаго яду заготовлено у насъ было много и запаса—цѣлый магазинъ. Только гдѣ онъ у насъ запрятанъ, то его не нашли, а я де показать его уперся. Ладно, что ли, такъ?—крикнулъ русый громче, на всю толпу.

— Ладно! Лучше нельзя!—загудѣло оговсюду.

— Пиши, Морозовъ!

— Ничего больше не надо! Во всемъ, стало быть, майоръ признался и пускай подписываетъ.

Морозовъ началъ писать. Полное молчаніе воцарилось во дворѣ. Даже слышенъ былъ скрипъ пера. Только нѣкоторые посмѣивались и что-то шептали другъ другу, но сосѣди тотчасъ же тихо останавливали нарушителей тишины и порядка.

— Тихе вы! Молчи! Не мѣшай! Спутается.

Морозовъ дописалъ бумагу строчекъ въ двадцать, но совершенно не то, что болталъ солдатъ, и обратился къ Яцковскому:

— Ваше высокоблагородіе, не можете ли чего еще прибавить въ свое какъ бы въ оправданіе?

Майоръ, не сидѣвшій, а почти лежавшій, опрокинувшись на спинку стула съ закрытыми глазами, не отвѣчалъ. Кто-то толкнулъ его въ бокъ. Яцковскій открылъ глаза и тупо, почти въ полузабытьѣ, тихо произнесъ:

— Что вамъ нужно? Чего хотите?

— А вотъ подписывай то, что показалъ!

— Что я показалъ... Не знаю... Право, не знаю...

— Чучело гороховое, показаніе свое подписывай...

— Развѣ я показалъ?...—черезъ силу выговорилъ майоръ.

— Что ты? Что ты? Очумѣлъ! А то какъ же,—закричалъ Горшковъ,—ты самъ же просилъ написать, вотъ мы и написали!

— Дай ему показаніе прочесть!—крикнулъ кто-то.

Морозовъ положилъ листъ передъ майоромъ, но старикъ не двинулся и снова закрылъ глаза.

— Прочти ему самъ! Вишь очумѣлъ.

— На кой прахъ ему читать, лишь бы подписался, — воскликнулъ рябой.

Два человекъ подошли къ майору, одинъ приподнялъ его, другою положилъ руку на столъ, третій всунулъ ему въ пальцы перо. Но старикъ былъ настолько слабъ, что не удержалъ пера, и оно выскользнуло на столъ.

— Что же, будешь подписывать или нѣтъ? — крикнулъ Горшковъ. — Не будешь?.. Ребята, раскладывай опять! Будемъ пороть, куда не подпишетъ.

И отовсюду нѣсколько рукъ потянулось къ Яцковскому, чтобы снять его со стула.

— Оставьте... Сейчасъ... Что хотите... Давайте... — чуть слышно произнесъ майоръ, тяжело переводя дыханіе.

И, взявъ перо, майоръ чрезъ силу, медленно и слабо началъ что-то писать... Написавъ около четырехъ, пяти строкъ по-польски, онъ подписалъ свой чинъ и фамилію. Въ этихъ строчкахъ было сказано: «Я избитъ бунтовщиками до полусмерти, другіе тоже. Присылайте скорѣй для усмиренія».

Морозовъ взялъ листъ, поглядѣлъ на него и, не имѣя возможности понять то, что было написано, сразу сообразилъ, что Яцковскій написалъ что-то, на какомъ-то иномъ, не русскомъ языкѣ. Было мгновеніе — и онъ колебался, не зная, что сдѣлать. Объявить это толпѣ — майора тотчасъ же запорютъ до смерти. Не говорить про это — другіе могутъ увидѣть непонятныя строчки и наброситься на него за предательство.

— Что же, — крикнули отовсюду, — вѣрно ли подписано?

— Вѣрно-то вѣрно, — догадался вдругъ Морозовъ, — да больно онъ, должно, ослабѣлъ. Такъ все написалъ, что ни словечка разобратъ нельзя: и криво, и неграмотно, и совсѣмъ-таки мнѣ непонятно. Какъ знаете сами! А вотъ подпись его совсѣмъ какъ слѣдуетъ вышла, совсѣмъ хорошо.

— Небось, ладно! Больше ничего не требуется! — закричали кругомъ въ одинъ голосъ. — Чего тебѣ еще нужно? Вся сила, чтобы можно было разобрать «майоръ Яцковскій». Остальное наплевать!

Майора подняли со стула, оттащили въ сторону и посадили на землю, но онъ тотчасъ же самъ легъ и снова лишился сознанія.

На его мѣсто уже вели капитана Дасаева.

Началось то же самое... Дасаевъ умолялъ отпустить его, не наказывать, и на предложеніе дать показаніе и подписаться тотчасъ же согласился.

— Стой, ребята! — опять вступился рябой. — Этакъ до вечера не покончишь. Съ нимъ съ каждымъ канителиться — два-три дня

уйдетъ! Пиши, Морозовъ, опять то же на другомъ листѣ, и пуцай каждый то же и подписываетъ.

И снова наступило тихое, совершенно мирное молчаніе во дворѣ. Морозовъ началъ быстро писать листъ за листомъ и на каждомъ писалъ все то же самое. Наконецъ, было написано девять листовъ, и всѣ уже выведенные арестованные, въ томъ числѣ и Монаховъ, и фельдфебель Петровъ, и каптенармусы, и одинъ фельдшеръ, — всѣ подписались, каждый на отдѣльномъ листѣ. Затѣмъ всѣхъ арестованныхъ увели снова въ домъ, а майора унесли.

И начался снова гулъ. Дѣло возникло о томъ, чтобы писать прошеніе на высочайшее имя. Послѣ долгаго спора, перебранокъ, бессмысленныхъ предложеній, было рѣшено, чтобы Морозовъ самъ сочинилъ прошеніе, какъ умѣетъ.

Разумѣется, аудиторскій писарь съ ужасомъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, сталъ отчаянно противиться писанію, говоря, что за одно такое дѣло онъ будетъ судимъ, какъ первѣйшій преступникъ.

— Не станешь писать? — закричалъ рябой. — Такъ здѣсь же вотъ на дворѣ замертво и останешься. Черезъ часъ будешь покойникомъ.

И въ виду упорства Морозова его снова схватили и снова повалили на землю.

— Стойте! Стойте! Буду писать! — взмолился онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

— Ну, то-то же! Иди въ ротный домъ. Тамъ пиши все, что знаешь, какъ слѣдуетъ, и принеси. А мы покуда къ царю батюшкѣ ходоконъ выберемъ, — заявилъ важно и торжественно Горшковъ.

И дѣйствительно, какъ только Морозовъ ушелъ въ ротную канцелярію и сѣлъ писать на большомъ листѣ лучшей бумаги прошеніе на имя его императорскаго величества, всѣ, находившіеся во дворѣ и на улицѣ, начали выбирать ходоконъ и собирать деньги для нихъ.

Черезъ часъ уже было выбрано восемь человекъ, которымъ было дано каждому по ста рублей, такъ какъ всѣ — и бунтовавшіе, и боязливо сторонившіеся — одинаково щедро жертвовали каждый больше того, что могли по своимъ средствамъ.

Въ ходоконъ шли всѣ охотно. Каждому казалось, что поѣздка въ Петербургъ избавитъ отъ отвѣтственности за бунтъ.

Графъ Е. А. Салиасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

Съ гравюры Крамскаго, сдѣланный съ портрета Никитина.

ДОЗ. ПЕНЗ. 24 АПРѢЛЯ 1903 Г. СПБ.

ИЗЪ ЖИЗНИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Первые годы сближенія Петра I съ Екатериной Алексѣевной.

1702—1709 гг.

I.

РЪШИТЕЛЬНЫЯ мѣры, принятыя Петромъ Великимъ, чтобы скрыть незнатное происхождение своей будущей супруги, должны были неизбежно коснуться и ея брака съ шведскимъ драгуномъ Крузе, заключеннаго за нѣсколько дней до осады Мариенбурга въ 1702 году. Между тѣмъ, бракъ этотъ, представлявшій не болѣе, какъ романтическій эпизодъ въ жизни Екатерины, едва ли могъ возбудить чьи либо «праздные толки» и недовольство. Весьма немногіе знали о немъ, тѣмъ болѣе, что царь, въ первые годы своего сближенія съ преемницей Анны Монсъ, тщательно скрывалъ свою новую связь. Даже, въ своей интимной перепискѣ съ Меншиковымъ, онъ видимо избѣгаетъ говорить о ней, посылаетъ поклоны вмѣстѣ «съ прочими» и въ собственноручной запискѣ отъ 5-го января 1708 года, вмѣсто фамиліи Крузе, называетъ ее Васильевской.

Въ настоящее время, мы имѣемъ хотя краткія, но вполне точныя свѣдѣнія о первомъ бракѣ Екатерины, подтверждаемыя подлинными документами. По словамъ очевидца Вурма, учителя богословія, жившаго въ домѣ Глюка, бракосочетаніе Екатерины совершилось въ августѣ 1702 года ¹⁾. Въ Мариенбургѣ стоялъ шведскій

¹⁾ Das veränderte Russland, 1740, III, S. 6.

гарнизонъ, солдаты котораго посѣщали церковь, гдѣ проповѣдывалъ протѣсть Глюкъ, и присутствовали его домашніе. Состоящій при гарнизонѣ, 22-хъ-лѣтній драгунъ Іоганъ Крузе, встрѣчая Екатерину въ церкви и познакомившись съ нею, обратился къ родственникамъ Глюка и черезъ нихъ просилъ ея руки. Глюкъ отвѣтилъ, что «ничего не имѣетъ противъ этого, если Крузе порядочный человѣкъ, и комендантъ изъявитъ согласіе; а у него самого большая семья и скудные средства къ жизни; но онъ ни въ какомъ случаѣ принуждать Екатерину не будетъ»... Черезъ три дня назначена была свадьба, въ виду ожидаемаго нападенія русскихъ войскъ на городъ; майоръ полка, въ которомъ служилъ Крузе, и трое офицеровъ присутствовали на торжествѣ, которое окончилось веселымъ ужиномъ. Но молодые прожили вмѣстѣ не болѣе недѣли, потому что Іоганъ Крузе съ десятью товарищами былъ посланъ на развѣдки ¹⁾.

Приближался Шереметевъ съ войсками, все опустошая на своемъ пути, оставляя за собою пустыню, разрушенные города и села, и груды труповъ. Наступила очередь Мариенбурга. Шереметевъ расположился подъ городомъ на берегу озера Пейпуса и началъ осаду. На тринадцатый день Мариенбургъ былъ взятъ приступомъ и сдался на капитуляцію 25-го августа 1702 года. Глюкъ, въ сопровожденіи своихъ прихожанъ и домочадцевъ, отправился въ русскій лагерь и поднесъ фельдмаршалу переведенную имъ на славянскій языкъ Библию, выразивъ надежду, что своими званіями можетъ принести пользу царю и его подданнымъ. Шереметевъ ласково выслушалъ его и обѣщалъ позаботиться о немъ ²⁾; затѣмъ обратилъ вниманіе на Екатерину Крузе и спросилъ: кто она? и, получивъ отвѣтъ, что «она найденышъ, воспитана Глюкомъ и недавно вышла замужъ за

¹⁾ «Geheime Geschichten und räthselhafte Menschen», F. Bülaп. VI. Leipzig. 1855. Ss. 292—295.

²⁾ Глюкъ съ домашними былъ отправленъ въ Россію вмѣстѣ съ другими плѣнными, и только въ 1703 году отвезенъ въ Москву, гдѣ поселился въ Нѣмецкой слободѣ. Въ сохранившейся росписи означены: «Эрнестъ Глюкъ съ женой, сынъ Эрнестъ, четыре дочери, учитель Яганъ Вурмъ, два челядинца, двѣ дѣвки». Царь милостиво принялъ Глюка и черезъ два мѣсяца назначилъ начальникомъ вновь учрежденной школы съ жалованьемъ 3.000 рублей ему и учителямъ; а для школы далъ просторный домъ умершаго боярина Василія Нарышкина на Покровкѣ, въ Бѣломъ городѣ. Глюкъ приготовилъ катихизисъ на русскомъ языкѣ, словарь и молитванникъ, и 15-го декабря представилъ царю для напечатанія, и просилъ велѣть освидѣтельствовать училище боярину Ѳ. А. Головину, который «еще до прибытія Глюка въ Россію писалъ ему въ Мариенбургъ по поводу перевода Библии на славянскій языкъ и поощрялъ его въ этомъ трудѣ» (Устряловъ, IV, стр. 142).

Школу, преимущественно, посѣщали дѣти нѣмецкихъ купцовъ, проживавшихъ въ Москвѣ; и Глюкъ плохими стихами перевелъ для нихъ лютеранскія церковныя пѣсни, которыя они пѣли передъ уроками и послѣ нихъ. Глюкъ умеръ 5-го мая 1706 года и погребенъ на старомъ нѣмецкомъ кладбищѣ передъ Марьиной рошею, гдѣ Карамзинъ видѣлъ въ 1812 году памятникъ надъ его могилой съ нѣмецкой эпитафией.

шведскаго драгуна», — объявилъ, что считаетъ ее своей плѣнницей и оставляетъ за собой ¹⁾).

Русскія войска вошли въ Мариенбургъ; но старинный замокъ тевтонскихъ рыцарей, господствовавшій надъ городомъ, былъ еще въ рукахъ шведовъ, которые воспользовались этимъ моментомъ, чтобы взорвать находившійся тамъ пороховой погребъ. При этомъ погибло нѣсколько сотъ русскихъ и шведовъ. Шереметевъ, раздраженный такой «хитростью» непріятеля, разорилъ Мариенбургъ безъ остатка и захватилъ такое количество плѣнныхъ, что, не зная, куда дѣвать ихъ, писалъ Петру 31-го августа... «Прибыло мнѣ печали; гдѣ мнѣ дѣвать взятый полонъ? тюрьмы полны и по начальнымъ людямъ вездѣ; опасно того, что люди какіе сердитые. Тебѣ извѣстно, сколько ужъ причинъ сдѣлали себя не жалѣя; чтобы какія хитрости не учинили. . также отъ тѣсноты не почали бы мереть? также и денегъ на кормъ много исходитъ, а провозатыхъ до Москвы одного полку мало. Вели мнѣ о нихъ указъ учинить... Пойду къ Пскову; больше того быть стало невозможно: въ конецъ изнужились крайне, и обезхлѣбѣли и обезлошадѣли, и отяготились по премногу, какъ полономъ и скотомъ, и пушки везть стало не на чемъ, и новыхъ подводъ взять стало неоткули, а во Псковѣ нѣтъ» ²⁾).

Петръ, занятый все лѣто постройкой судовъ въ Архангельскѣ, отправился въ сентябрѣ 1702 года въ Ладогу, чтобы лично руководить военными дѣйствіями противъ шведовъ, въ Ингріи; и тотчасъ же по пріѣздѣ потребовалъ къ себѣ на помощь Шереметева: «Изволь не мѣшкавъ быть къ намъ,—писалъ онъ 3-го сентября фельдмаршалу,—зѣло время благополучно, не надобно упустить; а безъ васъ не такъ у насъ будетъ, какъ надобно». Черезъ пять дней Петръ послалъ Шереметеву второе письмо: «Изволь ваша милость немедленно быть самъ неотложно къ намъ въ Ладогу: зѣло нужно и безъ того иначе быти не можетъ. О прочемъ же, какъ о прибавочныхъ войскахъ, такъ и о артиллерійскихъ служителяхъ, изволь учинить по своему разсужденію, чтобъ сего Богомъ даннаго времени не потерять... ³⁾).

¹⁾ При значительномъ количествѣ забираемыхъ плѣнныхъ многія тысячи посылались въ Россію, и Петръ отправлялъ ихъ въ разныя мѣста для заселенія пустыхъ мѣстъ. Но такъ какъ иногда везти ихъ было трудно, и посылка стоила дорого, то Шереметевъ охотно позволялъ ратнымъ людямъ брать себѣ плѣнныхъ въ полную собственность. (Дополн. въ Дѣян. Петра Великаго, т. VI, стр. 165). И не только военачальники и офицеры, но и солдаты уводили въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, попадавшихся на улицахъ взятыхъ городовъ, и, по возвращеніи на родину, продавали ихъ по дешевой цѣнѣ. Иные пользовались плѣнными въ видѣ домашней прислуги; другіе посылали ихъ вглубь Россіи въ свои дома и помѣстья.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, изд. 1864, т. XIV, стр. 366—367.—Письма и бумаги Петра Великаго, т. II, прим. № 452.

³⁾ Письма и бумаги Петра Великаго, т. II, №№ 450, 452.

Шереметеву, послѣ вторичнаго приказа царя, пришлось наскоро устроить дѣла и, снарядивъ войска, немедленно слѣшпить съ ними къ берегамъ Невы, такъ что, по всѣмъ даннымъ, ему было не до красивой плѣнницы; и онъ, ни въ какомъ случаѣ, не могъ взять ее съ собою. Всѣ въ Россіи знали фельдмаршала Шереметева, интересовались имъ и его дѣятельностью; и не подлежитъ сомнѣнію, что, если бы онъ оставилъ при себѣ и въ походѣ 1702—1703 гг. дѣйствительно возилъ съ собою Екатерину Крузе, то объ этомъ было бы упомянуто въ которомъ либо изъ современныхъ извѣстій.

Въ подтвержденіе нашего вывода считаемъ необходимымъ сказать болѣе или менѣе подробно о тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находились русскія войска при завоеваніи Ингрии (нынѣшней С.-Петербургской губерніи) и закладкѣ крѣпости и города С.-Петербурга. Условія эти были таковы, что исключаютъ всякую возможность предположенія о присутствіи женщинъ въ русскомъ лагерѣ, а тѣмъ болѣе плѣнныхъ. Шереметевъ, послѣ взятія Маріенбурга, получивъ отъ царя приказъ распорядиться всѣмъ по своему усмотрѣнію, конечно, не замедлилъ тогда же, съ сентябрѣ 1702 года, отправить въ Россію всѣхъ захваченныхъ въ Лифляндіи шведскихъ плѣнныхъ, и мужчинъ и женщинъ, не исключая Екатерины Крузе.

II.

По прибытіи Шереметева къ берегамъ Невы, царь повелъ войска къ Нотебургу, шведской крѣпости, стоявшей на острову среди Невы, болѣе ста сажень отъ береговъ, и обнесенной высокими каменными стѣнами. Гарнизону въ крѣпости было 450 человекъ и около 150 орудій. Чтобы имѣть доступъ къ крѣпости, въ случаѣ штурма, царь приказалъ перетянуть до 50 лодокъ изъ Ладожскаго озера въ Неву приготовленную въ лѣсу просѣкою, и самъ на другой день, 30-го сентября, переправился на правый берегъ съ гвардейскими полками на этихъ лодкахъ, ниже крѣпости, къ удивленію шведовъ.

1-го октября фельдмаршалъ Шереметевъ приказалъ начать осаду Нотебурга. Послѣ трехдневной непрерывной пальбы ядрами и бомбами, жена коменданта прислала барабанщика съ письмомъ къ Шереметеву, въ которомъ отъ своего имени и офицерскихъ женъ просила «дозволить имъ выйти изъ крѣпости, гдѣ нельзя быть отъ великаго огня и дыма». На это Петръ, капитанъ бомбардирскій, отвѣтилъ, что письма не передастъ, «понеже вѣдаетъ онъ подлинно», что «фельдмаршалъ не захочетъ опечалить шведскихъ дамъ разлукою съ мужьями; если же изволятъ оставить крѣпость, то взяли бы съ собою и супруговъ» ¹⁾. По возвращеніи посланнаго,

¹⁾ Письма и бумаги Петра Великаго, т. II, Спб., изд. 1889 г., № 471.

изъ крѣпости опять открылся сильный огонь; шведы оказывали упорное сопротивленіе, отбили штурмъ; и только 13-го октября, когда на помощь явился Меншиковъ съ свѣжимъ войскомъ, комендантъ, потерявъ большую часть людей, сдался на капитуляцію¹⁾.

Во время осады съ русской стороны убито и умерло отъ ранъ въ десяти полкахъ 538 человекъ. Они похоронены, по преданію, за соборомъ, гдѣ находится курганъ. Несмотря на такую огромную потерю людьми, Петръ былъ очень обрадованъ взятіемъ Нотебурга, открывшаго ему доступъ къ морю, и переименовалъ его въ Шлюссельбургъ (ключъ-городъ). 13-го же октября онъ послалъ письма съ извѣстіемъ о побѣдѣ въ Москву, въ Азовъ и даже въ Сибирь.

Для защиты вновь завоеванной крѣпости русскія войска должны были приступить къ новому, еще болѣе тяжелому подвигу, занявшему зиму 1702—1703 года. Тогда «отъ російскихъ войскъ строены были батареи по берегу Невы рѣки для отдаленія шведскаго войска отъ Шлюссельбурга и ведены до самыхъ канецъ (шанецъ) или Ніеншанца», на разстояніи шестидесяти верстъ²⁾. Трудъ этотъ, вызванный условіями тогдашняго способа веденія войны, могъ быть исполненъ только при непреклонной волѣ Петра и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ его сподвижниковъ: Гордона, Меншикова, Шереметева, Апраксина, Репнина, Брюса и др.

Петръ прожилъ въ Шлюссельбургѣ до декабря 1702 года и отправился въ Москву, гдѣ торжественно отпраздновалъ покореніе Нотебурга и побѣды Шереметева въ Лифляндіи. Затѣмъ, окончивъ неотложныя дѣла, 1-го февраля 1703 г. холодною безснѣжною зимою поѣхалъ въ Воронежъ для приведенія въ порядокъ флота, на случай набѣга крымскихъ татаръ, и къ 19-му марту вернулся въ Шлюссельбургъ. Здѣсь Петръ былъ сильно разгнѣванъ, узнавъ о недоставкѣ артиллерійскихъ снарядовъ и лѣкарствъ для арміи, заказанныхъ имъ лично въ Москвѣ около двухъ мѣсяцевъ тому назадъ: «Siir!—писалъ онъ на другой день князю-кесарю. Извѣстно, что здѣсь великая недовозка артиллеріи; нѣтъ самого нужнаго... дроби и фитилию ни фунта, лопатокъ и кирокъ самое малое число; а паче всего мастеръ... по сей часъ не присланъ, отъ чего прошлогоднія пушки ни одна въ походъ не годна будетъ. Нашему здѣсь дѣлу великая остановка, даже и начать нельзя. Я самъ многожды говорилъ Виніусу: онъ отпотчивалъ меня Московскимъ тотчасомъ. Изволь его допросить: для чего съ такимъ небреженіемъ дѣ-

¹⁾ Ibid., т. II, №№ 459, 460, 462, 458. Голиковъ. Дополн. къ Дѣяніямъ Петра Великаго, т. VI, стр. 167.

²⁾ Историческое, географическое и топографическое описаніе С.-Петербурга отъ начала заведенія его съ 1703 г. и пр., соч. Богдановымъ, дополн. Вас. Рубаномъ, СПб., 1779 г., стр. 210.

лается такое главное дѣло, которое въ тысячу разъ головы его дороже? Изъ аптеки ни золотника лекарствъ не прислано» ¹⁾...

Остановка въ дѣлѣ была тѣмъ досаднѣе для Петра, что все было готово къ походу; и онъ ждалъ только вскрытія рѣкъ, чтобы отправить войска къ Ніеншанцу. Наконецъ, въ апрѣлѣ 1703 года, Шереметевъ двинулся лѣсами изъ Шлюссельбурга, по правому берегу рѣки со своимъ войскомъ, приведеннымъ изъ Лифляндіи, состоящимъ преимущественно изъ казаковъ, татаръ, башкиръ и калмыковъ. Съ нимъ были посланы нѣсколько баталіоновъ Репнина и Брюса, два драгунскіе полка и новгородскіе дворяне съ околнничимъ П. Апраксинимъ.

Шереметевъ, дойдя до Ніеншанца, небольшого земляного шведскаго городка, занимавшаго не болѣе десятины, при устьѣ Охты, остановился и раскинулъ здѣсь свой лагерь. Противъ городка за Охтой тянулся посадъ изъ 400 деревянныхъ домиковъ. Ночью привезена была артиллерія изъ Шлюссельбурга на баржахъ; затѣмъ прибылъ Петръ съ поручикомъ Меншиковымъ и семью ротами преображенцевъ и семеновцевъ на шестидесяти лодкахъ, проѣхалъ мимо Ніеншанца Невою къ взморью, для осмотра устья, и вернулся въ лагерь. 30-го апрѣля Шереметевъ началъ бомбардированіе Ніеншанца, за которымъ Петръ слѣдилъ издали на разстояніи одной версты. Изъ шведскаго городка сначала отвѣчали выстрѣлами; но мало-по-малу пальба затихла, и на разсвѣтѣ барабанщикъ на крѣпостномъ валу ударилъ въ барабанъ къ сдачѣ.

Наступило 1-е мая 1703 года: Ніеншанць сдался на капитуляцію, и преображенскій полкъ введенъ былъ въ городъ, а шведскому гарнизону дано нѣсколько дней для сбора въ путь ²⁾.

На другой день, вечеромъ, караульные донесли, что на взморьѣ показалась шведская эскадра. 5-го мая пришло извѣстіе, что два шведскихъ фрегата, шнява и большой ботъ подошли къ устью Невы. Тогда Петръ съ Меншиковымъ и двумя гвардейскими полками, на тридцати лодкахъ, подкрались къ непріятельскимъ судамъ, неожиданно окружили и завладѣли ими. Изъ восьмидесяти чловѣкъ шведскаго экипажа немногіе остались въ живыхъ и взяты въ плѣнъ. Петръ немедленно отправилъ гонца въ Москву къ князю Ромодановскому, съ письмомъ, въ которомъ, извѣщая о своей первой побѣдѣ на Финскомъ заливѣ, писалъ: «... И въ 7 день пришедъ къ устью гораздо осмотрѣли и того жъ дня, съ Божіею помощію, ударили на непріятеля, и по нарочитомъ бою взяли 2 фрегата: одинъ о десяти, другой объ осьми пушкахъ. Понеже непріятели пардонъ зѣло поздно закричали, того для салдаты уняли

¹⁾ Устряловъ. Исторія царствованія Петра Великаго, т. IV, ч. I, Спб., 1863 г., стр. 225—226.

²⁾ Письма и бумаги императора Петра Великаго, т. II, №№ 516—521.

трудно было, которые ворвався едва не всѣхъ покололи, только осталось 13 живыхъ»¹⁾). При этомъ «для осторожности и охраны Невскаго устья на ближайшемъ къ нему острову, на мѣстѣ урочища, называемаго Стрѣлкой»²⁾, поставлена была батарея, и къ ней опредѣленъ бомбардирской роты офицеръ Василій Корчминъ... И стоялъ здѣсь долгое время и посылаемые къ нему отъ государя всякіе указы и словесные приказы посылалися такъ: къ Василью на островъ; ... и по сему имени прозванъ сей островъ Васильевскимъ»³⁾).

Великій царь, овладѣвъ такимъ образомъ теченіемъ Невы на всемъ протяженіи и защитивъ ея устье отъ внезапнаго нападенія шведовъ съ моря, того же 1703 года, 16-го мая, въ день святой Троицы, заложилъ первый камень бастиона С.-Петербургской крѣпости, названнаго «Государевымъ раскатомъ», на острову, много лѣтъ носившаго названіе С.-Петербургскаго. Крѣпость была земляная, начата и окончена по плану итальянскаго архитектора Андрея Трезина, съ четырьмя деревянными воротами, шестью бастионами или больверками, куртнами между ними и однимъ рavelиномъ.

Одновременно съ крѣпостью, на мѣстѣ нынѣшняго Петропавловскаго крѣпостнаго собора заложена была деревянная церковь Петра и Павла, съ небольшимъ куполомъ и тремя шпицами, «расписанная подъ желтый мраморъ» и съ такимъ же поломъ. За крѣпостью прежде всего начаты и окончены брусняный, крытый черепицею, домикъ основателя будущей столицы, построенный по его вкусу съ низкими потолками и малыми покоями. Въ близкомъ разстояніи отъ царскаго домика, на С.-Петербургскомъ острову построены были мазанковыя палаты Меншикова, Головкина, Брюса, Шафирова, Зотова, Трубецкого, Нарышкина и другихъ сподвижниковъ Петра, принимавшихъ дѣятельное участіе въ основаніи новой столицы.

Къ сооруженію земляной крѣпости приступлено было немедленно, не дожидаясь прибытія рабочихъ, которые по разосланнымъ приказамъ царя «должны были ежегодно являться въ Петербургъ изъ всѣхъ русскихъ городовъ и селеній, смѣняясь одни другими въ извѣстные сроки въ числѣ 20.000 крестьянъ, съ плотничьими и другими орудіями и хлѣбомъ для продовольствія на пути»⁴⁾).

Первыми строителями С.-Петербургской крѣпости, кромѣ мѣстныхъ жителей, были солдаты собранныхъ здѣсь полковъ и часть войскъ, приведенныхъ Шереметевымъ. При недостаткѣ какихъ

¹⁾ «Письма и бумаги императора Петра Великаго», т. II, № 523. Изданіе 1889 г. Спб.

²⁾ У перевоза на Петербургскую сторону къ Мытному двору.

³⁾ «Описаніе С.-Петербурга» Богданова и проч., стр. 23. Изд. 1779 года.

⁴⁾ «Описаніе С.-Петербурга» И. Пушкарева. Спб. 1839, стр. 7. Ibid. Богдановъ, «Описаніе С.-Петербурга и проч., стр. 242. Изданіе 1779 года.

либо орудій и приспособленій, они должны были тащить на себѣ камни и бревна, носили землю и песокъ въ полахъ платья съ (нынѣшней) Троицкой площади, гдѣ сваленъ былъ всякій строительный матеріалъ, привозимый съ близкихъ и далекихъ мѣстъ. Жить приходилось имъ въ шалапахъ у той же площади, спать на голой землѣ. Вскорѣ мало-по-малу стали прибывать съ разныхъ концовъ Россіи значительныя партіи рабочихъ: за ними слѣдовали толпы пригнанныхъ инородцевъ, которые раскинули свои юрты по лѣвую сторону сооружаемой крѣпости. Къ осени число рабочихъ уже было настолько велико, что царь, находя, что «добрыхъ людей» достаточно, приказалъ къ слѣдующему лѣту прислать «вороѣ», какъ видно изъ письма его въ Москву къ князю Ромодановскому отъ 23-го сентября 1703 года:

«Henadihste Her.

«Азъ доношу вашему величеству, что добрыхъ людей доволство имѣемъ; нынѣ же зело нужда есть, нѣсколко тысячъ вороѣ (а именно, естли возможно, 2000 ч) приготовить къ будущему лѣту, которыхъ по ѳбсемъ приказамъ, ратушамъ і городамъ собрать по первому пути і которые посланы в Сибирь, а нынѣ еще на Вологдѣ.

«Piter» ¹⁾).

Условія, при которыхъ производились работы, были настолько тяжелы, что люди, не привыкшіе къ такой жизни, климату, изнурительному труду, болѣли заразными и другими недугами, умирали сотнями ²⁾; иные искали спасенія въ бѣгствѣ, и ихъ возвращали силою. Для прокормленія всего рабочаго люда и войска не всегда хватало съѣстныхъ припасовъ, доставляемыхъ, главнымъ образомъ, водою изъ Новгорода и ближайшихъ мѣстъ; а иногда подвозъ ихъ совсѣмъ прекращался на нѣсколько дней, въ случаѣ бури на Ладожскомъ озерѣ. Тогда С.-Петербургу угрожалъ голодъ: сразу поднимались на все цѣны, и всѣ принимаемыя противъ этого мѣры оказывались безсильными. Часто недоставало корму и для скота.

Петръ устроилъ пристань на такъ называемой Старой Ладогѣ, а затѣмъ перевелъ ее на новое, болѣе удобное мѣсто, гдѣ могли останавливаться не только идущія суда, но и обозы съ припасами, посылаемыми изъ Россіи. Отсюда нагруженные суда съ лоцманами отправляемы были въ Петербургъ; и нерѣдко бурное озеро разби-

¹⁾ Письма и бумаги императора Петра Великаго, т. II. Изданіе 1839 года. № 588, стр. 250.

²⁾ Примѣчаніе. Умершихъ свозили на Выборгскую сторону, на мѣсто, называемое «Волчьимъ полемъ», близъ Охты и тамъ погребали; и такъ какъ ихъ «не глубоко въ землю зарывали, то тѣ мертвыя тѣла волками были посѣщаемы; и оное мѣсто проходимъ людямъ не безопасно бывало; и отъ того прослыло Волчьимъ полемъ». (См. «Описаніе С.-Петербурга» и проч. Богданова, стр. 190).

вало большія и малыя суда; и едва пощадило самого Петра, который въ 1703 году, 15-го іюля, вздумалъ изъ Шлюссельбурга переплыть озеро; трое сутокъ носился онъ по волнамъ при сильномъ вѣтрѣ и непогодѣ и принужденъ былъ, не выполнивъ своего намѣренія, вернуться обратно ¹⁾).

Но, несмотря на всѣ препятствія и невѣроятныя трудности, связанныя съ сооруженіемъ крѣпости на болотистомъ острову, нерѣдко заливаемомъ водою,—работы быстро подвигались впередъ. 29-го іюня, въ день Петра и Павла, на Меншиковомъ бастионѣ, почти оконченномъ, «въ деревянной нарочно построенной для этого залѣ, приготовлено было торжество, не только для царя и начальныхъ людей, но и для солдатъ и простыхъ рабочихъ» ²⁾).

Это было едва ли не единственное торжество въ присутствіи царя, со времени взятія Шлюссельбурга. Петръ,—который во все свое царствованіе, по всякому поводу, постоянно устраивалъ всевозможныя увеселенія, празднества, шуточные и другія процессіи, пиры и попойки, тратилъ на нихъ избытокъ своей энергіи и жизненныхъ силъ, и гдѣ подчасъ сказывалась вся дикость тогдашней Россіи,—въ данное время какъ будто забылъ о своихъ «потѣхахъ». Великій основатель новой Россіи, воодушевленный одной идеей, проникнутый однимъ стремленіемъ скорѣйшаго достиженія намѣченной цѣли, весь превратился въ дѣло и, не давая ни себѣ, ни другимъ отдыха, требовалъ отъ всѣхъ непрерывной, усиленной работы. И, по мановенію его всеобъемлющаго ума, желѣзной воли и умѣнія подчинить себѣ волю другихъ, въ одно лѣто 1703 года, въ непріятельской землѣ, среди болотъ и лѣсовъ, сооружена крѣпость, выросъ цѣлый городъ, началась торговля и промышленность, окончено завоеваніе Ингріи, положено основаніе Кронштадта и начало Балтійскаго флота.

III.

Одновременно съ сооруженіемъ земляной крѣпости, началъ быстро заселяться С.-Петербургскій островъ; строились частныя дома и мазанки, образуя улицы и переулки; и «гдѣ кому мѣсто отведено», тамъ деревъ безъ нужды рубить царемъ не велѣно, «дабы оному жителю была маленькая рощица вмѣсто сада, а на улицѣ передъ окнами да послужить украшеніемъ». У деревяннаго, построеннаго на сваяхъ крѣпостнаго моста, устроены были смѣшанные торговые ряды со всякимъ товаромъ, сложеннымъ вмѣстѣ, и при нихъ вѣсовые амбары; появились также особые мясные, хлѣбныя и сѣнные ряды;

¹⁾ «Письма и бумаги императора Петра Великаго», т. II, № 562. Спб. Изд. 1889 года.

²⁾ «Описаніе С.-Петербурга и Кроншлота въ 1710 — 1711 г.г., разсказъ очевидца». С.-Петербургъ, 1889 г., стр. 5, изданіе «Русской Старины».

рыбные были на берегу у царскаго домика. Торгъ происходилъ и на площадяхъ: на нынѣшней Ситнинской, на такъ называемой Конной площадкѣ, гдѣ продавали коней и всякій привозный «харчъ», и гдѣ находилась первоначальная внутренняя и мелочная таможня изъ бревенъ, небольшая. У Троицкой площади, представлявшей наиболѣе заселенный дѣловой центръ возникающаго города, сосредоточены были казенныя постройки, военные и всякіе склады и первыя присутственныя мѣста. Здѣсь—же устроены были два «знатные» питейные дома, въ которыхъ продавались всякіе «казенные напитки разныхъ вкусовъ, водки дорогія для продажи знатымъ людямъ».

Для простого народа были особые питейные дома, кружала, гдѣ продавали мелкими чарками водку, пиво и медъ. Кромѣ того, для рабочихъ и «скудныхъ» заведены всюду торги въ избахъ, лавочкахъ и въ разноску. Въ харчевняхъ приготавлилось рыбное и мясное кушанье, пироги и блины, разные хлѣба, квасъ и сбитень. Селились пришлые рабочіе, гдѣ и какъ попало; появились и первыя рабочія слободы на С.-Петербургскомъ острову; но здѣсь въ слободахъ главнымъ образомъ жили солдаты отдѣльныхъ полковъ. На Выборгской сторонѣ, съ самаго начала города, была «казачья» слобода, гдѣ жили казаки, откомандированные отъ «легкаго войска, которые своимъ разѣздомъ увѣдывали, какъ о непріятеляхъ, такъ и ночной въ городѣ составляли караулъ и дозоръ, для внутренняго благочинія и спокойствія»¹⁾.

Между тѣмъ, одинъ за другимъ воздвигались крѣпостныя бастионы, названные именами лицъ, наблюдавшихъ за работами (Государевъ, Меншикова, Нарышкина, Трубецкого, Зотова, Головкина), и застраивалось пространство внутри крѣпости. Противъ церкви, по вновь прорытому каналу поставленъ деревянный домъ перваго оберъ-коменданта Карла Ренна (въ слѣдующемъ—1704 году, смѣненнаго Юрюсомъ) и тутъ же небольшіе плацъ-майорскіе хоромы. За ними, вдоль крѣпостныхъ валовъ четырехугольникомъ раскинуты были другія постройки: дома священниковъ и причетниковъ, гарнизонная канцелярія, аптека, провіантскіе магазины, колодець «покрытый шатромъ». По лѣвой сторонѣ церкви находился небольшой деревянный пейхгаузъ, выкрашенный такой же желтой краской подъ мраморъ, какъ и церковь, и около него значительной величины гауптвахта. При гауптвахтѣ была такъ называемая плясовая площадь, гдѣ наказывали провинившихся солдатъ²⁾.

Сочинитель «Описанія» первоначальнаго С.-Петербурга Богдановъ, сообщая подробно о способахъ наказанія солдатъ, умалчиваетъ о тѣхъ карахъ, какимъ подвергались виновные въ чемъ

¹⁾ «Описаніе С.-Петербурга» и пр. Богданова, стр. 185.

²⁾ Ibid, стр. 35.

либо, а тѣмъ болѣе бѣжавшіе и пойманные рабочіе. По аналогіи, можно заключить, что взысканія были не менѣ суровыя; и царь не только иногда присутствовалъ на экзекуціяхъ и казняхъ, но въ крайнихъ случаяхъ даже самъ участвовалъ въ кровавой расправѣ, какъ въ казни стрѣльцовъ.

Если судить о такихъ фактахъ съ нашей нынѣшней точки зрѣнія, то мы въ правѣ обвинить Петра въ жестокости; но едва ли это было такъ въ дѣйствительности. Великій русскій царь былъ рельефнымъ отраженіемъ своего времени, своей родины и воспитавшей его среды. И въ Западной Европѣ XVIII вѣкъ,—которому предстояло вступить въ рѣшительную борьбу за самостоятельность человѣческаго ума, за свободу его убѣжденій и вѣрованій,—былъ при этомъ вѣкомъ самаго грубаго насилія и угнетенія невѣжественныхъ народныхъ массъ. Высокія гуманныя идеи уживались съ остатками феодализма и инквизиціи. Могъ ли хотя бы самый гениальный представитель тогдашней Россіи опередить европейскую культуру? Петръ не отличался чувствительностью; но былъ совершенно чуждъ безцѣльной, заранѣе обдуманной жестокости. При отсутствіи нравственнаго воспитанія, преданный до фанатизма занимавшей его идеѣ даннаго момента, онъ доходилъ до изступленія, встрѣчая преграды на своемъ пути, и, въ припадкахъ гнѣва, способенъ былъ на всякія крайности. Задавшись мыслью создать новую столицу обновленной Россіи, онъ не щадилъ ни себя ни другихъ, готовъ былъ на всѣ жертвы, гдѣ считалъ это необходимымъ для блага Россіи, и видѣлъ передъ собою только блестящую картину будущаго.

Время было удобное, и Петръ, пользуясь этимъ, спѣшилъ овладѣть берегами Невы и укрѣпить ихъ за собою. Шведы, покинутые своимъ королемъ, могли выставить только небольшіе отряды. Въ концѣ мая, Шереметевъ, по царскому приказу, началъ обстрѣливать шведскую крѣпость Копорье, взявъ ее и разрушилъ до основанія; сдались и Ямы, или Ямбургъ. Вскорѣ, послѣ того, къ рѣкѣ Сестрѣ подошелъ шведскій генералъ Конгюртъ; въ іюлѣ Петръ самъ пошелъ противъ него съ четырьмя конными полками и обратилъ въ бѣгство; при этомъ солдаты «зѣло много непріятеля порубили, поже неже братъ живьемъ его не хотѣли»...¹⁾

Болѣе серьезная опасность грозила возникающему городу съ моря, гдѣ появилось девять шведскихъ кораблей, которые все лѣто 1703 года простояли у устья Невы; и Петръ не могъ выслать противъ нихъ флота. Русскія суда только строились на новой верфи въ Лодейномъ полѣ; и Петръ съ береговъ рѣки Сестры немедленно отправился туда, чтобы слѣдить за работами. Въ Петербургѣ оставался Меншиковъ, назначенный генералъ-губернаторомъ завоеван-

¹⁾ Письма и бумаги Петра Великаго. Томъ II, стр. 553.

ной Ингрии, значительная часть которой была отдана ему въ потомственное владѣніе.

Наступила ненастная осень: скрылось солнце; цѣлыми днями шелъ дождь, и сильный вѣтеръ съ моря грозилъ наводненіемъ. Меншиковъ писалъ царю шуточные письма; но въ нихъ проглядываетъ нетерпѣливое желаніе, чтобы царь скорѣе вернулся въ Петербургъ: «Не вѣдаемъ, для чего такъ замѣшкались; развѣ за тѣмъ, что ренскаго у васъ есть бочекъ съ десять и больше и... которыя изъ нихъ разохлись, замачиваете и размачиваете. О семъ сожалѣемъ, что насъ при томъ не случилось»... Въ томъ же письмѣ Меншиковъ сообщаетъ важное извѣстіе, что шведскіе корабли отошли отъ Невскаго устья¹⁾.

Къ этому времени земляная С.-Петербургская крѣпость была вчернѣ окончена и выложена дерномъ. Въ отстроенной церкви Петра и Павла, освященной, по возвращеніи царя, новгородскимъ митрополитомъ Ювомъ, началось богослуженіе. На башняхъ церкви подъ шпицами привѣшены колокола, приводимые въ движеніе приставленными людьми, которые и часы возвѣщали числомъ ударовъ въ колоколь. Два раза въ день, по пробитіи утренней и вечерней зари, флагъ, поднимаемый въ крѣпости на «Государевомъ раскатѣ», служилъ сигналомъ для выстрѣловъ изъ пушки, по которымъ начинались и оканчивались всякія работы въ городѣ, на-грузка и выгрузка судовъ.

На Невѣ уже показались льдины. Царь на взморьѣ самъ измѣряетъ глубину воды для будущаго укрѣпленія и устройства военной и купеческой гавани и велитъ немедленно приступить къ работамъ. «Напротивъ оныхъ будущихъ гаваней построена среди моря деревянная круглая Кроншлотская башня въ три яруса съ батареями, на которыхъ такъ же множество пушечнаго снаряду поставлено». Фундаментъ сдѣланъ изъ ящиковъ съ камнями, погруженныхъ въ воду. Затѣмъ начата была значительная земляная крѣпость на ближайшемъ островѣ Котлинѣ и названа Кронштадтъ, а «не Кроншлотъ или Котлинъ островъ, какъ прежде именованъ былъ»²⁾, и поставлено до 60-ти орудій.

¹⁾ «Исторія Россіи» С. Соловьева. Изданіе 1865 года, томъ XV, стр. 2.

²⁾ См. «Описаніе С.-Петербурга» и пр. Богданова, стр. 515—516. Прим. Насколько трудна была закладка земляной Кронштадтской крѣпости и сооруженіе башни, видно изъ того, что, по свидѣтельству датскаго посланника Юля, пріѣхавшаго въ Петербургъ въ 1709 году и слышавшаго это отъ очевидцевъ, «при сооруженіи Кронштадта погибло болѣе 40.000 чел.; а при сооруженіи С.-Петербургской крѣпости и закладкѣ города—до 60.000 рабочихъ». (См. Записки Юста Юля, датскаго посланника при Петрѣ Великомъ въ Чт. Имп. Общ. Ист. и Др. Росс. 1899 года, кн. 2, стр. 178).

IV.

Шереметевъ, занятый укрѣпленіемъ Ямбурга, думалъ зимовать въ Ингріи и писалъ о томъ царю, но получилъ приказъ немедленно отправиться съ войсками за Нарову, для покоренія Эстляндіи. Здѣсь, не встрѣчая почти сопротивленія со стороны мѣстнаго населенія, онъ взялъ и разрушилъ Везенбергъ (древній Раковоръ), Вейсенштейнъ, Феллинъ, Оберъ-Шаленъ, Руинъ и довершилъ опустошеніе Лифляндіи.

Такимъ образомъ, становится очевиднымъ, что Шереметевъ, находясь около года въ Ингріи, въ совершенно исключительныхъ условіяхъ, не могъ держать при себѣ Екатерины Крузе и долженъ былъ, вслѣдъ за взятіемъ Маріенбурга, отправить ее въ Россію. Весь вопросъ сводится къ тому: куда именно была отправлена маріенбургская плѣнница и отдѣльно или вмѣстѣ съ другими плѣнными?

Нѣмецкій историкъ, Бюлау, пишетъ, что, «по весьма вѣроятному извѣстію, Шереметевъ удержалъ у себя Екатерину Крузе съ добрымъ намѣреніемъ оградить ее отъ приключеній, при отсылкѣ съ другими плѣнными, и отправилъ ее въ Россію съ полковницей Балкъ (сестрой Анны Монсъ). По прибытіи своемъ въ Москву Меншиковъ отнялъ Екатерину Крузе у полковницы Балкъ и подарилъ ее Дарьѣ Михайловнѣ Арсеньевой, съ которой былъ въ связи, и у которой она жила вмѣстѣ съ другими дѣвушками изъ завоеванныхъ провинцій. Екатерина оставалась при Арсеньевой и послѣ своего сближенія съ Петромъ»¹⁾.

Во всякомъ случаѣ, какія бы ни были причины, побудившія Шереметева оставить у себя маріенбургскую плѣнницу, извѣстіе, сообщаемое нѣмецкимъ историкомъ, оказывается вполне правдоподобнымъ и подтверждается другими, дошедшими до насъ извѣстіями.

Что касается факта, признаннаго въ нашей исторической литературѣ, будто бы Екатерина Крузе до своего сближенія съ Петромъ была любовницей Меншикова, то это не болѣе, какъ вымыселъ, лишенный всякаго основанія. Общезвѣстный разсказъ, что Меншиковъ, посѣтивъ лагерь Шереметева въ Лифляндіи, отнялъ у него маріенбургскую плѣнницу, уже потому является невѣроятнымъ, что лѣтомъ 1702 года Меншиковъ былъ только поручикомъ артиллеріи и пока не достигъ никакихъ особенныхъ почестей и отличій. Поэтому трудно предположить, чтобы Меншиковъ, хотя и любимецъ царскій, но низшій воинскій чинъ, могъ самовольно от-

¹⁾ Geheime Geschichten und räthselhafte Menschen, F. Bülow, VIII, Leipzig, 1857, S. s. 503—504.

нять плѣнницу у фельдмаршала, при той строгой дисциплинѣ, которую Петръ требовалъ отъ своего войска. Кромѣ того, Меншиковъ не былъ въ лагерѣ Шереметева лѣтомъ 1702 года, такъ какъ находился неотлучно при царѣ въ Архангельскѣ и послѣдовалъ за нимъ въ Ладогу, куда осенью былъ вызванъ и Шереметевъ, послѣ взятія Магдебурга. Только, въ концѣ слѣдующаго 1703 года, Меншиковъ пріѣзжалъ на короткое время въ Эстляндію къ Шереметеву, съ порученіемъ отъ царя. Въ этотъ пріѣздъ Меншиковъ уже не могъ застать Екатерины въ лагерѣ фельдмаршала, а слѣдовательно вступить съ нею въ какія либо сношенія.

Но и, помимо очевидныхъ фактовъ, существуютъ не менѣе убѣдительные доводы, что между Меншиковымъ и Екатериной Крузе до ея сближенія съ царемъ не было любовной связи. Жизнь могущественнаго любимца Петра извѣстна до малѣйшихъ подробностей; извѣстно также, что при всѣхъ своихъ порокахъ, ненасытной алчности и честолюбіи, онъ съ молодости и до конца оставался вѣренъ одной привязанности къ Дарьѣ Арсеньевой, съ которой сошелся за нѣсколько лѣтъ до брака. Едва ли возможно, чтобы при этомъ условіи Меншиковъ рѣшился подарить, въ числѣ другихъ плѣнницъ, свою бывшую любовницу Дарьѣ Арсеньевой, при переѣздѣ послѣдней въ его домъ.

Дарья Михайловна Арсеньева, дочь якутскаго воеводы, съ сестрой Варварой, Анисей Кирилловной Толстой и другими боярышнями жила при комнатахъ царевны Натальи Алексѣвны, родной сестры Петра Великаго, хоромы которой находились въ с. Преображенскомъ, вблизи дворца. Царь, бывая у сестры съ Меншиковымъ, любилъ проводить время съ «дѣвицами» и устраивалъ съ ними веселыя пирушки; и между ними установились дружескія, безцеремонныя отношенія, о которыхъ свидѣтельствуетъ сохранившаяся переписка. Въ этой же «компаніи» мы встрѣчаемъ незамужнихъ въ то время сестеръ Меншикова—Анну и Марью Даниловну (вышедшихъ впоследствии за Головкина и Девьера).

Дѣвицы пишутъ сообща коротенькія записки царю, простодушныя до наивности, и подписываются шуточными кличками, которыми Петръ любилъ надѣлять своихъ приближенныхъ: тетка несмышленная (Анисья Толстая), Дарья глупая, Анна худенькая. При случаѣ дѣлались подарки, въ видѣ бѣлья, галстуконъ и другихъ вещей, сшитыхъ дѣвицами. Меншиковъ, между прочимъ, посылаетъ имъ лѣтомъ 1706 года пять лимоновъ, «чтобы для государя употребляли»; и самъ государь въ письмѣ благодаритъ за нихъ своего любимца¹⁾.

¹⁾ «Русскій Архивъ» 1875 г., кн. 7-я. Статья Г. Есипова: «Жизнеописаніе кн. А. Д. Меншикова», стр. 247.

Совѣмъ иной характеръ носить многолѣтняя переписка Дарьи Арсеньевой съ Меншиковымъ, переполненная нѣжными эпитетами, глубокой тоской въ разлукѣ, безпокойствомъ о здоровьѣ и боязнью прогнѣвать чѣмъ либо:

«Радость наша, государь милостивый Александръ Даниловичъ,— пишетъ Арсеньева въ 1698 году,—пожалуй радость наша своимъ писаніемъ въ забвеніи не остави. Ей, ей, съ печали батюшка нашъ о разлученіи съ вами сокрушаемся и недоумѣваемъ: нѣтъ ли отъ досажденія нашего твоего на насъ гнѣву».

Слѣдуетъ подпись: Дашка и Варька (Арсеньевы). На письмѣ выколоты булавкой два соединенныхъ сердца¹⁾.

Меншиковъ, всегда занятый неотложнымъ дѣломъ, по тому или другому приказу Петра, не знавшій отдыха, не имѣя времени для частой переписки, отвѣчаетъ въ томъ же, хотя нѣсколько покровительственномъ тонѣ:

«...Паки благодарствую,—пишетъ онъ изъ Петербурга Арсеньевымъ въ 1703 году,—за вашу ко мнѣ нелицемѣрную любовь, за любительскую присылку Дарьѣ Михайловнѣ, за сорочку и за алмазное сердце... Не дорого мнѣ алмазное сердце, дорого ваше ко мнѣ любительство»...

Въ мартѣ 1708 года, черезъ два года послѣ своего брака съ Дарьей Арсеньевой, Меншиковъ пишетъ женѣ изъ Харькова и утѣшаетъ въ разлукѣ: «понеже услышу, что ты будешь печалиться, то какая и мнѣ въ то время будетъ радость. А буде ты не будешь печалиться, то и мнѣ будетъ веселѣе. Для Бога не изволь имѣть никакой печали, дабы отъ того, какъ твоему, такъ и моему здоровью, какова вреда не приключилось»²⁾.

Проходятъ годы. Ни время, ни частыя и долгія разлуки, ни чрезмѣрныя почести и богатства, которыми царь осыпалъ своего любимца, ни крутая перемѣна судьбы и ссылка въ Сибирь не могли ослабить или нарушить взаимной привязанности Меншиковыхъ. Возможно, что со стороны высокомѣрнаго баловня счастья это была скорѣе благодарность за безграничную привязанность къ нему Арсеньевой, нежели любовь къ ней. И, если мы при этомъ допустимъ, что онъ вѣренъ ей, только благодаря своему ненасытному, всепоглощающему властолюбію и алчности, которыя дѣлали его неспособнымъ на другія чувства и увлеченія, то и тогда едва ли логично приписывать Меншикову связь съ маріенбургской плѣнницей, которую нельзя доказать фактическими данными. Что касается Дарьи Арсеньевой, которая представляетъ собою рѣдкій примѣръ глубокой самоотверженной любви къ одному челонѣку, то немислимо, чтобы она согласилась держать при себѣ три года его

¹⁾ Ibid., кн. 7-я, стр. 237.

²⁾ Ibid., кн. 9, стр. 68.

бывшую любовницу, молодую и красивую, и настолько хорошо относиться къ ней, чтобы заслужить ея признательность. Екатерина Крузе вмѣстѣ съ царемъ въ Кіевѣ присутствуетъ (въ 1706 г.) на бракѣ Меншиковыхъ и по пріѣздѣ въ Петербургъ пишетъ имъ письмо, въ которомъ съ благодарностью вспоминаетъ объ «особливо милостивомъ отношеніи къ ней Дарьи Михайловны»¹⁾.

V.

Въ октябрѣ 1703 года, дѣвицы Арсеневы переѣхали изъ хормъ царевны Натальи въ Нѣмецкую слободу, въ богато убранный домъ, подаренный царемъ Меншикову, гдѣ жили его сестры²⁾. Около этого же времени Екатерина Крузе была, повидимому, причислена къ женскому персоналу прислуги Арсеневыхъ, которую главнымъ образомъ составляли плѣнницы изъ вновь завоеванныхъ провинцій. Во всякомъ случаѣ, Меншиковъ не могъ раньше конца 1703 года отнять Екатерину у полковницы Балкъ или выбрать изъ множества плѣнныхъ, присланныхъ въ Москву Шереметевымъ, и подарить ее Д. М. Арсеневой. Вновь назначенный генералъ-губернаторъ Ингріи и возникающаго города С.-Петербурга, послѣ долгаго отсутствія, только къ праздникамъ прибылъ въ Москву съ царемъ, который хотѣлъ встрѣтить новый 1704 годъ въ старой столицѣ.

Разказы о томъ, что Меншиковъ заранѣе приготовилъ красивой Маріенбургской плѣнницѣ роль царской любовницы, уже потому лишены всякаго основанія, что царь въ это время былъ сильнѣе, чѣмъ когда либо, увлеченъ Анной Монсъ, и никакіе разговоры не могли поколебать его довѣрія къ ней.

Петръ Великій, при всей своей страстной и порывистой природѣ и увлеченіяхъ, отчасти дѣйствительныхъ, а еще болѣе преувеличенныхъ молвою, отличался способностью къ прочному и глубокому чувству. Такой характеръ носила и его десятилѣтняя привязанность къ Аннѣ Монсъ, дочери золотыхъ дѣлъ мастера, которая, по отзывамъ современниковъ, отличалась рѣдкой красотой и

¹⁾ Въ письмѣ отъ 4-го октября 1706 года Екатерина пишетъ Меншиковымъ изъ Петербурга:

«Милостивый государь нашъ князь Александръ Даниловичъ. Здравіе вашего сіятельства, купно и съ княгинею (особливо къ намъ милостивою), Дарьєю Михайловною, десница Вышняго счастливо да соблюдаетъ. Зѣло мы благодарны за писаніе вашего сіятельства, которое на нынѣшней почтѣ получили, о чемъ и впредь просимъ, дабы не забвенны были въ милости вашей. При семъ здравіе ваше обоихъ къ намъ милостивыхъ патროновъ Господу въ сохраненіе предаемъ. Катерина и Толстая со всякимъ должнѣйшимъ и нижайшимъ поклономъ остаемся». («Русск. Архивъ», 1875 г., кн. 7, стр. 247).

²⁾ Ibid., «Русскій Архивъ», 7, стр. 240.

граціей ¹⁾. Петръ, бывая въ Москвѣ, часто навѣщаль ее; и при всей своей бережливости въ личныхъ расходахъ, доходившей до скупости, не жалѣлъ на нее денегъ и щедро надѣлялъ цѣнными подарками. Еще въ 1703 году, по ея письму отъ 11-го сентября, посланному въ Петербургъ, онъ пожаловалъ ей громадное дворцовое село Дудино, въ Козельскомъ уѣздѣ ²⁾.

Между тѣмъ, въ Москвѣ все упорнѣе стали ходить слухи, что нѣмка «Монсова» влюблена въ прусскаго посланника Кейзерлинга, и что онъ сдѣлалъ ей предложеніе. Но, по прибытіи Петра въ древнюю столицу, несмотря на общую ненависть къ Монсамъ, никто не рѣшался сообщить ему непріятную новость изъ боязни ли навлечь на себя его гнѣвъ или по недостатку уликъ; и все шло по-старому. Поэтому внезапная немилость царя къ обворожившей его красавицѣ была для всѣхъ неожиданностью и послужила поводомъ къ разнымъ толкамъ и розсказнямъ. Между прочимъ, сочинена была цѣлая исторія, въ которой вмѣсто Кейзерлинга дѣйствующимъ лицомъ явился случайно утонувшій въ то время молодой саксонецъ Кѣнигсекъ; въ платѣ его будто бы найдено было любовное письмо и доставлено царю и проч. Съ другой стороны, враги Меншикова не замедлили все приписать его пронырству. Рассказывали, что Анна Монсъ, не зная, какъ сообщить царю о перемѣнѣ своихъ чувствъ, обратилась къ своему тайному недоброжелателю Меншикову и просила его содѣйствія. Меншиковъ выказалъ полную готовность услужить ей, но потребовалъ письменнаго удостовѣренія въ томъ, что она желаетъ выйти замужъ за прусскаго посланника, и вручилъ царю.

Во всякомъ случаѣ, произошелъ ли разрывъ при участіи Меншикова, или помимо его, — измѣна была очевидная, и Петръ Великій узналъ о ней. Онъ рѣшилъ лично переговорить съ Анной Монсъ и, добившись признанія, осыпалъ ее упреками, отнялъ недавно подаренное село Дудино и всѣ драгоценности, и оставилъ ей только пожалованный имъ домъ въ Нѣмецкой слободѣ, близъ кирки ³⁾. По однимъ извѣстіямъ, царь, успокоившись, разрѣшилъ Аннѣ Монсъ вступить въ бракъ съ Кейзерлингомъ; по другимъ — бракъ совершенъ противъ воли царя.

¹⁾ Исторія Петра Великаго Устрялова, IV, стр. 33 и слѣд., кн. II.

²⁾ Ibid., кн. II, прим. 218.

³⁾ Вскорѣ, послѣ разрыва съ царемъ, Анна Монсъ была посажена подъ арестъ съ своей сестрой, полковницей Балкъ, за тѣ злоупотребленія, которыя «позволяли себѣ Монсы. Пользуясь снисхожденіемъ царя, они ходатайствовали по дѣламъ внѣшней торговли и всѣми способами обирали своихъ кліентовъ»... По «дѣлу Монсовой» было заключено до тридцати человѣкъ (Устряловъ, IV, кн. II, прим. II). Въ мартѣ 1706 года, прусскій посланникъ Кейзерлингъ билъ челомъ царю, чтобы Аннѣ Монсовой, съ сестрой Балкъ, дозволено было ѣздить въ кирку, на что и дано было разрѣшеніе (Устряловъ, IV, кн. I, стр. 149). Время освобожденія Анны Монсъ изъ-подъ ареста неизвѣстно. Что касается ея дальнѣйшей судьбы, то

VI.

По многимъ даннымъ, сближеніе царя съ Екатериной Крузе было случайное. Меншиковъ не имѣлъ никакой необходимости содѣйствовать этому сближенію или готовить его, и не могъ играть той роли, какую впоследствии приписали ему. Онъ только не замедлил воспользоваться благоприятными условіями для своихъ цѣлей.

Царь, часто бывая въ домѣ своего любимца, гдѣ тогда жили обѣ Арсеневы, встрѣчалъ въ числѣ другихъ прислужницъ Екатерину, которая могла обратить на себя его вниманіе своеобразной, отличавшей ее красотой. Переменная въ судьбѣ маріенбургской плѣнницы должна была совершиться быстро, при нетерпѣливомъ характерѣ Петра Великаго, не знавшаго ни удержки, ни препятствій въ своихъ желаніяхъ. О сопротивленіи со стороны Екатерины, конечно, не могло быть и рѣчи. Меншиковъ, угрождавшій во всемъ гениальному преобразователю, старался заслужить и расположеніе Екатерины, и, по свидѣтельству современниковъ, щедро надѣлилъ ее нарядами и драгоценностями. Дарья Михайловна, полюбившая подаренную ей плѣнницу «за ея веселость и вѣжливое обхожденіе», также должна была неизбѣжно измѣнить свое обращеніе съ нею, сообразно ея новому положенію.

Тѣмъ не менѣе, по внѣшности, все было попрежнему. Екатерина Крузе осталась жить въ домѣ Меншикова, подъ видомъ прислуги Арсеневой; и о ней не было пока никакихъ слуховъ въ Москвѣ. Царь не хотѣлъ разглашать своей новой связи потому ли, что не придавалъ ей въ это время серьезнаго значенія, или же, въ виду недавняго разрыва съ Анной Монсъ, считалъ неудобнымъ возбудить праздные толки, по поводу своего вторичнаго увлеченія «иноземкой».

Между тѣмъ, бывшая маріенбургская плѣнница, очутившись неожиданно въ компаніи дѣвицъ Арсеневыхъ, Меншиковыхъ, Анисьи Толстой и въ обществѣ царя и его всемогущаго любимца, держала себя со свойственнымъ ей тактомъ, выручавшимъ ее во всѣ трудныя минуты жизни. Она продолжала почтительно отно-

---

сохранилось духовное завѣщаніе Анны, урожденной Монсъ, вдовы Кейзерлинга, по которому она оставляла все свое движимое имущество и драгоценности будущему своему супругу, шведскому плѣнному офицеру Карлу фонъ-Миллеру. Но, по смерти Анны, въ Москвѣ въ 1714 г., ея мать и юный въ то время братъ Вилимъ Монсъ, которому суждено было играть многозначительную роль въ жизни второй супруги Петра Великаго, — завладѣли всѣмъ имуществомъ умершей вдовы Кейзерлинга. Капитанъ фонъ-Миллеръ отосланъ былъ въ Преображенскій приказъ, гдѣ содержался педь карауломъ долгое время. («Русск. Арх.», 1875, кн. II, стр. 258; *ibid.*, кн. X, стр. 251).

ситься къ своимъ «милостивымъ патронамъ», какъ она называла Меншикова и Д. М. Арсеньеву. Съ царемъ она держала себя крайне осторожно; присматривалась къ его характеру и наклонностямъ, исполняла беспрекословно всѣ его требованія и прихоти; и, развлекая своей веселой болтовней, сумѣла вполнѣдствіи не только заслужить его любовь и уваженіе, но даже въ извѣстныхъ случаяхъ заставить его уступать ея желаніямъ. Онъ никогда не тяготился ея обществомъ, и всегда, встрѣчая въ ней внимательную слушательницу, увѣренный въ ея сочувствіи и пониманіи, привыкъ дѣлиться съ нею своими мыслями и планами, тосковалъ въ разлукѣ съ нею.

Весною, того же 1704 года, Петръ отправился въ Петербургъ, чтобы лично руководить военными дѣйствіями. Въ Лифляндіи и Эстляндіи болѣе разорять было нечего: города лежали въ развалинахъ, помѣстья и села опустѣли; вмѣсто полей виднѣлись полосы необработанной земли; попрятались люди. Но въ прибалтійскихъ земляхъ у шведовъ были еще двѣ сильныя крѣпости: Дерптъ и Нарва, которыя могли быть опасны для Россіи, въ случаѣ наступательной войны со стороны непріятеля. Поэтому Петръ посылалъ приказъ за приказомъ Шереметеву итти и осадить Дерптъ, «пока шведъ увязъ въ Польшѣ, чтобы случая не пропустить, который послѣ найти будетъ нельзя...». Но Шереметевъ медлилъ, оправдываясь тѣмъ, что «сталъ здоровъ не по-старому и ни отъ кого помощи не имѣетъ»; и только въ началѣ іюня подошелъ къ Дерпту и началъ осадныя работы. Наконецъ Петръ, потерявъ терпѣніе, самъ поспѣшилъ къ нему на помощь и, овладѣвъ городомъ 13-го іюля, отправился къ Нарвѣ, гдѣ его ожидалъ Меншиковъ, и гдѣ стояло другое русское войско, подъ начальствомъ фельдмаршала Огильви.

Во время осады Нарвы, по словамъ Есипова, Меншиковъ выписалъ «дѣвицъ» въ лагерь письмомъ отъ 26-го іюля; и онѣ немедленно отправились нѣ путь ¹⁾.

Это была одна изъ многихъ поѣздокъ такого рода, предпринятыхъ отважными подругами Петра и Меншикова; и нерѣдко, жалуясь на тоску разлуки, онѣ сами просили вызвать ихъ. Посѣщеніе многолюднаго лагеря, при любви царя къ веселью и неизбѣжныхъ пиррахъ, было особенно заманчиво для дѣвицъ, послѣ затворнической жизни, которую онѣ вели въ Москвѣ, въ отсутствіе своихъ высокихъ покровителей. Во многихъ походахъ онѣ слѣдовали за арміей въ обозѣ и находились по близости военныхъ дѣйствій или въ самомъ лагерѣ. Ни зимніе морозы, ни распутица и плохія дороги, ни болѣзни и беременность Екатерины не мѣшали ихъ спѣшнымъ переѣздамъ съ мѣста на мѣсто. Не пугали ихъ

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1876 г., книга 7, стр. 242.

ни разбой, совершаемые по дорогамъ, ни близость непріятеля; только въ крайнихъ случаяхъ и въ виду неминуемой опасности имъ посылали отряды солдатъ, для охраны на пути.

Вскорѣ послѣ прибытія въ лагерь Арсеньевыхъ, Екатерины Крузе и неразлучной съ нею съ этого времени Анисьи Толстой, 9-го августа, начатъ былъ штурмъ Нарвы. Несмотря на упорное сопротивленіе шведскаго гарнизона, русскія войска ворвались въ городъ и произвели рѣзню, безъ пощады женщинъ и дѣтей. Черезъ два часа послѣ штурма, въ городъ въѣхалъ царь съ Огильви; и, по обычаю, разослалъ всюду письма съ радостнымъ извѣстіемъ о взятіи двухъ шведскихъ крѣпостей.

Въ Нарвѣ Екатерина встрѣтила шведскихъ офицеровъ, препровожденныхъ сюда, по взятіи Дерпта, вмѣстѣ съ полковникомъ Гейненомъ, въ полку котораго служилъ ея мужъ, Іоганъ Крузе. «Они спрашивали ее: не желаетъ ли она возвратиться къ своему мужу? На это Екатерина сказала, что Іоганъ можетъ дѣлать, какъ хочетъ, она же не желаетъ не только жить съ нимъ, но и видѣть его, такъ какъ въ настоящее время владѣетъ всѣмъ, чего только княгиня могла бы желать» ¹⁾.

Отвѣтъ Екатерины, очевидно вполне искренній, наглядно рисуетъ ея душевное состояніе даннаго момента. Воспитанная изъ милости Глюкомъ, недавняя плѣнница и служанка Арсеньевой, считала великимъ для себя благополучіемъ неожиданную милость царя, которая дала ей всѣ земныя блага: сытую праздную жизнь, роскошь и любимые ею наряды и драгоценности. Но положеніе ея было настолько шаткое, что нужно было имѣть много ума и характера, чтобы удержать его; и Екатерина шагъ за шагомъ въ теченіе многихъ лѣтъ добивалась этой цѣли и достигла ея.

VII.

Въ Нарвѣ Петръ получилъ извѣстіе, что съ Выборгской стороны явилось шведское войско, подъ начальствомъ шведскаго генерала Майделя, и начало стрѣлять въ С.-Петербургскую крѣпость; но вновь назначенный комендантъ Романъ Брюсъ заставилъ непріятеля отступить. Также неудачно окончилось нападеніе шведовъ на Кронштадтъ.

¹⁾ Извѣстіе это вполне достоверно, потому что здѣсь приведены подлинныя слова полковника М. П. фонъ-Гейнена, изъ документа, выданнаго имъ 12-го іюля 1706 года, по прошенію фурьера Іогана Крузе, который хлопоталъ у своего начальства о формальномъ разводѣ съ женой Екатериной, взятой въ плѣнъ русскими при Маріенбургѣ, для вступленія въ бракъ съ Софьей Рихтеръ. (См. Записку по вопросу о происхожденіи Екатерины I К. Феттерлейна. «Вѣстникъ Европы», сентябрь 1896 г., стр. 390).

Между тѣмъ, въ Москвѣ шли приготовления къ предстоящему торжеству, по случаю взятія прибалтійскихъ городовъ. Звонъ всѣхъ московскихъ колоколовъ возвѣстилъ жителямъ о прибытіи царя съ Меншиковымъ въ древнюю столицу; побѣдители прошли черезъ семь триумфальныхъ воротъ, въ сопровожденіи плѣнныхъ, за ними слѣдовали знамена и пушки, отбитыя у непріятели. На перекресткахъ улицъ, по которымъ двигалась процессія, обыватели выставили на столахъ яства и напитки, и угощали побѣдителей и плѣнныхъ, по старинному обычаю.

Вслѣдъ за царемъ и Меншиковымъ вернулись въ Москву изъ Нарвы дѣвцы Арсеньевы съ Толстой и Екатериной Крузе, у которой вскорѣ родился первенецъ, названный Петромъ, а именно въ октябрѣ 1704 года.

Едва ли въ это время Петръ чувствовалъ особенную привязанность къ молодой плѣнницѣ, въ виду неизмѣримой нравственной и умственной разницы между ними. Но рожденіе сына должно было скрѣпить эту связь, судя по сохранившемуся отрывку шуточного письма Петра, отъ начала марта 1705 года, въ которомъ проглядываетъ сердечное отношеніе къ первенцу Екатерины, котораго у него никогда не было къ законному старшему сыну, Алексѣю. Онъ уже второй мѣсяцъ въ Воронежѣ, весь поглощенъ любимымъ дѣломъ, строить и спускаетъ суда; но мысль о новорожденномъ сынѣ не оставляетъ его. Получивъ извѣстіе, что Арсеньевы съ Екатериной собираются въ Витебскъ къ Меншикову, онъ проситъ ихъ не покидать его сына и позаботиться о немъ:

...«Иарѣтка веселюсь. Да, пожалуйста, матушки, не покиньте моево Петрушка. Матушки мои, пожалуйста, прикажите здѣлать сыну моему платьѣ и какъ вы изволите ѣхать и вы пожалуйста прикажите, чтобъ ему было пить—ѣсть довольно. Да пожалуйста, государыни мои, поклонитесь отъ меня Александру Даниловичу, а въ томъ ваша немилость, что ко мнѣ писать не изволите о своемъ здравіи» ¹⁾).

Петръ также собирался въ Витебскъ, какъ видно изъ письма его къ Меншикову, отъ 19-го апрѣля, но болѣзнь заставила его прожить около мѣсяца въ Москвѣ. Только въ концѣ мая царь отправился въ Литву къ войскамъ, посланнымъ на помощь польскому королю Августу, въ силу оборонительнаго, заключеннаго съ нимъ союза, противъ шведовъ (19-го августа 1704 г.). Кромѣ того, королю обѣщана была ежегодная денежная субсидія въ 200.000 рублей до окончанія войны ²⁾).

Обязательство, принятое на себя царемъ въ отношеніи союзника, легло тяжелымъ бременемъ на Русское государство, обезси-

¹⁾ Письма и бумаги Петра Великаго. Спб. 1893. № 785 (Начало письма не существуетъ).

²⁾ П. Соб. Зап., IV, № 1991. Письма и бумаги Петра Великаго, III, № 970.

ленное затянувшейся войной, и потребовало новыхъ жертвъ. Помимо этого, нужны были люди и деньги для продолженія войны, для заселенія и укрѣпленія отнятыхъ у непріятели городовъ и крѣпостей, сооруженія столицы и крѣпости среди сѣверныхъ болотъ и лѣсовъ, для созданія флота, прокладки и устройства дорогъ и пр. Люди и деньги брались всюду; постоянно изобрѣтались новые способы умноженія доходовъ; преобразовано монетное дѣло. Длинный рядъ указовъ Петра Великаго свидѣтельствуесть объ его стремленіи развить русскую торговлю и промышленность и поднять уровень образованія. Но пока приходилось ограничиваться одними правительственными распоряженіями: нужно было время и болѣе благопріятныя условія, чтобы увеличить народное благосостояніе. Не могло сразу двинуться русское образованіе.

Прежняя дикость нравовъ отражалась на всемъ строѣ русской жизни, сказывалась въ чрезмѣрномъ пьянствѣ, всякихъ безчинствахъ, общемъ безправіи и раболѣпствѣ, казнокрадствѣ и взяточничествѣ, уличныхъ дракахъ и убійствахъ среди бѣла дня. Ночью въ самой Москвѣ воры цѣлыми шайками врываются въ дома, убивали и грабили прохожихъ. Попрежнему велась упорная борьба правительства съ повсемѣстными разбоями. Въ 1702 году пришлось послать цѣлую роту въ Костромской и Галицкій уѣзды противъ знаменитыхъ разбойниковъ-помѣщиковъ: Петра Сипягина, Ивана Сологуба, Никиты Жданова, Полозовыхъ, Захаровыхъ и Шишкиныхъ, которые со своими крѣпостными нападали на деревни, убивали людей, грабили, «огнемъ жгли»¹⁾.

При такомъ состояніи тогдашней Россіи, Петръ не могъ встрѣтить сочувствія своей преобразовательной дѣятельности среди темной некультурной массы, составлявшей большинство русскаго общества. Ропотъ и негодованіе возбуждали указы великаго царя, относящіяся къ искорененію семейнаго рабства, навязаннаго татарскимъ игомъ, насильственныхъ браковъ и затворничества женщинъ, отмѣна котораго была началомъ новой эры въ бытѣ русскаго общества. Недовольны были подданные Петра и такими нововведеніями, какъ счетъ новаго года съ 1-го января, перемѣна длиннаго азіатскаго платья на общеевропейское, обязательная служба дворянъ, посылка русскихъ юношей за границу для изученія наукъ и художествъ и пр. Не нравилось многимъ и запрещеніе подписываться уменьшительными именами на прошеніяхъ, падать на колѣни передъ царемъ, снимать зимою шапки передъ дворцомъ. Но Петръ, повторяя одни и тѣ же указы настойчиво требовалъ ихъ исполненія и крутыми мѣрами все болѣе и болѣе возбуждалъ противъ себя неудовольствіе. Въ народѣ сочинялись цѣлыя легенды о Петрѣ, въ которыхъ сказывалось явное противъ него недоброжелательство.

¹⁾ С. Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XV, стр. 113, изд. 1865 г.

тельство; его называли Антихристомъ, говорили, что онъ не настоящій царь, а «замѣненный». Тѣмъ не менѣе условія русской жизни были настолько тяжелы для всѣхъ, что сознание необходимости реформъ и чего либо новаго уже назрѣло въ лучшей, пока незначительной, части русскаго общества. Приверженцы иноземныхъ обычаевъ были и при дворѣ Алексѣя Михайловича, и число ихъ все увеличивалось. Успѣху преобразованій Петра помогло и его умѣние окружить себя наиболѣе умными и даровитыми людьми своего времени и подготовить изъ нихъ себѣ достойныхъ сподвижниковъ. Созданію новой объединенной Россіи помогли и несложныя формы тогдашняго государственнаго управления, способствовавшія скорому осуществленію плановъ гениальнаго преобразователя.

Главная и наибольшая трудность дѣятельности Петра Великаго заключалось въ томъ, что преобразованія шли одновременно съ войнами, которыя въ силу исторической необходимости онъ долженъ былъ вести въ продолженіе всего своего царствованія, хотя не стремился къ славѣ полководца и не любилъ войны для войны. Но и здѣсь, какъ и въ дѣлѣ преобразованій, онъ неуклонно шелъ къ цѣли, мирился съ неудачами и умѣлъ выносить ихъ. Весьма характеренъ для Петра случай съ Шереметевымъ, лѣтомъ 1705 г., во время пребыванія Петра въ Литвѣ. Шереметевъ, отправленный царемъ въ Курляндію противъ Левенгаупта, по собственной оплошности, 15-го іюля былъ разбитъ шведами при Муръ-мызѣ; и, извѣщая о томъ царя, объяснялъ свое пораженіе тѣмъ, что «русская конница ударила на непріятеля старымъ обычаемъ, безстройно». Петръ, утѣшая фельдмаршала, имя котораго была связано съ первыми успѣхами русскаго оружія надъ шведами, писалъ ему: «Не извольте о бывшемъ несчастіи печальны быть (понеже всегдашняя удача много людей ввела въ пагубу), но забывать и паче людей ободрять» ¹⁾.

Затѣмъ Петръ, отправивъ Шереметева на лѣвый берегъ Двины противъ Риги «сторожить» шведовъ, двинулся съ войсками къ Митавѣ и послѣ 17-тидневной осады 2-го сентября взялъ столицу Курляндіи ²⁾, о чемъ немедленно написалъ въ Москву Ромодановскому. Екатеринѣ Крузе онъ сообщилъ о своей побѣдѣ особымъ письмомъ и изъявилъ желаніе видѣть ее.

VIII.

Екатерина Крузе, вернувшись изъ лагеря въ Москву съ Арсеньевыми, лѣтомъ 1705 года, попрежнему поселилась съ ними, въ домѣ Меншикова, гдѣ у ней родился второй сынъ Павелъ, о которомъ упомянуто въ коллективномъ посланіи «дѣвницъ» отъ 6-го

¹⁾ Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XV, стр. 170.

²⁾ Голицыновъ, Дѣян. П. Вел., т. II, изд. 1788 г., стр. 180—181.

октября: «Радость наша, государь милостивый, дарагой капитанъ... Поздравляемъ милости твоей, что за твоими трудами Митавскій замокъ взятъ. Также и мы здѣсь чрезъ твои труды нѣкоторую забаву себѣ получили; и мы о семъ зѣло милость твою благодарствуемъ, чего и впредь желаемъ. Челомъ бьемъ, батюшка мой, за милость твою, что изволишь желать видить насъ при милости своей, чего мы недостойны чемъ слезно милости просимъ чтобы видить милость вашу. Засемъ здравіе твое въ сохраненіе Божіе предаемъ. Анна Меншикова, Варвара (Арсеньева)... Катерина сама третья. Тетка несмышленная, Дарья глупая. Засемъ Петръ и Павель, благословенія твоего прося, челомъ бьютъ¹⁾).

Мы не знаемъ, какъ принялъ государь извѣстіе о рожденіи второго сына. Сохранилось только письмо Меншикова, отъ 27-го числа того же мѣсяца, въ которомъ онъ поздравляетъ Арсеневыхъ «новорожденнымъ, съ матерью его и со всей кампаніей»²⁾).

Но, повидимому, прежнія дружескія отношенія продолжались. Петръ, по пріѣздѣ въ Москву въ декабрѣ, пишетъ своему любимцу: «сестру вашу и прочихъ въ домѣ вашемъ обрѣлъ въ добромъ здоровьи и вамъ кланяются»... Въ отвѣтъ на это Меншиковъ, сообщая изъ Гродно царю о ходѣ военныхъ дѣйствій, проситъ не беспокоиться о немъ: «Изволь государь, какъ сестру, такъ и прочихъ обнадежить, чтобы онѣ не печалились, понеже мы здѣсь никакой страсти не имѣемъ и пребываемъ всегда въ веселии»³⁾).

Царь, по обычаю, весело провелъ праздникі въ древней столицѣ со своими приближенными, а въ день новаго 1706 года, послѣ богослуженія устроилъ у себя званый обѣдъ, къ которому, кромѣ знатныхъ людей, приглашены были духовные и разныхъ чиновъ люди. Въ ту же ночь, царь, въ сопровожденіи двухъ денщиковъ, отправился въ Польшу къ войскамъ.

Съ его отъѣздомъ для дѣвицъ Арсеневыхъ и прочей «кампаніи» наступили скучные однообразные дни, какъ видно изъ ихъ посланій, въ которыхъ, жалуясь на разлуку, онѣ просятъ «не оставлять ихъ». «Да сохранить твою милость десница Божія и съ любимымъ товарищемъ,—пишетъ царю Анна Меншикова съ подругами, 6-го марта 1706 года.—Въ горести дни свои проводимъ безъ милости вашей. Потому батюшка, если будетъ благополучное время не оставьте насъ. Всегдашнія услужницы Анна худенькая, Катерина, Варвара и Дарья челомъ бьютъ»⁴⁾).

¹⁾ Письма и бумаги Петра Великаго, т. III Спб. 1893 г., прим., стр. 954
Петръ и Павель, сыновья Екатерины Крузе, повидимому, жили недолго, потому что о нихъ больше нигдѣ не сказано въ современныхъ извѣстіяхъ.

²⁾ «Русскій Арх.», 1875 г., кн. 7, стр. 244—245.

³⁾ Письма и бумаги Петра Великаго. Томъ третій, № 1006, прим., стр. 1061.

⁴⁾ Устряловъ. Исторія Петра Великаго, IV, часть II, прим. II, № 378.

Въ отвѣтъ на это письмо дѣвицы получили приказъ ѣхать немедленно въ Нарву ¹⁾, куда прибыли и царь съ Меншиковымъ и провели съ ними Пасху.

Изъ Нарвы Меншиковъ вернулся обратно въ лагерь, а Петръ отправился въ Петербургъ и взялъ съ собою Екатерину и прочихъ и помѣстилъ ихъ на Троицкой площади въ домъ Меншикова. Несмотря на весеннюю распутицу, обратившую болотистую почву въ топкую грязь, и другія неудобства, онъ былъ въ такомъ восторгѣ, при видѣ основаннаго имъ приморскаго города, разросшагося въ его отсутствіе, что писалъ своему любимцу: «Истинно, что въ раю здѣсь живемъ!»...

Но еще много было кругомъ пустырей, непроходимыхъ болотъ и лѣсовъ, нужно было расширить и укрѣпить городъ, заселить берега многоводной рѣки, создать морской и рѣчной флотъ. 30-го мая 1706 года, въ день Исаакія Далматскаго, вмѣсто прежней земляной начато сооруженіе каменной С.-Петербургской крѣпости, и царь положилъ первый камень въ основаніе бывшаго земляного бастиона Меншикова. Противъ крѣпости, на лѣвомъ берегу Невы положено было начало адмиралтейства, которое сперва обложено небольшимъ землянымъ валомъ и огорожено палисадникомъ; и внутри устроены магазины деревянные и посреди небольшая деревянная башня со шпиремъ. Ворота было устроено трое и шесть подъемныхъ мостовъ; при воротахъ караульни и гауптвахта. Тогда же заложены были верфи для постройки всякихъ судовъ, на Васильевскомъ острову у гавани, въ Кронштадтѣ, а также верфь, доки и галерный дворъ при адмиралтействѣ. На лугу, противъ воротъ, началъ большой чертежный амбаръ, заложены смольня и прядильня канатовъ, деревянный магазинъ для храненія корабельнаго лѣса и проч. За адмиралтействомъ къ Мойкѣ тянулся всюду лѣсъ. Частныхъ жилищъ пока было мало, а по берегу селились больше адмиралтейскіе плотники и морскіе служители. Тогда же началъ застраиваться частными и казенными постройками Васильевскій островъ по берегамъ Невы, Большой и Малой Невки. Ближе къ морю, на пустынномъ острову, покрытомъ мелкой порослью, Петръ приказалъ себѣ построить деревянный дворецъ ²⁾, отъ чего и островъ названъ Петровскимъ ³⁾.

¹⁾ Поѣздками такого рода, повидимому, завѣдывалъ Меншиковъ, судя по тому, что, въ данномъ, случаѣ управляющій его дѣлами въ Москвѣ, Кузьма Думашевъ, спрашивалъ его письмомъ отъ 17-го марта. «Прикажешь ли мнѣ рабу твоему ѣхать съ дѣвицами въ Нарву и на тамошніе на всякіе расходы сколько и у кого деньги взять». («Русскій Архивъ», 1875 г., книга 7, стр. 246).

²⁾ Дворецъ за ветхостію былъ разобранъ въ 1765 году, по приказу императрицы Екатерины II, и выстроенъ вновь на каменномъ основаніи и снабженъ отмынно внутреннимъ уборомъ (описаніе С.-Петербурга Богданова, стр. 63).

³⁾ Въ слѣдующемъ 1707 году, для скорѣйшаго окончанія работъ въ Петербургѣ, Кроншлотѣ, на Котлинѣ островѣ и въ разныхъ окрестныхъ мѣстахъ,

Петръ прожилъ въ С.-Петербургѣ всю весну и часть лѣта, и только въ іюнѣ поѣхалъ въ Смоленскъ, откуда вмѣстѣ съ Меншиковымъ и дѣвицами отправился въ Кіевъ, какъ видно изъ доносенія Ѳ. А. Головину смоленскаго губернатора Салтыкова: «Великій государь пришелъ въ Смоленскъ въ 17-й день сего мѣсяца; Даниловичъ пріѣхалъ въ 18-й день. Дѣвицы пріѣхали того же дня. А изъ Смоленска благоволилъ итти водою на стругахъ и съ нимъ Даниловичъ съ домашними своими»... ¹⁾.

Въ Кіевѣ произошло важное для «дѣвицъ» событіе, измѣнившее условія ихъ интимной жизни. 18-го августа совершилось бракосочетаніе Меншикова съ Дарьей Арсеньевой, которое было отпраздновано веселымъ пиршествомъ; а черезъ день Петръ спѣшно, по своему обыкновенію, уѣхалъ въ С.-Петербургъ. За нимъ слѣдовала Екатерина съ Анисьей Толстой, и по прибытіи были водворены въ новомъ царскомъ дворцѣ на Петровскомъ острову. Наступала осень. 7-го сентября съ моря подулъ вѣтеръ, и произошло одно изъ частыхъ въ то время наводненій, составлявшихъ немалое бѣдствіе для новаго города, и на этотъ разъ оно было особенно сильно. Неизвѣстно, на какую высоту поднялась вода на низменномъ Петровскомъ острову, близкомъ къ морю, гдѣ въ новомъ, только что выстроенномъ деревянномъ дворцѣ жила тогда Екатерина Крузе. Но, по всѣмъ даннымъ, она сохранила никогда не измѣнявшее ей присутствіе духа и обычную веселость.

Петръ также не былъ огорченъ наводненіемъ, судя по его письму къ Меншикову отъ 11-го сентября 1706 года. «Изъ парадеза или Санктптербурха. Третьяго дня вѣтромъ такую воду нагнало, какой сказываютъ, и не бывало. У меня въ хоромахъ была сверху полу 21 дюймъ, а по огороду и на другой сторонѣ по улицѣ свободно ѣздили въ лоткахъ; однакожъ не долго держалось, менши 3 часовъ. И зѣло было утѣшно смотрѣть, что люди по кровлямъ и по деревьямъ будто во время потопа сидѣли не точію мужики, но и бабы. Однакожъ, хотя зѣло велика была, а бѣды великой не сдѣлала» ²⁾.

Петръ опредѣлялъ на 1708 годъ «быть сорока тысячамъ работникамъ, изъ которыхъ первую половину поставить въ Петербургъ въ исходѣ марта или въ первыхъ числахъ апрѣля. Всѣ провинціи, исключая только Сибирь, Астрахань и Малую Россію, по числу дворовъ должны были оныхъ дать. Его Величество опредѣлялъ симъ работникамъ производить плату по полтинѣ въ мѣсяцъ и сверхъ того на пропитаніе ихъ давать хлѣбъ и прочее изъ казны же... Изъ числа сихъ работниковъ назначилъ государь для строенія С.-Петербуркскаго крѣпости, оберъ-коменданту оныя ген.-маіору Брюсу по осьми, а на прочія работы оберъ-комиссару надъ строеніемъ Г. Синявину по двѣнадцати тысячъ человекъ»... (Дополненія къ дѣяніямъ Петра Великаго, Голикова. Томъ VII. М. 1791 г., стр. 429—430).

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1875 г., кн. 7, стр. 246.

²⁾ Письма и бумаги императора Петра Великаго, изд. 1900 г., томъ IV, № 1349.

IX.

Въ декабрѣ 1706 года, Екатерина Крузе вернулась въ Москву, куда на праздники собирался пріѣхать и царь, но, получивъ тревожныя вѣсти изъ лагеря, отправился вмѣсто этого въ Польшу. Въ его отсутствіе у Екатерины родилась дочь, названная ея именемъ, о которой царь писалъ ей и Анисѣ Толстой изъ Жолквы, 8 января 1707 года:

«Госпожи тетка и матка! Писмо ваше, въ которомъ вы пишете о нововыѣжжѣей Катерине я принель; слава Богу, что здорово въ рожденїи матери было, а что пишете къ миру (по старой пословице) і ежели такъ станетца, то мочно болше раду быть дочери нежели двумъ сынамъ. О приѣзде вашемъ я уже вамъ говорилъ и симъ писмомъ такоже поттверждаю: приѣзжайте на Кіеѣ не мешкаѣ; изъ Кіева отпишите, а не отписаѣ не ѣздите для того что дорога отъ Кіева не очень чиста. При семъ посылаю подарокъ матери и зъ дочьрюю.

«Piter» ¹⁾.

Черезъ мѣсяцъ, 6-го февраля, царь снова отдаетъ приказъ Екатеринѣ и Анисѣ Толстой, чтобы онѣ немедленно пріѣхали къ нему; затѣмъ 15-го февраля пишетъ имъ, что «если онѣ не поспѣютъ, то дожидались бы его въ Дубнѣ или Острогѣ», гдѣ онъ хотѣлъ осмотрѣть укрѣпленїя.

Неизвѣстно, что задерживало Екатерину Крузе въ Москвѣ, и почему царь, противъ своего обыкновенїя, терпѣливо ждалъ ея пріѣзда полтора мѣсяца. По многимъ даннымъ, именно въ это время Екатерина была присоединена къ православію священникомъ на Сѣняхъ Кремлевскаго дворца, Василиемъ Высоцкимъ ²⁾. Восприемниками ея были: пожилая царевна Екатерина Алексѣевна (род. въ 1656 году) и царевичъ Алексѣй, по имени котораго она стала называться Екатериной Алексѣвной. Церемонїя происходила въ церкви, при теремѣ царевнѣ, которая, пользуясь отсутствїемъ Петра, и возмущенныя его связью съ некрещенной иноземкой, могли, заодно съ вдовствующими царицами: Марею и Парасковѣй, убѣдить Екатерину принять православіе.

Хотя при церемонїи въ кремлевской церкви не могло быть постороннихъ свидѣтелей, но о ней, по слухамъ, вѣроятно, узнали проживавшіе въ Москвѣ иностранцы, и, не понимая ея значенїя, распространили повторяемое во многихъ мемуарахъ того времени

¹⁾ Письма русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства. Москва. 1861 г., стр. 1.

²⁾ См. о Высоцкомъ въ «Русск. Архивъ» 1874 г., кн. 3, стр. 578—579.

извѣстіе о бракѣ Петра Великаго въ 1707 году. Во всякомъ случаѣ, прямымъ доказательствомъ принятія православія Екатериной Крузе около этого времени служитъ письмо царевича Алексѣя отъ апрѣля 24 слѣдующаго 1708 года, гдѣ онъ называетъ ее Екатериной Алексѣевной.

«Катерина Алексѣевна, Анисья Кирилловна здравствуйте на множество лѣтъ!

«За писание ваше zelo благодарствую, і впредь сего желаю всегда.

«Алексѣй» ¹⁾).

Во второй половинѣ февраля 1707 года Екатерина Алексѣевна и Толстая пріѣхали къ царю въ Дубно и вмѣстѣ съ нимъ отправились въ лагерь. Здѣсь, по случаю перерыва военныхъ дѣйствій, на ряду съ маневрами и смотрами происходили частые пиры, устраиваемые преимущественно Меншиковымъ, иногда самимъ царемъ или кѣмъ либо изъ его приближенныхъ. Особенно многочисленныя пиры, сопровождаемые шумными попойками и фейерверками, бывали въ годовщины побѣдъ, въ именины и день рожденія царя и въ церковныя праздники.

29-го іюня Петръ праздновалъ свои именины въ Якововичахъ, близъ Люблина; и тутъ, среди общаго веселія, прусскій посланникъ Кейзерлингъ неожиданно обратился къ царю съ просьбой, чтобы онъ привялъ на службу Вилима, брата Анны Монсъ. Царь отвѣтилъ съ раздраженіемъ, что ни о ней, ни ея родственникахъ ничего знать и слышать не желаетъ. Меншиковъ, отуманенный винными парами и недавно полученнымъ титуломъ свѣтлѣйшаго князя Римскаго и Россійскаго государства, вступилъ въ перебранку съ Кейзерлингомъ, толкнулъ его и, получивъ пощечину, обнажилъ шпагу. Петръ также обнажилъ шпагу и объявилъ, что будетъ драться съ посланникомъ. Шафировъ съ трудомъ успокоилъ царя и Меншикова, а присутствовавшіе при этомъ гвардейцы вытолкали изъ дверей Кейзерлинга, который тотчасъ послалъ нарочнаго къ прусскому королю съ извѣстіемъ о случившемся. Но дѣло окончилось благополучно. Кейзерлингъ послалъ извинительныя письма царю и Меншикову, которые съ своей стороны предложили предать смертной казни двухъ гвардейцевъ, наиболѣе виновныхъ въ оскорбленіи посланника; но по его просьбѣ они были помилованы ²⁾).

Между тѣмъ, изъ Россіи приходили тревожныя вѣсти: на востокѣ и юго-востокѣ было неспокойно; волновались башкиры и казаки. Бунтъ разгорался все болѣе и болѣе, охватилъ Каму, По-

¹⁾ Письма русскихъ государей и пр., III, М., 1862 г., № 10, стр. 7.

²⁾ «Русск. Архивъ», 1875 г., кн. 9, стр. 50—51. Сб. Имп. Русск. Ист. Общ., т. 39, Донесенія англійскаго посланника Витворта, стр. 410, 416.

воложье до Астрахани и Донъ; пылали села и деревни; мятежники грабили, убивали и уводили въ плѣнъ жителей. Приходилось высылать противъ нихъ войска. На Дону гулялъ «воръ» Булавинъ; и Петръ самъ собирался ѣхать туда, чтобы подавить казацкое возстаніе.

Въ августѣ Карлъ XII двинулся со своими войсками изъ Саксоніи въ Польшу; и предстояла борьба съ непріятелемъ, численность котораго доходила до 70.000 чел. Меншиковъ выступилъ изъ Польши въ Литву, Шереметевъ съ пѣхотой расположился въ Минскѣ. На военномъ совѣтѣ Петръ отдалъ приказъ избѣгать «генеральной баталіи» и, отступая къ русскимъ границамъ, тревожить непріятеля мелкими стычками, особенно при переправахъ черезъ рѣки. Петръ опять переживалъ тяжелыя минуты; безпокойство его сказывалось въ чрезмѣрной раздражительности по всякому поводу. Между прочимъ, гнѣваясь на адмирала Апраксина, который оставилъ безъ наказанія воеводъ, приславшихъ ему людей не въ надлежащемъ количествѣ, онъ написалъ ему рѣзкое письмо. Апраксинъ сильно оскорбился, и Петръ поспѣшилъ извиниться передъ нимъ: «Скорбите о томъ, что я вамъ писалъ о воеводахъ, и въ томъ для Бога печали не имѣйте, ибо я истинно не съ злобы къ вамъ; но въ здѣшнемъ житьѣ, хотя что малая противность покажется, то приводитъ въ сердце...»¹⁾

Петра особенно мучила неизвѣстность, куда шведскій король направитъ свои войска; и онъ ждалъ, какъ и всѣ, немедленнаго возобновленія войны. Но, къ общему удивленію, Карлъ простоялъ въ бездѣйствіи четыре мѣсяца на лѣвомъ берегу Вислы и далъ время русскимъ военачальникамъ справиться съ мятежниками, гулявшими на Волгѣ и притокахъ Дона, и сосредоточить свои силы противъ Булавина, засѣвшаго въ Черкасскѣ.

Петръ въ напрасномъ ожиданіи прожилъ въ лагерѣ еще два мѣсяца и, наскучивъ бездѣльемъ, отправился съ Екатериной Алексѣвной и Толстой въ Петербургъ, откуда писалъ Меншикову 9 ноября: «Дай Богъ, чтобы у васъ такъ все было хорошо, какъ здѣсь... точію все здѣсь изрядно и весело... тетка и matka велѣли вамъ поклониться». Но, при всей своей любви къ Петербургу, царь въ концѣ декабря все-таки уѣхалъ на праздники въ древнюю столицу, чтобы провести Рождество и день новаго года въ обычной торжественной обстановкѣ. Вслѣдъ за нимъ прибыли въ Москву Екатерина Алексѣвна и Толстая.

Петръ, благочестивый по-своему, знатокъ священнаго писанія, не пропускалъ, по возможности, ни одного праздничнаго богослуженія, пѣлъ на клиросѣ вмѣстѣ съ пѣвчими, исполнялъ въ точности всѣ обряды православной церкви. Но это не помѣшало ему устроить для себя изъ степеннаго святочнаго обычая славленья,

¹⁾ Соловьевъ. Исторія Россіи, изд. 1865 г., т. XV, стр. 232.

своеобразную потѣху, ежегодно повторяемую имъ въ Рождественскіе праздники, къ соблазну набожныхъ людей. «Должно было всѣмъ, кто записаны въ реестръ славильщиковъ, сотовариществовать его величеству... но нѣкіе озмѣливались оное преслушивать. Въ лѣтописи Желябужскаго записано, что Григорей Григорьевъ сынъ Камынинъ битъ плетью за то, что, бывъ записанъ въ славенъе, да не ѣздилъ» ¹⁾).

Одинъ изъ современниковъ Петра изображаетъ его способъ славленья въ такомъ видѣ:

«Петръ славить со своими сановниками, офицерами, боярами, шутами, денщиками и слугами; поютъ разныя пѣсни, сначала духовныя, а потомъ шутовскія и застольныя. Огромнымъ роємъ налетаетъ кампанія въ нѣсколько сотъ человѣкъ въ дома купцовъ и вельможъ; ѣдятъ и пьютъ черезъ мѣру, допиваются до болѣзни. У Меншикова, по этому поводу, разставлены были бочки съ пивомъ и медомъ, и полъ устланъ сѣномъ. Царь и люди его свиты получаютъ отъ хозяевъ посѣщаемыхъ домовъ подарки. Пока продолжается славленъе, сколько ни хлопочи, не добьешься свиданія съ царемъ и съ кѣмъ либо изъ его сановниковъ...» ²⁾).

Секретарь посольской канцеляріи Степановъ въ письмѣ изъ Москвы отъ 29 декабря 1707 г. жаловался Г. И. Головкину, что его величество уже второй день не изволитъ принимать доношеній, присланныхъ Головкинымъ, «понеже забавны были пирами отъ славенья... и княжія письма третій день не читаны» ³⁾).

Въ день новаго 1708 года царь угощалъ у себя знатнѣйшихъ особъ и устроилъ передъ Кремлемъ фейерверкъ, что составляло новость въ Россіи, гдѣ «до временъ Петра Великаго не токмо видали потѣшныя огни, но ниже слышали о нихъ или бѣ хотя бѣ на бумагѣ оныя видѣлъ кто». На слѣдующій день, 2-го января, былъ у царя обѣдъ въ Нѣмецкой слободѣ, куда явился гонецъ изъ лагеря отъ Меншикова съ извѣстіемъ, что шведскій король перешелъ Вислу и двинулся съ войсками въ Литву. Петръ, отпустивъ гонца, оставался съ гостями до вечера, но въ ту же ночь уѣхалъ въ армию ⁴⁾).

Забота его объ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, которую онъ оставлялъ, ничѣмъ не обезпеченную въ чужой для нея сторонѣ, выразилась въ оставленной имъ запискѣ, написанной наканунѣ отъѣзда:

«Ежели, что мнѣ случится волею божиею тогда три тысячи рублеѣвъ, которыя нынѣ на дворѣ господина князя Меншикова, отдать Катерине Василеѣвской съ дѣвочкой» ⁵⁾).

¹⁾ Дополненіе къ Дѣян. П. Вел. Голикова. М. 1791, т. VI, стр. 302.

²⁾ Записки Юста Юля, датскаго посланника при Петрѣ Великомъ. Читенія Ист. и Др. Росс., 1899 г., кн. 3, стр. 129.

³⁾ «Русск. Арх.», 1875 г., кн. 9, стр. 52—53.

⁴⁾ «Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.», т. 39, донесенія англ. посла Витворта, стр. 447.

⁵⁾ «Письма русскихъ государей», М., I, 1861, № 4.

X.

Екатерина Алексѣевна осталась въ Москвѣ, гдѣ въ отсутствіе царя ей, повидимому, приходилось переживать тяжелые дни, среди многочисленной царской родни и непріязненно относившихся къ ней придворныхъ. Насколько непріятно было ея положеніе, видно изъ того, что снова беременная, почти наканунѣ родовъ, несмотря на сильные, бывшіе въ это время морозы и дальній путь, она просить царя отпустить ее съ Толстой въ Петербургъ.

Въ отвѣтъ на это Петръ пишетъ изъ Вильно 29-го января: «Тетка и matka сама друга! (а скоро будетъ і сама третья!) здраѣ-ствуйте, а мы слава Богу здорово.

«Писмо ваше купно і съ презентомъ принялъ и за оныя благодарствую; а что пишете чтобъ къ вамъ всегда добрыя вѣдомости писать, и то я отъ сердца радъ, да какие Богъ дастъ... О ѣзде вашей въ Питербурхъ еще не могу писать, понеже непъриятель ближитца, и не знаемъ еще куды его обороты будутъ, о чемъ немедленно буду писать, увидевъ время, куды вамъ быть, понеже гораздо безъ васъ скучаю. Еще жъ объявляю свою нужду здѣш-нею: ошить и обмытъ нѣ кому, а вамъ нынѣ вскорѣ быть, сами знаете, что нелзя. За симъ предаю васъ въ сохранение божие и желаю васъ въ радости видеть, что дай, дай Боже!..

«PS. При семъ посылаю вамъ презентъ: теткѣ—лимонную материю, маткѣ—по желтой земле да колцо, маленькой — поласатую, дай Боже носить на здорovie» ¹⁾!

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 8-го февраля царь поздравляетъ Екатерину Алексѣевну съ рожденіемъ второй дочери Анны и пишетъ, что «ранѣе конца мѣсяца» не можетъ сказать ничего «подлиннаго» о поѣздкѣ ея въ Петербургъ.

Въ это время никто не зналъ, куда пойдетъ изъ Гродно шведскій король; и это заставляло Петра посылать все новыя и новыя распоряженія о движеніи войскъ и оборонѣ; приходилось укрѣплять не только новую, но и старую столицу, гдѣ еще скорѣе можно было ожидать непріятели. Въ Кремлѣ и Китай-городѣ велѣно быть гарнизону въ 13.000 человекъ, изъ рекрутовъ «гдѣ оныя ни выищутся»: людей боярскихъ безконныхъ, изъ посаду, изъ всѣхъ канцелярій и приказовъ, изъ ратуши и прочихъ мѣстъ. Въ Нѣмецкой слободѣ рѣшено было набрать 2.000 рекрутъ. «Это распоряженіе дало поводъ ко всякого рода насиліямъ. У жившихъ въ слободѣ иностранцевъ забирали слугъ безъ разбора. Дома обыскивались солдатами, и при этомъ много вещей украдено; людей силой вытаскивали изъ-за сѣней на улицу, не обращая вниманія на

¹⁾ Ibid., № 5.

ливрею; со многими обращались грубо» ¹⁾). Конницѣ приказано быть отъ 15 до 20.000 человекъ и армию эту разставить около Москвы для конскихъ кормовъ, такъ чтобъ въ недѣлю могли стать въ Москвѣ; а города: Серпуховъ, Можайскъ и Тверь, по возможности укрѣпить и защитить полисадами. Серебряныя вещи казеннаго приказа, патриаршія и монастырскія и въ прочихъ мѣстахъ велѣно передѣлать въ монеты, «кромѣ самыхъ старыхъ и диковинокъ», и денегъ этихъ не давать въ расходъ безъ особаго указа...

Но Карлъ не двигался изъ Литвы; и царь, пользуясь этимъ, отправился больной въ Петербургъ и тотчасъ по приѣздѣ, какъ означено въ его письмѣ отъ 20 марта, написалъ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и Толстой:

«Тетка і matka здравѣствуйте! Уже съ три недѣли, какъ отъ васъ вѣдомости не имѣю; а межъ тѣмъ слышу, что не очень у васъ здорова. Для Бога приежайте скоряя; а ежели за чѣмъ невозможно скоро быть, отпишите понеже не безъ печали мнѣ въ томъ, что ни слышу, ни вижу васъ... Дай Боже, чтобъ васъ видѣть въ радости скоряя.

«Piter» ²⁾).

Екатерина Алексѣевна оставалась въ Москвѣ по случаю болѣзни и кончины маленькой Екатерины ³⁾); царь тѣмъ болѣе чувствовалъ свое одиночество, что былъ измученъ болѣзнью и не могъ выходить изъ дому. Онъ писалъ канцлеру Головкину въ Москву отъ 6-го апрѣля: «Какъ говорятъ, гдѣ Богъ сдѣлалъ церковь, тутъ и дьяволъ алтарь: хотя я всегда здѣсь, яко въ райскомъ мѣстѣ, здоровъ былъ, понынѣ не знаю, какъ съ собою привезъ лихорадку изъ Польши, ибо всю страстную седмицу мучимъ отъ нея былъ и самой праздникъ, кромѣ начала затрени и Евангелія по болѣзни не слыхалъ... и еще никуда изъ избы (а праздникъ зѣло не порядоченъ былъ, ибо какъ память моя есть всегда бывали мы въ красноѣ, а нынѣ принужденъ въ сѣромъ). Сія лихорадка купно съ гортанною и грудною болѣзнью кашлемъ сама кончилась... докторъ зѣло сему радъ для начатія будущаго лѣченія отъ скорбутики». Черезъ день царь опять пишетъ Головкину и проситъ его, чтобы «которыя можно дѣла безъ него дѣлали» и дали бы ему время для лѣченія и отдыха. Затѣмъ, получивъ изъ лагеря извѣстіе отъ Меншикова, что шведы собираются наводить мосты на рѣкахъ, Петръ отвѣчалъ ему 14 апрѣля: «Зѣло прошу о себѣ (понеже я вѣдаю, что сія игрушка меня не минетъ), дабы первѣе не позвать былъ, пока совершенная вѣдомость о его неприятельскомъ

¹⁾ «Сб. Им. Р. Ист. Общ.», т. 39: Донесеніе англ. послани. Витворта изъ Москвы отъ 4го марта 1708 года.

²⁾ «Письма русск. государей» и пр., № 7, ч. I.

³⁾ «Русск. Архивъ», 1875 г., кн. 9, стр. 50.

походѣ прямо на войска не будетъ, дабы мнѣ хотя мало исправиться отъ болѣзни... А самъ ваша милость вѣдаетъ, что николи такъ не писалъ; но Богъ видитъ, когда мочи нѣтъ, ибо безъ здоровья и силы служить не возможно... А когда необходимая нужда будетъ мнѣ ѣхать, извольте тогда послать ставить подводы, понеже о времени тѣмъ вы можете лучше вѣдать, нежели здѣсь»¹⁾.

Несмотря на изнурительную болѣзнь, Петръ продолжалъ усиленно заниматься дѣлами и укрѣпленіемъ новой столицы, ожидая со дня на день давно приглашенныхъ гостей. Еще въ мартѣ 1708 г. послалъ онъ изъ лагеря гонца въ Москву съ приказомъ сестрѣ своей, царевнѣ Натальѣ, вдовствующимъ царицамъ, царевнамъ, вельможамъ и сановникамъ ѣхать въ Петербургъ, гдѣ по прибытіи разсчитывалъ застать ихъ²⁾. Но гостей все не было. Наконецъ, послѣ долгихъ сборовъ, медленно двинулась въ дорогу царская семья, по весенней распутицѣ, въ сопровожденіи многочисленной челяди и длиннаго обоза съ поклажей. Ѣхали царица Парасковья Ѳеодоровна съ дочерьми, царица Марѳа, сестра царя Наталья, пожилыя царевны Марья и Ѳеодосья; князь Ѳеодоръ Ромодановскій, И. Бутурлинъ и др.

Петръ, узнавъ о приближеніи гостей, выѣхалъ 19-го апрѣля встрѣтить ихъ на своемъ буерѣ въ Шлюссельбургъ, но здѣсь долженъ былъ прожить съ ними около недѣли, вслѣдствіе противнаго вѣтра и льда, который шелъ изъ Ладожскаго озера. По прибытіи въ Петербургъ, когда царь съ гостями стали выходить изъ буеровъ, то стрѣляли изъ всѣхъ пушекъ. На слѣдующій день, царь, не давъ пріѣзжимъ отдохнуть съ дороги, сталъ показывать имъ городъ; а 2-го мая повезъ водою къ флоту, стоявшему у Кронштадта, хотя самъ писалъ Меншикову, что «назвать маіемъ нельзя, а то все былъ октябрь»³⁾.

Екатерина Алексѣевна, въ своихъ письмахъ къ царю изъ Москвы, продолжая жаловаться на свое дѣйствительное или мнимое нездоровье, извѣщала его, между прочимъ, что, кромѣ Анисы Толстой, взяла къ себѣ еще дѣвицу «для прически» волосъ. Царь, впоследствии ни въ чемъ не стѣснявшій Екатерину Алексѣевну, повидимому, считалъ какую либо перемѣну въ окружавшей ее обстановкѣ неумѣстною въ ея настоящемъ положеніи; и по этому поводу выразилъ свое неудовольствіе, въ письмѣ отъ 5-го мая 1708 года, въ которомъ приглашалъ ее и Толстую ѣхать въ Петербургъ, на Москву или Нарву:

«Матка и тетка, здравствуйте і съ маленькими!

¹⁾ Соловьевъ, «Исторія Россіи», М., 1865, т. XV, стр. 272—273.

²⁾ «Сб. Имп. Р. Ист. Общ.», т. 50. Довесеніе Витворта отъ 12-го марта.

³⁾ «Русск. Архивъ», 1875 г., кн. 9, стр. 60. Голицковъ, Д. П. В., ч. II, стр. 433—434.

«Писмо ваше получилъ, изъ котораго не гораздо добро видель; дай Боже здорвье. Даволно у матки быть і одной теткѣ, а другую зачемъ чортъ принесъ? А что пишете что некому чесать глатко,— приѣжайте скорая; старой гребнишка същемъ. І ежели сие писмо застанеть васъ межъ Вязми і Можайска... прямо поѣзжайте въ Петербургъ и пр.

«Piter» ¹).

Въ концѣ іюня Петръ, получивъ извѣстіе, что шведскій король переправился черезъ Березину, поспѣшилъ къ арміи, расположенной по берегу Днѣпра. Екатерина Алексѣевна и Толстая выѣхали изъ Петербурга вмѣстѣ съ нимъ, но съ полпути свернули въ Кіевъ, гдѣ тогда находилась княгиня Меншикова, такъ какъ имъ нельзя было оставаться въ лагерѣ, въ виду предполагаемаго возобновленія военныхъ дѣйствій.

Но Карлъ, вступивъ въ Могилевъ, около мѣсяца не двигался съ мѣста, ожидая Левенгаупта, который долженъ былъ прийти къ нему на помощь съ войскомъ, артиллеріей и провіантомъ; и, не дождавшись его, вышелъ изъ Могилева къ рѣкѣ Сожѣ. Походъ былъ тяжелый для его войска по странѣ, опустошенной русскими, которые на пути къ Смоленску жгли города и села, чтобы лишить непріятеля продовольствія. При этомъ шли проливные дожди, и люди стали болѣть отъ сырости и плохой пици.

Царь, узнавъ о движеніи Карла къ юго-востоку, выступилъ къ нему навстрѣчу изъ Горокъ. Обѣ арміи сошлись 29-го августа у мѣстечка Добраго, на рѣчкѣ Черной Напѣ. Послѣ двухчасовой непрерывной битвы правое крыло шведскаго войска было разбито; до 3.000 труповъ осталось на полѣ, кромѣ раненыхъ; но когда подошелъ Карлъ, русскіе, избѣгая «генеральной баталіи», отступили.

О битвѣ этой царь написалъ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и Толстой изъ лагеря 31-го августа:

«Матка і тетка здравѣствуйте! Писмо отъ васъ я получилъ, на которое не подивите, что долго не отвѣтствовалъ; понеже предъ очми непѣрестанно непріянтныя гости, на которыхъ уже намъ скучило смотрѣть: того ради мы вчерашнего утра резервовались і на пѣрвое крыло караля шведскаго съ осмью баталіонами напали, і по двочасномъ огню оногo, съ помошшию божнею съ поля збили, знамена и протчия побрала. Правѣда, что я какъ сталъ служить, такой ігруппки не видаль; аднакожъ сей танецъ в(о)чахъ горячегo Карлуса ізрядно стонцавали... Отдайте поклонъ кнеіне і протчимъ, і о семъ объявите.

«Piter» ²).

¹) Письма русскихъ государей и проч. I. Москва, 1861, № 8.

²) Ibid., № 9, часть I.

XI.

Русская армія, послѣ сраженія при Добромъ, опять двинулась къ сѣверу. Карлъ нѣкоторое время слѣдовалъ за нею, но 14-го сентября повернулъ къ Украинѣ. Въ это время Левенгауптъ подходилъ къ Шклову. Оставленный на жертву русскимъ, онъ спѣшно переправился на лѣвый берегъ Днѣпра, въ надеждѣ присоединиться къ главной шведской арміи. Но Петръ погнался за нимъ и достигъ 27-го сентября, при деревнѣ Лѣсной. На слѣдующій день начался кровавый бой, въ часть пополудни, и продолжался до вечера. Шведы были разбиты; изъ 16.000 войска болѣе половины было побито; плѣнныхъ взято 876 человекъ; при этомъ захваченъ весь обозъ, 16 пушекъ и 42 знамени.

Битва подъ Лѣсной была большой потерей для шведскаго короля, такъ какъ помимо гибели значительной части войска, Левенгауптъ явился къ нему безъ военныхъ и съѣстныхъ запасовъ, въ которыхъ была большая нужда въ главной арміи. Но еще болѣе тяжелое разочарованіе ожидало Карла въ Малороссіи.

Со времени Богдана Хмельницкаго здѣсь не прекращались смуты и безурядица. Въмѣсто прежнихъ землевладѣльцевъ, польскихъ и ополяченныхъ пановъ,—выступило на первый планъ казачество со своими начальными людьми и гетманомъ; и положеніе мирнаго городского и сельскаго населенія стало еще хуже. Гетманы стремились къ увеличенію власти и наслѣдственности, чтобы не зависѣть отъ шумной войсковой черни. Начальные люди, старшины и полковники старались захватить земли и власть надъ населеніемъ этихъ земель; полковники хотѣли управлять полками (т.-е. городами и уѣздами), не отдавая никому отчета. Простымъ казакамъ и Запорожью желательно было удержать старое казачье устройство, при которомъ начальные люди, избираемые войскомъ, не смѣли возноситься надъ нимъ. Частая смѣна гетмановъ служила поводомъ къ новымъ волненіямъ и беспорядкамъ. При этихъ условіяхъ положеніе гетмана было крайне тяжелое. Новый гетманъ, съ перваго дня своего избранія, былъ окруженъ враждебными къ нему людьми, которые слѣдили за каждымъ его шагомъ и, въ случаѣ противодѣйствія ихъ произволу, могли свергнуть его и донести на него царю. Старшины клеветали на гетмана и другъ на друга, обличали въ измѣнѣ, посылали доносы въ Москву; жалобы на дѣйствительныя или мнимыя обиды и преслѣдованія поступали и отъ простыхъ людей. Петръ презиралъ «черкасъ» за ихъ непостоянство, ссоры, происки и неурядицу, вѣчныя жалобы и доносы. Встрѣтивъ въ Мазепѣ, гетманѣ войска запорожскаго обѣихъ сторонъ Днѣпра, человека выдающихся способностей, дѣльнаго и усерднаго слугу, умѣвшаго исполнять его повелѣнія, онъ настолько любилъ и ува-

жалъ его, что не вѣрилъ никакимъ доносамъ. Долго царь не хотѣлъ вѣрить прямымъ доказательствамъ измѣны, и, даже убѣдившись въ этомъ, хотѣлъ опять вступить съ нимъ въ сношенія, такъ какъ повѣрилъ его искренности¹).

Едва ли можно объяснить измѣну Мазепы патріотическимъ стремленіемъ отстоять независимость Украйны отъ преобразовательныхъ замысловъ царя. Мазепа, смолоду слуга польскаго короля, случайно занесенный въ Украйну къ казакамъ, присягнувъ турецкому султану при гетманѣ Дорошенкѣ, а затѣмъ царю при Самойловичѣ и, мѣняя присягу сообразно обстоятельствамъ, руководился одной выгодой. Его измѣна была, повидимому, дѣломъ прямого, хотя ошибочнаго расчета и вызвана ходомъ событій.

Пока война велась вдали, Мазепа оставался безучастнымъ и не поминалъ обидъ, вынесенныхъ имъ отъ Меншикова въ 1706 году. Но съ появленіемъ Карла XII въ Украйнѣ все измѣнилось. Передъ глазами стараго гетмана, увѣреннаго въ своей опытности и житейской мудрости, должна была произойти грандіозная кровавая борьба; и ему предстоялъ выборъ между двумя противниками. Съ одной стороны, былъ шведскій король, лучшій полководецъ своего времени, съ многочисленнымъ, хорошо обученнымъ войскомъ; съ другой—царь, не увѣренный въ своихъ силахъ, который, послѣ пораженія подъ Нарвой, избѣгалъ рѣшительной битвы и постоянно отступалъ передъ непріателемъ. При этихъ условіяхъ, Мазепа не ожидалъ помощи отъ царя для Малороссіи; и не былъ увѣренъ, что казаки пойдутъ противъ шведовъ при той непріязни, съ какой многіе относились къ Москвѣ. Въ случаѣ новаго пораженія русскихъ какаа будетъ участь его, гетмана, слуги царскаго?

До времени, Мазепа не хотѣлъ разрывать съ царемъ, но, на всякій случай, завелъ сношенія съ польскимъ королемъ Станиславомъ Лещинскимъ, приверженцемъ Карла XII, и сталъ готовить въ Украйнѣ возстаніе противъ царя. Число его сообщниковъ все увеличивалось. Генеральный обозный Ломиковскій и полковники: миргородскій, прилуцкій и лубенскій, требовали, чтобы онъ «промышлялъ о своемъ и общемъ спасеніи» и обратился бы къ «протекціи» шведскаго короля, обѣщая подъ присягой стоять за него, за права и вольности казакія; гетманъ съ своей стороны присягнувъ имъ.

Но тутъ, на бѣду Мазепы, отъ царя пришелъ приказъ, что «по-неже непріатель идетъ по Днѣпру внизъ, то онъ бы, господинъ гетманъ, со всѣмъ своимъ войскомъ наискорѣе шелъ къ Кіеву со всѣмъ обозомъ и конницу всю изготовилъ, и если возможно, то самъ съ тою конницею былъ». Меншиковъ, съ своей стороны, звалъ Мазепу для совѣщаній въ главную армію къ Стародубу, куда долженъ былъ прибыть царь въ концѣ октября. Когда Мазепа объ-

¹) Соловьевъ. Исторія Россіи, изданіе 1865 года, томъ XV, стр. 360—361.

явилъ объ этомъ Ломиковскому съ товарищами, то они стали отговаривать его отъ поѣздки въ русскій лагерь, которая «погубить и его, и ихъ, и Украину». Самъ Мазепа боялся этой поѣздки, чтобы не попасть въ ловушку, тѣмъ болѣе, что его сношенія съ Станиславомъ Лещинскимъ получили огласку въ Польшѣ; и о нихъ могъ узнать царь. Сначала Мазепа написалъ царю и Меншикову пространныя письма, въ которыхъ заявилъ о невозможности двинуться изъ Малороссіи, жаловался на старость и болѣзнь, выражалъ опасеніе, чтобы въ его отсутствіе не произошло возмущеніе «непостояннаго и малодушнаго народа». Но, такъ какъ Меншиковъ продолжалъ настойчиво требовать свиданія съ гетманомъ, то онъ послалъ къ нему своего племянника Войнаровскаго съ объявленіемъ о тяжкой, предсмертной болѣзни своей и объ отъѣздѣ изъ Батурина въ Борзну для соборованія отъ кіевскаго архіерея.

Положеніе Мазепы становилось безвыходнымъ. Употребивъ всѣ средства, чтобы не ѣхать къ царю, онъ медлилъ съ предложеніемъ союза Карлу, не хотѣлъ брать на себя отвѣтственности за послѣдній рѣшительный шагъ. Однажды вечеромъ онъ послалъ Орлика къ обозному Ломиковскому и другимъ своимъ сообщникамъ съ требованіемъ сказать окончательно: «посылать или не посылать къ Карлу?» Ломиковскій рѣзко отвѣтилъ, что они удивляются сонливости и медленности гетмана, «сколько разъ просили они его послать къ Карлу, а теперь медленностью онъ спроводилъ въ Украину всѣ силы великороссійскія на разореніе и кровопролитіе всенародное; и теперь, когда шведы подъ носомъ, невѣдомо для чего медлить». Мазепа опять спросилъ ихъ: посылать къ королю или нѣтъ?— «Какъ же не посылать? давно пора, не надобно откладывать», былъ отвѣтъ.

Тогда Мазепа позвалъ своего управляющаго Быстрицкаго, заставилъ его присягнуть въ сохраненіи тайны и безъ подписи и печати вручилъ ему инструкцію, которую онъ долженъ былъ передать первому министру Карла XII, графу Пиперу. Въ инструкціи Мазепа высказывалъ великую радость о пришествіи его королевскаго величества въ Украину, просилъ протекціи себѣ, войску запорожскому и всему народу малороссійскому, а также освобожденія отъ тяжкаго ига московскаго, увѣдомлялъ, что онъ, гетманъ, находится въ большой опасности, и потому молилъ о скорой посылкѣ войска, для котораго обѣщалъ приготовить поромы на Деснѣ у пристани Мокошинской.

Быстрицкій возвратился въ Борзну къ Мазепѣ съ словеснымъ отвѣтомъ, что Карлъ самъ обѣщалъ быть у Мокошинской пристани 22-го октября. Но въ назначенный срокъ шведы не явились у Десны, а на другой день, 23-го октября, прискакалъ племянникъ Мазепы, Вайнаровскій, съ вѣстью, что завтра къ обѣду пріѣдетъ въ Борзну Меншиковъ, для свиданія съ умирающимъ гетманомъ. Ма-

зепѣ ничего не оставалось, какъ обратиться въ бѣгство. Онъ въ ту же ночь умчался въ Батуриный, отсюда, перебравшись черезъ рѣку Сеймъ, пріѣхалъ вечеромъ въ Коропъ, гдѣ переночевалъ; на другой день переправился черезъ Десну и отправилъ впередъ Ломиковскаго и Орлика къ шведскому королю, а затѣмъ поѣхалъ самъ съ отрядомъ изъ 2.000 человекъ.

Князь Меншиковъ, не заставъ Мазепы ни въ Борзнѣ, ни въ Батуриный, погнался за нимъ въ Коропъ, и тутъ узналъ, что Мазепа уже за Десной, у шведскаго короля, и поспѣшилъ съ дороги увѣдомить царя объ измѣнѣ его «вѣрнаго слуги».

Царь былъ очень удивленъ извѣстіемъ «о нечаянномъ никогда зломъ случаѣ измѣны гетманской», какъ видно изъ его письма къ Меншикову отъ 27-го октября 1708 года. На слѣдующій день изданъ былъ манифестъ къ войску и народу малороссійскому и войску запорожскому, въ которомъ объявлено объ измѣнѣ гетмана Мазепы, забывшаго «страхъ Божій и крестное цѣлованіе», и повелѣно, чтобы «вся старшина генеральная и полковая, пребывающая при войскѣ, съѣзжалась немедленно въ городъ Глуховъ для избранія по правамъ и вольностямъ своимъ вольными голосами новаго гетмана, въ чемъ крайняя нужда и спасеніе всея Малыя Россіи состоятъ»... Затѣмъ царь послалъ повелѣніе митрополиту кievскому и архіереямъ черниговскому и переяславскому быть въ Глуховѣ¹⁾.

ХІІ.

За царскимъ манифестомъ объ избраніи новаго гетмана слѣдовало взятіе и истребленіе Батурина Меншиковымъ; при этомъ сожжены хлѣбные и запасные магазины, и захвачена богатая казна Мазепы. Въ то же время въ Малороссіи читали во всѣхъ церквахъ и прибывали къ церковнымъ дверямъ объявленія отъ малороссійскихъ архіереевъ о проклятіи и отлученіи отъ церкви Мазепы и его сообщниковъ. Въ Москвѣ проклятіе Мазепѣ было провозглашено въ Успенскомъ соборѣ: съѣхались архіереи, бояре, пріѣхалъ царевичъ Алексѣй Петровичъ, и протодіаконъ на амвонѣ прочелъ письмо отъ великаго государя къ царевичу объ измѣнѣ гетмана Мазепы. Потомъ отслужили молебенъ, и митрополитъ Стефанъ Яворскій, прочитавъ поученіе народу, трижды возгласилъ: «Измѣнникъ Мазепа, за крестопреступленіе и за измѣну великому государю, буди анаѣма!» Прочіе архіереи пропѣли трижды: «буди проклять!»

Между тѣмъ, измѣна стараго гетмана, явившагося въ лагерь къ королю съ немногими людьми, не принесла никакой пользы шве-

¹⁾ Голиковъ. Дѣянія П. Вел., ч. III, стр. 46.

дамъ. Манифесты Карла XII и универсалы Мазепы, обращенные къ малороссійскому народу, чтобы поднять возстаніе противъ царя, не оказывали никакого дѣйствія. Народъ встрѣчалъ враждебно шведовъ, перешедшихъ Десну 4-го ноября; крестьяне прятали отъ нихъ свое имущество и хлѣбъ, отгоняли лошадей, захватывали въ плѣнъ шведскихъ солдатъ.

7-го ноября 1708 года, Петръ отправился въ Глуховъ, гдѣ единогласно былъ выбранъ новый гетманъ—стародубскій полковникъ Скоропадскій. Затѣмъ, приѣхавшій въ Глуховъ кіевскій митрополитъ съ двумя архіереями: черниговскимъ и переяславскимъ, торжественно предали Мазепу проклятію. «Того же дня и персону оного измѣнника Мазепы вынесли, и, снявъ кавалерію (которая на ту персону была надѣта съ бантомъ), оную персону бросили въ палачевскія руки, которую палачъ взялъ и, прицѣпся за веревку, тащилъ по улицѣ и площади до висѣлицы и потомъ повѣсилъ»¹⁾. На другой день была казнь приверженцевъ Мазепы, захваченныхъ въ Батуринѣ²⁾.

Скоро опять все затихло въ Глуховѣ; кончилось буйное веселіе, сопровождавшее церемонію избранія новаго гетмана; разъѣхалась и старшина казацкая. Меншиковъ, пользуясь удобнымъ моментомъ, послалъ женѣ письмо въ Кіевъ отъ 12-го ноября, въ которомъ писалъ, чтобы она немедленно ѣхала въ Глуховъ: «желаемъ васъ здѣсь скоро видѣть; и для того извольте изъ Сѣвка ѣхать къ намъ на скоро на легкѣ, взявъ съ собою тетушку и съ маткою; а тяжелый обозъ оставьте позади... для скорого вашего приѣзду поставьте въ Сѣвску и отъ Сѣвска сюда на полевой дорогѣ по 30 лошадей и для провожанія по 10 драгунъ»³⁾.

Дарья Михайловна Меншикова съ Екатериной Алексѣевной и Толстой тотчасъ собрались въ Глуховъ, несмотря на опасность путешествія въ непосредственной близости съ непріятельской арміей и на то, что въ это время въ Россіи стояли такіе сильные морозы, что отъ нихъ птицы мерзли въ воздухѣ. Но царь не долго прожилъ съ ними: 16-го ноября онъ выѣхалъ изъ Глухова въ Путивль и, собравъ войска, двинулъ ихъ къ Лебедину; Карлъ шелъ рядомъ на Ромны и занялъ Гадячъ, хотя морозы сильно замедлили движеніе обѣихъ армій. Русскіе шли по опушкѣ лѣса и ночевали близъ деревень; но тѣмъ не менѣе около полтораста чело-вѣкъ отморозили руки и ноги, и нѣсколько десятковъ умерло. Шведы пострадали еще больше, и потеряли до 4000 чело-вѣкъ, потому что Карлъ продержалъ ихъ двое сутокъ въ степи, дожидаясь,

¹⁾ Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XV; изд. 1865, стр. 342.

²⁾ Голиковъ, Дѣявія П. Вел., III, стр. 48.

³⁾ «Русск. Архивъ», 1875 г., кн. 9, стр. 66.

что русскіе подойдутъ къ Гадачу, стануть его штурбовать, и для нихъ повторится нарвское пораженіе.

Но планъ Карла не удался. До рѣшительной битвы не дошло, и дѣло ограничилось стычками отдѣльныхъ отрядовъ съ перемежнымъ счастьемъ. Въ концѣ декабря, царь изъ Лебедина отправился въ Сумы, куда вызвалъ и Екатерину Алексѣвну, и съ нею встрѣтилъ новый 1709-й годъ. Вскорѣ прибылъ сюда и царевичъ Алексѣй Петровичъ съ рекрутами; вслѣдствіе его опасной болѣзни Петру пришлось прожить въ Сумахъ около мѣсяца.

Полная неизвѣстность, куда двинется непріятель, сильно беспокоила Петра. Онъ писалъ Меншикову въ лагерь и поручалъ ему узнать черезъ шпионовъ о дальнѣйшихъ движеніяхъ Карла. Но вѣсти были самыя противорѣчивыя. Одни говорили, что король идетъ къ Днѣпру; но были также слухи, что онъ пойдетъ къ Воронежу. Хотя Петръ не довѣрялъ послѣднему извѣстію, но считалъ и въ этомъ случаѣ мѣры осторожности не лишними. Едва дождавшись, что царевичу стало «мало лучше», онъ отправился въ лагерь, затѣмъ въ Бѣлгородъ, куда велѣлъ немедленно быть Екатеринѣ Алексѣевнѣ и Толстой, какъ видно изъ письма его отъ 7-го февраля¹⁾. Отсюда вмѣстѣ съ ними Петръ отправился въ Воронежъ и, пользуясь перерывомъ военныхъ дѣйствій, занялся исправленіемъ построенныхъ безъ него судовъ и сооруженіемъ новыхъ.

Между тѣмъ, все упорнѣе стали ходить слухи о сношеніяхъ запорожцевъ съ Мазепой, а затѣмъ было получено извѣстіе, что на радѣ 13-го марта они открыто объявили себя на сторонѣ Мазепы и шведскаго короля и рѣшили дѣйствовать противъ царскихъ войскъ. Извѣстіе это тѣмъ болѣе встревожило Петра, что запорожцы пользовались сочувствіемъ низшихъ слоевъ малороссійскаго населенія, въ особенности, въ мѣстностяхъ къ югу отъ Днѣпра, куда могъ двинуться непріятель. Царь написалъ Меншикову, чтобы онъ, если возможно, старался дѣйствовать на запорожцевъ увѣщаніями, а въ противномъ случаѣ съ ними поступить, «яко съ измѣнниками». Увѣщанія не дѣйствовали, и полковнику Яковлеву посланъ былъ приказъ овладѣть Сѣчью и «измѣнническое гнѣздо весьма выкоренить», что и было исполнено. Немногимъ казакамъ удалось уйти, большая часть погибли, плѣнныхъ взято съ 300 челоуѣкъ; многіе казнены; пушекъ и аммуниціи взято много.

Въ Кіевѣ и вездѣ въ Украинѣ стало тихо; о туркахъ и татарахъ ничего не было слышно; не двигались и западныя сосѣди. Всѣ какъ будто ждали, чѣмъ кончится многолѣтняя война царя съ шведскимъ королемъ. Въ Европѣ по прежнему вѣрили въ счастливую звѣзду Карла. Онъ самъ вѣрилъ въ нее; по прежнему

¹⁾ «Письма русскимъ государей» и пр. М., изд. 1861, ч. I, № 11.

искалъ опасностей и подставлялъ голову подъ непріятельскія пули; но близко стоящіе къ нему люди не были увѣрены въ успѣхъ похода. У Карла не было и половины прежняго войска; значительная часть его погибла подъ Лѣсной; многіе были убиты въ стычкахъ съ русскими, погибли отъ болѣзней, морозовъ, недостатка пищи. Дисциплина ослабѣла въ войскѣ; всѣ жаждали мира и возвращенія на родину. Первый министръ короля, графъ Пиперъ, писалъ своей женѣ въ Швецію: «походъ такъ тяжелъ, и наше положеніе такъ печально, что нельзя описать такого великаго бѣдствія, и никакъ нельзя повѣрить ему»¹⁾. Полководцы Карла убѣждали его вернуться въ Польшу для соединенія съ оставленнымъ тамъ шведскимъ корпусомъ и съ арміей Станислава Лещинскаго. Но Карлъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ, и двинулся на югъ ближе къ границамъ турецкимъ и татарскимъ, чтобы овладѣть Полтавою и утвердиться въ ней.

XIII.

Въ началѣ мая шведы атаковали Полтаву въ нѣсколько приступовъ; но всякій разъ должны были отступать съ большимъ урономъ. На помощь осажденнымъ первый явился Меншиковъ со своими полками, за нимъ Шереметевъ, Ренне, Брюсъ съ артиллеріей и В. Долгорукій. 4-го іюня пріѣхалъ къ Полтавѣ Петръ; и обѣ арміи, русская и шведская, сошлись такъ близко, что только небольшая рѣка отдѣляла ихъ другъ отъ друга.

Сношенія русскихъ съ городомъ происходили посредствомъ пустыхъ бомбъ, въ которыхъ летѣли письма черезъ непріятельскія линіи. Наконецъ осажденные дали знать, что у нихъ почти нѣтъ пороху и долго держаться не могутъ. Въ виду этого, на военномъ совѣтѣ у царя рѣшено было, что нѣтъ другого способа выручить городъ, какъ дать генеральную битву. 19-го іюня русская армія, пройдя двѣ мили отъ Полтавы вверхъ по Ворсклѣ, переправилась черезъ рѣку, а 25-го повернула назадъ къ Полтавѣ и остановилась въ четверти мили отъ непріятеля.

27-е іюня назначено было днемъ битвы. Шведы, передъ разсвѣтомъ, первые бросились на русскую конницу. Два часа продолжался отчаянный бой. Шляпа и сѣдло были прострѣлены у Петра; подъ княземъ Меншиковымъ ранены три лошади; пушечное ядро ударило въ качалку, въ которой возили Карла²⁾, и онъ очутился

¹⁾ Соловьевъ. Изд. 1865 г., т. XV, стр. 371.

²⁾ Наканунѣ битвы, Карлъ подъѣхалъ ночью къ русскому лагерю и, увидя партію казаковъ, сидѣвшихъ у огня, прицѣлился въ одного изъ нихъ и убилъ; казаки дали три выстрѣла и ранили Карла въ ногу. (Голиковъ, часть III, стр. 103).

на землѣ. Сразу разнеслась вѣсть, что король убитъ, и ужасъ овладѣлъ его войскомъ. Онъ велѣлъ поднять себя на перекрещенныя пики и, видя общее замѣшательство своихъ полковъ, въ отчаяніи кричалъ имъ, думая водворить порядокъ, но шведы не слышали голоса своего короля. Прискакалъ Рейншильдъ со словами: «Ваше величество, наша пѣхота потеряна! товарищи, спасите короля», и опять бросился въ разстроенные ряды своего войска.

Тутъ всякій порядокъ исчезъ; все обратилось въ бѣгство. Русская конница гналась за непріятелемъ до ближайшаго лѣса на разстояніи трехъ миль; кругомъ все усѣяно было трупами. При этомъ взяты были въ плѣнъ шведскіе генералы: Штакельбергъ и Гамилтонъ, фельдмаршалъ Рейншильдъ и принцъ Виртембергскій со многими полковниками, офицерами и нѣсколько тысячъ рядовыхъ, которые отдавались съ оружіемъ и лошадьми. Кромѣ того, захвачена была денежная казна шведская и «весь обозъ съ великимъ числомъ воинскихъ оружій, припасовъ и всякихъ вещей»¹⁾.

Такая быстрая и блестящая побѣда надъ грознымъ врагомъ была полной неожиданностью для царя и его полководцевъ. Послѣ благодарственнаго молебна, царь, генералы и офицеры сѣли въ палаткахъ обѣдать усталые и радостные; пригласили и плѣнныхъ шведскихъ военачальниковъ и усадили съ собою за столъ. Петръ дружески бесѣдовалъ съ фельдмаршаломъ Рейншильдомъ, хвалилъ его за храбрость и подарилъ шпагу. Во время обѣда привели перваго министра шведскаго короля, графа Пипера, который, видя полное пораженіе своихъ, не зная куда бѣжать, самъ пріѣхалъ въ Полтаву и отдался въ плѣнъ съ двумя королевскими секретарями. Пипера съ товарищами также усадили обѣдать. Гремили пушки. Царь провозгласилъ тостъ за здоровье господъ шведовъ, «своихъ учителей въ военномъ искусствѣ»...

Но гдѣ были Карлъ, Мазепа, остальная шведская армія? Никто въ русскомъ лагерѣ не думалъ о дальнѣйшемъ преслѣдованіи разбитаго непріятеля. Всѣ радовались и спѣшили отпраздновать одержанную побѣду, не нарушая ничѣмъ своего веселія. Послѣ обѣда, въ тотъ же день, Петръ отправился въ Полтаву и письмомъ вызвалъ къ себѣ Екатерину Алексѣевну изъ села Владимировки, гдѣ она находилась при обозѣ съ княгиней Меншиковой:

«Матка здравѣстуй!

«Объявляю вамъ, что всемилостивый Господь неописанную побѣду надъ непъриятелемъ намъ сего дня даровати ізволилъ, і единымъ словомъ сказать, что вся непъриятельская сила на голову побита, о чемъ сами отъ насъ услышите; і для поздравѣденія приежайте сами сюды.

«Piter.

¹⁾ Ibid. Голицковъ, III, стр. 109—111.—Соловьевъ, томъ IV, стр. 374—376.

«Поклонись отъ меня кнеинѣ и протчимъ» ¹⁾).

На другой день царь, отправивъ Меншикова и Голицына въ погоню за бѣжавшимъ непріятелемъ, занялся погребеніемъ убитыхъ русскихъ офицеровъ и солдатъ. Приготовлена была общая великая могила; царь въ присутствіи своемъ и всей собравшейся арміи велѣлъ полковымъ священникамъ отиѣтъ собранные трупы и уложить въ могилу въ ихъ воинскихъ уборахъ. Затѣмъ, при троекратномъ залпѣ всѣхъ орудій, самъ царь началъ засыпать землю тѣла; съ такою же честью и въ его присутствіи погребены и всѣ убитые офицеры ²⁾).

Меншиковъ нагналъ бѣжавшаго непріятели у Переволочны и засталъ въ полномъ разстройствѣ. Карлъ съ Мазепою успѣли переправиться черезъ Днѣпръ съ немногими людьми; большая часть арміи осталась на лѣвомъ берегу подъ начальствомъ Левенгаупта и Крейца. Но ихъ хлопоты привести въ устройство армію оказались напрасными; едва половина солдатъ собралась подъ знамена; многіе остались на берегу или стояли неподвижно въ отдаленіи. На всѣхъ лицахъ выразалось отчаяніе. Когда совѣтъ разсвѣло, Крейцъ подѣхалъ къ Левенгаупту съ извѣстіемъ, что «русскіе за возвышенностями и послали съ требованіемъ сдачи». То былъ Меншиковъ съ 9.000 конницы; издали слышались звуки трубъ и барабановъ. Левенгауптъ, видя печальное состояніе своего войска, послалъ Крейца договариваться о сдачѣ. Меншиковъ предложилъ шведамъ сдаться военноплѣнными, съ выдачею оружія и военныхъ запасовъ, съ сохраненіемъ платья и частнаго имущества; запорожцы и бунтовщики исключались изъ этого условія.

Предложеніе было принято.

Петръ успѣшилъ извѣстить объ одержанныхъ побѣдахъ князь-кеесаря Федора Ромодановскаго, которому онъ при случаѣ, какъ бы двойнику своему, приписывалъ свои собственныя желанія и рѣшенія. О Переволоченскомъ дѣлѣ Петръ писалъ:

«И тако вся непріятельская армія намъ, чрезъ помощь Божию, въ руки досталась, которою въ свѣтѣ неслышанною викторіею вашему величеству поздравляемъ; и нынѣ уже безъ сумнѣнія желаніе вашего величества еже резиденцію вамъ имѣть въ Петербургѣ совершилось чрезъ сей упадокъ конечной непріятели» ³⁾).

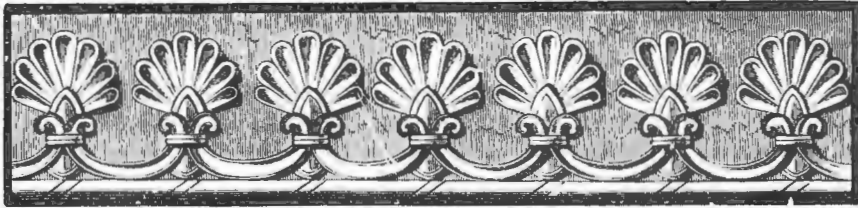
Н. А. Бѣлозерская.

¹⁾ Письма русскихъ государей и пр. М. 1861, I, № 12.

²⁾ Голицыновъ, Дѣянія Петра Великаго, М., 1788, стр. 114—115.

³⁾ Соловьевъ, «Исторія Россіи», М., 1865, т. XV, стр. 380.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ И ФРАНКО-РУССКІЙ СОЮЗЪ¹⁾.

ПОРОЮ политики французскихъ королевъ со временъ Франциска Перваго были союзныя и дружественныя отношенія Франці къ Оттоманской имперіи, Швеціи и Польшѣ. Союзъ съ этими государствами составилъ цѣльную политическую систему, извѣстную подъ именемъ «восточнаго барьера».

Въ этихъ же союзахъ впослѣдствіи Ришелье усматривалъ твердую точку опоры въ борьбѣ противъ Римской имперіи, и шведское правительство неоднократно втягивалось французскимъ въ кровопролитныя безцѣльныя войны для поддержанія видовъ французской политики въ центральной Европѣ.

Между тѣмъ, Турція, Швеція и Польша являлись заклятыми и непримиримыми врагами Московскаго царства въ теченіе многихъ вѣковъ, и когда на Москвѣ смутно дознались, что гдѣ-то, на Западѣ, властвуютъ блестящіе и могущественные французскіе короли, имѣющіе могущественное вліяніе на исконныхъ враговъ Россіи, то, въ противоположность обычной отчужденности, Московскіе цари взяли на себя починъ къ сближенію съ «всехристіаннѣйшими старшими сынами римско-католической церкви».

¹⁾ Напечатанные за послѣднее время труды, опирающіеся на разработкѣ иностранныхъ архивныхъ матеріаловъ и использованіи документовъ, собранныхъ Импер. Русск. Историческимъ Обществомъ, любопытнымъ образомъ освѣщаютъ дипломатическія начинанія Великаго Преобразователя.

Настоящій очеркъ, главнымъ образомъ, опирается на труды: 1) Mat. Vassileff. *Russisch-Französische Politik (1689—1717)*. 1902. 2) Baron Jos. du Teil. *Le Czar à Dunkerque*. 1902. 3) Ф. Мартенсъ. «Собраніе трактатовъ и конвенцій». Т. XIII. Трактаты съ Франціею. (пб. 1902. 4) C-te d'Haussonville. *La visite du tzar Pierre le Grand en 1717 d'après les documents nouveaux*. «Revue des deux mondes». 1896. Последняя статья представляетъ содержаніе рѣчи, произнесенной графомъ д'Оссонвилемъ при посѣщеніи Французской Академіи Государя Императора.

Короли, въ свою очередь, хотя не имѣли основанія дарить благосклонностью дальнюю Московію, имѣвшую по смутнымъ слухамъ азіатскіе государственные порядки, законы и нравы, тѣмъ не менѣе неоднократно въ XVI и XVII вѣкахъ заговаривали о «братской дружбѣ и любви», то навязывая царямъ свое посредничество при ихъ войнахъ со шведами, поляками и турками, то добиваясь льготъ и привилегій въ торгѣ съ Москвою.

Франція постепенно почти монополизировала въ своихъ рукахъ торговлю на Левантѣ и чрезъ заключеніе ряда капитуляцій обезпечила широкой сбытъ на Востокъ своимъ товарамъ. Съ неменьшимъ интересомъ взидало французское купечество на Московію и въ запискѣ, представленной еще Ришелье, доказывало огромную выгоду для Франціи отъ торга съ Русью: «Изъ королевства вѣдь не будетъ уходить ни золота, ни серебра, ибо торгъ будетъ производиться мѣнковой—въ Московію изъ Франціи пойдутъ шелковыя и шерстяныя ткани, соль, водка, тряпичная бумага, а изъ Московіи французскіе купцы стануть вывозить мѣха, кожи, воскъ, льняную пряжу, паклю, паруса и канаты для оснастки судовъ, и прекратится надобность въ закупкахъ товаровъ у голландцевъ». Въ своихъ смѣлыхъ замыслахъ французское купечество шло еще дальше—помимо торга съ Россією, послѣдняя представляла особенную заманчивость, такъ какъ чрезъ нее транзитнымъ путемъ можно было завязать непосредственныя сухопутныя сношенія съ Китаемъ, Персією и Индією. Весь государственный строй Московскаго государства, однако же, шелъ въ разрѣзъ съ свободою и легкостью международныхъ коммерческихъ оборотовъ, а посредничество въ торгѣ Европы съ Востокомъ представляло издревле выгоды для Руси, и на французскія заискиванія московскіе цари отвѣчали уклончиво, что изъ Персіи и съ Востока товары де русскими средствами доставляются дешево и въ самой Россіи могутъ быть продаваемы настолько сходно французамъ, что имъ не зачѣмъ беспокоиться и пускаться за товарами въ невѣдомыя страны.

Несмотря на малый успѣхъ коммерческихъ сношеній съ Россією даже въ царствованіе Людовика XIV, графъ Фелиппо де-Поншартренъ предлагалъ королю, взамѣнъ Сѣверной компаніи, заведенной въ 1669 году по почину Кольбера, но разоренной войнами «Короля Солнца», создать компанію для франко-русскаго торга ¹⁾.

Несмотря на многочисленныя посольства, въ теченіе двухъ вѣковъ пересылавшіяся между Москвою и Францією, и несмотря на обмѣнъ грамотами, проявленія дипломатической куртуазіи не приводили Россію и Францію къ существенному сближенію: оба правительства плохо понимали другъ друга, да и политическіе ихъ интересы оказались непримиримыми.

Московское правительство, тяготѣвшее къ мѣновому хозяйству, скупо снабжало своихъ пословъ наличными деньгами и весьма

¹⁾ Du Teil, p. 6.

широко товарами; для покрытія путевыхъ расходовъ и своего содержанія московскимъ дипломатамъ за границею приходилось заниматься торгомъ, и во Франціи, гдѣ было высоко развито денежное хозяйство, они производили скорѣе впечатлѣніе купцовъ, которые домогались продажи всякаго сырья безъ оплаты его таможенными пошлинами¹⁾.

При отсутствіи исторически опредѣлившихся формъ для взаимныхъ сношеній между послами и правительствами обѣихъ державъ нерѣдко возникали столкновенія не только изъ-за несоблюденія почета въ титулатурѣ царя, но и изъ-за несообразныхъ претензій русскихъ людей, не устававшихъ жаловаться на «досадительства» отъ «мастеровъ церемоній». Такъ какъ переубѣдить упрямыхъ «московитовъ» не представлялось возможности, то порою во Франціи ихъ лишали казеннаго иждивенія и изъ занимаемыхъ ими домовъ убирали даже мебель. Единственно только стольникъ Потемкинъ сумѣлъ снискать благоволеніе у французовъ за свой умъ и благовоспитанность, бывшіе же раньше его во Франціи русскіе посланники вели себя предосудительно.

Напримѣръ, Мачехинъ и его товарищи безчинствовали, напивались допьяна и соблазняли даже поставленную изъ швейцарцевъ къ ихъ дому стражу пьянствовать съ ними. Князя Долгорукій и Мышецкій открыли лавку и продавали ткани и мѣха, а когда французскій приставъ потребовалъ прекращенія незаконнаго торговаго, то его подвергли личному оскорбленію. Простые гонцы (*laquais*, по презрительному отзыву щепетильныхъ французскихъ дипломатовъ) домогались чести принимать отвѣтныя письма непосредственно изъ рукъ короля, а Бехтеевъ совсѣмъ уѣхалъ изъ Парижа, не пожелавъ чрезъ третьихъ лицъ передать царской грамоты по назначенію²⁾.

На такія же вопіющія нарушенія «права народовъ» жаловались и французскія посольства, попадая въ предѣлы Россіи. Приставъ Окуневъ затѣялъ съ Дегэ де-Курмененомъ на пути въ Москву безконечныя пререканія изъ-за того, чтобы непременно слѣдовать при особѣ посла по правую руку отъ него, а потомъ жаловался, будто французы постоянно обижали и грабили народъ. Бояре, по приѣздѣ Дегэ де-Курменена въ Москву, возмущались тѣмъ, что онъ явился съ пустыми руками, и не хотѣли внять его извиненіямъ, «что де у нихъ нѣтъ того обыкновенія».

Юрьевскій воевода на пути камергера Демитьера въ Москву не только отказалъ послу въ содѣйствіи, но угрожалъ ему арестомъ, если онъ не уберется немедленно изъ подчиненной воеводѣ области

¹⁾ Записка Ле-Драпа. Т. 34 «Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго общества», стр. III—IV.

²⁾ Мартенсъ, стр. XXIII, XXXIV, XXII, XL, XXIII, XXXVIII.

восвояси—служить королю «въ его комнатѣ» (намекъ на камергерство), потому что царь де не нуждается въ посредничествѣ и услугахъ французскаго короля¹⁾.

Если отношенія Франціи къ дореформенной «Московіи» не налаживались, потому что Русь не признавала нужнымъ связывать своихъ политическихъ интересовъ съ интересами Западной Европы, то не лучше сложились отношенія Европы къ великому нашему преобразователю, въ началѣ его царствованія: прежде всего пробужденіе изъ вѣковой спячки невѣдомыхъ гиперборейцевъ представлялось какимъ-то миражемъ; несмотря на геніальность Петра, о которой постепенно чрезъ голландцевъ и вѣзжихъ иноземцевъ стали проникать въ Европу разительные слухи, подкрѣпляемые успѣхами русскаго оружія, западные люди не прочь были вѣрить, что замыслы и начинанія Петра—случайные порывы, не предвѣщавшіе долговѣчности.

Съ другой стороны, самъ Петръ былъ воспитанъ въ чувствахъ подозрительности и недовѣрія къ Франціи. Донесенія московскихъ пословъ и предшествовавшая исторія дипломатическихъ сношеній между обѣими державами въ достаточной мѣрѣ убѣждали его, что французское правительство неизмѣнно мирволить врагамъ Россіи, неусыпно противоудѣйствуя русской политикѣ въ Константинополѣ, Варшавѣ и Стокгольмѣ.

Несомнѣнно и то, что вліяніе на Петра первоначальныхъ его учителей голландцевъ не могло въ немъ развитъ особой пріязни къ Франціи, да и по личнымъ склонностямъ и стремленіямъ онъ едва ли могъ питать особенныя симпатіи къ высокоомѣрному королю-солнцу и чопорному Версальскому двору.

Личныя чувства, впрочемъ, нисколько не мѣшали Петру столько же слѣдить за направлениемъ французской политики, сколько интересоваться культурою французскаго народа и завоеваніями французскаго генія въ области промышленности, мореплаванія и науки. Съ 1703 по 1710 годъ Петръ даже завелъ въ Парижѣ постоянного агента въ лицѣ дворянина Постникова—по свидѣтельству Андрея Артамоновича Матвѣева: «мужа умнаго и дѣла европейскаго и пользы государевой свѣдомаго и въ языкахъ ученаго».

Постникову, не имѣвшему опредѣленнаго дипломатическаго положенія, предписано было сообщать французскому правительству и французской періодической печати получаемыя изъ Москвы извѣстія о побѣдахъ русскаго оружія и о законодательной дѣятельности царя. Въмѣстѣ съ тѣмъ давались ему самыя разнообразныя порученія: такъ царь между прочимъ поручалъ Постникову покупать въ Парижѣ инструменты, нанимать въ службу искусныхъ людей, заказывать шитыя золотомъ платья и пр.

¹⁾ Мартенсъ, XV, XVI, XVII, XXV стр.
«истор. вѣстн.», май, 1903 г., т. XXI.

По мѣрѣ того, какъ восходила звѣзда настойчиваго и не знавшаго устали сѣвернаго преобразователя, и Россія все рѣшительнѣе выставляла притязанія на мѣсто въ средѣ европейскихъ державъ, счастье короля-солнца постепенно меркло—въ маѣ 1706 г. войска Людовика XIV подверглись поражению при Рамильи, а 7 мая 1706 г. при Туринѣ. Бельгія и Италия теперь вышли изъ-подъ владычества Бурбоновъ. Въ 1708 г. послѣдовалъ разгромъ французской арміи подъ Уденардъ, но попытка къ замиренію въ Гаагѣ была королемъ отклонена вслѣдствіе чрезмѣрности притязаній его противниковъ. Послѣ новаго поражения при Мальплаке (17 сентября 1709 г.) Людовикъ XIV сдѣлался податливѣе, но и переговоры въ Гертруденбергѣ не привели къ соглашенію воюющихъ. Поэтому въ руководящихъ политическихъ кругахъ Франціи является блистательная мысль: «Rien ne paroît plus important que de négocier, s'il est possible une diversion capable d'obliger les ennemis à faire la paix à des condions raisonnables» ¹⁾. Торси предлагаетъ Людовику XIV перемѣнить фронтъ и предоставить судьбѣ такихъ безпокойныхъ и бесполезныхъ союзниковъ, какъ Карлъ XII и турецкій султанъ, да и король-солнце соглашается, что дѣйствительно лучше бы имѣть на своей сторонѣ, вмѣсто разлагающейся Швеціи, жизнеспособную и полную силъ Россію. Въ Версалѣ поднимается вопросъ даже о томъ, не слѣдуетъ ли убѣдить султана открыть для русскихъ судовъ проливы Босфорскій и Дарданельскій ²⁾.

Тѣмъ не менѣе упорныя традиціи *bagrière du nord* берутъ и теперь верхъ надъ здравомысліемъ, и вмѣсто опредѣленныхъ ясныхъ предложеній Петру, Балюзъ, ѣздившій неоднократно въ Россію посломъ, предлагаетъ Петру помочь Людовику XIV въ войнѣ противъ императора Германскаго и Габсбургской династіи деньгами, учиненіемъ съ помощью казаковъ диверсіи въ Трансильваніи и выставленіемъ кандидатуры царевича Алексѣя на Венгерскій престолъ, а въ то время какъ де-Балюзъ сыплетъ въ Яворовѣ увѣреніями въ дружелюбіи короля, въ Константинополѣ посолъ того же короля подстрекаетъ турокъ поднять знамя пророка и начать противъ царя войну ³⁾.

Неудивительно, если сами французы чрезъ короткое время оцѣнили по достоинству двоедушіе «великаго короля» и сообразили, что Петръ I иначе не могъ и смотрѣть на Людовика XIV, какъ на скрытаго врага, всѣ предлагаемыя «добрыя услуги» котораго могли возбуждать лишь подозрѣнія и недовѣріе ⁴⁾.

¹⁾ Торсу, *Mémoire* 1710.

²⁾ Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества. Т. 34, стр. 418. Vassileff стр. 41. Мартенъ, стр. LXXIII.

³⁾ Vassileff, стр. 47.

⁴⁾ Письмо Поншартрена къ графу де-ла-Маркъ отъ 18 іюня 1716 г. въ Сборникъ Императорскаго Русскаго историческаго общества, т. XXXIV, стр. 503.

Съ переходомъ власти къ регенту, герцогу Орлеанскому, вѣянія какъ будто перемѣнились, и сначала предположено было къ петербургскому двору посланникомъ назначить Тюгга (Tugge), но, за отбытіемъ царя въ заграничное путешествіе къ Пирмонтскимъ водамъ, на графа де-ла-Марка было возложено отправиться въ Пирмонтъ, и въ числѣ прочихъ инструкцій ему отъ 18 іюня 1716 г. предлагалось «поставить его величеству и его министрамъ на видъ, что король де желалъ бы съ нимъ заключить торговый договоръ и далекъ отъ мысли противиться заключенію сѣвернаго мира на такихъ условіяхъ, которыя бы обезпечили царю владѣніе сдѣланными на Балтійскомъ побережьи завоеваніями». «Смотря по тому, какъ царь и его министры отнесутся къ этому сообщенію, вы сами разсудите, не слѣдуетъ ли пойти далѣе и заявить, что король не прочь повліять на шведскаго короля, чтобы тотъ согласился на уступку Петербурга и прилежащихъ къ нему мѣстностей» (dépandances)¹⁾.

Царь, о прїѣздѣ де-ла-Марка въ Пирмонтъ не предупрежденный, отбылъ въ Шонію, и начинъ французскаго правительства пока остался втунѣ.

Въ свою очередь Петръ тяготился безконечною сѣвernoю войною и извѣрился въ своихъ союзниковъ.

Дѣйствительно, Россія имѣла полное основаніе быть мало довольною своими союзниками. Хотя Ганноверъ вмѣстѣ съ Пруссією въ 1715 г. примкнулъ къ Сѣверному союзу и объявилъ Швеціи войну, чтобы обезпечить себѣ владѣніе Верденомъ и Бременомъ, но единеніе между союзниками продлилось недолго. По мѣрѣ того какъ росло могущество Россіи, союзники ея приходили все больше въ смущеніе, сѣверный союзъ ослабѣвалъ, и Августъ польскій вслѣдъ за завоеваніемъ Штральзунда уже уклонился отъ дальнѣйшаго участія въ войнѣ. То же сдѣлала Пруссія послѣ занятія Висмара, изъ недовѣрія къ царю, а еще пуще къ Ганноверу и императору Германскому, когда тотъ заключилъ союзный договоръ съ Англією. Чтобы обезпечить себя отъ возможныхъ случайностей, Пруссія въ 1716 г. успѣшила заключить съ Францією оборонительный союзъ, когда регентъ пообѣщаль ей, при замиреніи сѣвера, настоять предъ Швецією на признаніи правъ Пруссіи на захваченный ею Штетинъ.

Георгъ I, одновременно царствовавшій и въ Англіи и въ Ганноверѣ, проявлялъ почти нескрываемую враждебность къ Россіи, особенно когда успѣхъ ея оружія открылъ нашимъ войскамъ доступъ въ сосѣдній Ганноверу Мекленбургъ. Сношенія лейбъ-медика царя Арескина со сторонниками Стюартовъ казались Георгу особенно подозрительными и опасными, и онъ дѣлалъ все возможное, чтобы

¹⁾ Du Teil, p. 9,

общественное мнѣніе Великобританіи направить въ русло ганноверскихъ интересовъ. Эгоистическія стремленія англійскихъ торговцевъ, и тогда уже отличавшіяся большими аппетитами, разжигались. Англійское правительство не уставало твердить, что Петръ въ своей заботливости о поднятіи русской промышленности не замедлитъ поставить препоны и преграды «британскимъ интересамъ».

Послѣ того, какъ союзники Россіи, каждый, прибрали къ своимъ рукамъ разные лакомые кусочки, у нихъ пробудилась большая вѣроисповѣдная щепетильность, и Швеція, какъ главный оплотъ протестантства на сѣверѣ, стала вызывать сочувствіе и соболѣзнованіе враговъ, а дальнѣйшія ея пораженія русскимъ царемъ выросли въ угрозу ниспроверженія европейскаго равновѣсія¹⁾.

При такомъ общемъ положеніи дѣлъ единичные факты получаютъ особенно яркое значеніе. Такъ, въ августѣ 1716 г. Петръ жалуется по поводу дѣйствій союзнаго флота съ Ингерманландіи: «...болтаемся тунѣ, ибо что молодыя лошади въ каретѣ, такъ наши соединенія, а наипаче коренныя сволѣчь хотятъ, да пристяжныя не думаютъ»; въ сентябрѣ того же 1716 г. Петръ извѣщалъ сенатъ: «за позднимъ временемъ дѣйства остановились, а къ будущей кампаніи факцы разныя не допускаются»²⁾. «Факцы» эти шли такъ далеко, что ганноверское и англійское правительство возбуждали въ датчанахъ опасенія, будто Петръ злоумышляетъ противъ Даніи; король Георгъ убѣждалъ Карла VI, чтобы тотъ, какъ глава имперіи, принудилъ Петра удалиться въ Россію; имѣется даже свѣдѣніе, будто англійскій король поручалъ адмиралу Норрису врасплохъ напасть на русскіе корабли и транспортныя суда, арестовать Петра и этимъ принудить его со всѣмъ войскомъ и флотомъ тотчасъ же ретироваться въ Россію.

Воспользовавшись зимнимъ бездѣйствіемъ, Петръ уѣхалъ въ Голландію и, по догадкѣ Брикнера, поѣздка эта въ значительной степени вызывалась переговорами барона Гёрца съ Куракинымъ о заключеніи при посредствѣ Голландіи между царемъ и Швеціею сепаратнаго мира. О закулисной сторонѣ этихъ дипломатическихъ переговоровъ, по утвержденію профессора Брикнера, извѣстно немного. Во всякомъ случаѣ на выгодное для Россіи посредничество со стороны Нидерландовъ такъ же, какъ и Англій, надѣяться было нельзя, что подтверждаетъ характерное письмо Матвѣева къ царю: «Могутъ ли,— недоумѣвалъ этотъ дипломатъ,— Англія и Штаты стараться о нашемъ интересѣ или прибыточномъ морѣ и сами отворить дверь вамъ ко входу въ Балтійское море, чего неусыпно остерегаются, трепещутъ великой силы вашей, не меньше, какъ и французамъ...

¹⁾ Mat. Vassileff. Loc. cit. pp. 63, 64, 65 passim.

²⁾ Брикнеръ. Путешествія Петра Великаго за границу. «Русскій Вѣстникъ», 1881 г., № 1, стр. 176, 181.

Англичанъ и здѣшнихъ прямое намѣреніе, чтобы не допустить васъ имѣть какую нибудь пристань на Балтійскомъ морѣ; отнюдь не хотятъ и слышать такого сосѣдства ближняго. Хотя они ласковыми лицами поступаютъ, только ихъ сердце николи неправо предъ вами» ¹⁾).

Въ концѣ декабря 1716 года и въ январѣ 1717 года отношенія Петра къ союзу настолько уже выяснились, что «англійскій король почитай уже въ требованіяхъ со стороны нашей къ будущей кампаніи отказалъ, а и датчане зѣло заупрямились, и тако я мыслю,— пояснялъ Макаровъ Апраксину,— что по-старому нашимъ будетъ дѣйствовать однимъ только съ Финляндской стороны».

Въ виду этой изолированности Петръ не могъ отнестись равнодушно къ донесеніямъ графа Александра Головкина о томъ, что, по свидѣтельству графа Ротембурга, «дукъ д'Орлеанъ охотно желаетъ съ вашимъ царскимъ величествомъ въ доброй дружбѣ пребыть», а, по свидѣтельству Ильгена, «немалая польза можетъ произойти всему сѣверному союзу, если Франція въ доброе согласіе съ сѣверными союзниками вступить и не будетъ помогать общему непріятелю деньгами и другими способами, къ чему, по его Ильгенову мнѣнію, можно Францію склонить»; наконецъ и французскій посланникъ заявлялъ прусскому королю, что Франція охотно желала бы вступить въ доброе согласіе съ Россією и Пруссією.

Петръ въ концѣ концовъ велѣлъ объявить черезъ Головкина королю, что онъ, царь, готовъ вступить въ соглашеніе съ Францією сообща съ Пруссією, и такимъ образомъ начались переговоры между Францією и Россією ²⁾).

Тотъ фактъ, что въ сближеніи между Францією и Россією въ 1717 году Пруссія принимаетъ дѣятельное участіе, да и позднѣйшіе переговоры не обходятся безъ ея посредничества, весьма показателенъ для оцѣнки тогдашнихъ франко-русскихъ отношеній. Повидимому, обѣ стороны сознавали, что соглашеніе между ними осуществимо лишь при посредничествѣ и гарантіи третьей державы. Роль эта и досталась Пруссіи, благо она къ Франціи и Россіи стояла въ близкихъ отношеніяхъ и въ географическомъ отношеніи являлась какъ бы соединительною между ними чертою.

Съ другой стороны, заигрывая съ Россією и затѣвая въ 1717 г. переговоры съ Петромъ, Франція, вѣрная прежнимъ традиціямъ, продолжала вести двойную игру: 4-го января 1717 года между Францією, Англією и Голландією состоялось заключеніе, по Гаагскому трактату, тройственнаго союза, и кардиналъ Дюбуа поставлялъ уже 12-го января 1717 года Филиппу Орлеанскому на видъ: «если вы станете возвышать царя, вытѣсняя чрезъ это англичанъ

¹⁾ Брикнеръ. Указанн. сочиненіе, стр. 621, 624.

²⁾ Брикнеръ Указанн. сочиненіе, стр. 621, 624, 681, 688, 639.

и голландцевъ съ Балтійскаго моря, то навѣки сдѣлаетесь ненавистнымъ обоимъ народамъ». Въ заключеніи союза съ Пруссіею и Россіею Дюбуа для Франціи пользы не провидѣлъ на томъ де основаніи, что ни на царя, ни на короля прусскаго полагаться нельзя, а царь къ тому же человекъ больной и, по смерти его, царевичъ ужь, конечно, не сумѣетъ удержаться въ томъ положеніи, какое успѣлъ занять его родитель.

Поэтому, преслѣдуя интересы «тройственнаго союза», Франція старается разстроить планъ Гёрца примирить наконецъ Швецію съ Россіею, а графъ де-ла-Маркъ, въ 1716 году имѣвшій въ Пирмонтѣ признать за царемъ завоеванія на Балтикѣ, въ мартѣ 1717 г. получаетъ инструкціи противоположныя—склонить Швецію на сторону Англии, суля отъ нея Швеціи денежныя субсидіи; въ то же время де-ла-Маркъ имѣетъ добиться отъ Швеціи признанія уступки Штетина въ пользу Пруссіи и этимъ путемъ разъединить прусскіе интересы отъ русскихъ, вызвавъ къ жизни англо-прусскій союзъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ предполагалось и короля польскаго примирить со Швеціею.

Эти мѣры должны были возстановить миръ въ имперіи и устранить дальнѣйшее вмѣшательство царя въ европейскія дѣла, но для этого прежде всего требовалось, чтобы царь вывелъ наконецъ изъ Германіи свои войска, а этого Дюбуа мнилъ добиться чрезъ вовлеченіе Петра въ заблужденіе насчетъ договорныхъ соглашеній съ Франціею.

Такимъ образомъ, подъ рукою въ инструкціяхъ графа де-ла-Марку намѣчается образованіе обширной европейской лиги, направленной къ охранѣ все той же пресловутой *barrière du nord*, ибо конечною цѣлью ея является побороть существенные результаты, добытые всею жизнью Петра, то-есть отнять у него доступъ къ восточному морю и вернуть по возможности Московію въ первобытное состояніе (*pour restreindre le Czar dans les bornes plus étroites et peut être même pour le renfermer dans ses anciennes limites*)¹⁾.

Догадывался ли царь объ этихъ интригахъ, и хотѣлъ ли онъ съ обычною смѣлостью выяснитъ истинное положеніе дѣлъ,—неизвѣстно; достовѣрно только одно — у Петра довольно неожиданно возникло желаніе самолично посѣтить Парижъ²⁾.

Стоявшій во главѣ совѣта по иностраннымъ дѣламъ Франціи маршалъ д'Юксель, къ полному своему недоумѣнію, нежданно-негаданно

¹⁾ Mat. Vassileff, p.p. 75, 77, 81—84 passim.

²⁾ Независимо отъ любознательности, влекшей Петра поближе ознакомиться со страной, изобиловавшей всѣми чуждами техники, до которыхъ онъ былъ такъ набоженъ, Кононъ Зотовъ еще въ декабрѣ 1716 года намекалъ государю о возможности брака царевича Алексѣя съ одной изъ дочерей регента, принца Орлеанскаго, а съ другой стороны въ будущемъ вырисовывалась мысль о возможности заключенія брака между великою княжною Елисаветою и Людовикомъ XV.

получилъ отъ аккредитованнаго въ Нидерландахъ французскаго посла, маршала Шатонёфа, нижеслѣдующее сообщеніе: «Царь уѣзжаетъ отсюда въ Зеландію, а оттуда въ Остенде, Ньюпортъ, Дюнкирхенъ, Мардинъ, Калэ; оттуда онъ предприметъ поѣздку въ Парижъ, дабы повидаться съ королемъ и его королевскимъ высочествомъ. Князь Куракинъ сообщилъ мнѣ объ этомъ вчера, по приказанію царя; онъ прибавилъ, что царь предпринимаетъ это путешествіе въ большой тайнѣ и желалъ бы, чтобы объ этомъ не распространялись слухи и во Франціи до его приѣзда».

Изложивъ желанія, выраженныя царемъ насчетъ матеріальной стороны путешествія, Шатонёфъ прибавляетъ: «такъ какъ царь уже черезъ двѣ недѣли будетъ на границѣ, то я увѣдомляю васъ о семъ черезъ курьера, дабы вы могли принять мѣры, какія сочтете нужными для его приѣма».

«Князь Куракинъ сообщилъ мнѣ, будто министры его государя о путешествіи не осведомлены вовсе, но я затрудняюсь, напри- мѣръ, вѣрить, чтобы объ этомъ ничего не зналъ г. Шафировъ, такъ какъ онъ пользуется полнымъ довѣріемъ царя и, повиди- мому, заслуживаетъ этого своими дарованіями и рвеніемъ къ службѣ своего повелителя». Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ того же 30 марта Ша- тонёфъ пишетъ: «Царь приказалъ кн. Куракину передать мнѣ, что искренно желаетъ заключить тѣсную дружбу съ вашимъ величе- ствомъ; если онъ этого достигнетъ, то и ваше величество возы- мѣете всѣ основанія быть этимъ довольными. Въ этихъ видахъ царь изъявляетъ желаніе заключить съ вашимъ величествомъ дру- жескій договоръ (*traité de l'amitié et de bonne correspondance*)»¹⁾.

3 апрѣля совѣтъ министерства иностранныхъ дѣлъ и регент- ства, разсмотрѣвъ сообщеніе Шатонёфа, возложилъ на маршала д'Юкселя озаботиться надлежащими мѣрами и обезпечить имени- тому гостю въ Дюнкирхенѣ и при дальнѣйшемъ его путешествіи по Франціи достойный приемъ и удобные ночлеги, не обременяя царя, по нарочитому его желанію, излишнимъ церемоніаломъ. Въ соот- вѣтствіе съ этимъ д'Юксель шлетъ инструкціи въ Дюнкирхенъ и провинціальнымъ интендантамъ, а въ видахъ охраненія *incognito* царя глухо говоритъ о прибытіи «*une personne de distinction*» или «*seigneur étranger*».

Подробности маршрута, устройство ночлеговъ и прочее было быстро и тщательно соображено, и уже 12 апрѣля д'Юксель, име- немъ короля, увѣдомилъ Шатонёфа: «Вслѣдствіе извѣстія отъ васъ о предстоящемъ прибытіи царя въ мое королевство, а равно о томъ пути, по которому онъ желаетъ прослѣдовать, сохраняя *incognito*, я назначилъ для сопровожденія царя г. де-Либуа (*gentilhomme ordinaire de ma maison*); онъ уже отправился въ

¹⁾ Du Teil, стр. 13, 14.

Дюнкирхенъ, гдѣ и станеть ожидать прибытія государя. Онъ на мѣстѣ узнаеть о желаніяхъ царя насчетъ трактованія его въ пути и озаботится обставленіемъ путешествія тѣмъ почетомъ, какой угоденъ будетъ царю» ¹⁾).

За время пребыванія Петра въ Бельгіи, Либуа черезъ маркиза де-Пріэ выяснилъ тѣ подробности церемоніала, какими царю угодно было обставить путешествие: «Согласенъ ли онъ, чтобы при прибытіи его встрѣчали пушечною пальбою? На это государь изъявилъ согласіе. Угодно ли ему слѣдовать въ сопровожденіи почетнаго конвоя? Царь соглашается на это, если конвой не будетъ превышать 12 всадниковъ при 1 офицерѣ. Ставить ли почетный караулъ къ его квартирѣ? Царь желаетъ, чтобы караулъ не превышалъ 20 солдатъ безъ знамени. Потребоваль онъ всего 4 кареты и согласился выслушивать привѣтствія, какими его будутъ встрѣчать» ²⁾).

21 апрѣля Либуа уже привѣтствовалъ царя въ Сюдкотѣ, послѣ того какъ онъ, вступивъ на французскую землю, подвергся не малой опасности. Пользуясь отливомъ, Петръ вздумалъ, передъ вѣздомъ въ городъ, объѣхать Дюнкирхенскую банку и отправился на нее въ каретѣ; но поднялся вѣтеръ, и приливъ начался съ такою силою, что вода залила дорогу. Царь, не теряя присутствія духа, тутъ же отпрягъ лошадей и ускакалъ отъ грозившей ему опасности.

Въ Дюнкирхенѣ царь провелъ четыре дня, подробно осматривалъ крѣпость и примѣчательныя въ инженерномъ отношеніи сооруженія Рисбанскихъ плотинъ и канала. Донесеніе Биго де-Ламотта въ морское министерство въ мельчайшихъ подробностяхъ знакомить насъ съ времяпровожденіемъ царя въ Дюнкирхенѣ и въ заключеніе гласить: «Государь производитъ своеобразное впечатлѣніе: онъ мягокъ и привѣтливъ, но не любитъ ни самъ стѣсняться, ни стѣснять другихъ. Обо всемъ онъ подробно освѣдомляется, точно выпрашивая, почему и отчего. Повидимому, онъ любитъ военное дѣло, а особенно морскую часть... По-французски онъ не говоритъ, но голландскимъ языкомъ владѣеть свободно. Сопровождалъ его князь Куракинъ, который никогда его не покидаетъ и говоритъ по-французски изрядно: это вельможа очень вѣжливый. Образъ жизни царя таковъ: встаетъ онъ съ разсвѣтомъ, обѣдаетъ въ 10 часовъ, полудничаетъ въ 3 и ужинаетъ въ 7 часовъ вечера, послѣ чего ложится спать. Онъ много гуляетъ пѣшкомъ и не легко утомляется».

Въ Дюнкирхенѣ Петръ проявлялъ большую привѣтливость на пріемахъ разныхъ посѣтителей, желавшихъ выразить ему свое почтеніе. «Онъ принималъ,—какъ доносить Либуа,—всѣхъ, кто выдавался своимъ положеніемъ или должностію, съ большою мягкостію

¹⁾ Du Teil, loc. cit., p. 15, 23.

²⁾ Du Teil, стр. 38.

(douceur) и любезностью», и даже позволялъ приближаться къ себѣ на улицахъ, «лишь бы вокругъ него не бѣгали и не суетились».

Необходимость прибѣгать при разговорахъ къ чужой помощи заставила царя просить о пріисканіи ему переводчика, который и явился въ лицѣ флотскаго капитана Барта; онъ сопровождалъ Петра въ Парижѣ, и сумѣлъ настолько угодить царю, что тотъ настойчиво, но безуспѣшно, приглашалъ Барта къ себѣ на службу. За сопровожденіе царя Бартъ былъ пожалованъ крестомъ Людовика Святого и впослѣдствіи достигъ чина вице-адмирала ¹⁾).

Въ Калѣ, куда царь прибылъ 25-го апрѣля, онъ загостился до 4-го мая, и городской синдикъ Габріэль Бодье съ кропотливой точностью поденно отмѣтилъ всѣ разъѣзды и посѣщенія царя ²⁾).

Продолжительность пребыванія въ Калѣ объясняется не столько многочисленностью достопримѣчательностей, которыя заслуживали обозрѣнія со стороны любознательнаго путешественника, сколько тѣмъ, что тутъ пришлось страстная и пасхальная недѣля по православному календарю.

«Вчера 3-го мая былъ день Святой Христовой Пасхи, — сообщаетъ г. де-Тоссъ мѣстному интенданту Бернажу, — его величество отстоялъ службу съ 4-хъ часовъ ночи до 9-ти часовъ утра, а затѣмъ ему подали обѣдать. Я присутствовалъ на религиозной церемоніи, весьма красивой и сопровождаемой пѣніемъ, не лишеннымъ пріятности. Государь распѣловался со всѣми вельможами и слугами; обѣдъ былъ парадный, но послѣ стола государь заперся со своею свитою... Въ 8-мъ часовъ вечера его величество incognito посѣтилъ своихъ музыкантовъ, жившихъ по сосѣдству; въ теченіе получаса онъ запросто пировалъ съ ними, а потомъ отправился ко сну».

«Ради праздника его величество былъ великолѣпно одѣтъ, что случилось впервые, такъ какъ обыкновенно его одежда очень проста и состоитъ изъ коричневаго кафтана. На сей разъ на царѣ была лента и цѣпь ордена святого Андрея Первозваннаго. Государь имѣетъ видъ величественный, но при ближайшемъ знакомствѣ оказывается крайне обходительнымъ» ³⁾).

Другая причина, задержавшая отъѣздъ царя изъ Калѣ, была вызвана желаніемъ обставить пребываніе Петра въ Парижѣ согласно его волѣ. На увѣдомленіе герцога д'Антеа, что для царя приготовлено городское помѣщеніе въ Луврѣ и загородное—въ Медонѣ, Петръ выразилъ желаніе поселиться не во дворцѣ, а въ частномъ домѣ, гдѣ бы онъ могъ имѣть возлѣ себя всю свою свиту. По услужливо предъявленнымъ Либуа планамъ и объ-

¹⁾ Du Teil, p.p. 54—56, 60.

²⁾ Du Teil, p.p. 64—65.

³⁾ Du Teil, p.p. 68—69.

⁴⁾ Du Teil, p. 70.

ясненіямъ выборъ царя остановился на одномъ изъ незанятыхъ въ то время домовъ маршала Виллера и Ледигера; Толстой отправился впередъ какъ бы квартирмейстеромъ и выбралъ лишь 30-го апрѣля отель Ледигера, который затѣмъ, по распоряженію д'Юкселя, и былъ слѣбно приготовленъ и разукрашенъ, чтобы служить достойною царскою резиденцію ¹⁾.

2-го мая въ Калэ прибылъ для сопровожденія царя маркизъ де-Нель съ привѣтственными и аккредитивными грамотами отъ регента, а 4-го мая въ путь двинулся, въ предшествіи кухни, цѣлый караванъ изъ берлинъ и колясокъ, запряженныхъ тройками, при чемъ сохранился подробный списокъ, изъ котораго видно, что вмѣстѣ съ государемъ слѣдовалъ Ягужинскій; второй экипажъ занимали князь Куракинъ и Нарышкинъ; третій—князь Долгорукій и Бутурлинъ; четвертый—лейбъ-медикъ Арескинъ и секретарь кабинета Макаровъ. Далѣе слѣдовалъ баронъ Шафировъ, духовникъ государя и верхами на 17-ти лошадяхъ вторые чины двора и слуги. Либуа это путешествіе причинило немало тревоги и огорченій: начать съ того, что русскіе, разговѣвшись на Пасхѣ, ѣли скоромное, французы же отправляли постъ (*des rogations*) ²⁾.

Далѣе Петру порядкомъ надоѣли торжественныя встрѣчи, а потому онъ въ пути неоднократно пережѣнялъ назначенныя по расписанію мѣста ночлега: такъ вмѣсто Монтрѣля ночевалъ въ Булони, а вмѣсто Аміена—въ Бовэ. Вмѣсто Бретѣля, гдѣ епископъ де-Бовилье приготовилъ для царя пиршество съ концертомъ, иллюминаціею и фейерверкомъ, предупредительно украсивъ царскую спальню портретами царей Михаила Ѣоодоровича и Алексѣя Михайловича, Петръ предпочелъ остановиться въ жалкой деревушкѣ Алонѣ, гдѣ ночлегъ и ужинъ ему со всей свитой обошелся 18-ть ливровъ ³⁾.

7-го мая въ Бомонѣ царя встрѣтилъ поджидавшій его здѣсь уже двое сутокъ маршалъ де-Тессэ съ шестью королевскими каретами, запряженными каждая шестеркою.

Маршалъ де-Тессэ пригласилъ Петра къ парадному обѣду, который состоялся съ соблюденіемъ придворнаго этикета, съ прислуживаніемъ за обѣдомъ метръ д'отелей, *officiers de bouche* и прочихъ.

7-го же мая черезъ Сень-Брисъ и Сень-Дени поѣздъ прибылъ вечеромъ въ Парижъ. По настояніямъ Тессэ, Петра все-таки завезли въ Лувръ, но, обойдя апартаменты королевы-матери, онъ нашелъ ихъ слишкомъ великолѣпными, отправился въ отель Ледигера, но и тамъ отведенная спальня показалась ему слишкомъ парадною, и онъ устроился въ скромной боковушкѣ.

¹⁾ Du Teil, p. 62, 63.

²⁾ Du Teil, p.p. 73, 74.

³⁾ Du Teil, p.p. 75—80 *passim*.

Обмѣномъ торжественныхъ визитовъ съ королемъ и регентомъ, обѣдомъ съ послѣднимъ и параднымъ спектаклемъ въ оперѣ ограничилась официальная сторона приемовъ. Въ дипломатическихъ переговорахъ, которые Куракинъ и Шафировъ вели съ д'Юкселемъ и Тессэ,—къ нимъ мы еще вернемся,—царь непосредственнаго и постояннаго участія не принимаетъ и словно затѣмъ, чтобы скрыть истинную цѣль своего пребыванія въ Парижѣ, отводитъ широкій просторъ обзорѣнью столицы Франціи.

Сень-Симонъ, Данжо, Дюкло и г-жа Дюнойе въ подробной описываютъ пребываніе Петра въ Парижѣ, и здѣсь сказываются обычныя черты, свойственныя быту нашего державнаго черноработаго: блескъ и пышность оставляютъ его равнодушнымъ—на парадномъ смотру онъ скучаетъ и исчезаетъ до окончанія церемоніи; въ королевской сокровищницѣ, гдѣ его думали удивить отборною коллекціею драгоценныхъ камней, онъ признается, что мало понимаетъ въ этомъ толкъ. О маршалѣ де-Нель, который, при каждомъ появленіи къ царю, наряжался въ новое платье, Петръ отзывается, что очень его жалѣетъ: видно де портной у него не хорошъ, если маршалъ не можетъ выискать себѣ платье по вкусу. Зато вездѣ, гдѣ только царь можетъ найти пищу для своей любознательности,—онъ положительно неутомимъ. Въ самый день приѣма у короля, онъ съ восьми часовъ утра осматриваетъ площадь Королевскую, Побѣдъ и Вандомскую. 12-го мая происходитъ осмотръ Обсерваторіи, Гобеленовой фабрики и Королевскаго сада, 14-го мая онъ посѣщаетъ картинную галерею Лувра, но здѣсь наибольшее его вниманіе привлекаютъ не столько произведенія искусства, сколько коллекціи плановъ и модели укрѣпленныхъ городовъ. 16-го мая происходитъ подробный обзоръ дома инвалидовъ, онъ пробуетъ пищу «камарадовъ», какъ онъ ихъ называетъ, пьетъ за ихъ здоровье, а въ лазаретѣ, сильный знаніемъ медицины, при осмотрѣ одного изъ больныхъ, приговореннаго къ смерти, предсказываетъ ему скорое выздоровленіе, что впоследствии сбывается. 17-ое мая Петръ проводитъ въ Сентъ-Клу, 18-ое—въ Исси, 21-ое—въ Люксембургѣ, 23-ое—въ Медонѣ, 24-ое—въ Тюильри, 25-ое—въ Версалѣ, 26-ое—въ Марли ¹⁾. Наряду съ этимъ царь къ великому ужасу состоявшаго при немъ Тессэ ускользаетъ отъ его предупредительной навязчивости и то въ наемномъ фіакрѣ, то въ подхваченномъ чужомъ экипажѣ катается по Парижу, посѣщаетъ разныхъ ремесленниковъ, техниковъ и изучаетъ детали то одного, то другого мастерства. Изъ посѣщеній Коллегіи четырехъ націй, Академіи наукъ, Сорбонны, Парламента, Воспитательнаго дома, Сень-сирскаго института и присутствія при хирургическихъ операціяхъ царь старался вынести для себя что нибудь назидательное, а видѣть такія увлеченія и интересы въ царственномъ гостѣ парижанъ

¹⁾ C-te de Haussonville p. 802.

намъ казалось страннымъ; въ концѣ же концовъ простота костюма, своеобразность повадокъ царя начали вызывать у парижанъ восторгъ, прическа его съ коротко остриженнымъ парикомъ и кафтанъ безъ украшеній вошли тамъ нѣсколько позднѣе даже въ моду.

Сень-Симонъ, столь же преклонявшійся передъ Петромъ, какъ и мать принца регента,—неистощимъ въ похвалахъ царю.

«Государь этотъ удивителенъ своимъ любопытствомъ, которое неизмѣнно стоитъ въ связи съ его видами на управленіе, торговлю, образованіемъ, полиціею и прочимъ. Любознательность эта касается всего, не пренебрегаетъ ничѣмъ и неизмѣнно клонится къ пользѣ. Все обнаруживаетъ въ немъ чрезвычайную обширность познаній и непреклонную послѣдовательность. Царь умѣетъ величіе совмѣщать съ учтивостью... Учтивость властелина онъ соблюдаетъ повсюду, оказывая ее всѣмъ и каждому».

Подчасъ Сень-Симонъ, желая подчеркнуть непринужденную фамиллярность и «старинную грубость московской страны», взводитъ на Петра и небылицы. Такъ, его рассказъ, будто царь, пріѣхавъ къ госпожѣ де-Ментенонъ, прошелъ къ ней въ спальню, отдернулъ отъ оконъ занавѣси и, пристально посматрѣвъ на нее, ушелъ, не сказавъ ни слова,—повидимому, совершенно апокрифиченъ. Г-жа де-Ментенонъ въ своихъ мемуарахъ описываетъ визитъ къ ней царя несравненно правдоподобнѣе. Точно также, судя по показаніямъ Либуа и Биго де-ла-Мотта, ни Петръ, ни его свита не позволяли себѣ во Франціи ничего необычайнаго, кромѣ своеобразныхъ нравовъ и взыскательности относительно того, что почитали для себя позволительнымъ; указывая на слишкомъ обильную ѣду и значительное потребленіе вина и пива, Сень-Симонъ очень осторожно замѣчаетъ, что за столомъ иногда переступались границы пристойности, а послѣ обѣда происходили иногда бѣльшія еще вольности. На «вольности» эти намекаетъ и профессоръ А. Г. Брикнеръ, рассказывая о проходящихъ амурныхъ интрижкахъ царя и его свиты ¹⁾

Среди этихъ развлеченій и осмотровъ достопримѣчательностей истинная цѣль пребыванія Петра и его свиты въ Парижѣ преслѣдовалась столь же неутомимо, какъ бесплодно.

Тессэ довольно мѣтко очерчиваетъ характеръ тогдашнихъ дипломатическихъ переговоровъ, когда говорить:

«Право же, тутъ надо терпѣніе Іова—мы работали до двухъ часовъ по полудни и отступаемъ, думая, что идемъ впередъ, или, пожалуй, мы идемъ впередъ, желая отступить» ²⁾.

¹⁾ Названн. соч. «Русскій Вѣстникъ», № 3, 1881 г., стр. 60.

²⁾ C-te d'Haussonville, loc. cit., p. 812.

Сначала переговоры велись только между Тессэ и русскими уполномоченными, и здѣсь русскія desiderata были высказаны вполне ясно и откровенно ¹⁾).

По мысли французскихъ дипломатовъ предполагалось «составить особенное условіе, хранимое въ тайнѣ, для предварительнаго соглашенія о помощи, которую бы можно дать царю, если онъ употребитъ свои силы въ пользу короля и его союзниковъ, въ особенности для оказанія помощи прусскому королю».

Царскіе министры поставили вопросъ иначе и наглядно объяснили маршалу де-Тессэ всю пользу франко-русскаго союза. «Когда вы примите въ вашъ союзъ царя, вмѣсто Швеціи,—говорили они маршалу,—то царь вамъ замѣнитъ все, на что вы можете надѣяться отъ Швеціи... Я, царь, хочу занять мѣсто Швеціи, я хочу вамъ гарантировать ваши договоры; я вамъ предлагаю союзъ вмѣстѣ съ Пруссіею и Польшею; я отъ васъ не требую никакой гарантіи для моихъ завоеваній. Я предвижу въ будущемъ угрожающее могущество австрійскаго дома, долженствующее насъ смутить,—поставьте меня на мѣсто Швеціи, и такимъ договоромъ я... могу васъ обезпечить отъ всего, чего вы можете и должны опасаться со стороны могущества императора» ²⁾).

Тессэ и Сенъ-Симону предложенія царя представлялись серьезными: Тессэ полагалъ, что регентъ соберетъ тайный совѣтъ и обсудитъ вопросъ, столь чреватый послѣдствіями; Сенъ-Симонъ, пользовавшійся у регента значительнымъ вѣсомъ, съ своей стороны, убѣждалъ герцога Орлеанскаго, что ничего не можетъ быть для Франціи выгоднѣе союза съ Россіею въ отношеніи торговли и усиленія значенія Франціи на сѣверѣ, въ Германіи и во всей Европѣ.

Выработаны были даже два наброска трактата французскими и русскими уполномоченными, и Тессэ уже похвалялся д'Юкселю, что «мы, пожалуй, подвигаемся болѣе быстро, чѣмъ вамъ это можетъ быть желательно» ³⁾). Но когда въ Парижъ прибылъ Книппгаузенъ, уполномоченный для переговоровъ отъ короля прусскаго, и былъ привлеченъ къ конференціямъ, то нерѣшительность его и отсутствіе опредѣленныхъ инструкцій испортили все дѣло. Провозгласивъ, что отнынѣ вѣчная дружба будетъ связывать Россію, Францію и Пруссію, договаривающіяся стороны взаимно гарантировали другъ другу территоріальныя границы, установленныя, съ одной стороны, Утрехтскимъ и Раштатскимъ трактатомъ, а съ другой—имѣющимъ состояться съ Швеціею сѣвернымъ трактатомъ. Собственно затрудненія возникли по вопросу о томъ, при какихъ условіяхъ союзныя державы должны выступать на помощь другъ другу

¹⁾ Ближайшія подробности см. у Мартенса. Т. XIII, стр. 7—8.

²⁾ C-te d'Haussonville, p. p. 803—805. Мартенсъ, стр. 8.

³⁾ C-te d'Haussonville, p. 805.

Въ отношеніи Франціи помощь предполагалась въ томъ случаѣ, если всехристіаннѣйшій король будетъ атакованъ «въ своихъ королевствахъ и владѣніяхъ», но на это французскіе уполномоченные возражали, что такъ какъ цѣлью договора является гарантировать Утрехтскій и Рамштатскій договоры, то несомнѣнно явнымъ нарушеніемъ ихъ будетъ, если, на примѣръ, Германскій императоръ учинитъ нападеніе на итальянскія государства, участвовавшія въ подписаніи помянутыхъ трактатовъ, съ чѣмъ конференція согласилась. Со стороны Россіи было заявлено желаніе: разъ она будетъ поставлена на мѣсто Швеціи, чтобы это со всѣми вытекающими послѣдствіями (производствомъ субсидій и пр.) было приурочено къ ратификаціи настоящаго договора; французы же возражали, что впредь до истеченія срока договора, которымъ король связанъ со Швеціею еще на десять мѣсяцевъ, онъ не можетъ оказывать одновременно помощь и Швеціи, и новымъ союзникамъ. Русскіе уполномоченные признали резонность и этого довода. Оставалось выяснитъ вопросъ о помощи и размѣрахъ ея, какіе каждая изъ договаривающихся сторонъ могла бы оказывать другиму. Франція желала помогать царю только субсидіями, но не войсками; на случай же войны на царя возлагалась обязанность совершить на имперію, или, вѣрнѣе, на Австрію диверсію съ востока. Русскіе такое обязательство не прочь были принять, но подъ условіемъ совмѣстныхъ дѣйствій съ Пруссіею, Книпгаузенъ же ссылаясь на то, будто онъ отнюдь не ожидалъ принять участіе въ столь важныхъ переговорахъ, и за отсутствіемъ указаній въ инструкціяхъ опасается принять какое либо рѣшеніе по этому вопросу, какъ, пожалуй, несогласное съ волею его повелителя¹⁾. Д'Юксель и Тессэ вполне соглашались съ тѣмъ, что обѣщаніе царя выступить съ диверсіею на случай войны не выполнимо безъ поддержки Прусскаго короля; они признавали, что разъ царь затрудняется обѣщать то, чего выполнить не можетъ, такъ самое уже откровенное признаніе въ этомъ показываетъ его прямоту и стремленіе къ выполненію принимаемыхъ на себя обязательствъ.

Эта искренность, опрокидывавшая всѣ легенды о вѣроломствѣ и криводушій сѣвернаго исполина, настолько подкупила д'Юкселя, что впредь до заключенія болѣе полнаго трактата онъ предложилъ заключить просто дружественный договоръ, но изъ-за новыхъ переговоровъ царь оставался дольше въ Парижѣ не захотѣлъ и 20 іюля 1717 года выѣхалъ въ Спа, гдѣ его поджидала Екатерина. Въ Парижѣ, правда, остались Куракинъ и Шафировъ, чтобы оборудовать договоръ «доброй дружбы и сношеній», и дѣйствительно составили таковой; когда же Тессэ приѣхалъ къ Книпгаузену, чтобы тотъ скрѣпилъ договоръ подписью, «пруссакъ» и тутъ сталъ ссы-

¹⁾ C-te d'Haussonville, p. 806—808.

латься на необходимость представить этотъ договоръ на усмотрѣніе своему повелителю; Тессэ, озленный, поѣхалъ къ Шафирову, который долженъ былъ его ожидать дома, но тотъ не оказался или не сказался дома: Тессэ отсюда заключилъ, что прусскій и русскій уполномоченные водятъ его за носъ, и, бросивъ дальнѣйшіе переговоры, уѣхалъ въ свое помѣстье¹⁾.

Полнѣйшій, повидимому, неуспѣхъ парижскихъ переговоровъ былъ, впрочемъ, только первымъ блиномъ: чрезъ два мѣсяца въ Амстердамѣ переговоры возобновились, и 19-го августа состоялся первый дипломатическій актъ, подъ которымъ подписались Россія и Франція. Договаривающіеся обѣщали другъ другу: добрыя услуги въ отношеніи охраненія мира по силѣ дѣйствующихъ трактатовъ;— посредничество предъ третими державами въ случаѣ нападенія и доставленіе удовлетворенія обиженной сторонѣ, а въ случаѣ неуспѣха дѣйствительную помощь деньгами и войсками²⁾. Неопредѣленность этого трактата, по мнѣнію графа д'Оссонвиля, показала, что не назрѣло еще время для болѣе тѣснаго сближенія между французскою и русскою націею—политическое состояніе тогдашней Европы, вѣдь, вообще было неопредѣленное, а сообщенія между новыми союзницами весьма затруднительныя.

Тѣмъ не менѣе усилія, сдѣланныя съ обѣихъ сторонъ, не прошли безслѣдно: пребываніе Петра Великаго въ Парижѣ возымѣло результатъ осязательный; если Франція, по выраженію Сень-Симона, осталась очарованною царемъ, то и Петръ былъ очарованъ Франціею. Онъ уѣхалъ, польщенный приемомъ, ему сдѣланнымъ, и тѣмъ почетомъ и сочувствіемъ, съ которымъ его повсюду встрѣчали³⁾.

Съ этого времени обѣ страны перестали чуждаться другъ друга. Теперь между ними не только завязались правильныя дипломатическія сношенія путемъ назначенія къ обоимъ дворамъ полномочныхъ министровъ, но въ Парижѣ стали нерѣдко появляться въ значительномъ количествѣ русскіе путешественники, а французы узнали дорогу въ Петербургъ.

Такимъ образомъ со времени этого, по справедливости, знаменательнаго путешествія Петра, между обоими народами стало постепенно и непримѣтно складываться чувство инстинктивной дружбы, которое порою переживало заблужденія политики и заносчивыя мечтанія, замѣчаетъ Оссонвиль, но, тѣмъ не менѣе, это чувство

¹⁾ C-te d'Haussonville, p. 814.

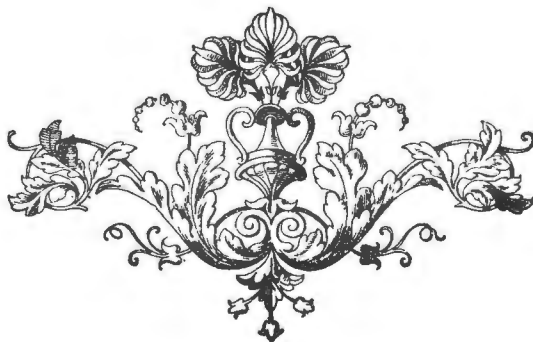
²⁾ Полное собраніе законовъ, № 3098. Мартенсъ. Собраніе трактатовъ. Томъ V, № 198, стр. 161.

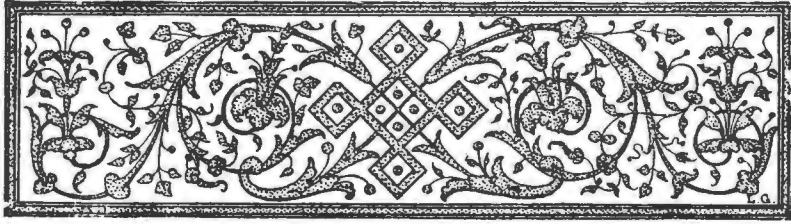
³⁾ Что царь остался доволенъ приемомъ, выразилось въ царственно широкихъ подаркахъ придворному персоналу, ему прислуживавшему: на это, по показанію Сень-Симона, было истрачено бережливымъ Петромъ 60.000 ливровъ.

возрождалось все сильнѣе и рѣшительнѣе, когда наступали къ тому сколько нибудь благопріятныя обстоятельства. Словомъ, тутъ блистательно сказалась несокрушимая живучесть естественныхъ международныхъ симпатій и непреходящихъ интересовъ.

Амстердамскій трактатъ явился первымъ торжественнымъ актомъ признанія притязаній Россіи на участіе въ европейскомъ концертѣ, а дальнѣйшіе успѣхи дальновидной политики Петра и его птенцовъ обезпечили «парадизу» рангъ императорской столицы, дабы окончательно «ногою твердой стать при морѣ».

Вл. Штейнъ.

РАСКОЛЬНИЧЬИ ЛЕГЕНДЫ О ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

ВЪ МЕМУАРАХЪ моего дѣда, часть которыхъ я имѣлъ случай помѣстить на страницахъ «Историческаго Вѣстника», въ декабрьской книжкѣ прошлаго года и въ январской нынѣшняго, я нашелъ, между прочимъ, нѣсколько раскольничьихъ легендъ о Петрѣ Великомъ, имѣющихъ несомнѣнный интересъ новизны и не лишённыхъ своеобразной поэзии мистическаго смысла.

Я всегда усердно занимался раскольничьей литературой и въ моихъ сборникахъ имѣлись весьма цѣнные, на мой взглядъ, рукописные образчики поэтическаго творчества ревнителей «старой вѣры». Въ одномъ изъ такъ называемыхъ «Цвѣтникахъ» я, къ удивленію моему, встрѣтилъ варианты къ одной изъ легендъ, занесенныхъ дѣдомъ въ мемуары, и обратился за разъясненіями этой донельзя мистической легенды къ большому знатоку русскаго раскола, покойному нынѣ, противораскольничьему миссіонеру, о. Іоанну Яхонтову, бывшему настоятелю златоустовскаго собора, въ городѣ Златоустѣ, Уфимской губерніи.

О. протоіерей, самъ заинтересовавшись легендой, пояснилъ, что она несомнѣнно происхожденія не сибирскаго, а уральскаго, и что ему до сихъ поръ не приходилось встрѣчать ее въ «Цвѣтникахъ», болѣе, или менѣе ему хорошо извѣстныхъ. Я выразилъ было сомнѣніе въ подлинности своего «Цвѣтника» и склоненъ былъ признать его за художественно исполненную поддѣлку, или, по крайней мѣрѣ, за одинъ изъ апокрифовъ, нерѣдко появляющихся на

раскольничьемъ книжномъ рынкѣ, но о. протоіерей не согласился со мной и посовѣтоваль сѣздить къ одному изъ «столповъ древяго благочестія», къ начетчику, жившему въ то время въ Невьянскомъ заводѣ (Пермской губ., Екатеринбургскаго уѣзда), великому знатоку всей рукописной раскольничьей литературы.

— По моему мнѣнію, это подлинный «Цвѣтникъ», а не поддѣлка,—сказаль мнѣ о. протоіерей.—А все-таки вы сѣздите въ Невьянскъ, разыщите тамъ «старца», начетчика Аѳанасія, и побесѣдуйте съ нимъ; онъ, если согласится видѣть васъ, разсѣтъ ваши сомнѣнія. Легенда же настолько интересна, что стоитъ ради ея потрудиться и выяснитъ корень ея происхожденія. По всѣмъ внѣшнимъ признакамъ вашъ «Цвѣтникъ» подлинный экземпляръ, но, можетъ быть, я ошибаюсь и принимаю искусную поддѣлку за оригиналь. Все можетъ случиться, — не лѣнитесь и сѣздите, хлопочите.

— Гдѣ же я найду «старца Аѳанасія»? Въ Невьянскомъ заводѣ живетъ чуть ли не двадцать тысячъ человѣкъ.

— Постарайтесь, хотя я и самъ знаю, что будетъ не легко,—раскольники не любятъ «мірскимъ» указывать своихъ руководителей, но вы все-таки попытайтесь. Отъ «старца» этого вы, кромѣ того, много интереснаго матеріала узнаете, и ваши собранія разныхъ рукописей пополните.

Я послѣдовалъ совѣту моего собесѣдника и отправился въ Невьянскъ, гдѣ послѣ долгихъ и непріятныхъ мытарствъ нашель начетчика, «старца Аѳанасія», съ которымъ имѣлъ продолжительную бесѣду, о чемъ скажу ниже, а теперь перейду къ запискамъ дѣда и той легендѣ, что у него записана.

Необходимо сказать, что легенда воспроизведена дѣдомъ, несомнѣнно, со словъ, а не списана. Это обстоятельство въ значительной степени повліяло на образность языка и на красоту изложенія, хотя, нужно отдать справедливость дѣду, онъ, видимо, старался записать ее по возможности такъ, какъ слышалъ, т. е. не своими словами, а точно придерживаясь изложенія рассказчика. Слышалъ же дѣдъ легенду въ Тарбагатаѣ отъ нѣкоего раскольника Хромцова, большого знатока раскольничьей «словесной» литературы и преданій, передаваемыхъ отъ поколѣнія поколѣнію, изъ устъ въ уста.

Дѣдъ, видимо, былъ пораженъ фабулой легенды, почему не оставилъ ея безъ обычныхъ своихъ комментаріевъ. Мало того, онъ возвращается въ «запискахъ» къ легендѣ нѣсколько разъ, такъ что мнѣ стоило немалого труда разобраться въ ней и привести ее въ стройный, систематизированный видъ и придать ей форму цѣльнаго очерка.

«Пріѣхаль я, по своимъ дѣламъ, — пишетъ дѣдъ, — и остановился въ домѣ у своего знакома Серапіона Матвѣевича Красу-

лина. Онъ «киржачить» сильно и отъ всякихъ мірскихъ сторонится. Но мнѣ онъ препонъ не дѣлаетъ и въ домъ къ себѣ пускаетъ, ибо я его обычаи уважаю и ничего супротивъ его обихода домашняго не произвожу. Посуда у меня своя, и разговоровъ съ нимъ о превосходствѣ нашей вѣры не веду, ибо зачѣмъ стану я въ разстройство челоуѣка вводить и въ споры пускаться о томъ, что святыню его души составляетъ. Неосторожное слово можетъ рану больнѣе ножа нанести, и той раны ничѣмъ не залѣчить. А у раскольниковъ такихъ ранъ и безъ того предовольно, и усугублять ихъ грѣшно и совѣсти противно.

«Но все-таки безъ разговоровъ о вѣрѣ не обошлось на сей разъ съ Серапіономъ Матвѣичемъ, разговоровъ весьма тихихъ и вниманія достойныхъ. Пришелъ къ нему нѣкій челоуѣкъ, весьма у «семейскихъ» почитаемый за великое знаніе святаго писанія и всякихъ иныхъ священныхъ книгъ. Пришелъ сей челоуѣкъ въ горницу, совершилъ моленіе передъ иконами, а на меня и глядѣть не захотѣлъ и на поклонъ не отвѣтилъ. Суроваго, должно быть, обычая сей челоуѣкъ, и, кромѣ своихъ сотолковниковъ, никого и знать не хочетъ. Обидно мнѣ такое пренебреженіе показалось, и я Серапіону Матвѣвичу о томъ попенялъ, какъ, молъ, дерзко сей челоуѣкъ съ его гостемъ обошелся.

— «Такое, сударь, нравъ у него, чтобы съ мірскими не якшаться, потому, по правдѣ говорить, онъ ихъ и за людей настоящихъ не считаетъ.

«До чрезмѣрности обидны показались мнѣ такія слова, и я безъ обиняковъ все Серапіону Матвѣвичу и высказалъ.

« — Ничего, сударь, съ такимъ челоуѣкомъ не подѣлаете. Упорственный онъ челоуѣкъ и въ своей вѣрѣ крѣпокъ, какъ столбъ каменный.

« — Я же его вѣры не поругаю и въ препирательство не вступаю, а онъ точно мимо собаки прошелъ и головой на мой поклонъ не кивнулъ.

« — Повремените, сударь, я съ нимъ разговоръ поимѣю, можетъ, онъ и смилостивится. Онъ, можетъ, васъ за чиновника какого принялъ и поопасался, потому мы здѣсь напуганы очень».

Результатомъ этихъ переговоровъ было то, что «суровый челоуѣкъ» пришелъ въ горницу и сталъ съ дѣдомъ «по-дружески» разговаривать и въ концѣ концовъ началъ сообщать ему, — какъ пишетъ дѣдъ, — «многія сокровенныя преданія, кои въ памяти только сохранились и нигдѣ не записаны».

«Подивился я немало, — продолжаетъ дѣдъ, — сколь у этихъ людей вѣра крѣпка, и сколь они свои преданія за истину чтутъ. Никакія увѣщанія на нихъ не дѣйствуютъ, а еще пуще вѣру укрѣпляютъ и твердость придаютъ. Достоинно сіе удивленія и въ нѣкоторыхъ случаяхъ жизни подражанія, потому мы часто мало-

вѣрїе оказываемъ и духъ свой принижаемъ ради корысти или благъ земныхъ».

Далѣе заноситъ дѣдъ въ свои мемуары разговоръ съ Хромцовымъ и прибавляетъ, что «на великое раздумье сей человекъ меня навелъ и на многія мысли наставилъ. Повелъ онъ наперво разговоръ о царяхъ истинныхъ и царяхъ ложныхъ, что въ прежнее время на Руси проявлялись, и сказалъ при этомъ, что многіе изъ ложныхъ истинными были, а тѣ, коихъ за истинныхъ почитали, тѣ ложными въ сущности оказались».

«— Облыжныя слова говорите,—сказалъ я Хромцову.—Кого же вы, напримѣръ, за ложнаго царя почитаете, кромѣ Димитрія Самозваннаго?»

«— А царь Петръ по-вашему истинный былъ?»

«— Императоръ Петръ Первый истинный былъ. Вотъ Пугачевъ осмѣлился имя Петра Третьяго принять, такъ онъ всенародно былъ въ томъ самозванствѣ уличенъ и также всенародно въ томъ покалялся».

На этомъ мѣстѣ, въ запискахъ дѣда находится большой пробѣлъ, точно разговоръ или прервался, или же принялъ неприятный для дѣда оборотъ. Дѣдъ ограничивается лишь примѣчаніемъ такого рода: «Хромцовъ опасный безумецъ, и съ нимъ бесѣду вести непристойно, ибо онъ превратнаго мнѣнія о самыхъ извѣстныхъ предметахъ, о коихъ спорить зазорно и здравому человеку не подобаетъ». Но, несмотря на такой невыгодный для Хромцова отзывъ, судьба свела дѣда съ нимъ еще разъ, и онъ долго опять бесѣдовалъ съ этимъ ярымъ поборникомъ раскола и хранителемъ раскольничьихъ легендъ и преданій. У дѣда занесена послѣдняя бесѣда очень подробно, и въ ней-то и заключается легенда «о царѣ Петрѣ истинномъ и царѣ Петрѣ ложномъ», которую слышалъ дѣдъ отъ Хромцова. «Дѣла вызвали меня въ Тарбагатай,—излагается въ мемуарахъ у дѣда,—и я, какъ всегда, остановился у Серапіона Матвѣевича. Вечеромъ пришелъ Хромцовъ и на сей разъ не чурался, а даже рукопожатіе совершилъ. Видимо старое загладиť хочеть. Что же, я готовъ на примиреніе итти, ибо себя виноватымъ не считаю. Но внутренно себѣ слово далъ не вступать съ нимъ въ бесѣду дружескую и его разсказовъ не слушать. Не хочу смущать свой духъ и ожесточаться, хотя Хромцова за изувѣрнаго человека почитаю, и потому слова его достойной твердости имѣть не могутъ».

Благому намѣренію дѣда не суждено было осуществиться—онъ какъ «ни утверждался», все-таки «имѣлъ большой разговоръ съ симъ изувѣромъ», и мало того даже настолько заинтересовался разсказомъ, что «просидѣлъ цѣлую ночь, записывая слышанное, дабы, по возможности, не дать остыть памяти».

Но очевидно, что кто-то или что-то помѣшало дѣду записать все подробно, какъ ему хотѣлось, и онъ вернулся въ Иркутскъ, гдѣ уже, спустя немало времени, пополнилъ свои записи.

Легенда, записанная моимъ дѣдомъ, принадлежитъ къ циклу сказаній о стрѣлецкихъ бунтахъ и носить на себѣ характеръ строго раскольничій, но все-таки трудно точно опредѣлить эпоху ея возникновенія. Скорѣе всего, она создавалась въ разное время и, переходя изъ устъ въ уста, постоянно добавлялась новыми вариантами. Хромцовская легенда больше, чѣмъ вариантъ моего «Цвѣтника», походитъ на первоисточникъ, почему я и считаю ее цѣннѣе другихъ пересказовъ и передаю почти въ томъ видѣ, какъ она записана дѣдомъ, позволивъ себѣ лишь обработать мало понятныя мѣста.

У дѣда, въ его мемуарахъ, говорится между прочимъ, что служившій у него довѣреннымъ, раскольникъ Рогачевъ, зналъ эту легенду и увѣрялъ, «что ее въ Сибирь съ Урала старцы занесли, но только ихъ всѣхъ похватили и въ остроги попрятали за пространство неподобныхъ и лживыхъ вѣстей».

Все это весьма возможно, и легенду нужно считать произведеніемъ отнюдь не сибирскимъ, а принесеннымъ изъ Европейской Россіи, но когда и кѣмъ,—это останется всегда тайной.

Сличая образность и обороты рѣчи легенды изъ дѣдовскихъ мемуаровъ съ текстомъ моего «Цвѣтника», можно заключить, что обѣ легенды сохранили на себѣ слѣды одного автора. Что же касается фабулы, то въ ней встрѣчаются нѣсколько различій и вариантовъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже противорѣчія.

Во всякомъ случаѣ эти легенды могутъ считаться новинкою въ этой области, почему я и позволилъ себѣ сдѣлать къ нимъ нѣсколько длинное предисловіе.

Сказаніе о царѣ Петрѣ истинномъ и царѣ Петрѣ ложномъ.

Въ оное время, когда Петръ задумалъ новшество всяческое вводить и старую, истинную, древле православную, вселенскими соборами поставленную вѣру въ разрушеніе приводить, а Никоново бѣсовіе за истинную вѣру почитать, великое событіе съ царемъ въ ту пору приключилсѣ, кое его духовныя очи отверзло, душу его преобразило и на праведный, Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ указанный, путь наставило.

Описуемое же событіе произошло тако. Шелъ царь Петръ единойды по лѣсу, что по берегу рѣки Невы ростъ, и въ великомъ раздумѣ находилсѣ, ибо въ тотъ день онъ неизъяснимое смятеніе духа восчувствовалъ и въ сердцѣ тоску ощутилъ, а въ умѣ многія скорбныя мысли имѣлъ.

— Не любитъ меня народъ православный, имя мое клянеть, антихристомъ называетъ, а того не знаетъ, что я, не покладая рукъ, ради его же блага работаю и всяческаго добра желаю, а онъ отъ меня отворачивается.

Идетъ царь Петръ съ такими думами по лѣсу и того не замѣтилъ, что въ самую глухую чащу зашелъ, гдѣ всякій слѣдъ чело-вѣческій потерялся, и даже тропиночка, что по лѣсу змѣйкой ви-лась, и та окончилась. Опаматовался тогда царь Петръ и назадъ хотѣлъ итти, а ужъ стемнѣло достаточно, и звѣзды на небѣ вы-ступили. Смутился тогда царь Петръ и не зналъ, какое рѣшеніе принять: домой ли возвратиться, или же въ лѣсу заночевать.

— Дома приближенные меня ждутъ, да и въ лѣсу всякаго звѣрья достаточно, а то и лихой чело-вѣкъ встрѣтиться можетъ. Пойду, можетъ, на счастье и выберусь на дорогу,—такъ царь Петръ въ мысляхъ держалъ и на всякій случай мечъ обнажилъ, чтобы лихого чело-вѣка или звѣря, какъ должно, встрѣтить.

Шелъ царь Петръ по лѣсу, стало совсѣмъ темно, ни зги не видно, не только что дороги, но и деревья въ сплошную стѣну слились. Оторопь царя взяла, и раздумье великое въ немъ посе-лилось.

— Должно, за грѣхи мои такое испытаніе мнѣ опредѣлено, чтобы я безъ покаянія смерть въ лѣсу принялъ,—такъ царь Петръ думать зачалъ и крестное знаменіе совершилъ, да не по Никонову указанію, а по старой вѣрѣ, какъ его царица Наталья Кирилловна и царевна Софьюшка учили, когда еще онъ махонькимъ ребеночкомъ совсѣмъ былъ.

И только онъ на себя крестное знаменіе положилъ, лѣсъ свѣ-томъ озарился, и предсталъ передъ царемъ Петромъ нѣкій старецъ, ликомъ свѣтелъ, въ одѣяніи архіерейскомъ подобномъ, въ одной ручкѣ святое Евангеліе держалъ, а другая на епископское благо-словеніе сложена. Ликъ у старца зѣло благообразенъ былъ, а по брадѣ жемчугомъ слезы катились, а уста пресвятое имя Иусово прославляли и вѣчную хвалу Ему воздавали.

А царь Петръ съ лицомъ скобленнымъ былъ и одѣтъ въ жен-скіе обутки, въ кафтанъ не смиренный, молитвенный, а въ такой, что не гоже на себя православному чело-вѣку и надѣвать, съ по-лами кургузыми и съ верху до низу разстегнутый.

И спросилъ тотъ святъ-чело-вѣкъ царя Петра, куда и зачѣмъ онъ идетъ. А царь Петръ тому святъ-чело-вѣку и отвѣта не нашель, ибо въ великое смятеніе духа пришелъ, и съ устъ слова не пошли.

— Отколѣ ты и кто ты, святъ-чело-вѣкъ?—черезъ силу могъ царь Петръ слово молвить, а самъ очи вземъ опустилъ и картузъ свой нѣмецкій съ головы сдернулъ.

— Куда шелъ, туда не придешь. Антихристъ ты и праведныхъ людей погубитель.

— А ты знаешь, кто я?—царь Петръ старца спросилъ и мечъ свой кверху поднялъ, словно зарубить похотѣлъ.

Святъ-человѣкъ Евангеліе кверху поднялъ, гнѣвъ сталъ и голосъ свой возвысилъ.

— Опусти мечъ свой,— старецъ приказалъ царю Петру,— и услышь мое велѣніе. Сатана обуюлъ тебя и очи твои ослѣпилъ, и дотолѣ не прозрѣешь, поколь не претерпишь смертныя муки,—ими лишь и душу свою отъ грѣховъ очистишь. Во тьмѣ пребываешь и свѣтъ не озарилъ тебя. Не въ палаты свои вернешься, а въ домовину (гробъ), не порфирой облечешься, а смертными пеленами. Коли искупишь грѣхи свои, покаешься въ нихъ, прощенъ будешь, и нарекутъ тебя царемъ истиннымъ, и будешь ты вѣры православной укрѣпителемъ. Рцу тебѣ сіе, тако и будетъ. Аминь.

И лишь слова сіи святъ-человѣкъ сказалъ, какъ тотчасъ и разсѣялся, и опять мракъ кромѣшный царя Петра покрылъ.

Ничего допрежь того царь Петръ не боялся, а тутъ напалъ на него страхъ великій, въ очахъ помутилось, и опустился онъ на землю, ибо великое смятеніе восчувствовалъ и преисполнился трепета.

Лежить царь Петръ, а самъ ума приложить не можетъ, что съ нимъ такое содѣялось, и почему онъ въ смятеніе пришелъ.

— Должно, мнѣ все это померещилось,—царь Петръ думаетъ,—ничего такого не было наяву, никакого старца мнѣ не являлось.

И въ думахъ такихъ незамѣтно для себя ко сну отошелъ. Такъ и заснулъ около того дерева, у котораго на землю опустился.

Долго ли, коротко ли почивалъ царь Петръ, сіе невѣдомо, но знатное съ нимъ приключилось, и на путь истинный то знатное его навело. Исполнились слова святъ-человѣка: какъ онъ спророчествовалъ, такъ и содѣялось.

Слышитъ царь Петръ сквозь сонъ, что кто-то его ликъ крыльями обвѣваетъ, а кругомъ лѣное благоуханіе распространилось и сіяніе, очеса ослѣпляющее, разлилось. И стало отъ того вѣянія царю Петру прохладно, и въ сердцѣ своемъ онъ радость неизъяснимую увидалъ, словно кто вѣсть дорогую ему принесъ. Согрѣлась царева душа, умилились, восторга преисполнившись, и дивный сонъ онъ увидалъ. Видитъ царь Петръ, что не въ лѣсу дремучемъ онъ находится, не подъ деревомъ лежитъ, а въ чертогѣ позлащенномъ, краше котораго и на свѣтѣ нигдѣ нѣтъ, ни въ государствахъ заморскихъ, ни въ Россіи-матушкѣ.

Стѣны въ томъ чертогѣ густо позлащены, синью и киноварью изукрашены и хитро узорчаты, а въ переднемъ углу святыя иконы съ лампадами неугасаемыми, паникадилами съ свѣщами возженными и кадильницами, ладаномъ благоухающими. А съ потолка звѣзды небесныя глядятъ, и въ каждой той звѣздѣ ликъ херувимскій, ангельскій сіяетъ. Посредь же чертога мѣсто царское уготовлено и «стуло», камнями изукрашенное самоцвѣтными и лалломъ огромнымъ осѣненное, поставлено.

И видитъ царь Петръ, что и обличье у него другое и одежда совсѣмъ иная, не нѣмецкая, а какъ царю подобаетъ по старому русскому обычаю и вѣрѣ старой, истинной. До пояса выросла бородка шелковая, кафтанъ молитвенный, сапожки сафьянные, въ ручкахъ лѣстовка узловатая, а на головѣ волосики въ скобочку принаряжены и чистымъ масломъ смазаны, мертваго же волоса и въ поминѣ нѣтъ (т.-е. парика). Духомъ царь Петръ возрадовался и сейчасъ на молитву всталъ, благо и подручничекъ въ указанномъ мѣстѣ находился, и кропильница съ кадильницей тутъ же на особливомъ столикѣ положены.

И что было во снѣ царю Петру открыто, то и наяву совершилось: послышался нѣкій гласъ съ небеси, и гласъ тотъ возвѣстиль: «возстань, царь Петръ, и поступай, какъ указано».

Возсталъ царь Петръ и, совершивъ указанные земные поклоны, сталъ ожидать того указанія.

— Узнаешь ли себя, царь Петръ?—тотъ гласъ спросилъ.

— Не узнаю, владыко,—смиренно царь Петръ слово въ отвѣтъ посылаетъ.

— Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ троекратно и сядь на уготовленное царское мѣсто,—гласъ тотъ повелѣваетъ.

Пошелъ царь Петръ къ тому мѣсту и хотѣлъ на стуло сѣсть, но стуло само собой отодвинется.

— Иди за нимъ,—услышалъ царь Петръ снова тотъ же гласъ.

Исполнилъ то велѣніе царь Петръ, пошелъ за тѣмъ самымъ стуломъ, что для него было уготовлено, а стуло то вглубь стѣны вдвинулось, а съ нимъ и стѣна отошла. И такъ все это дивно приключилось, что и понять невозможно,—идетъ царь Петръ, а передъ нимъ стуло въ стѣнѣ стоитъ,—онъ къ нему подойти норовитъ, а стѣна вмѣстѣ со стуломъ отодвинется.

Шелъ царь Петръ за стуломъ великое время, шелъ онъ и притомился сильно.

— Усталъ я, владыко, не въ моготу итти, — взмолился царь Петръ.

— Иди, иди, таковъ твой предѣлъ,—слышитъ царь Петръ все тотъ же гласъ.

Не посмѣлъ прекословить тому велѣнію царь Петръ, поправился немного и опять въ путь трудный направился. А мѣсто царское все отдаляется, и никакъ царь Петръ его достигъ не можетъ. Совсѣмъ близко подойдетъ, а оно еще того дальше отодвинется.

— Не превзойти мнѣ искуса,—шепчетъ онъ,—силушки болѣе не стаетъ, не въ моготу такой подвигъ.

А у самого и губы побѣлѣли, и потъ съ лица ручьемъ бѣжать зачалъ, ноженьки, рученьки дрожать, и глаза ужъ не смотрятъ.

— Владыко, силъ больше нѣтъ,—опять взмолился царь Петръ.

— Не оконченъ твой путь! Иди, иди!

И долго еще шель царь Петръ, на землю упадалъ, поднимался и снова шель. И видитъ онъ: облако свѣтлое передъ нимъ стѣну ту, у которой стуло находилось, собою прикрыло, а когда разсѣялось, то и чертогъ позлащенный скрылся, и мѣста царскаго не стало, и очутился онъ въ лѣсной прогалинѣ, надъ коей твердь лишь небесная, солнышко ярко сіяетъ, и тучки по небу проносятся.

Остановился царь Петръ, упалъ на колѣни и молиться зачалъ.

— Господи Всемилостивый, прости прегрѣшенія мои,—такъ молился онъ и земные поклоны усердно клалъ.

— Не совершенъ еще подвигъ твой, велики прегрѣшенія, лишь смертью отъ нихъ очиститься можешь,—гласъ проговорилъ, и царь Петръ на землю приникъ.

— Господи, прими духъ мой,—сказалъ тогда царь Петръ, прислонился къ сосеночкѣ, что на прогалинѣ росла, да такъ и застылъ.

Откуда ни возмись, со всѣхъ сторонъ благочестивые старцы пришли и начали обрядъ по истовой вѣрѣ справлять. Возжгли кадильницы и ладаномъ святымъ тѣло окадили, потомъ свѣчки тонкія затеплили и начали псалмы пѣть, кои при погребеніи полагаются. Вынули изъ котомочки пелены бѣлыя, тоже ладаномъ ихъ, какъ слѣдуетъ, окадили, зачерпнули ковшичкомъ воды изъ ключика и тѣло царя Петра по обряду, съ пѣснопѣніями, обмыли. Принесли изъ лѣсу домовину и опеленали тѣло и въ нее положили, а какъ ту домовину закрыли, то опять псалмы запѣли и съ молитвами въ могилку опустили, сотворили поминаніе, праху поклонились, холмикъ насыпали, окадили могилку и невѣдомо куда скрылись.

И слышатъ все это царь Петръ и ужасается, какъ его живого за мертваго въ землю зарыли, погребенью предали.

Лежитъ онъ въ могилѣ. Тѣсно ему, вода холодная пробралась, черви закопошились и живое тѣло грызть зачали.

И все сіе царь Петръ чувствуетъ, а слова промолвить не можетъ, ибо по тѣлесности своей онъ мертвъ есть. Разумъ остался, и мышленіе всякое осталось, а бранные останки тлѣнію подверглись. Сталъ тогда царь Петръ думу думать великую и въ мысляхъ себѣ разные вопросы задавать, и чѣмъ ихъ больше задавалъ, тѣмъ больше горю предавался.

— Кто-то теперь моимъ государствомъ править? — такъ себя царь Петръ спрашиваетъ.—Алексашка ¹⁾ да Лефортовъ, поди, всѣмъ царствомъ завладели и по-своему всѣ дѣла вершатъ. Искоренять они вѣру истинную и любезнаго моего сына, царевича Алексѣя, изведутъ.

¹⁾ А. Д. Меншиковъ.

А въ ту пору такое приключилось, что всякому вѣроятію малоподобно. Какъ пошелъ царь Петръ по лѣсу прогуляться и назадъ въ тотъ день не вернулся, послали его искать, всюду ратныхъ людей разослали, чтобы поискъ сдѣлать по всей землѣ Русской: не сокрыли ли лихіе люди царя Петра и надъ нимъ какого злодѣянія не совершили? Искали, искали,—нѣтъ нигдѣ, словно въ воду канулъ, или сквозъ землю провалился.

Собрались тогда изъ первѣйшихъ бояръ и самыхъ, что ни на есть, приближенныхъ рядить, судить, какъ безъ царя государствомъ править.

— Никакъ этого невозможно,—бояринъ Стрѣшневъ сказалъ,—потому мы сами себя соблюсти не сумѣемъ и всяческое своевольство учинимъ. А вотъ что я вамъ, бояре, скажу, по самой чистой совѣсти и отъ всякаго сердца. Теперь царь Петръ невѣдомо куда дѣвался,—хорошей ли, плохой ли смертью преставился,—мы того не знаемъ и знать не можемъ, а только нѣтъ у насъ царя, некому государствомъ править. Вотъ и нужно намъ царя выбрать, чтобы онъ и обычаемъ, и подобіемъ и ликомъ на царя Петра походилъ, чтобы никому и въ умъ не пришло, что другой у насъ царь Петръ, а не тотъ, что допрежь того былъ. А теперь мы въ народъ такую мольвъ пустимъ, что де царь Петръ въ иноземныя государства уѣхалъ и тамъ де и пребываетъ по сей день.

Судили, рядили бояре, а противъ Стрѣшнева боярина никто ничего выдумать не могъ, и ему же кланяться зачали, чтобы онъ схожаго на царя Петра человѣка нашель, государеву дѣлу его обучилъ и впредъ своимъ наставленіемъ не оставилъ.

— Согласенъ,—бояринъ Стрѣшневъ говоритъ,—только самъ я за это дѣло не возьмусь, по старческимъ моимъ лѣтамъ мнѣ такого дѣла не содѣять, а вотъ Лефортовъ можетъ оборудовать, потому онъ ближнимъ человѣкомъ царя Петра былъ и его всякія свойства знаетъ. Препоручите ему, онъ вѣры хотя и нѣмецкой, а нашъ обычай довольно изучилъ.

— Согласенъ ли ты? — бояре Лефортова спрашиваютъ, а онъ скобленнымъ рыломъ ухмыляется и отъ препорученія отказывается.

— Мнѣ, говоритъ, не пристало такимъ дѣломъ и заниматься, потому, говоритъ, у меня своихъ хлопотъ не обобратъся. А вы, бояре, поклонитесь пониже боярину Стрѣшневу, пусть онъ своего родича приведетъ и вамъ покажетъ,—вы и сами тогда разсудите, годенъ ли сей человѣкъ вмѣсто царя Петра быть.

Упирался бояринъ Стрѣшневъ, упирался, а все-таки бояръ послушалъ и своего родича привелъ передъ бояръ.

Какъ всѣ сего человѣка увидали, такъ всѣ и ахнули, ибо словно царь Петръ вернулся и самолично передъ ними всталъ. И взглядъ такой же пронзительный, голосъ повелительный, росту могущественнаго и силы богатырской.

— Будь ты замѣсто царя Петра!—въ одинъ голосъ бояре закричали и передъ сенатъ сего человѣка привели и сказали, что де царь Петръ нашелся и снова своимъ государствомъ править зачалъ. Сейчасъ въ трубы заиграли, и всякое бѣсовское времяпрепровожденіе началось, кто во что гораздъ и кто въ машкерствѣ и скоморошествѣ одинъ другого грѣшнѣе содѣетъ.

И бысть съ того дня на Руси два царя Петра: одинъ истинный, что искупленіе себѣ отъ грѣховъ въ могилкѣ замаливаетъ, и другой, что всякіимъ машкерствомъ и бѣсовскими потѣхами занимался и старую вѣру искоренялъ, какъ ему то Лефортовъ присовѣтовалъ.

Ничего того, что содѣялось царю Петру истинному, открыто не было, и лежитъ онъ въ сырой могилкѣ, въ грѣхахъ кается и въ вѣрѣ истинной укрѣпляется.

— Гордыней я необъятной преисполненъ былъ, полагалъ, что превыше меня никого и на свѣтѣ нѣтъ,—кается царь Петръ истинный,—древнюю истинную вѣру не почиталъ и всяческое ей утѣсненіе творилъ. А къ чему все сіе привело? И все прочее, что я и содѣлалъ, все прахомъ и тлѣніемъ содѣялось. Гдѣ же мои сотоварящи вѣрные, гдѣ бояре именитые, гдѣ весь народъ православный? Всѣ, какъ есть, всѣ забыли обо мнѣ, и никто на могилку не придетъ, въ поминъ души панихидку не отслужитъ. Забылъ меня народъ православный.

И вотъ единожды слышитъ царь Петръ истинный, что невѣдомые люди на его могилку пришли и промежъ себя разговариваютъ.

— Сильно меня царь Петръ обидѣлъ, землю у меня отнял и добра всякаго отобралъ.

— А ты кто такой будешь?—того человѣка спрашиваютъ.

— Турчинъ я.

— Стало быть, ты человѣкъ невѣрный, и землю отъ тебя отбирать не зазорно. Вотъ у меня землю царь Петръ отобралъ, такъ это мнѣ обидно.

— Ты изъ какихъ же будешь?—турчинъ спросилъ.

— А я свейскій человѣкъ буду.

— Ну, тебѣ по дѣломъ: ты русскихъ сильно обижалъ.

Говорили, говорили между собой и въ ссору вошли, да ножами другъ друга полосовать и начали. Полилась кровь человѣческая, да прямо-таки на могилку царя Петра и угадала. И гдѣ та кровь пролилась, на томъ мѣстѣ терновникъ выросъ и красными цвѣточками покрылся.

И царю Петру истинному паче того тяжелѣе стало, потому его земля сильнѣе придавила, а корни терновника прямо въ грудь впи-ваться стали.

— Забылъ меня народъ православный, отомлить меня не хочетъ,—думаетъ царь Петръ истинный, и горше того ему сдѣялось.

— Чѣмъ я передъ народомъ православнымъ такъ провинился, что великую муку принять долженъ? — началъ онъ роптать. — Все грѣшное дѣлалъ я по своему разуму, въ чаяніи блага, а не злобства лютаго.

— Не ропщи, царь Петръ, а претерпи, и спасенъ будешь,—слышитъ онъ нѣкій тайный гласъ.— Не забудь тебя народъ православный, и отъ чадъ его ты избавленіе примешь. Не пришелъ еще конецъ испытанію твоему, до конца претерпи.

Внялъ царь Петръ истинный тому гласу и духомъ смирился. А вода ледяная пуще того мочить стала, и червь злѣе точить тѣло принялся.

Лежитъ онъ въ своей могилкѣ годъ, лежитъ другой,—могилка уже бурьяномъ поростать зачала, а изъ православныхъ никто на могилку не идетъ.

— И пусть бы меня вода ледяная затопила, пусть червь еще злѣе глотать сталъ, только бы помолиться на могилку мой народъ пришелъ,—мыслить царь Петръ и зѣло душой скудаться началъ.

— Боже милостивый, Иусе многострадальный, отпусти вину мою,—взмолился царь Петръ истинный,—по челоуѣчеству моему слабъ есмь сталъ.

— Окрылись духомъ и въ упованіи пребудь, спасенъ будешь,—царю Петру гласъ отвѣчаетъ.

И снова смирился царь Петръ и мысленно двуперстное крестное знаменіе совершилъ. Мысленно же, а не въявь потому собственно, что пеленами обвить былъ и изъ оныхъ пеленъ, коими его тѣло старцы повили, руку свою вынуть не могъ. Такъ и остался тихонько въ домовинѣ лежать, въ той самой, что въ землю тѣми же старцами опущенъ былъ.

Еще годъ, а то и болѣе, прошелъ. Совѣмъ могилка царя Петра сорной травой поросла, и терновники въ густые кусты обратились, всѣ, какія допрежъ того тропинки къ могилкѣ подходили, всѣ заглохли. Никто могилку не посѣщаетъ, ни православный, ни другой прочій народъ, и только птицы небесныя поютъ надъ забытой могилкой свои безгрѣшныя пѣсни и Святую, Единосущную Троицу прославляютъ и вѣчную хвалу Ей воздаютъ, во вѣки вѣковъ нерушимую. Сколь еще съ того самаго времени прошло, сказать невозможно, но только тѣло царя Петра сильно тлѣнію предалось, кости отъ мяса обнажаться стали, и уста уже шевелиться не могутъ, и лишь думы его не покинули, и больше слезы изъ глазъ литься принялись, и не слезинками, а ручьями горными.

— Иусе многомилосердный, помилуй меня! — молится царь Петръ,—подай мнѣ успокоеніе вѣчное!

— Былъ ли ты справедливымъ, милосерднымъ, не угнеталъ ли народъ православный?—голосъ съ небеси царя Петра исповѣдовать началъ.

— Грѣшенъ передъ тобою,—кался царь Петръ,—не былъ я справедливымъ, не былъ всегда милосерднымъ.

— Отпускается эта вина твоя,—слышитъ царь Петръ, и душа его радоваться начала, ибо милосердіе Божіе коснулось ея.

— Ниспошли мнѣ кончину,—еще больше молить царь Петръ.

— Угнеталъ ли ты вѣру праведную, истинную, древлеправославную и не истреблялъ ли огнемъ и мечемъ, черезъ катовъ (палачей) и всяческими другими способами людей, по сей вѣрѣ вѣрующихъ?

— Великій я грѣшникъ,—царь Петръ отвѣтствуетъ,—и въ этихъ дѣяніяхъ я, Владыко, грѣшенъ: вѣру древнюю безъ мѣры угнеталъ, а людей праведныхъ всякими способами истреблялъ и казни лютой предавалъ.

— И эта вина твоя отпускается тебѣ, благо ты раскаяніе чистое принесъ и многое не по своей волѣ творилъ, а по бѣсовскому наущенію.

— Господи, скажи мнѣ кончину мою,—слезно молить царь Петръ.—Прими, Иусе сладчайшій, духъ мой съ миромъ.

— Отъ чистой души ты покаялся, и да простятся тебѣ всѣ грѣхи твои.

— Прими душу въ Царствіе Твое, Господи Иусе, Сыне Божій!—царь Петръ говоритъ и готовится въ мысляхъ предстать передъ Судьей Праведнымъ.

— Велики грѣхи твои, но и милость Моя конца не имѣетъ,—все тотъ же гласъ съ небеси возвѣщаетъ.—Тѣломъ ты обновился и душу покаяніемъ очистилъ, но искусъ твой еще не конченъ. Дождись, когда придетъ на могилку твою чистъ - человекъ, окропитъ ее живой водой, тогда она сама собой раскроется, и встанешь ты изъ нея очищеннымъ, первороднымъ, и аки голубь незлобивъ будешь, и не коснется тебя всякая бѣсовская пакость, навожденіе, и познаешь ты сладость, благолѣпіе вѣры истинной, древлеправославной и будешь ея защитникомъ, ревнителемъ и насадителемъ. Аминь говорю тебѣ, посѣтишь ты вертоградъ мой и возростишь въ немъ цвѣты благоуханные, плоды спѣлые и тѣми плодами украсишь путь скорбный мучениковъ, а плодами духовный гладъ вѣрующихъ истово утолишь. Велико твое было мученіе; но и радость твоя велика, ибо ты воиномъ вѣры истинной будешь и ее отъ зла и супостата, а также и отъ антихриста и всяческихъ бѣдъ охранять долженъ. Настанетъ день, и вѣра истинная краше солнца возсіяетъ и свѣтомъ истиннымъ просвѣтитъ всѣхъ христіанъ православныхъ. Аминь.

А въ ту пору, какъ сіе совершилось, царь Петръ ложный, тотъ, что бояриномъ Стрѣшневымъ поставленъ былъ, лихое дѣло задумалъ и по совѣту Лефортова оное совершать зачалъ. Сталъ онъ исконную вѣру истреблять и всяческое утѣсненіе людямъ той вѣры

учинять и насиліе надъ ними сотворять. И въ срубѣхъ пожигали, въ водѣ потопляли, на плахахъ обезглавливали и вообще всяческое мученіе усугубляли, дабы вѣрующихъ въ изумленіе привести и въ антихристову власть предать. Также и прельщеніемъ дѣйствовали, златомъ малодушныхъ покупали, тяглотами награждали и прочія милости оказывали. Совращеніе пошло великое, потому соблазномъ прельщали по бѣсовскому наущенію и въ дѣйство сіи соблазны безъ всякой зазорности пуцали. Что лучше сказать,— дѣвокъ и бабъ опростоволосили, а мужскому полу бородушку остригали, а съ тѣхъ, кои того не похотѣли, съ тѣхъ подать особую брали и не насиломъ, а честью, такъ что они свой ликъ и подобіе Божіе за корысть продавали, Іудами искаріотскими дѣлались. Какъ все сіе скорбно было, того ни сказать, ни описать невозможно, плачь пошелъ страшный, и скорбь безпредѣльная по всей землѣ Русской, словно рѣка, разлилась. Люди, кои въ вѣрѣ тверды были и ни смерти али мученій лютыхъ не боялись, тѣ лишь и остались, а остальные улещенію и страху предались и отъ своей вѣры, словно листья съ дерева, что осенью падаютъ, отпали, слугамъ антихристовымъ покорились.

Немало вѣры истинной ревнителей по лѣсамъ разбрелось, гдѣ свои скиты понастроили и церковный обиходъ справляли. А въ тѣ лѣса царь Петръ ложный воиновъ посылалъ съ наказомъ людей тѣхъ имать, огню скиты предавать, а коли сопротивляться учнутъ, такъ и людей въ срубѣхъ пожечь.

А все-таки не всѣхъ могли истребить, ибо многіе въ такія тайныя мѣста хоронились, что никакъ ихъ найти нельзя было, хоть и старались найти, а того не удалось. Вотъ въ такомъ самомъ мѣстѣ и была могилка царя Петра истиннаго, и никто оную изъ людей святотатственныхъ потревожить не могъ, да и то нужно сказать, что могилка совсѣмъ заросла и непримѣтна стала,—терновникъ колючій ее совсѣмъ покрылъ и отъ святотатственныхъ людей сокрылъ.

Въ это-то самое тайное мѣсто, въ одинъ изъ дней отъ Господа указанныхъ, люди, спасаясь отъ злыхъ воиновъ Петра ложнаго, пришли и себѣ скиты налаживать принялись, просто шалашики строить, чтобы отъ всякой непогоды укрыться. И невдомекъ изъ нихъ никому было, что они отъ могилки царя Петра истиннаго вблизи находятся, и что панихиду по немъ отслужить требовалось. Потому они панихидки не отслужили, что не открыто имъ было, а только по соизволенію Божьему они на сіе, а не на другое тайное мѣсто пришли и махонькаго ребеночка съ собою привели. А ребеночекъ тотъ былъ сиротинушка,—его старцы съ собой взяли, когда спастись отъ вороговъ въ лѣсъ пошли, а ребеночекъ сиротинкой былъ, потому его мать антихристовы слуги жизни рѣшили, въ срубѣ сожгли, а ребеночка мать изъ пламени выбросить успѣла.

Его было въ огонь снова бросить хотѣли, да молоденькій солдатикъ тому воспрепятствовалъ,—намъ, говоритъ, ангельскую душу губить зазорно. Тутъ одинъ изъ старцевъ находился, онъ потихоньку того ребеночка уволокъ и въ потайное мѣсто спряталъ, а потомъ съ нимъ въ лѣсъ и ушелъ, отъ лютыхъ враговъ и свято-татцевъ спасаясь.

Такъ вотъ этотъ самый ребеночекъ, лишь только отабориться успѣли, въ лѣсъ побѣжалъ, да прямо къ могилѣ царя Петра истиннаго и приблизился. И великое чудо тутъ совершилось.

Какъ только ребеночекъ къ могилкѣ близко подошелъ, такъ вдругъ пѣніе съ неба раздалось, да такое сладкое, какого никто допрежъ того на землѣ и не слыхивалъ. Остановился ребеночекъ, палъ на колѣнки и ручки свои къ небу поднялъ. А на самой могилкѣ зацвѣли цвѣты прекрасные, благоуханные, слетѣлись со всѣхъ сторонъ птицы и хвалу Господу запѣли и съ ангелами вмѣстѣ сугубую аллилуйю вознесли Вседержителю и Господу нашему Иисусу Христу, Пречистой Его Матери и Животворящей, Единосущной Святой Троицѣ. Возрадовался малютка, невинныя очи свои горѣ вознесъ и услышалъ гласъ съ небеси:

— Зечерни, чисть-человѣкъ, воды живой, текучей, и водой той могилку окропи.

И все сіе малютка своимъ сердцемъ уразумѣлъ и по тому велѣнію въ точности и неукоснительности исполнилъ.

Побѣжалъ онъ рѣзвенько къ ручью, что около могилки журчалъ, зачерпнулъ рученькой водицы и сталъ ею могилку кропить. И стала могилка въ землю уходить, и какъ лишь съ землей сравнялась, такъ и раскрылась. А какъ раскрылась, такъ и вышелъ изъ нея царь Петръ истинный живъ и невредимъ, въ царскомъ кафтанѣ, въ горластой шапкѣ, съ крестомъ на груди и съ посохомъ въ рукахъ.

Перво-наперво истовое моленіе царь Петръ истинный совершилъ и Господу Иисусу Христу, пречистой Матери Его и Святой, Животворящей Троицѣ хвалу вознесъ, колѣни преклонивши. Потомъ къ малюткѣ подошелъ, троекратное лобзаніе ему предалъ и такое слово сказалъ:

— Слава тебѣ, чисть-человѣкъ, слава тебѣ, что ты по Божьему велѣнію меня отъ живой смерти сохранилъ. Черезъ тебя, чисть-человѣкъ, познаетъ меня народъ православный и вѣру истинную блюсти станетъ. А теперь оповѣсти всѣхъ, кто съ тобою пришелъ, что возсталъ изъ могилы царь Петръ истинный и вкупѣ общее моленіе совершить хочетъ и хвалу Творцу воздать подобающую.

Побѣжалъ малютка къ старцамъ и прочимъ людямъ, что спастись въ лѣсъ съ нимъ пришли, и оповѣстилъ имъ вѣсть радостную.

Сошлись всѣ старцы и прочіе люди и въ умиленіе великое пришли, на колѣни упали и зачали Господа Вседержителя славословить. И къ тому славословію свои голоса ангелы присоединили и птички небесныя, и всѣ умиленно сугубую аллилуію вознесли.

А царь Петръ истинный пуще другихъ молится, а слезы изъ его глазъ, какъ рѣки, льются, ибо понялъ онъ сердцемъ своимъ неизреченную милость Господню и всю благость Его. И лишь хваленіе кончилось, пѣніе смолкло, поднялся съ колѣнъ царь Петръ истинный и съ такими словами къ людямъ обратился:

— Братія любезная, народъ мой православный, въ вѣрѣ праведной укрѣпленный, вы послушайте, что я вамъ говорить буду, и какъ наставлять на путь праведный, въ вѣрѣ православной укрѣплять.

— Былъ я мертвъ,—царь Петръ истинный говорилъ,—а Господь помиловалъ меня. Былъ я грѣшникъ великій, а Господь Всемилостивый простилъ меня. И вы тому вѣруйте, ибо по милости Своей безконечной Господь раскаявшагося грѣшника простить и помилуетъ. Тако вѣруйте, а не иначе, ибо иначе вѣровать—смерть вѣчную принять, а вѣровать по-истинному—жизнь вѣчную себѣ уготовить и въ Царство Божіе войти. И будьте въ своей вѣрѣ православной крѣпки, аки камни, и отъ нея не отступайтесь. Златомъ смущать учнуть,—отвергните его, ибо оно въ геенну огненную приведетъ и отъ смерти вѣчной не спасетъ. Почести дадутъ,—отрекитесь отъ нихъ. Стойте въ вѣрѣ крѣпко, уподобляйтесь столпамъ истиннаго благочестія, творите двуперстное знаменіе, какъ тому насъ Аввакумъ училъ, и какъ то отъ святыхъ людей установлено. Предайте себя огню и пламени, отдайтесь на растерзаніе звѣрямъ лютымъ, а въ вѣрѣ крѣпко, ненарушимо стойте и отъ всякаго соблазна бѣгите. То заповѣдаю вамъ, а мнѣ вѣрите, ибо я царь вашъ истинный. Властей, а паче всего царей своихъ истинныхъ почитайте, имъ всякую почесть и хваленіе, а также и молитву о нихъ воздавайте и творите, ибо цари помазанники Божіи суть и блюсти законъ самимъ Господомъ Иисусомъ Христомъ поставлены. Аминь.

Какъ сіе поученіе царь Петръ истинный сказалъ, такъ изъ глазъ людскихъ скрылся, точно его и не было. И уразумѣли тогда, что это чудо было, и еще разъ молитвословіе совершили, благодаря Господа за ниспосланное откровеніе и въ вѣрѣ наставленіе.

И пошло съ того самаго времени большое въ старой вѣрѣ укрѣпленіе, и тѣ, кто допрежь того колебаніе имѣли, тѣ вѣрными людьми сдѣлались и на всякое мученіе шли, вѣру прославляя и отъ обычая своего не отступаясь.

А гоненіе въ ту пору еще пуще прежняго стало. Царь Петръ ложный гнѣвомъ распалился, что его приказу не всѣ послушны,

а какъ прозналъ, что царь Петръ истинный проявился, такъ всё лѣса и тайныя мѣста пооткрывалъ, гдѣ отъ него хоронились, и всёми тѣмъ людямъ великую казнь сотворилъ.

— Не успокоюсь я, — царь Петръ ложный Лефортову говорилъ, — пока обманщика, что мое имя облыжно принялъ и себя царемъ величаетъ, не найду и казни лютой не предамъ. Въ народѣ такая молвь идетъ, что онъ де царь Петръ истинный, а царь Петръ ложный. А Лефортовъ ему такъ отвѣчаетъ:

— Найти, государь, того обманщика трудно, ибо онъ такое слово знаетъ, что можетъ отъ людскихъ глазъ скрыться. А мы человѣка такого найдемъ, который насъ къ нему приведетъ, мы тогда его и захватимъ.

— Дѣлай, какъ лучше, только захвати, а то я и тебя сказнить повелю.

Собралъ Лефортовъ войско преогромное, а въ проводники такого человѣка поставилъ, который въ каждомъ лѣсу, али въ морѣ-океанѣ, дорогу найти можетъ.

Пошло войско въ походъ, и мало ли, много ли времени шло, то невѣдомо, а только къ лѣсу подошло и кругомъ оцѣпило, — со всёхъ сторонъ стражу поставили, чтобы ни одинъ человѣкъ выйти изъ того лѣса не могъ.

— Нужно впередъ надежныхъ людей послать, чтобы они по тайности все высмотрѣли, — Лефортову тотъ человѣкъ присовѣтовалъ.

— Вѣрно говоришь, — Лефортовъ сказалъ, и велѣлъ кличь кликнуть, кто не пожелаетъ ли въ лѣсъ пройти и высмотрѣть, что въ томъ лѣсу творится.

Сколько кличь ни дѣлали, а никто не отзывался, потому всякому боязно стало на святыхъ людей руку поднимать.

Разгнѣвался тогда Лефортовъ и даже нѣкоторыхъ солдатиковъ разстрѣлу предалъ и нехорошими словами обозвалъ.

— Коли, говоритъ, такъ, — велю жребій кинуть, кому выпадетъ, того и пошлю, а сказнить велю всёхъ до единого.

Стали жребій кидать, и достался онъ тому молодому солдатику, что ребеночка отъ огня спасъ, когда его мать въ срубѣ жгли.

Пошелъ солдатикъ, — ничего не подѣлаешь, потому присягу въ томъ принималъ, чтобы начальства не ослушаться. Зашелъ въ самую чащу, — ни ходу, ни выхода нѣтъ, — лѣсъ словно стѣна стоитъ. Кое-какъ черезъ чащу продрался и вышелъ на прогалину. Видить: домъ стоитъ молитвенный, а въ домѣ томъ люди Богу молятся.

И слышитъ солдатикъ, что кто-то его изъ дому къ себѣ кличетъ.

— Иди сюда, миль-человѣкъ, не бойся, никакого тебѣ вреда не будетъ, ибо знаю, зачѣмъ ты сюда пришелъ, и кто тебя послалъ.

Подошелъ солдатикъ къ самому дому и въ оконце и заглянулъ, а тамъ люди въ бѣлыхъ одѣяніяхъ стоятъ и молитву творятъ, а промежъ ихъ высокій такой стоитъ и на солдатика смотритъ.

— Узнаешь ли ты меня, солдатикъ мой вѣрный?—высокій человекъ солдатика спрашиваетъ.

— Нѣтъ, не узнаю,—солдатикъ отвѣчаетъ, а самъ диву дается, что голосъ у высокаго на голосъ царя Петра схожъ.

— Видалъ ли ты когда царя своего?—опять высокій человекъ солдатика спросилъ.—Схожъ ли я съ нимъ, или нѣтъ? Говори, не бойся, правду только говори, не лукавь и себя въ мысляхъ не обольщай.

Въ страхѣ упалъ солдатикъ на колѣни, и отъ испуга языкъ отнялся. Вышелъ тогда высокій человекъ изъ дому и солдатика съ колѣнъ поднялъ.

— Смотри теперь на меня, схожъ ли я съ царемъ.

— Голосомъ схожъ, ростомъ тоже, а ликомъ нѣтъ. Государь Петръ Алексѣевичъ бороды не носитъ, а по нѣмецкому обычаю и по воинскому уставу ее бреетъ, да и одѣяніе у него другое, воинское. А ты, не знаю, какъ тебя звать, величать, по боярскому, старому обыку одѣтъ, а теперь такого ужъ не vzdѣвають на себя служилые люди.

Царь Петръ истинный не обидѣлся на такія рѣчи, а близенько къ солдатикѣ подошелъ и руку свою на него возложилъ. И какъ только рука царя Петра истиннаго солдатика коснулась, такъ онъ тотчасъ и прозрѣлъ, и къ ногамъ государя палъ и лобзаетъ ихъ началъ.

— Поди,—сказалъ царь Петръ истинный,—возвращайся съ войскомъ и къ дому тому приведи. Часъ мой насталъ.

Покорился солдатикъ, пошелъ назадъ къ войску, а царь Петръ истинный въ домъ вернулся и такія словесныя препорученія преподаль всѣмъ, кто съ нимъ на молитвѣ стоялъ:

— Голуби мои бѣлые, вы послушайте мои послѣднія рѣчи. Заповѣдаю вамъ мою волю неизмѣнную, кою исполните, а кто супротивъ будетъ, тотъ анаѣема. Придетъ сюда рать несмѣтная и всѣхъ насъ лютой смерти предастъ. Того быть не должно и не будетъ. Собирайтесь, братья мои во Христѣ, вы въ путь-дороженьку и разсыплетесь по разнымъ сторонешкамъ, идите вы въ горы уральскія, сибирскія, забайкальскія, стройте скиты крѣпкіе, вѣру истинную укрѣпляйте. Мерзкаго зелья (табаку) не потребляйте, въ пищѣ воздержаніе великое оказывайте и всякаго непотребства и скверности избѣгайте. Съ мірскими не мірщитесь, а своимъ помогайте и крѣпко другъ за друга стойте. И повѣдаю вамъ еще, что солнышко взглянетъ и слезы ваши, какъ росу небесную, осушитъ. Молитесь неустанно, денно и ношно, дабы васъ Господь Вседержитель помиловалъ и отъ лихихъ напастей охранилъ и защитилъ. Аминь.

— Какъ же ты, царь батюшка, въ руки вороговъ отдаешься, насъ сиротинушками оставляешь? Примемъ мы съ тобою смерть неминуемую, а тебя не покинемъ.

— Тому только и быть, что я вамъ сказалъ. Не упорствуйте, не грѣшите. Идите всѣ, а меня оставьте. Такова воля Господа, и не намъ, грѣшнымъ, ей не покоряться.

Началось рыданіе великое и прощаніе слезное. А царь Петръ истинный всталъ на молитву и положилъ началъ. Тогда и всѣ прочіе стали на молитву и совершили моленіе великое, съ пѣснопѣніями и поклонами. За симъ подошли къ царю Петру истинному, земной поклонъ ему отдали, цѣлованіе послѣднее совершили и потихоньку, какъ птицы перелетныя, одинъ за другимъ изъ дому вышли и по всѣмъ краямъ свѣта разошлись, дабы исполнить то, что имъ было повелѣно царемъ батюшкой, Петромъ Алексѣвичемъ истиннымъ.

Прошло немало времени, день, два, а то и болѣе, какъ воины Лефортова къ тому дому подошли и со всѣхъ сторонъ его стражей неусыпной окружили. Самъ Лефортовъ къ дому подошелъ и зычно къ себѣ тамъ находившихся потребовалъ. Никто не откликнулся, потому, кромѣ царя Петра истиннаго, въ томъ домѣ и не было.

— Позвать сюда солдатика, что охотникомъ въ лѣсъ ходилъ,— Лефортовъ такъ приказалъ. А какъ солдатикъ пришелъ, такъ онъ ему и говорить:

— Ступай ты въ домъ, высмотри, и знакъ намъ подай, коли что тамъ найдешь. Ты былъ тамъ, ты и въ отвѣтъ будешь, можетъ, ты измѣну какую задумалъ, такъ оно само наружу и выйдетъ.

— Измѣны моей никакой нѣтъ, а что я увѣровалъ, такъ это точно,—солдатикъ Лефортову сказалъ, а самъ къ окну того дома подошелъ да молитвословіе и проговорилъ:

— Господи Исусе Христе, помилуй насъ.

А изъ дома ему аминь въ отвѣтъ послали, дверь растворили, и солдатикъ туда и вошелъ. Какъ вошелъ, такъ ницъ передъ царемъ Петромъ истиннымъ палъ и руки къ нему простеръ.

— Зачѣмъ ты пришелъ?— его онъ спрашиваетъ. — Страданія принять хочешь, али отъ меня отречься и въ руки катовъ предать?

— Пострадать за вѣру праведную хочу, а тебѣ, царь мой истинный, я хвалу тебѣ подобающую воздаю. Благослови меня на подвигъ сей.

Благословилъ солдатика царь Петръ истинный, и вмѣстѣ изъ дому вышли, прямо къ Лефортову и подошли.

Возрадовался Лефортовъ, что такъ дѣло прикончилось, — сейчасъ приказалъ царя Петра истиннаго и солдатика въ желѣза за-

ковать и подь крѣпкій караулъ посадить и стражу нѣмецкую къ нимъ поставить, чтобы прельщеніа никакого не вышло.

Сидятъ подь стражей оба невинномученика, и царь Петръ истинный солдатака поучаетъ и ему всяческія наставленія даетъ.

— Изъ мертвыхъ меня Господь воскресилъ, чтобы вѣру праведную прославить. Приму я мученія великія, ибо таковъ мнѣ предѣлъ положенъ. Настали теперъ для вѣры истинной дни судныя, и нужно очищеніе отъ грѣховъ огненнымъ крещеніемъ воспріять. За всѣхъ православныхъ, кои древлее благочестіе соблюли, я страданіе приму, и грѣхи искуплю. Часъ мой насталь. А тебя на ту же стезю наставляю, ибо ты увѣровалъ и душу свою спасъ. Аминь.

Привезли, наконецъ, царя Петра истиннаго и солдатака его вѣрнаго передь лицо царя Петра ложнаго, а онъ допросъ имъ учинять зачалъ:

— Какъ ты посмѣлъ, песъ смердячій, смердъ поганый, себѣ имя царское присвоить и себя, поганца, царемъ величать?—сталъ онъ царя Петра истиннаго допытывать.

— Я-то царь Петръ Алексѣевичъ настоящій, истинный, а ты боярина Стрѣшнева ставленникъ,—смирренно такъ царь Петръ истинный отвѣтъ держать зачалъ.

— Какъ ты такія неподобныя слова говорить осмѣлился?—заыкалъ на него царь Петръ ложный.—Я тебя живого въ срубъ сожгу, а допрежь того языкъ твой поганый вырву и псамъ на съѣденіе отдамъ. Позвать сюда самыхъ настоящихъ катовъ, которые милости не знаютъ, и казнь жестокою надъ нимъ вершить.

Подбѣжали каты, взяли царя истиннаго за ручки бѣлыя и въ застѣнокъ провели и давай надъ нимъ всяческія издѣвки дѣлать.

Чудо тутъ великое сотворилось. Стали тѣло царя Петра истиннаго на части рвать, а сколь кусковъ вырвуть, столь опять нарастеть, да еще болѣе прежняго, а гдѣ кровь прольется, тамъ благоуханныя цвѣты вырастаютъ. Увидали сіе каты, всѣ свои кленци побросали, а сами на колѣни пали и молитву творить зачали:

— Прости ты насъ, рабовъ неразумныхъ, творимъ, что и не вѣдаемъ, прости ради Христа.

— Богъ проститъ, — смирренно такъ царь Петръ истинный отвѣчаетъ, а самъ крестное знаменіе творить и катовъ благословляетъ.

Пришелъ въ застѣнокъ самъ Лефортовъ и диву дался, что такое произошло... сколь времени каты дѣйствуютъ, а царь Петръ истинный цѣлехонекъ стоитъ.

— Что же вы, непослухи, такое здѣсь творите! — на катовъ Лефортовъ закричалъ, ногами затопалъ и кулаками угрозилъ.—Я, говоритъ, васъ самихъ на дыбу вздернуть велю.

А каты, какъ были на колѣняхъ, такъ и остались, слова больше вымолвить отъ такого чуда не могутъ, языкъ отнялся.

Лефортовъ еще пуще осерчалъ и повелѣлъ тѣхъ катовъ подъ стражу взять, а новыхъ позвать и при себѣ царя Петра истиннаго пытать и всяческимъ мукамъ предать. И стали новые каты клещами тѣло его на части рвать, а онъ Бога Господа Иисуса Христа славословить. Но сколь каты ни старались, ничего подѣлать не могутъ: кусокъ тѣла клещами вырвать, а оно снова заростетъ.

— Ты волхвъ,—Лефортовъ закричалъ,—и тебя прямо утопить нужно. Поведите его къ Невѣ рѣкѣ, камень большой на шею привѣсьте да въ воду и киньте.

А царь Петръ ложный услышалъ Лефортовъ приказъ и къ себѣ Лефортова зоветъ, чтобы узнать, повинился ли въ чемъ царь Петръ истинный. Лефортовъ ему и говоритъ, что каты ничего подѣлать не могутъ, потому онъ, Петръ, царь истинный, не кто иной, какъ волхвъ.

— Я его въ Невѣ рѣкѣ утопить хочу и жерновъ на шею привѣсить велѣлъ,—Лефортовъ говоритъ:—изъ воды не выплыветъ.

Привели царя Петра истиннаго къ Невѣ рѣкѣ, пребольшушій жерновъ приволокли и крѣпко-накрѣпко на шею ему привѣсили, на лодку посадили и на средину рѣки и вывезли. А какъ стали его въ воду бросать, такъ лодка опрокинулась, каты въ воду попадали и ко дну скорехонько пошли, а царь Петръ истинный жерновъ въ ручки взялъ и по водѣ пошелъ къ берегу цѣлъ и невредимъ. Всѣ православные, что на берегу стояли, видя то чудо, на колѣни попадали и въ одинъ голосъ закричали:

— Ты нашъ царь батюшка Петръ Алексѣевичъ истинный, и тебѣ мы земно кланяемся?

Не похотѣлъ того видѣть царь Петръ ложный, отвернулся и Лефортову говоритъ:

— Возьми нѣмцевъ и татаръ, прикажи имъ волхва схватить и въ срубъ посадить. А тѣхъ, кто на колѣняхъ стоялъ, тѣхъ мы казни предадимъ, ибо это—люди измѣнные и нашему царству негодные.

Сейчасъ Лефортовъ вѣрнаго человѣка куда нужно послалъ, и нѣмцевъ видимо-невидимо сколько пригнали. И стали тѣхъ, кто на колѣняхъ стоялъ и царю Петру истинному хвалу воздавалъ, тѣхъ зачали хватать, руки, ноги вязать и къ плахамъ волочить. А на каждой плахѣ катъ изъ татаръ стоялъ, и лишь только кого приведутъ, тому и голову сѣкирой отсѣкалъ. И столько много головъ въ ту пору снимали, что Нева рѣка помутнѣла и кровью окрасилась, словно вечерней зарей погорѣла.

А царь Петръ истинный на берегъ вышелъ, бросилъ жерновъ на землю и прямо къ царю Петру ложному пошелъ.

— Почто же ты меня сказнить не повелишь? — онъ его спрашиваетъ.

— Ты,—говоритъ царь Петръ ложный,—волхвъ, и тебѣ будетъ казнь особливая. Пока же я къ дереву тебя привязать повелю,

чтобы ты казнь ослушниковъ видѣлъ и зналъ, что не спасло ихъ отъ смерти все твое волхвованіе.

— Безъ Божьяго произволенія ни одинъ волосъ съ головы человѣческой не спадетъ, не токмо что голова. Такъ ты знай, что Господь допустилъ ихъ мученическую кончину пріять, и они черезъ твое злодѣйство страстотерпцами сдѣлались и вѣнецъ мученическій нетлѣнный получили. Аминь.

Распалился гнѣвомъ отъ такихъ рѣчей царь Петръ ложный и велѣлъ царя Петра истиннаго къ дереву привязать, а передъ нимъ плаху поставить и на ней солдатака казнить.

— Твоего ближняго приспѣшника, а мнѣ измѣнника, казнить передъ твоими глазами хочу, ибо ради тебя онъ мнѣ измѣну подлую содѣялъ.

Сейчасъ плаху поставили и солдатака къ ней привели. А солдатику тотъ къ царю Петру истинному обратился и благословенія себѣ на жизнь вѣчную испросилъ, а потомъ самолично голову на колоду положилъ и катамъ явственно проговорилъ:

— Да прости васъ Господь Вседержитель, какъ я прощаю.

И опять чудо проявилось. Отрубили голову солдатику, а голова прямо къ ножкамъ царя Петра истиннаго подкатилась, глаза открыла и такія слова сказала:

— Прости меня и въ царство небесное благослови.

— Будь благословенъ, всѣ грѣхи твои прощаю во вѣки вѣковъ.

Сии слова царь Петръ истинный сказалъ и мысленно крестное знаменіе совершилъ. Потому онъ мысленно сіе содѣлалъ, что ручки его къ дереву привязаны были крѣпко-накрѣпко нѣмцами.

— Теперь и твоя очередь настала,—Лефортовъ проговорилъ:— вишь и тебѣ изба красная готова,—и на срубъ показавъ, въ которомъ царя Петра истиннаго пожечь приготовились.

Отвязали его отъ дерева и въ срубъ поставили, а потомъ его поджигать зачали. Срубъ сразу огнемъ-пламенемъ занялся со всѣхъ сторонъ. Царь Петръ ложный на пригоркѣ стоялъ и до тѣхъ поръ съ мѣста не сходилъ, пока отъ сруба даже угольевъ не осталось. Но тутъ еще одно чудо проявилось. Какъ срубъ ужъ догорать началъ, откуда ни возмись, изъ самаго, что ни на есть, пекла, бѣлый голубь взвился, надъ срубомъ покружился и невѣдомо куда изъ глазъ скрылся. Многіе тогда къ старой вѣрѣ обратились, потому въ семъ голубѣ знаменіе увидали.

А царь Петръ ложный, какъ срубъ горѣть пересталъ, повелѣлъ кости сожженнаго найти, чтобы ихъ въ порошокъ истолочь и по вѣтру пустить. Искали, искали, а тѣхъ костей такъ и не нашли. Лефортовъ говорилъ, что де, молъ, сгорѣли, а царь Петръ ложный призадумался, и съ того времени людямъ стараго обычая многія послабленія дѣлали и въ срубахъ жечь перестали.

Сему сказанію конецъ. Аминь.

На этомъ кончается легенда, записанная моимъ дѣдомъ со словъ Хромцова въ Тарбагатаѣ. Дѣдъ снабдилъ ее такимъ послѣ-словіемъ.

«Недоумѣваю и понять не могу, откуда взялась такая сказка, кто ее выдумалъ и когда, т.-е. въ какое время. Записавъ оную сказку, я долго думалъ о томъ, не изъ Россіи ли она въ Сибирь попала. Не здѣшняго она сочиненія, и не Хромцовъ ее выдумалъ, не его ума такое дѣло. Рогачевъ сіе сказаніе принимаетъ за истину, но онъ человѣкъ нерассудительный и упорный, — съ нимъ нельзя о старой вѣрѣ разговаривать, ибо онъ все свое правильнымъ считаетъ, а чужое ложнымъ и вниманія недостойнымъ. Во всякомъ случаѣ сіе сказаніе цвѣтисто, но исторіи въ ней ни капли не имѣется. Жалѣю, что не сразу ее могъ записать, нѣсколько упущено, а Хромцовъ говорилъ складно, и рѣчь его была уснащена текстами изъ старыхъ рукописныхъ книгъ. Ихъ я не упомянулъ, почему и не записалъ. Читалъ я сію сказку брату Николаю (родной братъ моего дѣда), онъ большой знатокъ въ такихъ сказаніяхъ, такъ онъ увѣрилъ, что я напрасно еще разъ въ Тарбагатаѣ къ Хромцову не съѣздилъ, потому что у этого человѣка должно много подобныхъ быть, и они, не будучи списаны, безслѣдно погибнуть должны. Можетъ быть, братъ Николай и правъ, только сказки сихъ изувѣровъ забвенія больше достойны, чѣмъ памяти, ибо въ нихъ лишь къ прославленію ихъ толковъ все сведено, а правды, даже самой малѣйшей, и не доискаться».

Несмотря на такой рѣшительный и опредѣленный отзывъ, дѣдъ внесъ въ свои мемуары еще нѣсколько легендъ и тоже о Петрѣ Великомъ, и всѣ онѣ, конечно, съ извѣстной стороны, представляютъ собой довольно большой интересъ. Но эти легенды можно встрѣтить въ рукописныхъ изданіяхъ у многихъ раскольниковъ, преимущественно «безпоповцевъ» и «часовенныхъ», тогда какъ предлагаемая легенда была мною встрѣчена только одинъ разъ и то съ довольно значительнымъ варіантомъ, касающимся заключенія легенды, въ томъ самомъ «Цвѣтникѣ», о которомъ я упомянулъ выше, и съ которымъ я, по совѣту отца протоіерея Іоанна Яхонтова, поѣхалъ вскорѣ въ Невьянскъ искать начетчика Аванасія для полученія отъ него комментаріевъ и дополненій, необходимыхъ для выясненія мѣсторожденія заинтересовавшей меня легенды.

Невьянскій заводъ — это гнѣздо уральскаго раскола. Можно безъ преувеличенія сказать, что едва ли не всѣ существующія въ Россіи секты имѣютъ въ Невьянскѣ своихъ представителей. Лицамъ, желающимъ изучить расколъ не только по печатнымъ источникамъ, а также и по устнымъ преданіямъ, непременно слѣ-

дуетъ побывать въ этомъ «гнѣздѣ» и поговорить съ дѣйствительными знатоками всего раскольничьяго обычая, уклада, быта и остатка исчезающей, подъ напоромъ времени, старины русской, затерявшейся въ глубинѣ вѣковъ. Только въ Невьянскѣ можно еще встрѣтить въ чистомъ видѣ раскольничье богослуженіе со всѣми обрядностями, послушать истое крюковое пѣніе и вообще увидеть то, что въ другихъ мѣстахъ Россіи потеряло свой первоначальный обликъ и приняло болѣе современный отпечатокъ.

Но не легко «мірскому» узнать эту таинственную сторону жизни раскольниковъ, — они тщательно скрываютъ отъ нескромныхъ глазъ свои обычаи и очень неохотно дѣлятся свѣдѣніями съ людьми «не ихъ согласія». Нужно чѣмъ нибудь особеннымъ заслужить ихъ довѣріе, чтобы передъ вами раскрылись нѣкоторыя тайны, и вы бы могли самолично увидеть совершаемые обряды. Начетчики и вообще «ревнители» стараго благочестія держатъ себя очень замкнуто и въ религиозные споры не любятъ вступать. Они прямо нетерпимы къ чужому мнѣнію и считаютъ для себя «ззорнымъ, неблагочестивымъ дѣломъ» вступать въ споры и въ разсужденія по вопросамъ, выходящимъ изъ обыденной, повседневной жизни. Да и въ этомъ смыслѣ они ограничиваютъ свое общеніе съ «мірскими», по большей части, только по торговымъ и промышленнымъ дѣламъ, которыхъ, кстати сказать, у раскольниковъ имѣется всегда въ изобиліи. Такъ, напримѣръ, въ Невьянскомъ заводѣ многіе изъ «поборниковъ древляго благочестія» усердно занимаются золотопромышленностью, иногда въ очень крупныхъ размѣрахъ, сундучнымъ ремесломъ и болѣе всего старательскими работами на золотыхъ пріискахъ и рудникахъ.

Пріѣхавъ въ Невьянскъ, я долго не могъ найти подходящаго человѣка, который бы могъ указать, гдѣ живетъ начетчикъ Аванасій. Сдѣлать это тѣмъ было труднѣе, что я не зналъ не только фамиліи начетчика, но даже уличнаго прозвища, замѣняющаго на Уралѣ фамилію. Наконецъ, счастливый случай свелъ меня съ однимъ старожиломъ Невьянска, знавшимъ чуть ли не наперечетъ всѣхъ «исконныхъ» жителей завода. Мой случайный знакомецъ не былъ, въ полномъ смыслѣ, раскольниковъ, онъ лишь «придерживался» старой вѣры, или, какъ принято говорить на Уралѣ, «киржачилъ», что означало его нѣкоторую «ослабленность» въ соблюденіи всего старообрядческаго ритуала и въ свободномъ «якшаніи» съ «мірскими». Такъ, онъ допускалъ питье чая, потреблялъ сахаръ, даже въ постные дни, хотя, какъ извѣстно, «сахаръ на собачьихъ костяхъ дѣлается», допускалъ питье и ѣду изъ общей посуды, оправдывая себя въ этомъ случаѣ пословицей, что «море тѣмъ не погано, что псы изъ него воду хлебали», и вообще аскетическихъ правилъ не придерживался, и даже, какъ говорили злые языки, не прочь былъ въ хорошей компаніи выпить съ мірскими водочки

и даже... покуривалъ втихомолку трубочку, что, впрочемъ, дѣлалось имъ подъ величайшимъ секретомъ.

Вотъ съ такимъ-то покладистымъ человѣкомъ и свелъ меня счастливый случай, благодаря которому я нашелъ таинственнаго Аѳанасія и имѣлъ возможность вести долгую бесѣду съ этимъ столпомъ раскольничьей премудрости и начитанности.

Мой знакомецъ, Алексѣй Ѳедоровичъ Палкинъ, встрѣтился со мной на постояломъ дворѣ, гдѣ я остановился, и тотчасъ же вступилъ со мной, какъ онъ выражался, въ пріятную бесѣду. Послѣдовало чаепитіе, и между нами быстро установились дружескія отношенія. Я сообщилъ ему цѣль моего пріѣзда, а онъ выразилъ полную готовность мнѣ помочь и найти «этого самаго Аѳанасія», который долженъ былъ быть не кто иной, «какъ нѣкій сундучникъ, человѣкъ довольно ума хитраго, но въ вѣрѣ крѣпкій и основательный».

— Мудрено вамъ будетъ съ нимъ разговаривать, потому онъ съ мирскими не шибко въ сужденіе вступаетъ. А мы вотъ что сдѣлаемъ, мы къ нему вмѣстѣ пойдемъ. Меня-то онъ знаетъ, ну, и не станетъ слишкомъ осторожность наблюдать, въ горницу позоветь и въ разговоръ пустится. А вы не вдругъ свое дѣло выкладывайте, а полегоньку. Сперва разговоръ о предметахъ постороннихъ заведите, вотъ, напримѣръ, о золотѣ или о сундукахъ, ну, тамъ о чемъ придется, а потомъ исподтиха къ сути-то и подойдете. Табаку, упаси васъ Боже курить,—все дѣло сразу испортите, потому онъ форменный киржакъ, не то, что мы грѣшные, и стараго обычая сильно придерживается, такъ вы уже поостерегитесь какое лишнее слово сказать, чтобы его въ сумленіе не привести. Мужикъ онъ съ хитрецей, потому вы безъ оглядки не дѣйствуйте.

— Можетъ быть, это и не тотъ Аѳанасій? — усомнился я.

— Некому другому быть, потому я всѣхъ здѣшнихъ Аѳанасіевъ достаточно знаю. Другіе ничего не стоящіе люди, а этотъ уважительный отъ всѣхъ человѣкъ и жизни, можно сказать, примѣрной. Онъ изъ самыхъ, что ни на есть, самыхъ строгихъ часовенныхъ будетъ. Онъ и въ церковь не ходитъ и ни вина, ни чаю не пьетъ. Вотъ онъ какой человѣкъ.

— Праведникъ, стало быть? — спросилъ я.

— Единъ Богъ безъ грѣха, — уклончиво отвѣтилъ мой менторъ. — Болтаютъ, что молодыя скитницы у него часто полы моютъ, ну, да, знаете, въ заводѣ всячину говорятъ, особливо бабье сословіе; можетъ, зря болтаютъ. А вы, вотъ что, вы попроще пріодѣньтесь, форменную-то фуражечку дома оставьте, а картузикъ русскій купите и опоясочку поверхъ кафтанчика затяните,—оно много такъ-то складнѣе выйдетъ.

Принявъ къ свѣдѣнію и исполненію, какъ выражаются въ официальныхъ «отношеніяхъ», наставленія моего учителя, я отпра-

вился вмѣстѣ съ нимъ къ Аѳанасію, и, промѣсивъ густую глину, покрывающую улицы Невьянска, мы безъ особыхъ событій и приключеній подошли къ чистенькому домику, выкрашенному въ яркую зеленую краску, съ бѣлыми ставнями, на которыхъ были нарисованы разные цвѣты и узоры. Ворота и калитка были заперты наглухо, и намъ пришлось стучать очень долго, пока не послышался сердитый женскій окликъ, спрашивавшій:

— Кого вамъ надоть?

— Господи, Исусе Христе, помилуй насъ,— проговорилъ мой спутникъ. — Намъ бы хозяина повидать. Дома ли онъ?

— А вы кто будете? — продолжалъ допрашивать все тотъ же сердитый голосъ.

— Насчетъ сундучковъ поговорить пришли. Сундучки намъ потребны.

— Повремените у воротъ, я хозяину скажу. На скамейкѣ посидите, — милостиво разрѣшила намъ таинственная домоправительница.

— Видите, съ какой опаской живетъ, сразу-то и не попадешь. Теперь, поди, насъ изъ всѣхъ целей выглядываютъ, кто, молъ, такіе пришли. Видите, изъ окна дѣвки смотрятъ, — указалъ мнѣ Алексѣй Ѳеодоровичъ на слуховое окно, помѣщавшееся подъ конькомъ крыши.

Я взглянулъ по указанію Палкина и увидалъ женское лицо, пытливо высматривавшее изъ полуоткрытаго оконца.

— У нихъ всегда такъ: сперва человѣка высмотрятъ, а потомъ уже въ калитку пустятъ. Всего до крайности боятся.

Черезъ нѣсколько минутъ загремѣлъ засовъ у калитки, и она полуотворилась, придерживаемая цѣпью. Изъ широкой щели показалось сморщенное, какъ печеное яблоко, старушечье лицо. Старушка еще разъ пытливо оглядѣла насъ и, оставшись, видимо, довольной своимъ наблюденіемъ, прошамкала: «пожалуйте», и, снявъ цѣпь, пропустила насъ во дворъ. Старушка оказалась маленькаго роста, одѣтая въ косолиный сарафанъ и въ черномъ, съ бѣлымъ горошкомъ, ситцевомъ платочкѣ.

— Вамъ Аѳанасія Митрича надоть?—спросила старушка.

— Его, честная мать, его самага,—отвѣтилъ за меня Алексѣй Ѳеодоровичъ.

— Повремените здѣсь, они сейчасъ на крылечко пожалуютъ,—довольно сурово отрѣзала старушенція и заковыляла по направленію къ маленькому домику, стоявшему въ глубинѣ двора.

— Скитокъ это у нихъ,—шепнулъ мнѣ Палкинъ, кивнувъ головой по направленію домика.

Черезъ минуту вышелъ и самъ знаменитый начетчикъ. Признаюсь, я ожидалъ увидать аскетическаго подвижника, а передо мной стоялъ мужчина лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ злымъ выраже-

ніемъ нахмуренныхъ глазъ, съ густой окладистой бородой, одѣтый въ синій кафтанъ хорошаго тонкаго сукна и въ блестящихъ высокихъ сапогахъ. Скорѣе онъ былъ похожъ на плотничьяго рядчика, чѣмъ на «столпъ» древяго благочестія, знаменитаго начетчика, знавшаго наизусть чуть ли не всѣ старообрядческія книги и рукописи. Я невольно повѣрилъ тѣмъ слухамъ, что сообщилъ Палкинъ о слишкомъ рьяной заботливости начетчика о чистотѣ своихъ половъ...

— Вамъ по какому дѣлу меня повидать желательно?—перервалъ мои наблюденія бархатный, пріятнаго тембра баритонъ Аеанасія.

— Насчетъ сундучковъ, да и по прочему дѣлу намъ повидать тебя желательно,—сказалъ, точно дрогнувшимъ голосомъ, Алексѣй Ѳедоровичъ.

— Тебѣ что ли они понадобились?—усмѣхнувшись и показывая бѣлые, какъ кипень, зубы, замѣтилъ нашъ хозяинъ.—Торговать что ли вздумалъ на старости лѣтъ?

— Нѣтъ, не мнѣ, а вотъ имъ понадобились, — указалъ Палкинъ на меня.

— А вамъ много ихъ понадобится?—обратился Аеанасій ко мнѣ.

— Порядочно,—поддержалъ я Алексѣя Ѳедоровича.

— Что же, нечего дѣлать, пожалуйста въ горницу, тамъ потолкуемъ,—какъ бы съ сожалѣніемъ произнесъ начетчикъ и, отворивъ дверь, ведущую внутрь дома, пригласилъ насъ слѣдовать за нимъ.

Горница, куда мы вошли, имѣла совсѣмъ нежилой видъ. Пахло плѣсенью, и въ углахъ гирляндами висѣла паутина. Стѣны были увѣшаны сомнительными олеографіями, а на полочкѣ, прибитой въ углу, былъ поставленъ крохотный образокъ. Около стѣнъ стояли крашенныя скамьи и столъ, покрытый пестрядиной скатертью.

— Пожалуйста, присаживайтесь, я сейчасъ приду, кое-что по домашности справить нужно,—говорилъ хозяинъ, запирая за собою дверь.

— Эта горница у него для мірскихъ предоставлена,—сказалъ Палкинъ.—Ишь и бѣсовичекъ поставленъ.

— Какой бѣсовичекъ?—удивился я.

— А образокъ-то. Погодите, я вамъ его съ полочки сниму, сами тогда увидите.

Алексѣй Ѳедоровичъ всталъ на скамью и досталъ съ полки образъ.

— Вотъ поглядите. Видите, на обратной сторонѣ, въ уголкѣ, фигурки нарисованы. Хорошенько взгляните. Видите теперь бѣсовичекъ?

Дѣйствительно, въ уголѣ были нарисованы чуть замѣтно маленькія фигурки, напоминавшія собой тѣхъ бѣсовъ, что рисуютъ на лубочныхъ картинкахъ, съ хвостомъ и рожками.

— Какъ же ему не стыдно такіе образа держать?—вырвалось невольно у меня.

— Такъ вѣдь это для мірскихъ предназначено, передъ такимъ образомъ онъ и не молится. Такихъ образовъ вы много найдете,— они такъ здѣсь бѣсовичками и зовутся. Давайте скорѣе образъ, назадъ нужно поставить, пока Аѳанасій не вернулся.

Только, что Палкинъ успѣлъ поставить на мѣсто образъ, какъ явился хозяинъ и пытливо взглянулъ на насъ. Хитрая улыбка змѣилась на его губахъ, а въ глазахъ блестѣлъ недобрый огонекъ.

— Образокъ, должно, разглядывали,— усмѣхнулся онъ,— что жъ, ничего, образъ какъ образъ, изъ новыхъ, не стараго письма, здѣсь, въ Невьянскѣ, и купленъ. Такъ вамъ сундучки понадобились?— продолжалъ онъ говорить, не дожидаясь отвѣта.— Что же-съ, хорошо-съ, сундучки найдутся. Вамъ для себя или для продажи требуются? Получше или пониже сортомъ? Всякіе есть, на всякую цѣну.

— О сундукахъ мы послѣ поговоримъ, а теперь я бы хотѣлъ о другомъ съ вами переговорить,— началъ я дѣйствовать прямо.

— Такъ-съ. Стало быть, сундучки, въ родѣ того, какъ бы предлогъ, а суть-то не въ нихъ. Я съ самаго начала такъ и думалъ, потому вы на торгующаго человѣка не похожи, да и Алексѣю Ѳедоровичу они не нужны. Я съ самаго начала такъ смекнулъ. Ну, да ничего, и о другомъ дѣлѣ поговоримъ. Что же вамъ собственно отъ меня угодно?

— Я насчетъ одной книжечки къ вамъ пріѣхалъ переговорить.

— Книжечки? Такъ-съ. Какая же это книжечка будетъ? Съ вами она? А кто васъ, сударь, ко мнѣ направилъ? Вы вѣдь не изъ здѣшнихъ будете. Пріѣзжіе, издалека, али по близости гдѣ проживаете?

Я поспѣшилъ удовлетворить любознательнаго хозяина и сообщилъ всѣ интересовавшія его свѣдѣнія. Вынулъ изъ кармана и «Цвѣтникъ», увидя котораго Аѳанасій встрепенулся.

— Откуда у васъ, сударь, такая книжечка проявилась, гдѣ вы такую пріобрѣли?

— Въ селѣ Кизинкѣ старецъ одинъ мнѣ на память пожертвовалъ.

— О ней-то вы и спросить меня хотите?

— Да, о ней. Хочется мнѣ узнать, подлинная ли она, или же поддѣлка. На Уралѣ, сами знаете, много разныхъ поддѣльныхъ книгъ встрѣтить можно, я и хотѣлъ узнать отъ васъ, можно ли этотъ «Цвѣтникъ» за настоящій признать.

— Дозвольте взглянуть.

Аѳанасій взялъ бережно, благоговѣнно книжечку и долго, внимательно ее разсматривалъ. Онъ весь погрузился въ чтеніе, и, казалось, забылъ о нашемъ присутствіи. Я и Палкинъ молча сидѣли, затаивъ дыханіе, не смѣя шевельнуться, чтобы не нарушить торжественнаго молчанія.

— Нда-съ,—прервалъ молчаніе Аѳанасій,—книжечка эта, можно сказать, прямо драгоцѣнная, просто удивительно, какъ ее изъ рукъ выпустили. Старинная эта книжечка, очень старинная, подлинная, въ томъ не сомнѣвайтесь. Дозвольте, сударь, мнѣ на минуточку ее въ другую горницу снести, тамъ у меня двое изъ нашего согласія сидятъ, такъ имъ порадоваться на нее дозвольте.

Признаться сказать, мнѣ не хотѣлось послѣ такой аттестаціи выпускать изъ рукъ рѣдкую книжку, но я не могъ отказать въ просьбѣ, и Аѳанасій быстро сорвался съ мѣста и унесъ мой «Цвѣтникъ», крикнувъ на ходу, что онъ ее «черезъ самую малую минуту назадъ принесетъ».

— Напрасно изъ рукъ книжечку выпустили,—прошепталъ Палкинъ,—какъ бы ее старцы-то его не зачитали. Охотники они до такихъ книжекъ, дороже денегъ цѣнятъ. Случалось такъ, что изъ рукъ вырывали и съ книжкой убѣгали.

Къ счастью, на этотъ разъ пророчество Палкина не исполнилось... Аѳанасій явился съ книжкой въ сопровожденіи двухъ старцевъ маѳусаилова возраста, одѣтыхъ въ подрясники стариннаго покроя, опоясанные широкими поясами, и съ четками въ рукахъ. Войдя въ горницу, старцы поклонились низкимъ поклономъ и молча усѣлись на скамьи.

— Вотъ, сударь,—началъ говорить Аѳанасій,—люди сіи молятъ васъ книжечку вашу имъ уступить, потому она писана въ Таганайскомъ скиту, откуда они и сами. Только теперь скиты эти закрыты, такъ старцы у насъ въ Невьянскѣ проживаютъ.

Не успѣлъ кончить своихъ словъ нашъ хозяинъ, какъ старцы, точно по командѣ, поднялись и молча поклонились мнѣ пояснымъ поклономъ. Я почувствовалъ себя въ страшно неловкомъ положеніи и не зналъ, что дѣлать. Съ книжкой разстаться мнѣ не хотѣлось, а съ другой стороны отказать этимъ почтеннымъ людямъ, такъ ревниво собирающимъ память о прошломъ, было чрезвычайно тяжело.

— Такъ какъ же, сударь, какое ваше рѣшеніе будетъ?—спросилъ меня Аѳанасій.

— По правдѣ говоря, мнѣ бы не хотѣлось уступать,—сказалъ я.—Книжечка нужна мнѣ, я тоже собираю рѣдкія книги.

— А вы обмѣнить на другую не пожелаете? У меня очень хорошія книжки имѣются,—предложилъ Аѳанасій:—пожалуйте съ нами въ другую горницу, я тамъ вамъ покажу.

Я посмотрѣлъ на Палкина; онъ незамѣтно пожалъ плечами и кивнулъ мнѣ головою, что я принялъ за знакъ согласія.

— Вы сперва покажите мнѣ книжки, можетъ быть, я и соглашусь,—увернулся я отъ рѣшительнаго ствѣта.

Пошли мы всей компаніей въ другую горницу, находившуюся рядомъ съ этой, гдѣ мы сидѣли. Горница совершенно не походила на первую. Она была вся устлана тюменскими коврами, на окнахъ

красовались цвѣты, стѣны были оклеены свѣтлыми обоями, а передній уголъ былъ весь занятъ огромной кіотою съ образами стариннаго письма въ дорогихъ окладахъ, сверкавшихъ самоцвѣтами и олонецкимъ жемчугомъ.

Войдя въ горницу, всѣ сдѣлали установленные поклоны сперва иконамъ, а потомъ другъ другу. Затѣмъ всѣ чинно усѣлись на скамьи, въ такомъ порядкѣ: подъ самыми образами, или, вѣрнѣе сказать, у самыхъ иконъ, сѣли старцы, около нихъ помѣстился Аѳанасій, затѣмъ на краешкѣ скамьи сѣлъ Палкинъ, а мнѣ указали мѣсто съ другого конца, такъ что я сидѣлъ въ одиночествѣ.

Нѣсколько минутъ мы сидѣли молча, потомъ Аѳанасій подошелъ къ самому древнему старцу и испросилъ благословенія.

— Благослови, отче, къ дѣлу приступить,—сказалъ онъ шепотомъ.

— Богъ благословить, — прошепталъ старецъ и двуперстнымъ крестомъ благословилъ Аѳанасія.

Послѣ принятія благословенія Аѳанасій быстро вышелъ изъ комнаты и скоро вернулся, держа въ рукахъ нѣсколько довольно истрепанныхъ тетрадокъ въ синей обложкѣ.

— Вотъ, сударь, вамъ сказы про Петра царя,—любой изъ нихъ выбирайте. Тоже немало рѣдкостные, стараго письма.

Аѳанасій положилъ передо мной тетрадки и подсѣлъ рядомъ.

— Вотъ вамъ сказъ, какъ царя Петра въ латинство перевести хотѣли, а это про солдатика, что его отъ смерти спасъ и въ вѣру истинную обратилъ. Все книжки достовѣрныя, не рыночныя, не продажныя.

Къ сожалѣнію, Аѳанасій напрасно тратилъ свое краснорѣчіе: всѣ принесенныя имъ тетрадки не представляли собой ничего интереснаго и были списками съ давно мнѣ извѣстныхъ апокрифическихъ легендъ, во множествѣ расходящихся среди старообрядцевъ. Аѳанасій подмѣтилъ мое разочарованіе и удвоилъ свои любезности и предупредительность. Но я остался глухъ къ его восхваленіямъ и отодвинулъ отъ себя всѣ тетрадки.

— Не годны? Какъ же такъ?—недоумѣвалъ Аѳанасій и разводилъ руками. — А я думалъ, вы помѣняетесь. Какъ же, старцы, быть? — обратился онъ къ маѳусаиламъ: — они, вишь, не согласны. Помолите вы, авось ваши молитвы они примутъ.

Древній старецъ съ плохо скрытой ненавистью взглянулъ на меня и хрипло проговорилъ, едва шевеля безкровными губами:

— Что жъ тебѣ стоитъ пожертвовать? Тебѣ книжка сія на смѣхъ, а намъ для почитанія.

Другой старецъ тоже что-то прошамкалъ, но что именно, я разобрать не могъ. Я положительно не зналъ, что и дѣлать. Отдать «унику» не хотѣлось и сильно не хотѣлось, а не уступить было не ловко. Пошелъ на компромиссъ и предложилъ выслать имъ книжку, послѣ того какъ съ кое-къмъ посовѣтуюсь.

— Ну, Богъ съ тобой, коли не хочешь пожертвовать,—сказалъ первый старецъ:—твоя воля, ее съ тебя снять не можемъ. Богъ съ тобой, твое дѣло, ты и въ отвѣтъ будешь.

Выручилъ Палкинъ. Онъ наклонился къ старцу и сталъ ему нашептывать, послѣ чего старецъ закивалъ одобрительно головой и видимо смягчился. Аѳанасій злобно взглянулъ на непрошеннаго заступника, но ничего не сказалъ и только тяжело вздохнулъ.

— Стало быть, разговоръ конченъ? — проговорилъ онъ, немного погодя, давая тѣмъ понять, что намъ пора убраться. Но я сдѣлалъ видъ, что не понялъ его маневра, и остался сидѣть, выжидая удобнаго случая завести бесѣду о моемъ «Цвѣтникѣ», который мнѣ нехотя отдалъ Аѳанасій.

— Удивляюсь я, почему вы такое значеніе этому «Цвѣтнику» придаете? — сказалъ я послѣ маленькой паузы, обращая свой вопросъ къ обоимъ старцамъ.

Древній старецъ приподнялъ свои лохматыя, сѣдые брови и пристально посмотрѣлъ на меня выцвѣтшими глазами.

— А по тому самому, что правда въ немъ написана,—отвѣчалъ старецъ и нервно сталъ перебирать свои четки (лѣстовку).

— Какъ правда!—воскликнулъ я.—Это вымыселъ отъ начала до конца.

— Чудесамъ тоже не вѣрили,—спокойно вымолвилъ старецъ.

— Чудеса всѣ засвидѣтельствованы, а того, что говорится въ «Цвѣтникѣ», никто не видалъ и не могъ видѣть.

— Стало быть, видѣли, коли записали,—съ усмѣшкой вставилъ замѣчаніе Аѳанасій и вопросительно взглянулъ на старца.

Сидѣвшій молча до сихъ поръ старецъ вдругъ встрепенулся и какимъ-то шипящимъ голосомъ прохрипѣлъ:

— У васъ, никоніанъ, что не вами написано, все за ложь считается. Что же намъ съ тобою и говорить, коли ты нашимъ словамъ вѣры никакой не даешь,—одинъ грѣхъ и искушеніе.

— Я не ваши слова отвергаю, а то, что написано въ «Цвѣтникѣ». Всѣмъ извѣстно, что императоръ Петръ Первый былъ въ Россіи одинъ, и другого никогда и не бывало. Вотъ Пугачевъ назвался Петромъ Третьимъ, но его самозванство было установлено, да и самъ онъ въ томъ сознался.

Я до сихъ поръ раскаиваюсь, что сказалъ тогда эти слова. Они произвели дѣйствіе динамитной бомбы и вызвали такой взрывъ негодованія, какого я и не подозрѣвалъ въ этихъ изнеможенныхъ постомъ и старостью существахъ, то-есть, старцахъ. Они встали, выпрямились во весь ростъ и, захлебываясь слюной, стали меня предавать проклятію. Даже Аѳанасій и тотъ испугался, не за меня, конечно, а за нихъ. Столько злобы, ненависти вылилось изъ ихъ старческихъ устъ, что я положительно остолбенѣлъ и былъ уничиженъ.

— Будь ты отнынѣ и во вѣки вѣковъ проклятъ,—такъ и сыпалось на меня, и къ этимъ пожеланіямъ прибавлялись пророчества, что я и умру-то поганой смертію, и бѣсы меня живого въ тьму кромѣшную утащатъ, и т. п. въ томъ же духѣ. Въ концѣ концовъ, старцы не могли уже ничего новаго придумать, какъ только плюнуть на меня, что они и исполнили передъ тѣмъ, какъ ушли изъ горницы. Вслѣдъ за ними вышелъ и Аѳанасій, оставивъ насъ съ Палкинымъ въ большомъ и непріятномъ недоумѣніи.

— Пойдемте, — сказалъ я Палкину. — Что же намъ еще дожидаться?

— Погодите, Аѳанасій еще придетъ. Онъ старцевъ успокоитъ и сюда явится васъ урезонивать. Не такой онъ человѣкъ, чтобы своего не добиться. Имъ ваша книжка нужна, стало быть, они за ней охотиться будутъ. Повѣрьте мнѣ, я ихъ хорошо знаю, я вѣдь самъ немного киржачу, навидался всячины.

Дѣйствительно, Аѳанасій появился мрачный и съ нахмуренными бровями. Онъ молча сѣлъ на скамью и началъ пристально смотрѣть въ окно, точно насъ и не было въ комнатѣ. Мнѣ наконецъ надоѣло находиться въ такомъ непріятномъ положеніи, и я рѣшилъ уйти.

— Простите Христа ради,—сказалъ я формулу прощанія и, не подавая Аѳанасію руки, направился къ двери. За мною пошелъ и Палкинъ.

— Постойте, сударь,—закричалъ намъ вслѣдъ Аѳанасій,—куда вы торопитесь? Дѣла не кончали, а уходить собираетесь? Такъ негоже дѣлать.

— Говорите, что вамъ отъ меня нужно,—сказалъ я, остановившись у самой двери.

— Какъ же на счетъ вашей книжечки-то, такъ никакого резону отъ васъ и не будетъ? Погодите малость, я вамъ вотъ что скажу. Хотите за деньги мнѣ ее продать? Я бы не поскупился, право же, не поскупился бы.

Но я не сдавался и рѣшилъ не отдавать моего «Цвѣтника» ни за что,—во мнѣ заговорилъ любитель-коллекціонеръ, и я уже сталъ смотрѣть на мою книжечку, какъ на драгоценность.

— Не хотите, ну, Богъ съ вами. Да вы присядьте, успѣете уйти, уйти не долго. Побесѣдуемте малость, что жъ торопиться, присядьте на лавочку, на старое мѣстечко, вотъ сюда. А ты чего стоишь?—напустился вдругъ Аѳанасій на Алексѣя Ѳеодоровича:—аль подт началъ поступить желаешь?

Палкинъ даже вздрогнулъ отъ неожиданнаго выговора и поспѣшилъ сѣсть опять на краешекъ скамейки, а я тоже внялъ словамъ начетчика и вернулся отъ двери. Все это произошло въ нѣсколько секундъ и совершилось какъ-то само собой.

— Ну, вотъ теперь все, какъ слѣдуетъ, теперь можно и за бесѣду приняться,—благодарнымъ голосомъ протянулъ Аѳанасій.—

Такъ, стало быть, вы не согласны съ вашей книжечкой разстаться? Такъ-съ. Хвалю даже, потому вы, стало быть, въ своихъ дѣлахъ стойки. Ну, значитъ, ничего не подѣлать, и этому разговору конецъ. Теперь другую бесѣду начнемъ. Вы вотъ пожелали узнать, кто этотъ самый сказъ написалъ? Такъ вѣдь? Изволите ли видѣть, по моему разумѣнію, сказъ написанъ не въ Таганайскихъ скитахъ, какъ старцы полагаютъ, а просто-напросто въ Москвѣ, а изъ Москвы онъ и всюду распространился. По рукописи сужу, московскаго она пошиба, да и говоръ въ ней чисто московскій, не нашего склада. У насъ складъ много тяжелѣе будетъ, легкости той самой, что у московскихъ сказителей имѣется, у насъ нѣтъ.

— А кто составилъ этотъ сказъ, вамъ неизвѣстно?—спросилъ я Аѳанасія.

— Составилъ? Нѣтъ, не составилъ,—проговорилъ съ горечью въ голосѣ начетчикъ,—а кто сіе откровеніе получилъ,—вы вотъ что скажите,—это отъ меня, да и отъ всѣхъ людей на свѣтѣ сокрыто. Составленія тутъ нѣтъ никакого,—съ укоризной продолжалъ Аѳанасій,—а откровеніе есть. Да-съ, откровеніе, а не составленіе или празднаго ума измышленіе.

— Стало быть, сказъ просто притча, а не преданіе? Такъ я понялъ?

— Не притча, а откровеніе. Человѣкъ, который это писалъ, удостоился откровеніе имѣть, и все имъ невидимое, какъ видимое, ему представилось.

— Неужели и вы думаете, что у насъ въ самомъ дѣлѣ было два Петра Первыхъ? Вы человѣкъ разсудительный,—польстилъ я Аѳанасію,—книжный, а такому, простите меня, вздору вѣрите.

— Какъ вы это легко говорите—вздору? Гдѣ же тутъ этотъ самый вздоръ? А? Вотъ то-то и оно, что вы всѣ мірскіе, какъ только въ понятіе войти не можете, сейчасъ вздоромъ и величаете. А что въ концѣ «Цвѣтника» написано? Какъ царь Петръ истинный отъ казни спасся? А? Помните?

— Помню. Облако его сокрыло какъ разъ въ то время, когда его самъ царь Петръ казнить хотѣлъ. Такъ, повторяю же вамъ, ничего подобнаго въ дѣйствительности не было.

— Не было, вы говорите? Хорошо. А кто по-вашему посейчасъ въ скрытномъ Таганайскомъ скиту находится?

— Мало ли кто въ скитахъ скрывается? Только, по правдѣ сказать, такихъ скитовъ въ настоящее время не существуетъ. Наконецъ, сколько же лѣтъ вашему царю Петру, если онъ до сихъ поръ еще живъ? Посчитайте,—ему теперь больше двухсотъ лѣтъ будетъ. Возможно ли это?

— Для Бога все возможно. Захотѣлъ Господь человѣку его вѣкъ продлить, вотъ онъ и живетъ. Въ Библии-то что говорится?

«истор. вѣсти.», май, 1903 г., т. хсн.

По сколькоу лѣтъ патриархи жили? Сотнями лѣтъ считали, а не десятками, какъ мы грѣшныя.

— Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ вашъ царь Петръ не объявится?

— Часъ тому не насталь. Настанеть часъ, и онъ въ славіи и явится.

— Откуда же это извѣстно?

— А писанія на что? Въ писаніяхъ давно сказано, что придетъ время, и царь Петръ Алексѣевичъ среди православныхъ объявится.

— И вы сами читали такія писанія?

— Самъ не читаль, лгать не хочу, а отъ вѣрныхъ людей слышалъ, кои читали.

— И вы этимъ людямъ на слово вѣрите? Какія же доказательства они приводили?

— Какихъ еще мнѣ доказательствъ нужно, коли въ писаніяхъ сказано? А въ писаніяхъ что сказано, то вѣрно, противъ того спорить даже очень грѣшно.

— По-вашему такъ выходитъ, что всѣ люди на свѣтѣ ошибаются, а вы и ваши сотолковники одни лишь правду знаете? Такъ вѣдь?

— Можетъ, и такъ. Знаете, что сказано: много званыхъ, да мало избранныхъ,—вотъ вы и посудите. Нѣтъ, сударь, мы съ вами, видно, не столкуемся, лучше разговоръ этотъ прекратимъ. Вы лучше вашу послѣднюю цѣну за вашъ «Цвѣтничекъ» объявите, и коли подойдетъ, такъ я вамъ и денежки на столъ выложу.

— Я же вамъ говорилъ, что продать не могу. Поѣду домой, тамъ посоветуюсь и, можетъ быть, вамъ пришлю безъ всякой платы.

— Такъ, значить, это ваше послѣднее слово?

— Да, послѣднее.

— Въ такомъ случаѣ прощенія просимъ. Простите Христа ради, въ чемъ согрубилъ или словомъ обидѣлъ.

Провожая меня, Аѳанасій не утерпѣлъ и еще разъ спросилъ меня о продажѣ «Цвѣтника», а на мой категорическій отказъ тяжело вздохнулъ и пожалъ плечами, съ видомъ обиженнаго чело-вѣка.

— Каковъ чело-вѣчекъ-то,—проговорилъ Алексѣй Ѳедоровичъ,—камешекъ, а не чело-вѣкъ. Да и старцы наши тоже хороши. Все о милости толковать любятъ, а чуть не по-ихнему, такъ проклинать начнутъ. Мнѣ сколько отъ нихъ доставалось, ну, да я не шибко ихъ и боюсь. Они какъ разойдутся, я имъ сейчасъ и говорю, что къ мірскимъ обращаюсь,—они и смолкнутъ, потому терять чело-вѣка не согласны. Только я никакъ въ толкъ не возьму, зачѣмъ имъ ваша книжечка понадобилась. Что въ ней особеннаго? Одно праздное измышленіе и только. Кто же, скажите на милость, ихнимъ

сказкамъ повѣритъ, что два царя Петра было, коли на Уралѣ его самолично видали, и объ этомъ во всѣхъ книгахъ написано? Такъ одно пустословіе, не больше.

Въ тотъ же день я уѣхалъ изъ Невьянска, отчасти довольный разговоромъ съ начетчикомъ. Теперь я, по крайней мѣрѣ, узналъ, что это не апокрифъ мѣстнаго издѣлія, а дѣйствительно раскольничье преданіе, появившееся изъ Москвы, вѣроятно, въ концѣ XVIII вѣка. Сравнивая легенду, записанную мной дѣдомъ со словъ раскольника Хромцова, съ «Цвѣтникомъ», я нашелъ въ ней много общаго, за исключеніемъ конца легенды. Въ «Цвѣтникѣ» она кончается тѣмъ, что царя Петра истиннаго унесло «облако ходячее», и онъ скрылся, а въ дѣдовской записи оно, т.-е. событіе и казнь, изложено нѣсколько правдоподобнѣе. Приѣхавъ въ Златоустъ и разговоривая съ о. Іоанномъ Яхонтовымъ, я подробно передалъ ему мое приключеніе въ Невьянскѣ. Почтенный миссіонеръ понурилъ свою сѣдую голову и тихо проговорилъ:

— Такъ всегда и на собесѣдованіяхъ бываетъ. Нѣтъ малѣйшей возможности убѣдить этихъ почитателей буквы. Какія бы доводы имъ ни представляли, что бы ни показывали,—они всегда упорно стоятъ на своемъ и не хотятъ признать ничего чужого, отрицая дѣйствительность, фактичность, такъ сказать, и не допуская возраженій. Невѣжество, глубокое невѣжество, духовная темнота царить въ раскольничьемъ мірѣ, и долго еще не появится свѣтъ.

— Все-таки это—люди, стойкіе и въ своихъ вѣрованіяхъ вполне убѣжденные.

— Да, это такъ. Но та бѣда, что они не связываютъ слово съ дѣломъ. На языкѣ у нихъ медъ, а на дѣлѣ ядъ. Обманъ, ложь, все пускается въ ходъ для своей выгоды, и никакимъ средствомъ они не побрезгуютъ для достиженія цѣли. Съ отвлеченной точки зрѣнія и въ особенности разсуждая теоретически, раскольники интересны, какъ пережитокъ старины, но, если познакомитесь съ ними поближе, представится иная, далеко не симпатичная картина. Я много имѣлъ съ ними дѣла и всякій разъ убѣждался, что въ большинствѣ случаевъ, ради выгоды и корысти, они готовы кривить совѣстью. Разумѣется, бываютъ исключенія, и даже очень счастливыя, но это—капля въ морѣ обмана и всяческой лжи и коварства.

— Кто же виноватъ въ такомъ положеніи вещей?

— Я виню, главнымъ образомъ, ихъ начетчиковъ и вообще руководителей, которые, ради своекорыстныхъ цѣлей, держатъ массы во тьмѣ и невѣжествѣ. Они не признаютъ требованія времени, они же порождаютъ новыя секты, въ родѣ, на примѣръ, невянскихъ «лучинковцевъ», и, попросту говоря, ловятъ въ мутной водѣ жирную рыбку. Кромѣ того, у насъ, на Уралѣ, порчѣ нравовъ способствовали работы на золотыхъ приискахъ и вообще рудникахъ. Соблазнъ слишкомъ великъ, чтобы невѣжественные и малограмот-

ные люди могли ему противиться. Все же вмѣстѣ взятое и, повторяю, главнымъ образомъ, невѣжество, умственная нищета и породили такую мрачную картину нашего, — я имѣю въ виду лишь уральскій, — раскола.

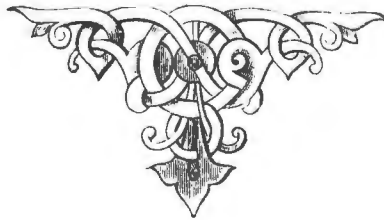
На эту тему мы еще долго говорили съ о. протоіереемъ, и въ заключеніе онъ привелъ изреченіе, вполне подходящее къ данному случаю: «бысть тьма, и свѣтъ ея не объятъ».

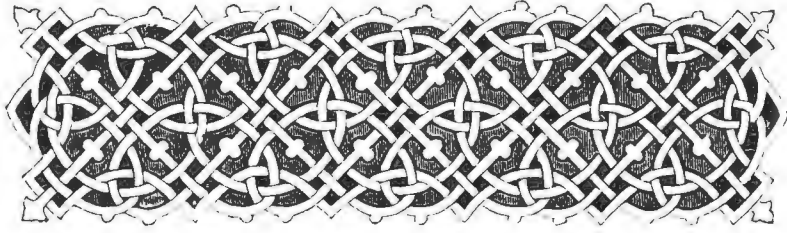
— А какъ же мнѣ быть съ «Цвѣтникомъ»?—спросилъ я о. Іоанна.

— Пошлите его. На что онъ вамъ?

Я такъ и сдѣлалъ и вскорѣ получилъ отъ Аванасія благодарность, изложенную въ цвѣтистыхъ выраженіяхъ, съ пожеланіями всяческихъ благъ земныхъ и небесныхъ.

П. П. Баснинъ.

РУМЫНСКІЕ РАЗСКАЗЫ И ЛЕГЕНДЫ О ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

ПРУТСКІЙ походъ—одна изъ мрачныхъ страницъ въ исторіи царствованія Петра. Несмотря на то, что тылъ русской арміи былъ обезпеченъ войсками, занявшими Подолію, несмотря на помощь молдавскаго господаря Димитрія Кантемира и сочувствіе русскимъ всего румынскаго народа,—наши войска страдали отъ недостатка провіанта, въ первомъ же сраженіи были окружены турками, и Петръ долженъ былъ подписать тяжелыя условія мира и удалиться изъ Молдавіи. Концомъ этой эпопеи была трагическая смерть валашскаго правителя Константина Бранковяна, замученнаго турками вмѣстѣ со всѣмъ его семействомъ на одной изъ стамбульскихъ площадей, за мнимую измѣну султану. Это было въ 1714 году. Румынскіе хронисты видятъ въ этой смерти отзвуки мести Петра за отказъ Бранковяна помочь русскимъ въ войнѣ противъ турокъ.

I.

Во время Прутскаго похода 1711 года, Петръ I и императрица Екатерина пробыли въ Молдавіи около трехъ недѣль. Молдавскіе хронисты сохранили намъ интересный разсказъ объ этихъ «русскихъ недѣляхъ» въ придунайскомъ господарствѣ. Оба они—современники Прутскаго похода, были близки ко двору, и всѣ сообщенныя ими подробности о пребываніи въ Яссахъ царственныхъ гостей не вызываютъ никакихъ сомнѣній. Первый изъ нихъ—Ни-

колай Костинъ, занимавшій въ 1711 году отвѣтственный постъ великаго логовѣта, нѣчто въ родѣ министра юстиціи. Его разсказъ былъ записанъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ событій, потому что въ сентябрѣ слѣдующаго года Костинъ умеръ. Другой хронистъ — Іоаннъ Некульча, получившій незадолго до прихода русскихъ въ Молдавію должность военнаго гатмана (гетмана). Повидимому, Некульча былъ близокъ къ Петру, потому что вслѣдъ за удаленіемъ русскихъ войскъ изъ Молдавіи онъ переселился въ Россію вмѣстѣ съ Кантемиромъ. Въ это время ему было около 40 лѣтъ. Свои записки писалъ онъ по воспоминаніямъ, лѣтъ двадцать спустя, когда снова вернулся въ Молдавію, добился возвращенія конфискованныхъ имѣній и получилъ должность ворника¹⁾.

Итакъ записки Костина и Некульчи прекрасно дополняютъ другъ друга, и на основаніи румынскихъ источниковъ мы передадимъ разсказъ о пребываніи Петра въ Молдавіи²⁾.

20-го іюня 1711 года, Петръ перешелъ Днѣстръ и вступилъ въ молдавскія владѣнія. Въ это время здѣсь стояли такія жары, что русскія войска, и безъ того утомленныя быстрымъ переходомъ изъ Риги, не могли двигаться по знойнымъ степямъ Бессарабіи втеченіе дня и выступали въ путь только послѣ захода солнца. Черезъ четыре дня Петръ былъ у Прута. Сопровождавшее его войско пошло вдоль берега, чтобы соединиться съ арміей Шереметева, стоявшаго у Цефоры, а царь переѣхалъ рѣку въ томъ же мѣстѣ, къ которому подошелъ.

Теченіе горной рѣки было необыкновенно быстрое, и его жертвой сдѣлался любимый шутъ Петра. Случилось это слѣдующимъ

¹⁾ Въ виду того, что на русскомъ языкѣ нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній объ этихъ румынскихъ писателяхъ, современникахъ Петра, приведемъ нѣкоторыя данныя изъ ихъ біографій. Николай Костинъ (1660—1712) получилъ образованіе въ польскихъ школахъ, и въ своей хроникѣ является очень начитаннымъ и умнымъ человѣкомъ, прекраснымъ стилистомъ. Вслѣдствіе недоразумѣній съ молдавскимъ господаремъ онъ долженъ былъ бѣжать въ Валахію, затѣмъ снова вернулся, занималъ попеременно нѣсколько должностей и всю жизнь продолжалъ составлять свою лѣтопись. Іоаннъ Некульча родился незадолго до 1672 г., умеръ послѣ 1744 г. Служебную карьеру онъ началъ должностью аги, затѣмъ «служера», «спатаря» и наконецъ «гатмана». Въ Россіи онъ пробылъ всего около двухъ лѣтъ, долго скитался по Польшѣ, и могъ возвратиться въ Молдавію уже подъ старость, при чемъ въ послѣдніе годы жизни занималъ должность «ворника», Ar. Densasianu, *Istoria limbei si literaturii române*, ed. 2, pp. 225—228, 232—233.

²⁾ Изданы у М. Cogalniceanu, «Chronicele sau letopisetetele Moldovei», Bucuresci, 1872, vol II; «Fragments tirés des Chroniques moldaves et valaques pour servir à l'histoire de Pierre le Grand, Charles XII, Stanislas Leszczynski», par le Major M. Kogalnicean. Jassi, 1845, partie II, pp. 25—44; Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, ч. LIII, Спб., 1849, I, стр. 29—76; II, стр. 85—123, Н. Г.; А. Д. Xenopol, «Istoria românilor din Dacia Traiana», vol. VIII, pp. 101—134.

образомъ. Желая потѣшить царя, шутъ пустилъ свою лошадь вплавь, а самъ сталъ на сѣдло, началъ плясать и производить разные фокусы. Онъ былъ сильно пьянъ, потерялъ равновѣсіе, поскользнулся и упалъ съ лошади. Плавать онъ не умѣлъ и погибъ въ рѣкѣ. Это было первой неудачей Петра въ странѣ его новаго союзника, и показалось плохимъ предзнаменованіемъ.

Ко времени пріѣзда Петра въ Молдавію, здѣсь творилось нѣчто невообразимое. Русское правительство выдало Кантемиру большую сумму денегъ на сформированіе войска. Вистіаръ молдавскаго господаря получилъ приказаніе набрать какъ можно скорѣе и побольше наемниковъ, не меньше десяти тысячъ человѣкъ. И вотъ, прослышавъ о щедромъ вознагражденіи за службу, въ Яссы сталъ стекаться всякій народъ. Кромѣ людей, бывшихъ когда нибудь въ бою, сюда явились слуги, сапожники, портные, мѣховщики, кабатчики. Вся эта пестрая толпа побросала свои обычныя занятія и шумно двинулась въ столицу, чтобы получить деньги и вписаться въ число рядовыхъ. Лѣтописецъ говоритъ, что слуги оставляли своихъ господъ, работники—хозяевъ; многіе изъ новыхъ солдатъ не имѣли никакого понятія о ратномъ дѣлѣ и первый разъ въ жизни держали оружіе въ рукахъ. Да и оружія настоящаго не хватило въ Яссахъ. Оружейные мастера быстро распродали всѣ изготовленные для продажи луки, стрѣлы и колчаны. Поэтому приходилось дѣлать копья изъ заостренныхъ на концѣ кольевъ, насадивъ на него кусокъ желѣза. Многіе «кавалеристы» были изъ простыхъ «мужиковъ» (поіесі), которые никогда еще не сидѣли на коняхъ. Скоро ихъ число дошло до 30.000 человѣкъ. Деньги они получали впередъ за цѣлый мѣсяць, по пяти рублей на брата, и отъ бездѣйствія пропивали ихъ, цѣлыми днями не выходя изъ кабаковъ. А ночью они выходили на большія дороги и грабили путниковъ, купцовъ и богатыхъ людей, бѣжавшихъ со всякимъ добромъ предъ нашествіемъ врага. Другіе бродили по окрестностямъ и разоряли пчельники мирныхъ крестьянъ, а въ строй никто не хотѣлъ итти. «Вотъ какая перспектива ожидала здѣсь русскаго царя, который, конечно, былъ далекъ отъ того, чтобы представлять ее въ такомъ именно видѣ», — замѣчаетъ одинъ румынскій историкъ.

II.

Въ субботу, 24-го іюня, Петръ прибылъ въ Яссы. Былъ поздній вечеръ, когда солнце зашло, и службы въ церквахъ уже отошли. Населеніе встрѣтило царя съ живой радостью. Петръ остановился въ господарскомъ дворцѣ, который до нашего времени не сохранился. Извѣстно только мѣсто, гдѣ онъ стоялъ. Это было недалеко отъ нынѣшней церкви св. Николая, называемой «госпо-

дарской» (Nicolaï cel domnesc). Черезъ часъ за нимъ прѣѣхала и императрица со свитой.

Николай Костинъ передаетъ впечатлѣніе, которое произвелъ на него Петръ, и въ свою хронику онъ внесъ описаніе наружности русскаго гостя. Петръ былъ высокаго роста и нисколько не толстъ. Черные глаза и круглое лицо смуглаго цвѣта дышали величіемъ. Иногда оно измѣняло свое выраженіе отъ судорожныхъ движеній. Онъ не былъ похожъ на другихъ монарховъ тѣмъ, что избѣгалъ блеска и роскоши. Всѣхъ поражала простота Петра. Его не сопровождала многочисленная свита. Два или три офицера находились при немъ единственно для того, чтобы получать и передавать приказанія. Петръ пробылъ въ Яссахъ три дня и всюду ходилъ пѣшкомъ, осматривая достопримѣчательности города. Онъ живо интересовался законами и порядками молдавскаго господарства, и не разъ высказывалъ свое одобреніе устройству Молдавіи.

Тотъ же историкъ-логоуетъ сохранилъ разсказъ о свиданіи Петра съ Димитріемъ Кантемиромъ. Когда Петръ вѣѣзжалъ въ Яссы, Кантемира здѣсь еще не было. Онъ уѣзжалъ въ Цецору для свиданія съ Шереметевымъ. Въ Яссы онъ прискакалъ немного позднѣе Петра, и узнавъ, что его гость принимаетъ ванну, не хотѣлъ входить въ покои дворца, а сталъ внизу у парадной лѣстницы. Наконецъ вышелъ Петръ. Онъ подошелъ къ господарю, который быстро схватилъ его руку и приложился къ ней губами. Петръ хотѣлъ поцѣловать его въ лобъ, но Кантемиръ былъ такъ малъ ростомъ, что «высокій и стройный» царь долженъ былъ приподнять его вверхъ одной рукой и только тогда могъ поцѣловать.

Въ это же время жена Кантемира сдѣлала визитъ Екатеринѣ. Приемъ былъ оказанъ самый ласковый. Императрица надѣла на нее дорогой медальонъ на золотой цѣпи, усыпанный цѣнными камнями. Но согласно восточному обычаю русская императрица и молдавская господарыня за все время пребыванія въ Яссахъ не показывались на мужской половинѣ.

На другой день былъ назначенъ парадный обѣдъ въ двухъ дворцовыхъ залахъ. Его давалъ Кантемиръ. Въ одномъ залѣ пировали мужчины, въ другомъ—дамы. Жена Кантемира пригласила во дворецъ всѣхъ знатныхъ боярынъ столицы и представила ихъ Екатеринѣ. Когда Петръ вошелъ въ залъ, то господарь предложилъ ему сѣсть на заранѣе приготовленное для него мѣсто. Но царь отказался отъ всякихъ почестей и усадилъ на это мѣсто самого Кантемира, рядомъ съ нимъ сѣлъ министръ Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ, а еще ниже—Петръ. Логоуетъ Костинъ перечисляетъ всѣхъ почетныхъ гостей, приглашенныхъ къ столу: во-первыхъ, два приближенные боярина валашскаго господара Бранковяна—Оома Кантакузинъ, двоюродный братъ господара, и

Изображеніе Петра Великаго на одной изъ фресокъ Кашинскаго монастыря въ Румыніи.

комисъ Георгій Кастріотъ. Далѣ сидѣлъ Долгорукій «второй», Михаилъ Голицынъ младшій, Савва Рагузинскій, канцлеръ Шафировъ, генералъ Ренне и старшій сынъ Шереметева, ставшій черезъ нѣсколько дней русскимъ заложникомъ у турокъ. Затѣмъ уже размѣстились въ должномъ порядкѣ бригадиры и полковники. Самого фельдмаршала въ это время не было въ Яссахъ. Несмотря на Петровскій постъ, всѣ ѣли скоромное, и для одного только Голвкина приготовили постныя блюда.

Обѣдъ прошелъ оживленно, такъ какъ царь никого не стѣснялъ своимъ присутствіемъ. Пили великолѣпное вино изъ виноградниковъ Котнарскихъ горъ. Во время пира дворцовая музыка играла турецкія мелодіи, приспособленныя къ оркестровкѣ самимъ Кантемиромъ, большимъ знатокомъ восточной музыки. Когда обѣдъ кончился, Петръ наливалъ стаканъ вина каждому боярину и подавалъ имъ изъ своей руки.

Петръ очень полюбилъ Кантемира и не скрывалъ своего расположенія къ нему. По нѣскольку разъ въ день онъ обнималъ его, цѣловалъ въ голову, въ глаза, щеки, ласкалъ его, словно сына родного. Кантемиръ былъ очень образованный человекъ. Онъ говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ, зналъ арабскій, турецкій, персидскій, русскій, латинскій, итальянскій и румынскій языки; кромѣ этого, онъ понималъ старшій славянскій языкъ, греческій и французскій.

III.

На другой день Петръ проснулся очень рано и, никѣмъ не замѣченный, вышелъ изъ дворца чернымъ ходомъ. Онъ прошелъ чрезъ «Конюшенныя» ворота, выбрался на улицу, которая теперь называется «Strada Stefan Cel Mare», и направился къ церкви Трехъ Святителей, построенной въ XVII вѣкѣ господаремъ Василиемъ Лупу. Тамъ только что начиналась обѣдня. Сочавскій митрополитъ Гедeonъ встрѣтилъ русскаго царя и предложилъ ему занять господарское мѣсто, сѣсть на рѣзной изъ дерева тронъ. Но Петръ наотрѣзъ отказался отъ этой почести, приложился къ мощамъ преподобной Параскевы Епиватской, выкупленнымъ у султана тѣмъ же господаремъ Василиемъ въ 1641 году, и простоялъ всю обѣдню до конца, чѣмъ удивилъ молдаванъ.

Когда литургія отошла, Петръ вышелъ изъ церкви вмѣстѣ съ монахами и отправился съ ними въ ихъ трапезную. Надо знать, что въ XVIII вѣкѣ всѣ большія церкви были въ то же время и монастырями. Поэтому слово «монастырь» въ нынѣшнемъ румынскомъ языкѣ означаетъ всякую «каменную церковь». Согласно восточному обычаю, монахи угостили Петра вареньемъ и стаканомъ холодной воды.

Къ этому времени во дворѣ монастыря выстроились офицеры новаго молдавскаго войска. Пришелъ и Кантемиръ, узнавшій уже о раннемъ уходѣ Петра изъ дворца. Онъ представилъ царю своихъ полковниковъ и каштановъ. Петръ обошелъ строй, и офицеры цѣловали ему руку.

Послѣ этого Петръ сдѣлалъ визитъ митрополиту, занимавшему старинные покои рядомъ съ каѳедральнымъ соборомъ, посвященнымъ памяти святой Параскевы. Въ этомъ зданіи и до сихъ поръ живутъ молдавскіе митрополиты. Петръ шелъ пѣшкомъ по той же улицѣ Стефана Великаго. Его сопровождалъ Кантемиръ и свита. Выйдя отъ митрополита, они сѣли на коней и поѣхали къ другому монастырю, основанному въ XVI вѣкѣ великимъ логоетомъ Голіей. Архитектура церкви Голіи очень понравилась Петру, который замѣтилъ:

— Она соединяетъ въ себѣ три рода стилей—византійскій, польскій и русскій.

Это замѣчаніе цѣнно для насъ въ томъ отношеніи, что даетъ возможность видѣть въ Петрѣ «вѣнцоноснаго археолога». Дѣло въ томъ, что до послѣдняго времени, пока не былъ напечатанъ русскій переводъ арабскаго путешествія Павла Алеппскаго въ Молдавію, никто не зналъ того, что монастырь Голія на самомъ дѣлѣ былъ выстроенъ мастерами, выписанными изъ Польши.

Послѣ осмотра Голіи вся свита переѣхала къ храму святого Николая, построенному Стефаномъ Великимъ въ концѣ XV вѣка. Архитектура этой небольшой церкви очень оригинальна. Она вся покрыта, и снаружи и внутри, нестрыми фресками. А остроконечная крыша купола съ далеко выступающими краями напоминаетъ венгерскія постройки.

Во дворецъ вернулись поздно. На другой день, 26-го, въ понедѣльникъ, былъ назначенъ отъѣздъ изъ-Яссы. Выѣхали поздно, чтобы къ утру поспѣть въ лагерь подъ Цецорой. Хронистъ Некульча замѣтилъ, между прочимъ, что Петръ считаетъ 27-е іюня счастливымъ для себя днемъ, такъ какъ въ этотъ самый день онъ одержалъ побѣду подъ Полтавой. Поэтому-то Петръ и спѣшилъ въ лагерь, чтобы на слѣдующій же день торжественно отпраздновать годовщину Полтавской битвы.

IV.

При отъѣздѣ изъ Яссы Петръ пригласилъ въ Цецору яскаго митрополита Гедсона съ духовенствомъ, а также Кантемира и 15 знатныхъ бояръ. День начался литургіей, которую совершалъ митрополитъ въ походной церкви. Послѣ обѣдни раздался залпъ 62 орудій и бѣглый огонь драгунскихъ полковъ, выстроенныхъ въ

пять рядовъ. Все поле было занято войсками, расположившимися по обѣ стороны дороги, которая вела къ церкви.

По окончаніи молебна Петръ пригласилъ гостей на пиръ. Для этого было разбито шесть большихъ палатокъ, соединенныхъ вмѣстѣ въ одинъ длинный залъ. Такъ какъ въ лагерѣ не откуда было достать столовъ, то скатерть разостлали прямо на травѣ, а для гостей вырыли небольшія ямы по обѣимъ сторонамъ стола. Въ эти ямы обѣдавшіе спустили ноги и такимъ образомъ сидѣли на уровнѣ скатерти. По одну сторону стола сидѣлъ Петръ, Кантемиръ и русскіе офицеры, по другую—молдавскіе бояре. Они были въ веселомъ настроеніи и не могли скрыть своей радости, видя такой ласковый пріемъ и уютеніе русскаго императора. Только поэтому они и разрѣшили себѣ скоромную пищу, — прибавляетъ авторъ молдавскихъ мемуаровъ.

Для русскаго и молдавскаго войска было привезено нѣсколько бочекъ вина изъ Яссъ, а для офицеровъ и гостей приготовленъ запасъ шампанскаго. Первый тостъ провозгласилъ Петръ. Молдавскіе бояре попробовали французскаго вина, и оно пришлось имъ по вкусу. До этого времени имъ никогда не приходилось пить шампанскаго, и въ концѣ обѣда они такъ захмелѣли, что всѣ уснули, гдѣ кто сидѣлъ. Не лучше ихъ оказались въ концѣ концовъ и русскіе генералы, которые пали костью рядомъ съ новыми союзниками. Во всемъ лагерѣ шло ужасное пьянство. На другой день проснулись поздно. Молдавскіе бояре встали съ головной болью и сразу же обнаружили пропажу дорогихъ вещей. У кого не оказалось пистолета, у кого отрѣзаны были кисти ихъ дорогого наряда или украдены шпаги и такъ далѣе. Пострадали не только бояре, но и слуги ихъ.

Румынскій историкъ Ксенополъ видитъ въ этомъ разсказѣ руссофобство Костина, который «приписываетъ этотъ скандальный случай русскимъ офицерамъ»...

Черезъ нѣсколько дней произошла битва. Послѣдствія ея хорошо извѣстны. Петръ I долженъ былъ согласиться на всѣ условія, предложенныя великимъ визиремъ, и 11-го іюля печальный договоръ былъ подписанъ. Одного требованія онъ ни за что не пожелалъ выполнить. Это была выдача Кантемира. Некульча разсказываетъ, что русскій императоръ былъ очень встревоженъ, когда узналъ такое требованіе турокъ. Онъ запряталъ Кантемира въ экипажъ императрицы и сдѣлалъ все это такъ остроумно, что почти никто не могъ догадаться, куда дѣлся молдавскій господарь. По этому поводу Петръ сказалъ Шафирову:

— Я уступлю туркамъ лучше всѣ земли до самаго Курска, нежели выдамъ князя, пожертвовавшаго для меня своимъ достоинствомъ. Потерянное оружіемъ возвращается. Но нарушеніе даннаго слова не возвратимо. Отступить отъ чести—то же, что не быть государемъ.

Итакъ, въ іюлѣ 1711 года, Кантемиръ ушелъ въ Россію, получилъ помѣстья и титулъ свѣтлѣйшаго князя, жилъ въ Москвѣ и умеръ чрезъ 12 лѣтъ, продолжая свои работы по исторіи Молдавіи и Турціи и философскія сочиненія, изданныя лишь недавно Румынской академіей.

Къ сожалѣнію, ни румынскіе, ни русскіе источники ничего не говорятъ о какомъ-то фактѣ благотворительности Петра I молдавскому монастырю Кашину, находящемуся въ округѣ города Бузеу. Онъ основанъ въ 1654 году господаремъ Георгіемъ Стефаномъ, а въ 1716 году былъ ареной битвы между войсками Михаила Раквицы и нѣмцами, которые въ концѣ концовъ должны были удалиться въ Австрію. Полная исторія Кашинскаго монастыря пока неизвѣстна, но въ старомъ «помянникѣ» читается имя русскаго императора Петра Алексѣевича и царицы его Екатерины Алексѣевны. Кромѣ того, портретъ Петра I помѣщенъ на одной изъ фресокъ храма, рядомъ съ главными дверьми. Петръ представленъ здѣсь во весь ростъ, немного поменьше натуральной величины, въ парадномъ византійскомъ одѣяніи, съ короной обычнаго румынскаго образца на головѣ. Его изображеніе помѣщено рядомъ съ другими «ктиторами» монастыря, и это даетъ право думать, что Петръ или прислалъ сюда деньги, облаченія, вещи и т. д. или же оказалъ церкви какую нибудь помощь. Судя по рисунку сепіей, присланному намъ г. Константинеску, изображеніе Петра не можетъ имѣть значенія портрета, хотя и писано художникомъ, по всей вѣроятности, на память. На фрескѣ сдѣлана слѣдующая надпись на молдавскомъ языкѣ: *Ἰμπερατορῶν α τοατεσι Ρῦσσῆσι Πετροῦ Ἀλεξῆβιουχ самодер (жепъ)*. Часть фигуры отъ пояса и до ногъ сохранилась плохо, такъ какъ стѣна въ этомъ мѣстѣ приходится низко и испорчена спинами богомольцевъ.

V.

Такимъ образомъ, въ половинѣ іюля 1711 года, Петръ навсегда покинулъ Молдавію, и въ его дальнѣйшихъ планахъ она больше не фигурируетъ. Но память о немъ жива здѣсь и до настоящаго времени.

На сѣверѣ Молдавіи, около границъ Буковины, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ небольшой ручей Нямцуль выходитъ на просторъ изъ тѣснины горъ Карпатскихъ, лежитъ Нямецкій монастырь, одна изъ древнѣйшихъ обителей молдавскихъ.

Среди нямецкихъ монаховъ до сихъ поръ живетъ оригинальное преданіе о томъ, будто Петръ I не умеръ въ Петербургѣ, а ушелъ изъ Россіи, оставивъ престолъ и родину, гдѣ-то въ Буковинѣ принялъ монашество и долгое время былъ игуменомъ Нямецкаго монастыря, подъ именемъ старца Паисія. Мы не знаемъ хро-

нологии этой легенды, и это лишает насъ возможности произвести критическій анализъ ея. Нѣкоторыя подробности, внесенныя въ нее впослѣдствіи, очевидно, уже подѣ книжнымъ вліяніемъ, мѣшаютъ выдѣлить изъ нея типичныя черты такъ называемыхъ «бродячихъ сюжетовъ». Нынѣшніе монахи охотно передаютъ легенду русскимъ богомольцамъ, изрѣдка посѣщающимъ Нямецкій монастырь, но мелочи легенды уже ступсевались подѣ наплывомъ позднѣйшихъ наслоеній. Она существовала уже въ самомъ началѣ XIX вѣка, а лѣтъ 30 тому назадъ напечатана румынскими учеными. Намъ извѣстны изданія этой легенды въ слѣдующихъ книгахъ: «Monumente nationale. Monastiri, si biserici ortodoxe. Raporturi de la comisiunile, intocmite pentru cercetarea lor», tom I. Bucuresci, 1881, pp. 81, 84—86; C. St. Bilciurescu, «Monastirile și bisericile din România», București, 1890, pp. 170—171.

Поэтому приведемъ русскій переводъ этого преданія въ томъ видѣ, какъ оно читается въ извѣстной книгѣ изъ исторіи молдавскихъ монастырей, составленной управляющимъ канцеляріей министерства просвѣщенія и исповѣданій въ Румыніи, Константиномъ Бильчуреску.

«Къ 1725 году ослабѣли силы русскаго императора, истраченныя на гигантскую работу втеченіе всей его жизни, направленную на возвеличеніе Россіи. Утомленный и обезсиленный излишествами, разочарованный во власти, которую онъ не могъ уже выносить, удручаемый интригами, заговорами и злыми умыслами, которые были хорошо ему извѣстны, и которыми онъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, Петръ I терзался еще и угрызениями совѣсти. Онъ лишилъ престола своего брата Ивана, былъ виновенъ въ смерти Софьи, которую принесъ въ жертву для полученія власти, своей собственной рукой убилъ сына Алексѣя... Поэтому онъ оставляетъ престолъ Русской имперіи, покидаетъ отечество и однажды ночью совершенно исчезаетъ изъ столицы, безъ намѣренія вернуться когда либо обратно. Объ этомъ никто не зналъ.

«Онъ уходитъ въ Буковину, а отсюда является въ Молдавію уже въ монашескомъ платьѣ. Свое имя онъ перемѣнилъ на имя Паисія, монаха, и принесъ рекомендательныя письма къ воеводѣ Михаилу Раковицѣ, котораго незадолго передъ тѣмъ турки назначили молдавскимъ господаремъ при его протекціи, поддержкѣ и содѣйствіи.

«Оставивъ отечество, престолъ и власть, Петръ Великій постригся въ монашество съ именемъ Паисія, достигъ должности старца, т.-е. игумена, Нямецкаго монастыря, гдѣ и жилъ до самой смерти. Никто такъ и не узналъ о его прошломъ, кромѣ любимой дочери, которая его обожала и хранила тайну своего отца. Для того, чтобы быть вмѣстѣ съ отцомъ, она приняла монашескій санъ въ той же Молдавіи, съ именемъ Маріи монахини (Maria monacha).

«Эта легенда, — продолжаетъ румынскій историкъ, — покоится на русскихъ преданіяхъ, въ которыхъ нѣтъ ни одной сколько нибудь достовѣрной версіи о кончинѣ Петра Великаго, и на запискахъ современника этой эпохи, Лобова, а также на томъ фактѣ, что о смерти Петра не было возвѣщено, и что тѣло его не только не было показано народу, но вопреки обычаю гробъ его не стоялъ открытымъ, а былъ запечатанъ и заколоченъ гвоздями. Вторымъ основаніемъ для этой легенды служитъ то, что дочь императора, Марія монахиня, постриглась именно въ Молдавіи, въ небольшомъ скитѣ возлѣ Нямецкаго монастыря, а послѣ смерти Паисія пожертвовала монастырю множество драгоценныхъ сокровищъ и всякихъ богатствъ. Увѣренные въ истинности этой легенды задаютъ слѣдующій вопросъ: какой поводъ былъ у Маріи, дочери Петра Великаго, принять монашество въ Молдавіи, а не въ Россіи? Почему она дарила Нямецкому монастырю такіе богатые вклады? Очевидно, она дѣлала все это исключительно изъ любви и уваженія къ своему отцу».

«Говорятъ также, что въ 1831 году русскіе украли останки Паисія изъ могилы, засыпавъ ее камнями, и, вложивъ останки въ золотой гробъ, переслали въ Россію».

Конечно, легенда эта не имѣетъ права претендовать на какое бы то ни было историческое значеніе. Правда, въ «Великомъ синодикѣ Нямецкаго монастыря» упоминается игуменъ Паисій подъ 1720 годомъ, а второй игуменъ съ тѣмъ же именемъ былъ хорошо извѣстный старецъ Паисій Величковскій, нашъ полтавскій уроженецъ. Какимъ же образомъ могло произойти смѣшеніе Петра Великаго съ игуменомъ Паисіемъ, умершимъ въ 1794 году? Мы предлагаемъ такое объясненіе. Во-первыхъ, мірское имя Паисія было Петръ, а родился онъ въ 1722 году. Какъ извѣстно, по монашескому обычаю, при посвященіи давалось имя, начинавшееся той же буквой, какъ и мірское, и царь Петръ легко могъ получить имя Паисія. Въ то же время фамилія старца «Величковскій» наводила на мысль о какой-то связи ея съ титуломъ «Великаго». Какъ мы видѣли раньше, Петръ I былъ популяренъ въ Молдавіи, являлся защитникомъ ея противъ турокъ, а его благочестіе поразило молдавскихъ хронистовъ.

Кромѣ того, на сцену является еще психологія другихъ подобныхъ легендъ о безсмертіи великихъ людей. Народъ не можетъ допустить, чтобы жизнь великихъ людей прекращалась такъ же просто и скоро, какъ и людей обыкновенныхъ. Мы знаемъ довольно распространенныя преданія о постриженіи Александра I Павловича въ Сибири, отсутствіе приказа о кончинѣ Суворова, старообрядческія легенды о Петрѣ Великомъ, до сихъ поръ будто бы скитающемся по сѣверу Россіи, и т. д.

Что же касается вкладовъ какой-то Маріи, то въ ризницѣ Нямецкаго монастыря дѣйствительно существуетъ нѣсколько великолѣпныхъ по исполненію предметовъ XVIII вѣка, несомнѣнно, русскаго происхожденія, которые въ устахъ монаховъ связываются съ именемъ великой княжны Маріи Петровны. При посѣщеніи монастыря мы видѣли плащаницу, шитую золотомъ и жемчугомъ по малиновому бархату и пожертвованную въ Нямецкій монастырь «монахиней Маріей» въ 1741 году. Въ томъ же году былъ сдѣланъ большой серебряный потиръ, съ позолотой и дорогими камнями. Наконецъ, той же знатной жертвовательницѣ монахи приписываютъ другой потиръ, приготовленный въ 1769 году, и два серебряные вѣнчика съ брилліантами на чудотворной иконѣ Нямецкой Богоматери.

Какая же «монахиня Марія» могла прислать эти вещи изъ Россіи въ XVIII вѣкѣ? Нельзя, конечно, думать, чтобы подъ этимъ таинственнымъ лицомъ скрывалась одна изъ дочерей Петра, и остается предполагать, что вся эта интересная легенда служитъ отзвукомъ того впечатлѣнія, которое почти двѣсти лѣтъ тому назадъ произвелъ на румынъ Петръ Великій въ теченіе нѣсколькихъ «русскихъ недѣль» въ Молдавіи.

А. И. Яцимирскій.

ПЕТРОВСКІЯ РЕЛИКВІИ ВЪ ПОВОЛЖЬѢ.

АКЪ извѣстно, Петръ Великій, слѣдуя въ 1722 году съ государыней Екатериной Алексѣевной по Волгѣ въ низовый походъ, посѣтилъ почти всѣ поволжскіе города, оставивъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ по себѣ различныя напоминанія. Первымъ такимъ городомъ является Казань, гдѣ съ именемъ царя тѣсно свя-заны слободы Адмиралтейская и Суконная: первая — получившая свое названіе отъ устроенной на рѣкѣ Казанкѣ верфи, а вторая— отъ казенной суконной фабрики, которую императоръ отдалъ въ бесплатное арендное пользованіе купцу Михляеву за то, что послѣд-ній выдѣлывалъ на своей фабрикѣ лучшія сукна, чѣмъ выдѣла-вались они на казенной. Михляевъ отблагодарилъ государя, сна-бдивъ его на предстоящій походъ «двумя большими подносами зо-лота», а впослѣдствіи въ честь его соорудилъ въ Казани величе-ственный Петропавловскій соборъ, оригинальной архитектуры, облицованный разноцвѣтнымъ глазированнымъ кирпичемъ.

Въ другой бывшей столицѣ татарской, Астрахани, въ особомъ «Петровскомъ» домикѣ, находящемся въ мѣстности, называемой «Портомъ», сохранились отъ этого царскаго путешествія: яхта «Пле-зиръ», 38 футовъ длины, и шестивесельная шлюпка (верейка), 24 фута 6 дюймовъ длины, при ширинѣ какъ та, такъ и другая 5 футовъ 6 дюймовъ, на которыхъ императоръ и императрица объѣзжали и осматривали окрестности города до отправленія въ персидскій походъ (18-го іюля 1722 г.).

«19-го іюня, во вторникъ, въ 16 часу дня, въ 3 четверти, — разска-зываетъ имѣющійся въ дѣлахъ мѣстнаго губернскаго архива (за-

тотъ же годъ, № 33) дневникъ,—его императорское величество изволили прибыть въ Астрахань водою на галерѣ и въ шлюпкѣ на пристань и войти въ кремль въ соборную церковь. Приходъ его величества встрѣтилъ предъ дверьми соборной (Успенской) церкви, на паперти архіерей (Іоакимъ) со святымъ крестомъ и евангеліемъ и со звономъ. По моленіи государь изволилъ быть у епископа съ четверть часа, потомъ пошелъ въ домъ свой государевъ¹⁾, гдѣ проживаютъ находившіеся въ Астрахани на службѣ губернаторы²⁾.

Судя по остаткамъ вооруженія, яхта имѣла одну мачту и могла ходить подъ парусами. Преданіе говоритъ, что въ рѣзбѣ фигуръ, ее украшавшихъ, Петръ трудился самъ³⁾. Шлюпка употреблялась только «на греблѣ», и при ней осталось шесть веселъ.

Суда эти съ 1724 г. «состояли и показывались въ табели Каспійской флотиліи». Когда чрезъ сто лѣтъ они пришли въ нѣкоторую ветхость, въ 1824 г. ихъ подновили, яхту заново исправили, и оба судна вновь перекрасили тѣми же красками, какія были прежде, т. е. низъ—бѣлой, по бортамъ и внутренность—зеленой, а рѣзба и фигуры—желтой⁴⁾.

Близъ Астрахани же въ одномъ изъ фруктовыхъ садовъ (принадлежащемъ теперь наслѣдникамъ Сергѣева) сбереглись побѣги отъ грушеваго дерева, посаженнаго Петромъ по возвращеніи изъ персидскаго похода.

Но интереснѣе всего остались воспоминанія о великомъ императорѣ въ Царицынѣ⁵⁾, въ которомъ онъ побывалъ два раза.

Въ первый разъ,—говоритъ благочинный мѣстныхъ церквей, протоіерей Лугаревъ⁶⁾,—государь посѣтилъ городъ при слѣдованіи въ

¹⁾ Тамъ же въ кремлѣ недалеко отъ архіерейскихъ палатъ.

²⁾ Сличи: «Астрах. Губернск. Вѣдом.», 1847 г., № 4.

³⁾ Дѣло Астрах. губернска. арх., 1837 г., № 555.

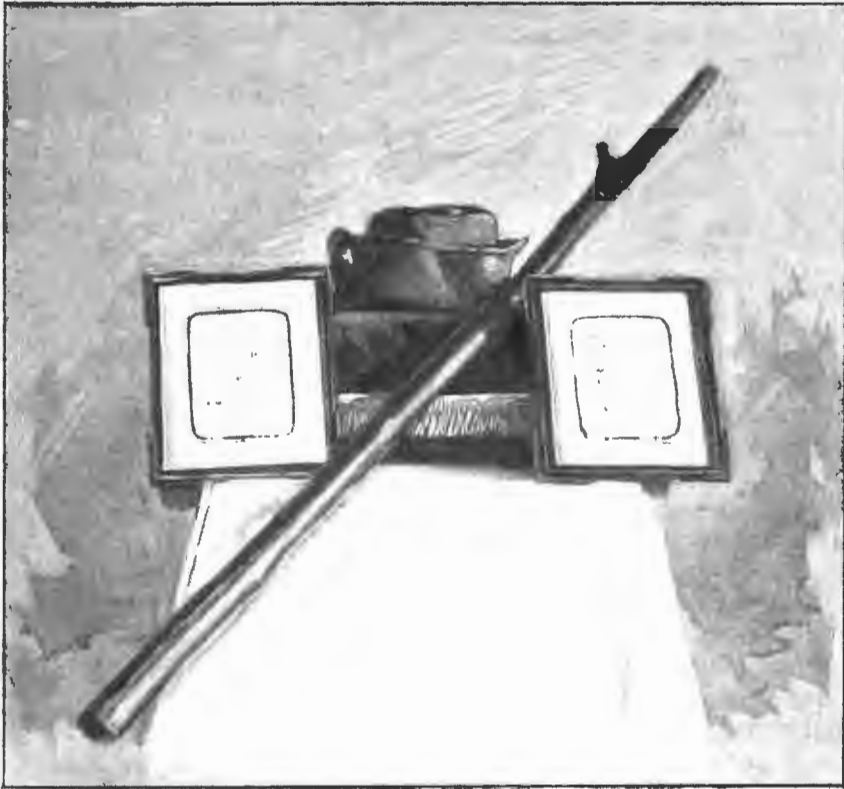
⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Сохранялись еще до 1873 г. воспоминанія о Петрѣ Великомъ, хотя относящіяся къ другому періоду, въ Петровскѣ (Саратовскомъ), основанномъ въ день имения царя, 29-го іюня 1698 г.,—это семь знаменъ въ мѣстномъ Петропавловскомъ соборѣ, сдѣланныя изъ разноцвѣтныхъ кусковъ льняной, довольно толстой матеріи бѣлаго и голубого, а у иныхъ—краснаго и кофейнаго цвѣта. По четыремъ угламъ съ обѣихъ сторонъ ихъ были нашиты холщевыя звѣздочки. Изъ холста же по срединѣ каждаго знамени—осьмиконечный крестъ. Древки—простыя, не окрашенныя и даже не совсѣмъ округленныя, въ руку толщины, длиной 4½ арш.; потомъ алебарда, представляющая собой длинный обоюдоострый ножъ, въ основаніи его съ одной стороны желѣзный острый рогъ, а съ другой—подукрутое лезвее, въ видѣ полуциркуля, —насаженная на 3½ арш. длинны палку, толщиной въ руку; и бердышъ—изъ простого желѣза съ двухаршинною вязоваго дерева рукоятью. Вещи эти были присланы Петромъ при самомъ основаніи города; въ 1873 г. ихъ отправили на Московскую политехническую выставку, откуда на всѣ требованія мѣстнаго начальства эти вещи до сей поры не возвращены, и гдѣ находятся, неизвѣстно.

⁶⁾ Въ своей рукописи «Исторія Царицына» (стр. 9—11), написанной имъ въ 1840 г. и хранящейся нынѣ въ рукописномъ отдѣлѣ Саратовской ученой архивной комиссіи.

Астрахань. Жители ему устроили «торжественную встрѣчу». Когда царскія суда подошли къ волжскому берегу, «сему высокому посѣтителю была подведена лошадь, на которвй онъ объѣзжалъ и осматривалъ крѣпость¹⁾, ласкалъ жителей, бесѣдовалъ съ ними о разныхъ предметахъ и пожаловалъ сію крѣпость царицѣ.

Картузъ и трость Петра Великаго.

«Случилось это во время шествія ихъ величествъ чрезъ рѣчку Царицу по вымосткамъ, нарочно для того приготовленнымъ. Остановясь на нихъ, государь сказалъ императрицѣ:

«— Какъ сія рѣчка есть Царица, то жалую тебѣ (царицѣ) и крѣпость Царицынскую».

Въ то время (послѣ разинскаго погрома и извѣстнаго астраханскаго «бабьяго» бунта 1705 г., когда астраханцы подступали къ ней, хотя овладѣть ею не могли) крѣпость эта находилась въ по-

¹⁾ Въ Троицкой церкви императоръ слушалъ обѣдню и читалъ «апостоль» за дьячка.

луразрушенномъ состояніи и для оборонительной службы была совсѣмъ негодной: еще въ предыдущемъ году ее предполагалось заново перестроить ¹⁾.

Слѣдуя обратно изъ низоваго похода, въ 1723 году, Петръ Великій на планѣ, хранившемся въ комендантской канцеляріи, для города этого собственноручно «карандашемъ цытадежь (цитадель) назначить соизволилъ, какимъ образомъ оную построить» ²⁾. И тутъ же, «въ знакъ высочайшаго благоволенія къ вѣрности царицынцевъ», подарилъ имъ свой картузъ и трость. «Снимая первый съ головы и отдавая дворянству и жителямъ», онъ молвилъ:

«— Какъ никто не смѣетъ снять картузъ сей съ головы моей, такъ никто не смѣетъ васъ изъ Царицына выводить».

При передачѣ представителямъ города трости императоръ сказалъ:

«— Вотъ вамъ трость: какъ я управляюсь ею съ друзьями своими, такъ вы обороняйтесь ею отъ враговъ вашихъ».

Картузъ сдѣланъ изъ грубаго толстаго сукна, табачнаго цвѣта, подкладка дикаго цвѣта, шелковая, на ватѣ,—съ козырькомъ и отворотами, три четверти аршина въ окружности (т.-е. менѣе размѣра головы обыкновеннаго человѣка). Сукно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ теперь попорчено молью.

Трость представляетъ собой простую черешневую палку, книзу толще, съ корой, отъ времени почернѣвшей; на верхнемъ концѣ ея — сукъ, кожа отъ руки стерлась. Длина трости 2 арш. 4 вершка. (Если предположить, что Петръ при ходьбѣ держалъ ее наравнѣ съ грудью, то, значить, онъ былъ почти въ полтора раза выше роста средняго человѣка, т.-е. около 3 арш. 6 вершковъ).

До 1809 года картузъ и трость хранились въ комендантской канцеляріи, а затѣмъ 11-го апрѣля этого года, по распоряженію начальства, съ особенной церемоніей ихъ передали городу. Нынѣ вещи эти находятся въ залѣ Царицынской городской думы, и тамъ же въ особыхъ рамкахъ за стекломъ берегаются написанныя курсивомъ на ватной бумагѣ слова, произнесенныя императоромъ при пожалованіи вещей Царицыну.

П. Л. Юдинъ.

¹⁾ Дѣло Астрах. губернскаго архива, 1721 г., № 3; нач. 3-го мая «О заведеніи г. Царицына».

²⁾ См. въ Астрах. губернскаго архивѣ «Росписной списокъ по г. Царицыну 1733 г.». Но гдѣ теперь этотъ планъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно.

ОДИНЪ ИЗЪ ПТЕНЦОВЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

БЫВАЮТЪ личности, которыя, хотя и трудились въ свое время много и съ пользою на поприщѣ общественной службы, но дѣятельность ихъ остается мало извѣстною потомству. Поэтому, мнѣ кажется, каждый, имѣющій свѣдѣнія о такихъ личностяхъ, долженъ ихъ обнародовать въ надеждѣ, что они будутъ любопытны хотя бы небольшой группѣ людей, занимающихся отечественной исторіей. На этомъ основаніи я рѣшаюсь сообщить здѣсь собранныя мною свѣдѣнія объ одномъ изъ «птенцовъ» Петра Великаго, моемъ пращурѣ П. М. Еропкинѣ.

Въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій, жилъ въ Москвѣ бояринъ Михайлъ Ѳедоровичъ Еропкинъ, потомокъ Владимира Мономаха и его внука, великаго князя смоленскаго Ростислава, который былъ на великомъ княженіи Кіевскомъ и Смоленскомъ и умеръ въ 1166 году.

М. Ѳ. Еропкинъ былъ особенно обласканъ государями Алексѣемъ Михайловичемъ и Петромъ I-мъ, которые жаловали его вотчинами въ Московскои области и другихъ станахъ. Онъ былъ женатъ на Устинѣ Софроновнѣ Карповой. Въ 1689 г. у Еропкиныхъ родился сынъ Петръ. Съ самаго ранняго дѣтства онъ выказалъ большія способности въ изученіи наукъ и рисованіи; быстро схватывалъ преподаваемое, скорыми шагами стремился впередъ, но, какъ извѣстно, по обычаю нашихъ предковъ, требовалось, чтобы ихъ сыновья, въ положенные для этого года, поступали на военную службу;

также пришлось сдѣлать и П. М. Еропкину; но скоро судьба его неожиданно измѣнилась. Петръ Великій намѣтилъ его послать за границу учиться. Заботясь о возможно быстрѣйшемъ развитіи наукъ и искусствъ въ родной Руси, великій преобразователь рѣшилъ отправить сыновей знатнѣйшихъ дворянъ для изученія наукъ въ Англію, Францію и Италію. Въ 1717 г., марта 2-го дня, указомъ ¹⁾ Конону Зотову, велѣно было снарядить 20 человекъ дворянскихъ сыновей и послать во Францію моремъ, до Санъ-Мале. Въ числѣ ихъ былъ и П. М. Еропкинъ. Государь приказалъ отправить ихъ немедленно изъ Петербурга въ Ревель; если же корабли уже ушли,—отправить молодыхъ людей изъ Ревеля на «шнявахъ Діана и Наталія» до Риги, гдѣ всѣмъ сѣсть на курляндскія подводы и ѣхать до Мемеля.

Длинное путешествіе по незнакомымъ странамъ, масса смѣнявшихся впечатлѣній, грусть по родинѣ, по близкихъ сердцу, утомили путешественниковъ. Въ Мемелѣ сдѣлали привалъ, но долго отдыхать было нельзя, надо спѣшить въ Мекленбургъ, гдѣ русскихъ юношей ожидалъ царь, находившійся тогда за границей. Наняли нѣмецкихъ «фурмановъ» и отправились въ путь. Въ Мекленбургѣ Петръ Великій обласкалъ, ободрилъ молодыхъ людей и самъ назначилъ, кому быть въ Англіи, Франціи и Италиіи для изученія морской службы и языковъ. Петра Еропкина, Тимоѣея Усова, Колычева, опредѣлилъ ѣхать въ Римъ ²⁾ изучать архитектурное искусство, рисованіе, философію, итальянскій языкъ. Петра Еропкина Петръ Великій благословилъ образомъ Спаса Нерукотвореннаго, который сохраняется у родственниковъ Еропкиныхъ (у нихъ же находится и портретъ П. М. Еропкина).

Усовъ, Колычевъ и Еропкинъ были поручены особому попеченію камергера Юрія Петровича Кологривова, который повезъ ихъ въ Амстердамъ, а отсюда отправилъ на фрегатѣ въ Ливорно, гдѣ имъ велѣлъ ждать себя. Экстренныя дѣла и болѣзнь задержали его, и онъ только черезъ шесть мѣсяцевъ пріѣхалъ въ Ливорно къ опекаемымъ своимъ ученикамъ, которые уже научились довольно свободно говорить по-итальянски. Изъ Ливорно они проѣхали въ Венецію, а оттуда въ Римъ. Нашъ посолъ во Франціи и Голландіи князь Куракинъ, по высочайшему повелѣнію, рекомендовалъ Ю. П. Кологривова и посылаемыхъ учениковъ кардиналамъ Сакрипанти и Аттобони; послѣдній былъ преданъ царю Петру, всегда былъ радъ оказать услугу и помощь прибывшимъ по повелѣнію его русскимъ, и когда Кологривовъ уѣхалъ изъ Рима исполнять царскія приказанія по закупкамъ художественныхъ вещей и статуй, взялъ подъ свое покровительство Еропкина и Усова.

¹⁾ 1716 года 2 марта № 2999—П. С. З.—1717 г. 3 января, № 3058, и 11-го февраля, № 3067.

²⁾ Госуд. архивъ, д. XVII, разр. № 303.

Петръ Михайловичъ Ерошкинъ.

Въ Римѣ Кологривовъ взялъ для нихъ преподавателя—того архитектора, у котораго нѣкогда самъ учился, нанялъ для нихъ учителя философіи и итальянскаго языка. Два года ученики ревностно занимались и сдѣлали замѣчательные успѣхи въ рисованіи. Ю. П. Кологривовъ послалъ черезъ кабинетъ-секретаря Алексѣя Васильевича Макарова чудный рисунокъ храма ¹⁾, сдѣланный П. М. Еропкинымъ китайскою тушью (снимокъ съ него прилагается), для поднесенія его императору ²⁾, который принималъ живое участіе и слѣдилъ за успѣхами Еропкина и Усова. Государь назначилъ ученикамъ жалованье по 15 англійскихъ ефимковъ на человѣка въ мѣсяць; эти деньги долженъ былъ имъ переводить въ Римъ нашъ агентъ въ Голландіи—Христофоръ Брандтъ. Эти скудные средства Брандтъ оттягивалъ посылкою, о чемъ неоднократно жаловался Кологривовъ кабинетъ-секретарю А. В. Макарову, прося его сообщить князю Куракину для доклада его величеству, что этой суммы недостаточно, такъ какъ Еропкинь и Усовъ сами платятъ своимъ учителямъ. Еропкинь, кромѣ архитектуры и рисованія, изучалъ латинскій, французскій и итальянскій языки. Кологривовъ, заботясь о молодыхъ людяхъ, находилъ, что ихъ необходимо надо пристроить къ архитектору Чиприани, у котораго они всегда могутъ получить практику и постройки. Нѣсколько разъ писалъ Еропкинь С. В. Рагузинскому, какъ отца родного, просилъ убѣдить Христофора Брандта выслать ему и Усову удержанное за два года царское ихъ жалованіе и добавить за послѣдній годъ сполна, такъ какъ онъ самовольно удерживалъ по 5 ефимковъ въ мѣсяць ³⁾ съ человѣка.

7-го іюня 1723 г. приказано было П. М. Еропкину и Усову вернуться въ Петербургъ, для чего ѣхать имъ въ Голландію къ Х. Брандту, которому переведено изъ кабинета 840 ефимковъ для уплаты долговъ, на проѣздъ въ Петербургъ и на ихъ пропитаніе. На мѣсто Еропкина и Усова велѣно было выслать двухъ молодыхъ дворянъ съ отходящимъ кораблемъ въ Италію подъ командою капитана флота Кошелева.

Еропкинь и Усовъ поѣхали въ Неаполь въ ожиданіи присылки денегъ на проѣздъ въ Голландію.

Царь издалъ 10-го іюня 1723 года указъ:

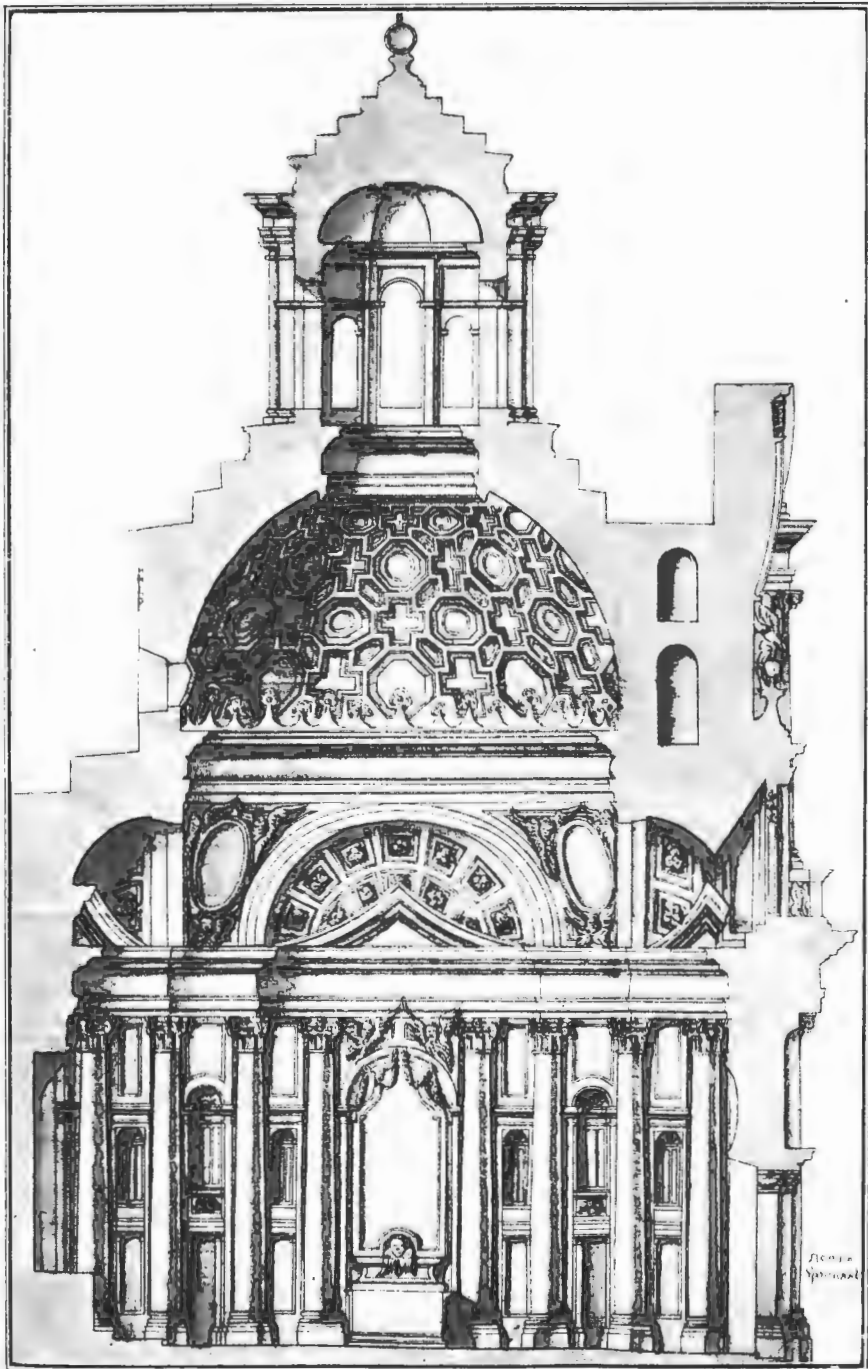
«Объявленіе нашимъ подданнымъ россійскимъ людямъ обрѣтающихся вангліи вразныхъ наукахъ:

«Понеже Мы о васъ милосердствуя ихотя васъ научить потребнымъ илутчимъ художествамъ послали васъ для науки онымъ художествамъ ванглію нанаше иждивеніи накоторое уже истрачено

¹⁾ Стиль поздняго Возрожденія, продольный разрѣзъ католическаго храма.

²⁾ № 41, 2 отд.; Каб. Петра В: 223—258, Госуд. арх. 2 отд. № 36,

³⁾ 2 отд. № 61, л. 553, Госуд. арх.

Проектъ храма, составленный П. М. Еропкинымъ.

немалое число денег и надѣмся отвасъ зато службы внашемъ Государствѣ. Нонынѣ какъ пришло время возвращать васъ воотечество то вѣдомо намъ учинилось что нѣкоторыя извасъ будто бояся наказанія занепорядочное житіе ванглии опасаются ѣхать понашему Указу воотечество. Того для, симъ всемилостивѣйше повелѣваемъ вамъ чтобъ понашему Указу когда станетъ Господинъ Говерсъ купецъ Англинской васъ отправлять вросію чтобъ безвсякаго прекословія ѣхали воотечество безвсякой боязни понеже Мы всѣхъ хотя кто что инепотребно здѣлалъ во всемъ прощаемъ имилостиво обнадеживаемъ что никакого истязанія непонесутъ, ноначе милостиво будутъ приняты какъ уже нѣкоторыя извасъ прибывшихъ сюда, дѣла свои чему учились отправляютъ и награждены нашимъ жалованьемъ и домами, иудостоены впервые мастеромъ тѣхъ дѣлъ чему обучились»¹⁾.

Въ 1723 г. П. М. Еропкинъ вернулся изъ Рима въ Петербургъ, царь обласкалъ его и приставилъ къ разнымъ постройкамъ въ Петербургѣ. Еще ранѣе было приказано строиться по указу, въ извѣстныхъ мѣстахъ, для чего брать у оберъ-комиссара надъ строеніями князя Черкаскаго чертежи, а у тѣхъ, кто будутъ строить по своему усмотрѣнію, отнимуть построенное, да еще штрафъ возьмутъ по 10 рублей съ жилья въ пользу «шпиталета». Съ 1723 года приказано было всему шляхетству и духовнымъ людямъ строиться на Васильевскомъ острову, опредѣляя мѣру подъ строенія слѣдующимъ порядкомъ²⁾ по берегу рѣки Невы: кто владѣлъ 1.000—700 дворами крестьянъ, могъ строиться на 10 саженьяхъ; владѣльцы 700—500 дворовъ на 8 саженьяхъ; владѣлецъ 500—300 дворовъ на 5 саженьяхъ, а владѣльцы 300—100 дворовъ могли строить только мазанки или деревянные постройки. Въ это же время построили деревянные, крытые тесомъ и выкрашенные постоянные дворы; всѣмъ приѣзжающимъ въ Петербургъ было приказано останавливаться въ новыхъ постоянныхъ дворахъ, запрещено принимать приѣзжихъ на частныя квартиры, а если кто ослушается, грозилось «жестокимъ штрафомъ презирателямъ высокаго указа». За недостаткомъ каменщиковъ, мастеровыхъ и дороговизною камня, медленно подвигались каменные постройки, а потому наложено запрещеніе во всемъ государствѣ, кромѣ Петербурга, строить каменные зданія, съ угрозою въ противномъ случаѣ разореніемъ имѣній и ссылкою. Во всѣхъ постройкахъ П. М. Еропкинъ, по волѣ царя, усиленно работалъ и дѣломъ доказывалъ приобретенное имъ серьезныя познанія въ архитектурномъ искусствѣ; между прочимъ онъ составилъ планъ и смѣты работамъ, производившимся на счетъ кабинета на Стрѣльнинской мызѣ. На Цари-

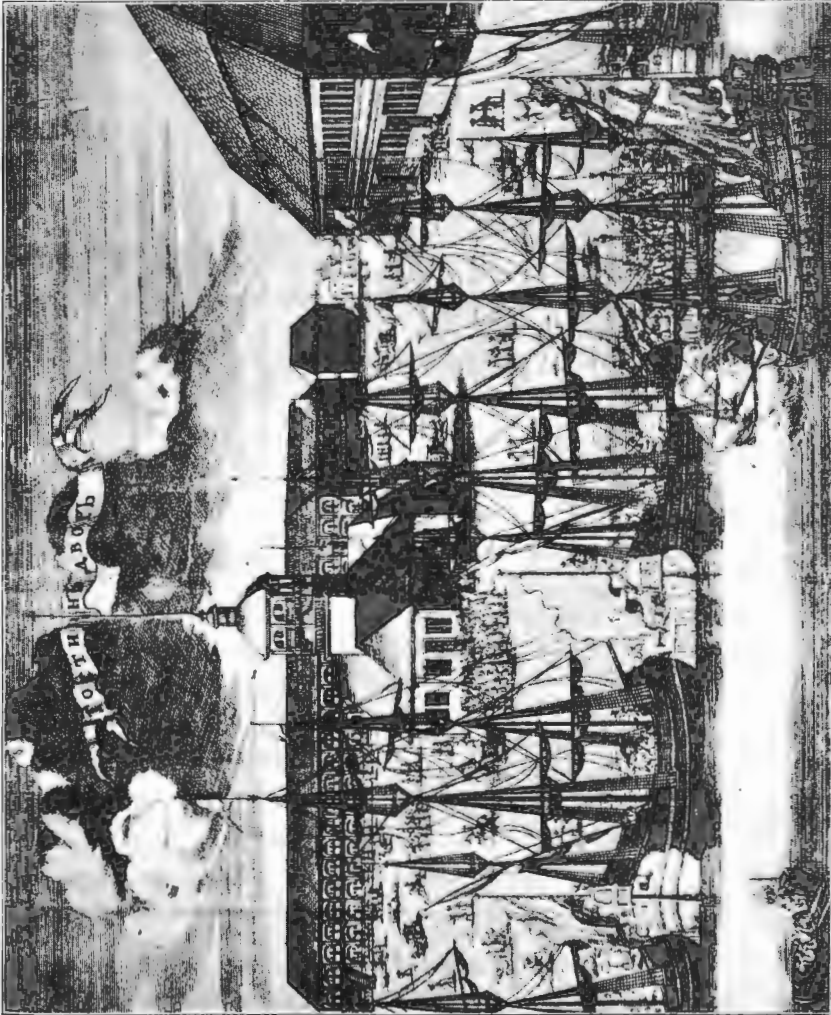
¹⁾ Гос. арх., I отд., № 53.

²⁾ Ист. Петербурга, Богданова.

цыномъ лугу воздвигались новыя зданія, въ томъ числѣ «почтовый домъ», гдѣ Петръ Великій давалъ «ассамблей», тамъ же находились частныя дома, въ томъ числѣ Лестока, перешедшій потомъ къ Апраксину¹⁾.

Работа кипѣла, царь зорко слѣдилъ за гигантскимъ ростомъ своего дѣтища, назначивъ окончательный срокъ всѣмъ построй-

Гостинный дворъ въ Петербургѣ, построенный по проекту П. М. Еропкина.

камъ 1726-й годъ. Въ 1724 году царь послалъ П. М. Еропкина въ Москву строить дворецъ въ селѣ Преображенскомъ.

П. М. Еропкинъ прислалъ 29-го августа 1724 года²⁾ кабинетъ-секретарю А. В. Макарову общій планъ Преображенскаго, съ та-

¹⁾ Нынѣ владѣеть гр. С. С. Игнатьева, потомокъ Апраксина.

²⁾ Входящія письма, № 66, 590 стр. Госуд. архивъ.

кимъ описаніемъ: сберегая деревья, строеніе должно быть небольшое необходимо рыть пруды, каналы, ибо мѣсто низкое, рѣдко просыхаетъ. Надо навозить земли аршина на два, сдѣлать возвышеніе, съ котораго видны 5 дорогъ, а 6-я идетъ вдоль рѣки, около лабиринта, въ которомъ будетъ бесѣдка, на другихъ дорогахъ по концамъ поставить статуи. Прямая дорога ведетъ къ плотинѣ, на которой пристань для лодокъ и суденышей; два небольшихъ фонтана. Въ цвѣтники можно провести воду изъ всѣхъ мѣстъ, сдѣлать большой фонтанъ или каскаду, чтобы изъ палатъ видно было, «а притчу сдѣлать такую: поставить капище, а въ немъ эроа (героя), отдыхающаго отъ трудовъ, украсить капище водяными играми и бау-рельефами, или какую другую Овидіеву притчу сдѣлать». Конюшни, поварни строить обыкновенными итальянскими рисунками. Еропкинъ просилъ Макарова доложить его планъ на апробацію его величества. Въ 1724 году государь пожаловалъ Еропкина подполковникомъ, а въ январѣ 1725 года полковникомъ. 2-го іюня 1725 года императрица Екатерина I-я приказала назначить ежемѣсячное жалованье П. М. Еропкину, который находился въ Петербургѣ на службѣ въ канцеляріи отъ строеній.

Въ октябрѣ 1727 г. начались приготовленія къ пышнымъ празднествамъ по случаю коронаціи императора Петра II, который повелѣлъ воздвигнуть въ Москвѣ трое воротъ: у Земляного города, по Бѣлому городу къ Тверскимъ воротамъ, и у «Воскресенскихъ воротъ въ Китай-городѣ». Эти послѣднія ворота строились на счетъ коллегіи экономіи святѣйшаго синода, назначившей комиссію, для обсужденія ихъ плана. Предсѣдатель комиссіи, архіепископъ новгородскій Теофанъ Прокоповичъ, предложилъ «мысли свои», какъ изобразить аллегоріями: «славу, могущество, благоспѣшное и мирное царствованіе». Такъ какъ для исполненія этого плана нуженъ былъ ученый техникъ, то святѣйшій синодъ обратился къ канцелярію отъ строеній съ просьбою указать архитектора-специалиста; канцелярія командировала П. М. Еропкина. Составленные имъ рисунки были одобрены въ комиссіи, которая и командировала его въ Москву для постройки воротъ (Архивъ святѣйшаго синода, столбцы 310—311).

П. М. Еропкинъ неустанно продолжалъ свои труды (проекты его хранятся въ государственномъ архивѣ). Онъ составилъ подробный проектъ корпуса архитекторовъ, который находилъ необходимымъ для упорядоченія архитектурскаго правленія и пресѣченія самоуправства въ строеніяхъ; предлагалъ штаты мастеровъ при корпусѣ; опредѣлялъ обязанности оберъ-директора архитектурной экспедиціи; подробно объяснялъ разнообразныя матеріалы и ихъ примѣненіе къ постройкамъ. Все касавшееся строеній въ городѣ дѣлалось съ разрѣшенія Еропкина. Въ 1734 г. петербургскіе купцы, торговавшіе въ старомъ гостиномъ дворѣ, гдѣ теперь Петровский

паркъ, подали прошеніе въ сенать, заявляя о ветхости рыночнаго зданія и невозможности дальше торговать ¹⁾ въ старыхъ деревянныхъ его лавкахъ, потому что во многихъ мѣстахъ онѣ обвалились, вслѣдствіе чего сенать запросилъ Еропкина, который былъ занятъ проектомъ большого гостинаго двора и по сношеніи съ нимъ разрѣшилъ купцамъ построить временныя деревянныя 180 лавокъ на Адмиралтейскомъ островѣ, пока не утвердится проектъ большого гостинаго двора, на что послѣдовала высочайшая резолюція «быть по сему», 4-го іюня 1735 года. 5-го іюня 1735 г. послѣдовало изъ кабинета въ полицеймейстерскую канцелярію распоряженіе поручить полковнику архитектору Еропкину строеніе Невскаго монастыря, освободивъ его отъ другихъ построекъ. Вслѣдъ за этимъ Еропкину предложено принять всѣ вѣдомости о постройкахъ Александро-Невскаго монастыря, сдѣлать нужныя помѣтки и переѣмны, а также принять ассигнованные на тотъ годъ 20.000 р. на постройки.

Въ то же время Еропкинъ ²⁾ перевелъ съ италіанскаго книгу объ архитектурѣ Андрея Палладія и представилъ свои мнѣнія съ подробнымъ изложеніемъ, какъ примѣнять къ постройкамъ каменнымъ, деревяннымъ и смолянымъ новоизученные имъ способы.

10-го іюня 1737 года была учреждена комиссія о строеніи подѣлнѣемъ кабинета ³⁾. По именному указу императрицы въ составъ ея вошли слѣдующія лица: дѣйствительный тайный совѣтникъ Минихъ, братъ фельдмаршала, графъ М. Г. Головкинъ, управляющій канцеляріей о строеніи А. Л. Нарышкинъ, генераль Измайловъ, оберъ-штеръ-комиссаръ адмиралтейства Ѳ. Н. Соимоновъ, совѣтникъ арт. Унковскій, гофъ-бау-интендантъ полковникъ-архитекторъ П. М. Еропкинъ, фортификаціи майоръ Раухъ, генераль-секретарь Гехъ, секретарь гофъ-интендантъ конторы Леванидовъ и полицейскій архитекторъ Земцовъ. На обязанности комиссіи лежало сочиненіе нормальныхъ плановъ, сліченіе плановъ существующихъ построекъ и составленіе общаго плана всего Петербурга, съ обозначеніемъ мѣстъ, гдѣ «должно быть какого рода строеніе, а также, гдѣ публичнымъ площадямъ быть». Этимъ планомъ немедленно занялись Еропкинъ и Земцовъ. Для геодезическихъ работъ вытребованъ изъ Преображенскаго полка майоръ Зихгеймъ. 3-го октября 1737 г. были нанесены на планъ дополнительные надѣлы. 18-го октября Еропкинъ доложилъ ихъ въ комиссіи, при чемъ усмотрѣно было, что планъ мѣстности, внесенный адмираломъ Головинымъ, не сходится въ масштабѣ съ общимъ планомъ города, выполнявшимся капитаномъ-поручикомъ Ф. Зихгеймомъ, присла-

¹⁾ П. С. З., 1735 г., іюня 4, № 6761.

²⁾ Государственный архивъ, XVI разр., № 417.

³⁾ П. С. З., № 7323, 1736 г.

вшимъ уже отдѣланныя части столицы, — Московскую, Адмиралтейскую. Комиссія поручила П. М. Еропкину въ одномъ масштабѣ съ планами Ф. Зихгейма приготовить распредѣленіе мѣстъ подъ дворы отъ Вознесенскаго проспекта до Калинкина моста за Мойкою. Еропкинь передѣлалъ весь планъ, подалъ и доложилъ его 2 ноября, и «по комисскому разсужденію, тотъ полковникомъ архитекторомъ Еропкинымъ учиненный планъ явился многимъ удобнѣе», и этотъ трудъ послужилъ поводомъ для рѣшенія комиссіи 20-го апрѣля 1738 г., точно опредѣлить мѣста, названія, планы улицъ и предоставить все это сдѣлать Еропкину и Земцову, «для апробаціи ея императорскаго величества».

Несмотря на его многотрудныя занятія въ комиссіи и по главнымъ постройкамъ города, Еропкинь интересовался всѣми научными вопросами и всѣмъ, что касалось улучшенія быта государства. Онъ былъ человѣкъ большого образованія, какъ по своей специальности, такъ и въ наукахъ, зналъ языки: итальянскій, латинскій, французскій, нѣмецкій. А. П. Волынскій сошелся съ нимъ во время ихъ пребыванія въ Москвѣ въ 1730 г., часто бесѣдовалъ съ Еропкинымъ, у котораго была хорошая библіотека, и который переводилъ Волынскому Маккиавелли и Юста Либія. «Конфиденція» Волынскаго съ П. М. Еропкинымъ положила основаніе кружку образованныхъ русскихъ людей, гдѣ Еропкинь игралъ важную роль. Нащокинъ въ своихъ «Запискахъ» называетъ его «однимъ изъ людей, славныхъ своимъ разумомъ». На его родной сестрѣ былъ женатъ вторымъ бракомъ А. П. Волынскій и сваталъ ему свою родственницу, но она вскорѣ умерла.

П. М. Еропкинь, гордый древностью своего рода, непоколебимо преданный царю и отечеству, заклятый врагъ неправды, вѣрилъ, что тотъ можетъ называться дворяниномъ, кто забываетъ себя для пользы общественной, кто не боится говорить правду передъ сильными земли, стоитъ за утѣсненныхъ и беззащитныхъ, и готовъ былъ за эту правду положить свою голову. Кривыхъ, темныхъ путей онъ не избиралъ для своихъ дѣйствій, даже противъ враговъ. Онъ не былъ лично обиженъ Бирономъ, но ненавидѣлъ его за кровное оскорбленіе отечества; безпредѣльно любя родину, говаривалъ: «бѣдная Россія, изъ тебя не молоко, а кровь твою сосутъ, отважимъ за тебя все, чего нѣтъ дороже, а тамъ буди воля Господня».

Я не буду говорить здѣсь о дѣлѣ Волынскаго, такъ какъ оно извѣстно; напомнимъ лишь, что Еропкинь, вмѣстѣ съ другими близкими къ Волынскому людьми, былъ арестованъ 16 апрѣля 1740 года, преданъ суду, пытанъ, и 27 іюня казненъ: ему отсѣчена голова, а движимое и недвижимое имущество его конфисковано.

Благодаря почину издателя «Русской Старины», покойнаго М. И. Семева, на общей могилѣ Волынскаго, Еропкина и Хру-

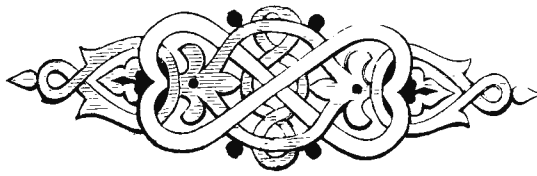
щова въ 1885 г. сооруженъ памятникъ работы профессора Шурупова, по проекту академика Опекушина, и такимъ образомъ увѣковѣчена память истинныхъ патріотовъ и вполнѣ славныхъ русскихъ дѣятелей. На средней части монолита богиня исторіи, на правой сторонѣ барельефа изображенъ горящій свѣтильникъ, какъ олицетвореніе «правды», а колонна обвита оливковою вѣтвью въ знакъ примиренія съ прошлымъ. Между колонной начертано «1740 г. 27 іюня», въ этотъ день празднуется побѣда подъ Полтавой, и въ этотъ день почилъ невольною смертю страстотерпцы, радѣтели земли Русской!

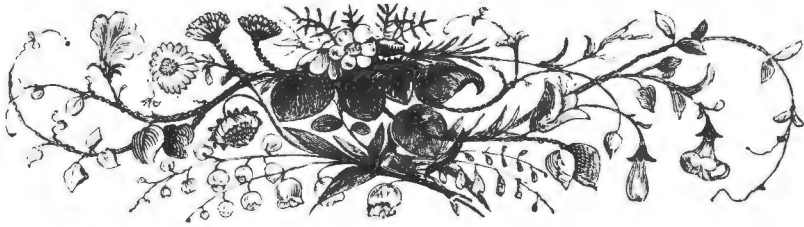
На памятникѣ гербъ А. П. Волынскаго, состоитъ только «изъ креста».

Съ лѣвой стороны рельефно Еропкинскій гербъ—великихъ князей Смоленскихъ съ прибавленіемъ золотого меча надъ райской птицей, сидящей на пушкѣ.

Высочайшимъ указомъ 1740 г. бібліотека П. М. Еропкина была отдана въ академію.

В. В. Еропкина.

ДВУХСОТЛѢТІЕ С.-ПЕТЕРБУРГА.

(1703—1903).

I.

БРАЩАЯ взглядъ назадъ, за двѣсти лѣтъ отъ настоящей торжественной минуты юбилея петровской столицы, мы прежде всего спрашиваемъ себя: почему Петръ Великій не пожелалъ и не могъ оставаться въ старой Москвѣ? Почему онъ вдругъ устремился на сѣверъ и во тьмѣ лѣсовъ и топи болотъ, какъ выразился Пушкинъ, заложилъ и построилъ новую столицу, названную имъ иностраннымъ именемъ—Санктъ-Петербургъ? Мы не можемъ приписать такое дѣяніе Великаго Преобразователя личной его прихоти. Были, значитъ, причины глубокія, которыя заставили царя совершить этотъ чрезвычайный подвигъ, потребовавшій необыкновеннаго напряженія народныхъ силъ. Какія это причины? Явное дѣло, что тутъ долженъ былъ быть приложенъ рычагъ историческаго призванія Россіи. Безъ этого не могъ сдвинуться и перенестись съ центра Россіи на ея окраину органъ ея правленія, культуры, торговли, — ея мозгъ и ея сердце. Тутъ предъ нами вѣчто большее пирамиды Хеопса, требовавшей миллионъ рабовъ для того, чтобы отколоть отъ материнской горной породы, снять, перевезти, обтесать и уложить по архитектурному плану колоссальныя глыбы камня. Предъ строителями пирамиды были многіе годы времени для медленной стройки. И пирамида была

нужна для мертвыхъ, а не для живыхъ. Мертвецы могли ждать, сколько угодно. Но воздвигнутая при Невѣ Великимъ Преобразователемъ столица предназначалась для живыхъ, для потребностей великаго народа и великаго государства, которые не могли ждать. Значить, совершить сооруженіе столицы требовалось съ возможной быстротой. А быстрота въ такомъ дѣлѣ равносильна безконечной трудности. И все преодолѣлъ, все превозмогъ великій Царь и великій русскій народъ! Нѣтъ, тутъ не воля и гений одного. Тутъ не одно только повиновеніе миллионувъ мановенію вождя. Тутъ изнутри исторіи и народной жизни идущія, напирющія и прорывающіяся тайныя, великія силы, подобныя тѣмъ, которыя колеблуть земную кору. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что земли колеблется и содрогается, даетъ трещины и бугрится складками, стрясая и разрушая все на ней воздвигнутое въ какомъ либо пунктѣ земнаго шара. А за сотни и тысячи верстъ отъ этого пункта вдругъ разверзается и дѣйствуетъ вулканъ. Какая связь между тѣмъ и другимъ? Такая, что подземныя силы, толкаясь въ разные пункты земной коры, сотрясали слабые и, наконецъ, найдя пунктъ наименьшаго сопротивленія, въ немъ проломили эту кору и создали вулканъ. Тряслось и рушилось въ Москвѣ. Толкнулось на югъ, къ Азову, но создалась столица на противоположномъ сѣверномъ концѣ Россіи, близъ устья Невы.

Какъ сейсмическія явленія и процессы земнаго шара въ своей внутренней сущности намъ непонятны и могутъ быть объектомъ только болѣе или менѣе счастливыхъ и остроумныхъ догадокъ и гипотезъ, такъ загадочны и внутренніе процессы народной жизни, историческихъ судебъ, великихъ движеній и великихъ народныхъ дѣяній. Законы исторіи еще не открыты. И мы можемъ судить о нихъ лишь по результатамъ и цѣлесообразности этихъ результатовъ. Мы можемъ лишь описывать внѣшнія слѣдствія хода этпихъ внутреннихъ движеній. Сущность ихъ—тайна.

Еще большую трудность для объясненія не изъ случая и притомъ одного, а изъ началъ народной жизни, представляетъ такое событіе, какъ перенесеніе столицы изъ центра на окраину и основаніе ея у устьевъ Невы потому, что Москва въ XVII вѣкѣ являлась уже значительнымъ культурнымъ центромъ Россіи. Въ ней былъ скопленъ трудъ нѣсколькихъ вѣковъ, трудъ громаднй. Она являлась весьма своеобразнымъ плодомъ долгой исторической эволюціи. Казалось бы, Москвѣ должно было развиваться и процвѣтать, увеличивая свою власть и свое значеніе и далѣе. Какое основаніе было для того, чтобы этотъ великій городъ вдругъ утратилъ свое значеніе? Но, быть можетъ, если мы вспомнимъ судьбу Новгорода Великаго, то поймемъ и это событіе. Москва сокрушила Новгородъ. Между тѣмъ ему было суждено стать выше Москвы. И вотъ насталъ день и часъ, и историческія силы съ чудодѣй-

ственной быстротой воскресили Новгородъ, но уже на новомъ мѣстѣ, при устьѣ Невы.

И передъ новою столицей
Склонилась гордая Москва,
Какъ передъ юною царицей
Порфиросная вдова.

Этотъ новый городокъ, этотъ выскочка—Санктъ-Петербургъ, не тотъ же ли самый Новъ-Городъ, которому въ свое время суждено было, повидимому, цвѣсти и развиваться, и который былъ такъ ужасно стертъ съ лица земли Грознымъ? Такъ же безпощадно, какъ Грозный съ Новгородомъ, раздѣлался и распроцался и съ Москвою царь Петръ Алексѣевичъ, оставляя за собою старую столицу смердящей тысячью труповъ повѣшенныхъ и обезглавленныхъ стрѣльцовъ.

А Москва XVII-го вѣка дѣйствительно уже представляла замѣчательный культурный центръ. «Старый русскій домашній бытъ и особенно бытъ русскаго великаго государя,—говорить Забѣлинъ,—со всѣми своими уставами, положеніями, формами, со всею порядливостью, чинностью и чтивостью наиболѣе полно выразился къ концу XVII столѣтія. То была эпоха послѣднихъ дней для нашей домашней и общественной старины, когда все, чѣмъ была сильна и богата эта старина, высказалось и закончилось въ такіе образы и формы, съ которыми по тому же пути дальше итти было невозможно. Москва, сильнѣйшая изъ жизненныхъ силъ старой Руси, въ эту замѣчательную и любопытную эпоху, отжила свой вѣкъ при полномъ господствѣ историческаго начала, которое ею было выработано, и водвореніе котораго въ жизни стоило столькихъ жертвъ и такой долгой и упорной борьбы. Политическое единство Русской земли, къ которому неизбѣжно вели московскія стремленія и преданія, являлось уже неоспоримымъ и несомнѣннымъ дѣломъ, и въ умахъ самого народа и для всѣхъ сосѣдей, когда либо протягивавшихъ руку за нашими землями. Представитель этого единства, московскій великій государь, самодержецъ всея Руси, сталъ въ отношеніи къ земству на недостижимую высоту, о которой едва ли и помышляли наши далекіе предки. Ничего соответствующаго этому «пресвѣтлomu царскому величеству» въ древней нашей жизни мы не видимъ».

Сложная дворцовая московская жизнь, чинъ и порядливость—все это соответствовало общему расцвѣту Москвы. Однако изъ чего видно, что «по тому же пути дальше итти было невозможно»? Почему Москва не могла развиваться и дальше? Если бы предположить, что Новгородъ продолжалъ бы свое цвѣтеніе, не нарушая единства Руси, то едва ли бы понадобилось создавать новую столицу у устья Невы.

Во всякомъ случаѣ, отъ богато развившейся порядливой жизни московскій молодой государь уходилъ прямо на пустое мѣсто, во тьму лѣсовъ и на топь болотъ. Онъ заводилъ тамъ все сначала, между тѣмъ какъ въ Москвѣ была уже «полная чаша». Если въ Москвѣ къ началу XVIII-го вѣка, какъ говоритъ Забѣлинъ, выскзалось и закончилось все, чѣмъ была сильна и богата русская домашняя и общественная старина, то отъ этого богатства и силы, законченной и высказанной въ яркихъ образахъ и формахъ, тѣмъ

Видъ Нотебурга при шведскомъ владычествѣ.

(Съ гравюры, находящейся въ «Путешествіи» Оlearія).

труднѣе было уходить на сѣверный пустырь, гдѣ ничего не было гдѣ предстояло строить съ фундамента. Однако, въ самомъ ли дѣлѣ на новомъ мѣстѣ ничего не было? И новое ли то было мѣсто? Нѣтъ, это была старая вотчина русская, гдѣ протекли столѣтія исторической работы и борьбы. Это былъ край, гдѣ русское дѣло остановилось, а затѣмъ и погибло, и сломленная сила Ливонскаго ордена смѣнилась силой шведовъ, угрожавшей развиться и захватить гегемонію надъ всѣмъ русскимъ сѣверомъ. Въ быстромъ, лихорадочномъ созиданіи Петербурга сказалась великая историческая нужда и потребность; потому-то полная и привольная жизнь московская не могла остановить отливъ жизни и силъ государственныхъ на далекую окраину, на берега пустынныхъ водъ широкой царственной Невы.

II.

Всмаатриваясь въ богатырскій характеръ государя Петра Алексѣевича, мы прежде всего видимъ въ немъ какую-то стихійную страсть къ морю, къ кораблестроенію и кораблевожденію. Эта страсть, подобная страсти царя Алексѣя Михайловича къ соколиной охотѣ, однако, вполне соотвѣтствуетъ потребностямъ Московскаго государства. Личная, повидимому, охота къ морю, а между тѣмъ только царь, страстно жаждущій моря, могъ тогда двинуть впередъ страну и открыть предъ нею новые горизонты. Великій народъ немыслимъ безъ моря, и великое государство должно обладать и великимъ флотомъ. Пройтись къ морю, найти путь къ нему—вотъ первая потребность Россіи послѣдней четверти XVII-го столѣтія. Государство, замкнутое со всѣхъ сторонъ и лишенное выхода къ открытому морю, неминуемо должно задохнуться, захирѣть, уступить сосѣдямъ первенство. Петръ стремится за границу, ѣдетъ въ Англію, въ Нидерланды, рвется въ Венецію. Для чего? Прежде всего для изученія кораблестроенія и морского искусства.

Однако, и до Петра была сознаана необходимость моря и флота для Россіи. Царь Алексѣй Михайловичъ строилъ корабли въ Дѣдиновѣ, мало того,—предлагалъ герцогу курляндскому, нельзя ли строить русскіе корабли въ его гаваняхъ.

Разсказывая, какъ возбуждена была въ немъ охота къ морю и кораблестроенію, Петръ самъ говоритъ: «монархію русскую дѣдъ нашъ очистилъ и успокоилъ, отмщеніе же (врагамъ) и распространеніе сыну своему оставилъ, который какое тщаніе къ тому прилагалъ, а особливо въ воинскихъ дѣлахъ,—о томъ всѣмъ есть извѣстно, и не точію на землѣ, но и на морѣ покушался (которое дѣло такъ у насъ странно было, что едва слышали о немъ), какъ то изъ осады города Риги и изъ строенія двухъ кораблей въ Дѣдиновѣ на Каспійское море видѣть можно. Но чего ради тогда тому не исполниться и на насъ сіе бремя воля Вышняго Правителя возложить изволила, то оставляемъ непостижимымъ судьбамъ Его».

С. М. Соловьевъ такъ объясняетъ казавшееся непостижимымъ самому Петру Великому. Дѣло строенія кораблей при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ не пошло. Чтобы оно пошло, нельзя было сидѣть въ Кремлевскомъ дворцѣ и слать указы: надобно было, чтобъ въ царѣ разгорѣлась страсть къ морскому дѣлу, чтобъ онъ самъ взялся за топоръ и началъ строить корабли, чтобъ ему печальныя болотистыя мѣста при устьѣ Невы казались земнымъ раемъ, парадизомъ, потому только, что они были близки къ морю, что на нихъ можно было строить корабли.

Сначала Петръ «доступаетъ» южное море. Толкнулся было на сѣверъ, къ Архангельску, далеко выплывалъ въ Бѣлое море. Но

Бѣлое море показалось богатырю Петру «узко, печально и безцѣльно» (С. М. Соловьевъ).

«Была мечта отыскать проходъ къ Китаю или Индіи чрезъ Сѣверный океанъ; но недостатокъ средствъ и времени долженъ былъ скоро разсѣять юношескую мечту. Сильно прельщало Балтійское море, хотѣлось пробраться туда, но какъ? Ключъ къ морю былъ у шведовъ. Оставалось Каспійское море, на которое уже давно указывали иностранцы, требуя свободнаго проѣзда на него для торговли съ богатою Азіею. Развѣ не можетъ Россія сама овладѣть

Первоначальный видъ Нотебурга.
(Съ гравюры прошлаго столѣтія Боденера).

этимъ средствомъ обогащенія, заведши флотъ на Каспій, овладѣвши торговлею съ прибрежными странами? Еще при царѣ Алексѣѣ строили корабль для Каспійскаго моря. Корабль былъ сожженъ Разинь; но когда будетъ сильный флотъ на Каспійскомъ морѣ, то Разинъ будетъ невозможенъ» ¹⁾.

Еще отъ 4-го іюля 1694 г. Лефортъ пишетъ въ Женеву изъ Архангельска: «Черезъ два года поговариваютъ о путешествіи въ Казань и Астрахань; но, быть можетъ, въ два года времени это пройдетъ... Есть намѣреніе выстроить нѣсколько галіотовъ и итти къ Балтійскому морю».

Видимъ, что мысль царя колебалась между сѣвернымъ и южнымъ моремъ. И дѣйствительно, и на югѣ и на сѣверѣ лежали завѣщанныя вѣками историческія задачи Россіи. Лефортъ, въ сущности, ихъ не понималъ. Стремленія юнаго Петра представляются ему

¹⁾ Исторія Россіи. Книга третья. Стр. 1141.

только личными порывами. Онъ высказываетъ, что за два года это стремленіе къ морю «пройдетъ». Но это не прошло и пройти никакъ не могло, ибо совпадало съ потребностью насущной и неотложной государства и народа. Мысль царя устремилась сперва на югъ, ибо еще въ 1691 году патріархъ Досіеѣй представлялъ изъ Іерусалима: «Начинайте войну. Теперь время очень удобное. Возьмите прежде Украйну, потомъ требуйте Молдавіи и Валахіи, также Іерусалимъ возьмите—и тогда заключайте миръ... Вамъ не полезно, если турки останутся жить на сѣверѣ отъ Дуная, или въ Подоли, или на Украйнѣ, или если Іерусалимъ оставите въ ихъ рукахъ. Тому 18 лѣтъ, какъ я писалъ письмо изъ Андріанополя блаженной памяти отцу вашему, государю царю куврѣ Алексѣю Михайловичу, и совѣтовалъ: покиньте поляковъ и усмирите прежде турокъ».

Въ 1695 г. Петръ приступаетъ къ походу на югъ. Азовъ—ключъ къ Азовскому морю. И съ перваго азовскаго похода царь «зачалъ служить бомбардиромъ». Первый походъ кончается безрезультатно и съ большимъ урономъ. Петръ начинаетъ строить флотъ. Сгоняютъ къ государеву дѣлу плотниковъ со всей земли. Въ лѣсныхъ мѣстахъ, ближайшихъ къ Дону, въ Воронежѣ, Козловѣ, Добромъ и Сокольскѣ, 26 тысячъ работниковъ рубятъ флотъ. «Бомбардиръ» превратился въ «капитана». Труды, употребленные на постройку флота, были не напрасны. Русскій флотъ загородилъ дорогу турецкому въ устьяхъ Дона. Азовъ остался безъ помощи. «Двулѣтніе труды и крови» награждены «преславною викторіею». Подъ Азовомъ великороссійскія и малороссійскія войска «земляной валъ къ непріятельскому рву отовсюду равномерно привалили и, изъ-за того валу ровъ заметавъ и заровнявъ, тѣмъ же валомъ черезъ тотъ ровъ до непріятельскаго валу дошли, и валы сообщили такъ близко, еже возможно было съ непріятели, кромѣ оружія, едиными руками терзатися».

Ключъ къ Азовскому морю — Азовъ взятъ!

Резидентъ Никитинъ, 1-го сентября 1696 года, въ торжественномъ собраніи польскаго сената въ Варшавѣ говорилъ такую рѣчь:

«Теперь, ясновельможные господа сенаторы и вся Рѣчь Посполитая, да знаете вашего милостиваго оборонителя, смѣло помогайте ему по союзному договору, ибо онъ знаменемъ Креста Господня, яко истинный Петръ, отпираетъ двери до потеряннаго и обѣщаннаго христіанамъ Іерусалима, въ которомъ Христосъ Господь нашъ на престолѣ Крестомъ триумфовалъ. Идетъ прямо его царское величество къ татарскому Крыму, а союзникамъ шлетъ грамоты, чтобы укрѣплялись на продолженіе войны, чтобъ вдругъ безопасно ударили на звѣря, лакающаго кровь христіанскую и пожирающаго отчизну вашу. По договорамъ царское величество зоветъ наияснѣйшую монархію Польскую съ такимъ желаніемъ, дабы та дорога,

которую блаженной памяти король Янъ торилъ чрезъ Буджаки до Константинополя, была бы теперь dokonчена. Здѣсь должны за Крестъ Господень соединиться ваши коронныхъ гетмановъ кресты; здѣсь должны соединиться вождей княжества Литовскаго стрѣлы и мечи, чтобъ отчизну свою отыскать и братію изъ неволи поганской высвободить; могли бы вы и самую богатую Арабію подбить свободному польскому орлу».

III.

Азовъ — ключъ Азовскаго моря, взять. Но ключи Чернаго моря и выхода на вольный просторъ Средиземнаго въ рукахъ султана. Если и теперь, черезъ двѣсти лѣтъ, ключи эти остаются въ его власти, то могъ ли Петръ тогда со своими слабыми силами исторгнуть ихъ отъ владыки мусульманъ? Въ 1697 году Россія, Австрія, Польша и Венеціанская республика заключаютъ наступательный союзъ противъ враговъ Святого Креста. Однако никакихъ осязательныхъ плодовъ этотъ союзъ принести не могъ, такъ какъ интересы союзниковъ скоро стали взаимопротивоположными, и союзъ Петра съ королемъ польскимъ Августомъ повелъ его къ сѣверному морю.

Въ самомъ дѣлѣ, Польша уже давно отказалась отъ своихъ историческихъ задачъ на Востокѣ. Внезапная бездѣятельность, въ которую уже въ первой половинѣ XVII столѣтія замкнулся польскій народъ, пожертвованіе всякими интересами государства, которые потребовали бы вооруженной поддержки вѣдъ его гранцъ, безусловная любовь къ миру имѣли глубочайшей причиной господство въ Польшѣ частныхъ, чисто эгоистическихъ интересовъ, превосходящее всякое описаніе. Шляхта дрожала отъ одной мысли о войнѣ, дрожала передъ возможностью ея, потому что каждая война прерывала усиленный хищнический трудъ надъ выколачиваніемъ изъ несчастнаго польскаго, литовскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго хлопа силъ и труда магнатами. Война налагала тяжести и грозила «колонизаціонному хозяйству», какъ мягко выражается Бобржинскій (Dzieje Polski), на Украинѣ. Въ вышеприведенной рѣчи резидентъ Никитинъ не даромъ говорилъ полякамъ о дорогѣ, которую король Янъ торилъ до Константинополя. Избраніе Яна Собѣскаго королемъ поднимало Польшу изъ упадка. Вся вторая половина царствованія Яна Собѣскаго является непрерывной вереницей великихъ подвиговъ. Въ 1683 году Вѣнѣ угрожали несмѣтныя войска Магомета IV. Единственная надежда Леопольда заключалась въ Собѣскомъ. И геройское мужество поляковъ избавило столицу Австріи отъ неизбежной гибели. Военные подвиги Яна Собѣскаго несомнѣнно задержали народъ, шедшій къ упадку, потому что подняли въ немъ болѣе благородныя чувства и воображеніе. Однако этотъ

подъемъ былъ недологъ и напрасенъ. Союзъ съ коварной Австріей готовилъ и Польшѣ и Собѣскому одни только униженія и пораженія. Среди глубокаго разстройства государства въ 1696 году умеръ король Янъ, жалующь на свѣтъ, въ которомъ «грѣхъ, злость и измѣна такъ разрослись». Выбранный затѣмъ Августъ Саксонскій не могъ въ своихъ интересахъ пойти по дорогѣ, которую его предшественникъ торилъ въ Константинополь. Къ южному морю попутчикомъ быть Августъ не могъ Петру.

Во время пребыванія въ Голландіи Петръ писалъ патриарху Адриану въ Москву: «Мы въ Нидерландахъ, въ городѣ Амстердамѣ, благодатію Божіею и вашими молитвами, при добромъ состояніи живы и, послѣдуя Божію слову, бывшему къ праотцу Адаму, трудимся, что чинимъ не отъ нужды, но добраго ради приобрѣтенія морского пути, дабы, искусясь совершенно, могли, возвратясь, противъ враговъ имени Иисуса Христа побѣдителями, а христіанъ, тамо будущихъ, освободителями, благодатію Его, быть. Чего до послѣдняго издыханія желать не перестану».

«Доброе приобрѣтеніе морского пути» остается господствующей думой Петра, соединяясь со страстью, о которой онъ съ такой простотой и неподражаемой наивною генія сказалъ за границей кюрфюрстринамъ—Софіи Ганноверской и ея дочери, Бранденбургской Софіи-Шарлоттѣ, образованнѣйшимъ женщинамъ Германіи: «Отецъ мой былъ страстный охотникъ, но я не чувствую къ этой забавѣ никакой склонности. Очень люблю кораблеплаваніе и фейерверки». Но переговоры московскаго посольства, въ рядахъ котораго пребывалъ Петръ Михайловъ, со штатами Голландіи насчетъ помощи царю въ войнѣ съ турками ни къ чему не привели. Штаты говорили, что страна ихъ истощена войною съ Франціей. Они отказались ссудить царя матросами, оружіемъ и снарядами. Мало того, Петръ удостовѣрился, что штаты вмѣстѣ съ англійскимъ королемъ хлопчутъ о посредничествѣ къ заключенію мира между Австріей и Турціей. Кому былъ нуженъ этотъ миръ? Да той же Голландіи и Англии. Онъ развязывалъ руки австрійскому императору и позволялъ ему свободно орудовать противъ Франціи. Назрѣвала внутренняя европейская война за испанское наслѣдство. Пусть Петръ между тѣмъ одинъ борется съ Турціей, не отвлекая силъ отъ обще-европейской войны для сокрушенія гегемоніи Франціи. Но Петръ не могъ надѣяться одинъ, безъ помощи Австріи и Венеціи, продолжать успѣшно войну на южной окраинѣ своего государства. Петръ—въ Вѣнѣ. Но переговоры тутъ не ведутъ ни къ чему. Онъ, очевидно, лишенъ союзниковъ, а король Августъ готовъ ему помогать на сѣверѣ.

Перечисленныя событія и обстоятельства времени уже достаточно объясняютъ намъ, какимъ образомъ личная страсть Петра Великаго къ кораблеплаванію и «доброе приобрѣтеніе морского

Взятіє Нотебурга.
(Картина профес. Колебу. Гравюра Хельма).

пути», занимавшее всю душу молодого царя, въ концѣ концовъ привели его къ устью Невы. Взятіемъ Азова было положено начало выполнению призванія Россіи на Востокъ. Но наслѣдственныя историческія задачи призывали и на Сѣверъ. Союзъ съ Австріей и съ республиками—Польшей, Венеціей и Нидерландами, самъ собою рушился, такъ какъ великая борьба за испанское наслѣдство стягивала всѣ внутреннія силы Европы, и крайнія задачи не могли ее въ эту минуту интересовать. Но въ такомъ случаѣ, въ виду стремленій Августа, разумнѣе было устремить борьбу на сѣверную окраину, послѣ блестящихъ лавровъ, пожатыхъ юнымъ царемъ и его неопытнымъ войскомъ на югъ. Отвлеченные внутренней сварой, народы Европы одинаково равнодушно и разсѣянно относились къ «добыванію добраго морского пути» русскимъ царемъ, какъ на югъ, такъ и на сѣверъ. Для штатовъ важно было отвлечь Австрію отъ дѣятельнаго союза съ царемъ и направить всѣ ея силы противъ могущественной Франціи. Казалось, Россія съ своими задачами получила полную свободу дѣйствія. Иерусалимъ, христіане, стонущіе подъ игомъ невѣрныхъ, плѣнь св. Гроба Господня—все это, выставленное при заключеніи наступательнаго союза Австріи и Россіи, имѣя магическое, идеальное значеніе въ глазахъ толпы, являлось лишь величественной декорацией, скрывавшей утилитарныя матеріальныя стремленія.

Но, какъ бы то ни было, эта великая идея, нѣкогда устремлявшая дружины крестоносцевъ въ Палестину, этотъ идеаль, на которомъ возросло рыцарство и вся поэзія германо-романскаго запада, нынѣ въ устахъ русскаго царя является почвой идеальнаго сближенія умовъ русскіхъ и западныхъ. Эта идея освѣщала путь Петра Великаго на югъ. Иная, но не менѣе великая идея гражданской свободы и просвѣщенія озарила и движеніе Петра на сѣверъ. Но все же рядомъ съ политическими, внѣшними причинами, заставившими преобразователя переимѣнить курсъ, была и внутренняя мощная сила, которая какъ бы изгнала Петра изъ Москвы. Возвращеніе его сюда изъ дальнихъ краевъ нѣсколько напоминаетъ прїѣздъ Чацкаго, который закончился восклицаніемъ:

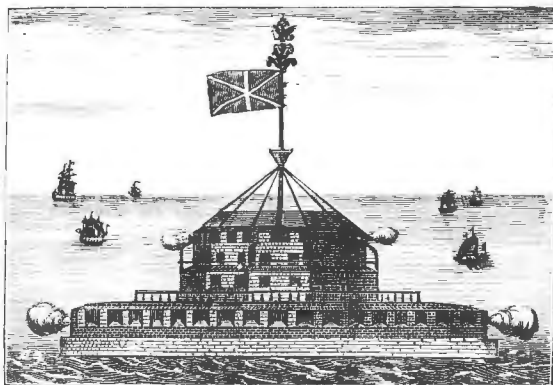
Вонъ изъ Москвы! Сюда я больше не ѣздокъ!

Все скопилось, сложилось къ тому, чтобы этотъ зовъ: «Вонъ изъ Москвы!» сталъ господствующимъ въ душѣ молодого царя. Все сочелось, чтобы сдѣлать для него ненавистнымъ городъ предковъ, это теплое, богатое, вѣками строенное гнѣздо, эту «полную чашу» московской порядливости. «Вонъ изъ Москвы!»—должно было стать девизомъ Петра, какъ и его «доброе доступаніе морского пути», вызванное страстью къ морю, къ кораблестроенію и мореходству, изъ чего само собой развилось то общее преобра-

зованіе, безъ котораго Россія не могла стать могучей военной и морской державой, достойное мѣсто занимающей между другими державами Европы.

Личная страсть къ мореплаванію, историческія задачи и традиціи Россіи на сѣверѣ, внѣшнія политическія условія — все это могло подвинуть Петра къ борьбѣ со шведами за Балтійское побережье. Но чтобы забросить старую столицу, надо было, чтобы она сдѣлалась ненавистной, чтобы душно, тяжело, несносно стало государю Петру Алексѣвичу въ расписныхъ кремлевскихъ палатахъ. И опять было что-то роковое во всѣхъ, даже случайныхъ, собы-

Кроншлотъ.

(Съ гравюры 1716 года).

тіяхъ. Въ концѣ XVII столѣтія, передъ единодержавіемъ Петра, дворецъ кремлевскій достигъ самаго цвѣтущаго состоянія, до какаго не достигалъ онъ ни въ одно изъ предыдущихъ царствованій. Въ это время его обширность и относительное великолѣпіе вполнѣ выразили характеръ древней царской жизни во всемъ ея блескѣ и царственномъ просторѣ. И съ этого же времени начинается постепенное его запустѣніе и разрушеніе. «Въ годъ смерти послѣдняго стариннаго московскаго царя Ивана Алексѣвича, — говоритъ Забѣлинъ, — въ то время, какъ Петръ работалъ подъ Азовомъ, 6-го іюня 1696 года, на дворцѣ сгорѣли государевы хоромы: выгорѣло все безъ остатка... Въ 1701 году 19-го іюня новый пожаръ опустошилъ весь Кремль... Старина истреблялась старымъ же ея губителемъ — пожаромъ»¹⁾).

Хотя каменные зданія Кремля и были возобновлены, но погорѣлыя ихъ стѣны не были уже столько прочны, такъ что черезъ полстолѣтіе пришли въ совершенную ветхость и были разрушены по необходимости прежде другихъ старинныхъ зданій.

¹⁾ Домашній бытъ русскихъ царей.

IV.

Психологическій моментъ окончательнаго перелома отъ старой московской жизни къ новому, «петербургскому» періоду русской исторіи составляетъ время съ возвращенія Петра въ 1698 г. въ Москву по окончаніе въ 1699 г. главной массы казней мятежныхъ стрѣльцовъ.

Грозная расправа, учиненная разгнѣваннымъ царемъ съ бунтовщиками, воскресила времена Ивана Васильевича. Цѣлые мѣсяцы площади были завалены трупами обезглавленныхъ, и всѣ стѣны Бѣлаго и Земляного города унижены повѣшенными. Жгли и пытали въ четырнадцать застѣнкахъ бояре, и самъ царь снималъ допросъ. Стрѣльцы проявили несокрушимое упорство и выводили изъ себя царя. Понятно, что Москва ему окончательно стала ненавистна. Здѣсь все полно было ужасными воспоминаніями. Здѣсь предъ окнами келій постриженной царевны Софіи, на черной, громадной вислицѣ качались страшные челобитчики съ хартіями въ окостенѣлыхъ рукахъ... Вонъ изъ Москвы, въ новыя, вольныя мѣста рвалась душа, утомленная зрѣлищемъ костровъ, пытокъ, крови, Петра Алексѣевича! Въ Москвѣ гнѣздилась неискоренимая крамола и измѣна. Все раздражало, все отравляло здѣсь сердце царя. Такимъ образомъ, внѣшнія политическія условія отвлекли Петра Великаго съ юга на сѣверъ. А внутреннія обстоятельства сдѣлали для него ненавистной старую столицу. Все сошлось къ тому, чтобы возникъ Петербургъ.

Начиная борьбу со шведами, столь побѣдоносную, основывая крѣпость въ устьѣ Невы, молодой царь съ одной стороны исправлялъ страшное дѣло Ивана Грознаго, раздавившаго Новгородъ и Псковъ, а съ другой выполнялъ историческое призваніе Россіи въ борьбѣ за побережье Балтійскаго моря и за первенство на финскомъ сѣверѣ.

Въ многовѣковой борьбѣ шведовъ и русскихъ вопросъ о преимуществахъ сводился къ слѣдующему—предстояло овладѣть «ключемъ», теченіемъ рѣки, занимающей въ длину не болѣе шестидесяти верстъ. Эта рѣка носила весьма скромное имя—нева или нево. А значитъ это по-фински—болото.

Уже въ 1293 г. шведы стали твердой ногой въ Кореліи, заложивъ здѣсь городъ Выборгъ. Небольшое новгородское войско съ смоленскимъ княземъ Романомъ Глѣбовичемъ подошло къ городу, но должно было отступить отъ него по причинѣ оттепели и недостатка въ конскомъ кормѣ. Въ 1295 г. шведы построили другой городъ на корельской же землѣ; но этотъ городъ новгородцы раскопали, истребивши шведскій гарнизонъ. Шведы, однако, не от-

стали отъ своего намѣренія и въ 1300 году вошли въ Неву съ большими военными силами. Это появленіе ихъ въ Невѣ является знаменательнѣйшимъ событіемъ. Они привезли съ собою мастеровъ-строителей, не только изъ своей земли, но и изъ Италіи, этой житницы ремеслъ, художествъ, искусствъ, просвѣщенія. Италія явилась въ устьѣ скромной сѣверной рѣки, на топкое болото, Италія возрожденія! Пасынокъ природы услышалъ гармоническую рѣчь баловня южнаго щедрого солнца!

Шведы поставили городъ при устьѣ Охты, утвердили его твердостью несказанною, по словамъ лѣтописца, поставили въ немъ пороки и назвали въ похвальбу Вѣнцомъ земли (Ландскрона). Но это выраженіе — Вѣнецъ земли, не было только одною «похвалбою», какъ полагалъ простодушный лѣтописецъ. Оно выражало пониманіе шведами всего значенія избраннаго пункта.

Знаменитый маршалъ Тюркель Кнутсонъ, правившій Швеціей въ малолѣтство короля Биргера, самъ присутствовалъ при постройкѣ Ландскроны. По сооруженіи укрѣпленія маршалъ оставилъ въ немъ сильный гарнизонъ съ воеводою Стеномъ.

Однако и русскіе не дремали. Они поняли, что надо употребить всѣ усилія къ уничтоженію шведскаго города.

Въ слѣдующемъ году великій князь Андрей съ полками низовыми и новгородскими подступилъ къ Ландскронѣ. Городъ былъ взятъ. Укрѣпленія раскопаны. Горнизонъ частью истребленъ, частью отведенъ въ плѣнъ. Такъ русская сила одолѣла первую попытку шведовъ «ногою твердой стать у моря». Такъ же неудачна была и попытка датчанъ изъ Ревеля поставить городъ на русской сторонѣ Наровы. Четыре столѣтія затѣмъ протекли въ неустанной борьбѣ, пока Петръ заложилъ свой Петербургъ. Итакъ, это было мѣсто старое, давнее, освященное русскою кровью. Здѣсь русская сила не разъ перевѣдывалась со шведской. Здѣсь протекла цѣлая эпопея, обильная величественными эпизодами.

Литовцы, поляки, шведы и датчане, псковичи и новгородцы, ливонскіе рыцари—все здѣсь четыре вѣка толклось, боролось, сра-

Троицкій соборъ.
(Съ гравюры 1716 года).

жалось, проливалось кровь. Шестнадцатое столѣтіе было роковымъ для преобладанія русскаго вліянія. Но черезъ сто лѣтъ Петръ возвращаетъ свое исконное наслѣдіе. Ничего, значить, необыкновеннаго въ стремленіи сюда Петра не было, никакого новшества, какъ мнилось нашимъ славянофиламъ. Напротивъ, древняя традиція утвердила его въ устьѣ Невы, и построение Петербурга было математически точнымъ пунктомъ, назначеннымъ историческимъ центромъ тяжести.

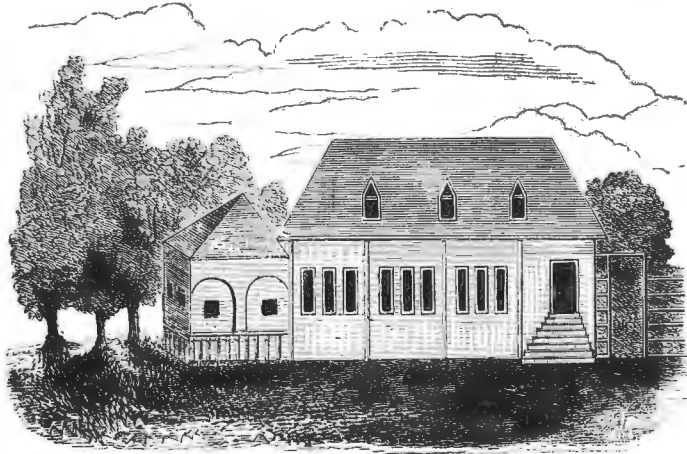
На картѣ Ингерманландіи, составленной въ 1676 году по распоряженію шведскаго правительства, Ландскрона означена тамъ, гдѣ нынѣ Александрo-Невская лавра. По разрушеніи Ландскроны идея маршала Торкеля оставалась три столѣтія безъ исполненія. Знаменитый Яковъ Делагарди въ 1611 году опять воскресилъ мысль о построеніи въ устьѣ Невы сильнаго укрѣпленія. Оперируя по берегамъ Ладожскаго озера и поставивъ цѣлью завоеваніе всей земли Новгородской, Яковъ Делагарди хотѣлъ создать опорный центръ на Невѣ. Онъ вошелъ къ королю съ представленіемъ о необходимости заложить городъ при устьѣ Охты.

Особенно ярко выразилось пониманіе шведами всего великаго значенія невскаго устья въ рѣчи Густава II Адольфа къ государственнымъ чинамъ, произнесенной имъ по случаю договора въ Столбовѣ, по которому Швеція пріобрѣтала прибалтійскіе берега и всю Ингерманландію съ четырьмя крѣпостями — Иванъгородомъ, Ямою, Копорьемъ и Орѣшкомъ. Въ рѣчи своей проникательный король изложилъ нижеслѣдующее:

«Какъ много областей плодородныхъ и рѣкъ, богатыхъ рыбою, важныхъ для торговли, присоединено по этому миру къ Швеціи!

«Нарова и Нева могутъ служить для собственной ея торговли воротами, которые легко во всякое время запереть для русскихъ. Послѣдніе совершенно отрѣзаны отъ Балтійскаго моря, такъ что они на волны его не могутъ спустить даже и лодки. Сверхъ того, граница сдѣлалась безопаснѣе. Ингерманландію защищаютъ Пейпусъ и Нарова; Финляндія—сѣни Швеціи—ограждается Невой и широкимъ озеромъ Ладожскимъ—рвомъ, черезъ который русскимъ не легко будетъ перескочить». Въ 1632 г. Густавъ II Адольфъ повелѣлъ при впаденіи рѣчки Охты въ Неву заложить городъ, который впоследствии былъ укрѣпленъ и названъ Ньюсканцомъ, или, по нѣмецкому выговору, Нѣншанцемъ, то-есть невскимъ укрѣпленіемъ. Рѣчь Густава превосходно выясняетъ все значеніе для Россіи Невы. Эта рѣка—ворота. И разъ эти ворота заперты—Россія совершенно отрѣзана отъ моря, отъ торговли, отъ Запада. Затѣмъ, чтобы эти ворота не были заперты, долгое время слѣдили псковичи и новгородцы. Но разъ они были раздавлены Грознымъ, шведы овладѣли этими воротами. Затѣмъ Финляндія превосходно названа «сѣнями» Швеціи, а Нева и Ладога—«рвомъ», ограждаю-

щимъ эти «сѣни». Разъ только Нева и Ладога дѣлались собственностью Россіи, для нея не только открывались «ворота» для торговли и выхода въ море, но и «сѣни» Швеціи оставались беззащитными и должны были непремѣнно, рано или поздно, перейти въ руки наши. Наоборотъ, доколѣ Швеція владѣла «воротами» и «рвомъ», она не только охраняла свои «сѣни» и отбрасывала русскихъ отъ моря, уничтожала или забирала въ руки всю торговлю, но и имѣла возможность постепенно тѣснить Россію и, господствуя

Подворье Стефана Яворскаго.

(Съ рисунка, приложеннаго къ «Описанію Петербурга» Рубана).

на сѣверѣ, опираясь на развивавшійся въ устьѣ Невы торговый, укрѣпленный приморскій городъ, постепенно отторгать одну область за другой. Значить, овладѣть «воротами» невскаго устья значило сломить власть шведовъ на сѣверѣ Россіи.

V.

1700-й годъ ознаменованъ началомъ двухъ величайшихъ европейскихъ войнъ — за испанское наслѣдство на западѣ и великой Сѣверной войны на востокѣ. Трудно даже сказать, какая изъ этихъ войнъ была болѣе обильна чрезвычайными послѣдствіями. Если борьба за наслѣдство испанскаго престола подорвала значеніе Франціи на цѣлое столѣтіе, то Сѣверная война уничтожила значеніе Швеціи, а Россія явилась среди великихъ европейскихъ державъ новой великой державой. Это мѣсто Россіи было дано гениемъ Петра и цѣною неимоверныхъ геройскихъ усилій русскаго народа. Именно воскрешая въ памяти всѣ перипетіи великой эпо-

пеи борьбы Петра съ Карломъ XII, поражаешься той легкомысленной безпечностью, съ которой славянофилы отказывались отъ мѣста, съ такими трудами занятаго нами въ Европѣ.

«Принадлежитъ ли Россія къ Европѣ?»—спрашиваетъ славянофилъ Данилевскій въ своей извѣстной книгѣ «Россія и Европа». И отвѣчаетъ; «къ сожалѣнію или къ удовольствію, къ счастію или къ несчастію, нѣтъ, не принадлежитъ. Она не причастна ни европейскому добру, ни европейскому злу. Какъ же можетъ она принадлежать Европѣ? Ни истинная скромность, ни истинная гордость не позволяютъ Россіи считаться Европой». Какой легкій «отказъ отъ наслѣдства», собраннаго титаническими усиліями великаго Петра!

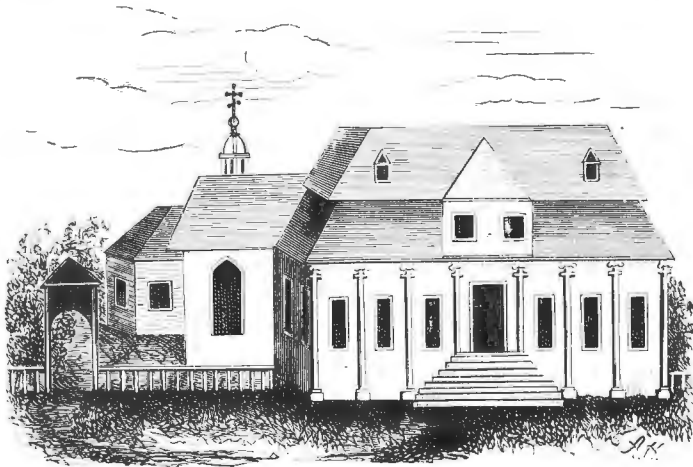
Въ моментъ, когда борьба за испанское наслѣдство отвлекала главнаго союзника Россіи въ борьбѣ съ султаномъ—Австрію, Петръ стоялъ предъ такою дилеммою.

Онъ долженъ былъ или одинъ взять на свои плечи войну, или заключить миръ, который останавливалъ его на половинѣ дороги. Но остановиться, отказаться отъ отысканія добраго пути къ морю Петръ не могъ. Естественно, что въ головѣ его возникла мысль: не удалось ли на Черномъ морѣ, — надобно утвердиться на Балтійскомъ, что гораздо выгоднѣе, ближе и къ настоящей Россіи, и къ настоящей Европѣ. Но если продолжать войну съ Турціей безъ союзниковъ было невозможно, то войну со Швеціей тѣмъ менѣе возможно было начать безъ союзниковъ, слѣдовательно, новая война требовала и новаго союза. Почва для его образованія имѣлась. Завоевательныя стремленія Швеціи вооружили противъ нея сосѣдей. Данія, Польша и Россія были прямо обобраны Швеціей.

Во время пребыванія Петра въ Пруссіи курфюрстъ Бранденбургскій усиленно приглашалъ его къ союзу противъ Швеціи. О томъ же толковалъ Петръ и съ королемъ Августомъ во время дружескихъ бесѣдъ въ мѣстечкѣ Равы. «И такъ другъ другу обязались крѣпкими словами о дружбѣ безъ письменнаго обязательства—и разѣхались».

«Швеція, — говоритъ С. М. Соловьевъ, — успѣла нажить себѣ враговъ во всѣхъ сосѣдяхъ. Привести ихъ въ союзъ противъ общаго врага было нетрудно: стоило только явиться энергическому человѣку, который изъ самыхъ сильныхъ личныхъ побужденій рѣшился бы дѣйствовать въ пользу этого союза, соглашая интересы всѣхъ державъ». Такой человѣкъ нашелся среди лифляндскаго рыцарства, обобраннаго Карломъ XI-мъ («редукція»), въ лицѣ Паткуля, который явился при дворѣ Августа II-го и, въ концѣ 1698 и началѣ 1699 г., то-есть въ разгаръ кроваваго розыска въ Москвѣ по стрѣлецкимъ дѣламъ, подалъ одинъ за другимъ нѣсколько меморіаловъ, въ которыхъ указывалъ, какъ и съ кѣмъ должно заключить союзъ для успѣшнаго нападенія на Швецію и

завоеванія Ливоніи. Паткуль указывалъ на необходимость и возможность заключенія союза съ Даніей, Россіей и Бранденбургомъ. При раздѣлѣ добычи, Паткуль больше всего боялся Россіи. «Надобно опасаться, — писалъ онъ, — чтобъ этотъ могущественный союзникъ не выхватилъ у насъ изъ-подъ носа жаркое, которое мы воткнемъ на вертелъ. Надобно ему (т.-е. Петру Алексѣевичу) доказать исторіей и географіей, что онъ долженъ ограничиться одною Ингерманландіею и Кореліею. Надобно договориться съ царемъ, чтобы онъ не шель дальше Наровы и Пейпуса; если онъ захва-

Подворье Теофана Прокоповича.

(Съ рисунка, находящагося въ «Описаніи Петербурга» Рубана).

титъ Нарву, то ему легко будетъ потомъ овладѣть Эстляндіей и Лифляндіей».

Въ сентябрѣ 1699 года, Августъ прислалъ въ Москву Карловича и Паткуля для переговоровъ о союзѣ противъ Швеціи. Петръ готовъ былъ для пріобрѣтенія моря воевать со шведами въ союзѣ съ Польшею и Даніей. «Послы Августа говорили: теперь время благоприятное для царя утвердиться на Балтійскомъ морѣ, завести торговлю со всѣми странами міра и получить такія выгоды, которыхъ не получалъ никогда ни одинъ потентатъ; захватить монополию торговли между востокомъ и западомъ, не говоря уже о томъ, что пріобрѣтется средство войти въ ближайшія сношенія съ важнѣйшими государствами христіанскаго міра; пріобрѣсти вліяніе на европейскія дѣла, завести на Балтійскомъ морѣ страшный флотъ, образовать здѣсь третье могущество, выбить у Франціи мысль о всемірной монархіи и пріобрѣсть чрезъ это большую славу, чѣмъ отъ покоренія турокъ и татаръ».

11-го ноября 1699 года заключенъ договоръ о наступательномъ союзѣ противъ Швеціи. Въ началѣ 1700 года саксонскія войска вступили въ Ливонію. Въ томъ же году Петръ писалъ Апраксину: «Мы здѣсь въ 18-й день (марта) объявили миръ съ турками зѣло съ презряднымъ фейерверкомъ, въ 19-й день объявили войну противъ шведовъ».

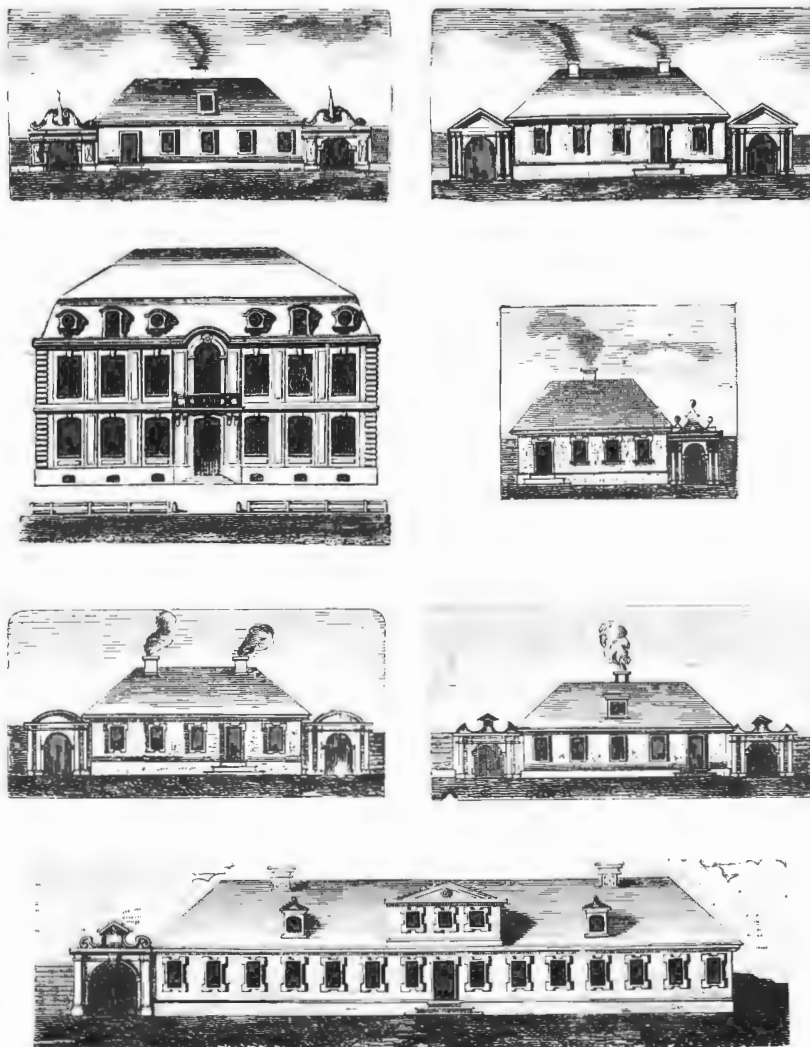
Въ представленіяхъ Карловича мы видимъ полную, глубокую, сознательную политическую программу: «утвердиться» на Балтійскомъ морѣ и завести тамъ флотъ; захватить торговлю между востокомъ и западомъ; войти въ тѣсныя сношенія съ западными народами; явиться новой державой и пріобрѣсти вліяніе на европейскія дѣла. Всего этого и достигъ Петръ Великій. Паткуль боялся, чтобы Петръ не овладѣлъ Нарвою. Но орлиный взглядъ царя именно сюда и упалъ сразу. Овладѣть Нарвой и Орѣшкомъ (Нотебургомъ), создать изъ нихъ опорные пункты и занимать затѣмъ лежащую между ними, пустынную и не имѣвшую другихъ значительныхъ крѣпостей, страну постепенно. 2 марта 1700 года, за двѣ недѣли до объявленія войны Швеціи, Петръ пишетъ Головину, приказывая послать стольника Корчмина, обученнаго инженерному искусству за границей, который «дѣтина, кажется, не глупъ и секретъ можетъ снестъ»,—въ Ругедевъ (то-есть въ Нарву), «чтобы присмотрѣлъ города и мѣста кругомъ», такъ же чтобы побывалъ и въ Орѣшкѣ, «а буде въ него нельзя, хоть возлѣ его». «А мѣсто тутъ зѣло нужно; протокъ изъ Ладожскаго озера въ море (посмотри въ картахъ), и зѣло нужно».

Геніальный человѣкъ однимъ взглядомъ на картѣ опредѣлилъ центральный пунктъ—«протокъ изъ Ладожскаго озера въ море», мѣсто древней Ландскроны. Война объявлена 19-го марта 1700 года, а 16-го мая 1703 года на одномъ изъ островковъ невскаго устья уже стучалъ топоръ. То русскіе рубили деревянный городокъ. Этотъ городокъ былъ Петербургъ. «Въ IX вѣкѣ по Р. Х.,—говоритъ С. М. Соловьевъ,—устьемъ Невы начинался великій путь изъ Варягъ въ Греки; этимъ путемъ въ половинѣ вѣка началась Россія. Въ продолженіе восьми съ половиною вѣковъ шла она все на Востокъ; дошла вплоть до Восточнаго океана, но сильно наконецъ востосковалась по Западномъ морѣ, у котораго родилась, и снова пришла къ нему за средствами къ возрожденію».

Знаменитый маршалъ шведскій Торкель Кнутсонъ въ 1300 году строить крѣпость при устьѣ Невы и называетъ ее «Вѣнцомъ земли», Ландскроной.

Не менѣе знаменитый въ сѣверныхъ лѣтописяхъ полководецъ Яковъ Делагарди въ 1611 году вновь поднимаетъ мысль о построеніи города на Невѣ, какъ опорнаго пункта для борьбы съ русскимъ вліяніемъ. Густавъ II Августъ послѣ Столбовскаго мира указываетъ, что Нева и Нарова — «ворота» сѣверной торговли и

Типы домовъ въ С.-Петербургѣ въ началѣ XVIII столѣтія.
(Съ современныхъ гравюръ).

Балтійскаго моря, что Финляндія—«сѣни» Швеціи, а Нева и озеро Ладожское—«ровъ», ограждающій эти «сѣни». Въ 1632 году Густавъ II Августъ и заложилъ при устьѣ Невы укрѣпленіе Ніеншанцъ.

Послы Августа Саксонскаго представляютъ въ 1699 году Петру Великому, что, овладѣвъ Ингерманландіей и Кореліей, онъ захватитъ торговлю между Востокомъ и Западомъ, создастъ Россіи положеніе европейской державы. Въ то же время они боятся, что

царь захватить Нарову и Пейпусь, овладѣть Эстляндіей и Лифляндіей, и такимъ образомъ «выхватить изъ-подъ носа жаркое, воткнутое на вертелъ». Но одного взгляда паря на карту достаточно, чтобы онъ замѣтилъ это «жаркое». Нарва, Орѣшекъ, протокъ изъ Ладожскаго озера въ море — вотъ «жаркое»! Вотъ это-то и «зѣло нужно» русскому народу. Проходитъ два года, и протокъ въ русскихъ рукахъ, и создается на немъ городъ. Ясно, такимъ образомъ, что геній Петра здѣсь повѣряется четырехсотлѣтнимъ опытомъ, что онъ опирается именно на тотъ пунктъ, обладаніе которымъ давало преобладаніе на Балтійскомъ побережьи и на Финскомъ сѣверѣ.

Вся мудрость, весь подвигъ Петра, все его значеніе для Россіи наглядно здѣсь выясняется для насъ, и мы благоговѣемъ предъ его гениемъ.

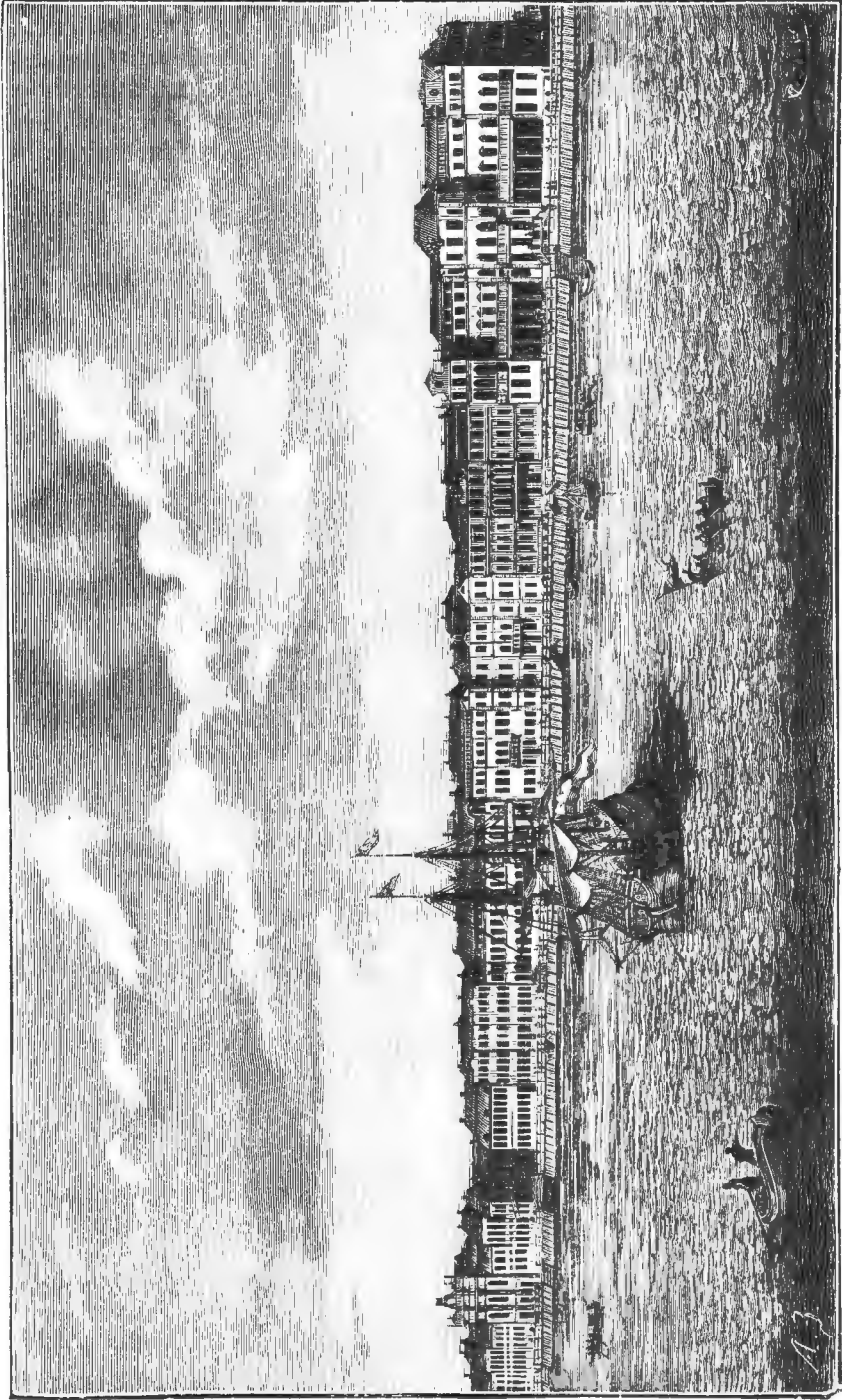
VI.

Петръ строилъ свой городъ не на пустомъ мѣстѣ. Но что собою представлялъ въ 1703 году шведскій городокъ Ніеншанцъ?

Торговый пунктъ этотъ къ концу XVII столѣтія уже имѣлъ доста собственныхъ купеческихъ кораблей. Граждане Ніена являлись посредниками въ русской торговлѣ съ Швеціей и Западомъ. Они вывозили русскіе товары и получали европейскія произведенія, которыми, въ свою очередь, снабжали русскихъ. Быстро разживаясь этимъ выгоднымъ посредничествомъ въ торговлѣ, обыватели городка уже стали строить, вмѣсто деревянныхъ, каменные дома. Они получили такія же права, какъ Нарва и Ревель.

Гдѣ именно находилось это поселеніе шведовъ? Несомнѣнно, на правомъ берегу царственной, полноводной красавицы Невы. Это та мѣстность, которая носить и понынѣ наименованіе Охты. Малая Охта была занята крѣпостью, и рѣка Охта отдѣляла укрѣпленіе отъ собственнаго города, который былъ расположенъ на Большой Охтѣ.

Противъ шестибастіонной крѣпости,—по описанію П. Н. Петрова,—за рѣками Охтою и Чернявкою, стояла каменная лютеранская церковь, составлявшая почти средоточіе городскихъ домовъ, съ кладбищемъ при ней. Ряды домиковъ своеобразной архитектуры, съ острыми, крутыми черепичными крышами, съ выступающими, пузатыми верхними этажами, дугообразно обходили лютеранскую церковь. Улицъ въ шведскомъ городѣ было четыре. Въ послѣдніе годы XVII столѣтія, при Карлѣ XI, въ Ніенѣ былъ выстроенъ госпиталь и при немъ разведенъ садъ съ аптечными растеніями. Этотъ госпиталь былъ единственнымъ лѣчебнымъ заведеніемъ для Финляндіи и всего Прибалтійскаго края. Конечно, основаніе здѣсь госпиталя отчасти доказываетъ, отчасти объясняется сравнительнымъ благосостояніемъ этого города.

Видъ набережной въ С.-Петербурѣ въ началѣ XVIII вѣка.
(Съ современной гравюры Зубова).

Лѣвый берегъ Невы обставленъ былъ нѣсколькими селеніями. Эти селенія расположились у самой воды, и на мѣстѣ теперешнихъ Литейной и Рождественской частей находилось цѣлыхъ пять селеній. Мѣсто Смольнаго монастыря занимало Спасское село съ перевозомъ черезъ Неву. Уже въ 1500 году здѣсь былъ посадъ Спасовщина. При укрѣпленіи лѣваго берега шведами въ 1701—1702 годахъ, съ возведеніемъ землянаго вала въ сажень высоты, находящаяся здѣсь православная церковь была уничтожена.

На мѣстѣ Петербурга было много древне-русскихъ поселеній. Такъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь Инженерный замокъ, было древнее новгородское «усадище», прежде населенное.

Въ XVII вѣкѣ оно состояло всего изъ 4-хъ дворовъ.

При «усадищахъ» была и выгонная земля, нынѣ подъ Адмиралтейской частью. При административномъ дѣленіи Ингерманландіи, вся мѣстность нынѣшняго Петербурга отошла въ Нотебургскій ленъ. На шведскихъ межевыхъ планахъ земель этого лена значится поселокъ «Усадище». По усадищу — мокрой болотинѣ, шла сухая тропка, за нынѣшней Фонтанкой отъ Невы ко взморью по теперешнимъ частямъ Литейной, Московской и Нарвской. Здѣсь-то, на этой сухой тропѣ, у взморья, близъ лѣса, лежала деревня Калина. При застройкѣ она обратилась въ Калинку, въ Калинкину дворцовую слободу, сохранилась въ названіи Калинкина госпиталя и моста, наконецъ, прославлена въ стихахъ Василія Майкова, поэта XVIII вѣка, въ его знаменитой героини-комической поэмѣ «Елисей, или раздраженный Вакхъ»:

Гдѣ рѣчка Черная съ Фонтанкою свилися
И устьемъ въ устіе Невы рѣки влилися,
При устїи сихъ рѣкъ, на самомъ мѣстѣ томъ,
Гдѣ росъ Калиновъ лѣсъ, стоялъ огромный домъ;
По лѣсу оному и домъ именовался,
А именно сей домъ Калинкинъ назывался;
Въ него-то были всѣ распутныя жены
За сластолюбіе свое посажены;
Тамъ комнаты въ себя искусство ихъ вмѣщали.
Едныя изъ нихъ ленъ въ нитки превращали,
Другія кружева изъ нитокъ тѣхъ плели,
Иныя кошельки съ перчатками вязли.
Трудились тако всѣ, дѣла къ рукамъ приближа,
И словомъ, былъ экстрактъ тутъ цѣлаго Парижа.
Тамъ каждая была, какъ ангелъ во плоти,
Затѣмъ, что домъ сей былъ всегда на заперти.

Исчезли безслѣдно даже и названія двухъ другихъ чухонскихъ деревушекъ въ этой мѣстности—Ремана и Винола.

Петербургская сторона при владычествѣ шведовъ называлась Березовскимъ островомъ, а Аптекарскаго — Карпи-саари (Еловый островъ). Это наименованіе «Карпи» уцѣлѣло здѣсь въ прозвищѣ

рѣчки Карповки — по-фински Куорпи-юки — Дикая или Еловая рѣчка. Стрѣлка Васильевского острова называлась Хирви-саари—Лосій островъ, такъ какъ здѣсь въ лѣсу водились лоси. Здѣсь было рыбачье селеніе.

Васильевскій островъ называется такъ еще въ описной книгѣ Водской пятины 1500 года, составленной по указу царя Ивана III. Васильевскія села, починки, усадьбища и островъ въ невскомъ устьѣ принадлежали Василью Селезню, новгородскому посаднику, казненному въ 1470 году Иваномъ III. Кромѣ указанныхъ, на мѣстѣ нынѣшняго Петербурга до 1700 года существовали деревни Кискена, Вихари, Торки, Путтускъ, Эйкіе и Макура.

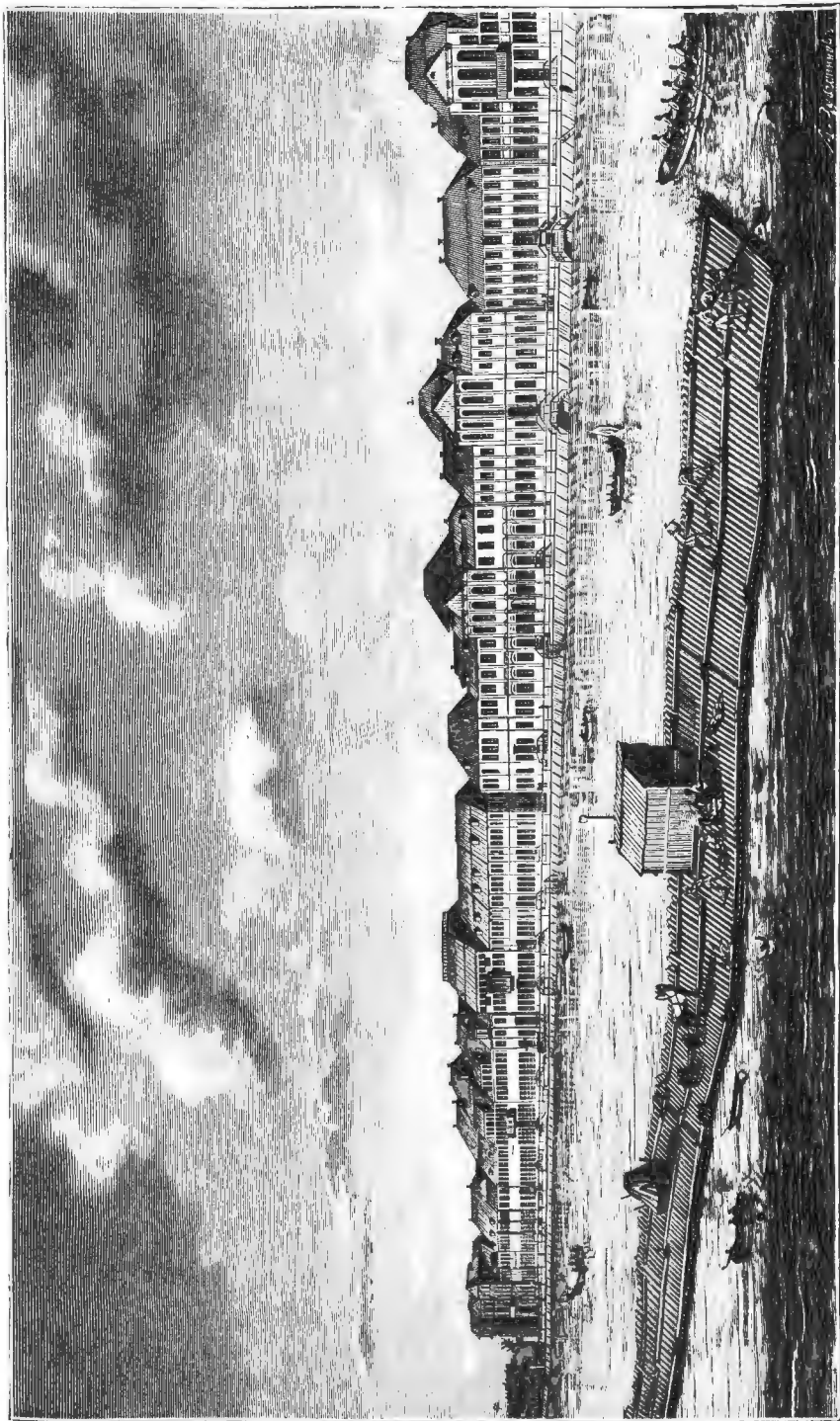
Въ отчетѣ, составленномъ въ 1693 году, о внутреннемъ состояніи Швеціи, Нарва и Ніенъ упоминаются въ числѣ городовъ, гдѣ строятся хорошіе и красивые дома. Въ этомъ отчетѣ показано между прочимъ, что въ Ніенѣ и Нарвѣ были превосходные пильные заводы, получавшіе лѣсъ изъ Россіи. Въ Ніеншанцѣ, который русскіе передѣляли въ Канцы, а иноземцы иногда писали Шанцъ-теръ-Ніенъ, сверхъ финскаго, шведскаго и нѣмецкаго, находился еще и православный приходъ. Хотя населеніе Ингерманландіи состояло главнымъ образомъ изъ финновъ, однако почти всѣ могли объясняться и по-русски, хотя между собой и не употребляли этого языка.

Что населеніе православное здѣсь было весьма значительно, доказываютъ мѣры, вызывавшія большія неудовольствія, которыя принимало здѣсь правительство шведское для распространенія лютеранства. Академикъ Я. Гротъ указываетъ, что еще до заключенія Столбовскаго мира Густавъ II Адольфъ велѣлъ двумъ своимъ придворнымъ проповѣдникамъ устроить въ Иванъгородѣ религіозную бесѣду съ русскими священниками. Затѣмъ дальновидный король учредилъ въ Стокгольмѣ русскую типографію, съ цѣлью печатать и распространять между православными жителями Кареліи и Ингерманландіи лютеранскія духовныя книги, частью въ русскомъ переводѣ, а частью и на финскомъ языкѣ славянскими буквами. Одновременно шведское правительство предполагало издавать пособія и для изученія русскаго языка, необходимаго при торговыхъ сношеніяхъ. 14-го апрѣля 1625 года словолитчику Петру Соловну (von Solown) въ Стокгольмѣ выдана была грамота на званіе русскаго типографщика, и въ царствованіе королевы Христіны вышло нѣсколько книжонокъ изъ его заведенія. Въ 1683 году еще находимъ слѣды этой типографіи. О ней въ одной королевской резолюціи сказано: «русская типографія, возникшая въ Швеціи по повелѣнію Густава-Адольфа, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ подвергалась разстройству и уничтоженію». Далѣе видимъ попытки печатанія русскихъ духовныхъ книгъ шведскими буквами. Назначены были награды пасторамъ, которые выучивались русскому

языку, и православнымъ, выучивавшимъ лютеровъ катихизисъ. Королева Христина повелѣла составить шведско-русскій словарь. Изданъ былъ катихизисъ, финскій текстъ котораго былъ напечатанъ славянской кириллицей. По предписанію финляндскаго генералъ-губернатора графа Браге, этотъ катихизисъ былъ введенъ во всѣхъ православныхъ приходахъ. Но когда въ Кексгольмской области священникъ, отецъ Ефимъ Терентьевъ, хотѣлъ учить молодежь по финскому катихизису, напечатанному русскими литерами, его обвинили въ колдовствѣ и лишили сана. Между тѣмъ благосостояніе мѣстнаго духовенства обоихъ исповѣданій было весьма незавидное. Церкви и кирки разрушались. Пасторы получали столь скудное содержаніе, что должны были жить въ совершенной нищетѣ, и наравнѣ со своими прихожанами коснѣли въ грубомъ невѣжествѣ. Училищъ не было. Несмотря на попытки, сдѣланныя шведскимъ правительствомъ къ обращенію православныхъ жителей Ингерманландіи въ лютеранство, они все же составляли самую значительную часть народонаселенія области и во всемъ слѣдовали русскимъ обычаямъ, хотя собственно русскихъ по происхожденію было между ними не такъ много (Гротъ). Религіозныя притѣсненія произвели между православнымъ населеніемъ Ингерманландіи столь сильное неудовольствіе, что многіе обратились съ жалобами къ русскому правительству, которое путемъ дипломатическихъ сношеній потребовало соблюденія условій мирнаго договора касательно свободы вѣры въ уступленныхъ Швеціи волостяхъ. Однако, это привело къ еще болѣе настойчивымъ попыткамъ искорененія православія въ Ингерманландіи.

Въ 1686 году составлено въ Стокгольмѣ «увѣщаніе ко всѣмъ тѣмъ, которые, хотя говорятъ по-фински, до сихъ поръ придерживались къ русскимъ церквамъ и къ ихъ священникамъ». Въ слѣдующемъ году это воззваніе было напечатано на финскомъ языкѣ для распространенія между православными, какъ Ингерманландіи, такъ и Карелии. Однако, православные упорно держались своей вѣры.

Мы видимъ, что при завоеваніи края Петръ Великій могъ находить опору въ православномъ населеніи, терпѣвшемъ притѣсненія совѣсти при шведскомъ владычествѣ. А такое положеніе вещей представляется весьма важнымъ. Вѣра и упорно отстаиваемая религіозная обособленность доказываетъ силу старыхъ русскихъ вліяній на финское населеніе. Вѣра роднила это по крови чуждое населеніе съ коренной Россіей и вносила раздѣленіе, клиномъ врѣзывалась въ населеніе лютеранское. Царь находилъ здѣсь единовѣрцевъ, страдавшихъ подъ властью шведовъ, какъ на югѣ онъ находилъ единокровное и единовѣрное населеніе славянскихъ народностей, страдавшихъ подъ игомъ турокъ. Доля миссіонерскаго призванія была и въ походѣ русскихъ на сѣверъ, въ Ингерманландію, въ новгородскую Водскую пятину, на берега Балтійскаго моря.

Видъ набережной въ С.-Петербурѣ въ началѣ XVIII вѣка.
(Съ современной гравюры Зубова).

VII.

О процвѣтаніи торговаго города Ніена въ устьѣ «протока» изъ Ладожскаго озера въ море сообщаетъ Миллеръ:

«Не одинъ Любекъ,—говоритъ онъ,—но и Амстердамъ началъ съ Шанць-теръ-Ніенъ торги имѣть. Водный путь оттуда до Новагорода весьма тому способствовалъ. Словомъ: по малу и россійское купечество въ Ніеншанць вошло, и привело сіе мѣсто въ такую славу, что въ послѣдніе годы одинъ тамошній купецъ, прозваніемъ Фриціусъ, шведскому королю Карлу XII, въ началѣ войны съ государемъ императоромъ Петромъ Великимъ, могъ взаимы давать немалыя суммы денегъ, за что послѣ пожалованъ былъ дворянствомъ».

Однако окрестная страна была пустынна, да и самый шведскій городокъ померкъ весьма скоро предъ величественнымъ созданіемъ русскаго царя и народа. Черезъ столѣтіе послѣ заложения Петербурга одинъ изъ государственныхъ людей Швеціи, посѣтивъ столицу, записалъ въ своемъ путевоиъ дневникѣ слѣдующія замѣчательныя слова: «Въ первый разъ видъ этого города пробуждаетъ странное чувство удивленія и досады въ сердцѣ шведа, знающаго исторію своего отечества. Едва столѣтіе прошло съ того времени, какъ владѣнія Швеціи простирались на востокъ до береговъ Невы. Васильевскій островъ былъ тогда кормовымъ помѣстьемъ барабанщика карельскихъ драгунъ, какъ значится въ спискахъ, хранящихся въ архивѣ шведской военной коллегіи. Вся сторона, посреди которой величаво высится Петербургъ, была пустынею, и нѣсколько бѣдныхъ лачужекъ стояло на томъ мѣстѣ, гдѣ Петръ Великій и преемники его находятъ пріютъ послѣдняго успокоенія! На лѣвомъ берегу рѣки, гдѣ все было также пусто, поднимаются теперь великолѣпные дворцы и зданія—и на все это нужно было не болѣе одного вѣка!»

Эти слова просятся на сопоставленіе съ картиной, нарисованной безсмертнымъ гениемъ Пушкина въ поэмѣ «Мѣдный всадникъ»:

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца.
Кругомъ шумѣлъ.

И думалъ Онъ:

— «Отсель грозить мы будемъ шведѣ.
Здѣсь будетъ городъ заложень,
На зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ;
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ,
И запируемъ на просторѣ.

Прошло сто лѣтъ—и юный градъ,
Полночныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво.
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ,
По оживленнымъ берегамъ,
Громады стройныя тѣнятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева,
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова.

Конечно, западнымъ гостямъ волны Финскаго залива были не новы, и не одною только природою, но завѣтами исторіи и всѣми внутренними и внѣшними обстоятельствами минуты суждено было Петру Великому прорубить это окно и стать твердой ногой при морѣ.

Петръ узналъ впервые окрестности Ніена весною, когда онѣ дѣйствительно были хороши со своими голубыми, быстрыми и глубокими водами, вѣяніемъ морского вѣтра, напоеннаго запахомъ сосенъ, со своими лѣсами и зарослями. Но если бы царю былъ извѣстенъ климатъ страны въ остальные девять мѣсяцевъ, то едва ли бы онъ былъ отъ нея въ восхищеніи. Грунтъ земли, гдѣ построенъ Петербургъ, а также окрестностей его, холодный отъ множества водъ, болотъ, пустынныхъ мѣстъ и сѣвернаго положенія. Однако, еще около 1713 г., повсюду, гдѣ расположенъ былъ Петербургъ, и даже въ окрестностяхъ его, ясно были примѣтны борозды плуговъ (Пекарскій). Не только мѣстность самого города, но и окрестности его были низки и болотисты, и сюда пролегала одна только дорога, которая неподалеку отъ Петербурга развѣтвлялась на двѣ. На старинныхъ планахъ дорога эта обозначена въ направленіи Лиговскаго, теперь засыпаннаго, канала. Весною и осенью

по сторонамъ этой дороги лежали десятками дохлыя лошади, нашія въ упряжи между трясинами.

Страшныя наводненія повторялись постоянно. Первобытные жители прибрежья Невы никогда не строили тамъ прочныхъ жилищъ, но легкія хижины. Какъ только по примѣтамъ ожидалась большая буря, крестьяне ломали свои хижины, а бревна и доски связывали въ плоты и привязывали ихъ къ деревьямъ, сами же уходили на Дудорову гору. Кругомъ—лѣса, нѣтъ ни дорогъ, ни тропинокъ, и на всю страну—одинъ, два пути. Если ихъ покинуть—попадешь въ болото. Куда ни помотришь, вездѣ кустарники и тундры. Тамъ-сямъ по опушкѣ лѣса—мызы, фермы. Къ нимъ нѣтъ постоянной дороги. Крестьянинъ пробирается сегодня одной, а завтра уже другой тропею. Воздухъ сырой, туманный, суровый. Въ чащѣ болотистыхъ кустарниковъ гложутъ и не созрѣваютъ полевыя ягоды. Въ лѣсахъ множество медвѣдей, волковъ, лисицъ, рысей. Изъ дичи—глухари, тетерева, рябчики, кулики, утки въ несмѣтномъ количествѣ. Воды были обильны превосходною рыбою (hagrus). Въ грибахъ тоже недостатка не замѣчалось. Изъ деревьевъ росли только ель, пихта, сосна, береза и орѣшина. Только на островѣ Ретусари у взморья росли два древнихъ дуба, которые Петръ велѣлъ обнести рѣшеткой, выстроить домикъ и лѣтомъ любовался видомъ на любимое имъ море.

Туземное населеніе было очень крѣпкаго сложенія и способное вынести все на свѣтѣ. Въ лаптяхъ, въ кафтанѣ домашняго сукна, съ широкимъ кожанымъ поясомъ—на брюхѣ бляха изъ жести, за спиною топоръ. Дома строили изъ бревенъ по русскому образцу, съ двумя волоковыми отверстиями вмѣсто окошекъ, задвигавшихся доскою. Таковъ-то былъ тотъ суровый край, въ который съ московскихъ веселыхъ холмовъ перевелъ Петръ столицу государства.

VIII.

Изъ всѣхъ государственныхъ юбилеевъ, которыми оказалось столь богато «начало вѣка», самый значительный несомнѣнно двухсотлѣтній юбилей нашей столицы.

Это воистину «праздниковъ праздникъ и торжество изъ торжествъ», такъ какъ чествовать русскіе люди будутъ твореніе Петра Великаго, его любимое чадо—сѣверный «парадизъ». Однако, когда именно, котораго числа и мѣсяца праздновать юбилей?

По этому вопросу могутъ быть разногласія. Традиціонная, изстари во всѣхъ книгахъ повторявшаяся и принятая С. М. Соловьевымъ въ его классическомъ, колоссальномъ трудѣ «Исторія Россіи», въ этой неопѣнимой, дѣйствительно, сокровищницѣ фактовъ, дата основанія Петербурга—16-е мая, въ нѣкоторыхъ, весьма серьезныхъ изслѣдователяхъ возбуждаетъ сомнѣнія. Казалось бы, съ

этимъ сомнѣніями надо покончить своевременно, а то выйдетъ то же, что съ двухсотлѣтіемъ печати, когда нѣкоторыя изданія и даже учрежденія считали днемъ его третье января, т.-е. думали почтить двухсотлѣтніе труды работниковъ родного слова на другой день послѣ юбилея.

Правда, что такъ какъ день этотъ ровно никакъ и ничѣмъ не праздновали, то не отразилась на немъ и невѣрная дата.

Сомнѣнія относительно общепринятой даты—16-го мая—основанія Петербурга высказаны между прочимъ П. Н. Петровымъ, въ

Лѣтній садъ въ С.-Петербурѣ въ началѣ XVIII вѣка.

(Съ гравюра 1716 года).

1869 году, въ его статьѣ «Петербургское житье-бытье въ старину» (въ журналѣ «Всемирный Трудъ»), а затѣмъ повторены въ его «Исторіи Санктъ-Петербурга» (изданной въ 1885 году)—обширномъ и, во всякомъ случаѣ, замѣчательномъ изслѣдованіи по многимъ архивнымъ первоисточникамъ.

Съ 26-го апрѣля 1703 года, съ прибытіемъ къ войску государя п осадной артиллеріи, инженеръ Ламбертъ на теперешней Большой Охтѣ повелѣлъ траншеи къ Нѣншанцу, на разстояніи, съ котораго можно было бить изъ мортиръ по крѣпости на случай штурма.

Апрѣля 28-го Петръ I, взявъ семь ротъ гвардейцевъ, въ осьмидесяти лодкахъ поплылъ внизъ по Невѣ, на взморье, несмотря на пальбу съ крѣпости, не причинившую никакого вреда. На взморьѣ оставлены три роты солдатъ, и 29-го апрѣля Петръ воротился съ пальбою, что принято было въ Нienшанцѣ за сигналъ къ штурму, хотя у русскихъ не были еще готовы батареи до утра 30-го апрѣля. Только въ полдень, въ этотъ день, могла начаться стрѣльба изъ мортирь, если бы послѣдовалъ тогда отказъ коменданта сдать этотъ постъ, по царскому предложенію, «на аккордъ». Отвѣтомъ шведы замедлили до вечера.

А какъ только былъ полученъ отрицательный отвѣтъ, залпы изъ двадцати пушекъ и изъ двѣнадцати мортирь загудѣли и не умолкали всю ночь. Все за это время въ маленькой крѣпости было обращено въ развалины. Губительное дѣйствіе русскихъ снарядовъ вынудило шведовъ на разсвѣтѣ предложить сдачу, а на время составления условій договора прекратить разрушительное бомбардированіе. Срокъ для составления условій былъ данъ двухчасовой, а когда истекъ онъ,—послѣдовала угроза начать снова пальбу.

Шведы сдались.

1-го мая 1703 года за палисады вала и за стѣны крѣпости введены русскіе гвардейцы, а шведы вышли вонъ. Имъ дано было разрѣшеніе собрать, не торопясь, свои пожитки и выѣхать въ Выборгъ.

2-го мая было совершено благодарственное Господу Богу молебствіе. Во время молебна полки стояли въ строю. Послѣ пѣнія «Тебѣ Бога хвалимъ» всѣ войска дали троекратный залпъ изъ пушекъ, мортирь и ружей. Затѣмъ началось торжественное вступленіе фельд-маршала Шереметева, которому передалъ ключи комендантъ, сдавшій крѣпость, полковникъ Яганъ Опалевъ, внукъ передавагося шведамъ по Столбовскому договору русскаго дворянина.

Вечеромъ въ тотъ же день роты со взморья дали знать о появленіи на морѣ шведскихъ судовъ.

Такимъ образомъ, день перваго мая — знаменательная дата взятія Петромъ Великимъ крѣпости Нiena и того мѣста, на которомъ построенъ Петербургъ.

10-го мая 1703 года происходитъ морское страженіе со шведскими кораблями «Астрильдомъ» и «Геданомъ».

Обогнувъ Васильевскій островъ, царь прямо поплылъ скорою греблею къ непріятельскимъ судамъ.

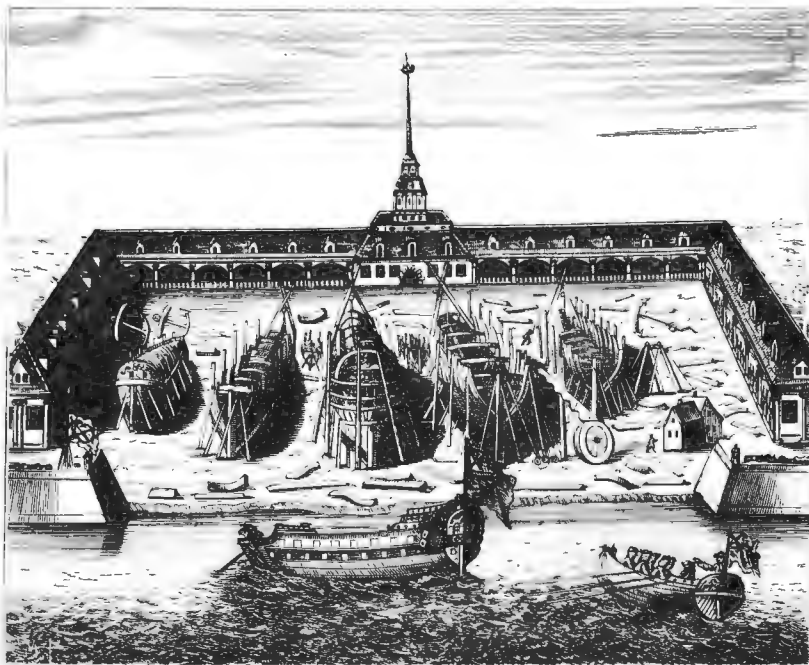
Шведскіе часовые поздно замѣтили русскихъ. Тревогою вызвали они на палубу народъ тогда уже, когда царь съ преображенцами былъ у борта «Астрильда».

На ружейные выстрѣлы русскіе отвѣчали бросаніемъ ручныхъ гранатъ. Эти гранаты переранили многихъ въ толпѣ шведовъ и привели ихъ въ смятеніе. Петръ впереди своихъ съ топоромъ и

гранатою въ рукахъ первымъ ринулся на палубу судна и, несмотря на отчаянное сопротивленіе шведовъ, овладѣлъ шнявою.

Столь же молодецки, удачно и смѣло дѣйствовалъ и Меншиковъ, овладѣвъ адмиральскимъ десятипушечнымъ ботомъ «Геданъ». Артиллерія судна дѣйствовала неудачно. Быстрый, смѣлый натискъ и бросаніе ручныхъ гранатъ не замедлили привести русскихъ на бортъ судна.

Въ письмѣ къ Ѳ. М. Апраксину Петръ Великій самъ засвидѣтельствовалъ стойкость шведовъ: «Понеже непріатели пардону зѣло

Адмиралтейство въ С.-Петербургѣ въ началѣ XVIII вѣка.

(Съ гравюры 1716 года).

поздно закричали, того для солдатъ унять трудно было, которые ворвался едва не всѣхъ покололи, только осталось 13 живыхъ».

За этотъ военный подвигъ, десятаго мая, Петръ и Меншиковъ, послѣ благодарственнаго молебствія, удостѣены отъ наличныхъ кавалеровъ св. Андрея знаковь ордена, торжественно возложенныхъ Головинымъ.

Такимъ образомъ десятое мая является второй замѣчательной датой въ эпопее захвата Невскаго устья.

А когда же былъ заложенъ Петербургъ?

Въ вышеуказанномъ сочиненіи П. Н. Петровъ говорить:

«Въ Преображенскомъ походномъ журналѣ (Кабинетъ Петра I, отд. I, кн. 25) 1703 г., мая 10-го, записано только: «быль благодарной молебень»; «мая 11-го капитанъ» — такъ преображенцы величали государя—«пошелъ въ Шлютенбургъ сухимъ путемъ, 13-го мая— на яхтѣ гулялъ на озерѣ версть 10 и больше». Подъ 14-мъ числомъ мая записано: «пріѣхали на Сяское устье»; 16-го мая— «въ недѣлю пятидесятницы (т.е. въ Троицынъ день) пошли» далѣе, съ Сяскаго устья, гдѣ производилась спѣшная стройка мореходныхъ судовъ. Наконецъ, подъ 17-мъ мая 1703 года записано въ Преображенскомъ журналѣ: «пріѣхали на Лодейную пристань». Замѣтки эти велись при государѣ, въ дежурствѣ, и, стало быть, въ точности ежедневнаго вноса въ нихъ только того, что было, не остается ни малѣйшаго сомнѣнія. Между тѣмъ, 16-го мая 1703 года, — когда Петръ I находился на Сяси, — ему приписывается вполнѣ ошибочно заложеніе Петербурга на Невѣ, тогда какъ о Петербургѣ и послѣ прибытія съ Лодейнаго Поля на Неву нѣтъ помина въ документахъ во весь май и іюнь мѣсяцы 1703 года. Петръ во все это время подписывалъ и письма и указы: «изъ лагеря при Шлотбургѣ», какъ называлось расположеніе полковъ на рѣбихъ Охтахъ, при Ніеншанцѣ». «Первая бумага, — продолжаетъ П. Н. Петровъ, — «изъ Санктъ-Петербурга» — до сихъ поръ (1885 г.) извѣстная уже съ числомъ 1-го іюля 1703 года; но 28-го мая еще обычная помѣта: «изъ лагеря при Шлотбургѣ». Замѣтимъ, что Петръ I, въ Троицынъ день закладывая редутъ при Азовѣ, называлъ его «Троицкъ». А 29-го іюня 1703 года отправилъ на островкѣ Іени-Сари, по мѣстной обстановкѣ, даже роскошное празднованіе, съ обѣдомъ, тостами, пальбою изъ орудій, послѣ молебствія, совершеннаго митрополитомъ новгородскимъ Іовомъ, вызваннымъ сюда для совершенія закладки среди очерченной крѣпости, церкви во имя святыхъ апостоловъ Петра и Павла».

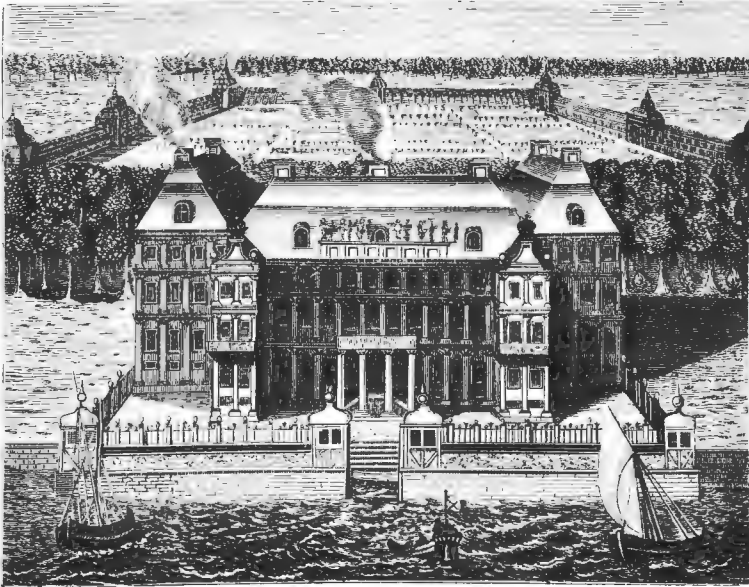
Эта закладка храма апостола Петра, по мнѣнію П. Н. Петрова, и есть въ то же время основаніе Петропавловской крѣпости, — Санктъ-Петербургъ - Бурхъ по-голландски, какъ любилъ выражаться Петръ I.

«Съ 29-го іюня 1703 года, слѣдовательно, должны мы считать существованіе будущей столицы всей Россіи, а не съ 16-го мая, какъ совершенно безъ основанія увѣряютъ всѣ книги о Петербургѣ и медаль, выбитая въ 1803 году, съ числомъ отправленія празднованія въ память истеченія первыхъ ста лѣтъ существованія Петербурга».

«Доказательства, нами приведенныя, — заключаетъ П. Н. Петровъ, — кажутся намъ настолько ясными, что за силою ихъ, мы уже не можемъ, хотя бы и хотѣли, допускать всеми повторяемую дату, которую вслѣдъ за другими помѣстилъ въ текстѣ своей «Исторіи царствованія Петра I» Н. Г. Устряловъ, пропечатавъ въ приложеніи (т. IV,

стр. 514, прилож. V) приведенныя нами выдержки изъ Преображенскаго журнала, опровергающія старинное, неточное показаніе».

«Не понимая,—какъ онъ выражается,—терпимости завѣдомой лжи, ради ея древности и общественности», П. Н. Петровъ приурочиваетъ основаніе града св. Петра на Невѣ первымъ нашимъ императоромъ ко дню его тезоименитства, потому что Петербургъ основанъ «на его государево имя», какъ сказано въ редактированныхъ самимъ же Петромъ I первыхъ вѣдомостяхъ 1703 года.

Домъ князя Меншикова на Васильевскомъ островѣ.

(Съ гравюры 1716 года).

Здѣсь, на 135 страницѣ (перепечатка: Спб., 1855 г.), мы еще читаемъ: «изъ Шлотбурга нынѣшняго іюня въ 19 день» извѣстіе о боѣ Шереметева со шведами подъ Ямбургомъ. Это подтверждаетъ, что до Петрова дня 1703 года не слышно было имени С.-Петербурга. Только на стр. 155 «Вѣдомости московскія» гласятъ: «изъ новыя крѣпости Петербурга пишутъ, что нынѣшняго іюля въ 7 день» и т. д.

Отъ 4 октября 1703 г. (стр. 202) помѣщено извѣстіе изъ Риги отъ 24 августа: «Его царское величество, по взятіи Шлотбурга, въ одной мили оттуда ближе къ восточному морю, на островѣ новую и зѣло удобную крѣпость построить велѣлъ... и тою крѣпость на свое государское именованіе прозваніемъ Петербургомъ обновити указалъ».

«истор. вѣстн.», май, 1903 г., т. хси.

13

Такимъ образомъ, по этому мнѣнію мы имѣемъ передъ собою три юбилейныя даты:

Первое мая 1903 года — двухсотлѣтіе взятія Петромъ Великимъ шведской крѣпости Нена.

Десятое мая 1903 года — двухсотлѣтіе подвига Петра, взявшаго на abordажъ судно шведовъ «Астрильдъ».

Двадцать девятаго іюня 1903 года — двухсотлѣтіе закладки Петро-Павловской крѣпости и церкви, которая и есть самое основаніе города С.-Петербурга на рѣкѣ Невѣ первымъ русскимъ императоромъ.

Что касается общественной даты — шестнадцатое мая — обычно считавшейся днемъ основанія столицы, то П. Н. Петровъ признаетъ эту дату «неточнымъ», хотя и «стариннымъ» указаніемъ и даже «завѣдомой ложью», терпимость къ которой непонятна.

Однако, на какихъ источникахъ опирался почтенный исторіографъ нашей столицы, провозглашая «ложью» дату, выбитую на медаляхъ въ память истекшаго въ 1803 году столѣтія существованія Петербурга?

Очевидное дѣло, только на приложеніи къ IV-му тому «Исторіи царствованія Петра I» Н. Г. Устрялова, — источникъ, конечно, весьма компетентномъ, хотя уже тоже «старинномъ», и на извѣстіяхъ Петровскихъ «Вѣдомостей» 1703 года, въ перепечаткѣ, сдѣланной въ 1855 году Публичной библіотекой.

Исслѣдованія этого вопроса первостепенной важности по первоисточникамъ и по архивнымъ даннымъ П. Н. Петровымъ не было произведено очевидно.

Однако, исторіографъ невской столицы настолько самъ является компетентнымъ источникомъ, что его мнѣніе, хотя бы и основанное видимо только на Устряловѣ и «Вѣдомостяхъ», но съ такою рѣшительностью высказанное («завѣдомая ложь»), должно поколебать насъ. Тѣмъ болѣе, что, съ одной стороны, Петровъ какъ бы уличаетъ историка Устрялова въ сокрытіи исторической истины, спрятанной имъ въ дебри «приложенія», а, съ другой, вопросъ самъ по себѣ не можетъ не волновать насъ. А онъ и до сихъ поръ, на порогѣ юбилея, все не рѣшенъ, все темень.

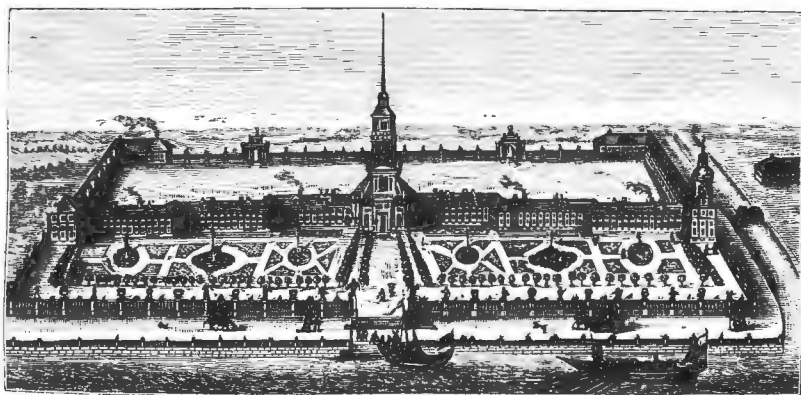
IX.

Въ статьѣ, озаглавленной «Когда праздновать юбилей Петербурга?» («Новое Время», 17-го января 1903 г., № 9652), я возбудилъ этотъ вопросъ первостепенной важности. Мнѣ отвѣчали въ № 9660 г. Гр. Немировъ, приведа весьма интересные доводы за старую дату, которую П. Н. Петровъ провозгласилъ «завѣдомою ложью».

Первые три юбилея Петербурга въ 1753, 1803 и 1853 годахъ были празднуемы однообразно 16-го мая, и эта дата основанія Пе-

тербурга означена въ весьма солидномъ источникѣ, именно въ редакцированной самимъ Петромъ Великимъ такъ называемой «Книгѣ Марсовой», изданной въ 1713 году и составленной по современнымъ походнымъ журналамъ о разныхъ военныхъ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ. Здѣсь, въ концѣ журнала о взятіи находившейся на Охтѣ шведской крѣпостцы Ньюенсканца, или, по нѣмецкому названію, Ніеншанца, послѣ описанія событій съ 23-го апрѣля по 10-е мая 1703 года сказано: «между тѣмъ временемъ г. капитанъ бомбардирской роты (такъ звали обыкновенно Петра Великаго) изволилъ осматривать близъ къ морю удобнаго мѣста для зданія новой фортеціи, и потомъ въ скоромъ времени изволилъ обыскать еди-

Александро-Невская лавра.

(Съ гравюры 1716 года).

ный островъ, зѣло удобный положеніемъ мѣста, на которомъ вскорѣ, а именно мая въ 16-й день, въ недѣлю (т.-е. воскресенье) пятьдесятницы (день св. Троицы) фортецію заложили и нарекли имя оной Санктпетербургъ».

Это показаніе есть основной источникъ, откуда оно перешло въ другія изданія XVIII-го столѣтія, говорившія объ основаніи Петербурга.

Далѣе г. Гр. Немировъ указываетъ, что дата 29-го іюня основанія Петербурга была впервые предложена покойнымъ П. Н. Петровымъ въ 1869 году и потомъ повторена имъ въ 1885 году. А уже въ 1888 году въ первомъ выпускѣ книги господина Немирова «Петербургъ до его основанія» было имъ указано на важное донесеніе цесарскаго секретаря Плейера, австрійскаго резидента при русскомъ дворѣ, отъ 25-го іюня стараго стиля изъ Москвы.

Въ этомъ донесеніи Плейеръ говоритъ: «Русскіе не только укрѣпляютъ очень усердно Нейенштанцъ (то-есть Новые Канцы, какъ

13*

русскіе звали шведскую крѣпостцу Ньюенскансъ на Охтѣ), строятъ крѣпость почти совсѣмъ вблизи (такъ называвшуюся Новую крѣпость, временно возведенную на Выборгской сторонѣ для охраны пути по Большой Невкѣ), но фортифицируютъ сверхъ того въ одной милѣ отъ крѣпости (Ніеншанца) еще крайнюю крѣпость при устьѣ Невы и выгодный островъ, при морѣ расположенный» (Котлинъ, гдѣ нынѣ Кронштадтъ). Это донесеніе Плейера на нѣмецкомъ языкѣ полностью напечатано въ приложеніи къ IV т. ч. 2-й «Исторіи царствованія Петра Великаго» Устрялова (Спб., 1863 г., стр. 610).

Такъ какъ почта изъ Петербурга въ Москву ходила тогда 8—9 дней, то сообщаемыя Плейеромъ свѣдѣнія могутъ относиться самое позднее къ 16-му іюня.

Такимъ образомъ, дата, указанная П. Н. Петровымъ на основаніи другого «приложенія» къ тому же четвертому тому сочиненія Устрялова—29 іюня, становится сомнительной. Видимъ, что и Устряловъ вовсе не желалъ скрывать истину, имѣя подъ руками для сопоставленія и Преображенскій журналъ и донесеніе Плейера. Пусть журналъ свидѣтельствуетъ, что 16 мая Петра не было на Невѣ, но и Плейеръ указываетъ, что еще задолго до 29 іюня были «фортифицированы» невскіе берега.

Далѣе г. Немировъ приводитъ еще рядъ документовъ, доказывающихъ, что Петербургъ былъ несомнѣнно заложенъ раньше 29-го іюня, если даже пока и допустимъ, что не 16 мая. Такъ на письмѣ Ѳ. М. Апраксина къ Петру Великому отъ 18-го іюня 1703 года, напечатанномъ въ изданіи «Писемъ и бумагъ Петра Великаго» (т. 2, стр. 495 и 496, изд. 1889 года), находится помѣта: «Принято съ почты во новозастроенной крѣпости, іюня 28 дня 1703 года».

Затѣмъ въ «Журналѣ государя Петра I-го», составленномъ барономъ Гюйсеномъ, отмѣчено, что «іюня 22-го дня отъ Канецъ полки отъ гвардіи, такожь и генераль Репнинъ съ знатною частью пѣхотныхъ полковъ приблизились къ вышеупомянутой новозакладенной крѣпости Санктъ-Петербургъ».

Итакъ 16-го, 22-го и 28-го іюня уже существовала «новозастроенная» и «новозакладенная» крайняя крѣпость Санктъ-Петербургъ.

Вышеуказанный «Журналъ» барона Гюйсена (Гизена въ русскомъ произношеніи) подробно сообщаетъ, что происходило и 29-го іюня 1703 года, въ день, принимаемый П. Н. Петровымъ моментомъ «заложенія» С.-Петербургской крѣпости или «основанія города святого Петра на Невѣ»:

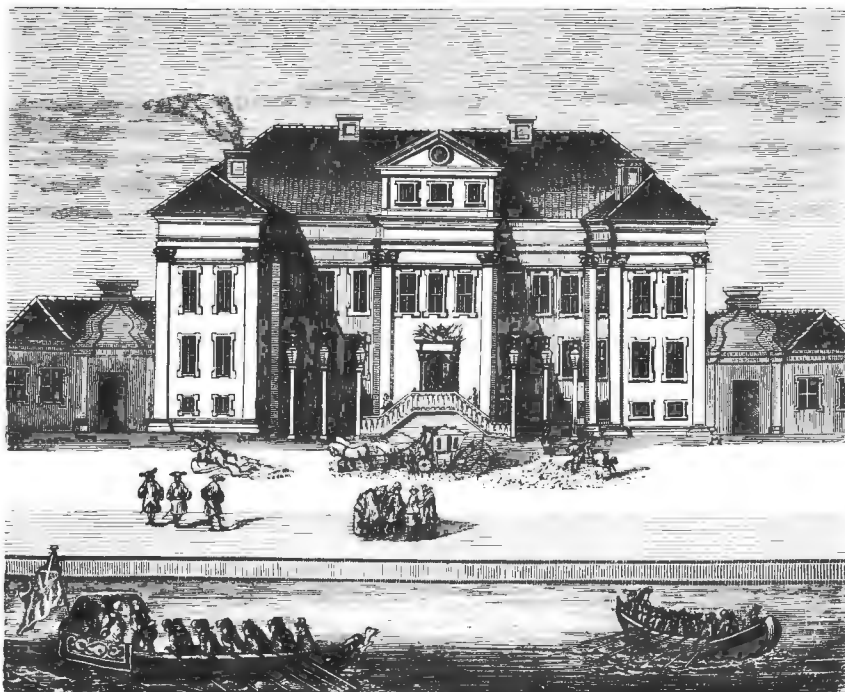
«Праздникъ апостоловъ Петра и Павла (день ангела Петра Великаго) его царское величество изволилъ торжествовать съ набоженствомъ и веселіемъ звычайнымъ (чрезвычайнымъ) въ вышепомянутой Санктъ-Петербургской крѣпости; банкетъ былъ въ

новыхъ казармахъ, которыхъ тогда въ больверкѣ генералъ-губернатора Александра Даниловича Меншикова нѣсколько уже сдѣлано было».

Значить, «набоженство», «веселіе» и «банкетъ» 29-го іюня былъ въ «новозакладенной» крѣпости.

Х.

Указанія покойнаго историка Петербурга г. Немировъ признаетъ несомнѣнно имѣющими значеніе. Эти указанія заставили

Зимній дворецъ.

(Съ гравюры 1716 года).

разобраться въ подробностяхъ возникновенія наступившаго юбилея. Но сами по себѣ они не опровергають даты 16-го мая и послѣдшаго вывода о заложеніи или основаніи Петербурга лишь 29-го іюня логически не подтверждаютъ.

Крѣпость могла быть заложена и въ отсутствіи Петра, а официально именоваться предназначеннымъ ей названіемъ, конечно, могла лишь послѣ своего освященія. Завоеванъ Петербургъ былъ 1-го мая; защищенъ—10-го мая; а 29 іюня было крещеніе города, новозаложеннаго 16 мая. Въ самомъ дѣлѣ, самъ П. Н. Петровъ говоритъ, что 29-го іюня совершена была закладка церкви

во имя святыхъ апостоловъ Петра и Павла,—закладка, среди очерченной крѣпости. Когда же была «очерчена» эта крѣпость? Несомнѣнно, раньше. Значить, ничто не мѣшаетъ намъ принять 16-е мая за день, когда именно было совершено это «очерченіе» новой крѣпости. Всѣ четыре даты—1-е мая, 10-е мая, 16-е мая и 29-го іюня представляютъ юбилейные дни, одинаково достойные воспоминанія. Въ эти дни было положено основаніе великой мысли. Она затѣмъ развивалась два столѣтія. Эти дни—какъ бы зерна горчичныя, изъ которыхъ черезъ 200 лѣтъ выросло могучее, многовѣтвистое дерево—современный колоссальный С.-Петербургъ, столица великой имперіи и великаго народа.

Въ томъ, что одинъ человѣкъ—царь, удаляется отъ своей древней столицы, вырывается изъ привычныхъ, вѣками освященныхъ, формъ жизни и уходитъ на сѣверъ, въ устье широкой рѣки и здѣсь среди лѣсовъ и болотъ начинаетъ новую жизнь, закладываетъ новую столицу,—есть что-то до того величественное, что переноситъ насъ къ началу исторіи, къ вѣкамъ миѣческимъ. Такой подвигъ по плечу только древнимъ царямъ-героямъ.

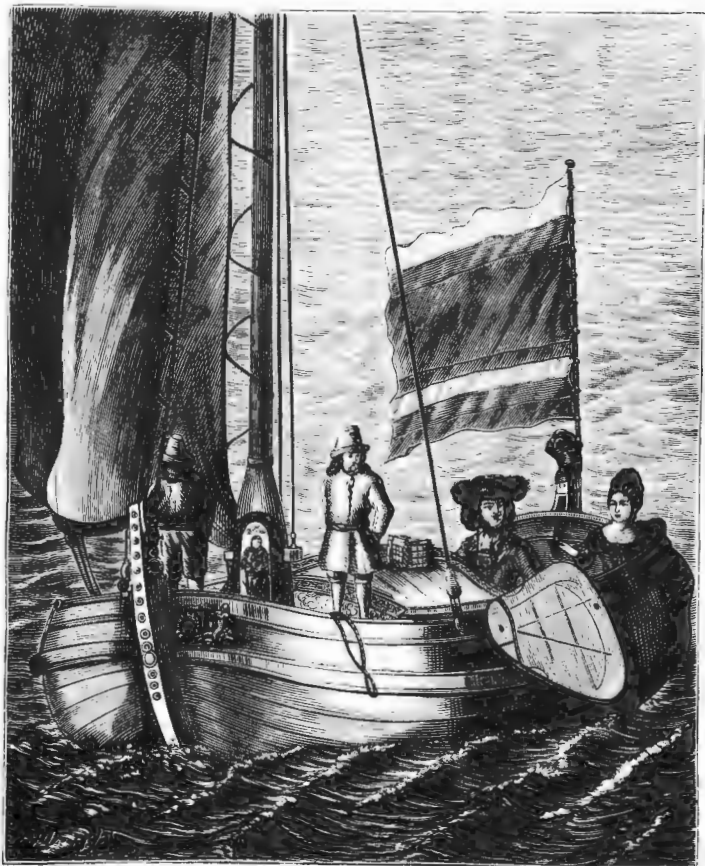
И такое именно впечатлѣніе вся колоссальная личность градостроителя Петра произвела на русскій народъ. Е. В. Барсовъ записалъ въ Онежскомъ краѣ былинку о Петрѣ и его борьбѣ со шведами, которую можно приурочить къ подвигу великаго царя 10 мая 1703 г., при взятіи имъ «Астрильда».

Былина была записана собирателемъ со словъ рассказчика прозою, но и сквозь прозу сами собой сквозили стихи. Покойный А. Н. Майковъ взялся проявить и воскресить изъ записи Барсова первоначальную поэтическую структуру преданія и совершилъ это, почти нигдѣ ничего не прибавляя отъ себя, съ большимъ, свойственнымъ ему, мастерствомъ.

Когда насъ еще на свѣтѣ не было,
 Да и дѣды дѣдовъ нашихъ не жили,
 И людей на свѣтѣ была малость мальская,
 Цари въ ту пору земли себѣ дѣлили,
 Въ ту ли пору было—стародавнюю...

Такой запѣвкой начинается былина. Образъ царя столь грандіозенъ, что воображеніе пѣвца не въ силахъ вмѣстить его въ тѣсный горизонтъ какихъ нибудь двухъ столѣтій. Онъ отодвигаетъ этотъ образъ въ сѣдую глубь временъ «дѣлежа» земли—героями, царями, полубогами. Тогда не жили еще «дѣды дѣдовъ». Людей была «малость». Зато въ дикой красѣ могуче царила природа:

Въ лѣсу звѣря разводился,
 Что ни кустъ—лисица со кунницею,
 Что ни пень—медвѣдь со волчищемъ,
 А и рыбы въ рѣкахъ наплодился,
 Хоть рукой имаи, аль корцомъ черпай.

Петръ I и Екатерина, катающіяся въ шнявѣ по Невѣ.
(Съ гравюры Зубова, 1716 года).

«Дѣлящіе» пустынную землю цари-герои столкнулись, облюбовавъ одну и ту же область:

Полюбилось наше мѣсто вольное,
Полюбилось оно царю Свейскому,
Запримѣтилъ то же Петра, русскій царь,
Что ручьи у насъ глубокіе,
Рѣки долги, широкія,
А морямъ—и нѣтъ конца!

Далѣе изображается столкновение «начальниковъ» свейскаго царя съ Петромъ:

Не ясень-сокольникъ налеталъ на лебедь бѣлую,
И не лебедь смутилъ воду синюю:

То летятъ, воду рябятъ лодки свейскія
 На цареву лодку крѣпкую;
 Съ шумомъ, свистомъ прорываючись,
 Въ мелкій чересть искрошить хотятъ.
 Не стерпѣлъ тутъ Петра, понасунился,
 Очи ясныя поразсвѣтились,
 И румянецъ сталь во всю щекъ.

Затѣмъ слѣдуетъ разительная картина, о которой Майковъ говоритъ совершенно справедливо: «Петръ, повелѣвающій стихіями, это такой колоссальный образъ великаго государя, а описаніе бури и потопленія свейскихъ лодокъ—такая живая, сжатая и вѣрная природѣ картина, что было бы жаль, если бъ эти красоты народнаго творчества прошли незамѣтно въ исторіи нашей поэзіи».

Царь взялъ въ руки золотой рожокъ,
 Протрубилъ на всѣ четыре стороны...
 Разносился голосъ по темнымъ водамъ —
 Становилась темень Божія...
 Собирались вѣтры...
 Расходились воды...

Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что такое преданіе сложилось въ Архангельской губерніи. Оттуда вышелъ великій русскій ученый и поэтъ Ломоносовъ, который, раздѣляя воззрѣніе народное, сказалъ о Петрѣ:

Онъ богъ, онъ богъ былъ твой, Россія?

Но для насъ, изъ-за колоссальной фигуры Петра, встаетъ другая миоическая фигура—народа. Да, того великаго и многострадальнаго народа, который шелъ за своимъ царемъ и помогалъ осуществить ему гениальные его замыслы; того народа, который и сражался, и рубилъ, и строилъ, и гнилъ въ болотахъ, и умиралъ отъ лихорадокъ и дизентерій среди ингерманландскихъ болотъ. Этотъ народъ понялъ своего царя и воспѣлъ его; а самъ, этотъ кроткій младенецъ-богатырь, остался въ тѣни, въ сторонѣ, какъ статистъ блестящей исторической сцены. Но въ день двухсотлѣтняго юбилея Петербурга этотъ истинный герой, тотъ, на чьихъ костяхъ построенъ великій городъ Петра, долженъ быть признанъ, должно, чтобы раздалась ему нелицемѣрная хвала. Не даромъ сынъ народа, благоговѣвшій передъ Петромъ, гениальный Ломоносовъ назвалъ русскій народъ «въ трудъ рожденнымъ». Да, этотъ трудъ—созданія новой столицы —

... былъ страшно громаденъ,
 Не по плечу одному.

Народная легенда въ личности Петра соединяетъ и воплощаетъ всю безконечную мощь народную. И передъ нами полубогъ, отъ голоса котораго скопляется вокругъ «темень Божія», чреватая громами и всесокрушающими молніями. Но мы знаемъ, что Петръ былъ только вождемъ. А за нимъ шель, двигался несмѣтной тучей народъ. Онъ-то безмолвно, безславно, безнаградно переболѣлъ, пере-страдалъ этотъ колоссальный урокъ, который задала ему исторія и не въ первый уже разъ. «Навалились народомъ»—и все вынесла народная грудь. Великій и кроткій, на юбилей Петра, онъ первый гость, народъ, и ему должно отвести почетное мѣсто въ красномъ углу. И если народъ всталъ и пошелъ за своимъ вождемъ; если онъ совершилъ и все препобѣдилъ, то, значить, дѣло, котораго потребовалъ отъ него Петръ, было дѣло великое и необходимое. Если бы живъ былъ Новгородъ Великій, можетъ быть, и не потребовалось бы строить столицу при Невѣ. Но Новгорода не было, не было духа, Новгородъ создавшаго. Поэтому потребовался Петровъ духъ и Петровъ городъ!

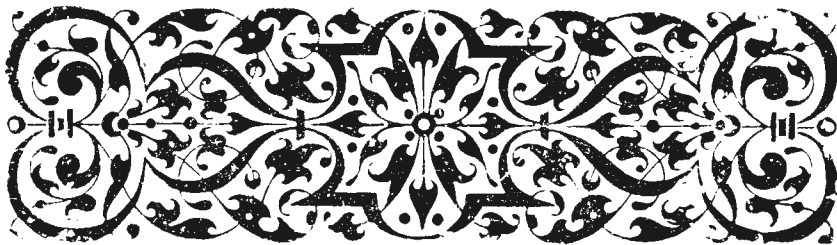
Сила народная,
Сила могучая:
Совѣсть спокойная,
Правда живучая!
Сила съ неправдою
Не уживается,
Жертва неправдою
Не вызывается!

Петербургъ—слишкомъ великая жертва, чтобы ему быть, какъ это полагали славянофилы, неправдою.

Николай Энгельгардтъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ ВЪ НАЧАЛѢ XIX ВѢКА.

ВЪ ВИДУ двухсотлѣтняго юбилея Петербурга несомнѣнно интересны описанія нравовъ и обычаевъ петербуржцевъ, а равно и нѣкоторыхъ историческихъ фактовъ какого бы то ни было періода его существованія. Мнѣ случайно удалось познакомиться съ записками двухъ иностранцевъ, проживавшихъ въ Петербургѣ въ началѣ XIX столѣтія¹⁾. Записки эти велись однѣ въ формѣ писемъ, другія въ видѣ личныхъ воспоминаній. Первыя изъ нихъ написаны на нѣмецкомъ языкѣ, и авторъ ихъ нѣмецъ Х. Мюллеръ изъ города Лейпцига, напечатавшій свои письма въ 1815 году. Вторымъ авторомъ является А. Галеаццо, издавшій свои воспоминанія въ Падуѣ въ 1816 году на итальянскомъ языкѣ.

Все, что мнѣ показалось болѣе интереснымъ въ обѣихъ книгахъ, я собралъ въ этомъ небольшомъ очеркѣ.

I.

Петербургъ въ настоящее время настолько разнится отъ Петербурга 1805—1815 годовъ, что, безъ сомнѣнія, интересно вернуться за сто лѣтъ назадъ и посмотреть, что представлялъ онъ собою

¹⁾ 1) Ch. Müller. St. Petersburg. Ein Beitrag zur Geschichte unserer Zeit in Briefen. Aus den Jahren 1810—1813. Mainz. 1815.—2) A. Galeazzo. Narazioni degli soggiorni a Pietroburs. Padua. 1816.

тогда. Не говоря уже о плановомъ расположеніи, все—обычаи, нравы, само общество, неузнаваемо перемѣнились съ тѣхъ поръ.

Если сравнить планъ Петербурга 1805—1815 годовъ съ нынѣшнимъ, перемѣна представляется очень существенною.

Городскія границы были съ юга: рѣка Лиговка, за которой шла непосредственно городская роща вплоть до Невскаго побережья, включая сюда Екатерингофъ. Правѣ Лиговку пересѣкали постройки бывшей Ямской части, за которыми находилась Александро-Невская лавра. Послѣднія постройки праваго русла Невы помѣщались у Черной рѣчки, служившей крайней городскою границею. Въ сѣверной части города граница находилась у рѣчки Карповки, хотя постройки оканчивались значительно ближе, и затѣмъ шли огороды. Лежащій на западѣ Васильевскій островъ былъ заселенъ только въ его началѣ, правильная же распланировка линій существовала до 22-й линіи. Мѣстность, именуемая Чекушами, представляла собою пустое поле, тянувшееся вплоть до взморья. Только Галерная гавань являлась заселеннымъ оазисомъ, но сообщеніе съ нею было чрезвычайно затруднительное, благодаря сырой низинѣ, гдѣ теперь Смоленское поле, и туда ѣздили преимущественно по Невѣ, обходя южный уголъ Васильевского острова. Восточная сторона города была заселена очень слабо; здѣсь помѣщались съ большими интервалами амбары и кладовыя.

Изъ дачныхъ мѣстностей, въ настоящее время тѣсно заселенныхъ, можно указать только на Каменный островъ, гдѣ существовали дачи аристократіи, да отчасти на берегъ Большой Невки выше Строганова моста, славившійся, благодаря чудному саду графа Строганова и нѣсколькимъ отдѣльнымъ дачамъ, построеннымъ на Крестовскомъ и Аптекаарскомъ островахъ тоже аристократіей; но онѣ являлись скорѣе небольшими усадьбами для лѣтняго мѣстопребыванія. Въ самомъ городѣ, имѣвшемъ въ то время до 300 тысячъ жителей, было немало прекрасныхъ зданій и построекъ, выывавшихъ восторгъ даже у посѣщавшихъ Петербургъ въ то время иностранцевъ. Одинъ изъ нихъ говоритъ, между прочимъ, въ своихъ замѣткахъ: «Никогда не было примѣра, чтобы въ теченіе одного только столѣтія могъ съ быстротой, прямо сказочной, возникнуть и развиваться такой великолѣпный городъ, и превзойти по красотѣ своихъ построекъ, по благородству и чистотѣ ихъ стили, всѣ остальные города Европы и Америки. Только такіе великіе созидатели, какъ Екатерина II, Павелъ и Александръ, могли это сдѣлать». О великолѣпнѣйшій садовъ при Таврическомъ дворцѣ, обоихъ Лѣтнихъ, а также князя Юсупова или Гидростатической школы, тотъ же иностранецъ говоритъ съ восторгомъ. Острова, въ особенности Крестовскій и Елагинъ, почти пустынные, были очаровательны.

Любимымъ препровожденіемъ времени средняго класса по праздникамъ, лѣтомъ, было, нанявъ большой четырехъ-весельный ял-

ботъ съ двумя гребцами, отправиться цѣлой семьей на одинъ изъ этихъ острововъ съ самоваромъ и кушаньемъ. Плата за подобное катанье не была особенно велика: два рубля ассигнаціями за все время вполне удовлетворяли гребцовъ.

На Крестовскомъ островѣ одинъ предприимчивый чухонецъ устроилъ деревянныя горы, по которымъ скатывались на особо приспособленныхъ небольшихъ телѣжкахъ, при чемъ плата за это удовольствіе не бралась отдѣльно, а входила въ уплачиваемую за самоваръ, за ѣду и пр.

Сюда ѣздили преимущественно купцы, мелкіе чиновники и вообще средній петербургскій людъ. Горы эти помѣщались тамъ, гдѣ въ настоящее время находятся зданія яхтклуба у Крестовскаго моста.

Въ другомъ мѣстѣ Крестовскаго, напротивъ Елагина острова, въ лѣсу, устроивались палатки. По праздникамъ сюда пріѣзжало тоже немало публики. Здѣсь можно было встрѣтить самые разнообразные типы: купцовъ въ высокихъ, шелковыхъ, глянцевитыхъ шляпахъ, въ длинныхъ черныхъ сюртукахъ со сборками сзади, въ сапогахъ съ высокими голенищами; грузныхъ, раскраснѣвшихся купчихъ въ цвѣтныхъ повойникахъ, въ пестрыхъ платьяхъ съ неизбѣжными ковровыми шальями на плечахъ; молоденькихъ чухонекъ въ ихъ національныхъ костюмахъ, съ распущенными волосами, скорѣе похожими на ленъ, пріѣзжавшихъ сюда съ исключительною цѣлью поплясать съ русскими; мелкихъ чиновниковъ, забравшихся сюда спозаранку. Вся эта толпа шумно разговаривала, невнимательно слушая скрипача или гитариста, непрерывно наигрывавшихъ на своихъ инструментахъ различныя пѣсни. Подъ эту же музыку здѣсь танцовали и плясали.

Все перемѣшивалось, чухонскія слова слышались среди русскаго разговора и наоборотъ. Было весело, никто не претендовалъ на скудость развлеченій, и всѣ веселились до-упаду. Въ палаткѣ торговали чаемъ, медомъ и квасомъ. Ни водки, ни незнаемаго въ то время въ Петербургѣ пива не было и въ поминѣ.

Роскошная дача Нарышкина, находившаяся около Крестовскаго острова, была всегда открыта для осмотра, и по праздникамъ въ нее являлась масса любопытныхъ. Свободно пускали и въ великолѣпный Строгоновскій паркъ. Сюда пріѣзжали также со своими закусками, самоварами, веселились, танцовали до темноты. Оставаться поздно въ саду воспрещалось, такъ какъ неоднократно происходили случаи нечаянныхъ пожаровъ, и при этомъ пострадали вѣковыя липы.

Елагинъ островъ, а равно и западная часть Крестовскаго, были въ дикомъ состояніи, и туда мало ѣздили. Каменный островъ являлся всецѣло мѣстопробываніемъ высшаго общества. Здѣсь, между прочимъ, была дача французскаго посланника. Каменно-

островскій дворець, очень любимый императоромъ Александромъ I, жившимъ тамъ каждое лѣто, дѣлалъ Каменный островъ центромъ лѣтней придворной жизни. Въ Таврическомъ дворцѣ государь ежегодно проживалъ весною только одну недѣлю.

Современники-иностранцы интересно описываютъ петербургское общество того времени и указываютъ на пристрастіе его ко всему иностранному. Былъ даже проектъ, предложенный однимъ французомъ, переимѣнить названіе Невскаго проспекта на Rue de tolerance, т.-е. равенства, при чемъ поводомъ къ подобному названію онъ указывалъ на существующія на Невскомъ иностранныя церкви— католическую, лютеранскую, протестантскую и армянскую. Проектъ этотъ, конечно, былъ отвергнутъ. Во всякомъ случаѣ, пристрастіе къ пріѣзжимъ иностранцамъ сказывалось хотя бы въ томъ, что любой изъ нихъ, не имѣя въ столицѣ знакомыхъ, могъ легко имѣть даромъ помѣщеніе, столъ и все необходимое у чужихъ совершенно для него людей только потому, что онъ иностранецъ, не говоря уже объ артистахъ и виртуозахъ. Подобное гостепріимство и радушіе прямо изумляли пріѣзжихъ. Въ высшемъ обществѣ день начинался довольно рано; въ 10 часовъ вставали, обѣдъ происходилъ обыкновенно въ 4—5 часовъ. Если онъ былъ званый, то нерѣдко во время переимны кушаньевъ нѣкоторые изъ приглашенныхъ гостей-артистовъ исполняли небольшія музыкальныя вещи, такъ, напримѣръ, Штейнбельтъ, Рошбергъ, Лафонъ, играли на инструментахъ, драматическіе артисты декламировали. Подобное импровизированное исполненіе оживляло обѣдъ и порождало соревнованіе.

Около 10 часовъ вечера пили чай, при чемъ большинство мужчинъ предпочитало ему грогъ, любимый напитокъ того времени, переимный отъ англичанъ. Это тотъ же пуншъ, только безъ лимона. Послѣ чая слѣдовали танцы, оканчивавшіеся не позже полуночи.

Жизнь средняго круга значительно разнилась отъ высшаго. Здѣсь обѣдали въ 3—4 часа, такъ какъ занятія по службѣ не позволяли мужьямъ возвращаться домой ранѣе, музыкальныхъ антрактовъ никогда не происходило, но вечерній пуншъ или грогъ тоже служилъ однимъ изъ любимыхъ напитковъ мужчинъ. Карточная игра не была такъ сильно развита, какъ въ нынѣшнее время. Играли преимущественно въ бостонъ, въ пикетъ, въ экартэ. Фараонъ и прочія азартныя игры были принадлежностью игорныхъ домовъ, посѣщавшихся преимущественно военными, богатыми аристократами.

Осенью 1811 года, въ Петербургѣ было около 35.000 войска, что по тогдашнему времени считалось большимъ количествомъ. Громадные гвардейцы поражали своимъ ростомъ пріѣзжихъ, даже видѣвшихъ знаменитую роту гигантовъ прусскаго короля. Гвардей-

скіе офицеры той эпохи стягивали себѣ талии не менѣе любой щеголихи, и нерѣдко бывали случаи обмороковъ, въ особенности лѣтомъ, во время сильныхъ жаровъ. Жалованье поручика въ то время не превышало 350 рублей ассигнаціями, при бесплатной квартирѣ, въ годъ, тогда какъ за одну экипировку ему приходилось уплачивать гораздо болѣе. Если родители офицера не имѣли средствъ, то служить военному было невозможно. Императоръ Александръ нерѣдко помогалъ гвардейскимъ офицерамъ, выдавая имъ по нѣскольку сотенъ рублей изъ своихъ личныхъ средствъ, но помощь эта далеко не могла покрыть крупные расходы гвардейцевъ.

Неудобная, но дорогая обмундировка еще болѣе увеличивала расходъ офицеровъ. Офицеры той эпохи рѣзко дѣлились на два класса: богатые, благодаря средствамъ своихъ родителей, жили прекрасно, были приняты въ хорошемъ обществѣ, посѣщали театры, гдѣ соперничали съ интеллигентною купеческою молодежью, зараженной англоманствомъ. Сидя въ первыхъ рядахъ кресель, можно было вообразить, что находишься въ Ковенгарденскомъ театрѣ, въ виду преобладанія англійскаго языка среди зрителей, тогда какъ соперничающіе съ ними офицеры говорили преимущественно по-французски.

Насколько богато и хорошо жилъ этотъ первый классъ военныхъ, настолько же плохо жилось второму, состоявшему преимущественно изъ лицъ, не имѣющихъ ничего, крѣмъ своего мизернаго жалованья. Какъ на нихъ смотрѣли со стороны, можно судить по тому факту, который произошелъ съ императоромъ Александромъ осенью 1811 года.

Онъ прогуливался пѣшкомъ, по обыкновенію одинъ, безъ адъютанта, по Англійской набережной, одѣтый въ простой армейскій мундиръ съ сѣрою шинелью, накинутой на плечи. Его неизмѣнный кучеръ Илья не слѣдовалъ на этотъ разъ за государемъ съ каретой. Внезапно пошелъ сильнѣйшій дождь. Императоръ, не желая заходить въ одинъ изъ встрѣчныхъ домовъ, взялъ перваго попавшаго извозчика и приказалъ ему везти себя въ Зимній дворецъ. Проѣзжая мимо сенатской гауптвахты, онъ былъ узанъ, и караулъ съ барабаннымъ боемъ отдалъ ему честь. Ничего не понимавшій извозчикъ съ изумленіемъ оглядывался по сторонамъ, предполагая, что императоръ проходитъ мимо.

— Гдѣ царь-то? — спросилъ онъ императора, не замѣчая никого на панели.

— Подожди, пріѣдемъ ко дворцу, ты его увидишь, — спокойно отвѣтилъ царственный сѣдокъ.

Подѣхавъ къ Зимнему дворцу, императоръ вспомнилъ, что у него не было съ собою денегъ.

— Я сейчасъ тебѣ вышлю, — сказалъ онъ извозчику.

— Нѣтъ, ваше благородіе, не отпущу такъ: ужъ не разъ ваши военные меня надували. Оставь, пока вернешся, свою шинель.

Императоръ улыбнулся недоувѣрію извозчика, но сбросилъ съ плечъ шинель и ушелъ во дворецъ.

Къ мирно дремавшему возницѣ вышелъ придворный лакей, передалъ ему 25 рублей и сообщивъ, что съ нимъ ѣхалъ самъ императоръ, хотѣлъ взять обратно шинель.

Извозчикъ отъ изумленія онѣмѣлъ, но затѣмъ засмѣялся и отвѣтилъ:

— Ты, видно, братъ, за дурака меня считаешь! Такъ я тебѣ и повѣрю, что ты мнѣ сказки-то рассказываешь. Увидѣлъ, что офицеръ шинель свою оставилъ, ну, и хочешь ее за 25 рублей захватить, а она, поди, всю сотню стоитъ. Пусть этотъ баринъ, котораго я возилъ, самъ сюда придетъ, ему я и отдамъ, а другому никому, а то выдумалъ еще—царя, молъ, возилъ; вижу, парень, ты ловкачъ.

Лакей принужденъ былъ доложить объ этомъ государю. Ему очень понравилась прямота и честность извозчика, и онъ выслалъ ему съ своимъ кучеромъ Ильей, котораго зналъ чуть ли не весь Петербургъ, еще 25 рублей; ему упрямый извозчикъ и отдалъ царскую шинель.

Переходя снова къ описанію общества того времени, нельзя не упомянуть о модномъ увлеченіи хозяйствомъ. Даже богатые люди, не привыкшіе считать свои расходы, слѣдовали этой модѣ и сами отправлялись на рынокъ одинъ разъ въ недѣлю для закупки всего необходимаго. Это увлеченіе проникло къ намъ также изъ Англіи, являвшейся въ то время идеаломъ экономіи и правильнаго веденія хозяйства.

Обыкновенно днемъ закупокъ являлась суббота. Уже съ девяти часовъ утра и вплоть до двѣнадцати тянулась цѣлая вереница роскошныхъ экипажей въ Гостиный дворъ. Разодѣтыя въ дорогіе костюмы хозяйки, поддерживаемыя сопровождавшими ихъ лакеями, выскакивали на полутемную галерею. Пройти черезъ толпу разряженныхъ, разговаривающихъ между собою дамъ было затруднительно.

— Ахъ, та сѣге, почемъ вы покупаете сахаръ? Мнѣ этотъ Воскобойниковъ не отдавалъ завода Молво иначе, какъ по 35 рублей! Невѣроятно дорогая цѣна.

— У него все очень дорого; кстати, я купила превосходную матерію Орландезъ и неимовѣрно дешево...

Въ Гостиномъ дворѣ продавались въ то время всѣ товары, исключая мяса, рыбы и зелени. Послѣднее приобрѣталось, какъ и теперь, на Сѣнномъ рынкѣ, куда направлялись экипажи хлопотливыхъ хозяекъ послѣ того, какъ все необходимое было закуплено въ Гостиномъ дворѣ и въ Милутиныхъ рядахъ, существовавшихъ

уже въ то время и считавшихся лучшими въ столицѣ. На Сѣнной рынокѣ ѣздили чаще. Кареты или сани зимою, запряженные иногда четверкою, съ гайдукомъ сзади, были нагружены всевозможными картонками, пакетами, свертками. Посылать покупки на домъ не было въ обычай тогдашнихъ купцовъ. Зазываніе въ лавки покупателей, почти уже совсѣмъ выведенное въ настоящее время, было принято даже въ лучшихъ магазинахъ. Всѣ помѣщенія были полутемныя и не отапливались; въ большіе морозы, доходившіе въ 1810—1811 году до 40°, торговцы принуждены были цѣлыми днями пить горячій сбитень, прыгать и хлопать руками, чтобы не отморозить себѣ ни ногъ, ни рукъ. Запирались лавки зимою не позже 3—4 часовъ, лѣтомъ же торговали до 6 часовъ вечера. Запрашивали цѣны чуть ли не наполовину дороже, почему потомъ отдавали. Но этотъ обычай всѣ прекрасно знали и потому торговались долгое время. Мода на экономическія закупки и веденіе хозяйства продолжалась недолго. Регулярные кортежи на Сѣнной рынокѣ экипажей высшаго круга прекратились, въ Гостинный же продолжали ѣздить, но не только въ одну субботу, какъ раньше. Хозяйствомъ начали снова завѣдывать различные метръ-д'отели, повара, лакеи, а хозяйки успокоились послѣ чуть ли не полуторагодовалнаго чуждаго имъ ради моды занятія.

Привожу здѣсь цѣны на различные продукты: они при сравненіи съ нынѣшними поражаютъ своею дешевизною. Вотъ что отмѣчено въ расходной книгѣ одной изъ тогдашнихъ хозяекъ.

«Заплатила за убоину по 7 рублей 40 коп. за пудъ ассигн. (2 рубля 10 коп. на наши деньги, т.-е. 5¹/₄ коп. за фунтъ). Солонину предлагали по 6 рублей ассигн. (1 рубль 70 коп.) дорого. Купила 10 паръ рыбыхъ, заплатила 70 коп. ассигн. за пару. Къ рыбѣ и не приступись, ахъ, ты, батюшки, за семгу норовятъ 45 коп. ассигн. за фунтъ взять (13 коп. сер.). Свѣжую икру платила 1 рубль 70 коп. ассигн. (50 коп. сер.), а паюсную мартовскую—рубль съ гривной (32 коп. сер.). Сиги отдали бы по 45 коп. ассигн. за штуку. (13 коп. сер.), а бѣлугу просили четвертакъ (7 коп. сер.). Масло коровье купила 8¹/₂ рублей ассигн. (2 рубля 12 коп.) за пудъ». Въ другомъ мѣстѣ помѣчено: «Ѣздила въ ряды—нуженъ черносливъ былъ; подорожалъ, шесть гривенъ отдала за фунтъ (17 коп.), а миндаль платила рубль (28 коп.)». Чай въ то время держался въ высокихъ цѣнахъ, за него платили не дешевле 10¹/₂ р. ассигн. за фунтъ (3 рубля сер.), кофе 1 рубль 25 коп. ассигн. (36 коп. сер.). Сахаръ значительно превосходилъ нынѣшнія цѣны; онъ былъ 32 рубля 50 коп. ассигн. (9 рублей) за пудъ. Вѣлая мука продавалась по 29 рублей ассигн. (8 рублей 40 коп.) за 5 пуд. мѣшокъ. Любимое въ то время кушанье, толокно, цѣнилось по 4 рубля 80 коп. ассигн. (1 рубль 36 коп. сер.). Спиртные напитки были дешевле. Водка 8 рублей 60 коп. ассигн. (2 рубля 50 коп.) за ведро. Привозныя вина: мадера 1 рубль 40 коп.

ассигн. (40 коп. сер.) за бутылку; ромъ 2 рубля 80 коп. ассигн. (80 коп.); сотернъ 1 рубль 40 коп. (40 коп.). Табакъ 1 рубль 40—60 коп. ассигн. фунтъ (40—46 коп.). Квартира въ 5—6 комнатъ шла съ дровами и водою 400 рублей ассигн. въ годъ (110 рублей). Вотъ какія были цѣны въ то время.

Крѣпостная прислуга, не получавшая совсѣмъ жалованья, или же очень скромное, всѣми способами старалась обмануть господъ въ цѣнѣ покупаемой провизии, и были нерѣдкіе примѣры, что на накопленные подобными способами деньги слуги сами откупались послѣ на волю отъ своихъ господъ, и имъ еще хватало на устройство какого нибудь трактира или другого предпріятія. По словамъ современниковъ, искусные повара зачастую выговаривали у своихъ господъ особый день въ недѣлю, въ который они отправлялись стряпать въ другіе дома. Искусство этихъ артистовъ кулинарнаго ремесла въ ту эпоху было на очень высокой степени. Ему изумлялись, подражали и очень цѣнили. Хорошіи поварь привлекалъ на себя вниманія не менѣе, чѣмъ теперь какой нибудь извѣстный артистъ. Увлечение ихъ искусствомъ переходило и на нихъ самихъ. Въ декабрѣ 1811 года одна хорошенькая дѣвушка изъ высшаго круга, г-жа Р., сбѣжала вмѣстѣ съ крѣпостнымъ поваромъ своего дяди, замѣчательно хорошо готовившимъ разстегая и стерляжью уху. Хотя сбѣжавшихъ тотчасъ же поймали, и барышня была выдана замужъ за другое лицо, тѣмъ не менѣе дерзкій поварь не былъ наказанъ во вниманіе его искусства и снова занялъ свое мѣсто у плиты на кухнѣ.

Пьянство, какъ и въ настоящее время, было однимъ изъ главныхъ пороковъ прислугъ. Отношенія къ низшей прислугѣ, къ кучерамъ, конюхамъ, выѣзднымъ лакеямъ, не отличались заботливостью со стороны ихъ господъ. Нерѣдко бывали случаи, что ожидашіе выхода господъ изъ театра или съ бала маленькіе форейторы замерзали во время большихъ морозовъ, число отмороженныхъ пальцевъ на рукахъ и ногахъ у кучеровъ и не считалось. Нелегко жилось и денщикамъ у офицеровъ второй категоріи. Минерное содержаніе, получаемое офицерами, не давало возможности кормить денщика, какъ слѣдуетъ.

II.

Петербургская полиція была въ 1810—1812 году далеко не совершенна; составъ ея былъ слѣдующій: оберъ-полицеймейстеръ, два полицеймейстера, одинъ для зарѣчной, другой для центральной стороны, и одиннадцать частныхъ приставовъ. Это было главное начальство. Городъ раздѣлялся на одиннадцать частей; такое раздѣленіе было установлено указомъ императора Александра I. Черезъ каждыя полтораста шаговъ находилась полицейская будка съ двумя

попеременно дежурившими будочниками съ аллебардами. Имѣвшими у нихъ свистками они передавали сигналы, въ случаѣ тревоги, слѣдующимъ своимъ товарищамъ. Съ девяти часовъ вечера ежедневно по всѣмъ направленіямъ города ѣздили конные патрули.

Случаи убійствъ и грабежа происходили очень часто. Одно изъ таинственныхъ убійствъ, всполошившихъ весь городъ, было совершено въ домѣ на углу Новаго переулка. Двое мужчинъ, по видимому, изъ высшаго круга наняли въ этомъ домѣ квартиру, заплатили наемную плату впередъ за годъ и въ тотъ же самый день начали перевозить свою мебель, между которой общее вниманіе было обращено на чудный шкафъ изъ краснаго дерева, поставленный жильцами въ отдѣльную комнату, которую они сейчасъ же заперли. Обѣщавъ перевезти на другой день остальное имущество, оба съемщика исчезли и больше не вернулись. Прошло нѣсколько времени, невыносимый запахъ, исходившій изъ закрытаго помѣщенія, заставилъ владѣльца дома вскрыть дверь комнаты и шкафъ въ присутствіи полиціи. Въ немъ оказался трупъ молодой, красивой дѣвушки, прибитой ладонями рукъ къ стѣнкамъ его. Роскошный костюмъ убитой, масса надѣтыхъ на ней драгоценностей—все указывало на необычную подкладку этого злодѣйства. Поиски полиціи были тщетны, и дѣло предали забвенію, тѣмъ не менѣе оно произвело страшное впечатлѣніе на тогдашнее общество, и ни одна изъ дамъ не рѣшалась выходить вечеромъ безъ провожатыхъ.

Немало было случаевъ нападенія на женщинъ прямо на улицахъ; такъ, на примѣръ, ему подверглась жена португальскаго консула и многія жены иностранныхъ купцовъ. Несовершенство полиціи того времени не давало возможности отыскать виновныхъ.

Между прочимъ, въ числѣ обязанностей будочниковъ было задерживать неосторожныхъ ѣздоковъ, въ случаѣ, если послѣдніе ушибли или переѣхали когонибудь изъ пѣшеходовъ. Едва ли какая другая обязанность исполнялась полиціею болѣе ревностно. Это рвеніе объяснялось тѣмъ, что экипажъ и лошади задержаннаго поступали въ пользу пострадавшаго и полицейскаго поровну. Разыгрывались прямо невѣроятныя сцены торга, при чемъ владѣлецъ экипажа и лошадей, желая расплатиться деньгами, понижалъ ихъ стоимость. Торговалась та и другая сторона. Эти же будки служили временнымъ пріютомъ для пьяныхъ, подобранныхъ на улицѣ, до отправленія ихъ въ часть.

Никто изъ иностранцевъ не могъ выѣхать за границу раньше трехкратнаго объявленія о томъ въ газетахъ, и только благодаря знакомству съ частнымъ приставомъ, выѣздъ разрѣшался послѣ перваго объявленія, тѣмъ не менѣе слѣдующія два печатались.

Иностранцы, посѣщавшіе нашу столицу въ эту эпоху, прекрасно отзываются о петербургской пожарной командѣ; быстрота, съ какою она являлась на пожары, ихъ прямо поражала. Пожарные по

установленнымъ правиламъ должны были являться изъ 1-й Адмиралтейской части на Исаакіевскую площадь въ семь минутъ, изъ 2-й и 3-й въ 10 мин., изъ 4-й въ 15 мин., изъ Арсенальной въ 19 мин. и т. д.

Оберъ-полицеймейстеръ того времени, Эртель, былъ дѣйствительно незамѣнимымъ человекомъ, благодаря своему неустанному труду, энергіи и распорядительности. При пожарѣ Большого театра 1-го января 1811 года, а равно и при двухъ громадныхъ пожарахъ 6-го и 8-го января слѣдующаго 1812 года, именно, Аничковскаго дворца, пожарныя команды выказали себя молодцами. Императоръ Александръ I-й оставался на пожарѣ всю ночь, лично ободрялъ пожарныхъ, но отстоять дворецъ, только что отстроенный для великой княгини Екатерины Павловны и стоившій болѣе 800.000 рублей, несмотря на все усилія, было невозможно; 15-тиградусный морозъ, превращавшій воду въ ледъ, парализовалъ всю работу пожарныхъ.

Въ существовавшемъ тогда министерствѣ полиціи министромъ былъ Балашевъ. Частые пожары, происходившіе въ Петербургѣ и приносившіе громадные убытки, заставили его обратить вниманіе на существовавшее уже въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ страхование отъ огня. Первымъ пионеромъ въ этомъ дѣлѣ явился иѣкто Венцель, предложившій министру полиціи проектъ устроить въ Петербургѣ страхование противъ огня, при чемъ весь доходъ отъ этого предпріятія поступалъ въ пользу самого города. Проектъ былъ разсмотрѣнъ, но, кажется, дальнѣйшаго хода ему не было дано.

Освѣщался Петербургъ въ 1811—1812 годахъ очень скудно, но, тѣмъ не менѣе, это освѣщеніе не было хуже, чѣмъ за границею; черезчуръ широкія улицы столицы и большіе промежутки между фонарями были причиною нежелаемой темноты.

Въ каждомъ фонарѣ находились 4 масляныя лампочки, расположенныя полуциркулемъ, имѣя сзади себя рядъ небольшихъ зеркалъ, но эти зеркала слишкомъ были наклонены кверху, черезъ что свѣтъ падалъ не книзу, а пропадалъ даромъ въ колпакъ фонаря. Расстояніе между фонарями было до 150 шаговъ; въ одиннадцать часовъ вечера все они тушились, и на улицахъ столицы водворялась полнѣйшая тьма, если только благодѣтель мѣсяцъ не появлялся на небѣ. Несмотря на дешевую цѣну масла, его очень экономили. Среди темноты рѣдкій прохожій слышалъ только протяжное «слушай» будочниковъ. Освѣщеніе улицъ столицы стоило въ то время 300.000 рублей ассигнаціями въ годъ.

Плохая мостовая столицы, являвшаяся страшнымъ врагомъ экипажей, не разъ служила причиною многихъ непріятныхъ случаевъ; между прочимъ французскій посланникъ, благодаря сломанному колесу у своей кареты, чуть не разбился до смерти.

Одна изъ историческихъ церемоній, установленная еще Петромъ Великимъ и проходящая теперь у насъ совершенно незамѣтно, именно ознаменованіе исчезновенія на Невѣ ея ледяного покрова и открытіе навигаціи, составляла въ то время одно изъ крупнѣйшихъ событій петербургской жизни. За нѣсколько дней къ ней готовились, о ней говорили. Ни одно судно, ни одна лодка не смѣли появиться до этой церемоніи на Невскихъ водахъ. По очищеніи Невы отъ льда и по выстрѣлу изъ пушки, комендантъ переправлялся изъ Петропавловской крѣпости черезъ Неву на катерѣ къ Зимнему дворцу, входилъ въ него черезъ подъѣздъ, названный, благодаря этому, «Комендантскимъ», и преподносилъ императору серебряный кубокъ, наполненный невскою водою, съ соотвѣствующимъ рапортомъ.

Императоръ выплескивалъ изъ кубка воду и наполнялъ его до краевъ серебряными рублями; при императрицѣ Екатеринѣ II и ранѣе вмѣсто рублей кубокъ наполнялся золотыми. Преданіе передаетъ, что размѣръ кубка съ каждымъ годомъ все увеличивался, и въ виду этого рѣшено было замѣнить этотъ обычай подарка инымъ способомъ вознагражденія. Комендантъ откланивался императору, выходилъ на крыльцо и давалъ сигналъ въ крѣпость взмахомъ платка. Снова раздавался выстрѣлъ изъ пушки, и Нева покрывалась многочисленными судами, увѣшанными разноцвѣтными флагами.

Интересно, что свягѣйшій синодъ въ то время сообщалъ каждый годъ списки всѣхъ родившихся и умершихъ въ Петербургѣ, но только православнаго вѣроисповѣданія, тогда какъ для лицъ другихъ вѣроисповѣданій эта статистика отсутствовала.

Немного страненъ переходъ отъ всего вышесказаннаго къ драгоценностямъ, но періодъ 1810—1812 годовъ интересенъ тѣмъ, что драгоценные камни послѣ французской революціи, массами переправленные изъ Франціи эмигрантами въ Россію, упали въ цѣнѣ въ Петербургѣ почти на 30 процентовъ въ это время. Знаменитый петербургскій ювелиръ, Теннеръ, сдѣлавшій ризу на образъ Богоматери въ Казанскій соборъ, былъ заваленъ заказами для высшей аристократіи.

Самые роскошные и цѣнные брильянты той эпохи были императрицы Елисаветы Алексѣевны. Они имѣли форму древесной вѣтви и располагались вокругъ головы короною. Каждый листикъ этой вѣтви прикрѣплялся къ сучку посредствомъ крупнаго брильянта. Работы эта вѣтвь была изумительной, и когда императрица появилась въ ней на освященіи Казанскаго собора, общее восхищеніе не имѣло предѣла. Драгоценные камни горѣли разноцвѣтными огнями подъ лучами солнца. Около большихъ брильянтовъ помѣщались болѣе мелкіе по зубчикамъ листьевъ. Съ обѣихъ сторонъ этого убора красовались два громадные сапфира.

Страсть къ драгоценнымъ камнямъ царствовала тогда въ столицѣ едва ли не сильнѣе еще, чѣмъ теперь. Насколько она была сильна и къ какимъ результатамъ приводила, можно судить изъ двухъ нижеслѣдующихъ случаевъ.

Баронъ Ф., производившій большіе обороты съ драгоценными камнями, которые онъ привозилъ изъ-за границы, обѣдалъ какъ-то зимою 1810 года у графа Т., одного изъ выдающихся вельможъ того времени. За столомъ находилась масса высокопоставленныхъ лицъ. Во время обѣда баронъ Ф. предложилъ присутствующимъ показать брильянты, которые при немъ были. Графъ очень просилъ его объ этомъ, и на столѣ появился ящичекъ, наполненный драгоценными перстнями. Поставленный на серебряное блюдо, онъ былъ обнесенъ вокругъ стола, вызывая общее восхищеніе. Когда шкатулка вернулась обратно къ барону Ф., онъ ее заперъ, не взглянувъ даже на содержимое. Послѣ обѣда ему пришлось почему-то открыть ее вновь, и онъ быстро обнаружилъ пропажу одного изъ колець, съ самымъ лучшимъ солитеромъ. Открытіе свое баронъ Ф. сообщилъ хозяину, и послѣдній предложилъ восполнить ему пропажу, уплативъ извѣстную сумму, но гость отклонился отъ этого и просилъ только молчать о пропавшей вещи.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней графъ Т., по совѣту барона, вновь пригласилъ на вечеръ всѣхъ тѣхъ же лицъ, которыя у него обѣдали. Подробно осматривая руки гостей, баронъ замѣтилъ свой перстень на пальцѣ одной высокопоставленной дамы, которая играла въ бостонъ. Весь вечеръ онъ не отходилъ отъ нея; дама это замѣтила и волнуясь теряла игру за игрой. По окончаніи игры баронъ Ф. подошелъ къ дамѣ и вѣжливо ей замѣтилъ:

— Мадамъ, я уѣзжаю завтра изъ столицы. Желаете ли вы оставить перстень за ту цѣну, которую я вамъ за него назначилъ?

Послѣ минутнаго замѣшательства дама пришла въ себя и въ свою очередь вѣжливо отвѣтила:

— Я думала, баронъ, что вы согласитесь уступить дешевле, но разъ вы не намѣрены этого сдѣлать, я, къ сожалѣнію, должна возвратить вамъ перстень: для меня онъ слишкомъ дорогъ.

Съ этими словами она сняла съ пальца перстень и передала его барону, сдѣлавъ граціозный реверансъ. Инцидентъ великосвѣтской кражи былъ исчерпанъ, вещь возвращена настоящему ея владѣльцу, и воровка счастливо вывернулась.

Нарышкинъ, гофмейстеръ императора, получилъ отъ послѣдняго Андреевскую звѣзду съ брильянтами, стоящую около 30 тысячъ рублей. Стѣсненные обстоятельства заставили его немедленно заложить подарокъ въ ломбардъ. Какъ нарочно, при дворѣ былъ объявленъ большой праздникъ, явиться на который Нарышкину необходимо было въ императорскомъ подаркѣ. Нужная для выкупа звѣзды сумма денегъ отсутствовала. Директоръ ломбарда оказался

крайше несговорчивымъ человѣкомъ и на всѣ увѣренія ловкаго придворнаго, что звѣзда ему необходима всего на четверть часа, отвѣчалъ суровымъ отказомъ. Исходъ былъ одинъ: оставалось обратиться къ камердинеру императора и умолить его дать надѣть одну изъ Андреевскихъ звѣздъ, принадлежащихъ лично императору, изъ которыхъ новая стоила 60 тыс. рублей и была только что сдѣлана. Гофмейстеръ такъ и поступилъ.

Благодаря четыремъ громаднымъ брилльянтамъ, блестящимъ въ углахъ креста, императора Александра поразила эта звѣзда, очень похожая на его собственную, и онъ замѣтилъ Нарышкину:

— Меня прямо поражаетъ сходство вашей звѣзды съ моею новою, которую мнѣ сдѣлалъ на-дняхъ мой ювелиръ.

Нарышкинъ покраснѣлъ и не зналъ, что отвѣтить императору.

Это молчаніе и сходство звѣздъ показалось послѣдному очень страннымъ, и Александръ довольно сухо спросилъ его:

— Я боюсь ошибиться, но, тѣмъ не менѣе, скажу вамъ по правдѣ: я предполагаю, что звѣзда эта моя собственная, сходство черезчуръ поразительное!

Нарышкинъ принужденъ былъ рассказать всю правду, принявъ вину на себя одного, чтобы избавить отъ наказанія камердинера. Когда онъ окончилъ свое признаніе, императоръ, доброта котораго была безмѣрна, шутиливо сказалъ:

— Не бойтесь, поступокъ не такъ важенъ, чтобы я не въ состояніи былъ его извинить. Но такъ какъ я не могу носить эту звѣзду послѣ васъ, я долженъ вамъ ее подарить, но подъ условіемъ, чтобы никогда не происходило ничего подобнаго.

Такъ милостиво наказалъ императоръ Александръ своего гофмейстера.

Что касается богатыхъ лицъ средняго класса, именно купеческихъ женъ, то наряду съ драгоценными камнями онѣ имѣли большое пристрастіе къ жемчугу. Онѣ были въ такой модѣ, что цѣна на хорошія бурмицкія зерна стояла очень высокая. Не говоря уже о головной прическѣ, гдѣ жемчугъ находилъ себѣ примѣненіе во всевозможныхъ ея украшеніяхъ, начиная отъ обыкновеннаго русскаго кокошника и кончая кокетливой хитросплетенной изъ его нитей наколки, имъ украшали дамы свои платья, надѣвали вокругъ шеи до 12 нитокъ съ нанизанными на нихъ крупными жемчужинами, обшивали жемчугомъ свои туфли и нерѣдко вмѣсто пуговицъ и аграфовъ прикрѣпляли самыя крупныя жемчужины. Одинъ изъ модныхъ дамскихъ костюмовъ того времени, польскій кунтушъ, обшивался сплошь бурмицкими зернами, при чемъ воротъ его застегивался крупнымъ брилльянтомъ. Чисто національный русскій костюмъ—сарафанъ, тоже не избѣгнулъ жемчужныхъ украшеній.

Такое пристрастіе къ драгоценностямъ и невозможность многимъ дамамъ съ небольшими средствами слѣдовать за общемою мо-

дою усилили привозъ въ Россію фальсифицированныхъ драгоцѣнныхъ камней. Въмѣсто настоящихъ брильянтовъ сначала носили тяжеловѣсные аквамарины, прозрачные топазы, но съ теченіемъ времени появились и обыкновенныя поддѣлки изъ стекла съ тонкимъ слоемъ фольги и амальгамы на днѣ камня. Нерѣдко этими поддѣлками бывали вводимы въ заблужденіе неопытные покупатели, пріобрѣтавшіе драгоцѣнности ради экономіи отъ мелкихъ торговцевъ и скупщиковъ; возникали частыя заявленія объ обманѣ, въ большинствѣ случаевъ кончавшіяся ничѣмъ, такъ какъ ловкіе торгаши умѣли скрыть концы въ воду.

Благодаря тому обстоятельству, что императрица Елисавета Алексѣевна, будучи блондинкою, предпочитала свѣтлые цвѣта и въ особенности голубой, дамы высшаго круга преимущественно заказывали свои костюмы этого цвѣта, носившаго въ то время названіе *céleste*, т.-е. небснаго. Изъ матерій дорогой венеціанскій бархатъ предпочитался всѣмъ другимъ. Придворные костюмы, всѣ сарафаны, кунтуши, шились изъ этой матеріи. Благодаря усилившемуся потребленію бархата, торговцы въ Гостиномъ дворѣ не могли исполнять всѣ требованія, такъ какъ заграничныя товары доставлялись въ Петербургъ только весною съ сткрытіемъ навигаціи моремъ. Требования тогдашней моды распространились и на дамскую обувь. Придворная щеголиха непремѣнно должна была носить башмаки и туфли, сдѣланные въ Парижѣ, на высокихъ каблукахъ, съ узкимъ носкомъ. Дамская обувь дѣлалась преимущественно изъ атласа или изъ очень тонкаго англійскаго велюра съ большими розетками изъ той же матеріи на подъемѣ ноги, при чемъ среди розетки помѣщались брильянты или же крупный жемчугъ. Иностраннй фасонъ дамскихъ платьевъ *empire* привился въ Петербургѣ, и его носили довольно долго. Головной уборъ у мужчинъ былъ тотъ же современный цилиндръ, но немного иной формы. Для выѣздовъ зимою дамы надѣвали поверхъ туфель и башмаковъ длинныя бархатныя сапоги различныхъ цвѣтовъ, застегивающіеся съ боку. По пріѣздѣ въ театръ или на вечеръ, на должности выѣздныхъ лакеевъ было снимать и вновь надѣвать эту обувь.

III.

Петербургскія постройки того времени поражали иностранцевъ обиліемъ колоннъ, зачастую несимметрично расположенныхъ и въ тѣхъ частяхъ зданій, гдѣ имъ совершенно не нужно было находиться. Такое обиліе колоннъ объяснялось пристрастіемъ къ нимъ императора Александра I.

Дома окрашивались бѣлой, коричневой, желтой или свѣтло-зеленоватою краской; яркіе цвѣта совершенно отсутствовали. Фронтоны домовъ были украшены массивными балконами съ позоло-

ченными рѣшетками. По праздничнымъ днямъ, лѣтомъ, многіе изъ вельможъ помѣщали на этихъ балконахъ хоры роговой музыки, привлекавшіе немало гуляющей публики. Роскошное убранство этихъ балконовъ всевозможными фарфоровыми и стеклянными вазами и украшеніями прямо поражало. Императорскія стеклянная и фарфоровая фабрики, для шлифовыхъ работъ которыхъ были выписаны впервые машины изъ-за границы, производили большинство этихъ чудныхъ вещей. Во дворцахъ нѣкоторыхъ вельможъ фризы и карнизы балконовъ были также отдѣланы украшеніями изъ фарфора и стекла. Зеркала, тоже производство императорскихъ фабрикъ, соперничали по качеству съ знаменитыми венеціанскими. Существовалъ проектъ облицовать купола Смольнаго собора русскими зеркалами, но почему-то онъ не былъ приведенъ въ исполненіе.

Иностранцевъ изумляли русскіе рабочіе, строившіе Казанскій соборъ. «Имъ, этимъ простымъ мужикамъ, въ рваныхъ полушубкахъ, не нужно было прибѣгать къ различнымъ измѣрительнымъ инструментамъ; пытливо взглянувъ на указанный имъ планъ или модель, они точно и изящно ихъ копировали. Глазѣмъ этихъ людей чрезвычайно точенъ. Съ окончаніемъ постройки собора торопились; несмотря на зимнее время и 13—15° мороза, работы продолжались даже ночью. Крѣпко зажавъ кольцо фонаря зубами, эти изумительные работники, забравшись наверхъ лѣсовъ, старательно исполняли свое дѣло. Способность даже простыхъ русскихъ въ технику изящныхъ искусствъ поразительна». Интересно свѣдѣніе, что уже въ то время Невская вода была признана вредною для здоровья. Почти все пріѣзжавшіе въ Петербургъ иностранцы, равно и русскіе изъ другихъ городовъ, заболѣвали тифомъ и другими желудочными болѣзнями, едва только начинали пить невскую воду, при чемъ многіе умирали.

Изъ болѣзней точно также уносила много жертвъ скарлатина. Въ 1811 году эпидемія ея была настолько сильна, что оберъ-полицеймейстеръ издалъ приказъ, согласно которому виновные въ занесеніи въ другіе дома этой болѣзни несли извѣстное наказаніе. Въ столицѣ не существовало дома, который не посѣтила бы скарлатина.

Климатъ въ Петербургѣ былъ въ то время значительно суровѣе, но ровнѣе, чѣмъ теперь. Въ холодную зиму 1812 года по окраинамъ столицы, на Петербургской и Выборгской сторонѣ, встрѣча съ голоднымъ волкомъ была обыденнымъ случаемъ. Снѣгъ исчезалъ немного позже, чѣмъ теперь — именно въ началѣ и даже въ половинѣ апрѣля, но иностранцевъ, въ особенности южанъ, поражало, что весна наступала замѣчательно дружно. Черезъ три недѣли послѣ ледохода все зеленѣло, все было въ цвѣту.

Интересны также ночныя гулянья весною по Невскому, въ обѣихъ Лѣтнихъ садахъ и на бульварахъ, въ настоящее время по-

забытыхъ. Очевидецъ, итальянецъ, авторъ записокъ, рассказываетъ, что весною между часомъ и двумя ночи въ вышеуказанныхъ мѣстахъ появлялись разряженные дамы и кавалеры изъ высшаго общества, блестящіе экипажи съ шумомъ катились по мостовой, всѣ скамьи на Невскомъ, бульварахъ и садахъ были заняты. Свѣтлая весенняя ночь давала возможность читать даже такія газеты, какъ напечатанныя мелкимъ шрифтомъ «Гамбургскія Вѣдомости». Подобное ночное чтеніе газетъ считалось хорошимъ тономъ лучшаго общества. Кондитерскія и рестораны были въ это время открыты, но согласно предписанію полиціи огня въ нихъ не зажигалось. Около четырехъ часовъ начинался разѣздъ. Пожелавъ другъ другу спокойной ночи, гуляющіе разѣзжались по домамъ.

«Петербургъ весело проводитъ май и іюнь на открытомъ воздухѣ,—говоритъ восторженно авторъ,—немало завязывается романовъ въ это время въ приневской столицѣ. Но что за ипохондрія овладѣваетъ ея жителями, когда начинаются сентябрьскіе непрерывные дожди! Сырою, мелкодробящеюся пеленою окутываютъ они въ это время весь городъ».

Въ трехлѣтній періодъ отъ 1811 до 1813 года въ среднемъ выводѣ было ежегодно 112 настоящихъ зимнихъ дней съ хорошимъ морозомъ, 194 лѣтнихъ съ теплой температурой и 59 ненастныхъ.

Нева никогда не замерзала ранѣе 16-го октября и позднѣе 12-го декабря. Самое раннее ея вскрытіе было 22-го марта, а самое позднее 30-го апрѣля (1810 г.).

Торговля въ Петербургѣ съ 1805 по 1812 годъ значительно упала, что послужило къ разоренію многихъ купцовъ. Частныя сношенія съ иностранными коммерсантами внесли въ обиходъ многихъ русскихъ купцовъ пристрастіе къ музыкѣ. Во многихъ семействахъ почему-то флейта была избраннымъ инструментомъ. Благодаря этому пристрастію, концерты съ заѣзжими иностранными виртуозами посѣщались охотно. Между другими удовольствіями тогдашней молодежи во время зимы больше всего интересовались поѣздками въ санихъ въ «Красный Кабачекъ», гдѣ, кромѣ увеселеній, всѣхъ привлекали прекрасно сваренный кофе и изумительно испеченныя вафли.

Переѣздки на дачи совершались не посредствомъ ломовыхъ телѣгъ, какъ теперь, но мебель преимущественно перевозили въ большихъ лодкахъ-косоушкахъ. Съ первыми свѣтлыми днями мая цѣлыя флотиліи этихъ лодокъ плыли одна за другою по каналамъ, выбираясь въ Неву. Сами переѣзжающіе на дачу, съ различными домашними животными, попугаями, прислугой, отправлялись обыкновенно на большихъ ялботахъ съ шестью гребцами, при чемъ поверхъ ялбота устроенъ былъ балдахинъ.

Особое вниманіе иностранцевъ, а равно петербургскихъ жителей, привлекали появившіеся въ іюль мѣсяцѣ 1811 года въ С.-Петербурѣ

кавказцы, находившіеся въ составѣ посланной изъ Грузіи депутаціи благодарить императора за оказанную имъ помощь во время голода. За красавцами грузинами въ ихъ оригинальныхъ костюмахъ бѣжала толпа любопытныхъ, въ особенности они были предметомъ общаго вниманія на петергофскомъ праздникѣ 22-го іюля. Многія дамы съ любопытствомъ дотрогивались до ихъ оружія и одежды, надѣдали имъ вопросами, на которые кавказцы не могли отвѣчать, не зная никакого языка, кромѣ своего родного. Помѣщены они были въ одномъ изъ зданій на Васильевскомъ островѣ на берегу Невы. По приказу императора, кушанье имъ отпускалось изъ придворной кухни, точно также доставлялись имъ отъ дворцоваго вѣдомства вина и все необходимое, но это продолжалось недолго. Черезъ своего переводчика они обратились къ камергеру графу Толстому съ слѣдующей просьбой:

— Мои князья искренно благодарятъ государя императора, но согласно нашему національному обычаю покорнѣйше просятъ доставлять всѣ припасы сырыми, а живность не заколотою...

— Вотъ странный обычай,—изумился камергеръ.

— Князья любятъ сами закалывать животныхъ и ѣдятъ ихъ мясо, только собственноручно приготовивъ...

Несмотря на странность подобной просьбы, кавказцамъ было разрѣшено бить скотъ на дворѣ того помѣщенія, гдѣ они жили.

Другимъ предметомъ общаго вниманія петербуржцевъ былъ турецкій трехбунчужный паша, проживавшій здѣсь со своею свитою на иждивеніи русскаго правительства. Во время дворцовой революціи въ Константинополѣ, возведшей на престолъ Махмута II, онъ поддерживалъ русскіе интересы, вслѣдствіе чего и былъ долженъ бѣжать изъ отечества. Ежедневно, разодѣтый въ роскошный турецкій костюмъ, весь обвѣшанный оружіемъ, украшеннымъ золотомъ и драгоценными камнями, сидя верхомъ на арабскомъ скакунѣ, паша появлялся со своею свитою на Невскомъ и другихъ мѣстахъ гулянья петербуржцевъ.

Съ этимъ же пашою произошелъ слѣдующій случай. Желая наказать нѣсколькихъ своихъ слугъ за ихъ проступки, онъ отправилъ ихъ въ полицію съ просьбою высѣчь, что и было исполнено немедленно. Но наказаніе показалось ему недостаточнымъ, и онъ велѣлъ позвать къ себѣ того полицейскаго, на обязанности котораго лежало сѣчь провинившихся; черезъ переводчика паша объяснилъ ему, что недоволенъ слабымъ наказаніемъ своихъ слугъ.

— Лучше не умѣю,—угрюмо отозвался полицейскій.

— Если не умѣешь, я тебя выучу,—смѣясь отозвался турокъ.

И собственноручно выдралъ несчастнаго «сѣкуна». Послѣдній хотѣлъ жаловаться, но, получивъ хорошее вознагражденіе отъ пашы, мирно съ нимъ разстался.

Страшное зло Петербурга того времени была тайная продажа подслащенной водки, въ составъ которой входили: свинцовый сахаръ и другія ядовитыя вещества, точно также вредное пиво. То и другое шло въ большомъ количествѣ, ихъ отпускали даже и въ аптекахъ.

Городской медицинскій инспекторъ того времени, или, какъ тогда называли, «городской физикъ», былъ совершенный невѣжда въ своемъ дѣлѣ, и продажа вредныхъ напитковъ процвѣтала.

Иностранные авторы-очевидцы интересно описываютъ всевозможныя празднества, происходившія въ Петербургѣ и его окрестностяхъ. Іорданъ строилась не на томъ мѣстѣ, какъ теперь, а на Невѣ противъ сената, вслѣдствіе этого отъ самаго Зимняго дворца черезъ Александровскую и Адмиралтейскую площадь тянулся деревянный помостъ, покрытый краснымъ сукномъ вплоть до самой іордани. Вдоль помоста, а также въ верхней части Невского и обѣихъ Морскихъ улицъ, выстраивались рядами войска, которыхъ собиралось здѣсь до 40.000 человекъ. Высочайшія особы даже при 15° мороза шествовали пѣшкомъ, сопровождаемыя по обѣимъ сторонамъ камергерами, свитой и дипломатами, при чемъ камерлажи несли шлейфы обѣихъ императрицъ и великой княжны Анны Павловны, красота которой вызывала всеобщее восхищеніе.

Одинъ только великій князь Константинъ, командовавшій войсками, ѣхалъ на лошади.

Послѣ церемоніи освященія воды въ іордани, при чемъ святою водою кропились знамена присутствующихъ полковъ, государь садился на лошадь и отправлялся обратно во дворецъ, сопровождаемый великимъ княземъ Константиномъ и французскимъ посланникомъ. Высочайшія особы, дипломаты и дворъ тоже направлялись во дворецъ въ каретахъ. Послѣ церемоніи водосвященія ежегодно производился парадъ войскамъ. Иногда парадъ этотъ переносился на 13-е января, день рожденія молодой императрицы.

Придворный балъ во дворцѣ съ роскошной иллюминаціей и фейерверкомъ на Невѣ служилъ началомъ цѣлаго ряда баловъ у вельможъ.

Масленица проходила въ то время въ Петербургѣ болѣе шумно, чѣмъ теперь. Празднованіе ея мало чѣмъ отличалось отъ недавно отошедшихъ въ вѣчность народныхъ празднествъ на Адмиралтейской площади и Царициномъ лугу.

На Невѣ устраивались громадныя ледяныя горы, привлекавшія массу желающихъ съ нихъ скатиться, въ особенности считалось удалствомъ, когда двѣ дамы, усѣвшись на маленькихъ саночкахъ лицомъ къ лицу, неслись съ горы съ поразительною быстротою.

На пасхѣ эти горы замѣнялись деревянными, при чемъ гладко отполированныя доски ската смазывались мыломъ для большей скользкости. Поставленныя на невысокія колесики тѣлѣжки замѣняли

зимнія санки, но онѣ существовали недолго въ виду частыхъ несчастныхъ случаевъ. На перекидныхъ качеляхъ, по словамъ иностранца, во время пасхи 1811 года тоже было немало несчастій. Вслѣдствіе плохо закрытой дверцы въ движущихся ящикахъ качелей качающіеся падали съ высоты и разбивались до смерти, но, тѣмъ не менѣе, этотъ родъ увеселеній существуетъ и до сихъ поръ.

Къ пасхѣ обыкновенно привозились вельможамъ и богатымъ людямъ изъ-за границы новые экипажи, и катанье по набережной Невы дивало возможность имъ показать заграничныя новинки.

Въ 1811 году, нѣмецкій авторъ упоминаетъ о 1800 новыхъ экипажахъ различныхъ фасоновъ, появившихся на этихъ катаніяхъ.

Болѣе 40.000 человекъ веселилось въ этотъ годъ подъ балаганами, и тогдашній директоръ Обуховской больницы Эллисенъ сообщаетъ, что послѣ пасхи больныхъ разстройствомъ желудка увеличилось въ 1^{1/2} раза.

Совсѣмъ исчезнувшій обычай въ наше время поѣздки въ Екатеринбургъ 1-го мая въ особенности процвѣталъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Но самымъ знаменательнымъ днемъ петербуржцевъ было 22-е іюля, день тезоименитства императрицы Маріи Феодоровны, сопровождавшійся блестящимъ праздникомъ въ Петергофѣ, великолѣпиемъ своимъ превосходившимъ таковыя въ Фонтенебло, Санъ-Суси, Версалѣ и Сень-Клу.

Еще за недѣлю до него петербуржцы, а въ особенности петербургскія дамы, начинали готовиться.

Какую массу разговоровъ, приготовленій возбуждалъ этотъ праздникъ! За два дня до него, 20-го іюля начиналось переселеніе петербуржцевъ въ Петергофъ. Каждый озабочивался не только, какъ попасть туда, но точно также, какъ возвратиться оттуда. Способовъ передвиженія было два: на лодкѣ или въ экипажѣ, но съ каждымъ днемъ число свободныхъ лодокъ все уменьшалось, а цѣны на нихъ возрастали. Сапожники, портные, модистки были завалены работой по горло. Фруктовые магазины и винныя погреба не успѣвали возобновлять своихъ товаровъ. Петербуржцы забирали припасы себѣ на дорогу, такъ какъ въ самомъ Петергофѣ было трудно что либо ийти, а возвратиться въ столицу нельзя было и думать ранѣе, какъ черезъ полтора дня.

Наканунѣ праздника государь со всѣмъ дворомъ отправлялся въ Петергофъ. За нимъ слѣдовали блестящіе петербургскіе гвардейцы.

Въ самый день праздника петергофское шоссе представляло собою живописное зрѣлище. Вереницы всевозможныхъ экипажей, начиная отъ роскошнаго фаэтона петербургскихъ богачей и кончая простою телѣгою фруктовщика, переполненной всевозможными

фруктами, медленно тянулись съ самаго ранняго утра. Пестрая толпа пѣшеходовъ шла по обѣимъ сторонамъ дороги, сперва по деревяннымъ мостовымъ, а затѣмъ по плотно утопаннымъ дорожкамъ. Облако пыли окутывало всю эту живую рѣку. Роскошные туалеты дамъ, сидѣвшихъ въ экипажахъ, несмотря на всѣ предосторожности, покрывались массою пыли, многія изъ нихъ нарочно отправлялись изъ города въ старыхъ платьяхъ, чтобы дорогою, подъѣзжая къ Петергофу, переодѣться въ самомъ экипажѣ. Тщательно заставивъ открытую коляску зонтами и завѣсивъ всевозможными шальями, петербургскія модницы наряжались, притирали лицо бѣлилами, румянами, пудрились... однимъ словомъ, совершали весь туалетъ. Какъ весело гототала толпа, когда проѣзжавшій мимо красивый гвардеецъ какъ бы нечаянно сталкивался ради шутки эти эфемерныя преграды, и всѣ эти модницы полуодѣтыя появлялись на показъ толпы.

Только далеко за полдень достигали экипажи Петергофа. Громадное поле, отведенное для ихъ стоянки, все покрывалось ими. Лошади отпрягались и, привязанныя сзади экипажей, мирно пощипывали травку. Среди кучеровъ и извозчиковъ начиналась игра въ тринку, подкаретную и носки. Пріѣзжіе петербуржцы, въ ожиданіи иллюминаціи и вечерняго праздника, располагались гдѣ нибудь на травѣ, уничтожая привезенные запасы. Все видимое пространство залива было покрыто бѣлыми парусами лодокъ, четырехвесельными катерами, тоже спѣшившими въ Петергофъ. На рейдѣ мирно колыхались десятка полтора императорскихъ яхтъ. Въ Большомъ дворцѣ назначался маскарадъ, для входа на который выдавались заранѣе въ Петербургѣ даровые билеты.

Праздникъ начинался, какъ только темнѣло. Весело шумѣли пущенные фонтаны, высоко въ темномъ небѣ взвивались двѣ сигнальныя ракеты и мягко разсыпались разноцвѣтными звѣздочками. Безчисленная толпа, уже заранѣе размѣстившаяся на берегу, готовилась смотрѣть устроенный на взморьѣ фейерверкъ, которымъ начинался праздникъ. По словамъ очевидцевъ, однѣхъ ракетъ было выпущаемо около 10.000. По окончаніи фейерверка толпа живою струею бросалась обратно въ садъ подъ вліяніемъ какого-то отраднато чувства. Никогда не удавалось ворами такъ удобно пользоваться чужою собственностью, какъ въ это время. Число лицъ, у которыхъ были сорваны часы, цѣпочки, пропадали изъ кармановъ табакерки, бумажники, платки, было громадное. Многія дамы лишались ожерельевъ, серегъ, грубо сорванныхъ даже съ мясомъ.

Освѣщенные 4.000 лампіоновъ, съ массою блестящихъ при огнѣ, бьющихъ фонтановъ, Петергофскіе сады казались какимъ-то волшебнымъ царствомъ. Безчисленная флотилія лодокъ на морѣ расцвѣчивалась тоже фонариками. Ступени каскада Золотой горы были освѣщаемы снизу разноцвѣтными бенгальскими огнями. Ве-

селяя фарандола замаскированныхъ появлялась изъ открытыхъ дверей дворца въ аллеи сада и, промчавшись пестрымъ хороводомъ, скрывалась въ залитыхъ огнемъ залахъ. Ровно въ часъ ночи выѣзжала царская фамилія на такъ называемыхъ линіяхъ, т.-е. двухстороннихъ дрожкахъ, кататься по освѣщеннымъ аллеямъ сада. Чудная погода, восторженно настроенная многотысячная толпа, немолкавшая музыка духовыхъ и роговыхъ хоровъ, шумъ фонтановъ дѣлали картину феерическою. Только около четырехъ часовъ оканчивался праздникъ. Надъ заливомъ протягивалось розовое зарево зари. Масса публики оказывалась уснувшей около бассейновъ, журчавшихъ фонтановъ; убаюкиваемая послѣдними, она тирно спала. Живописная группа молоденькихъ финляндокъ въ ихъ пестрыхъ національныхъ костюмахъ, съ распущенными бѣлыми волосами, похожими на ленъ, спала въ повалку около Самсона. Немного дальше, подложивъ подъ голову свернутыя сибирки, храпѣла компанія гостинодворскихъ купцомъ, на травѣ около аллеи лежало много мастеровыхъ, тутъ же располагались и ихъ жены. Непринужденность была полная. Не было мѣста въ саду, гдѣ не отдыхали бы въ волю навеселившіеся петербуржцы низшихъ классовъ. Только теперь всушила въ свои права петербургская полиція. вмѣстѣ съ казачьими пикетами она наблюдала, чтобы воры не ограбили спавшихъ.

Снова пестрѣла петергофская дорога возвращавшимися въ столицу ея обывателями. Большинство ѣхавшихъ спали въ экипажахъ. На лицахъ возвращавшихся пѣшеходовъ замѣтна была понятная усталость. Блестящій праздникъ миновалъ, приходилось возвращаться къ ежедневной прозѣ. Нѣкоторые досужіе петербуржцы отправлялись дальше въ Ораніенбаумъ и Кронштадтъ и только на третій или четвертый день возвращались въ столицу.

Такъ живо описываетъ петергофское празднество авторъ записокъ.

V.

Иностранцы изумлялись, что нѣкоторые изъ петербургскихъ чиновниковъ получали чины, даже не служа, а также, что старшій по чину стоялъ по службѣ подъ начальствомъ человѣка, имѣющаго низшій чинъ.

Несмѣщаемость нѣкоторыхъ чиновниковъ до смерти тоже была предметомъ изумленія иностранцевъ, особенно въ виду того, что чины получались не за заслуги, а за выслугу лѣтъ. Несмотря на чинъ статскаго совѣтника или полнаго генерала, недостатокъ содержанія заставлялъ нѣкоторыхъ изъ нихъ собственноручно покупать на Сѣнной свеклу и капусту, и носить обтрепанное платье. Волѣ состоятельные чиновники, напротивъ того, даже дома на

халатахъ носили ордена и, выходя изъ дома, хотя бы въ гости, надѣвали трехуголку съ перьями.

Императорскимъ указомъ отъ 6-го августа 1809 года было разрѣшено служащимъ получать за выслугу лѣтъ чины только отъ регистратора до коллежскаго ассесора; для получения слѣдующаго чина требовалось сдать экзамень. Новое постановленіе настолько встревожило чиновниковъ, спокойно двигавшихся по лѣстницѣ повышенія, что они потеряли головы и не знали, что имъ дѣлать. Подобный экзамень требовался отъ служащихъ всѣхъ вѣдомствъ. Программа была довольно обширная. Экзаменовали изъ ариметики, геометріи, физики, исторіи, географіи, статистики, политической экономіи, естественнаго права и иностранныхъ языковъ. Въ комиссіи, специально образованной для этихъ экзаменовъ, царил вавилонское столпотвореніе. Посѣдѣвшіе на службѣ, коллежскіе ассесоры, знающіе только свои «входящія и исходящія бумаги» и трафаретное исполненіе ихъ, получившіе крайне ограниченное образованіе и даже иногда не получившіе никакого, становились втупикъ уже отъ самыхъ названій наукъ, по которымъ приходилось экзаменоваться. Проваливалось на этихъ экзаменахъ почти 100⁰/₀; но когда увидѣли, что, благодаря такимъ экзаменамъ, исчезнуть со службы всѣ коллежскіе ассесоры, ретивость строгихъ экзаменаторовъ была сокращена, экзамень явился больше проформой; провалившимся на первыхъ порахъ чиновникамъ разрѣшили переекзаменоваться, при чемъ спрашивали изъ того только предмета, который стоялъ ближе къ служебной дѣятельности экзаменующагося. Этимъ послабленіемъ чиновники были обязаны хлопотамъ министра финансовъ Гурьева, понимавшаго, что служебной единицѣ нужно больше всего знать свое дѣло.

— «Въ каждой малѣйшей точкѣ находится большая сила, — было выраженіе министра, — многознаніе затемняетъ только голову, и вмѣсто того, чтобы разъяснить, напротивъ того все затемняетъ и перепутываетъ».

Въ общемъ же этотъ экзамень имѣлъ благую цѣль, именно, привлекая къ служебной дѣятельности русское молодое поколѣніе, заставляя его серіозно подготовляться къ ней, такъ какъ большинство молодыхъ людей извѣстныхъ семействъ получали очень поверхностное образованіе, считая его вполне достаточнымъ и надѣясь на протекціи разныхъ высокопоставленныхъ тетенокъ и дяденекъ.

Новый императорскій указъ 1810 года измѣнилъ порядокъ этихъ экзаменовъ; экзаминаціонная комиссія была упразднена, и облегченный экзамень на чинъ коллежскаго ассесора стали производить при педагогическихъ институтахъ, корпусахъ, лицеяхъ и университетахъ.

Ордена давались часто лицамъ, очень юнымъ по возрасту и не имѣвшимъ заслугъ. Почему это происходило, иностранцы оче-

видцы ничего не могли объяснить. Такая щедрая раздача орденовъ повела къ тому, что многія изъ лицъ, дѣйствительно заслужившихъ награды, отказывались ихъ носить. Рѣдкій коллежскій регистраторъ не имѣлъ ордена, въ которомъ бы не появлялся на улицахъ, въ кондитерскихъ. Въ особенности давалось много орденовъ въ департаментѣ водяной коммуникаціи. Какъ курьеръ, рассказывали, что достаточно было какому нибудь чиновнику постоять по колѣно въ водѣ при осмотрѣ водяныхъ работъ высшимъ начальствомъ, чтобы получить Владимирскій крестъ.

Такое изобиліе орденосцевъ несказанно удивляло императора Александра I, встрѣчавшаго ихъ ежедневно во время своей утренней прогулки. Встрѣтивъ на Адмиралтейскомъ бульварѣ юнца-чиновника, уже украшеннаго Владимирскимъ орденомъ, государь коротко спросилъ его:

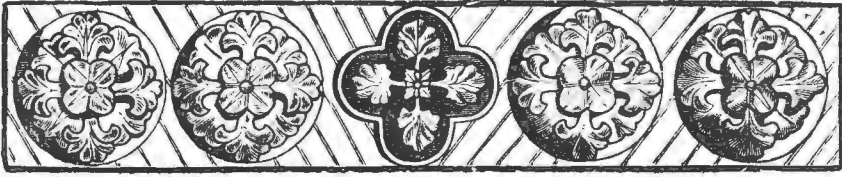
— За что тебѣ его дали?

Молодой чловѣкъ покраснѣлъ и смущенно отвѣтилъ:

— Ваше императорское величество, я, право, самъ не знаю— за что, еще нѣтъ года, какъ я поступилъ на службу!

Г. Т. Сѣверцевъ (Полиловъ).

ПРОЕКТЪ КУПЦА ЩЕГОРИНА О ЗАЩИТѢ ПЕТЕРБУРГА ОТЪ НАВОДНЕНІЯ.

(1825 г.).

ТИХІЙНОЕ бѣдствіе, постигшее Петербургъ 7-го ноября 1824 года и обратившее этотъ день въ лѣтописи сѣверной столицы въ день большого горя и искренняго плача, конечно, приковывало къ себѣ вниманіе всѣхъ современниковъ. Картина наводненія слишкомъ была по нервамъ и, вдохновивъ Пушкина поэтически сравнить «Петрополь» съ тритономъ, «по поясъ въ воду погруженнымъ», среди многихъ современниковъ вызвала рядъ проектовъ объ организаціи какой либо защиты города отъ непрошеннаго пощщенія разъяренныхъ морскихъ волнъ.

Среди подобныхъ прожекторовъ необходимо упомянуть объ иркутскомъ купцѣ Федорѣ Щегоринѣ.

Конечно, первый рождающійся здѣсь вопросъ—вопросъ о томъ, что за человѣкъ былъ этотъ иркутскій купецъ, фамилія коего не сохранилась на скрижаляхъ русской исторіи.

По словамъ составленной въ 1825 году «записки о положеніи Щегорина», русское правительство «при отправленіи духовной миссіи въ 1794 году въ Пекинъ, имѣя надобность въ человѣкѣ для продажи казенныхъ товаровъ, а паче для узнанія цѣли посольствъ англинскаго и голландскаго, при тамошнемъ дворѣ тогда бывшихъ, предложило Щегорину занять сію должность въ видѣ писаря духовныхъ свитѣ, по той причинѣ, что онъ одинъ только изъ російскихъ купцовъ былъ предъ тѣмъ въ Пекинѣ и зналъ языкъ, нравы и обычаи китайцевъ». Словомъ, на Щегорина была негласно возложена нелегкая дипломатическая миссія, которую онъ исполнялъ весьма ревностно.

Обращаясь къ самому проекту Щегорина, прожившаго тридцать лѣтъ въ Китаѣ, нужно признать, что авторъ желалъ, какъ онъ и самъ говоритъ, позаимствовать способъ борьбы съ наводненіями отъ китайцевъ, какъ жителей «древнѣйшаго и опытнѣйшаго государства». По выраженію Щегорина, «хотя въ Санктъ-Петербургѣ большія наводненія бывають и рѣдко, но силы человѣческія при всемъ искусствѣ гидравликовъ отвратить ихъ не могутъ»; поэтому «остаётся только извѣщать объ оныхъ жителей и спасать ихъ съ имуществомъ заблаговременно». Такимъ образомъ, проектъ Щегорина, обходя вопросъ о предотвращеніи самаго наводненія, сводится къ вопросу о дѣятельности населенія по наступленіи бѣдствія. Но, конечно, и будучи ограниченнымъ изложенною цѣлю, проектъ Щегорина имѣлъ значеніе, такъ какъ наводненіе 7-го ноября застало дѣло подачи помощи пострадавшимъ отъ бѣдствія совершенно неразработаннымъ: почти въ первыя минуты бѣдствія самъ Александръ I составилъ первоначальную инструкцію для оказанія помощи, а для общаго руководства этою дѣятельностью были назначены три генералъ-адъютанта въ званіяхъ временныхъ военныхъ губернаторовъ.

Изъ различныхъ «способовъ», употребляемыхъ китайцами при наводненіяхъ, Щегоринъ особенно рекомендуетъ пользованіе «гидрометромъ», который у китайцевъ «имѣють всѣ потопляемыхъ городовъ начальники въ своихъ кабинетахъ, хотя бы сіи отъ рѣки находились на сто, а отъ горизонта ея на десять сажень и болѣе».

Подъ названіемъ «изъясненій плана гидрометра» Щегоринъ излагаетъ рядъ любопытныхъ указаній.

Прежде всего онъ замѣчаетъ, что «въ потопляемыхъ мѣстностяхъ Китая каждый начальникъ города и каждый уѣздный комиссаръ водяной части имѣють гидрометръ, вѣтрометръ, телеграфы и другіе стихійные инструменты»; при этомъ «всѣ инструменты доведены до всевозможной простоты и прочности по той причинѣ, что многосложные, во время бурныхъ наводненій часто подвергаясь порчѣ, причиняли тамъ множество бѣдъ, почему безъ точнаго испытанія самимъ государемъ и не входитъ въ нихъ никакое улучшение подъ смертною казнію».

При поднятіи уровня воды «начальникъ города извѣщаетъ жителей различными сигналами». Каждый сигналъ обязываетъ власти исполнять точно регламентированныя и заранѣе предусмотрѣнныя распоряженія. Такъ, въ случаѣ поднятія воды на одинъ футъ, предписано «градскимъ командамъ—ко флоту, и оному быть готову». Флотъ состоитъ изъ судовъ «особой конструкціи, отиѣнно легкихъ»; команда ихъ пополняется «изъ вольножелающихъ гражданъ по особымъ экзаменамъ». Переводя на современный языкъ, Щегоринъ проектируетъ образованіе вольныхъ дружинъ для спасанія утопающихъ, на подобіе нынѣ существующихъ вольныхъ пожарныхъ ко-

мандъ. Отмѣчаетъ Щегоринъ, что дисциплина этого флота — «самая строгая», и «начальникъ флота во время дѣйствія имѣеть неограниченную власть, даже на жизнь». Къ недостаткамъ подобнаго рода флотскихъ вольныхъ дружинъ Щегоринъ относитъ ихъ дороговизну.

Если вода поднимается на два фута то подается сигналъ— «военнымъ и другимъ командамъ къ своимъ мѣстамъ»; этотъ сигналъ «приказываетъ всѣмъ командамъ, гдѣ бы онѣ ни находились и чѣмъ бы ни занимались, равно и часовымъ на улицахъ, явиться въ свои начальства, не медля ни одной минуты».

При поднятіи воды на три фута, подается сигналъ— «работы на фабрикахъ и въ мастерскихъ остановить, театры, трактиры и кабаки закрыть». Слѣдующій сигналъ обязываетъ всѣхъ домовладѣльцевъ и «начальниковъ семействъ», иногородныхъ жителей, разносчиковъ и извозчиковъ прибыть «въ свои дома и квартиры», а купцовъ— «въ свои лавки и магазейны». При пятифутовомъ возвышеніи уровня воды установленъ особый сигналъ; онъ влечетъ за собою укладку имущества, подверженнаго порчѣ отъ воды, въ особыя корзины, число коихъ заранѣе точно установлено для каждаго отдѣльнаго семейства, торговаго заведенія и общественнаго учрежденія; корзины отличаются легковѣсностью, удобствомъ укладки въ нихъ предметовъ и способностью держаться на водѣ при крушеніи судна. Этотъ же сигналъ вынуждаетъ озаботиться обезпеченіемъ продовольствія; въ этомъ отношеніи китайцы, по словамъ Щегорина, «сверхъ кладовыхъ, не впускающихъ въ себя воды, дѣлаютъ изъ глины и дерева сосуды съ крышками, вмѣщающіе отъ 6-ти до 30 ведеръ, въ кои не входитъ вода». Наконецъ, этотъ же сигналъ касается вывода военныхъ и другихъ командъ, фабричныхъ, цеховыхъ, всѣхъ работниковъ, а также крупнаго скота— «на высоты».

При шестифутовомъ наводненіи подается новый сигналъ— «флоту по мѣстамъ, судамъ съ грузами въ гавани».

Семифутовое поднятіе воды оповѣщается особымъ сигналомъ— «имущества, живность и больныхъ—въ чердаки или въ верхній этажъ, окна и двери домовъ закрыть ставнями». Щегоринъ при этомъ дѣлаетъ поясненіе и замѣчаетъ, что китайцы «дома строятъ вообще низменные. въ одинъ этажъ, и полъ отъ земли не выше полъ-аршина; но гдѣ бываютъ наводненія, тамъ надъ каждымъ домомъ дѣлается чердакъ съ однимъ окномъ»; слѣдовательно, въ видахъ предохраненія отъ наводненія, китайцы увеличиваютъ высоту своихъ домовъ.

При поднятіи воды на восемь футовъ суда спасательнаго флота отправляются въ заранѣе указанные пункты.

При девятифутовомъ поднятіи воды подается послѣдній сигналъ— «чердакамъ открыть сигналы; флоту дѣйствовать; въ слу-

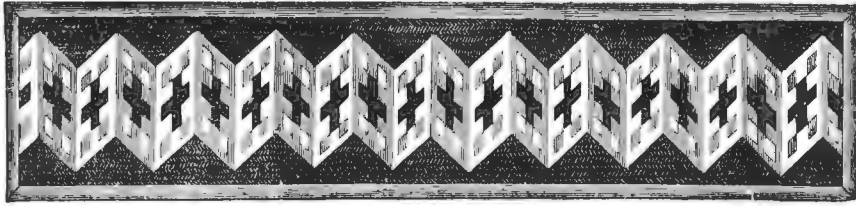
чаѣ опасности въ верхнихъ жильяхъ открытъ сигналы». Щегоринъ при этомъ поясняетъ, что «для денныхъ сигналовъ каждый домъ и зданіе имѣютъ два флага, а для ночныхъ два фонаря, одни изъ нихъ обыкновенные, а другіе бѣдственные»; послѣдніе сигналы употребляются въ «чрезвычайныхъ случаяхъ, когда чердаки слишкомъ низменныхъ домовъ близки къ потопленію, или домъ угрожаетъ разрушеніемъ». Дѣйствія флота въ это время заключаются въ томъ, что «катеры разсыпаются по улицамъ и по сигналамъ домовъ, сперва бѣдственныхъ, а потомъ обыкновенныхъ, забравъ жителей съ ихъ имуществами по порядку и закрывъ окна чердаковъ ставнями и снявъ сигналы, отвозятъ ихъ на баркасы, сіи на суда, а оныя на высоты». «Сіе производится съ удивительнымъ проворствомъ и легкостью», добавляетъ Щегоринъ и въ подкрѣпленіе этого замѣчанія приводитъ слова англичанина лорда Маркартне, сказавшаго—«гдѣ нужно 10 европейскихъ матросовъ, тамъ китайскихъ довольно 4-хъ». Кромѣ того, успѣшность дѣятельности катеровъ вытекаетъ изъ того, что катеры «малѣйшее пристрастіе въ сигналахъ и малѣйшую медленность подвергаютъ смертной казни».

Таковыми мѣрами, составляющими собою цѣлую лѣстницу, борются китайцы со стихійными бѣдствіями наводненій.

Но вотъ стихаетъ буря, вода идетъ назадъ, на убыль. «Начальникъ города даетъ сигналъ—благодареніе Богу. Жители въ то жъ мгновеніе, вставъ на колѣна, возносятъ хвалу и благодарность Всевышнему».

Михаилъ Соколовскій.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I И ПОЛЬША ВЪ 1830 ГОДУ¹⁾.

(Воспоминанія подполковника Ѳаддея Вылежинскаго).

II.

Графъ А. Х. Бенкендорфъ. — Бесѣда съ нимъ и его политическіе взгляды на польскій вопросъ и революцію. — Вызовъ къ военному министру. — Графъ Чернышевъ передаетъ мнѣ волю государя. — Мое письмо на имя графа Чернышева. — Резолюція императора. — Въ Аничковскомъ дворцѣ. — Двухчасовая бесѣда съ императоромъ Николаемъ. — Его великодушіе. — Мое возвращеніе въ Варшаву.

В ОКОНЧАТЕЛЬНО откланялся фельдмаршалу и находился въ полной неизвѣстности о дальнѣйшей моей судьбѣ, когда на другое утро, 30-го декабря новаго стила, ко мнѣ явился офицеръ отъ имени генерала Бенкендорфа, сообщившій, что онъ ожидаетъ меня къ десяти часамъ утра. Я отправился на извозчикѣ, на этотъ разъ одинъ, безъ конвоировавшаго меня офицера, что меня очень обрадовало, такъ какъ во все время моего пребыванія въ Петербургѣ я до сихъ поръ могъ выходить только въ сопровожденіи офицера или фельдъегеря.

Генералъ Бенкендорфъ былъ человѣкъ очень красивый, съ тонкими чертами и пріятнымъ выраженіемъ лица; изящный въ обращеніи и чрезвычайно любезный въ разговорѣ. Онъ былъ приближеннымъ и довѣреннымъ лицомъ императора и пользовался репутаціей честнѣйшаго и достойнѣйшаго человѣка въ имперіи. Во

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСII, стр. 307.

время моего перваго путешествія въ Петербургъ, пять мѣсяцевъ тому назадъ, онъ былъ ко мнѣ чрезвычайно ласковъ и любезенъ, и я былъ радъ случаю увидѣть его снова. Какъ только обо мнѣ доложили, онъ немедленно принялъ меня, встрѣтилъ чрезвычайно радушно и, протягивая мнѣ руку, сказалъ: «Итакъ, Польша возстала и совершила революцію? Кто бы могъ ожидать это въ то время, когда мы съ вами видѣлись въ послѣдній разъ»...

Я отвѣтилъ ему, что дѣйствительно я самъ никакъ не ожидалъ этой катастрофы.

— Я рѣшительно не могу понять,—сказалъ графъ,—какимъ образомъ поляки пришли къ мысли о революціи; какъ они не рассчитали, не предвидѣли тѣхъ опасностей и тѣхъ бѣдствій, которыя угрожаютъ ихъ родинѣ. Я не сомнѣваюсь, что причины къ недовольству были, но это все-таки не давало права начинать революцію, особенно если вы сравните другія завоеванныя области Польши съ положеніемъ поляковъ въ царствѣ. Посмотрите, напримѣръ, на Галицію, развѣ она не несчастнѣе васъ? У нея нѣтъ ни народнаго представительства, ни конституціи, ни собственной арміи, ни администраціи, ни національности, ни даже своего языка, а вдобавокъ вся страна обложена очень тяжелыми налогами. А великое герцогство Познанское, которое, конечно, не пользуется тѣми преимуществами и тѣмъ благосостояніемъ, какъ королевство Польское, съ политической и экономической точки зрѣнія. Сравните себя наконецъ съ Литвой, съ Волынью и другими бывшими польскими областями, находящимися подъ властью Россіи; какая громадная разница между ними и вами во всѣхъ отношеніяхъ! А между тѣмъ всѣ эти провинціи остались спокойными, и только царство Польское, пользовавшееся до сихъ поръ такими громадными преимуществами, находится теперь въ возстаніи. Ваша страна могла служить образцомъ экономическаго благоденствія народовъ, ей удивлялись всѣ иностранцы, населеніе постепенно увеличивалось, повинности не были обременительны для народа, вы управлялись своими собственными законами, торговля и промышленность процвѣтали, города и села постепенно увеличивались, и вся Польша представляла собою завидный образецъ благоустройства и культуры. Во всей этой ласкавшей взоръ картинѣ было, правда, одно пятно—это великій князь Константинъ, который зачастую нарушалъ волю государя и дѣйствительно не разъ подавалъ поводы къ неудовольствіямъ. Но не надо было такъ торопиться, ибо всѣмъ извѣстно, что великій князь долженъ былъ оставить Варшаву, отправиться весною за границу и болѣе уже не возвращаться. Тогда уже ничто не нарушало бы вашего спокойствія, и вы были бы самую счастливою странюю въ Европѣ. Знаете ли вы, между прочимъ, что извѣстія, которыя вы привезли намъ, очень неутѣшительны: гербы и вензеля императора повсюду срывають, всюду

кричатъ, вооружаются и укрѣпляютъ Пражскую цитадель. Но противъ кого же, скажите мнѣ, дѣлаются эти военныя приготовленія? Такъ какъ Польша сдѣлала революцію, низвергнувъ правительство, то кого же ей бояться, какъ не русскаго императора? Поэтому вполне естественно, что всѣ эти приготовленія дѣлаются противъ него, противъ императора... противъ того, кто желалъ только вашего блага, который не сдѣлалъ вамъ ни малѣйшаго зла и далъ вамъ столько доказательствъ своего расположенія!

Затѣмъ онъ перечислилъ по порядку: коронованіе въ Варшавѣ, открытіе сейма, справедливость императора въ дѣлѣ приговора сената въ борьбѣ его съ великимъ княземъ, покровительство фабричной промышленности даже въ ущербъ Россіи, его уваженіе къ польской національности, выразившееся въ дарованіи денежныхъ средствъ для реставраціи древняго замка королей польскихъ въ Краковѣ и мавзолея Собѣскому въ Варшавѣ, его покровительство искусству, наукамъ и т. п. Затѣмъ онъ продолжалъ:

— И вотъ послѣ всего этого сеймъ объявляетъ революцію національною и благодаритъ зачинщиковъ мятежа! Неужели же во всемъ сеймѣ не нашлось ни одного человѣка, который бы имѣлъ настолько здраваго смысла и благородства, чтобы упомянуть имя императора, вашего законнаго государя?

На это я отвѣтилъ генералу Бенкендорфу то же, что говорилъ фельдмаршалу, т. е., что *противъ* императора не поднялся ни одинъ голосъ, но также не было и голоса *за* него.

— Очевидно, — сказалъ генераль, — что сеймъ находился подъ вліяніемъ массы и крикуновъ. На военные успѣхи вамъ тоже особенно нельзя надѣяться, и если бы даже въ первый моментъ вамъ удалось имѣть надъ нами перевѣсъ, то вспомните о французахъ, которые дошли даже до Москвы, а между тѣмъ русскіе сами вскорѣ вступили въ Парижъ. Не менѣе удачно для Россіи и то, что въ то самое время, когда русскія войска готовились къ походу и стали собираться на границѣ, это самое время было выбрано поляками для революціи. Государь чрезвычайно недоволенъ Польшей, но что особенно его огорчаетъ, это поведеніе польской арміи, которую онъ такъ любилъ. Еще недавно онъ сказалъ: «Неужели же польское войско забыло мою наружность?.. Неужели я имѣю видъ человѣка, способнаго пойти на уступки?»... Императоръ настолько полагался на доблесть польской арміи, что, несмотря на то, что зналъ о связи, существующей между поляками и французами, онъ предназначилъ ее въ авангардъ арміи, долженствовавшей идти противъ Франціи. Я увѣренъ, что польская армія честно исполнила бы свой долгъ и дралась бы хорошо противъ французовъ. Скажу вамъ, что во всемъ этомъ я самъ сильно скомпрометированъ, такъ какъ еще недавно я головой ручался государю за вѣрность польской арміи; я даже сказалъ ему: «Государь, вы

можете разсчитывать на польскую армию, какъ на вашу Преображенскій полкъ». И что же? Эта самая армія, за которую я ручался своею честью, теперь возстала противъ своего государя! Я не понимаю, какъ могутъ поляки думать, что государь пойдетъ на уступки; прежде всего, для этого нѣтъ никакихъ основаній, и онъ ни въ чемъ не можетъ упрекнуть себя по отношенію къ Польшѣ; а затѣмъ, если допустить даже, что онъ захотѣлъ бы это сдѣлать, нельзя забывать, что онъ прежде всего *русскій* императоръ; какимъ образомъ могъ бы онъ сдѣлать уступки странѣ, пользовавшейся такими прерогативами, какія дарованы были Польшѣ, которая послѣ этого возстала? Что сказали бы на это другіе его подданные? Не значило ли бы это поощрить и другія народности его обширной монархіи къ подобнымъ же дѣйствіямъ? Думаю, что вамъ совершенно ясно положеніе вещей и невозможность для государя вступать съ вами въ какіе либо переговоры, не компрометируя себя въ глазахъ своихъ собственныхъ подданныхъ; что подумали бы о немъ въ Европѣ, если бы при малѣйшихъ беспорядкахъ законная власть пошла на уступки? Вотъ почему государь можетъ требовать только полной и безусловной покорности, и это по моему единственное, что вамъ остается сдѣлать. Притомъ же вы вполне можете разсчитывать на великодушіе и благородство государя, который несомнѣнно войдетъ въ ваше положеніе. Но если Польша будетъ усмирена силою оружія, что вполне вѣроятно, если она захочетъ испытать жребій войны, то въ такомъ случаѣ ей не на что будетъ разсчитывать.

Я отвѣтилъ генералу, что не вижу данныхъ разсчитывать на полное подчиненіе, ибо дѣло революціи подвинулось настолько впередъ, что уже самая національная гордость не позволитъ полякамъ идти назадъ; что несомнѣнно, конечно, что революція была начата небольшою частью націи, но въ настоящее время эта революція санкціонирована, такъ сказать, всѣмъ народомъ. Надо сознаться, что если бы великій князь съ самаго начала сумѣлъ подавить первые взрывы мятежа, то сразу можно было бы увидѣть, насколько была слаба та партія, которая начала революцію, но въ настоящее время она настолько усилилась, что можно безошибочно сказать, что во всемъ царствѣ нѣтъ такого мѣста, гдѣ бы съ восторгомъ не привѣтствовали бѣлаго знамени; сеймъ, администрація, армія—всѣ единогласно готовы поддерживать борьбу. Даже люди болѣе благоразумные и дальновидные, тайнѣмъ вздыхающіе о плачевной судьбѣ, которая ожидаетъ наше несчастное отечество, и тѣ даже или находятся подъ влияніемъ революціонной партіи, или считаютъ, что честь обязываетъ ихъ не отдѣляться отъ большинства. Такимъ образомъ, та группа лицъ, которая, быть можетъ, и вѣрна императору, и та не въ силахъ повліять на большинство, тѣмъ болѣе, что молодежь, которая говоритъ громко, экзальтирована, полна энтузіазма,

влияетъ на народныя массы, вслѣдствіе чего во всей странѣ подъемъ духа чрезвычайно силенъ. Умы всюду возбуждены, и уже теперь почти невозможно дать имъ другое направленіе. Наконецъ, армія постепенно увеличивается, и во всѣхъ провинціяхъ идутъ дѣятельныя вооруженія.

Генералъ Бенкендорфъ указалъ мнѣ на то, что, несмотря на всю нашу храбрость, намъ все-таки придется смириться, ибо, не говоря уже о численной несоразмѣрности между обѣими воюющими арміями, несомнѣнно и то, что русскія войска будутъ драться съ ожесточеніемъ, такъ какъ вся Россія оскорблена этой революціей и негодуетъ на неблагодарность польскаго народа.

Съ своей стороны я позволилъ себѣ замѣтить, что польская молодежь изъ Галиціи приходитъ въ царство съ вооруженными людьми и съ лошадьми; что австрійское правительство, повидимому, имъ не препятствуетъ, и что еще недавно молодой князь Любомірскій прибылъ изъ Галиціи въ царство Польское съ 50-ю людьми и лошадьми. То же происходитъ, повидимому, и въ великомъ герцогствѣ Познанскомъ. Я умышленно упомянулъ о Галиціи, дабы предостеречь русскихъ относительно намѣреній австрійскаго кабинета, тѣмъ болѣе, что все это было дѣйствительно такъ. Я замѣтилъ также, что время несомнѣнно докажетъ влияніе во всемъ этомъ Франціи и Бельгіи, правительства которыхъ втайнѣ сочувствовали и содѣйствовали польской революціи, которая, очевидно, была имъ на руку; притомъ же оба эти государства дали намъ несомнѣнное доказательство и примѣръ возможности осуществленія революціи и полной ея успѣшности. На это генералъ Бенкендорфъ сказалъ:

— Я скажу вамъ истинную причину польской революціи, какъ я ее понимаю. Во-первыхъ, иностранное влияніе и желаніе подражанія, конечно, въ этомъ играетъ роль; затѣмъ республиканская партія, сдѣлавшая такіе успѣхи въ Европѣ, естественно нашла послѣдователей и у васъ; эта партія объявила войну государямъ, желаетъ уничтожить монархическій принципъ, проповѣдуетъ всеобщее равенство, демагогію, якобинство и всѣ отвратительныя его послѣдствія. Кромѣ того, въ-третьихъ,—и это самое важное,—это вообще война негодяевъ противъ честныхъ людей: всякіе обдѣрванцы, завидующіе богатымъ, желаютъ сѣсть на ихъ мѣсто; при этомъ всѣ средства, способствующія къ достиженію этой цѣли, для нихъ хороши; они ничѣмъ не гнушаются, лишь бы только избавиться отъ людей почтенныхъ, завладѣть ихъ состояніемъ, ихъ должностями, словомъ, девизъ этой партіи: «*ôte toi pour que je m'y place*». Для достиженія этой цѣли они возбуждаютъ народныя страсти, страсти толпы, при чемъ естественно, что благо народа есть только благовидный предлогъ для ихъ преступной своекорыстной дѣятельности, и они съ восторгомъ разрушаютъ все, лишь бы только видоизмѣ-

нить свое собственное положеніе. Наконецъ, въ-четвертыхъ, надо сознаться и въ томъ, что великій князь Константинъ Павловичъ несомнѣнно создалъ массу недовольныхъ и былъ одной изъ причинъ вполне справедливаго недовольства въ царствѣ, которое, благодаря этому, не стояло на той высотѣ благосостоянія и благополучія, на которой оно могло бы быть; благодаря качествамъ своего характера, онъ являлся поводомъ страданія многихъ людей; онъ безтактно и безпричинно шокировалъ извѣстныя идеи, словомъ, онъ былъ причиной всеобщаго неудовольствія и, конечно, являлся однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ постепенно зарождавшагося революціоннаго движенія въ краѣ.

Въ заключеніе генераль предложилъ мнѣ нѣсколько вопросовъ относительно подробностей революціи, о лицахъ, погибшихъ во время мятежа, о генералѣ Хлопицкомъ, возстановившемъ порядокъ; о томъ, какъ принять былъ въ Варшавѣ генераль Красинскій, и тому подобное. Затѣмъ онъ посоветовалъ мнѣ не выходить изъ моей комнаты и вообще не показываться въ публикѣ. На это я отвѣтилъ ему, что я уходилъ только тогда, когда меня вызывали, и просилъ разрѣшенія, если возможно, повидать генерала Грабовскаго и графа Езерскаго. Генераль Бенкендорфъ обѣщаль мнѣ исполнить мою просьбу, но мнѣ такъ и не удалось увидѣть этихъ лицъ. Наконецъ, онъ любезно попрощался со мною, высказавъ сожалѣніе по поводу настоящихъ горестныхъ обстоятельствъ.

Вернувшись домой, я узналъ отъ сопровождавшаго меня конвойнаго офицера, что генераль графъ Чернышевъ (военный министръ и начальникъ главнаго штаба) прислалъ фельдъегеря, чтобы предупредить меня, что черезъ часъ онъ пришлетъ за мной карету и будетъ ждать меня у себя. При этомъ офицеръ сообщилъ мнѣ, что онъ также будетъ сопровождать меня къ военному министру. До послѣдняго времени всѣ бывшіе у меня переговоры касались не столько меня, сколько Польши и положенія вещей въ царствѣ. Теперь же меня охватило какое-то предчувствіе, что рѣчь будетъ идти обо мнѣ, о моей личной судьбѣ. И дѣйствительно я не ошибся. Зная по отзывамъ генерала Чернышева, его привычку какъ бы производить слѣдствіе во время разговора, его враждебность къ полякамъ,—я ожидалъ не совѣтъ пріятнаго разговора и, быть можетъ, даже ареста, какъ слѣдствія этого разговора. Поэтому я предусмотрительно захватилъ съ собою свертокъ въ 100 червонцевъ, дабы имѣть при себѣ деньги на всякій случай, если бы мнѣ не пришлось вернуться домой. Наконецъ я отправился къ генералу съ весьма естественнымъ безпокойствомъ, вооружившись всею осторожностью и всѣмъ хладнокровіемъ, которыя были мнѣ такъ необходимы въ предстоящемъ мнѣ визитѣ.

Прибывъ въ зданіе главнаго штаба, я долженъ былъ дожидаться нѣкоторое время въ пріемной, и вскорѣ затѣмъ туда прибылъ и

самъ генераль Чернышевъ съ большимъ портфелемъ подъ мышкой; онъ отпустилъ сопровождавшаго меня офицера и пригласилъ меня сѣсть. Оставшись вдвоемъ, онъ началъ съ того, что сообщилъ мнѣ, что государь прочелъ составленную мною вчера записку (при этомъ онъ вынулъ ее изъ портфеля) о первыхъ дняхъ революціи въ Варшавѣ, и что ему было бы желательно узнать еще нѣкоторыя подробности.

Я отвѣтилъ генералу Чернышеву, что я готовъ отвѣтить на всѣ предложенные мнѣ вопросы, и выразилъ опасеніе, не показался ли мой нѣсколько поспѣшный почеркъ неразборчивымъ его величеству. Генераль сказалъ мнѣ, что напротивъ государь самъ прочелъ всю записку, и что его величество находитъ, что я довольно хорошо пишу лѣвою рукою.

Я вскорѣ понялъ, что всѣ эти предварительные разговоры произошли между нами, такъ сказать, для взаимнаго знакомства, ибо генераль Чернышевъ сразу же перешелъ на болѣе дѣловой тонъ и сказалъ мнѣ:

— Я пригласилъ васъ, чтобы поговорить съ вами о васъ лично, и прошу васъ выслушать меня внимательно. Государь императоръ признаетъ только одну вѣрность, ту вѣрность, которую каждый подданный долженъ имѣть по отношенію къ нему, и которая обязываетъ всякаго офицера его арміи самоотверженно исполнять всѣ его приказанія. Великій князь Константинъ могъ отпустить польскія войска, находившіяся при немъ въ первые моменты революціи, онъ могъ приказатъ вамъ покинуть его и вернуться въ Варшаву къ революціонерамъ, но государь не входитъ во все это и не можетъ этого признать. Несмотря на всѣ распоряженія великаго князя, польская армія, не исполняющая больше приказаній своего государя, есть армія мятежная, и государь императоръ считаетъ мятежниками всѣхъ тѣхъ, кто теперь въ ней служитъ. Вы, милостивый государь, поэтому должны быть причислены также къ числу таковыхъ, тѣмъ болѣе, что вы прибыли сюда безъ всякаго законнаго приказанія и приняли на себя миссію, возложенную на васъ правительствомъ, котораго государь не признаетъ. Тѣмъ не менѣе, желая войти въ ваше положеніе, его величество поручилъ мнѣ передать вамъ, что онъ предоставляетъ вамъ свободный выборъ—возвратиться въ Варшаву или оставаться въ Петербургѣ. Если вы хотите ѣхать въ Варшаву и будете настаивать на этомъ желаніи, васъ немедленно же сегодня ночью отправятъ,— но помните, что въ будущемъ для васъ все кончено; государь императоръ не будетъ больше знать васъ и будетъ впредь считать васъ за офицера мятежной арміи. Если же вы останетесь въ Петербургѣ, то вы должны будете дѣлать то, что дѣлаютъ всѣ поляки, находящіеся здѣсь и которые возобновили свою присягу подданства и вѣрности законному государю. Вы скоро увидите гене-

рала, графа Красинскаго, о которомъ вы уже получили свѣдѣнія, и который прибудетъ сюда, и, вѣроятно, вы съ удовольствіемъ увидите съ нимъ. Положеніе ваше здѣсь будетъ прекрасное, и вообще о васъ будутъ заботиться. И такъ рѣшайте.

Холодный потъ выступилъ на моемъ лицѣ, и я сразу почувствовалъ крайне тяжелое положеніе, въ которое былъ поставленъ; тѣмъ не менѣе, нельзя было медлить и надо было быстро принять какое нибудь рѣшеніе. Считаю долгомъ завѣрить своею честью, что уже въ то время я предвидѣлъ плачевный конецъ польской революціи и въ глубинѣ души былъ твердо увѣренъ, что мы несомнѣнно будемъ побѣждены. Правда, впоследствии, во время этой войны и были нѣкоторые моменты, когда я думалъ, что польское дѣло можетъ восторжествовать, но это, конечно, не было въ началѣ революціи и не во время моего пребыванія въ Петербургѣ. Я прекрасно зналъ, что если бы я остался въ Петербургѣ, карьера моя въ глазахъ императора была бы сдѣлана. Онъ былъ бы этимъ чрезвычайно доволенъ, что, конечно, послужило бы къ моей пользѣ и личной выгодѣ; мнѣ удалось бы выиграть большой судебный процессъ, отъ рѣшенія котораго зависѣло все мое состояніе, и который долженъ былъ въ скоромъ времени разбираться въ петербургскомъ сенатѣ. Но я былъ далекъ отъ всѣхъ этихъ личныхъ соображеній и въ этотъ моментъ думалъ только о томъ, чтобы съ честью окончить возложенное на меня порученіе и вернуться въ Варшаву, гдѣ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали моего возвращенія. При томъ же я не могъ допустить мысли, чтобы въ глазахъ моихъ соотечественниковъ я являлся чѣмъ-то въ родѣ перебѣжчика, и искренно желалъ быть вмѣстѣ со всѣми въ эти тяжелыя и несчастныя для моей родины времена. Изъ нѣсколькихъ вышеприведенныхъ словъ графа Чернышева мнѣ также показалось, что здѣсь имѣли намѣреніе заставить поляковъ, находившихся въ Петербургѣ, подписать какой нибудь формальный протестъ противъ польской революціи, нѣчто въ родѣ Тарговицкой конфедерации, одно имя которой приводило меня, еще во времена юности, въ ужасъ и негодованіе.

Но съ другой стороны благоразуміе говорило мнѣ, что я не долженъ былъ быть рѣзкимъ въ Петербургѣ, особенно по отношенію къ государю. Я сознавалъ, что если коротко и рѣзко выскажу желаніе вернуться въ Варшаву, какъ бы пренебрегая личнымъ обо мнѣ мнѣніемъ императора, то весьма возможно и даже вѣроятно, что вмѣсто Варшавы меня просто отправятъ въ какую нибудь крѣпость. Наконецъ, несмотря на все происшедшее, Польша еще не была въ формальной войнѣ съ Россіей, тѣмъ болѣе, что значительная часть націи надѣялась еще на мирный исходъ. Самъ генералъ Хлопицкій, по порученію котораго я прибылъ въ Петербургъ, надѣялся на это и искренно желалъ этого примиренія; о низложеніи императора съ польскаго престола не было и рѣчи, и

Николай I до сихъ поръ оставался нашимъ законнымъ государемъ, что указано было даже въ данныхъ мнѣ инструкціяхъ, требовавшихъ, чтобы я относился къ русскому императору съ почтительностью, съ которой подданный обязанъ относиться къ своему монарху. Такимъ образомъ, прибывъ въ Петербургъ, я несомнѣнно былъ подданнымъ и офицеромъ русскаго государя, и съ этой точки зрѣнія было бы непростительно съ моей стороны совершить какую нибудь рѣзкость или безтактность въ столицѣ Россіи и по отношенію къ ея государю. Желая все-таки выиграть время и болѣе хладнокровно обсудить свое положеніе, я отвѣтилъ графу Чернышеву, что желанія его величества я не могу принять иначе, какъ съ должнымъ почтеніемъ, и безропотно подчинюсь тому, что государю угодно будетъ приказать мнѣ.

— Государь императоръ,— возразилъ мнѣ на это графъ Чернышевъ,— ничего не приказываетъ вамъ въ настоящее время, но желаетъ знать, что вы намѣрены дѣлать. Государь приказалъ мнѣ завѣрить васъ также своимъ словомъ, что вы не будете поставлены здѣсь въ неловкое положеніе, какъ полякъ по отношенію къ Польшѣ, и что съ этой точки зрѣнія взгляды ваши будутъ уважены.

— Я глубоко признателенъ его величеству за его милость, но позвольте указать вашему превосходительству, что я присланъ сюда изъ Варшавы, и хотя я вовсе не принадлежу къ вожакамъ революціи, диктаторъ тѣмъ не менѣе ожидаетъ моего возвращенія. Если я добровольно не вернусь въ Варшаву, я по всей справедливости буду считаться въ глазахъ моихъ соотечественниковъ дезертиромъ, перебѣжчикомъ, чего я естественно не могу желать. Въ виду этого я почтительно обращаюсь къ чувству чести и благородству вашего превосходительства и прошу указать мнѣ, какъ поступить въ данномъ случаѣ.

— Я ничего не могу вамъ совѣтовать. Если бы я былъ на вашемъ мѣстѣ, я зналъ бы, какъ мнѣ слѣдуетъ поступить, но теперь я обязанъ спросить васъ только, что намѣрены вы дѣлать: остаться въ Петербургѣ вѣрнымъ вашей присягѣ, или возвратиться въ Варшаву, вызвавъ неудовольствіе вашего государя?

— Говоря откровенно вашему превосходительству, я признаюсь, что желалъ бы вернуться въ Варшаву въ виду высказанныхъ мною соображеній, но я не желалъ бы также ни подъ какимъ видомъ вызвать неудовольствіе моего монарха. Думаю, что даже въ случаѣ войны,—чего еще нельзя утверждать съ достовѣрностью,—ваше превосходительство несомнѣнно согласится, что раненый, какимъ вы меня видите, лишенный правой руки, я едва ли могу быть полезнымъ офицеромъ въ рядахъ польской арміи, и слѣдовательно я вполне безопасенъ по отношенію къ той арміи, съ которой Польша будетъ воевать.

— Дѣло вовсе не въ томъ, я спрашиваю васъ прямо и категорически, какое принимаете вы рѣшеніе, т.-е. желаете ли вы остаться, или уѣхать?

Согласно плану, который я наскоро набросалъ въ своемъ умѣ, и который заключался въ томъ, чтобы уѣхать, но всѣми силами постараться сгладить то дурное впечатлѣніе, которое моя просьба могла бы произвести на государя, я отвѣчалъ:

— Позвольте мнѣ высказать вашему превосходительству еще одно соображеніе: уѣзжая изъ Варшавы, я оставилъ въ этомъ городѣ старика отца, больного и безъ всякихъ средствъ къ существованію, такъ какъ внезапный и быстрый мой отъѣздъ изъ Варшавы не далъ мнѣ возможности подумать о матеріальномъ обезпеченіи старца; такимъ образомъ, помимо тѣхъ соображеній, о которыхъ я имѣлъ честь сообщить вашему превосходительству, мой долгъ, какъ сына, вынуждаетъ меня также просить о возвращеніи въ Варшаву; при этомъ считаю долгомъ завѣрить ваше превосходительство, что какія бы событія ни произошли въ Варшавѣ, я лично останусь совершенно спокоенъ.

— Это уже новое соображеніе, о которомъ я, конечно, доложу государю, но во всякомъ случаѣ я попрошу васъ написать мнѣ письмо, въ которомъ, указавъ на высказанныя вами чувства долга и преданности къ его величеству, вы просите разрѣшенія вернуться въ Варшаву въ виду состоянія здоровья и необезпеченнаго положенія вашего отца; кромѣ того, необходимо указать, что каковы бы ни были обстоятельства, которыя произойдутъ въ Польшѣ, вы обѣщаете вести себя, какъ это надлежитъ доброму и вѣрному подданному государя. Возвращайтесь же къ себѣ, напишите это письмо, и черезъ полтора часа я пришлю къ вамъ фельдъегеря, которому вы вручите это письмо. Съ своей стороны я представлю его государю императору, отъ котораго уже будетъ зависѣть дальнѣйшая судьба вашего ходатайства.

Вернувшись домой, я тотчасъ принялся за это письмо и еще не закончилъ его, когда уже къ назначенному сроку явился за нимъ фельдъегерь. Передаю здѣсь содержаніе этого письма, въ которомъ я, быть можетъ, долженъ былъ дать болѣе умѣренныя обѣщанія, но я готовъ былъ написать въ это время все, что отъ меня потребуютъ, имѣя единственное желаніе какъ можно скорѣе отправиться въ Варшаву. Наконецъ, надо принять во вниманіе и то, что мнѣ въ первый разъ въ жизни пришлось попасть въ такое отвѣтственное, двусмысленное и щекотливое положеніе, что мнѣ рѣшительно не съ кѣмъ было посоветоваться и почти не было времени для размышленій.

Письмо къ графу Чернышеву отъ 18-го (30) декабря 1830 г.

«Ваше превосходительство! Согласно данному мнѣ вами разрѣшенію высказать письменно тѣ чувства, коими я преисполненъ къ особѣ его величества императора и короля за все то, что ему благоугодно было передать мнѣ, беру смѣлость обратиться къ вашему превосходительству съ настоящимъ письмомъ, въ коемъ прошу позволенія говорить съ вами совершенно искренно и съ откровенностью военнаго человѣка о томъ положеніи, въ которомъ я нахожусь въ настоящее время. Я съ ранней юности состою на военной службѣ, всегда былъ вѣренъ данной мной присягѣ и смѣю думать, что поведеніе мое въ этомъ смыслѣ всегда было достойно честнаго офицера. Я присягалъ на вѣрность его величеству императору Николаю, и я сохранилъ и продолжаю хранить и донынѣ эту вѣрность, какъ это подобаеетъ честному солдату и доброму поляку. Находясь въ Варшавѣ безъ начальника (который получилъ отставку), я остался безъ должности, и генералъ Хлопицкій приказалъ мнѣ состоять при его особѣ, какъ это было сдѣлано почти по отношенію ко всѣмъ адъютантамъ, не находившимся при своихъ генералахъ. Я совершенно не знаю причины, по которой генералъ Хлопицкій избралъ именно меня для доставленія депешъ въ Петербургъ; я исполнилъ это порученіе генерала Хлопицкаго безпрекословно и явился въ столицу моего государя съ тѣмъ душевнымъ спокойствіемъ, которое я сохраняю, благодаря искреннему сознанию, что я ничѣмъ не нарушилъ своего долга военнаго человѣка и вѣрноподданнаго. Таково мое искреннее убѣжденіе.

«Ваше превосходительство изволили увѣдомить меня сегодня, что его величеству благоугодно было предоставить моему свободному выбору — или остаться въ Петербургѣ, или вернуться въ Варшаву; но что вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе мое вернуться обратно будетъ принято государемъ императоромъ, какъ выраженіе моего сочувствія къ тѣмъ, кто совершилъ мятежъ, и что въ этомъ случаѣ его величество уже не будетъ видѣть во мнѣ своего вѣрнаго офицера; но если я останусь теперь въ Петербургѣ, то я исполню то, что надлежитъ дѣлать всякому вѣрноподданному поляку.

«Въ послѣднемъ случаѣ, графъ, мнѣ не остается другого выбора и другого желанія, какъ просить остаться въ Петербургѣ, въ особенности въ виду того, что его величество милостиво завѣряетъ, что я, какъ полякъ, не буду поставленъ въ неудобное, двусмысленное положеніе. Но, съ другой стороны, въ Варшавѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ моего возвращенія, и ваше превосходительство сами изволите усмотрѣть, что могутъ подумать обо мнѣ мои соотечественники, узнавъ, что я остался въ Петербургѣ. Наконецъ,

прошу ваше превосходительство разрѣшить мнѣ высказать еще одно обстоятельство, о которомъ я просилъ бы доложить его величеству: въ Варшавѣ у меня остался отецъ, человѣкъ старый, болѣзненный, близкій къ могилѣ, котораго я являюсь единственною опорой, и который, разставаясь со мною, оплакивалъ меня, какъ будто бы мы разставались съ нимъ навсегда; въ виду внезапности и поспѣшности моего отъѣзда я совершенно былъ лишенъ возможности привести въ порядокъ свои домашнія дѣла, и въ настоящее время отецъ мой остался почти безъ всякихъ средствъ къ существованію. Вотъ тѣ причины, которыя вынуждаютъ меня желать возвратиться въ Варшаву, и которыя государю императору, быть можетъ, благоугодно будетъ принять милостиво во вниманіе.

«Я сдѣлаю все, что его величеству угодно будетъ мнѣ приказывать, сдѣлаю это съ тою преданностью, которую я обязанъ имѣть къ своему монарху, и открыто заявляю, что никогда не подниму моего слабаго оружія противъ его войскъ, даже въ томъ случаѣ, если бы польская армія дѣйствовала противъ Россіи. Я обѣщаюсь спокойно оставаться въ Варшавѣ или въ имѣніи моемъ, имѣя единственную заботу предоставить возможность моему старому отцу отправиться на воды, лѣченіе коими необходимо также и мнѣ въ виду моихъ ранъ, которыя снова даютъ себя чувствовать. Если бы его величеству милостиво угодно было войти въ мое положеніе и видѣть въ моемъ желаніи возвратиться въ Варшаву именно то, что я имѣю честь высказать вашему превосходительству, не желая лишить меня своего монаршаго благоволенія, не признавая во мнѣ человѣка, преступающаго долгъ вѣрнопогоданнаго,— въ такомъ случаѣ я усердно просилъ бы разрѣшенія моего государя вернуться въ Варшаву. Но если малѣйшее облако сомнѣнія омрачитъ чело моего августѣйшаго монарха, если онъ лишить меня своего довѣрія и перестанетъ видѣть во мнѣ добраго и вѣрнаго подданнаго, въ такомъ случаѣ мнѣ остается только просить остаться тамъ, гдѣ его величеству благоугодно будетъ указать мнѣ. Прошу ваше превосходительство принять увѣреніе въ отличномъ моемъ уваженіи. (Подписалъ) Оаддей Вылежинскій, подполковникъ Конно-Егерскаго полка королевской польской гвардіи.

«С.-Петербургъ 18-го (30-го) декабря 1830 года».

Написавъ это письмо и сдавъ его по назначенію, я остался въ неизвѣстности и въ сильномъ безпокойствѣ при мысли объ ожидающей меня судьбѣ и о томъ, какъ государь посмотритъ на мое письмо. Вечеромъ, въ 9-мъ часу, вернулся наконецъ тотъ же фельдъегерь, приглашая отправиться съ нимъ къ графу Чернышеву; онъ сообщилъ мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ, что графъ уже приказалъ приготовить для меня лошадей, но при этомъ высказалъ, что

ему неизвѣстно, въ какую именно сторону я отправлюсь. Признаюсь, что я самъ опасался, что мнѣ, быть можетъ, придется отправиться въ сторону, совсѣмъ противоположную Польшѣ.

Графъ Чернышевъ на этотъ разъ принялъ меня въ своемъ собственномъ домѣ и, едва я вошелъ къ нему, сказалъ:

— Государь прочелъ ваше письмо, и я увѣренъ, что вы не ожидаете того, что его величество сдѣлалъ для васъ. Императоръ разрѣшаетъ вамъ вернуться въ Варшаву и назначаетъ васъ своимъ флигель-адъютантомъ.

Не скрою, что извѣстіе это въ виду своей неожиданности произвело на меня сильное впечатлѣніе, но въ то же время я долженъ сознаться, что насколько первое извѣстіе искренно обрадовало меня, настолько второе меня смутило, ибо я сразу понялъ, въ какое двусмысленное положеніе я буду поставленъ, благодаря этой незаслуженной мною монаршей милости, какъ въ глазахъ моихъ соотечественниковъ-поляковъ, такъ и въ глазахъ самого государя, благодаря тѣмъ событіямъ, которыя могутъ произойти въ Польшѣ. Тѣмъ не менѣе, мнѣ, конечно, не оставалось другого выбора, какъ высказать мою глубочайшую признательность, ибо, съ другой стороны, было бы совершенно немыслимо, чтобы офицеръ польской арміи, прибывшій въ Петербургъ и удостоенный такой милости своего монарха, могъ отказаться отъ этого высокаго и почетнаго званія; не говоря уже о томъ, что подобный отказъ по своей дерзости могъ бы вызвать вполне справедливый гнѣвъ государя, результатомъ котораго могло бы быть путешествіе въ сторону, совершенно противоположную Варшавѣ. Говорю это потому, что много лѣтъ спустя, нѣкоторые лица старались убѣдить меня въ томъ, что я долженъ былъ отказаться отъ этой награды. Предоставляю это на судъ потомства и совершенно откровенно говорю, что всякій другой на моемъ мѣстѣ не былъ бы въ правѣ поступить иначе. Послѣдствія же доказали, что милость эта не только не послужила къ моей личной выгодѣ, но что мое положеніе, какъ служебное, такъ и матеріальное въ концѣ концовъ даже ухудшилось.

Итакъ, сообразивъ по возможности быстро свое положеніе, я молча поклонился и сказалъ графу Чернышеву, что дѣйствительно не ожидалъ этой высокой ко мнѣ милости его величества. Генералъ Чернышевъ перебилъ меня и сказалъ:

— Вотъ вамъ собственноручная записка государя императора, который велѣлъ мнѣ передать ее вамъ на память.

Содержаніе этой записки было слѣдующее: *«Я нахожусь въ г. Вылежаинскомъ чувства честнаго человѣка, храбраго и доблестнаго воина и добраго поляка. Онъ исполняетъ свой долгъ до тѣхъ поръ, пока былъ въ состояніи, и я вполне вѣрю его слову въ томъ, что онъ всегда будетъ слѣдовать требованіямъ чести и присяги. Чтобы доказать ему это, я назначаю его своимъ флигель-адъютантомъ и поручаю ему*

отвезти денешни въ Варшаву. Затѣмъ онъ можетъ позаботиться о своемъ отцѣ, и когда онъ обезпечитъ участь этого старца, онъ явится ко мнѣ въ томъ мѣстѣ и въ то время, когда ему будетъ возможно. Вы вручите ему эту записку и прилагаемыя денешни. Н.».

Записка эта, на французскомъ языкѣ, написанная карандашомъ собственною рукою императора, была для меня несомнѣнно драгоценнѣйшимъ даромъ, и я мысленно обвинялъ свою злополучную судьбу, что эта милость не явилась ко мнѣ при другихъ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Когда я прочелъ эти милостивыя строки императора Николая I-го, генераль Чернышевъ сказалъ:

— Я увѣренъ, что теперь вамъ, конечно, будетъ пріятно выразить его величеству вашу признательность за всю его доброту. Вы отправитесь съ моимъ фельдъегеремъ во дворецъ и лично представитесь государю императору.

Генераль сѣлъ къ столу, написалъ письмо, запечаталъ его, адресовалъ на имя государя, вручилъ его фельдъегерю и приказалъ ему сопровождать меня во дворецъ. Затѣмъ онъ сказалъ мнѣ:

— Я также доложилъ государю все то, что вы высказали мнѣ относительно сознанія вами обязанности возвратиться въ Варшаву, которая лежитъ на васъ, и что вы естественно не желаете слыть въ глазахъ вашихъ соотечественниковъ за дезертира. Его величество вполне уважаетъ ваши принципы, и изъ этого уже одного вы можете судить о великодушіи государя и о томъ, какъ его плохо знаютъ въ Варшавѣ и не цѣнятъ его высокихъ качествъ. Теперь отправляйтесь, вы будете говорить съ вашимъ государемъ и затѣмъ снова вернетесь сюда.

Я отправился во дворецъ государя, находящійся на Невскомъ проспектѣ и извѣстный подъ именемъ Аничковскаго, куда прибылъ въ девять съ половиной часовъ вечера. Я поднялся по широкой мраморной лѣстницѣ, гдѣ увидѣлъ только двухъ часовыхъ, а въ пріемной нѣсколькихъ фельдъегерей изъ субалтернъ-офицеровъ; кромѣ нихъ, здѣсь не было ни флигель-адъютантовъ, ни другихъ лицъ государевой свиты. Меня провели въ небольшую гостиную, гдѣ просили подождать, такъ какъ государь теперь ужиналъ на половинѣ императрицы. Въ этой гостиной я увидѣлъ только одного камеръ-лакея, къ которому обратился съ просьбою дать мнѣ немного одеколону, чтобы освѣжиться немного, что онъ и исполнилъ тотчасъ. Тѣмъ временемъ письмо генерала Чернышева было отправлено къ государю, и черезъ четверть часа явился камеръ-лакей, сообщившій мнѣ, что его величество меня ожидаетъ. Я прошелъ еще черезъ двѣ комнаты и очутился передъ дверью государева кабинета, которую отворили предо мною. Это была очень большая комната, по стѣнамъ которой стояли большіе шкафы съ книгами, а посрединѣ письменный столъ, на которомъ лежало множество картъ, книгъ и бумагъ. На этомъ столѣ горѣло шесть свѣчей, и

за столомъ этимъ, на небольшомъ креслѣ сидѣлъ императоръ Николай. Между двумя окнами стоялъ столъ, на которомъ была зажжена лампа.

Императоръ Николай—человѣкъ высокаго роста, строгой наружности, съ правильными чертами лица и выразительной физиономіей, полной величія. Онъ былъ одѣтъ въ сюртукъ Преображенскаго полка. Государь былъ одинъ. Едва я переступилъ порогъ двери, которую тотчасъ заперли за мною, государь сказалъ:

— *«Вылежискиій, здравствуйте, какъ ваше здоровье?»...*

При этихъ словахъ государь поднялся съ мѣста, направился ко мнѣ, подаль мнѣ руку и остановился, прислонясь къ письменному столу; я стоялъ передъ нимъ, а государь продолжалъ:

— *«Я радъ васъ видѣть. Я назначилъ васъ своимъ флигель-адъютантомъ, потому что увѣренъ въ васъ и въ томъ, что вы всегда останетесь мнѣ вѣрнымъ, всегда будете доблестнымъ воиномъ, добрымъ полякомъ, а это значитъ—вѣрнымъ вашей присягѣ и вашему государю, т.-е. вашей родинѣ».*

Я выразилъ императору чувство глубочайшей признательности за эту милость и прибавилъ, что не чувствую себя достойнымъ этого отличія.

— *«Вы состоите въ спискѣхъ гвардейскаго Конно-Егерскаго полка, который такъ прекрасно исполнилъ свой долгъ въ самомъ началѣ. Вы находились съ этимъ полкомъ при особѣ моего брата Константина въ первые моменты революціи, и я вполне разсчитываю на ваши чувства. Теперь поговоримъ о Польшѣ. Вы видите, что я спокоенъ, поэтому вы можете понять, что все, что я буду говорить вамъ, не будетъ слѣдствіемъ какого либо увлеченія или гнева. Скажите сами, неужели я могъ когда нибудь ожидать революціи въ Польшѣ? Все тамъ было такъ прекрасно, а я лично съ своей стороны не могу себя утѣшить въ чемъ либо, какъ король польскій. Конституція, въ томъ видѣ, какую я нашелъ ее при вступленіи моемъ на престолъ, и каковою она была завѣщана мнѣ моимъ братомъ, императоромъ Александромъ,—эта конституція мною неизмѣнно и строго сохранялась безъ всякихъ измѣненій. Я самъ отправился въ Варшаву и короновался въ ней королемъ польскимъ; я сдѣлалъ для Польши все то, что было въ моихъ силахъ, и считаю себя законнымъ польскимъ королемъ и таковымъ останусь всегда. Конечно, можетъ быть, въ учрежденіяхъ царства и были нѣкоторыя недостатки, но это не по моей винѣ, и слѣдовало это понять, войти въ мое положеніе и имѣть ко мнѣ болѣе довѣрія. Я всегда желалъ добра Польшѣ и несомнѣнно сдѣлалъ бы все для ея блага. При томъ же все эти недочеты не давали полякамъ никакой права на революцію, на этотъ возмущительный поступокъ, выразившійся въ нападеніи на домъ моего брата и въ возмущительномъ желаніи убить его».*

— Позволю себѣ доложить вашему величеству, что по увѣренію лицъ, бывшихъ въ Бельведерскомъ дворцѣ въ ночь съ 29 на 30-е ноября, никто не имѣлъ намѣренія покуситься на жизнь его императорскаго высочества.

— *«Не могу этому вѣрить, ибо, когда пятнадцать вооруженныхъ людей врываются во дворецъ, убиваютъ генераловъ и слугъ, нельзя повѣрить, чтобы они не убили моего брата, если бы они могли это сдѣлать! Въ этомъ вы меня не разубѣдите. Что касается генерала Рожнецкаго, на котораго такъ много жалуются, то я знаю его съ давнихъ поръ и никогда не уважалъ его; знаю, что это негодяй, и если онъ занималъ этотъ постъ, то надо было понять... (здѣсь государь пожалъ плечами, желая очевидно дать понять, что это была вина великаго князя) тѣмъ не менѣе ваши газеты говорятъ о немъ слишкомъ много и сильно преувеличиваютъ, какъ вообще это въ обычай прессы».*

Послѣднія слова государя доказывали, что онъ уже успѣлъ прочесть польскія газеты, которыя я привезъ съ собою. Послѣ этого государь подробно спрашивалъ меня объ обстоятельствахъ революціи въ Варшавѣ и между прочимъ сказалъ, что онъ рѣшительно не понимаетъ, какимъ образомъ къ возстанію примкнула польская армія. На это я указалъ его величеству, что никто изъ старшихъ офицеровъ, даже капитановъ и почти никто изъ младшихъ офицеровъ не были посвящены въ тайну заговора; что большинство офицеровъ были увлечены своими подчиненными и молодежью, которая со свойственною ей экзальтаціей, приставивъ къ ихъ лбу пистолетъ, почти насильно принудила принять участіе въ революціи.

— *«Какъ? Неужели вы думаете, что даже въ четвертомъ пѣхотномъ полку не было капитановъ, принимавшихъ участіе въ заговорѣ?»*

— Насколько мнѣ извѣстно, въ 4-мъ пѣхотномъ полку былъ всего одинъ такой капитанъ или два, и то даже я въ этомъ окончательно не увѣренъ.

— *«А командиръ батареи гвардейской конной артиллеріи полковникъ Хоржевскій, развѣ онъ не былъ въ числѣ заговорщиковъ?»*

— Ручаюсь моимъ словомъ вашему величеству, что онъ не участвовалъ въ заговорѣ, равно какъ большинство офицеровъ этой батареи, которая выступила изъ казармъ только въ полночь. Но нельзя не войти въ положеніе этой батареи, расположенной въ центрѣ города, близъ арсенала, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ и произошелъ первый взрывъ революціоннаго движенія; вотъ почему эта батарея была фактически вынуждена соединиться съ первыми заговорщиками и народными толпами. Несомнѣнно, конечно, что восемь батарейныхъ орудій этой артиллеріи значительно содѣйствовали успѣху заговорщиковъ, почти силою захватившихъ эти пушки.

— *«Думаю, однако, что, если бы мой братъ Константинъ имѣлъ въ своихъ рукахъ эту артиллерію, ему несомнѣнно удалось бы задавить»*

возстаніе въ самомъ его зародышѣ; но, съ другой стороны, я радъ, что великій князь не пустилъ въ дѣло русскія войска, что несомнѣнно вызвало бы проявленія національнѣй вражды, между тѣмъ какъ теперь русскіе совершенно чисты, ибо до сихъ поръ не сдѣлали ни одного выстрѣла противъ поляковъ».

— Дѣйствительно великій князь не употребилъ въ дѣло своихъ войскъ, и, быть можетъ, онъ могъ бы завладѣть городомъ въ ту же ночь, тѣмъ болѣе, что, кромѣ войскъ русской гвардіи, при немъ находилось болѣе чегырехъ тысячъ поляковъ. Но, конечно, надо было дѣйствовать энергично въ эту же первую ночь.

— «Да, если бы я былъ тамъ, я вамъ ручаюсь, что дѣло кончилось бы иначе. Въ подобныхъ случаяхъ для усмиренія мятежниковъ необходима картечь; это печальная и тяжелая необходимость, но, къ сожалѣнію, она является единственнымъ средствомъ для предотвращенія въ будущемъ еще большихъ бѣдствій. Я знаю, что такое революція; я видѣлъ ее здѣсь у себя и подавилъ ее. Все быстро вошло въ порядокъ, ибо по большей части это были несчастные, увлеченные примѣромъ юрты мятежниковъ. Даже часть моей гвардіи, на которую я такъ рассчитывалъ, въ то время была также противъ меня; но это было временнымъ заблужденіемъ, и вскорѣ же все вошло въ порядокъ. Въ подобныхъ обстоятельствахъ я никогда не виню солдатъ, хотя, быть можетъ, тѣ же часовые, которые стоятъ теперь у моихъ дверей, въ тотъ день были противъ меня; и теперь они охраняютъ меня доблестно и вѣрно и готовы пролить свою кровь, защищая меня. Но что касается офицеровъ, то это другой вопросъ, и я могу только выразить мое удивленіе и негодованіе по отношенію ко всемъ генераламъ и старшимъ офицерамъ польской арміи, которые настолько позволили себя увлечь и затупить молодыми офицерами, что, забывъ свой долгъ, приняли командованіе надъ мятежниками и этимъ самымъ сдѣлались ихъ сообщниками. Напримеръ, Шенбекъ, котораго я такъ любилъ, не только идетъ заодно съ мятежниками, но своимъ вступленіемъ въ городъ во главѣ своего полка рѣшаетъ участь революціи, первый подаетъ пагубный примѣръ всей арміи, соединяется съ мятежниками, увлекаетъ своимъ примѣромъ другія войска, которыя еще были вѣрны, и вынуждаетъ моего брата уйти изъ города. И это тотъ самый Шенбекъ, который самъ обѣщаль великому князю не входить въ городъ и слушаться его приказаній».

— Вступленіе въ Варшаву генерала Шенбека явилось дѣйствительно значительнымъ подспорьемъ для возставшихъ, и примѣръ его повліялъ отчасти на другія войска, такъ какъ этотъ генераль пользовался большою любовью во всей арміи; но позволю себѣ почтительнѣйше замѣтить вашему величеству, что возмущеніе польской арміи не входило въ его намѣренія, ибо онъ не только не былъ въ числѣ заговорщиковъ, но даже лично завѣрилъ меня, что онъ имѣлъ твердое намѣреніе остаться вѣрнымъ и исполнять

приказанія великаго князя. Но когда онъ прибылъ къ свосму полку, то нашелъ его всецѣло охваченнымъ революціоннымъ духомъ и воспламененнымъ самымъ горячимъ энтузіазмомъ къ революціи: по самому выраженію лицъ своихъ солдатъ онъ уже увидѣлъ, что малѣйшее съ его стороны колебаніе приведетъ лишь къ тому, что его же собственныя войска разстрѣляютъ его на мѣстѣ.

— *«Ну, что же, въ такомъ случаѣ ему слѣдовало идти на смерть — это была его обязанность, его долгъ. Ему слѣдовало бы сдѣлать то же самое, что сдѣлалъ Гауке, что сдѣлалъ Трембицкій; съ послѣднимъ онъ вѣдь самъ былъ такъ друженъ. Почему тотъ не послѣдовалъ его примѣру и не разсматривалъ физиономій своихъ солдатъ? Скажите ему, что я удивляюсь, что онъ до сихъ поръ еще живъ, и что я не ожидалъ отъ него столь позорнаго поведенія!»*

Произнося эти слова, государь постепенно оживлялся и говорилъ съ замѣтнымъ негодованіемъ. Затѣмъ онъ нѣсколько успокоился и сталъ спрашивать меня о воспитанникахъ военной академіи. Я доложилъ его величеству, что академики сформировали изъ себя батальоны и въ настоящее время занимаютъ караулы при диктаторѣ Хлопицкомъ; что надо отдать имъ полную справедливость въ томъ, что своимъ поведеніемъ они болѣе всего способствовали прекращенію беспорядковъ, закрытію революціонныхъ клубовъ и водворенію спокойствія въ городѣ.

— *«Дело въ томъ, что это очевидно люди, получившіе воспитаніе, болѣе просвѣщенные, которые видятъ и сознаютъ всю опасность мятежныхъ беспорядковъ, и которые несомнѣнно стоятъ нравственно значительно выше, чѣмъ подрапорщики. Для послѣднихъ не было ничего святого, и они убивали направо и налево, какъ люди, не имѣющіе никакого понятія ни о долѣ, ни о нравственности. Впрочемъ эта школа всегда была плохимъ учрежденіемъ и здѣсь въ Россіи Я давно ее уничтожилъ. Держать взаперти въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ триста молодыхъ людей и ничему ихъ не обучать — вотъ система, которая очевидно не могла не имѣть дурныхъ послѣдствій».*

Государь затѣмъ просилъ меня перечислить ему польскія войска, находившіяся при великомъ князѣ съ самаго начала революціи. Я исполнилъ это и между прочимъ назвалъ въ числѣ этихъ войскъ и кавалерійскую школу подрапорщиковъ.

— *«Не странно ли, — перебилъ меня государь, — что нѣхотная школа вела себя такъ недостойно, въ то время какъ подрапорщики кавалеристы такъ хорошо исполняли свой долгъ? А между тѣмъ, казалось бы, имъ слѣдовало бы дѣйствовать единодушно. Что касается гвардейскаго Конно-Егерскаго полка, который одинъ почти сражался въ эту ночь, такъ достойно исполняя свой долгъ, то я не могу достаточно имъ нахвалиться. Какъ только я узналъ о подвигъ этого полка, я рѣшилъ дать ему блестящее отличіе: у меня даже былъ*

заготовленъ приказъ о предоставленіи этому полку правъ старой гвардіи, я рѣшилъ награждать всѣхъ офицеровъ полка особеннымъ знакомъ отличія и вообще осыпать его наградами. Я былъ увѣренъ, что этотъ полкъ никогда не покинетъ моего брата; но когда я узналъ, что онъ поступилъ такъ же, какъ и другіе польскіе полки, и вступилъ въ революціонную Варшаву,—я все приостановилъ. Въ настоящее время ему, конечно, придется дѣлать то, что будутъ дѣлать и другіе польскіе полки, но тѣмъ, не менѣе, я никогда не забуду того, что этотъ полкъ съ самаго начала находился при моемъ братѣ».

— Считаю долгомъ доложить вашему величеству, что полкъ этотъ много пострадалъ отъ народной толпы во время возвращенія его въ Варшаву...

— «...Но зато какое удовлетвореніе должны были испытывать конные егеря сознаниемъ ихъ вѣрности присягѣ, ихъ сердца должны были биться съ радостью въ сознаніи свято исполненію долга! Кстати, кто командуетъ теперь этимъ полкомъ, и гдѣ онъ находится? — вѣдь теперь я ничего не знаю»...

— Имъ попрежнему командуетъ полковникъ Ягминъ, и полкъ расположенъ на квартирахъ въ Пултускѣ.

Затѣмъ государь спросилъ меня о полковникѣ Зеліонкѣ (тоже флигель-адъютантѣ императора Николая), который былъ также полковникомъ въ Конно-Егерскомъ полку, и о томъ, были ли убитые и раненые офицеры.

— «Вы вернетесь черезъ Пултускѣ,—продолжалъ государь,—прошу васъ передать мой поклонъ Ягмину и Зеліонкѣ и скажите Ягмину, что если онъ попрежнему можетъ рассчитывать на свой полкъ, то пусть онъ представитъ небольшой рапортъ великому князю Константину».

Не понимая въ точности значенія этихъ словъ, я просилъ его величество милостиво разъяснить мнѣ это приказаніе.

— «Я подразумеваю здѣсь, конечно, краткій строевой рапортъ, не болѣе»...

Но, увидѣвъ по выраженію моего лица мое смущеніе и недоумѣніе, императоръ продолжалъ:

— «... Конечно, это только въ томъ случаѣ, если это возможно. Во всякомъ случаѣ прошу васъ передать Ягмину и Зеліонкѣ, что они будутъ состоять при моей особѣ во время моего въѣзда въ Варшаву. Хотите что я желаю, и что я скоро исполню, ибо я до сихъ поръ царь польскій, царь законный и таковымъ буду всегда, запомните это хорошо и передайте это въ Варшаву. Я не желалъ бы прибѣгать къ мѣрамъ строгости, я надѣюсь, что благоразумная часть націи возьметъ верхъ, что народъ польскій сознаетъ свою ошибку, и что все войдетъ въ порядокъ. Но я требую полного подчиненія, безъ всякихъ условій, ибо я не имѣю намѣренія поступаться чѣмъ либо. Помните, что я царь польскій, вашъ законный монархъ и таковымъ оста-

нущь всегда. Я требую, чтобы мнѣ доверяли. Скажите это въ Варшавѣ и сдѣлайте съ вашей стороны все то, что повелѣваетъ вамъ долгъ».

— Государь,—сказалъ я,—мнѣ остается только оплакивать бѣдствія, угрожающія моему народу.

— *«Дѣло не въ оплакиваніи, необходимо убѣдить ихъ подчиниться голосу разсудка. Я люблю своихъ подданныхъ, и никакая жертва для меня не будетъ дорога въ моемъ желаніи сдѣлать ихъ счастливыми».*

Здѣсь я позволилъ себѣ сказать государю:

— Вашу любовь къ подданнымъ, государь, вы доказали въ Москвѣ во время холеры...

Государь перебилъ меня быстро и сказалъ:

— *«Я ничего не доказалъ. Я просто исполнилъ свой долгъ. Насколько я люблю моихъ подданныхъ, настолько ради ихъ же блага я сумѣю заставить уважать себя и усмирить мятежниковъ. Я опасюсь, что удаленіе вѣсѣхъ войскъ изъ провинціи послужитъ поводомъ къ безпорядкамъ, такъ какъ, судя по вашимъ словамъ, даже жандармы вызваны оттуда, и ихъ будутъ организовывать въ полки. Мнѣ кажется, что было бы лучше, если бы ихъ оставили на мѣстѣ для несенія полицейской службы и охраненія внутренняго порядка. Что думаете вы объ этомъ?»*

— Мнѣ кажется, государь, что въ виду повсемѣстнаго формированія національной гвардіи, состоящей изъ мирныхъ гражданъ, заинтересованныхъ въ поддержаніи порядка, эта внутренняя стража будетъ вполне достаточной.

— *«Но развѣ эти такъ называемые національные гвардейцы—дѣйствительно мирные граждане, дѣйствительно ли при назначеніи на эти должности дѣлается хороший выборъ?»*

Выслушавъ мой отвѣтъ, государь разспрашивалъ меня затѣмъ о нѣкоторыхъ убитыхъ генералахъ. Когда я доложилъ его величеству, что генералъ графъ Станиславъ Потоцкій былъ нечаянно убитъ, не будучи даже узнавъ, государь сказалъ:

— *«Этотъ добрый, достойный Станиславъ! Я искренно жалью его. А генералы Новицкій и Трэмбицкій?—последній вѣдь умеръ смертью храбраго?»*

— Да, государь, онъ дѣйствительно умеръ, какъ герой.

— *«Скажите, гдѣ застала васъ революція при самомъ началѣ возстанія?»*

— Я находился въ это время у княгини Яблоновской.

— *«А, у красной принцессы Терезы?»*

Государь затѣмъ спросилъ меня, не былъ ли я раненъ, не подвергался ли я опасности, и сказалъ, что онъ одобряетъ генерала Хлопицкаго, приказавшаго раскассировать саперный батальонъ, отправивъ двѣ роты въ Замостье, одну въ Модлинъ и одну въ Прагу; онъ также одобрилъ распоряженіе диктатора, выславшаго

изъ Варшавы (кажется, въ Станиславѣво) четвертый пѣхотный полкъ. Затѣмъ онъ говорилъ еще о необходимости полякамъ подчиниться, о его твердомъ желаніи оставаться законнымъ царемъ польскимъ, о томъ, что, какъ монархъ, онъ не можетъ сдѣлать себѣ никакого упрека по отношенію къ Польшѣ, и что онъ сумѣетъ привести къ повиновенію мятежниковъ. Затѣмъ государь продолжалъ:

— *«Скажите отъ меня полякамъ, что я увѣренъ въ томъ, что на нихъ дѣйствуетъ иностранное вліяніе, которое я считаю главнымъ поводомъ этой революціи. Русскій народъ оскорбленъ и возмущенъ поступкомъ Польши, и мнѣ съ трудомъ удастся сдерживать ея законное негодованіе. Но до тѣхъ поръ, пока я царствую, я сумѣю заставить повиноваться моей воли, сумѣю повліять на моихъ подданныхъ, и въ этомъ отношеніи поляки могутъ быть покойны».*

Затѣмъ государь перешелъ къ генералу Хлопицкому и сказалъ:

— *«Я сожалею, что онъ не служилъ въ моей польской арміи, и при вступленіи моемъ на престолъ былъ уже въ отставку. По всему, что я вижу, я прихожу къ заключенію, что онъ не былъ въ заговоръ, хотя теперь и стоитъ во главѣ революціи; я не обвиняю его въ томъ, что онъ провозгласилъ себя главою временною правительства безъ моего согласія, ибо онъ все-таки возстановилъ порядокъ. Но теперь я желалъ бы знать, что думаетъ онъ дѣлать дальше... Развѣ генералъ Хлопицкій не передалъ вамъ никакого порученія для меня?»*

— Нѣтъ, государь, онъ только сказалъ мнѣ при отъѣздѣ, что, если ваше величество удостоите меня разговоромъ, то я долженъ буду отвѣчать вамъ, государь, съ правдивостью и искренностью, должною по отношенію къ моему монарху.

— *«Я вполне понимаю, что при данныхъ обстоятельствахъ онъ не могъ вручить вамъ какого либо письменнаго документа на мое имя; но не далъ ли онъ вамъ какого либо устнаго порученія, не просилъ ли онъ васъ передать мнѣ съ глазу на глазъ о томъ, что я долженъ о немъ думать и насколько я могу разсчитывать на него?»*

— Нѣтъ, государь, онъ не сказалъ мнѣ ни слова.

— *«Какъ ничего (при этомъ государь пристально взглянулъ на меня), развѣ онъ не приказалъ вамъ доложить мнѣ о дальнѣйшихъ своихъ намѣреніяхъ?»*

— Нѣтъ, государь, ибо въ противномъ случаѣ я бы уже имѣлъ честь доложить объ этомъ вашему величеству.

— *«Странно... Тѣмъ не менѣе передъ нимъ открывается прекрасная, достойная задача, и желательно бы знать, насколько онъ сумѣетъ ее выполнить. Настоящее его поведеніе можетъ заслужить мое снисхожденіе, если онъ исполнитъ свой долгъ, такъ какъ онъ еще можетъ возвратитъ спокойствіе своему отечеству, можетъ отвратить отъ своей страны многія бѣдствія и создать себѣ почетное и славное имя, за-*

служить примательность своего народа и своего монарха. Но необходимо, чтобы онъ шелъ по вѣрному пути, по пути долга и чести. Посмотримъ же, что сдѣлаетъ онъ, и не дастъ ли онъ себѣ вскружить голову».

Послѣ этого государь предложилъ мнѣ еще нѣсколько вопросовъ о новомъ устройствѣ польскихъ войскъ, и когда я сказалъ ему, что новый кавалерійскій полкъ сформированъ на средства графа Замойскаго, онъ спросилъ меня, какой это Замойскій, на что я отвѣтилъ его величеству, что это былъ старшій сынъ графа Замойскаго, президента сената. При этихъ словахъ государь покачалъ головой. Онъ сказалъ мнѣ также, что чрезвычайно доволенъ генераломъ Викентіемъ Красинскимъ, и разспрашивалъ о генералѣ Курнатовскомъ. Узнавъ, что послѣдній спокойно находится въ Варшавѣ, государь сказалъ:

— *«Передайте ему мой поклонъ и скажите, что я продолжаю считать его на моей службѣ, и что я не принимаю его отставки».*

Государь спрашивалъ меня также о другихъ генералахъ и начальникахъ отдѣльных частей польскихъ войскъ и нахмурилъ брови, когда я сказалъ его величеству, что всѣ они находятся во главѣ своихъ дивизій, бригадъ и полковъ и повинуются приказаніямъ диктатора. Затѣмъ императоръ Николай сказалъ:

— *«Я надѣюсь, что они все-таки образумятся. Я назначилъ Плоцкъ мѣстомъ сбора, и въ этомъ мѣстѣ должна быть сосредоточена польская армія, и думаю, что это самый удобный пунктъ, такъ какъ онъ не находится въ Россіи, вблизи съ тѣмъ удаленъ отъ варшавскаго крикуновъ и вообще является самымъ подходящимъ мѣстомъ для водворенія всеобщаго порядка... Скажите, что думаете вы по поводу моего манифеста, обращеннаго къ польскому народу? Какъ будетъ онъ принятъ въ Польшѣ, и можно ли надѣяться на возобновленіе спокойствія, не приближая къ сѣню?»*

Я сначала уклонился отъ прямого отвѣта, но государь прибавилъ:

— *«Скажите мнѣ, что думаете вы на этотъ счетъ, скажите мнѣ ваше личное мнѣніе?»*

— Такъ какъ ваше величество приказываете мнѣ высказать мое личное мнѣніе, то позволю себѣ замѣтить, что, по мнѣнію моему, этотъ манифестъ не произведетъ ожидаемаго дѣйствія. Я самъ убѣдился, насколько положеніе вещей въ Польшѣ серьезно, насколько партія мира и спокойствія находится подъ давленіемъ противной партіи; я лично видѣлъ настроеніе умовъ большинства поляковъ и по всему вижу, что обращеніе вашего величества не будетъ принято съ должнымъ вниманіемъ. Я, быть можетъ, ошибаюсь, я даже желалъ бы ошибаться, но по всему, что я знаю, я могу только ожидать большихъ бѣдствій моему несчастному отечеству.

— *«И такъ, если вы думаете, что они добровольно не подчинятся, то остается лишь одно средство, къ которому я долженъ буду при-*

блкнуть, какъ русскій императоръ и какъ царь польскій. Первый пушечный выстрѣлъ съ вашей стороны—и я уже больше ни за что не отпущаю: скажите это въ Варшавѣ. ... Но вотъ, что мнѣ сейчасъ пришло въ голову: я съ удовольствіемъ назначилъ васъ своимъ флигель-адъютантомъ, но я опасаясь, какъ бы это не подвергло васъ какой либо опасности въ Варшавѣ. Какъ думаете вы сами? Вѣдь выраженіе моего къ вамъ благоволенія можетъ причинить вамъ непріятности! Это опорчило бы меня!»

Признаюсь, что послѣднія слова государя, произнесенныя голосомъ, полнымъ искренности и доброты, душевно тронули меня, и я отвѣтилъ его величеству, что я не думаю, чтобы эта милость подвергла меня опасности, но если бы это было и такъ, то я охотно пойду ей навстрѣчу.

Государь поцѣловалъ меня и сказалъ:

— *«До свиданія. Поклонитесь отъ меня вашему отцу и поздравьте его отъ моего имени съ тѣмъ, что у него такой добрый сынъ. До свиданія, любезный другъ, желаю вамъ счастливаго пути».*

Онъ подалъ мнѣ руку, которую я поцѣловалъ, еще разъ высказавъ его величеству мою признательность, и вышелъ изъ кабинета.

Это свиданіе съ императоромъ продолжалось болѣе двухъ часовъ. Была уже половина двѣнадцатаго ночи, когда я вышелъ изъ дворца. Передавая этотъ разговоръ, я запомнилъ здѣсь важнѣйшія его подробности, все то, что наиболѣе сохранилось у меня въ памяти; но императоръ предлагалъ мнѣ еще множество другихъ, второстепенныхъ вопросовъ, которыхъ я въ точности не припоминаю, и потому и не привожу въ этихъ воспоминаніяхъ. При этомъ государь ничего не спрашивалъ меня о сеймѣ и ни объ одномъ изъ должностныхъ лицъ гражданскаго вѣдомства, бесѣдуя исключительно о польской арміи. Въ теченіе разговора онъ нѣсколько разъ приходилъ въ сильное волненіе, но во всѣхъ его приемахъ всегда проявлялось величіе; и въ голосѣ его звучали ноты мягкости и чистосердечія, такъ что, несмотря на строгую его наружность, я чувствовалъ къ нему невольное влеченіе. Вообще государь имѣлъ видъ человѣка, болѣе огорченнаго, нежели негодующаго. Вѣроятно также, что онъ не предполагалъ, что обстоятельства примутъ тотъ характеръ, который они впоследствии имѣли, и что борьба будетъ длиться такъ долго, а также не придавалъ, повидимому, значенія тому, что я высказалъ относительно участія всей націи въ дѣлѣ революціи. Быть можетъ также, что онъ былъ введенъ въ заблужденіе по этому поводу, и что его увѣрили, будто бы очень легко задавить революцію, такъ какъ этого желаетъ большинство націи.

Изъ вопросовъ, предложенныхъ мнѣ императоромъ, я могъ заключить, что ему было извѣстно каждое мое слово, сказанное Дибичу и Бенкендорфу. Послѣднимъ я сказалъ все, что было необходимо, что же касается государя, то я, конечно, могъ только отвѣчать на вопросы, предложенные мнѣ его величествомъ. Тѣмъ не менѣе, я не задумался высказать императору всю правду и совершенно искренно изложилъ свой образъ мыслей, когда это было необходимо, несмотря на то, что явился я въ Петербургъ не въ качествѣ парламентаря, не въ роли лица, присланнаго отъ имени націи, и что я не могъ и не долженъ былъ разыгрывать подобной роли. Все, что я высказалъ въ это время государю, Дибичу и Бенкендорфу, и что я заявилъ письменно, въ запискѣ, оказалось настолько справедливымъ, что, спустя годъ, когда все уже было покончено съ Польшей, и когда государь велѣлъ выразить мнѣ его неудовольствіе въ официальномъ рескриптѣ и изъ милости ко мнѣ осудилъ на полное съ своей стороны забвеніе,—онъ, тѣмъ не менѣе поручилъ сказать мнѣ, что онъ все-таки «отдаетъ мнѣ полную справедливость въ томъ, что я высказалъ ему искренно и правдиво объ истинномъ положеніи вещей въ Польшѣ». Полагая, что я имѣю порученіе отъ генерала Хлопицкаго передать что либо лично для его величества, желая также переговорить со мною, чтобъ узнать нѣкоторыя подробности о революціи, которыхъ онъ не зналъ, и не желая видѣть во мнѣ мятежнаго офицера, котораго онъ могъ только встрѣтить сурово, государь пожаловалъ меня своимъ флигель-адъютантомъ, дабы свободнѣе говорить со мною. Быть можетъ, государь полагалъ также, что это произведетъ благопріятное впечатлѣніе въ Варшавѣ; если это такъ, то я не исполнилъ его воли въ этомъ отношеніи, но я навсегда обязанъ этому государю благодарностью за его великодушный и милостивый пріемъ и за данное мнѣ разрѣшеніе вернуться въ Варшаву въ такое время.

Я вернулся изъ дворца къ графу Чернышеву. Онъ еще разъ заговорилъ со мною о генералѣ Шенбекѣ, который въ это время былъ губернаторомъ Варшавы, и поведеніе котораго графъ находилъ ужаснымъ; разспрашивалъ о генералѣ Войчинскомъ, командовавшемъ всей охранной гвардіей, и о вдовахъ генераловъ, убитыхъ въ первый день возстанія: госпожахъ Трембицкой, Семіонтовской и о графинѣ Потоцкой. Затѣмъ графъ Чернышевъ говорилъ о добротѣ и великодушіи государя, который все время выражалъ желаніе, чтобы все совершалось согласно закону, и еще недавно, послѣ арестованія нѣкоторыхъ подпорошниковъ и академиковъ, подозрѣвавшихся въ подстрекательствѣ къ мятежу, велѣлъ написать цесаревичу и административному совѣту царства Польскаго, чтобы все слѣдствіе было ведено согласно польскимъ законамъ и конституціи. Онъ говорилъ также, что въ Варшавѣ со-всѣмъ не понимали высокой личности государя, и что я лично много

ему обязанъ; совѣтовалъ мнѣ не особенно показываться въ Варшавѣ и вести себя тамъ чрезвычайно осторожно, въ случаѣ же необходимости велѣлъ съ письмами обращаться непосредственно на его имя.

Въ заключеніе онъ вручилъ мнѣ депеши на имя графа Соболевскаго, правительственнаго президента царства Польскаго, и открытый листъ для пропуска черезъ границу. При этомъ онъ совѣтовалъ мнѣ немедленно выѣхать изъ Петербурга, сообщивъ, что его фельдъегерь будетъ сопровождать меня до городской заставы. Затѣмъ онъ также дозволилъ мнѣ повидаться съ графомъ Замоискимъ, который остановился въ той же гостиницѣ, гдѣ и я, но при этомъ запретилъ мнѣ брать отъ него какое либо письмо. Такимъ образомъ, исключая графа Замоискаго, я не видѣлся въ Петербургѣ ни съ однимъ полякомъ.

31 декабря 1830 года, въ часъ съ половиною послѣ полуночи, я выѣхалъ изъ Петербурга въ сопровожденіи того же конвоя, съ которымъ я прибылъ, и въ такомъ же порядкѣ: я ѣхалъ вмѣстѣ съ офицеромъ въ небольшихъ, открытыхъ саняхъ, а мой человѣкъ—съ унтеръ-офицеромъ въ другихъ саняхъ.

Я искренно поздравилъ себя, миновавъ Петербургскую заставу. Теперь я уже не сомнѣвался въ томъ, что карьера моя кончена, что тяжба моя въ сенатѣ проиграна ¹⁾, и въ будущемъ меня ожидаетъ невеселая перспектива. Но въ душѣ я привнесъ эту жертву моему отечеству (которое, вѣроятно, никогда не оцѣнитъ ея), былъ радъ вернуться къ своимъ и съ достоинствомъ выполнить возложенную на меня миссію, раздѣливъ участь моихъ соплеменниковъ. Въ Петербургѣ я болѣе не предполагалъ вернуться и воздержался дать такое обѣщаніе, принявъ твердое рѣшеніе оставаться въ Польшѣ во все это смутное время.

Мы ѣхали довольно скоро; санный путь былъ настолько хорошъ, что переѣздъ отъ Петербурга до Риги мы совершили чрезвычайно быстро. Въ Ригѣ намъ пришлось переночевать, такъ какъ черезъ Двину не было мостовъ, и ледъ еще не установился. Я не могу достаточно нахвалиться моими спутниками, которые не только были любезны и вѣжливы, но окружали меня всевозможнымъ вниманіемъ. Въ Ригѣ сопровождавшій меня офицеръ просилъ позволенія повидать свою мать, которая жила въ этомъ городѣ, а въ Митавѣ унтеръ-офицеръ (курляндскій уроженецъ) встрѣтилъ своего маленькаго брата и представилъ мнѣ его. Начиная отъ Риги и до самой Ковны, дорога была отвратительная; въ Ковну мы прибыли ве-

¹⁾ Я дѣйствительно проигралъ этотъ процессъ, разбиравшійся въ сенатѣ въ 1831 году, и который я могъ бы, по справедливости, выиграть, если бы имѣлъ возможность лично повести дѣло. Въ результатѣ я потерялъ, по крайней мѣрѣ, 200 тыс. флориновъ, т.-е. все свое состояніе. Также погибла моя военная карьера.

черомъ 3-го января 1831 года. Здѣсь я засталъ уже генерала Палена 1-го съ четвертымъ полкомъ морской пѣхоты, который находился въ Шавляхъ, когда я ѣхалъ въ Петербургъ. Теперь весь 1-й армейскій корпусъ уже выдвинулся до Гродны. Графа Палена на этотъ разъ я не видѣлъ, распрощался съ моимъ офицеромъ и рано утромъ, 4-го января, переправившись въ лодкѣ черезъ Нѣманъ, прибылъ въ предѣлы Польши.

Начальникъ польской таможни въ Алексотѣ чрезвычайно обрадовался, увидѣвъ меня, ибо до него уже дошли слухи, что меня арестовали, заковали въ цѣпи и отправили прямо въ Сибирь. Признаюсь, что я почувствовалъ большое облегченіе, вступивъ на польскую территорію, ибо, несмотря на пожалованное мнѣ званіе флигель-адъютанта, я все-таки опасался какихъ либо неожиданностей въ предѣлахъ Россіи.

Въ Польшѣ я путешествовалъ довольно быстро, но одно обстоятельство было чрезвычайно непріятно: почти на каждой станціи представители мѣстныхъ властей и жители непременно желали знать подробности моего путешествія, о томъ, что я говорилъ съ императоромъ, о военныхъ приготовленияхъ, дѣлаемыхъ въ Россіи, и о вѣроятности войны или мира. Патріоты, знавшіе о моей поездкѣ и съ нетерпѣніемъ ожидавшіе моего возвращенія, появлялись на станціи, какъ только до слуха ихъ доносился звукъ почтового рожка. Всѣ желали говорить со мною и поручали станціоннымъ смотрителямъ немедленно сообщать имъ о моемъ пріѣздѣ, хотя бы это было и поздною ночью. Все это чрезвычайно раздражало меня и несмотря на то, что я, конечно, не могъ и не хотѣлъ говорить обо всемъ, тѣмъ не менѣе, мнѣ приходилось быть чрезвычайно вѣжливымъ, что впрочемъ было въ моихъ привычкахъ, тѣмъ болѣе, что большинство сельскихъ жителей интересовались тѣмъ, что было для нихъ всего важнѣе, а именно вопросомъ о возможности скораго нашествія непріятели и о войнѣ, которая угрожала ихъ благосостоянію. Большинство еще успокоивали себя надеждами, что все окончится мирно, и надо сказать по справедливости, что весьма малое число жителей—особенно обитателей праваго берега Вислы—было довольно совершившеюся революціей.

Въ маленькихъ городахъ возбужденіе было сильнѣе, чѣмъ въ Варшавѣ, и тамъ ходили среди населенія самыя невѣроятныя слухи. Говорили, что императоръ умеръ, что въ Петербургѣ произошла кровавая революція; другіе увѣряли, что императоръ былъ вынужденъ покинуть столицу; что литовскій корпусъ возмутился и шелъ на соединеніе съ поляками; что корпусъ графа Палена послѣ кровопролитнаго сраженія съ литовскимъ корпусомъ былъ совершенно уничтоженъ и т. п. Всѣ боялись послѣдствій войны, и такимъ-то образомъ вожаки возстанія старались распространять всѣ эти нелѣпыя слухи, какъ бы надѣясь предотвратить этимъ бѣдствія, которыя приближались и угрожали нашей бѣдной родинѣ.

Прибывъ вечеромъ въ Сувалки, я встрѣтилъ на станціи нѣсколькихъ обывателей, которые, не зная меня, спрашивали меня, не прибылъ ли я изъ окрестностей Ковны. Услышавъ отъ меня утвердительный отвѣтъ, они стали спрашивать меня, не слыхать ли чего объ императорѣ, и что дѣлается въ Петербургѣ. Я отвѣтилъ, что онъ совершенно здоровъ и находится въ Петербургѣ. Тогда они съ усмѣшкой стали увѣрять меня, что я очень плохо освѣдомленъ, ибо изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ имъ хорошо извѣстно, что императоръ долженъ былъ бѣжать изъ столицы и теперь скрывается въ Пруссіи и что съ моей стороны не хорошо охлаждать національное чувство распространеніемъ ложныхъ извѣстій. На это я отвѣчалъ имъ, что ошибаются они сами, ибо менѣе четырехъ дней тому назадъ я лично бесѣдовалъ съ императоромъ Николаемъ въ Петербургѣ. Услышавъ это, они были сильно удивлены и спросили меня, не я ли полковникъ Вылежинскій, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, всѣ тотчасъ окружили меня, пригласили на ужинъ и умоляли меня рассказать все то, что я видѣлъ въ Петербургѣ. Стараясь по возможности удовлетворить ихъ любознательство, я, конечно, давалъ только самыя краткіе и незначительные отвѣты, ибо зналъ, что въ каждомъ городѣ и особенно въ такомъ, какъ Сувалки, было множество варшавскихъ комиссаровъ, членовъ патріотическихъ или скорѣе революціонныхъ клубовъ, которые, несмотря на закрытіе ихъ диктаторомъ, втайнѣ агитировали и возбуждали умы.

Въ Ломжѣ я встрѣтилъ уже новую кавалерію; здѣсь формировался Августовскій кавалерійскій полкъ, въ который уже присланы были полковникомъ Янковскимъ офицеры и унтеръ-офицеры его Конно-Егерскаго полка для занятія должностей инструкторовъ. Здѣсь встрѣтилъ я также множество крестьянъ, вооруженныхъ косами, которыхъ набирали въ Августовскомъ палатинатѣ, какъ ближайшей пограничной мѣстности съ Россіей, съ тѣмъ, чтобы организовать изъ нихъ пѣхотные полки. Близъ Ружанъ я встрѣтилъ регулярныя войска перваго и третьяго Конно-Егерскихъ полковъ, которые уже были на военномъ положеніи и несли аванпостную и сторожевую службу.

Въ Ружанахъ я видѣлся съ полковникомъ Янковскимъ и генераломъ Иженендовскимъ и у послѣдняго обѣдалъ. Я долго бесѣдовалъ съ полковникомъ Янковскимъ, котораго зналъ съ давнихъ поръ, и который былъ однимъ изъ выдающихся старшихъ офицеровъ бывшаго польскаго Уланскаго полка Наполеоновской гвардіи. Мы оба были согласны съ нимъ, что положеніе Польши было не блестящее, и что война, къ сожалѣнію, была неизбежна. Онъ также сказалъ мнѣ, что въ Варшавѣ только и говорили о революціи, будто бы происшедшей въ Петербургѣ, и что мой пріѣздъ съ тѣми свѣдѣніями, которыя онъ узналъ отъ меня, сильно

разочаруетъ многихъ и едва ли будетъ пріятель для вожаковъ революціи. Онъ сообщилъ мнѣ также, что польская армія будетъ преобразована, что генераль Пжепендовскій не будетъ имѣть командованія, и что онъ будетъ назначенъ начальникомъ кавалерійской дивизіи, состоящей изъ перваго и третьяго Конно-Егерскихъ полковъ и Августовскаго и Плоцкаго кавалерійскихъ, которые онъ формируетъ; это эта дивизія предназначена идти въ первую линію и будетъ двинута по направленію къ Ковнѣ и Бѣлостоку. Онъ высказалъ мнѣ мнѣніе, что государь поставилъ меня въ неловкое положеніе, назначивъ своимъ флигель-адъютантомъ, но что я поступилъ, какъ честный человѣкъ, вернувшись въ Польшу къ своимъ соотечественникамъ въ это тяжелое для родины время. Что касается его лично, то онъ рѣшилъ не вмѣшиваться ни въ политику, ни во внутреннія дѣла страны, но что онъ всегда будетъ служить въ арміи и сражаться до послѣдней крайности, несмотря ни на что, что физически онъ чувствуетъ себя прекрасно, находится въ полномъ здоровьѣ и рѣшилъ предоставить всѣ свои силы родинѣ; что онъ привелъ въ порядокъ свои личныя дѣла и сдѣлалъ духовное завѣщаніе, такъ какъ, по его мнѣнію, въ настоящее время первую обязанностью всякаго добраго поляка— это сражаться за родину и не уступать дешево ея независимость; что необходимо жертвовать всѣмъ ради родины, поддержать національную честь и древнюю доблесть польской арміи. Говоря все это, Янковскій, быть можетъ, и рассчитывалъ, что онъ погибнетъ въ этой войнѣ, но едва ли могъ предвидѣть, что онъ впоследствии сдѣлается жертвой партійной борьбы, будетъ обвиненъ въ измѣнѣ и убитъ самымъ ужаснымъ образомъ посреди Варшавы разсвирѣпѣвшимъ народомъ, подстрекаемымъ преступными людьми, желавшими убѣдить народъ въ томъ, что это единственное средство спасти отечество. Быть можетъ, Янковскій дѣйствительно совершилъ ошибки съ военной точки зрѣнія, но онъ никогда не былъ измѣнникомъ и, конечно, не ожидалъ и не заслуживалъ подобной смерти. Говорю это съ искреннимъ убѣжденіемъ.

Далѣе, въ Пултускѣ, я встрѣтилъ полковника Ягмина, командира гвардейскаго Конно-Егерскаго полка. Я передалъ ему лично все то, что императоръ поручилъ мнѣ высказать ему, воздержавшись, конечно, отъ всякаго личнаго сужденія. Ягминъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ и его полкъ, что бы ни случилось, искренно преданы польскому дѣлу, и просилъ меня передать это диктатору. Такъ поступили почти всѣ офицеры старой польской арміи, даже тѣ, которые въ первое время революціи высказались противъ нея; несмотря на то, что они сами весьма мало надѣялись на успѣшный исходъ этой неравной борьбы,—они всѣ исполнили свой долгъ, дрались до послѣдней возможности и съ честью поддерживали національное дѣло. Всѣ они говорили, что не хотятъ походить на неаполитан-

цевъ и показать Европѣ, что если они и будутъ побѣждены, то это произойдетъ не по недостатку храбрости или любви къ родинѣ, которой они желаютъ жертвовать всею безъ всякихъ расчетовъ.

Въ Зегржѣ, на Наревѣ, я уже увидѣлъ регулярную пѣхоту 8-го линейнаго полка, которымъ командовалъ полковникъ Скрыжнецкій. Меня сначала не хотѣли пропустить черезъ мостъ, такъ какъ было совершенно темно; но едва я назвалъ свое имя, какъ меня немедленно же пропустили, ибо все знали о моемъ путешествіи въ Петербургъ, и съ нетерпѣніемъ ожидали извѣстій, отъ которыхъ должна была зависѣть ихъ судьба. То же произошло и на Варшавской заставѣ.

Извѣстія, которыя я привезъ, были дѣйствительно первостепенной важности, ибо я имѣлъ личное порученіе отъ императора объявить о томъ, что онъ не желаетъ никакихъ переговоровъ, не сдѣлаетъ никакихъ уступокъ, требуетъ безусловнаго и полнаго подчиненія и ввести въ Польшу русскія войска, которыя быстро собраны на границѣ и немедленно же начнутъ военныя дѣйствія, какъ только увидятъ, что мы оказываемъ сопротивленіе. Другими словами это была война. Спустя недѣлю, это же извѣстіе, но уже въ болѣе официальной формѣ привезъ графъ Езерскій, я же имѣлъ только устное порученіе императора для передачи его диктатору. Въ депешахъ, которыя я привезъ на имя графа Соболевскаго, было указано, что въ скоромъ времени графъ Езерскій привезетъ окончательное рѣшеніе государя въ письменной формѣ. Дешени мои не доходили, однако, по назначенію, такъ какъ письмо, которое я привезъ изъ Варшавы на имя князя Любецкаго, было распечатано въ Петербургѣ, а то, которое я везъ на имя Соболевскаго, было раскрыто въ Варшавѣ генераломъ Хлопцикимъ въ присутствіи всего совѣта.

Въ 3 часа утра, 6-го января 1831 года, я прибылъ обратно въ Варшаву по прошествіи двухъ недѣль. Диктаторъ въ это время жилъ во дворцѣ намѣстника. Во дворѣ карауль занимала рота 1-го Егерскаго полка и дежурными адъютантами въ этотъ день были капитанъ Лесскій, поручикъ Леонъ Ржевускій, подпрапорщикъ Маврикій Потоцкій и одинъ изъ воспитанниковъ академіи.

Диктатора разбудили немедленно, и я тотчасъ же представилъ ему отчетъ о моей поѣздкѣ.

Заканчивая эти интересныя записки Вылежинскаго, которыя прекращаются въ подлинникѣ на этомъ мѣстѣ, мы, какъ уже сообщали выше, рѣшили дополнить ихъ краткими свѣдѣніями, найденными нами въ архивѣ покойнаго историка Н. К. Шильдера, собравшаго, какъ извѣстно, громадный рукописный матеріалъ для послѣдняго своего труда объ императорѣ Николаѣ I-мъ. Изъ бу-

магъ этихъ, между прочимъ, видно, что 18-го декабря 1830 года генераль-адъютантъ графъ А. И. Чернышевъ представилъ государю Николаю Павловичу всеподданнѣйшую записку на французскомъ языкѣ о разговорѣ своемъ «съ прибывшимъ изъ Варшавы подполковникомъ польскихъ войскъ Вылежинскимъ, который, не раздѣляя мыслей возмутителей общественнаго спокойствія, подвергнувшихъ его отечество бѣдствіямъ, выразилъ чувства преданности своей законному правительству и сообщилъ свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ тамошнемъ краѣ».

На запискѣ этой собственною рукою императора Николая поставлена слѣдующая резолюція:

«Je suis parfaitement satisfait de cette manière franche d'agir et vous en remercie, mon cher ami; voici un billet que vous remettrez à Wylezinski: un homme loyal retournant là-bas doit porter sur lui les marques de l'estime que je lui accorde; je le nomme mon aide-de-camp et vous lui remettrez ce billet comme gage des sentiments que sa noble conduite lui vaut de ma part. Dites moi le resultat que cela aura sur lui et faites le partir. S'il vous demandait à me voir, vous pouvez me l'envoyer à 10 heures»¹⁾.

Вотъ подлинный французскій²⁾ текстъ собственноручной записки императора Николая, врученной Чернышевымъ подполковнику Вылежинскому 18-го декабря 1830 года,—записки, о которой самъ государь упоминаетъ въ вышеприведенной резолюціи:

«Je trouve dans M-r Wylezinsky les sentiments d'un homme d'honneur, d'un brave et loyal militaire et d'un bon polonais. Il a fait son devoir jusqu'à ce qu'il a pu le faire et je crois à sa parole qu'il saura toujours suivre la voie de l'honneur et de son serment. Pour le lui prouver je le nomme mon aide-de-camp et je le charge de porter ces dépêches à Varsovie. Il pourra ensuite soigner son père et quand il aura assuré le sort de ce vieillard, il me rejoindra quand et où il le pourra. Vous lui remettrez ce billet et cette dépêche».

Вотъ также французскій подлинникъ письма Вылежинскаго отъ 18-го (30) декабря 1830 года на имя графа Чернышева, сообщеннаго послѣднимъ императору Николаю.

«Monsieur le Comte! Conformément à la permission que votre excellence daigna me donner de lui soumettre par écrit les sen-

¹⁾ Я чрезвычайно доволенъ вашимъ откровеннымъ образомъ дѣйствій и благодарю васъ, любезный другъ; вотъ записка, которую вы вручите Вылежинскому: достойный человекъ, возвращающійся туда, долженъ быть облеченъ доказательствомъ моего къ нему уваженія. Я назначаю его моимъ флигель-адъютантомъ и прошу васъ вручить ему эту записку, какъ выраженіе моихъ чувствъ, вызванныхъ его благороднымъ поведеніемъ. Сообщите мнѣ о томъ впечатлѣніи, которое она произведетъ на него и разрѣшите ему уѣхать въ Варшаву. Если бы онъ пожелалъ меня видѣть, вы можете прислать его ко мнѣ въ 10 часовъ.

²⁾ Русскій переводъ ея помѣщенъ нами въ началѣ этой статьи. К. В.

timents dont je suis pénétré pour ce que Sa Majesté l'Empereur et Roi a voulu bien me faire dire, j'ose prendre la liberté d'adresser cette lettre à votre excellence et de lui parler à coeur ouvert, avec la franchise d'un militaire, de la position dans laquelle je me trouve. Je suis militaire de mon plus bas âge, j'ai été toujours fidèle à mes serments et, j'ose me flatter, que ma conduite a été toujours celle d'un homme d'honneur. J'ai prêté serment de fidélité à Sa Majesté l'Empereur Nicolas; je lui ai gardé et je lui garde toujours cette fidélité comme il convient à un militaire et à un bon Polonais. Me trouvant à Varsovie sans mon général (qui avait obtenu sa démission) je suis resté sans place et le Général Chlopicki m'avait seulement dit d'être en attendant près de lui, attaché à sa personne comme presque tous les autres aides-de-camp qui n'avaient plus de généraux.

Je ne sais pourquoi c'est moi qui le général Chlopicki a choisi de porter les dépêches à St.-Pétersbourg; mais je ne m'y suis pas refusé et suis venu dans la capitale où réside mon Souverain avec cette quiétude de conscience de n'avoir pas agi contre mes devoirs; du moins je le crois.

«Aujourd'hui votre excellence vient de me dire que Sa Majesté daigne me donner la liberté ou de rester à Pétersbourg, ou de retourner à Varsovie; que cependant mon désir de retourner à Varsovie sera envisagé par Sa Majesté comme une manifestation de mes sentiments pour ceux qui sont en rébellion et qu'alors Elle cesserait de regarder en moi un officier fidèle; mais que si je reste dans ce moment à Pétersbourg, je ferai ce qui convient de faire à tout bon Polonais.

«Si c'est ainsi, monsieur le comte, je n'ai plus de choix à faire et je ne pense qu'à demander de rester à Pétersbourg. D'ailleurs Sa Majesté veut bien avoir la bonté de m'assurer, que je ne serai pas placé dans une position délicate conformément à mon titre de Polonais. Mais on attend mon retour à Varsovie, et que pensera-t-on si je n'y reviens pas? Et puis qu'il me soit permis d'exposer encore à votre excellence, que j'ai laissé à Varsovie mon père, vieux, malade, pas loin du tombeau, dont je suis dans ce moment à Varsovie l'unique soutien et qui pleurerait à mon départ comme si jamais je n'allais le revoir; que j'ai laissé mes affaires sans aucun ordre, que je n'ai assuré à mon père aucun moyen d'existence momentanée etc.

Voilà, monsieur le comte, les raisons que Sa Majesté l'Empereur daignera apprécier et qui me portent à désirer de pouvoir revenir à Varsovie. Je ferai tout ce que Sa Majesté voudra bien m'ordonner, avec le dévouement que je lui dois, et jamais je ne porterai mes faibles armes contre ses troupes, si même l'armée polonaise le ferait; jamais je n'emploierai mes faibles moyens contre son bien. Je resterai tranquillement à Varsovie ou à la campagne et je me pré-

parerai à assurer les moyens de pouvoir mener mon père aux eaux, qui me sont également nécessaires, vû que je commence à souffrir de mes blessures. Si Sa Majesté daignerait envisager mon retour à Varsovie comme j'ai l'honneur de l'exposer à votre excellence, sans me faire perdre sa gracieuse bienveillance, sans voir en moi un homme qui agirait contre ses devoirs de sujet; si Sa Majesté daignerait m'assurer qu'elle ne le trouverait pas mauvais, alors j'ose demander de retourner à Varsovie. Mais si le moindre nuage allait couvrir le front de mon Souverain, s'Il me retirait sa bienveillance et cesserait de m'envisager comme un sujet fidèle,—alors il ne me reste qu'à demander de rester là où Sa Majesté le jugera convenable.

«Veuillez agréer, monsieur le comte, les sentiments etc.

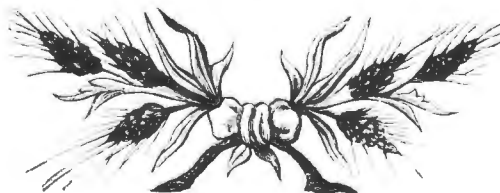
(Signé) «Thaddé Wylezinski L-t Colonel au Régiment des Chasseurs-à-cheval de la garde Royale Polonaise.

«St. Pétersbourg le 18-ro (30) Décembre 1830».

Изъ тѣхъ же бумагъ видно, что 8-го (20) декабря 1831 года подполковникъ польскихъ войскъ Вылежинскій подалъ на имя дивизионаго генерала Раугенштрауха рапортъ, въ коемъ онъ объяснялъ причины, по которымъ онъ вынужденъ былъ оставаться въ царствѣ Польскомъ и не могъ явиться къ его величеству, согласно данному ему высочайшему повелѣнiю. На этомъ рапортѣ, рукою императора Николая Павловича, помѣщена слѣдующая резолюция, на французскомъ же языкѣ: «Il faut lui donner la démission avec son é'mériture».

Высочайшее повелѣнiе объ увольненiи подполковника Вылежинскаго отъ службы, съ полною пенсiею, сообщено 15 декабря 1831 г. главнокомандующему дѣйствующею армiею. Вылежинскій умеръ въ Варшавѣ въ 1844 году, пятидесяти лѣтъ отъ роду.

К. А. Военскій.

МИХАИЛЬ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ДУХОВСКОЙ.

(Опытъ характеристики).

Прогрессъ народный выражается въ суммѣ трудолюбія, энергіи и честности отдѣльныхъ лицъ, а національный упадокъ есть слѣдствіе ихъ лѣности, себялюбія и пороковъ.

Высшія задачи патріотизма и филантропіи достигаются не столько перемѣною законовъ и преобразованиемъ учреждений, сколько энергіей отдѣльныхъ личностей.

Смайльсъ.

Воспитывайте въ себѣ двѣ великія добродѣтели, двѣ силы, въ которыхъ все гниль и агонія,—любовь и энергію воли.

Поль Бурже.

Человѣкъ увеличиваетъ сумму своего собственнаго счастья пропорціонально тому количеству счастья, которое доставляетъ другимъ.

Бентамъ.

ОТЪШЛИ,—Духовской умеръ?

— Что вы? Не можетъ быть!

Воскличаніе это, какъ мнѣ передавали, невольно вырвавшееся изъ устъ какого-то студента, чрезвычайно знаменательно для характеристики покойнаго московскаго профессора и общественнаго дѣятеля. Дѣйствительно, трудно было повѣрить горькой истинѣ, трудно было представить себѣ, чтобы нить этой замѣчательной жизни, полной самоотверженнаго труда на пользу ближнихъ, такъ обидно рано и, главное, такъ не кстати оборвалась. Судя по тому, что успѣлъ сдѣлать Михаилъ Васильевичъ для Москвы въ сравнительно ко-

роткій промежутокъ времени, общество въ правѣ было ожидать отъ него еще очень многого. И вдругъ этого человѣка не стало. Свѣтильникъ, много лѣтъ горѣвшій одинаково яркимъ, чистымъ и ровнымъ пламенемъ, щедро проливавшій вокругъ себя и свѣтъ, и теплоту, которыми могъ пользоваться всякій, кому только не было лѣнь, навсегда погасъ. Не хотѣлось вѣрить въ возможность такой утраты, и наивно-искреннее восклицаніе: «не можетъ быть, чтобы Духовской умеръ!» — само собой слетало съ языка...

Чтобы понять и надлежащимъ образомъ оцѣнить, что такое былъ Михаилъ Васильевичъ Духовской, какую крупную величину представлялъ онъ собою, какъ общественный дѣятель, достаточно просмотрѣть длинный списокъ самыхъ разнообразныхъ учреждений, въ которыхъ онъ принималъ близкое и непосредственное участіе. Положительно можно сказать, что за послѣднія двадцать лѣтъ въ области московскаго городского и земскаго управленія не предпринималось ни одного сколько нибудь серьезнаго начинанія, которое такъ или иначе не было бы связано съ именемъ Духовскаго. Въ каждомъ свѣтломъ начинѣ, въ каждомъ благотворительномъ или какомъ либо иномъ учрежденіи, оказавшемся впоследствии жизнеспособнымъ, лежала печать его напряженнаго умственнаго труда, изобрѣтательности, остроумія. Какое бы новое общепользное предпріятіе ни возникало, Михаилъ Васильевичъ уже спѣшилъ внести въ него свой трудъ и, главное, свою инициативу, всегда смѣлую и оригинальную. Не рискуя впасть въ ошибку, можно сказать, что это былъ по преимуществу человѣкъ инициативы, такъ сказать, природенный инициаторъ. Обладая способностью быстро ориентироваться въ любомъ вопросѣ, подлежащемъ изслѣдованію, онъ сразу чувствовалъ себя хозяиномъ положенія, лишь только принимался за работу. Глядишь, а у него уже незамѣтнымъ образомъ проектъ готовъ или написанъ докладъ на самую животрепещущую тему. Проходитъ день, другой, въ головѣ его роятся уже совсѣмъ инныя мысли, создаются другіе планы, надо спѣшить приводить ихъ въ исполненіе, а то, что занимало его не задолго передъ этимъ, волей-неволей приходится или совсѣмъ бросить или на время отложить. Что подѣлаешь, коли быстро бѣгущая жизнь выдвигаетъ новыя запросы, ставить на разрѣшеніе новыя задачи, а между тѣмъ вѣдь онъ долженъ прислушиваться къ малѣйшему біенію ея пульса, долженъ, ибо органически не можетъ относиться къ общественной жизни иначе. Этимъ и объясняется, между прочимъ, почему дѣятельность Духовскаго подлежитъ не столько измѣренію въ глубину, сколько въ ширину.

Въ самомъ дѣлѣ, этотъ человѣкъ, обладавшій колоссальной энергіей и огромной силою воли, работалъ такъ много и въ столь различныхъ направленіяхъ, что останавливаться подолгу на какомъ нибудь одномъ вопросѣ или предметѣ ему просто было не-

когда. Правда, его рабочий день начинался обыкновенно съ шести часовъ утра (а лѣтомъ даже съ пяти), но вѣдь въ дообѣденное время ему нужно было успѣть прочесть нѣсколько лекцій, въ университетѣ и въ лицей цесаревича Николая, а вечеромъ онъ торопился всегда на какое нибудь засѣданіе, гдѣ требовалось его обязательное присутствіе. Большая же часть остального времени уходила на пріемъ посѣтителей: студентовъ, народныхъ учителей и учительницъ, дѣятелей городского и земскаго управленія, наконецъ, всякаго рода просителей, для которыхъ двери дома Михаила Васильевича были гостепріимно открыты весь день, и которые, къ слову сказать, нерѣдко злоупотребляли его доступностью и добротою. При такихъ условіяхъ смѣшно было бы, разумѣется, требовать отъ его работъ какой нибудь особой глубины или строгой выдержанности. Многое ему приходилось лишь намѣчать едва уловимыми штрихами, о многомъ совѣмъ умалчивать или говорить только мимоходомъ, вскользь, полунамеками.

Но и полунамеки его бывали цѣнны. Случалось, гдѣ нибудь въ обществѣ, въ частной бесѣдѣ, онъ, какъ бы невзначай, бросить мысль, сверкающую золотомъ новизны, и, не придавая ей особаго значенія, сейчасъ же ее забудетъ. Но мысль уже успѣла острымъ жаломъ вонзиться въ чей либо мозгъ, тамъ закипѣла соответствующая умственная работа, и въ результатѣ создастся, можетъ быть, оригинальный проектъ, истинный вдохновитель котораго скромно остался въ тѣни.

Можно сказать съ увѣренностью, что не одинъ блестящій по своимъ практическимъ результатамъ планъ былъ имъ такимъ образомъ инспирированъ. Животворная сѣмена своей изумительной изобрѣтательности Духовской щедро разсыпалъ кругомъ, въ большинствѣ случаевъ не замѣчая ихъ, и самъ же потомъ просто-душно удивлялся:

— Какъ вамъ пришло это въ голову?

— Да это жъ ваша мысль, Михаилъ Васильевичъ, — я только развилъ ее.

— Когда же? Я что-то не припомню...

И, говоря это, онъ, по обыкновенію, улыбался своей привѣтливой, доброй улыбкой.

Была, впрочемъ, одна область — и чуть ли не единственная — гдѣ Духовской никогда не проявлялъ инициативы, — это область такъ называемой салонной *causerie*. Здѣсь онъ обыкновенно молчалъ, прячась, какъ улитка, въ свою скорлупу, чувствуя, повидимому, свою полную беспомощность, и едва только представлялась возможность куда нибудь незамѣтно исчезнуть, какъ онъ тотчасъ же спѣшилъ ею воспользоваться.

Есть люди, которые, отмежевавъ себѣ опредѣленную узенькую сферу дѣятельности, добросовѣстно и прилежно въ ней работаютъ,

аккуратно исполняя все, что требуется «отъ сихъ и до сихъ», но зато уже они не въ состояніи сдѣлать ни на одну іоту больше того, что имъ положено; другіе, наоборотъ, съ легкостью весеннихъ мотыльковъ перепархиваютъ съ одного предмета на другой, ни на чемъ долго не могутъ остановить своего вниманія и ко всему относятся болѣе или менѣе поверхностно. Не таковъ былъ Духовской. Ему въ равной степени были чужды, какъ узколобое филистерство, такъ и размахистый, разудалый диллетантизмъ. Ревностно отдаваясь самымъ разнообразнымъ занятіямъ, онъ никогда не могъ втиснуть ихъ въ опредѣленные рамки. Случалось, напримѣръ, что онъ изслѣдуетъ какое нибудь явленіе общественной жизни, а въ умѣ его уже возникаетъ по ассоціаціи мысль о другомъ аналогичномъ явленіи, которое онъ тутъ же принимается изучать съ обычной своей добросовѣстностью, и, такимъ образомъ, его работа неожиданно получаетъ гораздо болѣе обширные размѣры, чѣмъ онъ самъ вначалѣ предполагалъ. Такъ, въ 1902 г., во время холерной эпидеміи, Духовской прилежно занимается статистикою заболѣваній въ Пречистенскомъ районѣ, гдѣ онъ былъ санитарнымъ попечителемъ. Работа эта наталкиваетъ его на другую, болѣе интересную, и онъ тщательно изслѣдуетъ не только число холерныхъ, но и всякихъ иныхъ заболѣваній, приводя ихъ въ строгую логическую связь съ антигигиеническими условіями жизни бѣднѣйшаго населенія Москвы. Такимъ образомъ, Духовской былъ первый, кто выдвинулъ въ городскомъ общественномъ управленіи на очередь жилищный вопросъ и со всѣхъ сторонъ изучилъ его.

Знакомство свое съ жилищами бѣдныхъ Пречистенской части онъ началъ съ пресловутаго дома Рогожиной, состоящаго почти исключительно изъ мелкихъ коморочно-кочныхъ квартиръ, населенныхъ разнаго рода рабочими, мастеровыми, прислугою безъ мѣста, нищими и проч. Пораженный вопіющей антисанитарной обстановкою этого дома, Духовской представилъ въ городскую думу блестящій докладъ, въ которомъ горячо доказывалъ необходимость лучшаго устройства жилищъ для бѣдныхъ, ибо жилища эти составляютъ въ Москвѣ центры, гдѣ гнѣздится, и источники, откуда распространяется зараза. «Поразительно,—говоритъ онъ,— что такіе дома, являющіеся гнѣздами заразы, находятся не только на окраинахъ Москвы, но и въ самомъ ея центрѣ. Такимъ образомъ, эти гнѣзда — кругомъ насъ, ими окружены дома центрального управленія, они рядомъ съ зеркальными окнами, украшающими лучшія улицы столицы. Бѣдность часто живетъ въ однихъ домахъ съ богатыми людьми, мимо ихъ жилищъ двигаются ежедневно тысячныя толпы. Надо ли доказывать, что вопросъ объ уничтоженіи этихъ гнѣздъ заразы есть вопросъ жгучей, безотлагательной потребности, что о немъ не въ правѣ забыть ни одинъ

Михаилъ Васильевичъ Духовской.

изъ жителей Москвы?» При этомъ онъ указываетъ, какими средствами можно было бы исправить зло: постройкою домовъ для бѣдныхъ по особо выработанному плану и типу, возникновеніемъ для этой цѣли строительныхъ акціонерныхъ компаній и т. п. Труды Духовского увѣнчались полнымъ успѣхомъ: не прошло и двухъ-трехъ лѣтъ, какъ уже усовершенствованные дома для бѣдныхъ стали выростать въ Москвѣ одинъ за другимъ.

Слѣды своей изумительно плодотворной дѣятельности Духовской оставляялъ рѣшительно всюду, куда только ни ступала его нога. Да еще какіе слѣды-то! Должность члена губернской земской управы онъ занималъ всего только одно трехлѣтіе, но посмотрите, сколько онъ успѣлъ сдѣлать въ эти три года. Довольно сказать, что, исключительно благодаря его инициативѣ, возникла та сложная экономическая организація, которая понынѣ существуетъ въ губернской управѣ, и которая безусловно привела къ тому, что мѣропріятія, имѣющія цѣлью содѣйствіе экономическому благосостоянію сельскаго населенія, получили извѣстную планомѣрность, между тѣмъ какъ до этого времени они носили совершенно случайный характеръ, вредно отражавшійся на общей продуктивности въ данномъ направленіи со стороны земства. Много пришлось потрудиться Михаилу Васильевичу, прежде чѣмъ усилія его увѣнчались успѣхомъ. Такъ, отлично сознавая, что мѣропріятія, содѣйствующія росту экономическаго благосостоянія населенія, могутъ быть надлежащимъ образомъ проведены въ жизнь только при помощи мѣстныхъ организацій, онъ съ жаромъ принимается за осуществленіе этой идеи: разъѣзжаетъ по уѣздамъ Московской губерніи, устраиваетъ при уѣздныхъ управахъ совѣщанія, на которыхъ доказываетъ необходимость мѣстныхъ экономическихъ организацій, и, въ концѣ концовъ, добивается того, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ мало-по-малу начинаютъ возникать экономическіе совѣты, существующіе въ настоящее время уже почти вездѣ.

А расширеніе дѣятельности кустарнаго музея московскаго губернскаго земства, а указаніе на необходимость болѣе близкой и тѣсной связи музея съ населеніемъ, послѣдствіемъ чего было приглашеніе по нѣкоторымъ производствамъ техникувъ, которые на мѣстѣ могли бы содѣйствовать развитію того или иного промысла, а, наконецъ, учрежденіе московскимъ губернскимъ земствомъ сиротскаго пріюта въ память императора Александра II, — да мало ли еще что было создано руками Духовскаго въ эти три года, всего не перечислишь.

Въ сущности, если бросить ретроспективный взглядъ на общественную дѣятельность Духовскаго, легко замѣтить, что она носитъ, главнымъ образомъ, филантропическій характеръ. Филантропія была серьезнѣйшимъ дѣломъ его жизни, своего рода *profession de foi*. Но онъ смотрѣлъ на благотворительность далеко не съ общепринятой точки зрѣнія. Рациональная благотворительность, по его представленію, — это цѣлая философская система, логически стройная и послѣдовательная. Помощь бѣднымъ должна составлять важнѣйшую отрасль городского управленія, которое обязано позаботиться не только объ устройствѣ разныхъ спеціальныхъ учрежденій для бѣдныхъ, въ родѣ центральнаго депо для нихъ, адреснаго стола, работныхъ домовъ и т. п., но и ходатайствовать не-

редъ правительствомъ объ измѣненіи или дополненіи законовъ, просить, напримѣръ, о введеніи новыхъ налоговъ въ пользу бѣдныхъ (впослѣдствіи этотъ вопросъ былъ имъ превосходно разработанъ въ особомъ докладѣ), объ изданіи спеціальныхъ законовъ относительно отвѣтственности родственниковъ бѣднаго и т. п. Для этой же цѣли должна быть установлена связь города съ земствомъ, такъ какъ московская бѣднота находится въ постоянномъ движеніи изъ города въ деревню и обратно, а также съ сословными учрежденіями и частными благотворительными обществами.

Первымъ шагомъ къ осуществленію всѣхъ этихъ задачъ, намѣченныхъ Духовскимъ, было учрежденіе, по его инициативѣ, городскихъ попечительствъ о бѣдныхъ. Самъ онъ сталъ во главѣ Пречистенскаго попечительства, на организацію котораго потрачено было имъ много энергіи и труда. Обладая большимъ организаторскимъ талантомъ, Духовской сумѣлъ привлечь къ дружной общей работѣ огромное количество лицъ, стоявшихъ на самыхъ различныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, и объединить ихъ всѣхъ подъ однимъ знаменемъ высокаго, благоразумнаго труда на пользу ближнихъ. Какъ убѣжденный сторонникъ эльберфельдской системы, принятой въ Германіи, онъ не замедлилъ раздѣлить весь районъ Пречистенскаго попечительства на множество мелкихъ участковъ, поставивъ во главѣ каждаго изъ нихъ особаго завѣдующаго, на обязанности котораго лежало личное и близкое соприкосновеніе съ обитателями подваловъ и угловъ. Завѣдующіе должны были посѣщать бѣдныхъ возможно чаще и, по принципу индивидуализаціи помощи, расходовать ассигнованныя на нихъ средства въ ихъ собственныхъ жилищахъ.

Призрѣнію въ общественныхъ учрежденіяхъ,—пріютахъ, богадѣльняхъ и т. п. — Духовской не придавалъ слишкомъ большого значенія, такъ какъ считалъ, что оно пригодно только для лицъ совершенно одинокихъ, зато удѣлялъ исключительное вниманіе организаціи помощи на дому, выражавшейся въ платѣ за квартиру, въ снабженіи хлѣбомъ и вообще всякаго рода пищей, въ лѣченіи больныхъ и т. д.

Особенно звала и манила къ себѣ доброе, отзывчивое сердце Духовскаго дѣятельность по такъ называемой предупредительной благотворительности. Чтобы предупредить впаденіе въ бѣдноту, существуютъ разныя средства: учреждаются посредническія конторы для доставленія занятій ищущимъ заработка, мастерскія, въ которыхъ неумѣющіе работать при желаніи могутъ обучаться какому нибудь ремеслу и т. п. Но въ ряду всѣхъ этихъ мѣръ, созданныхъ для предупрежденія бѣдности, едва ли не первое мѣсто занимаетъ образованіе. Въ самомъ дѣлѣ, статистическія изслѣдованія намъ показываютъ, что заработокъ грамотнаго несравненно выше заработка неграмотнаго. Замѣчается огромное различіе между

продуктивностью работы того и другого, а слѣдовательно и между размѣромъ получаемого вознагражденія даже въ такихъ отрасляхъ производства, какъ, на примѣръ, выдѣлываніе гаекъ на станкахъ. Наблюдается даже, что заработная плата увеличивается соответственно количеству лѣтъ, проведенныхъ въ школѣ. «Для насъ, людей съ сравнительно богатымъ умственнымъ запасомъ,—говорить фонъ-Рутценъ,—даже не сразу понятно все значеніе школы и книги для человѣка малограмотнаго или безграмотнаго. Мы только съ трудомъ и при помощи наблюденій можемъ себя представить, сколько дремлющихъ силъ она способна пробудить въ немъ, сколько вдохнуть новой энергіи, какъ расширить его умственный и нравственный міръ, сколько открыть новыхъ горизонтовъ, насколько скрасить его жизнь и поддержать его въ его тяжелой повседневной борьбѣ за существованіе».

И такъ несомнѣнно, что образованіе является однимъ изъ могущественнѣйшихъ орудій предупредительной благотворительности. Не могъ не сознавать этого Духовской, и вотъ почему забота о распространеніи въ народѣ образованія красною нитью проходитъ черезъ всю его изумительно плодотворную общественную дѣятельность. Начальное народное образованіе было любимымъ его конькомъ, въ который онъ влагалъ всю свою душу. Въ засѣданіяхъ училищныхъ совѣтовъ, гдѣ онъ состоялъ членомъ, часто раздавалось его горячее, авторитетное слово, призывавшее дѣятелей народной школы къ удовлетворенію разныхъ ея нуждъ, — и къ голосу его внимательно прислушивались, предложенія его, большею частью, принимались единогласно. Въ качествѣ попечителя онъ вникалъ въ каждую мелочь школьной жизни, стараясь итти навстрѣчу каждой нарождавшейся въ ней потребности. Въ школѣ онъ былъ всегда желаннымъ гостемъ, неотразимо дѣйствуя на дѣтей ласкою и привѣтливымъ обращеніемъ, а на учащихся неизмѣнно вліяя своими дружескими совѣтами и разумными, дѣльными указаніями.

«Михаилъ Васильевичъ былъ для насъ, словно отецъ родной,—говорила мнѣ учительница Кудринскаго училища, М. А. Колокольцова.—Всякій разъ, когда онъ пріѣзжалъ къ намъ въ школу, это было такое торжество, такой всеобщій энтузіазмъ, который невозможно даже описать. Дѣти моментально вскакивали со своихъ мѣстъ, радостно крича: «Михаилъ Васильевичъ, Михаилъ Васильевичъ пріѣхалъ!»—и гурьбой бросались къ нему навстрѣчу, потомъ начинали его теребить за рукава, за фалды, за что ни попало. А онъ ласково шутилъ съ ними и смѣялся. Они плакали навзрыдъ, когда узнали, что М. В. умеръ, и всѣ до одного пожелали быть на его похоронахъ!»

Да, это былъ самый лучший, самый искренній другъ дѣтей. Любовь къ нимъ, въ особенности къ питомцамъ народной школы, была чѣмъ-то стихійнымъ въ его натурѣ, чѣмъ-то такимъ, что

особенно наэлектризовывало его, вызывая въ немъ усиленную энергію и творческую дѣятельность. Да и могло ли быть иначе? Филантропъ par excellence, онъ, конечно, сознавалъ, что именно въ воспитаніи подрастающаго поколѣнія лежитъ самый вѣрный залогъ будущаго благоденствія нашего народа, который и бѣденъ-то, главнымъ образомъ, потому, что невѣжественъ. Слѣдовательно, развитіе у насъ начального народнаго образованія—это первое и самое главное, о чемъ слѣдуетъ позаботиться. Надо понастроить какъ можно больше школъ, приготовить цѣлую армію учителей, ввести всеобщую грамотность. Учиться должны всѣ дѣти безъ исключенія, одни въ школахъ, другіе въ пріютахъ. Объ учрежденіи одного изъ такихъ пріютовъ, гдѣ безпризорныя дѣти получаютъ не только хорошій уходъ, но и обучаются грамотѣ, онъ первый же, разумѣется, и позаботился, организовавъ при энергичномъ содѣйствіи Е. П. Ермоловой образцовыя ясли въ районѣ Пречистенскаго попечительства.

Съ неменьшей любовью и нѣжной заботливостью относился Духовской и къ преступнымъ дѣтямъ, страстно доказывая необходимость устройства для нихъ возможно большаго количества исправительныхъ пріютовъ. «Стоитъ только припомнить, — пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ докладовъ, — какой моральный и матеріальный вредъ приноситъ уголовное преступленіе въ странѣ, припомнить, какія потери и затраты несетъ государство на охрану отъ преступленій и на, увы, пока еще бесплодную борьбу съ преступниками взрослыми, чтобы понять, какое громадное значеніе должна имѣть возможность предупредить впаденіе въ преступленіе. А пріюты несомнѣнно достигаютъ этой цѣли въ отношеніи значительнаго числа своихъ питомцевъ. Мы всѣ знаемъ много примѣровъ, гдѣ бывшія преступныя дѣти становились полезными членами общества. Тамъ же, гдѣ нѣтъ пріюта, осужденный судомъ несовершеннолѣтній заключается въ тюрьму, а оттуда ему нѣтъ возврата на честный путь».

Любя всѣмъ сердцемъ дѣтей, въ частности, питомцевъ начальной школы, какъ оплотъ, на которомъ зиждется лучшее будущее русскаго народа, Духовской очень высоко цѣнилъ дѣятельность народнаго учителя, считая ее, при настоящихъ ея условіяхъ, тяжелымъ крестомъ, своего рода подвижничествомъ. Какъ измѣнить эти условія? Какъ улучшить матеріальное и моральное положеніе учителя? Вотъ вопросы, надъ которыми онъ всегда задумывался, и которые никогда не переставали его волновать. Интересы начальной школы такъ были близки его сердцу, что онъ всегда старался выдвинуть ихъ на первый планъ, при всякомъ удобномъ случаѣ. Такъ, когда въ Москвѣ собрался второй съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію, и Михаилъ Васильевичъ былъ избранъ предсѣдателемъ секціи общихъ вопросовъ,

то въ составъ этой секціи вошли почти исключительно дѣтели начального народнаго образованія, главнымъ образомъ, учителя и учительницы, приблизительно человѣкъ 500, которые и занимались обсужденіемъ однихъ только нисольныхъ вопросовъ. Словомъ, это былъ замаскированный учительскій съѣздъ съ тою лишь особенностью, что импровизованные участники его все время пользовались широкою свободой слова.

Духовской чувствовалъ себя здѣсь, какъ рыба въ водѣ. Въ тѣсной компаніи симпатичныхъ ему дѣтелей начальной школы, людей преимущественно молодыхъ, страстно преданныхъ своему дѣлу, онъ работалъ съ увлеченіемъ, съ юношескимъ жаромъ, безъ усталости. (Кстати сказать, Михаилъ Васильевичъ былъ неподражаемъ въ роли предсѣдателя, отличаясь рѣдкимъ тактомъ и широкою терпимостью ко всякому чужому мнѣнію, лишь бы оно было искреннимъ). Нѣсколько дней напряженной, лихорадочной дѣятельности пролетѣло какъ-то незамѣтно для всѣхъ. Наступило 31-е декабря. Духовского вдругъ осѣняетъ мысль:

— Господа, ко мнѣ встрѣчать новый годъ!

Онъ жилъ тогда въ своемъ домѣ, близъ церкви Успенья на Могильцахъ. Въ скромной, совсѣмъ просто, безъ малѣйшей претензіи на роскошь, убранный квартирѣ его собралось въ этотъ вечеръ человѣкъ 50 гостей, — все учителя и учительницы. Всѣмъ было необыкновенно пріятно и весело. Оживленный общій разговоръ, энергично поддерживаемый радушнымъ хозяиномъ, все время шель crescendo. Близилась полночь. Какъ вдругъ въ залу, гдѣ собралось все общество, изъ смежной комнаты отворяется дверь, и продвигаются оттуда длинные столы-«самокаты» съ сервированнымъ на нихъ ужиномъ. Гости изумлены. «Какъ въ сказкѣ! — восклицаетъ кто-то. — Раскинулась скатерть-самобранка, и пиръ готовъ!»

Встрѣча новаго года удалась на славу. За столомъ бесѣда полилась еще живѣе... Произносились горячія, смѣлыя рѣчи, высказывались трогательныя, задушевныя пожеланія... Уже забрезжило утро, когда гости стали расходиться по домамъ, унося съ собой неизгладимое впечатлѣніе на рѣдкость пріятно проведеннаго вечера.

Таково было отношеніе Духовского къ народнымъ учителямъ, которые не даромъ считали его своимъ истиннымъ другомъ.

Горячую любовь свою къ нимъ онъ имѣлъ случай проявить активно еще незадолго до своей смерти, на послѣднемъ съѣздѣ въ Москвѣ представителей учительскихъ обществъ взаимопомощи. Въ съѣздѣ этомъ онъ принималъ самое близкое участіе, съ обычной своей энергіей отстаивая, въ чемъ только было возможно, интересы народнаго учителя. Ему же принадлежитъ, между прочимъ, и идея организаціи для народныхъ учителей лѣтнихъ университетскихъ

курсовъ, кажется, уже близкая въ настоящее время къ осуществленію.

Въ послѣдній разъ я встрѣтился съ Духовскимъ 19-го февраля, то-есть почти за мѣсяцъ до его кончины. Мы ѣхали въ одномъ вагонѣ; я въ Волоколамскъ по дѣламъ службы, а онъ въ свою деревню «Данилково», Волоколамскаго уѣзда.

— Отдохнуть собираетесь? — спросилъ я его просто.

— Отдохнуть, — какъ-то машинально отвѣтилъ онъ и загадочно улыбнулся: вѣроятно, слово «отдохнуть» показалось ему смѣшнымъ, ему, никогда не знавшему и не признававшему отдыха принципиально.

И онъ поспѣшилъ прибавить:

— Надо уединиться дня на два. Кое-какая работа есть, а то все некогда въ Москвѣ: мыкаешься-мыкаешься съ утра и до вечера, минуты нѣтъ свободной...

Мы вспомнили о недавнемъ учительскомъ съѣздѣ и я поинтересовался узнать, въ какомъ положеніи находится дѣло о проектированныхъ имъ университетскихъ курсахъ для народныхъ учителей. Онъ тотчасъ же какъ-то особенно оживился весь и съ заблестѣвшей въ глазахъ радостію сообщилъ мнѣ, что ему удалось уже привлечь къ этому дѣлу нѣсколько талантливыхъ лекторовъ.

Потомъ мы разговорились о литературѣ, о журналистикѣ. Я случайно упомянулъ объ одномъ плохенькомъ еженедѣльномъ журнальчикѣ, издаваемомъ въ Москвѣ, якобы для народа.

— Ахъ, вотъ спасибо, что напомнили! — спохватился вдругъ Михаилъ Васильевичъ. — Я вѣдь обѣщаль Е—ву написать статью, и, представьте, давно уже обѣщаль. Непремѣнно воспользуюсь теперь свободнымъ временемъ и напишу.

И я не знаю навѣрное, но почти убѣжденъ, что онъ успѣлъ тогда же написать обѣщанную статью, хотя, можетъ быть, и занятъ былъ по горло несравненно болѣе важнымъ дѣломъ.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, если обѣщаютъ чтонибудь, держать свое слово крѣпко, исполнить его они считаютъ непремѣннымъ долгомъ. «Истинное величіе человѣка, — гласитъ мудрое изреченіе Эпиктета, — состоитъ въ томъ, чтобы каждый исполнялъ свой долгъ», и можно признать безъ малѣйшаго колебанія, что въ этомъ отношеніи Духовской достигъ самой вершины человѣческаго величія.

Сознаніе долга, вѣроятно, подсказывало ему и тотъ *modus vivendi*, который онъ усвоилъ себѣ по отношенію къ меньшей братіи. Когда онъ пріѣзжалъ къ себѣ въ усадьбу, вся дворня радовалась ему, какъ родному. Крестьяне смотрѣли на него, не какъ на барина, а какъ на совѣтника и покровителя. Часто, напимѣръ, можно было наблюдать такую сцену: сидитъ Михаилъ Васильевичъ у крыльца своего деревенскаго домика, а около него мужички со-

брались, человекъ три-четыре, и толкуютъ съ нимъ о разныхъ своихъ дѣлахъ. Онъ долго и внимательно ихъ выслушиваетъ, потомъ начинаетъ чертить палкой по песку,—это онъ наглядно объясняетъ имъ, какъ и что нужно дѣлать...

Кто бы изъ нихъ ни пришелъ къ нему за совѣтомъ, М. В. со всякимъ поговорить, всякаго ободритъ, утѣшить, приласкаетъ. Иногда онъ находилъ имъ бесплатнаго ходатая по судебнымъ дѣламъ: въ такихъ случаяхъ онъ обращался обыкновенно къ своему пріятелю, человекѣу столь же гуманному, доброму и безкорыстному, какъ и онъ самъ, присяжному повѣренному Л. Словомъ, какъ могъ и умѣлъ, М. В. оказывалъ крестьянамъ юридическую помощь, считая это по отношенію къ нимъ своею нравственною обязанностью.

Какъ профессоръ, Духовской пользовался большою популярностью среди студенческой молодежи, хотя и не прибѣгалъ никогда въ своихъ лекціяхъ ни къ какимъ «кунштшюкамъ», рассчитаннымъ на дешевый успѣхъ. Говорилъ онъ всегда чрезвычайно дѣловито, излагая свои мысли простымъ, сжатымъ и до прозрачности яснымъ языкомъ. Попадались, впрочемъ, и въ его лекціяхъ «игривыя» мѣста, но они выходили всегда такъ мило и непринужденно, что автора ихъ рѣшительно нельзя было упрекнуть. Напримеръ, однажды, говоря объ институтѣ земскихъ начальниковъ, онъ сказалъ приблизительно слѣдующее: «по мысли законодателя, лица, назначаемыя на должность земскаго начальника, первоначально должны были удовлетворять цѣлому ряду условій: отъ нихъ требовался высокій образовательный и имущественный цензъ, принадлежность къ потомственному дворянству и т. д. Съ теченіемъ времени доступъ къ этому институту становился все легче и легче, такъ что теперь отъ лица, желающаго занять постъ земскаго начальника, требуется, повидимому, только одно условіе: чтобы лицо это было мужчиной».

Живыя, интересныя лекціи Духовскаго очень охотно посѣщались студентами, тѣмъ болѣе, что подъ талантливимъ руководствомъ его они занимались наукой уголовного процесса не только теоретически, но и практически; практическія же занятія, на которыхъ читались рефераты и разбирались судебныя дѣла, такъ сказать, по всѣмъ правиламъ искусства, съ полной судебной обстановкой, съ рѣчами прокуроровъ, защитниковъ и проч., въ присутствіи иногда приглашенныхъ лицъ, принадлежащихъ къ судебному вѣдомству,—пользовались среди студентовъ огромнымъ успѣхомъ и значительно увеличивали ихъ интересъ къ юридической наукѣ.

Какъ ученый криминалистъ, Духовской не оставилъ послѣ себя особенно замѣтныхъ слѣдовъ, но вѣдь онъ и по натурѣ своей не былъ кабинетнымъ ученымъ. Это былъ живой человекъ, созданный исключительно для живой общественной дѣятельности. Рабо-

тать среди людей, волноваться вмѣстѣ съ ними, кипѣть, бурлить, уйти, окунуться съ головой въ самую гущу жизни—вотъ что ему было нужно. Онъ страстно любилъ жизнь во всѣхъ ея формахъ и проявленіяхъ. Въ природѣ, напримѣръ, ему нравились всякаго рода произрастанія; ему доставляло удовольствіе смотрѣть, какъ молодая травка показывается изъ земли, какъ зеленая почка наливается и разбухаетъ, какъ понемногу развертывается головка цвѣтка. Лѣтомъ, въ деревнѣ, онъ обыкновенно встанетъ часовъ въ пять утра и сейчасъ же бѣжитъ съ лейкой поливать цвѣты въ клумбахъ или грядки съ молодой зеленью. А ранней весною непременно проберется въ теплицу и долго-долго копается тамъ въ землѣ, а потомъ придетъ домой и съ чисто дѣтскимъ восторгомъ начинаетъ передавать свои впечатлѣнія.

— А знаете, — рассказываетъ онъ съ увлеченіемъ, — въ теплицѣ-то уже началась жизнь, травка зазеленѣла, мошки ползаютъ... А кругомъ, смотрите, вездѣ еще снѣгъ лежитъ: полный контрастъ!

Обладая необыкновенно живымъ темпераментомъ, Духовской отличался большою разносторонностью ума. Заваленный разной срочной работою, онъ, тѣмъ не менѣе, находилъ время посѣщать рѣшительно всѣ художественныя выставки въ Москвѣ, такъ какъ очень любилъ живопись и даже былъ тонкимъ знатокомъ этого искусства; бывалъ и въ симфоническихъ концертахъ, повинувшись иногда непреодолимой потребности послушать музыку. Та же природная разносторонность ума нерѣдко заставляла его взяться за вопросъ, повидимому, совершенно ему чуждый, и детально его разработать. Такъ, однажды, года три тому назадъ, онъ представилъ въ городскую управу обстоятельный докладъ по вопросу объ улучшеніи мостовыхъ, обнаруживъ солидное знакомство не только съ литературою вопроса, но и съ практическимъ его разрѣшеніемъ въ Германіи и Франціи. Или, ѣдучи разъ по Волгѣ, Духовской встрѣтился на пароходѣ съ какимъ-то рыбопромышленникомъ; между ними завязался разговоръ, въ результатѣ котораго, спустя нѣкоторое время, въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» появилась прекрасная статья, принадлежащая перу М. В.

Въ общежитіи Духовской производилъ на всѣхъ чарующее впечатлѣніе своимъ мягкимъ, привѣтливимъ обращеніемъ и веселымъ характеромъ. Настроеніе у него почти всегда было одинаковое—ровное, съ виду сдержанно-спокойное, бодрое. Кто-то очень удачно назвалъ такое настроеніе «ясной погодой души», и мнѣ думается въ концѣ концовъ: не этою ли «ясной погодой души» и объясняется, главнымъ образомъ, та удивительная, неизсякаемая энергія, которою отличалась общественная дѣятельность Духовского? Въ самомъ дѣлѣ, такія чувства, расслабляющимъ образомъ дѣйствующія на организмъ, какъ недовольство жизнью, уныніе, тоска, совѣтъ не были ему знакомы, и, можетъ быть, впервые онъ ихъ испыталъ

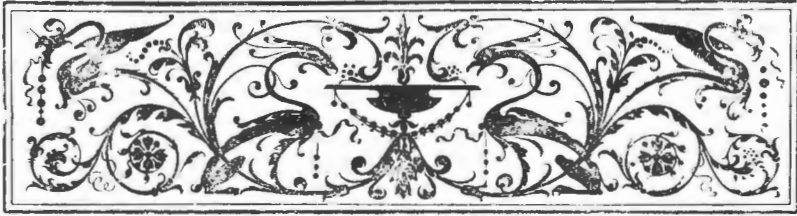
незадолго до своей кончины, когда послѣ сильного припадка грудной жабы доктора совѣтовали ему прекратить всякую дѣятельность и ѣхать въ Крымъ или за границу отдыхать. Тутъ онъ дѣйствительно какъ будто упалъ духомъ. Въ самомъ дѣлѣ, ему, никогда прежде не думавшему о своемъ здоровьѣ, никогда не допускавшему и мысли, чтобы оно могло помѣшать его работѣ, вдругъ приходилось теперь бросать все свои дѣла «изъ-за какого-то тамъ неправильнаго кровообращенія, закупорки желудочной артеріи, давленія діафрагмы на сердце и тому подобныхъ пустяковъ»?!. Легко сказать: прекратить всякую дѣятельность! Надолго ли? Если на всегда, то это равносильно для него смерти, даже хуже смерти, а если на время... Но и перспектива временнаго бездѣйствія навѣвала на него мучительную тоску.

Таковъ былъ Михаилъ Васильевичъ Духовской, какимъ я его знаю, и какимъ онъ долженъ представиться всякому, кто возьметъ на себя трудъ хоть немного познакомиться съ его блестящей общественной дѣятельностью. Всякій навѣрное пойметъ, почему этотъ замѣчательный человѣкъ, всю свою жизнь неизмѣнно стремившійся къ добру и свѣту, этотъ праведникъ, въ самомъ возвышенномъ, христіанскомъ смыслѣ слова, безукоризненно честный, скромный, никогда не искавшій популярности, былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ въ Москвѣ людей.

Князь Б. А. Щетининъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

И. А. Шляпкинь. Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина (съ портр. и 7 факсимиле). Спб. 1903.

ПРОФ. ШЛЯПКИНУ посчастливилось приобрести цѣлый ящикъ съ пушкинскими бумагами, хранившійся у наслѣдниковъ П. В. Анненкова. Настоящая книга является плодомъ тщательнѣйшаго изученія этихъ неизданныхъ документовъ, которые изданы въ ней съ соблюденіемъ всѣхъ приѣмовъ ученыхъ изданій, и съ приложеніемъ обстоятельныхъ, кропотливыхъ объяснительныхъ примѣчаній проф. Шляпкина. Книга даетъ много цѣнныхъ матеріаловъ для пушкинскаго текста, для исторіи пушкинскаго творчества, для изученія Пушкина въ современной ему обстановкѣ. Издатель раздѣлил книгу на три отдѣла: въ первомъ онъ помѣщаетъ произведенія, стихотворныя и прозаическія А. С. Пушкина; во второмъ — собраніе его черновыхъ писемъ къ разнымъ лицамъ; въ третьемъ — подлинныя письма разныхъ лицъ къ Пушкину и его близкимъ, совершенно неизвѣстныя, всего 96 писемъ. Разсмотримъ по отдѣламъ все, что даетъ книга проф. Шляпкина.

Въ бумагахъ, хранившихся у наслѣдниковъ Анненкова, оказалось немало стихотвореній. По большей части, они были извѣстны раньше, но черновики даютъ много вариантовъ, важныхъ для изученія пушкинскаго творчества; стихотворенія, начатыя, цѣльныя, набросанныя, обрывки стихотворныхъ фразъ — вотъ что нашелъ проф. Шляпкинь. Исслѣдователь будетъ признателенъ за воспроизведеніе всего этого матеріала, для публики большого интереса не представляющаго, но среди всѣхъ этихъ обрывковъ на долю проф. Шляпкина выпало сохраненіе перловъ Пушкинскои поэзіи. Вотъ блестящій примѣръ. До сихъ поръ мы знали только четыре строчки изъ стихотворенія

«Все въ жертву памяти твоей», теперь мы знаемъ все стихотвореніе, сильное и красивое:

«Все въ жертву памяти твоей:
И голосъ лиры вдохновенной,
И слезы дѣвы воспаленной,
И трепеть ревности моей,
И славы блескъ, и мракъ изгнанья,
И свѣтлыхъ мыслей красота,
И мщенье, бурная мечта
Ожесточеннаго страданья».

И это — не единственный отрывокъ, художественный и дѣльный. Изъ цикла стихотворныхъ воспоминаній о нянѣ отыскалась еще одна прекрасная не уступающая другимъ строфа: «Не буду вечеромъ подъ шумомъ бури вни- мать ея разсказамъ, затверженнымъ съ издѣтства мной, но все прекраснымъ, какъ пѣсни родины или страницы любимой книги, въ коей знаешь, какое слово гдѣ стоитъ... Бывало, ея простыя рѣчи и совѣты, и укоризны, полная любви, усталое мнѣ сердце ободряли отрадой тихой» и т. д. Отыскалась программа «Исторіи села Горохина», «драматическая сцена» и много отрывковъ, замѣтокъ, набросковъ. Въ концѣ отдѣла напечатаны по копіямъ Анненкова неизвѣстные стихи Пушкина, и это наименѣе дѣльное приобрѣтеніе книги: и самъ издатель сомнѣвается въ принадлежности нѣкоторыхъ стиховъ А. С. Пушкину. Невозможно согласиться съ проф. Шляпкинымъ, что стихотвореніе «Наполеону» (принадлежность его Жуковскому извѣстна) принадлежитъ Пушкину. Издатель вѣрно опредѣляетъ значеніе изданныхъ имъ черновыхъ стиховъ Пушкина: «не представляя, за небольшими исключеніями, дѣльных произведеній Пушкина, они даютъ намъ возможность судить, какъ зарождалась и формулировалась первоначальная мысль поэта, какъ раньше своего воплощенія она уже звенѣла римой, какъ отыскивалась соответственная традиціонная или новая форма, какъ измѣнялся первоначальный образъ по различнымъ художественнымъ соображеніямъ, какую внутреннюю дѣвность придалъ поэтъ одному выраженію передъ другимъ».

Во второмъ отдѣлѣ напечатаны черновики писемъ А. С. Пушкина изъ наименѣе обследованнаго періода жизни Пушкина — 1830—1836 гг. Тутъ есть письма къ лицамъ, о перепискѣ которыхъ съ Пушкинымъ намъ не было извѣстно; но больше всего черновыхъ писемъ къ гр. Бенкендорфу. До тѣхъ поръ, пока намъ не будутъ извѣстны оригиналы писемъ Пушкина, хранящіеся въ архивѣ III-го Отдѣленія, эти черновики, сообщающіе о нѣкоторыхъ, новыхъ для насъ эпизодахъ официальныхъ отношеній А. С. Пушкина, сохранятъ значеніе первоисточника. Впрочемъ, и по напечатаніи, за черновиками, исчерканными и испещренными поправками, останется значеніе свидѣтельства о душевныхъ переживаніяхъ поэта въ его отношеніяхъ къ правительству. Большихъ трудовъ стоили ему эти письма къ Бенкендорфу: «Въ зачеркнутыхъ строчкахъ, говоритъ издатель, ясно выступаетъ весь процессъ переживаемыхъ поэтомъ во время писанія ощущеній: видно, какъ онъ остерегается невольнаго впасть въ искренность тамъ, гдѣ требовалось только официальное отношеніе къ дѣлу». Изъ одного черновика можно извлечь любопытныя данныя по во-

просу объ отношеніи Пушкина къ крѣпостному праву. Въ письмѣ къ Бенкендорфу отъ 6 декабря 1833 года, говоря о представляемой при письмѣ «Исторіи Пугачевского бунта», Пушкинъ писалъ: «я изыскивалъ истину съ усердіемъ и излагалъ ее безъ криводушія, не стараясь льстить ни силѣ, ни господствующему образу мыслей, и смѣю надѣяться, что сей историческій очеркъ можетъ показать любви его величества особые пути». Въ книгѣ г. Шляпкина есть и другія свидѣтельства о томъ, что въ взглядахъ на крестьянскій вопросъ Пушкинъ остался вѣрнѣнъ убѣжденіямъ юности. Проф. Шляпкинъ видитъ въ этомъ опроверженіе обычнаго мнѣнія объ отступничествѣ Пушкина въ зрѣлые годы отъ своихъ прежнихъ убѣжденій, но вѣдь прежнія убѣжденія не относились исключительно къ крестьянскому вопросу, но и къ другимъ сторонамъ русской жизни. Остальныя напечатанныя въ книгѣ черновыя письма содержать свидѣтельства о занятіяхъ русской исторіей, борьбѣ съ цензурой. На основаніи одного изъ писемъ проф. Шляпкина дѣлаетъ выводы о семейной драмѣ Пушкина: онъ печатаетъ слѣдующій документъ: «А. О. Смирновой. Я стараюсь ничему не вѣрять, но боюсь поступить, какъ роконосы, которые всячески стараются убѣдить себя въ вѣрности своихъ женъ: бѣдняги въ глубинѣ сердца ощущаютъ что-то предупреждающее ихъ объ ихъ позорѣ. Я убѣжденъ, что мой красавчикъ повелитель удостоилъ меня хорошаго укуса въ своихъ мемуарахъ. Чего не могли дѣлать варвары, сдѣлали Барберини. Слова паны Урбана VIII». Подлинникъ по-французски; послѣдняя фраза: «Ce dont je suis très sûr c'est que mon gracieux maître m'a honoré d'un bon coup de dents dans les memoires etc.». Затѣмъ на оборотѣ 4-ой стр.: «Quod non fecere Barbari, fecere Barberini de Brosse tom II—314 Urbain VIII». Если бы тутъ все обстояло въ порядкѣ, мы имѣли бы важное свидѣтельство о семейной драмѣ Пушкина, но даже поверхностное ознакомленіе съ этими отрывками въ изданіи П. А. Шляпкина наводитъ на мысль, что тутъ не все ладно. Странное письмо, которое кончается «etc.»; не понятно, написано ли въ подлинникѣ «А. О. Смирновой», или это аналитическій домыселъ издателя? Но главное все въ томъ, что, по указанію П. А. Ефремова, это письмо вовсе не письмо Пушкина, а выписка изъ письма Вольтера д'Аржантейлю, сдѣланная Пушкинымъ для статьи о Вольтерѣ въ «Современникѣ». Тамъ мы и найдемъ цитату, воспроизводящую эту выписку; въ видѣ цитаты приведено и латинское изреченіе, которое проф. И. А. Шляпкинъ принялъ за трагическое пророчество о будущей судьбѣ Пушкина.

Въ третьемъ отдѣлѣ напечатаны письма разныхъ лицъ къ Пушкину, числомъ 95. Они представляютъ цѣнный матеріалъ для біографіи поэта, даютъ возможность хронологическаго приуроченія многихъ біографическихъ деталей, устанавливають новыя подробности, говорятъ о личныхъ отношеніяхъ поэта, ранѣе неизвѣстныхъ. Цѣлый рядъ писемъ касается дѣловыхъ сношеній Пушкина по «Современнику». Между прочимъ, нашлось одно письмо изъ Одессы съ просьбой стиховъ для благотворительнаго альманаха. Письмо подписано «Вибельманъ». Издатель высказываетъ предположеніе о томъ, что «подъ маской этого неизвѣстнаго лица чувствуется графиня Е. К. Воронцова, заплатившая поэту обидой за жаръ души довѣрчивой и нѣжной». Но всѣ приводимыя издателемъ доказательства принадлежности этого письма Е. К. Воронцовой

не убѣдительно: слишкомъ мало того, что въ письмѣ говорится о старыхъ привязанностяхъ, и слишкомъ недостаточно сослаться на то, что Вибельманъ — анаграмма прозвища, даннаго Пушкинымъ графинѣ «Belvetrille» (да и гдѣ тутъ анаграмма?). Предположеніе проф. Шляпкина заманчиво, но слишкомъ смѣло и не достаточно обосновано.

Книга проф. Шляпкина, несомнѣнно, цѣнный вкладъ въ исторію Пушкина: все значеніе его книги и труда, имъ положеннаго на ея изданіе, можно оцѣнить должнымъ образомъ не при чтеніи, а при детальномъ изученіи пушкинскихъ вопросовъ. Не говоримъ уже о художественномъ наслажденіи, которое доставляютъ строфы его стиховъ, впервые опубликованныя проф. Шляпкинымъ. Закончимъ нашъ отчетъ о книгѣ проф. Шляпкина его собственными словами: «Изученіе изданнаго матеріала въ связи съ равнѣ опубликованнымъ любителю Пушкина доставитъ большое наслажденіе. Неясности и сомнительныя пятна, которыя иногда какъ бы затемняютъ отдѣльные факты Пушкинской біографіи, при новыхъ матеріалахъ свѣтлѣютъ и очищаются; многое становится понятнымъ отъ изученія деталей окружающей писателя обстановки, и намъ не о чемъ умалчивать: золото не бонтея испытанія огнемъ. Пушкинъ былъ не только великій поэтъ: это былъ и великій умъ, и не менѣе великое сердце»...

П. Щ.

Сочиненія А. С. Пушкина. Редакція П. А. Ефремова. Томъ IV, V, VI. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1903.

Трудъ П. А. Ефремова подвигается настойчиво и быстро впередъ. Въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» мы дали характеристику новаго изданія Пушкина; въ то время въ нашихъ рукахъ были три первыхъ тома, въ настоящее же время мы имѣемъ передъ собой три слѣдующихъ. Окончательную оцѣнку изданія можно сдѣлать только съ выходомъ послѣдняго, восьмого тома, который будетъ содержать примѣчанія редактора, т. е. ключъ ко всему изданію; многія нововведенія редактора вызываютъ въ нѣкоторыхъ критикахъ, не желающихъ ждать объясненій, придирки и обвиненія въ необоснованныхъ новшествахъ. Впрочемъ, и до выхода въ свѣтъ объясненій можно уже сказать, что многія обвиненія прямо-таки не располагаютъ достаточными матеріалами, и многія новшества П. А. Ефремова являются справедливымъ разрѣшеніемъ вопросовъ пушкинскаго текста. Лежащія передъ нами IV, V, VI томы даютъ любопытныя данныя по хронологіи Пушкинскаго творчества и интересныя дополненія къ извѣстнымъ намъ собраніямъ сочиненій. Эти томы посвящены «Евгенію Онѣгину» и прозѣ. Особенно интересенъ текстъ «Записокъ» Пушкина. Полный ихъ текстъ намъ не извѣстенъ; въ печати появлялись только отрывки. Подборъ ихъ данъ между прочимъ въ изданіи П. О. Морозова, но послѣ появились дополненія. Часть этихъ дополненій была дана въ 1897 году г. Якушкинымъ по списку, сообщенному ему П. А. Ефремовымъ. Теперь П. А. Ефремовъ напечаталъ въ V томѣ «Записки» по списку, сдѣланному Анненковымъ. Этотъ текстъ даетъ много любопытныхъ подробностей,

прибавляя къ ранѣе извѣстнымъ записямъ иногда всего одну, двѣ фразы. Вотъ наиримѣрь, подъ 1-мъ января 1834 года къ извѣстнымъ намъ ранѣе строкамъ: «третьяго дня я пожалованъ въ камеръ-юнкера (что довольно неприлично моимъ лѣтамъ)», Анненковскій списокъ даетъ еще двѣ фразы: «Но двору хотѣлось, чтобы Наталья Николаевна танцевала въ Аничковѣ. Такъ я же сдѣлаюсь русскимъ Don-Juan». П. А. Ефремовъ печатаетъ «Записки» съ нѣкоторыми пропусками, которые объясняются нецензурнымъ содержаніемъ. Въ кое-какихъ мѣстахъ пропуски излишни, такъ какъ пропущенное у Ефремова было извѣстно въ печати. Такъ, наиримѣрь, къ записи подъ 10-мъ мая 1834 года о перехватываніи полиціей писемъ г. Якушкинъ прибавляетъ нѣсколько строкъ, у П. А. Ефремова отсутствующихъ: «Однако, какая глубокая безнравственность... Полиція распечатываетъ письма мужа и жены... Что ни говори, мудроно... и т. д. Кромѣ «Записокъ», въ лежащихъ передъ нами трехъ томахъ читатели найдутъ еще любопытныя и новыя данныя, не появлявшіяся въ собраніяхъ и дающія намъ полное право въ ряду существующихъ изданій Пушкина (не говоримъ объ отличномъ академическомъ, далекомъ отъ конца) по полнотѣ и точности Пушкинскаго текста отнести труду П. А. Ефремова первое мѣсто.

П. Ш.

А. С. Пушкинъ. Труды и дни. Хронологическія данныя, собранныя Николаемъ Лернеромъ. Книгоиздательство «Скорпіонъ». М. 1903.

Письма Пушкина и къ Пушкину. Новые матеріалы, собранные книгоиздательствомъ «Скорпіонъ». Редакція и примѣчанія В. Брюсова. М. 1903.

Московское книгоиздательство «Скорпіонъ», извѣстное своими прекрасными изданіями избраннѣйшихъ произведеній новѣйшей европейской литературы и книгъ русскихъ модернистовъ, выступаетъ въ новомъ для себя родѣ. Двѣ книги, нынѣ вышущіяся книгоиздательствомъ, посвящены Пушкину и являются результатомъ продолжительной, внимательной и тщательной работы по изученію поэта. Эти книги—дань поклоненія поэту, достойная его памяти; рѣдко встрѣчаются книги, выполненныя съ такой любовью и тщаніемъ; поневолѣ а priori составляется благопріятное впечатлѣніе.

Книга г. Лернера даетъ хронологическую канву къ біографіи Пушкина и къ исторіи его творчества. Подборъ хронологическихъ данныхъ—трудъ нелегкій: онъ требуетъ обширнаго знакомства съ литературой вопроса и весьма внимательныхъ изученій; это—черная работа, которую не въ состояніи оцѣнить широкая публика, но которая имѣетъ громадное значеніе для специалиста; безъ этой начальной черной работы невозможны серьезные выводы и обобщенія. Въ нашемъ распоряженіи была хронологическая канва, составленная Я. К. Гротомъ и дополненная С. Пономаревымъ, но она давно устарѣла: послѣ ея выхода появилось очень много матеріаловъ. Г. Лернеръ заявляетъ о томъ, что въ основу его книги положена канва Грота, но всѣ данныя пересмотрѣны и пересмотрѣны по первоисточникамъ, но, кромѣ того, канва г. Лернера по сравненію съ

канвой Грота расширена внятеро, такъ что книга г. Лернера является вполне самостоятельнымъ трудомъ. Важнѣйшей особенностью книги является внесение хронологическихъ данныхъ, касающихся произведеній и писемъ Пушкина. Авторъ ставилъ себѣ слѣдующія цѣли: «я хотѣлъ,—пишетъ г. Лернеръ,—чтобы мои «Труды и дни Пушкина» явились возможно полнымъ справочникомъ для всѣхъ изучающихъ Пушкина, и съ этой цѣлью внесъ въ нихъ всѣ извѣстныя временныя данныя о его произведеніяхъ, письмахъ его, письмахъ къ нему, отразившихся въ его творествѣ важныхъ современныхъ событіяхъ,—словомъ хотѣлъ представить своего рода біографію Пушкина въ хронологическихъ датахъ». Г. Лернеръ очень хорошо выполнилъ свою задачу, и его книга будетъ настольной для всѣхъ, занимающихся Пушкинымъ. Каждый новый трудъ по изученію Пушкина измѣняетъ и дополняетъ наши знанія; уже теперь, съ появленіемъ Ефремовскаго изданія сочиненій Пушкина, матеріаловъ Майкова, книги Шляпкина, трудъ г. Лернера нуждается въ дополненіяхъ и измѣненіяхъ, но, какъ основной сводъ, его трудъ незамѣнимъ. Въ немъ мы найдемъ не одно механическое соединеніе хронологическихъ датъ, но и немало цѣнныхъ замѣчаній по хронологіи его произведеній, по исторіи творчества. Можно было бы пожелать, чтобы въ канву такъ или иначе были введены всѣ лица, съ которыми Пушкинъ имѣлъ сношенія. Слѣдовало бы упомянуть о В. Θ. Раевскомъ; можно было привести дату—6-е февраля 1822 года, день его ареста. Раевскій оказалъ несомнѣнное вліяніе на Пушкина. Не лишено истины предположеніе, что въ «Узникѣ» (особенно въ вариантахъ, напечатанныхъ въ матеріалахъ, собранныхъ Л. Н. Майковымъ), помѣченномъ 1-го марта 1822 года, найдемъ отголоски ареста и заключенія В. Θ. Раевского.

Г. Брюсовъ, уже извѣстный, кромѣ своихъ стихотвореній, своими не большими, но точными изысканіями по пушкинскимъ вопросамъ, редактировалъ и снабдилъ примѣчаніями новые матеріалы о Пушкинѣ, собранные книгоиздательствомъ. Совершенно новаго, впервые открывающагося въ этихъ матеріалахъ, сравнительно немного: многое извѣстно было намъ въ извлеченіяхъ, иногда даже почти въ полномъ видѣ. Но почти весь матеріалъ напечатанъ г. Брюсовымъ по рукописямъ; поэтому мы имѣемъ много поправокъ и дополненій къ ранѣе извѣстному, да, кромѣ того, книга г. Брюсова даетъ и новое, иногда очень важное. Первый отдѣлъ книги заключаетъ официальные прошенія и расписки Пушкина изъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ за періодъ 1817—1824 годовъ: ихъ немного, всѣ онѣ были извѣстны изслѣдователямъ (Л. Поливанову), а часть и раньше была напечатана. Это—прошенія объ отпускѣ и расписки въ полученіи денегъ изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, чиновникомъ которой съ жалованьемъ въ 700 рублей въ годъ числился Пушкинъ. Во второмъ отдѣлѣ напечатано нѣсколько писемъ и записокъ Пушкина, изъ нихъ семь впервые, и среди послѣднихъ есть чрезвычайно любопытныя письма. Таково письмо П. А. Вяземскому, по опредѣленію г. Брюсова, отъ начала 1823 г. Въ немъ рѣчь идетъ о борьбѣ съ цензурой. Мнѣніе Пушкина весьма интересно и такъ оригинально выражено, что мы позволимъ себѣ привести выдержку: «Сдѣлай милость, напиши мнѣ обстоятельнѣе о тяжбѣ твоей съ цензурой: это касается всей православной кучки. Твое предложеніе собратся намъ

всѣмъ жаловаться на Вируковыхъ можетъ имѣть худыя послѣдствія. На основаніи военнаго устава, если болѣе двухъ офицеровъ въ одно время подаютъ рапортъ, таковой поступокъ пріемлется за бунтъ. Не знаю, подвержены ли писатели военному суду; но общая жалоба съ нашей стороны можетъ навлечь на насъ ужасное подозрѣніе и причинить большое безнокойство. Соединиться тайно, но явно дѣйствовать водиночку кажется вѣрнѣе. Въ такомъ случаѣ должно смотрѣть на поэзію, съ позволенія сказать, какъ на ремесло. Руссо не впервой совралъ, когда утверждаетъ *que c'est le plus vil des métiers. Pas plus vil qu'un autre.* Аристократическія предубѣжденія пристали тебѣ, не мнѣ. На конченную свою поэмю я смотрю, какъ сапожникъ на пару своихъ сапогъ, и продаю съ барышомъ. Цеховой старшина находитъ мои ботфорты не по формѣ, обрѣзываетъ, портитъ товаръ. Я въ накладѣ иду жаловаться частному пристапу. Все это въ порядкѣ вещей». Изъ письма къ С. А. Соболевскому, тоже неизвѣстнаго до сихъ поръ, можно извлечь свѣдѣнія объ отношеніи Пушкина къ «Московскому Вѣстнику» М. П. Погодина: «Погодинъ мнѣ писалъ, а я виноватъ, весь излѣнился, не отвѣчалъ еще и не послалъ стиховъ, да они сами меня обезкуражили. Здѣсь въ П.-В. даютъ мнѣ (*à la lettre*) 10 рублей за листъ, и у васъ въ Москвѣ хотятъ меня заставить даромъ и исключительно работать журналу. Да еще говорятъ: онъ богатъ, чортъ ли ему въ деньгахъ. Положимъ такъ, но я богатъ черезъ мою торговлю стишестую, а не прадѣдовскими вотчинами, находящимися въ рукахъ Сергѣя Львовича». Третій отдѣлъ содержитъ официальные письма и бумаги къ Пушкину бар. В. А. фонъ-Адеркаса, А. Х. Бенкендорфа, А. Н. Мордвинова, гр. А. П. Чернышева, Г. В. Дубельта и др. (1826—1834). Тутъ опять многое было извѣстно, но есть кое-что новое и важное. Но весь цвѣтъ этого собранія именно въ систематическомъ подборѣ этихъ официальныхъ писемъ, львиная доля которыхъ, конечно, принадлежитъ гр. А. Х. Бенкендорфу. Часть писемъ Бенкендорфа была напечатана въ 1899 году въ «Русской Старинѣ», но всѣ они или почти всѣ въ изложеніи и извлеченіи были извѣстны изъ статьи чиновника III-го Отдѣленія М. М. Попова въ «Русск. Стар.» 1874 г. Теперь они напечатаны полностью, съ сохраненіемъ характерныхъ титуловъ и подписей, но подлинникамъ. Ихъ подборъ рисуетъ передъ нами яркую картину тяжелаго положенія Пушкина подъ официальнымъ воздѣйствіемъ. Воздѣйствіе было не только въ фактахъ сношеній, но и въ самой формѣ. Пушкинъ, гордый и самолюбивый Пушкинъ, получалъ иногда до невозможности обидныя «письма». Тутъ и замѣчанія по поводу фрака, въ которомъ былъ Пушкинъ, тогда какъ всѣ были въ мундирахъ, и выговоры за поѣздку безъ спросу въ Москву, обидные вопросы о томъ, куда и зачѣмъ ѣдетъ, отъ кого получаетъ письма Кюхельбекера, и оскорбительныя выраженія недовѣрія. Этотъ подборъ писемъ производитъ весьма опредѣленное впечатлѣніе, а съ нимъ легче разобраться въ сложномъ вопросѣ объ официальном положеніи Пушкина. Въ четвертомъ отдѣлѣ книги г. Брюсова напечатано 22 письма къ Пушкину разныхъ лицъ: П. П. Козлова, бар. Е. Ѳ. Розена, гр. С. С. Уварова (съ переводомъ оды «Клеветникамъ Россіи»), А. П. Тургенева, Н. М. Коншина, А. Д. Балашова, А. А. Перовскаго, А. Н. Оленина, К. А. Буха, кв. Н. Г. Ренина, А. Жюбара, А. О. Ишимовой, М. Ѳ. Орлова, А. Башплова. Не заключая

важныхъ свѣдѣній, эти письма освѣщаютъ нѣкоторыя подробности жизни Пушкина. Наконецъ, въ четвертомъ отдѣлѣ напечатано нѣсколько извлеченій «Изъ бумагъ Пушкина». Это — отрывки изъ Русалки, программа Дубровскаго, примѣчанія къ Евгению Онѣгину. Эти отрывки драгоцѣнны, какъ каждая строчка Пушкина. Особенно интересны примѣчанія къ Онѣгину.

Къ изданію приложены четыре fac-simile различныхъ отрывковъ Пушкина и пять набросанныхъ имъ рисунковъ. Изъ содержанія книги читатели видятъ цѣнность ея, какъ историческаго источника для біографіи Пушкина, и интересъ ея для всѣхъ занимающихся и любителей Пушкина. П. Ш.

Матеріалы для академическаго изданія сочиненій А. С. Пушкина. Спб. 1902.

Академическое изданіе сочиненій А. С. Пушкина остановилось на первомъ томѣ. Л. Н. Майковъ успѣлъ отпечатать изъ второго тома только четыре листа текста. Второе отдѣленіе академіи наукъ, передавъ редакцію изданія В. И. Саптову и В. Е. Якушкину, издало теперь отдѣльной книгой всѣ тѣ матеріалы для академическаго изданія, которые успѣлъ собрать Л. Н. Майковъ. Сверхъ ожиданія, ихъ оказалось весьма немного. Л. Н. Майковъ приготовилъ только текстъ и библиографическія примѣчанія къ нему только нѣкоторыхъ стихотвореній Пушкина; историко-литературныхъ матеріаловъ совсѣмъ нѣтъ. За 1818 и 1819 годы имъ приготовлены всѣ извѣстныя стихотворенія, за 1820 — почти всѣ, за остальные годы — только нѣкоторыя, немногія. Позволительно думать, что при жизни Л. Н. Майкова эти матеріалы подверглись бы еще неоднократной переработкѣ. Въ настоящемъ своемъ видѣ они не скудны недосмотрами, важными пропусками и ошибками. При печатаніи Майковъ не обратилъ почему-то вниманія на автографы Пушкина, извѣстные уже въ печати. Такъ, напримѣръ, Майкову остались неизвѣстными автографъ стихотворенія «Я помню чудное мгновенье», напечатанный fac-simile въ «Звѣздѣ» 1887 года, въ № 4, и дающій нѣкоторыя разночтенія; автографъ «Наперсникъ Феба или Пріана», по которому напечатано стихотвореніе въ «Русскомъ Обозрѣніи» 1897 года, въ № 2. Иногда «Матеріалы» безъ всякихъ объясненій предлагаютъ измѣненія въ извѣстномъ намъ чтеніи. Возбуждаетъ недоумѣніе хронологія стиховъ. Стихотвореніе «Княгиня А. И. Голицыной при посылкѣ оды «Вольность» совершенно неправильно отнесено въ 1818 году; изъ самаго стихотворенія видна ошибочность такого приуроченія. Не было серьезныхъ основаній переносить стихотвореніе «Доридъ» изъ 1820 въ 1819 годъ и т. д. Вообще къ матеріаламъ, нынѣ изданнымъ, нужно относиться съ большою осторожностью и помнить, что это лишь черновые матеріалы, подлежашіе переработкѣ. Но изъ этого не значитъ, чтобы изданіе не имѣло положительныхъ сторонъ. Въ распоряженіи Л. Н. Майкова были подлинныя рукописи поэта, изъ которыхъ нѣкоторыя въ первый разъ попадали въ руки издателя. Чрезвычайно цѣнны, поэтому, нѣкоторые варианты, извлеченные Л. Н. Майковымъ изъ этихъ рукописей. Варианты относятся иногда къ крупнѣйшимъ стихотвореніямъ и даютъ Пуш-

кивскіе стихи высокаго достоинства. Таковы варианты къ стихотвореніямъ «Узникъ», «Пѣснь о вѣцѣмъ Олегѣ», «Чаадаеву», «Наполеонъ», «Гробъ юноши» и др. Несомнѣнно, что редакторы академическаго изданія, выдѣливъ въ отдѣльное изданіе всю работу Л. Н. Майкова, введутъ въ изданіе всѣ положительныя результаты и исправятъ или откажутся отъ отрицательныхъ. Въ настоящій же моментъ книга «Матеріаловъ» принесетъ пользу всякому, занимающемуся Пушкинымъ, и доставитъ наслажденіе любителю его поэзіи.

П. Щ.

Русскій біографическій словарь. Кнаппе-Кюхельбекеръ. Спб. 1903.

Въ новыи томъ русскаго біографическаго словаря, издаваемаго императорскимъ историческимъ обществомъ, вошли біографіи съ Кнаппе до Кюхельбекера. Мы не нашли важныхъ пропусковъ но, тѣмъ не менѣе, нѣтъ А. Конискаго, В. А. Кокорева, Котельницкаго А. (XVIII в.), М. В. Кульчицкаго. Самый крупный пробѣлъ—отсутствіе біографіи П. А. Кулиша (ум. въ 1897 г.), быть можетъ, объясняется тѣмъ, что лица, умершія въ 1897 г., въ словарь не попадаютъ. Новый томъ далъ обширнѣйшія и обстоятельныя біографіи великаго князя Константина Павловича (г. Чечулинъ) и Мих. Ил. Кутузова (г. Гейсманъ). Къ лучшимъ біографіямъ, по обстоятельности и изложенію, нужно отнести біографіи Н. И. Костомарова (А. И. Маркевичъ), Котляревскаго И. П. (г. Вс. Срезневскій), А. М. Княжевича (г. Лебедевъ), О. П. Козодавлева (М. Полівектова), Ф. Ф. Кокошкина (В. П. Сaitовъ), В. С. Кочубея (г. Чечулинъ), Куракиныхъ (А. Б., А. Б., Б. Ив.—г. Н. Ч.), Кудрявцева-Платонова (г. Соколовъ), Крылова И. А. (г. Шалыгинъ). Весьма обширна біографія—великаго князя Константина Николаевича. Перечисленныя біографіи волюнѣ обстоятельны и являются важнымъ пособіемъ для занимающихся, какъ по точности свѣдѣній, такъ и по богатству использованной литературы предмета. Къ сожалѣнію, этого нельзя сказать о многихъ другихъ статьяхъ этого тома. Къ нимъ мы и переходимъ.

Совсѣмъ плохи замѣтки объ о. Матвѣѣ Константиновскомъ, извѣстномъ ржевскомъ протоіерѣѣ, и С. В. Ковалевской. Весь *raison d'être* появленія перваго въ словарь зиждется на его отношеніяхъ къ Гоголю: если бы о. Матвѣю не пришлось знать Гоголя и оказать на него гнетущее впечатлѣніе, онъ былъ бы забытъ. А въ статьѣ словаря ни одного слова объ его отношеніяхъ къ Гоголю! Авторъ біографіи С. В. Ковалевской отнесся весьма поверхностно къ своей задачѣ: могъ бы онъ воспользоваться и воспоминаніями Эдгренъ-Леффлеръ и книжкой, изданной въ ея память московскими профессорами А. Столѣтовымъ, П. Жуковскимъ и П. Некрасовымъ. Можно было бы подробнѣе остановиться на учителѣ Гоголя П. Г. Кулжинскомъ и хоть назвать его беллетристическія произведенія. Писавшій о лингвистѣ Крушевскомъ долженъ былъ бы сказать пообстоятельнѣе о его выдающейся дѣятельности и назвать его курсы, изданныя не пр. Богородскимъ, а Богородицкимъ. Довольно слабы статьи о М. В.

Козицкомъ, М. А. Корфъ, А. А. Котляревскомъ, Н. Крижаничъ, Кояловичъ, А. О. Корниловичъ, Кодмачевскомъ. Авторамъ многихъ біографій не мѣшало бы перечислять произведенія писателей, біографіи которыхъ они пишутъ. Изъ замѣтки объ историкѣ С. С. Кутортъ читатель не узнаетъ о существованіи собранія его сочиненій, изданнаго Л. Ф. Пангелѣевымъ. Отдѣльные изданія сочиненій нужно было бы назвать при біографіяхъ И. Т. Кокорева, П. А. Корсакова, Кугушева (суворинское изданіе «Корнета Отлетаева»). Нѣкоторые авторы замѣтокъ о писателяхъ XVIII вѣка (Костровъ Ерм., Козловскій Ѳ. А., Кириакъ Кондратовичъ) совсѣмъ забыли о прекрасномъ изданіи С. А. Венгрова «Русская поэзія», въ которомъ даны не только собранія стихотвореній, но и перечислена литература. Составителямъ біографій Курляндцева и профессора Котельницкаго нужно бы было знать о книгахъ профессора Евг. Боброва, дающихъ весьма тщательный подборъ всей литературы объ этихъ лицахъ (въ IV выпускѣ «Философій въ Россіи» и въ I выпускѣ «Литературы и просвѣщенія»).

Вообще указанія на литературу предмета слѣдовало бы пополнить во многихъ мѣстахъ. Иногда нѣтъ указаній на существенно важныя статьи. При Кокоревѣ П. Т. необходимо было указать статьи Ап. Григорьева и Добролюбова, при Куцевскомъ—статью А. Горнфельда въ «Русск. Богатствѣ» 1895 г., при В. С. Курочкинѣ—исторію русской литературы Скабичевского, при М. Комаровѣ—отзывъ В. Бѣлинскаго, при Кугушевѣ—статьи Каллаша (М., 1897), при Кукольникѣ П. В.—главу изъ изслѣдованія Скабичевского объ историческомъ романѣ, при Копьевѣ—статью А. Ѳомина въ «Русск. Мысли», во 2-ой книгѣ за 1893 г. При біографіи Ив. Ив. Козлова нѣтъ никакой біблиографіи, а при замѣткѣ о Книгинѣ, основанной на книгѣ профессора Багалѣя: «Опытъ исторіи Харьковскаго университета», не мѣшало бы указать эту книгу.

Общее впечатлѣніе отъ просмотра всего тома: на біографіи историческихъ дѣятелей можно положиться, біографіи же писателей не всегда надежны.

П. Щ.

А. К. Бороздинъ. Литературныя характеристики. Деятнадцатый вѣкъ. Томъ I. Изд. М. В. Пирожкова. Спб. 1903.

На этотъ разъ мы можемъ освободить себя отъ обычной обязанности рецензента набрасывать литературную фізіономію писателя и отмѣчать достоинства и недостатки вѣшняго построенія книги. Имя автора лежащей передъ нами книги, проф. А. К. Бороздина,—хорошо извѣстно нашимъ читателямъ. А. К. Бороздинъ—старинный сотрудникъ «Историческаго Вѣстника»; на страницахъ нашего журнала помѣщено немало его статей, нѣкоторыя изъ нихъ читатель встрѣтитъ и въ новой книгѣ. Наши читатели давно могли оцѣнить статьи проф. Бороздина, всегда интересно, ясно и доступно написанныя.

Появившаяся теперь книга «Литературныхъ характеристикъ»—только начало большого (въ трехъ томахъ) труда, посвященнаго исторіи русской литературы XIX вѣка. Въ рядѣ литературныхъ характеристикъ, историко-лите-

ратурныхъ очерковъ проф. Бороздинъ думаетъ охватить всё крупнѣйшія явленія и лица нашей литературной жизни въ XIX вѣкѣ, начиная съ Карамзина и кончая Леонидомъ Андреевымъ. Трудъ автора отнюдь не будетъ представлять исторію, связаную, полную и научную исторію нашей литературы; авторъ вполне справедливо указываетъ, что «обстоятельная, строго научная исторія литературы XIX вѣка составляетъ задачу, можетъ быть, не особенно близкаго будущаго». Книга же проф. Бороздина явится въ нѣкоторомъ родѣ эпизодическимъ курсомъ по исторіи русской литературы въ XIX вѣкѣ, полезнымъ съ различныхъ точекъ зрѣнія. Съ двухъ точекъ зрѣнія можно оцѣнивать степень нужности книги. Можно имѣть въ виду значеніе книги для цѣлей самообразования, для средняго читателя. Проф. Бороздину пришла, несомнѣнно, счастливая мысль дать популярную книгу по исторіи русской литературы. Читатель изъ такъ называемой большой публики, молодежь, педагогъ среднеучебныхъ заведеній—всѣ они предъявляютъ запросы на ясно и толково написанную книгу, которая помогла бы имъ разобраться въ существенныхъ вопросахъ нашего литературнаго развитія и выяснитъ смыслъ и значеніе литературныхъ явленій. Имъ книга проф. Бороздина принесетъ несомнѣнную пользу. Проф. Бороздинъ—ученый специалистъ, никогда не замыкавшійся въ сферѣ специальныхъ ученыхъ работъ, но всегда отдававшій много времени популяризации своей науки въ университетскихъ и публичныхъ лекціяхъ, въ различныхъ начинаніяхъ въ помощь самообразованію. Пишетъ онъ доступно для весьма широкихъ круговъ читающей публики, ясно и интересно. Поэтому его книгу можно смѣло рекомендовать всѣмъ, «желающимъ разобраться въ нѣкоторыхъ существенныхъ вопросахъ нашего литературнаго развитія».

Но и для специалиста книга проф. Бороздина окажется полезной и нужной. Нѣкоторыя литературныя явленія, освѣщенные въ этой книгѣ, оставались въ сторонѣ въ историко-литературныхъ изслѣдованіяхъ, пропускались. Такова, напримѣръ, статья о Карамзинѣ. Карамзина разбирали по косточкамъ и Пыпинъ, и Милюковъ, и г. Синовскій. Проф. Бороздинъ обратилъ вниманіе на тѣ вопросы, которые предыдущими изслѣдователями были оставлены безъ детальнаго разбора: это—вопросъ о развитіи литературныхъ взглядовъ Карамзина и вопросъ о его политическихъ взглядахъ. Научное значеніе имѣютъ статьи о критическихъ обзорѣняхъ А. А. Бестужева, о Рылѣевѣ, о Н. А. Полевомъ и нѣкоторыя другія.

Въ первомъ томѣ, кромѣ указанныхъ нами статей, мы найдемъ еще слѣдующія: Главныя направленія русской литературы начала XIX вѣка, Романтизмъ, Поэзія В. А. Жуковскаго, Крыловъ и Грибоедовъ, Воспитательное значеніе поэзіи А. С. Пушкина, А. С. Пушкинъ и поэзія дѣйствительности, Поэзія М. Ю. Лермонтова, Развитіе взглядовъ Гоголя на творчество, Дельвигъ, Языковъ и Баратынскій, Трудъ В. И. Семеваго по исторіи крестьянскаго вопроса въ Россіи. Последняя статья включена авторомъ потому, что «крестьянскій вопросъ интересовалъ всѣхъ лучшихъ людей той эпохи, и разрѣшеніе его было важнѣйшимъ дѣломъ, завѣщаннымъ новому времени идеалистами 30-хъ и 40-хъ годовъ». Нѣкоторыя изъ статей были извѣстны раньше (по большей части, печатались въ «Историческомъ Вѣстникѣ»), но нѣкоторыя (о Карамзинѣ, Рылѣевѣ, Дельвигѣ, Языковѣ и Баратынскомъ) появляются впервые.

Пожеласмъ широкаго распространенія книгъ проф. Бороздина и будемъ ждать скорѣйшаго появленія въ свѣтъ дальнѣйшихъ томовъ «Литературныхъ характеристикъ». Изъ объявленнаго содержанія ихъ видно, что большая часть статей появится въ нихъ впервые.

П. Щ.

Труды Я. К. Грота. Томъ V. Дѣятельность литературная, педагогическая и общественная. Спб. 1903.

Пятымъ томомъ заканчивается предпринятое лѣтъ восемь тому назадъ собраніе сочиненій академика Я. К. Грота. Въ этомъ томѣ собраны, преимущественно, мелкія статьи, очерки и замѣтки, не имѣющіе научнаго интереса и важные только для характеристики автора. Заботливой рукой сына писателя, проф. К. Я. Грота, собраны здѣсь и путевыя ученныя замѣтки, и статьи о русской журналистикѣ и печати (изъ послѣднихъ сохраняетъ свое значеніе очеркъ «Изъ поѣздки въ Воронежъ», представляющей страничку изъ исторіи провинціальной печати), и замѣтки по вопросамъ образованія и воспитанія, любопытныя для характеристики педагогическихъ взглядовъ Грота, и разныя случайныя мелкія замѣтки и стихи, и вещи въ прозѣ и стихахъ, написанныя Гротомъ для дѣтей. Открывается книга «Мыслями, посвященными въ Божѣ почившему наслѣднику цесаревичу великому князю Николаю Александровичу въ день его совершеннолѣтія» (1859).

Такимъ образомъ литературное наслѣдство Грота является собраннымъ. Издатель не забылъ объ одномъ обычаѣ—давать при собраніяхъ портретъ и біографію. Правда, біографію замѣняютъ «автобіографическія замѣтки» Я. К. Грота, но издатель надѣется въ послѣдствіи издать отдѣльнымъ томомъ полную біографію или, по крайней мѣрѣ, матеріалы для біографіи. Портретъ, приложенный къ книгѣ,—снимокъ съ офорта работы художника В. П. Быстринина.

Щ.

Старина и Новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Книга 6-я. Спб. 1903.

Шестая книга «Старины и Новизны» составлена содержательно и интересно. Въ ней сообщаются многочисленные матеріалы, любопытные и важные. Перечислимъ сначала статьи, меньшія по объему.

Нынѣ покойному С. А. Рачинскому принадлежитъ небольшое сообщеніе о двухъ рѣдкихъ портретахъ Гоголя, съ приложеніемъ двухъ прекрасно исполненныхъ офортовъ-снимковъ. Одинъ изображаетъ Гоголя въ гробу и набросанъ при гробѣ братомъ С. А. Рачинскаго, В. А., тогда студентомъ. Тогда же портретъ былъ отлитографированъ и пущенъ въ продажу. Другой принадлежитъ незаслуженно-малоизвѣстному Э. А. Дмитріеву-Мамонову, талантливому и мѣткому рисовальщику. Этотъ портретъ совершенно неизвѣстенъ; добавимъ, что

этому же художнику принадлежит другой портретъ лица Гоголя, воспроизведенный, между прочимъ, въ журналъ «Миръ и Искусство» 1899 г., № 13—14. Чтеніе Т. П. Филиппова заключаетъ въ себѣ три бумаги, не богатя новыми данными, но содержація нѣкоторыя подробности по дѣлу Арсенія Мацѣевича. По бумагамъ Астаѣевского архива напечатано сообщеніе «Изъ семейной старины», рисующее личность княгини Прасковьи Юрьевны Гагариной, урожденной Кологривовой, матери кн. В. Ө. Вяземской. Изъ бумагъ гр. В. А. Перовскаго извлеченъ рассказъ Лоухина объ извѣстномъ изъ другихъ источниковъ разговорѣ Воронцова съ гр. Разумовскимъ о письменныхъ доказательствахъ тайнаго брака канцлера съ Императрицей Елисаветой. Писемъ напечатано довольно много. Мы встрѣтимъ здѣсь письма цесаревича Александра Александровича А. Н. Стюрлеру, письмо Н. В. Гоголя къ П. Е. Капвистъ, письма митрополита Филарета къ оберъ-прокурору святѣйшаго синода гр. А. П. Толстому, письма императора Николая I къ кн. П. М. Волконскому и гр. В. А. Перовскому, отвѣтъ гр. В. А. Перовскаго Николаю I, письмо великаго князя Михаила Павловича къ кн. П. М. Волконскому.

Переходимъ къ статьямъ большого размѣра.

Чрезвычайно любопытны извлеченія изъ книги «Извѣстія Донъ-Хуаноден-Персія, направленные къ его католическому величеству Донъ-Филиппу III, королю Испаніи и нашему государю», изданной въ Вальядолидѣ 1604 г. Изъ этихъ извѣстій испанскаго посла переведено и напечатано все то, что относится къ его путешествію по Россіи: рассказъ о земляхъ и достопримѣчательностяхъ, которыя онъ видѣлъ, путешествуя по Москвѣ, рассказъ о приемѣ, который былъ сдѣланъ въ столицѣ московскаго царя, и о томъ, что послы видѣли тамъ, и о томъ, что произошло между ними и царемъ и т. д. Сообщенія эти не содержатъ ничего новаго для политической исторіи, но безусловно цѣнны для бытовой исторіи нашей въ XVI вѣкѣ. Довольно много старинныхъ документовъ напечатано подъ заглавіемъ «Къ біографіи А. П. Волынскаго». Но они не столько даютъ для біографіи Волынскаго, сколько для исторіи конюшеннаго вѣдомства, которымъ онъ завѣдывалъ. На основаніи этихъ бумагъ можно было бы написать цѣлую главу изъ исторіи русскаго коннозаводства. Изъ крупныхъ вещей этого тома остается еще назвать поучительныя «воспоминанія кн. А. М. Дондукова-Корсакова», начатыя еще въ 5-ой книгѣ и относящіяся къ 1845—1846 гг. Эти воспоминанія даютъ много подробностей къ исторіи русскаго управленія на Кавказѣ, содержатъ характеристики многихъ современниковъ и читаются съ большимъ интересомъ.

По степени интереса на первомъ мѣстѣ нужно поставить: «Выписки изъ писемъ гр. А. Х. Бенкендорфа къ императору Николаю I-му о Пушкинѣ», сдѣланныя завѣдующимъ собственною его величества бібліотекой изъ бумагъ графа А. Х. Бенкендорфа, хранящихся въ этой бібліотекѣ. Изданные за послѣднее время матеріалы все яснѣе и яснѣе освѣщаютъ отношенія Пушкина къ правительству: опубликованы письма Пушкина къ Бенкендорфу и другимъ официальнымъ лицамъ, напечатанъ рядъ писемъ къ нему Бенкендорфа, рядъ, производящій яркое и внушительное впечатлѣніе. Мы имѣемъ возможность до нѣкоторой степени возстановить психологію Пушкина въ процессѣ этихъ отношеній;

выписки изъ донесеній Бенкендорфа съ помѣтками императора Николая I-го, напечатанныя въ «Старинѣ и Новизнѣ», даютъ возможность намѣтить психологію другой стороны. Между прочимъ, оказывается возможнымъ утверждать что на отношенія Николая I-го къ Пушкину сильно вліялъ гр. Бенкендорфъ; съ опубликованіемъ писемъ графа видишь, какая доля принадлежитъ ему во внѣшнихъ проявленіяхъ извѣстнаго отношенія государя къ Пушкину. Такъ, напримѣръ, несомнѣнно на отзывъ Николая I-го о Борисѣ Годуновѣ сильно повліяло слѣдующее представленіе графа: «Во всякомъ случаѣ это сочиненіе не годится для представленія на сценѣ, но съ немногими измѣненіями можно напечатать; если ваше величество прикажете, я его ему верну и сообщу замѣчанія, помѣченныя въ выпискѣ, и предупрежу его, чтобы сохранилъ у себя конію, и чтобы онъ зналъ, что онъ долженъ быть насторожѣнъ». По поводу замѣтокъ Пушкина объ общественномъ воспитаніи Бенкендорфъ пишетъ: «замѣтки человѣка, возвращающагося къ здоровому смыслу». Государь приписалъ: «Посмотрю, что это такое». Нѣкоторыя мѣста изъ опубликованныхъ бумагъ ярко рисуютъ взгляды на Пушкина, сложившіеся у государя и его слуги. Сообщая о томъ, что Пушкинъ съ восторгомъ отзывался о государѣ, Бенкендорфъ пишетъ: «онъ все-таки порядочный шалопай, но если удастся направить его перо и его рѣчи, то это будетъ выгодно». Когда Пушкинъ захотѣлъ взять обратно прошеніе объ отставкѣ, Бенкендорфъ писалъ: «предполагаю, что вашему величеству благоугодно будетъ смотрѣть на его первое письмо, какъ будто его вовсе не было. Передъ нами мѣрило человѣка; лучше, чтобы онъ былъ на службѣ, нежели предоставленъ самому себѣ». Императоръ Николай I-й сдѣлалъ слѣдующую резолюцію: «Я ему прощаю, но позовите его, чтобы еще разъ объяснить ему всю бессмыслицу его поведенія, и чѣмъ все это можетъ кончиться; то, что можетъ быть простительно двадцатилѣтнему безумцу, не можетъ примѣняться къ человѣку тридцати пяти лѣтъ, мужу и отцу семейства». Между государемъ и Бенкендорфомъ, съ одной стороны, и Пушкинымъ, съ другой, была бездна; изъ отношеній Пушкина видно, что онъ сознавалъ ложность своего положенія, но врядъ ли представлялъ себѣ ясно всю непроходимость бездны. Является вопросъ, какъ измѣнились бы отношенія Пушкина, если бы ему было въ точности извѣстно, какъ на него смотрятъ сверху.

П. Ц.

Ю. Д. Головина. На Памирахъ. Записки русской путешественницы. Съ портретомъ, посвященіемъ, географической картой, метеорологическимъ графикомъ, 64-мя цинкографіями въ текстѣ и двумя прибавленіями. Москва. 1902.

Послѣ занятія русскими Памира ровно десять лѣтъ назадъ, эта заооблачная страна начала все чаще и чаще привлекать къ себѣ какъ любителей всевозможныхъ приключеній, такъ и людей науки, трудящихся надъ изслѣдованіемъ этой суровой и еще такъ недавно почти недоступной области.

Автора книги «На Памирахъ» безусловно можно отнести къ лицамъ первой категоріи, какъ это видно изъ ея предисловія, такъ и изъ разсматривае-

мага труда, посвященнаго описанію поѣздки ся на Цамирь вмѣстѣ со своимъ мужемъ и г-жею Бартевовой, фотографическими снимками которой переполнена книга. Не будь ихъ, трудъ Ю. Д. Головинной совершенно бы терялся, благодаря небрежной торопливости, съ какою онъ выполненъ.

Авторъ-путешественница, всецѣло проникнутая сознаниемъ совершаемаго подвига-путешествія (хотя при весьма благопріятныхъ условіяхъ) на «Крышу міра», настолько сосредоточиваетъ свое вниманіе на своей собственной особѣ, что всѣ ея наблюденія во время всего повѣствованія только витаютъ возлѣ нея самой, да это и вполнѣ понятно, когда отъ радости у автора «на душі пѣли соловьи» (стр. 1), а господинъ Головиннъ, убитъ 29-го іюня кабана, на слѣдующій день справлялъ «именины сердца» (стр. 68) и т. д.

При описаніи этого безусловно интереснаго путешествія, авторъ отличается односторонностью, при чемъ замѣтно страдаетъ этнографическая часть описанія. Все вскользь, наскоро, въ нѣсколькихъ словахъ, нѣтъ главы, вполнѣ законченной. Даже города, въ которыхъ автору приходилось побывать, и тѣ оставлены безъ описанія.

То же самое замѣтно въ отношеніи историческихъ фактовъ. Авторъ попадаетъ въ Андижанъ, какъ разъ послѣ разразившагося тамъ газавата (священной войны), является свидѣтелемъ послѣдующихъ событій, навѣщааетъ въ Ошской тюрьмѣ участниковъ возстанія, дѣлаетъ съ нихъ снимки и ровно ничего не даетъ въ своемъ сочиненіи объ этомъ знаменательномъ происшествіи. Какой-то казенный отчетъ, а не описаніе очевидца и наблюдателя, предложень читателямъ на стр. 40—46.

На стр. 46 авторъ скорбитъ объ умаленіи власти уѣздныхъ начальниковъ въ краѣ, которые до судебной реформы произведенной въ Туркестанѣ въ 1887 году, по словамъ автора, «имѣли право вмѣшиваться въ тяжёбныя и семейныя дѣла: онъ (т.-е. уѣздный начальникъ) являлся не только начальствомъ, но я радѣтелемъ, вѣдавшимъ всѣ крупныя и мелкія интересы туземца, и власть его въ глазахъ населенія была почти безгранична. Его уважали и по-своему любили, не видя съ его стороны тѣхъ поборовъ и притѣсненій, къ которымъ азіатъ привыкъ искони».

Ну, ужъ это навѣрное автору преподнесъ какойнибудь изъ уѣздныхъ начальниковъ.

Именно поборы, злоупотребленія и насилія надъ туземцами и заставили наше правительство посерьезнѣе взглянуть на «гг. ташкентцевъ» и заняться реформою административнаго устройства края. Въ 1887 году военно-судныя комиссіи были упразднены, и въ краѣ водворился судъ «скорый, правый и милостивый», весьма немилостиво встрѣченный мѣстными властями.

«Безграничная власть» уѣздныхъ начальниковъ канула въ Лету, и они подпали подъ начальство прокуроровъ, слѣдователей и суда.

Напрасно авторъ старается убѣдить читателя въ томъ, что судейскіе чины будто бы «въ мести къ бывлой независимости» уѣздныхъ начальниковъ «подчеркиваютъ въ глазахъ населенія его теперешнее ихъ безсиліе». Этотъ выводъ очень наивенъ.

Гражданскій судъ въ краѣ стоитъ на недосягаемой высотѣ и пользуется у всего мѣстнаго населенія большимъ почетомъ въ то время, когда уѣздная администрація наводитъ на него ужасъ своею жестокостью.

Туземецъ смѣло идетъ къ прокурору, зная, что его выслушаютъ, защитятъ и ничего за это не возьмутъ... А спросите-ка любого сарга, пойдетъ ли онъ такъ смѣло къ своему начальнику уѣзда? Конечно, нѣтъ.

«Приходится сознаться,—говоритъ далѣе авторъ,—что не пользуются здѣсь теперь русскіе популярностью, а еще недавно, по словамъ людей, пожившихъ въ краѣ, къ намъ относились съ довѣріемъ и уваженіемъ!»

Какая нелѣпость, какая черная неправда! Именно что теперь саргъ лишь началъ понимать значеніе русской культуры и уважать своихъ цивилизаторовъ, тогда какъ прежде онъ въ страхѣ трепеталъ передъ каждой мелкой сонкой чиновничьяго класса.

Страхъ и уваженіе — вещи различныхъ полюсовъ: слѣдовало бы автору различать ихъ въ отношеніяхъ туземца къ своимъ завоевателямъ.

Болѣе обстоятельною частью труда г-жи Головинной является компилятивный географическій очеркъ Памировъ, описанія его изслѣдованій, но и тутъ пробѣлы безъ конца, такъ какъ авторъ не потрудился просмотрѣть литературу, посвященную Памирамъ за послѣднія 5 лѣтъ, а она отличается достаточнымъ обиліемъ статей и отдѣльныхъ изданій. Въ источникахъ, указанныхъ авторомъ на страницахъ 242, 243 и 244, я не нахожу множества книгъ и статей, которые автору пропустить было непозволительно, если уже имъ отведена специальная глава, указывающая на литературные источники, посвященные этой странѣ, а ихъ множество, и даже въ 1898 году въ «Историческомъ Вѣстникѣ» было отведено немало мѣста для статей о «Памирскихъ походахъ».

Единственнымъ достоинствомъ разсматриваемой книги является метеорологическій графикъ, очевидно составленный по наблюденіямъ специалистовъ. Рисунки, воспроизведенные съ фотографій г-жи Бартеуевой, составляютъ главную цѣнность труда—не будь ихъ, о книгѣ бы можно было и умолчать.

Ворисъ Тагъевъ.

М. Ostrogorsky. «La démocratie et l'organisation des parties politiques». Paris. 1902.

Этотъ объемистый трудъ, первый томъ котораго посвященъ Англіи, а второй Соединеннымъ Штатамъ, появился одновременно на французскомъ и англійскомъ языкахъ и по единогласнымъ отзывамъ иностранной печати представляетъ крупный литературный фактъ. Напримѣръ, «Manchester Guardian» говоритъ: «Мы увѣрены, что, за исключеніемъ знаменитыхъ твореній Токвилля, Тена и Брайса, едва ли найдется другое сочиненіе, въ которомъ была бы собрана такая масса политическихъ наблюденій, какія удалось сдѣлать г. Острогорскому».

Г. Острогорскій въ своей книгѣ очерчиваетъ не теоретически, но по положительнымъ даннымъ, функціонированіе народовластія; онъ свое вниманіе со-

средоточиваетъ не на парламентскихъ установленіяхъ, не на политическихъ формахъ, а на самихъ политическихъ силахъ. Введенный въ область политической науки еще Монтескье (въ «Духъ законовъ»), опытный методъ, главнымъ образомъ; прилагается къ изученію государственныхъ установленій и законодательства, съ полнымъ игнорированіемъ тѣхъ живыхъ людей, которые созидаютъ и приводятъ въ дѣйствіе эти теоріи.

Г. Острогорскій, наоборотъ, опытный методъ прилагаетъ къ политическимъ дѣйствіямъ и подробно знакомитъ читателей съ умственными стремленіями и настроеніями, которыми обусловливаются борьба и видоизмѣненія политическихъ партій, знаменующихъ дѣятельность англо-саксонскаго парламентаризма.

Предметъ этотъ г. Острогорскому пришлось изучать не по книгамъ, а на самой жизни. Въ теченіе длиннаго ряда годовъ въ Англии и Соединенныхъ Штатахъ, г. Острогорскій, при содѣйствіи мѣстныхъ крупныхъ политическихъ дѣятелей, прикалывалъ для своего изслѣдованія матеріалы.

Какъ историкъ, онъ разсматриваетъ постепенно сложеніе и развитіе политическихъ партій, которыя, зачавшись въ стѣнахъ парламента, постепенно проникаютъ въ жизнь народную. Онъ подробно описываетъ политическое значеніе этихъ партій и воздѣйствіе ихъ на общественную жизнь, нравы и государственныя установленія. Г. Острогорскій съ отчетливымъ знаніемъ дѣла въ живыхъ и яркихъ характеристикахъ очерчиваетъ политическій методъ и пріемъ, актеровъ политической сцены и общественную среду, въ которой они дѣйствуютъ, и знакомитъ читателя съ интересами, навыками, чувствами и страстями, сказывающимися въ столкновеніяхъ между отдѣльными партіями.

Различныя системы выборовъ и представительства, права политическихъ сходовъ, внутреннее управленіе партіями, возможныя видоизмѣненія парламента дѣлопроизводства, отвѣтственность министровъ—все эти вопросы разработаны г. Острогорскимъ не съ узкой точки доктринерства и предвзятыхъ отвлеченныхъ теорій, но съ положительнымъ и яснымъ разумѣніемъ политика-практика.

Въ заключеніе г. Острогорскій послѣднія главы своего труда посвящаетъ тому, что можно бы назвать патологіею управленія страны черезъ партіи; въ виду же разочарованій, какія не разъ уже сказывались относительно пѣлесообразности представительства истинныхъ народныхъ нуждъ черезъ политическія партіи, преслѣдующія свои особые интересы, г. Острогорскій строитъ возможныя для будущаго формулы вполне правомѣрнаго, но болѣе активнаго и непосредственнаго участія народной массы въ дѣлахъ управленія и законодательства.

Такимъ образомъ, трудъ г. Острогорскаго является опытомъ «общественной и политической психологіи», построеннымъ на вдумчивомъ анализѣ наблюденій, почерпнутыхъ изъ общественной жизни странъ, гдѣ парламентаризмъ достигъ наивысшей ступени развитія.

Даже далеко не падкій на похвалы—особенно иностранцамъ—«Times» сознается, что «прочтеніе этой внушительной книги существенно расширять

умственный кругозоръ читателя, а потому трудъ г. Острогорскаго по справедливости слѣдуетъ признать за драгоцѣнный вкладъ въ современную политическую литературу».

Очеркъ района большихъ маневровъ подѣ Курскомъ. Печатано по распоряженію начальника главнаго штаба. Спб. 1902.

Въ 1892 году состоялись большіе маневры подѣ Курскомъ въ высочайшемъ присутствіи. Маневры эти происходили въ мѣстности Курскаго, Льговскаго и Суджанскаго уѣздовъ. Для ознакомленія съ этимъ райономъ былъ изданъ предѣ маневрами настоящій очеркъ. Въ продажу онъ не поступалъ, а былъ розданъ посредникамъ и другимъ участникамъ маневровъ.

По содержанію «очеркъ» распадается на 8 главъ, — въ первой главѣ данъ историческій очеркъ района, во второй говорится о его современномъ состояніи, но особенно много мѣста отведено Курску и его святынь, иконѣ Знаменія Богородицы. Курская губернія почти все время была пограничною, и ей приходилось выдерживать столкновенія съ различными непріятелями; сначала куряне воевали съ половцами, а потомъ съ татарами. Въ 1238 году Курскъ былъ разоренъ татарами, такъ что не осталось камня на камнѣ, жители княжества побиты или уведены въ плѣнъ. По преданію въ утѣшеніе страждущимъ въ 1295 году въ лѣсной глуши подѣ корнемъ дерева была найдена чудотворная икона Знаменія Богородицы. На этомъ мѣстѣ стоитъ нынѣ Коренная пустынь, и въ ней сохранилось то дерево, подѣ корнемъ котораго найдена Чудотворная икона. Послѣ татарскаго погрома Курская губернія заросла дремучими лѣсами, и только въ концѣ XVI вѣка граница Московскаго государства придвинулась въ предѣлы Курской губерніи. Въ 1586 году Курскъ былъ восстановленъ на прежнемъ мѣстѣ и укрѣпленъ. Теперь ему приходилось выдерживать натискъ литовцевъ и крымскихъ татаръ. Самозванщина и междуцарствіе такъ же отразились на Курской губерніи. Курскъ, какъ и другіе города, переходилъ, изъ рукъ въ руки. Наконецъ, куряне присоединились къ Москвѣ. Поляки нѣсколько разъ осаждали городъ, и первое нападеніе было, въ 1612 году, отряда подѣ начальствомъ Жалкевскаго. Поляки четыре недѣли осаждали городъ, затѣмъ ворвались въ большой острогъ, уничтожили на краю посада монастырь во имя Троицы и другія постройки, однако самаго города взять не могли: осажденные сожгли часть деревянной стѣны и упорно отбивали всѣ приступы. Наконецъ, куряне изнемогли и хотѣли перейти на лѣвый берегъ р. Тускори въ лѣса, но тутъ пошелъ слухъ о видѣніи чудесной дѣвы въ лучезарномъ сіяніи, которая ночью обходила всѣ городскія укрѣпленія: это придавало бодрости осажденнымъ, а чрезъ нѣсколько времени непріятель отступилъ. Въ ознаменованіе чудеснаго спасенія отъ опасности куряне построили существующій и нынѣ Знаменскій монастырь. Въ этомъ монастырѣ помѣщается Чудотворная икона Знаменія Богородицы и пребываетъ тамъ съ 12-го сентября каждаго года по девятую послѣ Насхи пятницу, а въ этотъ день торжественно переносится въ Коренную пустынь. Въ этой пустыни въ былыя времена во время привоса иконы собиралась знаменитая ярмарка, теперь отъ нея остались только развалины бывшаго гостинаго двора.

Поляки не оставляли въ покоѣ Курскъ, — они осаждали его такъ же безъ послѣдствій въ 1616 и 1634 годахъ. Нашадли на Курскъ и крымскіе татары — такъ въ одномъ 1643 году было 19 татарскихъ нашествій. Въ концѣ XVIII вѣка въ Курской губерніи наступила тишина и покой, и куряне занялись земледѣліемъ и сельско-хозяйственными промыслами. Вторая глава характеризуетъ далеко не приглядное современное положеніе Курской губерніи. Относительно потребленія хлѣба, хотя онъ и вывозится, но избытковъ въ немъ не имѣется, и народъ ограничивается незначительнымъ количествомъ хлѣба. Къ тому же Курская губернія принадлежитъ къ числу тѣхъ губерній, въ которыхъ неурожаи разоряютъ въ корень населеніе, урожаи же не настолько значительны, чтобы могли возстановить благосостояніе крестьянъ въ первые годы. Недостатокъ хлѣба вызываетъ естественныя послѣдствія: уходъ на отхожіе промыслы, обыкновенно свыше 100.000 человекъ, переселеніе выражается ежегодно цифрою до 10.000 человекъ, и смертность весьма велика: 37 на тысячу. Замѣчается также уменьшеніе скота.

«Очеркъ» иллюстрированъ 17 рисунками, при чемъ значительное большинство ихъ, а именно 10, посвящены Знаменскому монастырю, Коренной пустыни и Чудотворной иконѣ Божіей Матери. Къ книгѣ приложены 2 таблицы — въ первой показано измѣненіе площади посѣвовъ въ Курской губерніи, а во второй чистый остатокъ хлѣбовъ за 1892 — 1899 годы въ Курской губерніи. Такъ же приложены карты южной окраины Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ и планъ г. Курска. Ин.

Я. И. Лудмеръ. Княжескія, графскія и баронскія фамиліи Прибалтійскихъ губерній. Матеріалы для родословій. Выпускъ I: Графы Анрепъ - Эльмптъ — бароны фонъ-деръ-Брюггенъ. Митава. 1902.

Печатавшіеся въ неофициальной части «Курляндскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» генеалогическіе очерки г. Лудмера — редактора неофициальной части «Курляндскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» — о прибалтійскихъ титулованныхъ фамиліяхъ вышли наконецъ въ нѣсколько исправленномъ и дополненномъ видѣ отдѣльною книгою. Въ выпускѣ I помѣщены пока матеріалы для родословій слѣдующихъ фамилій: гр. Анрепъ-Эльмптъ, бар. Арсгофенъ, бар. Ашебергъ, бар. Баггеафъ Боо, гр. Барановыхъ, кн. Барклай-де-Толли-Веймарвъ, бар. Беллинггаузенъ, гр. Бенкендорфъ, бар. фонъ-цумъ-Берге, гр. Бергъ, бар. Беръ, бар. Бистромъ, гр. Борхъ, бар. Большвингъ, дворянъ фонъ-Бревернъ и гр. Бревернъ де-ла-Гарди, гр. Брюмеръ, бар. фонъ-деръ-Бринкенъ, гр. и бар. фонъ-Брунновъ, бар. фонъ-Брюнингъ и бар. фонъ-деръ-Брюггенъ.

Кромѣ описанія гербовъ, генеалогическихъ свѣдѣній и болѣе или менѣе подробныхъ біографій выдающихся членовъ фамилій, авторъ перечисляетъ также и фамильныя имѣнія, рассказывая мѣстные преданія о замкахъ или описывая выдающіяся имѣнія и хозяйства, а иногда приводитъ и библиографію исторіи родовъ. Изъ представителей вышеназванныхъ фамилій полнѣе всего

разсказаны біографіи слѣдующихъ лицъ: М. Б. Баркляя-де-Толли, Ө. Ө. Беллингегаузена, А. Хр. Бенкендорфа (между прочимъ, авторъ перепечатаываетъ рѣдкую книжку К. Б., т.-е. К. М. Бороздина — «Опытъ историческаго родословія дворянъ и графовъ Бенкендорфовъ», 1841 г.), Ө. Ө. Берга, К. Ив. Вистрома, Е. П. Бреверна, Ф. П. Бруннова.

Къ сожалѣнію, авторъ не говоритъ ни о предполагаемомъ количествѣ томовъ своего почтеннаго труда, ни о приблизительномъ хотя бы срокѣ его окончанія.

Было бы желательно, чтобы авторъ въ слѣдующихъ выпускахъ къ описанію гербовъ присоединилъ и историческія объясненія происхожденія и развитія ихъ, а также подробнѣе коснулся источниковъ для исторіи родовъ и, по возможности, перечислялъ печатные труды членовъ этихъ родовъ, чтобы со временемъ можно было выяснитъ интересный вопросъ, что дала наукѣ и литературѣ остзейская аристократія.

А. Мальмгренъ.

В. Райтъ. Краткій очеркъ исторіи сирійской литературы. Переводъ съ англійскаго К. А. Тураевой. Подъ редакціей и съ дополненіями проф. П. К. Коковцова. Съ приложеніемъ обзора коллекцій сирійскихъ рукописей Британскаго музея и спеціальной карты. Спб. 1902.

Сирійская литература — по преимуществу литература церковная и богословская, и начало ея восходитъ къ древнѣйшимъ вѣкамъ христіанства. Лучшая эпоха этой литературы падаетъ на періодъ отъ IV до VIII столѣтія, послѣ чего начинается ея постепенное замираніе. Важность сирійской литературы увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что она сохранила намъ въ переводахъ немало произведеній какъ греческой, такъ и другихъ литературъ. Сирійцы, какъ извѣстно, сыграли видную роль въ качествѣ распространителей усвоенной ими греческой цивилизаціи, и въ этомъ заключается ихъ всемірно-историческое значеніе. Многочисленныя творенія греческой литературы, переведенныя на сирійскій, были съ послѣдняго переведены на арабскій и, благодаря еврейскимъ ученымъ, съ ними познакомилась средневѣковая Европа.

Западно-европейская ученая литература обладаетъ лишь двумя работами по исторіи сирійской литературы: одна изъ нихъ принадлежитъ извѣстному англійскому сирологу Райту (Wright), а другая его французскому собрату Дювалю. Хотя трудъ Дюваля (*La littérature syriaque*, par R. Duval) является трудомъ и болѣе новымъ, и болѣе полнымъ, однако для русскаго перевода была избрана работа Райта, какъ единственное сочиненіе по данному вопросу, существовавшее въ то время, когда было приступлено къ этому переводу. Трудъ Райта (*Syriac Litterature*) появился первоначально (въ 1887 году) въ «*Encyclopaedia Britannica*» и затѣмъ, послѣ смерти автора, вышелъ въ свѣтъ (въ 1894 году) въ отдѣльномъ изданіи съ дополненіями Н. Макъ-Лива. По этому послѣднему изданію и исполненъ русскій переводъ г-жи Тураевой.

Въ виду того, что съ 1894 года специальная литература предмета значительно возрасла, равно какъ были сдѣланы различныя рукописныя находки, пришлось пересмотрѣть всю соответствующую новѣйшую ученую литературу, чтобы представить русскимъ читателямъ книгу, отвѣчающую современному положенію науки. Этотъ трудъ взялъ на себя профессоръ П. К. Кокковцовъ, сдѣлавшій въ примѣчаніяхъ многочисленныя добавленія къ тексту Райта; кромѣ того, имъ же въ особомъ приложеніи присоединенъ переводъ части введенія къ другому капитальному труду Райта — Каталогу сирійскихъ рукописей Британскаго музея. Въ концѣ книги мы находимъ вмѣсто краткаго указателя англійскаго подлинника четыре index'a: личныхъ именъ, названій сочиненій, географическихъ названій и ученой литературы. Къ книгѣ приложена отчетливо составленная поручикомъ штаба топографовъ К. К. Дороеевымъ карта передней Азіи.

М.

Н. И. Березинъ. Пѣшкомъ къ Карельскимъ водопадамъ. Природа и люди Олонецкаго края. Спб. 1903.

Располагая двумя недѣлями свободнаго времени, авторъ надумалъ совершить въ обществѣ какого-то крестьянина пѣшеходную прогулку изъ Петрозаводска къ водопаду Кивачу и сосѣднимъ съ нимъ порогамъ: Поръ порогу и Гирвасу, а затѣмъ кружнымъ путемъ черезъ карельскія раскольничьи захолустья вернуться обратно.

Такъ какъ экскурсія не имѣла опредѣленной научной цѣли, то авторъ ограничивается сообщеніемъ читателямъ элементарныхъ данныхъ по физической географіи, свѣдѣній по образованію и добыванію рыжей озерной руды и устройству Конжозерскаго чугунно-плавильнаго завода, да описаніемъ красотъ водопада; подробно останавливается на томъ, какимъ неуспѣхомъ сопровождалась его попытка изобразить изъ себя великаго Немрода, какъ ему сапоги мозоли натирали, какъ его поѣдомъ комары и клопы ѣли и какую невкусною снѣдью его кормили, единственнымъ же «поэтическимъ» возмѣщеніемъ невзгодъ странствія были «ночные выходы въ неизвѣстную даль, неснѣпная ходьба съ перевальцей мимо заснувшихъ розистыхъ полей, сквозь безмолвныя лѣсистыя дебри» (стр. 68).

Авторъ, повидимому, завзятый фотографъ-любитель, считаетъ кстати нужнымъ сообщить читателямъ, гдѣ, что, какъ и когда онъ ловилъ въ фокусъ своего «кодака» и подъ видомъ художественныхъ приложеній крохотные безцвѣтные снимки собственнаго издѣлія.

Въ довершеніе всего рассказъ изобилуетъ неудачными выраженіями и оборотами, въ родѣ «перекувыркивали въ трюмъ большіе ящики» (стр. 3), «звуки, краски и предметы сливались въ одно бодрое настроеніе движенія» (стр. 4), «пароходъ шлепалъ колесами» (стр. 5), «надувшись молока и обтеревъ молочные усы», «вѣчная сила, стремящая себя и все живое съ собою впередъ» (стр. 57).

Нѣкоторый интересъ, впрочемъ, представляютъ подробности, сообщаемыя г. Березинымъ о пребываніи Петра Великаго въ Заонежскомъ краѣ и о начинѣ, имъ положенномъ въ дѣлѣ соединенія Невы съ Волгою въ 1702 году. Далѣе любопытны свѣдѣнія о надежѣ традицій раскола среди карельскаго населенія Олонецкой губерніи подъ вліяніемъ погромовъ въ пятидесятихъ годахъ (стр. 107).

Этимъ да пересказомъ съ обличительными цѣлями на многихъ страницахъ безцвѣтнаго уголовного дѣла исчерпывается самостоятельный вкладъ г. Березина въ «Описаніе природы и людей Олонецкаго края». Въ всякой органической связи съ личными впечатлѣніями туриста, изложенными въ первыхъ пяти главахъ, стоитъ содержаніе трехъ послѣдующихъ главъ, составляющихъ по объему почти половину книги и содержащихъ вкратцѣ пересказъ своими словами «Поѣздки въ Обонежье и Карелу» извѣстнаго этнографа Майнова, «Народной жизни на Сѣверѣ» Приклонскаго и «Исторіи Выговской старообразческой пустыни» Ив. Филиппова. Сергѣй Фонъ-Штейнъ.

Дигорскія сказанія по записямъ дигорцевъ Собіева, Гарданова и Туккаева съ переводомъ и примѣчаніями Всева Миллера. М. 1902. (Труды по востоковѣдѣнію, изд. Лазаревскимъ институтомъ восточныхъ языковъ, вып. IX).

Тексты на дигорскомъ или западно-осетинскомъ нарѣчій были въ первый разъ записаны и изданы въ 1-ой части «Осетинскихъ этюдовъ» въ 1881 г. профессора В. Ф. Миллера. Въ 1891 г. г. Миллеромъ вмѣстѣ съ барономъ Р. Р. Штакельбергомъ были напечатаны въ С.-Петербургѣ, въ изданіи Императорской Академіи Наукъ, пять дигорскихъ сказокъ съ нѣмецкимъ переводомъ и глоссаріемъ («Fünf ossetische Erzählungen in Digorischen Dialekt herausgegeben von W. Miller und R. von Stackelberg»). Въ эти сказки были изданы транскрипціей по черновой рукописи покойнаго образованнаго дигорца Саломона Алексѣевича Туккаева. Съ тѣхъ поръ въ теченіе десятилѣтія число дигорскихъ текстовъ не возрастало, между тѣмъ какъ изданіе иронскихъ подвинулось съ послѣднихъ годовъ прошлаго столѣтія значительно впередъ. Среди интеллигентныхъ иронцевъ во Владикавказѣ возникъ кружокъ молодыхъ дѣятелей, старающихся распространить къ нимъ интересъ среди своихъ соплеменниковъ. Дѣятельно записываются и издаются народныя преданія, сказки, пословицы и пр., являются стихотворенія, даже поэмы, на иронскомъ языкѣ, имена нѣкоторыхъ осетинскихъ поэтовъ уже становятся популярны среди мѣстнаго населенія. Изъ этихъ первыхъ произведеній осетинской новой поэзіи слѣдуетъ отмѣтить поэму Александра Кубалова «Авхардты Хасана», въ основѣ которой лежитъ народное преданіе; сборникъ мелкихъ стихотвореній Косты (Хетагурова) «Иронскій фандыръ» (скрипка); сборникъ стихотвореній Гаппо (Баева), Александра Кубалова, Асламырзи Кайтмазова, Георгія Цаголова и др., изданный въ 1900 г. подъ названіемъ «Бабочка» (Гаелаебу); книжку «Фари» (миръ, благодать), изданную, какъ и раньше названная, Г. В. Баевымъ и содержа-

щую нѣсколько народныхъ сказаній и стихотвореній (1901 г.). Тотъ же неутомимый издатель напечаталъ въ 1900 г. сборникъ осетинскихъ пословицъ и въ текущемъ году «Осетинскія сказанія» (Грой арбаутае). Такимъ образомъ, благодаря энергій г. Баева и его сотрудниковъ, образованные иронцы уже сами начали знакомить насъ какъ со своими народными сказаніями, такъ и съ произведениями своего нарождающагося творчества. Отъ иронцевъ въ дѣлѣ собиранія и записыванія родныхъ сказаній не отстали и образованные дигорцы; но, къ сожалѣнію, между послѣдними въ настоящее время еще нѣтъ лицъ, которыя могли бы приняться за издательское дѣло, требующее, кромѣ готовности и энергій, значительныхъ матеріальныхъ затратъ. Поэтому, въ виду интереса дигорскихъ текстовъ, доставленныхъ нѣкоторыми молодыми дигорцами, профессоръ Миллеръ счелъ полезнымъ напечатать предлагаемыя сказанія въ IX-омъ выпускѣ «Трудовъ по востоковѣдѣнію, издаваемыхъ Лазаревскимъ институтомъ восточныхъ языковъ». Личная его работа состояла въ томъ, что онъ переписалъ полученные записи принятой имъ транскрипціей, болѣе точной, чѣмъ та, которой пользуются сами осетины, снабдилъ тексты русскимъ переводомъ и помѣстилъ въ концѣ книги нѣкоторыя пояснительныя примѣчанія. При переводѣ онъ пользовался для словъ, не вошедшихъ еще въ составляемый имъ осетинскій словарь, въ Москвѣ—указаніями дигорцевъ Ишала Тотруковича Собіева и Георгія Михайловича Кесаева; на Кавказѣ, именно въ Алатрѣ лѣтомъ 1901 года, Константина и Михаила Гардиновыхъ. Переводъ № X «Прославленіе Азнаура» всецѣло принадлежитъ И. Т. Собіеву, приславшему ему эту интересную старинную пѣсню изъ Пятигорска въ 1902 году. №№ VIII, XI, XII, XIII переписаны имъ съ черновыхъ записей С. А. Туклаева, оставшихся у него послѣ его преждевременной смерти. Передавая сказанія по-русски, онъ старался держаться какъ можно ближе дигорскаго текста съ той цѣлью, чтобы переводъ могъ дать болѣе ясное понятіе о характерѣ и строѣ дигорской рѣчи. Того же принципа держался онъ въ переводахъ, помѣщенныхъ имъ въ I-ой части «Осетинскихъ этюдовъ». Конечно, къ такому переводу нельзя предъявлять слишкомъ строгихъ литературныхъ требованій, но онъ, надѣюсь, будетъ полезенъ для тѣхъ, которые пожелаютъ заняться изученіемъ дигорскаго нарѣчія осетинскаго языка. «Дигорскія сказанія» интересны не только съ точки зрѣнія языковѣдѣнія, но еще болѣе съ этнологической стороны.

А. Хахановъ.

Общеобразовательная бібліотека. Подъ редакціей Н. А. Рубакина. Выпускъ X. Баронъ Александръ фонъ-Зибольдъ. Эпоха великихъ реформъ въ Японіи. Съ французскаго перевода Фернанда Дагена и Соломона Майера перевела и дополнила А. Мезіеръ. Спб. 1902.

Эта небольшая брошюрка (всего 82 страницы) читается съ большимъ интересомъ. Въ краткихъ чертахъ, но въ высшей степени содержательнo знакомитъ насъ авторъ съ состояніемъ Японіи до 1868 года, т.-е. въ эпоху такъ называемаго «шюгуната», когда Японія старалась жить обосо-

бленной отъ Европы жизнью и крѣпко держалась феодальнаго устройства и другихъ старинныхъ обычаевъ, а далѣе рисуетъ передъ нами яркую картину тѣхъ поразительныхъ успѣховъ, которыхъ достигла японская цивилизація за послѣднюю треть минувшаго столѣтія. Картина эта не пестритъ именами и событіями, но зато уясняетъ читателю причины того кажущагося на первый взглядъ совершенно невѣроятнымъ факта, что государство, тридцать лѣтъ назадъ считавшееся варварскимъ, добилось къ 4-му августа 1899 года своего окончательнаго признанія полноправнымъ членомъ семьи цивилизованныхъ народовъ. Какъ на главную причину такого быстрого роста, Зибольдъ указываетъ на полную подготовленность Японіи къ принятію новой цивилизаціи, такъ какъ... «у нея уже была своя собственная древняя, національная цивилизація, и эта цивилизація, къ началу эпохи реформъ, успѣла достигнуть достаточнаго развитія, для того, чтобы драгоцѣнный отпрыскъ европейской культуры могъ привиться къ старому японскому стволу безъ особенныхъ затрудненій. Страна, гдѣ послѣдній бѣднякъ умѣетъ читать и писать, гдѣ въ теченіе почти трехвѣкового мира, которымъ Японія пользовалась при послѣднихъ погувахъ, литература, искусства и науки культивировались съ исключительной любовью и рвеніемъ, гдѣ чуть не тысячу лѣтъ существовала организованная администрація и твердо установившійся общественный строй, — такая страна... не могла не представить дѣятельнымъ нео-японскимъ реформаторамъ великолѣпной почвы для возведенія новаго государства» (стр. 13). Но это одно, конечно, еще не достаточно для объясненія того, почему именно Японія, а не какое либо другое изъ азіатскихъ государствъ, напримѣръ, Китай, имѣющій тоже древнюю цивилизацію, восприняла европейскую культуру, а потому Зибольдъ, какъ на вторую причину, указываетъ на религію Японіи. Дѣло въ томъ, что буддизмъ въ Японіи явился на смѣну прежней религіи — сентоизма, обожествлявшей членовъ императорской династіи, и не вытѣснилъ послѣдней, а только слился съ ней, не пустивъ глубокихъ корней въ народное сознаніе, результатомъ чего явился извѣстный религіозный индифферентизмъ, а какъ слѣдствіе его — вѣротерпимость, почему правовыя и социальныя воззрѣнія Запада не могли стать въ противорѣчіе съ религіозными воззрѣніями народа и были приняты имъ довольно спокойно, тѣмъ болѣе, что исходили отъ обожествляемаго существа — Микадо. Передавать содержаніе всей книги въ нашей краткой замѣткѣ мы считаемъ излишнимъ и отсылаемъ всѣхъ, кого интересуетъ наша восточная сосѣдка, къ самой книгѣ Зибольда.

Переводъ — безпречный, снабженъ двумя предисловіями — самого автора и переводчика, при чемъ въ послѣднемъ излагается біографія Зибольда. Подстрочныя примѣчанія очень цѣнны, такъ какъ дѣлаютъ книгу доступной даже для мало образованнаго читателя. К. Лосскій.

М. А. Стельмашенко. Политическая дѣятельность Петра Скарги. Историческое изслѣдованіе. Кіевъ. 1902.

Цѣль настоящаго труда, выясненіе роли невѣстнаго іезуита Петра Скарги, въ качествѣ политическаго дѣятеля, создавшаго выдающіяся событія въ жизни Рѣчи Посполитой, каковыми являются: подавленіе реформаціоннаго движенія,

возвышеніе престижа королевской власти, усиленіе латынскаго вліянія, церковная унія въ западно-русскихъ областяхъ и даже попытка объединить подъ властью польскаго престола Московское государство и связанныя съ нимъ земли.

Сообразно съ указанною цѣлью, автору приходится не только останавливаться на изученіи политической дѣятельности П. Скарги, но и указать тѣ внѣшнія обстоятельства изъ исторіи Польши, въ которыхъ приходилось Скаргѣ дѣйствовать. Послѣ краткаго обзора историческаго матеріала, относящагося къ эпохѣ этой дѣятельности иезуита-публициста, авторъ останавливается на выясненіи административнаго и соціальнаго положенія Польши въ XVI вѣкѣ, устанавливаетъ значеніе католической церкви и, наконецъ, характеризуетъ реформаціонное движеніе. Въ описаніи событій авторъ старается быть краткимъ, что, однако, далеко не выясняетъ дѣйствительнаго положенія вещей: эта часть труда затронута авторомъ какъ бы вскользь, какъ нѣчто такое, надъ чѣмъ приходится останавливаться ради одной лишь необходимости; и разъ самъ авторъ заявляетъ, что политическія событія Рѣчи Посполитой создались подъ вліяніемъ сложныхъ силъ, «которыя развиваются въ теченіе долгаго времени», то обзоръ этой вѣковой работы на 22 страничкахъ не даетъ полной и ясной картины и вообще не колоритенъ.

Наоборотъ, въ области изученія дѣятельности П. Скарги г. Стельмашенко проявляетъ себя хорошимъ систематикомъ и относится къ описываемой личности вполне объективно. Велѣдъ за небольшою біографіею Скарги авторъ характеризуетъ его дѣятельность въ царствованіе Баторія, выясняетъ участіе Скарги въ папскихъ притязаніяхъ на русскую церковь въ періодъ московско-польскихъ отношеній, устанавливаетъ положеніе православной церкви въ Литовскомъ княжествѣ. Наиболее интересною частью труда являются главы VIII—X, гдѣ авторъ съ знаніемъ дѣла рисуетъ П. Скаргу, какъ инициатора и руководителя уніатскаго движенія, и выясняетъ его вліяніе на внутревнюю и внѣшнюю политику Польши.

Въ приложеніи помѣщены: сочиненіе Скарги «Врестскій синодъ» и два крайне интересныхъ письма къ папскому нунцію Калибаріи и къ королевичу Владиславу.

Книга написана литературнымъ языкомъ, и по своему содержанію и изложенію волюнѣ доступна для широкой публики.

Н. Фалѣвъ.

Н. И. Ашмаринъ. Болгары и чувашіи. Казань. 1902.

Что, кажется, общаго между культурнымъ народомъ древности и чувашами, находящимися на низкой степени умственнаго развитія? Между тѣмъ, сходство, въ какомъ-то убѣждаетъ читатель изъ вышеупомянутой книги, поразительно. Лингвистическія выкладки г. Ашмарина невольно заставляютъ читателя прийти къ мысли о тождествѣ древнихъ болгаръ волжскихъ и нынѣшнихъ чувашъ, существовавшихъ съ высокой ступени первоначальной своей цивилизаціи на высокую ступень теперешней своей культуры. Видно, тому были, безъ сомнѣнія, многія историческія условія, пренятствовавшія не только процвѣтанію ихъ, но

даже безбѣдному существованію. Печальное для исторіи культуры нашествіе монголовъ, татарское владычество, заставили чувашъ покинуть первоначальныя свои мѣстожительства и двинуться въ глубь лѣсовъ, куда рѣже могли заглядывать грубые номады и хищные татары. И только безмолвные камни да остатки развалинъ непрестанно говорили о несчастіи, постигшемъ ихъ хозяевъ. Къ сожалѣнію, эти вопли для большинства были безразличны, а для меньшинства не особенно понятны, результатомъ чего было разрушеніе древнихъ памятниковъ или же употребленіе ихъ для каменныхъ зданій. Это обстоятельство побудило г. Ашмарина прочесть и еще разъ объяснить болгарскія надписи на камняхъ. Надпись на Баглычевскомъ камнѣ въ связи съ прежде открытыми надписями въ чтеніи и объясненіи ихъ г. Ашмарина, можно сказать, далеко подвинули впередъ теорію болгарскаго происхожденія чувашъ. Желательно, чтобы этотъ основательный оріенталистъ занялся чтеніемъ и объясненіемъ и другимъ надписей, существующихъ на могильныхъ камняхъ древне-болгарской территоріи. Обширное знакомство автора съ русской и иностранной литературой по избранному имъ вопросу даетъ намъ смѣлость утверждать, что почтенный авторъ сочиненія «Болгары и чуваша» съ успѣхомъ выполнитъ указанную выше археологическую задачу.

Ник.

Ө. Шмитъ. Мозаики и фрески Кахріэ-джами. Софія. 1902.

Въ Константинополѣ сохранился замѣчательный памятникъ византійскаго искусства. Это — мечеть (джамиа) Кахріэ, нѣкогда христіанская церковь, въ коей сохранились многочисленныя мозаики и фрески византійскаго происхожденія. Судьба этого замѣчательнаго памятника одинакова съ другими сокровищами нѣкогда славной и могучей Византіи: онъ до самаго послѣдняго времени оставался не обследованнымъ, его рѣдкія мозаики и фрески были почти совсѣмъ не изучены, а сужденія и выводы, коими лишь изрѣдка дѣлились между собой ученые и случайные изслѣдователи касательно времени происхожденія и значенія этихъ остатковъ византійской старины, были необоснованы, неопредѣленны и разнорѣчны. Только послѣ учрежденія въ Константинополѣ Русскаго археологическаго института на памятникъ обращено должное вниманіе. Благодаря ходатайству русскаго посла, памятникъ отданъ турецкимъ правительствомъ въ полное, такъ сказать, научное пользованіе русскаго ученаго учрежденія, отъ имени котораго здѣсь уже и работаютъ нѣсколько лѣтъ наши молодые ученые Ө. П. Шмитъ и Н. К. Клуге. Результаты этой работы обѣщаютъ быть весьма интересными. Пока предъ нами небольшой научный трудъ одного изъ этихъ ученыхъ. Ө. П. Шмита, дающій любопытныя свѣдѣнія о датѣ замѣчательныхъ мозаикъ и фресокъ Кахріэ-джами.

Указанный памятникъ византійскаго искусства вмѣстѣ съ высокою художественностью, прекрасною сохранностью и доступностью имѣетъ еще то достоинство, что воишь точно датированъ и хорошо извѣстенъ по литературнымъ источникамъ. Нѣкогда она была церковью богатаго и славнаго въ лѣтописяхъ Византіи монастыря Хоры. Щедрый благотворитель отдѣлалъ храмъ

съ необычайною роскошью и вкусомъ: стѣны онъ одѣлъ въ разноцвѣтные дорогие мраморы, своды и люнеты покрылъ великолѣпною мозаикою, а входную часть зданія украсилъ фресковой росписью; извѣстно и имя щедрого благотворителя: это—Теодоръ Метохитъ, министръ и другъ византійскаго императора Андроника Старшаго, родившійся около 1270, а скончавшійся въ 1332 году; обстоятельныя о немъ свѣдѣнія сообщилъ византійскій историкъ Никифоръ Григора. Въ мечети сохранилось и изображеніе Метохита, съ обозначеніемъ его титула (*λογοθέτης τοῦ γενικοῦ*), и это даетъ основаніе утверждать, что роспись Кахріэ-джамиі относится ко второй половинѣ жизни ктитора, другими словами — датировать мозаики Кахріэ-джамиі слѣдуетъ первой четвертью XIV вѣка. Главная масса мозаикъ находится въ двухъ нарѣнкахъ храма. Въ каюликолѣ сохранились только два изображенія—Спасителя и Богородицы, отдѣльныя фигуры во весь ростъ. Обѣ иконы сильно пострадали отъ времени и, кажется, отъ огня. Общее число мозаикъ достигаетъ до 170. Всѣ онѣ связаны другъ съ другомъ тѣснѣйшимъ образомъ и составляютъ нецерковную серію, иллюстрируя всю исторію человѣчества, отъ сотворенія Адама до утвержденія на землѣ церкви Христовой. Въ частности, здѣсь изображается—родословная Спасителя, ветхозавѣтные праотцы и праведники, жизнь Богородицы до Рождества Христова, рождество и дѣтство Спасителя, чудеса Его, апостолы и святыя мученики. Вообще, единство и выдержанность плана несомнѣнны; возможно, что онъ принадлежитъ самому Теодору Метохиту, по указаніямъ коего работа и производилась. Объ этомъ можно говорить отчасти и на основаніи литературныхъ произведеній ктитора церкви, выдержка изъ копѣхъ и представлена въ брошюрѣ г. Шмита. Такимъ образомъ, дата мозаикъ Кахріэ-джамиі, установленная нашими молодыми учеными, подтверждается свидѣтельствомъ византійскаго историка Никифора Григоры, свидѣтельствомъ самого Теодора и единствомъ плана мозаикъ. Противъ датировки XIV-мъ вѣкомъ приводятъ стилистическія различія, но они, по мнѣнію г. Шмита, объясняются тѣмъ, что «византійскіе художники не были какими-то особыми существами, дѣлавшими все по командѣ, а были живыми людьми: одинъ рисовалъ лучше, другой хуже, одинъ придерживался академическаго направленія, другой клонилъ къ реализму» (стр. 16). Однако, въ общихъ чертахъ указаніе давалъ подлинникъ.

Фресками расписана отдѣленная отъ южнаго конца эксонарѣнка аркадою длинная пристройка, ориентированная съ запада на востокъ, заканчивающаяся апсидою и имѣющая въ западной части куполь-фонарь. Надо полагать, что здѣсь помѣщалась монастырская трапеза, которая была расписана *al fresco* для того, чтобы напоминать монахамъ о пищѣ истинной, вѣчной и духовной, которая есть слово Божіе, тогда какъ пища тѣлесная есть временная необходимость. Общее число сюжетовъ, на которые въ придѣлѣ имѣются отдѣльныя фрески, достигаетъ до 80-ти. Между ними наблюдается нѣкоторое различіе въ техникахъ и рисункѣ, которое объясняется ремонтомъ живописи еще въ византійскую эпоху, совпадающимъ и съ архитектурнымъ ремонтомъ памятника. Но когда именно и кѣмъ произведена реставрація фресокъ въ послѣ-метохитовскую эпоху,—положительныхъ извѣстій объ этомъ не сохранилось.

Къ брошюрѣ г. Шмита приложены три таблицы, иллюстрирующія размѣщеніе мозаикъ въ Кахріэ-джами и мѣстныя надписи. Таковы въ краткихъ чертахъ сужденія г. Шмита по весьма важному и интересному въ области византійскаго искусства вопросу.

Трудъ г. Шмита прочно устанавливаетъ дату одного изъ драгоцѣннѣйшихъ сокровищъ византійскаго искусства, полно указываетъ составъ мозаикъ и фресокъ Кахріэ-джами и содержитъ любопытныя свѣдѣнія касательно происхожденія и значенія этого памятника. Все это, при новизмѣ и свѣжести матеріала, даетъ брошюрѣ молодого русскаго ученаго полное право на вниманіе византологовъ и цѣнителей византійскаго искусства. Σ.

И. К. Канадѣевъ. Очерки закавказской жизни. Томъ I. Спб. 1902.

Авторъ этой книги жилъ на Кавказѣ около двадцати лѣтъ и успѣлъ пріобрѣсти много знакомыхъ среди русскаго и туземнаго населенія. Пользуясь этимъ знакомствомъ, г. Канадѣевъ старался изъ бесѣдъ съ друзьями опредѣлить взаимныя отношенія народностей Кавказа. Изъ такихъ-то бесѣдъ составила книга съ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Онъ знакомитъ со взглядами и настроеніемъ каждой народности, рисуя ее въ лицѣ своего собесѣдника. Такихъ собесѣдниковъ у него столько, сколько наиболѣе крупныхъ народностей въ Закавказьѣ. Сначала онъ выводитъ армянина, такъ какъ, по его словамъ, «армянская національность представляетъ самый боевой элементъ края». За армяниномъ слѣдуютъ представители другихъ племенъ въ слѣдующемъ порядкѣ: турокъ, грузинъ, персіянинъ и русскій. Хотя авторъ постарался быть безпристрастнымъ, однако несомнѣнно, что онъ преслѣдовалъ разныя цѣли при изображеніи той или иной народности. Онъ выступаетъ апологетомъ армянъ, поборникомъ интересовъ обиженныхъ турокъ, обличителемъ грузинъ, сторонникомъ партіи, ратующей за введеніе Персіи въ сферу экономическаго воздѣйствія Россіи. Особнякомъ стоитъ глава «Прощенный разбойникъ», въ которой г. Канадѣевъ выводитъ Ахмата-Агу и его дѣянія въ теченіе 55-ти лѣтъ. Что же касается до русскоѣ національности, то авторъ находитъ, что отсутствіе широкой предпріимчивости русскаго населенія препятствуетъ задачамъ культуриванія Кавказа. Каждая глава автора представляетъ много интересныхъ замѣчаній, но въ общемъ книга является искусственно построенной: въ одномъ лицѣ обнять взгляды и стремленія народностей равносильно изображенію племени многоголовой и безформенной гидры. А. Хахановъ.

Monografie w zakresie dziejów nowożytnych. Tom I. «Rządy tymczasowe w Królestwie Polskiem», przez Iózefa Bojasińskiego. Tom I. «Między Ieną a Tylzą», przez Macieja Loreta. (Warszawa).

Семень Ашкенази, несомнѣнно, наиболѣе талантливый изъ молодаго поколѣнія польскихъ историковъ, предпринималъ періодическое изданіе историческихъ документовъ, по образцу «Сборника» Императорскаго историческаго об-

щества въ Петербургѣ и «Publicationen» королевскихъ архивовъ въ Берлинѣ, само собою, въ гораздо болѣе скромномъ масштабѣ. Исслѣдованія, основанныя на архивныхъ и документальныхъ данныхъ, будутъ относиться непосредственно къ польской исторіи XVIII и XIX столѣтій. Каждая книга будетъ состоять наполовину изъ подлинныхъ документовъ и матеріаловъ, которые легли въ основаніе данному изслѣдованію.

Передъ нами два первыхъ тома этого изданія.

Г. Боясинскій рассказываетъ о «Временномъ правительствѣ (точнѣе: правленіи) въ царствѣ Польскомъ», съ мая по декабрь 1815 г. Г. Лоретъ восстанавливаетъ событія (исключая специально военныя дѣйствія) «между Іеной и Тильзитомъ (1806—1807)». Общая редакція принадлежитъ г. Ашкенази.

Источниками труда г. Боясинскаго служили преимущественно варшавскіе, казенные и частные архивы. Многоцѣнные матеріалы, касающіеся того же историческаго момента, хранятся въ Петербургѣ, въ актахъ статсъ-секретаріата царства Польскаго, въ Краковѣ, въ бумагахъ князей Чорторыйскихъ, перевезенныхъ сюда недавно изъ парижскаго Hôtel Lambert, наконецъ въ Берлинѣ, въ тайномъ государственномъ архивѣ. Всѣ эти матеріалы авторомъ не использованы. Тѣмъ не менѣе его трудъ и въ настоящемъ своемъ видѣ представляетъ цѣльную и добросовѣстную обработку даннаго, переходнаго момента въ исторіи Польши. Изъ подлинныхъ матеріаловъ, опубликованныхъ здѣсь, слѣдуетъ прежде всего отмѣтить: «Основы конституціи», «Рапортъ о дѣйствіяхъ временнаго правительства отъ 10-го ноября 1815 г.» и «Извлеченія изъ актовъ ликвидационной комиссіи о поставкахъ для русскихъ войскъ». Первые шаги новаго царства Польскаго, созданнаго на Вѣнскомъ конгрессѣ, доказываютъ съ очевидностью: во-первыхъ, крайне печальное экономическое состояніе въ то время края; во-вторыхъ, неувѣренную двойственность на первыхъ порахъ русскаго правительства, колеблющуюся между стремленіемъ къ нѣкоторому объединенію царства Польскаго съ остальной имперіей и предоставленіемъ первому полной обособленной самостоятельности; по личной волѣ императора Александра I восторжествовало, какъ извѣстно, второе теченіе. Наконецъ рѣзко замѣтно столкновеніе, въ средѣ польской, теченій консервативныхъ, идущихъ изъ Литвы, съ болѣе прогрессивными, привитыми Наполеономъ Варшавѣ. Побѣду, хотя и не полную, одержали послѣднія.

Переходимъ къ изслѣдованію г. Лорета. Кратковременный, девятимѣсячный (октябрь 1806 г.—іюль 1807 г.) періодъ зарожденія и образованія Варшавскаго княжества полонъ кипучей, военной и дипломатической дѣятельности, съ одной стороны, Наполеона, съ другой—дворовъ: петербургскаго, вѣнскаго и берлинскаго. На основаніи матеріаловъ, заимствованныхъ изъ архивовъ Вѣны, Кракова и Львова, авторъ наиболѣе подробно останавливается на политикѣ Австріи, изображая шагъ за шагомъ, на основаніи нѣкоторыхъ новыхъ данныхъ, ея двуличную игру. Въ то время, какъ, повидимому, вѣнскій дворъ относился къ Наполеону сочувственно, за его спиною министръ Стадіонъ выработывалъ планъ внезапнаго наступленія на тылы французской арміи; только Фриланская побѣда остановила эти замыслы.

Какъ теперь на основаніи новѣйшихъ, между прочимъ и русскихъ, изслѣдованій достоверно извѣстно, Наполеонъ первоначально предложилъ всю

Польшу Александру I. Этимъ онъ разсчитывалъ предотвратить опасность со стороны Россіи, на которую связь съ Польшей налагала бы слишкомъ много внутреннихъ заборъ и хлопотъ, волей-неволей сдерживающихъ, хотя бы на первое время, ея стремленія къ дѣятельному вмѣшательству въ ходъ международныхъ событій. Къ тому же польскія вліянія на русскую политику могли быть для Наполеона только благопріятны.

Александръ I отказался отъ предложенія и предложилъ въ всю очередь отдать саксонско-варшавскій престолъ брату Наполеона, Іерониму. На это не согласился Наполеонъ, и такимъ образомъ Варшавское княжество создано было путемъ компромисса, а не какъ самостоятельно задуманное твореніе Наполеона, какъ до недавняго времени полагали многіе. Изъ матеріаловъ, приложенныхъ къ книгѣ, любопытенъ меморіаль прусскаго министра, барона Штейна, касающійся преобразования управления польскими провинціями. Штейнъ, основываясь на славномъ прошломъ Польши и высокой культурности ея народа, считалъ нужнымъ отказаться отъ мысли германизировать поляковъ, и наоборотъ—совѣтовалъ привлечь ихъ путемъ полного удовлетворенія ихъ національныхъ нуждъ. Любопытно, что прусскіе историки не упоминаютъ вовсе объ этомъ меморіалѣ (не исключая Pertz'a въ его «Steinsleben»), хотя несомнѣнно онъ имъ хорошо извѣстенъ.

Хотя трудъ г. Лорета прибавляетъ кое-что любопытнаго и новаго къ исторіи образования Варшавскаго княжества, все-таки ему не лишне было ознакомиться съ исторіей кампаніи 1807 г. Foucart'a, гдѣ подробно изложены между прочимъ инструкціи, которыя получалъ Домбровскій отъ Наполеона.

І. Х.

Переводы съ древнихъ иконъ, собранные и исполненные иконописцемъ и реставраторомъ В. П. Гурьяновымъ. Текстъ А. Н. Успенскаго. М. 1902.

Новый трудъ г. Гурьянова дастъ намъ 96 сдѣланныхъ отъ руки контурныхъ снимковъ съ старыхъ византійскихъ и русскихъ иконъ, находящихся въ коллекціяхъ, или малодоступныхъ или же совершенно неизвѣстныхъ ни археологамъ, ни публикѣ. Таковы иконографическія собранія князя Ширинскаго-Шихматова, Большакова, Вострякова, Горюнова, Гучкова, Силина, Шестова, нѣсколькихъ единовѣрческихъ церквей, Преображенскаго кладбища въ Москвѣ, нѣкоторыхъ соборовъ и музеевъ. Въ этомъ отношеніи заслуга издателя велика. Его книга даетъ возможность познакомиться съ цѣлымъ рядомъ стильныхъ, выдержанныхъ, оригинально сконнанныхъ и художественно исполненныхъ произведеній такихъ выдающихся мастеровъ, какъ Рублевъ, Козловъ, Тимоѣевъ, Хомутовъ, Чиринъ, Милютинъ, Улановъ и другіе художники строгановской, московской и другихъ школъ.

Иконы описаны довольно подробно и научно, но вниманіе г. Успенскаго обращено было только на сторону сюжета. Было бы желательно знать кое-что о тонахъ и самой манерѣ живописи всѣхъ иконъ, изданныхъ только въ черныхъ абрисахъ. Конечно, заявленіе автора, что такая-то икона принадлежитъ

тому или иному мастеру, уже вызывает у опытного археолога представление объ известной нормировкѣ колорита лица, о мелких и контрастных складкахъ одежды, шифрованныхъ золотомъ, оливковыхъ или «проблѣнныхъ» тѣняхъ ризъ, объ опредѣленной раскраскѣ ризъ, согласно «нодлинникамъ», наконецъ, о стилизованномъ горномъ ландшафтѣ, красочной перспективѣ, полутонахъ и т. д. Но иногда важно знать и эту внѣшнюю сторону иконъ для сужденія объ известной традиціи, подлинности, опредѣленной школѣ и т. д. Мы думаемъ, что съ этимъ согласится и самъ составитель описанія.

Говоря о каждой иконѣ въ отдѣльности, г. Успенскій разсматриваетъ ее, какъ разновидность цѣлой группы византійскихъ и древнехристианскихъ изображеній съ однимъ и тѣмъ же сюжетомъ. Поэтому въ его описаніи мы находимъ массу интересныхъ параллелей, справокъ и ссылокъ. Нѣкоторые изъ такихъ экскурсовъ представляютъ собой вполне цѣльные очерки, напримѣръ: «Нерукотворенный образъ» (стр. 15—20), «Деисусъ» (стр. 25—30), «Софія Премудрость Божія» (стр. 30—45), «Сцены страданій Спасителя» (стр. 59—63), «Иконы, приписываемыя евангелисту Лукѣ» (стр. 71—77) и др. Жаль только, что слишкомъ высокая цѣна изданія (30 рублей) дѣлаетъ его малодоступнымъ.

А. Я.

Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1903-й годъ. Книга 2-ая (205-ая), изд. подъ завѣд. Е. В. Барсова. М. 1903.

Двѣсти пятая книга «Чтеній» открывается обширной статьей (1—130 стр.) г. Арсеньева: «Ближній бояринъ князь Никита Ивановичъ Одоевскій и его переписка съ Галицкою вотчиною (1650—1684 гг.)». Въ этой статьѣ напечатаны новые матеріалы о вотчинномъ хозяйствѣ кн. Одоевскихъ изъ второй половины XVII вѣка, имѣющіе значеніе для исторіи хозяйственнаго быта этого времени и заключающіе любопытныя бытовые черты частной жизни князей Одоевскихъ и ихъ вотчинныхъ крестьянъ. Матеріаламъ предпослана характеристика кн. Никиты Ив. Одоевскаго. Авторъ считаетъ Одоевскаго типичнымъ представителемъ боярства XVII вѣка, внесшаго разложеніе въ типъ боярина времени Грознаго съ богатырской храбростью на войнѣ, смѣлостью въ царской думѣ и крѣпостью въ вѣрѣ. Вслѣдъ за статьей г. Арсеньева идетъ обстоятельное и цѣнное изслѣдованіе проф. Заозерскаго и Хаханова о важномъ и малоизслѣдованномъ памятникѣ церковнаго права, православномъ епитимійномъ номоканонѣ Іоанна Постника, посвященномъ одному отдѣлу церковной дисциплины—покаянной. Проф. Заозерскій выяснилъ древнѣйшія редакціи памятника, не сойдясь съ обрашавшимися въ наукѣ взглядами, опредѣлилъ основные ихъ элементы и далъ классификацію списковъ. Въ приложеніяхъ напечатаны грузинская, славянская и греческая редакціи помянника. Въ третьемъ отдѣлѣ «Чтеній» напечатаны два весьма интересныхъ изслѣдованія. Одно принадлежитъ С. А. Бѣлокурову и содержитъ изслѣдованіе, основанное на новыхъ и любопытныхъ матеріалахъ, о пребываніи Юрія Крижанича. Здѣсь мы не будемъ останавливаться на трудѣ г. Бѣлокурова, такъ какъ онъ вошелъ въ

«истор. вѣстн.», май, 1903 г., т. хон.

20

его книгу «Изъ духовной жизни московскаго общества XVII в.», отчетъ о которой появится въ одной изъ ближайшихъ книгъ нашего журнала. Другое изслѣдованіе, любопытное для исторіи бытовой жизни нашихъ предковъ, написано г. В. И. Покровскимъ, и называется «Щеголи въ сатирической литературѣ XVIII вѣка». Авторъ подвергъ тщательному изученію всю сатирическую литературу XVIII вѣка и извлекъ всѣ данныя о щеголяхъ XVIII вѣка изъ сатирическихъ журналовъ, забавныхъ листовъ и драматическихъ произведеній. Изслѣдованіе даетъ много любопытныхъ мелкихъ черточекъ для исторіи быта, цитируетъ много забытыхъ произведеній старинной литературы и затрогиваетъ весьма интересные бытовые вопросы XVIII в. Этому же автору принадлежитъ и другое параллельное изслѣдованіе о щеголихахъ въ XVIII вѣкѣ, которое будетъ напечатано въ ближайшей книгѣ «Чтеній». По выходѣ этой книги, мы думаемъ подробно поговорить о трудѣ г. Покровскаго въ особой статьѣ; въ ней мы дадимъ извлеченія изъ любопытныхъ матеріаловъ, собранныхъ г. Покровскимъ.

П. Ш.

Политическая исторія XIX вѣка. Исторія внѣшнихъ сношеній европейскіхъ державъ съ 1814 по 1818 г. проф. А. Дебидура, переводъ студентовъ императорскаго С.-Петербургскаго университета, подъ редакціей прив.-доц. Ал. Пиленка. Томъ I. Священный союзъ. Спб. 1903.

Подъ этимъ заглавіемъ вышла книга, которая и по возникновенію своему, и по исполненію представляетъ чрезвычайно симпатичное явленіе, а по содержанию — весьма полезный вкладъ въ нашу переводную историческую литературу.

Это — первый выпускъ задуманной при С.-Петербургскомъ университетѣ «Библиотеки общественныхъ знаній», изданія, долженствующаго служить на пользу нашего студенчества доставленіемъ ему прекраснаго и серьезнаго заработка. Небольшой кружокъ лицъ, одушевленный желаніемъ прийти на помощь нуждающейся молодежи — предложеніемъ ей трудового заработка, возымѣлъ счастливую мысль доставить таковой издательскимъ предпріятіемъ въ видѣ гонорара за переводную и корректорскую работу. Издатели справедливо выражаютъ надежду, что ихъ начинаніе: во-первыхъ, дастъ нѣкоторому числу студентовъ возможность зарабатывать деньги, не отрываясь отъ науки, и освободитъ ихъ отъ изнурительнаго бѣганья по урокамъ, отупляющей черенки и проч.; во-вторыхъ, дастъ имъ возможность усовершенствоваться въ знаніи иностранныхъ языковъ и развить въ нихъ способность правильного изложенія своихъ мыслей; въ-третьихъ, оно дастъ и учащимся и публикѣ рядъ избранныхъ, тщательно переведенныхъ сочиненій, представляющихъ общенациональный интересъ.

Какъ видитъ читатель, происхожденіе и цѣль изданія — очень симпатичны и заслуживаютъ всяческаго поощренія. Первый опытъ осуществленъ на средства лица, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ, при живомъ и безкорыстномъ участіи и подъ редакціей приватъ-доцента А. А. Пиленка. Что касается выбора

сочиненія, послужившаго для перевода общими силами 11-ти студентов¹⁾, то его нельзя не признать удачнымъ. Редакторъ, ученою спеціальностью котораго (международное право) до нѣкоторой степени обусловленъ этотъ выборъ, справедливо отмѣчаетъ въ предисловіи, что онъ имѣлъ въ виду пополнить довольно существенный пробѣлъ въ нашей литературѣ, именно недостатокъ такого сочиненія, которое въ популярной, но строго научной формѣ излагало бы внѣшнюю исторію Европы въ новѣйшее время. Извѣстный, достаточно оцѣненный на западѣ и у насъ трудъ профессора Дебидура вполне удовлетворяетъ этой потребности и, надо надѣяться, сослужитъ добрую службу въ своемъ умѣломъ русскомъ переложеніи.

А переводъ дѣйствительно исполненъ въ высшей степени добросовѣстно: онъ отличается не только вѣрностью и научною точностью, но положительно и литературными достоинствами и ровностью, несмотря на коллективность работы. Видно, что самъ редакторъ не пожалѣлъ труда и времени и усердно приложилъ свою руку къ объединенію и усовершенствованію работы своихъ молодыхъ сотрудниковъ. Кстати—вотъ имена переводчиковъ-студентовъ: В. М. Бревернъ, С. К. Залескій, Н. М. Катмисскій, М. А. Красношъцевъ, Л. П. Некрасовъ, А. А. Пестъ, С. А. Рубцовъ, Л. Д. Семеновъ, М. Д. Семеновъ, В. В. Сарневъ и В. К. Тимченко. Въ корректурѣ участвовали, кромѣ нѣсколькихъ изъ названныхъ лицъ, два воспитанника Александровскаго лицея: Базили и Резвой. Выходъ въ свѣтъ дальнѣйшихъ выпусковъ будетъ зависѣть отъ того, насколько будетъ расходиться первый. Издатели, вѣря въ цѣлесообразность своего начинанія, рассчитываютъ на поддержку русскаго общества. Всецѣло присоединяемся къ нимъ въ этой надеждѣ и желаемъ новой книгѣ, этому первому дѣтищу новой студенческой литературной лабораторіи, полнаго успѣха и самаго широкаго распространенія.

Въ заключеніе позволяемъ себѣ высказать желаніе, чтобы добрый примѣръ г. А. Пиленка нашель себѣ въ университетской ученой средѣ побольше подражателей.

Какъ много истинной пользы вышло бы на долю и нашихъ нуждающихся студентовъ и русскою научно-популярной литературы, если бы подобныя же добросовѣстные переводныя труды были предприняты и по другимъ отдѣламъ историческаго вѣдѣнія, да и по другимъ наукамъ!

Сколько въ той же области европейской исторіи можно было бы посоветовать издать благодарныхъ и высоко полезныхъ работъ переводныхъ. Извѣстно, что у насъ, благодаря странной школьной постановкѣ исторіи, гораздо лучше изучаютъ и знаютъ исторію болѣе отдаленныхъ отъ насъ на западѣ земель и государствъ, напримѣръ, Франціи, Англіи, Италіи и даже Испаніи, чѣмъ къ намъ ближайшихъ (напримѣръ, Венгріи, Австріи съ Чехіей²⁾ и Польшей, Балканскаго полуострова и Турціи etc.), судьба которыхъ, политическая и культурная, безчисленными нитями связана съ нашей исторіей и національной

¹⁾ Нѣкоторые изъ нихъ приняли въ немъ участіе безвозмездно.

²⁾ Къ сожалѣнію, капитальныя труды по чешской исторіи Палацкаго и Томка остаются недоступными русскимъ читателямъ.

жизнью. Поэтому особенно было бы полезно и желательно появление у нас трудовъ, хотя бы переводныхъ, по старой и новой исторіи Австріи и Венгрии, Чехии и Балканскихъ земель (особенно Греціи и Турціи, ибо по исторіи южныхъ славянъ у насъ есть хоть кое-что). По исторіи Австріи, кромѣ извѣстныхъ работъ Кронеса (начало его *Handbuch der Geschichte Oesterreichs*), есть прекрасный трудъ Губера (A. Huber) «Geschichte Oesterreichs», доведенный къ сожалѣнію, лишь до 1648 года (авторъ ум. въ 1898 году). Имѣть на русскомъ языкѣ хоть переводную хорошую исторію Австро-Венгрии было бы чрезвычайно полезно.

К. Я. Г—ъ.

Встрѣчи и воспоминанія. Изъ литературнаго и военнаго міра. И. Н. Захарьина (Якунина). Изданіе М. В. Пирожкова. Спб. 1903.

Это—уже вторая книга, заключающая въ себѣ собраніе статей И. Н. Захарьина повѣствовательно-историческаго характера. Первая серія таковыхъ же статей была издана подъ общимъ заглавіемъ: «Тѣни прошлого».

Въ настоящую книгу вошли статьи, печатавшіяся съ 1898 года, какъ объяснено въ «предисловіи», въ историческихъ журналахъ и, преимущественно, въ «Историческомъ Вѣстникѣ», такъ что наши читатели съ большинствомъ статей и рассказовъ г. Захарьина знакомы. Общій характеръ статей такой: прежде всего, личныя впечатлѣнія автора, вынесенныя имъ изъ встрѣчъ съ различными, болѣе или менѣе замѣчательными людьми, съ которыми сводила его жизнь, начиная съ знаменитаго кавказскаго имама Шамиля и кончая Л. Н. Толстымъ. Далѣе, видное мѣсто въ книгѣ отведено польскому возстанію 1863 года и чрезвычайно интереснымъ и трагическимъ эпизодамъ изъ времени этого возстанія, окончаніе котораго г. Захарьину довелось видѣть вблизи, такъ какъ онъ, оказавшись, служилъ съ 1864 года мировымъ посредникомъ въ Могилевской губерніи, охваченной также полымемъ мятежа. Затѣмъ, въ книгѣ обращаютъ на себя вниманіе и нѣкоторые рассказы изъ литературнаго міра: о жизни Бѣлинскаго и Лермонтова въ Чембарѣ, записанныя со словъ ихъ родственниковъ, проживавшихъ, въ концѣ 50-хъ годовъ, въ этомъ городкѣ Пензенской губерніи; объ историкѣ Погодинѣ и цензурныхъ нравахъ 60-хъ годовъ (въ «Сказкѣ о Митяхъ») и, наконецъ, объ артистической жизни Москвы въ 70-хъ годахъ.

Въ настоящемъ отзывѣ о книгѣ г. Захарьина мы приведемъ одинъ интересный, появившійся въ печати впервые, эпизодъ, имѣющійся въ статьѣ «Генералъ Шамиль и его рассказы объ отцѣ», напечатанный въ «Русской Старинѣ». Описывая пребываніе Шамиля въ Калугѣ, г. Захарьинъ передаетъ, со словъ его сына, генерала Магомета-Шефи Шампиля, о столкновеніи бывшаго кавказскаго владыки съ его приставомъ, полковникомъ Пржедлавскимъ, — столкновеніи, едва не окончившемся ссылкой Шамиля въ Вятку. Дѣло происходило такъ. «Въ концѣ 1863 года, когда польскій мятежъ былъ уже подавленъ, и надъ виновными лицами чинился судъ и расправа, полковникъ Пржедлавскій, полякъ родомъ, сталъ очень часто заговаривать съ Шамилемъ объ

этомъ мятежѣ, постоянно описывая въ самыхъ мрачныхъ краскахъ тѣ жестокости, какимъ, будто бы, подвергались поляки по распоряженію Муравьева въ Литвѣ и графа Берга въ Варшавѣ. При этомъ Пржецлавскій всячески старался внушить Шамилю, что обо всѣхъ этихъ «жестокостяхъ» государь ничего не знаетъ и не вѣдаетъ, и было бы де истинною услугою для самого царя, если бы ктонибудь замолвилъ ему слово за «несчастныхъ»... Шамиль, нисколько не интересовавшійся польскимъ мятежомъ, пропуская всѣ эти подходы приставы мимо ушей, считая ихъ лишь обыкновенными разговорами. Но вотъ, въ одно прекрасное утро, полковникъ Пржецлавскій, поговоривъ нѣсколько минутъ въ обычномъ минорномъ тонѣ о «жестокостяхъ», претерѣваемыхъ его соотечественниками, и считая, по всей вѣроятности, почву достаточно уже подготовленной, неожиданно вынулъ изъ кармана и подалъ Шамилю письмо на имя государя, прося подписать его... Письмо оказалось написаннымъ въ два текста— на арабскомъ и русскомъ языкахъ: на арабскомъ для Шамиля, а по-русски— для государя. Шамиль, пораженный такою назойливостью, взявъ все-таки письмо изъ рукъ Пржецлавскаго и прочелъ его арабскій текстъ. Дѣло задумано было недурно въ смыслѣ заступничества поляка Пржецлавскаго за своихъ дѣйствительно несчастныхъ собратій. Но оказалось, что Пржецлавскій мало знаетъ характеръ осторожнаго и умнаго Шамиля, если позволилъ себѣ такой подходъ. Имамъ вѣжливо и терпѣливо выслушалъ своего пристава, внимательно прочелъ письмо и, возвращая его неподписаннымъ, проговорилъ твердымъ и рѣшительнымъ тономъ:

«— Прошу васъ, полковникъ, не обращаться ко мнѣ съ подобными предложеніями. Я никогда не осмѣлюсь безиоконить государя такими письмами.

«Полковникъ Пржецлавскій сумѣлъ въ то время не только скрыть предъ Шамилемъ свое неудовольствіе, но еще и взять съ него обѣщаніе никому не говорить обо всемъ этомъ дѣлѣ. Вотъ этотъ-то отказъ и послужилъ главною и единственною причиною положительной ненависти и злобы, которую съ тѣхъ поръ сталъ питать приставъ къ своему плѣннику: съ того времени онъ и началъ постепенно, но систематически, изводить Шамиля. Полковникъ Пржецлавскій сталъ вмѣшиваться во внутренніе распорядки жизни Шамиля и его семьи, сталъ ссорить членовъ его семьи между собою и прислугою; оскорблялъ Шамиля самымъ назойливымъ досмотромъ за каждымъ его шагомъ, когда онъ выходилъ изъ дому; распускалъ о немъ по Калугѣ такіе нелѣпые слухи и сплетни, что почетные жители города почти совсѣмъ перестали посѣщать имама; затѣмъ, въ своихъ донесеніяхъ военному министру онъ сталъ сообщать о постоянномъ, будто бы, недовольствѣ Шамиля государемъ и его милостями; что онъ ропщетъ, будто бы, на скудость назначеннаго ему содержанія; что онъ мечтаетъ о возвращеніи своего владычества и пр. Такъ прошло два года. Полковникъ Пржецлавскій продолжалъ всячески изводить и принижать Шамиля... Тогда имамъ, измученный всѣми этими мелочными оскорбленіями и неприятностями, въ конецъ отравлявшими его и безъ того тяжелую жизнь, обратился, съ свойственною ему прямою, прямо къ генералъ-майору Чичагову, недавно прибывшему въ Калугу на только-что учрежденную должность губернскаго воинскаго начальника, прося его доложить губернатору его, Шамиля,

просьбу, чтобы тотъ, въ присутствіи всѣхъ высшихъ властей города, выслушалъ его жалобу на приставленнаго къ нему полковника Пржецлавскаго.

«Желаніе знаменитаго плѣнника было исполнено, и въ квартирѣ губернатора Спасскаго, въ присутствіи генерала Чичагова, вице-губернатора графа Шуленберга и губернскаго предводителя дворянства Щукина, Шамиль сообщилъ черезъ переводчика о причиняемыхъ ему приставомъ Пржецлавскимъ оскорбленіяхъ и неурядностяхъ и просилъ собраніе ходатайствовать объ его смѣнѣ; но не упомянулъ все-таки ни однимъ словомъ, въ силу даннаго Пржецлавскому обѣщанія, о петиціи въ пользу поляковъ, которую предлагалъ ему къ подписи полковникъ Пржецлавскій.

«Собраніе внимательно выслушало Шамиля, и губернаторъ ходатайствовалъ у военнаго министра о смѣнѣ пристава. Но результаты этого представленія были для Шамиля, на первыхъ порахъ, очень неожиданны и неурядны. Въ Калугу прибылъ изъ Петербурга полковникъ Брокъ, командированный военнымъ министромъ для производства дознанія, но не надъ интриганомъ-приставомъ, а надъ плѣннымъ Шамилемъ.

«— Шамиль здѣсь дурить... Его надо отравить въ Вятку,— вотъ фраза, которою встрѣтилъ Брокъ Чичагова.

«Къ счастью для Шамиля, губернской воинской начальникъ Чичаговъ успѣлъ уже, за время своего пребыванія въ Калугѣ, не только хорошо ознакомиться съ имамомъ и всею его семьей, но замѣтить также и всѣ козни и интриги, подводимыя подъ него приставомъ; онъ помогъ полковнику Броку раскрыть всѣ сложныя махинаціи и обстоятельства этого неуряднаго дѣла и всѣ интриги пристава...

«Въ концѣ концовъ, приставъ былъ смѣненъ, и Шамиль былъ, такимъ образомъ, избавленъ отъ проступка, который онъ неминуемо бы совершилъ, и отъ котораго онъ не разъ былъ на одинъ только шагъ: онъ, хорошо понимая и чувствуя всѣ интриги, козни и клеветы пристава Пржецлавскаго и будучи человѣкомъ прямымъ, вспыльчивымъ, властнымъ и необузданнымъ, едва-едва, иногда, удерживался отъ кровавой расправы съ своимъ неблагороднымъ врагомъ»...

Книга г. Захарьина написана прекраснымъ литературнымъ языкомъ и издана очень изящно, какъ почти всѣ книги той же фирмы, г. Широкова, изданныя за послѣднее время. Б.

Бѣглець. Романъ изъ пограничной жизни. О. О. Тютчева.

Изданіе П. П. Сойгина. Спб. 1903.

Этотъ интересный романъ написанъ О. О. Тютчевымъ, сыномъ извѣстнаго поэта и авторомъ нѣсколькихъ рассказовъ изъ той же пограничной жизни, помѣщенныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Фабула новаго романа г. Тютчева взята изъ той же жизни въ Закавказьѣ, очень хорошо, повидимому, знакомой автору: все дѣйствіе происходитъ на границѣ Россіи и Персіи въ 70-хъ годахъ. Какъ и во всякомъ «романѣ», событія вращаются «около

любни»: героемъ является молодой грузинскій князь Каталадзе, онъ же и Мургузъ-ага, имя, принятое имъ послѣ совершеннаго убійства и бѣгства въ сосѣдную Персію, гдѣ онъ успѣлъ хорошо устроиться, и затѣмъ, подъ видомъ перса и съ этимъ вымышленнымъ именемъ, сталъ иногда появляться на русской территоріи. Здѣсь у него и начинается идиллическій романъ съ русскою барышней Лидіей, сестрой одной военной дамы. Но тутъ въ дѣло вмѣшивается молодой офицеръ Войновъ, узнавшій въ Мургузъ-агѣ бывшаго вольноопредѣляющагося князя Каталадзе, убійцу своего дяди, и ставитъ нѣкоторыя препятствія счастью молодыхъ людей. А затѣмъ произошло и послѣднее роковое событіе, положившее предѣлъ и жизни Мургузъ-аги, и роману: когда его герой, желая окончательно возвратиться въ наши владѣнія, чтобы соединиться съ любимой дѣвушкой, сталъ ликвидировать всѣ свои дѣла въ Персіи и, распродавъ имущество, приближался ночью къ русской границѣ, то въ это самое время былъ убитъ персами, заподозрѣвшими въ немъ измѣнника. Барышня легко примирилась съ смертью своего «предмета», и жизнь на пограничномъ посту вновь потекла по-старому — полная скуки и дикости и той монотонности, которая оживлялась и разнообразилась иногда лишь такими трагическими сценами, какъ стычки съ контрабандистами, изловленіемъ ихъ и задержаніемъ самой контрабанды.

До чего тосклива и непривлекательна въ настоящее время жизнь русскихъ людей въ Закавказьѣ, попавшемъ всецѣло въ руки армянъ, это всего лучше характеризуется словами автора, выражающаго удивленіе, «какъ это правительству не пришло до сихъ поръ въ голову замѣнить ссылку въ Сибирь ссылкой въ Закавказье. Судя по описаніямъ, прибавляетъ г. Тютчевъ, Сибирь — рай въ сравненіи съ этой, проклятою самимъ Богомъ, страной»... (стр. 44).

Тѣмъ болѣе можно поставить въ заслугу автору, что онъ сумѣлъ такъ тщательно изучить эту тоскливую жизнь маленькихъ русскихъ людей, чиновъ пограничной стражи, занесенныхъ судьбою, нуждою и «долгомъ службы» на эту отдаленную, находящуюся подъ самымъ Арагатомъ, окраину Россіи, и посвятить ей свою книгу, въ которой, независимо отъ «романа», представляетъ, по нашему мнѣнію, еще болѣе интересъ описательная сторона природы, быта и жизни разноплеменныхъ народовъ, проживающихъ вдоль нашей персидской границы.

Книга г. Тютчева издана красиво, снабжена 40 рисунками художника Чикина и, несомнѣнно, будетъ имѣть успѣхъ среди читающей публики.

И. Н. З.

Биографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Юрьевскаго, бывшаго Дерптскаго университета за сто лѣтъ его существованія (1802—1902). Томъ I. Подъ ред. проф. Левицкаго. Юрьевъ. 1902.

Въ ознаменованіе столѣтняго юбилея Юрьевскій университетъ рѣшилъ издать исторію университета (о ней см. отчетъ въ январской книгѣ «Историческаго Вѣстника» за 1903 г.) и биографическій словарь, первый томъ котораго

нынѣ явился въ свѣтъ. По плану издателей, біографическій словарь долженъ заключать краткія біографіи всѣхъ тѣхъ ученыхъ, которые занимали преподавательскія должности въ университетѣ за все время его существованія. Въ первомъ томѣ напечатаны біографіи профессоровъ и преподавателей по кафедрѣ православнаго богословія и по кафедрамъ факультетовъ богословскаго, физико-математическаго и юридическаго. Біографіи расположены по факультетамъ и кафедрамъ въ послѣдовательномъ по времени замѣщенія кафедръ порядкѣ. Такой порядокъ имѣетъ то удобство, что читатель можно сразу опредѣлить исторію преподаванія каждой науки за время существованія университета. Біографіямъ каждаго факультета предшествуютъ очерки исторіи факультетовъ. Къ книгѣ приложенъ алфавитный указатель біографій, а, кромѣ того, приведены по факультетамъ списки преподавателей съ указаніемъ кафедръ и времени службы. Біографіи здравствующихъ профессоровъ написаны ими самими, а біографіи умершихъ написаны ихъ настоящими преемниками по кафедрѣ.

Во второй томъ войдутъ біографіи профессоровъ и преподавателей медицинскаго и историко-филологическаго факультетовъ. Щ.

Польское возстаніе 1863 года. Историческій очеркъ съ портретами. А. А. Сидорова. Изданіе Н. Карбаеникова. Спб. 1903.

Въ своемъ «предисловіи» авторъ книги говоритъ, что «о польскомъ возстаніи 1863 года напечатано много книгъ, брошюръ, статей и замѣтокъ на различныхъ языкахъ, но, къ сожалѣнію (?), многое изъ напечатаннаго не представляетъ исторической достовѣрности»... И затѣмъ, въ концѣ: «надѣюсь, что предлагаемый очеркъ пополнитъ нѣкоторые пробѣлы по исторіи польскаго возстанія 1863 года»... Слишкомъ большое и ничѣмъ не оправдываемое сомнѣніе. Во-первыхъ, о польскомъ возстаніи 1863 года составила за 40 лѣтъ цѣлая литература, и еще не такъ давно вышло за границу—въ Краковѣ—прекрасное и вполне правдивое описаніе этого прискорбнаго историческаго событія, составленное г. Станиславомъ Козьяномъ. Сочиненіе это—«*Rzecz o roku 1863*»,—закрывающееся въ трехъ томахъ, совершенно достаточно пополняетъ тотъ «пробѣлъ» въ исторіи возстанія—именно роль, сыгранную въ немъ нѣмцами,—о которой упоминаетъ г. Сидоровъ. Да и самые источники, которыми располагалъ г. Козьянъ, несравненно болѣе солидны, чѣмъ тѣ, на которые ссылается г. Сидоровъ. Главное же, что особенно цѣнно въ трудѣ г. Козьяна, это его полное безпристрастіе и объективность въ изложеніи событій, чего, «къ сожалѣнію», нельзя сказать объ «очеркѣ» г. Сидорова.

Въ его книжкѣ обращаетъ на себя нѣкоторое вниманіе лишь роль евреевъ, главнымъ образомъ, варшавскихъ, которую такъ предательски, относительно Россіи, разыграли въ возстаніи эти «полаки Моисеева закона». Несмотря на то, что въ получившемъ высочайшее утвержденіе, въ маѣ 1861 года, «положеніи о государственномъ совѣтѣ и городскихъ, уѣздныхъ и губернскихъ совѣтахъ царства Польскаго» не было сдѣлано ограниченій относительно евреевъ, такъ что они свободно избирались въ члены всѣхъ этихъ учреждений, а еврей

Матіасъ Розенъ вошелъ даже въ составъ мѣстнаго государственнаго совѣта, и такимъ образомъ, права евреевъ были уравниены въ правахъ съ христіанскимъ населеніемъ царства Польскаго,—евреи все-таки успѣли заплатить русскому правительству полною и самою черною неблагодарностью: они не только помогли организаціи возстанія матеріально, т. е. деньгами, но и открыто, въ лицѣ своей «либеральной» молодежи, участвовали во всѣхъ уличныхъ и костельныхъ антиправительственныхъ манифестаціяхъ; а извѣстный еврей Кроненбергъ основалъ даже свою газету для служенія интересамъ возстанія, и не только сумѣлъ потомъ выйти сухимъ изъ воды, но еще и ухитрился получить, послѣ возстанія, концессию на постройку варшавско-тереспольской желѣзной дороги (стр. 241). Даже такому проникательному человѣку, какъ покойный Катковъ, евреи сумѣли, какъ говорится, втереть очки и напустить въ дѣло такого туману, что онъ объяснялъ ихъ участіе въ возстаніи «страхомъ». Катковъ говорилъ: «въ такомъ же страхѣ, какъ крестьяне, находятся и евреи, и только этимъ объясняются ихъ пожертванія въ пользу возстанія, доходяція, какъ говорятъ, до громаднхъ суммъ»... Между тѣмъ, въ дѣйствительности, это участіе въ возстаніи евреевъ объясняется, по видимому, лишь тѣмъ, что въ то время—т. е. въ 1861, 1862 и въ самомъ началѣ 1863 года,—многіе, и въ томъ числѣ, конечно, и евреи города Варшавы, были искренно убѣждены въ неизбѣжномъ вмѣшательствѣ въ дѣло западныхъ державъ—Англии, Франціи и Австріи—и въ побѣдѣ поляковъ. Не надо забывать, что иллюзіи эти основывались, главнымъ образомъ, на недавнихъ (въ то время) нашихъ неудачахъ въ крымской войнѣ, приведшей насъ къ столь унижительному парижскому конгрессу. Потомъ, однако, какъ только варшавскіе евреи увидали, что участія западныхъ державъ не будетъ,—они быстро перемѣнили фронтъ своей двоедушной политики... На ихъ роль и образъ дѣйствій въ мятежѣ 1863 года имѣются вѣрныя указанія въ статьѣ генерала Лебедева «Послѣдняя польская смута. Разсказъ очевидца», напечатанной въ «Русской Старинѣ» 1874 года.

Затѣмъ, къ «очерку» г. Сидорова необходимо сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. На стр. 109-ой онъ говоритъ: «лондонскій польскій журналъ «Польскій демократъ» выходилъ при денежномъ содѣйствіи Герцена»... Откуда заимствованъ этотъ вздоръ?... Извѣстно, что даже собственный журналъ покойнаго Герцена, «Колоколь», прекратился именно по неимѣнію подписчиковъ и средствъ на его дальнѣйшее изданіе, слѣдовательно, Герцену не могло быть охоты заботиться о крышѣ сосѣда, когда своя хата стояла раскрытою...

По внѣшности, книжка издана тоже не важно, «портреты» въ ней—лубочной работы и цѣна—1 р. 50 к.—непомѣрно дорогая. И. Н. З.

Глѣбъ Успенскій. Полное собраніе сочиненій въ 12 томахъ. Съ портретомъ, автографомъ и статьею Н. К. Михайловскаго. Изд. Б. К. Фукса. Кіевъ. 1903.

Кіевскій издатель Фуксъ предпринялъ новое изданіе сочиненій Г. И. Успенскаго. Оно обѣщаетъ быть полнѣе существующихъ, такъ какъ въ 12-й томъ войдутъ прозаическія, извлеченныя изъ журналовъ и въ собраніяхъ не помѣ-

щавніяся. Въ бумагахъ Успенскаго сохранился, между прочимъ, перечень тѣхъ произведеній, которыя могли бы составить дополнительный томъ къ трехтомному изданію Павленкова. Въ основу новаго изданія положенъ послѣдній, установленный самимъ писателемъ для Павленковскаго изданія въ трехъ томахъ текстъ. Самъ писатель считалъ его лучшимъ, и поэтому издатель былъ въ правѣ ограничиться только имъ, но въ цѣляхъ тщательнаго научнаго изученія важны всѣ варианты, а вариантовъ у Успенскаго очень много: текстъ трехтомнаго изданія во многомъ отличается отъ восьмитомнаго, восьмитомный различенъ отъ журнальныхъ текстовъ. Иногда эти различія чрезвычайно характерны. Но задачу сведенія всѣхъ вариантовъ можетъ взять на себя только научное критическое изданіе текста, которое есть дѣло будущаго. Появляющееся теперъ изданіе, давая текстъ трехтомнаго изданія, имѣетъ предъ нимъ то преимущество, что даетъ текстъ, прокорректированный и освобожденный отъ опечатокъ и многихъ ошибокъ. Другое и немаловажное преимущество новаго изданія въ томъ, что оно, несомнѣнно, болѣе удобочитаемо, чѣмъ павленковское. Шрифтъ ясный, а не слѣпой, какъ у Павленкова, — и страницы, а не столбцы.

Пока вышло два тома, а все изданіе закончится къ 1904 году. Въ первомъ томѣ передъ текстомъ напечатаны предисловія, приложенныя Г. Ив. Успенскимъ къ первому и второму изданіямъ, и его автобіографія. За всѣ двѣнадцать томовъ назначена цѣна въ 6 рублей.

П. Щ.

**А. И. Фаресовъ. Въ одиночномъ заключеніи. 2-е изданіе.
Спб. 1903.**

Воспоминанія г. Фаресова объ одиночномъ заключеніи, которому ему пришлось подвергнуться въ числѣ другихъ лицъ, «ходившихъ въ народъ» въ 70-хъ годахъ минувшаго вѣка, печатались первоначально въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и въ настоящее время появляются отдѣльнымъ изданіемъ въ значительно дополненномъ видѣ. Уже одно то, что эти воспоминанія выходятъ вторымъ изданіемъ, показываетъ, что они представляютъ несомнѣнный общественный интересъ. Относясь къ началу 70-хъ годовъ, когда наша молодежь еще вѣровала въ возможность «сліянія съ народомъ» при существующемъ въ Россіи порядкѣ вещей, воспоминанія г. Фаресова даютъ много интереснаго матеріала для характеристики, какъ указаннаго идейнаго движенія въ средѣ русской молодежи, такъ и тѣхъ послѣдствій, которыми сопровождалось это движеніе. Познакомившись съ системой одиночнаго заключенія путемъ тяжелаго личнаго опыта, авторъ считаетъ себя въ правѣ утверждать, что всякія страданія тогда только облагораживаютъ человѣка, когда «тюрьма не портитъ его характера, не разрушаетъ его совѣсти и не лишаетъ средствъ къ размышленію». Въ противномъ случаѣ «тюрьма дѣлаетъ человѣка каторжнымъ», по выраженію Виктора Гюго. Тюрьма должна быть домомъ покаянія и трудолюбія, и чѣмъ ближе будетъ она подходить къ такому типу, тѣмъ болѣе шансовъ на исправленіе заключеннаго въ ней преступника...

Въ книгѣ можно найти много любопытныхъ бытовыхъ подробностей, относящихся какъ къ нашимъ провинціальнымъ «мѣстамъ заключенія» (губернскій острогъ, московскій тюремный замокъ съ Пугачевской башней), такъ и столичнымъ (домъ предварительнаго заключенія и Петроавловская крѣпость). Особенно интересно описаніе тѣхъ разнообразныхъ «ухищреній», къ которымъ прибѣгаютъ заключенные, чтобъ обмануть самое бдительное начальство. Долгое пребываніе въ тюрьмѣ фанатизировало, по словамъ автора, и дѣлало «мучениками» даже ничтожныхъ и слабыхъ людей, но никому изъ нихъ не могло, разумѣется, указать живого и плодотворнаго дѣла, къ которому они были бы пригодны въ Россіи. «Въ тюрьмахъ мы еще болѣе сбѣлись между собою, и чѣмъ заключеніе было продолжительнѣе, тѣмъ наши вымыслы о жизни и собственныхъ силахъ становились отвлеченнѣе»,— таковы были ближайшія послѣдствія той «кары», которую понесло поколѣніе 70-хъ годовъ за свои идеалы... По выходѣ изъ тюрьмы многимъ изъ освобожденныхъ приходилось начинать свою жизнь заново, съ того момента, когда они впервые были оторваны отъ живой дѣйствительности на долгіе годы... Но міръ отвлеченныхъ идеаловъ и страданій за нихъ давалъ настроеніе, въ которомъ не уживались корысть, злоба и прислужничество...

Этому міру отвлеченныхъ идеаловъ и любви къ благодетелю поступковъ въ человѣческой исторіи они обязаны и лучшими чувствами въ нихъ, и до нѣкоторой степени отпущеніемъ грѣховъ, выпавшихъ на ихъ долю въ такомъ изобиліи... Такъ заканчиваетъ авторъ свои воспомнанія, написанныя имъ тепло и съ большимъ знаніемъ эпохи семидесятыхъ годовъ.

Ив. Порошинъ.

Дѣйствія Нижегородской губернской ученой архивной комиссіи. Сборникъ статей, сообщеній, описей и документовъ. Томъ V. Нижній Новгородъ. 1903.

Изъ шести статей, составляющихъ первый отдѣлъ «Сборника нижегородской архивной комиссіи», обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія три: «С. И. Шешковскій и монастырскіе крестьяне» К. Ѳ. Ѳедорова, «Приказные люди въ Нижегородскомъ намѣстничествѣ» П. Н. Снѣжневскаго и «Клятва на письмоподметчиковъ» Л. И. Звѣздина.

Знаменитый Шешковскій, котораго современники удачно называли «кнутобоемъ» и «розыскныхъ дѣлъ мастеромъ», владѣлъ небольшимъ помѣстьемъ въ Княгининскомъ уѣздѣ. Хотя самъ онъ и не жилъ въ этомъ имѣніи, тѣмъ не менѣе никогда не переставалъ заботиться о расширеніи его границъ. Управляющіе помѣстьемъ Шешковскаго ни въ чемъ не уступали помѣщику: они захватывали земли сосѣдей, отрѣзывали большіе участки у монастырскихъ крестьянъ села Балкадъ и не боялись суда, такъ какъ въ то время ихъ баринъ пользовался большимъ вліяніемъ при дворѣ. И вотъ, въ 1787 году, возникло одно судебное дѣло, которое и рисуетъ Шешковскаго съ очень невыгодной стороны. Несмотря на то, что крестьяне предъявили отписныя книги на владѣныя спорными землями, дѣло было рѣшено въ пользу всевѣдливаго фаворита; кре-

стьяне апеллируют, но рѣшеніе подтверждается даже высшими инстанціями. Подкладка дѣла объяснилась довольно скоро, такъ какъ въ прошеніи крестьянъ, поданномъ императрицѣ, они не побоялись замѣтить, что Шешковскій пустился въ ходъ всѣ «процески».

Приказные люди рисуются намъ вполне цѣльнымъ типомъ. О нихъ сложена масса пословицъ, поговорокъ и забавныхъ анекдотовъ, они нерѣдко фигурируютъ въ беллетристикѣ и драмѣ. Но все это касается приказныхъ позднѣйшей формаціи, когда «настоящій» приказный людъ начиналъ уже вымирать. Статья Снѣжневскаго рисуетъ печальное положеніе безправныхъ чиновниковъ русской провинціи конца XVIII вѣка. Авторъ говоритъ что начальство могло распорядиться приказными несколько не гуманнѣе, чѣмъ помѣщики своими крѣпостными. Они не имѣли, напримѣръ, даже права мѣнять мѣсто службы и такимъ образомъ являлись такъ же «прикрѣпленными» къ канцеляріи, какъ крестьяне къ землѣ. На основаніи архивныхъ данныхъ г. Снѣжневскій передаетъ нѣсколько характерныхъ въ бытовомъ отношеніи фактовъ.

Въ 1784 году одинъ подканцеляристъ Княгининскаго уѣзднаго суда былъ уволенъ со службы по болѣзни, согласно удостовѣренію нижегородскаго городского врача. Намѣстническое правленіе выдало ему и паспортъ, въ которомъ изложены были причины увольненія. Но когда бывшій приказный явился въ Пензу и подалъ прошеніе объ опредѣленіи его на службу, то ему не только отказали въ мѣстѣ, но арестовали и по этапу отправили въ Нижній на томъ только основаніи, что «праздношатающимся быть запрещено». Въ Пензѣ не повѣрили, чтобы злосчастный подканцеляристъ могъ на самомъ дѣлѣ заболѣть, затѣмъ втеченіе 20 всего дней поправиться и явиться въ Пензу для полученія службы. Поэтому онъ былъ обвиненъ «въ нерадѣніи» и водворенъ въ Нижнемъ, «дабы не употребилъ онъ себя на незаконный промыселъ».

Изъ другихъ примѣровъ видно, что съ приказными не церемонились, и за всякіе проступки наказывали жестоко: сажали на хлѣбъ и на воду, заковывали въ колодки и держали на цѣпи, били розгами, палками и даже плетью. Но хуже всего поступали съ «неисправными» или «безнадежными». Ихъ просто отдавали въ солдаты. Въ то же время приказные были завалены работой по горло и несли на себѣ тяжелую ямку канцелярщины. Оставалось одно утѣшеніе — заливать горе виномъ, и мы видимъ массу дѣлъ о специально-приказномъ пьянствѣ и буйствахъ. Дѣло доходило до того, что приказные служители ходили «толпами съ дрекольемъ и камнями, и входили въ великія непристойности, что и изданнымъ законамъ весьма противно: врываясь въ дома, бьютъ окошки, да и проходя мимо будокъ, не дѣлаютъ никакого отзыва на оклики десятскихъ; а въ случаѣ веденія имъ какихъ либо винныхъ въ полицію, оныхъ у нихъ отбиваютъ и десятскихъ бьютъ». Особенно прославился своими буйствами нижегородскій копіистъ Араповскій, который какимъ-то образомъ умудрялся бѣгать изъ-подъ караула даже «въ двухпудовыхъ цѣпяхъ». Въ концѣ концовъ и ему забрали лобъ. Общее впечатлѣніе отъ картины, нарисованной г. Снѣжневскимъ, получается удручающее.

Другія статьи принадлежатъ А. П. Тихову, В. К. Магницкому, М. О. Коневскому и Н. П. Драницыну. Описание архивовъ и изданіе документовъ велось при участіи слѣдующихъ лицъ: В. П. Сибѣжневскаго, В. Г. Короленко, А. П. Мельникова и А. Я. Садовскаго. Въ общемъ сборникъ составленъ интересно.

А. И. Яцимирскій.

Л. Ф. Пантелѣвъ. Изъ раннихъ воспоминаній. Спб. 1903.

Воспоминанія изъ ранняго дѣтства нашего извѣстнаго книгоиздателя обратили на себя вниманіе еще тогда, когда появлялись въ фельетонахъ «Русскихъ Вѣдомостей» и «Сѣвернаго Края». Теперь они собраны въ одинъ изящный томикъ. Авторъ избралъ беллетристическую форму, и въ своихъ разсказахъ рисуешь отдѣльныя жанровыя картинки. Предъ читателемъ проходитъ богатая галерея оригинальныхъ типовъ добраго стараго времени, когда все было необыкновенно просто. «Захотѣлось ему (отцу автора) мѣсто поспокойнѣе; снесла я дюжину серебряныхъ ложекъ жевѣ батальоннаго командира. Ну, отецъ и получилъ мѣсто начальника инвалидной команды въ Сольвычегодскѣ»,—разсказывала матушка Л. Ф. Пантелѣва.

Авторъ «Воспоминаній» родился въ Сольвычегодскѣ въ 1840 году. Наблюденія мальчяка отличались живостью. Память ему не измѣнила, и типы вологодской бѣдности изображены великолѣпно. Къ сожалѣнію, авторъ не обладаетъ чисто-беллетристическимъ талантомъ. Несмотря на то, что всѣ его разсказы вполнѣ правдоподобны, и что фамиліи многихъ лицъ сохранены настоящія,—иногда кажется, что тотъ или иной эпизодъ, разговоръ или цѣлый типъ просто выдуманъ. Попадаются великолѣпныя иллюстраціи той простоты, которая царитъ въ нашей провинціи лѣтъ 60—70 тому назадъ. Первый мужъ А. П. Пантелѣвой служилъ поддѣшничимъ въ Никольскомъ уѣздѣ, но дѣломъ совѣтъ не занимался, игралъ въ карты и пилъ во всю, такъ что съ большимъ трудомъ удавалось протрезвить его разъ въ недѣлю для подписки бумагъ съ отходящей почтой, а вся забота по отпискѣ лежала на писемоводителѣ. Однажды въ Никольскѣ пріѣхалъ старичекъ-губернаторъ. Какъ на грѣхъ, въ это самое время поддѣшничій снова зашилъ. Матушка утѣшилась только тогда, когда узнала, что и самъ губернаторъ не прочь выпить и повеселиться. Чиновники угостили его на славу, и скоро было выпито все вино, которое только нашлось въ лавкахъ; нѣсколько разъ посылали за нимъ въ Устюгъ.

«Ну, конечно, всѣ чиновники въ свое время явились къ губернатору,—вспоминаетъ Л. Пантелѣва,—только Александръ Федоровичъ не показался. Вотъ губернаторъ посылаетъ за нимъ своего адъютанта. Приходитъ къ намъ адъютантъ и видитъ: Александръ Федоровичъ катается по полу, въ чемъ мать родила, а по полу разлито прованское масло, варенье. На требованіе немедленно явиться къ губернатору онъ отвѣтилъ:

«— Скажи своему старому дураку, что мнѣ и дома хорошо. Видишь, что я, какъ сыръ, въ маслѣ катаюсь.

«А вечеромъ возьми да и явись на балъ, — пробрался, какъ-то не замѣтили; сверхъ нижняго бѣлья только и надѣлъ одинъ мундиръ, прицѣпилъ шпагу и въ этомъ видѣ прямо къ губернатору:

«— Честь имѣю рапортовать вашему превосходительству, что отъ дождя лѣса горять.

«А губернаторъ тоже самъ едва на ногахъ стойтъ; только и сказалъ мнѣ:

«— А шутникъ же твой мужъ, Анна Ивановна... отъ дождя лѣса горять! ха, ха!

«Кое-какъ удалось вывести Александра Федоровича».

Въ книгѣ разбросано немало подобныхъ анекдотовъ.

Интересенъ типъ «большого начетчика» кушца Дмитрія Ивановича изъ Тотмы, который постоянно разсуждалъ «отъ писанія» и свои бесѣды начиналъ ссылками на авторитеты: «Юаннъ Златоустъ говорить то-то» или «одинъ ученый нѣмецъ» и т. д. Это былъ большой политикъ, экономистъ, богословъ и человекъ, свѣдущій по медицинской части. Интересны также разказы, гдѣ описана жизнь мальчика въ женскомъ монастырѣ, и другіе очерки.

М. С. Ск — вичъ.

С. Н. Браиловскій. Одинъ изъ «пестрыхъ» XVII столѣтія. Историко-литературное изслѣдованіе. Записки Императорской академіи наукъ по истор.-филологич. отдѣленію. Томъ V. Спб. 1903.

Незадолго до тѣхъ преобразованій въ русской жизни, которыя были введены Петромъ I, въ Москву явились изъ провинціи нѣсколько талантливыхъ писателей. Своею дѣятельностью они извѣстнымъ образомъ подготовили русское общество къ ожидавшимся переменамъ. Воспитанные въ южно-русскихъ училищахъ съ польско-католическимъ вліяніемъ, они болѣе тяготѣли къ западу и получили за это прозвище «латынниковъ». Они встрѣтили здѣсь противниковъ въ лицѣ нѣсколькихъ передовыхъ людей, правда, такихъ же, какъ и они, образованныхъ, но боявшихся порвать связи съ греко-восточнымъ православіемъ и стариной. Эту партію еще въ концѣ XVII вѣка называли «восточниками».

Симпатіи г. Браиловскаго, очевидно, на сторонѣ послѣдней партіи. «Восточникъ представлялъ типъ истинно-русскаго человека, — говоритъ онъ, — не испорченнаго схоластическою наукою, хотя (?) для своего времени очень образованнаго, честнаго, неподкупнаго, съ прямымъ, здравымъ смысломъ, непритворно смиреннаго и благочестиваго, но (?) неустрашимаго борца за свою вѣру». Зато партія западная, «окуривная западною, іезуитскою ученостью», представляется тому же изслѣдователю хитрой, способной къ лести, интригѣ и т. д. Конечно, «латынники» составляли меньшинство и представляли собой яркихъ прогрессистовъ, а люди изъ партіи старо-московской, съ ея строгимъ православіемъ, рисуются намъ типичными консерваторами. Итакъ, на ряду съ «горячими» существовали «студеные». Вполнѣ естественно, что были и «теплохладные». Они-то и получили кличку «пестрыхъ». Это не были оппортунисты,

и подозрѣвать за ними что нибудь плохое, отрицательное — у насъ нѣтъ никакихъ основаній. Они относились довольно равнодушно къ злободневнымъ явленіямъ культурной и моральной мысли своего времени, и въ ихъ глазахъ одинаковое значеніе имѣли и малорусскіе ученые и греко-россійскіе начетчики, лишь бы ихъ дѣятельность вела къ просвѣщенію, въ которомъ такъ нуждалась тогда Россія.

Каріонъ Истоминъ Заулонскій — яркій представитель этихъ «пѣстрыхъ». Этой же пестротой отличалась и литературная его дѣятельность. Если мы познакомимся съ книжными трудами Истоминна, то получимъ вѣрное представленіе объ энциклопедистѣ конца XVII вѣка. Прежде всего онъ выступаетъ въ роли педагога, составляетъ «Малый букварь», затѣмъ «Малую грамматику» и, наконецъ, «Полисъ». Въ послѣдней книгѣ—цѣлый «домашній университетъ»: нѣтика, риторика, діалектика, ариѳметика, геометрія, философія, астрономія, богословіе, музыка, «врачество» и географія съ космографіей. Проза пересыпана стихами, довольно впрочемъ тяжелыми и несуразными. Кромѣ того, Истоминъ извѣстенъ, какъ историкъ, такъ какъ ему принадлежитъ авторство «Созерцанія» и «Лѣтописи». Занимали его и догматическіе вопросы. Имъ онъ посвятилъ большую книгу «Катихизисъ». Какъ проповѣдникъ, онъ также пользовался немалымъ успѣхомъ, и всѣ его духовно-нравственныя сочиненія, собранныя въ отдѣльные томы съ замысловатыми заглавіями: «Едемъ», «Книга вразумленія», «Екклесія», «Домострой», находили для себя читателей и переписчиковъ. Наконецъ, Истоминъ много переводилъ, и въ послѣдней-то области его книжной дѣятельности лучше всего и сказывается «пестрота» его направленія, потому что переведенная имъ «Боговидная любовь» какъ-то мало вяжется по содержанію съ его же «Книгой о хитростяхъ ратныхъ». Помимо чисто кабинетной дѣятельности, Истоминъ нерѣдко выступалъ въ роли придворнаго пѣтца, и его «Стихи къ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ» доставили ему извѣстность умѣлаго рѣзмонписателя.

Книга С. Н. Брацловскаго занимаетъ больше 400 страницъ большого формата, и дѣятельность «одного изъ пѣстрыхъ XVII столѣтія» выяснена въ ней довольно полно и, можно сказать, хорошо. Написана книга популярно, живо и безъ обычныхъ тяжелыхъ приѣмовъ заправской учености. Но, какъ научное изслѣдованіе, она даетъ слишкомъ мало новаго, повторяя иногда очень устарѣлыя мнѣнія, вводя мало идущіе къ дѣлу историческіе экскурсы и злоупотребляя длинными цитатами. Поэтому все изслѣдованіе г. Брацловскаго можно назвать скорѣе обширвой статьёй журнальнаго характера, хорошей компиляціей съ прибавленіемъ кое-какихъ неизданныхъ матеріаловъ, но, во всякомъ случаѣ, не изслѣдованіемъ, которое выдержало бы строгія требованія.

А. И. Яцимирскій.

В. В. Стасовъ. Миниатюры нѣкоторыхъ рукописей византійскихъ, болгарскихъ, русскихъ, джагатайскихъ и персидскихъ. Спб. 1902.

Если бы на обложкѣ этого альбома и не было фамиліи автора, то все-таки было бы нетрудно узнать въ немъ нашего маститаго академика. Нѣтъ страницы въ его новой книгѣ, гдѣ не говорилось бы о національности въ старомъ искусствѣ, гдѣ не доказывалось бы, что чуть ли не всѣ миниатюры, всѣ орнаментальныя детали нашихъ рукописей даютъ вѣрное представленіе о славянахъ и русскихъ самаго древняго времени. Въ Ватиканской библіотекѣ есть рукопись XIV вѣка, извѣстная «Манассіина лѣтопись», переведенная съ греческаго и снабженная иллюстраціями. Рисунки сдѣланы или въ Константинополѣ или же въ самой Болгаріи, но по византійскимъ образцамъ; исполнены они довольно шаблонно, не даютъ никакихъ почти характерныхъ чертъ, и все индивидуальное художникомъ настолько обезличено, что на рисункахъ нѣтъ никакой возможности отличить византійцевъ отъ болгаръ, сербовъ отъ русскихъ и такъ далѣе. Впрочемъ, едва ли и возможно было требовать соблюденія археологической точности отъ художника-профессіанала, привыкшаго рисовать лики святыхъ по одному и тому же образцу.

Въ текстѣ лѣтописи шелъ, наиримѣрь, разговоръ о крещеніи русскихъ—и художникъ изображалъ совершенно фантастическую сцену этого событія, съ клиромъ въ католическихъ одѣянiяхъ (за исключеніемъ священника); къ эпизоду пзъ войны русскихъ съ болгарами онъ рисовалъ группы всадниковъ, скачущихъ по трупамъ враговъ, и такъ далѣе. Но г. Стасовъ не хочетъ вѣрить, чтобы не только типъ русскихъ, но и всѣ подробности, начиная костюмомъ и кончая вооруженіемъ, не давали самаго опредѣленнаго понятія о древне-русской обстановкѣ X вѣка. Несмотря на всю аргументацію, на массу снимковъ и справокъ, доказательства Стасова сводятся на ничто, и въ концѣ концовъ можно признать развѣ то, что миниатюры «Манассіиной лѣтописи» даютъ представленіе о состояніи болгаро-византійской живописи XIV вѣка, но ни въ какомъ случаѣ не могутъ сохранить черты столь далекой отъ того времени старины. Но настоящіе курьезы получаются тогда, когда Стасовъ начинаетъ говорить о болгарскихъ народныхъ шапкахъ «при Каракалѣ», «при Тиверіи» и «при Львѣ Армянинѣ» (стр. 55), когда въ рисункахъ 27 — 29, представляющихъ самые обыкновенные инициалы въ рукописяхъ, видитъ оиачь настоящихъ болгаръ XII вѣка. Незвѣстно также, какое значеніе могутъ имѣть для представленія о наружности Чингизъ-хана и обстановки его двора XIII вѣка изображенія изъ персидской рукописи XVI вѣка, такія же фантастическія, какъ и болгарскія изображенія XIV вѣка пзъ русской исторіи X вѣка.

М. О. Ок—вичъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ раскопки въ Фивахъ. Нѣсколько нѣдѣль тому назадъ американскій археологъ Дэвисъ сдѣлалъ новое открытіе среди королевскихъ могилъ въ Фивахъ. Онъ отыскалъ склепъ Фотмеса IV, десятаго государя XVIII династїи, сына Аменофиса II и внука Фотмеса III. Фотмесъ IV былъ великій фараонъ побѣдитель, который довелъ границы Азіи до источника Оронта и береговъ Евфрата. Его царствованіе относится къ эпохѣ за 1.500 лѣтъ до нашей эры, и государи, которые были его преемниками, какъ Аменофисъ III и Аменофисъ IV, поддерживали блескъ его царствованія, но не превосходили его. Со смертію Аменофиса IV царствовали послѣдовательно его три зятя: Ай, Фотнкамень и Разанкеперонъ, которые недолго занимали тронъ. Затѣмъ династія погасла среди такихъ революцій, что исторія ихъ не дошла до насъ. Въ этомъ склепѣ, о которомъ всѣ забыли, осталось все въ порядкѣ съ древнихъ временъ, хотя мумія была вынута въ неопредѣленное время. Предполагаютъ, что это случилось въ эпоху безпорядковъ въ концѣ царствованій Рамсенидовъ, когда прекрасно организованная шайка воровъ, въ числѣ которыхъ находились бальзамировщики, сторожа некрополя и даже жрецы низшаго разряда, грабили и оскверняли склепы съ цѣлью грабежа драгоценностей, которыя въ нихъ заключались. Мумія Фотмеса IV была отыскана пять лѣтъ тому назадъ вмѣстѣ со многими другими въ могилѣ его отца Аменофиса II, что дѣлало очевиднымъ существованіе въ этой долинѣ склеповъ. Склепъ, относительно малыхъ размѣровъ, казалось, былъ ранѣе разграбленъ. Все что не имѣло никакой цѣны, осталось на мѣстѣ, вокругъ большой гробницы розоваго мрамора. Теперь занялись вопросомъ: былъ-ли здѣсь разгромъ? Но этотъ

«истор. вѣстн.», май, 1903 г., т. хсп.

21

вопросъ неразрѣшимъ при томъ положеніи, въ какомъ находятся теперь работы, такъ какъ и обычай требовать, чтобы все положенное вмѣстѣ съ похороненной муміей должно быть сломано, въ знакъ того, что такъ какъ человѣкъ при смерти раздвояется, т. е. душа отъ тѣла отдѣляется, то и предметы, принадлежавшіе ему, должны окружать его раздвоенными. Это лучшее доказательство, насколько укоренилась у египтянъ идея пережитія духовныхъ принциповъ, даже относительно неодушевленныхъ предметовъ. На крышкахъ саркофаговъ мало надписей, но есть красивые барельефы, изображающіе сцены изъ загробной жизни. Одно изъ упоминаній Горъ — М-Хеба, основателя XIX династіи послѣ смерти Тутмоса IV, особенно интересно. Онъ сказалъ, что «прикажетъ привести въ порядокъ пеленаніе фараоновъ». Это служитъ доказательствомъ, что во время революціи, происшедшей, когда царствовали зятья Аменофиса IV, былъ разгромъ могилъ, и требовалось возстановить пеленаніе, чтобы сохранить покойниковъ. Два вѣка спустя, во время царствованія Рамзеса IX, комиссія, во главѣ съ великимъ жрецомъ Амономъ, было поручено посѣтить фараоновскія могилы. Это распоряженіе было вызвано оскверненіемъ склеповъ Ангефа I-го и Аменофиса II-го, произведеннымъ шайкою воровъ, ограбившихъ Өивскіе некрополи. Комиссія упоминаетъ въ своемъ отчетѣ, что остальные склепы не были ограблены, слѣдовательно, можно предполагать, что приказъ Горъ-М-Хеба о перепеленаніи явился вслѣдствіе неудовлетворительнаго пеленанія или порчи пеленъ во время похоронъ, которыя требовали важной поправки. Между сломанными предметами въ склепѣ фараона Тутмоса IV оказалась его колесница, на которой онъ отправлялся воевать. Она имѣетъ важное значеніе, но, къ сожалѣнію, тоже попорчена. Весь ходъ колесницы сдѣланъ изъ крѣпкаго дерева и покрытъ узорчатой кожей, дышло легко возстановить, такъ какъ его рисунокъ сохранился на барельефахъ. Эта находка имѣетъ важное значеніе, не только для археологовъ, но также для историковъ, какъ опредѣлитель цивилизаціи египтянъ, потому что барельефныя украшенія изображаютъ сцены сраженія и триумфъ фараона. До сихъ поръ имѣлись свѣдѣнія только о религіозной жизни, египтянъ върованіяхъ въ будущую жизнь и проч.; что же касается земной жизни фараоновъ, то она оставалась неизвѣстной; теперь эта находка прольетъ свѣтъ.

Въ то же время итальянская миссія во главѣ съ Скіанарели и Баллерини изъ туринскаго музея дѣлала изысканія въ до сихъ поръ мало изученныхъ могилахъ египетскихъ принцессъ. Это были склепы любимой дочери Рамзеса II, Бентъ-Анаты; королевы Сать-Ра и То-Анты XX династіи; королевы Тите, которую долго считали матерью Аменофиса IV, но недавно признали, что она жила въ позднѣйшую эпоху. Другія гробницы обратились въ такія развалины, что трудно найти именъ. Эти два открытія привлекли вниманіе всѣхъ археологовъ на Өивское кладбище. Баллерини, мѣсяцъ тому назадъ, отыскали множество дверей отъ склеповъ и началъ отрывать склепы. Одинъ изъ нихъ былъ украшенъ живописью, прекрасно сохранившейся. Теперь открыто 50 гробницъ жрицы Амона. Въ другомъ склепѣ нашли девять мумій принцессъ. Третій склепъ былъ признанъ за склепъ Камоса, сына Рамзеса III. Всѣ найденные предметы, какъ, на примѣръ, амулеты, гробницы и проч., принадлежатъ къ ве-

ликому фараонскому періоду. Подробности еще не извѣстны, но есть доказательство, что въ гробницахъ принцессъ хранится еще много сокровищъ. Теперь тамъ работаютъ представители различныхъ національностей, и правительства не скупятся выдавать громадныя суммы на эти предпріятія. Самая малая сумма выдана въ этомъ году итальянскимъ правительствомъ: она равняется 50.000 франковъ. Музеямъ предстоитъ обогатиться новыми коллекціями. Всѣ эти свѣдѣнія мы находимъ въ небольшой статьѣ А. Гайэ¹⁾ въ журналѣ «La Revue».

— Изабелла Баварская. До сихъ поръ объ Изабеллѣ Баварской или «Isabeau», какъ ее называли съ презрѣніемъ французы, появлялись лишь короткіе этюды, какъ, напримѣръ, Валлэ де-Виривилля и Леру Лэнси. Между тѣмъ эта личность занимаетъ не послѣднее мѣсто въ исторіи Франціи и новая книга²⁾ Марселя Гибо служитъ наиболѣе полной характеристикой этой эгоистической принцессы, отличавшейся легкимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ жестокимъ нравомъ, какъ ее до сихъ поръ рисовали. Молодой историкъ извлекъ все, что было возможно изъ небольшого количества документовъ, хранящихся во французскихъ архивахъ, и по возможности обълілъ Изабеллу. По его словамъ, «неудачное и самое шаткое во французской исторіи царствованіе ея мужа, несчастнаго сумасшедшаго короля Карла VI,—замкнутое между двумя грозными періодами столѣтней войны, потрясенное во время несовершеннолѣтія принца ссорами его дядей герцоговъ Анжуйскаго, Бургундскаго, Беррійскаго и Бурбонскаго, волненіями городовъ и бунтомъ въ Парижѣ,—окончилось во время ужасовъ гражданской войны, борьбой между арманьяками и бургундцами, и временнымъ воцареніемъ английской династіи. Первый томъ этого труда относится къ періоду 1370—1405 гг., т.-е. къ молодости злополучной Изабеллы. Она была дочерью Стефана III Виттельсбахскаго и Тадеи Висконти. По отцу Изабелла принадлежала къ германскому древнему феодальному роду, а по матери къ новопроизведенной аристократической семьѣ, политическая карьера которой относится къ первымъ годамъ XIV вѣка. Она родилась въ Мюнхенѣ въ 1370 г. и получила имя Елисаветы. Отъ отца Изабелла наслѣдовала гордое честолюбіе, а отъ матери любовь къ пышности, а также къ интригамъ. Привезенная своимъ дядей, Фридрихомъ Баварскимъ, въ Амьенъ, подъ предлогомъ поклоненія святынямъ, она вышла тамъ замужъ 15 лѣтъ за французскаго короля Карла VI. Благодаря ея пикантной наружности, Изабелла сразу влюбила въ себя короля, и онъ отказался даже отъ приданнаго, объявивъ, что его привлекаютъ ея качества. Она была маленькаго роста, и съ высокимъ лбомъ, большими глазами, широкимъ лицомъ, рѣзкими чертами, большимъ носомъ съ открытыми ноздрями, большимъ чувственнымъ выразительнымъ ртомъ, круглымъ, полнымъ подбородкомъ, съ очень темными волосами и смуглымъ цвѣтомъ кожи. Постъ свадьбы она начала изучать французскій языкъ, верховую ѣзду и придворный церемональ. Хотя Карль VI устроилъ ея торжественный въѣздъ въ Парижъ и представилъ ее парижанамъ, но она никогда не знала своего народа, и парижане

¹⁾ Le char de guerre de Thotmès IV par H. Gayet. «La Revue», 15 avril 1903.

²⁾ Isabeau de Bavière. La Jeunesse; par Marcel Thibault. 1 vol. Paris. 1903.

не называли ее иначе, какъ «иностранка», и данное ей имя «Isabeau» осталось въ исторіи эхомъ ихъ презрѣнія. Эта нелюбовь народа объясняется контрастомъ между крайнею нуждою народа и безпорядочною роскошью королевы. Кромѣ того она осталась чистой нѣжкой, что еще послужило причиною ея непопулярности. Увлеченіе короля длилось недолго, и на другой день послѣ свадьбы онъ уже къ ней охладѣлъ. «Карль VI имѣлъ склонность къ пороку,—говорить Тибо,—и въ этомъ можетъ быть виноватъ одинъ рыцарь, который, несмотря на запрещеніе Карла V не допускать къ сыну лицъ, которыя могутъ пріучить дофина къ разврату, все-таки увлекъ его къ разнузданной жизни. Карль VI швырялъ деньгами и былъ настоящій Валуа относительно любви и разсѣянной жизни, что монахи Сенъ-Дени называли «чувственнымъ аппетитомъ». Влюбчивый до крайности, онъ все время искалъ новый предметъ любви и былъ готовъ, по словамъ автора, каждую минуту воспламеняться и не менѣе быстро испытывать отвращеніе. Его воображеніе было развращено. Ни его здоровье, ни его мозгъ ни могли выносить такой жизни. Кромѣ того, съ дѣтства у него проявлялась ненормальность, и обстоятельства, при которыхъ онъ вступилъ въ жизнь, были неблагоприятны. Тогда въ памяти всѣхъ еще жило воспоминаніе о несчастной войнѣ, о плѣнѣ короля, объ ужасахъ Жакери, о чумѣ и т. д. Съ дѣтства онъ мечталъ только о верховой ѣздѣ, войнахъ, храбрыхъ подвигахъ и всякаго рода сраженіяхъ. Когда Изабелла торжественно въѣзжала въ Парижъ, онъ перерядился, сѣлъ на лошадь позади офицера королевы, затѣмъ шумно поскакалъ въ свиту своей жены и очень былъ счастливъ, когда на него посыпались палочные удары сержантовъ. Въ 1390 году, во время обѣдни въ Сенъ-Жерменскомъ замкѣ, внезапно поднялась гроза; ураганъ вырываетъ съ корнями деревья, а въ часовнѣ сдѣлалось совершенно темно, какъ ночью. Королю въ то время было двадцать два года. Изабелла пришла въ такой ужасъ отъ грозы, что перепугала весь дворъ, и ея испугъ подѣйствовалъ на умъ короля. Два года спустя, случилось другое происшествіе. Ночью Карлу донесли объ убійствѣ конетабля Глиссона, виновникомъ чего былъ Пьеръ Краонъ. «Убійство!—кричалъ онъ!—Я хочу посмотрѣть! Зажгите факелы!». Слуги пошли впередъ. Король былъ только въ плащѣ и безъ сапогъ, которые ему сувули на ноги по дорогѣ. Это событіе произвело на него сильное впечатлѣніе. Несмотря на увѣщеваніе докторовъ, онъ рѣшился вести войну въ Бретани противъ герцога, укрывшаго бѣжавшаго Краона. Но дорогой въ Мапскомъ лѣсу ему привидѣлся чловѣкъ, одѣтый въ бѣлое, который ухватилъ за поводья лошадь и кричалъ: «Не поѣзжай далѣе, благородный король, тебѣ измѣнили». Немного проѣхавъ, нажъ, который везъ королевское коше, задремалъ на сѣдлѣ, коше упало и поцало остриемъ въ каску рядомъ ѣхавшаго нажа. Король вздрогнулъ, вынулъ изъ ноженъ шпагу, воскликнувъ: «Измѣнники!» и бросился на своего брата герцога Орлеанскаго. Съ трудомъ удалось его обезоружить, и когда этотъ кризисъ прошелъ, король сошелъ съ ума. Его припадокъ длился долго, и все это время онъ не звонилъ, не отвѣчалъ ни слова, не мѣнялъ бѣлья, ѣлъ и спалъ, когда придется. Тѣло его было изѣдено червями, а лицо обезображено». Еще за мѣсяць до появленія призрака въ лѣсу, у него обнаружили признаки сумасшествія, а предъ этимъ была бѣлая горячка. Напрасно искали причины въ

отравленіи и колдовствѣ, тогда какъ это были послѣдствія ранней развратной жизни, какую велъ также и его отецъ. Долго Изабелла плакала, умоляла его измѣнить развратный образъ жизни, но тщетно. Она безропотно покорялась, когда онъ отталкивалъ ее въ припадкѣ безумія, и продолжала супружескую жизнь, когда возвращался къ нему разумокъ. Онъ ее билъ иногда такъ грубо, что принцы боялись несчастья. Тогда у Изабеллы явилось къ нему отвращеніе, и король болѣе не существовалъ для нея. Ей было въ это время 35 лѣтъ, и она сдѣлалась любовницей герцога Орлеанскаго. Я же мѣсто заняла въ 1405 году «маленькая королева», очаровательное, загадочное существо, Одетта Шандиверъ. Она съ трогательнымъ милосердіемъ исполняла свою обязанность и даже подарила королю дочь Маргариту. Безумнаго короля отвезли въ Крейль, въ прохладную долину Уазы. Тамъ онъ пробовалъ выброститься изъ окна, но ему не удалось, такъ какъ окно было задѣлано рѣшеткой, въ родѣ клѣтки, откуда онъ смотрѣлъ, какъ во рвѣ вокругъ замка играли въ мячъ. Благодаря уходу добраго врача Вильгельма Гарселли, къ королю быстро вернулась память, и докторъ передалъ его на руки королевѣ и принцамъ, совѣтуя ему умѣренныя развлеченія, забавы и забвеніе». Изабелла занялась устройствомъ празднествъ и удовольствій, предоставивъ герцогу Филиппу Бургундскому общественныя дѣла. Во дворцѣ воцарилось веселье; каждый вечеръ тамъ были танцы, развлекавшіе лихорадочные глаза короля. Изабелла танцевала съ своимъ шуриномъ, красавцемъ герцогомъ Орлеанскимъ, ея тайнымъ любовникомъ. 28-го января 1393 года они придумали довольно оригинальное и злое развлеченіе, въ которомъ игралъ роль несчастный король. Въ этотъ день она выдавала замужъ свою подругу «вѣмку» за третьяго мужа. Были устроены танцы и веселый ужинъ. Внезапно въ залъ влетѣли шесть человѣкъ, замаскированныхъ дикарями, въ трико, съ паклею вмѣсто волосъ, и принялись плясать, приведя всѣхъ дамъ въ ужасъ. Неожиданно герцогъ Орлеанскій приблизился къ этимъ шутамъ съ факеломъ; пакля мигомъ вспыхнула, какъ солома, и они очутились въ пламени. Король былъ однимъ изъ шести несчастныхъ, о чемъ Изабелла знала, герцогъ же будто бы не подозрѣвалъ присутствія Карла VI. Королева упала въ обморокъ. Молодая герцогиня Беррійская не растерялась; она подошла къ королю, накрыла его своей мантией и затушила пламя. Карлъ VI былъ сиасенъ, остальные сгорѣли живыми. Приглашенные убѣжали безъ оглядки домой. Можетъ быть, герцогъ Орлеанскій, по словамъ автора, умышленно поджегъ короля готовя себѣ дорогу къ трону въ виду болѣзненности дофина. Послѣ этого несчастья умъ короля не сдѣлался яснѣе, и въ слѣдующемъ юнѣ съ нимъ случился второй припадокъ, еще болѣе сильный, и тянулся до февраля 1394 года. Въ теченіе 2¹/₂ лѣтъ припадки учащались и становились болѣе рѣзкими. Съ нимъ дѣлалось внезапно дурно; онъ бѣгалъ, плакалъ, трясся, падалъ на колѣни и ползалъ, прося именемъ Іисуса Христа скорѣй смерти. Онъ узнавалъ брата, дядей, слугъ, но забылъ жену и дѣтей, отворачиваясь съ ужасомъ отъ нея, а когда на оконныхъ стеклахъ онъ видѣлъ баварскій гербъ, то принимался плясать съ неприличными жестами. Одна только Валентина Миланская, герцогиня Орлеанская, умѣла усыпать страданія безумнаго короля. Испытаны были всѣ средства, даже шарлатанскія и рели-

гюзныя, но все было тщетно, и король умеръ въ 1422 г. «Несмотря на то,— говоритъ авторъ,— что Изабелла была хорошей женой и матерью, она не забывала увеличивать свое личное состояніе во время припадковъ болѣзни короля. А когда впоследствии ей опротивѣлъ безумный король, она забросила занятіе дѣтми и вся отдалась политикѣ. Она играла роль въ борьбѣ арманьяковъ и бургундцевъ и настаивала на заключеніи трактата. Отдавая корону Франціи Генриху V англійскому, она лишила своего сына, Карла VII, наслѣдства и королевскаго титула и подготовила крушеніе національной независимости».

— Петръ Великій въ Англии. Извѣстный англійскій славистъ, профессоръ Оксфордскаго университета и авторъ недавняго почтеннаго труда: «Исторія Россіи» В. Р. Морфиль прислалъ въ редакцію «Историческаго Вѣстника» «замѣчательный, рѣдкій и любопытный документъ по русской исторіи. Этотъ печатный плакатъ, появившійся въ Лондонѣ безъ обозначенія автора, озаглавленъ: «Привѣтственная поэма высокому и могущественному царю Московскому, по случаю его пріѣзда въ Англію во вторникъ 11-го января 1698 года»¹⁾. Какъ извѣстно Петръ, посѣтилъ Ааглію послѣ Голландіи и пробылъ въ ней 3½ мѣсяца. Онъ прибылъ изъ Амстердама на великолѣпной яхтѣ, подаренной ему англійскимъ королемъ Вильгельмомъ III, въ сопровожденіи двухъ военныхъ судовъ. Для царя и его свиты были приготовлены три дома на берегу Темзы. Три дня спустя послѣ пріѣзда Петра, его посѣтилъ король. Въ маленькой комнатѣ царя, занятой нѣсколькими лицами, былъ такой тяжелый воздухъ, что для короля было необходимо выставить окно. Потомъ и Петръ отдалъ ему визитъ. Онъ былъ одѣтъ по-русски, но говорилъ по-голландски такъ свободно, что переводчику не пришлось вставить ни слова. Вообще онъ не очень понравился королю, и послѣдній отзывался о немъ не особенно сочувственно. Хотя Петръ преимущественно занимался въ Англии изученіемъ кораблестроительнаго дѣла и столярнымъ ремесломъ, но онъ также осматривалъ достопримѣчательности Лондона, изъ которыхъ ему понравились только корабли. Онъ присутствовалъ во время засѣданія парламента, но смотрѣлъ чрезъ окно и выражалъ неудовольствіе на ограниченіе королевской власти. Петръ выказалъ значительное вниманіе къ англійской церкви и присутствовалъ не только при богослуженіи тамъ, но посѣтилъ и собраніе квакеровъ. Епископъ Барнетъ сдѣлалъ нѣсколько визитовъ царю и вынесъ самое неблагопріятное о немъ впечатлѣніе, произведенное грубостью его нрава. Чрезъ нѣсколько времени Петръ переехалъ на жительство въ Дентфордъ, по близости къ верфямъ и ѣздилъ въ вувльчекій арсеналъ, все съ одною цѣлью изученія морского и артиллерійскаго дѣла. Осмотръ морскихъ судовъ въ Портсмутѣ и большіе маневры флота произвели на Петра самое благопріятное впечатлѣніе. Несмотря на всѣ эти разъѣзды и частыя пирушки у себя, онъ не забывалъ необходимыхъ заупокъ для Россіи по морской части и найма многихъ рабочихъ и мастеровыхъ въ Москву. Между прочимъ онъ заключилъ договоръ съ лордомъ Кармартенемъ о

¹⁾ Congratulatory Poem to the High and Mighty Czar of Moscow, on his Arrival in England on Tuisday the 11-th of this Instant January 1697—1698. London. Printed and Sold by I. Bradford in Little Britain 1698.

доставкѣ въ Россію нѣсколькихъ тысячъ ящиковъ табаку, при чемъ на боязнѣ англичанъ, что патріархъ будетъ противодѣйствовать ввозу табака, Петръ спокойно сказалъ: «Не понимаю зачѣмъ вмѣшиваться духовенству въ свѣтскія дѣла; патріарху надлежитъ заботиться о вѣрѣ, а не быть таможеннымъ инспекторомъ». Наконецъ даръ отдалъ прощальный визитъ королю и 21-го апрѣля выѣхалъ обратно въ Голландію, ровно 205 лѣтъ тому назадъ. Образованные и просвѣщенные англичане относились къ Петру очень сочувственно, особенно хваля его за простоту и жажду знанія. Извѣстный ученый писатель Францисъ Ли расточалъ большія похвалы Петру за его стремленія къ просвѣщенію и желаніе произвести реформы на родинѣ. Вѣроятно, неизвѣстный авторъ оды на пріѣздъ Петра Великаго принадлежалъ къ этому кружку англичанъ. Его поэма отличалась высервными выраженіями того времени и все же любопытна по своему содержанию. Мы приведемъ ее въ возможно близкомъ прозаическомъ переводѣ: «Добро пожаловать, великій монархъ, къ нашимъ счастливымъ берегамъ, гордящимся теперь славой, которой прежде не знавали. Какой пламенный восторгъ должна выказать храбрая Британія, благословенная миромъ, Вильгельмомъ Нассаускимъ и вами. Этотъ миръ, величайшій даръ, ниспосланный небомъ, нашимъ королемъ и вами, славнѣйшими людьми, какихъ только можетъ показать свѣтъ, наполняетъ радостью улыбающіяся страны, которымъ доставлены такое счастье и слава. Вы оба, близнецы судьбы, своимъ торжественнымъ шествіемъ подчиняете себѣ Магомета и христіанскихъ турокъ. Иди же, великій повелитель, и продолжай свою славную задачу; пусть твоя великая душа побѣдами сіяетъ, и да сверкаетъ мечъ твой надъ гордой Азіей; его лучи да ослѣпляютъ побѣжденныхъ татаръ, и да ниспосылаетъ твоя побѣдоносная сталь законъ Востоку, тогда какъ наассаускій скипетръ держать въ страхѣ Западъ. Христа передовые устои, вы удерживаете христіанъ отъ гибели и высоко держите ихъ церковь и евангеліе. Твое имя, великій россиянинъ, заставляетъ Римъ задуматься объ убитыхъ герояхъ и снова бояться сѣверныхъ народовъ. Твой воинственный сѣверъ — магнитъ, притягивающій блестящую сталь и оружіе, а среди холода словно возбуждаетъ теплоту миромъ. Но то, чего солнце лишаетъ земли, то даруется имъ твоимъ внутреннимъ жаромъ. Влекомый этимъ жаромъ, ты обѣгаешь весь свѣтъ, какъ Фебъ, начиная съ вотоска, гдѣ восходитъ солнце, и по дорогѣ золотишь своими лучами нашу Британію. Да превзойдешь ты римскія завоеванія, и да будешь ты, царь, болѣе великъ, чѣмъ Цезарь!»

— Новое изданіе мемуаровъ Казановы. Давно уже извѣстно подлинное изданіе знаменитыхъ мемуаровъ Казановы, величайшаго изъ авантюристовъ XVIII вѣка. Оно вышло въ 12-ти томахъ по-итальянски, переведено на всѣ языки и славится самымъ скандальнымъ, цыничнымъ и порнографическимъ содержаніемъ, представляя, однако, замѣчательную и любопытную хронику XVIII вѣка. Въ историческомъ и общественномъ отношеніи они до того интересны и даже важны, несмотря на ихъ неточность, недостоверность и фантастичность, что одинъ анонимный англійскій авторъ издалъ недавно эти мемуары въ приличной передѣлкѣ, сокративъ ихъ до двухъ томовъ ¹⁾. Такимъ

¹⁾ The Memoirs of Jacques Casanova de Selngalt the prince of Adventures. 2 vol. London. 1902.

образомъ явилась возможность прочесть извѣстную свѣтскую хронику европейскихъ нравовъ за двѣсти лѣтъ тому назадъ, внѣ всякаго опасенія оскорбить зрѣніе и слухъ порнографическими подробностями. Впрочемъ американскій авторъ Симонсъ недавно посѣтилъ замокъ Дуксъ, гдѣ жилъ въ послѣдніе годы Казанова, и, основательно изучивъ хранящіеся тамъ подлинникъ его мемуаровъ, заключилъ, что они буквально точны и справедливы¹⁾. Онъ приходитъ въ совершенный восторгъ отъ извѣстной порнографической хроники и совѣтуетъ всѣмъ чгаты ея въ подлинникъ, даже дополняя ея находящимися въ Дуксъ и неизвѣстными до сихъ поръ его любовными письмами. При этомъ онъ приводитъ нѣсколько отрывковъ изъ этихъ писемъ, и они дѣйствительно очень характерны по своей оригинальности и циничности. Напримѣръ, онъ говоритъ между прочимъ: «Молодая дѣвушка, хорошенькая, добрая и нравственная, насколько вамъ угодно, не должна жаловаться на мужчину, если онъ, побуждаемый ея прелестями, пытается, во что бы то ни стало, овладѣть ею. Если ему это не удастся добромъ, и онъ прибѣгаетъ въ своей страсти къ преступленію, то она все-таки не должна обижаться и обращаться съ нимъ недружелюбно: на противъ она должна быть съ нимъ нѣжна и если не любить, то сожалѣть его и довольствоваться тѣмъ, что сама она остается нравственной». Эти слова какъ нельзя болѣе рисуютъ знаменитаго циника, развратнаго кутилу, игрока и негодяя во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ извѣстенъ былъ подъ именемъ Казанова де Синьяль и родился въ Венеціи въ 1725 г. Отличаясь блестящими способностями, онъ отлично учился въ Падуѣ и нашелъ себѣ мѣсто у кардинала Аквавивы. Затѣмъ онъ посѣтилъ Римъ, Неаполь, Корфу и Константинополь въ качествѣ публициста, аббата и проповѣдника, а главнымъ образомъ авантюриста, отъ 1748 по 1753 г. онъ путешествовалъ по Франціи и Германіи. Вернувшись въ Венецію, Казанова близко сошелся съ французскимъ посланникомъ, аббатомъ Берни и англійскимъ Муреємъ. Его умѣнье писать сатирическіе сонеты, ловкость въ игрѣ, доходящая до шулерничества, и замѣчательное кудесничество, возбуждавшее довѣріе аристократовъ, обратило на него вниманіе инквизиторовъ, которые подвергли его заключенію на 5 лѣтъ. Однако черезъ три года онъ бѣжалъ оттуда и съ тѣхъ поръ сдѣлался знаменитостью. Онъ снова продолжалъ свои безконечныя авантюристскія продѣлки въ Парижѣ и Лондонѣ, гдѣ онъ особенно прославился связью съ г-жей Корнели. Въ Парижѣ онъ завелъ мануфактуру дорогихъ матерій, но она не имѣла успѣха, напротивъ, введенная имъ публичная лотерея существовала до 1836 года. Принужденный наконецъ покинуть Парижъ, онъ странствовалъ по всей Европѣ, въ томъ числѣ въ Испаніи и Россіи. Онъ былъ пріятелемъ Вольтера, Руссо, Суворова, Екатерины II, Фридриха Великаго, Людовика XV, герцога Шуазеля и Помпадуръ. Благодаря своей ловкости, изворотливости и нахальству, онъ постоянно жилъ богатымъ вельможей, хотя иногда принужденъ былъ, ради существованія, играть въ оркестрѣ второстепенныхъ театровъ. Въ то время обманывать, особенно въ карты, и всякаго рода шарлатанствомъ было въ модѣ, и Казанова соперничалъ съ неменѣе знаменитыми Калиостро и Сень-Жерменомъ.

¹⁾ Casanova at Dux, by Symons North American Review. Septembre, 1902.

Наконецъ послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ бібліотекаремъ графа Вальштейна, въ замкѣ Дуксъ, въ Чехіи, гдѣ написалъ свои знаменитыя мемуары. Нѣкоторые біографы увѣряютъ, что онъ исполнялъ дипломатическія миссіи отъ различныхъ европейскихъ дворовъ и даже служилъ одно время полицейскимъ агентомъ венеціанскихъ инквизиторовъ. Во всякомъ случаѣ онъ спокойно провелъ свою старость въ Дуксъ и умеръ въ 1798 году на 73-емъ году отъ рожденія.

— Лондонъ въ XVIII вѣкѣ. Извѣстный англійскій романистъ и публицистъ, сэръ Вальтеръ Безантъ, былъ знатокомъ стариннаго Лондона и авторомъ многихъ сочиненій, описывавшихъ англійскую столицу по ея отдѣльнымъ кварталамъ: «Лондонъ», «Вестминстеръ», «Южный Лондонъ» и «Восточный Лондонъ». Всѣ эти четыре книги составляютъ въ историческомъ и общественномъ отношеніи интересную картину столицы Англіи въ ея прежнемъ и настоящемъ положеніи. Однако все это, повидимому, не удовлетворяло Безанта, пламенно любившаго Лондонъ, хотя онъ и не родился въ немъ. Онъ страстно желалъ составить подробное изслѣдованіе великаго города, улица за улицей и домъ за домомъ, при чемъ внутренняя и внѣшняя жизнь ихъ обитателей была бы представлена въ живыхъ краскахъ. Нѣчто подобное было исполнено Джономъ Сто; онъ описалъ Лондонъ въ XVI вѣкѣ, но въ сухомъ статистическомъ и топографическомъ отношеніи, трудъ же сэра Вальтера Безанта, заключавшій въ себѣ основательное изслѣдованіе прошедшаго и настоящаго, представлялъ громадную задачу и, посвятивъ ей многіе годы, онъ умеръ, далеко не окончивъ своей тяжелой задачи. Однако послѣ него осталось много, болѣе или менѣе обработаннаго матеріала, и вдова его, лэди Безантъ, рѣшилась выпускать на свѣтъ по частямъ то, что сохранилось послѣ «великаго историка Лондона XIX столѣтія», какъ она его называетъ. Первымъ значительнымъ отрывкомъ изъ его колоссальной работы является объемистый томъ подъ названіемъ «Лондонъ въ XVIII столѣтіи»¹⁾. Онъ содержитъ въ себѣ безконечное число отдѣльныхъ главъ, которыя развиваютъ предъ читателямъ панораму Лондонской жизни того времени. Одни названія этихъ главъ достаточно характеризуютъ ихъ содержаніе. Именно: «Историческія замѣтки», «Городъ и улицы», «Церкви и часовни», «Управленіе Сити и торговля», «Нравы и обычаи», «Общества и удовольствія», «Преступленія, полиція и правосудіе», «Литература» и т. д. Самыя интересныя главы тѣ, которыя посвящены обществу и его нравамъ. Вотъ, напримеръ, какъ характеристично и блестяще рисуетъ авторъ портретъ лондонскаго гражданина XVIII вѣка: «Часто задавали вопросъ, былъ ли Лондонъ или его житель счастливѣе въ XVIII вѣкѣ, чѣмъ теперь, но никогда не давали на это отвѣта. Въ дѣйствительности счастье зависитъ отъ возрѣнія на жизнь; мы счастливы, если осуществляется то, что мы желаемъ, поэтому слѣдуетъ посмотреть, чего желалъ лондонскій гражданинъ въ 1760 г. Онъ прежде всего желалъ столько благоденствія въ жизни, чтобы отъ него были далеки банкротство и долговая тюрьма. Чтобы добиться этой цѣли, лондонскій гражданинъ, или гражданинъ Сити, вставалъ рано и ложился поздно, жилъ скромно,

¹⁾ London in the eighteenth Century. By sir Walter Besant. London. 1903.

пока его сундуки не наполнялись золотомъ, вель себя прилично, былъ нравственнымъ и религиознымъ человѣкомъ. Наконецъ купилъ только насчетъ своей корпорации. Его жена придерживалась тѣхъ же правилъ. Они бѣли очень просто и довольствовались за обѣдомъ жареной говядиной и пудингомъ, а за чаемъ поджаренными ломтиками хлѣба; когда они становились богаче, то раза два въ годъ посѣщали вокзалъ и Мэрилебонъ. Драмѣ они не признавали, опера была для нихъ недоступна, а искусства и литература были для нихъ terra incognita. Иногда по праздникамъ они играли въ карты и по воскресеньямъ ходили два раза въ день въ церковь. Жена знала многихъ жительницъ Сити и ѣздила къ нимъ съ визитами, причемъ надѣвала шелковое платье, а мужъ непременно носилъ золотую цѣпочку. Лѣтомъ главнымъ ихъ развлеченіемъ были поѣздки въ Тотенгамъ или въ Вальтамсто. Что касается мужа, то онъ посѣщалъ свой клубъ по опредѣленнымъ днямъ или ежедневно. Въ то время въ Лондонѣ существовали разнообразныя клубы, но онъ выбиралъ себѣ серьезный, трезвый клубъ, не допускавшій пѣнья или другихъ забавъ. Члены этого клуба сидѣли вокругъ столовъ и разговаривали достойнымъ образомъ, обращаясь другъ къ другу, какъ слѣдуетъ достойнымъ людямъ. Такого рода гражданинъ, конечно, былъ счастливъ, насколько возможно человѣку, потому что онъ имѣлъ все, что желалъ, жилъ согласно своему желанію, умиралъ съ большимъ состояніемъ и память о немъ сохранялась съ уваженіемъ и даже завистью среди такихъ же гражданъ». Подобныхъ блестящихъ страницъ въ книгѣ Безанта много; онѣ напоминаютъ его обычный стиль описательнаго, а не философскаго историка и живого образнаго беллетриста. Но, къ большому сожалѣнію, онъ не называетъ источниковъ, изъ которыхъ черпалъ свѣдѣнія, увѣряя, что онъ заимствовалъ ихъ изъ забытыхъ книгъ и скучныхъ романовъ. Если это и справедливо, то не мѣшало бы все-таки назвать эти скучныя романы и забытыя книги.

— Вольтеръ и масоны. До сихъ поръ оставался нерѣшеннымъ вопросъ, былъ ли Вольтеръ масономъ. Теперь, благодаря найденнымъ документамъ и рукописямъ, онъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, и по этому поводу и въ «La Nouvelle Revue» помѣщена статья ¹⁾ Армана Шарпантье. Въ XVIII вѣкѣ масонскія ложи не имѣли того антирелигіознаго характера, какъ впоследствии, и даже набожный Людовикъ XVI, а также многіе аббаты были масонами. Великій Востокъ былъ основанъ въ 1773 г., а, три года спустя, уже существовало 198 ложъ, изъ которыхъ 35 находились въ Парижѣ. Въ 1789 г. количество ихъ увеличилось до 629, изъ которыхъ 63 были парижскія. Между ними не было полнаго согласія идей, и самой либеральной считалась ложа Девяти Сестеръ. Настоящимъ создателемъ послѣдней былъ Гельвецій, который сошелся съ астрономомъ Лаландомъ, чтобы сгруппировать масоновъ изъ людей науки, философовъ, литераторовъ и всякаго рода артистовъ, а также людей, отличавшихся образованіемъ и воспитаніемъ. Оба они уже принадлежали къ масонамъ и занимали высокое положеніе. Они думали устроить новую ложу, какъ бы

¹⁾ Voltaire et la Franc-Maçonnerie, par Armand Charpentier «La Nouvelle Revue», 1 Mars 1903.

энциклопедическую мастерскую, под покровительствомъ Музъ, девяти сестеръ Парнаса, вдохновительницъ изящной литературы, искусствъ и наукъ. Но Гельвецій умеръ, прежде чѣмъ реализировалъ свой проектъ, и эту ложу основалъ Лаландъ. Прежде чѣмъ окончательнo исполнить формальности, онъ окружилъ себя нѣкоторыми преданными масонами, и всѣ они собирались у жены Гельвеція, на дачѣ въ Отейлѣ, гдѣ вербовали послѣдователей. Тамъ встрѣчались Тюрго, попавшій въ немилость, съ Франклиномъ, пріѣхавшимъ изъ Америки, и многіе другіе знаменитые люди. 11 марта 1776 г. была прислана въ Великій Востокъ просьба признать уставъ новой ложи и на другой день отправлена въ Парижскую палату, чтобы сдѣлать о ней докладъ. Только 9-го іюля, послѣ различныхъ перипетій, ложа Девяти Сестеръ получила свой уставъ. Лаландъ былъ избранъ главою ложи, кромѣ девяти братьевъ. Въ концѣ перваго года своего существованія тамъ было до 60 членовъ, а чрезъ два года эта цифра увеличилась до 160 ч., благодаря имени Лаланда. На первомъ большомъ собраніи всѣ литераторы произнесли рѣчи послѣ своего пріема, точно также всѣ музыканты исполнили пьесы. Въ члены ложи принимались лишь избранныя лица. Въ самый разгаръ блеска ложи Девяти Сестеръ вступилъ въ нее 84-лѣтній Вольтеръ. Послѣ двадцатилѣтняго пребыванія на швейцарской границѣ онъ почувствовалъ близкій конецъ и пожелалъ увидѣться съ друзьями. Съ этою цѣлью онъ возвратился въ Парижъ въ февралѣ 1778 года. Несмотря на свой возрастъ и пятидневный путь, онъ не былъ слишкомъ утомленъ и на другой же день принималъ многочисленныхъ поклонниковъ. Однако чрезъ недѣлю онъ такъ былъ этимъ утомленъ, что его врачъ, Тронженъ, предписалъ ему полное спокойствіе. Въ началѣ марта онъ оправился и даже присутствовалъ на репетиціи «Ирены», для чего къ нему собрались всѣ актеры. Но все-таки онъ не могъ присутствовать на первомъ представленіи 16 марта, которое окончилось полнымъ триумфомъ. Масоны ложи Девяти Сестеръ послали къ нему депутацію съ поздравленіемъ. Послѣ этого пріема Вольтеръ рѣшился на церемонію посвященія въ масоны, избравъ для этого 7 апрѣля. 30 марта ему были устроены торжественныя оваціи въ академіи и французскомъ театрѣ. Набережная, гдѣ онъ проѣзжалъ, была запружена народомъ, который слѣдовалъ за нимъ съ громкими привѣтствіями. Когда доложили о пріѣздѣ Вольтера, академія вся вышла къ нему навстрѣчу, честь, которую не оказывали даже иностраннымъ государямъ. Посвященіе Вольтера въ масоны было какъ бы парижскимъ событіемъ, несмотря на то, что подобныя церемоніи обыкновенно бывали окружены таинственностью. Залъ былъ великолѣпно убранъ. Предѣлательствовалъ Лаландъ, при содѣйствіи полковника Лароша и графа Строганова, камергера Екатерины. Болѣе 250 человекъ посѣтителей присоединились къ членамъ ложи; весь цвѣтъ французскаго масонства былъ налицо. Аббатъ Кордье де Сень-Ферменъ представилъ Вольтера къ посвященію, давъ понять, что столь литературное собраніе, какъ масонское, должно быть польщено желаніемъ знаменитаго во всей Европѣ человека сдѣлаться масономъ, при этомъ напоминая о преклонномъ возрастѣ и слабомъ здоровьѣ неопита. Ложа рѣшила не утомлять Вольтера обычными испытаніями и ограничиться лишь тѣмъ, что проведетъ его между двухъ колоннъ съ незавязанными глазами, и только черныи

занавѣсъ скроетъ отъ него Востокъ до извѣстнаго момента. За Вольтеромъ была отправлена коммисія изъ девяти человѣкъ, которая ввела его въ храмъ .. Онъ шелъ, опираясь на руку Франклина. Философскіе и моральныя вопросы ему задавалъ Лаландъ. Его отвѣты привели въ восторгъ присутствующихъ. Онъ, казалось, находился подъ сильнымъ впечатлѣніемъ и былъ еще болѣе взволнованъ, когда вдругъ раздвинулась черная занавѣсъ, и онъ увидѣлъ блестяще освѣщенный Востокъ, гдѣ сидѣли знаменитые люди. Тогда его провели къ Лаланду, который предложилъ ему обычную клятву, послѣ чего онъ получилъ званіе ученика со всѣми «знаками, словами и прикосновениями, согласно градациі». Въ это время масонскій оркестръ подъ управленіемъ скрипача Каирона игралъ третью симфонію Генена. Одинъ изъ масоновъ, актеръ Французской Комедіи, Ларивъ, надѣлъ Вольтеру на голову лавровый вѣнокъ, который послѣдній поспѣшилъ снять. Когда Лаландъ подвязалъ ему фартукъ Гельвеція, то Вольтеръ быстро поднесъ его къ губамъ, воздавъ публично честь памяти великаго человѣка. Затѣмъ, какъ доказательство особаго почтенія къ неопиту, его посадили среди членовъ Востока, и Лаландъ обратился къ нему съ рѣчью. Въ ней онъ назвалъ Вольтера другомъ человѣчества и прибавилъ: «Какой гражданинъ лучше васъ служить родинѣ, просвѣщая ее относительно ея обязанностей и настоящихъ интересовъ, изгоняя гнусный фанатизмъ и смѣшное суевѣріе, призывая къ истиннымъ правдамъ, исторію къ ея настоящей цѣли, законъ къ его основному безкорыстію. Передаю вамъ фартукъ, который представляетъ трудолюбіе и полезную дѣятельность, каменщицью лопатку, которая служитъ, чтобы скрывать недостатки нашихъ братьевъ; все это выражаетъ любовь къ человѣчеству, слѣдовательно выражаетъ качества, которыми вы отличаетесь. Мы ничего не можемъ къ этому прибавить, принимая васъ въ нашу среду, какъ только дань нашего восхищенія и благодарности». Вольтеръ поблагодарилъ ложу импровизаціей, вызвавшей оваціи. Затѣмъ нѣсколько поэтовъ прочитали свои стихи, а этимъ временемъ Монне, портретистъ короля, нарисовалъ портретъ Вольтера, послѣ чего перешли въ банкетный залъ завтракать. По окончаніи Вольтеръ попросилъ разрѣшенія удалиться. Его провожали многочисленные братья масоны, къ которымъ присоединилось множество лицъ, ожидавшихъ на улицѣ его появленія. Несмотря на страшную усталость, онъ все-таки показался на балконѣ своей квартиры, а вечеромъ присутствовалъ на спектаклѣ у г-жи Монтессовъ. Черезъ семь недѣль, 30 мая, Вольтеръ умеръ, послѣ того какъ получилъ радостную вѣсть, что благодаря его ходатайству приговоръ надъ графомъ Лалли-Толандалемъ уничтоженъ. Такимъ образомъ за два мѣсяца до смерти Вольтеръ сдѣлался масономъ. Если объ этомъ не знали раньше, говоритъ Шарпантье, то потому, что плохо рылись въ масонскихъ архивахъ. Даже многіе изъ масоновъ не вѣдали, что Вольтеръ былъ ихъ братомъ.

— Лафатеръ и Гете. Забытый Лафатеръ снова выглянулъ на Божій свѣтъ, благодаря появившемуся въ Цюрихѣ сборнику статей¹⁾ по поводу столѣтія со

¹⁾ Iohan Gaspar Lavater (1741—1801). Denkschrift zur Hundertsten Wiederkehr seines Todestages. Zürich. 1902.

дня его смерти. Обыкновенно, имя знаменитого философа, поэта, оратора и богослова вызываетъ представление о человѣкѣ, который по формѣ носа и цвѣту глазъ судить объ интеллектуальныхъ способностяхъ своихъ современниковъ. Однако, его «Философическіе отрывки, предназначенные усилить взаимное знаніе и любовь между людьми», возбудили вниманіе всей Европы и привели въ восторгъ Гете. Впрочемъ, изученіе человѣческаго характера по чертамъ лица и разбѣру черепа было лишь для него развлеченіемъ, а не серьезнымъ занятіемъ. Какъ извѣстно, Лафатеръ родился въ Цюрихѣ въ 1741 г. и былъ впоследствии протестантскимъ пасторомъ. Это былъ въ высшей степени благородный человѣкъ, съ чистой, чудной, великодушной, безкорыстной, любящей и сострадательной душою. Единственнымъ и самымъ невиннымъ его недостаткомъ было литературное тщеславіе и вѣра въ справедливость своихъ идей. Несмотря на то, что его идеи были не всегда справедливы, но онѣ представляли чистое очарованіе, отражая все, что было въ немъ особеннаго и привлекательнаго, и хотя онъ писалъ отвратительные стихи, но въ душѣ былъ настоящій поэтъ. Необычайно дѣятельный, плодотворный и алчный до всего мистическаго, умъ его обладалъ въ то же время въ высшей степени гармонической и солидной красотой. Къ сожалѣнію, никто теперь не отважится читать произведеній Лафатера, благодаря двумъ важнымъ недостаткамъ. Первый — это невозможный стиль. Что же касается исторіи его идей, то съ 1775 г. Лафатеръ проводилъ въ нихъ «культъ генія», который сдѣлался главнымъ принципомъ въ нѣмецкомъ романтизмѣ и недалекъ отъ «сверхчеловѣка». Но въ проводимыхъ идеяхъ у него проявляется какая-то сумбурная разбросанность. Такъ, описывая кости черепа, онъ сразу говоритъ о богословіи; упоминая о Тайной Вечери, онъ вставляетъ любопытное магнетическое исцѣленіе. Второй его недостатокъ — невозможность безусловно довѣрять ни одному высказанному имъ сужденію о людяхъ. Его другъ Гете сознавался, что «цюрихскій философъ» умѣлъ угадывать характеръ по чертамъ лица, но по свойственной ему чистотѣ души онъ признавалъ у всѣхъ благородство мысли и прочія блестящія качества, въ чемъ часто ошибался. Будучи великодушнымъ и щедрымъ, онъ всю жизнь былъ жертвой различныхъ иллюминатовъ, авантюристовъ и мошенниковъ. То поселялся у него какой нибудь проходимецъ, подъ предлогомъ, что его послалъ св. Іоаннъ, то онъ сѣдѣлъ въ Данію, уже больной и старый, чтобы присутствовать на сеансѣ какого-то оракула и т. д. Всѣ его обманывали и эксплуатировали. За такую дорогую цѣну онъ добился чести быть пророкомъ новыхъ наукъ, многіе вѣка оставшихся недоступными. Не было ни одного любопытнаго явленія, начиная отъ графологіи до гипнотизма, котораго бы онъ не предчувствовалъ и не объяснялъ законными науками. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ему не хватало практическаго сужденія, необходимаго для плодотворной дѣятельности, какъ въ литературномъ, такъ и въ ученномъ отношеніяхъ. Онъ сразу слишкомъ горячо относился къ людямъ, которыхъ прославлялъ, чтобы не измѣнить своего мнѣнія о нихъ на другой же день. Такимъ образомъ, недостатокъ мѣры, который виденъ въ его стилѣ, отражается и въ его мысляхъ. Вслѣдствіе этихъ недостатковъ его труды заранѣе приготовили себѣ печальный конецъ. Благодаря вышеозначеннымъ недостаткамъ, также за-

быта его религіозная доктрина, когда-то вызывавшая горячій энтузіазмъ и страстную ненависть. Эту доктрину разсмотрѣлъ швейцарскій богословъ Шултессъ-Рехбергъ въ одной изъ главъ юбилейнаго сборника, напечатаннаго подъ покровительствомъ Муниципальной библіотеки въ Цюрихѣ. На мнѣніе философовъ и богослововъ того времени, что христіанство можетъ быть только собраніемъ нравственныхъ правилъ подъ строгимъ контролемъ естественной религіи, Лафатеръ, питавшійся Евангеліемъ и «Подражаніемъ Христу» возмущался этимъ униженіемъ христіанскаго идеала, отвѣтилъ: «Естественная религія, естественное богословіе? Онѣ никогда не существовали и не будутъ существовать! Вопросъ для христіанина—знать, чему его учить Евангеліе, а не то, чему его учить какая-то естественная религія, которая ничего не можетъ ему сказать». Произведенія богослововъ рачіоналистовъ казались Лафатеру «фиглярствомъ». Ни дѣла, ни вѣра, по его мнѣнію, не могли основываться только на человѣческомъ разумѣ. «Человѣчскій разумъ лишь относительная и ограниченная функція, какъ другія наши функціи; оставленный на свои собственные силы, онъ не можетъ имѣть притязанія открыть предъ нами истину. Чтобы сдѣлаться дѣйствительнымъ и представить намъ познаніе и направленіе, которыхъ мы ждемъ отъ него, онъ долженъ быть пополненъ откровеніемъ. Оно есть продолженіе и довершеніе разума, необходимая сила для развитія воспитанія, человѣколюбія». Лафатера часто упрекали за его теорію чудеснаго, которая подвергала его различнымъ нецрїятнымъ случайностямъ и обманамъ. Онъ не переставалъ разспрашивать друзей о различныхъ случаяхъ магнетизма и двойнаго зрѣнія и усидчиво работалъ, чтобы реализовать великое чудо—общеніе съ Богомъ. Въ особенности, онъ проповѣдывалъ любовь, какъ самое главное христіанское чувство: «Любить и быть любимымъ,—говорилъ онъ,—это жить и давать жить другимъ: нѣтъ другой религіи и другого спасенія». Къ великому негодованію протестантовъ, онъ даже признавалъ образа и прочія католическія святыни, говоря: «Будь проклятъ тотъ, кто называетъ идолопоклонствомъ культъ Христу». Старый Кантъ, молодой Фихте, Гердеръ и Гете восхищались поэтическимъ, философскимъ и богословскимъ умомъ Лафатера. Въ 1773 году двадцатипятилѣтній Гете послалъ ему своего «Goetz von Berlichingen'a». Его, повиднмому, привлекалъ къ себѣ тридцатипятилѣтній швейцарскій мудрецъ. Это вызвало начало ихъ переписки. Въ 1774 г. они встрѣтились во Франкфуртѣ и провели вмѣстѣ одинъ день въ Эмсѣ; затѣмъ Гете прожилъ нѣсколько недѣль въ Цюрихѣ у Лафатера. Онъ туда возвратился, четыре года спустя, вмѣстѣ съ великимъ герцогомъ Веймарскимъ, которому онъ давно представилъ Лафатера. Гете исправлялъ корректуру «Физиономическихъ отрывковъ», въ которыхъ Лафатеръ назвалъ типъ Гете самымъ гениальнымъ. Гете съ своей стороны восхищался имъ и писалъ г-жѣ Штейнъ въ 1770 году: «Сношенія съ Лафатеромъ, главное событіе путешествія для великаго герцога и меня. Никакими словами нельзя объяснить превосходство этого человѣка. Онъ величайшій, наилучшій, наимудрѣйшій и самый душевный изъ всѣхъ смертныхъ и бессмертныхъ людей, которыхъ я когда либо зналъ». Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: «Лафатеръ продолжаетъ быть поддержкой для насъ... Правда—всегда новая вещь, и каждый разъ, когда видишь человѣка такой полной правды, то

выносишь впечатлѣніе возрожденія». Другу своему Кнебелю онъ писалъ: «Лафатеръ остается единственнымъ человѣкомъ. Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, ни у израильтянъ, ни у язычниковъ я не находилъ столько правды и любви, вѣры и терпѣнія, силы и мудрости, доброты, разнообразія и спокойствія... Онъ сравнилъ Лафатера съ «Рейнскимъ водопадомъ въ Шафгаузенѣ»:—«Каждый разъ, когда находишься въ его присутствіи,—писалъ онъ,—то поражаешься его усовершенствованіемъ. Онъ лучший изъ лучшихъ, онъ цвѣтъ человѣчества». Вотъ какія отношенія были въ 1779 году между Гете и Лафатеромъ. Съ перваго же письма Гете предупредилъ, что «онъ не христіанинъ». Лафатеръ поспѣшно отвѣтилъ ему, что предпочитаетъ язычниковъ многимъ христіанамъ: «Кто можетъ,—писалъ онъ,—быть настолько увѣреннымъ, въ своей собственной вѣрѣ чтобы судить о вѣрѣ другихъ?» Признаніе Гете не измѣнило ихъ отношеній. Но въ 1782 г. Гете внезапно замѣтилъ, что онъ слишкомъ «нехристіанинъ» и не можетъ оставаться въ дружбѣ съ пасторомъ, да еще съ такимъ «христіаниномъ». Получивъ отъ Лафатера его «Понтія Пилата», онъ откровенно признался своему другу, что эта книга его возмутила. Лафатеръ умолялъ указать ему мѣста, за которыя его упрекалъ другъ. На это Гете отвѣтилъ, что у него совершенно иные взгляды. Съ тѣхъ поръ ненависть Гете къ Лафатеру замѣнилась любовью, и въ 1786 г. онъ писалъ г-жѣ Штейнъ: «Лафатеръ пріѣхалъ въ Веймаръ и живетъ у меня. Мы не обмѣнялись ни словомъ дружбы. Еще разъ онъ показался мнѣ совершенствомъ, но моя душа осталась безчувственна къ нему, какъ чистая вода въ стаканѣ». Въ слѣдующемъ году онъ послалъ Гете свою новую книгу «Нааанаилъ», посвященную «Нааанаилу, часть котораго еще не пришелъ». При этомъ онъ, не подозрѣвая происшедшаго въ чувствахъ Гете кризиса, выражалъ надежду, что часть не замедлитъ наступить. Въ отвѣтъ Гете написалъ на обрывкѣ бумаги: «Ты съ своей болтовней попалъ въ дурной моментъ. Я не Нааанаилъ и не считаю дать Нааанаиламъ моей расы урокъ, который ихъ отвлечетъ отъ твоего ученія. И такъ, прочь отъ меня, софистъ, или берегись ударовъ». Онъ отказался отвѣчать на слѣдующія письма Лафатера и даже не принялъ его во время своего пріѣзда въ Цюрихъ въ 1797 г. Наконецъ, онъ осмѣялъ его публично въ знаменитомъ стихотвореніи «Ксенія» въ Альманахѣ Музъ. Бѣдный Лафатеръ понялъ, что сердце Гете навѣки потеряно для него, однако успокаивалъ себя, что рано или поздно сердце его откроется для истины. Въ политическомъ отношеніи Лафатеръ сначала отнесся благопріятно къ революціоннымъ реформамъ, но вскорѣ протестовалъ противъ учрежденій, введенныхъ французами въ Швейцаріи. Во время кампаніи Массены, когда французы вошли въ Цюрихъ, одинъ солдатъ смертельно его ранилъ, и онъ умеръ 1801 году.

— Мемуары полковника Жоли о 1812 годѣ. Литература о 1812 г. обогатилась еще любопытными мемуарами¹⁾. Одинъ изъ участниковъ похода на Москву, французскій полковникъ Жоли, оставилъ племянникамъ свои воспоминанія объ этомъ роковомъ для французовъ походѣ въ назиданіе,

¹⁾ Souvenirs et récits du colonel Jolly sur la campagne de Moscou. «La Revue hebdomadaire», 28 Mars—5 Avril 1903.

что «если великій человекъ и ошибся, онъ тѣмъ не менѣе остается великимъ». Полковникъ Жоли родился въ Жонзакѣ, близъ Ангюлема, и поступилъ очень молодымъ на военную службу; благодаря отвагѣ и храбрости, онъ заслужилъ чины. Въ 1796 году Жоли женился на молодой дѣвушкѣ, красота которой соперничала съ храбростью. Когда Жоли былъ раненъ въ Германіи и переправленъ въ Дрезденъ, то молодая женщина ухаживала за мужемъ и, ни на что не смотря, послѣдовала за нимъ, когда армія покинула городъ. Во все время похода 1812 года она выказывала себя героически храброй и въ то же время милосердной, за что получила лично отъ Наполеона орденъ на полѣ сраженія, при чемъ онъ называлъ эту смѣлую женщину «своимъ другомъ». По возвращеніи изъ Россіи они поселились въ Парижѣ. Въ своихъ мемуарахъ Жоли сообщаетъ нѣкоторыя новыя подробности. Известно, что Наполеонъ былъ суевѣренъ, и это, вѣроятно, отнимало у него немало энергій. Подъѣзжая верхомъ къ Нѣману, лошадь императора упала и сбросила его съ сѣдла, на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, въ песокъ.—«Дурное предзнаменованіе, — сказалъ Наполеонъ, вставая, — римлянинъ отступилъ бы». Еще наканунѣ они видѣли русскую армію на другомъ берегу; когда же два солдата переплыли рѣку на глазахъ Наполеона, то русскіе будто замерли, и, къ удивленію французовъ, никто не появлялся. Наконецъ передъ ними предсталъ казацкій офицеръ, совершенно одинъ, и, по словамъ Жоли, казался удивленнымъ при видѣ французовъ на своемъ берегу.— Кто вы?—спросилъ онъ.—Французы.—Что вамъ надо?—Перейти Нѣманъ.—Что вы будете дѣлать въ Россіи?—Воевать, чортъ возьми,—отвѣтили будто французы. Услышавъ послѣднія слова, казакъ ничего не отвѣтилъ, пустился во весь опоръ къ Вильнѣ. Французскіе солдаты отправили ему въ тылъ три выстрѣла, но безуспѣшно. Услышавъ выстрѣлы, Наполеонъ встрепетнулся, думая, что это начало войны. Затѣмъ онъ приказалъ переправить черезъ рѣку 300 вольтижеровъ для защиты постройки мостовъ; въ то же время по всѣмъ пунктамъ разослали ординарцевъ, а въ 2 часа утра были перекинуты три моста. Въ то время, какъ три французскихъ авангарда вступали на русскую территорію, въ Вильнѣ давали балъ въ честь императора Александра, и онъ танцевалъ съ женою главнокомандующаго русской арміей, Барклая де-Толли. Когда ему доложили о появленіи французовъ на русскомъ берегу Нѣмана, онъ не прервалъ бала. Наполеонъ перешелъ безирепятственно Нѣманъ, послѣ чѣмъ овладѣло безпокойство и удивленіе: онъ понялъ, что безмолвіе русскихъ зловѣщѣе ихъ присутствія и сопротивленія. Въ этотъ моментъ раздались раскаты, и онъ сталъ прислушиваться, думая, что раздался грохотъ пушекъ, но это былъ громъ. Внезапно наступила темнота; надвинулись тучи. Наполеонъ не могъ преодолѣть своей тревоги и бросился быстро, насколько хватало духу у лошади, въ лѣсъ, сопровождаемый только нѣсколькими людьми. Становилось все темнѣе и темнѣе. Черезъ полчаса, при свѣтѣ молніи Наполеонъ возвращался, никого не встрѣтивъ на протяженіи двухъ верстъ. Въ это время буря разразилась съ неудержимой силой, и онъ отправился искать убѣжища въ сосѣднемъ монастырѣ. Въ 5 часовъ армія продолжала переходить Нѣманъ. Наполеона все болѣе и болѣе тревожило молчаніе русскихъ, и онъ рѣшился приблизиться къ рѣкѣ Вилии на четверть версты выше ея впаденія въ Нѣманъ. Русскіе, уда-

ляясь сожгли въ этомъ мѣстѣ мостъ, а устроить новый было слишкомъ долго, и по приказанію Наполеона эскадронъ кавалеріи бросился впасть. Сначала эскадронъ переправлялся въ полномъ порядкѣ, но, мало-по-малу приблизившись къ срединѣ рѣки, они встрѣтили такое сильное и быстрое теченіе, что лошади и люди, обезсилѣвъ въ борьбѣ, были имъ увлечены. Только немногіе достигли другого берега, и оставшаяся армія на Нѣманѣ узнала о судьбѣ авангарда по всплывшимъ трупамъ лошадей и людей. Въ два дня Наполеонъ достигъ дефилеевъ, защищавшихъ Вильну, и надѣялся, что его ожидаетъ тамъ Александръ, защищая Литву. Глазамъ своимъ не вѣрилъ Наполеонъ, когда увидѣлъ, что дефилеи покинуты русскими, и его авангардъ прошелъ ихъ безиреиятственно. Это обстоятельство довело императора до бѣшенства; съ его губъ посыпались на русскихъ обвинения и угрозы за то, что они были не только неуязвимы, но еще невидимы. Онъ заключилъ, что они поступали такъ съ умысломъ, и отступленіе ихъ было преднамѣренно; онъ зналъ, что если русскіе получатъ приказъ сражаться, то «это будетъ живая стѣна, которую можно опрокинуть, но она не поддастся». Во всякомъ случаѣ, хотя въ этомъ молчаніи скрывалась опасность, все-таки надо было воспользоваться отступленіемъ русскихъ, и Наполеонъ, окруженный поляками, вошелъ въ Вильну. Литовцы, увидя французовъ, которыхъ считали своими согражданами и надѣялись, что послѣдніе ихъ освободятъ изъ-подъ ига русскихъ, встрѣтили Наполеона радостными криками. Однако, Наполеонъ былъ такъ озабоченъ, что даже не обратилъ вниманія на ихъ привѣтствія и поспѣшили на французскіе аванпосты, находившіеся уже за чертою города. Тамъ впервые онъ услышалъ о русскихъ; 8-й гусарскій полкъ, неосторожно углубившійся въ лѣсъ, былъ изрубленъ русскими на куски. При этомъ извѣстіи Наполеонъ вздохнулъ съ облегченіемъ, такъ какъ наконецъ онъ имѣлъ дѣло не съ «арміей привидѣній», а съ людьми въ тѣлесномъ образѣ. Русскіе удалились въ Дриссу, и Наполеонъ чувствовалъ за ними въ догоню Мюрата съ его кавалеріей, самъ же возвратился въ Вильну и помѣстился во дворцѣ, гдѣ еще наканунѣ находился Александръ, чтобы обдумать планъ дѣйствій, такъ какъ русская армія существовала, только надо была не поймать. Фуражъ, амбулаторные обозы и прочіе еще не прибыли, но Наполеону было все ниномемъ; ему требовалось только сраженіе, такъ какъ это было для него уже побѣда, и онъ двинулъ 400.000 войскъ, не имѣя, чѣмъ ихъ кормить. Наступили черныя дни; Наполеонъ получалъ со всѣхъ сторонъ извѣстія о неудачахъ. Армія принуждена была существовать грабежомъ, и поляки, помогавшіе имъ, какъ друзьямъ, первые должны были испытать на себѣ благодарность своихъ спасителей, подвергаясь угрозамъ, убійствамъ и грабёжамъ со стороны французовъ. Все-таки, несмотря на разбойничье добываніе пици, французская армія страшно страдала. Молодежь, менѣе привычная, чѣмъ опытные старики-воины, упала духомъ, потерявъ энергію, и одинъ за другимъ «выпускали себѣ мозгъ» пулями, предназначенными для русскихъ лбовъ. На дорогахъ, то и дѣло попадались брошенные повозки съ провизіей, раскрытые и ограбленные фургоны, какъ будто ихъ захватилъ непріятель, потому что болѣе 10.000 лошадей, попробовавъ пятакъ зеленымъ овсомъ, падали массами. Обо всемъ этомъ Наполеону докладывали, но онъ ничему не вѣрилъ,

и въ какой часъ къ нему ни входили, онъ всегда лежалъ на громадныхъ картахъ, допытываясь, какую дорогу взять Александръ. Наконецъ онъ болѣе не сомнѣвался, что русская армія сосредоточилась около Смоленска и Витебска—двухъ ключей отъ Петербурга и Москвы, и тамъ-то ожидалъ его Александръ. Тотчасъ же онъ далъ надлежащій приказъ. Благодаря возникшему спору между Даву и вестфальскимъ королемъ, Багратиону удалось пробраться ранѣе французовъ; Даву настигъ его только въ Могилевѣ, и вмѣсто большого сраженія произошла незначительная схватка. Багратиону пришлось вернуться и сдѣлать лишній путь, чтобы достигъ Смоленска. Слишкомъ много писали о военныхъ дѣйствіяхъ двѣнадцатаго года, чтобы повторять ихъ, а потому мы ограничимся лишь новымъ матеріаломъ, сообщеннымъ Жюли. О русскихъ Жюли отзывался, какъ о храбрыхъ воинахъ, и, по его словамъ, когда «храбрецамъ» данъ былъ приказъ, послѣ долгаго отступленія, двинуться впередъ, то они добросовѣстно воспользовались имъ и плотной козловой наступили на французскую артиллерію. Французы стали тревожиться, видя, что тщетно стрѣляютъ въ эту плотную стѣну, не оставляя слѣдовъ. Послѣ двухчасовой схватки съ одинаковыми шансами русскіе стали отступать, но не какъ «побѣжденные, а какъ люди, повинующіеся какому-то приказу», и быстро исчезли въ лѣсу, а французы остались на открытой равнинѣ. Мюратъ и Евгений Богарне колебались преслѣдовать ихъ въ лѣсу, но въ это время Наполеонъ, видя все пзъ защищенной позиціи, пустилъ галопомъ лошадей, прискакалъ на поле сраженія и остолбенѣлъ, не видя русскихъ. Мюратъ и Евгений подкакали къ нему и рассказали, въ чемъ дѣло. «Проникните въ этотъ лѣсъ,—сказалъ имъ Наполеонъ,—это только занавѣсъ; русскіе тамъ не останутся». Вскорѣ раздалась полковая музыка, только что прибывшая. Увѣренные въ поддержкѣ Мюратъ и Евгений рѣшительно двинулись въ лѣсъ, оказавшійся темнымъ и пустыннымъ. Черезъ часъ адъютантъ донесъ Наполеону, что авангардъ прошелъ черезъ лѣсъ и занялъ позицію, съ которой виденъ Витебскъ. «Тамъ насъ ожидаютъ,—сказалъ императоръ,—я не ошибся». И, отдавъ приказъ арміи слѣдовать за нимъ, онъ самъ проѣхалъ лѣсъ и присоединился къ Мюрату и Евгению. Витебскъ разстилался передъ его глазами. Уже темнѣло и было поздно что либо предпринимать. Наступила ночь, зажглись огни, и французы болѣе не сомнѣвались, что настигли русскую армію. Каждый часъ Наполеонъ просыпался и освѣдомлялся, тамъ ли еще русскіе, на что ему отвѣчали утвердительно. Въ эту ночь онъ семь разъ призывалъ Бертъе къ себѣ въ палатку, раскинутую на возвышенномъ мѣстѣ, слѣва отъ дороги. Въ послѣдній приходъ Бертъе, Наполеонъ самъ его проводилъ до порога, чтобы убѣдиться собственными глазами въ существованіи русской арміи, послѣ чего, уснокопившись, онъ заснулъ, приказавъ разбудить себя на разсвѣтѣ. Но это приказаніе было излишне, такъ какъ въ 3 часа утра онъ уже былъ на ногахъ и, призвавъ своихъ адъютантовъ, приказалъ подать лошадей, чтобы отправиться осмотрѣть линію. Французы и русскіе находились на своихъ постахъ, и когда наступилъ день, Наполеонъ обрадовался, увидѣвъ враждебную армію, и его страхъ исчезъ; онъ убѣдился, что русскіе, если не намѣревались атаковать французовъ, то, во всякомъ случаѣ, они были, по крайней мѣрѣ, го-

товы защищаться. Когда французы перекидывали мостъ черезъ рѣчку, протекавшюю передъ ихъ линіей, русскіе не выражали никакой оппозиціи. Во время послѣдовавшей схватки Наполеонъ едва не попалъ въ плѣнъ къ русскимъ, которые, увидѣвъ его на возвышенности, въ нѣсколькихъ стахъ шаговъ, бросились къ нему; только Мюратъ и нѣсколько другихъ храбрцовъ успѣли, какъ стрѣла, къ подножью возвышенности. Егеря соскочили съ лошадей и окружили Наполеона, съ карабинами въ рукахъ. Въ то время подоспѣла дивизія Жоли, и русскіе, стали медленно удаляться, а затѣмъ пустились галопомъ. На поддорогѣ они встрѣтили 200 французскихъ вольтижеровъ; послѣднихъ французы считали уже потерянными, но они вывернулись изъ бѣды ловкимъ маневромъ. Наполеонъ пришелъ отъ этого въ восторгъ, и, забывъ, что еще недавно самъ рисковалъ попасть въ руки русскихъ, послалъ узнать у этихъ храбрыхъ солдатъ, къ какому корпусу они принадлежатъ. «Къ 9-му, государь,—доложилъ ему адъютантъ,—и всѣ они дѣти Парижа». «Вернись сказать имъ, что они храбрецы и заслуживаютъ всѣ почетныхъ крестовъ,—сказалъ Наполеонъ;—они получаютъ десять орденовъ, которые раздѣляютъ сами между собою». Это извѣстіе было встрѣчено громкимъ «ура». Въ теченіе дня соединились различные прибывшіе корпуса, и Наполеонъ, разговаривая съ Мюратомъ вечеромъ, сказалъ: «Да, завтра въ 3 часа утра взойдетъ Аустерлицкое солнце!» Мюратъ покачалъ головой, выражая сомнѣніе, и отправился раскидывать свою палатку на берегу рѣки въ нѣсколькихъ шагахъ отъ непріятели. Наполеонъ не ошибся. Барклай де-Толли намѣревался защищать входъ въ Смоленскъ, гдѣ назначилъ свиданіе Багратіону, и гдѣ послѣдній долженъ былъ, съ минуты на минуту, его настичь. Но въ 11 часовъ ночи Барклай узналъ, что Багратіона разбили въ Могилевѣ и отрѣзали сообщеніе, такъ что онъ былъ принужденъ вернуться въ Смоленскъ, гдѣ ожидалъ приказанія главнокомандующаго. Въ полночь Барклай приказалъ отступать. Это было исполнено въ такомъ образцовомъ порядкѣ и такъ тихо, что самъ Мюратъ не слышалъ ни малѣйшаго движенія, тѣмъ болѣе, что огонь, приготовленный для ночевки, продолжалъ горѣть, и вся французская армія не сомнѣвалась въ присутствіи русскихъ. На зарѣ, когда Наполеонъ проснулся и вышелъ на порогъ своей палатки, кругомъ царило молчаніе: семьдесятъ тысячъ русскихъ опять ускользнули изъ его рукъ. Онъ такъ жаждалъ сраженія съ русскими, что не хотѣлъ вѣрить въ ихъ отсутствіе, хотя въ то же время онъ началъ побавиваться неожиданностей и приказалъ своей арміи двигаться впередъ съ сильнымъ авангардомъ и съ развѣдчиками во флангахъ. Впрочемъ, вскорѣ онъ вынужденъ былъ призвать дѣйствительность, добравшись почти до середины лагеря Барклая и не найдя тамъ ни одной души, кромѣ одного солдата, снавшаго подъ кустарникомъ. Черезъ два часа они вошли въ Витебскъ, гдѣ не нашли ни души, за исключеніемъ нѣсколькихъ евреевъ. Наполеонъ никакъ не хотѣлъ допустить мысли, что русскіе вѣчно будутъ отступать, и приказалъ раскинуть себѣ палатку на дворѣ замка, желая этимъ доказать, что это только привалъ. Отправленные для рекогносцировки развѣдчики сообщили, что отъ 70.000 русскихъ не осталось и слѣдовъ: они исчезли, какъ призракъ. Имъ попалось только нѣсколько казаковъ, немедленно исчезавшихъ

при появленіи французовъ. Армія такъ удачно и тихо исчезла, благодаря хитрому маневру: ноги, какъ иѣхотпидевъ, такъ и лошадей, были обмотаны тряпичапи, что дѣлало неслышными ихъ шаги. Въ Витебскѣ Наполеона ожидало неприятое извѣстіе. Бертье доведъ, что шестая часть арміи страдаетъ дизентеріей, а еще шесть дней подобнаго похода, и у Наполеона не останется кавалеріи. Увидя изъ окна, какую хорошую защиту создала сама природа для Витебска, ему пришла мысль перезимовать въ городѣ, тѣмъ болѣе, что Литва покорена, только слѣдуетъ ее устроить, а вмѣстѣ съ тѣмъ они все-таки побѣдители, по крайней мѣрѣ мѣстности, хотя и лишились солдатъ. Витебскъ казался ему превосходной главной квартирой. Теченія Двины и Двѣпра обозначатъ французскую линію, осадная артиллерія направится къ Ригѣ, а лѣвый флангъ арміи упрется въ эту послѣднюю позицію. Такимъ образомъ, богатый лѣсами Витебскъ и обнесенный стѣнами, устроенными Наполеономъ, послужилъ бы, по его мнѣнію, прекраснымъ центральнымъ лагеремъ; правый флангъ протянулся бы до Бобруйска, которымъ овладѣли бы французы. На всей линіи онъ мысленно построилъ блокгаузы и, кромѣ провіантныхъ магазиновъ Данцига, Вильны и Минска, подвергнувъ контрибуци Курляндію, построилъ тридцать шесть громаднхъ нечей, которыя могли бы давать до 30.000 хлѣбовъ. Но это не все; онъ мечталъ совершенно преобразовать Витебскъ, улучшить его, снеся съ дворцовой площади лачуги, и, такъ какъ городъ былъ всѣми покинутъ, то пригласить на зиму лучшее и самое богатое польское общество Варшавы и Вильны и, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ, самыхъ элегантныхъ женщинъ, построить театръ и на открытіе вызвать Тальму и Марсъ, какъ онъ приглашалъ ихъ въ Дрезденъ. Въ какіе нибудь полчаса планъ созрѣлъ въ головѣ Наполеона, и, отцѣпивъ шпагу, онъ бросилъ ее на столъ. Затѣмъ обратился къ вошедшему Мюрату со словами: «Мюратъ, первая кампанія въ Россію окончена, воздвигнемъ здѣсь наши орлы. Я хочу собраться съ мыслями и сообразить дальнѣйшій планъ дѣйствій. Двѣ большія рѣки опредѣляютъ нашу позицію, образуемъ изъ войска карре такъ, чтобы пушки находились во флангахъ и внутри, а огонь скрещивался отовсюду. Въ 1813 г. насъ увидятъ въ Москвѣ, а въ 1814 г. — въ Петербургѣ. Война съ Россіей—трехлѣтняя война». «Въ этотъ моментъ,—замѣчаетъ Жоли въ своихъ мемуарахъ,—въ Наполеонѣ говорилъ добрый геній, но демонъ войны не замедлилъ снова забрать его въ свою власть. Черезъ двѣ недѣли всѣ эти проекты исчезли, и, какъ отдохнувшій усталый атлетъ, Наполеонъ продолжалъ свой путь». Послѣ этого Жоли прямо переходитъ къ вступленію въ Москву.

Когда 14-го сентября 1812 г., въ 2 ч. пополудни, послѣ утомительнаго перехода французы увидѣли Москву, то ихъ восторгъ дошелъ до апогея: они хлопали въ ладоши и радостно кричали: «Москва! Москва!». Услышавъ эти восторженныя восклицанія, прискакалъ Наполеонъ. На его лицѣ выражалась неописанная радость, и онъ вторилъ арміи, приподымаясь на стременахъ. Но внезапно по его лицу пробѣжало мрачное облако, и, опускаясь на сѣдло, онъ произнесъ: «Какъ разъ время». Армія сдѣлала привалъ, такъ какъ Наполеонъ ожидалъ, что изъ городскихъ воротъ, на которыя онъ съ жадностью смотрѣлъ, выйдетъ депутація бояръ. Но все было тихо и спокойно, какъ будто Москва

заснула: ни изъ одной трубы не подымался дымъ, и только стаи вороновъ сидѣли на золоченыхъ куполахъ Кремля. По другую сторону Москвы, въ противоположныхъ воротахъ тѣмъ, чрезъ которыя предполагали войти французы, какъ будто двигалась русская армія, все время ускользавшая отъ Наполеона, исчезая теперь на востокъ. Въ это время Мюратъ достигъ съ своимъ отрядомъ предмѣстievъ Москвы, и къ нему не вышла никакая депутація. Наполеонъ слѣдилъ за нимъ издали съ возрастающимъ безпокойствомъ. Вокругъ него собрались маршалы, тревожимые его безпокойствомъ. Увидѣвъ озабоченныя лица, окружавшихъ его генераловъ, онъ понялъ, что всѣхъ ихъ тревожить одинаковая съ нимъ мысль. — «Терпѣніе! терпѣніе! — сказалъ онъ машинально. — Эти люди такъ дики, что они не знаютъ, можетъ быть, даже какъ сдаваться». Этимъ временемъ Мюратъ проникнулъ въ Москву. Наполеонъ не могъ болѣе себя сдерживать; онъ послалъ Лакруа вслѣдъ за Мюратомъ. Послѣдній пустилъ лошадь въ галопъ и настигъ Мюрата въ тотъ самый моментъ, когда одинъ изъ офицеровъ Милорадовича объявилъ неаполитанскому королю, что генеральъ подожжетъ Москву, если не дадутъ срокъ для удаленія его арьергарда. Лакруа снова пустился въ галопъ съ этимъ извѣстіемъ къ Наполеону. — «Дайте имъ удалиться, — сказалъ Наполеонъ, — мнѣ нужна Москва цѣликомъ, отъ богатаго дворца до бѣдной лачуги».

Лакруа передалъ этотъ отвѣтъ Мюрату, находившемуся среди казаковъ, къ которымъ онъ обратился съ рѣчью. Пока шли эти переговоры, русская армія продолжала удаляться изъ Москвы. Наполеонъ остановился у заставы, все еще ожидая, что жители появятся изъ города, но никто не выходилъ, а возвратившіеся офицеры всѣ, какъ одинъ, докладывали: «Москва покинута». Императоръ все-таки этому не вѣрилъ, продолжалъ смотрѣть и прислушиваться, но ничего не могъ уловить, такъ какъ въ Москвѣ была полная тишина. Однако онъ еще надѣялся и приказалъ оцѣпить городъ съ одной стороны отрядомъ принца Евгенія, съ другой — Понятовскаго. Французская армія вошла въ Москву при гробовомъ молчаніи, царившемъ въ городѣ. Наполеонъ, всеми силами старавшійся замедлить свое личное вступленіе въ Москву, какъ бы не вѣря своимъ собственнымъ глазамъ, въ концѣ концовъ переступилъ заставу. Опасаясь неожиданныхъ приключеній, онъ сошелъ съ лошади и устроилъ временную квартиру въ покинутой гостиницѣ. Чтобы чѣмъ нибудь оживить это тяжелое молчаніе, онъ сталъ давать распоряженія: герцога Тревисскаго онъ назначилъ губернаторомъ провинціи, герцогъ Данцигскій долженъ былъ овладѣть Кремлемъ, и ему предстояло слѣдить за этимъ кваргаломъ, а Неаполитанскій король предназначался преслѣдовать русскихъ, не теряя ихъ изъ виду, и подбирать отсталыхъ солдатъ, представляя ихъ Наполеону. Наступила ночь, и вмѣстѣ съ нею Наполеонъ становился все сумрачнѣе и сумрачнѣе. Ему доложили о приходѣ оставшихся въ Москвѣ французскихъ подданныхъ, явившихся къ нему ходатайствовать о милости. Онъ приказалъ ихъ ввести, сталъ разспрашивать и поблагодарилъ за принесенныя свѣдѣія, но при первыхъ же извѣстіяхъ онъ нахмурился. По ихъ словамъ, Москва предназначалась самими русскими для сожженія. Наполеонъ вспылилъ и сталъ оспаривать. Но въ два часа ночи всѣ узнали, что въ самомъ красивомъ кварталѣ вспыхнуло пламя.

«Угроза, брошенная Растищичевымъ, — говорить Жюли въ своихъ мемуарахъ, — исполнилась, но Наполеонъ все еще сомнѣвался и говорилъ, что пожаръ произошелъ отъ неосторожности какого нибудь солдата». Посыпались приказанія за приказаніями, и полетѣли во всѣ стороны курьеры. Наступилъ день, но пламя не уменьшалось, такъ какъ нигдѣ не находили пожарныхъ помпъ. Тогда Наполеонъ вышелъ изъ себя, самъ побѣжалъ на пожарнице, все еще считая причиною неосторожность французовъ: Мортъе и молодой гвардіи. Тогда Мортъе указалъ ему на одинъ домъ, запертый наглухо и всыхнувшій, какъ по волшебству. Наполеонъ вздохнулъ и медленно сталъ подниматься по ступенямъ Кремлевскаго дворца, понуривъ голову. Настолько онъ былъ поглощенъ одвой только думой, что въ его рукахъ не Москва, а ея призракъ, и задавалъ себѣ вопросъ, кто ее сгубилъ, что даже не видѣлъ оригинальной красоты дворца и его архитектуры, напоминавшей, по словамъ Жюли, венеціанскую. Вдругъ ему доложили, что огонь погашенъ. Тогда онъ поднялъ голову, и ему улыбнулась мысль, что опять побѣда надъ русскими, и все идетъ, какъ онъ рассчитывалъ. Вслѣдъ затѣмъ ему сообщили, что въ Кремлѣ спрятаны 40.000 англійскихъ, австрійскихъ и русскихъ ружей, около сотни пушекъ, копій, сабель, доспѣховъ и трофеевъ, отнятыхъ русскими у турокъ и персовъ. У Нѣмецкой заставы нашли зданіе, гдѣ было спрятано 400.000 пудовъ пороху и болѣе милліона пудовъ свлитры. Дворянство покинуло свои пятьсотъ дворцовъ, оставивъ ихъ незапертыми со всею мебелью и утварью. Въ нихъ помѣстились старшіе генералы и офицеры. Нѣсколько домовъ, которые считались пустыми, были отворены; они принадлежали людямъ средняго класса общества. Такимъ образомъ, по мнѣнію Наполеона, имѣя 250.000 войска, можно было ожидать зимы въ Москвѣ, чтобы весной возобновить войну, и съ нею явится побѣда. Убаюкавъ себя этими сладкими грезами, говоритъ Жюли, Наполеонъ заснулъ. Вдругъ въ 12 ч. ночи раздались крики «пожаръ». Вѣтеръ дулъ съ сѣвера, и пожаръ всыхнулъ на сѣверной сторонѣ. Вѣтеръ гналъ пламя къ Кремлю, какъ горящую рѣку. Уже пламя долетало до крыши дворца и падало среди артиллерійскаго парка, расположеннаго подъ стѣнами Кремля. Когда вѣтеръ направлялся на западъ, пламя мѣняло направленіе: оно распросстранялось, но въ то же время удалялось. Всыхнулъ второй пожаръ на западной сторонѣ и также распросстранялся, благодаря вѣтру. «Можно сказать, — говоритъ Жюли, — что свиданіе огня было въ Кремлѣ, и, какъ разумный союзникъ русскихъ онъ шелъ прямо на Наполеона. Нѣтъ болѣе сомнѣнія: это былъ новый планъ истребленія, избранный русскими, и очевидность, которую Наполеонъ такъ долго отвергалъ, начала захватывать его за сердце». Вскорѣ въ различныхъ мѣстахъ поднялись новые столбы дыма, которые внезапно пронизали пламя, какъ пылающія острия копья. Такъ какъ вѣтеръ былъ неопредѣленный и безпрестанно переходилъ съ сѣвера на западъ, то пожаръ подвигался, какъ ползущая змѣя. Со всѣхъ сторонъ вырывались пылающія борозды, охватившія Кремль, въ которыхъ, казалось, протекали рѣки изъ лавы. Каждую минуту изъ этихъ рѣкъ вытекали потоки, которые въ свою очередь неслись, расширяясь. «Можно было сказать, — замѣчаетъ Жюли, — что земля, какъ бы раскрываясь, изрыгала огонь. Это былъ уже не

пожаръ, а пылающее море, и этотъ пространнй морской приливъ, безпрестанно поднимавшійся, рева приближался и достигъ подножія стѣнъ Кремля. Всю ночь Наполеонъ съ ужасонъ смотрѣлъ на огненную бурю. Здѣсь его могущество замерло, а его геній былъ побѣжденъ; это пламя раздувало спрятанный демонъ; Наполеонъ задрожалъ, вспомнивъ о Римѣ.

Вышедшее солнце освѣтило пожарище; огонь продолжалъ свою работу, отгоняя предъ собою рабочихъ и приближаясь къ Кремлю. Тогда послѣдовали одинъ рапортъ за другимъ, и стали извѣстны поджигатели. Въ ночь съ 14 на 15, т-е. въ ту ночь, когда французы заняли Москву, надъ домомъ князя Трубецкого спустился огненный шаръ, въ родѣ бомбы. По словамъ Жоли, несомнѣнно это былъ сигналъ для поджога, такъ какъ въ то же мгновение вспыхнула Биржа, и въ двухъ или трехъ пунктахъ появился пожаръ, причиненный насмоленными факелами русскихъ полицейскихъ. Граваты были спрятаны почти во всѣхъ печкахъ и французскіе солдаты, подкладывавшіе въ нихъ огонь, видѣли, какъ вспыхивали первыя; онѣ даже убивали людей и закигали дома. Всю ночь французскіе солдаты бѣгали изъ дома въ домъ и видѣли, какъ безъ всякой видимой причины вспыхивалъ тотъ или другой домъ. Тогда Наполеонъ былъ принужденъ сдаться и признать, что пожарище, вспыхнувшее въ различныхъ мѣстахъ, въ одно и то же время, было дѣломъ одной воли, если не одной и той же руки. Жоли говоритъ: «Наполеонъ вытеръ рукою лобъ, съ котораго катился потъ, и вздохнувъ сказалъ: «Вотъ какъ они ведутъ войну. Цивилизація Петербурга обманула насъ, и современные русскіе тѣ же древніе скины». Тотчасъ онъ отдалъ приказъ судить и разстрѣливать тѣхъ, кто будетъ пойманъ во время поджога или распространенія пламени. Старая гвардія, занявшая Кремль, вооружилась, осѣдала лошадей, запрягла повозки, чтобъ находиться наготовѣ покинуть Москву ради которой приплылиздалека и возлагали столько надеждъ. Черезъ часъ императору доложили, что его приказъ привели въ исполненіе, и двадцать поджигателей были захвачены, допрошены и разстрѣяны. При допросѣ они признались, что ихъ девятьсотъ человекъ и прежде чѣмъ покинуть Москву, Раstopчинъ заставилъ ихъ спрятаться въ погребахъ, чтобы они подожгли всѣ кварталы. Они преданно повиновались ему. Въ это время огонь дѣлалъ свое дѣло, и Кремль казался островомъ среди огненнаго моря. Воздухъ былъ насыщенъ жгучими парами, стекла въ рамкахъ дворцовыхъ оконъ лопнули. Воздухъ, которымъ дышали, былъ переполненъ пепломъ. Раздался послѣдній крикъ: «Горить Кремль!» Наполеонъ, по словамъ Жоли, поблѣднѣлъ отъ гнѣва при мысли, что даже древній дворецъ, старый кремль, жилище царей не былъ священнымъ для политическихъ Геростратовъ. Когда привели къ императору поджигателя, одного изъ русскихъ полицейскихъ, то Наполеонъ самъ его допросилъ; онъ отвѣтилъ, что на долю каждаго досталась своя задача: ему и его восьми товарищамъ предназначалось поджечь Кремль. Наполеонъ, по словамъ Жоли, выгналъ съ отвращеніемъ поджигателя, и тутъ же на дворѣ его разстрѣляли. Затѣмъ стали настаивать, чтобы императоръ покинулъ дворецъ, иначе его настигнетъ пламя, но онъ не отказывалъ и не соглашался, а просто былъ глухъ, недвижимъ и упалъ духомъ. Вдругъ вокругъ него пронесся глухой шепотъ: «Подъ Кремлемъ подложены мины». Въ то же время послыша-

лись крики гренадеръ, такъ какъ это извѣстiе проникло, къ нимъ. Они требовали своего императора и говорили, что если онъ опоздаетъ еще минуту, они сами за нимъ придутъ. Наконецъ Наполеонъ рѣшился удалиться; но откуда выйти?—такъ долго ожидали, что трудно найти свободный отъ огня выходъ. Императоръ приказалъ Гурго и принцу Невпательскому подняться на Кремлевскую террасу, чтобы осмотрѣть, нѣтъ ли выхода. Въ то же время онъ приказалъ многимъ ординарцамъ съ тою же цѣлью обойти весь дворецъ. Всѣ посѣщавшіе повиноваться и быстро стали спускаться по лѣстницамъ. Едва Гурго и Вертье вышли на террасу, какъ были принуждены ухватиться другъ за друга: вѣтеръ и разрѣженный воздухъ причинили такой страшный вихрь, что едва они не были имъ унесены; кромѣ того, невозможно было ничего видѣть, кромѣ океана пламени безъ выхода и границъ. Они снова спустились и доложили объ этомъ императору. Тогда Наполеонъ болѣе не колебался; рискуя быть охваченнымъ пламенемъ, онъ быстро сталъ спускаться по сѣверной лѣстницѣ. Но, достигнувъ двора, увидѣвъ, что слишкомъ долго ждали, и болѣе нѣтъ выхода; пламя охватило всѣ ворота. Въ эту минуту внезапно появились запыхавшіеся женщина и офицеръ; потъ струился у нихъ по лбу, а волосы были наполовину сожжены; это были Жоли и его жена. Они объявили, что нашли выходъ черезъ запертый подземный проходъ, который по ихъ предположенію выходилъ на Москву рѣку. Четыре санера взломали дверь топоромъ. Жоли первый вошелъ туда развѣдчикомъ, а его жена схватила за руку Наполеона и силою увлекла за собою. Императоръ послѣдовалъ за нею между двумя каменными стѣнами. Офицеры, маршалы и гвардія слѣдовали за ними. Въ суматохѣ Жоли ошибся, но возвращаться было невозможно, приходилось идти впередъ. Оказалось, что эта сторона не выходила на рѣку, а упиралась въ узкую улицу, переполненную пламенемъ. «Но нечего было дѣлать, — говоритъ Жоли, — и если даже она выходила въ самый адъ—выбора не оставалось». Наполеонъ показалъ примѣръ первый, бросившись на улицу подъ дугообразнымъ огненнымъ сводомъ, все еще держа за руку 1-ю Жоли и шепча ей: «Только вы и Жозефина способны на такую преданность». Его примѣру послѣдовали остальные, желая раздѣлить его участь. Все было покрыто пламенемъ, не было болѣе ни дороги, ни проводника, ни звѣздъ; всѣ шли на удачу среди рева пламени, треска головешекъ и грохота разваливавшихся сводовъ. Всѣ дома горѣли или уже сгорѣли, а изъ оконъ и дверей тѣхъ, которые уцѣлѣли, вырывалось пламя, какъ бы преслѣдуя бѣглецовъ. Расплавленный свинецъ стекалъ ручьями. Все было объято огнемъ: воздухъ, стѣны и небо. Нѣкоторые изъ бѣглецовъ упали на улицѣ отъ недостатка воздуха или придавленные обломками. Въ этотъ моментъ появились солдаты 1-го корпуса, разыскивавшіе императора. Они узнали Наполеона, и въ то время, какъ часть ихъ окружила его, какъ бы для защиты отъ обыкновеннаго непріятеля, остальные шли предъ нимъ съ криками: «сюда, сюда!» «Наполеонъ, — говоритъ Жоли, — отдался имъ съ тѣмъ же довѣріемъ, какъ обыкновенно они довѣрялись ему». Пять минутъ спустя, онъ былъ въ надежномъ мѣстѣ, среди развалинъ сожженнаго еще утромъ квартала. Здѣсь онъ пробрался между рядами экипажей, спросивъ, какіе это фургоны и повозки. Ему отвѣтили, что это спасенный паркъ 1-го корпуса; въ каждой повозкѣ находилась тысяча чудовъ пороху, и голо-

вешки горѣли между колесами. Тогда императоръ далъ приказъ отправиться по дорогѣ въ Петровское, гдѣ находилась квартира принца Евгенія. «11-го декабря, — оканчиваетъ свои мемуары Жоли, — мы перепли Нѣманъ, если не славные побѣдой, то сильныи тѣмъ, что исполнили свой долгъ». На этомъ прекращаются воспоминанія Жоли, которыя представляютъ драгоцѣнный матеріаль, если они волюнѣ правдивы и точны.

— Письма французской посланницы въ Лондонѣ. Г-жа Ваддингтонъ, вдова французскаго посланника въ Англіи отъ 1883 до 1893 г. писала къ своему семейству чрезвычайно интересныя письма. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ ¹⁾ напечатаны въ январьской и декабрьской книжкахъ «Scribner's Magazine» и составляютъ интересный историческій матеріаль. По приѣздѣ въ Лондонъ г-жа Ваддингтонъ была представлена королевѣ Викторіи леди Гаркортъ, которая такъ же, какъ и она, была американкой. Вотъ какъ она описываетъ приемъ королевы. «Сэръ Генри Понсонби, секретарь королевы, отворилъ дверь въ приемную залу и, сдѣлавъ на порогѣ низкій поклонъ, сказалъ: «Имѣю честь представить французскую посланницу». Сказавъ это, онъ удалился, и я осталась вмѣстѣ съ леди Гарткортъ. Я сдѣлала глубокій придворный поклонъ, но, прежде чѣмъ успѣла его повторить, королева подошла ко мнѣ съ принцессой Беатрисой и протянувъ мнѣ руку, съ граціозной улыбкой, произнесла: «Я очень рада васъ видѣть». Затѣмъ она мнѣ предложила сѣсть и стала чрезвычайно любезно разговаривать со мною, спрашивая меня, привыкла ли я къ лондонскому климату, видѣла ли я всѣхъ своихъ товарокъ, и много ли у меня дѣтей. Принцесса Беатриса не принимала участія въ разговорѣ, хотя казалась очень умной. Королева была одѣта скромно, вся въ черномъ, въ бѣломъ вдовьемъ чепцѣ съ вуалю и безъ всякихъ украшеній. Однако на шеѣ у нея висѣлъ медальонъ, на золотой съ изумрудами дѣвочкѣ. Наше свиданіе продолжалась, по крайней мѣрѣ, четверть часа. Потомъ она встала, опять протянула мнѣ руку и выразила надежду, что мой мужъ и я полюбимъ англійскую жизнь. Меня очень поразила личность королевы. Она маленькаго роста, полная, и цвѣтъ лица у нея красный; королева умѣетъ владѣть собою, и на губахъ ея играетъ любезная улыбка». На другой день г-жа Ваддингтонъ вмѣстѣ съ мужемъ представлялась принцу и принцессѣ Уэльскимъ. «Сэръ Дингтонъ Пробинъ, секретарь принца, — пишетъ она, — ввелъ насъ въ большую и великолѣпную гостиную, гдѣ посрединѣ стояли принцъ и принцесса. Она была въ голубомъ бархатномъ платьѣ и казалась очень хорошенькой и нисколько не постарѣвшей съ тѣхъ поръ, какъ я ее видѣла три года тому назадъ въ Парижѣ. У нея сохранилась ея прежняя красивая тонкая граціозная талія. Пока принцъ говорилъ съ мужемъ, она спросила подробности о московской коронаціи, на которой я была и главное ее интересовало, попрежнему ли императрица хорошо одѣвается. Принцъ вспомнилъ, что я внучка Рупеса Кинга, американскаго посланника въ Лондонѣ при Георгѣ III. Онъ очень любезенъ и вообще отличается очаровательными манерами». Сіуетя мѣсяцъ, Ваддингтоны въ первый разъ посѣтили Сан-

¹⁾ English Court and Society in the Eighties: Letters of the french ambassador, by M. Waddington. Scribner's Magazine. January and February.

дринамъ, и съ удовольствіемъ замѣтили, что въ столовой во время обѣда стоялъ шотландецъ, играющій на волынкѣ. Когда обѣдъ окончился, то онъ обошелъ весь залъ, играя на своемъ инструментѣ. На слѣдующій день шотландецъ не показался за обѣдомъ, и на вопросъ Ваддингтона, отчего онъ не будетъ играть на волынкѣ, принцъ отвѣтилъ: «Какъ можно, сегодня воскресенье; я его не стану и просить; если бы я его попросилъ, то онъ навѣрно мнѣ отказалъ бы». Г-жѣ Ваддингтонъ понравился еще одинъ обычай въ Сандринамѣ. При отъѣздѣ гостей самъ принцъ вѣшалъ ихъ и записывалъ въсь. Первый разъ г-жа Ваддингтонъ встрѣтила въ интимномъ обществѣ Гладстона у леди Станлэй, куда они были приглашены пить чай. Онъ разговаривалъ съ посланницей о распространеніи католичества въ Америкѣ и процвѣтаніи протестанства. Онъ спросилъ ее между прочимъ о двухъ американскихъ епископахъ, но она покраснѣла, смутившись, что не знаетъ ихъ; впрочемъ она объяснила, что очень давно уѣхала изъ Америки. Потомъ Гладстонъ вступилъ въ длинный споръ съ леди Станлэй о переводѣ одного итальянскаго сонета. Онъ находилъ этотъ переводъ неудачнымъ и неправильнымъ. Мало-по-малу Ваддингтонъ привыкли къ англичанамъ и англичане къ нимъ, благодаря званію англійскаго языка и англійскихъ обычаевъ. Но французы никакъ не могли примириться съ Ваддингтономъ и считали его слишкомъ англичаниномъ. Наконецъ должны были признать, что, какъ представитель Франціи, онъ велъ себя съ достоинствомъ и патриотизмомъ. Англичане же были имъ такъ довольны, что при отъѣздѣ ихъ изъ Англіи лондонскій лордъ-мэръ устроилъ ему самые радушные проводы. Спустя нѣсколько лѣтъ, въ 1900 году, г-жа Ваддингтонъ снова посѣтила Англію и попросила аудіенцію у королевы. Викторія приняла ее очень любезно и, начавъ разговоръ по-французски, быстро перешла на англійскій языкъ. «Сколько обстоятельствъ, — сказала она, — случилось съ тѣхъ поръ, что мы не видались въ вами!» И затѣмъ заговорила о карикатурахъ на нее и о другихъ обстоятельствахъ, случившихся во Франціи. Г-жа Ваддингтонъ объяснила ей, что всѣ негодуютъ во Франціи на эти выходки радикаловъ. Королева отвѣчала, что очень хорошо это понимала, что во Франціи во время ея пріѣздовъ всѣ старались обращаться съ нею, какъ можно лучше, и что она не думаетъ возлагать на весь народъ отвѣтственность за радикальную прессу, но ея дѣти и народъ глубоко оскорблены этимъ».

С М Ъ С Ъ.

ЮБИЛЕЙ ГРАФА Е. А. САЛІАСА. 13-го апрѣля исполнилось сорокалѣтіе литературной дѣятельности графа Е. А. Саліаса. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» была уже сдѣлана оцѣнка произведеній юбиляра и значенія его въ нашей литературѣ (1890 года, августъ, статья А. И. Введенскаго), и потому мы считаемъ излишнимъ повторять ее вновь. Мы пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы еще разъ привѣтствовать его и искренно поблагодарить за то сочувствіе, которое онъ неизмѣнно выказывалъ къ нашему журналу и украшалъ его, почти съ самаго основанія, своими талантливыми произведеніями. Какъ писатель, графъ Саліасъ пользуется широкой и вполне заслуженной извѣстностью среди публики, а какъ человѣкъ—симпатіями и любовью среди тѣхъ, кто имѣлъ возможность узнать его лично. Далекій отъ всякаго тщеславія, онъ уклонился отъ всякаго офіціального чествованія его заслугъ, и юбилей его ознаменовался лишь полученіемъ поздравительныхъ телеграммъ и писемъ, но зато многочисленныхъ и со всѣхъ концовъ Россіи. Приводимъ краткія біографическія о немъ свѣдѣнія. Графъ Саліасъ родился въ Москвѣ 13-го апрѣля 1840 года. Его мать, рожденная Е. В. Сухово-Кобылина, извѣстная русская писательница, печатавшая свои произведенія подъ псевдонимомъ Евгеніи Туръ. Его отецъ—французъ. Вслѣдствіе этого гр. Евгений Андреевичъ, будучи отъ рожденія православнымъ, сталъ французскимъ подданнымъ. Ему съ дѣтства пришлось вращаться въ литературномъ и артистическомъ кругу, такъ какъ въ домѣ его матери собирались всѣ литературные и артистическіе корифеи того времени. Послѣ домашняго воспитанія подъ руководствомъ матери, гр. Саліасъ учился въ 3-й и 4-й московскихъ гимназіяхъ, а послѣ двухлѣтняго пребыванія за границей—въ Италіи и Франціи—съ 1859 года поступилъ на юридическій факультетъ Московскаго университета. Еще студентомъ онъ написалъ свою первую повѣсть «Ксаня-чудная» и, съ посвя-

ценіемъ матери, помѣстивъ ее въ «Библіотекѣ для Чтенія» (1863 года, книги 1 и 2), подъ псевдонимомъ «Вадимъ», и уѣхавъ за границу, гдѣ написалъ повѣсти: «Тьма», «Манжажа», «Еврейка» и др., напечатанныя въ различныхъ изданіяхъ и замѣченныя тогдашней критикой. Путешествуя по Испаніи, онъ написалъ цѣлый рядъ писемъ оттуда. Въ 1867 году, вернувшись въ Россію, выступилъ съ успѣхомъ въ качествѣ защитника по уголовному отдѣленію тульского окружнаго суда, но въ составъ присяжныхъ повѣренныхъ не былъ принятъ, какъ французскій подданный. Тогда онъ сталъ хлопотать о поступленіи въ военную службу, но этому помѣшала выданный ему эдиктъ Наполеона III, разрѣшающій служить въ русскихъ войскахъ подъ условіемъ не поднимать оружія противъ Франціи. Только въ 1869 году удалось ему опредѣлиться чиновникомъ особыхъ порученій къ тамбовскому губернатору Н. М. Гаргину съ возложеніемъ на него обязанностей секретаря мѣстнаго статистическаго комитета и редактора «Тамбовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Эта служба познакомила его съ архивными цѣнностями и дала толчекъ къ избранію имъ своей спеціальностью въ сферѣ литературнаго творчества русскаго историческаго романа. Въ это время онъ издалъ на основаніи архивныхъ розысканій книгу «Поэтъ-намѣстникъ» съ характеристикой губернаторства Державина въ Тамбовѣ и сталъ собирать матеріалы исторіи Пугачевского бунта. Черезъ три года отказался отъ службы и занялся почти исключительно подготовленіемъ своего перваго историческаго романа «Пугачевцы», для чего посѣтилъ мѣстности, гдѣ происходилъ бунтъ. Романъ появился сперва въ отрывкахъ: «Въгунны», «Земцы и нѣмцы» въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Въ 1873 году «Пугачевцы» вышли въ отдѣльномъ изданіи съ именемъ графа Салиаса, впервые замѣнившимъ его литературный псевдонимъ, и создали ему крупную извѣстность. Въ 1875 году графу Е. А. Салиасу было предложено принять на себя обязанности редактора «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Романистъ не былъ рожденъ журналистомъ и скорѣй оставилъ эту должность. Въ 1876 году онъ принялъ по высочайшему повелѣнію въ русское подданство и опредѣлился на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ этотъ періодъ его литературной дѣятельности онъ состоялъ при с.-петербургскомъ комитетѣ иностранной цензуры для цензирования испанскихъ и французскихъ книгъ. Въ 1881 году ему удалось получить разрѣшеніе на изданіе ежемѣсячнаго журнала «Полярная Звѣзда», въ которомъ начался печатаніемъ его романъ «Вольнодумцы», составляющій продолженіе «Пугачевцевъ». Однако журнальная дѣятельность оказалась для него попрежнему не по сердцу, и журналъ черезъ годъ прекратилъ свое существованіе. Юбиляръ переехалъ въ Москву, куда былъ приглашенъ на должность управляющаго конторой московскихъ театровъ и завѣдующаго художественной частью. Затѣмъ получилъ мѣсто завѣдующаго московскимъ отдѣленіемъ архива министерства императорскаго двора, которое занимаетъ и въ настоящее время. «Пугачевцы» открыли собой цѣлую серію историческихъ романовъ и повѣстей графа Е. А. Салиаса: «Братья Орловы», «Моръ» («На Москвѣ»), «Принцесса Володимирская», «Петербургское дѣйство», «Милювъ», «Кудесникъ» и «Яунъ-Кундзе», «Донскіе гишпанцы», «Свадебный бунтъ», «Аракчеевскій подкидышъ», «Via facti», «Пандурочка», «Владимирскіе

мономахи» «Камеръ-юнгфера» и др. Съ 1890 года предпринято печатаніе собранія его произведеній, составившихъ около тридцати объемистыхъ томовъ.

Пушкинскій конкурсъ. Правленіе одесскаго литературно-артистическаго общества объявило конкурсъ на историко-литературное изслѣдованіе, подъ названіемъ «Пушкинъ въ Одессѣ». Изслѣдованіе должно обнять слѣдующую программу: I) Одесса 20-хъ годовъ. Составъ общества, жизнь и интересы его Графъ и графиня Воронцовы и окружающія ихъ лица, преимущественно служившія при графѣ Воронцовѣ. II) Жизнь Пушкина въ Одессѣ; знакомства, популярность, поклонники и враги. Поэтъ и начальникъ. Недовольство Пушкина мѣстнымъ обществомъ и причины его. III) Идеалы Пушкина и одесская дѣйствительность. Настроеніе Пушкина. Одесскія занятія: тетради, переписка и поэтическія произведенія, съ историко-біографическимъ объясненіемъ первоисточниковъ ихъ. IV) Разрывъ съ Воронцовымъ. Высылка изъ Одессы. Прощаніе Пушкина съ Одессой, какъ выраженіе личной оцѣнки одесскаго періода жизни. Позднѣйшія воспоминанія Пушкина объ Одессѣ и одесской жизни. V) Значеніе одесскаго періода въ жизни Пушкина и въ развитіи его поэтическаго творчества. VI) Память о Пушкинѣ въ Одессѣ и его значеніе въ ея духовной жизни. Распредѣленіе матеріала, сдѣланное въ программѣ, необязательно и зависитъ отъ автора изслѣдованія. Изслѣдованіе должно быть доставлено въ правленіе литературно-артистическаго общества (Ланжероновская, 6) на имя предсѣдателя не позже 15-го марта 1904 года подъ девизомъ. Премія—всего въ 350 рублей.

Общество любителей россійской словесности 9-го марта, въ актовомъ залѣ Московскаго университета состоялось публичное засѣданіе подъ предсѣдательствомъ профессора А. И. Кирпичникова, посвященное памяти дѣйствительнаго члена общества князя Александра Ивановича Урусова. Дѣйствительный членъ А. А. Андреева прочтала опытъ характеристики князя А. И. Урусова, какъ литератора и человѣка. Вскорѣ послѣ смерти князя А. И. Урусова, послѣдовавшей 16-го юнія 1900 года, среди его друзей возникла мысль объ увѣковѣченіи его памяти. Лѣтомъ 1902 года образовался кружокъ, который сталъ собирать, что было написано и сказано покойнымъ, а также воспоминанія о немъ. Референтка выбрала изъ этого матеріала данныя, освѣщающія личность покойнаго, не только какъ знаменитаго адвоката, но и какъ широко образованнаго человѣка, тонкаго цѣнителя литературы, искусства, театра. Не одни литературныя его произведенія даютъ ему право на литературное значеніе,—въ большей мѣрѣ устное живое его слово опредѣляетъ его значеніе, какъ художника слова. Краснорѣчіе было его прирожденнымъ дарованіемъ. Устная рѣчь его была вполне художественной, но переведенная на бумагу она теряла въ силѣ производимаго ею впечатлѣнія. Способность находить наиболѣе мѣткую и вѣрную форму для выраженія мысли, рѣдкое остроуміе, образность выраженій, широкое и разностороннее образованіе—все это придавало внѣшній блескъ и внутреннее содержаніе рѣчамъ этого художника слова, въ которыхъ все носило характеръ изящной простоты, оставляя впечатлѣніе прекраснаго литературнаго произведенія. Такимъ характеромъ отличались не только его судебныя рѣчи, но и публичныя его чтенія и частныя бесѣды, въ которыхъ всегда сказывалось замѣ-

чательное умѣнье обрисовать человѣка мѣткимъ словомъ, придать разсказу драматичность содержания. Кромѣ художественной устной рѣчи, на званіе литератора давала ему права его не дилеттантская только, но и настоящая любовь къ литературѣ. Онъ любилъ писать, писалъ много, и это было почти физиологической его потребностью. Съ дѣтства онъ велъ дневникъ, въ который вносили свои впечатлѣнія, событія своей вѣшной и внутренней жизни. Дневникъ этотъ велся имъ въ теченіе 43-хъ лѣтъ. Въ самый разгаръ своей блестящей, шумной дѣятельности 25-ти лѣтній князь Урусовъ заносилъ въ записную книжку свои мысли и чувства и, пользуясь всеми благами жизни, безъ удержа отдаваясь увлеченіямъ, не переставалъ анализировать свои душевныя ощущенія и наблюденія надъ окружающею жизнью; кромѣ того, въ его бумагахъ сохранились его лекціи, доклады въ разныхъ литературныхъ кружкахъ, но только въ видѣ краткихъ конспектовъ. Эти наброски говорятъ и о добросовѣстномъ трудѣ его, и объ уваженіи его къ печати, и о большихъ познаніяхъ въ русской и иностранной литературѣ. Въ университетѣ юристъ князь Урусовъ слушаетъ лекціи Буслаева, увлекается литературой и часто бываетъ на дому у Буслаева, который вспомнилъ о немъ и въ послѣдніе годы своей жизни. Увлечение нѣкоторыми авторами доходило у него до фетишизма, вытекавшаго изъ его темперамента и крайне страстнаго, субъективнаго отношенія къ литературѣ, въ которой онъ искалъ не развлеченія отъ трудовъ, а удовлетворенія глубокимъ внутреннимъ потребностямъ своей природы. Объективность и безпристрастіе были чужды его увлекающейся природѣ. Отсюда нѣкоторыя странности и противорѣчія въ его характерѣ, жизни и мнѣніяхъ. Онъ увлекался Флоберомъ, какъ объективнымъ романтикомъ, и цѣнилъ обличительныя тенденціи Ибсена. Послѣднимъ его фетишемъ былъ Бодлеръ. Послѣднія десять лѣтъ князь Урусовъ прожилъ въ Москвѣ, но лишенъ былъ литературнаго общенія. На двухъ юбилеяхъ, въ память Гёте и Пушкина, онъ выступалъ въ кружкѣ передъ публикой, которая не умѣла оцѣнить его таланта. Только въ послѣдній годъ его жизни онъ былъ избранъ въ члены общества любителей россійской словесности. Князь А. И. Урусовъ родился 2-го апрѣля 1843 года въ Москвѣ. Мать его была изъ богатаго рода—семьи Нарышкиныхъ, а отецъ—небогатый, но чиновный баринъ. Сначала князь А. И. былъ зачисленъ въ пажескій корпусъ, а затѣмъ поступилъ въ 1-ю московскую гимназію. Интересъ къ литературѣ и искусству шель у него изъ семьи: у его дѣда былъ въ домѣ своимъ человѣкомъ Пушкинъ, а мать А. И. была весьма образованной женщиной. Высокое общественное положеніе дало ему возможность получить широкое образованіе, а недостатокъ средствъ, оказавшійся потомъ, въ особенности послѣ освобожденія крестьянъ, у его семьи, пріучилъ его къ труду. Предразсудковъ сословныхъ, какъ и національныхъ, у него было мало; онъ былъ высоко-культурнымъ человѣкомъ, уважавшимъ только талантъ, знанія и личныя качества. Надъ дворянствомъ онъ подсмѣивался, а о своихъ предкахъ говорилъ, что это были татары. Наслѣдственность сказалась у него не только въ чертахъ лица и темпераментѣ, но и въ свѣдшей его въ могилу болѣзни. Упомянувъ въ своихъ мемуарахъ, что у дяди его былъ нарличъ ноги, князь А. И. Урусовъ прибавилъ, что «атавизмъ отразился на поколѣніи его внуковъ въ формѣ табетическихъ заболѣваній». О наслѣдственномъ

происхожденіи собственной болѣзни князь А. П. впрочемъ никогда не упоминалъ, объясняя свои страданія только своей виной. Въ 1861 году онъ поступилъ въ Московскій университетъ и, кромѣ литературы, сильно увлекался театромъ, особенно игрой Федотовой и Никулиной. Его театральныя рецензіи отличались мѣткой и вѣрной оцѣнкой игры и, несомнѣнно, имѣли значеніе для исторіи театра. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ интересовался химіей и позитивизмомъ. Партиійной узкости, склонности къ крайностямъ направленія въ натурѣ его не было. Упомянувъ затѣмъ о благотворномъ вліяніи на князя А. И. Урусова семьи предсѣдателя московскаго окружнаго суда П. М. Щепкина (сына извѣстнаго артиста М. С. Щепкина), въ которой собиралось много университетской молодежи, объ отношеніяхъ Урусова къ Левитову, Плещееву, Боборыкину, Вырубову, референтка отмѣтила, что въ 1872 году, послѣ участія князя А. И. въ нечаявскомъ дѣлѣ въ качествѣ защитника вмѣстѣ съ Арсеньевымъ, Суасовичемъ и другими, когда онъ сдѣлалъ въ своей рѣчи замѣчательный юридическій анализъ различія между заговоромъ и тайнымъ обществомъ, что сильно повлияло на смягченіе приговора суда, его адвокатская дѣятельность прервалась на девять лѣтъ, при чемъ четыре года онъ прожилъ въ Остзейскомъ краѣ, въ Венденѣ и Ригѣ, а пять лѣтъ состоялъ прокуроромъ сначала въ варшавскомъ, а затѣмъ петербургскомъ окружномъ судѣ. Князь А. П. имѣлъ рѣдкое мужество высказывать свое мнѣніе и еще болѣе рѣдкое—свои вкусы и симпатіи. Нигилистъ для многихъ свидѣтелей его молодости, декадентъ для позднѣйшихъ поколѣній, князь Урусовъ шелъ не только наравнѣ со своимъ вѣкомъ, какъ человѣкъ неустойчивой мысли, но и впереди другихъ, какъ умъ независимый, какъ личность, несмотря на нѣкоторыя противорѣчія въ ней, цѣльная. Если въ литературѣ и жизни онъ не сдѣлалъ ничего крупнаго, что приобщило бы его къ тому безсмертію, въ которомъ онъ видѣлъ лучшую цѣль жизни, то это была не его вина; въ натурѣ, надорванной болѣзью и опытомъ жизни, не было твердости и устойчивости, не было того, что подчиняетъ людей, даетъ надъ ними власть. Въ немъ была иная сила,—она не покоряла, а плѣняла. Онъ до старости сохранилъ ту обаятельность блестящихъ дарованій, которая обыкновенно исчезаетъ съ молодостью,—это—обаятельность изящнаго природнаго художника, утонченно образованнаго человѣка, пылкой подвижной натуры, открытой для всѣхъ впечатлѣній міра и особенно для свѣтлыхъ, радостныхъ его сторонъ. Онъ никого не подавлялъ своимъ превосходствомъ, и всѣ въ его обществѣ чувствовали себя легко и свободно.—Товарищъ предсѣдателя общества, профессоръ А. И. Кирпичниковъ, изложилъ свои воспоминанія о князѣ А. И. Урусовѣ, какъ его товарищъ по гимназій и университету (хотя и на различныхъ факультетахъ), и о позднѣйшихъ встрѣчахъ съ нимъ въ Москвѣ. Въ гимназій и университетѣ князь А. П. Урусовъ выдѣлялся среди своихъ товарищей по образованію, широтѣ и зрѣлости своихъ мыслей и убѣжденій. Его бесѣды съ профессоромъ Ѳ. И. Булаевымъ, у котораго собирались студенты, производили цѣлый переворотъ въ ихъ міросозерпаніи. Когда князь Урусовъ по окончаніи университетскаго курса сразу сдѣлался знаменитостью, А. И. Кирпичникову пришлось съ нимъ разойтись вслѣдствіе нѣкоторыхъ недоразумѣній, но лѣтъ 20-ть тому назадъ онъ снова сошелся съ нимъ на журфиксѣ у

М. М. Коголевскаго, и съ тѣхъ поръ дружба ихъ не прерывалась, оставивъ въ немъ самыя свѣтлыя воспоминанія. Дѣйствительный членъ общества К. Д. Бальмонтъ произнесъ рѣчь «Памяти А. И. Урусова». Въ этомъ стихотвореніи въ прозѣ г. Бальмонтъ называлъ князь А. И. «поэтомъ созвучій», который хотя не писалъ стиховъ, но самъ былъ живою поэмою, такъ что когда говорилъ, въ его слушателяхъ возникало чувство ритмичности. Затѣмъ К. Д. Бальмонтъ прочиталъ переводы князя А. И. Урусова отрывка изъ романа Флобера и трехъ стихотвореній въ прозѣ Бодлера: «Чужеземецъ», «Благодѣяніе міра» и «У каждого своя химера». Въ заключеніе г. Бальмонтъ прочиталъ свое стихотвореніе «Памяти Урусова». Всѣ рѣчи и чтенія сопровождались громкими аплодисменатами публики.

Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія. 26-го февраля, въ домѣ графа С. Д. Шереметева происходило торжественное собраніе общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Собраніе было чрезвычайно многолюдно. Залъ не могъ вмѣстить всѣхъ прибывшихъ. Началось собраніе обычною панихидою по императорѣ Александрѣ III, которую пѣлъ хоръ графа А. Д. Шереметева. Прекрасное пѣніе, которое передало всю скорбь христіанской души въ простыхъ и трогательныхъ мелодіяхъ панихиды, оставило глубокое впечатлѣніе. Послѣ панихиды передъ открытіемъ засѣданія хоръ графа А. Д. Шереметева исполнилъ «Былинну» Кастальскаго; затѣмъ хоръ и оркестръ, дирижируемые графомъ А. Д. Шереметевымъ, исполнили вступленіе къ оперѣ и свадебный хоръ изъ 3-го дѣйствія он. «Добрыня Никитичъ» Гречанинова. И хоръ и оркестръ показали здѣсь, до какой степени совершенства они доведены. Затѣмъ по открытіи засѣданія подъ предѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева были прочитаны воспоминанія прот. о. Капитона Петрова о пребываніи императора Александра III въ Вѣловѣжѣ въ августѣ 1894 года. Протоіерей былъ назначенъ для отправления церковныхъ службъ въ Вѣловѣжѣ. Церковь тамъ была уже выстроена, но государь не вошелъ ее еще ниолнѣ готовою для освященія и приказалъ разбить походную церковь въ шатрѣ на площадкѣ передъ дворцомъ. Въ этой церкви безъ наряда служилъ по собственному желанію всенощную о. Петровъ, одинъ безъ діакона; пѣли пѣвчіе конвойцы-казаки. Въ серединѣ всенощной вошелъ въ церковный шатеръ императоръ Александръ одинъ и оставался до конца. Это была послѣдняя всенощная въ жизни императора, который въ полумракѣ шатра (всего горѣло 7 свѣчъ) казался такимъ колоссомъ, только камель нѣсколько разъ обнаруживалъ съѣдавшій его недугъ. Были прочитаны еще три письма императора Александра III въ бытность его цесаревичемъ (одно 1869 г. и два 1870 годовъ) къ А. Н. Стюклеру (генералъ-адъютанту), рпеуюція благодушіе, простоту и высокія русскія чувства души монарха. Музыка затѣмъ закончила торжественное собраніе. Спѣлъ арію Добрыни Н. П. Кедровъ съ хоромъ и оркестромъ. Артистъ императорской русской оперы г. Ершовъ исполнилъ романсъ: «Въ туманѣ смутныхъ дней», слова поэта Величко, муз. Юферова. Хоръ и оркестръ графа А. Д. Шереметева исполнили «Славься» съ трезвономъ колоколовъ, доведеннымъ до художественности. Гимнъ «Боже, царя храни», исполненный также хоромъ и оркестромъ, заключилъ собраніе.

Русское историческое общество. Годовое общее собраніе происходило въ субботу, 9-го марта, въ 9 час. вечера, въ Зимнемъ дворцѣ подѣ председательствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора, при участіи, какъ сообщаетъ «Правит. Вѣстн.», нѣхъ императорскихъ высочествъ великихъ князей Владимира Александровича, Константина Константиновича и Николая Михайловича. Въ общемъ собраніи присутствовали дѣйствительные члены общества: А. А. Половцовъ, А. Н. Куломзинъ, Д. Θ. Кобеко, гр. В. Н. Ламздорфъ, гр. С. Д. Шереметевъ, В. И. Сергѣевичъ, Θ. Θ. Мартенсъ, Н. Θ. Дубровинъ, А. Н. Филипповъ, Е. С. Шумигорскій, С. Θ. Платоновъ, Н. Д. Чечулинъ и Н. М. Павловъ. А. А. Половцовъ прочелъ отчетъ о дѣятельности общества въ минувшемъ году. Окончены печатаніемъ 114-й, 115-й и 116-й томы «Сборника»; изданъ шестой по порядку изданія томъ «Русскаго біографическаго словаря» на букву К (Кнаппе — Кюхельбекеръ), печатаются 117-й, 118-й, 119-й, 120-й, 121-й и 122-й томы «Сборника». 114-й томъ представляетъ собой V часть бумагъ «Кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны» (за 1736 г.), безостановочно печатаемыхъ подѣ редакціей профессора Юрьевского университета А. Н. Филиппова. Сношенія «Кабинета» по дѣламъ законодательнымъ, административнымъ и судебнымъ, которыя доходили до «Кабинета», какъ до верховнаго учрежденія, объединявшаго дѣятельность тогдашнихъ министровъ, сдѣлались съ 1734 г. обширнѣе и усилили количество входящихъ и исходящихъ бумагъ. Томъ 115-й, напечатанный подѣ редакціей проф. В. И. Сергѣевича, заключаетъ въ себѣ десятую часть изданія бумагъ Екатерининской комиссіи о сочиненіи проекта Новаго Уложенія. Въ настоящемъ томѣ помѣщены вмѣстѣ съ городскими наказами и наказы отъ сельскихъ обывателей Московской, Кіевской, Новгородской, Казанской и Астраханской губерній. За единицу, которой было предоставлено писать наказъ, «Обрядъ выборовъ», составленный для сельскаго населенія, принимаетъ погостъ. Такъ какъ погосты, представляя собой старинное новгородское дѣленіе, во многихъ мѣстахъ почти вовсе отсутствовали, то наказы писались въ селахъ и деревняхъ и иногда крайне незначительными группами людей. Нанечатанные документы раскрываютъ печальную картину быта сельскихъ обывателей того времени. Главная причина такого быта заключалась въ плохомъ состояніи правосудія, управленія и законодательства. Томъ 116-й напечатанъ подѣ наблюданіемъ завѣдующаго бібліотекой Кіевскаго университета В. А. Кордта и составляетъ вторую часть «Сборника» донесеній и бумагъ нидерландскихъ пословъ и посланниковъ, бывшихъ въ Россіи. Въ этомъ томѣ нанечатанъ отчетъ посланниковъ отъ Фрисландіи Іогана ванъ-Фельдтриля и отъ Голландіи Альберта Бурха, которые были посланы Нидерландами въ 1630 г. къ царю Михаилу Теодоровичу для выраженія благодарности за покровительство нидерландскимъ купцамъ, для поздравленія съ рожденіемъ сына, царевича Алексѣя Михайловича, для просьбы о предоставленіи нидерландскимъ купцамъ тѣхъ же льготъ, какими пользуются русскіе торговцы или, по крайней мѣрѣ, лучшіе союзники царя, и главное для полученія права вывоза селитры и свободной торговли хлѣбомъ. Съ своей стороны Нидерланды предлагали царю право свободного вывоза изъ Нидерландскихъ штатовъ разныхъ товаровъ и военныхъ припасовъ.

«истор. вѣстн.», май, 1903 г., т. хсп.

23

Посольство это не принесло для республики существенныхъ выгодъ, такъ какъ штаты не отнеслись съ достаточнымъ вниманіемъ къ желанію царя получить военную помощь противъ Польши. Въ этомъ же томѣ помѣщенъ очеркъ начала и развитія сношеній Московскаго государства съ республикой Соединенныхъ Нидерландовъ по 1630 г. 117-й томъ будетъ заключать въ себѣ шестую часть бумагъ кабинета министровъ императрицы Анны Иоанновны. 118-й томъ, печатаемый подъ наблюденіемъ В. В. Майкова, составитъ седьмую часть «памятниковъ дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ державами иностранными». 119-й томъ, печатаемый подъ наблюденіемъ бар. О. Р. Остенъ-Сакена и при содѣйствіи кн. П. В. Голицына, составитъ седьмую часть документовъ, относящихся къ дипломатической перепискѣ императрицы Екатерины II. 120-й томъ подъ редакціей А. А. Половцова будетъ посвященъ дипломатическимъ сношеніямъ французскаго и русскаго правительствъ. 121-й томъ подъ редакціей Д. Θ. Кобеко будетъ заключать въ себѣ переписку императора Николая I съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ съ 1825 по 1831 г. 122-й томъ подъ наблюденіемъ Г. Θ. Штендмана представитъ донесенія кн. Лобковича гр. Каунишу съ 1772 г., извлеченныя изъ вѣнскаго государственнаго архива. Послѣ отчета о дѣятельности общества А. А. Половцовъ указалъ на потерю общества въ лицѣ скончавшагося ген.-лейт. Н. К. Шильдера, сообщилъ его біографію и указалъ, что послѣ Н. К. Шильдера осталось богатое собраніе копій съ различныхъ документовъ. Съ высочайшаго дозволенія Государя Императора часть этого матеріала поступила въ распоряженіе общества. Затѣмъ были переизбраны въ вице-предсѣдатели общества на новое трехлѣтіе К. П. Побѣдоносцевъ и въ члены совѣта Д. Θ. Кобеко. Въ дѣйствительные члены избраны: начальникъ военно-ученаго архива проф. ген.-м. А. З. Мышлавскій и академикъ В. О. Ключевскій; въ члены-корреспонденты—русскій военный агентъ въ Лондонѣ ген.-м. Н. С. Ермоловъ. Засѣданіе закончилось чтеніемъ сообщеній: А. Н. Филиппова—«Неизданный текстъ оправдательной записки, представленной императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ бывшимъ герцогомъ Юганномъ Эрнстомъ Вирономъ»; С. Θ. Платонова—объ «Анастасіи Лаврентьевнѣ Ордынѣ-Нащокинѣ, начальникѣ посольскаго приказа, сотрудникѣ царя Алексѣя Михайловича»; А. Н. Куломзина—записка графа Ламздорфа «О тайномъ соглашеніи по дѣламъ Востока, состоявшемся въ 1844 году между императоромъ Николаемъ I и великобританскимъ правительствомъ» и его императорскаго высочества великаго князя Константина Константиновича—«Изъ дневника великаго князя Константина Николаевича».

Императорское общество любителей древней письменности. 7-го марта состоялось общее собраніе, подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева. Въ этомъ засѣданіи Н. П. Покрышкинъ, совершившій лѣтомъ 1902 г. по порученію императорской академіи художествъ поѣздку въ Сербію, ознакомилъ присутствовавшихъ съ существеннѣйшею частью собраннаго имъ матеріала и съ нѣкоторыми изъ своихъ наблюденій надъ средневѣковой церковной архитектурой въ предѣлахъ нынѣшняго королевства Сербіи. Первую часть сообщенія докладчикъ посвятилъ тѣмъ памятникамъ сербской средневѣковой архитектуры, на которыхъ ясно отражается западное вліяніе. При этомъ референтомъ

были охарактеризованы: 1) Древнѣйшая сербская церковь — Великая церковь царской Студеницкой лавры, построенная Стефаномъ Нѣманей въ 1190—1197 гг. и сохранившая остатки фресокъ того же времени; 2) Жича, построенная въ началѣ XIII в. Стефаномъ Первовѣчаннымъ и Саввою, епископомъ сербскимъ, съ удѣлѣвшими фресками и хрисовуломъ, написаннымъ на стѣнѣ; 3) Арильскій храмъ, обладающій фресками конца XIII вѣка, времени Стефана Драгутина; 4) Градацкій храмъ, построенный кралицей Еленой, католичкой; 5) церкви въ Брезовѣ, Брековѣ и Придворицѣ. Вторая часть реферата была посвящена памятникамъ сербской церковной архитектуры (XIV—XV вв.), которые ясно отражаютъ на себѣ византійское вліяніе, но на которыхъ рѣзко и опредѣленно выступаютъ и черты національныя, — на памятникахъ школы, созданной сербскимъ архитекторомъ XIV в. Боровикомъ Раде и оказавшей значительное вліяніе на архитектуру Румыніи, Сръма и другихъ сосѣднихъ мѣстъ. Въ этой частн сообщенія референтомъ были охарактеризованы: 1) Раваница, построенная царемъ Лазаремъ въ 1381 г.; 2) Манасія, построенная Стефаномъ Высокимъ въ 1407 г.; 3) Любостыня, построенная царицей Милицей послѣ Косовской битвы; 4) Калиничскій храмъ, построенный Стефаномъ Высокимъ въ первой четверти XV вѣка; 5) Смедеревскій храмъ того же времени. Въ концѣ сообщенія референтъ коснулся Смедеревской крѣпости и Евангелій XVI в. и остатковъ иконостаса XVII в. въ монастыряхъ Сербскаго Аѳона. Знакома съ своимъ матеріаломъ, докладчикъ упомянулъ о своихъ предшественникахъ по изученію средневѣковой сербской архитектуры Вальтровичъ и Милутиновичъ, которые въ продолженіе почти 30 лѣтъ собирали, съ научной точностью, матеріалъ и составили богатѣйшую коллекцію, заслуживающую хорошаго изданія. По поводу реферата, иллюстрированнаго болѣе чѣмъ 70 диапозитивами, были высказаны различныя соображенія. Н. П. Кондаковъ указалъ на значеніе собраннаго П. П. Покрышкинымъ матеріала для рѣшенія нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ по исторіи греко-славянскаго искусства. В. В. Стасовъ обратилъ вниманіе на интересъ, который представляютъ показанныя референтомъ снимки съ фресковыхъ изображеній сербскихъ королей Драгутина и Милутина (національныя черты въ ихъ фізіономіяхъ и костюмахъ) и съ скульптурнаго орнамента, заключающаго въ себѣ мотивы, встрѣчающіеся въ русскихъ рукописяхъ. Посѣтившій собраніе сербскій посланникъ г. Стоянъ Новаковичъ привелъ соображенія и историческія данныя (между прочимъ данныя изъ житій св. Саввы и Стефана Нѣмани), которыя необходимо имѣть въ виду, говоря о западномъ, далматинскомъ, восточномъ и византійскомъ вліяніяхъ на памятники сербской средневѣковой церковной архитектуры. Кромѣ того, г. Стоянъ Новаковичъ указалъ на выдающееся значеніе, которое имѣла Аѳонская гора вообще для сербскаго средневѣковаго искусства.

Высочайшее посѣщеніе императорской археологической комиссіи. 9-го марта Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Теодоровна, великій князь Сергій Александровичъ съ августѣйшею супругою и великіе князья Дмитрій Павловичъ и Александръ Михайловичъ съ августѣйшею супругою великою княгинею Ксенією Александровною посѣтили выставку императорской археологической комиссіи, куда прибыли въ

1 ч. 40 м. На лѣстницѣ встрѣтилъ ихъ величества начальникъ сиб. дворцоваго управленія свиты его величества ген.-м. Сперанскій, имѣвшій счастье поднести ея величеству государынѣ императрицѣ букетъ живыхъ цвѣтовъ, а при входѣ на выставку предсѣдатель императорской археологической комиссіи сенаторъ гофмейстеръ графъ Бобринскій, товарищъ предсѣдателя академикъ Латышевъ и члены: профессоръ Веселовскій, Спицынъ, Фармаковскій. Ихъ величества изволили осматривать выставку предметовъ, добытыхъ за истекшій годъ, причемъ объясненія давали всѣ члены императорской археологической комиссіи во главѣ съ предсѣдателемъ ея. Ихъ величества обратили вниманіе, между прочимъ, на доску отъ налучья, найденнаго ген.-л. Бранденбургомъ въ курганѣ Липовецкаго уѣзда, Киевской губ., и представляющаго точное изображеніе налучья, найденнаго въ Чертомлыцкой могилѣ, Екатеринославской губ. Особенно много предметовъ дали раскопки члена комиссіи Шкорпила въ Керчи. Имъ присланы расписная терракотовая и другія вазы и стеклянные сосуды. Изъ Керчи же присланъ небольшой кивчалъ въ золотой оправѣ, украшенный оригинальнымъ орнаментомъ. Тамъ же пріобрѣтена огромная надгробная плита съ многострочною греческою надписью и рѣзнымъ верхомъ. Извѣстные богатствомъ кургановъ села Мелитопольскаго уѣзда дали нѣсколько красивыхъ серебряныхъ вещей, добытыхъ при изслѣдованіяхъ г. Рота. Изъ Таврической губ. есть еще золотая привѣска съ разными привѣсками. Изъ Гурзуфа доставлены г. Фельфигомъ могильные предметы времени великаго переселенія народа. Херсонесъ тоже прислалъ много интересныхъ вещей, въ числѣ ихъ кусокъ бѣлаго стекла въ видѣ головы, костяной образокъ, евангеліе св. Луки, обломки фресокъ съ изображеніями и надписями отъ VII—X вѣка. Выставлены также случайныя находки въ разныхъ губерніяхъ. Есть много замѣчательныхъ браслетъ изъ Саратовской губерніи, блюдо изъ Севастополя, серебряные сосуды изъ Баку, золотая бляха изъ Бухары, изъ тонкой финифти, выдѣляющаяся по техникѣ работы и близко напоминающая сканные узоры знаменитой Мономаховой шапки, нѣсколько сотенъ предметовъ, доставленныхъ въ комиссію изъ раскопокъ ея члена Б. В. Фармаковскаго. На древнемъ ольвійскомъ некрополѣ особенно замѣчательны три мраморныя головки лучшаго греческаго стиля IV вѣка до Рождества Христова, прекрасныя расписныя вазы и другіе предметы. Не менѣе интересны раскопки старшаго члена комиссіи Н. И. Веселовскаго въ Кубанской области. Имъ доставлено много экземпляровъ глиняной посуды, иные огромныхъ размѣровъ; выдаются сосуды на подобіе птицъ, а также нѣсколько прекрасныхъ вазочекъ (вазочки изъ бѣлаго стекла прекрасно сохранились), бронзовый позолоченный кувшинъ и блюдо, великолѣпныя золотыя браслеты и золотыя сосудики. Изъ Кубанской области присланы: гладкая каменная верхушка рукоятки желѣзнаго меча, украшенная золотомъ, собраніе золотыхъ вещей и принадлежностей, найденной серебряной сбруи скинскаго типа. По образчикамъ древняго деревяннаго саркофага, найденнаго въ Керчи, удалось воспроизвести такой же деревянный саркофагъ и размѣстить на немъ, точно слѣдуя расположенію на оригиналѣ, древнюю гипсовую фигуру, изображающую Ніобидовъ. Г. Ресселеромъ доставлена коллекція вещей изъ Закавказья, относящихся къ VII и VI вѣкамъ до Р. Х. Много

на выставкѣ предметовъ, извлеченныхъ изъ земли въ Центральной, Сѣверной Россіи (раскопки художниковъ: Рериха, Четыркина и Глазова). Много найдется монетъ и серебряныхъ слитковъ различнаго типа. Въ теченіе года поступило въ комиссію много монетныхъ вкладовъ и другихъ древностей изъ Сибири, доставленныхъ изъ Минусинска. Послѣднія находки изъ Сѣверной Сибири. Г. Адриановъ прислалъ рядъ таблицъ съ срисованнымъ по порученію комиссіи огромнымъ количествомъ добытыхъ за годъ предметовъ на сибирскихъ скалахъ; изъ предметовъ многіе имѣютъ художественное значеніе. Послѣ осмотра выставки ихъ величествамъ были поднесены 6 томовъ послѣднихъ изданій комиссіи, выпущенныхъ въ 1902 г. (отчетъ, извѣстія и 2 выпуска матеріаловъ по археологии Россіи).

Московское археологическое общество. Въ годичномъ засѣданіи, 28-го февраля, былъ прочитанъ докладъ В. В. Хвойко о произведенныхъ имъ въ истекшемъ году раскопкахъ могильника при селѣ Броварки, Гадячскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Раскопки въ могильникѣ съ насыпными на немъ курганами, доходившими въ максимумѣ до 10 метровъ, производились совместно съ Г. Е. фонъ-Бранденбургомъ. Начало раскопокъ было не совсѣмъ удачно: 11 изслѣдованныхъ кургановъ оказались разрытыми и ограбленными ранѣе. Тѣмъ не менѣе въ нихъ можно было констатировать 2 вида погребеній въ склепѣ и въ сожженіи покойника въ особаго рода углубленіи, закрывавшемся землей. Совершенно случайно, при изслѣдованіи Броварскаго могильника, были замѣчены, на противоположномъ концѣ его, цѣлые ряды, едва возвышающіеся на поверхности земли, могильныхъ насыпей, расположенныхъ въ полѣ между курганами. Изъ 80 раскопанныхъ, при содѣйствіи С. А. Мазараки, могилъ оказалось 16 вполне цѣльныхъ погребеній, остальные были разрушены при вслапкѣ, корчевкѣ, а большая часть подверглась ограбленію еще въ древности. При покойникахъ попадались слѣдующіе предметы: при мужчинахъ—желѣзные ножики (одинъ разъ желѣзный наконечникъ стрѣлы), кресала и куски кремня у праваго бедра, при женщинахъ же, въ шести случаяхъ, на черепахъ оказались серебряные вѣнцы изъ тонкой бляхи, сильно разрушенные отъ времени. У трехъ покойницъ они замѣнялись серебряными обручами съ прикрѣпленными на лбу цилиндрической формы пластинками. У тѣхъ и у другихъ по обѣимъ сторонамъ черепа висѣли въ видѣ привѣсокъ на кольцахъ или въ петляхъ отъ шнурковъ по 3 спирали изъ серебряной проволоки, а на передней части вѣнцовъ и обручей висѣло еще по нѣскольку колець въ перемешку съ привѣсками изъ «*Circea moneta*». Въ двухъ случаяхъ средняя спираль съ правой стороны замѣнена была особаго рода привѣской, состоящей изъ серебряныхъ цѣпочекъ съ бубенчиками на концахъ, но въ большинствѣ случаевъ, вмѣсто этихъ головныхъ уборовъ, встрѣчались повязки въ видѣ лентъ съ привѣшанными къ нимъ спиралями, кольцами и раковинами. Около шеи, а иногда и на верхней части груди, попадалось по одному, по два и даже по три шнурка стекляннхъ бусъ на золотой подкладкѣ и золоченыхъ пли орнаментированныхъ бубенчиковъ, раздѣленныхъ между собой 4 или 5 бусинами изъ желтоватой стекловидной массы и изъ композиціи, а въ одномъ случаѣ—рядъ бусъ хрустальныхъ. На рукахъ покойницъ иногда надѣто было по одному и по два гладкихъ бронзовыхъ браслета, а на пальцахъ очень часто—

серебряныя или бронзовыя кольца различной формы. Съ правой стороны скелетовъ лежалъ обыкновенно желѣзный ножъ, иногда съ костяной рукояткой, украшенною серебряною пластинкой съ перетянутыми двумя-тремя серебряными дѣпочками. Въ одномъ случаѣ, въ ногахъ покойницы найдено были глиняное поливное яичко, расписанное разными узорами, а у поясницы одной изъ нихъ, съ правой стороны, лежалъ костяной гребешокъ. Такъ называемыя пряслицы, въ видѣ застежекъ или пуговицъ, найдены по одной у 3-хъ покойницъ, въ 2-хъ случаяхъ у поясницы, въ одномъ—около плеча у шеи, съ правой стороны. Руководствуясь добытымъ матеріаломъ, можно отнести существованіе могильника къ двумъ различнымъ эпохамъ, а именно: могилы со склепами, а также нѣкоторыя погребенія съ сожженіемъ, ясно указываютъ на болѣе раннюю эпоху, но не ранѣе первыхъ вѣковъ по Р. Х. Другая же часть изслѣдованныхъ погребеній принадлежитъ уже болѣе позднему времени, приблизительно VIII—IX вв. по Р. Х. Броварскій могильникъ, равно какъ и два близлежащія городища, слѣдуетъ отнести къ славянской эпохѣ. Антропологическія данныя и самый обрядъ погребенія являются типичными для славянства.

Археологическій институтъ. 23-го февраля, Е. А. Пасыкинъ сдѣлалъ сообщеніе объ архаическомъ Египтѣ. До сихъ поръ на эту тему сочиненій на рускомъ языкѣ нѣтъ, а потому прекрасно прочитанный докладъ о вопросѣ мало извѣстномъ и демонстрированный туманными картинками вызвалъ обычный интересъ въ довольно многочисленной публикѣ. Подъ архаическимъ Египтомъ подразумѣвается не древній Египетъ, а тотъ огромный въ нѣсколько тысячелѣтій доисторическій періодъ, предшествовавшій періоду древняго Египта. Раскопки послѣднихъ лѣтъ, проливая свѣтъ на эту сѣдую старину выяснили слѣдующее: въ періодъ каменнаго вѣка на берегахъ Нила, въ Африкѣ, жилъ народъ семитическаго племени, и вотъ къ нему постепенно, по самой срединѣ Чермнаго моря, сталъ переправляться изъ Азіи другой народъ, который началъ селиться въ средней части Нила, тѣсня туземцевъ къ дельтѣ, пока не завоевалъ ихъ, на что потребовались тысячелѣтія. Этотъ пришлый народъ, египтяне, покорилъ туземцевъ помощью бронзоваго оружія, вывозимаго имъ изъ Азіи. Ко времени покоренія всего Нила египтяне стали спланиваться, выбирать себѣ царей-фараоновъ, и съ этихъ поръ они появляются въ нашихъ учебникахъ исторіи подъ именемъ древнихъ египтянъ. Докладчикъ демонстрировалъ свою лекцію снимками съ памятниковъ архаическаго Египта. Не имѣя возможности привести здѣсь интересное сообщеніе, укажемъ на замѣчательное развитіе, которое пережилъ архаическій Египетъ въ способѣ похоронъ своихъ покойниковъ. Сначала ихъ хоронили просто въ грубыхъ гончарныхъ или каменныхъ маленькихъ склепахъ, гдѣ покойникъ былъ буквально скомканъ; потомъ хоронили, укладывая его на землѣ на спину, прижимая руки, ноги и голову къ груди, покрывая съ верху глинянымъ горшкомъ и засыпая землей. Потомъ, въ слѣдующемъ періодѣ, покойниковъ «рѣзали на куски», соскабливали съ костей мясо, вынимали изъ головы мозгъ и самый костякъ покрывали смолой—это начало бальзамированія, при чемъ кости укладывались въ могилѣ въ извѣстномъ порядкѣ и такъ, чтобы голова была обращена на сѣверъ. Наконецъ перешли постепенно къ способу бальзамированія (доднедшему до насъ) въ видѣ

мумій. При похоронахъ съ покойникомъ клали посуду, которую «убивали» про-
сверливаньемъ дыръ, дабы съ душой покойника шла за нею служить ему и
душа посуды. Для труновъ царей въ это время практиковался способъ сжи-
ганія, такъ какъ цари отправлялись непосредственно помощью священнаго огня
на тотъ свѣтъ, а остальные смертные были этого недостойны, и ихъ только
старались сохранить подольше отъ тлѣнія. Этотъ донисторическій періодъ ар-
хаическаго Египта, продолжавшійся тысячелѣтія, въ настоящее лишь время
постепенно выясняется, и докладчикъ, работая надъ этимъ вопросомъ, общалъ
нанечатать свои труды, по выходѣ которыхъ въ свѣтъ можно будетъ подробнѣе
разказать о многихъ интересныхъ сторонахъ жизни какъ этого архаическаго
народа, такъ и не менѣе архаическаго покореннаго имъ семитическаго племени.

Христіанскія древности въ музеѣ императора Александра III. Въ на-
стоящее время при Русскомъ музеѣ императора Александра III производятся
милліонныя работы по устройству при немъ отдѣловъ этнографическаго и на-
мятнаго. Послѣдній посвященъ будетъ исключительно увѣковѣченію памяти въ
Возѣ починающаго государя императора Александра III. Вполнѣ естественно и
своевременно было бы вмѣстѣ съ тѣмъ заняться благоустройствомъ существую-
щаго при музеѣ христіанскаго отдѣла древностей. Христіанскія древности въ
музеѣ находятся теперь въ такомъ состояніи, что знакомство съ ними для по-
сѣщающей публики затруднительно во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего
отдѣленіе церковныхъ древностей помѣщено въ музеѣ не на своемъ мѣстѣ, оно
занимаетъ залы XVIII—XXI; но предметы въ немъ такъ размѣщены, что нужно
начать осмотръ съ зала XXI и окончить заломъ XVIII, а потомъ снова нужно
возвратиться по заламъ XVIII—XXI назадъ, чтобы пойти въ залъ I для осмотра
старинныхъ картинъ. Большинство же посѣтителей начинаетъ осмотръ музея
съ зала I и, пройдя I—XVII залъ, неожиданно для себя попадаетъ въ глубь
сѣдой старины (залы XVIII—XXI), но, не имѣя руководителей и не понимая
значенія христіанскихъ древностей, поспѣшно проходитъ мимо церковныхъ
предметовъ, нерѣдко отзываясь о нихъ, какъ о ненужномъ «старьѣ», неиз-
вѣстно зачѣмъ собранномъ въ музеѣ. Въ виду этого слѣдовало бы выдѣлить
христіанскія древности изъ общаго помѣщенія Русскаго музея въ отдѣльное
зданіе, куда приходили бы посмортѣть и изучать церковные памятники насто-
ящіе любители и цѣнители родной старина. Хорошо было бы устроить церковно-
музей христіанскихъ древностей. Это тѣмъ болѣе желалельно, что старинныя
иконы, хранимыя въ Русскомъ музеѣ, были раньше предметомъ молитвеннаго
почитанія, какъ церковныя и фамильныя святыни. Мысль о помѣщеніи хри-
стіанскихъ древностей музея въ особомъ зданіи, вполнѣ приспособленномъ для
нихъ, высказывается многими почитателями церковной старины и заслужи-
ваетъ должнаго вниманія. Въ настоящемъ же своемъ положеніи христіанскія
древности въ музеѣ находятся въ заброшенномъ состояніи. Начать съ того,
что христіанскій отдѣлъ музея не имѣетъ штатныхъ своихъ суммъ на попол-
неніе коллекціи предметовъ старины; нѣтъ у него и своего хранителя, специа-
листа-археолога, который заботился бы о немъ, какъ о дорогомъ дѣтищѣ, и
давалъ бы объясненія публикѣ по предметамъ церковной археологіи. Самое
размѣщеніе въ музеѣ христіанскихъ древностей, ихъ нумерація и описаніе ну-
ждаются въ большемъ вниманіи, чѣмъ какимъ онѣ пользуются въ настоящее

время. Между тѣмъ памятники церковной старины по своему важному историческому значенію заслуживаютъ того, чтобы о нихъ позаботились въ такой же степени, какъ и о другихъ отдѣлахъ Русскаго музея. Древнее церковное искусство послужило зерномъ для возникновенія и развитія свѣтскаго творчества и художества. Многіе старинные памятники христіанской церкви представляютъ научный интересъ, поскольку отражаютъ на себѣ слѣды древнихъ воззрѣній, обрядовъ, обычаевъ своей эпохи. Русскій музей по своему назначенію и долженъ выполнять всесторонне задачу исторической художественной школы, гдѣ посѣтители имѣли бы возможность изучать національное искусство во всѣхъ его проявленіяхъ. Наконецъ, приведеніемъ въ порядокъ и благоустройство христіанскаго отдѣла Русскаго музея лучше всего почтена была бы память въ Возѣ почившаго императора Александра III. Покойный государь былъ глубокимъ знаткомъ въ области русской археологіи и въ частности въ иконографіи; любилъ приобретать памятники старины, и въ Аничковскомъ дворцѣ хранится цѣнное его собраніе древнихъ иконъ и другихъ предметовъ археологіи, которые могли бы со временемъ быть лучшимъ украшеніемъ Русскаго музея императора Александра III.

Общество археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Въ текущемъ году исполнилось двадцать пять лѣтъ со дня основанія общества; уставъ его былъ утвержденъ министромъ народнаго просвѣщенія 18 марта 1878 года. Поэтому общество устраиваетъ свои годовичныя собранія 18 марта, при чемъ вниманію присутствующихъ предлагается рѣчь кого либо изъ дѣйствительныхъ членовъ общества и отчетъ о составѣ и дѣятельности общества за истекшій гражданскій годъ; такъ было и въ нынѣшнемъ году; обстановка годичнаго собранія, явившагося для общества, такъ сказать, юбилейнымъ, нисколько не отличалась отъ прежнихъ засѣданій, имѣвшихъ мѣсто въ тотъ же день—18 марта—предыдущихъ годовъ. Вѣроятно, подъ влияніемъ совпаденія дня годичнаго собранія общества съ годовщиной смерти Іоанна Грознаго, предметомъ рѣчи, произнесенной въ этомъ засѣданіи, почетный членъ общества, проф. Д. А. Корсаковъ, избралъ личный характеръ царя, скончавшагося 319 лѣтъ тому назадъ. Припомнивъ слушателямъ общеизвѣстныя данныя изъ біографіи Іоанна IV и исторіи его времени, проф. Корсаковъ остановился на оцѣнкѣ личности покорителя Казани. Ни панегиристы, ни безусловные порицатели Грознаго, по мнѣнію проф. Корсакова, неправы; никакого рѣзкаго переворота въ характерѣ Івана IV не происходило, хотя разныя стороны его характера проявлялись въ различные періоды его жизни съ неодинаковой силой; самъ Грозный, по мнѣнію проф. Корсакова, всю жизнь чувствовалъ себя глубоко несчастнымъ человѣкомъ; въ этомъ и заключается разгадка его нравственнаго облика. Послѣ рѣчи проф. Корсакова секретарь общества, г. Горталовъ, ознакомилъ присутствующихъ съ состояніемъ и дѣятельностью общества за 1902 годъ.

Костромская архивная коммиссія. Въ послѣднемъ собраніи коммисіи 21 марта, былъ возбужденъ, председателемъ коммисіи Л. М. Князевымъ, вопросъ объ участіи коммисіи въ торжественномъ празднованіи 400-лѣтія со дня праведной кончины преподобнаго Тихона, лухскаго чудотворца, почитаемаго покровителя всего этого края. Празднованіе, съ благословенія синода,

имѣть быть 14—16 іюня. Членомъ совѣта комиссіи Планскимъ было высказано, что участіе это можетъ выразиться въ торжественномъ собраніи членовъ комиссіи на мѣстѣ, въ Луху, въ каковомъ собраніи имѣютъ быть сообщенія о значеніи памятниковъ древности и объ охраненіи ихъ ради исторіи края и о житіи преподобнаго, котораго посему слѣдуетъ признать просвѣтителемъ того края, затѣмъ участіе это должно сказаться въ выставкѣ предметовъ древности и той эпохи, когда жилъ преподобный, т.-е. конца царствования царя Іоанна III. Наконецъ, существующіе доселѣ памятники письменности того времени, какъ-то: евангеліе, написанное преподобнымъ въ концѣ XV столѣтія, должно быть украшено и сохранено на будущее время, а также и всѣ издѣлія прекраснаго рѣзчика, какимъ былъ преподобный. Всѣ эти предложенія были приняты весьма сочувственно, и было положено въ дни празднованія устроить собраніе комиссіи въ Тихоновой пустынѣ 16 іюня. Кромѣ того въ этомъ же собраніи была сообщена біографія пианиста этнографа, Мельгунова, по случаю 10-лѣтія со дня его кончины. Покойный Мельгуновъ былъ уроженцемъ Костромской губерніи и пзвѣстенъ своими трудами по собиранію древнихъ пѣсень и мотивовъ напѣвовъ для сохраненія продуктовъ народнаго творчества въ области пѣнія и музыки. Рѣчь учителя Федотова, посвященная памяти покойнаго художника и этнографа, сопровождалась единодушными одобреніями. Для иллюстраціи были выставлены портреты г. Мельгунова и его матери и отца. Кромѣ того, въ собраніи присутствовала родная сестра Мельгунова, М. В. Постникова, живущая въ Костромѣ. Наконецъ, въ этомъ же собраніи былъ данъ отчетъ г. Андрониковымъ объ участіи его въ археологическомъ съѣздѣ и предложеніе объ участіи членовъ архивной комиссіи въ Тверскомъ областномъ съѣздѣ, который будетъ въ августѣ этого года въ Твери. Костромская архивная комиссія пожелала участвовать своими трудами въ съѣздѣ и выставкѣ наиболѣе замѣчательныхъ предметовъ, хранящихся въ музеѣ и принадлежащихъ къ разнымъ эпохамъ жизни нашего отечества.

400-лѣтіе памяти преподобнаго Тихона Луховскаго. Трудami членовъ Костромской комиссіи точно опредѣлено время кончины св. Тихона. 16 іюня 1903 года, съ благословенія святѣйшаго синода въ этотъ день имѣть быть духовное торжество съ крестнымъ ходомъ изъ г. Луха въ монастырь преподобнаго Тихона. Празднованіе будетъ въ монастырѣ его, находящемся въ 5 верстахъ отъ Луха и 25 отъ ст. Вичуга Шуйско-Ивановской желѣзной дороги. 14 іюня будетъ празднованіе памяти преподобнаго на мѣстѣ подвиговъ отшельничества въ Святинкѣ, а 15—16 въ самомъ монастырѣ. Преподобный Тихонъ былъ соотечественникъ и современникъ князя Феодора Бѣльскаго, съ которымъ и перешелъ въ Москву въ 1482 году къ царю и великому князю Іоанну Васильевичу III. Дѣти князя Бѣльскаго играли важную роль при дворѣ князя Василія Іоанновича и царя Іоанна Грознаго. Они очень покровительствовали монастырю, основанному на ихъ землѣ соотчичемъ ихъ Тихономъ, и одинъ изъ князей Бѣльскихъ, Дмитрій, пожертвовалъ обители богатыя населенныя вотчины. Препод. Тихонъ былъ образованный челоѣкъъ своего времени. Онъ былъ прекрасный рѣзчикъ и искусный писатель божественныхъ книгъ. Послѣ него осталось четвероевангеліе, написанное полууставомъ, и также остались его издѣлія изъ дерева: ковши, блюда, поставцы и проч. Кромѣ всего, по

лѣтописецъ, онъ же былъ просвѣтителемъ черемисъ въ Низовой сторонѣ, въ Ветлужскомъ краѣ, въ Галичской области и много служилъ къ просвѣщенію Лухового края, доброй части Суздальской области. Изъ сохранившихся писаній видно, что его обитель со своимъ игуменомъ Юною Балахонцемъ (изъ Балахны) принимала видное участіе въ Нижегородскомъ возстаніи въ смутное на Руси время. Заслуги преподобнаго столь почитаются мѣстнымъ населеніемъ, что оно все просило синодъ разрѣшенія торжественно праздновать память своего патрона въ день 400-лѣтія со дня его кончины. За подробностями можно обращаться въ временной юбилейный комитетъ въ г. Лухѣ, Костромской губерніи. Ко дню 400-лѣтія издано, съ одобренія архивной комиссіи, житіе препод. Тихона на основаніи тѣхъ источниковъ, которые имѣлись въ архивѣ комиссіи; житіе имѣетъ быть распространено между богомольцами и въ мѣстныхъ школахъ. Житіе написано простымъ и общедоступнымъ языкомъ и вполнѣ выясняетъ личность отшельника и въ то же время и заботника о народномъ просвѣщеніи въ духѣ православной и христіанской нравственности.

Охраненіе памятниковъ древности. Определеніемъ святѣйшаго синода отъ 31-го января—27-го февраля 1903 года постановлено: въ цѣляхъ упорядоченія способовъ охраненія памятниковъ церковной древности въ монастыряхъ и церквяхъ имперіи, установить слѣдующія правила: 1) Въ московской Патріаршей бібліотекѣ сосредоточить копія съ описей ризницъ тѣхъ монастырей и церквей, гдѣ осталась еще старина, при чемъ на мѣстахъ храненія древности описи современныхъ ризницъ должны быть совершенно выдѣлены отъ описей древнихъ вещей. 2) При составленіи копій описи предметовъ старины сдѣлать провѣрку ихъ особыми комиссіями изъ настоятеля и ключаря или ризничаго. Если мѣсто храненія старины губернской городѣ, то присоединить въ комиссію одного изъ преподавателей семинаріи, а въ уѣздномъ городѣ, гдѣ есть духовное училище, одного изъ преподавателей онаго, если же такового училища нѣтъ, — ближайшаго благочиннаго. 3) Все, включенное въ эту опись, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отчуждаемо безъ разрѣшенія святѣйшаго синода, при чемъ ходатайства о такомъ отчужденіи направляются въ московскую святѣйшаго синода контору на заключеніе. 4) Въ Патріаршей бібліотекѣ сосредоточить всѣ описи старинныхъ монастырей, соборовъ и церквей до 1800 года включительно. 5) Поручить епархіальнымъ начальствамъ сдѣлать распоряженіе о составленіи настоятелями подлежащихъ монастырей и церквей, означенныхъ въ первомъ и второмъ пунктахъ вышеизложенныхъ правилъ, описей и копій съ нихъ, о провѣркѣ сихъ послѣднихъ установленными во второмъ пунктѣ комиссіями и о доставленіи засимъ провѣренныхъ копій въ Патріаршую бібліотеку, предупредивъ при этомъ хранителей древнихъ ризницъ и бібліотекъ, что за неисполненіе и нарушеніе вышеуказанныхъ правилъ виновные будутъ подвергнуты строгой отвѣтственности.

Географическое общество. I. Въ общемъ собраніи 26-го февраля В. Θ. Новицкій сдѣлалъ сообщеніе о своихъ поѣздкахъ въ снѣговую область Эльбруса. Наболѣе удачная изъ нихъ была совершена въ концѣ августа 1901 года. Августъ мѣсяцъ вообще является лучшимъ временемъ для восхожденія, такъ какъ въ это время происходитъ наименѣе атмосферныхъ осадковъ. Малочис-

левность крутыхъ подъемовъ и отсутствіе обледенѣлыхъ обрывовъ дѣлають вообще подъемъ на Эльбурсъ не особенно затруднительнымъ, осложняетъ его только огромная снѣговая площадь, по которой приходилось идти около 15 часовъ, и огромныя трещины, начинающіяся за Фарновымъ полемъ, которое является мѣстопребываніемъ многочисленныхъ оползающихъ оттуда ледниковъ, прикрытыхъ иногда очень предательски снѣговымъ покровомъ. Опасными также являются частыя осыпи. Двѣ вершины Эльбруса представляютъ собою воронкообразные кратеры, находящіеся на разстояніи $1\frac{1}{4}$ версты другъ отъ друга. При подъемѣ на дорогѣ встрѣчаются значительные ледники. Одинъ изъ самыхъ большихъ—ледникъ Азау: длина его 5 верстъ, но при этомъ онъ очень узокъ и находится въ періодѣ отступанія, какъ и всѣ кавказскіе ледники (отступаніе ихъ надо считать 11 фут. ежегоднымъ въ среднемъ). Путешествіе на Эльбурсъ приходится совершать безъ проводниковъ, которыхъ достать очень трудно, потому что, какъ это ни странно, горцы звають Эльбурсъ очень плохо и поднимаются на него очень рѣдко и неохотно. Скалы Эльбруса изобилуютъ турами и стадами дикихъ индѣекъ, являющихся почему-то всегда спутниками первыхъ. Видъ, открывающійся съ Эльбруса, немного разочаровываетъ, такъ какъ отъ него ожидаешь гораздо большаго. Хорошо видно только на востокъ, гдѣ открываются снѣговые хребты вплоть до Казбека, на западъ видна полоска Чернаго моря. Во время доклада были показаны діапозитивы.

П. 28-го февраля, въ засѣданіи отдѣленія географіи математической и физической было доложено о предстоящихъ въ 1903 году экспедиціяхъ по этому отдѣленію; изъ нихъ наиболѣе важныя слѣдующія: 1) Риштича и Толмачева—въ Месопотамію и Курдистанъ; 2) Елнатъевскаго—изслѣдованіе озера Косоголь; 3) Л. С. Берга—изслѣдованіе на озерѣ Байкангъ; 4) В. Петерсона—этномологическія изслѣдованія на Уралѣ; 5) В. А. Фаусекъ—изслѣдованіе фауны песковъ Закаспійской области; 6) Ю. П. Воронова—изслѣдованіе въ Сѣверной Монголіи; 7) В. П. Липскаго—ботаническія изслѣдованія въ Тянь-Шанѣ; 8) В. Θ. Новицкаго и г. Эдельштейна—въ хребетъ Петра Великаго; 9) В. В. Марковича—въ ледники Кавказа; 10) Н. А. Заруднаго—путешествіе въ Персію и др.

Общество любителей естествознанія. I. Въ публичномъ засѣданіи 1-го марта ассистентъ зоологическаго музея И. В. Богоявленскій сдѣлалъ сообщеніе о своей поѣздкѣ весной и лѣтомъ 1902 г. въ Персидскій заливъ. Поѣздка была предпринята по порученію общества на средства, предоставленныя В. Д. Лепешкинымъ, съ цѣлью собранія коллекцій по морской фаунѣ. Персидскій заливъ, занимающій площадь около 220.000 кв. верстъ, омываетъ юго-западные берега Персіи и восточные турецкой Аравіи, но основное населеніе его береговъ—арабское, такъ что заливъ правильнѣе было бы называть Арабскимъ. При значительной величинѣ (въ длину около 700 морскихъ миль) заливъ мелокъ; средняя глубина его—25—37 метровъ, а у береговъ гораздо мельче; большія суда могутъ подходить къ берегу только въ одной гавани, Кувейтѣ, а въ другихъ они должны останавливаться въ 3—4-хъ и болѣе морскихъ миляхъ отъ берега. Персы утвердились болѣе прочно на побережьѣ этого залива не ранѣе 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, да и теперь встрѣчаются только въ городахъ, гдѣ можно видѣть также индусовъ, афганцевъ, негровъ и

другихъ. Власть турокъ на арабскомъ берегу, за исключеніемъ двухъ пунктовъ, гдѣ стоятъ ихъ небольшіе гарнизоны, въ сущности номинальна, и населеніе знаетъ только своихъ шейховъ. Большимъ вліяніемъ пользуются здѣсь англичане; ихъ военные канонерки и броненосцы стоятъ передъ главными портами и многіе арабскіе шейхи получаютъ отъ нихъ субсидіи. Населеніе по берегамъ вообще довольно рѣдкое, но заливъ имѣетъ большое значеніе, какъ удобный путь изъ Индіи въ Месопотамію и Персію. До послѣдняго времени англичане были почти единственными представителями здѣсь Европы, но теперь сюда стали ходить французскіе и русскіе пароходы. Г. Вогоявленскій описалъ посѣщенныя имъ города, во-первыхъ, Бендеръ-Абастъ, съ его низкими бѣлыми домиками съ плоской крышей, необыкновенной грязью на базарѣ и характернымъ населеніемъ, въ которомъ преобладаетъ темносмуглый типъ. Жители получаютъ воду изъ громадной цистерны въ 3-хъ верстахъ отъ города, куда проведены ручьи съ горъ. За Бендеръ-Абастомъ по персидскому берегу слѣдуетъ городъ Ливна; городъ этотъ почище, имѣетъ мечеть, облицованную поливными кирпичами, а кругомъ много финиковыхъ пальмъ. Далѣе слѣдуетъ Бендеръ-Бушаръ, главный торговый портъ залива и Персіи, куда еженедѣльно заходятъ пароходы изъ Лондона и Бомбея, и гдѣ имѣютъ пребываніе консулы Англии, Франціи, Германіи, Россіи. Зимой и весной городъ оживленъ, но лѣтомъ здѣсь страшны жары, и болѣе состоятельные люди уѣзжаютъ въ Ширазъ или живутъ въ окрестныхъ виллахъ. Въ началъ лѣтнаго муссона (въ маѣ) дуетъ сильный вѣтеръ, приносящій массы пыли изъ Аравіи. Въ окрестностяхъ много финиковыхъ рощъ, но почва вообще плоха и требуетъ искусственнаго орошенія (посредствомъ канавъ (арыковъ) изъ колодезь). Чистая вода привозится въ бурдюкахъ за восемь верстъ, и ведро стоитъ около 10-ти копеекъ. Въ Бушарѣ г. В. нанялъ большую парусную лодку съ семью матросами и отправился къ устью Шать-эль-араба, а затѣмъ по этой рѣкѣ въ городъ Мохамеру (въ 67-ми верстахъ отъ устья) на рѣкѣ Карунѣ. По дорогѣ пришлось вытерпѣть бурю и высадиться на островъ Фельджъ, гдѣ имѣются развалины высѣченныхъ въ скалѣ храмовъ огнеоклонниковъ. Въ устьѣ Шать-эль-араба еще и до сихъ поръ процвѣтаетъ пиратство: для предосторожности г. В. выставилъ на мачтѣ русскій флагъ и заручился охраной изъ четырехъ солдатъ отъ шейха Мохамеры. Шать-эль-арабъ очень широкъ; въ него входятъ морскіе пароходы; по берегамъ видны финиковыя рощи, кочевья бедуиновъ, изрѣдка пашни. Шейхъ Мохамеры только номинально подчиненъ Персіи, а въ сущности независимъ, какъ, и еще болѣе, шейхъ Кувейта, Мобарекъ, которому приходится искусно лавировать между властителемъ Центральной Аравіи Ибнъ-Решидомъ, Турціей и Англійей. Кувейтъ—довольно большой городъ съ двумя базарами, женскимъ (утреннимъ) и мужскимъ (вечернимъ); изъ него идутъ торговые пути въ Аравію и въ Месопотамію. Затѣмъ г. В. посѣтилъ острова Бахраинъ, извѣстные своими ловлями жемчуга. Сюда весной сходятся до 4.000 лодокъ, каждая съ 8—40 ловцами, которые ныряютъ подъ воду разъ по 40 въ день (на глубинѣ около двухъ сажень) и достаютъ со дна жемчужныя раковины. Морская вода разъѣдаетъ глаза, а акулы угрожаютъ нерѣдко жизни водолазовъ. Ловля продолжается до половины сентября; въ счастливый годъ на ловца можетъ прійтись до 500 рублей, а въ плохой могутъ не окупиться расходы. Лучшія рако-

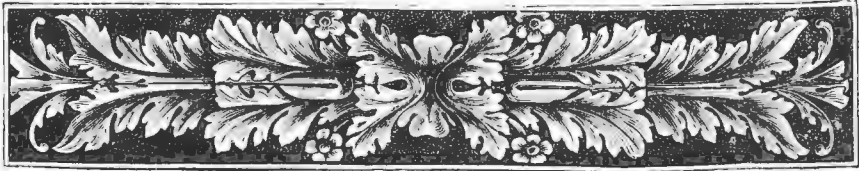
вины держатся, по рассказамъ, у такихъ частей каменстаго дна, гдѣ открываются прѣсноводные ключи, которыми вообще очень богаты острова Бахраинъ, и есть народное повѣрье, что сюда течетъ подъ землею вода Шать-эль-араба. Жемчугъ скупается торговцами и идетъ главнымъ образомъ въ Индію и вообще на Востокъ. Пошлина съ жемчуга приноситъ большой доходъ бахраинскому шейху, ставленнику Англій, находящемуся отъ нея въ зависимости. Самый значительный городъ—передъ входомъ въ Персидскій заливъ—Маскатъ, когда-то столица могущественнаго султана, одно время владѣніе португальцевъ, а нынѣ, хотя и независимый, но сравнительно второстепенный городъ, управляющійся своимъ султаномъ. Съ моря Маскатъ красивъ и расположенъ среди скалъ; окружающія его стѣны съ башнями придаютъ ему средневѣковый видъ. Въ 9 часовъ вечера ворота запираются, и всюду на башняхъ и скалахъ стоятъ часовые. Это—предосторожность противъ кочевыхъ арабовъ, которые неоднократно совершали нападены, въ послѣдній разъ въ 1897 г., когда городъ былъ ими разграбленъ. Здѣсь встрѣчается много индусовъ; по слухамъ, въ городъ и теперь еще привозятъ рабовъ изъ Африки; лѣтомъ здѣсь страшная жара—до 60° Ц. Въ зоологическомъ отношеніи Персидскій заливъ представляетъ много интереснаго; фауна его сходна съ фауной Индійскаго океана, но заключаетъ въ себѣ и оригинальныя формы, а также сходныя со свойственными Красному морю. Весной въ числѣ плавающихъ на поверхности формъ встрѣчается много свѣтящихся (*Ostracoda* и др.); въ маѣ вода зацвѣтаетъ, появляется много водорослей. Здѣсь водятся громадныя рыбы, акулы, большія черепахи и много интересныхъ формъ—крабовъ, полиповъ, морскихъ звѣздъ и т. д. Особенно богата фауна на коралловыхъ рифахъ около острововъ Бахраинъ. Рефератъ былъ иллюстрированъ массою діапозитивовъ; кромѣ того, въ залѣ была выставлена зоологическая коллекція: кораллы, раковины и много формъ рыбъ, крабовъ, звѣздъ и т. д. въ спирту. II. Въ засѣданіи 8-го марта Б. М. Житковъ сообщилъ о своемъ путешествіи въ Канинскую тундру, куда онъ былъ командированъ императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ. Г. Житкова сопровождали С. В. Покровский и Г. Л. Граве. Экспедиція выѣхала изъ Москвы 15-го іюня и 30-го іюня вышла изъ города Мезени къ сѣверу вдоль западныхъ береговъ Канина на заблаговременно нанятомъ рабочемъ парусномъ суднѣ. Въ теченіе пятинедѣльнаго плаванія были посѣщены различныя пункты побережья Канина и изслѣдованы центральныя части полуострова. Въ географическомъ отношеніи главною цѣлью экспедиціи было изслѣдованіе воднаго пути, состоящаго изъ цѣлой цѣни рѣкъ и озеръ и пересѣкающаго полуостровъ Канинъ, соединяя Мезенскую и Чешскую губы. Путемъ этимъ нѣкогда проходили суда промышленниковъ, затѣмъ онъ былъ забытъ и считался непроходимымъ. Этотъ естественный каналъ, имѣющій не только теоретическій, но и большой практический интересъ, былъ весь пройденъ экспедиціей въ довольно большой лодкѣ и нанесенъ на карту. Водная система эта состоитъ изъ рѣки Чижи и озеръ и рѣчекъ, соединяющихъ верховье этой большой рѣки съ устьемъ рѣки Чешы, впадающей въ Чешскую губу. Система этихъ водоемовъ расположена въ долинѣ, представляющей, повидимому, древній морской проливъ, перегораживавшій Канинъ и послѣ забитый рѣчвыми наносами, чему предшествовало поднятіе береговъ Канина изъ моря (вѣковое

отрицательное движеніе береговъ полуострова). Кромѣ описаннаго воднаго пути, экспедиціей изслѣдована также рѣка Мгла со своими озерами и низовья рѣкъ Кулоя и Мезени. Произведены драгировки и изслѣдованія морской фауны Канинскихъ кошекъ — обширныхъ отмелей, расположенныхъ у западныхъ береговъ Канина, покрываемыхъ чрезвычайно высокими приливами (до 48 футовъ) и обнажающихся во время отливовъ. Въ практическомъ отношеніи интересно богатство этихъ кошекъ наживочнымъ червемъ (*Arenicola piscatorum*). Морской промыселъ и рыболовство у береговъ Канина развивается съ каждымъ годомъ. Бьютъ значительное количество тюленей и бѣлугъ, ловятъ рыбу морскую и озерную. Главнѣйшими промысловыми формами являются навага (ловятъ не мѣнѣе 30.000 пудовъ въ зиму) и семга. Ловятъ также акулъ. Русское населеніе побережья Мезенскаго уѣзда пользуется значительнымъ матеріальнымъ благосостояніемъ. Населеніе это сосредоточено по нижнему теченію рѣкъ Мезени и Кулоя, нѣсколько южнѣе границъ Канинской тундры. Но и въ предѣлахъ тундры, считающейся полною собственностью самоѣдовъ, есть небольшіе русскіе поселки, населенные уже очень давно переселившимися сюда мезенскими мѣщанами и крестьянами. Положеніе этихъ жителей во многихъ отношеніяхъ неопредѣленно, такъ какъ они сидятъ на самоѣдскихъ земляхъ и сами землей до настоящаго времени не надѣлены. Последнее является результатомъ какихъ-то недоразумѣній, такъ какъ по такъ называемому «Самоѣдскому уставу» еще въ 1830 году состоялось высочайшее повелѣніе о надѣленіи крестьянъ и мѣщанъ деревень Мглы, Неси и др. землею (т.-е. лугами) въ количествѣ 60 десятинъ на душу. Луга важны для этихъ поселенцевъ, такъ какъ они держатъ скотъ. Весьма желательною является колонизація западныхъ береговъ Канина осѣдлымъ населеніемъ. Необходимо, однако твердо урегулировать взаимныя отношенія кочевыхъ самоѣдовъ-оленоводовъ и осѣдлаго русскаго населенія тундры.

III. 25-го февраля состоялось подъ предѣтельствомъ профессора В. Θ. Миллера засѣданіе этнографическаго отдѣла общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи. Первымъ было доложено сообщеніе В. П. Налимова «Къ вопросу о языческомъ міросодержаніи зырянъ». Авторъ доклада — самъ природный зырянинъ и собралъ интересные матеріалы, характеризующіе религиозныя вѣрованія зырянъ; съ особенной подробностью онъ остановился на дуализмѣ зырянскихъ вѣрованій, на различіи между вѣрованіями мужчинъ и женщинъ и т. д. Затѣмъ А. В. Марковъ прочиталъ два небольшахъ реферата на темы былевого эноса. Последнимъ сообщенъ былъ докладъ В. И. Степанова «Современная народная пѣсня», характеризующій народное пѣсенное творчество нашихъ дней и основанный на интересныхъ матеріалахъ, собранныхъ самимъ авторомъ, преимущественно въ предѣлахъ Клинскаго уѣзда Московской губерніи.

Азіатскій комитетъ. Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» опубликованъ уставъ «Русскаго комитета» для изученія Средней и Восточной Азіи въ историческомъ, археологическомъ, лингвистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Высочайше утвержденный 2-го февраля 1903 года комитетъ имѣетъ цѣлю: а) всячески содѣйствовать изученію сохранившихся памятниковъ, какъ вещественныхъ, такъ и духовныхъ, въ соотвѣтствующихъ странахъ; б) путемъ постояннаго сношенія съ мѣстными дѣятелями и учрежденіями выяснить, какіе

памятники подлежатъ скорѣйшему изученію, и какія народности должны быть въ ближайшемъ будущемъ изслѣдованы въ лингвистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ и такимъ образомъ спасены для науки; в) ходатайствовать передъ соответствующими правительствами объ установленіи официальной охраны этихъ и другихъ памятниковъ, которымъ грозитъ разрушеніе отъ времени и отъ рукъ человѣка; г) намѣтить планъ совмѣстнаго изслѣдованія и обсужденія общенаучныхъ вопросовъ, касающихся всей совокупности народовъ соответствующихъ странъ; е) облегчить всѣмъ ученымъ, безъ различія національности, участіе въ настоящихъ научныхъ работахъ въ районѣ дѣйствій комитета. «Русскій комитетъ» для изученія Средней и Восточной Азій состоитъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Въ виду учрежденія международнаго союза для изученія Средней и Восточной Азій «Русскій комитетъ» является въ то же время и центральнымъ комитетомъ союза. Въ составъ комитета входятъ: а) по одному представителю отъ императорской академіи наукъ, отъ факультета восточныхъ языковъ С.-Петербургскаго университета, императорской археологической комиссіи и обществъ географическаго и археологическаго; б) по одному представителю отъ министерствъ императорскаго двора, иностранныхъ дѣлъ, военнаго, финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; в) русскіе ученые, приглашаемые комитетомъ въ количествѣ отъ трехъ до семи членовъ. Предсѣдатели и делегаты иностранныхъ комитетовъ международнаго союза во время ихъ пребыванія въ Петербургѣ имѣютъ право присутствовать въ засѣданіяхъ русскаго комитета. Списокъ членовъ комитета сообщается министру иностранныхъ дѣлъ для утвержденія. Комитетъ избираетъ на каждое четырехлѣтіе изъ среды своей бюро, состоящее изъ предсѣдателя, его товарища и двухъ секретарей, утверждаемыхъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Первое четырехлѣтіе предсѣдателемъ состоитъ одинъ изъ двухъ русскихъ уполномоченныхъ 12-го и 13-го съѣздовъ ориенталистовъ. Для выполненія своего назначенія комитетъ, какъ центральное ученое учрежденіе, пользуется правами: а) открывать филиальныя отдѣленія и имѣть постоянныхъ представителей и членовъ-корреспондентовъ во всѣхъ пунктахъ территоріи, подлежащей его изученіямъ; б) командировать лицъ съ соответствующими научными знаніями, снаряжать экспедиціи и производить археологическія раскопки на основаніяхъ существующихъ узаконеній; в) по распоряженію комитета печатать свои протоколы и изданія, при чемъ сумма, вырученная отъ продажи изданій, составляетъ собственность комитета; г) получать субсидіи отъ правительственныхъ учреждений и другихъ обществъ, равно какъ и принимать пожертвованія отъ частныхъ лицъ; д) сносятся непосредственно съ правительственными и общественными учрежденіями; е) имѣть свою собственную печать съ изображеніемъ государственнаго герба и вокругъ него надпись «Русскій комитетъ для изученія Средней и Восточной Азій»; ж) пользоваться безплатной пересылкой своей корреспонденціи на одинаковыхъ основаніяхъ съ учрежденіями, подвѣдомственными министерству иностранныхъ дѣлъ; з) безоплатно и безъ пересмотра цензурой получать всякія произведенія печати, касающіяся занятій комитета.

НЕКРОЛОГИ.

АДАМОВЪ, М. Д. 17-го февраля скончался въ С.-Петербургѣ на 43-мъ году жизни преподаватель исторіи въ петербургской консерваторіи и реальномъ училищѣ Богинскаго, Митрофанъ Дмитриевичъ Адамовъ, педагогъ по призванію, пользовавшійся рѣдкими симпатіями учащихся и всѣхъ своихъ сослуживцевъ. Покойный, сынъ протоіерея, по окончаніи курса въ воронежской гимназій, поступилъ на историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета, откуда вышелъ со степенью кандидата въ 1883 году. Дѣятельность покойнаго посвящена была, главнымъ образомъ, консерваторіи въ научныхъ ея классахъ, получившихъ новое направленіе по указаніямъ А. Г. Рубинштейна, бывшаго въ то время директоромъ консерваторіи. Помимо преподавательской дѣятельности, М. Д. Адамовъ несъ въ консерваторіи обязанности секретаря научныхъ классовъ и собиралъ матеріалы для исторіи консерваторіи. Изъ литературныхъ трудовъ покойнаго слѣдуетъ указать на народныя чтенія изъ русской исторіи, изданныя комиссіей народныхъ чтеній при министерствѣ народнаго просвѣщенія по исторіи увіатовъ.

† **Барсовъ, Н. И.** 30-го марта скончался, на шестьдесятъ четвертомъ году жизни, причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, бывшій профессоръ с.-петербургской духовной академіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Николай Ивановичъ Барсовъ. Онъ родился 21-го апрѣля 1839 года въ семьѣ сельскаго священника въ Лужскомъ уѣздѣ, Петербургской губерніи. По образованію покойный—питомецъ Александро-Невскаго духовнаго училища и с.-петербургской духовной академіи, курсъ которой окончилъ въ 1863 году. Педагогическая дѣятельность Н. И. началась въ годъ окончанія академическаго курса—въ с.-петербургской духовной академіи, гдѣ онъ занялъ мѣсто учителя словесности. Избранный въ 1869 году совѣтомъ академіи на кафедру пастырскаго богословія и гомилетики, Н. И. занималъ ее, въ званіи исправляющаго

должность ординарнаго профессора, въ продолженіе двадцати лѣтъ. Въ 1889 году Н. И. Барсовъ получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и вышелъ въ отставку по разстроенному здоровью. Въ іюнь 1894 года онъ снова поступилъ на государственную службу и былъ причисленъ къ министерству народнаго просвѣщенія. Перу покойнаго принадлежитъ рядъ литературныхъ трудовъ, изъ которыхъ пользуются заслуженной извѣстностью слѣдующіе: «Братья Денисовы и ихъ значеніе въ исторіи раскола» (1866), «Русскій протонародный мистицизмъ» (1869), «Протоіерей Г. П. Павскій, законоучитель императора Александра II» (1880—1881 гг.), «Исторія первобытной христіанской проповѣди до IV вѣка» (1885 г.). Немало очерковъ церковно-историческаго и публицистическаго содержанія было напечатано Н. И. въ различныхъ журналахъ и газетахъ. Между прочимъ, имя его появлялось на страницахъ «Православнаго Обозрѣнія», «Христіанскаго Чтенія» и «Русской Старины». Избранныя журнальныя статьи покойнаго въ 1879 году были изданы отдѣльной книгою подъ заглавіемъ «Историческіе, критическіе и полемическіе опыты». Въ послѣдніе годы жизни Н. И. принималъ дѣятельное участіе въ «Описаніи документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ святѣйшаго синода». А также напечаталъ въ «Русской Старинѣ» и «Исторической Библіотекѣ» рядъ статей историческаго и бытоваго содержанія: «Бракоразводное дѣло П. И. Ягужинскаго», «Къ исторіи англійскихъ миссій въ Россіи», «Историческая справка о личности убійцы царевича Дмитрія» и пр. Досуги профессуры Н. И. занималъ общественной дѣятельностью, принималъ видное участіе въ засѣданіяхъ многихъ научныхъ обществъ, читалъ доклады и явился между прочимъ однимъ изъ инициаторовъ «Союза любителей русскаго слова». (Некрологи его: «Новости», 1903 г., № 91; «Новое Время», 1903 г., № 9726; «Правительственный Вѣстникъ», 1903 г., № 75).

† **Беклешовъ, Н. А.** 22-го марта, въ имѣніи Трумолевѣ Островскаго уѣзда Псковской губерніи, скончался одинъ изъ участниковъ Севастопольской обороны, общественный дѣятель Николай Алексѣевичъ Беклешовъ. По окончаніи курса въ морскомъ училищѣ Н. А. поступилъ на службу въ Черноморскій флотъ. Ему пришлось участвовать въ истребленіи турецкой эскадры при Синопѣ, а затѣмъ находиться въ числѣ героевъ-защитниковъ Севастополя. За боевое отличіе онъ былъ награжденъ золотымъ оружіемъ. Въ шестидесятыхъ годахъ покойный вышелъ въ отставку въ чинѣ капитана перваго ранга и посвятилъ свои силы общественной и земской службѣ въ родной ему губерніи. Въ 1867 году былъ избранъ председателемъ Островской уѣздной земской управы и прослужилъ въ этой должности нѣсколько трехлѣтій. Заботы Н. А. были направлены на возможно лучшую постановку въ уѣздѣ народнаго образованія, медицинскій части и на организацію мелкаго кредита. Затѣмъ три трехлѣтія съ 1877 на 1886 годъ Н. А. прослужилъ председателемъ Псковской губернской земской управы. Здѣсь его вниманіе было главнымъ образомъ посвящено разработкѣ устава эмеритальной кассы для служащихъ въ земствѣ, страхованія скота и страхованія посѣвовъ. Пользуясь громаднымъ вліяніемъ въ губернскомъ собраніи, онъ провелъ въ немъ изданіе «Вѣстника Псковскаго губернскаго земства». Разрѣшеніе было скоро получено, и въ 1880 году губернская

управа приступила къ этому изданію. Отслуживъ три трехлѣтія предсѣдателемъ губернской земской управы, Н. А. отказался отъ баллотировки на новые выборы, чтобы уступить мѣсто новымъ силамъ. Какъ его ни упрашивали остаться въ занимаемой должности, онъ, ссылаясь на наступленіе старости, остался непреклоненъ въ своемъ рѣшеніи; но въ Островскомъ уѣздѣ не покидалъ еще общественной дѣятельности и прослужилъ нѣсколько трехлѣтій уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Какъ человекъ, Н. А. отличался скромностью и гуманнымъ ко всѣмъ отношеніемъ. Умеръ онъ послѣ продолжительной болѣзни на 79 году жизни. (Некрологъ его: «Новое Время», 1903 г., № 9721).

† **Духовской, М. В.** 21-го марта, въ Москвѣ скончался видный общественный дѣятель и профессоръ Московскаго университета Михаилъ Васильевичъ Духовской. М. В. родился въ 1850 году, среднее образованіе получилъ въ дворянскомъ институтѣ въ Нижнемъ Новгородѣ, а высшее—въ Московскомъ университетѣ по юридическому факультету. М. В. кончилъ университетъ въ 1870 году, двадцатилѣтнимъ юношей, а въ 1873 году защитилъ диссертацию «Понятіе клеветы» на степень магистра уголовного права и затѣмъ занялъ кафедру по уголовному праву и судопроизводству въ Демидовскомъ лицѣ. Но профессорство не удовлетворяло М. В., и онъ посвятилъ себя адвокатурѣ, вступивъ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ московскаго судебного округа; также нѣсколько лѣтъ онъ занималъ должность члена Московской губернской земской управы, завѣдуя экономическимъ отдѣломъ. Въ 1891 году М. В. защитилъ диссертацию «Имущественные проступки по рѣшенію волостныхъ судовъ» на степень доктора уголовного права и назначенъ профессоромъ Московскаго университета. М. В. не былъ ученымъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, но его профессорская дѣятельность въ Московскомъ университетѣ была весьма плодотворна. Какъ уже сказано, М. В. до занятія кафедры былъ адвокатомъ и хорошо понималъ практическое значеніе научныхъ вопросовъ уголовного права и судопроизводства, курсъ которыхъ М. В. читалъ въ университетѣ. Статья закона не была для него мертвой буквой, въ его научныхъ построеніяхъ билось и трепетала живая дѣйствительность, и его лекціи имѣли воспитательное значеніе. М. В. игралъ большую роль и въ общественной жизни. Много лѣтъ онъ состоялъ гласнымъ губернскаго земства и думы, и почти всѣ вопросы, имѣющіе цѣну и важность, разрѣшены при его участіи. Особенно же его интересовали вопросы просвѣщенія и благотворительности. М. В. былъ однимъ изъ главныхъ инициаторовъ учрежденія въ Москвѣ попечительства о бѣдныхъ, состоялъ товарищемъ предсѣдателя городского благотворительнаго совѣта, директоромъ дамскаго благотворительнаго тюремнаго комитета, членомъ комитета по устройству музея императора Александра III, студенческаго общежитія имени государя императора Николая II, общества распространенія полезныхъ книгъ, московскаго общества грамотности, общества вспомоствованія бывшимъ воспитанникамъ Рукавишниковскаго пріюта, членомъ комитета московскаго столичнаго попечительства о народной трезвости, казначеемъ Мухановской богадѣльни и въ другихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ. Въ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» М. Д. Духовному посвящена отдѣль-

ная статья князя Щетинина (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1903 г., № 81; «Курьеръ», 1903 г., № 25; «Московскія Вѣдомости», 1903 г., № 81).

† **Кулибинъ, Н. А.** 10-го апрѣля въ С.-Петербургѣ скончался дѣйствительный тайный совѣтникъ, горный инженеръ, Николай Александровичъ Кулибинъ, внукъ знаменитаго изобрѣтателя Екатерининскихъ временъ И. П. Кулибина. Родившись въ 1831 году на Алтаѣ въ Змѣиногорскомъ рудникѣ, Н. А. въ 1851 году кончилъ курсъ Горнаго института первымъ (имя его записано въ институтѣ на золотую доску), съ большой золотой медалью и чиномъ поручика. Службу началъ на Алтаѣ помощникомъ управляющаго лабораторіей въ городѣ Барнаулѣ, но уже въ началѣ 1853 года былъ вызванъ въ Петербургъ, а затѣмъ командированъ за границу. Около года онъ пробылъ въ Фрейбергѣ, гдѣ занимался подъ руководствомъ тогдашнихъ свѣтилъ горнаго знанія—Брейтхаупта, Гэчмана, Платнера, Котта, Фриче, Шеерера и Рихтера. Потомъ онъ объѣхалъ большую часть заводовъ и рудниковъ Германіи, Австріи и Бельгіи.

По возвращеніи изъ-за границы, Н. А. назначенъ преподавателемъ пробырнаго искусства въ Горномъ институтѣ, а затѣмъ и металлургіи. Съ преобразованиемъ института въ 1866 году, переименованный въ профессора, А. М. тамъ же преподавалъ и горное искусство, читалъ также лекціи въ Технологическомъ и Лѣсномъ институтахъ и въ морской академіи (по механической технологіи). Затѣмъ въ 1875 году онъ получилъ лестное приглашеніе читать лекціи по химіи его императорскому высочеству великому князю Сергію Александровичу. Въ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ онъ восемь лѣтъ состоялъ помощникомъ, а потомъ предсѣдателемъ 1-го (химическаго) отдѣла русскаго императорскаго техническаго общества. Въ общемъ, профессорскую кафедру Н. А. занималъ въ теченіе 27 лѣтъ.

Въ 1882 году былъ назначенъ директоромъ горнаго департамента, которымъ управлять въ теченіе десяти лѣтъ, послѣ чего въ 1891 году назначенъ заступающимъ мѣсто предсѣдателя горнаго совѣта.

Въ 1901 году былъ празднованъ пятидесятилѣтній юбилей государственной службы, Н. А., по случаю котораго онъ былъ произведенъ въ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

Н. А. состоялъ почетнымъ членомъ императорскаго минералогическаго общества, почетнымъ членомъ Уральскаго общества любителей естествознанія и непремѣннымъ членомъ императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Изъ печатныхъ трудовъ его назовемъ: «Ислѣдованіе доменной плавки въ Сайволовскомъ заводѣ», «Геологическое описаніе Тамбовской губерніи»; переводъ сочиненія Туннера «Горнозаводская промышленность Россіи и въ особенности ея желѣзное производство»; переработка французской книги Карно «Описаніе металлургической обработки серебряныхъ, свинцовыхъ и мѣдныхъ рудъ во Фрейбергѣ въ Саксоніи». Много мелкихъ статей Н. А. по минералогіи, горнозаводскому дѣлу и статистикѣ разсѣялись по спеціальнымъ изданіямъ.

Въ лицѣ Н. А. горный ученый міръ потерялъ выдающагося дѣятеля. (Некрологъ его: «Новое Время», 1903 г., № 9734).

† **Ламанская, А. К.** Во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, на 61-мъ году отъ роду, 30-го марта, скончалась за нѣсколько дней передъ тѣмъ прѣхавшая изъ Ниццы для пользованія въ извѣстной санаторіи Нордена, вдова бывшаго управляющаго государственнымъ банкомъ Евг. Ив. Ламанскаго — Александра Карловна Ламанская. Покойная получила воспитаніе въ Смольномъ институтѣ и была одной изъ основательницъ общества для пособія бывшимъ воспитанницамъ этого заведенія. Въ петербургскомъ обществѣ покойная извѣстна была, какъ любительница живописи, которою и сама занималась не безъ успѣха, и даже была удостоена, за одну изъ своихъ работъ, выставленныхъ въ Парижѣ, награды. Въ литературѣ участію ея способствовало основательное знаніе многихъ европейскихъ языковъ, особенно испанскаго. Между прочимъ, ея перу принадлежатъ превосходные переводы рассказовъ Моисана. (Некрологъ ея: «Новости», 1903 г., № 93).

† **Ленцъ, Р. Э.** Въ мѣстечкѣ Новая Кирка по Финляндской желѣзной дорогѣ скончался 5-го апрѣля членъ совѣта министра финансовъ, Робертъ Эмилиевичъ Ленцъ, бывший управляющій экспедиціей заготовленія государственныхъ бумагъ. Покойный, сынъ знаменитаго физика-академика Э. Х. Ленца, родился въ 1833 году; первоначальное образованіе получилъ въ с.-петербургской реформатской школѣ, затѣмъ окончилъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ со степенью кандидата математическихъ наукъ. Для своей дѣятельности онъ избралъ педагогическое поприще и опредѣлялся преподавателемъ физики въ С.-Петербургскій технологическій институтъ. Въ 1857 году былъ командированъ въ ученую экспедицію въ Хорасанъ и произвелъ тамъ интересныя астрономическія и магнитныя наблюденія. Въ 1862 году защитилъ диссертацию на степень магистра физики «О магнитныхъ аномаліяхъ въ Финскомъ заливѣ» и былъ назначенъ профессоромъ технологическаго института. Въ 1869 году защитилъ диссертацию на степень доктора физики о «Вліяніи температуры на теплопроводность металловъ». Досуги профессуры посвящалъ научнымъ изслѣдованіямъ и видному участію въ дѣятельности географическаго общества, въ которомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ предсѣдателемъ отдѣленія физической географіи. Отчасти по его инициативѣ и подъ его руководствомъ было организовано географическимъ обществомъ нѣсколько международныхъ полярныхъ станцій и снаряжено нѣсколько экспедицій для систематическаго изслѣдованія силы тяжести въ Россіи. Его личныя изслѣдованія были направлены, главнымъ образомъ, на выясненіе гальванческаго сопротивленія аргентана, ртути, растворовъ различныхъ солей и пр. Въ технологическомъ институтѣ покойный читалъ физику около 40 лѣтъ, и устроилъ хорошую физическую лабораторію. Одновременно съ 1870 года по 1880 годъ занималъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ качествѣ экстраординарнаго профессора кафедру физической географіи. Кромѣ того, принималъ живѣйшее участіе въ международныхъ полярныхъ конгрессахъ въ Гамбургѣ, Бернѣ и Вѣнѣ и на электрическомъ конгрессѣ въ Парижѣ. Въ 1889 году Р. Э. былъ назначенъ управляющимъ экспедиціей заготовленія государственныхъ бумагъ. За десять лѣтъ своего завѣдыванія и руководительства экспедиціей, онъ обогатилъ ее множествомъ нововведеній, обращая постоянно вниманіе на улучшеніе быта рабочихъ и служа-

щихъ въ экспедиціи. При немъ были учреждены психическія отдѣленія экспедиціи: химико-техническое, фото-химическое и художественное, открыты классы рисованія и гравированія на мѣди. Онъ слѣдилъ за всѣми новѣйшими открытіями и изобрѣтеніями въ области печатанія кредитныхъ бумагъ и въ послѣдніе годы управленія экспедиціей занимался изученіемъ прочности бумаги въ зависимости отъ температуры, сухости и другихъ условій. Ему принадлежатъ нѣсколько научныхъ работъ, опубликованныхъ, преимущественно, въ изданіяхъ академіи наукъ и «Извѣстіяхъ технологическаго института». Въ послѣднее время покойный состоялъ членомъ совѣта министра финансовъ и принималъ участіе въ качествѣ члена въ совѣтѣ по учебному дѣлу при министрѣ. Академія наукъ лишилась въ его лицѣ одного изъ дѣятельнѣйшихъ своихъ членовъ-корреспондентовъ по разряду физическихъ наукъ. Умеръ онъ 70-ти лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1903 г., № 9732).

† **Манасина, М. М.** 17-го марта скончалась Марія Михайловна Манасина, извѣстная своими многочисленными трудами по психологіи и физиологіи. Покойная — дочь извѣстнаго академика-археолога М. А. Коркунова — получила хорошее домашнее воспитаніе. Въ молодыхъ годахъ ей пришлось вращаться въ кругу ученыхъ. Она увлекалась естественными и медицинскими науками и обладала большою эрудиціей особенно въ медицинскихъ наукахъ. М. М. вела въ теченіе многихъ лѣтъ отдѣлъ научныхъ рефератовъ въ «Военно-Медицинскомъ Журналѣ» и сдѣлалась почетнымъ членомъ нѣкоторыхъ медицинскихъ обществъ. М. М. вышла замужъ за профессора военно-медицинской академіи врача-публициста В. А. Манасина и занялась медицинскими изслѣдованіями. Въ 1870 г. напечатала изслѣдованіе «О воспитаніи дѣтей въ первые годы жизни», выдержавшее нѣсколько изданій, въ слѣдующемъ году опубликовала свою работу — «Къ ученію объ алкогольномъ броженіи». Вместе со своимъ мужемъ М. М. прожила недолго и въ 80-хъ годахъ поселилась отдѣльно отъ него. Свои послѣдующія работы покойная посвящала, главнымъ образомъ, физиологіи мозга и въ этой области сдѣлала рядъ весьма цѣнныхъ въ научномъ отношеніи обобщеній. Кроме того, она явилась интереснымъ популяризаторомъ знаній и въ 90-хъ годахъ прочла въ Соляномъ Городкѣ цѣлый рядъ популярныхъ лекцій на научныя темы, изданныхъ вполнѣ отдѣльными книгами. Изъ ея многочисленныхъ научно-литературныхъ трудовъ извѣстны: «О письмѣ вообще, о зеркальномъ письмѣ въ частности и о роли обонхъ полушарій большого мозга», «О ненормальности мозговой дѣятельности современнаго культурнаго человѣка», «Объ усталости», «Сонъ, какъ треть жизни человѣка, или физиологія, патологія, гигиена и психологія сна», «Основы воспитанія съ первыхъ лѣтъ жизни и до полнаго окончанія университетскаго образованія» и др. Въ своихъ сочиненіяхъ М. М. обнаружила не только оригинальность многихъ научныхъ положеній, но и замѣчательную начитанность въ научной литературѣ по психологіи и физиологіи. Она прекрасно владѣла иностранными языками, часто путешествовала за границей и внесла въ русскую научно-популярную литературу нѣсколько переводныхъ сочиненій: проф. Ан. Моссо «Усталость» (1893 г.) и др. Почти каждое изъ ея самостоятельныхъ сочиненій сопровождалось указаніями на множество источниковъ русской и иностранной литературы. Въ по-

слѣдніе годы она дѣятельно работала по вопросу «Объ эстетическомъ воспитаніи человѣка». Часть матеріаловъ по этому вопросу издала отдѣльной книгой «Кое-что объ искусствѣ». М. М. умерла, имѣя за 60 лѣтъ, и оставила по себѣ хорошую память. Она отличалась необычайнымъ трудолюбіемъ и всегдашнимъ доброжелательствомъ. (Некрологъ ея: «Новое Время», 1903 г., №№ 9712 и 9723).

† **Марковъ, Е. Л.** 17-го марта въ Воронежѣ скончался извѣстный писатель и публицистъ Евгений Львовичъ Марковъ.

Е. Л. Марковъ родился въ 1835 г. въ Цигровскомъ уѣздѣ Курской губерніи и происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода. Отецъ его служилъ въ свитѣ императора Александра I и былъ товарищемъ Пестеля, Муравьева, Бобринцевыхъ-Пушкиныхъ и другихъ декабристовъ. Мать принадлежала къ талантливой семьѣ генерала Гана. По матери Е. Л. приходился родственникомъ извѣстному публицисту генералу Фадѣеву, Блаватской, Желиховской и министру финансовъ С. Ю. Витте. Дѣтство покойнаго протекло большею частью въ усадьбѣ, развило въ немъ нублюдательность и заставило полюбить жизнь вдаль отъ городскаго шума. Воспитывался онъ въ харьковской, потомъ въ курской гимназіяхъ. По окончаніи курса въ Харьковскомъ университетѣ со степенью кандидата естественныхъ наукъ, отправился на два года за границу съ цѣлью усовершенствованія въ своихъ познаніяхъ. Во время заграничнаго путешествія было напечатано въ 1858 г. въ «Русскомъ Вѣстникѣ» его первое беллетристическое произведеніе—разсказъ «Ушанъ».

Вернувшись въ Россію убѣжденнымъ сторонникомъ необходимости для русскихъ широкаго образованія, онъ избралъ для своей дѣятельности педагогическое поприще, опредѣлившись въ 1859 году учителемъ въ тульскую гимназію. Вскорѣ былъ назначенъ инспекторомъ гимназіи. Въ это время онъ познакомился съ Яснополянской школой гр. Л. Н. Толстого и посвятилъ ей подробную статью, обратившую на него вниманіе министра народнаго просвѣщенія. Ему были предложены занятія въ ученomъ комитетѣ министерства, затѣмъ послѣдовало его назначеніе директоромъ сѣмферопольской гимназіи и народныхъ училищъ въ Крыму. Молодой педагогъ былъ радъ этому назначенію, открывшему ему просторъ для организаціи педагогическаго дѣла на новыхъ началахъ, но вскорѣ во главѣ министерства народнаго просвѣщенія явился гр. Д. А. Толстой, внесшій въ учебное дѣло свои взгляды. Е. Л. не сочувствовалъ новому школьному режиму и въ 1870 г. оставилъ педагогическую службу.

Послѣ путешествія по южной Европѣ Е. Л. поселился въ деревнѣ и отдался земской дѣятельности.

Земская дѣятельность сблизила покойнаго съ деревенскою жизнью и съ мѣстными интересами. Его, какъ выдающагося дѣятеля, избрали въ уѣздные и губернскіе гласныя и вскорѣ въ предсѣдатели щигровской уѣздной земской управы, и онъ дѣятельно сталъ заботиться о развитіи школьнаго и больничнаго дѣла въ уѣздѣ и объ улучшеніи крестьянскаго быта. Затѣмъ Е. Л. былъ избранъ вѣнремѣннымъ членомъ мѣстнаго крестьянскаго присутствія и въ 1881 году въ качествѣ свѣдущаго лица былъ вызванъ графомъ Н. П. Пгнатьевымъ (бывшимъ тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ) въ Петербургъ для уча-

стія въ извѣстной комисіи по питейному и переселенческому вопросамъ. Въ свою очередь комиссія эта по окончаніи своихъ работъ избрала его въ числѣ шести лицъ защищать выработанный ею проектъ въ государственномъ совѣтѣ. Во время земской службы Е. Л. явился однимъ изъ главныхъ основателей въ Курскѣ учительской земской школы и реального училища. Съ конца восьмидесятихъ годовъ по день кончины Е. Л. былъ управляющимъ воронежскаго отдѣленія дворянскаго и крестьянскаго земельныхъ банковъ. Литературная дѣятельность Е. Л. Маркова не только не прекращалась въ зависмости отъ специальныхъ служебныхъ занятій, но продолжала развиваться. Въ 1872 г. онъ выпустилъ «Очерки Крыма», а въ 1875 г. напечаталъ въ «Голосѣ» статью «Софисты XIX вѣка», обличавшую темныя стороны адвокатской дѣятельности и имѣвшую шумный успѣхъ; затѣмъ постоянно сотрудничалъ въ «Голосѣ» въ качествѣ критика и публициста, напечаталъ рядъ критическихъ этюдовъ о Тургеневѣ, гр. Л. Н. Толстомъ, Некрасовѣ, Островскомъ, Достоевскомъ, Добролюбовѣ, Золя, Додэ, Гейне, Ауэрбахѣ и др. Въ 1875 году вышли отдѣльнымъ изданіемъ его очерки прошлаго «Барчуки», въ 1876 году появился въ «Дѣлѣ» обширный романъ «Черноземныя поля», имѣвший большой успѣхъ и вызвавшій разнорѣчивыя толки въ критикѣ. Когда былъ основанъ журналъ «Русская Рѣчь», Е. Л. принялъ въ немъ ближайшее участіе, и какъ беллетристъ, и какъ критикъ и публицистъ. Въ 1877 году были изданы два тома публицистическихъ и критическихъ очерковъ и путевыхъ эскизовъ Е. Л., въ 1880-мъ—новый романъ его «Берегъ моря», въ 1887—«Очерки Кавказа», въ 1890—1891 гг.—«Путешествіе на Востокъ», «Путешествіе по Святой Землѣ», и описаніе путешествія по Закавказью, Туркменіи, Бухарѣ, Самаркандской и Ферганской областямъ, Каспійскому морю и Волгѣ, изданное въ двухъ томахъ и шести частяхъ подъ заглавіемъ «Россія въ Средней Азійи» (1901 г.). Переселившись въ Воронежъ, Е. Л. началъ изучать мѣстную старину и напечаталъ рядъ работъ по этому вопросу. Сюда относятся статьи, напечатанныя въ «Русскомъ Вѣстникѣ»: «Хозарскія городища на р. Воронежѣ», «Древній городъ Костенскъ», «Вѣдогорскія пещеры», а также нѣсколько статей въ памятныхъ книгахъ Воронежской губерніи. Поэтому онъ былъ избранъ председателемъ архивной комиссіи. Кромѣ того, былъ устроителемъ и затѣмъ секретаремъ бесплатной рисовальной школы; принималъ живѣйшее участіе въ дѣлахъ мѣстнаго отдѣла Краснаго Креста, въ Елисаветинскомъ приютѣ для сиротъ и убѣжищѣ для слѣпыхъ, и вездѣ приносилъ большую пользу и матеріальную поддержку.

Въ обществѣ, въ особенности, въ интеллигентной его части, пользовался глубокимъ уваженіемъ. Умный, высокообразованный, свѣдущій въ мѣстныхъ дѣлахъ, правдивый и весьма искренній въ своихъ мнѣніяхъ, онъ имѣлъ авторитетъ, и нерѣдко къ нему обращались за совѣтомъ въ затруднительныхъ случаяхъ.

Вообще съ кончиной Е. Л. городъ Воронежъ въ особенности понесъ чувствительную утрату. До конца жизни Е. Л. сохранилъ и литературное дарованіе, и съ конца 80-хъ годовъ имя его появлялось въ «Вѣстникѣ Европы», «Новп», «Недѣлѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Обзорѣніи» и «Новомъ

Времени». Рядъ публицистическихъ фельетоновъ, появившихся въ этой газетѣ за послѣдніе годы, свидѣтельствовали о томъ, что авторъ непрежнему былъ преданъ литературѣ, волновался общественными вопросами и сохранялъ, несмотря на старость, молодой энтузіазмъ, которымъ были такъ богаты его давніе литературные опыты.

Подчиненные отзывались о своемъ начальникѣ съ восторгомъ: Е. Я. для каждаго былъ добрымъ совѣтникомъ, заботливымъ въ ихъ нуждахъ, снисходительнымъ къ слабостямъ, а, когда нужно, помогалъ и становился ревностнымъ защитникомъ; при всемъ этомъ онъ былъ требовательнымъ къ подчиненнымъ въ исполненіи ими своихъ обязанностей и самъ служилъ примѣромъ.

Дѣтей, а въ особенности учащуюся молодежь, онъ искренно любилъ, помогалъ имъ словомъ и дѣломъ, былъ отзывчивъ на все доброе, интересовался ихъ успѣхами и во многомъ служилъ живымъ и хорошимъ примѣромъ для подрастающаго поколѣнія.

Публичные его лекціи въ пользу различныхъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій всегда собирали много слушателей, привлекая послѣднихъ прекраснымъ, живымъ и образнымъ изложеніемъ; свои чтенія Е. Я. одухотворялъ искреннею доброжелательностью къ ближнимъ и своимъ жизне-радостнымъ настроеніемъ. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 г., №№ 9711, 9713, 9714; «Новости», 1903 г., № 80; «Правительственный Вѣстникъ», 1903 г., № 63; «Воронежскій Телеграфъ», 1903 г., № 34).

† **Порфировъ, Н. Ѳ.** Въ ночь съ 15-го на 16-е апрѣля скончался молодой талантливый поэтъ Петръ Ѳедоровичъ Порфировъ, одинъ изъ лучшихъ переводчиковъ Горація. Покойный родился въ 1870 году въ Петербургѣ, высшее образованіе получилъ въ императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ (на юридическомъ факультетѣ). По окончаніи курса онъ поступилъ сначала въ министерство юстиціи, затѣмъ перешелъ въ министерство финансовъ, гдѣ и состоялъ (въ учебномъ отдѣлѣ) до послѣдняго времени. Литературная дѣятельность его началась въ 1889 году на страницахъ журналовъ: «Живописное Обзорѣніе» и «Русское Богатство». Въ послѣдующіе годы имя его появлялось въ «Нивѣ», «Всемирной Иллюстраціи», «Сѣверѣ», «Жизни», «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Россіи», «Художникѣ», «Новомъ Времени» и многихъ другихъ журналахъ и газетахъ. Оригинальныя стихотворенія П. Ѳ. всегда отличались задумчивостью и мелодичностью. Онъ прекрасно владелъ стихомъ и по направленію своей поэзіи принадлежалъ къ поэтамъ пушкинской школы. Дарованіе его замѣтно развивалось съ каждымъ годомъ и обѣщало выработаться въ выдающійся лирической талантъ. Воспитанный на классическихъ образцахъ поэзіи, онъ и въ своихъ переводахъ, являющихся крупнымъ вкладомъ въ современную литературу, выказалъ тонкій художественный вкусъ. Духовное средство съ подлинникомъ, изящество слога и знаніе языка оригинала даютъ его «Одамъ Горація» значительныя преимущества передъ другими переводами, не исключая и Фета. Оригинальныя стихотворенія П. Ѳ. еще не были изданы отдѣльной книгой, что и является одною изъ причинъ его сравнительно малой извѣстности въ читающей публикѣ. Кромѣ переводовъ изъ Горація, были изданы имъ только небольшая лирическая поэма «Первая любовь» да состъ

вленный имъ сборникъ образцовъ русской поэзіи подъ заглавіемъ: «Лирика и антологія русскихъ поэтовъ», разошедшійся двумя изданіями. Хотя талантъ покойнаго еще и не успѣлъ проявиться въ полномъ цвѣтѣ, но несомнѣнно, что современная русская поэзія потеряла въ П. Ѳ. подававшую надежды силу. За него было все—и молодость, и хорошія литературныя традиціи, и вдохновеніе, и горячая любовь къ искусству. А эти качества объединяются далеко не у всѣхъ. (Некрологъ его К. К. Случевского: «Новое Время», 1903 г., № 9739).

† **Седергольмъ, К. Э.** 15-е марта, въ Гельсингфорсѣ скончался военный инженеръ, ген.-лейт. Карлъ Эриковичъ Седергольмъ, одинъ изъ участниковъ крымской кампаніи. Служба его началась въ 1842 году, когда, получивъ предварительную подготовку въ финляндскомъ кадетскомъ корпусѣ, онъ былъ выпущенъ изъ главнаго инженернаго училища (нынѣ Николаевская инженерная академія) въ инженерный корпусъ. Въ чинѣ поручика К. Э. былъ назначенъ командиромъ кинбургской инженерной команды. Когда Кинбургъ, осенью 1855 года, былъ разрушенъ и взятъ союзнымъ англо-французскимъ флотомъ, К. Э. попалъ въ плѣнъ, а по возвращеніи въ 1856 году награжденъ «за примѣрную отвагу и хладнокровную распорядительность» чиномъ капитана и орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ мечами. Не останавливаясь на подробностяхъ прохожденія покойнымъ военно-инженерной службы, отмѣтимъ двѣ важнѣйшихъ ея ступени. Въ 1865 году полковникъ К. Э. былъ назначенъ строителемъ керченскихъ укрѣпленій и оставался въ должности до 1882 года, при чемъ во время восточной войны 1877—1878 годовъ на него, какъ опытнаго администратора и надежнаго боевого дѣятеля, была возложена оборона Керчи, съ назначеніемъ комендантомъ крѣпости и оставленіемъ въ должности ея строителя. Въ концѣ 1882 года Седергольмъ былъ назначенъ начальникомъ инженеровъ финляндскаго военного округа. Служба покойнаго въ финляндскомъ военномъ округѣ продолжалась двѣнадцать лѣтъ и также отмѣчена, по отзыву командовавшаго войсками округа, графа Ѳ. Л. Гейдена, «примѣрно-добросовѣстнымъ исполненіемъ служебныхъ обязанностей и неуныпной заботливостью объ интересахъ казны». Въ 1894 году К. Э. назначенъ членомъ инженернаго комитета главнаго инженернаго управленія. Пользуясь съ этого времени извѣстнымъ служебнымъ досугомъ, К. Э. употребилъ послѣдніе годы своей жизни на составленіе своеобразнаго музея точно, по научнымъ изслѣдованіямъ, воспродведенныхъ моделей важнѣйшихъ зданій древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ. Въ этой коллекціи можно найти древне-египетскіе храмы и пирамиды, великую китайскую стѣну, вавилонскую башню (Бирсъ-Нимрудъ), храмъ Соломоновъ, индійскіе храмы, дворецъ Ксеркса въ Персеполісѣ и др. зданія. Кромѣ этого музея, К. Э. написалъ нѣсколько сочиненій по военно-инженернымъ вопросамъ, а также интересовался философійю и писалъ статьи о ней. (Некрологъ его: «Русскій Инвалидъ», 1903 г., № 62).

† **Чайковскій, М. П.** 25-го марта въ Вильнѣ скончался командиръ 3-го армейскаго корпуса, генералъ-отъ-инфантеріи Митрофанъ Петровичъ Чайковскій. Покойный происходилъ изъ дворянъ Казанской губерніи, родился 7-го апрѣля 1840 года. Образование получилъ въ 1-мъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда 30-го іюня 1858 года выпущенъ прапорщикомъ лейбъ-

гвардіи въ Финляндскій полкъ, съ одновременнымъ прикомандированіемъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба. Въ слѣдующемъ году онъ былъ переведенъ въ 1-й учебный стрѣлковый баталіонъ, гдѣ и служилъ до апрѣля 1861 года, а затѣмъ состоялъ въ должности старшаго адъютанта въ штабѣ помощника инспектора стрѣлковыхъ баталіоновъ. По случаю упраздненія этого штаба, покойный былъ прикомандированъ къ штабу его высочества инспектора стрѣлковыхъ баталіоновъ, но здѣсь оставался недолго, такъ какъ въ январѣ 1863 года въ чинѣ капитана былъ зачисленъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба. По окончаніи курса наукъ онъ былъ причисленъ къ генеральному штабу и отправленъ на службу въ Варшавскій военный округъ, гдѣ былъ назначенъ и. д. старшаго адъютанта 3-й кавалерійской дивизіи. Въ концѣ декабря 1864 года М. П. былъ переведенъ въ 11-й стрѣлковый баталіонъ, а черезъ полгода — въ генеральный штабъ. До сентября 1868 года покойный несъ службу при различныхъ штабахъ Варшавскаго военного округа, послѣ чего былъ назначенъ состоять въ распоряженіи генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана, по званію туркестанскаго генераль-губернатора. Первое время на новомъ мѣстѣ служенія покойный занималъ должность старшаго помощника исыкъ-кульскаго уѣзднаго начальника, а потомъ былъ произведенъ въ подполковники, съ утвержденіемъ въ должности токмакскаго уѣзднаго начальника. 16-го іюня 1872 года назначенъ командующимъ 4-мъ Туркестанскимъ линейнымъ баталіономъ, съ которымъ онъ, будучи произведенъ въ апрѣлѣ 1873 года въ полковники, принималъ участіе въ Хивинскомъ походѣ. За мужество и храбрость, оказанныя имъ въ названномъ походѣ въ дѣлахъ съ непріателемъ, награжденъ орденами св. Станислава 2-й степени съ императорскою короною и мечами и св. Владимира 4-й степени съ мечами и бавтомъ. По возвращеніи изъ похода, М. П. нѣкоторое время находился при штабѣ Туркестанскаго военного округа, послѣ чего въ апрѣлѣ 1875 года назначенъ начальникомъ штаба 29-й пѣхотной дивизіи. Въ августѣ 1877 года онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба мобилизованной 3-й гренадерской дивизіи и, вступивъ съ полками первой бригады этой дивизіи въ составъ прочихъ войскъ обложенія Шлевны, онъ принималъ участіе въ перестрѣлкѣ при занятіи Бавалярской высоты, въ артиллерійскомъ боѣ при обстрѣливаніи долины Гринвицкаго ручья и въ отраженіи и плѣненіи арміи Османовъ. По выстуцленіи изъ-подъ Шлевны, 27-го декабря 1877 года, находился въ составѣ отряда ген.-лейт. Ганецкаго, составлявшаго стратегическій резервъ войскъ, направленныхъ за Балканы. Перейдя Балканы 11-го января, онъ прибылъ въ Чорлу, откуда, по заключеніи санъ-стефанскаго договора, вмѣстѣ съ частями 3-й гренадерской дивизіи двинулся на Родосто для посадки на суда. За отличія въ дѣлахъ съ турками награжденъ золотымъ оружіемъ съ надписью «за храбрость» и произведенъ въ генераль-майоры. Послѣ кампаніи М. П. послѣдовательно командовалъ 58-мъ пѣхотнымъ Прагскимъ полкомъ, 4-мъ гренадерскимъ Несвижскимъ полкомъ, 2-й бригадой 39-й пѣхотной дивизіи и 1-й бригадой кавказской гренадерской дивизіи. Затѣмъ состоялъ начальникомъ штаба 6-го армейскаго корпуса, помощникомъ начальника штаба Кіевскаго военного округа, начальникомъ стрѣлковой бригады и комендан-

томъ Ивангородской крѣпости. Въ этой должности М. П. оставался до послѣдняго своего назначенія командиромъ 3-го армейскаго корпуса, которое состоялось 13-го іюня 1899 года. (Некрологъ его: «Русскій Инвалидъ», 1903 г., № 70).

† **Щербина, Г. С.** 28-го марта скончался русскій консулъ въ Митровицѣ Григорій Степановичъ Щербина, павшій жертвой мусульманскаго фанатизма и албанскихъ безчинствъ. Послѣ разграбленія города Вучитина 500 албанцевъ осадили Митровицу въ Старой Сербіи и угрожали сербскому населенію избіеніемъ. Г. С. явился защитникомъ православныхъ сербовъ и принялъ въ оборонѣ Митровицы живѣйшее участіе, рискуя своей жизнью. Онъ хорошо зналъ албанцевъ, ихъ ярый фанатизмъ и мстительность, но это нисколько не помѣшало ему энергично вступиться за невинно страдавшихъ. Его участіе въ отпорѣ албанцевъ, стремившихся разграбить населеніе Митровицы, вызвало на другой день осады выстрѣлъ солдата-албанца, которымъ Г. С. былъ раненъ въ лѣвый бокъ на вылетъ. Г. С. Родился въ Черниговѣ 17-го ноября 1868 г. Въ «пансіонѣ» дѣвицъ Никельсѣ покойный Г. С. получилъ подготовительное образованіе для поступленія въ гимназію. Въ гимназіи онъ отлично учился и «содержалъ» себя самъ, бѣгая по урокамъ съ пятаго класса. Отличаясь вообще поразительнымъ трудолюбіемъ и настойчивостью, Г. С., будучи еще гимназистомъ, настолько овладѣлъ древними языками, что свободно разговаривалъ по-латыни и по-древнегречески; вообще его способности къ языкамъ (которыя, весьма вѣроятно, по предѣли ему самому его призваніе) поражали окружающихъ. Въ 1886 г. Г. С. окончилъ съ серебряной медалью черниговскую гимназію и поступилъ въ Лазаревской институтъ, который окончилъ первымъ въ 1889 году; послѣ того онъ поступилъ въ учебное отдѣленіе азіатскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ, откуда черезъ полтора года былъ назначенъ аташе при нашемъ посольствѣ въ Константинополь. Г. С. владѣлъ до этого языками арабскимъ, турецкимъ (на этомъ языкѣ написана имъ его диссертация), персидскимъ и татарскимъ, армянскимъ и грузинскимъ. Черезъ два года Г. С. былъ назначенъ секретаремъ консульства въ Ускюбѣ, а затѣмъ третьимъ драгоманомъ при посольствѣ нашемъ въ Константинополь въ 1896 году. Въ это время ему поручено было сопровождать въ Россію чрезвычайное посольство Арифъ-паши, доставившаго государю императору подарки турецкаго султана по случаю состоявшейся въ томъ году коронаціи ихъ величествъ. Послѣ секретной миссіи въ Египтъ Г. С. началъ свою многотрудную консульскую дѣятельность, его назначили вице-консуломъ въ верхнюю Албанію, въ Скутари. Это было въ 1897 году. Въ это время Г. С. изучилъ отлично не только языки всѣхъ народностей, населяющихъ Балканскій полуостровъ, но и бытъ ихъ и политическое положеніе. Отлично владѣя языками и нарѣчіями албанскимъ, сербскимъ, черногорскимъ и болгарскимъ, Г. С. много писалъ по всѣмъ вопросамъ, живо его интересовавшимъ, и бумаги, оставшіяся послѣ него, представляютъ несомнѣнно большой интересъ. Во время консульства своего въ Албаніи Г. С. сумѣлъ удержать въ лонѣ православія около десяти тысячъ албанцевъ, рѣшившихъ было перейти въ католичество. Только благодаря его энергіи, смѣлости и личному вліянію, переходъ этотъ не состоялся. Надо имѣть въ виду, что въ этомъ дѣлѣ

Г. С. пришлось бороться не только съ настойчивостью стремлений патерновъ, но и съ австрійской дипломатіей. За свои дѣйствія въ этомъ вопросѣ, имѣвшемъ на Востокѣ большое моральное и политическое значеніе, покойный былъ особенно обласканъ К. П. Побѣдоносцевымъ при посѣщеніи Петербурга, для выдержанія такъ называемаго дипломатическаго экзамена, сданнаго имъ, конечно, блестяще; Щербина владѣлъ еще отлично языками французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ и итальянскимъ. Будучи вице-консуломъ въ Скутари въ теченіе пяти лѣтъ, Щербина былъ исполняющимъ обязанности министра-резидента въ Цетиньѣ, до прибытія г. Губастова, и заслужилъ личную пріязнь князя черноморскаго Николая, жаловавшего его частыми грамотами, составлявшими предметъ, особенно дорогой для покойнаго. Для сопровожденія княжича Давида въ Мекленбургъ-Стрелицъ былъ назначенъ Г. С., по повелѣнію государя императора. До 24-го апрѣля 1902 г. Щербина оставался въ Скутари, и затѣмъ состоялось назначеніе его консуломъ въ Митровицу, куда онъ прибылъ 13-го января 1903 г., и такимъ образомъ исполнялъ свои новыя обязанности на этомъ опасномъ и важномъ посту всего десять недѣль. Г. С. за свои работы избранъ членомъ русскаго географическаго общества. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 г., №№ 9722, 9736; «Правительственный Вѣстникъ», 1903 г., № 72; «Черниговскія Губернскія Вѣдомости», 1903 г., № 1350).

† **Якимовичъ, А. А.** 17-го марта скончался одинъ изъ старѣйшихъ русскіхъ генераловъ, членъ военнаго совѣта, числившійся по армейской пѣхотѣ генералъ-отъ-инфантеріи Александръ Алексѣевичъ Якимовичъ. Покойный былъ выдающимся знаткомъ дѣла по вопросамъ организаціи, штатнаго устройства и порядка службы въ войскахъ. Состоя на службѣ въ бывшемъ инспекторскомъ департаментѣ военнаго министерства, впоследствии вошедшемъ въ составъ главнаго штаба, онъ принималъ живое и непосредственное участіе въ исполнительныхъ работахъ по многочисленнымъ преобразованіямъ въ войскахъ, совершившимся по волѣ императора Александра II, и въ особенности при формированіи, въ 1863 году, 18-ти новыхъ пѣхотныхъ дивизій. Затѣмъ, въ должностяхъ помощника начальника канцеляріи военнаго министерства и начальника этой канцеляріи, покойный принималъ ближайшее участіе въ разработкѣ и направленіи дѣлъ законодательныхъ и хозяйственныхъ высшаго порядка, вносимыхъ на обсужденіе и рѣшеніе военнаго совѣта, и являлся ревностнымъ и достойнымъ сотрудникомъ бывшихъ военныхъ министровъ: генералъ-адъютантовъ Милютина и Ванновскаго. А. А. родился въ 1829 году и происходилъ изъ дворянъ Тульской губерніи. Воспитаніе и образованіе получилъ въ 1-мъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда 13-го іюня 1848 года выпущенъ прапорщикомъ лейбъ-гвардіи въ Павловскій полкъ. Въ декабрѣ того же года онъ по собственному желанію былъ переведенъ въ Грузинскій линейный № 13 баталіонъ поручикомъ. Находясь въ составѣ этого баталіона, онъ весною 1850 года участвовалъ въ нѣсколькихъ перестрѣлкахъ съ кавказскими горацами, а въ слѣдующемъ году былъ командированъ въ образцовый пѣхотный полкъ. Въ началѣ 1854 года онъ былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ въ штабъ гренадерской резервной дивизіи, съ переводомъ въ лейбъ-гренадерскій Екатеринбургскій его величества полкъ, гдѣ въ мартѣ произвелъ

въ штабсъ-капитаны. Затѣмъ, съ апрѣля 1854 года по ноябрь 1855 г. находился въ составѣ войскъ, охранявшихъ побережье С.-Петербургской губернии и Выборгскаго уѣзда противъ соединенныхъ флотовъ Англіи и Франціи. Въ 1856 году онъ произведенъ въ капитаны, а въ слѣдующемъ году переведенъ въ инспекторскій департаментъ военнаго министерства, съ зачисленіемъ по армейской пѣхотѣ. Состоя въ инспекторскомъ департаментѣ, онъ былъ послѣдовательно произведенъ въ полковники и за дѣятельное участіе въ работахъ по составленію сборника штатовъ военносухопутнаго вѣдомства и положеній по устройству военныхъ округовъ и мѣстныхъ войскъ удостоился полученія монаршей его величества благодарности. 30-го декабря 1865 года назначенъ состоять при начальникѣ главнаго штаба и въ слѣдующемъ году произведенъ въ генералъ-майоры. 7-го іюня 1868 года покойный былъ назначенъ помощникомъ начальника канцеляріи военнаго министерства, на каковой должности, будучи произведенъ въ 1878 году въ генералъ-лейтенанты, состоялъ до 4-го января 1884 году, а затѣмъ былъ назначенъ членомъ военнаго совѣта. Въ генералы-отъ-инфантеріи А. А. Якимовичъ былъ произведенъ 30-го августа 1892 года; онъ имѣлъ русскіе ордена до брилліантовыхъ знаковъ ордена св. Александра Невскаго включительно. (Некрологи его: «Правительственный Вѣстникъ», 1903 г., № 63; «Русскій Инвалидъ», 1903 г., № 63).

† **Яновичъ-Чаинскій, С. М.** 31-го марта скончался бывшій главный врачъ Николаевскаго военнаго госпиталя, докторъ медицины, Селихъ-Мустафовичъ Яновичъ-Чаинскій. Покойный принадлежалъ къ числу видныхъ петербургскихъ врачей-практиковъ, избравшихъ своей спеціальностью хирургию. Происходя изъ литовскаго татарскаго дворянскаго рода, С. М. родился въ 1834 г., окончилъ курсъ сперва въ виленской гимназій, затѣмъ въ землемѣрныхъ классахъ при ней. Получивъ званіе ученаго землемѣра, безуспѣшно старался добыть какія либо занятія по своей спеціальности. Кое-какъ добрался до Петербурга, здѣсь выдержалъ экзаменъ въ медико-хирургическую академію и былъ принятъ въ число ея казенно-коштныхъ студентовъ. Въ академіи окончилъ курсъ лѣкаремъ съ отличіемъ и съ золотой медалью и былъ оставленъ при академіи для усовершенствованія. Въ это время занялся спеціально изученіемъ хирургіи и вспомогательныхъ наукъ, состоялъ главнымъ ассистентомъ академика Китары и ординаторомъ госпитальной хирургической клиники. Въ 1864 г. защитилъ диссертацию на степень доктора медицины: «Лѣченіе распиренія подкожныхъ венъ на ногахъ вспрыскиваніемъ раствора 1¹/₂-хлористаго желѣза». Послѣ защиты диссертации былъ посланъ въ качествѣ главнаго лѣкаря гидротрическаго военнаго полугоспиталя на мызу Лопухинку Кіевской губерніи. Здѣсь молодой хирургъ находилъ время и клиническій матеріалъ для усовершенствованія по своей спеціальности и опубликовалъ нѣсколько работъ по хирургіи. Эти работы, представленныя на конкурсъ для замѣщенія должности завѣдующаго проектированнымъ въ 1866 г. хирургическимъ отдѣленіемъ петербургскаго военнаго госпиталя, были признаны лучшими, но проектъ открытія хирургическаго отдѣленія не осуществился, и покойный былъ назначенъ младшимъ врачомъ л.-гв. Измайловскаго полка. Въ Петербургѣ онъ занялся хирургической практикой и вскорѣ былъ командированъ за границу для изученія новостей въ

хирургическомъ дѣлѣ. Въ Вѣнѣ онъ посѣщалъ клиники проф. Вильрота, Дитля и др., въ Гейдельбергѣ — Симона; въ Мюнхенѣ — Нусбаума, въ Лейпцигѣ — Тирма; въ Лондонѣ — Гютчинсона и Патрѣджи, въ Берлинѣ — Лангенбена и Бирделена, въ Парижѣ—Рише, Гюапа и др. Въ Петербургѣ онъ вернулся съ основательными знаніями хирургическаго лѣченія разнообразныхъ болѣзней и, назначенный консультантомъ по хирургіи въ Николаевскій военный госпиталь, состоялъ въ теченіе 17 лѣтъ знающимъ и опытнымъ руководителемъ въ производствѣ операций молодыми врачами. Многіе дѣльные хирурги своими знаніями обязаны его умѣлому руководству. За это время имъ произведено до 1.000 большихъ операций. Имя его сдѣлалось извѣстнымъ. Казанскій университетъ предложилъ ему катедру теоретической хирургіи, но С. М. отказался. Одновременно съ врачебно-практической дѣятельностью въ Николаевскомъ военномъ госпиталѣ онъ состоялъ доцентомъ по оперативной хирургіи въ медико-хирургической академіи и читалъ сперва клиническую хирургію, затѣмъ десмургію и механургію на женскихъ врачебныхъ курсахъ, пріютившихся въ 70-хъ годахъ въ Николаевскомъ военномъ госпиталѣ. Во время русско-турецкой войны дѣятельность покойнаго была сосредоточена главнымъ образомъ въ Тырновскомъ военно-временномъ госпиталѣ. Съ 1887 по 1889 г. С. М. былъ главнымъ врачомъ Семеновскаго Александровскаго военнаго госпиталя и затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ главнымъ врачомъ Николаевскаго военнаго госпиталя. Его перу принадлежитъ множество научныхъ специальныхъ работъ о камнедробленіи, лѣченіи фунгозныхъ пораженій гемороидальныхъ узловъ и др. болѣзней, требующихъ операций. Какъ врачъ, онъ имѣлъ обширную практику и отличался доступностью, не дѣлая различія между богатыми и бѣдными. Какъ человекъ, имѣлъ мягкій, симпатичный характеръ и доброе чуткое сердце и откликался на чужое горе, принимая дѣятельное участіе во многихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ. (Некрологическо: «Новое Время», 1903 г., № 9729; «Новости», 1903 г., № 92).

† Янчевецкій, Г. А. 1-го апрѣля умеръ въ Петербургѣ послѣ продолжительной болѣзни бывший директоръ ревельской Николаевской гимназіи Григорій Андреевичъ Янчевецкій, извѣстный своею литературною дѣятельностью въ области классической филологіи. Покойный родился въ 1846 году и по окончаніи курса въ университетѣ св. Владимира со степенью кандидата классической филологіи началъ службу преподавателемъ древнихъ языковъ въ коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ. Въ 1886 году покойный получилъ должность директора ревельской Александровской, а съ 1891 года—ревельской Николаевской гимназіи, директоромъ которой оставался до іюля 1902 года, когда по болѣзни оставилъ службу. Большой знатокъ и глубокій любитель греческой литературы, Г. А. Янчевецкій перевелъ на русскій языкъ сочиненія Ксенофонта, «Описаніе Греціи» Павсанія и отдѣльныя части Гомеровскихъ поэмъ. Съ 1888 года Янчевецкій издавалъ журналъ «Гимназія», посвященный интересамъ и задачамъ классической школы, и при немъ съ конца 1892 г. до 1897 г. «Педагогическій Еженедѣльникъ» для сообщенія выдающихся явленій въ педагогической жизни и литературѣ. Изданіе этихъ журналовъ стоило покойному много труда и много непріятностей. По своей общественной дѣятельности Г. А. Янчевецкій принад-

лежалъ къ сотрудникамъ кн. Шаховскаго и участвовалъ во всѣхъ общественныхъ организаціяхъ, учрежденныхъ для проведения въ Эстляндскую губернію идеи русской государственности. Послѣ покойнаго осталась цѣнная бібліотека болѣе двухъ тысячъ названій. Ученики его сохраняютъ о немъ благодарную память. (Некрологъ его: «Новое Время», 1903 г., № 9733).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Къ статьѣ «Изъ Манчжурскихъ воспоминаній».

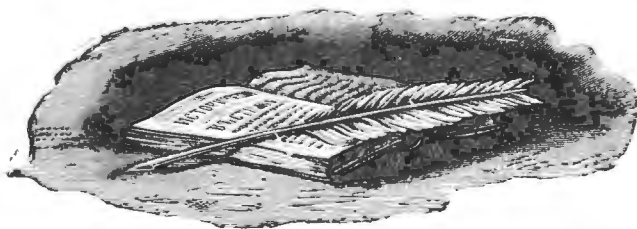
Въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ была помѣщена статья С. П-скаго «Изъ Манчжурскихъ воспоминаній», въ которой авторъ не совсѣмъ точно передалъ факты, а потому въ интересахъ истины позволю себѣ внести нѣкоторую поправку въ его статью.

Однажды, глубокою осенью или зимою, 1900 года, въ Портъ-Артурѣ гражданскій комиссаръ Квантунской области, полковникъ Г., показалъ мнѣ дознаніе о двухъ китайцахъ, жителяхъ окрестностей г. Лаояна, одного имя и фамилію и теперь помню—Чуанъ-тай-хи, другого забылъ. Полковникъ Г. просилъ меня высказаться: возможно ли ограничиться однимъ дознаніемъ для представленія дѣла военно-прокурорскому надзору, или надлежитъ произвести предварительное слѣдствіе? Ознакомившись съ дознаніемъ, я увидаль, что оно было произведено съ достаточною полнотою, спрошено значительное количество свидѣтелей, которые почти единогласно ввели на Чуанъ-тай-хи и его товарища тяжкія обвиненія въ самомъ дѣятельномъ участіи въ боксерскомъ движеніи, разрушеніи Китайско-Восточной желѣзной дороги и проч. Въ виду полноты дознанія я готовъ былъ уже посоветовать Г. передать дознаніе прямо военному прокурору, не производя предварительнаго слѣдствія, но меня отъ такого совѣта удержала прежде всего тяжкая уголовная кара (смертная казнь), грозившая обвиняемымъ, при которой судебная ошибка была бы неоправима, а затѣмъ и та роль, которую игралъ въ качествѣ переводчика при производствѣ дознанія отецъ миссіонеръ Жанъ К., о подвигахъ котораго (весьма сомнительнаго свойства) до меня дошли стороною уже слухи. Поэтому я убѣдилъ Г. въ необходимости для повѣрки дознанія произвести предварительное слѣдствіе.

Вскорѣ же въ мою камеру въ Портъ-Артурѣ были доставлены два закованныхъ въ кандалы китайца: Чуанъ-тай-хи и его товарищъ. Ихъ симпатичная наружность неволью располагала въ ихъ пользу и говорила, что они едва ли могли совершить тѣ злодѣянія, которыя приписывались имъ свидѣтелями на дознаніи, а сравнительно богатая одежда ихъ, указывая на ихъ принадлежность къ зажиточному классу, еще болѣе убѣждала въ невозможности ихъ участія въ грабежахъ, которыми сопровождалось боксерское движеніе. Обвиняемые

объяснили, что они—богатые купцы, пользовались симпатіями и довѣріемъ мѣстнаго населенія, состоявшаго попреимуществу изъ китайцевъ-католиковъ, среди которыхъ миссіонерствовалъ отецъ Жанъ К.; боксерское движеніе, направленное отчасти и противъ богатыхъ классовъ, заставило ихъ, при приближеніи боксерскихъ шаекъ къ ихъ деревнѣ (селенію), бѣжать; имущество ихъ было разграблено, а дома частью разрушены боксерами. Когда я пояснилъ обвиняемымъ, что показанія допрошенныхъ на дознаніи свидѣтелей говорятъ противъ нихъ, то это обстоятельство ихъ крайне удивило, и они заявили, что это не правда, такъ какъ населеніе всего округа, на глазахъ котораго они были арестованы, просило начальника освободить ихъ, ручаясь за ихъ благонадежность. По дознанію же значилось, что населеніе просило безусловнаго удаленія ихъ изъ селенія. Обвиняемые заподозрѣли неправильность перевода свидѣтельскихъ показаній, поясняя, что это дѣло миссіонера Жана К., обѣщавшаго имъ отомстить при приходѣ русскихъ за отказъ дать крупное денежное пожертваніе на возстановленіе католическаго храма въ ихъ селеніи, разрушеннаго боксерами. Занятый болѣе серьезными и сложными дѣлами въ Портъ-Артурѣ, я далъ порученіе о допросѣ на мѣстѣ жительства Чуанъ-тай-хи цѣлаго ряда свидѣтелей (въ томъ числѣ и допрошенныхъ на дознаніи), прося не прибѣгать къ помощи переводчиковъ миссіонеровъ. Результаты тщательнаго произведеннаго слѣдствія настолько ясно и очевидно устанавливали полную невинность мнимыхъ боксеровъ, что военно-прокурорскій надзоръ, по соглашенію съ начальствомъ, наметилъ возможнымъ прекратить дальнѣйшее уголовное преслѣдованіе противъ Чуанъ-тай-хи и его товарища, и они были немедленно, къ радости всего населенія, выпущены на свободу. Изъ изложеннаго видно, что не энергія почтеннѣйшаго А. П. Х. (какъ говорить г. С. П.—скій) спасла отъ веревки помянутыхъ китайцевъ и не участіе къ ихъ судьбѣ какого-то лаоянскаго купца Ли-фу-чу, а предварительное слѣдствіе, выяснившее недобросовѣстность переводчика миссіонера и полнѣйшую невинность Чуанъ-тай-хи и его товарища.

В. М.

— А когда любовь умираетъ, — возразила королева, какъ бы комментируя, — презрѣніе и ненависть занимаютъ ея мѣсто.

— Подобная любовь исходитъ изъ ада, — сказалъ Бернаръ, внезапно взглянувъ ей въ лицо, такъ что она покраснѣла.

— Да, — возразила она съ ненавистью, — такъ это любовь мужа и жены.

Святой человѣкъ взглянулъ на нее еще пристальнѣе и печальнѣе, такъ какъ зналъ, что она хочетъ этимъ сказать, и предвидѣлъ конецъ.

— Люциферъ возмущается противъ закона, — сказалъ онъ.

— Меня это не удивляетъ, — возразила королева съ жесткимъ смѣхомъ. — Онъ возмутился противъ брака. Любовь — настоящая вѣра... бракъ же только догматъ.

Она опять засмѣялась.

Бернаръ почувствовалъ легкую дрожь, какъ будто онъ ощутилъ настоящую боль. Онъ зналъ Элеонору совсѣмъ ребенкомъ и, однако, никогда не могъ привыкнуть къ ея грубымъ выраженіямъ. Это былъ человѣкъ, легче оскорблявшійся въ своей эстетической впечатлительности, чѣмъ обижавшійся на злобу міра, который онъ хорошо зналъ. Для него Богъ былъ не только великъ, но и прекрасенъ. Природа, какъ утверждали нѣкоторые богословы, была жестока, дурна, ненавистна, но она никогда не была, по его мнѣнію, груба и гнусна, и ея красота трогала Бернара противъ его воли. Такъ въ его глазахъ женщина могла быть виновна, и ея грѣхи могли ему казаться ужасными, но все-таки она была женщина, созданіе хрупкое, изящное и нѣжное, даже въ своей злобѣ. Но женщина, которая можетъ говорить съ такою горечью и грубостью о своемъ бракѣ, поразила его, какъ очень дурное и горестное зрѣлище, какъ грубый, фальшивый звукъ, причинявшій боль каждому нервному фибру тѣла.

— Государыня, — сказалъ онъ тихимъ голосомъ, спокойно и холодно, — я не думаю, чтобы вы были въ состояніи искупленія, которое позволило бы вамъ нести крестъ для вашего блага.

Элеонора подняла голову и посмотрѣла на него свысока, прищуривъ вѣки въ то время, какъ ея глаза сдѣлались жестки и проницательны.

— Вы не мой исповѣдникъ, — возразила она. — Вѣдь вы не знаете, можетъ быть, мнѣ было предложено отправиться на поклоненіе въ Святую землю. Это — общее покаяніе.

И въ третій разъ она принялась смѣяться.

— Общее покаяніе! — воскликнулъ съ огорченіемъ монахъ: — вотъ до чего дошли въ нынѣшнее время. Человѣкъ убиваетъ сосѣда во время ссоры и отправляется въ Іерусалимъ очищаться отъ пролитой крови, какъ будто взялъ рецептъ отъ врача для исцѣленія отъ ничтожной болѣзни. Поклоненіе святымъ мѣстамъ — врачебное

средство, молитва — лѣкарство. Повторять часто актъ сокрушенія или перебрать четки двѣнадцать разъ въ полдень—лѣкарство для больной души.

— Такъ что же?—спросила она.

— Что же?—отвѣтилъ Бернаръ.— Въ крестовомъ походѣ нѣтъ вѣры.

— Вотъ чего я опасуюсь, — отвѣтила Элеонора: — вотъ почему я прошу васъ отправиться съ нами. Вотъ отчего король неспособенъ руководить людьми безъ васъ. А вы все-таки не хотите итти.

— Нѣтъ, — возразилъ онъ:—я этого не хочу.

— Вы всегда обманываете мои ожиданія, — сказала королева, вставъ и пустивъ въ ходъ оружіе, къ которому обыкновенно прибѣгаютъ женщины, какъ къ послѣднему средству. — Вы встали впереди всѣхъ и не хотите предводительствовать. Вы возбудили у людей желаніе подвиговъ, а сами не хотите ихъ исполнить. Вы представляете имъ идеалъ, въ который сами не вѣрите, и мирно возвращаетесь въ Клервосское аббатство, предоставляя людямъ самимъ выходить изъ затрудненій въ опасности и нуждѣ. А если довѣрчивая женщина приходитъ къ вамъ съ отягченной совѣстью, вы говорите ей, что она не въ состояніи заслужить прощеніе. Должно быть, легко быть такимъ образомъ великимъ человѣкомъ.

Она стала удаляться, произнося эти послѣднія слова, и сошла съ возвышенія на полъ. Громадная несправедливость ея сужденія сдѣлала лицо Бернара холоднымъ и суровымъ, но онъ ничего не отвѣтилъ на эти слова, зная, что это бесполезно. У нея, можетъ быть, только у нея одной изъ всѣхъ женщинъ было нѣчто неуловимое. Онъ могъ ее сожалѣть, могъ прощать, могъ просить за нее... но не могъ говорить съ нею, какъ съ другой женщиной.

Много разъ, прежде чѣмъ она достигла двери, онъ хотѣлъ ее вернуть и старался найти въ своемъ умѣ и въ сокровищницѣ своего сердца слова, способныя тронуть ее. Но тщетно: пока она находилась предъ его глазами, ихъ души были оледенѣлыми. Ея рука коснулась занавѣса, чтобы выйти, и она въ послѣдній разъ взглянула на него.

— Вы не хотите итти съ нами? — спросила она. — Если мы не будемъ имѣть успѣха, мы сложимъ всю вину на васъ; если мы перессоримся и обратимъ оружіе другъ противъ друга,—грѣхъ будетъ на васъ; если наши арміи потеряютъ храбрость, будутъ разсѣяны и разрѣзаны на куски,—ихъ кровь падетъ на вашу голову; но если мы будемъ побѣдителями, — прибавила она, выпрямляясь во весь ростъ:—честь нашей побѣды будетъ относиться къ намъ однимъ, а не къ вамъ.

Занавѣсъ упалъ позади ея, когда она произнесла послѣднія слова, оставивъ аббата въ невозможности отвѣчать. Но она не произвела впечатлѣнія, такъ какъ Бернаръ не былъ человѣкомъ, котораго

озабочивала бы угроза. Когда она ушла, его лицо сдѣлалось печально и спокойно; затѣмъ подумавъ онъ взялся за перо, которое лежало возлѣ страницы, на половину исписанной.

Королева прошла изъ внѣшняго зала въ сѣни, закутываясь въ свой плащъ. Ея губы были сжаты, а глаза выражали жестокость, такъ какъ она обманулась въ своихъ ожиданіяхъ. Желаніе услышать слова Бернара, убѣжденіе, что онъ долженъ слѣдовать за арміей, не были единственной цѣлью ея прихода. Она стремилась вернуть то сильное впечатлѣніе, подѣ властью котораго была въ полдень и взяла крестъ, а женщина, обманутая въ своихъ чувствахъ и желаніяхъ, опаснѣе и злѣе сильнаго мужчины, обманутаго въ своихъ ожиданіяхъ.

Она пришла къ Бернару одна. Болѣе, чѣмъ какая либо женщина, она ненавидѣла, чтобы за нею слѣдовали придворные, и наблюдала низшія лица, когда она желала остаться одна. Увѣренная въ себѣ и храбрая безъ преувеличенія, она часто спрашивала себя, не пріятнѣе ли быть женщиной, чѣмъ даже самой красивой женщиной въ свѣтѣ, какою была она.

Она остановилась на минуту въ сѣняхъ, накинула капишонъ плаща на голову и полузакрыла лицо. Наружная дверь была пріоткрыта; единственный свѣтильникъ, наполненный оливковымъ масломъ и висѣвшій посреди свода, бросалъ слабый свѣтъ въ темнотѣ. Пока Элеонора накидывала капишонъ и почти безсознательно устремляла глаза въ темноту, слабый блескъ стали сверкнулъ во мракѣ. Этотъ блескъ исчезалъ и снова появлялся, такъ какъ съ наружной стороны двери прохаживался взадъ и впередъ мужчина, ожидая кого-то. Королева хотя желала прійти одна къ монаху, но у нея не было никакой причины прятаться; она сдѣлала два шага къ порогу, совершенно открыла половинку двери и высунулась.

Человѣкъ остановился и, не торопясь, повернулъ голову; въ это время на него упалъ свѣтъ. Его глаза обратились къ королевѣ, темный абрисъ которой выдѣлился на свѣтломъ фонѣ, освѣщенномъ извнѣ. Она немного вздрогнула, какъ бы желая скрыться; затѣмъ заговорила нервнымъ тономъ вполголоса, нѣсколько смущенная этимъ присутствіемъ, на которое она не рассчитывала.

— Что это?—спросила она:—зачѣмъ вы здѣсь?

— Потому что я зналъ, ваше величество,—отвѣтилъ спокойно Жильбертъ:—что вы здѣсь.

— Вы это знали,—спросила королева:—какимъ образомъ?

— Я видѣлъ васъ... я слѣдовалъ за вами.

Королева чувствовала подѣ своимъ капишономъ, какъ горячая волна крови прилила къ ея лицу. Жильбертъ остановился предѣ дверью и такимъ образомъ представлялъ прекрасное зрѣлище при свѣтѣ, падавшемъ отъ свѣтильника. Онъ былъ блѣденъ, но не такой, какъ Бернаръ, худощавый; это была сильная, крѣпкая

худоба молодости, а не поста и аскетической жизни; онъ былъ серіозенъ, но не печаленъ, энергиченъ, но не вдохновенъ, а его лицо было скорѣе благородно, чѣмъ красиво. Элеонора любовалась имъ нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ продолжала допросъ:

— Вы слѣдовали за мною,—сказала она:—зачѣмъ?

— Чтобы добиться отъ вашего величества одного слова.

— Отвѣта на вопросъ, который вы задали мнѣ сегодня?—спросила она.

— Да.

— Развѣ это такъ спѣшно?—замѣтила Элеонора.

Королева слегка засмѣялась, а Жильбертъ вздрогнулъ отъ удивленія.

— Ваше величество,—возразилъ онъ,— писали мнѣ такъ настойчиво...

— Такъ вы любопытны, только благодаря повинновенію? — сказала королева.—Мнѣ это нравится. Вы будете вознаграждены. Но я измѣнила мнѣніе. Если бы надо было написать письмо вновь, я не написала бы его.

— Это было письмо друга,—возразилъ Жильбертъ:—развѣ вы хотите отъ него отречься?

Лицо Жильберта выражало неизмѣримое разочарованіе. Въ своемъ томительномъ безпокойствѣ онъ приблизился къ Элеонорѣ и оперся рукою на косякъ двери. Королева отстранила его и улыбнулась.

— Развѣ оно было такое дружественное? — спросила она. — Я не помню... Но я это сдѣлала ненамѣренно.

— Государыня, — сказалъ Жильбертъ: — какое же ваше намѣреніе?

Голосъ молодого человѣка былъ рѣшительный и немного холодный.

— О!—воскликнула королева:—я совершенно его забыла.

Она еще разъ слегка засмѣялась и наклонила голову.

— Если ваше величество,—возразилъ Жильбертъ:—нуждались во мнѣ, можетъ быть, я понялъ бы это. Беатрисы здѣсь нѣтъ. Я разсматривалъ сегодня каждую изъ вашихъ дамъ, я искалъ во всѣхъ рядахъ...ея не было. Я спрашивалъ васъ, гдѣ была она, но вы не пожелали мнѣ отвѣтить и разгнѣвались...

— Я!.. разгнѣвалась!.. Вы бредите!.. — воскликнула королева.

— Я думалъ, что вы разгнѣвались, потому что измѣнились въ лицѣ и не хотѣли болѣе со мною говорить.

— Вы не правы. Только дуракъ можетъ разгнѣваться, благодаря своему незнанію,—сказала королева.

— Всѣ ваши слова загадочны,—возразилъ Жильбертъ.

— А вы недостаточно ловки, чтобы ихъ угадать. Полно! для доказательства, что я не была разгнѣвана, я прогуляюсь съ вами по деревнѣ. Теперь поздно.

— Ваше величество, однѣ?—спросилъ Жильбертъ.

— Если вы слѣдили за мною,—возразила Элеонора:—то вы это хорошо знаете. Пойдемте.

Она слегка его отстранила, чтобы выйти, и минуту спустя они прошли темное пространство предъ церковью. Жильберта не легко было удивить, однако при мысли, что онъ прогуливается въ такой поздній часъ по маленькой французской деревушкѣ съ самой могущественнѣйшей государыней Европы, которая въ то же время была самой красивой женщиной, онъ далъ себѣ отчетъ, что судьба вела его не по обыкновенной дорогѣ. Онъ вспомнилъ о своемъ удивленіи, когда за часъ до этого увидѣлъ знакомую фигуру королевы, которая проходила мимо открытаго окна его жилища.

И, однако, если бы кто нибудь замѣтилъ ее на улицѣ въ такой часъ въ сопровожденіи молодого англичанина, удивленіе было бы еще естественнѣе. Онъ имѣлъ нѣсколько ребяческое желаніе не быть самимъ собою, или чтобы королева была Беатрисой. Что касается его истиннаго положенія въ благоволеніи къ нему королевы, то онъ даже не имѣлъ самой легкой мысли объ этомъ, что забавляло Элеонору почти столько же, сколько и раздражало.

Дорога была неровная и поднималась въ гору по другую сторону площади. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ они молча шли другъ возлѣ друга. Издалека доходилъ до нихъ звукъ множества грубыхъ голосовъ, поющихъ застольную нѣсню.

— Дайте мнѣ вашу руку,—внезапно сказала королева.

Говоря это, она протянула свою руку, какъ бы опасаясь споткнуться. Исполнивъ ея требованіе, Жильбертъ пошелъ въ шагъ съ нею, и они продолжали двигаться другъ возлѣ друга. Онъ никогда до сихъ поръ такъ не ходилъ подъ руку и, можетъ быть, никогда не былъ такъ близко ни къ какой другой женщинѣ. Имъ овладѣло неописанное волненіе; онъ чувствовалъ, что его шаги не такъ тверды, а голова пылала, руки же были холодны. Далекій отъ мысли любви, онъ воображалъ, что онъ—игрушка таинственныхъ и плѣнительныхъ чаръ. Въ то же время у него явилась минутная увѣренность, что это чувство было дурно, но вмѣстѣ съ тѣмъ, если бы эта привлекательность усилилась, онъ не могъ бы ей противостоять.

Элеонора не была бы женщиной, если бы не поняла состоянія ума своего спутника.

— Что это такое?—спросила она, съ нѣжностью и улыбаясь подъ своимъ кашономъ.

— Что такое? — отвѣтилъ нервно Жильбертъ. — Ничего нѣтъ. Что же вы хотите?

— Ваша рука дрожала,—возразила королева.

— Я испугался, оттого что вы едва не упали,—отвѣтилъ онъ.

Королева разразилась смѣхомъ и сказала:

— Развѣ вы такъ озабочены моею безопасностью?

Жильбертъ отвѣтилъ не сразу.

— Это странно,—сказалъ онъ наконецъ:—что ваше величество избрали такой поздній часъ для своего выхода.

— Я не одна,—возразила Элеонора.

Въ этотъ моментъ ея нога скользнула, а рука сжала руку Жильберта. Но, считая Элеонору въ опасности, онъ обхватилъ ее за талию и удержалъ. Такъ какъ онъ ее слегка прижалъ къ себѣ, то ощутилъ таинственное вліяніе этого могущественнаго соприкосновенія.

— Я никогда не поскользнусь,—замѣтила Элеонора, желая объяснить свое движеніе.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Жильбертъ,—естественно нѣтъ...

И онъ продолжалъ крѣпко ее прижимать.

Она сдѣлала легкій, неопредѣленный жестъ, выражавшій ея желаніе, чтобы онъ отпустилъ ее, и сдѣлала видъ, какъ будто хочетъ своею свободной правой рукой отнять его руку отъ своей талии. Онъ почувствовалъ, какъ безчисленное множество огневыхъ искръ пробѣжало у него съ головы до ногъ, и онъ увидѣлъ сотни огоньковъ тамъ, гдѣ былъ мракъ.

— Оставьте меня,—сказала она тихо.

Сопровождая эти слова легкимъ движеніемъ руки и тѣла, она какъ бы случайно склонила на секунду голову на грудь молодого человѣка.

Огонь въ венахъ Жильберта сдѣлался еще жгучѣе, а огоньки предъ глазами заблестѣли сильнѣе, и сознавая, что онъ дѣлаетъ нѣчто ужасное и однако въ то же время безконечно сладкое, онъ прикоснулся губами къ темной матеріи, скрывавшей рыжеватые волосы королевы.

Но она, казалось, не замѣчала этого безумнаго поступка. Минуту спустя, Элеонора, повидимому, прислушивалась къ какому-то шуму и быстро повернула голову, какъ бы услышавъ что-то. Затѣмъ она сказала болѣе тихимъ и тревожнымъ голосомъ:

— Берегитесь! кто-то есть...

Тогда рука Жильберта упала съ ея талии, и онъ принялъ видъ почтительно охраняющаго ее. Королева посмотрѣла еще съ минуту въ темноту, затѣмъ продолжала путь.

— Ничего нѣтъ,—сказала она легкомысленнымъ тономъ.

— Я слышалъ пѣніе людей,—возразилъ Жильбертъ.

— Я думаю,—отвѣтила Элеонора съ совершеннымъ равнодушіемъ,—что я тоже ихъ слышала уже нѣсколько времени.

Одинъ голосъ болѣе высокій и звонкій, чѣмъ другіе, выдѣлялся по мѣрѣ того, какъ приближались пѣвцы, и вскорѣ всѣ другіе голоса соединились въ грубый хоръ, распѣвая бургундскую застольную пѣснь. Близъ границы деревни заблестѣли огни и безпорядочно

задвигались по дорогѣ, потому что тѣ, которые ихъ несли,—шли шаткой походкой. Чтобы достигъ монастыря, который составлялъ главную квартиру дворца, королевѣ и Жильберту пришлось пройти съ сотню метровъ. Молодой человекъ сразу увидѣлъ, что имъ невозможно достигъ его и обогнуть прежде, чѣмъ встрѣтятъ толпу пьяницъ.

— Лучше взять другую дорогу, — предложилъ онъ, замедляя свои шаги.

Но королева продолжала спокойно идти, не отвѣчая.

Очевидно она намѣревалась заставить этихъ людей дать ей дорогу, такъ какъ шла по срединѣ ея. Но Жильбертъ привлекъ ее тихонько въ сторону, и она позволила довести себя до двери, находившейся на двѣ ступеньки выше дороги и на половину прикрытой падавшей тѣнью балкона. Они остановились тамъ и ожидали. Густая толпа конюховъ, стрѣлковъ изъ лука и вооруженныхъ людей двигалась вдоль крутой дороги. Толстый человекъ въ неопрятномъ темно-красномъ кафтанѣ и рыжеватыхъ, пыльныхъ панталонахъ, въ легкихъ сапогахъ, голенища которыхъ падали складками вокругъ его лодыжекъ, шелъ пошатываясь впереди. Его лицо пылало отъ вина, маленькіе красные глаза едва свѣтились изъ-подъ опухшихъ вѣкъ, и пока онъ горланилъ свою пѣсню съ широко раскрытымъ ртомъ, можно было бросить яблоко между его волчьими зубами. Онъ несъ въ правой рукѣ глиняный кувшинъ, въ которомъ осталось еще немного вина, а лѣвой размахивалъ знаменемъ, состоявшимъ изъ большого красного креста, пришитаго къ полотну, придѣланному къ одной изъ тѣхъ длинныхъ хворостинъ, какими дѣти загоняютъ гусей. На половину приплясывая, на половину шатаясь на каждомъ шагу, онъ приближался, сопровождаемый дюжиной спутниковъ потоньше, чѣмъ онъ самъ, но такихъ же пьяныхъ. У всѣхъ были надѣты на груди кресты, полученные днемъ. Позади нихъ толпа дѣлалась многочисленнѣе и плотнѣе — они шли шатаясь, задѣвая другъ друга и завывая припѣвъ пѣсни. Время отъ времени предводитель, размахивая знаменемъ и кувшиномъ съ виномъ, посылалъ цѣлый дождь красныхъ капель въ лица спутниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ смѣялись, ругались, вопили проклятiя, раздававшiяся громко въ этой адской суматохѣ. Но изъ этой пьяной толпы выдѣлялся одинъ голосъ оглушительнѣе, выше и чище другихъ. Онъ принадлежалъ одному изъ тѣхъ, которые созданы предводительствовать приступами и сраженiями. Въ надлежащемъ тонѣ и не обращая вниманiя на пѣніе другихъ, онъ пѣлъ Magnificat. Выдержанное дыханіе и металлическій тембръ придавали голосу необыкновенную силу, и когда толпа приблизилась, Жильбертъ замѣтилъ среди огней и факеловъ исхудалое, блѣдное лицо человека высокаго роста, съ полузакрытыми глазами, на губахъ котораго

былъ отпечатокъ страданій. Его лицо, голосъ и взглядъ обнаруживали человѣка, который даже въ безуміи пьянства оставался горячимъ фанатикомъ.

Элеонора отодвинулась, насколько могла, въ амбразуру двери, оскорбленная въ своей гордости королевы и чувствовавшая отвращеніе, какъ женщина, при видѣ этой толпы пьяницъ. Жильбертъ стоялъ около нея выпрямившись, какъ бы готовясь защищаться противъ оскверненія святыни и противъ святотатства его самыхъ священныхъ идей. Онъ зналъ, что подобные люди, прежде чѣмъ добратся до Иерусалима, будутъ часто безчинствовать и совершенно нелѣпо ожидать отъ нихъ чего нибудь добраго. Но въ то же время онъ далъ себѣ отчетъ, что еще немного отвращенія, и въ немъ возбудился бы ужасъ отъ всего, что онъ видѣлъ. Въ продолженіе минуты оцъ совершенно забылъ о присутствіи королевы и закрылъ глаза, чтобы не видѣть болѣе происходившаго.

Легкое гнѣвное восклицаніе королевы, вызванное не болью и не боязнью, привело его въ себя. Человѣкъ подозрительной наружности, съ головой, покрытой рыжими волосами, отдѣлился отъ толпы и всталъ, пошатываясь, противъ королевы. Онъ старался раскрыть ея плащъ съ цѣлю увидѣть ея лицо. Онъ, казалось, не замѣтилъ Жильберта, и въ его пьяныхъ глазахъ выражалось нехорошее чувство. Королева отодвинулась, кутаясь въ свой плащъ и капшонъ, но вопившая толпа, подвигаясь впередъ, почти опрокинула человѣка на королеву. Жильбертъ схватилъ его за шею и, сорвавъ съ его плеча крестъ, нанесъ ему въ лицо такой ударъ кулакомъ, что на всю жизнь сплющилъ ему лицо. Затѣмъ онъ бросилъ избитаго и потерявшаго чувства негодяя въ толпу пьяницъ, какъ остроумныя бросаютъ трупъ лошади съ высоты утеса въ море.

Въ одно мгновеніе смятеніе и суматоха увеличились въ десять разъ болѣе, чѣмъ прежде. Въ то время, какъ нѣкоторые продолжали идти, все еще горланя вакхическій припѣвъ, остальные наталкивались на тѣло ихъ товарища, распростертаго поперекъ дороги. Два человѣка были опрокинуты его паденіемъ и оставались лежать, оглушенные паденіемъ. Другіе возвратились назадъ, чтобы узнать причину сумятицы. Многіе вывихнули себѣ ноги, получили раны и ожоги отъ своихъ факеловъ. Всѣ были разъяренными отъ вина. Предъ глазами Элеоноры находилась цѣлая волнуемая масса презрѣнныхъ человѣческихъ существъ, одурманенныхъ пьянствомъ, обезумѣвшихъ отъ ярости противъ неизвѣстнаго препятствія, заставившаго ихъ упасть. Элеонора прижалась къ Жильберту и уцѣпилась за него.

— Мы не можемъ здѣсь оставаться, — сказала она. — Не надо, чтобы меня узнали эти грубіяны.

— Тогда стойте между мною и стѣною, — сказалъ онъ авторитетнымъ тономъ.

Съ мечемъ въ рукѣ онъ спустился съ двухъ ступенекъ на улицу и долженъ былъ пробивать себѣ путь между домами и толпою. Сначала это было не легко. Одинъ человекъ грубо бросился на него, чтобы остановить, но онъ его оттолкнулъ; другой вынулъ кинжалъ, но Жильбертъ ударилъ его въ високъ и въ ротъ и такъ прижалъ остріемъ, что онъ упалъ, какъ масса.

Тогда пьяницы испугались и не стали сопротивляться. Но многіе замѣтили при свѣтѣ факеловъ, что закутанная въ капшонъ женщина проскользнула вдоль стѣны, возлѣ смѣлаго спутника. Были пущены въ ходъ гнусныя шутки, сопровождаемыя гиканьемъ и кошачьимъ мяуканьемъ, которыя настолько возмутили гордаго норманна, что онъ покушался остановиться и встать съ обнаженнымъ мечемъ лицомъ къ лицу съ этими негодьями и отмстить за оскорбленія. Но Жильбертъ во время вспомнилъ, что можетъ быть убитымъ и оставить Элеонору на произволъ этихъ негодяевъ, которые не захотятъ повѣрить, что она королева. Онъ сдержался и продолжалъ рѣшительно подвигаться вдоль стѣны, грубо отталкивая своихъ противниковъ, ударяя ихъ, оглушая и безошадно опрокидывая, но никого не убивая.

Съ начала суматохи до того времени, когда Жильбертъ достигъ поворота дороги, прошло недолго. Звонкій голосъ продолжалъ пѣть слова молитвы, господствуя надъ шумомъ и беспорядкомъ. Когда наконецъ Элеонора проскользнула жива и здорова въ тѣни на другой уголъ, голосъ пѣлъ: «Господь посѣтилъ и спасъ свой народъ», а вдали на улицѣ знамя съ краснымъ крестомъ яростно развѣвалось, освѣщенное факелами.

Въ тотъ моментъ, какъ Жильбертъ вложилъ въ ножны мечъ, Элеонора положила свою руку на локоть молодого человека.

— Вы мнѣ нравитесь, — сказала она.

Хотя было темно, но Жильбертъ угадалъ по ея тону, что она улыбалась.

— Благодарю, — сказала она вполголоса. — Требуйте отъ меня, чего хотите, я все исполню.

Онъ наклонился и поцѣловалъ ея руку, которая сжала его руку.

— Государыня, — сказалъ онъ, — благодарю Бога, что онъ допустилъ меня оказать услугу женщинѣ въ такой опасности.

— И вы ничего не хотите взаменъ? — спросила она.

Ея голосъ слегка дрожалъ.

Жильбертъ отвѣтилъ не сразу, такъ какъ колебался воспользоваться моментомъ, чтобы коснуться вопроса о Беатрисѣ.

— Если я потребую чегонибудь, — сказалъ онъ наконецъ, — то понять ваше величество и объяснить себѣ, зачѣмъ вы приказали мнѣ, какъ можно скорѣе, явиться сюда и отыскать личность, которой съ вами нѣтъ.

Они находились въ нѣсколькихъ шагахъ отъ аббатства, и потому королева немного отстранилась отъ Жильберта. Она вдругъ остановилась при послѣднемъ произнесенномъ имъ словѣ.

— Доброй ночи, — рѣзко сказала она.

Жильбертъ приблизился къ ней молча, затѣмъ неподвижно остановился предъ нею.

— Что же?

Она произнесла это слово холоднымъ вопросительнымъ тономъ.

— Государыня, — возразилъ Жильбертъ, внезапно рѣшившійся узнать истину: — Беатриса здѣсь съ вами или нѣтъ? Я имѣю право это знать.

— Право? — спросила королева.

Нельзя было ошибиться тогда относительно тона королевы, но Жильбертъ не былъ этимъ пораженъ.

— Да, — отвѣтилъ онъ, — вы знаете, что я имѣю право.

Не говоря ни слова, Элеонора покинула его и удалилась въ глубокой мракъ.

Минуту спустя, Жильбертъ увидѣлъ возлѣ высокой фигуры Элеоноры силуэтъ двухъ женщинъ. Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, но тотчасъ же остановился, такъ какъ не могъ возобновить вопроса въ присутствіи придворныхъ дамъ королевы.

Когда онъ болѣе не могъ ее видѣть въ темнотѣ, то возвратился назадъ. Пьяные солдаты удалились, чтобы присоединиться къ другимъ въ какой нибудь тавернѣ по ту сторону церкви, и улица опустѣла. Въ этотъ моментъ луна въ своей послѣдней четверти поднялась надъ восточными горами и бросала задумчивый свѣтъ на деревню съ разбросанными хижинами. Полный предчувствій относительно таинственного молчанія королевы и глубоко опечаленный встрѣчею множества пьяныхъ, Жильбертъ медленно взбирался на холмъ и направился къ своему жилищу близъ церкви.

Онъ провелъ тревожную ночь, и утрення заря привела его къ открытому окну съ тѣмъ желаніемъ, какое испытываетъ каждый человѣкъ послѣ тревожнаго дня и тяжелого сна, — найти чистое свѣжее небо, какъ будто ничего не случилось, и все совершившееся исчезло, какъ должно стереться написанное на восковой дощечкѣ, прежде чѣмъ будетъ начертано другое посланіе, Жильбертъ слушалъ утренній шумъ — пѣніе пѣтуховъ, лай собакъ, оклики крестьянъ, привѣтствовавшихъ другъ друга, и съ благодарностью вдыхалъ утренній воздухъ, не стараясь понять, чего желала отъ него королева.

XIII.

Съ того дня, какъ государи Франціи и Гвіены, соединившись, взяли изъ рукъ Бернара красный крестъ, крестовый походъ сдѣлался совершившимся фактомъ. Но приготовленія еще не были окончены. Мужчины поднялись, и время пришло; во всякомъ случаѣ много времени еще должно было протечь, прежде чѣмъ клервосскій аббатъ далъ Европѣ окончательный толчекъ, и арміи короля и королевы, а такъ же Конрада, который никогда не долженъ былъ короноваться римскимъ императоромъ, могли начать походъ, отчаянный, трудный и утомительный. Изъ Везлея великій проповѣдникъ отправился прямо ко двору Конрада, повинувся интересамъ вѣры, для славы Божіей и безъ угрызений совѣсти.

Однако его сонъ и бодрствованіе были нарушаемы смутными призраками разрушенія и пораженія. Онъ видѣлъ толпы въ беспорядкѣ, безвольныхъ королей, начальниковъ, склонныхъ къ повиновенію, а не къ предводительству. Когда ему приходилось проповѣдывать и вдыхать пламя вѣры сквозь человѣческую грубость, онъ всегда ощущалъ тяжелое предчувствіе, пока это пламя не дѣлалось широкимъ, высокимъ и ненасытнымъ; тогда къ нему являлось въ тревожномъ одиночествѣ смертельное воспоминаніе о беспорядочныхъ отрядахъ Петра Отшельника, преслѣдуемыхъ, побѣжденныхъ, раздавленныхъ и превращенныхъ въ груды костей во время кроваваго сраженія съ ордами сельджуковъ.

Сколько разъ онъ говорилъ себѣ, что Петръ не былъ воиномъ, и люди сильнѣе и ученѣе его выиграли бы то, что ему не удалось, и что воспоминанія о страшной ярости Готфрида, разумной отвагѣ Раймунда и о великихъ подвигахъ рыцарскаго Танкреда были болѣе, чѣмъ одержанная побѣда. Однако, глубоко понимая человѣческія силы, онъ чувствовалъ, что воины настоящаго времени не были тѣми великими рыцарями, которые усмирили императора востока и научили дрожать Арслана. Дѣйствительно это была Божья воля, что туда отправилась еще громадная армія; но ни Бернаръ, никто другой не могъ сказать, что въ этой волѣ неба было общаніе побѣды. Тѣ, кто первые рѣшились побѣдить или умереть, должны всегда оставаться одни; тѣ, кто идутъ вслѣдъ за нимъ, подражаютъ имъ, пользуются ихъ усиліями или находятъ развалины, посѣяныя на опустошенной тропѣ побѣды. Пусть они дѣлаютъ, что могутъ, но ихъ вѣра да будетъ всегда возвышенна и чиста; они никогда не сумѣютъ испытать чудесную экзальтацію души того, кто первый имѣлъ мысль исполнить великій и божественный подвигъ, о которомъ никто еще не думалъ.

Время измѣнилось въ теченіе сорока лѣтъ. Современный свѣтъ преобразовался интересами массъ, но прежній свѣтъ переживалъ

эволюцію, согласно честолюбію меньшинства, и перерожденіе началось въ эпоху Бернара, когда горнило XI вѣка распространило свои расплавленныя силы на вселенную, чтобы и снова охладиться, утвердившись въ формѣ національностей, группированныхъ въ индивидуальностяхъ. Было менѣе толчковъ, но болѣе твердости; тутъ и тамъ болѣе силы, но въ общемъ менѣе огня; и по мѣрѣ того, какъ интересы каждаго сталкивались и укрѣплялись, успѣхъ всемірнаго возстанія или общаго усилія къ вѣрѣ уменьшился. Человѣчество идетъ на западъ вмѣстѣ съ солнцемъ, но его мысли поворачиваются къ блестящему востоку, источнику всѣхъ вѣрованій. Сначала изъ любви къ вѣрѣ люди возобновили свое переселеніе къ мѣсту ихъ происхожденія и отдали кровь своимъ святымъ мѣстамъ. Слѣдующее поколѣніе отдало деньги для чести своего Бога; но затѣмъ, роковымъ образомъ память стерлась, вѣра оледенѣла, вѣрованія вымерли, и новая раса, болѣе утонченная и возвышенная, но также болѣе алчная, не дастъ ни золота, ни крови, хотя будетъ шептать молитвы въ надеждѣ будущей жизни.

Жильбертъ Вардъ вмѣстѣ съ другими предпринялъ великій исходъ съ довѣріемъ и горячей вѣрой. Когда-то онъ наносилъ удары шпаги, защищая себя или изъ мести; онъ однажды только сражался въ Италіи чисто изъ любви къ сраженіямъ, изъ простаго животнаго удовольствія, какое испытываетъ сильный сѣверный человѣкъ, когда колетъ и рубитъ. Недавно въ Везлеѣ онъ боролся съ толпою пьяныхъ негодяевъ ради безопасности женщины, но онъ не извѣдывалъ ложнаго и звѣрскаго наслажденія убивать людей, чтобы угодить Богу.

Когда крестовый походъ началъ свой длинный путь, Жильбертъ еще не видѣлъ Беатрисы, тѣмъ болѣе, что, несмотря на слова королевы, онъ не имѣлъ очевидныхъ доказательствъ пребыванія молодой дѣвушки во Франціи. Элеонора держала его въ отдаленіи въ тѣ мѣсяца, которые протекли между проповѣдью Бернара въ Везлеѣ и отбытіемъ арміи, и онъ оставался одинокимъ, такъ какъ былъ скорѣе рыцарь, чѣмъ оруженосецъ, хотя еще не получилъ рыцарства. Онъ не хотѣлъ просить его у королевы, опасаясь, чтобы это не походило на выпрашиваніе вознагражденія, котораго она не предложила ему добровольно. Однажды ночью, когда Жильбертъ былъ одинъ въ своей комнатѣ, къ нему вошелъ человѣкъ, закутанный въ плащъ съ капишономъ, и положилъ предъ нимъ тяжелый свертокъ, завязанный въ шелковый платокъ, повидимому, женскій. Этотъ человѣкъ вышелъ, прежде чѣмъ Жильбертъ имѣлъ время задать ему вопросъ. Въ платкѣ находился кошелекъ, полный золота, и хотя молодой человѣкъ въ это время безусловно въ немъ нуждался, онъ долго разсматривалъ это золото съ изумленнымъ видомъ.

Сначала ему казалось почти навѣрнымъ, что деньги пришли отъ королевы, но, когда онъ вспомнилъ ея холодность со времени похождения въ Везлеѣ и его безуспѣшныя старанія привлечь на себя ея вниманіе, его убѣжденіе ослабло, и онъ сталъ считать возможнымъ, что этотъ подарокъ явился изъ другого источника. Какъ поступали въ то время и многіе дѣлаютъ теперь, онъ могъ бы съ благодарностью принять это счастье, найденное имъ на своей дорогѣ, не справляясь слишкомъ строго, выигралъ онъ его или нѣтъ. Однако онъ колебался, повернулъ свертокъ и увидѣлъ на печати девизъ ширингскаго аббата, и онъ поблагодарилъ Бога, что тотъ послалъ ему такого друга.

Такъ какъ привычка жить одинокимъ сдѣлала его наблюдательнымъ и разсудительнымъ, онъ спросилъ себя, дѣйствительно ли онъ любилъ Беатрису. Онъ слышалъ, какъ мужчины говорятъ о любви, слышалъ, какъ поютъ любовныя пѣсни страстнаго и пылкаго вѣка, и ему казалось, что онъ никогда не будетъ въ состояніи отыскать въ своемъ сердцѣ и душѣ аккордовъ, соответствующихъ этой музыкѣ. Для него это воспоминаніе было скорѣе сокровищемъ, чѣмъ мотивомъ энергіи, и хотя онъ любилъ переживать мечтою пріятные часы своей юности и всегда вызывать невыразимый образъ молодой дѣвушки въ этой странѣ грезъ, хотя онъ слышалъ ея голосъ и могъ почти вообразить, что прикасается къ маленькой ручкѣ Беатрисы,—все это было безконечно сладко и нѣжно, но болѣе воображаемое, чѣмъ реальное. Онъ находилъ въ этомъ скорѣе удовлетвореніе, чѣмъ желаніе. И, конечно, достаточно было одного имени Беатрисы, чтобы вызвать его изъ Рима въ надеждѣ видѣть ее, но онъ не приложилъ никакого старанія, чтобы узнать правду.

Затѣмъ надо было думать объ окончательныхъ приготовленіяхъ, примѣрять доспѣхи, позаботиться о тысячахъ необходимыхъ вещей для путешествія, объ исправленіи сѣдла и повода, а также о сотнѣ различныхъ мелочей, въ которыя долженъ входить рыцарь и воинъ. Затѣмъ послѣдовали первые шаги къ востоку чрезъ незнакомыя разнообразныя страны, лагеря на высотахъ Меца, дни скитанія по старинному городу, когда-то римской крѣпости... Въ продолженіе всего этого времени Жильбертъ едва видѣлъ королеву, хотя часто встрѣчалъ короля, поглощеннаго религіозной церемоніей въ новой церкви св. Винцента, такъ какъ большой соборъ даже еще не былъ начатъ въ эту эпоху. Наконецъ, въ день выступленія, утромъ, королевская армія собралась еще до зари у церкви, дворъ и болѣе могущественные рыцари находились внутри, громадная толпа вооруженныхъ людей, лакеи и слуги были на открытомъ воздухѣ, на площади. Но Жильбертъ смѣло прошелъ среди высшей аристократіи Франціи и Гвіены и всталъ на кояѣни въ сторонѣ, полуосвѣщенной маленькими лампадами, висѣвшими подъ возвышен-

ными сводами. Цѣлый лѣсъ восковыхъ свѣчей, горѣвшихъ на алтарѣ боковыхъ придѣловъ, распространялъ мягкій свѣтъ на темныхъ лицахъ и фигурахъ, покрытыхъ кольчугами и плащами. Въ темнотѣ съ хоръ раздавалось звонкое пѣніе монаховъ и дѣтей хора; съ алтаря голосъ епископа читалъ акаѳистъ св. Кресту, и вскорѣ въ глубокомъ молчаніи были подняты очень высоко Святые Дары такъ же, какъ и золотая чаша.

Король съ королевой, стоя рядомъ на колѣняхъ, получили святой хлѣбъ, а за ними придворные и рыцари въ длинной процессіи поочереды приближались, чтобы причаститься, въ то время, какъ надъ ихъ головами народившійся день пробивался сквозь высокія окна. Король и королева оставались на колѣняхъ, сложивъ руки, пока не окончилась обѣдня. Тогда были вынесены штандарты Франціи и Гвіены, знамя св. Георга и Дракона, которые Элеонора должна была вручить своимъ сыновьямъ и сыновьямъ своихъ сыновей, королямъ Англіи, изъ рода въ родъ, и хоръ началъ пѣть «*Vexilla regis prodeunt*» (штандарты короля начали приближаться). Вся громадная и благородная толпа вышла съ помпой изъ церкви, распѣвая величественный гимнъ, побѣдоносно раздававшійся, въ то время, какъ среди кипарисовъ, на вершинахъ горъ Азіи вороны ожидали близкаго угощенія изъ христіанскаго мяса.

Наконецъ, самое дурное изъ ужаснаго похода миновало, и крестоносцы расположились лагеремъ противъ Константинополя, загрязненные отъ путешествія, изнуренные и полумертвые отъ голода; зато теперь они могли отдохнуть... На большомъ открытомъ и волнистомъ мѣстѣ предъ стѣною, соединявшей Золотой Рогъ съ Мраморнымъ моремъ, раскинулся ихъ лагерь, и многочисленныя палатки были разбросаны неровными линіями такъ далеко, насколько могъ видѣть глазъ. Король, королева Элеонора и нѣкоторые изъ высокопоставленныхъ вельможъ вошли въ городъ и помѣстились въ дворцахъ среди императорскихъ садовъ; но остальная толпа расположилась внѣ стѣнъ города. Нѣмецкая армія первая достигла Босфора, и гдѣ она проходила, тамъ оставила длинный рядъ развалинъ, и ужасъ виталъ надъ всѣми живыми существами. Даже въ Константинополѣ, гдѣ императоръ принималъ нѣмцевъ, какъ своихъ гостей, они воровали, разрушали и сжигали, какъ бы въ непріятельской странѣ, и когда, наконецъ, ихъ убѣдили пройти въ Азію, они оставили великій городъ наполовину разрушеннымъ, — сердце императора почувствовало страшную злобу противъ тѣхъ, кто носилъ крестъ.

По правдѣ онъ былъ терпѣливъ; другой на его мѣстѣ не могъ бы перенести столько, и если онъ убѣдилъ крестоносцевъ подъ ложными предлогами покинуть столицу и выпроводилъ ихъ въ Азію, то онъ смотрѣлъ на это, какъ на единственное средство избавить свой народъ отъ ограбленія и насилія.

Хотя только король и дворъ жили въ стѣнахъ города, но стража городскихъ воротъ не очень строго наблюдала, и многіе изъ рыцарей входили съ своими оруженосцами любоваться прекраснымъ видомъ и, если возможно, посмотрѣть самого императора. Жильбертъ сдѣлалъ, какъ и другіе, и далъ капитану второй военной заставы серебряную монету за разрѣшеніе войти.

Съ перваго взгляда онъ замѣтилъ, что иностранцы были не въ безопасности, когда удалялись отъ главныхъ улицъ. Охрана и безопасность были объявлены каждому солдату, носящему крестъ, и опасеніе жестокаго наказанія было достаточно, чтобы усилить императорскій эдиктъ повсюду, гдѣ находились стражи или солдаты для напоминанія объ этомъ. Но со стороны крестоносцевъ не было строгаго приказанія, и если грубые бургундскіе воины и буйные гвѣнскіе рыцари изъ свиты Элеоноры допускались въ большіе количества, то было бы трудно помѣшать имъ грабить всё богатства, попадавшія имъ подъ руку. Греки слѣдили за ними съ пороговъ своихъ домовъ, а женщины бросались въ верхніе этажи, на маленькіе низкіе закрытые балконы, откуда изъ узкихъ оконъ онѣ могли видѣть улицу. Всякій разъ, когда проходила компанія рыцарей, мужчины тотчасъ же входили въ домъ, а женщины скрывались. Разыскивая направо и налево признака гостепріимной таверны или еще болѣе живой приманки крашенныхъ посредствомъ лавзоніи волосъ, нарумяненныхъ щекъ и подчерненныхъ глазъ, иностранцы видѣли только съ обѣихъ сторонъ бѣлые дома и закрытыя двери. Но когда они проходили, занавѣсы раздвигались, двери открывались, и любопытные взоры разсматривали крупные силуэты, покрытые доспѣхами, ослѣпительные плащи и громадные мечи французовъ съ золотыми рукоятками въ формѣ креста. На улицахъ бѣдняки и тѣ, кого дѣла задерживали весь день внѣ дома, гнѣвно хмурили брови при видѣ самовольно вошедшихъ иностранцевъ. Хотя французы были тише, чѣмъ грубые и жестокіе нѣмцы, ограбившіе городъ за нѣсколько недѣль до того, греки никому болѣе не довѣряли и относились къ иностранцамъ съ опасеніемъ и все болѣе и болѣе недовѣріемъ.

Когда Жильбертъ переступилъ городскія ворота, то увидѣлъ предъ собою три большія дороги, разстилавшіяся отлогостями вдоль холма, на которомъ былъ выстроены городъ.

Обширный и великолѣпный Константинополь раскидывался у его ногъ въ богатомъ безпорядкѣ дворцовъ, церквей и башенъ. Налево спокойныя воды Золотого Рога обрисовывали широкій синій путь, чтобы въ отдаленномъ туманѣ соединиться съ Босфоромъ. Направо Мраморное море ослѣпительно бѣлѣлось подъ утреннимъ солнцемъ тамъ, гдѣ отраженіе этого восхитительнаго зеркала можно было замѣтить между башнями морской стѣны. Воздухъ былъ наполненъ свѣтомъ и колоритомъ, запахомъ послѣднихъ розъ и осен-

нихъ фруктовъ, и вообще всѣ очаровательныя впечатлѣнія этого зрѣлища наполняли волненіемъ душу молодого человѣка. Предъ нимъ вдали надъ уровнемъ города и, повидимому, въ концѣ центральной улицы возвышался на фонѣ синяго неба золотой крестъ собора. Не колеблясь, Жильбертъ избралъ эту дорогу и слѣдовалъ по ней почти около часа, прежде чѣмъ достигъ двери церкви св. Софіи.

Молодой человѣкъ остановился и поднялъ голову; онъ слышалъ разговоры объ этомъ соборѣ и пожелалъ увидѣть его, равно и находившіяся въ немъ сокровища. Но теперь, повинуваясь побужденію, котораго онъ не могъ себѣ объяснить, вмѣсто того, чтобы войти, онъ повернулся на каблукахъ и удалился. Сказалъ ли онъ себѣ, что позже будетъ время посѣтить церковь, или мысль покинуть чудный дневной свѣтъ для мрака низкихъ боковыхъ придѣловъ стариннаго собора была ему непріятна, но эта перемѣна намѣренія, повидимому, была случайная. Онъ продолжалъ итти вдоль валовъ и внѣшнихъ построекъ по крутому спуску съ сѣверно-западной стороны собора. Тамъ, къ его большому удивленію, онъ нашелъ городскую жизнь по обыкновенію дѣятельной, такъ какъ до тѣхъ поръ ни одинъ крестоносецъ не открылъ этой дороги. Приливъ дѣлъ въ этотъ часъ подымался къ рынкамъ и торговымъ домамъ, на сѣверъ отъ которыхъ былъ построенъ самый маленькій дворецъ императора среди тѣнистыхъ садовъ, спускавшихся къ берегу. Жильбертъ былъ унесенъ теченіемъ дѣловыхъ людей, которые, видя одинокаго чужеземца, не стѣняясь толкали его. Онъ былъ слишкомъ уменъ и, можетъ быть, слишкомъ уважалъ себя, чтобы возбуждать уличную ссору, и когда кто нибудь на него налеталъ съ ненужной грубостью, онъ довольствовался тѣмъ, что выпрямлялся и пассивно сопротивлялся. Онъ былъ полонъ силъ и былъ способенъ постоять за себя одинъ противъ многихъ слабосильныхъ грековъ. Однако эта назойливость ему показалась непріятной, и онъ былъ доволенъ, когда его вытолкнули въ узкую улицу между высокими стѣнами, пересѣченную низкимъ закрытымъ мостомъ. Въ противоположномъ концѣ, подъ перевившимися вѣтвями онъ замѣтилъ голубоватый блескъ моря. Онъ послѣдовалъ по этой дорогѣ, надѣясь встрѣтить на концѣ берегъ или прикрытое пространство, гдѣ онъ могъ бы остаться одинъ. Но, къ его великому удивленію, обѣ стѣны были построены на маленькихъ насыпяхъ, вдающихся въ море, закрывая видъ на море съ обѣихъ сторонъ. Глядя предъ собою, онъ увидѣлъ деревья и бѣлые дома отдаленнаго Кальцедона на Мраморномъ морѣ, Кризополисъ же скрывался слѣва. Улица, примыкавшая къ морскому берегу, была около шести футовъ ширины; къ нему была притянута лодка, снабженная веслами и укрѣпленная цѣпью съ кольцомъ, вдѣланнымъ въ каменную стѣну. Въ этотъ узкій проходъ дулъ свѣжій морской

вѣтерокъ, а свѣтлая вода мягко омывала мелкій песокъ и тихо брызгала вдоль боковъ лодки, наполовину сѣвшея на мель.

Жильбертъ оперся рукою на стѣну и посмотрѣлъ вокругъ себя, вдыхая чистый морской воздухъ съ какимъ-то сладострастнымъ наслажденіемъ, и далъ волю своимъ думамъ. Путь къ Константинополю былъ длинный и трудный, и никакая борьба съ людьми не могла сравниться съ долгой борьбой за существованіе, которую крестоносцы перенесли, прежде чѣмъ достигнули его. Казалось, что самый дурной моментъ теперь совершенно прошелъ, и наконецъ удалъ часъ отдыха.

Въ тѣни этого прохладнаго, уединеннаго мѣста, далеко отъ толпы, итальянецъ охотно помечталъ бы половину дня, а житель востока сѣлъ бы съ цѣлью забыть матеріальныя непріятности въ высшей атмосферѣ кейфа. Но Жильбертъ былъ иначе организованъ, лучше закаленъ въ болѣе суровой и холодной сѣверной странѣ, и пружины его жизни не могли такъ легко растянуться. Спустя нѣсколько минутъ, онъ заволновался и сталъ осматриваться, опустивъ руку, опиравшуюся на стѣну.

Обѣ стѣны были крѣпки отъ начала до конца узкаго прохода и превышали въ три раза человѣческой ростъ. На камняхъ, изъ которыхъ были сложены стѣны, виднѣлись слѣды сырости до шести или семи футовъ отъ земли. Это доказывало, что земля по ту сторону стѣнъ была гораздо выше. Деревья, виднѣвшіяся надъ стѣнами, принадлежали къ тѣмъ, которыя растутъ въ восточныхъ садахъ—съ одной стороны кедры Ливанскія, а съ другой—смоковницы; легкій вѣтерокъ доносилъ до Жильберта благовонный запахъ молодыхъ незрѣлыхъ апельсинъ.

Ему пришла въ голову мысль, что этотъ узкій переулочекъ раздѣляетъ императорскіе сады, и что стѣны выдавались далеко въ море, съ цѣлью остановить вторженіе назойливыхъ посѣтителей. Одинъ конецъ цѣпи, удерживавшей лодку, былъ прикрѣпленъ къ кольцу, продѣтому у носа лодки, другой удерживался на кольцѣ, придѣланномъ къ каменной стѣнѣ, грубымъ висячимъ замкомъ, употребленіе котораго въ Азіи относится ко времени Александра.

Жильбертъ слышалъ чудесные разсказы о константинопольскихъ садахъ и огорчился при мысли, что находится такъ близко отъ нихъ и въ то же время не можетъ туда попасть. Онъ попробовалъ оторвать цѣпь отъ носа лодки, но, не успѣвъ въ этомъ, попытался сломать замокъ; однако желѣзо было очень крѣпко, а замокъ оказался проченъ. Впрочемъ цѣпь была слишкомъ коротка, чтобы дать возможность челноку доплыть до конца стѣны, если бы его спустить. Мысль взглянуть на садъ сдѣлалась неотступной, какъ только онъ открылъ серіозныя затрудненія и убѣдился, что лодка не можетъ ему служить помощью. Онъ готовъ былъ рискнуть жизнью и цѣлостью членовъ своего тѣла, лишь бы осуществить свою

фантазію. Однако нѣсколько минутъ размышленія заставили его понять, что это предпріятіе представляетъ большую опасность, такъ какъ охрана сада была строгая. Фундаментъ, на которомъ сложена была стѣна, былъ нѣсколько пальцевъ выше уровня воды и достаточно широкъ, чтобы служить Жильберту опорой, если бы онъ могъ только держаться, стоя около стѣны, съ помощью одного изъ весель. Жильбертъ попробовалъ пройти съ предосторожностью, ставя одну ногу за другой и упираясь весломъ въ противоположную стѣну. Онъ ни на минуту не задумался, что тайное вторженіе въ садъ императора разсматривается, какъ преступленіе. Въ нѣсколько минутъ онъ достигъ края стѣны и вступилъ на землю по другую сторону стѣны.

Три маленькихъ террасы вмѣсто ступенекъ вели отъ берега моря до уровня сада, наполненнаго толстыми тѣнистыми деревьями. Хотя стояли первые дни августа, но каждая терраса была покрыта цвѣтами различнаго оттѣнка—розоваго, свѣтло-желтаго и блѣдно-голубого. Никогда Жильбертъ не видѣлъ такихъ красивыхъ цвѣтовъ. Когда по узкимъ ступенямъ, выведеннымъ вдоль стѣны, онъ очутился на прекрасной площадкѣ, простиравшейся на тридцать шаговъ и усыпанной бѣлымъ пескомъ, на которомъ не позволялось лежать ни одному сухому листу, то увидѣлъ подъ зелеными деревьями скамью изъ мха, которая казалась зелено-бархатной подъ лучами солнца, пробивавшагося чрезъ листву. Вдали, между стволами деревьевъ виднѣлись блестящія бѣлыя мраморныя стѣны. Жильбертъ нѣсколько колебался, затѣмъ медленно приблизился къ моховой скамьѣ. До сихъ поръ онъ не замѣтилъ въ саду никакихъ слѣдовъ живого существа; но по мѣрѣ приближенія онъ сталъ замѣчать маленькую свѣтлую точку, которая, повидимому, была не чѣмъ инымъ, какъ уголкомъ полы темно-синяго плаща, находящагося у подножья толстаго дерева. Кто-то сидѣлъ тамъ. Онъ сталъ приближаться съ предосторожностью, почти не производя шума, пока не удостовѣрился, что это была дама. Она сидѣла на землѣ и была поглощена чтеніемъ книги. Онъ не помнилъ, чтобы ему приходилось во всю свою жизнь слышать о другихъ женщинахъ, умѣвшихъ читать, какъ только о двухъ: одна изъ нихъ была королева Элеонора, другая Беатриса — одинокій ребенокъ, покинутый въ уединенномъ отцовскомъ замкѣ; она научилась кое-чему отъ капеллана и любила пробѣгать нѣкоторыя рукописи въ библіотекѣ замка.

Жильбертъ Вардъ родился столь же хорошимъ охотникомъ, какъ и вонномъ, и лишь только его палецъ сдѣлался настолько сильнымъ, что могъ натягивать тетиву лука, онъ уже преслѣдовалъ по лѣсамъ оленей.

Шагъ за шагомъ, отъ дерева къ дереву онъ приближался съ кошачьими ухватками, испытывая отъ своей ловкости почти дѣтское удовольствіе. Черезъ минуту дама пошевелилась, но для того,

чтобы посмотрѣть въ противоположную сторону. Наконецъ, когда онъ уже находился отъ нея въ двѣнадцати шагахъ, скрытый только тонкой вѣточкой, она взглянула прямо на него, и свѣтъ упалъ на ея лицо. Онъ зналъ, что эта дама его видитъ, и, однако, если бы дѣло шло о спасеніи его жизни, онъ не смѣлъ двинуться, такъ какъ дама была Беатриса. Несмотря на ихъ долгую разлуку, несмотря на перемѣну, происшедшую въ молодой дѣвушкѣ, онъ зналъ, что не ошибся, такъ какъ черные глаза, пристально смотрѣвшіе на него, говорили ему, что его тоже узнали. Они не выражали ни страха, ни удивленія, а на ея лицѣ показалась милая улыбка. Онъ былъ такъ счастливъ видѣть ее, что мало думалъ, или даже совсѣмъ не думалъ объ ея впечатлѣніи. Она не была красавицей въ обыкновенномъ смыслѣ слова, и безъ ея подвижнаго выразительнаго лица она едва ли могла назваться хорошенькой въ присутствіи королевы Элеоноры и большинства ея трехсотъ придворныхъ дамъ. Ея чело было скорѣе круглое и полное, чѣмъ классическое, а густыя черныя брови, слегка изогнутыя и сближенныя, придавали ея лицу нѣкоторую суровость, а самимъ глазамъ почти патетическое выраженіе. Маленькій носъ, совсѣмъ неправильной формы, и слегка приподнятыя ноздри придавали ея лицу своеобразный видъ независимости и любопытства. Широкій ротъ прекрасной формы былъ созданъ скорѣе для печальной, нѣсколько горькой улыбки, чѣмъ для веселаго смѣха. Маленькія уши красивой формы полуприкрывались темно-каштановыми волосами, которые въ дѣтствѣ были почти черные; теперь они падали на ея плечи широкими волнами, согласно введенной королевой модѣ.

Въ это время, какъ Жильбертъ смотрѣлъ на нее неподвижно, молодая дѣвушка встала, и онъ увидѣлъ, что она была гораздо меньше ростомъ, чѣмъ онъ думалъ, но гибкаго и нѣжнаго сложенія. Одной рукой онъ поднялъ бы ее съ земли, а обѣими приподнял бы на воздухъ. Это не была прежняя Беатриса, о которой онъ помнилъ, хотя тотчасъ же ее узналъ; это не была болѣе та черноглазая дѣвушка, о которой онъ иногда мечталъ. Теперь это было существо, полное личной жизни и живой чувствительной мысли, быть можетъ, капризное, но очаровательное. Она привлекала къ себѣ совершенно своеобразной прелестью, которой обладала только она.

Нѣсколько испуганная неподвижностью и молчаніемъ Жильберта, она назвала его по имени:

— Что съ вами, Жильбертъ?

Онъ тряхнулъ своими широкими плечами, какъ будто только-что проснулся, и улыбка молодой дѣвушки отразилась на его лицѣ.

По крайней мѣрѣ, ея голосъ не измѣнился, и первый звукъ вызвалъ въ Жильбертѣ любимое съ дѣтскихъ лѣтъ воспоминаніе.

Онъ приблизился, протягивая обѣ руки, которыя Беатриса взяла, когда онъ былъ возлѣ нея, и удержала въ своихъ. Слезинки

показались на ея глазахъ, веселыхъ, какъ цвѣты при паденіи росы, а ея блѣдныя и нѣжныя щеки покрылись краской, похожей на зарю.

Лицо молодого человѣка было спокойно, а сердце билось не торопясь, хотя онъ былъ очень счастливъ. Онъ привлекъ ее къ себѣ, какъ дѣлалъ часто въ дѣтствѣ, и она казалась ему маленькой и легкой. Но, когда онъ хотѣлъ ее поцѣловать въ щеку, какъ дѣлалъ прежде, она быстро выпрямилась. Тогда въ немъ что-то содрогнулось, однако, думая, что причинилъ ей боль, онъ отпустилъ ее и странно засмѣялся. Она еще болѣе покраснѣла; затѣмъ ея румянецъ вдругъ исчезъ, и она отвернулась.

— Какъ я не нашелъ васъ раньше?—сказалъ Жильбертъ нѣжно:—были ли вы съ королевой въ Везлеѣ и во все время пути?

— Да,—отвѣтила Беатриса.

— И вы знали, что я въ арміи,—спросилъ онъ.

— Да,—отвѣчала она,—но я не могла прислать вамъ вѣсточки: королева мнѣ не позволяла.

Она обернулась, какъ бы со страхомъ.

— Если королева узнаетъ, что вы здѣсь, то вамъ будетъ плохо,—прибавила она, отгаливая его отъ себя.

— Королева всегда была ко мнѣ добра,—сказалъ онъ, не отстраняясь отъ нея:—я ей не боюсь.

Беатриса не хотѣла къ нему повернуться и молчала. Онъ также безмолвствовалъ, но старался привлечь ее къ себѣ. Она оттолкнула его руку и покачала головой. Кровь подступила къ его щекамъ, и онъ вспомнилъ, что почувствовалъ нѣчто подобное въ Везлеѣ, когда королева пожала ему руку и поцѣловала его.

— Сядемте здѣсь и поговоримъ,—сказала Беатриса:—мы не видались уже два года.

Она направила къ покрытой мхомъ скамьѣ и сѣла на нее. Онъ стоялъ съ минуту въ нерѣшительности, но не близко отъ нея, какъ бы онъ сдѣлалъ въ прежнія времена.

— Да,—сказалъ онъ задумчиво,—прошло два года. Надо ихъ забыть.

— И между нами, какими мы были, и какіе мы теперь, есть нѣчто большее, чѣмъ время,—промолвила молодая дѣвушка.

— Да!—произнесъ Жильбертъ.

Онъ замолчалъ, и мысли его сосредоточились на матери; онъ зналъ, что Беатриса тоже думала о ней и о своемъ отцѣ. Онъ не предполагалъ, что этотъ бракъ могъ такъ же ужасно поразить Беатрису, какъ его, и что она такъ же много потеряла вслѣдствіе этого брака, какъ и онъ.

— Скажите мнѣ, отчего вы покинули Англію?—спросилъ Жильбертъ молодую дѣвушку.

— А вы... отчего вы оставили свой домъ?

При этихъ словахъ она обернулась къ нему, и на ея лицѣ показалась печальная улыбка, обычная на ея лицѣ.

— У меня не было болѣе дома,—отвѣтилъ онъ серьезно.

— А развѣ у меня былъ? Какъ могла я жить съ ними?—возразила она.—Нѣтъ, какъ могла я жить съ ними, зная, что мнѣ было извѣстно. Я даже ненавидѣла ихъ прежнюю доброту ко мнѣ.

— Развѣ они обращались съ вами дурно?—спросилъ Жильбертъ.

Глубокіе глаза Жильберта померкли, когда встрѣтились съ ея взоромъ, и его слова медленно и ясно падали съ его губъ, какъ первыя капли грозового дождя.

— Не сначала. Они пріѣхали въ замокъ, гдѣ оставили меня совсѣмъ одну послѣ своей свадьбы,—отвѣтила молодая дѣвушка:—и мой отецъ сказалъ мнѣ, что я должна называть лэди Года матерью. Она обняла меня такъ, какъ будто она любила меня, благодаря ему.

Жильбертъ задрожалъ и стиснулъ зубы; въ то же время онъ, соединивъ руки на колѣняхъ, ожидалъ услышать большее. Беатриса поняла его чувство и замѣтила, что невольно огорчила его.

— Простите, — сказала она: — я не должна была говорить объ этомъ.

— Нѣтъ,—возразилъ Жильбертъ суровымъ голосомъ:—продолжайте. Я ничего не чувствую, уже давно я ничего не чувствую. Сначала скажите, были ли они къ вамъ добры.

— Да,—продолжала она, глядя въ сторону,—они были добры, когда они вспоминали объ этомъ, но они часто забывали. Впрочемъ, трудно было относиться къ нимъ съ уваженіемъ, когда я узнала, какъ они добились вашего наслѣдства, и какъ она допустила васъ покинуть Англію и странствовать по свѣту. Кромѣ того, прошедшій годъ я вдругъ почувствовала, что я женщина и не могу долѣе переносить этого положенія, видя, какъ она ненавидитъ меня. А когда у нихъ родился сынъ, то мой отецъ возсталъ противъ меня и угрожалъ запретить меня въ монастырь. Тогда я убѣжала изъ дома въ тотъ день, какъ онъ отправился въ Стокъ, а лэди Года спала въ своей комнатѣ. Конюхъ и моя служанка, способствовавшіе моему бѣгству, отправились со мною, такъ какъ отецъ приказалъ бы ихъ повѣсить, если бы они остались. Я бѣжала къ императрицѣ Матильдѣ, въ Оксфордъ. Вскорѣ послѣ этого въ письмѣ къ императрицѣ королева Франціи говорила, что меня могутъ прислать къ французскому двору, если я желаю. Въ этомъ желаніи королевы есть что-то, чего я не могу понять.

Она перестала говорить, и въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ Жильбертъ оставался возлѣ нея безмолвнымъ, не потому что ему нечего было сказать, но наоборотъ изъ боязни сказать слишкомъ.

— Такъ вы были въ Везлеѣ,—сказалъ онъ наконецъ:—однако я искалъ васъ повсюду и не могъ увидѣть.

— Какъ вы это узнали?—спросила Беатриса.

— Мнѣ объ этомъ написала королева, — отвѣтилъ онъ, — и я прѣхалъ изъ Рима.

— Понимаю, — сказала молодая дѣвушка спокойно.

— Что вы понимаете?—спросилъ онъ.

— Я понимаю, почему она помѣшала мнѣ видѣть васъ, — отвѣтила Беатриса:—хотя вы были вблизи меня почти цѣлый годъ.

Она удержала вздохъ, затѣмъ снова взглянула на воду.

— Я тоже хотѣлъ бы понять, — отвѣтилъ Жильбертъ съ отрывистымъ смѣхомъ.

Беатриса тоже засмѣялась, но съ различнымъ тономъ.

— Какъ вы наивны!—воскликнула она.

Жильбертъ быстро взглянулъ на нее, такъ какъ ни одинъ мужчина, старый или молодой, не любитъ выслушивать отъ женщины, молодой или старой, что онъ наивенъ.

— Поистинѣ, мнѣ кажется, что вы не очень ясно говорите, — сказалъ онъ.

Очевидно Беатриса не была убѣждена, что онъ говоритъ чистосердечно, такъ какъ она посмотрѣла на него продолжительно и серьезно.

— Уже такъ давно мы не встрѣчались, — сказала она:—что я не совсѣмъ увѣрена въ васъ.

Она откинула назадъ голову и, полузакрывъ вѣки, обвела взглядомъ лицо Жильберта. На ея губахъ блуждала неопредѣленная улыбка.

— Впрочемъ, — прибавила она, наконецъ поворачиваясь: — не можетъ быть, чтобы вы были такъ наивны.

— Подъ словомъ «наивны» вы подразумѣваете «глупы», или хотите сказать «неучены»?

— Ни то, ни другое, — отвѣтила она, не глядя на него. — Я хочу сказать, что вы невинны.

— О!

Жильбертъ произнесъ это восклицаніе выразительнымъ тономъ, обозначавшимъ скорѣе изумленіе, чѣмъ удивленіе. Ни за что на свѣтѣ онъ не могъ понять ея словъ. Видя ея нежеланіе ихъ разъяснить и чувствуя себя неловко, совершенно естественно онъ перенесъ атаку на иную почву.

— Вы измѣнились, — сказалъ онъ холодно. — Я полагаю, что вы окончили вашъ ростъ, какъ это называютъ.

Въ продолженіе минуты Беатриса ничего не говорила, но ея губы тряслись, какъ будто удерживая улыбку; затѣмъ, будучи не въ состояніи долѣе сдерживаться, она разразилась смѣхомъ.

— Я не могу того же сказать о васъ, — возразила она наконецъ:—вы навѣрно еще не кончили расти.

Это менѣе понравилось Жильберту, чѣмъ то, что она сказала ранѣе, такъ какъ онъ былъ настолько еще молодъ, что желалъ

казаться старше. На этотъ смѣхъ онъ отвѣтилъ презрительнымъ взглядомъ. Она была слишкомъ женщиной, чтобы не понять наступившаго момента, который давалъ возможность убѣдиться въ истинѣ, захвативъ Жильберта врасплохъ.

— Съ какого времени любите васъ королева?—спросила Беатриса внезапно.

И въ то время, какъ молодая дѣвушка дѣлала видъ, что на него не смотритъ, она наблюдала каждую черту его лица и замѣтила бы даже движеніе рѣсницы, если бы ей не пришлось видѣть ничего другого. Но Жильбертъ дѣйствительно былъ изумленъ и воскликнулъ:

— Королева!.. Королева меня любить, но... Не потеряли ли вы рассудокъ?..

— Ничуть!—сказала она спокойно:—Объ этомъ идетъ слухъ при дворѣ. Говорятъ, король ревнуетъ васъ...

Она засмѣялась.. на этотъ разъ весело, видя, что въ дѣйствительности нѣтъ и мысли о правдѣ. Затѣмъ она вдругъ сдѣлалась серьезной, такъ какъ ей пришло въ голову, что она, быть можетъ, совершила неосторожность, вложивъ ему въ голову эту мысль.

— По крайней мѣрѣ, — поправила она, —объ этомъ говорили въ прошломъ году.

— Вы совсѣмъ съ ума сошли, —отвѣтилъ онъ, не улыбаясь.— Я не могу допустить, что такая абсурдная идея могла вамъ прійти въ голову. Прежде всего королева никогда не захотѣла бы взглянуть на бѣднаго англичанина, какъ я...

— Я вызываю на бой все равно, всякую женщину, которая вами ни любовалась бы, —сказала Беатриса.

— Почему?—спросилъ онъ съ любопытствомъ.

— Вы спрашиваете чистосердечно, или это опять наивность?

— Я полагаю, и то и другое, —отвѣтилъ Жильбертъ оскорбленнымъ тономъ. —Вы очень умны.

— О, нѣтъ! — воскликнула она. — Умъ совсѣмъ другое.

Затѣмъ она перемѣнила тонъ, и ея лицо особенно смягчилось, когда она взяла его за руку.

— Я очень рада, что вы не вѣрите этому, —сказала она, —и въ особенности не хотите, чтобы васъ находили красивымъ. Но я думаю, королева дѣйствительно васъ любитъ, и если она прислала за мною въ Англію, то просто съ цѣлью привлечь васъ во Францію. Очевидно, она не могла знать...

Она не окончила, и онъ, естественно, спросилъ, что она намѣрена была сказать, и настаивалъ, желая узнать.

— Королева не могла знать, —сказала она наконецъ, —что встрѣтятся каждый изъ насъ покажется такъ чуждъ другому.

— Я вамъ кажуся такимъ чуждымъ? —спросилъ онъ печальнымъ голосомъ.

— Нѣтъ,— отвѣтила она,—наоборотъ. Я вижу, что вы ожидали увидѣть меня совершенно другой.

— Поистинѣ, нѣтъ! — воскликнулъ Жильбертъ съ оттѣнкомъ негодованія. — По крайней мѣрѣ, — прибавилъ онъ второпяхъ, — если бы я и думалъ что нибудь подобное, то я никакъ не ожидалъ найти васъ хотя на половину такой хорошенькой, на половину...

— Если бы вы думали о чемъ нибудь подобномъ... — прервала его смѣясь Беатриса.

— Вы хорошо знаете, что я хочу сказать,—произнесъ онъ, раздосадованный своей нетактичностью.

— О! да, конечно, знаю...—отвѣтила она:— вы смущены.

— Если мы будемъ только ссориться, то я сожалью, что пришелъ сюда.

Снова она перемѣнила тонъ, но на этотъ разъ не дотронулась до его руки. Въ ожиданіи онъ надѣялся, что она это сдѣлаетъ, и былъ странно разочарованъ.

— Ничто не можетъ меня оскорбить! Вы не знаете, какъ я старалась увидѣть васъ въ теченіе прошлаго года! — воскликнула молодая дѣвушка.

— Развѣ вы не могли написать мнѣ одно слово? — спросилъ онъ.

— Я—узница,—отвѣтила она серіознѣе,— и не слѣдуетъ, чтобы королева застала васъ здѣсь, но нечего опасаться, дворъ отправился въ соборъ къ обѣднѣ.

— Почему же васъ оставили? — спросилъ Жильбертъ.

— Мнѣ всегда говорятъ, что я не достаточно сильна, въ особености, когда я могу имѣть случай увидѣть тамъ васъ. Съ тѣхъ поръ, какъ меня привезли изъ Англїи, я никогда не имѣла разрѣшенія быть съ другими на придворныхъ собранїяхъ.

— Вотъ отчего я не видалъ васъ въ Везлеѣ, — сказалъ онъ, внезапно понявъ все.

Для него понять было то же, что дѣйствовать. Онъ могъ бы встрѣтить затрудненія убѣдить себя на досугѣ, что онъ серіозно влюбленъ въ Беатрису; но, захваченный внезапно, врасплохъ, онъ не имѣлъ самаго легкаго сомнѣнїя относительно того, что онъ долженъ дѣлать. Прежде чѣмъ она отвѣтила на его послѣднїя слова, онъ всталъ, схватилъ ее за руку и увлекъ за собою.

— Пойдемте!—воскликнулъ онъ.— Я легко могу васъ вывести по дорогѣ, которая привела меня сюда. Черезъ нѣсколько минутъ вы будете такъ же свободны, какъ и я!

Но, къ его большому удивленію, Беатриса, казалось, скорѣе была расположена насмѣхаться надъ нимъ.

— Куда мы пойдемъ? — спросила она, отказываясь покинуть свое мѣсто.— Насъ поймаютъ прежде, чѣмъ мы достигнемъ городскихъ воротъ.

— А кто смѣетъ насъ тронуть?—спросилъ Жильбертъ съ негодованіемъ. — Кто осмѣлится поднять на васъ руку?

— Вы храбры и сильны,— отвѣтила Беатриса,— однако вы не армія, тогда какъ королева... Но вы не хотите вѣрить, что я говорю.

— Если королева когда либо имѣла желаніе видѣть мое лицо, ей только стоило прислать за мною. Уже три недѣли тому назадъ я ее видѣлъ на разстояніи пятисотъ шаговъ.

— Она сердита на васъ,— отвѣтила молодая дѣвушка,— и думаетъ, что вы захотите ее видѣть и будете искать какое нибудь средство видѣть ее.

— Но,— возразилъ Жильбертъ,— если ея намѣреніе было воспользоваться вашимъ именемъ, чтобы я возвратился изъ Рима, ей было бы достаточно написать мнѣ объ этомъ безъ того, чтобы вызывать васъ.

— Развѣ она знала, что мнѣ неизвѣстно, гдѣ вы были? Посланный отъ меня могъ обнаружить ея ложь.

— Это правда, — сознался Жильбертъ. — Но не все ли равно, разъ мы встрѣтились?

— Да, все равно!

Жильбертъ и Беатриса инстинктивно и взаимно задали тотъ же самый вопросъ, не отвѣчая на него, такъ какъ разыскали другъ друга. Они могли бы вести свое существованіе разлученными всю свою долгую жизнь, сохраняя одинъ о другомъ простое воспоминаніе, но, найдя другъ друга въ нити ихъ судьбы, они должны побѣдить или умереть.

Этотъ разговоръ естественно привелъ ихъ къ прежнимъ воспоминаніямъ, а общее прошедшее есть первый изъ элементовъ продолжительной любви, хотя бы это прошедшее могло существовать лишь нѣсколько дней. Влюбленные возвращаются къ этому прошедшему, какъ къ исходной точкѣ ихъ жизни. Молодой англичанинъ и юная дѣвушка дѣйствительно жили общей жизнью въ продолженіе цѣлыхъ годовъ, прежде чѣмъ свалилось на нихъ общее несчастіе. Послѣ долгой разлуки они испытывали въ своей встрѣчѣ рѣдкое наслажденіе возобновленной дружбы и въ то же время еще болѣе рѣдкое очарованіе — найти новое знакомство въ прежнихъ друзьяхъ. Но, кромѣ узъ привычки и привлекательности интереса, только что пробужденнаго, было что-то могущественное, не имѣющее еще названія, на чемъ нравственный міръ вертится цѣлые вѣка, какъ земной шаръ обращается на своихъ полюсахъ къ солнцу,— все еще надѣяться, несмотря на неудачи, все еще жить послѣ смерти, все еще и всегда любить, даже потерявъ жизнь.

Оба сидѣли рядомъ и разговаривали, потомъ молчали, затѣмъ снова начинали разговоръ, понимая другъ друга и счастливые тѣмъ, что могли понимать еще болѣе. Солнце стояло высоко и падало

сквозь колеблющіеся листья капризными лучами свѣта. Издали, съ Босфора, неся надъ легкой зыбью нѣжный сѣверный вѣтерокъ, переполненный запахомъ померанцовыхъ цвѣтовъ съ Азіатскаго берега и благоуханіемъ послѣднихъ розъ съ отдаленнаго Терапія. Между деревьями они могли видѣть бѣлые паруса маленькихъ судовъ, подталкиваемыхъ вѣтромъ въ узкій каналъ. Время отъ времени крашенный парусъ ладьи рыболова вносилъ въ море странно волнующую ноту колорита. Казалось, что время не существовало, такъ какъ вся жизнь была для нихъ, и она была вся предъ ними; протекъ часъ, а они не сказали и половины того, что они хотѣли сообщить другъ другу.

Они говорили о крестовомъ походѣ и о томъ, какъ королева не предоставила выбора дамамъ, приказавъ имъ слѣдовать за нею, какъ владѣтель приказываетъ своимъ вассаламъ итти за нимъ на войну. Триста самыхъ красивыхъ придворныхъ дамъ Франціи, Аквитаніи, Гасконіи, Бургундіи и Прованса должны были носить кольчуги и предводительствовать авангардомъ во время сраженія. До сихъ поръ нѣкоторые изъ нихъ слѣдовали верхомъ, а многія путешествовали въ закрытыхъ носилкахъ, привѣшенныхъ между мулами или положенныхъ на широкія плечи швейцарцевъ. Каждая изъ этихъ дамъ имѣла свою служанку, слугъ и муловъ, тяжело нагруженныхъ принадлежностями красоты: кружевами, шелками и бархатомъ, драгоценностями и душистыми водами, косметиками для лица, сильно дѣйствующими противъ холода и жары. Это была маленькая армія, набранная самой королевой, въ которой красота давала рангъ, а рангъ—могущество. А чтобы триста женщинъ могли путешествовать съ королевой Элеонорой въ самомъ чудесномъ маскарадѣ, какой когда либо видѣли, отрядъ изъ двухъ тысячъ слугъ и носильщиковъ верхами и пѣшкомъ пересѣкъ Европу отъ Рейна до Босфора. Одна мысль объ этомъ была столь нелѣпа, что Жильбертъ не разъ смѣялся про себя, однако, въ сущности, въ этомъ было скорѣе высшее, чѣмъ смѣшное побужденіе. Между этой выдумкой и ея исполненіемъ время тянулось слишкомъ долго, и пылкая кровь смѣлаго вымысла испытывала уже роковую дрожь близкой неудачи.

Смотря на нѣжныя черты и легкія формы сидѣвшей возлѣ него Беатрисы, Жильбертъ чувствовалъ себя огорченнымъ при мысли, что она могла когда нибудь подвергнуться утомленію и несчастію. Но она смѣялась.

— Меня всегда оставляютъ позади въ важныхъ случаяхъ,— сказала она. — Вамъ нечего бояться за меня, такъ какъ навѣрно меня никогда не увидятъ по лѣвую сторону королевы, когда она нападетъ на сельджуковъ. Мнѣ прикажутъ спокойно ожидать въ палаткѣ, пока все окончится. Что я могу подѣлать?

— Вы можете, по крайней мѣрѣ, увѣдомить меня, гдѣ вы находитесь,— отвѣтилъ Жильбертъ.

— Какое удовлетвореніе вы извлечете изъ этого? Вы не можете меня увидѣть; вы не можете прійти ко мнѣ въ дамскій лагерь.

— Если дѣйствительно я это могу, то сдѣлаю, — отвѣтилъ не колеблясь Жильбертъ.

— Рискую не понравиться королевѣ?

— Рискую всѣмъ, — отвѣтилъ онъ.

— Какъ это странно! — воскликнула Беатриса, немного поднявъ брови и улыбаясь съ счастливымъ видомъ. — Сегодня утромъ вы ничѣмъ не рискнули бы, съ цѣлью найти меня, а теперь, когда случай заставилъ насъ встрѣтиться, вы готовы на все, чтобы меня снова увидѣть.

— Есть нѣчто, — возразилъ онъ мечтая, — чего желаешь, почти не зная объ этомъ, пока мечты не стануть намъ доступны.

— И есть нѣчто другое, чего желаешь до тѣхъ поръ, пока не добьешься, и станешь пренебрегать, какъ только имѣешь.

— Что это за нѣчто? — спросилъ Жильбертъ.

— Мужъ, если вѣрить королевѣ Элеонорѣ, — отвѣтила Беатриса сдержаннымъ тономъ: — но я думаю, что она не всегда права.

Въ этотъ осенній полдень, сидя другъ возлѣ друга, они забыли обо всемъ, исключая себя, и вполне не сознавали переменъ, какую это свиданіе должно внести съ этихъ поръ въ ихъ существованіе.

Внезапно туча заволокла солнце, и Беатриса почувствовала дрожь, какъ бы отъ дуновенія близкаго несчастія, въ то время, какъ Жильбертъ сдѣлался вдругъ серьезнымъ и задумчивымъ.

Беатриса посмотрѣла вокругъ себя скорѣе изъ страха, чѣмъ изъ подозрѣнія, какъ дѣлаетъ ребенокъ ночью, когда дрожитъ, слушая сказки о домовыхъ. Обернувшись она замѣтила нѣчто и еще болѣе подалась назадъ, затѣмъ задрожала, съ ужасомъ вскрикнула и, на половину приподнявшись, положила свою руку на руку Жильберта.

Обезпокоенный за нее, онъ выпрямился во весь ростъ при звукѣ ея голоса и въ ту же минуту что-то самъ увидѣлъ и воскликнулъ отъ удивленія. Это было не облако, проходившее между ними и солнцемъ. То была королева, такая, какъ онъ шла отъ обѣдни, въ вышитомъ вуалѣ, придерживаемомъ на головѣ золотыми булавами, особеннымъ образомъ, свойственнымъ только ей. Ея свѣтлые глаза были блестящи и суровы, а на прекрасныхъ губахъ виднѣлось леденящее выраженіе.

— Уже довольно давно я васъ не видѣла, — сказала она Жильберту: — и не думала увидѣть васъ здѣсь... въ особенности... безъ зова.

— И я также, — отвѣтилъ Жильбертъ.

— Развѣ вы пришли сюда въ сонномъ состояніи? — холодно спросила она.

— Можетъ быть, и такъ, какъ вы говорите, ваше величество. Я пришелъ сюда по дорогѣ, которую не могу отыскать.

— Миѣ все равно, найдете ли вы скоро другую, сударь, но только, чтобы вы могли отсюда уйти.

Жильбертъ никогда не видѣлъ королевы серьезно недовольною, и до сихъ поръ она выражала къ нему только доброту.

Онъ выпрямился въ отвѣтъ на ея гнѣвъ, такъ какъ не любилъ и не боялся ея. Взглянувъ на нее, онъ увидѣлъ въ ея глазахъ воспоминаніе о своей матери, которое часто посѣщало его и не разъ возмущало.

— Прошу извиненія у вашего величества за то, что пришелъ сюда безъ приглашенія,—сказалъ онъ медленно.—Однако, я очень радъ, что это сдѣлалъ, потому что нашелъ ту, которую такъ долго держали отъ меня въ отдаленіи.

— Я представляла себѣ вашего кумира настолько измѣнившимся, что вы не могли бы имѣть желаніе его отыскать.

Беатриса съ трудомъ поняла, что хотѣли выразить эти слова, но чувствовала намѣреніе оскорбить ихъ обоихъ; она читала на лицѣ Жильберта, что онъ испытывалъ.

Зная, насколько онъ нравился королевѣ, она не была бы женщиной, если бы не чувствовала въ своемъ сердцѣ волненія побѣды въ то время, какъ находилась возлѣ самаго прекраснаго созданія въ свѣтѣ. Она, хотя блѣдная, хрупкая, съ печальными глазами, была предпочтена единственнымъ мужчиной, выборъ котораго говорилъ о его любви къ ней. Все-таки минутой спустя, она забылась и стала бояться за него.

— Государыня,—сказалъ Жильбертъ очень медленно и очень внятно:—я не хотѣлъ быть неучтивымъ относительно вашего величества такъ же, какъ и относительно другой женщины высшаго или низшаго происхожденія. Никто, развѣ только слѣпой, не пожелаетъ отрицать, что изъ всѣхъ женщинъ вы самая прекрасная, и вы можете бросить въ лицо другимъ дамамъ вашего двора свое превосходство. Но съ тѣхъ поръ, какъ ваше величество пожелали носить мужскіе доспѣхи и рыцарскій мечъ, слѣдуя верхомъ за крестомъ, рядомъ съ норманскими, гвіенскими и французскими рыцарями, я скажу вамъ, не опасаясь быть неучтивымъ, какъ мужчина сказалъ бы это другому мужчинѣ, что ваши слова и дѣйствія менѣе благородны, чѣмъ ваша королевская кровь.

Онъ замолчалъ и спокойно смотрѣлъ ей въ лицо, скрестивъ руки, съ холоднымъ лицомъ и ясными глазами.

Беатриса подалась шагъ назадъ, съ трудомъ переводя дыханіе, такъ какъ смѣло встать въ оппозицію противъ государыни, могущество которой равнялось императорскому, было не такъ просто. Сначала въ ушахъ королевы зазвенѣла кровь, и ея очаровательное лицо побагровѣло, затѣмъ гнѣвъ вспыхнулъ въ ея глазахъ съ темнымъ отблескомъ близкой мести. Но ни одно движеніе не взволновало ея, и она оставалась не подвижна, сжимая себя плащемъ.

Во время этого ужаснаго молчанія оба смотрѣли другъ другу въ лицо въ то время, какъ Беатриса продолжала смотрѣть на нихъ, дрожащая и полумертвая.

У обоихъ не дрогнули даже рѣсницы, и можно было сказать, что судьба всегда поставила ихъ неподвижными подъ сѣнью листьевъ, и только одни ихъ волосы развѣвались свѣжимъ вѣтеркомъ.

Элеонора знала, что ни одинъ мужчина не смотрѣлъ ей такъ прямо въ лицо. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ она почувствовала безусловное довѣріе къ себѣ, въ которомъ никогда еще не было недостатка, увѣренность въ своихъ силахъ, заставлявшую короля искать заступничество за преградой благочестія и молитвы, заносчивость ума и энергію, противъ которыхъ святой человекъ изъ Клерво никогда не могъ найти оружія. И, однако, два глаза норманна были холоднѣе и разъяреннѣе ея, голова его не склонялась, а лицо заледенѣло, какъ маска.

Въ концѣ концовъ она почувствовала, что ея рѣсницы дрогнули, а губы затрепетали: лицо молодого человека странно заволновалось предъ ея взоромъ. Его холодное упорство оскорбило ее, какъ будто она бесполезно ударялась въ скалу; она поняла, что онъ былъ сильнѣе ея, и что она его любила.

Борьба окончилась, ея лицо смягчилось, а глаза опустились. Беатриса ничего не могла понять, такъ какъ разсчитывала, что королева прикажетъ Жильберту покинуть ихъ, и что вскорѣ навѣрно ее постигнетъ месть королевы.

Но вмѣсто того Элеонору, герцогиню Гвиенскую, королеву Франціи, заставилъ покориться молодой воинъ безъ славы, состоянія, маленькій мальчикъ, съ которымъ Беатриса столько разъ играла въ дѣтствѣ.

Минуту спустя, она снова подняла глаза, и на ея лицѣ болѣе не было видно ни слѣда гнѣва. Просто и спокойно она приблизилась къ Жильберту и положила на его локоть свою руку.

— Вы заставили меня высказать то, о чемъ я даже не думала.

Если бы она дѣйствительно произнесла слова прощенія, то не могла бы выразить яснѣе живого сожалѣнія и не произвела бы болѣе сильнаго впечатлѣнія на обоихъ молодыхъ людей.

Лицо Жильберта тотчасъ же смягчилось, а Беатриса успокоилась.

— Я умоляю простить меня, ваше величество,—сказалъ онъ.— Если я говорилъ грубо, то извиненіемъ служить мнѣ то обстоятельство, что это было не ради меня самого. Мы были дѣтьми вмѣстѣ,—прибавилъ онъ, смотря на Беатрису,—мы росли вмѣстѣ, и послѣ долгой разлуки мы встрѣтились случайно. Наши чувства остались тѣ же. Я прошу, какъ милости, чтобы я могъ, не прячась, слова увидѣть г-жу Беатрису.

Королева медленно удалилась и остановилась на нѣкоторое время, смотря на море. Затѣмъ она обернулась, улыбнулась милостиво Жильберту, но не сказала ни слова и вскорѣ покинула ихъ, медленно направляясь ко дворцу, поникнувъ головою.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Французская армія располагалась лагеремъ въ Константинополѣ около трехъ недѣль, и греческій императоръ увотреблялъ всѣ средства, чтобы избавиться отъ этой назойливой толпы, не оскорбляя слишкомъ царственныхъ гостей. Армія Конрада, по его словамъ, одержала большую побѣду въ Малой Азіи. Гонцы, покрытые пылью, пріѣзжали въ Кризополисъ и, переплывъ Босфоръ, появлялись предъ королемъ и королевой Франціи. Они повѣствовали о великихъ и славныхъ воинственныхъ подвигахъ нѣмцевъ противъ невѣрныхъ. Пятьдесятъ тысячъ сельджуковъ утонули въ собственной крови; въ три раза большее ихъ число убѣжало съ мѣста сраженія и разсѣялось, истощенное и раненое въ восточныхъ горахъ, покидая несмѣтныя добычи золота и серебра въ рукахъ христіанъ. Если бы французы пожелали часть крестовыхъ побѣдъ, или надѣялись имѣть долю въ этой великолѣпной добычѣ, то было давно пора пускаться въ путь, чтобы присоединиться къ нѣмцамъ.

Между тѣмъ Людовикъ хотѣлъ оттянуть, чтобы завершить мѣсяцъ молитвъ и благодарственныхъ молебновъ за счастливо совершенный походъ. Многіе изъ его свиты охотно провели бы весело остатокъ времени ихъ пребыванія на очаровательныхъ берегахъ Босфора и Золотого Рога, но королева устала отъ слишкомъ долгаго предисловія неизданной исторіи ея арміи. Она становилась нетерпѣливой, перешла на сторону греческаго императора и вѣрила всей лжи, какою его снабжало воображеніе. Такимъ образомъ эта громадная толпа была переправлена въ Азію на баркахъ и подвигалась быстрымъ переходомъ къ Никейской долинѣ. Крестоносцы раскинули свой лагерь близъ Асканійскаго озера и ожидали нѣмцевъ, когда курьеры принесли имъ извѣстіе, что нѣмецкій императоръ желаетъ сдѣлать Никею мѣстомъ свиданія. Но эти курьеры были всѣ греки, заинтересованные обмануть французовъ, которые много дней напрасно его ожидали, отбирая въ странѣ все, что

только могли взять, хотя она была подъ владычествомъ христіанъ, и никто изъ жителей не могъ защищать своего имущества противъ крестоносцевъ.

Среди французовъ было много такихъ важныхъ вельможъ, простыхъ рыцарей или бѣдныхъ оруженосцевъ, которые считали смертнымъ грѣхомъ не взять съ чужеземца чего нибудь, не заплативъ ему. Они явились изъ любви къ вѣрѣ, будутъ сражаться за вѣру, ожидая единственнаго вознагражденія отъ вѣры. Однако, такъ какъ ничего нѣтъ опредѣленнаго въ логикѣ, кромѣ ея сравненія съ реальными вещами, то въ этомъ путешествіи съ святою цѣлью злые слѣдовали за добрыми алчными массами, какъ шакалы и вороны проходятъ по пустыни по слѣдамъ льва. Дороги, по которымъ они подвигались, земли, на которыхъ раскидывали свой лагерь, оставались опустошенными, какъ въ Палестинѣ хлѣбныя поля въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда бичъ саранчи все пожираетъ съ востока на западъ.

Послѣ многодневнаго перехода они прибыли на мѣсто стоянки, покрытые грязью, побѣлѣвшіе отъ пыли, усталые и съ больными ногами. Ихъ лошади хромали, мулы были обременены тяжелой ношей тѣхъ, которые умерли въ дорогѣ. Съ длинными бородами, нечесанными волосами, они походили скорѣе на толпы варваровъ, снующихъ въ равнинахъ Азіи, чѣмъ на дворянство Франціи и крестоносцевъ высокаго рода. Когда они дѣлали привалъ возлѣ ручья, рѣки или озера, то поднимался споръ, кому первому напиться; та же борьба происходила изъ-за купанья лошадей или животныхъ, такъ что иногда люди и мулы были съ вывихнутыми ногами и ранены, и многіе были убиты; но это было не важно въ такой громадной толпѣ. Лопаточки земли было достаточно для человѣка, и если можно было найти священника, чтобы благословить тѣло, все было хорошо, такъ какъ покойникъ умеръ по дорогѣ въ Іерусалимъ. Шакалы и дикіе собаки слѣдовали за арміей и пожирали павшій скотъ. Затѣмъ, когда первое смятеніе проходило, и жажда съ голодомъ были удовлетворены, вынимались палатки съ колами, и раздавался шумъ большихъ деревянныхъ колотушекъ, ударявшихъ по коламъ. Несмотря на то, что армія, проходя Европу, раскидывала палатки въ различныхъ мѣстностяхъ, ихъ цвѣтъ былъ еще блестящій, и вымпелъ развѣвался живыми полосами, выдѣляясь на небѣ. Вскорѣ, когда первая работа была окончена, и маленькія деревушки изъ зеленаго, краснаго, алаго и бѣлаго полотна были построены въ длинныя, неправильныя линіи, дымъ бивуачнаго огня поднимался спиралью, и багажъ, свертки и мѣшки раскрывались, а ихъ содержимое раскладывалось. Какъ будто въ знакъ большой радости, мужчины и женщины выбирали лучшія одежды, самыя богатыя украшенія, такъ что, когда они находились предъ раскрытыми палатками, устроенными для часовенъ, по одной для каждой маленькой группы соотечественниковъ

или сосѣдей, и затѣмъ вмѣстѣ, согласно рангу, ѣли и пили около полудня, подѣ обширными навѣсами или подѣ яснымъ небомъ въ прохладный вечеръ,—это было дѣйствительно прекрасное зрѣлище, и всѣ сердца облегчались. Каждый изъ сражавшихся чувствовалъ, что его храбрость укрѣпилась при мысли, что онъ также игралъ роль въ славномъ предпріятіи.

Такимъ образомъ, когда крестonosцы прибыли въ Никею, надежда была велика, и у всѣхъ въ глазахъ блестѣла предстоящая побѣда. Тамъ впервые королева Элеонора предстала во главѣ своихъ трехсотъ дамъ въ воинственномъ нарядѣ; онѣ были въ блестящихъ кольчугахъ, надѣтыхъ поверхъ шелковыхъ и парчевыхъ юбокъ, и въ длинныхъ бѣлыхъ мантияхъ съ алыми крестами на плечѣ и съ легкими стальными шлемами, украшенными чеканнымъ золотомъ и серебромъ, съ металлическими гребнями или крыломъ птицы, сдѣланнымъ изъ тонкой металлической пластинки.

Это былъ ясный осенній день. Пространная долина, еще мѣстами зеленая, гдѣ трава не была сожжена первыми лѣтними жарами, разстилалась до Асканійскаго озера. Тамъ земля поднималась холмами, чтобы окончиться неожиданно обрывомъ, въ тридцать или сорокъ футовъ надъ водою. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не было совсѣмъ травы и лежалъ голый, сухой и пыльный песокъ. Все-таки, въ общемъ, это было прекрасное мѣсто для кавалеріи и пѣхоты. Долина поднималась къ югу до отдаленныхъ горъ, около которыхъ уже расположилась лагеремъ нѣмецкая армія. Вельможи съ ихъ оруженосцами и конюхами, находившіеся среди рыцарей, ихъ вассалы—всѣ явились туда, чтобы насладиться зрѣлищемъ, какого никто еще не видѣлъ. Они выстроились рядами вокругъ пустотого пространства, такъ чтобы всѣ могли помѣститься. Жильбертъ также пришелъ со своимъ слугою Дунстаномъ въ кортежѣ короля, такъ какъ онъ не обязанъ былъ никому служить. Но долго ожидали появленія королевы.

Наконецъ она явилась, предводительствуя своимъ отрядомъ, верхомъ на прекрасномъ бѣломъ арабскомъ жеребцѣ — подаркѣ греческаго императора. Это было самое послушное животное, повиновавшееся голосу и рукѣ, и такое быстрое, какъ самый быстрый чистокровный конь меджидской породы. Элеонора приближалась одна на десять шаговъ впереди другихъ, высокая и прямо сидѣвшая на сѣдлѣ, какъ мужчина, съ копьемъ въ правой рукѣ, тогда какъ лѣвая слегка придерживала поводья.

Съ перваго взгляда каждый могъ узнать, что никто изъ ея дамъ не походилъ на нее. Впрочемъ ея дамы представляли превосходное зрѣлище и очень хорошо держались на лошадяхъ, приближаясь мелкой рысью, блестящія и воодушевленные, съ черными, голубыми и карими глазами, съ розовыми и смуглыми щеками, съ улыбающимися губами, которыя, казалось, были созданы, чтобы

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФИЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ІЮНЬ, 1903

СОДЕРЖАНИЕ.

ИЮНЬ, 1903 г.

	СТРАН.
I. Военные мужики. (Романъ). XLII—XLVIII. (Продолженіе). Графа Е. А. Салиаса	801
II. Типы и характеры Кавказскаго Черноморскаго побережья. II. Кандидатъ. (Продолженіе). С. Н. Васюкова	829
III. Женщина-дипломатка. I—III. В. А. Тимирязева	849
IV. Изъ жизни астраханскихъ іерарховъ. П. Л. Юдина	868
V. Русскій европеецъ конца XVIII и начала XIX вѣка. Е. С. Шуми-горскаго	901
иллюстраціи: 1) Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ.—2) Жильберъ Ромъ.	
VI. Двухсотлѣтіе С.-Петербурга. XI—XV. (Окончаніе). Н. А. Энгельгардта	911
VII. У гроба П. С. Тургенева. (Отрывокъ изъ воспоминаній). Князя Д. Д. Оболенскаго	942
VIII. Монашеская республика. (Изъ наблюденій и воспоминаній о святой горѣ Афонской). I—X. П. Н. Соколова	948
IX. «Въ Смоленскѣ на Смядыни». П. Н. Орловскаго	973
иллюстраціи: 1) Борисоглѣбскій храмъ по рисунку Гондуса 1634 года.—2) Часовня на мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ св. князь Глѣбъ.—3) Развалины Борисоглѣбскаго храма.	
X. Мукденскій дворецъ. Н. Е. Иванова	987
иллюстраціи: 1) Восточныя ворота Мукденскаго дворца.—2) Старинныя священныя вазы.—3) Императорскій тронъ.—4) Башня «Феникса».—5) Главное зданіе библиотеки.	
XI. Воспоминанія объ А. И. Кирпичниковѣ. Ив. Н. Захарьина (Якунина)	1007
XII. Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ. (Библиографическій очеркъ). Д. Д. Языкова	1014
иллюстрація: Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ.	
XIII. Юбилей А. Н. Пыпина. Вл. Б—скаго	1022
XIV. Памяти А. С. Ваховича. Л. Д.	1027
иллюстраціи: 1) Александръ Степановичъ Ваховичъ.—2) Русская концессія въ Ханькоу.—3) Постройка стѣны набережной русской концессіи въ Ханькоу.	
XV. Первые дни болгарской свободы. Изъ воспоминаній И. Вазова . Переводъ съ болгарскаго А. Сиротинина	1041
XVI. Иностранцы о Россіи. В. Ш.	1052
XVII. Археологическія раскопки въ Россіи въ 1902 году. В. В. Жерве .	1061
XVIII. Критика и библиографія	1067
1) Столѣтіе военнаго министерства. Историческій очеркъ подъ главной редакціей генералъ-лейтенанта Д. А. Скалона. Спб. 1903: I. Развитие военнаго управленія въ Россіи. Составилъ полковникъ Н. А. Даниловъ въ сотрудничествѣ по сбору архивныхъ матеріаловъ съ Н. М. Затворницкимъ. 2 части.—II. Вооруженныя силы Россіи до царствованія императора Александра I. Составилъ профессоръ Н. П. Михневичъ.—III. Комплектованіе вооруженныхъ силъ въ Россіи до 1802 года. Составилъ капитанъ А. К. Ильенко.—IV. Комплектованіе войскъ въ царствованіе императора Александра I. Составилъ штабсъ-капитанъ В. В. Щепетильниковъ.—V. Организация, расквартированіе и передвиженіе войскъ. Составилъ штабсъ-капитанъ А. Т. Борисевичъ.—VI. Возникновеніе и развитіе въ Россіи генеральнаго штаба до конца цар-	

См. слѣд. стр.

ствования императора Александра I. Составил П. А. Гейсманъ.—VII. Обращение войск. Исторический очерк. Составил полковникъ А. И. Гиппиусъ. VIII. Главное артиллерійское управление. Исторический очерк. Составил Д. И. Струковъ.—IX. Главное управление казачьихъ войскъ. Исторический очерк. Составилъ А. И. Никольскій и др.—X. Главное военно-судное управление. Исторический очерк. Составили генералъ-майоръ I. А. Шендзиковскій и капитанъ Фалъевъ.—XI. Военно-тюремная часть. Исторический очерк. Составилъ капитанъ Н. И. Фалъевъ.—XII. Главное интендантское управление. Исторический очерк. Составилъ капитанъ Ф. П. Шелеховъ.—XIII. Главное инженерное управление. Исторический очерк. Составили И. Г. Фабрициусъ, К. О. Поповъ и Г. С. Габаевъ.—XIV. Кодификаціонный отдѣлъ. Составилъ Э. М. Лисенко.—XV. Управление церквами и православнымъ духовенствомъ военнаго вѣдомства. Исторический очерк. Составилъ протопресвитеръ А. А. Желобовскій.—XVI. Главный военно-санитарный комитетъ. Составили полковникъ С. И. Езерскій и М. А. Козыревъ.—XVII. Александровскій комитетъ о раненыхъ. Составили Д. И. Березковъ и Н. А. Штоффъ. 1—ва.—2) М. Богословскій. Областная реформа Петра Великаго. Провинція 1719—1727 гг. Москва. 1902. в. Грибовскаго.—3) У стѣнъ недвижнаго Китая. Дневникъ корреспондента «Новаго Края» на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Китаѣ въ 1900 году. Дмитрій Янчевецкаго. Изданіе П. А. Артемьева. Спб. 1903. и. н. з.—4) Университетскій вопросъ. Н. П. Гилярова-Платонова. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. Спб. 1903. и. н. з.—5) Исторія кавалергардовъ. 1724—1799—1899. По случаю столѣтняго юбилея Кавалергардскаго ея величества государыни императрицы Маріи Феодоровны полка. Составилъ С. Пянчудизевъ. Томъ II. Спб. 1903. Е. ш.—6) Н. Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина. Книга XVII. Спб. 1903. Андрея Сиротинина.—7) «Записки колонизатора Сибири». А. Соколова-Костромскаго. 1903. С. ш.—8) Н. Энгелгардъ. Исторія русской литературы XIX столѣтія. Томъ второй. Спб. 1903. м.—9) А. П. Никольскій. Земля, община и трудъ. Особенности крестьянскаго правопорядка, ихъ происхожденіе и значеніе. Спб. 1903. в. Грибовскаго.—10) «Десятинадцатый вѣкъ». Историческій сборникъ, издаваемый почетнымъ членомъ археологическаго института княземъ Ѳ. А. Куравинымъ. Т. I. Москва. 1903. м.—11) Проф. П. Казанскій. Вопросъ о преподаваніи права въ русской печати въ 1901 году. Одесса. 1903. в. Грибовскаго.—12) С. Либровичъ. Наполеонидскій царевичъ. Спб. 1903. А. Фарасова.—13) Дополненіе къ историческому, географическому и топографическому описанію Санктпетербурга съ 1751 по 1762 годъ, сочиненное А. Богдановымъ. Съ рисунками прежнихъ зданій. Изданіе П. А. Фокина. Спб. 1903. С. ш.

- XIX. Заграничныя историческія новости и мелочи 1111
 1) Сельскіе дворяне въ древней Франціи.—2) Олимпія де-Гужъ.—3) Французскіе салоны во время консульства.—4) Наполеоніана.—5) Другъ Ницше.
- XX. Смѣсь 1137
 1) Юбилей Петербурга.—2) Открытіе памятника Гоголю въ Тифлисъ.—3) Московское археологическое общество.—4) Археологическая коммисія.—5) Археологическій институтъ.—6) Общество любителей древней письменности.—7) Пушкинская коммисія общества любителей русской словесности.—8) Библиологическое общество.—9) Музыкальная коммисія этнографическаго отдѣла.—10) Общество археологій, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ.—11) Къ XIII археологическому съезду въ Екатеринославѣ.—12) Исчезнувшіе музеи.—13) Кіевскій музей древностей.—14) Общество востоковѣднія.—15) Географическое общество.
- XXI. Некрологи 1157
 1) Богдановичъ, Н. М.—2) Богинскій, П. В.—3) Дехтеревъ, В. Г.—4) Кедровъ, К. В.—5) Кетовъ, С. Н.—6) Свѣчинъ, И. В.—7) Станюковичъ, К. М.—8) Страннолюбскій, А. И.—9) Тенишевъ, вн. В. Н.—10) Хитрово, В. Н.—11) Штендманъ, Г. Ѳ.—12) Яковлевъ, А. И.
- XXII. Замятки и поправки 1165
 1) Замятка къ «Варшавскимъ памятникамъ». В. Лугановскаго.—2) Письмо въ редакцію. А. Сидорова.—3) Замятка о происхожденіи Н. К. Шильдера. Е. К. в.
- XXIII. Объявленія.
- ПРИЛОЖЕНІЯ:** 1) Портретъ княгини Дарьи Христофоровны Ливенъ.—2) Двѣ любви (Via scis). Романъ изъ исторіи второго крестоваго похода. **Моріона Кроуфорда** Переводъ съ англійскаго. Часть вторая. Гл. II—IV. (Продолженіе).

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯНОСТО ВТОРОГО ТОМА.

(АПРѢЛЬ, МАЙ и ЮНЬ 1903 года).

	СТРАН.
Военные мужики. (Романъ). XXV — XLVIII. (Продолженіе). Графа Е. А. Салиаса	5, 419, 801
Изъ семейной хроники. II. Тетушка. Н. И. Перелыгина	36
Шестимѣсячное царствованіе Петра III. Историко-біографическій очеркъ. III—VI. (Окончаніе). В. А. Тимирязева	47
Типы и характеры Кавказскаго Черноморскаго побережья. I—II. С. И. Васюкова	80, 829
Воспоминанія объ И. А. Гончаровѣ. Гавр. Н. Потанина	99
Изъ записокъ еврея. V—VI. (Окончаніе). А. Г.	126
Царедворецъ-ученый. II. (Окончаніе). В. И. Штейна	155
<i>иллюстрація: Графъ Александръ Александровичъ Кейзерлингъ.</i>	
Изъ записокъ петербургскаго полицеймейстера Ф. Ф. Дубисса-Крачака . Гл. XI—XII. (Окончаніе).	185
Общества нетрезвости на Руси. Т. А. Мартемьянова	201
Къ характеристикѣ преосвященнаго Николая. В. С. М.	214
Къ біографіи А. В. Сухово-Кобылина. Сообщилъ баронъ Н. В. Дризенъ	219
<small>«истор. вѣстн.», июнь, 1903 г., т. ХСII.</small>	

^{1/2}

Дамаскъ. С. Кондурушкина	223
<i>Иллюстраціи:</i> 1) Общій видъ Дамаска.—2) Внутренность дома въ Дамаскъ.—3) Внутренность дома въ Дамаскъ.—4) Древняя стѣна въ Дамаскъ.—5) Мечеть аль-Амуи.—6) Остатокъ древняго портала передъ входомъ въ мечеть аль-Амуи.—7) Запретная комната въ мечети аль-Амуи.—8) Дамасская женщина.—9) Уличный музыкантъ.—10) Стѣной импровизаторъ.—11) Общественный садъ въ Дамаскъ.—12) Священная палатка, сопровождающая паломниковъ въ Мекку.—13) Русскій консулъ въ Дамаскъ А. П. Бѣляевъ.—14) Митрополитъ Мелетій.—15) Православная патріархія въ Дамаскъ.	
Императору Николаю I и Польша въ 1830 году. (Воспоминанія подполковника Фаддея Вылежинскаго). Новые матеріалы для исторіи польскаго возстанія 1830—1831 гг. Предисловіе и переводъ съ французской рукописи Н. А. Военскаго	280, 645
Иностранцы о Россіи. В. Ш.	307, 1052
Изъ жизни Петра Великаго. Первые годы сближенія Петра I съ Екатериной Алексѣвной. 1702—1709 гг. Н. А. Бѣлззерской	451
Петръ Великій и фванко-русскій союзъ. В. И. Штейна	494
гаскольничьи легенды о Петрѣ Великомъ. «Сказаніе о царѣ Петрѣ истинномъ и царѣ Петрѣ ложномъ». П. П. Баснина	513
Румынскіе рассказы и легенды о Петрѣ Великомъ. А. И. Яцимирскаго	549
<i>Иллюстрація:</i> Изображеніе Петра Великаго на одной изъ фресокъ Кашинскаго монастыря въ Румыніи.	
Петровскія реликвіи въ Поволжѣ. П. Л. Юдина	561
<i>Иллюстрація:</i> Картузь и трость Петра Великаго.	
Одинъ изъ птенцовъ Петра Великаго. В. В. Еропкиной	565
<i>Иллюстраціи:</i> 1) Петръ Михайловичъ Еропкинъ.—2) Проектъ храма, составленный П. М. Еропкинымъ.—3) Гостинный дворъ въ Петербургѣ, построенный по проекту П. М. Еропкина.	
Двухсотлѣтіе С.-Петербурга (1703—1903). Н. А. Энгельгардта	576, 911
<i>Иллюстраціи:</i> 1) Видъ Нотебурга при шведскомъ владычествѣ.—2) Первоначальный видъ Нотебурга.—3) Взятіе Нотебурга.—4) Броншлотъ.—5) Троицкій соборъ.—6) Подворье Стефана Яворскаго.—7) Подворье Теофана Прокоповича.—8) Типы домовъ въ Петербургѣ въ началѣ XVIII столѣтія.—9) Видъ набережной въ Петербургѣ въ началѣ XVIII вѣка.—10) Видъ набережной въ Петербургѣ въ началѣ XVIII вѣка.—11) Лѣтній садъ въ Петербургѣ въ началѣ XVIII вѣка.—12) Адмиралтейство въ Петербургѣ въ началѣ XVIII вѣка.—13) Домъ князя Меншикова на Васильевскомъ островѣ.—14) Александро-Невская лавра.—15) Зимній дворецъ.—16) Петръ и Екатерина, катающіеся въ шнявъ по Невѣ.	
Петербургъ въ началѣ XIX вѣка. Г. Т. Стѣрцева (Полилова)	618
Проектъ кунца Щегорина о защитѣ Петербурга отъ наводненія. (1825 г.). М. Соколовскаго	641

Михаиль Васильевичъ Духовской. (Опытъ характеристики). Князя Б. А. Щетинина	677
иллюстрація: Михаилъ Васильевичъ Духовской.	
Женщина-дипломатка. I—III. В. А. Тимирязева	849
Изъ жизни астраханскихъ іерарховъ. П. Л. Юдина	868
Русскій европеецъ конца XVIII и начала XIX вѣка. Е. С. Шумигорскаго .	901
иллюстраціи: 1) Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ. — 2) Жильберъ Роммъ.	
У гроба П. С. Тургенева. (Отрывокъ изъ воспоминаній). Князя Д. Д. Оболенскаго	942
Монашеская республика. (Изъ наблюденій и воспоминаній о святой горѣ Аѳонской). I—X. И. И. Соколова	948
«Въ Смоленскѣ на Смядыни». И. И. Орловскаго	973
иллюстраціи: 1) Борисоглѣбскій храмъ по рисунку Гондіуса 1634 года.— 2) Часовня на мѣстѣ гдѣ былъ убитъ св. князь Глѣбъ.—3) Развалины Борисоглѣбскаго храма.	
Мукденскій дворець. И. Е. Иванова	987
иллюстраціи: 1) Восточныя ворота Мукденскаго дворца.—2) Старинныя ссащенные вазы.—3) Императорскій тронъ.—4) Башня «Феникса».—5) Главное зданіе бібліотеки.	
Воспоминанія объ А. И. Кириичниковѣ. Ив. Н. Захарьина (Янукина) . . .	1007
Александръ Ивановичъ Кириичниковъ. (Библіографическій очеркъ). Д. Д. Языкова	1014
иллюстрація: Александръ Ивановичъ Кириичниковъ.	
Юбилей А. Н. Пыпина. Вл. Б—скаго	1022
Памяти А. С. Ваховича. Л. Д.	1027
иллюстраціи: 1) Александръ Степановичъ Ваховичъ.—2) Русская концессія въ Ханькоу.—3) Постройка стѣны набережной русской концессіи въ Ханькоу.	
Первые дни болгарской свободы. Изъ воспоминаній И. Вазова . Переводъ съ болгарскаго А. Сиротинина	1041
Археологическія раскопки въ Россіи въ 1902 году. В. В. Жерве	1061
КРИТИКА И БИБЛЮГРАФІЯ	318, 691, 1067
1) Археографическій сборникъ документовъ, относящихся въ исторіи Сѣверо-Западной Руси, издаваемый при управленіи Виленскаго учебнаго округа. Томъ XIII. Вильна, 1902. В. Грибовскаго.—2) Ближайшія задачи изученія древне-русской книжности. Сообщение П. Никольскаго. Памятники древней письменности и искусства. CXIVII. Спб. 1902. А. И. Яцимирскаго.—3) Д. И. Абрамовичъ. Исслѣдованіе о Кіево-Печерскомъ патерикѣ, какъ исто-	

рико-литературномъ памятникѣ. Спб. 1902. м. — 4) К. К. Рѣдигъ. Исторія искусства и русскія художественныя древности. Изданіе журнала «Мирный Трудъ». Харьковъ. 1902. А. Я. — 5) Р. Мутеръ. Исторія живописи въ XIX вѣкѣ. Переводъ Э. Венгеровой. Три тома. Изданіе товарищества «Знаніе». Спб. 1900—1902. А. и. Яцимирскаго. — 6) Рихардъ Мутеръ. Исторія живописи. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. К. Бальмонта. Томы I—II. Изданіе товарищества «Знаніе». Спб. 1902. А. и. Яцимирскаго. — 7) П. А. Некрасовъ. Философія я логика науки о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности. (Пересмотръ основаній соціальной физики Кетле). Москва. 1902. В. Грибовскаго. — 8) А. А. Титовъ. Синодики XVII вѣка Переславскаго Никитскаго монастыря. Псковъ. 1903. А. К. — 9) Женщины-убійцы. Антропологическое изслѣдованіе врача П. И. Тарновской. Спб. 1902. А. Фаресова. — 10) Причины невмѣненія въ военно-уголовномъ правѣ. Составилъ князь С. А. Друцкой. Варшава. 1902. Ф. Л.—а. — 11) Памяти П. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго. — Е. В. Штухова. Юрьевъ. 1903. Д. З. — 12) Профессоръ Н. Ф. Сумцовъ. В. А. Жуковский и П. В. Гоголь. Харьковъ. 1902. Сергѣя фонъ-Штейна. — 13) Генеральный штабъ. Краткій историческій очеркъ его возникновенія и развитія. Часть I. Генеральный штабъ до Наполеона I. Составилъ генеральнаго штаба генераль-майоръ П. А. Гейсманъ, заслуженный профессоръ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Спб. 1903. Ив. Захарьина. — 14) Иосифъ Голечекъ. Боснія и Герцеговина за время окупации. Переводъ съ чешскаго А. Вознесенскаго. Москва. 1902. К. Лосскаго. — 15) Къ столѣтію комитета министровъ (1802—1902). Наша желѣзнодорожная политика по документамъ архива комитета министровъ. Историческій очеркъ. Томы III и IV. Томъ III составленъ начальникомъ отдѣленія канцеляріи комитета министровъ П. А. Кислинскимъ, подъ главною редакціею статьи-секретари Куломина. Томъ IV. Составленъ начальниками отдѣленій канцеляріи министровъ княземъ В. В. Чертолаевымъ, княземъ Татарскимъ (главы I—III) и Н. А. Кислинскимъ (главы IV и V), подъ главною редакціею статьи-секретари Куломина. Спб. 1903. В. п.—на. — 16) Рыбье слово. А. А. Измайлова (Смоленскаго). Повѣсти и рассказы. Изданіе П. П. Сойкина. Спб. 1903. и. н. з. — 17) Владимирское православное братство св. бл. князя Александра Невскаго. Отчетъ о дѣятельности братства за 1900—1901 г. Вязники. 1902. — 18) Профессоръ Н. Ф. Сумцовъ. Очеркъ народнаго быта. Харьковъ. 1903. Сергѣя фонъ-Штейна. — 19) П. Ф. Павловскій. Полтава въ началѣ XIX вѣка. Очерки по архивнымъ даннымъ. Выпускъ I. Кіевъ. 1902. и. ф. — 20) Месропъ Теръ-Мовсесянъ. Исторія перевода Библии на армянскій языкъ. Z. — 21) Литературное дѣло. Сборникъ. Спб. 1902. и. н. з. — 22) И. А. Шляпкинъ. Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина (съ портретомъ и 7 факсимиле). Спб. 1903. п. щ. — 23) Сочиненія А. С. Пушкина. Редакція П. А. Ефремова. Томъ IV, V, VI. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1903. п. щ. — 24) А. С. Пушкинъ. Труды и дни. Хронологическія данныя, собранія Николаемъ Лернеромъ. Книгоиздательство «Скорпионъ». М. 1903. Письма Пушкина и къ Пушкину. Новые матеріалы, собранные книгоиздательствомъ «Скорпионъ». Редакція и примѣчанія В. Брюсова. М. 1903. п. щ. — 25) Матеріалы для академическаго изданія сочиненій А. С. Пушкина. Спб. 1902. п. щ. — 26) Русский биогграфическій словарь. Кнаппе-Кюхельбекеръ. Спб. 1903. п. щ. — 27) А. К. Бороздинъ. Литературныя характеристики. Десятнадцатый вѣкъ, т. I. Изд. М. В. Пирожкова. Спб. 1903. п. щ. — 28) Труды Я. К. Грота. Томъ V. Дѣятельность литературная, педагогическая и общественная. Спб. 1903. щ. — 29) Старина и Новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Книга 6-я. Спб. 1903. п. щ. — 30) Ю. Д. Головинна. На Памирахъ. Записки русской путешественницы. Съ портретомъ, посвященіемъ, географической картой, метеорологическимъ графикомъ, 64-ми картографіями въ текстъ и двумя прибавленіями. Москва. 1902. Бориса Тагьева. — 31) M. Ostrogorsky. «La democratie et l'organisation des parties politiques». Paris. 1902. S. — 32) Очеркъ района большихъ маневровъ подъ Курскомъ. Печатано по распоряженію начальника главнаго штаба. Спб. 1902. ии. — 33) Я. И. Лудмеръ. Княжескія, графскія и баронскія фамиліи Прибалтійскихъ губерній. Матеріалы для родословія. Выпускъ I: Графы Анрепъ-Эльмптъ—бароны фонъ-дербъ-Вроггенъ. Митава. 1902. А. Мальмгрена. — 34) В. Райтъ. Краткій очеркъ исторіи сирійской литературы. Переводъ съ англійскаго К. А. Тураевой. Подъ редакціею и съ дополненіями проф. П. К. Кокочова. Съ приложеніемъ обзора коллекцій нинрійскихъ рукописей Британскаго музея и спеціальной карты. Спб. 1902. м. — 35) Н. И. Березинъ. Пѣткюмъ къ Карельскимъ водопадамъ. Природа и люди Олоненскаго края. Спб. 1903. Сергѣя фонъ-Штейна. — 36) Дигорскія сказанія по запискамъ дигорцевъ Собіева, Гарданова и Туккаева съ переводомъ и примѣчаніями Всев. Миллера. М. 1902. (Труды по востоковѣдѣнію, изд. Лазаревскимъ институтомъ восточныхъ язы-

ковъ, вып. IX), А. Хаханова.—37) Общеобразовательная библиотечка. Подъ редакціей Н. А. Рубакина. Выпускъ X. Баронъ Александръ фонъ-Зибольдъ. Эпоха великихъ реформъ въ Японіи. Съ французскаго перевода Фернанда Дагена и Соломона Мабера перевода и дополнила А. Мезиерь. Спб. 1902. К. Лосского.—38) М. А. Стельмащенко. Политическая дѣятельность Петра Скарги. Историческое изслѣдованіе. Кіевъ. 1902. Н. Фалъева.—39) Н. И. Ашмаринъ. Боггары и чуваши. Казань. 1902. ник.—40) Ө. Шмитъ. Мозанки и Фрески Кахривъ-джамии. Софія. 1902. С.—41) И. К. Канадѣвъ. Очерки закавказской жизни. Томъ I. Спб. 1902. А. Хаханова.—42) Monografie w zakresie dziejów nowożytnych. Tom I. «Rządy tymczasowe w Królestwie Polskiem», przez Józefa Bojańskiego. Tom I. «Między Jeną a Tyłzą», przez Macieja Loreta. (Warszawa). I. X.—43) Переводы съ древнихъ иконъ, собранные и исполненные иконописцемъ и реставраторомъ В. П. Гурьяновымъ. Текстъ А. Н. Успенскаго. М. 1902. А. Я.—44) Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1903-й годъ. Книга 2-я (205-я), изд. подъ завѣд. Е. В. Барсова. М. 1903. п. щ.—45) Политическая исторія XIX вѣка. Исторія вѣнскихъ своихней европейскіихъ державъ съ 1814 по 1818 г. проф. А. Дебидуръ, переводъ студентовъ императорск. Сиб. университета подъ редакц. прив.-доц. Ал. Пиленка. Т. I. Священный союзъ. Спб. 1903. к. я. г.—а.—46) Встрѣчи и воспоминанія. Изъ литературнаго и военнаго міра. И. Н. Захарьина (Якунина). Изданіе М. В. Пирожкова. Спб. 1903. б.—47) Вѣгленецъ. Романъ изъ пограничной жизни. Ө. Ө. Тютчева. Изданіе П. П. Софьина. Спб. 1903. и. н. з.—48) Биографическій словарь профессоровъ и преподавателей императорскаго Юрьевского, бывшаго Дерптскаго университета за сто лѣтъ его существованія (1802—1902). Томъ I. Подъ ред. проф. Левицкаго. Юрьевъ. 1902. щ.—49) Польское восстаніе 1863 года. Историческій очеркъ съ портретами. А. А. Сидорова. Изданіе Н. Карбасникова. Спб. 1903. и. н. з.—50) Глѣвъ Успенскій. Полное собраніе сочиненій въ 12 томахъ. Съ портретомъ, автографомъ и статьею Н. К. Михайловскаго. Изд. Б. К. Фукса. Кіевъ. 1903. п. щ.—51) А. И. Фаресовъ. Въ одиночномъ заключеніи. 2-е изданіе. Спб. 1903. Ив. Порошина.—52) Дѣяствія Нижегородской губернской ученой архивной комиссіи. Сборникъ статей, сообщеній, описей и документовъ. Томъ V. Нижній Новгородъ. 1903. А. И. Яцимирскаго.—53) Л. Ф. Пантелѣвъ. Изъ раннихъ воспоминаній. Спб. 1903. М. С. Ск.—вичка.—54) С. П. Вранловскій. Одинъ изъ «пестрыхъ» XVII столѣтія. Историко-литературное изслѣдованіе. Записки Императорской академіи наукъ по истор.-филологич. отдѣленію. Т. V. Спб. 1903. А. И. Яцимирскаго.—55) В. В. Стасовъ. Миниатюры нѣкоторыхъ рукописей византийскихъ, болгарскихъ, русскихъ, джагатайскихъ и персидскихъ. Спб. 1902. М. О. Ск.—вичка.—56) Столѣтіе военнаго министерства. Историческій очеркъ подъ главной редакціей генераль-лейтенанта Д. П. Скалона. Спб. 1903. I. Развитие военнаго управленія въ Россіи. Составилъ полковникъ Н. А. Даниловъ въ сотрудничествѣ побору архивныхъ матеріаловъ съ Н. М. Затворницкимъ. 2 части.—II. Вооруженныя силы Россіи до царствованія императора Александра I. Составилъ профессоръ Н. П. Михневичъ.—III. Комплектованіе вооруженныхъ силъ въ Россіи до 1802 года. Составилъ капитанъ А. К. Ильенко.—IV. Комплектованіе войскъ въ царствованіе императора Александра I. Составилъ штабъ-капитанъ В. В. Щепетильниковъ.—V. Организациі, расквартированіе и передвиженіе войскъ. Составилъ штабъ-капитанъ А. Т. Ворисевичъ.—VI. Возникновеніе и развитіе въ Россіи генеральнаго штаба до конца царствованія императора Александра I. Составилъ П. А. Рейсманъ.—VII. Образованіе войскъ. Историческій очеркъ. Составилъ полковникъ А. И. Гишницусъ.—VIII. Главное артиллерійское управленіе. Историческій очеркъ. Составилъ Д. П. Струковъ.—IX. Главное управленіе казачьихъ войскъ. Историческій очеркъ. Составилъ А. И. Никольскій и др.—X. Главное военно-судное управленіе. Историческій очеркъ. Составили: генераль-майоръ І. А. Шендзиковскій и капитанъ Фалъевъ.—XI. Военно-тюремная часть. Историческій очеркъ. Составилъ капитанъ Н. И. Фалъевъ.—XII. Главное интендантское управленіе. Историческій очеркъ. Составилъ капитанъ Ф. П. Шелеховъ.—XIII. Главное инженерное управленіе. Историческій очеркъ. Составили И. Г. Фабриціусъ, Е. О. Поповъ и Г. С. Габаевъ.—XIV. Кодификаціонный отдѣлъ. Составилъ Э. М. Лисенко.—XV. Управленіе церквами и православному духовенствомъ военнаго вѣдомства. Историческій очеркъ. Составилъ протопресвитеръ А. А. Желобовскій.—XVI. Главный военно-санитарный комитетъ. Составили полковникъ С. И. Езерскій и М. А. Козыревъ.—XVII. Александровскій комитетъ о раненыхъ. Составили Д. И. Вережковъ и Н. А. Штофъ. Л.—ва.—57) М. Богословскій. Областная реформа Петра Великаго. Провинція 1719—1727 гг. Москва. 1902. в. Грибовскаго.—58) У стѣвъ недвижнаго Китая. Дневникъ корреспондента «Новаго Края» на театрѣ воен-

ныхъ дѣйствій въ Китаѣ въ 1900 году. Дмитрія Личевецкаго. Изданіе П. А. Артемьева. Спб. 1903, и. н. з. — 59) Университетскій вопросъ. Н. П. Гиллрова-Платонова. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. Спб. 1903, и. н. з. — 60) Исторія кавалергардовъ. 1724—1799—1899. По случаю столѣтняго юбилея Кавалергардскаго ея величества государыни императрицы Маріи Феодоровны полка. Составилъ С. Панчулидзевъ. Томъ II. Спб. 1903, е. ш. — 61) Н. Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина. Книга XVII. Спб. 1903. Андрея Сиротинина. — 62) «Записки колонизатора Сибири». А. Соколова-Костромскаго. 1903, с. ш. — 63) Н. Энгельгардтъ. Исторія русской литературы XIX столѣтія. Томъ второй. Спб. 1903, м. — 64) А. П. Никольскій. Земля, община и трудъ. Особенности крестьянскаго правоупорядка, ихъ происхожденіе и значеніе. Спб. 1903, в. Грибовскаго. — 65) «Деятельный вѣкъ». Историческій сборникъ, издаваемый почетнымъ членомъ археологическаго института княземъ Ѡ. А. Куракинмъ. Т. I. Москва. 1903, м. — 66) Проф. П. Казанскій. Вопросъ о преподаваніи права въ русской печати въ 1901 году. Одесса. 1903, в. Грибовскаго. — 67) С. Либровичъ. Наполемицкій царевичъ. Спб. 1903, А. Фаресова. — 68) Дополненіе къ историческому, географическому и топографическому описанію Санктпетербурга съ 1751 по 1762 годъ, сочиненное А. Богдановымъ. Съ рисунками прежнихъ зданій. Изданіе П. А. Фокина. Спб. 1903, с. ш.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ 356, 737, 1111

1) Эпоха Возрожденія. — 2) Луиза Лавальеръ. — 3) Герцогиня Портсмутъ и Карлъ II. — 4) Герцогъ Шуазель въ изгнаніи. — 5) Норвегія въ 1830 году. — 6) Записки генерала Вейсенгоффа. — 7) Жюльета Друэ. — 8) Столѣтній юбилей Кляэ. — 9) Смерть Ригера, Гастона Париса и Эрнеста Легуве. — 10) Археологическія раскопки въ Фивахъ. — 11) Изабелла Баварская. — 12) Петръ Великій въ Англии. — 13) Новое изданіе мемуаровъ Казановы. — 14) Лондонъ въ XVIII вѣкѣ. — 15) Вольтеръ и масоны. — 16) Лафатеръ и Гете. — 17) Мемуары полковника Жюли о 1812 годѣ. — 18) Письма Французской посланницы въ Лондонѣ. — 19) Сельскіе дворяне въ древней Франціи. — 20) Олимпія де-Гужъ. — 21) Французскіе салоны во время консульства. — 22) Наполеоніана. — 23) Другъ Нитцше.

СМѢСЬ 383, 763, 1137

1) Памятникъ Пушкину. — 2) Въ память 200-лѣтія русской періодической печати. — 3) Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. — 4) Общество любителей древней письменности. — 5) Археологическая коммисія. — 6) Общество археологовъ, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. — 7) Церковно-археологическій отдѣлъ. — 8) Ярославская ученая архивная коммисія. — 9) Музей Отечественной войны. — 10) Преподаваніе древне-русской словесности. — 11) Пушкинское лицейское общество. — 12) Академическое изданіе Пушкина. — 13) Академическое изданіе сочиненій Екатерины II. — 14) Географическое общество. — 15) Юбилей графа Е. А. Салтаса. — 16) Пушкинскій конкурсъ. — 17) Общество любителей російской словесности. — 18) Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія. — 19) Русское историческое общество. — 20) Императорское общество любителей древней письменности. — 21) Высочайшее посѣщеніе императорской археологической коммисіи. — 22) Московское археологическое общество. — 23) Археологическій институтъ. — 24) Христіанскія древности въ музеѣ императора Александра III. — 25) Общество археологовъ, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ. — 26) Костромская архивная коммисія. — 27) 400-лѣтіе памяти преподобнаго Тихона Луховскаго. — 28) Охраненіе памятниковъ древности. — 29) Географическое общество. — 30) Общество любителей естествознанія. — 31) Азіатскій комитетъ. — 32) Юбилей Петербурга. — 33) Открытіе памятника Гоголю въ Тифлисі. — 34) Московское археологическое общество. — 35) Археологическая коммисія. — 36) Археологическій институтъ. — 37) Общество любителей древней письменности. — 38) Пушкинская коммисія общества любителей Россійской словесности. — 39) Библиологическое общество. — 40) Музыкальная коммисія этнографическаго отдѣла. — 41) Общество археологовъ, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ. — 42) Къ XIII археологическому съѣзду въ Екатеринославѣ. — 43) Исчезнувшіе музеи. — 44) Кіевскій музей древностей. — 45) Общество востоковѣдннн. — 46) Географическое общество.

НЕКРОЛОГИ 401, 784, 1157

- 1) Арсеній, епископъ.—2) Бобринскій, гр., А. А.—3) Васильевъ, С. М.—4) Виллевалде.—5) Воронянъ, М. С.—6) Девизъ, фонъ, В. Н.—7) Ковалевскій, Н. Д.—8) Радде, Г. И.—9) Де-Росси, Е. Ф.—10) Свѣчинъ, А. М.—11) Сухово-Кобылинъ, А. В.—12) Тимирязевъ, Д. А.—13) Тыртовъ, П. П.—14) Эльфсбергъ, Ф. А.—15) Адамовъ, М. Д.—16) Барсовъ, Н. И.—17) Беклешовъ, Н. А.—19) Духовской, М. В.—19) Кулибинъ, Н. А.—20) Ламанская, А. К.—21) Ленцъ, Р. Э.—22) Манасина, М. М.—23) Марковъ, Е. Л.—24) Порфирьевъ, П. Ф.—25) Седергольмъ, К. Э.—26) Чайковский, М. П.—27) Щербина, Г. С.—28) Якимовичъ, А. А.—29) Яновичъ-Чайнскій, С. М.—30) Янчевецкій, Г. А.—31) Богдановичъ, Н. М.—32) Вогинскій, П. В.—33) Дехтеревъ, В. Г.—34) Кедровъ, К. В.—35) Кетовъ, С. Н.—36) Свѣчинъ, И. В.—37) Станюковичъ, К. М.—38) Страннолюбскій, А. И.—39) Тенишевъ, вк. В. Н.—40) Хитрово, В. Н.—41) Штедманъ, Г. Ф.—42) Яковлевъ, А. И.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ 413, 799, 1165

- 1) Былъ ли ростовскій митрополитъ Филаретъ Романовъ заключенъ въ башнѣ костела бернардиновъ въ Варшавѣ въ 1611—1619 г.г.? Г. А. Воробьева.—2) По поводу одного портрета. Барона Н. Врангеля.—3) Къ статьѣ «Изъ Манчжурскихъ воспоминаній». В. М.—5) Замѣтка къ «Варшавскимъ памятникамъ». В. Лерановскаго.—6) Письмо въ редакцію. А. Сидорова.—7) Замѣтки о происхожденіи Н. К. Шильдера. Е. К. В.

Приложенія: 1) Портреты императора Петра III, императора Петра Великаго и княгини Д. Х. Ливенъ. 2) Двѣ любви (Via crucis). Романъ изъ исторіи второго крестоваго похода. **Моріона Кровфорда.** Переводъ съ англійскаго. Часть первая. Гл. X—XII. Часть вторая. Гл. I—IV.

КНЯГИНЯ ДАРЬЯ ХРИСТОФОРОВНА ЛИВЕНЪ.

ДОЗ. ЦЕНЗ. 24 МАЯ 1908 Г. СПБ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, МОСКВА, ХАРЬКОВЪ, ОДЕССА и САРАТОВЪ)

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

ИСТОРИЧЕСКІЕ
ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ
С. Н. ШУБИНСКАГО.

Четвертое изданіе, дополненное и исправленное,
съ 80 портретами и иллюстраціями.

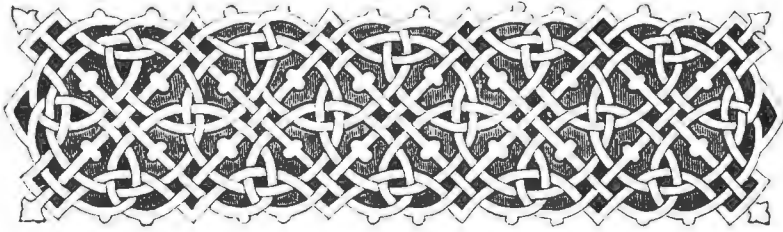
Настоящее четвертое изданіе историческихъ очерковъ и рассказовъ С. Н. Шубинскаго существенно отличается отъ первыхъ трехъ (первое изданіе напечатано въ 1869 году, второе въ 1871 году и третье въ 1893 году). Въ него включены двѣнадцать новыхъ статей, а прежнія тщательно пересмотрѣны. Кромѣ того, число портретовъ и рисунковъ увеличено до 80 (вмѣсто 56 третьяго изданія); всѣ они воспроизведены, большею частью, съ рѣдкихъ оригиналовъ.

Книга заключаетъ въ себѣ 570 страницъ убористаго шрифта; кромѣ того, къ ней приложенъ «Указатель личныхъ именъ»

ЦѢНА 3 рубля 50 коп.

СОДЕРЖАНІЕ: Шведское писольство въ Россіи въ 1674 году.—Петръ Великій въ Дефтортъ.—Двухсотлѣтіе Заандамскаго домика.—Вѣнценосный хирургъ.—Императорскій титулъ.—Первые балы въ Россіи.—Лѣтній садъ и лѣтніе Петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ.—Свадьба карликовъ.—Московскій маскарадъ 1722 года.—Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.—Первый петербургскій генераль-полицеймейстеръ.—Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны.—Березовскіе ссыльные.—Дочь Бирона.—Убіеніе Синклера.—Холмогорская старина.—Императрица Екатерина II и ея два статсъ-секретаря.—Исторія мѣднаго всадника.—Тульскій хлѣбъ и калужское тѣсто.—Столѣтіе князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.—Графъ К. Г. Разумовскій.—Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія.—Русскій чужакъ XVIII столѣтія.—Вельможка Екатерининскаго времени.—Одинъ изъ Екатерининскихъ орловъ.—Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія.—Жена Суворова.—Пѣвица Габриелли.—Аристократка Александровскаго времени.—Молодость графа Аракчеева.—Сынъ Аракчеева.—Подпоручикъ Федосѣевъ.—Семейное преданіе.—Забытый филантропъ.—Послѣдній графъ Головкинъ.—Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ.—Дуэль Новосильцева съ Черновымъ.—Кирьяново, дача княгини Дашковой.—Александрова дача.—Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году.—Мнимое завѣщаніе Петра Великаго.—Кладбищенская литература.

ВОЕННЫЕ МУЖИКИ ¹⁾.

Р о м а н ъ.

—
XLI.

МЕЖДУ тѣмъ, красавица-фельдфебелиха не отчаивалась въ своемъ предпріятіи освободить заключенныхъ, выручить и ненавистнаго мужа, лишь бы спасти любовника. Напротивъ того, Марѳа приободрилась и смотрѣла отважно и самоувѣренно. Все произошло отъ случайности.

Съ тѣхъ поръ, что началась сумятица, она, постоянно волнуясь, то ходила на задній дворъ, то сидѣла въ тяжеломъ раздумьѣ и тревогѣ въ кухнѣ или въ своей спальнѣ. Поднявшись рано утромъ, она впервые оглядѣлась въ домѣ внимательнѣе и вдругъ увидѣла небольшой сундучекъ мужа, который всегда былъ для нея загадкой, такъ какъ Петровъ никогда его не отпиралъ при ней. «Что въ немъ?»—возникъ вопросъ въ смущенной женщинѣ, и непреодолимое желаніе отворить сундучекъ пересилило въ ней всѣ заботы. Ключа, однако, не было, такъ какъ мужъ никогда съ нимъ не разставался.

Послѣ недолгаго колебанія Марѳа взяла топоръ и взломала замокъ.

«Скажу, что буяны тогда, приваливъ, разломали»,—рѣшила она.

Въ сундучкѣ, помимо какихъ-то бумагъ и нѣкоторой мелочи, оказались завернутыми въ платкѣ двѣ пачки ассигнацій. Двѣ ты-

---

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСII, стр. 419.

«Истор. вѣстн.», июнь, 1903 г., т. ХСII.

сячи рублей! Марѳа обомлѣла. Но чрезъ четверть часа она уже сообразила, какое значеніе въ эти дни могутъ возымѣть эти деньги, даже малая частица этихъ денегъ.

Она не подговорить, а «купить» согласниковъ, обуздаетъ лихо-дѣевъ и освободитъ заключенныхъ. А освобожденный мужъ, конечно, проститъ эту трату, если и узнаетъ...

Когда въ сумерки пришелъ Русаковъ, то съ удовольствіемъ замѣтилъ, что Марѳа смотритъ веселѣе. Однако, тотчасъ же женщина начала свою «канитель», какъ выражался онъ. Она снова стала просить и убѣждать его выпустить на свободу всѣхъ и отправить въ Новгородъ.

— Пойми, глупая, народъ не допуститъ!—отозвался Русаковъ.— Захоти я съ тобой, такъ другіе всѣ не позволятъ.

— Да не днемъ, а ночью, тайкомъ.

— Тайкомъ сдѣлать нельзя этакого! Бабѣ колобродство! Нельзя.

— Можно, тебѣ говорю!—воскликнула Марѳа.— Тебя къ нимъ пропустятъ и ночью. На часахъ ставятъ караулить либо старье, либо пьяныхъ, либо кантонистовъ. Кому охота сторожить! Ну, вотъ ты прямо входи и всѣхъ ихъ и выпускай.

— Да вѣдь это легко сказать, Марѳуша, выпускать... Дасаевъ и Яцковскій и итти не могутъ, ихъ надо выносить да класть въ телѣги, а гдѣ мы эти телѣги и коней возьмемъ?

— За двѣ или за три телѣги я тебѣ отвѣчаю. Ты только ихъ выпусти да доведи къ Миняю и ко мнѣ.

— Доведи? Кого? Сказываю тебѣ, что майора и капитана, да, пожалуй, и твоего Оерапонта Ильича подъ силу двумъ либо тремъ человѣкамъ тащить. Тяжеле будутъ мертвыхъ.

— Ну, приговори кого съ собой!

— Э-эхъ, полно! И видно, что баба! Все у васъ на словахъ просто. Тяпъ да ляпъ, да и готово! А ты подумай, кого это я приговарю, да какъ это мы впятеромъ, что ли, полѣземъ въ ротный домъ, да будемъ ихъ выпускать, то бишь таскать, какъ кладъ, да въ телѣги прилаживать, да увозить? Такъ никто и не увидитъ, небось? Одинъ увидитъ и вскинется, да всполошитъ всю слободу. Тогда что будетъ? Тогда народъ меня тутъ же замертво палками и положить. Тебѣ этого, что ли, хочется? Это, стало быть, пойдетъ все наизнанку. Твой старый выздоровѣетъ и окажется живъ, а я буду забить. Подумай только, что ты прежде говорила, на что соглашалась, чего желала. А теперь что? Шиворотъ-навыворотъ! Сказывалъ я тебѣ и теперь скажу: ничего я не уразумѣю! Совсѣмъ ты дурашная!

Марѳа слушала и молчала. Сказать, что она простила мужа и стала относиться къ нему иначе и готова бы была снова зажить прежней жизнью, что ей жалко старика,—все это было невозможно, потому что Русаковъ и не повѣрилъ бы. Сказать же правду, при-

знаться въ томъ, что именно ею руководить, было бы и ребячествомъ, да и прямо погубленіемъ дорогого человѣка.

— Спасибо еще,—думалось Марѣѣ,—что онъ и не чаегъ, какое для меня сокровище Давыдъ Иракліевичъ, а то живо въ такіе дни отправилъ бы его на тотъ свѣтъ.

И помолчавъ Марѣа выговорила:

— Стало быть, не желаешь, ни за что... за умъ взяться, пока еще время не поздно, себя выгородить изъ всѣхъ дѣлъ злодѣйскихъ?

— Послѣдній разъ я тебѣ сказалъ все, и больше ты ко мнѣ не приставай! Нужно мнѣ теперь надумать только одно, только единое, возможное. Похѣрить Дасаева совсѣмъ! Да! Будетъ онъ на томъ свѣтѣ, тогда я чистъ! Пускай кто и станетъ говорить, что я его первый ударилъ. Мало что! А я буду говорить, что въ тотъ часъ и не былъ у ротнаго двора. Онъ только самъ мнѣ страшенъ. И вотъ его-то я и похѣрю.

— Какъ же это такъ?!—воскликнула Марѣа.—Какъ ты его похѣришь?

— Да ужъ какъ нибудь изловчусь!

— Влѣзешь тайкомъ черезъ сторожей въ его комнату да придушишь?

— Не знаю... Буду думать! Вотъ уже больше сутокъ все думаю и не могу надумать. Но знаю вѣрно это одно: надо мнѣ его прикончить! Безъ этого нельзя! Да и спѣшить надо, потому что, сказываютъ, въ Петербургѣ уже все стало извѣстно. Не нынче—завтра могутъ сюда прислать настоящее войско, а не поселенное. Живо насъ всѣхъ перехватаютъ, увезутъ и разсажаютъ по острогамъ.

Наступило снова молчаніе, и черезъ нѣсколько минутъ Марѣа, еще болѣе взволнованная признаньемъ Русакова, пересилила себя и выговорила спокойно:

— Ну, сказывай ужъ всю правду. Какое дѣло еще затѣваешь? Что нибудь еще горшее, губительное совсѣмъ?

— Нечего сказывать. Ну, прости. Мнѣ надо раньше спать ложиться,—угрюмо отозвался Русаковъ.—Въ Бронницы отправляюсь на утро, да еще пѣшкомъ. Взадъ и впередъ сколько верстъ? Десять?

— Это зачѣмъ?!—удивилась Марѣа.

— Зачѣмъ? А все за тѣмъ же. Для того, чтобы свою шкуру спасти.

Марѣа подумала и произнесла, чрезъ силу улыбаясь:

— Сходишь ты пѣшкомъ въ Бронницы, и изъ-за этого Дасаевъ на томъ свѣтѣ будетъ? Такъ, что ли?

— А ты не ухмыляйся. Можетъ, оно и такъ! Можетъ, изъ-за этого я лишусь свидѣтеля лютаго, да и ты овдовѣешь, какъ я тебѣ пообѣщала.

Марѳа остолбѣла отъ этихъ словъ и пристально приглядывалась къ лицу Русакова. Онъ не шутилъ, и въ словахъ его звучала увѣренность, что у него не простое предположеніе, а ясно обдуманное и рѣшенное намѣреніе.

Марѳа стала дышать неровно... Страшная тревога сказалась въ ней отъ этого объявленія. Она хотѣла ему дать одинъ вопросъ и не рѣшалась. Она боялась, что въ ея голосѣ скажется что нибудь и выдастъ ее. А между тѣмъ надо было непременно дать этотъ вопросъ и непременно вывѣдать у Русакова правду. Всѣмъ ли грозить опасность?

— Умыселъ, стало быть, твой такой,—заговорила она,—чтобы убить Дасаева, запороть на смерть что ли? А съ нимъ прихватить и моего Оерапонта Ильича?

Русаковъ кивнулъ головой.

— Ихъ двухъ, стало быть? Ихъ двухъ?!

— Да! А тамъ кто ихъ знаетъ...

— То-есть, что же такое? Я не пойму... тревожно произнесла Марѳа. Она отлично поняла, что это уже почти отвѣтъ на тотъ вопросъ, который она не рѣшалась сдѣлать.

— Постараюсь, чтобы похѣрили Дасаева и Петрова. А разгорится народъ, почему я знаю... Можетъ, и всѣхъ прочихъ перехлопаютъ.

— Всѣхъ?! — произнесла Марѳа, какъ бы задохнувшись, и съ трудомъ прибавила:

— Заключенныхъ?..

— Ну, да, всѣхъ заключенныхъ!

— И даже добраго нашего Костырева? И такихъ, кои ни въ чемъ не повинны?

— Тутъ, Марѳуша, разбирать не стануть, кто добрый, кто недобрый! Пойдутъ чистить начальство, чтобы не было свидѣтелей, такъ тутъ ужъ не только офицера или какого каптенармуса, а, гляди, и дошлую капитаншу Анну Ивановну прихватятъ. И за это отвѣчать нельзя.

— И меня, фельдфебелиху, стало быть?—выговорила Марѳа.

— Нѣтъ, тебя не тронуть! За это я поручою. Коли тебѣ что захотятъ учинить, такъ ужъ пускай и мнѣ заодно. Ну, а меня, я полагаю, не тронуть.

Русаковъ ушелъ, а женщина, глубоко смущенная, задала себѣ вопросъ:

— Что еще за новая лихая затѣя? Ему нуженъ одинъ Дасаевъ. Вретъ. Ему нуженъ и Оерапонтъ Ильичъ. А съ ними вишь прихватятъ и другихъ. Стало быть, ненарокомъ или зря пропадетъ и Давыдушка. Господи! Да что же это за дьяволь-человѣкъ! Съ кѣмъ я связалась? Что надѣлала? Конца нѣтъ мученію... Вѣдь этакъ и деньгами ничего не подѣлаешь...

XIII.

Русаковъ сказалъ правду и дѣйствительно ранехонько, до восхода солнца, собрался въ сосѣднее большое поселеніе. Но, проходя мимо кабака, онъ къ удивленію своему увидѣлъ въ немъ съ десятокъ человѣкъ и въ томъ числѣ главныхъ коноводовъ, судей и опрашивателей вчерашняго дня. Морозовъ, Горшковъ, пьяный Поляковъ и нѣсколько другихъ трезвыхъ, но очевидно не проспавшихся вполне отъ вчерашняго пьянства, сошлись тутъ вмѣстѣ за ночь ради угощенія Морозова и, горячо разсуждая, не замѣтили разсвѣта.

Дѣло шло о томъ, что можетъ вдругъ явиться войско. Что тогда?! Русаковъ присоединился къ нимъ, посидѣлъ, молча прислушиваясь, а затѣмъ вышелъ довольный, бодрый... и не пошелъ въ Бронницы.

«Чего прощѣ?—думалось ему.—А вотъ самъ-то не догадался!»...

Вскорѣ все Рускино ожило, но не проснулось просто, а со сна повскакало на ноги, какъ съ пожара.

И сразу загудѣла новая буря.

Погнавшимъ волны новымъ вихремъ стала одна вѣсть, вдругъ прибѣжавшая, одно слово, кѣмъ-то пущенное и повторяемое теперь всѣми по всѣмъ домамъ:

— Артиллерія!... Артиллерія!...

Видѣли на другомъ берегу Волхова войско съ орудіями, которое пришло усмирять бунтъ. Кто видѣлъ,—было неизвѣстно. Гдѣ находится артиллерія, которую видѣли, и которой теперь нѣтъ,—было тоже неизвѣстно. Но всѣмъ, ничего не знающимъ, было хорошо будто извѣстно, что войско пришло. Черезъ часа два-три арестованные будутъ освобождены, а бунтовщики заарестованы.

Не прошло часа послѣ начавшейся бури, какъ было рѣшено невѣдомо кѣмъ или всѣми, что командиры «артиллеріи»—тѣ же отравители. Не царь же успѣлъ узнать въ столицѣ о томъ, что натворили военные поселяне, и послалъ войско для усмиренія.

— Одни отравители идутъ выручать другихъ отравителей.

— Врутъ! Не дадимъ! Распорядимся!—заревѣли коноводы, а за ними вслѣдъ и всѣ бунтовщики, вольные и невольные.

Черезъ часъ на ротный дворъ были уже выведены полуживые арестанты. Было рѣшено тоже невѣдомо кѣмъ,—по крайней мѣрѣ, никто этого не зналъ и исполнялъ лишь чье-то приказаніе,—что надо скорѣе отдѣлаться отъ очевидцевъ или свидѣтелей бунта.

Покрывать или скрыть одно преступленіе, совершивъ другое, крупнѣйшее, тягчайшее.

Безсмыслия этого разсужденія не понялъ никто... И быстро, точно впопыхахъ, на ротномъ дворѣ, биткомъ набитомъ народомъ, потерявшимъ здравый смыслъ, а отъ пьянства и

человѣческой образъ, совершилась расправа, о которой еще при восходѣ солнца никто и не помышлялъ, кромѣ невѣдомыхъ тайныхъ подстрекателей.

Силачъ Поляковъ, еще болѣе пьяный, съ бессмысленно-озвѣрѣвшимъ лицомъ, исполнялъ порученія или приказанія десятка голозовъ, покуда остальные сотни, озлобленно перепуганныя, молчали или только орали и ругались.

И въ нѣсколько минутъ произошло бессмысленное и ужасное дѣло, рѣшенное невѣдомо кѣмъ...

— По старшинству!—крикнулъ кто-то.

— По старшинству!—заорали кругомъ.

И первымъ былъ вытащенъ на средину двора и поставленъ на колѣна Яцковскій. Поляковъ уже былъ готовъ, съ топоромъ въ рукахъ. Спяна или съ непривычки онъ вонзилъ топоръ въ спину несчастнаго майора. Еле-живой отъ истязаній, побоевъ, Яцковскій вскочилъ и вырвался изъ рукъ его державшихъ...

Но кровь опьяняетъ, какъ вино. Отъ обагрившагося кровью полуголаго тѣла толпа, сразу озвѣрѣвъ, бросилась съ крикомъ:

— Держи! Держи!

Какъ будто могъ полуживой майоръ броситься бѣжать.

По второму удару Полякова голова старика отскочила и покатила по двору...

Досаевъ, вытащенный тоже на средину двора, былъ въ сознаниі, но дико глядѣлъ и, казалось, не понималъ, что значитъ лежащее на землѣ туловище безъ головы, а затѣмъ будто безумно отъ испуга озирался на всѣхъ и на все...

Онъ отдался, не сопротивляясь и не барахтаясь...

Голова его отъ могучаго удара уже наловчившагося Полякова прыгнула и покатила еще дальше головы Яцковского...

А на его мѣсто уже тащили еле двигающагося Петрова. Въ ту же минуту раздался отчаянный вопль. Марѳа была впереди всѣхъ. Высокая отъ природы, она казалась еще выше, чуть не плечами выше толпы и грозна, какъ не бываетъ грозно и само высшее начальство.

— Стойте! Не злодѣйствуйте! Отпустите! Довольно съ васъ двухъ!..—кричала она.

— Тебѣ что?!..—подскочилъ Русаковъ.—Молчи, дурашная баба! Нашла кого загораживать! Дохлаго хозяина! Спасибо сказала бы, а не то, что мѣшать!

— Молчи ты!..—закричала Марѳа.—А то все выложу передъ всѣми. Смотрите вы, шалые! Что вы творите? Батальоннаго и ротнаго умертвили въ отместку. Ну, пускай! Они, можетъ, и впрямь виноватые, а что вамъ сдѣлали худого мой хозяинъ и вонъ эти?..

И она показала еще на четырехъ человѣкъ, которые мертвоблѣдныя ждали своей очереди. Впереди были Костыревъ и Монаховъ.

— Что худого вы видѣли отъ фельдфебеля и отъ капитана?.. А энтоть... офицеръ? — громко и горячо заговорила Марѳа. — Его ухлопае, чужую себѣ бѣду наживете. У него въ отвѣтъ хлѣбный магазинъ, а тамъ, сказываютъ, ни зерна нѣтъ! Все имъ разворовано, распродано. Такъ же, вотъ, какъ Дасаевъ нашихъ коровъ распродалъ. Начальство хватится, вы же въ отвѣтъ пойдете. Скажутъ, что вы хлѣбъ разворовали. Пойми, шалые, что вамъ оставить его надо. Пусть онъ самъ за разворованный хлѣбъ отвѣчаетъ. Разжалуютъ его да сошлютъ въ каторгу, такъ онъ свое заслуженное и безъ васъ получить.

И не столько слова увѣщанія, сколько сила убѣжденія или какая иная могучая сила такъ ярко сказывалась въ женщинѣ, что сразу отовсюду раздались восклицанія, сливающіяся въ одинъ общій крикъ:

— Вѣрно, истинно! Монахова не руби! Въ кандалы его!
 — Ладно! Баба молодецъ! Вора убереги! Пуцай самъ отвѣчаетъ!
 — Вѣстимо, отпущай, оставь! Правда ея!
 — Оставляй Костырева! Оставляй каптенармусовъ!
 — Чортъ съ ними! Только офицеровъ не оставляй, ребята!
 — На каптенармусовъ плевать! — крикнулъ Русаковъ. — Они и впрямь не причемъ въ отравленьяхъ. Но оставлять этого сущаго отравителя не моги! — прибавилъ онъ, указывая на фельдфебеля. — Эй, руби его, Поляковъ, руби!

— Руби, руби! — заоралъ Рябой.

И еще чей-то голосъ изъ толпы тоже крикнулъ:

— Петрова ни въ жисть не оставляй! Руби! Четвертуй!

И Марѳа, озиравшаяся страшными глазами кругомъ, вдругъ зажмурилась, закрыла лицо руками и тихо ахнула... Снова брызнулъ ручей крови, и голова ея старика Терапонта Ильича отдѣлилась, повисла и закачалась странно на груди... Поляковъ снова взмахнулъ топоромъ...

Но на эту третью жертву, а затѣмъ и на казнь еще двухъ молодыхъ поручиковъ ужъ никто не обращалъ вниманія. Во дворѣ все сильнѣе и сильнѣе гудѣли голоса. Всѣ озлобленно спорили и бранились уже по другому вдругъ возникшему поводу.

— Остались безъ начальства! — заявилъ кто-то.

— Нельзя безъ начальника! Что же это у насъ будетъ? Какъ допустили!.. черти окаянные!..

— Не надо никого! Дьяволы! Безъ начальства вольготнѣе...

— Костырева! Костырева! благо уцѣлѣлъ...

— Монахова ему въ помощники!

— Хватилъ, дурафья! Убѣжить онъ. Онъ весь хлѣбъ растратилъ. Одного Костырева довольно.

— Воръ! Грабитель! Въ кандалы его, а не въ помощники!

— Монахова запереть подъ строжайшимъ карауломъ!

Наконецъ толпа, нѣсколько минутъ назадъ собиравшаяся обезглавить капитана Костырева, уже окружила его, кланялась чуть не въ поясъ и просила взять на себя начальство.

— Будь нашимъ баталіоннымъ!.. кричали кругомъ его.

Костыревъ не отвѣкивался, стоялъ, переглядывая всѣхъ, но все еще съ крайнимъ безпокойствомъ въ лицѣ. Однако, постепенно волненіе въ немъ улеглось, такъ какъ уже весь дворъ гудѣлъ въ одинъ голосъ.

— Въ баталіонные! Въ баталіонные! Костырева! Костырева! Распоряжайся у насъ! Сдѣлай милость! Не покини! Услужи міру!

И вдругъ среди толпы раздались громче всего радостные голоса.

— Молодчина! Подавай ихъ сюда!

— Ахтительно!.. Вотъ они! Нацѣпляй ихъ на его!

Майорскіе густые эполеты, снятые съ Яцковскаго или украденные у него въ квартирѣ, появились изъ кармана какого-то молодца и по толпѣ съ рукъ на руки перешли къ переднимъ. Поляковъ съ окровавленными руками, уже бросивъ топоръ, захотѣлъ было спяну возводить Костырева въ званіе баталіоннаго командира, но кто-то отпихнулъ его.

— Пошелъ ты, дьяволъ! Перепачкаешь!

— Умойся прежде!

— Хороши будутъ аполеты послѣ твоихъ лапъ!

Черезъ нѣсколько мгновеній майорскіе эполеты были уже на Костыревѣ.

А куда капитанъ былъ избранъ и пожалованъ въ начальники всѣхъ четырехъ ротъ, въ отдѣльной кучкѣ уже полновластно распоряжалась Марѳа, и ей повиновались. Увидавшій Русаковъ бросился въ эту кучку съ крикомъ:

— Что тутъ? Что вы творите? Что ты, дура, затѣяла?

Голосовъ двадцать рявкнуло на него злобно, будто обидясь...

— Молчи ты! Лѣшій! Не твое дѣло! Ахъ, ты щенокъ! Туда же командуешь!

Марѳа повелительно приказывала, и одно изъ ея приказаній заключалось въ томъ, чтобы вора Монахова, растратившаго весь хлѣбъ ротный изъ магазина, тотчасъ же запереть подъ строжайшій караулъ. Затѣмъ невѣдомо, какъ оказалось, что и мѣсто было назначено—пустой домъ убитаго Петрова.

Марѳа охотно уступила домъ, въ которомъ Монаховъ долженъ былъ быть запертъ, и къ нему, конечно, приставлены караульные, чтобы онъ не бѣжалъ. Сама же она, уступивъ домъ, якобы собиралась поселиться на время у тетушки Барановой.

— Что такое? Что за чепуха?—заоралъ Русаковъ, и лицо его выразило не столько озлобленіе, сколько полное недоумѣніе.

— Молчи, щенокъ! Не твое дѣло!

— Что за распорядитель выискался?!.
 — Бей его!—раздались голоса.—Бей! Чего глядѣть!
 — Вѣстимо, бить, коли суешься?!.—крикнула на него Марѳа.—
 Ты меня попрекалъ, что я не одобряю вашего бунтованія, а те-
 перь, когда я со всѣми заодно, ты противъ меня идешь. Опа-
 лѣлъ ты, что ли?

Русаковъ хотѣлъ что-то отвѣтить, показывая на Монахова, но
 Марѳа не дала ему времени вымолвить ни слова.

— Дуракъ ты! Деревянная голова! Путаешь, не знаешь что!
 Этого грабителя,—показала она на Монахова,—надо подъ особый
 строжайшій караулъ взять! Да еще надо разыскать и тоже съ
 нимъ вмѣстѣ подъ караулъ посадить этого...

И Марѳа запнулась, не зная, кого назвать.

— Кого, кого?—вскрикнули кругомъ, будто нетерпѣливо желая
 исполнить ея новое приказаніе.

— Ну, этого... хлѣбнаго смотрителя второй роты... Грекова,
 что ли?

— Да зачѣмъ, зачѣмъ?—возразилъ Русаковъ, разводя руками:—
 что ты путаешь?

— Плюнь! Что его слушать, Митриха!—крикнулъ рябой, давно
 уже снова не отходившій отъ фельдфебелихи и ежеминутно по-
 вторявшій то, что она говорила.

Русаковъ, чтобы выместить досаду, ударилъ рябого. Этотъ сва-
 лился съ ногъ, но тотчасъ вскочилъ и бросился на Русакова. И
 между ними завязалась рукопашная, затѣмъ оба, крича и ру-
 гаясь, свалились на землю и возились другъ на другѣ попере-
 мѣнно, точно собаки грызлись съ лаемъ.

А тѣмъ временемъ Монахова подъ конвоемъ четырехъ человѣкъ
 повели въ домъ покойнаго фельдфебеля. Марѳа шла впереди, пре-
 важно оглядываясь, но не на офицера, а на ротный дворъ. Лицо
 ея было пунцовое, глаза страшно блестѣли, сверкали... Черезъ пол-
 часа смотритель хлѣбнаго магазина былъ запертъ въ ея домѣ,
 а у крыльца стали насторожѣ двое стариковъ поселянъ. У Марѳы,
 сидѣвшей въ кухнѣ, лицо было влажно. У женщины, никогда не
 плакавшей, струились обильныя слезы. А на ротномъ дворѣ Горш-
 ковъ, Русаковъ, Поляковъ и другіе по совѣту Морозова собирали
 тѣла и головы пяти казенныхъ и клали въ телѣги. Было рѣшено
 свезти тѣла къ кирпичному сараю и, бросивъ въ яму, гдѣ была
 известъ, закидать дровами, чтобы собаки ихъ не тронули ночью.

— Псы пожрутъ—грѣхъ у насъ будетъ на душѣ!

XLIV.

Въ сумерки все Рускино какъ-то особенно стихло, точно вымерло. На улицѣ было пустынно. Всѣ сидѣли по домамъ. Только въ кабакѣ слышались крики и пѣсни, но казалось, что это лишь одинъ пьяный ораль... Уже наступилъ вечеръ, когда Марѳа, выйдя въ свою кухню, опустилась на лавку у стола въ такомъ состояніи, какъ если бы прошла пѣшкомъ съ полсотни верстъ. Она чувствовала себя не только утомленной, но какъ бы избитой, и казалось, что не только голова, но и все тѣло болитъ.

День этотъ, кончившійся роковымъ образомъ для ея жизни, длился будто безъ конца. Нынѣшнее утро представлялось ей не нынѣшнимъ. Это утро и затѣмъ полдень, когда шла кровавая расправа на ротномъ дворѣ, были, казалось, полгода тому назадъ. Ихъ заволокло послѣдующимъ быльемъ.

Когда тѣло стараго Ферапонта Ильича рухнулось на землю, какъ мѣшокъ съ головой, не совсѣмъ отрубленной, а она зажмурилась и закрыла себѣ лицо руками, то послѣдовали минуты, которыя были для нея вѣчностью... Въ эти минуты она столько перечувствовала, столько пережила, что и въ десять лѣтъ того не переживешь. Это были тѣ мгновенья, въ которыя она ждала увидѣть около трупа мужа другое тѣло, тоже обезглавленное, другую голову, дорогую, милую... тоже катящуюся по землѣ къ головамъ другихъ казенныхъ. Эти минуты показались ей не днями, не минутами, а годами.

Какъ она вступилась, что говорила, что ей отвѣчали, Марѳа, конечно, почти ничего теперь не помнила... Помнила и до сихъ поръ чувствовала она только одно: тотъ порывъ счастья или восторга, который сказался на сердцѣ въ мгновеніе, когда толпа загудѣла и отвѣтила на ея слова:

— Правда, правда! Нельзя вора казнить! Оставляй его, ребята!

Марѳа тотчасъ разумомъ и сердцемъ почувяла, что лишь одна эта промелькнувшая минута была безмѣрно опасна. А потомъ, авось, все уладится... Бунтъ пойдетъ стихать... такъ длиться не можетъ... А казнь несчастныхъ заключенныхъ была, конечно, звѣрской вспышкой и высшимъ проявленіемъ освирѣпѣлости и безсмыслия.

Марѳа вспоминала теперь, что почти тотчасъ послѣ обезглавленія своихъ жертвъ толпа какъ-то сразу очнулась, будто проснулась отъ бѣшеннаго сна и бреда и, разумно оглянувшись, стихла, сознавая дѣйствительность. Повсюду только охали или причитали:

— Господи! батюшки! Чего натворили! И какъ же это?..

Когда повели Монахова къ ней въ домъ, а Марѳа шла впереди, оглядываясь и боясь какъ бы погони съ ротнаго двора, она отъ счастья не вѣрила собственнымъ глазамъ и ушамъ. Однако восторженное чувство это изъ-за неожиданнаго спасенія Монахова и

вдобавокъ помѣщенія его какъ бы подѣ ея собственной охраной скоро смѣнилось волненіемъ, которому конца не предвидится. Она будетъ трепетать отъ зари до зари, не только днемъ, когда начнетъ бушевать орава бунтовщиковъ, но даже и ночью. Успокоиться на мысли, что дѣло сдѣлано, нельзя, потому что это была только половина дѣла.

Всякій день Монаховъ могъ быть вытащенъ изъ ея дома и обезглавленъ такъ же, какъ и другіе, или же по меньшей мѣрѣ подвергнуться страшному истязанію.

Заручиться сочувствіемъ кого либо изъ главарей бунта, закупивъ ихъ, подаривъ деньгами, было невозможно, потому что такихъ и не было. Одинъ часъ горланилъ и распоряжался одинъ, на второй являлся другой. Чаще всѣхъ якобы командовалъ рябой, но такъ же, какъ и въ первые часы бунта, онъ служилъ эхомъ кого либо случайно бравнаго на себя роль главноначальствующаго. Теперь онъ слушался Марѣы, но надолго ли? Конечно, съ первой же минуты Марѣа задумала ночной побѣгъ офицера, предполагая, что обмануть сторожей, которые смѣнялись во дворѣ, будетъ нетрудно. Представлялось это совершенно простымъ, легко исполнимымъ. Первые два сторожа, поставленные на часахъ, были одни изъ самыхъ старыхъ и глупыхъ поселянъ, такъ какъ очевидно никто на такого рода неожиданную службу не согласился, а строго приказать было некому. Вслѣдствіе этого Марѣа стала было мечтать, что черезъ сутки или двое никто не захочетъ итти въ часовые, а приказать итти было, конечно, некому. Но это оказалось напраснымъ мечтаніемъ. Въ сумерки стража смѣнилась, и часовыми на всю ночь явились двое молодыхъ поселянъ, умныхъ, дѣльныхъ и, какъ показалось Марѣѣ, смотрѣвшихъ на нее и недовѣрчиво, и лукаво. Лица ихъ говорили:

— Насъ не проведешь! Знаемъ мы, что у тебя на умѣ...

Разумѣется, женщина была крайне удивлена. Она увидѣла ясно, что ее подозрѣваютъ, догадываются, что Монаховъ не находится въ надежномъ мѣстѣ, и могутъ, стало быть, его перевести въ другой домъ.

И, повидавъ этихъ новыхъ часовыхъ, Марѣа вернулась въ кухню и сидѣла молчаливая, тревожная, даже какъ будто сильно похуѣвшая въ лицѣ за нѣсколько годовъ.

Егорьевна хлопотала около нея въ кухнѣ, собирала на столъ, такъ какъ ея хозяйка съ утра ничего еще въ ротъ не брала. Но Марѣа снова не обращала ни на что вниманія, даже не видѣла всего, что поставила на столъ старуха. Она почти безсознательно притронулась къ щамъ и кашѣ и тотчасъ же бросила ложку и отвернулась отъ стола. Ей было не до пици.

Опасность еще стояла грознымъ призракомъ. А съ нею вмѣстѣ душевная жгучая тревога и нравственная пытка въ женщинѣ, ко-

нечно, не прекращались. Она не могла навѣрно сказать себѣ, спастись ли она Монахова, можно ли вполнѣ надѣяться и разсчитывать, что ничего новаго не случится.

Пуще всего она боялась, конечно, того, что Русаковъ станетъ еще болѣе подозрѣвать ее, что ему будетъ все-таки казаться страннымъ заарестованіе Монахова въ домѣ фельдфебеля. Иногда она даже раскаивалась, что устроила арестъ въ своемъ домѣ, а съ другой стороны это было надежнѣе, здѣсь приходилось защищать офицера только отъ Русакова, тогда какъ, запертый на ротномъ дворѣ, онъ оставался подъ рукой и во власти пьянствующихъ головорѣзовъ.

Кучка самыхъ отчаянныхъ, напившихся ночью, могла ради простого бессмысленнаго азарта броситься на ротный дворъ «кончать» съ тѣми, что случайно уцѣлѣли днемъ. Здѣсь въ домѣ она могла сторожить Монахова и въ случаѣ какой либо ночной сумятицы найти для него возможность бѣжать черезъ огородъ въ поле, или же отстаивать его... виномъ, деньгами и наконецъ съ топоромъ въ рукахъ, хотя бы пришлось погибнуть вмѣстѣ съ нимъ.

И Марѳа то успокоивалась и увѣряла себя, что всякая опасность прошла, что теперь Монаховъ уцѣлѣетъ, то снова волновалась еще сильнѣе.

— Не рой другому яму! — суевѣрно думала и снова бормотала она.

Ей все мерещилось, что такъ какъ сама она, хоть и косвенно, виновата въ ужасной смерти старика-мужа, то она должна заплатить за это. И вотъ неминуемо, чрезъ сутки, двое, среди дня или ночью, у себя на дворѣ она увидитъ повтореніе того, что видѣла тамъ среди ротнаго двора. Тогда она, холодѣя отъ ужаса, зажмурилась. А что почувствуетъ она, когда на ея глазахъ такъ же погибнетъ ея Давыдушка?

«Что будетъ? — спрашивала она себя.—Понятно, только одно... Сейчасъ же и на себя руки наложу... Безъ него жить не останусь».

И рѣшеніе это было спокойное, безповоротное...

Между тѣмъ его. судьба, — разсуждала она, — болѣе или менѣе зависигъ теперь отъ нея самой. Если она сумѣетъ удачно довести до конца задуманное, устроить все искусно, то Монаховъ будетъ спасенъ. Да, вся сила въ ней, но только болѣе или менѣе... Есть одна помѣха.

Главная и единственная помѣха—все тотъ же ненавистный Русаковъ. Догадался ли онъ, подозрѣваетъ ли ее? Если да — ничто не удастся! Если нѣтъ—то черезъ какихъ нибудь два-три дня, а, можетъ быть, и ранѣе Монаховъ будетъ на свободѣ, живъ и невредимъ.

И, разумѣется, сидя теперь въ кухнѣ, Марѳа нетерпѣливо ждала прихода Русакова, который долженъ былъ явиться непременно. Съ

первых же словъ или по одному его лицу она узнаетъ судьбу Монахова. Малѣйшее подозрѣніе его будетъ пагубно...

Что же тогда ей дѣлать? Лгать, ломаться, скоморошествовать, изображать изъ себя всяческое «самодѣльное» или напускное? Но сумѣетъ ли она? Тотъ же Русаковъ, зная ее хорошо, говорилъ еще недавно, что она лгать и притворяться не умѣетъ.

Но теперь, вспомнивъ объ этихъ словахъ, Марѳа, несмотря на свое угнетенное душевное состояніе, улыбнулась горько.

«Ну, нѣтъ! Теперь сумѣю всякое!..—подумалось ей.—Могу содѣлаться, что твой оборотень. Чую, что могу обернуться чѣмъ угодно, изобразить, что хочешь»...

И, подумавъ, она прибавила вслухъ:

— На все пойду, а тебя, проклятый, околдую!..

Женщина долго сидѣла въ кухнѣ, прислушиваясь, и наконецъ начала уже тревожиться. Скоро уже часовъ десять, а Русаковъ еще не появляется. Напуганной, трепетно и боязливо относящейся ко всему окружающему женщинѣ стало представляться, какъ Русаковъ рыскаетъ, собираетъ кучку самыхъ отчаянныхъ негодяевъ, угощаетъ ихъ въ кабацѣ, а затѣмъ приведетъ ихъ сюда, чтобы расправиться съ арестованнымъ Монаховымъ самовольно и безнаказанно.

Сдѣлать это легко и недолго. А отвѣчать не передъ кѣмъ. Послѣ казни высшаго начальства молодой офицеръ, смотритель хлѣбнаго магазина, былъ уже мелкой сошкой.

При этой мысли на сердцѣ женщины поднималось и бушевало такое озлобленіе, такая ненависть къ Русакову, что если бы въ эту минуту явился кто нибудь съ предложеніемъ избавить ее убійствомъ отъ этого человѣка, то она не только согласилась бы тотчасъ, но всячески помогла бы этому. Никогда къ мужу своему она не относилась съ такой бурной злобой, какую чувствовала теперь къ влюбленному въ нее молодцу. Онъ былъ ей гадокъ, отвратителенъ и ненавистенъ съ головы до пятъ.

— Гадина! Гадина!—шептала Марѳа и прибавляла:—не догадалась я... Надо было еще днемъ самой то же сдѣлать! Собрать пятокъ человѣкъ, напоить и на него науськать. Дура!.. Заднимъ умомъ богата, какъ сказывалъ Ѳерапонтъ Ильичъ покойникъ...

И черезъ мгновеніе она повторила:

— Покойникъ! Чудно это... Прости меня, Господи, и не наказывай!

Около десяти часовъ женщина, сидѣвшая недвижно, истуканомъ, вздрогнула и вскочила съ мѣста... Еговьевна, вышедшая за минуту, съ кѣмъ-то разговаривала. Кромѣ Русакова, никто не могъ прійти въ домъ въ эту пору.

И Марѳа выговорила себѣ вслухъ:

— Ну, полно, полно!.. Послѣднее... Наберись разуму!.. Постою за себя!..

А между тѣмъ она все-таки до сихъ поръ не знала, что будетъ говорить въ случаѣ подозрѣній и ревности Русакова.

Но въ ту минуту, когда раздалися шаги на ступеняхъ крыльца, Марѳа почти пошатнулась и слегка ахнула... Сразу, ударомъ грома или ослѣпительнымъ блескомъ молніи, въ ней тоже будто вспыхнула или будто ворвалась въ нее откуда-то мгновенно мысль. Она была настолько поражена этой мыслью, мгновенно возникшей въ ея головѣ, что, когда Русаковъ вошелъ и что-то сказалъ, она ничего не слышала и не понимала и даже какъ бы не видѣла его предъ собой.

Она сразу придумала, какъ спасти Монахова отъ Русакова и одновременно избавиться отъ него самого. И то, что ей пришло на умъ, казалось ей самой настолько просто исполнимо, что она была сама поражена, какъ раньше не пришло оно на умъ. А всей чудовищности своей затѣи она не сознавала еще...

«Да конецъ! Слава Богу!»—думала она и невольно ухмылялась дикой, почти безумной улыбкой, потому что Русаковъ войдя остолбенѣлъ отъ удивленія, глядя ей въ лицо.

XLV.

Русаковъ нѣсколько мгновений допрашивалъ женщину и не получилъ отвѣта.

— Да что же съ тобой!—вскрикнулъ онъ наконецъ тревожно.

— Что?—будто пришла въ себя Марѳа.

— Ты!.. Что ты?

— Что? Чего тебѣ?..

— Чудное у тебя лицо! По покойникѣ мужѣ изводишься что ли?.. Или напугалась его смертью?.. На душѣ тяжело оттого, что нечисто? Такъ вѣдь ты тутъ непричемъ, не мы его ухостили!

— Да, да! Вѣстимо!—отвѣтила Марѳа и, будто что-то окончательно порѣшивъ, сразу стала спокойнѣе. — Ну, садись! — бодро произнесла она.—Что скажешь?

— Да что скажу? Нечего сказывать!

— Какъ тамъ у васъ? Разошлись? Спать легли?

— Да, всѣ спятъ, кромѣ тѣхъ, что опасаются теперь отвѣта.

А я вотъ... Моя судьба диковинная!

И Русаковъ раздражительно и отчасти злобно разсмѣялся будто не своимъ смѣхомъ.

— Что такое? Не пойму...—спросила Марѳа.

— А вотъ, вишь ты, понять тебѣ немудрено. Сказываю я, легли всѣ наши злодѣи бунтари, кромѣ главныхъ, кои боятся отвѣта. А я вотъ за то, что начудилъ, отвѣта не боюсь. Тотъ, одинъ, кто на меня могъ показать, теперь уже на томъ свѣтѣ, а мнѣ больше никто не страшень! Мнѣ бы теперь быть совсѣмъ спо-

койнымъ да счастливымъ. А у меня кошки на душѣ скребуть... Какія кошки!—взмахнулъ Русаковъ рукой.—Не кошки! Черти за-
брались въ душу и возятся тамъ.

— Что такое? Говори толкомъ!—произнесла Марѳа неровнымъ
голосомъ, такъ какъ, конечно, начала понимать намеки...

— Не ломайся, Марѳуша! Понимаешь, что я сказываю! Нечего
мнѣ пояснять. Дѣло простое! Да и дѣло-то все, какъ на ладони.
Скажи ты мнѣ, не отгадалъ ли я загадку. Ты какъ полагаешь?

— Какую загадку?

— Ну, вотъ... какую?! Будемъ мы такъ хоть до завтрашняго
утра разговаривать, толку не будетъ! Лучше кончай скорѣе, отвѣ-
чай прямо. Вѣдь ты врать не умѣешь, у тебя все укрываемое да
затаенное, какъ шило въ мѣшкѣ. Сказывай прямо! Коли хочешь,
я самъ буду спрашивать по порядку, а ты не вилай и отвѣчай!
Будешь врать, все равно толку не будетъ. Я твоему вранью не
повѣрю. А вранье отъ правды отличить немудрено у такой бабы,
какъ ты. Сказывай, какъ Монаховъ попалъ въ вору хлѣбные?

— Я почему знаю!—съ удивленіемъ произнесла Марѳа.

Ей показалось, что и голосъ ея и глаза удивительно такіе,
какими быть должны, какими она старается ихъ сдѣлать.

— Монаховъ попалъ въ вору, потому что якобы раскралъ нашъ
ротный хлѣбъ, а у него въ магазинѣ все цѣлехонько. Нутко, раз-
гадай мнѣ это?

— А цѣлехонекъ, такъ тѣмъ лучше для него! Въ отвѣтъ не
будетъ передъ начальствомъ.

— Такъ-то такъ! А передъ нами-то онъ въ отвѣтъ былъ и
цѣлъ остался... Скажи-ка, кто это колѣно отмочилъ? Кто выду-
малъ, что онъ воръ, и что его надо съ рукъ на руки начальству
сдать вмѣсто того, чтобы похѣрить, какъ и всѣхъ другихъ чертей
начальниковъ?

Марѳа поглядѣла въ глаза Русакову не сморгнувъ и наконецъ
вымолвила, чуя въ себѣ новую огромную силу на борьбу.

— Вотъ что, голубчикъ! Ты, должно быть, измотался за цѣ-
лый-то день, самъ не знаешь, что у кого спрашиваешь. Я-то по-
чемъ знаю, кралъ Монаховъ или не кралъ, что у него въ хлѣб-
номъ магазинѣ, зачѣмъ его посадили и подъ карауломъ держать,
зачѣмъ его и сюда навязали мнѣ, чтобы я вотъ на кухню у себя
же въ дому, какъ батрачка какая, сидѣла и спала? Нешто я могу
это знать? Тебѣ должно быть лучше извѣстно!

Русаковъ тоже пристально присмотрѣлся къ лицу женщины и
первый опустилъ глаза подъ ея взглядомъ. Сомнѣніе возникло въ
немъ.

«Говорить ли ей все, что втемяшилось?»—думалось ему.

И онъ рѣшилъ говорить.

— Послушай-ка, Марѳуша. Въ Рускинѣ слухъ ходилъ, — не
знаю, вѣренъ ли онъ,—что покойникъ Ѳерапонтъ Ильичъ хотѣлъ

съ тобой расправиться, да такъ, что пришлось бы ему потомъ въ Сибирь итти. И расправиться не за то, что ты сказывала, не за то, что онъ насъ подслушалъ, когда мы съ тобой болтали, сидя тамъ, въ полѣ. Не ко мнѣ онъ тебя приревновалъ, а совсѣмъ къ другому человѣку... И были у него на это, сказываютъ, улики. А знаешь ли ты это и скажешь ли, или не захочешь сказать, кто этотъ человѣкъ?

И Русаковъ, взглянувшій снова въ лицо женщины, снова увидѣлъ на немъ то же изумленіе, тѣ же широко раскрытые глаза, то же будто напряженное вниманіе и полное непониманіе того, что онъ говорить.

— Да!—вскрикнула вдругъ Марѳа.—Поняла! Эка куда хватилъ! Вѣдь сразу-то и не осилишь! Эка! голова! Ахъ, ты, голова! Ахъ, ты, шалый! Что ты отъ всѣхъ бунтованій очумѣлъ, что ли? Какову канитель вывелъ!.. Монаховъ обманно спасся нынче отъ смерти! Разворовалъ вишь магазинъ. А онъ вишь не разворовывалъ. Стало быть, схитрилъ, самъ на себя показалъ, чтобы избавиться. А тамъ ко мнѣ попалъ въ домъ, потому что я, стало быть, такъ наладила? А почему? Потому что онъ мой полюбовникъ! Тьфу, ты, пропасть! Экій дьяволъ въ тебѣ засѣлъ! Да ты совсѣмъ отъ бунта очумѣлъ, что ли?

— Такъ... такъ!..—страннымъ голосомъ отозвался Русаковъ.—Говоришь-то ты такъ, и по лицу-то даже видать, будто правду сказываешь. А вотъ я не вѣрю! Вотъ хоть что хочешь—не могу...

Онъ поднялся съ мѣста и сталъ шагать по кухнѣ, разводя руками, какъ будто самъ съ собой разговаривая, и, наконецъ, произнесъ:

— Ну, ей-Богу, не могу!..

— Стало быть, по-твоему выходитъ, что покойникъ Ѳерапонтъ Ильичъ меня ревновалъ и хотѣлъ даже убить изъ-за Монахова, а не изъ-за тебя?

— Ну-да, да! Сказывалъ я тебѣ. Чего повторяешь, будто не слыхала.

— Стало быть, теперь выходитъ, ты меня приревновалъ къ тому же Монахову послѣ Ѳерапонта Ильича?

— Вѣстимо!

— Да, вонъ оно какъ!—разсмѣялась Марѳа.—У покойника такихъ глупостей въ головѣ не было и быть не могло, а вотъ тебѣ въ голову втемяшилось. Ну, что же, коли ты этакое надумалъ, такъ я тутъ ничего не могу. Ты самъ придумывай, какъ распутать дѣло, а я тебѣ помогу.

— Какъ поможешь?! — вскрикнулъ Русаковъ, останавливаясь передъ ней.

— Да, такъ! Чего ты швыряешься? Ты не вѣсть что вздумалъ и сказываешь, что у тебя изъ-за этого черти на душѣ ерзаютъ,

или какъ тамъ... Ну, вотъ я тебѣ и говорю: придумай, что съ нимъ... съ этимъ Монаховымъ сдѣлать. И я тебѣ буду въ помощь. Онъ вотъ тутъ рядышкомъ сидитъ въ крайней комнатѣ, стало быть, коли онъ днемъ-то ловкимъ способомъ увернулся отъ топора, такъ вѣдь теперь въ нашей власти. Мы его можемъ сейчасъ, какъ курицу, прикончить. Вотъ ты тогда и успокоишься...

— Какъ такъ?! — уже изумленнымъ голосомъ произнесъ Русаковъ.

— Да такъ! Что ты? Одеревенѣлъ совсѣмъ! Вѣдь ты очумѣлъ! Тебѣ сказываютъ простое, а ты будто не понимаешь.

— Стало быть, по-твоему,—уже отчасти дрожащимъ голосомъ произнесъ молодой малый,—мы сейчасъ съ тобой, теперь или ночью, его вмѣстѣ похѣримъ?.. Зарѣжемъ, ну, задушимъ, что ли?

— Да! Только я этого на себя не возьму. Держать его буду, а ужъ ты самъ расправляйся.

— А держать будешь?

— Вѣстимо!

— Держать будешь?—вскрикнулъ Русаковъ.

— Говорятъ же—да!.. Вѣдь ты, ей-Богу же, очумѣлъ!

Прошло мгновеніе молчанія, и Русаковъ снова выговорилъ съ разстановкой:

— А держать ты Монахова будешь, покуда я буду его, ну, рѣзать, что ли, душить, что ли? Ты его держать будешь?

Марѳа махнула рукой, встала съ мѣста и отошла. Она не вынесла пронизательнаго, пытливаго взгляда молодца и побоялась въ это мгновеніе себя выдать.

— Что же не отвѣчаешь?—почти закричалъ Русаковъ.

— Нечего мнѣ съ дуракомъ слова тратить! Точно махонькій! Долби ему въ голову! Сказано десять разъ: сидитъ тутъ этотъ Монаховъ, какъ цыпленокъ какой въ курятникѣ, похѣритъ его двое ребятъ могутъ, и никто не узнаетъ и не услышитъ. А кто настряпалъ этакое въ этакіе головорѣзные дни, поди, разыскивай! Ужъ, конечно, ни на тебя, ни на меня никто не подумаетъ. Какая намъ выгода отъ него избавляться? Кто догадается, что ты цѣлую ахинею выдумалъ? Стало быть, что же? Тебѣ вотъ я и говорю: обожди вотъ часъ-полтора, станетъ совсѣмъ тихо, въ полночь и пойдемъ къ нему. Сторожа наружѣ стоятъ и, поди, спать навѣрное начнутъ, и никто не услышитъ и не увидитъ. Онъ—хилый, да и у меня силы много, вдвоемъ мы его скрутимъ, какъ простого щенка. Ну, стало, что же толковать? Можешь ты до полуночи обождать? Посиди, поѣшь!

Русаковъ двинулся, сѣлъ на скамью, просидѣлъ нѣсколько минутъ, молча, сгорбившись, глубоко задумавшись, потомъ выпрямился, провелъ рукой по лбу и выговорилъ:

— Ладно, Мареуша, согласенъ! Стало быть, дай поѣсть... Обождемъ часикъ, полтора, два и пойдемъ къ нему.

— Ну, вотъ и ладно!—тихо и спокойно произнесла Мареа и даже улыбнулась.

И лицо ея повеселѣло настолько, что Русаковъ еще болѣе выпрямился на скамьѣ, а лицо его выразило безконечное изумленіе.

«Да... да...—въ то же мгновеніе думала Мареа, улыбаясь неподдѣльной веселой улыбкой.—Да... да!.. Я да онъ, мы тебя въ пять минутъ спровадимъ, а въ двадцать минутъ и въ поле вытачимъ и бросимъ собакамъ, чтобы завтра они пообѣдали. А сами убѣжимъ».

И Мареа дѣйствительно въ веселомъ и радостномъ настроеніи крикнула старухѣ:

— Егорьевна, живо! Нутко, поднимай ноги? Разогрѣвай да подавай на столъ!

Русаковъ поужиналъ, не спѣша и болтая оживленно обо всемъ, что произошло за день.

— Все слава Богу теперь!—нѣсколько разъ повторилъ онъ. Онъ такъ и думалъ въ дѣйствительности. Главнаго свидѣтеля его коноводства, его преступленія не было въ живыхъ, а Мареа была вдовой.

Посидѣвъ около часу, онъ сталъ собираться уходить... Мареа, волновавшаяся до крайней степени, истомленная нравственно, не рѣшалась заговорить, спросить...

Наконецъ, она разсмѣялась страннымъ, для нея самой новымъ смѣхомъ и произнесла, будто заигрывая:

— А рѣзать-то когда же... моего полюбовника-то?

— Ну, это ужъ ты сама... коли желаешь. А мнѣ не нужно,—весело отозвался Русаковъ.

И, распѣловавъ нѣсколько разъ женщину, которая покорно, будто охотно, далась на ласку, онъ ушелъ довольный, почти радостный.

Мареа тотчасъ же тихонько прошла къ арестованному и осталась съ нимъ до зари...

XLVI.

На другой день около полудня Мареа была поражена новостью. Дверь между передними комнатами и кухней, гдѣ теперь пребывала она вмѣстѣ съ Егорьевной, была по приказанію начальства наглухо заколочена гвоздями, а новая смѣна часовыхъ помѣстилась не на крыльцѣ, а уже въ сосѣдней большой комнатѣ. Монахова посадили въ ея спальнѣ, угловой комнатѣ, и заперевъ унесли ключъ.

Такимъ образомъ, Мареа лишилась возможности тайкомъ видѣться съ нимъ, несмотря на то, что у нея былъ другой ключъ отъ спальни. Когда она попыталась смѣло и явно пройти, часовые не пропустили ея, говоря, что начальство не приказало никого допу-

скать къ заключенному. Какое начальство, кто,—на этотъ вопросъ поселяне часовые отвѣчали просто, искренно, что и сами не знаютъ.

— Кто ихъ разберетъ, кто теперь наибольшимъ почитается? Кажись, энтооть... русский этакій... солдатъ.

Когда ввечеру снова пришелъ Русаковъ, то на вопросы Марѳы о неожиданныхъ, странныхъ строгостяхъ по отношенію къ Монахову и о заколоченной двери онъ отозвался полнымъ невѣдѣніемъ. Она не рѣшилась прямо высказать ему свое предположеніе, что это дѣло его рукъ. Онъ же самъ будто старался даже избѣгать разговора объ офицерѣ и, посидѣвъ немного, ушелъ...

Не видаясь теперь съ Монаховымъ, Марѳа не могла переговорить съ нимъ и въ случаѣ необходимости условиться въ чемъ либо относительно побѣга.

На слѣдующее утро Егорьевна разбудила хозяйку и объявила двѣ новости. Рябой, на котораго Марѳа могла теперь во многомъ рассчитывать, былъ найденъ на улицѣ мертвымъ около ихъ дома. Онъ былъ зарѣзанъ ночью, не вѣдомо кѣмъ и за что.

Вторая новость, болѣе страшная для Марѳы, заключалась въ томъ, что двухъ офицеровъ, которъхъ на время пощадили и засадили въ сарай на ротномъ дворѣ, тоже невѣдомо почему и вслѣдствіе чьего приказа вытащили на зарѣ и собрались было рубить головы, но затѣмъ по настоянію нѣкоторыхъ болѣе благоразумныхъ стали нещадно сѣчь. Результатъ былъ тотъ же: оба полумертвыми были посажены снова въ сарай, и одинъ изъ нихъ уже скончался.

Женщина рѣшила, что терять времени нельзя, но дѣйствовать одной было мудрено. Нуженъ былъ непремѣнно помощникъ. Во всемъ же Рускинѣ послѣ убійства рябого Марѳа могла обратиться только къ одному—родственнику Баранову, человѣку, въ такомъ дѣлѣ наименѣе подходящему, вслѣдствіе его крайняго легкомыслія. Вдобавокъ, съ того дня, что онъ былъ наказанъ за «супротивничанье» бунту, онъ пропадалъ изъ Рускина, по цѣлымъ днямъ разѣзжая верхомъ, и только являлся ночевать. Его видѣли въ офицерскомъ мундирѣ, въ эполетахъ и даже въ орденахъ.

Кромѣ того, онъ многимъ дарилъ разныя вещи, очевидно украденныя и, конечно, въ пустыхъ квартирахъ схваченныхъ офицеровъ.

Побывавъ раза два или три подъ рядъ, Марѳа уже поздно вечеромъ наконецъ застала Баранова дома, переговорила съ нимъ. Не имѣя возможности, конечно, правдиво объяснить причину, по которой она хочетъ спасти Монахова, она придумала нѣчто иное. Она рѣшила дѣйствовать на слабую струну Баранова, который, несмотря на то, что былъ сравнительно человѣкъ богатый, былъ страшно падокъ на деньги.

Изъ денегъ, найденныхъ въ сундучкѣ покойнаго мужа, Марѳа предложила Баранову двадцать пять рублей въ награду за помощь.

говоря, что это деньги самого Монахова, который обѣщается за свое освобожденіе уплатить сто рублей.

Барановъ, смѣясь и шутя, объявилъ, что готовъ помочь, но такъ какъ это дѣло по времени очень опасное, что онъ уже разъ изъ-за нея пострадалъ и не желаетъ, чтобы его снова засѣкли до смерти, то согласенъ только при условіи получить всѣ сто рублей.

Разумѣется, Марѳа согласилась тотчасъ же.

— Сказывать легко,—рѣшилъ Барановъ, подумавъ:—а какъ это все сдѣлать? Тебѣ-то ничего не будетъ, бабу засѣкать не стануть, развѣ побьютъ. А съ меня прямо кожу спустятъ.

— Не бойсь! Я ужъ все на всѣ лады передумала! — отвѣтила Марѳа и объяснила свой планъ.

Барановъ долженъ былъ войти въ дружбу съ часовыми, среди ночи и якобы угощаемый Марѳой въ кухнѣ, долженъ былъ, прикинувшись немного подгулявшимъ, позвать выпить и сторожей. Коли удастся ихъ напоить даже не мертво-пьяными, а самую малость, можно будетъ воспользоваться нѣсколькими минутами и отворить дверь крыльца. А тамъ ужъ его дѣло, Монахова, броситься въ поле и бѣжать.

Барановъ находилъ, что этотъ планъ нѣсколько опасенъ для него.

— Не повѣрятъ заправители наши,—заявилъ онъ.—Догадаются, что я съ тобой въ уговорѣ былъ.

Однако, Марѳа убѣдила Баранова, придумавъ новую хитрость. Было рѣшено, что онъ, изобразивъ сильно выпившаго, позоветъ сторожей къ ней въ гости, а самъ тутъ же при нихъ замертво якобы повалится и заснетъ на полу. Они убѣдятся, что прежде, чѣмъ сами немного выпили, Барановъ былъ уже мертво-пьянъ и валялся. При допросѣ на слѣдующій день они, конечно, такъ и покажутъ. И окажется, что Марѳа ихъ всѣхъ троихъ обманно провела, напоила и выпустила Монахова. Виновата будетъ одна она.

— А ты-то какъ же? Тоже убѣжишь что ль?—спросилъ Барановъ.

— Это уже мое дѣло!—отозвалась она.—Отчего бы и нѣтъ?

И вскорѣ послѣ полуночи Барановъ явился къ Марѳѣ, не скрываясь отъ сторожей и будто бы по важному дѣлу: звать ее вмѣстѣ съ его матерью ѣхать рано утромъ въ Руссу. Явившись, онъ прежде всего потребовалъ у женщины впередъ обѣщанныя деньги.

Не прошло минутъ десяти, что Барановъ сидѣлъ съ ней вмѣстѣ въ кухнѣ, нѣсколько волнуясь отъ того, что собирался дѣлать. Егорьевна, выйдившая во дворъ, вернулась и заявила:

— Хозяйка, чудно, а вѣдь энтотъ кантонистъ опять чрезъ дворъ шмыгнулъ.

Марѳа сильно смутилась.

— Какой кантонистъ?—спросилъ Барановъ.

Марѳа объяснила, что съ тѣхъ поръ, что Монаховъ подъ арестомъ у нея на дворѣ, и днемъ, и ночью появляется все тотъ же

четырнадцати-лѣтній кантонистъ, котораго она не знаетъ. Вѣроятно, онъ не изъ Рускина. Очевидно, что онъ подглядываетъ, подосланный кѣмъ нибудь.

— Стало быть, онъ знаетъ, что я у тебя сижу въ такую пору?— струхнулъ Барановъ.

— Можетъ, знаетъ, а, можетъ быть, и нѣтъ! Да не все ли тебѣ, дурень, равно? Вѣдь сторожа-то завтра все равно покажутъ, что ты былъ.

— Оно точно!—согласился Барановъ и прибавилъ:—охъ, ужъ не знаю, стоитъ ли изъ-за сотенной коли не на тотъ свѣтъ итти, такъ въ постель на мѣсяцъ ложиться?

— Стоитъ! И очень даже стоитъ!—выговорила Марѳа твердо.— Ты глупъ и самъ не понимаешь. Это твое счастье, что я тебя выбрала.

— Счастіе?! — изумился Барановъ.—Господь съ тобой, что ты говоришь!

— Понятное дѣло, что счастіе! Ты какъ полагаешь, чѣмъ кончится все это бунтованіе, всѣ эти злодѣйства? Виноватыхъ-то что-ли не будетъ? Въ острогъ и въ Сибирь никто не пойдетъ? Полагаю, ты понимаешь, что не минетъ недѣли—двухъ, какъ начнется расправа, и будутъ наказанные?

— Вѣстимо!—отозвался Барановъ.—Понятно! Ну, такъ что же? о чемъ ты?...

— Ну, а думалъ ли ты, что будутъ и награжденные?

— Какъ же такъ?

— Да такъ! Думаешь ты, не будетъ таковыхъ, которыхъ начальство за какія либо ихнія дѣла наградить? Солдатъ, къ примѣру, какой, или поселянинъ, который спасъ отъ смерти офицера? Какъ на него посмотритъ начальство? Понятное дѣло, наградить!

— А вѣдь это твоя правда!—сказалъ Барановъ. И сразу лицо его просіяло. — Это вѣрно! Ну, спасибо же тебѣ! Вотъ я трусилъ, а теперь на что хошь пойду! Вѣдь меня, пожалуй, въ фельдфебели за такое произведутъ?

— Разумѣется! Только вотъ ты напрасно въ мундирахъ да въ орденахъ скакалъ по всей округѣ. Ну, да все-таки за такое дѣло, какъ спасеніе офицера отъ злодѣевъ, будешь взысканъ начальствомъ.

XLVII.

Черезъ полчаса Марѳа, оставивъ столъ въ кухнѣ всякой ѣдой и водкой, сильно волнуясь, приготовилась къ рѣшительнымъ минутамъ.

— Сумѣешь ли ты? — ужъ чуть не въ десятый разъ спрашивала она Баранова.

— Говорятъ тебѣ, сумѣю! Бывалъ навеселѣ самую малость, а изображалъ совсѣмъ пьянаго до помраченья и безножья. Эка невидаль, ногами мыслете писать да языкомъ всякое неподходящее болтать! А все-таки для пущей вѣрности дай стаканчикъ или два въ глотку пропустить.

И, выпивъ залпомъ два большихъ стакана одинъ за другимъ, молодой малый сразу будто встрепенулся и ожилъ.

— Гляди, какъ все повернемъ! Просто на диво! — вскрикнулъ онъ. — Смотри, только ты сама сумѣй мнѣ помогать! Ты баба, да еще красивая, нѣтъ краше. Подзадоривай ихъ смѣшками да прибауточками, изобрази тоже подгулявшую малость, ластись да заставляй пить. Лей въ нихъ, сколько влѣзетъ.

Барановъ вышелъ во дворъ, обогнулъ уголъ дома и, войдя снова въ большую комнату, окликнулъ двухъ поселянъ, изображавшихъ часовыхъ, но лежавшихъ на полу комнаты, слабо освѣщенной фонаремъ.

— Ты кто? Чего тебѣ?—вскочили оба.

— Чего мнѣ?—отозвался онъ.—Я къ вамъ. А я-то—Барановъ. А мнѣ того, что обидно за васъ. Чего вы тутъ болтуна высисживаете? Я не злой человѣкъ. Я вотъ у Марѣы Митревны угощаюсь—сижу, такъ что, поди, черезъ полчаса и пьянъ буду, а вы тутъ торчите, не солоно хлебавши, только облизываетесь! Иди выпить!

И при этомъ Барановъ, съ трудомъ якобы ворочая языкомъ, искусно покачивался. Онъ вообще изображалъ сильно пьянаго настолько правдоподобно, что любой актеръ позавидовалъ бы!

— Ну, что же? Иди выпить! У нея вина страсть сколько! Поконный-то, выходитъ, нализывался каждый вечеръ, чуть не по полведра выпивалъ. А вотъ запаса-то своего и не успѣлъ выпить. На тотъ свѣтъ съ собой взять не пришлось! — захохоталъ Барановъ грубо, глупо и совсѣмъ мастерски.

— Что же? Выпить бы теперича куда хорошо бы!—заявилъ одинъ и уже шагнулъ впередъ.

— Что ты? Белены что ли объѣлся! — воскликнулъ старшій изъ двухъ.—Намъ не приказано отсюда ни на шагъ отлучаться.

— Да вы же, дурни, и не въ отлучкѣ будете! Въ томъ же домѣ, только у самой хозяйки.

— Командиры, братецъ мой... нонѣшніе-то... бѣдовые.

— Все пустое!—возразилъ Барановъ.—Какое начальство? Дураки вы дурачкіе! Нешто есть въ Рускинѣ начальство? Рябой, что ли? Такъ его за хвостъ да въ воду! Нашли, болваны, кого слушаться! Плевать вамъ на всѣхъ! Да и что же изъ этого будетъ, что вы одну минуту пойдете въ кухню выпить шкаликъ? Что же офицерикъ-то дверь, что ли, выломаетъ да убѣжитъ? Онъ, поди, спитъ теперя!

— Оно точно! Пожалуй, что и так!—отозвались оба.

— А все-таки какъ-то негодно... Теперь знаешь, какія времена!—сказалъ старшій.—Случись что, поутру тебя первый попавшійся свой братъ на смерть запереть. Оно выходитъ, братецъ ты мой, съ начальствомъ плоховато, а безъ начальства и того хуже. Былъ вотъ одинъ Пузанъ, управитель лихой, а теперь этихъ Пузановъ развелось видимо-невидимо.

— А потому, что вы дураки! Онъ тебя, а ты его! Я вотъ никого ихъ не слушаюсь! Ну, иди, что ли! Выпьете по стаканчику и вернетесь болтуна высиживать.

— А вдругъ навѣдается кто дозоромъ, а насъ тутъ нѣту?—сообразилъ старшій.

— Какой ночью дозоръ, дурень!..

— Нѣтъ. И рады бы вотъ... ей-Богу... да не можно. А вотъ, ей-Богу, рады бы...

Въ виду нерѣшительности обоихъ поселянъ Барановъ вдругъ придумалъ:

— Ну, ладно. Я дѣло обдѣлаю! Замѣсто вась посажу часового, который, поди, углядитъ лучше, чѣмъ вы!

И Барановъ крикнулъ во все горло въ заколоченную дверь.

— Егорьевна! А, Егорьевна! Иди, что ли! Сюда иди!

Марѳа, стоявшая у самой двери и слышавшая все до послѣдняго слова, тотчасъ же откликнулась изъ кухни и выслала старуху.

— Чего вамъ?—явилась Егорьевна.

— А вотъ чего!—крикнулъ Барановъ:—я тебя произвожу въ рядовые, въ воины россійской государственной армии! Поняла ты, старая... корга?

И Барановъ, махнувъ рукой, покачнулся въ бокъ и какъ бы едва устоялъ на ногахъ.

— Ну, ты, новый унтеръ-офицеръ Егорьевичъ, что ли. Садись вотъ тутъ на крыльцѣ, саблю вынимай изъ ноженъ, а коли нѣтъ, вмѣсто сабли чулокъ вынимай. Садись и сторожи: если кого завидишь, живо насъ предупреди. Поняла? И гляди въ оба. Поняла, что ль, чортъ старый? Убью!..—крикнулъ Барановъ.

И все сказанное имъ было сказано настолько мастерски, что не только сторожа, но и сама Егорьевна въ это мгновеніе вполне убѣдилась, что Барановъ дѣйствительно выпилъ черезъ край. Она даже слегка оробѣла.

— Садись и караулъ!—крикнулъ онъ снова.—А мы пойдемъ на одну минуточку, угостимся!

Двое сторожей, ухмыляясь, вошли въ кухню, гдѣ совершенно спокойно въ углу, опершись на столъ, сидѣла Марѳа. Казалось, что она уже давно сидитъ все въ той же позѣ.

— Вы что такое?—удивленно произнесла она.

Но веселое настроеніе звучало въ ея голосѣ.

— А вотъ что такое!—закричалъ Барановъ.—Я ихъ привелъ! Нечего кочерыжиться-то! Ты вотъ угощай насъ! Ихъ, дураковъ, посадили тутъ сторожить невѣдомо по чьему приказу. Какое такое начальство? Дураки они! Вотъ мнѣ и жалко стало! Пускай угостятся! Ну, поворачивайся! Подавай намъ да прислуживай!

— Что же, я съ удовольствіемъ!—объявила Марѳа, вставая.— Садитесь! Вина этого у меня дѣвать некуда. Пожалуй, ведра три, куда мнѣ его? На улицу выливать, что ли? Кушайте на здоровье все, что есть. А не хватитъ, я еще принесу.

Оба поселяннина, за нѣсколько минутъ назадъ изображавшіе строгихъ часовыхъ, сразу, при одномъ видѣ всего, что было на столѣ, повеселѣли. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они и пріободрились послѣ всего, что сейчасъ слышали.

— И то правда!—сказалъ старшій.—Какое,—ну ихъ,—начальство! Сами дрыхнуть, а мы тутъ сиди! Кто ихъ въ командиры жаловалъ? Ихъ черезъ недѣлю всѣхъ перепорютъ да въ Сибирь пошлютъ. А ихъ вишь теперь слухайся! Черти этакіе! Нѣтъ, врешь! Мы вотъ угостимся, да прямо домой поидемъ. А сидѣть не станемъ,—вотъ что!

— Молодцы ребята!..—заоралъ Барановъ.—Вотъ такъ-то вотъ, давай! Кто всѣхъ гораздѣе, давай объ закладъ! Давай тягаться, кто меньше всѣхъ выпьетъ!

— Какъ это «меньше»?—спросилъ старшій.—Я меньше всѣхъ не могу!

— Ну, вотъ и я не могу!—отозвался Барановъ, шлепаясь на скамью, какъ если бы ноги уже совсѣмъ подкашивались подъ нимъ.

Оба поселяннина сѣли тоже. Марѳа весело и, конечно, съ искренней радостью начала угощать ихъ. Барановъ, выпивъ еще два стакана, свалился со своей лавки на полъ, началъ что-то бормотать, ругаться, а затѣмъ уже нести околесную. И не было возможности разобрать ни единого слова.

— Уходилъ здорово!—сказалъ молодой поселянинъ.

— Не знаю съ чего!—отозвалась Марѳа.—Выпилъ онъ немного.

Осушивъ цѣлую бутылъ и плотно закусивъ, оба поднялись и собрались уходить.

— Буде. Лучше все-таки... отъ грѣха подальше,—сказалъ старшій.—А то вотъ такъ же, какъ и Барановъ, свалишься. А завтра-то тебя поглядятъ спереди и сзади такъ, что однѣ кости безъ мяса останутся.

— Полно вы!—возразила Марѳа.—Вѣдь сказывалъ онъ вамъ, и я то же скажу: кто васъ поставилъ сторожами? Истинное начальство, что ли? Всякій сбродъ горластый! Выпейте еще маленько, да и идите! Итти недалече, десять шаговъ, а не верстовъ.

— Ну, ладно. Малость еще можно,—отвѣтилъ старшій поселянинъ. И снова оба сѣли за столъ.

Черезъ четверть часа оба осовѣли совсѣмъ.

XLVIII.

Прошло еще съ полчаса.

Увѣрившись, что поселяне уже совершенно не въ состояніи помѣшать ей въ чемъ либо, такъ какъ настолько опьянѣли, что не способны даже встать на ноги, Марѳа украдкой перекрестилась и двинулась.

Она быстро вышла и бѣгомъ обѣжала домъ. Въ карманѣ ея былъ ключъ, который она вынула изъ мужнинаго сундука. Какое громадное значеніе теперь имѣлъ этотъ запасный ключъ, который когда то Петровъ заказалъ! Тогда она подсмѣивалась надъ мужемъ, что это—выдумка самая нелѣпая. А теперь отъ этого ключа зависѣло все...

Женщина отправила старуху сторожить пьяныхъ, а сама подбѣжала къ запертой двери... Два раза звякнулъ замокъ, дверь отворилась, и на порогѣ явился, почти выскочилъ Монаховъ. Онъ бросился къ Марѳѣ, обнялъ ее и сталъ цѣловать.

— Полно... Буде! Не время! Какія тутъ ласки! Бѣжи скорѣй!—воскликнула она со слезами въ голосѣ.—Живѣй! Живѣй! Помни, что сказалъ!.. А бросишь, пропадешь безъ вѣсти, грѣхъ тебѣ будетъ!..

— Глупая ты! Ты пропади, такъ я тебя всю жизнь разыскивать буду, а не то, что самъ пропаду!

Но едва только Монаховъ спустился по ступенькамъ крыльца и двинулся во дворъ, чтобы пройти въ огородъ, какъ съ угла двора изъ темноты бросились на нихъ четыре человѣка.

— Такъ я и зналъ!—крикнулъ первый.— Не на дурака напала, лисица!

Это былъ Русаковъ.

Марѳа была настолько поражена, что чуть не лишилась чувствъ, чуть не упала на землю. Монаховъ смаху бросился къ калиткѣ, выходящей въ огородъ, но трое людей Русакова бросились за нимъ въ догонку.

Марѳа осталась на мѣстѣ и закрыла лицо руками... Ей чудилось, что она подстрѣлена, что она ранена, что она умираетъ...

«Вѣдь все рухнуло... все пропало!.. Они сейчасъ же догонятъ его и, конечно, поволокутъ прямо на ротный дворъ. А завтра поутру... что будетъ? Черезъ сутки онъ будетъ покойникомъ... И все изъ-за этого злодѣя!»...

Русаковъ стоялъ около нея и что-то кричалъ, но Марѳа не слушала, или, вѣрнѣе, слыша все, ничего не понимала. Ей было не до того, что скажетъ онъ.

— Ну, ступай! Иди въ домъ, обманщица! Ловко прикидывалась!.. Хоть кого бы надула, да только не меня!.. Я все время былъ насторожѣ. У меня тутъ свой часовой былъ, и я зналъ,

къ чему дѣло идетъ. Сейчасъ прибѣжалъ онъ ко мнѣ, сказалъ, что у тебя сидитъ Барановъ въ эту пору. И, понятно, сразу догадался я, что тутъ налаживается.

Марѳа между тѣмъ очнулась и стала съ трепетомъ и ужасомъ прислушиваться въ ту сторону, гдѣ былъ огородъ. Черезъ нѣсколько мгновеній слышались голоса, все приближающіеся, и по двумъ-тремъ словамъ, которыя долетѣли до нея, она поняла, что случилось.

Испугъ и отчаяніе за участь милаго сразу смѣнились въ ней на страшное, бурное чувство, всколыхнувшееся на сердцѣ... Если бы былъ въ эту минуту въ ея рукахъ топоръ или ножъ, то, конечно, у нея бы хватило и рѣшимости, и силы искрошить этого лиходѣя, который одинъ губитъ и его и ее... Добро бы все Рускино накрыло ее? Или самозванное начальство? Нѣтъ! Одинъ ненавистный нахаль рѣшаетъ судьбу «Давыдушки».

Было мгновеніе, и Марѳа хотѣла броситься въ кухню, схватить топоръ, вернуться и сдѣлать дѣло... Онъ безоруженъ, да и не Богъ вѣсть какая у него сила. Она сильнѣе будетъ!..

Но было уже поздно. Во дворѣ появились трое поселянъ и вели, держа за руки, пойманнаго ими офицера.

— Что, голубчикъ, не далеко убѣгъ? Поди-ка, посиди ночку!— злобно крикнулъ Русаковъ.—А завтра утромъ мы тебя разсудимъ!

За всѣ нѣсколько мгновеній съ тѣхъ поръ, что раздался въ темнотѣ голосъ Русакова, и до этого мгновенія, когда пойманнаго Монахова снова вели къ крыльцу, Марѳа простояла истуканомъ. Насколько кипѣли и бушевали въ ней разнородныя чувства, настолько же недвижимо оставалось все тѣло, не шевельнулся ни одинъ палецъ на рукѣ.

— Иди, что ли, къ себѣ! — крикнулъ уже въ третій разъ Русаковъ.

Марѳа двинулась и послушно направилась къ заднему входу, въ домъ. Русаковъ пошелъ за ней и тихо приговаривалъ:

— Да... баба! Хитра! Зналъ я, что ты прытка. А все-таки этакое и не мерещилось!.. Вѣдь какъ мягко стлала, какъ красно расписывала! Предлагала вмѣстѣ его рѣзать... И всему я повѣрилъ!.. Да, и кто бы не повѣрилъ? Всякій! И что бы ты сдѣлала, кабы я тогда согласился итти его рѣзать, я ужъ и придумать не могу... Но все-таки не дался я, все-таки подглядывалъ, будто чуялъ, что дѣло нечисто. Ну, теперь ужъ пиши пропало! Завтра мы его порѣшимъ. Пополамъ не перерѣжемъ, а малую толику отъ него отрѣжемъ такъ же, какъ и отъ твоего стараго хозяина.

Идя въ кухню, Марѳа все-таки думала о томъ, что скажетъ или что сдѣлаетъ Барановъ: притворится ли онъ мертво-пьянымъ на полу или нѣтъ? Къ ея удивленію, его въ кухнѣ не оказалось. Барановъ, при первомъ же крикѣ Русакова, выскочилъ изъ кухни и былъ уже теперь далеко.

Зато у стола оба сторожа были мертво пьяны. Одинъ изъ нихъ, вытянувъ руки на столъ, положилъ на нихъ лохматую голову и храпѣлъ. Другой, закинувшись на скамѣ и прислонясь къ стѣнѣ, безмысленно, какъ бы мертвыми глазами глядѣлъ передъ собой. Онъ спалъ наяву.

— Такъ! Такъ! Ловко!..—заговорилъ Русаковъ входя.—Просто мать-командирша! Знать, слыхала, что дѣлаютъ въ такихъ случаяхъ. Напоила, а сама дверь отомкнула... Да только одно мнѣ въ башку не лѣзетъ. Ключъ-то какой же ты разыскала? Вѣдь ключъ-то у меня, вотъ онъ, въ карманѣ! Вотъ это такъ колѣно! Что же ты языкомъ, что ли, отперла? Ты языкомъ только краснобайствовать умѣешь. Ловко, ей-Богу, ловко!—злбно повторялъ Русаковъ.

Взявъ въ углу стоявшую метлу, онъ наступилъ ногой на прутья, вырвалъ палку, а затѣмъ, приблизясь къ столу, со всего маху хватилъ ею лежащаго по спинѣ. Тотъ не двинулся. Очевидно, никакимъ битьемъ нельзя было его поднять.

Сидѣвшій выпучилъ глаза и забормоталъ что-то. Русаковъ ударилъ и его вдоль груди. Мужикъ охнулъ и безсвязно промычалъ:

— Чего?.. За что?..

— Ахъ, твари поганья!—вскрикнулъ Русаковъ.—Обломалъ бы я объ васъ сто палокъ! Что же теперь съ ними дѣлать?— обратился онъ къ Марѣѣ.—Что же они тутъ у тебя до утра ночевать будутъ? И присѣсть-то негдѣ!

Онъ повернулся, вышелъ снова во дворъ и окликнулъ своихъ. Марѣа прислушалась.

— Заперли, что ли?—кричалъ онъ.—Чудно! Чѣмъ же заперли? Какимъ ключемъ, коли онъ у меня въ карманѣ? Пьяны вы, что ли? Ключъ?.. Ну, стало, другой! Ловкая барыня Марѣа Митревна! Ну, идите, что ли?

Черезъ минуту трое поселянъ вошли въ кухню и завистливо поглядѣли на столъ, гдѣ еще стояла большая бутылъ, и сильно пахло водкой въ комнатѣ, особенно отъ облитаго стола, гдѣ лежалъ опрокинутый стаканъ.

— Ну, берись, тащи!—скомандовалъ Русаковъ.

— Чего изволишь?—спросилъ одинъ.

— Не поняли, скоты? Тащи этихъ вонъ. Какъ хошь! За ноги, что ли?

Всѣ трое взялись за сидѣвшаго, стараясь, чтобы онъ сталъ на ноги, но тотъ былъ такъ пьянъ, что только повалился на бокъ, когда до него дотронулись.

— Волоки, говорятъ!—скомандовалъ снова Русаковъ.

И онъ ударилъ палкой ближайшаго.

— Ты чего же дерешься?—огрызнулся этотъ.—Вишь, командиръ какой! Мы не хуже тебя!

— Не разговаривать! А то завтра же на рогномъ двѣсти влѣ-
пять! Тащи!..

И въ голосѣ Русакова было что-то такое самоувѣренное и по-
велительное, что поселяне бросились усердно исполнять приказаніе.
По очереди одного за другимъ они дѣйствительно не вывели, а
вынесли, полуволоча обоихъ пьяныхъ, но, конечно, вытащивъ
ихъ за калитку, тутъ же бросили на улицѣ.

Вернувшись снова въ кухню, они остановились у дверей.

— Что прикажешь?—спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Ничего больше. Спасибо! А вотъ вамъ за усердіе!..

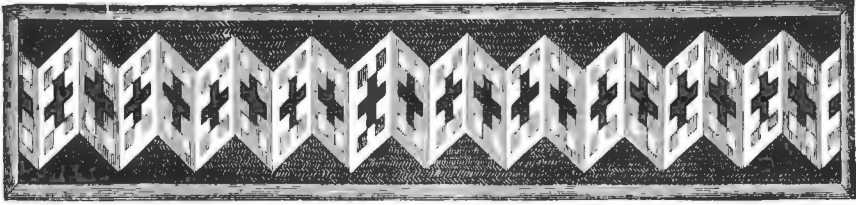
И взявъ бутылъ и стаканъ, Русаковъ сталъ наливать имъ
вина. Угостивъ всѣхъ троихъ по очереди и давъ имъ по куску
хлѣба, онъ крикнулъ:

— Ну, уходи, проваливай, идола, а завтра приходи ко мнѣ
получать полтину обѣщанную.

Графъ Е. А. Салиасъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ТИПЫ И ХАРАКТЕРЫ КАВКАЗСКАГО ЧЕРНОМОРСКАГО ПОБЕРЕЖЬЯ¹⁾.

II.

Кандидатъ.

ВЪ ПЕРВЫЙ разъ я увидаль его на базарѣ. Странная была у него походка!..

Кандидатъ выступалъ гордо, вытягивая ноги и опуская ихъ медленно и осторожно, совершенно по-гусиному. Палкой своей онъ управлялъ тоже особенно, держа ее далеко въ сторону, какъ бы подпираясь ею.

Физиономія и внѣшность еще браваго, около семидесяти лѣтъ, старика не представляли ничего особеннаго, если бы не глаза — небольшіе, каріе и крайне лукавые, при ближайшемъ разсмотрѣніи которыхъ, особенно во время бесѣды, невольно думалось, что этотъ благообразный сѣдой старикъ хищникъ — до того коварно и зло сверкали огоньки его взгляда.

Базарные дни по воскресеньямъ въ мѣстечкѣ составляли въ нѣкоторомъ родѣ событіе, особенно во время купальнаго сезона, когда сѣзжались съ разныхъ концовъ Россіи дачники.

Весело и оживленно тогда на базарѣ, гдѣ и продуктовъ и народа много.

Раннее утро. Море не шелохнется. Изъ-за горъ выплываетъ солнце, окрашивая пурпурнымъ цвѣтомъ темную зелень на вершинахъ и въ балкахъ. Изъ трубъ нѣкоторыхъ жилищъ медленно

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСII, стр. 80.

поднимается дымъ и стоитъ неподвижно въ воздухѣ темными, не-
включимыми пятнами. Прохладно, даже свѣжо, и тихо.

Идутъ, слѣшать люди съ корзинами и сумками. Имъ навстрѣчу
попадаютъ другіе, нагруженные провизіей... Послѣднимъ тяжело,
но они довольны, что раньше, слѣдовательно лучше закупили, что
было нужно.

— Однако, вы съ базара?.. Хорошій базаръ?..

— Ничего. Хуторское масло все распродали!.. Винограду много,
кавуновъ...

— Почему платили?

Все это спрашивается на ходу, слѣшить въ самомъ дѣлѣ надо,
а то одна дрянь останется, тогда у перекупщиковъ придется по-
купать дороже.

Извозчики тоже работаютъ. Встрѣчаются дачники, а больше
дачницы, въ осетинскихъ бѣлыхъ шляпахъ, съ корзинами вино-
града, арбузовъ и вообще фруктовъ, которыми нагружены фаэтоны.

Простой народъ тащить болѣе основательныя вещи: свинину,
капусту, картофель и нескладную однобокую камбалу.

Чиновницы и дачевладѣлицы, вообще хозяйки въ шляпахъ,
болѣе или менѣе модныхъ, въ тальмахъ или мантильяхъ, обяза-
тельно въ перчаткахъ и съ прислугой позади, осторожно обходятъ
колеса телѣгъ, присматриваясь и прицѣпываясь къ товару.

При встрѣчахъ между собою онѣ крайне любезны, любопытны
и зорко слѣдятъ за туалетомъ другъ друга.

— Здравствуйте, уважаемая Полина Алексѣевна!.. — подходитъ
къ пожилой дамѣ, съ свиной фizioноміей, благообразный мужчина
въ широкой шляпѣ, лѣтъ поды пятьдесятъ.

— Здравствуйте, многоуважаемый Иванъ Казимировичъ, — не
отвѣчаетъ, а шипитъ дама.

Они жмутъ руки другъ друга и смотрятъ въ глаза, въ кото-
рыхъ выражается полная увѣренность: «знаю я тебя, мошен-
ника»... — любезно улыбаясь, говоритъ взглядомъ дама, на что
кавалеръ также условно ей отвѣчаетъ: «и шельма же ты, пребѣ-
довая шельма!» — но любезности такъ и сыплются съ ихъ фари-
сейскихъ устъ.

Это—люди высшаго общества мѣстечка.

Нарядные парни ходятъ группами. Они не покупаютъ, а гу-
ляютъ по базару: смотрятъ на людей и себя показываютъ... Гор-
пичныя, вообще женская прислуга, непремѣнно съ розами на головѣ
или на груди, не торопятся уходить съ базара, гдѣ такъ весело и
людно. Кромѣ того, у нихъ имѣются и не одни хозяйскія дѣла, а
свои секретныя, сердечныя дѣлишки.

Вонъ, въ сторонѣ отъ наваленныхъ въ кучу полосатыхъ и темно-
зеленыхъ арбузовъ, кокетливо играя сумкой, въ которой пролилась
уже сметана, и пошевеливая ножкой пыльную морковь, выслуши-

ваетъ комплименты дѣвушка... Ея смуглая кожа покрылась легкимъ румянцемъ, а хлопецъ, крутя черный усь и порываясь выдумать пріятное словечко, вплотную подошелъ къ дѣвушкамъ... Вотъ-вотъ обниметъ онъ кокетку...

Хорошо на базарѣ. Даже старички и тѣ весело гуторятъ между собою, вспоминая навѣрно забавные случаи изъ своей прежней жизни. Греки и турки рѣзко выдѣлялись отъ русскаго элемента, въ особенности послѣдніе, не только своими восточными фізіономіями, но оригинальнымъ костюмомъ, задняя часть котораго виситъ въ видѣ порядочныхъ мѣшковъ. Турки—это пріѣзжіе рыболовы изъ Малой Азіи, греки, большею частію, постоянные жители мѣстечка.

Полицейскіе тоже прогуливаются по базару, посматривая и пробуя то грушу, то виноградъ. Впрочемъ эти пробы производятъ они осторожно и какъ бы мимоходомъ.

Не то кандидатъ...

— Смотрите, — говорили мнѣ, — старикъ какъ пробуетъ, воза не оставитъ... Бѣдовый старикъ!

И я смотрѣлъ и спрашивалъ:

— Зачѣмъ же онъ такъ много?..

— Покушаетъ вдоволь, — смѣясь отвѣчали мнѣ, — позавтракаетъ добре, и гроши цѣлы!..

— Можетъ быть, мало у него этихъ грошей?..

— О, старикъ богатый, но скупой дюже... Сколько плановъ скупилъ!.. Торгуетъ важно!..

Глядя на кандидата, я положительно имъ увлекался и не обращалъ вниманія на стариковъ и парней, на горничныхъ и матронъ... Вотъ такъ пробовалъ!.. Это одна прелесть!..

У старика была цѣлая система, школа!.. Онъ ходилъ и пробовалъ, то-есть ѣлъ, что ему нравилось на одномъ возу, переходилъ къ другому, останавливался на короткое время у женщины, торговавшей ягодами на землѣ, и, опираясь на палку, легко захватывалъ горсть черешенъ и шелъ далѣе.

Онъ пробовалъ важно, съ достоинствомъ!..

Подходя къ возу, онъ протягивалъ къ предмету палку, слегка трогалъ самый предметъ или стучалъ около него и спрашивалъ коротко:

— Почемъ?.. Почемъ продаешь?..

— Десять копеекъ фунтъ!..

— А, ну-ка!..

Онъ медленно бралъ предметъ въ руки, осматривалъ его внимательно, затѣмъ клалъ въ ротъ и жевалъ, стоя передъ продавцомъ или женщиной, жевалъ долго, вкусно и... потомъ уходилъ. Подходилъ къ другому «блюду», которое также пробовалъ... Онъ ѣлъ грушу, послѣ которой закусывалъ творогомъ, бралъ кистъ

винограда, выплевывалъ косточки чуть ли не въ лицо продавца, котораго спрашивалъ: какой сортъ? откуда онъ? и давно ли развелъ виноградникъ? сколько уступить при покупкѣ нѣсколькихъ пудовъ?

Производитель мысленно продавалъ старику весь свой возъ, едва разговаривая съ другимъ покупателемъ и отвѣшивая послѣднему два или три фунта, когда старикъ уходилъ къ картофелю, который онъ тыкалъ палкой, спрашивая цѣну. Однимъ словомъ не было предмета на базарѣ, предмета, употреблявшагося въ пищу въ сыромъ состояніи, котораго бы не пробовалъ кандидатъ, послѣ чего довольный и сытый уходилъ въ домъ свой.

Базаръ пустѣлъ. Не стало свѣжести—жара и пыль отъ уѣзжавшихъ дилижансовъ мѣняли картину, недавно такую живую и пеструю. Появлялись сильно навеселѣ крестьяне, спорили со своими бабами и шумно, съ крикомъ, покидали площадь. У трактировъ, у постоянныхъ дворовъ толпились люди.

Скучно и грязно теперь на базарѣ, по которому ходятъ, аппетитно похрюкивая, свиньи. Теперь ихъ время, теперь онѣ «пробуютъ» остатки моркови, капустныхъ листовъ и всего, что, смѣшавшись съ пылью, представляло собой непривлекательный соръ. Собаки съ поджатыми хвостами боязливо толпятся близъ мясныхъ лавокъ.

Земельная спекуляція — продажа «плановъ», царила въ этомъ, нетронутомъ истинной культурой, мѣстечкѣ. Спекуляція захватила въ свою власть почти все населеніе, и временныхъ и постоянныхъ жителей.

Богатые и бѣдные, культурные и простые люди, мечтали объ одномъ: купить задешево планъ (участокъ въ 500 кв. саженъ) и продать его дорого.

«Въ самомъ дѣлѣ, вотъ Петръ Ивановичъ купилъ за пятьдесятъ, а продалъ за четыреста рублей, Сигизмундъ Викентьевичъ купилъ за сто, построилъ... ну, такъ пустяки построилъ, домишко за какіе нибудь триста рублей, а, смотрите, нашелъ покупателя на 1.200 рублей. А докторъ, а священникъ, наконецъ старшина, таможенный—всѣ, всѣ нажили хорошія деньги... и еще наживутъ!»...

Заняться «планами»—это не то, что разводить высшія культуры!.. Попробуйте потрудиться на виноградникѣ, походите за фруктовыми деревьями!.. Въ такихъ дѣлахъ не только трудъ, но знанія, выдержка нужны... Да и этого мало: неурожай, неудача въ винодѣліи и мало ли что!.. Богъ съ нимъ, съ хозяйствомъ!.. премудрое и хлопотливое дѣло.

«А «планъ» купилъ и жди спокойно!.. Слово крѣпкій капканъ на ходовой тропѣ поставитъ... Звѣрь навѣрно набѣжитъ... Ни хло-

потъ, ни возни, развѣ заборчикомъ недорогоимъ окружить участокъ... Это стоитъ!.. Не безпокойтесь, затраты на заборъ возмѣстятся, да съ огорожей и видъ участка лучше, компактнѣе!»

Приблизительно такъ разсуждали спекуляторы и аферисты мѣстечка, такъ разсуждалъ и кандидатъ, который окончательно спеціализировался на этомъ благородномъ и выгодномъ занятіи.

Но кто такой наконецъ этотъ кандидатъ?—спросить читатель. Имѣйте терпѣніе. Надо все по порядку.

Кандидатъ, какъ и всѣ жители и дачевладѣльцы мѣстечка, сдавалъ «на сезонъ» квартиры; этотъ промыселъ, крайне распространенный и увлекательный, походилъ на своего рода спортъ...

Богатые сравнительно люди и мѣстные чиновники на время сезона покидали свои квартиры и перебирались въ сараи, въ пристройки для скотины и т. д. «Заработать» такимъ путемъ было принято въ мѣстечкѣ, и культурные владѣльцы стѣсняли себя до крайности, переноса неудобства съ твердостью истинныхъ героевъ.

Эксплуатація приѣзжихъ «курсовыхъ» была жестокая. Неопытныхъ людей прижимали, создавали для нихъ поистинѣ невозможную обстановку, нарушая условія и давая себя постоянно чувствовать.

Да оно и понятно!.. Поживите въ свиномъ хлѣвѣ въ то время, когда въ вашей квартирѣ живутъ чужіе люди!.. да еще какіе!.. Вы, напримѣръ, имѣете чинъ, занимаете все-таки положеніе, положимъ, не высокаго ранга, хотя бы акцизнаго надзирателя, что для такого мѣстечка имѣетъ значеніе, вы человѣкъ «общества», у васъ прекрасный диванъ, около окна уютное мѣстечко, и всѣмъ этимъ пользуется какой нибудь мѣщанинъ изъ Вологды, приѣхавшій купаться въ морѣ.

Вы и не знали, что онъ податного сословія: одѣтъ прилично, видъ такой интеллигентный... Не угодно ли? Правда, квартира сдана выгодно, даже очень!..

— Вы не можете себѣ представить постоянныя, ежедневныя неприятности, которыя мы терпимъ съ женой,—говорилъ мнѣ знакомый «курсовой»...

— Вы снимаете квартиру у кандидата?.. Онъ такой, повидимому, благообразный и дѣловой человѣкъ!..

— Чтобъ чортъ его побралъ!..—горячился курсовой,—и съ его дѣлами!..

— Отчего же не перемѣните квартиры?..

— Впередъ отдалъ за сезонъ половину платы... Вотъ горе-то!..

— Ну, это неосторожно...

— Самъ понимаю, батюшка... Вотъ это самое благообразіе, о которомъ вы изволили замѣтить, меня и подкупило... Вотъ, думаю, божій старичекъ... въ дружбѣ да покоѣ будемъ состоять...

Разговоръ происходилъ на бульварѣ на берегу моря, которое ласково шумѣло, набѣгая волна за волной... Недалеко находилась скамейка; присѣвъ на нее, мы нѣкоторое время молчали.

Странное впечатлѣніе на меня, да и на многихъ, производитъ море, когда оно не бурно, но слегка волнуется... Хочется глядѣть на это море молча, глядѣть на красивые бѣлые гребешки, на оригинальную ихъ пѣну среди изумрудныхъ водъ.

И катятся, догоняя другъ друга, волны, еще и еще, и смотришь и ждешь другихъ такихъ же, но въ то же время будто и разнообразныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вотъ эта волна высоко поднялась до скалы, другая разсыпалась, не обмывъ даже остраго камня... Но вотъ несется еще, несется такъ плавно, размашисто, загибая вправо, за ней слѣдомъ ровная, съ совершенно ровнымъ гребнемъ... Любопытно, какая же ударить высоко?..

Ясно, тихо совершенно... Спокойно дышитъ море, будто довольное роскошнымъ, свѣтлымъ днемъ, синимъ небомъ и зелеными берегами. И вашу душу наполняетъ спокойствіе, и вы не то вспоминаете, не то вѣрите... и вамъ хорошо, безусловно хорошо... Развѣ не правда это?

Мы молчали и забыли о кандидатѣ... Въ самомъ дѣлѣ кандидатъ и море?..

— Не ушелъ бы отсюда!..— сказалъ мой знакомый,—а надо итти къ хозяину.

— Скажите, пожалуйста, кандидатъ... это званіе что ли?

Мой знакомый засмѣялся и, вытащивъ изъ кармана два небольшихъ листика бумаги, подаль миѣ со словами: «прочтите».

На одной бумажкѣ было написано довольно подробное условіе о сдачѣ на сезонъ квартиры съ прислугой, которой обозначалась плата три рубля въ мѣсяцъ, на другомъ листикѣ было сказано: «я, Екатерина, отказываюсь прислуживать, развѣ только подать за три рубля въ мѣсяцъ самоваръ». Обѣ бумажки были подписаны: отставной кандидатъ такой-то, съ прибавленіемъ, что выдержалъ экзаменъ на таковое званіе въ Варшавскомъ юнкерскомъ училищѣ, а ранѣе служилъ пятнадцать лѣтъ въ наблюдательномъ составѣ жандармовъ.

— Не угодно ли, какъ исполняется условіе?..

— Да, не особенно пріятно... Но вы можете подать въ судъ жалобу?

— Покорно васъ благодарю!.. — съ азартомъ отвѣчалъ знакомый...—Я сюда пріѣхалъ лѣчиться, а не судиться... Мировой судья въ городѣ за пятьдесятъ верстъ!.. Невозможно!.. Придется терпѣть и каждый день ждать новыхъ непріятностей!..

— Какихъ же еще?..

— Вчера я получилъ выговоръ, и довольно строгій, что далъ кости и куски отъ обѣда чужой собацѣ, а не кандидатской... Просилъ впредь этого не дѣлать, ибо его собака меня охраняетъ... Хороша охрана, когда цѣлую ночь спать не даетъ своимъ визгливымъ лаемъ!..

— Все-таки попробовали бы перебраться...

— Да денегъ не отдастъ!.. и куда перебраться? Изъ огня, да въ полымя!.. Познакомились мы съ двумя пріѣзжими барышнями... учительницами, которыя наняли дешевую комнату... На дворѣ растетъ хорошее орѣховое дерево съ густою тѣнью, скамеечка имѣется подъ деревомъ... Ну, одна изъ дѣвицъ облюбовала эту скамейку и стала сидѣть на ней съ книжкой... Хозяйка смотрѣла, смотрѣла да и говоритъ ей: «если вы станете каждый день сидѣть на скамейкѣ, которая принадлежитъ къ другой квартирѣ, то должны приплачивать пять рублей въ мѣсяць... Это, вѣдь, чортъ знаетъ, что такое!..—прокричалъ несчастный, прощаясь со мной.

Я продолжалъ любоваться моремъ. «Кандидатъ, значитъ, военный, да еще какой!.. Очевидно, онъ пугаетъ своего жильца своими почестями... Однако!»... И я вспомнилъ, что въ запискѣ было представлено о награжденіи кандидата шаврономъ и серебрянымъ темлякомъ... Не угодно ли? Мой знакомый, человѣкъ довольно горячій, можетъ дѣйствительно наскочить на крупную непріятность...

Подумайте, каково положеніе курсовыхъ!! Терпи всякія невзгоды, молчи и не дерзай!

Небольшая турлучная хата, окруженная тощей растительностью, дворъ, или, какъ здѣсь говорятъ, планъ, занятый дровами, какими-то колыями и камнями, все это вмѣстѣ не представляло картиннаго и уютнаго вида.

Около крыльца хаты, за которой слѣдовалъ сарай и кухня, среди сора отъ разныхъ отбросовъ, ходили свиньи, куры и рѣзвясь играли котята.

Странная дѣвочка, повидимому, ненормальная, не могла отвѣтить мнѣ на вопросъ: здѣсь ли живетъ мой знакомый?

— Здѣсь,—отвѣчалъ кто-то изъ сарая.—Ушелъ купаться...

Я увидѣлъ кандидата и, памятуя о серебряномъ темлякѣ и шавронѣ, вѣжливо снялъ шляпу. Кандидатъ былъ одѣтъ по-домашнему, въ жилетѣ и брюкахъ. Нельзя сказать, чтобы его костюмъ былъ въ полномъ порядкѣ.

— Досадно, что нѣтъ дома...—проговорилъ я.

Кандидатъ пытливо посмотрѣлъ на меня и предложилъ подождать, показывая на скамейку подъ акаціей.

— Откуда пріѣхали?—спросилъ улыбаясь кандидатъ.

— Изъ Москвы,—отвѣчалъ я, думая:—«какая отвратительная улыбка и глаза!»

— Я слышалъ, что планъ хотѣли купить?

— Хотѣлъ, да дорого.

— Есть и дешевые планы,—отвѣчалъ онъ, подсаживаясь на скамейку и прогоняя котенка.—Не у самого моря, а ближе къ горамъ...—и старикъ показалъ рукой направление.—Вы у доктора покупали, знаю...

— Нѣтъ, не у доктора, а у...

— Все равно,—перебилъ меня кандидатъ:—это подставное лицо.

— Какъ подставное!.. такой приличный господинъ, архитекторъ, кажется.

Кандидатъ смѣялся, при чемъ нижняя челюсть странно выпячивалась.

— У насъ всѣ архитекторы, строители!.. и мужчины и женщины!.. вонъ какой домина выстроила дама! Выстроила за три тысячи, а продала за семь... Теперь ловкіе господа пошли!..

Мы смотрѣли на только что выстроенный вычурной архитектуры домъ съ балкончиками и всякими аляповатыми, кричащими украшениями...

— Про меня говорятъ, что наживаю деньги,—продолжалъ онъ уже раздражительно,—а сами не пропустятъ сорвать со всякаго... Говорить все можно!.. Не радъ, что пріѣхалъ сюда!.. какой тутъ народъ!

— Откуда же вы, дѣдушка?

— Изъ Кіевской губерніи. Жилъ тамъ—лучше не надо... хозяйство, все свое было, и привыкъ кстати... а сынъ зоветъ да зоветъ въ эти края... Сынъ-то у меня старшина,—добавилъ онъ,—навѣрно знаете?

Я кивнулъ головой.

— Пишетъ и зоветъ. Деньги, молъ, нажить можно, мѣста хвалитъ, климатъ... Здоровье, пишетъ, поправите... Вотъ я и пріѣхалъ... да и жалѣю.

— Отчего же? Хорошо здѣсь, дѣдушка!.. Какой воздухъ, море!..

— Что воздухъ!? вотъ море развѣ! купаться полезно... зато народъ, народъ скверный, нѣтъ у этого народа ни уваженія, ни бережливости...

Въ это время во дворъ вѣхала подвода съ лѣсомъ, и старикъ всталъ и сталъ указывать, куда сваливать товаръ...

— Ну, что ты привезъ? развѣ такой дубъ годится?.. я не возьму по этой цѣнѣ, не возьму, какъ хочешь...

— Деревя хорошія, —отвѣчалъ крестьянинъ... — Какъ былъ уговоръ...

— Мошенники, мошенники,—кричалъ дѣдушка,—знаю я васъ...

— А ты, старій, не ругайся...

Я рѣшилъ уйти, но встрѣтилъ знакомаго, и мы вошли къ нему въ квартиру.

— Не угодно ли, такъ почти цѣлые дни... Точно базаръ около квартиры... То покупаетъ, то продаетъ, постоянный шумъ, неприятности.

— А я познакомился съ кандидатомъ...

— Ну, что же?

— Да ничего!.. хитрый, должно быть, старикъ!..

— Пренеприятный!.. — добавилъ курсовой... Дѣлецъ такой, что и говорить нечего!.. Онъ и планы продаетъ, и покупаетъ, и лѣсомъ торгуетъ, и подъ закладъ деньги даетъ, ну, однимъ словомъ, на всѣ руки!.. И каждого непременно обманетъ, не додастъ... кричать, ругаются... Слышите?

Дѣйствительно на дворѣ происходилъ весьма крупный разговоръ.

— Утромъ цѣлая исторія была съ комиссіонеромъ...

— Развѣ и такое сословіе здѣсь имѣется?..

— Еще бы!.. конечно, они себя такъ не называютъ, просто крестьяне, сбившіеся съ панталыку, безхозяйные... Одинъ такой не получилъ съ кандидата обѣщаннаго процента и требовалъ... Можете себѣ представить, какъ требовалъ!.. Я думалъ, что убьетъ старика! Обѣщалъ двадцать рублей, а отдалъ пять... «Мало что обѣщалъ! — кричитъ кандидатъ: — все равно пропешь, довольно пяти!»... Такой скандалъ!.. Вѣдь по нѣскольку разъ приходилъ и требовалъ... Завтра навѣрно опять начнется...

На дворѣ шумъ не смолкалъ.

— Однако и горячій же!..—удивился я.

— Польская кровь...

— Развѣ онъ не русскій? вѣдь фамилія русская?!

— Мало ли что бываетъ!.. Теперь русскій, а по происхожденію нѣтъ. Какъ нибудь расскажу... Надо взять самоваръ... вотъ плачу три рубля за подачу, а таскаю самъ... Кандидатъ поглядываетъ да посмѣивается!..

Не только въ культурной, но и въ простой рабочей средѣ встрѣчаются «либералы» щедринаскаго типа. Довольно развитые, неглупые, озлобленные не порядками и своимъ положеніемъ, они рѣзки въ сужденіяхъ и выводахъ...

Но нѣтъ!.. это не протестующій элементъ—это приспособляющіеся субъекты, будущіе кулаки и эксплуататоры своего же брата, рабочаго человѣка.

Они спятъ и видятъ, чтобы выйти изъ своего трудового положенія—все ихъ существо и ихъ мысли направлены въ одну эту сторону.

Быль и у меня такой знакомый «либераль», котораго во время прогулки я встрѣтилъ съ кандидатомъ. Послѣдній спѣшилъ и ушелъ, и мы остались съ «либераломъ».

Скромнаго вида, аккуратно одѣтый, брюнетъ лѣтъ подь сорокъ, кажется, изъ Орловской губерніи, въ которой почему-то часто встрѣчаются брюнеты, онъ служилъ сторожемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ маляръ, столяръ и коммерческій человѣкъ. Безпокойный взглядъ и дребезжащій непріятный голосъ, когда онъ говорилъ:

— Рабочему человѣку вездѣ плохо, неповадно, рабочій человѣкъ не въ почетѣ... Всякій его старается прижать, не давать хода... То обида, то недоплата!.. Трудно работать!.. А потребуйте, если что неправильно, заяви свои права—тебѣ же хуже... Полная прижимка!..

— Прижимка, говорите? Какъ же тутъ быть?—спрашиваю я.

— Какъ?!—отвѣчаетъ собесѣдникъ... Поступать безъ совѣсти, потому совѣсть эта самая лишняя... нужно стараться не работать на другихъ, а чтобы на тебя работали!..

— Ну, и это не совсѣмъ правильно!..

— Лучше мнѣ пусть будетъ хорошо, чѣмъ другому!.. Каждый для себя, для своего семейства долженъ хлопотать!..

— О чемъ толковали вы съ кандидатомъ?—спросилъ я «либерала», желая переменить тему разговора.

— Насчетъ «плановъ»,—отвѣчалъ онъ и усмѣхнулся довольно ядовито.—Вотъ жадный старикъ!.. все бы ему въ однѣ руки, все захватить!.. Тоже и у меня имѣются «планчики» для продажи, и покупатель выгодный есть... Только желательно ему, видите, два участка рядомъ приобрести, а у меня они въ разбросѣ, и сосѣдомъ того плана, который покупателю понравился, старикъ этотъ самый... Вотъ я и просилъ его помѣняться со мной, хорошій участокъ ему предлагалъ... Куда!.. Заломилъ такую цифру въ придачу, что прямо безсовѣстно!..

— Вы тоже промышляете планами?..

— Отчего же не промышлять, когда другіе на этомъ дѣлѣ прямо обогащаются, при томъ люди, можно сказать, образованные, господа настоящіе?... Худого нѣтъ! Всѣ, рѣшительно всѣ скупаютъ и продаютъ: и докторъ, и священникъ, и акцизный... А мнѣ, позвольте, мнѣ почему нельзя?

— Конечно,—отвѣчалъ я,—дѣло выгодное...

— Еще бы!.. да только и тутъ люди поперекъ тебя норовятъ!.. Зависть, что въ твои руки деньги, а не къ нимъ... Хоть бы старикъ!.. Сколько у нихъ плановъ!.. и у сына и у зятя!.. все скупили!.. такъ скопомъ и дѣйствуютъ... узнаютъ, который, если крестьянинъ планъ продавать хочетъ, ни за что купить другому не дадутъ... такъ его окрутятъ, такъ оплетутъ, чистая бѣда!.. Другіе и больше даютъ, и выгоднѣе продать бы, да ничего не подѣлаешь!.. Необходимо условіе въ правленіи заключить, и ничего не выйдетъ: то не въ порядкѣ,

это не на законномъ основаніи... А у нихъ все законно: все въ одинъ часъ времени покончатъ!.. Большія деньги семья кандидата, да и онъ самъ, нажили...

— А какія деньги приблизительно?..

— Тысячъ пять въ сезонъ заработаютъ!..

— Скажите, пожалуйста,—обратился я къ недовольному спекулянту,—правда, что старикъ изъ поляковъ, а фамилія его русская, и онъ православный?..

— Фамилія его была . . . . . скій, а теперь . . . . . евъ... Поляки хотѣли его повѣсить... Онъ убѣждалъ, принялъ православіе и поступилъ на службу...

— Странно!..—сказалъ я.—Вы говорите: хотѣли повѣсить! Въроятно, это было во время польскаго возстанія?..

— Не знаю, право. Мнѣ говорили, да я хорошо не понялъ, когда это было... Должно быть, давно!

— Однако и народъ же на побережь!..

— Народа у насъ всякаго достаточно... Смѣшанный народъ!..

«Именно смѣшанный», подумалъ я. «Откуда только набралась такая смѣсь!»

— И греки, и нѣмцы, и поляки, и французы,—продолжалъ «либераль»,—армяне, турки... всякій народъ!.. а туда дальше,—и онъ показалъ на югъ, на море,—тамъ люди, названія которыхъ не знаю... имеретини, грузины... и, Боже мой!..

Въ это время мы подошли къ почтовой конторѣ.

— До свиданіяца,—сказалъ собесѣдникъ.—Узнаю, не пришелъ ли журналчикъ...

— А вы получаете?..

— Какъ же!..—осклабился «либераль»,—получаю и журналъ и газету «Биржевыя Вѣдомости»... немного дорого, но журналъ дешевый, только одинъ рубль... Прекрасныя статьи съ картинами...

— Знаю,—отвѣчалъ я,—этотъ журналъ... И что жъ?!

— Хорошія статейки... рассказы тоже!.. Читалъ я, какъ гимназистъ женщину одну хлѣбнымъ пожемъ зарѣзалъ... подрались это... а онъ ее ножемъ въ пузо!.. мягкое, говорить, пузо!..—засмѣялся «либераль» и добавилъ:—выдумка ловкая!.. А у насъ на заводѣ и вправду зарѣзали женщину, и голову даже отрѣзали... не нашли убійцу!..

Мы разстались.

Довольно забавныя отношенія завязались между мной и кандидатомъ. Старикъ, какъ я совершенно случайно узналъ, почиталъ меня за очень хитраго и таинственнаго человѣка. Такому его мнѣнію я обязанъ своей литературной дѣятельностью.

Поэтому при случайныхъ встрѣчахъ между нами возникали разговоры на литературныя и даже философскія темы. Кандидатъ тоже почитывалъ.

— Говорятъ, графъ Толстой, который сочиняетъ, военнымъ былъ, правда?

— Да, правда,—отвѣчалъ я:—даже здѣсь на Кавказѣ служилъ...

Старикъ очевидно этимъ былъ очень доволенъ и смѣясь говорилъ:—Не любить его духовенство, здорово не любить.

— Не всякое... Толстой весьма почтенный, глубокий писатель!..

— Я про наше духовенство говорю,—отвѣчалъ кандидатъ... Недавно противъ графа Толстого проповѣдь говорилъ нашъ попъ... А вѣдь тоже посмотрѣть!.. Жалованье хорошее получаетъ, а сколько беретъ за обряды... напимѣръ, за свадьбу менѣе двадцати рублей не возьметъ, меньше ни за что —вѣнчать не станеть... за похороны тоже... Торгуется, сердится, а развѣ это подобаетъ!.. Какъ вы думаете? развѣ хорошо такъ поступать?..

— Конечно, не слѣдовало бы! Тѣмъ болѣе, какъ вы говорите, что духовенство здѣсь на побережьи обезпечено и живетъ хорошо!..

— Еще бы!.. Сколько плановъ у батюшки... Тоже торгуется не безъ барыша!.. А сосѣдній попъ въ нашемъ мѣстечкѣ гостиницу содержитъ. Какъ хотите, все-таки соблазнъ для народа, который все видитъ и понимаетъ...

— Какую гостиницу?..

— А ту, которая наискось отъ почты.

— Вотъ какъ!..

— Да-съ!

Старикъ замолкъ, но, спустя минуту, припоминая, рассказывалъ мнѣ:

— Когда я урядникомъ въ Кіевской губерніи былъ, то приходилось имѣть столкновение... Народъ тамъ не богатый, грѣшей мало... Свадьбу играть надо, а попъ не вѣнчаетъ, требуетъ подходящую сумму... Торгуются, торгуются, а толка нѣтъ!.. Поѣзжай домой не вѣнчанными... Развѣ это порядокъ!? Вотъ бывало и скажешь батюшкѣ: «вѣнчайте молъ!.. а то обвѣнчаемъ и безъ васъ вокругъ дерева, и вы же въ отвѣтъ за это будете!»... Побойтесь и обвѣнчаютъ за три рубля...

— Вы развѣ въ Кіевской губерніи служили?

— Это потомъ... Раньше въ Польшѣ былъ...

Старикъ находился въ благодушномъ настроеніи, и я осторожно старался заставить его разговориться.

Намъ хорошо было сидѣть на бревнышкахъ недалеко отъ моря...

— Давно, еще молодымъ я былъ,—продолжалъ дѣдъ,—когда дѣла, о, какія дѣла въ Польшѣ творились!.. Господа паны воевали съ солдатами. Не было помѣщика, который не принималъ бы участія въ возстаніи... Старые помогали молодымъ, женщины, у насъ горячія женщины, тоже не сидѣли безъ дѣла... Вездѣ кипѣла работа!.. И мы тоже не дремали. Войска воевали, а мы разыскивали зачинщиковъ, пановъ да патеровъ и оружіе. Ловокъ я былъ, догадливъ...

Другого пошлютъ бывало въ усадьбу, въ которой проживеть цѣлую недѣлю, и ничего... Такъ съ пустыми руками и вернется... Ничего, говорить, нѣтъ!.. все благополучно... Какъ благополучно? не можетъ быть!.. Позвольте мнѣ!.. Приѣду въ усадьбу съ отрядомъ... Паны посмѣиваются себѣ и говорятъ: напрасно беспокоитесь, безъ васъ все перерыли, мѣста живого не оставили!.. Пора кончить и отдыхъ дать!.. Врутъ шельмы, по глазамъ вижу, что врутъ... Навѣрно упрятано и ловко упрятано... Хожу, смотрю въ саду, въ паркѣ, и вдругъ словно молніей озарить, и я команду: ищи въ колодцѣ, опускай туда багры... Поблѣднѣли паны, которые на-утекъ... Ну, такъ и есть: все въ колодцѣ—и ружья, и сабли... И мало ли въ какихъ мѣстахъ находилъ оружіе... и всегда находилъ... солоно имъ отъ меня пришлось!.. горячился старикъ.

— Стало быть, вы на службѣ тамъ еще состояли?

— На службѣ... какъ бы вамъ сказать!? служба у меня все-таки вольная была, но деньги хорошія зарабатывалъ!.. На настоящую службу потомъ поступилъ... Пошла ты!.. ткнулъ онъ палкою оставившуюся около насъ свинью... Сколько годовъ!.. теперь мнѣ болѣе семидесяти, сколько годовъ прослужилъ, да какъ прослужилъ!.. не такъ, какъ теперь служить!.. сдѣлалъ свое дѣло, да и на печку!.. Нѣтъ, у меня этого не было, чтобы отдыхать... Я надъ всѣмъ наблюдалъ, отъ меня трудно было схорониться... Мнѣ все равно... кто онъ!.. Чиновникъ ли особыхъ порученій, судья, попъ, если непотребнымъ дѣломъ занялся, сейчасъ, пожалуйста... Беру такую бумагу, которая чертой пополамъ раздѣлена, на одной части пишу званіе, имя и фамилію, а на другой проступки... Пошлю бумагу и жду, когда его голубчика призовутъ къ отвѣту... Теперь этого не сумѣютъ подробно сдѣлать... да и начальство не принимаетъ... На одного я тутъ написалъ доносъ, и ничего... еще написалъ, а мнѣ говорятъ, чтобы въ чужія дѣла не совался... Не угодно ли, чужія дѣла?.. когда опасность выйти можетъ!..

— Въ самомъ дѣлѣ, дѣдушка, что вамъ за нужда всякими дѣлами заниматься?... Жили бы тихо, въ покоѣ... ишь здѣсь какъ хорошо!

— Ну, нѣтъ,—повысилъ голосъ старикъ, и глаза его засверкали... — чтобы я, сложа руки, сталъ сидѣть, когда другіе деньги наживаютъ!..

— На что вамъ деньги?

— Деньги, деньги на что!?

Старикъ всталъ съ бревенъ и, опершись на палку, смотрѣлъ на меня. Не то любопытство, не то сожалѣніе выразилось въ его лукавомъ и живомъ взглядѣ. Я не отвѣчалъ.

— Прощайте! — проговорилъ онъ отрывисто и своей гусиной походкой медленно отправился домой.

— Скоро посадъ будетъ, желѣзную дорогу проведутъ, — говорилъ кандидатъ, — слышали вѣрно?

— Слышалъ, но, право, не знаю, зачѣмъ все это! Почему посадъ, и что будетъ возить желѣзная дорога?..

— Какъ что?! Господа, чиновники будутъ изъ Петербурга, Москвы ѣздить, богатые люди!.. Участки и планы вздорожаютъ... Наживутъ деньги, большія деньги!.. — вздыхалъ кандидатъ. — Хорошо здѣшнимъ чиновникамъ... такъ не заработаешь, какъ они... гдѣ намъ?.. гроши наживаемъ, а тѣ тысячи!..

— И все продажей земли?

— И продажей, и культурой...

— Какъ это культурой? Не совсѣмъ понимаю...

— Казенные участки должны въ пять лѣтъ быть обработаны, засажены виноградомъ, плодовыми деревьями, шелковицей, однимъ словомъ разными всякими сортами, какими пожелаетъ владѣлецъ... Дѣла немало: навѣть, присматривать за рабочими... А кто будетъ этимъ заниматься, когда хозяинъ живетъ въ столицѣ и прѣѣзжаетъ лѣтомъ на мѣсяцъ, на два?.. Вотъ здѣшній чиновникъ ему и понадобится... Онъ и можетъ все это устраивать по всѣмъ правиламъ... можетъ и посадить, и распорядиться, и деньги себѣ въ карманъ положить... За отработку десятины такого участка берутъ по пятьсотъ рублей и наживаютъ, хорошо наживаютъ!..

Мы сидѣли около жилища кандидата, маленькаго сарайчика, въ которомъ стояла деревянная кровать, и всевозможный хламъ сплошь наполнялъ помѣщеніе. Чего только тутъ не было? И старая гитара, и волчья шкура, и зеленоватый, древняго происхожденія, самоваръ, ружье и старья, ржавыя шпоры.

— Вы вотъ спрашивали, зачѣмъ понадобился посадъ? Во-первыхъ, развѣ пріятно здѣшнимъ дачникамъ-господамъ находиться подъ мужицкимъ управленіемъ? Господа сами хотятъ управляться, сами заводятъ порядки... У насъ и теперь есть такое общество, которое заботится, чтобы чище было, благороднѣе... Концерты устраиваютъ, гулянья... Вотъ завтра дѣтскій праздникъ будетъ, приходите посмотрѣть!..

— Но, вѣдь, земля все-таки мужицкая... Эти дачи находятся на арендованной землѣ? какъ же такъ?

— Вотъ потому посадъ и будетъ, чтобы землю взять у крестьянъ и закрѣпить за дачниками... Тогда земля станетъ ихъ собственною, и будутъ они владѣть ею по купчей...

— А крестьяне?

— Крестьянамъ дадутъ другія земли подалеже въ горахъ, чтобы этого пьянства да безобразія не было!..

— Что же имъ опять въ новыхъ земляхъ устраиваться?

— Что жъ такое! — съ презрѣніемъ отвѣчалъ кандидатъ, — и устроится, — они къ этому привыкли... Плохой народъ!..

— Плохой, говорите?..

— Дерзкій народъ!.. Работать не любить, норовить какъ ни на есть содрать съ прїѣзжихъ дачниковъ... Да и начальство слабое, сквозь пальцы смотреть!.. Я бы имъ показалъ, какъ надо жить, и какъ надо уважать высшихъ лицъ!..

Глазки кандидата засверкали, и нижняя челюсть затряслась.

Странное дѣло!.. Не только кандидатъ, но чиновники, дачники и «великолѣпный» докторъ санаторіи—всѣ, рѣшительно всѣ относились враждебно къ мѣстнымъ крестьянамъ. Долгое время я не могъ понять причины этой неприязни и даже презрѣнія. Правда, большинство культурнаго общества составляло польскій элементъ, а извѣстно, что паны не только къ русскому, но и къ своему польскому народу относятся презрительно... «Хамъ», «быдло» — вотъ клички трудящагося люда...

Это само собой. Но имѣло мѣсто въ этихъ отношеніяхъ кое-что и другое, своеобразное, мѣстное, а именно: мужики были собственники, землевладѣльцы, а они только арендаторы... А ну, если случится невозможное? Кончится срокъ аренды, и вдругъ пожалуйте, снесите ваши постройки съ балкончиками и террасами!..

Одно, единственное средство обезпечить себя отъ враговъ-мужиковъ—это посадъ, посадъ во что бы то ни стало...

— Мы купили землю, нашъ планъ!.. Помилуйте, мы за 500 квадратныхъ саженъ 1.500 рублей заплатили и... опять!.. Развѣ это возможно?!—вопіють дачевладѣльцы.

— Но у васъ нѣтъ купчей, только условіе на 12 лѣтъ аренды?..

— Что вы говорите!..—земля куплена въ вѣчное владѣніе!..

«Купили планъ», «продали планъ»—только и слышно въ мѣстечкѣ.

Наступаетъ сезонъ. Съѣзжаются со всѣхъ концовъ Россіи люди отдохнуть и купаться. Нанимаютъ квартиру и терпятъ всякія напасти отъ хозяина или хозяйки. Какъ быть?! И вотъ эти люди слышатъ, что продаются планы, маленькіе участки, на которыхъ можно построить маленькій домикъ и жить, и все будетъ свое, и земля, и домъ, и садъ. Не правда ли, какъ это превосходно и оригинально?

На берегу моря, на Кавказѣ, въ чудномъ климатѣ, среди живописной обстановки, у васъ собственность, и все это недорого, пустяки: земля 500 рублей, да домикъ выстроить 1.000 рублей, и того полторы тысячи...

— Не купить ли намъ планъ?—говоритъ жена мужу. Они недавно прїѣхали съ сѣвера, и имъ такъ понравилось мѣстечко... Выстроимъ домикъ, лѣтомъ будемъ прїѣзжать, а послѣ и совсѣмъ поселимся... Вѣдь тебѣ здѣсь нравится!.. хорошо, не правда ли?

— Хорошо-то, хорошо,—отвѣчаетъ мужъ,—но только я не понимаю, какъ это. Земля не то продается, не то въ аренду отдается... Опасно пріобрѣтать при такихъ неясныхъ условіяхъ...

— Ну, вотъ... Какъ же другіе?.. Они глупѣе что ли насъ... и докторъ, и акцизный, и генеральша... Всѣ пріобрѣли, выстроились и какъ живутъ—прелесть!..

— Не знаю... Боязно что-то... Одинъ тутъ адвокатъ мнѣ говорилъ, что незаконно будто бы... Общественная крестьянская земля не продается.

— Какой вздоръ!... всѣ покупаютъ, устраиваются... Скоро посадъ будетъ.—И между мужемъ и женой возникаютъ непріятности...

Наконецъ мужъ покупаетъ планъ, думаетъ, въ самомъ дѣлѣ не отнимутъ же, не мы одни, да и начальство знаетъ... Развѣ оно можетъ допустить?..

И такъ заселяется мѣстечко. Торгуютъ, продаютъ, покупаютъ въ сущности чужія земли и довольны собой, но не довольны «мужиками», которые какъ ни какъ, а настоящіе хозяева... «Но посадъ будетъ... будетъ навѣрно... и этимъ хозяевамъ тогда покажутъ!»...

Я никогда не забуду крайняго удивленія одной милой генеральши, которая «сдѣлала большіе глаза», когда ей сказали, что планъ ея послѣ арендныхъ лѣтъ опять отойдетъ къ прежнимъ хозяевамъ-мужикамъ.

— Что? мой планъ? планъ, за который я заплатила такія деньги, отойдетъ? Каково? Скажите, пожалуйста... у меня бумага есть, расписки...

— Земли общественная... У васъ купчей нѣтъ...

— Купчей... Что такое купчая? какъ нѣтъ купчей?..

И большіе, большіе круглые глаза!...

Я сробѣлъ и молчалъ.

Дѣтскій праздникъ на просторѣ морского берега удался, и устроители торжествовали. Былъ чудный день, и не особенно жаркій, а вечеръ совсѣмъ превосходный. Модные костюмы дамъ блистали на фонѣ не совсѣмъ свѣжей зелени держи-дерева, кавалеры не столько выдѣлялись платьемъ, сколько своимъ видомъ, глубоко-мысленнымъ и полнымъ скрытаго достоинства.

Кандидатъ, конечно, присутствовалъ во всѣхъ своихъ регаліяхъ и орденахъ. Онъ держался близъ самаго высшаго общества, бокъ о бокъ съ генеральшей и «великолѣпнымъ» докторомъ, жена котораго была организаторшей этого удивительнаго увеселенія. Такъ какъ праздникъ былъ дѣтскій, то и тонъ среди общества господствовалъ особенный, полный милой наивности, словно всѣ эти дамы и кавалеры были большія дѣти, только дѣти... Не правда ли, какъ это интересно?..

— Мы для дѣтей... все для дѣтей... Пусть веселятся малютки... они такія милыя...

— Повѣрите ли, та снѣге, я ногъ подъ собой не чувствую, да вѣдь съ самаго утра! — говорила, «по-дѣтски» улыбаясь, докторша,—но для дѣтей! Смотрите, какъ они счастливы и довольны!..

Едва ли послѣднее было вѣрно. Одѣтыя въ лучшіе костюмы, подъ неустаннымъ наблюденіемъ старшихъ, дѣти чувствовали себя далеко не свободно: у нихъ былъ усталый, какъ бы недовольный видъ, и они были серьезны, словно взрослые.

Странно... точно большіе съ малыми перемѣнились ролями!.. Гре-мѣла музыка, и большія дѣти продѣлывали должные выкрутасы, а маленькія дѣти смотрѣли, лѣниво пожевывая пряникъ или конфету. Сельская простая публика, преимущественно женская, находилась въ сторонѣ, мужской элементъ отсутствовалъ.

Праздникъ имѣлъ характеръ культурный и притомъ высокаго, нравственно воспитательнаго качества. Присутствовали учителя, урядникъ и все культурные обыватели мѣстечка, — это было необыкновенно тѣсно сплоченное общество.

— Удивительный, прекрасный праздникъ... и какъ весело и неподобно!..—шипѣла старая матрона съ свиной фізіономіей, которая въ эту минуту выражала такое ехидство, что позавидоваль бы самъ сатана.

— О, да, великолѣпно!.. уважаемая и досточтимая... и докторъ совершенно по-мефистофельски изогнулся предъ матроной, и оба поглядѣли улыбаясь другъ на друга. О Боже!.. какой это былъ обмѣнъ взглядовъ!.. Какія дьявольскія улыбки!..

Кандидатъ тоже торжествовалъ, вращаясь среди такого пышнаго общества. Онъ бесѣдовалъ то съ однимъ джентльменомъ, то съ другимъ, здороваясь съ дамами, говорилъ громко, смѣялся и въ то же время зорко смотрѣлъ по сторонамъ, не было ли гдѣ безпорядковъ...

Обходя кругъ танцующихъ, онъ прогналъ двухъ собакъ, толкнулъ мимоходомъ деревенскихъ мальчиковъ и предложилъ мнѣ пойти поближе посмотрѣть на танцующихъ.

Но я отказался, предпочитая любоваться блестящей картиной нѣсколько издали.

— Когда посадъ утвердятъ, на этомъ мѣстѣ ротонда будетъ,— благородное собраніе, танцовать, въ карты играть... Подорожаютъ тогда мѣста!.. И кандидатъ вздохнулъ.

О чемъ? почему? навѣрно не знаю, но думаю, что неотвязчивая мысль о «планахъ», о наживѣ и спекуляціи не оставляла старика ни на минуту, и даже здѣсь подъ грохотъ мазурки онъ считалъ и высчитывалъ свои будущіе барыши отъ продажи участковъ, которые сильно поднимутся въ цѣнѣ, когда наконецъ наречется селеніе посадомъ.

О блестящія перспективы!..

Вирочемъ не одинъ кандидатъ...

— Изъ Москвы, говорите? а не знаете, кто такіе?—слышалъ я въ сторонѣ взволнованный голосъ.

— Не знаю... Третьяго дня пріѣхали, и сегодня два плана кандидатъ имъ продалъ... Знаете, тѣ, которые онъ весной за сто рублей купилъ, ну, у того мужика, который камень возилъ вамъ на постройку...

— Знаю, у Волченка... очень плохіе планы, далеко отъ моря!..

— Далекое? а купили, не торгуясь, за 1.200 рублей...

— Что вы? неужели за такую сумму?..

— Вѣрно вамъ говорю...

— Однако ловко они съ сыномъ дѣла обдѣлываютъ!.. Никакой покупатель не минетъ ихъ рукъ... Вотъ и тѣ планы сиротскіе...

— Это еще ничего... А не слышали, какъ они мѣщанку надѣлили общественной землей и эти участки у нея за лустяки пріобрѣли? Вы знаете участки... тамъ, гдѣ родникъ?.. Позвольте, отсюда видно... Вонъ дача Саможирова, лѣвѣй Бриліантова, а между ними лѣсокъ... вотъ эти участки самые и есть... Превосходная земля, вода постоянная... что хотите, можно развести, и садъ и огородъ... Видъ на море тоже превосходный... Докторъ хотѣлъ было ихъ пріобрѣсти, да не отдають и за хорошую даже цѣну... Сами, говорятъ, построятся и будемъ жить... Ну, не...

Послѣднихъ, повидимому, рѣзкихъ словъ я не дослышалъ. Когда бесѣдующіе проходили мимо, я узналъ въ одномъ quasi-архитектора, въ другомъ таможеннаго чиновника. Они молча поглядѣли на меня съ достоинствомъ и строгостью, какъ истинные джентльмены.

Импровизованный балъ продолжался, дѣти разошлись, наступилъ чудный вечеръ, и рѣзкіе звуки духовой музыки неслись далеко, туда, на крестьянскую сторону, гдѣ царили покой и тишина.

Сезонное время въ мѣстечкѣ—живое время и торговое... Спекулятивный характеръ мало-по-малу вошелъ въ жизнь жителей, отрывая ихъ отъ суроваго, но благороднаго, земледѣльческаго труда и пріучая добывать средства болѣе легкими способами.

Торговля въ мѣстечкѣ процвѣтала. Множество всевозможнаго рода лавочекъ, магазинчиковъ удивляло своимъ обиліемъ свѣжаго, посторонняго челоуѣка.

Кому наконецъ продають свой товаръ эти многочисленныя коммерсанты? И какой товаръ? Сахаръ, чай, вакса и табакъ, керосинъ и персики, сапоги и бублики, спички и орѣхи—все, что вамъ угодно, и все это дорого и скверно. Торговали дружно, твердо, не конкурируя другъ съ другомъ. Торговецъ охотнѣе продавалъ мало, но дорого—такова была ихъ тенденція, рассчитанная въ тѣ же время

на случай и обманъ прїѣзжихъ-курсовыхъ. Напримѣръ, у одного, торгующаго, кромѣ упомянутыхъ предметовъ, еще колбасами и вареньемъ, была такая система: онъ свою лавочку открывалъ поздно, но и закрывалъ послѣ всѣхъ. Когда наступала ночь, и огни въ мѣстечкѣ погасали, у двери его магазина ярко блисталъ фонарь. Остроумный коммерсантъ бодрствовалъ и ждалъ запоздалаго покупателя, который запыхавшись прибѣгалъ навѣрно.

— Чаю, колбасы и сахару...—спрашивалъ онъ, довольный, что торговля еще не закрыта.

— Сколько?

Слѣдуетъ назначеніе двойныхъ цѣнъ.

— Какъ? помилуйте... да развѣ можно?.. въ другомъ мѣстѣ...

— Не угодно ли купить въ другомъ мѣстѣ...—отвѣчалъ торговецъ... Что-жъ я цѣлую ночь спать не буду—и за такое безпокойство не нажить? Позвольте товаръ назадъ...

Покупателю, дѣлать нечего, приходится отдать: у него засидѣлись гости и кипитъ самоваръ... Преостроумно, не правда ли?

Но кончается сезонъ, и мѣстечко сравнительно пустѣетъ; остаются свои, постоянные обыватели. Закрываются многія лавченки за полнымъ отсутствіемъ покупателей. Дачевладѣльцы переходятъ изъ сараевъ, пристроекъ, въ настоящія квартиры, многіе уѣзжаютъ, и наступаетъ скучное, однообразно-тягучее время, ибо спекуляція, то-есть продажа и покупка «плановъ», на время прекратилась.

Никакой общественной жизни нѣтъ... Нѣкоторые, въ особенности педагогическій персоналъ, играютъ въ карты, играютъ подолгу, до тяготы, до отупѣнія.

Осенью обыкновенно бываютъ чудные дни, и даже зимой выдаются такіе... Но равнодушенъ и чуждъ къ природѣ спекулирующій обыватель.

Что ему синее безбрежное небо, сливающееся тамъ, на далекомъ горизонтѣ, съ лазурнымъ моремъ?.. что ему заснувшія, но грандіозныя горы? Свѣжій, чистый воздухъ и яркое солнце?.. «Планы» его еще не всѣ проданы... а кто знаетъ, что впереди? прїѣдутъ ли покупатели, и какая будетъ цѣна? можно ли рискнуть купить у Култышкина планъ? продастъ-то онъ—продастъ, но цѣны хорошей держится... Нѣтъ, надо подождать весны, тогда у него ни копейки не будетъ, и тогда можно взять дешево, если никто не перебьетъ.

И за Култышкинымъ слѣдятъ, наблюдаютъ другіе, съ нимъ подружился кандидатъ, и они по вечерамъ бесѣдуютъ о политикѣ и пьютъ даже водку. Ихъ можно видѣть вдвоемъ, медленно идущими съ палками, постоянно на дорогѣ останавливающимися и о чемъ-то бесѣдующими съ жестами, тѣлодвиженіями.

Эго они идутъ осматривать «планы», идутъ туда въ горы, гдѣ долго спорятъ и препираются, съ одной стороны доказывая удобство и красоту положенія участковъ, съ другой напротивъ ихъ недостатки... Еще бы... одинъ покупатель, другой продавецъ!..

Но чаще видно кандидата одинокимъ. Медленно, подпираясь палкой, плетется онъ вдоль улицы, грязной и немощной. На немъ старая черная фетровая шляпа и походная сѣрая шинель. Идетъ онъ съ ключами, оставленными ему владѣльцами дачъ, ибо онъ наблюдаетъ за цѣлостью владѣній и квартиръ прокурора, еврейки изъ Ростова, чиновника, и учителя...

Приходить кандидатъ на планъ, смотреть, цѣлы ли деревья, отворяетъ квартиру, ходитъ изъ комнаты въ комнату, любитъ прочной красивой мебелью прокурора, отдыхаетъ на креслѣ, смотреть еще разъ и, взявши забытый на окнѣ костыль или просто ржавый гвоздь, идетъ на другой «планъ», въ другое помѣщеніе... И тамъ опять ходитъ по комнатамъ, и смотритъ изъ оконъ на сѣрое, хмурое небо и на волнующееся море, смотритъ на обстановку, легкую, затѣливую, и думаетъ, какая лучше.

— Ишь жидовка... живетъ лучше прокурора!—съ негодованіемъ говоритъ старикъ и недовольный уходитъ домой, захвативъ по дорогѣ мокрую дощечку, лежащую на террасѣ.

Завтра пойдетъ старикъ осматривать другія владѣнія, ввѣренныя его надзору и попеченію. Опять принесетъ что нибудь въ родѣ гвоздя или палки въ домъ свой, гдѣ станетъ читать старыя газеты, интересуясь главнымъ образомъ иностранной политикой и криминальными дѣлами.

А то вынетъ деньги, билетъ ссудо-сберегательной кассы, прикинетъ немного на старыхъ счетахъ, возьметъ со стѣны заряженное старое ружье, смахнетъ съ него пыль и опять повѣситъ... Скучно!.. выйдеть изъ дома посмотрѣть на море, узнать, не стихаетъ ли сѣверо-восточный вѣтеръ, пихнетъ ногой съ лаской подбѣжавшую къ нему собаченку и опять домой, въ свои комнаты, въ которыхъ столько хлама и всякаго «добра»...

Сидитъ, дремлетъ кандидатъ и думаетъ: какой гонораръ получить отъ своихъ довѣрителей за охрану ихъ дачъ и имуществъ... Думаетъ и вспоминаетъ объ одной дачницѣ, которая презентовала старику за хлопоты фунтъ конфетъ... Вспоминаетъ кандидатъ еще о томъ, какъ дачевладѣльцы заставили его слѣдить за однимъ приѣзжимъ писателемъ, обѣщая старику награду... Какъ онъ не спалъ по ночамъ, слѣдилъ, наблюдалъ за беспокойнымъ человѣкомъ и ничего не получилъ отъ кружка «благородныхъ и великолѣпныхъ персонъ». Много думаетъ сквозь дрему старикъ...

Скучно!.. наступаетъ долгая зимняя ночь, вѣтеръ не стихаетъ, а сильнѣй и сильнѣй несется съ горъ глухими порывами... Дребезжатъ ветхія рамы, что-то пищитъ въ углу...

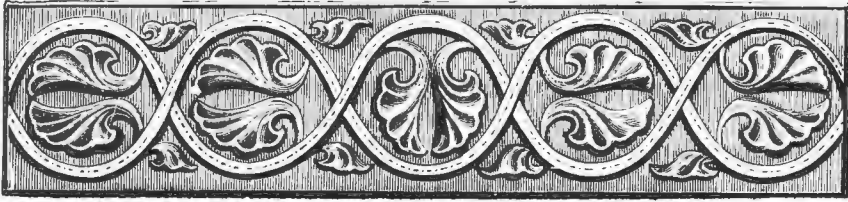
Плохая лампа коптитъ и мигаетъ!.. странныя тѣни колеблются и ползутъ по стѣнѣ...

Жалко старика, читатель!..

С. И. Васюковъ.

ЖЕНЩИНА-ДИПЛОМАТКА.

ВНАМЕНИТАЯ русская дипломатка первой половины XIX столѣтїя, княгиня Дарья Христофоровна Ливенъ, оставила послѣ своей смерти громадное количество писемъ. До сихъ поръ была извѣстна ея переписка съ княземъ Меттернихомъ, лордомъ Греемъ, барономъ Барантомъ и Гизо. Въ свое время въ «Историческомъ Вѣстникѣ» были даны подробные отчеты объ этихъ интересныхъ документахъ, но они составляютъ небольшую долю всего историческаго матеріала, сохранившагося послѣ княгини Ливенъ. Она постоянно переписывалась съ императрицей Марїей Теодоровной и съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Нессельроде, но эти письма не составляютъ достоянїя публики. Точно также еще неизвѣстны мемуары княгини Ливенъ, которые написаны въ видѣ дневника и заключаютъ въ себѣ интимныя, личныя разоблаченїя. Ея старшїй сынъ, князь Александръ Ливенъ, завѣщаль эти документы, а также и другїе, хранящїеся у него и касающїеся княгини Ливенъ, напечатать не ранѣе 1936 г. Впрочемъ, небольшой отрывокъ изъ этого интереснаго дневника помѣщенъ профессоромъ Теодоромъ Шиманомъ въ только что вышедшемъ его трудѣ подъ заглавїемъ: «Der Tod Pauls und die Thronbesteigung Nikolaus I».

Наконецъ, ливенская литература, даже и теперь богатая, увеличилась въ прошломъ и нынѣшнемъ годахъ книгой Лїонеля Робинсона: «Письма княгини Д. Ливенъ во время ея пребыванїя въ Лондонѣ»¹⁾, и обстоятельной статьей Эрнеста Додэ въ «Revue des

¹⁾ «Letters of Dorothea princess Lieven, during her residence in London», by L. Robinson. London. 1902.

deux mondes» подъ заглавіемъ «Жизнь посланницы прошедшаго вѣка»¹⁾. Оба автора пользовались письмами Ливенъ, писанными ею изъ Лондона въ 1812—1834 г. къ брату ея, графу Александру Бенкендорфу, бывшему шефу жандармовъ и начальнику 3-го Отдѣленія при Николаѣ I-мъ. Но оба автора пользовались совершенно различно имѣвшимися у нихъ матеріаломъ. Робинсонъ буквально приводитъ въ англійскомъ переводѣ эти письма, писанныя княгинею пофранцузски, а Додэ лишь основываетъ на нихъ свой любопытный рассказъ и только испещряетъ его отрывками изъ нихъ. Кромѣ того, первый авторъ лишь прибавляетъ отъ себя историческія примѣчанія и замѣтки, а второй увеличиваетъ ихъ другими письмами Ливенъ и даже отрывками изъ книги Шимана. Такимъ образомъ у Робинсона всего полтораста писемъ, исключительно изъ Лондона, тогда какъ Додэ пользуется четырьмястами: изъ Лондона, изъ Петербурга—во время отсутствія ея брата, Берлина, и такъ далѣе. Первое изъ этихъ писемъ написано ровно сто лѣтъ тому назадъ, а послѣднее въ 1838 г. Письма же, напечатанныя Робинсономъ, относятся къ 1812—1834 г. Оба автора получили этотъ замѣчательный историческій матеріалъ отъ графа Александра Аппоньи, внука графа Бенкендорфа.

Нельзя не прибавить, что въ литературномъ отношеніи статья Додэ гораздо талантливѣе написана, чѣмъ книга Робинсона, и читается съ большимъ удовольствіемъ; вообще она интереснѣе и отличается большими фактическими подробностями. Книга же Робинсона очень суха, мѣстами скучна, и авторъ, видимо, выбиралъ тѣ письма княгини Ливенъ, которыя могли интересовать англичанъ. Поэтому въ нашей статьѣ мы болѣе пользуемся свѣдѣніями, доставляемыми Додэ, пополняя ихъ отрывками изъ писемъ, приводимыхъ англичаниномъ.

Кромѣ того, недавно въ январскомъ номерѣ «Edinbourg Review» помѣщена статья²⁾ по поводу книги Робинсона. Собственно объ этомъ трудѣ анонимный авторъ не выражаетъ никакихъ новыхъ или замѣчательныхъ взглядовъ, но зато онъ приводитъ отрывки изъ доставленной ему лордомъ Станморомъ переписки княгини Ливенъ съ лордомъ Эбердиномъ. Эти письма были до сихъ поръ неизвѣстны и напечатаны частнымъ образомъ вмѣстѣ съ другими бумагами англійскаго государственнаго человѣка. По словамъ автора, «письма княгини Ливенъ къ лорду Эбердину отличаются тѣми же достоинствами, какъ и всѣ ея письма—прекраснымъ стилемъ, яснымъ изложеніемъ, выраженіями преданности Россіи и скромностью относительно историческихъ притязаній этихъ пи-

¹⁾ Une vie d'ambassadrice au siècle dernier, par Ernest Daudet. «Revue des deux mondes», 1 Janvier, 1 Fevrier, 1 Mars 1903.

²⁾ M-me de Liven. «Edinbourg Review». January 1903.

семь. Она увѣряла, что письма ея корреспондентовъ принадлежатъ исторіи, а ея собственныя имѣютъ значеніе лишь для освѣщенія различныхъ вопросовъ». Отрывки изъ ея переписки съ лордомъ Эбердиномъ относятся до ея пребыванія въ Петербургѣ послѣ Лондона, а также и до остальныхъ лѣтъ ея жизни, проведенныхъ въ Парижѣ.

Наконецъ, для провѣрки Робинсона, Додэ и даже самой Ливенъ, мы пользовались извѣстныхъ «Собраніемъ трактатовъ и конвенцій», Мартенса (томами XI и XII).

I.

Извѣстно, что Дарья Христофоровна Бенкендорфъ была дочерью военнаго коменданта Риги. Семья генерала Бенкендорфа была прусскаго происхожденія и поселилась въ Эстляндіи. Точно также и мать будущей дипломатки была нѣмка, баронесса Шпинингъ, закадычный другъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, до ея замужества. Она умерла, когда ея четверо дѣтей были малолѣтними, и потому завѣщала императрицѣ заботы и попеченія о нихъ. Государыня Марія Ѳеодоровна исполнила послѣднюю волю «добраго и святого друга», и тщательно воспитывала, какъ мальчиковъ такъ и дѣвочекъ. Доротей, какъ называли Дарью Христофоровну въ семействѣ, вышла изъ Смольнаго монастыря пятнадцати лѣтъ и прямо поступила фрейлиной къ императрицѣ. Это было въ царствованіе Павла I, знавшаго маленькую Бенкендорфъ еще воспитанницей Смольнаго. «Императоръ пріѣзжалъ къ намъ въ институтъ, — пишеть она въ своемъ дневникѣ, — и съ удовольствіемъ принималъ участіе въ играхъ маленькихъ дѣвочекъ. Я очень хорошо помню, что однажды, вечеромъ, въ 1798 г. играла въ жмурки съ нимъ, послѣднимъ королемъ Польши, принцемъ Кондэ и фельдмаршаломъ Суворовымъ. Императоръ безконечно шутилъ, былъ очень веселъ, но все время приличень». Императрица очень привязалась къ своей молодой фрейлині и въ тотъ же годъ выдала ее замужъ.

Выборъ государыни палъ на сына воспитательницы ея младшихъ дѣтей — графини Ливенъ. Эта женщина пользовалась всеобщимъ уваженіемъ и назначена была на свой постъ еще Екатериной. Замѣчательно, что она сначала отказалась отъ этого положенія, хотя была вдовою небогатаго лифляндскаго генерала. На вопросъ Екатерины, отчего она не хочетъ взяться за воспитаніе ея внучатъ, строго - нравственная Ливенъ отвѣчала: «Ваше величество, при дворѣ слишкомъ много распущенности и скандаловъ». Императрица не оскорбилась, но спокойно отвѣтила: «Вы ничего этого не увидите». Впослѣдствіи Екатерина глубоко уважала на-

ставницу своихъ внучатъ и вполне передала свою любовь императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и Павлу I, пожаловавшему Ливенъ титулъ графини. Понятно, что ея сынъ былъ желаннымъ мужемъ для дочери друга императрицы.

Графъ Христофоръ Андреевичъ Ливенъ — въ то время любимецъ Павла—былъ генераль-адъютантомъ и военнымъ министромъ. Несмотря на занимаемый имъ важный постъ, онъ былъ только на 12 лѣтъ старше своей юной невѣсты. Всѣ называли ихъ свадьбу бракомъ по любви, и въ первое время ея брачной жизни мы видимъ въ ея письмахъ къ брату доказательства теплой, взаимной привязанности обоихъ супруговъ. «Вѣрь, мой милый Александръ,—говоритъ она въ одномъ изъ этихъ писемъ,—я очень сожалью, что ты боленъ, такъ какъ твое присутствіе мнѣ необходимо для полноты счастья. Ты знаешь моего мужа (съ какимъ счастьемъ я такъ его называю), поэтому ты долженъ понимать, какъ я его люблю, и какъ я счастлива. Выздоровливай скорѣе. Обнимаю тебя».

Въ новой жизни ей все улыбалось, все представлялось въ розовомъ цвѣтѣ. Благодаря положенію мужа и свекрови, она бывала на всѣхъ празднествахъ и балахъ, какъ во дворцѣ, такъ и у знатныхъ вельможъ. Одно ее тревожило — частыя отлучки мужа, а также она постоянно беспокоилась о ненадежности милостей императора къ Ливену. «Подозрительность характера государя,—пишетъ она въ своемъ дневникѣ,—страшно развилась за послѣдній годъ. Въ самыхъ ничтожныхъ обстоятельствахъ онъ видѣлъ заговоръ противъ себя и безъ всякой причины отставлялъ и ссылалъ окружающихъ его. Крѣпость наполнялась многочисленными жертвами, вина которыхъ заключалась въ слишкомъ короткомъ или слишкомъ длинномъ жилетѣ. Вообще императоръ не любилъ жилетовъ, видя въ нихъ что-то революціонное. Въ послѣднія шесть недѣль посажены въ тюрьму болѣе ста гвардейскихъ офицеровъ. По несчастію мой мужъ долженъ исполнять эти несправедливыя приговоры».

Однако, графъ Ливенъ до послѣдняго дня царствованія Павла I былъ постоянно въ милости. Впрочемъ, однажды онъ вынужденъ былъ перенести большую неприятность за упущеніе по службѣ, и государь велѣлъ дежурному флигель-адъютанту сказать ему «дуракъ». 11-го марта 1801 г. молодой военный министръ лежалъ больной въ постели, когда вечеромъ неожиданно получилъ письмо императора. «Ваше нездоровье слишкомъ долго продолжается,—(онъ лежалъ больной уже нѣсколько дней) писалъ императоръ,—и дѣла не могутъ зависѣть отъ положенія вашей шпанской мушки; вы передадите вашъ портфель военнаго министра князю Гагарину». Но, по своему добродушію и чтобы не очень поразить Ливена, Павелъ сдѣлалъ распоряженіе издать на другой день приказъ объ

его производствѣ въ генераль-лейтенанты. Это извѣстіе нѣсколько успокоило Ливена, но онъ все же былъ взволнованъ, зная капризный характеръ государя, и поэтому ужасно перепугался, когда его разбудилъ ночью посланный, съ приказаніемъ тотчасъ явиться въ Зимній дворецъ. Ливенъ подумалъ, что ему грозитъ крѣпость; но полагая, что офицеръ ошибся, называя Зимній дворецъ вмѣсто Михайловскаго, гдѣ жилъ императоръ, сказалъ тономъ выговора: «Вы, должно быть, пьяны?»—«Императоръ очень боленъ,—отвѣчалъ офицеръ,—и великій князь Александръ, т.-е. теперь императоръ, послалъ меня къ вамъ».

Ужасъ объялъ Ливена, и онъ сталъ быстро одѣваться, прося жену сѣсть у окна и наблюдать затѣмъ, что происходило на Большой Милліонной, куда выходили окна ихъ квартиры. «Я взяла на себя эту обязанность,—разсказываетъ графиня Ливенъ въ своемъ дневникѣ.—Мнѣ было пятнадцать лѣтъ, притомъ я отличалась веселымъ характеромъ и смотрѣла очень легко на всякую катастрофу, если только она нарушала ежедневную рутину. Я думала съ любопытствомъ о завтрашнемъ днѣ. Гдѣ я увижу мою свекровь и великихъ княженъ, къ которымъ я ходила каждый день? Вотъ о чемъ я главнымъ образомъ беспокоилась. Въ комнатѣ горѣлъ только ночникъ; я подняла занавѣсъ у окна и устремила глаза на улицу. Видны были лишь ледъ и снѣгъ, и больше ничего. Никто не проходилъ мимо. Часовой неподвижно стоялъ у своей будки передъ преображенскими казармами, въ окнахъ которыхъ не виднѣлось ни малѣйшаго свѣта и не слышно было ни малѣйшаго шума. Мой мужъ постоянно спрашивалъ меня изъ другой комнаты, что дѣлается на улицѣ, и я отвѣчала: «ничего». Онъ одѣвался не торопясь, такъ какъ ему очень не хотѣлось уѣзжать. Время шло; мнѣ надобно смотрѣть въ окно и ничего не видѣть: къ тому же мнѣ хотѣлось спать. Наконецъ, послышался стукъ колесъ; я закричала мужу, но, прежде чѣмъ онъ прибѣжалъ, карета проѣхала. Это былъ экипажъ, запряженный парой лошадей и очень невзрачный, тогда какъ въ Петербургѣ всѣ ѣздили въ четыре и шесть лошадей. На запяткахъ вмѣсто лакеевъ стояли два офицера, и въ одномъ я узнала генераль-адъютанта Уварова. Это обстоятельство насъ поразило; мой мужъ болѣе не колебался, вскочилъ въ уже заложенные сани и поѣхалъ во дворецъ».

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ графини Ливенъ о событіяхъ этой памятной ночи ничего нѣтъ новаго или замѣчательнаго. Поэтому приведемъ только ея слова о всеобщей радости, объявшей всю Россію при воцареніи Александра I. «У насъ не было ни историковъ, ни поэтовъ,—говоритъ она,—чтобы изобразить всеобщее опьяненіе восторгомъ. Четыре года деспотизма, доходившаго даже до безумія и жестокостей, окончились. Всѣ радовались восшествію на престолъ новаго государя. Вся Россія легла спать подъ тяже-

лымъ игомъ, а проснулась свободной и счастливой. Эта мысль преобладала надъ всѣми остальными. Всѣ жаждали счастья и предавались ему, увѣренные, что оно продлится навѣки».

Перемена царствованія ничего не измѣнила въ семействѣ Ливенъ. Мать осталась при прежнихъ обязанностяхъ, а сынъ, пожалованный въ генераль-адъютанты и утвержденный генераль-лейтенантомъ, принималъ участіе въ высшемъ военномъ правленіи. Что же касается его жены, то она продолжала вести веселую свѣтскую жизнь, что видно изъ ея писемъ къ брату, которыя съ января слѣдующаго года приняли характеръ постоянный, такъ какъ онъ перешелъ на службу въ армію. Эта переписка является ежедневной хроникой всего, что дѣлалось въ высшемъ обществѣ, всѣхъ сплетенъ, скандаловъ и проч. Для примѣра ея содержанія приведемъ нѣсколько отрывковъ: «Генераль Талызинъ, котораго вы знаете, три или четыре дня тому назадъ, высланъ изъ города. Всѣ были этимъ очень довольны. Его ненавидѣлъ почти каждый. Вотъ причина его высылки изъ города: онъ хотѣлъ быть командиромъ Семеновскаго полка и, ради этой цѣли, подкупилъ камердинеровъ императора. Онъ уже далъ имъ двѣ тысячи рублей и вексель въ пятнадцать тысячъ, которыя обязался уплатить по полученіи мѣста. Но императоръ открылъ интригу и, получивъ ясныя доказательства, удалилъ его въ отставку. Оба камердинера — изъ которыхъ одинъ любимецъ императора — были высланы изъ Петербурга съ фельдъегеремъ. Всѣ благословляютъ нашего дорогого государя, который съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе заслуживаетъ любовь своего народа». — «Маленькій Щербатовъ отправился въ Вѣну велѣдъ за принцемъ Саксонскимъ, родственникомъ Людовика XVI, чтобы положить конецъ давней ссорѣ. Онъ только что убилъ его на дуэли. Враги Щербатова прибѣгали къ тысячѣ средствъ, чтобы погубить его. Прежде всего принцъ не хотѣлъ драться на пистоляхъ, а когда Щербатовъ настоялъ на своемъ, то принцъ выбралъ самъ пистолеты. По счастью Щербатовъ попробовалъ оружіе, и оказалось, что пуля била въ сторону. Онъ поправилъ это, насколько было возможно, и выстрѣлилъ, смертельно ранивъ противника. Принцъ воскликнулъ: «я умираю», но все-таки выстрѣлилъ въ свою очередь. Пуля пробила шляпу Щербатова, а принцъ умеръ на мѣстѣ». — «Двѣнадцатаго декабря, въ театрѣ Эрмитажа дебютировала новая французская актриса Феликсъ, объявившая себя женою привезеннаго ею актера «Андіе». Ты хорошо сдѣлалъ, мой милый, что во время уѣхалъ: она писаная красавица; у нея удивительная осанка, прекрасныя манеры, она изящно одѣвается, и у нея восхитительный голосъ. По игрѣ она гораздо лучше Вальвиль; я просто обезумѣла отъ нея».

Въ теченіе этого года графиня Ливенъ впервые разсталась съ мужемъ, сопровождавшимъ императора въ Мемель, и хотя въ іюлѣ

мѣсяцѣ онъ вернулся, но она очень скучала безъ него. Съ слѣдующаго года эти отсутствія участились, и даже, во время его пребыванія въ Петербургѣ, онъ былъ такъ занятъ службой, что постоянно находился при императорѣ и цѣлыми днями не былъ дома. Единственнымъ ея утѣшеніемъ была маленькая дочь, родившаяся въ 1804 году, но къ величайшему отчаянію матери она вскорѣ умерла. Впрочемъ, съ теченіемъ времени у нея родились три мальчика, и она вполне предалась заботамъ о нихъ. Ея письма къ брату не прерывались, и несмотря на то, что внѣшнія событія были очень интересныя, она о нихъ не упоминаетъ ни слова. Аустерлицъ, Эйлау, Фридландъ и Тильзитъ слѣдовали одинъ за другимъ; во всѣхъ этихъ грозныхъ событіяхъ принималъ участіе Ливенъ, въ качествѣ спутника императора. Теперь впервые въ письмахъ графини Ливенъ проявляется, но очень рѣдко, патриотическая жилка. Ее такъ мучило униженіе, испытываемое тогда Россіей и императоромъ, что она постоянно спорила о современной политикѣ даже съ мужемъ, по его возвращеніи. «Но это, конечно»,—замѣчаетъ она,—нимало не мѣшаетъ нашей супружеской любви».

Вскорѣ переписка графини Ливенъ съ братомъ прекратилась, такъ какъ Александръ Бенкендорфъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ императора и вернулся въ Петербургъ. Впрочемъ, въ 1810 году она возобновилась, но на этотъ разъ по причинѣ отъѣзда графини Ливенъ въ Берлинъ, куда ея мужъ былъ назначенъ посланникомъ. Съ этимъ начинается ея блестящая дипломатическая карьера.

II.

Берлинское посольство, бывшее дебютомъ на политическомъ поприщѣ, столь прославившемъ, если не графа Ливена, то его жену, не имѣло большого успѣха. Впрочемъ политическія обстоятельства были въ то время таковы, что самый умнѣйшій и талантливѣйшій дипломатъ не могъ бы ничѣмъ прославиться. Наполеонъ держалъ подъ тяжелымъ игомъ прусскаго короля, Фридриха-Вильгельма, и въ ожиданіи войны всей Европы съ Россіей роль Ливена ограничивалась поддержаніемъ надеждъ Пруссіи въ будущемъ. Точно также не было возможности развиться на этомъ поприщѣ дипломатическому таланту его жены.

Въ письмахъ графини Ливенъ къ ея брату и сестрѣ она нисколько не занимается политикой, а лишь описываетъ придворную и великосвѣтскую жизнь, въ сущности скучную и однообразную. Только описаніе ея представленія королевѣ Луизѣ отличается нѣкоторымъ интересомъ. «Она приняла меня чрезвычайно любезно,—пишетъ графиня,—и продержала у себя болѣе двухъ часовъ. Главнымъ образомъ она говорила о Россіи и русскихъ, ко-

торыхъ, повидимому, очень любить. При этомъ показала мнѣ свои апартаменты, довольно красивые, особенно спальная, устроенная въ петербургскомъ вкусѣ, съ роскошными занавѣсами, колоннами, гипсовыми украшениями и большой курильницей среди комнаты. Однако, лучше всего была она сама. На ней былъ темно-красный казакинъ, полуоткрытый спереди, съ золотымъ казакскимъ шитьемъ, и бѣлая атласная юбка, также вышитая золотомъ. На головѣ у нея красовался полуказацкій, полууланскій киверъ темно-краснаго цвѣта съ золотомъ такъ же, какъ платье. Вообще этотъ костюмъ былъ прелестный и шелъ къ ней, какъ нельзя лучше; воротникъ былъ очень странный, но красивый, именно высокій, какъ у казаковъ. Она нисколько не перемѣнилась со времени Петербурга, но король потолстѣлъ».

О берлинскомъ обществѣ Ливенъ отзывалась очень неблагопріятно. «Общество здѣсь убійственно,—писала она,—мужчины любезны лишь, когда ихъ хорошо кормятъ. Впрочемъ, я не могу судить, какое впечатлѣніе произведетъ на нихъ мой поваръ, потому что мой домъ еще не готовъ, и я ниразу ихъ не кормила. Мой мужъ выѣзжаетъ въ свѣтъ больше меня, хотя его и товарищей принимаютъ «за англійскій товаръ». Я часто гуляю въ паркѣ съ моими дѣтьми, потомъ ѣмъ и сплю; вотъ всѣ удовольствія въ Берлинѣ». Съ теченіемъ времени она не перемѣнила своего мнѣнія: «Здѣсь странные люди,—писала она:—король ничего не значитъ и упрямъ, какъ дуракъ. Его научили, что онъ не долженъ слишкомъ хорошо съ нами обращаться, онъ такъ и поступаетъ. Съ другой стороны онъ дѣлаетъ тридцать миль, чтобы видѣть проѣзжавшихъ мимо русскихъ матросовъ. Его сынъ одѣвается казакомъ и вездѣ такъ показывается на улицахъ и на придворныхъ балахъ. Въ сущности въ этомъ нѣтъ здраваго смысла. Впрочемъ мнѣ нѣтъ до нихъ дѣла, и я только думаю поправить свое здоровье въ Германіи, гдѣ, полагаю, недолго останусь. Вообще я здѣсь не веселюсь и не скучаю, а живу спокойно и занимаюсь съ дѣтьми. Мое здоровье не хорошо, моя красота пошла къ чоргу, а настроеніе не блестящее; впрочемъ не къ чему и быть милой».

Въ апрѣлѣ 1811 г. она замѣчала въ письмѣ къ брату: «Окрестности Берлина переполнены французскими войсками. Вы вскорѣ будете имѣть случай собирать лавры. Эти лавры побудятъ меня возвратиться въ Петербургъ къ величайшему моему удовольствію». Она была права, и въ концѣ года графъ Ливенъ былъ отозванъ изъ Берлина, по случаю близкаго разрыва между Наполеономъ и Александромъ.

По возвращеніи въ Петербургъ графиня Ливенъ прожила тамъ около года, и, несмотря на то, что событія того времени имѣли громадное значеніе, она писала рѣдко и ничего не сообщала интереснаго. Отечественная война со всѣми ея перипетіями какъ бы

игнорирована ею. Даже о своей собственной жизни она упоминает до того вскользь, что не говорит даже о назначении своего мужа посланникомъ въ Лондонъ. Напротивъ графъ Ливенъ упоминаетъ о своемъ отъѣздѣ въ Лондонъ въ письмѣ къ брату жены, Александру Бенкендорфу: «Я отправляюсь въ путь чрезъ шесть или восемь дней. Я былъ бы уже въ дорогѣ, если бы меня не задержало легкое нездоровье. Мнѣ дали самый блестящій, самый важный и самый пріятный постъ, на который я могъ рассчитывать. Настоящая минута дѣлаетъ его еще болѣе выдающимся. Поэтому вы можете судить, любезный другъ, какъ я счастливъ и благодаренъ императору за его доброту и довѣріе ко мнѣ. Моя жена, какъ вы можете себѣ представить, раздѣляетъ мою радость, такъ какъ и для себя она не могла желать ничего лучшаго».

Дѣйствительно, графиня Ливенъ ликовала не менѣе своего мужа. Но замѣчательно, что въ ея письмахъ ничего не сказано ни объ ея путешествіи въ Лондонъ, ни объ ея пріемѣ въ этомъ городѣ. Только 6-го апрѣля 1813 года возобновляется ея правильная переписка съ братомъ Александромъ, и въ первомъ письмѣ, русской посланницы говорится объ Англіи: «Эта прекрасная Англія всегда одна и та же. Это цѣпь совершенствъ, поражающихъ вашъ умъ, но безмолвныхъ для вашего воображенія. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ вы можете ею восторгаться, потому что все здѣсь прекрасно и удивительно, такъ что ваше любопытство и восхищеніе не прекращаются; но когда вы все видѣли и устали восторгаться, то сознаете, что здѣсь нѣтъ мѣста чувствамъ; это страна не глубокихъ ощущеній. Лично я должна быть здѣсь совершенно счастлива, потому что меня носятъ на рукахъ. Никогда ни одного иностранца такъ не принимали; мой уснѣхъ громадный, но, признаюсь, я не хотѣла бы здѣсь умереть. По правдѣ сказать, я очень удивляюсь англоманіи, которая овладѣла многими изъ моихъ соотечественниковъ. Легко разочароваться въ англичанахъ, когда живешь съ ними. Но я уже слишкомъ много говорю о нихъ, и гораздо пріятнѣе подумать о тѣхъ, которые живутъ за морями».

Это письмо, помѣченное въ книгѣ Робинсона 6-мъ апрѣля 1813 года, въ статьѣ Додэ относится къ 6-му августа того же года; который изъ нихъ справедливъ—трудно сказать. Во всякомъ случаѣ и тотъ и другой приводятъ очень мало писемъ графини Ливенъ за 1813—1814 гг.; такъ за первый годъ у Робинсона напечатано только четыре письма, а за второй—лишь два, и притомъ, кромѣ приведеннаго отрывка, въ нихъ нѣтъ ничего интереснаго, и ни слова не упоминается о важныхъ историческихъ событіяхъ того времени. Что касается Додэ, то онъ еще скуднѣе на отрывки изъ писемъ, и только письмо, написанное графиней Ливенъ въ юль 1813 года, представляетъ нѣкоторое значеніе. «Какой вос-

торгъ,—говоритъ она,—что мы совершили столь великія побѣды, достойныя только русскихъ, и что въ пять мѣсяцевъ мы дошли съ береговъ Москвы до Эльбы. Еще болѣе заслуживаетъ похвалы, что послѣ такихъ триумфовъ нашъ императоръ ведетъ себя съ такою сдержанностью. Никогда, до сихъ поръ не было на престолѣ такого государя, и какъ счастлива Европа, что ея судьбы вручены Александру! Какъ перевернулся свѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мы видались! Какой блестящій годъ прошелъ для нашего оружія! Но то ли еще будетъ, потому что окончательный триумфъ ждетъ. Императоръ великолѣпенъ, и, увѣряю васъ, имъ всѣ восторгаются. Подобно скромности благородство идетъ къ всемогуществу, слава императора вполне прочна». Въ 1815 г. ея переписка съ братомъ попрежнему полна восторженныхъ похвалъ императору и русскимъ войскамъ. Напротивъ о французахъ она отзывается, какъ о самыхъ презрѣнныхъ и всѣми презираемыхъ людяхъ. Во время Ста Дней она замѣчаетъ, что «французы ждутъ возвращенія Бурбоновъ такъ же равнодушно, какъ видѣли ихъ отъѣздъ»; по ея словамъ, это — «высшая степень подлости (*c'est le superlatif de la canaillerie*)».

Наконецъ кровавыя войны кончились, и началась мирная эпоха. Сначала въ теченіе семи лѣтъ графиня Ливенъ не вмѣшивалась въ политику и довольствовалась тѣмъ, что была царицей свѣтскаго общества.

Въ то время вмѣсто сумасшедшаго короля Георга III управлялъ государствомъ его сынъ, принцъ Уэльскій, въ званіи регента. Онъ велъ самую развратную жизнь, и весь англійскій дворъ отличался замѣчательной разнузданностью. Регентъ уже нѣсколько лѣтъ не жилъ съ своей женой, Каролиной Брауншвейгской, и, чтобы скрыть замѣнившихъ ее фаворитокъ—лэди Гертфордъ, а затѣмъ лэди Конингамъ—онъ приглашалъ постоянно къ себѣ во дворецъ женъ иностранныхъ пословъ. Въ числѣ ихъ первое мѣсто занимала графиня Ливенъ, которую онъ осыпалъ предупредительностью и вниманіемъ. Естественно, что это вызвало неблагоприятныя слухи о русской посланницѣ, и въ свѣтѣ рассказывали, что она не даромъ почти ежедневно посѣщала регента. Но эти сплетни ничѣмъ не подтверждены, и даже англійскіе современники, отзывавшіеся о ней неодобрительно и саркастически, не упоминаютъ этой клеветы. Напротивъ члены королевской семьи, министры и знатные представители аристократіи выказывали къ молодой посланницѣ глубокую симпатію. Ея другъ, лэди Гранвилъ, говорила о ней: «Графиня Ливенъ становится знаменитой, благодаря своей любезности и учтивому обращенію. Всѣ ею восхищаются и указываютъ на ея удивительно приличный тонъ. Она на самой дружеской ногѣ съ своимъ мужемъ и окружаетъ его всевозможнымъ вниманіемъ».

Въ 1816 г. графиня Ливенъ писала брату, что она никогда такъ не веселилась, какъ въ Лондонѣ, гдѣ общество самое бла-

стящее: «Я забавляюсь, какъ всѣ, и очень поздно ложусь спать; я танцую, но не гуляю, и нахожу, что это полезно для моего здоровья. Въ опредѣленные дни я много принимаю и могу безъ хвастовства сказать, что вечера мои и лэди Джерсей считаются самыми блестящими и великолѣпными». Въ этотъ же сезонъ она впервые ввела въ англійское общество вальсъ. Бадмингтонъ говоритъ въ своей книгѣ «Танцы», что графиня Ливенъ ввела этотъ танецъ на балахъ «Альмака» вмѣстѣ съ лордомъ Пальмерстономъ. Вслѣдъ за ними вальсировали баронъ Нейманъ и австрійская посланница, княгиня Эстергази. Упоминаемые балы «Альмака» были хотя и публичные, но посѣщались высшей аристократіей, и завѣдывали ими особый комитетъ, состоявшій изъ аристократическаго кружка, называемаго «The dandys». По словамъ свѣтскаго репортера того времени, Грэвиля, какъ говорятъ, находившагося въ близкихъ отношеніяхъ къ графинѣ Ливенъ, она не имѣла ни малѣйшихъ претензій на красоту, но была такъ привлекательна своими манерами и обращеніемъ, что буквально всѣ бѣгали за нею, хотя ей было уже за тридцать лѣтъ.

Въ письмахъ графини Ливенъ за 1816 г. къ брату она особенно упоминаетъ о своихъ дружескихъ отношеніяхъ къ принцессѣ Шарлоттѣ, единственной дочери регента. Графиня часто видѣлась съ нею особенно послѣ ея свадьбы съ принцемъ Леопольдомъ Кобургскимъ и очень сожалѣла объ ея преждевременной смерти вслѣдствіе родовъ. Она также была въ короткихъ отношеніяхъ съ герцогиней Кумберландской, женою брата регента. «Эта бѣдная женщина,—говоритъ она,—такъ несчастна, а я напротивъ такъ счастлива, что считаю себя обязанной выказывать ей вниманіе». Не только въ Лондонѣ, но и въ Брайтонѣ, гдѣ регентъ оказывалъ княгинѣ Ливенъ и ея мужу гостепріимство, она вела ту же веселую, шумную жизнь. «Я предпочитаю эту жизнь даже Лондонской,—писала она отцу,—я постоянно посѣщаю здѣсь друзей, живущихъ въ различныхъ замкахъ. Страна отличается красотой, а замки поражаютъ роскошью; собственники же ихъ ведутъ себя тамъ болѣе по-европейски, чѣмъ въ Лондонѣ, и они такъ любезны, какъ только могутъ быть англичане. Впрочемъ, вообще они по внѣшности очень сухи, и если бываютъ между ними пріятные люди, то это исключеніе».

Кромѣ англійскихъ аристократовъ, постояннымъ обществомъ очаровательной посланницы были русскіе, которые послѣ войны стекались массами въ Лондонъ. Изъ числа ихъ она была на дружеской ногѣ особенно съ Маріей Антоновной Нарышкиной, которую называли «la belle» петербургскаго двора. Въ 1816 году она нѣсколько мѣсяцевъ провела въ Лондонѣ, и, по словамъ графини Ливенъ, распространились слухи, что ее замѣнила въ Петербургѣ г-жа Жеребцова, сдѣлавшаяся первенствующею звѣздой. Что ка-

сается Нарышкиной, то она имѣла большой успѣхъ въ Лондонѣ, не только благодаря своей красотѣ, но и привлекательному обращенію. Регентъ былъ въ восторгѣ отъ нея и увлекался ею до послѣдней степени. «Я нахожу,—писала Ливенъ,—что Марія Антоновна чрезвычайно мила; она провела у насъ пять недѣль и постоянно выражала желаніе быть со мною въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Такъ какъ я очень рада быть привѣтливой со всѣми русскими, которые любезны со мною, то мы съ нею подружились, и я нахожу, что она много выигрываетъ при ближайшемъ знакомствѣ. Она очень тактична, разсудительна и безъ всякихъ претензій, умѣетъ приноравливаться ко всѣмъ и благоразумна въ высшей степени».

Въ концѣ этого года Англію посѣтилъ великій князь Николай Павловичъ, и графиня Ливенъ съ восторгомъ отзывается о немъ. «Его вообще здѣсь очень любятъ,— писала она,—и дѣйствительно, онъ очарователенъ. Единственный недостатокъ въ немъ заключается въ пристрастіи къ мундирамъ. Это доказываетъ, что чело-вѣкъ не можетъ быть вполне совершенствомъ. Его отношенія къ регенту очень хороши, и это — его заслуга, такъ какъ онъ обращается съ нимъ самымъ обворожительнымъ образомъ. Я приглашала къ себѣ всѣхъ, которые находятся теперь въ Лондонѣ, чтобы показать ему сливки англійскаго общества. Онъ отличается способностью располагать къ себѣ всѣхъ, и это очень нравится англичанамъ, которые обыкновенно бываютъ *gauches*. Съ женщинами онъ очень застѣнчивъ, но его вкусъ замѣчательный, и въ его манерахъ просвѣчиваетъ обходительность. Онъ вообще имѣлъ много успѣха, и я этимъ горжусь. Онъ уѣхалъ теперь въ Шотландію и останется тамъ около мѣсяца, а потомъ вернется и пробудетъ столько же времени въ Лондонѣ. Великій князь давалъ у насъ роскошный обѣдъ принцу-регенту, но банкеты ему недоѣдаютъ, и онъ предпочитаетъ, чтобы я устраивала для него вечера».

Въ томъ же письмѣ она упоминаетъ впервые о политическихъ обстоятельствахъ въ Англіи, именно объ уличныхъ безпорядкахъ въ Лондонѣ, которые были возбуждаемы мистеромъ Спонсомъ, провинціальнымъ учителемъ, однимъ изъ проповѣдниковъ націонализаціи земли. По словамъ русской посланницы, это зрѣлище было очень забавно, такъ какъ ничего серьезнаго не произошло, и только ограбили лавку одного ружейника и ранили какого-то чело-вѣка. «Однако ждуть новыхъ безпорядковъ,—прибавляетъ она,—народная нищета достигаетъ крайнихъ предѣловъ, и англійскій народъ не отличается покорностью. Однако въ этой странѣ такъ привыкли къ народнымъ вспышкамъ, что эта перспектива никого не пугаетъ».

Въ слѣдующемъ году графиня Ливенъ ѣздила съ мужемъ на три недѣли въ Парижъ и провела время очень шумно среди безконеч-

ныхъ увеселеній. Почти въ одно время съ ней вернулся герцогъ Девонширскій, ѣздившій въ Россію. Онъ остался въ восторгѣ отъ императорской семьи, принявшей его очень любезно, но былъ не доволенъ свѣтскимъ обществомъ, которое, принявъ его напыщенную холодность за глупость, издѣвалось надъ нимъ. Напротивъ онъ, по словамъ графини, былъ очень умный и вмѣстѣ съ тѣмъ остроумный человекъ. «Я;—прибавляетъ она,—желала бы, чтобы русскіе вмѣсто того, чтобы смѣяться надъ неловкостью иностранцевъ, не посылали за границу такихъ русскихъ, которые заставляютъ не смѣяться, а презирать себя. Я видѣла такихъ людей въ Парижѣ и, право, выходила изъ себя. Мы встрѣтили въ Парижѣ Михаила Воронцова, и признаюсь, что онъ доставляетъ чисто патріотическое удовольствіе».

III.

1818-й годъ представляетъ пробѣлъ въ перепискѣ графини Ливенъ. Въ продолженіе этого времени она была съ мужемъ на Ахенскомъ конгрессѣ, гдѣ также находился ея братъ Константинъ, сопровождавшій императора. Переписка снова возобновилась въ началѣ января слѣдующаго года, и она прежде всего писала своему отцу изъ Брайтона, гдѣ посланничья чета остановилась у регента. Конечно, письмо полно воспоминаній о конгрессѣ. «Мой мужъ, — писала она, — не нахвалится императоромъ и всѣми своими соотечественниками. Пребываніе въ Ахенѣ было ему интересно во всѣхъ отношеніяхъ, и оно оставило во мнѣ самое дорогое воспоминаніе. Оттуда мы проѣхали съ дворомъ въ Брюссель, и тамъ были безконечныя празднества. Кромѣ баловъ и обѣдовъ, мы постоянно проводили время съ свекровью, такъ что просто не имѣли времени спать. Она, повидимому, была очень счастлива видѣть насъ и въ восторгѣ отъ нашихъ дѣтей. Впрочемъ это неудивительно, такъ какъ Павелъ самый хорошенькій мальчикъ на свѣтѣ. Она разсталась съ моимъ мужемъ съ большимъ сожалѣніемъ и показала мнѣ очень ослабѣвшей и опустившейся».

Черезъ два дня графиня Ливенъ писала брату Александру все еще подъ впечатлѣніемъ ахенскаго конгресса. «Это собраніе знаменитыхъ людей, — замѣчаетъ она, — насъ вполне удовлетворило. Мой мужъ былъ очень доволенъ милостью и довѣріемъ императора, а я всѣмъ, что происходило передъ моими глазами. Ахенскій конгрессъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ важное значеніе по своимъ результатамъ, по простотѣ отношеній между собравшимися на немъ важными особами и по обсужденію многихъ вопросовъ. Что касается до меня, то мнѣ удалось сдѣлать нѣсколько интересныхъ знакомствъ, о которыхъ я всегда сохраню пріятное воспоминаніе. Императрица мать была со мною, какъ всегда, очень милостива. Я видѣла весь русскій дворъ и нашла очень удобнымъ, что онъ пріѣхалъ изъ такой дали

ко мнѣ навстрѣчу. Я возобновила съ великимъ княземъ Константиномъ наши нѣжныя отношенія; однимъ словомъ, въ короткое время я столько перевидала старыхъ друзей, что это путешествіе кажется мнѣ пріятнымъ сномъ».

Въ этихъ письмахъ не упоминается ни слова о событіи, происшедшемъ въ Ахенѣ и сдѣлавшемъ переворотъ во всей ея жизни. Она впервые встрѣтила тамъ Меттерниха, и они пламенно полюбили другъ друга. Разлука съ нимъ естественно была для нея очень горькой, и, по замѣчанію англичанъ, «она вернулась въ Лондонъ глубоко разочарованной и снѣдаемой тоскою». Она сама сознается въ письмахъ къ брату, что сильно скучаетъ, и утѣшаетъ себя только тѣмъ, что скучаетъ вмѣстѣ съ Веллингтономъ. Съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ она близко сошлась также въ Ахенѣ и говоритъ, что въ Европѣ онъ совершенно другой человѣкъ, нежели въ Лондонѣ. «Вообще Веллингтонъ человѣкъ прелестный, — писала она, — пріятный, въ высшей степени снисходительный и чувствующій себя чрезвычайно счастливымъ, если его ласкаютъ. Такъ какъ Лондонъ навѣваетъ на него скуку, то ему нравится бывать въ нашемъ домѣ». Раздѣляя тоску Веллингтона, графиня Ливенъ выражаетъ готовность покинуть Лондонъ и даже говорила Нессельроде въ Ахенѣ, что желала бы перемѣнить посольскій постъ. На это онъ возразилъ, что ея мужу можно перемѣнить Лондонъ только на Вѣну и Парижъ; но первый постъ былъ занятъ, а второй, ни въ какомъ случаѣ, не подходилъ графинѣ, ненавидѣвшей тогда Францію.

Въ половинѣ октября графиня Ливенъ обнаружила физическую причину своей скуки и тоски — она родила четвертаго мальчика. «Хотя жена, — писалъ графъ Ливенъ своему шурину, — серьезно беспокоилась о результатѣ своихъ родовъ, но они никогда не были такъ счастливы». Однако роды подали поводъ къ сплетнямъ и даже клеветамъ. Такъ, герцогиня Деказъ, французская посланница въ Лондонѣ, называла ребенка графини Ливенъ «дитятей конгресса» и намекала, что отецъ его былъ Меттернихъ. Достаточно простого сравненія чиселъ, чтобы доказать всю ложность означеннаго предположенія: онъ родился въ октябрѣ, а графиня Ливенъ видѣлась съ Меттернихомъ за 11 мѣсяцевъ до этого событія.

Но если ихъ любовь не создала матеріальнаго послѣдствія, то все-таки отношенія графини Ливенъ съ великимъ европейскимъ дипломатомъ дали ей громадный, нравственный и умственный результатъ. Въ тридцать пять лѣтъ впервые проявилась въ графинѣ Ливенъ страсть къ дипломатіи и желаніе сдѣлаться дипломаткой. Этому содѣйствовала также и дружба съ Веллингтономъ, который становился тогда центромъ англійской политики. Такимъ образомъ въ ея письмахъ за это время начинаютъ проявляться болѣе подробныя политическія разсужденія, особенно по поводу англійскихъ

дѣлъ, смерти Георга III и восшествія на престолъ регента, подъ именемъ Георга IV.

Снова цѣлый 1821 годъ является пробѣломъ въ ея корреспонденціи съ братомъ, и Робинсонъ не объясняетъ причины, но Додэ въ своей статьѣ приводитъ письмо графини къ ея отцу, относящееся къ этому времени. Ея мужъ уѣхалъ въ Россію, а старшіе два сына отправились вмѣстѣ съ нимъ для поступленія въ Дерптскій университетъ. Графиня осталась одна съ меньшими дѣтьми, и неожиданно самъ король, Георгъ IV, доставляетъ ей случай видѣться съ Меттернихомъ. «Милый папа,—пишетъ она къ отцу,— я нахожусь въ Ганноверѣ уже восемь дней. Король англійскій выразилъ желаніе, чтобы я посѣтила его, и лордъ Лондондери прислалъ за мною. Я была увѣрена, и лордъ Лондондери мнѣ подтвердилъ это, что мой мужъ уже находится въ Ганноверѣ, по дорогѣ въ Англію. Но по несчастью мои расчеты оказались невѣрными, и онъ до сихъ поръ не пріѣхалъ. Поэтому и король отложилъ свой отъѣздъ, потому что онъ считаетъ необходимымъ видѣться съ моимъ мужемъ вмѣстѣ съ Меттернихомъ, который нарочно пріѣхалъ сюда. Къ мужу моему король послалъ курьера съ объясненіемъ этого обстоятельства, но доктора не хотятъ болѣе оставлять короля здѣсь, и онъ ѣдетъ послѣзавтра. Я не имѣю никакихъ извѣстій о мужѣ уже пять недѣль и начинаю беспокоиться. Король очень боленъ, но, несмотря на это, показывается въ публикѣ, которая принимаетъ его съ восторгомъ. Хотя я пріѣхала сюда по личному приглашенію короля, но я не могу выразить вамъ, какъ мнѣ не ловко здѣсь безъ мужа». Не успѣлъ король уѣхать въ Англію, какъ явился русскій посланникъ и тотчасъ послѣдовалъ за нимъ вмѣстѣ съ своей женою.

Въ Англіи снова началась прежняя блестящая жизнь между Лондономъ и Брайтономъ, гдѣ жилъ король, и куда часто приглашали графа Ливена съ женою, при чемъ обыкновенно въ это время бывалъ тамъ и герцогъ Веллингтонъ. «Мой мужъ очень занятъ,— писала графиня,— и мало выѣзжаетъ въ свѣтъ, а я по обязанности, а также изъ удовольствія, постоянно посѣщаю высшее общество. Признаюсь, я люблю движеніе и болтовню. Въ сентябрѣ графъ Ливенъ и герцогъ Веллингтонъ были назначены членами веронскаго конгресса и отправились вмѣстѣ. 23 октября они прибыли въ Верону, «гдѣ собралась вся Европа». Тамъ были императоры: русскій и австрійскій; короли: неаполитанскій и сардинскій; большая часть италіянскихъ принцевъ и сливки дипломатіи, въ томъ числѣ Меттернихъ.

«Я очень рада,— писала графиня Ливенъ,— что нахожусь здѣсь. Мое любопытство вполне удовлетворено. Это, быть можетъ, самый интересный конгрессъ изъ всѣхъ предыдущихъ. Только женскій элементъ очень слабъ. Здѣсь нѣтъ ни одной замѣчательной жен-

щины; есть какія-то гуронки, и болѣе никого, такъ что я единственная представительница моего пола. Еще неизвѣстно, сколько продлится конгрессъ; говорятъ, четыре недѣли, но, по моему мнѣнію, это слишкомъ скромный срокъ. Мы, по всей вѣроятности, не останемся до конца и поѣдемъ вслѣдъ за герцогомъ Веллингтономъ, который отправится послѣ открытія итальянскаго конгресса. Его здоровье очень расшатано, и я боюсь за него. Мой мужъ участвуетъ въ конференціи и очень занятъ, и я сомнѣваюсь, чтобы мы многое видѣли въ прекрасной Италіи. Впрочемъ, во время зимняго сезона она не такъ очаровательна». Въ этомъ письмѣ замѣчательнъ намекъ на Шатобріана, представителя Франціи на конгрессѣ. Она въ остальныхъ письмахъ вовсе не упоминаетъ ни о немъ, ни о сопровождавшей его красавицѣ, Рекамье, которую она разумѣетъ подъ названіемъ «гуронки». Шатобріанъ тогда только что вернулся изъ Америки и безъ конца рассказывалъ о тамошнихъ индѣйцахъ и особенно о гуронахъ. Графиня Ливенъ могла игнорировать такихъ выдающихся личностей, какъ Шатобріанъ и Рекамье, потому что сама была первымъ лицомъ на конгрессѣ, и ея салонъ составлялъ центръ дипломатическаго кружка. Поэтому она съ гордостью и самодовольствомъ пишетъ:

«Мы здѣсь на конгрессѣ уже два мѣсяца. Европа чрезвычайно интересна, и я нахожусь въ обществѣ, которое льститъ моему самолюбію и моему любопытству. Каждый вечеръ конгрессъ собирается у меня. Графъ Нессельроде и князь Меттернихъ просили меня, чтобы я сдѣлала свой домъ мѣстомъ сборища для нихъ. Я нахожу въ этомъ большую пользу для себя, потому что такимъ образомъ бываю въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ замѣчательнѣйшими людьми по ихъ значенію въ Европѣ и по ихъ личному достоинству. Я уже знала князя Меттерниха раньше по прежнимъ нашимъ встрѣчамъ, но здѣсь я сошлась съ нимъ совершенно дружески. Герцогъ Веллингтонъ также постоянно бываетъ у меня. Онъ лучшій и надежнѣйшій изъ моихъ англійскихъ друзей. Эти двѣ звѣзды, на которыхъ косится царская передняя, лишили меня общества моихъ соотечественниковъ, такъ что я вижу въ Веронѣ всю Европу, кромѣ Россіи. Конечно, я должна сдѣлать исключеніе для Нессельроде—настоящаго джентльмена, Поццо-ди-Борго и Татищева, которые, какъ члены конгресса, бывають у меня каждый день. Я съ сожалѣніемъ, однако, вижу, что тѣ, которые должны бы находиться со мною въ лучшихъ отношеніяхъ, держатся отъ меня въ сторонѣ, какъ отъ врага. Вслѣдствіе того, что я провела въ Англии десять лѣтъ, они смотрятъ на меня, какъ на англичанку, а такъ какъ я вижу съ княземъ Меттернихомъ ежедневно, то они считаютъ меня австріячкой. Подобныя заключенія, ни на чемъ не основанныя, не дѣлають чести нашимъ соотечественникамъ. Я имѣю основаніе предположить, что государь знаетъ недоброжела-

тельство ко мнѣ русскихъ и не одобряетъ эти предубѣжденія противъ меня. Они совершенно противорѣчатъ принципамъ императора, и я знаю, что мои враги желали расположить его противъ меня, но ихъ планъ совершенно не удался. Государь обращается со мною съ добротой, и я льщу себя убѣжденіемъ, что онъ хорошо меня понимаетъ. Что касается меня, то я всячески старалась быть предупредительной съ русскими, но они отвѣчали на мои любезности, какъ я тебѣ уже сказала. Все-таки, когда я съ ними встрѣчаюсь, то обхожусь учтиво, потому что не обращаю никакого вниманія на ихъ сплетни».

Все, что говоритъ графиня Ливенъ брату о своемъ вліяніи на главныхъ участниковъ конгресса, вполнѣ подтверждается самимъ Меттернихомъ въ письмѣ къ женѣ. «Г-жа Ливенъ,—пишетъ онъ,— мое единственное общество, и я провожу почти каждый вечеръ у нея. Большая часть членовъ конгресса слѣдуютъ моему примѣру». Недѣлю спустя, она увѣдомляетъ брата, что конгрессъ чрезъ нѣсколько дней окончится, и Веллингтонъ уже уѣхалъ». «Я буду сожалѣть о Веронѣ, проведя тамъ очень весело время. Мой мужъ былъ очень занятъ своими обязанностями, которыя выставили его съ хорошей стороны».

Но, разставаясь съ Вероной, графиня Ливенъ вмѣстѣ съ тѣмъ предчувствовала, что разлучается навсегда съ горячо любимымъ ею Меттернихомъ. Поэтому она просила Нессельроде, чтобы онъ далъ другое назначеніе ея мужу, такъ какъ Лондонъ ей надоѣлъ. На это онъ опять замѣтилъ, что графу Ливену некуда перейти, кромѣ Парижа и Вѣны, но въ первомъ находится Поццо-ди-Борго, который, по словамъ самой графини Ливенъ, великолѣпно исполнялъ свои обязанности, а въ послѣднюю назначенъ Татищевъ—человѣкъ чрезвычайно способный.

Дѣлать было нечего, приходилось вернуться въ Лондонъ. Но теперь она изъ царицы свѣтскаго общества обратилась окончательно въ дипломатку и сдѣлалась центромъ русской политики въ Европѣ. Министръ иностранныхъ дѣлъ, Нессельроде, понимая изъ личныхъ сношеній съ нею все ея значеніе и вступилъ съ нею въ постоянную переписку. Относительно лондонскаго посольства она руководила всѣми дѣлами мужа и чрезвычайно умѣло давала понять всѣмъ, какъ въ Россіи, такъ и въ Англии, что онъ дѣлалъ все самъ. Въ сущности же онъ былъ неспособнымъ и скучнымъ человѣкомъ, обязаннымъ своимъ дипломатическимъ успѣхомъ лишь своей женѣ. Графиня все разузнавала для него, интриговала, что неизбежно въ политикѣ, находилась въ дружескихъ отношеніяхъ съ выдающимися политическими дѣятелями Англии и, продолжая стоять во главѣ лондонскаго моднаго общества, энергично поддерживала престижъ русскаго посольства.

Графиня Ливенъ въ этотъ поворотный моментъ жизни минуло 38 лѣтъ, и она чувствовала, что близокъ конецъ ея веселой, счастливой жизни. Она даже предвидѣла, что ея сношенія съ Меттернихомъ скоро порвутся. Правда, переписка между ними еще нѣсколько времени продолжалась, и неизвѣстно, когда именно наступилъ между ними окончательный разрывъ. Только вскорѣ онъ женился, и Ливенъ публично называла его величайшемъ негодяемъ на свѣтѣ. Этотъ сердечный разрывъ, окончившійся открытой ненавистью въ продолженіе остальной ея жизни, очень грустно на нее подѣйствовалъ, и при всемъ окружавшемъ блескѣ официальной жизни она стала грустить и хандрить, что было очевидно для ея друзей. Одинъ изъ англичанъ, находившійся нѣкогда въ близкихъ съ нею отношеніяхъ, писалъ: «Графиня Ливенъ самая разочарованная женщина на свѣтѣ и обнаруживаетъ глубокую тоску даже въ обществѣ ближайшихъ друзей; она холодна, сумрачна и скучна, при всемъ ея стараніи казаться всегда любезной и доброй женщиной. Ей въ сущности не удастся растаять тотъ ледъ, которымъ она, повидимому, покрыта».

Однако, по возвращеніи изъ Италіи, она всецѣло предалась политикѣ, овладѣвшей всею ея существомъ въ послѣдующія двѣнадцать лѣтъ, проведенныхъ ею въ Англіи. Хотя въ 1823, 1824 и 1825 годахъ ея переписка съ братомъ была очень скудна, тѣмъ болѣе, что въ послѣднемъ году она ѣздила въ Россію, тотчасъ послѣ родовъ, которые уже были послѣдніе, все-таки въ этихъ письмахъ постоянно находятся извѣстія о политическихъ дѣлахъ Англіи, которыя становились все сложнѣе и запутаннѣе. Русская посланница постоянно гостила въ Виндзорѣ у короля и увѣряетъ, что дѣлала это по необходимости, съ цѣлью сохранить его доброе расположеніе къ ея мужу. «Англійскій кабинетъ,—писала она въ концѣ 1824 года,—находится въ ссорѣ между собою: Каннингъ позируетъ радикаломъ, другіе министры подражаютъ ему, чтобы сохранить свои мѣста, а герцогъ Веллингтонъ одинъ готовъ заступиться за хорошее дѣло, но все усилія ему не удаются: нравственное величіе Англіи сильно падаетъ».

Что касается до внѣшней политики, то, по словамъ графини Ливенъ, все глаза были обращены на русскаго императора. Онъ тогда имѣлъ громадное вліяніе на всю Европу, и престижъ Россіи стоялъ очень высоко. Поддержаніе равновѣсія между миромъ и войною было главнымъ интересомъ европейскихъ державъ, и все остальное ступевалось. Императора все боялись и въ то же время уважали. Онъ считался самымъ глубокимъ политикомъ въ Европѣ и въ этомъ отношеніи стоялъ выше всехъ.

Пробывъ въ Россіи, короткое время, посланница уже не столько думала о своей любимой политикѣ, а вполне предалась Россіи и просила брата, какъ можно болѣе писать объ ихъ отечествѣ. «Я

русская до мозга костей,—замѣчаетъ она,— и я не могу сказать, какъ эти шесть недѣль развили во мнѣ симпатію къ этой странѣ». Ея патриотическій пылъ еще болѣе увеличился смертью императора Александра въ концѣ 1825 года. «Какое ужасное несчастье поразило насъ!—писала она.—Я не могу повѣрить, что государя болѣе нѣтъ. Только религія можетъ заставить перенести такой ударъ. Какъ желала бы я находиться въ Россіи и видѣть слезы на всѣхъ глазахъ; вѣдь онѣ были бы поистинѣ искреннія». По ея словамъ, «императоръ Александръ былъ лучшимъ изъ государей и наиболѣе гуманнымъ, благороднымъ, справедливымъ изъ людей. Въ продолженіе двадцатилѣтняго самодержавнаго правленія онъ пользовался своею властью только, чтобы дѣлать добро. Его память будетъ благословляема все время, пока существуетъ русскій народъ».

В. А. Тимирязевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ЖИЗНИ АСТРАХАНСКИХЪ ІЕРАРХОВЪ

I.

ВЪ МАѢ текущаго года обширная и отдаленная Астраханская епархія праздновала трехвѣковое свое существованіе. Торжество духовное (хотя трехсотлѣтіе истекло въ концѣ 1902 г.) было приурочено къ такому времени (17—19 мая), когда устанавливалось удобное сообщеніе между Астраханью и другими городами, чтобы дать возможность большому числу православныхъ съѣхать и помянуть общей молитвой прежнихъ дѣятелей: царей, архипастырей, духовныхъ учителей «и всѣхъ въ православной вѣрѣ скончавшихся рабовъ Божіихъ, потрудившихся кійждо въ своемъ званіи во благо церкви астраханской и христіанъ представлявшихся».

Три вѣка разбросанная на далекое пространство по берегу морскому, бокъ-о-бокъ съ шумливымъ и безпокойнымъ Дономъ, на перепутьѣ изъ Россіи въ Азію, обнимая въ былое время нынѣшнія губерніи Астраханскую, Саратовскую, Ставропольскую, часть Самарской и области Терскую и Уральскую, стояла епархія эта на стражѣ православія и русской народности, среди дикихъ ногайскихъ и калмыцкихъ степей, защищая съ одной стороны интересы родного отечества, а съ другой—отстаивая завѣты вѣры Христовой. Немало ей пришлось вынести разныхъ перипетій и невзгодъ въ этотъ періодъ и отъ непокорныхъ туземныхъ племенъ, враждебно настроенныхъ противъ Россіи, и отъ буйнаго элемента русской голытѣбы и вольницы, съ давнихъ поръ стремившейся въ отдаленный, богатый край, ради привольнаго житія и легкой наживы. Многія славныя имена ея дѣятелей запечатлѣли

свои подвиги въ памяти народной и на страницахъ исторіи. До сихъ поръ о нихъ свято чтятся воспоминанія въ потомствѣ, съ покаяніемъ притекающемъ къ ихъ гробницамъ, молитвами искупаая прегрѣшенія своихъ предковъ.

Были среди нихъ и люди простые, безхитростные, радѣвшіе о благѣ народномъ въ години бѣдствій, полагая «души своя за овцы своя», какъ архіепископъ Пахомій (1641—1655), ставшій жертвой свирѣпствовавшей въ Астрахани чумы, митрополитъ Савватій (1683—1696), постоянно, во время морового повѣтрія съ 28-го іюня 1692 г. по 12 декабря 1693 года¹⁾, служившій литургіи и посвящавшій въ церкви священниковъ на мѣсто умершихъ, дабы «ни одинъ человекъ не остался безъ покаянія и погребенія», и епископъ Варлаамъ Липицкій (1727—1730), при которомъ моровая язва втеченіе 1727—1728 гг. унесла 18 тыс. жертвъ. Были и мужи ученые, свѣтлаго разума, высокаго ума, оставившіе по себѣ память научными трудами и просвѣщенной дѣятельностью, — Лаврентій Горка (1723—1727), учредитель первыхъ въ Астрахани школъ для образованія духовенства и дѣтей чиновниковъ, Никифоръ графъ Феотоки (1786—1792), борецъ противъ раскола, Платонъ Любарскій (1794—1805), составитель «Исторіи астраханской іерархіи», Анастасій Братановскій (1805—1806), пожертвовавшій мѣстной семинаріи богатую бібліотеку польскаго короля Августа, Сильвестръ Лебединскій (1807—1808), Аѳанасій Дроздовъ (1856—1870) и Хрисанеъ Ретивцевъ (1874—1877).

Были наконецъ и такіе іерархи, которые принимали участіе въ важнѣйшихъ дѣлахъ государственныхъ: архіепископъ Онуфрій (1615—1628)—при возведеніи Филарета въ патріархи и митрополитъ Никифоръ (1681—1682)—на соборѣ объ уничтоженіи мѣстничества.

Но самыми видными дѣятелями этого края несомнѣнно являются игуменъ Кириллъ, духовный устроитель Астрахани, первый архіепископъ Θεодосій, митрополиты: Іосифъ, убитый разинцами, и Сампсоній, усмиритель «бабьяго» бунта 1705 г. (извѣстенъ еще, какъ строитель нынѣ существующаго величественнаго Успенскаго собора въ Астрахани), и епископъ Меѳодій, дѣятель во время пу-гачевщины.

По случаю трехсотлѣтняго торжества, намъ кажется, не лишнимъ будетъ привести хоть нѣкоторые выдающіеся, но еще мало извѣстные, эпизоды изъ ихъ трудовой жизни, исправивъ гдѣ нужно встрѣчающіеся о послѣднихъ архипастыряхъ въ прежнихъ изслѣдованіяхъ неточности.

¹⁾ По свѣдѣніямъ «Ключаревской лѣтописи», стр. 30, во время этого повѣтрія умерло городскихъ жителей 9.293 чел. и пришлыхъ—1.920 чел.

Край Астраханскій, съ самыхъ первыхъ дней своего подчиненія (1557 г.) Московскому государству, былъ постоянно ареной вспышекъ, волненій, мятежей и междоусобныхъ браней, не прекращающихся до сихъ поръ. Подъ гнетомъ ихъ всего больше изнывала бывшая татарская столица Астрахань вмѣсто того, чтобы служить опорой русской силы и власти на далекой окраинѣ. Первые русскіе поселенцы ея, преимущественно стрѣльцы, пушкари и прочій служилый людъ, по своимъ нравственнымъ качествамъ, мало чѣмъ отличались отъ свирѣпыхъ и алчныхъ инородцевъ, ни во что не ставившихъ жизнь человѣческую. Оторванные отъ Россіи первобытными степями, вдали отъ храмовъ Божіихъ и пастырей духовныхъ, которые могли бы ихъ вразумлять и укрѣплять въ вѣрѣ, они были чужды взаимной христіанской любви и состраданія къ ближнимъ, а къ туземцамъ относились крайне недоброжелательно, нисколько не заботясь привлечь ихъ къ новому отечеству.

Посѣтившій лѣтомъ 1558 года Астрахань англичанинъ Дженкинсонъ рассказываетъ ¹⁾, на примѣръ: когда, вслѣдствіе великаго голода и мора среди ногайцевъ, послѣдніе приходили въ городъ, отдавая себя добровольно въ руки своихъ враговъ, астраханцы прогоняли ихъ, отказывая въ кускѣ хлѣба. Туземцы умирали массами, и кучи ихъ тѣлъ, не погребенныхъ, точно звѣрей, лежали кругомъ города, заражая зловоніемъ воздухъ. Будь русскіе нѣсколько добрѣе, «въ то время очень легко было бы обратить этотъ злой народъ въ христіанскую вѣру; но какъ они могли оказать состраданіе къ чужому племени, если также безпощадны были къ своимъ бѣднымъ».

При такихъ обстоятельствахъ, конечно, трудно было вести успѣшно дѣло обрусенія только что покоренной области. Сознавалъ это и первый воевода астраханскій Иванъ Семеновичъ Черемисинъ, который, ради утвержденія въ жителяхъ христіанскаго духа, и чтобы поселить среди туземцевъ нѣкоторую привязанность къ русскимъ, вскорѣ послѣ перенесенія Астрахани на настоящее мѣсто ²⁾, просилъ царя прислать туда «человѣка святого, монаха, чтобы училъ добру и въ крещеную вѣру загоналъ, какъ разумъ

¹⁾ Чтен. въ Обществѣ истор. и древн. російск.. 1884, IV, 39.

²⁾ Мѣстные исторіографы: Штылько, Малиновскій, протоіерей Каменскій и друг., указываютъ, что Астрахань перенесена съ праваго берега на лѣвый въ 1558 году. Между тѣмъ, судя по описанію англичанина Дженкинсона, уже въ іюні этого года городъ стоялъ на указанномъ мѣстѣ и былъ укрѣпленъ. Значитъ, перенесеніе его совершилось ранѣе. Воеводой въ то время не могъ быть князь Петръ Семеновичъ Серебряный-Оболенскій, какъ доказываютъ: «Ключаревская лѣтопись», стр. 4, «Астр. Епарх. Вѣд.», 1877 г., № 47, и г. Малиновскій—«Астраханскій Кремль», стр. 7, ибо Оболенскій посылался на выручку Астрахани отъ нашествія крымско-турецкой арміи лишь въ 1569 году.

укажетъ». Но почему-то въ то время не была исполнена просьба воеводы, и только, по прошествіи 11 лѣтъ, грамотой 1568 г. отъ царя Іоанна Васильевича IV, былъ посланъ туда, съ древнимъ образомъ Владимирской иконы Божіей Матери ¹⁾, почтенный старецъ, игуменъ Кириллъ, мужъ обширнаго ума и высокой нравственности, надѣленный большими познаніями, какъ духовный правитель всего обширнаго Астраханскаго края. Ему поручалось не только пасти словесное стадо мѣстныхъ православныхъ, но еще строить церкви, заводить монастыри, «забирать монаховъ», крестить иновѣрцевъ и «судъ весь производить надъ мірскими людьми».

Несмотря, однако, на трудность дѣла, безъ надежныхъ помощниковъ, этотъ первый борецъ православія въ далекомъ полуазіатскомъ краѣ одинъ сумѣлъ одержать побѣду во имя Христа, построилъ нѣсколько церквей, устроилъ Троицкій монастырь въ кремлѣ, что нынѣ Троицкій соборъ, и своей подвижнической жизнью, благочестіемъ и добротой приобрѣлъ всеобщую любовь не только православныхъ, но даже магометанъ, которые называли его «Кара-Давудъ» ²⁾ и оказывали ему почитаніе, какъ своему святому. Къ нему за совѣтомъ, молитвой и помощью притекали и вѣрующіе и невѣрные, находя у него и слово утѣшенія и молитвенное облегченіе отъ скорбей и болѣзней. Даже когда скончался онъ (послѣ освященія 25 іюня 1576 г. Троицкой церкви), православные получали, по его молитвамъ, помощь въ бѣдствіяхъ. Усердные богомольцы приходили къ его могилѣ (въ сѣверо-западномъ углу монастырской ограды) и уносили съ нея песокъ, какъ святыню, исцѣлявшую отъ разныхъ недуговъ ³⁾...

Случился въ Астрахани какъ-то большой пожаръ, рассказываетъ лѣтописецъ ⁴⁾, жена воеводы «съ своимъ хоромъ» увидѣла Кирилла, стоявшаго «съ воемъ» въ гробу и осѣнявшаго крестообразно воздухъ по направленію къ горѣвшему мѣсту, «и абіе пламень угасе, и пожаръ преста». Она рассказала о томъ мужу и другимъ людямъ. Жители сдѣлали сборъ и построили на его могилѣ часовню «дверьми на востокъ». Въмѣсто нея въ 1677 г. воздвигли каменную, дверями на западъ ⁵⁾. Купецъ Юрьевца (Повольскаго)

¹⁾ Образъ этотъ, по преданію, данъ былъ Іоанномъ «изъ своихъ царскихъ чертоговъ», написанъ на доскѣ, 1¹/₄ арш. вышины и ³/₄ арш. ширины, въ сребро-золоченой ризѣ, вѣнцѣ и коронѣ древней чеканки, усыпанный крупнымъ жемчугомъ, алмазами, яхонтами и изумрудами, находится нынѣ лѣвѣе царскихъ вратъ въ нижнемъ Владимирскомъ храмѣ Астраханскаго Успенскаго (каедральнаго) собора. (Дѣло Астрах. губернскаго архива 1837 г., № 555).

²⁾ Т.-е. Черный Давидъ, въ отличіе отъ царя Давида, также почитаемого магометанами за пророка.

³⁾ «Астраханскія Епархіальныя Вѣдомости», 1878 г., № 50.

⁴⁾ Рукопись Туркина въ Сборн. Петр. общества, стр. 34—47.

⁵⁾ Въ такомъ видѣ часовня существуетъ и нынѣ.

Емельянъ Перфильевъ ѣхалъ въ тотъ городъ изъ Астрахани по Волгѣ съ товарами. Выше Чернаго Яра его застигла «буря зѣльна, и водное естество великими ярящеся волнами», заливало судно. Со слезами стали лодочники молиться Богу, «да избавить ихъ отъ потопленія». И, вдругъ, видятъ они нѣкоего старца, идущаго къ нимъ по волнамъ. Онъ вошелъ въ судно, и буря прекратилась. Люди пали на землю, купецъ спросилъ:

— Кто еси ты, господине, иже отъ толикія мя нечаянныя бѣды избави?

— Азъ есмь астраханскаго Троицкаго монастыря начальникъ, игуменъ Кириллъ,—сказалъ старецъ и сталъ невидимъ.

На другой годъ Перфильевъ соорудилъ надъ тѣломъ игумена гробницу и заказалъ «вновь переписать» его образъ. Древнее изображеніе это, писанное на доскѣ масляными красками, и теперь находится въ часовнѣ около Троицкаго собора.

II.

Учрежденіе въ Астрахани епархіи, какъ указываютъ многіе печатные и рукописные источники, произошло въ 1602 году. Первымъ архипастыремъ ея былъ епископъ Θεодосій, человекъ сильной воли, твердаго характера и примѣрной жизни, хотя не чуждый честолюбія. Ранѣе 25 лѣтъ онъ управлялъ Толгскимъ богородицкимъ монастыремъ, Ярославской епархіи, откуда былъ назначенъ, «при царѣ Ѳеодорѣ Иоанновичѣ, благословеніемъ патріарха Іова»¹⁾, въ Астрахань на мѣсто игумена Кирилла. На первыхъ же порахъ по прибытіи туда, онъ показалъ свой недюжинный умъ, находчивость и большія познанія въ строительномъ искусствѣ.

Ему было велѣно въ монастырѣ Троицкомъ соорудить каменную соборную церковь. Но въ то время въ Астрахани (какъ и теперь) не было поблизости твердаго строеваго камня. Его надо было добывать за 400—500 верстъ, что составляло и трудъ и расходъ

¹⁾ Значить не ранѣе 1589 г., ибо извѣстно, что патріаршество въ Россіи учреждено въ этомъ году. Въ «Исторіи русской іерархіи», т. I, стр. 97, однако, указывается, что Астрахань со дня ея подчиненія Россіи находилась въ зависимости отъ казанскихъ архипастырей, которые, начиная съ св. Гурія (1555 г.) до второго митрополита казанскаго Ефрема (1606 г.) именовались казанскими и астраханскими. Но ни св. Гурій, ни пріемники его до архіепископа Тихова II не носили этого титула, а писались казанскіе и свіяжскіе (Акт. археогр. экспед., т. I, стр. 269—270; Собр. государ. грам. и догов., ч. I, №№ 189, 192, 200, 202 и друг.). И только въ 1589 г. за участіе въ избраніи патріарха Іова архіепископъ Тиховъ возведенъ въ санъ митрополита, съ титуломъ казанскаго и астраханскаго. До этого же года Астрахань въ духовномъ отношеніи подчинялась непосредственно Москвѣ, откуда были назначены игумены Кириллъ и Θεодосій, а также назначались и другія духовныя лица (а не изъ Казани, какъ бы слѣдовало, если бы Астрахань подчинялась тамошнему архіепископу).

немалые. Недолго размышляя, Ѳеодосій распорядился возить матеріаль съ развалинъ находившейся въ 70-ти верстахъ отъ города, на рѣкѣ Ахтубѣ «зеленой» татарской мечети, оставшейся отъ столицы Сарая, и воздвигъ величественный храмъ, служащій и теперь украшеніемъ астраханскаго кремля ¹⁾.

Въ то время христіанство въ Астраханскомъ краѣ развилось сильно. Въ самой Астрахани уже насчитывалось нѣсколько церквей, возникли новые мужскіе монастыри: Спасо-Преображенскій и Вознесенскій, были церкви въ Саратовѣ, Царицынѣ, на Терекѣ. Чувствовался поэтому недостатокъ въ духовенствѣ, которое приходилось выписывать издалека: изъ Москвы, Рязани, Пензы, что, помимо многихъ неудобствъ, составляло большое затрудненіе въ выборѣ пастырей, ибо въ отдаленный дикій край изъ центра Россіи шли люди болѣе или менѣе порочные, которымъ не находилось мѣста въ своей епархіи.

Вслѣдствіе этого, освятивши 13 сентября 1602 г. Троицкую церковь, по существовавшему тогда обычаю, Ѳеодосій поѣхалъ съ священной водой въ Москву, гдѣ разсказалъ царю нужды православной Астрахани. Борисъ Годуновъ уважилъ желаніе игумена и въ томъ же году назначилъ его туда епископомъ, съ титуломъ астраханскаго и терскаго ²⁾.

Но печально было время управленія имъ паствою. Вскорѣ на Москвѣ воцарился самозванецъ, и, когда извѣстіе это достигло Астрахани, склонные ко всякимъ волненіямъ жители, подбиваемые къ тому монахами Троицкаго монастыря, во главѣ съ архимандритомъ Ѳеодоритомъ, возстали, желая присягать Лжедмитрію ³⁾. Напрасно Ѳеодосій мужественно внушалъ горожанамъ, что «именующійся царемъ Димитріемъ Іоанновичемъ есть самозванецъ, похититель царскаго имени, неправедный и нечестивый», — народъ былъ противъ епископа. Его схватили, посадили въ Троицкій монастырь въ темницу, домъ архіерейскій разграбили, а потомъ, какъ злѣйшаго преступника, отправили въ Москву на судъ къ «царю».

— Астраханскія всѣ смуты отъ тебя, и людямъ ты говорилъ и самъ называешь меня не прямымъ царемъ, да кто же я? — съ великимъ гнѣвомъ и яростью встрѣтилъ его самозванецъ.

¹⁾ Храмъ этотъ сгорѣлъ въ 1623 г. вмѣстѣ съ другими монастырскими постройками, но позднѣе возобновленъ и въ 1700 г. приписанъ къ Троицкой лаврѣ. Въ 1764 г. монастырь упраздненъ и переданъ въ военное вѣдомство для помѣщенія въ немъ гарнизонной солдатской школы, существовавшей тамъ по 1785 г., когда послѣдняя поступила въ вѣдѣніе приказа общественнаго призрѣнія. Въ 1807 г. храмъ возвращенъ епархіальному вѣдомству и обращенъ въ (теплый) соборъ.

²⁾ Ключар. лѣт., 9; Правосл. богосл. энциклоп., II, 103. Посвященіе Ѳеодосія въ архипастыри астраханскіе при Борисѣ Годуновѣ удостовѣряетъ подаренный послѣднимъ ему драгоценный посохъ въ 3½ ф. съ надписью, понынѣ сохранившійся въ ризницѣ астраханскаго Успенскаго собора.

³⁾ «Астраханскія Епархіальныя Вѣдомости», 1882 г., № 19.

Владыка не усталился и безбоязненно отвѣчалъ:

— Вѣдаю, что ты называешься царемъ, но прямое имя твое— Богъ вѣсть, ибо прирожденный царевичъ Димитрій Іоанновичъ убиенъ въ Угличѣ, и мощи его тамъ.

Лжедимитрій ничего не могъ возразить ему на это, даже не оскорбилъ единымъ словомъ. Преосвященный все время жилъ на патриаршемъ дворѣ, «проповѣдуя и многія укоризны на самозванца произнося безъ страха»¹⁾.

Послѣ убійства разстриги Θεодосій участвовалъ съ ростовскимъ митрополитомъ Филаретомъ въ перенесеніи мощей царевича Димитрія изъ Углича въ Москву²⁾, за что былъ награжденъ отъ царя Василя Шуйскаго и патриарха богатыми подарками, возведенъ въ санъ архіепископа³⁾ и отпущенъ въ свою паству. Но по пути опасно занемогъ и 18-го декабря 1606 года скончался въ Царицынѣ⁴⁾. По причинѣ продолжавшагося еще въ Астрахани волненія, тѣло его долгое время стояло тамъ въ церкви непогребеннымъ. Лишь въ 1608 году бояринъ Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ, слѣдуя съ острова Бѣличьяго мимо Царицына вверхъ по Волгѣ, взялъ тѣло и отвезъ въ Казань, гдѣ митрополитъ Ефремъ предалъ его погребенію въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ. Спустя девять лѣтъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ чудесъ въ Астрахани и Казани, «по прошенію начальства и гражданъ астраханскихъ, чрезъ нарочито посланнаго протопопа», Михаилъ Θεодоровичъ позволилъ имъ взять останки святителя. При отпускѣ въ Астрахань, митрополитъ казанскій Матвѣй свидѣтельствовалъ ихъ и нашелъ тѣло негнѣннымъ.

Тѣло Θεодосія по Волгѣ доставили въ Астрахань. Преосвященный Онуфрій съ синклитомъ городского духовенства, власти и народъ встрѣтили его у пристани и при пѣніи псалмовъ перенесли въ Успенскую соборную церковь, гдѣ и погребли по чину⁵⁾.

¹⁾ «Ключаревская лѣтопись», стр. 9—10

²⁾ Карамзинъ, «Исторія госуд. Росс.», XII, 8, прим. 22.

³⁾ «Исторія Росс. церкви» Муравьева, стр. 198. Между тѣмъ во всѣхъ мѣстныхъ изданіяхъ указывается, что Θεодосій въ 1602 г. былъ прямо посвященъ въ архіепископы. Но въ извѣстительныхъ грамотахъ Василя Шуйскаго 2 и 6 июня 1606 г. онъ именуется епископомъ и только въ грамотѣ вдовствующей царицы Мары (въ августѣ 1606 г.) называется уже архіепископомъ. (Акты археогр. ком., II, № 48, 355. Собран. грам. и догов., № 93, 147 и 149).

⁴⁾ О времени кончины Θεодосія встрѣчаются разнорѣчивыя данныя. Въ Ключаревск. лѣтописи, стр. 10, рукописи Туркина, стр. 53, «Астр. Епарх. Вѣд.», 1877 г., № 50, друг. мѣстныхъ изданіяхъ и, наконецъ, въ надгробной надписи показанъ 1607 г., тогда какъ въ Астрах. лѣтописцѣ свящ. Горлицкаго («Историческій Вѣстникъ», 1898 г., XII, 1183) и Правосл. богосл. энциклоп. II, 103,—1606. По нашему мнѣнію, послѣдней датѣ должно отдать болѣе вѣроятія, ибо, если онъ, послѣ перенесенія мощей царевича Димитрія, въ томъ же году отпущенъ «восвояси», то болѣе 4 мѣсяцевъ не могъ пробыть въ пути до Царицына.

⁵⁾ Гробница святителя нынѣ помѣщается въ особомъ склепѣ въ нижнемъ Владимирскомъ храмѣ на полуденной сторонѣ, возлѣ третьяго окна отъ алтаря.

III.

Своимъ великимъ защитникомъ и покровителемъ астраханцы считаютъ митрополита Іосифа, родившагося въ ихъ городѣ въ 1597 году, «почти вся жизнь котораго съ самыхъ первыхъ годовъ прошла среди крамолы, волненій и народныхъ бѣдствій. Еще восьмилѣтнимъ мальчикомъ, во время возмущенія въ 1605 году, при епископѣ Θεодосіи, стрѣльцовъ, онъ получилъ отъ одного казака ударъ въ голову, и настолько сильный, что голова его тряслась до конца жизни¹⁾. Семнадцатилѣтнимъ юношей онъ видѣлъ разгромъ Астрахани Заруцкимъ, былъ свидѣтелемъ двухъ враждебныхъ нашествій калмыцкаго хана Хоурлюка въ 1630 и 1642 гг. и, наконецъ, въ 1655 году пережилъ моровое повѣтріе.

Молодымъ человѣкомъ поступилъ Іосифъ въ Троицкій монастырь, постригся въ иноки, научился грамотѣ, проводя время въ чтеніи священныхъ книгъ, и, поднимаясь все выше по іерархической лѣстницѣ, за примѣрную жизнь былъ поставленъ тамъ игуменомъ, съ посвященіемъ въ архимандриты. Когда 31-го мая 1655 г. скончался архіепископъ Пахомій, шестидесятилѣтняго старца потребовали въ Москву, гдѣ патріархъ Никонъ, 4-го мая слѣдующаго года, посвятилъ его астраханскимъ архипастыремъ²⁾. Конечно, Іосифъ въ то время не подозрѣвалъ, что черезъ 11 лѣтъ ему придется быть въ числѣ судей при низверженіи того, отъ кого онъ принялъ хиротонію.

Послѣ ссылки Никона, прибывшіе съ нимъ на судъ³⁾ патріархи Паисій Александрійскій и Макарій Антіохійскій вмѣстѣ съ московскимъ—Іоасафомъ возвеличили его (17-го марта 1667 года) саномъ митрополита за то (какъ значилось въ данной ими 8-го іюня того же года грамотѣ), что онъ, «священнѣйшій архіепископъ преславнаго града Астрахани, показался имъ, патріархамъ, аки свѣтлѣйшая звѣзда, всякое служеніе человѣколюбія и страннопріимства являя: въ скорбяхъ утѣшеніе, въ бѣдствіяхъ помощь, въ мѣстахъ

¹⁾ Историкъ С. М. Соловьевъ коснулся нѣкоторыхъ эпизодовъ изъ жизни Іосифа, при описаніи разинскаго бунта, хотя переименовалъ ихъ и приурочилъ къ другому противъ дѣйствительности времени. Напримѣръ, въ т. XI, стр. 307, онъ пишетъ: «Іосифъ восьми лѣтъ былъ свидѣтелемъ неистовствъ, которыя позволяли себѣ казаки Заруцкаго въ Астрахани, какъ безчестили архіеп. Θεодосія (?)» и т. д. Между тѣмъ въ т. IX, стр. 1060, онъ указываетъ пребываніе тамъ Заруцкаго въ 1614 г., когда Θεодосій былъ уже въ могилѣ. Мы пользуемся для настоящаго очерка малоизвѣстными сказаніями боярскаго сына Петра Золотарева, бывшаго ближайшимъ лицомъ при Іосифѣ, въ родѣ секретаря.

²⁾ Ключар. лѣт., 21. Въ Правосл. богосл. энцикл., II, 104, посвященіе Іосифа показано 3-го мая.

³⁾ Вслѣдствіе бывшихъ въ то время «военныхъ обстоятельствъ» они ѣхали не европейскимъ путемъ, а черезъ Персію, по Каспійскому морю, на Астрахань.

и малопроходимыхъ наставленіе словомъ и дѣломъ; явствуюся доброслуженъ, рачитель теплый, и во всякихъ нужныхъ дѣлахъ творя веліе попеченіе и прилежность»¹⁾. Ему велѣно было имѣть третье мѣсто между митрополитами россійскими, при чемъ пожалованъ саккосъ, принадлежащій древнѣйшимъ патріархамъ александрійскимъ²⁾, а слѣдующей грамотой, отъ 2-го іюля, дозволено совершать въ недѣлю Ваий «хожденіе на осляти»³⁾.

Въ блескѣ величія и мірской славы возвратился Іосифъ въ Астрахань; но его ждало тамъ тяжелое испытаніе: точно Провидѣніе хотѣло наказать за осужденіе Никона, въ которомъ онъ былъ принужденнымъ судьей.

На Волгѣ появились донскіе казаки подъ предводительствомъ Стеньки Разина⁴⁾. 4-го мая 1667 года у рѣки Камышенки они пограбили плывшія въ Астрахань купеческія суда и насадъ патріарха Іоасафа, повѣсили дворянъ Семена Шарапова и Алексѣя Золотова «да прикащика гостя Василия Шорина, Ѳедора Черемисова»; а струги, снасти, завозни всѣ порубили⁵⁾.

Разинъ спустился къ Царицыну, намѣреваясь взять его, но воевода Унковскій заперъ городъ. Казаки поплыли дальше и, миновавъ Черный Яръ, по рѣкѣ Бузану спустились въ Каспійское море къ Яицкимъ устьямъ, гдѣ провели всю зиму, предавая грабежу окрестныя селенія.

Между тѣмъ въ Астрахани разныя знаменія предвѣщали большую бѣду. 4-го января 1668 года, за часъ до разсвѣта, «было тря-

¹⁾ «Астраханскія Епархіальныя Вѣдомости», 1896 г., № 10. Свящ. І. Саввинскій неправильно указываетъ въ брошюрѣ «Памяти Іосифа убіеннаго» (стр. 3), что грамоту эту подписывалъ и на судѣ Никона былъ патріархъ Іерусалимскій.

²⁾ Саккосъ этотъ, сохранившійся въ ризницѣ Астрах. Успенск. каедр. собора, тканъ изъ темносиняго сученаго шелка съ золотомъ, замѣчателенъ тѣмъ, что на немъ сдѣланы изображенія Спасителя съ воздѣтыми руками, сложенными именовословно, т.-е. какъ священники благословляютъ. На Спасителѣ не вѣнецъ, а корона трехчастная (трисоставная). Привезенъ саккосъ въ Россію для убѣжденія раскольниковъ въ правотѣ православнаго крестосложенія. Въ ризницѣ хранится и фелонь, у которой передняя сторона равна задней, въ которую, какъ полагаютъ, облакались астраханскіе архіереи до Іосифа, что видно и по портрету архіепа. Ѳеодосія, одѣтаго въ фелонь.

³⁾ Акты археогр. комисс., IV, № 196. Обычай этотъ существовалъ до 1678 г., когда соборнымъ опредѣленіемъ отмѣненъ.

⁴⁾ Хотя разинскій бунтъ достаточно описанъ и Соловьевымъ въ «Исторіи Россіи» и Костомаровымъ въ особой монографіи, но, какъ можно видѣть изъ сличенія ихъ изслѣдованій съ рукописью Золотарева, многими данными они не воспользовались. А такъ какъ бунтъ этотъ имѣетъ большое значеніе въ жизни митрополита Іосифа, то мы касаемся нѣкоторыхъ малоизвѣстныхъ подробностей.

⁵⁾ Ниже села Банновки, въ 88 верстахъ отъ Камыпина и 125 верстахъ отъ Саратова, между селомъ Лапотъ и Давиловкой сохранилось городище, 40 сажень длины и 20 сажень ширины, четырехугольной формы. Съ запада его защищаютъ рвы и валы, съ юга и сѣвера—крутые овраги, поросшіе лѣсомъ, а съ востока — Волга. Народъ называетъ его «Курганомъ Стеньки Разина». На бурѣ этотъ также указываетъ «Ключаревск. лѣтоп.», 146.

сеніе земли, все строеніе въ градѣ потряслось, куры съ нашествіемъ попадали». Недѣль пять спустя, были получены письма о землетрясеніяхъ въ Шемахѣ, Дербентѣ, на Терекѣ, въ Таркахъ и «въ Турской и Персидской земляхъ». Потомъ января 27-го, въ церкви Рождества Богородицы ¹⁾, что въ Конной слободѣ, слышали «шумъ великъ, яко звукъ колокольный, съ полунощи до седьмого часа второго дня». Такой же шумъ и въ тѣ же часы былъ 27-го апрѣля въ Воздвиженской церкви; наконецъ, 19-го іюля, повторилось «трясеніе земли, паче перваго, на исходѣ перваго часа дня».

Страхъ обуялъ жителей. Воевода князь Иванъ Семеновичъ Прозоровскій «съ товарищи» приходили къ митрополиту, сказывали ему и дивились, «что сія будетъ».

Обстоятельства не заставили долго ждать. Съ моря потекли слухи, что Разинъ пограбилъ персидскіе города отъ Дербента до Баку, достигъ Решта. Весной 1669 года, онъ перекинулся на восточный берегъ и разорилъ тамъ туркменскіе улусы. Въ началѣ августа казаки пограбили въ устьяхъ Волги митрополичій учугъ Иванчугъ ²⁾. Посланные противъ нихъ 4 тысячи стрѣльцовъ, подъ начальствомъ князя Львова, заставили ихъ смириться. Казаки принесли повинную; ихъ простили. Стенька пошелъ на Донъ, чтобы набрать тамъ побольше вольницы, и слѣдующей весной снова потянулся на Волгу.

13-го апрѣля 1670 года, близъ Царицына, казаки, порубивъ многіе «калмыцкіе и татарскіе улусы», подступили къ городу; стрѣльцы имъ передались. Воеводу Петра Терентьева ³⁾ «и иныхъ жителей, кои съ ними не хотѣли (быть), всѣхъ поизбили», и 24-го мая, захвативъ государеву казну, «караванъ, весь насадъ, лоды, струга и паузки, и людей купеческихъ пограбивъ», Разинъ спустился внизъ по Волгѣ.

Чтобы не допустить атамана до Астрахани, по совѣту съ митрополитомъ, князь Прозоровскій рѣшилъ послать противъ воровъ князя Львова, «московскихъ стрѣльцовъ Дмитрія Полиевктова съ приказомъ и астраханскихъ стрѣлецкихъ головъ конныхъ и пѣшихъ со стрѣльцами да солдатамъ». Но посланныя войска не исполнили своего назначенія. 8-го іюня прибѣжавшій изъ Чернаго Яра кон-

¹⁾ Церковь эта находится на углу Московской и Рождественской улицъ, нынѣ каменная, одна изъ первыхъ въ Астрахани, построенная въ 1560 году.

²⁾ Преданіе говоритъ, что въ Иванчугской церкви Разинъ оставилъ походный образъ Θεодоровской Вожіей Матери, сохранившійся поднесъ въ числѣ мѣстныхъ иконъ съ тѣмъ же украшеніемъ, какое было на немъ прежде. Жителями почитается икона чудотворной, и много богомольцевъ притекаетъ къ ней лѣтомъ, наканунѣ воскресныхъ дней, особенно 16-го августа, въ день празднованія иконы. Недалеко при волжскомъ рукавѣ Чуркѣ находится и бугоръ, называемый «станомъ Разина», гдѣ у мятежниковъ было становище.

³⁾ По Соловьеву (стр. 305) воеводой царицынскимъ былъ Тургеневъ.

ный сотникъ Данила Тарлыковъ сообщилъ воеводѣ, что войска вмѣстѣ съ черноярскими стрѣльцами передались Разину; головы, дворяне, сотники побиты, оставленъ въ живыхъ лишь князь Львовъ¹⁾.

О такомъ событіи митрополитъ и воевода надумали послать въ Москву «отписку». Къ несчастію, ближайшія дороги оказались занятыми. У волжскихъ калмыковъ шло междоусобіе съ калмыками «черными»²⁾, а едисановскіе татары «вели бой» съ ногайцами. Остался одинъ путь черезъ Терекъ на Донъ. Тарлыкова съ двумя стрѣльцами и пятью юртовскими татарами направили туда, но имъ не удалось исполнить приказъ князя: въ Терекѣ сотникъ утонулъ, а посланный съ нимъ стрѣлецъ Иванъ Карауловъ, боясь воровства степныхъ татаръ, воротился въ Астрахань, гдѣ завладѣвшіе уже ею разинцы схватили его и казнили³⁾.

Смятеніе день ото дня увеличивалось. Панику усиливали разныя небесныя явленія. 13-го іюня, часа за три до свѣта, стоявшіе на Пречистенскихъ воротахъ стрѣльцы видѣли: разверзлось небо, и оттуда посыпались искры, подобно печнымъ; сообщили митрополиту, служившему въ соборѣ утреню. Іосифъ долго плакалъ, придя въ келлію, и молвилъ: «изліяся съ небеси фіалъ гнѣва Божія». Опечалился сильно и воевода послѣ такого знаменія. Нѣсколько дней спустя, знаменіе повторилось. На этотъ разъ не только сторожевые стрѣльцы, но и самъ митрополитъ были свидѣтелями, какъ «на послѣднемъ утреннемъ часѣ» въ воздухѣ явились «три стоящихъ столба разныхъ цвѣтовъ, точно радуга послѣ дождя, поверхъ вѣнцами украшенные». Въ то время былъ Петровъ постъ, самый жаркій періодъ въ Астрахани, но тутъ открылся такой холодъ, что «никакой человѣкъ безъ шубы не ходилъ», днемъ и ночью лили частые дожди съ ледовымъ градомъ, «и тучи великія съ полосой (проходили) дважды, трижды въ день».

Плачь и стenanія начались въ городѣ. Власти терялись въ своихъ распоряженіяхъ, не зная, что предпринять. Къ тому же возмутились городовые стрѣльцы, требуя отъ воеводы за годъ неполученнаго жалованія. А на ту пору у Прозоровскаго «въ присылѣ изъ Москвы» казенныхъ денегъ не было. Митрополитъ выручилъ, давъ 600 рублей своихъ и 2 тысячи рублей изъ Троицкаго монастыря. За четыре дня до прихода разинцевъ деньги были выданы, и стрѣльцы дали обѣщаніе, что «пострадати за Бога и великаго государя готовы».

¹⁾ Соловьевъ говоритъ (на стр. 306), что «эта страшная вѣсть достигла Астрахани 4-го іюня».

²⁾ Очевидно, съ Моздокскими, кочевавшими по рѣкѣ Кумѣ.

³⁾ Соловьевъ ничего не говоритъ какъ объ этой, такъ и о послѣдующихъ двухъ посылкахъ въ Москву Дубенскаго и митрополита (см. ниже), и поэтому является страннымъ и нелогичнымъ, какимъ же образомъ Москва могла узнать о волненіяхъ въ Астрахани, чтобы посылать туда увѣщательныя грамоты.

Тѣмъ временемъ Разинъ, остановившись на двухъ стругахъ у Жареныхъ бугровъ¹⁾, прислалъ въ Астрахань воздвиженскаго попа Василя Маленькаго и слугу князя Львова съ подговорными письмами. Посланныхъ перехватили, пытали «накрѣпко» и, по приказу воеводы, слугѣ львовскому «у Никольскихъ воротъ за городомъ, противъ струговъ», отсѣкли голову, а попа, заклепавъ ротъ, посадили въ каменную тюрьму при Троицкомъ монастырѣ.

Начались дѣятельныя приготовления къ встрѣчѣ мятежниковъ. Прозоровскій укрѣплялъ Бѣлый городъ, а митрополитъ съ духовенствомъ обходилъ кругомъ него съ крестами и иконой Владимирской Богоматери, отправляя у каждаго воротъ²⁾ «молебное пѣніе и глаголя молитвы со слезами» о ниспосланіи Астрахани небесной помощи.

По указанію измѣнниковъ Андрюшки Лебедева и Сеньки Курятникова, 19 іюня, разинцы проѣхали изъ Волги протоками Черепухой и Кріушей³⁾ и стали позади Астрахани на топкой и поемной мѣстности, готовясь къ приступу. Чтобы не подпустить ихъ къ крѣпостнымъ стѣнамъ близко, Іосифъ, посовѣтовавшись съ воеводой, велѣлъ прокопать изъ прудовъ своихъ огородовъ каналъ и спустилъ воду на салончаки, окружавшіе Бѣлый городъ. Вода широкимъ кольцомъ охватила Астрахань. Остались открытыми къ сторонѣ степи лишь одни Вознесенскія ворота⁴⁾.

При такомъ положеніи завладѣть Астраханью было трудно, и Разинъ началъ дѣйствовать хитростью: уговорилъ нищаго «Тимошку Безногаго съ товарищемъ» поджечь ночью городъ, какъ только онъ подойдетъ къ нему. Но замыселъ не удался. Кызылбашскіе персіяне, высланные воеводой на развѣдку, перехватили обоихъ нищихъ, когда они шли «изъ разбойническаго лагеря»...

Задумались послѣ этого митрополитъ и воевода «съ товарищами»; видя измѣну, составили совѣтъ и рѣшили пригласить на митрополичій дворъ стрѣльцкихъ пятидесятниковъ, десятниковъ и прочихъ «старыхъ лучшихъ людей»: молили ихъ «постоять за Бога

¹⁾ Жареные, или, вѣрнѣе, Шареные, бугры находятся въ 4 верстахъ выше Астрахани. На этомъ мѣстѣ, какъ полагаютъ, стоялъ древній г. Балангаръ (Итель), и тутъ много находится обломковъ стариннаго кирпича, камней и металлическіе предметы.

²⁾ Въ то время въ Астрахани были Кремль и Бѣлый городъ. Послѣдній имѣлъ семь воротъ: Вознесенскія, Спасскія, Косыя, Горянскія (т.-е. Щепныя), Кабацкія (они же Николаевскія), «что слывуть Кабардинскія», Мочаговскія и Рѣшеточныя. (См. расписной списокъ по г. Астрахани 1709 г. въ Астрах. губернс. архивѣ). Онъ находился къ востоку отъ Кремля, начинаясь отъ Татарскаго сѣзда по Бѣлогородской улицѣ, до пересѣченія съ Малой Демидовской и далѣе по Эспланадной до Кремля.

³⁾ Послѣдняя нынѣ только во время дождей представляетъ грязный протокъ, изливающійся въ рукавъ Кутумъ, ниже города у Ильинской церкви.

⁴⁾ На площади, гдѣ теперь Полицейскій садикъ.

и великаго государя вѣрою и правдою», во всемъ обнадеживая царской милостію. «Лучшіе люди» цѣловали крестъ умереть за царя и вѣру православную, но послѣ оказались «первые измѣнники и волки хищные паче молодыхъ».

Въ довершеніе всѣхъ несчастій въ это нужное, тяжелое время, русскій приверженецъ, мурза Малаго Ногая, Янгурчей, вмѣстѣ съ дѣтми и улусными людьми, «захвативъ силой» мурзу юртовскихъ татаръ Мурзамбека Аллашева съ улусами, откочевалъ къ Тереку, оставивъ Астрахань своими силами бороться съ мятежниками.

21 іюня, вечеромъ, Іосифъ благословилъ на брань воеводу съ старшимъ сыномъ Борисомъ, дьяковъ Романа Табунцева и Евстрата Фролова и стрѣлецкихъ головъ. Защитники расположились у Вознесенскихъ воротъ, откуда ожидался приступъ. Разинцы подступили къ городу въ полночь и начали ставить къ стѣнамъ лѣстницы. Вмѣсто отраженія жители приняли ихъ, какъ желанныхъ гостей, одни лишь иноземные пушкарѣ стрѣляли съ башенъ и «подошвенныхъ боевъ». Изъ города имъ кричали «казачьимъ языкомъ»: тамъ началось побоище. Стрѣльцы набросились на дворянъ, сотниковъ, пушкарей и людей боярскихъ, «начаша рубити ихъ». «За полтретья часа до свѣта»¹⁾ у Воздвиженскихъ воротъ ранили копьемъ въ животъ воеводу Прозоровскаго, а у Вознесенскихъ—убили изъ поставленнаго на городской стѣнѣ самопала его брата Михаила. Воеводу на коврѣ принесли въ соборъ, гдѣ митрополитъ, «припаде къ нему, весьма плакаше, бѣ бо между ними любовь была неліцемерная», и, по обычаю, исповѣдалъ и причастилъ его. Въ церковь сбѣжались дьяки, дворяне, головы, сотники, подьячіе, думая здѣсь укрыться отъ разбойниковъ. Пятидесятникъ Фролъ съ длиннымъ ножомъ всталъ у запертыхъ дверей, защищая входъ.

Уже разсвѣло. Частию чрезъ вырубленный въ Пречистенскихъ воротахъ²⁾ проломъ, частию чрезъ житный дворъ³⁾, воры вошли въ Кремль и стали ломиться въ церковь. Флоръ Дура «многихъ воровъ зарѣзалъ». Разбойники начали стрѣлять изъ пищалей въ желѣзныя двери, чтобы сразить его. Но первая пуля, пролетѣвъ мимо, убила трехлѣтнюю дѣвочку у стоявшей за архіерейскимъ мѣстомъ женщины: церковный помостъ обagrился невинной кровью. Другая пуля пробила кіотъ у иконы Казанской Богородицы «въ чудесѣхъ»⁴⁾. Осажденные опустили руки послѣ такого злодѣйства.

¹⁾ У Соловьева (XI, 304) время приступа показано 24 іюня утромъ, тогда какъ у Костомарова («Бунтъ Разина», 302) сходно съ Золотаревской рукописью (стр. 153), т.-е. 21 іюня вечеромъ.

²⁾ Въ Кремль веди трое воротъ: Пречистенскія (со стороны Бѣлаго города), Никольскія и Красныя (къ Волгѣ).

³⁾ Житный дворъ находился у Глухой башни, что нынѣ Житная, на мѣстѣ Александровскаго бульвара.

⁴⁾ Эта копія съ чудотворной Казанской иконы принесена туда въ 1614 году воеводами кн. Одоевскимъ и Головиннымъ, спѣшившими на выручку Астрахани

Казачи ворвались въ церковь, выхватили Флора и тутъ же на паперти изсѣкли его на части, а воеводу и другихъ чиновниковъ перехватили, связали имъ накрѣпко «опоясо» руки и посадили подѣ Раскатѣ¹⁾. «Въ началѣ третьяго часа дня», въ среду, 22-го іюня, пріѣхалъ въ Кремль Разинъ и велѣлъ сбросить князя Прозоровскаго съ Раската «на зимній восходъ»²⁾. Тѣло его свалили въ общую яму³⁾ вмѣстѣ съ прочими дворянами, сотниками и «иныхъ чиновъ» людьми, порубленными въ тотъ день, въ числѣ 441 человѣка⁴⁾. Кровь лилась, «какъ рѣка, отъ Раската мимо церкви соборной до приказной палаты».

Къ вечеру городъ былъ во власти мятежниковъ; начался грабежъ. Казачи расхитили казну въ приказной палатѣ и находившіяся у воротника Михаила Лаузина золотыя деньги, соболи, котлы и «прочій товаръ», «пожитки и животы» бояръ и чиновныхъ людей; разграбили гостинные дворы: русскій, гиланскій (персидскій), индѣйскій и бухарскій, «и въ рядахъ и лавкахъ товары

отъ атамана Заруцкаго, бѣжавшаго до прибытія войскъ. Въ память этого событія архіепископъ Онуфрій устроилъ въ башнѣ надъ Пречистенскими воротами церковь въ честь ея. Послѣ сооруженія соборной колокольни икону поставили въ той же серебряной ризѣ и кіотѣ въ западной сторонѣ алтаря Успенскаго храма.

¹⁾ Нѣкоторые изъ мѣстныхъ изслѣдователей (какъ, напримѣръ, священникъ Саввинскій въ брош. «Памяти Іосифа», стр. 22) подѣ именемъ Раската разумѣютъ башню, нынѣ не существующую, которая «находилась недалеко отъ соборной колокольни — вправо отъ нея, какъ войдешь въ крѣпость» (со стороны города). Въ дѣйствительности же, судя по «Расписному списку города Астрахани 1709 г.», такой башни никогда на указанномъ мѣстѣ не существовало. Раскатомъ именовалась такъ называемая Глухая Пыточная башня, что нынѣ Артиллерійская, на углу при спускѣ на Никольскую улицу (отсюда названіе Раскатъ). Она находилась отъ Пречистенскихъ воротъ въ разстояніи (по крѣпостной стѣнѣ) 77 саж. «безъ полуаршина», городова стѣна — толщиной 2 $\frac{1}{2}$ арш., выш. 4 $\frac{1}{2}$ саж.; вышина башни 6 $\frac{1}{2}$ саж., толщина 1 $\frac{1}{4}$ саж., ширина 1 $\frac{1}{2}$ саж. и «на ней 3 боя». Въ эту башню сажали преступниковъ, тамъ ихъ пытали (отчего и названіе «Пыточная»), а затѣмъ по лѣстницѣ вели на верхъ и оттуда сбрасывали. По даннымъ одного архивнаго отрывка 1620 года, Раскатъ былъ на самомъ высокомъ мѣстѣ и имѣлъ два назначенія: первое — прощать или истреблять, второе — на самомъ верху по ночамъ зажигать свѣтъ, по которому русскіе выходили изъ ордынскаго полона. Западными дверями вводили войты на раскатъ преступниковъ, но уже избитыхъ, колесованныхъ, безъ жилъ и безъ пятокъ. Въ опредѣленномъ мѣстѣ ударяли въ вѣчевой колоколь, по которому собирався народъ. Тутъ войты означали имена преступниковъ «по мукамъ ихъ» и кричали съ Раската: «пехъ». Народъ отвѣчалъ: «не пехъ»; войты кричали: «не пехъ!». Народъ вторично отвѣчалъ: «не пехъ». Тогда мучимые освобождались. Но если на крикъ войтовъ народъ говоритъ въ первый разъ «пехъ» и на второй вопросъ: «пехъ или перепехъ?» — отвѣчалъ: «пехъ, перепехъ, пехъ», — то осужденнаго, стоявшаго на самомъ возвышеніи Раската, стлкаливали на землю.

²⁾ Значить — по линіи крѣпостной стѣны къ собору.

³⁾ Впослѣдствіи тѣло воеводы вмѣстѣ съ тѣломъ брата Михаила погребено въ склепѣ подѣ Владимирскимъ храмомъ, у сѣверной стѣны близъ алтаря.

⁴⁾ Сверху этой цифры въ рукописи Золотарева другою рукою написано: «448».

«истор. вѣстн.», іюнь, 1903 г., т. хси.

безъ остатка», и свезли все это для дѣлежа «въ Енгурчевскій городокъ»¹⁾.

Несмотря на постъ, казаки ѣли «мясо, яйца, сыръ, паче татаръ», и пьянствовали, каждый день производя кровавыя потѣхи. «У кого услышать слово доброе», тому голова съ плечъ долой. Самъ Разинъ, разѣзжая по городу, въ угоду подчиненнымъ, колотъ и рубилъ саблѣй попадавшихся ему навстрѣчу горожанъ, отсѣкалъ руки и ноги, иныхъ приказывалъ бросать въ воду. Дня три спустя, сбросили съ Раската прибывшаго съ Терека голову астраханскихъ пѣшихъ стрѣльцовъ Матвѣя Лопатина. Казни избѣжали какимъ-то чудомъ только боярскіе держальники Леонтіи Плоховъ и Юрій Усовъ, да «великаго государя промышленники» Иванъ Турчинъ и Павелъ Дубенскій, и скрылись у юртовскаго татарина Арасланова, который далъ возможность Дубенскому и Плохову пробраться въ Москву, чтобы повѣдать царю о разгромѣ Астрахани²⁾.

Митрополитъ молчалъ, со страхомъ взирая на злодѣянія мятежниковъ, моляся объ избавленіи города отъ тяжкаго бѣдствія³⁾. Да и что могъ сдѣлать онъ, одинъ, беззащитный, съ толпой озвѣрѣвшихъ людей, жаждавшихъ крови и добычи. Далъ было владыка въ своемъ домѣ приѣжище сиротамъ и плачущимъ, но казаки 13-го іюля вытѣщили и оттуда обоихъ сыновей князя Прозоровскаго и повѣсили ихъ вверхъ ногами на городской стѣнѣ. Цѣлую ночь, съ 7 часовъ вечера до 6 часовъ слѣдующаго дня, висѣли несчастные. Утромъ Стенька распорядился старшаго сына сбросить съ Раската, а младшаго едва живого отдали матери⁴⁾.

¹⁾ Ямгурчевское предмѣстье находится въ концѣ города, по Католической улицѣ, за р. Кутумомъ.

²⁾ Въ «Ключаревск. лѣтописи», стр. 23, въ числѣ спасшихся показанъ еще князь Иванъ Никитичъ Одоевскій, который у попа Оселка на Уваринскомъ учугѣ (ниже Астрахани верстѣ 50), перемѣнивъ военную одежду на костюмъ причетника, исправлялъ должность дьячка до самаго бѣгства хищниковъ изъ Астрахани.

³⁾ Однако С. М. Соловьевъ (XI, 310) возводитъ на Юсифа такое обвиненіе, въ которомъ онъ едва ли былъ повиненъ, судя по его дѣяніямъ. Будто «въ день именинъ царевича Теодора Алексѣевича (неизвѣстно только какого числа) митрополитъ имѣлъ слабость позвать или допустить (sic) къ себѣ на обѣдъ Стеньку и всѣхъ старшихъ казаковъ». Но откуда, позаимствовано это извѣстіе, Соловьевъ умалчиваетъ.

⁴⁾ Соловьевъ увѣряетъ, что послѣ казни младшій сынъ былъ высѣченъ. Но врядъ ли мальчикъ (которому, по его же словамъ, было 8 лѣтъ), провисѣвши 11 час. внизъ головой, могъ вынести нещадное казачье сѣченіе. Въ синодикѣ Астраханскаго Успенскаго собора перечислены имена нѣкоторыхъ убитыхъ во время Разинскаго погрома: князя Иванъ, Семенъ, Борисъ (очевидно, Прозоровскіе), два князя Данила (къ сожалѣнію, фамиліи ихъ не обозначены) и еще 36 именъ, видимо, людей чиновныхъ, между ними іерей Теодоръ. Объ остальныхъ сказано: «Иже съ ними спострадавшихъ всѣхъ православныхъ христіанъ вся-

Разинъ вскорѣ послѣ этого злодѣйства отправился вверхъ по Волгѣ¹⁾, оставивъ въ Астрахани съ частью казаковъ Ваську Уса.

Съ его отъѣздомъ звѣрства не прекращались. 3-го августа бунтовщики изрубили бердышами подъячихъ Якова Перфильева²⁾ и Ивана Безчастнаго съ товарищами, искали на митрополичьемъ дворѣ дворцоваго государева промышленника Ивана Турченина и, не найдя, съ бранью и угрозами приступили къ митрополиту, обѣщаясь убить его самого и его людей, «и поносили всякими безчестными словами».

— Ты угождаешь боярамъ, а не намъ!—кричали они.—Только тебѣ, митрополитъ, не уцѣлѣть!

Иосифъ не боялся ихъ угрозъ и ждалъ смерти. Еще наканунѣ было ему видѣніе: «стоитъ палата вельми чудна и украшена, убиенные бояринъ Иванъ Семеновичъ, братъ его Михаилъ и сынъ Борисъ сидятъ въ той палатѣ и пьютъ питіе сладкое, паче меда; надъ ними вѣнцы золотые съ драгимъ камнемъ. И митрополитъ обрѣтется въ той же палатѣ, сидя подалѣ отъ нихъ, но питія того они ему не давали, говоря: еще онъ къ намъ не поспѣлъ».

Долго плакалъ владыка, рассказывая объ этомъ своимъ приказнымъ и дѣтямъ боярскимъ, молвивъ напоследокъ: «не пришелъ еще часъ мой смертный!» Но онъ былъ близокъ.

2-го ноября, мурза куртовскихъ татаръ Емаметь Енаевъ съ табунными головами и сотниками привезъ ему царскую грамоту, которую получилъ отъ какого-то солдата. На другой же день, воротившись отъ заутрени, часа «за полтора до свѣта», митрополитъ призвалъ въ келью боярскаго сына Петра Золотарева, нетерпѣливо понукая его:

— Читай, читай скорѣе, что пишетъ государь.

Грамота была изъ приказа Казанскаго дворца. Въ ней предлагалось астраханцамъ «принести вины Богу и великому государю», а донцамъ велѣно «бить челомъ» о повинной, «обнадеживая ихъ царской милостью». Иосифъ заплакалъ отъ радости.

— Таковъ онъ, великій государь, милостивецъ, яко отецъ чадолубивый, ожидаетъ окаянныхъ сихъ злоторцевъ и измѣнниковъ обращенія.

Онъ велѣлъ Золотареву списать съ грамоты копии на случай, если бы казаки отняли у него подлинную.

каго чина,—имена ихъ ты, Господи, вѣси». Въ «Ключар. лѣтописи», въ числѣ убитыхъ разинцами показанъ стольникъ Вольтинскій, у Каменскаго («Астр. каѳ. соборъ», 62)—протопопы: Оома и Никифоръ, и іерей Кондратій.

¹⁾ Время пребыванія Разина въ Астрахани показывается неодинаково: въ «Ключар. лѣт.»—не болѣе недѣли, въ «Астр. Епарх. Вѣд.», 1896 г., около трехъ недѣль, у Соловьева—до конца іюля.

²⁾ У Соловьева (XI, 324) онъ названъ Трофимовымъ.

— Одинъ списокъ я положу въ соборную церковь, въ алтарь,—сказалъ владыка,—другой—въ домовую у Спаса ¹⁾, а третій оставлю у себя.

Когда списки были готовы, онъ послалъ соборнаго ключаря Негодяева съ письмомъ къ игумену Вознесенскаго монастыря Сильвестру, чтобы вмѣстѣ они пригласили къ себѣ воровскаго есаула Андрюшку Лебедева и его товарища Сережку Гаврилова Баранова (онъ же Чепкинъ) и уговорили ихъ усовѣститъ казаковъ принести повинную; но Лебедевъ «учинился не послушенъ» и побѣждалъ сказывать казакамъ, что де «митрополитъ со властями и дворовыми дѣтьми боярскими складываетъ у себя грамоты и хочетъ насъ всѣхъ отдать боярамъ руками»...

Быль часъ дня субботы, 3-го ноября. «Видя ихъ неистовство», митрополитъ велѣлъ благовѣститъ въ большой колоколь. Увы, многіе изъ астраханскихъ жителей пришли къ собору, а казаки—собрались во дворъ къ Усу. Съ ключаремъ Негодяевымъ святитель вышелъ къ народу. О. Ѳедоръ прочелъ вслухъ грамоту и возвратилъ ее владыкѣ. Вдругъ изъ толпы выскочили казакъ Ивашка Самаренинъ и астраханцы Ѳедька Пановъ, Ермолка Власовъ, Ивашка Ярило, Кузька Челобитчикъ и другіе и, бросившись на митрополита, вырвали у него грамоту.

— Еретики, измѣнники! — сталъ говорить имъ пресвященный «со многимъ обличеніемъ».

Въ отвѣтъ посыпалась площадная брань. «Обзывая чернецомъ», казаки угрожали митрополиту «посадить его въ воду», другіе — «послать въ заточеніе».

Грамоту отнесли атаману, а на другой день подъ нещаднымъ битьемъ палками вынудили Негодяева сознаться, что у Іосифа имѣлись съ нея списки, которые «съ нечестіемъ у него отняли».

Этимъ, однако, не удовольствовались злодѣи, стали разыскивать, кто привезъ грамоту. Дознались и, нагрянувъ на ютовскихъ татаръ, 12-го февраля 1671 года захватили мурзу Еммамета съ дѣтьми и, въ качествѣ аманатовъ, «засадилъ ихъ въ городъ», гдѣ они «сидѣли до прибытія боярина Милославскаго».

Митрополитъ все ждалъ спасенія Астрахани, о чемъ просилъ царя въ отпискѣ 2-го ноября. Но избавленіе не приходило. Напротивъ «знаменія» предвѣщали новое кровопролитіе.

Жители не разъ видѣли странное явленіе: за деревяннымъ (Бѣлымъ) городомъ жившіе по близости вороны дрались съ воронами прилетными, и «много ихъ побилося до смерти». Были у нихъ бои и въ другихъ мѣстахъ.

— Ну, быть бѣдѣ,—шептались горожане.

Въ великую пятницу, 21 апрѣля 1671 г. Іосифъ получилъ пріятную вѣсть. Астраханскій стрѣлецъ Гаврила Маріоновъ Шелу-

¹⁾ Т.-е. въ Спасо-Преображенскій монастырь.

дякъ съ Ксулаковскими дѣтьми (татарами) сообщилъ ему, что у кочующихъ за Волгой юртовскихъ татаръ привезены отъ государя грамоты. Владыка поскорѣе послалъ съ Шелудякомъ соборнаго попа Петра къ воровскимъ старшинамъ Ивану Красулину и Аввакуму Андрееву, «чтобы они пришли къ нему переговорить». Тѣ заупрямились, остались на базарѣ. Тогда «послѣ вечерняго пѣнія» преосвященный самъ вышелъ къ нимъ «за Пречистенскія ворота, въ Бѣлый городъ», и просилъ «православныхъ» послать за грамотой.

— Безъ атамана того учинить мы не смѣемъ,—отвѣтили «Красулинъ, Андреевъ, Стенька Трофимовъ, прочіе старшины и жители».

Послали къ Васькѣ. Онъ явился въ соборъ съ своими приспѣшниками, укорялъ митрополита въ измѣнѣ. Произошла ссора. Іосифъ называлъ казаковъ богоотступниками, еретиками. Злодѣи съ бранью вышли изъ церкви и въ слѣдующій день не оставляли владыку въ покоѣ. Наконецъ, согласились послать за Волгу Ивашку Овощникова, который въ 6 часу вечера привезъ грамоты въ соборъ и передалъ митрополиту. Послѣдній хотѣлъ было ихъ читать, но казаки съ шумомъ и руганью вышли въ свой кругъ. Іосифъ «со священниками, домовыми людьми и дѣтьми боярскими не устранился послѣдовать за ними, и, несмотря на сопротивленіе бунтовщиковъ, протопопъ Іоаннъ, по настоянію митрополита, прочиталъ сначала грамоту, присланную казакамъ, а потомъ написанную на митрополичье имя. Едва кончилось чтеніе, воздухъ вновь огласился бранью.

— Тужить по тебѣ Раскатъ!—кричали казаки митрополиту.— Самъ ты сложилъ грамоты; переписываешься съ боярами, съ Терekomъ, съ Дономъ.

Не отвѣчая на ихъ упреки, Іосифъ смѣло обличалъ ихъ, призывая жителей къ покаянію и приглашая ихъ схватить воровъ и посадить въ тюрьму.

— Кого намъ хватать?—завопили бунтовщики:—мы всѣ воры.

— Его бы самого посадить въ тюрьму или въ каменную будку!—кричали другіе.—Только пристигла святая недѣля, а то дали бы мы ему память.

Мятежники стали расходиться.

Красулинъ взялъ грамоту съ собой. Хотѣли отнять и митрополичью, но Іосифъ воспротивился:

— Хотя бы мнѣ пришлось умереть, а грамоту государеву не отдамъ,—и велѣлъ положить ее въ соборѣ ¹⁾.

---

¹⁾ Когда Золотаревъ, «по благословенію митрополита Парвенія и повелѣніемъ воеводы Петра Михайловича Салтыкова», 7 іюня 1679 г. заканчивалъ свою рукопись, грамота эта еще находилась въ соборѣ. Но гдѣ она теперь,—неизвѣстно.

Прошла пасха; на Өоминой недѣлѣ, въ понедѣльникъ, 1 мая, лишь ключарь Негодяевъ успѣлъ отслужить въ соборѣ литургію, казаки схватили его и повели въ кругъ разспрашивать: «кто складывалъ грамоты, и кто ихъ писалъ?».

О. Өедоръ «обличалъ и укорялъ злодѣевъ». Имъ это не понравилось, вывели они ключаря за городъ, и казакъ Чаусъ смахнулъ ему голову. Разинцы кинулись къ митрополиту, требуя отдать имъ боярскихъ дѣтей Семена Трофимова и Өедора Владыкина. Преосвященный не отдавалъ, тогда они «взяли ихъ нечестно», надѣясь добиться отъ нихъ признанія, какъ митрополитъ переписывался съ боярами, Терекомъ и Дономъ. Но тѣ молчали.

— Съ Терека всякія письма къ вамъ приходятъ. Намъ сказывалъ Оська Серебряникъ,—настаивали злодѣи.

Вывели, какъ свидѣтеля, Оську, который кричалъ «во всю» глотку, что «они съ митрополитомъ ложныя письма и грамоты воровски составляютъ у митрополита въ кельѣ».

Дворянъ связали и «повели пытать—жечь огнемъ», но потомъ раздумали.

— Что ихъ пытать или рубить, у митрополита другіе писцы будутъ. Время намъ за него приниматься. Убьемъ, тогда и смуть въ городѣ не будетъ.

Архіерейскихъ людей посадили «за караулы по воротамъ», но дня черезъ четыре освободили.

Чтобы повліять на Іосифа и склонить его на свою сторону, разинцы составили запись, въ которой всѣ «подписывахуся», клялись умереть и стоять крѣпко другъ за друга. Поднесли запись митрополиту, «чтобъ онъ подписалъ ее» (т.-е. скрѣпилъ своей подписью). Но владыка «не токмо сему ихъ злодѣйскому совѣту сопротивляшеся, но и обличалъ ихъ въ буйствѣ и увѣщевалъ обратиться на путь истины» ¹⁾. Казаки озлобились пуце прежняго. Составился кругъ, на которомъ положили покончить съ митрополитомъ, являвшимся главной помѣхой ихъ властвованію ²⁾.

Въ четвергъ, 11 мая, на память свв. первоучителей Кирилла и Мееодія, когда Іосифъ былъ въ соборѣ за литургіей, въ церковь явились два брата Севрины: Ванька и Сенька, конный стрѣлецъ Ванька Горшокъ и есаулъ Василій Кабановъ, «принуждая

¹⁾ У Соловьева (XI, 329) рассказывается, что такая запись была составлена послѣ убійства Іосифа, которое было совершено по предписанію Өедьки Шелудяка (327).

²⁾ По «Ключаревск. лѣтописи», стр. 24, казнь Іосифа совершена по письму Стеньки Колчоновскаго, оставленнаго Разинымъ въ Царицынѣ «для слуховъ и попоковъ донскихъ казаковъ, ибо не всѣ казаки донскіе къ Разину пристали». Колчановскій писалъ Васью Усу, что Іосифъ и князь Львовъ списываются съ Терекомъ и Дономъ, и чтобы астраханцы взяли ихъ подъ караулъ. Письмо было прочтено въ кругу и рѣшено пытать и убить митрополита.

преосвященнаго итти въ ихъ воровское собраніе», владыка «отрицался», «злодѣи съ невѣжествомъ стали приступать къ нему»¹⁾. По необходимости пришлось исполнить ихъ требованіе. «Испрося время» одѣться, Іосифъ сталъ облачаться, а казаки вышли на паперть, гдѣ долго ждали, думая, «что онъ заперся въ церкви».

Митрополитъ велѣлъ благовѣстить въ большой колоколъ и, когда собралось все духовенство, съ крестомъ въ рукахъ вышелъ изъ церкви, сопровождаемый соборными протопопомъ, попами и діаконами. Тутъ были крестовый священникъ Ефремъ, учужный попъ Іосифъ Оселка, прихода Рождества Христова попы Іоаннъ, Козьма и Данилъ, никольскіе священники Іоаннъ и Василій. Недоставало только спасскаго архимандрита Антонія, уѣхавшаго на монастырскій учугъ, да троицкаго архимандрита Никифора и вознесенскаго игумена Сильвестра, которые «западоша въ тайныхъ мѣстахъ».

Въ кругу²⁾ Іосифъ съ жаромъ обличалъ злодѣйскіе поступки казаковъ.

— Почто вы меня, воры и клятвопреступники, призвали?

Васька Усъ ткнулъ пріѣхавшаго изъ Царицына казака Кочеровскаго.

— Что ты сталъ? Выступай! говори, съ чѣмъ пріѣхалъ!

Тотъ «отверзъ злодѣйскій свой языкъ»:

— Присланъ я отъ войскового (атамана?) съ извѣстіемъ: ты, митрополитъ, переписывался съ терскими казаками и съ донскими, и по твоему письму тѣ народы отъ насъ отложились.

— Я съ ними не переписывался,—отвѣчалъ владыка,—а хотя бы переписывался, то не съ Крымомъ и не съ Литвою,—и опять сталъ уговаривать казаковъ принести повинную.

— Вотъ правый человекъ,—загоготали злодѣи,—чтобъ онъ не переписывался?!... а пришелъ съ крестомъ, какъ къ невѣрнымъ,—и начали выступать изъ круга, намѣреваясь снять съ него одѣяніе.

Донской казакъ Мироновъ вступился за владыку.

— Не достояше такому великому сану простымъ и несвященнымъ людямъ прикасаться!

Ему не дали говорить. Алешка Грузинкинъ схватилъ его за волосы, прочіе вынули сабли и тутъ же, на глазахъ митрополита, изрубили.

— Ну, снимайте вы съ архіерея санъ,—стали тогда подтыкать казаки протопопа Ивана и соборныхъ священниковъ. — Снималъ же онъ санъ съ Никона!..

¹⁾ «Сказаніе объ астрах. бунтѣ и выѣздѣ съ рѣки Дона разбойника Стеньки Разина» въ «Астр. Епарх. Вѣдом.», 1878 г., № 18. По Соловьеву же (328) Іосифъ добровольно пошелъ въ казачій кругъ.

²⁾ Собрание это было въ Кремлѣ, недалеко отъ собора, гдѣ нынѣ консисторія, нѣсколько свѣриѣе отъ нея.

«Видя ихъ воровское умышленіе», преосвященный отдалъ крестъ попу Ефрему, снялъ митру и панагію и передалъ священнику Іосифу Оселкѣ. Послѣдній сталъ было помогать ему разоблачаться, но святитель, возрѣвъ на протодіакона Феодора, сказалъ:

— Недостойтъ тебѣ стояти праздно, разоблачай меня: «уже приде часъ мой!»

Со слезами приступилъ къ нему Феодоръ: снялъ омофоръ, сакось и всю одежду святительскую. Митрополитъ остался въ одной бархатной рясѣ безъ камилавки, взявши послѣднюю у попа Іосифа. Казаки выслали изъ круга духовенство. Святителя подхватили и повели пытать «на зеленый» дворъ.

Палачъ Ларька снялъ съ него двѣ рясы, верхнюю и нижнюю, связалъ ему руки и ноги и, продѣвъ между ними толстый шестъ, въ одной суконной свиткѣ (власяницѣ), «повалилъ» его на разведенный огонь. Свитка загорѣлась. Чтобы погасить, Ларька разорвалъ ее на куски ¹⁾ и «началъ производить надъ святителемъ тиранское мучительство», въ которомъ помогалъ ему казакъ Сенька Сука (онъ же Ветчина).

— Скажи, митрополитъ, свое воровство, какъ ты переписывался съ Тереккомъ и Дономъ, — издѣвались они.

Но старецъ «отвѣта имъ не даде, творяше молитву».

Изувѣженнаго повели его на Раскатъ. «Идучи туда, онъ хромалъ», такъ какъ во время пытки ему повредили ногу. Поравнявшись съ тѣломъ убитаго Мирона, Іосифъ осѣнилъ его руками и поклонился ему. Около собора стояли священники и горестно плакали, видя своего измученнаго архипастыря, кланялись ему въ землю, желая проститься. Но Алешка Грузинкинъ не далъ Іосифу даже помолиться на крестъ соборный и поклониться на все стороны. Поднявъ очи на небо, старецъ изрекъ: «Господи, не помяни имъ грѣха сего!»

Грузинкинъ взвелъ его на Раскатъ, посадилъ «вскрай высоты» къ востоку, противъ собора, и хотѣлъ низринуть. Іосифъ «устрашился» послѣдней минуты и, схватившись за одного изъ близъ стоявшихъ казаковъ, чуть не стащилъ его за собой. Ихъ едва удержали. Тогда положили митрополита «съ края Раската» и покатили сверху внизъ. «Раздался необыкновенный шумъ, стукъ, трескъ, точно разверзлась земля». Сами злодѣи даже оторопѣли, «не вѣдая, что творити, и съ полчаса не могли сказать другъ другу слова». Горожане отъ страха все попрятались въ свои зе-

¹⁾ Эта свитка нынѣ хранится въ ризницѣ астраханскаго Успенскаго собора. Небольшая частица ея, зашитая въ особую подушечку, находится въ особомъ ящичкѣ у гробницы Іосифа, въ нижнемъ храмѣ. Она служитъ предметомъ благоговѣйнаго почитанія набожныхъ людей, которые прикладываются къ ней и возлагаютъ на голову особенно болящихъ дѣтей.

млянки: «только чтобы уши не слышали и глаза ныки не видали».

Изъ собора вышли попы Кириллъ и Козьма съ кадилами и, павши страдальцу—первый на перси, другой—на ноги, горько плакали, прося прощенія. Казаки велѣли есаулу Аѳонькѣ Воронову отогнать ихъ палками. Только когда ужъ разошлись злодѣи, соборный протопопъ Иванъ Андреевъ съ священникомъ подняли на коврѣ тѣло святителя и внесли его въ церковь въ той холодной ясѣ, въ которой онъ былъ сверженъ съ Раската. Спина и все чрево владыки было сожжено дочерна, даже налились волдыри, волоса на головѣ и бородѣ подпалены, правая щека «сшиблена», изъ носа, при паденіи на землю, вытекло съ полгорсти крови.

Митрополита облачили и положили въ гробъ по срединѣ церкви, «отпѣвши надгробная». На другой день, въ шестомъ часу утра, рѣдкій и томный благовѣстъ въ большой колоколъ возвѣстилъ жителямъ его кончину. Собрались священники, пропѣли большую панихиду и опустили гробъ въ могилу, устроенную подъ алтаремъ придѣла святыхъ Азанасія и Кирилла, съ правой стороны отъ архіерейскаго двора, гдѣ онъ оставался непокрытымъ девять дней, а на десятый заложили его досками и камнемъ, «плачуще и рыдающе»¹⁾.

Свергнувши своего врага, однако, и послѣ его кончины казаки не переставали ему мстить: написали какую-то «обязательную» записъ съ хулами на святителя и принуждали духовенство подписываться подъ ней, но «изъ страха и боязни очевидной смерти» подписались только спасскій архимандритъ Антоній и троицкій ключарь (правившій должность игумена) Авраамій, у котораго записъ хранилась то того времени, когда разнеслась по Астрахани вѣсть о приближеніи боярина Милославскаго съ войсками. Тогда Васька Усъ послалъ къ нему Ѳедьку есаула, Алешку Кочемовскаго и Ермолку Власова отобрать записъ и разорвать ее на части. Лишь одно заглавіе успѣлъ скрыть попъ Тихонъ и доставилъ въ соборъ. Впослѣдствіи во время сыска отрывокъ этотъ послужилъ большимъ обличеніемъ противъ мятежниковъ.

Въ слѣдующемъ году воевода астраханскій князь Яковъ Никитичъ Одоевскій производилъ обыскъ объ убійствѣ Іосифа. 16-го августа въ Приказную палату явился отставной стрѣлецъ Иванъ Глухой и рассказалъ боярамъ:

«Когда казаки бросили митрополита съ Раската, я въ это время былъ скорбенъ грыжною болѣзнью. Въ первую же ночь, во 2-мъ часу, какъ будто кто меня за больную ногу дернулъ. Всталъ я

---

¹⁾ По устройствѣ нынѣшняго Успенскаго собора гробъ съ останками Іосифа помѣщенъ въ нижнемъ храмѣ у южной стѣны, около второго окна отъ вѣтрса, и мѣсто это ограждено желѣзной рѣшеткой. Іосифъ убитъ на 75-мъ году жизни.

ужасенъ. Случайно съ своего чердака взглянулъ въ красное окошко къ собору и вдругъ вижу: на Раскатѣ стоятъ три зажженные свѣчи; отъ средней—аки искры и пламя великое, а надъ нею аки кубецъ... Размышлялъ я всяко и разъ десять вставалъ смотрѣть въ ту ночь: свѣчи горѣли неугасимо. Про то чудо никому домашнимъ я не повѣдалъ, но по утру больной ногой здравъ сталъ. И съ того 11-го числа мая по 6-е августа съ вечера и до утра, какъ ни погляжу, горятъ тѣ свѣчи. 7-го числа сказалъ я о томъ протопопу да старцу, чашнику митрополичьяго двора. Протопопъ отвѣтилъ, что многіе люди видятъ свѣчи надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ митрополитъ упалъ на землю»¹⁾.

Прибывшій въ томъ же году новый митрополитъ Пароеній велѣлъ вынуть гробъ съ останками Іосифа и поставилъ его по срединѣ соборнаго храма, гдѣ онъ стоялъ три года. Все это время жители астраханскіе приходили ко гробу и плакали о почившемъ, вымаливая у него прощеніе. Плакали и дѣти, молясь за своихъ отцовъ, и огласилась воплемъ вся Астрахань.

IV.

Причинами смутъ, волненій частыхъ и царившихъ въ Астрахани неурядицъ были, большею частью, сами астраханцы, алчные, необузданные, своевольные, остающіеся такими до сихъ поръ, которые, благодаря отдаленности отъ центра просвѣщенія и русской государственной жизни, и по своей обособленности и исключительности географическаго положенія при морѣ, сталкиваясь постоянно съ азиатскими, мало просвѣщенными народами и перенимая отъ нихъ дурныя качества и порочныя наклонности, почти совсѣмъ не поддавались вліянію правительственной власти. Въ то время, на примѣръ, какъ лишь за пять лѣтъ ранѣ покоренная, также туземная Казань уже усвоила нѣкоторую степень гражданственности и являлась почти обрусѣвшей областью, Астрахань все еще требовала за собой много надзора и усиленной охраны. Къ несчастію, правительство посылало для защиты ея самыя непокойныя и ненадежныя элементы—стрѣльцовъ, которые отличались ненавистью къ престолу и фанатической приверженностью къ расколу. Большинство изъ нихъ было сослано туда въ наказаніе за участіе въ московскихъ мятежахъ; они, занявши кругомъ города семь слободъ²⁾, составляли значительную силу, имѣвшую громадное вліяніе на то или другое печальное въ жизни города явленіе. Власти, такъ сказать, сами подливали въ огонь масло.

¹⁾ Рассказъ этотъ находится въ бумагахъ соборнаго архива.

²⁾ «Астрах. Епарх. Вѣдом.», 1882 г., № 15.

Не прошло еще съ полвѣка послѣ убіенія митрополита Іосифа, не успѣлъ еще забыться разинскій погромъ, а дѣти бывшихъ мятежниковъ все еще вздыхали съ покаяніемъ у гробницы пострадавшего за нихъ архипастыря, какъ вспыхнулъ новый мятежъ. На этотъ разъ зачинщикомъ возстанія явилось лицо духовное, архимандритъ Вознесенскаго монастыря Рувимъ, озлобившійся противъ правительства за то, что пожалованныя этому монастырю рыболовныя воды были переданы въ Спасскій монастырь ¹⁾. Воспользовавшись недовольствомъ старовѣровъ-стрѣльцовъ на нововведенія Петра, онъ такъ искусно повелъ агитацію, что мѣстныя власти ничуть не подозрѣвали о готовящемся возмущеніи. Черезъ стрѣлецкихъ старшинъ Ѳедота Ларіонова и Андрея Журавлева Рувимъ «хитростно внушалъ подчиненнымъ непослушаніе противъ начальства за излишнее якобы притѣсненіе сихъ послѣднихъ». Стрѣльцы сначала водиночку перешептывались, что воевода астраханскій (Тимоей Ржевскій) и начальныя люди, въ угоду царю, покинули христіанскую вѣру, стали бороды брить, въ нѣмецкомъ платьѣ ходить, потомъ ропотъ ихъ пошелъ громче. Понамарь Никольской церкви (въ Шепиловой слободѣ) Бесѣдинъ собиралъ стрѣльцовъ и читалъ имъ какую-то книгу о брадобритіи. Первымъ оказалъ явное сопротивленіе властямъ цѣловальникъ Евстифѣевъ, отказавшись собирать пошлыны съ русскаго платья и сбрить себѣ бороду. Хотя Ржевскій арестовалъ его за то, но поступокъ цѣловальника произвелъ большое впечатлѣніе на народъ.

На базарахъ и площадяхъ начали циркулировать слухи, что скоро будетъ запрещено играть свадьбы, а русскихъ дѣвицъ станутъ отдавать за нѣмцевъ. Стрѣльцы пришли въ ужасъ, и ну скорѣе выдавать дочерей за своихъ единовѣрцевъ. Въ воскресенье, 29 іюня, разомъ сыграли до 100 свадебъ. Конечно, на каждой не обошлось безъ изрядной выпивки, страсти разгорѣлись, храбрости прибавилось. Той же ночью около Никольской церкви собралась толпа челоувѣкъ въ 300. Предводительствуемая ярославскимъ торговымъ челоувѣкомъ Прохоромъ Носовымъ, часа въ 4 утра, она ворвалась въ Кремль, убила караульнаго капитана и четырехъ матросовъ. Кто-то ударилъ въ набатъ, сбѣжались еще стрѣльцы, солдаты, народъ...

Мятежники съ крикомъ, гамомъ, шумомъ и бранью разсыпались по всему городу, ища начальныхъ людей. Убили полковника Де-Виня, капитана Меера съ женой, отыскали на поварнѣ воеводу Ржевскаго и послѣ недолгаго суда надъ нимъ закололи копьемъ.

¹⁾ Бунтъ этотъ, именуемый въ Астрахани «бабимъ», подробно описанъ Соловьевымъ («Ист. Россіи», т. XV, стр. 1377—1392). Мы дополняемъ его данными изъ мѣстныхъ лѣтописей и сохранившихся преданіями, коихъ нѣтъ и у Устрялова въ «Исторіи Петра».

По городу въ домахъ открылся грабежъ. Напрасно духовенство пыталось уговорить бунтовщиковъ; ихъ осыпали площадною бранью. Даже въ церквахъ, во время совершенія таинствъ, грозили истребить всѣхъ, начиная съ митрополита, особенно усердно убѣждавшаго бунтовщиковъ смириться¹⁾.

Митрополитомъ въ то время былъ старецъ кроткій, чадолюбивый, богобоязненный и пастырь добрый—Сампсоній. Ненависть къ себѣ Рувима и монаховъ Вознесенскаго монастыря онъ навлекъ тѣмъ, что выводилъ среди послѣднихъ воровство и открывалъ воровъ въ ихъ вотчинахъ²⁾. Поэтому, «прикрытый смиреніемъ, злобный звѣрь»³⁾, Рувимъ старался больше всего «натравить воинство на митрополита, какъ имѣвшаго переписку съ царемъ», научая стрѣльцовъ схватить его въ ночное время. Но владыка, предувѣдомленный о грозящей опасности, 30 іюля тайно выѣхалъ въ Ивановскій монастырь, гдѣ долгое время скрывался подъ колокольной. Нагрянувшіе съ стрѣльцами приспѣшники Рувима: Ларіоновъ и Журавлевъ, не нашли митрополита въ келліи и въ сильной ярости закололи попавшагося имъ тамъ на глаза подьяческаго сына Кучукова, предавъ разграбленію домъ архіерейскій.

Нѣсколько дней спустя, Сампсоній переѣхалъ изъ монастыря къ татарамъ въ Мамаинскій улусъ, у которыхъ пробылъ около трехъ недѣль, и потомъ перебрался за р. Балду къ калмыкамъ тайши Анеки, откуда послалъ царю Петру письмо: «Учиненъ мятежъ бунтовщиками и подстрекающими ихъ какими-то монахами, но какъ сіе тайно учиняется, то я никакъ провѣдать не могъ, а только знаю, что запаса очень много, какъ пушки и пищали, привозили все тайно, хлѣба много, городъ крѣпкой и народа много; большая часть стрѣльцовъ. Прошу, государь, нарядить самага лучшаго воеводу съ большимъ числомъ военныхъ людей. Я живу у калмыковъ, показаться мнѣ русскимъ никакъ не можно»...

Въ концѣ 1705 г. для усмиренія астраханцевъ былъ посланъ фельдмаршалъ В. П. Шереметевъ. Когда онъ съ войскомъ остановился на Каржинскомъ островѣ, въ 12 верстахъ выше города, къ нему, во главѣ съ архимандритомъ Рувимомъ, явились выборные просить прощенія. Рувимъ увѣрялъ, что «черезъ 3 дня все будетъ въ Астрахани прекращено, и безъ кровопролитія всѣ покорятся, горожане по царской грамотѣ всѣ исполнили⁴⁾ и вины свои изъявили, такъ что Шереметевъ можетъ безопасно переправиться чрезъ Балду въ городъ, и для него чрезъ р. Кутумъ уже и мостъ сдѣ-

¹⁾ «Астрах. Епарх. Вѣд.», 1860 г., № 14.—Дѣло соборн. архива 1705 г., № 4.

²⁾ Ключаревск. лѣтоп., 42.

³⁾ Тамъ же, 39.

⁴⁾ Какъ извѣстно, до послышки войскъ, Петръ 11 октября 1705 г. посылалъ въ Астрахань увѣщательную грамоту, чтобы поковчить дѣло миролюбиво. (Соловьевъ, XV, 1384).

ланъ». Но лишь только войска вышли на Балдинскую степь (въ 2 верстахъ отъ города), какъ бунтовщики встрѣтили ихъ картечными выстрѣлами. Завязалось жаркое дѣло, во время котораго фельдмаршалъ едва не былъ захваченъ въ плѣнъ мятежниками. Пришлось отступить къ огородамъ въ 7 верстахъ отъ города.

Въ это время отъ калмыковъ прибылъ въ лагерь митрополитъ Сампсоній. По совѣту его, Борисъ Петровичъ послалъ астраханцамъ письмо, съ требованіемъ прекратить бунтъ. Но въ отвѣтъ стрѣльцы перебрались въ городъ, укрѣпили его, обязавшись подпиской стоять другъ за друга, и подожгли свои покинутыя слободы. Окрестности запылали, не подпуская близко царскихъ войскъ.

Чтобы спасти отъ огня хоть Ивановскій монастырь и хлѣбные амбары, находившіеся близъ пожарища, Шереметевъ отрядилъ полкъ оцѣпить ихъ, а на другой день (12 марта 1706 г.) и самъ отправился туда съ остальными войсками. Мятежники сдѣлали противъ нихъ вылазку. За Живымъ мостомъ ¹⁾ произошла схватка. Но счастье на этотъ разъ измѣнило бунтовщикамъ. Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ выстрѣловъ со стороны правительственныхъ войскъ, покинувъ пушки и знамена, они бѣжали подъ защиту Земляного города; солдаты преслѣдовали ихъ до Вознесенскихъ воротъ; стрѣльцы смирились и просили пощады. Объ этомъ покаяніи такъ рассказывается въ Ключаревской лѣтописи (41—43):

«Узнавъ, что митрополитъ находится съ Шереметевымъ, бунтовщики выслали къ нему попа Ивана Петрова съ нѣсколькими своими товарищами, чтобы фельдмаршалъ отпустилъ къ нимъ владыку, который де одинъ только можетъ остановить напрасно льющуюся кровь и сдѣлать въ одинъ часъ то, чего не сдѣлано было въ цѣлый годъ раньше. Шереметевъ представилъ посланныхъ Сампсонію. Пастырь добрый съ радостью согласился исполнить желаніе горожанъ.

— Иду къ нечестивымъ,—сказалъ онъ фельдмаршалу,—хотя бы мнѣ привелось умереть.

Съ веселымъ духомъ, въ сопровожденіи посланныхъ, пошелъ къ Вознесенской башнѣ. Народъ, увидѣвъ своего любимаго архипастыря, толпами устремился къ нему, какъ къ отцу, взывая громкимъ крикомъ: «Помилуй насъ, защити, избавь городъ отъ кровопролитія».

Посреди кающихся жителей прошелъ митрополитъ до собора и приказалъ начать благовѣсть; потомъ, облачившись въ святительскія одежды, взявъ въ руки посохъ преосвященнаго Іосифа и показывая его народу, увѣщавалъ горожанъ: «Вотъ посохъ митро-

---

¹⁾ Нынѣ называется «Красный», на р. Кутумѣ, рукавѣ Волгѣ, отдѣлявшемъ ранѣе Земляной городъ отъ слободы; теперь онъ проходитъ по самому городу. Р. Балда—въ пяти верстахъ выше Астрахани.

полита Иосифа, убитаго бунтовщиками; напрасно и вы затѣяли противъ государя незаконно. Именемъ государя и боярина Шереметева прощаю васъ всѣхъ, пойдемъ всѣ къ нему и, встрѣтивъ въ лицѣ его государя, отворимъ ему ворота: онъ войдетъ къ намъ не съ войскомъ и пушками, но съ иконою».

— Идемъ, идемъ скорѣе!—завопилъ народъ.

Неся животворящій крестъ и ключи отъ города, митрополитъ, сопровождаемый духовенствомъ, съ хоругвями и иконами, направился къ Вознесенскимъ воротамъ. Когда отворили ихъ, и народъ увидѣлъ фельдмаршала, стоящаго съ полковымъ образомъ Сергія Радонежскаго, всѣ пали на землю и просили о помилованіи.

Войска въ стройномъ порядкѣ вошли въ городъ. По обѣимъ сторонамъ нынѣшней Московской (Екатерининской) улицы лежали бунтовщики съ плахами и топорами. У Кремлевскихъ воротъ пресвященный принялъ отъ фельдмаршала образъ¹⁾ и внесъ его въ соборъ, былъ отслуженъ благодарственный молебенъ съ провозглашеніемъ многолѣтія царю, и весь этотъ день радостный трезвонъ не прекращался въ церквахъ, за исключеніемъ Вознесенскаго монастыря, настоятель котораго архимандритъ Рувимъ скрылся неизвестно куда.

Бунтъ былъ подавленъ; участники его перехвачены и отправлены въ Москву: ихъ колесовано, казнено и умерло во время розыска въ 1706 г.—365 человѣкъ, въ 1707 г.—90 человѣкъ и въ 1708 г.—115. Мало того, въ видѣ наказанія, 800 астраханскихъ казаковъ посланы въ шведскую войну, гдѣ они погибли безслѣдно²⁾.

По произведенному слѣдствію открылось, что для продолженія бунта архимандритъ Рувимъ заготовилъ въ Вознесенскомъ монастырѣ денегъ 25.080 рублей; хлѣба ржаного 40 тысячъ четвертей, овса 20 тысячъ четвертей, на 18-ти башняхъ Кремля и Бѣлаго города 180 пушекъ, пороха 583 боченка, много ядеръ, до 20 тысячъ ружей и тесаковъ и три погреба вина. Все это было отобрано въ казну. Монастырь Вознесенскій упразднили, иноковъ перевели въ Спасскій, а на мѣстѣ его устроили Благовѣщенскій женскій.

Въ память же своего добровольнаго заточенія Сампсоній устроилъ на колокольнѣ Ивановскаго монастыря церковь во имя Іоанна воина, сохранившуюся понынѣ.

Объ архипастырѣ этомъ напоминаетъ еще постоянно астраханцамъ сооруженный имъ въ кремлѣ величественный Успенскій кафедральный соборъ въ древне-византійскомъ стилѣ, квадратной

¹⁾ Въ честь св. Сергія чудотворца въ 1762 г. была устроена въ Троицкомъ монастырѣ особая церковь, гдѣ помѣщался этотъ образъ. Послѣ упраздненія монастыря образъ перенесли въ Успенскій соборъ, въ которомъ онъ понынѣ находится надъ Сѣверными воротами.

²⁾ Дѣла астраханскаго войскового архива, № 84—90.

формы. Наружный видъ его поразительно прекрасенъ по своей необычайной легкости и соразмѣрности всѣхъ частей, съ пятью позлащенными главами, осѣненными восьмиконечными крестами. Стоитъ онъ на самомъ высокомъ мѣстѣ города и виденъ верстъ за 30-ть изъ окрестностей. Такого изящнаго храма нѣтъ во всемъ Поволжьѣ.

Разсказываютъ, что даже Петръ I, посѣтившій Астрахань, въ 1722 году ¹⁾, долго любовался соборомъ и сказалъ императрицѣ: «Вотъ храмосоздатель! какое зданіе, лѣпота какая! въ государствѣ такого храма не имѣется. Благодарю Бога, что сей пресвященный былъ истинный пастырь и во время бунта не щадилъ своей жизни, но даже за враговъ своихъ просилъ меня о помилованіи». На другой день, по желанію императора, епископъ Іоакимъ служилъ панихиду по Сампсоніи. Царь присутствовалъ на ней, снова осматривалъ соборъ, ризницу, сосуды, все «нашелъ въ блескѣ», одного серебра съ лампадами было до 10 пудовъ, и опять сказалъ: «сожалѣю, что не засталъ въ живыхъ сего истиннаго пастыря». Потомъ онъ всходилъ на соборъ и смотрѣлъ съ него на всѣ стороны въ зрительную трубу ²⁾.

Сампсоній построилъ соборъ съ очень ограниченными средствами и при томъ исключительно русскими мастерами.

Задумывалъ его соорудить еще митрополитъ Савватій, такъ какъ построенная игуменомъ Θεодосіемъ Успенская церковь (одноэтажная) пришла въ такое разрушеніе, что невозможно было отправлять въ ней богослуженіе. Въ 1683 и 1684 гг. писалъ онъ царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ, прося отдать на строеніе собора за два года «таможенныя пошлины съ Басаргинской рыбной продажи». Челобитная была уважена грамотой 27-го февраля того же 1684 года. Но нагрянувшее вскорѣ бѣдствіе оттянуло постройку храма. Моровое повѣтріе много унесло жертвъ изъ жителей (см. I главу). Почти все городское духовенство скосила чума. Народъ стоналъ, ища помощи въ храмахъ Божіихъ. Митрополитъ самъ отправлялъ постоянно церковныя службы, призывая горожанъ, ради спасенія души, къ пожертвованіямъ на добрыя дѣла. Граждане усердно понесли послѣдніе гроши Савватію. Въ короткій срокъ было собрано 10 тысячъ рублей, которыя владыка хотѣлъ употребить на постройку храма и уже сдѣлалъ подрядъ на необходимые строительные матеріалы. Но смерть скосила его 1-го іюля 1696 года. Собранныя же имъ деньги императоръ Петръ приказалъ отобрать въ казну.

Прибывшій въ слѣдующемъ году митрополитъ Сампсоній, въ надеждѣ на возвращеніе этихъ денегъ, нанялъ за 250 рублей «на ихъ хлѣбъ и харчахъ» 40 стрѣльцовъ сломать старый соборъ и вырыть

¹⁾ Прибылъ туда 4-го іюня, выѣхалъ въ море 17-го числа.

²⁾ Ключаревск. лѣтоп., 33.

подъ новый ровъ 68 саж. въ окружности, 4 арш. ширины и 2 арш. глубины, а посрединѣ храма для четырехъ столбовъ выкопать ямы и набить ихъ сваями. Однако изъ жертвованныхъ денегъ ему дали только около 4 тыс. рублей. Съ такими средствами, конечно, трудно было строить большое зданіе. Задумался владыка, гласить преданіе, видя, что денегъ не хватить, и достать ихъ не откуда. Вдругъ, въ зипунѣ является невзрачный мужиченко и проситъ преосвященнаго принять отъ него въ подарокъ кадочку груздей, которые онъ привезъ изъ Царицына. Сампсоній благосклонно взялъ даръ и благословилъ мужичка, а грузди приказалъ отнести въ кладовую. Служка хотѣлъ поднять боченокъ, но послѣдній какъ бы приросъ къ землѣ, точно былъ набитъ камнями. Думаетъ: «что за диковина!» Приподнялъ крышку и обомлѣлъ: подъ верхнимъ слоеиъ груздей лежали червонцы. Стали искать мужика, но его и слѣдъ простылъ.

Въ октябрѣ 1700 года, наняли 30 каменщиковъ по 13 рублей въ годъ каждому «на своихъ харчахъ». Руководить работами («быть у строенія соборной церкви въ подмастерьяхъ») взялся, по условію, крестьянинъ князя Василя Ивановича Львова, Дорогеей Мякишевъ, съ платой 100 рублей за все время постройки храма.

Соборъ быстро подвигался впередъ. Самъ митрополитъ, какъ рассказываютъ, наблюдалъ и принималъ участіе въ работахъ, таскалъ на себѣ кирпичи. Черезъ два года были готовы своды на главномъ храмѣ. Но вслѣдствіе поспѣшности и недостаточной прочности связей 10-го іюля 1702 года своды обрушились. Тогда вмѣсто одного купола устроили пять небольшихъ башенокъ, бутылкообразной формы. Въ слѣдующемъ году храмъ закончили строеніемъ чернѣ и подрядили за 800 рублей трехъ столяровъ, нижегородскихъ посадскихъ людей, сдѣлать изъ ихъ матеріала, за исключеніемъ клея, который выдавался имъ изъ архіерейскаго дома, «самымъ добрымъ мастерствомъ», иконостасъ, царскія южныя и сѣверныя двери и архіерейскія мѣста.

Иконостасъ былъ устроенъ рѣзной, вызолоченный на полиментѣ, въ 8 ярусовъ, 32 арш. вышины; иконы въ немъ написаны «греческимъ писаніемъ» иконописцемъ Гр. Дм. Строганова Бобылевымъ съ товарищами за 1.500 рублей.

Вся же постройка храма, за исключеніемъ кирпича, камня, желѣза, извести и лѣса, обошлась въ 7.330 рублей.

Соборъ сооруженъ двухъэтажный, 30 саж. высоты до средняго креста, длиной 17 саж. 1 арш. и шириной 12 саж. 2 арш. Въ 1704 году ¹⁾ Сампсоній освятилъ нижній храмъ во имя Владимир-

¹⁾ Въ брош. епископа Никанора: «Астрах. Успенск. соборъ», 1889 г., 45, указано, что этотъ храмъ освященъ въ 1707 г. Это не можетъ быть вѣрно потому, что въ 1705 г. Сампсоній встрѣчалъ въ немъ фельдмаршала Шереметева и служилъ торжественный молебенъ (см. выше).

ской Божіей Матери, служащій нынѣ усыпальницей астраханскихъ архипастырей, а 14-го августа 1710 года—главный (верхній) Успенскій придѣлъ, и, скончавшись 3-го апрѣля 1714 года ¹⁾, нашель тамъ вѣчный покой. Тѣло его, до назначенія новаго архіерея, два года стояло въ церкви открытымъ, и надъ нимъ читался псалтырь. Прибывшій въ ноябрѣ 1716 года епископъ Іоакимъ ²⁾ предалъ его погребенію въ Владимирскомъ придѣлѣ у западной стѣны, правѣе входныхъ дверей.

V.

Не менѣе памятенъ астраханцамъ пятнадцатый архипастырь, владыка Меѳодій I. Еще архимандритомъ тамошняго Спасо-Преображенскаго монастыря при епископѣ Иларіонѣ (1731—1755), онъ заслужилъ такую любовь горожанъ, что послѣ кончины сего послѣдняго всѣ сословія города—духовенство, статскіе и военные чины и граждане, во главѣ съ губернаторомъ, генераль-майоромъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ Жилинымъ, просили императрицу назначить его къ нимъ епископомъ. Желаніе было уважено; 10-го мая 1758 года Меѳодія хиротонисали въ Казани архіепископъ Гавріилъ съ нижегородскимъ епископомъ Теофаномъ. 12-го августа новопосвященный владыка возвратился въ Астрахань и изъ Спасскаго монастыря крестнымъ ходомъ пошелъ въ соборъ. Зрѣлище было величественное и трогательное! Почти всѣ жители выпли къ нему навстрѣчу. «И не столько радовался древній Израиль о избавленіи своемъ изъ Египта, перешедъ Чермное море,—говорить лѣтописецъ ³⁾,—сколько духовенство и граждане астраханскіе, видя прибывшаго къ нимъ давно желаемаго ими пастыря. Поистинѣ пастырь сей былъ добрый, который глашалъ овцы своя по имени, и овцы гласа его слушали; онъ былъ примѣромъ всякой добродѣтели, былъ правды ревнитель, кротости и смиренія образецъ, трудолюбія и воздержанія рачитель, обидимыхъ защитникъ, питатель сирыхъ и отецъ; нищіе, хромые, слѣпые и всякаго рода чиновъ и вѣроисповѣданій люди ежедневно наслаждались его трапезы и утѣшенія ⁴⁾. Слава добродѣтелей его и святости не только достигла ушей императрицы ⁵⁾ и вселенскихъ патріарховъ, жаждавшихъ святительскихъ молитвъ его, но и самыхъ дикихъ кочующихъ народовъ въ области, кои желали имѣть его судьбою себѣ и другихъ государствъ иновѣрцевъ. Сей святитель

¹⁾ Въ надгробной надписи неправильно показанъ годъ его кончины 1719-й.

²⁾ Самсоній былъ пятый и послѣдній митрополитъ, послѣ него идетъ рядъ епископовъ.

³⁾ Ключаревск. лѣтоп., 51.

⁴⁾ Еписк. Меѳодій питалъ каждый день при своемъ домѣ нищихъ и раздавалъ имъ одежду («Астрах. Епарх. Вѣдом.», 1882 г., № 19).

⁵⁾ Елисаветы Петровны и Екатерины II.

«истор. вѣстн.», июнь, 1903 г., т. хсп.

имѣлъ между прочими дарованіями еще неустрашимость, великость духа и даръ пророчества». Преданіе, напримѣръ, рассказываетъ такой интересный случай.

Когда Пугачевъ еще кружился около Оренбурга, въ Астрахани стало замѣчаться опасное настроеніе среди солдатъ, казаковъ и промысловыхъ рабочихъ, и имя самозванца переходило изъ устъ въ уста. Находились даже смѣльчаки выдавать себя за Пугачева¹⁾. Но еще бояѣе были напуганы астраханцы, когда самозванецъ появился на Волгѣ, приближаясь къ Саратову. Страхъ усиливался бѣжавшими въ Астрахань «благомыслящими людьми» изъ Симбирска, Саратова, Камышина и другихъ городовъ, которые своими рассказами о лютыхъ тиранствахъ Пугачева наводили ужасъ на жителей. Многіе хотѣли бѣжать въ Персію или на Каспійскіе острова. Самъ губернаторъ Кречетниковъ до того перетрусилъ, что, въ противность императорскаго указа быть въ Саратовѣ, уѣхалъ оттуда въ Астрахань, а потомъ и отсюда хотѣлъ выѣхать, для чего готовилъ судно, чтобы отправиться въ море. Паника была общая. Каедральный протоіерей Василій Панфиловъ обратился къ преосвященному Мееодію, прося его архипастырскаго совѣта, что дѣлать.

— Не опасайся!— улыгнувшись, сказалъ владыка.— Пугачевъ не только не будетъ въ Астрахани, но не увидитъ и Чернаго Яра²⁾.

Послѣ этого преосвященный, чтобы успокоить жителей, пошелъ въ соборъ и, когда туда по благовѣсту собрался народъ, облачившись, вышелъ къ нему и «публично» проклиналъ тѣхъ измѣнниковъ, которые содѣйствовали начатію бунта, убѣждая православныхъ не вѣрять самозванцу и успокаивая народъ, что онъ не будетъ въ Астрахани.

— Проклятъ тотъ, кто думаетъ о немъ, и прокляты всѣ дѣла его да будутъ,— сказалъ въ заключеніе своей рѣчи Мееодій.

Когда Пугачевъ былъ разбитъ подъ Чернымъ Яромъ и бѣжалъ за Волгу, хотя извѣстіе о томъ еще не успѣло дойти до Астрахани, владыка въ тотъ день утромъ торжественнымъ звономъ далъ знать народу о побѣдѣ надъ врагомъ, «за что вкупѣ и принесено Богу благодарственное моленіе съ цѣлодневнымъ по всѣмъ церквамъ звономъ».

Въ эту печальную годину, мало отличавшееся умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ отъ простолюдиновъ, православное духовенство Астраханской епархіи «впало въ преступленіе, погрѣ-

¹⁾ Дѣло Астрах. губернскаго архива 1774 г., № 24. Утромъ 27-го февраля 1774 г. былъ захваченъ у уржумскаго кабака пьянымъ краснойрскій сказочный Ивановъ за то, что мужику Усову назвалъ себя Пугачевымъ и требовалъ отъ него угощенія.

²⁾ «Астраханскія Епархіальныя Вѣдомости», 1884 г., № 2.

шивши противъ совѣсти, измѣняя долгу и присягѣ»¹⁾. Саратовской десятины, городовъ Петровска, Саратова, Камышина, Дубовки и окрестныхъ сель священно-церковно-служители встрѣчали Пугачева съ крестами и иконами, служили за его здравіе молебны, поминали на ектеніяхъ императора Петра III и супругу его Устинью. За эти поступки, по опредѣленію синода 20-го августа 1774 г., они были преданы суду, составленному изъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ при астраханской губернской канцеляріи. По окончаніи суда, все дѣло чрезъ генераль-прокурора князя Вяземскаго, было представлено на высочайшее усмотрѣніе. Государыня ограничилась ссылкой въ рудники только трехъ протопоповъ: Родіонова, Герасимова (саратовскихъ) и Савина (изъ Дубовки), и саратовскаго дьякона Алексѣева, какъ главныхъ виновныхъ, и саратовскаго протопопа Иванова—ссылкой въ монастырь; «прочимъ же всѣмъ попомъ, дьяконамъ, причетникамъ, какъ говорилось въ указѣ²⁾, объявить всемилостивѣйшее ея императорскаго величества материнское помянутое, чтобъ они о учиненномъ своемъ прегрѣшеніи приносили Всевышнему съ сокрушеніемъ сердца покаяніе и старались заслужить ея императорскаго величества материнское милосердіе вѣрностью и усердіемъ. А по приводѣ вновь къ присягѣ опредѣленіе на прежнія мѣста предоставить рѣшенію астраханскаго архіерея».

Въ началѣ августа въ Астрахани происходило зрѣлище, достойное удивленія. Какъ только полученъ былъ этотъ указъ, преосвященный въ 2 часа дня приказалъ «благовѣстить рѣдко въ большой колоколь». Не зная дѣла, граждане со всѣхъ сторонъ стекались къ собору. Туда же привели закованными духовныхъ преступниковъ. Въ мантии и митрѣ съ омофоромъ и посохомъ шелъ преосвященный печальный, одинъ (городское духовенство осталось въ соборѣ). Взойдя на Раскатъ, онъ далъ знакъ несчастнымъ, чтобы они приблизились. Видя ихъ истомленныхъ, исхудавшихъ, измученныхъ, Меодіи нѣсколько минутъ не могъ воздержаться отъ слезъ и наконецъ сказалъ:

— Богъ и всемилостивѣйшая государыня всѣхъ прощаетъ, и я, по данной мнѣ власти, прощаю васъ и разрѣшаю. Сбивайте съ нихъ оковы!..

Это продолжалось болѣе получаса. Преосвященный вторично осѣнилъ виновныхъ крестомъ.

— Идите за мной въ соборъ, принесемъ благодареніе Богу о здравіи государыни.

¹⁾ Изъ дѣла Астрах. губернскаго архива за 1774 г., № 514. См. «Столбъ о впадшихъ въ преступленіе попахъ, дьяконахъ и проч.».

²⁾ Изъ сообщенія князя Вяземскаго Кречетникову 7-го іюля 1776 г. Какъ видно изъ вышеуказаннаго дѣла, всего было привлечено къ отвѣтственности и судимо: 117 духовныхъ особъ изъ блага духовенства и 8 изъ чернаго.

Во всѣхъ церквахъ цѣлый часъ звонили колокола послѣ такого радостнаго событія. Преосвященный отпустилъ пастырей по своимъ приходамъ, одаривъ щедро.

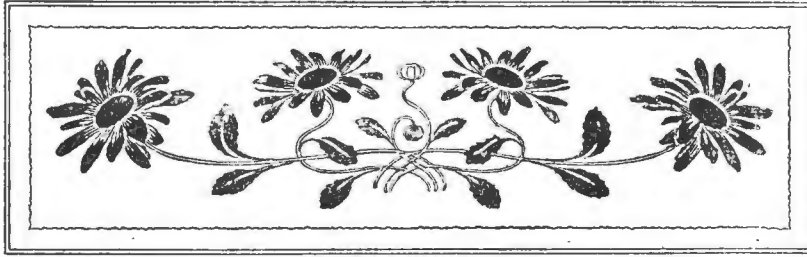
— Поминайте за милосердіе къ вамъ государыню!

Меѳодій, увы, кончилъ жизнь при печальныхъ обстоятельствахъ. Въ маѣ 1776 года, обозрѣвая епархію, на возвратномъ пути около станицы Червленной (близъ Кизляра) онъ вздумалъ пользоваться теплыми водами, велѣлъ надъ ключемъ поставить кибитку и сдѣлать подмостки. Послѣдніе были такъ тонки и положены «неосторожно», что подломились, и владыка, «нечаянно обрушившись» въ горячій, почти кипящій ключъ, обварился всѣмъ тѣломъ. Его отвезли въ Червленную, гдѣ онъ послѣ исповѣди и причащенія, освятившись елеемъ, скончался 29-го мая. Когда тѣло его 14-го іюня привезли въ Астрахань, «весь городъ съ воплемъ плакалъ о потерѣ отца и благодѣтеля».

Останки Меѳодія покоятся въ Успенскомъ соборѣ, рядомъ съ гробницей Самсонія. Въ 1801 году, преосвященный астраханскій Платонъ Любарскій, осматривая могилы астраханскихъ іерарховъ, нашелъ нетлѣнными тѣла: архіепископа Ѳеодосія, митрополитовъ Іосифа и Самсонія и епископа Меѳодія. Сохранились неповрежденными даже деревянные гроба, въ коихъ они положены, и одежда на нихъ. Къ гробницѣ Іосифа до сей поры массаами притекають мѣстные и окрестные жители и служатъ панихиды, въ чаяніи помощи и исцѣленій. Въ мѣстныхъ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» и соборномъ архивѣ занесено немало случаевъ совершившихся при этой могилѣ чудесъ. Однако и по настоящее время епархіальное начальство не возбуждаетъ въ надлежащихъ сферахъ ходатайства открыть мощи для всеобщаго поклоненія и причислить указанныхъ святителей и перваго святой жизни астраханскаго проповѣдника Кирилла къ лику святыхъ православной церкви.

П. Юдинъ.

РУССКІЙ ЕВРОПЕЕЦЪ КОНЦА XVIII И НАЧАЛА XIX ВѢКА.

I.

ВЛІЯНІЕ на Россію Запада еще ждетъ своего историка. Мы еще не пережили этой исторической эволюціи и до сихъ поръ, хотя и не въ столь острой степени, какъ во время борьбы западниковъ съ славянофилами, страдаемъ морально, то подчиняясь вліянію европейской культуры, то сознательно и бессознательно вступая съ ней въ борьбу и расчищая почву для развитія національной культуры. Отдѣльные эпизоды исторіи отношеній Россіи къ Западу, однако, уже выяснились настолько, что даже теперь возможно болѣе или менѣе безпристрастно подвести итоги результатамъ западнаго вліянія на русское общество XVIII и XIX вѣка въ лицѣ выдающихся его представителей, на примѣръ, въ лицѣ императора Александра I. Рѣшенію этой же важной задачи посвящена и новая монографія великаго князя Николая Михайловича подъ заглавіемъ: «Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ (1772—1817 г.)». Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ былъ другомъ императора Александра I и его сотрудникомъ въ дѣлѣ преобразованій, начавшихся въ самомъ началѣ его царствованія. Подобно ему, Строгановъ воспитанъ былъ французомъ въ духѣ «освободительной» философіи XVIII вѣка и мечталъ быть полезнымъ отечеству, обладая для этого, повидимому, всѣми средствами. Любопытно поэтому уяснить себѣ, что такое были для Россіи люди, подобные графу Павлу Александровичу Строганову, и что для нихъ была

Россія. Прекрасная книга великаго князя Николая Михайловича, написанная на основаніи массы новыхъ рукописныхъ русскихъ и французскихъ матеріаловъ, изъ которыхъ большая часть составляетъ обширныя приложенія къ книгѣ,—даетъ много данныхъ для правильнаго освѣщенія этого вопроса и въ этомъ смыслѣ является однимъ изъ капитальныхъ приобрѣтеній русской исторіографіи за послѣдніе годы.

Кажется, нѣтъ надобности напоминать читателю законы подражательности, которые въ сущности одинаковы какъ для націй, такъ и для отдѣльныхъ общественныхъ слоевъ, для дѣтскаго возраста и даже для обезьянъ. Будетъ или нѣтъ понята и воспринята суть дѣла, но внѣшніе его признаки, его обстановка, становятся предметомъ тщательнаго изученія и усвоенія со стороны заинтересованныхъ подражателей. Низшіе типы или познающіе себя таковыми, хотя съ внѣшней стороны, стремятся уподобиться высшимъ. Уподобленіе это совершается тѣмъ легче, чѣмъ менѣе у подражателя задерживающихъ инстанцій, хотя бы въ видѣ привычекъ и традицій. Воспріятіе идей въ ихъ конечныхъ выводахъ также происходитъ весьма легко, если онѣ не сталкиваются съ уже выработаннымъ міросозерцаніемъ, если у подражающаго субъекта не окажется въ наличности крѣпкой, органической связи съ почвой, на которой идеи эти не могутъ имѣть приложенія. Въ этомъ отношеніи высшій слой русскаго общества вѣка Екатерины II былъ гораздо ниже, по своей безличности, «птенцовъ» Петра Великаго. Вращаясь, въ двухъ, трехъ поколѣніяхъ, на службѣ или при дворѣ, сосредоточиваясь по преимуществу въ Петербургѣ, среди иноземцевъ, представители высшаго русскаго общества теряли связь съ землей и съ народомъ и, усвоив себѣ сѣмена западно-европейской цивилизаціи, лишены были національной почвы, на которой только они и могли во многихъ случаяхъ возрасти пышнымъ цвѣтомъ. Они, въ лицѣ многихъ выдающихся своихъ представителей, оставались русскими въ государственномъ, но отнюдь не въ національномъ смыслѣ; для нихъ Россія была огромнымъ тѣломъ безъ души, и многіе изъ нихъ были бы счастливы пересоздать русскій народъ по воспріятому ими англійскому, нѣмецкому или французскому шаблону. Все «русское» сдѣлалось для нихъ синонимомъ «варварскаго», все иноземное являлось подъ вывѣской высшей культуры. Въ концѣ царствованія Елисаветы французскій посланникъ жаловался, что всѣхъ привезенныхъ имъ лакеевъ разобрали по знатнымъ русскимъ домамъ въ качествѣ гувернеровъ, и Петръ III, думавшій одѣть православныхъ епископовъ и священниковъ на подобіе лютеранскихъ пасторовъ, не слишкомъ уклонялся отъ образа мыслей многихъ русскихъ европейцевъ своего времени. Безсмертныя слова Иванушки въ Фонвизинскомъ «Бригадирѣ», что только тѣло его родилось въ Россіи, а душа родилась во Франціи, каза-

Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ.

лись утрировкой лишь въ началѣ царствованія Екатерины; въ концѣ же его для многихъ они дѣйствительно сдѣлались исповѣданіемъ ихъ вѣры. Въ числѣ этихъ многихъ былъ и графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ, который даже и тѣлесно родился во Франціи, въ Парижѣ.

Авторъ его біографіи вполне основательно въ началѣ своего труда отвелъ много мѣста личности его отца, барона, потомъ графа, Александра Сергѣевича Строганова. Подобно дѣтямъ многихъ Елисаветинскихъ вельможъ, и А. С. Строгановъ получилъ въ дѣтствѣ

французское воспитаніе, а по достиженіи 19-лѣтняго возраста, въ сопровожденіи своего гувернера, француза Antoine'a, отправленъ въ 1752 году для довершенія образованія за границу. Молодой Строгановъ жилъ тамъ четыре года, посѣщая лекціи университетскихъ профессоровъ, осматривая музеи и памятники искусства. Цѣлью его занятій было, конечно, не специальное изученіе какой либо отрасли наукъ, а приобрѣтеніе свѣтскихъ навыковъ и свѣтскаго, поверхностнаго образованія; но изящныя искусства приобрѣли въ Строгановѣ особаго поклонника, и онъ съ любовью предавался ихъ изученію, а въ послѣдствіи образовалъ себѣ коллекцію картинъ кисти лучшихъ итальянскихъ мастеровъ. Свободная и обеспеченная жизнь за границей такъ увлекла Строганова, что отцу его пришлось насильно вызывать его въ Россію: для этой цѣли онъ прекратилъ ему высылку денегъ. По возвращеніи на родину, не найдя уже отца въ живыхъ, Строгановъ вступилъ въ обладаніе несмѣтными отцовскими богатствами и, обладая изощреннымъ вкусомъ, свѣтскимъ остроуміемъ, занималъ въ придворныхъ кругахъ и при Елисаветѣ, и при Екатеринѣ, выдающееся положеніе. Екатерина совѣтовалась съ нимъ по художественнымъ вопросамъ и любила играть съ нимъ въ бостонъ. Въ государственныя дѣла онъ не вмѣшивался; лишь въ послѣдствіи онъ назначенъ былъ президентомъ академіи художествъ. Быть можетъ, приобрѣтенныя Строгановымъ за границей артистическія привычки неблагоприятно отозвались на его семейной жизни. Первая жена его, графиня Анна Михайловна, урожденная Воронцова, не прожила съ нимъ и пяти лѣтъ, какъ разошлась и начала дѣло о разводѣ, а вторая, графиня Екатерина Петровна, урожденная Трубецкая, чрезъ 8 лѣтъ совместной жизни съ мужемъ увлеклась фаворитомъ Екатерины И. Н. Корсаковымъ и, вмѣстѣ съ нимъ, удалилась на жительство въ Москву, оставивъ мужа и дѣтей. Въ бракъ съ ней графъ А. С. Строгановъ вступилъ въ 1771 году и послѣ вѣнца увезъ ее за границу. Молодые жили по-преимуществу въ Парижѣ, и тамъ у нихъ и родился сынъ Павелъ. Все его дѣтство протекло также въ Парижѣ, такъ какъ родители его возвратились въ Петербургъ лишь въ 1779 году. Маленькій Павелъ, или Попó, какъ называли его въ семьѣ, приѣхавъ въ Россію, даже не умѣлъ говорить по-русски. Между тѣмъ, родители еще во время пребыванія своего въ Парижѣ избрали для сына воспитателя француза Жильбера Ромма пользовавшагося извѣстностію, какъ человѣкъ безупречной нравственности и солидныхъ знаній, особенно по естественнымъ наукамъ. Самъ Роммъ, какъ умный человѣкъ, обратилъ вниманіе на эту оторванность мальчика отъ страны, долженствовавшей быть его отечествомъ. Онъ самъ началъ учиться по-русски и учить своего воспитанника русскому языку, самъ настоялъ на необходимости познакомиться его съ Россіей и предпринимать для этого путешествія,

между прочимъ, осмотрѣны были и пермскіе заводы А. С. Строганова, къ которымъ приписано было болѣе 18 тысячъ душъ-крестьянъ. Но, разумѣется, эти старанія Ромма не могли достигнуть цѣли: уже смѣшно было и то, что съ Россіей знакомилъ мальчика французъ, самъ не знавшій Россіи. Что касается до занятій по русскому языку, то Роммъ самъ сообщалъ А. С. Строганову, что, говоря съ своимъ воспитанникомъ по-русски, онъ, вмѣстѣ съ нимъ, только пріучался коверкать русскій языкъ, и потому находилъ полезнымъ пригласить русскаго учителя.

Указанія француза воспитателя имѣли для родителей значеніе, потому что это былъ французъ, зарекомендованный имъ, какъ педа-

Жильберъ Роммъ.

гогъ, въ Парижѣ. Притомъ Роммъ былъ человѣкомъ сильнаго характера и умѣлъ подчинить своему вліянію графа А. С. Строганова, который сдалъ ему наконецъ сына совсѣмъ на руки и дошелъ до того, что въ перепискѣ съ Роммомъ называлъ сына «*notre fils*», указывая на то, что Роммъ—для него второй отецъ. Графиня Екатерина Петровна, къ которой возилъ иногда Роммъ показывать сына, не могла однако отрѣшиться отъ взгляда на «учителя», какъ на лицо придворнаго своего штата, нѣчто въ родѣ прислуги, и Роммъ поспѣшилъ дать ей наставленіе. «Если бы,—писалъ онъ ей однажды,—я былъ у васъ въ домѣ частнымъ человѣкомъ, свободнымъ отъ какихъ либо обязанностей, недоразумѣнія, возникающія между нами,

были бы смѣшны для меня, и я не могъ бы болѣе рассчитывать на ваше снисхожденіе... Но вы забываете, что вы ввѣрили мнѣ самое дорогое, что у васъ есть на свѣтѣ. Я снесу невнимательность, причуды, несправедливость, но униженіе и низость—никогда. Только по долгу я сопутствую вашему сыну, когда онъ появляется въ обществѣ. Мнѣ слишкомъ чувствительны недовѣріе и полупрезрѣніе, которыя оказываются въ здѣшной странѣ гувернерамъ, и я всячески стараюсь какъ можно рѣже беспокоить своимъ присутствіемъ тѣхъ особъ у васъ въ домѣ, которымъ претитъ дышать однимъ воздухомъ съ учителемъ (un outchitel). По собственному опыту, я сердечно жалѣю добрыхъ людей, принужденныхъ находиться здѣсь въ одинаковомъ со мною положеніи».

Со своей точки зрѣнія Роммъ добросовѣстно выполнялъ свои обязанности. Онъ обращалъ вниманіе на физическое воспитаніе Павла Строганова, стараясь закалить его тѣло и сообщить ему здоровыя привычки; въ нравственномъ отношеніи далъ ему рядъ правилъ житейской морали, выставляя цѣлью жизни пріобрѣтеніе уваженія всѣхъ честныхъ людей въ обществѣ; наконецъ, сообщилъ ему элементарный образовательный курсъ, съ преобладаніемъ естественныхъ наукъ. Въ этомъ курсѣ исторіи и литературѣ, къ которымъ Роммъ относился нѣсколько свысока, дано было немного мѣста: предметы эти имѣли лишь цѣлью воспитаніе политическихъ чувствъ будущаго европейца. Напоминая педагогическими пріемами Лагарта, наставлявшаго нѣсколько лѣтъ Александра I, Роммъ былъ выше его въ томъ отношеніи, что не забывалъ о Россіи и въ образовательномъ курсѣ: онъ самъ изучалъ древнюю русскую исторію и, вѣроятно, знакомилъ съ нею и Павла Строганова.

Несомнѣнно, однако, что Роммъ не могъ быть болѣе русскимъ, чѣмъ сами русскіе, и увлекаясь собственными научными и житейскими задачами, во многихъ случаяхъ думалъ болѣе о себѣ, чѣмъ о своемъ питомцѣ. Авторъ не безъ основанія указываетъ, что даже поѣздки по Россіи, предпринятыя для ознакомленія Попо съ отечествомъ, удовлетворяли стремленію Ромма расширить свои познанія по естественнымъ наукамъ и собрать естественно-научныя коллекціи. Когда эта цѣль была достигнута рядомъ путешествій по Россіи въ 1781—1786 гг., Роммъ, тосковавшій по родинѣ и не желавшій, очевидно, жить въ Петербургѣ на положеніи «учителя», началъ писать графу А. С. Строганову о необходимости продолжать образованіе Попо за границей и, наконецъ, прямо объявилъ, что Россія, сама по себѣ, является непреборимымъ препятствіемъ для воспитанія Попо въ задуманномъ имъ духѣ (*la Russie sera toujours un obstacle à cette éducation tant que votre fils sera entre mes mains*). Дѣйствительно, Роммъ желалъ преподавать своему воспитанику правила освободительной философіи, внушить ему чувства уваженія къ свободѣ личности, равенству, ненависть къ деспотизму,

а это удобнѣе казалось ему сдѣлать въ Женевѣ и Парижѣ. Послѣ долгихъ отсрочекъ Строгановъ, и безъ того почти не выдавшій сына, вынужденъ былъ согласиться на предложеніе «второго отца», и въ 1787 г. Роммъ съ Попомъ уѣхалъ за границу. Въ Женевѣ, подъ руководствомъ Ромма, Попомъ слушалъ лекціи профессоровъ по физикѣ и химіи, а въ 1789 г., съ началомъ французской революціи, онъ перебрался въ Парижъ, гдѣ, руководимый тѣмъ же Роммомъ, началъ практически осуществлять преподаваемые ему принципы свободы, увлекаясь политическими событіями того времени, сдѣлался членомъ основаннаго Роммомъ революціоннаго клуба «Друзей закона», вступилъ въ интимную связь съ извѣстной «Юдиною революціи», Теруанъ де-Мерикуръ, и наконецъ, надѣвъ фригійскую шапку, поступилъ въ члены Якобинскаго клуба подъ именемъ Павла Очера. Павлу Строганову было въ это время всего 17 лѣтъ.

Разсказывая объ этомъ эпизодѣ жизни Попомъ Строганова, авторъ называетъ дѣйствія Ромма по отношенію къ нему за это время «преступными», такъ какъ Роммъ обманулъ довѣріе отца и увлеклъ своего питомца въ бездну. Безъ сомнѣнія, дѣйствія Ромма были неизвинительны, но нельзя забывать, что, привыкнувъ смотрѣть на Павла Строганова въ качествѣ «второго отца», онъ поступалъ съ нимъ такъ же, какъ, весьма вѣроятно, онъ поступилъ бы и съ собственнымъ своимъ сыномъ. Онъ вовсе не думалъ въ это время о мнѣніяхъ «перваго отца», къ которому онъ едва ли чувствовалъ уваженіе: преслѣдуя французскихъ аристократовъ, едва ли бы онъ отдѣлилъ отъ нихъ, если бы представился случай, и самого графа А. С. Строганова. Роммъ и въ скромной долѣ наставника проявлялъ огромное самолюбіе и желѣзную силу воли. Обстоятельства давали ему возможность удовлетворить свое честолюбіе и приложить къ дѣлу свои фанатическія идеи о свободѣ, и, разумѣется, Павелъ Очера, его питомецъ, долженъ былъ итти за нимъ. Хорошо было еще, что онъ не послалъ своего питомца на штурмъ Бастиліи, въ которомъ принималъ участіе другой молодой русскій подростокъ, князь Д. В. Голицынъ, впослѣдствіи московскій генералъ-губернаторъ. Неизвинительными являются беззаботность и равнодушіе къ участи сына самого графа А. С. Строганова, который считалъ свои обязанности исполненными, посылая аккуратно деньги на расходы сына.

Павелъ Очера писалъ первому отцу въ самомъ успокоительномъ тонѣ, умалчивая о своихъ похожденіяхъ, и графъ А. С. Строгановъ лишь по приказанію Екатерины рѣшился вырвать сына изъ рукъ Ромма. Молодой Попомъ привезенъ былъ изъ Парижа своимъ двоюроднымъ братомъ, Н. Н. Новосильцевымъ, и водворенъ, по приказанію императрицы, въ селѣ Братцовѣ, возлѣ Москвы, подъ ближайшій надзоръ своей матери. Это спасло будущность молодого Попомъ, такъ какъ иначе онъ, вѣроятно, раздѣлилъ бы участь

своего наставника, который, сдѣлавшись сначала членомъ конвента и проливъ кровь политическихъ своихъ противниковъ, впоследствии самъ приговоренъ былъ къ смертной казни и окончилъ жизнь въ тюрьмѣ самоубійствомъ. Въ Братцовѣ Павелъ Александровичъ женился на княжнѣ Софіи Владимировнѣ Голицыной, а въ 1796 г. получилъ позволеніе переѣхать на жительство въ Петербургъ.

Чѣмъ же былъ въ это время молодой графъ Павелъ, получившій столь исключительное воспитаніе? Отъ природы это былъ добрый, впечатлительный, порывистый юноша, нѣсколько застѣнчивый, даже «дикій», по отзыву Ромма. Лишенный материнскаго вліянія и попавъ подъ исключительное руководство строгаго, энергическаго француза, Попѳ долго не могъ отказаться отъ своей самостоятельности и, какъ дикій конь, уклонялся отъ педагогической узды наставника довольно долго. Роммъ жаловался, что его воспитанникъ обсуживаетъ и разбираетъ поданный ему совѣтъ безъ всякаго уваженія къ совѣтнику и безъ довѣрія къ здравымъ его доводамъ. Чувствительность мѣшала, однако, сдерживала его страсти; примѣръ, по отзыву того же Ромма, имѣлъ для него рѣшающее значеніе. Подчинившись умственному и нравственному превосходству наставника, Попѳ Строгановъ не вполне сознательно усвоилъ себѣ многія его идеи и, напримѣръ, въ 1789 г. онъ писалъ отцу изъ Женевы о своемъ желаніи воспользоваться дарованнымъ ему чиномъ капитана, чтобы поступить въ ряды русской арміи, дѣйствовавшей противъ турокъ. Отецъ, стремившійся сдѣлать изъ Попѳа настоящаго европейца, не исполнилъ просьбы сына, а Роммъ нашелъ исходъ для накопившейся у его питомца энергіи, увезя его въ Парижъ. Путемъ постоянного нравственнаго гнета у молодого Строганова подавлена была инициатива, рѣшительность, — вмѣсто дѣйствій у него замѣтно было резонерство. «Цѣлые часы, — писалъ о немъ Роммъ, — остается онъ въ недоумѣніи и, убѣдившись въ невозможности поступать разумнѣе, онъ наконецъ рѣшается дѣйствовать путемъ среднимъ, то-есть ни особенно хорошо, ни особенно дурно». Въ умственномъ отношеніи онъ могъ развиваться самостоятельно: у него не было ни жизненнаго опыта, ни должныхъ знаній; мнѣнія его были лишь отзвукомъ мнѣній Ромма, по крайней мѣрѣ, въ первое время по разлукѣ; но то, что у послѣдняго было результатомъ опыта цѣлой жизни и особыхъ обстоятельствъ, которыя переживала Франція конца XVIII вѣка, въ устахъ юнаго русскаго богача царедворца казалось наборомъ словъ и насмѣшкой надъ здравымъ смысломъ. Въ письмѣ къ двоюродному брату, на возвратномъ пути въ Россію, повторяя уроки французскихъ революціонеровъ, 18-ти-лѣтній юноша бранить деспотизмъ русскаго правительства, объявляетъ, что система управленія въ Россіи ничего не стоитъ, и что, желая лишь одного — служить своимъ согражданамъ (*concitoyens*), посвятить имъ

свою жизнь и все свое имущество, онъ не намѣренъ руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ капризами честолюбивой женщины (то-есть Екатерины). Попо, очевидно, забылъ, что у него самого было до 40 тысячъ крѣпостныхъ «солсітоуенъ», благоденствіе которыхъ зависѣло исключительно отъ его доброй воли. Отвлеченная проповѣдь французскихъ философовъ о свободѣ какъ-то обходила на практикѣ многіе вопросы, щекотливые для русскихъ баръ XVIII в., и въ бумагахъ Ромма мы не находимъ слѣдовъ бесѣдъ его съ Попомъ о тѣхъ ближайшихъ задачахъ, которыя, прежде всего, должны были представляться русскому помѣщику XVIII и XIX вѣковъ. И въ послѣдствіи, расточая блестящія фразы изъ лексикона Ромма о свободѣ личности и о «безобразномъ зданіи» русскаго управленія, Павелъ Александровичъ Строгановъ, подобно отцу своему, предоставилъ управленіе обширными своими владѣніями управляющимъ разнаго происхожденія, добросовѣстно впрочемъ отписывая имъ, что онъ «желаетъ быть отцомъ, а не господиномъ своихъ крѣпостныхъ». Любопытно было бы прослѣдить, какъ эти отписки въ дѣйствительности принимаемы были управляющими, и какое вліяніе онѣ имѣли на бытъ Строгановскихъ крѣпостныхъ.

Въ царствованіе Павла Строганову пришлось сидѣть въ Петербургѣ тихо и смиренно, но въ это время у него завязались дружескія отношенія съ наслѣдникомъ престола, великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ, который, подобно ему, воспитанъ былъ въ духѣ освободительной философіи Лагарпомъ, такъ же не зналъ Россіи и, между тѣмъ, одушевленъ былъ желаніемъ положить предѣлъ «деспотизму», перестроить «безобразное зданіе» управленія своей великой бабки и направить силы русскаго народа къ установленію на западѣ нормальной культурной жизни. Дружескія отношенія великой княгини Елисаветы Алексѣевны къ графинѣ Софьѣ Владимировнѣ, женѣ младшаго Строганова, облегчали его сближеніе съ великимъ княземъ и его наперсниками: княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ и графомъ В. П. Кочубеемъ; къ кружку этому присталъ и двоюродный братъ Строганова, увезшій его отъ Ромма, Н. Н. Новосильцевъ. Несомнѣнно, что событія, происшедшія во Франціи, ужасы террора, смерть самого Ромма охладили уже революціонный пылъ Строганова. Онъ увидѣлъ, что могутъ быть и

Свободныхъ мыслей коноводы
Восточнымъ деспотамъ сродни.

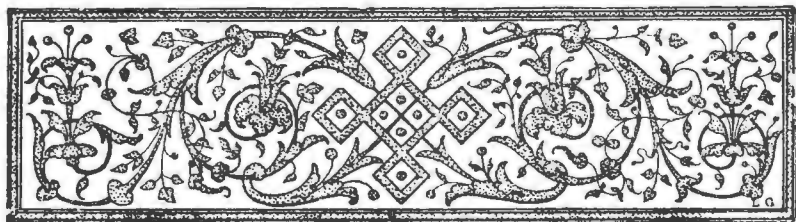
Поэтому въ бесѣдахъ и отношеніяхъ его къ Александру Павловичу не проявлялась уже рѣзкость сужденій, пріобрѣтенныхъ имъ въ общеніи съ Роммомъ и Теруанъ де-Мерикуръ. Въмѣстѣ съ другими членами кружка, онъ, по выраженію одного изслѣдователя, «воодушевленъ былъ наилучшими намѣреніями» и «преисполненъ

идеалистическаго либерализма», то-есть такого, который, исходя изъ теоретическихъ положеній, имѣетъ болѣе отношенія къ фразамъ, чѣмъ къ живой дѣйствительности, и покоится на незнаніи дѣла и жизни. Печальное положеніе огромной имперіи, страдавшей избыткомъ силъ и отсутствіемъ руководящей ими для блага народа организаціи, казалось, легко исправить: для этого стоило лишь приложить къ дѣлу французскіе и англійскіе рецепты. Неожиданная кончина императора Павла въ ночь съ 11-го на 12-е марта 1801 года дала возможность новому императору и его друзьямъ примѣнить свои идеи къ практикѣ.

Процессъ этого примѣненія является въ разсматриваемой книгѣ болѣе яснымъ, чѣмъ въ другихъ трудахъ, посвященныхъ этой эпохѣ «преобразованій». Важны здѣсь не столько идеи, одушевлявшія авторовъ преобразованій, сами по себѣ весьма почтенныя, сколько тотъ путь, которымъ они надѣялись провести ихъ въ жизнь русскаго народа.

Евгеній Шумигорскій.

ДВУХСОТЛѢТІЕ С.-ПЕТЕРБУРГА ¹⁾.

ХІ.

ЕЛИКІЙ Петръ и великій русскій народъ основали и создали Петербургъ. Починъ принадлежалъ царю. Выполненіе взялъ на себя народъ. Всея землей, всѣмъ крестьянствомъ-христіанствомъ били сваи, копали, строили, осушали болота и топи невской дельты. Трудъ этотъ былъ—

... страшно громаденъ,
Не по плечу одному.

Мы привыкли къ представленію, что столица построена, такъ сказать, на костяхъ человѣческихъ.

Быстрота, прямо волшебная быстрота сооруженія крѣпости и самаго города въ свое время приводили въ глубокое изумленіе иностранцевъ. Нѣкоторые даже не хотѣли вѣрить, что городъ былъ весь созданъ заново. Полагали, а это, конечно, невѣрно, что Петръ только разстроилъ первоначальный шведскій Ніенъ. Если принять показанія «Вѣдомостей», то уже въ 1703 году на мѣстѣ сооружаемаго города «работали двадцать тысящъ подкошниковъ». Но это число явно преувеличено. Самое большее число работниковъ не солдатъ въ первое время не превышало 4.000—5.000. Это съ плѣнными, которые тоже помогали. Все число войскъ и рабочихъ, со-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСІІ, стр. 576.

средоточенное на сѣверѣ, не превышало 20.000. Эта цифра въ реляціи поставлена просто ради того, чтобы поразить умы, и представляеть нерѣдкую въ официальныхъ реляціяхъ гиперболу. Однако, затѣмъ стала приливать волна рабочаго народа къ новосозданному центру. Царь слалъ указъ за указомъ о немедленной высылкѣ на берега Невы рабочихъ изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ Россіи. По волѣ его царскаго пресвѣтлаго величества сошлись сюда представители самыхъ разнообразныхъ народностей, населяющихъ Россію: и великороссы, и татары, и калмыки, и казаки, и финны. Всѣ шли сюда на великій трудъ, на великое дѣло.

На основаніи показаній резидента Вебера, въ своей статьѣ «Петербургская старина» (1860) Пекарскій представилъ чрезвычайно мрачную картину положенія рабочаго люда на Невѣ. Называя рабочихъ «переселенцами», Пекарскій утверждаетъ, что они со всѣхъ концовъ Россіи приходили въ Петербургъ, не привычные къ утомительной земляной работѣ. При томъ, будто бы, у нихъ не было ни лопатъ, ни заступовъ, ни досокъ, ни тачекъ. При возведеніи первоначальныхъ земляныхъ укрѣпленій нужна была земля, а ея по близости не находилось. Кругомъ болото, низина, топь, подернутая тиной, моховина зыбкая. Тогда, по свидѣтельству очевидцевъ, стали таскать къ бастіонамъ землю изъ дальнихъ мѣстъ въ старыхъ мѣшкахъ, рогожахъ или даже просто въ полахъ платя. Предъ нами разительная картина прямо муравьиного труда. Какъ муравьи въ собственныхъ челюстяхъ сносятъ въ свою кучу всякій соръ и комочки земли и сооружаютъ грандіозное, при ихъ малыхъ размѣрахъ, жилище, такъ и русскіе, покорные волѣ своего царя, сносятъ въ полахъ собственаго платя землю и воздвигаютъ грозные крѣпостные валы. Это уже отзывается легендой:

... Читалъ я гдѣ-то,
 Что царь однажды воинамъ своимъ
 Велѣлъ снести земли по горсти въ кучу.
 И гордый холмъ возвысился, и царь
 Могъ съ вышины съ весельемъ озирать
 И долъ, покрытый бѣлыми шатрами,
 И море, гдѣ бѣжали корабли.

Твореніе новой столицы, среди раскатовъ гремѣющей боевой грозы, среди пересозданія всего государства, всего строя русской жизни, въ воображеніи народномъ принимало невольно сказочныя формы, и постоянно, даже въ показанія самыхъ трезвыхъ свидѣтелей-современниковъ, замѣшивается элементъ легендарный.

Пекарскій указываетъ еще на недостатокъ продовольствія, который терпѣли рабочіе. Когда началъ строиться Петербургъ, сюда переселено огромное количество народа; мѣстныя средства пропитанія истощились скоро, и бѣдняки въ Петербургѣ рѣшительно не

знали, чѣмъ имъ жить. Они довольствовались капустой, рѣпой, почти вовсе не видя хлѣба. Легко, поэтому, догадаться, въ какомъ жалкомъ и плачевномъ состояніи находились здѣсь низшіе классы народа. При малѣйшемъ замедленіи въ подвозѣ съѣстныхъ припасовъ изъ Москвы, Ладоги, Новгорода и Пскова, петербургскіе рабочіе должны были бы непремѣнно умереть съ голоду. По временамъ въ Петербургѣ цѣны вдругъ возвышались на все. Это происходило по той причинѣ, что большая часть съѣстныхъ припасовъ и необходимыхъ предметовъ жизни доставлялись саннымъ путемъ, только зимою. Вообще, по этому мнѣнію, для собраннаго во множествѣ народа не было возможности заготовить заблаговременно и въ нужномъ количествѣ съѣстные припасы. А между тѣмъ, нерѣдко, подвозъ ихъ прекращался за бурей на Ладожскомъ озерѣ. Рабочіе оставались почти вовсе безъ хлѣба, котораго и за деньги трудно было достать въ этомъ пустынномъ краѣ. Мало того, по этимъ показаніямъ, переселенцы долгое время послѣ прибытія въ Петербургъ на работы оставались безъ пристанища, укрываясь въ шалашахъ, посреди болотъ, на сыромъ и зловонномъ воздухѣ. Лихорадки, горячки, цынга свирѣпствовали и косили рабочихъ. При этомъ иностранцевъ поражало въ русскомъ простонародѣ полнѣйшее фаталистическое равнодушіе къ жизни. Когда кто нибудь изъ рабочихъ дѣлался боленъ, то просто ложился на голую землю, немного заботясь — выздоровѣетъ ли, умретъ ли, и не принимая никакихъ медицинскихъ пособій. Веберъ рассказываетъ (1718 г.), что если умиралъ крестьянинъ, то его клали гдѣ нибудь на видное мѣсто и зажигали восковую свѣчу, чтобы вызвать подаваніе сострадательныхъ рабочихъ на погребеніе. Когда набиралось достаточно денегъ, тѣло завертывали въ рогожку, завязывали, какъ мѣшекъ, со всѣхъ сторонъ веревкой, клали на носилки, и двое мужиковъ несли его на кладбище. Иногда по дорогѣ нѣсколько разъ опускали тѣло на землю, затепливали восковую свѣчку и собирали скудное даваніе... Такъ уходилъ рабочій въ сырую землю.

По примѣрному вычисленію нѣкоторыхъ современниковъ, постройка Петербурга стоила жизни ста тысячъ переселенцевъ. Отсюда извѣстное гиперболическое выраженіе одного славянофильскаго стихотворца о градѣ св. Петра:

Богатырь его построилъ,
Топь костями забутилъ.

Однако, эти гиперболическія представленія, у нѣкоторыхъ писателей переходяція прямо въ обвинительный актъ противъ великаго преобразователя Россіи, во всякомъ случаѣ должно сопоставить съ иными взглядами, основанными на изученіи документовъ, нѣсколько иначе рисующими картину петербургскаго первоначальнаго хозяйства.

Въ своей «Исторіи Санктъ-Петербурга» П. Н. Петровъ говоритъ: «Первымъ и однимъ изъ важнѣйшихъ упрековъ, дѣлаемыхъ памяти Петра I по невѣдѣнію прошлой жизни и обычаевъ московской Руси, назовемъ мы земскій нарядъ поставки людей на государственныя всякаго рода работы, при преобразователѣ нашемъ, какъ извѣстно, прекращенный, а до него практиковавшійся, судя по лѣтописнымъ указаніямъ, съ самаго начала нашей исторіи. Не знавшіе этого порицатели Петра I, между тѣмъ, въ самомъ фактѣ поставки людей въ Азовъ и въ Петербургъ видятъ личный произволъ именно преобразователя, по ихъ мнѣнію, не останавливавшася ни передъ какою тяжкою для народа мѣрою, при выполнении своихъ обширнѣйшихъ плановъ. Планы Петра I, дѣйствительно, для осуществленія потребовали средствъ, размѣрами своими далеко превосходившихъ мѣропріятія стараго времени, но ни въ характерѣ самыхъ требованій, ни въ способѣ выполненія ихъ по указамъ царскимъ не было ничего новаго. Эти требованія заявлялись во имя исконнаго обычая, объ измѣненіи котораго никто и не думалъ и не возражалъ, не имѣя въ виду ничего равносильнаго, способнаго замѣнить устоявшійся порядокъ вещей.

«И Грозный царь, и Борисъ Годуновъ, и Михаилъ Ѳеодоровичъ, и Алексѣй Михайловичъ требовали для выполненія назначаемыхъ ими работъ, — даже не государственныхъ, сулившихъ будущность лучшую и усиленіе могущества Московскаго государства, а просто работъ дворцовыхъ, — людей, годныхъ для нихъ, со всего государства на сроки, со своимъ содержаніемъ, чтобы не обременять ничѣмъ царской казны. И Петръ I-й, по примѣру державныхъ предковъ своихъ, потребовалъ, но на дѣла государственной важности и настоятельной необходимости, жертвъ отъ всѣхъ сословія государства. Такъ созданъ имъ первый флотъ. Затѣмъ потребовалъ царь земскихъ людей для застройки флота и города на Невѣ и Ладогѣ. До основанія Петербурга ежегодные наряды народа на работы требовались для сооруженій Воронежа, Азова, Таганрога, Шлиссельбурга. Требованія продолжались и въ Шлиссельбургѣ, и въ Нарву, и въ Азовъ, одновременно съ сооруженіемъ Петербурга. Не даромъ Ломоносовъ назвалъ русскій народъ «въ трудѣ рожденнымъ»».

Страшнаго напряженія потребовалъ Петръ отъ своего народа! Воистину «уздой желѣзной Россію вздернулъ на дыбы»!

Въ 1703 г. за позднимъ временемъ вызова земскаго наряда людей быть не могло. Обошлись рабочими, взятыми изъ Шлиссельбурга. По указу 1-го марта на 1704 г. вызвано въ Петербургъ 40.000 рабочихъ, съ 85-ти мѣстъ. На слѣдующій, 1705 г. сдѣланъ былъ нарядъ «съ 35-ти городовъ, съ посадовъ, дворцовыхъ волостей, помѣстьевъ, вотчинъ, всякихъ чиновъ людей, съ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, взято рабочихъ людей съ девяти дворовъ челоувѣкъ».

Выставленныхъ работниковъ должно было оказаться 40.000 человекъ, что и составило нормальное количество, для послѣдующихъ лѣтъ, до отмѣны натуральной повинности съ замѣною ея денежнымъ сборомъ.

Работные люди были раздѣлены на три смѣны. Каждая смѣна отбывала на работахъ двухмѣсячный срокъ.

Первая смѣна являлась на мѣсто работъ къ Благовѣщенью и оканчивала урокъ свой къ 25 маю. Вторая смѣна работала съ 25 мая по 25 іюля. Третья—съ 25 іюля по 25-е сентября.

Не позднѣ октября мѣсяца работы оканчивались, и работники расходились по домамъ. Сдача наряженныхъ работниковъ для государева дѣла производилась на мѣстѣ проводникомъ. Проводникъ вмѣстѣ съ людьми сдавалъ комиссару и хлѣбъ на содержаніе ихъ во время работъ, по расчету. Въ сдачѣ людей и хлѣба проводникъ получалъ квитанціи. Препровождали работниковъ особые провожатые, а иногда и воинскія команды.

Когда работники являлись на мѣсто, ихъ ставили на работы особые завѣдующіе.

Съ 1704 г. нарядъ отъ земства опредѣлился въ 40.000 работниковъ, но только часть ихъ шла собственно на петербургскія работы. Этотъ нарядъ продолжался въ теченіе 15 лѣтъ, до его отмѣны въ 1719 г., при чемъ являлось не точное количество, а иногда больше, иногда меньше, съ недоимками людей.

Городовъ, выставлявшихъ изъ своихъ уѣздовъ 20.000 работниковъ, собственно на петербургскія работы, въ первые годы, было тридцать пять. Раздѣленные на три смѣны, они отбывали двухмѣсячный срокъ.

Первая смѣна (на апрѣль и май) въ Петербургъ по указному наряду приходила изъ одиннадцати уѣздовъ: городовъ Старой Руссы, Торопца, Ржевы Пустой (Тверской губерніи), Великихъ Лукъ, Холма, Зубцова, Ростова, Переяславля-Залѣскаго, Суздаля, Шуи и Вереи (Московской губ.). А въ Нарву являлись на первую смѣну въ тѣ же сроки рабочіе люди изъ двѣнадцати мѣстъ: Вологды, Бѣжецка, Дмитрова, Углича, Мологи, Устюжны, Романова, Рузы, Звенигорода, Боровска, Юрьевца-Польскаго и Кинешмы. Съ отмѣною Нарвскихъ работъ, нарядъ вмѣсто Нарвы сталъ являться въ Петербургъ. Тогда каждая смѣна земскаго наряда доходила до 13.000 человекъ, безъ недоимки.

Для второй смѣны (на іюнь и іюль) въ Петербургъ написаны люди съ десяти городовъ: Смоленска, Дорогобужа, Бѣлой, Рославля, Вязьмы, Можайска, Серпейска, Владимира, Юрьевца-Повольскаго и Муромъ.

Въ Нарву ставили людей на работу города: Болховъ, Брянскъ, Бѣлгородъ, Бѣлевъ, Вага, Галичъ съ пригороды, Гороховецъ, Ефремовъ, Карачевъ, Клинь, Кромы, Курскъ, Ливны, Малояросла-

вещь, Мценскъ, Мядынь, Орелъ, Старый-Осколь, Романовъ въ степи, Рыльскъ, Путивль и Трубчевскъ. Съ отмѣною явки въ Нарву, въ 1709 г. эта часть наряда стала тоже ходить въ Петербургъ.

Въ третью смѣну (на августъ и сентябрь) приходили въ Петербургъ и Нарву изъ городовъ: Алатыря, Балахны, Елатымы, Кадома, Касимова, Керенска, Луха, Нижняго Новгорода, Саранска, Темникова, Уржума, Шацка и Городецкой волости.

Послѣ уничтоженія нарвскаго наряда стали являться въ Петербургъ люди изъ городовъ съ уѣздами: Костромы съ пригородами, Арзамаса, Казани, Свияжска, Симбирска, Курмыжа, Чебоксарь, Косьюдемьянска, Цивильска, Ядрина, Царевококшайска, Яранска, Самары, Сызрани, Саратова, Уфы и Бирскаго городка.

На застройку Петербурга земскимъ нарядомъ ставились сперва рабочіе люди изъ 35 мѣстъ; съ отмѣною наряда въ Нарву — изъ 86 мѣстъ, а съ оставленіемъ Азова—съ 128 городовъ, т.-е. со всей почти средней Россіи, кромѣ Остзейскаго края и Малороссіи, за отчисленіемъ только работниковъ на кораблестроеніе. П. Н. Петровъ признаетъ, что земствамъ тяжело было приносить эти жертвы, когда рядомъ требовались жертвы на потребности войны. Къ тому же были и злоупотребленія. Однако онъ признаетъ крайне преувеличенными показанія ганноверскаго резидента Вебера, на которыхъ всецѣло основывался Пекарскій.

«Невозможное количество домовъ въ Петербургѣ—50.000, вмѣсто 800 избышекъ,—находимое у Вебера, настолько же грѣшнѣе противъ истины, — по мнѣнію П. Н. Петрова, — какъ и выпущенная имъ басня о вымираніи цѣлыхъ десятковъ тысячъ земскихъ работниковъ, въ зимнее время, подъ открытымъ небомъ».

Поводомъ къ такому утвержденію былъ, однако, для Вебера фактъ подлиннаго призыва, въ его время, на два зимніе мѣсяца, плотниковъ и землекоповъ для рытья канала, устройства набережной и забиванія свай.

Невѣрны тутъ только два обстоятельства: особенной смертности не было между рабочими, и зимою помѣщены они были въ деревянные палаткахъ съ печами, чередуясь посмѣнно на работахъ.

Не зная этого, къ тому же недовольный на правительство Петра I-го, потребовавшего даже удаленія резидента, Веберъ изъ зимнихъ срочныхъ призывовъ вывелъ губительство народа на непосильной работѣ, истощавшей средства государства на безумную затѣю—построить столицу на болотѣ. Это поспѣшное заключеніе недовольнаго иностранца русскіе ученые, тенденціозно настроенные противъ дѣла преобразователя, приняли безъ всякой провѣрки. Разработавъ въ первый разъ уцѣлѣвшія подлинныя дѣла о земскомъ нарядѣ работниковъ въ Петербургъ, П. Н. Петровъ увидѣлъ невозможность допустить сказаніе Вебера. По спискамъ канцеляріи строеній, изъ года въ годъ, можно видѣть именныя перечни однихъ

и тѣхъ же работниковъ, изъ однихъ и тѣхъ же мѣстъ, что доказываетъ жизнь и дѣятельность ихъ, а не умираніе. Мало того, эти работники, пользуясь даваемыми по закону льготами и приплатою отъ тѣхъ, за кого являлись они, отбывъ разъ свою очередь,—съ 1719 года сами оказались добровольными подрядчиками на петербургскія работы по условію съ казною, когда натуральная повинность замѣнена денежнымъ сборомъ съ населенія русскихъ губерній.

Не трудно, дѣйствительно, доказать, что «примѣрное вычисленіе» современниковъ, которое съ очевидной вѣрой повторяетъ Пеккарскій, будто постройка Петербурга стоила жизни ста тысячъ рабочихъ, есть положительная басня. Считая по 20.000 въ годъ, съ 1705-го по 1719-й годъ въ Петербургѣ перебивало 300.000 рабочихъ. Неужели же изъ нихъ умерла одна треть? На трехъ — одинъ мертвецъ! Даже и во время десятой казни египетской этого не было. Явная несообразность.

Затѣмъ, наборъ изъ девяти дворовъ одного работника не можетъ быть признанъ самъ по себѣ чрезмѣрно тягостнымъ, такъ какъ, отбывъ два мѣсяца казенной работы, остальные десять рабочихъ могъ работать на себя. При бѣдности въ то время Россіи заработками, постройка Петербурга могла быть прямо благотѣльной—можно было здѣсь сколотить хоть какія либо деньжонки. Что это было такъ, доказываетъ фактъ наличный: и послѣ отмѣны натуральной повинности народъ не пошелъ съ петербургскихъ работъ.

Указываютъ на злоупотребленія при поставкѣ рабочихъ. Но эти злоупотребленія коренились въ прошломъ. Петръ, наоборотъ, дѣлалъ все возможное, чтобы ихъ ослабить, обуздать. Если онъ мало успѣвалъ въ этомъ, то причина была въ нравахъ, которые измѣняются весьма медленно.

Указываютъ на неблагопріятное положеніе людей на работахъ. Болота, лѣса, суровый климатъ и тяжкій земляной трудъ. Конечно, болотистыя испаренія порождали инфекціонныя болѣзни, лихорадки, горячки, цынгу. Народъ болѣлъ. Однако, въ тѣ времена вся Россія была покрыта дремучими лѣсами, непроходимыми болотами и топями. Значитъ, условія петербургской болотины не были такъ уже незнакомы раньше рабочему народу. Наконецъ, онъ могъ ютиться на болѣе высокихъ мѣстахъ. А, кромѣ того, одно изъ главнѣйшихъ условій — хорошая питьевая вода — было налицо.

Воды дѣвственной Невы не имѣли по достоинствамъ своимъ подобныхъ во всей Россіи. Итакъ, признавая тягость петербургскихъ работъ для русскаго народа, все же мы должны признать безмѣрно преувеличенными всѣ толки о какой-то человѣческой гекатомбѣ, будто бы принесенной въ жертву Петромъ ради своей

личной фантазіи основать столицу на болотѣ. Къ тому же мы выше, кажется, достаточно наглядно и убѣдительно доказали, что Петръ основалъ столицу именно тамъ, гдѣ повелѣвала исторія, а не по своему только хотѣнью.

ХІІ.

Если мы склонны въ показаніяхъ резидента Вебера видѣть крайнее преувеличеніе, съ цѣлю явною очернить память Великаго Отца Россіи, государя Петра Алексѣевича, то это не значитъ, что мы не признаемъ тѣхъ жертвъ, которыя народъ русскій принесъ ради осуществленія грандіозной задачи — основанія столицы при устьѣ Невы.

Нѣтъ, жертвы принесены были, и жертвы огромны!

Чтобы составить себѣ правильное, не преувеличенное и не умаленное понятіе объ этихъ жертвахъ, надо, прежде всего, узнать общее финансовое хозяйство Россіи той эпохи.

27-го января 1710 года государь въ первый разъ повелѣлъ слитить приходъ съ расходомъ. Оказалось во всѣхъ губерніяхъ доходу: 3.051.796 рублей. По губернаторскимъ табелямъ цифра среднихъ доходовъ опредѣлялась нѣсколько ниже, а именно: 3.016.590; а изъ общаго сложенного трехъ годовъ перечня треть нѣсколько выше: 3.133.879.

Сумма прихода раздѣлялась по губерніямъ такимъ образомъ: на Московскую 1.140.097 рублей; на Петербургскую—336.627; Киевскую—114.857; Смоленскую—83.258; Архангельскую—374.276; Казанскую—600.000; Азовскую—154.900; Сибирскую—222.080.

Весь расходъ исчислялся въ 3.834.418 рублей.

Дефицитъ, принимая высшую цифру дохода (то-есть 3.133.879), опредѣлялся въ 700.539 рублей.

Дефицитъ громадный, почти въ четверть годового бюджета! Расходы превышали доходы. Недоимка и казнокрадство уменьшали доходы. А на что шла казна? Первая статья расходовъ—военныя издержки. На армію до 1.252.525 рублей. На флотъ—до 444.288. На гарнизоны—977.896. На артиллерію и припасы—до 221.799. На оружейныя дѣла—84.104. Рекрутамъ—30.000. Посольскія дачи—до 148.031. Всего военные расходы поглощали 3.158.643 рубля, иными словами—всѣ доходы. Затѣмъ приходилось уже «кормиться», жить крѣпостнымъ трудомъ, получать натурою, жить въ долгъ. Сверхъ военныхъ, расходы простирались до 675.775 рублей. Шли они царицамъ, царевичу, царевнамъ, на дворъ, аптекарскаго чина людемъ, духовенству, русскимъ плѣннымъ въ Стокгольмѣ, приказнымъ, мастеровымъ, ямщикамъ. Значитъ, всѣ эти люди—ямщики и царевны, аптекаря и придворные, попы и приказные, мастеровые и царевичи, плѣнные и царицы жили въ долгъ! И при этомъ—

непрестанныя военныя дѣйствія, постройка новой столицы, преобразование всего государства и церкви, насажденіе наукъ и искусствъ! Понятное дѣло, что силы народа были напряжены до послѣдней возможности.

Дороги въ то время почти не существовали. Достаточно сказать, что иностранные посланники ѣзжали изъ Москвы въ Петербургъ по 5-ти недѣль вслѣдствіе непролазной грязи и поломанныхъ мостовъ. На станціяхъ приходилось дожидаться лошадей по недѣль. Сравнительно сносная дорога существовала только отъ Смоленска до Москвы. Сѣверъ былъ дикъ. Страна кишѣла разбойниками и ворами.

А между тѣмъ, по указу великаго государя, русскіе люди, и пѣнкомъ, и на лошадахъ, толпами тянулись къ устью Невы. Бояре и вельможи московскіе обязаны были переселиться въ новую столицу, строить тамъ дома себѣ. За ними переселялись туда и семьи дворянскія, купеческія, ремесленничьи.

Нѣкогда, въ XV-мъ вѣкѣ, по волѣ царя московскаго, тянулись изъ Новгорода въ Москву переселенцы, чтобы умножить населеніе, богатство и промыслы молодой, расцвѣтавшей столицы государства.

По той же дорогѣ, черезъ триста лѣтъ и опять по указу его царскаго пресвѣтлаго величества государя и самодержца всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, только уже въ обратномъ направленіи, изъ Москвы нынѣ тянулись въ новый городокъ на Невѣ переселенцы.

Работниковъ недоставало для построекъ въ Петербургѣ. Чтобы здѣсь работы шли «безъ мотчанья», на время были остановлены каменныя постройки въ цѣлой Россіи.

Кромѣ Петербурга, нужно было населить Кронштадтъ. Тогда въ 1712 году Петръ велѣлъ сенату «объявить шляхетскимъ тысячѣ домамъ, купецкимъ лучшимъ пятистамъ и среднимъ пяти же стамъ, ремесленнымъ всякихъ дѣлъ тысячѣ же домамъ, что имъ жить на Котлинѣ островѣ по окончаніи сей войны, и даны имъ будутъ дворы готовые за ихъ деньги, а шляхетству дворы и земли подъ деревни, и кой часъ будетъ, дастъ Богъ, миръ, тотчасъ будутъ переведены, и для того сказываютъ заранѣе, чтобы никто невѣдѣніемъ не отговаривался». Бросай старое, привычное гнѣздо, распродавай все за безцѣнокъ и по опасной дорогѣ, черезъ лѣса и болота, переселяйся на край свѣта, жить «на Котлинѣ островѣ»! Въ апрѣлѣ 1723 года, въ Петербургской губерніи, въ провинціяхъ и въ Олонецкой губерніи, сверхъ прежде поданныхъ сказокъ, явилось прописныхъ мужескаго пола душъ 70.492 человекъ.

Не мудрено, что попъ Будаковскій поносилъ Петра и кричалъ: «Какой онъ царь? Петербургъ одѣлъ въ сапоги и вызолотилъ, а Москву одѣлъ въ лапти».

Великія государственныя нужды не давали вздохнуть народу, гнали его впередъ и впередъ. Когда всѣ государственные доходы

поглощали военныя надобности, войско и флотъ; когда, кромѣ солдатъ, всѣ жили «кормленіемъ» да займами, явное дѣло, не могло произойти облегченія въ крѣпостномъ состояніи крестьянъ.

Крѣпостное состояніе вызвано было бѣдностью страны и финансовою несостоятельностью государства. Эта несостоятельность не исчезла съ преобразованиемъ, которое пока поглощало, лишь въ будущемъ суля золотыя горы. Петербургъ, какъ вампиръ, сѣлъ на хребетъ Россіи и жадно пилъ ея кровь, ея лучшіе соки. Вольный трудъ былъ невозможенъ, и правительство набирало работниковъ, какъ рекрутъ. Страна должна была содержать двѣ арміи—мирную армію работниковъ и боевую армію воиновъ. Скоро понадобились заводы. Къ нимъ начали приписывать окрестныхъ крестьянъ. Въ мартѣ 1715 г. иностранецъ Генвинъ, который управлялъ олонечскими заводами, писалъ Петру:

«Воистину я опасуюсь вашего царскаго гнѣва, что не могъ исполнить всѣхъ указовъ. Почитай, на каждую недѣлю вновь указы присылаются, а тутъ еще вновь работы и припасовъ спрашиваютъ въ Петербургъ и въ Архангельскъ, и отъ такой и великой, и крутой работы, и отъ высылки подводъ, и отъ строенія катъ и шкунъ, и отъ смоляного куренья сверхъ заводской нужды, остальные мужики разбѣгаются; они складываютъ уголь, известь, руду, гоняютъ подводы, отправляютъ заводскія работы, да еще платятъ мелкія подати, такъ что приходится на каждый дворъ по 30 рублей; самъ изволь разсудить о такой тягости! Я не для себя только, а для тебя и для народа».

Великой и «крутой» работы требовалъ Петръ отъ всѣхъ сословій, отъ всего народа!

Однако, когда балтійскіе берега были прибрѣтены, стали получаться доходы отъ Рижскаго и Петербургскаго портовъ. Такъ въ 1722 г. пошлинъ съ кораблей сошло 125.510 ефимковъ. Но рядомъ росло число дорого стоящихъ регулярныхъ войскъ. Въ концѣ царствованія Петра число регулярныхъ сухопутныхъ войскъ простиралось до 210 тысячъ съ половиною. Войско нерегулярное состояло изъ 10 малороссійскихъ полковъ, въ которыхъ считалось 60.000 человекъ. Въ пяти слободскихъ казацкихъ полкахъ состояло 16.000 человекъ. На судахъ было 27.939 человекъ. Громадная армія для страны съ такимъ рѣдкимъ населеніемъ, какъ Россія при Петрѣ. Но Петръ не боялся за свою страну и за свой народъ и самодержавною рукой смѣло прорубалъ окно въ Европу.

«Чтобъ познакомиться поближе съ житьемъ-бытьемъ преобразователя и окружающихъ его людей,—говоритъ С. М. Соловьевъ,—болѣе всего тронутыхъ преобразованиемъ, перенесемся въ Петербургъ, этотъ парадизъ, гдѣ Петру скорѣе работалось и веселѣе пировалось, чѣмъ гдѣ либо». Городъ отстраивался быстро. Иностранцевъ уже поражалъ своею красотою Невскій проспектъ, длин-

ная и широкая аллея, вымощенная камнемъ, съ рошицами и лужайками по сторонамъ. Плѣнные шведы проложили проспектъ. Они же каждую субботу и чистили его. Прочныхъ построекъ было немного: адмиралтейство, царскій Лѣтній дворецъ, биржа, почтовый дворъ, домъ князя Меншикова на Васильевскомъ островѣ.

Большая часть частныхъ домовъ строились на скорую руку и представляли большія неудобства. Въ домахъ знатныхъ людей толки протекали, и за большими обѣдами разгоряченные виномъ гости прохладжались крупными дождевыми каплями, падавшими имъ на лицо. Дождь часто мѣшалъ праздникамъ, которые Петръ любилъ задавать въ Лѣтнемъ саду.

Угощеніе въ саду происходило по старому русскому обычаю: пей непременно, хочешь—не хочешь, и ворота на запоръ! Запахъ хлѣбнаго распространялся по всему саду.

Однимъ изъ любимыхъ удовольствій Петра въ «парадизѣ» лѣтомъ было катанье на Невѣ. Петербургскіе жители имѣли парусныя и гребныя суда, полученныя ими изъ казны, безденежно. Когда въ опредѣленныхъ мѣстахъ города вывѣшивались флаги, то всѣ суда должны были собираться у крѣпости; кто не являлся—платилъ штрафъ.

Петербургъ, однако, истое чадо XVII вѣка, съ его картезіанскими идеями просвѣщенія помощью разумнаго абсолютизма.

Господствующая въ наукѣ теорія требуетъ, чтобы каждому явленію въ исторіи были подысканы причины, ему предшествовавшія и его подготавливавшія. Теорія эта не допускаетъ «катаклизмовъ». Поэтому переворотъ Петра пытаются тоже представить плодомъ медленной эволюціи, не довѣряя современникамъ, которые утверждали, что Петръ привелъ Россію «изъ небытія въ бытіе». Однако, несомнѣннымъ является тотъ фактъ, что Петръ чрезвычайно медленно назрѣвавшее дѣло, до-нельзя тихо двигавшуюся «эволюцію», превратилъ вдругъ въ бурное стремленіе, въ «революцію».

Историкъ Щербатовъ, попытавшись сдѣлать «примѣрное времяисчислительное положеніе, во сколько бы лѣтъ при благополучнѣйшихъ обстоятельствахъ могла Россія сама собою, безъ самовластия Петра Великаго, дойти до того состоянія, въ какомъ она нынѣ (т.-е. при Щербатовѣ) есть», пришелъ къ убѣжденію, что на это потребовалось бы семь поколѣній — 210 лѣтъ.

Два столѣтія Петръ сжалъ въ два-три десятка лѣтъ.

Эволюціонисты правы—въ до-петровской Руси были зародыши преобразованія, но, предоставленные себѣ, они зрѣли бы еще два вѣка. Россія не на необитаемомъ островѣ и даже не въ горахъ живетъ, а на открытой равнинѣ, на проходномъ дворѣ народовъ изъ Азіи въ Европу. У Россіи не было времени зрѣть. Хочешь—не хочешь, становись сейчасъ плодомъ, хотя бы и «до времени созрѣ-

лымъ». Петръ сумѣлъ вдохнуть въ зародыши будущаго старой Руси бурную силу стремленія, выгналъ на паряхъ преобразованіе, превративъ эволюцію въ переворотъ.

«Необходимость удовлетворить вдругъ всему должна была неминуемо сообщить нашему такъ называемому преобразованію характеръ революціонный, — говоритъ С. М. Соловьевъ, — наша революція начала XVIII-го вѣка уясняется чрезъ сопоставленіе ея съ политической революціей, послѣдовавшей во Франціи въ концѣ этого вѣка. Какъ здѣсь, такъ и тамъ болѣзни накопились вслѣдствіе застоя. Въ Россіи одинъ человѣкъ, одаренный небывалою силою, взялъ въ свои руки направленіе революціоннаго движенія, и этотъ человѣкъ былъ прирожденный глава государства. Переворотъ сопровождался страшною борьбою. Преобразователь встрѣтилъ сильное сопротивленіе въ народѣ, слѣдовательно, дѣло преобразованія было дѣломъ насилія со стороны верховной власти». (Исторія Россіи, кн. III, 1055 — 1056).

Однако, сопоставляя французскую революцію и россійское преобразованіе, мы не можемъ не видѣть, что въ то время, какъ къ первой умы общества были подготовлены вѣковой работой культурно-идейной, ко второму некому было подготовить умы, и, дѣйствуя путемъ насильно втѣсняемыхъ декретовъ, Петръ долженъ былъ тутъ же разъяснять смыслъ, пользу и цѣль своихъ дѣйствій.

Все человѣчество знаетъ предшественниковъ великой революціи: это Вольтеръ, Руссо, энциклопедисты. XVIII вѣку предшествовалъ вѣкъ Декарта, Расина, Корнеля, Мольера. А вѣку «короля солнца» — вѣкъ Франциска, Раблэ и Монтеня, вѣка возрожденія и реформаціи, охватившіе потокомъ мысли всю Европу. Но кто знаетъ предшественниковъ россійскаго преобразованія?

Въ русскую жизнь это преобразованіе Петръ — истый сынъ XVIII вѣка, Робеспьеръ на тронѣ, проводилъ кровавымъ терроромъ. Цивилизація... или смерть!

Прежде торговли, прежде флота, прежде университетовъ и школъ, прежде цивилизаціи долженъ былъ возникнуть на Невѣ городъ — подобіе Амстердама и Венеціи. Для осуществленія же этого намѣренія царя былъ нанятъ въ Парижѣ архитекторъ Леблонъ, котораго Петръ приказалъ титуловать генераль-архитекторомъ, и сдѣлалъ его, такимъ образомъ, первымъ лицомъ въ строительномъ дѣлѣ въ Петербургѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ думалъ вести серьезныя сооруженія. Леблонъ занялся проектомъ Петербурга, предпославъ ему отправленную къ Петру за границу записку — «общія замѣчанія о нерегулярномъ и худомъ сочиненіи, которое проектируется въ строеніяхъ, повсемѣстно производимыхъ въ С.-Петербургѣ».

Другая записка сопровождала самый проектъ города, по мысли Петра расположеннаго главнѣйше на Васильевскомъ острову, съ

захватомъ не всей Петербургской, а только прилежавшей части послѣдней.

Строитель хотѣлъ разбить широкія улицы, впадавшія въ площади, на которыхъ предполагались великолѣпныя публичныя зданія. Онъ хотѣлъ сдѣлать сухими жилые дома и для возвышенія почвы назначилъ всю вынутую при рытьѣ каналовъ землю. Каналы предположены были въ проектѣ въ такомъ количествѣ, что они превращали Петербургъ въ истую Венецію. Вода текла со всѣхъ сторонъ. Каждый участокъ города снабженъ на проектѣ церковью. Въ центрахъ соединенія каналовъ, разрѣзывавшихъ идеальный городъ на участки, помѣщенъ дворецъ государя, на особомъ островѣ, въ саду.

Однако, уподобляя Петербургъ Венеціи или Амстердаму, авторъ проекта забывалъ перенести къ устью Невы итальянское небо и солнце, или хотя поворотить сюда теплое теченіе Гольфштрема. А безъ этого утопать въ ледяныхъ водахъ каналовъ было не особенно пріятно для новаго города.

Въ каждой части города Леблонъ проектировалъ рынокъ. За городомъ—бойни. Кладбища въ проектѣ расположены внѣ города. По окраинѣ города идутъ обширные сады. На каждой площади—фонтанъ, снабжающій водою околотокъ. Въ каждой части города назначены и школы, съ плацами для «экзерцицій молодыхъ людей». Иностранному купечеству для житья назначены особыя мѣста, по національностямъ. Для оптовыхъ торговыхъ сдѣлокъ проектъ назначалъ биржу. Для житья ремесленниковъ, по роду ихъ ремеслъ, Леблонъ назначилъ для каждаго вида производства особыя улицы, у края города. За городомъ Леблонъ назначилъ и мѣсто казни, зная обычай оставлять трупы на висѣлицахъ и колесахъ на долгое время.

Конечно, этотъ грандіозный проектъ не могъ быть приведенъ въ осуществленіе прежде всего по недостатку средствъ. Кромѣ того, назначеніе геніальнаго Леблона генералъ-архитекторомъ взбѣсило другихъ, совершенно бездарныхъ строителей столицы. Они стали возбуждать противъ него Меншикова, который или просто пренебрегалъ указаніями Леблona или наговаривалъ на него царю. Какъ бы то ни было, и самовластіе Петра не могло побѣдить матеріальное «треніе», задерживавшее на всѣхъ путяхъ осуществленіе созданныхъ отъ разума плановъ. Двѣсти лѣтъ работы, однако, создало изъ первоначальнаго «городка»—колоссальный центръ правленія и культуры, хотя все же городъ какъ бы сталъ спиной къ морю, и морская жизнь нынѣ совсѣмъ мало въ немъ замѣтна. Чисто сухопутные люди живутъ здѣсь и работаютъ. Ни Венеціи, ни Амстердама изъ города не вышло.

XIII.

Первыя страницы исторіи Петербурга уже отмѣчены мрачной, въ старо-московскомъ духѣ Грознаго, повѣстью о несчастномъ царевичѣ Алексѣѣ. Затѣмъ, по кончинѣ Петра Великаго, начинается время нѣмецкаго владычества. Кровавыя и подлыя воспоминанія эпохи Бирона! Временное просвѣтлѣніе въ началѣ царствованія Екатерины Великой и ужасъ, гнетущій мракъ краткаго правленія Павла Петровича! Начало вѣка озаряетъ «дней Александровыхъ счастли-
вое начало», а затѣмъ эпоха Аракчеева и суровой системы Николая Павловича, разрѣшившейся Севастополемъ. За эти 125 лѣтъ по кончинѣ основателя столицы она разрослась, украшалась, но въ то же время антирусская закваска ея вызывала въ лучшихъ людяхъ Россіи скорбное чувство сперва недоумѣнія, а потомъ недовольства и прямо ненависти. Это чувство впервые выразилъ Пушкинъ въ «Мѣдномъ всадникѣ», заставивъ героя своего, у котораго Петербургъ пожиралъ все, что онъ любилъ, грозить кулакомъ фальконетову монументу:

Добро, строитель чудотворный!
Ужо тебя!..

Когда къ сороковымъ годамъ истекшаго столѣтія создалась доктрина славянофиловъ, по которой реформа Петра Великаго рассматривалась, какъ измѣна историческимъ основамъ Россіи, чадо преобразователя, сѣверный «парадизъ»—сталъ предметомъ ненависти этого направленія. Особенно характерно извѣстное стихотвореніе Михаила Дмитріева (1796—1866) «Подводный городъ»:

Море плачетъ. Брегъ песчаный
Одинокъ, печалень, дикъ.
Небо тускло. Сквозь туманы
Всходитъ блѣдень солнца ликъ.
Молча на воду спускаетъ
Лодку ветхую рыбакъ;
Мальчикъ сѣти разстилаетъ...

Мальчикъ спрашиваетъ у рыбака: «Отчего такъ стонетъ море?»
Рыбакъ объясняетъ:

Видишь шпиль? Какъ насъ въ погоду
Закачало съ годъ тому—
Помнишь ты, какъ нашу лодку
Привязали мы къ нему?
Тутъ былъ городъ всѣмъ привольный
И надъ всѣми господинъ:
Нынче шпиль отъ колокольни
Виденъ изъ моря одинъ.

Итакъ, любвеобильный, православный москвичъ и славянофиль Дмитріевъ взлелѣялъ въ сердцѣ своемъ мечту о томъ, что когданибудь Петербургъ, созданіе ненавистнаго Петра, провалится... Только шпиль отъ петропавловской церкви будетъ торчать изъ воды, напоминая о злочестивомъ городѣ. Какъ же, однако, это случилось? Очень просто: богатырь построилъ городъ, «забутилъ тош костями», но какъ ни спорилъ съ Господомъ Богомъ, Богъ перемудрилъ его:

...Подула буря съ моря—

и Петербургъ потонулъ. За что же такое несчастіе его постигло?

Все за то, что прочихъ братій
Братъ богатый позабылъ:
Ни молитвъ ихъ, ни проклятій
Онъ не слушалъ—ѣлъ и пилъ.

Мальчикъ со страхомъ слушалъ зловѣщій рассказъ рыбака и наконецъ спросилъ:

А какое жъ имя, дядя,
Было городу тому?

На что послѣдовалъ великолѣпный отвѣтъ:

Имя было, да чужое,
Позабитое давно.
Оттого, что не родное,—
И не памятно оно.

Вотъ какая печальная судьба! Даже имени не сохранилось, ничего,—только кончикъ шпика отъ колокольни.

Если стихотворецъ такъ просто раздѣлался съ Петербургомъ помощью «бури съ моря» и потопленія, то публицисты славянофильскаго направленія мечтали объ обратномъ перемѣщеніи столицы отъ Петербурга въ Москву. Еще въ шестидесятыхъ годахъ И. С. Аксаковъ проповѣдывалъ это, насколько позволяли цензурныя условія, въ «Днѣ». А Константинъ Аксаковъ подалъ императору Александру II-му, при восшествіи его на престолъ, записку соотвѣтственнаго содержанія: «О значеніи столицы».

Наконецъ, въ «Руси» отъ 10-го марта 1881 г. Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ писалъ:

«Да, въ Москву, въ Москву призываетъ теперь своего царя вся Россія. Пора домой! Пора покончить съ петербургскимъ періодомъ русской исторіи, со всѣми кровавыми преданіями переворотовъ, измѣнъ, крамоль XVIII и XIX вѣка! Пора наконецъ средоточію государственной власти перемѣститься съ крайней окраины государства въ историческое средоточіе Русской земли,—то средоточіе, которое создало самую власть, дало ей историческое бытіе, оправ-

даніе и освященіе... Да и до сихъ поръ не въ Москвѣ ли, не въ Кремлѣ ли вѣнчаются и помазуются на царство наши цари? Самъ Петръ Великій не отважился отмѣнить такой обычай»...

«Въ Москву, въ Москву!.. Эта мысль о возвратѣ томила и волновала сердца самыхъ дорогихъ, самыхъ близкихъ намъ, едва ли не самыхъ лучшихъ русскихъ людей, безвременно, въ тщетномъ ожиданіи сошедшихъ въ могилу».

«Но теперь, громче всякихъ словъ, возопили сами событія: домой! домой! Здѣсь только въ колыбели государства и своей власти почувствуетъ себя русскій царь вполнѣ у себя; здѣсь окружить его народъ твердымъ несокрушимымъ, какъ онъ самъ, оплотомъ, котораго не замѣнитъ никакая полиція въ свѣтѣ—круговою порукою всей земли!—такой народъ исполнитъ, которому нѣтъ равнаго въ мірѣ по любви, по самоотверженной преданности къ своимъ вождямъ, къ вѣнчаннымъ представителямъ его исполинства, его единства, его мѣста въ исторіи, его призванія и долга въ человѣчествѣ! Здѣсь только, въ Москвѣ, царь и народъ, мыслимые народомъ едино, стануть и воистину едино».

«Не можетъ перемѣщеніе центра въ организмѣ не нарушить правильного кровообращенія. Правильное кровообращеніе нашего государственнаго тѣла прекратилось съ перемѣщеніемъ центра тяжести правительственной власти на границу нашего пространнаго государства».

Здѣсь Аксаковымъ изложена славянофильская теорія «возврата». Основы ея: «перемѣщеніе» центра столицы нарушило «правильное кровообращеніе» Россіи. Въ Петербургѣ центръ правительственной власти въ разобщеніи съ народомъ и его интересами. Москва—средоточіе Русской земли. Здѣсь только царь и народъ стануть единомысленно едиными.

Нельзя, однако, не видѣть, подходя къ этой теоріи съ критическимъ анализомъ, что она весьма шатка. Перемѣщеніе центра правительственной власти съ сѣвера на югъ и обратно—явленіе давнее, ясно указывающее, что положеніе его въ физическомъ центрѣ страны или на ея окраинѣ не имѣетъ значенія, а лишь положеніе относительно древней артеріи Россіи, пути изъ варягъ въ греки. Петербургъ равно, какъ и Новгородъ, стоитъ въ началѣ этого пути, на сѣверной его оконечности. Кіевъ и Константинополь—крайнія южныя точки этого пути. Центральное же мѣсто занимаетъ на немъ скорѣе Смоленскъ, чѣмъ Москва. На крайней, сѣверной точкѣ въ Новгородѣ начинается Русь. Смоленскъ, который не даромъ укрѣплялъ Борисъ Годуновъ, а осаждалъ Сигизмундъ III-й, находился въ области кривичей, которые сѣли на верховьяхъ рѣкъ Волги, Днѣпра и Волги. Изъ этого положенія легко видѣть важное значеніе Смоленской области, находившейся между тремя главными частями Руси,—между областью Волги, Днѣпра и Двины, т.-е. между Великою, Малою и Бѣлою

Россіей. Держа ключи ко всѣмъ этимъ областямъ, смоленскіе князья держатъ Новгородъ въ зависимости отъ южной Руси, стерегутъ Днѣпровье отъ притязаній сѣверныхъ князей, принимаютъ самое дѣятельное участіе въ распряхъ послѣднихъ съ южными, являются главными дѣятелями въ исторіи Юго-Западной Руси, борются съ Волынью и Галичемъ за Кіевъ и во время этой борьбы крѣпко держатся связи съ сѣверомъ, съ Новгородомъ и Волынскою областью. Изъ положенія Смоленской области понятно, почему Смоленскъ служилъ постоянно поводомъ къ спору между сѣверо-восточною, или Московскою, и юго-западною, или Литовскою, Русью; почему ни московское ни литовское (польское) правительства не могли успокоиться, не имѣя въ своихъ рукахъ Смоленска. Древняя собственная Русь—княжество Кіевское, Переяславское, Черниговское, Смоленское, Волынское, Туровское—есть область Днѣпра, главной рѣки воднаго пути изъ варягъ въ греки; этому пути, слѣдственно Днѣпру, преимущественно Русь была обязана своимъ соединеніемъ съ сѣверо-западною и юго-восточною Европою; изъ первой явились князья, отъ второй получено христіанство; Днѣпру преимущественно Русь была обязана и своимъ матеріальнымъ благосостояніемъ: по этой рѣкѣ шли съ своими дружинами князья, которые сосредоточили прибрежныя славянскія племена, жившія разсѣянно; по Днѣпру же шелъ и торговый путь изъ нижнихъ странъ въ верхнія.

Если руководиться теоріей центра тяжести, то, пожалуй, съ меньшимъ правомъ можно было бы приглашать и въ Смоленскъ!..

Во всякомъ случаѣ Петръ вѣренъ исторической традиціи, ища на томъ же великомъ пути изъ варягъ въ греки выхода къ Черному морю. Въ Москвѣ онъ удаленъ отъ этого пути. Онъ ѣдетъ въ Воронежъ. Онъ спускается сначала къ Азову, потомъ уходитъ вверхъ, къ Невскому устью.

Замѣтимъ, что съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ вообще физическое положеніе столицы теряетъ свое старое значеніе. Съ желѣзными дорогами, телеграфами и телефонами она становится ко всему близка, гдѣ бы ни находилась.

Но Ив. С. Аксаковъ выставляетъ далѣе нравственныя основанія, по которымъ должно совершить «возвратъ» въ Москву изъ сѣвернаго «парадиза» Петра Великаго.

«Петербургъ,—говоритъ онъ,—есть отецъ, верховный жрецъ и слуга бюрократизма, т.-е. формальнаго, безжизненнаго, отвлеченнаго бумажно-чиновничьяго, механическаго управленія русскимъ народомъ».

Но управленіе не механическій только снарядъ, а дѣло живое, отправленіе самой жизни политическаго организма. Въ противномъ случаѣ оно только мертвитъ, хотя и не въ силахъ убить самое начало жизни; оно искажаетъ, оно кривитъ, и внѣ и внутри, образъ и духъ управляемаго государства.

Петербургъ—творецъ и пѣстунъ казенщины, онъ же породилъ и другое зло, колоссальное, представляющееся у насъ на степени истинно историческаго явленія—это пошлость.

Пошло все, что не искренно, условно, легковѣсно, скользить поверхъ жизни; что не имѣетъ корней въ глубинахъ личнаго духа, ходить, какъ общее мѣсто, бессмысленно повторяемое словомъ или дѣломъ...

Что можетъ быть пошлѣе безличнаго человѣка? Что, кромѣ пошлости, можетъ дать въ своемъ высшемъ развитіи обезличенная народность?

На пошлость, только на пошлость осуждено все, что отрицается отъ народности!..

Потребовался гениальный художникъ для того, чтобы просвѣтить наше сознаніе, и выставить намъ ярко и выпукло нашу пошлость. Гоголь, однако же, совершилъ для насъ это благодѣяніе только относительно первой формы пошлости, болѣе грубой...

Она составляетъ почти неотъемлемую принадлежность нашей «цивилизаци», хотя, конечно, чужда истинному просвѣщенію. Она чужда и всякой правдѣ жизни; ея не знала наша допетровская старина; ея и слѣда нѣтъ и въ современномъ нашемъ простомъ народѣ: немало въ нихъ было и есть зла, тьмы, всякихъ пороковъ, но не пошлости! Въ нашемъ же обществѣ она является поистинѣ могучею пагубною силой, плодя цѣлый міръ обмана, призраковъ, тѣней, подобій.

Конечно, оговаривается И. С. Аксаковъ, и въ Петербургѣ найдется довольно истинно просвѣщенныхъ, истинно-русски мыслящихъ, вѣрующихъ, чувствующихъ людей, но они въ Петербургѣ, какъ на чужбинѣ. Конечно, не въ одномъ Петербургѣ, но и въ Москвѣ и другихъ городахъ имѣются литературные и иные органы такой же нашей исторической пошлости, но, хотя бы и въ Москвѣ, они не отъ Москвы, не ея, а петербургскаго духа. Того же петербургскаго, а не русскаго, земскаго духа и многія наши «земства». Но резиденція, истокъ этой роковой исторической пошлости—все-таки Петербургъ, символъ и знамя отчужденія отъ народа.

Только на высотѣ престола, только въ лицѣ царя, только благодаря личной нравственной отвѣтственности царя предъ исторіей и своей землею, благодаря органической, таинственной между собою связи царя съ народомъ, еще находило себѣ иногда, подъ наитіемъ духа исторіи, въ великія рѣшительныя мгновенія нашего бытія,—выраженіе, убѣжище и защиту русское народное чувство, русская мысль.

Но трудно въ ежедневности уклоняться отъ воздѣйствія окружающей умственной среды, особенно же въ Петербургѣ, гдѣ нѣтъ, какъ въ Москвѣ, нѣмыхъ, но вѣщихъ памятниковъ допетровской

старинны, гдѣ не приходится непремѣнно считаться (чего въ Москвѣ нельзя миновать), хоть бы только съ церковною и народною бытовою стихіей. Трудно лучу истиннаго свѣта и правдивому народному голосу пробиться сквозь этотъ заслонъ, эту толщу лжи, фальши, извращеній всяческаго рода, которая заститъ свѣтъ и глушитъ слово правды.

Петербургъ—символь и знамя отчужденія отъ народа!

Вотъ основа воззрѣній славянофиловъ на «парадизъ» Петра Великаго.

Безъ всякаго сомнѣнія, въ этихъ пламенныхъ словахъ московскаго трибуна много правды. Пошлость, безличность, казенщина, отчужденіе отъ народа, бюрократическая отрѣшенность и забвеніе историческихъ церковно-государственныхъ традицій—все это, безъ всякаго сомнѣнія, основные пороки Петербурга. Однако связаны ли они съ мѣстомъ? Можно сомнѣваться. «Возвратъ» — перенесеніе столицы изъ Петербурга въ Москву не было ли бы перенесеніемъ Петербурга въ Москву, самой его сущности и духа его? И спасли ли бы при этомъ «нѣмые, но вѣщце памятники допетровской старины», находящіяся въ Москвѣ? Сильно сомнѣваемся. Мертвымъ, хотя и допетровскимъ камнямъ не побѣдить живой, хотя и послѣпетровскій духъ новой столицы.

«Петербургскій духъ», по опредѣленію И. С. Аксакова, есть «казенщина», формализмъ, бездушное бюрократическое начало. Но живая, огненная натура Петра всего менѣе могла уживаться съ такимъ мертвящимъ духомъ, который скорѣе былъ именно свойствомъ старой Москвы. Во всякомъ случаѣ, это—духъ эпохъ застоя и регресса, который странно привязывать къ какому либо мѣсту.

По мѣрѣ того, какъ реформы Петра стали проникать отвнѣ внутрь, въ самое сознаніе русскихъ людей, перелаживался постепенно весь складъ понятій русскаго общества, совершалось перерожденіе духовное, русскія основы жизни забывались. Знакомство съ западною исторією (при полномъ неразумѣніи своей), съ западными науками, особенно политическими, наполнило русскіе, совершенно уже опорожненные отъ всякой народной стихіи умы — новыми, чуждыми политическими идеалами. Такъ объясняли послѣпетровскій процессъ русской жизни славянофилы. Пусть такъ, но опять: неужели это связано именно съ тѣмъ мѣстомъ, на которомъ стоитъ Петербургъ, и исчезло бы съ его потопленіемъ или съ перенесеніемъ столицы обратно въ Москву?

Жизнь и практика,—говорили славянофилы,—это, по отношенію къ Петербургу, два понятія совсѣмъ разныя. Петербургская практика относится къ жизни (т.-е. къ русской жизни) съ великимъ высокомѣріемъ и даже презрѣніемъ, и хотя именно эта жизнь и состоитъ ея страдательнымъ и пассивнымъ объектомъ,—петербургская практика все-таки сама по себѣ, а русская жизнь съ ея

реальными явлениями и скрытыми въ нихъ движущими началами и идеалами тоже сама по себѣ, несмотря даже на то, что такъ плотно замкнута въ благонамѣренные тиски петербургской неугомонной практики.

Верхніе руководящіе классы общества и сами властныя сферы настолько оторвались отъ народной жизни и народности, что не испытываютъ на себѣ ихъ непосредственнаго творческаго воздѣйствія, а напротивъ того подчинились долговременному и могущественному воздѣйствію началъ чуждой жизни и даже чуждаго государственнаго строя. При этомъ, конечно, о самостоятельномъ творествѣ этихъ послѣднихъ началъ на русской почвѣ не можетъ быть и помину, такъ какъ нельзя же творить чужимъ духомъ; да и всякое творчество вообще требуетъ цѣльности духа и жизни.

Взамѣнъ этой столь необходимой для творчества цѣльности духа и жизни возникъ въ русской сверхнародной средѣ, вскорѣ послѣ реформъ Петра, процессъ внутренняго болѣзненнаго раздвоенія, который и достигъ своего апогея въ XIX вѣкѣ, — не завершился еще и теперь. Все свое стало вопросомъ.

Конечно, на это можно отвѣтить: да худо ли въ самомъ дѣлѣ, что все свое стало вопросомъ? Благодаря этому, не началась ли и критическая работа мысли, результатомъ которой неминуемо должно явиться наконецъ самосознаніе!?

И во всякомъ случаѣ этотъ процессъ, очевидно роковой и неизбежный, съ такой глубиной изображенный славянофилами, несомнѣнно, не связанъ съ устьемъ Невы, не прекратится на Москвѣ-рѣкѣ. А, переживая этотъ процессъ, Петербургъ успѣлъ незамѣтно отжить ровно двѣсти лѣтъ и накопить кое-какой старины, кое-какихъ традицій, съ которыми, какъ ни какъ, приходится считаться.

XIV.

Діаметрально противоположный славянофиламъ взглядъ на Петербургъ высказывали наши западники. Особенно ярко выразилъ его Бѣлинскій въ параллели «Петербургъ и Москва».

Въ этой статьѣ Бѣлинскій выражаетъ собственныя впечатлѣнія контраста, которыя онъ испыталъ, переселившись изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ быстро отрезвѣлъ отъ гегельянскаго идеализма и «предалъ осужденію всѣ преданія и пустыя формы, и провозгласилъ разумъ и отрицаніе». Гегель теперь «идетъ на смарку». Бѣлинскій уже не вѣритъ больше, что въ Пруссіи «совершеннѣйшее государство». Совсѣмъ нѣтъ! Лучшее государство Сѣверо-Американскіе Штаты, а потомъ Англія и Франція. Недавно еще ненавистная ему Жоржъ-Зандъ теперь — «вдохновенная прочица, энергическій адвокатъ правъ женщины».

«Увы, другъ мой,—пишетъ онъ Боткину,—я теперь забился въ одну идею, которая поглотила и пожрала меня всего. Ты знаешь, что мнѣ не суждено попадать въ центръ истины, откуда въ равномъ разстояніи видны всѣ крайнія точки ея круга: нѣтъ, я какъ-то всегда очучусь на самомъ краю. Такъ и теперь: я весь въ идеѣ гражданской доблести, весь въ паосѣ правды и чести, и мимо ихъ мало замѣчаю... Во мнѣ развилась какая-то фанатическая любовь къ свободѣ и независимости человѣческой личности, которая возможна только при обществѣ, основанномъ на правдѣ и доблести».

Понятно, что теперь личность Петра Великаго, насадителя у насъ идеи гражданина, труженика ради общественной пользы, должна была восхищать Бѣлинскаго.

По мнѣнію Бѣлинскаго, какъ всѣ великіе люди, Петръ явился въ пору для Россіи, но во многомъ не походилъ онъ на другихъ великихъ людей. Его доблести, гигантскій ростъ и гордая, величавая наружность съ огромнымъ творческимъ умомъ и исполинской волей, все это такъ походило на страну, въ которой онъ родился, на народъ, который возродить онъ былъ призванъ.

Невѣжды и фанатики обвиняли Петра въ презрѣніи къ родной странѣ, но они обманывались. Петръ страстно любилъ эту Русь, которой самъ онъ былъ представителемъ по праву высшаго, отъ Бога истекшаго избранія. Но въ Россіи онъ видѣлъ двѣ страны: ту, которую онъ засталъ, и ту, которую онъ долженъ былъ создать.

Ученикъ Европы, онъ остался русскимъ въ душѣ, вопреки мнѣнію слабоумныхъ, которыхъ много и теперь, будто бы европеизмъ изъ русскаго человѣка долженъ сдѣлать нерусскаго человѣка, и будто бы слѣдовательно все русское можетъ поддерживаться только дикими и невѣжественными формами азіатскаго быта. Москва, столица Московскаго царства, Москва, уже по самому своему положенію въ центрѣ Руси, не могла соответствовать видамъ Петра на всеобщую и коренную реформу. Ему нужна была столица на берегу моря. Таковъ основной взглядъ Бѣлинскаго, строго западнической.

Съ одной стороны—«европеизмъ» и Петръ Великій, свобода и независимость человѣческой личности и Петербургъ.

Съ другой стороны—«дикія и невѣжественныя формы азіатскаго быта», невѣжды, фанатики и слабоумные. Такова антитеза. Однако Бѣлинскій сохраняетъ нѣжное чувство къ Москвѣ, и чувствуется, что Петербургъ все же мозжитъ и леденить его. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, воплощалась въ николаевскомъ Петербургѣ «свобода и независимость человѣческой личности»? и все же, съ надрывомъ, восторженно, въ экстазѣ благороднаго фанатизма, какъ бы бичуетъ себя Петербургомъ Бѣлинскій, находя въ немъ лѣкарство отъ русской халатности и лѣни.

«Казалось, — говоритъ онъ, — сама судьба, вопреки всѣмъ расчетамъ вѣроятностей, захотѣла забросить столицу Россійской имперіи въ этотъ непріязненный и враждебный человѣку природой и климатомъ край, гдѣ небо блѣдно-зелено, тощая травка мѣшается съ ползучимъ верескомъ, сухимъ мохомъ, болотными порослями и сѣрыми кочками; гдѣ царствуетъ колючая сосна и печальная ель, и не всегда нарушаетъ ихъ томительное однообразіе чахлая береза — это растеніе сѣвера; гдѣ болотистыя испаренія и разлитая въ воздухѣ сырость проникаютъ и каменные дома, и кости человѣка; гдѣ нѣтъ ни весны, ни лѣта, ни зимы, но круглый годъ свирѣпствуетъ гнилая и мокрая осень, которая пародируетъ то весну, то лѣто, то зиму, и казалось, судьба хотѣла, чтобы спавшій дотолѣ непробуднымъ сномъ русскій человѣкъ кровавымъ потомъ и отчаянной борьбой выработалъ свое будущее, ибо прочны только тяжкимъ трудомъ одержанныя побѣды, только страданіями и кровью стяжанныя завоеванія! Можетъ быть, въ болѣе благоприятномъ климатѣ, среди менѣе враждебной природы, при отсутствіи неодолимыхъ препятствій, русскій человѣкъ скоро возгордился бы своими легкими успѣхами, и его энергія снова заснула бы, не успѣвъ даже и проснуться вполне».

Итакъ, это болото, туманы, сырость, отсутствіе солнца, ледовитое дыханіе близкаго сѣвера — все это даровано питерскому обывателю потому, что «судьба хотѣла», чтобы онъ «выработалъ будущее тяжкимъ трудомъ», чтобы онъ не «возгордился!» По странной случайности, объясненіе чисто русское, старо-завѣтно московское у западника Бѣлинскаго! Петербургъ посланъ на Россію, какъ испытаніе его терпѣнія и смиренія...

Не одинъ мертвящій климатъ Петербурга гробовой плитой ложился на разбитую, чахоточную грудь Бѣлинскаго. «Трезвенность» сѣверной столицы дорого обошлась великому романтику и пламенному идеалисту.

«Петербургъ — пробный камень человѣка!» — восклицаетъ Бѣлинскій. «Петербургъ имѣетъ на нѣкоторыя натуры отрезвляющее свойство: сначала кажется вамъ, что отъ его атмосферы, словно листья съ дерева, спадаютъ съ васъ самыя дорогія убѣжденія; но скоро замѣчаете вы, что то не убѣжденія, а мечты, порожденныя праздною жизнью и рѣшительнымъ незнаніемъ дѣйствительности, — и вы остаетесь, можетъ быть, съ тяжелой грустью, но въ этой грусти такъ много святого, человѣческаго... Что мечты! Самыя обольстительныя изъ нихъ не стоятъ въ глазахъ дѣльнаго (въ разумномъ значеніи этого слова) человѣка самой горькой истины, потому что счастье глупца есть ложь, тогда какъ страданіе дѣльнаго человѣка есть истина, и притомъ плодотворная въ будущемъ».

Этотъ образъ — дерева, съ котораго осыпалась вся листва въ чадной и туманной атмосферѣ Петербурга, и образъ человѣка, потерявшего

здѣсь всё самая святая, самая завѣтная мечта и вмѣсто нихъ получившаго «горькую» истину, сливаются въ одномъ гармоническомъ представленіи и составляютъ жестокою правду о Петербургѣ съ его бездушнымъ формализмомъ. Однако, для Бѣлинскаго вопросъ о значеніи Петербурга является первымъ, насущной важности вопросомъ. Во что бы то ни стало, онъ долженъ доказать необыкновенно благодѣтельное значеніе сѣверной столицы для остальной необъятной Россіи, въ противномъ случаѣ вся его новая философія разрушится.

«Чтонибудь одно: или реформа Петра Великаго была только великой исторической ошибкой, или Петербургъ имѣетъ необъятно-великое значеніе для Россіи. Чтонибудь одно: или новое образованіе Россіи, какъ ложное и призрачное, скоро исчезнетъ совсѣмъ, не оставивъ по себѣ и слѣда, или Россія навсегда и безвозвратно оторвана отъ своего прошедшаго. Въ первомъ случаѣ, разумѣется, Петербургъ — случайное и эфемерное порожденіе эпохи, принявшей ошибочное направленіе, — грибокъ, который въ одну ночь выросъ и въ одинъ день высохъ; во второмъ случаѣ Петербургъ есть необходимое и вѣковѣчное явленіе, величественный и крѣпкій дубъ, который сосредоточить въ себѣ всё жизненные соки Россіи».

О Петербургѣ привыкли думать, какъ о городѣ, построенномъ даже не на болотѣ, а чуть ли не на воздухѣ. Многие, не шутя, увѣряютъ, что это городъ безъ исторической святости, безъ преданій, безъ связи съ родной страной, — городъ, построенный на сваяхъ и на расчетѣ.

Отвергать историческую важность Петербурга не значить ли не умѣть цѣнить Петра для русской исторіи?

Говоря объ исторической святинѣ, спрашиваютъ: гдѣ у Петербурга эти памятники, надъ которыми пролетѣли вѣка, не разрушивъ ихъ? Да, милостивые государи, такихъ памятниковъ въ Петербургѣ нѣтъ. Но зато онъ самъ есть великій историческій памятникъ. Всюду видите вы въ немъ живые слѣды его строителя. Маленькія строенія, какъ, напримѣръ, домикъ на Петербургской сторонѣ, дворецъ въ Лѣтнемъ саду, дворецъ въ Петергофѣ, стоятъ не одного, а многихъ кремлей.

Петербургъ построенъ на расчетѣ — правда. Но чѣмъ же расчесть ниже слѣпому случаю? Мудрые вѣка говорятъ, что желѣзный гвоздь, сдѣланный грубой рукой деревенскаго кузнеца, выше всякаго цвѣтка, съ такой красотой рожденнаго природой, — выше его въ томъ отношеніи, что онъ — произведеніе сознательнаго духа, а цвѣтокъ есть произведеніе непосредственной силы.

Мы видимъ, что при всемъ паоосѣ Бѣлинскаго, въ глубинѣ души онъ еще терзается загадкой Петербурга. Конечно, трудность опредѣлить значеніе «Петра творенья» лежитъ въ самой исходной

точкѣ разсужденій Бѣлинскаго. «Россія навсегда и безвозвратно оторвана отъ своего прошедшаго, и Петербургъ есть представитель новаго образованія». Понятно, что съ трудомъ можно ради прелестей этого «новаго образованія», которое, по великолѣпному сравненію самого же Бѣлинскаго, обращаетъ человѣка въ дерево, лишенное листы, голое и сырое,—пожертвовать всеѣмъ историческимъ прошлымъ Россіи, каково бы это прошлое ни было.

Но дѣло въ томъ, что, какъ мы достаточно выяснили въ началѣ нашей статьи, Петербургъ никогда и не былъ лишеннымъ прошлаго. Онъ стоитъ на мѣстѣ владычества Великаго Новгорода, если не въ самомъ Новгородѣ, то въ Водской пятинѣ его. И онъ—наслѣдникъ великихъ началъ древняго вѣчевого города, началъ, подавленныхъ выскочкою - Москвою, предъ нимъ, городомъ молодымъ. На это и не обратили вниманія ни славянофилы, ни западники.

Преобразование Петра Великаго, дѣйствительно, развило въ русскихъ людяхъ одно прямо таки губельное свойство: неуваженіе къ старинѣ, небрежливое къ ней отношеніе. Это положило начало безличности и пошлости, которыми пропиталась офиціальная Россія прежде всего, а за ней привилегированные классы общества. Въ Петербургѣ съ особой яркостью выразились эти черты беспочвеннаго космополитизма и измѣны историческому призванію и національной идеѣ, которая одна способна все оживлять, всему давать смыслъ и ставить ясную цѣль.

Въ доказательство этого Ив. С. Аксаковъ приводитъ Александра I-го, чисто петербургскій образъ монарха, мучимаго кореннымъ раздвоеніемъ, внесеннымъ въ русскую жизнь петровскимъ преобразованиемъ.

Вѣнценосный ученикъ женевского республиканца, повитый еще въ колыбели идеями французской философіи XVIII вѣка, гуманистъ, европеецъ душою и сердцемъ, возвѣщающій себя офиціально счастливымъ: «быть начальникомъ столь достойной націи»,—этотъ Гамлетъ-самодержецъ, вѣчно мучимый внутреннимъ раздвоеніемъ, то безвѣріемъ, то вѣрою въ свое званіе и право; вѣчно колеблемый противорѣчивыми, то либеральными, то деспотическими влеченіями, другъ Адама Чарторыйскаго, которому ввѣряетъ свои либеральныя мечты и вождедѣнія, а равно и вѣдѣнія иностранной политики Россіи, и другъ Аракчеева, другъ Сперанскаго, которому поручаетъ сочинять конституцію (и котораго вслѣдъ затѣмъ и ссылаетъ), и другъ грубаго, невѣжественнаго изувѣра Фотія; государь, царствованіе котораго ознаменовалось величайшими подвигами патріотизма и космополитизма, пожаромъ Москвы и Вѣнскимъ конгрессомъ, возстановленіемъ Польши и сопротивленіемъ свободѣ грековъ, ознаменовалось, наконецъ, дарованіемъ конституцій двумъ присоединеннымъ къ Россіи странамъ и увѣнчалось,

какъ бы уже посмертнымъ вѣнцомъ, петербургскимъ бунтомъ 14-го декабря. Это ли не живое воплощеніе того внутренняго разлада понятій и чувствъ, которымъ одержимъ былъ властный и руководящій элементъ русской государственной жизни?

Реакція, въ лицѣ императора Николая, захотѣла вступить на почву «національную», чая именно здѣсь найти примиреніе разладу. Система имѣла притязаніе на «народность» и «народностью» себя оправдывала. Ею долженъ былъ прикрашиваться фасадъ государственнаго зданія, съ нѣмецкаго образца снятый.

О болѣе глубоко́мъ раскрытіи этого понятія, о томъ, что подъ народностью разумѣется все содержаніе народнаго духа, какъ выразившееся внѣшнимъ образомъ въ исторіи, быту и жизни народа, такъ и опознаваемое въ его художественномъ творчествѣ, въ его вѣрованіяхъ, чаяніяхъ и стремленіяхъ; о томъ, что это содержаніе народнаго духа имѣетъ полное право на свободное развитіе и на господствующее положеніе въ томъ государствѣ, которое этимъ духомъ созиждено и имъ только и держится, — обо всемъ этомъ, конечно, никто изъ официальныхъ и офиціозныхъ ревнителей народности въ ту пору даже и толковать не осмѣливался; тѣ же, которые осмѣливались, которые предприняли великій и трудный подвигъ народнаго самосознанія, — подвергались гоненію, лишались слова. Петербургская государственная практика, даже безсознательно, инстинктивно, пугалась подлинной русской народности какъ элемента, ей совершенно несроднаго, а потому съ нею и несомвѣстимаго.

Раздвоенный, противорѣчивый городъ! Городъ—Гамлетъ между другими русскими городами... Вотъ Петербургъ!

Однако, если посмотрѣть на него съ чисто художественной точки зрѣнія, то онъ глубоко интересенъ. Это—трагическая фигура между другими русскими городами съ ихъ простодушной, идилической внѣшностью или съ сѣдой величавой стариной. Петербургъ—комочъ больныхъ нервовъ. Такимъ онъ изображенъ въ романахъ Достоевскаго. Но рядомъ въ Петербургѣ, въ мелкомъ быту его, есть и много простодушнаго. И здѣсь живутъ да хлѣбъ жуютъ тѣ же всеприспособленные, терпимые русскіе люди! Эта мелкая сторона Петербурга великолѣпно изображена въ извѣстной параллели Герцена, во многомъ до сего дня справедливой:

«Петербургъ весь шевелится, отъ погребовъ до чердака; съ полночи начинается печь французскіе хлѣбы, которые назавтра всѣ съѣстъ разноплеменный народъ, и во всю ночь то одинъ глазъ его свѣтится, то другой; Москва ночью вся спитъ и на другой день, перекрестившись и поклонившись на всѣ четыре стороны, выѣзжаетъ съ калачами на рынокъ. Москва женскаго рода, Петербургъ мужского. Въ Москвѣ все невѣсты, въ Петербургѣ все женихи. Петербургъ наблюдаетъ большое приличіе въ своей оде-

ждѣ, не любить пестрыхъ цвѣтовъ и никакихъ рѣзкихъ и дерзкихъ отступлений отъ моды; зато Москва требуетъ, если ужъ пошло на моду, чтобъ во всей формѣ была мода: если талія длинна, то она пускаетъ ее еще длиннѣе; если отвороты фрака велики, то у нея, какъ сарайныя двери».

«Петербургъ — аккуратный человѣкъ, совершенный нѣмецъ, на все глядитъ съ расчетомъ; и прежде, нежели задумаетъ дать вечеринку, посмотритъ въ карманъ; Москва—русскій дворянинъ, и если ужъ веселится, то веселится до-упаду и не заботится о томъ, что уже хватаетъ больше того, сколько находится въ карманѣ; она не любитъ середины. Москва всегда ѣдетъ, завернувшись въ медвѣжью шубу и большей частью на обѣдъ; Петербургъ въ байковомъ сюртукѣ, заложивъ обѣ руки въ карманъ, летитъ во всю прыть на биржу или въ «должность». Москва гуляетъ до четырехъ часовъ ночи и на другой день не поднимается съ постели раньше второго часа; Петербургъ тоже гуляетъ до четырехъ часовъ, но на другой день, какъ ни въ чемъ не бывало, въ девять часовъ спѣшитъ въ своемъ байковомъ сюртукѣ въ присутствіе».

«Въ Москву тащится Русь съ деньгами въ карманѣ и возвращается налегкѣ; въ Петербургъ ѣдутъ люди безденежные и разѣзжаются во всѣ стороны свѣта съ изрядными капиталами. Въ Москву тащится Русь въ зимнихъ кибиткахъ, по зимнимъ ухабамъ сбывать и покупать; въ Петербургъ идетъ русскій народъ пѣшкомъ лѣтней порой строить и работать. Москва—кладовая; она наваливаетъ тюки да вьюки, на мелкаго продавца и смотрѣть не хочетъ; Петербургъ весь расточился по кусочкамъ, раздѣлился, разложился на лавочки и магазины и ловитъ мелкихъ покупателей. Москва говоритъ: «коли нужно покупщику — същеть»; Петербургъ суетъ вывѣску подъ самый носъ, подкапывается подъ вашъ полъ съ «ренскимъ погребомъ» и ставитъ извозчицью биржу въ самыя двери вашего дома. Москва не глядитъ на своихъ жителей, а шлетъ товары во всю Русь; Петербургъ продаетъ галстуки и перчатки своимъ чиновникамъ. Москва большой гостинный дворъ; Петербургъ свѣтлый магазинъ. Москва нужна Россіи; для Петербурга нужна Россія. Въ Москвѣ рѣдко встрѣишь гербовую пуговицу на фракѣ; въ Петербургѣ нѣтъ фраковъ безъ гербовыхъ пуговицъ».

XV.

Помимо неврастеній, переутомленій, болѣзни, отъ которой совѣтуютъ лѣчиться черносливомъ, главная и застарѣлая болѣзнь петербуржца — это самъ Петербургъ.

Онъ его ненавидитъ. Онъ безъ него жить не можетъ. Согласитесь, что жить такъ, какъ живемъ мы, петербуржцы, противо-

естественно. Ни неба, ни земли, ни воды, ни воздуха. Въмѣсто неба сходящая туманной мглой сѣрая слезливая каша. Въмѣсто земли— насыщенное миазмами болото. Въмѣсто воды— настойка изъ бактерій. Въмѣсто воздуха—отработавшіе газы изъ легкихъ и изъ трубъ, изъ машинъ и изъ жилищъ. Поднятый на четвертый, пятый этажъ, замураванный въ каменную клѣтку, человѣкъ не можетъ сохранить нормальное настроеніе.

Но вотъ что невольно приходитъ въ голову: можетъ быть, для того и существуетъ Петербургъ, чтобы приводить людей въ ненормальное настроеніе. Эта ненормальность въ государственной жизни плюсъ, а не минусъ. Въдѣ Петербургъ на всю Россію готовить повышенную сознательность и чувствительность, а, не разстроивъ себѣ нервовъ, едва ли возможно усиленно сознать и чувствовать.

Человѣкъ нормальный, здоровый ощущаетъ лишь то, что полагается ощущать при физиологій, на его нервныя колбочки дѣйствуютъ лишь тѣ силы природы, которыя перечислены въ курсахъ физики. Но міръ безконечно сложнѣе, чѣмъ улавливаетъ здоровыми нервами человѣкъ. Изъ хора стихійныхъ силъ лишь немногіе голоса до него доходятъ. Все, что слишкомъ громко или чрезмѣрно тихо говоритъ жизнь, для него не существуетъ. Онъ заключился въ точныхъ предѣлахъ и не выходитъ изъ нихъ.

Но разстроилъ себѣ нервы человѣкъ, и міръ вокругъ него преобразается. Его уши наполняетъ «шумъ и звонъ», онъ начинаетъ ощущать такое, чему не можетъ подобрать имени. Скажутъ, онъ боленъ, онъ галлюцинируетъ. Почему? Міръ — наше представленіе. Измѣните условія воспріятія, и вы увидите «новы небеса и нову землю».

Что Петербургъ въ корни измѣняетъ нервную воспрімчивость, что условія познания міра въ Петербургѣ совсѣмъ иныя, чѣмъ гдѣ либо въ Чухломѣ или Царевококшайскѣ, едва ли стануть спорить. Петербургскіе нервы больше ощущаютъ, чѣмъ нервы деревенскіе. Жизнь открываетъ свои тайны въ Петербургѣ.

Но мало того, что петербургская нервная ненормальность дѣлаетъ обширнѣе и глубже воспрімчивость, здѣсь и воспринимать приходится въ тысячу разъ больше. Петербургъ — центръ, куда сходятся всѣ нервныя токи народнаго организма, и бьютъ и хлещутъ эти токи по нервамъ петербуржца...

Поэтому все, зачавшееся въ отдаленнѣйшихъ уголкахъ Россіи, здѣсь отливается въ опредѣленное настроеніе, которое заставляетъ затѣмъ охваченнаго имъ петербуржца искать формы для его выраженія. Разъ настроеніе оформилось, оно возвращается назадъ уже осмысленное, угармонированное и является дѣятельнымъ импульсомъ для провинціи.

Изучать настроенія Петербурга значитъ изучать Россію.

Слова наши звучать парадоксомъ, но мы правы. Изъ Петербурга больше увидишь Россію, чѣмъ изъ самой Россіи. Представьте, что вы «животный духъ» старой натуръ-философіи, путешествующій по нервнымъ клѣткамъ живого организма. Что вы увидите, сидя въ какомъ нибудь отдаленномъ нервномъ центрѣ, что почувствуете? Чисто мѣстное ощущение или недомоганіе. Но проникните въ полушарія головного мозга, и предъ вами развернется безконечный во всѣ стороны міръ съ красками, звуками, ароматами...

Петербургъ—городъ настроеній, городъ нервныхъ токовъ и идейной борьбы.

Внѣшняя жизнь Петербурга чужда всякаго своеобразія, плоска, банальна, сѣра, блѣдна. Это не Москва, гдѣ улицы, дома, толпа, типы сословій, нравы—все характерно, оригинально, какъ проявленіе земской эпической жизни. Въ Петербургѣ эпоса не найдешь. Это новый, даже плохо еще обжитой городъ. Официальные памятники и фасады казенныхъ зданій—вотъ эпосъ Петербурга. Все подведено подъ одинъ шаблонъ, всюду лишь «однообразная красивость». Но есть въ этомъ городѣ огромная жизнь. Есть лирика Петербурга...

Петербургъ кипитъ, клокочетъ, живетъ «всѣмъ біеніемъ нервовъ, всѣмъ огнемъ страстей»: неустанно съ ранняго утра до глубокой ночи съ грохотомъ сыплются на мостовую экипажи, а толпа, покорная особой стремящей силѣ, присущей этимъ улицамъ - коридорамъ, бѣжитъ, обгоняя своими думами и желаніями самое себя. Петербуржецъ не просто идетъ, куда ему надо: онъ гонится. И въ этой погонѣ есть особое самоуглубленіе. Это гипнотикъ, погруженный въ себя, въ свою химеру, въ свое одиночество. Понаблюдайте за петербуржцемъ во всѣ часы дня, и вы убѣдитесь, что это совершенно больной человѣкъ. Но тѣ навязчивыя идеи, которыя постоянно его мучатъ, съ особой силой пристають къ нему на улицѣ.

Вотъ онъ утромъ поднялся съ постели. Въ стекла напираетъ туманъ, и жидкій, болѣзненный свѣтъ еле просачивается сквозь его грязновато-желтую толщу. Въ комнатахъ мрачно, сыро, неуютно. Самъ онъ разбитъ, изломанъ, ноги сводитъ неврастеническая судорга, подъ черепомъ однообразная возня кошмарныхъ полумыслей, которыя не давали покоя всю ночь. Худой, желтый, злой, одѣвается онъ и, наскоро выпивъ стаканъ кофе, захвативъ подъ мышку портфель, спускается по безконечной лѣстницѣ, украшенной полузасохшими, расщепленными и пыльными зонтиками чохоточныхъ пальмъ, мимо зловонной каморки швейцара, который ему открываетъ дверь, такой же зеленый, больной, анемичный, отекающій...

Ему приходится миновать звонкій колодезь двора, такъ какъ не по его средствамъ квартиры, облицовывающія фасадъ мрачной пяти-этажной громады. Это—отвратительнѣйшая минута въ его днѣ.

Дворъ такъ малъ, стѣны, замыкающія его, такъ высоки, столько оконъ смотритъ внизъ, такъ гулко отдаются шаги, такой неизъяснимой тоской вѣетъ отъ этой трущобы, что бѣдный неврастеникъ почти бѣгомъ спѣшитъ миновать его и вынырнуть изъ-подъ свода длинной подворотни на вольный свѣтъ.

Петербургецъ вышелъ на улицу. Слава Богу! Солнце къ этому времени успѣло пробиться сквозь туманъ и сверкнуло на стеклахъ, на золотыхъ буквахъ вывѣсокъ и сѣрыхъ камняхъ мостовой. Онъ пріосанивается, выступаетъ солидно и щеголевато. Онъ старается забрать въ грудной ящикъ побольше воздуха, въ которомъ ему чудится свѣжее дыханіе близкаго моря. Блескъ булыжниковъ вызываетъ въ его умѣ воспоминаніе о каменистомъ прибрежьи, на которомъ онъ любилъ по цѣлымъ часамъ просиживать минувшимъ лѣтомъ, глядящаясь въ поднимающуюся къ горизонту водную гладь. Приливъ бодрости, однако, не долговъ.

Вотъ онъ поворотилъ въ болѣе людную улицу, и лихорадка гипнотическаго стремленія мгновенно охватила его. Взглядъ его остановился. Рѣзко обозначилась поперечная складка на лбу. Онъ начинаетъ горбиться и все ниже опускаетъ голову. Онъ идетъ все быстрѣе и быстрѣе, не замѣчая опостылѣвшихъ улицъ, инстинктивно поворачивая, куда надо. Рядомъ съ нимъ и навстрѣчу, сталкиваясь и обгоняя, бѣгутъ такія же сгорбленные, самоуглубленные фигуры. Иныя что-то бормочатъ и дѣлаютъ жесты руками.

Но другъ друга они не замѣчаютъ. Каждый такъ себя чувствуетъ, словно онъ одинъ живой среди лѣса сорвавшихся съ корня и двигающихся деревьевъ: ощущеніе, свойственное вообще большимъ городамъ, и о которомъ говорятъ два философа—Декартъ и Ренанъ. Ренанъ говоритъ о немъ съ ужасомъ, а Декартъ искалъ его, нарочно проживая въ шумныхъ городахъ Нидерландовъ, гдѣ его никто не зналъ, гдѣ онъ могъ предаваться потоку своихъ мыслей въ толпѣ, которая представлялась ему толпой автоматовъ. Непроизвольные жесты, бормотанье и разговоры съ самимъ собой—характерная особенность петербургской улицы, доказывающая, что мы имѣемъ дѣло съ душевно-больнымъ городомъ.

Въ осеннее послѣ-обѣда, когда фасады домовъ сдвигаются, и еще уже становится сѣрая, морозящая полоска низкаго сумеречнаго неба между ними, остановитесь на перекресткѣ и наблюдайте молчаливыя фигуры прохожихъ, призрачными силуэтами скользящія мимо. Не припомнится ли вамъ тогда одна изъ кошмарныхъ «маленькихъ поэмъ въ прозѣ» Воделера?

Подъ тоскливымъ куполомъ неба—la coupole spleenétique du ciel—поэтъ видитъ согбленныхъ людей. Каждый изъ нихъ несетъ на спинѣ огромную Химеру, тяжеловѣсную, какъ хлѣбный куль или багажъ римскаго пѣхотинца. Но чудовищное животное повисло не инертной тяжестью на шеѣ этихъ людей; Химера обнимаетъ и опу-

тываетъ каждыа своими эластичными мощными мускулами и, впившись когтями широкихъ лапъ въ его грудь, выставляетъ безобразную голову надъ лицомъ человѣка, подобно фантастической каскѣ древняго воина, которыми они думали утратить враговъ.

И безконечной цѣлью проходятъ мимо съ самоуглубленными, остолбенѣлыми лицами люди-призраки, и скрываются въ туманѣ со своими ношами.

Петербургъ—Гамлетъ. Петербургъ—неврастеникъ и галлюциляторъ. Петербургъ—и это прежде всего—чиновникъ. Все это такъ.

Но все это не подрываетъ значенія этого «окна въ Европу».

Правда, не всѣ предположенія Петра Великаго оправдались. Петербургъ не столько морской городъ, сколько ставшій къ морю спиной. До извѣстной степени—и спиной къ Европѣ... какъ нѣкогда сказалъ Минаевъ:

Великй Петръ уже давно
Въ Европу прорубилъ окно,
Чтобъ Русь впередъ стремилась ходко;
Но затрудненъ есть одно—
Въ окнѣ желѣзная рѣшетка.

Тѣмъ не менѣе, ко дню двухсотлѣтняго юбилея мы можемъ праздновать любимое чадо Петра вмѣстѣ съ двухсотлѣтними итогами нашего просвѣщенія. Здѣсь главнымъ образомъ создалась новая русская литература, которая уже заняла подобающее мѣсто среди другихъ литературъ запада. Здѣсь росли и развивались наша печать, наша наука, искусство. Здѣсь наконецъ зрѣло и укрѣплялось наше самосознаніе. Здѣсь—Петръ Великй нашего просвѣщенія, литературы и науки—холмогорскій мужикъ, простой рыбакъ съ сѣвернаго Поморья, Ломоносовъ, внесъ первый свѣточъ русскаго народнаго генія въ міръ духовныхъ трудовъ человѣчества. Это тотъ геніальный мужикъ, котораго колоссальная фигура, по признанію самихъ славянофиловъ, до сихъ поръ стоитъ почти одинокою въ исторіи нашего просвѣщенія, который воплотилъ въ себѣ «народность» въ сферѣ общечеловѣческой и представилъ намъ чудный образецъ свободнаго самобытнаго отношенія народнаго духа къ величавому сокровищу древней и позднѣйшей западно-европейской цивилизаціи.

Но вѣдь этотъ самородокъ-русакъ несомнѣнно воплощалъ въ себѣ духъ Петровъ, предъ которымъ и благоговѣлъ.

Петербургъ и Ломоносовъ неразрывно возстаютъ въ нашемъ воображеніи, при воспоминаніи о XVIII-мъ вѣкѣ.

Въ лицѣ Ломоносова русскій народъ свободно, гордо, предъявляетъ міру свои права на самостоятельное участіе въ дѣлѣ общечеловѣческаго просвѣщенія; свободно, гордо выражаетъ онъ закон-

ное внутреннее требованіе своего духа: вознести на степень всемірно-историческаго значенія свою народность, разработать для высшей сферы знанія и искусства свои богатые таланты, дѣятельность которыхъ ограничивалась до тѣхъ поръ тѣсною сферою бытовой, односторонне-національной жизни. Ломоносовъ, являясь европейскимъ ученымъ, никогда не переставалъ быть русскимъ. Но если это такъ, то и изъ Петербурга, при нѣмецкомъ его наименованіи, русской сути не вываришь. Все же это великій русскій городъ великаго русскаго царя! Въ немъ бродитъ закваска свободной стихіи богатырскаго духа Петра и Ломоносова, богатырскаго духа свободныхъ и промышленныхъ новгородцевъ. Въ этомъ главное значеніе этого города. И въ день юбилея нашей столицы пожелаемъ вольнаго, широкаго развитія Россіи именно на основѣ этой свободной стихіи предпримчивости, самодѣтельности, критической и аналитической мысли, стихіи новгородской, стихіи старо-русской въ новомъ городѣ Санктъ-Питеръ-Бурхъ.

Н. Энгельгардтъ.

У ГРОБА И. С. ТУРГЕНЕВА.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

Я ПРИЪХАЛЪ въ Парижъ осенью 1883 года, спустя нѣсколько дней послѣ смерти И. С. Тургенева, такъ что не попалъ на отпѣваніе въ русскую церковь, но тѣло стояло еще въ подвальномъ этажѣ нашей церкви въ rue Daug и ожидало отправления въ Россію. Исполнялись какія-то формальности, требуемыя закономъ, взявшія немало времени, или рѣшался вопросъ, гдѣ хоронить великаго писателя... и лишь 3 октября нов. ст. 1883 года, въ 3 часа пополудни, была назначена послѣдняя панихида и прощаніе съ тѣломъ французскихъ друзей уже на станціи сѣверной желѣзной дороги, откуда тѣло прямо должно было прослѣдовать въ Россію.

День былъ сѣренькій, холодный; около самой станціи Gare du Nord на запасномъ желѣзнодорожномъ пути стоялъ траурный вагонъ, весь задрапированный чернымъ сукномъ, съ гробомъ, въ которомъ покоилось тѣло Тургенева; гробъ былъ доставленъ раньше нашего приѣзда, а около вагона былъ устроенъ родъ шатра, или *chappelle ardente*, гдѣ и должна была происходить церемонія прощанія и быть произнесены рѣчи, такъ что сдѣлана была для ораторовъ маленькая переносная каеэдра или пюпитръ. Съѣхалось много французовъ. Семейство Виардо было налицо—и тутъ я впервые видѣлъ знаменитую m-me Виардо, предметъ поклоненія И. С. Тургенева всей его жизни. Небольшого роста, плотнаго сложенія, съ просѣдью, съ черными большими, очень умными, выразительными глазами, живая, съ быстрыми движеніями, г-жа Виардо распорядилась всѣмъ; видно было, что она хозяйка. Въ общемъ она не

представляла собою ничего особеннаго: заурядная, недурная собою француженка, но, говорятъ, когда она пѣла,—чего я не слышалъ, къ сожалѣнію,—то была удивительна, и нельзя было не плѣниться ею. Этимъ и объяснялось плѣненіе ею Ивана Сергѣевича, годами жившаго въ семьѣ Віардо и бросившаго изъ-за этой платонической любви и Россію, да, отчасти, и перо...

На панихидѣ были въ числѣ извѣстныхъ лицъ Жюль Симонъ, Ренанъ, Эдмондъ Абу и другіе. Было и нѣсколько русскихъ, въ числѣ ихъ, давно уже проживавшій въ Парижѣ, русскій ученый Владимиръ Николаевичъ Вырубовъ, издававшій тамъ вмѣстѣ съ знаменитымъ Литтрэ «*La revue positive*», журналъ философскій—позитивистовъ. Рѣчь Вырубова, произнесенная передъ гробомъ Тургенева, у меня сохранилась, и я ее приведу цѣликомъ. Слушая ее, дѣйствительно нельзя было не задуматься передъ странною участію русскихъ людей, и я невольно вспомнилъ время, когда Тургеневъ посѣщалъ въ Тулѣ князя Владимира Черкаскаго,—время, когда въ губернскихъ комитетахъ рѣшался вопросъ раскрѣпощенія крестьянъ, вспомнилъ и то громадное значеніе, которое играли тогда «Записки охотника», о коихъ императоръ Александръ II сказалъ, что, читая ихъ, онъ твердо рѣшился на уничтоженіе крѣпостного права, и дѣйствительно, можно сказать, что Александръ II былъ освободителемъ крестьянъ, если вспомнить всю борьбу, которую вели придворныя сферы за сохраненіе стараго порядка.

Изъ высокопоставленныхъ русскихъ было немного; посольство наше, конечно, отсутствовало; было нѣсколько случайныхъ посѣтителей, мало имѣвшихъ общаго съ тѣмъ, кого провожали друзья и почитатели. Такъ пріѣхалъ толстый петербургскій чиновникъ съ звѣздой, ни единого слова не понимавшій по-французски, и когда духовенство съ отцомъ Васильевымъ (вторымъ) во главѣ что-то долго не начинало панихиды, чиновникъ мнѣ сказалъ: ждуть посла князя Орлова!—Нѣтъ,—отвѣчалъ я къ великому изумленію чиновника,—ждуть 3 часа.—То есть какъ же?—Да такъ же, назначена панихида въ 3 часа, а сейчасъ еще безъ 10 минутъ, мы собрались раньше, а начнутъ въ назначенное время. Чиновникъ удивился и, кажется, не повѣрилъ. Ровно въ 3 часа началась панихида съ прекраснымъ хоромъ пѣвчихъ нашей парижской церкви. Пѣли очень хорошо французы, которымъ латинскими буквами были написаны наши славянскія слова,—и пѣли такъ стройно, какъ рѣдко въ Россіи можно услышать въ провинціи такое пѣніе. Даже выговаривали такъ правильно, что не догадаться, что поютъ люди, ни слова не знающіе по-русски. Музыка Бортнянскаго, особенно заупокойная, съ потрясающимъ «со святыми упокой» производитъ сильное впечатлѣніе, особенно на иностранцевъ. Такъ и тутъ—пѣніе видимо тронуло всѣхъ присутствующихъ при печальной церемоніи, всѣ стояли, понуря голову, пока слова Ренана, заговори-

вшаго первымъ, не заставили насъ приободриться. Типичный католическій священникъ, маленькій Ренанъ говорилъ монотонно и скучновато, онъ говорилъ похвальное слово Ивану Сергѣевичу, со всѣмъ, въ такихъ случаяхъ принятымъ, риторическимъ оборотомъ и высокопарными словами,—рѣчь, похожую на тѣ рѣчи, кои говорятъ ксендзы и католическіе священники по назначенію въ воскресные дни въ католическихъ храмахъ. Впечатлѣнія рѣчи не произвела. Гораздо живѣе и болѣе теплое слово сказалъ Эдмондъ Абу, говорившій послѣ Ренана. Абу говорилъ живо, выразительно, горячо-витѣевато, но видимо зная плохо русскій народъ и тѣ русскія выраженія, кои онъ иногда произносилъ. Такъ, кончая, онъ сказалъ, что не пройдетъ и 50 лѣтъ, какъ сочиненія И. С. Тургенева проникнуть въ дальнія русскія деревни, гдѣ во всякой избѣ передъ своимъ иконостасомъ мужикъ будетъ на колѣняхъ возносить молитвы за своего просвѣтителя И. С. Тургенева... Затѣмъ нѣсколько словъ сказалъ художникъ Боголюбовъ. Больше другихъ мнѣ понравилась третья и послѣдняя рѣчь — В. Н. Вырубова, которую я привожу цѣликомъ. Онъ тоже говорилъ по-французски и, не надо забывать, для французовъ, ибо Вырубовъ чистѣйшій парижанинъ, прожившій почти всю жизнь въ Парижѣ. Поэтому въ русскомъ переводѣ рѣчь теряетъ, такъ какъ многіе, чисто французскіе обороты рѣчи красивы по-французски, но не по-русски. Вотъ что сказалъ онъ:

«Милостивые государи.

«Вотъ уже второй разъ, что я исполняю печальную обязанность воздавать послѣдній долгъ знаменитымъ русскимъ людямъ, умершимъ на французской землѣ.

«13 лѣтъ тому назадъ я сказалъ нѣсколько словъ на могилѣ Герцена, сегодня пришелъ сказать послѣднее прости Тургеневу.

«Удивительная превратность общественныхъ отношеній, странная участь людей! Могила Герцена еще въ землѣ его изгнанія, тогда какъ бранные останки Тургенева торжественно возвращаются въ Россію.

«Однако эти два гордые ума, эти два благородныхъ сердца, вышедшіе изъ одной среды, соединенные близкою дружбою, принадлежали одному дѣлу (cause), шли къ одному и тому же идеалу: прогресса и свободы. Почему эта равница, которая намъ кажется совершенно несправедливою, между этими двумя пионерами русской цивилизаціи? Передъ этимъ гробомъ стоитъ коснуться этого вопроса.

«Вы, гг., конечно, отгадываете отвѣтъ. У Тургенева было нѣчто бѣльшее, чѣмъ идея, которая, хотя и вѣрная, часто сталкивается съ укоренившимися предрассудками; нѣчто бѣльшее, чѣмъ прин-

ципы, которые, хотя и справедливые, часто возмущают давно усвоенныя привычки.

«У Тургенева была форма, непогрѣшимая художественная форма, тайною которой обладаютъ лишь великіе писатели. Окутанная тканями своего изумительнаго воображенія—мысль, какая бы ни была она смѣлая, можетъ безнаказанно быть услышана всѣми, быть понята всякимъ, не возбуждая недовѣрія, не возмущая ничьей подозрительности.

«А вѣдь смѣлыя были мысли, которыя Тургеневъ развивалъ въ своихъ рассказахъ и романахъ! Религіозный скептицизмъ, политическій либерализмъ, соціальныя теоріи во всѣхъ ихъ разнообразныхъ формахъ—все это было изложено великолѣпнымъ языкомъ лицами, которыхъ мы не знаемъ, но, тѣмъ не менѣе, не можемъ не любить, и все это обставлено удивительными видами, которыми нельзя не восхищаться. Въ этомъ тайна силы, оригинальность Тургенева. Для Европы, которая его давно читала и цѣнила, это былъ лишь великій художникъ, для Россіи это былъ учитель, инициаторъ, скажу болѣе, апостолъ, сильный тѣмъ, что онъ заставлялъ восхищаться своими произведеніями, даже тѣхъ, съ доктринами коихъ онъ страстно боролся. Вотъ въ силу чего, милостивые государи, русскіе либералы, безъ различія партій и отѣнковъ, приносятъ къ этому гробу выраженія чувствъ своей благодарности и глубокаго уваженія.

«Душа великая и свѣтлая одновременно, душа художника въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, доступная всякимъ высокимъ порывамъ и благородной инициативѣ, Тургеневъ есть одинъ изъ лучшихъ типовъ въ исторіи русской литературы.

«Другіе, болѣе меня компетентные, люди когда нибудь скажутъ, конечно, чѣмъ былъ этотъ великій писатель, котораго Россія потеряла. Я же хочу лишь подтвердить сегодня, не боясь встрѣтить разногласія, что съ нимъ исчезнетъ одна изъ большихъ общественныхъ силъ, въ коихъ особенно въ данное время нуждается Россія; одинъ изъ этихъ элементовъ успокоенія и умиротворенія, которые помогаютъ народамъ, особенно молодымъ, справляться съ самыми трудными кризисами своей исторіи.

«Бѣдный, дорогой покойникъ! Когда идеаль, о коемъ ты мечталъ (а этотъ день настанетъ) для своей родины, будетъ достигнутъ, когда союзъ востока съ западомъ, на что ты посвятилъ всю жизнь свою, осуществится, — тебя уже не будетъ, чтобы порадоваться успѣху, тобою достигнутому. Но жизнь человѣческая вся состоитъ изъ смертности. Единственно, что вѣчно и не погибнетъ,—это искусство, служащее великой идеѣ, и идея на службѣ великому дѣлу. Ты былъ художникомъ болѣе, чѣмъ кто либо. Ты честно работалъ для прогресса человѣчества, ты не умеръ совѣмъ, твое твореніе

останется навсегда поучительнымъ, всегда юнымъ, потому что оно и прекрасно и глубоко правдиво!»

Послѣ рѣчи Вырубова всѣ начали расходиться; траурный вагонъ былъ закрытъ, подошедшій локомотивъ взялъ его, прицѣпилъ къ близъ стоящему поѣзду и направился въ дальнюю дорогу... Какъ всегда на похоронахъ, навѣваются невеселыя мысли. Я вспомнилъ, идя домой, послѣдній прїѣздъ въ Россію Тургенева въ концѣ 70-хъ годовъ или 80-мъ. Его всюду чествовала молодежь, въ Петербургѣ и Москвѣ, но онъ самъ говорилъ, что не понимаетъ хорошо новаго русскаго человѣка — онъ былъ самъ недоволенъ «Новью». Я жилъ въ одной съ нимъ гостиницѣ въ Петербургѣ и видѣлъ ежедневно вереницу молодыхъ людей — особенно много было дѣвушекъ — идущихъ къ Ивану Сергѣевичу на поклоненіе и ожидавшихъ толпою на лѣстницѣ и коридорахъ его выхода. Тургеневъ раздавалъ карточки свои и съ удивленіемъ говорилъ съ молодежью, всматривался въ эти новые типы... Онъ принималъ и приглашенія на угощеніе или для чествованія въ разные дома новаго для него общества... и тоже удивленный возвращался съ завтрака или чая, или обѣда.

Въ одинъ домъ онъ былъ званъ на пирогъ. Подали какой-то удивительно испеченный большой пирогъ, и къ каждому куску была прикрѣплена очень изящная лента, а на каждой лентѣ красовалось названіе одного изъ литературныхъ произведеній Тургенева, т.-е. «Затишье», «Рудинъ», «Ася» и т. д. Каждому изъ присутствующихъ пришлось тянуть ленту, чтобы получить кусокъ изъ пирога, и я ужъ не помню, какое свое сочиненіе вытащилъ самъ удивленный Иванъ Сергѣевичъ. «Не понимаю я новаго русскаго человѣка, и потому не могу заставить себя полюбить его», — говорилъ онъ неоднократно. Можетъ быть, это и была тоже одна изъ причинъ его пребыванія внѣ Россіи.

Жизнь при новыхъ условіяхъ въ деревнѣ тоже не пришлась по вкусу Тургеневу. Управление его имѣніями шло изъ рукъ вонъ плохо, и когда онъ прїѣзжалъ домой, то подвергался безконечнымъ непріятностямъ, о коихъ онъ и твердитъ въ своихъ письмахъ изъ Россіи друзьямъ постоянно. Однажды дефицитъ былъ настолько серьезенъ, что Иванъ Сергѣевичъ былъ поставленъ въ очень тяжелое финансовое положеніе, и его выручилъ г. Віардо, ссудивъ ему довольно крупную сумму денегъ, чтобы помочь другу своему. Это очень тронуло Тургенева.

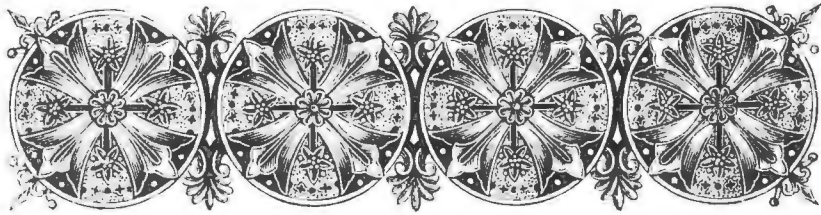
Все вмѣстѣ взятое и отчуждало все болѣе и болѣе Тургенева отъ Россіи. То же произошло въ жизни только что говорившаго оратора, Вырубова. Научные интересы приковали его къ Парижу, гдѣ онъ женился на очень почтенной французкѣ и сдѣлался совершеннымъ парижаниномъ. Знакомый съ медициной, онъ во время осады Парижа 1870—1871 г.г. завѣдывалъ цѣлымъ перевя-

зочнымъ пунктомъ (ambulance) и приносилъ большую пользу осажденнымъ; а когда вспыхнула война 1877 г., то Вырубовъ немедленно прѣхалъ въ Россію и на Кавказѣ занялся уже знакомымъ ему дѣломъ, получивъ отъ «Краснаго креста» завѣдываніе санитарнымъ отрядомъ и за смѣлость и умѣлость былъ награжденъ въ 1878 г. орденомъ св. Владимира съ мечами.

Ему хотѣлось получить кафедру въ Московскомъ университетѣ по своей специальности минералогіи, на что, какъ магистръ, онъ имѣлъ право. Но какія-то интриги помѣшали, и Вырубовъ навсегда поселился въ Парижѣ, посвятивъ себя научной дѣятельности и читая лекціи въ Сорбоннѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ В. Н. Вырубовъ перешелъ во французское подданство. Вотъ еще русскій способный человѣкъ, который доживаетъ свои дни и несомнѣнно окончитъ ихъ тоже на чужой землѣ, конечно, не безъ пользы для человѣчества.

Кн. Д. Оболенскій.

МОНАШЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

(Изъ наблюденій и воспоминаній о святой горѣ Аѳонской).

I.

ВЪ ЧИСЛѢ святыхъ мѣсть греческаго Востока, привлекающихъ къ себѣ взоры всего христіанскаго міра и служащихъ цѣлью благочестиваго паломничества для вѣрующихъ людей, святая гора Аѳонъ занимаетъ особое, исключительное положеніе. Болѣе тысячи лѣтъ она является главнымъ пріютомъ православнаго греко-славянскаго монашества, которое, во все время своего здѣсь существованія, стояло на высотѣ иноческихъ идеаловъ и служило образцомъ истинной религіозно-созерцальной жизни. Здѣсь находили себѣ тихое пристанище всѣ тѣ, кои стремились, путемъ молитвы и поста, вдали отъ міра и его прелестей достигнуть высокаго нравственнаго совершенства. Здѣсь успокоивались мірскія страсти, забывались невзгоды и бѣдствія бурной политической и общественной жизни, здѣсь царило полное духовное довольство, при скудости виѣшней обстановки, непрерывно совершались высокіе аскетическіе подвиги, возгрѣвалась истинная любовь къ Богу и ближнимъ. Оставаясь всегда вѣрными завѣтамъ и преданіямъ древнихъ христіанскихъ аскетовъ и пустынножителей, аѳонскіе иноки были строгими ревнителями ученія православной церкви и просвѣщенными ея защитниками. Ихъ принципомъ въ этомъ отношеніи было точное соблюденіе христіанскихъ догматовъ и канонъ. Всякій разъ, когда церкви угрожали ложныя и гибельныя

доктрины, аеонскіе монахи смѣло выступали на борьбу съ ними и энергично защищали чистоту церковныхъ истинъ. Свой обличительный голосъ они поднимали даже противъ императоровъ (византійскихъ). Затѣмъ, Аеонъ всегда былъ очагомъ просвѣщенія. Многіе изъ монаховъ достигали замѣчательныхъ успѣховъ въ научныхъ своихъ занятіяхъ и ознаменовали себя выдающимися учено-литературными трудами въ различныхъ областяхъ знанія. У нихъ въ обычаѣ было учреждать при монастыряхъ и школы для приготовленія клириковъ изъ среды иноковъ, а также устраивать библіотеки. И нынѣ на Аеонѣ сохранились богатѣйшія собранія греческихъ рукописей и книгъ, привлекающія къ себѣ вниманіе ученыхъ всего міра. Эти библіотеки собирались въ теченіе вѣковъ трудами самихъ монаховъ, которые считали переписку рукописей дѣломъ благочестивымъ и съ усердіемъ занимались изготовленіемъ рукописныхъ кодексовъ различного содержанія. Аеонскія библіотеки имѣли громадное просвѣтительное значеніе не только для грековъ, но и для славянъ, въ частности и для насъ, русскихъ. Отсюда именно, чрезъ посредство славянскихъ обитателей, наши предки черпали свои познанія по вопросамъ религіозно-нравственнымъ, историческимъ, философскимъ. Здѣсь именно скрывался тотъ кладъ духовной мудрости, которую наше отечество получило въ наслѣдіе отъ византійскихъ грековъ. Далѣе, Аеонъ всегда былъ строгимъ хранителемъ церковно-богослужебнаго устава и ревностнымъ его исполнителемъ. Здѣсь, въ обителяхъ греческихъ и русскихъ, и нынѣ церковный уставъ является главнымъ основоположеніемъ всей жизни, которая всецѣло и регулируется въ зависимости отъ литургическихъ и обрядовыхъ его предписаній. А монастырскіе храмы весьма интересны въ архитектурномъ и художественно-иконописномъ отношеніяхъ. Аеонская живопись, иконы, фрески, мозаики, древняя утварь и пр. служатъ теперь предметомъ весьма тщательнаго изслѣдованія со стороны русскихъ и иностранныхъ ученыхъ. На Аеонѣ предпринимаются цѣлыя экскурсіи ученыхъ и командированы комиссіи для изученія аеонской живописи, исторически выработавшейся въ особый стиль и отлившейся въ своеобразныя формы. Наконецъ, аеонскіе монахи чутко прислушивались и къ несчастіямъ внѣшняго міра: всякій разъ, когда православному Востоку угрожали тѣ или иныя бѣдствія, они шли къ нему на помощь, щедро благотворили бѣднымъ и немощнымъ, во время голода или послѣ нашествія враговъ, снабжали грековъ деньгами на устройство школъ, церквей, благотворительныхъ учрежденій и т. п. Такимъ образомъ, Аеонъ въ теченіе ряда вѣковъ является центральнымъ очагомъ религіозно-созерцательной жизни православнаго Востока, главною школою аскетическихъ подвиговъ для всего православнаго міра, ревностнымъ хранителемъ церковнаго преданія и христіанскаго просвѣщенія, нео-

боримую твердыней православія, замѣчательнымъ культурно-историческимъ памятникомъ, горою Святою ("Αγιον "Ορος) по преимуществу. Таково историческое значеніе Аѳона.

II.

Высокому, исключительному назначенію Аѳона вполне благоприятствуетъ и его географическое положеніе, а также и физическая природа. Аѳонъ расположенъ въ совершенномъ уединеніи отъ міра,—на одномъ изъ полуострововъ Халкидики, на югѣ Македоніи, у лазурныхъ водъ Эгейскаго моря, въ двухъ суткахъ морского пути отъ нашей Одессы. Полуостровокъ представляетъ горную цѣпь, длиною до 80, а шириною до 20 верстъ. Имѣя у перешейка, коимъ соединяется съ Македоніей, незначительную высоту, горная цѣпь далѣе постепенно поднимается и у моря оканчивается возвышенностью, достигающею двухъ верстъ. Во всѣхъ направленіяхъ Аѳонъ изрѣзанъ оврагами и долинами, покрытъ по мѣстамъ каменистыми утесами и скалами. Несмотря на свѣтлѣе существованіе иноческихъ поселеній, на Аѳонѣ и понынѣ сохранилось много дѣвственныхъ мѣстъ, непроходимыхъ дебрей и неприступныхъ утесовъ, куда не проникалъ еще человѣческій глазъ, и гдѣ не ступала человѣческая нога. Въ физическомъ отношеніи Аѳонъ представляетъ удивительный уголокъ въ цѣломъ мірѣ. Почти вся поверхность горы, ея склоны и долины покрыты вѣковыми, высокими деревьями и мелкимъ кустарникомъ различной породы. Густолиственные, подымающіеся до небесъ кедры, украшенные вьющимися по ихъ стволамъ и вѣтвямъ стеблями и цвѣтами омелы (изъ породы плюща), благоухающіе пегги, стройные кипарисы, крѣпкіе буки и дубы, тѣнистые платаны, черные тополи, плакучія ивы, громадныя каштаны, маслины, миртовыя, миндальныя, апельсинныя и лимонныя деревья, вишня, виноградъ, розы, яблони и груши—вотъ обычные представители аѳонской флоры. Прекрасный видъ восполняется многочисленными источниками воды. Но пернатое царство здѣсь не отличается обиліемъ и разнообразіемъ породъ. Больше всего на горѣ водятся орлы, филины, совы, сычи и вороны, мелкія же птички (соловьи, зяблики, ласточки) лишь во время весенняго перелета въ громадномъ количествѣ посѣщаютъ Аѳонъ, оглашая эту уединенную мѣстность своимъ веселымъ пѣніемъ и непрерывнымъ щебетаньемъ. Мало на Аѳонѣ и дикихъ звѣрей. Лишь изрѣдка можно замѣтить на голыхъ скалахъ одинокую дикую козу, или въ горномъ ущельѣ пройдетъ пара заблудившихся кабановъ, да развѣ въ чащѣ лѣса пробѣжитъ робкая, издалека загнанная лань... Зато много можно видѣть на Аѳонѣ рабочихъ воловъ и муловъ, пасущихся близъ монастырей и келлій, хотя размноженія скотоводства здѣсь не бываетъ, потому что

мѣстные иноческіе уставы запрещаютъ держать самокъ всякаго рода животныхъ. Живой голосъ рѣдко слышится на Аѳонѣ, — ни ревъ звѣрей, ни мычаніе и блеяніе стадъ не нарушаютъ глубокаго безмолвія мѣстности, — вездѣ тихо и пустынно. Только вѣтеръ просвиститъ въ горныхъ ущельяхъ или подниметъ шелестъ листьевъ въ сплошныхъ здѣшнихъ рощахъ, да неугомонное море глухо и монотонно зашумитъ у прибрежныхъ скалъ, — и снова повсюду воцарится тишина и водворится безмолвіе. А надъ всѣмъ господствуетъ яркое тропическое солнце. Наименьшая средняя температура воздуха падаетъ здѣсь на мѣсяцы декабрь ($+ 5,5^\circ$ по Реомюру) и январь ($+ 5,7^\circ$), а наибольшая — на июль ($+ 21,03^\circ$) и августъ ($+ 19,91^\circ$). Температура воды въ окружающемъ морѣ зимой бываетъ до 9 и 10° тепла по Реомюру, а въ іюль $21—25^\circ$. Эта примѣчательная мѣстность и служила съ древнихъ временъ наиболѣе любимымъ очагомъ православнаго греко-славянскаго монашества.

III.

Первоначальныя иноческія поселенія на Аѳонѣ относятся ко времени возникновенія христіанскаго монашества (въ IV вѣкѣ), но они проявлялись въ формѣ одиночнаго подвижничества и анахоретства. Лишь въ VII столѣтіи, въ царствованіе византійскаго императора Константина Погоната (668—685 г.), который отдалъ Аѳонъ въ полное распоряженіе монаховъ, здѣсь возникли и монастыри, небольшіе по размѣрамъ и населенію и небогатые матеріальными средствами. Въ иконоборческую эпоху (VIII в.) приливъ монаховъ на уединенный и далекій отъ гоненій Аѳонъ увеличился, но въ IX вѣкѣ мѣстное населеніе неоднократно подвергалось опустошительнымъ набѣгамъ со стороны арабовъ и морскихъ пиратовъ. Императоры Македонской династіи (IX—X в.в.) своими щедрыми пожертвованіями и покровительствомъ содѣйствовали умноженію монашества на Аѳонѣ. Но особенно укрѣпилось аѳонское монашество въ X вѣкѣ, благодаря трудамъ святого Аѳанасія Аѳонскаго ($\dagger 1001$ г.), который впервые построилъ большой монастырь на самой территоріи Аѳона (въ юго-восточной его части, близъ моря), ввелъ въ немъ общежительное устройство и далъ своей киновіи новый уставъ, опредѣлявшій дисциплинарную его жизнь и церковно-богослужебный строй. По образцу лавры святого Аѳанасія на Аѳонѣ стали возникать и другіе монастыри (Иверскій, Каракальскій, Кутлумушскій и такъ далѣе), въ коихъ жизнь монаховъ стала устраиваться на началахъ киновіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ продолжало процвѣтать и анахоретство, эта изначальная форма аѳонскаго иночества. Высота иноческихъ подвиговъ была такъ почтенна, что въ срединѣ XI вѣка Аѳонъ въ первый разъ и официально былъ названъ «Святою горою» — "Ἁγίον Ὄρος" (въ уставѣ импе-

ратора Константина Мономаха отъ 1046 года). Въ то время здѣсь было до 180 монастырей и громадное число монаховъ: въ одной лаврѣ святого Аѳанасія ихъ было 700. Они проводили строгую религиозно-созерцательную жизнь. Мѣрскія занятія, женщины, пиршества были навсегда изгнаны изъ предѣловъ Аѳона. Здѣсь не было различія между рабомъ и господиномъ, здѣсь царили истинная свобода и справедливость. Въ царствованіе византійской династїи Комниновъ (XII в.) Аѳонъ пользовался и внѣшнимъ благополучіемъ и внутреннимъ благоустройствомъ. Одинъ изъ императоровъ этой династїи (Алексѣй I) даже узаконилъ, чтобы Аѳонъ былъ независимъ отъ всякой власти — гражданской и церковной, въ томъ числѣ и патріаршей, и подчинялся только одному императору; ближайшее высшее управленіе аѳонскими монастырями возлагалось на совѣтъ игуменовъ, во главѣ съ первымъ изъ нихъ — протомъ; а епархіальной власти (епископу сосѣдняго города Териссо) предоставлялось только право хиротонїи аѳонскихъ священниковъ и діаконовъ, по желанію монастырей. Къ началу XIII вѣка Аѳонъ былъ весь усѣянъ монастырями, такъ что казался однимъ большимъ монастыремъ, представлялся всецѣло иноческимъ царствомъ. Единствомъ духовныхъ цѣлей Аѳонъ роднилъ все племена и соединялъ въ одну общину представителей разныхъ народностей. Все стремились къ одной цѣли — вѣчному спасенію, для всехъ Аѳонъ былъ самой высшей школой православно-христіанскаго подвижничества. Это былъ монашескій рай, мѣсто святое, домъ Божїи и врата небесныя. Но вслѣдъ затѣмъ въ исторїи Аѳона наступила другая пора.

Въ 1204 году, послѣ завоеванія Константинополя латинянами, подпалъ латинскому игу и монашескій Аѳонъ. Высшее управленіе монастырями взялъ на себя римскій папа (Иннокентїй III-й), а ближайшее о нихъ попеченіе было предоставлено севастїйскому латинскому епископу. Этотъ епископъ, живи на Аѳонѣ, грубо и дерзко обращался съ греческими монахами, подвергалъ ихъ гоненіямъ, разорялъ монастыри. Бѣдствїя аѳонскихъ монаховъ прекратились лишь въ серединѣ XIII столѣтія, когда было низвергнуто латинское иго. При императорѣ Михаилѣ VIII Палеологѣ (1259—1282 г.), который, по соображеніямъ политическимъ и личнымъ, затѣялъ церковную унію съ Римомъ (1274 г.), аѳонскіе монахи подверглись жестокому преслѣдованію за устойчивое и убѣжденное исповѣданіе православїя. Они имѣли даже дерзновеніе послать императору особый свитокъ, съ доказательствами истинности православїя и лживости латинства, а самого царя смѣло обличали въ неправомысліи. Въ отвѣтъ на это посланіе, въ октябрѣ 1280 года, на Аѳонъ, по приказанію императора, прибыли для введенія уніи ея греческіе приверженцы, во главѣ съ латинскимъ духовенствомъ. Встрѣтивъ въ Иверскомъ монастырѣ мужественное исповѣданіе вѣры, они утопили грече-

скихъ монаховъ въ морѣ, грузинъ насильственно отправили въ Италію, а монастырь ограбили. Въ монастырѣ Ватопедскомъ все монахи были повѣшены, а въ Зографскомъ 26 иноковъ были сожжены. Въ Карей были изрублены противъ Святой горы и все подвижавшіеся здѣсь старцы, церковь была сожжена и келліи ограблены и т. д. Въ эпоху династіи Палеологовъ (XIV в.) Аѳонъ пользовался сравнительнымъ благополучіемъ, благодаря щедрости и покровительству императоровъ. Одинъ изъ нихъ (Андроникъ Старшій) отказался въ 1313 году отъ непосредственнаго управленія Аѳономъ, которое принадлежало императорской власти, въ силу прежнихъ распоряженій, и подчинилъ его власти константинопольскаго патріарха.

Въ 1453 г. Аѳонъ былъ завоеванъ турками, но былъ пощажень отъ разоренія и получилъ право свободно совершать христіанское богослуженіе. Въ послѣдующее время Аѳонъ подвергся крупному бѣдствію, въ царствованіе султана Селима II (1566—1574), который отнялъ, въ пользу казны, все принадлежавшія мѣстнымъ монастырямъ имѣнія. Съ того времени многіе монастыри впали въ большую бѣдность, отъ которой не избавились и теперь. Въ 1821 г., во время общаго возстанія грековъ противъ турокъ, въ немъ приняли участіе и аѳонскіе монахи. Но за это они были жестоко наказаны. На Аѳонъ вступили турецкія войска и заняли монастыри, въ которыхъ и оставались до 1829 года. Монахи обязаны были содержать ихъ на свои средства. Турецкіе солдаты вели себя на Аѳонѣ крайне предосудительно: они ограбили нѣсколько монастырей и келлій, монаховъ частью разогнали, частью убили. Кромѣ того, султанъ (Махмудъ II) потребовалъ отъ Аѳона заложниковъ, которые и были заключены въ государственную тюрьму въ Константинополь, а на все монастыри наложилъ громадную контрибуцію (до 200.000 рублей) съ обязательствомъ уплатить въ опредѣленные сроки. Султанъ даже хотѣлъ срыть аѳонскіе монастыри до основанія, но пощадилъ лишь по ходатайству русскаго императора Александра I. Послѣ этого Аѳонъ сильно опустѣлъ и обѣднѣлъ и сталъ наполняться монахами только послѣ заключенія нашего мира съ турками въ Адрианоуполь (1829 г.). Съ того времени и донынѣ во внѣшней жизни Аѳона не было какихъ либо крупныхъ перемѣнъ.

IV.

Жизнь монаховъ на Аѳонѣ издавна отличалась въ своеобразныя формы, которыя сохранились въ подлинномъ своемъ значеніи и въ настоящее время ¹⁾. Нынѣ на Аѳонѣ существуетъ двадцать боль-

---

¹⁾ При описаніи общаго иноческаго строя на Аѳонѣ въ настоящее время, приняты во вниманіе греческія книги: профессора П. Каролиди — «Совре-

шихъ монастырей, еще отъ временъ византійскихъ удержавшихъ за собою наименованіе царскихъ и ставропигіальныхъ ¹⁾). Они занимаютъ господствующее положеніе среди другихъ учреждений Святой горы, независимы другъ отъ друга по своему внутреннему устройству и управленію и вполне самостоятельно распоряжаются на земляхъ и участкахъ, имъ принадлежащихъ. Въ зависимости отъ своего устройства и управленія, монастыри раздѣляются на киновіи, или общежитія и идиоритмы, или штатные. Въ киновіяхъ монахи равны между собою, проводятъ общую жизнь и владѣютъ общимъ имуществомъ, имуществомъ монастыря. Между ними нѣтъ никакого раздѣленія,—они составляютъ братство, въ коемъ всѣ, какъ истинные братья, имѣютъ одинаковыя права, несутъ одинаковыя обязанности и послушанія, всѣ исполняютъ лишь то, что полезно для монастыря. Собственнаго имущества никто изъ монаховъ не можетъ имѣть, и небольшія ихъ келліи постоянно открыты для всѣхъ. Всѣ братья вкушаютъ пищу въ общей трапезѣ и въ определенное время, строго воздерживаясь отъ мяса и соблюдая посты; одежду, одинаковой цѣнности и образца, они получаютъ отъ игумена въ извѣстное время года. Управление киновіей возлагается на игумена, который избирается общимъ голосомъ всего братства и предъ нимъ же является отвѣтственнымъ за свою дѣятельность. Игумень, будучи ближайшимъ начальникомъ монастыря, есть въ то же время общій для всѣхъ отецъ и руководитель въ аскетической жизни, а также и старецъ-духовникъ, если имѣетъ священный санъ. Въ большихъ монастыряхъ онъ управляетъ братіей при содѣйствіи другихъ должностныхъ лицъ (намѣстника, духовника, эконома, казначея, благотчиннаго и т. д.), а также при помощи почетныхъ старцевъ-геронтовъ, съ которыми и совѣщается по наиболѣе важнымъ дѣламъ. Геронты, въ случаяхъ нарушенія игуменомъ своихъ обязанностей, могутъ судить его и лишить власти. Въ настоящее время къ общежительнымъ монастырямъ на Аѳонѣ принадлежатъ слѣдующіе двѣнадцать: русскій святого Пантелеймона, Зографъ, Костамонитъ, Григоріатъ, Діонисія, святого Павла, Кутлумушскій, Симоно-Петра, Каракаллъ, Есфигмень, Ксенофонта и Ставреникита.

менное состояніе Святой горы» (Аѳины, 1896) и іеромонаха Герасима—«Аѳонъ и Халкидика» (Аѳины, 1902). Сравни наши статьи «На греческомъ востокъ», помѣщенная въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» за 1902 и 1903 годы.

¹⁾ Ставропигіальными (или патріаршими) монастырями называются такіе, которые подчинены непосредственно патріарху, помимо мѣстной епархіальной власти, хотя бы и находились внѣ константинопольской архіепископіи. Права патріаршей ставропигіи монастыри получали потому, что патріархи или сами были ихъ основателями, или брали подъ свою защиту отъ другихъ ктиторовъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, при созданіи монастыря, происходило водруженіе креста—ставропигія (*σταυρός*,—крестъ и *πίτυρι*,—утверждаю) или самимъ патріархомъ или его намѣстникомъ.

Въ противоположность киновіямъ, идіоритмами называются монастыри, въ которыхъ нѣтъ ни общей жизни, ни общаго имущества, ни равенства правъ, ни власти игумена. Отцы или братія идіоритма раздѣляются на проистаменовъ, или проэстосовъ (стоящихъ впереди, наставниковъ-руководителей), и пангеніоновъ (простыхъ членовъ общины). Проэстосы управляютъ и руководятъ жизнью монастыря; изъ среды ихъ избирается священное собраніе (синаксисъ), которое представляетъ высшую въ обители власть и выполняетъ свое служеніе чрезъ посредство друхъ, избираемыхъ собраніемъ, епитроповъ или довѣренныхъ и одного дикея, дѣйствующихъ во всемъ подъ надзоромъ и руководствомъ синаксиса. Но, дабы не былъ упраздненъ освященный издревле обычай управленія въ монастыряхъ при посредствѣ игумена, таковой избирается и въ идіоритмахъ и, конечно, изъ класса проэстосовъ, при чемъ избранный, если состоитъ простымъ монахомъ, рукополагается въ священныи санъ и возводится въ игуменское достоинство по уставу, дѣйствующему и въ общежительныхъ монастыряхъ. По обычаю, при врученіи новоизбранному игуменскаго жезла, предъ нимъ произносится однимъ изъ членовъ синаксиса рѣчь, въ коей новому игумену внушается, чтобы онъ чтить проэстосовъ. Но въ идіоритмахъ игуменъ недолго остается у власти, даже и номинальной: чрезъ нѣсколько дней по избраніи, онъ канонически отказывается отъ игуменскаго званія, получаетъ наименованіе проигумена, т.-е. бывшаго игумена, и опять вступаетъ въ среду проистаменовъ, къ которой принадлежалъ и до игуменства. Примѣчательно, что игуменъ и проигуменъ могутъ и не входить въ составъ священнаго синаксиса, который состоитъ только изъ избранныхъ проистаменовъ, оказавшихъ монастырю важныя услуги въ теченіе многихъ лѣтъ или отличающихся крупными личными достоинствами. Избираются въ идіоритмахъ и такъ называемые дикеи, на которыхъ возлагается обязанность принимать пріѣзжающихъ въ обитель почетныхъ гостей и вообще содѣйствовать двумъ епитропамъ въ общемъ служеніи монастырю. Но и дикею въ дѣйствительности принадлежитъ только номинальная власть. Въ идіоритмахъ монахи живутъ отдѣльно и обособленно другъ отъ друга, не имѣя ни общей трапезы, ни общаго имущества. Каждый изъ иноковъ добываетъ себѣ средства содержанія личными своими трудами. Отъ монастыря они могутъ получать только хлѣбъ и овощи. Монахамъ разрѣшается имѣть и собственное имущество, на доходы съ котораго большинство изъ нихъ и живетъ. Но только проистамены могутъ имѣть какую либо значительную собственность, движимую или недвижимую (сады, огороды), послѣднюю даже въ предѣлахъ монастыря. Многіе изъ нихъ владѣютъ большими средствами и живутъ въ особыхъ монастырскихъ помѣщеніяхъ, какъ въ собственныхъ домахъ, имѣя своихъ послушниковъ и слугъ. При жизни происта-

мены могутъ распоряжаться своими имуществами по личному усмотрѣнію, а послѣ смерти ихъ собственность переходитъ въ пользованіе монастыря. Въ настоящее время къ идиоритмамъ принадлежатъ слѣдующіе восемь монастырей: лавра святого Аѳанасія, Иверскій, Пантократоръ, Ватопедъ, Хиландарь, Дохіаръ, Ксиропотамъ и Филоея.

Аѳонскіе монастыри, по внѣшнему своему виду, похожи на крѣпости: толстыя каменные стѣны, узкія окна, башни съ амбразурами, массивныя желѣзныя ворота, постоянно охраняемыя опытнымъ портаремъ, который безъ разрѣшенія монастырскихъ властей не пускаетъ внутрь обитатели никого изъ постороннихъ,—все это осталось въ наслѣдіе отъ прежнихъ временъ, какъ византійскихъ, когда Аѳонъ неоднократно подвергался набѣгу арабовъ и морскихъ разбойниковъ, такъ и турецкихъ, когда монахи, наравнѣ съ прочими христіанами Турецкой имперіи, не безъ основанія принимали всѣ мѣры предосторожности въ отношеніи къ фанатичнымъ своимъ побѣдителямъ.

V.

Послѣ монастырей второе по значенію мѣсто въ ряду иноческихъ учрежденій на Аѳонѣ принадлежитъ скитамъ. Скитъ есть иноческая община, состоящая изъ многихъ монашескихъ келлій, или аскитирій, расположенныхъ на землѣ какого либо изъ большихъ аѳонскихъ монастырей. Центромъ этой общины служитъ кириаконъ, т.-е. соборный храмъ, и расположенная близъ него главная калива скита, въ коей живетъ дикей, т.-е. настоятель скита, избираемый всѣмъ братствомъ. Онъ управляетъ скитомъ при помощи двухъ епитроповъ и нѣсколькихъ соборныхъ старцевъ. Управление выражается въ упорядоченіи дѣлъ, касающихся общаго положенія скита, въ примиреніи несогласій, возникающихъ между келліями, и особенно въ заботахъ о соборномъ скитскомъ храмѣ.

Но высшее управленіе келліями, а равно и цѣлымъ скитомъ, принадлежитъ тому монастырю, на землѣ котораго скитъ расположенъ. Въ этой зависимости и заключается главное отличіе аѳонскихъ скитовъ отъ монастырей. Скитъ имѣетъ право принимать въ составъ братства новыхъ членовъ, но приглашать епископа для рукоположенія достойныхъ лицъ въ священныя степени безъ разрѣшенія своего монастыря не имѣетъ права. Безъ разрѣшенія того же монастыря скитъ не имѣетъ права ни ремонтировать свои зданія, ни производить новыя постройки и вообще какія бы то ни было сооруженія. Количество и родъ рабочаго скота точно опредѣляется монастыремъ. На своемъ участкѣ земли, пріобрѣтенномъ по купчей, скитъ не имѣетъ права производить ломку камня, извлекать глину и минеральныя богатства безъ особаго на то разрѣшенія монастыря, а также и рубить деревья, насаженныя хотя бы

своими иноками. Монастырь взыскиваетъ съ иноковъ, живущихъ въ скитахъ на его землѣ, подушную подать, идущую въ пользу турецкаго правительства, и специальный налогъ, назначаемый центральнымъ управленіемъ Аѳона, на покрытіе расходовъ по управленію горы и на внутреннія ея нужды, онъ же признаетъ и утверждаетъ новаго дикеея и епитроповъ, избираемыхъ братствомъ. Въ свою очередь, монастырь обязывается защищать интересы скита, какъ свои собственные, оказывать покровительство, поддержку и помощь всякій разъ, когда скитъ будетъ въ томъ нуждаться, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ изгнать братство скита изъ уступленной ему обители. Монастырь же пользуется правомъ умиротворять внутренніе раздоры въ скитахъ и рѣшать разнаго рода недомѣнныя и затрудненія, когда власть дикеея и соборныхъ старцевъ оказывается недостаточной. Всѣ взаимныя сношенія и обязательства, всѣ права скита и порядокъ его внутренней жизни регулируются специальными договорами и грамотами, составляемыми по соглашенію кириархальнаго-господствующаго монастыря съ подчиненнымъ ему скитскимъ учрежденіемъ. Эти грамоты, для большей безопасности и официальности, доводятся до свѣдѣнія центрального управленія Святой горы и утверждаются константинопольскимъ патріархомъ, который по этому случаю издаетъ особые сигилліи. Договоры монастырей со скитами могутъ, по взаимному соглашенію, обновляться и дополняться. И скиты по своему устройству раздѣляются на идіоритмы, или штатные, и киновіи. Нынѣ на Аѳонѣ существуетъ тринадцать скитовъ, изъ нихъ семь населены греческими монахами (святой Анны, Кавсокаливскій, святого Димитрія, Іоанна Предтечи, святого Пантелеймона, Новый и Благовѣщенскій или Ксенофонта), три—русскими (Андреевскій, Ильинскій и Оиваида), два—молдаванскими (Лаккосъ и святого Предтечи) и одинъ—болгарскими (Богородицы). Большинство изъ нихъ принадлежатъ къ идіоритмамъ, но русскіе скиты устроены по типу киновій; изъ послѣднихъ скиты Андреевскій и Ильинскій по внутреннему своему благоустройству, богатству и обилію иноковъ стоятъ наравнѣ съ монастырями.

VI.

Къ иноческимъ учрежденіямъ на Аѳонѣ относятся также келліи. Келлія представляетъ небольшой монастырекъ, расположенный на землѣ одного изъ главныхъ аѳонскихъ монастырей или на территории святогорскаго городка Кареи, уступленной по особому условію (ὀμολογία) живущему въ келліи братству. Обыкновенно во главѣ келліи находится геронтъ-старецъ, на имя котораго написана оμολογία, и который признается законнымъ владѣльцемъ келліи, отвѣтственнымъ предъ монастыремъ за точное и правильное исполненіе договорнаго условія. Отъ него монастырь получаетъ опредѣленную

денежную плату за келлію и правительственный сборъ по числу живущаго въ ней братства, къ нему же обращается и аѳонскій киноть всякій разъ, какъ возникаютъ вопросы и дѣла, касающіеся всѣхъ святогорскихъ монаховъ. Геронтъ является и настоятелемъ келліи, руководителемъ въ нравственной жизни и духовнымъ отцомъ живущаго въ ней братства. Каждый геронтъ имѣетъ и свою синодію, то-есть учениковъ и послѣдователей, въ числѣ двухъ. Эти два члена синодіи обыкновенно вносятся и въ монастырскую омологію, съ обязательною припискою, что, въ случаѣ смерти геронта, права собственности на келлію переходятъ къ старшему его ученику, который и становится во главѣ братства, съ достоинствомъ геронта; младшій членъ синодіи дѣлается ближайшимъ помощникомъ геронта, а на его мѣсто избирается новый братъ, имя котораго также вносится въ новую редакцію омологіи. Такимъ образомъ, по установившемуся издавна на Аѳонѣ обычаю, каждая келлія должна имѣть на лицо трехчленную синодію, съ правомъ преемственной передачи келліи изъ поколѣнія въ поколѣніе, при условіи извѣстнаго денежнаго взноса (обыкновенно—одной трети стоимости келліи) въ пользу монастыря.

Но въ послѣднее время, вслѣдствіе большого стеченія на Аѳонѣ любителей иноческаго любомудрія, въ келліотской практикѣ произошла перемѣна. Монастыри уступаютъ принадлежащія имъ келліи во владѣніе только трехъ лицъ, безъ права внесенія въ омологію новыхъ членовъ синодіи и безъ права преемственнаго перехода келліи отъ старца къ его ученикамъ. Отсюда происходитъ, что въ моментъ смерти послѣдняго старца у него не оказывается законныхъ наслѣдниковъ, и келлія переходитъ въ собственность монастыря, на землѣ коего она находится. А съ другой стороны, при возобновленіи омологіи, въ случаѣ смерти одного изъ членовъ синодіи и вступленія въ ея составъ новаго брата, монастыри стали теперь представлять различныя затрудненія, съ цѣлью ускорить возвращеніе келліи во владѣніе монастыря. Не говоримъ уже о томъ, что стоимость келліи возросла въ высшей степени и считается нынѣ въ десяткахъ тысячъ рублей.

Внутренняя жизнь келлій устраивается по усмотрѣнію и желанію геронта, безъ всякаго вмѣшательства со стороны кириархальнаго (главнаго) монастыря. Большинство келлій живетъ по уставу общезачинательному, который заимствуется ими отъ лучшихъ аѳонскихъ кинотій. Число иноковъ въ келліяхъ бываетъ различно. Лишь немногія изъ нихъ ограничиваются штатомъ въ 3—4 человѣка, но имѣются и такія келліи (русскія), въ коихъ живетъ отъ 20 до 100 иноковъ. Разумѣется, кириархальные монастыри неодобительно относятся къ чрезмѣрному росту келліотскаго иноческаго населенія и различными средствами задерживаютъ его, но въ тѣхъ келліяхъ, гдѣ иноческій уставъ соблюдается во всей полнотѣ, и геронтъ

является истиннымъ выразителемъ монашескихъ идей, братство безпрепятственно доводится до такого количества, какое келлія въ состояніи содержать. И въ другихъ отношеніяхъ келліи являются ограниченными. Онѣ обязаны ежегодно аккуратно и безъ отговорокъ уплачивать монастырю царскія подати, около одной турецкой лиры (8 рублей 60 коп.) съ человѣка. Геронтъ и синодія келліи должны быть покорными кириархальной обители, въ точности соблюдать всѣ мѣстные обычаи и обязанности въ отношеніи къ ней и съ готовностью приходить къ ней на помощь, въ случаѣ надобности. Они должны обрабатывать землю вокругъ келліи, улучшать и поправлять келлію, но не имѣютъ права воздвигать новыя и расширять старыя зданія келліи безъ предварительнаго на то согласія со стороны монастыря; обязываются также не расширять произвольно границъ келліотскаго участка. Келліотамъ строго воспрещается отдавать въ залогъ монастырскую омологію (декументъ), въ противномъ же случаѣ она считается недѣйствительной. Имъ разрѣшается пользоваться дровами для отопленія келліи, если таковыя имѣются въ границахъ владѣній келліи, но воспрещается рубить какой бы то ни было строевой лѣсъ безъ предварительнаго на то разрѣшенія со стороны монастыря. Если келліоты не подчиняются заключеннымъ съ монастыремъ условіямъ, то кириархія имѣетъ право побудить ихъ безъ возраженія продать келлію другому лицу, которое угодно монастырю, а въ случаѣ замедленія въ исполненіи этого распоряженія монастырь можетъ выселить собственниковъ изъ купленной имъ келліи, даже безъ возврата суммы, уплаченной въ монастырь при покупкѣ. Иногда келліи продаются съ аукціона, послѣ предварительнаго, въ теченіе трехъ недѣль, объявленія объ этомъ въ центральномъ пунктѣ Аѳона—городкѣ Кареѣ и, разумѣется, по распоряженію кириархальнаго монастыря.

По статистическимъ свѣдѣніямъ 1902 года, на Аѳонѣ имѣется 197 келлій, изъ нихъ 148 принадлежатъ греческимъ монахамъ, 31—русскимъ, 5—болгарскимъ, 12—румынскимъ и одна—грузинскимъ. Келліи расположены на земляхъ только 15 монастырей, а въ предѣлахъ остальныхъ пяти монастырей (Зографскаго, Дохиара, Ксенофонта, Русскаго святаго Пантелеймона и Костамонита) нѣтъ ни одной келліи. Съ внѣшней стороны, каждая келлія представляется для наблюдателя особымъ монастыремъ съ большимъ центральнымъ зданіемъ, въ коемъ расположенъ храмъ и помещенія для братіи, съ садомъ, виноградникомъ и полями вокругъ зданія, на которыхъ тамъ и сямъ виднѣются работающіе иноки; работы производятся и во дворѣ келліи, гдѣ находится различныя хозяйственныя пристройки. Трудъ, составляющій послушаніе, смѣняется общей молитвой, послѣ коей—новые труды, по указанію и подъ надзоромъ геронта. Въ нѣкоторыхъ келліяхъ (русскихъ), имѣющихъ до 100 человѣкъ братіи, жизнь устраивается по примѣру монастырей.

VII.

Отъ келлій нужно отличать каливы. Калива представляетъ отдѣльное небольшое зданіе на землѣ монастыря или скита, проданное геронту и одному его ученику, безъ права наследственной передачи другимъ; послѣ смерти того и другого калива переходитъ въ собственность монастыря или скита. Обыкновенно, калива меньше, бѣднѣе и дешевле келліи, не имѣетъ въ стѣнахъ своихъ храма, снабжена небольшимъ участкомъ земли, съ маленькимъ садомъ или огородомъ, населена только двумя лицами—геронтомъ и его ученикомъ, которые живутъ трудами своихъ рукъ, или обрабатывая свой участокъ земли, или нанимаясь на работу въ скитахъ и келліяхъ; многія каливы расположены въ уединенныхъ и малодоступныхъ мѣстахъ Святой горы и крайне бѣдны, а живущіе въ нихъ каливиты проводятъ суровую иноческую жизнь; такія каливы называются аскетическими. Отношенія каливы къ монастырю или скиту, на землѣ которыхъ она расположена, опредѣляются омологіей, которая по своему содержанію сходна съ келліотскою омологіей и ставитъ каливу въ такую же зависимость отъ кириархіи, въ какой находятся и келліи. Въ 1902 году на Аѳонѣ существовало 469 каливъ, на земляхъ двѣнадцати обителей (за исключеніемъ монастырей: Діонисія, Ксиропотама, Зографа, Дохиара, Каракалла, Филооея, Симоно-Петра и Костамонита). Изъ нихъ 234 каливы принадлежатъ греческимъ монахамъ, 183 — русскимъ, 5 — болгарскимъ, 45 — румынскимъ и по одной — сербскимъ и грузинскимъ монахамъ.

Келліи и каливы могутъ быть уступлены монастыремъ другому собственнику не путемъ продажи, а посредствомъ пожизненной аренды, и въ этомъ случаѣ онѣ называются каѳисмами. При отдачѣ каѳисмы въ аренду, пишется омологія на имя пріобрѣтающаго лица, обязывающая его одновременно уплатить въ кассу кириархальнаго монастыря опредѣленную денежную сумму (до 100 и болѣе турецкихъ лиръ), съ правомъ пожизненно пользоваться каѳисмой, но безъ права наследственной передачи, при чемъ монастырь обязуется выдавать арендатору нѣкоторые продукты для содержанія, а арендаторъ обязывается являться на общія монастырскія послушанія, или же принимаетъ на себя трудъ пѣвчаго, просфорника, хлѣбника и т. п. Обыкновенно въ аренду сдаются келліи, расположенныя вблизи монастырей. Иногда въ нихъ поселяются греческіе архіереи, лишеныя епархій или добровольно удалившіеся на покой, а также монахи, не принадлежащіе собственно къ святогорцамъ. Каѳисмъ нынѣ на Аѳонѣ существуетъ только 18, изъ нихъ 15 населены греками, двѣ — румынами и одна — грузинами.

Отъ каливитовъ нужно отличать сиромаровъ. Это—особый родъ аѳонскихъ отшельниковъ, которые не располагаютъ почти никакою собственностью, живутъ по два, по три человѣка, а чаще по одному въ естественныхъ пещерахъ и землянкахъ, а нерѣдко и въ лѣсу — подъ камнями или въ дуллѣ дерева, не страшась зноя и холода, подвергаясь всевозможнымъ лишеніямъ. Средства къ жизни они приобрѣтаютъ рукодѣліемъ, выдѣлывая ложки, крестики, четки, копаясь въ огородахъ, собирая ягоды и травы, нанимаясь на поденную работу къ келліотамъ. Нерѣдко они собираютъ и милостыню въ монастыряхъ, гдѣ получаютъ одежду и обувь, сухари, хлѣбъ и деньги. Разъ въ недѣлю сиромары причащаются въ храмѣ ближайшаго монастыря. Жизнь сиромаровъ—тяжелый подвигъ. Многие изъ нихъ живутъ въ «вертепахъ и пропастьяхъ земныхъ» скалистаго ущелья Карульа, на сѣверо-восточной сторонѣ Аѳона. Въ свои пещеры они поднимаются при помощи каната или по веревочнымъ лѣстницамъ, висящимъ надъ бездною и укрѣпленнымъ на скалахъ ущелья; отъ одного взгляда на эти примитивные способы подъема и спуска у непривычнаго человѣка можетъ закружиться голова. Карульскіе сиромары очень рѣдко оставляютъ свое неприступное жилище и все время проводятъ въ молитвѣ и трудахъ. Пища ихъ весьма суровая—хлѣбъ и трава, изрѣдка и рыба, которую рыбаки кладутъ имъ въ корзины, спущенныя на веревкахъ къ морю; по субботамъ въ эти корзины полагается милостыня и отъ сосѣднихъ монастырей. Нѣкоторые изъ сиромаровъ всю жизнь проводятъ въ странничествѣ, переходя съ мѣста на мѣсто, и лишь на смертномъ одрѣ обрѣтаютъ успокоеніе и избавленіе отъ лишеній всякаго рода. Иные странники даже не имѣютъ ни одежды, ни хлѣба, въ лѣтнее время живутъ на горныхъ вершинахъ, питаются травами и плодами, а зимою спускаются въ зеленѣющія долины Святой горы и здѣсь въ пещерахъ или подъ камнемъ находятъ себѣ пріютъ, пользуясь матеріальной поддержкой со стороны ближайшихъ монастырей и келлій.

Далѣе, на Аѳонѣ расположены монастырскіе метохы, или усадьбы, съ виноградниками, пахотными полями, лѣсами и т. п., въ коихъ также живутъ иноки того или иного монастыря, занимающіеся здѣсь соотвѣтствующими работами и находящіеся въ вѣдѣніи и подъ контролемъ своей киріархіи. Таковъ, на примѣръ, метохъ Кроміца, принадлежащій русскому, святого Пантелеймона, монастырю ¹⁾.

¹⁾ Кромѣ метоховъ, расположенныхъ на Святой горѣ, аѳонскіе монастыри имѣютъ владѣнія на островахъ Архипелага, въ Македоніи, Фракіи, Малой Азіи и Россіи, которыя, вмѣстѣ съ добровольными пожертвованіями христіанъ, и служатъ главнымъ средствомъ содержанія иноковъ. Нѣкоторые изъ монастырей (Ватонедъ, Иверъ, Зографъ и др.) получаютъ отъ своихъ имѣній громадныя доходы.

Наконецъ, въ центрѣ Аэона расположенъ монашескій городокъ Карея. Здѣсь постоянно живутъ антипросовы (представители) двадцати аэонскихъ монастырей, составляющіе центральное управленіе Святой горы, при чемъ каждый изъ нихъ имѣетъ отдѣльное помѣщеніе, называемое конакомъ. Конакъ представляетъ небольшой монастырь, съ храмомъ и келліями для антипросопа и его братіи. Кромѣ конаковъ, принадлежащихъ монастырямъ, въ Кареѣ и ея окрестностяхъ расположены многочисленныя келліи и каливы, зависящія отъ тѣхъ монастырей, на землѣ коихъ онѣ находятся. Карейскіе келліоты и каливиты занимаются преимущественно ремеслами, продавая произведенія своихъ рукъ на мѣстномъ рынкѣ. Многіе изъ нихъ систематически занимаются торговлей и даже имѣютъ собственныя лавки. Нѣкоторыя лавки съ предметами монашескаго обихода принадлежатъ и мірянамъ, которые опять проникли на Аэонъ, несмотря на недавнее запрещеніе патріарха константинопольскаго Іоакима Третьяго. Ежегодно, съ 16-го августа, въ теченіе нѣсколькихъ дней, въ Кареѣ бываетъ ярмарка, привлекающая многочисленныхъ продавцовъ и покупателей, какъ изъ среды монаховъ, такъ и мірянъ (аргатовъ, или рабочихъ). Въ центрѣ Кареи расположено зданіе протата—центрального управленія Аэона, съ храмомъ въ честь Успенія Богоматери. Общее число зданій въ Кареѣ простирается до 120.

Во всѣхъ указанныхъ иноческихъ учрежденіяхъ Аэона въ 1902 году монаховъ было 7.521, изъ нихъ 3.207 грековъ, 3.615 русскихъ, 340 болгаръ, 288 румынъ, 53 грузина и 18 сербовъ. Къ этому числу нужно присоединить до 180 рясофоровъ и послушниковъ, а также до 2.500 мірянъ—торговцевъ, плотниковъ, кузнецовъ, погонщиковъ скота и рабочихъ, такъ что общее количество обитателей Святой горы простиралось до 10.200 человекъ.

VIII.

Всѣ иноческія поселенія святой горы Аэонской составляютъ особую церковную общину, которая называется священнымъ кивотомъ. Центральное управленіе дѣлами священнаго Аэонскаго кивота принадлежитъ особому учрежденію, которое именуется священнымъ синаксисомъ, т.-е. собраніемъ, или протатомъ. Въ составъ священнаго синаксиса входятъ антипросопы или уполномоченные всѣхъ двадцати главныхъ аэонскихъ монастырей, которые и имѣютъ правильно ведущіяся, по дѣламъ Аэона, засѣданія въ городкѣ Кареѣ, въ зданіи протата. Всѣ антипросопы имѣютъ въ сущности одинаковыя права и голоса на засѣданіяхъ синаксиса и въ рѣшеніи дѣлъ. Преимущества и такъ называемыя прономіи, которыми владѣютъ нѣкоторые монастыри, имѣютъ лишь формальное и уставное значеніе, нисколько не вліяя на ходъ и рѣшеніе

протатскихъ дѣлъ. По буквѣ уставовъ, прономіями пользуются старѣйшіе изъ двадцати аеонскихъ монастырей, а именно: Великая лавра святого Аѳанасія, монастыри Ватопедскій, Иверскій, Хиландарскій и Діонисіатскій; эти монастыри составляютъ такъ называемую пентаду, изъ антипросоповъ коей и избирается председатель синаксиса, въ отмѣченной послѣдовательности. Но при этомъ предпочтеніе всегда отдается антипросопу лавры, если онъ присутствуетъ на засѣданіи,—и председательство переходитъ къ ватопедскому представителю лишь въ томъ случаѣ, если лаврскій представитель отсутствуетъ, а равнымъ образомъ, только въ отсутствіе лаврскаго и ватопедскаго антипросоповъ председателемъ можетъ быть антипросопъ иверскій и т. д. Когда на засѣданіи нѣтъ ни одного изъ антипросоповъ пяти главныхъ монастырей, то председательство могутъ взять на себя антипросопы и непрономіальныхъ монастырей, но опять соблюдая чинъ и преемство, издревле установленные между монастырями общимъ уставомъ Аѳона. Срокъ служенія монастырскихъ антипросоповъ въ протатѣ продолжается одинъ годъ, начиная съ 1-го іюня. Въ званіе антипросоповъ избираются лица доброй нравственности, въ почтенномъ возрастѣ, обладающія церковными познаніями, хорошо знающія греческій языкъ, опытные, свѣдунція и вообще способныя управлять монастырскими дѣлами. Протатъ засѣдаетъ три раза въ недѣлю, рѣшаетъ дѣла большинствомъ голосовъ, при чемъ, въ случаѣ равенства, перевѣсъ дается голосомъ председателя; рѣшеніе записывается въ протоколъ, составленный на греческомъ языкѣ, и подписывается всѣми участниками засѣданія; отдѣльное мнѣніе только тогда заносится въ протоколъ, если оно поддержано тремя антипросопами.

Являясь на общія засѣданія три раза въ недѣлю, священный синаксисъ въ остальные дни имѣетъ въ протатѣ особую уполномоченную комиссію, которая называется епистасіей, вѣдаетъ текущія монастырскія дѣла, подготавливаетъ ихъ къ разсмотрѣнію въ общемъ засѣданіи антипросоповъ и приводитъ въ исполненіе протатскія рѣшенія. Епистасія состоитъ изъ четырехъ членовъ, которые по порядку избираются отъ всѣхъ монастырей, съ такимъ расчетомъ, чтобы въ теченіе пяти лѣтъ каждый монастырь имѣлъ въ протатѣ своего епистата; кромѣ того, въ епистасіи всегда присутствуетъ одинъ изъ уполномоченныхъ пяти старѣйшихъ, указанныхъ выше, монастырей, который получаетъ наименованіе перваго епистата и является фактическимъ председателемъ не только епистасіи, но и всего священнаго синаксиса. Протепистатъ формально созываетъ и открываетъ засѣданія протата, представляетъ на разсмотрѣніе и обсужденіе дѣла, занимая въ залѣ засѣданій первое мѣсто, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ другихъ членовъ, вмѣстѣ съ коими сидятъ и остальные три епистата, и держа

въ рукахъ посохъ, называемый бастуни, на серебряной рукояти коего выгравированы имена всѣхъ двадцати Аѳонскихъ монастырей. Фактическая власть протепистата выражается и въ исполненіи рѣшеній священнаго синаксиса, и въ осуществленіи, совмѣстно съ остальными тремя епистатами, текущаго протатскаго дѣлопроизводства. Ни одинъ официальный документъ не можетъ быть имъ подписанъ безъ вѣдома остальныхъ епистатовъ, равно и печать, коей владѣетъ священный киноть Аѳона (съ изображеніемъ Богоматери и надписью кругомъ: «печать протата кинота святой горы Аѳонской»), не находится въ единоличномъ распоряженіи протепистата, но раздѣлена на четыре части, по числу членовъ епистасіи. Епистаты назначаются съ 1-го января каждаго года. Часто бываетъ, что съ обязанностью епистата соединяется и участіе въ священномъ собраніи въ качествѣ антипросопа того или иного монастыря; возможно и совмѣщеніе въ одномъ и томъ же лицѣ обязанностей и протепистата, и председателя синаксиса. Равнымъ образомъ, одно и то же лицо бываетъ антипросопомъ отъ двухъ монастырей; въ этомъ случаѣ оно имѣетъ и двойной на засѣданіяхъ голосъ. Антипросопы и епистаты не получаютъ изъ священнаго кинота никакого жалованья, содержатся на счетъ своихъ монастырей и живутъ въ монастырскихъ конакахъ на Кареѣ. Лишь 31-го мая каждаго года, по окончаніи годовой сессіи протатскихъ засѣданій, протепистатъ даритъ каждому изъ отслужившихъ свой срокъ членовъ протата по одной турецкой лирѣ изъ суммъ кинота; въ тотъ же день устраивается и братская трапеза съ участіемъ всѣхъ членовъ протата. Въ протатѣ состоятъ на жалованьи и два секретаря (первый и второй), не принадлежащіе къ антипросопамъ и не имѣющіе права голоса на засѣданіяхъ.

Протату принадлежитъ власть административная, законодательная и судебная въ отношеніи ко всѣмъ иноческимъ учрежденіямъ Аѳона. Но эта власть имѣетъ характеръ нравственный по преимуществу, а не внѣшне-принудительный. Ни одно административное или судебное опредѣленіе священнаго синаксиса не обязательно для киріархальнаго монастыря, если послѣдній добровольно и свободно не пожелаетъ принять его, будетъ ли это опредѣленіе касаться частнаго монастыря, или всей горы Аѳонской. И во внутреннюю жизнь и управленіе монастырей протатъ можетъ вмѣшиваться лишь по желанію самихъ обитателей, такъ какъ каждая изъ нихъ—ставропигіальная и независима въ своемъ внутреннемъ управленіи. Это вмѣшательство должно проявляться въ духѣ мира и любви, клониться къ общей пользѣ Святой горы и сначала имѣть характеръ частный, въ формѣ простого увѣщанія, совѣта, наставленія. Лишь въ томъ случаѣ, если частныя мѣры не воздѣйствуютъ, дѣла восходятъ на разсмотрѣніе священнаго синаксиса, который, въ качествѣ первой инстанціи, и дѣлаетъ свое постановленіе,

Монастырь, если не согласенъ съ этимъ постановленіемъ, можетъ опротестовать его предъ константинопольскимъ патріархомъ или предъ свѣтскимъ турецкимъ судомъ въ Фессалоникѣ (если дѣло относится къ гражданскому судопроизводству). Но и самъ священнѣйшій синаксисъ можетъ просить содѣйствія константинопольскаго патріарха, если бы какой нибудь монастырь учинилъ дѣла, вредныя интересамъ другихъ монастырей или всей Аѳонской горы. Судебныя дѣла, возникающія между келліями и скитами, принадлежащими одному и тому же монастырю, разсматриваются этимъ послѣднимъ, а если келліи и скиты принадлежатъ различнымъ монастырямъ, тогда дѣло восходитъ на обсужденіе священнаго синаксиса.

IX.

Высшая церковная власть надъ Аѳономъ юридически принадлежитъ константинопольскому патріарху. Подобно остальнымъ ставропигіальнымъ монастырямъ, находящимся въ предѣлахъ константинопольской церкви, и монастыри Аѳонскіе, какъ царскіе и ставропигіальныя, подчинены духовной юрисдикціи вселенскаго патріарха и на богослуженіяхъ поминаютъ его имя, какъ архіепископа Константинополя. Всѣ они, въ подтвержденіе своихъ ставропигіальныхъ правъ, получаютъ отъ патріарха особый документъ, называемый сигилліемъ. Священнѣйшій синаксисъ и отдѣльные монастыри, въ случаѣ спорныхъ судебныхъ дѣлъ и недовольства ихъ рѣшеніемъ, имѣютъ право апеллировать къ патріарху. Равнымъ образомъ, и самъ патріархъ, когда до него доходятъ извѣстія объ уклоненіи монастырей и монаховъ отъ уставовъ Святой горы, имѣетъ власть посылать на Аѳонъ сигилліи и окружныя посланія, съ цѣлью устраненія и изгнанія зла и непорядковъ. Въ этихъ случаяхъ священнѣйшій синаксисъ обязанъ распространять патріаршія предписанія по всей горѣ Аѳонской, чрезъ посредство главныхъ монастырей. Когда на Аѳонѣ возникаютъ крупныя разногласія и судебныя дѣла, вселенскій патріархъ имѣетъ власть отправить сюда своего экзарха для разслѣдованія дѣла на мѣстѣ; священнѣйшій синаксисъ долженъ оказать патріаршему уполномоченному свое содѣйствіе въ исполненіи даннаго ему порученія. Въ томъ случаѣ, когда протать имѣетъ нужду обратиться съ прошеніемъ къ турецкому правительству, онъ дѣлаетъ это чрезъ посредство патріарха, который и представляетъ Портѣ аѳонскій актъ вмѣстѣ съ своимъ докладомъ. Равнымъ образомъ, когда тотъ или иной аѳонскій монастырь имѣетъ нужду послать за границу своего уполномоченнаго инока для сбора добровольныхъ пожертвованій, то и это онъ дѣлаетъ съ разрѣшенія патріарха.

Патріарху по уставу принадлежитъ также право утвержденія вновь избираемыхъ игуменовъ монастырей. Но въ дѣйствитель-

ности это право примѣняется въ самой ограниченной степени. Прежде всего, игумены теперь существуютъ лишь въ общежительныхъ монастыряхъ Аѳона. Затѣмъ, они обыкновенно избираются всѣмъ монастырскимъ братствомъ, въ присутствіи и антипросоповъ— членовъ протата; избраніе доводится до свѣдѣнія протата, который и удостовѣряетъ правильность совершившагося акта, посредствомъ составленія особаго протокола; послѣ этого въ монастырѣ происходитъ обрядъ врученія новоизбранному игуменскаго посоха, а затѣмъ вновь избранный фактически уже вступаетъ въ отправленіе своихъ обязанностей, не ожидая утвержденія со стороны патріарха, которому лишь дается знать о совершившемся фактѣ, съ обычнымъ формальнымъ предложеніемъ признать его законнымъ и каноническимъ. Протестъ патріарха противъ избранія игумена можетъ состояться лишь по просьбѣ братіи монастыря, а равнымъ образомъ и низложеніе монастырскаго игумена можетъ совершиться патріаршей властью только по желанію братіи. Въ монастыряхъ штатныхъ, въ коихъ административная власть сосредоточена въ рукахъ цѣлаго собора проэстосовъ, патріаршая юрисдикція примѣняется еще въ меньшей степени. Да и вообще, взаимныя отношенія между патріархомъ и аѳонскимъ кинотомъ не достаточно ясно опредѣлены въ святогорскомъ канонисмѣ, а дѣйствительность, въ свою очередь, по временамъ весьма рѣзко расходится съ параграфами устава. Все дѣло въ личности патріарха, занимающаго, въ то или иное время, вселенскій престолъ. Бывали случаи, и въ недавнее время, когда священный синаксисъ не позволялъ патріаршимъ экзархамъ вмѣшиваться въ его дѣла, ссылаясь на свою независимость, унаслѣдованную отъ временъ древнихъ, византійскихъ.

Съ церковною независимостью Аѳона находится въ согласіи и нѣкоторая гражданская его независимость, основывающаяся на правахъ, данныхъ турецкимъ правительствомъ. Порта, въ силу исключительнаго назначенія Аѳона и отдаленнаго его положенія отъ правительственныхъ центровъ, относилась къ нему сравнительно благосклонно, тѣмъ болѣе, что аѳонскіе монастыри всегда были аккуратными плательщиками правительственныхъ податей. Нынѣ на Аѳонѣ живетъ, въ качествѣ представителя турецкой власти, каймакамъ или уѣздный начальникъ. Главная его обязанность состоитъ въ собираніи поголовной подати съ монаховъ, въ количествѣ одной турецкой лиры (8 рублей 60 коп.) въ годъ съ cadaго инока, такъ какъ всѣ аѳонскіе монахи, къ какой бы національности ни принадлежали, считаются подданными султана. Эта подать есть и единственная, такъ какъ монахи не платятъ ни земельныхъ повинностей за обработку участковъ, находящихся на Аѳонѣ¹⁾, ни таможенныхъ сборовъ, если привозимые изъ-за гра-

¹⁾ Монастырскія земли и владѣнія, находящіяся на турецкой территоріи внѣ Аѳона, обложены десятиннымъ налогомъ наравнѣ съ участками остальныхъ владѣльцевъ; нынѣ десятина взимается съ аѳонскихъ монастырей деньгами, а не натурой

ниѣ предметы назначаются на нужды монастыря, а не для продажи. Каймакамъ не имѣетъ права вмѣшиваться, безъ согласія аѳонскаго протата, ни въ какія святогорскія дѣла. Когда возникаетъ между монахами какое либо разногласіе, преимущественно на почвѣ владѣнія землей и келліями, то каймакамъ лишь въ томъ случаѣ можетъ принять участіе въ дѣлѣ, если приглашается священнымъ синаксисомъ. При томъ, и въ такихъ случаяхъ его участіе выражается въ нравственномъ, а не въ полицейскомъ воздѣйствіи на враждующія стороны. Каймакамъ имѣетъ право также посѣщать монастыри, скиты и келліи, но опять съ вѣдома протата, если это посѣщеніе связано съ какимъ либо официальнымъ дѣломъ. Обыкновенно, его сопровождаетъ въ такомъ путешествіи и одинъ изъ членовъ протата. Каймакамъ не пользуется правами и полицейской власти, которая ввѣрена особымъ жандармамъ, такъ называемымъ сирдаридамъ, въ числѣ 24 человекъ; сирдариды избираются изъ христіанъ, содержатся на средства монастырей и находятся въ зависимости отъ протата, по распоряженію коего и исполняютъ свои обязанности.

Такимъ образомъ, Аѳонъ представляетъ, въ сущности, свободную монашескую республику или союзъ многихъ монастырскихъ общинъ, независимыхъ въ своей внутренней и внѣшней жизни и пользующихся правами самоуправления, составляющихъ, и въ цѣломъ своемъ составѣ, автономное иноческое общество, управляемое своими выборными представителями, почти совершенно независимо отъ высшей церковной власти константинопольскаго патріарха и внѣ всякаго административнаго и полицейскаго контроля со стороны турецкаго правительства.

Какъ автономная церковная республика, Аѳонъ имѣетъ и своихъ особыхъ представителей, или антипросоповъ, въ Константинополѣ и Ѳессалоникѣ, на которыхъ возлагается обязанность отстаивать интересы аѳонскаго кинота предъ церковною и гражданскою властями и заботиться о пользѣ и благѣ священнаго кинота. Эти антипросопы избираются священнымъ синаксисомъ изъ наиболее достойныхъ и способныхъ аѳонскихъ иноковъ, но официального признанія со стороны турецкаго правительства не получаютъ. Аѳонскій антипросопъ, живущій въ Константинополѣ, признается въ этомъ званіи со стороны вселенскаго патріарха и чрезъ его посредство защищаетъ предъ Портой права и интересы Святой горы. Антипросопъ въ Ѳессалоникѣ, главномъ городѣ гражданскаго округа, къ которому принадлежитъ и Аѳонъ и въ которомъ возникаютъ и рѣшаются многія аѳонскія дѣла, постоянно входитъ въ соприкосновеніе съ турецкими властями, но опять неофициально, получивъ лишь признаніе со стороны ѳессалоникійскаго митрополита, отъ котораго онъ, однако, не зависитъ. Кромѣ этихъ главныхъ антипросоповъ, каждый монастырь имѣетъ своихъ частныхъ

представителей и епитроповъ въ метохахъ и подворьяхъ, которые имъ принадлежатъ въ Турціи и Россіи; эти епитропы завязать отъ монастырей, которые ихъ назначаютъ, и отдаютъ имъ, а не священному синаксису, отчетъ въ своей дѣятельности; иногда они избираются изъ мірянъ тѣхъ сель и городовъ, въ которыхъ находятся монастырскія владѣнія.

Итакъ, въ цѣломъ мірѣ нѣтъ другого, подобнаго Аѳону, учрежденія. Здѣсь все своеобразно и оригинально, не только въ устройствѣ и управленіи, но и въ самой жизни, которая всецѣло посвящена свободному развитію человѣческаго духа, въ строгомъ соотвѣтствіи съ основными его запросами и стремленіями и въ согласіи съ требованіями Евангелія.

Х.

Жизнь монаховъ на Аѳонѣ посвящена исключительно православной церкви и проводится, главнымъ образомъ, въ молитвахъ и торжественныхъ церковныхъ богослуженіяхъ. Ежедневно, въ опредѣленные часы, по первому удару колокола, иноки, какъ равные между собой братья и друзья, собираются въ святой храмъ и проводятъ здѣсь большую часть дня и ночи въ прославленіи и благодареніи Господа. Уже въ самую полночь, нѣсколькими ударами въ колоколъ, иноки пробуждаются отъ сна для совершенія келейнаго правила, которое для монаховъ великой схимы, какъ произнесшихъ самые строгіе обѣты иночества и достигшихъ болѣе высокаго нравственнаго совершенства, заключается въ 1.200 поясныхъ и 100 земныхъ поклонахъ, а для простыхъ иноковъ и послушниковъ—въ меньшемъ количествѣ такихъ же поклоновъ. Вслѣдъ затѣмъ совершается утренняя, которая и заканчивается съ восходомъ солнца, такъ что начало каждого дня встрѣчается иноками въ молитвѣ и прославленіи Господа. По окончаніи утрени, дается небольшой отдыхъ. Въ это время открываются и монастырскія ворота, обыкновенно запирающіяся на цѣлую ночь, и въ монастырь получаютъ доступъ и тѣ иноки, которые живутъ внѣ обители, въ отдѣльныхъ келліяхъ, а также и постороннія лица. Въ шестомъ или седьмомъ часу утра совершается литургія, за которой присутствуютъ всѣ иноки обители. Литургія исполняется весьма торжественно, соборомъ священнослужителей, при полномъ хорѣ монастырскихъ пѣвчихъ. За литургіей иноки причащаются, соблюдая извѣстную очередь, но многіе изъ нихъ приступаютъ къ св. причащенію еженедѣльно. И вотъ, въ концѣ литургіи въ монастырскихъ храмахъ наблюдаются умиленные зрѣлища: сонмы подвижниковъ, благоговѣйныхъ и проникновенныхъ, колѣнопреклоненно молятся и испрашиваютъ взаимно прощенія, лобызаютъ св. иконы и мощи и съ вѣрою, любовью и страхомъ Божиимъ при-

ступаютъ къ великому таинству. По окончаніи литургіи, всѣ получаютъ антидоръ изъ рукъ настоятеля и съ благоговѣніемъ и молитвой выходятъ изъ храма. Въ тѣхъ монастыряхъ, въ которыхъ братія многочисленна и имѣется нѣсколько храмовъ, ежедневно совершается нѣсколько литургій. Такъ, въ русскомъ монастырѣ св. Пантелеймона каждый день служится до 25-ти литургій въ многочисленныхъ храмахъ этой громадной обители. Послѣ литургіи, если случится вторникъ, четвергъ или суббота, монахи идутъ въ общую трапезу и здѣсь, въ присутствіи игумена и почетныхъ старцевъ обители, всѣ вкушаютъ одинаковую пищу, состоящую преимущественно изъ овощей, плодовъ и рыбы и предлагаемую въ умѣренномъ количествѣ, соблюдая полное молчаніе; въ это время одинъ изъ братіи, по назначенію игумена, читаетъ въ слухъ присутствующихъ житія святыхъ или творенія отцевъ церкви. Это чтеніе, благоговѣйное и душеспасительное, сонмъ подвижниковъ, молчаливыхъ и пропикновенныхъ, самая обстановка монастырской трапезы, со стѣнъ коихъ взираютъ на присутствующихъ лики многочисленныхъ угодниковъ Божіихъ, на Аѳонѣ прославившихся,—все это напоминаетъ о тлѣнности и ничтожности тѣлесныхъ потребностей и указываетъ на необходимость питаться духовной пищей—словомъ Божіимъ... Послѣ трапезы совершается общая молитва. Въ упомянутые дни монахи въ такомъ же порядкѣ собираются въ трапезу и вечеромъ. Въ остальные же дни недѣли, т.-е. въ понедѣльникъ, среду и пятницу, монахи, послѣ божественной литургіи, ничего не ѣдятъ, но идутъ въ трапезу уже около полудня, по окончаніи особаго богослуженія—такъ называемаго параклиссиса, вечеромъ же вовсе не вкушаютъ пищи, соблюдая постъ до полудня слѣдующаго дня. Въ воскресные и праздничные дни они бывають въ трапезѣ дважды. Вечеромъ монахи совершаютъ обычныя богослуженія, сперва вечерню, а послѣ—повечеріе, по окончаніи коего идутъ въ свои келліи на покой, но предъ сномъ опять обязаны совершить келейное правило.

Наканунѣ двенадцатыхъ праздниковъ, а также въ дни храмовыхъ праздниковъ въ монастырскихъ церквахъ совершаются и всенощныя бдѣнія—въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Они начинаются въ восемь часовъ вечера и непрерывно тянутся часовъ до шести утра. Всенощныя богослуженія исполняются весьма торжественно. Около восьми часовъ пополудни, искусный еkkлiсiархъ, надѣвши иноческую мантию, сначала на ручномъ билѣ, называемомъ «токомъ»¹⁾, выбиваетъ трель, трижды обходя при этомъ, съ извѣстной разстановкой, соборный храмъ, затѣмъ ударяетъ въ

---

¹⁾ «Токъ»—узкая и длинная доска изъ сушенаго дерева, съ круглымъ перхватомъ посрединѣ. Звукъ извлекается изъ тока при помощи деревяннаго молоточка.

«древа тяжкая»¹⁾, послѣ звонитъ въ «клепало»²⁾, а въ заключеніе раздается колокольный звонъ, заканчиваемый трезвономъ «во вся кампаны». Всѣ монахи по этому призыву должны явиться въ церковь. Богослуженіе обыкновенно совершаетъ самъ игуменъ монастыря, съ соборомъ іеромонаховъ и іеродіаконовъ. Онъ же, совместно съ типикаремъ, наблюдаетъ въ киновіяхъ за ходомъ богослуженія, а въ идіоритмахъ — одинъ типикарь. Богослуженіе совершается по рукописнымъ афонскимъ типиконамъ и богослужебнымъ книгамъ, при участіи «доброгласныхъ» пѣвцовъ, великихъ знатоковъ своего дѣла. Постоянное чередованіе пѣнія съ чтеніемъ, во время котораго полагается и отдохновеніе въ стасидіяхъ³⁾, переходы отъ напѣвовъ унисонныхъ и тягучихъ къ сильнымъ и игривымъ, смѣна полумрака, въ которомъ люди кажутся тѣнями, моремъ огней, возжигаемыхъ моментально во всѣхъ паникадилахъ и лампадахъ съ качаніемъ въ разныя стороны центрального паникадила или хороса, дающаго замѣчательную игру свѣта, замѣна очередныхъ іеромонаха и іеродіакона на выходахъ цѣлымъ соборомъ священнослужителей въ блестящихъ облаченіяхъ съ золотыми крестами, съ ковчегами для ладана на плечахъ и т. д., все это дѣлаетъ афонское бдѣніе полнымъ живого интереса и производитъ на паломника-мірянина сильное впечатлѣніе и истовымъ исполненіемъ устава, и своею торжественностью, и проникновеннымъ молитвеннымъ настроеніемъ всего собранія подвижниковъ, такъ что послѣ одного присутствованія за такимъ богослуженіемъ невольно является желаніе вновь принять участіе въ цѣлонощномъ монастырскомъ моленіи. Наконецъ, въ большіе праздники послѣ полудня служатся торжественныя панихиды о скончавшихся ктиторахъ и благотворителяхъ монастыря.

Такимъ образомъ, большую часть дня и ночи афонскіе монахи посвящаютъ молитвѣ въ храмѣ и келліяхъ, а остальное время идетъ на отдыхъ, преимущественно же на послушанія. Въ общежительныхъ монастыряхъ, скитахъ и келліяхъ всѣ монахи имѣютъ какія либо послушанія въ видѣ опредѣленныхъ занятій, физическихъ или интеллектуальныхъ. Они работаютъ въ садахъ, огородахъ, кузницахъ, столярныхъ и иконописныхъ мастерскихъ, на морскихъ парусныхъ судахъ и т. п., иные исполняютъ обязанности по надзору и украшенію монастырскихъ храмовъ, другіе наблюдаютъ за монастырской бібліотекой, списываютъ рукописи для пополненія ея, нѣкоторые занимаются канцелярскими работами и

¹⁾ «Древа тяжкая», или церковное биво, — толстая и длинная доска изъ сухого дерева, висящая или на колокольнѣ или близъ нея.

²⁾ «Клепало» — желѣзная полудуга, изъ которой звуки извлекаются желѣзнымъ молоточкомъ.

³⁾ Въ православныхъ храмахъ востока, въ средней ихъ части, вдоль по стѣнамъ и около колоннъ обыкновенно устраиваются отдѣльныя для каждаго богомольца помѣщенія для стоянія и сидѣнія, которыя и называются стасидіями.

т. д. Вообще, въ киновіяхъ нѣтъ ни одного празднаго монаха, всѣ они такъ или иначе несутъ труды не только для личнаго спасенія, но и въ пользу своей обители, для внѣшняго или внутренняго благополучія своихъ собратій. Обычнымъ занятіемъ аеонскихъ иноковъ является и чтеніе и изученіе священнаго писанія и твореній святыхъ отцевъ церкви. Въ наукахъ богословскихъ нѣкоторые изъ иноковъ достигаютъ замѣчательныхъ познаній, такъ что вызываютъ истинное удивленіе со стороны и специалистовъ. Имѣются среди нихъ и питомцы университетовъ и духовныхъ академій, бывшіе врачи, юристы, естественники, коихъ невзгоды мірской жизни или исканіе высшихъ идеаловъ заставили покинуть міръ и, вдали отъ его соблазновъ и бурь, найти себѣ тихое пристанище. И они несутъ киновіямъ свою пользу, исполняя послушанія соотвѣтственно специальнымъ своимъ познаніямъ. Имѣется на Аѳонѣ и школа для молодыхъ иноковъ, приготовляющихся къ прохожденію священныхъ степеней. Она помѣщается на Кареѣ, содержится на общія средства аеонскихъ монастырей и находится подъ руководствомъ опытныхъ педагоговъ изъ иноковъ. Въ средѣ ея питомцевъ находятся и русскіе монахи. Но курсъ нынѣшней аеонской школы (Ἀθωνὰς σχολή) значительно уступаетъ программѣ знаменитой ватопедской школы конца XVIII и начала XIX вѣка, отъ которой нынѣ, къ сожалѣнію, остались однѣ развалины. Въ виду этого, нѣкоторые монастыри посылаютъ своихъ молодыхъ иноковъ для обученія въ Константинополь и Аѳины, а иногда и въ Россію.

Вообще иноки Святой горы, удаляясь сюда, ищутъ прежде всего спасенія собственной души, бѣгутъ отъ всѣхъ соблазновъ и прелестей суетнаго міра, а больше всего отъ величайшаго мірскаго соблазна—женщины. Древніе подвижники Аѳона установили не допускать въ монастыри безбородыхъ юношей, свѣжестью лица и голосомъ напоминающихъ подвижникамъ соблазнительный ликъ женщины, а позднѣйшіе анахореты потребовали удаленія съ ихъ глазъ даже животныхъ женской половины и всего, что такъ или иначе можетъ напоминать о женщинѣ. Какъ «назореи», аеонскіе иноки не стригутъ своихъ волосъ, но и не распускаютъ ихъ по плечамъ и спинѣ, дабы не подать повода слабѣйшимъ изъ нихъ къ соблазнительнымъ помысламъ, а должны прятать ихъ подъ подрясникъ или же подбирать на голову подъ клобукъ.

Посвящая свою жизнь молитвѣ и богоугоднымъ занятіямъ, находясь вдали отъ міра и его прелестей, среди простой и суровой обстановки, подъ постояннымъ контролемъ и наблюденіемъ опытныхъ въ духовной жизни руководителей и старцевъ, никогда не видя и лица женщинъ, аеонскіе иноки иногда достигаютъ высокаго нравственнаго совершенства. Среди нихъ и теперь имѣются подвижники, воспріявшіе духъ древняго старчества, строгіе постники и ревностные молитвенники, какъ бы совѣмъ стяхнувшіе съ себя чувственную оболочку тѣла, удостоенные дара прозорливости,

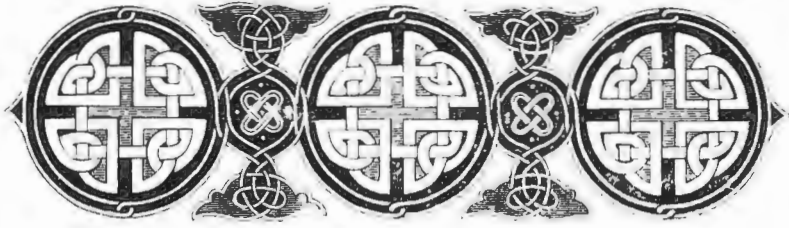
мудрые знатоки человѣческой души, опытные руководители въ жизни нравственной. Пребываніе съ ними умиляетъ душу и врачуетъ душевныя раны, а бесѣда обогащаетъ мудрыми познаніями въ дѣлѣ нравственнаго совершенства. Все у нихъ направлено къ одной цѣли—вѣчному спасенію, вся жизнь есть сплошное служеніе Богу и ближнимъ. Ихъ заботы о благѣ другихъ выражаются въ постоянныхъ нравственныхъ наставленіяхъ и совѣтахъ, въ личномъ примѣрѣ, обаятельно дѣйствующемъ на окружающихъ, въ духовномъ свѣтѣ, благотворно озаряющемъ и ближайшую иноческую среду, и тѣхъ посѣтителей Аѳона, коимъ Господь судилъ на короткое время приблизиться къ этимъ яркимъ свѣтильникамъ добра и правды, столь необходимымъ въ наше практическое и меркантильное время.

Но историческая справедливость требуетъ сказать, что, съ другой стороны, на Аѳонѣ живутъ и такіе иноки, которымъ здѣсь не мѣсто, которые, и удалившись отъ міра, не порываютъ окончательно съ нимъ связей и вносятъ мірскіе элементы въ совершенно чуждую имъ обстановку и среду. Мірское начало стало проникать на Аѳонъ преимущественно въ послѣднее время, когда особенно усилился ростъ здѣшняго монашества, и когда, по недостатку наблюденія за мелкими монашескими учрежденіями, въ нихъ стали проникать случайные любители иноческихъ подвиговъ. А затѣмъ, въ монастыряхъ штатныхъ (идіоритмахъ), вслѣдствіе особаго ихъ устройства, исключающаго единство и силу власти и рѣзко раздѣляющаго братство на два класса—аристократовъ и плебеевъ, съ правомъ жить по своему усмотрѣнію, строгость жизни и подвиговъ много обезцѣнивается личнымъ произволомъ и слабостью, особенно вредными въ дѣлѣ нравственнаго совершенства. Такъ называемые проэстосы занимаютъ въ штатныхъ монастыряхъ по пяти, шести и даже десяти хорошихъ комнатъ, имѣютъ въ банкахъ или въ сундукахъ свои большія деньги, одѣваются въ шелковыя рясы, сидятъ въ келліи на широкой турецкой софѣ, ѣдятъ мясо въ скоромные дни, а въ постные—рыбу, являются представителями обители, ѣздятъ въ Аѳины, Константинополь и т. д. Они не обязаны ходить на всѣ церковныя службы, подобно монахамъ киновіи, свободны въ выборѣ пищи, одежды, общества, могутъ по личному желанію обѣдать вмѣстѣ, молиться, собираться для бесѣды и т. п. Вообще проэстосы идіоритмовъ больше похожи на богатыхъ мірянъ, у которыхъ набожность соединяется съ любовью къ роскоши и независимости, и очень мало—на монаховъ ¹⁾.

И. Соколовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ К. Леонтьевъ: Востокъ, Россія и славянство. Сборникъ статей, т. I, стр. 32—38. Москва, 1885.

„ВЪ СМОЛЕНСКЪ НА СМЯДЫНИ“.

Въ 1015-мъ году свершилось на Руси злое дѣло: сынъ Владимира святого, Святополкъ, «пріимъ Канновъ помысль», вѣроломно убилъ братьевъ своихъ, Бориса и Глѣба. Содрогнулась отъ ужаса Русская земля и заклеимила братоубійцу навѣки именемъ «Окаяннаго», а невинно пострадавшихъ братьевъ его причислила къ лику святыхъ мучениковъ и память ихъ свято хранить до сего дня.

Помѣченный въ святцахъ церковныхъ однимъ только крестикомъ день памяти святыхъ братьевъ—24-е іюля—повсюду на Руси чтится народомъ, какъ одинъ изъ самыхъ большихъ, «годовыхъ» праздниковъ. Работать въ этотъ день считается такимъ же великимъ грѣхомъ, какъ, на примѣръ, на Благовѣщенье или на Христовъ день. По народному вѣрованію, нарушители святости этого дня обязательно наказываются какими нибудь стихійными бѣдствіями: среди яснаго тихаго дня сразу набѣжитъ черная туча, вихремъ разметаеъ сложенное въ стога сѣно, снесетъ ливнемъ подкошенную траву, градомъ отобьетъ готовый къ уборкѣ хлѣбъ, или спалитъ молніей домъ нечестивца и громовымъ ударомъ оглушитъ его стадо.

Много русскихъ праведниковъ предстоятъ въ сонмѣ святыхъ у престола Господня, но только за непочтеніе святого Бориса и Глѣба такъ тяжко наказываетъ Богъ. Древній лѣтописецъ объясняетъ намъ, чѣмъ велики святые братья у Бога, и чѣмъ заслужили они выдающуюся честь у людей: они были первыми рус-

скими мучениками, и кровью ихъ благословилась недавно еще бывшая нечестивою, «поганою» Русская земля. Они были первыми своими, родными народу, ходатаями за него предъ Богомъ, и народъ русскій надолго сохранилъ возникшую въ періодъ его младенчества во Христѣ твердую вѣру, что надежнѣе этихъ ходатаевъ у него никого нѣтъ предъ престоломъ Всевышняго. Кромѣ того, святые братья-мученики, какъ дѣти великаго князя Владимира, сдѣлались нарочитыми покровителями всего русскаго княжескаго рода; и русскіе князья долгое время такъ на нихъ и смотрѣли, въ честь ихъ строили повсюду храмы и ихъ именами (Романъ и Давидъ) называли своихъ любимыхъ сыновей. Короче говоря, въ древней Руси святые Борисъ и Глѣбъ для князей и народа были тѣмъ же, чѣмъ въ новой Руси является святой благовѣрный князь Александръ Невскій.

При такомъ значеніи святыхъ братьевъ для Русской земли естественно слѣдуетъ ожидать, что мѣста, обагренныя когда-то ихъ мученическою кровью, должны пользоваться въ народѣ особеннымъ почитаніемъ, какъ выдающіяся по своей святости. Святой Борисъ, какъ извѣстно, убитъ былъ на рѣкѣ Альтѣ, возлѣ Переяславля, а святой Глѣбъ—въ Смоленскѣ на Смядыни.

Знаетъ ли народъ эти мѣста, и въ какомъ состояніи они находятся въ настоящее время?

Къ сожалѣнію и стыду нашему, всесокрушающее время, разныя историческія невзгоды и, главное, духовная тьма, роковою силою связывающая и доннынѣ русскій народъ, наложили свою тяжелую печать даже на эти историческія святыни Русской земли.

На Альтѣ дѣло обстоитъ еще сравнительно благополучно. Воспоминаніемъ о случившемся здѣсь служитъ село Борисовка, лежащее въ 4 верстахъ отъ г. Переяславля, Полтавской губерніи, и описанное недавно г. Горбуновымъ въ «Живописной Россіи» (1901 г.).

По словамъ лѣтописи, приводимымъ г. Горбуновымъ, уже въ 1117 году Владимиръ Мономахъ построилъ здѣсь, на мѣстѣ убіенія святого Бориса, деревянный храмъ. Владимиръ, говоритъ лѣтописецъ, «велику вѣру стяжа къ Богу и сродникама своимъ, къ святыма мученикома Борису и Глѣбу; тѣмъ же церковь прекрасну созда на Лтѣ во имя его... Представися же на Лтѣ у малое церкви, юже созда потщаніемъ многимъ».

При всей своей краткости, это лѣтописное извѣстіе двумя словами какъ нельзя лучше и яснѣе опредѣляетъ отношеніе русскихъ князей къ памяти свв. братьевъ.

Мономахова церковь существовала недолго: въ 1154 году и она, и часовня надъ мѣстомъ убіенія святого Бориса были сожжены дикими половцами. Въ 1237 году татары окончательно разрушили Борисовскій храмъ. И только черезъ четыреста лѣтъ,

въ 1661 году, переяславскій протопопъ Бутовичъ (извѣстный тѣмъ, что приводилъ переяславскую раду къ присягѣ на подданство Москвѣ) поставилъ на мѣстѣ бывшей часовни каменный крестъ съ соотвѣтствующей надписью. Прошло еще 200 лѣтъ, и въ 1839 году на этомъ мѣстѣ былъ поставленъ храмъ, алтарь котораго приходится на мѣстѣ стоявшаго здѣсь креста, а самый крестъ перенесенъ былъ въ храмъ, гдѣ и понынѣ находится.

Такимъ образомъ, хотя и поздно, но мѣсто, обогрѣнное кровью святаго Бориса, ограждено теперь отъ поруганія и отмѣчено храмомъ Божиимъ, какъ мѣсто священное.

Иначе сложилась судьба Смядыни. Насколько блестяще было ея прошлое, болѣе извѣстное исторически, чѣмъ прошлое Альты, настолько же печально ея настоящее. Одинъ взглядъ на ея современное состояніе способенъ вызвать не только горькія думы, а прямо ужасъ отъ полной заброшенности и кощунственнаго поруганія ея святыни. Конечно, славное прошлое Смядыни минуло навѣки, и вернуть его нельзя, но охранять въ мало-мальски приличномъ видѣ остатки древней святыни, при всей нашей хронической скудости въ средствахъ, вполне возможно; и долгъ cadaго истинно-русскаго человѣка — по мѣрѣ силъ содѣйствовать измѣненію къ лучшему современнаго печальнаго состоянія Смядыни. Посмотримъ, чѣмъ была Смядынь раньше.

Какъ извѣстно, тѣло убитаго при устьѣ ея князя Глѣба было повержено убійцами «на брезѣ, межи двѣма колодами» и прикрито хворостомъ.

Здѣсь оно пролежало четыре года и вслѣдствіе чудесныхъ знаменій было открыто, найдено нетлѣннымъ и по волѣ великаго князя Ярослава перевезено въ Вышгородъ, гдѣ и положено вмѣстѣ съ тѣломъ св. Бориса въ церкви св. Василя, которую вскорѣ смѣнилъ величественный храмъ во имя свв. братьевъ-мучениковъ. Вышгородъ прославился по всей Руси, и со всѣхъ сторонъ сюда, на поклоненіе св. мощамъ, стали стекаться богомольцы.

Вполнѣ понятно, что первоначальная могила св. Глѣба на Смядыни въ Смоленскѣ не могла быть забыта. Надъ нею построена была церковь, возлѣ которой, на самомъ мѣстѣ кончины св. Глѣба, находился колодець, существующій и до сихъ поръ. Кѣмъ была построена эта церковь, изъ лѣтописей не видно, но, принимая во вниманіе благоговѣніе смолянъ къ памяти св. Глѣба, можно думать, что ее воздвигли сами же смоляне, свидѣтели чудесныхъ знаменій надъ могилой князя-мученика, вскорѣ по перенесеніи его мощей въ Вышгородъ. Несомнѣнно, что во время княженія въ Смоленскѣ Владимира Мономаха эта церковь уже существовала. Иначе этотъ благочестивый князь, построившій на Альтѣ храмъ на мѣстѣ кончины св. Бориса, а въ Смоленскѣ — каменный Успенскій соборъ (въ 1103 г.), не оставилъ бы безъ вниманія Смядыни

и устроилъ бы здѣсь храмъ въ память св. Глѣба, о чемъ обязательно упомянули бы лѣтописцы.

Первое извѣстiе о Борисоглѣбскомъ храмѣ относится къ 1137 г. Изгнанный новгородцами князь Святославъ Ольговичъ Черниговскій, врагъ Смоленскаго Ростислава, заѣхалъ на пути къ Чернигову въ Смоленскъ. Желая угодить своему князю, «Святослава яша на пути смоляне и стрежахуть его на Смядынѣ въ монастырѣ», говоритъ лѣтописецъ.

Для того, чтобы могъ возникнуть монастырь, да еще хорошо укрѣпленный, если въ немъ, а не гдѣ либо засадили подъ стражу Черниговскаго князя, очевидно требовалось немало времени. И дѣйствительно, къ 1145 году, Борисоглѣбская церковь настолько уже обветшала, что внукъ Мономаха, великiй князь смоленскiй Ростиславъ Набожный, построилъ на мѣстѣ ея большой каменный храмъ, развалины котораго и сохранились на Смядыни до настоящаго времени.

Величественный, хорошо укрѣпленный каменною оградой, Борисоглѣбскiй монастырь сдѣлался центромъ княжескаго города, возникшаго на Смядыни. Смоленскiе князья облюбовали для себя это мѣсто, какъ удаленное отъ города, съ вѣчемъ котораго у нихъ иногда возникали не особенно прiятные счеты. Здѣсь, возлѣ монастыря, у нихъ былъ свой каменный дворецъ, вокругъ—хозяйственныя постройки и службы, а въ окрестностяхъ Смядыни—птичьи и звѣринныя ловы и всякiя угоды—поля и сѣножати. А главное—здѣсь же находилась торговая пристань на Днѣпрѣ, при широкомъ устьѣ рѣчки Смядынки. Пристань эта приходилась какъ разъ противъ монастырскихъ воротъ, и пространство между ними и берегомъ Днѣпра всегда было завалено своими и заморскими товарами, наполнено разноплеменнымъ торговымъ людемъ и кипѣло бойкой торговой жизнью.

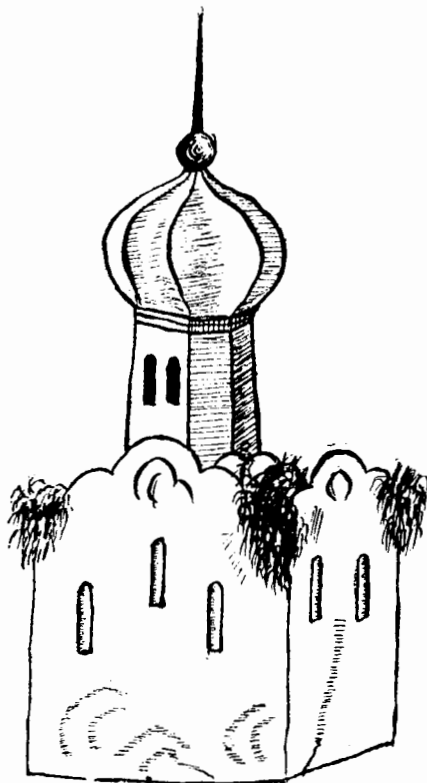
Въ XIII вѣкѣ смоленскiе князья совѣмъ сдружились съ нѣмцами: они заключаютъ съ ними «рядъ», т. е. договоры, пересылаются посольствами; князьи люди ѣздятъ въ Ригу и въ Любекъ, а нѣмцы прiобрѣтаютъ на Смядыни осѣдность, устраиваютъ здѣсь свои склады и даже «божницу».

Все это вело къ процвѣтанiю Смядыни, а вмѣстѣ и Смядынскаго монастыря. Смоленскiе князья не жалѣли богатыхъ вкладовъ для своей «дѣдины благословенной», какъ называли они этотъ монастырь. Храмъ Борисоглѣбскiй получилъ значенiе усыпальницы князей смоленскихъ, несмотря на то, что около 1114 года по другую сторону княжескаго дворца выросъ другой храмъ, существующiй въ своемъ первоначальномъ видѣ и понынѣ подъ именемъ Свирскаго.

«Благовластный» князь Давидъ Ростиславичъ, устроившiй этотъ храмъ для себя и украсившiй его такъ, что во всей полуночной

странѣ не было подобнаго, и красотѣ его дивились даже нѣмцы,— все-таки передъ смертью завѣщаль похоронить себя въ Борисоглѣбскомъ храмѣ. Смертельно больной, онъ велѣлъ нести себя въ этотъ храмъ, постригся тамъ въ монахи и умеръ въ немъ, «во отни ему благословеніи»... Здѣсь же, въ храмѣ, «въ дѣдинѣ отни»

Борисоглѣбскій храмъ по рисунку Гондіуса 1634 года.

онъ былъ и погребенъ епископомъ Симеономъ, рядомъ со своимъ юнымъ сыномъ Изяславомъ.

Въ слѣдующіе вѣка Смядынь, еще раньше получившая названіе «города», въ церковныхъ книгахъ именуется уже «Вторымъ Вышгородомъ». Первый Вышгородъ со своимъ храмомъ былъ разрушенъ татарами. Чтò стало съ мощами свв. Бориса и Глѣба, лѣтописи не говорятъ ничего опредѣленнаго, но усвоеніе Смядыни названія «Второго Вышгорода», какъ увидимъ ниже, весьма знаменательно.

Въ Литовскую эпоху (XIV — XV в.в.) Смядынь продолжала рости и богатѣть, такъ какъ литовскіе князья не трогали право-
«истор. вѣстн.», июнь, 1903 г., т. хсп.

славной вѣры и церкви и продолжали сохранять за Смядыню прежнее значеніе княжескаго города. Въ Смядынскомъ дворцѣ жилъ и Витовтъ, и его преемники. Упадокъ благосостоянія Смядыни начинается во времена московскаго владычества, когда она нѣсколько разъ подверглась нападенію литовцевъ, но религиозное значеніе свое она сохраняла попрежнему. Когда Смоленскъ былъ возвращенъ Москвѣ (1514 г.), московское правительство надѣлило Борисоглѣбскій монастырь вотчинами. Архимандритъ этого монастыря считался старшимъ среди настоятелей другихъ смоленскихъ монастырей. Замѣчательно, что подъ актомъ избранія на царство Бориса Годунова въ 1598 году подписался «Смоленскій Борисоглѣбскій архимандритъ Θεодосій».

Около этого времени, для защиты православія отъ католической пропаганды, проникавшей въ Смоленскую область изъ сосѣдней Литвы, при монастыряхъ было открыто Борисоглѣбское братство. Оно было устроено на подобіе Виленскаго братства, существовавшаго при мощахъ св. мучениковъ виленскихъ. Только дѣятельности Борисоглѣбскаго братства обязано Московское государство сохраненіемъ въ Смоленской области православія и русской народности въ тревожную эпоху XVI и XVII вѣковъ. Это прекрасно понимали поляки, и потому-то Сигизмундъ III-й, взявъ Смоленскъ въ 1611 году, закрылъ и Борисоглѣбскій монастырь, и его братство, которое, однако, продолжало существовать нѣкоторое время неофициально. Напрасно православные смоляне хлопотали передъ Владиславомъ IV-мъ объ открытіи для нихъ въ Смоленскѣ хотя бы одного храма, именно Борисоглѣбскаго; слабый властью король, при всемъ своемъ сочувствіи къ ихъ просьбѣ, не могъ для нихъ ничего сдѣлать. Только въ 1650 году король Янъ Казимиръ, подъ вліяніемъ побѣды надъ поляками Хмельницкаго, особымъ универсаломъ разрѣшилъ открыть и монастырь на Смядыни, и его братство. Но это разрѣшеніе, какъ и многія другія, осталось, кажется, лишь на бумагѣ, и Борисоглѣбскій храмъ послѣ этого даже былъ отданъ уніатамъ.

По взятіи Смоленска царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ (1654 г.) монастырь на Смядыни не былъ открытъ, какъ изъ стратегическихъ соображеній (стѣны и зданія монастыря могли послужить опорой для нападающихъ), такъ и потому, что во время двухъ осадъ (1611 и 1633 гг.) онъ много пострадалъ отъ непріятельскихъ ядеръ, а по приказу Сигизмунда III-го ограда его и хозяйственные постройки были даже сломаны.

Уцѣлѣлъ одинъ только главный храмъ, устроенный Ростиславомъ. Въ послѣдній разъ онъ упоминается, какъ существующій, въ одномъ земельномъ актѣ въ 1680 г., но совершалось ли въ немъ богослуженіе, неизвѣстно. Съ тѣхъ поръ, никѣмъ не поддерживаемый, онъ все больше и больше разрушался. Къ половинѣ XIX вѣка

отъ его стѣнъ остались однѣ развалины, высотой отъ земли около аршина.

Въ 1833 году и эти развалины съ разрѣшенія губернатора Хмельницкаго подверглись варварскому расхищенію со стороны мѣщанъ-подрядчиковъ по постройкѣ московскаго шоссе. Неудача этой постройки, обошедшейся казнѣ въ баснословно дорогую цѣну, спасла развалины отъ окончательнаго разрушенія.

Разборка ихъ ознаменовалась, впрочемъ, важнымъ открытіемъ: внутри храма, подъ небольшимъ сводомъ у сѣверозападной стѣны,

Часовня на мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ св. князь Глѣбъ.

облицованной изразцами, найдены были двѣ бѣлокаменные гробницы, изъ которыхъ одна содержала останки князя Давида Ростиславича, а другая—его сына Изяслава. Меньшая гробница была разбита при извлеченіи ея наружу, а лежавшіе въ ней возлѣ скелета золотой вѣнецъ и топорикъ были похищены рабочими. Давидова же гробница спасена отъ уничтоженія Николаемъ Никифоровичемъ Мурзакевичемъ (бывшимъ впоследствии ректоромъ одесскаго Ришельевского лицея), и теперь она, какъ святыня, хранится въ великокняжеской Свирской церкви.

Въ 1885 году, раскапывая Борисоглѣбскія развалины графъ Уваровъ. Онъ открылъ возлѣ храма слѣды какой-то пристройки,

по положенію своему соотвѣтствующей пристройкѣ, или «каморѣ», въ которой находились мощи свв. Бориса и Глѣба при Вышгородскомъ храмѣ. Это навело мѣстныхъ изслѣдователей старины на мысль, не были ли перенесены мощи св. братьевъ изъ Вышгорода въ Смоленскъ.

Пребываніе св. мощей въ Вышгородѣ по лѣтописямъ можно прослѣдить до 1174 года, а существованіе Вышгородскаго храма до 1194 года. Съ этого времени о нихъ болѣе уже не упоминается ни разу, а потомъ и самый Вышгородъ былъ разрушенъ татарами.

Какъ бы взамѣнъ Вышгорода, съ конца XII вѣка начинается процвѣтатъ Смядынь, получившая названіе «Второго Вышгорода». Не было ли причиной этого процвѣтанія перенесеніе на Смядынь мощей свв. Бориса и Глѣба?

Толчки къ разрѣшенію этого вопроса далъ кievскій профессоръ Петровъ, открывшій въ одной рукописи Кіево-Михайловскаго монастыря извѣстіе о перенесеніи св. мощей изъ Вышгорода на Смядынь.

Дальнѣйшія изысканія въ этомъ направленіи привели авторитетнаго знатока смоленской старины, С. П. Писарева, къ положительному рѣшенію вопроса. Помимо различныхъ болѣе или менѣе остроумныхъ соображеній, изложенныхъ авторомъ въ его брошюрѣ по этому вопросу¹⁾, фактъ перенесенія мощей свв. братьевъ на Смядынь подтверждается тремя свидѣтельствами лѣтописей и пролога, другъ друга пополняющими. Такъ, по Никоновской лѣтописи, св. мощи были перенесены куда-то изъ Вышгорода. Какъ бы въ дополненіе къ этому извѣстію, въ прологѣ XVI вѣка, находящемся въ Троицкой лаврѣ, подъ 11-мъ августа записано слѣдующее празднество: «Мѣсяца августа въ 11-й день великое освященіе церкви святую мученику Бориса и Глѣба и перенесеніе честнаго гробу отъ Вышгорода на Смядынь». По мѣсяцеслову архіепископа Сергія, это было въ 1191 году, т.-е. въ княженіе въ Смоленскѣ извѣстнаго уже намъ Давида.

Третье извѣстіе кievской рукописи дополняетъ сообщеніе пролога и объясняетъ значеніе спорнаго термина «гробу». «Лѣта 6746 (1238) Давидъ Ростиславичъ созда церковь на пристани— соборъ Архангела Михаила, и Бориса и Глѣба на Смядыни, и принесеніе мощей изъ Вышгорода, и святого Василя церковь созда».

Такъ какъ 1238 годъ здѣсь поставленъ по ошибкѣ (Давидъ умеръ въ 1198 г., а церковь Архангела Михаила устроена имъ около 1194 года), то, очевидно, дата Троицкаго пролога—1191 годъ,

¹⁾ «Было ли перенесеніе мощей свв. мучениковъ Бориса и Глѣба изъ Вышгорода въ Смоленскъ на Смядынь?» С. П. Писарева. Смоленскъ. 1897 г. Типографія Подземскаго.

Развалины Борисоглѣбскаго храма.

гораздо вѣрнѣе опредѣляетъ время совершившагося перенесенія св. мощей на Смядынь.

Событія, происходившія около этого времени на Руси, вполне объясняютъ причину этого перенесенія. Давидъ находился въ ссорѣ съ черниговскими князьями. Опасаясь, что со вступленіемъ на кievскій столъ черниговскаго князя Вышгородъ уйдетъ изъ-

подъ его власти, Давидъ воспользовался пребываніемъ въ Вышгородѣ своего брата и перевезъ мощи Бориса и Глѣба въ Смоленскъ, гдѣ, на Смядыни, онъ воспроизвелъ въ точности всю вышгородскую обстановку. Эти мощи были дороги для него вдвойнѣ: и какъ общерусская святыня, и какъ останки святого, имя котораго онъ самъ носилъ (христіанское имя св. Глѣба—Давидъ).

Только при свѣтѣ этого событія становится понятной и любовь Давида къ Борисоглѣбскому монастырю, и наименованіе Смядыни «Вторымъ Вышгородомъ», и дальнѣйшее процвѣтаніе Смядыни, и занесеніе въ московскій, т.-е. общерусскій, прологъ XVI вѣка новаго праздника въ честь св. братьевъ — 11-го августа, кромѣ трехъ существовавшихъ раньше (24-го іюля и 5-го сентября—дни кончины свв. братьевъ и 2-го мая—день перенесенія мощей ихъ въ новый Вышгородскій храмъ).

Отсутствіе прямыхъ, и особенно мѣстныхъ, свидѣтельствъ о перенесеніи св. мощей въ Смоленскъ объясняется гоненіемъ на православіе со стороны католиковъ въ XVI вѣкѣ. Католическіе монахи, особенно іезуиты, усердно истребляли здѣсь все, что могло свидѣтельствовать о православіи въ «забраномъ» поляками краѣ. Только по случайнымъ, сохранившимся въ отдаленныхъ отъ Смоленска уголкахъ, извѣстіямъ можно судить, что въ XV—XVII вѣкахъ Смоленскъ былъ однимъ изъ передовыхъ по состоянію просвѣщенія и письменности городовъ Руси.

Между тѣмъ непосредственныхъ памятниковъ этого на мѣстѣ не сохранилось ни одного. Скорѣе можно найти ихъ въ заграничныхъ польскихъ и другихъ архивахъ, куда часть ихъ была увезена въ эпоху польскаго владычества въ Смоленскѣ.

Остальное все истреблено на мѣстѣ. Даже о Борисоглѣбскомъ братствѣ мы знаемъ лишь по краткому указанію на него въ универсалѣ Яна Казимира; между тѣмъ несомнѣнно, что дѣятельность этого братства, какъ и дѣятельность многихъ смоленскихъ іерарховъ того времени, покровителей просвѣщенія, не могла остаться безслѣдной въ церковно-исторической литературѣ этихъ вѣковъ. До насъ не дошло даже Смоленской лѣтописи, хотя, несомнѣнно, она велась въ Смоленскѣ, какъ велась она въ другихъ менѣе крупныхъ и менѣе богатыхъ политически-общественной жизнью городахъ.

Таковы были печальные плоды господства поляковъ въ Смоленскѣ, или, точнѣе, фанатизма, которымъ сумѣли заразить этотъ свободолюбивый и вѣротерпимый по натурѣ народъ пришлые іезуиты, эти псы стада Христова, св. католической церкви, какъ они сами себя называли.

Благодаря имъ, славная исторія Смядыни была забыта, священные праздники ея прекратились и исчезли даже со страницъ русскихъ мѣсяцеслововъ, а храмъ Смядынскій обратился въ разва-

лины. Безпросвѣтная тьма такъ называемаго «народа» и рабское невѣжество относительно своей родной исторіи нашей интеллигенціи, пренебрегшей этимъ народомъ ради «иноземныхъ басенъ», совершили остальное. И теперь состояніе Смядыни настолько жалко и печально, что съ нимъ можно сравнить развѣ только состояніе Сіона, оскверненнаго язычниками, какъ оно изображается въ грозныхъ предсказаніяхъ библейскихъ пророковъ.

Разница будетъ только одна: здѣсь на Смядыни осквернителями святыни являются не язычники, не иновѣрцы, а самые обыкновенные православные русскіе люди, притомъ свято чтущіе память свв. мучениковъ Бориса и Глѣба. Начать хотя съ того, что земля Борисоглѣбскаго монастыря и самыя развалины не принадлежатъ уже ни духовному вѣдомству, ни казнѣ. Подобно многимъ древнимъ священнымъ мѣстамъ, и мѣсто Борисоглѣбскаго монастыря, путемъ постепеннаго и безпрепятственнаго захвата, перешло въ частныя руки и въ настоящее время занято обширнымъ огородомъ, на которомъ садятъ капусту. Возлѣ огорода, на берегу высохшей рѣчки Смядынки, по преданію на самомъ мѣстѣ убіенія св. Глѣба, стоитъ убогій колодець. Ежегодно 24-го іюля къ колодецу собирается въ крестномъ ходу множество народа изъ города и сосѣднихъ уѣздовъ Смоленской и Могилевской губерній. Существуютъ рассказы о чудесныхъ исцѣленіяхъ отъ воды этого колодца. Причѣтъ Свирской церкви попытался упорядочить колодець и даже построилъ возлѣ него избушку, въ которую пускалъ бесплатно бѣдныхъ ремесленниковъ подъ условіемъ присмотра за колодецемъ. Но такъ какъ избушка вскорѣ превратилась для солдатъ изъ сосѣднихъ казармъ въ шинокъ и еще кое-что, то пришлось отказаться отъ услугъ доброхотныхъ сторожей и заколотить избушку.

Повыше ея, на огородѣ стоитъ большой курганъ на мѣстѣ св. воротъ Борисоглѣбскаго монастыря. Курганъ имѣетъ до 3-хъ сажень въ высоту, сверху покрытъ травой, осколками кирпичныхъ плитокъ и фресокъ, внутренность же его не разслѣдована еще никѣмъ.

Дальше, посрединѣ огорода виднѣется невысокое бугристое пространство, внутри котораго — ямы. Это и есть главный Борисоглѣбскій храмъ, построенный въ 1145 г., внутри котораго найдены были гробницы Давида и его сына.

Ямы обозначаютъ собою различныя части храма — притворъ, главную часть и три алтарныхъ абсиды. Бока ямъ представляютъ стѣны храма, сложенныя на огромныхъ булыжныхъ камняхъ изъ кирпичныхъ плитокъ XII вѣка. Стѣны сохранились въ высоту болѣе сажени; поэтому планъ храма виденъ отчетливо во всѣхъ подробностяхъ.

Но горе любознательному посѣтителю развалины, если онъ попытается спуститься въ глубину этихъ ямъ, чтобы разсмотрѣть

стѣны храма! Чувство брезгливости, которое охватитъ его сначала, перейдетъ въ ужасъ при видѣ «мерзости запустѣнія на мѣстѣ святѣ».

Дѣло въ томъ, что работающіе на огородѣ босяки обоого пола превратили внутренность Борисоглѣбскихъ развалинъ въ такое мѣсто, которое въ произведеніяхъ одного современнаго беллетриста деликатно называется «заходомъ»... Безъ всякаго преувеличенія,— при видѣ такого поруганія святыни, у человѣка, даже боящагося прослыть сентиментальнымъ, на глазахъ навернутся слезы... Кто помнитъ картину поруганія развалинъ церкви въ Вильнѣ, мастерски нарисованную покойнымъ Вс. В. Крестовскимъ, тотъ пойметъ это. Но въ Вильнѣ героями безобразія являлись иновѣрцы, а вѣдь здѣсь-то свои же православные русскіе. Какая горькая иронія, какой позорный крахъ нашихъ самоувѣренныхъ взглядовъ и «направленій», придумываемыхъ для убаюкиванія себя!

Мы уже не говоримъ о владѣльцѣ Смядынскихъ развалинъ (человѣкъ, кстати, тоже православномъ), но вѣдь въ городѣ-то есть немало и состоятельныхъ и вмѣстѣ набожныхъ людей, есть страстные любители мѣстной старины, есть, наконецъ, и мѣстное и духовное управленіе, и никому невдомекъ хотя бы деревянный крестикъ поставить на мѣстѣ алтаря разрушеннаго храма, хотя бы немного разъяснить темному люду, что онъ оскверняетъ не «костѣлы», какъ въ языческой простотѣ называетъ онъ эти развалины, а остатки древняго православнаго храма, быть можетъ, и донинѣ хранящаго въ себѣ святыхъ мощи первыхъ русскихъ мучениковъ.

Да и это, впрочемъ, не вполне и только на время оградило бы святыню отъ поруганія и забвенія. И представленіе прежней славной исторіи Смядыни, и современное ея безотрадное состояніе, и необходимость навсегда сохранить отъ поруганія древнѣйшую общерусскую святыню и замѣчательный историческій памятникъ—все это говоритъ въ пользу возстановленія Борисоглѣбскаго храма въ его первоначальномъ видѣ.

Мысль эта не нова. Еще покойный Николай Никифоровичъ Мурзакевичъ (выше нами упомянутый) въ своей автобіографіи рассказываетъ, какъ онъ, будучи юношей, съ другомъ своимъ по школѣ, просиживалъ ночи на Смядынскихъ развалинахъ, какъ мечталъ здѣсь о возстановленіи древняго храма, который представлялся ему во всей своей былой славѣ, наполненный народомъ, князьями и боярами... Не сбылись его мечты, но ему удалось все-таки оказать услугу Смядыни и родному городу опредѣленіемъ открытой гробницы князя Давида и сохраненіемъ ея отъ варварскаго разрушенія.

Лѣтъ 10 тому назадъ поднималъ вопросъ о возстановленіи Смядынскаго храма мѣстный археологъ и историкъ С. П. Писаревъ, но за отсутствіемъ средствъ вопросъ этотъ заглохъ.

Въ настоящее время онъ снова возбужденъ въ церковной и археологической сферахъ. Съ теоретической стороны онъ уже до-

статочно разработанъ, и значеніе Борисоглѣбскаго храма, какъ древнѣйшаго священнаго памятника, выяснено и общепризнано. Въ самомъ дѣлѣ, если въ послѣднее время, при участіи правительства и общества, найдено необходимымъ и возможнымъ возстановить въ разныхъ мѣстахъ по Руси древніе храмы (Мстиславовъ на Волыни, Пятницкій въ Вильнѣ и др.), то Борисоглѣбскій храмъ тѣмъ болѣе долженъ быть возстановленъ, что сохранился даже внѣшній видъ его на планѣ «осады и обороны Смоленска», изображенномъ по повелѣнію короля Владислава картографомъ Гондіусомъ въ 1634 году.

Тамъ онъ имѣетъ весьма близкое сходство съ своимъ современникомъ, Дмитровскимъ Владимирскимъ соборомъ, и буквальное сходство съ соборомъ Спаса-Преображенія въ Переяславлѣ Залѣсскомъ (построеннымъ въ 1152 г.). Размѣры же и планъ Борисоглѣбскаго храма можно видѣть на мѣстѣ (пока развалины его еще не проданы на щебень и не распаханы вровень съ остальнымъ пространствомъ).

Главныя затрудненія представляетъ практическая сторона дѣла. Гдѣ взять средствъ на отчужденіе земли подъ развалинами, на возстановленіе храма и содержаніе его причта? Но въ настоящее время, быть можетъ, явится возможность устранить эти затрудненія.

Дѣло въ томъ, что возлѣ развалинъ—пустое мѣсто, на краю котораго находятся казармы двухъ полковъ: Софійскаго, имени Александра III-го, и Нарвскаго, и деревня Кловка, приписанная къ Свирскому приходу. Долгое время эти полки не имѣли для себя опредѣленной церкви. Наконецъ, послѣ многихъ переговоровъ и поисковъ, для удовлетворенія религіозныхъ нуждъ этихъ полковъ были отобраны двѣ небольшія церкви у двухъ и безъ того бѣдныхъ смоленскихъ монастырей: Благовѣщенская на Молѣховскихъ воротахъ у Авраміевскаго и Зачатіевская у Троицкаго монастыря. Какъ эти монастыри, такъ и оба полка терпятъ много неудобствъ отъ такого оборота дѣла. Солдатамъ, на примѣръ, приходится теперь ходить въ церковь изъ-за города, отъ Смядынскихъ развалинъ, въ самый центръ Смоленска, т.-е. по меньшей мѣрѣ за три версты.

Между тѣмъ недавно правительствомъ отпущены были спеціальныя средства на устройство по Россіи особыхъ полковыхъ церквей въ цѣляхъ возвышенія религіозно-нравственнаго уровня въ войскахъ. По слухамъ, достаточная сумма ассигнована и на Смоленскъ.

Въ виду близости полковыхъ казармъ къ Смядынскимъ развалинамъ, естественнѣе всего казалось бы возстановить на эти суммы для нуждъ указанныхъ полковъ Борисоглѣбскій храмъ. Такимъ образомъ достигнуты будутъ двѣ цѣли: возстановится древнѣйшая русская святыня, и построенъ будетъ особый полковой храмъ. Въ-

стѣ съ этимъ возстаноятся и права обоихъ монастырей на принадлежачія имъ въ городѣ церкви, теперь по нуждѣ заняты военными.

Наконецъ, въ пользу этого проекта приводится еще одно соображеніе.

Казалось бы, говорить, такъ умѣстно и естественно, чтобы древній храмъ, устроенный на мѣстѣ мученической кончины святого князя Глѣба, въ честь святыхъ братьевъ, сыновей равноапостольнаго, покровителей русскаго княжескаго дома, служившій усыпальницей русскихъ князей и пострадавшій отъ военныхъ невзгодъ,— былъ возстановленъ на военныя же средства и для нуждъ военныхъ людей, въ частности для нуждъ того полка, который имѣетъ счастье носить дорогое имя царя-миротворца, такъ любившаго русскую святыню и старину и такъ много сдѣлавшаго для охраненія и возстановленія ея. Возстановленіе Борисоглѣбскаго храма было бы поэтому прекраснымъ средствомъ выразить лишній разъ благоговѣйное уваженіе къ памяти почившаго русскаго царя.

Таковъ одинъ проектъ возстановленія Смядыни. Если бы онъ почему либо оказался невыполнимъ, то много есть другихъ путей къ той же цѣли, и пока еще не оскудѣла вѣрой и благочестивымъ усердіемъ Русская земля, до тѣхъ поръ едва ли простительно будетъ поставить надъ этимъ дѣломъ крестъ. Что оказалось возможнымъ, послѣ многихъ лѣтъ хладнаго отношенія къ святынѣ, на Альтѣ, то же самое возможно, конечно, и на Смядыни. Судьба святыхъ братьевъ Бориса и Глѣба при жизни и по смерти была одинакова, одинаковая и честь должна быть воздана имъ на Русской землѣ возстановленіемъ должнаго почитанія мѣстъ ихъ мученической кончины.

Трудно представить себѣ, какія благія послѣдствія должно будетъ имѣть это святое дѣло, и какъ глубоко отзовется оно въ сердцѣ русскаго народа, и до сихъ поръ усердно чтущаго память святыхъ братьевъ мучениковъ. И кто знаетъ, если Богу угодно, и если догадки о перенесеніи мощей ихъ на Смядынь справедливы, какимъ великимъ открытіемъ можетъ ознаменоваться это дѣло,—открытіемъ, послѣ котораго, какъ и встарь, засіяетъ на всю Русь слава «Второго Вышгорода», какъ и встарь, именемъ святыхъ братьевъ «благословится Русская земля»!

И. Орловскій.

МУКДЕНСКІЙ ДВОРЕЦЪ.

МУКДЕНСКІЙ дворецъ служилъ жилищемъ еще манчжурскимъ князьямъ. Манчжурскій князь Тайдзанъ (современникъ нашего царя Алексѣя Михайловича), основатель нынѣ царствующей въ Китаѣ династїи, покоривъ Китаѣ, перенесъ столицу въ Пекинъ¹⁾. Первые императоры Тайдзанской династїи разъ въ десять лѣтъ прїѣзжали въ Мукденъ и далѣе въ городъ Линкай на поклоненіе могиламъ предковъ²⁾, но съ теченіемъ времени посѣщенія эти становились все рѣже и рѣже, пока, лѣтъ девяносто тому назадъ, совсѣмъ не прекратились. Съ этихъ поръ началось запусьтніе дворца—теперь, по крайней мѣрѣ, треть построекъ лежитъ въ развалинахъ.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію дворца, считаю не лишнимъ хоть немного познакомить читателей съ несложной китайской архитектурой, образцомъ которой онъ вполне можетъ служить, отличаясь отъ обыкновенныхъ зданій только отчасти фасадомъ, украшеніями, цвѣтомъ крыши и, разумѣется, размѣрами. Планъ расположенія храмовъ, частныхъ домовъ, промышленныхъ заведеній, разныхъ торговыхъ складовъ и другихъ строга одинаковъ:

¹⁾ Пай-тинъ (Пекинъ) значитъ сѣверная столица.

²⁾ Тѣло самого Тайдзана, привезенное изъ Пекина, похоронено верстахъ въ пяти отъ Мукдена; императорскую могилу окружаютъ много красивыхъ построекъ и правильно разбитый чисто содержимый, прекрасный вѣковой паркъ. Въ Линкаѣ (городъ верстахъ въ 150-ти къ востоку отъ Мукдена) покоится прахъ родителей Великаго Манчжура.

занимая, сравнительно, небольшое пространство по фасаду, расположение построекъ уходитъ отъ улицы далеко въ глубь дворовъ. Передъ воротами, саженьяхъ въ трехъ, если позволяетъ мѣсто, ставится обыкновенно каменная, отдѣльно стоящая, стѣнка щитъ¹⁾, сажени въ три въ длину и полторы въ вышину. Ворота ведутъ въ первый дворикъ, обставленный строениями,—прямо противъ воротъ — жилое помѣщеніе; по бокамъ — хозяйственныя постройки (службы); первый дворикъ черезъ стѣни жилого помѣщенія сообщается со вторымъ внутреннимъ, также обставленнымъ зданіемъ; въ свою очередь, черезъ второе жилое помѣщеніе можно пройти на третій дворикъ, и т. д. Такихъ двориковъ намъ случалось насчитывать за одной оградой до семи; разница между ними только та, что дворикъ передъ помѣщеніемъ, гдѣ живутъ собственно хозяева²⁾, заставленъ лѣтомъ цвѣтами и карликовыми плодовыми деревьями въ вазонахъ; тутъ же въ зелени стоятъ акваріумы съ золотыми рыбками, висятъ клѣтки съ пѣвчими птицами, а иногда съ большими зелеными кузнечиками³⁾ (стрекозами); у чиновниковъ и богатыхъ людей на послѣднемъ дворикѣ можно встрѣтить часто небольшую домовую кумирню, и, наконецъ,—садъ, вѣрнѣе три-пять большихъ деревьевъ.

Двери жилыхъ помѣщеній⁴⁾ обыкновенно очень легкія—нижняя половина изъ тонкихъ филенокъ, на переплетѣ верхней—наклеена бумага. Окна... но оконъ въ нашемъ смыслѣ слова у китайцевъ нѣтъ; вся передняя стѣна, иногда въ то же время и задняя, состоитъ изъ легкаго переплета большихъ двойныхъ рамъ; наружныя рамы открываются наружу и вверхъ, внутреннія—внутри и тоже вверхъ; на рамы наклеивается особая для этой цѣли приготовляемая плотная и достаточно крѣпкая бумага, пропускающая довольно свѣта, но не для чтенія и письма, напримѣръ. Вотъ причина (да еще убійственная пыль на улицахъ въ жаркое время года), почему въ Китаѣ больше, чѣмъ гдѣ либо, больныхъ глазами и слѣпыхъ. Отсутствіе стеколъ⁵⁾ большая также помѣха любопытству женщинъ видѣть, что дѣлается на дворѣ или на улицѣ. Онѣ, впрочемъ, въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательствъ, попросту протыкаютъ пальцемъ дырочку въ оконной бумагѣ и смотрятъ... потомъ ды-

¹⁾ Для того, чтобы воспрепятствовать скорому вліянію злого духа. Въ деревняхъ такія стѣнки дѣлаются изъ глины.

²⁾ Родственники и прислуга занимаютъ другія помѣщенія.

³⁾ Эти толстые зеленые кузнечики лѣтомъ услаждаютъ китайцамъ слухъ своимъ стрекотаніемъ, а осенью любители устраиваютъ бои кузнечиковъ, какъ у насъ бои пѣтуховъ или въ Испаніи—быковъ.

⁴⁾ Дверныя отверстія лавокъ забираются на ночь толстыми досками. Размѣръ ихъ въ высоту — отъ потолка до полу, и въ ширину — отъ столба до столба.

⁵⁾ Теперь, впрочемъ, не только въ городахъ, но и въ деревняхъ китайцы начинаютъ употреблять стекла, вклеивая ихъ посерединѣ рамъ.

рочки эти клеиваются. Такимъ образомъ по количеству маленькихъ заплатокъ на бумагѣ можно судить о степени любопытства хозяекъ дома.

Деревянныхъ половъ въ фанзахъ (домахъ) нѣтъ: у зажигочныхъ—они кирпичные, крытые циновками; у того, кто побѣдѣе,—земляные, плотно убитые. Потолки — бумажные; бумага приклеивается къ сдѣланному изъ стеблей гаоляна¹⁾ переплету, который въ свою очередь прикрѣпленъ къ балкамъ. Печи замѣняются канами²⁾; каны—это глиняныя нары, примыкающія къ стѣнамъ во всю ихъ длину; подъ канами проходятъ, нагрѣвая ихъ, трубы отъ очага въ кухнѣ, прихожей.

Благодаря такому устройству отопленія въ китайскихъ фанзахъ сырости почти нѣтъ, несмотря на то, что большинство жилыхъ помѣщеній строится безъ фундамента. Главную часть постройки составляетъ крыша, поддерживаемая столбами, которые или закапываются неглубоко въ землю или, въ рѣдкихъ случаяхъ, ставятся на камни³⁾; промежутки между столбами заполняются плохо обожженнымъ кирпичемъ; кладка рѣдко на известкѣ, а больше на глинѣ. По свойственной имъ манерѣ дѣлать многое «шиворотъ-навыоротъ»⁴⁾ китайцы начинаютъ строить зданіе не снизу, а сверху. Связавъ остовъ крыши, они поднимаютъ его на столбахъ, какъ на подиоркахъ; подводятъ еще нѣсколько столбовъ; потомъ, чтобы предохранить постройку отъ опрокидыванія, соединяютъ ихъ вверху балками и поперечинами, кроютъ черепицей крышу и затѣмъ уже забираютъ стѣны.

При окончательной отдѣлкѣ зданія много замысловатости и нерѣдко вкуса кладутъ китайскіе строители на украшеніе концовъ балокъ и поперечинъ, выглядывающихъ изъ-подъ вывернутыхъ кверху карнизовъ крышъ. Столбы такъ же покрыты рѣзбой, изображающей драконовъ, змѣй и вьющіяся растенія. Но отсутствіе одушевляющей идеи въ этихъ прицѣпленныхъ одинъ къ другому безъ связи рисункахъ, хотя и не лишенныхъ нѣкоторой художественности и изящества въ частности, въ общемъ дѣлаетъ ихъ

1) Гаолянъ — хлѣбное растеніе, видъ кукурузы.

2) Каны отапливаются стеблями гаоляна; теплота отъ такой топки развивается небольшая, но вполне достаточная для согрѣванія спящихъ на канахъ людей; кромѣ спанья, каны служатъ почти постояннымъ мѣстопребываніемъ женщинамъ, которыя сидятъ на нихъ, поджавъ подъ себя ноги «калачикомъ». Въ послѣднее время, съ развитіемъ добычи каменнаго угля, китайцы начинаютъ отапливать имъ дома, но въ виду того, что уголь даетъ слишкомъ большую теплоту, отъ которой деревянныя части кана загораются, они мѣшаютъ уголь съ глиной.

3) Которые, надо замѣтить, не образуютъ сплошного фундамента.

4) На нашъ, разумѣется, взглядъ.

безжизненными и вялыми. За исключеніемъ небольшого числа дворцовъ и башенъ ¹⁾, почти всѣ дома въ одинъ этажъ.

Ни величественнаго зданія ²⁾, ни шпица, ни купола, не поднимается надъ китайскимъ городомъ, чтобы оживить монотонный видъ; только изрѣдка зеленого или желтаго цвѣта крыши дворца или царской кумирни ярко блестятъ на темно-сѣромъ фонѣ черепицы кровель. Рисунки на чайныхъ этикеткахъ даютъ довольно вѣрное понятіе о внѣшнемъ видѣ катаяскихъ зданій съ ихъ причудливо-странными крышами, которыя, будучи сами по себѣ очень тяжелыми ³⁾, кажутся легкими, благодаря вывернутымъ кверху угламъ карнизовъ: это—характерная особенность китайской архитектуры.

Одинъ англійскій изслѣдователь ⁴⁾ жизни китайцевъ остроумно находитъ причину господствующаго у нихъ нынѣ стили въ остаткѣ вліянія татарскихъ народовъ, привыкшихъ жить въ шатрахъ.

Говорятъ, что когда Чингисъ-ханъ наводнилъ въ XIII вѣкѣ странѣ своими полчищами, то предводители его велѣли передѣлать въ городахъ занятыя ими зданія такъ, чтобы они хоть отчасти напоминали имъ шатры ихъ родины—крыши подперли столбами, а промежутки между ними забрали, разваливъ предварительно стѣны, войлоками ⁵⁾, матеріями... И вотъ этотъ-то остатокъ татарскаго вліянія, окаменѣвъ, какъ и многое другое въ Китаѣ, остается неизмѣннымъ въ теченіе 600 лѣтъ.

Главный факторъ, препятствующій развитію китайской архитектуры, какъ впрочемъ и всякому развитію въ Китаѣ,—это консерватизмъ націи, основанный преимущественно на ученіи Конфуція, по которому все въ этой странѣ совершается по точно, до мелочей, установленному и десятками вѣковъ освященному порядку; многочисленныя учрежденія съ многими тысячами мандариновъ и чиновниковъ шариковъ разныхъ цвѣтовъ ⁶⁾ поддержи-

¹⁾ Строятся на мѣстахъ историческихъ событій и надъ могилами или въ память великихъ людей.

²⁾ Въ своей «Исторіи индійской и восточной архитектуръ» м-г Fergusson предполагаетъ основаніемъ такого состоянія китайской архитектуры то обстоятельство, что китайцы никогда не имѣли ни духовенства съ преобладающимъ значеніемъ въ странѣ, ни могущественнаго наследственнаго дворянства. «Присутствіе этихъ совидающихъ классовъ,—говоритъ онъ,—важно потому, что священное искусство архитектуры требуетъ великаго вдохновенія, и никогда оно такъ властно не раскрывается, какъ подъ вліяніемъ сильной и величественно пышной іерархіи... Частныя несогласія и междоусобія войны были данными, малоизвѣстными китайцамъ, и отсюда—мало укрѣпленныхъ мѣсть и прочныхъ, пригодныхъ къ серьезной оборонѣ зданій, которыя количествомъ и устройствомъ отмѣчаютъ характеръ вліятельнаго класса въ странѣ».

³⁾ Крыши въ городахъ сплошь черепичныя, прочныя.

⁴⁾ Robert Douglas.

⁵⁾ Еще и теперь кое-гдѣ въ городахъ попадаются вмѣсто дверей подвѣшанные войлоки.

⁶⁾ Извѣстно, что чины въ Китаѣ различаются главнымъ образомъ по цвѣту стекляннхъ шариковъ на шапкахъ.

Восточныя ворота Мукденскаго дворца.

вають этотъ порядокъ. Такъ, указаніемъ благопріятнаго расположенія построекъ и времени начала работъ по строго опредѣленному плану завѣдуютъ особыя учрежденія ¹⁾, находящіяся подъ покровительствомъ духа «фынь-шуя».

¹⁾ Ими завѣдуютъ чиновники, обязанности которыхъ отчасти напоминаютъ обязанности нашихъ губернскихъ архитекторовъ.

Этотъ «фынь-шуй» есть то, что кладетъ первый камень прекновенія на дорогѣ ко всякому усовершенствованію въ Китаѣ. Предполагается ли строить желѣзную дорогу, — сразу готово возраженіе: возмутится де духъ «фынь-шуя» нарушеніемъ покоя похороненныхъ поблизости предковъ¹⁾; собираются ли европейцы провести телеграфную линію, — говорятъ, что тѣнь, бросаемаемая проволоками на дома, можетъ оскорбить «фынь-шуя» своимъ сосѣдствомъ и навести несчастіе на живущихъ въ этихъ домахъ.

По мнѣнію простого народа, «фынь-шуй» дѣйствительно существуетъ и во все вникаетъ, что же касается мандариновъ, которые, кстати сказать, не такъ грубо невѣжественны, какъ о нихъ думаютъ въ Европѣ, то они, когда государственные интересы того требуютъ, или полученная отъ европейцевъ сумма денегъ достаточно умѣряетъ ихъ консерватизмъ, находятъ, что такія дѣла, какъ постройка желѣзныхъ дорогъ или проведеніе телеграфа, фынь-шую не подвѣдомственны, потому что у Конфуція о такихъ дѣлахъ ничего не сказано²⁾, и страхъ ихъ передъ этимъ все проникающимъ духомъ исчезаетъ, какъ утрення мгла передъ солнцемъ.

Слова «фынь-шуй» буквально значатъ «вѣтеръ-вода». Насколько допускаетъ запутанность китайскихъ идей по этому предмету, можно съ извѣстной вѣроятностью предположить, что «фынь-шуй» есть символическое представленіе естественныхъ наукъ и... суевѣрій. Чиновники-толкователи «фынь-шуя» объясняютъ, что какъ, по словамъ астрологовъ, нѣкоторыя соединенія планетъ могутъ быть благопріятны и не благопріятны людямъ, такъ и сочетанія тѣхъ или другихъ возвышенностей или впадинъ, вообще неровностей, а также водъ и растительности на землѣ могутъ приносить счастье или несчастіе живущимъ на ней, потому что на поверхности земли находятся въ непрестанномъ движеніи два теченія, представляющія мужской и женскій принципы природы: одинъ называется «лазореый драконъ», другой—«бѣлый тигръ».

Неровности земли помогаютъ толкователямъ «фынь-шуя» угадывать посредствомъ магнетическаго циркуля мѣстонахожденія этихъ скрытыхъ силъ природы и сообразно съ этимъ располагать благопріятнымъ образомъ для людей ихъ жилища. Они, напримеръ, находятъ, что полукругъ изъ деревьевъ, посаженныхъ позади дома, способствуетъ счастливому для его обитателей напра-

¹⁾ А могилы ихъ разбросаны повсюду: среди полей, близъ городскихъ стѣнъ, около жилищъ и даже на крышахъ домовъ стоятъ иногда гроба съ покойниками (видѣлъ лично въ г. Синь-минь-тинъ).

²⁾ У Конфуція же о подобныхъ случаяхъ сказано: всякое полезное для жизни знаніе можно заимствовать у сосѣдей, но какое именно знаніе полезно, это уже зависитъ вполне отъ усмотрѣнія мандариновъ, которые также и толкователи Конфуція — собственно конфуціанскаго духовенства нѣтъ; буддійское многочисленно.

вленію силъ «лазореваго дракона» и «бѣлаго тигра»; въ безслѣсныхъ же мѣстностяхъ земляной валъ, облегающій полукругомъ задній фасъ построекъ, достигаетъ той же цѣли.

Старинныя священныя вазы.

Сквозь туманъ суевѣрій и предрасудковъ виднѣются, однако, проблески разума у толкователей «фынь-шуя»; внѣ всякаго сомнѣнія, что мѣста, избираемые ими для поселеній, указываютъ на знакомство ихъ съ климатическими условіями страны. Много лѣтъ тому назадъ, когда англичане впервые селились въ Гон-
«истор. вѣстн.», июнь, 1903 г., т. хсш.

конгѣ, смертность среди англійскихъ солдатъ, жившихъ въ баракахъ на мѣстности, лишенной всякой растительности, была страшная. Когда же по совѣту одного колониальнаго врача, который прожилъ ранѣе долго въ Китаѣ, обсадили бараки бамбукомъ, то дѣйствіе отъ этой посадки было изумительное: смертность уменьшилась больше, чѣмъ наполовину. Туземцы потомъ утверждали, что англійскій врачъ былъ не кто иной, какъ тайный великій толкователь «фынь-шуя», настолько совѣтъ, данный имъ относительно посадки, соответствовалъ правиламъ о расположеніи построекъ и предохраненіи ихъ отъ неблагоприятнаго вліянія упомянутыхъ теченій «дракона» и «тигра».

Вотъ другой случай. Когда строили новый англійскій кварталъ въ Кантонѣ, то китайцы предсказывали всякія напасти тѣмъ, кто тамъ будетъ жить; дѣйствительно, никакія европейскія средства: ни карболка, ни смолы, ни кислоты не могли спасти поселившихся тамъ англичанъ отъ нашествія бѣлыхъ муравьевъ, тучами наводнившихъ жилища. Триумфъ китайцевъ былъ полный, когда англійскій консулъ, построившій себѣ также домъ въ новомъ кварталѣ, былъ принужденъ муравьями покинуть его, чтобы жить въ двухъ миляхъ оттуда подъ защитою тѣни деревьевъ вокругъ пагоды.

Русскимъ также приходилось имѣть дѣло съ «фынь-шумемъ». Штабсъ-капитанъ Блонскій, бывший секретарь-переводчикъ у военнаго комиссара при мукденскомъ дзянь-дзюнь, рассказывалъ, какъ примѣръ своего знакомства съ духомъ покровителя китайскаго домостроительства, такой случай. Понадобилось починить сѣверныя ворота ¹⁾ мукденской каменной городской стѣны. Военный комиссаръ обратился по этому поводу съ просьбою черезъ дипломатическую канцелярію въ Мукденъ къ дзянь-дзюню. Довольно долго искали учрежденія, которое завѣдуетъ городскими стѣнами. Наконецъ учрежденіе нашли и запросили; оно отвѣтило, что ворота, дѣйствительно, надо починить, и матеріалъ есть... но только необходимо подождать, пока «фынь-шуй-сянь-шинъ» не выберетъ благоприятный для начала день. «Фынь-шуй-сянь-шинъ» буквально значитъ «учитель отъ воды и вѣтра», предсказывающій дурную и хорошую погоду. Короче—колдунъ-прорипатель, лицо, официально признаваемое.

Вотъ извольте-ка ждать, пока «фынь-шуй-сянь-шинъ» не погадаетъ о благоприятномъ для начала работъ днѣ, а не принять во вниманіе его мнѣнія нельзя—возмутится духъ китайскій.

Хотя надо сказать правду, въ Мукденѣ толкователи «фынь-

---

¹⁾ Ворота и башня надъ ними отъ ветхости начали осыпаться, грозя со-всѣмъ обвалиться, между тѣмъ на нихъ стояли русскія орудія настѣнной артиллеріи и находился карауль.

шюя» оказались не предусмотрительными: ворота слѣдовало чинить не по указанію русскихъ, а противъ русскихъ и задолго до ихъ прихода. Впрочемъ, вѣроятно, предсказаніе политическихъ событій касается астрологовъ, а не ихъ.

Такъ или иначе, ворота и башни города стояли совершенно не поправленными, когда русскіе, въ 1900 году, подходили къ Мукдену. Въ 5 часовъ вечера, 18-го сентября 1900 года, передовой отрядъ¹⁾ южно-манчжурскаго отряда, имѣя впереди въ летучемъ разѣздѣ 8-ю Донскую сотню охранной стражи эсаула Денисова, вошелъ въ горѣвшій городъ Мукденъ.

Конница и батарея заняли императорскій дворець. Въ 10 часовъ вечера этого же 18-го сентября, начальникъ южно-манчжурскаго отряда, генераль-лейтенантъ Суботичъ, получилъ на бивакѣ главныхъ силъ у селенія Байтапу²⁾ прошеніе на англійскомъ языкѣ отъ мукденскихъ купцовъ-буддистовъ и конфуціанъ и жителей-христіанъ о скорѣйшемъ вступленіи главныхъ силъ въ Мукденъ для возстановленія тамъ порядка³⁾.

19-го сентября, на улицахъ южнаго предмѣстья Мукдена, которое, благодаря налету казаковъ, отѣснившихъ шайки китайскихъ мародеровъ-солдатъ, почти не пострадало ни отъ пожаровъ, ни отъ грабежей, толпились жители съ бѣлыми, въ знакъ покорности, флажками въ рукахъ; лавки открыты настежь, ни испуга, ни горя не выражается на лицахъ китайцевъ; въ толпѣ замѣтны женщины, на рукахъ отцовъ—дѣти, показывающія пальцами на двигающіяся русскія войска; надъ домами развѣваются русскіе національные флаги (и гдѣ китайцы успѣли ихъ только достать?); гремитъ русская военная музыка — встрѣчаютъ торжественно главныя силы южно-манчжурскаго отряда съ генераль-лейтенантомъ Суботичемъ во главѣ...

Такъ была взята столица Манчжуріи, святыня манчжурскаго народа, когда-то гроза Китая, теперь — одно изъ главныхъ гнѣздъ

¹⁾ Передовой отрядъ подъ командой полковника Мищенко состоялъ изъ двухъ сотенъ (Кубанской и Донской) охранной стражи Восточно-Китайской желѣзной дороги, полсотни 5-й сотни Верхнеудинскаго полка Забайкальскаго казачьяго войска, двухъ ротъ пѣшей стражи и Забайкальской казачьей батареи.

²⁾ Селеніе верстахъ въ 9-ти—11-ти къ югу отъ Мукдена.

³⁾ Вотъ картина, представившаяся глазамъ первыхъ русскихъ, вошедшихъ въ Мукденъ: всѣ казенныя зданія, банки, ломбарды, дома мандариновъ были разграблены и разгромлены; магазины, кварталы христіанъ, дома зажиточныхъ китайцевъ — все было въ огнѣ... всюду на улицахъ валялись поломанныя вещи, мебель, разбитыя ящики, разбросанный товаръ, убитыя лошади, трупы людей; и все это было сдѣлано не наступавшими русскими, а китайскими же убѣгавшими войсками; русскіе еще должны были гасить пожаръ, гнать грабителей, охранять древности манчжурскихъ богдыхановъ и защищать мирныхъ жителей. Китайскія войска веди себя такъ возмутительно по отношенію къ мирному населенію не только въ эти послѣдніе дни, когда бѣжали ихъ начальники, а всѣ три мѣсяца войны вездѣ слышались на нихъ жалобы и проклятія...

боксеровъ и другихъ ненавистниковъ европейцевъ. По улицамъ пошли русскіе дозоры и патрули; у фронта дворца, недоступнаго прежде европейцамъ, развѣвалось русское знамя, и генераль-лейтенантъ Суботичъ, который два года тому назадъ не былъ допущенъ, какъ почетный гость, во внутренніе покои дворца, теперь явился главою этой замкнутой и гордой столицы.

20-го сентября, на площади дворца, передъ императорскимъ павильономъ былъ отслуженъ торжественный молебенъ съ провозглашеніемъ многолѣтія верховному вождю русской арміи, Государю Императору. Гарнизономъ въ Мукденѣ былъ оставленъ 11-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ, а командиръ его, полковникъ Домбровский ¹⁾, назначенъ комендантомъ и военнымъ губернаторомъ Мукдена. Карауломъ во дворецѣ встала 5-я рота 11-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка.

Для осмотра дворцовыхъ кладовыхъ и приведенія въ ясность и нѣкоторый порядокъ ²⁾ вещей, укладки ихъ въ шкафы и опечатанія какъ шкафовъ, такъ и входныхъ дверей, печатями, начальникъ отряда назначилъ комиссію съ участіемъ представителей государственнаго контроля, предписавъ ей, по окончаніи осмотра, составить актъ. Окончивъ занятія, комиссія донесла начальнику отряда, что имущество, хранящееся во дворецѣ, состоитъ, главнымъ образомъ, изъ громадной бібліотеки, домашней утвари, царскихъ одѣяній, сѣделъ, сабель и другихъ цѣнныхъ вещей.

Для охраны этихъ сокровищъ, по приказанію генерала Суботича, начальникъ штаба полковникъ Артамоновъ установилъ такой порядокъ: командиръ охранной роты считается смотрителемъ дворца; кладовыя запечатываются печатями смотрителя дворца и начальника штаба; къ нимъ выставляются часовые. Допускъ ³⁾ въ кладовыя разрѣшается каждый разъ начальникомъ отряда и въ присутствіи комиссіи изъ трехъ лицъ: смотрителя дворца, адъютанта штаба и китайскаго офицера или чиновника по назначенію дзяньдзюна (генераль-губернатора).

Въ сентябрѣ 1901 года, гарнизономъ въ Мукденѣ вмѣсто ушедшаго 11-го полка, расположился 1-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый Его Величества полкъ; дворецъ заняла 2-я рота ⁴⁾ этого полка, а командиръ ея, капитанъ Ивановъ, былъ назначенъ смотрителемъ дворца.

¹⁾ Помощникомъ его былъ назначенъ генеральнаго штаба подполковникъ Десно.

²⁾ Потому что часть кладовыхъ была приведена въ беспорядокъ и разграблена, хотя немного, боксерами.

³⁾ Для осмотра, напримѣръ, пріѣзжавшими въ Мукденъ русскими и иностранцами; допускались и китайцы для справокъ въ бібліотекаѣ.

⁴⁾ 2-я рота занимала дворецъ вплоть до сдачи его китайцамъ.

Императорский тронъ.

Дворцовыя постройки расположены немного южнѣ центра императорской части города, занимая громадный квадрат съ четырехугольнымъ выступомъ къ югу, гдѣ ¹⁾ помѣщаются жилища дворцовой администраціи. Сѣверную часть дворцоваго квадрата составляетъ четырехугольная, вымощенная плитами плацъ-парадная площадь передъ императорскимъ павильономъ съ малымъ трономъ императора. Позади павильона, въ продолговатомъ низкомъ зданіи, хранятся императорскіе зонтики ²⁾ и другіе символы власти, носимые на длинныхъ древкахъ, какъ-то: вырѣзанные изъ дерева и позолоченные кося, мечи, фигуры въ видѣ шаровъ, благословляющая рука Будды и др. По сторонамъ площади стоятъ кіоски, куда, въ ожиданіи ли приѣма императоромъ, или при другихъ церемоніяхъ, собираются гражданскіе и военные чины; граждане—въ кіоски правой стороны; военные—въ лѣвые; и кто чиномъ выше, тотъ ближе къ трону.

Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ принесенія поздравленія мѣстными министрами ³⁾, высшими офицерами и чиновниками дзянь-дзюню въ китайскій царскій день. 17-го іюля 1900 года, рано утромъ, я получилъ экстренную записку отъ командира полка съ приказаніемъ допустить во дворецъ дзянь-дзюня ⁴⁾ «для церемоніи принесенія поздравленій по случаю дня рожденія китайскаго императора», какъ значилось въ запискѣ.

Когда я въ шестомъ часу утра вышелъ на плацъ передъ императорскимъ павильономъ, то засталъ уже группу разодѣтыхъ парадно китайскихъ чиновниковъ около кіосковъ. Чиновники продолжали прибывать, размѣщаясь по нимъ сообразно цвѣту шариковъ на шляпахъ; съ красными шариками мандарины, какъ старѣйшіе, помѣстились во второмъ кіоскѣ съ правой стороны ⁵⁾; ближайшій къ павильону заняла почетная стража императорскихъ тѣлохранителей ⁶⁾. Послѣднихъ въ Мукденѣ сто человекъ; всѣ они—природные манчжуры; право служить въ тѣлохранителяхъ — наследственно. Курмы (кофты) и халаты на тѣлохранителяхъ были такія же, какъ на чиновникахъ; сверхъ того, на нихъ были надѣты голубыя шелковыя, затканныя серебромъ оплечья ⁷⁾; конусообраз-

¹⁾ Во время занятія дворца русскими эти помѣщенія были приспособлены подъ жилища солдатъ.

²⁾ Въ торжественныхъ случаяхъ зонтики носятъ не только передъ императоромъ, но и передъ мандаринами.

³⁾ Дзянь-дзюнь мукденскій, пользуясь правами вице-короля, имѣетъ своихъ (мѣстныхъ) министровъ: финансовъ, военнаго, церемоній...

⁴⁾ Дзянь-дзюнь значить генераль-губернаторъ; кромѣ общаго направленія дѣлъ, онъ, какъ манчжуръ родомъ, вѣдаетъ еще дѣла манчжуръ Мукденской провинціи, тогда какъ дѣла китайцевъ подвѣдомственны фу-ину, помощнику его и губернатору Мукдена, родомъ китайцу.

⁵⁾ Въ этотъ разъ занималась только одна правая половина кіосковъ.

⁶⁾ Въ родѣ нашихъ дворцовыхъ гренадеръ.

⁷⁾ Такія же оплечья были надѣты на дзянь-дзюнь, фу-инъ и фу-дугунъ (фу-дугунъ—командующій войсками въ провинціи).

ныя шляпы ихъ, въ отличіе отъ шляпъ чиновниковъ ¹⁾, были обложены толстымъ слоемъ красной (мотками) шерсти и заканчивались не однимъ стекляннымъ шарикомъ ²⁾, а нѣсколькими металлическими, насаженными одинъ на другой.

Показался несомый носильщиками паланкинъ дзянь-дзюня ³⁾; впереди шли аллебардщики въ живописныхъ старинныхъ костюмахъ; позади—солдаты, вооруженные магазинными ружьями и одѣтые въ форму полуберопейскаго покроя ⁴⁾. Министры и чиновники привѣтствовали дзянь-дзюня по этикету присѣданіемъ ⁵⁾, встрѣтивъ его передъ кіосками, гдѣ они до того сидѣли на крытыхъ краснымъ сукномъ скамейкахъ вокругъ столиковъ, на которыхъ былъ приготовленъ чай...

Посидѣвъ ⁶⁾ немного во второмъ кіоскѣ (въ первомъ помѣщались, какъ я уже упомянулъ, императорскіе тѣлохранители—манчжуры), дзянь-дзюнь, выйдя оттуда вмѣстѣ съ фу-иномъ и фу-дунуомъ, всталъ съ ними у подножія террасы передъ императорскимъ павильономъ. Позади дзянь-дзюня шагахъ въ четырехъ, выстроились въ рядъ министры и высшіе чиновники; по бокамъ, около каменныхъ львовъ, стерегущихъ входъ въ павильонъ,—встали рядомъ по три человѣка изъ почетной стражи; средніе изъ нихъ, когда всѣ заняли установленныя по церемоніалу мѣста, что громкимъ голосомъ заплѣли,—дзянь-дзюнь, а за нимъ всѣ присутствующіе чиновники опустили на колѣна на подостланныя плоскія подушки и начали кланяться до земли; молились не больше пяти минутъ; затѣмъ дзянь-дзюнь съ фу-иномъ и фу-дунуомъ возвратились, сопровождаемые стражей, въ кіоскъ, гдѣ дзянь-дзюнь принялъ поздравленія (поклоны съ присѣданіемъ) отъ своихъ высшихъ чиновниковъ...

Плацъ съ павильономъ и кіосками окаймленъ невысокимъ каменнымъ заборомъ со многими воротами; узенькій переулокъ от-

¹⁾ Шляпы лѣтомъ и шапки зимой и покрой одежды одинаковы у чиновниковъ и у офицеровъ; различаются они, главнымъ образомъ, по вышивкамъ на курмахъ: у гражданскихъ птицы, у военныхъ—звѣри вышиваются на передней и задней части парадной кофты-курмы.

²⁾ Такія же шляпы были на дзянь-дзюнь, фу-инъ и фу-дунуъ.

³⁾ Фу-ина принесли также на паланкинѣ, но, не знаю, случайно или по положенію, значительно позднѣе и съ такимъ конвоемъ, какъ дзянь-дзюня, только въ меньшемъ количествѣ.

⁴⁾ Одежда конвоя солдатъ дзянь-дзюня состоитъ изъ широкой соломенной шляпы, выкрашенной красной масляной краской и обитой по тульѣ черной шелковой лентой; хорошо сшитой изъ темнаго сукна куртки и такихъ же шароваръ, забранныхъ въ матерчатые сапоги.

⁵⁾ Между прочимъ очень похожее на присѣданье нашихъ институтокъ.

⁶⁾ Все это время, какъ при встрѣчѣ дзянь-дзюня, такъ и во время молебствія, играла музыка 1-го Восточно Сибирскаго стрѣлковаго Его Величества полка.

дѣляетъ его отъ главныхъ дворцовыхъ зданій, обнесенныхъ высокой каменной стѣной съ двумя только воротами — восточными и западными; ворота эти стоятъ на продолженіи улицы между малыми восточными и западными воротами каменной городской стѣны¹⁾. Эта улица, какъ бы прѣходя черезъ дворцовый дворъ, отрѣзаетъ отъ него къ югу придаточный четырехугольникъ съ помѣщеніями для дворцовыхъ чиновниковъ; лицомъ къ жилищамъ чиновниковъ стоитъ первое собственно дворцовое зданіе— фасадъ дворца — приемное зало, скорѣе похожее на громадный каретный сарай съ воротами-дверьми спереди и сзади; переднія ворота-двери даже не сплошныя, а рѣшетчатыя... Какъ единственное украшеніе этого съ каменнымъ поломъ и безъ потолка, выкрашеннаго темно-красной масляной краской зала, виситъ на стѣнѣ надъ дверьми²⁾ въ золотой рамѣ голубая доска; на ней золотыми гіероглифами написано священное изреченіе, которое гласитъ: «Да будетъ царствованіе твое такъ же ясно и свѣтло, какъ ясно и свѣтло небо въ солнечный день». По бокамъ зала—заставленные ширмами простые глиняные каны; сидя на нихъ, дзянь-дзюнь принялъ отъ мукденскихъ высшихъ чиновъ поздравленіе съ китайскимъ новымъ годомъ послѣ такой же, какъ у павильона, церемоніи. Изъ приемной залы черезъ ворота-двери³⁾, противоположныя входнымъ, выходъ на первый внутренній дворъ, но чрезъ него можетъ ходить лишь одинъ императоръ; чиновники же ходятъ черезъ небольшія боковыя со двора. По бокамъ обширнаго вымощеннаго плитами внутренняго двора расположены въ два ряда двухъэтажныя кладовыя: переднія съ драгоцѣнностями, — заднія съ обыкновенной домашней утварью⁴⁾.

Въ лѣвой отъ входа кладовой, въ нижнемъ этажѣ, въ шкафахъ хранятся украшавшія, вѣроятно, нѣкогда интимные покои еще манчжурскихъ князей и княгинь картины, металлическія зеркала, цѣнныя бездѣлушки изъ яшмы, малахита, нефрита, лакированныя съ тонкой изящной рѣзбою вещицы, вазы стариннаго китайскаго фарфора...

¹⁾ Императорскій городъ, въ срединѣ котораго находится дворецъ, заключенъ въ правильный четырехугольникъ высокихъ толстыхъ каменныхъ стѣнъ (собственно онѣ состоятъ изъ землянаго вала и каменной облицовки); на каждой сторонѣ по двое воротъ, называемыхъ большими и малыми: восточными, западными и т. д. Предмѣстья, облегающія императорскую часть города, окружены, кромѣ того, глиняной стѣной 17 съ половиной верстъ въ окружности.

²⁾ Надъ всѣми дворцовыми дверями висятъ приблизительно такія же дощечки съ какимъ либо священнымъ изреченіемъ.

³⁾ Называю ихъ воротами, потому что онѣ дѣйствительно похожи на ворота каретнаго сарая.

⁴⁾ Въ этомъ помѣщеніи, благодаря заботливому отношенію къ досугу нижнихъ чиновъ командовавшаго временно полкомъ полковника Лечицкаго и ватѣмъ командира полка полковника Хвастунова, а также сердечному участію нѣкото-

Башня «Феникса».

Въ верхнемъ этажѣ навалена цѣлая гора коробокъ съ кусками шелка¹⁾ и какого шелка!—настоящаго китайскаго, платье изъ котораго, какъ говорится, коломъ стоитъ; кромѣ того, тутъ и въ шкафахъ много такихъ же вещей, какъ и внизу; въ сундукахъ аккуратно сложенное и пересыпанное нафталиномъ лежитъ парадное царское одѣяніе, между прочимъ съ вышитыми цвѣтными шелками драконами парчевые халаты, почти сплошь унизанные мелкимъ жемчугомъ...

Въ кладовой, напротивъ, внизу, въ шкафахъ стоятъ священные сосуды-вазы изъ бронзы и какихъ-то другихъ сплавовъ; нѣкоторымъ изъ нихъ по двѣ тысячи лѣтъ; здѣсь же лежатъ распростертыми чучела двухъ громаднхъ медвѣдей, очевидно когда-то присланныхъ какимъ либо племенемъ съ крайняго сѣвера въ даръ богдыхану; дальше—кольчуги, панцыри, копыя...

Наверху, въ шкафахъ—десятки царскихъ сѣделъ: одни усыпаны бирюзой, у другихъ въ серебряную позолоченную оковку передней луки вставлены зерна крупнѣйшаго жемчуга... на стѣнахъ висятъ съ натянутыми тетивами луки, торчатъ стрѣлы²⁾, на столахъ лежатъ мечи-сабли съ рукоятками, усыпанными самоцвѣтными камнями, съ эфесами изъ нефрита, съ ножнами изъ змѣиной кожи...

Въ глубинѣ двора, зданіе троннаго зала съ трономъ изъ эбеноваго дерева, покрытаго рѣзьбой и позолотой; потолка нѣтъ—прямо крыша; внутренняя сторона ея, балки и стѣны разрисованы сине-красными узорами, отчасти напоминающими узоры на стѣнахъ и потолкахъ московскихъ кремлевскихъ дворцовъ царскаго періода. Передъ тронной залой терраса съ солнечными часами и пьедесталомъ для фонаря, зажигаемаго при религіозныхъ церемоніяхъ; съ террасы къ дверямъ ведетъ каменный подъемъ съ изсѣченнымъ на немъ дракономъ, по которому можетъ ходить только императоръ, а для остальныхъ устроены съ боку ступеньки; лѣстница, подъемъ съ дракономъ и рѣшетка передъ дверьми сдѣланы изъ розоватаго, желтоватаго, коричневаго и зеленоватаго цвѣта камней съ изваяніемъ на нихъ львовъ, драконовъ, гирляндъ изъ зелени съ цвѣтами и фантастическихъ виньетокъ...

рыхъ офидеровъ полка, среди которыхъ нашлись и опытный режиссеръ и педурной декораторъ, устраивались солдатскіе спектакли, давались любительскіе—офидерскіе; сценой пользовались также пріѣзжавшія небольшія труппы; здѣсь давали концерты русскіе хоры какъ самого Славянскаго, такъ и его дочери Н. Д. Славянской...

¹⁾ Эти шелки, какъ и много вещей, необходимыхъ въ домашнемъ обиходѣ, присылаются каждыя десять лѣтъ изъ Пекина императоромъ сюда, въ жилище его предковъ, потому что императоръ считаетъ свое пребываніе въ Пекинѣ какъ бы временнымъ.

²⁾ Известно, что до самаго послѣдняго времени въ числѣ знаній и умѣній, требовавшихся для офицерскаго экзамена, умѣнье стрѣлять изъ лука считалось однимъ изъ важныхъ; есть указъ царствующаго богдыхана, который предписываетъ не забывать такого благороднаго занятія, какъ стрѣльба въ цѣль изъ лука.

Главное здание библиотеки.

Изъ троннаго зала можно пройти задними дверями прямо на второй внутренней дворикъ, но опять таки императору, — чиновники же ходятъ боковыми воротами. По бокамъ второго дворика стоятъ также двухъэтажныя кладовыя¹⁾ съ разной рухлядью и

¹⁾ Довольно ветхія.

красивой мебелью: столами, стульями, креслами черными, лакированными съ металлической инкрустаціей и золотыми ободками...

Съ этого дворика по каменной лѣстницѣ подъемъ на искусственно насыпанный довольно высокій холмъ ¹⁾—третій внутренній дворикъ; съ лѣстницы входъ прямо въ четырехъэтажную башню «феникса» ²⁾—нѣкогда мѣсто лѣтнаго отдохновенія манчжурскихъ владыкъ; съ высотъ ея видны городскія стѣны съ башнями надъ воротами и весь императорскій городъ, какъ на ладони; видъ, впрочемъ, унылый: поверхность черепичныхъ сѣрыхъ крышъ сплошь одноэтажныхъ и одинаковой высоты фанзъ (домовъ) похожа на булыжную, покрытую пылью, мостовую...

По бокамъ холма, подъ прямымъ угломъ къ башнѣ «феникса» лежатъ въ развалинахъ или стоятъ готовые вотъ-вотъ рухнуть отъ ветхости жилые покои манчжурскихъ князей... Заднюю часть площадки наверху холма занимаетъ прочное зданіе ³⁾ позднѣйшей постройки; зданіе это — столовая; въ ней дзянь-дзюнь въ царскіе дни устраиваетъ торжественные обѣды ⁴⁾ высшей администраціи Мукденской провинціи; здѣсь же помѣщается небольшой шаманскій алтарь древней религіи манчжурь. За столовой, внизу подошвы холма—садъ ⁵⁾ и царскія конюшни пустыя и разрушающіяся.

Все правое крыло дворцовыхъ построекъ (западнѣе холма и непосредственно къ нему примыкающее) занято отдѣльными домами (фанзами), въ которыхъ жили когда-то писцы, библіотекари, архивариусы и вообще чиновники, имѣвшіе отношеніе къ библіотекѣ; всѣ эти дома въ полномъ запустѣніи и до того ветхи, что готовы рухнуть, за исключеніемъ громаднаго деревяннаго въ три этажа зданія богатѣйшей въ Китаѣ библіотеки, содержащей въ себѣ до 80.000 томовъ научныхъ, философскихъ и беллетристическихъ сочиненій; по бокамъ главнаго въ три свѣта зала тянутся въ два яруса галлерей съ полками книгъ и отдѣльными уютными кіосками ⁶⁾ для чтенія; въ главномъ залѣ меблировка во многомъ напоминаетъ европейскую, хотя она чисто въ китайскомъ стилѣ: столы, кресла, диваны чернаго дерева, покрытые рѣзьбой и лакомъ.

¹⁾ Бока холма срезаны и облицованы кирпичемъ.

²⁾ Эта мифологическая птица существуетъ и въ Китаѣ; для выраженія ея понятія есть особый героглифъ.

³⁾ Приемное, тронное и столовое залы позднѣйшей постройки, точно такой, какъ и кладовыя на первомъ дворѣ и помѣщенія для библіотекъ; всѣ эти зданія видимо поддерживаются; остальные же многочисленныя постройки обречены на разрушеніе, и многія изъ нихъ представляютъ однѣ руины...

⁴⁾ Во время занятія Мукдена русскими войсками, дзянь-дзюню не разрѣшалось тамъ устраивать обѣды, потому что здѣсь хранилось много запечатанныхъ вещей.

⁵⁾ Штукъ шесть громадныхъ деревьевъ.

⁶⁾ Такой кіоскъ состоитъ изъ кресла съ баддахиномъ, столика передъ нимъ и висящимъ красивымъ слюдянымъ фонарикомъ.

Книги¹⁾ хранятся въ деревянныхъ лакированныхъ ящикахъ, поставленныхъ одинъ на другой на полкахъ; книги тутъ и древнія и современныя: авторъ какого либо сочиненія, за которымъ цензоры-критики признали литературныя достоинства, представляетъ одинъ экземпляръ въ Пекинскую государственную библиотечку, другой присылается въ Мукденскую.

Во время занятія Пекина союзниками тамошняя библиотечка пострадала частью отъ пожара, частью отъ расхищенія, и только мукденская осталась въ полной сохранности и порядкѣ, благодаря заботливости о ней русскихъ²⁾. Въ этой же части дворца, ближе къ императорскому холму, приютилось небольшое двухэтажное (достаточно прочное) строеніе—отдѣленіе библиотечки съ книгами, посвященными императорамъ или даже написанными самими императорами-поэтами; здѣсь книги въ темно-малиновыхъ шелковыхъ обложкахъ и завернутыя въ золотую парчу хранятся въ шкафахъ изъ краснаго дерева.

Лѣвое крыло дворца—сравнительно узкій четырехугольникъ между холмомъ и императорскимъ павильономъ—состоитъ изъ небольшой царской кумирни по фасаду, оружейной³⁾ и въ глубинѣ—третьяго отдѣленія библиотечки, или, вѣрнѣе, хранилища печатей умершихъ богдыхановъ, ихъ портретовъ, писанныхъ китайскими художниками, и родословныхъ списковъ нынѣ царствующей династіи.

Нижній этажъ этого хранилища заставленъ шкафами съ родословными списками, въ верхнемъ сберегается также часть списковъ и, кромѣ того, портреты и печати, хотя въ наше время царскихъ печатей тамъ не было; онѣ, повидимому, были унесены мандаринами передъ началомъ смуты. Оставались только небольшіе на подставкахъ лакированные ящики-ковчезцы, прикрытые парчей; портреты по громоздкости рисунка (больше натуральной величины) труднѣе было унести, и они остались на мѣстахъ, свернутые въ свитки и полбленные въ длинные ящики. Эти портреты и родословныя царскаго дома были предметомъ особой заботливости мукденскихъ мандариновъ. Въ теченіе почти полутора лѣтъ, когда я исполнялъ обязанности смотрителя дворца, они, по крайней мѣрѣ, пять разъ просили разрѣшенія у генерала Флейшера (начальника южно-манчжурскаго отряда) войти въ библиотечку подѣтъ или другимъ предлогомъ, а на самомъ дѣлѣ, чтобы посмотрѣть, всѣ ли родословныя книги и портреты цѣлы, и не унесли ли мы ихъ,—хотя иногда дѣйствительно дѣлали и справки.

¹⁾ Китайскія книги представляютъ сброшюрованныя тетрадки по томамъ; нѣсколько такихъ брошюръ заключаются въ снимающуюся обложку изъ синяго обыкновеннаго картона; обложка застегивается въ петли косяными приколѣшниками.

²⁾ Главнымъ образомъ благодаря заботливости бывшихъ начальниковъ южно-манчжурскаго отряда, генералъ-лейтенантовъ: Суботича, Церпицкаго и Флейшера, и начальниковъ штабовъ полковниковъ: Артамонова, Ростовскаго и Глинскаго.

³⁾ Тутъ стояли коробки-картонки съ пуками стрѣлъ.

Такъ, 25-го апрѣля 1902 года, я получилъ отъ полковника Глинскаго ¹⁾ предписание допустить на слѣдующій день (26-го апрѣля) въ присутствіи установленной комиссіи въ бібліотеку прибывшихъ изъ Пекина дворцовыхъ чиновниковъ для необходимыхъ справокъ. Утромъ 26-го апрѣля ко мнѣ явилось десятка два китайскихъ офицеровъ, чиновниковъ и писцовъ-переводчиковъ ²⁾, какъ мѣстныхъ такъ и пріѣзжихъ, въ парадныхъ платьяхъ. Послѣ взаимныхъ представленій и привѣтствій сопровождавшій ихъ штабсъ-капитанъ Блонскій ³⁾ попросилъ допустить ихъ въ хранилище родословныхъ книгъ, откуда китайцамъ, по словамъ штабсъ-капитана Блонскаго, надо было сдѣлать выписки за 24-й годъ царствованія Кван-сю (царствующій императоръ), потому что родословныя тетради за этотъ годъ утеряны въ Пекинской бібліотекѣ въ прошлые безпорядки. Тетради эти сброшюрованы въ громадныя, толстыя пачки, похожія больше на кипы хлопчатобумажной ткани; и не мудрено, что онѣ такія объемистыя, — въ нихъ записаны не только нисходящія ⁴⁾, но и восходящія поколѣнія, какъ, разумѣется, императора, такъ и всѣхъ членовъ императорской семьи...

Способъ написанія родословнаго дерева похожъ на нашъ, или, вѣрнѣе, нашъ похожъ на китайскій ⁵⁾. Родоначальникъ обозначенъ краснымъ кругомъ; кружокъ прикрытъ прилѣпленнымъ квадратнымъ кусочкомъ золотой парчи; отъ кружка по линіямъ спускаются нисходящія поколѣнія, переходя со страницы на страницу и заполняя ихъ многочисленными именами.

Штабсъ-капитанъ Блонскій, между прочимъ, прочиталъ, что у одного императора было тридцать сыновей, изъ которыхъ многіе могли быть женаты, имѣть дѣтей, внуковъ... не даромъ биткомъ набиты родословными книгами громадныя шкафы краснаго дерева.

Довольные тѣмъ, что нашли, чего искали, китайцы, прощаясь, мнѣ говорили: «Какъ у васъ тутъ хорошо, все въ порядкѣ; вездѣ стоятъ часовые,—не такъ, какъ у насъ»...

На такую своеобразную любезность мнѣ оставалось только скромно промолчать...

И. Е. Ивановъ.

¹⁾ Начальникъ штаба южно-манчжурскаго отряда; я, какъ смотритель дворца, подчинялся ему непосредственно.

²⁾ При каждомъ китайскомъ правительственномъ учрежденіи находятся писцы-переводчики для перевода бумагъ съ манчжурскаго языка на китайскій и наоборотъ, потому что не всѣ мандарины знаютъ манчжурскій языкъ.

³⁾ Бывшій секретарь-переводчикъ у военнаго комиссара полковника Квѣдцинскаго при мукденскомъ дзянь-дзюнь.

⁴⁾ Такъ какъ жены императоровъ и ихъ родственниковъ часто бываютъ не царской и не княжеской крови, а изъ обыкновенныхъ классовъ (какъ теперешняя вдовствующая императрица-мать родомъ крестьянка), то ихъ родословныя и родословныя ихъ предковъ вносятся въ родословную императорскаго дома каждый разъ особо.

⁵⁾ По моему мнѣнію, родословное дерево, какъ и многое другое, заимствовано европейцами у китайцевъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ А. И. КИРПИЧНИКОВЪ.

НЕ ПИШУ ни біографію покойнаго Александра Ивановича, ни его некрологъ... Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ извѣстія о его смерти я лишь хочу сказать о немъ нѣсколько словъ — передать тѣ чисто личныя чувства и воспоминанія, которыя остались во мнѣ отъ знакомства съ нимъ въ очень давнее время, когда онъ былъ только еще на первомъ курсѣ филологическаго факультета въ Московскомъ университетѣ.

Это было сорокъ лѣтъ назадъ, въ самомъ началѣ 1863 года. Въ качествѣ вольнослушателя, я посѣщалъ тогда лекціи названнаго университета. Не имѣя въ Москвѣ никого изъ близкихъ людей, я жилъ въ то время, какъ и большинство учащихся студентовъ, въ дешевыхъ меблированныхъ комнатахъ, и это житье такъ опостылѣло мнѣ на первыхъ же порахъ, что я вывѣсилъ однажды у дверсіи подъ правою аркою новаго зданія университета коротенькую записку, въ которой изъявлялъ желаніе взять небольшую комнату въ семейномъ домѣ, со столомъ и прислугой. Желающаго предложить мнѣ такую комнату я просилъ обратиться къ швейцару университета, котораго предупредилъ объ этомъ. И вотъ, однажды, когда я выходилъ съ лекціи профессора гражданскаго судопроизводства К. П. Побѣдоносцева, ко мнѣ подошелъ высокій, стройный и очень красивый юноша, лѣтъ 18-ти на видъ, блондинъ, съ румянцемъ во всю щеку, съ чрезвычайно добрымъ и симпатичнымъ лицомъ. Онъ разыскалъ меня въ студенческой толпѣ очень легко, такъ какъ въ то время я былъ единственный чело-

вѣкъ, посѣщавшій лекціи университета въ военной офицерской формѣ (состоя, впредь до выхода въ отставку, въ 11-ти-мѣсячномъ отпуску); студенты же носили тогда статское платье.

— Я прочелъ вашу записку, — сказалъ подошедшій студентъ, — и швейцаръ объяснилъ мнѣ, кто ее вывѣсилъ...

Затѣмъ, я узналъ, что этотъ студентъ, по фамиліи Кирпичниковъ, живетъ вмѣстѣ съ матерью, на Никитскомъ бульварѣ, что они снимаютъ небольшую квартиру, и у нихъ есть одна свободная комната. Я записалъ адресъ и въ тотъ же день къ нимъ отправился.

Я засталъ дома и студента, и его матушку. На видъ это была пожилая женщина, среднего роста, одѣтая очень чисто, но просто. Я пробылъ у Кирпичниковыхъ недолго, такъ какъ комната оказалась для меня не подходящей: она выходила своимъ единственнымъ окномъ на какую-то лѣстницу и была, повидимому, темна. Это и было началомъ моего знакомства съ покойнымъ Александромъ Ивановичемъ. Потомъ, встрѣчаясь иногда въ университетѣ, мы раскланивались и разговаривали. И вотъ, однажды, я прочелъ въ газетахъ, что нѣкто П. А. Безсоновъ, секретарь общества любителей россійской словесности и издатель пѣсенъ «Калики-перехожіе», принялъ на себя новый трудъ — закончить обширный «Сборникъ пѣсенъ» Кирѣвскаго, редактированный въ началѣ Якушкинымъ ¹⁾. При этомъ, дѣлалось обращеніе къ любителямъ и знатокамъ этихъ пѣсенъ, приглашавшее ихъ, чтобы они высылали тексты и варианты пѣсенъ къ нему, Безсонову, по такому-то адресу, и что онъ, собиратель пѣсенъ, будетъ уплачивать гонораръ за каждую, которою воспользуется для сборника. Встрѣтившись въ тотъ же день въ университетѣ съ Кирпичниковымъ, я сообщилъ ему объ этомъ и прибавилъ, что хочу на досугѣ заняться этимъ дѣломъ, такъ какъ, живя ранѣе въ нѣсколькихъ великороссійскихъ и поволжскихъ губерніяхъ, и именно въ деревняхъ и селахъ, очень любилъ слушать пѣсни и многія изъ нихъ запомнилъ.

— А какую массу народныхъ пѣсенъ знаетъ моя матушка! — отвѣчалъ мнѣ на это А. И., и на этомъ мы тогда и закончили нашъ разговоръ.

На другой день, въ одной изъ аудиторій, ко мнѣ подошелъ Александръ Ивановичъ и сообщилъ, что онъ передалъ нашъ разговоръ своей матушкѣ, и что она тоже пожелала воспользоваться

¹⁾ Въ сочиненіяхъ покойнаго Якушкина (издан. 1884 г.), на стран. 462 и слѣд., въ статьѣ «Кое-что объ изданіи народныхъ стиховъ и пѣсенъ», подробно рассказывается исторія интриги, благодаря чему трудъ Якушкина попалъ въ руки Безсонову, который и объявился, такимъ образомъ, и редакторомъ «Сборника пѣсенъ» Кирѣвскаго.
И. З.

приглашеніемъ г. Безсонова и хотѣла бы соединить свой трудъ съ моимъ. Я согласился и отправился въ квартиру Кирпичниковыхъ еще разъ. Тамъ мы и условились въ порядкѣ работъ: въ недѣлю разъ или я долженъ былъ приходить къ нимъ, или же Александръ Ивановичъ съ пѣснями, записанными за недѣлю его матушкой, долженъ былъ прійти ко мнѣ,—и мы рѣшили свѣрять записанныя нами пѣсни и затѣмъ составить изъ нихъ одинъ общій сборникъ. Деньги, которыя мы должны были получить, рѣшено было раздѣлить пополамъ. А чтобы пѣсенъ было побольше, и я, и покойная г-жа Кирпичникова написали къ нѣкоторымъ своимъ знакомымъ, проживавшимъ въ глуши сель и деревень, прося ихъ записать и выслать намъ мѣстныя пѣсни: я просилъ знакомыхъ мнѣ лицъ въ Тамбовской, Пензенской и Саратовской губерніяхъ, а г-жа Кирпичникова написала въ Орловскую губернію, откуда она была родомъ. И тутъ я узналъ, что они купеческаго рода, изъ города Мценска.

Составляли мы нашъ сборникъ мѣсяца два слишкомъ, сходясь по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ; всю масленую недѣлю 1863 года мы работали ежедневно, такъ какъ лекцій въ эту недѣлю тоже не было. Работа у насъ шла дружно и гладко: мы провѣряли записываемыя пѣсни съ пріобрѣтенными нами пѣсенниками и исключали изъ своего сборника тѣ, что уже были напечатаны; такимъ образомъ, къ апрѣлю того же 1863 года, мы закончили свой трудъ, внеся въ наше «собраніе» болѣе 150-ти различныхъ бытовыхъ народныхъ пѣсенъ—степныхъ, приволжскихъ и пр.; я принялъ на себя и дальнѣйшія хлопоты—пристроить нашъ сборникъ пѣсенъ и получить за него деньги.

Я разыскалъ П. А. Безсонова и передалъ ему «для просмотра» нашъ трудъ... Онъ назначилъ мнѣ зайти «черезъ недѣлку»... Но мнѣ, однако, довелось быть у Безсонова нѣсколько разъ, прежде чѣмъ этотъ предприимчивый «собиратель пѣсенъ» далъ, наконецъ, отвѣтъ. А отвѣтъ былъ очень печальный и для насъ неутѣшительный.

— Общество наше (т.-е. любителей россійской словесности) признаетъ нѣкоторый интересъ въ вашемъ трудѣ,—говорилъ Безсоновъ,—но въ виду уже израсходованныхъ на этотъ предметъ суммъ не можетъ уплатить вамъ за него деньги: оно предлагаетъ вамъ и студенту Кирпичникову, въ видѣ вознагражденія за ваши труды по составленію сборника, званіе членовъ, и въ случаѣ вашего согласія мы выбаллотуруемъ васъ на первомъ же засѣданіи.

Такая неудача очень огорчила и меня, и Александра Ивановича; мы оба въ то время нуждались и рассчитывали, прежде всего, заработать что нибудь, мечтали получить, по крайней мѣрѣ, рубля по

три за каждую пѣсню... А лестное званіе членовъ почтеннаго общества любителей російской словесности насъ въ то время не особенно прельщало.

— Въ члены общества я могу попасть и послѣ,—говорилъ Александръ Ивановичъ, — а вотъ деньги-то за нашъ трудъ намъ нужныѣ.

Я предложилъ ему отправиться къ Безсонову лично. Онъ это исполнилъ, но, остался очень недоволенъ приѣмомъ собирателя пѣсенъ, который принялъ его, юнаго студента, не пригласивъ даже сѣсть..

Кончилось дѣло тѣмъ, что я едва-едва могъ выручить отъ Безсонова нашъ сборникъ послѣ многократныхъ къ нему хожденій и, главнымъ образомъ, благодаря лишь письму Ѳ. И. Буслаева, къ которому Александръ Ивановичъ и я, бывавшіе у этого всѣми любимаго профессора на его студенческихъ собраніяхъ по пятницамъ,—обратились. Но сильно было наше огорченіе и изумленіе, когда потомъ, въ началѣ 1864 года, мы узнали, что изъ нашего сборника вошло нѣсколько десятковъ пѣсенъ въ сборникъ, изданный Безсоновымъ.

Въ Москвѣ мы пробовали, потомъ, найти издателя для своего сборника, но не нашли. Въ маѣ мѣсяцѣ 1864 года я долженъ былъ уѣхать изъ Москвы. Александръ Ивановичъ оставилъ сборникъ у меня, поручая пристроить его куда нибудь въ Петербургѣ, гдѣ я думалъ пробыть съ мѣсяцъ. Но и въ Петербургѣ я ничего не устроилъ и не нашелъ издателя. Годъ спустя, въ маѣ 1865-го года, я, проѣзжая черезъ городъ Борисовъ, Минской губерніи, въ Могилевскую, куда былъ назначенъ мировымъ посредникомъ, остановился въ этомъ городѣ на нѣсколько дней у проживавшаго тамъ своего родственника, П. А. Рахманина. 10-го мая, утромъ, во время страшной бури, Борисовъ былъ подожженъ одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ; сгорѣло $\frac{9}{10}$ всего города, а въ томъ числѣ и квартира моего родственника, у котораго я остановился. Квартира эта была на городской площади, гдѣ былъ расположенъ соборъ (деревянный) и еврейскія лавки и торговые ряды. Мы и наша прислуга стали второпяхъ выносить вещи и наши чемоданы внутрь церковной ограды; но порывомъ вѣтра огонь внезапно перекинулся на ветхую гонтовую крышу церкви, и она быстро вспыхнула, а за нею и церковь сгорѣла до тла; тутъ же погорѣли и всѣ наши вещи, а въ числѣ ихъ и сборникъ пѣсенъ—совмѣстный трудъ г-жи Кирпичниковой, Александра Ивановича и мой. Страшнаго пожара, происшедшаго тогда въ Борисовѣ, никто даже не пытался тушить, такъ какъ пожарныя трубы сгорѣли въ самомъ началѣ бѣдствія вмѣстѣ съ лошадьми... Мы сами спѣшили спастись за рѣку Березину, по мосту, который, къ счастью, успѣли отстоять солдатики Мало-

ярославскаго пѣхотнаго полка, квартировавшаго въ то время въ Борисовѣ ¹⁾).

Я написалъ тогда Александру Ивановичу о судьбѣ, постигшей нашъ сборникъ, но увидѣться съ нимъ лично мнѣ не довелось очень долгое время...

Въ сгорѣвшемъ сборникѣ были пѣсни, которыхъ я никогда—ни прежде, ни послѣ—не встрѣчалъ ни въ пѣсенникахъ, ни въ другихъ собраніяхъ русскихъ народныхъ пѣсень. Особенною поэзіей и прелестью отличались пѣсни лирическія и бытовыя, сообщенныя г-жею Кирпичниковой. Вотъ, напримѣръ, одна изъ такихъ пѣсень, поскольку она сохранилась въ моей памяти. Въ немногихъ строкахъ, въ ней рассказывается цѣлая драма разставанія двухъ, любящихъ другъ друга, людей, изъ коихъ одинъ «задумалъ жениться»—и, повидимому, «на вдовицѣ». Вотъ эта пѣсня:

«Ужь ты, садъ ли мой, садочекъ виноградный—
Ужь ты, другъ ли мой, дружечекъ ненаглядый!
Какъ задумалъ другъ сердечный мой жениться,
Заѣзжалъ ко мнѣ навѣки онъ проститься...
Я далеко сваю друга провожала:
Черезъ темныя лѣса—со свѣчами,
Черезъ быстрыя рѣки—съ кораблями...
Я и всё про всё съ милымъ говорила,—
Про единое словечко позабыла...
Я съ дороги сваю друга ворочала,
Я во слѣдъ сваму милому кричала:
—«Не женися, милый другъ мой, на вдовицѣ!
Какъ у вдовушки обычай не дѣвичій:
Постелюшку стелеть—слезно плачетъ,
Возголовнице кладезь—возрыдаеть,
Свое прежнее любо вспоминаеть:
«Охъ, ты, свѣтъ мой, мое прежнее любо!»...»

Шли горы... Я жилъ вдали отъ Москвы и лишь узнавалъ изъ газетъ, что Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ, по окончаніи университетскаго курса на филологическомъ факультетѣ, былъ вначалѣ учителемъ въ одной изъ московскихъ же гимназій; затѣмъ командированъ былъ за границу и вскорѣ получилъ кафедру въ Харьковскомъ университетѣ, а послѣ въ Новороссійскомъ. Наконецъ былъ переведенъ въ Московскій университетъ, гдѣ, имѣя уже званіе «заслуженнаго профессора», состоялъ деканомъ филологическаго факуль-

¹⁾ Это бѣдствіе было описано мною тогда же, въ маѣ 1865 года, въ газетѣ «Голосъ», въ фельетонѣ, озаглавленномъ «Борисовскій пожаръ», а затѣмъ болѣе подробно я говорилъ объ этомъ пожарѣ въ статьѣ «Воспоминанія о службѣ въ Вѣлоруссіи» («Историческій Вѣстникъ», 1884 года, кн. за мартъ и апрѣль).

тета, а въ послѣднее время помощникомъ ректора. Я зналъ, что изъ А. И. выработался ученый — въ самомъ лучшемъ и высокомъ значеніи этого слова. Какъ профессоръ иностранной литературы, онъ много потрудился въ этой области высшаго образованія. Въ то же время онъ оказалъ немалую услугу въ разработкѣ древней и новой россійской словесности. Очень серіознымъ его трудомъ представляется также окончаніе начатой Коршемъ (В. Θ.) «Всеобщей исторіи литературы». Александру Ивановичу принадлежатъ собственно III и IV томы этого обширнаго труда. Наконецъ, его «Этимологія и «Синтаксисъ» русскаго языка имѣли чрезвычайно широкое распространеніе въ средней школѣ, а солидное ученое изысканіе о «Егоріи Храбромъ» и о знаменитомъ «Англійскомъ Милордѣ» дали ему почетное имя въ средѣ русскихъ ученыхъ филологовъ.

Пріязнь и симпатіи людей, съ которыми сводила его судьба, онъ приобрѣталъ, главнымъ образомъ, благодаря своему мягкому и благородному характеру и необыкновенной скромности. Когда судьба, спустя пѣлыхъ 37 лѣтъ, свела меня однажды чисто случайно съ покойнымъ А. И., вновь онъ явился въ моихъ глазахъ тѣмъ же самымъ милымъ, добрымъ и симпатичнымъ человѣкомъ, какимъ я зналъ его въ тѣ далекіе годы: тотъ же ласковый и умный взглядъ добрыхъ голубыхъ глазъ, тотъ же веселый, добродушный смѣхъ, та же чрезвычайная скромность, и также онъ былъ худъ и тонекъ... Только сѣдина въ волосахъ, согбенный станъ да морщины на лицѣ, обросшемъ уже сѣдьющею бородой, измѣняли внѣшій обликъ того цвѣтущаго юноши, котораго я зналъ прежде; да необыкновенная бѣлизна его лица исчезла совѣтъмъ...

Эта вторая моя встрѣча съ покойнымъ А. И. произошла весною 1901 года въ редакціи «Русской Старины».

Войдя въ переднюю, я увидѣлъ, что редакторъ журнала, Н. Θ. Дубровинъ, провожаетъ какого-то господина, который, простившись, вышелъ изъ дверей. Я прошелъ въ кабинетъ Н. Θ. и спросилъ, кто это ушелъ сейчасъ.

— Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ,—отвѣчалъ Н. Θ.

Я извинился, быстро вышелъ на парадную лѣстницу и, видя, что А. И. еще не успѣлъ уйти на улицу, громко назвалъ его... А. И. остановился, и затѣмъ, увидя, что я, какъ былъ, безъ шляпы и верхняго пальто, торопливо спускаюсь внизъ, и самъ онъ повернулся назадъ и сталъ подниматься вверхъ.

— Узнаете меня, или нѣтъ?—спросилъ я.

Александръ Ивановичъ долго всматривался въ меня — и не узналъ.

— Вѣдь и я васъ не узналъ,—сказалъ я ему:— а мнѣ Николай Ѳедоровичъ сказалъ.

Затѣмъ я назвалъ себя... Мы проговорили минутъ 20, если не больше. Въ редакцію мимо насъ проходили и уходили обратно новые

посѣтители... Въ концѣ разговора А. И. самъ вспомнилъ о безцеремонномъ поступкѣ Безсонова съ нашимъ сборникомъ пѣсенъ.

— Онъ потомъ продѣлалъ со мною еще болѣе нехорошую вещь,—добавилъ А. И., не объясняя, впрочемъ, что именно, а говорить подробно было некогда ¹⁾. Наконецъ, мы простились. А. И. сказалъ, что уѣзжаетъ въ тотъ же день съ вечернимъ поѣздомъ, и просилъ быть у него въ Москвѣ, когда я буду проѣзжать черезъ этотъ городъ. Но, заѣхавъ къ нему въ Москвѣ, недѣли двѣ-три спустя, я уже не засталъ его на городской квартирѣ: онъ жилъ на дачѣ. Потомъ, я проѣзжалъ Москву, не останавливаясь въ ней, и, такимъ образомъ, не могъ воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ А. И. посѣтить его.

Однажды какъ-то, годъ назадъ, днемъ, въ третьемъ часу, я шёлъ по Невскому. Смотрю, ѣдетъ на извозчикѣ А. И., держитъ въ рукахъ сакъ-вояжъ, а у извозчика въ ногахъ лежитъ его чемоданъ. Ёхалъ онъ къ Знаменской площади, и я понялъ, что онъ ѣдетъ на Николаевскій вокзалъ. Я взялъ перваго попавшагося извозчика и поѣхалъ туда же. Но А. И., пріѣхавшаго раньше меня, я нашёлъ не скоро. На вокзалѣ была страшная суетня и масса народа—отходилъ почтовый поѣздъ, и съѣзжалась, кромѣ того, публика слѣдующаго поѣзда, отходившаго въ 3^{1/2} часа. Я рѣшилъ искать А. И. въ вагонахъ. И дѣйствительно вскорѣ же и нашёлъ его въ спальномъ вагонѣ II-го класса. Оказалось, что онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ лишь на три дня — въ засѣданія комиссіи бывшаго министра Ванновскаго, по реформѣ средней школы.

Александръ Ивановичъ еще разъ пригласилъ меня побывать у него въ Москвѣ, взялъ мой петербургскій адресъ, общая, если пріѣдетъ сюда, завернуть ко мнѣ, и на этомъ мы и разстались. Свиданіе заняло минуты двѣ-три, не болѣе. Это былъ послѣдній разъ, когда я видѣлся съ Александромъ Ивановичемъ...

Да будетъ вѣчный покой праху этого прекраснаго человѣка, добрая память о которомъ сохранится навсегда въ наукѣ и въ сердцахъ всѣхъ, кто зналъ его!..

Ив. Захарьинъ (Якунинъ).

С.-Петербургъ.
5-го мая 1903 г.

---

¹⁾ Въ 1870-хъ годахъ, когда я вновь жилъ въ Москвѣ, я встрѣчался съ Безсоновымъ въ артистическомъ кружкѣ, гдѣ онъ былъ даже нѣсколько мѣсяцевъ старшиною. Въ то же время онъ служилъ начальникомъ отдѣленія во вновь учрежденномъ страховомъ обществѣ «Якорь». Затѣмъ, съ 1879 года этотъ «дѣлецъ» былъ профессоромъ въ Харьковѣ, въ тамошнемъ университетѣ, занимая введру славянскихъ нарѣчій. Кажется, въ Харьковѣ же онъ и умеръ. И. З.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ КИРПИЧНИКОВЪ.

(Библиографическій очеркъ).

МОСКОВСКІЙ университетъ и многія научно-литературныя учрежденія Москвы утратили извѣстнаго энергичнаго дѣятеля, профессора Александра Ивановича Кирпичникова, скончавшагося 30 апрѣля.

Покойный, какъ намъ извѣстно изъ документальныхъ свѣдѣній, родился 18 августа 1845 года въ купеческомъ семействѣ, жившемъ въ городѣ Мценскѣ (Орловской губерніи). Девятилѣтнимъ мальчикомъ онъ поступилъ въ 1-ю Московскую гимназію, изъ которой въ 1861 году, награжденный при выпускѣ золотою медалью, поступилъ въ студенты Московскаго университета по историко-филологическому факультету. Его студенчество совпало съ «эпохой великихъ реформъ», съ введеніемъ новаго университетскаго устава (1863 года) и съ полнымъ расцвѣтомъ профессорской дѣятельности такихъ ученыхъ, какъ Ѳ. И. Буслаевъ и Н. С. Тихонравовъ. И эти добрыя вѣянія шестидесятихъ годовъ, и образцовое руководство названныхъ профессоровъ наложили отпечатокъ на всю послѣдующую карьеру А. И. Кирпичникова. Особенно сильное вліяніе на него оказалъ Буслаевъ: по его указанію, покойный писалъ кандидатское сочиненіе на тему «Калевала, финскій народный эпосъ», пользовался его совѣтами, приготавливаясь къ ученой дѣятельности, и затѣмъ до могилы благоговѣнно чтить память своего незабвеннаго руководителя.

По окончаніи университетскаго курса первымъ кандидатомъ (1865 года), А. И. Кирпичниковъ началъ недолгую педагогическую службу: онъ состоялъ только одинъ годъ преподавателемъ исторіи въ родной ему 1-ой Московской гимназіи, а съ 1866 года до весны

1871 года учителемъ русскаго языка въ новооткрытой 5-й Московской гимназіи. Наряду съ уроками молодой педагогъ началъ и свои первые научно-литературные труды. Къ этому шестилѣтнему періоду относятся слѣдующія его статьи, помѣщенныя въ «Циркулярѣ по Московскому учебному округу»: «Методы обученія орографіи» (1868 года, № 2), «О разборѣ образцовъ иностранной литературы

Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ.

въ нашихъ гимназіяхъ» (№ 4), «Внѣклассное чтеніе» (№ 7) и «О преподаваніи синтаксиса» (1869 года, № 2), въ «Педагогическомъ Обзорѣніи»—«Разборъ Очерковъ изъ всеобщей исторіи», профессора Петрова (1869 года, № 1); въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія»: «Письма темныхъ людей», эпизодъ изъ исторіи эпохи Возрожденія (1869 года, книга 5) и «О преподаваніи отечественнаго

языка и словесности въ нѣмецкихъ гимназіяхъ» (1870 года, кн. 5); тогда же отдѣльно напечатаны: «Очерки изъ исторіи средневѣковой литературы» (М., 1869 года, VIII + 279 стр.), «Исторія русской литературы для учащихся» (М., 1869 года), «Русская хрестоматія для низшихъ классовъ гимназій» (М., 1869 года) и «Историческая хрестоматія для старшихъ классовъ» (М., 1869 года); наконецъ, впервые вышли извѣстные учебники—«Этимологія русскаго языка» (М., 1868 года) и «Синтаксисъ русскаго языка примѣнительно къ правописанію» (М., 1869 года), выдержавшіе съ тѣхъ поръ болѣе тридцати изданій¹⁾.

Но, какъ ни были плодотворны педагогическія занятія, А. И. Кирпичникова манила къ себѣ ученая дѣятельность, привлекала профессорская кафедра. Вотъ почему онъ весною 1871 года вышелъ въ отставку и, напутствуемый совѣтами Буслаева, отправился за границу. Сначала молодой ученый, по его собственнымъ словамъ, слушалъ въ Берлинѣ лекціи профессоровъ Милленгофа, Тоблера, Штейнтала и Пипера, а зимній семестръ 1871—1872 года провелъ въ Вѣнѣ, гдѣ занимался въ придворной библіотекѣ и у профессоровъ Муссафія, Вильгельма Шерера и Ашбаха. Среди этихъ занятій покойный напечаталъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ»: разборъ изслѣдованія «Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ» (1872 г., кн. 8) и переводъ съ испанскаго: «Синьора Корнилія, новелла Сервантеса» (кн. 9), а также успѣлъ приготовить диссертацию, подъ заглавіемъ «Опытъ сравнительнаго изученія западнаго и русскаго эпоса: Поэмы ломбардскаго цикла» (М., 1873 г., XII + 208 стр.), которая, послѣ защиты весною 1873 года, доставила ему степень магистра исторіи всеобщей литературы и профессорскую кафедру по тому же предмету въ Харьковскомъ университетѣ. Названная диссертациа, написанная на основаніи серьезнаго изученія подлинныхъ рукописей въ библіотекахъ Вѣны и Берлина, выказавшая основательное знакомство автора съ германскими нарѣчіями и давшая изслѣдованіе цѣлаго ряда нѣмецкихъ народно-поэтическихъ сказаній, явилась цѣннымъ приобрѣтеніемъ для русской литературы, тѣмъ болѣе, что изслѣдователю удалось указать на связь между нѣмецкимъ и русскимъ эпосомъ.

Профессорская служба въ Харьковѣ, продолжавшаяся до 1884 г., за исключеніемъ командировокъ въ Парижъ (лѣтомъ 1874 года) для занятій подъ руководствомъ Гастона Париса и въ Петербургѣ (1876—1879 гг.) для работы подъ докторскою диссертацией, явилась первою плодотворною эпохою въ научной дѣятельности А. И. Кирпичникова, какъ показываетъ слѣдующій списокъ его трудовъ:

¹⁾ Надо отмѣтить, что изъ указанныхъ книгъ «Русская хрестоматія» и «Этимологія русскаго языка» были составлены А. И. Кирпичниковымъ вмѣстѣ съ преподавателемъ Ѳ. А. Гиляровымъ, умершимъ 4-го августа 1895 года.

- «Кудруна, національная поэма нѣмцевъ» (Харьковъ, 1874 г.).
- «Бодмеръ и Готшедъ, и ихъ отношенія къ родной старинѣ» («Русск. Вѣстн.», 1874 г., кн. 7).
- «Современное состояніе романской филологіи», П. Мейера, переводъ съ предисловіемъ («Филолог. Записки» 1875 г., вып. I).—Отдѣльно: Воронежъ, 1875 г., 34 стр.
- «Объ изданіяхъ сочиненій Данте, Шиллера и Тегнера» («Учебно-Воспит. Библиотека» 1875 г., т. I, ч. 1, стр. 510—520).
- «Греческіе романы въ новой литературѣ. Повѣсть о Варлаамѣ и Юасафѣ», (Харьковъ, 1876 г., VI+265+113 стр.).
- «Источники нѣкоторыхъ духовныхъ стиховъ» («Журналъ Мин. Нар. Просв.», 1877 г., кн. 10).
- «Св. Георгій и Егорій Храбрый», изслѣдованіе литературной исторіи христіанской легенды (Спб., 1879 г.). Это — диссертація на степень доктора исторіи всеобщей литературы.
- «Духовные стихи», отдѣлъ въ «Исторіи русской словесности» А. Галахова (Спб., 1880 г., т. I, стр. 194—281).
- «Разборъ исторіи русской словесности А. Галахова» («Журналъ Мин. Нар. Просв.», 1880 г., кн. 3).
- «Разборъ изслѣдованія Сахарова: Эсхатологическія сочиненія и сказанія» («Критическ. Обзорніе», 1880 г., № 11—12).
- «Средневѣковыя литературы Западной Европы и Византіи» («Всеобщая исторія литературы», Корша, Спб., 1881 г.).
- «Диккенсъ, какъ педагогъ», рѣчь на актѣ Харьковского университета (Харьковъ, 1881 г., 77 стр.).
- «Разборъ изслѣдованія Сумцова: О свадебныхъ обрядахъ» («Журналъ Мин. Нар. Просв.», 1881 г., кн. 7).
- «Студенческія ученія общества въ Германіи», изъ заграничныхъ воспоминаній («Заграничн. Вѣстникъ», 1882 г., кн. 1).
- «Письма изъ Вѣны» (кн. 8).
- «Московскія Вѣдомости въ 1789 году и начало французской революціи» («Историч. Вѣстникъ», 1882 г., кн. 9).
- «Похвала глупости», сатира Эразма Роттердамскаго, переводъ съ предисловіемъ и примѣчаніями («Заграничн. Вѣстникъ», 1883 г., кн. 2 и 3).—Отдѣльно: М., 1884 г., XXXII+126 стр.
- «Древне-христіанскія катакомбы», съ шестью рисунками («Историч. Вѣстникъ», 1883 г., кн. 11).

Къ этому же «харьковскому періоду» принадлежало появленіе «Учебника нѣмецкаго языка» (М., 1875 г.), составленнаго Н. Фогтомъ вмѣстѣ съ А. И. Кирпичниковымъ, и «Теорія словесности», съ приложеніемъ стилистическихъ задачъ и переводовъ изъ Лессинга и Шиллера (М., 1878 г.)—последніе отзвуки педагогическихъ занятій покойнаго для средней русской школы.

Проводя 1884 годъ въ новой научной командировкѣ, среди петербургскихъ книгохранилищъ и ученыхъ учреждений, А. И. Кирпичниковъ не переставалъ печатать журнальныя статьи, какъ, напримѣръ: «Забывтый талантъ—А. В. Дружининъ» («Истор. Вѣстн.», 1884 г., кн. 4), разборъ сочиненія Фойта: «Возрожденіе классической древности» («Журналъ Мин. Нар. Просв.», 1884 г., кн. 4), «Далеко ли ушли мы отъ миѳическаго міросозерцанія» («Новь», 1884 г., кн. 1), «О переводахъ Пушкина и Лермонтова» (кн. 1) и

о «Переводѣ Нестора на французскій языкъ» (кн. 2), а затѣмъ, послѣ кончины В. Ө. Корша, по порученію книгопродавца Риккера, продолжалъ и докончилъ подъ своею редакціей изданіе «Всеобщей исторіи литературы» (Спб., 1884—1892 г., выпускъ XVI—XXVIII).

Среди первыхъ работъ по этому монументальному предпріятію А. И. Кирпичниковъ съ 1885 года былъ переведенъ ординарнымъ профессоромъ въ Новороссійскій университетъ на кафедру исторіи западныхъ литературъ и, находясь въ Одессѣ, одновременно съ лекціями велъ оживленную учено-литературную дѣятельность въ такой послѣдовательности:

- «Разборъ книги Фаминцына: Божества древнихъ славянъ» («Историч. Вѣстникъ», 1885 г., кн. 7).
- «Новая эстетика на старыхъ началахъ» («Новь», 1885 г., кн. 7).
- «О книгѣ В. Корша: Этюды» (кн. 8).
- «Педагоги прошлаго вѣка» («Историч. Вѣстникъ», 1885 г., кн. 9).
- «О книгѣ Сумцова: Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ» («Новь», 1885 г., кн. 11).
- «О переводахъ сочиненій Некрасова на нѣмецкій языкъ» (кн. 15).
- «Разборъ книги: Исторія нѣмецкаго искусства» (кн. 17).
- «Всеобщая литература въ нашихъ университетахъ», всгупительная лекція въ Новороссійскомъ университетѣ («Историч. Вѣстникъ», 1886 г., кн. 2).
- «Двѣ біографіи: Жоржъ Завдъ и Генрихъ Гейне», публичныя лекціи (М., 1886 г., 83 стр., съ двумя портретами).
- «Пушкинъ, какъ европейскій поэтъ», рѣчь въ публичномъ собраніи Новороссійскаго университета (Одесса, 1887 г., 36 стр.).
- «О книгѣ Вуслаева: Народная поэзія» («Журналъ Мин. Народн. Просв.», 1887 г., кн. 6).
- «Кургановъ и его «Письмовникъ»» («Историч. Вѣстникъ», 1887 г., кн. 9).
- «Иконографія Вознесенія Христова» («Труды VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ», 1887 г., т. III).
- «Успеніе Богородицы въ легендѣ и въ искусствѣ» (тамъ же, т. II). — Отдѣльно: Одесса, 1888 г., 59 стр.
- «Очеркъ исторіи книги», двѣ публичныя лекціи («Пантеонъ литературы», 1888 г., т. III).—Отдѣльно: Спб., 1888 г., 72 стр.
- «Очеркъ исторіи Херсонеса и его участіе въ крещеніи Руси» («Историч. Вѣстникъ», 1888 г., кн. 9).
- «Одесса и Пушкинъ», рѣчь при открытіи памятника поэту въ Одессѣ (1889 г., кн. 6).
- «Вольтеръ», Морлея, переводъ (М., 1889 г.).
- «Педагогическіе очерки», 1867—1888 гг. (М., 1890 г., 186 стр.). Это—собраніе педагогическихъ статей, напечатанныхъ раньше въ періодическихъ изданіяхъ.
- «Особый видъ творчества въ древне-русской литературѣ» («Журналъ Мин. Народн. Просв.», 1890 г., кн. 4).
- «Антоній Погорѣльскій»—А. А. Перовскій («Истор. Вѣстникъ», 1890 г., кн. 10).
- «Викторъ Гюго», критико-біографическій очеркъ («Новь», 1891 г., кн. 1).
- «Историко-литературное значеніе Байрона», публичная лекція въ Одессѣ («Русск. Обзорніе», 1891 г., кн. 4).
- «Книжное дѣло за границу» («Библиограф. Записки», 1892 г., №№ 2 и 6).
- «В. И. Григоровичъ и его значеніе въ исторіи русской науки» («Историч. Вѣстникъ», 1892 г., кн. 12).

«Достоевскій и Писемскій», опытъ сравнительной характеристики, двѣ публичныя лекціи (Одесса, 1894 г.).

«Къ иконографіи сошествія св. Духа» («Древности», 1894 г., т. XV, вып. 1).

«Столѣтіе Одессы» («Историч. Вѣстникъ», 1894 г., кн. 8).

«Критическія и библиографическія замѣтки о Крыловѣ» («Почивъ», сборникъ общества любителей россійск. словесн., 1895 г.).

«Очерки по исторіи новой русской литературы» (Спб., 1896 г., 424 стр.).

Это — перепечатка двѣнадцати историко-литературныхъ статей, помѣщенныхъ прежде въ журналахъ.

«Русское сказаніе о Лоретской Богоматери» («Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древн.», 1896 г., кн. 3).—Отдѣльно: М., 1896 г., 18 стр.

«П. Я. Чаадаевъ по новымъ документамъ» («Русск. Мысль», 1896 г., кн. 4).

«Изъ бумагъ П. Я. Чаадаева» («Старина и Новизна», 1897 г., кн. 1).

«Историческій обзоръ иконописныхъ изображеній Богоматери», публичная лекція («Журналъ Мин. Нар. Просв.», 1897 г., кн. 7).

«Очеркъ исторіи романа XIX столѣтія» («Сѣверный Вѣстникъ», 1897 г., кн. 10 и 11).

«Открытое письмо ученикамъ Ѳ. И. Буслаева»—о преміи его имени («Новое Время», 1897 г., № 7743).

Одновременно съ перечисленными трудами шло сотрудничество покойнаго въ «Критико-біографическомъ словарѣ» Венгерова (съ 1889 г.) и въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгауза (съ 1890 г.), въ которыхъ онъ помѣстилъ рядъ біографическихъ статей и замѣтокъ о русскихъ и иностранныхъ писателяхъ.

Наконецъ, съ 1898 года въ жизни А. И. Кирпичникова наступилъ третій и уже «предсмертный» періодъ дѣятельности. Покойный переселился въ Москву и, можно сказать, съ первыхъ же дней въ знакомой ему издавна столицѣ принялся за непрерывную работу. Московскій университетъ, въ которомъ онъ съ 22 сентября 1898 г. открылъ курсъ новѣйшей русской литературы, затѣмъ состоялъ деканомъ историко-филологическаго факультета, а съ 1 февраля текущаго года—помощникомъ ректора, Румянцовскій музей, гдѣ А. И. занималъ должность то хранителя древностей (1898—1902 гг.), то библіотекаря (съ 1902 года), Археографическая комиссія при Московскомъ археологическомъ обществѣ и Русское библиографическое общество при университетѣ, считавшіе покойнаго своимъ предсѣдателемъ, общество любителей россійской словесности, при которомъ онъ числился въ званіи товарища предсѣдателя, такія общества, какъ археологическое, исторіи и древностей, грамотности, педагогическое и народныхъ развлеченій, такія учебно-художественныя заведенія, какъ московская консерваторія и училище живописи, а также литературно-театральнй комитетъ,—всѣ эти просвѣтительныя учрежденія послужили широкимъ поприщемъ для разнообразныхъ трудовъ почившаго дѣятеля ¹⁾. Среди должностныхъ обязанностей и массы административныхъ дѣлъ, покойный,

¹⁾ Императорская академія наукъ еще въ 1894 году избрала А. И. Кирпичникова членомъ-корреспондентомъ по отдѣленію русскаго языка и словесности.

однако, не прервалъ своей учено-литературной дѣятельности. Напротивъ, точно предчувствуя приближающуюся смерть, онъ быстро и ретиво работалъ до послѣднихъ своихъ дней, какъ свидѣтельствуя слѣдующіе его печатные труды:

- «Памяти Ѳ. И. Буслаева» («Историческій Вѣстникъ», 1898 г., кн. 5).
- «Идеальный профессор 60-хъ годовъ» и «Буславъ, какъ основатель исторіи всеобщей литературы» (Сборникъ «Памяти Ѳ. И. Буслаева», М., 1898 г.).
- «Между западниками и славянофилами» («Русская Старина», 1898 г., кн. 11).
- «Н. А. Мельгуновъ» (кн. 12).
- «Объ изученіи Пушкинскаго періода русской словесности» («Историческій Вѣстникъ», 1898 г., кн. 12).
- «Допетровская Русь въ ея литературѣ», по лекціямъ Ѳ. И. Буслаева, его императорскому высочеству наслѣднику цесаревичу Николаю Александровичу, 1859 — 1860 гг. («Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей», 1899 г., кн. 1).
- «Къ вопросу о подготовкѣ преподавателей», изъ личныхъ воспоминаній («Русская Школа», 1899 г., кн. 2).
- «Замѣтки о Пушкинѣ и его произведеніяхъ» («Русская Старина», 1899 г., кн. 2 и 5).
- «Новые матеріалы для исторіи Арзамаса» (кн. 5).
- «Пушкинъ и Московскій университетъ», рѣчь въ публичномъ собраніи 26-го мая 1899 года («Русскія Вѣдомости», 1899 г., № 145).
- «А. С. Пушкинъ», книга, составленная А. Цомакіонъ, подъ редакціею А. И. Кирпичникова (Одесса, 1899 г.).
- «Учительскіе курсы въ городѣ Рязани» («Педагогическій Листокъ», 1899 г., кн. 5).
- «Очеркъ исторіи студенческихъ обществъ въ Западной Европѣ и у насъ» («Русская Старина», 1899 г., кн. 11).
- «Исторія русской словесности для среднихъ учебныхъ заведеній профессора А. И. Незеленова» — восьмое изданіе, редактированное А. И. Кирпичниковымъ (М., 1899 г.).
- «Богородица въ народныхъ вѣрованіяхъ» (Юбилейный сборникъ въ честь профессора В. Ѳ. Миллера, М. 1900 г.).
- «Сомнѣнія и противорѣчія въ біографіи Гоголя» (Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ 1900 г., т. V, кн. 2 и 4).
- «Разборъ перевода Chanson de Roland, сдѣланнаго гр. де-ла-Бартомъ» (Сборникъ по отдѣленію русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ, Спб., 1900 г., т. LX).
- «Пушкинъ», біографическій очеркъ (Хрестоматія для всѣхъ, Одесса, 1900 г.).
- «Доклады» и «рефераты» (Труды московской комиссіи по реформѣ средней школы, М., 1900 г.).
- «М. П. Погодинъ и Н. В. Гоголь» («Русская Старина», 1901 г., кн. 1).
- «Письмо Н. М. Рожалина С. П. Шевыреву» (кн. 2).
- «По поводу разсказа объ отношеніи Пушкина къ Дантесу» (кн. 4).
- «Очеркъ жизни и дѣятельности Гоголя» (Литературная Хрестоматія, Одесса, 1901 г.).
- «Гоголь и Бѣлинскій лѣтомъ 1847 года» («Подъ знаменемъ науки», юбилейный сборникъ въ честь Н. И. Стороженко, М., 1902 г.).
- «Собраніе сочиненій Гоголя», съ біографіею, въ одномъ томѣ (М., 1902 г.).
- «Полное собраніе сочиненій Гоголя», съ хронологической канвой и примѣчаніями (М., 1902 г., три тома).
- «Сомнѣнія и противорѣчія въ біографіи Гоголя» (Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ, 1902 г., т. VII, кн. 1).

«Послѣдніе годы и дни В. А. Жуковскаго», рѣчь въ публичномъ собраніи 23-го апрѣля 1902 года (кн. 3).

«В. А. Жуковскій, какъ поэтъ-воспитатель» («Вѣстникъ Воспитанія», 1902 г., кн. 4).

«Аонскій великій синаксаръ» («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1902 г., кн. 10).

«Жуковскій, какъ редакторъ Вѣстника Европы» («Русское Слово», 1903 г., № 27).

«Тимаріонъ или объ его страданіяхъ», византійское хожденіе по загробному міру XII вѣка («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1903 г., кн. 3).

«Разборъ книги профессора А. С. Лебедева: Бѣлгородскіе архіереи» (кн. 4).

«Очерки по исторіи новой русской литературы», второе дополненное изданіе (М., 1903 г.).

Вотъ какими трудами отмѣтилъ свою жизнь А. И. Кирпичниковъ и тѣмъ убѣдительно показалъ свою неустанную работу ради русскаго просвѣщенія...

Дим. Языковъ.

ЮБИЛЕЙ А. Н. ПЫПИНА.

В 1853 году, профессоръ Никитенко, читавшій въ С.-Петербургскомъ университетѣ русскую литературу, предложилъ студентамъ на соисканіе медали представить разборъ сочиненій Сумарокова, Фонвизина, Княжнина и князя Шаховского. Прошло узаконенное время, и въ факультетѣ были получены три работы, о которыхъ Никитенко записалъ въ свой дневникъ, подъ непосредственнымъ и въ впечатлѣніемъ, слѣдующій отзывъ:

«...Одна никуда не годится, двѣ превосходны. Авторы послѣднихъ очень серьезно отнеслись къ дѣлу. Они написали много, а главное умно, добросовѣстно, однимъ словомъ—прекрасно. Я потребовалъ у факультета по золотой медали для каждого. Одна изъ этихъ диссертаций написана студентомъ IV курса Пыпинымъ, другая—студентомъ II курса Миллеромъ»...

Таковъ былъ первый шагъ на учено-литературномъ поприщѣ почтеннаго Александра Николаевича Пыпина. Юный студентъ, представившій «превосходную» работу, за 50 лѣтъ успѣлъ покрыться сѣдинами, превратился въ старика, отпраздновалъ пятидесятилѣтній юбилей и не измѣнился лишь въ одномъ отношеніи. Такъ же, какъ и въ 1853 году, онъ до настоящаго времени, включительно до 1903 года, представляетъ столь же превосходныя и добросовѣстныя работы, выпуская ихъ то въ видѣ журнальныхъ статей, то въ видѣ отдѣльныхъ томовъ. Въ послѣдней книжкѣ «Вѣстника Европы», на обычномъ своемъ мѣстѣ, появилась очень интересная статья, посвященная выясненію взаимоотношеній Екатерины II и Монтескье, а около мѣсяца тому назадъ вышло въ свѣтъ второе изданіе его «Исторіи русской литературы».

Скромный, проведенный въ кругу близкихъ людей и почитателей, юбилей, на который въ квартирѣ юбиляра собрались выдающіеся представители нашей науки и литературы, подвелъ итоги этой полувѣковой и, скажемъ, пользуясь терминомъ Никитенки, «превосходной» литературной работы Александра Николаевича. Рядъ прочитанныхъ здѣсь рѣчей, въ краткихъ словахъ, далъ краткую, но ясную характеристику заслугъ на этомъ поприщѣ почтеннаго юбиляра.

«Отъ первой работы вашей, посвященной писателю XVIII-го вѣка Лукину, до предпринятаго вами изданія сочиненій императрицы Екатерины,—говорилъ отъ лица академіи наукъ юбиляру академикъ А. Н. Веселовскій,—пройдетъ скоро полвѣка и, какъ писатель и служитель науки, вы можете съ спокойнымъ самосознаніемъ оглянуться на ваше прошлое. Многимъ вы послужили, и многіе поучились у васъ. Давно тому назадъ вы раскрыли специалистамъ область допетровской повѣсти и были однимъ изъ первыхъ, обратившихся къ изученію нашихъ отреченныхъ книгъ. Затѣмъ вы стали знакомить насъ съ исторіей мысли въ XVIII и XIX вѣкахъ, отъ масоновъ и общественныхъ движеній Александровской эпохи до Бѣлинскаго и Щедрина. Здѣсь къ специалисту, изучавшему васъ, присталъ и средній русскій читатель; того и другого вы обогатили массой данныхъ и обобщеній, собранныхъ въ великихъ сводахъ «Исторіи славянскихъ литературъ», «Исторіи русской этнографіи», «Исторіи русской литературы». Это—наука для многихъ; ея серьезная популяризація всегда была для васъ привлекательной задачей. Случайныя обстоятельства отдалили васъ отъ кафедры, но сердце отъ науки не отстало. По какимъ бы камнямъ ни текла жизнь, одинъ потокъ лился ровно и безъ извилинъ, не мѣняя русла, а лишь наводняясь. Это не односторонность, а старая упроченность научныхъ и жизненныхъ взглядовъ. Она дѣйствуетъ благотворно. Лишь незначительная часть пройденнаго вами пути лежитъ въ границахъ нашего отдѣленія, но оно давно гордилось вами, какъ своимъ—и васъ ждало. Благодарность и привѣтъ старому и недавнему товарищу»...

Адресъ общества любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ счелъ также долгомъ подчеркнуть эту разносторонность А. Н. Пыпина.

«Выйдя на ниву до зари,—говоритъ этотъ адресъ юбиляру,—вы были потомъ свидѣтелемъ возрожденія, расцвѣта, передъ вами прошли десятилѣтія колебаній, борьбы, безвременья; люди, страсти, школы, направленія смѣнялись, но незыблемо стоялъ на своемъ посту неутомимый поборникъ знанія и свѣта, ни за что и ни въ чемъ не поступившійся своими завѣтными убѣжденіями, всюду умѣвшій заропить живительную мысль, вездѣ оставляющій яркій слѣдъ своего воздѣйствія. Историкъ, этнографъ, журналистъ, кри-

тикъ, біографъ, знатокъ славянства, выдающійся историкъ русской литературы, повелитель необъятнаго ученаго матеріала и въ то же время тонкій наблюдатель движенія идей и хода культуры, вы своей умственной энергіей, увлекающей васъ, несмотря ни на какія помѣхи, все впередъ, являетесь прекраснымъ примѣромъ духовнаго подвига. Вы — и живая литературно-научная лѣтопись наша, звено, соединяющее наше время съ славнымъ прошлымъ, вы и отзывчивый на запросы и стремленія современности двигатель прогресса. Пусть же надолго сохранится изумительная энергія и культурное вліяніе вашей благородной просвѣтительной дѣятельности, глубокоуважаемый Александръ Николаевичъ. Этого искренно желаетъ общество любителей російской словесности при Московскомъ университетѣ, съ гордостью считающее васъ, своего почетнаго члена, дорогимъ своимъ украшеніемъ».

Кружокъ преподавателей словесности и исторіи счелъ долгомъ отмѣтить заслуги А. Н. передъ школой.

«Ваше глубоко-продуманное слово, — говорили педагоги въ своемъ адресѣ, — звучало въ стѣнахъ Петербургскаго университета, пока онъ являлся средоточіемъ культурнаго движенія, пока между имъ и обществомъ существовала тѣсная связь; когда же эта связь порвалась, вы оставили профессорскую кафедру вмѣстѣ съ другими выдающимися научными силами, но, работая въ передовыхъ органахъ нашей журнальной литературы, продолжали самоотверженно служить въ томъ же духѣ великому дѣлу единенія науки съ жизнью. Съ годами вы все болѣе и болѣе овладѣвали мыслию русскаго образованнаго человѣка; ваша аудиторія расширялась, признательность ея къ вамъ росла: говоря ей о родномъ прошломъ, поскольку оно отразилось въ словѣ и бытѣ народа, вы этимъ самымъ немало содѣйствовали общественному самосознанію русскихъ людей. Чѣмъ оказали вы громадныя услуги обществу, тѣмъ же послужили и русской школѣ. Ваши труды — настольныя книги для тѣхъ преподавателей словесности и исторіи, которые хотятъ поддержать въ себѣ и создать въ учащихся сознательное отношеніе къ прошлому и настоящему родины; на нихъ, несомнѣнно, оказывали благотворное вліяніе не только ваши научно-обоснованные взгляды, но и вашъ методъ спокойнаго, безпристрастнаго изслѣдованія, полнаго истиннаго уваженія къ крупнымъ представителямъ общественной мысли, общественнаго движенія».

Историко-филологическій факультетъ Гельсингфорскаго университета прислалъ адресъ, въ которомъ также отмѣтилъ на ряду съ учеными и общественныя заслуги юбиляра.

«При глубокомъ историческомъ пониманіи, — говоритъ этотъ адресъ, — вы во всеоружіи знаній выступили на борьбу во имя нравственныхъ началъ и культурныхъ задачъ русскаго народа. Одна изъ важнѣйшихъ заслугъ вашихъ въ дѣлѣ содѣйствія развитію рус-

ской мысли заключается въ выясненіи внутренняго смысла русской исторіи, изъ которой вы извлекаете историческіе завѣты будущаго, надо уповать, уже недалекаго. Невзирая на трудности и препятствія, какія условія нашей жизни составили вамъ на пути вашихъ научныхъ и литературныхъ работъ, вы стойко и неуклонно не переставали доказывать, что исторія Россіи говоритъ сперва робко и неясно, затѣмъ сознательно и во всеуслышаніе о необходимости того движенія впередъ въ сближеніи съ общечеловѣческими началами, выработанными Западной Европой, которое единственно обезпечиваетъ возможность развитія русской народности. Неустанно, твердо и спокойно, не сворачивая съ пути изслѣдованія, вы доказывали, что возводимый въ культъ своеобразный патріотизмъ, прикрываясь официальной народностью, останавливалъ и останавливаетъ понынѣ естественный ростъ русскаго народа. Этимъ вы закладывали въ души русскихъ людей чувства и мысли, которыя должны быть порукой общаго пробужденія сознанія достоинства государства и народа.

«Эта неоцѣнимая ваша заслуга передъ родиной становится поэтому громадной и передъ европейской наукой, отвоевавшей себѣ полную независимость съ давнихъ уже поръ. Капитальнымъ вашимъ трудомъ по исторіи русской литературы вы открыли доступъ Европѣ къ болѣе близкому ознакомленію съ исторіею нашего общественнаго умственнаго развитія. Въ не менѣе капитальномъ трудѣ въ области этнографіи вы знакомите съ племенами, входящими въ составъ русскаго народа, и съ исторіею развитія науки у насъ. Ваша исторія славянскихъ литературъ даетъ картину, выясняющую отношеніе русскаго племени къ славянскимъ народамъ и къ духовной жизни послѣднихъ.

«Изо дня въ день, изъ года въ годъ, въ продолженіе 50 лѣтъ ваше авторитетное имя раздается во всѣхъ углахъ образованной Россіи, гдѣ читаются и уважаются произведенія русскаго слова. И народная поэзія въ видѣ повѣстей древнѣйшихъ и болѣе близкаго къ намъ времени, и исключительное міросозерцаніе русскаго чловѣка среднихъ вѣковъ, и московская старина, поглощенная вопросами душевнаго спасенія и церковнаго правовѣрія, отдалившими ее отъ общечеловѣческаго развитія, и новая литература до сатиры Щедрина включительно, и критика русская, въ лицѣ лучшаго представителя ея Вѣлинскаго, и нормальныя явленія въ области общественнаго движенія, и въ области мысли и недомыслия — все было предметомъ вашихъ цѣнныхъ изслѣдованій, составляющихъ вклады въ исторію русской цивилизаціи, и всѣ они проникнуты однимъ и тѣмъ же началомъ — проповѣдью уваженія къ чловѣческому достоинству, уваженія къ народу и къ народностямъ, входящимъ въ составъ Русскаго государства».

Затѣмъ слѣдовали адреса и телеграммы отъ цѣлаго ряда ученыхъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ. Торжество, начавшееся въ квартирѣ юбиляра, закончилось обѣдомъ, за которымъ было произнесено много рѣчей, вызвавшихъ во многихъ отношеніяхъ интересную отвѣтную рѣчь юбиляра. Рѣчь эта, какъ и вообще все, высказанное юбиляру въ этотъ день, цѣликомъ напечатана въ «Литературномъ Вѣстникѣ» (кн. 3-я), являющемся, какъ извѣстно, весьма интереснымъ и до сихъ поръ единственнымъ архивомъ нашей текущей литературной жизни.

Ограничиваясь на этотъ разъ лишь этимъ коротенькимъ отчетомъ о юбилей почтеннаго Александра Николаевича Пыпина, характеристикѣ котораго «Историческимъ Вѣстникомъ» была уже посвящена отдѣльная специальная статья (1902 г., май), мы позволимъ себѣ здѣсь подчеркнуть лишь общее значеніе, которое настоящей юбилей долженъ имѣть для нашихъ молодыхъ, начинающихъ и уже начавшихъ свою дѣятельность ученыхъ. Пусть они на досугѣ вдумаются въ рѣчи, которыя были сказаны Александру Николаевичу Пыпину, пусть они заглянутъ затѣмъ въ перечень трудовъ юбиляра, напечатанный въ «Литературномъ Вѣстникѣ», и самостоятельно просмотрятъ итоги этой кипучей ученой дѣятельности. Этотъ сухой перечень статей и книгъ почтеннаго ученаго будетъ для нихъ поучительнѣе многихъ официально признанныхъ «цѣнныхъ вкладовъ» въ науку, какими является большинство диссертацийъ новыхъ ученыхъ. Они убѣдятся, что ученый отнюдь не обязанъ всю свою жизнь разбираться въ мелкихъ специальныхъ вопросахъ, что на ряду съ изслѣдованіями частныхъ микроскопическихъ вопросовъ онъ можетъ и долженъ подводить итоги, обобщать матеріалъ, можетъ давать на ряду съ строго специальными изслѣдованіями и популярныя статьи. Если Александру Николаевичу Пыпину, по его словамъ, его юбилей далъ удовлетвореніе указаніемъ на полезность его пятидесятилѣтней работы, то для ученаго поколѣнія, нынѣ дѣйствующаго, юбилей этотъ долженъ послужить хорошимъ урокомъ. Отъ души желаемъ, чтобы здоровье и силы позволили Александру Николаевичу Пыпину продолжать этотъ урокъ еще на много лѣтъ и дать намъ то, чего не даютъ наши молодые ученые.

Вл. Б—скій.

ПАМЯТИ А. С. ВАХОВИЧА.

АШИ западные недруги, пользуясь нашей лѣнью и добродушіемъ, неособенно церемонятся съ нами: въ дипломатіи требуютъ отъ насъ того, чего сами никогда бы не исполнили, а если мы сдѣлаемъ что либо въ свою пользу,—они поднимаютъ крикъ; когда же «до барышей коснется», то пускаютъ въ ходъ всякія средства, даже самаго предосудительнаго свойства. Такое отношеніе къ намъ особенно рѣзко проявляется на Востокѣ вообще и въ частности въ Китаѣ, гдѣ въ послѣднее время для западно-европейскихъ государствъ, особенно же для Англій, нашлось такое множество интересовъ, что нельзя и шагу ступить, чтобы не задѣть какого либо изъ нихъ.

Китайцы пока молчатъ, но прекрасно видятъ и понимаютъ все, что происходитъ кругомъ ихъ, и потому, рано или поздно, вся 400-милліонная масса населенія Китая всколыхнется, и тогда, конечно, всѣхъ чуждыхъ имъ интересовъ не останется и слѣда. Китаецъ, подобно всѣмъ народамъ Востока, уважаетъ и признаетъ только силу, преклоняется передъ нею, всякое же отступленіе передъ кѣмъ бы то ни было считаетъ за слабость. Силу же онъ видитъ не только въ стойкости, но и въ нахальствѣ, даже по отношенію къ нему самому. Послѣднее качество, какъ извѣстно, никому другому такъ не присуще, какъ англичанамъ, и китайцы дѣйствительно боятся ихъ больше всѣхъ другихъ европейцевъ, а тѣ, въ свой чередъ, требуютъ такой же покорности отъ всѣхъ тамъ живущихъ, даже и некуитайцевъ. Вотъ почему англичане такъ не любятъ людей дѣятельныхъ, энергичныхъ, имъ не подчиняющихся:

такимъ людямъ они противодѣйствуютъ съ самою беззащитною наглостью и не только сами, но стараются подстрекать къ тому и другихъ.

Все это невольно приходитъ на мысль, когда начинаешь вспоминать о дѣятельности бывшего нашего консула въ Ханькоу — Александра Степановича Ваховича, недавно умершаго въ Китаѣ. Государство лишилось въ немъ способнаго, энергичнаго труженика и горячаго патріота, который упорно отстаивалъ права Россіи и высоко и твердо держалъ ее знамя.

Александръ Степановичъ Ваховичъ родился въ Сѣдлецкой губерніи 21-го августа 1859 г. Окончивъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, со степенью кандидата, по факультетамъ восточныхъ языковъ и юридическому, онъ въ 1883 г. уѣхалъ въ Пекинъ студентомъ нашей тамъ миссіи. Въ 1886 г. Ваховичъ былъ назначенъ драгоманомъ консульства въ Ургѣ (Монголіи), а въ 1887 г. — вторымъ драгоманомъ миссіи въ Пекинѣ, гдѣ пользовался большимъ вниманіемъ бывшего тогда нашего посланника Кумани, оставившаго по себѣ самую добрую память у всѣхъ служившихъ съ нимъ русскихихъ.

Кумани отнесся къ вновь прибывшему съ особеннымъ вниманіемъ. Онъ скоро понялъ, что имѣетъ у себя не только способнаго и усерднаго чиновника, но и умнаго, безусловно честнаго, справедливаго и горячо преданнаго интересамъ нашимъ человѣка. Вниманіе это выразилось тѣмъ, что А. С. Ваховичу, бывшему только еще вторымъ драгоманомъ миссіи въ Пекинѣ, дана была командировка въ Монголію и во внутренній Китай, въ такъ называемое «Притяньшанье», въ которой онъ и пробылъ съ 15-го мая по 27-е ноября 1887 года. Для новичка драгомана эта командировка являлась съ одной стороны серьезной, по своей задачѣ, а съ другой — и трудной: нужно было изучать на мѣстѣ торговыя отношенія между русскими и монголами, изслѣдовать злоупотребленія китайскихъ чиновниковъ, такъ называемыхъ «хобей-амбаней», по отношенію къ русскимъ торговцамъ, разобратся въ массѣ тѣхъ недоразумѣній и жалобъ, которыя предъявлялись съ обѣихъ сторонъ, требовать наказанія китайскихъ чиновниковъ, которые иногда за пустяки сажали русскихъ въ кандалы, требуя отъ нихъ выкупа. Такого рода дѣла пришлось разбирать и улаживать Ваховичу въ городахъ Чугучакѣ, Урумчи и Хами, принуждая китайскія власти извиняться и вознаграждать потерпѣвшихъ отъ ихъ самоуправства русскихъ торговцевъ.

Ваховичъ, путешествовавшій въ сопровожденіи казака и нѣсколькихъ монголовъ и китайцевъ, могъ, благодаря знанію языка своихъ спутниковъ, сблизиться съ ними, хорошо изучить ихъ нравы и характеръ. Въ монголахъ онъ нашелъ очень честный и доверчивый народъ, но слишкомъ слабый, чтобы противодѣйствовать

той ужасной эксплуатаціи, которой подвергаютъ его китайцы. Ему пришлось совершать свое путешествіе то верхомъ, на дикихъ монгольскихъ лошадакахъ, то на верблюдахъ, походка которыхъ у непривычныхъ вызываетъ морскую болѣзнь, то въ носилкахъ, то

Александръ Степановичъ Ваховичъ.

плыть на лодкахъ по рѣкамъ и озерамъ, а то итти пѣшкомъ; приходилось ночевать или въ грязныхъ китайскихъ лачугахъ, или въ кумирняхъ и постоянныхъ китайскихъ дворахъ, чаще же всего — въ монгольскихъ юртахъ, а то и прямо проводить ночь подъ открытымъ небомъ. Не лучше обстояли дѣла и

относительно продовольствія: нужно было питаться чѣмъ Богъ послалъ—то рисомъ, то кумысомъ, а когда караванъ проходилъ по совершенно безлюдной и безводной пустынѣ, пришлось остаться три дня безъ питья, потерять нѣсколько человѣкъ изъ своего конвоя и лишиться нѣсколькихъ верблюдовъ. Насколько былъ длиненъ путь этого труднаго семимѣсячнаго путешествія Ваховича, можно составить себѣ понятіе по его маршруту.

Выѣхавъ изъ Пекина 15-го мая 1887 г., Ваховичъ проѣхалъ кочевья внутреннихъ монголовъ, былъ въ Ургѣ, гдѣ нашъ генеральный консулъ Шишмаревъ, снабдивъ молодого путешественника нужными для него указаніями и свѣдѣніями, направилъ его въ городъ Улайсутай, въ такъ называемое Притяньшанье; оттуда Ваховичъ поѣхалъ въ Кобдо и въ Чугучакъ, потомъ въ Урумчи, гдѣ по его представленію было учреждено въ скоромъ времени наше консульство, оттуда же чрезъ совѣмъ пустынную страну добрался до городовъ Турфана и Хами. Здѣсь ему пришлось улаживать самыя трудныя и сложныя дѣла и пробыть болѣе мѣсяца. Отъ г. Хами путь слѣдовалъ чрезъ совѣмъ бездорожную и пустую страну «Ганъ-Су-Синь-Цзянь» и такую же провинцію «Куку-норъ», провинцію «Ганъ-Су» и «Шень-Си», по рѣкѣ «Хонь» въ Хубейскую провинцію, потомъ на большой китайской лодкѣ онъ пріѣхалъ въ городъ Ханькоу (при устьѣ—«коу» рѣки Хонь въ Янче-Цзе), побывалъ и въ другихъ портахъ, находящихся по «Голубой» рѣкѣ, въ Кію-Кьянгѣ, Нонъ-Кинѣ, Чингъ-Кьянгѣ и Шанхайѣ и наконецъ моремъ чрезъ Тянь-Тзинъ возвратился въ Пекинъ 27-го ноября 1887 года.

Нашъ посланникъ Кумани въ письмѣ къ министру иностранныхъ дѣлъ выразился о командировкѣ Ваховича, что она блистательно окончена, и правительство за его «усердные труды» наградило его орденомъ св. Владимира 4-й степени.

Подробный отчетъ объ этой командировкѣ, интересный, какъ въ политическомъ, такъ и въ торговомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, находится въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Въ 1891 г. Ваховичъ удостоился сопровождать благополучно царствующаго нынѣ государя, въ то время наслѣдника цесаревича, при проѣздѣ Его Императорскаго Величества отъ Кантона чрезъ Гонконгъ, Фудру, Шанхай въ Ханькоу, гдѣ наши русскіе чайные дома приготовили торжественную встрѣчу, истративъ на убранство города около 50.000 рублей. Китайцы до сихъ поръ вспоминаютъ пріѣздъ нашего государя и всѣ происходившія въ честь его торжества.

Въ то время консуломъ въ Ханькоу былъ всѣми любимый Дмитріевскій, нынѣ покойный, тоже въ свое время много потрудившійся для русскаго дѣла на Востоцѣ.

Изъ Ханькоу наслѣдникъ на «Памяти Азова» отправился въ Нагасаки (въ Японію), гдѣ сопровождавшій его высочество драгоманъ Ваховичъ остался управлять консульствомъ почти годъ.

Въ августѣ 1891 г. Ваховичъ былъ назначенъ управляющимъ консульствомъ въ Тянь-Тзинѣ, гдѣ уже тогда существовали англійскія и французскія концессіи, т.-е. автономныя поселенія. Теперь

Русская концессія въ Ханькоу.

же съ 1900 г. взяли тамъ концессіи нѣмцы и русскіе и, кажется, получаютъ японцы и бельгійцы.

Ему пришлось вступить въ переговоры съ очень умнымъ и хитрымъ китайскимъ вице-королемъ Ли-Хунъ-Чаномъ касательно телеграфной конвенціи, условія которой были выгодны только для иностранцевъ, собственниковъ морского кабеля, но не для насъ. Много неприятностей причинило это дѣло Ваховичу, горячо защищавшему родные интересы, и не его вина въ томъ, что въ результатѣ получилось не то, чего желали онъ и нашъ посланникъ графъ Кассини; не виноватъ въ этомъ также и покойный китайскій вице-король Ли-Хунъ-Чанъ.

Кромѣ того, Ваховичъ работалъ надъ устройствомъ «Русскаго банка» въ Китаѣ и введеніемъ казеннаго пароходства въ китайскихъ водахъ.

Получивъ въ 1893 г. назначеніе консуломъ въ Ханькоу и пріѣхавъ туда, Ваховичъ, узнавъ, что нѣмцы получили тамъ концессію, въ 1894 г. начинаетъ убѣждать нашу миссію въ Пекинѣ въ томъ, что и Россіи должна быть дана концессія, доказывая, какую громадную пользу должна будетъ принести она для русскихъ торговыхъ оборотовъ въ Китаѣ. Кромѣ того, онъ представилъ проекты: о необходимости устройства «Русскаго банка» въ Китаѣ, о постройкѣ нашимъ правительствомъ желѣзной дороги отъ Ханькоу до Пекина, о заведеніи постоянного русскаго пароходства отъ Ханькоу на рѣкѣ «Янъ-Цзы» въ Нагасаки, Тянь-Тзинь и Владивостокъ.

«Русско-Китайскій банкъ» и русское пароходство въ Китаѣ были учреждены, но постройка упомянутой выше дороги досталась бельгійскому синдикату, очень недобросовѣстно относящемуся къ этому дѣлу. Получивъ большія деньги отъ китайскаго правительства, отъ этой линіи далеко еще не кончилось.

Изъ Ханькоу Ваховичъ дѣлалъ экскурсію на чайныя плантаціи въ Янъ-Лу-Дунъ для изученія чайнаго дѣла. Поѣздка эта была не изъ легкихъ, такъ какъ тамошнее населеніе почти дикое, не привыкло видѣть европейцевъ и потому враждебно къ нимъ относящееся. Ваховичъ пробылъ въ Янъ-Лу-Дунѣ почти двѣ недѣли и своими свѣдѣніями много помогъ Понову устроить чайную плантацію въ Чаковѣ на Кавказѣ.

Зимой 1895 года пріѣхала въ Ханькоу торгово-промышленная комиссія, присланная на Востокъ министерствомъ финансовъ, въ составъ которой входили дѣйствительный статскій совѣтникъ Забугинъ, членъ правленія «Добровольнаго флота», дѣйствительный статскій совѣтникъ В. Я. Голубевъ и г. Шкляревичъ. Результатомъ этого посѣщенія было ускореніе открытія «Русско-Китайскаго банка» на Востокѣ и учрежденія агентства «Добровольнаго флота» въ Ханькоу и Шанхаѣ. Съ этого времени пароходы означенной компаніи начинаютъ совершать частые, правильные рейсы изъ Одессы въ Ханькоу, отбирая большую часть чайнаго груза у англійскихъ пароходныхъ обществъ. Предсѣдатель этой комиссіи, нынѣ покойный уже, Забугинъ, по возвращеніи въ Россію, написалъ цѣлую книгу по матеріаламъ, доставленнымъ ему А. С. Ваховичемъ, о чемъ и упоминаетъ въ ней.

Весною 1895 года консульствомъ въ Ханькоу получено было разрѣшеніе на взятіе концессіи, и Ваховичъ началъ переговоры съ китайскимъ вице-королемъ, который согласился уступить Россіи цѣлую полосу земли, лежащую вдоль берега рѣки Янъ-Цзы-Цзяпа, между англійской и нѣмецкой концессіями, гдѣ, кромѣ участка русскаго чайнаго торговаго дома «Токмаковъ, Молотковъ и К^о» и китайскихъ усадебъ, почти никакихъ иностранныхъ собственниковъ не было. Узнавъ о полученіи нами концессіи, французы пе-

Постройка стѣны набережной русской концессіи въ Ханькоу.

медленно стали увѣрять нашего посланника въ Пекинѣ, что уступленная намъ полоса земли была когда-то обѣщана имъ, французамъ. Повѣривъ этимъ заявленіямъ, русское правительство, къ удивленію китайцевъ, уступило Франціи почти половину всего того, что получило само и на что имѣло неоспоримое право. Вслѣдствіе такой уступки части берега, намъ пришлось взять нѣсколько китайскихъ участковъ въ глубинѣ города, что уже не было такъ удобно и создало впослѣдствіи цѣлый рядъ затрудненій. За такую нашу уступчивость французы сдѣлали немало непріятностей нашему консулу въ Ханькоу и теперь еще продолжаютъ кричать въ своей газетѣ «Echo de Chine», что они облагодѣтельствовали насъ; мало этого, они потребовали, чтобы русскіе устроили новую улицу, нужную только «Индо-Китайскому банку», совершенно лишнюю для насъ и портящую намъ прибрежный участокъ. Устройству этой улицы сильно сопротивлялся Ваховичъ, и при его жизни она не была разрѣшена.

Выкупъ земли, уступленной китайскимъ правительствомъ подъ русскую концессию, начался въ мартѣ мѣсяцѣ 1897 года, и одновременно съ нимъ начинается борьба противъ насъ иностранцевъ: къ французамъ присоединились еще англичане.

Приобрѣтеніе нами концессіи особенно было не по душѣ англичанамъ, хорошо понимавшимъ, что съ этого времени, рано или поздно, долженъ наступить конецъ ихъ исключительному господству въ такомъ важномъ торговомъ центрѣ, какъ портъ Ханькоу. Дѣйствительно, до 1894 года здѣсь полными хозяевами были только одни англичане. Они держали въ своихъ рукахъ всю иностранную торговлю, а также и чайный вывозъ большихъ русскихъ фирмъ, но со времени устройства другихъ концессій и особенно нашей и благодаря заботамъ Ваховича, ихъ единовластіе окончилось. А со временемъ, когда русскія чайныя фирмы, построивъ дома на своей концессіи, перенесутъ сюда всю русскую чайную торговлю, а наше пароходство по Янъ-Цзы-Цзяну окрѣпнетъ и разовьется, тогда доходы англійской концессіи на много уменьшатся. Даже и теперь, съ 1900 года, не англійскіе, а русскіе пароходы «Добровольнаго флота», «Русскаго общества пароходства и торговли» и «Общества пароходства Восточно-Китайской желѣзной дороги» перевозятъ весь купленный русскими чай изъ Ханькоу во Владивостокъ и Одессу.

Наши пароходныя общества могли бы конкурировать съ иностранными и по перевозкѣ другихъ товаровъ изъ Китая въ Европу, но для этого нужно учредить постоянное правильное движеніе нашихъ пароходовъ между Одессой, Ханькоу, портами Японіи и Кореи и Владивостокомъ, съ заходомъ во всѣ промежуточные порта, какъ это дѣлаютъ иностранцы, устроить вездѣ хорошія пристани, а не останавливаться на серединѣ рѣки или на рейдѣ, вдали отъ

берега, какъ это дѣлается нами теперь, и наконецъ учредить, гдѣ только возможно, русскія агентуры, съ русскими же людьми во главѣ, а не съ англичанами, нѣмцами и евреями, какъ это принято у насъ теперь. Свое неудовольствіе по поводу устройства автономнаго русскаго поселенія въ Ханькоу англичане выразили со свойственною имъ однимъ беззаастѣнчивостью и нахальствомъ въ двухъ исторіяхъ, которыя надѣлали шуму на Востокѣ. Во главѣ очень солидной англійской фирмы «Эвансъ-Пю и К^о» (Evans Pugh et Co) находился въ то время ярый врагъ Россіи, нештатный голландскій вице-консулъ Вистлеръ (Whistler). Этотъ господинъ не только всегда и громко возставалъ въ клубѣ противъ русской концессіи, но даже нѣсколько разъ заявлялъ въ нашемъ консульствѣ, что онъ не признаетъ ея и потому не считаетъ себя обязаннымъ представлять купчихъ на участки, которыми владѣеть на ней; купчи же эти были нужны нашему консулу для регистраціи владѣнія въ консульскихъ книгахъ. На одномъ изъ участковъ, принадлежавшемъ вышеупомянутой фирмѣ, но находящемся въ самой серединѣ нашей концессіи, стояла кожевенная фабрика, постоянно отравлявшая воздухъ отвратительнымъ зловоніемъ.

Сначала Ваховичъ просилъ Вистлера закрыть эту фабрику (перенести ее за городъ, какъ это практиковалось на англійской концессіи), какъ заведеніе, вредное для здоровья жителей, а потому не допускаемое въ серединѣ города, но, встрѣчая всегда грубый отказъ, отъ просьбъ перешелъ къ рѣшительнымъ требованіямъ и назначилъ срокъ закрытія этой фабрики. Однако, благодаря дружбѣ съ англійскимъ консуломъ въ Ханькоу Варреномъ (Pelham Warren), Вистлеру удалось выхлопывать себя отсрочки черезъ посредство англійскаго посланника въ Пекинѣ, Макдональда, очень ловкаго дипломата, усердно вредившаго Россіи въ каждомъ удобномъ случаѣ. Видя, что дѣло о закрытіи фабрики тянется уже два года, Ваховичъ по истеченіи срока третьей отсрочки, предупредивъ англійскаго консула и Вистлера объ окончаніи отсрочки, приказалъ бывшимъ тогда при нашемъ консульствѣ девяти казакамъ не пропускать на фабрику рабочихъ.

Какъ только Вистлеръ узналъ объ этомъ, тотчасъ же пришелъ на нашу, тогда еще не устроенную, набережную, оттолкнулъ стоявшаго тамъ казака палкой, требуя, чтобы тотъ пропустилъ китайцевъ, которые начинали уже выгружать кожи на нашъ берегъ, но молодецъ казакъ сдѣлалъ видъ, что не знаетъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло, въ свою очередь кулакомъ оттолкнулъ дерзкаго англичанина, который видя, что подходятъ и другіе казаки, поспѣшилъ удалиться и отправился къ своему другу, англійскому консулу Варрену, требуя отъ него полиціи для содѣйствія выгрузкѣ кожъ.

На этотъ разъ не помогъ и другъ: боясь огласки и еще большаго скандала, онъ посовѣтовалъ Вистлеру скорѣе покончить это

дѣло и исполнить требованіе русскаго консула. На другой же день послѣ описанной безкровной битвы Ваховичъ, опять предупредивъ офиціально англійскаго консула, запечаталъ фабрику. Но и теперь Вистлеръ не могъ удержаться отъ дерзости и въ тотъ же день позволилъ себѣ сорвать печати, что и принудило Ваховича написать на него жалобу англійскому консулу Варрену, который прислалъ извиненіе за поступки своего грубаго соотечественника. Съ этой поры Вистлеръ кожъ уже не переносилъ, тѣмъ болѣе, что и англійскій консулъ строго запретилъ ему дѣлать это, но закрытая фабрика простояла еще съ полгода, несмотря на то, что всѣ участки фирмы «Эвансъ-Пию и К^о» и тотъ, на которомъ находилась кожевенная фабрика, были уже проданы нашему агентству «Добровольнаго флота». Разсказанный эпизодъ произошелъ въ мартѣ 1895 года. Другой примѣръ дерзости англичанъ, пожалуй, болѣе краснорѣчивый, чѣмъ первый—это вооруженное нападеніе ихъ на нашу концессию, произведенное, по требованію англійской пароходной фирмы «Жардинъ Матисонъ и К^о» (Jardine Matheson et Co) и, какъ говорили тогда сами же англичане, по приказанію ихъ посла, данному изъ Пекина англійскому консулу Херсту (Hurst), замѣнившему консула Варрена, тогда уѣхавшаго въ отпускъ. Чтобы понять эту исторію, надѣлавшую въ свое время много шума, надо вернуться нѣсколько назадъ. Когда нами была приобрѣтена концессія, вышеупомянутая фирма представила въ русское консульство пять купчихъ на право владѣнія пятью участками земли, расположенными будто бы въ предѣлахъ нашей концессіи, при чемъ просила консула явить эти документы въ русскихъ консульскихъ книгахъ. Разсмотрѣвъ тщательно эти документы, Ваховичъ нашелъ, что они не только не имѣютъ требуемыхъ печатей китайскихъ властей, но не отвѣчали мѣстоположенію и размѣру участковъ, на которые фирма заявляла права собственности. Кромѣ того, китайцы-старожилы и китайскія власти въ Ханькоу заявили нашему консулу, что фирма эта никогда этими участками не владѣла. Все это вынудило Ваховича отказать дому «Жардинъ Матисонъ и К^о» въ исполненіи его требованія. Недовольная такимъ рѣшеніемъ фирма передала дѣло на разсмотрѣніе англійскаго посланника въ Пекинѣ, который, какъ сами англичане этимъ хвастались, былъ лично заинтересованъ въ операціяхъ фирмы. Вѣроятно, изъ желанія уладить это дѣло, посланникъ Макдональдъ самъ пріѣзжалъ въ Ханькоу раннею весною 1899 г. въ бытность тамъ консула Варрена, но, изучивъ, очевидно, дѣло на мѣстѣ, ничего не сдѣлалъ и подъ предлогомъ болѣзни уѣхалъ въ отпускъ въ Англію. Два мѣсяца спустя, уѣхалъ изъ Ханькоу и консулъ Варренъ, а завявшій его мѣсто Херстъ (Hurst) сейчасъ же началъ борьбу противъ Россіи. 26 августа 1899 года, совсѣмъ неожиданно на русскую концессию пришли какіе-то китайцы съ англійскимъ констэблемъ Миллеромъ во главѣ

и начали дѣлать заборъ изъ бамбука на нашей концессіи. Увидѣвъ китайскихъ рабочихъ, наши казаки (тогда ихъ было только 4) сейчасъ же прогнали ихъ вмѣстѣ съ городовымъ, который хотѣлъ было сопротивляться, но ограничился только руганью. Узнавъ объ этомъ, Ваховичъ послалъ протестъ противъ такого самоуправства англійскому консулу Херсту, но вмѣсто извиненія получилъ отъ него очень дерзкій отвѣтъ, что завтра заборъ будетъ сдѣланъ. Ваховичъ снова протестовалъ въ англійское консульство и въ фирму «Жардинъ Матисонъ и К^о», но все оказалось тщетнымъ, и 28 августа 1899 года, утромъ, англійская канонерка «Вудларкъ» (Woodlark) высадила на нашу концессію всѣхъ своихъ вооруженныхъ матросовъ, англійскій городской Миллеръ привелъ пѣшую и конную полицію, тоже вооруженную, и все это воинство, предводительствуемое секретаремъ англійскаго консульства Джайльсомъ, (Giles), Вистлеромъ и Крадкокомъ, съ крикомъ наступило на нашихъ четырехъ пѣшихъ казаковъ, отгѣснило ихъ, окружило казарму вооруженными матросами и выставило противъ нея пушку.

Какъ только началось это отважное наступленіе, 200 человекъ китайцевъ поспѣшно принялись за устройство забора, который наглядно долженъ былъ доказать всѣмъ права фирмы «Жардинъ Матисонъ и К^о» на захваченный ею участокъ.

Несмотря на всѣ протесты нашего консула, совершенно измучившагося и приходившаго прямо въ отчаяніе отъ негодованія, стыда и невозможности прогнать и наказать какъ слѣдуетъ цивилизованныхъ пиратовъ, англійская оккупация русской концессіи продолжалась три дня. Всѣ хонькоускіе англичане были въ восторгѣ и громко насмѣхались надъ нами въ англійскомъ клубѣ, такъ что русскіе перестали туда ходить. Ихъ дерзость сильно взволновала не только всю нашу колонію, но даже и иностранцевъ: всѣ ждали вооруженнаго столкновенія, но вмѣсто войны была назначена международная коммиссія, которая собралась въ Ханькоу въ мартѣ 1900 года, ровно спустя полгода послѣ описаннаго захвата, и только за два дня до приѣзда этой коммиссіи англичане ночью поспѣшно сняли свой заборъ, а ихъ знаменитый консулъ Херстъ былъ переведенъ на другое не столь видное мѣсто, гдѣ тогда не было еще русскихъ.

На мѣсто Херста приѣхалъ консулъ Фразеръ (Fraser), а въ составъ международной коммиссіи вошли съ нашей стороны: Д. Д. Покотилонъ, директоръ «Русско-Китайскаго банка» въ Пекинѣ, С. В. Литвиновъ, представитель чайной фирмы «Токмаковъ, Молотковъ и К^о» въ Ханькоу, очень честный, умный и хорошо знающій мѣстные законы, китайскій губернаторъ Учана, города, лежащаго противъ Ханькоу. Со стороны англичанъ были: Гарднеръ (H. G. Gardner), директоръ англійскаго банка «Hongkong» и «Shanghai Boving Corporation», еще одинъ англичанинъ изъ Шанхая и ки-

тайскій мандаринъ, англійскій переводчикъ при вице-королѣ Джонъ-Джи-Дунъ.

Когда же въ комиссіи Д. Д. Покотиловъ доказаль, что претензіи англичанъ не основательны, Гарднеръ довольно хитро, но не очень остроумно и къ удивленію всѣхъ и негодованію многихъ заявилъ: «это правда, мы ошиблись въ мѣстоположеніи и будемъ искать нашихъ участковъ въ другомъ мѣстѣ».

Итакъ, захваченный у насъ англичанами участокъ земли все-таки остался нашимъ, но самое дѣло нельзя считать рѣшеннымъ окончательно, и какъ оно окончится, — сказать пока трудно. Для русскаго же консула оно не прошло безслѣдно, причинивъ ему немало тревогъ и непріятностей и расшатавъ его здоровье.

1897 года, 6-го декабря, Ваховичъ приступилъ къ постройкѣ на нашей концессіи набережной, этого наилучшаго для себя памятника. День закладки былъ обставленъ очень торжественно. Вся мѣстная европейская и китайская знать была налицо, собрались и всѣ жители города. На участкѣ, предназначенномъ подъ постройку будущаго нашего консульства, быстро выстроена бесѣдка, украшенная русскими флагами и гирляндами, самая же площадь была обставлена цвѣтами изъ оранжерей русскихъ чаеоторговцевъ.

Торжество началось молебствіемъ, и первый камень набережной былъ положенъ консуломъ. Послѣ гимна, консулъ произнесъ рѣчь, въ которой выяснилъ значеніе для насъ собственной концессіи и просилъ нашу колонію въ Ханькоу не отказать ему въ содѣйствіи въ трудномъ дѣлѣ ея устройства. За рѣчью послѣдовало чтеніе телеграммы министра иностранныхъ дѣлъ, графа Муравьева, въ которой тотъ извѣщалъ, что государь соизволилъ на наименованіе нашей набережной именемъ Его Величества, и поздравлялъ русскую колонію съ концессіею. Въ домѣ чаеоторговца Попова на Англійской набережной, гдѣ тогда помѣщалось русское консульство, былъ устроенъ торжественный обѣдъ, а вечеромъ всѣ русскіе дома были богато освѣщены и украшены флагами.

Вслѣдствіе недобросовѣстности подрядчиковъ-китайцевъ консулу пришлось взять въ свои руки постройку набережной и вести ее хозяйственнымъ способомъ. Работы продолжались четыре года подъ контролемъ «строительнаго комитета», составленнаго изъ представителя «Русско-Китайскаго банка» и нашихъ чайныхъ фирмъ въ Ханькоу. Этотъ комитетъ собирался каждую почти недѣлю въ канцеляріи консульства и разсматривалъ всѣ счета и расходы по постройкѣ набережной и по устройству концессіи. Техническою же стороною постройки руководилъ честный и знающій свое дѣло инженеръ К. Мейеръ (K. Meyer), родомъ швейцарецъ.

Одновременно съ постройкой набережной Ваховичу пришлось вести всю очень сложную канцелярскую работу, составлять планы, разбивать землю на участки, проводить дороги и улицы и т. п.

Составленный имъ планъ концессіи былъ утвержденъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ въ 1898 году.

Еще до своей смерти Ваховичъ успѣлъ закончить устройство набережной и поставить рѣшетку, сдѣланную по его рисунку. Но онъ не успѣлъ окончить своего «устава городского совѣта» для нашей концессіи, какъ по недостатку свободнаго времени, такъ и по разстройству здоровья, которое въ послѣдній годъ не позволяло ему работать попрежнему безъ отдыха. Постройка набережной была окончена еще въ мартѣ мѣсяцѣ 1901 г. Все это грандіозное сооруженіе было оцѣнено однимъ нашимъ инженеромъ въ 500.000 рублей, въ дѣйствительности же, благодаря безусловной честности инженера Мейера и трудамъ и знанію китайскихъ условій Ваховича, всѣ работы обошлись только въ 200.000 рублей.

Прочностью же и изяществомъ стѣны нашей набережной восхищаются даже иностранцы въ Ханькоу, которымъ постройка ихъ набережныхъ обошлась гораздо дороже нашей. Но ихъ болѣе дорогія стѣны дали уже большія трещины и требуютъ ремонта, а наша стоитъ прочно. Много еще хотѣлъ сдѣлать нашъ консулъ для своей концессіи: онъ хлопоталъ о назначеніи постоянного русскаго доктора для Ханькоу, о постройкѣ дома для консула и для секретаря, но нужныя для этого средства не были отпущены, хотя по составленному Ваховичемъ и инженеромъ Мейеромъ плану и смѣтамъ на постройку двухъ домовъ, казармы и помѣщеній для службы и на устройство сада и стѣны вокругъ построекъ требовалось всего лишь 35.000 ланъ, или 47.250 рублей. Тогда, въ 1897 г., этой суммы было бы достаточно, теперь же, по измѣнившимся условіямъ, въ виду усиленной постройки домовъ на всѣхъ другихъ концессіяхъ, матеріалы вздорожали значительно, и потому всѣ эти работы обойдутся казнѣ гораздо дороже. Думалъ онъ тоже поставить на заднихъ участкахъ нашей концессіи большой базаръ подъ крышей, гдѣ китайцы, въ виду отдаленности отъ нашей концессіи китайскаго города, могли бы устраивать лавки, подобно тому, какъ это сдѣлали англичане въ Шанхаѣ, и что навѣрно сдѣлаютъ въ скоромъ времени французы или нѣмцы въ Ханькоу.

Вся эта дѣятельность Ваховича сдѣлала его имя популярнымъ не только въ Ханькоу, но и далеко кругомъ, но черезъ это онъ приобрѣлъ и много враговъ, хотя даже между англичанами были такіе, которые высоко цѣнили его. Съ нѣмцами онъ былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, ибо они одни не относились враждебно, какъ другіе, къ нашей концессіи. Между же русскими Ваховичъ оставилъ по себѣ хорошую память. Что касается китайцевъ,—объ отношеніяхъ ихъ къ Ваховичу лучше всего свидѣтельствуетъ такой случай.

Однажды, французы, задумавъ заняться въ окрестностяхъ Ханькоу добычею какихъ-то минераловъ, обратились за разрѣшеніемъ

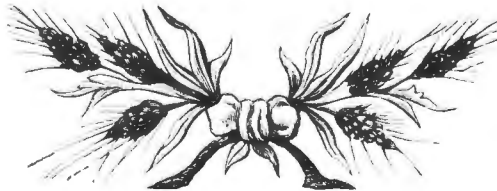
къ китайскимъ властямъ, но послѣднія, зная недобросовѣстность по отношенію къ нимъ иностранныхъ предпринимателей, отказали имъ, при чемъ объявили ходатайствующей о томъ французской фирмѣ, что дадутъ разрѣшеніе лишь подъ условіемъ, что въ этомъ дѣлѣ будетъ участвовать кто нибудь изъ мѣстныхъ русскихъ, и если договоръ будетъ подписанъ не только французскимъ, но еще и русскимъ консуломъ Ваховичемъ. И только тогда, когда всѣ эти условія были выполнены французами, хубейскій вице-король, ученый китайскій философъ и поэтъ Джонъ-Джи-Дунъ, далъ свое разрѣшеніе на разработку этой горы.

Уваженіе и полное довѣріе китайцевъ къ консулу Ваховичу выражались еще и въ томъ, что они обращались къ нему за совѣтами въ разныхъ своихъ дѣлахъ съ иностранцами. Ваховичъ обращался съ ними строго, но по-человѣчески, а не по-звѣрски, какъ обращаются европейцы, считая своимъ долгомъ эксплуатировать и всячески обижать тихаго, терпѣливаго китайца.

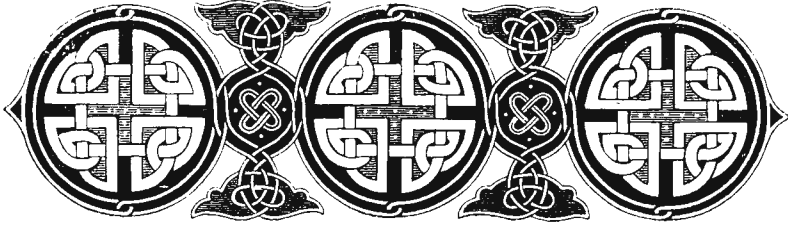
Къ большому горю для своей семьи, 12-го февраля 1902 года, всего сорока-трехъ лѣтъ отъ роду, скончался А. С. Ваховичъ, этотъ во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный человѣкъ, безгранично преданный своему отечеству.

Тѣло его со всѣми почестями было перевезено во Владивостокъ, такъ какъ въ Ханькоу нѣтъ удобно устроеннаго кладбища, и похоронено на Сѣданкѣ, въ 15-ти верстахъ отъ Владивостока, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ церкви епископа Евсенія. На могилѣ его, согласно желанію покойнаго, будетъ въ скоромъ времени построена часовня.

Л. Д.

ПЕРВЫЕ ДНИ БОЛГАРСКОЙ СВОБОДЫ.

(Изъ воспоминаній И. Вазова).

ДЛЯ ЧЕЛОВѢКА послѣ сознанія исполненнаго долга нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ сочувственный голосъ друга. Поэтъ недаромъ сказалъ:

Жизнь хороша, когда я въ мірѣ
Со всѣмъ живущимъ заодно.

Но то же примѣнимо и къ цѣлому народу. Какъ бы ни былъ онъ силенъ и могучъ, какъ бы мало ни нуждался въ содѣйствіи другихъ, самый звукъ чужого привѣта радостенъ и ободрителенъ. Съ однимъ изъ такихъ невольныхъ и нелюдимѣрныхъ привѣтовъ русскому народу хотѣли бы мы познакомить читателя здѣсь. Это—напечатанныя въ послѣднемъ сборникѣ знаменитаго болгарскаго писателя Вазова «Пѣстьрь свѣтъ» (Пестрый свѣтъ) воспоминанія его о русско-турецкой войнѣ. Хвалить себя не годится ни человѣку, ни народу, но, когда видишь со стороны искреннее признаніе заслугъ русскаго народа, невольно въ груди подымается радостное чувство, что принадлежишь къ народу, способному къ такимъ безкорыстнымъ подвигамъ самоотверженія, какъ война 1877—1878 г. Воспоминанія Вазова исполнены такой нѣжности чувства, такой сердечной теплоты, такого душевнаго благородства, что ихъ нельзя читать безъ особаго удовольствія. Насколько мы знаемъ, они не были еще переведены на русскій языкъ, и переводъ ихъ тѣмъ болѣе умѣстенъ теперь, когда въ Софіи передъ

народнымъ собраніемъ готовится къ открытію памятникъ Царя-Освободителя, о которомъ въ такихъ восторженныхъ выраженіяхъ говорить въ своихъ воспоминаніяхъ Вазовъ.

Андрей Сиротининъ.

15 іюня 1877 года, русскія войска побѣдоносно перешли Дунай при Систовѣ. Десять дней спустя, князь Черкасскій позвалъ членовъ распущеннаго бухарестскаго комитета къ себѣ на квартиру. Жилъ онъ въ простомъ домикѣ, затерявшемся въ одномъ изъ отдаленныхъ концовъ румынской столицы. Стояла ужасная жара. Князь вышелъ къ намъ въ переднюю, въ жилеткѣ, съ разстегнутой на груди рубашкой. Это былъ полный человекъ съ румянымъ, здоровымъ, красивымъ лицомъ, съ энергическимъ взглядомъ и нервной рѣчью. Приемъ былъ холоденъ, даже суровъ. Черкасскій объявилъ, что онъ призвалъ насъ съ цѣлью отправить въ качествѣ «переводчиковъ» къ разнымъ русскимъ корпусамъ въ Болгаріи и при этомъ съ натискомъ замѣтилъ, что за нашимъ поведеніемъ тамъ будутъ слѣдить...

Стефанъ Стамбуловъ обидѣлся:

— Я не хочу служить!

— Хорошо, вы будете состоять подъ надзоромъ!

— Я записался въ ополченіе,—сказалъ Олимпій Пановъ.

Князь кивнулъ головой и ушелъ въ свою комнату.

На другой день я отправился въ Систово переводчикомъ, но не при корпусѣ, а при губернаторѣ «Систовскаго санджака». Повидимому, князь нашелъ меня очень миролюбивымъ и тихимъ человекомъ и назначилъ меня подальше отъ свиста ядеръ. Въ Зимницу мы прибыли въ нестерпимую жару и на слѣдующее утро переправились черезъ Дунай на лодкѣ. Между моими спутниками былъ и Олимпій Пановъ, который ѣхалъ догонять ополченцевъ. Помню, съ какимъ восторгомъ приближались мы къ освобожденному Систову; мы пили горстями мутную воду Дуная, «свободную воду» Дуная, какъ мы говорили.

Найденъ Геровъ, новоназначенный губернаторъ Систовскаго санджака, прибылъ нѣсколько дней спустя, и я съ другими сослуживцами представился ему. Знакомый съ русской литературой еще съ шестнадцатилѣтняго возраста, я считалъ себя предопредѣленнымъ самою судьбою служить переводчикомъ. Но Геровъ схватился за волосы, когда услышалъ мой русскій языкъ, который не былъ въ ладахъ ни съ одной изъ русскихъ грамматикъ,—и сдѣлалъ меня писцомъ. Такимъ образомъ я имѣлъ честь образовать послѣднюю ступень канцелярской лѣстницы (Драганъ Цанковъ былъ тогда вице-губернаторомъ).

Я имѣлъ честь быть и однимъ изъ первыхъ болгаръ, которые образовали канцелярскій персоналъ и первое зерно болгарскаго чиновничества. Богъ благословилъ это зерно, и цѣлая Болгарія покрыта теперь роскошно расцвѣтшею нивой питомцевъ 20-го числа.

Счастливо было положенное нами начало!

Но возвращусь къ предмету своихъ воспоминаній: первымъ днямъ нашей свободы.

Что это были за дни—тревожные, необыкновенные, чудные!

Я, какъ сейчасъ, вижу тогдашнее Систово, Систово въ первые два мѣсяца послѣ своего освобожденія. Шумное, говорливое, пыльное, полное кипящей жизни, бурныхъ отголосковъ великихъ событій той войны, въ громахъ которой рождалась наша юная и кровавая свобода. Систово было тогда единственной дѣйствовавшей пристанью на Дунаѣ, находившеюся въ русскихъ рукахъ. Черезъ Систово проходили русскіе полки, которые шли, чтобы подъ громогласные крики «ура» вступить въ эпическіе приступы къ Плевнѣ. Систово, обращенное въ военный центръ, главный интендантскій складъ Плевненской и Гурковской арміи, средоточіе всѣхъ путей между Дунаемъ и театромъ военныхъ дѣйствій, стало тѣснымъ для своихъ многотысячныхъ гостей. Всѣ болгарскіе дома были отданы подъ квартиры для русскихъ офицеровъ и солдатъ; училища и церкви обращены въ больницы. Выросли, точно изъ земли, увеселительные сады, кафе-шантаны, гдѣ полуголыя нимфы со всего свѣта продавали свои пѣсни и прелести... Цѣна на все поднялась до баснословныхъ размѣровъ; стократно увеличившіяся потребности вызвали необыкновенный разгаръ спекуляціи. Полуимперіалы и рубли текли рѣкою... Практическіе систовцы еще и теперь вздыхаютъ при воспоминаніи объ этомъ времени...

Пустой и безмолвной оставалась одна только турецкая часть города. Жилища бѣжавшихъ 15 іюня турокъ стояли пустыя, разграбленныя, безъ оконъ, безъ дверей, въ пуху отъ распоротыхъ перинъ и подушекъ внутри. Болгары и систовскіе румыны обошлись съ турецкими жилищами такъ, какъ турки обошлись бы и дѣйствительно обходились съ болгарскими въ обратномъ случаѣ. Намъ надо было сохранить свою славу восточнаго народа...

Въ первые же дни своего пребыванія въ Систовѣ я посѣтилъ тотъ уголокъ дунайскаго берега, гдѣ переправлялись на лодкахъ подъ градомъ ядеръ и гранатъ русскія войска съ Драгомировымъ и Скобелевымъ во главѣ. Все Систово, еще бывшее подъ обаяніемъ великаго событія, которое принесло ему свободу, расска-

зывало чудеса о геройской неустрашимости и самопожертвованіи русскихъ воиновъ на волнахъ Дуная и на берегахъ его, гдѣ оно было трепетнымъ зрителемъ происходившаго. 15-го іюня ни одного турецкаго солдата, ни одного турка не осталось уже въ Систовѣ и укрѣпленіяхъ. Въ тотъ день сами систовцы еще не вѣрили, что они будутъ свободны. Въ одно мгновеніе на всѣхъ болгарскихъ воротахъ появились кресты. Фески исчезли. Всякій надѣвалъ на голову, что попало: шляпу, мѣховую шапку, колпакъ. Многіе болгары, у которыхъ не было ни одного изъ этихъ уборовъ, обвязали себѣ голову женскими платками. Я еще засталъ такихъ. Когда появился главный герой дня, Скобелевъ, систовскій аптекаръ, Велizarъ Якововъ, встрѣтилъ его горячею рѣчью по-нѣмецки. Скобелевъ отвѣтилъ ему по-русски:—Спасибо вамъ!—и спросилъ о гостиницѣ, гдѣ можно было бы поѣсть. Гостиницы въ Систовѣ не было, и его угостили въ одномъ частномъ домѣ.

На другой день Систово имѣло счастье дожидаться и императора Александра. Царь прибылъ на лодкѣ въ сопровожденіи главнокомандующаго великаго князя Николая Николаевича, наслѣдника, Горчакова, Игнатъева. Восторгъ былъ неописуемый. Кляки, цвѣты, слезы отъ радости. Попъ Христо привѣтствовалъ царя рѣчью. Царь проѣзжалъ по улицамъ, усыпаннымъ цвѣтами, и направился къ церкви. Онъ ѣхалъ на черномъ конѣ возблагодарить Бога за великую побѣду. Мнѣ рассказывали о степени народнаго восторга въ тотъ день. Одни цѣловали ему стремяна, матери протягивали къ нему дѣтей, чтобъ онъ ихъ поласкалъ, дѣвушки, рискуя быть растопанными лошадьми, подносили ему букеты цвѣтовъ. Восьмидесятилѣтній уважаемый старецъ, Иванѣца Алексовъ, явился передъ лицо императора и воскликнулъ: «Нынѣ отпускаеши раба твоего, владыко!»... и въ тотъ же день умеръ отъ радости. Послѣ благодарственнаго молебна въ церкви царь обнялъ и поцѣловалъ своего брата Николая Николаевича, а народъ въ изступленіи закричалъ «ура», всѣ лица были мокры отъ слезъ. Царь вынулъ платокъ и отеръ свои глаза: и онъ заплакалъ! Божественныя царскія слезы!.. Послѣ онъ поцѣловалъ руку священнослужителя и представилъ ему наслѣдника.

Подъ впечатлѣніемъ этихъ рассказовъ я написалъ и тогда же напечаталъ на летучихъ листкахъ стихотвореніе: Царь въ Систовѣ, которое начиналось такъ:

Лѣй се, Дунаве славянски,
Въ тие прелестни хѣлми,
Лѣй се, Дунаве гигантски,
Лѣй се, радостно шуми.

Ти отъ вѣкове тукъ стѣнешъ,
Съ кръвъ и сълзи се залянешъ,

Шумишъ, плѣскашъ и се пѣнишъ,
Като свързанъ великанъ...

Но падна тирапа бѣсенъ:
Шуми, Дунаве, шуми,
И подобна мойто пѣсенъ
Тонъ по-ясенъ приеми!

Лѣй се, влачи подъ кебето
Триумфални си вълни!
Бързай, кажи на морето
Що си видѣлъ въ тия дни ¹⁾!

Прошу великодушно снисхожденія у читателя, что привожу эти стихи, столь наивные по чувству и слабые по формѣ: они дороги моей душѣ по воспоминаніямъ, съ которыми они связаны.

Мнѣ не выпало на долю счастья видѣть тогда императора; но я уже видѣлъ его въ Бухарестѣ 14-го мая, когда онъ вѣзжалъ туда, встрѣчаемый стотысячной толпой, среди которой и я, затерявшись, плакалъ отъ безумнаго восхищенія и, чтобы дать выходъ накипѣвшему въ груди бурному чувству, въ тотъ же день написалъ Оду Императору Александру, гдѣ, въ изступленіи патріотическаго восторга и обоготворенія, говорилъ:

Въ эпохитѣ нѣма моментъ по-умилень,
Въ исторіята нѣма по-доблестенъ ликъ:
Отъ Цезаря ти си по-славенъ и силенъ
И отъ Александра ти си по-великъ.

Какво тѣ сториха? Прѣвзеха царствата.
Царю! Ти сто пѣти по-горѣ стоишъ:
Ти ведно съ царствата владѣишъ и сърдцата,
Тѣ туряха ига, и ти ги трошишъ ²⁾!

. . . . .

Никогда не изгладится изъ моей памяти обликъ императора Александра. Одѣтый въ бѣлый китель, съ лицомъ красивымъ, блѣднымъ, усталымъ, съ просѣдью въ волосахъ и запыленными бакенбардами, съ взглядомъ орлинымъ, повелительнымъ, но полнымъ благости и невыразимаго величія, статябе всей своей блестящей свиты, великихъ князей и генераловъ, онъ сидѣлъ въ коляскѣ съ румынскою княгиней, осыпаемый дождемъ цвѣтовъ и оглушаемый громовыми кликами «ура»...

¹⁾ Тукъ=здѣсь; сълзи=слезы; като=какъ; свързанъ=связанный; тирапа=тиранъ; по (по-ясенъ) обозначаетъ сравнительную степень; бързай=спѣши; тѣ, та, то, приставляемая къ концу слова—членъ въ именительномъ падежѣ.

²⁾ «Въ исторіи нѣтъ удивительнѣй минуты, нѣтъ доблестнѣе лика: ты Цезаря славяше и силенѣе, ты болѣе великъ, чѣмъ Александръ. Что сдѣлали они? Захватили царства. О царь! Ты выше ихъ стократно. Ты вмѣстѣ съ царствами владѣешь и сердцами. Они налагали на народы ига, а ты ихъ разбиваешь въ прахъ».

Поистинѣ счастлива была богатымъ содержаніемъ жизнь тогдашняго поколѣнія. Оно пережило тяжелую борьбу и ужасы, какіе рѣдко выпадали на долю народа; но оно испытало и восторги, какихъ никогда не испытаетъ никакое наше поколѣніе. Всѣ великія событія послѣ освобожденія, какъ ни глубоко ихъ значеніе, блѣднѣютъ передъ тѣмъ чуднымъ мгновеніемъ, когда русскій императоръ, точно воплощеніе лучезарной мечты цѣлой вереницы народныхъ поколѣній, вступилъ на болгарскій берегъ, окруженный обаяніемъ и славою нѣкоего божества, и произнесъ слова:

Да будетъ свободна эта земля!

Новое поколѣніе упрекаютъ въ хладнокровіи, даже равнодушіи при воспоминаніяхъ о великихъ событіяхъ недавняго прошлаго. Виногато ли оно? Оно ихъ не знаетъ, оно ихъ не видѣло, они для него только холодная исторія. Для него болгарская исторія начинается съ освобожденія, въ теченіе котораго оно родилось или выросло, пригрѣваемое теплыми лучами свободы, не испытавъ, не выстрадавъ, не переживъ всего предшествовавшаго, что принесло эту свободу и сопровождало ея рожденіе. Страшныя и величайшія минуты этого прошедшаго оно не можетъ понять и прочувствовать во всей ихъ полнотѣ и силѣ по мертвымъ книгамъ, какъ прочувствовало прежнее поколѣніе, которое восприняло ихъ отъ своей жизни и носить въ своей душѣ неумирающими и свѣжими видѣніями. Да и это ли одно? Развѣ мало помогъ возникновенію и воспитанію въ душѣ молодежи этого небрежнаго отношенія къ минувшему, этого скептическаго духа—и ограниченный шовинизмъ часто въ союзѣ съ политическимъ невѣжествомъ и глупостью?

Не въ далекомъ будущемъ величавый бронзовый образъ Царя-Освободителя передъ Народнымъ Собраніемъ устремить свой благородный обликъ въ небо и будетъ говорить будущимъ поколѣніямъ и міру больше и сильнѣе, чѣмъ какая бы то ни было исторія.

Счастлива мысль дать намъ видимый образъ того памятника, который уже давно навѣки воздвигнуть въ сердцѣ Болгаріи!

А между тѣмъ Систово жило своей обыкновенною кипучею жизнью, наводняемое волнами постоянно приходящихъ и отходящихъ войскъ. Сначала мы жили какъ бы въ непрерывномъ оцѣненіи отъ быстрыхъ побѣдъ русскихъ, которыя приводили насъ въ неописуемый восторгъ. Были уже взяты Тырново, Дрѣново, Елена, Трявна, Габрово; Гурко занялъ Шипку и прошелъ съ нашими соколами-ополченцами черезъ Старую Планину, освободилъ долины Стремы и Тунджи и навелъ паническій страхъ на турокъ до самаго Пловдива и Одрина (Адрианополя); генераль Криденеръ взялъ Никополь—и мы видѣли, какъ провозили его шеститысячный гарнизонъ, взятый въ плѣнъ вмѣстѣ со своимъ начальникомъ, Кель-Хасанъ-пашею, который съ головою ушелъ въ высоко приподнятый воротникъ своей шинели, чтобы его не видѣла рая.

Русскія войска подвигались впередъ съ стремительностью и силою урагана. Цѣлый свѣтъ, притаивъ дыханіе, смотрѣлъ на эти непрерывные триумфы.

Болгарія уже свободна, свободна!

Мы ликовали.

Вдругъ мы узнали о первомъ плевненскомъ пораженіи 8-го іюля, которое измѣнило весь ходъ войны. Послѣ начались и другія неудачи въ іюлѣ и августѣ.

Слухъ о второй страшной неудачѣ 18-го іюля произвелъ панику. Я помню ее хорошо.

По городу разнеслась страшная вѣсть: «турки идутъ!» Говорили, что русскія войска разбиты подъ Плевной, и что Османъ-паша (это имя тогда еще было мало извѣстно) идетъ по ихъ слѣдамъ и приближается къ Систову. Этотъ слухъ повергъ въ безумный ужасъ населеніе. Всѣ потеряли голову; мужчины, женщины, дѣти бросились къ Дунаю, слѣша перейти черезъ понтонный мостъ. Повозки опрокидывались на бѣгу, люди топтали другъ друга. Невообразимое смятеніе настало на улицахъ, переполненныхъ бѣгущимъ народомъ съ испуганными взглядами, съ пожелтѣлыми лицами. Напрасно энергическій градоначальникъ Систова, майоръ Подгурскій, полякъ, одинъ изъ первыхъ, перешедшихъ черезъ Дунай, съ подвязанной отъ боевыхъ ранъ рукой, вскачь носился по улицамъ, стараясь прекратить неурядицу. Русскіе солдаты бѣжали въ противоположную сторону, къ южнымъ высотамъ за городомъ, чтобы попробовать задержать непріятеля. А на берегу толпа давила другъ друга и тѣснилась, стремясь къ спасительному мосту, гдѣ солдаты съ саблями наголо употребляли всѣ усилія преградить ей путь, чтобы она не навалилась на мостъ и не потопила его подъ своей тяжестью. Никто не имѣлъ времени подумать, сообразить, дѣйствительно ли такъ близка и возможна бѣда, которой всѣ боялись, а никто не видѣлъ. Это страшное смятеніе длилось всего только часъ. Скоро успокоительныя извѣстія, что слухъ лживъ, ослабили испугъ. Но этотъ случай еще долгое время волновалъ всѣ умы, а систовцы и теперь вспоминаютъ о немъ съ трепетомъ.

Кровавыя плевненскія неудачи остановили побѣдоносное движеніе освободительныхъ войскъ. Глубокая печаль легла на лица всѣхъ. Рѣдко получались телеграммы съ поля военныхъ дѣйствій, но содержаніе ихъ скрывалось отъ насъ: мы его читали по лицамъ русскихъ. Цѣнникъ, правитель канцеляріи, молодой русскій съ благородной душой и сердцемъ, говорилъ намъ только со вздохомъ:

— Плохо, плохо, братцы!

Мы съ високаго берега нетерпѣливо смотрѣли, какъ шли по мосту все новыя полки, все новыя войска, съ знаменами, пѣснями, запыленные, усталыя...

Они шли, шли, шли, и не было имъ краю.

Между тѣмъ начали подходить цѣлыми толпами бѣглецы изъ Эракіи, гонимые ордами Сулеймана-паши и башибузуками послѣ отступленія генерала Гурко. Они шли голые, оборванные, несчастныя, неся въ душѣ своей скорбь объ утраченныхъ домашнихъ очагахъ, объ утраченныхъ ближнихъ. Эти бѣдные люди не чувствовали, не могли даже чувствовать радости отъ освободительной войны; она выражалась для нихъ въ самомъ ужасномъ разореніи и несчастіяхъ. Они составляли поразительную противоположность съ веселыми, живущими въ полномъ довольствѣ систовцами, освобожденными безъ всякой жертвы съ своей стороны, съ прибавкою еще матеріальныхъ выгодъ, которыя ихъ практическій умъ умѣлъ извлечь изъ новаго положенія дѣлъ...

Я узналъ о судьбѣ Сопота. Башибузуки сожгли его, какъ и Калоферъ, какъ и Старую Загору и другіе города и села на южныхъ склонахъ Старой Планины, въ долинахъ Стремы и Тунджи. Всякій день извѣстія становились мрачнѣе. Скоро до меня дошла вѣсть, что мой отецъ былъ изрубленъ въ Балканахъ башибузуками въ долинѣ Лѣсвица, а моя мать съ нѣсколькими изъ моихъ братьевъ, застигнутая въ тѣхъ же Балканахъ, отведена вмѣстѣ съ другими первыми сопотскими семействами въ плѣнъ, въ Пловдивъ, а послѣ въ молдавскій монастырь у Родопскихъ горъ. Всякій день новыя бѣглецы приходили подтвердить мнѣ ужасную истину съ новыми подробностями о мученической кончинѣ моего отца. Когда Цѣнинъ увидѣлъ мой убитый видъ и узналъ о моемъ горѣ, онъ сказалъ мнѣ печально:

— Батюшка, подумайте, что теперь тысячи русскихъ гибнутъ тамъ, при Плевнѣ. Цѣлая Россія въ траурѣ...

Но никто даже на мигъ не сомнѣвался, что русскія войска восторжествуютъ вопреки злорадству и зловѣщимъ предсказаніямъ враговъ славянства. Помню, что среди русскихъ шелъ глухой ропотъ противъ генерала Игнатьева: его упрекали, что онъ представилъ Турцію гораздо слабѣе, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ, что война началась съ недостаточными силами. Другіе бранили генераловъ Криденера и Шильдеръ-Шульднера, за которыми былъ тотъ грѣхъ, что они носили нѣмецкія фамиліи. Слышался ропотъ и

противъ Скобелева съ его легендарной уже славой; говорили, что онъ тратилъ много войска для своего военного славолюбія; при этомъ забывали, что онъ первый всегда выставялъ свою грудь навстрѣчу неприятельскимъ ядрамъ. Но въ неудачѣ всегда надо найти кого нибудь виноватаго...

А новыя силы подходили. Ожидалась императорская гвардія.

Лился цѣлый потокъ солдатъ, обозовъ, непрестанно катились по мосту, гремѣли по мостовой желѣзныя колеса артиллеріи, повозки Краснаго Креста, проѣзжала конница, казацкіе эскадроны съ длинными пиками и надѣтыми на бекрень шапками; скрипѣли интендантскія телѣги, раздавались крики, удары кнута по спинѣ усталыхъ и изможденныхъ лошадей среди невообразимой толкотни на улицахъ.

А административный механизмъ новыхъ учреждений, пущенный нами въ ходъ, поскрипывалъ, работая кое-какъ. Въ Систовѣ имѣлся и городской совѣтъ, и судебный совѣтъ, и торговый совѣтъ, согласно предписаніямъ временныхъ распоряженій Черкаскаго. Новое положеніе породило новые интересы и стремленія. Болгары, народъ сообразительный, радостно встрѣтивъ свое освобожденіе, умѣли и использовать его, пустившись во всевозможныя выгодныя спекуляціи. Особенно много пооткрылось «мѣняльныхъ лавокъ».

Духъ свободы придалъ новый обликъ общественной жизни. Русскіе нравы и русскіе обычаи воспринимались во всевозможныхъ своихъ проявленіяхъ. Стали пить чай и начали ходить въ церковь—больше изъ стыда передъ русскими,—при чемъ преклоняли колѣна по русскому обычаю. Вошли въ обращеніе русскія пѣсни Стрѣлокъ, Внизъ по матушкѣ Волгѣ, Мадамъ Анго стираетъ, — послѣдняя, занесенная кафе-шантанными пѣвицами..., а дѣвушки пѣли новую пѣсню Петки Славейкова: «Русскій царь е на земята», въ которой былъ слѣдующій прекрасный куплетъ:

Кат' Русія нѣма втора,
Тѣй¹⁾ велика на свѣта;
Тя е наш'та подпора,
Тя е наш'та висота.

Въ то же время распространилась и ода г. А. Франгя, изъ которой мнѣ припоминаются первые два стиха:

Въ хилядо осемстотинъ седемдесятъ и седемъ
Царь Александръ избави нашъ народъ бѣденъ.

¹⁾ Тѣй=такъ; като=какъ; хилядо=тысяча.

Бѣдный великій царь! Мы съ горестью воображали себѣ долгія страданія его любящаго сердца сначала въ Боготѣ, послѣ въ Бѣлой, послѣ въ Горномъ Студнѣ. Онъ переживалъ ужасные дни, проливая слезы надъ страшными жертвами, которыя приносила Россія, готовая принести еще новыя жертвы, чтобы спасти русское имя. Рассказывали намъ, какъ просто и добродушно разговаривалъ онъ съ бѣленскими крестьянами, когда они, покуривая свои трубки, называли его «ваше благородіе»; какъ, чтобы доставить ему развлеченіе, молодыя, нарядныя дѣвушки заводили хороводы передъ его квартирой, а онъ, сидя на треногомъ стулѣ, какія встрѣчаются въ корчмахъ, съ грустной улыбкой любовался пастушеской сценой.

Всякій день подходили новые знакомые, приходившіе изъ Румыніи, изъ Россіи, бѣжавшіе черезъ Царьградъ и Триестъ; мы встрѣчались съ ними на постояломъ дворѣ Насты Захаралнята, гдѣ мы столовались. Тамъ я увидѣлся съ Любеномъ Каравеловымъ, неизмѣнно краснорѣчивымъ, пріятнымъ и веселымъ собесѣдникомъ, который переносилъ свою печатню въ Тырново; съ профессоромъ Дриновымъ, котораго русскіе прочли въ болгарскіе министры народнаго просвѣщенія, съ Константиномъ Величковымъ, больнымъ и съ Ламартиномъ въ рукахъ. Отозвался тогда и дѣдо Богоровъ: онъ среди громовъ войны былъ чрезвычайно обезпокоенъ—не дурнымъ ея оборотомъ, а обрусеніемъ болгарскаго языка, и выпускалъ свои брошюры, въ которыхъ ратовалъ за его чистоту. А тогда дѣйствительно языкъ нашъ сильно обрусѣлъ. Всѣ болгары говорили по-русски, т.-е. смѣсью русско-болгарско-церковно-славянскаго языка. Разговорная рѣчь и канцелярская кишѣли руссизмами. Даже турецкія слова принимали русскую форму. «Добъръ день» замѣнилось «здравствуй», что осталось и доселѣ; даже ругаться мы стали по-русски (такъ мило намъ было все русское!), «сайбия» стало «хозяинъ», «чорбаджия» — «баринъ», а нерѣдко и «баранъ». Происходили непріятныя недоразумѣнія изъ-за языка между освободителями и освобожденными, которые взаимно называли себя братушками—слово, которое въ русскихъ устахъ еще не звучало тогда для насъ обидою... Много смѣялись надъ одной горожанкою Систова, которая на просьбу квартировавшаго у ней офицера принести ему молока вытатила изъ кладовой старыя, покрытый паутиною кринолинъ (по-болгарски: малакофъ), удивляясь, зачѣмъ понадобился русскому такой антикъ. Въ особенное смущеніе приводилъ почтенныхъ систовскихъ дамъ стоявшій въ пристани катеръ «Шутка» (по-болгарски очень неприличное слово); своей безстыдной надписью онъ заставлялъ ихъ краснѣть, когда онѣ выходили погулять по берегу рѣки... А булка (по-болгарски: молодая

дѣвушка-невѣста)! Сколько недоразумѣній постоянно вызывало это слово! Мнѣ самому пришлось быть свидѣтелемъ одного изъ нихъ въ корчмѣ Насты. Когда одинъ майоръ за обѣдомъ спросилъ себѣ «свѣжую булку», добрый Насто, сдѣлавшій уже значительные успѣхи въ языкѣ Пушкина, зналъ, что такое «свѣжая», но второе слово смутило его, и онъ рѣшительно отказался удовлетворить просьбѣ русскаго офицера.—«Но почему?»—спросилъ тотъ сердито.

— Полиція не позволяетъ,—отвѣтилъ застѣнчиво Насто.

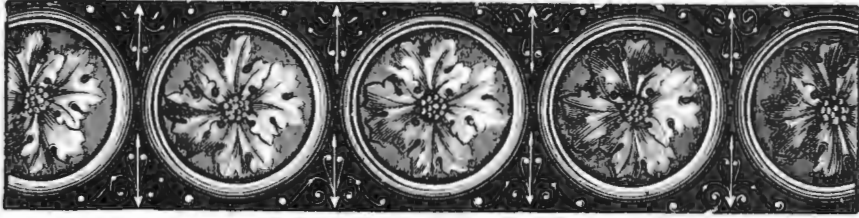
Офицеръ разсмѣялся отъ всего сердца, когда мы ему растолковали, какъ его понялъ нашъ хозяинъ.

А по мосту русскія войска все шли, шли, шли!

И. Вазовъ.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

В АПРѢЛЬСКОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» мы дали отчетъ о семи иностранныхъ сочиненіяхъ, касающихся по своему содержанію Россіи. Въ настоящей статьѣ приводимъ краткое содержаніе еще трехъ книжекъ, вышедшихъ въ послѣднее время.

1) Ed. Gachot. Les campagnes de 1799—Suvorow en Italie. Paris. 1903.

Эд. Гашо, издавшій уже исторію первой (1795—1798) и второй (1800) итальянскихъ кампаній, вознамѣрился дать описаніе итальянскаго похода Суворова, такъ какъ, по мнѣнію его, кампанія 1799 года не изучена съ достодолжнымъ вниманіемъ, а подвиги французскихъ военачальниковъ не оцѣнены по достоинству. Поэтому Гашо рѣшилъ взяться за это дѣло самъ и, изучивъ сочиненія Тьера, Жомини, Дюма и Коха, пришелъ къ тому выводу, что всѣ они недостаточно документированы и не столько описываютъ военныя событія, сколько вдаются въ общія политическія соображенія, воспроизводя нѣмецкіе источники, точною не отличающіеся.

Столь же рѣзокъ авторъ въ приговорахъ о прочей иностранной литературѣ: итальянцы даютъ поверхностныя очерки кампаніи, австрійцы относятся съ пристрастіемъ къ участию въ ней русскихъ военныхъ силъ, швейцарскіе историки впадаютъ въ преувеличенія, а голландцы не дали ничего цѣльнаго. Русскіе авторы—Фуксъ, Петрушевскій, полковникъ Петровъ, Полевой, генераль Драгомировъ—строятъ свои работы исключительно на сказаніяхъ современниковъ, преувеличивая факты; не получилъ пощады даже графъ Д. А. Милютинъ, который будто бы даетъ достовѣрныя свѣ-

дѣнія о швейцарскомъ походѣ, но въ описаніи итальянской кампаніи Суворова впадаетъ въ многочисленные промахи, которые г. Гашо любезно обѣщаетъ исправить, снисходительно прибавляя впрочемъ, что такъ какъ книга Милютина заключаетъ кое-какіе документы, почерпнутые изъ архивовъ министерствъ иностранныхъ дѣлъ и военнаго, то ее можно прочесть не безъ пользы.

Посрамивъ такимъ образомъ всѣхъ предшественниковъ, Гашо самодовольно и пространно описываетъ, какъ принятый имъ методъ работы заставилъ его самолично побывать на всѣхъ поляхъ битвъ, снять ихъ кроки и обслѣдовать весь путь, пройденный австро-русскими войсками, а съ тѣмъ вмѣстѣ тщательно изучить многочисленные документы, разсѣянные по архивамъ итальянскимъ, французскимъ, австрійскимъ и русскимъ, да кстати фамиліныя бумаги выдающихся дѣятелей эпохи. Г. Гашо, разумѣется, сознаетъ щекотливость своего положенія—ему приходится опровергать мнѣнія предшественниковъ, но истина прежде всего! За всѣмъ тѣмъ, вѣрный присущему ему безпристрастію, авторъ обѣщаетъ объективно воздать каждому по заслугамъ.

Послѣ всѣхъ этихъ широкофѣщательныхъ посуловъ читатель съ нѣкоторою робостью приступаетъ къ чтенію толстой книжицы въ чаяніи открытія новыхъ горизонтовъ и готовъ заранѣе съ почтительностью воспринять всю эрудицію французскаго ученаго, который такъ обстоятельно изучилъ всю литературу и обѣщаетъ сказать чуть ли не послѣднее слово по вопросу, которымъ занимались и государственные люди, и военные историки, и общепризнанные знатоки сраженій и военнаго дѣла всей Европы!

Ожиданія читателя, однако, съ первыхъ же страницъ начинаютъ меркнуть—на девятнадцати жиденькихъ страничкахъ дается общая характеристика отношеній Екатерины II и Павла I къ явленіямъ французской революціи; столь же поверхностно очерчивается исторія освободительныхъ воздѣйствій французской республики на Италію и французской оккупации.

Послѣ легковѣснаго введенія Гашо въ пятнадцати главахъ довольно безтолково, но злоупотребляя планами, звонкими фразами и восклицаніями, живописуетъ великіе подвиги французской арміи и ея военачальниковъ, «полагавшихъ свои силы для обезпеченія Франціи политическихъ ея вольностей».

Взобравшись на удобнаго патріотическаго конька, Гашо въ духѣ шовинизма трактуетъ союзниковъ, какъ враговъ единой и нераздѣльной республики, а такъ какъ главнымъ супостатомъ является несчастный Суворовъ, то г. Гашо не знаетъ, какія бы пообиднѣе придумать обвиненія по его адресу. Оказывается, что Суворовъ въ главнокомандующіе попалъ только по интригамъ графа Разумовскаго (стр. 93). Юродивый иллюминатъ, возомнившій себя вторымъ «бичемъ Божиимъ», невѣжда, гордецъ, Суворовъ только и до-

стоинъ, что смѣхотворной опереточной клички «Général en avant!» (стр. 96—97).

Такъ же хлестки и легковѣсны приговоры Гашо русскимъ войскамъ: казаки—достойные потомки гунновъ, изувѣрство арміи палось попами (стр. 113, 116); попы между войсками ходили съ иконами и проповѣдывали священную войну (стр. 130); русскихъ офицеровъ наказывали палочными ударами (стр. 394).

«Васильевичъ», при сооруженіи моста чрезъ Адду, взывалъ за помощью къ св. Георгію и заставлялъ великаго князя Константина Павловича плотничать, дабы оживить въ памяти войскъ образъ Петра Великаго (стр. 140).

Хотя въ Пьемонтѣ сами итальянцы, по признанію Гашо, нерѣдко доходили до озлобленія противъ французскихъ утѣснителей и въ городахъ отравляли французскіе гарнизоны, а въ деревняхъ завлекали проѣзжихъ французовъ на ночлегъ и безжалостно ихъ закалывали (стр. 173—14), тѣмъ не менѣе и тутъ Суворову навязывается неблагодарная роль раздавателя всѣмъ желавшимъ индульгенцій на учиненіе убійствъ французскихъ якобинцевъ (стр. 236). Наложеніе секвестра на имущество сторонниковъ Бонапарта выдается за злобную месть Суворова (стр. 185). Мирные итальянскіе граждане подвергаются истязаніямъ за то, что осмѣливаются протестовать противъ казачьихъ разбоевъ (стр. 236). Въ сраженіи при Требінъ Суворовъ не обнаружилъ никакихъ ни стратегическихъ, ни вообще военныхъ талантовъ (стр. 273). Въ Пьяченцѣ, Алессандріи и Моденѣ происходили ужасныя вакханаліи и грабежи, картинно описываемыя Гашо со словъ Росси и кавалера Дораново (стр. 289—291) и тѣмъ не менѣе — очевидно, по помраченію разсудка — итальянцы почти повсемѣстно Суворова принимали восторженно, въ Туринѣ встрѣчали, какъ новаго Кира (стр. 209), въ Пьячекцѣ не давали ему покоя кликами «Evviva il viacetore!» (стр. 287) и довели самообольщеніе Суворова до того, что онъ вообразилъ себя Александромъ Великимъ (стр. 235).

По такому же странному недоразумѣнію въ то время, какъ Гашо не можетъ достаточно нахвалить корректную доблесть австрійскихъ недруговъ Суворова — разныхъ Краевъ, Меласовъ, послѣ сраженія при Нови австрійцы всѣми игнорируются, и одному Суворову правительства Сардинское и Неаполитанское выражаютъ чрезъ особыя посольства признательность (стр. 401), да и французскіе плѣнные, до генераловъ Периньона и Груши включительно, по признанію того же Гашо, не скупаются на похвалы извергу Суворову за внимательный уходъ за ранеными (стр. 400).

Повидимому, къ такимъ откровеніямъ съ утомительнымъ припѣвомъ о грабительствахъ «московитскихъ ордъ», «глупой гордости» и «бравадахъ» Суворова сводятся неліцеприятныя поправки Гашо къ русскимъ историкамъ Суворовскаго похода—по крайней мѣрѣ, ни-

чего похожаго на серіозную полемику въ пресловутомъ этомъ трудѣ, якобы основанномъ на всестороннемъ изученіи архивныхъ документовъ, мы не открыли. Зато сентиментальныхъ восторговъ и умиленія по поводу дѣяній Моро, приводившихъ его къ пораженіямъ по всѣмъ правиламъ военного искусства, въ книгѣ не оберешься.

Г. Гапо вошелъ во вкусъ шовинистскихъ восторговъ и торопится сообщить читателямъ, что столь же досконально имъ изучена и уже написана исторія Швейцарской кампаніи, а послѣдующія кампаніи, Германская и Голландская, имъ изучаются въ потѣ лица и не замедлятъ появиться изъ печати.

Изъ этихъ образчиковъ эрудиціи и исторической критики можно заключить, что книга Гапо своими легкомысленными приѣмами напоминаетъ развѣ путевые очерки пресловутаго Александра Дюма-отца, отдохавшаго на Кавказѣ подъ тѣнью развѣсистой клюквы. Въ XX вѣкѣ писать подобныя изслѣдованія по архивнымъ матеріаламъ и благодарить еще какихъ-то русскихъ, австрійскихъ и итальянскихъ ученыхъ, руководившихъ Гапо въ его многотрудной задачѣ (стр. V),—какъ будто и зазорно.

2) *Mémoires du général major russe baron de Löwenstern (1776 — 1858), publiés d'après le manuscrit original et annotés, par M. H. Weil. Tome I (1776—1812). Paris. 1903.*

Генералъ-майоръ Владимиръ Германовичъ фонъ-Лёвенштернъ, дворянинъ Эстляндской губерніи, вступилъ въ русскую военную службу при Екатеринѣ, служилъ въ кавалеріи, участвовалъ въ швейцарскомъ походѣ; нѣкоторое время находился въ отставкѣ, а потомъ, въ 1809 г., вступилъ волонтеромъ во французскую армію.

По приѣздѣ въ Петербургъ съ депешами отъ Наполеона Лёвенштернъ былъ милостиво принятъ государемъ, но на предложеніе вернуться въ русскую военную службу затруднился отвѣтить согласіемъ; этимъ, повидимому, Лёвенштернъ испортилъ себѣ карьеру, потому что, по утверженію Уварова, Александръ I прочилъ Лёвенштерна въ флигель-адъютанты, и, заручись тотъ дворскими связями, беззавтѣная храбрость быстро доставила бы ему удобные случаи къ возвышенію.

При вступленіи въ ряды русской арміи предъ отечественною войною Лёвенштерну опять не посчастливилось — Ермоловъ заподозрѣлъ его, будто онъ сообщилъ генералу Себастьяни, съ которымъ познакомился при дворѣ неаполитанскаго короля Мюрата, важныя свѣдѣнія о составѣ русской арміи; Лёвенштернъ попалъ окончательно въ немилость и хотя при Бородинѣ былъ произведенъ въ подполковники, а въ Вильнѣ, при проѣздѣ государя, представленъ Кутузовымъ къ чину полковника, государь отказался утвердить Лёвенштерна въ обоихъ чинахъ. Невинно заподозрѣнный, оскорбленный въ самолюбіи, Лёвенштернъ расхандрился, но вскорѣ съ собою справился: «Моя сила всегда была въ чистой совѣсти и

дарованныхъ мнѣ отъ природы: добродушія, легкомыслія, отсутствія зависти къ чужимъ успѣхамъ, терпѣнія и упорствѣ».

Нѣкоторое время Лёвенштернъ служилъ подъ начальствомъ Бернадотта, а затѣмъ лорда Веллингтона. Смѣлыя рекогносцировки, неоднократно предпринимавшіяся Лёвенштерномъ въ 1813 году, обнаружили въ немъ лихого кавалериста, а переговоры, веденные съ Моро по поводу капитуляціи Суассона, зарекомендовали незаурядныя дипломатическія его способности. За всѣмъ тѣмъ Вл. Герм. Лёвенштернъ оставался въ тѣни, и только когда гр. П. Дм. Киселевъ занялъ постъ полномочнаго министра въ придунайскихъ княжествахъ, Лёвенштернъ несъ при немъ обязанности вице-президента Дивана. Выйдя въ чинѣ генераль-майора въ отставку, Лёвенштернъ проживалъ въ Петербургѣ и поддерживалъ свѣтскія сношенія со многими изъ давнишнихъ сослуживцевъ, достигшихъ степеней извѣстныхъ.

«Послѣ того какъ я имѣлъ честь служить подъ начальствомъ безсмертнаго Суворова, Кутузова, Барклая де-Толли, совершилъ кампанію въ качествѣ волонтера при арміи Наполеона, побывалъ подъ начальствомъ Бернадотта и закончилъ военную карьеру въ Европѣ подъ начальствомъ Веллингтона, — писалъ Лёвенштернъ младшему брату 8-го декабря 1852 года, — я въ правѣ мирно улежся спать и успокоиться въ сіяніи удовлетвореннаго самолюбія, даже забывая о томъ, что турецкая война съ ея лихорадками и чумою увѣнчала мой трудовой путь, который, какъ и брачныя узы, къ полному моему счастью завершился безмятежною независимостью. Никому я не завидую, ибо что можетъ быть лучше участи чело-вѣка, обладающаго хорошимъ аппетитомъ и сномъ и ни для кого не являющагося несноснымъ».

Цѣлью дальнѣйшей жизни Лёвенштернъ положилъ составленіе автобіографическихъ своихъ записокъ. Освѣдомившася объ этомъ, государь Николай Павловичъ пожелалъ ознакомиться съ записками и, какъ видно изъ письма Лёвенштерна къ младшему его брату, отъ 20-го декабря 1864 года, онъ переработалъ записки отъ начала до конца, значительно ихъ посократилъ, смягчилъ и сгладилъ, и послѣ того какъ исправленная рукопись прошла чрезъ цензуру гр. Несельроде, Панина и Киселева, она была представлена государю—этотъ экземпляръ, по предположеніямъ Вейля, и послужилъ впослѣдствіи для изготвленія русскаго перевода записокъ Лёвенштерна появившагося въ 1900 году въ «Русской Старинѣ».

Что касается подлинной черновой рукописи, то она, какъ «составляющая истинное выраженіе мысли» Лёвенштерна, со всѣми прибавленіями и оправдательными документами должна была, по его желанію, поступить въ распоряженіе младшаго его брата, бывшаго посланникомъ Даніи сначала въ Бразиліи, а затѣмъ при Вѣнскомъ дворѣ, но за смертью его была передана его belle-soeur и

племяннику Фридриху, ротмистру австрійской кавалеріи. Въ помястѣ этого послѣдняго, Ober Alm'ъ, Вейлю былъ открытъ доступъ къ семейному архиву Лёвенштерновъ и рукописямъ генерала. Убѣдившись изъ сличенія ихъ съ текстомъ, напечатаннымъ въ «Русской Старинѣ», что послѣдній представляетъ существенныя измѣненія противъ первоначальнаго подлинника и такія дополненія и сокращенія, которыя совершенно извратили смыслъ записокъ, французскій издатель съ дипломатическою точностью переписалъ и напечаталъ подлинную рукопись.

Къ экземпляру же записокъ, передѣланному для государя, самъ авторъ ихъ относился вполнѣ равнодушно, но неоднократно въ перепискѣ съ роднею возвращается къ мѣрамъ, принимавшимся имъ для сохраненія подлинныхъ рукописей въ неприкосновенности (онѣ хранились у банкира Штиглица); подчеркивая значеніе ихъ, Лёвенштернъ замѣчаетъ: «правда, высказываемая откровенно и безъ изворотовъ, является такою диковинкою, что мало кто ее понимаетъ и предпочитаетъ обзывать ее парадоксомъ». Поэтому Вейль глубоко сожалѣетъ, что рукопись прерывается на 1812 году, и послѣдующая часть записокъ, доведенная до выхода Лёвенштерна въ въ отставку, безвозвратно утрачена: по крайней мѣрѣ, она не нашлась въ петербургскихъ книгохранилищахъ, да и въ семейномъ архивѣ Лёвенштерновъ сохранились всего семь тетрадей, послѣдняя же четвертая часть записокъ исчезла безслѣдно.

Въ введеніи къ запискамъ Вейль сообщается нѣсколько любопытныхъ отрывковъ изъ переписки Лёвенштерна съ его родными и друзьями.

О содержаніи записокъ Лёвенштерна, извѣстныхъ читателямъ, интересующимся исторіею, по «Русской Старинѣ», едва ли есть надобность распространяться, сличеніе же оригинала французской рукописи съ переводомъ «Русской Старины» составляетъ трудъ кропотливый и не можетъ войти въ составъ настоящей замѣтки.

3) Rudolf von Labrès. Politik und Seekrieg. Berlin. Em. Siegfr. Mitters Verlag. 1903.

Въ доброе старое время въ большинствѣ политическихъ «конъюнктуръ» и «конstellаций» идеальный моментъ и фантазерство играли несравненно бѣльшую роль, чѣмъ теперь. Являлась у какаго нибудь властителя, въ родѣ Людовика XIV, идея о насажденіи бурбонской династіи чуть ли не во всемъ латинскомъ мѣрѣ, и по принципу «tel est notre bon plaisir» десятки лѣтъ велись войны, дѣлались величайшія напряженія, но такъ какъ дипломатическія измышленія и перекраиванія карты Европы оказывались въ противорѣчій съ жизненными потребностями заинтересованныхъ народовъ, то въ концѣ концовъ такія затѣи нерѣдко проваливались позорнѣйшимъ образомъ.

Въ практическій XIX вѣкъ, послѣ фантастической наполеоновской эпопеи, прогрессъ промышленности и техническихъ усовершенствованій въ способахъ перевозки выдвинулъ впередъ инныя начала—на первый планъ въ международныхъ отношеніяхъ все чаще выступаютъ интересы экономическіе; вопросы о сбытѣ фабрикатовъ, объ обезпеченіи подвоза сырья, о созданіи рынковъ и о болѣе или менѣе безжалостномъ эксплуатированіи экзотическихъ и иныхъ внѣевропейскихъ странъ подъ флагомъ «культурной миссіи», «плодотворной колонизаціи», «разграниченія сферы вліянія» получаютъ все большее преобладаніе въ политикѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ громадное значеніе приобретаетъ созданіе національныхъ торговыхъ флотовъ для заморскихъ сообщеній и обезпеченіе купеческому охрану съ помощью военно-морскихъ. Разностороннему освѣщенію этихъ вопросовъ и посвящена только что вышедшая любопытная книга капитана германскаго военнаго флота Рудольфа ф. Лабра.

Первый отдѣлъ книги посвященъ историческому обзорѣню судьбъ великихъ державъ, при чемъ авторъ безпристрастно показываетъ, насколько политическіе и хозяйственные интересы отдѣльныхъ государствъ, по мѣрѣ развитія средствъ сообщеній и оживленія внѣевропейскихъ сношеній, выступали на новые пути и приводили къ невѣдомымъ дотолѣ международнымъ противорѣчіямъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ, въ качествѣ ученаго моряка, пытается выяснить, что тамъ, гдѣ наступаетъ необходимость считаться съ войною, морская стратегія оказываетъ существенное воздѣйствіе на политику; съ другой же стороны поставляется на видъ, что опасность войны, вызываемая запросами міровой политики, какъ бы застраховывается заключеніемъ союзовъ и договоровъ. Международные оборонительные и наступательные союзы заставляютъ по справедливости опасаться, что, разыграется при такихъ условіяхъ война, она не сможетъ въ скорости привести къ результатамъ, а предвидѣніе громадныхъ потерь въ людяхъ и деньгахъ и ужасающихъ экономическихъ послѣдствій для побѣдителей и побѣжденныхъ спасительно воздерживаетъ отъ легкомысленнаго бряцанія оружіемъ; возможно даже, что рано или поздно «опустошительная войны» сведется къ чисто духовной и экономической борьбѣ между противоположными интересами, и въ мирное время отдѣльные государства, лишь благодаря умѣлымъ приемамъ торговой политики, будутъ подвергаться жесточайшимъ урокамъ и одерживать столь же безкровныя, но чреватые выгодами побѣды.

Второй отдѣлъ носитъ болѣе спеціальнй характеръ, посвященъ популярному очерку морской стратегіи и схематическому изложенію возможныхъ теоретическихъ задачъ по этой части и пракческаго ихъ разрѣшенія.

Въ третьемъ отдѣлѣ, носящемъ характеръ осторожныхъ предсказаній, чуждыхъ повинизма, авторъ отъ отвлеченной теоріи переходитъ къ дѣйствительности и рассматриваетъ вѣроятность и возможность морскихъ столкновеній между отдѣльными державами; на политическомъ и стратегическомъ обоснованіи строятся тѣ задачи военно-морскихъ операцій, какія могутъ отвѣчать наличнымъ боевымъ средствамъ державъ.

Лабрэ въ этомъ смыслѣ подробно рассматриваетъ случаи столкновенія: а) тройственного союза съ двойственнымъ; б) англо-японскаго съ франко-русскимъ; в) Англии съ Россіею; г) Россіи съ Японіею; д) Англии съ Сѣверо-Американскими штатами; е) Англии съ Франціею; ж) Италии съ Турціею; з) Японіи съ Китаемъ и т. д. Авторъ свои соображенія строитъ на официальныхъ цифровыхъ свѣдѣніяхъ по военно-морской части, не закидывая впрочемъ читателя статистическими данными. Не касаясь подробностей, мы ограничимся лишь приведеніемъ нѣсколькихъ положеній общаго характера, выставляемыхъ авторомъ.

Говоря о пресловутомъ владычествѣ Великобританіи надо всеми морями, Лабрэ замѣчаетъ, что, несмотря на внушительные размѣры многочисленныхъ ея эскадръ, онѣ обречены на стаціонерную службу ради охраны всехъ тѣхъ лакомыхъ кусочковъ, которые прожорливый левъ Альбіона понахваталъ во всехъ странахъ свѣта. Мощь англійскаго флота въ значительной степени парализуется, однако же, отсутствіемъ практической умѣлости морского управленія. Тѣ же огромныя и бесплодныя жертвы, какія въ южной Африкѣ были вызваны отсутствіемъ разумной организаціи военнаго дѣла, скажутся и въ морской войнѣ, ибо въ сущности военный флотъ Великобританіи не приспособленъ къ военнымъ цѣлямъ — учебныя эскадры приносятся въ жертву стаціонерной службѣ, примѣрныхъ мобилизацій флота не производится вовсе, начальствующіе чины флота не умѣютъ или не хотятъ изыскивать случаевъ къ практическимъ упражненіямъ и маневрированіямъ, а составъ младшихъ флотскихъ офицеровъ мало обновляется.

Въ иномъ свѣтѣ рисуется Лабрэ Россія, которой онъ въ своей книгѣ отводитъ многіе десятки страницъ.

Лабрэ относится съ большимъ уваженіемъ къ нашему отечеству; въ немъ онъ провидитъ огромную силу, которая еще скажется въ будущемъ. «Мы не столько имѣемъ здѣсь въ виду все болѣе возрастающія военныя силы Россіи, сколько тотъ фактъ, что она представляетъ собою тѣсно сплоченный комплексъ 130 милліоннаго населенія и находится въ обладаніи все болѣе возрастающихъ культурныхъ цѣнностей» (стр. 26). Послѣднія событія на Востокѣ и столкновеніе цивилизованнаго міра съ Китаемъ показали, что единственно Россія сумѣла извлечь изъ нихъ выгоду, а великія державы остались и тѣмъ уже довольны, что съ

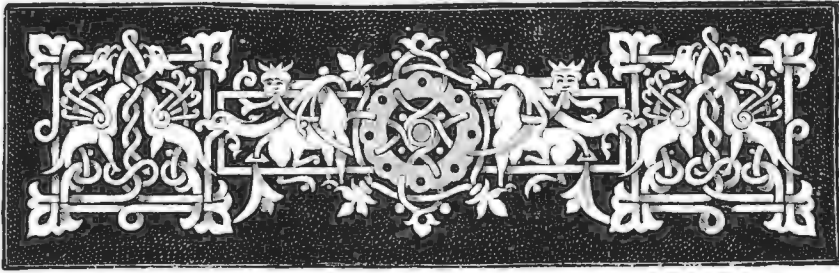
соблюденіемъ хотя бы на половину политическихъ приличій могли выпутаться изъ китайской авантюры; этотъ одинъ фактъ является безспорнымъ доказательствомъ дальновидности русскихъ государственныхъ дѣятелей.

Такъ какъ судьбы Европы будутъ отнынѣ разыгрываться не на Босфорѣ, а на дальнемъ Востокѣ, то ясно, какими крупными козырями заручилась Россія съ проложеніемъ великаго сибирскаго пути и установленіемъ ничѣмъ не стѣняемаго товарообмѣна съ Кореею, Японіею и Китаемъ. Точно также обладаніе превосходнымъ незамерзающимъ портомъ Артуромъ Лабрэ рисуется въ русскихъ интересахъ чрезвычайно важнымъ на случай будущихъ морскихъ столкновеній, тѣмъ болѣе, что ни Балтійское, ни Черное море практически не могутъ подлежать морскимъ наступательнымъ воздѣйствіямъ при развитіи миннаго дѣла и введеніи въ общій обиходъ подводныхъ судовъ. Такихъ же блистательныхъ результатовъ, какъ въ Китаѣ, достигла Россія въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій въ центральной Азіи, и, обладая Памирами, является постоянною и далеко не шуточною угрозою для Индіи.

Несомнѣнно, книга Лабрэ заслуживаетъ вниманія, такъ какъ трактуемые ею вопросы могутъ возбудить интересъ не въ тѣсномъ только кружкѣ специалистовъ морского дѣла, но говорятъ уму и сердцу всего образованнаго общества.

В. Ш.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ РАСКОПКИ ВЪ РОССІИ ВЪ 1902 ГОДУ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ археологическая комиссія, устраивающая въ своемъ помѣщеніи ежегодную выставку древностей для воззрѣнія государя императора, представила за истекшій 1902 годъ большое собраніе предметовъ, добытыхъ путемъ систематическихъ раскопокъ и случайно найденныхъ на громадномъ протяженіи Россіи отъ ея западныхъ границъ до отдаленнѣйшихъ мѣстъ Сибири, Закаспійской области и Кавказа ¹⁾.

Начнемъ съ юга.

Здѣсь прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на раскопки профессора Н. И. Веселовскаго, который въ Кубанской области производитъ ежегодныя раскопки, проливающія свѣтъ на прошлое этой важной въ археологическомъ и историческомъ отношеніяхъ земли: чрезъ Кубанскую область проходили, смѣняя другъ друга, разные народы и племена, и она принадлежала къ числу богатыхъ провинцій Римской имперіи. Найденные здѣсь предметы, по своему внѣшнему виду и внутреннему содержанію, можно отнести къ двумъ различнымъ культурамъ. Древняя, совершенно гру-

¹⁾ Приносимъ искреннюю благодарность профессору Н. И. Веселовскому, А. А. Слицину и Б. В. Фармаковскому за ихъ любезныя указанія относительно предметовъ, доставленныхъ на выставку императорской археологической комиссіи.

В. Ж.

бая, культура характеризуется особой формы глиняными сосудами, которые ставились при погребении въ головахъ покойника, и въ которыхъ сохранились угли и зола. Эти сосуды имѣютъ видъ блюда, утвержденнаго на тройной ножкѣ-подставкѣ; внутри блюдце раздѣлено перегородкой, у одного края отдѣленіе въ видѣ чашечки; по борту блюда идетъ орнаментъ изъ кружковъ. Другіе сосуды этой культуры имѣютъ видъ горшковъ съ елочнымъ орнаментомъ, нѣкоторые имѣютъ шарообразное дно. При этомъ попадаются кремневые ножи, крупныя и мелкіе.

Вторая культура относится ко времени римскаго владычества на Кавказѣ. Она отличается значительнымъ богатствомъ, много предметовъ изъ золота, серебра и драгоценныхъ камней, но издѣлія представляютъ сильный упадокъ въ художественномъ отношеніи, они вычурны, неизящны и мало чѣмъ напоминаютъ древнее греческое искусство. Глиняные сосуды изображаютъ птицъ, барановъ, имѣютъ видъ боченковъ, очень обычны римскія патеры изъ желтой глины. Все это указываетъ на первые вѣка христіанства. Курганное кладбище, въ которомъ найдены эти предметы, тянется на большомъ протяженіи болѣе 60 верстъ, отъ станицы Казанской до Усть-Лабинской. Цѣлыя гробницы попадаютъ изрѣдка: руки хищниковъ еще въ древности коснулись могилъ изъ-за скрытыхъ тамъ богатствъ. Погребенія—мужскія, женскія и дѣтскія. Въ дѣтскихъ погребеніяхъ обнаружены на правой рукѣ золотыя браслеты, а на лѣвой—мѣдныя. Женскія золотыя браслеты отличаются отъ мужскихъ фигурами на концахъ браслетъ, которые у мужчинъ украшеній не имѣютъ. Однако женскія браслеты встрѣчаются близъ мужскихъ,—это уже, надо полагать, приношенія на могилы близкихъ людей. Въ четырехъ курганахъ были найдены цѣльныя мужскія гробницы, и въ одной изъ нихъ золотой браслетъ на правой рукѣ, золотой обручъ на шеѣ, два цилиндрика на груди, привѣски и пр. Въ этихъ могилахъ встрѣчаются мѣдныя котлы на ножкахъ, мѣдныя вызолоченныя тазы, сосуды помпейскаго типа, лампочки, канделябры, подставки для лампочекъ. Изъ мелкихъ предметовъ имѣютъ большой интересъ серебряныя и золотыя сосудики; на крышкѣ одного изъ нихъ вставленъ альмандинъ съ рѣзнымъ изображеніемъ Юпитера. Найдено множество золотыхъ нашивныхъ бляшекъ одежды, пряжекъ и брошекъ, между прочимъ, одна въ видѣ лежащаго барана, большое количество бусъ изъ халцедона, золотыя поясныя украшенія съ изображеніемъ двухъ дикихъ звѣрей, вцѣпившихся другъ въ друга, помпейскаго типа треножникъ, бронзовая подставка въ видѣ сирены и пр. Упомянемъ, наконецъ, о желѣзномъ плугѣ весьма примитивной формы, объ амулетахъ изъ египетской пасты, очень распространенныхъ въ эту эпоху.

Изъ другихъ предметовъ, добытыхъ на Кавказѣ, достойны вниманія найденные г. Рёслеромъ въ Елизаветпольской губерніи, а

именно глиняные сосуды съ углубленнымъ рисункомъ, наполненнымъ какимъ-то бѣлымъ веществомъ, бронзовыя издѣлія, бусы, ожерелья, копья, топоры. Интересны нѣкоторыя вещи, доставленныя г. Токайшвили изъ окрестностей г. Мцхета, главнымъ образомъ, булавки, обыкновенно мѣдныя, но изрѣдка встрѣчаются и золотыя, украшенныя жемчугомъ.

Изъ Дагестанской области происходитъ серебряный кувшинъ сассанидской работы, съ изображеніями драконовъ, и вмѣстѣ съ нимъ найдена серебряная чашка той же техники съ изображеніемъ женской фигуры, сидящей на свернувшемся фантастическомъ животномъ. Предметы эти не представляютъ исключительной рѣдкости, но загадочное изображеніе на второмъ единственное въ своемъ родѣ по его отчетливости.

Раскопки Б. В. Фармаковского въ Ольвіи дали очень обширную коллекцію греческихъ древностей, между прочимъ, замѣчательное ситечко прекрасной сохранности и весьма изящнаго рисунка, по которому расположены его отверстия, архаическія маски, глиняные баранъ, барсъ и пр. Интересны три мраморныя головы классическихъ очертаній IV в. до Р. Хр., расписныя греческія вазы (черно-фигурныя и красно-фигурныя), стеклянные и глиняные сосуды и пр. Большой историческій интересъ по своему содержанию представляетъ латинская надпись на каменномъ алтарѣ: изъ нея видно, что Ольвія существовала еще въ концѣ III вѣка по Р. Хр.

Наибольшій интересъ изъ всѣхъ ольвійскихъ вещей возбуждаютъ три мраморныя головки отъ статуй Асклепія, Гигіеи и мальчика. Всѣ онѣ—IV в. до Р. Хр. и оригинальной греческой работы. Такихъ статуй и обломковъ еще не находили не только въ Ольвіи, но и въ другихъ греческихъ колоніяхъ на Черноморскомъ побережьи. Весьма важны—архаическая терракотовая маска, вполне аналогичная найденнымъ въ аѳинскомъ акрополѣ, черно-фигурныя вазы и обломки вазъ древнѣйшихъ стилей, вполне разъясняющія, что древнѣйшая Ольвія VII—VI в. до Р. Хр. находилась на территоріи близъ села Парутина.

Керчь и въ минувшемъ году обогатила своими раскопками сокровищницу археологической науки. Здѣсь были найдены остатки древняго греческаго саркофага, украшеннаго фигурами ніобидъ изъ алебаstra, съ окраской въ разные цвѣта; по этимъ остаткамъ саркофагъ воспроизведенъ въ цѣльномъ видѣ съ точнымъ распределеніемъ фигуръ. Въ Керчи же найдены мраморная плита съ надписью, стеклянные сосуды, маски отъ гробовъ, бусы, вазы. Оттуда же происходитъ небольшой желѣзный кинжалъ въ золотой оправѣ съ украшеніемъ изъ красныхъ камней (альмандинъ). Членъ археологической комиссіи В. В. Шюрпиль далъ многочисленныя находки, въ числѣ коихъ интересны стеклянные сосуды, терракотовыя расписныя вазы и глиняныя статуетки.

Въ Херсонесѣ прошлый годъ къ прежнимъ открытіямъ прибавилъ новый христіанскій храмъ, изъ котораго были доставлены обломки фресокъ съ надписями и изображеніями (VII—X в.в.), найдено рѣзное на кости изображеніе евангелиста Луки, сосудъ бѣлаго стекла въ видѣ головы, образцы византійскихъ кадилъницъ, поливной посуды и нѣсколько золотыхъ предметовъ украшенія изъ гробницъ и пр. Все это—результаты научныхъ трудовъ г. Косцюшка-Валюжинича.

Въ другихъ мѣстахъ Таврической губерніи раскопки г. Рота (въ Мелитопольскомъ уѣздѣ) сопровождались находками золотыхъ украшеній изъ скийскаго погребенія (отъ лошадиной сбруи и отъ одѣянія скийскаго царя). Изъ Таврической же губерніи доставлено въ комиссію фонъ-Фикомъ собраніе готскихъ предметовъ изъ случайно открытаго близъ Гурзуфа могильника, а именно: большія серебряныя поясныя пряжки съ изображеніемъ головы сокола, бронзовые браслеты, серьги, въ числѣ ихъ однѣ золотыя, кресты, бусы. Изъ неизвѣстной мѣстности Крыма происходятъ серебряное блюдо и чарка съ пунктирными изображеніями и орнаментомъ, вѣроятно, византійскаго происхожденія.

Къ числу замѣчательныхъ археологическихъ находокъ на нашемъ югѣ слѣдуетъ отнести чудной греческой работы золотое (вѣрнѣе—изъ особаго состава золота съ мѣдью) налучье, найденное генералъ-лейтенантомъ Н. Е. Бранденбургомъ въ одномъ изъ кургановъ Липовецкаго уѣзда Киевской губерніи. Точно такое же налучье было раньше найдено въ Чертомлыцкой могилѣ (Екатеринославской губ.) И. Е. Забѣлинымъ.

Изъ Бухарскаго ханства приобрѣтено нѣсколько золотыхъ предметовъ филигранной работы, а именно: нагрудное украшеніе, напоминающее узоры на знаменитой шапкѣ Мономаха, бляшки, по-видимому, отъ ожерелья и нѣсколько другихъ предметовъ неизвѣстнаго назначенія.

Томская губернія дала нѣсколько тонкихъ серебряныхъ кубковъ и чашекъ XIII—XIV вѣковъ. На днѣ одной изъ послѣднихъ выбито по-санскритски начало извѣстнаго молитвеннаго буддійскаго изреченія аль мани и пр. Минская губернія дала рѣдкую для русскихъ собраній находку—три серебряныя позолоченныя фибулы съ камнями, конца XIV или XV вѣка. В. Н. Глазовъ въ финскомъ Кошибеевскомъ могильникѣ VI—VII вѣка (Тамбовской губ.) собралъ большую и цѣнную коллекцію вещей, между которыми въ археологическомъ отношеніи выдѣляются мѣдная шейная гривна съ красною эмалью, новые типы широкихъ нагрудныхъ бляхъ и подвѣсокъ, мѣдныя шпоры и пр. Значительное количество картоновъ съ предметами дали для выставки раскопки, произведенныя въ Тверской губерніи, въ виду предстоящаго въ Твери археологическаго съѣзда. Членъ комиссіи А. А. Спицынъ съ нѣ-

сколькими сотрудниками изслѣдовала довольно большое количество русскихъ кургановъ XII—XIII вѣковъ. Художникъ Н. К. Рерихъ доставилъ въ археологическую комиссію весьма любопытную коллекцію предметовъ каменнаго вѣка, собранную имъ въ Боровичскихъ курганахъ и состоящую изъ большого количества разнообразныхъ черепковъ и многихъ сотенъ янтарныхъ подвѣсокъ, до сихъ поръ встрѣчавшихся при раскопкахъ въ Россіи лишь въ единичныхъ экземплярахъ, но весьма распространенныхъ въ Пруссіи, а также и по всему южному и сѣверному побережьямъ Балтійскаго моря.

Костромская ученая архивная комиссія доставила находки изъ древнихъ жертвенныхъ городищъ Ветлужскаго края, состояція изъ характерныхъ черепковъ съ разнообразнымъ, но грубымъ орнаментомъ и подѣлокъ изъ кости и камня. Калужская архивная комиссія прислала обломки костей допотопныхъ животныхъ и найденныя вмѣстѣ съ ними г. Четыркинымъ подѣлки изъ кремня—находки, считаемыя въ Россіи, лишь единицами и потому заслуживающія большого вниманія. Нижегородская архивная комиссія доставила весьма интересную коллекцію вещей изъ могильника мѣднаго вѣка. Раскопки члена этой комиссіи В. И. Каменскаго дали: каменные топоры, кремневые ножи и клинья, мѣдное колечко, сосуды съ круглымъ дномъ, черепки и пр.

Выставлено нѣсколько картоновъ съ находками типовъ Дьякова городища изъ городковъ, изслѣдованныхъ въ Московской губерніи г-жею Гендуне и въ Орловской—поручикомъ В. Р. Апухтинымъ. Г-жа Гендуне, кромѣ того, доставила собраніе предметовъ изъ раскопанныхъ ею въ Московской губерніи (Дмитровскаго уѣзда) русскихъ кургановъ, относящихся къ XIII и XIV вѣкамъ. Весьма любопытно большое собраніе серебряныхъ монетныхъ гривенъ, преимущественно изъ Пензенской и Минской губерніи. Пензенскія гривны—новгородскаго типа, нѣкоторыя съ русскими надписями, нѣкоторыя съ татарскими клеймами XIV вѣка. Минскія гривны принадлежать, главнымъ образомъ, къ числу литовскихъ, попадающихся несравненно рѣже, чѣмъ гривны перваго типа. На выставкѣ помѣщены также каменное ядро изъ числа многихъ найденныхъ близъ истоковъ р. Наровы въ затонувшей лодкѣ и нѣсколько каменныхъ крестовъ изъ Новоладожскаго уѣзда, доставленныхъ Н. И. Рѣпниковымъ.

Стѣны цѣлой комнаты на выставкѣ заняты копіями съ изображеній находокъ въ Енисейской губерніи, изготовляемыми А. В. Адриановымъ, вещами изъ Минусинскаго музея и изъ Пермской губерніи. Тутъ же помѣщены два большіе мѣдные котла изъ Енисейской губерніи, доставленные В. И. Анучинымъ, и каменная баба изъ Средней Азіи, присланная г. Аничковымъ.

Изъ Казанской губерніи доставлено замѣчательное серебряное греческое блюдо съ изображеніемъ головы Медузы. Въ Воронеж-

ской губерні найдены были бронзовые топоръ и наконечникъ, мѣдныя кольца и остатки глинянаго барельефа. Нашедшій всё эти предметы крестьянинъ прислалъ ихъ въ императорскую археологическую комиссію и за эти приношенія скромно просилъ лишь выхлопотать ему мѣсто сидѣльца винной лавки... Губерніи Орловская, Полтавская, Екатеринославская, Ярославская, Саратовская, Черниговская и Тульская подарили производившихъ раскопки предметами приблизительно одного типа: это—глиняные сосуды, остатки каменныхъ издѣлій, иногда каменные орудія прекрасной сохранности (Ярославской губерніи), мелкіе бронзовые и глиняные предметы, кресты, подвѣски, бляшки, бубенцы, кольца, ожерелья и прочее. Обращаетъ на себя вниманіе бронзовый серпъ, найденный въ Екатеринославской губерніи.

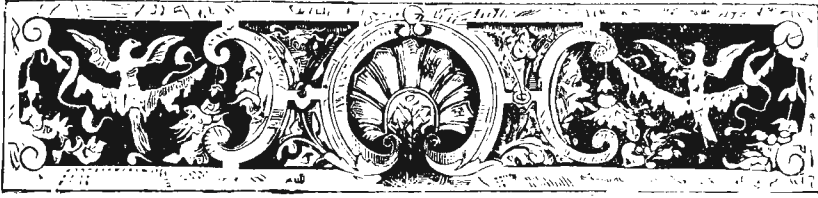
Въ губерніяхъ Европейской Россіи, кромѣ ея южной части, золото и серебро при раскопкахъ встрѣчаются чрезвычайно рѣдко. Въ минувшемъ году въ Полтавской губерніи такую исключительную находкою былъ древній серебряный наборъ пояса. Замѣтимъ еще, что среди сибирскихъ скалъ въ теченіе прошлаго года было добыто большое количество разныхъ предметовъ, изъ коихъ многіе имѣютъ весьма серьезное научное значеніе.

Въ общемъ нынѣшняя выставка въ императорской археологической комиссіи специалистами признается выдающеюся какъ по обилію предметовъ, такъ и по ихъ научной цѣнности. Россія поразительно богата памятниками древности. Почти невозможно слѣдить за всеми новыми открытіями въ этой области. Невозможно не только своевременное и полное изданіе результатовъ научныхъ раскопокъ, но даже оцѣнка и изученіе ихъ.

Настоящими строками мы набросали общій итогъ археологическихъ изслѣдованій въ Россіи въ 1902 году. Это—результаты неумолимыхъ, систематическихъ и серьезныхъ трудовъ нашихъ ученыхъ и любителей родной старины. Число послѣднихъ съ каждымъ годомъ все увеличивается, и мы въ правѣ надѣяться, что, при ихъ посильной помощи, специалисты-археологи своими изысканіями и въ грядущіе годы будутъ проливать все больше и больше свѣта на далекое прошлое Русской земли.

В. Жерве.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

**Столѣтіе военнаго министерства. Историческій очеркъ подѣ
главной редакціей генераль-лейтенанта Д. А. Скалона. Сиб.
1903.**

НА-ДНЯХЪ поступили въ продажу первые выпуски историческаго обзора столѣтія военнаго министерства. По своему содержанию они заслуживаютъ полнаго вниманія, а потому мы и позволимъ себѣ остановиться на общей характеристикѣ этого обширнаго труда и на разсмотрѣніи отдѣльныхъ его частей.

Какъ извѣстно, еще 24-го мая 1900 г. Государь Императоръ повелѣлъ праздновать въ 1902 году столѣтіе учрежденія министерствъ и составить соотвѣтственныя для этого предположенія. Во исполненіе Высочайшей воли, комитетъ министровъ постановилъ ознаменовать торжество, во-первыхъ, составленіемъ исторій тѣхъ учреждений, которымъ въ 1902 году исполняется 100 лѣтъ существованія, и, во-вторыхъ, выбитіемъ медалей въ память столѣтія.

Въ силу этого, составленіе исторіи военнаго министерства было возложено военнымъ министромъ на редакцію изъ представителей отъ каждой изъ составныхъ частей министерства, подѣ предсѣдательствомъ генераль-лейтенанта Скалона; редакція, при выработкѣ программы труда, установила необходимость предослать исторіи военнаго министерства обзоръ развитія вооруженныхъ силъ до учрежденія министерствъ, а затѣмъ при опредѣленіи объема труда приняла мнѣніе начальника главнаго штаба, который указывалъ, что историческій очеркъ въ видѣ общаго обзора дѣятельности собственно министерства, въ лицѣ его высшихъ администраторовъ, не охватить предмета въ полномъ его объемѣ, коснувшись только внѣшней его стороны, хотя эта фор-

ма допускаеть выполнить работу въ два года. При такихъ условіяхъ было рѣшено выпустить историческій очеркъ въ видѣ подробной исторіи отдѣльныхъ отраслей военнаго управленія. Разумѣется, эта форма несравненно предпочтительнѣе и съ научной, и съ практической стороны, почему и была принята; по словамъ редакціи, «главною побудительною причиною къ принятію на себя столь обширнаго труда было общее глубокое сознаніе необходимости прослѣдить съ корней ходъ развитія нашей вооруженной силы и ея управленія, освѣтить въ немъ самобытное, русское, а также получить изслѣдованіе трудовъ прошедшихъ поколѣній, благодаря которымъ укрѣплялось и зрѣло могущество Россіи». Программа изданія была окончательно установлена и одобрена военнымъ министромъ въ половинѣ 1901 года, а въ декабрѣ 1902 года первый выпускъ юбилейнаго изданія уже вышелъ изъ печати. Онъ обнимаетъ 20 частей различныхъ управленій и заканчивается эпохою Александра I; впрочемъ нѣкоторые изъ очерковъ доведены до нашихъ дней.

Къ чести редакціи слѣдуетъ отнести прекрасное выполненіе всего возложеннаго на нее труда: необходимо имѣть въ виду, что по каждой части военнаго управленія приходилось работать по первоисточникамъ, разбѣяннымъ въ разныхъ архивахъ; только собраніе этихъ матеріаловъ имѣетъ уже громадную цѣнность, такъ какъ путемъ этой работы вспахана вся еще неизслѣдованная почва архивовъ. Сведеніе этихъ матеріаловъ въ одно цѣлое и обработка ихъ выполнены настолько хорошо, что дѣло военной исторіографіи можно считать значительно подвинутымъ впередъ. Впрочемъ, въ исторіи военнаго министерства, захватывавшей подчасъ всю область государственнаго управленія, и общій историкъ найдетъ много цѣнныхъ для себя указаній. Таково значеніе историческаго очерка. Можно смѣло надѣяться, что въ ближайшемъ будущемъ появятся остальные очерки, относящіеся къ XIX столѣтію. Отмѣтимъ между прочимъ, что редакція каждому отдѣльному сотруднику предоставляла полную свободу сужденій по тому или другому вопросу—примѣръ, достойный подражанія и значительно содѣйствующій дѣлу выясненія исторической истины. Исторія распадается на слѣдующія отдѣльныя части.

I. Развитіе военнаго управленія въ Россіи. Составилъ полковникъ Н. А. Даниловъ въ сотрудничествѣ по сбору архивныхъ матеріаловъ съ Н. М. Затворницкимъ. 2 части.

Весь трудъ раздѣляется на восемь главъ. Онъ представляетъ собою очеркъ развитія военнаго управленія со временъ Московской Руси до нашихъ дней. Въ первой главѣ авторъ останавливается въ самыхъ общихъ чертахъ на приказной системѣ управленія; организація приказовъ и сфера ихъ дѣятельности находятъ у автора сравнительно немного мѣста: здѣсь онъ пользовался по преимуществу печатными источниками, при чемъ подчасъ отказывался отличать цѣнныя монографическія данныя (книги Устрялова, Градовскаго и др.) отъ литературы, съ наукой и исторіей ничего общаго не имѣющей (напримѣръ, книга какого-то Добровольскаго); благодаря этому послѣднему обстоятельству, въ первой главѣ имѣется нѣсколько досадныхъ неточностей (какъ, напримѣръ, на стр. 4, примѣч., дата о пушкарскомъ приказѣ).

Вторая глава заключаетъ въ себѣ очеркъ развитія военнаго управленія въ XVIII вѣкѣ: коллегіальная система нашла здѣсь вполне вѣрное съ исторической точки зрѣнія объясненіе; помимо того въ ней содержатся краткія свѣдѣнія какъ о строевомъ, такъ и мѣстномъ и полевомъ управленіи войскъ въ военное время.

Въ третьей главѣ—наиболѣе интересной—авторъ рисуетъ картину введенія и существованія министерской формы управленія, при чемъ изображаетъ дѣятельность военнаго министерства въ лицѣ его управляющихъ. При такой системѣ достигается цѣльность и наглядность, а также выясняются дѣйствительное значеніе и роль тѣхъ или другихъ дѣятелей въ области государственнаго управленія вообще. Глава содержитъ интересныя свѣдѣнія о первыхъ моментахъ существованія военнаго министерства, о цѣлесообразной, но чуть ли не деиотической дѣятельности Аракчеева, о недолгомъ нахожденіи на посту министра Барклая де-Толли и др. Въ этой же главѣ, по даннымъ архива государственнаго совѣта, авторъ открываетъ крайне любопытный для нашихъ государствѣдѣвъ примѣръ отвѣтственности министровъ за нарушенія по службѣ: относительно неправильныхъ дѣйствій военнаго министра князя Горчакова была образована слѣдственная комиссія, которая и обнаружила рядъ злоупотребленій министра по части продовольствія войскъ, заключенія подрядовъ и т. п., что нанесло казнѣ убытка въ общемъ около 2¹/₂ милліоновъ. Послѣ заключенія слѣдственной комиссіи государственный совѣтъ призналъ дѣйствія Горчакова неправильными, а его самого подлежащимъ отвѣтственности; это мнѣніе государственнаго совѣта оставалось безъ высочайшаго разрѣшенія до 1827 года, когда дѣло о личной отвѣтственности князя Горчакова за его смертью было прекращено, а опредѣленіе денежнаго взысканія возложено на государственнаго контролера.

Эпоха императора Николая I, которой авторъ посвящаетъ четвертую главу, получаетъ свое выраженіе въ военномъ отношеніи въ дѣятельности Чернышева—сначала управляющаго главнымъ штабомъ, а затѣмъ военнаго министра. Для военнаго историка эта глава представляется особенно важною, въ виду той массы интересныхъ свѣдѣній, которыя извлечены авторами на свѣтъ Божій и представлены здѣсь въ сжатомъ, но полномъ видѣ.

Длинный рядъ реформъ, начавшихся съ эпохи императора Александра II и связанныхъ всецѣло съ именемъ Милютина, нашелъ себѣ мѣсто въ пятой главѣ—самой обширной, въ которой не упущено ни одного даже мелкаго преобразованія въ военномъ управленіи—центральномъ, окружномъ, мѣстномъ или полевомъ.

Въ главахъ VI и VII содержится описаніе дѣятельности нашего военнаго министерства съ 1881 года до настоящаго времени, въ главѣ VIII-й—заключеніе.

Въ общемъ мы должны вполне сочувственно встрѣтить трудъ г. Данилова, который по своей полнотѣ превосходитъ все, что было издано у насъ по исторіи военнаго управленія; повторяемъ, что систематизація архивнаго матеріала въ настоящемъ трудѣ произведена съ большимъ искусствомъ.

Приложенія, выдѣленные въ особую книгу, вмѣщаютъ въ себѣ, между прочимъ, проектъ образованія военнаго министерства, начертанный собственно

ручно императоромъ Николаемъ I-мъ; интересныя записки на французскомъ языкѣ о поднятіи умственного уровня офицеровъ и о мѣрахъ улучшенія ихъ матеріальнаго благосостоянія; центральное мѣсто въ приложеніяхъ занимаетъ всеподданнѣйшій докладъ по военному министерству 15-го января 1862 года.

Книги изданы роскошно, съ массою виньетокъ, портретовъ на отдѣльныхъ листахъ, картъ, схемъ и т. п.

Одинъ лишь обзоръ г. Данилова — обзоръ самый общій — прекрасно рисуетъ постепенное развитіе военного управленія въ Россіи, а потому и долженъ быть отнесенъ къ числу крайне полезныхъ историческихъ монографій.

II. Вооруженныя силы Россіи до царствованія императора Александра I. Составилъ профессоръ Н. П. Михневичъ.

Настоящій трудъ имѣетъ своею задачею представить ростъ русской арміи съ эпохи древнѣйшаго ея существованія. Сообразно съ такою задачею, авторъ оставивается на выясненіи отношеній между княземъ, дружиною и войсками — народными или наемными, при чемъ удѣляетъ значительное мѣсто устройству арміи, ея организаціи, службѣ, обученію и т. п. Въ періодъ XIII—XVI столѣтій авторъ выясняетъ общественное устройство въ Кіевскую эпоху, вліяніе татарской власти на удѣльную Русь, удѣльныя отношенія и наконецъ мѣстничество. Въ третьей главѣ г. Михневичъ останавливается на развитіи помѣстной системы и ея послѣдствіяхъ — борьбѣ съ высшею властью и недовольствѣ тяглою массы, выясняетъ военное значеніе опричнины, рассматриваетъ основанія военной системы въ Московскомъ государствѣ и наконецъ рисуетъ внутренней бытъ, тактику и духъ русскихъ войскъ до XVIII столѣтія.

Характеръ военныхъ реформъ Петра Великаго авторъ представляетъ въ главѣ IV-й, а въ главѣ V-й останавливается на изслѣдованіи военного искусства Петровской арміи. Эти двѣ главы весьма любопытны и вполне достигаютъ цѣли, поставленной авторомъ. Главы VI и VII содержатъ характеристику русской арміи за время со смерти Петра Великаго до вступленія на престолъ Екатерины II-й, царствованію которой посвящена VIII-я глава. Здѣсь содержатся интересныя данныя объ организаціи и обученіи войскъ, о легіонахъ иностранцевъ, о егерскихъ командахъ, о воспитаніи войскъ, о тактикѣ русской арміи; вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ даетъ и другія свѣдѣнія, относящіяся къ комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія, жалованной грамотѣ дворянству и къ вѣшней политикѣ императрицы; здѣсь же помѣщается исторія учрежденія ордена св. Георгія.

Въ послѣдней главѣ г. Михневичъ рисуетъ состояніе арміи въ Павловскую эпоху, учрежденіе гатчинскихъ войскъ, паденіе арміи, вѣшнюю и внутреннюю политику.

Въ приложеніяхъ къ книгѣ напечатаны любопытные документы, какъ, наиримѣръ, отрывки изъ катихизиса Суворова, инструкція Петра Великаго предъ боемъ и др.

III. Комплектованіе вооруженныхъ силъ въ Россіи до 1802 года
Составилъ капитанъ А. К. Ильенко.

IV. Комплектованіе войскъ въ царствованіе императора Александра I. Составилъ штабсъ-капитанъ В. В. Щенетильниковъ.

Оба названные труда, отличаясь одинъ отъ другого лишь въ отношеніи изслѣдуемыхъ эпохъ, представляютъ собою одно цѣлое. Г. Ильенко имѣлъ цѣлью представить «законопричинность» (?) правительственныхъ распоряженій въ области организаціи и способовъ отбытія воинской повинности до XVIII столѣтія. Безусловно, вопросъ объ этой повинности весьма важенъ, и его исторія, въ сущности, есть исторія народныхъ страданій въ эпоху господства рекрутчины. Г. Ильенко представилъ историческій очеркъ, при чемъ главное вниманіе, разумѣется, удѣлилъ роли той или другой системы повинности въ области военного дѣла; о вліяніи тогдашняго порядка вещей на экономическое и социальное движеніе Россіи авторъ вовсе не говоритъ, и ограничиваетъ свою задачу преимущественно выясненіемъ сущности той или другой системы повинности, службы войскъ и т. п. Мы не будемъ оспаривать большое значеніе книги г. Ильенка въ дѣлѣ военной исторіографіи и сдѣлаемъ одно небольшое замѣчаніе относительно плана распределенія матеріаловъ, который въ будущихъ трудахъ автору надлежало бы измѣнить: въ самомъ дѣлѣ текстъ книги заключаетъ въ себѣ 159 страницъ, изъ которыхъ нѣкоторыя (104—119) представляютъ собою перепечатку документовъ, и въ то же время на приложенія удѣлено вдвое больше страницъ. Нѣтъ сомнѣнія, съ одной стороны, что текстъ долженъ давать обработку, обобщеніе матеріаловъ, и что цѣнные матеріалы должны найти мѣсто въ приложеніяхъ; съ другой стороны, матеріалы въ приложеніяхъ помѣщаются лишь въ томъ случаѣ, если они важны, малодоступны. Г. Ильенко поступилъ иначе и помѣстилъ въ приложенія всѣ документы, найденные имъ въ архивахъ и въ полномъ собраніи законовъ; если первое имѣетъ значеніе, то второе наоборотъ — вызываетъ сомнѣнія: при доступности собранія законовъ всегда можно ограничиться одной ссылкой на нумеръ.

Въ общемъ надо отмѣтить, что книга г. Ильенка читается легко, съ интересомъ и, несмотря на свою спеціальную задачу, принесетъ большую пользу читателямъ-неспециалистамъ.

Второй трудъ, г. Щенетильникова, вполне систематиченъ и затрагиваетъ множество вопросовъ, интересныхъ въ общенсторическомъ отношеніи. Здѣсь читатель встрѣтитъ организацію наборовъ рекрутъ, милиціи, запасныхъ рекрутскихъ дено и т. п.; особаго вниманія заслуживаетъ отдѣлъ, трактующій объ ополченіи 1812 года и о военныхъ поселеніяхъ. Последній вопросъ выдвинуть авторомъ съ особенною силою, при чемъ для наглядности приведено 5 картъ, представляющихъ собою изображеніе округовъ военныхъ поселеній и заимствованныхъ изъ военно-ученаго архива главнаго штаба. Такое же вниманіе авторъ удѣляетъ «знаменитымъ» военнымъ кантонистамъ: онъ съ мельчайшими подробностями рисуетъ бытъ этихъ солдатскихъ дѣтей, обученіе и обра-

зованіе ихъ, службу, приводитъ рядъ статистическихъ цифръ и много другихъ данныхъ.

Мы искренно вѣримъ, что книга г. Щепетильникова принесетъ огромную пользу лицамъ, работающимъ по исторіи эпохи Александра I, и поможетъ имъ выяснитъ нѣкоторыя стороны государственной жизни того времени.

V. Организациія, расквартированіе и передвиженіе войскъ. Составилъ штабсъ-капитанъ А. Т. Борисевичъ.

Первый выпускъ (400 + 98 стр.) содержитъ въ себѣ историческій очеркъ организациіи русской арміи за періодъ 1801 — 1805 годовъ. Авторъ принялъ на себя крайне тяжелую и неблагодарную задачу: съ одной стороны, ему приходится давать голый перечень цифръ и названій частей войскъ, заимствованныхъ большею частью изъ штатовъ по полному собранію законовъ; съ другой — благодаря обилію сырого матеріала и отсутствію литературной обработки, книга г. Борисевича значительно уступаетъ другимъ трудамъ изъ исторіи военного министерства. Винить въ этомъ самого автора не представляется возможнымъ — онъ выполнилъ свою работу, крайне кропотливую, съ незаурядною добросовѣстностью, и можно смѣло утверждать, что имъ не упущено ни одного свѣдѣнія, относящагося къ короткому періоду въ 4 — 5 лѣтъ. Разумѣется, трудъ г. Борисевича значительно облегчатъ будущимъ историкамъ ихъ работу, и въ этомъ именно — въ сведеніи обширнаго матеріала — его достоинство. Впрочемъ, мы не можемъ воздержаться отъ одного небольшого замѣчанія чисто внѣшняго характера: если г. Борисевичъ преслѣдуетъ цѣль дать справочную, статистическую работу, то необходимо стараться воздержаться отъ увеличенія объема самаго труда: если пятилѣтній періодъ занялъ у автора 500 страницъ, то столѣтіе должно обнять, по меньшей мѣрѣ, 10 тысячъ страницъ, а при такихъ условіяхъ наведеніе справокъ окажется непосильнымъ.

VI. Возникновеніе и развитіе въ Россіи генеральнаго штаба до конца царствованія императора Александра I. Составилъ П. А. Гейманъ.

Историческій очеркъ раздѣляется на двѣ части: въ первой изъ нихъ авторъ даетъ характеристику дѣятельности вспомогательныхъ органовъ высшаго военного управленія и командованія въ русскихъ княжествахъ, затѣмъ останавливается на разсмотрѣніи военныхъ системъ польско-литовско-русскаго и московскаго государствъ и дѣятельности вспомогательныхъ органовъ въ XVIII ст. Заслуживаютъ вниманія отдѣлы о квартирмейстерской части, эпохъ расцвѣта военного искусства при императрицѣ Екатеринѣ II, о работахъ военной комиссіи, объ учрежденіи генеральнаго штаба.

Вторая часть книги содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о свитѣ его величества по квартирмейстерской части въ царствованіе Александра I, при чемъ авторъ попутно затрогиваетъ вопросы о русской административной системѣ, о политической программѣ государя, объ учрежденіи министерствъ, комитета мини-

стровъ, государственнаго совѣта и пр. Интересныя указанія сообщаетъ авторъ о той роли, которую выполняла свита по квартирмейстерской части въ кампанію 1805 года, во время войны 1806 — 1807 года и въ отечественную войну. Помимо специальныхъ вопросовъ авторъ останавливается и на общеполитическихъ данныхъ. Такъ, напримѣръ, по мысли г. Гейсмана, дѣятельность Аракчеева, какъ военнаго министра, не удовлетворяла императора, и въ этомъ воззрѣніи авторъ расходится съ общепринятымъ: «онъ не обладалъ ни достаточно широкимъ кругозоромъ, ни достаточно широкимъ и глубокимъ пониманіемъ военнаго дѣла», межъ тѣмъ какъ Россіи предстояло рѣшительное столкновеніе съ однимъ изъ величайшихъ геніевъ всѣхъ временъ и народовъ—Наполеономъ; въ виду этого графъ Аракчеевъ по волѣ государя уступилъ постъ военнаго министра человѣку, соединявшему въ себѣ несомнѣнныя военно-административныя способности съ боевымъ опытомъ—Барклаю де-Толли. Лицъ, интересующихся обоснованіемъ подобнаго воззрѣнія, мы отсылаемъ къ книгѣ г. Гейсмана, но во всякомъ случаѣ этотъ взглядъ можетъ быть названъ оригинальнымъ.

Изъ недостатковъ труда отмѣтимъ нѣкоторыя длинноты и повторенія. Въ общемъ книга читается съ интересомъ и легко.

VII. Образование войскъ. Историческій очеркъ. Составилъ полковникъ А. И. Гиппіусъ.

Интересная книга г. Гиппіуса даетъ вполне ясную и законченную картину постепеннаго улучшенія въ способахъ и системахъ собственно воинскаго образованія, посредствомъ котораго «подлый видъ простолюдина» принималъ бравую военную выправку. Авторъ приводитъ множество различныхъ уставовъ—пѣхотныхъ и кавалерійскихъ, инструкцій, распоряженій по строевой части и т. п. Къ сожалѣнію, авторъ останавливается лишь на характеристикахъ этихъ оригинальныхъ кодексовъ, совершенно игнорируя ихъ происхожденіе. Въ самомъ дѣлѣ, крайне любопытно было бы установить «внѣшнюю» исторію разсматриваемыхъ памятниковъ, т.-е. исторію ихъ созданія. Г. Гиппіусъ, впрочемъ, останавливается на работахъ воинскихъ комиссій, собиравшихся въ теченіе XVIII вѣка нѣсколько разъ; но приводимыя имъ свѣдѣнія крайне неполны, и по нимъ нельзя составить яснаго представленія о томъ или другомъ законодательномъ памятникѣ.

Однако, мы высказываемъ лишь пожеланіе, болѣе или менѣе осуществимое; но въ томъ, что даетъ г. Гиппіусъ, ему нельзя отказать въ добросовѣстности и талантливости: каждый строевой кодексъ находитъ въ книгѣ свое мѣсто, авторъ имѣетъ чувство мѣры и, не злоупотребляя буквальнымъ пересказомъ содержанія уставовъ, даетъ точную и вышуклую ихъ характеристику.

Разумѣется, не всѣ законодательные памятники, относящіеся до обученія войскъ, нашли мѣсто въ трудѣ г. Гиппіуса (такъ, напримѣръ, въ немъ отсутствуютъ мудрыя и гуманныя распоряженія по этой части Потемкина), но собраннаго имъ достаточно, чтобы прослѣдить всю пеструю смѣну строевыхъ формъ обученія, маневрированія, тактики.

Особенный интерес возбуждает приводимый автором «Общій опытъ тактики», изданный по высочайшему повелѣнію въ 1807 году, а также помѣщенные въ концѣ книги таблицы, изображающія собою схематическія построенія частей войскъ; эти послѣднія сами по себѣ способны создать въ читателѣ ясное представленіе о предметѣ.

VIII. Главное артиллерійское управленіе. Историческій очеркъ.
Составилъ Д. П. Струковъ.

Обширный трудъ г. Струкова посвященъ, съ одной стороны, выясненію историческихъ реформъ въ области артиллерійскаго дѣла, съ другой—имѣть задачею представить исторію центрального административнаго органа—артиллерійскаго управленія въ Россіи. Весь матеріалъ размѣщенъ въ 33-хъ главахъ, изъ которыхъ двѣ первыя заключаютъ въ себѣ исторію артиллерійской организаціи и техники въ допетровскую эпоху, а послѣднія пять—въ царствованіе Александра I (первой половинны).

Что касается перваго отдѣла труда г. Струкова, въ общемъ весьма интереснаго, то мы не можемъ обойти молчаніемъ нѣкоторой бѣдности сообщаемыхъ свѣдѣній, между тѣмъ какъ именно въ періодъ Московской Руси у насъ начиналось, крѣпло и росло артиллерійское дѣло и управленіе, съ его своеобразнымъ складомъ и правоотношеніями. Авторъ правъ, говоря, что «древнѣйшій періодъ исторіи русской артиллеріи» скуденъ вообще историческими данными; и тѣмъ не менѣе г. Струковъ по неизвѣстной намъ причинѣ совершенно не обратилъ вниманія на «Уставъ ратныхъ, пушкарскихъ и другихъ дѣлъ, касающихся до военной науки», о существованіи котораго авторъ, очевидно, зналъ (стр. 20), и который могъ бы помочь ему установить и характеръ артиллерійскаго управленія, и юридическое положеніе артиллеристовъ. Этотъ знаменитый законодательный актъ, заслуживающій быть перепечатаннымъ, составляетъ огромную библиографическую рѣдкость и хранится въ библиотекѣ главнаго штаба; частью онъ помѣщенъ въ извѣстной книгѣ г. Розентейма «Очеркъ исторіи военно-судныхъ учрежденій въ Россіи». Надо полагать, что въ будущемъ авторъ не оставитъ нашего замѣчанія безъ вниманія.

Въ послѣдующихъ отдѣлахъ книги авторъ, наряду съ занимающимъ его спеціальнымъ вопросомъ, часто останавливается на характеристикѣ нѣкоторыхъ государственныхъ дѣятелей и на значеніи ихъ въ исторіи артиллерійскаго управленія, какъ, на примѣръ, Брюса, Миниха, Репнина, гр. Шувалова, Зубова, Аракчеева и др. Послѣднему изъ нихъ г. Струковъ удѣляетъ особенное вниманіе и невольно выходитъ изъ рамокъ объективности, необходимой для историческаго изслѣдованія: въ области артиллерійскаго дѣла заслуги графа Аракчеева, можетъ быть, и велики, но отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, что и вся его государственная дѣятельность носитъ такой же выдающійся по заслугамъ характеръ. По мнѣнію г. Струкова, такой человекъ, какъ Аракчеевъ, не могъ завоевать симпатіи общества, благодаря «неутомимому усердію къ службѣ, уклоненію отъ интригъ, рѣдкому безкорыстію, чисто-рыцарской (?) преданности царю», зависти современниковъ, безпощадной строгости къ нарушителямъ своихъ обязанностей и т. п. Но, очевидно, всѣ эти положительныя ка-

чества, если бы они были у Аракчеева, были бы оцѣнены современнымъ ему обществомъ, «жившимъ еще традиціями екатерининскаго времени»; и неужели г. Струковъ серьезно считаетъ, что эти традиціи, мѣшавшія Аракчееву завоевать симпатіи у общества, жили, напримѣръ, и у военныхъ поселявъ? Замѣтимъ, между прочимъ, что авторъ, въ своемъ увлеченіи, приводитъ весьма обоюдоострыя доказательства достоинствъ Аракчеева, какъ военнаго начальника; изъ этихъ доказательствъ характерно письмо самого Аракчеева, въ которомъ онъ заявляетъ: «у васъ еще есть правило и хвастовство, чтобы подчиненные любили командира; мое же правило, дабы подчиненные дѣлали свое дѣло и боялись бы начальника, а любовницъ такъ много имѣть невозможно. Нынѣ и одну любовницу мудрено сыскать, кольми паче много» (стр. 441). Впрочемъ имѣются и другого рода доказательства; авторъ говоритъ: «разсказывали о его (Аракчеева) звѣрствахъ по отношенію къ поселеніямъ, не подозревая о существованіи уцѣлѣвшихъ ходатайствъ графа по замѣнѣ, напримѣръ, смертной казни для осужденныхъ поселявъ Слободской украины наказаніемъ шпиртуенами». Мы не видѣли этихъ ходатайствъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ беремъ на себя смѣлость предполагать, что авторъ смѣшалъ «ходатайство о помилованіи» съ «конfirmaціей начальства»; дѣло въ томъ, что въ разсматриваемую эпоху смертная казнь могла примѣняться въ мирное время исключительно за каравтинныя преступленія; судьи же, разсматривавшіе дѣла, на бумагѣ обязаны были примѣнять наказанія, указанныя Петровскимъ артикуломъ, щедрымъ на смертную казнь, а начальство, которое получало дѣла на утвержденіе, высказывало мнѣніе о томъ наказаніи, которое долженствовало замѣнить собою казнь, обыкновенно шпиртуены. По всей вѣроятности, эти «ходатайства» ввели г. Струкова въ заблужденіе, для устранения котораго укажемъ, что «ходатайства о помилованіи или о замѣнѣ» появились значительно позднѣе. Здѣсь необходимо отмѣтить крайне симпатичное явленіе: главной редакціей авторамъ предоставлена полная свобода мнѣній по всемъ вопросамъ, чѣмъ только и можно объяснить наличность въ историческомъ очеркѣ такой обрисовки личности Аракчеева, какую далъ г. Струковъ.

Изъ другихъ недостатковъ книги слѣдуетъ отмѣтить обиліе сырого матеріала, совершенно не разработаннаго. Очевидно, этотъ матеріалъ подавлялъ автора, которому въ сравнительно короткій промежутокъ времени пришлось нарисовать огромную картину развитія артиллерійскаго управленія. Особенно рѣжутъ глазъ различные штаты: рядъ таблицъ, занимающихъ цѣлый печатный листъ и помѣщенныхъ въ самомъ текстѣ (гл. XXI), а не въ приложеніи, гдѣ онѣ были бы болѣе у мѣста. Вообще, авторъ не скупится на матеріалъ, котораго у него былъ непочатый уголь.

Несмотря на длинноты, книга г. Струкова принесетъ большую пользу дѣлу исторіографіи и прочтется съ интересомъ, какъ военными историками, такъ и публикой.

Въ приложеніи заслуживаютъ вниманія письма и бумаги графа А. А. Аракчеева. Рядъ портретовъ и рисунковъ, иногда рѣдкихъ, украшаетъ изданіе. Въ концѣ книги приложенъ алфавитный указатель именъ государственныхъ дѣятелей и чиновъ артиллерійскаго управленія.

IX. Главное управление казачьихъ войскъ. Историческій очеркъ.
Составилъ А. И. Никольскій и др.

Историческій очеркъ управленія казачьими войсками занимаетъ два огромныхъ тома, составляющихъ въ общей сложности 85 печатныхъ листовъ большого формата. Это—единственное въ своемъ родѣ, по цѣльности, подробности и систематичности, описаніе исторической смѣны организаціи и дѣятельности казачьей администраціи. Очеркъ имѣетъ свой начальный моментъ въ далекой эпохѣ происхожденія казачества на Руси и заканчивается нашими днями: здѣсь читатель встрѣтитъ интересное обзорное развитіе отдѣльныхъ казачьихъ войскъ, характеристику военной и гражданской части въ казачьихъ войскахъ, смѣну однихъ учреждений другими на пространствахъ нѣсколькихъ столѣтій. Материаломъ для очерка, помимо литературныхъ данныхъ, служили многочисленныя извлеченія изъ официальныхъ данныхъ и изъ архивныхъ документовъ, хранящихся въ государственномъ совѣтѣ, военномъ министерствѣ, московскихъ архивахъ министерства двора, юстиціи и иностранныхъ дѣлъ и т. п. Надо отмѣтить, что матеріалъ использованъ добросовѣстно и съ знаніемъ дѣла, и мы не можемъ согласиться, что использованію всего собраннаго составителями матеріала помѣшали «обширность задачи и сравнительно краткій срокъ, предназначенный для выполненія задачи»; именно въ обилии матеріала, заключеннаго въ текстѣ, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ и даже въ особомъ приложеніи, и скрывается одинъ изъ серьезныхъ недостатковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ достоинствъ труда, который, благодаря всему этому, представляетъ собою очеркъ, вполне исчерпывающій неразработанный вопросъ.

Къ книгѣ на отдѣльныхъ листахъ мѣловой бумаги приложены снимки съ интересныхъ картинъ, рисунковъ, автографовъ. Въ концѣ помѣщенъ алфавитный указатель, поименный и предметный; относительно пользы послѣдняго у насъ возникли серьезныя недоумѣнія: въ самомъ дѣлѣ, при словѣ «войско Донское» стоитъ около 300 цифръ, говорящихъ только, что на каждой изъ перечисленныхъ страницъ это слово найдется; но въ какую эпоху, въ какой обстановкѣ и по какому поводу оно предстанетъ, положимъ, на стр. 617, указатель ничего не скажетъ. Центръ тяжести указателя—удобство наведенія справокъ, что при системѣ, принятой составителями, совершенно невозможно.

Къ труду въ особомъ конвертѣ приложено семь картъ съ показаніемъ земель казачьихъ войскъ.

Въ общемъ, книга г. Никольскаго является интереснымъ трудомъ, какъ систематическое изложеніе матеріаловъ, относящихся къ исторіи казачьяго управленія.

Въ заключеніе мы должны отмѣтить, что одинъ изъ портретовъ помѣщенъ по недоразумѣнію: между стр. 24—26 вклеенъ портретъ наказнаго гетмана черниговскаго, полковника Павла Леонтьевича Полуботка. Этотъ портретъ взять изъ исторіи Малой Россіи Бантыша-Каменскаго, который по ошибкѣ поставилъ портретъ не наказнаго гетмана, а отца его, полковника Леонтія Артемьевича Полуботка. Ошибка Бантыша-Каменскаго повторена и здѣсь. Такъ какъ для составителей бесполезно узнать, гдѣ найти подлинное изоб-

раженіе П. Л. Полуботка, то мы рекомендуемъ имъ обратиться къ книгѣ, изданной гр. Милорадовичемъ (который сообщилъ намъ эти свѣдѣнія) въ Кіевѣ въ 1870 году о родѣ дворянъ Полуботокъ; потомъ этотъ же портретъ былъ напечатанъ въ «Кіевской Старинѣ», при статьѣ Шугурова о Полуботкѣ и, наконецъ, въ «Указателѣ» собранія украинскихъ вещей Василія Васильевича Тарновскаго (нынѣ музей Черниговскаго земства), куда гр. Милорадовичемъ подарены подлинныя портреты П. Л. Полуботка и его жены, находившіеся ранѣе въ Любецкой Успенской церкви.

X. Главное военно-судное управленіе. Историческій очеркъ. Составили генералъ-майоръ І. А. Шендзиковскій и капитанъ Фалѣевъ.

Очеркъ представляетъ собою историческій обзоръ военной юстиціи со времени появленія войскъ до 1812 года. Здѣсь представлена собственно исторія военно-судебныхъ памятниковъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ частяхъ имѣются указанія и на догматическую сторону вопроса. Большое вниманіе составителями удѣлено и положенію военно-судебныхъ дѣятелей того времени — аудиторовъ, ихъ образовательному уровню, служебному положенію и т. п. Юбилейный характеръ очерка помѣшалъ авторамъ остановиться на выясненіи военно-уголовныхъ матеріальныхъ институтовъ, и видно стремленіе сдѣлать очеркъ популярнымъ. Въ текстѣ помѣщено множество ссылокъ на архивныя матеріалы, что допускаетъ возможность будущихъ исслѣдованій въ этой области.

Самымъ важнымъ съ исторической точки зрѣнія является отдѣлъ приложений, гдѣ помѣщенъ впервые открытый проектъ военно-судебнаго уложенія XVIII столѣтія, а въ особенности обзоръ высочайшихъ конфирмацій въ царствованіе императора Павла. Эти конфирмаціи даютъ понятіе объ отправленіи юстиціи того времени, съ одной стороны, и характеризуютъ личность готударя въ качествѣ субъекта военно-карательной власти — съ другой. Въ приложеніи же помѣщено любопытное военно-судебное дѣло о сдачѣ неприятелю полковника Вуича съ отрядомъ; тамъ же находится подробный списокъ лицъ, стоявшихъ во главѣ военно-суднаго управленія.

Наибольшее вниманіе въ очеркѣ удѣлено законодательству Петра Великаго и его преемниковъ.

XI. Военно-тюремная часть. Историческій очеркъ. Составилъ капитанъ Н. П. Фалѣевъ.

Небольшой очеркъ служитъ введеніемъ къ будущему обширному труду по исторіи русской военной тюрьмы. Въ настоящемъ выпускѣ заключаются свѣдѣнія о формахъ ссылки въ эпоху Московской Руси и Петербургскій періодъ, архивныя данныя о каторгѣ, о военно-рабочихъ ротахъ и, наконецъ, о крѣпостныхъ арестантахъ. Последнее имѣетъ общее значеніе, какъ важный документъ для оцѣнки тюремнаго лишенія свободы въ первой четверти XIX столѣтія.

Вопросъ о лишеніи свободы въ наше время занимаетъ очень многихъ, на западѣ уже имѣется обширная литература, у насъ же дѣло ограничивается

двумя-тремя монографіями, межъ тѣмъ какъ теперь съ введеніемъ новаго уголовнаго уложенія тюремное дѣло становится на очередь и требуетъ своего разрѣшенія. Въ виду этого появленіе историческихъ трудовъ представляется весьма желательнымъ, тѣмъ болѣе, что старому русскому тюремовѣднію были знакомы такія черты, которыя могли бы улучшить и современную постановку тюремнаго дѣла.

ХІІ. Главное интендантское управленіе. Историческій очеркъ. Составилъ капитанъ Ф. П. Шелеховъ.

Мы никакъ не могли ожидать, что такой сухой, спеціальный вопросъ, какъ дѣятельность интендантства, найдетъ въ изложеніи г. Шелехова хорошую литературную обработку, благодаря которой получить значительный интересъ. Авторъ затрогиваетъ много интересныхъ вопросовъ: учрежденіе продовольственныхъ вѣдомствъ, развитие ихъ, дѣйствія провіантскаго и комиссаріатскаго департаментовъ, организацію продовольствія во время войнъ, состояніе денежныхъ средствъ, военно-хозяйственное управленіе, ремонтірованіе лошадей, заготовленіе снабженій и т. п.

Непріятное впечатлѣніе производятъ ряды цифръ, выкладки и таблицы, на нашъ взглядъ малозначительные, но помѣщенные авторомъ въ текстъ безъ всякой нужды, когда имъ настоящее мѣсто въ приложеніяхъ.

Къ книгѣ приложены карты (хорошо исполненныя) съ указаніемъ провіантскихъ депо.

Авторъ стремится быть объективнымъ и неукоснительно приводитъ интересные данныя о злоупотребленіяхъ по интендантской части: такъ, напримѣръ, изъ книги Шелехова мы узнаемъ, что чуть ли не каждая война являлась самымъ вѣрнымъ и надежнымъ источникомъ дохода для чиновъ комиссаріатскаго вѣдомства: не говоря уже о мелкихъ служащихъ, довольствовавшихся сравнительно ничтожными суммами, «казенные воробы» были знакомы и высшимъ начальствующимъ лицамъ. Авторъ передаетъ разсказъ о взаимныхъ другъ на друга доносахъ генераль-интенданта Волконскаго и генераль-комиссара Обрѣзкова, въ результатъ чего было появленіе высочайшаго указа, въ силу котораго Волконскій былъ уволенъ отъ службы, а «второму, яко за чуждые безпорядки претерпѣвшему, повелѣваемъ быть въ свитѣ нашей... до назначенія особенной должности въ уваженіе достохвальнаго его въ послѣднюю войну противъ французовъ служенія».

Жаль, что авторъ не воспользовался огромнымъ числомъ матеріаловъ, относящихся къ злоупотребленіямъ комиссаріатскихъ чиновниковъ въ эпоху Александра I-го; это позволило бы установить дѣйствительные, фактическіе порядки въ примѣненіи закона, а также выяснить цифру убытковъ казны, которая должна поражать своею грандіозностью.

Несмотря на это, повторяемъ, трудъ г. Шелехова представляется крайне интереснымъ, а объективность дѣлаетъ честь его автору.

ХІІІ. Главное инженерное управленіе. Историческій очеркъ. Составили И. Г. Фабриціусъ, Е. О. Поповъ и Г. С. Габаевъ.

Авторы, очевидно, много потрудились надъ составленіемъ историческаго очерка, и, надо замѣтить, труды ихъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ: въ книгѣ весьма много интересныхъ общенсторическихъ указаній, которыя значительно уясняютъ организацію и ходъ государственной машины въ началѣ ХІХ столѣтія.

Остановившись въ самыхъ общихъ чертахъ на эпохѣ ХVІІІ столѣтія и представивъ любопытную картину состоянія «фортификаціоннаго» дѣла въ Петровское и послѣдующія царствованія, авторы попутно съ тѣмъ характеризуютъ: Миниха, Репнина, Шувалова, Вильбоа, Баура, Опермана и др., какъ лицъ, стоявшихъ во главѣ инженернаго управленія. Сообщаемыя ими свѣдѣнія крайне полезны, какъ въ біографическомъ, такъ и въ военно-историческомъ отношеніи.

Въ главѣ о Павловской эпохѣ интересны данныя о постройкѣ Михайловскаго дворца и о воззрѣніяхъ императора на фортификацію. Далѣе—въ слѣдующихъ отдѣлахъ выясняется историческое значеніе инженерной экспедиціи, дѣятельность великаго князя Николая Павловича, характеристика учебныхъ инженерныхъ заведеній, хозяйственныхъ, рабочихъ и т. и.; при этомъ удѣляется мѣсто и состоянію въ то время инженерной науки.

Самымъ любопытнымъ отдѣломъ надо считать главу V-ю книги II-ой, гдѣ приводится краткій перечень нѣкоторыхъ предложеній и опытовъ по искусственной части. Отсюда, на примѣръ, мы узнаемъ, что въ 1803 году священникъ Несторовичъ, по происхожденію сербъ, представилъ проектъ такого рода: «сдѣлать могу натуральную саблю, которая у себя огонь и силу имѣтъ будетъ, и огненную машину и послать ее, какъ облако, сверху непріятеля, а когда надъ нимъ будетъ, тогда огонь, какъ дождь, разсыпаться будетъ, котораго ничѣмъ, пока самъ не погаснетъ, утушить нельзя»; священника вызвали изъ Херсона въ Петербургъ, но секрета открыть онъ не могъ и только просилъ дать ему мѣсто. Здѣсь же помѣщены курьезныя свѣдѣнія о подводныхъ и подземныхъ минахъ, объ управляемыхъ шарахъ, о дальнотисцахъ, или телеграфвахъ и др.

Изъ приложенныхъ къ книгѣ рисунковъ возбуждаютъ интересъ литографія «осада Казани», планъ Кронштадта, разрѣзъ Михайловскаго замка, рядъ автографовъ, медалей и т. п.

Менѣе насъ удовлетворяютъ приложенія, гдѣ напечатаны такіе, на примѣръ, документы, которые доступны всѣмъ и каждому (взяты изъ полнаго собранія законовъ), или не имѣютъ важнаго значенія (именные списки, таблицы). Все это занимаетъ много мѣста, не принося существенной пользы, и напрасно только увеличиваетъ объемъ книги. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почему-то не сдѣлано ссылокъ на мѣстоахожденіе тѣхъ или другихъ документовъ; такъ, на примѣръ, положеніе для образованія крѣпостныхъ арестантовъ приведено цѣликомъ, но откуда оно взято—не указано, почему не представляется возможнымъ и провѣрить содержаніе документа; если же авторы пользовались чьими либо документами, то это должно быть также указано въ тек-

стѣ. Въ виду важности этого документа мы позволимъ себѣ указать, что онъ заключается въ архивѣ генераль-аудитора, а въ полное собраніе вошелъ сравнительно поздно (во второе собраніе), какъ образецъ для арестантскихъ ротъ изъ гражданскихъ лицъ.

Въ общемъ разбираемый трудъ является цѣннымъ вкладомъ въ историческую литературу.

XIV. Кодификаціонный отдѣлъ. Составилъ Э. М. Лисенко.

Исторія кодификаціи военнаго законодательства въ Россіи представляетъ крайне интересный предметъ для изученія тѣмъ болѣе, что по этому вопросу вовсе не имѣется литературныхъ данныхъ. Существовая наравнѣ съ кодификаціонными учрежденіями по составленію свода законовъ, военныя комиссіи внесли много свѣта въ дѣло упорядоченія военнаго законодательства и оказали извѣстное вліяніе на законодательство общее.

Исторіку кодификаціоннаго отдѣла предстояли двѣ задачи: представить исторію учрежденія и исторію кодификаціи. Г. Лисенко удѣлилъ извѣстное мѣсто тому и другому, при чемъ внѣшняя исторія учрежденія составляетъ законченное цѣлое. Наоборотъ, исторія кодификаціи оставляетъ желать многого, и, вѣроятно, въ дальнѣйшихъ выпускахъ авторъ остановится подробнѣе на мѣстахъ, едва затронутыхъ имъ въ настоящемъ очеркѣ.

Такъ, напримѣръ, желательно было бы имѣть исторію кодификаціи военнаго законодательства въ теченіе XVIII столѣтія. Г. Лисенко говоритъ: «такимъ образомъ, съ 1649 и по 1801 годъ... не только не было сдѣлано чего нибудь, напоминающаго собою «кодификацію» (стр. 5). Можно, пожалуй, согласиться съ авторомъ, что за указанный періодъ не было издано свода военныхъ законовъ, но кодификація шла неизмѣнно, ни на минуту не останавливаясь: издаваемые законы отиѣнялись, дополнялись, сводились воедино, даже систематизировались воинскими комиссіями. И развѣ это не кодификація?

Далѣе авторъ утверждаетъ, что «за время царствованія императора Александра I ни одна изъ попытокъ упорядочить изданіе военныхъ законовъ на началахъ правильной (?) кодификаціи не увѣнчалась успѣхомъ». И это, пожалуй, не совсѣмъ такъ: въ этотъ періодъ идетъ систематизація законовъ по иностранному образцу (Учрежденіе о Большой дѣйствующей арміи), кодифицируются разбросанныя законодательныя опредѣленія (Собраніе узаконеній по военно-судной части), издаются строго-систематизированныя постановленія (о военныхъ поселеніяхъ) и т. п. Подобной кодификаціи можно желать даже и въ наше время.

Въ этой части труда авторъ высказываетъ и другія воззрѣнія, съ которыми невозможно иногда согласиться. Такъ онъ увѣряетъ, что «основные военные законы... (важнѣйшимъ изъ нихъ надо считать уставъ воинскій) были большею частью произведеніемъ его безсмертнаго генія». Мы присоединились бы къ мнѣнію автора, если бы исторія не убѣждала насъ, что Петръ въ области законодательства считалъ болѣе цѣлесообразнымъ обращаться къ западнымъ образцамъ нежели къ собственному генію: заимствуя отовсюду законы

(тотъ же уставъ воинскій), онъ не справлялся съ запросами жизни, а это въ свою очередь обусловило безжизненность многихъ Петровскихъ законовъ и въ особенности мертворожденность знаменитаго устава, который въ теченіе болѣе 100 лѣтъ жилъ только на бумагѣ.

Самою интересною и новою частью труда является эпоха Николая I и послѣдующія главы, занимающіяся изслѣдованіемъ исторіи созданія и появленія свода военныхъ постановленій. Здѣсь авторъ открываетъ крайне цѣнные документы, которые и систематизируются имъ. Мы увѣрены, что въ будущихъ выпускахъ авторъ сгладитъ остроту нѣкоторыхъ изъ своихъ выводовъ.

Книга написана литературнымъ языкомъ, читается съ большимъ интересомъ. Въ приложеніи напечатано впервые появляющееся въ свѣтъ письмо М. Л. Магницкаго къ императору Александру Павловичу. Изъ книги г. Лисенка мы узнаемъ, что роль «гасителя происвѣщенія» въ дѣлѣ военного законодательства оказалась крайне плодотворною и даже... гуманною.

Лицамъ, интересующимся вопросами кодификаціи, мы настоятельно рекомендуемъ прочесть полезный для нихъ трудъ г. Лисенка.

XV. Управление церквами и православнымъ духовенствомъ военного вѣдомства. Историческій очеркъ. Составилъ протопресвитеръ А. А. Желобовскій.

Книга любопытна во всѣхъ отношеніяхъ и, за исключеніемъ IV и V главъ, имѣющихъ особое значеніе, все остальное даетъ ясную характеристику исторіи военно-духовной администраціи. Не говоря уже о спеціалистахъ, для которыхъ книга г. Желобовскаго даетъ рядъ интересныхъ матеріаловъ, трудъ этотъ вноситъ извѣстную долю участія въ исторію нашей администраціи вообще, и въ этомъ отношеніи онъ даетъ интересныя указанія.

Въ главѣ III приведены данныя, относящіяся къ дѣятельности высшихъ духовныхъ начальниковъ по управленію военнымъ и морскимъ духовенствомъ, въ главѣ VI-й — подвиги военныхъ пастырей, въ главѣ VII-й — перечисленіе священниковъ, отличившихся на войнѣ, въ плѣну у непріятели и во время эпидемій, и въ главѣ VIII-й — миссіонерскіе труды и особыя порученія, исполнявшіяся военными священниками.

Въ составленіи книги принимали участіе: Н. Каллестовъ и Ѳ. Ласкѣвъ.

XVI. Главный военно-санитарный комитетъ. Составили полковникъ С. П. Езерскій и М. А. Козыревъ.

Исторія военно-санитарной полиціи у насъ получила интересную разработку въ настоящемъ трудѣ. Книга, написанная на новую тему, даетъ такую массу матеріала и такъ живо изображаетъ состояніе у насъ санитарнаго дѣла, что мы считаемъ необходимымъ обратить на нее вниманіе спеціалистовъ.

Авторы останавливаются на разсмотрѣніи вопроса о состояніи военно-врачебной части и госпитальнаго дѣла какъ въ мирное, такъ и въ военное время, объ организаціи госпиталей, о военно-врачебномъ законодательствѣ, о злоупотре-

трешеніяхъ въ госпиталяхъ по хозяйственной и медицинской частямъ. Здѣсь имѣется рядъ интересныхъ сообщеній о частной госпитальной благотворительности во главѣ членовъ императорской фамилии, о дѣятельности профессора Н. П. Пирогова, о расхищеніяхъ въ Севастопольскую кампанію и т. п.

Въ послѣдующую эпоху обращаютъ на себя вниманіе изслѣдованіе мѣръ, принятыхъ по случаю войны 1877—1878 годовъ, участіе общества Краснаго Креста, преобразование военно-госпитального комитета въ главный военно-санитарный и другіе.

Въ приложеніяхъ напечатаны документы, какъ, напримѣръ: о тайной торговлѣ мѣстами въ комиссаріатѣ, о канцелярской волокитѣ (№ 7), о неудовлетворительномъ состояніи госпиталей (№ 5) и т. п.

Въ общемъ книга производитъ самое пріятное впечатлѣніе.

XVII. Александровскій комитетъ о раненыхъ. Составили
Д. И. Бережковъ и Н. А. Штоффъ.

Очеркъ доведенъ до нашихъ дней и заключаетъ въ себѣ различныя данныя: о призрѣніи военно-служащихъ до 1814 года, объ учрежденіи комитета, его дѣятельности, финансовыхъ средствахъ, о видахъ покровительства и т. п.

Къ книгѣ приложенъ сводъ цифровыхъ данныхъ о средствахъ комитета и о результатахъ по призрѣнію раненыхъ и ихъ семействъ за время съ 1815 по 1897 годъ.

Книга написана хорошимъ языкомъ и представляетъ собою интересное справочно-историческое изданіе.

Таково содержаніе всѣхъ выпущенныхъ въ продажу отдѣльныхъ очерковъ столѣтія военнаго министерства (за исключеніемъ очерка главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній, отзывъ о которомъ помѣщенъ въ № 3 «Историческаго Вѣстника»).

Въ ближайшемъ будущемъ должны выйти: очеркъ императорской главной квартиры, военно-медицинскаго управленія и академіи.

Можно надѣяться, что военное министерство доведетъ до конца задуманное имъ изданіе, которое несомнѣнно принесетъ большую пользу русской исторіографіи.

Д—въ.

М. Богословскій. Областная реформа Петра Великаго. Провинція 1719—1727 гг. Москва. 1902.

Въ царствованіе Петра Великаго мѣстное управленіе Россіи подверглось двумъ крупнымъ преобразованіямъ. Первымъ явилось раздѣленіе всей территоріи на восемь обширныхъ губерній; вторымъ—образованіе новой административной единицы — провинціи, долженствовавшей замѣнить собою губернію. Первое общее губернское устройство съ различными измѣненіями просуществовало около одиннадцати лѣтъ. Что же касается провинціального устройства, то оно, съ одной стороны, вообще, не вполнѣ осуществилось, а, съ другой сто-

роны, прожило еще меньшій срокъ, нежели общегубернское, въ своемъ первоначальномъ видѣ: оно возникло въ 1719 г. и прекратилось въ 1727 г. Провинці изъ самостоятельныхъ областныхъ единицъ превратились въ подраздѣленіе губерній. Первоначальная провинціальная реформа и составляетъ предметъ изслѣдованія г. Богословскаго.

Авторъ много потрудился надъ своей книгой. Онъ ознакомился не только съ литературой вопроса и печатными первоисточниками, но, кромѣ того, изучалъ относящіяся къ темѣ матеріалы въ различныхъ мѣстныхъ и центральныхъ архивахъ. Во многихъ отношеніяхъ г. Богословскій сообщаетъ много новыхъ данныхъ, освѣщаетъ вопросъ съ различныхъ его сторонъ, и бытовой историкъ долженъ быть очень доволенъ всей произведенной авторомъ работой. Тѣмъ не менѣе, однако, историкъ-юристъ можетъ сдѣлать г. Богословскому нѣсколько упрековъ тѣмъ болѣе, что тема работы юридическая по преимуществу.

Въ самомъ дѣлѣ, въ руководящихъ своихъ сужденіяхъ, выясняя основныя черты реформы 1719 г., авторъ принимаетъ за отправную точку такъ называемыя индивидуалистическія воззрѣнія на задачи правительственной власти. Г. Богословскій громитъ «полицейское государство» съ его всепоглощающей опекой гражданина, съ главной ролью власти, какъ безсмѣннаго учителя, подавляющаго самодѣятельность и регламентирующаго частную жизнь обывателя до мельчайшихъ подробностей. «Путемъ этихъ подробныхъ указовъ и регламентовъ правительство Петра развиваетъ самую обширную полицейскую дѣятельность,—говоритъ г. Богословскій на страницѣ 3 своего труда,—изъ нихъ оно дѣлаетъ помочи, на которыхъ ведетъ подданнаго, лишивъ его вѣкового посоха, помогавшаго ему медленно подвигаться впе едь, какимъ былъ для него обычай».

Нарадки на всепоглощающую опеку государства являлись политической теоріей начала XIX столѣтія. Они были вызваны крайностями правительственнаго вмѣшательства въ частную жизнь гражданина и положили основаніе ученой школѣ индивидуалистовъ съ Вильгельмомъ Гумбольдтомъ во главѣ. Подъ влияніемъ этой школы государство пыталось замкнуться исключительно въ сферу охраны правъ и проявленія своей силы въ одной области принужденія, но такое его поведеніе во многихъ отношеніяхъ оказалось горше преловутаго полицейзма, и потому то же самое общество, во имя котораго индивидуалисты потребовали заключенія власти, какъ звѣря, въ клѣтку, откуда его можно было бы спускать съ цѣпи только въ опредѣленныхъ случаяхъ, потребовало отъ государства личнаго вмѣшательства въ общественную жизнь и личнаго почина въ дѣлѣ ея упорядоченія. Итакъ, теорія «правового» государства въ настоящее время такъ же устарѣла, какъ и теорія государства «полицейскаго», а между тѣмъ г. Богословскій въ началѣ своей книги размахиваетъ индивидуалистическимъ знаменемъ.

Жизненная правда, однако, въ дальнѣйшемъ заставляетъ автора отступить отъ индивидуализма и тѣмъ спасаетъ его выводы и сужденія, но первая глава проникнута началами индивидуализма въ полной мѣрѣ. Только увлеченіе индивидуализмомъ могло заставить г. Богословскаго съ насмѣшкой от-

несться къ такимъ благодѣтельнымъ полицейскимъ начинаніямъ Петра, какъ требованіе хоронить мертвецовъ внѣ города (стр. 10), не биться на кулачныхъ бояхъ, разумно строить и крыть городскіе дома и деревенскія избы во избѣжаніе пожаровъ и проч. Можно только пожалѣть, что эти мѣры не достигали своей цѣли въ петровское время, какъ недостигаютъ во многихъ случаяхъ и теперь. Иначе пришлось бы негодовать на то, что рѣки запрещаютъ загрязнять отбросами и изъ улова рыбы устраивать рыбныя кладбища, такъ какъ этимъ стѣсняется личная дѣятельность фабрикантовъ и рыбопромышленниковъ.

Точно также поражаетъ глазъ юриста и постоянное противоположеніе новой жизни въ петровскую эпоху по закону и старой по обычаю въ томъ видѣ, какъ это различіе опредѣляется авторомъ. «Въ Московской Руси, говорить г. Богословскій (стр. 2),—была одна руководящая сила, которая дѣлала излишней всестороннюю опеку государства, какъ и подробную разработку юридическихъ нормъ: это былъ обычай. Обычай былъ регуляторомъ и дѣйствія правительственной машины и поведенія частныхъ лицъ. Руководимые имъ московскіе дипломаты разрѣшали вопросы внѣшней политики, боярская дума законодательствовала, судьи управляли и судили въ приказахъ... «Такъ повелось или не повелось отъ предковъ», вотъ условное выраженіе, которое, по мнѣнію автора, имѣло въ виду ссылку на обычай и руководило русскимъ человѣкомъ донетровской эпохи. Дальше г. Богословскій опредѣляетъ обычай, какъ преданіе. Нечего говорить, что въ данномъ случаѣ оказывается смѣшеніе понятій. Прежде всего въ своемъ изложеніи авторъ даетъ поводъ думать, что онъ различаетъ юридическую норму отъ обычая, а съ другой—въ обычай включаетъ вообще всякаго рода народныя традиціи, правового характера не имѣющія. Оттого-то въ книгѣ попадаются такія рискованныя выраженія, какъ тѣ, что «разумъ (полицейста) не мирился съ обычаемъ», что «коротенькія нормы (закона), отрывочно опредѣлявшія отдѣльные частные казусы, въ пробѣлахъ пополняемые указаціями обычая» замѣнились обширными, подробными уставами и проч. Мало того, многія стороны русской жизни допетровской эпохи регулировались хотя и не законодательствомъ, но также и не обычаемъ. Мы имѣемъ въ виду цѣлый рядъ отношеній, подпадавшихъ регламентаціи на основаніи кормчихъ книгъ и вообще духовной власти.

Но, впадая въ ошибки юридическаго характера, авторъ допускаетъ и существенныя противорѣчія въ историко-бытовомъ отношеніи, что, въ свою очередь, происходитъ, повидимому, оттого, что у г. Богословскаго борются другъ съ другомъ надуманныя начала руководящихъ сужденій въ первыхъ главахъ книги съ естественными результатами непосредственнаго и близкаго ознакомленія съ изучаемымъ фактическимъ матеріаломъ. Въ самомъ дѣлѣ, на стр. 21, Петръ, придерживаясь полицейской программы, «сокрушаетъ старый порядокъ, державшійся исторической традиціей, и стремится перестроить его согласно требованіямъ разума». «Старое историческое зданіе, ктати уже почти совсѣмъ развалившееся, рѣшено было замѣнить системой, основанной на иныхъ, разумныхъ началахъ, приспособленной для дѣйствія съ иными цѣлями» (стр. 24). На стр. 26 оказывается, что заимствованіе иностранныхъ административныхъ и судебныхъ установленій было дѣйствительно новымъ оригинальнымъ явле-

нѣмъ петровской эпохи, рѣзко отличающимъ ее отъ предыдущаго вѣка. Что же касается остальныхъ сторонъ реформы, то она имѣетъ значеніе «только развитія, усиленія, ускоренія темпа предыдущихъ явленій», такъ какъ какое бы изъ нововведеній Петра мы ни взяли, ему можно найти antecedенты въ Московской Руси XVII вѣка. Дальше авторъ успѣшно доказываетъ, что и иноземныя заимствованія въ области администраціи и суда точно также подчинялись требованіямъ русскаго быта, и что къ нему не подходило или ему противорѣчило, безпощадно откидывалось прочь. Во многихъ случаяхъ московская старина жила въ петровскихъ преобразованіяхъ въ новой лишь формѣ. Поэтому авторъ, напримѣръ, вполне правъ, говоря (стр. 132), что камериръ въ извѣстномъ отношеніи былъ не кто иной, какъ воеводскій товарищъ XVII вѣка, заведывавшій финансовыми дѣлами.

Къ числу противорѣчій нельзя не отнести и слѣдующія мѣста книги. На стр. 37 говорится: «административная реформа проходила также безсистемно, какъ и всѣ вообще петровскія реформы, и жестоко ошибся бы тотъ, кто представилъ бы себѣ въ ней какую либо планомерность, кто ждалъ бы видѣть въ ея основѣ какой либо предварительный планъ». Между тѣмъ, на стр. 38 дается иная характеристика: «двѣ основныя черты отличаютъ собою устройство новыхъ учрежденій. Это были, во-первыхъ, логически правильное расчлененіе частей управленія и, во-вторыхъ, единство всей его системы... Логически правильное расчлененіе органовъ управленія было крупнымъ вкладомъ, внесеннымъ реформою Петра въ устройство русскаго государственнаго механизма». Итакъ—или одно или другое, но авторъ оба начала соединяетъ, потому что во второмъ случаѣ или въ первомъ онъ сказалъ не то, что хотѣлъ. А все это происходитъ отъ того, что у г. Богословскаго «руководящія идеи» взяты на поддержаніе у другихъ авторовъ, а въ самой работѣ ему пришлось слѣдовать указаніямъ собственнаго разума, который, кстати сказать, и вывелъ ученаго на твердый путь, гдѣ авторъ не вдавался въ разсужденія по общей юриспруденціи. При такихъ экскурсахъ, наоборотъ, получались опять таки очень грубыя ошибки. Напримѣръ, на стр. 12, г. Богословскій полагаетъ, что торговля и промышленность входятъ въ сферу публично-правовыхъ отношеній; на стр. 104 высказывается утвержденіе, что обязательныя постановленія вырабатываются земскими собраніями и городскими думами и издаются губернаторами, хотя въ этомъ отношеніи органы самоуправленія и управленія конкурируютъ другъ съ другомъ; на стр. 154 авторъ смѣшиваетъ дознаніе съ предварительнымъ слѣдствіемъ. Точно также на стр. 219 авторъ утверждаетъ, что въ петровскую эпоху поводомъ перехода дѣла въ высшую инстанцію было между прочимъ недовѣріе низшихъ судовъ къ своимъ способностямъ и силамъ. Очевидно, что въ данномъ случаѣ г. Богословскій имѣетъ въ виду переносы на разрѣшеніе суда не дѣла, а сомнѣній, встрѣтившихся при примѣненіи закона въ низшей инстанціи. Дѣло же должно было рѣшаться въ порядкѣ инстанціи и переходить только въ ревізійномъ или апелляціонномъ порядкѣ. Разрѣшеніе же сомнѣній высшимъ мѣстомъ требовалъ самъ законъ (Генеральный регламентъ, глава VI, Регламентъ главному магистрату, глава IX о судахъ гражданскихъ и проч.). Точно также авторъ признаетъ особымъ памятникомъ правотворчества инструк-

цію надворнымъ судамъ, тогда какъ она мало оригинальна и представляетъ собою по преимуществу передачу началъ Генеральнаго регламента, хотя вообще за напечатаніе инструкцій мѣстнымъ судамъ должно быть благодарнымъ.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ авторъ останавливается на данныхъ петровскихъ реформъ въ отношеніи раздѣленія властей и не ставитъ Петру въ вину соединеніе въ рукахъ сената власти административной и судебной (стр. 176). Въдѣ теоретическое построеніе раздѣленія властей возникло въ серединѣ XVIII столѣтія въ ученіяхъ Мабли и Монтескье, а Петръ если по образцу Швеціи предавался этой мысли, то чисто эмпирически.

В. Грибовскій.

У стѣнъ недвижнаго Китая. Дневникъ корреспондента «Новаго Края» на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Китаѣ въ 1900 году. Дмитрія Янчевецкаго. Изданіе П. А. Артемьева. Спб. 1903.

Этотъ «дневникъ» заключаетъ въ себѣ болѣе 600 страницъ большого формата текста, 250 рисунковъ-фотографій, 100 портретовъ, нѣсколько фототипій и плановъ и 7 рисунковъ художника Смурковича. Авторомъ этого интереснаго «дневника» является г. Д. Янчевецкій, извѣстный корреспондентъ, находившійся при нашихъ войскахъ во время войны съ Китаемъ, раненый въ сраженіи подъ Тяньцзиномъ и отличившійся, затѣмъ, при взятіи Пекина, когда подъ градомъ пуль онъ оказалъ значительную помощь тяжело раненому генералу Василевскому.

Книга г. Янчевецкаго обнимаетъ собою все время нашей невольной «войны» съ Китаемъ и въ то же время прекрасно рисуетъ нашихъ дипломатовъ, а также и военное общество на дальнемъ востокѣ—съ самаго начала возникновенія тревожныхъ слуховъ и смуты по день умиротворенія мятежныхъ элементовъ, потрясшихъ весь сѣверъ Китая и Манчурію. Этотъ обширный трудъ раздѣленъ авторомъ на три части. Первую часть г. Янчевецкій начинаетъ съ описанія бала въ Портъ-Артурѣ 14-го мая 1900 года, когда безпечно веселящимся обществомъ были получены первыя «тревожныя вѣсти» о явной враждебности со стороны китайцевъ. Но тогда почти никто еще, оказывается, не вѣрилъ въ возможность серіозныхъ «военныхъ дѣйствій». Дипломаты смотрѣли на движеніе боксеровъ сквозь розовую призму своего мнимаго всезнанія и находили, что «подобные беспорядки происходятъ каждый годъ въ какой-нибудь изъ провинцій Китая, и если имъ придавать значеніе, то въ такомъ случаѣ намъ пришлось бы оккупировать Китай и держать въ немъ международную армію въ нѣсколько милліоновъ штыковъ во всѣхъ городахъ». Вслѣдствіе такихъ близорукихъ разсужденій «дипломаты гораздо болѣе интересовались любительскими спектаклями и весенними скачками»... А если бы «событія усложнились», то предполагалась по расчетамъ тѣхъ же дипломатовъ слѣдующая «военная прогулка»: «Адмиралы сдѣлаютъ морскую демонстрацію въ Таку и выплутъ интернаціональный десантъ, который сдѣлаетъ веселую военную прогулку въ Пекинъ. Мы (то-есть, дипломаты) устроимъ

имъ торжественную встрѣчу съ музыкой и шампанскимъ. Офицеровъ пригласимъ въ число членовъ нашего клуба и будемъ съ ними все лѣто играть въ теннисъ. Осенью десантъ вернется на суда, и инцидентъ окончится такъ же, какъ онъ оканчивался раньше»... Однако, дальнѣйшія событія показали, что Китай—собственно, консервативная, правящая партія съ императрицей-матерью и принцемъ Туаномъ во главѣ—затѣялъ очень опасную игру, въ конечномъ результатѣ которой произошла настоящая война со всеми ея ужасами, жестокостями и весьма чувствительными съ обѣихъ сторонъ потерями. Къ сожалѣнію, намъ, русскимъ, пришлось солонѣе всѣхъ—уже по одному тому, что мы очутились въ войнѣ съ азіатскимъ государствомъ, прилегающимъ къ нашимъ границамъ на разстояніи нѣсколькихъ тысячъ верстъ. Интересно отмѣтить еще слѣдующій необычайный фактъ: сраженія китайцы начали безъ предварительнаго объявленія войны: начавъ бомбардировку нашего и союзнаго флота въ Таку и учинивъ внезапное нападеніе въ Пекинѣ на посольства, они закончили прелюдію къ войнѣ бомбардированіемъ нашего Благовѣщенска и затѣмъ повели дальнѣйшую войну.

Къ стыду китайцевъ, слѣдуетъ указать еще и на тотъ прискорбный, для нашихъ мирныхъ гражданъ, въ видѣ инженеровъ и желѣзнодорожныхъ служащихъ на Восточно-Китайской дорогѣ, фактъ, что они не признавали ни Женевской конвенціи и Краснаго Креста, ни какихъ бы то ни было вообще правилъ войны, не отличали статскихъ отъ военныхъ, солдатъ отъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, одинаково подвергая всѣхъ, попавшихъ въ ихъ руки, самымъ тяжкимъ и безчеловѣчнымъ мученіямъ, пыткамъ и казнямъ.

Въ русскомъ обществѣ, отличающемся, какъ извѣстно, не только крайнею незлюбовостью, но и чересчуръ излишнею сентиментальностью, сложилось и, къ сожалѣнію, держится и до сихъ поръ убѣжденіе, что у насъ съ Китаемъ была не война, а пріятная военная прогулка, или же «силошное побоище и грабежъ»... Это, конечно, говорятъ тѣ, кто не участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ съ китайцами и не имѣетъ никакого понятія о всемъ томъ, что тамъ происходило. Вотъ для такихъ-то господъ и была бы очень полезна книга г. Янчевецкаго, излагающая, шагъ за шагомъ, эту «военную прогулку», обобщенную намъ въ нѣсколько тысячъ жизней и въ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей...

Первая часть книги г. Янчевецкаго знакомитъ насъ со всеми перипетіями войны ея перваго періода, начиная съ выступленія экспедиціи англійскаго адмирала Сеймура, мечтавшаго покончить войну, за счетъ англичанъ, однимъ ударомъ и понавшаго затѣмъ въ безвыходную западню, откуда его выручилъ и спасъ лишь русскій отрядъ, предводимый мужественнымъ генераломъ Стеселемъ. Эта часть книги заканчивается подробнымъ описаніемъ международнаго сраженія 30-го іюня и паденія Тяньцзина, когда былъ раненъ и г. Янчевецкій. Тутъ же приводится обстоятельное описаніе морскаго сраженія, бывшаго ранѣе (4-го іюня) въ Таку, и штурма фортовъ этого грознаго укрѣпленія. При этомъ, обращаетъ на себя вниманіе слѣдующій курьезный и отчасти поучительный фактъ. Изъ числа китайскихъ выстрѣловъ съ фортовъ Таку по-

нали въ германскую лодку «Ильтисъ» и совершенно разбили ея верхнюю палубу семнадцать гранатъ и одна шрапнель, при чемъ командиръ лодки, капитанъ Ланцъ, былъ тяжело раненъ 25-ю осколками стали и дерева и потерялъ ногу. «При этомъ,—добавляетъ г. Янчевецкій,—германцы впервые лично познакомились съ прекраснымъ дѣйствіемъ германскихъ гранатъ изъ крупновескихъ орудій, которыми были вооружены форты Таку: одинъ германскій офицеръ и шесть нижнихъ чиновъ были убиты, 17 ранены»... (стр. 174).

Много и русской крови пролито было при Таку! На одной, наприимѣръ, канонерской лодкѣ «Гилякъ» было убито 8 и ранено 48 человекъ; на «Корейцѣ» убито было 2 офицера и 9 матросовъ и ранено 20 человекъ. На третьей же канонерской лодкѣ «Бобръ», раздѣлявшей всѣ труды, опасности и тревоги своихъ сотоварищей, никакихъ серьезныхъ поврежденій не произошло, и всѣ ея офицеры и матросы вышли изъ адскаго огня цѣлыми и невредимыми, хотя «Бобръ», поддерживая своимъ огнемъ товарищей и безостановочно поражая ядрами китайскіе форты, взорвалъ даже пороховой погребъ Новаго форта. «Какъ это ни странно,—замѣчаетъ авторъ,—но на одной изъ рей «Бобра», не тронутаго неприятельскими снарядами, все время боя держались два голубя»... Не менѣе интересны у г. Янчевецкаго, въ описаніи сраженія при Таку, и нѣкоторые другіе эпизоды. Такъ, наприимѣръ, при взятіи фортовъ Таку десантомъ, составленнымъ изъ русскихъ, японцевъ, германцевъ и англичанъ, первыми ворвались въ фортъ русскіе, а за ними японцы, позади всѣхъ англичане. При этомъ «у русскихъ въ нужную минуту обыкновенно ничего не оказалось, кромѣ храбрости; и поэтому, Станкевичъ прибилъ къ флагштоку погонь унтеръ-офицера своей роты. Между тѣмъ, англичане, имѣя всегда въ запасѣ флаги своей націи, ухитрились и тутъ поднять надъ фортомъ свой флагъ раньше всѣхъ», (стр. 182). Еще болѣе недостойную «хитрость» продѣлали эти просвѣщенные мореплаватели въ Шанхай-Гуанѣ. «Желая всюду, кромѣ сраженій, быть первыми, а главное, желая перехитрить русскихъ, англичане завели особые переговоры съ комендантомъ Шанхай-Гуаня, отдѣльно отъ всѣхъ союзныхъ адмираловъ, предлагая ему сдать Шанхай-Гуань Англіи; хотя комендантъ еще 14-го сентября сдалъ вѣренную ему крѣпость генералу Церницкому, однако, получивъ такое любезное предложеніе отъ англичанъ, онъ поспѣшилъ исполнить также и ихъ желаніе, остроумно сдавая свою крѣпость во второй разъ. И вотъ 19-го сентября, рано утромъ, одно англійское военное вѣстовое судно подошло къ Шанхай-Гуаню; англичане высадились на берегъ, подняли свой флагъ на одномъ изъ фортовъ и отправились занимать станцію желѣзной дороги—главную цѣль ихъ тайной высадки; но... неожиданно встрѣтили два поѣзда, которые быстро катили къ станціи, биткомъ набитые русскими солдатами, кричавшими «ура»... Это былъ отрядъ генерала Церницкаго, который предупредилъ англичанъ. Стрѣлки вылѣзли изъ вагоновъ, живо заняли станцію и всѣ мастерскія и водрузили надъ станціей русскій флагъ. Такимъ образомъ, вся дорога отъ Тонку до Шанхай-Гуаня очутилась въ рукахъ русскихъ» (стр. 529 и 530).

Еще большимъ интересомъ отличается въ книгѣ вторая ея часть, повѣствующая собственно о Пекинѣ и посвященная штурму китайской столицы и

описанію сказочныхъ, по роскоши, дворцовъ, таинственныхъ садовъ и величавыхъ храмовъ, расположенныхъ вблизи столицы. Начинается эта часть съ описанія первыхъ тревожныхъ событій въ Пекинѣ—съ указа богдыхана, объявляющаго войну всѣмъ державамъ и выражающаго явное сочувствіе возставшимъ противу европейцевъ боксерамъ. Затѣмъ, излагаются послѣдовательно всѣ другія событія, происшедшія вслѣдъ за объявленіемъ войны: походъ союзниковъ къ Пекину—въ палаціи зной, безъ воды и фуража,—битвы подъ стѣнами этого города и освобожденіе осажденныхъ посольствъ. Но и тутъ, какъ и въ первой части книги, ясно очерчиваются, во всѣхъ бояхъ и рѣшительныхъ моментахъ, взаимныя международныя отношенія разноплеменныхъ военныхъ отрядовъ между собою: русскіе, напримѣръ, чрезвычайно дружатъ съ французами, но въ бою идутъ рука объ руку съ храбрыми японцами; гордые американцы держатся особнякомъ, и если иногда сближаются, то только лишь съ родственною имъ націей—съ англичанами. А эти послѣдніе постарались отличиться, въ своемъ родѣ, и при взятіи Пекина: они имѣли заранѣе въ своихъ рукахъ подробный планъ стѣнъ, укрѣпленій и башенъ, окружающихъ Пекинъ, и отлично знали, что существуетъ такъ называемый Яшмовый каналъ, проходящій подъ городской стѣною, по дну котораго можно было свободно и безопасно пробраться въ самый городъ, на выручку посольствъ, но сочли лишнимъ подѣлиться этимъ важнымъ свѣдѣніемъ съ начальниками другихъ иностранныхъ отрядовъ,—и «отважно первые пробрались къ осажденнымъ посольствамъ». «Около полудня 1-го августа,—говоритъ г. Янчевецкій,—когда русскіе и японцы штурмовали Пекинъ, англичане, безъ всякаго сопротивленія пробравшись въ такъ называемый Китайскій городъ, уже съ утра покинутый китайскими войсками, подошли къ стѣнѣ Манчжурскаго города, занятой посольскими десантами. Проводникъ провелъ ихъ къ запертымъ деревяннымъ воротамъ Яшмоваго канала, замыкавшимъ его выходъ подъ городской стѣною. Посольскіе десанты русскихъ и американцевъ продвинулись въ обѣ стороны по стѣнѣ, такъ что англичанамъ опасность не грозила ни съ одной стороны. Нѣсколько осажденныхъ европейцевъ и китайцевъ-христіанъ, узнавъ о прибытіи англичанъ, прорѣзали отверстіе въ старыхъ прогнившихъ доскахъ, изъ которыхъ были сбиты ворота, и черезъ эту лазейку взводъ индійскихъ солдатъ пролѣзъ въ Манчжурскій городъ и благополучно явился въ британское посольство. Въ 2 часа дня, въ тотъ же день штурма и боя, такимъ же точно путемъ пробрался въ британское посольство начальникъ англійскаго отряда, генералъ Гезли, его штабъ и нѣсколько полковъ англійскихъ солдатъ» (стр. 445).

Когда посольства были уже освобождены, и всякая опасность для осажденныхъ дипломатовъ миновала, тотчасъ же у нихъ начались дразни и весьма прискорбныя недоразумѣнія. «Они не могли видѣть, — говоритъ талантливый авторъ «дневника», — что какіе-то «освободители», немые и небритые, въ грязныхъ изношенныхъ кителяхъ и большихъ русскихъ сапогахъ, явились въ аристократическое общество элегантныхъ людей, вѣдающихъ политику... Офицеры-освободители въ свою очередь были недовольны тѣмъ страннымъ холоднымъ приѣмомъ, который они встрѣтили въ русской миссіи, и говорили, что они чувствуютъ себя точно въ иностранномъ посольствѣ, въ которое они по-

пали по ошибкѣ»... (стр. 451). Кончилось тѣмъ, что штабъ начальника отряда и раненые офицеры вынуждены были черезъ нѣсколько дней перебраться въ такъ называемый императорскій городъ... Наши дипломаты не возлюбили также и г. Янчевецкаго: они «стали относиться къ нему удивительно враждебно, и его истрепанный видъ приводилъ въ благородное негодованіе ихъ изысканный вкусъ»... Эти выхоленные и изящно одѣтые русскіе дипломаты не хотѣли знать, что «этотъ корреспондентъ», которому они прямо-таки въ концѣ концовъ объявили, что «онъ не можетъ долѣе жить въ дипломатической миссіи», былъ уже раненъ, а затѣмъ, едва оправившись, совершилъ съ нашими войсками весь походъ до Пекина, и подъ его стѣнами, подвергая опасности свою жизнь, спасъ тяжело раненаго генерала Василевскаго, при которомъ были уже перебиты или ранены всѣ приближавшіеся къ нему ординарцы и фельдшера, такъ что г. Янчевецкій спасся, лишь благодаря особенному чуду. Въ особенности возненавидѣлъ автора книги «одинаго корректный молодой дипломатъ»,—и очень жаль, что г. Янчевецкій не называетъ его по имени. Эти мелкіе, фатоватые господа, являющіеся, въ сущности, главными виновниками происшедшихъ кровопролитій, такъ какъ не замѣчали опасности, бывшей у нихъ подъ носомъ, сумѣли, едва только миновала эта опасность и смолкло сраженіе, опозлить эти великіе дни побѣды русскаго оружія своею неумѣстною брезгливостью и оскорбить такъ много потрудившихся своихъ освободителей»...

Въ этой же второй части книги г. Янчевецкаго отличаются особымъ интересомъ картинныя описанія многочисленныхъ дворцовъ богдыхана, заповѣдныхъ роцъ и китайскихъ, полныхъ величія и тишины, храмовъ. Передъ глазами читателя рисуются чисто волшебныя и сказочныя картины изъ тысячи одной ночи...

Третья часть книги содержитъ въ себѣ подробное описаніе военныхъ дѣйствій союзныхъ отрядовъ, происшедшихъ послѣ взятія Пекина, въ южной Манчжуріи, и затѣмъ усмиреніе сѣверной Манчжуріи, походъ на Мукденъ и его завоеваніе. Въ концѣ, авторъ подробно описываетъ эту интереснѣйшую древнюю, священную столицу Китая и окончательное усмиреніе всей Манчжуріи; затѣмъ, посвящаетъ отдѣльныя главы устроенной нами же недавней желѣзной дорогѣ въ этой странѣ и главному бичу мѣстнаго благосостоянія—хунхузамъ. Въ концѣ, слѣдуютъ печальныя страницы, гдѣ вслѣдъ за описаніемъ «успокоенія столицы и страны» подсчитываются «потери Россіи въ Китаѣ»...

Вотъ объ этихъ-то «потеряхъ» и слѣдуетъ намъ памятовать лучше! Тогда исчезнутъ сами собою неизвиняемыя иллюзіи петербургскихъ кабинетныхъ людей относительно «нашихъ добрыхъ сосѣдей»—китайцевъ. Какъ ровно ничѣмъ не вызваны были нападенія китайцевъ на посольства и бомбардированіе, безъ объявленія же войны, нашего Благовѣщенска, такъ еще менѣе могутъ быть оправдываемы и извиняемы тѣ крайне жестокія мученія и казни, которымъ подверглись со стороны этого жестокосердаго и фанатичнаго народа почти всѣ наши плѣнные и даже многіе мирные граждане, случайно схваченные китайцами, въ родѣ, напримѣръ, несчастнаго инженера Верховскаго, или тѣхъ великихъ страдалцевъ, нашихъ солдатиковъ и желѣзнодорожныхъ ра-

бочихъ, жестокія и звѣрскія муки коихъ описаны недавно въ интересной статьѣ г. Ельца, напечатанной въ «Новомъ Времени» (№ 9711). Оказывается, что эти нечеловѣческія муки и пытки были такъ ужасны и невыносимы, что «каждый мученикъ ждалъ, какъ великаго счастья, того момента, когда изувѣры, натѣшившись наконецъ властью, отрубятъ ему голову»...

Книга «У стѣнъ недвижнаго Китая» издана очень красиво и даже роскошно, рисунки выполнены тщательно и умѣло, портреты схожи, карты вѣрны и составлены подробно; главное же достоинство книги — живое и правдивое повѣствованіе автора о недавнихъ и еще живущихъ въ памяти у всѣхъ событіяхъ чрезвычайной важности, читаемое съ захватывающимъ интересомъ.

И Н. З.

Университетскій вопросъ. Н. П. Гилярова-Платонова. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. Спб. 1903.

Эта книга составлена изъ статей покойнаго профессора Московской духовной академіи Н. П. Гилярова-Платонова по университетскому вопросу, напечатанныхъ, въ свое время, въ издаваемой имъ газетѣ «Современныя Извѣстія». Статьи эти даже и теперь, спустя многіе годы по ихъ напечатаніи, представляютъ большой интересъ—во-первыхъ, какъ статьи, писанныя талантливымъ и умнымъ человѣкомъ, близко знакомымъ съ тѣмъ «вопросомъ», о которомъ онъ говоритъ, а во-вторыхъ, еще и потому, что «университетскій вопросъ»—это такое больное мѣсто нашего министерства народнаго просвѣщенія, что, по видимому, долгое еще время будетъ, въ виду своего неокончательнаго разрѣшенія, оставаться «вопросомъ», интересующимъ все интеллигентное русское общество, а равно и нашу печать.

Насколько интересны и живы статьи Гилярова, помѣщенные въ книгѣ, читатели могутъ заключить по слѣдующимъ, даже и отрывочнымъ, выпискамъ, которыя мы здѣсь сдѣлаемъ. Напримѣръ, въ статьѣ «О воспитаніи даровомъ и оплачиваемомъ» авторъ говоритъ: «Существуютъ двѣ системы общественнаго воспитанія: даровая, на счетъ государства, и оплачиваемая за свой собственный счетъ. Если государство къ числу своихъ обязанностей причисляетъ обязанность воспитывать народъ, тогда оно не должно никого лишать образованія, какъ никого не лишаетъ полицейской охраны или судебной защиты. Если образованіе дается на деньги, выручаемыя податями, то право на него имѣютъ всѣ плательщики. Иначе, будутъ несправедливыя привилегіи». Какія это прекрасныя и справедливыя мысли! И даже очень смѣлыя, если принять во вниманіе то тяжелое время—1868 годъ,—когда онѣ были высказаны, т.-е. когда во главѣ министерства стоялъ всесильный гр. Толстой, мнящій, что «кухаркинымъ дѣтямъ» не пристало университетское образованіе... Столь же здравыя и благородныя разсужденія покойнаго Гилярова мы встрѣчаемъ и по многимъ другимъ вопросамъ университетской жизни. Напримѣръ, по вопросу о представленіи сочиненій по факультетскимъ предметамъ, Гиляровъ удивляется, почему это дѣло такъ долго игнорируется совѣтами университетовъ, вслѣдствіе чего довольствуются «лотерею, подъ именемъ экзаменовъ»... Въ

статьѣ «По поводу запрещенія литографированія лекцій» авторъ недоумѣваетъ, «какія это ближайшія побужденія вызвали запрещеніе, столь горькое для студентовъ и именно студентовъ бѣдняковъ. Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, это найдено лучшимъ средствомъ къ привлеченію слушателей въ аудиторіи? но средство это даже не ведетъ къ цѣли: развѣ не можетъ цѣлый курсъ нанять двухъ-трехъ борзописцевъ, которые записывали бы лекціи для всѣхъ?».. И далѣе, въ той же статьѣ, Гиляровъ съ горечью говоритъ: «Есть цѣлое воззрѣніе, признающее, что высшее образованіе есть роскошь, позволительная только для людей достаточныхъ».. Но и ихъ, понуждая записывать лекціи, университетъ можетъ превратить «въ механическихъ зубряшекъ»... Еще рѣче и еще справедливейе являются сѣтованія Гилярова въ статьѣ «О братствѣ въ пользу студентовъ». Покойный профессоръ спрашиваетъ: «Гдѣ нравственная сила, стоящая за университетами, изъ уваженія къ которой правительству нужно было бы перемониться съ разсадниками просвѣщенія? Гдѣ общественное мнѣніе, съ которымъ нужно было бы ему справиться, — должно ли оно предпочесть ту или другую методу?.. Пять-шесть журналистовъ, нѣсколько профессоровъ и нѣсколько директоровъ — конечно, не голосъ общества и не его потребность. Итакъ, правительству остаются одни теоретическія начала, и единственно съ ними, худо или хорошо, приходится ему соображаться, — и вполнѣ понятно, что съ каждою перемѣною лица въ высшемъ управленіи переворачиваются понятія, — и то, что вчера считалось полезнымъ, нынѣ признается гибельнымъ, что сегодня признается воспитывающимъ, то завтра признается развращающимъ»... (стр. 9). Эти горькія истины были высказаны въ 1869 году, то-есть 34 года назадъ, а между тѣмъ, такъ и кажется, что онѣ написаны лишь въ минувшемъ году,.. А немного далѣе, въ статьѣ «О высшемъ женскомъ училищѣ», покойный Гиляровъ прямо и ясно указываетъ и на ту «методу», которой онъ въ данномъ случаѣ сочувствуетъ, хотя и выражается при этомъ нѣсколько рѣзко. Удивляясь, что въ числѣ обязательныхъ предметовъ для всѣхъ женскихъ курсовъ поставленъ латинскій языкъ, авторъ говоритъ: «Только безсмысліе можетъ утверждать, что въ древнихъ языкахъ, и въ частности латинскомъ, въ нихъ самихъ, помимо всякихъ условій, кроется таинственная сила, развивающая умы»... (стр. 106).

Интересныя статьи въ книгѣ Гилярова встрѣчаются и въ числѣ писанныхъ имъ въ 1870, 1872 и другихъ послѣдующихъ годахъ — вплоть до 1884 года, когда, къ общему сожалѣнію лицъ, близко знавшихъ покойнаго Никиту Петровича, прекратилась его жизнь и дѣятельность. Изъ числа этихъ статей особенно выдѣляются слѣдующія: «О вредѣ для университетской молодежи учебно-полицейскихъ мѣръ» (статья 1872 года), «Связь между университетомъ и обществомъ», «Причины университетскихъ безпорядковъ», «О несправедливой привилегіи классическихъ гимназій въ выдачѣ аттестатовъ зрѣлости», «О разлученіи школою учащихся съ ихъ семьями», и мн. др. Въ общемъ, всѣ статьи проникнуты большою гуманностью, близкимъ знаніемъ дѣла и непритворною любовью къ молодежи. Въ краткой библиографической рецензіи невозможно, конечно, говорить о всѣхъ интересныхъ статьяхъ названной книги, и мы смѣло рекомендуемъ ее вниманію всѣхъ, кто желаетъ поближе ознако-

митъся не только съ «университетскимъ вопросомъ», но и съ многострадальною исторіей этого вопроса—за время съ 1868 по 1884 годъ.

Книга издана изящно, и можно лишь пожалѣть, что къ ней не приложено портретъ покойнаго Гилярова.

И. Н. З.

Исторія кавалергардовъ. 1724—1799—1899. По случаю столѣтняго юбилея Кавалергардскаго ея величества государыни императрицы Маріи Феодоровны полка. Составилъ С. Панчулидзевъ. Томъ II. Спб. 1903.

Въ статьяхъ «Придворное войско въ Россіи» («Историческій Вѣстникъ», 1900—1901 г.) мы указывали уже на значеніе труда г. Панчулидзева для русской исторіи XVIII в.; въ статьяхъ этихъ мы остановились на той фазѣ исторіи русской гвардіи и въ частности исторіи кавалергардовъ, когда они, съ воцареніемъ Екатерины II, потеряли политическое значеніе и мало-по-малу превратились сначала въ парадную придворную стражу, а затѣмъ сдѣлались одной изъ войсковыхъ единицъ русской арміи. Екатерина II не сочла нужнымъ возстановить лейбъ-кампанію, уничтоженную Петромъ III, и кавалергарды образовали въ 1764 году особый «корпусъ», численность котораго опредѣлена была всего въ 60 человекъ и за все царствованіе Екатерины не превышала въ общемъ цифры 346 человекъ офицеровъ и рядовыхъ. Штатъ офицеровъ этого корпуса состоялъ изъ одного шефа («рангу генерала полнаго»), одного поручика («рангу генераль-поручика»), одного корнета («рангу генераль-майора»), одного вахмистра и четырехъ капраловъ. Всѣ кавалергарды должны были быть дворянскаго происхожденія и имѣли армейскіе чины прапорщиковъ, подпоручиковъ и поручиковъ, смотря по продолжительности службы, числясь въ соответствующихъ армейскихъ частяхъ, куда и поступали затѣмъ по выходѣ изъ кавалергардскаго «корпуса». Шефами корпуса, его поручиками и корнетами были всегда почти любимцы Екатерины: Орловъ Григорій, Потемкинъ, Зоричъ, Ланской, Дмитріевъ-Мамоновъ, Зубовъ,—всѣ они послѣдовательно командовали въ разныхъ чинахъ кавалергардами, главнымъ назначеніемъ которыхъ было содержать стражу «около священной монаршей персоны». Тамъ, гдѣ имѣла пребываніе государыня, выставлялся внутренній караулъ кавалергардовъ; они же сопровождали ее въ путешествіяхъ. Кромѣ того, ихъ употребляли въ дѣло для посылокъ на подобіе позднѣйшихъ фельдъегерей. При всѣхъ торжественныхъ аудіенціяхъ кавалергарды или занимали особый караулъ, или весь корпусъ выставлялся въ залахъ дворца шпалерами съ ружьями или безъ ружей. Такъ какъ во дворцѣ кавалергарды занимали внутренній караулъ, то мѣстомъ ихъ караула опредѣлялся этикетъ входовъ въ залы дворца лицъ, имѣвшихъ право пріѣзда ко двору. «За кавалергардовъ» могли входить только тѣ, кто значился въ особомъ данномъ имъ спискѣ. Почетныя обязанности кавалергардовъ при дворѣ Екатерины и выдающееся положеніе ихъ среди прочихъ гвардейцевъ, ряды которыхъ наполовину наполнялись уже не дворянами,—не могли не отразиться на ихъ внутреннемъ бытѣ. Вообще ка-

валергарды мало напоминали уже своевольныхъ и грубыхъ лейбъ-кампанцевъ. Общее смягченіе правовъ, замѣтное уже въ началѣ царствованія Екатерины, отразилось на кавалергардахъ-дворянахъ болѣе, чѣмъ на прочихъ гвардейцахъ. Еще въ 1789 году императрица замѣчала, «что теперь много выходитъ палостей отъ гвардейскихъ для того, что всякій сбродъ набирають, а прежде служили одни дворяне». Этотъ отзывъ Екатерины приводитъ г. Панчулидзева къ нѣскольکو посибшному заключенію, что «ея императорскаго величества кавалергардскій корпусъ за всѣ 34 года своего существованія являлся во всѣхъ отношеніяхъ образцовымъ». Но вслѣдъ за нимъ онъ приводитъ рядъ случаевъ изъ жизни малочисленнаго «выборнаго» корпуса, среди которыхъ упоминаются и «смертныя убійства», и «подлоги», и «растраты», доведенные до высочайшаго свѣдѣнія и повлекшіе за собою тяжкія наказанія для виновниковъ ихъ. Въ числѣ ихъ оказался и Василій Ласунскій, бывший лейбъ-кампанецъ и участникъ въ возведеніи Екатерины на престолъ, который употребилъ, въ должности комиссара, до 10-ти тысячъ кавалергардскихъ суммъ «на собственные свои расходы». Военнымъ судомъ Ласунскій приговоренъ былъ къ повѣшенію и, впредь до полученія высочайшей конфирмаціи, «закованъ былъ въ желѣза». Екатерина такъ конфирмовала приговоръ: «въ разсужденіе прежней ея службы, расковавъ, выключить его изъ службы».

Распущенность жизни гвардейцевъ при Екатеринѣ общеизвѣстна, и кавалергардамъ тѣмъ легче и вольготнѣе было предаваться всякаго рода излишествамъ, что, не въ примѣръ прочимъ, они вовсе избавлены были отъ тягостей военной службы и отъ всякаго умственного напряженія. Сообразно требованіямъ своей показной службы, они должны были быть только молодцоваты, чистоплотны и красивы въ дарованномъ имъ краспомъ, хотя и тяжеломъ одѣяніи. Г. Панчулидзевъ приводитъ много подробностей, въ текстѣ и рисункахъ, о снаряженіи кавалергардовъ и ихъ лошадей; подробности эти имѣютъ интересъ для исторіи быта Россіи XVIII вѣка.

Привольная жизнь привилегированнаго «корпуса», къ концу жизни императрицы Екатерины состоявшаго изъ 47 человекъ, прекратилась съ восшествіемъ на престолъ императора Павла I, вообще не терпѣвшаго «разврата» гвардейцевъ и не любившаго «бездѣльниковъ». Онъ 25 декабря 1796 г. приказалъ распределить всѣхъ старыхъ кавалергардовъ по полкамъ, а вмѣсто уничтоженнаго «корпуса» сформировать два кавалергардскихъ эскадрона, составивъ ихъ изъ 500 унтеръ-офицеровъ изъ разныхъ полковъ. Новые эскадроны должны были уже нести всю тягость военной службы наравнѣ съ прочей гвардіей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, за ними осталась прежняя роль почетной стражи при монархѣ во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ. Для этой цѣли оставлена была для нихъ и парадная форма съ шпиками и латами, впрочемъ сплыво видоизмѣненная. Но почетная роль новыхъ кавалергардовъ отнюдь не избавила ихъ отъ обычнаго для Павловскаго времени военного режима. Солдатъ «подтягивали» гатчинцы посредствомъ тѣлесныхъ наказаній, по прусскому образцу. Но, какъ видно, и въ новомъ своемъ видѣ кавалергарды были не по душѣ императору, и въ концѣ 1797 г. кавалергардскіе эскадроны были расформированы. Лишь послѣ принятія императоромъ званія гротмейстера Мальтійскаго ордена

въ видѣ гвардіи гротмейстера вновь образованъ былъ кавалергардскій корпусъ, въ 1800 г. переименованный въ кавалергардскій полкъ. Съ этихъ поръ, говорить историкъ кавалергардовъ, назначеніе кавалергардовъ окончательно измѣнилось противъ первоначальной ихъ цѣли, и они поступили въ общій составъ войскъ, удержавъ однако же первое мѣсто въ ряду кавалерійскихъ полковъ и сохранивъ дарованное имъ Петромъ Великимъ высокое преимущество: имѣть изъ среды своихъ офицеровъ стражу у трона при священномъ вѣнчаніи на царство російскихъ монарховъ. Излагая весьма подробно метаморфозы, постигшія кавалергардовъ въ царствованіе Павла, г. Панчулидзевъ сообщаетъ попутно массу интересныхъ свѣдѣній о военномъ бытѣ того времени, важныхъ для характеристики государя и русской арміи. Довольно вышукло обрисованы имъ и командиры кавалергардовъ этого времени: маркизъ д'Отипанъ и генераль Ѳ. П. Уваровъ. Пониманію и болѣе ясному представленію содержанія текста «Исторіи кавалергардовъ», въ особенности съ военно-технической стороны, помогаютъ прекрасно исполненные экспедиціей заготовленія государственныхъ бумагъ рисунки, испещряющіе текстъ книги. Среди этихъ рисунковъ встрѣчается масса новыхъ, еще нигдѣ не воспроизведенныхъ; интереснѣе другихъ рисунки, изображающіе маневръ и вахтъ-парадъ при Павлѣ, живо переносящіе читателей въ своеобразную Павловскую эпоху.

Но и во второмъ томѣ своего труда г. Панчулидзевъ, какъ и прежде, не ограничился простымъ выполненіемъ задачи полкового историка: по мѣрѣ накопленія новыхъ матеріаловъ, оказавшихся у него подъ рукою, онъ подробно излагаетъ и тѣ факты общей русской исторіи, къ которымъ исторія кавалергардовъ имѣла отношеніе. Время императора Павла, до сихъ поръ еще мало изслѣдованное, увлекло г. Панчулидзева далеко за предѣлы его работы, и этому его увлеченію мы обязаны обнародованіемъ въ его «Исторіи» многихъ документовъ и матеріаловъ о Павлѣ I, которые по общимъ условіямъ нашей печати не могутъ быть общимъ достояніемъ; въ первый разъ, напримѣръ, въ нашей печати мы встрѣчаемъ въ трудѣ г. Панчулидзева обзоръ событій за послѣдній годъ царствованія императора Павла, приведшихъ къ печальному концу. Грунтовка собранныхъ авторомъ данныхъ страдаетъ по необходимости односторонностію, такъ какъ, очевидно, въ полковой исторіи, какія бы широкія границы ни была ей поставлены, не можетъ быть того общаго фона картины, на которомъ обрисованные почтеннымъ авторомъ факты только и могутъ получить полное освѣщеніе. Усилія даровитаго автора обосновать свои выводы на широкомъ историческомъ фундаментѣ привели его однако къ изложенію любопытныхъ и цѣнныхъ для общей исторіи Павла изысканій по частнымъ вопросамъ. Особенно удачно и доказательно разработана г. Панчулидзевымъ глава: «Значеніе военныхъ реформъ Павла I». На основаніи критическаго разбора массы приведенныхъ имъ архивныхъ и печатныхъ матеріаловъ, г. Панчулидзевъ, не входя въ крайность, успѣлъ однако доказать, что въ концѣ царствованія Екатерины русская армія дѣйствительно нуждалась въ коренной реорганизаціи какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. «Павелъ I, — говоритъ г. Панчулидзевъ, — ясно видѣлъ зло, почти всегда безошибочно находилъ подходящее средство къ его исправленію, но затѣмъ, какъ по свойствамъ

своей неуравновѣшенной природы, такъ и по причинамъ, внѣ его лежавшимъ, весьма часто неумѣло примѣнялъ найденное имъ средство», при чемъ, конечно, увлеченіе мелочами, закрывавшими суть дѣла, иногда даже какъ бы упраздняящими ее, — играло не послѣднюю роль. Во всякомъ случаѣ, изысканія г. Панчулидзева въ исторіи императора Павла бросаютъ новый свѣтъ на многія стороны его дѣятельности, носившія до сихъ поръ въ изложеніи нашихъ историковъ преимущественно анекдотическій характеръ. Отъ души желаемъ г. Панчулидзеву съ тою же бодростію и съ тѣмъ же успѣхомъ закончить 3-й томъ его «Исторіи», посвященной событіямъ Александровской эпохи.

Е. Ш.

Н. Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина. Книга XVII. Спб. 1903.

Уже восемнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ появилась первая книга обширнаго труда г. Барсукова, но до конца его еще очень далеко: впереди дѣля пятнадцать лѣтъ жизни Погодина, а каждый томъ его жизнеописанія охватываетъ не болѣе полутора года. Къ числу энциклопедическихъ, выбранныхъ авторомъ для своей книги, въ послѣднее время прибавилось знаменательное: «Пою... дондеже есмь», и читателю невольно приходитъ въ голову вопросъ, хватитъ ли у автора силъ и времени закончить свой многотомный трудъ. Появившаяся теперь книга семнадцатая обнимаетъ собою годы 1859 и 1860-й. Изъ важныхъ историческихъ событій здѣсь идетъ рѣчь объ окончательномъ покореніи Кавказа кн. Барятинскимъ и о подготовительныхъ работахъ къ озвобожденію крестьянъ. Изъ общественной и литературной жизни Погодина сюда относятся его статьи объ университетскихъ дѣлахъ, не потерявшія своего значенія и теперь, публичное чтеніе о царевичѣ Алексѣѣ и знаменитый диспутъ съ Костомаровымъ о происхожденіи Руси, а изъ частной его жизни вторая женитьба и путешествіе по Кавказу и Крыму матеріаль, не особенно богатый для книги въ 500 страницъ. Но уже давно извѣстно, что г. Барсуковъ пишетъ не столько жизнеописаніе Погодина, сколько лѣтопись его времени, и потому одна исторія редакціонныхъ комиссій, изложенная имъ по книгѣ Н. Ш. Семенова, занимаетъ у него около 150 страницъ. Но даже принимая точку зрѣнія автора на его трудъ, нельзя не упрекнуть его за многословіе и неумѣніе отличить важное отъ незначительнаго: цѣлая страница, на примѣръ, посвящена въ его книгѣ описанію порядка, въ которомъ разиѣстались за обѣдомъ члены редакціонныхъ комиссій; совершенно излишне было приводить и меню обѣдовъ. Но за всѣмъ тѣмъ, однако, книга г. Барсукова оставляетъ въ читателѣ пріятное впечатлѣніе. «Духа жизни», сокрытаго въ прошедшемъ, онъ не допросилъ, конечно, да и не могъ допросить, какъ слѣдуетъ, потому что, какъ всегда, ограничилъ свое вниманіе только одной стороной общественныхъ явленій, закрывъ глаза на всѣ такъ называемыя западническія теченія русской литературы и общественности. Но «дни минувшіе и рѣчи, ужъ замолкшія давно», хотя и не всѣ, несомнѣнно воскресаютъ вповь въ его книгѣ и, такъ какъ авторъ передаетъ ихъ безхитростно и не мудрствуя лукаво, почти ничего не прибавляя отъ себя, а только комбинируя, да и то не совсѣмъ ловко, факты и явленія, то они исполнены почти

неносредственной свѣжести, и отъ лѣтописи автора вѣтъ на васъ милымъ дуновениемъ прошлаго: точно что-то знакомое, старое, родное и, казалось, невозвратно ушедшее, вновь оживаетъ и ласкаетъ душу. Картина, получающаяся въ общемъ отъ чтенія книги г. Барсукова, такъ же притягательна, какъ догорающіе лучи уже угасшаго дня. И это сравненіе тѣмъ болѣе умѣстно, что и жизнь Погодина въ описываемые годы, хотя все еще дѣятельная, несомнѣнно близится къ закату. Одинъ за другимъ сходятъ въ могилу и его спутники. Авторъ описываетъ намъ подробно смерть Хомякова, трогательную кончину Константина Аксакова и похороны Ганки. Закрывая книгу, невольно жалѣешь, что приходится расстаться съ вызванными г. Барсуковымъ свѣтлыми образами минувшаго. Будемъ надѣяться, что онъ счастливо окончатъ свой многолѣтній и полезный трудъ.

Андрей Сиротининъ.

**«Записки колонизатора Сибири» А. Соколова-Костромского.
1903.**

Съ легкой руки г. Вересаева въ текущей литературѣ пзрѣдка появляются «исповѣди», рисующія закулисныя стороны практики дѣла не только въ области врачеванія, но и въ другихъ сферахъ отечественной жизни. Книжка г. Соколова-Костромского, написанная живымъ и образнымъ языкомъ, заключаетъ въ себѣ историческій обзоръ колонизаціи нашей далекой окраины не только съ внѣшней стороны, не въ смыслѣ сухого перечня событій и мѣропріятій переселенческаго движенія, а съ внутренней стороны, съ психологической, освѣщающей примѣненіе на практикѣ мѣстными дѣятелями самыхъ лучшихъ мѣропріятій правительства.

«Мнѣ желательно, — говоритъ авторъ въ предисловіи, — изложить личныя впечатлѣнія отъ нѣкоторыхъ моментовъ колонизаціи, вынесенныя мною съ мѣста, а не изъ книжекъ. Въ этихъ впечатлѣніяхъ читатель, можетъ быть, найдетъ не простое изложеніе фактовъ, извѣстныхъ всѣмъ, кто слѣдитъ за переселенческимъ вопросомъ, а отраженіе на населеніи и самихъ исполнителяхъ на мѣстѣ тѣхъ мѣропріятій, которыя вызваны практикою жизни и потребностями времени сообразно съ развитіемъ и прогрессирующимъ движеніемъ переселенія. Всякое явленіе, составляющее замѣтную страницу въ исторіи государства и народа, вызываетъ самыя разнообразныя чувства въ народныхъ массахъ, отражается такъ или иначе въ душѣ народа, постепенно укладываясь въ той или другой формѣ. Мѣропріятія, вызываемыя этими событіями, имѣютъ тоже свою исторію, такъ или иначе отражаются на населеніи, надолго удерживаясь и получая силу незыблемаго закона въ случаѣ ихъ жизненности и безусловной полезности и отпадая при замѣнѣ другими, имѣющими болѣе право гражданства, чѣмъ они, въ томъ случаѣ, если эти мѣропріятія явились въ видѣ пробы или опыта».

Регулирующимъ и наиболѣе плодотворнымъ по своимъ результатамъ является 1892 годъ, именно время основанія Сибирскаго комптета, освѣттившаго и освѣжившаго до той поры мало упорядоченное колонизаціонное дѣло. Одною изъ первыхъ попытокъ заселить безконечныя таежныя пространства была

«вольная колонизація», не давшая ожидаемыхъ результатовъ и показавшая, что наши крестьяне-переселенцы не настолькоъ культурны, чтобы могли сами ориентироваться въ тайгѣ безъ дорогъ и участковыхъ границъ, полагающихъ имъ предѣлы захвата. Въ результатѣ оказалось «хождение по тайгѣ» лицъ, образующихъ участки, земельные споры и раздоры переселенцевъ. «Какъ голодные волки, напавшіе на добычу, натерпѣвшіеся отъ лишений,—пишетъ авторъ,—они рвали другъ у друга лакомую пищу, ибо для нихъ, «утѣшенныхъ» на родинѣ, самымъ лакомымъ кускомъ былъ земельный просторъ, при обиліи лѣса, воды, всякой птицы, звѣрья и орѣховаго промысла».

Дальнѣйшія колонизаціонныя мѣропріятія, цѣлесообразность которыхъ подчеркивается авторомъ, были направлены къ тому, чтобы примирить интересы «колонизаторовъ» съ охранителями цѣнныхъ лѣсовъ въ Сибири, такъ какъ имѣлись поводы къ столкновеніямъ между тѣми и другими. Яркой картиной такихъ столкновеній и примиреній является изображение провинціального совѣщанія мѣстныхъ дѣятелей и «ораторовъ».

«...Былъ я,—пишетъ авторъ,—на такомъ совѣщаніи мѣстныхъ дѣятелей. Многолюдно оно было и разношерстно. Тутъ были и чисто лѣсные люди, живущіе въ медвѣжьихъ улахъ и обросшіе волосами, и колонизаторы тайги, наконецъ, колонизаторы степей, никогда не бывавшіе въ тайгѣ, но призванные волею судьбы «руководить» и «завѣдывать» таежными работами на томъ предвзятомъ основаніи, что «дѣльный работникъ» и «разумный человѣкъ» вездѣ найдется и ориентированъ, во всякомъ дѣлѣ: посади его изъ стени хотя бы новый мостъ черезъ Неву строить или заставъ Исаакіевскій соборъ ремонтировать,—и тутъ онъ не напортитъ, потому что онъ «на хорошемъ счету» и считается «способнымъ» и «ловкимъ» человѣкомъ, рожденнымъ «руководять» и «парить надъ бездной»... Интересно слушать такихъ «способныхъ» людей въ комиссіяхъ, когда они говорятъ о незнакомомъ для себя предметѣ. Посмотрите на такого оратора, какъ онъ закругляетъ фразы своей рѣчи, ибо онъ непременно долженъ по природѣ своей сказать «рѣчь», иначе онъ не можетъ, онъ привыкъ, чтобы ему внимали терпѣливо и даже съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ, тогда онъ расходится и начнетъ непременно съ Адама и все ходитъ «вокругъ да около» предмета, къ нему подходитъ и все-таки не касается, ибо сути-то дѣла и не знаетъ... Но въ этомъ совѣщаніи произошло совершенно обратное. Таежные люди, не привыкшіе къ рабочему вниманію, а также дикіе колонизаторы, не видѣвшіе стройныхъ комиссій, увидали въ рѣчахъ этого оратора что-то «неладное». Сначала слушали молча и напряженно, но вдругъ одинъ изъ нихъ ляпнулъ:

«— Что онъ за чушь городитъ, вѣдь это онъ о стени говоритъ, а не о тайгѣ. А мы и уши распустили!

«И тутъ произошло нѣчто неслыханное. Съ легкой руки «дикаго» таежника, и остальные принялись щипать оратора и требовать отъ него дѣла, а не рѣчей. Предсѣдатель былъ человѣкъ слабый и «халифъ на часъ» и потому только махалъ руками и звонилъ въ колокольчикъ. Его заступилъ другой, еще болѣе слабый, который былъ совсѣмъ не въ курсѣ дѣла, но проникнутый уваженіемъ къ оратору, который ссылался на какія-то «полномочія, данныя ему

въ Петербургѣ», не давая доказательствъ этихъ полномочій, и ставилъ вопросы вѣреннаго ему дѣла. Предсѣдатель старался выручить изъ бѣды залетѣвшаго не въ свои сани «степного» оратора и еще болѣе его топилъ неумѣлымъ заступничествомъ. Это заступничество и «рѣчи» распяляли страсти. Колкости и шпильки сыпались градомъ со стороны таежныхъ людей. Требовали разрѣшенія вопросовъ, которые все болѣе и болѣе запутывались. Въ результатѣ получились однѣ мелочи.

Не менѣе живо и характерно написана глава «о комиссіяхъ», гдѣ мастерски изображается критическое положеніе земскаго начальника и другихъ членовъ комиссіи, получившихъ распоряженіе отъ завѣдывающей по свѣгу осматривать таежные участки. Живописенъ также степной «колонизаторъ» былаго времени изъ нѣмцевъ, требующій отъ межевыхъ техникумовъ «пунктовъ и пунктовъ». Нельзя не сдѣлать выдержки изъ того мѣста VII-й главы, гдѣ этотъ «коллежскій регистраторъ» съ видомъ «чуть чуть не императора» принималъ «біевъ» — киргизскихъ судей.

«Онъ помѣстился на складномъ стулѣ, поставленномъ на дорогомъ коврѣ, подозвалъ переводчика и «допустилъ» къ себѣ біевъ. Господи, думаю, да вѣдь это шехерезада! Билъ въ ноги «полковнику» (такъ называли киргизы «колонизаторовъ»), заболтали по-своему. Оказалось, что они просили сохранить свои земли для зимнихъ и лѣтнихъ пастбищъ. «Тюра» (чиновникъ), какъ они его съ благоговеніемъ звали, отвѣтилъ имъ черезъ переводчика, что онъ «все для нихъ сдѣлаетъ возможное на основаніи данныхъ ему свыше полномочій», и отпустилъ ихъ «съ миромъ», при чемъ они, какъ древніе послы, пятались къ выходу предъ лицомъ «тюры», съ низкими почти земными поклонами.

«— Что же вы съ ихъ землями сдѣлаете? — спросилъ я нѣмца послѣ ухода «делегатовъ».

«— А отрѣжу ихъ подѣ участки, — беззаботно заявилъ онъ.

«— Да вѣдь они разорятся?

«— А пещь съ ними, пора же ихъ давно выгнать отсюда и предоставить ихъ земли осѣдлому населенію, а то эти глухія образины всю степь заняли, — говорилъ онъ авторитетно.

«— Но вѣдь это же будетъ уничтоженіе кочевого народа?

«— Объ этомъ въ правилахъ ничего не говорится, а нужны участки».

Въ главѣ IX авторъ, отмѣчая современные приемы колонизаціи степей, гдѣ уже прежнія ошибки не имѣютъ мѣста, указываетъ на «потопленіе» естественно-историческихъ данныхъ въ морѣ статистики «съ рубриками и графами», съ «игрой на цифрахъ, какъ на клавишахъ», которою блещутъ приносящие статистики. Послѣдняя глава X является критикою подобной работы о «колонизаціонной вѣстимости Амурскаго края»; написана эта глава съ достаточной долей яда и остроумія. Оно вытекаетъ изъ предшествующаго изложенія, гдѣ красною чертою проводится стремленіе доказать необходимость самаго тщательнаго и детальнаго изученія естественно-историческихъ свойствъ тайги, которыя должны быть, по мнѣнію автора, положены въ основу ея дальнейшей колонизаціи и культуры.

Съ начала до конца «Записки колонизатора Сибири», написаны искренно, безъ фальшивыхъ нотъ, и по ихъ тону видно, что все описанное было пережито и пережито авторомъ. Эта книжка весьма поучительна для лицъ, интересующихся заселеніемъ нашей окраины, столь мало еще извѣстной.

С. Ш.

Н. Энгельгардтъ. Исторія русской литературы XIX столѣтія. Томъ второй. Спб. 1903.

Во второмъ томѣ своего труда г. Энгельгардтъ даетъ обзоръ русской литературы съ пятидесятихъ годовъ по настоящее время, кончая пресловутымъ неомарксизмомъ и нашумѣвшими было декадентами. Исходя изъ той мысли, что литература является продуктомъ современныхъ настроеній и интересовъ, авторъ, какъ и въ первомъ томѣ, излагаетъ свой разсказъ въ формѣ лѣтописи, по десятилѣтіямъ («годамъ»), справедливо полагая, что каждое изъ нихъ имѣетъ свои специфическія стремленія и чаянія, свой, какъ онъ выражается, «ритмъ». По своей структурѣ новая исторія русской литературы имѣетъ большое сходство съ извѣстнымъ многотомнымъ сочиненіемъ г. Н. Барсукова: «Жизнь и труды Погодина». Обѣ эти работы даютъ читателю въ сущности гораздо больше содержанія, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе, и если у г. Барсукова выдвинуты на первый планъ событія политическаго и общественнаго характера, то у г. Энгельгардта сгруппировано—и съ большимъ искусствомъ—все, что относится къ духовной жизни русскаго общества за послѣднюю половину только-что минувшаго вѣка. Здѣсь читатель найдетъ свѣдѣнія о цензурныхъ распоряженіяхъ, любопытное извлеченіе изъ одного «секретнаго» обзоръ русской литературы, прекрасно знакомящаго со взглядами на нее правительственныхъ сферъ 70-хъ годовъ, замѣтку о томъ, когда и въ какой пьесѣ выступилъ въ первый разъ покойный И. О. Горбуновъ, и выписки изъ устава Русскаго собранія и цѣлую массу отрывочныхъ, но очень важныхъ свѣдѣній по исторіи русской журналистики, которая ждетъ еще своего изслѣдованія. Не желая иногда произносить свой собственный приговоръ надъ тѣмъ или инымъ литературнымъ произведеніемъ, авторъ предоставляетъ слово критикамъ, встрѣтившимъ это произведеніе своими статьями, и дѣлаетъ изъ нихъ обширныя выписки или просто приводитъ мнѣнія выдающихся современниковъ. Это обстоятельство въ связи со множествомъ цитатъ и отдѣльными мелкими, но до сихъ поръ неизвѣстными свѣдѣніями, даетъ труду г. Энгельгардта характеръ вполне самостоятельной работы, освѣженной собственными архивными и библиографическими изысканіями.

Конечно, какъ во всякомъ дѣлѣ, и въ книгѣ г. Энгельгардта есть оборотная сторона, на которую, кажется, уже указывала критика при появленіи перваго тома его труда. Прежде всего, манера излагать исторію литературы по десятилѣтіямъ слишкомъ, такъ сказать, дробитъ писателя, и автору по нѣскольку разъ приходится говорить объ одномъ и томъ же лицѣ. Хотя авторъ искусно избѣгаетъ повтореній, тѣмъ не менѣе намъ думается, что неподготовленному читателю не легко будетъ составить себѣ отчетливое и цѣльное

представленіе о литературной дѣятельности отдѣльных писателей. Съ другой стороны, желая нащупать жизненный нервъ cadaго десятилѣтія, авторъ, вполне понятно, останавливается подробнѣе на тѣхъ именно произведеніяхъ, въ которыхъ ярче отразились интересы современныхъ «годовъ», и потому говорить о писателяхъ очень неравномѣрно. Наконецъ, этимъ же стремленіемъ объяснить литературныя произведенія современными вѣяніями обуславливается значительный, чисто публицистическій элементъ въ разбираемой книгѣ, который въ иныхъ мѣстахъ съ успѣхомъ можно было бы выпустить. Подходя, напримеръ, къ разбору неомарксизма, Энгельгардтъ посвящаетъ цѣлыя страницы разсужденію объ обезземеленіи крестьянъ въ Англіи, о ея постыдныхъ пораженіяхъ въ Трансваалѣ и т. п., что въ сущности вовсе не имѣетъ отношенія къ исторіи русской литературы. Не можемъ также не указать на странное объясненіе, которое даетъ авторъ религіозно-философской системѣ г. Минскаго, извѣстной подъ названіемъ «меонизма». Слово «меонъ» (т.-е. не существующее), по словамъ г. Энгельгардта, значитъ будто бы по-гречески «пустой орѣхъ»! Полагаемъ, что тутъ или недоразумѣніе, или просто типографская погрѣшность.

Въ заключеніе нашей замѣтки, позволимъ себѣ сказать, что, несмотря на указанные недостатки, зависящіе, главнымъ образомъ, отъ самой архитектуры труда г. Энгельгардта, книга его представляетъ своеобразный и дѣльный вкладъ въ исторію современной или почти современной нашей литературы. Если обыкновенный читатель и не совсѣмъ удовлетворится ею, не встрѣчая здѣсь привычнаго изложенія по школамъ или направленіямъ, то для освѣдомленныхъ людей она можетъ весьма пригодиться и даже натолкнуть читателя на отдѣльныя мелкіе вопросы, изъ совокупности которыхъ и состоитъ въ сущности полная исторія литературы. М.

А. П. Никольскій. Земля, община и трудъ. Особенности крестьянскаго правопорядка, ихъ происхожденіе и значеніе. Спб. 1903.

Недавно у насъ загорѣлась оживленная полемика между представителями двухъ противоположныхъ взглядовъ на одинъ и тотъ же вопросъ, на значеніе и существо нынѣшнихъ крестьянскихъ порядковъ. Одни выступили съ цѣлымъ рядомъ обличеній общиннаго быта крестьянъ, другіе явились его сторонниками. Къ числу первыхъ между прочимъ принадлежитъ г. Никольскій. Книжка почтеннаго автора написана горячо и даже страстно. Она показываетъ, что г. Никольскій не только интересовался крестьянскою жизнью, но даже болѣлъ ею. Последнее обстоятельство приводитъ къ тому, что самая книга заражаетъ читателя настроеніемъ автора и мѣшаетъ отнестись спокойно критически къ выставляемымъ требованіямъ.

Во всякомъ случаѣ, однако, трудно не согласиться съ г. Никольскимъ въ критической части его работы. Что бы ни говорили защитники и восхвалители прелестей общиннаго быта русскаго мужика, въ дѣйствительности этотъ бытъ, насильно созданный и искусственно поддерживаемый, представляетъ

собою во многихъ отношеніяхъ печальное явленіе. Прежде всего уже самый фактъ, что сорокалѣтнее пользованіе общиннымъ правомъ на землю не только не создало крестьянскаго благосостоянія, но даже не предотвратило оскудѣнія, убѣдительно доказываетъ, что—подобное право на землю само по себѣ еще необеспечиваетъ населенію безбѣднаго существованія. Для благосостоянія земледѣльца нужна не только земля, но и другое условіе—энергія и высокая производительность труда, между тѣмъ условія нашего общиннаго строя таковы; что они убиваютъ всякіе стимулы къ развитію таковой энергіи и производительности. Прежде всего нельзя предполагать цѣлыя милліоны народа рожденными непремѣнно съ земледѣльческими наклонностями; между тѣмъ выходятъ изъ крестьянства лицамъ иныхъ призваній затрудненъ согласіемъ общины. При общинномъ хозяйствѣ у крестьянъ и нѣтъ побудительныхъ причинъ улучшать свой участокъ и заботиться о немъ потому, что этотъ участокъ, не составляя его собственности, каждую минуту можетъ уйти отъ него въ чужія руки. На ряду съ тѣмъ общинный строй ограничивая гражданскую личность домохозяина въ пользу общины, еще болѣе стѣсняетъ остальныхъ взрослыхъ мужчинъ въ пользу главы дома. Отсутствіе же положительнаго гражданского закона и невозможность законодательной нормировки гражданскихъ правоотношеній при общинномъ строѣ быта въ свою очередь влекутъ за собою моральную приниженность крестьянъ, неразвитость чувства законности, пассивность, злоупотребленія въ области суда и въ особенности опекунскаго дѣла. Общинный строй нашей деревни привелъ къ тому, что по официальнымъ свѣдѣніямъ волостные и сельскіе сходы, которымъ обычай и законъ вѣряютъ охрану интересовъ самоуправляющихся крестьянскихъ обществъ и контроль надъ выборными должностными лицами, обратились почти вездѣ въ послушное орудіе міроѣдовъ, кулаковъ и кабатчиковъ. Лучшіе элементы крестьянства утратили въ борьбѣ съ означенными лицами всякое вліяніе на крестьянскую среду. Міроѣды и кулаки, опираясь на многочисленную категорію обѣдѣвшихъ и задолжавшихъ имъ крестьянъ, которыхъ они держатъ въ тяжелой экономической зависимости, являются, хотя и не всегда открыто, дѣйствительными руководителями всѣхъ рѣшеній общественныхъ сходовъ, назначаютъ и смѣняютъ по своему усмотрѣнію должностныхъ лицъ, покрываютъ ихъ злоупотребленія и при ихъ содѣйствіи устраняютъ всячески свои личныя дѣла. Между прочимъ, по отзывамъ мѣстныхъ губернскихъ совѣщаній, опекунское дѣло, вѣренное у крестьянъ сельскому міру, это эпопея самаго циничнаго грабежа сиротъ безъ малѣйшей жалости или тѣни состраданія. «Гдѣ же эта,—восклицаетъ г. Никольскій,—хваленая идеалистами-пародниками «жалость» крестьянъ къ слабымъ и несчастнымъ, гдѣ тотъ христіанинъ, названіе котораго стало нарицательнымъ для крестьянства въ далекомъ прошломъ?»

Чтобы выйти изъ подобнаго ужаснаго положенія, по мнѣнію автора, нуженъ рядъ слѣдующихъ реформъ: 1) распространить на крестьянское сословіе дѣйствіе X тома свода законовъ съ ограниченіями, необходимыми для охраны крестьянскаго землевладѣнія; 2) распространить на крестьянъ дѣйствіе судебныхъ учрежденій и 3) отмѣнить круговую поруку; ограничить крестьянское

самоуправленіе, по примѣру другихъ сословныхъ самоуправленій, лишь дѣятельностью въ области хозяйственныхъ нуждъ; предоставить отдѣльнымъ домохозяевамъ право выдѣла полевой надѣльной земли изъ общиннаго землевладѣнія въ участковое; установить законодательнымъ путемъ начало надѣльности выдѣленныхъ изъ общаго владѣнія участковъ и отчуждаемости ихъ лишь въ полномъ составѣ, и то въ крестьянскія руки.

Всѣ же существующія воззрѣнія на необходимость общиннаго строя и въ извѣстной степени самое его установленіе авторъ считаетъ нѣкоторой исторической ошибкой.

Изъ пожеланій г. Никольскаго одно уже осуществлено—отмѣнена круговая порука, но въ остальномъ теоріи придется, вѣроятно, столкнуться съ сильнымъ противодействіемъ практики, въ особенности трудно снабдить крестьянъ общими судебными учреждениями. Бюджетъ нашей юстиціи не расширяется даже на насущнѣйшія потребности уже подвѣдомственнаго ему круга примѣненія, а расширеніе его на нужды крестьянскаго правосудія еще болѣе затруднительно.

В. Грибовскій.

**«Деятнадцатый вѣкъ». Историческій сборникъ, издаваемый почетнымъ членомъ археологическаго института княземъ
Ө. А. Куракинымъ. Т. I. Москва. 1903.**

Въ прошломъ году закончилось многотомное изданіе извѣстнаго «Куракинскаго архива». Но такъ какъ представители рода князей Куракиныхъ, одного изъ наиболѣе древнихъ и видныхъ въ нашей исторіи, продолжали дѣйствовать на разныхъ поприщахъ нашей государственной и общественной жизни и въ XIX вѣкѣ, то въ родовомъ Куракинскомъ архивѣ найдется, конечно, еще немало цѣннаго матеріала для исторіи только что истекшаго столѣтія. Матеріалы эти настоящій ихъ владѣлецъ рѣшилъ опубликовать въ видѣ особаго сборника, подъ общимъ заглавіемъ «Деятнадцатый вѣкъ», первый томъ котораго уже появился въ свѣтѣ.

Томъ этотъ всецѣло посвященъ прабабкѣ издателя, княгинѣ Наталіи Ивановны Куракиной, и украшенъ прекраснымъ снимкомъ съ ея портрета работы знаменитаго Боровиковскаго. Здѣсь находимъ любопытный дневникъ княгини, который она аккуратно, почти изо дня въ день, вела на французскомъ языкѣ во время своего троекратнаго заграничнаго путешествія въ 20 и 30 годахъ прошлаго вѣка. Главный интересъ этого дневника заключается прежде всего въ личности самого автора. Княгиня Наталія Ивановна, рожденная Головина, приходилась родной теткой извѣстнаго министра народнаго просвѣщенія, графа С. С. Уварова. Блестяще, на французскій ладъ, образованная, съ большими способностями и любовью къ музыкѣ, княгиня всю жизнь не переставала увлекаться любимымъ искусствомъ и уже 50 лѣтъ отъ роду, воспользовавшись пребываніемъ въ Парижѣ, брала уроки на арфѣ у знаменитаго въ то время профессора Надермана.

Музыкальными вкусами и любовью къ искусству и литературѣ, которая съ дѣтства была привита княгинѣ ея родной семьей, и объясняется кругъ ея

ближайших знакомых. Путешествуя за границей, княгиня интересовалась болѣе всего музыкальными и литературными корифеями. Объединить вокруг себя эти силы и привлечь въ свой салонъ даже политическихъ знаменитостей было для нея тѣмъ легче, что, благодаря дипломатической службѣ родственниковъ ея мужа, фамилія князей Куракиныхъ была очень извѣстна за границей, а во Франціи даже пользовалась большою популярностью.

Слѣдя за дневникомъ, кого, кого мы не видимъ у княгини! Тутъ діи мі-погес тогдашней французской литературы, въ родѣ забытаго уже поэта Карла Брижо и Мериме и робкій, начинающій Альфредъ де-Виньи, который читалъ княгинѣ свою раннюю поэмъ «Падшій ангель», пресловутый авторъ «Сентиментальнаго путешествія» англичанинъ Стендаль, и знаменитый нѣмецкій естествоиспытатель и философъ Александръ Гумбольдтъ. Артистическій міръ представленъ въ салонѣ русской путешественницы особенно богато: бывала у княгини и знаменитая трагическая актриса Марсъ, съ которой, какъ извѣстно, много приходилось воевать В. Гюго, бывалъ и ея не менѣе знаменитый партнеръ Тальма. Король теноровъ Гарсія неоднократно пѣлъ съ княгиней дуэты, а обладательница поразительнаго голоса и красавица собою Каталани находилась съ нею въ самыхъ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ. Въ гостепріимномъ салонѣ время отъ времени мелькаютъ также фигуры лучшихъ художниковъ того времени, въ родѣ баталиста Жерара, а прославившаяся потомъ портретистка Виже Лебрень пишетъ для княгини даже свою автобіографію. Впоследствии эта автобіографія была напечатана въ Парижѣ, но въ нее не вошли нѣсколько главъ, сохранившихся въ Куракинскомъ архивѣ и впервые напечатанныхъ, въ видѣ особаго приложенія, въ настоящемъ сборникѣ. Само собою разумѣется, что княгиня Наталія Ивановна по своему положенію имѣла множество знакомствъ и въ официальномъ мірѣ. Отставной французскій дипломатъ при Екатерининскомъ дворѣ графъ Сегюръ былъ однимъ изъ ея пріятѣйшихъ собесѣдниковъ. Знала она и сокрушителя Наполеона герцога Веллингтона и даже самъ Меттернихъ сдѣлалъ ей визитъ, когда княгиня проѣздомъ въ Россію, посѣтила Вѣну.

Припоминая извѣстную французскую поговорку: «скажи мнѣ, кого ты знаешь, и я тебѣ скажу, кто ты такой», можно заключить изъ сказаннаго, что сама княгиня Куракина была личностью незаурядной и крупною. Изъ числа ея знакомыхъ мы назвали здѣсь лишь имена болѣе громкія, но въ дневникахъ встрѣчаются упоминанія о множествѣ другихъ лицъ, игравшихъ въ свое время значительную, но менѣе видную роль. Свѣдѣнія о нихъ читатель «Девятнадцатаго вѣка» можетъ найти въ обстоятельномъ жизнеописаніи княгини, составленномъ редакторомъ изданія В. Н. Смольяниновымъ и въ примѣчаніяхъ, сдѣланныхъ имъ же въ сотрудничествѣ съ издателемъ «Русскаго Архива» П. И. Бартевымъ.

Нашей небольшой замѣтки, полагаемъ, будетъ довольно, чтобы оцѣнить значеніе настоящаго сборника для исторіи первой трети XIX вѣка. Правда, въ дневникѣ княгини Н. П. Куракиной мы не встрѣчаемъ описаній какихъ либо выдающихся въ европейской исторіи событій, но зато отдѣльныхъ бытовыхъ черточекъ здѣсь разбросано немало.

М.

Проф. П. Казанскій. Вопросъ о преподаваніи права въ русской печати въ 1901 году. Одесса. 1903.

Книга проф. Казанскаго обратила на себя вниманіе повременной печати и недаромъ. Съ одной стороны, авторъ собралъ и разработалъ весь тотъ литературный матеріалъ, который появился на страницахъ газетъ и журналовъ въ 1901 г., а, съ другой стороны, самъ авторъ, близко знакомый съ постановкой преподаванія на юридическихъ факультетахъ, высказалъ немало мыслей, съ которыми придется посчитаться будущимъ составителямъ новаго университетскаго устава.

Литературная кампанія 1901 г. по поводу преподаванія на юридическихъ факультетахъ была очень оживленна. Мало того, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, она перешла даже прямо въ междоусобную «брань», при чемъ проф. Симоненку пришлось даже напоминать нѣкоторымъ увлекшимся бойцамъ о рамкахъ и границахъ академическихъ споровъ. Къ чести г. Казанскаго нужно сказать, что, участвуя въ этой войнѣ въ качествѣ одного изъ передовыхъ борцовъ, онъ ни разу не нарушилъ рыцарской чести и пріемовъ истинно литературной борьбы. Въ настоящей книгѣ почтенный авторъ ставитъ себѣ задачей доказать то положеніе, что въ настоящее время лекціонная система въ ея чистомъ видѣ для юристовъ уже отслужила свою службу и требуетъ преобразованій. Очень удачно г. Казанскій разбиваетъ доводы защитниковъ стараго положенія вещей, изъ которыхъ многіе, чтобы сразить противниковъ, прибѣгали къ заподозриванью какихъ-то выгодъ, личнымъ нападкамъ въ видѣ *argumenta ad hominem*, политическимъ намекамъ, высмѣиванью чужихъ предположеній, переходящему въ прямое издѣвательство, анонимнымъ пасквилямъ, передержкѣ чужихъ мыслей и проч.

Вмѣстѣ съ пѣлымъ рядомъ другихъ сторонниковъ реформы (въ числѣ ихъ академикъ И. И. Янжуль, профессора: Загоровскій, Симоненко, Есиповъ, Живаго, Зеленскій, Курдюмовъ и мн. др.) проф. Казанскій доказываетъ, что, поднимая преподаваніе на юридическихъ факультетахъ, защитники новаго порядка вещей вовсе не считаютъ нужнымъ уничтожать лекціи, но признаютъ за ними лишь одностороннее значеніе. Лекціи въ самомъ дѣлѣ важны для общаго освѣщенія предмета, для ознакомленія съ новѣйшими данными литературы, для личнаго воздѣйствія на студентовъ. Но личное воздѣйствіе на студентовъ возможно только при отмѣнно высокихъ научныхъ и нравственныхъ качествахъ профессора, а освѣщеніе предмета и пополненіе литературныхъ данныхъ предполагаетъ общій матеріалъ преподаванія и ознакомленіе съ общей классической литературой. Для послѣдней цѣли необходимо со стороны студентовъ не пассивное слушанье, а активная работа.

Условія этой работы и являются задачей преобразованія. Пассивное преподаваніе, справедливо замѣчаетъ г. Казанскій, могло годиться только до тѣхъ поръ, пока все образованіе состояло въ передачѣ учащимся поверхностнаго знакомства съ нѣсколькими общими истинами. Оно, поэтому, было уместно въ университетахъ прошлаго; для нашего же времени, когда всѣ юридическія науки представляютъ собою обширныя, глубоко и подробно разработанныя

системы, для усвоения ихъ нуженъ самостоятельный трудъ учащихся, который одинъ можетъ примѣнить къ изученію наукъ все ихъ способности и силы. Лекціонная система занимаетъ все рабочее время учащихся недѣлательнымъ слушаніемъ лекцій, поглощая все ихъ время. Въ массѣ студенты обыкновенно самостоятельно работаютъ въ краткій промежутокъ между окончаніемъ лекцій и началомъ экзаменовъ. Да и эти занятія! Въ чемъ они состоятъ? Въ поспѣшномъ заучиваніи курсовъ при помощи всевозможныхъ конспектовъ и вопросовъ. Подготовка къ экзаменамъ — плохое занятіе самой наукой. А это нашъ дѣйствующій порядокъ у юристовъ.

Лекціонная система возлагаетъ весь трудъ годовыхъ занятій на преподавателя. Онъ читаетъ книги, составляетъ лекціи, говоритъ въ аудиторіи, а студентъ только сидитъ и слушаетъ, нерѣдко засыпая на скамейкѣ. Система лекцій еще имѣла смыслъ, когда не было печатныхъ курсовъ, по которымъ иные профессора читаютъ изъ года въ годъ и слово въ слово. Теперь же аудиторіи юридическихъ факультетовъ пустыютъ, такъ какъ далеко не всегда весь составъ всякаго факультета обладаетъ ораторскими дарованіями или высокимъ авторитетомъ.

Помимо самостоятельности студентовъ самое преподаваніе права, когда рѣчь не идетъ только объ отвлеченныхъ идеяхъ, но и о вѣдшей ихъ реализаціи, должно носить наглядный характеръ. Юристы нашихъ университетовъ изучаютъ Сводъ Законовъ, никогда не имѣя въ своихъ рукахъ ни одного его тома, говорятъ о памятникахъ права, никогда не видавъ ихъ въ глаза, проходятъ вексельное право, не держа въ рукахъ векселя, критикуютъ со словъ преподавателя системы тюремнаго заключенія, не имѣя реальнаго представленія о тюрьмѣ.

При лекціонной системѣ отсутствуетъ наконецъ и третье условіе правильнаго обученія, надзоръ за занятіями студентовъ въ смыслѣ руководительства и направленія самостоятельныхъ работъ учащихся! Правда, у профессоровъ имѣется разъ въ недѣлю совѣщательный часъ, но онъ въ дѣйствительности не имѣетъ никакого пракческаго значенія, такъ какъ, съ одной стороны, много ли можно сдѣлать въ одинъ необязательный часъ, а съ другой стороны большинство студенчества, имѣя передъ собой одинъ учебникъ, и не нуждается въ совѣщаніяхъ съ профессоромъ, мало того, даже боятся ихъ, потому что выражаемое отдѣльными лицами непониманіе тѣхъ или другихъ мѣстъ книги можетъ создать предубѣжденіе противъ совѣщающагося въ умѣ профессора. А это въ свою очередь можетъ отозваться на экзаменѣ. Едва ли такимъ образомъ можно спорить противъ основныхъ положеній книги г. Казанскаго и значенія его настоящаго труда? В. Грибовскій.

С. Либровичъ. Неполомицкій царевичъ. Спб. 1903.

Трудъ г. Либровича представляетъ собою интересную легенду о королевскомъ происхожденіи Дмитрія Самозванца. Авторъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что въ очень богатой литературѣ о первомъ Самозванцѣ меньше

другихъ подверглась разработкѣ легенда о королевскомъ происхожденіи названнаго Димитрія. Одни историки совершенно умалчиваютъ о ней, другіе упоминаютъ о ней лишь вскользь, попутно, ограничиваясь всего нѣсколькими словами.

Въ настоящемъ изслѣдованіи г. Либровичъ, путемъ сопоставленія различныхъ источниковъ и соответственной ихъ оцѣнки, старается вывести заключение, насколько догадки о томъ, что Самозванецъ былъ сынъ польскаго короля, имѣетъ вообще основаніе, и насколько онѣ выдерживаютъ критику. Въ виду тѣсной связи между легендою о королевскомъ происхожденіи Самозванца и другими о его личности предположеніями, автору пришлось коснуться почти всей литературы о Лжедимитріи, дать какъ бы краткій сводъ заключеній, къ которымъ пришли историки относительно происхожденія и походовъ Лжедимитрія. По толкованію означенной легенды, недалеко отъ древней столицы Польши, Кракова, находился охотничій замокъ Неполомицы, куда часто ѣздилъ Стефанъ Баторій, привлекаемый туда страстью къ дочери управляющаго королевскимъ замкомъ. Послѣдствіемъ связи съ неполомицкою красавицею явился ребенокъ, которому съ дѣтства естественно внушалась мысль, что онъ не простой смертный, а происходитъ отъ какого-то невѣдомаго царя... По смерти Стефана Баторія, мальчикъ-сирота долгое время странствовалъ по дворамъ польскихъ пановъ и, наконецъ, попалъ въ Россію, гдѣ долгое время скитался и по монастырямъ, и въ самой Москвѣ. Здѣсь онъ выучился русскому языку и узналъ объ убійствѣ царевича Димитрія, будто бы спасеннаго и скрывающагося неизвѣстно гдѣ...

«Ужъ не я ли царевичъ Димитрій?»—мелькнуло въ умѣ юноши, и эта мысль не давала ему покоя ни днемъ, ни ночью. Онъ вспоминалъ, что въ дѣтствѣ слышалъ часто рѣчи о московскомъ престолѣ, вспоминалъ, какъ мать говорила ему о царской крови, которая текла въ его жилахъ. И юноша все больше и больше проникался сознаніемъ, что онъ именно царевичъ Димитрій, сжилъ съ этимъ сознаніемъ. Православный монахъ, съ которымъ встрѣтился юноша, поддерживалъ въ немъ это сознаніе и убѣждалъ, что онъ на самомъ дѣлѣ царевичъ московскій. Долго не рѣшался юноша высказать кому нибудь своей тайны. Наконецъ, во время болѣзни, явившейся послѣдствіемъ оскорбленія, нанесеннаго безвѣстному странствующему юношѣ гордымъ и вспыльчивымъ княземъ Вишневецкимъ, къ которому онъ поступилъ простымъ слугою,—объявилъ о своемъ царскомъ происхожденіи, объявилъ, что онъ не кто иной, какъ царевичъ московскій Димитрій Ивановичъ, сынъ царя Іоанна Грознаго, чудомъ спасенный въ Угличѣ. Князь Вишневецкій повѣрилъ признанію юноши, повѣрили тому и многіе польскіе паны, какъ, на примѣръ, Мнишекъ, и наконецъ, самъ король Сигизмундъ не отказался поддержать притязанія спасеннаго царевича на московскій престолъ. Польское происхожденіе Самозванца отъ короля Стефана Баторія допускали весьма многіе иностранные писатели, въ особенности нѣмецъ Конрадъ Буссовъ, одинъ изъ современниковъ Димитрія Самозванца, очевидецъ многихъ событій Смутнаго времени, жившій въ Москвѣ въ началѣ XVII вѣка, человекъ близкій къ московскому двору.

Что касается русских историковъ въ связи съ польскими источниками о Самозванцѣ, то г. Либровичъ раздѣляетъ исторію Самозванца на три части, «изъ которыхъ, однако, только третья, начинающаяся съ появленія Самозванца у князя Вишневецкаго, является безспорно вѣрною». Первая часть касается Гришки Отрешьева, который, конечно, никогда не былъ на московскомъ престолѣ, но игралъ нѣкоторую роль въ дѣлѣ Самозванца. Среди бояръ было много недовольныхъ Годуновыми, и для сверженія ихъ нужно было распуścić слухъ о спасеніи царевича Димитрія и приискать подходящее лицо, которое могло бы играть нѣкоторое время роль спасеннаго сына Грознаго. «Романовы, — говоритъ г. Либровичъ, — вѣроятно, и не думали этого «подставнаго Димитрія» сажать на престолъ, но посредствомъ слуховъ о его существованіи, надѣялись окончательно погубить Годунова и подготовить путь къ престолу какому нибудь лицу своей партіи. Когда Романовы подверглись опалѣ, Отрешьевъ, исполнявшій порученія Романовыхъ, а потому и извѣстный правительству Годунова, опасаясь преслѣдованій, постригся въ Чудовомъ монастырѣ въ монахи, подъ именемъ Григорія, и потомъ началъ скитаться по монастырямъ, пока не добрался до Литвы. Встрѣтивъ на пути своихъ скитаній (или приискивая нарочно) безроднаго, но честолюбиваго и предприимчиваго юношу съ необычными дарованіями и способностями, и при этомъ съ нѣкоторыми чертами, похожими на убитаго царевича Димитрія Углицкаго, Отрешьевъ, исполняя донное ему порученіе, внушилъ этому юношѣ, что онъ (т.-е. юноша), спасшійся московскій царевичъ, подготовилъ его къ роли царя, «сдѣлалъ» изъ него Димитрія, ознакомилъ его со всѣмъ, хорошо ему извѣстными московскими порядками и пр. И юноша, въ полномъ убѣжденіи и съ полной вѣрой въ правоту своего дѣла, отправляется добывать себѣ престолъ. Вся первая часть исторіи Отрешьева, его скитанія и пр. доказаны цѣлымъ рядомъ документовъ, которые отличаются другъ отъ друга только въ незначительныхъ подробностяхъ. Но встрѣча съ юношею — это уже предположеніе, котораго доказать исторически пока не удалось».

Историческая наука доказала, что Отрешьевъ и упоминаемый юноша не одно и то же лицо; но ихъ предполагаемая встрѣча въ одномъ и томъ же заговорѣ, восстанавливаетъ связь съ польской легендой о встрѣчѣ побочнаго сына Баторія во время его скитаній съ русскимъ монахомъ и т. п. Но исторія не имѣетъ доказательствъ, что у польскаго короля Баторія былъ побочный сынъ и что этотъ сынъ отправился странствовать въ московскія земли и встрѣтился тамъ съ монахомъ Отрешьевымъ.

Самъ г. Либровичъ заканчиваетъ свой крайне обстоятельный и интересный трудъ замѣчаніемъ, что «шаткія основанія легенды о Неполомицкомъ царевичѣ едва ли заслуживали бы вниманія, если бы предположенія о другомъ происхожденіи Самозванца имѣли болѣе прочную почву. Но именно вся суть въ томъ, что загадка, окружающая личность Самозванца, такъ и остается загадкою; историческою наукою выяснена цѣль событій, связанныхъ съ появленіемъ Самозванца, выяснена почти съ полною ясностью самое явленіе ложнаго царя Димитрія, и объяснены причины его успѣха, но личность того, кто царствовалъ подъ именемъ Димитрія, такъ и осталась неразгаданною. Вотъ почему

легенду о королевскомъ происхожденіи Самозванца слѣдуетъ поставить въ одинъ рядъ съ другими существующими предположеніями и догадками относительно происхожденія того юноши, который подъ именемъ спасеннаго царевича Дмитрія Углицкаго неожиданно появился во дворцѣ князя Вишневецкаго и затѣмъ, съ такою быстротою и ловкостью, завладѣлъ престоломъ величайшаго гостдарства Европы».

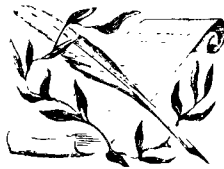
Прежніе историки: Миллеръ, Щербатовъ, Карамзинъ и даже Соловьевъ, полагали, что Лжедмитріемъ былъ Гришка Отреньевъ. Однако слѣдующіе изслѣдователи: Погодинъ, Бестужевъ-Рюминъ, Костомаровъ, Иконниковъ, Платоновъ, Цювайскій, Суворинъ и другіе, утверждаютъ, что Гришка Отреньевъ и Самозванецъ были два разныхъ лица. А. С. Суворинъ, не смущаясь мощами св. Дмитрія, склоняется къ тому предположенію, что царствовавшій Дмитрій былъ даже настоящимъ спасеннымъ царевичемъ (см. его статьи въ «Новомъ Времени» за 1894 годъ и драму «Дмитрій Самозванецъ»). Костомаровъ думаетъ, что истинный смыслъ смутнаго времени откроютъ намъ современемъ польскіе архивы; но г. Вильбасовъ, обратно, полагаетъ смутное время чисто русскимъ дѣломъ и всего болѣе надѣется на московскіе источники. Затѣмъ от. Пирлингъ работалъ въ итальянскихъ архивахъ, а Е. Н. Щенкинъ—въ датскихъ, и оба они не открыли никакихъ документовъ въ пользу легенды о происхожденіи Самозванца отъ Стефана Баторія. Г. Либровичъ совершенно правильно замѣчаетъ, что «изъ частныхъ польскихъ архивовъ наиболѣе вѣроятія относительно раскрытія происхожденія Самозванца представляетъ архивъ Сапѣговъ. Документы Сапѣговъ, въ особенности обширная частная и секретная переписка, письма многочисленныхъ слугъ и агентовъ Сапѣги, далеко еще не всѣ опубликованы. Къ сожалѣнію, тотъ источникъ, который могъ бы дать, вѣроятно, наиболѣе точныя свѣдѣнія о происхожденіи Дмитрія—архивъ Мнишковъ, ихъ переписка и пр., безслѣдно пропалъ, а Самборскіе архивы никакихъ свѣдѣній относительно Самозванца не дали, да и вообще они до сихъ поръ недостаточно еще изслѣдованы. Между тѣмъ, если дѣйствительно, какъ полагаетъ Цювайскій и нѣкоторые другіе историки, корень Самозванца находился въ семьѣ Мнишковъ, если Мнишки—отецъ и дочь, знали тайну происхожденія Дмитрія, и они «изъ числа немногихъ могли его выдать», то, несомнѣнно, въ самборскихъ документахъ слѣдовало бы искать данныхъ, которыя освѣтили бы хотя немного этотъ вопросъ.

Конечно, весьма возможно, что этотъ вопросъ о происхожденіи Дмитрія останется навсегда неразъясненнымъ, и Самозванецъ сопричислится къ тѣмъ многочисленнымъ «загадочнымъ личностямъ», которыя въ исторіи извѣстны подъ общимъ именемъ: «Желѣзная маска».

А. Фаресовъ.

Дополненіе къ историческому, географическому и топографическому описанію Санктпетербурга съ 1751 по 1762 годъ, сочиненное А. Богдановымъ. Съ рисунками прежнихъ зданій. Изданіе П. А. Фокина. Спб. 1903.

Описаніе Петербурга, составленное въ 1751 году помощникомъ бібліотекаря академіи наукъ Богдановымъ и изданное въ 1779 году Рубаномъ, до сихъ поръ является однимъ изъ главнѣйшихъ печатныхъ источниковъ для исторіи столицы. Въ немъ добросовѣстно собраны разнообразныя свѣдѣнія, касающіяся возникновенія и быстрого роста города, описаны всѣ замѣчательныя зданія, перкви, дворцы, кладбища и т. п., при чемъ, что особенно важно, многія изъ нихъ воспроизведены въ точныхъ рисункахъ. Доказательствомъ значенія труда Богданова можетъ служить то, что въ настоящее время онъ составляетъ бібліографическую рѣдкость, и его можно приобрѣсть лишь случайно, у книжныхъ антикваровъ, не дешевле 40 рублей. Описаніе Петербурга Богданова въ изданіи Рубана доведено до 1751 года, но оказалось, что около 1762 года имъ было написано «Дополненіе», и рукопись его находится въ новгородской семинарской бібліотекѣ. Благодаря стараніямъ извѣстнаго изслѣдователя нашей старины, А. А. Титова, рукопись Богданова теперь издана гласнымъ петербургской думы П. А. Фокинымъ, за что всѣ занимающіеся исторіей Петербурга будутъ искренно ему признательны. «Дополненіе» Богданова написано по той же системѣ, какъ и его «Описаніе», и даетъ полное представленіе о развитіи Петербурга съ 1751 года до воцаренія Екатерины II. Кромѣ того, сюда присоединены и разныя другія свѣдѣнія, напримѣръ, «О политическихъ дѣлахъ», «(О изданіи книжномъ)», «Достопамятныя вещи и случаи», «О разныхъ печальныхъ погребеніяхъ», «О наводненіяхъ и пожарахъ» и т. п. Вообще, «Дополненіе» Богданова заключаетъ въ себѣ много очень цѣнныхъ свѣдѣній для исторіи Петербурга и быта того времени и, безъ сомнѣнія, займетъ видное мѣсто среди юбилейныхъ изданій по случаю 200-лѣтія нашей столицы. С. Ш.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ЕЛЬСКІЕ дворяне въ древней Франціи. Въ Парижѣ вышла новая книга о сельскомъ дворянствѣ древней Франціи¹⁾. Авторъ ея, Пьеръ Вессьеръ, воскресилъ воспоминаніе о забытыхъ французскихъ дворянахъ, которые послѣ паденія феодализма сохранили сельскій образъ жизни ихъ предковъ и оставались въ своихъ замкахъ среди крестьянъ. Въ XIV вѣкѣ большинство дворянства жило такимъ же образомъ, такъ какъ при дворѣ ихъ находилось небольшое количество, и король обращался къ нимъ лишь въ случаѣ войны. Въ мирное время они возвращались къ себѣ въ замки, гдѣ занимались хозяйствомъ, пользуясь данными королемъ льготами. Вессьеръ очень живо представилъ тотъ образъ жизни, какой они вели въ своихъ владѣніяхъ и въ особенности въ окрестностяхъ, потому что они не были домохозяевами. Это были въ общемъ веселые товарищи, любили много поѣсть и выпить, а также увлекались азартной игрой и охотой, мало занимаясь умственнымъ развитіемъ. Съ своими крестьянами они вели себя заурядно, не отличаясь отъ нихъ ни характеромъ ни нравомъ, а если они иногда ихъ притѣсняли, то не безъ нѣкоторой доли добродушія. Земля была плодородна, и существованіе ихъ было вполне обеспечено, такимъ образомъ это былъ, по словамъ Вессьера, «золотой вѣкъ сельскаго дворянства». Наступили религіозныя войны, затѣмъ экономической кризисъ, снова увеличился произволъ королевской власти, и счастливое существованіе исчезло. Съ конца XVI вѣка до конца XVIII сельскіе дворяне «искоренились», и большинство отправилось на службу къ двору и къ министрамъ. Такимъ образомъ за счетъ сельскаго дворянства образовалось новое—придворное; въ имѣніяхъ остались только тѣ дворяне, у которыхъ не было средствъ,

¹⁾ *Gentilshommes campagnards de l'ancienne France*, par Pierre de Vaissière Paris. 1903.

и эти условия длились въ продолженіе двухъ послѣднихъ вѣковъ монархіи. Положеніе оставшихся дворянъ было плачевное, и нѣкоторые изъ нихъ дошли до крайней бѣдности. Они потеряли льготы, дававшія власть ихъ предкамъ, отнятую теперь королемъ. Придворные дворяне стали смотрѣть на нихъ съ презрѣніемъ, какъ на агентовъ центрального авторитета. Напротивъ, народъ относился къ нимъ съ симпатіей, какъ къ болѣе близкимъ по положенію, что онъ выразилъ во время революціи. Но раздѣляя французское дворянство на два разряда, на придворное и сельское, Вессьеръ пропустилъ процвѣтавшее въ XVII—XVIII вѣкѣ дворянство городское.

— Олимпія де-Гужъ. Французская революція превратила немало куртизанокъ въ патриотокъ и даже въ литераторовъ. Въ онѣ, болѣе или менѣе, извѣстны съ Теруанъ де-Мерикуръ во главѣ, но одна изъ нихъ, Олимпія де-Гужъ мало знакома публикѣ, хотя представляетъ интересный и довольно рѣдкій типъ. Этой-то героинѣ террора, поплатившейся собственной жизнью, посвящена статья ¹⁾ Луи Сонолэ въ «Revue hebdomadaire». Олимпія де-Гужъ—экзальтированная южанка, остроумная, полная разнообразія, въ головѣ которой кипѣла вѣчная работа мозга, результатомъ чего являлись различные проекты, иногда очень полезные, предвидѣніе различныхъ обстоятельствъ и своего рода пророчество. Эта женщина, едва умѣвшая писать, въ нѣсколько часовъ создавала произведенія, полныя смѣлыхъ и новыхъ идей, представляла такіе проекты, которые можно было-бы приписать образованнымъ государственнымъ дѣятелямъ. Мишлэ говорилъ о ней слѣдующее: «мы обязаны невѣждѣ большими открытіями». Къ сожалѣнію, надъ ея идеями смѣялись, или болѣе ловкіе люди пользовались ими и выдавали за свои. Она была такъ краснорѣчива, что ея современникъ Дессесаръ приравнивалъ ее въ своемъ «Procès fameux» къ лучшимъ ораторамъ. Изъ-подъ ея пера появилось двадцать пьесъ, два романа, масса памфлетовъ, воспоминаній, проектовъ и т. д., въ которыхъ она ушла впередъ на цѣлый вѣкъ отъ своей эпохи. Въ то время еще не было и рѣчи о феминизмѣ, а Олимпія уже тогда произнесла: «женщины имѣютъ право подниматься на трибуну, такъ какъ оно дано имъ подниматься на гильотину». Если бы эта женщина получила надлежащее образованіе, она, можетъ быть, удивила-бы свѣтъ. Правда она слишкомъ увлекалась своимъ талантомъ, но этотъ недочетъ пополнялся искренностью, храбростью и любовью къ народу. Происхожденіе де-Гужъ столь же романтическое, какъ и ея жизнь. Она родилась 7-го мая 1748 г. въ Монтобанѣ и была записана въ приходѣ подъ именемъ Маріи Гузъ, дочери Пьера Гузъ, мясника, женатаго на Олимпіи Моссэ. Послѣдняя — торговка модными вещами — питала страсть къ мѣстному вельможѣ и поэту Николаю Ле-Франъ, маркизу Помпивьянъ, съ виду строгому и благочестивому, всегда одѣтому въ черное, какъ пaterъ или судья. Олимпія хвасталась своимъ родствомъ съ нимъ, и когда ее произвели почему-то въ незаконныя дочери Людовика XV, то она отвѣтила: «я имѣю право на имя и состояніе знаменитаго отца. Я не дочь короля, какъ предполагають, но

¹⁾ Une amazone des lettres sous la Révolution. Olympe de Godges, par Louis Souolet. La Revue hebdomadaire, 18—25 avril 6 Mai 1903.

человѣка, увѣнчаннаго лаврами, знаменитаго, какъ своими добродѣтелями, такъ и литературнымъ талантомъ. Въ жизни его есть только одна ошибка, относительно меня; я болѣе ничего не скажу». До семнадцатилѣтняго возраста въ ея жизни не произошло ничего замѣчательнаго, и въ «Calendrier des citoyennes» она была извѣстна подъ именемъ Бабишонъ или Бабишетъ. Семнадцати лѣтъ она вышла замужъ, по волѣ родителей, за пятидесятилѣтняго Луи Обри, цовара управляющаго Гурга. Этотъ бракъ не былъ счастливъ. По однимъ свѣдѣнїямъ ея мужъ умеръ чрезъ годъ, оставивъ ей состоянїе въ шестьдесятъ тысячъ ливровъ ренты, и она отправилась въ Парижъ, гдѣ вела веселую жизнь. Авторъ статьи рассказываетъ иначе. По его словамъ, Олимпїя была не въ силахъ оставаться съ антипатичнымъ ей мужемъ и бросила его, захвативъ съ собою единственнаго сына, Пьера Обри. Она питала къ нему самыя нѣжныя материнскїя чувства, которымъ не измѣнила во все время своихъ веселыхъ и политическихъ похожденїй. Впослѣдствїи она всѣми силами старалась добиться для него почестей и мѣста, и къ нему были обращены ея послѣднїя слова ужаса и просьбы объ отмщенїи предъ тѣмъ, какъ итти на гильотину. Покинувъ мужа она бросилась въ омутъ веселой жизни и понравилась одному тулузскому купцу, который разорился ради нея. Затѣмъ Олимпїя перешла въ руки другого купца, которому тоже опустошила карманы, послѣ чего она появилась въ Парижѣ, какъ разъ въ послѣднее время стараго режима, когда у всѣхъ была одна цѣль— веселиться и наслаждаться любовными интригами. Въ то веселое время Вильюра каждое утро переодѣвался кондитеромъ, чтобы относить шоколадъ г-жѣ Дюбуа, актрисѣ Французской Комедїи, за которую очень строго слѣдили родители; графъ Ламаршъ пробирался каждую ночь къ принцессѣ Шимэ по водосточной трубѣ, а блестящее парижское общество собиралось въ Коллизеѣ, въ Вокзалѣ и въ ночныхъ концертахъ Палэ-Рояля, послѣ чего играли въ саду во всевозможныя легконравныя игры. Въ этотъ-то содомъ попала Олимпїя, но о томъ, какое она произвела впечатлѣнїе на парижанъ, имѣются туманныя свѣдѣнїя въ «Секретныхъ мемуарахъ», гдѣ называютъ ее «великолѣпной женщиной». Она обладала пикантнымъ живымъ лицомъ, очень выразительнымъ и подвижнымъ. Гибкая, даже чрезмѣрно тонкая, она привуждена была, по словамъ ея современника, актера Флери, наполнять корсетъ ватой, чтобы придать нѣкоторую рельефность недостающимъ формамъ. Такъ какъ она была очень разсѣянна и дѣлала все наскоро, то часто случалось, что одна половина корсажа была наполнена болѣе другой. Однажды на концертѣ Гара, въ Палэ-Роялѣ, у одной изъ присутствовавшихъ дамъ разболѣлись зубы. Предлагались различныя средства, но ничто не помогало. Наконецъ кто-то закричалъ: «ваты, ваты!» Однако ваты ни у кого не оказалось. Забывъ о женскомъ кокетствѣ, добросердечная Олимпїя, не долго думая, вытащила изъ корсета вату и сказала: «возьмите, возьмите, сударыня, можетъ быть, она на что нибудь и пригодится». Вообще она не боялась быть смѣшной, и великодушїе было ея отличительной чертой. Даже въ животныхъ она видѣла разумное, близкое къ людямъ, существо и, не давая себѣ отчета, признавала переселенїе душъ, серьезно увѣряя, что во время ея болѣзни любимый ею догъ лаялъ типсе; онъ былъ по ея словамъ вельможа, наказанный за свою надменность пересе-

леніемъ души въ собаку. Очувшившись въ Парижѣ, Олимпія первымъ долгомъ перемѣнила свое имя Маріи на Олимпію, такъ какъ въ немъ было что-то, по ея мнѣнію, «вѣбсное»; фамилію же Гузъ обратила въ Гужъ и даже во время террора часто писала Дегужъ. Вскорѣ она нашла богатыхъ и могущественныхъ покровителей, какъ герцога Орлеанскаго, де-Кюбьера и проч., и въ 1788 г. у нея было двадцать тысячъ доходу. Въ ея салонахъ перебивала вся аристократія, какъ по роду, такъ и по таланту. Въ то время въ Парижѣ соперничали два рода салоновъ, оспаривавшихъ другъ у друга мужской персоналъ посѣтителей. Первый — салонъ г-жъ Неккеръ, Сталь, г-жи Роландъ и проч., второй — дамъ легкихъ нравовъ, какъ Теруанъ и Олимпіи, салоны которыхъ посѣщали охотнѣе не только мужчины, но и дамы, даже аристократки, какъ г-жа Монтессонъ, Фальконэ и Риккобини. Олимпія считалась блестящей и остроумной собесѣдницей, что видно изъ ея замѣчанія, которое она высказала г-жѣ Монтессонъ: «разница между щепетильной женщиной и женщиной, не скрывающей своихъ любовныхъ связей, одинакова, какъ между артистомъ и любителемъ». Ея разговоры были, какъ и ея характеръ, неровные, измѣнчивые и разнообразные, переполненные иногда наивными, иногда мѣткими замѣчаніями. До 1784 г. Олимпія не занималась писаніемъ сочиненій, но въ этотъ годъ ей минуло 36 лѣтъ, и ея красота исчезла очень рано, благодаря чрезмерно страстной натурѣ, безпокойному уму и дикой ревности, часто охватывавшей ея влюбчивую душу, вслѣдствіе чего она «слишкомъ любила, слишкомъ ворчала и слишкомъ плакала». Видя, что поклонники исчезаютъ отъ нея одинъ за другимъ вмѣстѣ съ красотой, и сознавая, что ее больше не любить, она хотѣла, по крайней мѣрѣ, возбуждать къ себѣ восторгъ. Вѣлила, румянами мушки были заброшены, и она превратилась въ мужчину — «геніальнаго мужчину», какъ она назвала себя. Перо и театральные лавры сдѣлались цѣлью ея жизни и она всѣми силами старалась окружить себя академиками и писателями. Олимпія не скрывала своего невѣжества, напротивъ, она гордилась имъ. Ей казалось достойнѣе имѣть столько идей съ такимъ малымъ запасомъ познаній. «Меня ничему не учили, — говорила она, — воспитанная въ странѣ, гдѣ дурно говорятъ по французски, я совсѣмъ не знала принциповъ языка. Я ничего не знаю; изъ моего невѣжества я сдѣлала себѣ трофей; я диктую душею, а не умомъ. Природный отпечатокъ генія находится во всѣхъ моихъ произведеніяхъ. Безъ предубѣжденія съ моей стороны, несомнѣнно меня будутъ читать съ восторгомъ, какой предназначается произведеніямъ, вышедшимъ изъ рукъ природы. Все дала она мнѣ; у меня никогда не было другого воспитателя, и я одно изъ самыхъ рѣдкихъ ея произведеній». Это было какъ разъ время, когда ввели въ моду теорію свободнаго воспитанія по волѣ природы. Олимпія умѣла кое-какъ чатать — хотя нѣкоторые изъ ея современниковъ отрицали это — но писала съ грѣхомъ пополамъ, судя по ея письму къ сыну, которое она написала передъ своей казнью. Вслѣдствіе этого у нея былъ секретарь, который писалъ день и ночь. «Мое первое движеніе походило на бурю, — говорила она: — дѣятельность десяти секретарей была бы недостаточна для моего воображенія». Она въ двадцать четыре часа написала *«Le mariage inattendu de Chérubin»*, а *«Prince philosophe»* — въ восемь дней. Такое поспѣшное созданіе пьесъ при невѣжествѣ Олимпіи

дало поводъ подозрѣвать, что ей помогаютъ, но «Figaro» отвѣтило на это, будто она часто спрашиваетъ совѣтовъ, не кончаетъ тѣмъ, что возвращается къ своимъ идеямъ. Литературная жизнь Олимпіи была также лихорадочна и страстна, какъ и прежде ея любовныя похождения. Она вся отдалась гуманному краснорѣчію, философіи и горячо увѣровала въ натурализмъ Руссо, а прежняя страсть къ любовнымъ интригамъ обратилась на науку. Чтобы идеи свободно зарождались въ ея головѣ, она измѣнила прежнюю прическу и стала носить странный уборъ изъ газа, относительно котораго одинъ ея современникъ, актеръ Клэри, говоритъ: «независимый, свободный газъ развѣвался на ея волосахъ и придавалъ ей видъ женщины, которой вылили на голову всю мыльную пѣну изъ бритвенной чашки». «Г-жа де-Гужъ»,—оканчиваетъ онъ ея характеристику,— была одна изъ тѣхъ женщинъ, которымъ хотѣлось предложить пару бритвъ и добивающихся съ безконечнымъ трудомъ сдѣлаться какъ можно менѣе похожими на женщину; гибкія бабочки, которыя бьютъ своими блестящими крыльями опускаясь, думая, что поднимаются; настоящія куколки, которыя, превратясь изъ личинокъ, теряютъ милыя качества своего пола, не имѣя надежды добиться нашихъ». Сначала Олимпіи надѣялась на успѣхъ въ театрѣ и въ 1783 году, по совѣту г-жи Монтессонъ, она обратилась къ Сюару, прося его предложить Французской Комедіи ея пьесу, «*Amor et Mirza ou l'heureux naufragé*», какъ бы отъ анонимнаго автора. Это произведеніе Олимпіи было полно сантиментальностей, введенныхъ въ моду Берварденъ Сень-Шьеромъ. Въ немъ она оплакивала горькую участь чернокожихъ невольниковъ. Пьесу обѣщали принять, и де-Гужъ была внѣ себя отъ радости. Однако между актерами и авторомъ поднялся споръ, такъ какъ Олимпіи предложила рецептъ гримировки для получения бронзоваго цвѣта кожи и отъ котораго они отказывались. Пока шли переговоры, умеръ актеръ Оливье, одна актриса заболѣла, а другая уѣхала въ провинцію, и пьесу отложили. Де-Гужъ была внѣ себя и, по совѣту своихъ знакомыхъ, пустила въ ходъ подкупъ. Съ этой цѣлью она удовлетворяла всевозможные капризы одного изъ актеровъ, но и это не помогло. Внѣ себя отъ нетерпѣнія она написала вторую пьесу, которую актеры неотрѣзъ отказались взять. Она вышла изъ себя, порвала всѣ сношенія съ Французской Комедіей, разразилась противъ нихъ въ своемъ «Карлѣ IX» и присоединилась къ Шенье, воспѣвавшему свободу, приговаривая къ смерти тиранію. Она даже обвиняла ихъ въ сообществѣ съ Бретёлемъ изъ желанія засадить ее въ Бастилію и разослала до сорока писемъ литераторамъ, на которыя получила только два отвѣта. Мало того, она бросилась къ Бомарше, но послѣдній не принялъ ее и на вопросъ, когда она можетъ увидѣть его, не далъ даже отвѣта. Наконецъ одна пьеса была поставлена, но безъ успѣха, что не уменьшило ни ея гордости, ни сомнѣнія, и она въ шесть дней написала новую пьесу «*Moliere chez Ninon ou le siecle des grands hommes*», которую они придумала во снѣ. «Мольеръ явился ко мнѣ,—разказывала она,—и самъ начерталъ планъ: «напиши ее, и я обѣщаю, что Французская Комедія возвратится къ тебѣ». На этотъ разъ актеры оказались еще суровѣе и требовательнѣе, хотя эта пьеса, несмотря на ея недостатки, была менѣе дурна, чѣмъ другія. Въ ней выведенъ цѣлый рядъ историческихъ личностей, которыя представлены съ большею точностью и сходствомъ харак-

теровъ. Эту пьесу откладывали со дня на день и наконецъ назначили чтеніе въ одно изъ воскресній. Наступилъ желанный день, но никто изъ актеровъ не явился; мало того, ее стали избѣгать. Тогда Олимпія, чтобы ихъ поймать, поселилась противъ театра и заставила сына караулить актеровъ. Когда въ одинъ прекрасный день актеры, радуясь, пробирались въ театръ, она почти силой притащила ихъ и заставила читать пьесу. Актерамъ такъ надоѣло ея приставанье, что они уже болѣе не стѣснялись съ нею и вели себя непринужденно: вслухъ разговаривали и дѣлали такія замѣчанія, что Олимпія не могла вывести двухъ заключеній. Наконецъ актеръ Молэ сказалъ: «Я слишкомъ люблю автора, чтобы подвергнуть ея пьесу паденію; я отказываюсь играть». На это замѣчаніе де-Гужъ, видя, что ничего болѣе не остается, какъ уйти, сказала: «имѣю честь кланяться», и удалились. Эта неудача нисколько не уменьшила самоувѣрія Олимпіи, и она издала цѣлыхъ три тома своихъ пьесъ съ замѣчаніями и перепиской съ актеромъ Молэ и актрисами Конга и Белькуръ. При этомъ она обратилась къ литераторамъ со словами: «тотъ, кто не защититъ меня и не будетъ смотрѣть на мои интересы, какъ на собственные, не достоинъ писать и слыть за честнаго человѣка. Я чувствую, что если бы я была мужчиною, то много пролилось бы крови: сколько ушей я отрѣзала бы». Однако ни жалобы, ни угрозы не подѣйствовали, и публика осталась равнодушна. Видя это хладнокровіе, она опять прибѣгла къ просьбамъ и умоляла актеровъ сыграть ея пьесу: «Сыграйте же мою драму, — писала де-Гужъ, — уже давно она ожидала своей очереди». Время приближалось къ революціи, и какъ разъ ея пьеса подходила къ обстоятельствамъ, такъ какъ Олимпія вся была поглощена планами о народномъ счастьѣ, и ея пьеса дышала либерализмомъ. Настоянія Олимпіи заставили согласиться Молэ, и онъ уговорилъ товарищей сыграть ея пьесу въ 1789 году. Пьеса провалилась и была сыграна только три раза. Олимпія принялась писать мемуары, въ которыхъ вывела актеровъ въ самомъ неблагоприятномъ для нихъ свѣтѣ, обвиняя ихъ въ своемъ разореніи, благодаря ихъ интригамъ и взяткамъ. Однако и мнѣніе публики объ ея драматическомъ талантѣ не охладило страсти къ литературнымъ произведеніямъ, и 24-го января 1793 года, въ самый разгаръ ея карьеры женщины-трибуна, она опять настояла поставить на сцену свою пьесу: «*Le général Dumouriez à Bruxelles ou les vivandiers*» въ патріотическомъ вкусѣ. Публикѣ не очень нравились такія произведенія, и Олимпія, замѣтивъ это, развернула еще болѣе. Когда актриса Кондейль появилась предърампой, чтобы назвать имя автора, то она, быстро высунувши изъ ложки свое пылающее лицо и поднявъ угрожающимъ жестомъ палець, громко закричала: «Граждане, вы спрашиваете автора? Если вы не были довольны, то потому, что актеры плохо играли». «Нѣтъ, произведеніе отвратительно, отвѣтили зрители». Поднялась страшная суматоха. «Меня чуть не убили за мою гражданскую доблесть», писала Олимпія. На другой день публика наводнила сцену. Впрочемъ Олимпіи улыбнулось счастье и въ 1792 году ея пьеса «*Монастырь или вынужденный обѣтъ*» имѣла успѣхъ въ театрѣ улицы Бонди, а въ слѣдующемъ году была сыграна въ итальянскомъ театрѣ эпизодическая драма «*Мирабо въ Елисейскихъ Поляхъ*». Между прочимъ одна ея комедія-водевиль «*Аристократъ и демократъ*» очень оригинальна, остроумна и

сатирична. Конечно, если бы она писала не наскоро и съ известной подготовкой, то французская сцена обогатилась бы репертуаромъ оригинальныхъ полныхъ наблюдательности пьесъ.

Съ 1788 г. Олимпія предалась политической карьерѣ, начавъ свой дебютъ съ «Письма къ народу». Время было самое неблагопріятное для французскаго народа: во Франціи царствовали дефицитъ и злоупотребленія, слѣдствіемъ чего явился голодъ, нищета и смуты; революція была неизбѣжна. Доброе сердце Олимпіи содрогнулось, и она предложила королю назначить налогъ въ пользу народа со всѣхъ, начиная отъ высокопоставленныхъ лицъ. Но ея не послушались, и событія шли своимъ порядкомъ; наконецъ пала Бастилія. Олимпіей овладѣла одна мысль — благо народа; она появлялась вездѣ, краснорѣчиво провознося рѣчи, удивляя всѣхъ энергіей своихъ импровизацій и плодовитостью идей. Она отличалась отъ другихъ героинь революціи своей искренностью и олною отрѣшимостью отъ какихъ бы то ни было женскихъ уловокъ. Въ ея мнѣніяхъ не было никакихъ противорѣчій, ни излишествъ: она стояла за конституцію, проповѣдывала равенство, и подчиняемость законамъ и до поѣздки короля въ Варенъ оставалась роялисткой, «заимствуя познанія изъ фактовъ, а не изъ доктринъ». Олимпія проповѣдывала аграрный коммунизмъ, а чтобъ обезпечить судьбу народа — государственный социализмъ; обвиняла богатыхъ вельможъ за то, что они мало живутъ въ деревнѣ и разсыпаютъ благодѣянія не на своихъ вассаловъ. Такъ какъ они не думаютъ улучшить судьбу крестьянъ, то послѣдніе принуждены бросать свои земли и отправляться въ города, гдѣ изъ нихъ дѣлаютъ лакеевъ и преступниковъ. «Эта невѣжда» первая заговорила въ печати о необходимости приютовъ и больницъ. Она же первая заговорила о гигиенѣ и санитарномъ положеніи, замѣчая, что «неопрятность причина бѣдности, а бѣдность причина революціи». Соціальные вопросы не мѣшали Олимпіи заниматься политикой. «Революція происходитъ, — писала она, — и я слѣжу за нею съ вѣжностью, какую питаетъ мать къ боготворимому ребенку». Теперь въ ея салонѣ члены законодательнаго собранія замѣнили академиковъ, и она восторгалась уже Неккеромъ, Лафайетомъ и Мирабо. Послѣднему она написала восторженное письмо, на которое онъ отвѣтилъ: «Понятливость, способная голова! Ваши идеи похищаютъ, а ваши шаги столь же быстры, какъ революція, и такъ же отмѣчены успѣхомъ». Нѣкоторое время спустя, въ своихъ «Рѣчахъ слѣпому къ французамъ» она первая высказала свои подозрѣнія относительно Мирабо, но почему-то благоволила къ непопулярному Каллону. Вмѣстѣ съ идеями социализма она высказывала недовѣріе къ иностранцамъ и возставала противъ участія ихъ въ собраніи. На другой день послѣ собранія генеральныхъ штатовъ, она написала свои «Remarques patriotiques», въ которыхъ опять упоминаетъ о налогахъ въ пользу народа и даже первая показываетъ примѣръ, отдавъ четвертую часть своего дохода и требуя, чтобы богатые люди жертвовали для народа роскошью. Главнымъ образомъ она нападала на экинажи и другую роскошь особенно вельможъ и актрисъ. Согласно ея характеру, всѣ ея проекты перемѣнивались вмѣстѣ, и рядомъ съ вопросомъ о налогахъ она говорила о чистотѣ улицъ, рынкахъ и проч. Предвидя угрожающую анархію, она предложила, по словамъ автора,

странный исходъ — отослать на шесть недѣль депутатовъ въ ихъ провинціи, пока все успокоится. По этому поводу одинъ изъ ея современниковъ сказалъ: «Если бы у этой женщины не было въ головѣ ракетъ, она сказала бы намъ нѣчто превосходное!» Нѣсколько времени спустя, послѣ октябрьскихъ волненій, Олимпія написала герцогу Орлеанскому письмо, въ которомъ выражала подозрѣніе въ его желаніи играть роль Кромвеля и совѣтовала ему сыграть роль примирителя. Благодаря этому письму, ея сынъ, находившійся въ имѣніяхъ герцога, потерялъ мѣсто инженера. Олимпія пришла въ отчаяніе и принялась съ упорствомъ повсюду искать мѣсто сыну. Наконецъ она добилась: Нарбонъ опредѣлилъ его офицеромъ при батальонѣ добровольцевъ. Вскорѣ Неккеръ былъ изгнанъ, Мирабо умеръ, а эмигранты всѣ собрались въ Кобленцѣ. Это дало поводъ Олимпіи удвоить ея письменныя изліянія. Послѣ удаленія Неккера она стала угрожать двору и хотѣла говорить лично съ королемъ, но онъ не показывался изъ своихъ апартаментовъ. Олимпія не отступала и написала ему, требуя, между прочимъ, возвращенія въ Парижъ принцевъ королевской крови и умоляя его объявить иностраннымъ государямъ, что вся ихъ ненависть, а также эмигрантовъ, падетъ лично на него. вмѣстѣ съ тѣмъ она старалась внушить озлобленнымъ республиканцамъ, желавшимъ сразу вырвать съ корнемъ монархическое древо: «Если вы слишкомъ рѣзко поднимете руку на государственный улей, то будетъ такой беспорядокъ, съ которымъ вамъ не совладать. Пчелы разлетятся, и ульи не будутъ болѣе производить. Счастье, если ихъ ярость не обернется на васъ, и онѣ вскорѣ же не дадутъ вамъ почувствовать свое жало». Затѣмъ она раскритиковала новую конституцію и королеву. Она находилась все это время въ такомъ лихорадочномъ состояніи и ея кровь такъ кипѣла, что она была принуждена безпрестанно брать ванны, чтобы успокоиться. Но успокоеніе явилось къ ней только когда она отправилась во главѣ аллегорическаго кортежа въ память мэра Эгана, Жака Симо, котораго убили за нѣсколько времени передъ тѣмъ во время бунта, возбужденнаго дороговизной хлѣба. Олимпія съ жаромъ принялась за подписку и высокомерно потребовала кредита у двора. «Если бы деньги шли на такое благородное предпріятіе, — сказала она при этомъ, — то не такъ сильно жаловались бы на развратъ двора». Королева почувствовала страхъ и дала изъ своихъ суммъ двѣнадцать тысячъ франковъ. Кортежъ былъ плоховать во главѣ съ Олимпіей, окруженной «молодыми красавицами», изображавшими Свободу, Справедливость и Францію. Наконецъ честолюбивое желаніе Олимпіи осуществилось и хотя одинъ разъ она появилась во главѣ какого нибудь дѣла. Впрочемъ, по словамъ автора, это не служитъ доказательствомъ, что женщины во время революціи не требовали большей роли, какъ только показной, маскарадной, т.-е. появленія въ обществѣ въ эксцентричныхъ амазонкахъ, какъ Теруанъ и проч. Уже тогда зарождалась идея феминизма, и представительницей ея была Олимпія де-Гужъ. Идею о равноправности женщинъ она вывела въ своемъ романѣ «Принцъ-философъ». Въ своемъ «Declaration des droits de la femme» она требовала для женщинъ тѣхъ же правъ, мѣстъ и публичныхъ должностей, какія занимали мужчины; онѣ также подвергались бы налогамъ, какъ и мужчины. Относительно брака она требовала избавить женщинъ отъ мужской

тираніи и конца тѣхъ соціальныхъ условій, которыя обязывали женщину лице-мѣрять и лгать, замѣнивъ это свободнымъ, искреннимъ вѣнѣрчивымъ сожителствомъ. Де-Гужъ не любила брачной жизни, называя ее «могилой довѣрія и любви», и признавала право законныхъ и незаконныхъ дѣтей носить имя отца и матери. Она также не забыла вдовъ и соблазненныхъ дѣвицъ и требова-ва установленія закона относительно обязательной выдачи содержанія или обезпеченія, согласно состоянію. Для публичныхъ женщинъ она назначила особые кварталы, при чемъ замѣтила, что «не онѣ развиваютъ развратъ, а дамы общества, и вліянія ихъ надо бояться». Французское правительство цѣлые вѣка зависѣло отъ ночной администраціи женщинъ легкихъ нравовъ. Такимъ образомъ, по ея мнѣнію при этихъ условіяхъ нравы народа очистятся, и природа получитъ свои права. Послѣ этихъ проектовъ Олимпія, со свойственной ей разбро-санностью, жалуется на грубость какого-то извозчика. Несмотря на вы сказываемыя ею иногда наивныя или шутовскія мнѣнія, она высказывала бы и разумныя взгляды, если бы не ея недостатокъ—незнаніе мѣры. Но ея требованія остались безъ послѣдствій; на нихъ не обратили вниманія, такъ какъ всѣ были заняты вопросомъ голосованія. Олимпія навлекла на себя лишь насмѣшки журналистовъ, говорившихъ, что она хотѣла окружить королеву почетной стражей изъ женщинъ. Съ этихъ поръ будто бы она устроила женское товарищество, но это навѣрно неизвѣстно. По возвращеніи короля изъ Варена, Олимпія измѣнила роялистскимъ идеямъ и послала королю и королевѣ злобный адресъ, объявляя, что, «кромѣ конституціи, она не знаетъ другого короля». Бѣгство короля и поминутно произносимая фраза объ измѣнѣ все болѣе и болѣе разгорячали голову народа; партіи оспаривали Францію, честолюбіе ставило на карту ея благополучіе. Олимпія возмутилась; ея предсказанія сбывались. «Четырнадцати-лѣтній ребенокъ,—говорила она,—уже считаетъ себя цезаремъ. Родина, какъ колесница, запряженная молодыми бѣшеными лошадьми, которыхъ каждый награждаетъ ударомъ кнута! Увы! я предназначена отвратить грозу, которую заблужденіе народа навлекло на французскую націю. Мои статьи—точные пророчества всего, что происходитъ передъ нашими глазами. Сколько зла предотвратили бы, слушаясь меня! Сколько крови избѣжали бы, если бы хотѣли поступить по моему совѣту». Терроръ разрывалъ сердце Олимпіи. «Кровь даже виновныхъ, пролитая съ жестокостью, — писала она,—сразу потеряла сердца, умы, мнѣнія, и отъ одной системы управленія быстро переходятъ къ другой». Напрасно она призывала всѣ партіи къ единенію, приклеивала къ стѣнамъ проекты національнаго мира, въ которомъ мужчины и женщины клялись бы «любить конституцію и соблюдать законъ». Но было уже поздно! Тогда Олимпія присоединилась къ умѣреннымъ; вся ея надежда возлагалась на жирондистовъ. Она начала восторгаться Верньо, Кондорсэ, Бриссо и Петьюномъ, выражая ненависть къ якобинцамъ и фельянамъ, безформенному, незаконному собранію деспотовъ, возмутителей законовъ и народнаго спокойствія. По ея словамъ, «солнце якобинцевъ и луна фельянтинцевъ вредятъ восходу конституціонной звѣзды». Она писала, говорила, волновалась, боролась, шумѣла и все именемъ умѣренности. Несмотря на это, Бернарденъ-Сень-Пьеръ назвалъ ее «ангеломъ мира». Вмѣстѣ съ тѣмъ, она оставалась веселой и остроумной. Ея сумбурное, неровное настроеніе

не потеряло дара наблюдательности и точнаго представленія дѣла. Она понимала дѣлу остроумія и веселья и говорила: «Остроуміе дѣлаетъ во Франціи все, безъ остроумія здѣсь ничего не дѣлаютъ; благоразуміе, праводушіе— химеры! Остроумія, остроумія и затѣмъ еще остроумія! Возьмите французскую монархію въ ея колыбели, просмотрите ея странную и суевѣрную исторію, повсюду вы найдете чудесное дѣйствіе французскаго остроумія и повсюду вы увидите, что его непостоянство и фривольность измѣняютъ характеръ правительства... Французское остроуміе съ его прелестью и любезностью вдругъ становится законодателемъ... Знаете ли вы моментъ, когда мы потеряли французское остроуміе? Это случилось, когда мы сносили головы; нашъ легкій и веселый характеръ становился внезапно сумрачнымъ и жестокимъ; мы незамѣтно снова вернемъ нашу обычную веселость и любезность: пѣсни и памфлеты возобновятся и поддержать насъ въ нашемъ несчастіи. Я хочу все предпринять и ничего не знаю; ученые знаютъ не болѣе», прибавляетъ она. «Ея сердце, однако, знало болѣе ее,—говоритъ авторъ,—и заставляло ее дѣлать самыя неожиданныя шаги». Такъ, 15-го декабря 1792 года она написала Конвенту, предлагая помогать престарѣлому Мальзербу защищать несчастнаго Людовика XVI. «Я считаю Людовика виноватымъ, какъ короля,—писала она,—но, лишennyй этого ональнаго титула, онъ перестаетъ быть виновнымъ въ глазахъ республики. Я желаю, чтобы меня допустили какъ Конвентъ, такъ и Людовикъ Капетъ помощницей восьми-десятилѣтняго старика въ столь тяжелой обязанности, которая мнѣ кажется достойна всѣхъ силъ и храбрости молодыхъ лѣтъ. Что за дѣло до пола! Душа дѣлаетъ все!» Она предлагала судить короля посредствомъ народнаго referendum'a. Во все время процесса Олимпія не переставала говорить въ пользу спасенія короля. «Онъ достоинъ изгнанія, а не смерти,—замѣчала она:—Римъ обезсмертилъ себя изгнаніемъ своего короля, Англія же опозорилась смертью собственнаго». Нѣсколько времени спустя послѣ казни Людовика, она сказала: «Самымъ большимъ преступленіемъ Людовика Капета было родиться въ такое время, когда философія молча приготавливала основаніе республики». Члены Конвента не отвѣтили ей на письмо, но, нѣсколько дней спустя, передъ ея домомъ собралась озлобленная толпа. Требованія ея смерти перемѣщивались съ безстыднымъ смѣхомъ надъ ея прежней веселой жизнью. Она сильно взволновалась, но все-таки вышла. Лишь только она показалась, какъ на нее бросилась толпа и стала разрывать на ней одежду. Одинъ мужчина сорвалъ у нея головной уборъ, и волосы, посѣдѣвшіе въ заботахъ по родинѣ, стали развѣваться по воздуху. Разъяренный челоуѣкъ схватилъ ее за голову и закричалъ толпѣ: «Кто хочетъ голову г-жи Гужъ? Двадцать су голова г-жи Гужъ?»—«Мой другъ,—сказала Олимпія съ печальной улыбкой, едва приподнимая сжатую, какъ въ тискахъ, голову:—я даю тридцать и требую предпочтенія». Обезоруженная такими словами не растерявшейся Олимпіи толпа расхохоталась. Находчивость и остроуміе Олимпіи на этотъ разъ спасли ей жизнь. Съ той минуты, какъ она стала защищать жизнь Людовика, ее начали преслѣдовать, какъ роялистку, хотя она страстно отдалась либеральной идеѣ. Только жалость къ несчастному королю и королевѣ, которой она предсказывала когда-то во время веселой жизни въ Трианонѣ, что она будетъ проливать

кровавыя слезы, заставила ее заступиться за нихъ. «Прежняя львица, сдѣлавшись революционеркой,—говоритъ авторъ,—не безъ сожалѣнія забывала любезность и утонченность стараго исчезнувшаго общества». Одинъ влиятельный якобинецъ, Леонардъ Бурдонъ, въ доносѣ обвинялъ ее за то, что она распространяла петицію о возобновленіи правъ Людовика XVI на тронъ. При этомъ онъ объявилъ, что Олимпія—незаконная дочь короля. На это она отвѣтила съ обычной рѣзкостью, и весь ея гнѣвъ и ярость направились на Марата и въ особенности на Робеспьера. Послѣдній не отвѣчалъ на ея грозныя обвиненія: участь ея была рѣшена; 25-го іюля 1793 года она была арестована. Изъ тюрьмы; она послала краснорѣчивые протесты сорока восьми округамъ Парижа, обратилась къ сыну, въ то время уже главному адъютанту батальона рейнской арміи и др. Но отвѣта ни откуда не послѣдовало; сынъ забылъ объ ея заботахъ и отрекся отъ нея. Тогда въ ней вспыхнула глухая злоба, подточившая ея здоровье, хотя она не подозрѣвала отреченія отъ нея сына. Ее отправили въ квартиру одного члена Конвента. По выздоровленіи ее снова отправили въ тюрьму не задолго до казни 2-го ноября, состоялся разборъ ея дѣла. Фукье Тенвиль обвинялъ Олимпию въ противодлиберальныхъ проектахъ и въ воззваніяхъ къ гражданской войнѣ, при чемъ припомнилъ однажды высказанное ею мнѣніе, что будто: «монархическое правительство кажется ей самымъ подходящимъ французскому уму». Ей припомнили все и даже ея злосчастныя пьесы. Она напрямикъ отказалась сдѣлать какое бы то ни было признаніе, хотя защищалась съ обычною живостью и неустрашимостью. Когда она услышала о смертномъ приговорѣ, то думала лишь о наслѣдїи славы, какую оставить сыну. «Умереть, чтобы исполнить долгъ,—сказала она,—это продолжать материнство на томъ свѣтѣ». Когда обвинитель спросилъ, не имѣетъ ли она что нибудь сказать, то Олимпія среди всеобщаго удивленія и безстыдныхъ насмѣшекъ объявила, что беременна уже два мѣсяца и согласно установленному обычаю должна избѣгать гильотины. Тогда приказали акушеркѣ освидѣтельствовать ее, и Фукье Тенвиль вынесъ резолюцію, что это не вѣроятно, такъ какъ въ тюрьмѣ сообщеніе между обоими полами было запрещено, «хотя онъ прекрасно знаетъ,—говоритъ Сонолэ,—что молодые заключенные, угрожаемые ежеминутно гильотиной, забывали социальныя условія и обмѣнивались тѣмъ болѣе страстными поцѣлуями, что ихъ часы были рассчитаны». За нѣсколько часовъ до смерти всѣ помыслы Олимпіи были направлены на сына, и она написала ему. «Я умираю, мой дорогой сынъ, жертвой моего боготворенія родины и народа, я умираю невинной»... Любимый сынъ отрекся отъ нея, но по счастью она приписала его молчаніе другому обстоятельству. Предъ тѣмъ какъ покинуть консьержери, она потребовала зеркало и сказала окружающимъ съ улыбкой: «Благодаря Бога, мое лицо не сыграетъ со мной дурной шутки. Я не очень блѣдна». Говорятъ, что во время ея печальнаго пути она все время шептала: «Тщеславіе, честолюбіе! Я хотѣла чѣмъ нибудь быть». Насколько вѣрна эта фраза, авторъ не ручается. Прежде чѣмъ отдать въ руки палача свою голову, она воскликнула, обращаясь къ народу: «Дѣти родины, вы отомстите мою смерть». Въ отвѣтъ ей раздались свистки. Даже въ послѣднюю минуту ее поставили въ смѣшное положеніе.

— Французскіе салоны во время консульства. Блестящее время салоновъ г-жи Сталь, Рекамье, затмевавшихъ даже версальскій дворъ, уже не мало вызывало толковъ въ журналахъ и отдѣльныхъ изданіяхъ, но, до сихъ поръ они еще служатъ источниками для литераторовъ. Такъ, въ «Nouvelle Revue»¹⁾ помѣщена статья Жильбера Стенжэ, въ которой онъ разсказываетъ объ этихъ салонахъ. Первая, какъ извѣстно, урожденная Жермена Неккеръ, дочь перваго министра во время монархіи, двадцати лѣтъ вышла замужъ за шведскаго посланника барона Сталя-Гольштейна. Ея родители желали, чтобы ихъ зять былъ нечуждымъ реформатской религіи, знатнаго рода, и проживалъ бы всегда въ Парижѣ. Такъ какъ барона король могъ бы потребовать въ Швецію, то родители Жермены просили графиню Буффлеръ, пріятельницу шведскаго короля и покровительницу барона, устроить, чтобы Густавъ III не вызывалъ его изъ Парижа. Бракъ состоялся со стороны Жермены безъ всякаго сердечнаго побужденія, а лишь изъ желанія угодить отцу, котораго она обожала, такъ какъ еще пятнадцати лѣтъ она влюбилась въ графа Гибера, блестящаго, изящнаго офицера, на семнадцать лѣтъ старше ея, — героя, завоевавшаго Франціи островъ Корсику. Но отецъ Жермены нашелъ этотъ бракъ недостаточно блестящимъ для ихъ дочери; кромѣ того, мать мечтала выдать ее за молодого Пита, пріѣхавшаго въ Парижъ въ 1783 году. Жермена отказалась и согласилась охотнѣе на бракъ съ барономъ Сталемъ. Послѣ свадьбы она тотчасъ же открыла свой салонъ, въ который собирались литераторы, философы и политическіе дѣятели, а также прежніе посѣтители ея матери, знавшіе Жермену еще ребенкомъ. Это была эпоха царства салоновъ, а также ихъ хозяекъ. Старая аристократія забыла свои традиции, придерживаясь моднаго вѣянія времени, и не краснѣя принимала у себя третье сословіе, выдвинувшееся благодаря уму, краснорѣчію или талантамъ. Женщины занимали первое мѣсто, и, чтобы имъ нравиться, происходили состязанія въ остроуміи и любезности. Г-жа Сталь, читавшая еще пятнадцати лѣтъ Руссо и дѣлавшая извлеченія изъ «Духа законовъ» Монтескье, была одною изъ самыхъ выдающихся по уму женщинъ той эпохи. Однако, если бы не внѣшность г-жи Сталь и отсутствіе изящества, мягкости, тонкости чувствъ и того неуловимаго очарованія, которое даже съ ея внѣшностью могло служить притягательной силой, ея салонъ былъ бы еще блестяще. Г-жа Жанлисъ, описывая ея портретъ, говорила, что среди женщинъ, посѣщавшихъ салонъ г-жи Сталь, она была менѣе всѣхъ любезна, но самая замѣчательная по уму. Никто далѣе ея не доходилъ въ своемъ ослѣпленіи сомолубіемъ. То, что влечетъ за собою недостатокъ вкуса, всегда производитъ самое смѣшное впечатлѣніе. Ея лицо было всегда строго и насмурно, и съ ея мужской фигурой и чертами лица она не могла быть красивой. Сама она была убѣждена въ своей красотѣ, и согласно этому мнѣнію она вся была поглощена нарядами и занята только своей наружностью. Въ ея личности и манерахъ была какая-то напыщенность, что-то причудливое, и едва она появлялась въ обществѣ, всѣ глаза устремля-

¹⁾ Les salons de M-me de Staël sous le consulat, par Gilbert Stenger. «La Nouvelle Revue».

лись на нее. Принимая это нѣмое удивленіе и любопытство за восторгъ, она тихимъ голосомъ говорила: «Не одна женщина не производитъ такого впечатлѣнія». Эта комическая иллюзія ея самомиѣнія была видна и въ ея мужской увѣренной осанкѣ, въ побѣдоносномъ, отважномъ видѣ, и въ ея манерѣ думать только о себѣ, относить все къ себѣ, прямо или косвенно, и неумѣнье слушать и отвѣчать. Когда ея тщеславіе не слишкомъ ясно выражалось, то его все-таки чувствовали. На портретахъ она представлена въ тюрбанѣ, съ обнаженной грудью и руками, держащей въ рукѣ вѣточку, которая служила ей регуляторомъ словъ. Ламартинъ, описывая ея наружность, придавалъ ей видъ крестьянки съ массивными чертами лица, но освѣщенными великолѣпными глазами. Онъ находилъ ея лобъ нѣсколько высокимъ. Она не чувствовала, какъ ея непокорные волосы падали прядями прямо на щеки и затылокъ. По его словамъ, толстая, мускулистая шея и мясистыя руки подходили бы скорѣе горной жительницѣ и обнаруживали физически работающую женщину, чѣмъ утонченную расу, предававшуюся умственному мышленію». Онъ приходилъ въ восторгъ только отъ ея рта, нѣсколько полуоткрытаго, и губъ, трепетавшихъ нѣмымъ словомъ, поднимавшіяся непрерывно съ ея души. Вообще это была, по словамъ другого ея современника, Мейлана, «рѣдкая женщина, но не любезная. Тѣ, кто ее полюбятъ, найдутъ въ ней единственную въ своемъ родѣ сокровищницу идей и чувствъ». Весь ея интересъ сосредоточивался на любви. «Я вложила всю мою жизнь въ любовь»,—говорила она. Но ей не было счастья въ любви, хотя она ее настойчиво преслѣдовала и въ каждомъ новомъ субъектѣ воображала найти счастье, о какомъ именно мечтала. Однако, чѣмъ болѣе она приближалась къ любви, тѣмъ быстрѣе любовь убѣгала отъ нея. Извѣстно, съ какой настойчивостью она преслѣдовала Наполеона, и однажды на отвѣтъ консула, не желавшаго ее принять, отговорясь что онъ не одѣтъ, г-жа Сталь сказала: «О! гении не имѣютъ пола». Все-таки не смотря на назойливость ее не пустили къ нему. Не одинъ Наполеонъ питалъ къ ней антипатію, какъ къ женщинѣ: лордъ Байронъ, видѣвшій ее въ Англии, говорилъ о ней съ ироніей; Шиллеръ находилъ ее «утомительной, а Шериданъ—«антипатичной». Де-Винъ замѣчалъ, что она «утопила бы своихъ друзей ради удовольствія вытащить ихъ изъ воды». Эта необходимость любить и быть любимой такъ властвовала надъ нею, что даже въ зрѣлше годы она тайно вышла замужъ за молодого итальянскаго офицера де-Рокка, въ чемъ призналась лишь предъ смертью. Въ Конизѣ, гдѣ г-жа Сталь проводила часть года, она принимала въ постели съ обнаженными руками и во время разговора жестиклировала, чтобы обнаружить, какъ бы нечаянно, голыя плечи. Ораторскій талантъ г-жи Сталь много способствовалъ привлеченію посѣтителей, среди которыхъ бывали аристократы и посланники, между прочимъ, и русскій, Морковъ. Впрочемъ, она не умѣла вести салонныхъ разговоровъ, а любила произносить блестящія рѣчи. Впослѣдствіи, когда ея неудачная любовь къ Наполеону возбудила ея ненависть, то двери ея гостиной широко распахнулись для его враговъ, англичанъ и эмигрантовъ. Ея горячія рѣчи раздавались противъ Наполеона, и такова была сила ея таланта, что выходившіе отъ нея бывали сильно возбуждены противъ его политики. Наполеонъ по этому поводу замѣтилъ: «Это—болѣе не салонъ, а клубъ, въ ко-

торомъ предѣдательствуетъ эта женщина». Но другая половина общества— женщины скорѣе почитали ее за ея умъ, чѣмъ любили. «Женщины,— передавала г-жа Ремюза, не любившая ея,—отдалялись отъ г-жи Сталь: она пугала ихъ. Ея разговоры и замѣчанія часто ставили ихъ въ затруднительное положеніе. Такъ, однажды дѣвица Шатней не знала, что ей отвѣтить на вопросъ г-жи Сталь, настаивавшей на томъ, что у первой есть любовникъ, тщательно скрываемый. Затѣмъ, какъ-то, посѣтивъ луврскій музей, съ одной пріятельницей, г-жа Сталь спросила ее, «полюбовалась ли она Антиноемъ». «Какой красавецъ; — добавила она.— О, какъ была бы счастлива женщина, имѣя такого любовника!» Графиня Буффлеръ, устроившая бракъ Жермены съ барономъ Сталь, писала Густаву III: «Жена барона безъ всякаго воспитанія и приличій, къ тому же испорчена мнѣніемъ о своемъ умѣ такъ, что будетъ трудно дать ей замѣтить, чего ей не хватаетъ. Она властная и рѣшительная до излишества, и хотя обладаетъ умомъ, но можно считать двадцать пять немѣстныхъ замѣчаній на одно хорошее». Впрочемъ, не все женщины были такого мнѣнія о г-жѣ Сталь, и двѣ изъ нихъ постоянно посѣщали ея салонъ. Это были — г-жа де-Бомонъ и г-жа Рекамье. Первая—дочь министра Людовика XVI, она познакомилась съ нею еще будучи шведкой и посланницей и когда г-жа Боманъ умерла, г-жа Сталь искренно горевала.

Вторая—совершенная противоположность г-жи Сталь, какъ физически, такъ и нравственно. Красавица Рекамье была дочерью лионскаго нотаріуса Бернара. Когда онъ подъ покровительствомъ Коллона поселился въ Парижѣ, гдѣ въ 1784 г. занялъ мѣсто въ министерствѣ финансовъ, его жена, красивая блондинка, открыла салонъ для литераторовъ. Завсегдатаями ея были Лагарпъ, Ламонтей и Барреръ. Благодаря послѣднему, бывшему вліятельнымъ членомъ Конвента, Бернары могли прожить безопасно терроръ. Среди такого общества юная Жюльета, какъ звали будущую г-жу Рекамье, могла развить свой умъ. Едва молодой дѣвушкѣ минуло шестнадцать лѣтъ, какъ ей сдѣлалъ предложеніе банкиръ Рекамье, который былъ старше ея на тридцать лѣтъ. Къ тому же онъ былъ человекъ, сильно вкусившій отъ древа удовольствій, болѣе чѣмъ не строгаго права, кутила и даже, по словамъ автора, очень вѣроятно, любовникъ ея матери, у которой было немало обожателей, и въ ея лионскомъ салонѣ собиралось общество самыхъ любезныхъ мужчинъ. Рекамье познакомился съ ними въ Парижѣ и продолжалъ знакомство въ Лионѣ. Благодаря своему вліянію на г-жу Бернаръ, онъ добился согласія Жюльеты. Цѣлью его женитьбы былъ расчетъ, такъ какъ красавица Жюльета могла служить живою рекламой для его банкирскаго дома и своей красотой привлекать къ нему иностранцевъ и вліятельныхъ парижанъ. Жюльета не колебалась согласилась и спокойно покинула Лионскій монастырь, чтобы отправиться въ Парижъ вѣнчаться. Ей казалась заманчивой жизнь въ богатствѣ со старымъ мужемъ, который будетъ уважать, окружать ее всевозможномъ блескомъ и роскошью. Ея кокетство будетъ удовлетворено, и она устроитъ точно такой же салонъ въ Парижѣ, какой имѣла ея мать въ Лионѣ. Свадьба ихъ состоялась во время разгара террора въ апрѣлѣ 1793 г. Первые годы послѣ брака они жили въ улицѣ Мэль. Два года спустя, наступила Директорія, воцарилось безумное

веселье и всё женщины предались всевозможным капризамъ и эксцентричностямъ. Рекамье хотя не сходилась съ знаменитыми женщинами того времени, развратными, порочными, куртизанками, однако показывалась въ открытомъ экипажѣ въ Лоншанѣ, гдѣ толпа шумно привѣтствовала ея красоту. Ея пріемная дочь, г-жа Ленорманъ, съ которой она провела тридцать лѣтъ, описываетъ ее слѣдующимъ образомъ. «Она была тонкая, гибкая, съ изящной таліей; ея плечи и шея восхитительной формы и размѣра; маленькій и пунсовый ротикъ, жемчужные зубы, очаровательныя руки, хотя нѣсколько тонкія; каштановые волосы, вившіеся отъ природы; тонкій правильный носъ, но совершенно французскій, неподражаемая бѣлизна кожи, лицо полное непорочности, иногда шлутковства, и выраженіе доброты дѣлали ее неотразимо очаровательной, ея походка была, какъ у богини, спускающейся съ небесъ. Близкіе ей люди находились подъ ея обаяніемъ». Ея добродѣтель авторъ пробуетъ оспаривать, хотя легенда говоритъ, что супружеская жизнь Рекамье была самая платоническая, и ея мужъ былъ скорѣе ея отцомъ. Какъ бы желая поддержать мнѣніе о своей непорочности, г-жа Рекамье придумала себѣ особый костюмъ, «простой и выражающій эмблему невинности»:—бѣлое платье, никакого другаго украшенія, кромѣ жемчуговъ и маленькаго фишу, повязаннаго на головѣ, какъ у креолки. Но рядомъ съ подобной невинностью она жаждала усѣха и не отгаликивала обожателей. Когда она ѣхала въ своемъ экипажѣ, то съ улыбкою кланялась на восторженныя восклицанія толпы и не разъ говорила подругѣ: «Когда я увижу, что на меня болѣе не оглядываются трубочисты, я пойму, что царство моей красоты окончилось». Ея мужъ чрезъ два года переехалъ въ новый домъ Некеровъ и отдѣлалъ его громадными зеркалами, чтобы она могла собою любоваться. Здѣсь она познакомилась съ г-жею Сталь. Авторъ приводитъ одинъ эпизодъ въ доказательство, что невинность ея была лицемерна. Такъ генералъ Тьебо рассказываетъ, что однажды на балу, г-жа Гамелонъ, креолка, подозрѣвая г-жу Рекамье въ соперничествѣ, стала слѣдить за своимъ любовникомъ, красавцемъ Монтрономъ. Вдругъ она замѣтила ихъ исчезновеніе изъ залы и рѣшила прослѣдить. Они сѣли въ карету; она тоже. Достигнувъ заставы Клиши, она вышла изъ экипажа, сама остановила ихъ лошадей, начала кричать и заявила, что въ этой каретѣ сидитъ дама, похитившая у нея мужа. Собралась толпа и принудила г-жу Рекамье и Монрона выйти изъ экипажа. Ревнивая креолка только этого добивалась, и прикинувшись смущенной, она разсыпалась въ извиненіяхъ предъ г-жей Рекамье. Возвратившись на балъ, она рассказала о приключеніи, а на другой день сообщила объ этомъ въ другомъ салонѣ и наконецъ Каролинѣ Бонапартъ, зная, что послѣдняя пріятельница Жюльеты. Но въ концѣ концовъ сама же поплатилась за свою выходку, такъ какъ общество сдѣлало видъ, что вѣрить чистотѣ Рекамье и закрыло двери креолкѣ. Невинно ли было ея кокетство? Авторъ отрицаетъ и признаетъ его разсчитаннымъ. Своимъ кокетствомъ она вскружила голову Люсьену Бонапарту, и не смѣя ей откровенно признаться, онъ завелъ съ нею переписку, какъ бы отъ Ромео къ Жюльетѣ подъ видомъ поэтическаго произведенія. Послѣ Люсьена она завлекла своимъ кокетствомъ немало другихъ, между прочимъ Монморанси, его двоюроднаго брата, герцога

Лавалья, итальянскаго принца Пиньателли, а во время имперіи прусскаго принца Августа, котораго она встрѣчала въ Коппэ у г-жи Сталь, а позже Бенжамена Констана, на котораго она пагубно вляла, затѣмъ Канову. Отъ послѣдняго она отказалась принять его произведеніе, сдѣланный съ нея бюстъ, который она нашла недостойнымъ ея особы. Нанвный Балланшъ обожалъ ее, какъ несчастная собака. Скучному Шатобріану она осталась вѣрва до смерти. Оставалась ли кокетливая Рекамье равнодушной къ кому нибудь изъ этой плеяды? Письма Монморанси, опубликованныя г-жею Ленорманъ, намекаютъ на иное. Въ нихъ влюбленный герцогъ, но уже сдѣлавшійся святошей и не мечтавшій болѣе о положеніи любовника Рекамье, безирестанно нападаетъ на нее за неосторожное поведеніе и предосудительныя манеры красавицы. Эго было время, когда она увлекалась на балахъ танцемъ съ шалью, избобрѣтаннымъ ею и состоявшимъ изъ возбуждающихъ чувственность позъ. Такъ же не въ пользу ея невинности говорятъ ея умышленные обмороки въ то время, когда ея залы были переполнены посѣтителями; она внезапно падала, затѣмъ приходили ея горничныя и относили ее въ постель. Тамъ она принимала являвшихся прощаться гостей. Такимъ образомъ слова Тьебо, что «красота этой очаровательной жены банкира безспорна, но добродѣтель не безспорна», — можетъ быть, соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Всѣхъ обожателей красавицы не перечтешь: тутъ и Жерандо, Лагаригъ, Бернадоттъ, Массена, который взялъ съ собою въ армію одну изъ ленточекъ съ благаго платя красавицы, какъ залогъ побѣды. А самъ Наполеонъ тоже ее замѣтилъ и не остался равнодушнымъ, когда увидѣлъ впервые на празднествѣ Директоріи, устроенномъ въ честь его побѣды въ Италіи. Вторично встрѣтивъ ее на обѣдѣ у брата Люсьена, Наполеонъ сѣлъ прежде всѣхъ за столъ, оставивъ возлѣ пустое мѣсто для г-жи Рекамье, а его сестра Элиза Баккіочи предупредила ее вполголоса о желаніи брата. Но красавица ничего не поняла и сѣла рядомъ съ Камбасересомъ. Тогда Наполеонъ посадилъ на ея мѣсто Гара и громко произнесъ съ нескрываеомой горечью: «О, гражданнѣ Камбасересъ рядомъ съ самой красивой!» И они болѣе не разговаривали весь вечеръ. Впослѣдствіи Наполеонъ могъ бы снасти Рекамье отъ разоренія, устроивъ заемъ въ милліонъ, но онъ ничего не сдѣлалъ въ его пользу. Наконецъ онъ выслалъ г-жу Рекамье вмѣстѣ съ г-жею Сталь, и онѣ обѣ поклялись въ ненависти къ Наполеону. Если признать, что г-жа Рекамье была такъ неопорочна, то ея дружба съ г-жею Сталь, герцогиней Девонширской, тоже интриганкой, которая вышла замужъ за герцога, послѣ того какъ подарила ему ребенка, въ то время, когда онъ былъ женатъ. Элиза Форстеръ, какъ ее звали, была красавицей, хотя лишена глаза, который она прикрывала прядью волосъ, Вдовою она поселилась въ Римѣ, гдѣ принимала высшую аристократію, что очень льстило г-жѣ Рекамье. Кардиналь Кансальви, другъ Пія VII, былъ, говорятъ, мужемъ Элизы. Позже Жюльета посѣщала г-жу Крюденеръ и Свѣчину и проч., не отличавшихся нравственностью женщинъ. На балахъ Оперы г-жу Рекамье нельзя было узнать подъ маской, настолько мѣнялся ея обычный характеръ: она дѣлалась смѣлая и задирчивая. Въ ея салонѣ собирався сначала цвѣтъ лучшаго общества, а затѣмъ прибавились къ нимъ литераторы и уче-

ные. Рекамье купилъ для жены дачу въ Клиши, куда онъ прїѣзжалъ только обѣдать, оставаясь по финансовымъ дѣламъ въ Парижѣ. Туда собирались къ обѣду поклонники Жюльеты, и вечера бывали интересныя и оживленныя, благодаря остроумнымъ писателямъ, какъ Легувэ. Эманюэль Дюпати пользовался благосклоннымъ вниманіемъ хозяйки. Ближайшіе къ Наполеону министры, совѣтники и проч. всѣ стремились туда. Тьебо писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Г-жа Рекамье обязана такимъ успѣхомъ собственнымъ чарамъ. Это была красота, грація и простота Рафаэлевской Мадонны, и первый консулъ, ревновавшій это вліяніе, сказалъ однажды своимъ близкимъ: «Развѣ совѣтъ министровъ собирается теперь въ салонъ Рекамье?». Фушэ, несмотря на замѣчанія Наполеона, все-таки посѣщала салонъ красавицы Жюльеты, ссылаясь на то, что полиція должна имѣть повсюду уши. Во время консульства г-жа Рекамье была дружна съ г-жею Мюратъ. Каролина Бонапартъ, хотя не была ея подругой, но между ними было товарищество, какое связываетъ двухъ молодыхъ красивыхъ женщинъ. По совѣту мужа, она принимала у себя всевозможное общество, и въ началѣ консульства только въ ея салонѣ можно было встрѣтить смѣшанное общество — цвѣтъ стараго режима и новое общество. Констанъ, камердинеръ Наполеона, описываетъ праздникъ въ Клиши такъ: «Съ утра г-жа Рекамье съ матерью отправлялись въ церковь, въ сопровожденіи Лагарпа. Въ это время лакѣи вводили въ залъ Нарбонна, Камиля Жордана, Жюно и Бернадота; затѣмъ являлся Тальма и Лоншанъ, который долженъ былъ читать приглашеннымъ свою пьесу: «Влюбленный оболъститель». Послѣ прїѣзжали еще приглашенные и сѣли за завтракать. За столомъ занимала мѣсто хозяйки мать Жюльеты. Послѣ завтрака Тальма читалъ по желанію г-жи Рекамье стихи изъ «Отелло» съ такимъ выраженіемъ и мимикой, что забывали о неподходящей для пьесы обстановкѣ. Затѣмъ гѣла хозяйка дома, аккомпанируя себѣ на арфѣ. Послѣ нея танцовали Вестрисъ съ миссъ Гордонъ, а г-жа Рекамье была въ бубны. Въ пять часовъ подавали обѣдъ, и снова прибывали гости, между которыми находился астрономъ Лаландъ, а въ семь часовъ являлись посланники нѣмецкій, прусскій и русскій. Имъ подавались мороженое и фрукты. Вскорѣ всѣ разступались, и посрединѣ залы появлялся «Авейронскій дикарь», любопытная новинка того времени и предметъ для философскихъ изученій. Это былъ молодой крестьянинъ, котораго нашли въ лѣсу, гдѣ онъ былъ покинутъ. Онъ не зналъ ни одного слова и дѣлалъ совершенно иныя движенія членами, чѣмъ обыкновенно дѣлаютъ люди. Затѣмъ, отправились въ загородный рестораникъ около Сены, гдѣ въ этотъ день справлялась свадьба, и тамъ смѣшавшись съ толпою приглашенныхъ, они танцовали подъ звуки флейтъ и барабановъ. Послѣ этого возвратились домой для пріема г-жи Сталь, генерала Мормона и г-жи Виоттъ. Г-жа Сталь сдалась на просьбы и согласилась играть «Агарь въ пустынѣ» съ условіемъ, что роль ангела исполнить прекрасная Жюльета. Обѣ возбудили восторгъ общества. Послѣ нихъ г-жа Виоттъ пропѣла модный романсъ «Эмиграція удовольствій» и въ 11 часовъ отправились ужинать. Луккезини, прусскій посланникъ, при этомъ сказалъ: «завтракъ для дружбы, обѣдъ для этикета, полдникъ для дѣтей, а ужинъ для любви и довѣрія». Это опредѣленіе вызвало рукоплесканіе гостей. Г-жа Ре-

камье питала къ Моро продолжительную симпатію. Когда Наполеонъ изгналъ Моро, она присутствовала при его отъѣздѣ. Это было единственный разъ, что она приняла участіе въ политической манифестаціи. Къ тому же она не принадлежала къ типу женщинъ г-жи Сталь и предпочитала изящную, спокойную жизнь, довольствуясь царствовать въ избранномъ обществѣ. Въ салонѣ г-жи Рекамье всѣмъ было хорошо: Жюльета изъ кокетки превращалась въ добраго, предупредительнаго и преданнаго товарища писателей и входила въ ихъ интересы. Никто въ ея присутствіи не осмѣливался произнести какую либо неблагопристойную фразу относительно писателей или артистовъ. Такъ однажды у нея былъ назначенъ концертъ на четырехъ арфахъ. Гара былъ нездоровъ и не хотѣлъ пѣть. «Какъ Гара не будетъ пѣть? сиропиль язвительно одинъ герцогъ; — для чего же онъ здѣсь?» — «Увеселять себя дураками, герцогъ», — отвѣтилъ Гара. За этотъ отвѣтъ получилъ любезную улыбку Жюльеты онъ, а не герцогъ, замѣчаетъ авторъ. Г-жа Рекамье всегда входила въ неудачи писателей и, поддерживая ихъ надежды, возбуждала усихъ, какъ бы извиняясь за свою красоту предъ умомъ и образованіемъ, хотя авторъ приписываетъ это своего рода кокетству. Гизо, не считавшійся въ рядахъ ея поклонниковъ, охарактеризовалъ ее слѣдующимъ образомъ: «Болѣе любимая, чѣмъ любящая, властвовавшая надъ всѣми, кто ее любилъ, потому что никому изъ нихъ не отдавалась, сохраняя ихъ усихъ, такъ какъ никто не могъ хвастаться, что обладаетъ ею. Настоящая королева салона, очаровательная королева, но болѣе королева, чѣмъ женщина—безъ мужа, дѣтей и любовника, слишкомъ любезная со всѣми, чтобы оставаться одинаково со всѣми искренней. Утомленная, можетъ быть, иногда заботами, которыхъ стоило ея могущество, но, по всей вѣроятности, довольная своей судьбой; такъ какъ она сама ее сдѣлала и была въ гармоніи съ ея природой. Г-жа Рекамье, знала что она прекрасна, но г-жа Сталь умѣла расположить ее къ себѣ увѣряя, что она при этомъ умна».

— Наполеоніана. Пришло нѣсколько мѣсяцевъ, и снова набралась цѣлая груда сочиненій на различныхъ языкахъ о Наполеонѣ. Бросимъ бѣглый взглядъ на замѣчательнѣйшія изъ нихъ, а прежде всего упомянемъ о только что вышедшемъ въ Франкфуртѣ трудѣ профессора Бонскаго университета Пауля Гельцгаузена: «Генрихъ Гейне и Наполеонъ I»¹⁾. Почтенный авторъ извѣстенъ своимъ восторженнымъ поклоненіемъ гению Наполеона и выраженіемъ правды относительно его подвиговъ, несмотря на негодованіе большинства нѣмцевъ. Первое его сочиненіе: «Даву въ Гамбургѣ», отличалось справедливой оцѣнкой дѣйствій Даву въ Германіи и возмутило этимъ нѣмцевъ, а теперь они еще болѣе вознегодовали на него за новую книгу о Наполеонѣ. Зная основательно исторію великаго человѣка и вооружившись новѣйшими документами, Гельцгаузенъ въ первой главѣ своего сочиненія представляетъ поразительную картину эпохи реставраціи. Въ это время нѣмцы рѣзко переимѣнили свое мнѣніе о томъ, кого они называли «Аттилою» и даже «чортомъ», и не могли хладнокровно переносить, какъ его осыпала оскорбленіями «бѣлая реакція». Они

¹⁾ Heinrich Heine und Napoléon I, von Paul Holzhausen. 1903. Francfort.

громко говорили, что лучше когти льва, чѣмъ укусы насѣкомыхъ, а нѣкоторые даже требовали возвращенія мученика св. Елены. Когда же бранные его останки возвратились во Францію, то между партизанами Наполеона были тысячи вѣмцевъ, и Гете возложилъ вѣнокъ на его гробницу. Между германскими поэтами, воснѣвавшими славу великаго полководца, первое мѣсто занималъ Гейне. Онъ горячо и пламенно говорилъ о немъ, какъ въ поэзїи, такъ и прозѣ. Даже на смертномъ своемъ одрѣ и проклиная вторую имперїю, онъ съ восторгомъ писалъ о первомъ императорѣ въ отрывкѣ «Ватерлоо».

Также точно, какъ въ Германїи, и въ Англїи являются голоса, сочувственно отзывающіеся о Наполеонѣ. Послѣ трудовъ Вальтера Скотта и Газлита, частью карикатурныхъ, частью оскорбительныхъ, отраднo остановиться на такихъ безпристрастныхъ, основательныхъ и замѣчательныхъ произведенїяхъ, какъ «Жизнь Наполеона I-го» Джона Роза¹⁾ и только что напечатанный очеркъ въ первыхъ четырехъ нумерахъ «Pall-Mall Magazine» за настоящій годъ: «Молодой Наполеонъ; начало великой карьеры», фельд-маршала Вольсея²⁾. Никогда еще въ Англїи не выходило столь любопытной книги о Наполеонѣ, какъ обширная біографїя Роза, основанная на документахъ англійскихъ архивовъ, военнаго министерства, министерства иностранныхъ дѣлъ и адмиралтейства, за годы 1795—1815. Въ этомъ матеріалѣ, до сихъ поръ совершенно неизвѣстномъ, заключается много новаго и замѣчательнаго. Кромѣ того, авторъ пользовался всѣми извѣстными источниками на иностранныхъ языкахъ, но замѣчательно, что онъ не ссылается ни на одну англійскую книгу. Вообще его обстоятельный трудъ преимущественно біографическій, а не историческій; такъ какъ въ немъ нѣтъ характеристики Наполеоновской эпохи, а лишь излагаются подробности всѣхъ событїй его жизни. При этомъ изъ-подъ пера Роза возникаетъ предъ нами великая фигура Наполеона, какъ полководца, государственнаго человѣка и политическаго дѣятеля, а личная анекдотическая сторона его жизни остается у автора въ тѣни. Въ этомъ отношенїи онъ руководствуется собственными словами Наполеона. «Я не люблю ни женщинъ, ни игры, положительно ничего, я совершенно политическое существо». Въ концѣ своей книги Розъ въ заключенїе говоритъ: «Наполеонъ былъ въ высшей степени великимъ человѣкомъ во всемъ, что касается до военнаго искусства, государственнаго управленїя и возбужденїя человѣческой энергїи. Его величїе заключается не только въ важности его лучшихъ предпрїятїй, но въ титанической силѣ, выказанной имъ въ совершенїи ихъ. Человѣчество признаетъ необыкновенное величїе не за осторожными посредственными дѣятелями, боящимися ошибокъ, но за тѣми гигантами, которые смѣютъ все, совершаютъ великія дѣла и плѣняютъ сердца миллионovъ людей, несмотря на ихъ гибель. Такимъ удивительнымъ работникомъ былъ Наполеонъ, человѣкъ, укротившїй революцію, создавшїй новую жизнь не только Франціи, но всей Европы, совершившїй величайшее общественное движенїе со временъ крестовыхъ походовъ

¹⁾ The Life of Napoleon, by John Rose, 2 vols. London. 1903.

²⁾ The young Napoleon, by field-marshal Wolseley. «Pall-Mall magazine» 1903 Num. 1—4.

и наконецъ привлекавшій мириады сердець къ одинокому утесу на океанѣ, онъ долженъ занимать навѣки передовое мѣсто между безсмертными передовыми существами». Съ еще большей восторженностью говоритъ фельдмаршалъ Вольслей о Наполеонѣ въ своемъ очеркѣ, посвященномъ его первому юношескому походу въ Италию. Эта итальянская война 1796 г. считается всѣми историками за колыбель военной славы Наполеона, котораго Вольслей называетъ величайшимъ человѣкомъ, когда либо ниспосланнымъ на землю. Приходя въ неописанный восторгъ отъ стратегическаго и тактическаго генія, выказаннаго имъ въ этой войнѣ, онъ, однако, признается, что основной планъ этой кампаніи составленъ маршаломъ Мельбуа, извѣстнымъ полководцемъ Людовика XVI въ 1745 году во время его похода въ сѣверную Италию. «Хотя геній Наполеона былъ такъ всеобъемлющъ,—говоритъ Вольслей,—что по, всей вѣроятности, если бы онъ и не зналъ плана Мельбуа, то все-таки онъ дѣйствовалъ бы точно также въ 1799 году, но во всякомъ случаѣ вполнѣ доказанъ фактъ его подражанія полководцу Людовика XV. Генераль Пьеронъ въ брошюрѣ, изданной въ 1889 г., подъ названіемъ: «Какъ создался военный геній Наполеона I-го», прямо говоритъ, что сынъ маршала Мельбуа преподавалъ Наполеону въ юности стратегію, и что, отправляясь въ походъ въ 1796 году, онъ взялъ съ собою напечатанное сочиненіе маршала, въ которомъ изложенъ былъ его знаменитый проектъ. Такимъ образомъ, очевидно, что Наполеонъ заимствовалъ планъ своей первой славной кампаніи, но онъ старательно до конца своей жизни хранилъ эту тайну, и, повидимому, о ней никто не зналъ. Конечно, не меньшимъ достоинствомъ со стороны великаго полководца было найти этотъ планъ въ старой книгѣ и практически примѣнить его на дѣлѣ. «Поэтому, по словамъ Вольслея, изученіе итальянской кампаніи 1796 года необходимо всѣмъ занимающимся военнымъ дѣломъ. Эту войну будутъ вѣчно помнить, какъ первую попытку независимаго командованія арміей Наполеономъ, какъ первое обнаруженіе величайшаго полководца, ниспосланнаго Богомъ когда либо на землю. Кратко упомянувъ о первоначальной исторіи Наполеона и его энергичной дѣятельности, начиная отъ взятія Тулона, Вольслей приступаетъ къ подробному описанію военныхъ подвиговъ 1796 года, которые такъ часто были предметомъ историческихъ повѣствованій. Главнымъ центромъ всѣхъ дѣйствій Наполеона въ эту кампанію была битва при Монтенотѣ, которая, по его собственнымъ словамъ, была его патентомъ на величіе. Съ этой побѣды его карьера была обезпечена и его слава, какъ великаго полководца, навѣки утверждена.

Конечно, во Франціи всего болѣе вышло за послѣднее время книгъ о Наполеонѣ, но не всѣ изъ нихъ заслуживаютъ вниманія: такъ «Исторія Наполеона» Деэирэ Лакруа представляетъ ничто иное, какъ апологію Наполеона, хотя и написанную ясно, краснорѣчиво и обстоятельно. Историческій отдѣлъ французскаго главнаго штаба продолжаетъ издавать свои ученые изслѣдованія о Наполеоновскихъ походахъ. Дебриеръ окончилъ свой обстоятельный трудъ: «Проекты и попытки высадки въ Англии»¹⁾. Третій и четвертые тома такъ же,

¹⁾ Projets et tentatives de débarquement aux îles Britanniques, par A. Desbrières, vol. 3 et 4 Paris. 1903.

какъ и первые два, полны техническихъ подробностей и документовъ, изъ которыхъ ясно видно, что армія Наполеона была готова въ 1803 году, а задержка и затѣмъ окончателъная неудача его предпріятія овладѣть Англіей произошли отъ несовершенствъ флота. Поручикъ Фабри все еще продолжаетъ свою исторію похода въ Россію, и вышедшій третій томъ заключаетъ въ себѣ только описаніе десятидневныхъ дѣйствій отъ 1—10-го августа подъ Смоленскомъ¹⁾. Онъ основываетъ свой рассказъ на свѣдѣніяхъ, добытыхъ въ архивахъ штутгартскомъ, дрезденскомъ, вѣнскомъ и мюнхенскомъ, которые даютъ подробныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ вюртембергскаго, саксонскаго, австрійскаго и баварскаго корпусовъ. По словамъ автора, Наполеонъ дѣйствовалъ гениально, но ошибка его заключалась въ томъ, что онъ ставилъ все на одну карту и продолжалъ на ней играть до тѣхъ поръ, пока банкъ не былъ сорванъ.

Первое мѣсто среди новыхъ трудовъ о Наполеонѣ занимаютъ два замѣчательныя историческія сочиненія французскихъ академикомъ Вандаля и Лависса. Первый послѣ своего извѣстнаго сочиненія въ четырехъ томахъ «Наполеонъ и Александръ» приступилъ теперь къ изданію новаго двухтомнаго труда «Установленіе власти Бонапарта», и въ концѣ декабря уже вышелъ его первый томъ²⁾. Что же касается до втораго автора, то онъ послѣ долгаго перерыва взялся за окончаніе своей большой выдающейся работы: «Европа и французская революція». Онъ уже издалъ съ большими промежутками четыре тома, озаглавленные: «Политическіе нравы и традиціи», «Паденіе монархіи», «Конвентъ», «Естественныя границы». Въ настоящемъ году онъ выпустилъ въ свѣтъ пятый томъ³⁾: «Директорія и Бонапартъ», а въ концѣ его общаетъ шестой томъ: «О трактатахъ: люневильскомъ и амьенскомъ»; слѣдующій же годъ увидитъ окончаніе его колоссальнаго труда, т. е. седьмой и восьмой томы, заключающіе въ себѣ континентальную блокаду, великую имперію, коалицію и трактаты 1815 г. Еще неизвѣстно, будетъ ли Вандаль обогащать Наполеоновскую литературу, но Лависъ, дописавъ «Европу и французскую революцію», вѣроятно, почтеть на лаврахъ или займется давно обѣщанной исторіей Людовика XIV. Во всякомъ случаѣ, появившіеся теперь томы замѣчательныхъ трудовъ обоихъ историковъ составляютъ важный вкладъ въ современную историческую литературу. Ярый поклонникъ Наполеона и бонапартистской доктрины, Вандаль естественно усиливается обѣлнить своего кумира и выставить его героемъ центральнаго эпизода своего рассказа: 18-го брюмера. Онъ прославляетъ, защищаетъ и оправдываетъ Бонапарта; онъ увѣряетъ, что несправедливо обвинять Бонапарта въ конфискаціи свободы, потому что она была уже загублена Директоріей. Пожалуй, Бонапартъ виноватъ въ томъ, что онъ не воскресилъ свободы, но доказывать, что онъ ее погубилъ,—чистая нелѣпость. Вотъ тезисъ Вандаля, и онъ блестяще доказываетъ этотъ парадоксъ, хотя въ дѣйствительности Наполеонъ довершилъ только роковое дѣло директоріи. Большая часть исто-

¹⁾ Campagne de Russie, par Fabry. Tome III (Smolensk). Paris. 1902.

²⁾ L'événement de Bonaparte, par Albert Vandal. Paris. 1902.

³⁾ L'Europe et la révolution française, par Albert Sorel, Tome V. Le directeur et Bonaparte. Paris, 1903.

риковъ припи гвають Бонапарту уничтоженіе республики военнымъ, государственнымъ не, своротомъ и замѣну ея Диктаторской властью, сначала консульской, а потомъ императорской. Напротивъ, Вандаль считаетъ, что Бонапартъ 18-мъ брюмеромъ спасъ Францію отъ олигархіи директоровъ, и консульство, а затѣмъ имперія были естественными послѣдствіями революціи. Если принципиально это несправедливо, то онъ мастерски представляетъ картину, какъ Бонапартъ воспользовался обстоятельствами и общимъ колоссальнымъ недоумѣніемъ. Такъ большинство французовъ увѣрено было, что Бонапартъ дѣйствуетъ за свободу и миръ, тогда какъ онъ напротивъ дѣйствовалъ противъ всякой свободы и за вѣчную войну. Но въ одномъ Вандаль правъ, что Наполеонъ, уничтожая олигархію, не думалъ о цезаризмѣ, и онъ самъ собою создавался изъ обстоятельствъ. Обстоятельства его вели, а не онъ велъ обстоятельства. Это вполне ясно подтверждаетъ трудъ Вандалья, хотя онъ хочетъ доказать противоположное.

Несмотря на то, что Сорель занимается въ сущности тѣми же событіями, какъ и Вандаль, но рамки его разсказа въ только что вышедшемъ томѣ гораздо обширнѣе. Онъ въ немъ захватываетъ эпоху Директоріи и водвореніе проконсульства Бонапарта. Начиная свое мастерское изслѣдованіе съ дѣйствій Директоріи, слѣдовавшей за Колентомъ въ борьбѣ за естественныя границы, Сорель описываетъ итальянскую кампанію, миръ въ Кампо-Форміо, основаніе итальянскихъ республикъ, швейцарскую, римскую и неаполитанскую революціи, государственный переворотъ фруктидора, смерть Екатерины II и восшествіе на престолъ Павла I-го, египетскую экспедицію, интриги Сіэса, всѣ событія, волновавшія Европу съ 1795 г. по 1799 годъ, и, наконецъ, возвращеніе Наполеона и революцію 18-го брюмера. Однимъ параграфомъ, одной фразой онъ мастерски характеризуетъ событія и людей того времени. Онъ ясно указываетъ происхожденіе идей Наполеона, такъ, напримѣръ, онъ ясно рисуетъ, что его проконсульство въ Италіи подготавливаетъ консульство во Франціи. Дѣйствуя въ Италіи, онъ говоритъ: «Я не желалъ бы покинуть Италію иначе какъ только, чтобы разыграть подобную же роль во Франціи, но время еще не наступило, груша еще не поспѣла». Черезъ три года послѣ этихъ словъ груша поспѣла, и проконсулъ въ Монбеля сдѣлался первымъ консуломъ въ Парижѣ. Когда одинъ изъ немногихъ независимыхъ людей того времени упрекалъ его въ чрезмѣрномъ честолюбіи, онъ отвѣчалъ: «Если адвокатъ Гойа, измѣнникъ Сіэсъ, прокуроръ Ребель и мошенникъ Мулонъ разыгрывали королей, то я могъ сдѣлаться консуломъ. Я основывалъ свои права на открытомъ листѣ, данномъ мнѣ битвами при Монтеноттѣ, Лоди, Арколѣ и Абукирѣ». Сорель иначе смотритъ на 18-й брюмеръ, чѣмъ Вандаль, и видитъ въ немъ триумфъ Наполеона, подготовленный имъ съ удивительнымъ искусствомъ; придерживаясь, вообще, болѣе широкихъ взглядовъ, онъ доказываетъ, что тѣ же люди, которые содѣйствовали Наполеону въ одержаніи брюмерскаго торжества, помогли его низверженію, когда наступилъ моментъ паденія великаго человѣка. «Между маршалами, говоритъ онъ, которые вырвали у него отреченіе въ Фонтенбло, фигурировали тѣ же лица, которые дѣйствовали въ Сенъ-Клу. Сенаторы, депутаты, министры, тотъ же Талейранъ, тотъ же Фушэ, возсѣдали въ совѣтѣ древ-

нихъ и также интриговали за кулисами для его изгнанія, какъ хлопотали объ учрежденіи въ его пользу консульства».

— Другъ Нитцше. Вопросъ, кто вліялъ на интеллектуальное развитіе Нитцше, долго занималъ не только Германію, но и другія умственно развитыя страны. Вліяніе это приписывали отчасти его профессору Риглю, другу Рихарду Вагнеру, а также англійскимъ эмиристамъ, французскимъ энциклопедистамъ и, наконецъ, его послѣднимъ учителямъ, французамъ Теню и Ренану. Однако, недавно вышедшій въ Германіи трудъ Крузіуса доказываетъ, что это вліяніе шло со стороны его друга Эрвина Родэ, и тѣмъ болѣе оно было плодотворно, что онъ дѣйствовалъ на него прямо и продолжительно. Эрвинъ Родэ родился въ Гамбургѣ въ 1845 г. и былъ профессоромъ Гейдельбергскаго университета. Онъ былъ филологъ и остался имъ до конца и, какъ большинство нѣмецкихъ филологовъ, писалъ свои сочиненія свободно, естественно, безъ всякаго педантизма, какъ въ идеяхъ, такъ и въ выраженіи ихъ, судя о реальности по ней самой, а не по книгамъ. Отъ изученія греческихъ и латинскихъ текстовъ онъ сразу перешелъ къ общему изученію античной цивилизаціи, и когда Нитцше чувствовалъ потребность выйти изъ тѣсныхъ рамокъ схоластической филологіи, Родэ служилъ для него въ этомъ случаѣ подспорьемъ. Но болѣе всего оригинальный умъ Эрвина Родэ выказывается въ длинной серіи афоризмовъ, написанныхъ имъ въ молодости и которые тенеръ издалъ Крузіусъ¹⁾. Въ нихъ Родэ высказалъ мысли, аналогичныя съ Нитцше, но появившіяся задолго до его «*Menschliches, Allzumenschliches*». Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ отрывковъ: «Я безпрестанно открываю выгоды глубокой истины того, что говорилъ Сократъ о незнаніи и о невозможности, въ какой мы находимся знать что либо другое, какъ только наше невѣжество. Нѣтъ ничего любопытнѣе, какъ трудность, которую находятъ наши толкователи созданія міра, желая посредствомъ науки дать себѣ отчетъ объ этомъ фактѣ, приписывая самыя сложные феномены наислабѣйшимъ силамъ, вида «силу въ себѣ», «матерію въ себѣ»; они еще намъ ничего не объяснили объ истинной природѣ вещей. И эти бѣдные люди воображаютъ разрѣшить тѣмъ эту вышнюю загадку. Болѣе того, все на нихъ производитъ впечатлѣніе, какъ «будто» каждое явленіе объясняется само собой. Человѣкъ сколько угодно снимаи одинъ послѣ другого покровъ, прикрывающій сущность міра, — подъ разнообразными образами все-таки онъ найдетъ «самого себя». Для нашего удовольственія философія не обязана зиждиться на доказательствахъ. Такъ же, какъ и религія, философія обращается къ вѣрующимъ со словами: «Тотъ, кто можетъ ее признавать, признавай ее!» Что долженъ сказать своимъ слушателямъ богословъ, который думаетъ, что овладѣлъ истиной, «всей истиной и только истиной!» Вотъ такъ скоро сказано! «Только истиной», да это навѣрно; но желаніе предложить всю истину простымъ душамъ, мнѣ кажется бесполезнымъ и опаснымъ. Бесполезнымъ потому, что этимъ думамъ, чтобы жить, необходимы дѣтскія басни; опаснымъ потому, что человѣчеству нужны хорошія цѣпи, чтобы удержать его на своей дорогѣ. Можетъ быть, для расы не будетъ болѣе пагубнаго момента

¹⁾ Ervin Rohde; ein biographischer Versuch, von Crusius. Berlin, 1902.

какъ тотъ, въ который она не способна будетъ вѣрить. Только авторитетъ можетъ спасти съ трудомъ прирученное животное, какъ мы, отъ возвращенія къ варварству. Вотъ мы и достигли одного изъ тѣхъ моментовъ, только бы судьба сберегла насъ отъ послѣдствія. Только при умѣренной остановкѣ интеллектуальной эмансипаціи пытаются презирать религію: по мѣрѣ того, какъ эмансипація продолжается, болѣе глубоко убѣждаются въ невозможности знанія, и религія изъ этого черпаетъ новую силу. Предметъ вѣры тотчасъ же потеряетъ всю свою цѣну для вѣрующихъ, если онъ становится безусловно достовѣрнымъ, способнымъ быть признаннымъ и объяснимымъ. Сущность всей религіи — тайна. Никакъ мнѣ не кажется, чтобы философія имѣла задачей прийти на помощь религіи. Это двѣ совершенно различныя области и такими должны остаться всегда». Въ своихъ афоризмахъ Эрвинъ Родэ настаиваетъ на все болѣе замѣтномъ возвращеніи «современной цивилизаціи» къ варварству. «Я не вѣрю, — говоритъ онъ, — что золотой вѣкъ, рай, были въ началѣ нашей исторіи человѣчества, какъ однако думаютъ самые глубокіе греческіе мыслители, но положительно еще большая ошибка нашихъ современныхъ ученыхъ, которые помещаютъ золотой вѣкъ въ концѣ этой исторіи. Эти господа не видятъ, что называемое ими прогрессомъ ничто иное, какъ незначительная трансформация обстоятельствъ внѣшней жизни, и каждый новый шагъ, который мы дѣлаемъ къ интеллектуальному и моральному порядку, имъ кажется «побѣдой цивилизаціи». Пусть считаютъ дивные подвиги интеллектуальной эмансипаціи совершенными въ послѣдніе годы XVIII вѣка Винкельманомъ въ области искусства, Руссо — моральной, Кантомъ — въ философіи; пусть къ этому прибавятъ сумму позитивныхъ произведеній Гете, Моцарта и Бетховена, и получится впечатлѣніе, что для человѣчества открылась новая жизнь. Съ тѣмъ большею скорбью удивилсъ увидѣвъ, что вмѣсто этой новой жизни человѣческой умъ скорѣе заснулъ. Мы были на зарѣ новаго міра, который, казалось, будетъ равняться античному греческому міру, но вышалъ злой дождь, уничтожившій все. Эти герои хотѣли дать новую цивилизацію, и мы ничего не умѣли сдѣлать изъ этого, какъ только новую политику». Родэ въ особенности настаивалъ на одной особой чертѣ этого варварства. Наше время открыло великолѣпное средство ускользнуть отъ благодарности гению. Когда оно не можетъ его отрицать, не знать, клеветать на него, гнать его, то оно довольствуется сбавлять его исторически, и гений доводится до размѣровъ банальности. Какая странная философія исторіи, считающей генія продуктомъ ничтожества, въ которомъ онъ родился. Обратное — вѣрно; гений формируетъ свое время, вмѣсто того, чтобы формироваться временемъ, когда онъ падаетъ, среди людей его дѣйствіе выражается концентрическими кругами, какъ отъ камня, упавшаго въ воду. Кто же рѣшится утверждать, что круги воды заставили упасть камень?» Серия этихъ афоризмовъ вдругъ прекратилась въ 1878 г. послѣ появленія: *Menschliches, Allzumenschliches*. Съ того дня какъ Родэ получилъ это произведение Ницше, онъ пересталъ навсегда записывать свои мысли о людяхъ и дѣлахъ. Къ Ницше онъ питалъ почтительное восхищеніе, чувствуя въ немъ могущество его художественнаго созданія, котораго самъ былъ лишенъ. Когда, двадцать лѣтъ спустя, его коллеги возмущались тѣмъ, что имъ казалось скандальнымъ въ новыхъ произведеніяхъ

«ренегата филологіи», онъ отвѣтилъ: «Давно уже я вынесъ впечатлѣніе, что Ницше положительно страдаетъ переполненіемъ поэзіи, которую ему не удастся излить въ окончательномъ произведеніи, и которая, волнуясь въ немъ, служитъ причиною безпрестанной лихорадки и безпокойства». Онъ такъ восторгался имъ, что, когда появилось «Рожденіе Трагедіи», въ которой онъ не могъ не узнать большинства своихъ идей—онъ открыто сталъ защищать Ницше, рискуя испортить себѣ свою университетскую карьеру, и нанепечаталъ памфлетъ, который до сихъ поръ единственно правильное мнѣніе объ этой книгѣ. Ницше самъ сознавалъ, несмотря на свое болѣзненное самолюбіе, что даже въ самыхъ ужасныхъ его произведеніяхъ вездѣ находилса отголосокъ прежней его дружбы съ Родэ, и тѣмъ болѣе онъ страдалъ, что тотъ не одобрялъ эти открытія подъ слишкомъ фантастической формой. Узы, связывавшіе его съ Родэ, были такъ крѣпки, что ни годы, ни отдаленіе, ни неизбежный разрывъ не могли ихъ порвать. Когда въ 1889 г. несчастный Ницше сошелъ съ ума и вообразилъ, что онъ богъ Діонисій, первой его заботой было написать Родэ, что онъ принимаетъ его въ число божествъ. Они познакомились еще въ 1867 г. въ Лейпцигѣ, гдѣ оба слушали лекціи знаменитаго филолога Ритчля. Ницше былъ на годъ старше Родэ, но его поэтическая, подвижная, капризная душа энтузіаста была моложе спокойной и прозаической души Родэ. Во все время ихъ долгой дружбы послѣдній былъ его руководителемъ и старшимъ братомъ. Сдержанный и нѣсколько презрительный Родэ получилъ послѣдствіи отъ товарищеской клички «аристократа». Въ двадцать два года онъ уже былъ тѣмъ, чѣмъ остался на всю жизнь. Съ годами его мысль развивалась, но она шла все время по опредѣленной дорогѣ. Понятно что Ницше подчинился его вліянію, исключая различныхъ мнѣній о подробностяхъ, хотя ихъ характеры были совершенно различны: такъ Ницше возмущался, что Родэ признавалъ въ произведеніяхъ Вагнера только лирическую драму втораго періода. Узнавъ о войнѣ, Ницше съ трудомъ добился разрѣшенія отъ швейцарскаго правительства поступить въ нѣмецкую армію. Всю дорогу его патріотическое настроеніе выражалось въ пѣніи воинственныхъ пѣсень, крикахъ «ура» и въ возліяніи вина за здоровье короля и арміи. Родэ же оставался хладнокровнѣе. Одинъ моментъ онъ хотѣлъ поступить въ армію, но не подготовленный къ военной службѣ, измѣнилъ намѣреніе, и когда Ницше шумно изливалъ свой патріотизмъ, Родэ записывалъ въ дневникъ свое безпокойство по поводу удачи или неудачи нѣмцевъ и между прочимъ говорилъ: «Не напрасно въ продолженіе долгихъ лѣтъ столько благородныхъ умовъ предчувствовали неизбежное возвращеніе варварства». Когда же, десять лѣтъ спустя, Ницше убѣдился въ свою очередь въ «возвращеніи варварства» и громко объявилъ о стыдѣ, какой онъ испытываетъ въ качествѣ нѣмца, Родэ отказался слѣдовать его мнѣнію, доходившему до такого радикальнаго отрицанія патріотизма. Онъ даже почувствовалъ тяготѣніе къ политикѣ и оцѣнилъ Бисмарка за его усилія въ поддержаніи нѣмецкаго величія. Обладая болѣе зрѣлымъ умомъ, Родэ еще располагалъ болѣе вѣрнымъ наблюденіемъ и болѣе глубокимъ сознаниемъ дѣйствительности. Ницше получилъ музыкальное образованіе, но Родэ чувствовалъ болѣе глубоко, чѣмъ онъ, красоту музыки. Но хотя у него была потребность въ музыкѣ, — другія искусства притягивали

его, и онъ посвящалъ свое свободное время нѣмецкимъ музеямъ. Но онъ также много занимался нѣмецкой поэзіей, въ особенности Гете и нѣмецкими романиками, и если былъ обязанъ Нитцше знаніемъ Вагнера, то первый, благодаря ему, познакомился съ нѣмецкими поэтами. Большинство его размышлений относятся ко времени, когда онъ жилъ въ дружбѣ съ Нитцше, помогаютъ понимать его вліяніе на послѣдняго. Біографія Родэ всего лучше говоритъ объ его вліяніи на Нитцше; на каждой ея страницѣ, въ письмахъ, въ его дневникѣ, встрѣчаются мысли и чувства, выраженные впоследствии Нитцше. Даже въ исторіи и философіи онъ съ своей привычкой позитивнаго наблюденія и живого воображенія первый заставилъ Нитцше предусмотрѣть важность мѣста о Діонисіи въ античной цивилизаціи грековъ. Послѣ десятилѣтняго постояннаго обмѣна мыслей между друзьями наступилъ разрывъ. Это случилось въ 1887 г., и причиной разрыва послужила несочувственная оцѣнка со стороны Родэ критическихъ трудовъ Тэна, котораго Нитцше глубоко уважалъ. «Если бы я тебя не зналъ,—писалъ онъ,—то я презиралъ бы тебя за недостатокъ ума и такта, обнаруженный въ этихъ фразахъ. Ты говори о себѣ какія угодно глупости, но я тебя умоляю будь осторожниѣе съ Тэномъ. Это возмущаютъ меня, и я могу простить какую нибудь глупость принцу Наполеону, а не человѣку, который мой другъ». Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Родэ получилъ намятное письмо, доказывавшее, что несчастный философъ сошелъ съ ума.

С М Ъ С Ъ.

ЮБИЛЕЙ ПЕТЕРБУРГА. Съ чрезвычайно торжественностью, но и совершенно исключительною поснѣшностью отпразднованное двухсотлѣтіе Петербурга описано въ газетахъ съ такой обстоятельностью, что «Историческій Вѣстникъ» можетъ ограничиться воспроизведеніемъ сжатаго описанія главныхъ моментовъ юбилейнаго дня 16-го мая. Послѣ 21-го выстрѣла съ Петроавловской крѣпости столица начала празднованіе юбилея по заранѣе опредѣленному церемонаіалу. Въ теченіе всей ночи шла усиленная работа по украшенію города. Въ общемъ получилась довольно пестрая картина. Всюду флаги самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ и много зелени, среди которой изрѣдка проглядываютъ цвѣты. Больше всего мачтъ. У зданія государственнаго совѣта—два обелиска, обвитые зеленью. На вершинѣ—золотые шары съ черными орлами. Зданіе думы приняло красивый видъ. Колонны силошъ до верха обвиты зеленью, и пилицъ превращень въ два якоря. Грашгвая лѣстница декорирована двумя панно: на одномъ Петръ читаетъ указъ сенату о переводѣ столицы изъ Москвы въ Петербургъ, другое — на мотивъ извѣстнаго стихотворенія Майкова «Кто онъ?» На площадкѣ въ зелени большая скульптурная группа: Петръ Великій—на скалѣ, а внизу—его сподвижники. У подножія статуи бить фонтанъ. Напротивъ, у Михайловской уллицы,—также фонтанъ. По бокамъ два обелиска: на одномъ—портретъ Петра I, на другомъ—императора Николая II. У Николаевского вокзала громадные щиты съ художественными панно. Среднее изображаетъ Петра въ моментъ спасенія тонувшихъ на Лахтѣ, боковыя—Петербургъ петровскихъ временъ и теперешній. Но самое большое художественное убранство у памятника Петра, гдѣ была возведена Царская налатка. Она вся шелковая съ бирюзовыми, шитыми золотомъ стигами, съ пятью золотыми орлами и коронами. Она рѣзко выдѣлялась на пестромъ фонѣ флаговъ и зелени. Здѣсь же высились черные съ золотомъ жертвенники, которые вечеромъ освѣтили коня

со всадникомъ, а въ отдаленіи, за памятникомъ, — громадный, шитый золотомъ и серебромъ гербъ дома Романовыхъ. У Гостинаго двора большая арка съ золотымъ коньемъ. Въ центрѣ—фигура Петра съ топоромъ въ рукѣ. Поставлена также арка у адмиралтейства съ фрегатами петровскихъ временъ. У Дворцоваго моста ажурная арка съ орлами. Дальше, по Невѣ, мачты, флаги, зелень,obelisks. Недурно были убраны нѣкоторые отдѣльные дома. Большинство домовладѣльцевъ ограничилось флагами. Сенатская и Суворовская площади были усажены мачтами съ реями. Трибуна для публики на Суворовской площади имѣла видъ корабля съ палубой и мачтами. У домика Петра Великаго на Петербургской сторонѣ были поставлены мачты со снастями и парусами. Декоративныя принадлежности морского обихода на сушѣ дополнялись величественнымъ видомъ флота, расположившагося на Невѣ. Эскадры судовъ и яхтъ заключали въ центрѣ своемъ тяжелые катеры и галеры петровскихъ временъ 18-ти и 14-ти весельные съ командами изъ солдатъ лейбъ-гвардіи преображенскаго и семеновскаго полковъ. Команды въ костюмахъ матросовъ времени Петра. Какъ только пушечный выстрѣлъ съ Петропавловской крѣпости возвѣстилъ о началѣ юбилейнаго дня, раздался первый трезвонъ колоколовъ Троицкаго собора, основаннаго Петромъ Великимъ. Торжественное богослуженіе совершалъ о. Николай Орловъ. Среди иконъ собора имѣется работы Петра Великаго изображеніе Богоматери изъ слоновой кости. На Петербургской сторонѣ въѣзды въ парки были украшены арками; противъ народнаго дома императора Николая II устроена арка съ нѣсколькими гербами. За аркой помѣщена статуя Петра I на высокомъ пьедесталѣ, а по сторонамъ—громадныя декоративныя картины «Царь-плотникъ и царь-кузнецъ». Мосты Дворцовый и Старо Троицкій были отведены къ берегу и скрылись за выстроенными по диспозиціи морскаго вѣдомства судами въ одну линію. Посрединѣ рѣки Невы вытянулись военныя суда втораго ранга «Крейсеръ» и «Азія», яхты государя наслѣдника «Зарница» и императорская «Полярная Звѣзда». За Николаевскимъ мостомъ, начиная отъ первой линіи Васильевскаго острова вилоть до зданія Зоологическаго музея, стали на якорь портовое судно «Пльмень», пароходъ «Онега», яхта августѣйнаго генераль-адмирала «Стрѣла», пароходъ «Петербургъ» и портовое судно «Рыбка». Далѣе суда шли въ три ряда. Посрединѣ Невы находились семь миноносцевъ, суда пограничной стражи и суда министерства путей сообщенія «Озерной», «Закатъ», «Шкваль» и «Окружный». Влизъ берега у Зимнаго дворца стала на якорь галера петровскихъ временъ, а немного далѣе вилоть до Новаго Троицкаго моста въ два ряда—86 яхтъ императорскаго петербургскаго рѣчнаго и невскаго яхтъ-клубовъ, петербургскаго паруснаго, шуваловскаго, петровскаго и гаванскаго обществъ. Въ 9-мъ часу утра нижніе чины гвардейскаго и флотскаго экипажей въ парадной формѣ вынесли изъ домика императора Петра Великаго «Дѣдушку русскаго флота», верейку, на которой Петръ Великій въ молодости плавалъ въ Москвѣ на рѣкѣ Неглинной. Впереди шелъ флотскій штабъ-офицеръ, держа саблю для салюта. Верейка была внесена и поставлена на высокомъ постаментѣ, такъ что ее со всѣхъ сторонъ было видно. На кормѣ развѣвался флагъ съ Андреевскимъ крестомъ, а на носовой части—красный гюйсъ. Когда верейка была установлена, у кормы и носовой части стали на-часы унтеръ-офицеры

гвардейскаго и флотскаго экипажей въ караульной формѣ. Около 9-ти часовъ утра въ домикъ Петра Великаго стали съѣзжаться представители отъ управления петербургскаго градоначальника, петербургскаго губернатора, дворянства, городского управленія и земствъ, а также отъ купеческаго, мѣщанскаго и ремесленнаго сословій. Всѣ эти лица, а также многочисленные представители иностранной и русской печати прибыли на пароходъ «Петербургъ». Къ этому времени въ часовню домика собралось придворное духовенство. По совершеніи краткаго молебствія духовенство вынуло изъ кіота чудотворный образъ Спаса Нерукотвореннаго, который сопровождалъ императора Петра Великаго въ бояхъ и путешествіяхъ, въ предшествіи крестнаго хода, запрестольнаго креста и хоругвей при пѣніи пѣвчихъ вынесли образъ изъ часовни и перенесли на ожидавшій пароходъ морскаго вѣдомства. Собравшійся народъ обнажилъ головы. Какъ только крестный ходъ взошелъ на пароходъ, всѣ морскіе чины отдали честь, преобращенцы и семеновцы подняли въ знакъ салюта весла. Прошло нѣсколько минутъ, и торжественное шествіе по водѣ медленно тронулось въ путь, направляясь къ сенатской площади. Впереди мчались нѣсколько маленькихъ катеровъ съ офицерами рѣчной полиціи. Далѣе слѣдовалъ пароходъ съ чудотворной иконой Спаса Нерукотвореннаго. Хоругви, золотые кресты, золотое облаченіе и драгоцѣнности, украшающія ризу иконы играли на солнцѣ. За нимъ пароходъ везъ на буксирѣ специальную баржу, на которой находилась верейка «Дѣдушки русскаго флота»; далѣе — цѣлая фаланга катеровъ морскаго вѣдомства съ адмиралами и другими высшими чинами. Впереди гребныхъ судовъ слѣдовалъ катеръ петербургскаго коменданта, затѣмъ слѣдовали паровые катеры, гребные суда яхтъ-клубовъ и перевозные ялики, сдѣланные по образцу яликовъ петровскихъ временъ. Въ началѣ 11-го часа морская процессія стала равняться съ Петропавловской крѣпостью. Какъ только баржа съ «Дѣдушкой русскаго флота» приблизилась къ крѣпости, штабъ-офицеръ флота поднялъ на флагштокъ верейки императорскій штандартъ. Когда штандартъ взвился, со стѣнки Петропавловской крѣпости начался салютъ; со втораго выстрѣла всѣ военныя суда, стоящія по диспозиціи, отвѣчали громомъ салютовъ, заестрѣли флаги на всѣхъ остальныхъ судахъ. Подъ этотъ громъ торжественно прошла вся процессія съ «Дѣдушкой русскаго флота» во главѣ. Едва прогремѣлъ первый выстрѣлъ салюта, всѣ суда, какъ военныя, такъ и яхтъ-клубскія, расцвѣтились флагами. Не доходя до Зимняго дворца, пароходъ съ духовенствомъ отдѣлился отъ процессіи и сталъ приближаться къ пристани на Дворцовой набережной. Передъ этимъ къ пристани прибылъ отъ Исаакіевскаго собора и другихъ столичныхъ церквей съ хоругвями и запрестольными крестами крестный ходъ, назначенный митрополитомъ для встрѣчи чудотворной иконы Спаса Нерукотвореннаго. На пристани въ ожиданіи прибытія духовной процессіи изъ домика Петра Великаго собрались представители дворянства, земствъ, городовъ и городскихъ цеховъ со своими новыми цеховыми значками. Каждый такой знакъ несъ старшина цеха при двухъ выборныхъ ассистентахъ. Хоругви несли въ крестномъ ходѣ представители общества хоругвеносцевъ въ ихъ русскихъ кафтанахъ, обшитыхъ серебрянымъ голуномъ. Какъ только пароходъ съ чудотворной иконой прибылъ къ пристани, раздалось нѣнне духовнаго стиха, и архимандритъ принялъ икону и вынесъ ее

въ крестномъ ходѣ на набережную. Послѣ выноса чудотворной иконы оба крестные хода, соединившись вмѣстѣ, и направились при пѣнннхъ пѣвчихъ по Дворцовому проѣзду и Адмиралтейскому проспекту въ Исаакіевскій соборъ. Военная музыка играла духовный гимнъ, а войска держали «на-караулъ», отдавая честь. По прибытіи крестнаго хода въ Исаакіевскій соборъ навстрѣчу ему на наперти собора вышелъ преосвященнѣйшій митрополитъ Антоній съ членами святѣйшаго синода, съ придворнымъ и многочисленнымъ столичнымъ духовенствомъ. Чудотворная икона Спаса Нерукотвореннаго была внесена въ соборъ и возложена на особый аналой. Возлѣ царскихъ вратъ по прибытіи крестнаго хода началась божественная литургія, которую совершалъ высокопреосвященный митрополитъ Антоній со всѣмъ собравшимся духовенствомъ. Задолго до этого на Дворцовомъ проѣздѣ построились назначенныя на высочайшій смотръ войска, замѣняющія лѣтомъ гарнизонъ столицы. Въ Дворцовомъ проѣздѣ выстроились два батальона 198-го пѣхотнаго резервнаго александро-невскаго полка и два батальона 145-го новочеркасскаго императора Александра III полка; первый при знамени и оба при хорахъ музыки. На Адмиралтейскомъ проспектѣ, отъ Дворцоваго проѣзда вплоть до Исаакіевскаго собора, выстроились со знаменами и хорами музыки по два батальона отъ 145-го пѣхотнаго новочеркасскаго, 92-го пѣхотнаго печерскаго, 90-го пѣхотнаго онежскаго и 89-го пѣхотнаго бѣломорскаго полковъ. Описанныя церемоніи закончились обратнымъ крестнымъ ходомъ по набережнымъ и открытому тѣмъ временемъ новому Троицкому мосту къ домику Петра Великаго и блестящимъ парадомъ войскамъ передъ памятникомъ великому преобразователю въ высочайшемъ присутствіи.

Открытіе памятника Гоголю въ Тифлисѣ состоялось 19-го марта при довольно торжественной обстановкѣ. По словамъ «Кавказа», съ ранняго утра началось на тифлисскихъ улицахъ особенное движеніе народа, а потомъ стали прибывать всѣ тифлисскія учебныя заведенія съ хорами музыки, распущенными знаменами, съ разноцвѣтными значками и съ вѣнками и ученицы женскихъ учебныхъ заведеній. Всѣ они сначала заняли мѣсто за рѣшеткой Александро-Невскаго собора, въ которомъ въ 1 ч. дня была отслужена панихида по Гоголѣ. Совершалъ ее высокопреосвященный экзархъ Грузіи Алексій въ сослуженіи съ епископомъ аллавердскимъ Димитріемъ, монашествующимъ и бѣлымъ духовенствомъ при пѣннхъ хора экзаршескихъ пѣвчихъ. На панихидѣ присутствовали: членъ совѣта министра народнаго прозвѣщенія князь Д. П. Голицынъ, понечитель Кавказскаго учебнаго округа дѣйствительный статскій совѣтникъ М. Р. Завадскій, окружные инспекторы, педагогическій персоналъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній, масса чиновъ военнаго и гражданскаго вѣдомства, городскоя голова, члены управы, гласные и много приглашенныхъ лицъ. Передъ панихидой протоіерей о. Іоаннъ Восторговъ произнесъ рѣчь. Затѣмъ была отслужена панихида, послѣ чего всѣ присутствовавшіе направились на открытіе памятника въ среднюю часть Александровскаго сада, красиво убранную мачтами съ флагами и гирляндами зелени. У рѣшетки сада расположились тифлисскіе ремесленники со своими значками. Передъ освященіемъ памятника высокопреосвященнымъ Алексіемъ, экзархомъ Грузіи, была отслужена

литія. При пѣніи «вѣчной памяти» съ памятника упала завѣса, и онъ былъ окропленъ святой водою. Оркестры и хоры исполнили «Коль славенъ». Затѣмъ и. д. городского головы М. С. Шестаковъ произнесъ рѣчь послѣ него произнесены были и другія рѣчи. Памятникъ воздвигнуть на городской счетъ.

Московское археологическое общество. 21-го марта, въ домѣ графини П. С. Уваровой происходило публичное засѣданіе, посвященное вопросамъ, связаннымъ съ реставраціей соборнаго храма Смоленской Божіей Матери въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Сдѣлали сообщенія: архитекторъ И. П. Машковъ, В. Н. Щенкинъ, проф. А. И. Кирпичниковъ и В. И. Сизовъ. Храмъ Смоленской Божіей Матери былъ построенъ въ 1524 году, при царѣ Василии Ивановичѣ, въ память взятіе Смоленска и скоро сдѣлался однимъ изъ богатѣйшихъ въ Россіи, пріобрѣтя въ даръ многія земельныя угодья и до 15.000 душъ крестьянъ. Строилъ его Фрязинъ Алевизъ, который былъ и строителемъ Архангельскаго собора въ Кремлѣ, почему и планы этихъ соборовъ представляютъ много сходнаго; только главы собора Смоленской Божіей Матери поставлены надъ передней (восточней) половиной собора, вслѣдствіе чего онъ кажется нѣсколько неравнобокимъ. Кромѣ того, въ концѣ XVII вѣка вокругъ собора была пристроена галлерей. Особенно украшенъ былъ соборъ при Борисѣ Годуновѣ, когда въ Новодѣвичьемъ монастырѣ имѣла пребываніе принявшая монашескій санъ сестра государя Ирина. Въ это время стѣны собора были богато расписаны внутри лучшими тогдашними иконописцами. Окруженный каменными стѣнами, монастырь представлялъ собою крѣпость, отражавшую неоднократно нападеніе татаръ. Во время Смутнаго времени монастырь былъ занятъ литовскимъ отрядомъ Гонсѣвскаго, но, повидимому, не особенно пострадалъ отъ этого постоа. Позже, при Алексѣ Михайловичѣ, монастырь славился своимъ богатствомъ. Извѣстный Павелъ Алепскій, бывшій въ Москвѣ со своимъ отцомъ митрополитомъ Макаріемъ, восхищался величіемъ монастырскаго храма, богатствомъ, его иконами, массами драгоценностей на нихъ и т. д. По его словамъ, въ монастырь поступали монахинями по преимуществу княгини и дворянки, приносившія крупныя въ него вклады. Позже монастырь сталъ играть роль тюрьмы; сюда была заключена царевна Софія, передъ окнами кельи которой происходили казни стрѣльцовъ; здѣсь же содержалась первая супруга Петра I, Евдокія. Въ 1812 году монастырь былъ занятъ французами, которые, по преданію, уходя, хотѣли его взорвать, но, благодаря самоотверженію монахини-казначей, взорвана была только одна церковь, находившаяся въ одномъ изъ угловъ монастырскаго стѣны. Этому преданію противорѣчатъ однако другія, по которымъ французы доставляли монахинямъ провіантъ и красное вино для богослуженія. Вопросъ о реставраціи храма возникъ въ 1898 году, при чемъ по предложенію московскаго археологическаго общества, благодаря сочувственному отношенію къ дѣлу реставраціи игуменіи монастыря Антоніи, вопросъ этотъ былъ поставленъ правильно, образована была комиссія изъ членовъ археологическаго общества, которая и обсудила обстоятельно подробности возстановленія древней формы храма (испорченнаго позднѣйшими подправками). По найденнымъ слѣдамъ возстановлены были прежнія окна, исправлена соотвѣтственно крыша, понижена галлерей, позолочена средняя глава, и вообще

сдѣлано было все возможное для возстановленія древняго вида храма. Имѣющаяся внутри собора, идущая кругомъ его надпись вязью свидѣтельствуетъ, что фресковая стѣнопись была исполнена въ 1598 году, при Борисѣ Годуновѣ. При реставраціи стѣнописи съ нея снята была позднѣйшая раскраска, и фрески были возстановлены въ прежнихъ очертаніяхъ и колоритѣ, при чемъ одна изъ нихъ (изображеніе Троицы), лучше сохранившаяся, оставлена нетронутою подъ стекломъ. Содержаніе фресокъ было подробно изучено проф. Киричниковымъ, который описалъ также и болѣе замѣчательныя иконы стараго письма. Въ засѣданіи были выставлены планы и фасады храма, нѣсколько копій красками съ фресокъ (и съ орнаментовъ) и масса фотографій. Графиня Уварова принесла отъ имени общества благодарность всѣмъ докладчикамъ и всѣмъ потрудившимся при реставраціи и заявила о необходимости издать результаты изучения этого древняго храма и его стѣнописи, выразивъ надежду, что археологическое общество встрѣтитъ содѣйствіе себѣ въ этомъ дѣлѣ въ любящихъ старину представителяхъ московскаго общества.

Археологическая комиссія. Въ засѣданіи 26-го марта, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ графа А. А. Бобринскаго, разсматривался рядъ вопросовъ о реставраціи древнихъ храмовъ. Помимо обычнаго состава комиссіи, на засѣданіи присутствовали: директоръ археологическаго института Н. В. Покровский, директоръ училища барона Штиглица Г. И. Котовъ, директоръ института гражданскихъ инженеровъ Н. В. Салтановъ, академикъ М. П. Боткинъ, хранитель Эрмитажа Я. И. Смирновъ и архитекторъ, представитель свѣтѣйшаго синода, Преображенскій. Продолжительныя пренія возбудилъ вопросъ о ремонтѣ Знаменской церкви въ Новгородѣ, со знаменитыми фресками, относящимися къ XII вѣку. Въ виду того, что церковь пока представляетъ своего рода унику, комиссія постановила произвести съ большой осторожностью только ремонтъ фундамента и крыши. Въ церкви св. Георгія въ Старой Ладогѣ, относящейся къ XII столѣтію, поручено произвести ремонтъ археологу Романченку. Затѣмъ прочитаны были заявленія о церквяхъ: Знаменско-Вознесенской, Іоанна Воина въ Казани, Ковалевской въ Новгородѣ, Пречистенской въ Зубовѣ и другихъ. Архитекторъ П. П. Покрышкинъ представилъ эскизный проектъ музея въ Херсонесѣ, на постройку котораго отпускается до 40,000 рублей; музей предполагается построить въ классическо-греческомъ стилѣ.

Археологическій институтъ. 16-го марта, на общемъ собраніи членовъ и слушателей института подъ предсѣдательствомъ профессора Н. В. Покровскаго, М. Н. Дитрихомъ сдѣланъ былъ интересный докладъ «происхожденіе птицы Сиринъ въ русскомъ орнаментѣ», вызвавшій оживленныя пренія, въ которыхъ принялъ участіе профессоръ: Н. В. Покровский, Н. И. Веселовскій, В. Н. Перетцъ и Н. В. Султановъ. Сиринъ, птица райская, была одною изъ характернѣйшихъ и любимѣйшихъ фигуръ стариннаго русскаго орнамента. Происхожденіе ея М. Н. Дитрихъ относитъ къ отдаленнѣйшимъ эпохамъ въ жизни Азіи и Египта. Здѣсь именно впервые встрѣчается изображеніе птицы, соединенной съ человѣческою фигурою. Сиринъ у насъ и сирена на Западѣ, конечно имѣютъ между собою нѣкоторую аналогію, но также коренное различіе. Сирена Запада—обольстительное и всегда пагубное существо, русскій Си-

ринь—это птица райская, творящая хвалу Божію. Птица Сиринь, по мнѣнію г. Дитриха, непосредственно заимствована изъ Азіи, минуя своего собрата, южно-италійскую западную сирену. Древнѣйшее изображеніе Сирина у насъ извѣстно отъ XI столѣтія. Широкое распространеніе птица Сиринь имѣетъ и въ настоящее время въ народномъ шитьѣ. Собранный г. Дитрихомъ матеріалъ приводитъ къ слѣдующему интересному заключенію: фантазія народная окружила загадочную птицу Сирина ореоломъ святости и непорочности, создала изъ нея поэтический чистый образъ, вложила немало своего въ далекую восточную легенду, возведя существо, служившее на Западѣ символомъ смерти, вселявшее ужасъ, въ свѣтлый и чистый образъ, въ символъ святости и неземныхъ радостей. Это пересозданіе вполне понятно изъ характеристики народа. Русскій народъ, живущій среди необозримыхъ ровныхъ полей, среди спокойной природы, не имѣвшій ни одного злого и мстительнаго божества, у котораго и самыя злыя силы природы—лѣшіе, водяные, русалки, домовые—имѣли всегда добродушно—комическій элементъ, долженъ былъ пересоздать и птицу Сирина, которая въ его представленіи такъ же свѣтла и ясна, какъ всегда ясно и свѣтло было міросозерцаніе самого народа—отъ Бѣлаго моря до Чернаго и отъ Урала до Карпатъ. Рефератъ покрытъ былъ дружными аплодисментами.

Общество любителей древней письменности. I. 14-го марта состоялось общее собраніе подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева. Первое сообщеніе въ этомъ засѣданіи было сдѣлано С. Л. Пташицкимъ, который ознакомилъ съ недавно обнаруженными новыми данными о первопечатникѣ Иванѣ Ѳедоровѣ и поставилъ ихъ въ связь съ рядомъ своихъ наблюденій надъ изданіями Острожской библии. Эти наблюденія въ главныхъ чертахъ сводятся къ слѣдующему. До сихъ поръ были извѣстны два изданія Острожской библии, отличающіяся только выходными листами. Кромѣ того, извѣстенъ отрывокъ изъ этой библии (листы 133—180, въ Румянцевскомъ музеѣ, въ собраніи Ундольскаго) въ 8 тетрадяхъ, набранныхъ другимъ шрифтомъ, и вообще представляющій много существенныхъ, какъ типографскихъ, такъ и орфографическихъ отличій отъ обычнаго текста Острожской библии. Отрывокъ этотъ въ полномъ экземплярѣ до сихъ поръ не встрѣчался, но С. Л. Пташицкому удалось найти такой экземпляръ (съ 1580 годомъ) въ библиотекѣ Варшавскаго университета. Въ этомъ экземплярѣ отпечатаны другимъ шрифтомъ 48 листовъ, которые имѣются въ отрывкѣ Ундольскаго, при чемъ одинъ листъ—180-й—имѣетъ нѣкоторыя отличія отъ соответствующаго листа въ отрывкѣ Ундольскаго. Такимъ образомъ листъ 180-й вошелъ въ трехъ наборахъ. Кромѣ того, референтомъ найденъ въ библиотекѣ императорской академіи наукъ экземпляръ, въ которомъ отличается наборомъ (другое расположеніе строкъ, отличія въ вязи) первая нумерованная тетрадь, лл. 1—6, печатанная общимъ шрифтомъ. До сихъ поръ референтъ не нашелъ другихъ экземпляровъ, соответствующихъ варшавскому и академическому, и обращается съ просьбою ко всѣмъ указать, не найдутся ли гдѣ нибудь такіе экземпляры. Рефератъ С. Л. Пташицкаго будетъ напечатанъ со снимками въ «Печатномъ Искусствѣ». Второе сообщеніе: «Спорные вопросы въ біографіи киев-

скаго митрополита Григорія Цамблака», было прочитано А. И. Яцимирскимъ. Въ концѣ реферата докладчикъ сообщилъ нѣсколько неизвѣстныхъ въ литературѣ преданій о Цамблакѣ, живущихъ въ средѣ нѣмецкихъ монаховъ до настоящаго времени. Что касается времени смерти Цамблака, то референтъ полагаетъ, что она послѣдовала вскорѣ послѣ 1450 года, такъ какъ въ этомъ году Гавріилу было уже 86 лѣтъ. Рефератъ этотъ вызвалъ обмѣнъ мнѣній между П. А. Сырку и референтомъ. II. 28-го марта состоялось общее собраніе подъ предѣлательствомъ графа С. Д. Шереметева. Въ началѣ засѣданія Н. В. Султановъ сдѣлалъ нѣсколько поясненій къ пожертвованнымъ имъ въ музей общества: изразцу XV вѣка изъ дворца царевича Дмитрія въ Угличѣ (сдва ли не самый старый образецъ русскаго изразца) и рамѣ изъ церкви села Останкина около Москвы. Первый рефератъ въ этомъ засѣданіи былъ прочитанъ профессоромъ Боннскаго университета Л. К. Гетцель, который ознакомилъ присутствующихъ въ общихъ чертахъ съ планомъ своей книги: «Кіево-Печерскій монастырь, какъ культурный центръ древней Россіи». Кромѣ того, профессоръ Л. К. Гетцъ сообщилъ вкратцѣ выводы своей статьи (имѣющей появиться, вѣроятно, въ этомъ году въ Archiv für slavische Philologie) о «Похвалѣ преподобному Феодосію Печерскому». По мнѣнію референта, эта «Похвала» состоитъ собственно изъ двухъ «похвалъ», механически соединенныхъ переносчикомъ; изъ нихъ одна написана въ промежутокъ между 1091—1108 гг., а другая послѣ 1240 года Серапіономъ Владимирскимъ. Второе сообщеніе: «Фотіанская редакція Номоканона XIV титуловъ въ связи съ вопросомъ о происхожденіи славянскаго ея перевода», было прочитано В. Н. Бенешевичемъ. Референтъ выяснилъ вопросъ объ отношеніи славянскаго перевода Номоканона въ XIV титулахъ къ греческому подлиннику и происхожденіе послѣдняго. Въ немъ, по наблюденію докладчика, мы имѣемъ дѣло съ особой редакціей указаннаго Номоканона, основныя черты которой до сихъ поръ были не выяснены; самое время ея перевода на славянскій языкъ было неизвѣстно. Эту редакцію референтъ считаетъ возможнымъ назвать «фотіанскою», потому что въ ней болѣе, чѣмъ въ какой либо другой, выразилась тенденція фотіанскаго направленія. Анализъ текста этой редакціи обнаружилъ доселѣ неизвѣстныя статьи, изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаетъ Collectio XIII capitulorum.

Пушкинская коммисія общества любителей руссiйской словесности. 16-го марта, въ круглой залѣ правленія Московскаго университета состоялось очередное, съ приглашенными лицами, засѣданіе. Рѣшено просить принять участіе въ занятіяхъ коммисіи академика Ѳ. Е. Корша и пригласить В. А. Водарскаго, составителя словаря пушкинской прозаической рѣчи. Затѣмъ былъ заслушанъ и обсужденъ докладъ В. Ѳ. Саводника «О составленіи пушкинскаго словаря». На западѣ словари къ отдѣльнымъ писателямъ очень обычны. Безъ нихъ невозможно серьезное научное изученіе писателя, точное опредѣленіе его индивидуальныхъ особенностей. До сихъ поръ у насъ такихъ словарей нѣтъ; вообще для изученія языка нашихъ писателей, даже Пушкина, сдѣлано очень мало. По мнѣнію докладчика, при работахъ надъ пушкинскимъ словаремъ, потребность въ которомъ давно уже назрѣла, нужно руководствоваться слѣ-

Дующими основными правилами: 1) отдѣлять языкъ прозаическихъ и поэтическихъ произведеній, очень несходный у Пушкина; 2) всѣ слова брать въ контекстѣ; 3) для служебныхъ словъ можно ограничиться типическими примѣрами и общимъ подсчетомъ случаевъ употребленіи; 4) нужно каждый разъ отмѣчать необычное употребленіе словъ; 5) матеріалъ подъ отдѣльнымъ словомъ слѣдуетъ группировать хронологически, по періодамъ; 1812—1820, 1820—1824, 1824—1831, 1731—1837; 6) особенности грамматическихъ формъ не вносить въ словарь, а отнести къ особому вступительному введенію объ языкѣ Пушкина. Послѣ обстоятельнаго обсужденія основныя положенія докладчика съ небольшими дополненіями и разъясненіями были приняты комиссіей.

Библиологическое общество. 22-го марта, въ Петербургѣ, въ помѣщеніи Краснаго Креста (Инженерная, 9), состоялось годовое общее собраніе Русскаго библиологическаго общества подъ предѣлательствомъ профессора А. И. Маленна. По прочтеніи отчета за 1902 годъ. В. Ф. Воцяновскимъ прочитанъ былъ рефератъ о Д. Андреевѣ и его произведеніяхъ. Изобразивъ ростъ общественнаго вниманія къ полемикѣ, порожденной не существенными, но эксцентрическими сторонами произведеній г. Андреева, референтъ живо охарактеризовалъ пессимистическое настроеніе главнѣйшихъ разсказовъ этого белетриста и въ заключеніе выразилъ мнѣніе, что всѣ обвиненія Андреева въ порнографической преднамѣренности сюжетовъ и «смакованій» ихъ совершенно не основательны. Это мнѣніе г. Воцяновскаго нашло себѣ противника въ лицѣ г. Пурышкевича, который старался доказать, что въ произведеніяхъ Андреева порнографическій элементъ выдвинутъ на первый планъ, и что, кромѣ соблазна и глубокаго вреда, эти произведенія ничего дать не могутъ. Другіе ораторы, горячо и много говорившіе по этому вопросу, однако, примкнули къ мнѣнію докладчика. Въ томъ же собраніи избраны въ дѣйствительные члены общества: Н. А. Пашковскій, Д. Д. Крупенскій, А. В. Балдинъ и В. Н. Кузнецовъ.

Музыкальная комиссія этнографическаго отдѣла. 19-го марта, въ Москвѣ въ залѣ Синодальнаго училища состоялось публичное соединенное засѣданіе этнографическаго отдѣла общества любителей естествознанія, антропологін этнографіи и музыкальной комиссіи этого общества, посвященное памяти члена общества, извѣстнаго изслѣдователя въ области русскихъ народныхъ нѣсенъ и музыкаланой ритмики Юлія Николаевича Мельгунова, скончавшагося въ Москвѣ ровно десять лѣтъ тому назадъ. На эстрадѣ помѣщенъ былъ украшенный зеленью портретъ покойнаго. Засѣданіе открылось рѣчью Н. А. Янчуга, вкратцѣ изложившаго біографію Мельгунова. Мельгуновъ родился въ 1846 г. въ Ветлугѣ, образованіе получилъ въ Александровскомъ лицѣ, музыкѣ учился у Дрейшока и Ларона и былъ хорошимъ піанистомъ. Поселившись въ Москвѣ, онъ сблизился съ извѣстнымъ германскимъ ученымъ, посвятившимъ себя изученію вопросовъ ритмики и метрики, Рудольфомъ Вестфалемъ, приглашеннымъ тогда въ преподаватели лица цесаревича Николая. Съ тѣхъ поръ имена ихъ стали тѣсно связаны. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ они работали вмѣстѣ, нерѣдко по 11-ти—15-ти часовъ въ сутки. Плодомъ этихъ занятій явились

извѣстное изданіе 10-ти фугъ Баха съ ритмическимъ расчлененіемъ и затѣмъ главный трудъ Мельгунова—«Русскія народныя пѣсни» (два выпуска); большое предисловіе къ первому выпуску пѣсенъ (1879 г.) составило эпоху въ дѣлѣ научнаго изученія русской народной музыки, ибо открыло рядъ совершенно новыхъ точекъ зрѣнія на предметъ. Мельгуновъ скончался неожиданно въ расгарѣ научной работы, оставивъ въ рукописяхъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе законченныхъ трудовъ и матеріаловъ. Только теперь сдѣлался возможнымъ доступъ къ этимъ трудамъ. Главнѣйшіе изъ нихъ: серія неизданныхъ еще народныхъ пѣсенъ; статьи и замѣтки о русской пѣснѣ; полный переводъ извѣстнаго сочиненія Вестфала «Allgemeine Theorie der musikalischen Rythmik», собственный учебникъ ритмики; курсъ фортепианной техники; ритмическіе анализы классиковъ (Баха, Бетховена и другихъ). Учебникъ ритмики въ настоящее время готовится къ печати П. Д. Самаринымъ подъ редакціей профессора Ѳ. Е. Корша. Другіе труды Мельгунова покуда не могутъ быть изданы за недостаткомъ средствъ. Не имѣется также средствъ на постановку сколько нибудь прочнаго и достойнаго памятника на могилѣ Мельгунова. Е. Ѳ. Линева указала на черты, характеризующія Мельгунова, какъ новатора въ дѣлѣ собиранія русской пѣсни. Онъ былъ прежде всего объективенъ, бралъ пѣсню, какова она есть, а не подходилъ къ ней съ предвзятыми взглядами; онъ не отдѣлялъ напѣва отъ текста, а изучалъ ихъ въ связи, и именно въ той связи, какая существуетъ при живомъ, непосредственномъ воспроизведеніи пѣсни: онъ первый установилъ незыблемо, что народная пѣсня многоголосна, и что въ основѣ этого многоголосія лежатъ подголоски—особаго рода народный контрапунктъ, дающій возможность установить гармоническую схему пѣсни. Рѣчь свою г-жа Линева закончила предложеніемъ основать при этнографическомъ обществѣ «Мельгуновскій союзъ любителей народной пѣсни» для изученія и исполненія образцовъ народнаго музыкальнаго творчества. Профессоръ Ѳ. Е. Коршъ въ живой и художественной рѣчи подѣлился со слушателями личными воспоминаніями о Мельгуновѣ и выяснилъ его заслуги въ области музыкальной ритмики. Лекторъ охарактеризовалъ покойнаго, какъ натуру самостоятельную, тонкую, аристократически-эстетическую, относившуюся съ презрительнымъ сожалѣніемъ ко всѣмъ тѣмъ, кто не любитъ и не понимаетъ прекраснаго. На нѣкоторыя основныя мысли по части построенія русскихъ пѣсенъ натолкнуло Мельгунова знакомство съ купцомъ К. К. Шапошниковымъ, фанатическимъ любителемъ русской пѣсни. Во взглядахъ на основныя начала ритмики Мельгуновъ былъ послѣдователемъ Вестфала, заслуги котораго въ этой области сводятся къ установленію понятія о *κρόνος πρώτος*,—основной первоначальной длительности, которою измѣряются всѣ остальные длительности,—и къ выясненію началъ дѣленія произведенія на ритмическіе члены. Но Вестфаль не зналъ своеобразнаго строя русской пѣсни, и дѣломъ Мельгунова было приложеніе основаній вестфалевской ритмики къ изученію этой пѣсни. Наконецъ, А. Л. Масловъ изложилъ взгляды Мельгунова на русскую народную пѣсню. Послѣ перерыва исполненъ былъ рядъ пѣсенъ изъ сборниковъ Мельгунова; въ исполненіи приняли участіе г. Пятницкій, г-жа Трейтеръ, хоръ любителей, подъ управленіемъ г-жи Ливевой, и хоръ Строгановскаго училища,

подъ управленіемъ г. Никольскаго. Зала переполнена была публикой, весьма сочувственно принимающей какъ лекторовъ, такъ и музыкальныя исполненія. Въ заключеніе отмѣтимъ, что музыкальная коммиссія занята составленіемъ біографіи покойнаго, но, къ сожалѣнію, матеріала для этого слишкомъ мало. Въ виду этого коммиссія обращается ко всѣмъ съ покорнѣйшею просьбой сообщить ей все, что кто можетъ о Ю. Н. Мельгуновѣ: воспоминанія, письма, книги съего замѣтками, портреты лицъ, имѣвшихъ къ нему близкое отношеніе, виды его мѣстопребываній и т. д. Всѣ сообщенія могутъ быть направляемы въ Румянцовскій музей на имя Н. А. Янчука, предсѣдателя музыкально-этнографической коммиссіи.

Общество археологів, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Въ засѣданіи 29-го апрѣля было доложено о весьма важныхъ пріобрѣтеніяхъ бібліотеки и музея общества; дѣйствительный членъ общества, С. И. Порфирьевъ, принесъ въ даръ обществу собраніе восточныхъ книгъ и рукописей, принадлежавшихъ дѣду жертвователя, извѣстному ориенталисту Г. С. Саблукову († 1880 году). По отзыву профессора востоковѣднія, въ Казанскомъ университетѣ, Н. Θ. Катанова, среди рукописей и печатныхъ книгъ, принадлежавшихъ Г. С. Саблукову, имѣется немало весьма цѣнныхъ, напримѣръ, полныя изданія нѣкоторыхъ восточныхъ произведеній, перепечатающихся въ настоящее время съ цензурными сокращеніями или вовсе не перепечатающихся. Въ виду значительнаго научнаго интереса, представляемаго собраніемъ книгъ и рукописей Г. С. Саблукова, профессоръ Катановъ предложилъ обществу завести для храненія ихъ особый шкафъ, напечатать подробный каталогъ ихъ, съ приложеніемъ портрета Г. С. Саблукова и біографіи его, а С. И. Порфирьева, согласно § 28 устава общества, признать членомъ-соревнователемъ. Всѣ эти предложенія г. Катанова, одобренныя уже съѣтомъ общества, были приняты присутствовавшими въ засѣданіи дѣйствительными членами общества единогласно. Въ музей общества поступило весьма интересное пожертвованіе дѣйствительнаго члена, Н. Н. Пантусова, состоящее изъ нѣсколькихъ камней, найденныхъ на одномъ изъ несторіанскихъ кладбищъ Средней Азіи. Камни эти, снабженные надписями и изображеніемъ креста, были демонстрированы въ засѣданіи, при чемъ профессоръ Катановъ выяснилъ происхожденіе ихъ. Научныхъ сообщеній въ засѣданіи 28-го апрѣля было сдѣлано два; первое изъ нихъ, профессора Н. Θ. Катанова, имѣло своимъ предметомъ свѣдѣнія о Казани, сообщаемыя французскимъ путешественникомъ довольно новаго времени, А. Segrelle'емъ, въ его книгѣ «Le Volga» (1877 г.). Данныя о Казани, находящіяся въ названной книгѣ, не отличаются новизной и похожи на календарныя свѣдѣнія. Второй рефератъ, члена-сотрудника общества К. В. Харламовича, носилъ заглавіе «Казанская новокрепченскія школы XVIII столѣтія» и былъ посвященъ детальной характеристикѣ заведеній для обученія инородцевъ въ Казани; авторъ доклада сообщилъ немало интересныхъ данныхъ, пополняющихъ извѣстный трудъ о. Е. А. Малова («Новокрепченской конторѣ» (1878 г.).

Къ XIII археологическому съѣзду въ Екатеринославѣ. 25-го апрѣля, состоялось первое засѣданіе харьковской коммиссіи по подготовкѣ XIII археоло-

гическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ, состоящей при историко-филологическомъ обществѣ. Засѣданіе началось съ выборовъ должностныхъ лицъ комиссіи: предѣдателемъ избранъ профессоръ Н. Ѳ. Сумцовъ, секретаремъ—профессоръ Е. К. Рѣдинъ и товарищемъ секретаря—приватъ-доцентъ В. Е. Данилевичъ. Профессоръ М. Г. Халанскій отмѣтилъ, что одной изъ важнѣйшихъ задачъ современной науки о русскомъ языкѣ является изученіе мѣстныхъ говоровъ. Къ прошлому XII археологическому съѣзду онъ совершилъ нѣсколько экскурсій съ цѣлью изученія говоровъ Курской губерніи, и собранные имъ тогда обширные матеріалы печатаются въ настоящее время въ изданіяхъ академіи наукъ. Говоры Харьковской губерніи изучены еще въ слабой степени, и онъ желалъ бы совершить нѣсколько поѣздокъ по Харьковской губерніи къ предстоящему XIII археологическому съѣзду, чтобы собрать матеріалы о мѣстныхъ говорахъ. Комиссія вполне присоединилась къ мнѣнію профессора М. Г. Халанскаго и постановила ходатайствовать передъ московскимъ предварительнымъ комитетомъ объ отпускѣ средствъ на эту экспедицію. вмѣстѣ съ тѣмъ комиссія постановила передать профессору Халанскому пѣсенные и другіе матеріалы по народной словесности Харьковской губерніи, которые будутъ поступать на ея разсмотрѣніе, такъ какъ онъ выразилъ готовность заниматься изученіемъ и обработкой ихъ. Кромѣ того, профессоръ М. Г. Халанскій изъявилъ желаніе составлять описаніе старинныхъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, если таковыя будутъ поступать въ комиссію. Профессоръ Е. К. Рѣдинъ сообщилъ, что въ бумагахъ бывшаго предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ осталось много весьма интересныхъ матеріаловъ, которые не могли быть использованы тогда надлежащимъ образомъ. Между этими матеріалами имѣется немало такихъ, которые отличаются поэтическимъ характеромъ и собраны въ предѣлахъ Харьковской губерніи. Краткій обзоръ матеріаловъ послѣдняго вида и былъ сдѣланъ докладчикомъ. Профессоръ Д. П. Багалъй сообщилъ, что изъ рукописныхъ замѣтокъ покойнаго профессора Ю. П. Морозова имъ извлечено много матеріаловъ по археологіи Харьковской губерніи. Замѣтки покойнаго профессора имѣютъ выдающійся научный интересъ, а потому желательно было бы ихъ напечатать. Кромѣ того, опубликованіе этихъ замѣтокъ интересно и по той причинѣ, что многія древности, описанныя въ нихъ, въ настоящее время составляютъ собственность музея искусствъ и древностей Харьковскаго университета. Затѣмъ профессоръ Багалъй отмѣтилъ, что въ портфеляхъ харьковскаго историко-филологическаго общества накопилось много интересныхъ въ научномъ отношеніи матеріаловъ по исторіи, археологіи и этнографіи, которые остаются непечатанными по недостатку средствъ. Пользованіе этими матеріалами затруднительно, такъ какъ не имѣется никакого указателя къ нимъ. Поэтому онъ предлагаетъ составить систематическій указатель всѣмъ рукописнымъ матеріаламъ, имѣющимся въ распоряженіи общества, дабы сдѣлать ознакомленіе съ ними доступнымъ всѣмъ занимающимся разработкой тѣхъ вопросовъ, къ которымъ относятся эти матеріалы. Профессоръ Е. К. Рѣдинъ сообщилъ, что, кромѣ тѣхъ рукописныхъ матеріаловъ, о которыхъ онъ доложилъ раньше, онъ имѣетъ еще много рукописныхъ замѣтокъ и сообщеній по археологіи и этно-

графіи Екатеринославской, Полтавской, Курской и Воронежско губерній и области Войска Донского. Было бы весьма желательно, чтобы эти матеріалы были использованы къ XIII археологическому съѣзду, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ заключаютъ въ себѣ интересныя данныя. Профессоръ Д. И. Багалѣй сообщилъ комиссіи составленную имъ программу раскопокъ и другихъ археологическихъ изслѣдованій къ предстоящему XIII археологическому съѣзду. Программа эта была доложена имъ въ январѣ текущаго года въ засѣданіяхъ московскаго предварительнаго комитета и имѣетъ цѣлью связать изысканія, произведенныя къ XII археологическому съѣзду въ г. Харьковѣ, съ тѣми раскопками и изслѣдованіями, которыя будутъ производиться къ предстоящему въ г. Екатеринославѣ съѣзду. Какъ извѣстно, мысль созвать предстоящій съѣздъ въ г. Екатеринославѣ возникла подъ вліяніемъ того соображенія, что необходимо продолжить изысканія, начатыя передъ бывшимъ въ Харьковѣ съѣздомъ, такъ какъ они намѣтили много интересныхъ вопросовъ, да и вообще юго-восточный уголь Европейской Россіи слабо изученъ въ археологическомъ отношеніи. Поэтому профессоръ Д. И. Багалѣй предлагаетъ закончить нѣкоторыя раскопки въ предѣлахъ Харьковской губерніи и продолжить ихъ затѣмъ въ предѣлы Екатеринославской губерніи по рр. Бахмуткѣ и С. Донцу, а также по р. Калміусу до его устья. Если вѣрно предположеніе нѣкоторыхъ ученыхъ, что р. Калміусъ тождественна съ той р. Калкой, на которой произошла въ 1224 году несчастная битва русскихъ съ татарами, то раскопки на ней представляютъ особенный интересъ для русско-славянской археологіи домонгольскаго періода. Но раскопки на берегахъ этой рѣки важны и по той причинѣ, что она, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, служила съ самыхъ отдаленныхъ временъ важнымъ воднымъ путемъ отъ Днѣпра къ Дону, и по ней совершалось обширное торговое движеніе. Значитъ, эти раскопки интересны не только съ точки зрѣнія русскихъ древностей домонгольскаго періода, но онѣ могутъ еще доставить много цѣнныхъ данныхъ для топографіи Половецкой степи. Далѣе, по мнѣнію докладчика, эти раскопки интересны и для изученія древностей болѣе поздняго времени, такъ какъ и знаменитый описатель Украины Гильомъ Бопланъ указываетъ на р. Калміусъ, какъ на составную часть пути изъ Поддѣпровья въ область р. Дона и Азовскаго моря. Конечно, раскопки по р. Калміусу не должны ограничиваться однимъ правымъ берегомъ его, ихъ слѣдуетъ перенести и на лѣвую сторону рѣки, въ предѣлы области Войска Донского. Въ Харьковской губерніи было бы весьма желательно продолжить раскопки въ сѣверо-западномъ углу губерніи, въ Ахтырскомъ, Богодуховскомъ и Сумскомъ уѣздахъ, гдѣ извѣстно много неизслѣдованныхъ кургановъ и городищъ; напримѣръ, обширная группа кургановъ находится около г. Сумъ, въ имѣніяхъ П. П. Харитоненка. Кромѣ того, необходимо продолжить изслѣдованія могильника и городища около Верхняго Салтова, Волчанскаго уѣзда. Верхне-Салтовское городище интересно, между прочимъ, и потому, что оно представляетъ остатки единственнаго каменнаго города въ предѣлахъ Харьковской губерніи. Довольно значительные остатки укрѣпленій существовали тамъ еще въ XVII столѣтіи, и камень ихъ служилъ не только для мѣстныхъ построекъ, но возился даже въ Харьковъ, гдѣ изъ него сдѣлали первыя мостовыя. Поэтому необходимо

произвести правильное изслѣдованіе Салтовскаго городища и изучить при помощи пробныхъ раскопокъ топографію салтовскаго могильника, такъ какъ онъ далъ послѣ сѣзда въ Харьковѣ вѣкоторыя совершенно новыя открытія. Затѣмъ надлежитъ окончить изслѣдованіе Донецкаго городища и произвести изысканія на Хорошевскомъ городищѣ и въ его окрестностяхъ, гдѣ извѣстенъ могильникъ. Кромѣ того, необходимо изслѣдовать еще одно городище въ Лебединскомъ уѣздѣ, такъ какъ оно представляетъ ту рѣдкую особенность, что могильникъ расположенъ на самомъ городищѣ. Наконецъ, желательно произвести раскопку кургановъ около с. Дергачей, въ имѣніи Любарскаго, и закончить изслѣдованіе могильника въ имѣніи г. Духовскаго, около с. Мерчина. Заслушавъ сообщеніе профессора Д. И. Багалъя, комиссія постановила просить московскій предварительный комитетъ объ отпускѣ средствъ, необходимыхъ для производства археологическихъ изслѣдованій къ предстоящему сѣзду, при чемъ таковыя должны производиться въ программѣ, составленной профессоромъ Д. И. Багалъемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, комиссія рѣшила обратиться къ мѣстнымъ землевладѣльцамъ съ просьбой разрѣшить производство раскопокъ и другихъ изысканій на принадлежащихъ имъ земляхъ и оказать работамъ комиссіи матеріальную поддержку. Приватъ-доцентъ В. Е. Данилевичъ доложилъ комиссіи проектъ письма къ П. И. Харитоненку, въ которомъ онъ излагаетъ научные результаты раскопокъ, произведенныхъ въ имѣніяхъ г. Харитоненка передъ XII археологическимъ сѣздомъ, и намѣчаетъ то, что слѣдовало бы сдѣлать къ предстоящему сѣзду. Приватъ-доцентъ Е. И. Трифильевъ заявилъ, что слѣдовало бы продолжить раскопки въ Куцянекомъ уѣздѣ, гдѣ имѣется еще нѣсколько кургановъ съ каменными бабами. Профессоръ Д. И. Багалъй отмѣтилъ, что къ предстоящему сѣзду надлежитъ закончить изученіе архивовъ Харьковской и сосѣднихъ съ нею губерній. Кромѣ того, предложилъ посвятить XIII археологическому сѣзду въ г. Екатеринославѣ тѣ изданія историко-филологическаго общества, которыя это общество будетъ печатать къ сѣзду, такъ какъ археологическая комиссія состоитъ при обществѣ и тѣсно связана съ нимъ.

Исчезнувшіе музеи. Подъ такимъ заглавіемъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» помѣщена слѣдующая любопытная статья. Въ императорское московское археологическое общество поступило письмо отъ отставнаго подполковника П. И. Сакирича слѣдующаго содержанія. «Въ Оренбургѣ нѣкогда существовало два музея. Старѣйшій изъ нихъ, какъ видно изъ «Адресъ-календаря отдѣльнаго оренбургскаго корпуса и управленія Оренбургскаго края на 1833 г.» (стр. 358), помѣщался въ одной изъ залъ Неплюевскаго военнаго училища (нынѣ оренбургскій Неплюевскій кадетскій корпусъ). Въ немъ имѣлось (по «Адресъ календарю») слѣдующее количество предметовъ: по геогнозій 972, ботаникѣ 1.575, зоологій 443, статистикѣ 42, нумизматикѣ 646, археологій 30; книгъ: восточныхъ 5, разныхъ 35; рукописей: русскихъ 4, восточныхъ 3; произведеній живописи и гравировки 9 и портретовъ 9. Другой музей — зоологическій съ минералогическимъ при немъ кабинетомъ, — еще на моей памяти (въ 60-хъ годахъ минувшаго столѣтія) занималъ нѣсколько залъ въ генеральномъ штабѣ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса. Теперь на мѣстѣ этого зданія, снесеннаго

въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, выстроена оренбургская мужская гимназія. Завѣдывалъ имъ ученый препараторъ, если не ошибаюсь, г. Скорняковъ (чиновникъ оренбургскаго казачьяго войска), а помощникомъ его былъ препараторъ же, урядникъ, который посылался иногда для собиранія естественно-историческихъ коллекцій. Этотъ второй музей заключалъ въ себѣ обширныя собранія предметовъ по зоологіи, минералогіи и палеонтологіи. Помню, всѣ залы его были заставлены чучелами крупныхъ звѣрей, а по стѣнамъ тянулись или шкафы, сверху донизу наполненные чучелами же мелкихъ звѣрей и птицъ, или открытыя, въ нѣсколько ярусовъ, полки съ многочисленными образцами минераловъ и ископаемыхъ; окна были заставлены различными гадами и рыбами въ банкахъ со спиртомъ, и на каждомъ предметѣ имѣлся объяснительный ярлыкъ. Была при музеѣ и особая комната для оборудованія чучель, былъ при немъ и предметный каталогъ. Въ музей по праздникамъ допускались учащіяся и интеллигентная публика. Вернувшись въ Оренбургъ послѣ многолѣтняго отсутствія въ 1902 г., я сталъ разспрашивать здѣшнихъ старожиловъ о мѣстѣ находженія теперь названныхъ музеевъ, но никто не могъ мнѣ дать на этотъ счетъ никакихъ указаній; ничего опредѣленнаго не могъ я узнать и въ мѣстной ученой архивной комиссіи и въ отдѣлѣ географическаго общества. Пытался я получить разъясненіе чрезъ посредство мѣстной прессы, но ни въ «Оренбургской Газетѣ» ни въ «Тургайской Газетѣ» письмо мое съ соотвѣтственнымъ запросомъ не было напечатано. Объ этомъ нельзя не пожалѣть. Возбуждая вопросъ о двухъ музеяхъ Оренбургскаго края, неизвѣстно куда исчезнувшихъ, я дѣйствовалъ въ интересахъ науки, въ интересахъ лицъ, занимающихся изслѣдованіемъ природы и исторіи Оренбургскаго края въ прежнихъ, обширныхъ его границахъ (время управленія П. И. Неплюева и графовъ Сухтелена и Перовскаго),—лицъ, для которыхъ коллекціи этихъ музеевъ могли бы быть очень важными и цѣнными, такъ какъ онѣ собирались въ теченіе многихъ лѣтъ и давали во многихъ отношеніяхъ полное представленіе объ естественныхъ богатствахъ края, а отчасти и объ его историческомъ (и доисторическомъ) прошломъ. Куда же все это дѣлось? Никакого отвѣта». Археологическое общество не можетъ, конечно, помочь г. Сакиричу въ отысканіи интересующихъ его музеевъ, и все, что оно можетъ сдѣлать, это—прибѣгнуть къ посредству печати, въ надеждѣ, что поставленный подполковникомъ Сакиричемъ вопросъ вызоветъ соотвѣтственныя разъясненія со стороны мѣстныхъ учреждений и лицъ. Въ Оренбургскомъ краѣ работали нѣкогда лица, живо интересовавшіяся его природой и древностями, и, по всей вѣроятности, ими дѣйствительно были собраны немалыя коллекціи. Укажемъ, напримѣръ, на Эверсмана, автора «Естественной исторіи Оренбургскаго края», много занимавшагося его геологіей, фауной и т. д. Что музеи и коллекціи у насъ современемъ способны исчезать, доказываетъ рядомъ примѣровъ. Провинціальныя музеи существуютъ и развиваются вообще лишь тогда, когда имъ завѣдуютъ лица, преданныя дѣлу и живо интересующіяся имъ; сойдутъ такія лица со сцены, и музей не гарантированъ отъ упадка, раснаденія и даже исчезновенія. Немало утратилось у насъ съ теченіемъ времени изъ разныхъ хранилищъ, архивовъ, монастырей, церквей и т. д. и замѣчательныхъ древ-

ностей, произведеній искусства, рукописей, книгъ и т. п., только часть коихъ могла затѣмъ быть спасена пріобрѣтшими ихъ изъ вторыхъ рукъ правительственными музеями. Можетъ быть, и коллекціи сребургскихъ музеевъ отчасти сохранились, но желательно бы выяснитъ, какія именно и гдѣ, и почему признано было нужнымъ прекратить существованіе отдѣльнаго мѣстнаго музея, важность котораго для научнаго изученія края, конечно, не можетъ быть оспариваема.

Кіевскій музей древностей. Императорская археологическая комиссія, по словамъ «Кіевлянина», принесла въ даръ кіевскому музею древностей и искусствъ много предметовъ, относящихся къ древностямъ средняго Придѣл-провья. Всѣ эти предметы добыты раскопками предсѣдателя императорской археологической комиссіи графа А. А. Бобринскаго и кіевского археолога В. Е. Гезе. Графъ А. А. Бобринскій свои раскопки производилъ въ 1901 году въ Черкасскомъ и Чигиринскомъ уѣздахъ. Имъ было раскопано много кургановъ, относящихся преимущественно къ греко-скиѣской эпохѣ. Всѣ добытые при этомъ многочисленные предметы, относящіеся къ раскопаннымъ погребеніямъ и характеризующіе ихъ, теперь переданы въ собственность кіевскому музею. В. Е. Гезе свои раскопки производилъ, съ разрѣшенія императорской археологической комиссіи, на Дѣвичьей горѣ, въ 1901 году. Дѣвичья гора уже давно извѣстна въ археологическомъ мірѣ и уже давно является соперницей знаменитой Княжьей горы. Обѣ горы, какъ извѣстно, лежатъ на берегу р. Роси, при чемъ Княжья гора находится при впаденіи Роси въ Днѣпръ, а Дѣвичья гора—верстахъ въ 20 отъ устья. Обѣ горы—мѣста древне-славянскихъ городовъ, прекратившихъ свое существованіе уже въ христіанскую эпоху. Первые раскопки на Дѣвичьей горѣ производили крестьяне окрестныхъ деревень; ихъ побудило къ этому множество случайныхъ находокъ древнихъ предметовъ. Раскопки крестьянскія, производившіяся въ страшномъ безпорядкѣ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, давали кладоискателямъ множество предметовъ; послѣдніе поступали на кіевскій рынокъ, и здѣсь большинство изъ нихъ сбывалось собирателямъ древностей подъ видомъ предметовъ, найденныхъ на Княжьей горѣ. Всѣ древности Дѣвичьей горы—славянскія, языческой и христіанской эпохъ, со значительнымъ, однако, преобладаніемъ предметовъ христіанской эпохи. Неоднократно здѣсь находили даже византійскія эмали. Впервые систематическія и подробныя раскопки на Дѣвичьей горѣ произведены въ 1901 году г. Гезе. Имъ здѣсь найдено было множество предметовъ, въ общей массѣ изображающихъ прошлую жизнь древняго города. Между прочимъ, найдено много серебряныхъ вещей.

Общество востовѣдѣнія. I. Въ засѣданіи 20-го марта инженеръ-генералъ-майоръ М. П. Фабриціусъ сдѣлалъ сообщеніе объ экспедиціи въ Саянскій край, находящійся въ центрѣ материка Азіи, иллюстрированное туманными картинками, воспроизведенными съ фотографій, сдѣланныхъ авторомъ во время его экспедиціи. Бросивъ общій взглядъ на географію этого, почти совершенно неизвѣстнаго края въ 40.000 кв. верстъ и населеннаго всего 36 семействами кочующихъ сойотовъ, лекторъ живо и наглядно представилъ безотрадную картину ихъ жизни въ вѣчно холодномъ сыромъ климатѣ, въ никогда не снимаемыхъ

шкурахъ, замѣняющихъ одежду, въ дыму неугасимаго костра, плающаго среди черной темной безъ оконъ юрты, сколоченной изъ тонкихъ бревенъ, съ одной лишь низенькой дверью. Эти люди поддерживаютъ себя особымъ напиткомъ «затуранъ» замѣняющимъ имъ все съѣстное. Полный просторъ всякаго рода болѣзнямъ, безъ всякой надежды получить когда либо, или отъ кого либо медицинскую помощь. Да потребностей какихъ либо у сойотовъ нѣтъ. Все, что имъ нужно, они добываютъ сами въ глухой холодной каменистой и лѣсистой горной тайгѣ, охотою за бѣлкой, соболемъ, медвѣдемъ, и только чай, соль, свинецъ и порохъ имъ обмѣниваютъ буряты на дорогіе мѣха. Деньги сойотамъ не извѣстны, да и не нужны. Ни мыла, ни бѣлья, ни хлѣба они не знаютъ. Всѣ сойоты шаманисты и для нихъ Богъ—дерево, гора, камень... Счетъ разстояній идетъ на дни, ибо продолжительность пути зависитъ отъ того, сколько ночей сайоту быть въ пути, а ночлегъ въ свою очередь зависитъ отъ корма ѣздоваго оленя и подручнаго къ нему. Трудности и опасности путешествія были весьма велики, но все же экспедиціи удалось найти большой кусокъ нефрита, этого очень цѣннаго минерала по своей рѣдкости и трудности добычи. По капризу природы нефритъ помѣщенъ ею почти на границѣ вѣчныхъ свѣговъ, въ 200 верстахъ отъ послѣдняго жилья. Только горныя рѣки выносили его куски въ низовья. По вязкости своей нефритъ не имѣетъ равныхъ себѣ минераловъ, и потому первобытный человѣкъ дѣлалъ изъ него свой топоръ — это первое и необходимѣйшее орудіе. Экспедиціей найденъ громадный нефритъ, болѣе двухъ сажень длины, а производившій предварительные розыски горный инженеръ Ячевскій нашель и коренное мѣсторожденіе нефрита на рѣчкѣ Хора-Джелга, куда и направилась экспедиція, но выпавшій глубокій свѣгъ, угрожавшій гибелью всего ея состава, заставилъ генерала Фабриціуса подумать о возвращеніи. Обратный путь шель по рѣчкѣ Иркутъ. Преодоливъ громадныя трудности на Холхондойскомъ перевалѣ, экспедиція черезъ 20 дней едва увидѣла жилье въ с. Шимки, гдѣ и имѣла первый ночлегъ въ жиломъ домѣ. Въ концѣ лекторъ перешель къ описанію его встрѣчи со скотогонами изъ Монголіи въ Россію. II. Въ послѣднемъ засѣданіи В. И. Семеновъ сдѣлалъ сообщеніе: «О современномъ положеніи вопроса о Багдадской желѣзной дорогѣ», съ туманными картинками, исполненными по фотографіямъ, святымъ докладчикомъ во время его путешествія по Малой Азій. Лекторъ началъ свое изложеніе указаніемъ на значеніе Багдадской желѣзной дороги съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ, а затѣмъ перешель къ постройкѣ Анатолійской дороги. Послѣ окончанія въ 1896 году постройки линіи отъ Ескишеира до Коніи общество Анатолійской дороги стало энергично хлопотать о полученіи концесіи на продолженіе рельсоваго пути отъ Коніи до Багдада и Персидскаго залива. Осенью 1899 года была отправлена для производства предварительныхъ изысканій и всесторонняго изученія районовъ, которые будутъ пересѣчены проектированной линіей, нѣмецкая экспедиція во главѣ съ германскимъ генеральнымъ консуломъ въ Константинополѣ, г. Штемрихомъ. Во время работъ этой экспедиціи въ декабрѣ 1899 году состоялось подписаніе прелиминарной конвенціи о Багдадской дорогѣ, что совпало по времени съ періодомъ наибольшихъ затрудненій для англичанъ въ Южной Африкѣ. Результаты изслѣдованій

экспедиціи Штемриха, вернувшейся весной 1900 года, были неутѣшительны. Оказалось, что вслѣдствіе печальнаго экономическаго положенія страны, которую пересѣчетъ Багдадская линія, доходность ея на километръ не перевыситъ 4.000 франковъ, почему строить дорогу безъ гарантіи со стороны турецкаго правительства невозможно. Но если бы турецкое правительство дало гарантію, то ему пришлось бы выплачивать болѣе 20.000,000 франковъ ежегодно. Начались бы поиски капиталовъ и изысканіе новыхъ источниковъ доходовъ въ Турціи, пользуясь которыми правительство могло бы выплачивать гарантію. Первоначально предполагалось, что 40 процентовъ предпріятія приметъ на себя Германія, 40 процентовъ Франція, и 20 процентовъ будутъ предоставлены капиталистамъ другихъ странъ. Затѣмъ нѣмцы стали предлагать 40 проц. Россіи, но мы отказались. Въ началѣ 1902 года состоялось окончательное дарованіе концессіи на Багдадскую дорогу съ гарантіей въ 16.500 фр. на километръ и съ предоставленіемъ многихъ льготъ концессіонерамъ. Новое обращеніе къ Россіи, съ предложеніемъ принять участіе въ постройкѣ, опять не увѣнчалось успѣхомъ и тогда нѣмцы стали усиленно воздѣйствовать на Англію. Послѣдняя совсѣмъ было согласилась взять на себя 40 проц. предпріятія, но затѣмъ, когда началась кампанія въ печати, отказалась. Остановившись на причинахъ отказа Англіи, лекторъ выяснилъ, что она пришла къ такому рѣшенію убѣдившись, что Багдадская дорога—исключительно нѣмецкое предпріятіе. Въ заключеніе лекторъ высказалъ, что отказъ Англіи отъ участія въ постройкѣ Багдадской дороги нельзя еще разсматривать, какъ рѣшительный ударъ осуществимости всего предпріятія. По всей вѣроятности, нѣмцы найдутъ средства его выполнить. Обстоятельный докладъ В. И. Семенова, обставленный прекрасными картами, вызвалъ единодушное одобреніе многочисленнаго собранія и глубокий интересъ къ разсматриваемому вопросу.

Географическое общество. I. 27-го марта въ засѣданіи отдѣленія статистики Г. И. Аристовъ сдѣлалъ докладъ «О выгодности и возможности орошенія въ Россіи». Вопросъ о томъ, что сельское хозяйство находится у насъ въ крайнемъ упадкѣ и даетъ дефицитъ, не подлежитъ спору, говорилъ докладчикъ; причина такого положенія заключается въ недородѣ, вызываемомъ почти исключительно недостаткомъ водяныхъ осадковъ, т.-е. недостаткомъ орошенія. Причины пониженія количества осадковъ различны: главную роль играетъ увеличеніе запашки. Въ настоящее время распаиваются межи и откосы овраговъ, что способствуетъ въ половинѣ увеличенію послѣднихъ, отчего происходитъ пониженіе почвенныхъ водъ и распаиваемая земля уносится въ рѣки и море (вычислено, что ежегодно море поглощаетъ до 300.000 десятинъ пашни), и получается афоризмъ, что чѣмъ больше пахати, тѣмъ ея меньше. Уничтоженіе лѣсовъ, въ смыслѣ хранилищъ снѣга, также способствуетъ засухамъ. Между тѣмъ вода является наилучшимъ удобреніемъ для земли; она не только поитъ, но, неся азотъ, и кормитъ растеніе. Въ прошломъ году (благоприятномъ по количеству осадковъ) въ Харьковской губ., напримѣръ, крестьянская земля, несмотря на «всѣ издѣвательства надъ ней», дала 250 пуд. съ десятины, т.-е. то же количество, что дала рядомъ удобренная помѣщичья земля. Въ виду всего этого, искусственное орошеніе должно нести за собою огромныя выгоды. При

орошеніи требуется гораздо меньше удобренія, оно избавляетъ отъ полотья, оно сохраняетъ при косѣбѣ потери зерна до 50 пудовъ съ десятины. Опыты показываютъ, что десятина орошенной земли дастъ 176 пудовъ, неорошенной же 40 пуд. хлѣба. При орошеніи, наконецъ, землевладѣлецъ является обладателемъ угодій, на которыя ему не нужно дѣлать затратъ, т.-е. луговъ. Въ Германіи луга, при искусственномъ орошеніи, даютъ обыкновенно 800 пуд. сѣна—у насъ же въ настоящее время 60 пуд. Орошеніе подыметъ садоводство, огородничество, увеличитъ количество топлива, такъ какъ 80% топлива въ Россіи—солома. Въ дѣляхъ орошенія можно было бы собирать снѣговую воду въ прудахъ и выпускать ее по мѣрѣ надобности на поля по ступицамъ водяного колеса. Выгоды отъ орошенія надо исчислять въ 50 рублей на десятину ежегодно, обойдется же оно около 20 рублей на десятину. Кто бы ни взялся за устройство орошенія — государство, крестьяне или землевладѣльцы — оно ни для кого не представитъ затрудненій и большихъ затратъ. Государству устройство это облегчается линіями желѣзныхъ дорогъ, такъ какъ насыпи легко обратить въ плотины, а въ сточныхъ трубахъ, лежащихъ въ лощинахъ, устроить краны. Крестьяне, при своихъ рукахъ, весьма легко могутъ создать орошеніе, перехвативъ плотинами верховья овраговъ. Землевладѣльцы могли бы свободно его устроить, отказавшись на одинъ годъ отъ обработки части земли. Докладъ вызвалъ пренія, при чемъ было указано, что главнымъ затрудненіемъ при устройствѣ орошенія частными лицами является вопросъ юридическій.

II. 28-го марта въ засѣданіи отдѣленія этнографіи А. П. Вороновъ сдѣлалъ сообщеніе о путешествіяхъ по Олонецкому краю, который, находясь, такъ сказать, подъ бокомъ у Петербурга, въ то же время представляетъ для насъ какую-то terra incognita. Существующія карты мѣстности крайне неточны и совершенно невѣрно намѣчаютъ рѣки и озера. Между тѣмъ край покрытъ болѣе чѣмъ 2.000 озеръ, почва его, несмотря на каменистость, довольно благоприятна для хлѣбопашества, особенно на островахъ, гдѣ не бываетъ большихъ морозовъ. Къ природнымъ богатствамъ можно отнести большія залежи камней. Въ Тивдійскихъ ломкахъ насчитывается до 10 сортовъ мрамора, въ Шокшинскихъ — чудный порфиръ, изъ котораго сдѣланъ саркофагъ гробницы Наполеона I въ Домѣ Инвалидовъ въ Парижѣ. Саркофагъ подаренъ былъ императоромъ Николаемъ I, пьедесталъ памятника послѣдняго въ Петербургѣ также сдѣланъ изъ этого камня. Населеніе главнымъ образомъ (300 тыс.) состоитъ изъ русскихъ, инородцевъ (корелы и чудь). Обрусѣніе края идетъ медленными, но вѣрными шагами. Корелы отличаются только языкомъ, они почти всѣ православные или раскольники.

III. 17-го апрѣля Ѳ. К. Дриженко сдѣлалъ сообщеніе о происходившихъ подъ его руководствомъ работахъ географической экспедиціи Байкальскаго озера въ 1902 году. Районъ работъ, охватывая не только Байкаль, но и р. Верхнюю Ангару и волокъ, занимаетъ протяженіе въ 1.200 верстѣ. Экспедиція была раздѣлена на пять партій: четыре назначены для изслѣдованія р. Ангары, пятая была занята работами на Байкалѣ. Въ результатъ изслѣдованія Верхней Ангары привели къ заключенію, что въ большую воду она судоходна на 233 версты отъ устья для парохода съ осадкой въ 5 четвертей, въ теченіе же всего лѣта по ней могутъ ходить суда съ осад-

кой въ 2 четверти, какія ходять, напримѣръ, по Ленѣ въ ея нижнемъ теченіи. Астрономическія работы экспедиціи взяли въ результатѣ опредѣленіе по широтѣ и долготѣ 20 новыхъ пунктовъ, опредѣленіе трехъ разностей въ разстояніяхъ между тремя парами пунктовъ, расположенныхъ поперекъ Байкала и характеризующихъ порядокъ мѣстныхъ уклоненій отвѣсныхъ линій. Рядъ опредѣленій 1902 года замыкаетъ огромный кругъ астрономическихъ пунктовъ длиною болѣе 2.500 верстѣ. Магнитныя опредѣленія были произведены въ трехъ пунктахъ по теченію р. Верхней Ангары и въ селѣ Горячинскомъ, въ общемъ на картахъ Байкала будетъ нанесено 30 магнитныхъ пунктовъ, количество, удовлетворяющее даже строгимъ требованіямъ, предъявляемымъ къ морской картѣ. Работы на волокъ до Бадайбо сопряжены были съ большими трудностями для экспедиціи. Общее заключеніе о волокъ сдѣлано такое: по видимому, путь представится все же самымъ короткимъ и удобнымъ, имѣя на протяженіи 300 верстѣ болота, броды, переправы черезъ рѣки и перевалы черезъ горы: путь этотъ потребуетъ нѣкоторыхъ расходовъ для приведенія его въ удобное для пользованія состояніе. Надо замѣтить, что перевалы отъ Иркутска до Жигалова, напримѣръ, гораздо труднѣе. Въ то время, какъ путь отъ Великой Сибирской магистрали до Бадайбо по р. Ленѣ составляетъ 1.750 верстѣ, новое направленіе по Байкалу, Верхней Ангарѣ и волоку равно — 1.050 верстамъ, такимъ образомъ выигрывается 700 верстѣ. Къ невыгодамъ этого пути надо отнести позднее вскрытіе Байкала. Если въ итогѣ изслѣдованія новаго пути отъ Сибирской желѣзной дороги до Бадайбо по Верхней Ангарѣ и волоку сравнить по частямъ со старымъ, существующимъ теперь, путемъ, то окажется: 1) что такого вполне удобнаго, обсаженнаго и освѣщеннаго маяками пути, какъ Байкаль на 550 верстѣ, въ старомъ направленіи не имѣется вовсе; 2) что р. Верхней Ангарѣ длиною въ 300 верстѣ отвѣчаетъ часть р. Лены въ 1.000 вер. и 3) что хотя еще неустроенному волоку въ 250 верстѣ въ старомъ направленіи отвѣчаетъ волокъ въ 400 вер. — устроенный, но съ переваломъ болѣе труднымъ. Обработка матеріала экспедиціи почти закончена, и часть трудовъ, какъ карты и цѣлый атласъ, вынущена въ свѣтъ.

НЕКРОЛОГИ.

БОГДАНОВИЧЪ, Н. М. 6-го мая въ Уфѣ убитъ уфимскій губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Модестовичъ Богдановичъ. Преступленіе совершено двумя злоумышленниками, напавшими на начальника губерніи во время его прогулки въ городскомъ паркѣ. Н. М. Богдановичъ былъ энергичнымъ администраторомъ, заявившимъ себя въ сферѣ судебной и административной дѣятельности. По окончаніи курса въ Петербургскомъ университетѣ со степенью кандидата правъ, онъ началъ свою служебную карьеру въ министерствѣ юстиціи въ 1865 году, былъ товарищемъ кievскаго губернскаго прокурора и въ 1879 г. назначенъ товарищемъ прокурора с.-петербургскаго окружнаго суда. Въ 1887 г. перешелъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ и былъ назначенъ въ Ломжу вице-губернаторомъ. Черезъ три года переведенъ вице-губернаторомъ въ Ригу и въ 1892 г. назначенъ исправляющимъ должность тобольскаго губернатора. Въ Сибири пробылъ однако недолго. Въ 1896 г. приглашенъ занять должность начальника главнаго тюремнаго управленія, перешедшаго незадолго до этого изъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ министерство юстиціи, и въ концѣ того же года назначенъ уфимскимъ губернаторомъ. Покойный управлялъ Уфимской губерніей въ теченіе семи послѣднихъ лѣтъ и дѣятельно заботился о нуждахъ населенія и объ удовлетвореніи народной потребности въ образованіи, путяхъ сообщенія и экономическомъ благоустройствѣ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1903 г., № 9759).

† **Богинскій, Н. В.** 24-го апрѣля внезапно скончался директоръ с.-петербургскаго частнаго реальнаго училища статскій совѣтникъ Николай Владимировичъ Богинскій. Покойный, по окончаніи курса с.-петербургскаго университета по физико-математическому факультету, посвятилъ себя педагогической дѣятельности, начавъ ее въ 1878 году въ с.-петербургской 7-й гимназіи, гдѣ состоялъ преподавателемъ математики около 20 лѣтъ. 15 лѣтъ тому

назадъ частное реальное училище г. Богданова перешло въ руки Н. В. Богинскаго, бывшаго здѣсь инспекторомъ. Новый директоръ сумѣлъ поставить это училище на такую высоту, что ему были дарованы права реального правительственнаго училища. Какъ педагогъ, Н. В. отличался рѣдкимъ добросердечіемъ къ своимъ ученикамъ и въ бытность преподавателемъ въ 7-й гимназіи нерѣдко отстаивалъ учениковъ, подлежащихъ увольненію изъ гимназіи за малоуспѣшность. Умеръ Н. В. на 50-мъ году жизни. (Некрологъ его: «Виржевыя Вѣдомости», 1903 г., № 203).

Дехтеревъ, В. Г. 27-го апрѣля с.-петербургское городское общественное управленіе понесло тяжелую утрату въ лицѣ гласнаго думы, доктора Владимира Гавриловича Дехтерева. В. Г. родился въ 1854 году. Посвятивъ себя вначалѣ военной службѣ, онъ вскорѣ оставилъ ее и, будучи уже офицеромъ, вышелъ въ отставку въ 1873 году, чтобы поступить студентомъ въ военно-медицинскую академію. Здѣсь В. Г. зарекомендовалъ себя въ качествѣ прилежнаго студента, съ жаромъ отдавашаго себя занятіямъ медициною. Избравъ себѣ спеціальность, В. Г. втеченіе многихъ лѣтъ непрестанно занимается психіатріей, пишетъ массу работъ по интересующему его вопросу, слушаетъ лекціи знаменитыхъ профессоровъ. По окончаніи академіи В. Г. отправился за границу, гдѣ слушалъ различныхъ европейскихъ знаменитостей, какъ Шарко и друг. Своими трудами по психіатріи В. Г. зарекомендовалъ себя не только въ Россіи, но и за границею, гдѣ имя Дехтерева стоитъ рядомъ со многими извѣстными психіатрами. Свою общественную дѣятельность В. Г. началъ гораздо позже, когда имя его, какъ превосходнаго врача, уже упрочилось. В. Г. за послѣднее время состоялъ гласнымъ городской думы, гласнымъ с.-петербургскаго губернскаго земскаго собранія, членомъ попечительства медико-филантропическаго комитета, товарищемъ предсѣдателя городской финансово-комиссіи, членомъ наблюдательной комиссіи, членомъ обществъ: с.-петербургскаго городского кредитнаго, с.-петербургскаго губернскаго санитарнаго комитета, общества охраненія народнаго здравія, общества психіатровъ, русскихъ врачей, с.-петербургскихъ больничныхъ врачей, антропологическаго, литературнаго фонда, императорскаго русскаго географическаго и непремѣннымъ членомъ совѣта императорскаго русскаго техническаго общества.

Несмотря на столь разнообразную и разностороннюю работу, В. Г. съ юношескимъ жаромъ и сердечностью весь предавался взятой на себя обязанности: ни одно засѣданіе не проходило безъ дѣятельнаго участія въ немъ В. Г., безъ того, чтобы онъ не предложилъ какого нибудь дѣльнаго проекта. Смерть В. Г. была неожиданною. Наканунѣ еще, совершенно здоровый, В. Г. былъ на одномъ засѣданіи, гдѣ съ нимъ случилось легкое кровоизліявіе мозга. 27-го апрѣля кровоизліяніе повторилось въ болѣе сильной степени, и В. Г. скончался на 49-мъ году отъ рожденія. (Некрологъ его: «Новости», 1903 г., № 116).

† **Кедровъ, К. В.** 1-го мая, въ 8 часовъ вечера, отъ паралича сердца скончался директоръ императорскаго историко-филологическаго института, тайный совѣтникъ Константинъ Васильевичъ Кедровъ. К. В., сынъ протоіерея,

родился въ 1827 году; по окончаніи курса педагогическаго института съ званіемъ старшаго учителя, былъ назначенъ въ 1848 году въ новгородскую классическую гимназію преподавателемъ древнихъ языковъ. Выдающіяся способности К. В. обратили на себя вниманіе, и онъ былъ переведенъ въ петербургскую третью гимназію, а черезъ четыре года покойный былъ приглашенъ преподавателемъ въ Маріинскій институтъ, затѣмъ въ училище правовѣдѣнія. По желанію ея императорскаго высочества великой княгини Елены Павловны, въ 1862 году К. В. назначается инспекторомъ классовъ въ Маріинскомъ институтѣ, и впоследствии ему же было поручено завѣдываніе Еленинскимъ институтомъ. Въ 1867 году открытъ императорскій историко-филологическій институтъ, и К. В. занялъ въ немъ кафедру греческой словесности, а черезъ 5 лѣтъ покойный уже былъ назначенъ директоромъ института. К. В. въ продолженіе многихъ лѣтъ и въ разное время преподавалъ словесныя науки августѣйшимъ особамъ императорской фамиліи. Горячія симпатіи, которыми пользовался покойный среди всѣхъ знавшихъ его, ярко сказались на юбилейномъ праздникѣ, происходившемъ въ 1898 году по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія К. В. на трудномъ педагогическомъ поприщѣ. Покойный былъ также членомъ учебнаго комитета при святѣйшемъ синодѣ и членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія. Педагогическій міръ лишился въ немъ крупнаго дѣятеля, воспитавшаго не одно поколѣніе преподавателей. (Некрологи его: «Виржевыя Вѣдомости», 1903 года, № 217; «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1903 года, № 117).

† **Кетовъ, С. Н.** 24-го апрѣля скончался отъ крупознаго воспаленія легкихъ помощникъ правителя дѣлъ въ главномъ управленіи по дѣламъ печати дѣйствительный статскій совѣтникъ Сергѣй Никаноровичъ Кетовъ.

Покойный, родомъ изъ дворянъ Костромской губерніи, воспитаніе получилъ въ Московскомъ университетѣ, по окончаніи котораго въ 1850 году поступилъ на службу въ московскую палату государственныхъ имуществъ, затѣмъ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при костромскомъ губернаторѣ. Въ 1857 году С. Н. былъ избранъ юрьевскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и состоялъ членомъ костромскаго комитета объ освобожденіи крестьянъ, а по объявленіи манифеста 19-го февраля 1861 года на немъ лежали обязанности по устранинію всякихъ возникавшихъ въ первое время недоразумѣній между помѣщиками и бывшими крѣпостными людьми, а также и по составленію проектовъ по образованію волостей и сельскихъ обществъ. Въ продолженіе 8-ми лѣтъ С. Н. былъ мировымъ посредникомъ перваго призыва. Въ управленіе по дѣламъ печати С. Н. Кетовъ поступилъ въ 1884 году; въ 1901 году 9-го января онъ праздновалъ 50 лѣтъ государственной службы. Скончался на 78-мъ году жизни. Досуги службы въ главномъ управленіи по дѣламъ печати С. Н. посвящаль архивнымъ работамъ въ архивѣ морскаго министерства. Онъ разбиралъ, между прочимъ, рукописи Петра Великаго. (Некрологи его: «Виржевыя Вѣдомости», 1903 года, № 203; «Новое Время», 1903 года, № 9750).

† **Свѣчинъ, И. В.** 25-го апрѣля скончался сотрудникъ «Виржевыхъ Вѣдомостей», Иванъ Васильевичъ Свѣчинъ. Съ самаго перехода газеты въ собственность С. М. Прошера, покойный принималъ безъ перерыва участіе въ изданіи

въ качествѣ корреспондента съ с.-петербургскаго товарнаго рынка. Ежедневныя сообщенія И. В. съ товарной и калашниковской биржѣ, дополнявшіяся имъ извѣстіями о положеніи торговли отдѣльными товарами на главныхъ рынкахъ Россіи и за границею въ данный день, свидѣтельствовали о значительной опытности И. В. въ анализѣ явленій рынка и способности въ удобопонятной, сжатой формѣ выяснять значеніе факторовъ, вліяющихъ на торговое движеніе. Начало литературной дѣятельности И. В. относится къ 1877 году. Тогда имъ была издана книга «Вексельный курсъ». Одновременно онъ началъ сотрудничать въ «Голосѣ», давая замѣтки по общественной жизни и статьи по вопросамъ политики, а затѣмъ сталъ сотрудникомъ «Виржевыхъ Вѣдомостей» и работалъ въ этой газетѣ до смерти, главнымъ образомъ по торговому и биржевому отдѣламъ. Покойный сотрудничалъ также въ «Новостяхъ», «Новомъ Времени», «Народѣ», «Міровыхъ Отголоскахъ», «Русской Жизни» и «Сынѣ Отечества». Кромѣ газетной работы, И. В. принадлежатъ сочиненія, изданныя отдѣльно: «Основы человѣческой дѣятельности» и «Опытъ изложенія началъ общечеловѣческой дѣятельности». Незадолго предъ смертію И. В. задался цѣлью написать о «Связяхъ видимаго міра», стремясь провести параллель между научнымъ объясненіемъ возникновенія міра и библейскимъ. Но эту книгу ему не удалось довести до конца. Смерть постигла И. В. на 55 году жизни. (Некрологъ его: «Виржевыя Вѣдомости», 1903 года, № 204).

† **Станюковичъ, К. М.** 6-го мая въ Неаполѣ скончался послѣ продолжительной болѣзни писатель Константинъ Михайловичъ Станюковичъ, талантливый авторъ морскихъ разсказовъ и очерковъ. Перу его, помимо морскихъ разсказовъ, принадлежитъ нѣсколько романовъ и повѣстей и множество статей фельетоннаго и публицистическаго характера. Покойный былъ не только беллетристомъ, но и журналистомъ, сотрудничалъ во многихъ изданіяхъ и послѣ смерти Г. Е. Благосвѣтлова издавалъ въ теченіе двухъ лѣтъ журналъ «Дѣло». Но крупную извѣстность создали ему морскіе разсказы. К. М. Станюковичъ родился 17-го марта 1844 года въ Севастополѣ. Отецъ его, заслуженный адмиралъ, М. Н. Станюковичъ, былъ въ это время командиромъ Севастопольскаго порта. Дѣтство покойный провелъ на берегу Чернаго моря, среди моряковъ. Воспитаніе получилъ сперва въ Нахескомъ, затѣмъ въ Морскомъ корпусѣ и началъ службу мичманомъ, отправившись шестнадцати лѣтъ отъ роду въ кругосвѣтное плаваніе, въ которомъ пробылъ три года. Изъ Сингапура былъ отправленъ въ 1863 году въ качествѣ курьера въ Петербургъ сухимъ путемъ, проѣхалъ Китай и Сибирь и въ молодости обстоятельно познакомился съ бытомъ и особенностями народовъ Дальняго Востока. Еще въ 1860 году онъ попробовалъ свои силы на литературномъ поприщѣ, напечатавъ свои стихотворенія «Изъ Шевченко» и «На кладбищѣ» въ журналъ «Сѣверный Цвѣтокъ», по возвращеніи же съ береговъ Тихаго океана подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ видѣннаго и пережитаго помѣстилъ въ «Морскомъ Сборникѣ» нѣсколько разсказовъ: «Жизнь въ тропикахъ», «Французы въ Кохинхинѣ», «Мадера и островъ Зеленаго мыса» и «Шгоръ». Талантъ ихъ молодого автора былъ замѣченъ. Съ этого времени покойный рѣшилъ посвятить себя литературѣ. Онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ лейтенанта и началъ труженническую жизнь, нерѣдко

полную лишней и испытаней. Увлечшись педагогическими идеями 60-х годов, опредѣлился сельскимъ учителемъ въ народную школу села Чаадаева во Владимирской губернии, учительствовалъ около двухъ лѣтъ, затѣмъ долженъ былъ искать частныхъ занятій и сталъ сотрудничать въ разнообразныхъ журналахъ и газетахъ: въ «Эпохѣ», «Искрѣ», «Будильникѣ», «Женскомъ Вѣстникѣ», «Петербургскомъ Листкѣ» г. Арсеньева, «Голосѣ» и въ другихъ, печатая въ нихъ стихотворенія, юмористическіе рассказы и статьи на злобы дня. Въ концѣ 60-хъ годовъ его морскіе очерки вышли отдѣльной книжкой и обратили на себя вниманіе критики. Въ 1871 году онъ написалъ свою первую пьесу: «На то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ». Комедія была запрещена къ постановкѣ на сценѣ, хотя и пропущена цензурой. Въ 1872 году началось его дѣятельное участіе въ журналѣ «Дѣло»; съ 1876 года онъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ этого журнала, печатая въ немъ подъ псевдонимомъ «Откровеннаго писателя» фельетоны подъ названіемъ «Картинки общественной жизни» и «Письма знатныхъ иностранцевъ». Въ «Дѣлѣ» же были напечатаны его первая пьеса и вторая «Родственники» и романы: «Безъ исхода», «Два брата» и «Омутъ». Кромѣ «Дѣла», онъ участвовалъ въ качествѣ фельетониста подъ вседонимомъ «Пинмень» въ «Новостяхъ», откуда перешелъ сперва въ «Молву», затѣмъ въ «Порядокъ». Въ «Молвѣ» былъ напечатанъ его романъ «Наши нравы». Съ 1881 года былъ соредакторомъ въ журналѣ «Дѣло», въ слѣдующемъ году взялъ журналъ въ аренду и въ 1883 году приобрѣлъ его въ собственность. Во главѣ журнала К. М. находился недолго, такъ какъ въ 1885 году былъ отправленъ въ Томскую губернію. Въ Сибири продолжалъ много писать, сотрудничая въ «Сибирской Газетѣ» и присылая повѣсти, рассказы и очерки въ «Вѣстникъ Европы», «Русскую Мысль» и «Сѣверный Вѣстникъ». Черезъ три года покойный вернулся въ Петербургъ и продолжалъ попрежнему свою журнальную дѣятельность, печатая свои произведенія въ «Русскомъ Богатствѣ», «Сынѣ Отечества», «Русской Мысли» и «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Въ послѣднихъ двухъ изданіяхъ появились его лучшіе морскіе рассказы: «Грозный адмиралъ», «Пассажира», «Безпокойный адмиралъ», «Отчаянный» и др. Въ концѣ 90-хъ годовъ напечатано полное собраніе его сочиненій. Умръ онъ 59 лѣтъ, проживъ послѣднюю зиму въ Неаполѣ. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 года, № 9762; «Виржевыя Вѣдомости», 1903 года, № 228).

† **Страннолюбскій, А. Н.** 6-го мая скончался внезапно извѣстный педагогъ, отставной контръ-адмиралъ Александръ Николаевичъ Страннолюбскій. Имя покойнаго пользовалось обширной извѣстностью въ педагогическомъ мѣрѣ, какъ одного изъ горячихъ поборниковъ общедоступнаго просвѣщенія вообще и женскаго образованія въ частности. А. Н. провелъ свое дѣтство въ Камчаткѣ, гдѣ отецъ его былъ начальникомъ области, и готовился къ морской службѣ, но по окончаніи курса сперва въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, затѣмъ въ въ офицерскихъ классахъ корпуса (нынѣ Николаевская морская академія), избралъ для своей дѣятельности педагогическое поприще. Это было въ концѣ 50-хъ годовъ, въ эпоху подготовленія реформъ, когда въ Петербургѣ образовалось нѣсколько педагогическихъ кружковъ, задавшихъ цѣлью открывать

бесплатныя школы и примѣнить въ дѣлѣ первоначальнаго воспитанія и обученія идеи Песталоци, гр. Л. Н. Толстого и другихъ сторонниковъ школьнаго преподаванія, основаннаго на возбужденіи въ дѣтяхъ интереса къ ученію. А. Н. Страннолюбскій вмѣстѣ съ К. Д. Кавелинымъ, В. П. Острогорскимъ и другими лицами принялъ дѣятельнѣйшее участіе въ организаціи и занятіяхъ Василостровской безплатной школы, инициаторомъ которой былъ его братъ Н. Н. Страннолюбскій, а главнымъ руководителемъ Ѳ. Ѳ. Резенеръ. Одновременно покойный преподавалъ математику въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ концѣ 60-хъ годовъ былъ выдвинутъ вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи. А. Н. примкнулъ къ общественному движенію, сдѣлался участникомъ женскихъ организаторскихъ кружковъ и при открытіи Аларчинскихъ женскихъ курсовъ принялъ на себя чтеніе лекцій по математикѣ. Затѣмъ онъ явился однимъ изъ учредителей общества доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ и въ самый трудный періодъ жизни курсовъ былъ секретаремъ этого общества. Въ концѣ 80-хъ годовъ и въ 90-хъ А. Н. участвовалъ въ дѣятельности комитета грамотности, въ которомъ энергично проводилъ идею широкаго распространенія народнаго образованія. Имъ былъ сдѣланъ, между прочимъ, докладъ, въ которомъ онъ, сопоставляя цифры прироста населенія съ одной стороны и количество открываемыхъ ежегодно школъ съ другой, доказывалъ, что въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія Россія переживала въ концѣ 80-хъ годовъ регрессъ. Съ 1890 г. принималъ близкое участіе въ дѣятельности постоянной комиссіи по техническому образованію и былъ избираемъ въ послѣдніе годы товарищемъ предсѣдателя комиссіи. Кромѣ того, покойный много поработалъ по профессиональному женскому образованію, являясь убѣжденнымъ его сторонникомъ. Онъ выработалъ, между прочимъ, планъ коммерческихъ курсовъ и до дня своей смерти находился во главѣ такихъ курсовъ, открытыхъ П. О. Ивашинцевой. Будучи преподавателемъ Морского кадетскаго корпуса до 1894 года, покойный читалъ лекціи по математикѣ на женскихъ педагогическихъ курсахъ, не прекращая ихъ до послѣдняго времени. Одновременно былъ членомъ совѣта по учебному дѣлу при министрѣ финансовъ. Его перу принадлежатъ множество работъ педагогическаго характера и статей о морскомъ и женскомъ образованіи, напечатанныхъ въ разныхъ педагогическихъ журналахъ и изданныхъ отдѣльно, а также «Курсъ алгебры, основанный на постепенномъ обобщеніи арифметическихъ задачъ. Дидактическія указанія для преподавателя начальной алгебры». Умеръ онъ на 64-мъ году отъ роду, оставивъ по себѣ славную память дѣятеля безкорытнаго и всецѣло преданнаго служенію правдѣ, народному и женскому просвѣщенію. (Некрологъ его: «Новое Время», 1903 г., № 9760).

† **Тенишевъ, кн. В. Н.** 25-го апрѣля въ Парижѣ скончался камергеръ высочайшаго двора князь Вячеславъ Николаевичъ Тенишевъ, состоявшій почетнымъ членомъ совѣта торговли и мануфактуръ. Покойный родился въ 1843 году, образованіе получилъ въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія, по окончаніи котораго первое время посвятилъ себя желѣзнодорожной службѣ. Одновременно же В. Н. интересовался нашей промышленностью и торговлей и принималъ участіе въ различныхъ коммерческихъ предпріятіяхъ: занималъ вид-

ное положеніе въ международномъ коммерческомъ банкѣ, принималъ участіе въ дѣлахъ брянскихъ заводовъ и т. д. Съ 1886 г. князь Тенишевъ выступаетъ уже на общественномъ и научномъ поприщѣ, выпускаетъ въ свѣтъ рядъ работъ: «Математическое образованіе и его значеніе», «Дѣятельность чело-вѣка» и др. и печатаетъ свою программу этнографическихъ свѣдѣній о крестьянахъ центральной Россіи. Надъ программой съ успѣхомъ работали всѣ, кому она была разослана: и сельскіе учителя, и учительницы, и священники, и врачи, и земскіе начальники и мн. др., и весь собранный богатый матеріалъ стекался въ учрежденное княземъ этнографическое бюро. Результатомъ работъ бюро является книга Попова «Русская народно-бытовая литература» и сочиненія самого князя, не вышедшія еще въ свѣтъ. Въ 1896 г. покойный учредилъ въ Петербургѣ реальное училище своего имени; въ 1900 г. онъ былъ назначенъ генеральнымъ комиссаромъ русскаго отдѣла на парижской выставкѣ и за понесенные труды удостоенъ званія камергера высочайшаго двора. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 г., № 9750; «Биржевыя Вѣдомости», 1903 г., № 208).

† **Хитрово, В. Н.** Въ Гатчинѣ скончался въ ночь на 5-е мая членъ совѣта и секретарь императорскаго Палестинскаго общества, дѣйств. тайн. совѣтн., Василій Николаевичъ Хитрово. Покойный еще не такъ давно (29-го апрѣля) получилъ высочайшій рескриптъ, въ которомъ отмѣчены его свыше двадцатилѣтніе плодотворные труды на пользу Палестинскаго общества. В. Н. принималъ видное и руководящее участіе въ трудахъ общества съ момента его учрежденія въ 1882 г. и былъ ближайшимъ сотрудникомъ по дѣламъ общества его августѣйшаго предсѣдателя его импер. высоч. великаго князя Сергія Александровича. При немъ и отчасти его стараніями открылись въ 43 городахъ отдѣлы общества, учреждены въ Палестинѣ и Сиріи двѣ учительскія семинаріи и 82 школы, основаны въ Святой Землѣ подворья для паломниковъ, число которыхъ возросло въ послѣднее время до 10.000 въ годъ, и предпринять цѣлый рядъ ученыхъ и общедоступныхъ изданій для ознакомленія съ исторіей и современнымъ положеніемъ Палестины. Одно время покойный былъ помощникомъ предсѣдателя общества. В. Н. Хитрово родился 6-го іюля 1834 г., образованіе получилъ въ императорскомъ Александровскомъ лицей и началъ свою службу въ государственномъ контролѣ. Затѣмъ перешелъ въ морское министерство, въ которомъ на него было возложено устройство денежнаго счетоводства и введеніе единства кассъ. Вскорѣ дѣятельность его была перенесена въ министерство финансовъ. Онъ занялся въ 1870 г. спеціально устройствомъ въ Россіи ссудосберегательныхъ товариществъ и руководилъ ихъ организаціей въ теченіе 20 лѣтъ. За этотъ періодъ при посредствѣ ссудо-сберегательныхъ товариществъ сбережено ихъ членами до 80.000.000 рублей. Труды покойнаго въ этой области народнаго хозяйства отмѣчены присужденіемъ большой золотой медали отъ московскаго общества сельскаго хозяйства и высочайшею благодарностью. Во время службы въ министерствѣ финансовъ имъ былъ разработанъ, между прочимъ, пенсіонный уставъ на началахъ взаимнаго страхованія примѣнительно къ государственной службѣ. Осуществленію проекта помѣшала русско-турецкая война и оставленіе министерства М. Х. Рейтервотъ, одобря-

внимъ этотъ проектъ. Въ 1881 г. покойный участвовалъ въ разработкѣ вопроса объ учрежденіи въ Россіи почтовыхъ сберегательныхъ кассъ, открытіе дѣйствій которыхъ увеличило сумму вкладовъ въ сберегательныя кассы болѣе, чѣмъ на 200.000,000 рублей. При министрахъ финансовъ Н. Х. Бунгѣ и И. А. Вышнеградскомъ Василій Николаевичъ управлялъ неоднократно общео канцеляріей и съ 1887 г. состоялъ при министрѣ финансовъ. Умеръ онъ на 69-мъ году, оставивъ по себѣ память энергичнаго общественнаго дѣятеля и хорошаго человѣка. (Некрологъ его: «Новое Время», 1903 г. № 9761).

† Штендманъ, Г. Ѡ. 8-го мая скончался членъ археографической комиссіи и секретарь императорскаго русскаго историческаго общества, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Георгій Ѡеодоровичъ Штендманъ, принадлежавшій къ числу скромныхъ, но очень полезныхъ дѣятелей исторической науки. Окончивъ курсъ въ с.-петербургскомъ университетѣ въ срединѣ 60-хъ годовъ, онъ мечталъ о широкой научной дѣятельности и собирался написать магистерскую диссертацию о патріархѣ Никонѣ. Но сочиненіе это никогда не было написано, да и вообще Георгій Ѡеодоровичъ ни одного самостоятельнаго историческаго изслѣдованія послѣ себя не оставилъ. Съ одной стороны у него не хватало на это энергіи, съ другой же—онъ уже съ начала 70-хъ годовъ всецѣло отдалъ себя работѣ по изданію архивныхъ историческихъ матеріаловъ. Сперва въ качествѣ частнаго секретаря А. А. Половцева, бывшаго тогда секретаремъ русскаго историческаго общества, а потомъ, послѣ избранія послѣдняго въ предсѣдатели общества, въ качествѣ секретаря того же общества, Георгій Ѡеодоровичъ принесъ русской исторической наукѣ большую пользу. Въ 70-хъ годахъ, когда каждый томъ «Сборника историческаго общества» носилъ еще смѣшанный характеръ, безъ Георгія Ѡеодоровича не обходилось печатаніе ни одного тома. Но, главнымъ образомъ, Георгій Ѡеодоровичъ трудился надъ печатаніемъ и переводами дипломатическихъ документовъ, относившихся къ исторіи Россіи XVIII столѣтія и сообщавшихся изъ саксонскаго государственнаго архива профессоромъ Э. Германомъ. Впослѣдствіи, когда каждый томъ «Сборника» сталъ специализироваться и былъ поручаемъ особому редактору, подъ наблюденіемъ Георгія Ѡеодоровича Штендмана было издано цѣлыхъ 23 тома. 13 изъ числа этихъ томовъ посвящены донесеніямъ французскихъ полномочныхъ министровъ, пословъ и повѣренныхъ по дѣламъ въ Россіи въ XVIII вѣкѣ, Лави, Кампедона, Маньяна, маркиза де-ла-Шетарди и д Алліона. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Георгій Ѡеодоровичъ ѣздилъ въ Парижъ для работъ во французскихъ архивахъ, извлекая изъ нихъ необходимые документы. Кромѣ матеріаловъ изъ французскихъ архивовъ, подъ наблюденіемъ Георгія Ѡеодоровича были изданы донесенія австрійскихъ и прусскихъ посланниковъ въ Россію, а также нѣкоторыя изъ бумагъ императрицы Екатерины II, хранящихся въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Наконецъ, Георгій Ѡеодоровичъ много потрудился надъ составленіемъ двухъ томовъ изданнаго историческимъ обществомъ азбучнаго указателя именъ русскихъ дѣятелей для составленія «Русскаго біографическаго словаря», а затѣмъ и при изданіи первыхъ томовъ самого словаря, этого чрезвычайно полезнаго изданія. Георгій Ѡеодоровичъ былъ очень начитанъ и обладалъ хорошей справочной исторической

библіотекой. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 г. № 9763; «Московскія Вѣдомости», 1903 г., № 130).

† **Яковлевъ, А. И.** 13-го мая на Никольскомъ кладбищѣ Алексавдро-Невской лавры похороненъ одинъ изъ старѣйшихъ дѣятелей петербургскаго земства, начальникъ государственной типографіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Алексѣй Ивановичъ Яковлевъ. Начало общественной дѣятельности покойнаго относится къ 1870 г., когда онъ былъ избранъ гласнымъ с.-петербургскаго уѣзднаго собранія, въ составѣ котораго и оставался до самой смерти. Основательное знакомство съ земскимъ хозяйствомъ и его нуждами, трудолюбіе и полнѣйшее безпристрастіе А. И., тогда еще молодого человѣка, очень скоро были опѣнены собраніемъ, и уже въ слѣдующемъ году онъ былъ избранъ, огромнымъ большинствомъ голосовъ, на освободившуюся вакансію члена уѣздной управы. Занимая эту должность около двадцати лѣтъ, покойный продолжалъ трудиться на общественномъ поприщѣ, содѣйствуя, по мѣрѣ силъ, улучшенію всѣхъ отраслей земскаго хозяйства и устраненію его дефектовъ. Въ бытность членомъ управы и затѣмъ съ 1889 по 1897 годъ предсѣдателемъ ея, имъ приведены въ благоустроенный видъ, находящіяся въ завѣдываніи земства, пригороды столицы, получило широкое развитіе дѣло начальнаго образованія, обезпечены населенію, въ достаточной мѣрѣ, врачебная помощь, улучшены пути сообщенія и пр. За указанный періодъ въ уѣздѣ построено и открыто, частью всецѣло на средства земства, частью при его содѣйствіи, множество школъ, число которыхъ, въ настоящее время, почти доведено до нормы, соотвѣтствующей потребности во всеобщемъ обученіи; увеличено число врачей и лѣчебныхъ заведеній, сооружено много новыхъ дорогъ и улучшены существующія и т. д. Какъ предсѣдатель управы, покойный принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ городского общественнаго управленія и губернской земской санитарной комиссіи. Въ послѣдней онъ особенно энергично работалъ во время холерной эпидеміи 1892 и 1894 гг. Общее расположеніе къ покойному выразилось единогласнымъ избраніемъ его въ продолженіе цѣлаго ряда трехлѣтій въ почетные мировые судьи и въ губернскіе гласные. Въ этихъ званіяхъ А. И. оставался до смерти. Въ 1897 г. покойный, получивъ назначеніе на должность начальника государственной типографіи, отказался отъ должности предсѣдателя управы, оставивъ по себѣ въ средѣ земцевъ наилучшія воспоминанія. (Некрологъ его: «Новое Время», 1903 г., № 9766).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Замѣтка къ «Варшавскимъ памятникамъ».

Въ февральской книжѣ «Историческаго Вѣстника», въ отдѣлѣ «Смѣсь» (стр. 820) напечатана замѣтка объ обилии памятниковъ въ Варшавѣ. Считаю необходимымъ сдѣлать къ ней нѣсколько дополненій.

Съгую на отсутствіе памятниковъ императору Александру II и Суворову, авторъ заключаетъ пожеланіемъ устройства православной часовни вблизи памятника Сигизмунду и бернардинскаго костела, въ колокольной башнѣ котораго томился патриархъ Филаретъ Никитичъ Романовъ, и ставитъ сооруженіе часовни въ связь съ предстоящимъ въ 1912 году трехсотлѣтіемъ дома Романовыхъ. Начну съ бѣлаго указанія зародившейся мысли о постановкѣ памятника императору Александру II. Въ восьмидесятыхъ годахъ для памятника намѣчена была Красинская площадь, противъ зданія, нынѣ занимаемаго судебной палатой, и православнаго собора изъ перестроеннаго костела. На площади, возлѣ собора, стояли тогда мусорныя постройки еврейскихъ лавокъ съ готовымъ платьемъ. Въ настоящіе дни площадь застроена: на мѣстѣ лавченокъ огромный домъ европейской постройки. Замѣчу кстати, что соединенный съ зданіемъ судебной палаты Красинскій садъ теперь находится въ опрятномъ состояніи и приукрашенъ искусственнымъ прудкомъ; портятъ его лишь упирающіяся въ садъ заднія стѣны сосѣднихъ домовъ съ Долгой улицы. О памятникѣ Суворову была высказана мысль чиновникомъ Бѣлинскимъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ «Свѣтѣ» о сооруженіи памятника на Прагѣ, возлѣ православной церкви. Проектъ этотъ считаю высказаннымъ поспѣшно уже потому, что церковь стоитъ противъ вокзала, на задворкахъ Варшавы, и, наконецъ, мѣсто кровопролитнаго штурма—не мѣсто для увѣковѣченія памяти Суворова. Мѣстомъ этимъ я полагалъ бы площадку бывшаго дворца примасовъ Польши, иначе высшихъ духовныхъ лицъ, гдѣ пребывалъ Суворовъ и дѣлать приемы. Площадка эта удобна для устройства цвѣтника съ памятникомъ въ серединѣ или бюстомъ Суворову. Зданіе это, на Сенаторской улицѣ, въ настоящее время предоставлено окружному артиллерійскому управленію и находится возлѣ Медовой улицы. Другое мѣсто, гдѣ Суворовскій корпусъ: на роскошной Уѣздной улицѣ, называемой по-польски Уяздовской, и почти противъ новой красивой православной церкви Литовскаго полка. Притомъ вблизи мѣста, гдѣ имѣлъ постоянное пребываніе Суворовъ: на углу Горной и Вейской улицъ (въ переводѣ Сельской). Эту улицу слѣдовало бы во всякомъ случаѣ переименовать въ Суворовскую.

Относительно часовни напомнимъ исторію сдѣланныхъ нѣкоторыхъ починовъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ игуменья Лѣсинской обители въ Сѣдлецкой губерніи, предлагая устроить подворье въ Варшавѣ, представила съ этою цѣлью ходатайство объ уступкѣ ей угловыхъ частей въ зданіи контрольной палаты, на углу двухъ лучшихъ улицъ: Новаго Свѣта и Иерусалимской аллеи. Прошеніе это было отклонено. Одновременно была представлена записка, касавшаяся удобоустройства домовою церкви для чиновъ контроля въ угловыхъ помѣщеніяхъ верхняго этажа контрольной палаты. Объ этомъ проектѣ было говорено въ печати. Встрѣтивъ отказъ въ своемъ ходатайствѣ, игуменья Лѣсинской обители обратилась къ мысли устроить часовню противъ палаты, также въ угловомъ мѣстѣ, занятомъ каменнымъ кіоскомъ для торговли, построеннымъ предприимчивымъ арендаторомъ на землѣ министерства путей сообщенія. Въ виду аренды ходатайство игуменьи было снова отклонено. Въ настоящее время усердная въ своихъ цѣляхъ игуменья воздвигла подворье въ Петербургѣ, на берегу Черной рѣчки, на пожертвованномъ участкѣ землѣ.

О часовнѣ въ увѣковѣченіе памяти патріарха Филарета пѣ близп мѣста его заточенія замѣчу, что нѣтъ историческихъ свѣдѣній, указывающихъ дѣйствительное мѣсто заключенія патріарха. Говорю на основаніи моего разговора съ профессоромъ Варшавскаго университета Д. В. Цвѣтасвымъ, замѣтившимъ, что преданіе это пока не подтверждается источниками, и имъ открытъ документъ, устанавливающий другое первоначальное мѣсто заключенія. Въ настоящее время низъ башни занятъ подѣ такъ называемую «дешевую лавку», съ продажей разнаго мелкаго товара, и подвалъ башни, подѣ этимъ низкомъ, предполагаемое мѣсто заточенія, занятъ подѣ складъ игрушекъ. Подвалъ достаточной высоты, и оконце его выходитъ на узенькій дворикъ.

Существуетъ другой проектъ, имѣющій основанія на вниманіе всѣхъ русскихъ людей: постройка церкви въ уѣздномъ городѣ Гостынинѣ, гдѣ скончались, вѣрнѣе, отравились оба Шуйскіе. Возбудилъ этотъ проектъ М. П. Угимовичъ въ вышедшей въ 1899 году обстоятельной брошюрѣ: «Гостынский замокъ. Мѣсто заточенія и первой уснцальницы Шуйскаго». Замокъ уступленъ подѣ кирку для нѣмецкихъ поселенцевъ. Но уцѣлѣла башня, подѣ которой съ 1612 по 1620 годъ почивали останки Шуйскихъ. Запасу киринча бывшаго замка хватило, кромѣ кирки, на постройку дома для настора и причта. Православное населеніе не имѣетъ своей приходской церкви. «Такое забвеніе исторической мѣстности, — заключаетъ М. П., — имѣющей государственное значеніе для русскаго народа, и допущеніе перехода ея въ уки нѣмецкихъ поселенцевъ не извинительны. Правительству необходимо озаботиться, чтобы на мѣстѣ историческаго Гостынскаго замка былъ сооруженъ православный храмъ. Мы знаемъ навѣрное, что евангелическій приходъ уступить съ готовностью правительству, если послѣднее возмѣститъ расходы по возведенію новой кирки въ Гостынинѣ. Сооруженіе православнаго храма на мѣстѣ заточенія Шуйскаго должно принять на себя русское государство и русскій народъ».

Заключу нѣсколькими строками о забытыхъ русскихъ памятникахъ павшихъ грудью въ войнѣ 1831 года. Посѣтилъ я въ Варшавѣ нѣмецкое кладбище, склоненный мѣстнымъ патриотомъ. Хожу, умиленный изобиліемъ чистоты и дорожками изъ широкихъ плитъ.

Но посмотрите на нихъ....

Оказывается—надгробныя плиты съ русскихъ могилъ...

Отдѣльнаго православнаго кладбища до 1841 года не существовало, и для погребенія русскихъ былъ отведенъ участокъ на лютеранскомъ кладбищѣ, на которомъ похоронены многіе офицеры изъ павшихъ въ 1831 году. Немногіе уцѣлѣвшіе памятники въ запущенномъ состояніи. В. Лугазовскій.

II.

Письмо въ редакцію.

Мнѣ кажется, что я имѣю право просить васъ во имя справедливости помѣстить въ «Историческомъ Вѣстникѣ» нижеслѣдующія строки, вызванныя напечатаннымъ въ майской книжкѣ вашего журнала отзывомъ г. П. Н. З. о

моей книгѣ «Польское возстаніе 1863 г.». Я не стану подробно возражать на придирчивый отзыв г. И. Н. З., но въ отвѣтъ на его замѣчаніе о «полномъ безпристрастіи и объективности» книги С. Козьяна «Récit o roku 1863», которую онъ ставитъ въ примѣръ мнѣ, я долженъ сказать, что эта книга, не разъ упоминаемая въ моемъ «Польскомъ возстаніи 1863 г.» и написанная съ блескомъ и остроуміемъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа безпристрастной и объективной: г. Козьянъ—одинъ изъ руководителей польской партіи станчиковъ, и его книга преслѣдуетъ партійныя цѣли. Затѣмъ, сказавъ, со словъ моей книги, объ участіи евреевъ въ польскомъ возстаніи, г. И. Н. З. заявляетъ: «на ихъ (евреевъ) роль и образъ дѣйствій въ мятежѣ 1863 г. имѣются вѣрные указанія въ статьѣ генерала Лебедева «Послѣдняя польская смута. Разсказъ очевидца», напечатанной въ «Русской Старинѣ» 1874 года». Этой послѣдней фразой, заимствованной изъ моей книги, безъ указанія однако на то, г. И. Н. З., очевидно, хочетъ сказать, что въ моей книгѣ нѣтъ ничего новаго объ участіи евреевъ въ польскомъ мятежѣ. Смѣю думать, что это не такъ. У генерала Лебедева, дѣйствительно, есть нѣсколько вѣрныхъ, но мимолетныхъ указаній на роль евреевъ, я же старался систематически прослѣдить ихъ участіе въ мятежѣ. Въ концѣ своей рецензій г. И. Н. З., останавливаясь на моихъ словахъ: «лондонскій польскій журналъ «Демократъ Польскій» выходилъ при денежномъ содѣйствіи Герцена» (стр. 109), спрашиваетъ, откуда я взялъ «этотъ вздоръ». «Вздоръ» этотъ заимствованъ мною изъ «Посмертныхъ сочиненій А. И. Герцена» (изд. 2-ое, Женева, 1874 г.). Г. И. Н. З. полагаетъ, что Герценъ не могъ давать деньги на польскій журналъ, ибо его собственный «Колоколь» прекратился по неимѣнію подписчиковъ и средствъ. По неимѣнію подписчиковъ—это вѣрно, но средства-то у Герцена были, а, кромѣ того, «Демократъ Польскій» выходилъ не въ то время, когда перестали читать «Колоколь», а передъ возстаніемъ, когда Герценъ, основывая «Колоколь», вѣрилъ въ успѣхъ его, дѣйствительно выпавшій на долю этого журнала въ первые годы его существованія. Но главное—свидѣтельство самого Герцена.

А. Сидоровъ.

III.

Замѣтка о происхожденіи Н. К. Шильдера.

Какъ близкая родственница покойнаго Николая Карловича Шильдера, позволяю себѣ указать на вкрапившуюся относительно его ошибку. Въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ, въ статьѣ Е. С. Шумигорскаго «Императрица Елисавета Петровна», на страницѣ 549-й говорится о духовникѣ Елисаветы Петровны, Ѳ. Я. Дубянской, а въ примѣчаніи подъ текстомъ сказано, что этотъ священникъ былъ предкомъ историка Н. К. Шильдера. Это совершенно не вѣрно. Предки Н. К. Шильдера были Дубянскіе, а не Дубянскіе. Мать Николая Карловича была дочерью бывшаго сенатора, Николая Порфирьевича Дубянскаго.

Е. К. В.

говорить о грубыхъ воинскихъ дѣлахъ только съ цѣлью сказать любезность мужьямъ или возлюбленнымъ. Это былъ настоящій цвѣточный дождь.

Позади королевы и впереди остальныхъ дамъ ѣхала женщина, въ рукахъ которой находился штандартъ древняго дома Элеоноры, св. Георгія и дракона на бѣломъ фонѣ, впервые украшенный крестомъ. Эта женщина была Анна Аугская. Она была очень смуглая, и ея черные волосы развѣвались позади ея, какъ тѣнь, въ то время какъ ея черные глаза смотрѣли свысока и прямо. Она была восхитительно хороша, и, безъ сомнѣнія, Элеонора выбрала ее знаменосцемъ женскаго отряда вслѣдствіе ея красоты. Она прекрасно знала, что ни одно изъ лицъ не можетъ сравниться съ ея собственнымъ, и хотѣла помрачить соперницу, черты и талія которой были славой и честью юга.

Всѣ подвигались въ довольно хорошемъ порядкѣ, эскадронами въ пятьдесятъ человекъ, но не сжатыми рядами, такъ какъ онѣ не имѣли той ловкости, чтобы оставаться въ линіи, хотя ѣздили верхомъ хорошо и смѣло. Предъ каждымъ эскадрономъ находилась дама, произведенная, благодаря своей красотѣ или рангу, капитаномъ и носившая на своемъ племѣ золотой гребень. Каждый эскадронъ имѣлъ свой особый цвѣтъ: алый, зеленый, фіолетовый или нѣжнаго оттѣнка весенняго анемона. Мантии, окрашенныя въ тѣ же цвѣта въ венеціанскихъ красильняхъ, были подбиты восточными шелковыми матеріями нѣжныхъ оттѣнковъ, привозимыми во французскіе порта итальянскими торговцами.

Придворныя дамы королевы не могли бы носить кольчугъ, мечей и копій, которые дѣлали бы ихъ совсѣмъ похожими на мужчинъ, если бы ловкіе ювелиры, итальянскіе артисты и мавританскіе оружейники Испаніи не были съ трудомъ и большими затратами привезены во Францію. Они сфабриковали доспѣхи и оружіе, какого не дѣлали до тѣхъ поръ во Франціи. Ихъ кольчуги состояли изъ самыхъ тонкихъ колецъ, пришитыхъ на верблюжью кожу и настолько обтянутыхъ, что не было мѣста ни для нагрудника, ни для куртки. Можетъ быть, онѣ не пропустили бы большой стрѣлы, но тонкая рапира легко пронизала бы ихъ, и онѣ представляли не болѣе гарантію, чѣмъ суконная мантия. У многихъ изъ дамъ къ стальной кольчугѣ были пришиты чрезъ правильные промежутки золотыя колечки, а застежки ихъ плащей были изъ чеканнаго золота и серебра. Упряжь лошадей была одинаковаго цвѣта съ мантиями дамъ, и капитаны эскадроновъ носили золотыя шпоры.

Онѣ опускали острія копій, проѣзжая верхомъ мимо короля, находившагося среди своихъ бароновъ, на разстояніи брошеннаго камня отъ возвышеннаго берега озера. Его блѣдное лицо не выражало ни интереса, ни удовольствія, а глаза оставались, какъ всегда, полны недовѣрія къ королевѣ и ея капризамъ. Когда она

его привѣтствовала съ улыбкой, выражавшей почти насмѣшку, то немного выступала впередъ. Затѣмъ послѣ быстро брошенной команды поворачивала налѣво, проѣзжала до половины долину и опять направляла своихъ дамъ прямо противъ короля. Потомъ внезапно останавливалась въ пяти шагахъ отъ него, осаживая свою лошадь почти до земли и сохраняя посадку, которая могла бы сдѣлать честь мужчинѣ, опытному въ искусствѣ верховой ѣзды. По правдѣ сказать, очень мало изъ этихъ дамъ были способны исполнить подобный подвигъ съ такою легкостью и увѣренностью. Въ ихъ внезапной остановкѣ было немало безпорядка, сопровождаемого всякаго рода восклицаніями, препятствіями и криками.

Однако, несмотря на затрудненія, отряду удалось остановиться. Впрочемъ, сто тысячъ рыцарей и солдатъ, конныхъ и пѣшихъ, съ большимъ интересомъ разсматривали наѣздницъ, чѣмъ оспаривали искусство верховой ѣзды, и эффектъ былъ такъ красивъ и въ то же время новъ, что въ воздухѣ раздался громкій крикъ энтузіазма и удовольствія. Легкій румянецъ окрасилъ щеки королевы, а въ ея глазахъ заискрился триумфъ отъ продолжительныхъ рукоплесканій, которыя послужили отмщеніемъ за упорное молчаніе короля. Она склонила остріе своего копья почти до земли и обратилась къ мужу громкимъ яснымъ голосомъ, который былъ услышанъ большинствомъ рыцарей.

— Представляю вашему величеству этотъ отрядъ храбрыхъ женщинъ-рыцарей, — сказала она, — по силѣ первенства за вами; по количеству вы превосходите насъ; по годамъ вы старше насъ; по опыту среди васъ есть такіе, которые провели всю свою жизнь среди битвъ. Однако мы также ловки, и тѣ, которые состарились въ сраженіяхъ, знаютъ, что побѣда принадлежитъ храбрости и сердцу прежде, чѣмъ будетъ произведеніемъ руки, и въ этомъ мои дамы-рыцари равны вамъ.

Мужчины, которые услышали эти слова и увидѣли очаровательный блескъ ея чуднаго лица, подняли правую руку и громко привѣтствовали ее и ея триста женщинъ-рыцарей, но король не произнесъ ни слова въ похвалу, и его лицо оставалось неподвижно и сумрачно. Щеки королевы снова покрылись румянцемъ.

— Ваше величество ведетъ французскую армію, — сказала она, — армію храбрыхъ мужчинъ. Наши женщины-рыцари многочисленны и также храбры. Отряды Гвиены, Пуату и Гасконіи и болѣе половины всѣхъ герцогствъ, которые говорятъ на нашемъ языкѣ и обязаны мнѣ повиновеніемъ, — отважны, но изъ всѣхъ я выбрала этихъ триста дамъ, чтобы итти въ авангардѣ священной войны.

— Ваше величество, — сказала она: — и вы, дворяне бароны, цвѣтъ французскаго рыцарства и челоуѣчества, примите, какъ товарищей по оружію, эти цвѣты Франціи! Да здравствуетъ король!

Она подбросила въ воздухъ свое копье и ловко поймала его правой рукою, въ то же время воскликнула, смѣясь прямо въ лицо

королю, хорошо сознавая свое превосходство надъ нимъ. Когда молодые голоса позади нея повторили восклицаніе, громадная толпа, окаймлявшая долину, сдѣлала то же; но одно слово было измѣнено, и сто тысячъ воиновъ закричали: «Да здравствуетъ королева!»

Когда наконецъ молчаніе водворилось, король робко взглянулъ направо и налево, какъ бы ища совѣта; рыцари же, окружившіе его, смотрѣли только на прекрасныхъ дамъ, а, можетъ быть, не могли предложить ему никакого совѣта.

— Сударыня...—началъ онъ наконецъ.

Онъ какъ будто произнесъ еще другія слова, но никто не слышалъ, что онъ сказалъ, и, вѣроятно, желая показать, что ему нечего болѣе сказать, онъ сдѣлалъ довольно неловкій жестъ рукою и слегка наклонилъ голову.

— Да здравствуетъ монахъ!—внезапно сказала Элеонора, поворачиваясь направо, чтобы вести свой отрядъ.

Жильбертъ Вардъ стоялъ верхомъ въ передней линіи зрителей, въ пятидесяти шагахъ отъ короля, на берегу озера. Когда королева проѣзжала легкой рысью вдоль линіи, собирая жатву восторга съ лицъ мужчинъ, ея глаза встрѣтились съ глазами молодого англичанина и узнали его. На своей громадной нормандской лошади онъ возвышался на цѣлую голову надъ мужчинами, находившимися возлѣ него, и держался неподвижно, какъ статуя. Однако его взглядъ выражалъ нѣчто, чего она не видала у него никогда до сихъ поръ. Освобожденный отъ ея прямого вліянія и свободный смотрѣть на нее необыкновенно красивую въ ея блестящихъ доспѣхахъ, какъ на очаровательный спектакль, онъ не думалъ скрывать удовольствія, испытываемаго отъ ея лицезрѣнія.

Всѣ восклицанія великой арміи и блескъ тысячи глазъ, слѣдовавшихъ за нею, не могли сдѣлать ничего иного, какъ вызвать слабый румянецъ на ея мраморномъ лицѣ, и ни одинъ мужчина изъ этой многочисленной толпы не могъ бы найти слова, которое заставило бы забиться быстрѣе ея сердце. Но когда она увидѣла Жильберта, ея кровь оледенѣла, и ея глаза внезапно потемнѣли. Ея взоръ остановился на немъ, когда она проѣзжала мимо него, и удаляясь она опустила глаза, слегка поникнувъ головою.

Жильбертъ, какъ и всѣ окружавшіе его, поднялъ руку и воскликнулъ привѣтствіе.

Она не видала того, что онъ уже началъ отыскивать другое лицо, прежде чѣмъ она проѣхала.

Триста дамъ медленно проѣзжали вокругъ половины долины; ихъ преслѣдовали восторженные восклицанія, какъ продолжительный крикъ птицъ во время полета.

Сначала онѣ проѣхали вдоль линіи слугъ короля, но вскорѣ достигли линіи рыцарей, солдатъ и вассаловъ Элеоноры.

Вдругъ въ воздухъ полетѣли цвѣты, дикія, полевые и осеннія розы изъ садовъ Никеи, собранныя рано утромъ молодыми оруженосцами и пажами. Они были связаны въ букеты и заботливо укрыты отъ солнца, чтобы сохранить свѣжесть до момента, когда ихъ придется бросать. Легкіе цвѣты разлетѣлись по воздуху, а листья попадали въ лица женщинъ, въ то время, когда онѣ проѣзжали. Кромѣ того, нѣкоторые изъ рыцарей, когда восторженно привѣтствовали восклицаніями дамъ, то махали надъ головами красными и бѣлыми шелковыми шарфами. Такимъ образомъ весь отрядъ проѣхалъ все три стороны большой долины.

Но вдругъ произошла перемѣна, которая свалилась, какъ снѣгъ, на всю эту многочисленную толпу мужчинъ и женщинъ. Раздался долгій, грубый, неприятный для слуха крикъ, какъ рычаніе дикихъ звѣрей, въ то время, когда огонь пожираетъ позади нихъ траву пустыни.

Мужчины тотчасъ же повернули головы и стали смотрѣть по направленію, откуда неслись эти звуки; многіе инстинктивнымъ движеніемъ скользнули лѣвой рукой къ рукояткѣ меча или кинжала, чтобы убѣдиться, въ ножнахъ ли они. Бѣлая кобыла королевы пошла галопомъ, забрасывая голову въ сторону съ такими ржаніемъ и ляганіемъ, что почти вырвала узду изъ рукъ королевы, въ то время, какъ въ воздухѣ разнесся вопль и медленно угасъ. Инстинктивный страхъ и предчувствіе большого несчастья витали невидимо и грозно надъ тремя стами дамами, которыя сдерживали своихъ лошадей, когда королева остановилась. Девять изъ десяти чувствовали, что измѣнились въ лицѣ, не зная хорошо—изъ-за чего. По общему побужденію онѣ повернули глаза къ возвышенной мѣстности на югѣ.

На холмѣ, спускавшемся изъ лѣса, появились странныя фигуры, бѣшено несясь по направленію къ долинѣ, и глубокіе ряды начали раскрываться и разступаться, чтобы дать мѣсто обезумѣвшей ватагѣ. Это были закутанные въ изодранные плащи, развѣвавшіеся по вѣтру, съ обнаженными головами солдаты, которые прищипривали хромавшихъ лошадей, оглашая воздухъ странными криками ужаса.

— Сельджуки! Сельджуки!—воскликали они.

Какъ безумные, они спустились съ отлогого склона, и когда приблизились, то можно было видѣть на ихъ доспѣхахъ кровь, на лоскутьяхъ ихъ плащей кровь, на ихъ лицахъ и рукахъ—кровь. Нѣкоторые изъ нихъ были ранены въ голову, и запекаясь кровь образовала на ихъ шеѣ полосы; другіе были въ перевязкахъ, сдѣланныхъ изъ разорванной одежды. Одинъ человекъ, приблизившійся на лошади и перескочившій ровъ у подножія холма, поднялъ руку, которой не хватало кисти.

Никто изъ крестоносцевъ, уже видѣвшихъ войну, ни минуты не сомнѣвался въ истинѣ послѣ появленія одного изъ этихъ безпорядочныхъ всадниковъ.

Самые старые и опытные инстинктивно переглядывались и сплачивались вмѣстѣ. Но какъ бы ни были во время предупреждены, они ничего не могли бы сдѣлать противъ страха, сжимавшаго горло самымъ молодымъ мужчинамъ и женщинамъ, сдавливавшаго ихъ, какъ физическій непріятель, заглушая надежду и силу молодости въ ужасномъ предчувствіи преждевременной смерти. Оруженосцы подталкивали рыцарей, пажей и молодыхъ воиновъ; слѣдовавшіе за лагеремъ всей своей тяжестью подались назадъ, внутренній кругъ сдвинулся и налегъ на отрядъ дамъ, лошади которыхъ принялись пятиться и лягаться. Однако съ одной стороны толпа попробовала выстроиться предъ бѣглецами, которые быстро приближались. Первый неистово несся; изъ ноздри его лошади струилась кровь; у него самого глаза были дикіе, а губы покрыты пѣной, и онъ съ ужасомъ вопилъ:

— Сельджуки! Сельджуки!

Въ двѣнадцать шагахъ предъ испуганной массой человѣческихъ существъ, которыя не могли выстроиться, чтобы дать ему дорогу, его лошадь безъ предупрежденія, не испуская послѣдняго вздоха, поникла головою, оканчивая послѣдній галопъ. Она упала, какъ масса, перевернувшись нѣсколько разъ съ ужасающей силой, затѣмъ вдругъ очоулась и застыла, вытянувъ шею и протянувъ ноги на аршинъ отъ трепетавшей толпы. Ея всадникъ, придавленный и мертвый, лежалъ позади нея. Другіе продолжали все быстрѣе и быстрѣе спускаться съ холма, какъ будто никакая сила не могла остановить ихъ стремленія. Сначала были видны двадцать, затѣмъ сотня и наконецъ остальное множество побѣжденныхъ и гонимыхъ, какъ упавшіе листья, сорванные бурей смерти, которой они только что избѣжали. Многіе изъ нихъ, не зная и не безпокоясь, что они дѣлали, помня лишь объ ужасѣ, отъ котораго они бѣжали, не пробовали даже удерживать своихъ лошадей. Сами животныя, обезумѣвъ отъ ужаса и боли, лягали ряды пѣхотинцевъ, вставали скорѣе во весь ростъ на дыбы, чтобы не наступить на живого человѣка. Большое количество людей было раздавлено тѣснившейся толпой; многіе, падая съ своихъ лошадей, были слишкомъ утомлены, чтобы подняться и такъ истощены, что не могли ничего дѣлать, какъ просить воды.

Однако, два или три бѣглеца, въ которыхъ осталось болѣе жизни, чѣмъ въ другихъ, могли остановиться и были вскорѣ приведены въ толпу, собравшуюся вокругъ озера, гдѣ король съ придворными спокойно ожидалъ, чтобы замѣшательство окончилось само собою. Онъ твердилъ молитвы, не дѣлая самой легкой попытки, чтобы остановить панику или возстановить порядокъ. Но

королевѣ и ея дамамъ грозила опасность быть раздавленными среди этой массы трепещущихъ существъ, помятыхъ и задыхавшихся.

Жильбертъ находился возлѣ короля и со своей высокой лошади видѣлъ болѣе сосѣдей всю эту сумятицу. Это было похоже на то, какъ будто бы какое нибудь ужасное невидимое чудовище охватило сто тысячъ человѣкъ желѣзными тисками. Тысячи такихъ тисковъ сковали непреодолимой силой тѣла лошадей и людей, поваливъ ихъ другъ на друга до такой степени, что человѣческія существа не могли болѣе бороться, и животныя не могли ни наносить ударовъ ногами, ни лягаться, а только топтать все, что находилось вблизи ихъ, все, что медленно приближалось къ центру.

Тамъ въ самомъ сердцѣ стычки была опасность, и даже издалека Жильбертъ довольно ясно видѣлъ сквозь облака свѣта и колорита смертельную блѣдность испуганныхъ лицъ; крики раненыхъ и охваченныхъ ужасомъ женщинъ поднимались среди многочисленной толпы. Онъ неподвижно смотрѣлъ предъ собою, какъ будто его зрѣніе могло различить на такомъ разстояніи черты той или другой дамы, и онъ чувствовалъ себя оледѣвѣвшимъ отъ ужаса, когда представлялъ себѣ, что всѣ эти прекрасныя молодыя дѣвушки и женщины съ своей красотой и молодостью, великолѣпныя въ своихъ блестящихъ и фантастическихъ нарядахъ, могутъ быть раздавлены, растоптаны и смяты среди тысячъ мужчинъ, готовыхъ умереть, чтобы ихъ спасти. Первымъ его движеніемъ было растолкать толпу, расчистить дорогу мечемъ и провести цѣлой и невредимой королеву. Но минута размысленія показала ему, насколько тщетна такая попытка. Все-таки цѣлая толпа чувствовала то же, что и онъ, и желала также дать мѣсто, но она не имѣла возможности сдѣлать это. Только былъ одинъ шансъ, одна надежда спасти женщинъ: отвлечь толпу какимъ нибудь обратнымъ волненіемъ отъ ея настоящаго ужаса. Въ тотъ моментъ, когда затрудненіе и опасность представились въ его умѣ, Жильбертъ успѣшилъ поискать вокругъ себя средства для спасенія тѣхъ, которыя были въ опасности, и въ этихъ мукахъ ему казалась каждая потерянная минута чудовищно длинна. Его слуга Дунстанъ стоялъ возлѣ него, молча, съ равнодушнымъ видомъ смотря на происходившее. Только его спокойное смуглое лицо было нѣсколько нахмурено и болѣе обыкновеннаго пылало, и хотя трепетаніе раздувавшихся ноздрей выражало внутреннее волненіе, его безпокойство едва было замѣтно. Жильбертъ зналъ, что его собственное лицо указывало на внутреннее безпокойство, и такъ какъ онъ тщетно искалъ средства, то обыкновенное хладнокровіе лакея начало его раздражать.

— Вы остаетесь здѣсь,—сказалъ холодно Жильбертъ,—какъ будто вамъ все равно, что триста дамъ Франціи будутъ раздавлены, и нашъ братъ англичанинъ ничего не можетъ сдѣлать, чтобы имъ помочь,

Дунстанъ поднялъ брови и посмотрѣлъ на своего господина, не поднимая головы.

— Я не такъ равнодушенъ, какъ король, сударь,—отвѣтилъ онъ просто, указывая пальцемъ по направленію группы придворныхъ, среди которыхъ въ пятидесяти футахъ ясно было видно блѣдное и суровое лицо короля.—Франція могла бы сгорѣть на его глазахъ, а онъ скорѣе будетъ молиться о своей душѣ, чѣмъ подыметъ руку, чтобы спасти жизнь другихъ.

— Мы такъ же безчувственны, какъ онъ,—возразилъ Жильбертъ почти съ гнѣвомъ, волнуясь на своемъ сѣдлѣ отъ большого нетерпѣнія и чувствуя себя бессильнымъ.

Дунстанъ не сразу отвѣтилъ и своими острыми зубами нервно закусилъ уголъ нижней губы. Вдругъ онъ наклонился и поднялъ какой-то предметъ, на который онъ наступилъ. Жильбертъ на это не обратилъ вниманія.

— Вы желаете раздвинуть толпу, чтобы дать королевѣ мѣсто?—спросилъ Дунстанъ.

— Очевидно я этого хочу.

Жильбертъ посмотрѣлъ вопросительно на Дунстана, хотя его голосъ былъ суровъ.

— Но мы не можемъ проложить ей дорогу сквозь толпу,—прибавилъ онъ, все еще смотря передъ собою.

Дунстанъ принялся тихо смѣяться.

— Ставлю на пари мою жизнь за новую куртку, что я могу заставить эту толпу вертѣться, какъ волчекъ. Но вы, я знаю, не можете этого сдѣлать.

— Почему,—спросилъ Жильбертъ, быстро наклоняясь, чтобы лучше слышать:—что вы хотите сдѣлать, чего я не могу?

— То, чего благородная кровь никогда не можетъ исполнить,—сказалъ слуга съ отгѣнкомъ горечи.—Получу ли я новую куртку, если спасу лэди Беатрису и королеву Франціи?

— Двадцать! — отвѣтилъ Жильбертъ:—все, что вы потребуете, но только дѣлайте скорѣе.

Дунстанъ наклонился и что-то еще поднялъ изъ-подъ ноги.

— Я только мужикъ,—сказалъ онъ, поднимаясь, — но я могу рисковать жизнью для дамы такъ же, какъ и вы, и если я выиграю, то хочу получить лучше мечъ, чѣмъ новую одежду.

— Вы получите болѣе, чѣмъ это,—отвѣтилъ Жильбертъ, измѣнившимся тономъ.—Но если вы нашли средство для спасенія, ради Бога, торопитесь, какъ разъ время!

— Прощайте, сударь!—сказалъ Дунстанъ.

Жильбертъ услышалъ эти два слова, и пока они еще звучали въ его ухахъ, Дунстанъ проскользнулъ между оруженосцами и рыцарями, окружавшими ихъ, и вскорѣ скрылся.

Не прошло и минуты, какъ воздухъ наполнился дикимъ воплемъ съ грозными и ясными словами, которыя тысячи людей должны были слышать съ самаго начала, и все-таки они повторялись безпрестанно.

— Король обманулъ насъ!.. Король измѣнилъ кресту!..

Въ этотъ самый моментъ изъ ловко напрактиковавшейся руки Дунстана полетѣлъ камень и ударилъ лошадь короля между глазъ, на богатый налобникъ, весь вышитый золотомъ. Конь грозно всталъ на дыбы во весь ростъ, и прежде чѣмъ онъ наклонилъ голову, чтобы броситься, гнѣвный крикъ Дунстана снова разсѣкъ воздухъ, и второй камень ударилъ прямо въ грудь короля, онъ скатился сначала на сѣдлѣ, затѣмъ на землю.

— Король намъ всѣмъ измѣнилъ!.. Измѣнникъ!.. Измѣнникъ!..

Никогда еще не видѣли такой массы лихорадочныхъ и пораженныхъ ужасомъ людей, внезапно растерявшихся отъ неоспоримой очевидности большого пораженія, которое можетъ погубить ихъ самихъ.

Прежде чѣмъ закричать, Дунстанъ проскользнулъ между людьми, не знавшими его ни съ виду ни по имени, и второй камень еще не достигъ своей цѣли, какъ онъ исчезъ и очутился на другой сторонѣ. Теперь онъ былъ молчаливъ, губы его были сжаты, и черные непроницаемые глаза смотрѣли впередъ. Онъ исполнилъ свою работу и зналъ, что съ нимъ случится, если его узнаютъ. Но никто не обращалъ на него вниманія.

Безпорядочная толпа посипѣла къ королю съ возрастающей яростью, какъ перемѣнчивое море во время зимней бури, рева и вопя. Большинство хотѣло побить его камнями и разорвать на куски, но многіе, болѣе зрѣлые и хладнокровные, сомкнулись вокругъ него, плечо къ плечу, съ обнаженными мечами, блестящими подъ солнечными лучами, рѣшившись защищать своего государя.

Въ одинъ моментъ были забыты нѣмецкіе бѣглецы, императоръ и его армія; сама идея святой войны и креста исчезла среди неистоваго безпорядка наступавшихъ и твердой защиты партизановъ короля. Неизмѣримая масса людей, которые неслись впередъ, подталкиваемые находившимися позади, заставляли Людовика и окружающихъ его подвигаться на болѣе возвышенное мѣсто. Въ своей жестокой бѣдѣ, почти отчаиваясь освободить своихъ спутницъ отъ гибели, королева издали слышала новое смятеніе и почувствовала, что тѣснившая ихъ толпа наконецъ отхлынула. Слово «измѣнникъ» пронеслось, какъ быстрое эхо, изъ устъ въ уста, безпрестанно повторяемое съ гнѣвомъ или съ недовѣрчивостью, такъ что не было человѣка изъ ста тысячъ, уста котораго не произносили бы роковыхъ слоговъ. Элеонора видѣла, какъ ея мужъ и его приближенные вынули мечи и махали ими въ воздухъ, стоя

на холмѣ; она услышала позорное слово, и жестокое презрительное выраженіе оживило на минуту ея лицо. Она знала, что обвиненіе было ложно и безусловно бессмысленно для честныхъ сердецъ: все-таки она ненавидѣла мужа и въ особенности потому, что безумецъ могъ бросить ему въ лицо такое слово. Обезпеченная авторитетомъ и территоріальнымъ богатствомъ гораздо большимъ, чѣмъ король, а также популярностью, какой онъ никогда не добился бы, она смотрѣла на него, какъ на презрѣннаго царька, за котораго вышла замужъ, благодаря самой безумной ошибкѣ. Разорвать этотъ союзъ, если это возможно, сдѣлалось цѣлью ея жизни.

Съ минуту она смотрѣла на него издали чрезъ море головъ, которое уже начало удаляться. Ея кобыла сдѣлалась теперь спокойнѣе, находясь въ болѣе широкомъ пространствѣ, такъ какъ это было послушное животное; но многія изъ лошадей другихъ дамъ все еще продолжали лягаться и вставать на дыбы, хотя онѣ были такъ сближены одна къ другой, что не могли причинить себѣ большого вреда. Она видѣла, какъ рыцари пролагали себѣ дорогу къ королю, и какъ большой отрядъ пѣхотинцевъ имъ сопротивлялся въ то время, какъ постыдныя слова еще громче гремѣли въ воздухѣ. Хотя она презирала короля, но старый инстинктъ благородной женщины, гнушающейся народомъ, заставилъ ее вздрогнуть; лицо ея поблѣднѣло, и въ то же время она чувствовала, какъ гнѣвъ сжалъ ей горло. Вокругъ нея тогда образовалось мѣсто, такъ какъ громадная толпа отхлынула отъ нея, распространилась, какъ рѣка, и раздѣлилась на холмахъ, гдѣ она встрѣтила мечи рыцарей, а затѣмъ разлилась. Королева обернулась, чтобы видѣть; какія дамы находились ближе къ ней, и увидѣла свою знаменосицу Анну Ошъ, боровшуюся съ своимъ вставшимъ на дыбы конемъ. А за нею слѣдовала спокойная и блѣдная Беатриса на горячемъ венгерскомъ конѣ, слишкомъ большомъ для нея, но которымъ, повидимому, она управляла съ необыкновенной ловкостью. Маленькая и тоненькая, она была въ своей деликатной кольчугѣ, казавшейся съ виду не толще серебряной рыболовной сѣти. Ея галія была на половину прикрыта длиннымъ зеленымъ оливковымъ плащомъ съ пунсовымъ крестомъ на плечѣ, а на легкомъ стальномъ шлемѣ красовалось серебряное крыло голубя.

Ея глаза встрѣтились съ глазами Элеоноры и настолько загорѣлись симпатіей мысли, что онѣ понимали другъ друга съ одного взгляда. Правой рукой королева подняла свое копьѣ, затѣмъ она взяла немного налѣво и, склонившись впередъ, закричала тѣмъ, которые слѣдовали за нею:

— Дамы Франці! народъ окружилъ короля. Впередъ!

И легкая арабская кобыла пошла галопомъ прямо на толпу. Элеонора болѣе не смотрѣла позади себя, размахивала своимъ ко-

пьемъ сильно и энергично и была готова броситься на толпу. Вслѣдъ за нею слѣдовала Анна Ошъ; древко штандарта было придѣлано къ стремени, а ея рука проходила черезъ ремешокъ, такъ что кисти ея обѣихъ рукъ были свободны. Она держалась на сѣдлѣ прямо, хотя лошадь ея пустилась бѣшенымъ галопомъ, вытянувъ шею, поднявъ глаза, съ красными открытыми ноздрями, счастливая, что освободилась отъ всякаго стѣсненія. Затѣмъ слѣдовала легкая, какъ перо, Беатриса на своемъ толстомъ венгерскомъ коричневомъ конѣ, несшемся, какъ ураганъ; его чуткія уши были откинуты назадъ, а изъ-подъ трепетавшихъ губъ виднѣлись желтоватыя зубы. Но изъ остальныхъ трехсотъ дамъ ни одна не слѣдовала за нею. Онѣ не поняли приказа королевы, не слышали его, не могли управлять своими лошадьми или боялись. Три женщины приближались къ народу, который былъ отъ нихъ на разстояніи четырехсотъ шаговъ.

Онѣ скакали за нею, не безпокоясь, что однѣ, и не спрашивая себя, что могутъ подѣлать три женщины противъ тысячи мужчинъ, возбужденныхъ яростью. Но народъ услышалъ стукъ копытъ двухъ грузныхъ лошадей и легкіе шаги арабской кобылы, звучащіе быстро и твердо, какъ пальцы танцовщика на тамбуринѣ. Сотни глазъ стали смотрѣть, кто такъ быстро скакалъ, и тысячи мужчинъ обернули головы, желая узнать то, на что смотрѣли другіе. Всѣ, замѣтивъ королеву, посѣщили направо и налево, чтобы дать мѣсто столь же изъ уваженія къ ней, сколько изъ опасенія за себя. Вдали на холмистой мѣстности мятежъ стихъ такъ же внезапно, какъ начался; воины отступили, и многіе пробовали спрятать лица изъ опасенія быть узнанными. Цѣлое море человѣческихъ существъ разъединилось предъ стремительными наѣздницами, какъ слой облаковъ разсѣивается, подгоняемый зимнимъ сѣверно-восточнымъ вѣтромъ, и бѣлый конь пронесся, какъ лучъ свѣта среди длинныхъ линій суровыхъ лицъ и сверкавшаго оружія.

Королева мимоходомъ бросила на многочисленную толпу презрительный взглядъ; высокомѣрное чувство ея могущества польстило ея раздраженной гордости. Линія продолжала раскрываться, и она ее проѣзжала, приподнимаясь и опускаясь, согласно быстрому аллюру лошади. Но теперь открывшаяся предъ нею дорога не шла прямо къ королю. Тамъ толпа была болѣе плотная и разъединялась труднѣе, такъ что три дамы должны были слѣдовать по единственному открывшемуся пути. Внезапно предъ ними почва круто опускалась, оканчиваясь какъ бы обрывомъ въ сорокъ футовъ къ берегу озера. Головы послѣдняго ряда толпы, стоявшей на берегу, ясно и отчетливо обрисовывались на блѣдномъ небѣ. Королева не могла видѣть воды, но чувствовала, что смерть на концѣ прыжка. Ея обѣ спутницы имѣли одно и то же впечатлѣніе.

Элеонора спокойно опустила свое копьё направо, чтобы слѣдовавшіе за нею не споткнулись; затѣмъ, понизивъ руки и откинувъ

назадъ свое тѣло въ глубину сѣдла, она изо всей силы потянула назадъ узду. Ея лошадь, привычная къ ея рукѣ, повиновалась бы ей и остановила бы большого венгерскаго коня Беатрисы, такъ какъ ея бѣлыя руки были такъ же сильны, какъ мужскія, но арабская кобыла привыкла лишь къ прикосновенію арабскаго недоуздка и къ звонкому ласковому голосу арабовъ. При первомъ усилии французскаго мундштука, она откинула голову, поднялась на дыбы, закусила сталь и пустплась съ удвоенной быстротой. Элеонора хотѣла направить ее на дрожавшую толпу, но тщетно.

Ея лицо покрылось смертельной блѣдностью, губы сжались, а глаза приняли рѣшительное выраженіе, такъ какъ она прямо смотрѣла смерти въ лицо. Маленькія одѣтыя въ перчатки ручки Беатрисы, сильно натянувшія поводья, походили на бѣлыхъ мошекъ; грозный аллюръ ея венгерскаго коня взрывалъ цѣлыя глыбы земли. На лицѣ молодой дѣвушки было безропотно, не отъ міра сего выраженіе, почти улыбка смерти. Только энергическая темноволосая южанка, казалось, властвовала надъ своей лошадью, которая уменьшила быстроту и отстала позади.

Въ присутствіи ужасной опасности толпа стояла молчаливая и задыхаясь, а многіе изъ мужчинъ поблѣднѣли. Но никто не двинулся.

Прошла секунда, двѣ секунды, три секунды, и чрезъ каждую секунду слѣдовали два лошадиныхъ шага; конецъ жизни трехъ женщинъ зависѣлъ отъ этихъ страшныхъ лошадиныхъ прыжковъ. Эта скачка могла продолжаться едва десять секундъ.

Жильбертъ Вардъ сначала попытался приблизиться къ королю тотчасъ же, но увидѣлъ, что это бесполезно, такъ какъ онъ уже былъ окруженъ дворянами и рыцарями. Тогда онъ возвратился, чтобы стать вмѣстѣ съ тѣми, кто его сопровождалъ, лицомъ къ лицу съ толпою, и клинкомъ плашмя выбилъ нѣсколько мечей, которые осмѣлился вынуть народъ въ изступленіи. Онъ никого не ранилъ, зная, что это безуміе, которое пройдетъ, и его надо простить.

Тогда онъ очутился съ своей лошадью почти на опушкѣ дороги, открытой народомъ. Онъ посмотрѣлъ и увидѣлъ королеву и Беатрису въ трехъ или четырехъ футахъ позади его, на самомъ опасномъ мѣстѣ. Жильбертъ зналъ высоту паденія и понялъ опасность. Тогда онъ сыркнулъ на траву на шагъ отъ обрыва. Онъ хотѣлъ бы въ этотъ моментъ обладать силою въ рукахъ Лансело и легкостью дикаго животнаго въ ногахъ, но его сердце не дрогнуло.

Въ одно мгновеніе онъ пережилъ цѣлый часъ. Его жизнь была ничто, но онъ могъ ее отдать только одинъ разъ, чтобы спасти единственную женщину, и эта женщина должна быть Беатриса.

Однако Элеонора была королева и добра для него. Во время этой томительной секунды его взглядъ перенесся на нее; онъ хотѣлъ

спасти другую, но безсознательно онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и остановился на полъ-дорогѣ. Одна секунда для послѣдняго размышленія и одна — для послѣдняго шага. Онъ услышалъ шумъ вѣтра, поднятаго бѣшенымъ галопомъ; королева смотрѣла на него.

Въ этотъ послѣдній моментъ она измѣнилась въ лицѣ, и спокойствіе отчаянности, которое наполняло ея глаза, обратилось въ ужасъ за того, котораго она любила даже болѣе, чѣмъ думала сама.

— Назадъ!—воскликнула она.

Этотъ крикъ былъ полонъ ужаса, но не за себя.

Изъ всей своей силы, но тщетно, она дернула въ сторону ротъ кобылы, затѣмъ закрыла глаза изъ страха видѣть умирающаго Жильберта. Онъ намѣревался оставить королеву на произволь смерти, такъ какъ молодая дѣвушка была ему дороже, и собралъ всѣ силы, чтобы спасти ее. Но, увидѣвъ глаза Элеоноры и услышавъ ея крикъ, онъ инстинктивно понялъ, что она любитъ его и желаетъ, чтобы онъ скорѣе самъ спасался. Опасеніе за любимый предметъ—камень преткновенія настоящей любви.

Внезапно онъ понялъ, что выбора нѣтъ, такъ какъ онъ не любитъ королевы. Если бы ему удалось удержать, то паденіе кобылы остановило бы другихъ лошадей. Когда Жильбертъ схватилъ ее обѣими руками, то ничего не видѣлъ, кромѣ костлявой головы арабской кобылы и золотой уздечки. Затѣмъ онъ болѣе ничего не видѣлъ, однако держалъ ее хорошо, и даже мертвый онъ хотѣлъ бы ее держать, какъ стальные зубцы звѣриной ловушки держатъ лапу волка, попавшаго въ западню. Онъ чувствовалъ, что лошадь его опрокинула на землю, тащила, топтала и трепала, какъ веревку, такъ что его кости трещали. Но онъ все еще держался и не испытывалъ никакихъ страданій, только земля и небо вертѣлись предъ его глазами. Это длилось не минуту, но часъ, годъ, цѣлое существованіе. Однако онъ не могъ освободить своихъ рукъ, такъ какъ въ немъ были кровь и душа расы, которая никогда не выпускала того, что держала.

На это пошло времени не болѣе, чѣмъ потребовалось бы на одинъ вздохъ. Кобыла бѣшено бросилась и заколебалась. Ея голова касалась почти земли и тащила руку Жильберта по травѣ. Затѣмъ онъ своей тяжестью натянулъ ей такъ узду, что она откинулась назадъ, и упалъ на нее, какъ флюгарка, опрокинутая вѣтромъ. Въ этотъ самый моментъ венгерская лошадь Беатрисы наѣхала на нее и упала, придавивъ молодую дѣвушку. Лошадь Анны, мѣтѣе обезумѣвшая, чѣмъ другія, и находившаяся на разстояніи, ловко сдерживалась. Послѣ двухъ, трехъ короткихъ, но сильныхъ прыжковъ, выбившихъ наѣздницу изъ сѣдла, она поставила переднія ноги на траву и остановилась, задыхаясь и дрожа всѣмъ тѣломъ. Бѣшеная скачка была окончена. Съ инстинктомъ и силою врожденнаго

ѣздока, Элеонора вынула ноги изъ стремянъ и поднялась; держась руками за луку, она легко спрыгнула. Она упала, но встала на ноги, прежде чѣмъ кто либо изъ удивленной толпы пришелъ ей на помощь. Жильбертъ лежалъ во весь ростъ, безъ чувствъ, но съ протянутыми надъ головою руками, въ то время, какъ его пальцы, одѣтые въ перчатки, сжимали уздечку, и лошадь, продолжавшая слабо бороться, дергала ихъ изъ стороны въ сторону. Его глаза были полуоткрыты и смотрѣли въ сторону королевы, но они были блѣдны и безъ выраженія. Венгерскій конь наполовину опрокинулся на спину, очень незначительно поранивъ себя, такъ какъ лука воспрепятствовала ему опрокинуться совершенно навзничь.

Беатриса казалась мертвой. Она была переброшена черезъ спину арабской кобылы; она ударилась головою о траву, и кобыла въ концѣ борьбы упала на ея ноги. Легкій стальной шлемъ вѣзался въ ея лобъ и, несмотря на стеганную подкладку и его узорчатый край, прорѣзалъ кожу, такъ что маленькая линия черновато красной крови медленно текла по бѣлой кожѣ, а ея руки въ бѣлыхъ перчаткахъ лежали вверхъ ладонями, на половину открытыя и оконченныя. Королева едва на нее посмотрѣла.

Многіе мужчины бросились, когда опасность прошла. Они унесли Беатрису и подняли ея лошадь. Элеонора, стоя на колѣняхъ, пробовала освободить пальцы Жильберта изъ уздечки, но не имѣла возможности: ей надо было отстегнуть пряжку отъ длиннаго мундштука. Она тихо терла ему виски, затѣмъ наклонилась идохнула ему въ лицо, чтобы свѣжее дыханіе разбудило его. На его лбу и подбородкѣ были капли крови, а его суконная куртка во многихъ мѣстахъ была разорвана, и выдѣлялось бѣлое бѣлье. Но Элеонора видѣла лишь выраженіе его лица, невозмутимое и энергичное даже въ безсознательномъ положеніи, тогда какъ онъ въ сновидѣніи своего безсознательнаго положенія еще разъ спасъ ей жизнь.

Въ это мгновеніе, зная, что онъ не можетъ ее видѣть, она думала только о своемъ впечатлѣніи и не заботилась скрывать то, что испытывала; испытываемое ею было въ одно и то же время грѣшно и сладко. Но внезапно жизнь возвратилась во взглядѣ раненаго; его ослабѣвшіе пальцы разжались. Онъ глубоко вздохнулъ и произнесъ имя, которое давно разучился называть:

— Мама!

Элеонора медленно наклонила свою прекрасную голову. Затѣмъ лицо Жильберта опечалилось; воспоминанія о прежнихъ страданіяхъ вернулись къ нему, жестоко щемя ему сердце, прежде чѣмъ физическія страданія не пробудились въ его помятыхъ членахъ. Вдругъ его мысли прояснились, и ему стало стыдно, что онъ забылъ Беатрису и почти отдалъ жизнь, чтобы спасти королеву. Онъ вздрогнулъ, какъ бы отъ укола, и приподнялся на одной рукѣ, хотя онъ испытывалъ чувство, какъ будто оперся на острое, жгучее лезвее.

— Она умерла!—воскликнулъ онъ, сжавъ губы.

— Нѣтъ!—отвѣтила королева:—вы спасли насъ обѣихъ.

Она произнесла эти слова нѣжно и ясно, и въ это время положила руку на плечо Жильберта, чтобы его успокоить. Она наблюдала, какъ измѣнялись его черты, и ужасъ исчезалъ изъ его взгляда, уступая мѣсто радости при счастливомъ извѣстїи.

— Благодареніе Богу!

Онъ сказалъ только эти слова и упалъ на руки королевы, такъ какъ былъ совѣмъ разбитъ. Но лицо послѣдней также измѣнилось, и она страдала по другой причинѣ: въ ней было столько же добра, сколько и зла. Ея любовь къ нему выросла отъ того, что онъ ее спасъ, и она хотѣла дать ему больше, забывая, можетъ ли она это сдѣлать.

Такимъ образомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ она оставалась на колѣняхъ, чтобы наблюдать за нимъ, не заботясь о тѣхъ, кто ее окружалъ, и только едва она замѣтила смуглаго мужчину, котораго не видала ранѣе. Онъ низко склонился такъ, что она не могла видѣть его лица, и спокойно снялъ воротникъ своего господина, пробуя его руки и ноги, опасаясь, не сломана ли какая нибудь кость.

— Кто вы?—спросила наконецъ тихимъ голосомъ королева чело-
вѣка, который заботился о любимомъ ею Жильбертѣ.

— Слуга его,—лаконически отвѣтилъ Дунстанъ, не поднимая головы.

— Позаботьтесь о немъ и извѣстите меня объ его положенїи,—замѣтила королева.

И, вынувъ кошель, она дала ему золота, которое онъ молча взялъ, еще ниже склонивъ голову.

Онъ тоже спасъ ей сегодня жизнь; онъ это зналъ, но она не знала.

Она поднялась и закуталась въ плащъ. Не прошло десяти минутъ съ тѣхъ поръ, какъ, поднявъ руку, она пригласила дамъ слѣдовать за нею. Король запоздалъ и медленно пришелъ узнать, не ранена ли она.

— Государыня,—сказалъ онъ, когда сошелъ съ лошади,—благодарю милосерднаго Бога, который соблаговолилъ выслушать молитвы о вашей безопасности, которыя я ему безпрестанно возносилъ къ небу въ то время, какъ вашей жизни угрожало это опасное животное. Мы поблагодаримъ его священнослуженїемъ въ продолженіе десяти дней, прежде чѣмъ продолжать наше путешествіе, или въ продолженіе двухъ недѣль, если вы это предпочитаете.

— Ваше величество,—холодно отвѣтила Элеонора:—свободно хвалить небо въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, если вы находите это нужнымъ. Безъ этого бѣднаго англичанина, который лежитъ здѣсь въ обморокѣ и схватившаго за узду мою лошадь съ опас-

ностью жизни, вы могли бы потребовать обѣдѣнъ за упокой моей души вмѣсто спасенія моего тѣла. Это было бы мнѣ необходимѣе, если бы я была убита.

Король набожно перекрестился, полузакрывъ глаза, нѣсколько склонился и прошепталъ короткую молитву.

— Лучше было бы,—замѣтила королева,—сейчасъ же отправиться, чтобы поддержать императора.

— Богу угодно, чтобы его армія была совершенно уничтожена,—отвѣтилъ спокойно король.—Императоръ самъ будетъ здѣсь чрезъ нѣсколько часовъ, если только не погибнетъ съ остатками рыцарей, разбитыхъ сельджуками, которые преслѣдуютъ бѣглецовъ.

— Одной причиною болѣе, чтобы мы спасли оставшихся живыми. Моя армія пустится въ путь завтра на зарѣ... Ваше величество можетъ остаться назади насъ и молиться за насъ.

И она удалилась съ презрительнымъ видомъ.

Дунстанъ и нѣсколько пѣхотинцевъ приготовили носилки изъ пикъ и кошевъ, чтобы нести Жильберта и Беатрису на сѣверъ, по направленію лагеря.

II.

Узнавъ отъ своего слуги, что Беатриса тяжело ранена и очень страдаетъ, Жильбертъ отвернулся и закусилъ зубами сѣдельный вьюкъ, служившій ему подушкой. Уже вечерѣло, и Дунстанъ только что вернулся, собравъ свѣдѣнія въ дамскомъ лагерѣ, отстоявшемъ на полмили.

Трудно было найти прощѣ круглой палатки англичанина. Она имѣла пять футовъ въ діаметрѣ, и посреди нея былъ воткнутъ шестъ. Сухая земля была сырыснута водой и убита колотушками, чтобы, насколько возможно, сдѣлать почву твердой. Жильбертъ и его оба слуги спали на дубленыхъ кожахъ, покрытыхъ толстыми, какъ ковры, шерстяными одѣялами, ручной ткани, съ грубыми рисунками голубой и красной шерсти. Это была дорого цѣнимая деревенская работа овернскихъ пастуховъ.

Вокругъ шеста нагромождены были сѣдла одно на другомъ: сѣдло Жильберта съ выгнутымъ арчакомъ находилось наверху; сѣдло Дунстана, покрытое ремнями, которыми привязывались позади и впереди сѣдока свернутыя одѣяла, а также легкая поклажа и вьюки, наконецъ сѣдло мула, на которомъ ѣздилъ маленькій Альрикъ по хорошей дорогѣ, взобравшись на крѣпко связанную поклажу. Большую часть пути сильный саксонецъ слѣдовалъ пѣшкомъ такъ же, какъ и Дунстанъ, но не было принято, чтобы чело-вѣкъ благородной крови шель пѣшкомъ, исключая крайней необходимости.

Надъ сѣдлами висѣла кольчуга, повѣшенная за воротъ на толстой палкѣ, пропущенной чрезъ рукава, изъ боязни, чтобы она не

заржавѣла отъ сырости. Остальные его доспѣхи и мечъ, какъ древніе трофеи, были придѣланы наверху вмѣстѣ съ уздечками, кожаными фляжками и другими предметами. На землѣ, возлѣ сѣделъ, въ мѣдномъ котлѣ лежали три блестящія мѣдныя чашки, хорошо вытертыя деревянныя блюда, длинная деревянная ложка, желѣзный вертелъ и три латуновыя ложки и прочая необходимая утварь для приготовленія кушанья и ѣды. Вилки въ то время еще не были изобрѣтены.

Жильбертъ лежалъ на спинѣ, отвернувшись отъ своего слуги. Тѣло было покрыто ушибами и ссадинами, а голова болѣла отъ ударовъ, полученныхъ въ то время, когда его тащила по землѣ лошадь. Но ни одинъ членъ его тѣла не былъ поврежденъ. Дунстанъ массиравалъ ему связки, мять и разглаживалъ ему ссадины съ ловкостью и тщательностью, въ которой чувствовалось восточное искусство. Онъ лежалъ завернутый въ длинную одежду изъ грубаго бѣлаго полотна, похожаго на шерстяную матерію, которое онъ купилъ у грековъ въ Константинополѣ. Вечеръ былъ теплый, и хотя завѣса палатки была открыта, но чувствовалось очень мало воздуха; тѣсное пространство палатки было наполнено неприятнымъ запахомъ кожи и нагрѣвшимся полотномъ. Сквозь щели палатки онъ увидѣлъ какъ бы маленькія ослѣпительныя искры солнца, которое прямо ударило на внѣшнюю сторону палатки.

Онъ желалъ потерять жизнь во время безумной скачки арабской кобылы и никогда болѣе не просыпаться, чтобы не дать себѣ отчета въ своемъ поступкѣ. Хотя въ своемъ трезвомъ сознаніи онъ не любилъ королевы, но ему казалось, что когда онъ бросился спасать ее, то питалъ къ ней любовь и никогда не забудетъ ея взгляда, полного страха за него, и крика ужаса при видѣ его въ такой опасности. Теперь ему пришло въ голову все, что Беатриса говорила ему въ константинопольскомъ саду. До сихъ поръ онъ не вѣрилъ ея словамъ, считая ихъ глупой и дикой невозможностью, потому что онъ былъ слишкомъ скромнень и не питалъ въ себѣ никакого самолюбія въ подобныхъ дѣлахъ.

Беатриса была бы непременно убита, если бы случайно кобыла не бросилась поперекъ узкой дороги, и онъ не рискнулъ бы своей жизнью, чтобы спасти другую женщину. Конечно, при этомъ ничего не значило, что она королева, и не по этой причинѣ захватился за ея уздечку. Онъ сдѣлалъ это за взглядъ ея глазъ, за интонацію голоса; онъ подчинился какому-то соблазну въ ту минуту, когда поскакалъ на спасеніе болѣе драгоцѣннаго для него существа. Это похоже было на преступленіе, какъ будто доказывавшее, что онъ любилъ то, чего въ сущности не любилъ. Если бы онъ пропустилъ королеву и остановилъ лошадь Беатрисы, она не была бы ранена, и, можетъ быть, другой храбрецъ спасъ бы Эленору на краю гибели. Теперь онъ думалъ о печальномъ лицѣ съ

слегка патетической улыбкой, отъ боли по его винѣ лежавшемъ въ постели.

Еще съ большимъ страхомъ онъ думалъ объ опасности, какой болѣе тяжелый ударъ могъ подвергнуть это нѣжное тѣло, искалѣчивъ его на всю жизнь.

Между тѣмъ распространилась вѣсть, что молчаливый англичанинъ, не рыцарь и не оруженосецъ, спасъ королеву. Предъ его палаткой останавливались люди, чтобы потолковать о случившемся, и задавали многочисленные вопросы Альрику, который довольно набрался норманно—французскихъ словъ, чтобы достаточно понятно отвѣчать. Прежде всего приходили солдаты, идя за водой къ озеру, и на возвратномъ пути снимали съ плечъ тяжелые мѣдные сосуды, уже наполненные водою, и, поставивъ ихъ на землю, вступали въ бесѣду. Вскорѣ явился знаменитый рыцарь, графъ Монфератъ, братъ графа Савойскаго, который въ Везлеѣ разговаривалъ съ Жильбертомъ. Онъ шелъ медленными шагами, и его блестящіе глаза, казалось, указывали ему путь; его длинный плащъ волочился по землѣ. Мягкіе, красные кожаные сапоги опускались тѣсными складками до щиколотокъ; одѣтыя въ перчатки руки крѣпко сжимали рукоятку меча, такъ что ножны слегка приподымали волочившійся плащъ. По обѣ его стороны шли любимые рыцари графа съ ихъ оруженосцами, направляясь вмѣстѣ съ нимъ въ палатку короля, гдѣ былъ собранъ военный совѣтъ по случаю разбитія въ сраженіи нѣмецкой арміи и скорого пріѣзда императора вслѣдъ за герцогомъ Фридрихомъ Швабскимъ. Этотъ герцогъ уже находился въ лагерѣ; ему удалось отбиться отъ сельджукскихъ аванпостовъ, преслѣдовавшихъ перепуганныхъ отъ страха нѣмцевъ.

Солдаты и конюхи разступились предъ благороднымъ, рыцаремъ, и онъ спросилъ, гдѣ тутъ живетъ англичанинъ Жильбертъ Вардъ. Ему указали на полуткрытую палатку, передъ которой, широко разставивъ ноги, стоялъ Альрикъ подъ тѣнью висѣвшаго на воткнутой въ землю пикѣ длиннаго щита Жильберта. Этотъ щитъ былъ безъ всякихъ украшеній, хотя въ тѣ времена дворяне выставляли на своихъ щитахъ девизы, а знатные рыцари уже до нихъ украшали геральдическими эмблемами свои щиты. Но Жильбертъ не хотѣлъ выставлять ни эмблемы ни девиза, прежде чѣмъ какой нибудь подвигъ не сдѣлаетъ его имени извѣстнымъ.

Графъ Монфератъ задумчиво взглянулъ на щитъ Жильберта и спросилъ Альрика, къ какому семейству принадлежалъ его господинъ. Узнавъ, что его предки находились при смерти Роберта Дьявола, сопровождали Вильгельма Завоевателя въ Гастингской битвѣ и слѣдовали за Готфридомъ въ Иерусалимъ, а отецъ его былъ убитъ, сражаясь за королеву Матильду противъ узурпатора,—очень удивился, что молодой человекъ еще не былъ рыцаремъ. Онъ также узналъ, что Жильбертъ былъ раненъ и нездоровъ, а потому не

безпокоилъ его, а далъ Альрику золотую монету и просилъ его поклониться молодому владѣтелю Стока, сказавъ ему, что графъ Монфератъ желаетъ съ нимъ поближе познакомиться, когда онъ выздоровѣетъ.

Вслѣдъ за этимъ онъ удалился, а вскорѣ послѣ него подошли къ палаткѣ графъ Савойскій и владѣтель Куси, идя рядомъ по дорогѣ на военный совѣтъ; за ними также слѣдовали рыцари и оруженосцы. Увидя, что Монфератъ остановился у палатки, они сдѣлали то же и, задавъ Альрику подобные же вопросы, также дали ему деньги по обычаю того времени за храбрый подвигъ его господина. Вслѣдъ за ними приходили многіе другіе знатные вельможи и простые дворяне. Каждый изъ нихъ давалъ Альрику большую или меньшую сумму, а бѣдные воины приглашали его на попойку послѣ ужина. Такимъ образомъ плоскій кожаный кошель Альрика, всегда пустой, сталъ туго набиваться и теперь тяжело висѣлъ на его кушакѣ. Что касается до вина, то его было столько, что онъ могъ въ него спустить лодку.

Одинъ изъ греческихъ проводниковъ, стоявшій вблизи палатки, перебирая четки, пробрался сквозь толпу къ самому Альрику и старался тайно разрѣзать бритвой его кошель. Но саксонецъ быстро повернулся и нанесъ ему ударъ кулакомъ въ переносье съ такой силой, что грекъ повалился на землю и цѣлый часъ лежалъ безъ чувствъ. Потомъ онъ убрался на четверенькахъ, такъ какъ никто не хотѣлъ его поднять. Альрикъ же долго смѣялся, слизывая кровь, которая текла у него изъ царапинъ на рукѣ, и хотя онъ былъ небольшого роста и юный, но солдаты смотрѣли на него съ уваженіемъ, и на него посыпалось еще больше приглашеній на выпивку.

Такимъ образомъ, послѣ этого вечера репутація Жильберта неожиданно выросла, какъ распускается блестящая лилія подъ яркими лучами солнца, оставаясь долго бутонъ подъ дождливымъ небомъ. Теперь прошли тѣ дни, когда онъ съ своими двумя слугами и съ скромной поклажей терялся незамѣченнымъ въ толпѣ благородныхъ рыцарей.

Между тѣмъ военный совѣтъ собрался въ королевской палаткѣ; король помѣстился на тронѣ, а королева сѣла направо возлѣ него. Вокругъ нихъ заняли мѣста триста рыцарей. Тогда всталъ рыжебородый Фридрихъ Швабскій, племянникъ Конрада, знаменитый впоследствии императоръ Барбаросса, и рассказалъ свои приключенія. Дикіе германскіе рыцари принудили своихъ предводителей итти по горной дорогѣ и вступить въ бой съ сельджуками при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Сельджуки ежечасно появлялись и исчезали, бросаясь на свои жертвы, при каждомъ поворотѣ дороги, обгряя ее кровью и заставляя раненыхъ, лежавшихъ среди массы убитыхъ, удивляться, откуда эти быстрые убійцы брались и куда пропадали. У него самого были незалѣчен-

ныя раны, и со дня на день безумно храбрые нѣмцы и сумасшедшіе войны изъ Шварцвальда дрались съ отчаяніемъ, но каждый вечеръ они снова терпѣли пораженіе. Наконецъ, сельджукскіе мечи убивали такое множество людей, что страхъ напалъ на всю нѣмецкую армію, и она, побросавъ свое оружіе, разбѣжалась, какъ крысы изъ горящей житницы. Ихъ предводители не могли удержать солдатъ; Фридрихъ Швабскій съ нѣсколькими храбрыми сторонниками едва прикрывалъ общее бѣгство, а доблестный императоръ Конрадъ, гигантъ по силѣ и владѣвшій мечомъ лучше всѣхъ на свѣтѣ, даже теперь удерживалъ сельджуковъ отъ нападенія на арьергардъ арміи, въ надеждѣ хоть когонибудь спасти.

Тщетно Фридрихъ предостерегалъ нѣмцевъ отъ похода по горнымъ тропинкамъ. Въ Палестину вели два пути: одинъ по длинному малоазіатскому берегу до Кипрскаго залива, а другой моремъ изъ Константинополя въ порты Сириі. Первый путь былъ самый короткій, но на немъ ожидала рыцарей вѣрная смерть, которая собственно ничего не значила, но ихъ погибель грозила гибелью и христіанскому вліянію въ Іерусалимѣ и Антиохіи.

Пока говорилъ Фридрихъ Швабскій, король, королева и всѣ рыцари молча его слушали. Тутъ были между рыцарями графы—фландрскій, тулузскій и савойскій, владѣтели Монферата, Дрѣ, Блуа, Лузиньяна, Куси, Куртенэ и Бурбона, епископы тулузскій и Мецкій, знатные рыцари Гасконіи, Пуату и много другихъ лицъ знатнаго имени и славнаго происхожденія. Когда онъ замолкъ, то никто не промолвилъ ни слова, а король, сидя на своемъ тронѣ, повторялъ въ полголоса молитвы за умершихъ. Но глаза Элеоноры сверкали огнемъ, и рука ея, одѣтая въ перчатку, нетерпѣливо сжимала рѣзную ручку параднаго кресла.

— *Requiem eterna dona eis*,—шепталъ король.

— *Amen*,—отвѣтила Элеонора яснымъ, презрительнымъ голосомъ.—Послѣ молитвъ надо подумать и о дѣлахъ. Осѣдлаемъ лошадей и отправимся навстрѣчу къ императору и поможемъ ему въ его горькой нуждѣ. Выступимъ въ строгомъ порядкѣ, пошлемъ впередъ развѣдчиковъ и будемъ всегда готовы съ оружіемъ встрѣтить непріятели. Когда императоръ съ остальными нѣмцами будетъ въ безопасности, то вернемся сюда, и они отдохнутъ на берегахъ этого прекраснаго озера. Потомъ начнемъ снова походъ, но благоразумно, избравъ самую безопасную дорогу и не теряя на развѣдываніе своихъ силъ, которыя намъ необходимо сохранить для побѣды.

— Императоръ, вѣроятно, будетъ здѣсь завтра и безъ нашей помощи,—сказалъ король съ неудовольствіемъ.—Не для чего намъ итти къ нему.

— Если онъ уже такъ близко, то выступимъ сегодня!—воскликнула Элеонора,—даже сейчасъ. Стыдно намъ сидѣть праздными, когда въ насъ нуждаются крестоносцы.

Король ничего не отвѣчалъ, но слова Элеоноры, шепотъ одобренія присутствующихъ рыцарей и нетерпѣливое бряцаніе мечей и кинжаловъ слышались среди толпы при мысли о сраженіи.

Элеонора встала; она не была утомлена своей ужасной скачкой и тяжелымъ паденіемъ съ лошади; въ глазахъ ея сверкала гордость. При всякомъ вопросѣ большомъ или маломъ она по необходимости должна была брать верхъ надъ королемъ въ глазахъ всѣхъ; это была ея ежедневная пища. Она выпрямилась во весь ростъ, какъ бы желая показать всѣмъ свою красоту и силу. Низко опускавшееся солнце падало сквозь отверстіе палатки прямо на ея лицо, но не ослѣпляло ея глазъ.

— Знатные дворяне и бароны, рыцари Гвіены и Франціи,— произнесла она:—наши странствованія сегодня окончились, а завтра начнутся битвы. Наши братья въ опасности, наши враги предъ нами. Крестоносцы къ оружію!

— Къ оружію! — повторили хоромъ всѣ присутствующіе, и въ воздухѣ раздавался какъ бы созвучный аккордъ всѣхъ сердецъ.

Когда она встала, то встали и всѣ рыцари. Только король продолжалъ сидѣть, наклонивъ свое блѣдное лицо и скрестивъ руки на рукояткѣ своего меча, находившагося между его колѣнями. Королева не произнесла болѣе ни слова и, не смотря на короля, какъ будто она одна была государемъ, сошла по ступенямъ на полъ палатки. Три рыцаря: одинъ изъ Гасконіи, второй изъ Пуату, а третій изъ ея собственной Гвіены, составлявшіе ея почетный карауль, послѣдовали за ней, и она, улыбаясь, торжественно двигалась между двумя рядами рыцарей. Многіе изъ нихъ хотѣли съ ней заговорить, но первый нарушилъ молчаніе графъ Монфератъ.

— Ваше величество,—сказалъ онъ, низко кланаясь:—я славлю Бога и св. Троицу за то, что вы спаслись отъ опасности. Прошу васъ принять выраженіе моего почтенія и поздравленіе всего Монферата.

— И Бурбонскаго графства! — воскликнулъ другой голосъ рядомъ.

— И Савои!

— И Куси!

— И Куртенэ!

— И Метца!

Со всѣхъ сторонъ раздавались голоса рыцарей, которые тѣснились вокругъ королевы. Они не видѣли ея съ тѣхъ поръ, какъ она потерпѣла такое странное паденіе съ лошади.

— Благодарю васъ,—сказала она съ равнодушной улыбкой:—но если вы меня дѣйствительно любите, то должны поблагодарить того, кто спасъ мнѣ жизнь.

— Мы уже къ нему ходили,—сказалъ Монфератъ:—и его благодарили. Если вы, ваше величество, мнѣ его передадите, то я ради васъ окажу ему всевозможныя почести.

— Онъ вассаль, — сказала Элеонора: — онъ бѣдный англійскій дворянинъ, у котораго отняли его помѣстья. Онъ другъ молодого Генриха Плантагенета.

— Другъ мальчика! — со смѣхомъ произнесъ графъ.

Но Элеонора внезапно сдѣлалась задумчива; кромѣ ея красоты, блестящей юности и нетерпѣливой страсти, она еще отличалась разсудкомъ и знаніемъ людей.

— Мальчикъ, — промолвила она наконецъ: — да, ему не больше четырнадцати лѣтъ; но есть мальчики, которые не дѣти, даже въ колыбели, а бываютъ люди, которые остаются дѣтьми, хотя они выросли изъ своихъ пеленокъ, и у нихъ прорѣзались молочные зубы. Все-таки они вѣчно пищать и хнычугъ.

Рыцари молчали, зная, что смѣлая королева намекала о мужѣ.

— Что касается до этого англичанина, — сказала она послѣ минутнаго молчанія, — то онъ мнѣ не принадлежитъ, и я не могу отдать его вамъ. Къ тому же, я должна сама оказать ему почести, а не вы. Это — мой другъ.

Она мило улыбулась, потому что всегда была довольна, когда хвалили при ней Жильберта. вмѣстѣ съ тѣмъ она радовалась, что никто не догадывался о томъ, какую честь она оказала бы ему, если бы онъ согласился. Между благородными рыцарями старыми и молодыми многие днемъ и ночью мечтали объ ея красотѣ, но не смѣли поднять на нее глазъ.

Вслѣдъ за этимъ она удалилась со своими рыцарями, и почти всѣ присутствовавшіе послѣдовали за нею, покинувъ короля.

Когда она исчезла, то король всталъ, отдалъ свой мечъ камергеру, стоявшему подлѣ, и пошелъ въ сосѣднюю палатку, гдѣ была устроена часовня. Его глаза были опущены, а руки скрещены, какъ будто онъ шелъ въ церковной процессіи. Неожиданно раздался звонъ колокольчика.

Солнце садилось, и уже наступило время вечерней службы.

Король всталъ на колѣни предъ богатымъ алтаремъ, и, помолвившись о силѣ и храбрости для одержанія побѣды за святой крестъ, онъ также вознесъ къ небу въ глубинѣ своего сердца мольбу, чтобы небо тѣмъ или другимъ способомъ освободило его отъ дьявольской женщины, которая тяготила его жизнь и губила душу.

III.

Весь день и часть ночи нѣмцы тысячами прибывали въ лагерь, изнуренные, на половину голодные, на истощенныхъ лошадяхъ, которыя съ трудомъ могли переставлять ноги, или пѣшкомъ. Они шатались, какъ пьяные люди, были такъ истомлены, что почти ослѣбли отъ слабости. Но паника недолго продолжалась, такъ какъ около двадцати сельджуковъ, бросившихся въ послѣдній

разъ на авангардъ отступившей колонны, были окончательно разсѣяны герцогомъ Швабскимъ, такъ что остатки арміи пришли, повидимому, въ порядкѣ, захвативъ съ собою большую часть поклажи. Сельджуки не пробовали отнять добычи, что могло стѣснять ихъ въ смѣлыхъ атакахъ и быстрыхъ отступленіяхъ.

Послѣднимъ изъ всѣхъ на зарѣ прибылъ самъ императоръ, прикрывая арьергардъ своей арміи избранными людьми. Онъ несколько не усталъ, хотя его большая лошадь спотыкалась подъ нимъ, оставшимся сильнымъ и мощнымъ, какъ будто онъ не былъ на сѣдлѣ около четырехъ дней и четырехъ ночей.

Когда солнце взошло, то большой штандартъ Священной Римской имперіи развѣвался передъ императорской палаткой, хотя Конрадъ не отдыхалъ, но уже стоялъ на колѣняхъ за утренней обѣдней съ Людовикомъ. Вдали, къ югу, тянулись длинными линиями нѣмецкія палатки близъ берега озера, гдѣ наканунѣ Элеонора расположила свое войско. Многочисленныя маленькія группы людей и муловъ сновали и уходили между лагеремъ и отдаленнымъ городомъ Никеей. На французской линіи, гдѣ начались приготовленія къ отъѣзду, люди развязывали поклажу; имъ сказали ночью, что императоръ живъ и здоровъ, что, не нуждаясь въ помощи, будетъ въ лагерѣ утромъ.

Тайная радость тогда оживила дамъ, и тѣ, которыя не получили ни ушибовъ, ни пораненій послѣ вчерашняго событія, призывали своихъ горничныхъ и проводили пріятные часы передъ своими серебряными зеркалами. Онѣ забавлялись, примѣряя шелковыя матеріи и вышивки, полученныя въ подарокъ отъ греческаго императора. Почти чудомъ ни одна изъ нихъ, кромѣ Беатрисы, не была серьезно ранена, но многія изъ нихъ были ушиблены и очень устали. Онѣ вполнѣ были расположены требовать выраженія симпатіи другихъ, принимать визиты въ своихъ палаткахъ, спорить о шансахъ войны и красотѣ Константинополя до тѣхъ поръ, пока не начинали ссориться между собою, послѣ чего въ этотъ день онѣ болѣе не говорили о войнѣ.

Затѣмъ королева прошла вмѣстѣ со свитой изъ своей палатки посреди линіи дамъ, расположенной какъ можно далѣе отъ палатки короля. Оставивъ своихъ дамъ у дверей палатки Беатрисы, она вошла къ ней и сѣла у ея изголовья.

Молодая дѣвушка была очень блѣдна и поддерживалась подушками; ея вѣки оставались полузакрыты, хотя было очень мало свѣта подъ двойнымъ толстымъ полотномъ палатки, а горѣвшій въ жаровнѣ древесный уголь дѣлалъ палатку слишкомъ жаркой.

Большого роста нормандка съ желтыми волосами сидѣла возлѣ нея и обмахивала ея лицо большимъ греческимъ вѣеромъ изъ перьевъ.

Королева оставалась на мгновеніе неподвижной, такъ какъ Беатриса не открывала глазъ, потому что Элеонора вошла безъ

шума. Но когда служанка увидѣла королеву, ея лицо вытянулось, а рука перестала обмахивать вѣеромъ. Элеонора взяла его изъ ея рукъ, жестомъ приказала уступить ей мѣсто и, занявъ ея мѣсто, стала исполнять обязанность служанки.

Услышавъ шумъ шелковыхъ юбокъ и чувствуя, что другая рука машетъ вѣеромъ, больная сдѣлала движеніе, но не открывая глазъ, такъ какъ ея голова болѣла, и она боялась свѣта.

— Кто тамъ?—спросила Беатриса слабымъ голосомъ.

— Элеонора,—отвѣтила тихо королева.

Продолжая обмахивать вѣеромъ, она взяла красивую, маленькую ручку, лежавшую возлѣ нея на краю постели. Глаза Беатрисы выражали удивленіе, такъ какъ, если королева и была добра, то она никогда не сближалась съ придворными дамами. Молодая дѣвушка сдѣлала движеніе, какъ будто хотѣла приподняться.

— Нѣтъ,—сказала Элеонора, лаская ее, какъ ребенка,—нѣтъ... нѣтъ. Не надо двигаться, дорогая крошка... Я пришла посмотреть, въ какомъ вы положеніи... Я не имѣла намѣренія васъ пугать!..

Она ласкала шелковистые, темные волосы молодой дѣвушки и съ внезапнымъ побужденіемъ наклонилась и поцѣловала ея блѣдный лобъ. Послѣ этого она обмахнула его вѣеромъ, потомъ еще разъ поцѣловала, какъ будто это была ея собственная дочь, а не женщина почти одинаковыхъ съ нею лѣтъ.

— Благодарю васъ, ваше величество, — сказала она слабымъ голосомъ.

— Со вчерашняго дня между нами не существуетъ болѣе благодарности. Вѣрнѣе, если уже благодарить, то я должна это сдѣлать, такъ какъ вы слѣдовали за мною съ единственной другой дамой, остальные же триста остались позади. Насъ связываетъ болѣе этого еще то обстоятельство, что насъ спасъ обѣихъ одинъ и тотъ же человекъ.

Она остановилась и посмотрѣла вокругъ себя. Нормандка почти-тельно стояла возлѣ выхода изъ палатки, скрестивъ руки подъ складками передника, приподнятаго подъ кушакъ, какъ у служанокъ.

— Ступайте,—сказала королева спокойнымъ голосомъ:—я позабочусь о вашей госпожѣ, и не оставайтесь у входа палатки, а удалитесь.

Женщина низко поклонилась и исчезла.

— Да,—сказала Беатриса, когда онѣ остались однѣ:—я видѣла, какъ Жильбертъ Вардъ остановилъ вашу лошадь, а ваша остановила мою. Онъ спасъ насъ обѣихъ.

Наступило молчаніе, и вѣеръ медленно двигался въ рукѣ королевы.

— Вы его любите уже давно? — сказала она вопросительнымъ тономъ.

Беатриса не сразу отвѣтила; на ея молодомъ гладкомъ лбу двѣ прямыя линіи образовали суровую тѣнь, оканчивавшуюся между обоими полузакрытыми глазами. Наконецъ она сказала съ усиленіемъ:

— Государыня, если у васъ есть душа, то не берите его отъ меня!

Она вздохнула и высвободила инстинктивно свою руку изъ руки Элеоноры. Королева не вздрогнула, но въ продолженіе одной минуты ея глаза сверкали, а ротъ сдѣлался жесткимъ. Она бросила взглядъ на слабую молодую дѣвушку, разбитую и страдающую, которая рядомъ съ нею была такая маленькая, что Элеонора разсердилась на Жильберта за его выборъ такого существа, а не ея царственной красоты. Но вскорѣ ея гнѣвъ стихъ, не потому, что ей не было сопротивленія, но ея сердце не было слишкомъ широко для какой либо низости.

— Забудьте, что я королева,—сказала она наконецъ.—Помните только, что я женщина, и мы обѣ любимъ одного и того же мужчину.

Беатриса вздрогнула и съ трудомъ повернулась на своей подушкѣ, поднося руку къ горлу, какъ будто ее что-то душило.

— Вы жестоки,—сказала Беатриса.

Она могла выговорить только эти слова и устремила глаза въ потолокъ палатки.

— Любовь жестока,—отвѣтила Элеонора тихимъ голосомъ.

И внезапно рука, державшая вѣрвь, упала на ея колѣни, и ея глаза задумчиво остановились на немъ.

Но въ гибкой молодой дѣвушкѣ было болѣе храбрости и энергіи, чѣмъ можно было это думать. Она произнесла ясно:

— Ваша... а не моя! Изъ любви къ нему вы называете себя такой же женщиной, какъ я, но только ради него. Развѣ ваше лицо ничего не значитъ? Ваше могущество не имѣетъ значенія? Развѣ ничего не значитъ, что вы можете меня спрятать отъ него, если это доставляетъ вамъ удовольствіе, или позволить видѣть меня, если этого пожелаете? Что это значитъ для васъ, которая можетъ бросить короля, какъ разбитую игрушку, когда онъ васъ стѣсняетъ? Для васъ, которая можетъ одна вести войну съ имперіей, если захочетъ? Развѣ Жильбертъ—Богъ, что не долженъ вамъ сдать? Развѣ онъ выше всѣхъ людей, что не долженъ меня забить и пойти къ вамъ, красивой, смѣлой и могущественной женщиной въ свѣтѣ... къ вамъ, Элеонорѣ Гвіенской, королевѣ Франціи? У васъ все есть; еще вы желаете это сердце, которое все, чѣмъ я обладаю. Вы правы, любовь жестока.

Королева слушала молча, слишкомъ великодушная, чтобы улыбаться молодой дѣвушкѣ, и слишкомъ взволнованная, чтобы оскорбляться.

— Мужчина имѣетъ право выбирать, — отвѣтила она, когда наконецъ Беатриса замолчала.

— Да, но предлагаемый ему выборъ,—возразила молодая дѣвушка,—очень жестокъ.

— Какъ?—спросила королева.

— Посмотрите на меня и на себя?—сказала Беатриса:—развѣ мужчина будетъ раздумывать два раза, прежде чѣмъ выбрать вась? И однако...

Слабая улыбка освѣтила ея страдальческое выраженіе.

— Въ Константинополѣ... въ саду...

Она остановилась на мгновение, счастливая отъ воспоминанія, что онъ тогда защищалъ ее. Королева молчала и слегка покраснѣла, думая о своихъ жестокихъ словахъ, произнесенныхъ въ тотъ день. Она могла бы сдѣлать худшія дѣла и менѣе стыдиться.

Но Беатриса продолжала, повернувъ свои страдальческіе глаза на Элеонору.

— Къ тому же ваша любовь преступна, а моя нѣтъ.

Внезапно у королевы появилось мрачное выраженіе. Теперь онѣ перешли на совершенно другую почву.

— Оставьте священниковъ говорить объ этомъ со священниками,—сказала она отрывистымъ тономъ.

— Это скоро будетъ разговоромъ другихъ лицъ, а не священниковъ,—возразила Беатриса.

— Будетъ ли вамъ отъ этого лучше?—сказала Элеонора.—Не вы ли мнѣ говорили, что вашъ отецъ женился на матери Жильберта? Развѣ не существуетъ запрещенія, благодаря степени вашего родства? Вы такъ же, какъ и я, не можете выйти замужъ за Жильберта Варда. Гдѣ же разница?

— Вы это знаете лучше меня, — сказала дѣвушка отворачиваясь.—Вы знаете такъ же, какъ и я, что церковь можетъ миновать это простое, легальное правило, предназначенное воспрепятствовать браку, который заключается только изъ матеріальнаго интереса. Я не такая невѣжда, какою вы меня считаете, и вы хорошо знаете, какова ваша любовь къ Жильберту Варду предъ Богомъ и людьми!

Кровь поднялась къ ея блѣднымъ щекамъ, пока она говорила, и на мгновение водворилось молчаніе, но вскорѣ королева снова стала махать вѣеромъ и машинально положила руку на одѣяло. Есть поступки, которые женщина, дѣйствительно женщина почти безсознательно сдѣлаетъ для своихъ худшихъ враговъ, а Элеонора была далека отъ ненависти къ Беатрисѣ. Энергичная, привыкшая съ дѣтства непринужденно дѣйствовать, разочарованная въ бракъ, она считала себя существомъ выше земныхъ и небесныхъ законовъ, не обязаннымъ никому давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Женщина сердцемъ, страстью, она была совершенный мужчина по складу своего ума. Если исключить вопросъ о Жильбертѣ, она любила Беатрису; однако въ томъ положеніи, въ какомъ находился этотъ

вопросъ, она смотрѣла на молодую дѣвушку, какъ на препятствіе. Въ то же время ей было жаль Беатрису, такъ какъ она не вѣрила въ любовь Жильберта. Беатриса же, которую она сожалѣла и почти любила, была настолько ея соперницей, насколько могла быть самая красивая женщина въ Европѣ.

Беатриса сдѣлала жестъ, какъ будто она не хотѣла, чтобы ее обмахивала рука ея противницы, но королева не обратила на это никакого вниманія. Молчаніе долго длилось, и она первая тихо заговорила съ задумчивымъ видомъ.

— Вы имѣете право говорить, что хотите,—начала она,—такъ какъ я здѣсь только женщина рядомъ съ другой женщиной, и вы меня поймали на словѣ. Любовь—равноправіе. Вы порицаете меня, а я васъ не порицаю, хотя противъ вашей любви и выставила на видъ правила церкви. Вы правы во всемъ, что говорите, а я виновна. Я охотно въ этомъ соглашаюсь съ вами; я также соглашаюсь, что, если бы вопросъ шелъ о правосудіи, то я должна была бы на колѣняхъ молить объ искупленіи вмѣсто того, чтобы защищаться противъ васъ. Но неужели вы думаете, что наши дурные поступки будутъ звѣшены сравнительно съ недосыгаемымъ совершенствомъ жизни святыхъ и мучениковъ, а не съ торжествующимъ искушевіемъ, которое составляетъ лучшее украшеніе грѣха? Богъ справедливъ, а справедливость произноситъ законный приговоръ; у нея нѣтъ неизмѣннаго правила. Одинъ греческій ученый въ Константинополѣ рассказывалъ мнѣ надняхъ исторію нѣкоего Прокуста, страшнаго разбойника большихъ дорогъ. У него была кровать, которую онъ предлагалъ своимъ плѣннымъ, и если человѣкъ былъ слишкомъ длинный, то онъ отрубалъ ему ноги, но если онъ были коротки, то онъ ожидалъ, пока онъ вырастутъ. Если Богъ долженъ судить меня, какъ онъ судитъ васъ, согласно рамкѣ добродѣтели, установленной для всѣхъ, и безъ снисхожденія для нашей нравственной величины, то Богъ не будетъ Богъ, но Прокустъ, воръ душъ и убійца.

— Вы богохульствуете,—сказала тихимъ голосомъ Беатриса.

— Нѣтъ, я говорю справедливо,—отвѣтила Элеонора:—вы и я, мы любимъ одного человѣка. По-вашему любовь есть добродѣтель; по-моему — грѣхъ. Вы меня порицаете справедливо, но вы порицаете меня слишкомъ. Вы говорите, что я прекрасна, могущественна, королева Франціи—и это правда, но вы не спрашиваете меня, счастлива ли я, зная хорошо, что я несчастлива.

— А, чтобы дополнить ваше счастье, вы воруете у меня все, что я имѣю, когда у васъ излишекъ того, чего у меня нѣтъ! Такъ это ваша справедливость?

— Нѣтъ, — отвѣтила Элеонора почти печально:—это не справедливость. Это мое извиненіе противъ Бога и людей, которые, вы говорите, меня осудили.

Молодая дѣвушка воодушевилась, и хотя для нея это было острой болью, она пошевелилась, приподнялась на локтѣ и посмотрѣла на Элеонору пристально.

— Вы спорите и извиняетесь,—сказала она смѣло:—я не требую этого, но только не берите, не отнимайте у меня единственнаго счастья, которое я имѣю въ жизни. Вы говорите, что мы бесѣдуемъ, какъ женщина съ женщиной. Какое право имѣете вы на человѣка, котораго я люблю? Нѣтъ, не отвѣчайте мнѣ другой диссертацией о душѣ. Какъ женщина женщинѣ, скажите мнѣ, какое право имѣете вы?

— Если онъ меня любитъ, развѣ это не право? — сказала королева.

— Если онъ васъ любитъ?—возразила Беатриса.—О, нѣтъ, онъ васъ еще не любитъ!

— Онъ меня спасъ вчера, а не васъ,—отвѣтила жестоко королева, вспомнивъ о глазахъ Жильберта:—рискуетъ ли человѣкъ съ отчаянья жизнью, какъ онъ это сдѣлалъ вчера, ради женщины, которую любитъ, или ради другой, когда обѣ находятся въ одинаковой опасности?

— Онъ не васъ спасалъ, а королеву. Справедливо честному человѣку сначала спасти своего государя. Я его не порицала бы за это, если бы оказалась еще болѣе раненой.

— Я не его государыня, а онъ не мой вассалъ,—отвѣчала холодно королева.—Онъ англичанинъ.

— Это—игра словъ,—отвѣчала Беатриса, какъ будто она говорила съ женщиной одинаковаго происхожденія.

— Берегитесь!

Онѣ смотрѣли другъ другу въ лицо, и надменная гордость королевы заговорила въ Элеонорѣ. Несмотря на свою болѣзнь и на то, что предъ ней стояла королева Франціи, Беатриса сказала:

— Вы ему не государыня, а тѣмъ болѣе мнѣ. И будь вы десять разъ моей королевой, съ этого часа не можетъ быть борьбы между мною и вами за первенство, а если можетъ быть, то вы ведете двойную игру. Должны ли вы быть для меня женщиной одинъ моментъ и государыней—другой? Чѣмъ рѣшаетесь вы быть?

— Женщиной, и ничѣмъ другимъ. И, какъ женщина, я говорю вамъ, что хочу имѣть для себя Жильберта Варда, тѣломъ и душою.

Внезапно глаза молодой дѣвушки загорѣлись. Говорили, что въ венахъ ея матери текло немного крови Вильгельма Завоевателя, и клятва послѣдняго сошла съ ея губъ, когда она отвѣтила:

— Великолѣпиемъ неба клянусь, что онъ не будетъ вашъ!

— Такъ между нами поединокъ, — сказала королева, обернувшись, чтобы уйти.

— На смерть,—отвѣтила молодая дѣвушка, падая на подушку. Физически она была побѣждена болью, но нравственно непобѣдима.

Элеонора медленно прошла чрезъ всю палатку по ковру, разложенному на землѣ. Она не сдѣлала и четырехъ шаговъ, какъ остановилась, глядя впередъ. Она чувствовала, что ее охватилъ стыдъ..., стыдъ честный и великодушный сильнаго, который въ своемъ гнѣвѣ былъ заносчивъ съ слабымъ. Она стояла неподвижно, испытывая то, что испытывалъ бы честный человекъ, который въ припадкѣ бѣшенства ударилъ раненаго человекъ. Второй разъ она такъ низко упала въ своихъ глазахъ, и это презрѣніе къ самой себѣ было болѣе, чѣмъ она могла перенести.

Быстро она подошла къ Беатрисѣ. Молодая дѣвушка была очень спокойна. Ея губы были полуоткрыты, а подъ закрытыми глазами лежала большая черная тѣнь. Ея маленькія бѣлыя руки отъ времени до времени нервно сжимались, но сама она, казалось, едва дышала. Элеонора встала возлѣ нея на колѣни, немного ее приподняла, пропустивъ подъ подушку руку, и въ то же время принялась обмахивать ее вѣеромъ.

— Беатриса,—позвала она молодую дѣвушку въ полголоса.

Но она не добилась отвѣта, и Беатриса не сдѣлала никакого движенія. Лицо ея было настолько блѣдно, что, казалось, жизнь исчезла безъ едва замѣтнаго дуновенія, которое заставило бы колыхнуться перья вѣера, который королева держала совсѣмъ близко къ ея губамъ. Элеонора встревожилась и прежде всего позвала нормандскую служанку, пославъ ее за докторомъ. Но сама себѣ она говорила, что Беатриса только въ обморокѣ, и она быстро придетъ въ себя; что въ такомъ случаѣ все, что она говорила, не достигло другихъ ушей, кромѣ ея собственныхъ. Относительно своего доктора она вдругъ стала раздумывать, что онъ дѣйствительно былъ въ ея свитѣ уже пять лѣтъ, что она никогда ни при какихъ обстоятельствахъ не имѣла случая совѣтоваться съ нимъ, и что онъ, вѣроятно, таковъ, какимъ кажется—тщеславный глупецъ и невѣжда; между тѣмъ были люди моложе его и ученѣе, которые слѣдовали за арміей и наживали большія деньги, составляя напитки для тѣхъ, кто страдалъ желудкомъ отъ греческихъ сластей, врачи, составлявшіе мази отъ ушибовъ, которые знали хитрыя уловки итальянцевъ и могли составлять гороскопъ, день и ночь.

Среди этихъ колебаній Элеонора взяла воды изъ блестящаго мѣднаго кувшина и брызнула нѣсколько капель въ лицо молодой дѣвушки, затѣмъ она влила въ ея блѣдныя губы кубокъ греческаго вина.

Беатриса открыла немного глаза и вдругъ задрожала, увидѣвъ Элеонору, услышавъ ея голосъ среди глубокаго молчанія.

— Какъ женщина у другой женщины,—сказала королева,—прошу у васъ прощенія!

IV.

Въ полдень Жильбертъ сидѣлъ у входа въ свою палатку. Ярко свѣтящее солнце пріятно согрѣвало его, тѣмъ болѣе, что день былъ свѣжій, и онъ еще не оправился отъ своихъ ушибовъ. Онъ смотрѣлъ, какъ солдаты ходили лѣнливо, а въ числѣ ихъ — Дунстанъ и Альрикъ; они готовили полдникъ на походныхъ очагахъ. Жильбертъ же въ это время думалъ, что прошло уже два дня, какъ онъ спасъ жизнь королевы, и хотя многіе царедворцы заходили къ нему, спрашивали о его здоровьѣ и бесѣдовали о его великомъ подвигѣ, но онъ не получилъ никакой благодарственной вѣсточки отъ Элеоноры и короля, какъ будто они забыли о немъ. Но о Беатрисѣ Дунстанъ сообщилъ ему, что у нея была лихорадка и бредъ; нормандка, ухаживавшая за нею, рассказывала, что во снѣ она все говорила о своемъ домѣ. Жильбертъ ненавидѣлъ себя за то, что онъ ничего не сдѣлалъ для нея, и глубоко сожалѣлъ, что поддался чарамъ глазъ и голоса королевы въ критическую минуту, когда рѣшался вопросъ о жизни и смерти ихъ обѣихъ. Благородные рыцари проходили мимо его палатки, идя домой отъ королевскаго жилища, гдѣ ежедневно происходилъ военный совѣтъ о дальнѣйшемъ походѣ. Попрежнему висѣлъ на пикѣ его щитъ безъ всякихъ украшеній. Молодой человекъ не получилъ никакого королевскаго подарка, какъ всѣ ожидали, даже плаща или портупей. Поэтому нѣкоторые изъ знатныхъ рыцарей только серіозно кланялись ему безъ дружбы или фамиллярности. Находились и такіе, что отъ него отворачивались, какъ будто онъ совершилъ ранѣе какой нибудь проступокъ, который не могъ загладить его настоящій подвигъ. Но ему было все равно, такъ какъ по природѣ онъ не былъ царедворцемъ, и вообще англійскіе норманны были холоднѣе и серіознѣе французскихъ, менѣе ихъ заискивали при дворѣ.

Наконецъ Дунстанъ явился изъ-за палатки, гдѣ былъ расположенъ лагерный очагъ, и принесъ кушанье въ двухъ блестящихъ мѣдныхъ сосудахъ. Жильбертъ всталъ, вошелъ въ палатку и принялся обѣдать. Его пища была очень грубая и состояла изъ супа съ овощами, съ мякишью хлѣба, съ кусками мяса и съ натертымъ сыромъ, плававшимъ на поверхности густого супа. Въ другомъ сосудѣ находились небольшіе куски жареной на деревянномъ вертелѣ говядины, почернѣвшей по краямъ отъ огня. Все это пахло дымомъ, потому что дерево, на которомъ жарили мясо, взятое изъ лѣсу, еще совсѣмъ не высохло. Жильбертъ, однако, ѣлъ, не прихваливая и не осуждая пищи, такъ какъ на походѣ онъ часто довольствовался черствымъ хлѣбомъ нѣмецкихъ поселянъ и пшеничными опрѣсноками дикихъ венгерцовъ. По пятницамъ, субботамъ,

въ кануны праздниковъ и во время постовъ онъ питался только хлѣбомъ и вареными овощами, какіе только можно было отыскать. Это постничество напоминало ему старинные дни, проведенные въ Ширингскомъ аббатствѣ.

Онъ вѣрилъ, какъ большинство людей того времени, что было нѣчто, превосходившее простыя человѣческія желанія и страсти, нѣчто, обитавшее въ храмѣ души, котораго можно было достичь путемъ страданій; и люди достигали этого высшаго душевнаго блаженства путемъ всяческаго умерщвленія плоти. Они предпочитали смерть, лишь бы душа была незапятнана, и каждый физическій грѣхъ казался имъ столь же важнымъ, какъ убійство.

Одна мысль, что онъ могъ любить королеву или хоть одну минуту чувствовать эту любовь, казалась ему въ десять тысячъ разъ хуже, чѣмъ дѣтская любовь къ Беатрисѣ, считаемой имъ родственницей. Но относительно королевы молодой человѣкъ обвинялъ себя, хотя онъ подвергся только соблазну, не бывшему еще грѣхомъ. Очевидно, что чувственное возбужденіе, ощущаемое имъ ночью въ Везлеѣ и опять теперь, было чѣмъ-то грѣшнымъ, потому что его результатъ въ критическую минуту былъ роковымъ.

Все это было мелочью и излишней тонкостью, такъ что сильному человѣку не стоило объ этомъ думать и мучить свое сердце. Но оно не было пустякомъ въ виду убѣжденія, что вѣчная пытка ожидаетъ человѣка, который пожелалъ жены ближняго. Между рыцарями многіе не считали этого закона столь строгимъ и погибли за его нарушеніе столь вѣрной. Даже сама Элеонора называла свои грѣхи нѣжными именами. Но старомодные англичане и добрый ширингскій аббатъ смотрѣли на это иначе, придерживаясь старинныхъ вѣрованій, и дрожали отъ убѣжденія, что наступитъ день страшнаго суда для крупныхъ и мелкихъ проступковъ, для искупленія которыхъ шли пѣшкомъ въ Іерусалимъ и умерщвляли свою плоть.

Поэтому Жильбертъ смотрѣлъ на всѣ физическія страданія и лишенія, встрѣчавшіяся ему на пути, какъ на искупленіе, полезное для его души. Хотя въ жилахъ его играла молодая кровь, и въ глазахъ сверкало блестящее пламя, его холодный, аскетическій умъ боролся прогивъ пламенной жизни и придерживался мрачнаго взгляда на ожидаемый конецъ.

Однако съ теченіемъ времени его сила росла, щѣки загорѣли, широкій лобъ сдѣлался блѣднѣе, а глаза задумчивѣе; онъ все болѣе и болѣе жаждалъ обнажить свой мечъ за святой крестъ. Онъ уже не хотѣлъ проливать кровь только ради нея самой и не желалъ обнажить мечъ, какъ нѣкогда въ Тосканской долині, только для того, чтобы вонзить его остріе въ какое нибудь тѣло. Теперь онъ хотѣлъ видѣть причину и цѣль, тогда какъ прежде онъ жаждалъ борьбы. Теперь онъ значительно развился и поднялся надъ собственнымъ уровнемъ на нѣсколько ступеней.

Жильбертъ зналъ это, и, однако, сидя за полдникомъ, онъ грустно думалъ, что послѣдніе годы со времени его несчастій прошли очень печально. При этомъ каждый разъ, когда онъ думалъ о своемъ развитіи, какое нибудь событіе или непредвидѣнное обстоятельство заставляло его пятиться назадъ. Онъ гордился въ Фарингдонѣ своимъ дѣтскимъ умѣніемъ владѣть оружіемъ, и предъ его глазами измѣнически убитъ былъ его отецъ; онъ выступилъ противъ убійцы по праву мстителя, и самъ едва не былъ убитъ; онъ вѣрилъ въ свою мать, какъ въ небесную святую, но она оскорбила память его отца и ограбила его самого. Онъ искалъ мира въ Римѣ, а напелъ борьбу и безуміе. Онъ хотѣлъ прославиться рыцарскими подвигами, а убивалъ людей безъ всякой причины. Онъ любилъ молодую дѣвушку дѣвственной любовью, а прикосновеніе другой женщины заставило его кровь кипѣть, такъ что ея взглядъ и голосъ побудили его рѣшиться на отчаянный поступокъ, забывая лучший, драгоцѣннѣйшій предметъ его любви.

Онъ былъ погруженъ въ свои мысли, когда у входа въ его палатку внезапно появилась тѣнь. Онъ поднялъ глаза; предъ нимъ стоялъ одинъ изъ рыцарей свиты Элеоноры въ своей парадной одеждѣ, положила руку на рукоятку шпаги, а другой держа круглую шляпу, чтобы привѣтствовать Жильберта. Это былъ средняго роста гасконецъ, худой и гибкій, какъ стальной клинокъ, смуглый, какъ мавръ, съ сверкающими глазами и съ тонкими черными усами, приподнятыми, какъ у кота. Его манеры были вычурны, и онъ сильно злоупотреблялъ руками при разговорѣ, но это былъ честный и откровенный человѣкъ. Жильбертъ всталъ, чтобы его принять, и замѣтилъ позади его солдата, который несъ что-то не большое, но тяжелое.

— Владѣлецъ Стока?—спросилъ рыцарь у Жильберта.

— Если бы я имѣлъ, что мнѣ должно принадлежать, то я былъ бы имъ, но я не имѣю этого. Мое имя Жильбертъ Вардъ.

— Рыцарь Жильбертъ...—началъ гасконецъ, снова кланяясь и дѣлая рукою, въ которой держалъ шляпу, широкое движеніе, окончившееся у сердца, какъ бы благодарилъ за данныя ему справки.

— Нѣтъ, сударь,—перебилъ Жильбертъ:—я не приму рыцарства отъ тѣхъ, которые хотѣли бы дать мнѣ его, а тѣ, отъ которыхъ я принялъ бы, не предлагаютъ мнѣ его.

— Сударь,—отвѣтилъ учтиво рыцарь,—тѣ, о которыхъ вы говорите, не могутъ васъ знать. Я пришелъ отъ ея высочества герцогини Гасконской.

— Герцогини Гасконской? — спросилъ Жильбертъ, который не привыкъ къ титуламъ.

Рыцарь выпрямился, какъ будто всталъ на ципочки, а его рука поднялась съ эфеса меча широкимъ жестомъ къ усамъ.

— Отъ герцогини Гасконской, сударь,—повторилъ онъ.—Нѣкоторыя лица называютъ такъ ея величество королеву Франціи, конечно, не намѣреваясь ее оскорбить.

Жильбертъ невольно улыбнулся, но глаза гасконца сразу загорѣлись.

— Вы надо мною насмѣхаетесь?—спросилъ онъ, кладя руку на мечъ и немного выдвигая правую ногу, какъ будто онъ намѣревался стрѣлять.

— Нѣтъ, сударь,—сказалъ Жильбертъ,—простите, что я улыбнулся, любуясь вашей гасконской преданностью.

Гасконецъ сразу усмирился и тоже улыбнулся нѣсколько разъ, сдѣлавъ движеніе своей длинной рукой.

— Я пришелъ отъ герцогини Гасконской, — сказалъ онъ, настаивая на этомъ титулѣ:— чтобы выразить вамъ ея королевскую благодарность за услугу, оказанную вами на-дняхъ. Ея величество очень занята совѣтомъ, иначе она прислала бы меня ранѣе.

— Я почтительно тронуть ея посольствомъ, — отвѣтилъ нѣсколько холодно Жильбертъ:— и прошу васъ, сударь, принять мою благодарность за трудъ, взятый на себя.

— Сударь, я вполнѣ въ вашемъ распоряженіи,—возразилъ рыцарь, все еще держа руку у сердца.—Но вмѣстѣ со словами герцогиня посылаетъ вамъ чрезъ меня болѣе вещественное доказательство ея благодарности.

Онъ повернулся и взялъ изъ рукъ сопровождавшаго его солдата тяжелый кожаный мѣшокъ, который предложилъ Жильберту. Когда онъ приблизился къ молодому человѣку, тотъ отступилъ на шагъ. Ему предложили денегъ за поступокъ, который могъ стоить жизни Беатрисы!.. Онъ чувствовалъ, что съ нимъ дѣлается дурно, какъ будто это была цѣна крови, полученная Гудою. Его лицо страшно поблѣднѣло, несмотря на загаръ, и онъ нервно сложилъ руки.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—прошу васъ! Не надо денегъ, достаточно благодарности.

Рыцарь посмотрѣлъ на него сначала съ удивленіемъ, предполагая, что онъ только будетъ отказываться изъ церемоній.

— Поистинѣ, — отвѣтилъ онъ: — я по приказанію герцогини подношу этотъ подарокъ, какъ выраженіе ея благодарности.

— А я умоляю васъ вашимъ рыцарствомъ поблагодарить ея величество съ возможнымъ почтеніемъ за то, чего я не могу принять,—произнесъ Жильбертъ суровымъ голосомъ.—Она не моя государыня, сударь, чтобы я считалъ ее моей поддержкой въ этой войнѣ. Ногу угодно было, чтобы я спасъ жизнь дамѣ, но я не возьму ея золота. Я не намѣренъ быть неучтивымъ ни относительно ея величества, ни относительно васъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція **отвѣчаетъ** за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

